РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

БРИКС КАК НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

XXII Международные Лихачевские научные чтения
12–13 апреля 2024 года

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина
«Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева»
№ 587 от 23 мая 2001 года

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

БРИКС КАК НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

XXII Международные Лихачевские научные чтения
12–13 апреля 2024 года

Данные Чтения (первоначальное наименование — «Дни науки в СПбГУП») — тридцатые по счету и двадцать вторые — в статусе Международных Лихачевских научных чтений

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. ПУТИНА «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА» № 587 от 23 мая 2001 г.

Санкт-Петербург
2025

ББК 72
Б87

Научный редактор материалов пленарного заседания, панельной дискуссии и 1-й секции

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений, ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции

Научные редакторы материалов секций:

2-я секция — **О. Ю. Юхнина**, заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат искусствоведения, доцент; **А. П. Марков**, ведущий профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный профессор СПбГУП;

3-я секция — **И. В. Пенькова**, заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор; **Г. А. Гончаров**, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук; **Г. Ф. Фейгин**, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ, Почетный профессор СПбГУП;

4-я секция — **Р. А. Ромашов**, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ; **З. Н. Каландаришвили**, заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;

5-я секция — **Е. А. Ильинская**, заместитель заведующего кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП по учебной работе, доктор культурологии, профессор;

6-я секция — **Г. М. Бирженюк**, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный профессор СПбГУП; **М. В. Созинова**, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Б87 **БРИКС** как новое пространство диалога культур и цивилизаций : XXII Международные Лихачевские научные чтения, 12–13 апреля 2024 г. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2025. — 688 с., ил. — ISBN 978-5-7621-1320-5. — Текст : непосредственный.

В сборнике опубликованы материалы XXII Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся 12–13 апреля 2024 года в СПбГУП в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина № 587 от 23 мая 2001 года «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева». В XXII Чтениях приняли участие представители 18 стран мира.

Среди 245 авторов сборника — выдающиеся отечественные ученые, члены РАН и РАО: президент РАО, академик РАО О. Ю. Васильева; А. А. Акаев, Ал. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, В. В. Наумкин, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, Ж. Т. Тощенко, Т. Я. Хабриева, В. А. Черешнев, член-корреспондент РАО О. Е. Лебедев и др.; руководители академических институтов и исследовательских центров, преподаватели вузов, известные государственные и общественные деятели, представители СМИ: член Госсовета РФ, председатель ФНПР М. В. Шмаков; председатель Комитета Госдумы РФ по науке и высшему образованию С. В. Кабышев; первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по культуре Е. Г. Драпеко; первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по делам СНГ К. Ф. Затулин; зам. руководителя фракции «Единая Россия» в Госдуме РФ А. К. Исаев; директор Департамента информации и печати МИД РФ М. В. Захарова; ректор Дипломатической академии МИД РФ А. В. Яковенко; директор Высшей школы перевода МГУ, академик Н. К. Гарбовский; первый зам. гендиректора информагентства «ТАСС» М. С. Гусман; председатель совета директоров «Комсомольской правды» В. К. Мамонтов; председатель Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга А. С. Максимов и др.

В числе иностранных авторов сборника — зам. министра информации Беларуси И. И. Бузовский, Посол Азербайджана в России П. Бюльбюль оглы, директор по информационным технологиям Sing Alliance Б. Дегарден (Швейцария), директор Института международных отношений МИД Ирана М. Р. Дехшири, директор Центра изучения Центральной Азии Мумбайского университета С. Дешпанде (Индия), директор аналитического центра Conflicts Forum А. Крук (Великобритания), вице-президент Фонда Marmara Group К. Окрай (Турция); профессора: С. Атлагич (Сербия), Ч. Варга (Венгрия), Ч. Годдард (Великобритания), Г. А. Погосян (Армения), О. Рокпло (Франция), Ж. Сапир (Франция), Т. Тюркер (Турция), Н. Эль-Шейх (Египет) и др.

Роль Лихачевских чтений высоко оценивает Президент России Владимир Путин: этот научный форум, посвященный актуальнейшей теме — месту и роли БРИКС на мировой арене, дает хорошую возможность для содержательных и конструктивных дискуссий на высоком экспертном уровне, а высказанные идеи и инициативы позволят наметить новые направления многостороннего сотрудничества в интересах построения более справедливого, безопасного и благополучного миропорядка.

ББК 72

ISBN 978-5-7621-1320-5

© СПбГУП, 2025

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить начиная с 2001 года две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.

Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН

Москва, Кремль
23 мая 2001 года, № 587

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия XXII Международных Лихачевских научных чтений.

Ваши встречи, ежегодно собирающие в Санкт-Петербурге известных ученых, деятелей культуры и искусства, политиков и дипломатов из разных стран, дают хорошую возможность для содержательных, конструктивных дискуссий. Тем более что в повестке дня Чтений неизменно присутствует широкий спектр вопросов, касающихся основных тенденций развития современного общества – как на национальном, так и на международном уровне.

Нынешние Чтения посвящены месту и роли БРИКС на мировой арене. Выбор такой темы особенно актуален в свете председательства России в этом авторитетном и влиятельном объединении, обеспечивающем эффективную совместную работу государств-участников во многих сферах на основе принципов равноправия, уважения и взаимного учета интересов.

Рассчитываю, что вы обстоятельно, на высоком экспертном уровне обсудите перспективы развития БРИКС, а ваши идеи и инициативы помогут освоить новые формы и направления взаимовыгодного многостороннего сотрудничества – на благо наших стран и народов, в интересах построения более справедливого, безопасного и благополучного миропорядка.

Желаю вам плодотворного общения и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
12 апреля 2024 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Поздравляю вас с открытием юбилейных XX Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов ваших встреч уже стало доброй традицией. Отмечу, что Лихачевские чтения отличают насыщенная повестка, заинтересованное участие известных ученых и политиков, общественных деятелей, представителей культуры и искусства. Это позволяет вести продуктивный диалог по важнейшим проблемам современности, предметно обсуждать пути их решения, учитывать весь спектр мнений. И потому Лихачевские чтения привлекают неизменное внимание экспертов, самой широкой аудитории.

Рассчитываю, что нынешний форум, посвященный международным вопросам, послужит развитию плодотворных гуманитарных связей, укреплению взаимопонимания между странами и народами. И конечно, станет еще одним вкладом в сбережение и дальнейшее изучение богатейшего творческого, духовного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, чьи гуманистические идеи сегодня особенно актуальны и востребованы.

Желаю вам результативного общения и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
9 июня 2022 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия XIX Международных Лихачевских научных чтений.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев уделял большое внимание Санкт-Петербургскому Гуманитарному университету профсоюзов, был почетным доктором прославленного вуза. И потому символично, что ваши встречи проходят именно здесь, в СПбГУП, и по праву считаются значимым событием в жизни Северной столицы и всей страны.

Отмечу, что в работе форума традиционно принимают участие известные ученые и политики, деятели культуры и искусства, представители СМИ. Их содержательные доклады и подчас острые дискуссии неизменно вызывают широкий общественный резонанс, служат делу развития идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, которые и сегодня не утратили своей актуальности.

Уверен, что Лихачевские чтения и впредь будут выполнять высокую миссию, нацеленную на укрепление гуманитарного сотрудничества, упрочение дружбы и взаимопонимания между людьми.

Желаю вам успехов, интересного и полезного общения.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
23 мая 2019 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия XVII Международных Лихачевских научных чтений.

Ваши встречи давно уже стали значимым, ожидаемым событием в общественной жизни Санкт-Петербурга и всей страны. Отрадно, что все эти годы организаторы и участники Чтений сохраняют сложившиеся традиции, уделяют самое серьезное внимание важным, стержневым проблемам развития цивилизации и диалога культур. Следуют заветам великого гуманиста и просветителя Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Уверен, что и нынешний форум пройдет в творческом, созидательном ключе, запомнится интересными, продуктивными дискуссиями, неформальной и по-настоящему дружеской атмосферой.

Желаю вам успехов.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
18 мая 2017 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия Международных Лихачевских научных чтений, которые на протяжении многих лет проходят в нашей Северной столице.

Ваш авторитетный форум, собирающий элиту российской и мировой интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры, стал по-настоящему большим событием и замечательной традицией в общественной, духовной жизни страны. Важно, что в повестке встреч – всегда наиболее актуальные гуманитарные, цивилизационные проблемы, имеющие исключительное значение для настоящего и будущего России.

Сегодня вам предстоит обсудить такую фундаментальную тему, как «Современные глобальные вызовы и национальные интересы», обменяться опытом, подвести итоги совместных проектов. Уверен, предложения и рекомендации, выработанные в ходе Чтений, послужат бережному сохранению отечественного культурного наследия, делу развития гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам плодотворных, взаимополезных дискуссий, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
16 мая 2016 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием XII Лихачевских чтений.

Ваш форум – это значимое событие в общественной жизни России и целого ряда зарубежных стран. Он традиционно собирает представителей научной и творческой интеллигенции, авторитетных экспертов.

В эпоху глобализации вопросы расширения диалога культур, предотвращения конфликтов на этноконфессиональной почве приобретают особое значение, убедительно свидетельствуют, что гуманистические идеи академика Д. С. Лихачева, выдающегося российского просветителя и общественного деятеля, актуальны и в наши дни.

Уверен, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе вашей встречи, будут востребованы на практике.

Желаю вам новых успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
17 мая 2012 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Приветствую участников, организаторов и гостей XI Международных Лихачевских чтений!

Ваш форум, по традиции собирающий в Санкт-Петербурге цвет российской интеллигенции, видных ученых и общественных деятелей из других стран, – неординарное, заметное событие в международной научной и культурной жизни. Важно, что тематика Чтений неизменно отражает актуальные и наиболее острые гуманитарные проблемы, главные из которых – развитие диалога культур и цивилизаций в современном мире, укрепление духовно-нравственных основ общества. И, конечно, в числе ваших приоритетных задач – сохранение бесценного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, которое с годами не утратило своей значимости и актуальности.

Желаю вам плодотворных и конструктивных дискуссий, интересных и полезных встреч.

Председатель Правительства Российской Федерации
В. ПУТИН
5 мая 2011 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге на юбилейных X Международных Лихачевских научных чтениях.

Ваш авторитетный форум неизменно отличается солидным составом участников, содержательной и насыщенной работой, широкой палитрой обсуждаемых вопросов.

Уверен, что и сегодняшняя встреча, посвященная диалогу культур и партнерству цивилизаций, станет еще одним важным шагом в развитии межконфессионального и межнационального общения, послужит сближению народов. И, конечно, вновь соберет целую плеяду известных людей – ученых, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции – всех, кому близки взгляды и идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам успехов и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации
В. ПУТИН
11 мая 2010 года

♦ ♦ ♦

Приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение вашего научного форума стало важной и доброй традицией и помогает не только лучше осознавать значимость гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, его творческого наследия, но и понять актуальные вопросы современности.

Поэтому сегодня в повестке дня конференции такие важные для всех темы, как «Личность и общество в поликультурном мире», «Экономика и право в контексте партнерства цивилизаций», «Средства массовой информации в системе формирования картины мира», «Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации» и другие.

Уверен, что заинтересованное обсуждение, содержательные и конструктивные дискуссии в рамках Чтений послужат развитию гуманитарных наук, укреплению духовно-нравственных основ общества.

Желаю организаторам, участникам и гостям форума плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации
В. ПУТИН
22 мая 2008 года

♦ ♦ ♦

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева – неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
25 мая 2006 года

♦ ♦ ♦

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отрадно, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума – это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
20 мая 2004 года

♦ ♦ ♦

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
21 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ XXII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Участникам и организаторам XXII Международных Лихачевских научных чтений

Дорогие друзья!

Рад приветствовать участников и организаторов XXII Международных Лихачевских научных чтений!

Масштабный форум вновь становится востребованной дискуссионной площадкой для обсуждения актуальных гуманитарных вопросов, значимых для настоящего и будущего России. Он занимает прочное место в календаре социально значимых событий нашего города и страны и ежегодно собирает свыше 1500 отечественных и зарубежных исследователей – специалистов высочайшего профессионального уровня.

Проведение чтений – замечательная многолетняя традиция, которую бережно хранит и развивает Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов.

В этом году в центре всеобщего внимания – важная роль межгосударственного объединения БРИКС в современном миропорядке. В этой связи особую ценность и звучание приобретают высказывания выдающегося ученого и просветителя Дмитрия Сергеевича Лихачева о роли российской культуры в мировом пространстве.

Уверен, Лихачевские чтения – 2024 станут действенным инструментом для сохранения широкого гуманитарного диалога, продолжением важной просветительской миссии.

Желаю вам успешной и плодотворной работы!

Губернатор Санкт-Петербурга
А. Д. БЕГЛОВ
Санкт-Петербург, 12 апреля 2024 года

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. В числе их инициаторов был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. С тех пор Чтения проводятся каждый год. После ухода из жизни академика Лихачева данный научный форум получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений (Указ Президента РФ В. В. Путина № 587 от 23 мая 2001 г. «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева»).

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, СПбГУП, Конгресс петербургской интеллигенции (учредители Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Запесоцкий, К. Ю. Лавров, Д. С. Лихачев, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). С 2007 года Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел России.

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности: «Диалог культур в условиях глобализации», «Образование в условиях формирования нового типа культуры», «Культура и глобальные вызовы мирового развития», «Гуманитарные проблемы современной цивилизации», «Современные глобальные вызовы и национальные интересы», «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего», «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости», «Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка», «Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире», «БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций» и др.

Ежегодно на Чтения съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: Л. И. Абалкин, И. О. Абрамова, А. А. Акаев, Г. А. Арбатов, С. А. Афонцев, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, Ю. С. Васильев, С. Ю. Глазьев, М. К. Горшков, Р. С. Гринберг, Ан. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. В. Дмитриев, А. С. Запесоцкий, Т. И. Заславская, М. П. Кирпичников, М. И. Клеандров, Г. Б. Клейнер, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, И. И. Лукинов, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, В. А. Мартынов, В. В. Миронов, Н. Н. Моисеев, В. В. Наумкин, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, Ю. С. Осипов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, В. Ф. Петренко, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, Н. А. Платэ, В. М. Полтерович, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скатов, А. В. Смирнов, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, Р. У. Хабриев, Т. Я. Хабриева, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, Б. Г. Юдин, В. Л. Янин и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, В. С. Басюк, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, О. Ю. Васильева, Г. Н. Волков, Н. К. Гарбовский, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. И. Загвязинский, И. А. Зимняя, Ю. П. Зинченко, В. Г. Кинелев, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, О. Е. Лебедев, А. А. Лиханов, Г. В. Мухаметзянова, В. С. Мухина, В. А. Мясников, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, О. А. Омаров, А. А. Орлов, Ю. В. Сенько, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Г. А. Ягодин, В. Миттер (Германия) и др.; общественные и государственные деятели: П. Бюльбюль оглы, Г. А. Гаджиев, Г. М. Гатилов, Ал. А. Громыко, М. С. Гусман, А. И. Денисов, Е. Г. Драпеко, К. Ф. Затулин, М. В. Захарова, А. К. Исаев, С. В. Кабышев, С. Л. Катанандов, К. И. Косачев, А. М. Крамаренко, С. В. Лавров, Е. И. Макаров, В. И. Матвиенко, А. А. Панкин, В. Н. Плигин, Г. М. Резник, К. О. Ромодановский, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шмаков, А. В. Яковенко, В. А. Яковлев и др.; деятели культуры и искусства: М. К. Аникушин, Н. В. Буров, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Г. В. Свиридов и др.

С 2007 года в рамках Чтений проводится Лихачевский форум старшеклассников России (с 2014 г. — Международный форум старшеклассников), на который собираются победители ежегодного конкурса творческих работ «Идеи Д. С. Лихачева и современность» со всей России и из-за рубежа.

С 2008 года совместно с МИД России осуществляется Дипломатическая программа Чтений «Международный диалог культур», в которой выступают послы иностранных государств с изложением своих взглядов на важнейшие проблемы нашего времени.

В 2001, 2004, 2006, 2009–2012, 2016, 2017, 2019, 2022, 2024 годах организаторов и участников Чтений приветствовали Президенты Российской Федерации В. В. Путин и Д. А. Медведев, в 2008, 2010–2019 годах — Председатели Правительства РФ.

Ежегодно по итогам Чтений публикуются соответствующие сборники. Эти материалы хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира.

Материалы Чтений представлены и на научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.lihachev.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА» 3

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ 4

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ XXII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ 8

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ (Справка) 9

Пленарное заседание
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В НОВОЙ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ

ДОКЛАДЫ

И. О. АБРАМОВА, *директор Института Африки РАН (Москва), член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор*
БРИКС И АФРИКА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА 29

А. А. АКАЕВ, *Президент Киргизской Республики (1990–2005), академик Академии наук Киргизской Республики, иностранный член РАН, главный научный сотрудник Института математических исследований МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор*
БРИКС ФОРМИРУЕТ РАСШИРЯЮЩЕЕСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО,
СПОСОБНОЕ ОБЕСПЕЧИТЬ ГЛОБАЛЬНОЕ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ НА ОСНОВЕ ДИАЛОГА
И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ 34

С. АТЛАГИЧ, *профессор факультета политических наук Белградского университета (Сербия), доктор политических наук*
БРИКС КАК ПЛАТФОРМА НОВОГО МУЛЬТИПОЛЯРНОГО МИРА —
ПОПЫТКА ВЕРНУТЬСЯ К ОБЩИМ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМ ЦЕННОСТЯМ 37

С. А. АФОНЦЕВ, *заместитель директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е. М. Примакова РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор РАН*
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОЩЬ СТРАН БРИКС И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ
МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 38

Д. О. БАБИЧ, *обозреватель агентства «РИА Новости» (Москва), член Союза журналистов России*
ЗАПАД И ИСЛАМИСТЫ: СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА 40

В. С. БАСЮК, *вице-президент Российской академии образования, академик РАО, заведующий кафедрой психологии развития личности Московского педагогического государственного университета, доктор психологических наук, профессор РАО, Почетный работник общего образования РФ*
ПРИНЯТИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
ЧЕРЕЗ ОРГАНИЗАЦИЮ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 42

М. Г. БОРОЗНА, *ректор Белорусской государственной академии искусств (Минск), кандидат искусствоведения, профессор*
ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ РОЛИ
И ЗНАЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ВИЗУАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ . . . 45

И. И. БУЗОВСКИЙ, *заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук*
МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ 47

П. БЮЛЬБЮЛЬ оглы, *Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ (Москва), доктор искусствоведения, профессор, Народный артист Азербайджана*
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ 52

Ч. ВАРГА, *Почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор юридических наук*
ПЕРСПЕКТИВЫ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА КАК ЦЕННОСТИ И ПРАВОВОГО ФУНДАМЕНТА
НОВОГО МИРОВОГО РАЗВИТИЯ 56

Н. К. ГАРБОВСКИЙ, *академик-секретарь Отделения образования и культуры РАО, директор Высшей школы перевода МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО БРИКС: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И УНИВЕРСИТЕТСКИЕ РЕЙТИНГИ 60

Ч. ГОДДАРД, *профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), магистр права (строительство), бакалавр архитектуры (Великобритания)*
РОССИЯ В НОВОМ МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: НОВЫЕ ЦЕЛИ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ 64

Ал. А. ГРОМЫКО, *директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН*
БРИКС+ — КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ РАЗВИТИЯ 68

А. А. ГУСЕЙНОВ, *директор Института философии РАН (Москва), академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП*
ОБ ИДЕОЛОГИИ И ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ 71

М. С. ГУСМАН, *первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС» (Москва), доктор политических наук, профессор, Заслуженный журналист РФ, Заслуженный работник культуры РФ*
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА 75

Б. ДЕГАРДЕН, *директор по инвестициям SingAlliance Pte Ltd. (Женева, Швейцария)*
БРИКС: АМБИЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ 78

Д. А. ДЕГТЕРЕВ, *главный редактор «Ученых записок Института Африки» (Москва), профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор политических наук*
ОТ «ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ» К СУВЕРЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКЕ НЕЗАПАДНОГО МИРА: РОЛЬ БРИКС 81

М.-Р. ДЕХШИРИ, *директор Института международных отношений Министерства иностранных дел Исламской Республики Иран (Тегеран), профессор политологии*
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СИНЕРГИИ КУЛЬТУР 83

С. ДЕШПАНДЕ, *директор Центра изучения Центральной Евразии при Российском университете Мумбаи (Индия)*
РОССИЯ И НОВЫЙ МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР: ЦЕЛИ И ВОЗМОЖНОСТИ 87

Е. Г. ДРАПЕКО, *первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по культуре (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, Заслуженная артистка РСФСР, профессор СПбГУП (1994–1999);*

А. А. КОВАЛЁВ, *депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга I–VI созывов (1994–2021), научный сотрудник Института археологии РАН*
ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ БРИКС 92

Н. А. ЖЕРЛИЦЫНА, *заместитель директора Института Африки РАН (Москва), ведущий научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии, доктор исторических наук*
КОЛОНИАЛИЗМ НОВОГО ТИПА: ЭКСТЕРНАЛИЗАЦИЯ ГРАНИЦ В АФРИКЕ КАК ПОПЫТКА ДОМИНИРОВАНИЯ СТРАН ЗАПАДА 94

М. А. ЗАМШЕВ, *главный редактор «Литературной газеты» (Москва)*
МЫ В ПУТИ 97

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, *ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции;*

А. В. ЯКОВЕНКО, *ректор Дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ (Москва), заместитель министра иностранных дел РФ (2005–2011), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Великобритании (2011–2019), доктор юридических наук, профессор;*

А. М. КРАМАРЕНКО, *директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ*
БРИКС КАК ПРООБРАЗ БУДУЩЕГО: КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ МНОГООБРАЗИЕ В ДЕЙСТВИИ 99

М. В. ЗАХАРОВА, *директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, кандидат исторических наук*
ПОДХОДЫ К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ 112

А. К. ИСАЕВ, *заместитель руководителя фракции «Единая Россия» в Государственной Думе РФ (Москва), депутат Госдумы РФ, заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, кандидат политических наук, профессор СПбГУП*
ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 114

С. В. КАБЫШЕВ, *председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и высшему образованию (Москва), профессор, Заслуженный юрист РФ*
МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР: ПУТЬ К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ 119

А. Д. КОРОЛЬ, *ректор Белорусского государственного университета (Минск), иностранный член РАО, доктор педагогических наук, профессор*
ИЛЛЮЗОРНЫЙ МИР КАК ПРОБЛЕМА МОНОЛОГИЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
(От диалога в образовании к диалогу культур и цивилизаций) 122

О. И. КОСТИКОВА, *заместитель директора Высшей школы перевода МГУ им. М. В. Ломоносова по научной работе, кандидат филологических наук, доцент*
ТОНКАЯ НАСТРОЙКА СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БРИКС 127

А. КРУК, *основатель и директор геополитического и геофинансового аналитического центра Conflicts Forum (Лондон, Великобритания)*
ВОЗМОЖНО ЛИ МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ БРИКС И ЗАПАДА? 130

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ, *главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН (Москва), академик РАН, академик РАО, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», доктор философских наук, профессор*
НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В РАМКАХ БРИКС 134

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ, *главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), академик РАН, доктор юридических наук, профессор*
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ 135

Е. И. МАКАРОВ, *заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП*
РАСШИРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ БРИКС В 2023–2024 ГОДАХ,
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ПРОФСОЮЗНОГО ФОРУМА БРИКС 137

В. К. МАМОНТОВ, *председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда» (Москва), генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет»*
МЕДВЕДЬ, ПОХИЩАЮЩИЙ ЕВРОПУ. 140

С. Г. МУСИЕНКО, *директор Аналитического центра ЕсоОМ (Минск), член правления Союза писателей Беларуси*
«HOMO BRICS» НА ФОНЕ «HOMO EURAMERICANUS» 144

В. В. НАУМКИН, *научный руководитель Института востоковедения РАН (Москва), академик РАН, доктор исторических наук, профессор*
БРИКС И АРАБСКИЙ МИР 148

А. Д. НЕКИПЕЛОВ, *директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП*
ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРУ . . .150

Р. И. НИГМАТУЛИН, *научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН (Москва), член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор*
ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ ПОЭТАПНОГО ПЕРЕХОДА
К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ В РОССИИ. 154

М. ОКОЛИ, *профессор Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск), научный сотрудник Института Африки РАН и Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е. М. Примакова РАН, президент Нигерийского сообщества России*
БРИКС В РАСШИРЕННОМ СОСТАВЕ КАК НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО
ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ 156

К. ОКРАЙ, *вице-президент Фонда стратегических и социальных исследований Marmara Group (Стамбул, Турция)*
БРИКС В РАСШИРЕННОМ СОСТАВЕ И ВИ́ДЕНИЕ НОВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА 159

Э. РАХМАТУЛЛОЗОДА, *профессор кафедры дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан Таджикского национального университета (Душанбе), заместитель министра иностранных дел Республики Таджикистан (1990–2001), Чрезвычайный и Полномочный Посол*
ИРАН И БРИКС: РЕАЛЬНОСТИ, ОЖИДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ. 161

О. РОКПЛО, *профессор Университета Сорбонна (Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук*
БРИКС+ И ИСТОРИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О «ЦАРЯХ МИРА» 165

Ж. САПИР, *профессор экономики Высшей школы социальных наук (Париж, Франция), директор Центра исследований индустриализации CEMI-EHESS, визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН*
КАК БРИКС (И БРИКС+) МОГУТ ОТВЕТИТЬ НА ТРЕБОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ И КАКОВЫ МОГУТ БЫТЬ ПОСЛЕДСТВИЯ? 169

Ж. Т. ТОШЕНКО, *главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), член-корреспондент РАН, председатель Международного редакционного совета журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор*
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ 173

А. ТРИГУНАЯТ, *Посол Индии в Иордании и Ливии, Верховный комиссар на Мальте (2012–2016), Почетный сотрудник аналитического центра Международного фонда Вивекананды*
БРИКС КАК НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ДИАЛОГА МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ 176

Т. ТЮРКЕР, *профессор факультета политологии Университета Анкары (Турция), доктор философии*
ЭПОХА РИФМЫ 181

Г. Ф. ФЕЙГИН, *профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ, Почетный профессор СПбГУП;*
Г. А. ГОНЧАРОВ, *профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук;*
Н. В. МАСЛОВА, *заместитель заведующего кафедры экономики и управления СПбГУП по научной работе, кандидат экономических наук, доцент*
САНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СТРАН ЗАПАДА В ОТНОШЕНИИ РОССИИ: ДОЛГОСРОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ 186

Р. У. ХАБРИЕВ, *научный руководитель Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н. А. Семашко (Москва), академик РАН, доктор медицинских наук, доктор фармацевтических наук, профессор*
ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ 195

Т. Я. ХАБРИЕВА, *заместитель президента и член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП*
БРИКС — ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН В КООРДИНАТАХ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ 197

А. Д. ХЛУТКОВ, *директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор*
БРИКС — НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ 201

С. А. ЦЫПЛЯЕВ, *главный редактор журнала «Власть» (Санкт-Петербург), представитель Президента РФ в Санкт-Петербурге (1992–2000), кандидат физико-математических наук, действительный государственный советник РФ 3-го класса, член Совета по внешней и оборонной политике*
ВЗРЫВООПАСНЫЙ КОКТЕЙЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИЙ 203

В. А. ЧЕРЕШНЕВ, *заместитель президента и член Президиума РАН (Москва), академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП;*
А. П. САРАПУЛЬЦЕВ, *ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией иммунопатофизиологии Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор биологических наук*
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ ФОРМИРУЮЩЕМСЯ МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ 206

В. А. ШАМАХОВ, *научный руководитель Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, генерал-полковник таможенной службы*
ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ФУНДАМЕНТ ГЛОБАЛЬНОГО ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ 210

А. В. ШЕРШУКОВ, *заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России (Москва), главный редактор газеты «Солидарность»*
ПРОФСОЮЗНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 213

М. В. ШМАКОВ, *член Государственного Совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП*
МИРОВОЕ ПРОФДВИЖЕНИЕ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ 214

Н. ЭЛЬ-ШЕЙХ, *профессор факультета экономики и политологии Каирского университета, доктор политологии, член Египетского совета по иностранным делам*
БРИКС: ДВИЖУЩАЯ СИЛА НОВОГО МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА 218

ДИСКУССИЯ 222

Выступающие:

И. О. АБРАМОВА, *директор Института Африки РАН (Москва), член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор*

И. И. БУЗОВСКИЙ, *заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук*

О. Ю. ВАСИЛЬЕВА, *президент Российской академии образования (Москва), академик РАО, доктор исторических наук, профессор*

Е. Г. ДРАПЕКО, *первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по культуре (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, Заслуженная артистка РСФСР, профессор СПбГУП (1994–1999)*

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, *ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции*

М. В. ЗАХАРОВА, *директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, кандидат исторических наук*

А. КРУК, *основатель и директор аналитического центра Conflicts Forum (Лондон, Великобритания)*

А. С. МАКСИМОВ, *председатель Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга*

В. В. НАУМКИН, *научный руководитель Института востоковедения РАН (Москва), академик РАН, доктор исторических наук, профессор*

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ, *генеральный директор Государственного Эрмитажа, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, Почетный доктор СПбГУП*

О. РОКПЛО, *профессор Университета Сорбонна (Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук*

Н. В. СТАРИКОВ, *писатель, журналист, политик (Санкт-Петербург)*

А. ТРИГУНАЯТ, *Посол Индии в Иордании и Ливии, Верховный комиссар на Мальте (2012–2016), Почетный сотрудник аналитического центра Международного фонда Вивекананды*

В. А. ЧЕРЕШНЕВ, *заместитель президента и член Президиума РАН (Москва), академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП*

М. В. ШМАКОВ, *член Государственного Совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП*

А. В. ЯКОВЕНКО, *ректор Дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ (Москва), заместитель министра иностранных дел РФ (2005–2011), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Великобритании (2011–2019), доктор юридических наук, профессор*

Панельная дискуссия
«ГЛОБАЛЬНЫЙ ЗАПАД» И «ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ»: ПУТИ РАЗВИТИЯ 232

Выступающие:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, *ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции (модератор)*

И. О. АБРАМОВА, *директор Института Африки РАН (Москва), член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор*

Д. О. БАБИЧ, *обозреватель агентства «РИА Новости» (Москва), член Союза журналистов России*

А. П. БИНЕВ, *заместитель главного редактора радиостанции «Говорит Москва», журналист, писатель, сценарист*

Ал. А. ГРОМЫКО, *директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН*

А. А. ГУСЕЙНОВ, *директор Института философии РАН (Москва), академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП*

К. Ф. ЗАТУЛИН, *первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками (Москва), депутат Госдумы РФ, директор Института стран СНГ*

М. В. ЗАХАРОВА, *директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, кандидат исторических наук*

А. Д. КОРОЛЬ, *ректор Белорусского государственного университета (Минск), доктор педагогических наук, профессор*

Е. И. МАКАРОВ, *заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП*

С. Г. МУСИЕНКО, *руководитель Аналитического центра ЕсооМ (Минск), член правления Союза писателей Беларуси*

В. В. НАУМКИН, *научный руководитель Института востоковедения РАН (Москва), академик РАН, доктор исторических наук, профессор*

Р. И. НИГМАТУЛИН, *научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН (Москва), член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор*

М. ОКОЛИ, *профессор Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск), научный сотрудник Института Африки РАН и Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е. М. Примакова РАН, президент Нигерийского сообщества России*

О. РОКПЛО, *профессор Университета Сорбонна (Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук*

Г. Ф. ФЕЙГИН, *профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, Почетный профессор СПбГУП*

С. А. ЦЫПЛЯЕВ, *главный редактор журнала «Власть» (Санкт-Петербург), представитель Президента РФ в Санкт-Петербурге (1992–2000), кандидат физико-математических наук, действительный государственный советник РФ 3-го класса, член Совета по внешней и оборонной политике*

В. А. ЧЕРЕШНЕВ, *заместитель президента и член Президиума РАН (Москва), академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП*

А. В. ШЕРШУКОВ, *заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России (Москва), главный редактор газеты «Солидарность»*

М. В. ШМАКОВ, *член Государственного Совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП*

А. В. ЯКОВЕНКО, *ректор Дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ (Москва), заместитель министра иностранных дел РФ (2005–2011), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Великобритании (2011–2019), доктор юридических наук, профессор*

Секция 1
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЫ КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
(наука, культура, искусство, образование, экономика, право)

ДИСКУССИЯ 242

Выступающие:

И. О. АБРАМОВА, *директор Института Африки РАН (Москва), член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор*

С. АТЛАГИЧ, *профессор факультета политических наук Белградского университета (Сербия)*

Д. О. БАБИЧ, *обозреватель агентства «РИА Новости» (Москва), член Союза журналистов России*

Ж.-Л. БАШЛЕ, *писатель, пианист, историк (Париж, Франция)*

И. И. БУЗОВСКИЙ, *заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук*

Д. А. ДЕГТЕРЕВ, *главный редактор «Ученых записок Института Африки» (Москва), профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор политических наук*

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, *ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции*

К. Ф. ЗАТУЛИН, *первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками (Москва), депутат Госдумы РФ, директор Института стран СНГ*

М. В. ЗАХАРОВА, *директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, кандидат исторических наук*

А. К. ИСАЕВ, *заместитель руководителя фракции «Единая Россия» в Государственной Думе РФ (Москва), депутат Госдумы РФ, заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, кандидат политических наук, профессор СПбГУП*

А. М. КРАМАРЕНКО, *директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ*

А. КРУК, *основатель и директор аналитического центра Conflicts Forum (Лондон, Великобритания)*

В. К. МАМОНТОВ, *председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда» (Москва), генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет»*

В. В. НАУМКИН, *научный руководитель Института востоковедения РАН (Москва), академик РАН, доктор исторических наук, профессор*

Г. В. НАУМОВА, *писатель, культуролог, президент ассоциации Miracles (Париж, Франция), кандидат филологических наук*

М. ОКОЛИ, *профессор Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск), научный сотрудник Института Африки РАН и Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е. М. Примакова РАН, президент Нигерийского сообщества России*

К. ОКРАЙ, *вице-президент Фонда стратегических и социальных исследований Marmara Group (Стамбул, Турция)*

Э. РАХМАТУЛЛОЗОДА, *профессор кафедры дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан Таджикского национального университета (Душанбе), заместитель министра иностранных дел Республики Таджикистан (1990–2001), Чрезвычайный и Полномочный Посол*

О. РОКПЛО, *профессор Университета Сорбонна (Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук*

А. ТРИГУНАЯТ, *Посол Индии в Иордании и Ливии, Верховный комиссар на Мальте (2012–2016), Почетный сотрудник аналитического центра Международного фонда Вивекананды*

С. А. ЦЫПЛЯЕВ, *главный редактор журнала «Власть» (Санкт-Петербург), представитель Президента РФ в Санкт-Петербурге (1992–2000), кандидат физико-математических наук, действительный государственный советник РФ 3-го класса, член Совета по внешней и оборонной политике*

В. А. ЧЕРЕШНЕВ, *заместитель президента и член Президиума РАН (Москва), академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП*

В. А. ШАМАХОВ, *научный руководитель Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, генерал-полковник таможенной службы*

М. В. ШМАКОВ, *член Государственного Совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП*

М. ЭЛЬ-ХАТТАБ ЭЛЬ-ИБРАХИМИ ЭЛЬ-ШЕРИФИ ЭЛЬ-ИДРИСИ, *писатель, президент партии «Альянс за Францию», лауреат литературной премии за мир и толерантность (Париж, Франция)*

А. В. ЯКОВЕНКО, *ректор Дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ (Москва), заместитель министра иностранных дел РФ (2005–2011), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Великобритании (2011–2019), доктор юридических наук, профессор*

Секция 2
ЦЕННОСТИ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: ВСЕОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

ДОКЛАДЫ

С. Р. АБРАМОВ, *профессор кафедры английского языка СПбГУП, доктор филологических наук*
«НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК, ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВИЛАХ» И ТЕОРИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА . . .256

Е. В. АНДРИЕНКО, *профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук*
САМОРАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ЦЕННОСТЬ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 258

В. Н. БАДМАЕВ, *профессор кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста), доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
СРЕДИННЫЙ ПУТЬ КАК УНИВЕРСАЛИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 261

А. П. БИНЕВ, *заместитель главного редактора радиостанции «Говорит Москва», журналист, писатель, сценарист*
ЦЕННОСТИ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: ВСЕОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ 262

Е. М. ГАШКОВА, *старший преподаватель кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент*
«ВОЙНА И МИР» НА КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ 265

В. А. ГУТОРОВ, *заведующий кафедрой теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ИДЕЯ СОГЛАСИЯ И ПОЛИТИКА ОБРАЗОВАНИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ 267

А. Ю. ДЕМШИНА, *профессор кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии*
АПРОПРИАЦИЯ (ЗАИМСТВОВАНИЕ) В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА 270

А. А. ДМИТРИЕВА, *профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения*
ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЭТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ИСКУССТВА В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ 272

И. И. ДОКУЧАЕВ, *заведующий кафедрой онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор*
ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: РОССИЯ, ЗАПАД, ВОСТОК И ТРЕТЬЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ 274

Г. В. ДРАЧ, *научный руководитель Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ОТ МОНОЦЕНТРИЗМА К ПОЛИЦЕНТРИЗМУ 276

В. Ю. ДУНАЕВ, *главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алма-Ата), доктор философских наук, профессор;*

В. Д. КУРГАНСКАЯ, *главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алма-Ата), доктор философских наук, профессор*
ИНВЕРТИРОВАННАЯ АКСИОЛОГИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО И ПАРТИКУЛЯРНОГО КАК ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ КАРКАС ИДЕОЛОГИИ МОНДИАЛИЗМА 277

Д. В. ЕФРЕМЕНКО, *заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва), доктор политических наук, главный научный сотрудник*
ПРИНЦИПЫ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СОЛИДАРНОСТИ И УВАЖЕНИЯ К ТРАДИЦИОННЫМ ЦЕННОСТЯМ КАК ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ МИРОВОГО БОЛЬШИНСТВА 280

О. П. ЗУБЕЦ, *старший научный сотрудник Сектора этики Института философии РАН (Москва), кандидат философских наук*
ФИЛОСОФСКИЙ ИДЕАЛ: ЕДИНСТВЕННОСТЬ ПРОТИВ МНОЖЕСТВЕННОСТИ 282

Д. Н. КАТЫШЕВА, *ведущий профессор кафедры режиссуры и актерского искусства СПбГУП, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ТРАДИЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТЕАТРА — ПРОТИВОСТОЯНИЕ АНТИКУЛЬТУРЕ 284

С. С. КОМИССАРЕНКО, *профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор культурологии, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
КУЛЬТУРА КАК СРЕДА ПОРОЖДЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 285

И. В. КОНДАКОВ, *профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор философских наук, Почетный работник общего образования РФ;*
Л. Б. БРУСИЛОВСКАЯ, *старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории мандельштамоведения Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (Москва), кандидат культурологии*
СОЮЗ ГЛОБАЛИТЕТОВ КАК БУДУЩЕЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (Ценностно-смысловой анализ) 287

А. Г. КОСИЧЕНКО, *главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алма-Ата), доктор философских наук, профессор*
ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 289

А. В. КОСТИНА, *профессор кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии*
ЦЕННОСТНАЯ СИСТЕМА РОССИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: ОТ ОСОБЕННОГО КО ВСЕОБЩЕМУ 291

И. В. КУЗИН, *доцент кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук*
ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА 293

И. В. ЛЕОНОВ, *профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии*
МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (На примере фольклорных аспектов картины мира) 296

К. В. ЛОШЕВСКИЙ, *доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук*
ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ЭКОЛОГИЗМ И ЦЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО МОДЕРНА 300

А. А. МЕЛЬНИКОВА, *профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ТРАНСГУМАНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТЕЙ МОНО- И МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 302

А. Н. МИХАЙЛЕНКО, *заведующий кафедрой международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор политических наук, профессор*
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СТРАНАХ БРИКС 304

А. Н. МОСЕЙКО, *ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат философских наук, доцент*
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ СОВРЕМЕННОСТЕЙ (МОДЕРНОСТЕЙ) ЗАПАДНОГО И НЕЗАПАДНОГО ТИПОВ В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ 306

Г. А. ПОГОСЯН, *заведующий отделом социологии Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения (Ереван), академик НАН Армении, доктор социологических наук, профессор*
МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ СДВИГИ В ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ АРМЯН 309

Г. А. ПРАЗДНИКОВ, *заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств (Санкт-Петербург), кандидат философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Почетный профессор СПбГУП*
ЖИЗНЕННО-НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА КАК ТРАДИЦИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ 312

Е. С. ПРОТАНСКАЯ, *профессор кафедры психологии и педагогики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
КУЛЬТУРА ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ ВРЕМЕНИ ПЕРЕМЕН В КОНТЕКСТЕ ЕДИНСТВА НАЦИИ 315

Е. В. РАДЕВИЧ, *доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (Минск), кандидат философских наук*
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ. 317

В. С. САЙГАНОВА, *декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (Минск), кандидат философских наук, доцент*
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ: К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА 319

Т. Б. СИДНЕВА, *проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ*
РОССИЯ И КИТАЙ: ВСЕОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕЖИВАНИИ ИСТОРИИ . . .321

Г. В. СКОТНИКОВА, *профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, ведущий научный сотрудник сектора актуальных проблем современной художественной культуры Российского института истории искусств, доктор культурологии*
НОВАЯ РИТМИЧЕСКАЯ ФАЗА КУЛЬТУРЫ РОССИИ И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОПОР 323

И. В. СОКОЛОВА, *заведующая кафедрой физического воспитания СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент, мастер спорта по художественной гимнастике, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ИГРЫ БРИКС КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ 326

С. А. СУХОРУКОВ, *и. о. заведующего кафедрой искусствоведения СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент*
СОВРЕМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА ПРОВИНЦИЙ ИРАНА — ПРИМЕР ОТСТАИВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ 328

А. В. УСПЕНСКАЯ, *ведущий профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук, Почетный работник сферы образования РФ, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный профессор СПбГУП*
РОССИЯ И ЗАПАД: ОПЫТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НА ПУТИ К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРУ 330

А. Н. ЧУМАКОВ, *профессор кафедры геополитики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук*
ВСЕОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ С ФИЛОСОФСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ 334

В. А. ШАХОВ, *профессор кафедры философии и культурологии Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота Калининградского государственного технического университета, доктор культурологии, Заслуженный работник культуры РФ*
ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ РОССИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ И СТРАН ЕВРАЗИИ И БРИКС 336

Я. Г. ШЕМЯКИН, *главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (Москва), доктор исторических наук*
О КРИТЕРИЯХ РАЗЛИЧЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТИПОВ В СВЕТЕ «ДИАЛОГИКИ» М. М. БАХТИНА 340

О. Д. ШЕМЯКИНА, *научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук*
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ: ТИПЫ ГРАНИЦ И МНОГООБРАЗИЕ «МЫ» 342

О. Ю. ЮХНИНА, *заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат искусствоведения, доцент*
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПУТЬ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. 345

Ан. В. ЯКОВЕНКО, *заведующий кафедрой социологии и социальных технологий Луганского государственного университета им. Владимира Даля, доктор социологических наук, профессор*
НОВЕЙШИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ПОТЕНЦИАЛ КАЧЕСТВЕННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ 347

А. И. ЯКОВЛЕВ, *главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор*
ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СТРАН ВОСТОКА В «ЭПОХУ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН» В XXI ВЕКЕ (На примере Саудовской Аравии) 349

ДИСКУССИЯ 353

Выступающие: М. Г. Борозна, Е. М. Гашкова, А. А. Гусейнов, Е. Г. Драпеко, М. А. Замшев, А. С. Запесоцкий, И. В. Кондаков, В. А. Конев, А. В. Костина, И. В. Кузин, В. А. Лекторский, И. В. Леонов, А. П. Марков, А. Н. Михайленко, Е. С. Протанская, Е. В. Радевич, В. С. Сайганова, Т. Б. Сиднева, Ж. Т. Тошенко, А. Н. Чумаков, Я. Г. Шемякин, О. Д. Шемякина, Ан. В. Яковенко, А. И. Яковлев

Секция 3
ЭКОНОМИКА НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

ДОКЛАДЫ:

Е. М. АЗАРЯН, *проректор по научной работе Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор экономических наук, профессор, Почетный работник науки и технологий;*
Н. Ю. ВОЗИЯНОВА, *профессор кафедры маркетинга и торгового дела Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор экономических наук;*
А. Н. ГЕРМАНЧУК, *профессор кафедры маркетингового менеджмента Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор экономических наук*
МАРКЕТИНГ В СИСТЕМЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 371

А. М. АЛЕКСАНКОВ, *директор Центра развития инноваций Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доцент кафедры маркетинга, кандидат экономических наук*
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ СЛОЖНЫХ СИСТЕМ. 373

Н. И. АЛЕКСЕЕВА, *профессор кафедры экономики предприятия и управления персоналом Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор экономических наук;*
С. Б. АЛЕКСЕЕВ, *профессор кафедры экономики предприятия и управления персоналом Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор экономических наук*
ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ В БРИКС+ 376

И. А. АНГЕЛИНА, *заведующая кафедрой туризма Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор экономических наук, профессор;*
А. А. ГРАДИНАРОВА, *доцент кафедры туризма Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, кандидат экономических наук*
ВЛИЯНИЕ МНОГОПОЛЯРНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ
НА РАЗВИТИЕ ПУБЛИЧНЫХ ФИНАНСОВ. 378

Т. Ю. АНОПЧЕНКО, *профессор кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва), доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ, член Экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы РФ по образованию и науке*
ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ СТРАН БРИКС В МНОГОПОЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКЕ 380

Д. Д. БУРКАЛЬЦЕВА, *директор Юго-Восточной академии (филиал) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Феодосия), профессор кафедры финансов и кредита Института экономики и управления, доктор экономических наук, Заслуженный работник Республики Крым;*
С. П. КИРИЛЬЧУК, *заведующий кафедрой экономики предприятий Института экономики и управления Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь), доктор экономических наук, профессор*
РАЗВИТИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА РЫНКЕ «ХЕЛСНЕТ»
НА БАЗЕ КОАЛИЦИИ ЗДОРОВЬЯ БРИКС 382

Н. В. БУРОВА, *профессор кафедры статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ*
РАСШИРЕНИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА БРИКС —
НОВЫЙ ВЕКТОР МИРОВОГО РАЗВИТИЯ 384

Г. А. ГОНЧАРОВ, *профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук;*
Е. В. МОРОЗОВА, *заведующая кафедрой информатики и математики СПбГУП, кандидат технических наук, доцент*
АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ТЕМПЫ РОСТА ОБЪЕМОВ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ
И ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В СТРАНАХ БРИКС 386

Е. С. ДАШКОВА, *заведующая кафедрой экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук, доцент*
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 389

Н. В. ДОРОХОВА, *профессор кафедры экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук*
АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ 390

А. И. КОТОВ, *специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук;*
И. В. ПЕНЬКОВА, *заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор*
ЭКОНОМИКА ИСКУССТВА: МНОГОГРАННОСТЬ В МНОГОПОЛЯРНОСТИ. 392

А. А. ЛАПИНСКАС, *профессор кафедры экономической теории Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II, доктор экономических наук;*
М. М. ХАЙКИН, *заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II, доктор экономических наук, профессор;*

Т. Г. СОДНОМБАЛОВА, *доцент кафедры «Бухгалтерский учет и аудит» Петербургского государственного университета путей сообщения императора Александра I, кандидат экономических наук*
НАЦИОНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО РФ И КНР: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ 394

Т. Б. МАЛИНИНА, *профессор кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ТРУД И ПОТРЕБЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ 396

О. Н. МЕЛЕНТЬЕВА, *профессор кафедры маркетинга и торгового дела Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор экономических наук;*
В. Г. АНТОНЕЦ, *доцент кафедры туризма Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, кандидат экономических наук*
РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ РОССИИ В ПРОСТРАНСТВЕ БРИКС 399

Л. А. МИЭРИНЬ, *профессор специализированной кафедры ПАО «Газпром» Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУР В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ КАК ОСНОВАНИЕ ПРОГРЕССА 401

Т. В. НИКИТИНА, *профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Международного центра научных исследований актуальных проблем финансовых рынков и Российско-немецкого центра СПбГЭУ, доктор экономических наук;*
А. Д. ЛУЧКО, *сотрудник Международного центра научных исследований актуальных проблем финансовых рынков Санкт-Петербургского государственного экономического университета*
ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 403

Н. Н. НИКУЛИН, *профессор кафедры экономики и менеджмента Академии труда и социальных отношений (Москва), доктор экономических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
МНОГОПОЛЯРНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 405

В. В. ПАВЛОВА, *ведущий научный сотрудник Научной школы «Теория и технологии менеджмента» Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва), доцент кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий, кандидат экономических наук*
СОВРЕМЕННЫЙ РЫНОК ТРУДА РОССИИ: НОВЫЕ ТРЕНДЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ 407

Н. Н. ПОКРОВСКАЯ, *профессор кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), доктор социологических наук, кандидат экономических наук*
ОПЫТ БРИКС+ В ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕСА: ДЕРЕГУЛЯЦИЯ ИЛИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ 409

А. А. ПОЛОЗОВ-ЯБЛОНСКИЙ, *советник генерального директора — руководитель инновационного направления ПАО «Аэрофлот» (Москва), кандидат экономических наук*
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ САНКЦИЯМ И ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ НА ПУТИ К СУВЕРЕНИТЕТУ В АВИАТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ (Группа «Аэрофлот») 411

Е. В. ПОПОВА, *заведующая кафедрой информационных систем Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина (Краснодар), доктор экономических наук, профессор;*
Д. Н. САВИНСКАЯ, *доцент кафедры информационных систем Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина (Краснодар), кандидат экономических наук*
МНОГОКРИТЕРИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ БРИКС 414

А. Ю. ПРИХАЧ, *профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук*
НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ КООРДИНАТ МНОГОПОЛЯРНОСТИ 416

И. И. РАХМЕЕВА, *и. о. заведующего кафедрой экономической теории и прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург), доктор экономических наук, профессор*
МИРОВАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ: ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ 418

Е. С. САДОВАЯ, *заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е. М. Примакова РАН (Москва), кандидат экономических наук, доцент*
ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ДЕГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА 420

В. П. СЕМЕНОВ, *профессор кафедры менеджмента и систем качества Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), доктор экономических наук*
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РАЗНЫХ СТРАН В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ИННОВАЦИЙ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ 423

О. А. СТРАХОВА, *президент Института делового администрирования Региональной ассоциации менеджеров здравоохранения (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ;*
В. Ю. ЛЯПУНОВА, *руководитель направления «Тренинг-менеджмент» Института делового администрирования Региональной ассоциации менеджеров здравоохранения (Санкт-Петербург)*
КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В НОВЫХ КООРДИНАТАХ ЭКОНОМИКИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 424

А. Ю. СТРИЖАК, *заведующая кафедрой менеджмента Национального открытого института г. Санкт-Петербурга, доктор экономических наук, доцент*
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО РОССИИ И КИТАЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ВЫЗОВЫ 426

Е. Л. ТОРОПЦЕВ, *профессор кафедры цифровых бизнес-технологий и систем учета Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор экономических наук*
ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ 428

А. А. ФЕДЧЕНКО, *профессор департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ (Москва), доктор экономических наук*
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК КОМПОНЕНТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 431

Г. Ф. ФЕЙГИН, *профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ, Почетный профессор СПбГУП*
РАСШИРЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БРИКС КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ БАЗА ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 433

Е. В. ХАРИТОНОВА, *старший научный сотрудник Института Африки РАН (Москва), кандидат психологических наук, доцент*
ВФНР — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОФСОЮЗ УЧЕНЫХ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА И НОВОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ. 435

Л. С. ХУДЯКОВА, *заведующая отделом глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е. М. Примакова РАН (Москва), кандидат экономических наук*
УСТОЙЧИВОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ — ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ПОВЕСТКЕ БРИКС 438

Т. В. ЧУБАРОВА, *заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН (Москва), главный научный сотрудник, доктор экономических наук, профессор*
РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ЯДРА БРИКС В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИАСПЕКТНОГО КРИЗИСА (На примере здравоохранения) 440

А. Д. ШМАТКО, *директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор РАО, Почетный работник науки и высоких технологий РФ, Почетный работник образования РАО;*
И. В. КОРШУНОВ, *научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург), кандидат экономических наук*
СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС В РАМКАХ ГОРОДОВ КАК ЦЕНТРОВ РАЗВИТИЯ 442

ДИСКУССИЯ 444

Выступающие: А. А. Акаев, Н. И. Алексеева, Т. Ю. Анопченко, С. А. Афонцев, А. Н. Германчук, Е. С. Дашкова, Н. В. Дорохова, А. С. Запесоцкий, А. И. Котов, А. А. Лапинскас, Л. А. Миэринь, Р. И. Нигматулин, Н. Н. Никулин, В. В. Павлова, А. А. Полозов-Яблонский, Е. В. Попова, И. И. Рахмеева, Е. С. Садовая, А. Ю. Стрижак, Е. Л. Торопцев, А. А. Федченко, Г. Ф. Фейгин, Л. С. Худякова, Т. В. Чубарова, А. Д. Шматко

Секция 4
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

ДОКЛАДЫ:

А. В. АГОШКОВ, *главный научный редактор издательского дома «Панорама» (Москва), кандидат философских наук;*
ЧЖОУ ЛУ, *профессор кафедры русского языка и литературы Чжэцзянского университета (Ханчжоу, Китай), доктор филологических наук, переводчик*
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ КАК ИСТОЧНИК СБЛИЖЕНИЯ МЕХАНИЗМОВ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СПОРОВ (На материалах функционирования института медиации в России и Китае) 464

П. А. АСТАФИЧЕВ, *профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук*
ОТНОШЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ГУМАННОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ 467

Д. И. БАЛИБАЛОВА, *профессор кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат экономических наук*
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЮДЖЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА. 469

М. В. БАРАНОВА, *профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ЯЗЫКОВАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЗИРОВАННОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА. 471

Е. А. БРЫЛЕВА, *начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент*
ОРГАНИЗАЦИИ БРИКС, ЕАЭС, СНГ КАК ПЛОЩАДКИ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 473

В. С. ГОРБАНЬ, *заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН (Москва), руководитель Междисциплинарного центра философско-правовых исследований, доктор юридических наук, доцент*
ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ КАК УСЛОВИЕ ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВОГО ТИПА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 475

О. Н. ГРОМОВА, *заведующая кафедрой отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук, доцент*
ТРУДОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ 478

Г. П. ЕРМОЛОВИЧ, *профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ*
ПРАВОВАЯ ОСНОВА И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 479

З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ, *заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент*
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА. 482

А. И. КЛИМЕНКО, *начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор*
КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА В УСЛОВИЯХ «МНОГОПОЛЯРНОСТИ» СОВРЕМЕННОГО МИРА: СОЦИОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРАВУ 483

В. А. КОВАЛЁВ, *доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук*
В ПОИСКАХ КОНСТИТУЦИОННОГО LINGUA FRANCA: ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ТЕОРИЯ НЕСОИЗМЕРИМОСТИ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО 485

В. И. КРУСС, *заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ*
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВНЕШНИХ ФУНКЦИЙ РОССИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ НОВОГО МИРОПОРЯДКА 487

А. В. КУЗЬМИН, *заведующий кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент*
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА И ПРОЦЕССОВ СУВЕРЕНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА. . . .490

Г. М. ЛАНОВАЯ, *профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук*
ПРАВО МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ГЛОБАЛЬНОМУ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 492

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ, *профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, государственный советник Санкт-Петербурга 1-го класса*
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ФИЛОСОФИЯ ПРАВА 494

А. И. ОВЧИННИКОВ, *заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор юридических наук, профессор*
ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: РИСКИ, НАПРАВЛЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ 497

С. М. ОГАНЕСЯН, *профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий (Гатчина, Ленинградская обл.), доктор юридических наук*
РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПРАВО НА ПУТИ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 499

П. А. ОЛЬ, *профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор юридических наук*
ИМПЕРАТИВНЫЙ И ДИСПОЗИТИВНЫЙ ПУТИ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОУСТРОЙСТВА 500

Е. А. ОРЛОВСКИЙ, *начальник Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области*
О РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАВНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ МИНЮСТА РОССИИ ПО САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ОКАЗАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ В СООТВЕТСТВИИ С ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ВЫТЕКАЮЩИМИ ИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 503

В. П. ОЧЕРЕДЬКО, *профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), Заслуженный работник высшей школы РФ*
ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЮРИСДИКЦИИ 505

Е. А. ПЕТРОВА, *заведующая кафедрой сравнительного правоведения и правотворчества Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент*
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 507

Н. Д. ПЕТРОВА, *старший преподаватель кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент*
РАЗЛИЧИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРАВЕ ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 509

Р. А. РОМАШОВ, *профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ*
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ: ОТ «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА МИРА» К «НАЦИОНАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ-ЦИВИЛИЗАЦИИ» 511

А. Ю. САЛОМАТИН, *заведующий кафедрой «Теория государства и права и политология» Пензенского государственного университета, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор*
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (Критические размышления российского компаративиста) 513

К. Е. СИГАЛОВ, *профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, Почетный сотрудник МВД*
КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЗАПАДА КАК ВЫЗОВ ФАКТОРУ МНОГОПОЛЯРНОСТИ: ПРАВО И ПОЛИТИКА 515

Р. И. СИТДИКОВА, *профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук*
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 517

Л. Б. СМИРНОВ, *профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук*
ПЕНОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 519

М. Г. СМИРНОВА, *профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского университета правосудия (Санкт-Петербург), доктор юридических наук*
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 521

Р. Ф. СТЕПАНЕНКО, *профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального государственного университета, доктор юридических наук*
ЧЕЛОВЕК И ПРАВО В НОВОМ МНОГОПОЛЯРНОМ МИРОУСТРОЙСТВЕ 523

Е. Н. ТОНКОВ, *доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук*
СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ РОССИЙСКОГО ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА. 525

В. В. ТРОФИМОВ, *директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук*
ПРАВОВОЕ СОТВОРЧЕСТВО КАК ФОРМА ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ПОЗИТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ: ВНУТРИ- И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ 527

Н. Н. ЧЕРНОГОР, *советник директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), доктор юридических наук, профессор РАН, Почетный работник науки и высоких технологий РФ*
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ 529

Д. А. ЧЕТЫРБОК, *депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга*
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 532

В. Л. ЭНТИН, *доцент кафедры адвокатуры Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, кандидат юридических наук, член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Франция)*
ЭРОЗИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА: ДАННОСТЬ ИЛИ НЕИЗБЕЖНОСТЬ? 534

ДИСКУССИЯ 537

Выступающие: М. В. Баранова, В. С. Горбань, Г. П. Ермолович, А. С. Запесоцкий, А. И. Клименко, В. И. Крусс, Г. М. Лановая, А. А. Ливеровский, А. Г. Лисицын-Светланов, П. А. Оль, Л. А. Пасешникова, Е. А. Петрова, Р. А. Ромашов, А. Ю. Саломатин, К. Е. Сигалов, Р. И. Ситдикова, М. Г. Смирнова, В. В. Трофимов, Н. Н. Черногор, В. Л. Энтин

Секция 5
РОССИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: НОВЫЕ ЦЕЛИ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

ДОКЛАДЫ:

Д. А. АНАНЬИНА, *доцент кафедры социальной работы Забайкальского государственного университета (Чита), кандидат философских наук*
ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗОВ КИТАЯ И МОНГОЛИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ТРАНСГРАНИЧЬЯ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА «ПОВОРОТА НА ВОСТОК» 552

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН, *профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ . . .554

Э. В. БАРКОВА, *профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва), доктор философских наук*
БРИКС-ФИЛОСОФИЯ В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ ЭКОКУЛЬТУРЫ РОССИИ 556

Г. М. БИРЖЕНЮК, *заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный профессор СПбГУП*
МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ 559

О. В. БРИЖАК, *профессор департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ (Москва), доктор экономических наук*
РОССИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: ВОЗМОЖНОСТИ, ШОКИ, ОГРАНИЧЕНИЯ. 561

Ю. Д. ГРАНИН, *ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Москва), доктор философских наук, профессор*
НОВАЯ ФОРМА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ. 563

О. В. КАШИРИНА, *профессор кафедры философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук*
ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПЛЕРОМА КАК ПЕРЕХОД ОТ БИПОЛЯРНОГО К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРОУСТРОЙСТВУ 565

В. Н. КОНОВАЛОВ, *профессор кафедры конфликтологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, Заслуженный деятель науки Республики Ингушетия*
ПРОГНОЗНАЯ МОДЕЛЬ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 567

Р. В. КОСТЮК, *профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук*
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ 570

А. В. МАНОЙЛО, *профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, доктор политических наук*
ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ И МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ 572

А. П. МАРКОВ, *ведущий профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный профессор СПбГУП*
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ»: РЕСУРСЫ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СОЛИДАРНОСТИ, КОНСОЛИДИРУЮЩАЯ МИССИЯ РОССИИ 574

С. А. ОСКОЛКОВ, *заведующий кафедрой звукорежиссуры СПбГУП, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный деятель искусств РФ, член Союза композиторов РФ, Межрегионального союза концертных деятелей, Почетный профессор СПбГУП*
ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЗДАНИИ НОВОГО ПРОСТРАНСТВА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ 577

С. С. ПРОНИН, *профессор кафедры режиссуры и актерского искусства СПбГУП, Заслуженный деятель искусств Республики Карелия*
БРИКС КАК ПРИЗНАК НОВОГО УСТРОЙСТВА МИРА КУЛЬТУРЫ 579

А. В. СКОРОБОГАТОВ, *профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова, доктор исторических наук*
МНЕМОНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КОНСТРУИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ 581

Е. В. ХАРИТОНОВА, *старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат психологических наук, доцент*
РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ, ГИБРИДНЫХ ВОЙН И ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА (Препятствия и возможности) 583

ЧЖАО ХУН, *аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета (Чита), доцент Марксистского института Цзилиньского педагогического института инженерных технологий (КНР)*
КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК «ТРЕТИЙ СТОЛП» БРИКС 585

ЧЖОУ ЧУАНЬМИН, *аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета (Чита)*
СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА 587

ДИСКУССИЯ 589

Выступающие: Д. А. Ананьина, Н. Г. Багдасарьян, Э. В. Баркова, Ал. А. Громыко, А. С. Запесоцкий, Р. В. Костюк, А. В. Манойло, А. В. Скоробогатов, Е. В. Харитонова, Чжао Хун

Секция 6
РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА НОВОМ РУБЕЖЕ ЭПОХ

ДОКЛАДЫ

Е. А. АЛЕКСАНДРОВА, *заведующая кафедрой методологии образования Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, доктор педагогических наук, профессор*
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА СИСТЕМ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ И КИТАЯ: СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА 603

Е. В. АНДРИЕНКО, *заведующая кафедрой педагогики и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ЦЕЛЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В СТРАНАХ БРИКС: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ 605

ВАН МЭН, *аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета (Чита)*
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ СТРАН БРИКС 608

М. Н. ВЕТЧИНОВА, *профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук*
РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА БРИКС В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 609

О. М. ВИНОГРАДОВ, *художественный руководитель кафедры хореографического искусства СПбГУП (2016–2024), профессор, Народный артист СССР*
ДЕВАЛЬВАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ И ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО СЦЕНИЧЕСКОГО ИСКУССТВА 612

Е. В. ВОЛКОВА, *заведующая кафедрой английского языка СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент*
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЗОНЕ БРИКС: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ 613

ГАО ЦИН, *аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета (Чита)*
«ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» И БРИКС КАК МНОГОСТОРОННЕЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 615

А. Н. ДАНИЛОВ, *заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Минск), доктор социологических наук, профессор*
ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРЕД НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ ВРЕМЕНИ 617

М. А. ЗАХАРИЩЕВА, *профессор кафедры педагогики и психологии Глазовского государственного инженерно-педагогического института им. В. Г. Короленко, доктор педагогических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
СУВЕРЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ 619

С. В. КОДАН, *профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ*
АСПИРАНТУРА: МЕЖДУ ОБРАЗОВАНИЕМ И НАУКОЙ. КУДА ВЫВЕДЕТ «КРИВАЯ» ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ? 621

А. А. КОЛОБКОВА, *доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Российского университета кооперации (Москва), кандидат педагогических наук*
ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЕДИНСТВА В СЕМЕЙНОМ ВОСПИТАНИИ И ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ РОССИИ 624

Е. Б. КОСТЮК, *доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат педагогических наук*
БУДУЩЕЕ РОССИИ И СТРАН БРИКС В НРАВСТВЕННО ОРИЕНТИРОВАННОМ ОБРАЗОВАНИИ 626

В. И. КРАСИКОВ, *главный научный сотрудник научного центра Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России, Москва), доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ЛИБЕРАЛЬНЫЕ, РАДИКАЛЬНЫЕ, ПАТРИОТИЧЕСКИЕ? 628

Е. Л. КУДРИНА, *ректор Московского государственного института культуры, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ*
СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ: КОНЦЕПЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ 631

Т. В. КУЗНЕЦОВА, *профессор кафедры эстетики философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук*
ЗНАЧЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ 632

О. Е. ЛЕБЕДЕВ, *доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО (Санкт-Петербург)*
СУВЕРЕНИТЕТ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ 635

Л. М. МОСОЛОВА, *профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, Заслуженный работник высшей школы РФ*
РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЦЕНТРИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА ИЛИ НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ 637

С. В. ПАЗУХИНА, *заведующая кафедрой психологии и педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, доктор психологических наук, доцент, Почетный работник воспитания и просвещения РФ, профессор РАО*
ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ВЗГЛЯД ПСИХОЛОГА 639

Ю. М. ПАШЕДКО, *заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП (2023–2024), кандидат педагогических наук*
ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГРАЖДАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 641

С. Б. СИНЕЦКИЙ, *и. о. ректора Челябинского государственного института культуры, профессор кафедры философии и культурологии, доктор культурологии*
ТРАДИЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ КАК ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА СТРАН БРИКС 644

А. И. СКОРОБОГАТОВА, *заведующая кафедрой педагогической психологии и педагогики Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова, кандидат педагогических наук, доцент*
ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ 646

В. С. СЛЕПОКУРОВ, *первый проректор Московского государственного института культуры, доктор философских наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ*
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР 648

М. В. СОЗИНОВА, *и. о. заведующего кафедрой социальной психологии СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент*
ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ В СТРАНАХ БРИКС 650

С. Н. СОКОЛОВА, *декан факультета искусств СПбГУП, член Методического совета СПбГУП, кандидат культурологии, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования РФ*
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФЕСТИВАЛИ СТУДЕНЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ БУДУЩЕГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА БРИКС 652

В. Е. ТРИОДИН, *ведущий профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник культуры РФ, Почетный работник сферы образования РФ*
ПЕДАГОГИКА КАК НАУКА И ИСКУССТВО. 654

Л. И. УКОЛОВА, *профессор департамента музыкального искусства Московского городского педагогического университета, доктор педагогических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ;*
О. В. ГРИБКОВА, *профессор департамента музыкального искусства Московского городского педагогического университета, доктор педагогических наук*
ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ВЕКТОР ПЕСЕННОГО ЖАНРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ У МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ 656

И. С. ФИШМАН, *ведущий научный сотрудник Самарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат педагогических наук, доцент;*
Л. И. ФИШМАН, *декан факультета экономики, управления и сервиса Самарского государственного социально-педагогического университета, главный научный сотрудник Самарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, доктор педагогических наук, профессор*
ОЦЕНКА КОМПЕТЕНЦИЙ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОДХОДЫ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ 658

Н. П. ХВАТАЕВА, *доцент кафедры иностранных языков и удмуртской филологии Глазовского государственного инженерно-педагогического института им. В. Г. Короленко, кандидат филологических наук*
КОНЦЕПТ «ОБРАЗОВАНИЕ» В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ СТРАН БРИКС. 661

М. Г. ХОХЛОВА, *старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е. М. Примакова РАН (Москва), кандидат исторических наук*
ПОТЕНЦИАЛ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ (Тезисы) 663

Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО, *главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), доктор социологических наук*
ДИНАМИКА СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПОДГОТОВКИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 665

К. И. ШАРАФАДИНА, *профессор кафедры журналистики и кафедры английского языка СПбГУП, заместитель заведующего кафедрой журналистики по научной работе, доктор филологических наук;*
М. Е. БЕЛОМЕСТНОВА, *доцент кафедры туризма и гостиничного бизнеса Финансового университета при Правительстве РФ, кафедры туризма Московского государственного университета спорта и туризма, кандидат педагогических наук;*
М. В. РУБИЧЕВА, *и. о. заведующего кафедрой журналистики СПбГУП, доцент кафедры режиссуры мультимедиа*
ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЦИФРОВОЙ ЭТИКЕТ» И СТРАТЕГИИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ. 667

Н. Н. ЯРОШЕНКО, *проректор по научной и инновационной деятельности Московского государственного института культуры, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, доктор педагогических наук, профессор*
ПЕДАГОГИКА КУЛЬТУРЫ В ПОСТБОЛОНСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ 670

ДИСКУССИЯ 673

Выступающие: Е. В. Андриенко, А. С. Запесоцкий, А. Д. Король, В. И. Красиков, Е. Л. Кудрина, О. Е. Лебедев, Л. М. Мосолова, С. В. Пазухина, Л. И. Уколова, Л. И. Фишман, Г. А. Чередниченко, Н. Н. Ярошенко

ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ (Международный форум старшеклассников) 685

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 687

Пленарное заседание
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В НОВОЙ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ

12 апреля 2024 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Пленарное заседание ведут:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
И. И. БУЗОВСКИЙ	заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук
О. Ю. ВАСИЛЬЕВА	президент Российской академии образования (Москва), академик РАО, доктор исторических наук, профессор
С. В. КАБЫШЕВ	председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и высшему образованию (Москва), профессор, Заслуженный юрист РФ
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ	генеральный директор Государственного Эрмитажа, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, Почетный доктор СПбГУП
М. В. ШМАКОВ	член Государственного Совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП
А. В. ЯКОВЕНКО	ректор Дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ (Москва), заместитель министра иностранных дел РФ (2005–2011), Посол РФ в Великобритании (2011–2019), доктор юридических наук, профессор

ДОКЛАДЫ

И. О. Абрамова

БРИКС И АФРИКА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

1 января 2024 года Объединенные Арабские Эмираты, Эфиопия, Иран, Египет и Саудовская Аравия, приглашенные в БРИКС на 15-м саммите объединения, прошедшем в Претории в августе 2023 года, официально стали полноправными членами этой набирающей силу и международный авторитет организации.

По словам Президента России В. В. Путина, в основе расширения БРИКС лежит объективный процесс формирования мировой многополярности. «Что лежит в основе этого процесса расширения? В основе этого процесса лежит объективная реальность. Многополярный мир создается сам по себе, по факту. Мы можем ускорить этот процесс, можем, или кто-то может попытаться его затормозить и, может быть, добьется какого-то снижения темпа строительства многополярного мира. Но его создание неизбежно», — сказал глава Российского государства корреспонденту медиакорпорации Китая[2].

[1] Директор Института Африки РАН, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, профессор кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, доктор экономических наук. Автор более 250 научных трудов, в т. ч. 11 монографий: «Новая роль Африки в мировой экономике XXI века», «Ислам, глобальное управление и новый миропорядок» (в соавт.), «Арабский город на рубеже тысячелетий», «„Возникающие“ и „несостоявшиеся“ государства в мировой экономике и политике» (в соавт.), «Африканская миграция: опыт системного анализа», «Население Африки в новой глобальной экономике», «Resource Potential of Africa and Russia's National Interests in the XXI Century» и др. Член редколлегий научных журналов «Азия и Африка сегодня», «Ученые записки Института Африки РАН», «Конфликтология», «Контуры глобальных трансформаций». Член научного совета при Совете безопасности РФ, Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам, Российского совета по международным делам. Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, благодарственным письмом Президента РФ В. В. Путина в связи с 300-летием РАН, юбилейной медалью «300 лет Российской академии наук».

[2] В. В. Путин: в основе расширения БРИКС лежит объективный процесс формирования многополярности // ТАСС. 2023. 16 окт. URL: https://tass.ru/politika/19021549.

Сегодня, как известно, происходит постепенное смещение глобального центра экономической силы с Запада на Восток или, в зависимости от системы координат, с Севера на Юг. В контексте долгосрочных глобальных трендов перед условным Западом, возможно, впервые за последние 500 (и уж абсолютно точно 300) лет замаячила перспектива постепенного превращения в относительную «периферию». Это значит, что даже в существующей рыночной модели уже не за горами то время, когда основная часть глобального производства и глобального потребления сместится из северной Евро-Атлантики на юг и восток, в Азию, Африку и Латинскую Америку. А в рыночной модели это значит, что производитель будет подстраиваться не под вкусы и потребности условного «европейца» (включая в них и американцев, канадцев и даже австралийцев), а под «азиатов» и «африканцев», в том числе и потому, что на сегодняшний день большинство представителей среднего класса, которые предъявляют основной спрос на товары и услуги, проживают в Азиатском регионе, а примерно с 2040 года, по подсчетам ООН, прирост среднего класса будет происходить не за счет Азии, а за счет Африки[1]; в то время как обеднение среднего класса Европы и США началось уже сейчас[2].

Таким образом, расширение БРИКС, по сути, подразумевает усиление сопротивления сохраняющему остатки сил, но уже разрушающемуся западноцентричному миропорядку. Объединение, выражающее интересы стран Мирового большинства и олицетворяющее собой поиск более справедливого и многополярного мироустройства, с принятием новых членов обращается к более обширному политическому, культурному, экономическому и географическому пространству Глобального Юга.

Организация БРИКС в последние годы стала притягательным магнитом для других государств. Такое заявление сделал Президент РФ Владимир Путин в беседе с участниками Всемирного фестиваля молодежи. По его словам, объединение стало серьезным и мощным, что можно увидеть по желанию других стран вступить в союз. «Магнит, который притягивает очень многие страны мира. Действительно, эти страны набирают обороты», — указал российский лидер[3].

Интерес к членству в БРИКС поистине колоссален. Помимо уже принятых членов, заявки по вступлению в объединение подали Алжир, Бангладеш, Бахрейн, Беларусь, Боливия, Венесуэла, Вьетнам, Куба, Гондурас, Индонезия, Казахстан, Кувейт, Марокко, Нигерия, Палестина, Сенегал, Таиланд и Пакистан.

В БРИКС после расширения существенно увеличился вес Африки и Большого Ближнего Востока. Каждый из этих регионов представлен сегодня в организации тремя государствами. Африку, помимо ЮАР, представляют крупнейшая по ВВП экономика Африки — Египет и вторая по численности населения страна Африканского континента — Эфиопия. В состав БРИКС вошли также крупнейшая арабская экономика — Саудовская Аравия, а также ОАЭ и Иран. И это не случайно. Именно эти территории являются центрами современных геополитических вызовов, одновременно обладая колоссальным ресурсным и человеческим потенциалом.

Почему же африканцы проявляют такой колоссальный интерес к БРИКС, несмотря на сохраняющуюся зависимость от США и его союзников?

Первая и самая главная причина — африканские народы не хотят жить по тем правилам, которые навязывает им Запад. Причем, в отличие от времени политической деколонизации 1950–1970-х годов, главные стимулы к переменам лежат в сложном синергетическом комплексе новых качеств современной африканской государственности в области экономики, вызревания суверенных наций и консолидации ресурсов, доступных для поступательного движения вперед.

Африканские страны уже больше не разрозненный набор полусотни слабых и бедных политических единиц, вынужденных в целом идти в фарватере все еще решающего доминирования бывших метрополий. За годы независимости в них сложились современные национальные хозяйственные комплексы, пусть и разной степени сложности, эффективности и самодостаточности, а человеческий капитал претерпел невиданную эволюцию в сторону качественного и количественного роста.

Сдвиги в мировой экономике и политике изменили глобальный экономический ландшафт и повысили интерес к Африканскому континенту, который превращается из объекта в субъект международных отношений. После открытого вызова, который бросила Россия США и их союзникам еще в Сирии, а затем и на Украине, африканцы осознали, что у них вместе со странами Глобального Юга, в том числе в рамках БРИКС, появилась уникальная возможность достичь реального суверенитета и освободиться от наследия колониализма не на словах, а на деле. А сегодня богатейший по своим ресурсам континент продолжает оставаться беднейшим с точки зрения уровня жизни, поскольку Запад в рамках однополярного мира продолжает беззастенчиво грабить его природные и человеческие ресурсы.

Современное благополучие Запада базируется в своей основе на колониальных по сущностному содержанию методах ограбления народов. Колониализм никуда не делся, просто переместился из политической в экономическую, информационную и гуманитарную сферу. Господство доллара, применение механизма санкций, консервирование технологической зависимости от Запада, разрушение национальной идентичности через навязывание народам античеловеческой извращенной системы ценностей, абсолютное доминирование в информационном пространстве, благодаря

[1] African Economic Outlook 2017 // African Development Bank, Organization for Economic Cooperation and Development, United Nations Development Programme. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/development/african-economic-outlook-2017_aeo-2017-en#page30/

[2] *Абрамова И. О., Фитуни Л. Л.* Второй саммит «Россия–Африка»: от наследия колониализма к суверенитету и развитию // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 76, № 12. С. 35–48 ; *Абрамова И. О., Фитуни Л. Л.* Вопросы современной африканистики и проблемы развития. Избранные статьи и научные доклады (2012–2022 гг.). М. : Ин-т Африки РАН, 2022.

[3] В. В. Путин: БРИКС стала мощной и притягательной организацией для других стран // Аргументы и факты. 2024. 7 марта. URL: https://aif.ru/politics/putin_briks_stala_moshchnoy_i_prityagatelnoy_organizaciey_dlya_drugih_stran.

которому формируются ложные представления о событиях, происходящих в современном мире, прямой подкуп и переформатирование национальных элит — вот инструменты нового колониализма. Эти инструменты применяются сегодня по отношению не только к Африке, но и к России и большинству государств Глобального Юга.

Именно страны БРИКС, в первую очередь Россия, бросили реальный вызов «порядку, основанному на правилах», предлагая африканцам не колониальную, а взаимовыгодную формулу партнерства суверенных государств без навязывания своей системы ценностей. В этом смысле весьма показательны слова лидера Буркина-Фасо Ибрагима Траоре: «Почему богатая ресурсами Африка остается самым бедным регионом мира? Страны Африки на протяжении десятилетий страдают от варварской и жестокой формы колониализма и империализма, которую можно назвать современным рабством. Однако раб, который не борется, недостоин снисхождения. Нужно, чтобы главы африканских государств не вели себя как марионетки в руках империалистов. Мы должны обеспечить самодостаточность наших стран, в том числе продовольственную, и удовлетворить все нужды наших народов. Слава и уважение нашим народам, победы нашим народам! Родина или смерть!» — завершил Траоре свое выступление на втором саммите «Россия–Африка» словами лидера кубинской революции Эрнесто Че Гевары[1].

Вторая причина роста интереса Африки к БРИКС — изменение экономического баланса сил в мире. Сегодня основная часть реального, а не виртуального производства находится вне Запада. Пять стран БРИКС уже вносят больший вклад в мировой ВВП, чем промышленно развитые страны «Большой семерки». Согласно опубликованным в конце марта 2023 года данным британской компании Acorn Macro Consulting, объединение БРИКС в настоящее время обеспечивает 31,5 % мирового ВВП, в то время как доля G7 упала в мировой экономике до 30 %. Ожидается, что к 2030 году БРИКС будет создавать более 50 % глобального ВВП, а с учетом приема новых членов на этот показатель можно будет выйти гораздо раньше[2].

Но и у Африки есть свои безусловные преимущества при формировании нового миропорядка. На ее долю приходится примерно треть мировых природных ресурсов[3]. На сегодняшний день Африка — это 90 % всех мировых запасов платины; 80 % всех мировых запасов золота, алмазов и хрома; 61 % мировых запасов марганца; 60 % всех мировых запасов кобальта[4]. К этому следует добавить водные, лесные и сельскохозяйственные ресурсы. И если бы мировой ВВП исчислялся не по методике МВФ, а ориентировался на реальные материальные богатства наций, то доля Африки в мировой экономике равнялась бы не 3 %, а была бы существенно выше. В этих условиях на сырьевых и топливных рынках Африке и странам БРИКС выгодно выступать не как конкурентам, а как партнерам, что обеспечит им более выгодные позиции. Одновременно и Африка не хочет ограничиваться ролью сырьевого придатка старых и новых индустриальных гигантов, а значит, заинтересована в глубокой переработке этого сырья и росте производства товаров с высокой добавленной стоимостью. На этом пути страны БРИКС обладают широким спектром необходимых технологий, а Африка — быстрорастущим потребительским рынком, который удваивается каждые пять лет и обеспечивает спрос как на собственные, так и на зарубежные товары.

Третья причина — обеспечение безопасности в широком смысле слова. В первую очередь речь идет о предотвращении военных конфликтов и борьбе с терроризмом, поскольку эти аспекты сегодня являются для Африки весьма актуальными. Африканцы прекрасно понимают, что Запад не только не способен решить эти вопросы, но и, наоборот, использует инструменты терроризма и военного вмешательства во внутренние дела суверенных государств в своих корыстных интересах. Так было с Ливией, так происходит в Западной и Центральной Африке и других частях континента. США и Европа буквально наводнили Африканский континент военными базами и войсками, а конфликтов стало только больше, да и терроризм никуда не делся.

Последние события в Западной Африке, где прошла череда антифранцузских военных переворотов, подтверждают, что африканцы все меньше рассчитывают на Запад, в частности на Францию, которая преследует корыстные интересы по сохранению своего влияния и доступу к дешевым африканским ресурсам. Центральноафриканская Республика, Мали, Буркина-Фасо, Нигер, Габон уже отвернулись от Франции, а в ее лице и от коллективного Запада[5]. Аналогичные процессы происходят сегодня и в Сенегале, где новым президентом страны по итогам выборов 24 марта 2024 года стал главный кандидат от оппозиции Бассиру Диомай Фай, которому 25 марта исполнилось 44 года. Фай позиционирует себя как сторонника «панафриканизма левого толка» и ратует за возвращение Сенегалу реального суверенитета. Он предлагает «очистить политический класс», пересмотреть нефтегазовые контракты и отказаться в расчетах от франка КФА (денежная единица, введенная в 1945 г. в тогда еще французских колониях в Западной и Экваториальной Африке)[6]. Таким образом, страны Сахеля, как и большинство других африканских государств, видят в странах БРИКС, в первую очередь в России, надежных гарантов своей безопасности.

[1] Президент Буркина-Фасо считает, что роль России и Африки в борьбе с нацизмом замалчивается // ТАСС. 2023. 28 июля. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18391511?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com.

[2] Разделение мировой экономики // Коммерсантъ. 2023. 20 апр. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5915725.

[3] Mapping Africa's Mineral Resources // Aljazeera. 2018. 20 Febr. URL: https://www.aljazeera.com/news/2018/2/20/mapping-africas-natural-resources/.

[4] African Natural Resources Center. Catalyzing Growth and Development Through Effective Natural Resources Management. URL: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/anrc/AfDB_ANRC_BROCHURE_en.pdf.

[5] *Абрамова И. О., Фитуни Л. Л.* Указ. соч.

[6] Президентом Сенегала избрали дублера главного оппозиционера страны // РБК. 2024. 25 марта. URL: https://www.rbc.ru/politics/25/03/2024/6601ba2d9a79471dab4f1a7e?ysclid=luh1shsgqg162507013.

Однако понятие безопасности не сводится только к военному аспекту. Для африканцев сегодня как никогда актуальными становятся вопросы борьбы с голодом. По данным FAO, в 2022 году число недоедающих африканцев составляло 276 млн, что на 89,1 млн больше, чем в 2014 году. «Около 44 % недоедающих людей на континенте живут в Восточной Африке, 27 % — в Западной Африке, 20 % — в Центральной Африке, 6,2% — в Северной Африке и 2,4 % — в Южной Африке», — сообщается в документе. Число жителей стран Западной и Центральной Африки, которые будут испытывать недостаток продовольствия, достигло к середине 2023 года 48 млн. Эксперты Всемирной продовольственной программы отмечают, что среди стран этого региона в наиболее тяжелой ситуации с обеспечением продовольствием сейчас оказались Мали, Буркина-Фасо и Нигерия[1].

Странами с наибольшими объемами потребления зерна на Африканском континенте остаются Египет (44 млн тонн), Нигерия (31 млн тонн) и Эфиопия (26 млн тонн), на которые приходится 37 % общего потребления зерновых в Африке. Весьма примечательно, что Египет и Эфиопия стали членами БРИКС. За этими странами следуют Алжир, Марокко (кандидаты в БРИКС), Южная Африка, Танзания, Мали, Судан, Кения, Нигер и Тунис, на которые вместе приходилось еще 38 %. Ежегодно страны Африканского континента импортируют примерно 70–80 млн тонн зерновых, из которых около 50 млн тонн приходится на пшеницу[2]. В связи с этим страны Африки очень рассчитывают на создание новых институтов, в том числе в сфере продовольственной безопасности под эгидой БРИКС.

Весьма примечательно, что африканские страны являются традиционными крупными покупателями российских продовольственных товаров, в первую очередь пшеницы. Ежегодно ее импортируют из России 30–35 стран Африки, причем для некоторых из них она является единственным или крупнейшим иностранным поставщиком пшеницы. Зависимость африканских стран от поставок пшеницы из России составляла в 2021 году 100 % у Бенина, более 70 % у Судана, более 60 % у Египта, Танзании, Руанды, Мадагаскара, Республики Конго, более 50 % у Буркина-Фасо, Сенегала, Бурунди и Уганды. В импорте пшеницы таких стран, как ЮАР, Того, Намибия, Кабо-Верде, Малави, также преобладает Россия. По объемам поставок пятью крупнейшими импортерами российской пшеницы и меслина (смесь мягкой пшеницы и ржи в отношении 2:1) в 2021 году являлись (в тыс. т): Египет — 1552, Нигерия — 253, Судан — 203, Камерун — 137 и Ливия — 108[3].

Большинство стран Африки испытывают острый дефицит в удобрениях. По данным Программы развития ООН на 2022 год, использование удобрений в сельскохозяйственном секторе Африки остается на относительно низком уровне. Для сравнения: в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе используется в среднем 300 кг удобрений на 1 га, в Южной Азии и Латинской Америке — 170 кг/га, в Европе и Центральной Азии — 75–80 кг/га, а в Африке южнее Сахары этот показатель составляет всего 20 кг/га[4]. При этом Африка критически зависит от импорта удобрений. Из 7 млн потребляемых на континенте удобрений 5,7 млн, или 81 %, приходится на импорт[5]. В структуре африканского импорта удобрений 16,6 % приходится на Марокко, 11 % — на Россию, 9,3 % — на Саудовскую Аравию, 8,1 % — на ЮАР, 6,6 % — на Китай, 4,6 % — на ОАЭ и 3,1 % — на Египет[6]. Таким образом, в нынешнем расширенном составе страны БРИКС обеспечивают поставку 42,3 % всех ввозимых в Африку удобрений. Весьма примечательно, что вторым по значимости экспортером удобрений на Африканский континент является Россия.

При этом страны БРИКС, в том числе Россия, помимо поставок продовольствия и удобрений в страны Африки, готовы поделиться своими передовыми аграрными технологиями, которые позволят африканцам самостоятельно повышать продуктивность сельского хозяйства и обеспечивать население продуктами питания за счет интенсификации собственного сельскохозяйственного производства.

И здесь кроется еще одна причина интереса африканских стран к БРИКС. В отличие от Запада, который консервирует технологическую отсталость не только Африки, но и других государств мира, страны БРИКС готовы делиться своими технологиями, чтобы вместе строить современную экономику в интересах людей[7].

Еще одним важнейшим направлением сотрудничества Африки со странами БРИКС стала энергетическая сфера. До сих пор более половины африканского населения не имеют доступа к электроэнергии.

«Энергетика — ключевое средство индустриализации. Если у тебя ее нет, то ты выбываешь. Не знаю, заметили ли вы, но БРИКС станет энергетической суперсилой, если мы объединим наши возможности», — заявил бразильский эксперт, научный сотрудник Института общественных исследований «Триконтиненталь» Марко Фернандес. Эксперт пояснил, что на страны БРИКС приходится 45 % всех мировых запасов нефти, а также почти 56 % запасов газа. «Что касается ядерной энергетики, то в России производится половина обогащенного урана, который поступает на заводы. На Китай приходится 18 %. То есть вместе Россия и Китай производят две трети обогащенного урана в мире», — рассказал он[8].

Еще один важный вопрос, который волнует страны Глобального Юга, в том числе африканские, — использование независимых финансовых инструментов в наших взаимных расчетах.

[1] FAOSTAT. Suite of Food Security Indicators // FAO 2023. URL: https://www.fao.org/faostat/en/#data/FS.

[2] Потребление зерна в Африке продолжает расти // Агровестник. 2020. 13 июля. URL: https://agrovesti.net/lib/industries/cereals/potreblenie-zerna-v-afrike-prodolzhaet-rasti.html.

[3] Данные UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/osginf2022d1_en.pdf.

[4] Towards Food Security and Sovereignty in Africa. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2022-09/Towards%20Food%20Security%20and%20Sovereignty%20in%20Africa.pdf.

[5] *Абрамова И. О., Фитуни Л. Л.* Указ. соч.

[6] TradeMap. ITC, 2021. URL: trademap.org.

[7] *Абрамова И. О., Фитуни Л. Л.* Указ. соч.

[8] Эксперт назвал объединение БРИКС мировой энергетической суперсилой // РИА Новости. 2024. 1 апр. URL: https://ria.ru/20240401/briks-1937081724.html?ysclid=lugxk3z3bh746208355.

На саммите БРИКС 2023 года говорилось о формировании рабочей группы по созданию собственной валюты, отмечалось, что члены БРИКС будут заключать соглашения на основе своих национальных валют. Кроме того, планируется разработка необходимых платежных систем для обеспечения дешевых и безопасных расчетов между участниками. В этом контексте на саммите БРИКС, который пройдет в России в 2024 году, приоритетными будут три вопроса: повышение роли БРИКС в международной финансовой системе; расширение сотрудничества между банками стран — членов БРИКС и использования валют стран-членов; содействие налоговому и таможенному сотрудничеству между странами — членами БРИКС.

Поскольку экономики стран БРИКС имеют свои особенности, единая валюта может быть не так практична на данном этапе, однако криптовалюта или валюта на основе золота, которую можно будет использовать в международной торговле, способна стать потенциальным конкурентом доллара. Страны БРИКС в настоящее время обсуждают использование цифровых валют, которые позволят им обмениваться финансовыми данными и транзакциями за пределами глобальной системы SWIFT. В качестве новаторской разработки на данный момент можно отметить цифровой дирхам, выпущенный Центробанком ОАЭ. Трансграничная платежная система Китая предлагает клиринговые услуги по операциям в юанях между банками разных стран. Система быстрых платежей России, единый платежный интерфейс Индии, система быстрых цифровых платежей PIX, разработанная центробанком Бразилии, и мобильные деньги (M-Pesa), используемые во многих африканских странах, служат примерами, которые могут способствовать развитию цифровых платежных систем БРИКС[1].

Мало кто знает, что первый в мире онлайн-платеж был осуществлен в Кении. Сегодня в большинстве африканских государств онлайн-платежи преобладают. Так, например, Руанда заявила об отказе от использования наличных денег. В Нигерии, а это самая большая по численности населения африканская страна, уже ведутся расчеты в электронной найре. Быстрое распространение на континенте получают криптовалюты. Фактически недавний отчет Chainalysis платформы данных блокчейна показал, что в период с июля 2020-го по июнь 2021 года африканцы получили платежи в криптовалюте на сумму 105,6 млрд долларов, что на 1200 % больше, чем годом ранее[2]. Примечательно, что по рейтингу Chainalysis Кения, Южная Африка и Нигерия входят в топ-10 стран по использованию криптовалюты[3]. Цифровые валюты облегчают предложение денег и контроль над ними, позволяют быстро переводить деньги и полностью отслеживать их. Таким образом, единая цифровая валюта может стать важным шагом на пути к дедолларизации[4], а значит, и к росту финансовой независимости стран Глобального Юга, включая Африку.

Сегодня мы являемся свидетелями поистине тектонических изменений в политике и экономике, когда страны недавней периферии становятся весомыми игроками в новом формирующемся мире. Современная Африка постепенно превращается и в значимый потребительский рынок, и в поставщика рабочей силы для мировой экономики. Население Африки уже сегодня превышает 1,3 млрд человек и растет самыми высокими темпами в мире. По прогнозам ООН, в 2050 году более четверти всего мирового населения будет проживать в Африке. На сегодняшний день 60 % этого населения — молодые люди в возрасте до 25 лет, а именно молодежь обеспечивает спрос на современные товары и услуги. По данным ООН, с 2040 года две трети прироста мировой рабочей силы будет происходить за счет Африканского континента. Потребительский рынок Африки удваивается каждые пять лет, а темпы прироста среднего класса, который составляет основу спроса на современные товары и услуги, уже превышают соответствующие показатели азиатских государств[5].

В условиях трансформации мирового порядка и изменения роли стран и регионов в мировом развитии странам Глобального Юга необходимо объединить свои усилия в борьбе за более справедливый и свободный мир, где каждое государство и народ имеют право самостоятельно решать свою судьбу и делать собственный выбор. С присоединением новых участников общая численность населения в странах БРИКС превысила 3,5 млрд человек, а ВВП приблизился к 30 трлн долларов, или трети мирового производства. Решение проблем продовольственной и энергетической безопасности, формирование собственной информационной сферы, развитие технологий, финансовых инструментов, формирование базы знаний и компетенций, технологического и кадрового потенциала — это лишь часть возможных направлений сотрудничества стран БРИКС и Африканского континента.

Нет сомнений, что в ближайшее десятилетие произойдут глубочайшие сдвиги в политическом, военном, экономическом, энергетическом, технологическом и человеческом потенциалах мира, и задача стран БРИКС — стать соавторами этих изменений, укрепляя суверенитет стран Мирового большинства в самом широком смысле этого слова. Это ключевой приоритет, вокруг которого мы должны сегодня объединить ресурсы и интересы. БРИКС может стать центром по защите и продвижению национальных интересов разных стран и народов и формированию нового, более справедливого миропорядка.

Африканские государства рассматривают свое взаимодействие со странами БРИКС как возможность закрепить свою субъектность в мировой политике и экономике, укрепить свой реальный экономический, политический, культурный, информационный и технологический суверенитет, ускорить процесс качественного развития своих национальных экономик и повысить благосостояние населения.

[1] Anadolu Ajansı: Блок БРИКС расширяется против США // ИноСМИ. 2024. 14 янв. URL: https://inosmi.ru/20240114/briks-267413274.html.

[2] См. также: *Абрамова И. О., Фитуни Л. Л.* Пути повышения эффективности африканской стратегии России в условиях кризиса существующего правопорядка // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92, № 9. С. 837–848.

[3] *Ndemo B.* The role of cryptocurrencies in sub-Saharan Africa // Brookings. 2022. 16 Mar. URL: https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2022/03/16/the-role-of-cryptocurrencies-in-sub-saharan-africa/.

[4] Anadolu Ajansı: Блок БРИКС расширяется…

[5] World Population Prospects 2019 // UN, Department of Economic and Social Affairs. URL: https://population.un.org/wpp/.

А. А. Акаев[1]

БРИКС ФОРМИРУЕТ РАСШИРЯЮЩЕЕСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО, СПОСОБНОЕ ОБЕСПЕЧИТЬ ГЛОБАЛЬНОЕ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ НА ОСНОВЕ ДИАЛОГА И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

После распада СССР и мировой системы социализма в 1990-е годы возникли опасные тенденции монополизации активных форм диалога и обмена между цивилизациями в интересах наиболее богатых стран «золотого миллиарда», навязывания системы западных ценностей другим государствам и цивилизациям, причем с широким применением средств насилия, вплоть до использования военной силы. Возникла угроза столкновения цивилизаций, что нашло отражение в нашумевшей тогда монографии американского политолога Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка»[2]. В ответ на эту угрозу по инициативе президента Ирана М. Хатами ООН объявила 2001-й Годом диалога между цивилизациями. Однако по иронии судьбы именно в 2001 году резко усилились противоречия между цивилизациями, что нашло проявление в трагических событиях 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и распространении международного терроризма. Все это стало прямым следствием попытки установления однополярного мироустройства при принуждении и диктате США с навязыванием другим странам и цивилизациям западной системы ценностей, включая демократизацию государственной жизни по западным образцам.

Итак, с конца XX века мир вступил в эпоху исторического разлома, длительного и глубокого глобального кризиса, обусловленного сменой сверхдолгосрочных цивилизационных циклов — закатом двухсотлетней индустриальной цивилизации и становлением гуманистически-ноосферной интегральной мировой цивилизации, переходом от 500-летнего четвертого поколения локальных цивилизаций при доминировании Запада к пятому поколению при лидерстве Востока[3]. Одним из проявлений глобального кризиса является резкое обострение геополитических противоречий между восходящими цивилизациями и ведущими державами во главе с Китаем и Россией, закладывающими основы интегральной цивилизации, и мировыми державами во главе с США и Евросоюзом, стремящимися сохранить обреченную на уход с исторической сцены индустриальную цивилизацию и установить однополярное мироустройство при гегемонии США[4].

Однако попытки установления однополярного мироустройства противоречили ходу исторического процесса и развития цивилизаций, а потому были обречены на провал, что и наблюдалось в последнее десятилетие. США весьма агрессивно настроены по отношению ко всему остальному миру в связи с начавшимся процессом неизбежной утраты статуса единоличного глобального лидера, который оказался столь кратковременным. Не удивительно, что США в первую очередь ополчились против России и Китая, которые осмелились бросить вызов авантюристическому доминированию США в мире. Особенно раздражает США всемерное укрепление дружбы и сотрудничества России и Китая. Поэтому США и их европейские союзники оказывают беспрецедентное давление на Россию и Китай. Прокси-война на Украине, навязанная Россия коллективным Западом, нацелена на ее ослабление, чтобы «выбить» Россию из числа великих держав. А против Китая Запад развернул настоящие торговые войны и ввел жесточайшие санкции, ограничивающие доступ к критически важным технологиям. Однако все эти меры коллективного Запада только ускорили движение России и Китая по пути к экономическому и технологическому суверенитету[5].

История человечества свидетельствует о том, что в периоды цивилизационных кризисов усиливаются противоборство и столкновение цивилизаций, а в периоды устойчивого развития преобладают диалог и партнерство цивилизаций, и наоборот, когда ведется активный диалог и налаживается плодотворное партнерство цивилизаций и ведущих государств, тогда наблюдается устойчивое мировое развитие[6].

Особенно важное значение партнерство цивилизаций приобретает в периоды выхода из цивилизационного кризиса и перехода к сравнительно устойчивому развитию. Сегодня мир переживает такой период, который, вероятнее всего, продлится еще десятилетие, вплоть до начала 2030-х годов. Все это выдвинуло перед авангардом развивающегося мира необходимость ускоренного

---

[1] Президент Киргизской Республики (1990–2005), президент Академии наук Киргизской ССР (1988–1990). Главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН, академик Академии наук Киргизской Республики, доктор технических наук, профессор. Автор более 320 научных работ, изобретений и учебных изданий по прикладной математике, математической экономике, оптическим компьютерам и информационным технологиям. Политические, экономические и философские взгляды изложены в работах «Трудная дорога к демократии: памятное десятилетие», «Переходная экономика глазами физика», «Новая стратегия В. В. Путина по достижению высоких устойчивых темпов роста российской экономики», «Думая о будущем с оптимизмом: размышления о внешней политике и мироустройстве», «Преодолевая пределы роста» (в соавт.), «Теория и стратегия становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций (Ялтинского мира–2)» (в соавт.) и др. Почетный член Международной инженерной академии, член Нью-Йоркской академии наук, Исламской академии наук. Награжден орденом «Знак Почета», медалью Пушкина, лауреат золотых медалей Н. Кондратьева, С. Кузнеца, В. Леонтьева, золотой медали и ордена В. Вернадского. Лауреат премии им. М. В. Ломоносова.

[2] *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y., 1996.

[3] *Яковец Ю. В., Акаев А. А.* Перспективы становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций. М. : МИСК, 2016.

[4] *Ливанова Е. Ю., Елизарова Н. К., Овчинников В. Н.* Россия и БРИКС в контексте реформирования мировой валютной системы // 25 лет внешней политике России : сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.) : в 5 т. Т. 1 : Внешняя политика России: глобальное и региональное измерения : в 2 ч. М. : МГИМО–Университет, 2017. Ч. 1. С. 120–140.

[5] *Акаев А. А., Мусиева Дж. М.* БРИКС вступает в качественно новый этап развития // Мир перемен. 2023. № 3. С. 130–144.

[6] *Яковец Ю. В., Акаев А. А.* Указ. соч.

формирования нового справедливого миропорядка на базе диалога и партнерства цивилизаций при их равноправии и учете взаимных интересов. Ответом на эти вызовы стало создание межцивилизационных и межгосударственных объединений нового типа — БРИКС и ШОС, инициированное Россией и Китаем.

В работах[1] было показано, что, во-первых, XXI столетие — это век локальных цивилизаций, которые становятся основными действующими игроками на геополитической арене, вместо «концерта наций», игравших ключевую роль в XIX–XX веках. Число национальных государств в настоящее время приближается к 2020, тогда как локальных цивилизаций насчитывается всего 12, которые с учетом возможной дифференциации мусульманской цивилизации могут увеличиться до 15 или 18 к середине XXI века[2].

Во-вторых, межцивилизационное объединение БРИКС является центром кристаллизации нового справедливого глобального и регионального многополярного мироустройства при ведущей роли ООН. Отношения государств внутри объединения исключительно демократические и равноправные. Страны БРИКС изначально выступают против вмешательства во внутренние дела других стран, не навязывают свои идеологические стандарты и не экспортируют «цветные революции»[3]. Именно поэтому БРИКС как глобальное геополитическое объединение, нацеленное прежде всего на равноправную экономическую интеграцию стран-участниц, обеспечивающее справедливые условия торговли без ограничений и санкций, сегодня является наиболее привлекательным форматом для развивающихся стран. Поэтому и неудивительно, что в очереди стран, желающих присоединиться к БРИКС, сегодня насчитывается более 30 государств.

В-третьих, рост среднего класса в странах БРИКС+ станет определяющей тенденцией в мировой экономике на ближайшие 30 лет на фоне деградации и сокращения среднего класса в странах Запада[4]. БРИКС стал мировым лидером по темпам экономического роста, инвестициям в основной производственный капитал, в производстве высокотехнологичной и высококачественной продукции. Кроме того, именно странами БРИКС закладываются основы интегрального экономического и социокультурного строя, основанного на равноправном диалоге и партнерстве государств и цивилизаций и идущего на смену уходящей в историю индустриальной цивилизации[5]. Таким образом, БРИКС становится естественным локомотивом развивающегося мира.

В 1990–2000-е годы экономики стран БРИКС сильно зависели от импорта инновационных технологий Запада для производства качественных товаров широкого потребления, а также от потребительского спроса среднего класса развитых стран на эти товары. В последнее десятилетие, как сказано выше, ситуация кардинально изменилась — резко вырос внутренний спрос в странах БРИКС[6]. Авангардные страны БРИКС, в первую очередь Китай, убедительно показали, что они способны оседлать базисные технологии четвертой промышленной революции — цифровые технологии и искусственный интеллект — и создать конкурентоспособную и цифровую экономику. А самое главное, страны БРИКС показали, что они способны поддерживать долговременное устойчивое экономическое развитие даже в условиях геополитической нестабильности и геоэкономической фрагментации последнего десятилетия. Они продемонстрировали это как в условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов, так и во время пандемии COVID-19.

Нами были сформулированы условия[7], обеспечивающие долгосрочный глобальный устойчивый рост на очередной длинной волне мирового экономического развития Кондратьева (2020–2050-е гг.):

1) социальная справедливость, требующая справедливого распределения доходов в обществе, снижения неравенства доходов до социально приемлемого уровня и обеспечения справедливого доступа к базовым социальным услугам;

2) справедливая гармоничная глобализация, предполагающая равноправное участие государств в процессах глобализации, и справедливые торговые отношения между развитыми и развивающимися странами без санкций, ограничений и протекционизма;

3) стабильность финансовой системы, обеспечивающая устойчивое инвестирование финансового капитала в реальную экономику, инновации. Требуется эффективное государственное регулирование в этой важнейшей сфере, чтобы не допустить появления финансовых пузырей, генерирующих кризисные явления и рецессию в экономике. Недопустимо использование мировых валют в качестве оружия в геополитической борьбе;

4) конвергентное развитие мировой экономики, предусматривающее кооперативные меры государств по оптимальному размещению производительных сил и эффективному формированию глобального спроса на товары и услуги, а также инвестициям в развитие инфраструктуры и социальной сферы. Необходимо обеспечить развивающимся странам доступ к технологиям широкого применения и прямым иностранным инвестициям;

5) экологический императив, требующий согласованных, активных и эффективных усилий всего мирового сообщества для сбалансированного обеспечения растущего населения Земли всеми необходимыми ресурсами: питьевой водой, продовольствием, чистой энергией и т. п. — без ущерба для экологии окружающей среды, дальнейшего ухудшения состояния биосферы Земли и изменения климата.

---

[1] *Яковец Ю. В., Акаев А. А.* Указ. соч. ; *Акаев А. А., Мусиева Дж. М.* Указ. соч. ; *Акаев А. А.* Процесс зарождения нового справедливого многополярного мироустройства и перспективы его становления // Век глобализации. 2023. № 3. С. 3–18 ; *Он же.* Переход к новому многополярному мироустройству — точка бифуркации пройдена // XXI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб. : СПбГУП, 2024. С. 26–31.

[2] *Яковец Ю. В., Акаев А. А.* Указ. соч.

[3] *Акаев А. А., Мусиева Дж. М.* Указ. соч. ; *Акаев А. А.* Процесс зарождения… ; *Акаев А. А.* Переход к новому…

[4] *Акаев А. А., Мусиева Дж. М.* Указ. соч.

[5] *Яковец Ю. В., Акаев А. А.* Указ. соч.

[6] *Акаев А. А., Мусиева Дж. М.* Указ. соч.

[7] *Акаев А. А.* Экономика XXI века — это нооэкономика, экономика справедливости и разума // Развитие и экономика. 2013. № 7. С. 92–101.

В XX веке вектор развития мировой экономики определяли наиболее развитые страны Запада во главе с США, которые в свое время объединились в группу G7. Они же определяли долговременное устойчивое развитие на глобальном уровне. Но теперь, во второй четверти XXI века, лидерство переходит к объединению БРИКС. Оно же способно обеспечить все вышеперечисленные условия, необходимые для устойчивого мирового развития. Важно, что экономический потенциал стран БРИКС за последние годы вырос в значительной мере за счет увеличения товарооборота и взаимных инвестиций между странами — членами объединения. Это крайне важно в связи с тем, что США из числа своих союзников создали «коллективный западный блок», который отгораживается от всех развивающихся стран, желающих избавиться от жесткого американского контроля и руководствоваться собственными интересами. Поэтому развивающиеся страны, вступающие в БРИКС, объединяет желание не зависеть от идеологических и других прихотей США и их союзников по G7, которые доминируют в традиционных международных финансовых и торговых организациях — Всемирный банк, Международный валютный фон и Всемирная торговая организация.

Таким образом, постепенно БРИКС из неформального международного форума, созданного на полях Петербургского международного экономического форума в 2006 году, превратилась в весьма авторитетное межцивилизационное объединение, которое начинает оказывать существенное воздействие на расширяющиеся процессы справедливой глобализации и становления многополярного мироустройства. БРИКС уже стала прочной основой для формирования нового многополярного мироустройства. Теперь же перед объединением БРИКС стоит задача конструирования основных несущих опор будущего справедливого миропорядка. Как говорят математики, точка бифуркации пройдена[1], и глобальный процесс после 2022–2023 годов принял необратимый характер.

Растет также роль БРИКС как глобального консолидирующего центра, в частности в «Большой двадцатке», противостоящего попыткам США и G7 с помощью грубой силы и агрессии сохранить глобальное доминирование Запада и его системы цивилизационных ценностей, не отвечающих дальнейшему поступательному развитию человечества. В этих условиях развивающимся странам остается только теснее сплотиться вокруг БРИКС и принять активное участие в формировании справедливого многополярного мироустройства на благо человечества. Тогда БРИКС имеет все шансы стать локомотивом устойчивого мирового развития во второй четверти XXI века.

Утверждения относительно БРИКС, которые приведены выше, основаны на следующих фактах и предположениях.

Во-первых, 2022 год стал переломным для объединения БРИКС: доля ВВП стран объединения достигла 31,5 % мирового ВВП и впервые превысила долю ВВП группы развитых стран G7, которая снизилась до 30,7 %.

Во-вторых, в 2023 году к БРИКС присоединилась вторая волна участниц из пяти стран, что значительно расширило геополитические возможности объединения. Совокупный ВВП БРИКС достиг 36 % мирового ВВП, а общая численность населения стран объединения составила уже 46 % населения Земли. Взрывной рост числа стран, желающих присоединиться к БРИКС, достигший уже 40 государств, свидетельствует о невероятно возросшем авторитете БРИКС на международной арене и его привлекательности для развивающихся стран.

В-третьих, 2024 год под председательством России, по ожиданиям мирового экспертного сообщества, может стать исторической вехой в судьбе БРИКС. Россия проведет в этом году саммит под девизом укрепления многосторонности для справедливого глобального развития и планирует сделать все, чтобы новые члены БРИКС почувствовали его преимущества перед другими международными объединениями. Россия готовится всемерно содействовать вступлению в ряды БРИКС+ третьей волны государств и намерена углублять диалог и взаимодействие в области культуры, спорта и молодежных обменов.

В перспективе БРИКС может превратиться в глобальную организацию новой эпохи — Организацию объединенных цивилизаций!

[1] *Акаев А. А.* Переход к новому…

С. Атлагич[1]

БРИКС КАК ПЛАТФОРМА НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА — ПОПЫТКА ВЕРНУТЬСЯ К ОБЩИМ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМ ЦЕННОСТЯМ

Неравенство и многообразные конфликты интересов гнетут современный мир, как и на ранних этапах его развития. В их основе лежит несовпадение ценностей, в которых находят свое выражение и оправдание разные цели[2]. С точки зрения общества, ценным считается то, что способствует его выживанию и прогрессу и желательно с точки зрения его развития. Человеческое общество к настоящему времени сформировало несколько глобальных цивилизационных достижений, которые выдвигают на первый план наиболее универсальные цели человеческой практики. Выражаясь языком политики, мы говорим об «эпохальных», «исторических», «стратегических», то есть о самых общих политических целях или ценностях (учитывая, что цели — это тоже нечто привлекательное и желательное), таких как свобода, равенство, благополучие и справедливость. Однако до начала XXI века, в период развития либеральной демократии, на Западе, а следовательно, и в других частях мира, возможность приведения этих ценностей в соответствие с конкретными интересами людей ставилась под сомнение.

В странах с либерально-демократическим режимом всегда заботились о развитии политического процесса, который обеспечил бы наилучшие условия для накопления капитала. Дисфункции политических систем на Западе были обусловлены требованиями масс, связанными с потреблением и участием в политике. Поскольку массовые беспорядки не способствуют развитию капитализма, были предприняты усилия по улучшению материального положения масс и расширению их прав на участие в политической жизни. Однако последнее привело, в частности, к деятельности средств массовой информации по отвлечению масс от серьезных политических вопросов и перенаправлению их внимания на «сердечные истории из жизни» и развлечения. В результате освободилось пространство для того, чтобы элиты могли проводить свою «высокую политику». С момента падения коммунизма Запад разрабатывает сценарий «великого консенсуса» — позиции так называемой политики центра, с которой согласны все основные партии.

В результате проведения этой политики наблюдается следующее:

— политический перформанс (который является основой общения между политиками и гражданами) измеряется умением скорее управлять экономикой, чем реализовывать политические принципы;

— управление экономикой адаптировано к успешной реализации либерализма. Это стало идеологической данностью;

— поддерживалось проведение ряда дискурсов, которые служили экономическим интересам объединенной экономической элиты. В этом смысле ключевыми словами в социальной коммуникации становятся: глобализация (которая облегчает движение капитала и торговлю и способствует эксплуатации дешевой рабочей силы, особенно в Азии), феминизм (который увеличивает численность рабочей силы и снижает издержки), мультикультурализм (который способствует расширению рынков и увеличению численности рабочей силы), взаимосвязь космополитизма, прав человека и информационных каналов и глобальное потепление (которое открыло много возможностей для инвестиций в экологичное производство)[3].

На рубеже XX–XXI веков политическими процессами на Западе управляли таким образом, чтобы было трудно провести границу между разными политическими вариантами. Все они были обусловлены консенсусом с центром. Средства массовой информации как образцовый (par excellence) идеологический институт также поддерживали воспроизводство установленного порядка и внешней политики западных стран, движимых жаждой материальных ресурсов. Поступая таким образом, СМИ способствовали «закрытию дискурсивного поля»[4]. В начале XXI века такого рода гегемония породила серьезные проблемы в функционировании массовых демократий на Западе (от цинизма по отношению к политике в целом и уклонения от участия в выборах до развития антиглобалистских и религиозных движений), а также вызвала ответные меры России, которая доказала, что является лидером той части мира, которая выступает против этой гегемонии. В то же время Россия оказалась единственной страной, достаточно независимой и сильной в военном и экономическом отношении, чтобы противостоять Западу.

Россия путем противостояния и ограничения гегемонии Запада поощряла изменения в сфере международных отношений, которые напрямую связаны с оживлением политики, основанной на вышеупомянутых цивилизационных ценностях. В первую очередь эти изменения связаны с усилением группы БРИКС, деятельность которой обладает рядом потенциалов. Ключевыми среди них являются финансы и энергетика. Первый предполагает сильный политический контекст, поскольку финансовые транши (от Всемирного банка и МВФ), как правило, обусловлены преобразованием экономики по модели, которая вынуждает отменить экономический протекционизм в странах-клиентах и их интеграцию в рынки, на которых доминирующее положение занимают более развитые страны

[1] Профессор факультета политических наук Белградского университета (Сербия), доктор политических наук. Автор более 40 научных публикаций на сербском, русском и английском языках, в т. ч.: «К вопросу об имидже России за рубежом — на примере Сербии», «История „Русского ореха“», «Публичная дипломатия России на Западных Балканах: между большими возможностями и незначительными результатами», «Профессионализация политической коммуникации — триумф формы над содержанием?» и др. Основатель и директор Центра русских исследований, участник Международного дискуссионного клуба «Валдай».

[2] *Slavujević Z.* Političko komuniciranje, politička propaganda, politički marketing. Beograd : Grafocard, 2009.

[3] *Lou E. P.* Mediji i politički process. Beograd : Fakultet političkih nauka, 2013.

[4] Ibid.

Запада. Требования преобразования и открытости экономики часто сопровождаются дополнительными политическими требованиями с функцией укрепления лояльных компрадорских элит. Возможность альтернативы в финансировании текущего потребления и развития может дать толчок политическим противникам неолиберального глобализма в странах полупериферии и периферии мировой капиталистической системы и создать мощный рычаг для проведения более независимой политики.

Что касается энергетического потенциала группы БРИКС, расширение ее состава путем принятия богатых нефтью стран в дополнение к России как ее основателю приведет к тому, что БРИКС может стать в будущем более привлекательной организацией как для развивающихся, так и для более развитых в промышленном отношении стран, заинтересованных в членстве. А это означает шаг к энергетической независимости.

Также очевидно, что терминальные ценности, упомянутые в начале данного доклада, отражаются и в других изменениях, поощряемых путем противодействия БРИКС западной гегемонии.

Изменения в культуре. Ускоренная глобализация, особенно после распада Восточного блока, характеризуется установлением своего рода «культурного империализма» посредством навязывания западного образа жизни и мировоззрения. Однополярность политической власти, сопровождаемая практической монополией на средства глобальной массовой коммуникации, привела к кардинальным изменениям и (или) исчезновению многих традиционных моделей культуры во всем мире. Положительный эффект от возрождения многополярности как принципа международных отношений теоретически приведет к большей значимости культурных различий, наряду с потерей навязанных идеологических установок «инаковости» по отношению к коллективному Западу.

Завершение деколонизации. БРИКС может сыграть исключительную историческую роль в окончательном освобождении многих народов Глобального Юга, особенно на Африканском континенте, от господства метрополии, которая продолжает, формально или неформально, преследовать в этих странах свои многовековые геополитические и экономические интересы путем эксплуатации ресурсов и контроля над политическими обстоятельствами. Двусторонняя деятельность, которую Китай и Россия — два самых влиятельных члена БРИКС — проводят в Африке в сфере экономики и безопасности на протяжении двух десятилетий, может стать хорошей основой для дальнейшего усиления настоящих деколониальных процессов с привлечением других членов и приемом новых из рядов бывших колоний.

Реформирование или усиление роли ООН и преодоление ее блокады. Возвращение многополярности на глобальном уровне потенциально может способствовать усилению роли и могущества крупнейшей и важнейшей международной организации, которая потеряла репутацию по причине своей неэффективности, активно защищаясь от одностороннего натиска самой могущественной страны мира и ее союзников. Принципы БРИКС во многом соответствуют первоначально провозглашенным ООН принципам укрепления независимости и взаимного уважения различий между странами.

Информационные и коммуникационные изменения. Многополярность может положительно повлиять на диверсификацию источников информации, то есть дальнейшее утверждение национальных и региональных медиаагентств, которые позволяют увидеть события «под другим углом» на уровне международного общения.

С. А. Афонцев[1]

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОЩЬ СТРАН БРИКС И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Состоявшееся в январе 2024 года расширение состава группы БРИКС за счет присоединения к ней пяти новых стран-членов (Саудовской Аравии, Эфиопии, Объединенных Арабских Эмиратов, Египта и Исламской Республики Иран) обусловило интенсификацию академических и экспертных дискуссий по вопросу об изменении сравнительной экономической мощи страновых блоков, представляющих экономически развитые государства, с одной стороны, и страны с развивающейся и переходной экономикой — с другой. Тот факт, что по суммарному показателю валового внутреннего продукта (ВВП) страны БРИКС после расширения опережают страны «Большой семерки», с полным основанием рассматривается как знаковое событие в мировой экономике и политике. Вместе с тем последствия расширения БРИКС с точки зрения возможностей использования экономического потенциала членов группировки для влияния на глобальные процессы носят более сложный характер, который не описывается простым суммированием показателей ВВП стран-участниц.

[1] Заместитель директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е. М. Примакова РАН, заведующий кафедрой мировой экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор РАН. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Политика институциональных преобразований: от теории к практическим рекомендациям» (в соавт.), «Политические рынки и экономическая политика», «Мировой опыт антикризисной политики: уроки для России» (в соавт.), «Мировая экономика в поисках новой модели роста» (в соавт.) и др.; статей: «Доминирование доллара: есть ли альтернативы?», «Управлять нельзя приватизировать: между бюджетным искушением и „грехом нирваны“», «Политические парадоксы экономических санкций», «Политика и экономика торговых войн» и др. Лауреат премии им. Е. С. Варги, премии «Лучшие экономисты Российской академии наук».

С одной стороны, суммарный ВВП группы стран как мера экономической мощи имеет содержательный смысл лишь в ограниченном числе случаев, что определяется самой спецификой национальных показателей ВВП. Во-первых, они характеризуют сравнительные размеры экономик, определяющие объемы национальных рынков и возможность противостояния негативному внешнему давлению (в форме торговых войн, экономических санкций и т. п.). Во-вторых, объем ВВП дает представление о количестве ресурсов, которые могут быть использованы для достижения внешнеполитических целей, а также целей в сфере обороны и безопасности. Как следствие, суммирование страновых показателей ВВП имеет смысл только для тех международных группировок, которые в совокупности формируют единый рынок, масштабы которого могут быть привлекательными для потенциальных партнеров, и способны формулировать общие цели в сфере международной политики, обороны и безопасности, на достижение которых они сообща выделяют ресурсы. Очевидно, что ни одному из этих условий группа БРИКС пока не удовлетворяет.

С другой стороны, национальные показатели ВВП стран, занимающих ведущие позиции в международных группировках, и их потенциальных союзников из числа стран — участниц соответствующих группировок имеют большое значение для оценки перспектив формирования экономической базы формирующегося многополярного международного порядка. В этом отношении, однако, наиболее информативными являются не показатели ВВП, пересчитанные в доллары США по текущему курсу национальных валют (колебания которого могут обусловливать значительные скачки ВВП даже при неизменности физических объемов национального производства), а показатели ВВП по паритету покупательной способности (ППС) национальных валют, обеспечивающие наиболее объективное измерение объема экономических ресурсов в национальных экономиках, а также в их объединениях, удовлетворяющих описанным в предыдущем абзаце критериям. Именно показатели ВВП по ППС должны использоваться при сопоставлении экономической мощи стран, претендующих на участие в формировании нового экономического и политического миропорядка.

Фактически сопоставление размера экономик ведущих стран мира, рассчитанного по двум указанным методам, демонстрирует кардинальные отличия. При расчетах по текущим валютным курсам ВВП США в 2022 году более чем в 1,4 раза превышал показатель Китая, а также был выше (хотя и на доли процента) суммарного ВВП всех остальных восьми стран, входящих в десятку крупнейших экономик мира (Германии, Японии, Индии, Великобритании, Франции, России, Канады, Италии). Напротив, при расчетах по паритету покупательной способности ВВП Китая уже в 2016 году опередил ВВП США, и в 2022 году доля Китая в мировой экономике почти на 3 процентных пункта превышала долю США (18,4 % по сравнению с 15,5 %). При этом в десятке крупнейших экономик мира уже не оказывается ни Канады, ни Италии (стран «Большой семерки»), зато в нее на 7–8-м местах попадают представители развивающегося мира — Индонезия (один из наиболее вероятных кандидатов на присоединение к БРИКС в ходе следующей волны расширения) и Бразилия (одна из стран — основательниц БРИКС).

Дополнительную информацию о сравнительной экономической мощи участников международного взаимодействия дает учет в сопоставлении суммарных показателей международных интеграционных объединений, которые в соответствии с описанными выше критериями в совокупности составляют единый рынок и способны формулировать общие цели в сфере международной политики, обороны и безопасности. К числу таких объединений относятся, в частности, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Европейский союз (ЕС), АСЕАН и Меркосур, но не относятся страновые группировки, опирающиеся на соглашения о свободной торговле и не имеющие общих приоритетов в сфере внешней политики и безопасности (такие как ЮСМКА, Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве и т. п.). Для полноты сопоставлений необходимо также принять во внимание тот факт, что традиционно международная статистика приводит ВВП Китая без учета Гонконга и Макао, валовый региональный продукт которых, однако, содержательно представляет собой неотъемлемую часть экономического потенциала страны («Большого Китая»).

Десятка крупнейших субъектов мировой экономики при этом выглядит следующим образом. Бесспорное первое место принадлежит «Большому Китаю» (18,8 % глобального ВВП), далее с заметным отрывом следуют США и ЕС с 15,5 и 14,9 % глобального ВВП соответственно. Фактически эти три международных субъекта формируют «кластер лидеров» мирового хозяйства. Его ближайшими преследователями являются Индия и блок АСЕАН («кластер преследователей»), доля которых в мировом ВВП с 2001 по 2022 год увеличилась соответственно с 4,1 до 7,3 % и с 4,9 до 6,3 %.

Третий кластер субъектов, входящих в десятку крупнейших экономик мира, носит достаточно гетерогенный характер. Во-первых, в него входят развитые экономики, в период 2001–2022 годов претерпевшие снижение своей доли в глобальном ВВП — Япония (с 6,7 до 3,8 %) и Великобритания (с 3,2 до 2,3 %). Во-вторых, он включает в себя два интеграционных блока стран с развивающейся и переходной экономикой, позиции которых за исследуемый период так или иначе были подвергнуты эрозии либо пребывали в стагнации — Меркосур (снижение с 4,0 до 3,2 %) и ЕАЭС (снижение с 3,6 до 3,5 %; данные для 2001 г. взяты по наборам стран, входивших в исследуемые объединения в 2022 г.). Наконец, замыкает десятку лидеров Турция, которая за 2001–2022 годы увеличила свою долю в мировой экономике с 1,3 до 2,1 %.

Проведенный сопоставительный анализ позволяет сделать ряд важных выводов относительно экономических предпосылок участия ведущих стран с развивающейся и переходной экономикой в формировании нового экономического и политического миропорядка.

Во-первых, на сегодняшний день ни одна из соответствующих стран (включая «Большой Китай») и их

интеграционных группировок не в состоянии обеспечить себе преимущество по сравнению с коалицией экономически развитых стран (США, ЕС, Япония, Великобритания) без формирования собственных коалиций, объединенных задачами реформирования существующего миропорядка. В этом смысле группа БРИКС (с учетом присоединения к ней новых стран-участниц и потенциальных будущих раундов расширения) представляет собой ключевую платформу для формирования таких коалиций.

Во-вторых, в числе ключевых потенциальных партнеров стран БРИКС на перспективу могут рассматриваться АСЕАН и входящие в данный блок государства. Уверенный рост доли стран АСЕАН в мировой экономике, их активная роль в формировании глобальной повестки международного сотрудничества и регулирования дают основания рассчитывать на то, что их позиции и в дальнейшем будут укрепляться, увеличивая потенциал сотрудничества с ними. В этом отношении возможности включения в состав БРИКС таких стран, как Индонезия и Вьетнам, должны рассматриваться в качестве первоочередных при планировании очередного расширения состава БРИКС.

Наконец, приоритетного внимания заслуживает вопрос об экономической мощи Российской Федерации как факторе ее участия в формировании нового мультиполярного миропорядка. В 2022 году Российская Федерация производила 2,9 % мирового ВВП, ЕАЭС в целом — 3,5 %, что соответствует третьему кластеру ведущих международных субъектов. В свою очередь, совокупная экономическая мощь ведущих субъектов, противостоящих Российской Федерации в ходе текущего геополитического кризиса (США, ЕС, Япония и Великобритания), несмотря на заметное снижение на протяжении последних десятилетий (с 50,1 % ВВП по ППС в 2001 г. до 36,5 % в 2022 г.), на порядок превосходит российскую. Несмотря на это, российская экономика уже более десяти лет успешно выдерживает санкционное давление, за последние два года достигшее беспрецедентных масштабов. Основными причинами такой ситуации, являющейся парадоксальной для многих западных наблюдателей («Давид побеждает Голиафа»), является успешная мобилизация экономических ресурсов на цели обороны и безопасности, а также создание у хозяйствующих субъектов стимулов к активной вовлеченности в решение национально значимых задач. При этом, сколь бы значительными ни были внутренние ресурсы страны, для успешного решения стратегических задач и обеспечения ее национальных интересов (в том числе применительно к проблемам трансформации существующего миропорядка) критически важное значение в среднесрочной и долгосрочной перспективе приобретает ее участие в коалициях с ведущими странами и региональными объединениями стран развивающегося мира. Основной площадкой для формирования таких коалиций призвана стать группа БРИКС, российское председательство в которой в 2024 году должно придать новый импульс ее превращению в действенный инструмент обеспечения эффективного представительства интересов стран с развивающейся и переходной экономикой на мировой арене.

Д. О. Бабич[1]

ЗАПАД И ИСЛАМИСТЫ: СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Введение

Сама тема сотрудничества коллективного Запада с исламистами считалась относящейся к «теории заговоров», а значит, несерьезной, ненаучной, недостойной изучения.

Уж очень несовместимыми с неграмотными фанатиками из числа антисоветских моджахедов или движения «Талибан»[2] выглядели лощеные политики из США и ЕС с их университетскими дипломами.

Правда, давно были известны факты сотрудничества США и стран Западной Европы с исламистскими монархиями Персидского залива, а также с режимом С. Хусейна, когда тот воевал с шиитским Ираном в 1980-е годы, опираясь на лозунги радикального арабского национализма. Но такое сотрудничество на Западе (а вслед за ним и у многих российских авторов) числилось под рубрикой Realpolitik. Мол, что поделаешь: дикие люди, живут при монархиях, заставляют женщин закрывать лицо, но хотя бы не убивают, а у них так много нефти... А Хусейн все-таки лучше, чем «плохие исламисты» — иранские шиитские фанатики под властью аятоллы Р. Хомейни. Вот Запад и сотрудничает с этими «неприятными персонажами» (unsavory characters).

Очень многие и в России, и в мире купились на эту историю.

Но уже к концу 1990-х годов в этом нарративе появились такие нестыковки, что принимать его стало невозможно. США и ЕС открыто и бесстыдно продолжили финансирование исламистов в Афганистане даже после вывода советских войск в 1989 году, доведя дело до свержения вполне гуманного Наджибуллы в 1992 году и замены его власти бесконечной взаимной гражданской войной между разными суннитскими группировками афганских исламистов. В бывшей

[1] Обозреватель агентства «РИА Новости» и радио Sputnik. Сфера интересов — международная информационная политика, новейшая история России. Автор публикаций «Театрализация зла в романах Набокова», «Вселенная писателя не должна ничего исключать: о романах Альбера Камю», «Набоков и „новая критика“ в США», «Теория рецептивной эстетики», «Успех в журналистике — из чего он складывается и какие ловушки есть на этом пути», «Операции российских войск на Украине в зеркале мировых СМИ» и др. Член Союза журналистов России.

[2] Запрещено в России.

югославской Боснии и в соседнем Косово США и ЕС безусловно поддержали сначала исламистских боевиков А. Изетбеговича, а потом и террористической Армии освобождения Косово.

Во время сирийской гражданской войны в 2011–2019 годах США и ЕС опять открыто сыграли в игру исламистов. Только они имели реальные шансы прийти к власти в Сирии в случае свержения Б. Асада, и в Вашингтоне и Брюсселе этого не могли не понимать. (Если только там не сидят оторванные от реальности заложники идеологии ультралиберализма, верящие в победу «либералов» повсюду, — такие люди на Западе тоже очень влиятельны.) Но факт остается фактом: Запад в течение всей войны бил прежде всего по войскам Асада, тем самым объективно работая на исламистов.

Более того, множество независимых СМИ и наблюдателей отметили, что исламистам прямо или косвенно помогает соседствующий с Сирией Израиль. Были отмечены случаи отправки на лечение сирийских боевиков в госпитали Израиля. И самое главное: ВВС Израиля, периодически бомбившие Сирию в 2011–2019 годах, никогда не били по базам исламистов. Зато израильтяне множество раз выводили из строя военные аэродромы армии Асада, опять же объективно работая на исламистов. Ведь именно с этих аэродромов поднимались самолеты Сирийской Арабской Республики (САР) Асада, наносившие удары по исламистам из множества экстремистских групп исламского толка, воевавших с САР в 2011–2019 годах.

Что же толкает Запад на сотрудничество с исламистами?

Афганистан: тактический антисоветский союз Запада с исламистами

Первой крупной прокси-войной Запада и России стали военные действия с участием советских войск на территории Афганистана в 1979–1989 годах. Ряд книг и воспоминаний, включая интервью З. Бжезинского[1], свидетельствуют о том, что американская подпитка моджахедов (то есть афганских исламистов) началась еще летом 1979 года, до ввода советских войск в декабре.

Американский историк К. Тобин и ряд его коллег доказывают, что своей военной и финансовой помощью летом-осенью 1979 года США как бы заманивали, втягивали СССР в конфликт[2]. Это стало характерной чертой многих последующих операций США в пользу исламистов. Они очень надеялись, например, что «Сирия станет вторым Афганистаном» для Москвы в 2015 году, когда Россия направила в Сирию свои военно-космические войска.

Об этом писали после появления в сентябре 2015 года военно-космических сил России в Сирии Daily Mail, The Guardian, The New York Times, Le Monde — практически все западные издания.

В 2015 году сделать Россию заложником гражданской войны в Сирии у Запада не получилось — РФ использовала там в основном самолеты и военную полицию, роль пехоты в борьбе с исламистами выполняли армия САР и в меньшей степени приглашенные в страну президентом Асадом иранские вооруженные силы и бойцы ливанской организации «Хезболла».

А вот в Афганистане втянуть СССР во внутреннюю борьбу между силами Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) и исламистами США и Западной Европе удалось. Именно заложником идеологии[3] назвал Л. И. Брежнева (и большинство Политбюро 1979 г.) в связи с его решением ввести войска в Афганистан А. М. Александров-Агентов — помощник по внешнеполитическим вопросам четырех советских лидеров (Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и М. С. Горбачева).

Думается, отличие нынешнего подхода от подхода времен афганской войны именно в отсутствии сегодня идеологизированности наших действий. Мы не пытаемся строить в странах, где боремся с исламистами, социализм или какую-либо другую общественно-политическую систему. Мы прежде всего помогаем светским, законным властям в Сирии или Киренаике справиться с незаконными исламистскими восстаниями — по просьбе местных правительств и в соответствии с Уставом ООН[4].

Жизнь наказала США за помощь исламистам в Афганистане. Саудовец Осама бен Ладен и другие исламисты, поддержанные ими в Афганистане, не испытывали никакой благодарности и 11 сентября 2001 года приняли участие в крупнейшем в истории США террористическом акте, ударив по Нью-Йорку и Вашингтону при помощи угнанных самолетов.

Исламисты поворачивают оружие против спонсоров: Ливия и Сирия

В двух последующих конфликтах, где США помогали исламистам — в войне в Ливии в 2011 году и в Сирии в 2011–2019 годах, — США не смогли добиться своих целей. Исламисты потеряли власть на большей части ливийской территории, а в Сирии их влияние ограничено провинцией Идлиб — причем втянуть Россию в конфликт с существенными для нее людскими потерями не удалось.

Представитель несистемной американской журналистики А. Абрамс в своей книге The War in Syria обращает внимание на разницу в подходе Запада к афганским исламистам в 1980-х годах и к исламистам в Ливии и Сирии. Он пишет, что если в 1980-е исламистов (включая афганских) можно было в прессе США открыто прославлять как героев в борьбе за свободу от коммунистических завоевателей, то в 2000-е и 2010-е, после теракта 9 сентября 2011 года и других злодейств во имя Аллаха прославление исламистов стало неприличным. В итоге западные СМИ стали описывать исламистских врагов Асада и М. Каддафи как абстрактных повстанцев, не вдаваясь в детали их выступлений и политических программ[5].

---

[1] Le Nouvel Observateur. 1998. Jan. 15.

[2] *Tobin C.* The United States and the Soviet-Afghan War, 1979–1989. Oxford University Press, 2020. P. 80–81.

[3] *Александров-Агентов А. М.* От Коллонтай до Горбачева. М. : Междунар. отношения, 1994. С. 167.

[4] С. В. Лавров, речь на Генассамблее ООН (2017 г.).

[5] См.: *Abrams A. B.* War in Syria. N. Y. : Clarity Press, 2021.

Пойдя на союз с исламистами в Ливии и Сирии, Запад надеялся их обмануть: использовать для свержения неугодного Вашингтону светского режима (что Каддафи, что Асада), а потом отправить на свалку истории. Но исламисты быстро разгадали эту тактику и в ответ легко обманули (и продолжают обманывать) своих западных кураторов.

Теракты во Франции и США часто совершают исламистские ветераны войн в Ливии и Сирии.

Некомпетентность западных чиновников привела к тому, что они «поставили не на ту лошадь» в ряде ключевых стран. Ставка на «Братьев-мусульман»[1] в Египте не оправдала себя. Наоборот, старый лоялист США Х. Мубарак, отданный исламистам, оказался примером предательства американцами своих союзников. Нынешняя власть в Египте намного лояльнее к России, чем Мубарак, а доверие между Вашингтоном и египетской армейской элитой разрушено надолго.

То же можно сказать и о режиме, который сложился в Ираке после американской оккупации и множества совершенных там в результате американской интервенции исламистских терактов. Нынешнее иракское руководство пропускает летящие в Сирию российские военные и гражданские самолеты.

Попытка финансировать «Братьев-мусульман» вместе с нефтяными «спонсорами» из Персидского залива привела к конфликту США и с саудовским руководством. Тем не менее США и ЕС еще не раз будут делать ставку на исламистов. Их используют против демонизированных в США России и Китая. Была попытка использовать их против правительства Бирмы, продолжаются провокации против Сербии в Косово.

Рецепт победы

Как показывает опыт, Россия и умеренные мусульманские режимы вполне способны противостоять исламистам, даже если последние вступают в коалицию с Западом. Это возможно с учетом сделанных СССР ошибок в Афганистане.

России не надо посылать свои войска или кормить целые страны. Следует поддержать жизнеспособные суверенные умеренные светские режимы с мусульманами во главе. А внутри России надо давать отпор исламофобам и расистам. Худшая реклама для нас среди стран третьего мира — это скинхеды и исламофобы на «Русском марше».

В. С. Басюк[2]

ПРИНЯТИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕРЕЗ ОРГАНИЗАЦИЮ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Говоря о человеческом духе, его принятии, развитии личности и воспитании как основном процессе, который участвует в вопросах формирования личности каждого из нас, мне хотелось бы в первую очередь опереться на научное понятие «Великое идеополе общественного сознания». В научный обиход его ввела академик Российской академии образования Валерия Сергеевна Мухина, подразумевая под Великим идеополем общественного сознания все, что было накоплено человечеством за период его многотысячелетнего существования. Человек как родовое существо постоянно самосовершенствовался, накапливал важнейшие для своего развития, для формирования человеческого самосознания вещи, которые в дальнейшем были положены в основу эволюции человеческого сообщества.

В основе Великого идеополя общественного сознания лежат такие важные категории, как добро и зло, правда и ложь, сфера этики и суждения. Знаковые системы, которые постоянно совершенствуются, — речь и письмо. Наши духовно-нравственные ценности. Это и весь многосторонний мир человеческих знаний. Красота, сфера творчества, предметы культуры — все то великое духовное богатство, которым обладает современное человечество. Мухина отмечает, что Великое идеополе общественного сознания представляет собой феноменологическую сущность результата практической и духовной деятельности человечества. «С одной стороны, Великое поле — результат совершённых и не совершённых деяний и действий человека. С другой стороны, самостоятельная сущность, которая бытует по присущим ей самой законам»[3].

На торжественных мероприятиях часто исполняется гимн Российской Федерации, в котором есть прекрасные слова: «предками данная мудрость народная». Именно эта «мудрость народная» складывается в духовно-нравственную составляющую нашего личностного развития.

[1] Запрещенная в РФ террористическая организация.

[2] Вице-президент Российской академии образования, академик РАО, главный ученый секретарь Президиума РАО, заведующий кафедрой психологии развития личности Московского педагогического государственного университета, доктор психологических наук, профессор РАО, Почетный работник общего образования РФ. Министр образования Иркутской области (2009–2013), заместитель президента РАО (2014–2018), заместитель министра просвещения РФ (2019–2021). Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Проблемы школьной неуспешности детей и пути ее преодоления. Книга для учителя», «Основы педагогики и психологии» (в соавт.), «Примерная программа воспитания в образовательной организации высшего образования» (в соавт.), «Психологическая диагностика личности детей, оставшихся без родительского попечения», «Психологическое сопровождение в контексте системы развития и воспитания личности», «Инициации подростков как условие личностного роста» и др. Член Российского психологического общества. Награжден нагрудным знаком «Отличник просвещения», медалями Л. С. Выготского, «За вклад в реализацию государственной политики в области образования и научно-технологического развития» и др.

[3] *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). 7-е изд., испр. и доп. М. : Нац. кн. центр, 2020. С. 18.

Говоря о человеческом духе и присвоении через него традиционных духовно-нравственных ценностей, хочу обратиться к научным воззрениям Андрея Карловича Шторха — российского экономиста, историка, библиографа, академика, вице-президента Петербургской академии наук, который писал о важности как духовного, так и — подчеркиваю! — материального воспроизводства. Он отмечал: «…ценности обязаны своим происхождением природе и труду. Взаимодействие этих двух первичных причин, создающих ценности, называется производством»[1]. И далее указывал: «производство бывает вещественное и невещественное <…> Взаимодействие этих обоих родов производства таково, что одно из них не может существовать без содействия другого. Очевидно, что человеку никогда не удастся создать богатство, если только он не обладает внутренними благами, то есть ему не удалось развить в себе физические, умственные, нравственные способности»[2]. Давая определение первичным и вторичным благам, ученый-экономист подчеркивал: «Первичные блага состоят из самих наших способностей и всего того, что непосредственно служит их развитию и совершенствованию»[3]. Что же касается вторичных благ, то они «не имеют непосредственного отношения к нашим способностям, но являются необходимым предварительным условием для сохранения и развития, т. е. без них существование первичных благ делается невозможным <…> здоровье, умения, просвещение, вкусы, нравы, обычаи, безопасность, досуг — вот что мы называем внутренними благами и элементами цивилизации. Трудно вообразить себе такую материальную ценность, которую невозможно было бы подвести под одну из указанных категорий»[4].

Изучая природу внутренних благ в сравнении с природой богатств, анализируя взаимосвязь между внешними благами и внутренним духовным богатством человека, Шторх отмечал: «Богатства и внутреннее благо имеют следующие общие свойства: 1) они являются ценностями, т. е. наша способность суждения признает за ними полезность в деле удовлетворения наших потребностей; 2) они способны выступать объектом присвоения и 3) они происходят из одинаковых источников, а именно — природы и труда»[5]. Взаимодействие внутренних благ и вещественного производства заключается в том, что «…человек производит внутренние блага настолько, насколько он обладает богатством, то есть пищей, одеждой, квартирным довольствием, домашней утварью, средствами передвижения и всем тем, что способствует его невещественному производству, как, например, книгами, произведениями искусства, научными инструментами, оружием наступательным и оборонительным. Итак, чем более народ богат, тем лучше его цивилизация может развиваться»[6].

Поэтому важно подчеркнуть, что мы богатая цивилизация — богатая русским духом, культурой, научным достоянием. Но важно решить задачу: как это богатство передать следующим поколениям. В этом, по моему мнению, и есть цель воспитательного процесса. В Указе Президента РФ о традиционных российских духовно-нравственных ценностях обозначено 17 ценностей, но, конечно, у российского народа их гораздо больше[7]. Однако, на мой взгляд, миссия Указа заключается в том, чтобы зафиксировать: эти ценности необходимо отстаивать в современном мире как традиционные ценности российского народа.

Говоря о том, как осуществляется процесс присвоения данных ценностей, можно опереться на важнейшие для ученых-психологов вопросы основ развития личности, которые начиная с античных времен изучали философы, педагоги, антропологи, психологи. В год юбилея К. Д. Ушинского можно сослаться и на его определение факторов развития личности человека. Рассматривая проблему развития личности и характера, Константин Дмитриевич отмечал, что это развитие происходит с учетом врожденных особенностей организма, влияний жизни и воспитания и личной воли человека, поскольку эти факторы «взаимно воздействуют друг на друга, и из этого взаимного воздействия прирожденных наклонностей и приобретаемых в жизни убеждений и привычек возникает характер»[8].

Я по своим научным убеждениям принадлежу к научной школе «Феноменология развития и бытия личности» академика РАО, известного ученого-психолога Валерии Сергеевны Мухиной. Методологической основой ее научной концепции является постулат о том, что личность — это уникальный феномен и социальная единица, в основе развития которой лежат три основных фактора: 1) врожденные особенности (генотип)[9]; 2) социальные условия[10]; 3) внутренняя позиция самого развивающегося человека[11]. Внутренняя позиция личности — это особое ценностное новообразование в каждом из нас, которое формируется благодаря важнейшему механизму рефлексии как некоему феномену восприятия и анализа того, что происходит. Очень важно учитывать, что рефлексия формируется в трех направлениях: на себя, на людей и на окружающую действительность. В вопросах воспитания и организации воспитания для нас важна именно внутренняя глубинная ценностная рефлексия, потому что, когда мы пытаемся что-то привить ребенку, он обязательно должен это пережить, прочувствовать и только потом присвоить как некое ценностное основание.

Почему важна внутренняя позиция? Потому что именно она является основой для таких важных выстроенных характеристик личности, как мировоззрение, индивидуальная система ценностей, гражданская идентичность, функциональная грамотность. Фило-

[1] *Шторх А. К.* Курс политической экономии, или Изложение начал обусловливающих народное благоденствие ; Размышления о природе национального дохода. М. : Экон. газ., 2008. С. 99.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 608.

[4] Там же. С. 608–609.

[5] Там же. С. 609.

[6] Там же. С. 99.

[7] Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России : [сайт]. URL: https://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 05.12.2023).

[8] *Ушинский К. Д.* О народности в общественном воспитании // Литература и жизнь : [сайт]. URL: http://dugward.ru/library/pedagog/ushinskiy_narodn_vospit.html (дата обращения: 05.12.2023).

[9] *Мухина В. С.* Указ. соч. С. 46–47, 320–368.

[10] Там же. С. 45–265.

[11] Там же. С. 315, 368, 537, 739, 793–832 и др.

софы определяют мировоззрение как систему взглядов, оценок, образных представлений о мире и месте в нем человека. А что такое система взглядов? Ведь она рождается именно в результате рефлексии. Система оценок — тоже результат человеческой рефлексии и определения той самой ценностной позиции, на основе которой и формируется внутренняя позиция личности. Индивидуальная система ценностей — это совокупность сложившихся у человека мнений, которые, в свою очередь, формируются в результате глубинной внутренней рефлексии.

Гражданская идентичность в своем определении тоже представляется как индивидуальное чувство общей принадлежности. Вообще понятие чувственной рефлексии очень важно. Здесь я хочу обратиться еще к одному основоположнику научной педагогики — Яну Амосу Коменскому. Когда мы говорим о нем, то чаще всего вспоминаем его труд «Великая дидактика». Но у Коменского есть еще один замечательный труд — «Матетика», посвященный искусству учиться, где он говорит, что в основе механизма учения лежат три важные вещи — чувственное восприятие, разум и вера. А чувственное восприятие — это основа педагогического труда. Рассмотрим обычную ситуацию: педагог читает лекцию в аудитории, где его слушают 200 студентов. И в ответ на одну и ту же информацию удивительным образом получает 200 разных реакций. Почему? Это результат индивидуального чувственного восприятия каждого студента, которое зависит от того, насколько важна для него информация и насколько именно сейчас он готов ее воспринимать. Поэтому, когда мы говорим о процессах присвоения духовно-нравственных ценностей, мы должны понимать, что только через богатство Великого идеополя общественного сознания, через чувственное восприятие и рефлексию происходят уникальные механизмы принятия и присвоения. Через Великое идеополе общественного сознания, через процесс развития, благодаря нашим уникальным свойствам сознания и чувственного восприятия формируется внутренняя позиция личности. И уже сама по себе эта внутренняя позиция через психологический механизм присвоения формирует в человеке духовность, мораль, нравственность, которые, в свою очередь, составляют основу индивидуальной системы ценностей и мировоззрения, делая каждую личность уникальной и неповторимой.

Каким образом все эти теоретические умозаключения можно положить в основу организации воспитательного процесса? Мы должны четко понимать, что для нас важны три составляющие: участники воспитательного процесса, образовательная среда и воспитательное событие. Педагог — учитель, преподаватель, воспитатель, тренер — как участник воспитательного процесса должен быть в первую очередь значимым взрослым для своего ученика. Каждый ли педагог является значимым взрослым? Конечно, нет, потому что особое свойство значимого взрослого — то, что он прежде всего является лицом, которому подопечный доверяет. И очень важно, чтобы преподаватель в вузе, учитель в школе не просто был педагогом-наставником, но чтобы он стал внутренне значимым для ученика или студента, чтобы подопечный начал ему доверять. В связи с этим очень важно взаимное развитие каждого без патернализма, а также забота, уважение, честность в отношениях.

На роли образовательной среды хотелось бы остановиться подробнее. Образовательная среда — это все, что окружает молодого человека в пространстве учебного заведения, целенаправленно организуемые условия, которые должны способствовать укреплению базовых установок на позитивное личностное развитие. Образовательная среда должна лежать в основе формирования базовых ценностей, и тогда она будет влиять на важнейшие психологические механизмы идентификации и обособления, формирование ценностных ориентаций и особенностей рефлексии на себя. В этом деле, конечно, особая роль отводится преподавателю, который является связующим звеном между социальной средой, находящейся вне стен образовательной организации, и образовательной средой, окружающей молодого человека в учебном заведении и постоянно приносящей ему потоки новой информации.

В чем уникальность современного педагогического труда? В том, что, когда человек получает различную информацию, а порой из разных источников, и даже противоречивую, именно педагог как значимый взрослый является для него носителем той самой правдивой (эталонной) информации, которая так важна на этапе становления личности. Третья составляющая, система воспитательных событий, должна быть наполнена такими событиями, которые имеют две стороны: непосредственно действие и со-бытие, то есть совместное бытие педагога и ученика, которое и будет развивать чувственное восприятие, направленное на формирование самосознания через рефлексивные практики. Именно такие события — особые моменты, наполненные яркими и волнующими переживаниями, в том числе предвкушением, деятельным ожиданием завтрашней радости. И, конечно, любое событие должно быть ценностно насыщенным.

Система воспитательной работы должна быть построена на основе цели — создания и укрепления внутренней позиции личности ребенка или молодого человека через систему взаимодействия взрослого и его подопечного, которая направлена на развитие самосознания молодого человека. И тогда задача педагогического процесса — организовать программу такого взаимодействия, чтобы подопечный благодаря системе условий, создаваемых образовательной организацией, получал опыт и приобретал способность правильно с точки зрения общественного и индивидуального блага идентифицироваться с лучшим, а после этого обособляться, то есть отстаивать и культивировать в себе лучшее и отчуждаться от худшего не только в себе, но и в окружающей действительности. А ключевыми задачами современной педагогики, опирающимися на психологическое познание, будут: активация развития сознания и самосознания, формирование мотивов активного поведения и самостоятельности в общественном поведении подопечного, своевременное выявление и поддержка позитивных достижений, а также выявление и коррекция негативных установок, которые могут появляться у наших молодых людей или детей на разных этапах онтогенеза.

М. Г. Борозна[1]

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ РОЛИ И ЗНАЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ВИЗУАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Вне созидательного духовного содержания деятельность в области культуры и искусства не может рассматриваться как стратегический ресурс развития общества. Духовное измерение пространства искусства и культуры современной Беларуси в его значении и понимании находится в поиске гармоничного и перспективного сосуществования и взаимодействия в мире партнерства.

Прогнозы о будущем профессионального искусства пока пунктирны, несмотря на традиционное стремление культуры к открытости, а также наблюдаемую устойчивость культурного импортозамещения последних лет и осознание перспективности инициатив «Один пояс — один путь», БРИКС в гуманитарном сотрудничестве и культурном обмене. Новая культурная ось видится не просто в магнитном притяжении новаций, но и в генерации новым поколением деятелей искусства прогрессивных художественных тенденций. Вместе с тем уместно образное сравнение нынешних процессов в культуре и искусстве с открытием нового островного архипелага и установлением эффективных связей внутреннего взаимодействия. Существование же «локальных культур» и их развитие имеют увлекательную историю искусств. Пример Японии выразителен, но и он неуникален — немало стран сохранили традиции и освоили международные площадки творческих экспериментов, впоследствии присоединившись к более широким культурным пространствам и художественным сценам. Сегодняшний день для БРИКС открывает мегапроект новой гуманитарной консолидации.

Новый период развития культуры и искусства обращает внимание на исторические аналогии. Лучшие достижения художественной культуры Беларуси недавнего прошлого, которые кардинально расширили контекст художественной культуры в XX веке, останутся ярким примером для новых поколений художников, архитекторов и дизайнеров. Независимо от многочисленных современных тенденций именно культура прошлого столетия продолжает играть существенную роль в творческом опыте ближайших десятилетий, становится актуальной платформой для поиска действенной роли современной культуры не только евразийского пространства. В XX веке происходило самоутверждение национальных художественных школ, выразительное наполнение получили общенациональные черты советской культуры.

Важна не только сиюминутная актуальность. Острым остается вопрос о справедливом отношении к исторической памяти прошлого, всестороннее осознание которого станет необходимым условием для прогрессивного развития в будущем. Важно отображать в произведениях искусства не только современную социальную рефлексию, но и степень переосмысления современниками исторического опыта общества, основ человеческого бытия.

Проходившие в прошлом веке процессы были непростыми, часто противоречивыми, но следует признать высокую амбициозность пространства культуры на территории Советского государства. Именно в этот период была решена проблема подготовки кадров и на основе накопленного ранее опыта, художественных достижений, научного опыта и активного взаимодействия с культурами других народов сформировалась современная национальная художественная школа Беларуси. Особую роль в прогрессивном векторе развития сыграли историко-теоретические взгляды ученых и практика художественной критики.

Последние годы показывают, что мы снова находимся на переломном этапе исторического времени. Начало XXI века для искусства наших стран ознаменовалось масштабным поворотом — интеграцией с западной художественной сценой, что в итоге привело к несбалансированному росту влияния западных ценностей, ослабляющих отечественную культуру. Сейчас появились возможности более эффективного использования научно-творческого наследия периода, предшествовавшего новому столетию.

В этом контексте можно утверждать, что неразрывная связь с прошлым стала характерной особенностью лучших художников Беларуси рубежа XX–XXI веков. Безусловно, отраженный в художественном образе духовный мир современника в профессиональном искусстве отказывается мириться с тем, что наносит потери его целостности. В последние годы актуализировалось понятие «историческая память» и немало делается для ее сохранения. В этом процессе светская культура и религиозная общественность следуют единым подходам. Как никогда актуальными в идейно-воспитательном процессе патриотического воспитания выступают визуальные виды искусства, дизайна и архитектуры. Объекты монументального искусства, отражающие героизм и страдания народа в годы Великой Отечественной войны, реконструируются, приводятся в порядок, восстанавливаются. В последние годы появилось немало новых монументальных произведений (мемориальные

[1] Ректор Белорусской государственной академии искусств, кандидат искусствоведения, профессор. Автор более 300 научных и научно-популярных публикаций, в т. ч. монографий: «Беларуская кніжная графіка 1960–1990-х гадоў», «Белорусская живопись 1920–1970-х годов», «Мастацтва кнігі Беларусі XX стагоддзя», «Гісторыя выяўленчага мастацтва Беларусі XX стагоддзя», «Кніжная графіка Беларусі XX стагоддзя», «Выяўленчае мастацтва Беларусі XX стагоддзя», «Изобразительное искусство Беларуси XX века: историко-теоретическая концепция» и др. Член Национальной комиссии Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО, Почетный член Российской академии художеств, действительный член Национальной академии художеств Кыргызской Республики. Лауреат специальной премии Президента Республики Беларусь деятелям культуры и искусства (2001). Награжден орденом Святой преподобной Ефросинии Полоцкой, медалью Национальной академии наук Республики Беларусь, медалью «За вклад в развитие искусства» общественного объединения «Белорусский союз художников», медалью Франциска Скорины.

комплексы «Ола», «Тростенец», мемориальный знак «Операция „Багратион"», памятник семьям пограничников в Брестской крепости и др.), где наряду с маститыми авторами выступают молодые художники и архитекторы.

Как важнейшие факторы масштабного влияния достижений профессионального искусства рассматриваются многоуровневые аспекты развития художественно-эстетического вкуса населения. Представляются актуальными поддержка форм профессионального искусства и дизайна, усовершенствование материально-технической базы и организационная поддержка действенных в контрпропагандистской работе видов искусства (графический дизайн, станковые виды изобразительного искусства, экранные искусства, монументальное искусство, композиторское и исполнительское искусство, драматургия, театральное и сценарное мастерство).

Остается верным утверждение, что творчество содействует эффективному взаимодействию различных национальных культур. Эти процессы носят постоянный характер, и их анализ имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Углубленный и всесторонний анализ процессов, происходивших в искусстве в XX веке и на современном этапе, в условиях неизбежной потери прежнего интереса к нынешнему западному художественному миру будет способствовать успешному формированию прогрессивных тенденций в искусстве Беларуси.

Творения художников оказывают большое эмоциональное и эстетическое воздействие на человека, влияют на формирование его как личности с целостным гражданским мировоззрением. Отличительная особенность изобразительного искусства заключается в том, что, помимо объективных законов, в его функционировании существенную роль играют субъективные представления и эмоции художников, но выверенные в общественной полезности. Здесь важным является обращение к экспертным оценкам, которые отличаются научными подходами к интерпретации исторических фактов.

Тенденции в мире современного искусства многочисленны. Необходимо считаться с расширением видов современной художественной практики. Видео, компьютер, телекоммуникации активно используются в творческих целях как средства выражения, дополняющие традиционные формы визуальных искусств. Интерактивная связь автора и зрителя определяет характер новых направлений в искусстве. Но сегодняшнее поколение деятелей искусства представляет не только формы акционизма и техноидного синтеза, многие хотят овладеть секретами академической грамоты[1]. И мы обязаны предоставить возможность такого обучения. Молодых авторов нужно более активно включать в работу художественных советов и экспертных комиссий. Необходимы выставки молодых, но не стихийные, с недостаточной организационной проработкой. Пока мало произведений молодых авторов, посвященных исторической и социальной тематике. Необходима более тесная работа творческих союзов и учебных заведений культуры и искусства. Следует принимать стимулирующие меры по привлечению творческой молодежи к выполнению значительных художественных проектов. Молодежь нуждается в учреждении конкурсов на получение стипендии, грантов для реализации индивидуального или коллективного проекта, порой даже небольшого по форме.

Представляется важным придать системность и динамичность процессам формирования тематических планов по созданию новых произведений искусства контрпропагандистской направленности. В реализации этой задачи должны сыграть заметную роль ученые-философы, искусствоведы, имеющие влияние в научной и молодежной творческой среде. Важным представляется недопущение в администрирование творческих процессов лиц, не обладающих соответствующим задачам развития современной культурной среды уровнем квалификации и опытом работы в творческой среде, порой высказывающих поверхностные суждения о месте и роли профессионального искусства в развитии современного общества.

Следует согласиться с мнением: «По всему периметру проблем Беларусь оказалась перед *вызовом* современности — как народ с богатой духовной традицией и высоким человеческим капиталом, как общество, взыскующее свободы и справедливости для всех, как государство, которому еще предстояло самоутвердиться. Общецивилизационные прозападные проекты реформирования страны, основанные на апелляции к общечеловеческим ценностям либеральной демократии, показали свою неэффективность вне конкретного места развития или национальной почвы. В равной мере обнаружилась бесперспективность и опасность этнократических ориентаций. Выход заключается в трансформации общечеловеческого опыта и ценностей в контексте уникальных культурно-цивилизационных особенностей Беларуси»[2].

Сегодня важным элементом, обеспечивающим уверенное присутствие на мировой художественной сцене, остается высокий уровень образования в сфере искусства. Нужны высококвалифицированные кадры, способные решать самые сложные творческие и научные искусствоведческие задачи. Сохранение традиций академического мастерства остается стратегической линией национальной художественной школы, но вместе с тем прежде всего молодым авторам необходимо переосмыслить опыт предшественников, исходя из требований и задач Нового времени. Формы взаимоотношений творческой молодежи и мастеров искусств могут быть самыми разными. Цель всегда одна — не столько помочь молодому художнику освоить высоты профессионального мастерства, сколько оказать решающее воздействие на формирование духовного мира личности в новых условиях международного культурного обмена[3].

[1] Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы / О. А. Павловская [и др.] ; под ред. О. А. Павловской ; Нац. акад. наук Беларуси ; Ин-т философии. Минск, 2010.

[2] *Лазаревич А. А., Левяш И. Я.* Беларусь: культурно-цивилизационный выбор / науч. ред. И. Я. Левяш. Минск : Беларуская навука, 2014. С. 117.

[3] Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере…

Важнейшую роль в развитии тенденций и качестве подготовки играет взаимодействие с научными институтами гуманитарного профиля. Научное сообщество должно и в дальнейшем предпринимать попытки осмыслить место и значение Беларуси (прежде всего в культурно-историческом смысле) в пространстве культуры современного мира.

Возвращаясь к искусствоведческим аспектам, отметим особую роль оценки произведений и явлений творческой жизни. Важен аспект восприятия периода становления государственности Республики Беларусь и ее современного состояния. Неразрывная связь с прошлым стала характерной особенностью изобразительного искусства Беларуси на рубеже XX–XXI веков. Осмысление предшествующих эпох посредством выразительных средств изобразительного искусства еще далеко от завершения. Экранные искусства, театр, изобразительное искусство, дизайн, современные художественные практики не только образно отражают жизнь страны, его роль в современных социальных преобразованиях, но и непосредственно участвуют в построении духовно-нравственной атмосферы, которая позволяет реализовывать задачи социально-экономического развития государства[1]. Для укрепления и развития художественной культуры в новом векторе пространства мировой культуры необходимо создавать условия для популяризации лучших достижений профессионального искусства как сегодняшнего дня, так и далекого прошлого.

Научное сопровождение в рамках актуального для исторического периода теоретического конструкта видится важным фактором в проектировании положительных тенденций развития профессионального искусства. Формирование новых положений историко-теоретической концепции развития профессионального искусства как важнейший научно-творческий процесс в новых условиях становится задачей научных учреждений гуманитарного направления и научно-исследовательских подразделений учебных заведений культуры и искусства.

Без высокого, соответствующего стратегии развития белорусского общества прогрессивного духовного содержания деятельность в области профессионального искусства не может рассматриваться как стратегический ресурс развития. Тематика общественно-государственного заказа должна отражать актуальную для нравственного воспитания проблематику: отображать важнейшие исторические вехи становления общества и государственности, показывать роль личности в прогрессивном развитии страны, отражать лучшие черты характера современника, быть насыщена высокодуховными ориентирами.

И. И. Бузовский[2]

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Экономика есть работа духа над материей мира, от которой зависит само существование людей в условиях этого мира.

Н. А. Бердяев

Современная эпоха обострения глобальных проблем, состояние мироустройства стимулируют значительные деструктивные процессы, которые характеризуются обществом как угрожающие самому существованию человечества. Острота социальных проблем сопровождается одновременным ростом частоты возникающих социальных потрясений. Общество пребывает в стадии поиска ответов на вопросы о глобальном переустройстве мира с потребностью выбора новых стратегий развития.

Экономика XX века — своеобразный вариант капитализма экономически доминирующих стран, основывается исключительно на принципах потребления. Чем больше потребляют общество и человек, тем благополучнее это сказывается на экономике. Спрос, порождающий предложение, стимулирует новые витки развития экономики. Возникла рыночная экономика глобального масштаба, которую в значительной степени характеризует погоня частных компаний за прибылью по всему миру. Мировая экономика по меньшей мере в сто раз увеличилась в сравнении с началом индустриальной эпохи. Посредством ежегодного роста мирового производства в среднем на 3 % мировая экономика в итоге продолжает удваиваться примерно каждые двадцать лет.

[1] *Борозна М. Г.* Развитие культурных традиций Беларуси в контексте глобальной трансформации // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 304–306.

[2] Заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук. Занимал руководящие должности в Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь. Был вторым, затем первым секретарем Центрального комитета Белорусского республиканского союза молодежи. Работал в главном идеологическом управлении Администрации Президента Республики Беларусь. Был заместителем главы Администрации Президента. Возглавлял администрацию Центрального района Минска. Был заместителем председателя Постоянной комиссии по образованию, науке, культуре и социальному развитию Совета Республики Национального собрания. Член Национальной комиссии по правам ребенка, Комиссии по делам несовершеннолетних при Совете Министров Республики Беларусь, Межведомственной рабочей группы по совершенствованию государственной политики в сфере национальных отношений и др. Награжден орденом Почета.

Такие значительные показатели привели к практически полной ликвидации крайней бедности в регионах, где рост экономического развития наиболее показателен. Современная цивилизация за 50 лет потребила столько же товаров и услуг (по стоимости в неизменных ценах), сколько все предыдущие поколения, вместе взятые[1].

Доллар США, выступающий посредником обмена, стал источником прибыли. Увеличивая эмиссию доллара, а также государственных бумаг, США, постоянно наращивая потребление, сами же себя и кредитовали. Финансовое доминирование в мировом сообществе позволило США сформироваться как сверхдержаве с колоссальной военной силой, но и с огромным внешним долгом в 34 трлн долларов, что по отношению к ВВП составляет около 120 %.

В то же время в мировом сообществе возникли неравенство доходов и расслоение классов, которые стремительно нарастают. При глобальном благосостоянии сохраняется крайняя бедность, увеличивается разрыв между богатыми и бедными. Понятно, что данная система может развиваться лишь при условии постоянного увеличения поглощения природных ресурсов, всепроникающего загрязнения окружающей среды. Не замечать очевидное — значит становиться не просто молчаливыми созерцателями, но в и некоторой степени соучастниками разрушения мирового сообщества.

Кризисность современной ситуации предъявляет новые требования к уровню осознания нелинейности и взаимосвязанности процессов. Радикальные конструктивные изменения возможны в случае применения инновационных идей, реализации смыслов, которые способны обеспечить новые форматы как международных отношений, так и внутриполитических процессов развития стран при широком международном сотрудничестве.

Логичным в связи с этим становится появление на геополитическом пространстве ШОС, ОДКБ и БРИКС, объединивших сообщества государств-единомышленников. Формирование справедливого многополярного мироустройства является одной из главных задач БРИКС. Механизм консолидации стран-участниц изначально был нацелен на развитие сотрудничества, укрепление безопасности, содействие развитию всего человечества и принятие всех возможных мер по созданию равноправного и справедливого мира.

Локомотивом взаимодействия в рамках БРИКС является экономика. И это понятно: уже по итогам 2022 года совокупный ВВП пяти государств — членов БРИКС (Китай, Индия, Бразилия, Россия и ЮАР) превысил ВВП стран «Большой семерки» (G7 — США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Италия и Канада). Так, страны БРИКС обеспечили 31,5 % мирового ВВП, а «Семерка» — 30,1 %. И это без учета богатейших Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов, мощного Ирана и крупнейших стран Африки, вступивших в БРИКС в 2024 году! К 2028 году показатели стран БРИКС будут на уровне 36,6 %, в то время как G7 — 27,8 %. А ведь в 1992 году ситуация была кардинально иной: «Большая семерка» производила 45,7 % мирового ВВП, в то время как страны, входящие в настоящее время в БРИКС, — менее 20 %. Такие данные привел Президент России В. В. Путин в своем Послании Федеральному собранию, подчеркнув, что эти изменения являются объективной реальностью: «Никуда от этого не деться. Это объективная реальность. Так и будет. Чего бы ни происходило, в том числе даже и на Украине»[2].

Несмотря на явно позитивные результаты и перспективы взаимодействия стран БРИКС в экономическом плане, мировоззренческий компонент, который должен выступать фундаментом, целеполаганием для стратегического развития стран-участниц, является сверхактуальным с определением развития данной составляющей как приоритетной задачи.

Чем быстрее идет экономическое развитие наших стран, чем глубже и теснее становится экономическое и политическое взаимодействие, тем очевиднее встает вопрос формирования общего гуманитарного пространства, культурного взаимообмена. А в конечном счете — и формирования общей аксиологической матрицы, отличающей нас от противостоящего блока коллективного Запада с его подавляющей либеральной системой ценностей, которую в первую очередь взял на вооружение сегодняшний глобальный капитализм.

Усиление такого противостояния по всем векторам очевидно. К этому ведут разжигание вооруженных конфликтов в разных уголках мира, непрекращающиеся попытки слома устоявшихся экономических связей и логистических маршрутов и т. д. Причина понятна: выиграть в честной конкуренции Запад сегодня не может, а на равноправное сотрудничество не готов. Поэтому на первый план выходят различные гибридные формы воздействия — от прямого военного вмешательства до навязывания своих идеологических моделей посредством широкого набора информационно-коммуникационных, культурологических инструментов. В жертву готовы принести даже «единоверцев» — ЕС с его экономикой. Только бы сохранить любой ценой доминирующее положение империалистических элит. При достижении своих стратегических и даже тактических целей интересы третьих стран — от Украины до Ближнего Востока — и их народов вовсе не принимаются во внимание правящими кругами «сильных мира сего».

Политику стран коллективного Запада и ее лицемерность выразительно охарактеризовал во время своего выступления на Всемирном саммите по борьбе с изменением климата в Дубае Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. В своем выступлении на форуме глава Белорусского государства подчеркнул, что речь идет о будущем общего дома — планеты Земля: «Другого дома у нас не было и не будет». Говоря об изменении климата и мрачных прогнозах ученых, А. Г. Лукашенко в первую очередь обратил внимание на действия тех, кто провоцирует и разжигает очаги войн в разных уголках планеты. По словам президента Беларуси, войны в Ираке, Афганистане, на Украи-

[1] *Ласло Э.* Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен). М., 2004. С. 70.

[2] БРИКС обгонит страны G7 по доле ВВП по ППС, спрогнозировал Путин // РИА Новости : [сайт]. URL: https://ria.ru/20240229/briks-1930297933.html (дата обращения: 25.03.2024).

не и Ближнем Востоке — это триллионы долларов, не говоря уже о безвозвратно загубленных человеческих жизнях. Именно эти средства должны быть направлены на решение проблем человечества.

Еще одну важную тему в этом своем выступлении затронул глава Беларуси — значимость справедливого мира как необходимого основания для решения глобальных проблем. «Пора признать: зеленая повестка бессмысленна в условиях конфронтации. Она требует уважения суверенитета стран и безусловной справедливости»[1].

Прислушается ли коллективный Запад и — главное — нынешний планетарный гегемон к таким доводам, кстати, разделяемым абсолютным большинством человечества? К великому сожалению, на положительный ответ на этот вопрос надеяться сегодня сложно. А потому противостояние по линиям «коллективный Запад — Россия», «коллективный Запад — Китай», «коллективный Запад — Глобальный Юг» является долгосрочным трендом, с учетом которого мы должны быть готовы совместно отстаивать свои позиции по всем направлениям. И здесь полем противоборства являются не только сфера безопасности и экономика как базис, но и создание своей культурно-ценностной парадигмы, которая является даже не надстройкой, а необходимым условием выживания в глобальном мировом противостоянии.

Вступая в цивилизационное противостояние с четким осознанием актуальности возникших общечеловеческих проблем, таких как перенаселение планеты, загрязнение окружающей среды, нехватка природных ресурсов, мы должны понимать, что принятие навязываемых нам правил игры — это путь в никуда. Культивирование «экономического человека», потребительского отношения к цивилизационному развитию и, как следствие этого, «золотой миллиард», чайлдфри, поедание насекомых и так далее (вплоть до каннибализма) — это то, что может ужасать, порицаться, но в то же время является частью процесса и его составляющими, возможными для решения общечеловеческих глобальных проблем. Этот процесс будет сопровождаться оправдательной, для многих привлекательной и приемлемой оговоркой, разрушающей все препоны морали: «Ничего личного — просто бизнес». Речь, мол, идет не о военном противостоянии. Но что это, как не война умов, идеологии жизни и идеологии будущего?!

Для построения общей для стран БРИКС аксиологической модели необходимо концептуальное изменение в подходах о целеполагании сообразно нашему исторически сложившемуся и позволяющему существовать как цивилизации восприятию мира. Доминирующее целеполагание в общественном развитии сегодня состоит в том, что будущее является продолжением прошлого, формируется в прошлом. Наши духовные, нравственные, религиозные концепты постулируют то, что будущее более определенно, чем прошлое, будущее существует в большей степени, чем прошлое, настоящее и наше историческое прошлое являются более неизведанными и непонятными, потому что скрыт их истинный смысл, который предопределен будущим.

Важно понимать, что тот, кто теряет концепты будущего, не знает либо использует совсем не те алгоритмы, которые объясняют современное состояние, анализирует ситуацию в формате, не предоставляющем ясные ответы на главные вопросы современности, которые человечество ставит перед собой. Хаос и непонимание перспектив развития обусловлены отсутствием аксиологических моделей, идеологии, смыслов, способных обеспечить развитие социума. Нам необходимо вернуться к первоистокам, адекватно оценить и проанализировать существующую ситуацию с точки зрения извечного вопроса: что первично — духовное или материальное, бытие или сознание? Понятия счастья, комфорта и более приземленных категорий (уровня и качества жизни и т. п.) имеют разночтения в их достижении и понимании. Не осмысливать это — значит молча принимать чуждые модели и принципы развития.

Доминирующая сегодня глобалистская модель предполагает ее безоговорочность и однозначность. Как итог — общество стремится заполучить и материальные средства для жизни, но при этом теряется в определении, ради чего и во имя чего жить. О духовности, нравственных категориях и говорить не приходится.

Замещение целей средствами является характерной чертой процесса господствующей идеологии современной жизни. Экономическая, технологическая, материальная составляющие, безусловно, касаются средств, а не целей жизни. Цели человеческой жизни и средства, которые служат их достижению, имеют между собой разрыв и зачастую могут быть не связаны. Современная доминирующая идеология, при которой причина порождает следствие, по сути, является анормальной деструкцией в общественном развитии.

Американский экономист У. В. Хайнс описывает данную ситуацию следующим образом: «Проблема Запада в том, что, научившись находить решение большинства наших трудностей через экономическую активность, используя естественные ресурсы для удовлетворения физических нужд, люди на века стали рабами труда ради проживания. Привыкнув решать все свои проблемы с помощью денег, мы устали. Мы „покупаем“ друзей (даже жен) при помощи расточительных вечеринок и дорогих автомобилей. Мы достигаем политической власти путем денежных вложений в „правильные“ партии, в расположение избирателей, даже взяточничества... Мы устали. Но это обычно не замечается. Вопреки всему богатству Соединенных Штатов, вопреки той обстановке, в которой существует средний класс, основная масса людей испытывает неудовлетворенность своей жизнью. Растет национальный доход, но кривая удовлетворенности жизнью скользит вниз»[2].

Налицо кризис концепции успешности личности, смысла жизни, основанной на приоритетности дости-

[1] Общий дом. Где Лукашенко предложил взять триллионы долларов на спасение планеты // БелТА : [сайт]. URL: www.belta.by/president/view/antivoennaja-rech-lukashenko-v-dubae-mezhdunarodnyj-marafon-zabota-o-ljudjah-i-god-kachestva-itogi-602915-2023/#part8 (дата обращения: 25.03.2024).

[2] *Хайнс У. В.* Свобода, свободные рынки и человеческие ценности // Свободная мысль. 1994. № 4. С. 53.

жения определенного уровня материального достатка, финансово-экономических критериев. Альтернативой данному подходу, постулируемому либеральным глобализмом, должна стать идея примата духовного, нравственного начала в цивилизационном развитии. Именно этот концепт должен быть положен в основу аксиологической матрицы стран — участниц БРИКС.

В геополитическом плане старая концепция капиталистического мироустройства, либеральных стратегий в реальности обернулась диктатурой одной части мира над другой. Это не разумная схема жизнедеятельности, обустройства общества, а всего лишь возможность накопления богатства определенной группой лиц. За этой принципиальной для западного мышления схемой стоят четко обозначенные психология, идеология, философия выстраивания общественных отношений.

Но отрицание наличия идеологических концептов, ценностей, которые определяют жизненный уклад в интересах доминирующих на сегодняшний день элит, не соответствует действительности. Если обратить внимание на стратегию развития европейской интеграции, то она изначально носила идеологический характер с четко определенными ценностными ориентирами. Лиссабонский договор, который сегодня фактически является концептуальным документом Европейского союза, постулирует идеологию европейских ценностей, определяя их как обязательные для всех участников ЕС. Так, в ст. 2 «Ценности Союза» констатируется, что «Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для совокупности государств-членов, которые характеризуются плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством между женщинами и мужчинами»[1].

На современном этапе становится все более очевидной, по словам И. Т. Фролова, «необходимость нового синтеза науки и гуманизма формирования нового типа науки, в которой исследовательские подходы не были бы отслоены от ценностных, от своих социально-этических оснований, а результаты исследований и сами их направления все-таки получали „человеческое измерение“»[2]. В. С. Степин подчеркивал, что выход из кризиса техногенной цивилизации «состоит не в отказе от научно-технического развития, а в придании ему гуманистического измерения, что, в свою очередь, ставит проблему нового типа научной рациональности, включающей в себя в явном виде гуманистические ориентиры и ценности»[3]. Возрастание роли гуманистических ценностей в осуществлении информационных и научно-технологических процессов признается как один из главных вызовов развития современного мира.

Сегодня БРИКС является платформой для уникального международного диалогового формата стран, представляющих евразийскую, индийскую, исламскую, китайскую, латиноамериканскую и африканскую цивилизации. Каждая из них имеет свой уникальный путь историко-политического и культурного развития.

В рамках БРИКС межкультурная коммуникация получила активное развитие с середины 2010-х годов. Сегодня она организована на концептуально новом подходе к взаимодействию в сфере культуры. Если традиционно все союзы были объединены по территориальному или содержательному принципу, то теперь появилось объединение стран, находящихся в разных частях планеты с уникальной культурой.

К сохранению и приумножению этого уникального культурного наследия, активному и серьезному диалогу в этом направлении призвал Президент России В. В. Путин в своем онлайн-выступлении на саммите БРИКС в Йоханнесбурге в августе 2023 года. «Культурное и цивилизационное многообразие является одной из несущих опор нового многополярного миропорядка, подразумевает создание целостного свободного пространства культурного обмена, искусства, творчества. Назрел совместный с партнерами по БРИКС, кстати, и с партнерами по ШОС, — для нас важно, — и с партнерами по СНГ, другими странами, серьезный разговор о будущем культуры в мире, о сбережении и приумножении мирового культурного наследия», — отметил он[4].

Какой же должна быть эта ценностная матрица, на каких основаниях строится? Если мы говорим об альтернативе идеологии глобального либерализма, глобального капитала, то, наверное, следует иметь в виду миропорядок, государственное и общественное устройство, основанное на принципах социальной справедливости, с большой долей социалистического компонента. Ибо если мы по-прежнему основываемся на капитализме, то должны четко осознавать: центр капитала там — на Западе, у гегемона. Туда капитал будет стремиться, его интересами руководствоваться, там его управляющий центр. Все остальное — подчиненные территории, периферия с разной степенью автономности и уровня жизни, но никак не суверенные акторы мирового процесса, самостоятельно распоряжающиеся своей судьбой.

Президент России В. В. Путин, выступая на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2021 году, заявил, что существующая модель капитализма исчерпала себя. По его словам, в рамках такой модели «нет больше выхода из клубка все более запутанных противоречий. Повсеместно, даже в самых богатых странах и регионах, неравномерное распределение материальных благ ведет к усугубляющемуся неравенству, прежде всего нера-

[1] Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор о создании Европейского сообщества, подписанный в Лиссабоне 13 декабря 2007 года // Официальный сайт Европейского союза : [сайт]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT (дата обращения: 25.03.2024).

[2] *Фролов И. Т.* К постижению человека разумного и гуманного // Многомерный образ человека. Комплексное междисциплинарное исследование человека. М. : Наука, 2001. С. 233.

[3] *Степин В. С.* Цивилизация культуры. СПб. : СПбГУП, 2011. С. 100.

[4] Путин призвал страны БРИКС и другие государства к серьезному разговору о будущем культуры // ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/politika/18567567 (дата обращения: 25.03.2024).

венству возможностей и внутри обществ, и на международном уровне»[1].

При этом важно понимать: культурно-ценностная альтернатива должна распространяться не только на систему нравственных ценностей, сохранение традиционных культурных кодов, но и на построение политической модели, альтернативной западной как по самой своей сути, так и по используемому инструментарию. Так, и либерализм, и консерватизм являются западными парадигмами в рамках глобальной капиталистической системы. То же можно сказать и о моделях политических партий и основных избирательных систем. Альтернативу этим системам в рамках БРИКС представляет Китай с его уникальной политической традицией, который вобрал в систему своего развития как элементы социалистического уклада, так и тысячелетние каноны национальной философии и культуры. Также в линейке альтернативных идей развития заявляются исламские монархии Персидского залива и Иран со своей особенной исламской демократией и правовой системой.

Представляется, что по пути суверенизации, обращения к национальным традициям и опыту в основах государственно-общественного строительства будут двигаться и другие страны БРИКС. Такие подвижки станут залогом усиления позиций в глобальном мире, поскольку на твердом основании собственной идентичности и цивилизационной самодостаточности гораздо легче и эффективнее отстаивать свои позиции в глобальном соперничестве.

Но кто будет проводить эту работу, разрабатывать и продвигать эту ценностную матрицу, внедряя ее в общественное сознание и принципы государственного управления и взаимодействия. Очевидно, что этим должны заниматься элиты государств, входящих в объединение.

Сегодня если мы возьмем определение элиты, то оно пересматривается еще с 1990-х годов. Об этом в своем Послании Федеральному собранию прямо заявил Президент Российской Федерации: «Вы знаете, что слово „элита“ во многом себя дискредитировало. Теми, кто, не имея никаких заслуг перед обществом, считая себя какой-то кастой с особыми правами и привилегиями, особенно имею в виду тех, которые в предыдущие годы набили карманы за счет всяких процессов в экономике 90-х, — вот они точно не элита. Подлинная настоящая элита — все, кто служит России: труженики и воины, надежные, проверенные, делом доказавшие свою преданность России, достойные люди»[2].

В этой деятельности элит стоит отметить важность следующих аспектов.

Первый аспект — взаимодействие трех общественных сегментов — власть, народ, элиты.

В первой модели общественно-политического устройства государства элиты вместе с народом против власти (данная модель общественных взаимоотношений — предвестник революционной ситуации).

Во второй модели элиты вместе с властью против «темного народного большинства» (элитарно-реформаторская или олигархическая модель со спорными подходами к формированию и обеспечению социальной справедливости, но при этом наибольшими предпосылками эффективного общественного развития в случае обязательного соблюдения высоких моральных, духовно-нравственных требований).

И в третьем варианте власть вместе с народом против элиты, (фундаменталистская модель, устремленная к концепции социальной справедливости, но с утраченными потенциальными возможностями активного развития на базе потенциала лучших представителей социума — элит).

При этом ни одна из моделей не обеспечивает 100%-ной гарантии результативного развития, но вторая модель является наиболее эффективной в случае, если наиболее успешная, яркая, активная часть общества, представляемая как элита, наделена соответствующим моральным и духовно-нравственным потенциалом. На какой бы из моделей ни основывалась политическая система страны, роль элит в разработке и реализации аксиологических парадигм будет решающей.

Второй аспект — если мы ставим целью выработку общей аксиологической модели для межгосударственного объединения, которым является БРИКС, то здесь чрезвычайно важно общее понимание ценностей — как элитами, выступающими хедлайнерами этого процесса, так и всем обществом. Проще говоря, необходимо, чтобы в этом смысле все говорили на одном языке и у всех было единое и четкое понимание того, «что такое хорошо и что такое плохо» — как у элит, так и у общества входящих в объединение и сотрудничающих с ним стран.

Ярким свидетельством когнитивного диссонанса в общественных процессах могут послужить результаты работы белорусских исследователей и непосредственно социологического исследования, проведенного в системе образования Беларуси, согласно которому 42 % респондентов-родителей иначе понимают ключевые ценностные категории, чем транслируются их детям в рамках учебно-воспитательной деятельности в учреждениях образования.

Таким образом, сегодня на повестке дня стоят задачи формирования консолидированной политики в области культурной дипломатии, взаимопроникновения культур, выработки общих подходов с выходом в ценностную плоскость, формирования общих ценностных ориентаций с обеспечением их восприятия как политическими элитами, так и гражданским обществом государств объединения.

Чтобы изменить что-то к лучшему, необходимо понимать фундаментальные процессы мировой истории, их философский смысл. Без этого усилия будут напрасными, поскольку знания требуют серьезного труда.

Идеологическое обоснование мирового диктата коренится в западном либерализме. Эта идеология основана на уверенности в абсолютном превосходстве за-

[1] Путин заявил об исчерпании существующей модели капитализма // Ведомости : [сайт]. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/10/21/892399-putin-zayavil-ob-ischerpanii-suschestvuyuschei-modeli-kapitalizma (дата обращения: 25.03.2024).

[2] Участников СВО Путин назвал подлинной элитой // Интерфакс : [сайт]. URL: https://www.interfax.ru/russia/948380 (дата обращения: 25.03.2024).

падной либерально-капиталистической цивилизации и ее всеобъемлющей природе. Согласно либеральным концептам либеральная демократия и капитализм должны быть предписаны всему миру, а традиционные ценности, национальный суверенитет, религия, культура и этические системы — отвергнуты. Англосаксонские страны, которые являются пионерами этой идеологии, естественно, претендуют на главенствующее положение. Любые сопротивляющиеся этим идеям становятся объектами агрессии.

Для достижения своих целей либералы используют различные идеологии в своих интересах, включая нацизм, салафитский исламизм и тому подобное, что облегчает решение локальных проблем и усиление их позиций. Однако, несмотря на эти стратегии, нашей главной целью является победа над либерализмом, который выступает более опасным идеологическим движением, чем любые другие.

На данном этапе многообразие цивилизаций — это объективная реальность. Объединение БРИКС как международная платформа будет способствовать развенчанию мифической теории о западоцентризме и построению многополярного мирового порядка. Сейчас как никогда актуально утвердить уверенность в собственной цивилизации, представить пример партнерства культур между мировыми державами, создать созвездие мировых цивилизаций, сплоченное на истинных ценностных категориях, обеспечивающих гармоничное развитие человеческого сообщества и экосистемы.

П. Бюльбюль оглы[1]

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Преемственность — это имманентный признак развития культуры, показатель того, что новое не только формируется на основе прошлого, но и сохраняет ряд его существенных черт. Благодаря преемственности происходит перенос известных, оправдавших себя ранее идей, сюжетов, принципов из уже сложившихся областей культуры во вновь формирующиеся, использование их при реализации новых целей. По существу, это проявление диалектического единства традиции и новаторства. Традиция придает культуре фундаментальность, эвристическую силу, связывая современность с историей, духовными взлетами прошлых эпох.

Вместе с тем преемственность — явление многогранное и неоднозначное, свидетельствующее о том, что с разной интенсивностью происходят взаимодействия архетипических установок с современными веяниями, новыми научными и художественными открытиями. Более того, все это может быть сопряжено с социально-психологическими и нередко политическими факторами.

Проблема преемственности не случайно привлекает внимание историков, культурологов, науковедов. Рассматривая преемственность в разных сферах культуры, можно показать эволюцию культурных потребностей и воссоздать историю общества в целом. Это созвучно подходу французской исторической школы «Анналов», согласно которому всеобщая история складывается прежде всего на основе выявления былых социокультурных связей, изучения генезиса образа жизни и быта людей.

Исторически возникали различные формы человеческой жизнедеятельности, политического устройства, верования, которые со временем сменялись другими. Если согласиться с точкой зрения академика В. С. Степина, что культура, формируя матрицы допустимого и недопустимого, выполняет определенную программирующую функцию в жизни людей, то исторический процесс действительно предстает как коэволюция культуры и социальных форм.

В каждой сфере культуры преемственность выражается по-своему, связь между прошлым и настоящим, новым и старым может носить как явный, так и скрытый характер. В такой фундаментальной сфере культуры, как наука, феномен преемственности в начале XX века, когда возникла проблема познания микромира и мегамира, стал предметом особого методологического исследования.

Преемственность здесь удалось раскрыть посредством так называемого принципа соответствия, который позволяет выявить глубинную связь между качественно различными теориями, характеризирующими процессы микромира и мегамира, и теориями классической физики, отражающими явления на уровне макромира.

Преемственность имеет особую значимость в литературе, музыке, живописи. Здесь она проявляется в контексте определенной традиции, в соответствующем пространственно-временно́м континууме. Без рассмотрения культурного наследия, перипетий его развития трудно понять современные культурные процессы. Это имеет существенное значение для определения всесторонней культурной политики, содействующей гармонизации социальных процессов, должной ориентации общественного развития.

Особенности азербайджанской культуры и ее многообразие определяются многонациональным и поликонфессиональным составом населения страны. Сохра-

[1] Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, доктор искусствоведения, профессор, Народный артист Азербайджана, Народный артист Туркменистана, Заслуженный деятель искусств Республики Дагестан. Композитор, певец, актер, педагог. Министр культуры Азербайджана (1988–2006). Автор книги «Культурная политика в Азербайджане» (в соавт.) и др. Почетный профессор Азербайджанского государственного университета культуры и искусств им. А. Гусейнзаде, действительный член Международной гуманитарной академии «Европа–Азия». Награжден Почетной грамотой Президента РФ, орденами Дружбы и Почета (Россия), «Независимость» и «Честь» (Азербайджан), Чести (Грузия), удостоен многих других зарубежных наград.

нение национальных культур, помимо этнокультурной, аксиологической значимости, однозначно связано с вопросами соблюдения прав человека. Ибо национальная культура, как оправданно считал профессор В. М. Межуев, — прежде всего воплощение прав человека на свой мир[1]. Положения национальной политики, заложенные в Конституции Азербайджанской Республики, обеспечивают равенство всех граждан вне зависимости от их этнической и расовой принадлежности. Это создает предпосылки для перехода в республике от синкретичной к интегративной культуре. Если синкретизм представляет собой сочетание культурных элементов различного происхождения, которые зачастую объединяются условно, то интегративность исходит из наличия глубинного основания, ведущего к целостности культуры[2].

Историческая память азербайджанского народа, хранящая в сознании этапы прохождения через три религии — зороастризм, христианство и ислам, является существенным фактором для понимания смысла и значения межкультурных коммуникаций, синтеза ценностей культуры народов, испокон веков живущих на территории Азербайджана[3]. Люди сплачиваются на основе общих исторических, политических и религиозных составляющих культуры. В таком случае культура создает более благоприятные условия для общения людей, консолидации социальных групп, духовного объединения представителей различных этносов, что в итоге приводит к формированию устойчивой структуры общества.

В целом можно сказать, что в Азербайджане культура обеспечивает реализацию целей, идеалов различных этнических групп и в то же время способствует росту и развитию общих национальных интересов. Следует подчеркнуть, что это происходит в унисон с реализацией национально-политической концепции азербайджанизма, сформировавшейся в стране еще в конце XIX века и получившей новое обоснование национального лидера страны Гейдара Алиева.

Совершенно очевидно, что в условиях Азербайджана особую значимость приобретают вопросы взаимодействия, взаимообогащения традиций народов Азербайджана, а также таких культурообразующих факторов, как религия, моральные ценности, эстетические установки и т. д.

Традиция как исторический феномен в культуре играет роль универсального посредника, связывает ее различные сферы и содействует целостности культуры. Она соединяет прошлое, настоящее и будущее. Известный американский антрополог и культуролог Эдуард Сепир считал, что традиция или «прошлое представляет интерес для культуры только тогда, когда оно по-прежнему является настоящим и еще может стать будущим»[4].

Следует учесть, что исторически Азербайджан был ареной беспрецедентного культурного взаимодействия. Относительно недавно страна охватывала территории, намного превышающие границы современной Азербайджанской Республики. И культурное развитие Азербайджана до XIX века происходило в тесной связи с культурой стран Ближнего и Среднего Востока, в контексте арабо-мусульманской культуры.

Если обратиться к истории Азербайджана, то можно убедиться в смене нескольких культурных волн на этой небольшой территории. В IV–III веках до н. э. на севере Азербайджана возникла Кавказская Албания[5]. Выгодное географическое положение с выходом к морю, на перекрестке торговых путей способствовало интенсивным культурным контактам Кавказской Албании с Грецией, Египтом и Персией.

Начиная с I–II веков н. э. в Албанию постепенно проникают христианские идеи, и в IV веке в Кавказской Албании христианство объявляется государственной религией.

В VII веке вследствие арабских завоеваний произошел религиозный поворот к исламу. Азербайджан стал частью мусульманского мира. Соответственно азербайджанская культура начала развиваться в контексте арабо-мусульманской культуры, которая вобрала в себя античное наследие, переработав его в соответствии с ценностями ислама[6].

Арабо-мусульманская философия оказала существенное влияние на становление гуманистических ценностей эпохи Возрождения. Азербайджан сыграл в этом культурном диалоге заметную роль. Достаточно упомянуть таких поэтов-мыслителей Азербайджана, как Низами Гянджеви (1141–1209), Имадеддин Насими (1369–1417), шах Исмаил Хатаи (1487–1524), Мухаммед Физули (1494–1556); философов Бахманьяра аль Азербайджани (1001–1065), Насреддина Туси (1201–1274), имена которых хорошо известны философской и научной общественности Европы[7].

Примерно с XI века в культуре Азербайджана начинает выделяться и все более усиливаться особый пласт — туранство. Здесь оправданно говорить не столько о влиянии и о чем-то пришедшем извне, а о самой сущности азербайджанской культуры, поскольку туранство изменило ее исходную ткань — ее язык. Ведь именно язык определяет сущность культуры, психологический склад народа, его ментальность[8].

С туранством связаны существенные черты современной азербайджанской культуры. Важно отметить, что туранство определяет глубинные основания взаимодействия азербайджанской культуры с культурой славянских народов, в которых также присутствует туранский элемент. Собственно, именно данная культурная взаимосвязь тюрков и славян породила в итоге евразийский тип культуры. Известный ученый-лингвист, философ Н. С. Трубецкой, занимавшийся исследованием этнопсихологии туранских народов, считал, что «туранская психика сообщает нации культурную

[1] *Межуев В. М.* Как возможна философия культуры? // От философии жизни к философии культуры. М., 2000, С. 22.

[2] См. подробнее: Эволюция государственного управления в странах постсоветского пространства. Азербайджанская Республика / У. К. Алакбаров, Н. М. Мамедов, З. З. Габизова, Р. З. Рагимли // Государственная служба. 2021. Т. 23, № 2. С. 97–118.

[3] Там же.

[4] *Сэпир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 485.

[5] *Мамедов Т. М.* Кавказская Албания. Баку, 1993.

[6] Эволюция государственного управления…

[7] *Мамедов З. Д.* Азербайджанские философы и мыслители Средневековья. Баку, 1993.

[8] Эволюция государственного управления…

устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность и создает условия экономии национальных сил, благоприятствующие всякому строительству»[1].

История культурного обмена со славянским миром продолжается около двух столетий, в результате сформировалась современная азербайджанская культура, органично включающая компоненты европейской и восточной культур[2].

В начале XIX века Азербайджан был разделен между Ираном и царской Россией. После этого азербайджанская культура начинает непосредственно взаимодействовать с русской и западноевропейской культурами. Это нашло рельефное отражение в формировании новых традиций в литературе, изобразительном искусстве, музыке, архитектуре. Новые веяния при этом не элиминировали проявления исламизма и тюркизма в азербайджанской культуре. В совокупности эти разнообразные, формировавшиеся на протяжении многих веков традиции определяют качественное своеобразие азербайджанской культуры, основу ее мультикультурного характера и в наше время.

Произошедшие в начале XX века в Российской империи политические события, приведшие в феврале 1917 года к падению царской монархии, а затем к Октябрьской революции, создали условия для провозглашения 28 мая 1918 года независимой Азербайджанской Демократической Республики. Однако просуществовала она недолго — 28 апреля 1920 года 11-й Красной армией была установлена советская власть. Советский период в истории Азербайджана длился до распада СССР. 18 октября 1991 года была восстановлена государственная независимость Азербайджана[3].

Позитивным фактором советского периода была борьба за всеобщую грамотность, доступность культуры и искусства всем слоям населения. Лозунг «Искусство в массы» был руководством к действию. В советский период творили и внесли весомый вклад в мировую культуру композиторы Узеир Гаджибеков, Гара Гараев, Фикрет Амиров, певец Бюльбюль, освоивший в Италии технику бельканто и создавший новую профессиональную вокальную школу пения, основанную на синтезе европейской, русской и азербайджанской школ вокала, поэт Самед Вургун, ученые Гейдар Гусейнов и Юсиф Мамедалиев, скульптор Фуад Абдурахманов, а также художники Таир Салахов и Саттар Бахлулзаде, получившие мировое признание[4].

После 15 июня 1993 года, прихода к власти по настоянию народа Гейдара Алиева, начался новый этап в развитии Азербайджана. Культурная политика приобрела иную установку. Наряду с просвещением и признанием достижений мировой культуры она усилила интерес к ценностям и традициям национальной культуры. При этом прошлые достижения культурного развития советского периода не обесценивались, а рассматривались как особо важный этап в истории азербайджанской культуры. Трудно оспорить то, что, несмотря на идеологические ограничения, в целом на основе глубинных национальных ценностей в XX веке расцвели азербайджанские литература, поэзия, музыка, изобразительное искусство. Остановлюсь в контексте моего доклада лишь на некоторых иллюстрациях.

Проявление преемственности в азербайджанской литературе. Исторически азербайджанская литература делится на две традиции, которые стали объединяться начиная с XIX века. Первая из них — народная, вторая — письменная. Народная традиция была устной и почти не подвергалась влиянию персидской и арабской литературы. Носителями этой традиции были народные певцы — ашуги, а наиболее распространенными из всех стихотворных форм азербайджанского фольклора являлись лирические четверостишия «Баяты». Одним из ярких представителей школы ашугов была поэтесса Мехсети ханум (XII в.). Народная поэзия Азербайджана всегда была связана с народной музыкой, и большая часть этой поэзии позволяла ее воспевать.

С начала XII века формируются основы азербайджанской литературной школы в контексте арабо-мусульманской культуры. Низами Гянджеви (XII в.), Насими (XIV в.), Физули (XVI в.) заложили основы этой школы.

Как и в западноевропейской и русской литературе, главным фактором, определившим основу реализма в азербайджанской литературе с начала XIX века, послужила философия Просвещения. В этот период под влиянием русской и западноевропейской культур были заложены основы азербайджанской драматургии Мирза Фатали Ахундовым и Абдуррагим-беком Ахвердиевым.

Вместе с тем в драматургии и в целом в литературе глубинные традиции сказывались и в XX веке. Так, целый ряд выдающихся поэтов Азербайджана в разные времена неизменно обращались к героико-романтическому любовному сюжету. Казалось бы, возвышенное, романтическое описание любви в условиях торжества жесткого социалистического реализма осталось в истории. Но в 1941 году один из ярких азербайджанских поэтов советского периода Самед Вургун, считавший своей главной «творческой задачей раскрыть поэзию современности», представляет драму «Фархад и Ширин», написанную в стихотворной форме. Пьеса написана по мотивам поэмы Низами Гянджеви «Хосров и Ширин», созданной в XII веке. В это сейчас трудно поверить, но пьеса была поставлена на сцене в непростое военное время и удостоена Сталинской премии.

Рассматривая вопросы преемственности в литературе, невольно вспоминаются женские образы, созданные в 1920–1930-е годы талантливым азербайджанским драматургом Джафаром Джабарлы, особенно его пьеса «Севиль», в которой впервые была показана борющаяся за свое освобождение от тьмы женщина Востока. Эту традицию продолжил Ильяс Эфендиев в 1970–1980-е годы, которому удалось представить в своих пьесах, какой стала жизнь «Севилей» в Азербайджане спустя всего несколько десятилетий после Джабарлы. Эмансипация женщин в произведениях Эфендиева понимается уже не только как освобождение от чадры и диктата мужа, но и как право оставать-

[1] *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М., 1995. С. 155.
[2] Эволюция государственного управления…
[3] Там же.
[4] Там же.

ся свободной в своих убеждениях, действиях, выборе образа жизни.

Преемственность рельефно проявляется в азербайджанской музыке, благодаря которой происходит трансляция жанров, исполнительских форм и манеры от поколения к поколению. Поэзия и музыка — наиболее распространенные виды искусства в Азербайджане, они востребованы разными слоями населения. Наверное, в Азербайджане согласились бы с писателем Куртом Воннегутом, который считал, что «необходимым и достаточным доказательством существования Бога является музыка».

Музыка нередко вызывает у человека благоприятный душевный отклик. Любители высокой музыки могут подтвердить, что гармоничные ритмы словно очищают человека от забот, повседневной суеты. Я согласен с писателем В. П. Астафьевым, что «музыка, может быть, самое дивное создание человека, его вечная загадка... она возвращает человеку все лучшее, что есть в нем и пребудет на земле»[1].

Однако музыка не живет вне человека, вне времени, она несет в себе не только душевный мир индивида, но и мир эпохи, особенности его духовной атмосферы. Музыкальное творчество позволяет, как заметил М. Г. Арановский, находить «новое в прежнем или новое через прежнее»[2]. Многие азербайджанские композиторы обращаются к народной музыке, видоизменяют ее звучание, делают новую аранжировку, цитируют отдельные положения. В этом отношении образцом можно считать творчество основоположника азербайджанской классической музыки Узеира Гаджибекова. Он на основе мугама, средневекового восточного жанра музыки, в начале XX века создал оперу «Лейли и Меджнун». Следуя традициям, Фикрет Амиров уже в советское время показал возможность развертывания мугамной монодии с европейскими принципами сквозной композиции и тембрового варьирования, создав новый жанр «симфонические мугамы», или азербайджанский джазовый пианист Вагиф Мустафа-заде в своих импровизациях использовал мугам, тем самым создав новое направление в джазовой музыке — стиль джаз-мугам. И сейчас в современных музыкальных произведениях азербайджанских композиторов использование народных мелодий и ритмов, принципов мугама, импровизации органично сочетается с вариационным и полифоническим развитием[3].

Преемственность в изобразительном искусстве. Изобразительное искусство XX века во многом было связано с предшествующими традициями. Известно, что художники во все времена прибегали к искусству предшественников. Так, в эпохи Средневековья и Возрождения они обращались к творениям античных мастеров. Обращение к истокам характерно и для творчества выдающихся живописцев Азербайджана — Саттара Бахлулзаде, Таира Салахова и Тогрула Нариманбекова.

Бахлулзаде — «художник-сказочник», в своих пейзажах он создал удивительный мир разнообразной природы Азербайджана. В его творчестве воплотились философский лиризм, оптимизм азербайджанской миниатюры и утонченность национальной ковровой орнаментики…

Таир Салахов — крупнейших художник XX века, один из создателей такого направления в советском искусстве, как суровый стиль, его произведения демонстрируются в лучших галереях мира. Салахов, однако, не только обращался в своих произведениях к повседневной жизни и заботам простых людей, но и переносил на средневековый язык ковра свои художественные замыслы, подчеркивая тем самым свою причастность к народному творчеству.

В творчестве Тогрула Нариманбекова определенно просматривается одна из ведущих линий развития национального искусства в наше время. Сюжеты почти всех известных картин художника связаны с азербайджанским бытом, культурой, но техника их выполнения и форма подачи тяготеют к импрессионизму.

Подводя итог, можно сказать, что приверженность азербайджанского народа принципам гуманизма, толерантности, взаимопонимания восходит корнями к истории азербайджанской культуры. Многовековая история Азербайджана является важным источником для выявления перипетий духовной жизни не только азербайджанского народа, но и соседних народов Ближнего и Среднего Востока.

---

[1] *Астафьев В.* Пролетный гусь // Новый мир. 2001. № 1.

[2] *Арановский М. Г.* Музыка. Мышление. Жизнь. Статьи, интервью, воспоминания. М., 2012. С. 150.

[3] См. также: *Пазычева И.* Вариантная генетика симфонического мугама (На примере «Шур» и «Кюрд-овшары» Фикрета Амирова) // Musiqi Dünyasi. 2012. № 1 (50). С. 122–126.

Ч. Варга[1]

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА КАК ЦЕННОСТИ И ПРАВОВОГО ФУНДАМЕНТА НОВОГО МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Как интеллектуальные продукты, так и многие технические решения нашего цивилизационного развития сегодня ставят вопрос об их универсальности или специфичности для времени и места. Западная цивилизация, Европа с самого начала выступала за универсальность, поскольку и наша господствующая христианская традиция, и Просвещение, послужившее колыбелью многих современных идей, которыми мы живем, связывали их с человеком как таковым в качестве основы. С одной стороны, как утверждает антропология, «человек биологически един». С другой — та же антропология все же более строга в своей концепции. В одном из самых классических документов говорится, что «стандарты и ценности родственны культуре, из которой они проистекают», и что, следовательно, не существует человека абстрактного — то есть в общем, чисто биологическом смысле, а есть только тот, кто живет в своем сообществе и, следовательно, в своей культуре. В прямом или в культурно-антропологическом смысле, который выходит за рамки биологической антропологии, ни одна из трактовок не является универсальной. Соответственно, можно заключить: «Только после того, как будет сформулировано право людей жить в соответствии со своими традициями <...> можно будет перейти к следующему шагу — определению прав и обязанностей групп людей по отношению друг к другу»[2].

Это явно не констатация абстрактной и неинтересной истины в условиях становления нового многополярного миропорядка или, тем более, в контексте интеллектуальных продуктов и технических решений цивилизационного развития, которые, хотя и отстаивают ценности, определяющие высший идеал права и правотворчества, призваны служить поддержанию и расширению однополярности, насколько это возможно, и именно в рамках глобализма, управляемого Соединенными Штатами и в их интересах[3].

Верховенство права

Идея верховенства права, или *Rechtsstaatlichkeit*, стала одним из главных лозунгов международной политики в последние десятилетия, хотя ее концептуальное содержание обсуждалось, в частности в Венгрии, с начала так называемого перехода к верховенству права в данном регионе. К этому времени основные академические и политические круги Запада уже универсализировали ее как закрытую и абстрактную концепцию — минимум, который должен быть достигнут в любой точке мира, поскольку она служит критерием для государственных институтов, прав человека и всех тех ценностей, которых Западная Европа и англо-американский мир, как оказалось, просто придерживаются. Эта ситуация — далеко не местная особенность, новая или сугубо венгерская характеристика. Ее рождение совпало с распадом Советского Союза и навязыванием глобализации американского типа новому однополярному миру. Практически с момента окончания холодной войны и начала однополярности мира Организация Объединенных Наций вместе с ее всевластными экономическими и финансовыми структурами, а также внешнеполитические ведомства Соединенных Штатов и политические, административные и судебные центры Европейского союза использовали ее как средство глобалистской и соответственно федералистской экспансии со своими ценностями, государственными структурами и концепцией прав человека.

Что касается концептуальности верховенства права, или *Rechtsstaatlichkeit*, то это широкое идеальное понятие, включающее множество ценностей, к которому можно подойти только путем прагматичного взвешивания и балансирования в каждом конкретном случае, готовое к компромиссу в любое время, чтобы найти индивидуальное решение для каждой ситуации. Поскольку, учитывая сложность системы с ее противоречивыми ценностями, в любом случае при равной поддержке возникнут внутренние столкновения. Более того, эта концепция не может быть провозглашена универсальной моделью. Это может быть только решение проблем в рамках конкретного сообщества, то есть государства или международного образования, которое является ответом на вопросы, возникшие в определенном месте, в конкретный момент, в индивидуальном контексте. То есть сама идея *по определению* связана с интересами одной группы, так что она не может стать универсальной как абстрагированная от конкретности любого из ее проявлений *здесь и сейчас*. Рассматривая разнообразие правовых систем в современном мире в сравнительно-исторической перспективе, можно понять, что они должны быть особенными хотя бы потому, что предполагают правопорядок, основанный на правилах, который на самом деле характерен только для законов, уходящих корнями в римское право, и поэтому далеко не универсален.

---

[1] Почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор юридических наук. Приглашенный профессор ряда учебных заведений в США, Австралии, Италии, Германии, Великобритании, Японии и России. Автор более 400 научных работ, опубликованных на английском, немецком, французском и других языках, в т. ч. монографий «Codification as a Socio-historical Phenomenon», «The Place of Law in Lukács' World Concept», «Theory of Judicial Process», «Paradigms of Legal Thinking» и др. Советник премьер-министра Венгрии (1990–1994), член Международной академии сравнительного права. Лауреат премии правительства Венгрии за научные достижения.

[2] Statement on Human Rights / The Executive Board, American Anthropological Association // American Anthropologist. 1947. Vol. 49, № 4. P. 539–543.

[3] В качестве примера немедленного и беспринципного использования ситуации силового превосходства в любой момент можно привести случай, произошедший несколько десятилетий назад (см.: *Varga C.* Failed Crusade: American Self-confidence, Russian Catastrophe // Central European Political Science Review. 2007. Vol. 8, № 28. P. 71–87).

Итак, если суммировать то, что мы знали об этой концепции, когда она появилась век или два назад, и то, что новая держава-гегемон сейчас пытается навязать остальному миру, мы сталкиваемся с новым явлением, поскольку за это время оно трансформировалось.

Это было серьезное отношение к праву. В континентально-европейском варианте оно означало необходимость того, чтобы закон связывал власть, принимающую закон, и всех его адресатов, в англосаксонском варианте — необходимость того, чтобы суд был уполномочен говорить и приводить в исполнение то, что в конечном счете является правом в любом споре. В конце концов, это означало не более чем наше цивилизационное самовосхваление в области права, идеал, к которому мы все стремимся: каждый из нас в своей практике, в условиях, которые только что были предоставлены нам в постоянно меняющихся ситуациях вызовов и ответов, которые должны определить наше существование. Ее проявления (формы, акценты и модусы) подобны здесь и там: они демонстрируют большое разнообразие, более того, высокую адаптивность и в своем внутреннем развитии тоже. Конечно, и они меняются с течением времени. Таким образом, в своем возникновении и развитии идея верховенства права и *Rechtstaatlichkeit* охватывает весь опыт, накопленный в цивилизационном самообустройстве, доступном в рамках функционирования государства, опыт, который всегда подпитывался различными ответами на меняющиеся вызовы конкретных мест и эпох. Таким образом, она никогда не была чем-то иным, кроме как по своей сути зависимой от контекста и, следовательно, неизбежно специфичной, зависящей от ее культурной (и т. д.) среды. Хотя существующие (и в принципе взаимные) процессы обучения между нациями и эпохами могут пытаться проецировать ее как универсальную, сама по себе формулировка этого необязательно предполагает нечто большее, чем естественную потребность в самооправдании тех, кто участвует в экспорте жизненно необходимых для Запада ценностей.

Когда Запад использовал лозунг верховенства права как символ своего превосходства в холодной войне, его задачей было только обозначение, описание и характеристика. Во время глобализации, когда, согласно заявлениям Запада, мировая экономика требует единой нормативно-правовой среды, а Европейский союз приступил к централизованному строительству империи, официальная мантра становится все более настойчивым требованием верховенства права, но на этот раз применяемым уже в качестве нормативного критерия.

Но каково содержание этой идеи? Ее используют так, как если бы это был юридический инструмент, инструмент для воплощения в жизнь давно известного идеала во всем мире. Но это обманчиво, потому что теперь она попала в политическую среду тех, кто принимает решения в мировых державах, и таким образом перешла из юридической плоскости в политическую. С идеей верховенства права возникла возможность и последующая практика постоянного расширения ее содержания по усмотрению специалистов, которые пытаются втиснуть свои сегодняшние и завтрашние инновации в ту схему, которая была признана вчера. Как будто сознательная приверженность государства *status quo ante* автоматически распространяется на случайность любого *status quo post*. Но тот факт, что идея верховенства права свободно расширяется и изменяется таким образом, также является признаком фактической бессодержательности этого утверждения. Поэтому не случайно и сама концепция кажется ее сторонникам внутренне пустой.

И действительно, даже если метаморфозы превратили ее из дескриптума в прескриптум и, таким образом, в критерий для оценки реально работающих правовых систем извне и сверху, они не смогли изменить основную природу самой нормы права. Дело в том, что по своей природе это не классовое понятие с границами, которые можно точно провести на основе определения, а так называемое понятие порядка, которое может быть описано только путем характеристики и примера, проиллюстрированного рядом проявлений различных феноменов и характерных свойств[1]. Иными словами, если воспользоваться другой терминологией из литературы по философии и логике науки, основополагающая природа правового государства заключается именно в его неизменности и существенной спорности[2]. Это то, что, с одной стороны, свободно и постоянно расширяется с помощью конкурирующих институциональных и авторских формулировок. В то же время это та основная черта, которая, разумеется, является предпосылкой для неизменного служения правового государства идеалу человечества, верящего в верховенство права или *Rechtsstaat*, несмотря на меняющиеся обстоятельства.

Его содержание, даже при самом узком юридическом понимании действительно основных составляющих, представляет собой запутанный ансамбль ценностей, целей и процедур, которые, поскольку они естественным образом направлены в разные стороны и, кроме того, находятся в противоречии друг с другом, если на них делается одинаковый или односторонний акцент, требуют взвешивания и балансирования в каждой конкретной ситуации — хотя бы потому, что максимизация любой из них без такого компромисса или даже попытка или поддержка их полного удовлетворения привела бы к их взаимному уничтожению. Следовательно, верховенство права — это не категория, на реальность которой можно ответить простым «да» или «нет», а идеал, направление, к которому мы должны стремиться при любой актуализации права. Каким образом? Напрашивается вывод, что на этом пути неизбежны противоречия и компромиссы. Ибо только индивидуальное разрешение ситуации в конкретное время в конкретном месте, ответственное и чуткое рассмотрение ее *здесь и сейчас* может создать некий оптимальный баланс «там и тогда».

---

[1] См.: *Hempel C. G., Oppenheim P.* Der Typusbegriff im Licht der neuen Logic (Leyden: Sijthoff 1936) vii + 130 p. ; *Oppenheim P.* Von Klassen begriffen zu Ordnungsbegriffen // Travaux du IXe Congrès International de Philosophie: Congrès Descartes / ed. R. Bayer. P. : Hermann, 1937. Vol. 9. P. 69–76 [Actualités scientifiques et industrielles 530] ; *Radbruch G.* Klassenbegriffe und Ordnungsbegriffe im Rechtsdenken // Revue internationale de la Théorie du Droit XII. 1938. P. 46–54.

[2] См.: *Gallie W. B.* Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society (1955–1956). Vol. 56. P. 167–198.

В самой природе нашей темы заложен тот факт, что ни идея верховенства права, ни *Rechtsstaat* никогда не были и в своем нынешнем, граничащем со злоупотреблением обращении никогда не становились действующим понятием в праве. Таким образом, она не является операциональным термином, поскольку ни в целом, ни в отдельных ее компонентах не содержится определений фактов, которые, составляя юридический случай в праве, позволили бы определить ее распространенность или нераспространенность в праве, а значит, установить и доказать ее факты в суде. На самом деле ни внутригосударственный, ни международный порядок ни одной страны или международной организации до сих пор не дал такого определения, и эти органы, ссылаясь именно на данную концепцию, сегодня выдвигают политические и экономические требования или даже используют шантаж в качестве средства вымогательства.

Это же, очевидно, относится и к политико-идеологическому расширению концепции верховенства права, когда демократия, права человека и либерализм с другими ценностями добавляются к списку требований под эгидой верховенства права в качестве непременных компонентов. Ибо это не означает, что кто-то может заявить о приверженности верховенству права в прошлом в качестве оправдания для последующего принятия произвольного расширения (дополнения и (или) изменения) в более поздние времена[1].

Кейс прав человека и смешение неправительственных организаций, служащих политическому проникновению, с реальными структурами гражданского общества

Проблематика прав человека была бы просто отдельным вопросом, если бы не была связана с современными стереотипами о верховенстве права, якобы предполагающими их в качестве основополагающих элементов. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что и здесь есть, так сказать, параллельные черты. Например, трансформация этого понятия, поскольку западная либеральная элита больше не воспринимает права человека просто как фундаментальные права, необходимые для жизни человека, или как зонтик, защищающий личность от засилья государства, а рассматривает их как абсолютизирующее расширение вседозволенности (и распущенности) с исключительным акцентом на неограниченную автономию личности в любых обстоятельствах и в любое время. Так, например, содержание прав человека рассматривается любыми меньшинствами или группами интересов как свободно расширяемое в их борьбе и для их борьбы. Такова глубинная природа прав человека, состоящих не более чем из хорошо прогнозируемых искусственных сущностей. Ведь, по сути, права человека в их теоретической реконструкции — это просто некая транслируемая проекция желаемых идей, которые на самом деле соответствуют действиям тех, кто мотивирован поступать так, как они подразумевают. Это также порождает вопрос об универсальности или специфичности: мейнстрим стремится продемонстрировать свой универсализм как идеологическое обоснование своего желания занять доминирующее положение во всем мире[2].

В то же время международная концепция демократии все больше базируется на взаимности, которая не довольствуется функционированием государственного аппарата, определяемого пропорцией голосов на соответствующих выборах, а ставит национальный суверенитет под прямой совместный контроль неправительственных организаций, которые решительно объявляются представителями гражданского общества. Однако на кону здесь не что иное, как неправительственные организации, которые как бы скрыты в общей концепции подлинно гражданских образований и используют потенциал последних, нейтральный и в то же время полезный и содействующий общему благу, в собственных узких целях и внешнеполитических интересах. Не имея демократического представительства или мандата, эти организации-агенты, созданные, финансируемые и управляемые иностранными правительствами или другими центрами политического влияния либо финансового капитала, пытаются доминировать в сфере принятия фактических решений и определять курс принимающей страны, вмешиваясь во внутреннюю политику. Как показывает большая коллекция материалов, американский профессиональный анализ уже признал, что то, что в эпоху холодной войны было миссией секретных служб, теперь может быть открыто выполнено такими неправительственными организациями в странах-объектах[3]. Или, как самодовольно утверждают финансируемые Соросом организации[4], со времен падения коммунизма историю Центральной и Восточной Европы можно досконально узнать из хронологии действий «Открытого общества»[5].

---

[1] Ср.: *Csaba V.* Rule of Law — Contesting and Contested // Magyar Elektronikus Könyvtár : [сайт]. Budapest, 2021. URL: https://mek.oszk.hu/22800/22867/22867.pdf.

[2] См.: *Варга Ч.* Природа прав человека // Загадка права и правового мышления : избр. произведения / сост. и науч. ред. М. В. Антонов. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. С. 224–230.

[3] Для Джеймса Корбетта (*Corbett J.* How the US Uses NGOs to Destabilize Foreign Governments. URL: http://theinternationalforecaster.com/topic/international_forecaster_weekly/How_the_US_Uses_NGOs_to_Destabilize_Foreign_Governments) «эти организации представляют собой „троянских коней“: они созданы для того, чтобы казаться подарками, но содержат секретные дверцы-ловушки, через которые скрытые силы могут проникнуть в страну и тайно вредить работе правительства... Такие организации — главные подозреваемые в контрабанде тайных агентов в иностранные государства». Или согласно У. Блюму (*Blum W.* Rogue State. A Guide to the World's Only Superpower. Monroe, ME. : Common Courage Press, 2000. P. 180) «многое из того, что мы делаем сегодня, было тайно сделано ЦРУ 25 лет назад».

[4] Как признают авторы книги «The Paradoxes of Unintended Consequences» (ed. R. Dahrendorf et al. ; Budapest ; N. Y. : Central European Univ. Press, 2000. P. 233) и А. Ослунг в книге «Building Capitalism The Transformation of the Older Soviet Bloc» (Cambridge ; N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2002, P. 438), «таким образом, история посткоммунистической трансформации в значительной степени является историей фондов Сороса».

[5] *Varga Cs.* Civil Society Associations vs. So-called Non-governmental Organizations // Civic Review. Budapest. 2020. № 16, spec. iss. P. 212–225. URL: https://eng.polgariszemle.hu/current-publication/157-excerpts-from-hungarian-history-and-scientific-life/981-civil-society-associations-vs-so-called-non-governmental-organisations.

Формализм

Формализм — тот критерий, который отражает саму природу права, и именно это придает праву специфичность. Ведь право, исходя из самого себя и обращаясь к самому себе, в конце концов определит и обеспечит свою собственную систему исполнения[1]. Таким образом, основное требование верховенства права заключается в том, что для устранения возможности произвола каждый правовой акт должен быть оформлен юридически.

Однако это фундаментальное требование верховенства права не лишено некоторых следствий, по крайней мере в современном мире, который неистово стремится к совершенству. Например, чтобы достичь или даже приблизиться к этому, оно поощряет все бóльшую юридизацию и как предпосылку для этого все большее производство норм. Как специфическое массовое поле государственного вмешательства это касается, прежде всего, осуществления исполнительной власти, что неизбежно приведет к повсеместному разрастанию правового массива с неизбежной инфляцией норм.

В качестве яркого примера можно привести французскую литературу по публичному праву, в которой это рассматривается как одна из опасностей или даже самая большая угроза для его собственной конституционности. Это уже породило ложную связь между верховенством права и полнотой правового порядка как такового[2], согласно которой желательная гарантия верховенства права предполагает, казалось бы, наиболее полное регулирование всех жизненных обстоятельств. И будущее, которого она не сможет избежать, несомненно, будет нестабильным, с нарастающим ослаблением правовой определенности. Более того, любая самонакапливающаяся масса правил так и взывает к перманентному нарастанию изменений в законодательстве, которые, помимо прочего, имеют тяжелые побочные эффекты. Однако фактический путь, который может привести к этому, остается — и должен оставаться — неизбежно некритичным, потому что он будет заранее оправдан с самого начала, ибо все это может быть и будет сделано именно в духе и в интересах того самого «верховенства права»[3]. В результате всего этого французский *Conseil d'État* уже заявил, что «само право станет скорее угрозой, чем защитой»[4].

Как уже отмечалось, формалистический позитивизм правил остается в основном прямым слугой государственного интереса, воплощенного в регулировании, вместо того чтобы способствовать возможной реализации индивидуальной свободы. Как следствие, подлинное и непосредственное служение людям как высшее призвание юриспруденции остается без критериев. Это происходит потому, что представление права как абстракции, выводимой из правил, неизбежно изолирует всю эту сферу от реальных социальных процессов.

Наконец, если курс становится культом самого себя, он может способствовать снижению индивидуальной инициативы, навязывая единую схему мышления, что может быть равносильно своего рода добровольному интеллектуальному self-*Gleichschaltung*, что, как уже говорилось[5], приведет к «утрате способности к независимому моральному мышлению»[6].

Заключение

Идеал, который мы стремимся все полнее реализовать в нашем цивилизационном самовозвеличивании, утверждается вновь, ибо это тот же самый идеал, который следует из наших правовых традиций, а также из всей полноты и логики нашего правового развития.

[1] Это «замкнутая система», категория посмертной онтологии. Ср.: *Varga Cs.* The Place of Law in Lukács' World Concept. 3rd ed. [reprint 1985]. Budapest : Szent István Társulat, 2012. Ch. 5. URL: http://mek.oszk.hu/14200/14249.

[2] См.: *Varga Cs.* Legal Mentality as a Component of Law: Rationality Driven into Anarchy in America // Curentul Juridic. Târgu Mureş. 2013. XVI. Vol. 52, № 1. P. 63–77. URL: https://ideas.repec.org/a/pmu/cjurid/v52y2013p63-74.html.

[3] *Luisin B.* Le mythe de l'État de droit // Civitas Europa. 2016. Vol. 37, iss. 2. P. 155–182. URL: https://www.cairn.info/revue-civitas-europa-2016-2-page-155.htm?contenu=article#re35no35.

[4] Conseil d'État, 'De la sécurité juridique' : Rapport public annuel 1991 // Études et documents (La Documentation française). 1992. № 43. P. 20 («право рассматривается уже не как защита, а как угроза»).

[5] *Waldron J.* The Rule of Law // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2016. § 7. URL: https://plato.stanford.edu/entries/rule-of-law/#OppoRuleLaw.

[6] Ср.: *Varga Cs.* Rechtsstaat, Rule of Law — Expectations, Criticisms, and the Nature of Claims // Rule of Law / ed. Grz. Pastuszko. Warszawa : Wydawnictwo Instytutu Wymiaru Sprawiedliwości, 2023. P. 13–58. URL: https://wydawnictwo.iws.gov.pl/wp-content/uploads/2023/05/RuleOfLaw_DRUK.pdf.

Н. К. Гарбовский[1]

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО БРИКС: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И УНИВЕРСИТЕТСКИЕ РЕЙТИНГИ

Новая международная реальность, начавшая формироваться в конце прошлого тысячелетия и приобретающая в последние годы уже вполне отчетливые очертания, предполагает новые требования к формам, направленности, выбору участников диалога культур и цивилизаций. Сегодня происходят бурные трансформации мировой экономики, торговли, финансов, технологических рынков, рушатся многие стереотипы международных отношений, межкультурного взаимодействия. В этих условиях, по справедливому замечанию А. С. Запесоцкого, «Россия вынуждена одновременно решать целый ряд задач. Это, с одной стороны, преодоление кризиса культурно-цивилизационной идентичности, формирование современной национальной идеи, с другой — поиск своего места в новом глобализирующемся мире. Остро встает вопрос о том, с кем следует интегрироваться экономически, культурно, политически и как при этом оптимально определять и реализовывать свои национальные интересы» [3, с. 7]. Эти вопросы не могут не затронуть и сферу образования. При этом не исключается возможность формирования нового образовательного пространства — образовательного пространства стран БРИКС в том составе, в каком он складывается в последний период, и с перспективой вступления новых участников в ближайшие годы.

Первые шаги на пути формирования общего образовательного пространства стран БРИКС были предприняты более 10 лет тому назад. В ноябре 2013 года на встрече министров образования стран БРИКС в Париже впервые прозвучала идея о целесообразности учреждения Сетевого университета БРИКС, а через два года, в ноябре 2015-го, министрами образования и науки стран БРИКС была подписана Московская декларация о сотрудничестве и Меморандум о взаимопонимании, который стал основным учредительным документом Сетевого университета БРИКС (СуБРИКС). В 2016 году в Уральском федеральном университете состоялась учредительная конференция Сетевого университета, в ходе которой обсуждались общие принципы формирования и функционирования этого международного образовательного института, были намечены основные направления и программы подготовки студентов и выдвинуты предложения по перспективам развития. Сетевой университет объединил более 50 университетов стран-участниц. В качестве основных направлений научных исследований и подготовки кадров были выделены шесть: водные ресурсы и нейтрализация загрязнений; информатика и информационная безопасность; исследования стран БРИКС; экология и изменения климата; экономика; энергетика [8].

Научно-образовательную деятельность в рамках Сетевого университета БРИКС координируют международные тематические группы. Их задача — определять содержательные аспекты образовательных программ, согласовывать процедуры признания результатов обучения участниками СуБРИКС, решать вопросы академического обмена, мобильности и пр.

В соответствии с Меморандумом о взаимопонимании основными проектами Сетевого университета БРИКС являются совместные образовательные программы уровней магистратуры и аспирантуры, а также краткосрочные образовательные проекты различного рода, в частности летние и зимние школы, курсы, предполагающие приглашение профессоров из университетов-партнеров, и т. п. [10].

За прошедшие десять лет геополитическая ситуация в мире существенно изменилась. Сегодня БРИКС, пополнившийся новыми членами, претендует на статус не только финансового и экономического конгломерата, но и культурно-образовательного объединения, в рамках которого должны реализовываться совместные программы научно-исследовательского и научно-образовательного характера, направленные на развитие научного знания в различных областях и подготовку кадров нового поколения, способных эффективно сотрудничать в разных сферах в рамках экономического сообщества.

Решение такой амбициозной задачи невозможно без детального анализа научного и образовательного потенциала каждого из участников сотрудничества, а также объективных факторов, способных создавать труднопреодолимые препятствия для международного взаимодействия стран — участниц БРИКС.

Чтобы понять, куда двигаться дальше и какие помехи могут встретиться на пути образовательной интеграции стран БРИКС, целесообразно обратиться к опыту прошлых лет и проанализировать некоторые статистические данные, касающиеся совместной научно-исследовательской и образовательной деятельности университетов стран БРИКС. Так, в докладе Глобальному университетскому саммиту БРИКС приводится количество научных статей в SCOPUS, опубликованных исследова-

[1] Академик-секретарь Отделения образования и культуры РАО, директор Высшей школы перевода МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, Заслуженный профессор Российского профессорского собрания. Автор более 200 научных и учебно-методических публикаций: учебника «Теория перевода»; монографии «О переводе», «Сопоставительная стилистика профессиональной речи», «Когнитивная модель перевода», «История перевода: практика, технологии, теории» (в соавт.); «Русско-французский словарь военных терминов» (в соавт.) и др.; многочисленных переводов научной и художественной литературы. Координатор от МГУ программы подготовки переводчиков для лингвистических служб ООН, член Ассоциации исследователей в области теории и практики перевода (СЕРТЕТ, Франция), Союза переводчиков России. Почетный профессор Фракийского университета им. Демокрита (Греция), приглашенный профессор Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (Китай). Главный редактор научного журнала «Теория перевода» (серия «Вестник Московского университета»). Лауреат Ломоносовской премии за педагогическую деятельность.

телями, представляющими страны БРИКС, в соавторстве друг с другом за 2012–2014 годы. Анализ этих данных показывает весьма скромный уровень совместной публикационной активности исследователей университетов стран БРИКС. Доля статей, опубликованных российскими учеными совместно с исследователями стран БРИКС, в общем количестве статей российских авторов в SCOPUS составляет чуть более 1 % с Бразилией, 1 % с Индией, 2,2 % с Китаем и 0,54 % с ЮАР [1, с. 39]. Можно предположить, что после 2022 года эти показатели будут еще ниже по той причине, что в последние годы число статей российских ученых в журналах, индексируемых в базе данных SCOPUS, значительно сократилось. В то же время, как отмечает О. А. Алексеенко, «доля совместных публикаций исследователей из стран БРИКС с представителями США и Европейского союза значительно превосходит аналогичные показатели» [1, с. 39]. Нельзя не согласиться с О. А. Алексеенко в том, что основными причинами, сдерживающими научное и образовательное сотрудничество стран БРИКС, являются факторы лингвистического и культурологического порядка: «1. Государства БРИКС принадлежат к различным цивилизационным ареалам, используют различные языки, которые зачастую выступают основными языками в академической среде, научных исследованиях и публикациях… 2. Страны БРИКС имеют собственные, отличные друг от друга академические традиции, а мобильность студентов, магистрантов, аспирантов и ученых затруднена в силу географических факторов» [1, с. 39].

Иначе говоря, извечные и естественные преграды на пути международного сотрудничества — языковой барьер и традиции, формирующие культурную идентичность, способны и сегодня затормозить реализацию самых амбициозных международных проектов.

Автор указанной выше аналитической статьи отметил значительно большую представленность в международных базах данных и частотность совместных научных публикаций ученых стран БРИКС с авторами из стран Запада. Одна из причин такой асимметрии — необходимость публикации научных статей почти исключительно на английском языке. Видимо, не случайно даже в рамках БРИКС у ЮАР самый высокий процент отношения совместных публикаций к общему числу публикаций, индексируемых в SCOPUS, именно с Индией (3 %), где, как и в ЮАР, английский является языком образования и науки.

Развивая проекты международного образовательного пространства БРИКС, не следует забывать о том, что язык обучения является одним из важнейших ценностных ориентиров системы образования. Неизбежно возникает вопрос о том, на каком языке может осуществляться научно-образовательное взаимодействие в рамках БРИКС: по привычной модели, то есть на английском — иностранном как для обучающих, так и для обучаемых, либо по какой-то иной лингвистической модели? Следует ли в новом международном образовательном пространстве продолжать двигаться по пути наименьшего сопротивления и налаживать процессы обучения и научной коммуникации на английском языке? Внешне общества готовы к такому решению: уже давно на уровне средней школы повсеместное изучение английского стало почти обязательным как в России, так и в других странах БРИКС. Практика чтения лекций на английском языке в сфере высшего образования также довольно распространена во многих неанглоязычных странах.

Такое внешне наиболее легкое лингвистическое решение вопроса учебной и научной коммуникации в выстраиваемой сегодня архитектуре образовательного пространства БРИКС вряд ли состоятельно как с политической, так и с когнитивной точки зрения.

Не будет ли ошибкой закрывать глаза на то, что английский язык естественным образом поддерживает экспансию западной англосаксонской культуры, многие ценности которой неприемлемы для культур стран БРИКС? Показателен пример нового члена БРИКС — Ирана, запретившего преподавание английского языка в начальной школе и постепенно переходящего к многоязычию в преподавании иностранных языков в средней школе, осознав, что изучение исключительно английского языка является не чем иным, как подстройкой населения под иной культурный код чужого мира, стремящегося сохранить свое доминирование?

Стоит ли пренебрегать когнитивным опытом прошлых лет, доказывающим, что именно родной язык представляет собой ту ценность, которая позволяет достичь наиболее глубокого погружения в любой предмет познания?

История образования в нашей стране показывает, что вынужденная ориентация на обучение на неродном языке неизбежно вытесняется образованием на родном языке. В середине XVIII века Россия интегрировалась в европейское образовательное пространство. После открытия первого в России Московского императорского университета немецкие профессора перенесли из Европы в Москву обязательное чтение лекций на европейском языке науки — латинском как «основании всех наук». Но уже в первые годы работы университета эффективность чтения лекций на латыни ставилась под сомнение. Ученик М. В. Ломоносова профессор Московского университета и переводчик Николай Никитич Поповский во вступительной речи к своему курсу лекций заявил, что при преподавании философии совершенно напрасно употребляют латинский язык, потому что «нет такой мысли, кой бы по-российски изъяснить было невозможно». Важно отметить, что речь шла именно о философии как основе гуманитарного знания. Он говорил об этом и на заседании Конференции университета в 1758 году, где не получил поддержки профессуры [5]. Но уже через 10 лет вопрос о языке образования однозначно решался в пользу родного языка обучаемых, и по настоянию куратора Московского университета М. М. Хераскова, и по указу императрицы российские профессора стали читать лекции на родном для себя и для студентов языке, о чем сохранилась заметка в «Московских ведомостях»: «С сего 1768 году в Императорском Московском университете, для лучшего распространения в России наук, начались лекции во всех трех факультетах природными россиянами на российском языке…»

Через полтора века автор статьи о Поповском в Русском биографическом словаре, председатель Императорского Русского исторического общества А. А. Половцов заметил, что речь Поповского «до сих пор небезынтересна по своей разумной критике образовательного значения так называемых классических языков» [5]. Она небезынтересна и сегодня для осознания преимуществ и недостатков использования в международном образовании английского языка — современного языка науки и образования.

Пренебрегать лингвистическими факторами в образовании чрезвычайно опасно и безответственно. Для достижения эффективного университетского взаимодействия в рамках формирующегося образовательного пространства БРИКС обсуждение темы лингвистической координации учебных и совместных научно-исследовательских процессов представляется чрезвычайно актуальным.

Англизации образовательной и научно-исследовательской коммуникации в рамках БРИКС можно противопоставить иной подход, ставший возможным благодаря современным информационно-коммуникационным технологиям. Этот подход предполагает освоение учебной и научной информации на родном языке обучаемых. При этом преподаватели также будут использовать свой родной язык для передачи информации студентам. В центре такой коммуникативной модели оказывается перевод. В этом случае и процесс обучения, и научно-исследовательская деятельность могут осуществляться на языке той страны, в которой находится обучаемый или исследователь.

Такой подход не является новым. Он широко применялся в Советском Союзе для обучения иностранных студентов, но его эффективность была невелика из-за дефицита квалифицированных переводчиков, дороговизны использования оборудования при обеспечении синхронного перевода либо больших временны́х затрат при последовательном переводе. Сегодня же практика обучения иностранных студентов, недостаточно владеющих русским языком, отчетливо показывает возможный путь: студенты широко используют на занятиях электронные переводческие средства, позволяющие им получить необходимую информацию на родном языке.

Дальнейшее развитие информационных технологий в области перевода и распознания речи делает этот путь вполне приемлемым. Однако для того, чтобы он был действительно эффективным, необходима совместная международная и межъязыковая «лингвистическая доработка» учебных материалов образовательным сообществом стран — участниц БРИКС. В ней должны принять участие лингвисты и специалисты других научных областей, с привлечением потенциала искусственного интеллекта, чтобы свести к минимуму искажения и пропуски информации, которыми нередко грешат программы автоматического перевода. Такой подход позволил бы иностранным студентам получать более полную научную информацию по сравнению с той, какую они могут получить либо посредством чужого и для них, и для преподавателя английского языка, либо овладев в недостаточной степени языком страны принимающего университета. Переводная модель обучения может повысить привлекательность университетов для иностранных студентов в рамках объединенного образовательного пространства БРИКС, облегчить мобильность студентов и исследователей, создать более комфортные лингвистические условия для усвоения научной и учебной информации. Все это будет способствовать повышению статуса университетов БРИКС в международных рейтингах, поможет составить важные критерии при разработке методик новых рейтингов, в частности планируемого рейтинга университетов БРИКС.

Инициатива создания рейтинга университетов БРИКС, призванная повысить узнаваемость университетов членов БРИКС в мировом образовательном сообществе, была высказана в июле 2023 года Министерством науки и высшего образования России на встрече министров образования стран БРИКС в Южной Африке. Эта инициатива была закреплена в Декларации по результатам встречи и в дальнейшем обсуждена и поддержана экспертным сообществом в ходе общественного обсуждения темы «Продвижение российской системы высшего образования в международном пространстве» в Общественной палате, в котором участвовали рабочие группы Российского союза ректоров, Академии наук, Академии образования, а также общественные советы при профильных органах власти и комиссии Общественной палаты. Рейтинг университетов стран БРИКС мог бы стать альтернативой существующим международным рейтингам, важным инструментом позиционирования и продвижения российского образования и науки на международной арене. Идея рейтинга университетов стран БРИКС возникла по объективным причинам. Еще до 2022 года на основе анализа глобальных рейтингов выяснилось, что каждый из них имеет свои «приоритеты»: одни страны позиционированы лучше, в то время как другие почти не видны. До 2012–2014 годов международные рейтинги «не замечали» даже Физтеха — ведущего российского вуза по подготовке специалистов в области теоретической, экспериментальной и прикладной физики, математики, информатики, химии, биологии и других точных наук.

В настоящее время ситуация усугубилась: Россия «плохо видна» во всех рейтингах, несмотря на объективно хорошие показатели. Большинство международных рейтингов открыто дискриминируют российские вузы. Возникли проблемы с учетом цитирований российских авторов наукометрическими системами. Международная организация IREG Observatory, занимающаяся формированием международных правил рейтингования, в 2022 году приостановила членство российских вузов. Сегодня страна остро нуждается в национальном инструменте глобального позиционирования вузов.

О том, что появилась новая идея — создать рейтинг для стран БРИКС, в феврале 2024 года на заседании Совета по науке и образованию с участием президента России заявил ректор МГУ им. М. В. Ломоносова академик В. А. Садовничий. Он предложил разработать методику оценки университетов, обсудить ее на совете Союза ректоров и представить в октябре 2024 года

на саммите БРИКС [6]. Инициатива получила одобрение главы Российского государства, заявившего на заседании Совета при Президенте РФ по науке и образованию: «Что касается рейтинга БРИКС, это очень хорошее предложение, мы [Россия] председательствуем в этой организации в этом году, обсуждаем с коллегами вопросы нашего сотрудничества. Хорошая идея. Надо проработать это на рабочем уровне» [2].

В основу методики составления нового международного рейтинга университетов предложено положить критерии рейтинга «Три миссии университета», который наряду с традиционными для международных рейтингов ценностными ориентирами (образование и наука) впервые включает новый ориентир — взаимодействие с обществом, оценивая таким образом все три ключевые миссии университета [7]. «Одно из наших предложений, — заявил В. А. Садовничий на заседании Совета Российского союза ректоров, — создание рейтинга университетов стран БРИКС на базе проекта „Три миссии университета“» [4]. По словам Садовничего, «с 2020 года Московский международный рейтинг „Три миссии университета“ является наиболее представительным в мире: в нем участвуют 2000 университетов из 112 стран; он основан на объективных показателях, учитывает специфику России» [4]. Московский международный рейтинг «Три миссии университета» оказался единственным инструментом, который позволяет оценить международные конкурентные позиции всех российских вузов независимо от политической конъюнктуры. В нем представлены 154 российских вуза. Всего же семейство рейтингов «Три миссии университета» оценивает 459 вузов из 82 регионов, то есть фактически все действующие вузы России. Ближайший конкурент — британский THE — ранжирует всего 76 российских вузов и при этом широко использует субъективные оценки, проводя опросы. Шанхайский рейтинг ARWU, опирающийся на объективные показатели, дает оценку всего 9 российским вузам. «Три миссии университета» — наиболее объективный рейтинг, предполагающий максимум участников и минимум субъективности. Вес субъективных (экспертных) оценок составляет 0 % (ср.: THE — 33 %, QS — 50 %), а библиометрических показателей — 17 % (ср.: THE — 30 %, QS — 20 %, ARWU — 67 %). «Три миссии университета» отражает реальные потребности страны, и альтернатив этому рейтингу пока не предвидится. По результатам 2023 года три российских участника вошли в топ-100 глобального рейтинга: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (17-е место), Санкт-Петербургский государственный университет (39-е) и МФТИ (43-е).

Для оценки публикационной активности университетских ученых БРИКС также предлагается новый ориентир. Востребованность научных работ должна оцениваться с учетом национальных потребностей стран — участниц рейтингов. В качестве одного из источников оценки может быть предложен так называемый белый список — перечень наиболее авторитетных научных журналов, в который входят около 30 тыс. российских и международных изданий, используемый для оценки публикационной активности российских ученых.

МГУ им. М. В. Ломоносова предлагает запустить в рамках БРИКС несколько пилотных рейтинговых проектов. В качестве одного из таких пилотов предлагается рассматривать российский «Рейтинг университетов стран БРИКС семейства „Три миссии университетов“». Университет считает целесообразным рекомендовать органам власти, университетам и неправительственным организациям стран БРИКС ориентироваться на глобальные рейтинги университетов, поддержанные БРИКС, и предлагает создать в рамках БРИКС общественно-консультативный орган (совет) по академическому лидерству. Цель Совета — консолидация усилий по повышению уровня конкурентоспособности (академическому лидерству) университетов и научных организаций, формированию правил конкуренции в новом международном образовательном пространстве стран БРИКС.

Литература

1. *Алексеенко, О. А.* Сетевой университет БРИКС и его роль в выстраивании новой архитектуры многостороннего взаимодействия в области образования и науки / О. А. Алексеенко // Вестник высшей школы. — 2017. — № 9. — С. 38–42.

2. Владимир Путин поддержал идею создать рейтинг вузов стран БРИКС // Rating Review : [сайт рейтинговой группы RAEX]. — 2024, 8 февр. — URL: https://raex-rr.com/news/press-reliz/rating_brics_approve/?ysclid=ltk04ueplo484151369 (дата обращения: 18.04.2024).

3. *Запесоцкий, А. С.* Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций (По материалам Международных Лихачевских научных чтений) / А. С. Запесоцкий. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2018. — 608 с.

4. На заседании Совета Российского союза ректоров поддержали инициативу президента РСР создать рейтинг вузов стран БРИКС // ВКонтакте : [сайт]. — 2024, 20 февр. — URL: https://vk.com/wall-78019879_42567?ysclid=ltjysou73l286337423 (дата обращения: 18.04.2024).

5. Поповский, Николай Никитич // А. А. Половцов. Русский биографический словарь. — Т. 14. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-14/478 (дата обращения: 18.04.2024).

6. Путин поддержал идею создать рейтинг университетов стран БРИКС // Интерфакс : [сайт]. — 2024, 8 февр. — URL: https://www.interfax.ru/russia/945220 (дата обращения: 18.04.2024).

7. Три миссии университета // Mosiur. The Three University Missions : [сайт]. — URL: https://mosiur.org (дата обращения: 18.04.2024).

8. BRICS Network University : [сайт]. — URL: http://nu-brics.ru.

9. MOsIUR. THE THREE UNIVERSITY MISSIONS. — URL: https://mosiur.org.

10. Ongoing ITD projects // BRICS Network University : [сайт]. — URL: http://nu-brics.ru/pages/projects.

Ч. Годдард[1]

РОССИЯ В НОВОМ МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ; НОВЫЕ ЦЕЛИ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Введение

Многополярность сфере международных отношений возникает при наличии трех и более центров силы, каждый из которых обладает сравнимой степенью власти. Многие ученые, в частности Дж. Дэвид Сингер и Джон Ф. Коппер, утверждают, что это наиболее стабильная структура власти[2]. Мир вступает в новую захватывающую фазу многополярного развития во многом благодаря появлению и консолидации БРИКС[3]. Однако у такого развития много положительных и несколько отрицательных сторон, и нам в России повезло, что мы можем воспользоваться первыми и надежно защитить себя от вторых. Судьба «помогает смелым»[4] — и мы не найдем лучшего примера нашего смелого позиционирования на международной арене, чем Концепция внешней политики Российской Федерации до 2023 года (далее — КВП-2023)[5]. В этом небольшом докладе исследуются некоторые из этих положительных и отрицательных сторон.

Многополярность

Многополярность предполагает увеличение числа независимых субъектов. Если мы определяем стабильность как вероятность того, что международная система сохранит все свои существенные характеристики таким образом, что ни одна нация (в частности, ее система навязывания своей культуры, верований, политики и экономического давления) не станет доминирующей, то большинство членов международной системы продолжат выживать и процветать без ведения крупномасштабных войн. В этом отношении можно сказать многое, но это выходит за рамки доклада[6].

Какое-то время после 1945 года мы наблюдали в основном биполярный мировой порядок, когда Америка противостояла Советскому Союзу преимущественно на европейском театре военных действий, проходивших на другом от нее конце земного шара. Тем не менее американское капиталистическое и колониальное влияние невозможно было сдержать, поскольку оно распространялось как вирус, что привело к возникновению горячих точек и конфронтации (как идеологической, так и физической) и в других местах. Распад Советского Союза привел к временному вакууму власти. Америка, которая не стеснялась навязывать свои ценности всему миру, с неприличной поспешностью и радостью заняла это «пустое» место. Эта радость была в основном обусловлена продажей оружия и другими капиталистическими авантюрами, которые увеличивали прибыль американских компаний за счет принимающих стран, которые не все были рады американскому вмешательству. Выход на политическую арену и возрождение Российской Федерации при помощи партнеров из СНГ положили начало процессу прекращения этого вмешательства. Конституция РФ отражает многонациональность нашего народа и отношение к миру в целом, поскольку мы представляем собой «обогащенную смесь», из которой можно черпать силу и терпимость, поскольку мы связаны общей судьбой. Американцы будут поддерживать девиз «E pluribus unum» («Из многих — единое»). Напротив, мы могли бы предложить альтернативу — «E pluribus viribus» («Из многих — сила»). Человечество в его более широком контексте точно так же связано общей судьбой — мы

[1] Профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доцент Российского государственного гуманитарного университета, магистр права (строительство), бакалавр архитектуры (Великобритания). Автор ряда научных работ, в т. ч.: «Российское образование на новом рубеже эпох (диалектика прошлого и будущего). Что нужно России?», «Freedom of Expression — where are the Boundaries?», «Культура применения права в Великобритании», «Эксперты и экспертные свидетельства в международном арбитраже: использование, задачи и обязанности, основания для назначения», «Англичанин в Москве и МГЮА», «Английский язык и право — возможности в университете» и др. Член Королевского института британских архитекторов, Королевского общества искусств, Королевского института арбитров, Совета по регистрации архитекторов, Ассоциации менеджеров проектов, Ассоциации специалистов по проектному надзору. Бывший главный редактор журнала «Kutafin University Law Review». Руководитель международных строительных проектов (стадион ФК «Шахтер» в Донецке, Большой ледовый дворец в Сочи, генеральный план реализации Зимних Олимпийских игр 2014 в Сочи). Награжден медалью ордена «Родительская слава».

[2] Это можно сравнить с однополярностью и биполярностью — см. *Deutsch K. W., Singer, J. D.* Multipolar Power Systems and International Stability // World Politics. 1964. Vol. 16 (3). P. 390–406. См. также *Copper J. F.* The Advantages of a Multipolar International System: An analysis of Theory and Practice // International Studies. 1975. Vol. 14 (3). P. 397–415.

[3] Межправительственная организация БРИКС, первоначально состоящая из Бразилии, России, Индии, Китая, к которой позже присоединилась Южная Африка, в январе 2024 года пополнилась новыми членами, а именно: Египтом, Эфиопией, Ираном и Объединенными Арабскими Эмиратами. Аргентина, которая должна была присоединиться к БРИКС в это время, вышла из нее после президентских выборов в ноябре 2023 года, на которых выдвинули кандидата, выступающего против БРИКС. Еще 14 стран подали заявки на членство, и для всех практических целей их можно считать присоединившимися, если не фактическими кандидатами в члены. Это следующие страны: Алжир, Бахрейн, Бангладеш, Беларусь, Боливия, Куба, Гондурас, Казахстан, Кувейт, Палестина, Сенегал, Таиланд, Венесуэла и Вьетнам. На долю стран БРИКС в настоящее время приходится более 45 % населения мира и более 35 % мирового ВВП (в отличие от стран «Большой семерки», на долю которых приходится только 30 %). Двусторонние соглашения между членами исполняются на основе основополагающих принципов невмешательства, равенства и взаимной выгоды.

[4] *Лат.* audentis fortuna iuvat. Словосочетание ввел в обращение Турн в «Энеиде» Вергилия.

[5] Указ об утверждении подписан Президентом 31 марта 2023 г. Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru&yscli d=luwnsu0n6465670057 (дата обращения: 12.04.2024). Этот документ знаменует собой значительное отклонение от предыдущих доктрин, как по формату, так и по содержанию.

[6] Указанные документы позволят заинтересованному читателю разобраться в этом заявлении, особенно в отношении баланса сил и контроля над вооружениями.

тонем или плывем вместе, особенно в потоках проблем, связанных с изменением климата. Эти проблемы во многом обусловлены беспечностью американцев и других союзников в отношении ископаемого топлива.

БРИКС как инновация в мировом порядке

Концепция БРИКС[1], несомненно, является решающим шагом вперед для приверженцев многополярного ви́дения. Культуры и языки партнеров первоначального объединения очень отличаются, у них также много и других различий. Тем не менее партнеры нашли общий язык и заключили важные двусторонние договоры. Этот процесс продолжился, и в январе 2024 года произошло расширение. Новые кандидаты готовы присоединиться к объединению. Для меня это невероятно волнующе! Я думаю, что дружба и поддержка, общие ценности и работа во имя дальнейшего процветания граждан стран БРИКС являются основой, на которой процветает БРИКС. И как процветает! Группа БРИКС, уже сопоставимая по ВВП со странами «Большой семерки», но обладающая гораздо более широкой базой в области политики и культурной доктрины, является мировым образцом многополярного мира. В моем маленьком уголке России у меня есть студенты из всех стран первоначально образованной БРИКС, а также некоторые из неофитов. В этом месте царит атмосфера коллегиальности и братского единения, что служит хорошим предзнаменованием для будущего, поскольку эти студенты станут лидерами следующего поколения, будут оказывать влияние и принимать решения.

Положительные аспекты многополярности и БРИКС

КВП-2023 — это документ, который представят участникам для ознакомления. В нем излагаются, со ссылкой на заявления о современном мире, его основные тенденции и перспективы развития, а также национальные интересы Российской Федерации. Затем в нем устанавливаются наши внешнеполитические приоритеты, в частности (и впервые) в сопоставлении с региональными направлениями российской внешней политики. Наш взгляд на мир, наше место в нем и то, как мы стремимся положительно влиять на него, излагается в 76 подробных статьях. Если бы для описания этого нужно было подобрать какое-то одно прилагательное, я бы выбрал «совместный».

КВП-2023 содержит множество материалов, но для доклада я выбираю два. Первый — это установление справедливого и прочного мирового порядка (ст. 18), а второй — требование верховенства права в международных отношениях (ст. 20–23).

Что касается первого, то текст настолько впечатляющий, что его невозможно перефразировать, а необходимо воспроизвести:

«Россия стремится к формированию такой системы международных отношений, которая обеспечивала бы надежную безопасность, сохранение культурно-цивилизационной самобытности, равные возможности развития для всех государств независимо от их географического положения, размера территории, демографического, ресурсного и военного потенциалов, политического, экономического и социального устройства. В целях соответствия указанным критериям система международных отношений должна быть многополярной и основываться на следующих принципах:

1) суверенное равенство государств, уважение их права выбирать модели развития, социального, политического и экономического устройства;

2) неприятие гегемонии в международных делах;

3) сотрудничество на основе баланса интересов и взаимной выгоды;

4) невмешательство во внутренние дела;

5) верховенство международного права в регулировании международных отношений, отказ всех государств от политики двойных стандартов;

6) неделимость безопасности в глобальном и региональном аспектах;

7) многообразие культур, цивилизаций и моделей организации общества, отказ всех государств от навязывания другим странам своих моделей развития, идеологических и ценностных установок, опора на единый для всех мировых традиционных религий и светских этических систем духовно-нравственный ориентир;

8) ответственное лидерство ведущих государств, направленное на обеспечение стабильных и благоприятных условий развития как для себя, так и для других стран и народов;

9) главенствующая роль суверенных государств при принятии решений в сфере поддержания международного мира и безопасности».

Какие замечательные возможности открываются в нашем сообществе БРИКС благодаря отказу от гегемонии, признанию суверенного равенства, сотрудничеству, основанному на балансе интересов и взаимной выгоды, а также признанию разнообразия культур, цивилизаций и моделей социального устройства! Приведу тому пример. На недавнем обеде с иранскими коллегами на конференции в МГИМО я обнаружил много личного сходства между нами, а также сделал для себя восхитительное открытие — персидскую поэзию, отдельным образцам которой уже тысяча лет. Мне сказали, что большинство иностранцев — не иранцев не знакомы с этой поэзией, но она составляет чрезвычайно важную часть повседневной культуры Ирана — вплоть до того, что произведения классической поэзии читают маленьким детям перед сном, а таксисты ци-

[1] По-видимому, не существует какой-либо доступной подробной информации о семенах, из которых выросла эта концепция, о том, кто, что, кому и когда сказал. Первоначальные архитекторы БРИКС, несомненно, внесли свой вклад в обеспечение стабильности и мира во всем мире таким образом, что в полной мере заслуживают Нобелевской премии мира. Со вступлением Швеции в НАТО, возможно, настало время для создания параллельного набора международных премий — открытых для любой национальности — под эгидой сопоставимого органа научного типа, сформированного из партнеров БРИКС.

тируют их в пробках. Знание хотя бы одного или двух фрагментов такой поэзии способствовало бы проведению межкультурных дискуссий и на другие темы. Любознательность и стремление к пониманию других людей, на мой взгляд, являются важными факторами успешных международных отношений.

Вторая тема, которую я выбираю, — это верховенство права в международном правовом поле. Мы в целом понимаем это на интуитивном уровне — зная, как может выглядеть общество, в котором отсутствует верховенство права. Но определить, что такое верховенство права на самом деле, гораздо сложнее. Для этого я даю своим студентам превосходную и легко читаемую книгу лорда Т. Бингхэма «Верховенство права»[1], в которой он отстаивает восемь основополагающих принципов. В частности, я призываю воспринимать эти принципы в качестве призмы, через которую мы должны рассматривать и оценивать любую конкретную правовую ситуацию, нормативное регулирование, международный договор, конвенцию или совокупность обстоятельств, имеющих юридическое измерение.

Один из примеров — следующая выдержка из ст. 23 КВП-2023:

«В целях повышения устойчивости международно-правовой системы, недопущения ее фрагментации и ослабления, предотвращения избирательного применения общепризнанных принципов и норм международного права Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

1) противодействию попыткам подменять, подвергать ревизии и произвольному толкованию принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, от 24 октября 1970 г.;

2) прогрессивному развитию, в том числе с учетом реалий многополярного мира, и кодификации международного права, прежде всего в рамках усилий, предпринимаемых под эгидой ООН, а также обеспечению участия в международных договорах ООН наибольшего количества государств, единообразному толкованию и применению таких договоров;

3) консолидации усилий государств, выступающих за восстановление всеобщего уважения к международному праву и укрепление его роли как основы международных отношений;

4) исключению из международных отношений практики принятия незаконных односторонних принудительных мер в нарушение Устава ООН».

Основной посыл против восьми принципов Бингхэма (сам по себе это целый курс лекций, который выходит далеко за рамки моего небольшого доклада), который я отсюда извлекаю, заключается в полном неприятии американских капризных своекорыстных иностранных интервенций (зачастую незаконных) при полном пренебрежении и осквернении различных культур и народов. Позицию Российской Федерации я считаю полностью противоположной — когда, не отступая от решительной защиты наших ценностей и интересов, российский министр иностранных дел и посол в ООН демонстрируют при этом миру наше сострадание, стойкость и приверженность верховенству права. Мы призываем к этому тех, кто далек от этой позиции, и отдаем за нее авторитетный голос. Наши партнеры по БРИКС в целом солидарны с нами, и акцент на слове «в целом» является символом нашей силы, когда мы выступаем вместе и как равные с теми, с кем у нас могут быть различия. То есть у нас есть партнеры, с которыми возникают некоторые разногласия, но мы ведем с ними конструктивный диалог, не рассматривая их как подчиненные несамостоятельные государства, пристегнутые к нам поводком доктрин.

Отрицательные аспекты многополярности и БРИКС

Ни один обзор, каким бы кратким он ни был, не может быть полным без рассмотрения оборотной стороны медали. Нам повезло, что у нас есть президент, который настолько эрудирован в исторических вопросах и совершенно справедливо не упускает возможности напомнить нашим так называемым западным партнерам о необходимости вспомнить историю, чтобы понять текущую ситуацию. Он демонстрирует большую глубину и широту знаний[2]. Он также упоминает о простых истинах, о которых следует помнить чрезмерно авантюрным западным лидерам, прежде чем приступать к размещению войск там, где они могут представлять угрозу безопасности Российской Федерации[3]. Итак, заглянем в историю.

В 431 году до н. э. между Афинами и Спартой разразилась Пелопоннесская война. В сочинении афинского полководца и историка Фукидида «История Пелопоннесской войны» имеется много пищи для размышлений. Несмотря на то что он был афинянином и участником боевых действий, историки считают его рассказ в целом беспристрастным и исторически точным. Согласно историческим данным, основной причиной Пелопоннесской войны являлся «рост могущества Афин и тревога, вызванная этим в Спарте»[4]. Тер-

[1] *Bingham T. H.* The Rule of Law. L. : Penguin Books, 2011. Изложение Т. Бингхэмом этой темы в контексте международных договоров и отношений приведено в главе 10.

[2] См., например, стенограмму интервью Такеру Карлсону от 9 февраля 2024 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411.

[3] См. стенограмму Послания Федеральному собранию от 29 февраля 2024 г. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431.

[4] *Фукидид.* История Пелопоннесской войны. URL: https://hronologia.narod.ru/fukidid_1_67-88.html (дата обращения: 15.04.2024). V век до н. э. В книге 1 дан обзор роста Афинской империи (1.89–118). Афиняне защищают свою империю на том основании, что она была им дана, а не завоевана (см., например, речь в 1.73–79, в которой они высказывают мнение, что не сделали ничего противоречащего человеческой природе, ни приняв ее, ни отказавшись от нее. В Пушкинском музее в Москве выставлен гипсовый бюст Фукидида, выполненный с римской копии (находящейся в Холкхэм-холле), сделанной с греческого оригинала начала IV века до н. э.

мином «ловушка Фукидида»[1] называют теорию, согласно которой, когда положению великой державы как гегемона угрожает новая держава, существует значительная вероятность войны между ними.

«Ловушка Фукидида характеризует естественное и неизбежное напряжение отношений, которое возникает, когда новая сила угрожает вытеснить правящую». А когда новая сила угрожает вытеснить «силу правящую, возникает структурный стресс, который превращает насильственное столкновение в правило, а не в исключение»[2].

Нетрудно увидеть параллели с современностью. Сообщество БРИКС — мощная и зрелая организация. Она нарушает статус-кво американоцентричного взгляда на мир, за который ухватились их союзники и прилипли друг к другу, как жевательная резинка к фонарному столбу. Развитие нашего сообщества происходит в атмосфере спокойного взаимного сотрудничества и уважения. Да, имеются различия, но они рассматриваются так, как и должно быть между равными в целом партнерами, которые преследуют одинаковые многополярные цели, а не как различия подчиненных спутников гегемона.

Возможный негатив, к которому может привести создание БРИКС, — это война. Только не любая война, а, как обратил внимание президент, существует риск ядерной войны, если не возобладает хладнокровие. И сила БРИКС — наша сила — в том, что многие государственные деятели мирового уровня работают сообща. Дипломатия и искусные международные отношения — это инструменты, с помощью которых мы можем надежно защитить себя.

В этом контексте следует упомянуть Марию Владимировну Захарову, официального представителя Министерства иностранных дел РФ[3]. Ее еженедельные брифинги, обычно проводимые без подготовленных ранее записей и часто длящиеся три часа и более, четко выражают самые лучшие реальные события, касающиеся КВП и БРИКС. Я всегда рекомендую ее выступления своим студентам для изучения в качестве лучшего примера нашей внешнеполитической пропаганды — абсолютно четко сформулированной, иногда вызывающей возражения, но всегда авторитетной. Именно так и должно быть, и весь мир должен прислушаться к ее посланиям из нашего министерства иностранных дел и принять во внимание силу наших устоявшихся взглядов, которые часто резко контрастируют с англосаксонскими капиталистическими точками зрения.

Разнообразие нашего союза БРИКС, многонациональность и полиэтничность его руководства, численность населения, которое он представляет, и его ВВП (который растет в странах, не столь обремененных долгами, как Америка) — все это факторы, которые снизят растущую напряженность в дискуссиях с американским гегемоном.

Однако непредсказуемые действия гегемона в случае угрозы и ее возможности необходимо жестко сдерживать — и я не удивлюсь, узнав, что наши лидеры уже далеко продвинулись в договоренностях по созданию Пакта о взаимной поддержке и обороне, основанного на общих ценностях, не последнее место среди которых занимает стремление к многополярности и силе — во всех ее формах — силе одного с помощью многих.

Вывод

Наша КВП и братство БРИКС — это принципы и реальность, которые мы все можем (и должны) отстаивать с энтузиазмом и энергией по мере того, как мы переходим к следующему этапу мирового порядка. Они олицетворяют лучшую часть человечества и его будущее.

---

[1] Этот термин впервые был введен профессором Г. Эллисоном в статье в Financial Times в 2012 году.

[2] *Allison G.* Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? N. Y. : Houghton Mifflin Harcourt, 2017. URL: https://www.livelib.ru/book/342047/readpart-obrecheny-voevat-greham-allison/~4?ysclid=lv0qy4fn57876475854 (дата обращения: 15.04.2024).

[3] Г-жа Захарова является Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации. В словаре «полномочный представитель» определяется как «человек, особенно дипломат, обычно наделенный всеми полномочиями действовать от имени своего правительства, часто в зарубежной стране». Иностранцам следует иметь это в виду, слушая ее брифинги, поскольку они (как, похоже, думают многие) не равноценны брифингам пресс-секретарей, проводимым, например, администрацией США.

Ал. А. Громыко[1]

БРИКС+ — КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ РАЗВИТИЯ

В третье десятилетие XXI века БРИКС (с 2024 г. — БРИКС+) вошел в качестве важной константы международных отношений и системы глобального управления. Позади 18 лет развития, в результате которого число членов этого престижного «клуба» выросло с четырех до десяти. Среди новых участников и Саудовская Аравия, власти которой, приняв принципиальное решение о вступлении, предпочитают вариант постепенного вовлечения королевства в деятельность различных структур БРИКС+. Еще несколько десятков государств мира стремятся стать либо его полноправными членами (в том числе Алжир, Пакистан, Бангладеш, Венесуэла), либо получить статус наблюдателя.

Для России успехи БРИКС+ особенно важны, так как наша страна стояла у истоков его создания и во многом была его основным творцом. Концептуально корни объединения уходят во вторую половину 1990-х годов, когда Москва продвигала идею стратегического треугольника «Россия–Индия–Китай» (РИК). Ретроспективно можно утверждать, что впоследствии РИК разросся до БРИКС+, как и то, что объединение, созданное в 2006 году, вобрало в себя РИК. Фальстарт при его расширении произошел лишь однажды, когда в декабре 2023 года Х. Милей, новый президент Аргентины, отозвал заявку своей страны на вступление.

БРИКС+ имеет ярко выраженное межцивилизационное измерение, а последнее, в свою очередь, является неотъемлемой характеристикой полицентричного мира. Обращает на себя внимание и географическая пестрота, подчеркивающая, что в современном мире дистанция, которая разделяет партнеров и единомышленников, не имеет такого принципиального значения, как на протяжении почти всей истории человечества. Цивилизационная характеристика тесно связана с категорией суверенитета, которая во многом определяет мировоззрение государств, создавших БРИКС и присоединившихся к нему позже.

В каком-то смысле БРИКС+ — это надынтеграционное объединение, но не внеинтеграционное. Он не является классической межгосударственной или международной организацией, тем более интеграционным союзом. В него входят страны, которые участвуют в различных структурах, не обязательно пересекающихся друг с другом (ЕАЭС, ШОС, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Африканский союз, Меркосур и т. д.). В то же время, безусловно, БРИКС+ имеет очевидные интеграционные элементы, проистекающие из самой мотивации участия в нем, — координировать, согласовывать свои действия в двух- и многосторонних форматах. По мере развития объединения его клубный характер начинает сочетаться с созданием структур, которые имеют институциональные черты, как, например, саммиты и различные постоянно действующие форумы, или являются полноценными международными организациями, как Новый банк развития.

Объединение растет не только количественно, но со временем начинает исполнять функции, которые раньше с ним не ассоциировались. Особенно после своего последнего расширения БРИКС+, во-первых, начинает напоминать неформальный рупор Глобального Юга и, во-вторых, играть роль эффективного связующего звена между Россией и незападным миром. Бросается в глаза инклюзивная природа этого международного клуба, что проистекает уже из того, что членами объединения могут быть государства с непростой историей отношений, например Китай и Индия. В представление о данной инклюзивности не вписываются только страны коллективного Запада, но не из-за природы БРИКС+, а из-за своей собственной позиции в отношении него. Несомненно, с геополитической точки зрения Запад относится к БРИКС+ как к конкуренту и ревностно следит за развитием того, кого воспринимает в качестве альтернативной модели международного сотрудничества. В то же время само объединение нельзя назвать антизападным с учетом тесного экономического и политического взаимодействия большинства его участников с западными странами и организациями.

Справедливо говорить о том, что развитие БРИКС+ является отражением перемещения центра тяжести мировой экономики в Евразию. Но представляется, что сводить все к этому фактору было бы неправильно и снижало бы роль объединения в мировой политике. Она шире, чем отражение новых маршрутов экономических и финансовых потоков. Не менее важно значение БРИКС+ в качестве своеобразной исследовательской лаборатории по повышению эффективных механизмов глобального управления и регулирования или даже их перестройки. В этом смысле вполне обоснованно говорить об устремленности объединения в будущее, тогда как многие действия коллективного За-

[1] Директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Политический реформизм в Великобритании. 1970–1990-е годы», «Модернизация партийной системы Великобритании», «Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки», «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны. Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко», «О насущном. Европа и современный мир», «Европа в кризисном мире», «Европа в глобальной пересборке» и др. Шеф-редактор журнала «Современная Европа», главный редактор журнала «Общественные науки и современность». Президент Ассоциации европейских исследований России. Председатель Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко. Входит в бюро Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН (ОГМПО). Заместитель академика-секретаря ОГПМО. Член Научного совета при министре иностранных дел России, Российского совета по международным делам. Заведующий кафедрой истории и теории международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Почетный доктор Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского, Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), Воронежского государственного университета.

пада воспринимаются в мире как желание цепляться за прошлое.

Клубный, неформальный характер свойствен и ряду западных структур, в первую очередь «Большой семерке». Однако она воплощает собой то, что так резко отличает ее от БРИКС+, — противопоставление себя другим, консолидацию на основе эксклюзивности и англосаксонского ядра, готовность вводить или координировать санкционные режимы против тех, кого Запад идентифицирует как противников и конкурентов, неприятие представления о мире как о многообразии культур и цивилизаций в пользу примитивного подхода «свой–чужой» и «демократии против автократий». Конечно, и у «Большой семерки» существует свой формат «аутрич» — приглашения на заседания представителей незападных государств. Но, по сути, это происходит в качестве функции все тех же базовых установок коллективного Запада по защите удобного прежде всего для него «мира, основанного на правилах» и напоминает перетягивание каната с целью снижения количества тех, кто дружит с «неправильными» государствами.

Представление о гуманистических ценностях, включая определенные морально-нравственные принципы, берущие начало в христианстве, было порождением европейской цивилизации. Однако так распорядилась история, что многие из тех ценностей и мировоззренческих подходов стали восприниматься на европейском Западе в качестве ценностей традиционных с коннотацией — ретроградских, не современных, не прогрессивных. В современном мире во многом складывается ситуация, когда в большей степени уже БРИКС+ и другие наиболее преуспевающие страны Глобального Юга берут на себя защиту гуманистических ценностей, тогда как коллективный Запад продвигает радикальные и псевдолиберальные установки, причем уже не только социальные, но и социально-экономические.

Последнее проистекает из переросшей в наваждение увлеченности европейского Запада «зелеными технологиями» и безапелляционной веры в непогрешимость антропогенной версии изменения климата. Казалось бы, энергопереход и «зеленый курс» — прогрессивные вещи. Но изнанка этого наваждения — одержимость технологиями. Только если раньше улучшение жизни подразумевало использование технологий ради создания общества потребления и изобилия, то теперь другие, еще более изощренные и дорогие технологии направлены на то, чтобы фактически лишить людей их прежнего достатка и комфорта, причем и в индустриальном, и в постиндустриальном понимании.

Что касается внешнеполитических подходов, то при сравнении коллективного Запада и БРИКС+ они словно меняются местами, если рассуждать с точки зрения традиций и новаций. Очевидно, что ретроградной, конформистской является внешняя политика именно коллективного Запада, когда ставка делается на принуждение и силовое воздействие (будь то с помощью «мягкой силы» или жесткой), санкционные режимы, мегафонную дипломатию, информационное противостояние, сохранение статус-кво. Контрастирует с этим то, что пропагандируют БРИКС+ и многие другие государства Глобального Юга: реальная многосторонность, суверенное равенство, учет интересов друг друга, уход от блокового мышления, отказ от философии вестернизации, притворяющейся востребованной всеми модернизацией, и т. д.

Преимущества и недостатки свойственны и классическим международным организациям с международной правосубъектностью, таким как ООН, Африканский союз, Организация исламского сотрудничества и другие, и клубным форматам (БРИКС+, «Группа семи», «Группа двадцати» и др.). У первых есть свои уставы, разветвленные органы управления, юридически прописанные права и обязанности, и фактически это пирамидально выстроенные структуры. У вторых — большая гибкость, возможность ситуативного сочетания двусторонних и многосторонних треков, консенсусный характер решений, примат добровольности и доверительности. Существует и немало организаций промежуточного характера, как, например, ОБСЕ, которая так и не обзавелась своим собственным уставом.

Особняком стоят, во-первых, региональные интеграционные объединения, которые формируются вокруг общих зон свободной торговли, таможенных союзов и общих рынков. Среди них наиболее четко отстроенный — Европейский союз, у которого до вступления в силу Лиссабонского договора в 2009 году не было даже процедуры выхода страны-члена из его рядов. Во-вторых, военно-политические блоки с естественными для них формализованными структурами управления, дисциплиной и юридически закрепленными правами и обязательствами.

Уникальными чертами и свойствами обладает Организация Объединенных Наций как единственная в своем роде универсальная и общепризнанная межгосударственная (межправительственная) международная организация. Есть образования континентального масштаба, как, например, Африканский союз, Сообщество американских государств, Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна и др. Большинство межгосударственных объединений и интеграционных проектов носят региональный характер. БРИКС+, безусловно, выделяется на этом фоне, так как включает представителей сразу нескольких континентов в Восточном и Западном полушариях Земли.

Центробежные и центростремительные процессы есть в организациях всех перечисленных категорий, и проблема целостности и консолидированности той или иной структуры решается в каждой из них поразному. Для Евросоюза Брекзит — выход Британии из рядов регионального интеграционного объединения — был крайне болезненным процессом. Для БРИКС+ отзыв Аргентиной заявки на вступление в него не стал заметной проблемой. Конечно, и для клубных форматов важно наличие внутренней структуризации. Сколько бы в будущем государств ни вступили в БРИКС+, помимо участвующей в нем «десятки», системообра-

зующим для него всегда будет участие России, Индии и Китая. Выход любой из них из объединения стал бы его версией брекзита. В БРИКС+ отсутствуют страны или их внутренние группировки, которые рассматривают другую часть участников как системных противников и объектов для наложения рестрикций и против которых в региональных вооруженных конфликтах они готовы вести прокси-войны. В другом клубном формате — «Группе двадцати» — ситуация иная, так как входящие в него страны «Группы семи» придерживаются блоковой дисциплины и занимаются открытым саботажем в отношении деятельности некоторых стран-участниц.

БРИКС+ не является гармоничной целостностью и имеет свои внутренние линии напряжения, но предлагает настолько внушительные консолидирующие стимулы, что противоречия отходят на второй план. В то же время перед объединением стоят значительные вызовы, особенно в первые годы после произошедшего масштабного расширения. С учетом того, что в «двери» БРИКС+ стучатся государства, количество которых намного больше, чем в него входит уже сейчас, встает вопрос о важности сохранить устойчивость «клуба», его способность к эффективным действиям в рамках принимаемых решений. Одновременно важно найти устраивающие всех форматы привлечения к деятельности БРИКС+ широкого круга субъектов международных отношений. В свете этого высоко востребованным будет оставаться статус государства-наблюдателя, как, возможно, и статус ассоциированного членства.

Для объединения наверняка будут характерны методы «разноскоростного движения» и «изменяемой геометрии», с помощью которых заинтересованные государства могут быстрее реализовывать те или иные проекты без необходимости заручаться их поддержкой со стороны всех участников «клуба». Эти методы достаточно опробованы, в том числе в истории ЕС, чтобы применять их в БРИКС+ выверенно и с учетом уроков других структур. Когда международная организация живет в условиях добровольной смирительной рубашки в виде жестких требований к членству и развитых наднациональных органов, как в ЕС, то «разноскоростное движение» чревато внутренним расслоением, созданием конкурирующих группировок, появлением центра и периферии, государств первого и второго сорта. В БРИКС+ такие риски на данном этапе развития не просматриваются.

Конечно, увеличение численности любого межгосударственного объединения не может не привносить определенные сложности и процедурного, и содержательного характера. Но представляется, что в случае БРИКС+ процесс расширения влечет намного больше положительных моментов, включая более устойчивые внутренние балансы, компенсирующие асимметричный вес в объединении России, Индии и Китая. За количественным расширением БРИКС+ со всей очевидностью стоят качественные параметры. Каждая из стран-участниц вносит в копилку «клуба» свою добавочную стоимость. Например, Пекин предлагает стратегию «Пояса и пути»; Нью-Дели — коридоры «Индия–Ближний Восток–Европа» и «Север–Юг»; Москва — сырьевые ресурсы, сотрудничество с Евразийским экономическим союзом, континентальные транспортные коридоры, свои компетенции в сфере мирного атома и энергетики, в перспективе — транспортную артерию Северный морской путь; Бразилия — свои лидерские позиции в Латинской Америке; Иран, ОАЭ и Саудовская Аравия — передовые позиции на мировых рынках углеводородов, а последние два государства — также свои масштабные инвестиционные возможности.

Для БРИКС+ будет важно продолжать позиционировать себя в качестве объединения, которое не стремится к конфронтации с другими и не рассматривает себя как альтернативный механизм глобального управления и регулирования. В БРИКС+ уже немало стран и Евразии, и других континентов, которые не стремятся противопоставлять себя коллективному Западу и рвать с ним отношения. Они по-прежнему не расценивают экономическое и финансовое взаимодействие с ним как зависимость. Многие действительно заинтересованы, например, в диверсификации валютных резервов, но не ставят перед собой цель по дедолларизации мировой торговли. Напротив, базирование БРИКС+ не на философии «игры с нулевой суммой», а на предоставлении государствам-участникам и потенциальным членам «клуба» дополнительных конкурентных преимуществ в торговле и сотрудничестве с любыми внешними игроками по их выбору — важный козырь в сохранении привлекательности объединения на много лет вперед.

А. А. Гусейнов[1]

ОБ ИДЕОЛОГИИ И ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

А. А. Зиновьев создал развернутое учение об идеологии, органически вплетенное в его социологию. В предлагаемом докладе хочу остановиться на некоторых его моментах, которые наиболее важны и существенны в контексте сегодняшней общественной повестки дня, в частности в свете усилий по патриотической консолидации российского общества и нарастающих требований отмены конституционного запрета (ст. 13 Конституции РФ) на создание государственной идеологии.

I. Идеология как компонент социальной организации общества

Она, по мнению А. А. Зиновьева, входит в менталитетный аспект социальной жизни, организующий сознание членов социума и наряду с двумя другими (деловым и коммунальным) его аспектами составляет один из трех фундаментальных факторов, на которых держится социальная организация общества[2]. Зиновьев проводит тонкие различия и менталитетный аспект социальной жизни отличает от менталитетной сферы. Нужно отличать саму очевидность, согласно которой общественная жизнедеятельность человека всегда имеет сознательный характер, характеризуется субъективным сопровождением и тем, какова ее роль в качестве фактора, организующего их совместную жизнь в человейнике (социуме). Это был важный шаг на его пути к научной социологии: под менталитетной сферой он понимает особый, постоянно действующий компонент социальной организации, которая поддерживается особыми людьми, специально занимающимися менталитетным состоянием социума и живущими за счет этой деятельности[3]. Она на стадии общества совпадает с идеологией (идеосферой).

Социальная организация людей проходит, по А. А. Зиновьеву, три стадии: предобщество, общество, сверхобщество. Такие же стадии проходит и идеология. При этом на стадии предыдеологии она еще не обретает самостоятельности в качестве объекта. В рамках самого общества она становится одним из объектов духовной жизни наряду со множеством других (моралью, религией, литературой и т. д.). С переходом общества на стадию сверхобщества она поднимается до уровня центрального объекта, объединяющего и внутренне организующего весь менталитетный (духовный) аспект в многообразии ее различных объектов. Согласно А. А. Зиновьеву сверхобщество — это та стадия социальной организации общества, которая была достигнута и воплощена в советском опыте реального коммунизма и возникшем в качестве его альтернативы в ходе холодной войны западнистском опыте вестернизированного глобализма. Качественное возрастание роли идеологии, ее превращение из рядового объекта менталитетного (духовного) аспекта в основной, решающий объект является одним из признаков сверхобщества. И только при рассмотрении с высоты этой наиболее развитой стадии можно понять действительное и первостепенное значение идеологии в социальной организации.

II. Предмет идеологии

По содержанию идеология — это совокупность понятий и суждений, охватывающих всю (хотя и каждый раз с разной степенью полноты) совокупность явлений, с которыми приходится жить, сталкиваться и размышлять людям в повседневной жизни. Они касаются человека, его сознания, отношения к природе, тайным силам, взаимоотношениям между людьми, богатству и бедности, прошлому и будущему, господству и подчинению и т. д. Идеология не имеет собственного узкого предмета рассмотрения, все факты человеческой жизнедеятельности — от самых незначительных и интимных до самых масштабных, касающихся государства, человечества, космоса, — могут стать содержанием идеологических утверждений. Будучи разнообразной по содержанию, она может воплотиться также в самых разнообразных формах: трактатах, художественных и изобразительных произведениях, притчах, анекдотах, афоризмах, эпиграммах и пр. Идеологическая картина может составлять некое поле, своего рода атмосферный фон, не мешающий людям жить своей обычной жизнью, так же как, например, они привычно и незаметно живут, находясь в поле физического тяготения. Но она тем не менее существует и может неожиданно «обнаружить себя именно в одном слове и в одной фразе… Сколько людей было убито, сожжено и посажено в тюрьмы за такие слова!»[4] Сегодня, когда идеология вдруг обнаруживает себя в одной букве, одном знаке, видно, насколько Зиновьев был прав.

III. Функция идеологии

Идеология — не знания. Научный критерий истинности к ней не приложим в принципе. Она, конечно, может использовать (опираться, прикрываться, спекулировать и т. д.) научные данные, даже выдавать себя

[1] Директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «„Свои“ и „чужие“ в глобализирующемся мире», «Этика и культура», «Философия — мысль и поступок», «Античная этика», «Золотое правило нравственности», «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней», «Культурология Дмитрия Лихачева» (в соавт.) и др. Главный редактор журналов «Этическая мысль», «Social Sciences», член редколлегий журналов «Вестник РАН», «Философский журнал», «Вопросы философии», «Философские науки». Вице-президент Российского философского общества, член Международного института философии (Париж). Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор Лейбницевского объединения ученых в Берлине, Почетный доктор СПбГУП.

[2] *Зиновьев А. А.* Логическая социология. Ч. 4 : Западнистское общество // Гуманитарный портал. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/5669/5673 (дата обращения: 07.05.2024).

[3] *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. М. : Центрполиграф, 2000. URL: http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=2071 (дата обращения: 07.05.2024).

[4] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. М. : Алгоритм, 2006. С. 316.

за научную, но тем не менее имеет совсем иную природу и назначение. Отношение идеологии к науке сопоставимо с ее отношением к религии. Она может мимикрировать под науку, выступать как научная и охотно делает это в Новое время, когда наука стала главенствовать в общественном сознании, подобно тому как в предшествующую мировоззренческую эпоху мимикрировала под религию и выступала как религиозная. Наука и религия — это наиболее часто используемые в идеологии элементы менталитетного аспекта общества. Аналогичным является также отношение идеологии к другим ее элементам — морали, образованию, искусству, литературе и др.

«Но специфическая социальная роль (функция) идеологии — не познание реальности, не образование, не развлечение, не информация о событиях и т. д. (хотя это все не исключается, а предполагается), а формирование у людей определенного понимания явлений окружающей их среды и жизни в этой среде. Причем такого понимания, которое существенным образом влияет на их поведение»[1]. Более конкретно — ее задача состоит в стандартизации сознания людей, выработке у них одинакового способа понимания явлений окружающей их жизни. Идеология в системе социальной организации общества ответственна за то, в какую сторону, в каком направлении повернуты мозги людей в данном обществе. «Идеология не просто формирует и организует сознание людей, она создает и навязывает людям определенные стереотипы (алгоритмы) сознания, проявляющиеся в стереотипах поведения»[2]. Она воздействует на сознание индивидов совсем не для того, чтобы апеллировать к их самостоятельному мышлению, а для того, чтобы они повернули свое мышление (свои мозги) в нужном (стандартном, идеологически заданном) направлении, чтобы они восприняли предзаданные и витающие в воздухе идеологические «истины» как свои. Идеологические утверждения соотносимы с реальностью не сами по себе, их добротность (эффективность) обнаруживается лишь косвенно, через воздействие на поведение людей. Только в этом случае они становятся реальной социологически значимой силой.

IV. Идеология и идеологи

Идеология не возникает стихийно, она искусственно создается, изобретается. Она не существует без идеологов. «Идеологи изобретают определенного рода интеллектуальные (языковые) схемы, штампы, клише, этикетки, ярлыки, образы, обобщающие примеры и образцы, притчи, крылатые фразы, лозунги и так далее, причем не в качестве подсобных средств на пути познания бытия таким, каково оно есть, а в качестве конечного и высшего результата познания. Они сами претендуют на роль высшей истины, истины в последней инстанции. Люди должны усвоить эти продукты идеологов и лишь через них смотреть на явления бытия»[3]. Идеология является чистым продуктом мысли, она никакой иной реальностью помимо самого мышления не детерминирована[4].

Небезынтересно заметить, что многотомный труд «Основы идеологии» А. Дестюта де Траси — французского аристократа, который впервые придумал само понятие «идеология» в его современном значении, — открывается вопросом: «Что значит думать?» Его учение об идеологии, которое он еще назвал всеобщей грамматикой и логикой и которое рассматривал как рациональную организацию всего интеллектуального пространства, призвано было дать ответ на этот вопрос.

Об идеологии как результате невозможности мышления выйти за собственные границы говорил также Ф. Энгельс: «Идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом»[5].

Идеология создается идеологами. Уже по одной этой причине, не говоря уже об иных, она не может сложиться стихийно, естественно возникнуть в сознании многих людей.

V. Частные идеологии и идеосфера

Общество можно охарактеризовать (описать) как объективную, закономерно упорядоченную реальность, которая порождает и одновременно соединяет в нечто целое и цельное существование большого количества разнородных людей со своими групповыми и частными интересами[6]. Идеология (идеосфера) наряду с экономикой и государством является одним из трех базовых (фундаментальных) факторов, гарантирующих его целостность в качестве исторического субъекта. Она задает в качестве ментального стандарта некий единый для всего общества жизненный ориентир, направляющий сознательные действия отдельных индивидов и групп людей в единое русло. Идеологию в этом смысле можно назвать самосознанием общества, выработанным отдельными его выдающимися представителями и предъявленным всем его членам в качестве их общей судьбы в форме системы безусловных ценностей.

Однако общество является сложным организмом, состоящим из отдельных (особенных, частных по отношению к обществу в целом) групп людей (классов, этносов, конфессий, профессий, любительских объединений и др.)[7], у которых также существуют свои групповые интересы и стандарты поведения. У них формируются свои цели и схематизмы поведения, позволяющие им самоутверждаться в обществе, действуя совместно и идеологически сплоченно. Типичными формами таких особенных идеологий являются классовые, экологические, феминистские и др. Их

[1] *Зиновьев А. А.* Идеология партии будущего. М. : Алгоритм, 2003. С. 22.

[2] Там же. С. 31.

[3] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. С. 313.

[4] *Дестюд де Траси А.* Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. Д. А. Ланина. М. : Академ. проект : Альма Матер, 2013.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 39. С. 84.

[6] *Зиновьев А. А.* Логическая социология. Ч. 4 : Западнистское общество.

[7] Там же.

Зиновьев называет частными идеологиями: они являются идеологиями, ибо содержат все признаки идеологии за исключением того одного, в силу которого они и именуются частными, а именно: они не распространяются на все общество в целом. Частные идеологии входят в общественное сознание (менталитетный аспект) социальной организации, но не в ее идеосферу[1].

Идеология как искусственное изобретение всегда является авторским произведением, она несет на себе следы не только биографии его творцов, но и влияния его социальной среды, политических и человеческих страстей, имеет свою интеллектуальную историю. Словом, рассмотренная с точки зрения своего содержания как определенная совокупность суждений, она всегда конкретна, уязвима, может быть оспорена. Но для того, чтобы она соответствовала своей функциональной роли в качестве базисного фактора, она должна быть признана всем обществом в качестве всеобщей и общеобязательной. Она должна быть внедрена в сознание всего общества и обрести материальную силу в качестве его всеобщего убеждения. Для этого ее в качестве второго обязательного элемента необходимо дополнить соответствующим реальным, вполне конкретным контролируемым механизмом, подчиненным строгим законам управления. «Второй элемент идеологической сферы образует совокупность людей, организаций, учреждений, предприятий и используемых ими средств, так или иначе связанных с разработкой идеологии (можно сказать — с производством идеологических товаров и услуг), с ее распространением и доведением ее до потребителя, то есть до отдельных членов общества и их объединений. Я называю его идеологическим механизмом»[2].

Реальная социологическая проблема заключается в следующем: как осуществить такой разворот мозгов, чтобы все составляющие данное общество индивиды думали в одном направлении. Такое чудодейственное превращение частного во всеобщее, которое и составляет подлинную алхимию идеологии, осуществляемую ею с помощью идеологического механизма, и является делом идеосферы. Последняя как единство идеологии и идеологического механизма образует идеосферу, которая в современных обществах представляет собой огромную самостоятельную индустрию, охватывающую, как считал А. А. Зиновьев, около 20 % трудоспособного населения. Критически важное для идеологии соединение частного интереса со всеобщим осуществляется в двух вариантах: в одном случае — абсолютизация некой частной идеологии путем ее возведения во всеобщую, во втором случае — релятивирование всеобщей идеологии путем ее низведения до множества частных. Классическими случаями этих версий являются советская и западнистская идеосферы, сложившиеся в процессе холодной войны во второй половине XX века.

[1] *Зиновьев А. А.* Логическая социология. Ч. 4 : Западнистское общество.

[2] *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу.

VI. Советский тип идеологии

Широко распространенным в отечественной литературе, а еще больше инстинктивно укорененным в нашем общественном сознании и повседневной речи является представление, что идеология — более или менее цельное, систематизированное учение, классическим образцом которого была марксистско-ленинская коммунистическая теория, возведенная в ранг советской идеологии. Марксизм, что, впрочем, свойственно всем законченным философским системам, сознавал себя и открыто провозглашал в качестве единственно правильного учение о человеке и обществе, возвышающееся над всеми предшествующими незрелыми и иными современными ему ложными учениями такого рода. В этом качестве он был возведен в ранг цементирующей духовной основы общества и закреплен в качестве государственной идеологии, обязательной для всех советских граждан. Советская идеология существовала именно как определенное учение, предназначенное для определенного общества, изложенное в определенных философских и политических текстах, работа с которыми (их понимание, пропаганда, комментирование, уточнение) осуществлялась на государственно контролируемом уровне и в общеобязательной директивной форме.

Отождествление идеологии с той ее конкретной формой, которую она имела в СССР, а именно — с советской идеологией, привело к тому, что отказ от последней был воспринят в стране как деидеологизация. Отсюда — все страсти последних лет перестройки вокруг отмены ст. 6 брежневской Конституции о руководящей роли КПСС, отказ от монополии марксизма-ленинизма. Отсюда — и доставляющая сегодня много недоразумений ст. 13 (считающаяся определенными кругами почти дьявольской) Конституции РФ 1993 года о запрете на государственную идеологию. Переход от реального коммунизма советского периода к капитализму постсоветского образца был воспринят российским обществом как отказ от государственной идеологии в пользу режима деидеологизации. Именно такой — деидеологизированной — мыслилась и отчасти мыслится до настоящего времени социальная жизнь западных демократий.

VII. Что такое деидеологизация общества и насколько она возможна?

Этот вопрос особенно важен и актуален в свете текущих отечественных дискуссий об идеологии и развернувшейся битвы за нее, поскольку они нацелены против идеологической беспечности предшествующего (нового предвоенного?) периода современной (уже постсоветской) истории России. Ответ А. А. Зиновьева на него, выраженный близко к тексту[3], можно кратко свести к следующим девяти пунктам.

[3] Все приводимые ниже без указания страниц цитаты заимствованы из главы «Идеосфера западнизма» третьей части (XX в.) книги: *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. С. 373–381. Зиновьев, верный и в данном случае своему научному и литературному стилю, не рассматривает зарождение самой концепции деидеологизации в середине XX века, ее историю, авторов, тексты. Его интересует только ее социологическая суть, которая, в свою очередь,

1. Деидеологизация есть самосознание современного сверхобщества (западнизма в терминологии Зиновьева или коллективного Запада, как его все чаще сегодня называет отечественная публицистика), сложившегося в демократических странах США и Западной Европы в ходе и в процессе перевода противостояния с советским коммунизмом в режим холодной войны. Она означает, что «идеологии… потеряли значение. Их место занимает наука... Считается, что эпоха идеологий вообще прошла». Деидеологизация рассматривается его апологетами как обозначение и реальный признак качественно нового уровня в развитии (прогрессе) человека и общества.

2. «Идеологии связываются с социальными конфликтами. Эти конфликты считаются исчезающими… Частные идеологии отождествляется с идеологией вообще». Речь идет об убеждении, будто идеология как ложное сознание, которое выражает и стимулирует классовую борьбу трудящихся за социальные идеалы, дискредитировала себя. Ей на смену приходят позитивное знание и потребительское общество. Деидеологизация сама стала формой идеологической борьбы Запада не только против марксизма, но прежде всего против реального коммунизма как идеологически организованного общества. «Запад нанес удар по фундаментальным принципам идеологии насчет преимуществ советского строя и образа жизни перед западным. Запад способствовал смещению переноса интересов людей в сторону чисто материальных потребностей и соблазнов. Запад в огромной степени способствовал расцвету коррупции в правящих слоях общества, вплоть до самых высших»[1].

3. Утверждение об исчезновении или даже второстепенности социальных конфликтов не соответствует действительности. Частные идеологии (идеологии определенных социальных групп, классов) никуда не делись. «На месте одних появляются новые. Нацистская, фашистская и марксистская идеологии потерпели крах. Но появились новые, например пацифистская, феминистская, гомосексуалистская и др. Да и старые еще не добиты совсем». Частные идеологии, или идеологии в традиционном смысле слова, сохраняются не только в фактическом смысле, но они не могут исчезнуть также и по определению. Социальная организация не может существовать без иерархической структуры и неизбежно вытекающей из нее и поддерживающей ее социальной борьбы за доминирование, в силу чего идеология, собственно, и не поддается оценке в категориях истинности и ложности. Впрочем, сама общественная мысль в понимании идеологии не смогла удержаться на уровне концепции деидеологизации.

4. Следует отличать частные идеологии от идеологии общества в целом или его идеосферы. «Последняя есть компонент социальной организации общества наряду с государством и экономикой. Никакое общество не может существовать без идеосферы». Она (по крайней мере отчасти) относится к таким общим (внегрупповым, надклассовым) элементам, как язык, знания, правовые и другие всеобъемлющие институты, которые составляют несущую конструкцию социальной организации.

5. «Идеология западнизма является плюралистической в том смысле, что состоит из множества различных идей, учений, концепций, направлений мысли. Ее части невозможно механически объединить в единое логическое целое. Эти части зачастую противоречат друг другу, враждуют между собою. Тем не менее этот плюрализм можно рассматривать как разделение труда в рамках некоторого единства и как выражение индивидуальных различий авторов текстов. Во всяком случае мы говорим об экономике Запада как о чем-то едином, хотя прекрасно знаем об ожесточенной борьбе между ее частями. Мы говорим о политической системе западных стран, зная о борьбе партий и фракций внутри партий. Так почему нельзя в том же смысле говорить о западной идеологии, если даже она кишит внутренней враждой?»

Социология Зиновьева оригинальна и единственна не только по содержанию, но и по происхождению, она создавалась вне традиций и школ, хотя, разумеется, и с учетом и знанием всех значительных имен и достижений европейской философии и науки. В частности, в ней можно обнаружить сходство с идеей Гоббса о государстве как силе, сдерживающей естественное состояние борьбы всех против всех. Идеосфера как одно из таких средств не только предполагает внутреннюю вражду в области идеологии, но сама является одним из способов ее контролируемого поддержания. Известные из истории жуткие религиозные, этнические, политические оргии можно рассматривать как абсолютизации, крайние случаи соответствующих идеологий, но никак не искажение их сути.

6. Плюрализм частных идеологий (идеологий как выражения интересов различных групп населения в обществе) является способом их включенности в идеологию западнизма, своего рода маркером их принадлежности к последней и осознания ее первостепенной ценности[2]. Он служит специфическим идеологическим механизмом западной идеологии, чаще всего именуемой либерализмом. Его можно считать таким выражением и результатом длительного многовекового развития духовного и культурного развития народов Запада, которое, как говорится, вошло в их плоть и кровь (или, говоря модным языком, составляет их «культурный код»). Хитрость социологического разума в данном случае состоит в том, что само отрицание государственной идеологии становится позитивным идеологическим фактором. Создаются иллюзия равенства в борьбе за идеологическое доминирование и одновременно полная свобода, которая распространяется от возможности «гордо» и «респектабельно» игнорировать сами идеологические игры до законодательной гарантии самосохранения их участникам, так как никто из них не может стать победителем.

7. «Идеологический плюрализм соответствуют обществу демократическому. Он есть тут элемент гражданской демократии. Для общества недемократическо-

может быть раскрыта только в рамках его собственного мировоззрения.

[1] *Зиновьев А. А.* Идеология партии будущего. С. 81.

[2] См. также: *Зиновьев А. А.* Логическая социология. Ч. 4 : Западнистское общество.

го характерен идеологический монизм и идеологическая нетерпимость»[1]. Данное различие в идеологических режимах в современных условиях стало уже не столько следствием, сколько причиной и рассматривается как один из решающих критериев разграничения демократических и недемократических общественных устройств.

8. Плюралистический режим идеосферы позволяет прятать частные идеологии в конкретных исторических контекстах и формах (разных авторских версиях, событиях, традициях, философских, эстетических и других идейных формах, ярких личностях и т. п.), в которых они существуют, благодаря чему и создается в обществе видимость атмосферы деидеологизированного мышления. «Пилюли идеологии сами по себе не настолько приятны, чтобы люди стали их глотать добровольно и с удовольствием. Они подслащиваются более приятными „веществами“ и растворяются в них, чтобы люди могли поглощать их, даже не замечая того. Идеологическая обработка населения западных стран вообще построена не как принудительная обязанность и принудительная нагрузка, а как развлечение и полезная для потребителей идеологии деятельность». Именно потому, что идеология всегда контекстуальна, во всех формах интеллектуальной и гуманитарной деятельности присутствует незримо, она выступает не как частная идеология какого-то класса, слоя, партии и т. д., а как «общечеловеческое» дело, дело всего общества. Это не означает, что она на самом деле является таковой, «это означает, что ни один слой, ни один класс, ни одна партия и ни одна социальная группа не заявляет о ней как о своей идеологии. Она возникает, сохраняется и распространяется как особый и самостоятельный элемент общественного устройства. Ее положение в этом отношении сходно с положением государства».

9. «Идеология западнизма для всех одна. Если бы можно было извлечь ее из связи с другими явлениями, в которые она погружена, обнаружилось бы, что она с интеллектуальной точки зрения примитивна на всех уровнях». И в этом заключается ее прочность. Как неоднократно подчеркивал А. А. Зиновьев, слишком высокий гуманистический пафос и интеллектуальный уровень идеологии марксизма стал одной из причин того, что он проиграл в борьбе с западной идеологией.

«Функции идеологов в западных странах выполняют философы, социологи, психологи, историки, политологи, журналисты, писатели, политики, советники в учреждениях власти и в партиях, сотрудники секретных служб и органов пропаганды. Имеются особые исследовательские учреждения, агентства и центры, так или иначе занятые проблемами идеологии». «Эти люди придают единство идеологическому плюрализму, образуют связную идеологическую среду». «Важно лишь не давать при этом другим вносить в идеологический хаос какую-либо явную и организованную идеологию — деидеологизировать людей в этом смысле. Но при этом неустанно вносить в этот идеологический хаос свои банальные идеи, отвечающие потребностям „деидеологизированных“ сограждан. Идеологическая свобода в условиях западного идеологического поля есть гораздо более сильное средство оболванивания масс, чем идеологическое принуждение».

М. С. Гусман[2]

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

С развитием информационных технологий и появлением Интернета наблюдается стремительная трансформация медиапространства. В конце XX века появилось понятие «новые медиа», обозначавшее в то время начало интеграции печатных изданий в веб-пространство. Однако в последние годы в ходе непрерывной цифровизации и информатизации общества, ярко проявившейся в период пандемии коронавируса, потребление информации в цифровом формате вышло на первый план, ставя традиционные СМИ в уязвимое положение перед силой цифрового прогресса.

Согласно отчету Global Digital 2024 на начало 2024 года в мире насчитывается 5,35 млрд пользователей Интернета (примерно 66 % мирового населения), 5,61 млрд человек пользуются мобильными телефонами, что составляет почти 70 % от общей численности населения мира, а 52 % пользователей Интернета (около 2,7 млрд человек) пользуются им на ежедневной основе, чтобы быть в курсе новостей и текущих событий[3].

Под термином «новые медиа» сейчас подразумевается не только перемещение традиционных СМИ в цифровое пространство путем создания собствен-

[1] См. также: *Зиновьев А. А.* Логическая социология. Ч. 4 : Западнистское общество.

[2] Первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», доктор политических наук, профессор, Заслуженный журналист РФ, Заслуженный работник культуры РФ. Теле- и радиоведущий. Автор телевизионного цикла «Формула власти» (с 2000 г. около 450 эксклюзивных интервью с мировыми лидерами). Автор книг, сценариев к телевизионным фильмам и программам. Вице-президент Всемирного конгресса информационных агентств, представитель РФ в Межправительственном комитете ЮНЕСКО по вопросам информации и коммуникациям (IPDC). Лауреат Государственной премии РФ, премии Правительства Москвы в области журналистики, премии Союза журналистов России «Золотое перо». Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV, III степени, Дружбы, Почета и рядом государственных наград зарубежных стран. Удостоен благодарности Президента РФ.

[3] Статистика Интернета и соцсетей на 2024 год — цифры и тренды в мире и в России // WebCanape : [сайт]. URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-mire-i-v-rossii/#7 (дата обращения: 17.04.2024).

ных электронных версий (сайтов, мобильных приложений, платформ для интернет-радио- и телевещания), но и развитие новейших цифровых форматов сбора и передачи информации (социальных сетей и мессенджеров, Telegram-каналов, блогов, подкастов и т. д.), подразумевающих активное участие пользователей в создании и распространении контента.

Появление новых субъектов в инфополе спровоцировало увеличение потока нефильтруемой информации, перенасытило его и стало причиной возрастающего потребления короткого, понятного контента, который представляет собой наглядное и емкое объяснение интересующей темы.

Параллельно увеличение в медиапространстве количества акторов, каждый из которых обладает широким информационным влиянием, зачастую распространяя непроверенную информацию на многомиллионную аудиторию, способствует усугублению проблемы фейков, вбросов и дезинформации. Пользователи социальных сетей «постят» непроверенные сообщения в мессенджерах, блогеры транслируют свою субъективную точку зрения, игнорируя факты, что запускает цепь распространения недостоверной информации и приводит к потере доверия к СМИ в целом, уменьшению их влияния по всему миру.

В то же время самой серьезной проблемой для стабильного функционирования СМИ по-прежнему остается киберпреступность. Ежегодно совершаются сотни тысяч DDoS-атак на мировые и отечественные средства массовой информации. По имеющимся данным, в 2023 году количество DDoS-атак на российские издания увеличилось по сравнению с 2021 годом в 69 раз (46 130 против 670 инцидентов соответственно). Вместе с тем совершенствуются и методы кибератак, разрабатываются их новые механизмы. Если раньше они осуществлялись без анализа защищенности, то теперь злоумышленники проверяют наличие защиты и ее устойчивость, что многократно повышает шансы вывести сайт из строя.

Атаки в киберпространстве, направленные на СМИ, приобретают особую остроту в контексте возможной утечки данных и разглашения конфиденциальной информации. Этот аспект не только непосредственно влияет на доверие к источникам новостей, но и создает предпосылки для потенциальных конфликтов. Нарушение конфиденциальности в информационном пространстве может иметь необратимые последствия вплоть до международного конфликта, подрывающего мировую стабильность. Таким образом, безопасность данных в сфере СМИ не только является стратегическим вопросом для обеспечения операционной устойчивости, но и представляет собой важный элемент глобальной безопасности.

Противодействие этим вызовам, угрожающим глобальному авторитету СМИ, требует от мирового медийного сообщества общих усилий и солидарности. К сожалению, в настоящее время среди мировых медиа наблюдается деструктивная тенденция разобщенности и политизированности, которая провоцирует стремительное углубление кризиса глобального медийного пространства.

На сегодняшний день в мире функционирует более ста информационных агентств. Безусловно, процессы, происходящие на мировой арене, не могут не отразиться на работе тех, кто о них сообщает.

Кризис системы международных отношений за последние годы стал очевидным явлением в мировой политике. Появление и усиление международных структур, выступающих за формирование новой, более справедливой и равноправной архитектуры межгосударственных отношений, стали сегодня закономерным явлением.

На протяжении всей своей истории Информационное агентство России «ТАСС» никогда не прекращало работу, достойно выполняя миссию по доведению до широкой аудитории официальных оценок, позиций и взглядов России и ее руководства на актуальные вопросы международной повестки.

Начиная с 2022 года предпринимались неоднократные попытки пошатнуть международное положение ТАСС как полноправного участника и одного из лидеров мирового информационного сообщества, пропагандируя его исключение из одной из ведущих международных медийных организаций — Европейского альянса новостных агентств. Тем не менее ТАСС удалось отстоять свое членство в структуре.

ТАСС продолжает оставаться полноправным участником всех мировых и ведущих региональных медийных альянсов, активно в них работать. Более того, наше агентство смогло укрепить свои позиции в Организации информационных агентств стран Азии и Тихого океана (OANA), на членов которой приходится две трети общего объема мирового информационного потока. На XVIII Генеральной ассамблее OANA, прошедшей в октябре 2022 года в Тегеране, ТАСС был переизбран вице-президентом OANA. Кроме того, большинством голосов нам предоставили возможность провести XIX Генеральную ассамблею OANA в 2025 году в России. Подобное решение, безусловно, свидетельствует о большом доверии к нашему агентству и высоком авторитете ТАСС среди агентств-участников.

На сегодняшний день ТАСС продолжает участвовать в мировых саммитах, форумах, конгрессах, международных и региональных конференциях, выставках, конкурсах, семинарах, развивать стратегически важные связи с нашими традиционными партнерами, прежде всего со СМИ Китая, Вьетнама, Монголии, КНДР, Турции, Ирана, ОАЭ и другими ведущими мировыми медиа.

На сегодняшний день в ТАСС успешно функционируют новостные ленты на всех официальных языках ООН. 57 представительств в 52 странах позволяют оперативно получать и распространять объективную информацию о событиях в России и мире среди максимально широкой аудитории.

В 2024 году внешнеполитический фокус внимания России сосредоточен на председательстве в БРИКС — межгосударственном объединении, которое рассматривается как платформа, способная стать центром консолидации новых сил. В настоящее время свыше 40 стран выразили желание вступить в объединение БРИКС,

23 государства из этого числа уже официально подали заявки[1].

XV саммит БРИКС, прошедший в августе 2023 года в столице ЮАР Йоханнесбурге, СМИ окрестили «историческим», так как он обозначил качественно новый этап в развитии группы. По его итогам с 1 января 2024 года участниками объединения стали также Египет, Иран, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и Эфиопия, тем самым всеми узнаваемая «пятерка», расширив свою географию до Ближнего Востока и Северной Африки, превратилась в полноценную «десятку».

Целью стран БРИКС является то, что министр иностранных дел России С. В. Лавров назвал «новой полицентричной системой международных отношений», которая представляет собой справедливый консенсус самобытных стран-цивилизаций, имеющих одинаково важный голос в вопросах мирового развития[2]. Признание главенства международного права и координирующей роли ООН, неприятие вмешательства во внутренние дела независимых государств, а также готовность бескомпромиссно отстаивать свои интересы и с пониманием относиться к решениям других стран — краеугольные камни, на которых она базируется.

Задача ТАСС как ведущего информационного партнера государства — неукоснительно следуя своим основополагающим профессиональным принципам, объективно и целостно освещать позицию страны по ключевым международным вопросам, сохраняя и поддерживая контакты с более чем 200 мировыми СМИ на максимально возможном профессиональном уровне, чтобы продолжать способствовать формированию позитивной, сбалансированной и объединительной международной повестки дня.

Роль, которую играют информационные агентства в формировании новостной картины мира, чрезвычайно велика. Оперативно генерируя информацию и предоставляя ее, СМИ являются одним из ключевых звеньев в эффективном функционировании мирового сообщества. Если СМИ будут слушать и слышать разные позиции, то они смогут сыграть заметную, а зачастую и решающую роль в устранении недопонимания и регулировании конфликтов.

ТАСС дорожит своей репутацией и профессиональной честью. За каждой нашей новостью стоит конкретный человек (корреспондент, журналист, источник информации). Достоверность и точность — важнейшие приоритеты для ТАСС. Можно сказать, что каждый тассовец дает своего рода «клятву Гиппократа». Мы, как и врачи, воздерживаемся от причинения любого вреда и несправедливости, поэтому ТАСС всегда выражал готовность поделиться собственным опытом в использовании механизмов верификации и факт-чекинга информации, а также неоднократно становился инициатором выработки хартий мировых СМИ по борьбе с дезинформацией и фейковыми новостями.

Даже в период разобщенности мировое медийное сообщество не должно забывать о своем профессиональном долге и глобальной созидательной миссии — способствовать углублению и развитию культурного и межцивилизационного диалога всех стран на равноправной и справедливой основе, укреплению взаимопонимания между народами всего мира, мирному и стабильному развитию планеты. И для выполнения этой миссии без медийного сотрудничества не обойтись.

В связи с этим ТАСС продолжает открытое, активное и честное взаимодействие со всеми коллегами, которые в этом заинтересованы. В 2024 году агентство будет прилагать все усилия по продвижению принципов объективной журналистики и самобытного, честного партнерства суверенных участников информационного процесса в рамках международных профессиональных альянсов и собственных мероприятий, ключевым из которых станет Медиафорум БРИКС. Его участниками станут свыше 100 руководителей ведущих СМИ стран БРИКС и их единомышленников. Уверен, что, следуя принципам сотрудничества на основе взаимного уважения, равенства и общего выигрыша, СМИ смогут вывести информационное взаимодействие на принципиально новый уровень в качественном и количественном плане.

Так, помимо решения ставших уже традиционными проблем противодействия распространению фейков и дезинформации, борьбы с киберпреступностью, развитие цифрового прогресса открывает перед СМИ такие новые области для сотрудничества, как виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR), использование искусственного интеллекта (ИИ), развитие аудио- и подкаст-проектов, внедрение блокчейн-технологии для обеспечения прозрачности и достоверности информации, а также создания новых моделей монетизации контента, таких как микроплатежи или подписки. Хочется верить, что использование современными СМИ информационных и коммуникационных технологий в интересах общества будет способствовать улучшению качества их работы и дальнейшему развитию цифрового прогресса.

В свете стремительного изменения мира и появления новых вызовов, с которыми профессиональным СМИ приходится сталкиваться сегодня, их объективность, конструктивность и солидарность будут содействовать не только повышению уровня доверия общества к новостям и их официальным источникам, но и послужат основой для укрепления стабильности в информационном пространстве, продемонстрируют всему мировому сообществу позитивный пример нового сотрудничества. Получится ли достичь заявленных целей, зависит от нас самих.

---

[1] Шерпа ЮАР заявил, что страны Глобального Севера «стучат в двери» БРИКС // Новости в России и мире — ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19851915 (дата обращения: 17.04.2024).

[2] *Лавров С. В.* Подлинная многосторонность и дипломатия против «порядка, основанного на правилах» // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 4. С. 72–81.

Б. Дегарден[1]

БРИКС: АМБИЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Мы, европейцы, считаем себя людьми цивилизованными, а китайцы для нас варвары. Но вот как цивилизация обошлась с варварством.

Виктор Гюго

Негодование Виктора Гюго из-за того, что лорд Элгин, сын того самого лорда Элгина, который вывез фризы Парфенона из Афин, сжег Летний дворец, было полностью оправдано, поскольку это было нелепым унижением китайцев и такой ошибкой, которую европейцы часто совершали в своих бывших колониях. За это до сих пор приходится платить — южные колонии продолжают возмущаться, а встреча стран БРИКС является одной из платформ для выражения этого негодования и возмущения, но также и для поддержания еще одного диалога цивилизаций.

Ранее, в начале 2000-х годов, аббревиатура БРИК была простым сокращением по первым буквам названий четырех государств — Бразилии, России, Индии, Китая, — придуманным главным экономистом банка Goldman Sachs для обозначения стран, демонстрирующих более высокие показатели роста, чем западные. Речь шла об инвестировании.

Затем в 2003 году эти страны объединились в организацию, в нее приняли ЮАР, а в дальнейшем зашла речь о том, чтобы отделиться от многосторонних международных институтов, возникших на Западе в 1945 году, и искать альтернативу доминированию доллара, чтобы заемщики не должны были подчиняться либеральной доктрине МВФ.

1 января 2024 года в БРИКС вступили пять новых членов, и теперь на долю этой ассоциации приходится 35 % мирового ВВП и 42 % населения земного шара.

Это объединение — пространство для диалога цивилизаций, в которое входят Индия премьер-министра Н. Моди, проповедующая индуизм, Китай председателя Си Цзиньпина, допускающий развитие неоконфуцианства под контролем Коммунистической партии, и Россия президента В. Путина, которая гордится превосходством русской цивилизации. Получается, что вместе оказались очень разные государства, и единственный вопрос, по которому у них было достигнуто согласие, — это противостояние либеральным ценностям Запада.

Более того, организация БРИКС, как и Шелковые пути, и Шанхайская организация сотрудничества, в основном удовлетворяет китайские амбиции и сталкивается с очевидными ограничениями в плане торговли, финансов, валютных и политических аспектов.

Китайские амбиции

Несомненно, диалогу в рамках БРИКС мешает доминирование Китая, ВВП которого в 5 раз выше, чем ВВП Индии, и в 10 раз выше, чем ВВП России. На долю Китая приходится 70 % ВВП БРИКС, он является главным экспортером в примерно 40 стран и намеревается оказывать на них влияние.

Китайские устремления

Китай осуждает все то, что осталось от колониализма у западных держав, но его империализм не слишком отличается от их империализма. Расширение БРИКС в первую очередь служит китайским интересам: в Египте находятся штаб-квартира Лиги арабских государств и выход в Суэцкий канал — ключевую артерию, по которой идет торговля Китая с Европой; население Эфиопии составляет 120 млн человек, и по этому показателю она занимает второе место в Африке, также там размещается штаб-квартира Африканского союза — союза стран континента, который очень интересует Китай благодаря богатым запасам сырья; Саудовская Аравия, Ирак и ОАЭ являются важными поставщиками углеводородов в Китай.

Кроме в большей или меньшей степени общего желания найти альтернативу западной модели, многие страны с опаской относятся к Китаю и понимают, что он хочет использовать расширение БРИКС для поиска рынков сбыта для растущего количества товаров, приобретения продуктов питания и необходимого сырья.

Китайский эгоизм

Китай демонстрирует желание сломить доминирование Запада над многосторонней системой, но выступает, например, против того, чтобы его партнеры Индия и Бразилия получили статус постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Китай намеревается продолжать расширение БРИКС, чтобы сплотить государства против Запада, но другие члены, Бразилия и Индия, против этого и хотят получить преимущества по каждому аспекту — экономическому, военному и так далее, выступая иногда вместе с Западом, иногда с Россией, иногда с Китаем.

Китай доминирует, но его структурный рост замедляется, возможность предоставлять кредиты другим странам подорвана многочисленными заминками и препятствиями на Шелковых путях. Его международный политический имидж опорочен усилением жесткости в сфере идеологии, которое наблюдается в последние годы, а Индия с каждым днем все больше и больше демонстрирует намерение заставить слушать и ее голос.

---

[1] Директор по инвестициям SingAlliance Pte Ltd. (Женева, Швейцария), член правления Bank Med Geneva. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Новая международная экономическая окружающая среда», «Стратегии глобализации», «Феномен банковской системы Швейцарии: исторические факты и современные тенденции развития» и др.; статей и аналитических докладов по проблемам банковской деятельности.

Коммерческие ограничения увеличения БРИКС

Экспорт расширенного состава стран БРИКС составляет 6,2 трлн долларов — меньше, чем показатель «Большой семерки» с их экспортом на 7 трлн. Но это не самое главное. В то время как Китай является важным партнером каждого члена БРИКС, торговля между другими странами находится на низком уровне и имеет более значительные объемы со странами Запада.

Например, Индия экспортирует товары всего на 25 млрд долларов в Китай и Россию, вместе взятые, в сравнении с экспортом примерно на 230 млрд в страны ОЭСР.

В последние годы наблюдался рост торговли между определенными странами БРИКС: например, экспорт из Бразилии в Китай и Россию увеличился почти на 50 % и достиг примерно 120 млрд долларов, в то время как экспорт в США является гораздо более стабильным и держится на уровне примерно 40 млрд. При этом Индия значительно увеличила закупку российской нефти, воспользовавшись сниженными ценами, но также опасается Китая и в большей степени развивает экспорт в США.

На Юге африканский импорт из Китая и России увеличился почти пятнадцатикратно начиная с 2002 года в сравнении с менее чем четырнадцатикратным увеличением в случае США. Африканский экспорт в Китай и Россию точно так же значительно увеличился, в то время как экспорт в США остался прежним. Однако тут имеются ограничения. Африканский экспорт в Китай и Россию составляет примерно 60 млрд долларов, что значительно меньше, чем примерно 220 млрд в страны ОЭСР. Мексика не продает товаров даже на 20 млрд долларов в Китай и Россию, вместе взятые, в сравнении с товарами на 600 млрд в страны ОЭСР.

На фоне растущего американского протекционизма амбиции стран — членов БРИКС включают продвижение торговли Юг–Юг, но торговля между этими странами остается незначительной, а интеграция ограниченной.

Амбициозной целью также является продовольственная безопасность стран — членов БРИКС, поскольку они удовлетворяют только половину своих потребностей. В группу входит ряд крупных производителей — Россия, Бразилия и во вторую очередь ЮАР, но в Египте и Эфиопии продовольственная безопасность остается далекой целью. Саудовская Аравия, страна с высоким коэффициентом роста населения, и Иран сталкиваются с проблемами водных ресурсов; Индия и Китай должны импортировать необходимые средства существования.

Финансовые ограничения и предложение альтернативы МВФ

Члены БРИКС хотят ликвидировать многосторонние организации, созданные после Второй мировой войны под эгидой Запада, а именно МВФ и Всемирный банк.

НБР (Новый банк развития), созданный в 2015 году, капитал которого составляет 50 млрд долларов, является единственным общим институтом БРИКС, его цель — предложить альтернативу МВФ для ускорения развития и ухода от обусловленности кредитов, которую практикует МВФ.

Однако с момента своего создания НБР предоставил кредиты только на 33 млрд долларов, в то время как Всемирный банк — на 78 млрд, и только пятая часть предоставленных НБР кредитов была в национальных валютах, а почти 70 % — в долларах США.

Если коротко, то НБР — это довольно посредственная альтернатива многосторонним институтам.

С финансовой точки зрения наблюдается поразительная несхожесть стран — членов БРИКС. В Эфиопии дефолт, Египет находится на грани банкротства, Иран сильно обнищал, в то время как Саудовская Аравия и ОАЭ входят в список стран-кредиторов и пока занимают две высшие строчки в списке по показателям ВВП на душу населения в группе.

Валютные ограничения и невозможность предложить альтернативу доллару

Эксклюзивное доминирование американского доллара в международной валютной системе восходит к 1945 году, к Бреттон-Вудскому соглашению.

В 1974 году страны ОПЕК хотели освободиться от американского доллара в пользу СПЗ (специальные права заимствования) при расчетах за нефть, но эта попытка провалилась.

На членов БРИКС большое впечатление произвела блокировка США половины российских валютных резервов, сумма которых составляет 350 млрд долларов, они хотят уйти от экстерриториальности права США санкционировать операции, проводимые в американских долларах, но это может остаться просто заявлением.

На сегодняшний день валютами пяти стран БРИКС финансируется не больше 5 % международной торговли, и ни одна из этих стран не способна предложить глубину рынка, ликвидность и стабильность, сравнимые с американским долларом.

Китай проводит более 40 % сделок в юанях, но 60 % его зарубежных активов продолжают деноминироваться в американских долларах. Соответственно даже если саудиты принимают платежи за свою нефть в юанях, а бразильцы платят в юанях за импорт из Китая, никто не хочет хранить в юанях резервы. Пока юань не является конвертируемой валютой, им будет оплачиваться только от 1 до 2 % объемов международной торговли.

Тем временем если на долю США приходится менее 15 % международной торговли, то обеспечение 40 % долгов, 59 % коммерческих сделок и почти 90 % обмена валюты по всему миру проводится в американских долларах.

Принятие юаня как международной валюты сделки представляется далекой перспективой, этого совершенно определенно не хочет Индия. Более того, установление общей валюты — эквивалента евро — такими различными экономиками кажется маловероятным.

Поэтому в скором времени не следует ждать изменения валютной системы, а США пока смогут продолжать финансирование дефицита международными накоплениями.

Политическая ограниченность

Ассоциация в целом является разнородной, а ее существенное увеличение, которое имело место 1 января 2024 года, только усилило эту разнородность.

На последний саммит БРИКС были приглашены 77 стран, включая примерно 20 кандидатов на вступление (Индонезия, Нигерия, Венесуэла и др.), но никаких конкретных действий не было предпринято.

Что общего у богатой Саудовской Аравии и обнищавшей Эфиопии? Или у авторитаризма Китая и России с демократией Бразилии? Или у Индии и Китая, которые борются на спорной границе в высокогорных Гималаях? Или у Саудовской Аравии и Ирана? Или обширной России и маленьких Эмиратов?

Совершенно точно, что страны — члены БРИКС следуют принципу невмешательства во внутренние дела, в особенности это касается прав человека. Они не осудили вторжение на Украину и также не голосовали за введение санкций против России. Но если Европа, которая представляет собой союз культурно и экономически близких стран, старается достичь консенсуса в течение 67 лет после создания, какого сближения интересов можно ожидать от таких разных стран, как члены БРИКС? Какая может быть общность интересов у Индии, близкой к западному лагерю, и Китая, желающего установить новый мировой порядок? Что можно думать об организации, в которой одна из ведущих стран, Индия, рассматривает другого члена, Китай, как основную угрозу?

Вывод

«Чем больше они вам льстят, тем меньше вы можете им доверять». Эти слова, сказанные Мао Цзэдуном Хо Ши Мину, должны быть переиначены. Если Китай льстит своим партнерам по БРИКС и подогревает их неприятие Запада, то делает это для укрепления своего доминирующего положения в группе. На самом деле в итоге можно прийти к следующим выводам.

— БРИКС не является доминирующей организацией: группа расширилась, включив пять новых членов, но при этом на долю БРИКС приходится 35 % мирового ВВП, а первое место сохраняется за странами «Большой семерки», на долю которых приходится 43 %, или 43 трлн долларов.

Следует упомянуть фрагментацию, а также подчеркнуть оппортунизм государств, входящих в БРИКС, и нынешний деловой подход к заключению сделок. Примером является Н. Моди: сегодня он покупает нефть у России, а завтра демонстрирует близость США или приобретает оружие во Франции.

Для реформирования глобального управления нужно время, внедрение альтернативы американскому доллару потребует еще большего времени, потому что эти страны отличаются плохой способностью к достижению соглашений.

— БРИКС не может действовать, потому что в этой разнородной группе из 10 членов превалирует правило единогласия. С момента создания БРИКС единственным достижением группы является Новый банк развития, а сумма выданных им кредитов остается весьма скромной.

«Большая двадцатка», смешанный форум развитых и развивающихся стран, представляющих 80 % мирового ВВП, лучше подходит для решения важнейших международных вопросов.

Западу не нужно бояться конкуренции с БРИКС, но нельзя игнорировать посыл этой организации. Джо Байден это прекрасно понял, когда объявил о своем намерении реформировать МВФ и Всемирный банк, два института, в которых с момента их создания в 1945 году доминировали западные страны. Точно так же проект коридора «Европа–Ближний Восток–Индия», который был представлен на саммите «Большой двадцатки», является ответом на Шелковые пути. Точно так же партнерство для глобальной инфраструктуры и инвестиций, представленное на саммите «Большой семерки», пообещало 600 млрд долларов для финансирования инфраструктуры и предложения развивающимся странам альтернативы Шелковым путям. Наконец, идет развитие международной системы, поскольку Африканский союз стал членом «Большой двадцатки».

— БРИКС едва ли является центром роста: начиная с 2013 года средний рост годового ВВП не превышал 1 % для трех стран-членов — России, Бразилии и ЮАР. В Египте и Эфиопии рост не наблюдается; Иран нищает; в последние годы рост существенно замедлился и в Китае. Поэтому только Индия или, возможно, Саудовская Аравия остаются центрами роста. Таким образом, усилилась фрагментация.

— БРИКС отстает в вопросе перехода на другие источники энергии: на долю этих стран приходится 22 млрд тонн выбросов парниковых газов в сравнении с 9 млрд у стран «Большой семерки». При таком уровне выбросов на первое место сто́ит поставить общую обеспокоенность за судьбу планеты, в частности изменение климата, а не споры по идеологическим вопросам.

— БРИКС очень мало влияет на международный фондовый рынок: в сравнении с США, на долю которых приходится 60 % капитализации мирового рынка, страны БРИКС наиболее привлекательны для технологий, можно провести листинг предлагающих их компаний и получить лучшую ликвидность инвестиций. Маловероятно, что одна из стран БРИКС сможет предложить альтернативу, в лучшем случае — диверсификацию для инвесторов. Листинг многих китайских компаний в США, несмотря на политическое напряжение между двумя странами, является хорошим показателем.

Д. А. Дегтерев[1]

ОТ «ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ» К СУВЕРЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКЕ НЕЗАПАДНОГО МИРА: РОЛЬ БРИКС

Одним из инструментов гегемонии коллективного Запада является контроль над «механизмами формирования и распространения знаний» — так называемой четвертой структурной властью первого уровня по Сьюзан Стрэндж, основателю международной политической экономии[2]. Под структурной силой (*structural power*) она понимала возможность создавать свои правила игры, по которым действуют другие, в том числе и не в последнюю очередь — профессора вузов по всему миру. При этом данный элемент структурной власти, по ее мнению, так же важен, как и три других (безопасность, производство и финансы).

В феврале 2023 года Объединенный комитет начальников штабов США представил Совместную концепцию конкуренции (*Joint Concept for Competing*), где отразил пространства международной конкуренции[3], которые условно делятся на четыре основные группы: географические, доменные, тематические и когнитивные. Под когнитивными подразумеваются следующие сферы: идеология, образование, информация и инновации. Под тематическими — формирование глобальной повестки по направлениям: глобальный порядок, международные рынки, климат, гуманитарная безопасность, медицина, технологии и экстремизм.

Важную роль контроля за распространением знаний подчеркивают и представители критических теорий. Например, Й. Галтунг говорит о формировании «ложного сознания» и «умении подавлять свои собственные подлинные интересы, что может быть основной частью социализации в целом и образования в частности»[4]. О культурном империализме и гегемонистском контроле над дискурсом пишет А. Грамши[5].

По сравнению с другими элементами структурной власти контроль над механизмами распространения знаний, пожалуй, самый неочевидный, поскольку знания неосязаемы. Тем не менее можно выделить основные элементы структурной силы и гегемонистских иерархий коллективного Запада в этой сфере и обозначить основные пути наращивания соответствующего незападного потенциала в контексте развития БРИКС.

В заголовок данного доклада вынесен нарратив «провинциальной науки», который блестяще описан в работе двух антропологов из Санкт-Петербурга М. Соколова и К. Титаева под названием «Провинциальная и туземная наука»[6]. Авторам удалось в очень тонкой и ироничной форме этнографического наблюдения по сути высмеять наиболее явные недостатки как «провинциальной», так и «туземной» науки.

Под первой они понимают тех исследователей, дискурс которых вторичен по отношению к «столичному», причем «столичной» для большинства наук до Второй мировой войны являлась Германия, а после — США и Великобритания, с коротким обретением «столичности» Парижем в 1960–1980-е годы. Рискну предположить, что по окончании «властного транзита»[7] после кардинальных международных трансформаций интеллектуальная «столица» мира сменится в очередной раз… По словам М. Соколова и К. Титаева, «для провинциальной науки именно посещение интеллектуальных салонов метрополии является основным маркером статуса»[8]. Ценятся также формальные «признаки личной близости к столичной науке» — длительные «столичные» стажировки и командировки, «культ… физических визитов столичных знаменитостей» и др.[9] При этом отмечается «хронический дефицит важности, которую ее представители придают работе друг друга»[10]. В самом деле, зачем, ведь «соседи по цеху» — это «провинциалы»!

Другая крайность — это так называемая туземная наука, предполагающая «постоянное вытеснение факта существования столичной»[11] и усиление тенденции к регионализации и национализации научной коммуникации. При этом в условиях инфраструктурно обусловленной изоляции признаются только локальные авторы, высока доля самоцитирований, заметно обилие наукообразной лексики, многие исследователи, что называется, «варятся в собственном соку», нет надежных механизмов верификации научных знаний. Применительно к контексту БРИКС здесь можно отметить и незначительную долю от общемировых исследований, выходящих на соответствующих языках — это касается и русского, и португальского (для Бразилии),

---

[1] Главный редактор «Ученых записок Института Африки», профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор МГИМО МИД России, доктор политических наук, кандидат экономических наук. Автор более 300 научных публикаций по вопросам глобального управления, конкуренции США и КНР, Африки и «Глобального Юга», незападных общественных теорий. Редактор монографий: «Миротворчество в многополярном мире», «Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации», «Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ», «Африка и формирование новой системы международных отношений».

[2] См.: *Strange S.* States and markets. L. : Continuum, 1994. P. 119–138.

[3] См.: Joint Concept for Competing. Joint Chiefs of Staff document. 2023. Febr. 10. P. 13. URL: https://news.usni.org/2023/03/09/pentagons-joint-concept-for-competing (дата обращения: 15.02.2024).

[4] См.: *Galtung J.* A Structural Theory of Imperialism // Journal of Peace Research. 1971. № 8 (2). P. 82.

[5] *Грамши А.* Избранные произведения : в 3 т. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. Т. 3 : Тюремные тетради.

[6] *Соколов М., Титаев К.* Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.

[7] *Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Цвык А. В.* США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. «Международные отношения». 2021. № 21 (2). С. 210–231.

[8] *Соколов М., Титаев К.* Указ. соч. С. 254.

[9] Там же. С. 257.

[10] Там же. С. 252.

[11] Там же. С. 259.

и арабского, и амхарского. То есть здесь важен эффект масштаба, наличия международных научных коммуникаций незападного мира, которые могут сформировать структуры БРИКС.

Существующая международная научная среда достаточно иерархична, для нее характерны центр-периферийные отношения, причем, к сожалению, в 1990-е годы наша страна усиливала свою периферийность, а другие страны — члены БРИКС делали не всегда успешные попытки по ее преодолению. При этом страны так называемого центра сегодня уже не являются лидерами по целому ряду критически важных технологий, их обгоняют, например, КНР и Российская Федерация.

Однако их «центральность» обусловлена не только объективными факторами, то есть уровнем развития научных исследований в той или иной сфере, но и самой конфигурацией сети — системы международного академического сотрудничества. В сложившейся системе основная часть контактов идет через «центр», через его журналы, конференции, профессиональные ассоциации, библиометрические индексы.

«Властный транзит» (от западных стран к незападным), начало СВО, ближневосточный конфликт и другие события последних трех лет ставят под вопрос всю архитектуру гегемонистской пирамиды распространения «столичных» знаний, ведь «верхние этажи» вышеупомянутых иерархий занимают представители недружественных стран.

Более того, между западным и незападным миром развиваются процессы так называемого декаплинга (то есть разрыва). Наиболее всего данное явление получило развитие в технологической сфере, также активно развивается в экономической и политической, где формируются конкурирующие международные институты с похожим функционалом[1]. Но происходит и фрагментация глобального информационного и, шире — ценностного[2] и академического пространств.

И, пожалуй, впервые в постсоветской истории столь остро встает вопрос о формировании суверенных общественных знаний. В естественно-научной среде роль нормативного (то есть идеологического) фактора ниже, и данная проблема не так актуальна. Кроме того, стоит задача частичной переориентации сети международного сотрудничества, формирования прямых научных связей стран БРИКС, замыкания их на незападную научную инфраструктуру.

Важно при этом не впадать в уже описанные крайности как «провинциальной», так и «туземной» науки. Требуется хорошо владеть зарубежным (западным и незападным) дискурсом, уметь его не только адаптировать, но и при необходимости аргументированно деконструировать, предлагать альтернативные смыслы[3]. Даже западные эксперты давно признают, что у их стран нет эксклюзива на современность, существует «множественная модерность» — российская, китайская, турецкая и т. д.[4]

Не надо бояться выдвигать альтернативные общественные концепции, ведь конкуренция — это именно то, что двигает науку. Если «единственно правильная концепция» окажется ошибочной, то альтернативы ей просто не будет[5]. Не стоит бояться конкурировать в доминирующей в сегодняшней науке англоязычной среде. Но для этого необходимо иметь свои элементы структурной силы, а именно — ведущие научные журналы, выходящие одновременно на русском, английском и китайском языках, языках других стран БРИКС, и, главное — мощные издательские холдинги, публикации в которых должны стать sin qua non для любой серьезной научной или образовательной программы. Необходимо сопряжение библиометрических систем стран БРИКС. У нас это РИНЦ, есть попытки создать другие системы. У КНР это CNKI (China National Knowledge Infrastucture), у арабских стран — Al Manhal.

Фактически сегодня уже идет «ползучее» признание журналов друг друга. Например, многие российские журналы начали индексироваться в CNKI, соответственно многие китайские авторы стали с бóльшим интересом в них публиковаться, ведь это теперь засчитывается в их показателях научной результативности. С похожими предложениями к нам обращаются, например, коллеги из ЮАР и других стран Африки.

Однако здесь необходимы более системные меры. Не должно быть полной симметрии, но по всем основным элементам структурной силы коллективного Запада в сфере формирования и распространения знаний должны появиться соответствующие серьезные незападные инструменты, в том числе на базе БРИКС. Причем между западными и незападными издательствами и журналами вполне может развиваться здоровая конкуренция — это лишь будет двигать вперед глобальную академическую науку. Главное — преодолеть асимметричные взаимозависимости (по Р. Кохейну и Дж. Наю[6]), когда мы зависим от публикаций в западных издательствах, которые приобрели по сути квазиглобальный характер и при этом никак не зависят от нашей структурной власти в данной сфере, которая пока находится на начальном этапе формирования.

Совместными усилиями незападные страны — члены БРИКС могут сделать многое в сфере совместного развития общественной науки, при этом ключевую

[1] См.: *Clark R.* Pool or Duel? Cooperation and Competition Among International Organizations // International Organization. 2021. № 75 (4). P. 1133–1153.

[2] *Дегтерев Д. А.* Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. «Международные отношения». 2022. № 22 (2). С. 352–371.

[3] Научные журналы в условиях трансформации международных отношений: проблемы, вызовы и перспективы. Ч. 2 / Р. Н. Лункин, Гу Хо Ом, Д. А. Дегтерев [и др.] // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. «Международные отношения». 2023. № 16 (4). С. 428–436.

[4] См.: *Eisenstadt S. N.* Multiple Modernities // Daedalus. 2000. № 129 (1). P. 1–29.

[5] *Переслегин С. Б.* Эффект «чужого поля»: российская наука в англосаксонском когнитивном пространстве // Экономические стратегии. 2017. № 8. С. 63–64.

[6] См.: *Keohane R., Nye S.* Power and Interdependence. N. Y. : Longman, 2012.

роль может сыграть Россия как «самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава», обладающая уникальными возможностями для «культурной триангуляции»[1], то есть обобщения опыта стран и народов Европы, Азии, Африки, что признают и зарубежные эксперты[2].

М.-Р. Дехшири[3]

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СИНЕРГИИ КУЛЬТУР

Конструктивное взаимодействие культур, особенно с начала третьего тысячелетия, находится в центре пристального внимания международного сообщества. До появления понятия «синергии культур» были предприняты значительные усилия для содействия взаимопониманию между культурами.

Первой попыткой стало одобрение Организацией Объединенных Наций предложения действующего на тот момент президента Исламской Республики Иран Сайеда Мохаммада Хатами объявить 2001 год Годом диалога между цивилизациями. В идее диалога между цивилизациями основной акцент делался на создании пространства взаимопонимания и открытости между культурами. Несмотря на то что эта идея привела к взаимному признанию различных цивилизаций и культур, она не вышла за пределы взаимодействия и диалога, и оперативный подход для сближения взглядов не был предложен.

Затем в 2005 году по инициативе Испании и Турции была выдвинута концепция «Альянса цивилизаций», заключающаяся в том, чтобы в международном масштабе предпринять действия для борьбы с экстремизмом посредством международного, межкультурного и межрелигиозного диалога и сотрудничества. Вместо сближения различных точек зрения при одновременном признании разнообразия и уникальности культур эта концепция была направлена на гомогенизацию последних, фактически игнорируя сегодняшний разнообразный мир со множеством культур и цивилизаций. Среди критических замечаний, высказанных в ее адрес, можно отметить то, что в процессе объединения некоторых цивилизаций может использоваться инклюзивно-эксклюзивный подход. Другими словами, реализация этой концепции может случайно привести к образованию союза одних культур против других.

Третьей идеей стало «сближение культур», предложенное ЮНЕСКО в 2010 году для содействия признанию и взаимопониманию между народами посредством выявления разнообразия мировых культур. Она повлекла за собой одобрение Генеральной конференцией ЮНЕСКО предложения Республики Казахстан об объявлении периода 2013–2022 годов Десятилетием сближения культур. Во главе угла концепции стоит сотрудничество наций для достижения устойчивого мира, однако она не предлагает практических механизмов сближения культур и их конструктивного участия в мирном сосуществовании людей в многонациональном мире. Кроме того, подход к человеческому обществу, лежащий в основе идеи сближения культур, был ориентирован в прошлое, а не в будущее. Дело в том, что эти разные концепции пытались отразить положенные в их основу исходные концепции «мирного сосуществования», «взаимопонимания», «взаимодополняемости», «открытости», а также «конструктивного и эффективного взаимодействия» культур на основе взаимного уважения на международной культурной арене.

Идея «синергии культур» имеет относительные преимущества аналогичных концепций, которые могут вновь сделать культуру основой мировой политики и задачей первостепенной важности для мирового сообщества. В ней реализуется общее понимание универсальных идей и одновременно признается разнообразие культур и необходимость уважения культурной самобытности. Синергия культур означает совместные или скоординированные действия, которые могут возникнуть, когда разные культуры с разными точками зрения работают вместе для реализации макрокультурного подхода, который более важен, чем его составные части, с тем чтобы все культуры предпринимали шаги для повышения эффективности синтезированной глобальной культуры. Именно в этой ситуации два плюс два дает результат больше четырех. Ситуация синергии создает своего рода атмосферу сотрудничества, которой недостает для совместного использования и обмена преимуществами различных культур. При таких обстоятельствах в рамках этой глобальной культуры будут рассматриваться разнообразные инновационные решения проблем, которые в редких случаях были подняты или решены в отдельной культурной среде.

Синергия культур означает, что сотрудничество различных культур может создать их синтез, отличный от составляющих культур. Использование опыта других культур через контакт между ними проложит путь к коллективному осознанию и улучшит культурный потенциал и творческие способности человечества. Результатом является не только относительное преимущество от взаимодействия культур, но и новая дополнительная ценность. Это является сильным фактором

[1] Концепция внешней политики РФ. 31 марта 2023. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811 (дата обращения: 21.02.2024).

[2] См.: *Mine Y.* The Global Demographic Change and Africa–Asia Relations: Beyond Big Power Summits // Africa and the Formation of the New System of International Relations. Vol. II : Beyond Summit Diplomacy: Cooperation with Africa in the Post-pandemic World / eds A. M. Vasiliev, D. A. Degterev, T. M. Shaw. Palgrave Macmillan Cham, 2023. P. 48–49.

[3] Директор Института международных отношений Министерства иностранных дел Исламской Республики Иран (Тегеран), профессор политологии. Автор ряда публикаций на тему взаимоотношений исламской и западной цивилизаций, в т. ч.: «Исламофобия на Западе», «Новая культурная холодная война против мусульман в США и Великобритании», «Почему битва за Газу не имеет конца?» и др.

для установления устойчивого мира в современном обществе.

В эпоху, когда время и пространство переплетены, а мир постоянно меняется, страны должны быть осведомлены в вопросах культуры и готовы к межкультурной коммуникации, поскольку она как один из ресурсов «мягкой силы» способствует повышению эффективности культур и привносит новый вид энергии в глобальную культуру. Сегодня мы живем в трансформирующейся международной среде, ландшафт которой постоянно меняется. В этом контексте идея синергии культур путем подчеркивания аспектов сходства и акцентирования внимания на общих культурных проблемах при уважении культурного разнообразия требует комплексного и взаимовыгодного подхода к будущим вызовам и возможностям для поиска творческих решений. В этом контексте культурные сообщества, возможно, поняли и научились тому, как использовать разнообразие, получать максимальное преимущество от своих сильных сторон, применять навыки позитивного и действующего на опережение общения, развивать и обогащать человеческую деятельность и сотрудничать для достижения общих интересов. Если мы будем опираться на общие ценности и цели, то сможем найти решения, чтобы с помощью межкультурного подхода сделать важный шаг к изменению существующей ситуации, акцентировав внимание на общих элементах культур друг друга в процессе диалога.

Синергия культур находится в середине спектра, двумя сторонами которого являются централизация и децентрализация мировой культуры. Централизация может привести к навязыванию унифицирующих правил и процедур во имя универсальности глобальных норм, которые бросают вызов местным культурам. Децентрализация ведет к протекционизму, культурной самобытности, а также сохранению традиционного культурного или специфического своеобразия. Независимость действий на местном уровне и чрезмерная зависимость от традиционных ценностей и норм могут повлечь за собой умаление значимости общечеловеческих ценностей. В этом контексте уместно полагаться не на культурные различия, а на культурное разнообразие, поскольку акцент на различиях приводит к некоторой дезорганизации, в то время как опора на разнообразие создает порядок, основанный на совместимости между сходствами и различиями в последовательной перспективе. Этот подход требует синергии и взаимодополняемости различных культур, несмотря на сохранение различий между ними. Другими словами, синергию культур в нынешней международной системе можно расположить посередине двух противоречивых течений: культурного унилатерализма и культурного плюрализма. Культурный унилатерализм — это своего рода культурная гомогенизация с упором на культурную ассимиляцию, направленная на то, чтобы подчеркнуть универсальные общие черты и общечеловеческие ценности, выровнять культуры на основе универсальных критериев, игнорируя отличительные черты разных культур. С другой стороны, культурный плюрализм делает акцент на культурной толерантности, релятивизме и культурном многообразии в целом. Тем самым один подход рассматривает культуру как фактор однородности, а другой — как фактор дифференциации. Таким образом, идея синергии культур представляет собой умеренный вариант между двумя крайностями: гомогенным подходом культурной ассимиляции и гетерогенным подходом культурного многообразия в международном сообществе.

Идея синергии культур способна представить культуру как ось устойчивого развития таким образом, что культура выражается через ее различные компоненты, включая материальное и нематериальное культурное наследие, творческие индустрии и различные формы культурного самовыражения, такие как искусство, литература, традиции и модели поведения. Этот подход важен в том смысле, что в нем культура рассматривается как «совокупность активов, ценностей и культурного капитала» и признается ценность различных культур, отношения между которыми строятся на основе взаимного уважения.

Синергия культур рассматривается как шаг к прогрессу и устойчивому глобальному развитию. В современном конкурентном мире она может, способствуя позитивной и конструктивной конкурентной борьбе между культурами, в то же время стимулировать сотрудничество и взаимодействие между ними для создания новой синтетической культуры и реагирования на общие человеческие потребности. Хотя разные культуры имеют разный культурный опыт, верования и образ жизни, они хотят достичь своего рода совместимости, взаимодополняемости и сотрудничества в плюралистическом мире как возможности для взаимодействия друг с другом для процветания в будущем. Фактически каждая культура в мире обладает особым богатством, позволяющим активно вносить вклад и участвовать в процессе аддитивного взаимодействия с другими культурами для реализации глобальной синтетической культуры.

БРИКС и синергия культур

Сходство и общность государств — членов БРИКС в плане культурных ценностей, а также исторических традиций, таких как совершенствование института семьи, вера в религию и духовность, могут служить основой для взаимопонимания и платформой для культурного взаимодействия. Их противодействие доминированию западной контркультуры и приверженность идее «культурной независимости», а также своей национальной культуре могут привести к сильной культурной синергии между ними.

Поскольку БРИКС объединил древние цивилизации, диалог между ними позволит создать основанный на сотрудничестве, инклюзивный и непреложный мировой порядок. Два принципа — уважение традиционных ценностей и культурное разнообразие — превратили БРИКС в важнейшую платформу для диалога между цивилизациями и культурами, которого можно добиться, если придерживаться лозунга «Сотрудни-

чать, создавать и строить» и принципа единства в многообразии.

Если государства — члены БРИКС уважают свое культурное разнообразие и считают его фактором силы этой организации, их усилия по продвижению синергии культур при одновременном признании возможности расхождения во мнениях сделают диалог значимым и создадут новое пространство для справедливого и невоинственного мирового порядка. БРИКС представляет собой подходящую основу для создания альтернативного механизма посредством укрепления отношений между людьми и расширения культурного сотрудничества, синергии и дружбы стран-членов в противодействие культуре доминирования, обособленности и гомогенизации.

В этой ситуации Исламская Республика Иран, официально присоединившаяся к организации БРИКС 1 января 2024 года, может продвигать идею культурной синергии посредством создания благоприятной среды для расширения программ культурного обмена, поддержки творческих индустрий искусства, образовательных инициатив и участия молодежи стран БРИКС в процессе эффективного взаимодействия культур. Институциональный потенциал БРИКС в сфере индустрии культуры и искусства может усилить инновационное взаимодействие государств-членов.

Утверждение позитивной и конструктивной роли культуры в устойчивом развитии стран БРИКС может обеспечить создание комплексной структуры взаимной поддержки как подходящей основы для синергии культур. Именно в этом контексте сотрудничество между странами — членами БРИКС приведет к бóльшим достижениям, чем весь их потенциал в совокупности. БРИКС может служить моделью синергетического взаимодействия культур для повышения осведомленности общественности и поощрения устойчивого развития, основанного на культурном разнообразии. Хотя организация предоставляет пространство для признания и уважения разнообразия и множественности культурных норм всех государств-членов, она также способствует культурному обмену между ними, чтобы создать основанную на синтезе культурную идентичность БРИКС. Это побудило бы культурные сообщества использовать творческие методы для достижения общих целей, сохраняя при этом свои фундаментальные ценности и самобытность.

Таким образом, БРИКС может кристаллизовать синергию культур, основанную на духе институционального строительства и соответствующих механизмах многосторонней культурной дипломатии. Это демонстрирует переход от уровня простого и линейного взаимодействия к уровню сложного и синергетического. Такой подход предполагает, что культурное разнообразие не будет ни игнорироваться, ни преуменьшаться, а будет, скорее, рассматриваться как источник развития взаимодействия. Это требует от стран компетентности в межкультурном общении и их синтетического взаимодействия посредством модели приверженности, вовлеченности, адаптируемости, гибкости и эмпатии, а также институционализации культуры инноваций и взаимного доверия. На самом деле синергия культур на уровне организации БРИКС может дать больший результат, чем их совокупность. Если страны БРИКС хотят реализовать модель культурной синергии, они должны попытаться объединить традиции и современность, продвигать принципы рациональности и прагматизма, обмениваться результатами интеллектуальной деятельности в науке, технологии и искусстве и распространять культуру мирного сосуществования и умеренности в противодействие насилию и экстремизму.

Мы можем сослаться на некоторые принципы синергии культур среди государств — членов БРИКС.

1. Принцип институционализации коллективного сотрудничества: в современном взаимозависимом мире разнообразные культуры должны создать сеть общения и взаимодействия таким образом, чтобы каждая могла воспользоваться преимуществами коллективного сотрудничества. В этой перспективе Гражданский форум БРИКС, созданный в 2015 году с целью укрепления конструктивного диалога между институтами гражданского общества и научного сообщества стран БРИКС по широкому спектру социальных вопросов, может рассматриваться как платформа для общения, способная содействовать развитию инновационного потенциала для развития культурного взаимодействия между странами-членами.

2. Принцип взаимного уважения: последовательность и толерантность культур в процессе свободного потока информации и общения обеспечивает их поведенческую гибкость при сохранении культурной самобытности. В этом случае взаимное доверие можно рассматривать как источник, обеспечивающий свободное взаимодействие культур для решения проблем человечества. Взаимное уважение будет реализовано, когда удастся устранить предрассудки, эгоизм, эгоцентризм, подозрения и недоразумения.

3. Принцип открытости: синергия культур зависит от их способности сохранять открытость в процессе культурного взаимодействия таким образом, чтобы они могли успешно адаптироваться к атмосфере диалога. Открытость культур по отношению друг к другу обеспечивает возможность работать в гармонии, сохраняя при этом свое культурное разнообразие и уважая богатство других культур в меняющейся международной системе.

4. Принцип эффективного участия в построении национальной идеи: культурная коммуникация способствует участию представителей различных культур в процессе создания национальной идеи и улучшения своего имиджа с целью устранения недоразумений и использования результатов культурного взаимодействия.

5. Принцип баланса между непрерывностью деятельности и изменениями: принцип баланса требует непрерывности изменений в том смысле, что различные культурные системы склонны сопротивляться изменениям и хотят сохранить свои убеждения, ценности

и нормы. Чем больше культурные сообщества полагаются на свою прошлую славу и знаменательные исторические события, тем больше они сопротивляются переменам. Если они будут смотреть в будущее в контексте синергии культур, то такой подход будет способствовать гибкости и открытости культур и повысит их конкурентоспособность.

6. Принцип приспособляемости: культурные сообщества должны иметь возможность увеличивать свой потенциал для изменения стилей и методов, сохраняя при этом оригинальность и убеждения, чтобы улучшать возможности активно сотрудничать и адаптироваться к окружающей среде. Принцип приспособляемости культур требует, чтобы различные культуры адаптировались к переходной и динамичной среде, сохраняя при этом присущие им системы ценностей.

7. Принцип взаимосвязанности: чтобы повысить свою эффективность, культурным сообществам необходимо усилить связь и взаимодействие друг с другом. Чем теснее связаны между собой культуры, тем бóльшим количеством информации они будут обмениваться друг с другом. Фактически синергия культур требует улучшения возможностей культурных сообществ распространять информацию в мировом сообществе и их эффективности в виртуальном пространстве для поиска оптимальных решений и инициатив по решению проблем стран Глобального Юга и трансформации их идеалов в общие политики и программы.

Учитывая вышеизложенные принципы, синергию культур можно рассматривать как творческую и ведущую идею многосторонней культурной дипломатии стран БРИКС, культуры которых обладают жизненной силой и эффективностью для позитивного и конструктивного взаимодействия друг с другом в быстро меняющемся мире.

Вывод

Основываясь на вышеизложенном, мы считаем, что идея синергии культур может послужить платформой для развития диалога между странами БРИКС с целью построения справедливого мира без доминирования западных стран и США. Это требует принятия культурного разнообразия как принципа эффективного взаимодействия. Модель синергии культур направлена на оптимизацию взаимодействия между культурами при сохранении культурного разнообразия и многообразия. Это оптимальное пространство для конструктивного взаимодействия между культурами способствовало бы большей согласованности компонентов прочного мира при уважении культурного разнообразия.

Синергия культур рассматривается как жизненно важный подход для содействия конкурентоспособности культур и их успешному взаимодействию, а также усилиям по получению взаимных ресурсов и средств для решения сложных международных проблем. Для этого необходимо, чтобы каждая культура была открыта для того, чтобы перенимать положительные качества других, сохраняя при этом свою культурную самобытность, а также признавая равные возможности всех культур для обогащения совместной культуры БРИКС и содействия межрегиональному взаимодействию таким образом, чтобы обеспечить одинаковое отношение ко всем культурам, без разделения на культуры первой и второй степени.

Можно предложить следующие механизмы усиления культурной синергии стран БРИКС:

— принятие активного и инновационного подхода в культурной и общественной дипломатии для укрепления сети культурного взаимодействия между государствами — членами БРИКС;

— создание новых институтов для развития сотрудничества вокруг культурных общностей, таких как культурное наследие государств-членов;

— укрепление научного и академического обмена, а также совместных исследовательских проектов для взаимопонимания культур и расширения инновационного сотрудничества и творческого мышления;

— расширение культурного туризма и контактов между людьми для улучшения взаимопонимания между государствами — членами БРИКС;

— использование перевода книг как средства межкультурного взаимодействия между странами — членами БРИКС в целях демонстрации идентичности БРИКС и распространения культуры мирного сосуществования;

— поощрение сотрудничества и построение отношений в рамках дипломатии второго уровня посредством организации совместных дискуссионных сессий между учеными, исследователями, журналистами и студентами с целью изучения возможностей улучшения культурных и научных связей;

— организация культурных фестивалей, культурных событий (театральных, музыкальных и т. д.), выставок, семинаров, дискуссионных групп и мероприятий для налаживания деловых связей как механизмов развития культурного и научного взаимодействия между государствами — членами БРИКС;

— налаживание отношений посредством обмена опытом в среде сотрудничества с целью стимулирования общения и отношений между народами государств — членов БРИКС.

С. Дешпанде[1]

РОССИЯ И НОВЫЙ МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР: ЦЕЛИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Начиная с конца 1990-х годов концепция многополярного мира приобрела известность во всем мире. В частности, Россия и Китай пришли к единому мнению относительно этого термина, хотя и не вполне четко сформулированного, и впоследствии (начиная с середины 1990-х гг. до настоящего времени) ссылались на него почти во всех своих совместных декларациях, заявлениях и договорах. В период ослабления американской гегемонии и активного обсуждения вопроса о том, какая из развивающихся стран придет к власти в мире, важно рассмотреть отношения между Китаем и Россией и один из основополагающих их принципов — продвижение многополярности.

Биполярная система международных отношений, возникшая в 1945 году, прекратила свое существование после распада Советского Союза в 1991-м. Вероятно, крушение Советского Союза стало одним из основных факторов формирования нового миропорядка. После краха одной из сверхдержав США заняли на международной арене лидирующее положение. Распад Советского Союза способствовал образованию новых независимых государств, включая Российскую Федерацию. Многие акторы — от стран Центральной Европы до Китая и Северной Кореи — столкнулись с проблемой существования в новых реалиях и пересмотра своей внешней политики. Изменение международной системы после окончания холодной войны также существенно повлияло на систему альянсов между государствами и межправительственными организациями.

Неудивительно, что из-за системных сдвигов в начале 1990-х годов все международные игроки столкнулись с необходимостью отвоевывать себе место в новой международной системе, которое продемонстрировало бы их роли и амбиции в мировой политике на предстоящие годы[2].

Соединенные Штаты Америки вошли в новую международную систему как бесспорный лидер и получили статус государства-полюса в однополярной системе. Доминирующее положение США не оспаривалось в первые годы после окончания холодной войны. Другие крупные державы, такие как Япония, а также Европейский союз приняли статус-кво и стали подчиненными единицами в однополярной системе, центром которой являлись США. Китай, который станет еще одной сверхдержавой, не демонстрировал явных ревизионистских намерений[3].

Что касается важнейших межправительственных организаций, то роль ООН существенно снизилась, так же как и ценность членства в ООН. При этом НАТО, возглавляемое США, начало расширение на восток, что, несомненно, сделало статус страны, входящей в Альянс, привлекательным для государств, стремящихся получить гарантии безопасности со стороны США и выступить их союзником. Точно так же организации и союзы, возглавляемые США или ориентированные на Запад, такие как Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация и «Большая семерка», были включены в однополярный миропорядок как международные институты, адекватные новой обстановке. В конечном счете изменения 1989–1991 годов в Европе обозначили увеличивающийся разрыв между государствами, которые открыто присоединились к западным институтам типа ЕС и НАТО, и теми, кто остался вне блоков, например Россия и Беларусь.

В представленном кратком обзоре описаны структурные факторы, обусловливавшие внешнюю политику России в начале 1990-х годов. Как и все акторы на международной арене, Россия столкнулась с вызовом, пытаясь ответить на вопрос, что делать с новым мировым порядком. Политическое руководство Российской Федерации определяло статус страны на мировой арене как великой державы или сверхдержавы, несмотря на то, что это не соответствовало структурным установкам однополярной системы. Начиная с 1993 года Россия претендует на этот статус, который, по мнению российского руководства, соответствует ее географическим масштабам, стратегическим интересам и ядерному потенциалу[4]. Однако стремление получить статус сверхдержавы было всего лишь амбициозным планом, который основывался на ошибочном представлении о том, что такого статуса в принципе можно достичь в рамках нового мироустройства, сложившегося после окончания холодной войны. Эта противоречивость проявилась на трех уровнях: глобальном, региональном и институциональном.

На глобальном уровне Россия не признавала однополярность как организующий принцип нового миропорядка. Вместо этого концепция многополярного мира стала превалирующей в российской дипломатии, особенно после того, как Е. М. Примаков в 1996 году встал у руля российской внешней политики. В соответствии с доктриной Примакова конец холодной войны стал началом многополярности: и США, и Советский Союз (Россия) начали ослабевать и уступили место другим сильным акторам типа Китая и объединенной Германии.

В многополярном мире Россия в первую очередь рассматривается как один из «полюсов» со статусом, равным США, ЕС, Китаю и Японии. Хотя ни фактически, ни теоретически Россия не могла поставить себя в один ряд с этими акторами из-за экономического спада. В многополярном мире статус России как сверхдер-

[1] Директор Центра изучения Центральной Евразии при Российском университете Мумбаи (Индия), заведующий кафедрой русского языка, кандидат философских наук, профессор. Автор научных работ, посвященных политике России, русско-индийским отношениям, развитию центральноазиатских государств, в т. ч.: «Ядерное разоружение — перспективы и инициативы России» (в соавт.).

[2] From Yugoslavia to Iraq: Russia's Foreign Policy and the Effects of Multipolarity // Ulkopoliittinen instituutti (UPI) — The Finnish Institute of International Affairs (FIIA). 2023. Working Papers 42. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/14440/WP42.pdf.

[3] Ibid.

[4] From Yugoslavia to Iraq…

жавы воспринимается как данность из-за постоянного членства в Совете Безопасности ООН и огромного ядерного потенциала. В биполярном мире, где главными сверхдержавами являлись США и Советский Союз, эти два элемента были важной частью системы сдержек и противовесов. Отсылки к постоянному членству страны в Совете Безопасности ООН и ядерный потенциал станут постоянными в российской внешней политике[1].

И хотя многополярность предполагала отсутствие разделительных линий или разделения сфер интересов, Россия претендовала на роль регионального гегемона. Эта доктрина оправдывала наличие определенной зоны влияния и ответственности за пределами российских границ. Данная зона называлась новой заграницей и в основном включала бывшие республики Советского Союза. Однако расширение НАТО показало, что Россия слишком остро восприняла идею присоединения к Альянсу стран Центральной Европы и Прибалтийских государств в первые десять лет после окончания холодной войны.

Главным вызовом для статуса России как одного из полюсов в многополярном мире стало то, что международная система 1990-х годов была более склонна к однополярности, чем к многополярности[2]. Поэтому России для признания своего статуса сверхдержавы требовалось изменить мироустройство. В связи с этим перед российской дипломатией были поставлены две задачи: 1) продвигать интересы внешней политики страны, добиться сотрудничества и обеспечить сближение с крупнейшими западными акторами; 2) попытаться восстановить статус сверхдержавы путем трансформации системы в направлении многополярности.

Многополярность возникла как решение российской структурной проблемы позиционирования себя в мире. Она основывалась на возможностях России, унаследованных от СССР, например на постоянном членстве в Совете Безопасности ООН, членстве в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и в не меньшей степени на собственном ядерном потенциале. Однако доктрина не имела успеха и не смогла обеспечить настоящую интеграцию России в новую международную систему, потому что подразумевала уравновешивание сил новых глобальных акторов, таких как США, НАТО и ЕС. Такой подход негативно повлиял на российскую внешнюю политику, поскольку повторное обретение статуса сверхдержавы как конечной цели неизбежно приводило к росту напряженности и усилению подозрений на Западе[3].

Политические, экономические и дипломатические перемены начались в России в конце 1991 года — после распада Советского Союза и обретения независимости Россией и другими республиками, входившими в состав СССР. На протяжении последних тридцати лет внешняя политика Российской Федерации периодически перенастраивалась в ответ на изменения внутри страны и на международной арене и постепенно приобрела отличительные черты: независимость, всесторонность и образ сверхдержавы. Российская внешняя политика охраняет национальные интересы страны и при этом оказывает существенное влияние на мировую политику и положение дел в регионах. Спустя более тридцати лет после распада Советского Союза изучение эволюции российской внешней политики и ее внешних и внутренних мотиваций, непрерывности и влияния на расстановку сил в мире представляет большую научную ценность и имеет практическое значение.

Евразия в многополярном миропорядке

В рамках многополярного миропорядка Запад и Восток будут соперничать на суперконтиненте, в первую очередь в Индо-Тихоокеанском регионе (Юго-Восточной Азии), Центральной Азии, на Южном Кавказе, в Центральной и Восточной Европе и даже на Ближнем Востоке. Эта борьба будет проявляться в горячих и прокси-войнах, которые будут происходить в слабых регионах. Украина и Сирия уже стали ареной для конфликтов.

Международные нормы и законы можно интерпретировать по-разному. Чтобы оправдать свои действия в различных частях Евразии, сверхдержавы будут апеллировать к принципам суверенитета, территориальной целостности и самоопределения. Но правила и правовые основы будут иметь второстепенное значение, а решающую роль начнут играть экономические, политические и военные возможности государств. Жесткая конкуренция между соперничающими сверхдержавами, устанавливающими сферы своего влияния, приведет к принятию санкций для обеспечения безопасности технологий и лишения оппонента доступа к рынку, контроля над распространением вакцин, ограничения финансовой деятельности и борьбы за влияние в международных организациях. Это будет означать сохранение нестабильности на континенте — новую холодную войну, как называют ее некоторые исследователи.

Доступ к рынку для компаний из различных стран будет ограничен в зависимости от сфер влияния полюсов. Киберпространство станет еще одним полем битвы, где будут сражаться сверхдержавы и державы среднего уровня. Небольшим и средним государствам будет мало места для маневрирования, и они будут вынуждены выбирать один из полюсов или центров, учитывая собственные экономические интересы и (или) потребности обеспечения безопасности. Уровень их независимости снизится. В рамках многополярного миропорядка 2.0 центры ограничат или даже прекратят экономические связи с конкурентами или предполагаемыми противниками из-за геополитических и даже идеологических различий, что уже произошло между Западом и Россией. Усиление этих тенденций приведет к новым конфликтам.

Война на Украине, которая началась 24 февраля 2022 года, стала главной проблемой безопасности на Евразийском континенте. Период однополярного мира, наступивший после холодной войны, давно закончился. Необходимо отметить, что президент США Дж. Байден попытался (и даже добился некоторых успехов) использовать этот конфликт, чтобы сплотить западных союзников и других партнеров во всем мире

[1] From Yugoslavia to Iraq…
[2] Ibid.
[3] Ibid.

с целью введения против России широкомасштабных санкций (в дополнение к тем, которые уже были наложены на РФ после присоединения Крыма к России в 2014 г.). После вторжения на Украину 141 государство — член ООН проголосовало за полный и безоговорочный вывод российских войск с территории Украины. Только четыре страны — Беларусь, Корейская Народно-Демократическая Республика, Эритрея и Сирия — поддержали Москву и отвергли революцию, 47 членов воздержались от голосования или отсутствовали.

Многополярность во внешней политике при В. В. Путине

После распада Советского Союза российская внешняя политика эволюционировала, пройдя путь от предварительной разработки до становления и налаживания отношений с другими странами. На это повлиял ряд факторов, включая серьезные изменения в расстановке сил на мировой арене после окончания холодной войны, неустойчивость международной обстановки, изменения во внутреннем политическом и экономическом развитии, а также философию российской дипломатии.

В период с 1991 по 1995 год Россия демонстрировала прозападную позицию. Прекращение холодной войны положило конец военной, политической и идеологической конфронтации между Россией и Западом, и Москва не только унаследовала прозападную дипломатию, продвигавшуюся М. С. Горбачевым, но и стремилась к установлению более тесных отношений с Западом.

С 1996 по 2000 год Россия в дипломатической сфере придерживалась концепции многополярного мира, главной целью которой являлось восстановление статуса РФ как сверхдержавы и установление многополярности. Она противостояла продвижению НАТО на восток и пыталась свести к минимуму его негативные последствия; выступала за формирование зоны свободной торговли стран СНГ; выстраивала региональную систему коллективной безопасности и инициировала создание Таможенного союза (который в дальнейшем был реорганизован в Евразийское экономическое сообщество), а также Сообщества Беларуси и России (которое впоследствии трансформировалось в Союзное государство России и Беларуси). Россия установила стратегическое партнерство с Китаем в 1996 году и с Индией в 2000-м в противовес США.

Среди основных причин продвижения идеи многополярной дипломатии можно назвать следующие:

— расширение НАТО на восток представляло непосредственную угрозу безопасности России;

— США пытались создать однополярный мир и установить гегемонию, пытаясь заставить Россию принять эту международную систему. Запад опасался имперских амбиций России;

— в России наблюдалось усиление националистических настроений и т. д.

Многополярная дипломатия в определенном смысле подтверждала статус России как сверхдержавы и придавала российской дипломатии всеобъемлющий и многосторонний характер.

В период с 2001 по 2004 год внешняя политика Российской Федерации отличалась прагматизмом сверхдержавы, суть которой заключалась в создании благоприятных внешних условий для экономического и социального развития и восстановления статуса сверхдержавы. Террористические атаки 11 сентября 2001 года, совершенные в США, позволили В. В. Путину положить конец холодным отношениям с Западом, возникшим после войны в Косово, и следовать во внешней политике курсом прагматизма сверхдержавы.

В период с 2005 по 2008 год Россия во внешней политике придерживалась принципов неославизма. В ответ на вмешательство США и европейских стран во внутренние дела России, а также на «цветные революции» в странах СНГ президент В. В. Путин во внутренней политике следовал демократическим курсом, а во внешней придерживался концепции сотрудничества с США, но жестко противостоял им в сфере основных интересов России.

В период с 2009 по 2013 год Россия демонстрировала дипломатию стабильности и сотрудничества, главные цели которой — поддержание ее статуса как сверхдержавы и развитие российско-американской стратегической стабильности; сохранение стабильных взаимоотношений с Западом, странами СНГ и внутренней социально-политической стабильности; продвижение внешней политики сотрудничества и уход от конфликтов с другими странами.

Начиная с 2014 года Россия придерживалась дипломатии сверхдержавы, к которой ее подтолкнули украинский кризис в феврале 2014 года и последующая конфронтация Москвы и Запада. Главные причины реализации дипломатии сверхдержавы:

— попытки Запада втянуть Украину в свою геостратегическую орбиту, что сигнализировало для Москвы пересечение красной линии; усиление конкуренции в сфере геополитики и военной сфере между Россией и Западом;

— укоренившаяся в России ментальность сверхдержавы.

В результате проведения такой внешней политики России пришлось укреплять свои отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, но конфликт России и Украины замедлил ее модернизацию.

Таким образом, за последние три десятилетия, прошедшие после распада Советского Союза, российская внешняя политика под влиянием внутренних и внешних факторов прошла следующие стадии: прозападной дипломатии, многополярной дипломатии, прагматизма сверхдержавы, неославизма, дипломатии стабильности и сотрудничества и дипломатии сверхдержавы.

Российская внешняя политика менялась, отвечая на вызовы, но эти перемены объединяют неразрывность и последовательность, которые проявляются в стремлении обрести статус сверхдержавы, приоритетности национальной безопасности, погоне за влияние на международной арене, использовании международных механизмов и акцентировании внимания на экономическом развитии.

Россия выработала принципы независимой внешней политики, основанной на национальных интере-

сах и сыгравшей важную роль в поддержании национального суверенитета и безопасности, экономическом и социальном развитии, а также оказавшей существенное влияние на ситуацию в мире. Россия преобразовала свои отношения с внешним миром, но следует сказать, что пока они не являются зрелыми и стабильными, что прослеживается в отношениях между Россией и Западом, странами СНГ и другими регионами или государствами. Поэтому российская политика должна оставаться гибкой и быть готова к любому развитию событий, а также быть стратегической, более чем когда-либо при построении миропорядка, который будет стабильным, мирным и комфортным для России[1].

США и Европа не готовы создавать миропорядок вместе с Россией и другими крупными незападными акторами. Вместо этого они противостоят Российской Федерации, в первую очередь по внутренним политическим причинам. Крайне маловероятно, что западные страны начнут создавать новый миропорядок совместно с Россией в ближайшее десятилетие, поэтому появление такого мироустройства с наибольшей вероятностью следует ожидать в 2030-е или 2040-е годы, а не в 2020-е после неизбежной ротации элит в США и ЕС.

Война на Украине: появляется новый многополярный мир?

Российско-украинский конфликт, несомненно, является одним из крупнейших геополитических конфликтов XXI века. То, что должно было быть региональным вопросом, как представляется при его анализе, превратилось в событие планетарного масштаба, оказывающее экономическое и геополитическое влияние, которое будет сказываться на протяжении еще несколько десятилетий. Некритический анализ темы является главным барьером для понимания реальной геополитики и происходящих процессов. Мы хотели бы высказать ряд соображений на эту тему, чтобы восполнить существующие пробелы.

Последние три десятилетия Вашингтон или Брюссель не принимали во внимание требования Москвы, касающиеся геополитической безопасности. Европейцы и североамериканцы делали все возможное для расширения Европейского союза в Восточную Европу и продвижения НАТО на восток, несмотря на то, что Россия постоянно выказывала обеспокоенность этим.

На самом деле Россия всегда вызывала опасения у Вашингтона благодаря своему военному и технологическому потенциалу, унаследованному от СССР. Идеальная для Запада Россия существовала только тогда, когда ею руководил Б. Н. Ельцин (1991–1999). В то время осуществлялся переход от социализма к капитализму, который происходил стремительно и болезненно — страна пережила один из самых серьезных социально-экономических кризисов.

На Западе высказываются противоположные точки зрения на будущее. Нет смысла поддерживать существование НАТО, созданной в рамках сценария холодной войны. Однако этот смысл появляется, если вспомнить о миллиардах долларов, получаемых от продажи оружия, производимого по большей части американскими компаниями и их европейскими партнерами, и многомиллионных комиссионных с этих продаж. НАТО помогает Вашингтону удерживать политическую и военную власть над Европой. Если посмотреть на ситуацию с точки зрения экономики, то расширение Европейского союза в Восточную Европу следует той же логике: цель увеличения стран-членов — ответ на вызовы, с которыми сталкивается Евросоюз, испытывающий проблемы в экономике.

В США считали, что смогут использовать российско-украинский конфликт для ослабления позиции В. В. Путина, модернизации критикуемого НАТО и ускорения смены режима путем удушения экономики. Они недооценили нейтральную позицию Китая, Индии, Бразилии и еще нескольких стран Африканского континента. Происходящее также создало основания для дедолларизации мировой экономики из-за экономических санкций против России, объединив цели нескольких стран, которые уже ставили под вопрос главенство доллара как доминирующей валюты в коммерческих сделках. Наложенные на Россию санкции оказали непосредственное влияние на экономику стран Европы, которые страдают от их последствий не меньше Москвы, в то время как США выиграли.

Россия и многосторонние организации

Россия считает, что Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и в меньшей степени группа БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) предоставляют возможности для укрепления влияния мировых сил в постоянно меняющейся ситуации, противодействия воздействию Запада в Евразии, выстраивания конкурентоспособных отношений, подчеркивания важности ООН как законного арбитра в следовании международным законам и правилам, пресечения попыток Запада не соблюдать эти правила, предотвращения усилий Запада по изолированию России дипломатическим путем и с помощью санкций, распространения власти и влияния России, а также укрепления ее международного положения.

Однако не следует преувеличивать влияние этих институтов. Для России их значимость является в большей степени символической, чем содержательной. При усиливающемся экономическом и политическом воздействии Китая на международные дела названные институты позволяют России выстраивать отношения с этой страной, влияние которой постоянно растет. Особенно это касается «заднего двора» России, где все в большей степени становится очевидна диспропорция в экономическом влиянии двух стран. В то время как Россия давно лелеет надежду на продвижение своей расширенной геополитической повестки и вопросов безопасности через международные организации, эти усилия нивелируются и пресекаются возражениями и противоречивыми интересами стран-участниц — некоторые из них (Китай, Индия и многие страны Центральной Азии) не разделяют планы Мо-

[1] Послание Президента РФ Федеральному собранию 20 февраля 2019 года // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543.

сквы по превращению ЕАЭС, ШОС или БРИКС в антизападный клуб.

Данные организации помогают Москве заострять внимание (как внутри страны, так и за рубежом) на том, что Россия продолжает занимать свое положение на международной арене, обладает дипломатическими средствами для противостояния расширению западного влияния на периферии, а также усилиям США и Европы по ее изоляции, что Россия является мировой, а не просто европейской или региональной державой. Участие в этих международных организациях и группах также помогает Москве противостоять усилиям Запада в плане дипломатической изоляции России после длинной серии правонарушений. Россия может быть изолирована от европейско-атлантического сообщества, но не от всего остального мира, что демонстрируют эти организации[1].

Но за эти успехи приходится платить. ЕАЭС, ШОС или БРИКС создавались с целью развития сотрудничества членов при решении региональных проблем и формулировании ответов на вызовы, которые также вызывают обеспокоенность у Москвы. Отношение России к многосторонним институтам в первую очередь основывается на том, как они продвигают национальные интересы Москвы, а не на более широких целях и приоритетах организаций. Такое отношение подрывает способность этих институтов достигать поставленных целей. В результате региональные проблемы усугубляются, а Россия не служит реализации собственных интересов и интересов соседей или других стран-участниц.

Вывод

Для установления нового мирового порядка потребуется время, а пока могут происходить серьезные конфликты и кризисы. Современные американо-российские отношения служат только началом этого пути. В среднесрочной перспективе приоритетной для крупнейших держав задачей является предотвращение новой широкомасштабной войны, которая становится все более вероятной. В этом плане Россия вновь намеревается действовать как главный провайдер безопасности, проводя свою внешнюю и оборонную политику. Поворот России в сторону Азии будет продолжаться, а концепция всеобъемлющего партнерства Большой Евразии постепенно укрепится — и таким образом она станет зоной стабильности и мощной силой в складывающемся миропорядке.

Россия продолжит укреплять отношения с Китаем и Индией и сотрудничество с союзниками и партнерами США, такими как Япония и Южная Корея, а по возможности — и со странами Западной Европы. Ни крупные страны Европы — союзники США, ни азиатские государства не поддерживают дальнейшую эскалацию российско-западной и американо-российской конфронтации. Выстраивание этих отношений кажется лучшим способом завершения конфронтации в условиях нынешнего положения дел в мире.

Ожидается, что столкновение между НАТО и Россией приведет к постоянному изменению динамики влияния геополитических сил в XXI веке. Так называемое американское столетие заканчивается взлетом новых и будущих держав, таких как Китай, глобальная роль которого — наращивание силы. Действия Пекина в российско-украинском конфликте демонстрируют, что Китай нацелен на долгосрочные проекты: сотрудничество с целью ослабления возможностей Северной Америки при «наказании» врагов экономическими средствами; консолидация БРИКС как глобального лидера мнений; ослабление доллара как международной валюты; поддержка многополярного мира как основы международной системы в нынешнем столетии.

Мир становится свидетелем неуклонного распространения нового многополярного миропорядка, и большинство стран готовы заявить о своем суверенитете и защищать национальные интересы, традиции и культуру. Многополярный мировой порядок в конечном счете внесет свой вклад в поступательное и устойчивое мировое развитие, а также поможет преодолеть актуальные социальные, экономические, технологические и экологические вызовы.

[1] *Stronski P., Sokolsky R.* Multipolarity in Practice: Understanding Russia's Engagement with Regional Institutions // Carnegie Endowment for International Peace. 2020. 8 Jan. URL: https://carnegieendowment.org/2020/01/08/multipolarity-in-practice-understanding-russia- s-engagement-with-regional-institutions-pub-80717.

Е. Г. Драпеко[1],
А. А. Ковалёв[2]

ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ БРИКС

В целом гуманитарное сотрудничество в рамках БРИКС является важным инструментом для решения глобальных гуманитарных проблем и создания устойчивого развития в регионе и за его пределами. В рамках гуманитарного сотрудничества в области образования и науки БРИКС налаживает обмен студентами, преподавателями и исследователями. Проекты в этой области включают такие инициативы, как создание совместных исследовательских центров, организация совместных научных конференций и публикаций. Нельзя не упомянуть также о формировании постоянно действующих институтов в области сохранения исторического наследия, работе музеев и библиотек, молодежного культурного сотрудничества. Функционируют такие площадки культурного обмена, как Альянс музеев, Альянс художественных музеев и галерей, Альянс сотрудничества библиотек и Ассоциация детских и юношеских театров[3].

В мае 2022 года министры культуры пяти стран подписали план действий по реализации Соглашения между правительствами государств БРИКС о сотрудничестве в области культуры на 2022–2026 годы, направленный на углубление взаимодействия в сфере сохранения и популяризации культурного наследия стран БРИКС, развития сотрудничества в цифровом пространстве и сфере креативных индустрий[4].

Культурное сотрудничество в рамках БРИКС также предоставляет возможность для обмена опытом и передачи знаний между странами-участницами. Это позволяет каждой стране учиться на опыте других и использовать его для своего развития[5].

Углубление партнерства России с иными государствами в условиях многополярного мира настоятельно требует создания системы региональных и универсальных международных договоров в гуманитарной сфере, отражающих специфику интеграционных процессов и содействующих социальному и культурному развитию государств-партнеров.

Российская Федерация является участником нескольких конвенций, в соответствии с которыми приняла на себя обязательства в области защиты культурного наследия. Эти конвенции входят в системы международно-правовых актов ЮНЕСКО и Совета Европы.

Ратифицированные РФ конвенции Совета Европы (Конвенция об архитектурном наследии Европы и Европейская конвенция об охране археологического наследия) отличаются большей степенью конкретизации и содействуют внедрению на национальном уровне общепризнанных международных стандартов отношения к культурному наследию. К сожалению, подобные развернутые документы были приняты ЮНЕСКО лишь в форме рекомендаций.

В настоящее время Российская Федерация и ее стратегические партнеры участвуют в целом ряде конвенций ООН и ее органов, однако положения этих договоров нуждаются в конкретизации для обеспечения наилучших условий взаимодействия.

Один из примеров — Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, согласно которой государства-члены обязуются в том числе организовать контроль за археологическими раскопками, обеспечивать сохранение in situ (на своем месте) определенных культурных ценностей, содействовать развитию или созданию научных и технических учреждений (музеи, библиотеки, архивы, лаборатории, мастерские и т. д.), необходимых для сохранения и популяризации культурных ценностей, и т. п. Эти положения конвенции конкретизированы ЮНЕСКО в ряде рекомендаций, которые легли в основу более развернутых международных договоров о защите археологического наследия, имеющих региональный характер. Не так давно УНИДРУА, юридическим комитетом ЮНЕСКО, была принята рекомендация о закреплении в актах национального законодательства положения о государственной собственности на памятники археологии и все археологические находки независимо от места их нахождения.

Российская Федерация, опираясь на нормы ратифицированных международно-правовых актов, а также учитывая рекомендации ЮНЕСКО, создала пере-

---

[1] Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре, член Комиссии Госдумы РФ по вопросам депутатской этики, заместитель руководителя фракции «Справедливая Россия — За правду», депутат Госдумы III–V, VII, VIII созывов, кандидат социологических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Экономика и управление на предприятии туризма» (в соавт.), «Конституционные права и свободы граждан в механизме культурно-правовых отношений» (в соавт.), «Художественное образование в условиях современного общества» и др. Член постоянной комиссии Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ по культуре, информации, туризму и спорту. Заслуженная артистка РСФСР. Лауреат премии Ленинского комсомола. Награждена орденами Почета, Дружбы, медалями «В память 850-летия Москвы», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», «К 100-летию Шолохова», Почетной грамотой Государственной Думы РФ. Декан факультета культуры и профессор СПбГУП (1994–1999).

[2] Депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга I–VI созывов (1994–2021), научный сотрудник Института археологии РАН. Эксперт Комитета Государственной Думы по культуре, специализирующийся в сфере правового регулирования охраны культурного наследия. Автор более 100 публикаций по археологии степей Евразии бронзового и раннего железного веков, древней истории и археологии Китая и Монголии и пр. Награжден знаком Министерства культуры РФ «За достижения в культуре», благодарностью председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ, Почетной грамотой губернатора Санкт-Петербурга, медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга» и др.

[3] *Наумов А. О., Наумова А. Ю., Белоусова М. В.* Культурная дипломатия группы БРИКС // Государственное управление : электронный вестник. 2023. № 100. С. 7–18 ; *Богатырева О. Н., Ковба Д. М., Табаринцева-Романова К. М.* Межцивилизационный диалог как инструмент гуманитарной дипломатии стран БРИКС // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19, № 3. С. 101–121.

[4] *Наумов А. О., Наумова А. Ю., Белоусова М. В.* Указ. соч. С. 14.

[5] См. также: Гуманитарное сотрудничество в рамках БРИКС: ключевые аспекты и перспективы. URL: https://nauchniestati.ru/spravka/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-v-ramkah-briks/.

довую нормативную базу в сфере культурного наследия, и в первую очередь в сфере защиты памятников археологии. Положения о превентивной защите археологического наследия, включая проведение археологической разведки на осваиваемых земельных участках, государственной собственности на археологические памятники и находки, строгой регламентации археологических исследований, криминализации приборного поиска древностей, отнесении всех археологических находок к государственному музейному фонду, вошли в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» № 73-ФЗ. Впервые в мире в национальном законодательстве появилась норма о гарантиях государства гражданам на обеспечение сохранности наследия в интересах настоящего и будущего поколений.

При этом государства Глобального Юга до сих пор не охвачены действием международного договора, направленного на внедрение общепризнанных международных стандартов отношения к археологическому наследию. К сожалению, не во всех странах БРИКС, за исключением Российской Федерации, Египта, ОАЭ и КНР (где, правда, нормативное регулирование в ряде вопросов заменено активным администрированием), законодательство в этой области достаточно развито. Бедность населения, недостаточное финансирование научных работ и нехватка персонала для охраны археологических и культурных объектов позволяют, в частности, бесконтрольно расхищать археологические памятники с целью незаконного экспорта, в основном в страны Запада. Иногда международные группы расхитителей, пользуясь пробелами в законодательстве, после незаконного вывоза культурных ценностей, например из России, Индии или Китая, легализуют их на территории третьих стран Евразийского континента и затем открыто продают на интернет-аукционах. При этом в рамках, например, Шанхайской организации сотрудничества проводятся регулярные, но безрезультатные встречи на уровне министров, посвященные проблеме нелегального оборота древностей.

Опираясь на опыт Российской Федерации и сопредельных государств, российские специалисты подготовили тезисы к проекту международного договора, имеющего цель — обеспечить сохранность археологического наследия и пресечь его незаконный оборот. Прежде всего такой документ актуален для евразийского культурного пространства: дистанционная передача культурных и технологических инноваций, религий, миграции древних и средневековых народов по всему континенту создали неповторимую картину культурного разнообразия и единства. Все государства континента должны быть заинтересованы в установлении строгих и разумных национальных правил в отношении древностей, что является залогом пресечения нелегального международного оборота этих предметов.

Выступление Российской Федерации с такой инициативой должно содействовать укреплению авторитета нашей страны на международной арене и положить начало созданию системы евразийских региональных конвенций в области гуманитарного права.

Основные тезисы к проекту международного договора

Исходя из необходимости предотвращения нелегальных раскопок и спонтанного разрушения археологических объектов, пресечения нелегального международного оборота древностей, учитывая обязательства, принятые государствами — участниками Конвенции ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, предлагаемый к разработке проект международного договора о защите археологического наследия должен включать следующие положения:

— определение понятия археологического наследия, а также его движимой части — как связанной, так и не связанной с определенными недвижимыми археологическими памятниками;

— закрепление гарантий государств-участников на обеспечение сохранности археологического наследия в интересах настоящего и будущих поколений своих граждан;

— закрепление принципа превентивной правовой защиты движимой и недвижимой части археологического наследия;

— закрепление приоритета права государственной собственности на движимые и недвижимые археологические объекты, залегающие в земле, на земле и под водой, вне зависимости от прав собственности на соответствующие земельные (водные) участки;

— нормы об обеспечении предварительного археологического обследования территорий, подлежащих хозяйственному освоению (археологической разведки), для выявления ранее неизвестных объектов археологического наследия и подготовки комплекса мер по сохранению либо полному научному исследованию археологических памятников;

— нормы об обеспечении проведения спасательных археологических исследований в случае невозможности обеспечения сохранности археологического объекта в ходе строительных, земляных либо иных работ;

— нормы об ограничении либо полном запрете гражданского оборота движимой части археологического наследия;

— нормы о регламентации археологических исследований, включая выдачу разрешения компетентным органом на исследование определенного памятника (территории) в течение разумного срока, обязательность представления в компетентный орган полноценного научного отчета о проведенных исследованиях и передаче находок на государственное хранение, проведение научной экспертизы представленных отчетов;

— норму об обеспечении эффективных мер в отношении запрета нелегальных раскопок, произвольного использования металлоискателей и иных технических средств для поиска археологических предметов;

— закрепление гарантий государств-участников по обеспечению надлежащего хранения археологических находок, добытых в ходе археологических раскопок, а также изъятых государством из незаконного оборота.

Н. А. Жерлицына[1]

КОЛОНИАЛИЗМ НОВОГО ТИПА: ЭКСТЕРНАЛИЗАЦИЯ ГРАНИЦ В АФРИКЕ КАК ПОПЫТКА ДОМИНИРОВАНИЯ СТРАН ЗАПАДА

Невозможно объяснить, почему после обретения независимости стремление Африки к свободе и ожидаемому процветанию не осуществилось, если не исследовать колониализм, его социальную и интеллектуальную основу, его устойчивые, а также меняющиеся аспекты и порожденные им долговременные трагические осложнения. Классический колониализм в Африке начался в XIX веке. Подобно колонизации Америки и атлантической работорговле, это было системное насилие — организованное, непрерывное, методичное и преднамеренное. Оно было неотъемлемой частью колониализма, как и расизм. Колониализм основывается на эпистемологических и онтологических предубеждениях, которые способствуют утверждению западной гегемонии и превосходства, одновременно обесценивая, маргинализируя и подрывая знания, опыт и права колонизированных народов[2].

Дискуссия о колониализме в Африке затихла на несколько десятилетий после того, как большинство африканских стран обрели независимость. Африканцы верили, что европейцы ушли навсегда, следовательно, жители континента могут беспрепятственно двигаться вперед, наслаждаться свободой и процветанием, которые, как они думали, скоро наступят. Но эйфория и растущие ожидания вскоре сменились разочарованием и отчаянием, потому что колониализм оставил после себя прочное наследие — включая не только политическое и экономическое, но и культурное, интеллектуальное и социальное, — которое поддерживало европейское господство. После обретения независимости ущербное колониальное государство превратилось в неоколониальную машину, которая не только угнетала народ, но и работала в интересах бывших колониальных держав и их союзников.

Современный колониализм нового типа возрождает старую систему колониальной эксплуатации и угнетения, которая маскируется под более пикантный эвфемизм глобализации. Старые и грубые формы колониального правления сменяются более тонкой и изощренной и в то же время более интенсивной и экспансивной формой: консолидацией капитализма, либеральной демократии и западной культуры в единую и глобализованную силу для экономического, политического и культурного господства. Идеология и ценности глобализации подразумевают взаимосвязанный и взаимозависимый мир с общим набором международных законов, рынков и монетарных стандартов, сформулированных и регулируемых так называемыми нейтральными институтами, такими как Международный валютный фонд и Всемирный банк или Европейский союз. В качестве идеологии колониализма нового типа выступает неолиберализм, подразумевающий глобальную экономическую интеграцию, устранение ограничений на движение капитала и гибкие миграционные законы.

Под эгидой неолиберализма миграция стала третьим столпом глобализации наряду с торговлей и финансами. В 1990-х годах, когда глобализация уже приобрела черты очевидной экономической реальности, сторонники либерального пути развития выдвинули гипотезу о том, что рост незаконной или нерегулируемой миграции является одним из многих симптомов снижения государственного суверенитета. Они размышляли о том, как скоро возникнет всеобщий режим, при котором международные соглашения и конвенции, а также права, приобретенные самими мигрантами, постепенно заменят государства в контроле за иммиграцией[3]. Доказывая, что мигранты, находящиеся на нелегальном положении, должны пользоваться рядом неотъемлемых прав, правозащитники в принимающих странах на Западе начали защищать эту растущую категорию.

Два десятилетия спустя разочарование, похоже, взяло верх. И сегодня лидеры ЕС навязывают на Африканском континенте новые формы колониализма в форме военизированного пограничного контроля. Дипломаты ЕС и стран Союза неоднократно заявляли, что граница Европы проходит не в Средиземноморье, а, например, в Судане и Нигере, а это подразумевает, что европейский территориальный контроль над Африкой на самом деле никогда не заканчивался.

Причина такого возобновления взаимодействия Европы с африканской территорией — а не только политического и экономического доминирования — во многом объясняется одним фактором: желанием контролировать миграцию. Рост числа беженцев, стремящихся попасть в Европу, особенно после войны в Сирии, выдвинул миграцию на первое место в политической повестке дня, высвободив значительные ресурсы для пограничного контроля. С 2005 года финансирование Европейского агентства береговой охраны и пограничного контроля Frontex выросло на невероятные 5233 % — с 6 млн евро до 320 млн

---

[1] Заместитель директора Института Африки РАН, ведущий научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии, доктор исторических наук. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. глав в монографиях и статей: «Идеологические основы французской колониальной политики в странах Магриба в XVIII — первой половине XX в.», «Counter-terrorism policies in North Africa: Morocco's approach», «Эволюция „Аль-Каиды“: в поисках баланса между региональными конфликтами и глобалистской перспективой» (в соавт.), «Трансграничная миграция в условиях интенсификации военно-политических конфликтов: на примере стран Сахеля и Центральной Африки» (в соавт.), «The Security Crisis in Burkina Faso», «Ситуация в Ливии и интересы России» (в соавт.), «Постисламизм: от исламизма к мусульманской демократии? Трансформация исламистских партий Туниса и Марокко», «Африка: неоплаченный долг колонизаторов» (в соавт.) и др.

[2] *Bulhan H. A.* Stages of Colonialism in Africa: From Occupation of Land to Occupation of Being // Journal of Social and Political Psychology. 2015. Vol. 3, № 1. URL: https://jspp.psychopen.eu/index.php/jspp/article/view/4853 (дата обращения: 20.04.2024).

[3] *Menz G.* Neo-Liberalism, Privatization and the Outsourcing of Migration Management: A Five-Country Comparison // Competition and Change. 2011. № 15 (2). P. 116–135.

евро в 2018 году[1]. ЕС поставил контроль за миграцией в центр своей международной политики и отношений с третьими странами, настаивая на заключении соглашений о пограничном контроле с более чем 35 странами для контроля над миграцией, обозначенном в терминах комиссии как «экстернализация границ». Эти соглашения требуют, чтобы подписавшие их страны принимали депортированных мигрантов из Европы, ужесточали пограничный контроль и количество персонала на границах, вводили новые системы биометрической идентификации и паспортов для контроля за мигрантами, а также строили лагеря для задержанных беженцев.

В ЕС объясняют, что экстернализация якобы предотвратит гибель беженцев, но настоящей целью стран Европы является стремление остановить беженцев задолго до того, как они доберутся до европейских берегов. Устранение трансграничной динамики в так называемом расширенном Средиземноморье стало важнейшей задачей для безопасности Европейского союза, и Ливия и страны Сахеля, такие как Нигер, Чад, Мали и Буркина-Фасо, занимают важное место в этой общей стратегии. В глобальной стратегии безопасности ЕС «Общее ви́дение, единый подход: сильная Европа», представленной на саммите этой организации в июне 2016 года, была выражена решимость усилить охрану границ и безопасности на море[2]. 3 февраля 2017 года на Мальте главы государств и правительств ЕС приняли так называемую Мальтийскую декларацию, в которой они подтвердили свою готовность поддержать данную политику и согласовали комплекс мер по пресечению потока нелегальных мигрантов из Ливии в ЕС через Италию[3].

Действуя на основе декларации ЕС и двустороннего итальяно-ливийского меморандума о взаимопонимании от 2 февраля 2017 года, Италия предприняла значительные усилия для укрепления способности Ливии контролировать свою южную границу, руководствуясь убеждением, выраженным министром внутренних дел М. Миннити, что «перекрытие южной границы Ливии означает перекрытие южной границы Европы»[4]. Италия оказывала помощь в строительстве инфраструктуры пограничного контроля в южной части Ливии. Еще одна сфера, в которой Италия проявила заинтересованность, — создание так называемых временных лагерей, центров содержания под стражей задержанных незаконных мигрантов. Обе стороны согласились улучшить уже существующие 34 центра, находящиеся под исключительным контролем ливийского Министерства внутренних дел. В этих лагерях нелегальные мигранты временно содержатся в ожидании добровольной или принудительной репатриации в страны их происхождения. Чтобы сделать это возможным, Италия и Ливия убеждают африканские государства согласиться на возвращение своих граждан и содействовать заключению договоров о реадмиссии. Улучшать инфраструктуру и финансировать эти лагеря предполагалось за счет средств как Италии, так и ЕС. В соответствии с меморандумом ливийская береговая охрана имеет право перехватывать суда, направляющиеся в Италию, и возвращать всех пассажиров в зоны высадки в Ливии, где задержанные мигранты содержатся в лагерях, поддерживаемых ЕС. Длительное содержание под стражей является обычным решением в Ливии, и на развитие инфраструктуры содержания мигрантов под стражей в Ливии была направлена крупная финансовая поддержка ЕС[5].

Идея о том, чтобы западное государство или их группа содействовали содержанию беженцев и мигрантов в приграничной стране, не является новаторской, она уже была использована в Декларации от 18 марта 2016 года о перспективах развития миграционной сделки между ЕС и Турцией. Реализация данного плана вызвала неоднозначную реакцию общественности и критику специалистов. Ливийский случай отличается от турецкого несколькими отягчающими обстоятельствами. Во-первых, Ливия находится в разгаре гражданской войны и все еще далека от стабильного и эффективного управления. Это не относится к Турции, где, хотя и было объявлено чрезвычайное положение, правительство полностью контролировало всю национальную территорию. Во-вторых, Ливия является транзитной страной для так называемых смешанных потоков, состоящих из экономических мигрантов и лиц, нуждающихся в международной защите. На практике в ситуации отсутствия государственной власти в Феццане «временные лагеря» часто не контролируются государственными властями и к ним практически невозможно получить доступ. ЕС и Италия имеют договоренности только с Правительством национального согласия — одним из субъектов гражданской войны в Ливии. Второй актор — правительство в Тобруке, контролирующее значительную часть территории страны, не подписывало никаких соглашений с ЕС и правительством Италии и, следовательно, не участвует в реализации этих соглашений[6].

ЕС рассматривает военное вмешательство на новых региональных театрах военных действий как основной способ решения проблем безопасности, таких как миграция. ЕС является крупнейшим донором многонациональных вооруженных сил Сахеля, известных как G5, в состав которых входят войска из Нигера, Чада, Мавритании, Мали и Буркина-Фасо. В рамках данной политики Италия направила три полицейских подразделения для поддержки ливийского пограничного

[1] *Buxton N., Akkerman M.* The Rise of Border Imperialism. Roar Magazine. URL: https://roarmag.org/magazine/border-imperialism-europe-africa/ (дата обращения: 20.04.2024).

[2] Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. 2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения: 20.04.2024).

[3] EC (European Council). Malta Declaration by the Members of the European Council on the External Aspects of Migration: Addressing the Central Mediterranean Route. 2017. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/02/03/malta-declaration/ (дата обращения: 20.04.2024).

[4] Libia, le tribù del Sud siglano la pace e si impegnano a bloccare i migranti // La Stampa. 2017. 2 Apr. URL: https://www.lastampa.it/esteri/2017/04/02/news/libia-le-tribu-del-sud-siglano-la-pace-e-si-impegnano-a-bloccare-i-migranti-1.34610687/ (дата обращения: 20.04.2024).

[5] См.: *Жерлицына Н. А.* Стратегия ЕС в отношении центрально-средиземноморского маршрута миграции и пострадавших транзитных государств Сахеля и Ливии // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8, № 3. С. 51–59.

[6] Там же.

контроля, правоохранительных органов и уголовного правосудия. ЕС рассматривает Нигер как страну происхождения большинства мигрантов, прибывающих в Италию через Ливию, поэтому этой стране уделяется особое внимание в стратегии союза. Финансовый вклад ЕС в миссию в Нигере за период 2017–2020 годов составил примерно 1 млрд евро[1]. Там были развернуты несколько военных миссий: Франция направила 500 военнослужащих на свою базу в г. Ниамее, открыла дополнительные базы в г. Мадаме и Агуэлале; 50 немецких солдат также размещены в Ниамее. В 2018 году Италия начала развертывание своего контингента в Нигере. 470 военнослужащих входили в состав разведывательных и командно-контрольных групп, инструкторов, медицинского персонала, инженеров для оказания помощи в инфраструктурных работах, подразделения по борьбе с химическими, биологическими и радиологическими угрозами и подразделения для сбора информации, наблюдения и разведки[2].

Вышеописанные меры позволили ЕС эффективно сократить несанкционированный въезд в Европу. Но парадоксальным образом незаконная миграция по центрально-средиземноморскому маршруту сегодня более смертоносна, чем когда-либо прежде. Согласно докладу о состоянии мировой миграции в 2018 году Средиземное море является самой смертоносной границей на земле[3]. Многочисленные жертвы вдоль этой морской границы тесно связаны с ограничительной миграционной политикой ЕС и всеобъемлющими мерами, направленными на сдерживание нелегальной миграции. Управление границами ЕС во все большей степени осуществляется за пределами юрисдикции государств — членов ЕС, в приграничных зонах и соседних с ЕС странах. Это делается посредством более или менее формализованных экстерриториальных соглашений между ЕС и третьими странами. Расширяющиеся сети межправительственных действий по предоставлению убежища и миграции препятствуют как выезду, так и въезду мигрантов, не имеющих документов. Пограничный контроль ЕС во все большей степени осуществляется в транзитных или отправляющих странах, не входящих в ЕС, посредством политики пресечения миграции или задержания мигрантов.

Такие меры направлены на то, чтобы помешать нелегальным мигрантам попасть в ЕС, где они могли бы получить разрешение на получение убежища, а также на то, чтобы удержать потенциальных мигрантов от поездок в ЕС вообще. Традиционное наблюдение за внешними границами все больше дополняется предварительным пограничным контролем в стране, не входящей в ЕС, перед границами принимающих стран, вдоль миграционных маршрутов в международных водах или на территориях стран транзита и отправки.

Перехваченных нелегальных мигрантов обычно реадмиссируют в третьи страны и задерживают в них. Это означает, что меры, принимаемые в рамках суверенных полномочий одного государства для обеспечения соблюдения его собственной миграционной политики, осуществляются и оказывают воздействие на территории, отличные от его собственной. Это также означает, что нет прямой связи между физической территорией государства и лицами, чьи права затрагиваются. Экстернализация управления границами в ЕС, как правило, влечет за собой передачу этих функций на аутсорсинг или субподряд соседним странам[4]. Неавторизованные агенты участвуют в управлении миграцией, а также в таких деликатных вопросах, как решение о тюремном заключении незаконных мигрантов[5].

Таким образом, задержанные лица без гражданства оказываются полностью бесправными и зачастую во власти лиц, не имеющих официальных полномочий. Мигранты, которые отправляются из Ливии с целью добраться до Европы, при перехвате ливийской береговой охраной, как правило, лишаются доступа к стандартным процедурам предоставления убежища и возможности обратиться к властям европейских государств, которые осуществляют свои полномочия через местных агентов в третьей стране. Одновременно уменьшаются шансы мигрантов повлиять на решение европейской страны. Они не могут эффективно подавать свои ходатайства о предоставлении убежища и оспаривать способы рассмотрения или игнорирования их дел. Незаконные мигранты абсолютно уязвимы для осуществления над ними произвольной, неконтролируемой власти из-за их статуса[6].

Существует очевидная причинно-следственная связь между такой миграционной политикой ЕС и многими человеческими жертвами среди незаконных мигрантов, пересекающих Средиземное море. ЕС закрыл легальные пути въезда, что заставило мигрантов совершать рискованные нелегальные поездки и полагаться на торговцев людьми и контрабандистов для перемещения. ЕС принял меры по блокированию оставшихся нелегальных путей въезда и задержанию тех, кто смог прорваться через усиленно охраняемые границы. В случае Ливии как жертвы на море, так и насилие в лагерях содержания под стражей были предсказуемым ущербом, которого при принятии надлежащих мер можно было избежать.

Как сказано в докладе Миссии ООН в Ливии и Управления Верховного комиссара ООН по правам человека за 2019 год, условия содержания в таких центрах «в целом бесчеловечны и далеко не соответствуют международным стандартам в области прав человека»[7]. Они характеризуются сильной переполненностью, не-

[1] *Lebovich A.* The real Reason UN Troops are in Niger // Foreign Policy. 2017. 27 Oct. URL: https://foreignpolicy.com/2017/10/27/the-real-reason-u-s-troops-are-in-niger/ (дата обращения: 20.04.2024).

[2] La Camera approva la missione in Niger: 470 uomini contro il traffico di esseri umani // La Repubblica. 2018. 17 Jan. URL: https://www.repubblica.it/esteri/2018/01/17/news/camera_approva_missione_niger-186698741/ (дата обращения: 20.04.2024).

[3] *McAuliffe M., Ruhs M.* World Migration Report 2018 // International Organization for Migration (IOM) Report. 2018. URL: https://0publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en.pdf (дата обращения: 20.04.2024).

[4] *Kim S.* Non-Refoulement and Extraterritorial Jurisdiction: State Sovereignty and Migration Controls at Sea in the European Context // Leiden Journal of International Law. 2017. № 30 (1). P. 49–70.

[5] *Жерлицына Н. А.* Указ. соч.

[6] Там же.

[7] UNOHCHR and UNSMIL 2019. Detained and Dehumanised: Report on Human Rights Abuses against Migrants in Libya. URL: http://www.ohchr.org/Documents/Countries/LY/DetainedAndDehumanised_en.pdf (дата обращения: 20.04.2024).

достаточной вентиляцией и плохой гигиеной. Мигранты там страдают от недоедания и имеют ограниченный доступ к медицинской помощи или вообще не имеют его. Как правило, они подвергаются пыткам и другим видам жестокого обращения со стороны охранников, главным образом для того, чтобы вымогать деньги у их родственников за освобождение. Женщины часто становятся жертвами изнасилования или других форм сексуального насилия. Вмешательство ЕС фактически привело к возрождению работорговли в Африке: беженцев продавали в качестве рабов.

Таким образом, сегодня страны Европы благодаря своему благосостоянию и влиянию способны почти герметично закрывать свои внешние границы с помощью огромных инвестиций в сложные системы контроля и соглашения со странами транзита, которые защищают их интересы в недопущении нежелательных мигрантов. Эта способность оказывает значительное влияние на положение и без того беззащитных и бесправных людей из бедных стран.

Когда группы богатых стран, таких как государства — члены ЕС, объединяются, чтобы подавить несанкционированную иммиграцию в свою юрисдикцию, и достигают согласия, чтобы сделать это эффективно, обездоленные соседние страны, как правило, вынуждены принимать большое количество нелегалов, которым запрещен въезд в ЕС и «больше некуда идти». То есть меры, принимаемые ЕС для обеспечения соблюдения своей миграционной политики, осуществляются и оказывают влияние на территории, отличные от их собственной. В то время как укрепление внешних границ Шенгенского региона является ключевой целью внутренней миграционной политики ЕС, сотрудничество с третьими странами в области миграционного контроля за последнее десятилетие стало ключевой чертой его внешней миграционной политики. В тесном сотрудничестве с третьими странами ЕС удалось обуздать отток мигрантов из стран транзита и отправки[1].

Но действия Европейского союза вызывают сомнения в их соответствии международному праву и им самим декларируемых принципов защиты прав человека. Парадоксально, но страны, которые лидировали в разработке и распространении стандартов и процедур, защищающих права человека, когда дело коснулось их собственных интересов, сделали все, чтобы лица, ищущие убежища, не смогли ступить на их территорию. Мигрантам фактически не позволяют появляться на пороге ЕС, что, по-видимому, освобождает государства — члены ЕС от обязательств в области прав человека, которые они приняли на себя. Деятельность института экстерриториального управления миграцией, практикуемую в отношении центрально-средиземноморского маршрута, вряд ли можно оправдать сокращением числа мигрантов, прибывающих из Ливии, ведь оно было достигнуто ценой нарушения прав человека[2].

Такие меры пограничного контроля являются формой нового колониализма, поскольку включают перемещение населения, криминализацию, расовую иерархию и эксплуатацию людей. Границы — это стены, призванные блокировать огромное неравенство между Африкой и Европой, построенное во времена колониализма и увековеченное европейской экономической и политической политикой сегодня.

[1] *Жерлицына Н. А.* Указ. соч.

[2] Там же.

М. А. Замшев[3]

МЫ В ПУТИ

Почти общим местом стало, что после начала СВО Россия вступила в новую реальность. Но далеко не все отдают себе отчет в том, какой она будет в итоге, поскольку всем очевидно, что Россия сейчас — как тяжелая льдина, которая сдвинулась и куда-то плывет. Нет, конечно. Я далек от того, чтобы сравнить страну с самолетом без управления, как в период перестройки сделал великий Юрий Бондарев. Но то, что мы наблюдаем некоторые процессы, которые далеки от завершения, очевидно. Более того, их завершение довольно трудно прогнозировать, если находиться в ключе системного анализа, а не пропагандистского угара.

Основным тезисом нынешнего времени можно назвать положение о существовании многополярного мира и его ценностей Тезис это не новый, но сейчас подается как судьбоносный. В нем видится путь спасения от прежнего гегемона Запада. Признайте, мол, наши ценности — и все будет хорошо. Но при этом мы ваши признавать не станем, так как вы их нам навязываете. Все кристально ясно. Борьба за свободу жить, как ты хочешь. Я рискну предположить, что это лишь верхушка айсберга. СВО и связанные с нею трагедии несколько застят нам глаза.

Президент России всегда подчеркивает, что нет недружественных стран, есть недружественные элиты. И над этими словами стоит задуматься. Нет ничего хуже, как утвердить в себе образ врага. Запад сейчас

[3] Главный редактор «Литературной газеты», литературного журнала «Российский колокол». Заслуженный работник культуры Чеченской Республики. Поэт, прозаик, литературный критик. Автор 10 поэтических книг («Любовь дается людям свыше», «От Патриарших до Арбата» и др.) и 5 книг прозы («Избранный», «Весна для репортера», «Вольнодумцы» и др.), более тысячи публикаций в разных жанрах в России и за рубежом. Стихотворения переведены на 15 языков, публиковались в «Литературной газете», «Независимой газете», в журналах «Москва», «Нева», «Урал» и других тиражных изданиях. Переводчик с румынского и сербского языков. Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Член Союза журналистов России, Наблюдательного совета литературной премии «Лицей». Председатель правления Московской городской организации Союза писателей России. Лауреат литературных премий им. Николая Рубцова, Николая Гумилева, Дм. Кедрина, Александра Грибоедова, премии в области литературы и искусства Центрального федерального округа РФ. Награжден медалями «Защитник Отечества», «За просветительство и благотворительность», Суворова, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени и др.

встал на эти рельсы. И пока это единственная слабость Запада перед нами; мы не должны эту слабость перенять, она нас уничтожит, превратит в дикарей, прибьет к жестокому и чуждому Востоку, что для нашей культуры губительно. Мы должны понять, что в ценностях Запада нет ничего плохого в их классическом виде и что Запад стал нашим врагом, когда начал от них отказываться, заменяя на иные — тоталитарные и бесчеловечные, лживые и ведущие к энтропии.

Чтобы понять, о чем я говорю, надо отрешиться от «совкости» и разобраться, за счет чего Запад выиграл эстетическое противостояние с СССР. Запад лучше изучил психологию человека того времени. Престарелые вожди СССР полагали, что лишать себя всего ради идеи — благо. Народ, однако, эту мантру советской власти с каждым годом разделял все меньше. Почему? Потому что в его основе лежала одна правда: затягиваем пояса ради будущего. Она эффективна, когда настоящее ужасающе, как было после 1917 и 1945 годов. Все понимали ради чего.

Слом произошел в 1960–1970-е годы. Когда пояса остались затянуты после гигантских общих народных усилий, а страна погрязла в дефиците и теневой экономике. Запад же показывал, что можно жить, не страдая ради будущего, и делал это умело. Когда советских граждан селили с незнакомыми людьми в гостиницах, где вечно не было мест, на экранах кинотеатров французские «Мужчина и женщина» любили друг друга, как хотели и где хотели, сидя в каких угодно кафе. Модным в СССР стало походить на западных денди, хотя Запад числили главным соперником.

Хороши ли были ценности СССР? Хороши. Но когда они не подтверждаются улучшением бытовой жизни людей, в них перестают верить, особенно когда те, кто их транслируют, в жизни исповедуют другое. Партверхушка и комсомольская богема позднего СССР, их образ жизни наглядно подтверждают вышесказанное. Были исключения? Но они ничего не определяли.

Этот опыт ценностного поражения крайне полезен сейчас. К чему привело то поражение? Мы сдались на милость победителю, обрушив весь блок наших союзников, поддались на его приманки, стали частью американоцентричного мира. Постепенно мы пришли к пониманию, что гегемон неидеален, что создает миф, ведет себя как шулер, что его соблазнительные ценности явно поистрепались, а возможно, и вообще не существовали.

Но когда слабый понимает неправоту сильного, его быстро делают крайним и виноватым во всем. Так происходило с Россией. Пока мы этого не осознали и не решили поменять правила игры. Риск большой? Большой. Рабы далеко не всегда стремятся к свободе и независимости. Но коли уж мы встали на этот путь и процесс пошел, важно обратить внимание на некоторые основные вещи, дабы избежать ошибок и стратегического поражения на перспективу.

Первое — необходимо преодолеть колониальную психологию. Внутреннее устройство любой колонии основано на том, что лидерами становятся те, кто ближе и теснее всего связан с метрополией. Для них нет закона. Фраза «Друзьям все, остальным закон» — типичный пример колониального мышления и экономической недоразвитости. Жизненных благ мало, потому делить их надо на предельно узкий круг. Все блага из метрополии. Ей выгодно поддерживать не лучших на социальной лестнице, а наиболее эффективных своих сателлитов. Сравните зарплату секретарши в Газпроме и преподавателя СПбГУ? Работы тут еще много. Правда ведь?

Второе — необходимо избежать чудовищной ошибки в борьбе с врагами и не встать на путь запретов и репрессий. Именно враги и соперники России всегда толкают нас на этот путь, так как он ослабляет нас больше всего. Надо брать лучшее из того, за счет чего коллективный Запад влияет на умы. Отрицанием и запретами влиять на умы, делать облик своих ценностей привлекательным невозможно. Главной традиционной ценностью должна стать терпимость к иным ценностям, если мы признаем мир многополярным и на этом строим свое возрождение.

Третье — надо понимать, что эффективное вложение средств — это не только то, где деньги вернулись и выросли. Такой дешевый монетаризм — враг ценностей. Государство должно вкладывать туда, где лучшие, в культуру и науку. И не ждать отдачи. Эффективные менеджеры — это вредный и пустой миф. Снижение затрат не эффективность; эффективность — их увеличение, если мы хотим выиграть. Не описать, сколько США через разные фонды вкладывают в пропаганду своей культуры и литературы в мире. Не описать! И никто тут не думает о возврате, возврат средств — совсем в другом, в том, что весь мир ждет новую книгу Франзена еще за полгода до ее выхода

И четвертое — не надо врать себе, если думаешь, что ложь во благо. Тогда станем свободными и независимыми. Только тогда!

А. С. Запесоцкий[1],
А. В. Яковенко[2],
А. М. Крамаренко[3]

БРИКС КАК ПРООБРАЗ БУДУЩЕГО: КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ МНОГООБРАЗИЕ В ДЕЙСТВИИ

Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств[4].

Академик Д. С. Лихачев

Предисловие

Никто из серьезных экспертов, в том числе западных, больше не оспаривает тезис, что мир переживает кардинальную трансформацию, точкой отсчета которой можно считать окончание холодной войны и последующий распад Советского Союза.

Ушедшая в прошлое биполярность с ее идеологической конфронтацией на время сменилась в международных отношениях так называемым однополярным моментом, который достиг своего апогея в период президентства Дж. Буша-младшего (2001–2009) и затем пошел на спад, приведя к нынешнему геополитическому кризису, прежде всего резкому обострению отношений между Западом и Россией.

Ретроспективный анализ показывает, что текущее кризисное развитие стало результатом действия, главным образом, двух факторов. Первый — высокомерный и недальновидный подход западных элит, прежде всего американских, которые провозгласили свою «победу в холодной войне».

Более рациональным подходом мог бы быть «мир без победителей» — идея американского происхождения, которая, однако, не была реализована после окончания Первой мировой войны, когда Германия и Советская Россия были отстранены от послевоенного урегулирования в Европе с катастрофическими последствиями для дела мира на континенте. Эта идея была бы крайне уместной на рубеже 1980–1990-х годов, но по-настоящему коллективного договорного урегулирования снова не произошло, что не могло не иметь негативных последствий и на этот раз.

Дальнейшее развитие событий показало, что США и Запад в целом в своем подходе к обустройству мира в новых условиях если не на словах, то на деле исходили из своего варианта «конца истории», который понимался как продолжение западного доминирования в мировых делах и мировом развитии.

На деле все вылилось в банальную глобальную империю Запада — Pax Americana, возможно, последнюю империю в истории человечества. Империю, которая со временем перестала рассматривать свое существование как само собой разумеющееся и перешла к ак-

---

[1] Ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции. Автор около 4 тыс. научных и научно-публицистических работ, учебных пособий, монографий по проблемам культуры, образования, СМИ, профсоюзов, социальной и молодежной политики, международных отношений. Член редсоветов журналов «Философская мысль», «Вопросы культурологии», «Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура» и др. Почетный доктор университетов США, Ирландии, Польши, Белоруссии и Украины. Академик Академии наук и искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург). Награжден орденами Дружбы, Почета, Александра Невского. Кавалер медали К. Д. Ушинского, Золотой медали РАО и др. Отмечен рядом благодарностей Президента РФ. Лауреат премий Правительства РФ (2007) и Правительства Санкт-Петербурга.

[2] Ректор Дипломатической академии МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, доктор юридических наук, профессор. С 1976 года работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате МИД России и за рубежом. Замминистра иностранных дел России (2005–2011), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Великобритании (2011–2019). Автор ряда книг по международному космическому праву, а также более 200 публикаций по международным отношениям и вопросам внешней политики, науки, образования, культуры, в т. ч.: «Геополитический перелом и Россия. О чем говорит новая внешнеполитическая концепция», «2023 год: новая глобальная финансовая архитектура на горизонте?», «Мир вступил в фазу поиска нового баланса развития», «Реалии нового миропорядка», «25 тенденций современных международных отношений и мирового развития», «Актуальные проблемы прогрессивного развития международного космического права», «Современные космические проекты. Международно-правовые проблемы» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ, коллегии МИД России, действительный член РАЕН, Академии наук Республики Татарстан, член Совета РАН по космосу, действительный член Международного института космического права (IISL, Париж), Международной академии астронавтики (IAA, Париж). Почетный профессор Эдинбургского университета (Великобритания). Награжден орденами Александра Невского, Почета, Дружбы, орденом Почета Республики Южная Осетия, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, грамотами Президента РФ и Правительства РФ.

[3] Директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ. Директор Департамента внешнеполитического планирования МИД России (2005–2011), советник-посланник (в ранге Посла) Посольства России в Великобритании (2011–2017), директор по развитию Российского совета по международным делам (2017–2019). Автор публикаций в журнале «Международная жизнь», на сайтах Российского совета по международным делам, «Евразия. Эксперт», журнала «Эксперт», в т. ч.: «Россия и НАТО: предыстория „рокового решения“. Что делать?», «Дипломатический набросок образа будущего», «Конец истории, или все же кризис либерализма?», «Апология статус-кво, или поклониться Зверю?», «Сделка ОПЕК+ по нефти: новая „тройка“?», «Решение президента Д. Трампа по Иерусалиму: региональный и глобальный контекст» и др. Член Совета по внешней и оборонной политике. Вице-президент Международной ассоциации экспертов публичной дипломатии. Награжден орденами Почета, Дружбы. Отмечен благодарностью Президента РФ.

[4] *Лихачев Д. С.* Декларация прав культуры : [проект] (= Declaration of rights of culture) / Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН ; Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. СПб. : СПбГУП, 1995. С. 2.

тивной обороне, когда почувствовала для себя угрозу — подъем на волне глобализации всего остального мира, включая перспективные новые центры экономической и военной мощи, прежде всего Китай и Россию. Так, в 2015 году Китай обогнал США по размеру ВВП, исчисляемого по паритету покупательной способности, а в 2024-м Всемирный банк на том же основании был вынужден признать российскую экономику пятой в мире и крупнейшей в Европе. В отношении этих двух стран с середины 2000-х годов стала проводиться политика «сдерживания», отвечавшая инстинктам западных элит, которые к тому времени идейно унифицировались в контексте «однополярности» и сплотились вокруг «американского лидерства». Все указывало на то, что на Западе прикладывали к новым центрам силы свою историческую мерку — восхождение к военной мощи через создание доминирующего экономического и технологического потенциала, своего рода геополитический дарвинизм.

Этот охранительный тренд в западной политике указывает на второй фактор сложившейся ситуации, а именно нежелание или неспособность, в том числе психологическую, элит западных стран кооптировать в контролируемую ими глобальную валютно-финансовую и иную архитектуру новые центры того, что все больше заявляло о себе как формирующаяся многополярность грядущего мироустройства. Это касалось Бреттон-Вудских институтов, ВТО и ОЭСР. Более того, с середины 2010-х годов речь шла уже о покушении на сами основы послевоенного миропорядка с центральной ролью ООН с подрывом международного права как такового — основанного на общих для всех универсальных нормах, вырабатываемых коллективно мировым сообществом. В западных столицах заговорили о некоем «порядке, основанном на правилах», причем явно в обход Устава ООН и международного права вообще, то есть хранителями этих ситуативных «правил» (почему бы не опубликовать их перечень?) выступали сами западные столицы.

Исходя из общего контекста мировой политики, включая проведение в декабре 2021 года первого, тогда еще виртуального Саммита демократий «в целях обновления демократии у себя дома и противостояния автократиям за рубежом» (второй последовал в марте 2023 г.) и тезис о новом идеологическом противостоянии в мире (теперь по линии «либеральные демократии — авторитарные режимы»), речь шла о двух в корне противоположных подходах в мировых делах: один — к тем, кто причислял себя к лагерю «либеральных демократий» под «американским лидерством» и, разумеется, признавал его; другой — ко всем остальным, то есть незападному миру. Иначе говоря, мир уже был поделен этими подходами на два лагеря, обреченные на идеологическое и иное противостояние по образцу прежней биполярной конфронтации, даже если в нем вовсе не собирались участвовать предполагаемые оппоненты Запада, скажем, ни Россия, ни Китай. Кооптация тех же Пекина и Москвы в западную систему координат на условиях равноправия могла бы сделать ее инклюзивной, а затем и подлинно открытой, учитывающей национальные интересы всех государств.

Катализатором дальнейшей кристаллизации глобальной политики в русле того, что можно назвать новой, переходной биполярностью, стало резкое обострение отношений между Россией и Западом на почве украинского кризиса и проведения Россией специальной военной операции (СВО) в целях демилитаризации и денацификации Украины. Начатая Западом гибридная война, включая тотальную экономическую в форме «санкций из ада», спровоцировала де-факто политический раскол мирового сообщества: с одной стороны, Запад и те, кто себя с ним ассоциирует; с другой — Мировое большинство в лице незападных стран, составляющих три четверти членов ООН, включая все развивающиеся государства, и также страны БРИКС.

В этом контексте как никогда отчетливо заявила о себе имперская природа западного доминирования в глобальной политике, экономике и финансах, насчитывающего около пяти столетий (если считать с эпохи Великих географических открытий). Его отличительной чертой было подавление других культур и цивилизаций, будь то колониализм, работорговля или имперское строительство, к которым были причастны практически все западные страны — от Нидерландов, Испании, Португалии и Великобритании до Бельгии, Германии (после ее объединения под властью Пруссии) и США. Внутризападные противоречия среди прочего привели к развязыванию двух мировых войн, в которые были втянуты колониальные страны и народы. В ходе Второй мировой наиболее агрессивные страны исторического Запада — Германия, Италия и Япония — встали на путь создания региональных империй, действуя со звериной жестокостью, в целом присущей мироощущению западных элит, что ввело в международное право понятие преступлений против человечности[1].

После Второй мировой, победа в которой была одержана союзниками по Антигитлеровской коалиции при решающей роли СССР, была ликвидирована внутризападная биполярность, которая служила источником европейских, колониальных и мировых войн на протяжении веков: страны «оси» вошли в контролируемые США военно-политические альянсы, включая двусторонние, и политические конфигурации, такие как «Семерка». Холодная война, в которой окончательно сложился исторический Запад, при всей остроте противоречий между двумя лагерями отражала идейное доминирование в мире западной цивилизации, поскольку различные идеологические продукты западной политической мысли — капитализм и социализм/коммунизм, исповедуемые двумя группами стран, каждый по-своему предполагали «конец истории».

Одновременно в послевоенный период при активной роли СССР (при том что следствием Русской революции стало Пробуждение Азии) произошел процесс де-

[1] Предметом доклада не являются проблематика специфического западного мироощущения и варианты альтернативной, умеренной политики Запада, в частности США, в период после окончания холодной войны. Данная тема рассматривается в других публикациях, в том числе: Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность : колл. моногр. / ред. С. А. Феоктистова. М. : Содружество культур, 2023 ; *Яковенко А. В.* Геополитический перелом и Россия. О чем говорит новая Внешнеполитическая концепция России : моногр. М. : Дипломатическая академия МИД России, 2023.

колонизации. Однако, как показала история, новые независимые государства попали в неоколониальную зависимость от Запада, который разными методами, в том числе через транснациональные корпорации (ТНК), Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ), практически продолжал распоряжаться их природными ресурсами и влиял на их социально-экономическую политику и в целом на общественное развитие. Стремление западных стран решать свои проблемы за чужой счет, фактически извлекать геополитическую ренту в качестве «поставщиков международных общественных благ» завело в тупик не только глобальную политику, но и мировое развитие. Запад со своими корыстными интересами оказался верен себе.

Между тем за пределами Запада постепенно складывалось понимание культурно-цивилизационного многообразия как важнейшей характеристики будущего мироустройства. Поначалу сказалась контрпродуктивная (и саморазрушительная) политика Запада с позиции силы, опровергавшая тезис «империя — это мир». Такое понимание росло и у части западных элит, прежде всего в связи с результатами так называемой войны с террором на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке и районе Сахеля. Появилась идея неизбежности и непримиримости «конфликта цивилизаций»[1]. В рамках ООН для налаживания «диалога цивилизаций» был создан Альянс цивилизаций, который дал первые, хотя и весьма ограниченные результаты в плане смягчения противоречий между Западом и арабо-исламским миром.

Но текущий кризис, явно воспринимаемый сторонами как экзистенциальный, затрагивающий основы их идентичности и истории, поставил вопрос значительно шире и глубже. Теперь уже очевидно, что вся проблема существующего миропорядка и его грядущей радикальной трансформации упирается в необходимость обеспечения согласия и сотрудничества между существующими культурами и цивилизациями, в том числе в целях решения стоящих перед человечеством глобальных задач. Нынешняя западная система координат превратилась в тормоз мирового развития в силу того, что западная цивилизация в своей инерционной политике контроля и диктата с позиции силы раз за разом доказывает свою несовместимость с другими культурами и цивилизациями. Она пребывает в затухающем режиме, предсказанном еще О. Шпенглером в его «Закате Западного мира», и не проявляет никаких признаков способности к конвергенции или адаптации к качественно новому состоянию мира.

Значимым событием в этом контексте стало самоопределение России как «самобытного государства-цивилизации» в новой редакции Концепции внешней политики от 31 марта 2023 года[2]. После пребывания в 300-летней парадигме европоцентризма, которая закрепилась в общественном сознании всем советским опытом, российское руководство заявило (о чем еще 100 лет назад писал Шпенглер, встреченный советской властью в штыки) о принципиальной культурно-цивилизационной отличности России и всего Русского мира от Запада. Из этой чуждости между нами всегда исходили западные элиты. Своей политикой неприятия России после окончания холодной войны они только помогли нам принять давно назревшее решение. Его прямым следствием является позиционирование страны на стороне незападного мира — Мирового большинства или Глобального Юга (что также было предсказано 100 лет назад, только уже евразийцами).

В конце нулевых годов возникло трансконтинентальное объединение БРИКС (Южно-Африканская Республика присоединилась в 2011 г.) как форум прагматического сотрудничества ведущих восходящих экономик мира.

Как и в случае с ШОС, которая изначально была создана для разрешения пограничных вопросов между Китаем и бывшими республиками Советского Союза, дальнейшее развитие БРИКС и обретение им своего подлинного смысла диктовались эволюцией глобального/геополитического контекста. Если Китай прямо ассоциировал себя с незападным миром, то Россия долгое время после окончания холодной войны руководствовалась инерцией европо-/западоцентризма, унаследованной от трехвековой истории, включая советский период, полагая, что пришло время для неизбежной конвергенции того, что рассматривалось как большая Европейская цивилизация, восточной ветвью которой она себя воспринимала. Крах этой парадигмы, имевшей не только политические, но и вполне очевидные когнитивные основания, качественно изменил позиционирование БРИКС, что не замедлило заявить о себе глобально — в виде разного по форме и содержанию отказа государств незападного мира принять участие в санкционной войне Запада против России, а также в рамках работы Группы двадцати, где, как это четко проявилось при индийском председательстве в 2023 году, часть объединения стала противостоящим западной «Семерке» полюсом незападного мира. На этой волне (вслед за расширением ШОС — аналогии продолжаются) произошло расширение БРИКС за счет ряда государств — членов «Двадцатки» и ведущих региональных держав. Они не скрывают своего стремления стать архитекторами нового миропорядка, который должен прийти на смену старому, так как он износился, стал источником угроз международной безопасности и тормозом мирового развития.

На первый план для государств Мирового большинства вышли вопросы развития, а вместе с ними и вопросы национальной идентичности, значение которой либо отрицалось странами Запада, либо принижалось собственными элитами, находившимися — политически и ментально — в западной системе координат.

Что касается российских элит, то речь идет о трехсотлетней надежде «встраивания» в Европу/Запад, дань которой отдавали и правительства Российской империи, и советская власть. Уже не относительный, а абсолютный закат Запада, переживающего системный кризис, открывает мировому сообществу пути для качественно новых подходов к решению собственных

[1] *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y. : Simon & Schuster, 1996.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/49090 (дата обращения: 01.04.2024).

проблем развития и противодействию общим для человечества вызовам и угрозам.

Ключевую роль обрели вопросы культуры и истории как основа идентичности и сосуществования народов. С периферии они по праву — и в полном соответствии с идеями Д. С. Лихачева и его предложением закрепить на международном уровне право на культуру наравне с прочими правами человека, включая право на жизнь[1], — переместились в центр государственного управления, внешней политики и международных отношений. Ничто не было столь своевременным и вызревшим в нашей истории, как культурно-цивилизационное самоопределение страны, спровоцированное враждебной западной политикой и ставшее следствием и в то же время источником духовного возрождения страны. СВО на Украине ускорила обретение исторически обусловленного смысла существования.

Радикальный разворот в нашем самосознании также стал реакцией на «отмену» Западом русской культуры вплоть до русского языка, ответом в духе призыва Анны Ахматовой к «спасению Великого русского слова» в годы тяжких испытаний Великой Отечественной войны. Если тогда мы столкнулись с прямым агрессивным «натиском на Восток» со стороны западной цивилизации, которая отдала главную роль нацистской Германии, одержимой проблемой «жизненного пространства», то теперь — с гибридной войной, в которой ключевая роль отведена Украине, переформатированной в анти-Россию и потому создающей нам угрозу в том числе на уровне идентичности и истории.

«Конфликт цивилизаций» — предчувствие конфликта

Следует отдать должное С. Хантингтону, который вскоре после окончания холодной войны (его труд вышел в 1996 г.) многое предвидел — неслучайно его ценили те, кто трезво смотрел на вещи и понимал, что наступило начало конца западной гегемонии (в феврале 2024 г. Ж. Боррель заявил, что «эра западного доминирования подошла к концу», хотя участникам Лихачевских чтений это было давно понятно) и что без адаптации к качественно новой геополитической ситуации этот конец неизбежен, что продолжение «американского лидерства» надо «зарабатывать» — оно возможно только на условиях трансформации в нечто коллективное, собрание культур и цивилизаций, включающее Россию, которое отлично от западной. Хантингтон понимал, что все прежние конфликты, включая «конфликт идеологий» в годы холодной войны, происходили внутри западной цивилизации. С ним можно согласиться и в части классификации цивилизаций.

В незападных цивилизациях происходит возврат к своим корням, что он отмечал и в России. Трактовка Хантингтоном «русского вопроса» представляет особый интерес. В его понимании Россия остается самой значительной «расколотой страной»: если советская власть сняла с повестки дня «исторический спор между западниками и славянофилами», то уже неясно, что будет с Россией, «желающей присоединиться к Западу». Теперь очевидно, что первый тест на адаптацию Запада к изменениям в мире был провален на примере России, когда было принято решение о расширении НАТО на Восток. За ним последовала череда других провалов, включая взаимодействие с Китаем, Индией, Бразилией и арабо-исламским миром. Хантингтон не ошибся и в том, что модернизация не равнозначна вестернизации.

В большей части незападных культур не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, равенство, свобода, свободный рынок, отделение церкви от государства и многое другое. Из этого проистекает, по сути, новая биполярность — «Запад против остального мира». Другое дело, что она, вполне возможно, будет переходной — до утверждения многополярности, поскольку цивилизации, как и государства, должны быть равноправны, а значит, учиться сосуществовать друг с другом на этой основе.

Провал американских войн в Афганистане и Ираке, последствия вмешательства в Ливии и Сирии в контексте «арабской весны», что было похоже на саморазрушение Америки в части ее международного позиционирования, побудили наиболее проницательных американских политиков, главным образом демократической ориентации (благо они были не у дел при республиканской администрации), заняться межцивилизационной проблематикой. Так, Збигнев Бжезинский осенью 2005 года в своей установочной статье «Дилемма последнего суверена» в журнале American Interest, заметив, что «для большинства государств суверенитет граничит с правовой фикцией», писал, что США не могут игнорировать то, что он охарактеризовал как «массовое политическое пробуждение» повсюду в мире.

Признав, что террор стал следствием западных революций, прежде всего Французской с ее лозунгом «Свобода, равенство, братство!», Бжезинский указал на необходимость для Америки, которая в одиночку не в состоянии решить ни одну значимую международную проблему, пересмотреть свои внешнеполитические подходы и проявить готовность к «формированию общего понимания нашей исторической эпохи» с другими странами и партнерами. Он ставил вопрос о «новой глобальной солидарности», которая поглотила бы и американский суверенитет. То есть необходимо «поставить американский суверенитет на службу общему благу» — только так США могли бы подкрепить свою «международную легитимность».

Одновременно он предупреждал — и тут, возможно, впервые в американском политологическом дискурсе было употреблено слово «самопоражение» (self-defeat), — что в противном случае к нынешним глобальным вызовам для Америки будут «зловеще иметь отношение» предсказания О. Шпенглера, А. Тойнби (о «суицидальном госуправлении») и С. Хантингтона.

Вслед за Хантингтоном он обращает внимание на то, что глобализация не создает общую цивилизацию, а вместо этого провоцирует межцивилизационные столкновения, и цитирует: «Далее следует эрозия западной культуры, в то время как заново утверждают себя местные укорененные в истории нравы, языки, ве-

[1] См.: *Лихачев Д. С.* Декларация прав культуры : [проект] (= Declaration of rights of culture) / Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН ; Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. СПб. : СПбГУП, 1995.

рования и институты». И еще: «демократия — по своей природе провинциализирующий, а не космополитизирующий процесс, результатом которого служит народная мобилизация против элит, получивших западное образование и ориентированных на Запад». Как бы то ни было, призыв к тому, что «Америка должна посвятить свой суверенитет делу, большему, чем собственная безопасность», так и не был услышан.

В дискуссию — с тем же результатом — вступила и бывший госсекретарь М. Олбрайт. В книге «Могущественные и Всемогущий»[1] (2007) она также утверждала, что необходимо радикально пересмотреть подход США к своему глобальному лидерству, и напоминала, что Дж. Кеннеди рассматривал «не коммунизм, а империализм в качестве главного теста, который должна пройти американская внешняя политика» (высказывание от 1957 г.).

Она отмечала, что лидеры «Аль-Каиды» «озабочены трансцендентными вопросами истории, идентичности и веры», и рекомендовала: «Чтобы нас услышали, остальные из нас должны столь же глубоко относиться ко всему». Далее у нее говорится об общности ценностей основных мировых религий, к которым и надо апеллировать, о необходимости борьбы с глобальной бедностью, как это предусмотрено в Целях развития тысячелетия ООН, о том, что американцам не помешает смирение, к которому призывает их собственная история (с чем трудно не согласиться). Но вся проблема в том, что администрации США одна за другой исходили из «автоматизма» распространения американской гегемонии на весь остальной мир после окончания холодной войны — это с опозданием признал Генри Киссинджер в 2014 году[2].

М. Олбрайт приветствовала идею Альянса цивилизаций, выдвинутую в рамках ООН Мадридом и Анкарой. К чему, однако, все свелось?

В июле 2005 года Кофи Аннан, занимавший тогда пост Генерального секретаря ООН, поддержал инициативу создания при коспонсорстве премьер-министров Испании и Турции Хосе Луиса Сапатеро и Реджепа Эрдогана глобального Альянса цивилизаций. Целями этой инициативы должны были стать мобилизация коллективной политической воли на преодоление разрыва и растущего недоверия между цивилизациями, культурами и обществами, в первую очередь между Западом и исламским миром, а также налаживание взаимопонимания между ними.

Авторство идеи создания Альянса цивилизаций принадлежит Испании, которая еще в Средние века продемонстрировала блестящие образцы взаимодействия арабской и европейской культур. В истории так называемой мусульманской Испании были и трагические моменты, но было и сотрудничество культур, позитивное, как нигде больше. Причины Турции вполне очевидны. Тогда речь шла о том, чтобы показать: мусульманская страна вполне совместима с западной цивилизацией. Для руководства Альянсом цивилизаций была сформирована Группа высокого уровня (ГВУ) в составе 18 человек во главе с представителями Испании и Турции. От России в нее вошел видный востоковед академик В. В. Наумкин.

В докладе, представленном Генеральному секретарю ООН в ноябре 2006 года, была дана оценка ситуации, в том числе с учетом возникновения и роста религиозного экстремизма и содержалось большое количество конструктивных предложений, которые в случае их реализации могли бы существенно ослабить напряженность и способствовать налаживанию межцивилизационного диалога[3]. Однако и сама инициатива по созданию глобального Альянса цивилизаций, и доклад ГВУ вызвали предсказуемую критическую реакцию в ряде государств, в том числе в США, где забыли, что они пожинают то, что посеяли, включая содействие «джихаду» в Афганистане (в скобках заметим, что тогда власти Саудовской Аравии взяли курс на экспорт ваххабитской пассионарности, дабы приглушить ее внутри собственной страны).

И тут западные элиты подвело высокомерие. Как отмечал американский социолог И. Валлерстайн на Лихачевских чтениях 2009 года, «эффективный диалог может быть только на основе равноправия сторон». Тогда Запад действовал прагматично, если не сказать цинично, стремясь вовлечь мировое сообщество в решение своей проблемы — но не налаживания межцивилизационных отношений, а купирования подъема радикального, политического ислама. Ситуацию только усугубили как рост исламофобии на Западе, так и вираж западных элит в сторону ультралиберализма, который увеличил дистанцию между ценностями двух цивилизаций.

Запад против всех?

Как бы то ни было, Запад так и не смог сделать свою гегемонию инклюзивной, открытой для всех других цивилизаций, для чего требовалось признать их равенство. Надо заметить, в Вашингтоне «споткнулись» о Россию и Китай, перейдя к политике их «сдерживания» по аналогии со стратегией времен холодной войны. Соответственно, это не оставило места ни для инклюзивности, ни даже для линии на «конструктивное сотрудничество» (constructive engagement), которая в целом дала Западу неплохие результаты в эпоху биполярности.

На экспертном уровне в США были сделаны попытки предложить принципиальные альтернативы пониманию национальной безопасности, сложившемуся вследствие геополитических и идеологических императивов холодной войны.

Был выработан комплекс идей нового, в духе требований времени, международного позиционирования США, которые, однако, позднее были скомпрометированы в глазах элит «изоляционизмом» Трампа (возник ярлык «трампизм») и его недоказанными «связями с Москвой». Таким образом, это окно возможностей быстро закрылось из-за спровоцированного США украинского кризиса и внутреннего противостояния в связи с победой Трампа на выборах 2016 года.

Все указывало на то, что Запад, по крайней мере его элиты, не в силах выйти из круга присущих им политико-психологических ограничителей, будь то инстинкты или предрассудки, в своем ви́дении мира и места Запада в нем.

[1] *Albright M.* The Mighty and the Almighty. Reflections on America, God, and World Affairs. N. Y. : Harper Perennial, 2007.

[2] *Киссинджер Г.* Мировой порядок. М. : АСТ, 2023.

[3] Группа высокого уровня по вопросу о слаженности в системе ООН // ООН : [офиц. сайт]. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/panel.shtml (дата обращения: 01.04.2024).

Произошло то, что было легко предугадать и что президент Б. Клинтон на саммите альянса в январе 1994 года назвал «самосбывающимся пророчеством»[1]. Косвенно это следовало и у Хантингтона.

В свое время в связи с очередной годовщиной Ф. Ницше Фрэнсис Фукуяма писал, что западная философия так и не преодолела «отрицания равенства человеческого достоинства»[2] — утверждение, которое имеет прямое отношение к культурно-цивилизационной несовместимости западных элит с незападными. Позже, на волне обострения отношений между Россией и Западом, на страницах «Форин Аффэрс» (май-июнь 2022 г.) он писал о некоем «национал-либерализме», о том, что либерализм должен быть укоренен в каждой стране. Но как быть с нынешним кризисом либерализма там, где он зародился, — в самом западном обществе? И не отсюда ли происходит тот самый интервенционизм и то самое унификаторство Запада в отношении всего остального мира, где он не возник естественным образом и не смог быть навязан извне? Не оказывается ли этот «либерализм» не только неким «принуждением к демократии», но и аналогом нацизма?

Даже сейчас, в связи с украинским кризисом, западные столицы вспомнили о суверенитете именно «демократической Украины», в принципе отрицая это право за всеми странами, которые они не квалифицируют как демократические.

Украинский кризис: катализатор пробуждения России

Не желая того и давая сработать принципу «нежелаемых последствий» (unintended consequences), США спровоцировали кризис с радикальным переформатированием Украины, балансировавшей на грани несостоявшегося государства, и тем самым помогли этой стране обрести, наконец, внятный смысл своего независимого существования в русле негативной части ее исторического наследия.

Украина не могла похвастаться демократией и отсутствием коррупции, которые, возможно, искушали бы российский электорат и таким образом способствовали аналогичной вестернизации России. Поэтому выбор был сделан в пользу создания для России угрозы на уровне идентичности и истории — вызова, который бы подрывал нарратив Победы над нацистской Германией как нравственно-духовное основание современной России.

Было естественно, что в эпоху пробуждения цивилизационного самосознания повсюду в мире исторический Запад вознамерился решить проблему исторической России на поле культуры и истории. Одновременно, как показало развитие событий, создавались условия для реабилитации задним числом нацизма как специфического продукта западной цивилизации. Удар наносился по идее Русского мира, под которым на Западе, как определил Хантингтон, понимали славянство и православие. Было легко предположить, что Россия не может не ответить на этот экзистенциальный вызов, обремененный перспективой вступления Украины в НАТО и созданием на российской границе вполне очевидной военно-политической угрозы, равно как и отказом Киева при поддержке Запада реализовать Минские соглашения, которые шли в русле общепризнанных, в том числе европейских, норм урегулирования внутренних гражданских конфликтов. Вопреки западной же концепции «безопасности личности» (human security), которая отдавала приоритет правам человека и правам меньшинств перед правами государств, включая их суверенитет и территориальную целостность, Киев после госпереворота февраля 2014 года взял курс на унитарное и этноцентричное государство, апеллируя к агрессивному национализму, который скомпрометировал себя сотрудничеством с нацистской Германией.

Наряду с давлением на каноническую Украинскую православную церковь в составе РПЦ проводилась политика насильственной украинизации в стране, большая часть населения которой была либо представлена этническими русскими, оказавшимися в составе Украины, сконструированной в нынешних границах советской властью и ее идеологическими императивами, либо говорила на русском и была двуязычной. Таким образом, вопрос языка стал фундаментальным для будущего Украины, которая не могла без систематического и узаконенного насилия продолжать свое существование в советских границах на фоне разрушения основ советского общежития с его толерантностью и инклюзивностью.

Украинизация и подавление русского языка сопровождались переписыванием исторического нарратива (с созданием официальной пропагандой примитивной национальной мифологии на основе сельской культуры, причем с явным расистским уклоном по аналогии с нацизмом) и отказом от всего свода богатейшей русской культуры в пользу украинской, не сопоставимой с ней по развитию, от созданных за этот исторический период духовных ценностей, прежде всего в литературе, включая гений Николая Гоголя. Под аккомпанемент агрессивной антирусской пропаганды, которая отсылала к печальному опыту Европы межвоенного периода и смыкалась с кампанией Запада по «отмене» русской культуры, шло обеднение и упрощение культуры в самом широком смысле — вполне в духе того, что происходило при нацистском режиме в Германии.

Мировое большинство и реформа системы мироустройства

Перспектива формирования нового международного порядка, который не был бы основан на доминировании Запада, зависит не только от исхода нынешнего обострения в отношениях Запада с Россией, но и от коллективной позиции государств Азии, Африки и Латинской Америки — Мирового большинства, или Глобального Юга. Совокупный потенциал этих регионов ощутимо возрос. Впервые в истории перед ними открываются возможности выступить в качестве полноценных центров мировой политики, серьезно влияю-

[1] *Киссинджер Г.* Дипломатия. М. : АСТ, 2018.

[2] *Fukuyama F.* Nietzsche: A Philosophy in Context // The New York Times. 2010. May 7. URL: https://www.nytimes.com/2010/05/09/books/review/Fukuyama-t.html?ysclid=m0m7k2ri6a671905665 (дата обращения: 01.04.2024).

щих на формирование международной повестки дня, включая вопросы безопасности.

Происходящие изменения в соотношении сил на мировой арене в пользу Мирового большинства (а Россия наряду с Китаем позиционирует себя как его часть) подтверждают справедливость российской концепции многополярности как движения в сторону разрушения экономической, силовой и технологической гегемонии Запада, превратившейся для него в способ существования. В этом плане интересы государств Мирового большинства в целом созвучны российским в поиске нового, более справедливого международного порядка. Они также означают провал попыток Запада добиться международной изоляции России, возможность сохранения и укрепления связей между ведущими развивающимися мировыми экономиками, создание новых партнерств в условиях острого конфликта с Западом.

Сама идея продвижения принципов качественно нового, более справедливого мироустройства, отражающего культурно-цивилизационное многообразие современного мира, давно присутствует в политике государств Мирового большинства. Масштабным выражением стремления к переформатированию мировой системы исторически явилось Движение неприсоединения. Оно изначально было образовано странами, которые ныне и составляют Мировое большинство, с целью создать широкую международную платформу, объединяющую страны по принципу неучастия в военно-политических блоках. Это позволило сформировать в рамках ООН своего рода союз неприсоединившихся стран (Группа 77 в составе 134 государств), продвигающий политические проекты, альтернативные западным мировоззренческим постулатам. Другим примером может служить идея Нового международного экономического порядка (НМЭП), активно поддержанная странами Азии, Африки и Латинской Америки. Под мощным коллективным давлением бывших колониальных и зависимых стран, составляющих большинство в ООН, Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию об установлении НМЭП. В качестве основной стратегической задачи провозглашались устранение неравенства в мировой экономике и преодоление разрыва между развитыми и развивающимися странами.

Фактическое торпедирование Западом планов по перестройке международных отношений, отвечающей интересам стран Азии, Африки и Латинской Америки, указывало на ограниченный ресурс противодействия западному доминированию. В итоге эти проекты потеряли изначальную политическую инерцию и не дали ожидаемых результатов. Сказалось и состояние России после распада СССР, наши иллюзии в отношении «встраивания» в Запад, что вкупе с общим ослаблением страны не позволяло оказать должное содействие странам Азии, Африки и Латинской Америки.

Процесс неолиберальной глобализации, запущенный Западом на рубеже 1980–1990-х годов и на три десятилетия определивший магистральное направление мирового развития, способствовал изменению соотношения сил в мире в пользу коллективного Глобального Юга. Для части государств Азии, Африки и Латинской Америки глобализация превратилась в мощный фактор как внутренних структурных преобразований (хотя и нередко противоречивых), так и перезагрузки сложившейся в постколониальный период системы внешнеэкономических связей. Наиболее динамично развивались государства Восточной и Юго-Восточной Азии во главе с Китаем, который удачно адаптировал схему западной глобализации под требования собственного социально-политического и экономического развития, отражающего особенности его культурно-цивилизационной идентичности, укорененной в истории. Центр притяжения мировой экономики и торговли в сравнительно сжатые сроки переместился в Азию.

Не имеющий исторических аналогов форсированный и долговременный экономический рост Китая, особенно на фоне вялой динамики в США, Европейском союзе и Японии, заставляет переосмысливать ключевые неолиберальные и макроэкономические догмы Запада. Отсюда и тот новый импульс, который получают в странах Мирового большинства настроения в пользу переформатирования системы международных отношений на альтернативной основе. Мировое большинство, опираясь на имеющийся у него колоссальный потенциал, могло бы стать драйвером процесса формирования более стабильного, безопасного и справедливого мира. Историческая миссия, с которой в конечном счете не справился коллективный Запад, переходит к Мировому большинству.

Вместе с тем на нынешнем этапе страны Мирового большинства не имеют коллективной достаточно целостной и оригинальной политической платформы, формирующей их совместное ви́дение новой международной системы и путей перехода к ней. Задача перехода к мироустройству нового типа на основе многополярности прямо формулируется или фактически признается только ограниченным числом ведущих стран Мирового большинства.

Понятие многополярности присутствует в концептуальных наработках большинства стран, даже без прямой увязки с темой будущего миропорядка. Практически повсеместно признается, что ключевое значение имеет тема глобального управления, то есть определения международных площадок, на которых должно строиться международное сотрудничество. Констатируется, что ныне существующая система глобального управления нуждается в реформировании или корректировке. Основной акцент при этом делается на необходимости реформирования ООН с упором на обеспечение представительного характера Совета Безопасности, Бреттон-Вудские институты (МВФ и ВБ), а также ВОЗ и ВТО. Критике подвергаются их неэффективность и недостаточная представленность в них развивающихся стран, что не позволяет обеспечить равноправие интересов всех членов международного сообщества.

Взгляды на проблематику международной безопасности сводятся к подтверждению приверженности соответствующим базовым принципам Устава ООН, поддержке международных правовых норм, призванных предупреждать военные конфликты и кризисы. Эти нормы включают уважение национального суверенитета, нерушимость границ, невмешательство во

внутренние дела, недопустимость агрессии или угрозы миру, мирное урегулирование споров и конфликтов, связанное с этим миротворчество. Приветствуется сохранение системы контроля над вооружениями. Как правило, констатируется также необходимость международного сотрудничества в целях предотвращения конфликтов и кризисов, предупреждения терроризма и экстремизма.

Ви́дение перспектив структуры мировой экономики, международной торговли и финансовой системы в основном воспроизводит отголоски прежних идей, обсуждавшихся на площадке ООН в контексте НМЭП, хотя и с поправкой на современный уровень развития технологий. Не подвергается сомнению, что принципиально важна перспектива дальнейшей экономической глобализации. Однако признается, что она должна строиться на иных принципах, способствуя, прежде всего, созданию открытой мировой экономики, справедливой, честной, недискриминационной экономической среды, а также должна стимулировать двустороннее, региональное и многостороннее сотрудничество.

Практически повсеместно ставится вопрос о необходимости для промышленно развитых стран увеличить финансирование Глобального Юга по линии программ международного содействия развитию, при этом большое значение имеет призыв к обеспечению полного национального контроля над природными ресурсами. В контексте требований о реформе Бреттон-Вудских институтов продвигается тема неоправданности роли доллара США в качестве основной резервной валюты, невыгодности для развивающихся стран существующей системы международных платежей и валютно-финансовых трансферов.

Страны Мирового большинства, независимо от их внешнеполитической ориентации, декларируют принципиальную неприемлемость односторонних ограничительных мер в мировой торговле. Остро обозначается и вопрос обеспечения технологического прогресса в странах Мирового большинства с формулированием требования равноправного, свободного и взаимовыгодного обмена технологическими достижениями по линии Север–Юг. Во главу угла международного экономического и социального развития также ставится тема должной реализации Целей устойчивого развития ООН. Показателен в этом плане акцент, который делают некоторые государства, на задаче достижения целей международной климатической повестки.

Для подходов элит значительной части государств Мирового большинства к перспективам нового мирового порядка характерно и то, что они рассматриваются через призму прямо или опосредованно выражаемых амбиций на повышение собственного коллективного или национального веса в мировых делах. Возросшая в последнее время миротворческая активность со стороны Мирового большинства, в том числе инициативы по нормализации отношений между Ираном и Саудовской Аравией, а также мирный план по Украинскому кризису, — в русле реализации этих амбиций. Всемерно акцентируется и намерение играть конструктивную роль в защите мира в глобальном и региональном форматах, принимать активное участие в разработке правил в области глобальной безопасности, наращивать международное сотрудничество в сфере безопасности, непосредственно участвовать в миротворческой деятельности по линии ООН. Подходы стран Мирового большинства к ви́дению нового миропорядка отличаются еще и тем, что они охватывают проблему действенности международного права. Практически все концептуальные материалы государств Мирового большинства констатируют необходимость соблюдения общепризнанных правовых норм, прежде всего закрепленных в Уставе ООН.

Традиционные ценности выступают как одно из главных средств, используемых государствами для противодействия навязываемым Западом ценностных стандартов, для укрепления национальной идентичности в международных отношениях.

Во многом показательна позиция Индии, которая, в частности, нашла отражение в Делийской декларации по итогам заседания Совета глав государств ШОС (июль 2023 г.), где указывается: «мир переживает беспрецедентные трансформационные перемены и вступает в новую эпоху стремительного технологического развития, что требует повышения эффективности глобальных институтов. Эти фундаментальные процессы сопровождаются укреплением многополярности».

В качестве важного критерия развития новой системы международных отношений Индия видит повышение роли и влияния стран Глобального Юга, обеспечения их включенности в процессы формирования правил международного взаимодействия, а также доступа к критическим ресурсам, в том числе финансовым и технологическим. При этом индийская сторона придает особое значение необходимости усиления представленности развивающихся стран в ключевых международных структурах, в том числе настаивает на включении Африканского союза как равноправного участника в Группу двадцати. Весьма показательными являются высказывания индийского премьер-министра о критерии «нравственности» в проведении стратегической политики и «росте понимания необходимости отказа от ВВП-центрического взгляда на мир в пользу взгляда, ориентированного на человека».

Таким образом, формирующиеся в странах Мирового большинства концептуальные воззрения относительно реформирования существующей системы мироустройства и межгосударственных отношений имеют очевидный идейный крен в сторону отрицания претензий США, «англосферы», мира и Запада в целом на сохранение своего доминирования в мировой политике и экономике. Этот процесс концептуального переосмысления картины современного мира основан на объективном изменении глобального соотношения сил в пользу Мирового большинства по целому ряду базовых параметров. Он не просто созвучен, но по своей сути совпадает с внешнеполитическими подходами Российской Федерации и отвечает ее интересам.

В связи с этим стратегический поворот России в сторону развития сотрудничества со странами Мирового большинства укрепляет основу для совместного и концептуально осмысленного движения в сторону формирования более справедливой системы мироустройства,

основанной на межгосударственном равенстве, стабильности, взаимовыгодном взаимодействии и международном праве. Это одновременно открывает для России возможности для противодействия линии коллективного Запада, стремящегося сохранить Мировое большинство в рамках неоколониальной зависимости.

БРИКС — назревшая необходимость

Первая встреча БРИК состоялась 20 сентября 2006 года на полях 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. В ней приняли участие министры иностранных дел России, Бразилии, Китая и министр обороны Индии, которые договорились развивать многоплановое сотрудничество четырех стран. 16 мая 2008 года в Екатеринбурге состоялась первая полноформатная встреча глав внешнеполитических ведомств государств БРИК. По ее итогам было принято совместное коммюнике, отразившее общие позиции стран по актуальным вопросам мирового развития. Принципиально важный шаг в становлении объединения был сделан 9 июля 2008 года, когда на полях саммита «Группы восьми» в Тояко (Япония) по инициативе российской стороны состоялась отдельная встреча лидеров Бразилии, России, Индии и Китая.

Первый саммит БРИК прошел 16 июня 2009 года в Екатеринбурге. В итоговом Совместном заявлении было зафиксировано стремление развивать «последовательный, активный, прагматичный, открытый и транспарентный диалог и сотрудничество» не только для достижения «общих интересов развивающихся стран и государств с формирующимися рынками, но и строительства гармоничного мира, в котором были бы обеспечены прочный мир и общее процветание».

После присоединения Южно-Африканской Республики (первый саммит с участием ЮАР состоялся 14 апреля 2011 г. в г. Санья, КНР) в качестве названия объединения утвердилась аббревиатура «БРИКС».

С течением времени БРИКС превратился в многопрофильное стратегическое партнерство, которое базируется на трех ключевых столпах: политика и безопасность, экономика и финансы, культура и гуманитарные связи. Отношения между партнерами строятся на основе равноправия и взаимного уважения, а также принципов открытости, прагматизма, солидарности, ненаправленности против кого бы то ни было. Сегодня на долю БРИКС приходится 45 % населения планеты и более трети мирового ВВП. Входящие в БРИКС государства — влиятельные участники ООН, а также региональных объединений (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, АТЭС, ЛАГ, ССАГПЗ, ОИС, МЕРКОСУР, Афросоюз, САДК и др.). Расширенный БРИКС весомо представлен в таких механизмах, как «Группа двадцати», ВТО, Движение неприсоединения, «Группа 77». Страны по очереди председательствуют в БРИКС, исполняя эти обязанности в течение календарного года; затем происходит ротация. Все решения принимаются на основе консенсуса. Ежегодно проходит около 200 встреч, из которых 20 — министерского уровня. Развивается взаимодействие по линии парламентов, администраций городов, бизнеса, академических и научных кругов, гражданского общества, включая женские и молодежные организации. В целях координации текущей работы объединения функционирует институт национальных шерп/су-шерп. С 1 января 2024 года членами БРИКС стали Египет, Иран, Саудовская Аравия, ОАЭ и Эфиопия.

Одно из приоритетных направлений в деятельности БРИКС — содействие формированию демократического многополярного мира, укреплению глобальной безопасности и стабильности. Теперь уже «Десятка» неизменно выступает за соблюдение принципов международного права при центральной роли ООН, отказ от односторонних мер принуждения. Важным результатом взаимодействия стран БРИКС стал запуск работы Нового банка развития (НБР) со штаб-квартирой в Шанхае и Пула условных валютных резервов БРИКС с совокупным объемом средств в размере 200 млрд долларов США. К концу 2023 года по линии НБР было одобрено более 90 проектов на общую сумму 32,3 млрд долларов. Своевременно реагируя на нужды стран БРИКС в условиях кризиса, Банк запустил в марте 2020 года программу содействия по борьбе с пандемией COVID-19 и преодолению ее социально-экономических последствий общим объемом 10 млрд долларов. В 2018 году состоялось открытие Африканского регионального центра НБР в ЮАР, затем аналогичные структуры были учреждены в Бразилии, России и Индии.

В 2023 году функции председателя в БРИКС осуществляла ЮАР под девизом: «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности».

Важной вехой в развитии БРИКС стал XV саммит в Йоханнесбурге в августе 2023 года. На встрече были заложены основы для будущих дискуссий по финансово-экономическим вопросам, в том числе наращивание расчетов в национальных валютах. В итоговой декларации зафиксировано поручение министерствам финансов и центробанкам стран БРИКС изучить эту тему и представить доклад к следующему саммиту. Принято решение о расширении до 10 участников состава объединения. Положено начало разработке модальностей новой категории «государств-партнеров» (намерение взаимодействовать с БРИКС в той или иной форме выразили свыше 30 стран).

Большое значение в контексте формирования устойчивых связей БРИКС с государствами Глобального Юга имели расширенные заседания в формате «аутрич»/«БРИКС плюс», прошедшие как в рамках саммита объединения (с участием более 60 приглашенных стран), так и совещаний Высоких представителей, курирующих вопросы безопасности, и министров иностранных дел.

Среди ключевых достижений взаимодействия по южноафриканской повестке дня — одобрение рамочного соглашения о сотрудничестве стран БРИКС по вопросам микро-, малого и среднего предпринимательства, создание Молодежного совета объединения, Рабочей группы по спорту, расширение Сетевого университета, запуск совместной работы в сфере ядерной медицины посредством создания профильной рабочей группы.

Первого января 2024 года функции председателя в БРИКС перешли к России (саммит состоится в Казани в октябре). Его девиз: «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности».

В числе приоритетов российского председательства — наращивание внешнеполитической координации в формате БРИКС, в том числе на ключевых международных площадках. Должное внимание уделяется развитию потенциала контртеррористического сотрудничества на основе Антитеррористической стратегии БРИКС 2020 года. Россия нацелена на развитие практического сотрудничества в борьбе с распространением наркотиков и коррупцией в соответствии с инициативой БРИКС по ликвидации «безопасных гаваней», институционализации формируемого Совета БРИКС по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма, на поиск общих ответов на вызовы и угрозы в информационном пространстве. Приоритетным вопросом является дальнейшая реализация Соглашения о сотрудничестве в области спутниковой группировки дистанционного зондирования Земли стран БРИКС.

В рамках экономического и финансового блока ведется большая работа по комплексной реализации Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 года. Продвигаются инициативы по таким актуальным вопросам, как безопасность глобальных логистических цепочек, электронная торговля, искусственный интеллект, организация стартапов, климат в контексте устойчивого развития, дальнейшее развитие диалога между налоговыми, таможенными, антимонопольными органами стран БРИКС.

Важное направление работы — повышение роли государств БРИКС в международной валютно-финансовой системе, развитие межбанковской кооперации, содействие трансформации системы международных расчетов. В число приоритетных задач российского председательства входят наращивание расчетов в национальных валютах, укрепление корреспондентских банковских сетей для обеспечения международных транзакций. Продолжается работа по развитию механизма Пула условных валютных резервов.

Особый акцент делается на углублении диалога по вопросам справедливого развития, обеспечения продовольственной и энергетической безопасности, развития Платформы энергетических исследований.

Главные направления сотрудничества в гуманитарной сфере — наращивание взаимодействия в области науки и инноваций, в частности, исполнение Плана действий по инновационному сотрудничеству на 2021–2024 годы, использование потенциала Сети центров БРИКС в сфере трансфера технологий, а также в повышении кооперации научных парков и бизнес-инкубаторов. В рамках инициативы «Инновационная сеть iBRICS» первоочередное внимание уделяется расширению контактов между академическими и научными центрами, исследовательскими и высшими учебными заведениями десяти стран, укреплению потенциала Сетевого университета БРИКС, вопросам взаимного признания академических квалификаций, совершенствования работы международных систем рейтингов вузов. Запланированы Форум молодых ученых и Конкурс молодых инноваторов стран БРИКС.

В сфере здравоохранения продолжается продвижение российских инициатив по запуску Комплексной системы раннего предупреждения рисков возникновения массовых инфекционных заболеваний, Медицинской ассоциации и медицинского журнала. Особое внимание уделено функционированию Рабочей группы по ядерной медицине.

Предпринимаются практические действия в целях дальнейшей интенсификации диалога в области культуры, молодежных обменов, спорта. В официальный календарь председательства Российской Федерации в БРИКС внесены традиционные мероприятия, в том числе фестивали культуры и кино БРИКС, Академический и Гражданский форумы. Запланированы Молодежный форум и Молодежный лагерь, а также форум молодых дипломатов. В рамках спортивного сотрудничества в июне были организованы Игры БРИКС, в программу которых включены 29 видов спорта — как традиционные состязания, так и новые фиджитал-дисциплины.

Особое внимание уделено развитию межпарламентского взаимодействия в рамках Парламентского форума БРИКС, а также встречам председателей комитетов по международным делам парламентов стран объединения.

Важной составляющей гуманитарного взаимодействия является сотрудничество по линии городов и муниципальных образований. На этом направлении предусмотрены хорошо зарекомендовавший себя Международный муниципальный форум стран «БРИКС+», а также традиционный Форум породненных городов и муниципальных образований.

Все больше государств Мирового большинства настроены подключиться к БРИКС как действенному инструменту развития равноправной и справедливой многополярности и продвижения интересов Глобального Юга для совместного эффективного развития и поиска коллективных решений наиболее острых проблем современности. В ответ на этот запрос в соответствии с решением Йоханнесбургского саммита еще одним ключевым направлением усилий российского председательства становится доработка модальностей категории государств-партнеров и формирование списка кандидатов в нее, которые предстоит утвердить на встрече лидеров в этом году.

Миропорядок по БРИКС

С развитием БРИКС и ростом самосознания Мирового большинства становится ясно, что многополярность будет связана с выражением культурно-цивилизационного многообразия мира. Собственно, все проблемы мировой политики и мирового развития, которое завело в тупик западное доминирование, можно свести к несовместимости западной цивилизации с другими культурами и цивилизациями. Вся история — не только наше время! — показывает, что Запад может вести дела с другими только посредством подавления и диктата, насилия и контроля, на своих усло-

виях и с позиции силы, что в корне противоречит базовым принципам Устава ООН, международному праву в целом, которое, кстати, сложилось не без участия самих западных стран, с учетом их собственного трагического опыта, включая религиозные войны в Европе и две мировые.

Сегодня Запад находится в качественно иной фазе своей эволюции. Поэтому не удивляет претензия западных столиц на роль хранителя некоего мифического «порядка, основанного на правилах», который на деле обнуляет весь исторически сложившийся международный правопорядок с центральной ролью ООН и подменяет его произволом Запада.

Де-факто складывается новая переходная биполярность «Запад — Мировое большинство». Генри Киссинджер в книге «Лидерство»[1], которую можно рассматривать как его политическое завещание, с горечью указывал: внешнеполитический кризис Вашингтона восходит к тому, что его новация с многополярностью во времена Р. Никсона, когда она была им впервые разыграна в «треугольном» формате США–СССР–КНР (с признанием Китая, который занял свое законное место в СБ ООН), не стала для США «надежной школой дипломатии», что потребовало бы перемен не только в масштабах стратегии, но и на уровне менталитета. То есть сама идея многополярности не была искусственным изобретением российской дипломатии с целью отстоять свою внешнеполитическую самостоятельность, а отражала суть происходящего в мире, что видели в Москве и не хотели видеть на Западе, где предпочитали жить по-старому.

Предстоит этап регионализации глобальной политики в рамках и в соответствии с геополитическими императивами указанной биполярности. Выражением последней является противостояние западной «семерки» и расширяющегося формата БРИКС. Нетрудно предвидеть, чем закончится эксперимент с анархо-капитализмом в Аргентине и попыткой Запада перетянуть Буэнос-Айрес на свою сторону. Еще неизвестно, что будет с США и с Западом в целом. Будет ли им до гегемонии? Ведь они будут вынуждены действовать в условиях уменьшения возможностей решать свои проблемы за чужой счет, к чему они привыкли на протяжении веков.

Самоизоляция Запада от остального мира усугубилась в связи с операцией Израиля в секторе Газа, ставшей на данный момент настоящей внешнеполитической катастрофой США. Дальнейшей кристаллизации подверглась новая биполярность. Раскол международного сообщества будет служить решающим фактором в том, что касается дальнейшей эволюции ООН, приведения Организации в соответствие с духом времени. В последние десятилетия Запад злоупотреблял своим влиянием в ООН, продолжал добиваться нужных для себя решений, не стесняясь оказывать давление — если не удавалось в Совете Безопасности, то на Генассамблее, в других органах Организации. Злоупотреблял он и доброй волей России — достаточно вспомнить резолюции СБ по Ливии и свободе судоходства в Красном море.

[1] *Kissinger H.* Leadership. Six Studies in World Strategy. UK : Penguin Books, 2022.

На повестке дня — реформа Совета Безопасности, расширение его членского состава, дабы сделать его по-настоящему представительным не только в географическом, но прежде всего в культурно-цивилизационном отношении. Сейчас Запад перепредставлен в категории постоянных членов: три места из пяти, тогда как два остальных — у России и Китая. Если брать «семерку», то получается три места на семь ее участников. Россия и Китай — это не только БРИКС, но и Мировое большинство, то есть три четверти членов ООН.

Многие считают, что целесообразно сократить представленность в Совете стран Запада, тем более что все они признают лидерство США. Соединенные Штаты вполне могут представлять всю западную цивилизацию и тех, кто себя с ней ассоциирует. Право на постоянное членство в Совете имеют Индия и Бразилия, представляющие свои цивилизации. Стоит вопрос о представительстве Африки и арабо-исламского мира, которые должны сами решить, кто будет его осуществлять. В этих условиях абсолютно непроходными будут кандидатуры Германии и Японии: помимо того, что они являются западными странами, они еще и не вполне суверенны, находясь под оккупацией США. Если Евросоюз сохранится после нынешнего геополитического кризиса, то место Франции может занять ЕС. В любом случае неприемлемо то, что пять англосаксонских стран имеют два постоянных места в СБ — это США и Великобритания, которые к тому же связаны между собой «особыми отношениями».

Пока трудно прогнозировать, как будет трансформироваться ООН. Сначала необходимо преодолеть геополитический кризис, а затем по его итогам можно будет судить о новом балансе сил в мире. Далеко не случайно многие политики и исследователи считают (да и сами западные элиты того же мнения), что конфликт на Украине, которому Запад придает стратегическую глубину, в том числе поставками современных вооружений и боеприпасов, по своим последствиям будет равнозначен мировой войне.

Запад сам обесценивает ООН — во-первых, отказываясь договариваться с Россией; во-вторых, запустив в оборот тезис о «порядке, основанном на правилах», что отрицает миропорядок с центральной ролью ООН. Отношение к этому вопросу имеет и то, что Минские соглашения 2015 года были одобрены СБ ООН, но затем западные столицы заявили, что вовсе не намеревались их выполнять и требовать этого от Киева. Их реальной целью было выиграть время для перевооружения ВСУ, то есть их подготовки к «окончательному решению» вопроса Донбасса. Уместно вспомнить, что ремилитаризация Германии (это называлось «умиротворением») также началась с ее нацификации в контексте подготовки агрессии против СССР. Можно предположить, что в качестве критериев постоянного членства в СБ уже не будут иметь прежнего значения такие факторы, как принадлежность к Антигитлеровской коалиции и статус ядерной державы по Договору о нераспространении ядерного оружия. Скорее всего, первостепенными будут экономический и культурно-цивилизационный факторы, а также авторитет, осно-

ванный на способности играть позитивную роль в общих делах человечества.

Не исключено, что с Западом, если он продолжит претендовать на доминирование, будет трудно договориться. Тогда еще большее значение обретут новые форматы, прежде всего БРИКС. Мировые проблемы требуют коллективных усилий по их решению. Не исключается и вариант воссоздания ООН на новой основе — без Запада и со штаб-квартирой в одной из стран Мирового большинства. Если новая всемирная организация будет инклюзивной, то и западным странам будет нетрудно к ней присоединиться на общих основаниях. В таком случае нынешняя ООН могла бы существовать параллельно в затухающем режиме, к чему ее в любом случае принуждает агрессивная политика Запада. А ее специализированные агентства со временем перешли бы под эгиду новой ООН, как это было с Международной организацией труда и Международным союзом электросвязи, унаследованными ООН от Лиги наций.

БРИКС приобретает черты ведущего формата самоорганизации Мирового большинства. В числе его основных функций — борьба с неоколониальной зависимостью, то есть неравноправными условиями торговли, контролем Запада над глобальной валютно-финансовой и иной глобальной архитектурой. Для этого нужны альтернативные площадки и возможности. Запад не скрывает, что его политика «сдерживания» направлена в первую очередь на торможение развития конкурентов. Отсталость Мирового большинства — ключевое условие сохранения западной гегемонии. Поэтому Запад делает ставку на опережающее технологическое развитие. Хотя просто развивать в кругу незападных стран торгово-экономические отношения и иное практическое сотрудничество на основе взаимного учета интересов — уже много (так уже было в политике Советского Союза в период становления новых независимых государств).

В неменьшей мере важно и то, что СВО на Украине демонстрирует ограниченность военного ресурса Запада, его резко сократившиеся возможности проводить по всему миру политику силового давления. Это сдерживало многих в странах Мирового большинства в плане противостояния хозяйничанью Запада, в том числе посредством ТНК, на территории этих государств, распоряжению их природными ресурсами.

Снова встает вопрос об исторической миссии России. Миссии утверждения человеческой свободы в ее истинном, христианском понимании — как свободы всех стран и народов. Революция 1917 года, как, собственно, и Китайская революция 1949 года, лишь создала условия для освобождения мира от западного гнета. Сама же эта миссия реализуется сейчас.

Картина нарождающегося мира[1]

Текущий всеобъемлющий кризис мироустройства обусловлен различиями в ожиданиях «нового миропорядка» Запада и незападного мира после окончания холодной войны, распада Советского Союза и роспуска Организации Варшавского договора. В то время как мир ожидал нового этапа международных отношений на деидеологизированной основе «вестфальских» принципов Устава ООН, Запад при лидирующей роли Вашингтона сделал выбор в пользу политики доминирования, предполагая «автоматическое» распространение сферы своего владычества на весь остальной мир как естественное следствие «победы в холодной войне».

Организация Североатлантического договора не была распущена, в Европе не была создана общерегиональная, инклюзивная система коллективной безопасности по смыслу Главы VIII Устава ООН, которой континент не знал на протяжении полутора веков. Не состоялось послевоенного урегулирования, как это бывало ранее после любой «большой войны» в Европе.

Киссинджер в своем «Лидерстве», ссылаясь на опыт «трансформационной дипломатии» Никсона, писал о «согласованных рамках законности как наиболее прочной основе мира» и на этом фундаменте — о «глобальном равновесии/балансе сил». Ныне же США через запущенный в оборот тезис о некоем «порядке, основанном на правилах», фактически отрицают и разрушают послевоенный миропорядок, основанный на коллективно согласованных, универсальных, то есть обязательных для всех международно-правовых инструментах, прежде всего Уставе ООН.

От отрицания международного права один шаг до отрицания права вообще, включая основу англосаксонского рыночного капитализма — права на неприкосновенность частной собственности. И этот шаг США и их союзники делают, замораживая суверенные активы России и подрывая тем самым одно из фундаментальных оснований своего конституционного порядка, что говорит о наличии системного кризиса западного общества. Это еще одно измерение текущей глобальной трансформации, которое отсылает к предшествующему кризису Запада, нашедшему разрешение в событиях 1914–1945 годов.

Либеральная идея эволюционирует в направлении тоталитаризма, покушения на свободу слова и свободу мысли. Россия же последовательно выступает в защиту международной законности, будь то попытки предотвратить Первую мировую войну посредством созыва Гаагских конференций мира в 1899 и 1907 годах или усилия по созданию Восточного пакта во второй половине 1930-х с целью гарантирования границ восточных соседей Германии, что могло бы предотвратить новую агрессию и Вторую мировую войну.

Еще Александр Горчаков в своей знаменитой («Россия не сердится. Россия сосредоточивается») циркулярной депеше от 2 сентября 1856 года писал: «Мы высказывались во всех случаях, когда считали необходимым выступить в поддержку права»[2].

Созданный в послевоенный период международный правопорядок с центральной ролью ООН и универсальными международно-правовыми инструментами фактически приостановил свое действие в условии-

[1] В этом разделе использованы выводы доклада: Картина нарождающегося мира: базовые черты и тенденции // Дипломатическая академия МИД России : [сайт]. 2024. Янв. URL: https://www.dipacademy.ru/documents/7763/Doklad-Kartina-narozhdayushegosya-mira.pdf?ysclid=m0tyddczo686948036 (дата обращения: 01.04.2024).

[2] *Лопатников В. А.* Горчаков: Время и служение. М. : Молодая гвардия, 2011.

ях системной конфронтации между Западом и Россией. Это относится прежде всего к поддержанию мира и безопасности. Основные многосторонние договоры и соглашения, направленные на предотвращение ядерных испытаний, поддержание ядерного паритета, ограничение вооружений и опасной военной деятельности, прекратили свое действие вследствие выхода из них в одностороннем порядке или приостановки их действия США.

При этом со стороны государств Мирового большинства, прежде всего развивающихся стран, растет запрос на инклюзивность сложившейся архитектуры глобального управления. Налицо также стремление этих стран реализовать во внешней политике свою культурно-историческую идентичность. Указанные тренды уже признаются деятелями администрации Дж. Байдена.

Что касается идеологической основы международной жизни, то неизбежным представляется восстановление значения факторов привлекательности обществ и государств на сбалансированной и подлинно конкурентной основе. Будет изживаться унификаторский тренд западной политики и его следствие — интервенционизм.

Заслуживают внимания такие выводы и прогнозы Валдайского клуба[1], как развитие эрозии иерархических построений в системе международных отношений при параллельной суверенизации государств, реагирующих на западное унификаторство акцентированием своей идентичности и самобытности. США, однако, продолжают действовать как классическая держава статус-кво, что и служит причиной нынешних противоборств, позволяющих говорить о новом варианте холодной войны.

Ее исход возможен не в формате «большой сделки», как это определяется в американской политологии, или «мирного конгресса» победителей, а «в ходе естественного процесса взаимодействия государств и нахождения приемлемых для всех государств вариантов международного устройства», то есть без победителей и побежденных — идеал «мира без победителей», который не был реализован в Первую мировую войну в силу предрассудков элит, взаимной демонизации сторон и дурной традиции возлагать ответственность за бойню на побежденного. На политико-дипломатическое урегулирование будет работать и рассредоточение факторов силы/мощи, в том числе ресурсной и технологической, по более широкому кругу ведущих государств.

Идея многополярности, по мнению авторитетных экспертов в области международных отношений (Г. Моргентау, Р. Арон и др.), является исторической нормой. Можно заключить, что сам американский тезис о «ревизионистских державах», покушающихся на глобальную гегемонию США, антиисторичен и возводит в правило то, что не является нормальным. Регионализация глобальной политики и ее воссоздание «снизу» будут отражать многоуровневый баланс сил и интересов, что послужит гарантией от диктата глобального «концерта держав».

Демократизации международных отношений будут способствовать невозможность проведения в современных условиях секретной дипломатии и необходимость реальной вовлеченности всех государств в поиск решений новых глобальных проблем, трансграничных по своей природе. В том же направлении будут действовать такие принципы, как неделимость безопасности и мирное сосуществование, предполагающее равенство различных культур и цивилизаций, их моделей развития, укорененных в истории.

Британский философ Джон Грей считает, что государство должно быть превращено в средство мирного сосуществования внутри общества и вовне: «Вера в то, что одна форма правления подходит для всех, является разновидностью тирании». И если в истории действует эволюционный процесс, то нет оснований полагать, что он отдает преимущество Западу. Преобладать будут те режимы, которые лучше других адаптируются к «произвольному ходу истории». Не наиболее производительные, а те, которые наилучшим образом используют шансы, предоставленные случаем, — они и будут, полагает он, наиболее жизнеспособными[2].

Применительно к теме истории/«конца истории», включая тезисы о «новом Средневековье» и «неофеодализме», интересны опубликованные в 1990 году в сборнике «Прозрачность зла»[3] суждения Жана Бодрийяра о феномене переписывания на Западе после окончания холодной войны истории всего XX века — о «пересмотре всей Истории... быть может, в тайной надежде в новом тысячелетии начать все с нуля». Звучит актуально в свете борьбы западных элит с историей, в том числе как источником национальной идентичности. Бодрийяр предполагает, что История «в конце концов будет удаляться от своего конечного значения в противоположном направлении». А. И. Фурсов[4] пишет о наступлении апокалиптического «времени Босха», которое в позднем Средневековье и раннем Новом времени привело к возникновению капитализма, при том что «финал зеркален генезису».

Посткапитализм может иметь все признаки предсказанного постмодернистами «концлагеря». Противостояние такой перспективе может послужить одной из мотиваций для самоорганизации и сплочения Мирового большинства, равно как и основанием для его «смычки» с частью западного электората, укорененной в своих странах, истории и традиционных ценностях. И если мир подошел к идее посткапиталистической проектности, то это не может не открывать простора для исторического творчества России и других ведущих незападных стран, сотрудничающих в рамках БРИКС, в ООН, Группе двадцати и иных перспективных форматах.

---

[1] Аттестат зрелости, или Порядок, какого еще не было. Фантазия о будущем без иерархии : ежегод. доклад Валдайского клуба. 2023. Окт. // Валдай. Международный дискуссионный клуб : [сайт]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/attestat-zrelosti-2023/?ysclid=m0ty7al98z872461180 (дата обращения: 01.04.2024).

[2] *Gray J.* The New Leviathans: Thoughts After Liberalism. L. : Allen Lane, 2023.

[3] *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М. : Добросвет : Изд-во «КДУ», 2009.

[4] *Фурсов А. И.* Наше «время Босха». М. : Наше Завтра, 2023.

М. В. Захарова[1]

ПОДХОДЫ К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В рамках наших ежегодных встреч мы обращаемся к образу будущего мироустройства, в ходе серьезных научных дискуссий не просто произнося эпитафии уходящему в прошлое однополярному мироустройству, но и предлагая конкретные инициативы по формированию и укреплению многополярности, причем генерируемые идеи после соответствующей экспертной проработки инкорпорируются в принимаемые в нашей стране важнейшие доктринальные документы.

Хотя сегодняшний разговор о диалоге культур и цивилизаций в новой формирующейся реальности во многом носит философский характер, тема имеет и большое практическое значение, поскольку межцивилизационное общение — реальность современного мира, и в нем, помимо государств, участвуют научные, религиозные, предпринимательские, молодежные, общественные, культурные и другие объединения.

В основе российских подходов к проблематике межцивилизационного, межкультурного диалога лежит стремление к формированию «такой системы международных отношений, которая обеспечивала бы надежную безопасность, сохранение культурно-цивилизационной самобытности, равные возможности развития для всех государств независимо от их географического положения, размера территории, демографического, ресурсного и военного потенциалов, политического, экономического и социального устройства»[2].

Приводя эти положения Концепции, по контрасту упомяну другой документ, авторы которого называют свою страну «глобальной державой с глобальными интересами» и заявляют, что именно она призвана «руководить» (надо полагать — миром) «с силой и целеустремленностью». Это цитата из принятой в октябре 2022 года Стратегии национальной безопасности США.

Справочно: В преамбуле Стратегии данный пассаж сформулирован следующим образом: *«…there is no nation better positioned to lead with strength and purpose than the United States of America» — [нет народа, более подходящего на роль сильного и целеустремленного лидера, чем Соединенные Штаты Америки]*.

Таким образом, уже в этих базовых характеристиках видны глубинные расхождения в подходах России (и ее единомышленников) и коллективного Запада к диалогу цивилизаций и будущему мироустройству. Речь идет о противостоянии цивилизационного и линейно-универсалистского подходов. В основе первого, который отстаивает и наша страна, — осознание неуниверсальности западных культуры и цивилизации, являющихся не более уникальными, чем другие (реализацией этих взглядов в международных отношениях становится принцип многополярности). Ключевой характеристикой второго является претензия на универсальность происходящих в мире процессов для всех стран и народов, что приводит к выстраиванию их иерархии по «успеваемости» (и, как следствие, однополярности в международных делах).

Культура, уникальная для каждой отдельной цивилизации, играет все более важную роль в международных отношениях. Политика в ряде случаев перестает быть лишь концентрированным выражением экономики. Смыслы и ценности нередко становятся более значимым фактором, чем биржевые котировки.

Глобализация, запущенная по западному сценарию, в качестве серьезного противовеса получила стремление народов мира к возрождению их культурного самосознания и самоопределения. Об этом в свое время подробно писали многие западные интеллектуалы, предугадавшие ход развития глобальных процессов.

Справочно: С. Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996) особую роль отводил новым процессам в мировой культурной жизни: «*Распределение культур в мире отражает распределение власти. <...> Европейский колониализм позади, американская гегемония сходит на нет. Далее следует свертывание западной культуры, по мере того как местные, исторически сложившиеся нравы, языки, верования и институты вновь заявляют о себе. Усиление могущества не западных обществ, вызванное модернизацией, приводит к возрождению незападных культур во всем мире*».

И действительно: сегодня не западная интеллигенция активно выступает за возрождение этнических культур, которые противостоят западным культурным моделям, претендующим на универсальность.

При этом важно понимать, что в продвигаемых сегодня коллективным Западом ценностных установках мы не видим ничего нового — вновь какое-то неизбывное вековое стремление к разрушению других цивилизаций и навязыванию своих (на нынешнем историческом этапе — неолиберальных) культурных и морально-нравственных ценностей. Один из примеров — повестка организуемых США «саммитов за демократию». Так, в ходе последнего, третьего по счету (состоялся в Сеуле 18–20 марта с. г.), вновь обсуждался традиционный набор неолиберальных ценностей — защита демократии и создание условий, при которых демократии будут процветать, права меньшинств, климатическая повестка.

Подлинного диалога с другими цивилизациями и культурами Запад сознательно избегает. Десятилетия бездуховности эпохи постмодерна, как ее называ-

[1] Директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, кандидат исторических наук. Автор ряда публикаций в прессе, в т. ч.: «Мировой лидер черной трансплантологии», «Памяти всех жертв Холокоста», «Игрушки и праздники» (в соавт.), «Чуньцзе — праздник Нового года», «Храмовые ярмарки в современном Китае» и др. Награждена орденами Почета, Дружбы, Почетной грамотой Президента РФ. Лауреат премий «Голос Мира», PROBA, «Charmous» и др.

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации. 31 марта 2023 г. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru (дата обращения: 26.04.2024).

ют некоторые исследователи, привели к упадку в духовно-нравственном и культурном смысле в странах Европы и Северной Америки — отсюда столь бурно расцветшие в западных государствах идеи трансгуманизма. Возможно, именно поэтому сегодня лидеры коллективного Запада все теснее, будто на поле брани, стремятся «сомкнуть свои ряды» по ценностной проблематике под диктовку Вашингтона.

США на фоне объективного снижения своего геополитического влияния не гнушаются инструментализировать культуру, превратив ее проявления в некий товар, услугу, рычаг для оказания влияния. Отсюда выросло типичное западное понятие «мягкой силы», появились различные концепции, описывающие культуру как некое дополнение, довесок к традиционной, классической жесткой силе — военно-политическому комплексу мер в руках государства. В таком утилитарном подходе отражаются самые истоки, основы их мышления и целеполагания.

Позиция России, напротив, в том, что культура имеет совершенно другие измерение и значение, иной масштаб: это высокое отражение духовной, исторической, цивилизационной, ценностной самобытности народа, его нематериальный и материальный образ, ставший неотъемлемой частью всего человечества. Низводить ее до «мягкой силы», пытаться «отменять» или использовать конъюнктурно — абсурдно.

Важно отметить, что в основании российского цивилизационного мировоззрения находятся общие ценности традиционных конфессий, представленных на территории нашей страны, — и прежде всего христианства и православной традиции, в частности такие, как милосердие и любовь к ближнему, справедливость и уважение к человеческой личности. При этом отличительной чертой русской культуры и искусства является духовность, которая берет свое начало в глубине славянско-русского наследия. Не будет преувеличением сказать, что именно она сегодня является одним из эффективных орудий для противодействия агрессивно продвигаемой Западом неолиберальной повестке.

Соответственно и международное культурно-гуманитарное сотрудничество, безусловно, являющееся одним из важных приоритетов внешней политики России, — это прежде всего взаимообогащающее общение, обмен опытом, укрепление связей между людьми. Ключевое — не навязывать и проецировать силу и влияние, а делиться, дополнять друг друга.

Обратите внимание на формулировки в таких программных документах, как уже упомянутая мною Концепция внешней политики Российской Федерации или Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом 2022 года. В них приоритетное внимание уделяется «конструктивному диалогу, партнерству и взаимообогащению различных культур, религий и цивилизаций», «содействию конструктивному международному сотрудничеству по сохранению исторического и культурного наследия», «продвижению межрелигиозного, межкультурного диалога и взаимопонимания», взаимообогащению «культур народов Российской Федерации и иностранных государств», развитию «международного гуманитарного сотрудничества на справедливой, взаимной, открытой и недискриминационной основе» и т. д.

При ином подходе мы возвращаемся к печальным примерам, когда в некоторых обществах пытались культурное наследие, искусство великих творцов прошлого превратить в некий инструмент ментальной корректировки: вымарывали то, что не вмещалось в прокрустово ложе господствующей идеологии. Так пропадали целые главы у немецких философов при режиме Гитлера, исчезали имена режиссеров и художников, которые при маккартизме в США подозревались в благосклонном отношении к коммунизму и левой идее и т. д.

Россия исходит из того, что диалог культур предполагает в том числе поиск общих начал, которые создают предпосылки для устойчивого контакта между этносами и государствами. Он требует общего языка, который будет понятен всем, несмотря на этническое, религиозное и этическое разнообразие мира. Это необходимо, в частности, для выхода из нынешней опасной турбулентности международных отношений, потенциально грозящей глобальными катаклизмами, в которой мы оказались по вине Запада.

В географическом плане, если говорить именно об официальных отношениях, наши приоритеты в сфере культуры сейчас направлены на дружественные государства. В странах коллективного Запада продолжаются безуспешные попытки добиться культурной изоляции России — речь идет об отмене гастролей, выставок, концертов, разрыве многолетних партнерских связей по линии учреждений культуры. Но одновременно с этим растет запрос на русскую культуру и искусство в государствах Азии, Африки, Латинской Америки, на Ближнем Востоке.

В этом смысле хотела бы отметить, что Министерство иностранных дел РФ принимает активное участие в реализации различных культурных проектов, в эффективном и слаженном взаимодействии с профильными ведомствами — Минкультуры России, Минпросвещения России, Минобрнауки России, Минспортом России, Российской академией наук и др. В нашей стране традиционно проводится целый ряд значимых международных мероприятий в сфере культуры, к участию в которых мы помогаем привлекать иностранных представителей. В связи с этим особого упоминания заслуживает Международный культурный форум, который прошел в Санкт-Петербурге в ноябре прошлого года впервые в новом формате — как Форум объединенных культур. Центральным событием Форума стало пленарное заседание с участием Президента Российской Федерации В. В. Путина. Интерес зарубежных партнеров был огромен.

Это демонстрируют и прошедшие в минувшем и нынешнему годах в нашей стране мероприятия международного характера — в частности, Саммит Россия–Африка (27–28 июля 2023 г.), Глобальный форум многополярности (27 февраля с. г.), Второй съезд Международного движения русофилов (28 февраля с. г.), Всемирный фестиваль молодежи (Сочи, 1–7 марта с. г.), «Игры будущего» (21 февраля — 3 марта с. г.). Посетившие нашу страну представители стран Ми-

рового большинства продемонстрировали, что они не приемлют нездорово либеральные, противоестественные и антитрадиционные ценности западного мира. Они осознают, что многополярный мир предполагает не только военно-политическую и экономическую суверенизацию, но и культурную независимость. Для его устойчивого существования, прежде всего для предотвращения военных конфликтов, необходим постоянный многосторонний и двусторонний диалог. Задача необычайной сложности, требующая высочайшей политической и дипломатической культуры, профессионализма и способности анализировать огромное количество информации.

Особо хотела бы отметить роль, которую в углублении диалога культур играет БРИКС. К слову, о диалоге — напомню, что все решения внутри объединения принимаются на основе консенсуса. Мы готовы услышать друг друга. При этом БРИКС уже давно стал проводником культурно-цивилизационного разнообразия в мире. И с учетом тенденций в мировой экономике эта роль будет только возрастать.

При этом важно, что по многим вопросам в культурно-цивилизационном плане для наших стран характерно совпадение. Отмечается понимание наших подходов в Пекине, Дели и других мировых столицах.

Тематика культурного сотрудничества занимает особое место в программе мероприятий, проводимых под председательством России в БРИКС в текущем году. Всего будет проведено 200 мероприятий в сфере политики, экономики и культуры. Среди них — кино- и театральные фестивали, культурные форумы, которые пройдут в десятках российских городов.

БРИКС дает образец, отличный от либерального миропорядка. Мы смотрим друг на друга и на другие страны как на равные. И это так сложно понять представителям западной колониальной политической культуры.

Что же касается Запада, то он сейчас, по-видимому, вступает в фазу усугубляющегося политического и социального кризиса, который должен переформатировать западное общество, а значит, и его культурно-цивилизационные подходы. Вполне вероятно, что через несколько избирательных циклов в странах Запада может быть создана политическая альтернатива, которая сможет предложить новые идеи. Поживем — увидим.

Являясь, как это отмечено в Концепции внешней политики, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державой, Россия готова к взаимовыгодному и неконфронтационному сотрудничеству с Западом при взаимном уважении культурно-цивилизационного разнообразия.

А. К. Исаев[1]

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Пропаганда недружественных стран часто пытается представить внешнюю политику России борьбой с западной демократией. Наверное, с этим можно было бы согласиться, но с одной поправкой: западная демократия по своему генезису и природе является демократией рабовладельческой. Еще в Древней Греции демократия была исключительно для своих, для граждан, а рабы считались говорящими орудиями, практически животными, на которых не распространялись никакие гуманные и цивилизованные принципы.

Рабовладельцами были и отцы-основатели Американского государства, написавшие столь гуманную Конституцию. К рабам эта Конституция, конечно, не относилась.

По мере развития западного общества число допущенных к «демократическому столу» постепенно расширялось. В XX веке избирательные права получили практически все проживающие в западных странах граждане, включая женщин. Но тем не менее по сей день сохраняется убеждение, что к остальному миру можно не применять гуманистические принципы. Мы помним, как жестоко казнили привязанных к дулам пушек сипаев в Индии в тот момент, когда у власти в Великобритании находилась либеральная партия, а газеты пестрили рассказами о важности гуманистических ценностей[2].

В 2023 году на форуме «Россия–Африка» в Санкт-Петербурге Владимир Путин назвал Патриса Лумумбу первым среди лидеров национально-освободительного движения Черного континента. Лумумба — демократически избранный глава правительства, которого жестоко пытали и убили под присмотром бельгийских офицеров. Это происходило уже после того, как была принята Всеобщая декларация прав человека и Конго обрела формальную независимость. Одновременно на Западе рассказывали о священной миссии США и ее союзников — нести гуманизм и свободу во все страны.

[1] Заместитель руководителя фракции Всероссийской политической партии «Единая Россия» в Государственной Думе Федерального собрания РФ VIII созыва, член Комитета Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов, заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, кандидат политических наук, профессор СПбГУП. Главный редактор газеты «Солидарность» (1991–2000), секретарь ФНПР (1995–2001), депутат Государственной Думы III–VIII созывов (1999 — по наст. вр.). Автор ряда публикаций по проблемам общественного, профсоюзного и рабочего движения, в т. ч. книг: «Социальная среда», «Социальная среда в условиях санкций», «Экономическая демократия — современная идеология традиционных профсоюзов России», «История профсоюзов России. Этапы, события, люди» (в соавт.), «Основные изменения в трудовом законодательстве России» и др. Один из авторов действующего Трудового кодекса РФ. Член Генерального совета партии «Единая Россия». Почетный доктор Российской академии адвокатуры и нотариата. Награжден орденами Почета, Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени, Александра Невского, медалью П. А. Столыпина II степени и др. Отмечен Благодарностью Президента РФ, Почетными грамотами Правительства РФ, Государственной Думы РФ, Совета Федерации РФ и пр.

[2] *Исаев А. К.* Россия — лидер антиколониальной революции // Единая Россия : [сайт]. URL: https://er.ru/activity/news/rossiya-lider-antikolonialnoj-revolyucii-statya-andreya-isaeva (дата обращения: 07.05.2024).

В XX веке просуществовавшая несколько столетий колониальная система, которая позволяла грабить, обращать в рабов и физически уничтожать население колоний, сменилась системой неоколониализма, когда формально то или иное государство остается независимым, но находится под жестким финансовым и политическим контролем западных стран.

Борьбу против неоколониализма фактически возглавил Советский Союз. Можно по-разному относиться к личности Никиты Хрущева, но его знаменитая речь 12 октября 1960 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН послужила настоящим манифестом антиколониальной борьбы.

Казалось, что после распада СССР неоколониализм должен пережить возрождение. США утвердились в качестве единственного гегемона мира, открыто стали провозглашать в качестве официальной идеологии свое лидерство.

Но вот незадача: Россия начала выходить из этой системы, твердо взяв курс на проведение национальной суверенной политики и поддержку союзных стран, независимо от воли Запада. Поэтому нам было навязано военное столкновение с Украиной, где на стороне бандеровского режима выступили все западные страны[1].

Однако система колониализма безнадежно устарела. Если в прошлые века ее существование можно было объяснять колоссальным разрывом в культурном и технологическом развитии между метрополией и колониями, население которых часто даже не знало, что существует другой образ жизни, кроме их собственного, то сейчас в информационном обществе, когда человек, находясь в любой точке мира, может работать в любой компании и получать информацию обо всем происходящем на нашей планете, система колониализма становится тормозом на пути развития человечества. При этом отказаться от нее Запад не может. Как Римская империя, он вырастил колоссальный слой «римской бедноты» — десятки миллионов людей, не производящих никакого реального продукта, но живущих значительно лучше трудящихся в странах третьего мира. Данный слой играет существенную роль в политической системе Запада, он электорат и менять свои привычки не намерен. США и их союзники ведут войну, пытаясь во что бы то ни стало сохранить и этот слой, и эту неоколониальную систему в целом. А наша страна, как показали июльский форум «Россия–Африка» и последние события за рубежом, становится лидером мощной антиколониальной революции[2].

Фактически человечество стоит перед выбором одного из двух путей дальнейшего развития.

Первый путь — неоколониализм, продвигаемый «Большой семеркой». Отмечу, что в G7 не допущены страны, представляющие так называемый третий мир, по сути, это совет господ, во главе которого находится верховный господин — Соединенные Штаты Америки, и вместе они стремятся установить диктат над всей планетой. Предлагаемая ими модель мироустройства сводится к тому, что есть единственный правильный общественно-политический строй — тот, который существует в США и Западной Европе, и данный строй может быть силой навязан любой стране с той или иной степенью жесткости, если Запад сочтет это необходимым.

Другой путь — создание многополярного мира, когда все страны равны, относятся друг к другу с уважением, ищут консенсус при решении различных задач и никому не диктуют, как жить. Этот путь как раз предлагает БРИКС, являющийся равноправным союзом стран, разных по политическому устройству, культуре, религии, идеологии и традициям. В этом союзе никто никому ничего не навязывает: Китай не требует от ЮАР строить социализм китайского образца, Бразилия не выступает против партийной системы в КНР и т. д.

Напомню, что БРИКС была основана в 2006 году. Первоначально в нее входили Бразилия, Россия, Индия и Китай, затем присоединилась Южно-Африканская Республика. За прошедшее с тех пор время БРИКС из чисто экономического консультативного объединения превратилась в одну из главных международных политических организаций, сопоставимую по влиянию с «Большой семеркой».

Совершенно очевидно, что пандемия, начавшееся противостояние России и Запада, новый виток глобализации сильно изменили мир, он уже никогда не вернется к тому состоянию, в котором пребывал до 2020 года. Но каким будет новый миропорядок, пока неясно.

Та война, которая идет сейчас в мировой экономике, сфере идеологии и на полях сражений в разных точках мира, в первую очередь на Украине, непосредственно связана с выбором нового миропорядка.

Победа наших противников будет означать, что человечество еще надолго останется в неоколониальных цепях и большинство государств задержится в своем развитии на десятилетия или даже столетия, будут множиться страдания и смерти в странах Африки, Азии, Латинской Америки, при этом их ресурсы будут эксплуатироваться растущими экономиками «Семерки» все больше и больше.

Если же победим мы, то мир будет устроен по той модели, по которой сегодня работает БРИКС. Мы видим, что сторонников данной модели все больше и больше. Планируется, что в 2024 году организация объединит 46 % населения Земли, а совокупный ВВП стран, входящих в БРИКС, достигнет 37 % от глобального. Причем это только первый этап. Расширение организации обязательно продолжится.

Также главы государств — участников БРИКС выступили за использование национальных валют в международной торговле и финансовых операциях между странами объединения. Фактически они штурмуют главный бастион G7 — доллар США. Чем меньше доллара будет в международной торговле, золотовалютных резервах различных стран, тем меньше будет у «Семерки» возможностей реализовывать свою экономическую власть над миром и решать свои внутренние социально-экономические проблемы за счет других государств.

Развернувшаяся внутри БРИКС дискуссия о том, вводить ли единую валюту организации или пока со-

[1] *Исаев А. К.* Указ. соч.
[2] Там же.

средоточиться на создании единой платежной системы, в рамках которой страны будут торговать в собственной валюте, — это дискуссия не о дедолларизации как таковой, а лишь о ее темпах. Очевидно, что и то и другое предполагает дедолларизацию, но введение новой денежной единицы, конечно, обрушит доллар быстрее, поскольку около 60 стран, которые сегодня ориентируются на БРИКС, тоже начнут переходить на новую валюту — крайне устойчивую и надежную. Однако есть одно важное обстоятельство, которое нельзя не учитывать: сегодня некоторые страны БРИКС значительную часть своих золотовалютных резервов хранят в долларах и являются держателями долговых обязательств США, поэтому не хотят быстрого падения доллара. Тем не менее они тоже заинтересованы в его постепенном вытеснении, то есть дедолларизация является для них, как и для нас, неоспоримой целью.

Уверен, что рано или поздно мы вместе победим в нынешней войне на всех фронтах: и на военном, и на экономическом, и на идеологическом, и дальше человечество пойдет по тому пути, который предлагают страны БРИКС.

Если говорить о внутренней политике, то здесь, конечно, важнейшее значение имеют послания Президента России Федеральному собранию.

В 2023 году первостепенное внимание было уделено задачам, связанным со СВО, но при этом не изменились цели развития страны, сформулированные в мирное время. Более того, Владимир Путин поставил перед нами ряд новых социальных задач.

Во-первых, это создание государственного фонда помощи ветеранам СВО и семьям погибших бойцов. Мы видим, что многие люди, возвращающиеся с фронта или потерявшие там кормильца, нуждаются в психологической поддержке, медицинской помощи, оказании содействия в решении бытовых проблем. По каждому из этих вопросов они обращались в разные инстанции. Фонд позволил гражданам получать помощь в режиме «одного окна». И если сейчас он работает для участников СВО и семей погибших, то в дальнейшем, по словам президента, его деятельность может быть распространена и на других ветеранов боевых действий.

Во-вторых, важной задачей является повышение МРОТ темпами, опережающими инфляцию. Зачастую мы наблюдаем, как общественное внимание сосредоточивается на вопросах увеличения пособий и пенсий, но и то и другое напрямую зависит от заработной платы. Также надо помнить, что чем выше зарплата работников, тем больше возможностей у бюджета для устранения социальных проблем, ведь подоходный налог является основным источником финансирования бюджетной сферы. Таким образом, выполнение задачи, поставленной президентом по МРОТ, позволит не только повысить зарплаты, но и решить целый комплекс других социальных вопросов.

В-третьих, Владимир Путин говорил о том, что за последние годы мы приняли немало мер, направленных на поддержку семей с детьми. Но мы понимаем, что, не считая материнского капитала, имеющего универсальный характер, в основном эти меры были ориентированы на поддержку малообеспеченных граждан. В Послании глава государства предложил механизм расширения налоговых вычетов. Это прямая материальная поддержка семей независимо от уровня их доходов[1].

Отдельно президент остановился на социальной помощи людям, работающим в оборонно-промышленном комплексе. Мы привыкли, что ОПК выступает в роли экономического локомотива для многих отраслей: через оборонные заказы загружаются различные гражданские предприятия, новейшие разработки в оборонке подхватываются другими производствами. Владимир Путин фактически предложил сделать оборонную промышленность еще и локомотивом создания новых социальных технологий. Речь идет о специальных социальных пакетах для работников отрасли и строительстве для них арендного жилья за счет государственных субсидий. Отмечу, что отсутствие социальной поддержки людей, направляющихся на работу в другой регион, и их необеспеченность арендным жильем на новом месте всегда были серьезными сдерживающими факторами для внутренней трудовой миграции. Строительство арендного жилья и введение социальных пакетов сначала в оборонной промышленности, а потом и в других отраслях будут способствовать решению проблем квалифицированных специалистов при переезде из одного региона в другой.

Наконец, в своем Послании президент, по сути, представил концепцию новой промышленной политики, которая предполагает не только экономические меры, как, например, промышленную ипотеку, но и социальные изменения, в том числе перестройку системы образования, включающую в себя поэтапный отказ от Болонской системы и восстановление лучших элементов советской высшей школы с учетом опыта последних десятилетий[2].

В 2024 году в Послании большое внимание было уделено социальной политике, в том числе снижению уровня бедности, поддержке рождаемости и семей с детьми, вопросам образования и здравоохранения.

Прежде всего президент объявил о запуске нового национального проекта «Семья», направленного на поддержку материнства и детства. До конца 2030 года планируется направить 75 млрд рублей на помощь субъектам Федерации, где уровень рождаемости ниже среднероссийского. Также будут продлены как минимум до 2030 года программы семейной ипотеки и материнского капитала, будут увеличены налоговые вычеты на второго, третьего ребенка и последующих детей. Все необходимые для этого законодательные решения будут приняты нами в первоочередном порядке. Кроме того, «Единая Россия» будет проводить в регионах мониторинг мер поддержки семей с детьми[3].

---

[1] *Исаев А. К.* Социальный аспект Послания Президента 2023 года // без формата : [сайт]. URL: https://grozniy.bezformata.com/listnews/sotcialniy-aspekt-poslaniya-prezidenta/114804620/ (дата обращения: 07.05.2024).

[2] Там же.

[3] *Исаев А. К.* К 2030 году уровень бедности среди многодетных семей должен снизиться более чем в два раза // Фракция «Единая Россия» в Государственной Думе : [сайт]. URL: https://er-gosduma.ru/news/andrey-isaev-k-2030-godu-uroven-bednosti-sredi-mnogodetnykh-semey-dolzhen-snizitsya-bolee-chem-v-dva/ (дата обращения: 07.05.2024).

В результате к 2030 году уровень бедности среди многодетных семей должен снизиться более чем в два раза, а общий уровень бедности станет ниже 7 %, в том числе благодаря расширению доступности системы социального контракта, которая позволяет людям начать свое дело или овладевать новой профессией: на нее дополнительно будет выделено 100 млрд рублей.

Помимо этого, президент предложил запустить новую комплексную программу по охране материнства, сбережению здоровья детей и подростков, в том числе репродуктивного здоровья. Эта программа предполагает расширение сети женских консультаций, модернизацию перинатальных центров, детских поликлиник и больниц. Мы обеспечим финансирование данной программы в полном объеме. Всего до 2030 года на строительство, ремонт и оснащение объектов здравоохранения медицинским оборудованием будет дополнительно направлено более 1 трлн рублей.

По инициативе президента со следующего года стартует программа капитального ремонта детских садов. Многие из них были построены еще в советское время и нуждаются в серьезной модернизации. Также до 2030 года должен быть проведен капитальный ремонт около 18,5 тыс. зданий школ. В целом на обновление детских садов и школ дополнительно будет выделено более 400 млрд рублей. Кроме того, мы заложим в федеральном бюджете необходимые средства на строительство не менее 150 новых школ и более 100 детских садов в тех городах, где особенно остро стоит проблема переполнения образовательных учреждений. И здесь нам тоже необходимо будет осуществлять парламентский контроль за качеством выполнения работ и эффективностью расходованию бюджетных средств[1].

Добавлю, что с 1 сентября будет введена федеральная доплата в размере 5 тыс. рублей в месяц советникам директоров по воспитанию в школах и колледжах, с 1 марта вдвое будет увеличена федеральная доплата за классное руководство и кураторство группами: она достигнет 10 тыс. рублей в месяц. А к 2026 году должна быть подготовлена новая модель оплаты труда бюджетников, направленная на устранение несправедливого разброса в зарплатах от региона к региону.

В своем Послании президент поручил правительству совместно с регионами реализовать программу ремонта и оснащения учреждений среднего профессионального образования, в том числе общежитий техникумов и колледжей, давно требующих обновления. Мы со своей стороны направим на эти цели из федерального бюджета 120 млрд рублей за шесть лет. Также до 2030 года мы дополнительно выделим 126 млрд рублей на капитальный ремонт 800 общежитий вузов и университетов. Более того, 400 млрд рублей будет заложено на расширение программы строительства университетских кампусов и студенческих городков: в итоге к 2030 году будет построено не 25 кампусов, как планировалось ранее, а не менее 40. Расширится и программа по созданию инженерных школ на базе вузов: 30 таких школ уже функционируют, 20 будут запущены в этом году, еще 50 президент предложить открыть до 2030 года. Данные центры не только будут готовить высококлассных специалистов, но и предлагать оригинальные технические решения в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, транспорте, социальной сфере. Еще более 9 млрд рублей будет направлено на обновление инфраструктуры педагогических вузов.

Все эти меры будут способствовать обеспечению образовательного, научного и технологического суверенитета нашей страны[2].

Также президент поставил задачу обеспечить устойчивый рост зарплат и социальных пособий. Одним из главных инструментов достижения этой цели является повышение минимального размера оплаты труда. Напомню, что с 2018 года по настоящее время МРОТ вырос почти в два раза — до 19 242 рублей. К 2030 году мы должны будем вновь увеличить его почти в два раза — до 35 тыс. рублей.

Еще одна важная тема, которую затронул президент в Послании Федеральному собранию, — долговременный уход за инвалидами и пожилыми людьми. Сначала система долговременного ухода была запущена в 34 пилотных регионах, к концу прошлого года она начала работать во всех субъектах Федерации, сейчас президент поставил задачу наращивать ее финансирование и доступность, чтобы к 2030 году таким уходом были обеспечены 100 % нуждающихся в нем граждан[3].

Особое внимание президент обратил на проблему острой нехватки специалистов в ряде отраслей. Мы уже больше года занимаемся решением этой проблемы в рамках партийного проекта «Моя карьера с „Единой Россией“».

Проект был запущен с 1 сентября 2022 года. До 2023 года он реализовывался в пилотном режиме в пяти регионах — Липецкой, Рязанской, Калужской областях, Камчатском крае и Удмуртской Республике.

В рамках этого проекта на базе региональных исполнительных комитетов партии создавались специальные карьерные центры, в которых люди, прошедшие предварительное обучение, помогали посетителям зарегистрироваться на портале «Работа России» и получить доступ к услугам центров занятости[4].

Также в рамках проекта проводились массовые мероприятия в различных форматах: например, ярмарки вакансий, где работодатели могли пообщаться с потенциальными соискателями.

Что касается старшеклассников и выпускников, то в рамках проекта они могли посетить предприятия своих регионов, ознакомиться с условиями труда, узнать о востребованных профессиях.

Отдельное направление — трудоустройство социально уязвимых категорий граждан. Мы подбирали работодателей, которые готовы создать необходимые условия для сотрудников с особыми потребностями.

---

[1] *Исаев А. К.* К 2030 году уровень бедности среди многодетных семей должен снизиться…

[2] *Исаев А. К.* К 2030 году уровень бедности среди многодетных семей должен снизиться…

[3] Там же.

[4] Ситуация в мире и актуальные задачи социального партнерства в России // ФНПР : [сайт]. URL: https://fnpr.ru/upload/iblock/757/0bmjcnj3chz66t7xuc39wz35sw1luo6t/Isaev_AK_Situatsiya_v_mire_i_aktualnie_zadachi_1605.pdf (дата обращения: 07.05.2024).

С начала 2023 года по инициативе Д. А. Медведева партийный проект «Моя карьера с „Единой Россией“» стал общероссийским.

За прошлый год в рамках проекта на площадках партии было проведено более 6 тыс. мероприятий, в них приняло участие около 1,5 млн человек. Примерно 100 тыс. человек получили помощь в трудоустройстве. Более половины регионов показали результаты, превосходящие ожидания. Проект стал самым эффективным среди всех федеральных партийных проектов.

Отмечу, что у нас есть подпроект, направленный на помощь женщинам в поиске работы. Одновременно мы активно сотрудничаем с «Молодой гвардией Единой России» в вопросах профориентации и трудоустройства молодых людей.

Отдельно необходимо выделить проведение мероприятий по трудоустройству участников СВО и членов их семей. Здесь мы активно взаимодействуем с Фондом «Защитники Отечества».

Помощь возвращающимся с фронта героям, защищающим нашу страну, и родственникам тех, кто сейчас находится в зоне боевых действий, является для нас одним из самых приоритетных направлений.

Например, мы помогаем женам бизнесменов, ушедших на фронт, овладеть необходимыми знаниями для продолжения дела своих мужей. Или помогаем трудоустроиться тем женщинам-домохозяйкам, которые во время проведения спецоперации лишились кормильцев и теперь остро нуждаются в заработке.

В 2024 году мы планируем отдельно заняться и вопросом помощи тем защитникам, которые получили на фронте тяжелые ранения и имеют ограниченные возможности трудоустройства.

Также был внедрен формат «Наставничество». Наставничество подразумевает закрепление за людьми, желающими найти работу или построить карьеру, партийцев — руководителей любого уровня, которые становятся их карьерными наставниками. Роль наставника заключается в помощи при формировании траектории карьерного роста, составлении индивидуального плана обучения, предоставлении рекомендаций при трудоустройстве.

Специфика функций наставника зависит от сферы деятельности обратившегося гражданина. Например, если гражданин работает в сфере спорта, наставник может оказывать помощь в организации тренировок, соревнований, открытии секций. Получателям мер социальной поддержки оказывается помощь и обеспечивается контроль за исполнением условий социального контракта, грантового соглашения и т. д.

В 2023 году в рамках реализации проекта «Моя карьера с „Единой Россией“» мы запустили формат «Наставничество» сразу в нескольких регионах, и он показал отличные результаты. Например, в Астраханской области при поддержке депутатов партии «Единая Россия» органами службы занятости были реализованы проекты «Деловая мама» и «Папа-предприниматель». По итогам конкурсов в рамках этих проектов члены экспертного жюри (сторонники и члены партии «Единая Россия») стали наставниками для участников. Они оказывают им всестороннюю помощь, направленную на становление и развитие бизнеса, в получении мер поддержки, оформлении льготных кредитов и т. д.

Это направление будет активно развиваться в рамках проекта и в 2024 году.

В настоящее время особо ощущается потребность в квалифицированных кадрах на предприятиях оборонно-промышленного комплекса, учитывая их повышенную загруженность в условиях проведения специальной военной операции и внешнего санкционного давления.

В рамках реализации проекта «Моя карьера с „Единой Россией“» планируется заключение соглашений с представителями отраслевых союзов с целью повышения качества технического образования и увеличения количества выпускников профильных образовательных учреждений.

Наконец, в рамках нашего проекта при сотрудничестве с отраслевыми союзами будет разработана пилотная программа «Возвращение в профессию». Программа будет направлена на возвращение на предприятия граждан, чьи образование и опыт работы соответствуют критериям, заявленным работодателями, но квалификация утрачена в результате длительного перерыва в стаже.

У нас очень амбициозные планы. Рассчитываем, что в 2024 году наш проект охватит еще не менее 700 тыс. человек.

Также реализуется проект «Профессионалитет», позволивший обновить образовательные программы для целого ряда отраслей.

Кроме того, Владимир Путин объявил о запуске нового национального проекта «Кадры», который должен укрепить связку всех уровней образования — от школы до вуза, и призвал руководителей предприятий активнее приглашать к себе школьников для знакомства с производственным процессом.

Добавлю, что в осеннюю сессию 2023 года мы приняли новый закон «О занятости населения в РФ». Согласно этому документу службы занятости должны оказывать услуги не только гражданам, зарегистрированным в качестве безработных, но и тем, кто находится в поиске более подходящего рабочего места. Особая поддержка предусмотрена для людей, находящихся под риском увольнения, предпенсионеров, ветеранов СВО и членов их семей, инвалидов, молодежи. Также с 1 февраля ежегодно стало индексироваться пособие по безработице. Раньше оно увеличивалось нерегулярно, по мере возможности и необходимости.

В весеннюю сессию 2024 года «Единая Россия» начала рассмотрение законов-спутников к Закону о занятости. Они должны привести Трудовой, Налоговый кодексы и другие законодательные акты в соответствие с новыми нормами. Помимо этого, продолжается работа над законопроектом об особенностях регулирования платформенной занятости.

Напомню также, что нами был принят закон, который с 1 июля 2024 года отменяет комиссию при внесении платы за жилищно-коммунальные услуги через банки. У закона была непростая судьба. Мы внесли его еще в VII созыве, почти четыре года шли непростые консультации с представителями банковского сообще-

ства, и наконец благодаря поддержке президента закон был принят. В ходе консультаций с банками мы договорились о том, что окончательный список категорий граждан, с которых банки не будут взимать комиссию за оплату ЖКУ, установит правительство. Но уже сейчас точно известно, что от комиссии будут освобождены все российские пенсионеры.

Также мы внесли в законодательство поправку, которая предоставляет право медицинским организациям использовать остатки средств обязательного медицинского страхования, полученных за оказанную медпомощь, на приобретение оборудования, текущий ремонт, аренду жилья для привлеченных специалистов. Этого решения очень ждали руководители многих медицинских учреждений.

Приоритетным направлением для нас оставалась поддержка участников СВО, их близких и родных. Нами было предусмотрено первоочередное зачисление участников спецоперации и их детей в колледжи и техникумы. Также мы приняли закон о прекращении обязательств по договорам поручительства участников СВО, которые погибли в зоне боевых действий, умерли от полученного ранения или стали инвалидами I группы. Наконец, были предоставлены гарантии членам семей бывших сотрудников правоохранительных органов на получение жилищной выплаты в случае их гибели в ходе специальной военной операции[1].

И мы обязательно продолжим работу по поддержке участников СВО.

С. В. Кабышев[2]

МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР: ПУТЬ К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Современный мир переживает глобальную геополитическую трансформацию, необратимо меняющую ценностно-нормативный ландшафт человечества. Сложившийся после прекращения Союза ССР миропорядок, основанный на доминировании западной цивилизации, претендующей на окончательное определение судьбы и жизненных правил для государств и народов в обмен на некую долю в экономическом благосостоянии, которое также концентрируется на Западе, обнаружил неспособность поддерживать мир и безопасность, справедливые и равные условия достойной жизни и свободного развития для всех.

Казавшаяся притягательной идея глобализации для единого взаимосвязанного мира, выстроенного на базе общечеловеческих ценностей, обернулась претензиями на отчуждение суверенитета и исключительность правовых стандартов, сложившихся в евро-атлантическом контексте, причем в интерпретации так называемых прогрессивно мыслящих элит. В практике наднациональных институтов, включая соответствующие юрисдикционные органы, возобладало требование безоговорочной терпимости к любым формам прогрессивного самовыражения, даже если они вступают в радикальный конфликт с национально-культурной традицией, этико-религиозными основаниями общества, шокируют и оскорбляют.

В настоящее время систематические целенаправленные действия недружественных зарубежных государств и организаций убедительно свидетельствуют о том, что претендующие на глобальное идейно-мировоззренческое лидерство страны коллективного Запада не просто отступили от выстраданных самой западной цивилизацией так называемых вечных фундаментальных ценностей, включая верховенство права, равенство, справедливость, неприкосновенность собственности, но и по сути встали на путь, ведущий к правовому нигилизму. Открытое навязывание концепции миропорядка, основанного на правилах, принятых в странах так называемой либеральной демократии и противопоставляемых ценностно-нормативным системам, в частности России и Китая, характеризует степень кризиса международного права как формы выражения консолидированной воли мирового сообщества.

В этих условиях переломного момента истории российская юриспруденция, как и отечественное обществоведение в целом, стоит перед фундаментальными вызовами, связанными с глубоким переосмыслением национальной государственно-правовой системы в контексте перехода к многополярному миру и обоснованием самой по себе привлекательной, перспективной и жизненной философско-правовой и одновременно утилитарной концепции многополярности. Речь идет не о привнесении в идейно-смысловое пространство российской юриспруденции некоего нового системообразующего идеала, а о последовательном актуализированном развертывании исторически сложившихся традиционных культурно-ценностных устоев и устремлений российской государственности в масштабе национального политико-правового быта и международного правопорядка. В этом плане важно иметь в виду, что идейно-нормативные основания правового пози-

[1] См.: *Турчак А.* «Единая Россия» в осеннюю сессию приняла ключевые законодательные решения // Без формата : [сайт]. URL: https://moskva.bezformata.com/listnews/turchak-edinaya-rossiya-v-osennyuyu/125414888/ (дата обращения: 07.05.2024).

[2] Председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Заслуженный юрист РФ. Автор ряда публикаций по правовым проблемам, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Конституция России: традиции прогресса», «Конституционное право» (в соавт.), «Федерализм в России и Канаде», «Муниципальное правотворчество» и др. Государственный советник РФ 2-го класса, член Совета при Президенте РФ по науке и образованию. Награжден орденом Дружбы, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени, медалью «За безупречную службу» III степени. Лауреат Высшей юридической премии «Фемида» в номинации «Наука и образование».

ционирования России в многополярном мире и формирования юридического образа многополярности как таковой получили формально-юридическое закрепление и обоснование в учредительном (конституционном) качестве в ходе изменения Конституции России в 2020 году, в частности в системе принципов конституционной преемственности и национальной духовно-культурной идентичности (ст. 67.1), ответственности России за поддержание и укрепление международного мира и безопасности, обеспечение мирного сосуществования государств и народов, недопущение вмешательства во внутренние дела государства (ст. 79.1).

Необходимо преодолеть иллюзию исключительной западноцентрической трактовки правового гуманизма, избавиться от комплекса периферийно-догоняющего правового развития, от обесценивания собственного уникального цивилизационного опыта обустройства государственной и правовой жизни. Следует упорно и последовательно раскрывать социокультурную обусловленность права, которое должно обеспечивать естественное цивилизационное многообразие и всеобщий диалог и только так может служить единой судьбе человечества. Нуждаются не просто в предметном осмыслении, но и в «оживлении», широком раскрытии в государственной и международной практике слова академика Д. С. Лихачева, характеризующие цивилизационное значение России: «Миссия России, — подчеркивал Д. С. Лихачев, — определяется ее положением среди других народов тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным»[1].

Замечу, что сама по себе идея многополярного мира как альтернативы моделям гегемонии или биполярности не может восприниматься как панацея и не снимает накопившиеся фундаментальные проблемы, а скорее обозначает общее методологическое направление для их решения, которое нуждается в научной рефлексии и тщательной, выверенной конкретизации. Многополярный мир, безусловно, представляет собой качественно более сложную онтологическую конструкцию, жизнеспособность, устойчивость, результативность которой определяются реальным обеспечением многоуровневого диалога, взаимного признания и учета экзистенциальных государственных интересов, определяющих исторически сложившееся пространство, в котором проявляется объективное многообразие современных культур и цивилизаций. Характеризующий многополярность международный диалог должен служить естественным выражением и продолжением национального конституционного диалога, который можно представить как систему форм, методов, средств публично-властного и гражданского (не публично-властного) характера, востребованных в государственно организованном обществе для целей его самоорганизации путем определения — на основе справедливого и равного участия, соотнесения традиционных духовно-нравственных идеалов и актуального ви́дения стратегических перспектив — ценностных и содержательных значений в отношении оснований, свойств, взаимосвязей, пределов и перспектив формирования, реализации и развития конституционных норм и институтов.

Очевидно, что реальное, практическое развитие многополярности естественным образом сопряжено с расширением пространства и нарастанием борьбы идей, связанных как с международным взаимодействием, так и с организацией национального конституционного быта.

Важнейшие отправные идеи и базовые принципы построения многополярной системы международных отношений определены в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. Это — суверенное равенство государств, уважение их права выбирать модели развития и устройства; непринятие гегемонии в международных делах; сотрудничество на основе баланса интересов и взаимной выгоды; невмешательство во внутренние дела; верховенство международного права в регулировании международных отношений; неделимость безопасности; многообразие культур, цивилизаций и моделей организации общества; ответственное лидерство ведущих государств; главенствующая роль суверенных государств при принятии решений в сфере поддержания международного мира и безопасности.

Следует подчеркнуть, что такое понимание многополярности, рассматриваемой в качестве основы нового международного порядка, отражает принципиальное ви́дение Россией траекторий развития международной системы, которое складывалось постепенно. В частности, нельзя не упомянуть Российско-Китайскую совместную декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка (Москва, 23 апреля 1997 г.), Совместную декларацию Российской Федерации и Китайской Народной Республики (Пекин, 2 декабря 2002 г.). В данных документах отражено представление о том, что в условиях усиления магистральных тенденций формирования многополярного мира необходимы действенные меры, направленные на обеспечение взаимного уважения, равенства и взаимной выгоды, а не гегемонизма и силовой политики, на диалог и сотрудничество, а не на конфронтацию и конфликты.

Опираясь на эти принципиальные установки, российская юриспруденция должна предложить собственное обоснованное ви́дение целостной концепции многополярности, которая не просто служила бы идейно-доктринальной основой для ясных и четких геостратегических позиций России и реализации национального курса развития, но и была бы конкурентоспособной и реально востребованной в мировом сообществе, обеспечивала доверие, добрососедство

[1] *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : СПбГУП, 2015. С. 57.

и партнерство в интересах общего блага. При этом понимание ценностной и нормативной сторон многополярности должно дополняться адекватным представлением о составе, структурной организации и содержательном наполнении институтов, которые будут служить практическим воплощением и проводниками данной концепции.

В этом плане хочу обратить внимание на то, что предстоит серьезная предметная работа по обоснованию, в частности, правовой природы и перспектив развития БРИКС, в том числе в соотношении и взаимодействии с иными формами сотрудничества, включая ОДКБ и ШОС, поскольку этим вопросам все еще не уделяется должного внимания.

В целом применительно к обоснованию концепции многополярности речь идет не о ревизии основ международного права и общепризнанных категорий, определяющих современную государственность, а о формировании адекватной условиям меняющегося мира модели реализации международного права, позволяющей отразить и обеспечить согласованную справедливую реализацию подлинного многообразия суверенных интересов всех членов мирового сообщества.

В этой связи хочу немного подробнее остановиться на некоторых вопросах, требующих отдельного внимания при формировании научной концепции многополярного мира.

Во-первых, сама терминологическая конструкция многополярности, проистекающая из естественно-научного представления о полюсах, полярности, не должна вводить в заблуждение относительно ее фокуса на отношениях притяжения и отталкивания. Важно не разнообразие центров силы, а характер связей, соотношения и взаимодействия членов мирового сообщества. В данном случае принципиальное значение приобретает верно подмеченное Председателем Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькиным понимание международного права как системы сложения, а не вычитания суверенитетов, которые не ограничиваются, а взаимоподдерживаются и взаимоусиливаются посредством международного правопорядка.

Во-вторых, многополярность подразумевает признание и уважение к естественным интересам государств, выходящих за пределы их границ, которые основаны на исторической, культурной, религиозной, языковой и человеческой общности народов, проживающих на соответствующих территориях. Не подвергая сомнению фундаментальный принцип суверенного равенства, должны обеспечиваться международно-правовые механизмы учета интересов соотечественников и позиции государства их культурно-исторической принадлежности.

В-третьих, нуждается в серьезном переосмыслении концепция прав человека, которая должна быть выведена из искусственно ограниченного либерально-западного ценностно-философского контекста, избавлена от политической нагрузки геостратегической экспансии, увязана с представлением о национально-государственной идентичности, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях.

Так, специфика российской парадигмы прав человека может быть охарактеризована прежде всего (но не только) с точки зрения доминантной ценности Родины как политического и цивилизационного единства, благополучие которой является основой и условием для реализации потенциала каждого гражданина. Не менее важен здесь и аспект нравственной обусловленности свободы, смысл которой не в раскрепощении, а в том, чтобы быть достойным членом общества.

Особого внимания в свете концепции прав человека требует ситуация глобального социально-экономического неравенства, спровоцированная многовековой политикой колониализма. Необходимо в логике последовательного признания и гарантирования права народов на развитие и стремление к счастью обеспечить более справедливые механизмы глобального экономического взаимодействия, основанные на особой ответственности лидирующих стран за благополучие других народов.

А. Д. Король[1]

ИЛЛЮЗОРНЫЙ МИР КАК ПРОБЛЕМА МОНОЛОГИЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (От диалога в образовании к диалогу культур и цивилизаций)

Человек всегда пребывал в иллюзиях. Красноречивым подтверждением этому являются слова персидского поэта-суфия Джалаладдина Руми: *«Спит мертвым сном, плененный суетой. И видимостью ложной и пустой»*[2]. Сегодняшняя наука, прежде всего социальная психология и нейробиология, знает о причинах иллюзий больше, нежели поэтичные слова Д. Руми. В психологической литературе один из распространенных механизмов межличностного познания, искажающий адекватность действительности, заключается в преувеличении положительных личностных качеств познаваемого объекта и одновременно в приуменьшении негативных психологических особенностей (эффект ореола). «Испытуемые оценили красивых как более уверенных, счастливых, искренних, уравновешенных, энергичных, любезных, утонченных и духовно богатых по сравнению с теми, кого эксперты оценили как некрасивых или обычных»[3]. Известные в психологии этнические (немец — педант, южанин — вспыльчивый и пр.), антропологические (чем выше рост человека, тем выше воспринимается его статус) стереотипы, эффекты первичности, новизны, категоризации и прочее также основаны на упрощенной схеме восприятия человеком действительности[4].

Сегодня глобальный мир как никогда делает тему иллюзий актуальной и значимой. С точки зрения социальной психологии уязвимость социального мышления заключается в том, что люди влияют друг на друга: «В группе бегуны бегут быстрее, зрители смеются громче, а меценаты становятся более щедрыми. В группах самопомощи люди проникаются еще большей решимостью бросить пить, похудеть и лучше учиться. Группы людей, близких по религиозным взглядам, способствуют большей духовности своих членов»[5].

«Стоит нам только поделить их на группы — на спортсменов, специалистов кинематографии и профессоров математики, — как у нас сразу же появляется склонность к преувеличению внутригруппового сходства и межгрупповых различий»[6].

Иллюзорность можно измерить количеством иллюзий, приходящихся на одного человека в единицу времени. В равной степени маркером иллюзорности можно считать плотность смыслов, приходящихся на одного человека. Объемы смыслов убывают по мере расширения внешних пределов человека, то есть устранения границ личности, а потому роста доступности и связанных с этим объемов удовольствия.

Крайне сложно человеку понять, где правда, а где вымысел. Коммуникации, «закрывающие» двери человека к своему «я», приводят к барьерам и расстояниям — симулякрам между человеком и окружающим миром, между человеком внутренним и внешним[7]. Человек постоянно отгораживается от реальности и воспринимает информацию о ней только через призму посредника, например СМИ. Совместность явлений определяет массовый просмотр людьми огромного билборда, на котором ежедневно подаются новости. И как здесь не вспомнить работу А. Ш. Тхостова и В. А. Емелина о том, что в фокусе внимания всей планеты может быть маленькая деревушка и при этом выпадать целый континент[8].

Один из современных аспектов иллюзии — это иллюзия знаний в результате *совместности взаимодействия людей*. «Мы живем в иллюзии знания во многом потому, что не можем провести четкую грань между тем, что *находится внутри и вне наших голов* (хотя бы потому, что никакой четкой линии разграничения между ними нет). Поэтому мы часто не знаем, чего именно мы не знаем»[9].

«Иллюзия знания влечет за собой и другие вредные последствия. Поскольку думаем мы сообща, мы, как правило, и работаем в группах. Это означает, что *наши индивидуальные вклады в большей мере зависят от нашей способности взаимодействовать с другими*, нежели от индивидуальных умственных способностей. *Роль индивидуального интеллекта переоценивается*»[10].

«Возникновение иллюзии знания объясняется тем, что мы живем в сообществе носителей информации и не способны отделить данные, хранящиеся в нашей памяти, от фактов за ее пределами. Мы считаем, что вся информация о том, как функционирует окружаю-

---

[1] Ректор Белорусского государственного университета (Минск), иностранный член РАО, доктор педагогических наук, профессор. Самый цитируемый ученый-педагог Беларуси согласно РИНЦ в области «Народное образование. Педагогика». Автор инновационной концепции диалогизации системы образования. Опубликовал более 250 работ, среди которых свыше 50 — научные и учебно-методические (в т. ч. на китайском и английском языках): «Педагогика диалога: от методологии к методам обучения», «Молчание в обучении: методологические и дидактические основы», «Обучение через открытие: в поисках ученика. Книга для учителя и родителя», «Человек и его смыслы: образовательные заметки», «Эвристические сказки. Обучение через открытие. В поисках знаний сердца» и др. Член редколлегий ряда белорусских и международных научных журналов, международного редсовета серии «Мысль и слово» Института философии РАН. Почетный профессор Фошаньского университета (КНР), вице-президент Евразийской ассоциации университетов. Член Союза писателей Беларуси. Награжден грамотами РАО, Министерства образования Республики Беларусь, НАН Беларуси, медалью Сократа, нагрудным знаком Министерства образования Республики Беларусь «Выдатнік адукацыі» и др.

[2] Ирано-таджикская поэзия : [сборник] : пер. с фарси / [вступ. ст., сост. и примеч. И. Брагинского]. М. : Худож. лит., 1974. С. 154–155.

[3] *Miller A. G.* The Obedience Experiments: A Case Study of Controversy in Social Science. N. Y. : Praeger, 1986.

[4] *Майерс Д.* Социальная психология. 7-е изд. СПб. : Питер, 2021. С. 386–397.

[5] Там же. С. 382.

[6] Цит. по: *Майерс Д.* Указ. соч. С. 422.

[7] *Король А. Д.* Монологичность общения как проблема атомизации школы: герменевтический взгляд // Вопросы философии. 2023. № 10. С. 27–35.

[8] *Емелин В. А., Тхостов А. Ш.* «Кванторная механика» телевидения // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 27–37.

[9] *Сломан С., Фернбах Ф.* Иллюзия знания: Почему мы никогда не думаем в одиночестве / пер. с англ. А. С. Сатунина. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2017. С. 23.

[10] Там же. С. 151.

щий мир, содержится у нас в голове, но на самом деле это не так»[1].

Тема иллюзии знания оказывается сопряженной с проблемой стереотипов в обучении, что актуализирует необходимость рассмотрения иллюзорности в контексте системы образования.

О стереотипах в обучении писали очень многие авторы. Достаточно упомянуть знаменитый труд Джона Майерса «Социальная психология» со множеством примеров стереотипов действий[2]. В многочисленных публикациях на данную тему предметом рассмотрения выступают психологический аспект и соответственно анализ механизмов социально-психологических стереотипов. Вместе с тем практически отсутствуют публикации, которые так или иначе связывают причину роста стереотипов с системой образования.

В ряде статей рассмотрены гендерные, социально-психологические стереотипы в обучении. Так, в статье «Completion problems can reduce the illusions of understanding in a computer-based learning environment on genetics»[3] результаты показали, что учащиеся с более низкими предварительными знаниями лучше справлялись с задачами на завершение, в то время как учащиеся с более высокими предварительными знаниями — с обычными задачами. Недоработанные примеры приводили к завышению оценки выполнения, то есть к иллюзии понимания, тогда как доработка и обычные задачи не показывали ни переоценки, ни занижения.

Однако философско-методологических, теоретических исследований причин роста стереотипов через призму образования, его методологии, технологий обучения в большинстве публикаций не наблюдается.

Рассмотрим подробнее причину наиболее распространенных стереотипов с позиций образования как передачи знаний. Заостренность или концентрация на предмете всегда вызывает *искажения* ви́дения. Видеть во всех подробностях предмет — значит видеть его вблизи. Тем самым не иметь возможности видеть все, что окружает сам предмет, — так называемый фон. Отсюда островок знания, который попадает в поле зрения, мозгом *достраивается до некоего гештальта*. Но достраивается по шаблону, а потому представляет собой потенциальную ошибку.

Подобного рода иллюзии свойственны как *физиологическим процессам*, например оптические, так и социальным. Известный нейрофизиолог К. Фрит писал, что «наше ощущение мгновенного и полного восприятия всего, что есть у нас в поле зрения, ложно»[4]. Подобно тому как основа зрительных иллюзий заключается в том, что человек часто видит сам предмет, не замечая фона, так и в социальном аспекте ви́дение частного, а не целого — одна из центральных причин стереотипизации жизни человека[5].

Фокусирование внимания на предмете — путь к искажениям знания, пространства и времени, то есть «остановка ума», согласно буддистам. Ярким примером социальной иллюзии выступает *фундаментальная ошибка каузальной атрибуции*. Смысл в том, что сторонний наблюдатель в том или ином событии склонен переоценивать личностные качества субъекта — виновника события и не замечать фона — ситуации, которая и привела к событию[6].

Дисбаланс между диспозитивным и ситуативным похож на нарушение соотношения фона и предмета, что является причиной уже зрительных иллюзий. Таким образом, в основе иллюзий — видеть предмет, не замечая фона. Другими словами, *знак*, *говорение — это всегда ошибка*[7]. Сама мысль о чем-либо есть концентрация и потому ошибочна[8]. Так, например, с позиций даосской философии «прозрение наступает тогда, когда мысль исчерпает сама себя»[9].

Расслоение фона и предмета, усугубляя искажения в планетарном масштабе, приводит к расслоению структуры ***личности***, а именно: процессов познания, слышимости себя и других, объективного ви́дения картины мира. Утрачивание *самоидентичности приводит к потере смыслов и, как следствие, к росту стереотипов, радикализму*[10].

Сужение внутреннего пространства смыслов есть сужение адекватного восприятия реальности. *Происходит замещение своего сужающегося пространства чужим*. Люди становятся *одинаковыми*, и с позиции психоанализа реальность — это продолжение наших потребностей. *Потребности постоянно возрастают вместе с ростом объемов новой информации и связанным с этим увеличением объемов* ***удовольствия***.

Утрачивание слышимости себя и другого порождает дистанцию между людьми, а, следовательно, величина искажений становится все больше по мере расширения внешних пределов человека.

Фон и предмет. От монолога к диалогу в образовании

Массовое образование монологично[11]. Оно транслирует «знак» — поликультурную ничейную информацию без «фона», социокультурного контекста. Это приводит к появлению сложностей в восприятии людей как представителей разных культур и цивилизаций.

Любая природная среда стремится к минимуму затрат энергии, а потому минимум затрат на познание находит выражение в одном из двух взглядов на природу человека: «Человек — чистый лист», который

---

[1] *Сломан С., Фернбах Ф.* Указ. соч.

[2] *Майерс Д.* Указ. соч.

[3] Completion problems can reduce the illusions of understanding in a computer-based learning environment on genetics / L. Mihalca [et al.] // Contemporary Educational Psychology. 2015. Vol. 41. P. 157–171.

[4] *Фрит К.* Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / пер. с англ. П. Петрова. М. : АСТ : CORPUS, 2018.

[5] См. также: *Король А. Д.* Стереотип как образовательная проблема // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 156–161.

[6] *Майерс Д.* Указ. соч.

[7] *Король А. Д.* Молчание в диалоге как проблема философии образования // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 6–11.

[8] См. также: *Король А. Д.* Педагогическая проблема диалога Востока и Запада: молчание в обучении // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Междунар. Лихачевские науч. чтения, Санкт-Петербург, 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019. С. 145–150.

[9] Афоризмы старого Китая / пер. с кит. В. В. Малявина. М. : Наука, 1988. С. 59.

[10] *Korol A. D.* Dialogue education vs monologue education: to the problem of overcoming radicalism // Journal of Higher Education Theory and Practice. 2022. Vol. 22 (13). P. 254–263.

[11] *Король А. Д., Бушманова Е. А.* Образование для Человека. От скорости к ценности. Минск : Аверсэв, 2024.

нужно заполнить письменами, или чем более он будет заполнен, тем выше считается результат его образованности.

Отсюда характер традиционного образования — передаточный — также отражает минимум психологических, организационных и прочих затрат на познание. Содержание образования рассматривается как опыт, предназначенный для передачи ученику с его последующим усвоением, однако передается не опыт, а информация, которая является «ничейной», а потому «чужой» для учащегося. Ученик — получатель информации, которая подается ему в готовом виде (законы, теоремы, постулаты и др.), он не участвует в приготовлении этого «блюда». Передаточный характер образования является *монологичным* по своей сути и проявляется в образовательных стандартах, программах, учебной литературе, а также в учебном процессе. Это препятствует развитию личностного начала учащегося, его мотивации к учебной деятельности, увеличивает объем содержания предметов, обостряет проблему сохранности здоровья учащегося[1].

Монологичность с позиций психологии характеризует директивный стиль взаимодействия с людьми, высокую степень ригидности, агрессивности, психотизма личности — то, что сегодня приобретает все большее влияние в поведении и общении человека.

Трансляция «знака» — достижений человечества без учета социокультурного фона самого ученика априори ведет к искажениям в ви́дении мира, «закрытию» человеком пути к себе и другим, неспособности к ***диалогу культур****. Образование, замешанное на чужом для ученика «знаке», без своего «фона» есть путь к глобальной культурно-исторической иллюзии, а потому к гибели личности*[2].

Монологичность образования не просто усиливает сегодняшнее расслоение предмета и фона и связанное с этим возрастание объема стереотипов, оно порождает неспособность слышать представителей другой культуры, характеризует отход от холистического принципа проектирования образования, ведет к неспособности человека вести межкультурный диалог.

Транслируемый «знак» одинаков, а «фон» у каждого ученика свой. Что способно обеспечить единое лоно знака и окружающего его фона? Единство знака и фона всегда внутри ученика, внутри субъекта. Иллюзия, замешанная на объекте и информации (ситуация монолога), крадет смыслы, в то время как субъектность возвращает смысл, реализует концепцию ученика как «семени неизвестного растения», которое обладает культурно-историческим, антропологическим, психофизиологическим кодом. В данном случае мы сталкиваемся с совсем другой методологией, содержанием и технологиями образования, в которых активность в познании принадлежит не учителю, а ученику, и основанными не на усвоении, слушании, а на созидании своего продукта, отличного от продукта других учеников[3].

Созданный учеником продукт состоит из двух частей — внутренней и внешней. Внешнее — это то, что непосредственно материализовано и сделано учеником: написанное эссе, составленный алгоритм, придуманный слоган, проведенный эксперимент. И внутренняя часть — то, что привело к созданию внешней. А именно — то, насколько изменился ученик в процессе своей созидательной деятельности. Насколько он нарастил креативные, познавательные и организационные «мускулы». Иными словами, внешняя часть продукта является результатом самоизменения ученика, обеспечивает целостность, *нераздельность между самоизменением ученика и создаваемым им знанием.*

Создать продукт возможно лишь в диалоге, а потому преодолеть последствия культурно-исторической иллюзии в образовании можно в случае смены парадигмы, изменения методологии содержания, методов обучения, которые будут иметь смыслы и содержание, а не только методы, диалога.

Примером подобной диалогичной системы обучения выступает *эвристическое обучение*. Так, цель системы эвристического обучения — открытие учеником самого себя — своих смыслов, предназначения, творческая самореализация[4].

Нельзя самореализоваться в социокультурном опыте, точнее в «готовой» и «правильной» информации, передаваемой ученику извне (от учителя, из учебника). В равной степени нельзя самореализовываться через «отражение» — подражание и копирование. Самореализация учащегося возможна в познании им объектов окружающей реальности и, как результат, создании учеником собственного образовательного продукта, отличного от продуктов других учащихся. Область реальности (фундаментальный образовательный объект) — общий для учащихся объект познания, который обеспечивает каждому из них личный результат его познания, а в конечном счете — индивидуальную траекторию образования.

Фундаментальные образовательные объекты — ключевые сущности, отражающие единство мира и концентрирующие в себе реальность познаваемого бытия. К реальным образовательным объектам относятся, например: природные объекты (вода, воздух и др.), объекты культуры (художественные тексты, архитектурные сооружения, произведения искусства), технические устройства (компьютер, телефон, телевизор и др.). Это узловые точки основных образовательных областей, благодаря которым существует реальная область познания и конструируется идеальная система знаний о ней[5].

С образовательной точки зрения фундаментальные образовательные объекты являются первосмыслами бытия. Первосмыслы — это узловые точки метапредметного содержания образования, его структурная основа. В процессе обучения объем этих точек у ученика непрерывно увеличивается, растет количество осознаваемых им знаний, его личного опыта и компетентностей[6].

---

[1] *Король А. Д.* Стереотип как образовательная проблема.

[2] *Король А. Д.* Педагогическая проблема диалога Востока и Запада: молчание в обучении. С. 147.

[3] *Король А. Д., Бушманова Е. А.* Образование для Человека. От скорости к ценности.

[4] *Хуторской А. В.* Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003.

[5] Там же. С. 88.

[6] *Хуторской А. В.* Метапредметное содержание образования с позиций человекосообразности // Вестн. Ин-та образования человека. 2012. № 1. С. 10.

Первичный (субъективный) результат познания учеником области действительности не является завершенным. Своеобразным «зеркалом» для созданного первичного продукта ученика выступает культурно-исторический аналог. Культурно-исторический аналог концентрирует в себе основы изучаемых наук, искусств, отечественных и мировых традиций, технологий, других сфер человеческой деятельности, получивших отражение в учебных предметах и образовательных областях. Он выражается в форме понятий, законов, принципов, методов, гипотез, теорий и др., считающихся фундаментальными достижениями человечества. В сравнении учащимся полученного первично им субъективного продукта с социокультурным знанием рождается обобщенный образовательный продукт учащегося, отличный от продуктов других учащихся. Знания, накопленные человечеством, а точнее, накопленная информация, не отвергаются учащимся, а выступают образовательной средой для сравнения «своего» с «чужим».

Эвристическое обучение на основе диалога объединяет социокультурный и субъективный опыт учащегося, предоставляет возможность ученику создавать «свое» в диалоге с «чужим», выстраивать собственный вначале образовательный, а потом и жизненный путь[1]. Целостность представлений учеником явлений и объектов окружающего мира, единство социокультурного и субъектного в образовании ученика отрицают саму монологичную (одностороннюю) природу стереотипа восприятия[2].

Ви́дение одного, а не целого — одна из центральных причин стереотипизации жизни человека. И разрешение этой проблемы «слепоты» лежит в зоне решения проблемы метапредметного подхода в образовании, основанного на работе с реальными объектами действительности, а не их симуляцией и описанием в виде теории.

На примере методологии обучения через открытие — эвристического обучения — мы видим, что цельность восприятия учеником мира и устранение иллюзий неотделимы от взаимодействия ученика с реальностью. Избавлению от стереотипов не способствует изучение (получение) учеником готовой информации по предметам, лишенной личностного начала, что снижает для ученика мотивацию к обучению и общению. Изучение же учеником объектов действительности, создание им на основе этого образовательных продуктов означают отход от предметоцентризма к метапредметности.

Распредмечивание помогает избавиться от стереотипов, отмечает В. М. Розин[3]. Распредмечивание есть увеличение обзорного пространства ви́дения объектов внешнего мира, то есть пространство для метапредметного ви́дения, что позволяет человеку избавляться от искажений, различного рода аберраций внутреннего зрения.

«Я стремлюсь *к холизму*, *но не к глобальности*; я не предлагаю никакой системы»[4]. *Глобальность как причина гигантской иллюзии составляет концентрат коммуникаций. Холизм, в свою очередь, — это метапредметность.*

Различие между личностным (добываемым учеником самим в диалоге с культурно-историческим аналогом) и обезличенным разрешает основную интригу коммуникации — грани между означающим и означаемым. *Личностное* знание *метапредметно* и *деятельностно*, в отличие от полученной от учителя информации, оно наделяет своего обладателя возможностью *избавляться от стереотипа*.

Отметим, что личностное, а не полученное извне знание ученика определяет методологическую и методическую значимость вопроса ученика в учебном познании. Эвристический диалог — диалог, в котором доминанта в вопрошании принадлежит ученику, а не учителю.

Эвристический диалог ученика определяет его особый *«молчаливый статус». Формой и условием метапредметного ви́дения мира без искажений является то, что есть между знаком, — молчание.* Молчание возвращает человеку его внутреннее пространство самопонимания и рефлексии, смыслов и мотивации, рождающих новые цели и вопросы[5].

Методологические, дидактические и методические основы эвристического диалога в проектировании и реализации образования нашли продолжение в наших разработках методологических и дидактических основ молчания в обучении[6]. Исследования показывают контуры и саму возможность существования полноценной дидактики молчания как целостной науки об обучении, раскрывают ее *методологию, содержание, методы, критерии оценки*.

Вопросы учащегося к фундаментальному образовательному объекту (это и есть методологическая группа вопросов «Что?») способствуют созданию учащимся субъективного образовательного продукта. *Доказательства*, *опровержения* (методологическая группа вопросов «Как?») выступают инструментом обучающегося при сопоставлении субъективного образовательного продукта с культурно-историческим аналогом. *Одновременное доказательство и опровержение утверждения*, составление фрагмента диалога, диалогового эвристического задания составляют методологическую группу вопросов «Почему?» и являются инструментом учащегося для создания им обобщенного образовательного продукта.

Метапредмет как непрерывность реализуется в вопросе ученика, а не в ответе. Отсюда знание о своем незнании — это объединение двух противоположностей. «Сы, ты, наверное, многое изучил и многое познал?» — спросил ученик Конфуция. На что Конфуций

[1] *Король А. Д.* Педагогика диалога: от методологии к методам обучения. Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2015. С. 114.

[2] *Король А. Д.* Стереотип как образовательная проблема.

[3] *Розин В. М.* Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та, 2008 ; Воронеж : МОДЭК. С. 510.

[4] *Panikkar R.* The rhythm of being : the Gifford lectures. N. Y. : Orbis Books, 2010. P. 24.

[5] *Король А. Д.* От логики познания к логике общения, или Возможна ли дидактика молчания? // Вестн. Ин-та образования человека. 2016. № 2. URL: https://eidos-institute.ru/journal/2016/200/Eidos-Vestnik2016-206-Korol.pdf (дата обращения: 12.12.2023).

[6] *Король А. Д.* Молчание в обучении: методологические и дидактические основы. Минск : Вышэйш. шк., 2019.

ответил: «Нет, на самом деле я много не знаю. Но если мне зададут вопрос, я всегда смогу на него ответить, рассмотрев его с двух противоположных сторон»[1]. Подобным инструментом выступает вопрос ученика как методологический и методический инструмент проектирования и реализации системы эвристического обучения на основе диалога.

Свое–чужое. К диалогу культур

Трансляция одинаковой информации разным ученикам приводит к *отчуждению* последнего от передаваемого ему образования. Довольно образно эту отчужденность можно увидеть в словах Д. Джебрана. «Многие учения схожи с оконным стеклом: сквозь него мы видим истину, но оно же и отделяет нас от истины»[2]. «Тот, кто привязан к чужим словам и ищет ответ в толкованиях, подобен глупцу, который хочет палкой сбить луну с неба или ***почесать мозоль, не снимая туфли***»[3].

Стекло, отделяющее человека от истины, равно как и туфля, которая отделяет руку от мозоли, символизируют препятствие между «своим» и «чужим» в образовании. И чем больше будет препятствие, тем больше студент будет потерян, монологичен, стереотипен.

Отчуждение ученика от передаваемому ему образования, по сути, информации, в будущем порождает отчуждение уже взрослого человека от окружающего его мира, полного многообразия культурных контекстов и цивилизационных вариаций. В передаче информации ученику заключен «ген» иллюзии, создание *стены между своим и чужим*, что в последующем препятствует ценностной ориентации в современном многополярном мире.

Образование, в котором ученик открывает себя, разрушает стену между ним и миром, стереотипы и иллюзии. Ген иллюзии — монологичность системы образования, и, напротив, рождение смыслов в эвристическом диалоге ученика с внешним миром — корректор иллюзий.

Устранение зазора между своим и чужим в образовании определяет выбор приоритета целостного перед фрагментарным в построении содержания обучения. Реализует принцип метапредметности образования.

Монолог в образовании выступает ускорителем глобализации, а значит, и поляризации в мире. Согласно теории Г. Тарда история есть столкновение кругов подражания[4]. Чем больше монологичных выпускников вузов пополняют экономики стран, тем быстрее ход истории и тем скорее закрывается внутреннее пространство человека.

Выводы

Основная проблема сегодняшнего мира — его *иллюзорность*. Человек полон стереотипов, равно как и история человечества, ее движущая сила — подражание одних людей другим. Знак как объект истории — результат столкновения кругов подражания.

Образование должно быть ориентировано на открытия, а не на получение готовой информации, которую иллюзорно считают знанием. Знание — это результат работы человека по преобразованию самого себя, инструмент углубления, а не расширения внешних пределов человека.

Эвристическое обучение открывает ученику самого себя, а именно: «только тот, кто постиг в себе самого себя, может предоставить всем вещам быть тем, что они есть»[5]. В то время как монологичность — это снижение критичности мышления, а значит, то, что ведет к росту стереотипов.

Открытие совершается не в фазе знания, заполненности и знака, а между знаковыми участками, в промежутке незнания и молчания. Или, следуя словам арабского поэта Руми, «теперь я замолкаю, и пускай тишина отделит истину ото лжи»[6]. Знание само по себе есть «остановка ума», в то время как знание о своем незнании — самое ценное знание со времен Сократа. Оно сродни молчанию или свету в ночных красках, равно как и самое ценное в написанном — то, что «между строк». Открытия рождаются в фазе молчания, на краю знания, а по сути, в фазе незнания, между двумя разнородными смыслами, когда требуется совершить прыжок от одного смысла к другому.

Другим полюсом по отношению к стереотипам выступает *смысл*. Важно научить ученика воспроизводить свои смыслы и вопросы, что само по себе сродни сохранению человекосообразности.

Диалогичность образования в последующем экстраполируется на диалогичное понимание мира в его многообразии культурных и цивилизационных смыслов. Контекстуальное понимание современного многополярного мира, способность к диалогу культур и цивилизаций закладываются через немонологическое образование, эвристическое обучение, объединяющее социокультурный и субъективный опыт человека.

---

[1] *Конфуций.* Беседы и суждения Конфуция / сост., подгот. текста, примеч., общ. ред. Р. В. Грищенкова ; предисл. Л. С. Переломова. СПб. : Кристалл, 1999. С. 300.

[2] *Джебран Х.* Избранное : пер. с араб. и англ. Л. : Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1986. С. 245.

[3] Афоризмы старого Китая / пер. с кит. В. В. Малявина. М. : Наука, 1988. С. 58.

[4] *Тард Г. де.* Законы подражания : пер. с фр. М. : Академ. проект, 2011.

[5] *Хун Цзычэн.* Вкус корней // k2x2.info : [сайт]. URL: http://www.k2x2.info/filosofija/aforizmy_starogo_kitaja/p6.php (дата обращения: 14.12.2023).

[6] Цит. по: *Кагге Э.* Тишина в эпоху шума: маленькая книга для большого города / пер. с норв. [А. Мариловцевой]. М. : Альпина паблишер, 2017. С. 127.

О. И. Костикова[1]

ТОНКАЯ НАСТРОЙКА СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БРИКС

В Концепции внешней политики России начиная с 2008 года введено в обиход понятие «сетевая дипломатия», а с 2013 года — понятие «сетевой альянс»[2]. И то и другое касается развития двусторонних и многосторонних отношений как с государствами, так и межгосударственными объединениями, международными организациями; предполагает гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях коллективного поиска ответов на общие вызовы и приходит на смену блоковым подходам к решению международных проблем. В 2016 году в Концепции внешней политики снова подчеркивается, что задачей России является «содействие становлению сетевых альянсов, активное участие в них России»[3], а также подтверждается востребованность сетевой дипломатии, к тому моменту зарекомендовавшей себя как прогрессивный метод взаимодействия с государствами и интеграционными объединениями.

Сильной стороной сетевой дипломатии и ее конкретного воплощения — сетевых альянсов — является возможность обсуждения глобальных проблем в различных диалоговых форматах, в том числе не формализованных в какую-то определенную организацию. Одним из таких форматов является многостороннее объединение БРИКС, создание которого было инициировано в 2006 году Россией и явилось одним из наиболее значимых геополитических событий начала XXI века. За короткое время «пятерка» БРИКС «по праву *утвердилась* на глобальной арене в качестве авторитетной структуры, влияние которой в мировых делах последовательно *укрепляется*»[4], трансформировавшись сегодня в союз девяти государств.

Развитие формата БРИКС+ и многоформатного сотрудничества с другими странами побуждает исследователей говорить о трансконтинентальном механизме управления с широкой повесткой дня, охватывающей политические вопросы, проблемы безопасности, экономики и социальной сферы[5], опасаться его как «разрушительную силу, бросающую вызов нормативного и структурного характера существующему либеральному международному порядку»[6], и видеть в нем созидательную силу, способную выдвигать общие цели, балансировать их и предлагать пути достижения, несмотря на имеющиеся внутренние проблемы и противоречия между странами-членами, признавать глубокое и долгосрочное влияние альянса на мировой экономический порядок[7].

В обновленной в 2023 году Концепции внешней политики России особое место отводится «укреплению потенциала и повышению международной роли межгосударственного объединения БРИКС», как и других межгосударственных объединений и международных организаций, а также механизмов с весомым участием России[8].

Результаты сетевой дипломатии ощутимы: появление разнообразных инструментов и механизмов развития многосторонней кооперации в целях содействия безопасности, процветанию и развитию в условиях взаимосвязанного и глобализованного мира. Поскольку речь идет именно о сетевом взаимодействии, особое значение имеет характер взаимодействия актантов сети: разнообразие связей, множественность направлений и обоюдных контактов, которые делают возможным циркуляцию разных «потоков» — идей, информации, знаний и т. п.

---

[1] Заместитель директора Высшей школы перевода МГУ им. М. В. Ломоносова по научной работе, инновациям и международному научному сотрудничеству, заведующая секцией французского языка и перевода кафедры теории и методологии перевода, кандидат филологических наук, доцент. Автор более 100 научных и учебно-методических публикаций, переводов научной и художественной литературы, в т. ч.: «Наука о переводе сегодня» (в соавт.), «История перевода. Практика, технологии, теории. Очерки по истории перевода» (в соавт.), «Москва переводческая» (в соавт.), «Курс устного перевода (французский язык ↔ русский язык)» (в соавт.), «Учебно-методический комплекс по лексикологии французского языка» (в соавт.), «Основы общей теории перевода: краткий курс лекций» (в соавт.) и др. Заместитель главного редактора журнала «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода», член редколлегии международного научного журнала «Babel: Revue internationale de la traduction», редсовета «Русской библиотеки на французском языке» и др. Член конкурсной комиссии Минцифры России, Всемирной ассоциации преподавателей устного и письменного перевода (WITTA), Междисциплинарного центра научных исследований и подготовки кадров (Interdisciplinary center on Research and Training), Постоянного совета университетских институтов подготовки переводчиков (CIUTI). Почетный работник образования РАО, приглашенный профессор Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (КНР). Награждена орденом «Академическая пальмовая ветвь» (Франция).

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Президентом РФ Д. А. Медведевым 12 июля 2008 г. // Министерство иностранных дел РФ : [офиц. сайт]. 2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1670707/ (дата обращения: 04.03.2024) ; Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Президентом РФ В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. // Президент России : [офиц. сайт]. 2024. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/17520/ (дата обращения: 04.03.2024).

[3] Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Президентом РФ В. В. Путиным 30 ноября 2016 г. // Президент России : [офиц. сайт]. 2024. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/ (дата обращения: 04.03.2024).

[4] Выступление Президента РФ на заседании саммита БРИКС в расширенном составе 23 августа 2023 г. // Президент России : [офиц. сайт]. 2024. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/72089 (дата обращения: 04.03.2024).

[5] *Chakraborty S.* Significance of BRICS: Regional Powers, Global Governance, and the Roadmap for Multipolar World // Emerging Economy Studies. 2018. Vol. 4, iss. 2. P. 182–191. URL: https://https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2394901518795070 (дата обращения: 04.03.2024).

[6] *Beeson M., Zeng J.* The BRICS and Global Governance: China's Contradictory Role // Third World Quarterly. 2018. Vol. 39, iss. 10. P. 1962–1978. URL: https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1438186 (дата обращения: 04.03.2024).

[7] *Hopewell K.* The BRICS — Merely a Fable? Emerging Power Alliances in Global Trade Governance // International Affairs. 2017. Vol. 93, iss. 6. P. 1377–1396. URL: https://doi.org/10.1093/ia/iix192 (дата обращения: 04.03.2024).

[8] Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Президентом РФ В. В. Путиным 31 марта 2023 г. // Министерство иностранных дел РФ : [офиц. сайт]. 2024. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru (дата обращения: 04.03.2024).

Здесь важно, что целое может иметь бóльшую значимость по сравнению с простой суммой его частей. Иначе говоря, сеть способна приобрести свойства, которыми не обладают составляющие ее элементы по отдельности. В системологии эта способность называется эмерджентностью. Ярким примером эмерджентности является сознание как особое свойство нервной системы, которого нет у составляющих ее элементов. Эмергентность — главное достоинство сетевых структур, обусловливающее их многочисленные преимущества: открытость, позволяющую создавать и развивать более крупную сеть, общие инструменты для обмена информацией, управления сетью, способность установления новых связей[1]. Вместе с тем непредсказуемость возникающих свойств затрудняет математическое моделирование жизнедеятельности сетевых структур; та же особенность, хорошо известная в биологии и медицине, свойственна и живым системам: ошибочно полагать, что чем больше мы знаем о частностях, тем лучше поймем сложную структуру[2].

Смоделировать эмерджентные свойства сетевого альянса БРИКС в долгосрочной перспективе — трудновыполнимая задача, но очевидно, что при условии достижения намеченных целей взаимодействия «на благо граждан стран-участниц» можно ожидать и возникновения новой, более справедливой архитектуры международных экономических отношений, и конструктивного управления мировыми процессами, и расширения сети партнерских связей, основанных на взаимной выгоде, уважении и учете интересов друг друга.

Потенциал БРИКС как сетевого альянса кроется в многообразии и возможности сопрягать традиции на основе общих ценностей, а благодаря трансконтинентальному измерению сотрудничество государств-членов имеет особый вес и значимость.

Государства — члены БРИКС реализуют неодинаковые модели развития, имеют разные исторические корни, политические системы, но, пожалуй, особый интерес представляет собой гетерогенность их лингвокультурного пространства. В данном случае вслед за Д. С. Лихачевым под «пространством» понимается не просто определенная географическая территория, а прежде всего «пространство среды, имеющее не только протяженность, но и глубину»[3].

По самым скромным подсчетам, это пространство включает более 300 народностей и этнических групп и более 3 тыс. языков и диалектов.

Глубину лингвокультурного пространства БРИКС воплощает собой продукт долгосрочной работы человеческого интеллекта, в котором отражена когнитивная и креативная деятельность многих поколений — язык; он является уникальным хранилищем человеческого опыта и истории говорящего на нем этноса. Язык — претворение культуры: он позволяет фиксировать и закреплять в текстах, преданиях, обычаях, традициях совокупность ценностей, норм, идеалов, характерных для социальной общности (этноса, нации, общества), обеспечивающих смысл существования человека и общества[4]. Сохранение в текстах гуманитарной культуры языка нации обеспечивает культурную преемственность[5].

Глубина и гетерогенность лингвокультурного пространства БРИКС — это и богатейший ресурс, и серьезный вызов для реализации стратегии инклюзивной многостронности и обеспечения взаимосвязанности[6]. Еще в 2001 году во Всеобщей декларации о культурном разнообразии ЮНЕСКО культурное разнообразие было признано в качестве «источника обменов, новаторства, творчества… столь же необходимое для человечества, как биоразнообразие для живой природы». В «Декларации прав культуры», разработанной коллективом ученых СПбГУП под научным руководством Д. С. Лихачева, культурное сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира определяются как необходимое условие предотвращения международных и межэтнических конфликтов, залог справедливости и демократии в контексте человекотворческого, миротворческого и цивилизационно-созидающего культурного разнообразия на планете[7]. Но взаимопонимание невозможно без взаимопознания: о том, что конфликты, по большей части являются результатом нетерпимости, порожденной невежеством[8], красноречиво свидетельствует нынешняя «злоба дня». Существующие возможности для обмена информацией и изучения различий несоизмеримы с глубиной и разнообразием лингвокультурного пространства БРИКС ни в количественном, ни в качественном выражении.

Между тем одно из условий возможности межкультурного диалога (понимаемого вслед за В. А. Лекторским как метафора) — «убежденность в его плодотворности, то есть установка на необходимость расширения способов понимания мира и человека, на важность выхода за рамки собственной культурной ограниченности и вместе с тем признание равного участия партнеров в диалоге»[9]. Наличие определенных экономических и политических условий, дающих возможность всем участникам влиять на процесс и результат диалога, — еще одно важное условие участия в нем и залог сбалансированности позиций на пути поиска взаимопонимания, компромиссов и консенсусов.

Как обеспечить равноправный диалог в условиях гетерогенности лингвокультурного пространства

[1] См. также: *Гарбовский Н. К., Костикова О. И.* Сетевое взаимодействие в переводческой деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 3. С. 3–21.

[2] *Садовничий В. А.* Педагогические заметки о современном образовании. Избранные выступления. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2023. С. 225.

[3] *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2015. С. 21.

[4] *Запесоцкий А. С.* Образование: Философия, культурология, политика. М. : Наука, 2003. С. 151.

[5] Там же. С. 263.

[6] Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. // Министерство экономического развития РФ : [офиц. сайт]. 2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/636aa3edbc0dcc2356ebb6f8d594ccb0/1148133.pdf (дата обращения: 04.03.2024).

[7] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 503.

[8] *Годдард Ч.* Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб. : СПбГУП, 2024. С. 55.

[9] *Лекторский В. А.* Мультикультурализм и диалог культур // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (1993–2013) : в 3 т. / сост., науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2013. Т. 3 : Доклады и выступления. С. 389.

БРИКС? Какие константы должны оказаться в основе тонкой настройки универсума БРИКС по аналогии с тонкой настройкой нашей Вселенной, возникшей в результате эволюционного принципа самоорганизации молекулярных и галактических подсистем в процессе определенного соединения физических и химических элементов с единственно возможными и необходимыми параметрами и величинами?

В числе фундаментальных констант — наличие трех измерений в сетевом взаимодействии БРИКС. *Культурные* и гуманитарные связи — одно из трех магистральных направлений, наряду с *политикой* и безопасностью, а также *экономикой* и финансами, по которым страны — участницы БРИКС стремятся укреплять свое сотрудничество. Культурно-гуманитарная составляющая не менее важна, чем две другие, ведь «исторический опыт убедительно показывает, что без необходимого уровня общей культуры не получают должного развития точные науки, требующие большого интеллектуального напряжения, а проекты, осуществляемые без гуманитарной экспертизы, приводят к техногенным катастрофам»[1].

Однако «удельный вес» культурно-гуманитарного измерения в руководящих документах объединения непропорционален другим повесткам, в частности финансово-экономической. Йоханнесбургская декларация-II, подписанная по итогам XV саммита БРИКС, свидетельствует о наличии на тот момент отставания в реализации уже намеченных планов в этом направлении (см. п. 81 «Мы подтверждаем свои обязательства по всем подписанным и принятым… документам и соглашениям в области культуры и *обязуемся в срочном порядке приступить* (курсив наш. — *О. К.*) к практической реализации Плана действий (2022–2026) в рамках Рабочей группы БРИКС по культуре»[2]).

Выступая на заседании лидеров БРИКС в расширенном составе в августе 2023 года, В. В. Путин заявил о необходимости «серьезного разговора о будущем культуры в мире, сбережении и приумножении мирового культурного наследия»[3]. Развитие гуманитарных связей в целом — в числе российский приоритетов сотрудничества в БРИКС. Одна из стратегических целей Российской Федерации в БРИКС — расширять российское языковое, культурное и информационное присутствие в крупнейших странах мира, каковыми являются партнеры Российской Федерации по объединению[4].

Реализовывать такие задачи можно разными путями. Например, через расширение ареала изучения и распространения русского языка в странах — участницах БРИКС, «создание благоприятной институциональной среды для расширения сферы российской культуры и русского языка в иностранных государствах, включая деятельность русских школ и культурных центров»[5]. Однако такой путь тернист из-за своей несимметричности, проявляющейся как в несоразмерности понятий «русский язык» / «российская культура», так и в «продвиженческом» подходе к сфере влияния любого языка, ослабляющем принцип диалогичности. Иной путь — работа над международным имиджем страны с богатейшей историей, традиционной и динамично развивающейся современной культурой через стимулирование интереса к музыке, фильмам, литературе, создание и распространение собственных культурных продуктов высокого качества и обеспечение широкого доступа к ним, поддерживая и сохраняя многоязычие и принцип языкового и культурного разнообразия.

Перевод, в основе которого со-творчество и сотрудничество, познание «чужого» на фоне «своего» и осознание «своего» при сопоставлении с «чужим», — это всегда открытый диалог. Решая задачи по повышению осведомленности, пониманию и признанию культуры друг друга в лингвокультурном пространстве БРИКС, перевод в этом случае способен выполнить еще одну фундаментальную культуротворческую миссию — способствовать поддержанию, сохранению и совершенствованию языков малых народов, а их в лингвокультурном пространстве БРИКС большинство. «Мы должны оберегать всю сферу культуры, — писал Д .С. Лихачев, — разве можно быть безучастным к судьбам культуры малых народов, живущих в окружении народов многочисленных и обладающих государственной властью?»[6]

В нашей стране имеется богатый опыт, накопленный в период активной деятельности в советскую эпоху издательств «Прогресс», «Мир», «Радуга». Сегодня в Индии книги советских авторов, выходившие в этих издательствах на английском, хинди, маратхи, малаям, тамильском, телугу, бенгальском и других индийских языках, стали вожделенным объектом коллекционирования и предметом обсуждения в интернет-сообществах. Детская литература, классика, учебники советской эпохи по-прежнему очень востребованы: для одних — это ностальгия по детским годам, другие ценят качество научной литературы и до сих пор используют при подготовке к экзаменам на инженерные факультеты, третьи видят в этих книгах настоящие арт-объекты, в том числе благодаря талантливым художникам-иллюстраторам[7].

«Мягкая сила» перевода, сделанного десятки лет назад, до сих пор эффективно работает на благо диалога культур. Эта константа тонкой настройки весьма

[1] *Запесоцкий А. С.* Указ. соч. С. 249.

[2] Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности (Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 г.) // Мин-во иностранных дел РФ : [офиц. сайт]. 2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 04.03.2024).

[3] Выступление Президента РФ на заседании саммита БРИКС в расширенном составе 23 августа 2023 г.

[4] Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС : утв. Президентом РФ В. В. Путиным 9 февраля 2013 г. // Мин-во иностранных дел РФ : [офиц. сайт]. 2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1744621/ (дата обращения: 04.03.2024).

[5] Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. // Правительство РФ : [офиц. сайт]. 2024. URL: http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf (дата обращения: 04.03.2024).

[6] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 509.

[7] См.: *Sreedharan D.* How Soviet Children's Books Became Collectors' Items in India Thanks to nostalgia, the literary legacy of the USSR has a long afterlife // Atlas Obscura. 2021. 14 Apr. URL: https://www.atlasobscura.com/articles/soviet-childrens-books-in-india (дата обращения: 04.03.2024).

существенна, что очень хорошо осознает, например, наш партнер по БРИКС — КНР. Идеи председателя Си Цзиньпина о важности переводческой деятельности в деле укрепления сотрудничества Китая с другими государствами, построения сообщества единой судьбы человечества получают свое воплощение сегодня в специальных государственных грантовых программах, нацеленных на ознакомление с культурой и литературой, традициями и мировоззрением, философией и историей Китая через переводы на разные языки мира, выполненные китайскими переводчиками иногда в тандеме с носителями языков перевода. Эти наблюдения подводят нас к следующим двум вопросам тонкой настройки взаимодействия внутри БРИКС, требующим рассмотрения в перспективе, а именно — обучение и формирование переводческих кадров, способных обеспечить представленность богатейшего культурного наследия Российской Федерации на языках БРИКС, а также нацеленность культурного взаимодействия, в том числе через перевод, на молодежь стран БРИКС, представляющую колоссальный потенциал роста.

В заключение процитируем строки из Указа императрицы Елизаветы Петровны об основании Московского университета, ставшие университетским законом: «Всякое добро происходит от просвещенного разума, а, напротив того, зло искореняется». Полагаем, что эта заповедь емко отражает вектор культурно-гуманитарного измерения сотрудничества между странами БРИКС.

А. Крук[1]

ВОЗМОЖНО ЛИ МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ БРИКС И ЗАПАДА?

Это парадокс: вы любезно пригласили представителя «читающего всем лекции гегемона» выступить по вопросу БРИКС и многополярности!

В Риме до сих пор сохранился *Domus Aurea*, «Золотой дом» (хотя и только малая его часть). Это был огромный комплекс, построенный императором Нероном на Оппианском холме после пожара, случившегося в 64 году н. э. Строился он на основе архитектуры древних египетских храмов. Его богато украсили изображениями птиц, пантер, цветов лотоса и божествами — опять же в египетском стиле.

Нерон изобразил себя фараоном в образе Ра (или, если хотите, Аполлона). Это был своеобразный мост между материальным и нематериальным мирами.

Через 70 лет от «Золотого дома» не осталось и следа. Его уничтожили: все разрушили, разграбили и засыпали землей; потом над ним что-то построили и о нем полностью забыли.

Переход к одномерному миру был уже на пороге.

Но затем в 1480 году молодой римлянин, прогуливавшийся по Оппианскому холму, провалился в странную пещеру, украшенную животными, растениями и разными фигурами. Он нечаянно упал во дворец Нерона.

Уже вскоре величайших художников Рима спускали вниз на веревках, чтобы они своими глазами увидели дворец. Рафаэль и Микеланджело заползали под землю через шахты, чтобы изучить то, что там находилось. Результат этой находки привел людей в возбуждение, был мгновенно оценен, к нему отнеслись очень серьезно.

Вот такой мир утратил Запад: разнообразие и метафизическое восхищение, которое вызывает древность.

После этой короткой «вспышки» началась эпоха Возрождения, и случайно всплыл текст *Corpus Hermetica* («Герметического корпуса»), известного с древнейших времен и, как считается, написанного мудрецом древности Тотом. Его перевели в 1471 году.

Эта новость тоже прокатилась по Европе. Казалось, что она, возможно, разрядит обстановку в период, когда была угроза войны между протестантами и католиками.

Дело было в том, что герметическое понимание общества и истории — мира — представляло собой интегрированную совокупность. Оно предлагало более холистическую перспективу; ту, которая может объяснить (а не аннулировать) противоречия между материей и реальностью.

Противоречия и противостояния в истории и понимании считались и продолжают считаться сегодня опасными и рассматриваются как угрозы установленному порядку. «Герметический корпус» предлагал иную точку зрения. Противоречия — это только множественность, проявляющаяся сама по себе. Если посмотреть на них правильно, то они подчеркивают органичное единство.

Но было слишком поздно: многовалентная революция не состоялась. Король Англии Яков I заплатил кальвинисту-радикалу Исааку Кейсобону, чтобы тот в 1614 году написал заказную статью о том, что проведенный им филологический анализ текста доказывает, что «Корпус» — это подделка, скорее всего, написанная христианами в Александрии.

[1] Основатель и директор геополитического и геофинансового аналитического центра Conflicts Forum (Великобритания). Бывший британский дипломат, экс-советник главы внешнеполитического ведомства ЕС по вопросам безопасности на Ближнем Востоке. Бывший советник Международного квартета по ближневосточному урегулированию, инициатор ряда соглашений о прекращении огня на оккупированных территориях от имени Европейского союза. Член консультативного совета Energy Intelligence (Нью-Йорк) и международной благотворительной организации Conflux Center (Белград). Автор книги «The Essence of the Islamist Revolution» и многочисленных статей по современным геополитическим и геофинансовым вопросам, связанным с Ближним Востоком, Европой, США и Россией.

Исконная египетская философия была полностью развенчана и признана еретической и колдовской. Она так никогда и не восстановилась. А к 1478 году началась испанская инквизиция.

Теперь мы знаем, что в «Корпусе» на самом деле нашли отражение элементы самых древних египетских учений, существовавших 4,5 тыс. лет назад, а то и раньше, и совершенно точно в первые годы Старого царства.

В любом случае герметисты были дискредитированы; некоторых сожгли заживо, а Европа оказалась разрушена и сломлена догмами и кострами инквизиции. Считается, что в период инквизиции и охоты на ведьм примерно 10 тыс. европейцев сожгли на кострах или утопили.

Сегодня Западная Европа снова охвачена навязываемой догмой, если точнее — эсхатологическим догматизмом. Израиль сегодня видит себя оплотом в борьбе против «конца всего» и, соответственно, вооружается и готов применять военную силу, чтобы сохранить свое ви́дение себя, и точно так же Европа, хотя менее правдоподобно, занимает «секулярную эсхатологическую позицию», чтобы раздавить Россию за то, что та отказывается принять «новую революцию нравственности» и возглавляет мировую контрреволюцию.

Современная Западная Европа подобна Санкт-Петербургу в начале 1917 года, после Февральской революции, хотя наши «большевики» уже давно прибыли на Финляндский вокзал (по крайней мере, в 1970-е гг.).

Мы в Западной Европе переживаем период революции и гражданской войны: история подсказывает нам, что гражданская война, как правило, продлевается пиковыми эпизодами, которые рассматриваются как «революция» (например, уличные протесты общественного движения «Жизни черных имеют значение»), но на самом деле являются альтернативными вариантами того же самого; идет долгое переключение между революцией и культурной войной.

Нельзя не заметить, как испортились характеры у американцев и европейцев в целом. Ушли спокойные, аргументированные и рассудительные дискуссии; теперь при обсуждении вопросов обычными стали крики, эмотивизм, обособление и дистанцирование от других. Это плохие знаки для будущего.

Предчувствие — это шестое чувство, инстинкт. Как сказал Такер Карлсон, «есть разгневанные люди, которые чувствуют, что у них нет выхода, которые не верят, что выборы настоящие ...».

Почему западное общество такое косное, почему оно неосознанно поддерживает сворачивание цивилизационных идей? На самом деле парадоксально, что половина западного общества видит и осознает революцию, при этом вторая половина сбита с толку и растеряна или просто не замечает происходящее. Никакого простого объяснения этому парадоксу нет.

Тем не менее то же самое происходило в Санкт-Петербурге. Генерал Петр Николаевич Врангель писал в своих мемуарах о том, как приехал в Санкт-Петербург в феврале 1917 года (после того как в поезде избил мужчину с красной лентой за оскорбление женщины). По прибытии он пришел в ужас при виде всеобщих беспорядков и изобилия коммунистической парафернали — и больше всего красных лент и флагов. Он писал о том, как был шокирован тем, что люди в целом и представители высших классов в частности вели себя так, будто все нормально: они «не обращали внимания на приближающуюся бурю».

Если выразиться прямо: похоже, что внешне вроде бы нормальное состояние ничего не говорит о том, что общество должно вот-вот развалиться.

В наши дни элиты тоже носят ленточку — только не красную, а радужную.

Американский мыслитель Кристофер Лаш, скончавшийся в 1994 году, незадолго до смерти пришел к выводу, что высший класс Америки по сути вышел из американской нации и эмигрировал в отдельную реальность, в которой вообразил распад существующего западного порядка во имя справедливости и возмездия.

Современный французский философ Эммануэль Тодд сходится с ним во мнении и в своей книге *La Défaite* («Поражение») высказывает предположение, что Америка теперь является не национальным государством, а нигилистской империей, где идет постоянное восстание против собственного прошлого, а правящая элита нацелена сломить доминирующее положение белых, синих воротничков и среднего класса в американском обществе.

Тодд отмечает, что раскол породил «захватывающий дух догматизма всей западной элиты, некий вид идеологического солипсизма, который не дает им увидеть мир таким, какой он есть на самом деле».

Тем не менее большинство людей на Западе до сих пор так и не видят этого; не могут признать, что цель революции (хотя она не скрывается) — это как раз обеспеченные члены среднего класса, которые носят ленточки (а не технократическая элита), культурная революция нацеливается на них: хочет сместить с их мест, подчинить и подвергнуть санкциям — в качестве возмещения ущерба за историческую дискриминацию и расизм; не за то, кем они являются сегодня, а за то, кем могли быть их предки. Для достижения этой цели — «смещения» преимущественно «белых выдохшихся мужчин» из западного среднего класса с их «привилегированных позиций», революционеры подвели идеологическую оппозицию к национальным границам и приветствовали открытие дверей для иммиграции.

В дополнение к этому произошел революционный переход от реальной производственной экономики (основного источника рабочих мест для «отбросов общества») к новой высокотехнологичной экономике, сосредоточенной на вопросах климата и подпитываемой искусственным интеллектом, той, которую эти новые разнообразные элиты находят легче поддающейся управлению, податливой и послушной.

Тем временем по этому сценарию «отбросы общества» из синих воротничков становятся экономически-

ми изгоями и «разменным» сектором по мере того, как реальная экономика неизбежно отмирает.

Нужно пояснить, что, когда идеология, открыто восставая против своего прошлого, объявляет, что «мужчина может стать женщиной, а женщина — мужчиной», таким образом явно провозглашая ложь, это имеет определенную цель. Очевидно, что ее намерением является подведение черты под западной (латинской) христианской традицией. Это тоже один из главных выводов Эммануэля Тодда.

Какие уроки из этого может извлечь БРИКС?

Во-первых, эти кумулятивные «переходы» требуют печатания денег в огромных количествах. Это было приемлемо и контролируемо, когда проект можно было финансировать при нулевой процентной ставке, но теперь у схемы есть ахиллесова пята — инфляция и резко возросшие процентные ставки. Экспоненциальный западный долг из-за финансирования «переходов» резко вырос и теперь угрожает привести всю «революцию» к финансовому кризису и падению уровня жизни.

Инструмент «свободных денег» многому способствовал, многое упростил, но оказался смертоносным. Он создал такое неравенство, которого люди не видели на протяжении жизни многих поколений (хотя знакомое россиянам, которые вспоминают 1990-е гг.), поляризованную политику и огромные финансовые пузыри.

Однако, во-вторых, поток денег открыл дверь новым СМИ: платформы, которые раньше полагались на продажу новостей, были заменены на те, которые представляют интересы рекламодателей, их волнует только привлечение внимания людей и продажа его тому, кто больше заплатит. Появилась новая «экономика внимания».

Властные слои это поняли и были счастливы. Поэтому, в-третьих, словам больше не требуются объективные значения. Все связано с «вниманием» — неважно, как его привлекают, истиной или ложью. Этого хотят рекламодатели. Слова могут означать то, что хотят обладающие властью люди. Истина не имеет значения, можно свободно врать.

В-четвертых, Запад, преднамеренно распространяя и навязывая морально пустую идеологию, которая не является привлекательной для большинства стран и культур мира, просто не представляет, какая огромная часть мира отвергает систему ценностей современного глобалистского неолиберализма. Она скорее отталкивает, чем привлекает людей. И поэтому западная номенклатура навязывает ее с удвоенной силой.

Поэтому перед нами встает вопрос: как глобальный многополярный блок справится с Западом, двигающимся к нравственному, политическому и, возможно, экономическому краху? Возможно ли мирное сосуществование БРИКС и Запада?

Выйдет ли Запад из своей культурной революции более сговорчивым потенциальным партнером БРИКС? Или развалится после долгой внутренней борьбы? Послевоенная история не воодушевляет: Запад пытался остаться единым целым, создав врага-маниихейца, чтобы сплотиться и объединиться для борьбы с ним.

Также история подсказывает, что хотя революционеры и могут прийти к какому-то согласию, но полностью они соглашаются редко и не возвращаются к старому конституционному порядку. Будет новый, может быть, в какой-то степени возвращение к конфедерации в США и Европе. Но сегодня это только рассуждения.

Суровая действительность состоит в дом, что революционеры в США богаты, владеют ключевыми институтами в обществе и рычагами принуждения. Проще говоря, удерживают командные высоты.

Да, зарождающаяся контрреволюция — в большей степени в США (но также и кое-где в Европе) — укрепляется; ее представители (поступая правильно или неправильно) демонстративно не желают отказываться от традиционных нравственных ценностей, они также не готовы брать на себя вину и подчиняться требованиям о «репарациях» за историческую несправедливость.

Вопрос здесь очевиден. Контрреволюции будет достаточно? В то время как Эммануэль Тодд считает, что все зашло слишком далеко и нет надежды спасти западную цивилизацию и повернуть часы назад, другие надеются, что все еще остается время, чтобы хоть что-то спасти. Посмотрим.

Что в таком случае является тем ядром, вокруг которого все-таки можно найти что-то общее между странами БРИКС и Западом?

Раскол с БРИКС частично произошел потому, что не-Запад сейчас очень четко понимает, что постмодернистский Запад — это не цивилизация per se (*лат.:* по сути, как таковая), а скорее нечто сродни механической «операционной системе» (управляемой технократии). Это не встраивается в план многополярности, поскольку речь больше не идет о цивилизации-государстве.

Европа эпохи Возрождения разительно контрастирует с нынешней, она на самом деле состояла из цивилизаций-государств, но в дальнейшем победил европейский нигилизм.

Сегодняшний миф о том, что Европа является наследницей высших ценностей со времен Афин — «От Платона до НАТО» — показал, что это фатальное тщеславие. Он подвергается различным преобразованиям и модернизации риторики и идеологических установок, заявляется, что Запад каким-то образом «побеждает», но новой риторике и идеологическим установкам не хватает убедительности.

Итак, мы добираемся до корня проблемы. БРИКС пытается договориться о мирном modus vivendi (*лат.:* способ существования) с западной сферой, и самым большим барьером здесь является то, что, будучи «самой собой», уникальной цивилизацией-государством, группа неотделима от существования в пространстве вопросов нравственности.

Недостаточно просто объявить, что нечто «является многополярным». Истинное неучастие означает то, что алжирский писатель Франц Фанон назвал «отчуждением» — готовность действовать; приглашение пред-

принять реальные шаги в направлении автономности и суверенитета.

Возможно ли для стран БРИКС устоять в «мире, расколотом на две части»? Вероятно, нет — по крайней мере, до тех пор, пока не начнется культурная война в США и Европе и хотя бы частично не решится этот вопрос. Быть членом западной финансовой системы, если говорить только об этом, становится очень проблематичным из-за социальной токсичности системы; но непреодолимое препятствие, если говорить простым языком, состоит в том, что главный стимул западной механистической эпистемологии исходит из телеологической антиморальности.

Если выразиться резко, то «новые ценности», которые мы сейчас видим, предназначены для того, чтобы вбить кол в традиционную культуру. Куда именно вбивается кол? Он вбивается в то общее, что есть у стран БРИКС в плане нравственных ценностей, то, что можно назвать чувствительностью к непостижимому. Большая часть современной западной мысли просто игнорирует объемы нашего нравственного сознания и отмахивается от него или как от спутанного, или незначительного и не имеющего отношения к делу.

Общим является то, что все цивилизации БРИКС используют строгую оценку. То есть они все обладают способностью отличать правильное от неправильного, справедливость от несправедливости, динамику, которая ведет общество вверх, от той, которая тянет вниз.

Наша способность различать добро и зло по ключевым вопросам заложена глубоко внутри. Но именно в этом страны БРИКС должны искать общее с Европой. Они должны говорить на таком языке нравственности, который будет резонировать с остатками нравственности, которые все еще не исчезли на Западе.

После повторного обнаружения *Domus Aurea* («Золотого дома») и *Hermetica* («Герметического корпуса») представители итальянского Возрождения считали, что заново соединились с древними по духу — это было освобождение после того, как Средние века принесли варварство и репрессии, а также закрыли европейский «разум».

Таким образом, когда флорентийский платонизм стал доминирующей точкой зрения, понятно, что художники типа Микеланджело, которых спускали в «Золотой дом», воспринимали его явную красоту как способ единения с более широким миром земной красоты. Их опыт рассматривался художниками того времени как земная завеса, сквозь которую мы различаем просвечивающие вечные человеческие ценности.

В таком случае нравственным откликом было, так сказать, подтверждение того, что значит быть человеком. И только над более поздним опытом было повешено темное эпистемологическое облако последующих эмпирических и рациональных теорий познания.

Страсти из-за подобного положения дел разгораются просто потому, что все то хорошее и истинное, что было в западной цивилизации, сохранилось и процветает в России. Это понимают, но об этом не говорят вслух, и это приводит в ярость западные элиты. И в частности, именно поэтому государства БРИКС смотрят на Россию как на лидера.

В некотором смысле Россия провалилась в пещеру на Оппианском холме в Риме, когда русские открыли двери церквей после периода правления коммунистов, и туда хлынули люди. Православие и традиционные ценности в какой-то степени являются самовоспламеняющимися. Россия искала свое «я».

Возможно, это в некоторой степени было принудительным, но благодаря тому, что Византия пала в 1453 году и пришел конец тысячелетней Римской империи, Россия оказалась в уникальном положении. Она теперь осталась единственной в мире православной христианской державой.

Из-за этого в некотором смысле образовалась историческая религиозная осада, невиданная в мире. Россия со всех сторон окружена исламом, римским католицизмом, турко-монгольскими каганатами, но стала прототипическим эсхатологическим гарнизонным государством — последним оплотом истинного христианства, и значение этого выходит за рамки слов, его в большей степени понимают сердцем.

Как я пытался показать, в Европе остались в памяти элементы мультикультурализма. У нас есть общие источники, восходящие к далеким временам. Надежда есть, но вначале мы на Атлантическом Западе должны освободиться от фарса, от сегодняшних сфабрикованных европейских ценностей.

В. А. Лекторский[1]

НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В РАМКАХ БРИКС

Мне приходилось писать о том, что процесс глобализации в том виде, в каком он практиковался в недавнем прошлом, не только зашел в тупик, но и стал угрозой самому бытию человека.

Ведь глобализация в том виде, в каком она понималась и практиковалась, включала несколько компонентов. Во-первых, это распространение на все регионы мира современной рыночной экономики, сопровождаемое появлением транснациональных корпораций, которые не считаются с существующими национально-государственными границами. Во-вторых, повсеместное проникновение во все страны мира современных коммуникационных технологий: телевидения, Интернета, мобильной связи, цифровизации — и использование систем искусственного интеллекта. И то и другое порождает всемирную массовую культуру, которая, как считали теоретики глобализации, должна вытеснить традиционную, развивающуюся в рамках национальных государств[2]. При этом было ясно, что проект так понимаемой глобализации был в действительности не чем иным, как планом вестернизации или даже «американизации», как это признал известный американский политолог Г. Киссинджер.

В действительности процесс глобализации в том виде, в каком он осуществлялся, нес угрозу не только существующим национальным государствам, но и самому человеку. Ведь глобализация разрушает не только межгосударственные границы, но и жизненный мир человека, не только человека той или иной культуры, но и человека вообще. Растущая включенность человека в глобальную информационно-коммуникационную сеть — это не только возможность установления контактов с другими людьми и культурами, но и растущая сеть зависимостей. Расширяются возможности для манипуляции сознанием, управления человеком, производства дезинформации в больших масштабах.

Противостоять расчеловечиванию человека и культуры мы можем только в том случае, если сумеем сохранить традиционные человеческие ценности и вместе с тем адаптировать их к современным реалиям, в том числе к вызовам, которые созданы развитием науки и технологий. А традиционные ценности существуют и транслируются от поколения к поколению в рамках существующих национальных культур. Эти культуры отличаются друг от друга. Понимание мира и человека в них неодинаково. Но всем им свойственны некие общие представления, которые сегодня ставятся под вопрос глобальными вызовами. Разнообразие традиционных культур — не недостаток, а условие выживания и дальнейшего развития человечества.

Существующие культуры сегодня вынуждены реагировать на вызовы глобализации и адаптироваться к ним путем саморазвития. Может оказаться, что у разных культур ресурсы подобной адаптации будут различными. Культивировавшиеся в русской культуре внепрагматические ценности могут сыграть положительную роль в поисках выхода из тупика современного «когнитивного капитализма».

Защита человека сегодня означает охрану и развитие традиционной культуры, а последнее предполагает защиту национальной идентичности, а значит, национальных интересов, включающих защиту экономики, науки, искусства, образования[3].

При этом важно иметь в виду, что культуры не могут успешно развиваться в условиях изоляции. Как подчеркивал М. М. Бахтин, «культура существует на границе». Плодотворное развитие культуры предполагает ее взаимодействие с другими культурами в рамках межкультурного диалога.

Я хочу обратить внимание на некоторые особенности такого диалога.

Культуры как целое не могут вступать в диалог. «Диалог культур» — это некая метафора. Лишь индивиды, группы людей, сообщества, социальные институты могут вступать в такого рода диалог.

Плодотворный диалог не ведется относительно систем фундаментальных ценностей той или иной культуры и мировоззренческих установок. Ибо последние относятся к культурной идентичности, лежащей в основе идентичности индивидуальной. Настоящий диалог между культурами возможен лишь в том случае, если речь идет о решении конкретных практических проблем, и тогда, когда понимание самих проблем и возможных способов их решения предполага-

[1] Главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, научный руководитель философского факультета, заведующий кафедрой эпистемологии и логики Государственного академического университета гуманитарных наук, академик РАН, академик РАО, доктор философских наук, профессор. Автор более 600 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия в современной культуре», «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре», «Философия, познание, культура», «Человек и культура», «Философия науки и современная русская философия» (на кит. яз.) и др. Главный редактор и один из авторов книжной серии «Философия России второй половины XX в.» (22 тома). Главный редактор журнала «Философия науки и техники», председатель международного редсовета журнала «Вопросы философии», редсоветов журналов «Эпистемология и философия науки», «Личность. Культура. Общество». Член Международного института философии (Франция), иностранный член Центра философии науки Питтсбургского университета (США), член Международной академии философии науки (Бельгия). Почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук, Почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан. Награжден орденом «Знак Почета», орденом Ломоносова, медалями им. Г. И. Челпанова I степени, Института философии РАН «За вклад в философию», «В память 850-летия Москвы» и др. Лауреат премии «Открытое общество», премии им. Г. В. Плеханова и др. Удостоен благодарности Президента РФ (2024).

[2] См. также: *Лекторский В. А.* Вызовы современного глобального мира: чего ждать, на что надеяться, что делать // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 110–114.

[3] См. также: *Лекторский В. А.* Глобализация и национально-культурная идентичность // Обозник : [информ.-темат. портал]. 2018. 24 окт. URL: http://www.oboznik.ru/?p=46891.

ет разные подходы, связанные с различной культурной оптикой. Культуры предлагают разные перспективы ви́дения одних и тех же проблем. Сопоставление этих перспектив может быть плодотворным[1]. В процессе такого рода диалога разные культуры не теряют своей идентичности, но развивают ее.

Нужно сказать, что межкультурный диалог России со странами Западной Европы на протяжении последних 300 лет был плодотворным для его участников. Речь идет и о науке, и о художественной литературе, и о музыке, живописи. При этом культурная идентичность нашей страны не растворилась в западной культуре, а, напротив, обрела настоящую самобытность и оригинальность. Первыми членами Российской академии наук были немецкие профессора. А в XX веке мировую науку нельзя было представить без вклада российских ученых. Как нельзя представить мировую литературу без Достоевского и Толстого, а мировую музыку без Чайковского, Мусоргского, Рахманинова.

В наше время для межкультурного диалога открываются новые возможности. Появился блок под названием БРИКС, в который входят страны Востока и Юга. У этих стран, включающих Россию, есть общность экономических и геополитических интересов, общее намерение противостоять попыткам западных стран подчинить их своему влиянию, разрушить их культурную идентичность. БРИКС — это новый центр экономического, технологического и научного развития, с которым связаны перспективы трансформации всего мирового геополитического пространства. В рамках БРИКС плодотворно не только взаимодействие в сферах экономики и технологий. Не менее продуктивным может быть межкультурный диалог. Такой диалог успешно ведется, например, с Китаем на протяжении последних 20 лет. Я сам — участник этого диалога. Мои ученики плодотворно взаимодействуют с китайскими философами. Некоторые из них живут и работают в Китае. Российские философы и специалисты в области когнитивных наук участвуют в конференциях по проблемам сознания, организуемых в последние годы в Индии Далай-ламой. Нужно сказать, что понимание сознания в рамках буддийской философии открывает новые пути исследования этой величайшей загадки философии и науки, как признают участники данных мероприятий.

Наступает новый этап межкультурного взаимодействия. Круг участников межкультурного диалога колоссально расширяется с возникновением и развитием БРИКС. А это означает новый этап в развитии культуры в целом, то есть новую ступень в развитии человека, который вне культуры невозможен.

А. Г. Лисицын-Светланов[2]

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Последние десятилетия ознаменовались беспрецедентно быстрой сменой политических эпох. Начало положило крушение двуполярного мира. Провозглашенная эра глобализации быстро сменилась объективно неизбежными экономическими кризисами, определившими другую доминанту — национальные интересы. На мировой арене формировались новые центры экономических сил, которые при этом стали набирать и политический вес, адекватный их экономическим возможностям.

Сегодня они наиболее ярко представлены Китаем, Индией и исламским миром. О своем месте в мировой геополитике все громче заявляет Африканский континент. Обладая собственными культурно-цивилизационными кодами, отличными от сложившейся и доминировавшей ранее трансатлантической общности, они обусловливают необходимость поиска *новых* подходов для построения *нового* мирового правопорядка, адекватного *новому* многополярному миру.

Неизбежность формирования нового миропорядка с еще большей силой продиктовали военные действия, развернувшиеся на Украине с практическим вовлечением в них стран НАТО. Нарушение политических, экономических и гуманитарных связей между государствами, политические деформации в деятельности международных организаций, разрушение хозяйственных связей на мировом рынке, вынужденная миграция и нарушения отношений в сфере культуры привели к необходимости переосмысления многих институтов не только международного, но и национального права, а также принципов взаимодействия национальных правовых систем.

События, развернувшиеся после начала СВО как локального военного противостояния, переросли в пред-

[1] См. также: *Лекторский В. А.* Культурные ценности: толерантность и диалог // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации : XIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 16–17 мая 2013 г. СПб. : СПбГУП, 2013. С. 104–105.

[2] Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Роль международного частного права в процессе взаимодействия национальных систем права», «Правовые иммунитеты от „цветных революций“», «Порядок рассмотрения споров в связи с охраной и передачей прав на изобретения, ноу-хау и товарные знаки», «Арбитраж при осуществлении промышленного и научно-технического сотрудничества», «Правовые вопросы научно-технической и производственной кооперации», «Международное частное право: современные проблемы» (в соавт.), «Правовое регулирование иностранных инвестиций в России», «Международный гражданский процесс: современные тенденции», «Права человека и современное государственно-правовое развитие», «Новые вызовы и международное право», «Роль права в модернизации экономики России (на примере нефтегазового сектора)» и др. Член редсоветов журналов «Государство и право» и «Труды Института государства и права РАН». Член Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию (2008–2012), Научно-консультативного Совета Верховного Суда РФ, бюро Отделения общественных наук РАН, бюро Научно-издательского совета РАН. Награжден орденами Александра Невского, Дружбы, Сергия Радонежского и Леопольда II (Бельгия).

мировой военный конфликт. Понятие *«предмировой военный конфликт»* предлагается для целей правовой квалификации происходящих военных действий постольку, поскольку Россия, с одной стороны, а Украина и коллективный Запад — с другой, не объявили о состоянии войны в каком-либо порядке и формах, известных мировой практике.

Каждый день современного военного противостояния России и коллективного Запада разрушает последние бастионы концепции Организации Объединенных Наций, поскольку военная сила, а не мирное сосуществование, стала основным фактором в отношениях между государствами — основателями ООН. Мы наблюдаем разрушение как прямых межгосударственных отношений, основанных на принципе мирного сосуществования, так и институциональных структур — международных организаций. Происходящее, естественно, ставит вопрос о дальнейшей судьбе ООН и ее специализированных учреждений.

Нынешнее военное противостояние рано или поздно закончится, но проблемы с украинским урегулированием станут далеко не единственными. То, что сейчас называют прокси-войной, или предмировым военным конфликтом, разрушило не только мировую политическую инфраструктуру, но и институты права, на которых строился правопорядок. Эти разрушения носят глубинный характер, поскольку касаются не только дезавуирования источников международного права, но и традиционных принципов национальных правовых систем. Развитие кризиса приводит к пониманию того, что перед государством стоит задача серьезной перестройки системообразующих институтов национальной правовой системы и выработки концепций правовой политики в отношении обновления общего миропорядка и правовых основ, обеспечивающих функционирование политических и экономических интеграционных процессов.

Часть этих задач уже решается, и важность проделанного подтверждается событиями, начавшимися со специальной военной операции (СВО). Другие требуют быстрого решения, обеспечивающего возможность завершения военной фазы кризиса и гарантию для России занять место среди лидеров послевоенного урегулирования. Третья категория задач связана с построением правопорядка на определенную историческую перспективу, не исключающую в дальнейшем нового кризиса, связанного с очередной войной.

Среди правовых проблем, решенных в 2022 году, следует выделить две поправки к Конституции Российской Федерации. Это поправка о нерушимости границ (п. 2.1 ст. 67) и поправка к ст. 79 Конституции о решениях межгосударственных органов, противоречащих основам государственного строя Российской Федерации. Проецируя указанные поправки на сегодняшний день и заглядывая в завтрашний, можно с полной уверенностью оценить их достоинства. В первом случае поправка исключает какую-либо возможность вести переговоры и подписывать соглашения, изменяющие границы России на момент принятия четырех новых субъектов Федерации, причем в пределах их административных границ, то есть включая территории, находящиеся в настоящее время под контролем киевского режима.

Поправка к ст. 79 Конституции, помимо того, что предоставляет правовую защиту от дипломатической и информационной агрессии, то есть того, что стали называть гибридными, или прокси-, войнами, закладывает основы для развития как внутреннего законодательства, обеспечивающего его суверенитет, так и права международных договоров.

Формирование Соединенными Штатами и Евросоюзом де факто антироссийской коалиции ввело в политическую жизнь понятие «коллективный Запад». С началом СВО политические планы этой коалиции получили новое нормативное оформление, выраженное в актах различного уровня, принятых США, рядом их союзников и Евросоюзом.

Разрушение существующего миропорядка можно проиллюстрировать примерами из области мировой политики: военными экспансиями, гуманитарными бойкотами и экономическими санкциями. Последние создают особые проблемы для развития нового многополярного мира, поскольку связаны с базисными экономическими отношениями, закрепляемыми в национальных и международной правовых системах. Рассматривая проблему введения коллективным Западом антироссийских санкций в контексте перестройки правового регулирования во внешнеэкономической сфере, следует отметить эффективность оперативного принятия в Российской Федерации антисанкционных мер. Они нашли отражение в ряде системно принятых нормативных актов, легитимность которых с точки зрения международно-правового регулирования основана на таких общепризнанных институтах, как «взаимность» и «реторсии». Однако позитивное значение принятых мер в настоящее время, да и их сохранение на начало процесса по мирному урегулированию объективно не могут служить достаточно адекватной основой для построения новой модели регулирования внешнеэкономических отношений.

Что касается системы нормативных актов, принятых странами коллективного Запада и ЕС, то они изначально направлены на разрыв внешнеэкономических связей и уже поэтому не могут служить платформой для создания позитивного регулирования внешнеэкономических отношений. Следует также обратить внимание на процедурные проблемы. Принятие многих из этих мер органами законодательной власти, в первую очередь в США, объективно предполагает сложный процесс для их реформирования. Аналогичная ситуация возможна в случае принятия нормативных актов на основе консенсуса, как это действует в ЕС. Без принципиального реформирования сложившегося регулирования основа для договорного процесса по формированию нового экономического правопорядка нереалистична.

Отмечая разрушение мирового правопорядка, созданного Организацией Объединенных Наций, и оценивая возможные очертания будущего, следует выработать позиции не только политические, но и *правовые*, для решения по крайней мере трех проблем. Во-первых, что делать с еще сохраняющейся конструкцией

международного права и в первую очередь с ООН, Советом Безопасности и специализированными учреждениями ООН. Во-вторых, выработать *правовые решения* для развития дружественных России международных структур, где БРИКС занимает особое место. В-третьих, с учетом накопленного опыта взаимодействия с Европейским союзом сформировать *правовые принципы* взаимоотношений Российской Федерации с членами международных организаций любого типа, с одной стороны, и соответствующими организациями как таковыми — с другой.

Выделять особое значение правовых концепций по отношению к политическим следует потому, что правовые решения нужны не только для оформления принимаемых политических договоренностей — они должны выполнять функции гаранта их исполнимости.

Очевидным в настоящее время становится повышение роли двусторонних договорных отношений как механизма формирования нового правопорядка. Двусторонний договор не только создает ясную и взаимоприемлемую правовую базу для взаимоотношений двух стран, но и может стать ядром, в присоединении к которому будут заинтересованы и другие государства.

В исторической ретроспективе создание региональных организаций вполне понятно и объяснимо с любых позиций: географических, этнических политических, экономических и т. д. Примеры правового многообразия региональных организаций дают все континенты. На нынешнем этапе Россия, развивая региональное сотрудничество, выступила инициатором созданная БРИКС. Организация БРИКС по ряду параметров выходит за рамки традиционных представлений о международных региональных организациях, и в первую очередь по признаку отсутствия у нее географической общности государств-участников, что весьма важно для реализации экономических задач и их правового обеспечения. Это обстоятельство указывает на ее особый статус. Объективно особый статус этой организации придают ее экономические, социально-политические, демографические и цивилизационные характеристики. Совокупность этих особенностей можно рассматривать как определенный шаг к реализации идеи создания модели многополярного мира. Вместе с тем, руководствуясь пока существующими представлениями о международных организациях, БРИКС в своих организационно-правовых формах пока еще способен в полной мере эффективно реагировать на современные международные противоречия и вызовы. Более того, БРИКС противостоит отлаженная международная группировка ЕС–НАТО, обеспеченная военной мощью и финансами США. Причем все эти элементы юридически прочно сорганизованы.

Таким образом, для прогнозирования картины будущего мироустройства, где Россия должна сохранить позиции великой державы, необходимо, во-первых, решить не только ряд политических, экономических и военных проблем, но и выработать концепцию реформирования своего национального регулирования для внешнего контура складывающихся отношений. Во-вторых, иметь *юридически организованных союзников* для реализации идеи многополярного мира, основанного на идеях равенства и многообразия. В-третьих, стать инициатором в формировании новых правовых институтов, адекватных задачам формирования нового мирового правопорядка.

Е. И. Макаров[1]

РАСШИРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ БРИКС В 2023–2024 ГОДАХ, НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ПРОФСОЮЗНОГО ФОРУМА БРИКС

Осенью 2023 года во время очередного, XV саммита БРИКС его участники, главы государств Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики, одобрили несколько заявок, поступивших в адрес этого международного объединения, в которых формулировалось желание со стороны правительств Аргентины, Египта, Ирана, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов и Эфиопии присоединиться к БРИКС. Следует заметить, что количество официально поданных заявок существенно больше, чем перечисленные выше, по которым уже принято согласованное решение. Перед дипломатами стран БРИКС, прежде всего перед южноафриканской стороной как председательствовавшей в 2023 году, стояла нелегкая задача — отобрать часть заявок и сформировать механизмы вступления в членство, которыми, по-видимому, придется пользоваться в дальнейшем. Этот этап был пройден — по завершении саммита было объявлено об одобрении заявок от шести новых участников, пять из которых (исключая Аргентину) к окончанию 2023 года подтвердили свои намерения и включились в процесс приобретения членства.

[1] Заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России (с 2012 г.), вице-президент Всеобщей конфедерации профсоюзов, национальный профсоюзный координатор БРИКС. Научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП. Председатель Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области (1991–2000). Заместитель (2000–2004), помощник (2004–2012) полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе. Автор ряда публикаций по профсоюзной проблематике, тематике социально-трудовых отношений и конфликтов, в т. ч.: «Трудовые отношения и профессиональные союзы», «Трудовые конфликты. История, теория, методы мониторинга», «Самозанятость в Российской Федерации. Социально-экономические и юридико-правовые аспекты по итогам 2019–2021 годов» (в соавт.), «Самозанятость в России. Преимущества и недостатки, выявленные в ходе эксперимента по введению налога на профессиональный доход в 2018–2020 годах» и др. Автор и разработчик проекта «Социально-трудовые конфликты». Действительный государственный советник 2-го класса. Отмечен государственными и общественными наградами, знаками отличия и медалями различных министерств и ведомств РФ, благодарностями и Почетной грамотой Президента РФ. Почетный профессор СПбГУП.

Этот процесс при всей формальной простоте на практике довольно трудоемок и сложен. Сложность связана с тем, что в 2024 году план председательства в БРИКС, предложенный Российской Федерацией, предусматривает более 200 различных мероприятий, начиная от министерских и ведомственных встреч с подготовительными раундами, обширной программы мероприятий по линии межпарламентских, деловых, торговых, экспертных, профсоюзных и иных неправительственных, научных, образовательных, спортивных, культурных, молодежных, женских и других организаций, практики, механизмы подготовки и проведения которых формировались в последние пятнадцать лет. Включиться с ходу во все элементы многослойного взаимодействия, проходящего в рамках подготовки к саммиту, а порой и на самостоятельных треках сотрудничества, — крайне сложная и ресурсоемкая задача. В каждой такой встрече необходимы не только участие делегатов от стран БРИКС, но и подготовительная работа с проектами документов, большая организационная подготовка, преодоление языковых барьеров и, безусловно, понимание общих целей, проблем, способов решения задач. В конечном итоге каждый участник и организация в ходе этих контактов должны извлечь пользу и получить результат, оправдывающие затраченное время и ресурсы.

Понимание сложности обретения реального членства в БРИКС придет к новым участникам со временем; будем надеяться, что к концу российского председательства этот процесс завершится.

Рассматривать подачу заявки на вступление как исключительно формальный процесс будет ошибкой и заблуждением. Ясно, что на принятие такого решения влияют как внешние условия — складывающаяся многокомпонентная геополитическая ситуация, так и внутренние мотивы, сочетание которых и приводит к подаче заявки. О геополитической ситуации сказано и написано много. У всех на устах обсуждение процесса перехода от однополярного устройства к многополярному миру, звучат достаточно категоричные оценки конца эпохи европоцентризма и другие, им подобные. Такие политические формулы рождаются не на пустом месте. Объективные сравнительные экономические показатели развития стран, в XIX веке поделенных на три мира, размыли границы этих условных «миров». Это произошло не только в отчетах консалтинговых агентств и организаций, выводящих разнообразные сравнительные индексы. В первую очередь это произошло в самих субъектах развития, которые вслед за получением самостоятельности и преодолением политического колониализма оказались перед трудноразрешимыми проблемами экономического неоколониализма, выйти из власти которого лишь за счет собственных усилий оказалось невозможно.

Крупные национальные государства, столкнувшись с внутренними проблемами преодоления бедности, развития экономики, улучшения систем образования и здравоохранения, а также с необходимостью решения множества иных задач, чувствуют себя объектами управления со стороны существующей мировой финансовой системы, международного капитала, крупных транснациональных корпораций, международных организаций, призванных оказывать помощь их становлению и развитию, а на деле лишь набрасывающих на эти страны новые сети сдерживания их роста, навязывающих им правила и условия, порой прямо противоположные их национальным устремлениям. Кредиты, осложненные дополнительными условиями и обязательствами, программы «развития» с навязываемым участием крупных фондов и корпораций в сфере ли здравоохранения, сельского хозяйства, регулирования демографической политики, образования, преодоления бедности — все эти отработанные десятилетиями механизмы неоколониальной политики рано или поздно, обычно по мере обретения экономической устойчивости, заставляют национально-ориентированные элиты стран третьего мира искать пути их обхода, обретения суверенитета и подлинного освобождения от теперь уже международной, глобальной колониальной зависимости без традиционной метрополии, но со всеми ее признаками и атрибутами сдерживания и принуждения.

Именно в 2020-е годы процессы поиска альтернативной системы отношений, заменяющей гегемонистскую и глобалистскую, оказались востребованы до такой степени, что заявки на вступление в БРИКС приобрели массовый характер. Надежды новых членов БРИКС связаны прежде всего с принципами выработки и принятия решений в БРИКС, о которых много говорилось. Принципы равноправия и взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела, признания права на выбор собственной цивилизационной идентичности — это тот минимум, который гарантирует обретение политической субъектности новым членам. Они видят привлекательность и в том, что касается экономических перспектив, а именно — получении кредитов из средств Нового банка развития, причем без политических условий и подковерных договоренностей. Весьма обнадеживающими видятся им взаиморасчеты в национальных или цифровых валютах, не связанных с существующей мировой финансовой системой, основанной на долларе. И в целом разнообразное взаимодействие, в основе которого лежат заинтересованный диалог и встречный интерес, имеет намного больше перспектив во взаимоотношениях, чем диктуемый «партнерами» из стран «золотого миллиарда» «порядок, основанный на правилах».

Несколько слов о профсоюзном движении в странах, заявки которых одобрены для вступления в БРИКС. Профсоюзный форум БРИКС, основанный в 2012 году на полях конференции высокого уровня под эгидой Международной организации труда в Москве, безусловно заинтересован в том, чтобы интересы трудящихся в этих странах были защищены по меньшей мере в параметрах основополагающих конвенций, выработанных МОТ на трехсторонней основе, а трудящиеся этих стран были представлены на Форуме своими традиционными организациями — профессиональными союзами. Не углубляясь в национальные особенности трудового законодательства новых стран-членов, можно выделить в их числе государства, где профсоюзная деятельность не разрешена либо построена по мо-

дели, заметно отличающейся от привычной нам традиционной профсоюзной. К их числу относятся ОАЭ, Саудовская Аравия и в определенной степени Иран. Исходя из принципов невмешательства во внутренние дела, ассоциированное членство в Профсоюзном форуме БРИКС может быть предоставлено организациям, представляющим интересы трудящихся и не являющимися профсоюзами. Такой подход, по крайней мере, будет продвигаться российскими профсоюзами в ходе обретения членства новыми организациями.

Основная задача, которую следует решить в ходе приема новых членов в Профсоюзный форум БРИКС, — обеспечить представительство трудящихся новых стран-членов, дать им право голоса при обсуждении проблем и выработке решений. Нужно упомянуть, что Правила Профсоюзного форума БРИКС, принятые в уточненной редакции в 2022 году, потребуется дополнить специальным приложением с описанием процедурных моментов, связанных с приемом новых организаций-членов. В практике работы Форума вся техническая работа по наполнению содержанием очередного года ложится на плечи ведущего профцентра страны-председателя. В 2024 году всеми содержательными вопросами занимается Федерация независимых профсоюзов России, в том числе и формализацией приема в Форум новых членов.

Большое влияние на процесс интеграции новых членов, помимо внутреннего законодательства, будут оказывать состояние экономик вступающих стран, уровень благосостояния основной массы работников, структура занятости, национально-культурные обычаи, а также иная проблематика, помещенная работниками в фокус трудовой жизни. В этом плане отличия новых стран-членов друг от друга достаточно заметны. Если в мировом рейтинге по объему промышленного производства Саудовская Аравия занимает 11-е место при численности населения 35 млн 210 тыс. человек, то Эфиопия находится на 75-м месте при численности населения 124 млн 757 тыс. человек. Столь заметные отличия отразятся на задачах, которые будут ставить перед собой представители трудящихся каждой конкретной страны, и проблемах, которые они будут выдвигать на первый план при выработке совместных решений. Вместе с тем, как бы ни складывались национальные приоритеты делегатов от разных стран, принцип принятия решений в Профсоюзном форуме, основанный на правиле достижения консенсуса, позволит найти сбалансированное согласие по любой обсуждаемой задаче.

Многие эксперты, обсуждающие первые шаги по расширению БРИКС, стали рассуждать об этом явлении как непрерывном и быстром процессе, который в скором будущем неизбежно приведет к образованию новой политико-экономической реальности. По их мнению, через пять лет геоэкономическая и политическая обстановка будет в корне отличаться от современной.

Я не склонен разделять эти прогнозы. Если изменения и будут происходить столь стремительно, то процесс включения в состав БРИКС новых членов не будет главным катализатором таких событий. С сегодняшних позиций нам представляется главной целью не столько наращивание количества стран-членов или числа профцентров этих стран, присоединившихся к Профсоюзному форуму, сколько отладка самого процесса расширения и интеграция новых членов в межпрофсоюзное взаимодействие. Абстрактные идеи роста масштабов объединения БРИКС и Профсоюзного форума в его составе не будут самоцелью.

На протяжении многих лет, с момента его создания, у БРИКС не было каких-либо экспансионистских целей. Не помню случая, чтобы нашими членскими организациями в Профсоюзном форуме продвигались идеи расширения для достижения соревновательных целей или противостояния. Касалось ли это инициативы Китая о проведении встреч БРИКС в формате БРИКС+ либо практики ЮАР, когда использовался расширенный формат встреч «аутрич». Всегда во главу угла ставились цели открытости, информирования, участия в обсуждении без каких-либо намеков на необходимость объединиться для борьбы с кем-либо. Кроме, конечно, бедности, неравенства, отсталости, эпидемий и других экономических и социальных язв общественно-политической жизни.

Профсоюзный форум БРИКС, вне всякого сомнения, будет следовать политике расширения БРИКС, вырабатываемой на саммитах, и прилагать максимум усилий для интеграции в свою работу новых членских организаций, однако вряд ли наблюдатели и эксперты увидят в этом какие-то чересчур широкие шаги. В кулуарах Профсоюзного форума БРИКС не раз обсуждались вопросы отношения к глобальности и глобализации. Особенно выпукло эта тема возникла после выдвижения инициативы БРИКС+, конкретные границы которой так и не были формализованы и могли пониматься как чрезвычайно широко, на всемирно значимом уровне, так и у́же, в прикладном смысле, в рамках, например, реализации инициативы КНР «Один пояс — один путь». В отношении Профсоюзного форума БРИКС термин «глобализация» вряд ли применим в силу его компрометации и привязки к экономической глобализации в интересах трансграничного перемещения и использования капиталов, а вслед за этим и политической силы поверх национальных суверенитетов, законодательств и цивилизационного выбора разных стран. Более приемлем термин «обретение глобальности», имеющий более точный и политически нейтральный смысл.

К настоящему времени в профсоюзном движении глобальность обрела свои законченные формы и реализуется через Международную конфедерацию профсоюзов (МКП) со штаб-квартирой в Брюсселе и несколько глобальных объединений профсоюзов, построенных на отраслевой основе. Создание МКП, образованной в 2006 году путем слияния Международной конфедерации свободных профсоюзов (МКСП) и Всемирной конфедерации труда (ВКТ), явилось завершающим этапом объединения крупных профсоюзных сил, разделяющих идеи независимости профсоюзного движения и либерализма. Основатели проходили свой генезис, выдвигали лозунги «Свобода через экономическую и политическую демократию» и другие, постепенно отходили от социальной доктрины христианства, откликаясь

на вызов секуляризма. В период существования СССР и блокового противостояния МКСП, в частности, отличилась антикоммунистической позицией. После образования МКП мировое профсоюзное движение сделало попытку избавиться от политизации, усилило свои позиции, особенно после вступления профсоюзов из стран бывшего социалистического лагеря и Федерации независимых профсоюзов России. Новая единая глобальная межпрофсоюзная структура смогла выстроить согласованную с профсоюзами отраслевого типа профсоюзную политику и получить рычаги влияния на международные профсоюзные дела в структурах ООН и других глобальных институтах.

Если в этом контексте обсуждать вопрос появления новой глобальной профсоюзной структуры на базе объединения БРИКС, то для обретения глобального статуса необходимо решить комплекс политических и технических проблем. Не вдаваясь в детали, можно отметить, что профсоюзные организации, входящие в состав БРИКС, до последнего времени не рассматривали свою структуру в качестве базы для такого глобального проекта, так как для этого не было достаточных оснований. Вместе с тем дальнейшее развитие международной обстановки, позиции глобальных отраслевых профсоюзов и другие факторы, относящиеся к экономической и политической составляющим международного профсоюзного движения, могут открыть возможности для развития в этом направлении.

Отметим, что проблема формирования дееспособного глобального центра рабочего движения не имеет простого решения. История мирового профсоюзного движения ясно указывает на заметное влияние мировой политики на подобные процессы. Размежевание мирового профсоюзного движения по идеологическим мотивам в XX веке происходило в послевоенный период, немаловажное значение в этом процессе имело отношение профсоюзов к плану Маршалла, а также политическая борьба, внесшая в программные документы крупнейших национальных профцентров стран Запада, сформированных на идеях социал-демократического реформизма, изрядный заряд антикоммунизма, фактически превратившего их в инструмент политической борьбы. Дискуссии о дальнейшем развитии мирового профсоюзного движения продолжаются и, вне всяких сомнений, будут освещаться на страницах профсоюзной прессы.

В. К. Мамонтов[1]

МЕДВЕДЬ, ПОХИЩАЮЩИЙ ЕВРОПУ

Тема нынешних Лихачевских чтений — БРИКС во всех его цивилизационных проявлениях. Совершенно точно есть специалисты, которые лучше расскажут о введении в будущем странами БРИКС единой валюты, о том, как сочетаются их потенциалы, как будут развиваться торговые отношения между этими странами и остальным миром и т. д.

Поскольку я журналист, сфера моих интересов широка. В журналистике я специалист в силу определенного опыта, но во всех остальных сферах привык скорее спрашивать, чем отвечать, коллекционировать мнения и на основании собравшейся за мою жизнь и практику довольно серьезной и обстоятельной коллекции делать те или иные выводы. Если они покажутся интересными коллегам или читателям — хорошо.

Что касается БРИКС, то есть один вопрос, который неотступно меня преследует. Коротко сформулировать его не так просто, но попробую объяснить. Мне вполне понятно, как будет осуществляться наша совместная экономическая и иная жизнь, например, с Китаем. Во-первых, тут срабатывает житейский опыт. Я родился и вырос на Дальнем Востоке. Китай совсем рядом. Приграничная торговля, взаимное проникновение, какие-то поездки, внезапное, или не особо внезапное, ухудшение отношений с Китаем, которое, безусловно, зависело от глобальных перемен в наших странах. А все это вместе позволило мне сформировать какую-то картину того, как это будет происходить практически и уже происходит сегодня.

Любой житель Дальнего Востока скажет, что взаимоотношения с Китаем — очень близкие, тесные, понятные, иногда благостные, иногда тревожные, но всегда на кончиках пальцев, как говорится, — существовали издавна, с тех пор как русские там поселились. Владивосток на самом деле еще в 1950–1960-е годы сплошь состоял из каких-то улиц, слободок, оврагов, падей (падь, как там говорят, — низкое место в городе) или сопок, которые, представьте себе, носили удивительные названия. Река, которая протекала неподалеку и на чьих берегах мы школьниками занимались спортивным ориентированием, называлась Лянчихе. А действие романа Александра Фадеева «Разгром происходило неподалеку от города под названием Сучан, который теперь, конечно, Партизанск, но тогда был Сучан. Владивосток, уже тогда очень красивый и своеобразный город, пересекали улицы Китайская, Пекинская, Суйфунская и т. д. Тогдашние старожилы помнили, что во Владивостоке китайцы когда-то были водоносами, заменяли собой водопровод. Кругом были китайские маленькие лавочки и магазинчики. Царское правительство этому не препятствовало, просто для

[1] Председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда», генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», президент ОАО «ИД „Известия“». Ведет авторские колонки в интернет-газете «Взгляд» и журнале «Фома». Автор книг «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?». Председатель Наблюдательного совета Агентства политических и экономических коммуникаций, директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет». Действительный член Академии телевидения России, член президиума Союза журналистов России. Награжден медалью «За строительство БАМа», почетным знаком «За заслуги в развитии печати и информации».

китайцев существовало одно-единственное ограничение, совершенно малюсенькое: они должны были потратить все, что у нас заработали, — хоть на лесозаготовках, хоть торговлей бумажными фонариками, — тут, в России. Всё.

Те, кто застал расцвет советско-китайской дружбы в 1950-е годы, помнят, что Китай снабжал всех жительниц Владивостока одинаковыми (только цвета были разные) пиджаками. Не знаю, как называлась ткань — что-то вроде джерси; пиджаки вполне симпатичные, с красивыми узорами. Это было мило, но, в общем, немного странно, потому что модель была одна. В квартирах у владивостокцев, буквально у каждого, стоял китайский божок, который, если его тронешь, покачивал головой и, видимо, напоминал нам о бренности всего сущего. Мы ели китайские яблоки. Под Новый год дом наполнялся запахом китайских мандаринов. Они были пересыпаны шелухой: яблоки и мандарины так хранились — пересыпанные шелухой, наверное, отходами вылущенного риса. Рис шел китайцам на еду, а шелуха — на упаковку яблок — хороших, просто прекрасных яблок, которые я отлично помню.

Такое ощущение, что мы рядом, что есть взаимное проникновение, оно было для меня, дальневосточника, всегда понятно. Более того, когда я повзрослел, то заинтересовался китайской литературой, искусством, в конце концов, иероглифами, которые русский народ припечатал названием «китайская грамота», — это тоже удивительная история. В университете у нас были так называемые китаисты и японисты, которые все это внимательнейшим образом изучали. Я видел перед собой какую-нибудь прекрасную китаистку и думал — боже мой, как она научилась ловко разбираться в этих красивых, но непонятных знаках и видеть разницу между ними — иногда очень тонкую. А мы всё проходим теорию и практику советской печати, и конца и края этому не видно. Как мы их осваиваем — это более или менее понятно, но как эта милая девушка каким-то образом познает вот это сложное и совершенно другое — ментально, тактильно, нейронно другое? Это для меня долгое время оставалось загадкой.

Что касается каких-то вещей менее трогательных, к примеру конфликта на острове Даманском, то с ними пришло понимание, что у нас есть не только привычка жить рядом и взаимно полезное сосуществование, но и серьезные проблемы. Да и привычка-то хрупкая, не навек. У Андрея Тарковского в фильме «Зеркало» это очень сильно сказано, с художественной полнотой. Распри тоже к нам пришли из далекой истории. Даманская проблема появилась не вчера и не только со смертью Иосифа Сталина и новой политикой России, которую не понял и не принял Мао Цзедун.

В Китае, как знают те, кто серьезно изучал нашу историю, ту же реку Амур называли рекой Черного дракона и считали своей. Они помнили наших прославленных первопроходцев и начальников, посланных царем править этими новыми, приращенными землями России. И начальники эти, генерал-губернаторы, заявляли, что Амур — это наша река, а китайцев называли так, как в цивилизованном обществе не принято говорить (не буду и я сейчас). Мол, их можно только пускать на их берег, «ноги мочить и скотину поить». Вот такая была позиция.

Хочу заметить, что Владимир Арсеньев, будучи безусловным патриотом России, одним из важнейших исследователей, офицеров, военных инженеров и строителей, не в том смысле, что он клал кирпичи, а в том, что он строил Российское государство, в том числе и в этих регионах, ничтоже сумняшеся подложил большую мину. Как ее разминировать и выбраться из этой ловушки, потом решали наши идеологи и картографы. Если вы почитаете Арсеньева и посмотрите на старые карты, то обнаружите те самые реки — Лянчихе и прочие, и их там сотни. И хребты, и распадки, и урочища уже носили китайские названия. Это не совсем Китай, мы не будем сейчас в это углубляться, это государство чжурчженей, которое Китай завоевал, но у него тогда не было сил на установление над этими территориями прочной власти.

Ну так и у России когда-то не было этой прочной власти. После революции, например, там была образована «буферная» Дальневосточная республика, и с ней быстро начали иметь дело американцы. Тогдашний президент Америки Уоррен Гардинг, противник признания Советов, даже приглашал руководство Дальневосточной республики на большую конференцию по будущему Тихоокеанского региона. Так что у Джо Байдена много предшественников. На этой конференции были и японцы, и китайцы, и представители маленьких островов. В том числе по официальному приглашению поехала и делегация Дальневосточной республики. Правда, приглашение не касалось некоторых важных заседаний и т. д. Но они не в предбаннике провели это время, а числились как делегация, которая получила официальное приглашение, но не на все мероприятия.

Я хочу сказать, что ощущение какой-то связи, исторической или иной, со страной, которая вместе с Россией является ядром и центром БРИКС, лично у меня внутри сформировано. И тем не менее осмелюсь заявить, что оно все равно находится не на переднем плане моего сознания. Это я сейчас пишу только о себе и не претендую на обобщения. Я размышляю над этим. Даже для меня, дальневосточника, не так просто сказать: все, мы не Европа, мы повернули на Восток, и нам надо с этим жить, это наша новая политика, а там видно будет. В силу определенных причин я смотрю на все эти вещи широко открытыми глазами (слегка перефразируя Стэнли Кубрика).

Но тем не менее вопрос для меня остается открытым, я не в экономике БРИКС разбираюсь, а просто пытаюсь понять, надо ли это делать и как выпутаться из той интересной ситуации, что еще какое-то время назад мы довольно активно проникали в Европу, заново прорубали в нее окно, очень хотели туда попасть. Другое дело, что, как выяснилось, нас туда, во-первых, не пускают, а во-вторых, пытаются нас победить, сделать из нас колонию или полуколонию. Мы внезапно сделали для себя это открытие.

Были люди, которые и в 1960-е, и в 1990-е годы говорили об этом и предупреждали. Мы их не слушали. Мы хотели быть европейцами. Какие у меня чувства по этому поводу и как я собираюсь их преодолевать?

И надо ли? Давайте посмотрим: что в Европе для меня важно и ценно? Я знаю о технологиях, понимаю, что они современные и уровень научного и технологического (оставим культурного) развития там высок. Там есть, что нам можно перенять. «Глазами жадными цапайте / все то, / что у вашей земли хорошо / и что хорошо на Западе», — писал Владимир Маяковский.

Так было почти всегда. Весь успех российской индустриализации заключался в том, что большевики, и Иосиф Сталин в частности, сделали хорошо то, что Российская империя непозволительно долго делала плохо. Если вы вспомните нашего великого Льва Толстого, то в «Анне Карениной» есть эпизоды, которые посвящены не душераздирающей измене Анны своему 48-летнему старику-мужу, а другим персонажам, занятым другими делами. Там происходит событие — установка, по-моему, молотилки в имении Константина Левина. Но ее изобрел и изготовил не Левин, он только позаимствовал эту молотилку в Англии. Европа всегда была поставщиком молотилок, знаний (о ружьях и кирпиче), в конце концов, людей — продвинутых кадров. Этим воспользовалась Россия, которая исправно отдавала Европе долги в других областях. Например, когда какой-либо наш европейский союзник самостоятельно не мог победить своего врага, туда отправлялись наши доблестные воины и побеждали, кого следует. На самом деле они туда отправлялись, только если это совпадало с интересами России, как их видели тогдашние руководители: царь, царские советники и т. д.

Геополитическую обстановку они тогда понимали не всегда адекватно, но в решающем большинстве случаев мы действовали в собственных интересах, расширяя свое влияние и пр. За счет в том числе сотрудничества и единения с той или иной частью Европы.

Зайду с другой стороны и опять скажу о личном опыте. Меня зачастую обвиняют, что, о чем бы я ни говорил и ни писал, я сбиваюсь на то, как мы с моим другом некоторое время восстанавливали автомобиль «Москвич-407» 1959 года выпуска. Я так полюбил эту историю, что везде стараюсь ее упомянуть. Но на самом деле она действительно для меня очень важна, потому что, разбирая и собирая заново эту машину, мы лучше поняли, как был устроен СССР, что мы взяли у тогдашнего Запада, что сами переделали, что улучшили, что не смогли. А там есть такие крошечные детальки, в прямом и переносном смысле, которые показывают, что подтачивание базовой европейской, западной, восточной — все равно — модели под российские реалии — это очень важно.

Наши инженеры вообще молодцы, они никогда слепо не копировали, а всегда вносили, по тем или иным причинам, свои изменения. Иногда просто прекрасные, иногда совершенно фантастические. Этот тот вклад, который мы действительно можем сделать, это наша сноровка и сообразительность. Но сначала на заводе малолитражных автомобилей доблестные инженеры действительно скопировали «опель» и назвали его «Москвич-401». По настоянию Сталина. Инженеры уверяли: «Иосиф Виссарионович, мы разобрали, развинтили этот „опель“, ничего особенного, мы лучше сделаем». А он (по легенде) говорит: «Нет, вы сначала сделайте „опель“ один в один, я вам скажу: „Молодцы!“, если он поедет. Или не скажу. А потом делайте следующий». В итоге, кстати, так и вышло. «Москвич-407» — это полностью российское произведение. Там каждая деталь на что-нибудь похожа, ну как любая в любом автомобиле. Но при этом она наша. И когда, наконец, эту машину выпустили за границу, была резонансная история. Даже по Америке она немножко поездила, 3 штуки. Но потом сбили Фрэнсиса Пауэрса и попытки продать американцам «Москвич» провалились. Не стали лицемеры-американцы покупать «Москвич», раз сбивают их «метеоролога» Пауэрса: не то, что дружбы, — мирного сосуществования пока не получается.

А когда «Москвич» наконец доехал до Англии, то английские автомобильные журналы и тогдашние мастера английской автомобильной журналистики с изумлением писали, что да — есть кое-какие претензии к комфорту, он немножко, так сказать, Russian, но, боже мой, ему не страшны плохие дороги! Я понимаю, конечно, что плохие дороги в Англии — это не то, что плохие дороги в России. Но то, что и по плохим, и по хорошим, и по любым дорогам этот наш новый автомобиль в ту пору прекрасно передвигался, — это очень важно. Понятно, что мы делали собственные машины, и даже ракеты и космические корабли. И атомные станции, и атомный ледокол «Ленин» мы сотворили каким-то образом, иногда волшебным, иногда удивительным, при этом одновременно с трагическим делом четы Розенберг. Игорь Курчатов сверялся с предоставленными ему документами, и это помогло быстрее догнать американцев. Он обладал чужими знаниями, помимо своего собственного высокого интеллекта. И даже наша злополучная революция 1917 года тоже в известном смысле заимствована оттуда, переиначена, выстроена по-новому, и теперь это наш уникальный опыт, над которым кто-то смеется, кто-то плачет. Строительство коммунизма в отдельно взятой стране — конечно, это мы, кто же еще?

Если посмотреть на универсальный кодекс тогдашних европейцев, на их установки, ценности, цензуру, технологический уровень и вообще подход к жизни, видно, что они на самом деле ушли недалеко от наших. Посмотрите под этим углом послевоенные фильмы 1950–1960-х годов — наши, американские и европейские, а особенно итальянские, где масштаб бедствия в ходе Второй мировой войны был побольше, чем у американцев, и это мягко сказано. А у нас… Но тем не менее мы увидим множество совпадающих ситуаций, проблем, материальных свидетельств, совпадений даже по менталитету. Но только если идеологию не брать, а в моральных аспектах… Сходство (ханжество) абсолютно близнецовое. До какой степени актрисе можно оголить плечо и так далее — все это было очень похоже и вполне соотносилось с западной цивилизацией.

Догнать и перегнать — кого? Конечно, не Китай, не Индию, не Бразилию. И уж точно не Иран, потому что замечательные фотографии, на которых иранские студентки в коротких юбках сидят на солнышке где-то в Тегеране, демонстрируют проникновение ев-

ропейских ценностей даже в такие фундаменталистские общества. Эта фотография никуда не делась, любой любопытный и любознательный может найти ее в Интернете.

Есть точка зрения, что мы были такими наивными, несчастными, ничего не видели, и поскольку у нас было мало хорошей колбасы, то мы на эту колбасу и повелись. Я имею в виду, уже позже, в 1980–1990-е, в перестройку. С одной стороны, нам действительно не хватало колбасы, с другой — мы хотели слушать не вокально-инструментальный ансамбль «Лейся песня», а «Битлз», «Лед Зеппелин» или «Пинк Флойд» или еще что-то, а нам не давали. Мы хотели носить туфли на платформе, а их не выпускали, и т. п. У них свобода, а у нас нет свободы. Все это в значительной степени оказалось ерундой. Но прежде чем это оказалось для нас ерундой, у нас в головах это сложилось в ясное понимание, что нас обманули, а жизнь прошла. На то, чтобы это понять, у некоторых ушла целая жизнь.

А какая-то часть поколения этого всего и не заметила, они были просто заняты выживанием, им некогда было думать про «Пинк Флойд». У них семья, дети. Дети покидали семьи, и они не понимали, почему не могут обеспечить нормальное будущее себе, своим детям и внукам. Почему им надо уйти с работы, с завода? Завод закрылся, потому что никому не нужен, хотя, как выяснилось позже, ничего подобного, он был очень нужен! Только надо было его еще раньше реконструировать, переделать, сделать современным и т. д.

Какая-то часть всей этой истории, конечно, означает то, что нас обманули. Что с нами провели спецоперацию по закрытию одной очень интересной страны, в которой мы родились. И спецслужбы поработали, и ЦРУ, и «Голос Америки» и т. д. Не без этого. Но при этом у нас еще был внутренний настрой если не на приятие тех европейских ценностей, то, по крайней мере, на их понимание. Скажем, французских и итальянских фильмов шло много, самых разных — и комедий, и социальных, и драм. И «Мари-Октябрь», и «Фантомас», и «Вы не все сказали, Ферран», и все что хотите. У нас была представлена даже «новая волна», Клод Шаброль, уж не говоря о Клоде Лелюше, «Мужчине и женщине» и т. д. И когда мы смотрели на эту жизнь… Да, у нас живут не так, но в то же время — ничего особенного, люди нам понятные, а может быть, даже и близкие… Мы с ними, конечно, хлебнули горя, воевали и вместе с ними, и против. Но телевизоры у нас работали на французской системе, и это образ, а не только факт.

То, что происходит сейчас в Европе, то, что Европа отказывается от самой себя, от собственных ценностей и установок, — это трагедия, на мой взгляд. Нынешние карлики еще вчера были гигантскими империями. Как они себя вели — это, понятно, ужас. Что Британская империя творила в своих колониях, и французы, и все... Но при этом там были великие просветители и ученые. И даже плохие ученые, которые там по тем или иным причинам не прижились, ехали к нам. И здесь, между прочим, кто-то даже расцветал, а некоторые приложили значительные усилия и вошли в историю как создатели Российской академии наук. А писатели, художники? Да, конечно, Валентин Серов превзошел всех Ренуаров, вместе взятых (это мое частное мнение, не навязываю его), но это означает, что наши стояли на плечах великих. И Карл Брюллов, когда писал Италию, итальянскую девушку в винограднике, понимал, вслед за кем он это делает. Это тоже важно. Виноградник этот у нас сейчас в личности каждого, сознает он это или нет.

А теперь вдруг раз — и БРИКС. И что нам делать со всем этим наследием? Не надо ли нам его отбросить, отключить? Не надо этого делать. Надо умудриться быть мудрее, простите за тавтологию. То, что мы накопили при помощи Европы, воюя с Европой, с тем, что мы сейчас называем Западом… Не хочу говорить про американцев, это государство заслуживает отдельного разговора, но сейчас не о нем.

Так вот, накопленное во взаимодействии с Европой, переработанное нашим умом и опытом, «открытиями чудными», потом, кровью, слезами, радостью, вдохновением, не надо внезапно выбрасывать. Там у них умопомрачение в сфере традиционных ценностей, они легкомысленно отказываются от христианства, которое веками цементировало Европу.

Но, несмотря на все беды и войны, которые там происходили, еврочеловек так устроен, он такое существо, по Эриху Марии Ремарку, которое воюет, убивает других, выполняет кем-то поставленные перед ним задачи, но при этом пишет стихи, неотрывно, мучительно размышляет о своем месте в жизни. О том, что он, собственно говоря, делает, куда идет. Шолохов именно поэтому — европейский писатель. Он казачий писатель, русский, советский — что хотите, но он европейский писатель.

Он не китайский писатель.

Поэтому нам, когда поворачиваем на восток, надо кое-что прибрать к рукам. Европу раньше кто похищал — бык? Считаю, медведь, в свою очередь, должен похитить Европу. Нетрадиционные сексуальные отношения оставить им — бог с ними, если им так больше нравится. Но цивилизацию медведю придется спасти.

Может, это в целом и есть задача БРИКС? И дракон нам поможет — вместе с Рикки-Тикки-Тави? Когда возникает проблема — мы создаем комиссию, верно? Думаю, надо при БРИКС создать комиссию по инвентаризации европейских ценностей — и начать их беречь. Нам надо сберечь эти европейские ценности, как мы в свое время сберегли Дрезденскую галерею. В широком виртуальном смысле, эти подлинные европейские ценности нам надо у Европы, коль они ей не нужны, забрать. Унаследовать.

Я как-то, когда у нас обострились отношения с Британией, писал — да провались она. Хотя я очень любил ездить в Британию, в Лондон — это просто родной город. Сидели там, пили лондонское пиво, пытаясь понять, чем же оно хорошо, и т. д. В 8 утра ходили в паб, единственный в Лондоне, который специальным королевским указом открывался в 8 утра (все остальные в 11:00), потому что рядом мясной рынок, и рубщики мяса, которые заканчивали свою работу к 8 утра, могли пропустить стаканчик. Конечно, ныне паб закрыт. Веганы, что ли, постарались? Я бы его не закрывал никогда, просто как европейскую ценность. Может,

его к нам сюда куда-нибудь перенести, открыть рядом с каким-нибудь мясным рынком.

Впрочем, вернемся к более утонченным вещам. Европейцы думают, что могут нас отменить, не пустить, игнорировать и нанести нам урон. Они пока не понимают, что, поворачивая на Восток, изучая иероглифы, любуясь на просвет прекрасным китайским фарфором, мы должны решить одну важнейшую задачу. Русскому воину, русскому человеку, русскому ученому, русскому журналисту, кому угодно, эта задача по плечу. Я абсолютно уверен — мы должны спасти еще и Европу. Возможно, она в лучших своих проявлениях пока переедет к нам в сердца, в души, в умы. Она переедет и там поживет. Если там одумаются, если мы все хором не сгорим, не превратимся в серый ядерный пепел, а такое тоже возможно, то мы потом эти сокровища Европе вернем, как Дрезденскую галерею. Если захотят. С ними ничего не произойдет, когда они будут у нас в сердцах, в душах. Только лучше станут. Мы их еще и отреставрируем за свои деньги. Мы еще эту, так сказать, пыль веков, за которой уже ничего не видно, может быть, аккуратно сотрем. А может быть, оставим как есть, потому что эта пыль, эта патина, эти кракелюры — это тоже ценность. И мы это понимаем. Только вы, граждане европейцы, почему-то перестали это понимать.

Вот почему мы поворачиваем на Восток. Потому что вы не оставляете нам выбора.

А в конце, в последнем абзаце, выражу сомнения — в самом себе, в тексте, который только что представил вашему вниманию. И ничего страшного: это очень по-европейски. Может быть, дело в том, что нам надо с такой же любознательностью и с таким же внутренним чувством, которое всегда отличало русского человека, отнестись уже не к Европе, а к Китаю, Индии, Бразилии, и к новым задачам, которые перед нами неожиданно были поставлены. Возможно, мы сами их так не формулировали, но сама жизнь каким-то образом так устроила. У нас часто сначала что-то происходит, а потом мы это осмысляем.

Даже крымская история до сих пор ведь еще ждет своего Льва Толстого. Говорят, что Крым вернулся в родную гавань. А может быть, и Россия сейчас возвращается в родную гавань? В ту самую бухту Золотой Рог, которая мне так близка. И я сейчас не про Стамбул. Во Владивостоке есть бухта Золотой Рог, красивая бухта, которая тоже носила, между прочим, китайское название, но стала Золотым Рогом, что, кстати, калька с другого, фактически европейского Золотого Рога.

Теперь он наш.

С. Г. Мусиенко[1]

«HOMO BRICS» НА ФОНЕ «HOMO EURAMERICANUS»

Дмитрий Сергеевич Лихачев утверждал: «Без умения обратиться друг к другу мы теряем себя как народ. Как жить без умения назвать? <…> Вообще заметить какое-нибудь явление — это дать ему имя, создать термин, поэтому в Средние века наука занималась главным образом называнием, созданием терминологии. <…> Называние уже было познанием. Когда открывали остров, ему давали название, и только тогда это было географическим открытием. Без называния открытия не было»[2].

Поэтому тема сегодняшних Лихачевских чтений «БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций» мне представляется очень актуальной и своевременной.

Оливье Рокпло, доктор исторических и политических наук Университета Сорбонна (Париж), на Лихачевских чтениях 2023 года в своем докладе[3] сделал заявку на очень интересную, на мой взгляд, тему «Введение в проблему Homo Euramericanus», в которой причиной европейского кризиса автор называет появление так называемого Homo Euramericanus, не являющегося «ни французом, ни европейцем, ни североамериканцем, а представляющего трансатлантическую эрзац-культуру».

Представляется, что рассмотрение проблем и перспектив формирования новой глобальной платформы культурного сотрудничества в рамках БРИКС (наука, культура, искусство, образование, экономика, право) необходимо начать с определений и терминологии по Д. С. Лихачеву.

Кто ты будешь, «Homo BRICS»?

По словам Д. С. Лихачева, «если у людей, населяющих какую-то географическую территорию, нет своего целостного культурного и исторического прошлого, традиционной культурной жизни, своих культурных святынь, то у них (или их правителей) неизбежно возникает искушение оправдать свою государственную

[1] Директор Аналитического центра ЕсооМ, член Общественно-консультативного совета при Министерстве образования Республики Беларусь, член научно-экспертной группы при Государственном секретариате Совета безопасности Беларуси. Автор книг «Гордость ЗА Беларусь», «Куда идем? Беларусь, Россия, Украина» (в соавт.), «Привкус „цветных революций“» (в соавт.). При его участии подготовлены сборник материалов Международной конференции «20 лет без СССР — СНГ — Евразийский Союз», книги «Республика Беларусь между Востоком и Западом», «Государственность. Национальная идея Беларуси», «Belarus: Independence as National Idea», «Bialorus: model panstwa i gospodarki» («Беларусь: государственная и экономическая модель») и др. Член правления Союза писателей Беларуси.

[2] См.: *Лихачев Д. С.* Я живу с ощущением расставания… // Комсомольская правда 1996. 5 марта. URL.: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/izbrannoe_misli_o_jizni/0022.pdf.

[3] *Рокпло О.* Мысль Д. С. Лихачева и культурный кризис французской элиты XXI века. Введение в проблему Homo Euramericanus // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб. : СПбГУП, 2024. С. 112–122.

целостность всякого рода тоталитарными концепциями, которые тем жестче и бесчеловечнее, чем меньше государственная целостность определяется культурными критериями»[1].

Этот портрет, пророчески нарисованный Лихачевым, в точности соответствует портрету Европейского союза (ЕС), в частности тому, который мы наблюдаем с 2020 года. Для нас важно избежать иллюзий в отношении ЕС как партнера в начале пути построения нового пространства диалога культур и цивилизаций БРИКС.

Поэтому важно узнать оценки европейских реалий через призму понимания французского мыслителя О. Рокпло, чтобы не попасть в ловушку отсутствия общего культурного кода для БРИКС. Понять, что представляет собой ЕС.

Даже эфемерные попытки гегемонии, пытавшиеся объединить большую часть Европы: Франкская империя, Священная Римская империя, папская теократия XIII–XIV веков, австро-испанская, а затем австро-венгерско-германо-итальянская монархия Габсбургов, семейный пакт Бурбонов — каждая из них имела свое культурное прошлое, свои традиционные ориентиры и духовные святыни. Все эти попытки создать Европу опирались на национальные традиции, но также и прежде всего на Римскую империю, истинную матрицу двух частей Европы — латинско-католической и греко-православной. Следуя мысли Лихачева, можно с полным основанием утверждать, что сила и культурная глубина, а значит, и легитимность этих имперских конструкций обеспечивали как уровень насилия, ограниченный самим уровнем культуры, так и бесполезность насилия как источника мощи[2].

Наполеоновская империя — это панъевропейская конструкция, которая гораздо более жестока, чем ее предшественники, именно по причинам, указанным Д. С. Лихачевым: эта империя не имеет стабильного культурного фундамента и не знает точно, чем она является (французской, франко-итальянской, неокаролингской, неоримской империей? Идеологическая империя, воплощающая Французскую революцию и Просвещение?)[3].

После периода прусской стабильности при Бисмарке (Kleindeutsche Lösung) Второй рейх в 1891 году вступил в культурный кризис, который постепенно привел его к пангерманизму (Grossdeutsche Lösung). С 1915 года Второй рейх полностью утратил немецкие культурные ориентиры и стал покоряющей империей, которая поглотила Австро-Венгрию, аннексировала Польшу, Прибалтику, сателлизировала Румынию, Украину, Финляндию и больше не имела границ. Поэтому уровень насилия был выше, чем во Французской империи[4].

Третий рейх отличается особенно высоким уровнем насилия по той же причине, но еще более острой. Начиная с 1941 года у него больше не было культурной базы, это уже не была Великая Германия, потому что она двигалась ко все более отдаленному Востоку, который хотела колонизировать. Это была просто пангерманистская, то есть идеологическая, военная империя, которая не знала, где находится ее культурный центр тяжести: был ли это по-прежнему Берлин и Пруссия? Арийская Скандинавия? Мифическая готская украинско-польская империя древнего короля Германариха? Или даже неоязыческая империя? Ни одна культурная традиция не позволяет ей стабилизироваться, и этим объясняется ее разрушительное и саморазрушительное призвание[5].

Наконец, последней из этих панъевропейских конструкций является ЕС. После периода становления в рамках межгосударственного сотрудничества (ЕЭС, 1957–1992 гг.) он оказывается новым гегемонистским и экспансионистским союзом, но менее жестким. Но прежде всего он не основан ни на одном элементе культуры. Доказательства этого очень наглядны. Символы, которые сами по себе являются векторами культуры, в случае ЕС незначительны. Знаменитый флаг с двенадцатью звездами — один из единственных используемых и признанных символов, который даже официально не отсылает ни к чему, кроме идеи абстрактного и смутного единства (любая богородицкая религиозная ссылка прямо отвергается). Символ «€» — это всего лишь евродоллар. Что касается банкнот евро, то на них представлены архитектурные модели, не существующие в реальности. Эти выкорчеванные символы являются образцовыми. ЕС никогда не претендовал ни на принадлежность к Римской империи, ни на культурное или историческое наследие. Удивительно, что в древности Европа была нимфой с Зевсом-быком и что на протяжении XVII–XIX веков Европа повсюду изображалась в виде коронованной нимфы с мечом и глобусом, ассоциируясь с престолом, коронами, благородным конем, храмом, книгой, художественными и научными инструментами, то есть именно с инструментами культуры (согласно иконографической традиции, установленной Чезаре Рипа)[6].

Но идеологи ЕС объясняют: «Устаревшая, слишком герметичная сегодня, слишком христианская, слишком имперская или даже империалистическая, слишком вооруженная и потому воинственная аллегория, кажется, была намеренно оставлена вне изображений и обречена на определенное забвение»[7]. Они могли бы добавить, что она также слишком европейская, слишком культурная и слишком правдивая. Таким образом, эти символы являются неизвестным для ЕС настоящим отрицанием культуры. И чем больше развивается ЕС, тем меньше у него культурных ориентиров. Именно фанатичный европеист Франсуа Олланд в 2012 году заставил убрать из школ древнегреческий и латынь, а есть ли что-то более европейское, чем

[1] *Лихачев Д. С.* Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. 4-е изд. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 22.

[2] *Рокпло О.* Указ. соч. С. 120.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] *Рокпло О.* Указ. соч. С. 120.

[6] Там же.

[7] *Gosselet S.-K.* Représentation de l'Europe // Encyclopédie D'Histoire Numérique de L'europe. URL: https://ehne.fr/fr/encyclopedie/th%C3%A9matiques/les-arts-en-europe/repr%C3%A9sentation-de-l%E2%80%99europe/repr%C3%A9sentation-de-l%E2%80%99europe.

эти языки, которые объединяли все народы Европы на протяжении 2500 лет?[1]

У Рокпло была возможность несколько раз встретиться с Филиппом Першоком, чрезвычайно влиятельным в социальном и политическом плане идеологом на уровне ЕС, ныне депутатом Европарламента, который считается главным лидером европеистского движения во Франции, и прежде всего в парижской элите. Дискуссия О. Рокпло с ним в 2010 году была посвящена символам и культурно-историческим ориентирам ЕС. Ф. Першок четко выразил мысль, что ЕС — это «инновационный проект», который самодостаточен и поэтому не имеет культурных и исторических ориентиров. По его словам, у ЕС нет прошлого, он существует только в настоящем и будущем. ЕС основан на идеологии (либерализм, права человека, федерализм, «идеология мира», то есть не пацифизм, а атлантизм) и международных договорах, которые применяются бюрократией юристов, специализирующихся на заумном технократическом жаргоне[2]. Эта идеология, по словам Першока, должна регулярно пополняться политическими устремлениями элит новых присоединяющихся стран, поскольку эти элиты все еще находятся под чарами (для них футуристического) проекта, а не его применения: «ЕС ведет себя как закомплексованный подросток, который не знает, что делать со своим меняющимся телом. Однако именно в поисках новых мечтаний от стран, которые могли бы присоединиться к нему, он будет расти и принимать свою роль в мире»[3].

Отсюда постоянный и опасный экспансионизм, который позволяет ЕС мериться силами с другими (Россия, Турция, арабский мир, Африка), чтобы подтвердить свою идеологию через победу, будь то выборную, будь то военную, будь то смешанную (= «цветная революция»)[4]. Как было написано в европейских СМИ и постоянно повторяется относительно Грузии, Украины, Молдавии и других стран, «демократия победила, поэтому Запад и ЕС победили». В этом смысл существования и легитимность ЕС. Этот экспансионизм не является мирным, и когда он не побеждает (в Турции, Беларуси, Сербии, РФ, на Украине), он немедленно навешивает ярлык врага на другую страну[5], даже если взаимность со стороны этих стран не соответствует действительности[6].

Более того, образ ЕС-«подростка» подтверждает идею неократии. Она даже может помочь понять нездоровое увлечение Homo Euramericanus гендерной теорией и ЛГБТ[7]. Это свидетельствует об общем культурном регрессе французских лидеров к подростковому (и даже детскому) возрасту и инволюции[8].

В этом смысле, следуя логике мышления Д. С. Лихачева, можно сделать вывод, что ЕС потенциально может быть еще хуже и опаснее Третьего рейха, потому что у него нет даже культурной фантазии.

В 2021 году книга историка Х.-Ж. Суту «Europa! Les projets eurropéens de l'Allemagne nazie et de l'Italie fasciste», в которой он раскрывает скрытую часть истории ЕС[9]. Он показывает, что первое реальное воплощение идеи Европейского союза произошло во времена Третьего рейха и что это был не просто немецкий проект, а конструкция, в которой принимали активное участие итальянские фашисты, являвшиеся реальной движущей силой. Причина этого вновь кроется в связи между культурой, легитимностью и насилием, выявленной Д. С. Лихачевым. Как и Второй рейх, вновь объединенная Италия имела культурно размытую основу, поэтому итальянский фашизм колебался между итальянской нацией и новой Римской империей. Именно вторая концепция, как показывает Суту, легла в основу первого Евросоюза 1940-х годов. Однако первый Евросоюз включал обширную сеть западноевропейских католиков, центристов и социалистов, которые действовали по своей воле, и именно они навязали идею специфически европеистского антисоветского и антианглосаксонского образования, тогда как Третий рейх изначально был намного меньше (нордическим) и намного больше (всемирным), чем панъевропейский союз. Мы также можем отметить преемственность людей и идей между этой политической конструкцией 1942 года и ЕС 1992 года, как показывает архетипический пример Франсуа Миттерана[10].

Эта история была забыта и стерта из памяти поколения после 1950 года, но ее потенциальное развитие, кажется, повторяется на наших глазах.

Сегодня химера ЕС, превратившаяся в гидру с бесчисленными головами, похоже, находится на пути к трансформации в империю с тоталитарными тенденциями. Неизбираемая Еврокомиссия во главе политического образования, внезапно ставшего автономным от стран-членов с 2020 года и лишенного какой-либо культурной основы, начала превращаться в диктаторскую и воинственную технократию, сначала с либертицидным управлением вирусом, затем с подавлением массовых демонстраций против его политики и, наконец, с его воинственными импульсами вместе с ультранационалистической и культурно беспозвоночной Украиной против России, все еще опирающейся на свою культуру и глубокую историю[11].

---

[1] *Рокпло О.* Указ. соч. С. 120–121.

[2] Там же. С. 121.

[3] *Perchoc P.* L'utopie est à nos portes // Voxeurop. URL: https://voxeurop.eu/fr/lutopie-est-a-nos-portes.

[4] *Мусиенко С. Г., Осипов М. В.* Привкус «цветных революций». М. : Беларусь, 2023. С. 400.

[5] *Patten C.* Russia's hell-hole enclave. There is a centre of organised crime in the middle of Europe // The Guardian. 2001. 7 Apr. ; *Roqueplo O.* La Russie et son miroir d'Extrême-Occident : l'identité géopolitique de la Russie ultra-périphérique sous le prisme de l'Oblast' de Kaliningrad. Étude géographique et géopolitique 2018. Chap. IV. URL: https://hal.science/tel-02080112.

[6] *Рокпло О.* Указ. соч. С. 121.

[7] «Международное общественное движение ЛГБТ» признано экстремистской организацией, его деятельность запрещена на территории России.

[8] *Рокпло О.* Указ. соч.

[9] *Soutou H.-G.* Europa! Les projets eurropéens de l'Allemagne nazie et de l'Italie fasciste. P. : Tallandier, 2021.

[10] Ф. Миттеран был правым французским адвокатом-католиком и высокопоставленным государственным служащим, который верно служил вишистскому режиму во времена франко-нацистского европеистского сотрудничества, а затем стал антикоммунистическим социалистом, поддержал май 68-го, окружил себя 68-щиками, когда стал президентом в 1981 году, и посвятил себя строительству ЕС, подписав Маастрихтский договор в 1992 году. Его, казалось бы, противоречивая карьера вполне последовательна с точки зрения европеизма.

[11] *Рокпло О.* Указ. соч. С. 121.

Эта панъевропеистская империя, не имеющая культурной основы и потому неустойчивая, также неясна: она называет НАТО своей системой обороны, чьи англосаксонские столпы не входят в ЕС, а имеют ту же штаб-квартиру в Брюсселе. Мы имеем дело с культурно блуждающей империей, ни «европейской», ни истинно англосаксонской, напоминающей на этот раз три последние жестокие попытки гегемонии, предшествовавшие ей[1].

В действительности ЕС — это всего лишь геополитическое зеркало Homo Euramericanus: человека без культуры, родины, границ. У него даже нет географического центра отсчета. Кто в ЕС может считать Брюссель настоящей столицей и центром? Брюссель — это город, поделенный надвое между валлонскими и фламандскими районами. США, город Нью-Йорк и штат Калифорния, не говоря уже о Лондоне, на самом деле являются для лидеров ЕС более культурным центром, чем любое другое место в ЕС. Таким образом, ЕС становится настоящей Евромерикой, которая находится под угрозой присоединения к доминирующему культурному полюсу.

В целом ЕС — образование, которое избегает культурного измерения во всех смыслах этого слова. Поэтому он возвращается к форме ультраархаического политического строительства, потенциально близкого к варварству, со стороны как собственной антикультурной базы, так своих антиисторических неократических элит. ЕС — это не Европа, а анти-Европа, потому что нет никакой Европы, кроме как в культуре, истории и памяти веков. Идеология европеистов — это либерально-либертарианская технодемократия. Она проводит политику европеизации своих членов. Другими словами, она осуждает все, что не является этой идеологией, «неевропейским». Но кто может поверить, что идеология, возникшая в 1970-х годах, имеет хоть какое-то отношение к Европе, ее трехтысячелетней памяти и культуре?[2]

В действительности каждый настоящий ученый и культурный человек в Европе является настоящим европейцем. Именно таких людей сегодня не хватает, их оттесняют и заменяют Homo Euramericanus. В то время как Николя Саркози, 23-й президент Французской Республики, утверждал, что африканец недостаточно вошел в историю, кажется, что элиты Франции и ЕС, то есть Homo Euramericanus, уже покинули ее навсегда[3], а «Homo BRICS» еще не появились?

Исходя из несовершенного опыта интеграционных структур постсоветских стран: СНГ, Союзного государства Беларуси и России, Евразийского экономического союза (ЕАЭС), вопрос обсуждения пространства диалога культур и цивилизаций в рамках БРИКС остро стоит на повестке дня, чтобы не уподобиться ЕС с ее удивительной метаморфозой культуры.

В связи с этим вспоминается случай, произошедший в 1996 году, когда стороны не договорились об общей системе ценностей, сотрудничестве Беларуси и России, газеты написали, что «2 апреля 1996 года войдет в историю как день учреждения Сообщества Суверенных Республик»[4].

Потом был шквал публикаций в прессе: «Вновь мы в ССР!»[5], «От СССР остались только три буквы»[6], полное непонимание — «ССР? СНГ? Сообщество?»[7] и других резких статей. Только затем образование стало Союзным государством Российской Федерации и Республики Беларусь. Надо быть внимательнее к символам.

Великий мыслитель Д. С. Лихачев говорил: «Между тем культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства»[8].

[1] *Рокпло О.* Указ. соч.
[2] Там же. С. 121.

[3] *Рокпло О.* Указ. соч.
[4] Обращение Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко к белорусскому народу // Сов. Белоруссия. 1996. 2 апр.
[5] Вновь мы в ССР! // Комсомольская правда. 1996. 3 марта.
[6] От СССР остались только три буквы // Коммерсантъ-Daily. 1996. 3 марта.
[7] ССР? СНГ? Сообщество? // Свободные новости плюс. 1996. 5–12 апр. № 14.
[8] *Лихачев Д. С.* Культура как целостная среда. С. 28.

В. В. Наумкин[1]

БРИКС И АРАБСКИЙ МИР

Не претендуя на то, чтобы представить здесь теоретически хорошо обоснованное освещение этой темы, хочу лишь выделить несколько линий, по которым могут выстраиваться и уже выстраиваются отношения БРИКС с арабским миром. А они необходимы с учетом растущего веса этого региона для формирования успешно работающей глобальной платформы экономического и культурно-цивилизационного взаимодействия стран Глобального Юга (далее — ГЮ), о чем у нас и пойдет речь.

Первая линия: через процесс освоения арабскими государствами (далее — АГ), вошедшими в это объединение (будем для удобства называть его пока этим нейтральным словом), экономических возможностей членства в нем, включая участие в различного рода интеграционных проектах. Можно с уверенностью предполагать, что вступление в БРИКС с началом 2024 года таких располагающих большими экономическими возможностями, ресурсами, развитой базой и опытом АГ, как Египет, ОАЭ и Саудовская Аравия, будет способствовать эволюции самого БРИКС в углублении сотрудничества между АГ, а также в объединении их усилий по развитию коллективного взаимодействия со странами, не входящими в него. Это в первую очередь государства ГЮ, заинтересованные в развитии сотрудничества с ними, а также настроенные на вступление в БРИКС в дальнейшей перспективе. В рамках этого процесса будут, очевидно, преодолеваться последствия ограничений и рестрикций, связанных с санкциями государств коллективного Запада против отдельных государств — членов объединения, притом что членство в БРИКС не предполагает нарушение взятых на себя АГ международных обязательств. Некоторые коллективные проекты, в том числе в сфере инвестиционной деятельности, рассматриваются в докладах ряда участников Чтений. Замечу, что примером АГ, статус которого определяется как *нейтральный с дружескими признаками* и которое не присоединилось к американским и европейским санкциям против России, продолжив партнерство с ней, являются ОАЭ.

Вторая линия: через использование возможностей БРИКС для нормализации и развития отношений между АГ — членами объединения, с одной стороны, и конфликтующими с ними другими государствами — членами БРИКС или же не входящими в него — с другой. Многое в сфере урегулирования конфликтов и преодоления конфликтности уже было сделано даже до вступления АГ в БРИКС, но по некоторым направлениям им предстоит как наращивать усилия с использованием новых, недавно открывшихся возможностей, так и где-то только начинать их. Следует сказать и о том, что членство в БРИКС может способствовать и предотвращению перехода существующих разногласий в экономической, политической и культурно-цивилизационной сферах в конфликты, нахождению необходимых развязок. В этом контексте можно упомянуть, к примеру, о соответствующих процессах в саудовско-иранских отношениях, инициированных и поддержанных КНР, хотя в целом в отношениях между Ираном и арабскими государствами Персидского залива еще существуют проблемы. Так или иначе, потенциал БРИКС в этой сфере может быть востребован.

Третья линия: через использование возможностей БРИКС для достижения уверенности и облегчения балансирования в отношениях с такими глобальными партнерами, как одновременно США (для ОАЭ они в значительной мере выступают гарантом безопасности, не говоря уже о роли в торговле и инвестициях) и Россия с Китаем, и снижения зависимости от первых.

Четвертая линия: через оптимизацию приоритетов в сотрудничестве с отдельными государствами БРИКС на двустороннем треке, в том числе с другими новыми партнерами, для достижения наибольшей выгоды от реализуемых проектов. Рассмотрение в качестве примера отношений ОАЭ как нового члена объединения и Индии как «старого» его члена дает возможность продемонстрировать, насколько успешно преодолевается асимметрия их интересов и возможностей. Но прежде чем перейти к этой части моего доклада, затрону несколько общих вопросов. Отмечу, например, что если в области ценностей между государствами-членами не существует сколь-либо серьезных разногласий, то в области политики уровень разобщенности может достигать весьма высокого уровня. Об этом свидетельствует, в частности, голосование их представителей на Генеральной Ассамблее ООН (детальное рассмотрение этого вопроса не входит в мои задачи).

А среди перспективных сфер сотрудничества между ОАЭ и другими государствами в рамках БРИКС обычно называют рынок строительства и недвижимости (несмотря на отдельные элементы перегрева). Вхождение в объединение расширяет горизонты инвестиционных проектов и способствует их обновлению.

Что же касается интенсивного развития отношений между Индией и ОАЭ, то оно началось около 10 лет

[1] Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 600 научных публикаций, в т. ч. монографий: «История Востока», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Ближний Восток в мировой политике и культуре», «Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее», «Ближневосточный конфликт», «Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974–2010 гг.)», «Конфликты и войны XXI века: Ближний Восток и Северная Африка» (в соавт.), «Ближний Восток в поисках политического будущего» (в соавт.) и др. Главный редактор журналов «Восток (Oriens)», «Россия и мир: научный диалог», «Цифровое востоковедение», «Восточная аналитика». Председатель редсоветов журналов «Восточный архив», «Эпиграфика Востока». Член научных советов при министре иностранных дел РФ, при Совете безопасности РФ, Международного дискуссионного клуба «Валдай» и др. Награжден орденами Александра Невского, Дружбы, «Дуслык» (Татарстан), Славы (Мордовия), Почета (Совета муфтиев России), Национальным орденом кедра (Ливан), золотым орденом «За заслуги» (Палестина) и др. Лауреат Государственной премии РФ, премии Правительства РФ им. Петра Великого, премии С. Ф. Ольденбурга РАН, Золотой медали АН Республики Татарстан, Международной премии клуба «Валдай», премии им. В. В. Посувалюка МИД РФ и ТАСС и др.

назад с момента прихода на пост премьер-министра страны Нарендры Моди. В 2015 году он стал первым главой правительства Индии за 34 года, посетившим ОАЭ (до этого в 1981 г. страну с официальным визитом посещала Индира Ганди). В 2015 году отношения между Нью-Дели и Абу-Даби были повышены до уровня *стратегического партнерства*, и с той поры ОАЭ стали одной из самых часто посещаемых Моди стран — он совершил туда уже 7 визитов (больше только в США — 8). Последний визит Моди в ОАЭ состоялся совсем недавно — 13–14 февраля 2024 года.

Мои коллеги, изучающие вопросы сотрудничества государств АГ, вступивших в БРИКС в начале этого года, с основателями этого объединения, обычно акцентируют внимание на том, что приданный им статус стратегического партнерства был подкреплен рядом договоренностей, среди которых одним из значимых является Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве (CEPA), подписанное в 2022 году. В соответствии с этим соглашением обе страны согласились на отмену более 95 % импортных пошлин, что привело к значительному росту двусторонней торговли, которая в 2023 году достигла объема в 85 млрд долларов. При этом ОАЭ поддержала взятый объединением курс на дедолларизацию торговли, в чем важное место заняла торговля с Индией, с которой в 2023 году было подписано Соглашение о системе расчетов в местной валюте (LCS). Уже в декабре 2023 года Индия подтвердила, что осуществила первый в истории платеж в рупиях за поступившую из ОАЭ нефть.

Две страны, стремясь к диверсификации торговых и иных связей, что выпукло характеризует их позицию, не ограничились рамками БРИКС и еще до этого пошли, в частности, на вступление в другое объединение, а именно I2U2 (Индия, Израиль, ОАЭ, США), о чем было объявлено в ходе встречи министров иностранных дел четырех стран в октябре 2021 года. Целью группы было названо поощрение инвестиций в таких областях, как энергетика, транспорт, космос, здравоохранение и продовольственная безопасность. Несмотря на многосторонность объединения, I2U2 в зарубежных СМИ часто именовали «ближневосточным QUAD». По какой-то причине это событие не имело столь большого информационного резонанса, как в случае с БРИКС. Так, проект I2U2 даже не был упомянут в ходе последнего визита Моди в ОАЭ. Кстати, в рамках визита индийского премьера был заключен двусторонний инвестиционный договор, который, как ожидается, увеличит поток инвестиций из ОАЭ в Индию. Теперь Абу-Даби становится четвертым по величине источником прямых иностранных инвестиций в индийскую экономику, и организаторы БРИКС могут записать это в число достижений объединения.

Добавлю к этому, что во время визита было подписано еще и межправительственное рамочное соглашение, касающееся запущенного на саммите G20 в Нью-Дели в сентябре 2023 года экономического коридора Индия–Ближний Восток–Европа. Эта межрегиональная инициатива направлена на интеграцию торговых путей из Индии в Европу через ОАЭ, Саудовскую Аравию, Иорданию и Израиль с целью обеспечения более быстрого транзита товаров.

Но это соглашение в определенной мере представляет вызов для БРИКС и рассматривается аналитиками как альтернатива китайскому проекту «Один пояс — один путь». Тем не менее стоит отметить, что заявление индийского министерства иностранных дел, сделанное по итогам визита премьер-министра, содержит незначительные детали относительно конкретных договоренностей, а также не упоминает другие страны — участницы проекта. Сам проект пока находится на начальной стадии проработки, а конфликт на Ближнем Востоке, скорее всего, помешает его реализации.

Общую картину улучшает осуществление мер по развитию военного взаимодействия Нью-Дели и Абу-Даби, в первую очередь в области морской безопасности в Индийском океане. Особую важность эта область приобретает на фоне ухудшения ситуации в регионе в контексте продолжающейся войны в секторе Газа, нападения хуситов на торговые суда в Красном море и потенциального разрастания конфликта на другие части Ближнего Востока. Мои коллеги — эксперты в области экономики отмечают, что вытекающие из этого более длительные сроки доставки энергоресурсов, более высокие затраты на фрахт судов и возможный рост цен на нефть могут представлять значительный риск для экономического роста в Индии. Поэтому для страны важно координировать деятельность с ключевыми региональными игроками, такими как ОАЭ, чтобы обеспечить защиту своих интересов.

Для иллюстрации диверсифицированного подхода двух партнеров к военному сотрудничеству можно указать на проведенные 23–24 января 2024 года совместные учения ВВС Индии, Франции и ОАЭ в Аравийском море под кодовым названием «Песчаный рыцарь», после которых между Нью-Дели и Парижем была достигнута договоренность об активизации военно-морского сотрудничества в юго-западной части Индийского океана.

При анализе эмиратско-индийского сотрудничества нельзя не принимать во внимание тот факт, что 3,5-миллионная индийская диаспора составляет почти 40 % всего населения ОАЭ, а денежные переводы, отправленные ее представителями в Индию, в 2023 году превысили 20 млрд долларов.

Эмиратские дипломаты играют важную посредническую роль в урегулировании споров, в которые вовлечены некоторые новые члены БРИКС. Еще в 2018 году, до вступления в объединение и самих ОАЭ, и Эфиопии, они способствовали урегулированию разногласий между последней и Эритреей. А 1 января 2024 года Эфиопия и Сомалиленд подписали соглашение, предоставляющее Аддис-Абебе доступ к Красному морю, в ответ на признание Эфиопией независимости Сомалиленда. Официально объявлено, что соглашение «укрепит безопасность, экономическое и политическое партнерство между странами». В складывающейся ситуации эксперты указывают на важность формирующихся условий для дальнейшего усиления роли Абу-Даби в странах Африканского Рога,

учитывая исключительные отношения ОАЭ с Сомалилендом и начавшие теперь укрепляться связи Сомалиленда с Эфиопией.

Рассмотренный материал позволяет судить об огромном потенциале развития, которым обладает БРИКС, и тех преимуществах, которые получили от его укрепления и расширения состава государства ГЮ, и в частности страны арабского мира. Предоставляя своим членам возможность проведения суверенной, независимой политики, объединение увеличивает привлекательность членства в БРИКС и способствует экономическому росту и сохранению самобытности и культурно-цивилизационной идентичности входящих в него государств.

А. Д. Некипелов[1]

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРУ

Линейная логика развития мирохозяйственного устройства

По своей природе рыночная экономика атомистична. Ее основу составляют сетевые, горизонтальные связи между отдельными лицами, самостоятельно принимающими хозяйственные решения. Конечно, здесь имеются и иерархически организованные группы людей. Внутри таких коллективных образований преобладают вертикальные отношения, отражающие различную роль их участников в принятии и реализации решений.

Одной из таких значимых групп, действующих в рыночной экономике, является капиталистическая фирма, функционирование которой в идеале подчинено единой цели — максимизации прибыли. Вместе с тем несложно заметить, что появление любой фирмы опосредовано индивидуальным выбором — его делает каждый из ее сотрудников при найме на работу. При этом фирмы сами являются участниками горизонтальных рыночных взаимодействий с другими субъектами хозяйственной деятельности.

Еще одним важнейшим источником иерархических отношений в рыночной экономике является государство. С точки зрения природы рассматриваемой формы экономического устройства функции этого органа управления обществом представляются весьма ограниченными: они сводятся к защите прав частной собственности и гарантированию соблюдения сделок, заключаемых физическими и юридическими лицами. В этом смысле властные полномочия государства оказываются подчиненными задаче эффективного функционирования меновых отношений, по своей сути имеющих сетевой характер. При таком понимании географические границы государств не кажутся столь уж и важными; существенно лишь то, чтобы на любой территории обеспечивалось выполнение упомянутых государственных функций.

Еще К. Маркс обращал внимание на то, что интернациональный характер капиталистического общества связан с его атомистичностью. Отсюда известные тезисы ученого о том, что у пролетариев нет отечества, а классовые интересы капитала доминируют над национальными. Хорошо укладывается в эту схему и теоретическое положение, согласно которому экономические отношения представляют собой базис, тогда как государство, подчиненное интересам господствующего класса — капитала, наряду с культурой входит в состав надстройки общественной системы.

Принципиальная вторичность в рамках рассматриваемого подхода вопроса о конфигурации государственных границ не означает, что их конкретные очертания не имеют реальных экономических последствий. Необходимость мобилизации любым государством средств для финансирования деятельности, направленной на выполнение его упомянутых выше минималистских функций, сама по себе неизбежно приводит к появлению различающихся между странами налоговых систем. Это, в свою очередь, становится причиной различий в условиях ведения хозяйственной деятельности в отдельных государствах, что прямо сказывается на складывающихся внутри них ценовых пропорциях, а в результате и на транснациональных потоках товаров, услуг, финансовых ресурсов.

По мере технологического прогресса, сопровождающегося расширением масштабов производства, такого рода гетерогенность условий хозяйственной деятельности на планете все больше и больше вступает в противоречие с самой природой рыночной экономики. Если институт государства призван лишь обеспечивать необходимые условия для функционирования рынка, то естественной реакцией на все более расширяющиеся транснациональные хозяйственные связи должно быть стремление национальных государств совместными усилиями добиваться формирования единой на всем земном шаре нормативно-правовой среды для бизнеса. В фискальной сфере это в идеале предполагает последовательное движение в сторону учреждения единой мировой налоговой системы,

[1] Директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Очерки по экономике посткоммунизма», «Становление и функционирование экономических институтов: от „робинзонады“ до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве», «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века» «Общая теория рыночной экономики» и др.; статей: «О возможности формирования обновленной парадигмы теорий индивидуального и группового выбора», «Поиск социального оптимума: погоня за призраком?», «Кризис общей теории и некоторые проблемы экономического образования» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Награжден орденами Александра Невского, Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

а также полного отказа от использования таможенных пошлин и всякого рода ограничений на пути трансграничного перемещения факторов производства. Повышение степени однородности рыночной среды рассматривается при таком подходе как прямой и неизбежный результат технологического прогресса. В этом, собственно говоря, и состоит «линейный» характер данного подхода.

Интересно, что аналогичный вывод о неизбежном исчезновении под натиском технологического прогресса «государственных перегородок» и формировании однородного экономического пространства был распространен В. И. Лениным и на принципиально иное общественное устройство — социализм. В самом деле, его известный тезис о «мировом кооперативе народов» представляет собой не что иное, как социалистический вариант «конца истории». Здесь, правда, необходимо иметь в виду следующее обстоятельство.

В отличие от капитализма, социализм по определению не является атомистичным обществом. В его рамках основополагающими являются не горизонтальные (между отдельными экономическими агентами), а вертикальные (между членами ассоциации и ассоциацией в целом) отношения. Вследствие этого переход от локальных интересов отдельных стран к общему интересу «мирового социалистического сообщества» оказывается не столь простым[1].

Реальный ход мирохозяйственного развития

Реальный ход мирохозяйственного развития полностью подтвердил тезис об интернационализирующей силе технологического прогресса. На длительном историческом отрезке наблюдается последовательное наращивание, хотя и с известными колебаниями, всех видов международных хозяйственных связей: трансграничных потоков товаров и услуг, капитала и рабочей силы. На определенном этапе этот процесс приводит к возникновению транснациональных структур, в рамках которых внутрифирменное разделение труда приобретает характер международного.

Общий результат такого развития событий состоит во все более тесном переплетении национальных производственно-экономических систем и формирующейся на этой основе все более интегрированной мировой хозяйственно-технологической системы. На производственном уровне степень такой интегрированности проявляется в таких натуральных показателях, как доля полученных из-за границы сырья, услуг физического капитала и труда в создании отдельных видов продукции. В условиях рыночной системы производными от них экономическими показателями процесса интернационализации являются доли стоимости иностранных товаров в розничном товарообороте страны, иностранного капитала в национальных инвестициях, экспорта и импорта товаров и услуг в валовом внутреннем продукте и т. п. При этом близость взаимных международных производственно-экономических связей объективно не может быть одинаковой в различных частях мировой экономики. Здесь сказываются как особенности пространственного расположения производителей и потребителей, так и уровни технологического развития различных территорий.

Сложнее обстоит дело с институциональной стороной процесса интернационализации производства, отражающей степень однородности условий хозяйственной деятельности в различных частях земного шара.

В условиях капитализма свободной конкуренции процесс гомогенизации мирового экономического пространства развивался весьма быстро. Важную роль здесь играли два фактора. Во-первых, в этот период последовательно, по сравнению с эпохой централизованных феодальных государств, снижалась экономическая роль государства. Последняя постепенно сводилась к выполнению упомянутых выше двух функций — защите прав собственности и обеспечению действенности санкций в случае нарушения контрактных обязательств (государство как «ночной сторож»). Потребность в ресурсах, необходимых для реализации этих ограниченных функций, была относительно незначительной (достаточно сказать, что в начале XX века обычная доля расходов государства в валовом внутреннем продукте составляла примерно 10 %), а потому существовавшие различия в налоговых ставках и таможенных пошлинах оказывали ограниченное влияние на выбор между отечественными и иностранными партнерами. Во-вторых, важнейшим фактором, обеспечивавшим высокую степень однородности мирового хозяйства в этот период, являлось существование на территории всего земного шара фактически единой денежной системы, основанной на золотомонетном стандарте.

Ситуация начала меняться с переходом рыночной экономики в стадию несовершенной конкуренции («монополистического капитализма» в марксистской терминологии), который стал очевидным в последней четверти XIX века. В этих условиях меняется, в частности, роль государства: из «ночного сторожа» оно постепенно превращается в важнейший субъект экономической деятельности. Его задачей внутри страны становится поддержание социально-политической стабильности, а на международной арене — защита и продвижение интересов национального капитала. Переплетение внутренних и внешних функций превращает государство в мощный инструмент обеспечения конкурентоспособности национальной экономики.

Новым для мировой экономики явлением становится стратегическая конкуренция капиталистических государств. Она приводит к мощным межгосударственным коллизиям, в наиболее яркой форме проявившим-

[1] Это проявилось в период, когда мир был расколот на две общественно-экономические системы. Вывод о якобы объективном стремлении централизованно планируемых социалистических экономик к автаркическому развитию, который был весьма распространен в западной экономической науке, являлся явным преувеличением. Однако опыт стран Совета экономической взаимопомощи, объединявшего значительную часть стран социалистического лагеря, несомненно, свидетельствовал о том, что именно национальные государства являлись основными субъектами международных экономических отношений, выступая в них от имени соответствующих народов. В этих условиях отсутствовали возможности для постепенного усиления однородности условий хозяйственной деятельности: таковыми они могли стать лишь при отказе от самого института национальных государств. Это, впрочем, в более широком контексте соответствовало марксистской идее об исторической неизбежности отмирания института государства.

ся в ходе Первой, а затем и Второй мировых войн. Результатом на весьма продолжительный период стало даже распадение мирового хозяйства на два социально-экономических сектора — капиталистический и социалистический. В рамках мирового хозяйства формируются отношения трех типов, отличающихся по своему социально-экономическому содержанию, — внутри каждого из секторов, а также между ними.

Переход к стадии капитализма несовершенной конкуренции сопровождается существенными изменениями в мировой денежной системе, завершающимися полным переходом от золотого стандарта к кредитным (фиатным) деньгам. Важным результатом этого процесса стало появление у государства нового мощного инструмента влияния на экономическую жизнь общества — денежно-кредитной политики. Такое развитие событий не является случайным, оно прямо вытекает из изменившейся роли государства. Фактором, подталкивавшим к введению новых национальных денежных систем, стало обеспечиваемое ими существенное снижение трансакционных издержек. Возможность же реализации этих выгод появилась в связи с тем экономическим могуществом и производным от него доверием, которые приобрел в новых условиях институт государства. Однако этим последствия изменений в монетарной сфере не ограничились.

Исчезновение единой — золотой — основы у мировой денежной системы нарушило однородность мирового хозяйства в этой сфере и с точки зрения «линейной логики» знаменовало институциональный регресс. Негативные последствия фрагментации мирового денежного пространства удалось смягчить наделением доллара США функцией основной резервной валюты. Серьезные преимущества для США, вытекающие из такого положения национальной валюты, делают эту систему зависимой как от степени ответственности перед остальным миром страны-эмитента, так и — в более отдаленном плане — от соотношения экономических сил в мире.

В силу причин, анализ которых выходит за рамки предмета моего доклада, в начале 1990-х годов сектор централизованно управляемых социалистических экономик прекращает существование, и хозяйственная деятельность повсеместно подчиняется законам рынка. В этот же период приобретает практически всеобщее признание идея неотвратимости процесса глобализации, основанного на либерализации всех сторон хозяйственной деятельности — производственной, торговой, финансовой. В качестве свидетельства того, что прогрессирующее падение роли национальных государств неизбежно, рассматривается также мощное развитие транснациональных структур и связанное с их функционированием формирование международных цепочек добавленной стоимости.

Казалось бы, развитие мирового хозяйства вернулось к «линейной логике», определяющей неуклонное движение планетарной экономики к полностью однородному состоянию — «концу истории». Не случайно именно в этот период резко участились и рассуждения о формировании — пусть и не в самом ближайшем будущем — единого мирового правительства.

Однако несложно заметить, что такой возврат стал результатом не столько действия сил, «не зависящих от воли и сознания» отдельных акторов, сколько целенаправленных усилий наиболее развитых государств: либерализация хозяйственной деятельности позволяла им на том этапе закрепить лидирующее положение в мире. В сущности, деэтатизация касалась государств, не относящихся к странам «золотого миллиарда»; могущество последних как раз возрастало. Правда, нельзя не признать и того, что в среднесрочном плане получение выгоды от процесса глобализации — доступ к современным технологиям и формам ведения хозяйственной деятельности, приобщение к более высоким стандартам потребления — наблюдалось и в менее развитых странах. Долгосрочные негативные последствия для них процесса глобализации становятся понятными только сейчас: зависимое положение в транснациональных цепочках добавленной стоимости, ограниченные возможности проведения самостоятельной экономической политики, уязвимость к санкциям со стороны наиболее развитых государств.

Парадоксально, но закат процесса глобализации мировой экономики начался также по воле развитых государств Запада. Причиной стали как изменение соотношения сил на мировой арене (прежде всего — возвышение Китая), так и негативные последствия для этих государств сделанной ранее ставки на уход из реального сектора экономики и полную либерализацию финансовой деятельности. Мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 годов сыграл здесь роль «спускового крючка», повлекшего кардинальное изменение проводимой ими экономической политики.

Фрагментация мирового хозяйства как экономическая сторона процесса перехода к многополярному миру

Определенная часть исследователей полагает, что говорить об обращении вспять процесса экономической глобализации неправомерно. При этом они, как правило, ссылаются на то, что известное сокращение транснациональных хозяйственных связей после мирового финансово-экономического кризиса носит временный характер.

С последним утверждением вполне можно согласиться: есть все основания считать, что научно-технологический прогресс будет и впоследствии сопровождаться расширением масштабов производственной деятельности, а также зон сбыта продукции и применения факторов производства, в том числе за рамками национальных государств. Однако при таком понимании процесс глобализации ничем не отличается от того, что в экономической науке издавна принято обозначать термином «интернационализация хозяйственной деятельности». Как представляется, качественную специфику он приобретает только в том случае, если связывается, как отмечалось выше, с движением ко все более однородной экономической (в современных условиях — рыночной) среде. А вот с этой точки зрения как раз и имеются основания говорить о том, что на смену экономической глобализации пришел период фрагментации мирохозяйственного устройства.

Очевидно, что вступление мирового хозяйства в этот период не случайно совпадает с более общим процессом перехода от однополярного к многополярному миру, практически является его составляющей. Процесс этот по необходимости характеризуется острой конкуренцией государств («стратегической конкуренцией»), в ходе которой будут проявляться (и уже проявляются) не только чисто хозяйственные интересы, но и культурно-цивилизационные. С учетом большого количества государств мира, к тому же существенно отличающихся друг от друга уровнем развития, ресурсным и научно-производственным потенциалом, период фрагментации мирового хозяйства будет характеризоваться повышенным уровнем неопределенности, опасностью крупных межгосударственных конфликтов. Свидетельством этого являются сегодняшние события на Украине и Ближнем Востоке.

Сложность переживаемого процесса определяется многообразием и нетривиальностью задач, которые в ходе него предстоит решать всем странам.

Серьезной корректировке будет подвергаться понимание государственных интересов (в том числе в отношении аллокации ресурсов с учетом участия в международном разделении труда). При принятии решений о целесообразности увеличения степени международной специализации наряду с возможностями повышения эффективности производства существенно большее значение будет придаваться оценке рисков, связанных с усилением зависимости от партнеров из других государств.

Стремление создать зоны стабильности, позволяющие максимально полно использовать открываемые технологическим прогрессом возможности экономии за счет масштаба, будет содействовать формированию коалиций государств, характеризующихся повышенной степенью однородности экономического пространства. Такие интеграционные объединения, в свою очередь, будут претендовать на роли полюсов нового многополярного мира.

Процесс переформатирования мирового сообщества в целом и мирового хозяйства в частности неизбежно приведет к обновлению институтов международного экономического сотрудничества как в рамках отдельных групп государств, так и всей планеты. Уже сегодня такие тенденции отчетливо проявляются в монетарной сфере. Меняются состав и сравнительная роль резервных валют, в оборот внедряются цифровые валюты, не связанные с национальными денежными властями, активизируется использование «мягких» национальных валют в трансграничных расчетах, ведется активная проработка возможностей формирования новых международных валют. В связи с этим важно иметь в виду следующее обстоятельство.

Одна из главных проблем группового выбора состоит, как известно, в неизбежно возникающей здесь цикличности: для того чтобы принимать рациональные решения, члены группы должны принять решение о том, как они будут их принимать. Понятно, что в таких условиях баланс интересов не может не быть результатом многоступенчатого итеративного процесса. Более того, сам такой баланс может оказаться весьма шатким: ведь к его нарушению могут привести изменения не только в интересах отдельных членов группы, но и в их представлениях о том, как такие интересы следует согласовывать. К счастью, в сложившихся группах действует также и сила, как правило, придающая минимально необходимую устойчивость достигнутым соглашениям: отказ от них сплошь и рядом чреват бóльшими потерями для членов группы, чем проблематичные выгоды от их изменения.

Таким образом, следует ожидать продолжительного периода, в течение которого будет формироваться новая структура мирового сообщества и институты, опосредующие взаимоотношения его акторов как на глобальном уровне, так и в рамках отдельных коалиций. Одной из важных сторон этого процесса будут изменения в организации мировой экономики. И отдельным государствам, и их объединениям предстоит трудный поиск своего места в новой архитектуре мирового сообщества. Очевидно, что процесс этот будет иметь сложный, игровой характер.

Важную роль здесь играет БРИКС. Консолидация государств, входящих в эту организацию, сегодня определяется их общим пониманием необходимости перестройки на новых принципах мирового сообщества в целом и мирового хозяйства в частности. Разумеется, они стремятся уже сейчас строить свои взаимоотношения на этой новой основе и, таким образом, берут на себя функции важнейшего полюса находящегося в процессе становления многополярного мира. Однако вполне можно допустить, что по мере обретения этими принципами универсального характера сегодняшние партнеры по БРИКС окажутся участниками различных международных коалиций — будущих полюсов мирового сообщества. В этом отношении историческая роль БРИКС, по всей видимости, состоит в том, чтобы послужить основным полигоном для выработки новых справедливых принципов взаимоотношений различных государств и их коалиций в рамках мирового сообщества.

Р. И. Нигматулин[1]

ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ ПОЭТАПНОГО ПЕРЕХОДА К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ В РОССИИ

Проводимая в России в последние десять лет социально-экономическая стратегия стала бесперспективной и даже опасной, особенно после многопланового разрыва с Западом. В настоящее время бóльшая часть населения и интеллигенции России не осознает, что руководство социально-экономического блока правительства и корпораций заводят экономику страны все дальше в тупик. Это значит, что осознание придет позднее, но тогда выход будет значительно усложнен социальными обвалами.

Экономика в России развивается медленнее, чем в большинстве стран мира. По данным Мирового банка, начиная с 2013 года в течение 10 лет среднегодовой рост ВВП у нас составлял 0,9 %, в то время как среднемировой показатель роста больше в 3,1 раза, в том числе в Польше — в 4,7, в Республике Корея — в 3,2, в США и Евросоюзе — в 2,7, в Китае — в 7,5 раза. После 2012 года не растут реальные доходы основной массы населения.

Разрушено производство средств производства. Руководители корпораций и экономического блока правительства превратили отечественное машиностроение в сборочный цех из деталей, произведенных за рубежом. Они же сделали отечественное сельское хозяйство, обеспечивающее всего 4–5 % ВВП, агрохолдингом, использующим западные технологии, семенные и племенные фонды. Так, лишь 6 % семян — продукция отечественных производителей.

Возникла серьезная угроза технологическому суверенитету страны.

В 2023 году ВВП вырос на 3,5 %, а доходы населения — на 4,5 %, но это было достигнуто за счет закупок для обеспечения военного сектора на фоне значительного роста расходов государственного бюджета. Этот рост не может обеспечить улучшение социально-экономического положения основной массы населения страны, которое по-прежнему живет бедно, если оценивать его благосостояние по европейским стандартам.

Нынешняя стратегия обеспечивает совсем малые инвестиционные вложения в основной капитал, что делает невозможным экономический рост за счет новых несырьевых производств и освоения новых технологий. Эта стратегия «консервирует» бедность населения и вопиющее социально-экономическое неравенство между гражданами и регионами. Более того, даже те инвестиции, которые вкладываются в основной капитал, по сравнению с Европой вызывают в 1,5 раза меньший *экономический рост*, но в 1,5–2 раза больший рост *инвестиционной инфляции*.

При нынешнем социально-экономическом порядке правительство России не справляется со своей главной задачей — созданием условий для развития человека. Расходы на образование, науку, научно-технические разработки и здравоохранение в *долях ВВП* у нас в вдвое меньше, чем в Евросоюзе и других развитых странах. Помимо скудного финансирования, эти сферы разрушаются из-за нелепых чиновничьих реформ, носящих вредительский характер. И это продолжается уже более 30 лет.

С 2000 года число общеобразовательных школ и медицинских организаций сократилось в два раза. Продолжает сокращаться численность научных работников. По их числу, если оценивать пропорционально численности населения, мы занимаем 29-е место в мире.

Россия приблизилась к демографической катастрофе из-за низкой рождаемости и самой высокой смертности в Европе. Естественная убыль населения превышает полмиллиона человек в год. Смертность в трудоспособном возрасте по сравнению со среднеевропейским уровнем очень высокая: среди мужчин больше в 2,8, среди женщин — в 2 раза. Согласно рейтингу авторитетного международного журнала «Ланцет», определяемому по 33 показателям, по *уровню здоровья* населения Россия находится на 119-м месте среди 187 стран. В ближайшие 10 лет Россия будет испытывать острый недостаток трудовых ресурсов: рабочих всех квалификаций, инженеров, технологов и конструкторов.

Начиная с 2012 года Президент России регулярно издавал указы, в которых формулировались актуальные общенациональные цели развития. В частности, в Указе 2012 года для выполнения к 2020 году были заявлены следующие цели: создать 25 млн высокотехнологических рабочих мест, преодолеть бедность, средний класс должен составить более 50 % населения. Эти цели не достигнуты до сих пор. Ставилась цель достичь минимальной зарплаты, равной 24 тыс. рублей, и средней зарплаты, равной 70 тыс. рублей в месяц. Но даже несмотря на суммарную инфляцию с 2012 по 2023 год, превышающую 220 % (рост цен более 2,2 раза), этот уровень зарплат не достигнут до сих пор.

---

[1] Научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор. Заведующий кафедрой газовой и волновой динамики механико-математического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор Сколковского института науки и технологий. Автор свыше 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Основы механики гетерогенных сред», «Динамика многофазных сред», «Dynamics of Multiphase Media», «Механика сплошной среды», «Как обустроить экономику и власть России: анализ инженера и математика», «Кризис и модернизация России — 13 теорем», «4Э нашей жизни — экология, энергетика, экономика, этнос» и др. Имеет 21 авторское свидетельство на изобретения. Член Национального комитета России по теоретической и прикладной механике, Международной нефтяной академии, Международного союза теоретической и прикладной механики, Академии наук исламского мира. Член редколлегий 10 ведущих международных журналов по механике и теплофизике. Лауреат премии Ленинского комсомола, Государственной премии СССР, премий Правительства РФ в области науки и техники. Награжден золотой медалью ВДНХ СССР, Академии наук Республики Татарстан «За достижения в науке», орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Александра Невского и др. Почетный доктор Казанского университета и Кыргызского политехнического университета.

В Указе 2018 года было предписано достичь следующих целей к 2024 году: устойчивый рост численности населения, ожидаемая продолжительность жизни — 78 лет, снижение уровня бедности вдвое. Предполагалось, что Россия войдет в первую десятку стран мира по качеству образования, по объему НИР и т. п. Позднее срок достижения этих целей года был сдвинут с 2024 на 2030 год из-за коронавирусной пандемии и проведения специальной военной операции. Но и эти цели не могут быть достигнуты даже к 2030 году, если не изменить весь социально-экономический порядок, а для этого необходимы следующие меры, состоящие из семи пунктов.

1. Смена кадровой политики в экономическом блоке правительства и госкорпораций. Поднять роль инженеров и специалистов, показавших реальные достижения в производстве. Вывести из руководства тех, кто вопреки неоднократным предупреждениям специалистов привел российскую социально-экономическую сферу к ее нынешнему тяжелому состоянию. Отстранить тех, кто инициировал реформы, разрушавшие образование и науку, в том числе после 2010 года, и тем самым подорвал фундамент социально-экономической эффективности.

1.1. Отказаться от нынешней кадровой политики назначения руководителей, не прошедших необходимых ступеней освоения профессии и не имеющих опыта руководства. В руководстве отраслевых министерств ведущие позиции должны занимать крупные ученые, специалисты и инженеры.

1.2. Восстановить и развить систему инженерного образования, возродив физико-математическую подготовку в средней школе и политехнических вузах.

1.3. Разработать меры по приоритетной подготовке инженеров, техников и квалифицированных рабочих. Поднять их престиж и зарплату, в два-три раза повысить зарплату преподавателям вузов, колледжей и лицеев, сделав ее одинаковой для всех регионов.

1.4. Руководство министерствами, отвечающими за образование и науку, управление образовательными и научными учреждениями должны осуществлять специалисты с реальным научным, образовательным и практическим опытом. Подъем российского образования и науки связан не с вариацией Болонской и других систем, а с восстановлением лидерства тех, кто *читает лекции*, *ведет занятия* и *научные исследования*.

1.5. Для реализации нацпроектов в сфере образования, науки и культуры необходимо в 2 раза в течение пяти лет увеличить на них расходы консолидированного бюджета, достигнув хотя бы уровня новых членов ЕС: на образование — 8 %, на науку — 2,5 %, на культуру — 1 % ВВП.

2. Для достижения темпов экономического роста 3–5 % в год за счет развития производства несырьевых товаров, для создания новых производств и освоения новых технологий необходимо отказаться от накопления ресурсов в резервных фондах более 15 % ВВП, от бюджетного правила и использовать ресурсы на «инвестиционную атаку» с ростом инвестиций в основной капитал (ИОК) на 5–7 % в год.

2.1. При нынешней структуре производительных сил, их обеспечения, низкой эффективности, слабом кадровом потенциале и системной коррупции относительный рост инвестиций $\overline{\Delta I}$ вызовет дополнительный импульс инвестиционной инфляции Φ_C в размере $\Phi_C \approx 2\overline{\Delta I}$, что в два раза превышает уровень не только стран ЕС, но и Турции.

2.2. В связи с этим одновременно с ростом инвестиций необходимо совершенствовать кадровый состав руководителей предприятий, реализующих инвестиции, руководителей финансовых учреждений и систему отбора инвестиционных проектов.

2.3. Для повышения эффективности инвестиций в российскую экономику, которая в полтора раза ниже, чем в странах ЕС и других развитых и развивающихся странах, необходимо увеличить затраты на научно-технические разработки с 5 до 10 % ВВП, обязать основные «производственные» министерства и крупные госкорпорации иметь свои опорные проектные и научно-исследовательские институты, укомплектованные учеными и инженерами. Все стратегические решения и проекты должны быть апробированы и санкционированы этими институтами.

3. Реформировать налоговую систему: существенно снизить налоги на производство и бизнес (особенно на ту часть прибыли, которая расходуется на инвестиции в основной капитал) и переложить их на большие доходы физических лиц и их богатую собственность с учетом мирового опыта. В частности, осуществить следующие меры, давно реализованные в странах с растущей экономикой.

3.1. Доля консолидированного госбюджета в течение пяти лет должна вырасти с 34 до 45 %, а еще через пять лет — до 50 % ВВП.

3.2. Надо ввести прогрессивную шкалу подоходного налога с необлагаемым доходом до 20 тыс. рублей в месяц и растущими с увеличением доходов ставками от 13 до 30 %, при этом существенно повысить налоги на дорогую собственность и богатое наследство. Это позволит достичь указанных выше европейских уровней доли ВВП на расходы госбюджета (п. 3.1), в том числе на образование, науку, культуру и здравоохранение (п. 1.5).

3.3. В течение пяти лет поэтапно снизить ставку НДС в два раза, отменяя возмещение НДС экспортерам сырья.

3.4. Перераспределять налоговые поступления в пользу региональных и муниципальных бюджетов, увеличивая долю налогов, оставляемых в регионах-производителях.

3.5. Обеспечить контроль и ограничить вывоз капитала за границу, отделяя его от оплаты импорта.

3.6. Мобилизовать средства банков, которые составляют более 120 трлн рублей. Доходы банкиров должны формироваться за счет прибыли от реализации производственных проектов, а доходы, получаемые благодаря спекулятивным финансовым операциям, следует облагать высокими налогами. Банки должны совершенствовать систему отбора инвестиционных проектов и контроля использования кредитных средств.

3.7. Упростить налоговую отчетность.

4. Разработать и реализовать национальный проект развития малого и среднего бизнеса (МСБ), в том числе и для импортозамещения товаров, которые мы можем производить на своих предприятиях. Вклад МСБ в ВВП по примеру развитых и развивающихся стран должен вырасти с 20 до 40–50 %.

5. Обеспечить сбалансированную структуру экономики. Для этого необходимы следующие меры.

5.1. Так как цены на сырье, топливо, электроэнергию и металлы у нас по паритету покупательской способности и по отношению к ценам на потребительские товары в два раза превышают цены в США, необходимо добиться существенного их снижения на внутреннем рынке. Для этого следует исключить из цен необоснованные расходы и потери от неэффективного менеджмента, а из внутренних цен вывести избыточные налоги и другие государственные отчисления, переложив их на экспортную часть сырья, физический объем которой в 2–4 раза превышает внутреннее потребление.

Следует ориентироваться на следующие балансовые соотношения:

— цена 1 кг простого хлеба должна быть равна цене трех литров бензина;

— минимальная ежемесячная зарплата должна быть равна стоимости 1 тыс. литров бензина, или 6 тыс. кВт·ч электроэнергии;

— минимальная ежемесячная зарплата должна быть равна 50 % средней зарплаты.

5.2. Ввести механизмы сокращения издержек, более действенного контроля цен, которые должны умеренно превышать издержки, и контроля фонда оплаты труда, который должен умеренно превышать фонд цен потребительских товаров.

5.3. Внедрить механизмы перераспределения доходов компаний и предприятий в пользу оплаты труда основной массы работников так, чтобы доходы 95 % населения выросли с 45 до 60 % ВВП (в новых странах ЕС они составляют 70 %). При этом следует поддерживать баланс этих доходов с объемом производства товаров и услуг и их импорта, учитывая рекомендацию, которую в свое время дал руководитель экономического чуда послевоенной Германии Людвиг Эрхард: «покупательский спрос должен умеренно опережать производственные возможности».

6. Для преодоления острейшего демографического кризиса, связанного с самой большой смертностью в Европе и падающей рождаемостью, необходимы следующие меры.

6.1. В течение 5 лет увеличить расходы на здравоохранение с 3,7 до европейского уровня в 7,5 %.

6.2. Помимо повышения благосостояния населения, необходима программа поддержки материнства и детства с существенным увеличением ее финансирования (с 1 до 2 % ВВП) в течение пяти лет. Необходимо двукратное увеличение материнского капитала на каждого рожденного ребенка и ежемесячные выплаты матерям двух и более детей в возрасте до 7 лет в размере не менее половины медианной оплаты в регионе. Дополнительно потребуется увеличение социальных расходов на дошкольное и школьное образование, детский досуг, физкультуру и спорт (на 1 % ВВП).

Часть средств на эти цели можно обеспечить за счет налога на бездетность, который до 1960-х годов составлял 6 % дохода налогоплательщика.

6.3. Для преодоления острого кризиса на рынке труда необходимо разработать программу привлечения трудовых ресурсов из республик бывшего СССР, разделяющих цивилизационные ценности России.

7. Чтобы реализация перечисленных мер стала возможной, руководство страны должно выйти из плена мнимых экономических успехов и проявить политическую волю. Нет никаких сомнений, что такая воля будет поддержана подавляющей частью народа России. Финансовые, научные, организационные и методические проблемы имеют реалистичные решения.

М. Околи[1]

БРИКС В РАСШИРЕННОМ СОСТАВЕ КАК НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

После распада Советского Союза в 1992 году сдвинулись тектонические плиты геополитики, и с учетом нынешней геополитической напряженности, появления новых альянсов и потенциального соперничества между мировыми державами, стремящимися к влиянию в Африке и других регионах мира, стало очевидно, что мир становится более многополярным. Многополярность стала привычным термином по мере того, как государства-участники создают новые альянсы для устранения очевидной несправедливости в существующей системе.

Объединение БРИКС в расширенном составе как новое пространство диалога культур и цивилизаций возникло из стратегического треугольника Россия–Индия–Китай под названием РИК. Россия создала группу как будто бы для того, чтобы бросить вызов предполагаемой гегемонии Запада, таким образом возобновив старые связи с Индией и укрепив вновь обретенную дружбу с Китаем.

[1] Профессор Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск), научный сотрудник Института Африки РАН и Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е. М. Примакова РАН, доктор философии. Автор ряда публикаций на темы международных отношений, в т. ч.: «Политическая нестабильность и дестабилизация Африканского континента», «Multilateral Collaboration Still Crucial for Tackling Africa's Conflicts», «Expanding BRICS for Numerical Strength or Ensuring Qualitative Geopolitical Influence», «Fostering Intra-African Trade: Challenges and Perspectives», «BRICS and the Global South Cooperation» (в соавт.). Президент Нигерийского сообщества России, член Совета Российско-Африканского клуба МГУ им. М. В. Ломоносова.

Актуальность БРИКС в многосторонности XXI века

Страны — участницы БРИКС разделяют стремление к тому, чтобы играть более значительную роль в мировом пространстве через их общую платформу глобальных реформ. Хотя структура БРИКС является более или менее неформальной, то есть не включает секретариат, который имеется в большинстве многосторонних организаций, объединение, по-видимому, становится все более значимым благодаря своей философии и основополагающим принципам равенства. Главные роли БРИКС во многом вытекают из заявлений, сделанных на саммитах. На протяжении многих лет группа БРИКС основное внимание уделяла необходимости увеличения влияния развивающихся стран в глобальном управлении. После мирового финансового кризиса в совместном заявлении лидеров БРИКС в 2009 году отмечались важность координации финансовой политики через «Большую двадцатку» и необходимость реформирования международных финансовых институтов для обеспечения большего права голоса и расширения представительства стран с формирующейся экономикой, включая более прозрачный процесс выбора руководства. За последние годы страны БРИКС действительно укрепили свои партнерские отношения, создав из простой идеи настоящую организацию, чтобы доказать свою способность формировать новые финансовые институты с равными возможностями. В результате исключения России из глобальной платежной системы SWIFT в 2022 году страны БРИКС работают над созданием новой финансовой инфраструктуры, системы альтернативных платежей и интернет-сетей, чтобы утвердить многополярность мировой экономики.

Становление группы БРИКС и уровень решимости, который она демонстрирует в достижении своих целей экономического развития ее участников, — признак того, что БРИКС пришла, чтобы остаться. Развивающиеся страны и страны с формирующейся экономикой, будучи основанными на принципах равенства государств-участников и права доступа к фондам развития, принимают во внимание актуальность БРИКС как значимого глобального института. Многие страны вскоре придут к соглашению с группой БРИКС из-за значительного влияния, которое она оказывает на глобальную социально-экономическую жизнь в процессе формирования нового мирового порядка. Одна из основных характеристик, одинаково присущих странам — участницам БРИКС, связана с их населением, обеспеченностью природными ресурсами и экономическим потенциалом.

XVI саммит БРИКС

XVI саммит БРИКС пройдет в октябре 2024 года в Казани (Российская Федерация). В настоящее время Россия берет на себя руководство группой БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) и пятью новыми участниками (Эфиопия, Египет, Иран, Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия), которые вступили в объединение в январе 2024 года.

К предстоящему саммиту Россия уже разработала комплекс мероприятий, направленных на создание узнаваемого имиджа и направления, а также выгодных перспектив для объединения на основе его исторического развития и современных геополитических реалий.

В своем эксклюзивном обращении Президент РФ Владимир Владимирович Путин изложил основные приоритеты саммита, связанные с темой укрепления многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности.

В течение года Россия планирует провести более 200 мероприятий по трем ключевым направлениям сотрудничества БРИКС: политика и безопасность, экономика и финансы, а также контакты в культурно-гуманитарной сфере. Саммит БРИКС в Казани в 2024 году станет кульминацией председательства России.

Одной из важнейших задач является обеспечение интеграции новых участников в механизмы БРИКС без ущерба для их эффективности. Для реализации Йоханнесбургской декларации-II Россия разработает методику установления категории государств — партнеров БРИКС и подготовит список потенциальных кандидатов для представления отчета на Казанском саммите. Кроме того, Россия будет способствовать комплексной реализации Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 года и Плана действий инновационного сотрудничества БРИКС на 2021–2024 годы.

В качестве первого шага Россия планирует добиться того, чтобы решение о расширении членства в БРИКС, которое было принято в ходе XV саммита, состоявшегося 22–24 августа 2023 года в ЮАР, было реализовано и стало важным шагом по укреплению позиций объединения БРИКС, которое олицетворяет многообразие многополярного мира. Как в Кремле, так и в МИД РФ указали, что более 30 стран выразили заинтересованность в установлении тесных связей с БРИКС.

Вторым шагом станет проведение в России нескольких крупных международных культурных мероприятий, включая Всемирный фестиваль молодежи, Игры будущего, представляющие собой смесь физических видов спорта и киберспорта, а также Спортивные игры стран БРИКС.

Оба спортивных состязания пройдут в столице Республики Татарстан Казани (Игры будущего — в феврале, Игры БРИКС — летом 2024 г.).

Уже 24 января 2024 года В. В. Путин поручил профильным министерствам и ведомствам «представить предложения по расширению сотрудничества с государствами — участниками БРИКС в части, касающейся: осуществления совместных разработок в сфере мониторинга климатически активных газов и измерения углеродного баланса экосистем, в том числе разработки систем сбора и обработки данных для оценки антропогенных и природных потоков парниковых газов и других климатически активных веществ»[1].

Кабинет министров также намерен добиться, чтобы страны БРИКС взаимно признали инструменты и технологии в этой области. Еще одним направлением работы является создание основ для разработки совмест-

[1] Перечень поручений по итогам встречи с участниками III Конгресса молодых ученых. URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73317 (дата обращения: 16.04.2024).

ных научно-технических решений, направленных на смягчение воздействия человека на окружающую среду, климат, а также приспособление экономики и населения государств-участников к изменениям климата. Заказ должен быть выполнен до 3 июня 2024 года.

Разумеется, чтобы форум еще больше расширил свою географию, необходимо использовать самые передовые технологии для возможности удаленного участия из любой точки мира. Спикер Совета Федерации Валентина Ивановна Матвиенко поддержала БРИКС-2024 как способ консолидации сферы деятельности объединения и как явное свидетельство коллективной командной работы под председательством России. Впервые в рамках IV Евразийского женского форума, который пройдет с 18 по 20 сентября в Санкт-Петербурге, В. И. Матвиенко предложила провести специальную сессию, посвященную женщинам — Женский форум БРИКС. Она, в частности, заявила: «В рамках IV форума мы планируем впервые провести Женский форум БРИКС… и на этом Женском форуме БРИКС будут представлены и результаты действующих проектов, и новые инициативы, что позволит укрепить партнерские связи между странами — членами БРИКС, в том числе и по женской повестке»[1].

Перспективы и возможности расширения БРИКС

В заявлении на последнем саммите БРИКС были изложены некоторые результаты наблюдений и цели: «С добавлением шести новых членов БРИКС теперь объединяет 30 % мировой экономики, а совокупный ВВП составляет 30,76 трлн долларов США. На него также приходится 40 % населения мира. Лидеры саммита подчеркнули необходимость расширения торговли и инвестиций между государствами — членами БРИКС и укрепления их отношений. Лидеры на саммите надеются, что к 2050 году на долю БРИКС будет приходиться 50 % мирового ВВП, что коренным образом изменит экономический ландшафт»[2]. По оценкам, на группу БРИКС к 2040 году будет приходиться более 50 % мирового ВВП, поскольку структура БРИКС в расширенном составе за счет интеграции нескольких крупных стран будет способствовать достижению около 50 % мирового производства товаров и услуг. И далее: «В марте 2022 года эксперты МВФ предупредили, что введенные жесткие финансовые санкции могут угрожать постепенному ослаблению доминирования доллара США, привести к более многосторонним международным системам и стимулировать появление небольших валютных блоков, основанных на торговле между определенной группой стран. Уже отмечалось, что страны БРИКС создали механизм создания резервных средств на случай непредвиденных обстоятельств (CRA), механизм, направленный на обеспечение ликвидности для государств-членов, когда они сталкиваются с краткосрочными кризисами платежного баланса»[3].

В этом отношении БРИКС предлагает модель экономической интеграции, которая мотивирует страны к присоединению. По утверждению ученых, использование обсуждаемой единой валюты или национальных валют в торговом обмене между участниками может стать эффективным противовесом монополии или доминированию доллара США. Предполагается, что долларовая система с ее большой волатильностью систематически недооценивает валюты стран третьего мира. Кроме того, из-за повышения процентных ставок и роста курса доллара обслуживание долга, номинированного в долларах, для африканских стран становится более дорогим, из-за чего во многих странах возникла критическая ситуация, связанная с задолженностью. «Тот факт, что Египет, Эфиопия и другие страны Глобального Юга присоединяются к БРИКС, может означать, что они постепенно отходят от долларовой системы глобальной торговли, сообщили эксперты новостному журналу Jeune Afrique news. Для Африки использование доллара в торговле означает, что страны не имеют возможности торговать друг с другом в местных валютах»[4]. В контексте этого доклада важно констатировать, что африканских участников БРИКС (Эфиопия, Египет и Южная Африка) можно использовать в качестве «ворот» для выхода на обширные африканские рынки. Союз БРИКС не должен упускать такую возможность для углубления торговой интеграции Африки и эффективной реализации соглашения посредством пропаганды политики и разработки стратегии. Он мог бы проводить процессы торговой интеграции в тесном сотрудничестве с региональными экономическими сообществами и специализированными африканскими торговыми палатами по всей Африке.

Проблемы

Несмотря на потенциал и историю успеха БРИКС, существуют серьезные проблемы на пути реализации целей союза в глобализированной экономике. Во-первых, тот факт, что процветание мира зависит от энергетики и состояния рынка. Несмотря на то что БРИКС имеет это сравнительное преимущество в некоторой степени благодаря энергетическим ресурсам России, а также рынкам Индии и Китая, из-за растущего соперничества между Соединенными Штатами и Китаем, двумя крупнейшими странами мира, возникают серьезные проблемы для роста и процветания БРИКС.

Во-вторых, доминирование доллара США в мировой финансовой системе представляет собой серьезную проблему для группы БРИКС, особенно когда речь идет о введении валюты группы в финансовые институты по всему миру. Кроме того, доллар США также является доминирующей валютой на мировых фондовых рынках, а также рынках товаров, банковских депозитов, финансирования проектов в области развития и кредитов.

[1] tass.ru : [сайт]. URL: https://tass.ru/obschestvo/19785811 (дата обращения: 16.04.2024).

[2] Цит. по: *Shehu A., Okoli M.* BRICS and the Global South Cooperation // Global Research. 2024. 15 Febr. URL: https://counterinformation.wordpress.com/2024/02/15/brics-and-the-global-south-cooperation/ (дата обращения: 16.04.2024).

[3] *Shehu A., Okoli M.* Op. cit.

[4] Ibid.

Несмотря на значительную мощь Китая в мировой торговле, на юань приходится менее 2,5 % мировых сделок, то есть гораздо меньше доли доллара (около 40 %), а на евро — 36 %.

Вывод

Организация БРИКС, которую научные эксперты называют группой развивающихся стран, изначально ориентированных на экономическое сотрудничество, превратилась в значимого игрока в глобальной политике. Укрепилась позиция организации как конкурента западному влиянию в мировой экономике. Ее стремление к реформам, соответствующим национальным интересам своих участников, пользуется популярностью, повышая привлекательность для стран и мотивацию к присоединению. Благодаря существенному вкладу в мировой ВВП, стратегическому расположению и влиянию на международную торговлю и безопасность БРИКС играет ключевую роль. Однако в числе проблем можно назвать отсутствие формального устава для приема новых участников и наличие конфликтов, например между Китаем и Индией, которые могут препятствовать развитию ассоциации. Совместный подход, используемый основными членами, имеет для БРИКС существенное значение в преодолении внутренних конфликтов и достижении своих целей.

У такого партнерства в рамках БРИКС имеются перспективы, возможности и проблемы. Однако «организация борется за то, чтобы иметь такое геополитическое влияние, которое соответствовало бы ее коллективным экономическим возможностям». Она также воплощает синергию культур и исследует модель подлинной многосторонней дипломатии. Ее структура сформирована с учетом реалий XXI века.

«Усилия в этом направлении основаны на принципах равенства, равноправия и взаимоуважения, добросовестности и справедливости»[1]. Российская Федерация приняла председательство в БРИКС на 2024 год от Южной Африки, и это станет событием, меняющим правила игры в современных международных отношениях.

К. Окрай[2]

БРИКС В РАСШИРЕННОМ СОСТАВЕ И ВИ́ДЕНИЕ НОВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА

Крах биполярного миропорядка и невозможность существования однополярного миропорядка с точки зрения онтологии

После падения Берлинской стены широко, во всеобщей эйфории, отмечался крах биполярного миропорядка, и многие в Западном полушарии поспешили отпраздновать окончательную победу Pax Americana (концепция однополярного мира по-американски). Тем не менее с тех пор прошло более 30 лет, а ожидания так и не оправдались.

Мало того, что асимметрия власти экспоненциально выросла, что привело к гораздо более разрушительным конфликтам, но также, что более важно, лидерство Pax Americana оказалось не таким успешным, как ожидалось. При прежнем статус-кво, то есть предыдущем биполярном мировом порядке, США и СССР как лидеры двух блоков одновременно сдерживали и уравновешивали мощь друг друга, создавая обстоятельства для предотвращения или разрешения кризисов. В условиях однополярного мирового порядка США или возглавляемая ими группа развитых западных демократических стран либо не могли эффективно вмешиваться, либо сознательно воздерживались от вмешательства в глобальные кризисы и конфликты после падения Берлинской стены.

Одновременно с установлением нового постбиполярного мирового порядка ведущие либеральные политические умы провозгласили конец истории, утверждая, что либеральная демократия западного образца является высшей и наиболее развитой политической системой, и ставя ее в положение неоспоримого превосходства.

Однако либерально-демократические режимы попрежнему сталкиваются с серьезными дилеммами. Даже в развитых странах у либеральной демократии возникают онтологические проблемы, которые ставят под сомнение само ее будущее. Наглядным примером этого является последний тур президентских выборов в США и события, произошедшие вскоре после него.

Сейчас дебаты по большей части вращаются вокруг устойчивости демократических режимов в будущем.

За десятилетия, прошедшие после падения Берлинской стены, растущая асимметрия власти между Севером и Югом, развитым Западом и остальными странами, между богатыми и бедными привела к возведению новых стен, разделяющих эти полюсы.

Сама идея «национального государства» прочно утвердилась во многих уголках мира, и снова начали выстраиваться «стены» на границах. Ярким примером является напряженность в отношениях между Венгрией и остальными странами ЕС.

Считается, что стены на границах строят по причине массовой вынужденной иммиграции и они служат, чтобы блокировать перемещение масс. Тем не менее причинно-следственная связь имеет и обратную сторону: укрепление границ еще больше запугивает людей и приводит к лишениям, увеличивая иммиграционные потоки.

Наследие вооруженных конфликтов, а также экономические неудачи являются одними из причин массовой иммиграции, но можно утверждать, что оба факто-

[1] Цит. по: *Shehu A., Okoli M.* Op. cit.

[2] Вице-президент Фонда стратегических и социальных исследований Marmara Group (Стамбул, Турция), основатель и председатель правления компании UDAŞ International Consulting Inc., председатель Турецко-Британской ассоциации (Анкара). Указом Президента Итальянской Республики удостоен Почетного звания «Рыцарь-командор».

ра также связаны с растущей пропастью между богатым Севером и Глобальным Югом.

Укрепление национальных границ, усиливающаяся транснациональная иммиграция, а также их причины и результаты порождают хаотическую матрицу проблем, которые негативно влияют на функционирование здорового международного порядка. Эти факторы также препятствуют развитию демократии на Глобальном Юге.

Межправительственные органы, созданные после Второй мировой войны, не работают должным образом, а только еще больше усложняют происходящее. Благие намерения ООН не добавляют ей эффективности, поскольку она бессильна без консенсуса Совета Безопасности. Даже при наличии консенсуса, как мы недавно убедились на примере резолюции, призывающей к немедленному прекращению огня в Газе, у организации нет никакой власти в отношении приведения постановлений в исполнение.

То же самое справедливо для многих учреждений ООН, действующих в различных областях — от проблем с беженцами до охраны окружающей среды и урегулирования конфликтов. Поскольку глобальная архитектура по-прежнему в значительной степени полагается на эти органы в определенных аспектах, в этих областях по-прежнему возникают проблемы.

В последние годы являются важными три аспекта:

— однополярный мировой порядок создает асимметрию власти, не давая использовать систему сдержек и противовесов;

— растущий национализм ухудшает ситуацию, способствуя еще большему неравенству;

— разрыв между развитым Севером и обездоленным Югом приводит к возникновению «хронических» проблемных зон — от иммиграции до ухудшения состояния окружающей среды.

Если добавить еще и дополнительные факторы, которые способствуют этим аспектам, например такие, как неэффективность межправительственных организаций, то необходимость поиска нового глобального порядка представляется более насущной и жизненно важной, чем когда-либо.

Таким образом, возвращение к многоцентричной глобальной архитектуре стало сегодня первейшей необходимостью, чтобы преодолеть тупиковые ситуации, с которыми мы сталкиваемся во многих сферах. Однако создать такую архитектуру непросто. Во-первых, требуется балансирующее действие.

Это балансирующее действие в настоящее время проявляется, в частности, в противодействии России и Китая определенным предложениям в Совете Безопасности ООН или в форме экономической конкуренции между США и Китаем — хотя это отдельные державы, ограниченные своими конкретными контекстами. Для создания плюралистической глобальной среды необходима согласованная балансирующая структура, которая может способствовать появлению новой многоцентричной глобальной архитектуры.

Именно для новой многоцентричной глобальной архитектуры сформировался союз БРИКС.

Когда БРИКС только что появился, его в большей степени воспринимали как экономический блок власти, представляющий интересы так называемых стран с формирующимся рынком, или развивающихся стран. Во многом его создание стало результатом того факта, что все пять стран — участников БРИКС являлись центрами экономически выгодного производства и остаются ими до сих пор. Но теперь БРИКС означает нечто большее, чем сфера экономики и торговли.

Сегодня у БРИКС вырабатываются согласованные политические действия, и эти действия, несмотря на то, что их все еще недооценивают западные влиятельные круги, оказываются эффективными. Да, БРИКС еще нужно время, чтобы осознать свою приверженность определенным политическим повесткам. Тем не менее, как показало недавнее расширение его состава, сейчас это межправительственный альянс с устоявшимся ви́дением и дорожной картой. Как только появится это осознание, придет и все остальное.

И следовательно, что еще более важно, страны БРИКС начали определять свои собственные глобальные повестки дня. Эти страны не просто ре-активны (с хорошей реакцией), но и про-активны. Вместо того чтобы присоединяться к повесткам дня, установленным другими мировыми державами, многие страны БРИКС сегодня выполняют и расширяют свои собственные. Одним из ярких примеров можно назвать дело, возбужденное Южной Африкой в Гааге против Израиля.

Недавнее расширение состава БРИКС за счет включения пяти новых стран-участниц является долгожданным шагом на пути к созданию многоцентричной глобальной архитектуры, о которой упоминалось выше. Все новые страны-участницы обладают своими достоинствами, особыми отдаленными районами и имеют независимые политические программы, которые должны способствовать глобальному могуществу БРИКС в расширенном составе. Тем не менее различные приоритеты каждой из новых стран и своеобразное соперничество между некоторыми из них могут усложнить задачу.

На данном этапе союзу БРИКС+ следует также обратиться к созданию более продуманной организационной структуры — секретариата, который превратил бы его нынешнюю структуру в форме периодической конференции в постоянную, основанную на управлении. Однако, поступая таким образом, члены БРИКС+ не должны жертвовать духом сотрудничества, который делает этот союз уникальным. Постоянно действующий секретариат позволит управлять многими задачами и функциями независимо от стран-участниц, оставаясь при этом строго под их контролем.

Еще один важный вопрос. Что делает союз БРИКС в расширенном составе особенным и успешным? Это его транснациональный характер. Такой характер позволяет охватить множество различных стран с непохожими культурами, ценностями и политическими системами. Тем не менее создание своего рода предложения об общих ценностях при сохранении транснационального характера сделало бы БРИКС+ сильнее, чем сегодня. Мы можем принадлежать к разным политическим системам, но не должны забывать, что у нас существует больше общих ценностей, чем те, о которых многие думают и которые нас как раз и объединили. Мы не должны отказываться от открытия новых горизонтов, оставаясь при этом преданными нашему национальному духу.

Э. Рахматуллозода[1]

ИРАН И БРИКС: РЕАЛЬНОСТИ, ОЖИДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В современном мире, где глобализация со всеми ее перипетиями и многополярность становятся все более заметными тенденциями, формирование и укрепление межрегиональных объединений приобретает особую актуальность. Одним из таких объединений, привлекающим внимание мирового сообщества, является группа БРИКС, включающая в себя Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южную Африку, к которым в начале этого года присоединились Египет, Иран, Саудовская Аравия, ОАЭ и Эфиопия. Эти страны, обладая значительными экономическими, политическими и культурными ресурсами, стремятся сформировать новый мировой порядок, основанный на справедливости, равноправии и взаимоуважении[2].

Иран, страна с богатой историей и уникальным геополитическим положением, в последнее время проявляет особый интерес к сотрудничеству с группой БРИКС. Это объясняется не только стремлением Ирана диверсифицировать свои международные связи, но и общностью взглядов на многие мировые проблемы, включая необходимость реформирования международной финансовой системы, противодействие однополярности и усиление роли развивающихся стран в мировых процессах[3].

В последние годы отношения между Ираном и странами БРИКС значительно активизировались. Это выражается в увеличении объемов торговли, сотрудничестве в области энергетики, науки и технологий, а также в совместных усилиях по урегулированию региональных и глобальных конфликтов. Особое значение придается развитию транспортных коридоров, таких как «Север–Юг», которые связывают Иран с Россией и Индией, открывая новые возможности для экономического взаимодействия[4].

Однако сотрудничество Ирана с БРИКС сталкивается с рядом препятствий. Санкции, наложенные на Иран западными странами, ограничивают возможности для полноценного взаимодействия в экономической сфере. Кроме того, различия в подходах к решению международных проблем иногда приводят к несогласиям между Ираном и некоторыми членами БРИКС[5].

В этом контексте особую роль играет концепция «диалога цивилизаций», которая предполагает взаимопонимание и уважение культурных и религиозных различий, а также стремление к мирному сосуществованию и сотрудничеству. Иран, будучи одним из инициаторов выдвижения этой идеи, видит в ней основу для построения взаимовыгодных отношений с БРИКС и другими странами мира.

В свете вышеизложенного, думается, что исследование реалий, ожиданий и перспектив сотрудничества Ирана с группой БРИКС представляет несомненный интерес. При этом рассмотрение выдвинутой в начале 2000-х годов Ираном концепции «диалога цивилизаций», анализ отражения ее принципиальных установок на процессе реализации внешней политики Исламской Республики Иран, особенно в свете заявлений о пробуксовке этой идеи, предоставит нам хорошую возможность докопаться до истины.

Иран еще до образования другими членами БРИКС группы под этим названием имел давнюю историю взаимодействия с ними, которая охватывает несколько десятилетий, а с некоторыми из этих стран — столетий, а то и тысячелетий. Эти отношения развивались на фоне меняющейся геополитической обстановки и взаимных интересов сторон в различных сферах, включая экономику, энергетику и политику.

С момента своего создания в начале XXI века группа БРИКС привлекала внимание Ирана как потенциальный партнер для сотрудничества. Взаимодействие развилось, прежде всего, в торговле, особенно в области нефти и газа, поскольку Иран, как известно, является одним из крупнейших производителей энергоресурсов в мире. Страны БРИКС, в свою очередь, заинтересованы в диверсификации своих источников энергии и укреплении энергетической безопасности.

В 2000-х годах отношения между Ираном и странами БРИКС углубились, особенно с Россией и Китаем. Эти страны стали ключевыми торговыми партнерами Ирана, а также важными игроками в развитии его инфраструктуры и энергетического сектора. Иран также стремился укрепить связи с Индией и Бразилией, особенно в области технологий и сельского хозяйства.

Уже долгие годы на фоне возрастающего давления практически всеобъемлющих санкций со стороны западных стран Иран все более активно ищет пути сотрудничества с другими государствами, и здесь БРИКС для него представляет привлекательную альтернативу

---

[1] Профессор кафедры дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан Таджикского национального университета, доктор политических наук. Первый заместитель министра иностранных дел Республики Таджикистан (1990–2001), Государственный советник Президента Республики Таджикистан по внешней политике (2001–2016), Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в Королевстве Бельгия, Королевстве Нидерландов, Великом Герцогстве Люксембург, постоянный представитель Республики Таджикистан при Европейском союзе и НАТО (2016–2023), Заслуженный деятель Республики Таджикистан. Автор ряда книг на темы международных отношений, в т. ч.: «Миротворчество ООН в Таджикистане», «Превентивная дипломатия: панацея или мираж?», «United Nations Peacekeeping and Preventive Diplomacy: Central Asia, Tajikistan and Afghanistan», «Islamic Civilization in Tajikistan» (в соавт.) и др. Награжден орденом «Шараф» I степени (Таджикистан), орденом «Ordre national du Mérite» (Франция), медалью «От благодарного афганского народа», двумя золотыми медалями Исламской организации по вопросам образования, науки и культуры.

[2] *Hurrell A.* Hegemony, liberalism and global order: what space for would-be great powers? // International Affairs. 2006. № 82 (1). P. 1–19 ; *Stuenkel O.* The BRICS and the Future of Global Order. Lanham : Lexington Books, 2015.

[3] *Cooper A. F., Farooq A. B.* BRICS and the Global South: Contested or Convergent? // Third World Quarterly. 2015. № 36 (4). P. 741–756.

[4] *Esfandiary D., Tabatabai A.* Triple-Axis: Iran's Relations with Russia and China // International Affairs. 2018. № 94 (3). P. 509–528.

[5] *Vaez A.* Iran's Tangled Web of Foreign Relations // Foreign Affairs. 2019. № 98 (2). P. 86–97.

традиционным западным партнерам. В этом контексте особое значение приобрело участие Ирана в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), где страны БРИКС играют ведущую роль. В такой обстановке вхождение Ирана в БРИКС в качестве полноправного члена было вполне предсказуемым, логичным шагом, что и случилось, как отмечалось ранее, в январе этого года.

Еще до этого события интеллектуальная элита страны, политологическое сообщество Ирана как внутри, так и за рубежом анализировали последствия этого шага, скрупулезно выделяя его плюсы и минусы. Опираясь на эту аналитику, мы попытаемся выяснить отношение иранцев к вопросам, связанным с БРИКС.

Возникновение «новоявленных сил», как их называют иранцы, в лице Китая и Индии, полноправное возвращение России на международную арену и образование ими БРИКС Иран воспринял как изменение расстановки сил в международных делах и усиление тренда на формирование многополярного мира.

Другой отличительной чертой инициированного БРИКС процесса «требования изменений» считают некоторые направления или нюансы внешней политики главных членов БРИКС — Китая и России. Например, отмечается, что в «Идеях Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эру» упоминается о «китайской мечте» по аналогии с «американской мечтой». Созданием Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и проекта «Один пояс — один путь» Китай демонстрирует намерение укрепить свое международное положение через сотрудничество с «новоявленными силами», пригласив, например, в 2017 году Египет, Таджикистан, Кению и Мексику в проект БРИКС+[1].

Аналогичная проблема касалась и других государств группы, например Бразилии. Она выступила в 2003 году против требования Америки создать военную базу в Амазонии и сделала многое, чтобы США не смогли организовать подобную базу и в Колумбии. В том же году Бразилия неоднократно в весьма сильных выражениях выступала против нападения США на Ирак. Что же касается Южной Африки — страны, производящей 23 % африканского ВВП, то она за последние годы приложила немало усилий по сохранению своего доминирования в окружающем регионе и успешно противостояла экспансионистской политике США. Она воспринимала БРИКС как антиамериканскую организацию.

Создание БРИКС показало наличие воли к изменению существующего мирового порядка. На первом министерском заседании БРИКС в 2009 году в Екатеринбурге было подчеркнуто, что министры еще раз подтвердили, что сегодняшний мировой порядок должен основываться на международном праве и укреплении принципа многополярности[2].

Иранские аналитики указывают, что членство Ирана в БРИКС означает сотрудничество с двумя странами, имеющими самое большое по численности население в мире, с тремя ядерными государствами, двумя постоянными членами СБ ООН, самым крупным по территории государством, первыми державами Латинской Америки и Африки, второй экономикой мира и ряд других преференций, хотя главнейшим политическим вопросом между ИРИ и БРИКС остается противостояние, хотя и в разной мере, с американской монополярностью. Особо, наверное, нужно подчеркнуть, что все нынешние члены БРИКС, за исключением России, являются членами или наблюдателями Движения неприсоединения. В Тегеране считают, что голос Ирана в БРИКС будет звучать громче, поскольку голос отдельно взятого Ирана будет голосом полпроцента мировой экономики, а голос Ирана — члена БРИКС будет голосом 27 % мировой экономики.

Говоря об экономическом потенциале БРИКС, авторы подчеркивают, что во время финансового кризиса 2008 года значение организации многократно возросло. В период с 2008 по 2011 год темпы роста развитых стран составили 0,29 %, тогда как показатели БРИКС — 6,87 %. Экономики стран-членов сыграли роль движущей силы в избавлении мира от крупнейшего после 1930 года кризиса и экономической депрессии. Этот случай продемонстрировал потенциал БРИКС[3].

Однако нынешний мировой экономический порядок выстроен в интересах США и Запада в целом, что можно проиллюстрировать на одном примере. Несмотря на все показатели, о которых мы говорили, члены БРИКС владеют 11 % голосов в Международном валютном фонде, в то время как одни США — 17 %. То есть в рамках Бреттон-Вудской системы членам БРИКС отведены отнюдь не самые первые роли.

Тем не менее современные отношения Ирана с БРИКС характеризуются стремлением к расширению сотрудничества в различных областях, включая торговлю, инвестиции, технологии и образование. Иран заинтересован в использовании опыта и ресурсов стран БРИКС для реализации своих экономических и социальных проектов, укрепления своего международного положения, а также в создании многополярного мирового порядка и усилении региональной и глобальной безопасности.

Помимо экономического и энергетического сотрудничества Иран и страны БРИКС также развивают взаимодействие в области безопасности и политики, стремясь к более справедливому международному порядку. Это сближение интересов способствует углублению диалога между Ираном и группой БРИКС на различных международных площадках.

ИРИ стремится к укреплению и расширению экономических связей с группой БРИКС, рассматривая это сотрудничество как ключевой элемент своей внешнеэкономической стратегии. Экономические ожидания Ирана от взаимодействия с БРИКС охватывают несколько ключевых аспектов.

Экономика является главной областью сотрудничества Ирана с БРИКС. Страны этой группы входят в число основных торговых партнеров Ирана, причем значительная доля внешней торговли Ирана приходит-

[1] Подробнее см.: https://www.jmsp.ir/article_102465.html (дата обращения: 18.04.2024).

[2] Там же.

[3] Подробнее см.: https://www.jmsp.ir/article_102465.html (дата обращения: 18.04.2024).

ся на Китай и Индию. Эти государства активно взаимодействуют с Ираном в области энергетики, включая импорт нефти и газа, а также в развитии инфраструктуры и технологий добычи и переработки углеводородов[1].

Иран заинтересован в увеличении объемов взаимной торговли со странами БРИКС. Это включает не только экспорт энергоресурсов, но и поставки иранских товаров и услуг в таких секторах, как сельское хозяйство, химическая промышленность, машиностроение и туризм. Взамен Иран стремится к импорту высокотехнологичной продукции, оборудования и потребительских товаров из стран БРИКС.

Страна заинтересована в привлечении прямых иностранных инвестиций из стран БРИКС для развития своей экономики. Особое внимание уделяется инвестициям в инфраструктурные проекты, такие как транспорт, энергетика и связь, а также в высокотехнологичные отрасли, включая нефтехимию, био- и информационные технологии. Иран рассчитывает на использование инвестиций для модернизации своей промышленности и повышения конкурентоспособности на мировом рынке[2].

Китай в рамках своей инициативы «Один пояс — один путь» активно инвестирует в инфраструктурные проекты в Иране, включая железнодорожные и автомобильные дороги, порты и энергетические объекты. Россия и Иран сотрудничают в области атомной энергетики, в том числе в реализации проекта по строительству атомной электростанции «Бушер»[3].

В условиях международных санкций Иран заинтересован в расширении финансового сотрудничества с БРИКС. Это включает возможность доступа к банковским услугам, кредитам и инвестиционным фондам, а также разработку механизмов взаимных расчетов в национальных валютах для снижения зависимости от американского доллара. Президент ИРИ Э. Раиси, выступая в Йоханнесбурге, подчеркнул, что его страна поддерживает стремление БРИКС к дедолларизации и большему использованию национальных валют[4]. Эта стратегия очень близка Ирану. Сотрудничество в рамках Нового банка развития БРИКС может предоставить Ирану дополнительные возможности для финансирования инфраструктурных и развивающих проектов[5].

Один из специализированных иранских веб-сайтов отмечает, что с членством Ирана в этой группе бóльшая часть экспортных проблем страны решится через громадный рынок стран-членов. Мы также сможем решить многие проблемы, связанные с импортом оборудования… Одной из других открывающихся перед нами возможностей является использование потенциала транспортного коридора «Север–Юг»[6]. С запуском этого коридора Иран будет иметь дополнительный доход 20 млрд долларов США.

Иран стремится к сотрудничеству с БРИКС в области передовых технологий, включая ядерную энергетику, космические исследования, нанотехнологии и информационные технологии. Технологический обмен и совместные научно-исследовательские проекты могут способствовать развитию инновационного потенциала Ирана и укреплению его научно-технического сотрудничества со странами БРИКС.

В целом экономические ожидания Ирана от сотрудничества с БРИКС направлены на укрепление экономической независимости, диверсификацию источников роста и интеграцию в глобальную экономику. Успешное развитие экономических отношений с БРИКС может способствовать устойчивому экономическому развитию Ирана и укреплению его позиций на международной арене.

В политической сфере Иран рассматривает сотрудничество с БРИКС как важный элемент своей стратегии укрепления международного положения и противодействия давлению со стороны Запада. Ожидания Ирана от политического взаимодействия с БРИКС включают ряд аспектов.

Страна поддерживает диалог со странами БРИКС по вопросам международной безопасности, региональной стабильности и борьбы с терроризмом. Другие страны-члены, в свою очередь, выступают за справедливое решение вопроса иранской ядерной программы и поддерживают усилия по урегулированию конфликтов на Ближнем Востоке.

Поддержка идеи многополярного мира и стремление к сотрудничеству с БРИКС в целях ослабления гегемонии США и их союзников на международной арене является одной из основных целей Ирана. ИРИ ожидает, что укрепление связей с БРИКС поможет продвигать альтернативную повестку дня в глобальной политике и укрепить международное сотрудничество на основе взаимного уважения и суверенитета государств[7].

Обеспечение региональной безопасности и стабильности, особенно на Ближнем Востоке, является другой важной целью Ирана. ИРИ надеется, что БРИКС поддержит ее позицию по таким вопросам, как борьба с терроризмом, урегулирование конфликтов в Сирии, Ираке и Йемене, а также по вопросу палестино-израильского конфликта[8].

Иран рассчитывает на поддержку стран БРИКС в вопросе мирного использования ядерной энергии и защиты своего права на развитие ядерной программы в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Исламская Республика Иран рассчитывает на то, что БРИКС выступит против односторонних санкций и давления со стороны США в связи с ее ядерной программой[9].

---

[1] *Esfandiary D., Tabatabai A.* Op. cit.

[2] *Koolaee E., Zargarinejad G.* Iran and BRICS: A Realistic Appraisal of Iran's Foreign Policy in the Multipolar World // Iranian Review of Foreign Affairs. 2017. № 8 (1). P. 7–34.

[3] *Vaez A.* Op. cit.

[4] *Mahdi S. Z.* Economics and politics: What BRICS membership means for Iran. 2023. URL: https://www.aa.com.tr/en/world/economics-and-politics-what-brics-membership-means-for-iran/2977551 (дата обращения: 17.04.2024).

[5] Ibid.

[6] Подробнее см.: https://mag.pouyanbroker.com/benefits-of-irans-membership-in-brics/ (дата обращения: 17.04.2024).

[7] *Koolaee E., Zargarinejad G.* Op. cit.

[8] *Esfandiary D., Tabatabai A.* Op. cit.

[9] *Vaez A.* Op. cit.

Стремление к активному участию вместе с БРИКС в международных организациях и форумах, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), «Группа 77» и «Движение неприсоединения», составляет суть другого направления внешней политики Ирана, который ожидает, что сотрудничество с БРИКС поможет укрепить его позиции в этих организациях и способствовать продвижению совместных инициатив на международной арене[1].

В целом Иран рассматривает сотрудничество с БРИКС как важный инструмент для укрепления своего международного статуса, противодействия внешнему давлению и продвижения своих интересов на глобальной арене.

Энергетическое сотрудничество занимает центральное место в отношениях Ирана с группой БРИКС, учитывая значительные ресурсы Ирана и растущий спрос на энергию в странах БРИКС.

Для Ирана сотрудничество с БРИКС в сфере энергии — важный фактор укрепления своего экономического и политического положения, а также средство диверсификации своих энергетических рынков и привлечения инвестиций в этот сектор.

Таким образом, сотрудничество Ирана с БРИКС имеет значительный потенциал в различных сферах, что открывает перспективы для углубления взаимодействия и реализации совместных проектов.

1. Энергетический сектор остается одной из основных сфер сотрудничества Ирана с БРИКС, учитывая богатые запасы углеводородов в Иране и высокий спрос на энергоресурсы со стороны стран БРИКС.

2. Расширение торговых связей и привлечение инвестиций из стран БРИКС могут способствовать диверсификации экономики Ирана и укреплению его экономического суверенитета. Сотрудничество может охватывать такие секторы, как сельское хозяйство, машиностроение, химическая промышленность, туризм и высокотехнологичные отрасли.

3. Иран имеет стратегическое географическое положение, которое может быть использовано для развития транспортных коридоров, соединяющих страны БРИКС с регионами Ближнего Востока, Центральной Азии и Европы.

4. Обмен знаниями и технологиями между Ираном и странами БРИКС может способствовать развитию научно-технического потенциала и инновационной деятельности. Возможные направления сотрудничества включают совместные научные исследования, разработку продвинутой тематики в области информационных технологий, био- и нанотехнологий и космических исследований.

В целом перспективы сотрудничества Ирана с БРИКС охватывают широкий спектр сфер, что открывает возможности для углубления взаимодействия и реализации совместных проектов, способствующих устойчивому развитию и процветанию всех участвующих сторон.

Наряду с этим, хотя сотрудничество между Ираном и странами БРИКС имеет значительный потенциал, существуют немалые препятствия и вызовы, которые могут создать серьезные проблемы на его пути.

Одним из основных препятствий для сотрудничества Ирана с БРИКС являются международные санкции, введенные против Ирана, особенно со стороны США. Санкции ограничивают доступ Ирана к международным финансовым системам, затрудняют торговлю и инвестиции, а также создают риски для иностранных компаний, работающих с Ираном. Ознакомимся с мнением иранских экспертов:

«Точность иранского утверждения о том, что членство в БРИКС есть „историческое достижение“, можно проверить тем, сколько прямых иностранных инвестиций страна получает от стран — членов организации. С учетом огромных европейских и американских санкций, наложенных на иранские банковские и экономические учреждения, очень трудно предположить, что государственные и частные предприятия [стран-членов] захотят рисковать своими операциями на Западе»[2].

Опыт также показал, что, как только Иран оказывается под давлением меньшего количества санкций, страны — члены БРИКС проявляют больше желания сотрудничать с Ираном. В целом перспектива расширенного сотрудничества с БРИКС без санкций намного больше, чем в подсанкционной ситуации. Поэтому для сотрудничества с БРИКС общей позицией должно быть полное снятие санкций[3].

Укрепление экономических связей с Европой станет основой для сохранения баланса в отношениях и отсутствия зависимости от БРИКС. Если Иран будет находиться под санкциями ЕС, с учетом тесного сотрудничества многих членов БРИКС с Европейским союзом желание сотрудничества с Ираном у них будет меньше[4].

Несмотря на общие интересы, существуют политические разногласия между Ираном, позиции которого иногда жестко диктуются консервативным властным большинством, оперирующим «революционной» фразеологией, и странами БРИКС по ряду региональных и международных вопросов. Эти разногласия могут влиять на глубину и широту сотрудничества.

Различия в экономических структурах и уровнях развития между Ираном и странами БРИКС могут создавать трудности в координации совместных проектов и взаимных инвестиций. Кроме того, конкуренция за рынки и ресурсы может стать препятствием для сотрудничества в некоторых сферах.

В целом преодоление этих препятствий и вызовов потребует скоординированных усилий со стороны Ирана и стран БРИКС, а также гибкости и инновационных подходов к сотрудничеству.

Кажется очевидным, что Иран в начале нового тысячелетия еще раз вспомнил о своих цивилизационных корнях и устами своего президента Сейида Мухаммада Хатами выдвинул идею диалога цивилизаций в противовес теории господина С. Хантингтона и что у человечества нет иного пути, как научиться разговаривать друг с другом.

---

[1] *Stuenkel O.* Op. cit.

[2] *Sariolghalam M.* Will BRICS membership recast Iran's foreign policy? // Middle East Institute : [сайт]. 2023. URL: https://www.mei.edu/publications/will-brics-membership-recast-irans-foreign-policy (дата обращения: 18.04.2024).

[3] Подробнее см.: https://www.jmsp.ir/article_102465.html (дата обращения: 18.04.2024).

[4] Подробнее см.: http://irdiplomacy.ir/fa/news/2021985/ (дата обращения: 18.04.2024).

Хотя через некоторое время после объявления ООН 2001 года Годом диалога цивилизаций появились несколько пессимистичные оценки ситуации — что реальных результатов на пути утверждения этих идей нет[1], Иран, несмотря на чехарду в своих правительствах, меняющих реформаторов на консерваторов и наоборот, никогда не забывал о своих цивилизационных обязанностях и активно продвигал эту идею там, где только возможно. Представляется, что ныне, с расширением БРИКС — а этот процесс далеко еще не завершился, — появляется возможность начать диалог среди членов этой организации, представляющих разнообразные культуры и цивилизации и придерживающихся принципов мультикультурализма и взаимного уважения. Учитывая то, что только выразивших заинтересованность в присоединении к БРИКС государств насчитывается 40, значение такого диалога будет только возрастать. Надеюсь, что мы в скором времени станем свидетелями этого диалога, которого так ждет человечество.

Литература

Хоррамшед, М. В. БРИКС и внешняя политика Исламской Республики Иран / М. В. Хоррамшед, А. Р. Сейфи // Политические и международные исследования Свободного исламского университета. — 2019. — № 40. — С. 36–53. — (на персидском языке) — URL: http://ensani.ir/file/download/article/1642844983-10510-1400-283.pdf (дата обращения: 18.04.2024).

Bonesh, F. R. Iran's membership in BRICS — Consequences and Prospects / F. R. Bonesh. — 2023. — URL: https://www.middleeastbriefing.com/news/irans-membership-in-brics-consequences-and-prospects/ (дата обращения: 18.04.2024).

О. Рокпло[2]

БРИКС+ И ИСТОРИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О «ЦАРЯХ МИРА»

Мир изменит свою основу,
Мы — те, кто были ничем, станем всем!

Интернационал (французская версия)

Слова «Интернационала» имели особое значение для антиколониальной борьбы. Эта борьба, касающаяся большинства народов мира, велась как против колониальных захватов и оккупации, так и против идеологии, которая их оправдывала, и против разрушительного культурного вторжения. Слова гимна означают, что колонизированные народы отождествляли себя с пролетариатом и боролись за достойное место в мире. Это был третий мир, воплощением которого стала Бандунгская конференция.

2022 год и категорический отказ стран Азии, Африки и Латинской Америки от введения санкций против России, несмотря на требования и угрозы евро-американского мира и *Homo euramericanus*, вероятно, знаменует собой конец эпохи колониализма, начавшейся в XVIII веке. Антиколониальная борьба переходит в другую фазу — фазу БРИКС+: «Мы были всем, давайте станем всем снова». Действительно, история и память великих народов БРИКС+ такова, что они помнят: до эпохи колониализма они были ведущими державами на Земле. Понимание места БРИКС+ означает прежде всего изучение исторических циклов и, в частности, истории *мирового порядка* — понятия, которое сегодня очень плохо понимается и определяется. Мировой порядок будет рассматриваться здесь с культурологической точки зрения, то есть не как простое англосаксонское юридико-политическое понятие, а как очень глубокий культурный, символический и даже духовный вопрос. Наша гипотеза заключается в том, что группа БРИКС+ представляет собой попытку объединения цивилизующих стран с целью наведения порядка в мире после 250 лет хаоса колониализма, разрушившего важнейшие культурные связи между государствами и народами.

Чтобы начать это исследование, мы предлагаем прежде всего охарактеризовать и определить историческое место той эпохи, которая завершилась, и той, в которую мы вступили в 2022 году. Затем мы проанализируем традиционные культурные представления о мире, которые транслируют основные страны БРИКС+, и оценим их отличие от североатлантического мира колониализма, чтобы продемонстрировать, что только державы БРИКС+ обладают культурным потенциалом для создания подлинного мирового порядка. Наконец, рассмотрим значение действий БРИКС+ по отношению к понятию мирового порядка с точки зрения культуры.

Тема, безусловно, грандиозная, и это лишь начало размышлений и предварительные направления исследований. Мысль Д. С. Лихачева будет направлять нас в попытке постичь фундаментальную природу явных,

[1] *Попов В. В.* Почему пробуксовывает диалог цивилизаций? // Вестник МГИМО–Университета. 2012. № 4 (25). С. 147–154.

[2] Профессор Университета Сорбонна (Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук. Бывший советник специального посланника Франции в России, политический аналитик и консультант аналитического центра «Конфликты» (Париж) и форума SongYun (Шанхай). Автор 30 публикаций на темы геополитики, истории, международных отношений и «цветных революций», в т. ч.: «Привкус „цветных революций“» (в соавт., Гран-при «Триумф» Национального конкурса «Искусство книги» (Беларусь), 2024), «Калининград: прусский эпицентр напряженности в Балтийском регионе?», «Россия и ее дальнезападное зеркало: геополитическая идентичность России через призму Калининградской области» и др. Обладатель ряда наград Института Гердера в Марбурге (Германия).

но прежде всего — неявных культурных представлений, определяющих поведение народов и государств по отношению друг к другу.

Мир, который мы знали, возник в результате Семилетней войны, а сейчас перед нами новый XVII век

Однополярный мир не является следствием только распада СССР. Процитируем замечательный текст Сунь Ятсена, известный как речь в Кобе о паназиатском мире, чтобы понять, что мир, который мы знали до 2022 года, возник не в 1991 году. В речи в Кобе показано, что он был почти таким же уже в 1924 году. Китайский президент отметил, что мир разделен на две части — между тем, что он назвал Миром силы (World of Might) и Миром права (World of Right). Мир силы — это мир колониализма, состоящий из западноевропейских держав во главе с Британией, а также США, которые проводят ту же политику и являются выходцами из того же мира. Им противостоит Мир права, к которому, по словам президента, относятся азиатские державы, некогда входившие в состав Монгольской империи: Китай, Иран, Турция, Афганистан, а также СССР, который, как отмечает Сунь, порвал с колониальной Западной Европой и вернулся в азиатское лоно в 1917 году. Сунь добавляет Японию (ошибочно) и Египет (справедливо) к Миру права. Сунь описывает мир, которому угрожали колониальные завоевания, прямые или косвенные, и который был переформатирован. Поэтому он ссылается на Мир права, то есть на историческое китайско-монгольское право, которое было еще одним способом организации известного мира в соответствии с традиционными и долговечными концепциями. К этому мы вернемся чуть позже. Иными словами, речь в Кобе остается актуальной и через 100 лет после ее написания. Эфиопская война 1935–1936 годов мало чем отличается от Иракской, Сирийской или Ливийской войны в XXI веке.

После 1763 года, когда британцы одержали победу в Семилетней войне, они заложили в Индии основы мира, который, в отличие от пиренейских империй, косвенно распространялся на всю планету. Британский колониализм, иногда поддерживаемый другими державами, навязывал свой правовой, экономический и прежде всего культурный порядок везде, куда бы он ни пришел. Британец никогда не адаптировался, как люди из пиренейских стран, не смешивался — наоборот, он навязывал свои законы, правила и привычки. Он устанавливал то, что Лихачев называл «стеной разобщенности», — непроницаемую культурную границу, которая идет рука об руку с очень сильной агрессией разрушения[1].

Колониализм разрушил все традиционные политические и культурные связи, структурировавшие остальной мир, в том числе очень прочные, объединявшие великие цивилизационные империи (Османскую империю, Иран, Индию, Китай) с периферийными государствами, имевшими общее культурное происхождение (например, связи между Османским полюсом и странами Сахары; между Китайским полюсом и Индокитаем). Это были не просто связи политического вассалитета, а целый ряд интеллектуальных, религиозных и символических связей, позволявших народам ориентироваться в мире через точку отсчета, которая обеспечивала им экзистенциальную культурно-психологическую стабильность.

Рационализм и позитивизм Западной Европы, навязанные травмой колониальных захватов, разрушили культурные ориентиры народов Азии и Африки, а символическое измерение мира стерто. По сути, для всех этих народов мир вступил в состояние абсолютного культурного хаоса. Вот мир, который Сунь описывал в 1924 году. После 1945 года этот мир принципиально не изменился, потому что на смену английскому колониализму пришел североамериканский империализм, который к тому же был производным от него. Разумеется, СССР, а затем КНР пытались предложить альтернативу миру колониализма. Часто говорят о биполярности в период с 1945 по 1990 год. СССР был скорее балансирующей державой, противовесом однополярному миру, а не вторым равноправным полюсом, поскольку ему всегда не хватало коммерческой мощи, которая экономически поддерживала бы мировую гегемонию. С 1763 по 2022 год мир оставался структурированным как англосаксонский колониальный мир, если не по форме, то, по крайней мере, по сути и ментальным представлениям. Официальная деколонизация означала лишь то, что бывшие колонии были вновь интегрированы в те же структуры с несколько лучшим статусом. Это не означает, что структура мира изменилась коренным образом.

Эта эра закончилась в 2022 году. Как и в 1700-м, Россия должна сделать выбор, потому что она находится между несколькими мирами. Западноевропейский цикл, открытый Петром в 1700 году, в 2022 году завершился — открывается новый цикл. На этот раз Россия, похоже, повернется в сторону Китая — идея, к которой призывал Сунь в 1924 году. Но сходство между миром 1700-го и 2024 годов видно во всем мире. Совершают впечатляющее возвращение на мировую арену великие державы XVII века : Турция, Иран, Китай, Индия и наследники Лузо-Испанской империи — Бразилия, Аргентина и Мексика.

Многополярность в культурных традициях бывших империй: образ «царей мира»

В XXI веке рассуждать о многополярности надо на другом уровне и с использованием структур, отличных от ООН, — на более глубоких уровнях, обращаясь к другим, устойчивым моделям, укорененным в истории и культуре народов. Уже с античных времен многие цивилизации мыслили категориями сбалансированных многополярных миров. Вот несколько примеров, которые могут дать нам пищу для размышлений.

Одна из самых древних известных нам моделей — персидская. Согласно древней традиции *во дворце сасанидского шаха была комната, в которой стояли четыре трона: его собственный и по одному для трех других владык известного мира — римского императо-*

[1] *Лихачев Д. С.* Два типа границ между культурами // Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб. : Русско-Балтийский информ. центр «БЛИЦ», 1996. С. 97–102.

ра, китайского и хазарского (тюркского) кагана[1]. Из этих данных можно сделать вывод, что сасанидские культурные и геополитические мыслители считали, что мир состоит из четырех равных частей, каждой из которых правит один царь, равный персидскому. Такое ви́дение резко контрастирует с этноцентризмом, к которому мы привыкли в Западной Европе. Сасанидский шахиншах не только признавал своих теоретически равных и не только выделял для них места — эти цари представляли державы, которые были в корне чужды и даже враждебны иранской цивилизации (особенно римляне). Это означает, что персы, используя титул Царя царей, были способны объединить другие империи, цивилизации, миры и представить себе коллегиальность или даже своего рода братство между императорами в идеальном ви́дении, поскольку императоры должны были быть способны сидеть в креслах рядом, в добром взаимопонимании. Это замечательный пример традиционного мышления, в котором достигается действительно мировое измерение и подлинная многополярность между четырьмя идеализированными императорами.

Персидский взгляд не является уникальным. Представления сасанидского шаха естественным образом повлияли на арабское ви́дение мира. Известно, что из-за климатической теории арабы традиционно презирали народы севера (включая тюрков) и юга (в том числе индийцев). *Однако, например, на фреске «Шесть царей» в Каср-Амре омейядский кронпринц окружен василевсом, сасанидским шахом, абиссинским негусом и испанским королем Родриго. Два остальных царя, вероятно, — махараджа Дахир с тюркским каганом. Это семейное представление мира, потому что шах, василевс и каган — это предки, на которых претендует кронпринц, а остальные государи представлены как равные им*[2]. Географ Ибн Хаукаль также признавал, что мир состоит из четырех империй: Ирана (= исламский мир), Рима, Индии и Китая[3]. Таким образом, арабы классической эпохи также представляли мир многополярным, то есть как совокупность миров, очень разных в культурном отношении, но равных по символическому достоинству.

Византийское ви́дение не сильно отличалось и было столь же многополярным по своей сути. *Византийские цари считали себя центром мира, но при этом всегда воспринимали персов, а затем арабов как равных себе.* С 900 года они признали равной себе и Германскую Римскую империю. Они также уважали достоинство хазарского хана и посылали ему подарки высочайшей ценности, как другому императору, и принимали его царевен в жены[4]. Причина проста: Византия была окружена другими империями, представлявшими разные цивилизации — непохожие, но с равным уровнем могущества и культуры.

Совершенно независимым и отличным от византийского, иранского и арабского ви́дений является монгольское ви́дение потомков Чингисхана. Монгольская империя ближе всех подошла к тому, чтобы стать действительно мировой или, по крайней мере, всеевразийской империей. *Эта империя мыслила свои просторы не как монолитное образование, а как совокупность различных империй, связанных генеалогическими узами братства:* империя Юань (Монголия и Китай), Чагатайская империя (Центральная Азия), империя ильханов (Иран), Золотоордынская империя. Это универсальная империя, которая, таким образом, может рассматриваться как символический образ всего мира. И эта империя признает хорошо организованный внутренний плюрализм. Разумеется, между этими частями мира существует иерархия: Юань стоят выше всех, Иран — в прямой зависимости от них, а Чагатай — в косвенной. На другом конце Степи Золотая Орда воспринимается как независимое, но братское и равное государство, и здесь мы тоже видим многополярную модель[5]. Конечно, династические и этнические связи имеют большое значение. Но мы видим, что эта концепция сохранилась, даже без таких связей, в символическом и дипломатическом ви́дении государств-преемников.

Возьмем, например, Китай. Мы знаем, что в 1385 году, в эпоху династии Мин, монгольские идеи проникли в Китай[6]. *Для нас сегодня важно то, что эта концепция зародила в китайском президенте Сунь идею о том, что почти все великие народы Азии, несмотря на огромные культурные различия, являются частью одного исторического мира и что при этом признаются Китаем независимыми от него.* Это многополярное ви́дение, которое достаточно широко, чтобы включить в него даже Россию.

Древняя Русь, судя по литературе тех лет и трудам Дмитрия Сергеевича Лихачева, также знала четырех царей мира, представляющих разные цивилизации: это православный великий князь русский (и киевский, и владимирско-московский), языческо-католический великий князь литовский, православный царь греческий, исламский царь ордынский. *Даже в «Повести временных лет» сюжет о том, как великий князь Владимир выбирал вероисповедание, показаны духовные послы от четырех царей, предлагающие религии: ислам от болгарского хана, иудаизм от хазарского кагана, католичество от германского императора и папы, православие от василевса.* Лихачев писал: «Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным»[7]. Важно добавить, что Великое княжество Литовское (чьей наследницей сегодня является Беларусь) имело подобные концепции

[1] *Grenet F.* Religions du monde iranien ancient // Annuaire EPHE. Section des sciences religieuses. 2003. № 110 (2001–2002). P. 207–211 ; *Idem.* À propos de la restauration de la 'Peinture des Ambassadeurs'à Samarkand (p. 600). Retour sur une oeuvre majeure de la peinture sogdienne // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres, séance du 21 décembre 2018, à paraître 2020. P. 1847–1869 ; *Idem.* A Historical Figure at the Origin of Gesar of Phrom Frum Kēsar, King of Kābul (737–745) // The Many Faces of King Gesar. Tibetan and Central Asian Studiesin Homage to R. Stein / ed. by M. Kapstein, C. Ramble. Brill, 2022. P. 39–53.

[2] *Grabar O.* The painting of the six kings at Quṣayr Amrah // Ars Orientalis. 1954. № 1. P. 185–187 ; *Grenet F.* Religions du monde iranien ancient.

[3] *Martinez-Gros G.* La division du monde selon Idrîsî // Le partage du monde: Échanges et colonisation dans la Méditerranée médiévale / eds M. Balard, A. Ducellier. P. : Éditions de la Sorbonne, 1988. P. 315–334.

[4] *Grousset R.* L'Empire des Steppes. Payot, 1965. P. 235.

[5] *Ibid.* P. 341, note 3, 471, 478–479.

[6] *Grousset R.* L'Empire des Steppes. P. 533.

[7] *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП. 2022. С. 19.

не только до его конституционного соединения с Польшей в 1569 году, но и в последующие годы.

Наконец, Индия. Сасанидская концепция четырех царей мира, возможно, пришла из Индии[1] или, скорее всего, она индоевропейская. В любом случае четыре царя мира отражают четырех богов, управляющих мирами, то есть четырех Локапал[2]. Северная Индия с XII века была мощной исламской империей, в которой доминировали тюрко-афганцы из Восточного Ирана и Центральной Азии. *Таким образом, в Индии сформировалось по-настоящему многополярное ви́дение мира, поскольку эта империя не могла игнорировать другие крупные мусульманские империи — Персидскую, Османскую и Центрально-Азиатскую, от которых происходили индийские династии. Конечно, это не означало, что Индия утратила связи с цивилизациями, матрицей которых она являлась: Индокитаем, Инсулиндией и даже самим Китаем, который отчасти был буддийским. Индия не могла считать их варварами, но игнорировать их тоже не могла. Индийский мир был также вполне готов к восприятию мира во всей его сложности. В начале XX века индийские националисты считали великие африканские и азиатские государства — Османскую империю, Египет, Китай и Японию — равными Индии, то есть фактически включили их в перечень царей мира*[3].

В этом и заключается парадокс истории: именно те государства, которые не мыслили мир как многополярный, построили глобальную дипломатическую и культурную систему. В то время как культура Западной Европы зиждется на однополярной модели. По сути, это народы дальней западной части Евразии, поэтому у них нет доступа к центру континента. На самом деле, мир колониализма — это народы, живущие у Северного моря: франки и саксы, которые находятся слишком далеко от остального мира, чтобы он мог им угрожать. Под остальным миром мы подразумеваем другие ближайшие цивилизации: евразийскую степь, Греческую или Турецкую империю, мусульманскую Африку. Конечно, например Испания, Португалия и Сицилия тоже были когда-то мусульманскими, и следовательно, были тем, что Лихачев назвал «полосой общения»[4]. Византийцы, османы и монголы достигли Венгрии и Хорватии. Все страны, находящиеся на передовой линии, имели или когда-нибудь смогут восстановить неколониальную картину мира. За «линией фронта» страны, непосредственно соприкасавшиеся с этими внешними цивилизациями, должны были относиться к ним с уважением или даже интегрировать их в свое ви́дение мира: Венеция, Неаполь, Австрийская монархия, Польша и Великое княжество Литовское (прародитель Беларуси) — все они относятся к этой категории и также часто были «полосой общения». Но еще дальше находятся страны Северного моря, от Франции до Швеции, которые игнорируют Евразию.

Именно в этом мире Северного моря, который также является миром либерализма и протестантизма, возникшем на основе империй Карла Великого и Кнута Великого, зародился и до сих пор жив колониализм. Именно Северо-Запад доминировал в европейской мысли в последние 250 лет, а на протяжении последних 12 веков безосновательно претендовал на роль «Европы», исключая, узурпируя или преуменьшая гораздо более важную роль греческой и латинской матриц, которые считались «периферийными» и «деградирующими». И все же именно это саксонско-франкское ядро, составляющее сегодня основу ЕС, и породило США под французским покровительством. Более того, североморцы находятся в ситуации, весьма схожей с ситуацией японцев, которые также «однополярники»: исторически японцы знали только китайский мир, частью которого они являлись. Неспособность североморцев представить себе понятие истинного мирового порядка также не позволяет им понять БРИКС, которое по-прежнему интерпретируется через чисто колониальные и абсолютно устаревшие геополитические концепции Спайкмена и Маккиндера (Heartland, Rimland) из-за отсутствия культурного измерения и достаточной исторической ретроспективы[5].

Таким образом, вопрос однополярности и многополярности — это, прежде всего, вопрос культурной географии. Народы с традиционным многополярным ви́дением — это народы Центральной Евразии, которые находятся в контакте друг с другом. Это народы, которые знают и уважают другие цивилизации. Народы с однополярным ви́дением — это те, кто находится на окраинах Евразии, у кого нет доступа ко многим другим цивилизациям, и поэтому они игнорируют или отвергают их, а начиная с 1763 года пытаются уничтожить, когда сталкиваются с ними. Так что многополярность и однополярность — это не только политическая проблема. Это вопрос культурного отношения к реальности разных цивилизаций.

БРИКС как союз цивилизующих сил

Решающим моментом в наступлении многополярности стала индийско-бразильская инициатива по реформированию Совета Безопасности ООН. Индия и Бразилия требуют места постоянного члена в СБ ООН с 1993 года. Важно, что два гигантских государства потребовали эти места не ради повышения собственной значимости, как другие кандидаты, а как представители своих континентов — Латинской Америки и Азии, и что они подтвердили это измерение, потребовав, чтобы к ним в СБ ООН присоединились с аналогичными местами представительное государство из Африки и государство из арабо-мусульманского мира. Это радикальный отход от «расширенного европейского концерта», представленного группой из пяти постоянных членов, которые оказались там только по причине их совместной победы над «осью зла» в 1945 году и, следовательно, благодаря легитимности

[1] *Grenet F.* Religions du monde iranien ancient.

[2] *Vyasa K.-D.* Mahabharata / transl. by K. M. Ganguli. Book 2 : Sabha Parva. Lokapala Sabhakhayana Parva. Section VII–XIII. 1884–1894.

[3] *Keenleyside T.* Nationalist Indian attitudes towards Asia: a troublesome legacy for post-Independence Indian foreign policy // Pacific Affairs. Summer 1982. Vol. 55, № 2. P. 210–230.

[4] *Лихачев Д. С.* Два типа границ между культурами.

[5] *Meena K.* BRICS: an explanation in critical geography. URL: https://www.scielo.br/j/cint/a/zQFgTjPCLDjbTgR3p5PzQ5R/.

чистой силы. Бразилия и Индия фактически предлагают не что иное, как «космизацию» мира с созданием нового списка «царей мира», которые входят в мировую структуру управления потому, что каждый из них представляет один «мир», одну цивилизацию, то есть нечто иное, чем они сами или их изначальная сильная сторона (экономическая, демографическая, военная, дипломатическая и т. д.). Это революция. Именно данная инициатива — движущая сила союза БРИКС с поддержкой древнего «восточного антиполюса» (РФ и КНР).

Важно отметить, что БРИКС не является антиевропейским объединением, поскольку Россия и Бразилия — демографические центры притяжения православно-славянской и католическо-латинской цивилизаций. Народы этих стран — именно те европейские народы, которых презирал Наполеон (цитируем его: «Испанцы никогда не были европейцами, а русские никогда европейцами не станут»), и это показывает глубокую культурную логику БРИКСа. А в состав БРИКС+ теперь входят Иран, Египет, Саудовская Аравия (и ОАЭ) как представители мусульманского мира.

Кроме того, культурное измерение БРИКС и БРИКС+ очевидно. Большинство членов союза — это цивилизационные матрицы, основные культурные центры мира с античных времен. С точки зрения исторической геополитики БРИКС+ — это почти союз Монгольской империи (Россия, Китай, Иран) с Португальской (титул португальского короля: владетель завоевания, мореплавания и торговли Эфиопии, Аравии, Персии и Индии и Бразилии). Никогда в истории человечество не видело такого огромного объединения цивилизаций. Это логично: весь мир исповедует антиколониализм, кроме североморцев. Антиколониализм надо развивать как общее культурное движение.

Надо перестроить связи между членами общей цивилизации, с одной стороны, а с другой — построить мосты между цивилизациями. Такие связи — прежде всего культурные и человеческие, символические. КНР не ошибался, когда вспоминал с самого начала проекта «Нового шелкового пути», что китайско-пакистанская ось — историческая ось буддизма. Не уважать символическое измерение — фатальная ошибка. Попытки экстремистов перестроить Халифат связаны с тем, что другие группы не занимаются этим величайшим символом, важным для миллиарда людей. Страны БРИКС+ должны взять это символическое и человеческое измерение и стать союзом мировых культурных столпов. Исторически «приручение» силы, чтобы она стала цивилизованной, принимало форму символической помпезности, юридически-духовных (Right Сунь Ятсена) и культурных теорий, которые обеспечивали не на 50 лет, а на несколько столетий согласованность (региональных) миров, в центре каждого из которых находилась цивилизационная матрица, а не просто великая держава.

Страны БРИКС+ не так уж далеко, всего на 1400 лет, ушли от шести царей мира, изображенных на стенах в Каср-Амре. Индия, Иран и Эфиопия все еще здесь, Бразилия выросла из королевства Родриго через Португалию. Россия является наследницей Византии, Китай — Тюркского каганата, Аравия продолжает Омейядов. Группа БРИКС+ как будто заново открывает, более или менее сознательно, очень далекую историю, которую североморцы и Япония никогда не знали.

Ж. Сапир[1]

КАК БРИКС (И БРИКС+) МОГУТ ОТВЕТИТЬ НА ТРЕБОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ И КАКОВЫ МОГУТ БЫТЬ ПОСЛЕДСТВИЯ?

Почти 15 лет назад, 16 июня 2009 года, в Екатеринбурге состоялся первый официальный саммит группы БРИК. На этом саммите присутствовали Луис Инасиу Лула да Силва от Бразилии, Дмитрий Медведев от России, Манмохан Сингх от Индии и Ху Цзиньтао от Китая. Мало кто понимал, что это событие станет поворотным в истории. В центре внимания саммита было улучшение глобального экономического управления[2], реформирование финансовых учреждений. В самом разгаре была глобальная финансовая катастрофа и «кризис субстандартного кредитования», и мы стремились улучшить процесс сотрудничества между четырьмя странами.

16-й саммит пройдет в октябре этого года в России. Соберутся десять участников и ряд кандидатов. Это доказательство того, что объединение БРИК, ставшее в 2011 году БРИКС, а с 1 января этого года БРИКС+, стало крупным игроком в мировой экономике. Но это коллективный игрок, собирающий вокруг себя большое количество стран, которых объединяет недовольством тем, как управляются международные институты еще со времен Бреттон-Вудса и холодной войны.

[1] Профессор экономики Высшей школы социальных наук (Париж, Франция), директор Центра исследований индустриализации CEMI-EHESS, визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН, доктор экономических наук. Автор большого числа научных публикаций, в т. ч.: «Экономические изменения в СССР в 1941–1985 гг.», «Работа и рабочие в СССР», «К экономической теории неоднородных систем — опыт исследования децентрализованной экономики», «Российская трансформация — 20 лет спустя» (в соавт.), «Суверенитет, демократия, светское государство», «Эффективность интеграционных процессов: инновационный метод оценки», «Взаимосвязь монетарной политики и экономического развития в современной Европе: проблемы и возможные решения», «Стало ли создание зоны евро онкологическим заболеванием для Европейского союза?» и др. Член редакционной коллегии журнала «Экономика промышленности» (Москва). Научный советник ряда организаций и программ (Европейская комиссия, TACIS, PHARE и др.).

[2] *Petropoulos S.* The emergence of the BRICS — Implications for global governance // Journal of International and Global Studies. 2013. № 4 (2). P. 37–51.

Может ли БРИКС+ ответить на эти требования и выработать улучшенный или даже совершенно новый свод правил? И, что еще важнее, как международные институты могут быть и будут изменены под влиянием или в силу прямого воздействия БРИКС+?

Усиление влияния БРИКС

Прошло два десятилетия с тех пор, как аббревиатура БРИК — Бразилия, Россия, Индия, Китай — была введена в употребление Джимом О'Нилом, экономистом из Goldman Sachs. В своей статье, озаглавленной «Построение более эффективной глобальной экономики БРИК»[1], он проанализировал впечатляющий экономический рост, который предстояло пережить этой группе стран, а также последствия этих тенденций для международных экономических отношений. Встреча 2009 года фактически стала завершением процесса, начавшегося в 2006 году одновременно с Генеральной Ассамблеей ООН. В течение тех трех судьбоносных лет мир столкнулся с серьезным финансовым кризисом, с которым не могли справиться и который даже не могли контролировать ни США, ни МВФ[2]. Оглядываясь назад, мы видим, что это вызвало желание четырех стран предпринять попытку организации более совершенной системы управления[3]. В 2011 году Южная Африка присоединилась к этой группе стран в качестве экономического лидера на Глобальном Юге, развивающейся экономики и молодой демократии, что превратило БРИК в БРИКС, где буква «С» теперь обозначает нового участника.

С учетом этого на долю стран БРИКС приходится 26 % мировой территории, а мировой ВВП по ППС вырос с 25,6 % в 2009 году до 32,2 % к концу 2023-го.

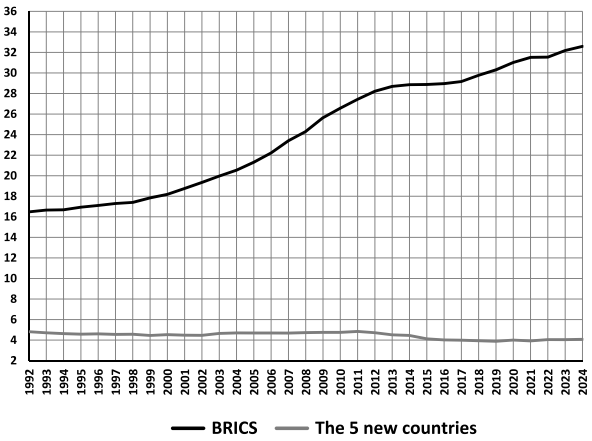


Рис. 1. Доля стран БРИКС в мировом ВВП (ППС) и пяти новых стран, присоединившихся с 1 января 2024 г.

Источник: МВФ.

Скептики и осторожные энтузиасты по-разному описывали БРИКС — как своего рода «свободное объединение», «потемкинскую деревню»[4] или «клуб совпадений»[5], однако влияние этой группы стран значительно выросло. Очевидно, что это страны с общими экономическими целями и схожими идеями относительно типа многосторонности и сдвигов в глобальной политике и экономике, которые потребуются для их достижения. Именно эти основополагающие экономические устремления послужили активизации движения потоков капитала внутри стран БРИКС и между ними в условиях вакуума финансового менеджмента в мире после финансового кризиса. Фактически БРИКС расширялся, привлекая все больше стран. В 2023 году на XV саммите организация решила принять в свой состав 6 новых участников. Даже несмотря на то, что только пять из них приняли предложение (Аргентина отклонила его по политическим причинам), к 1 января 2024 года БРИКС превратился в БРИКС+ с общим ВВП по ППС 36,2 % мирового. Объединение БРИКС стало равным «Большой семерке», а БРИКС+ сократило разрыв с коллективным Западом (рис. 2).

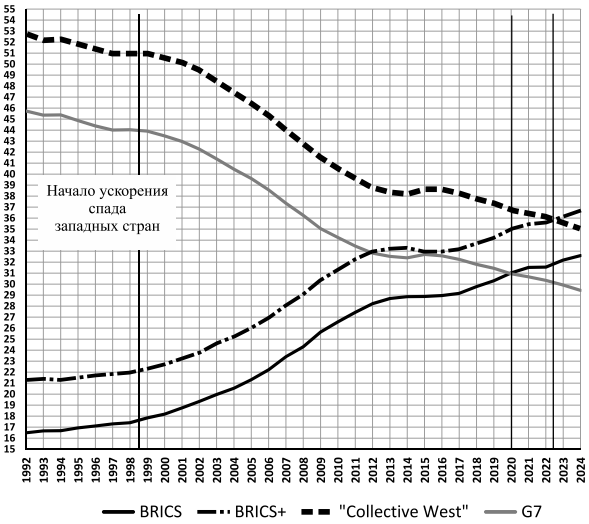


Рис. 2. Доли БРИКС, БРИКС+ и стран «Большой семерки» и коллективного Запада в мировом ВВП (по ППС)

Источник: МВФ.

В последующий период стало ясно, что «глобализация» пребывает в глубоком кризисе[6]. БРИКС стал амбициозным блоком со своей внутренней динамикой: организация проводила ежегодные саммиты, демонстрировала дипломатические успехи, брала на себя обязательства по крупномасштабным инфраструктурным проектам в своих национальных границах, а также

[1] *O'Neill J.* Building better global economic BRICs // Global Economics Paper Series. 2001. № 66. URL: https://www.goldmansachs.com/insights/archive/building-better.html.

[2] *Sapir J.* From Financial Crisis to Turning Point. How the US 'Subprime Crisis' turned into a worldwide One and Will Change the World Economy // Internationale Politik und Gesellschaft. 2009. № 1. P. 27–44.

[3] *Nayyar D.* BRICS, developing countries and global governance // Third World Quarterly. 2016. № 37 (4). P. 575–591.

[4] *Pomeranz W.* Why Russia needs the BIRCS // Global Public Square. 2013. URL: https://globalpublicsquare.blogs.cnn.com/2013/09/03/why-russia-needs-the-brics.

[5] *Saran S.* India's contemporary plurilaterlaism // The Oxford Handbook of Indian Foreign Policy / eds D. E. Malone, C. R. Mohan, S. Raghavan. Oxford : Oxford Univ. Press, 2015.

[6] Crisis of Globalization: The new context and challenges for national economies // Contemporary Global Challenges and National Interests : The 15th International Likhachov Scientific Conference / ed. A. S. Zapesotsky. Saint-Petersburg : SPbUHSS, 2015. P. 142–145.

транснациональным проектам в своих регионах. Она продемонстрировала свою экономическую мощь, создав новое кредитное учреждение — Новый банк развития, в котором приняли участие страны, еще не входящие в БРИКС[1], — и бросив вызов гегемонии стран Европы и Северной Америки в сфере международных финансов. В 2017 году, почти через десять лет после финансового кризиса 2008 года, на долю стран БРИКС пришлось 19 % мирового притока инвестиций[2]. Большая часть этих финансовых потоков была направлена на капиталоемкие инфраструктурные проекты.

Однако начиная с 1990-х годов эти страны претерпевали драматические изменения в своей политико-экономической структуре. «Общим знаменателем» разнородного опыта экономического развития этих стран в их движении к лидерству в данной области было то, насколько активно государство осуществляло политическое вмешательство для мобилизации ресурсов, определения торговой политики, государственных закупок, стимулирования общественного спроса и предоставления финансовой поддержки[3]. В разных странах БРИКС роль государства в развитии принимала различные формы.

Является ли БРИКС+ на самом деле силой, которая может противостоять доминированию Запада в глобальном управлении?

Появление БРИКС как силы, альтернативной Западу, вызвало среди участников международных экономических отношений дискуссию о природе усиления влияния группы в глобальном управлении. Нет сомнений в том, что данный процесс начался в период 2011–2021 годов[4] и усилился сначала из-за кризиса COVID-19, а затем геополитических событий, произошедших в феврале 2022 года. Однако этому кризису предшествовали определенные проблемы, которые и породили его[5].

Место БРИКС в глобальном управлении послужило толчком к инициированию двух важных групп исследований. В одном из них обсуждается роль БРИКС в преобразовании мирового порядка[6] и утверждается, что благодаря взаимодействию члены БРИКС создали слои коллективной идентичности как развивающиеся державы[7], а также исследуется, как эта идентичность влияет на роль БРИКС в глобальном управлении[8]. Важным моментом является понимание того, почему создание «Большой двадцатки» не помешало развитию БРИКС[9]. В этой группе исследований можно обнаружить, что страны БРИКС сейчас действуют на международном уровне в рамках системы, основанной на правилах, то есть системы глобального управления, при этом государства стремятся достичь согласованности действий посредством общего понимания свода правил — понимания, которое не обязательно разделяется западными странами[10]. Вместо того чтобы концентрироваться на том, какие государства являются доминирующими в международной иерархии, или на международной динамике, которая стимулирует рост влияния отдельных стран, эта группа исследований основное внимание уделяет тому, как страны БРИКС постепенно меняют правила и нормы системы[11]. Большая часть публикаций посвящена тому, как усиление влияния БРИКС бросает вызов доминирующей западной концепции международных организаций.

Но есть и вторая группа ученых, которая исследовала роль стран БРИКС в глобальном управлении. Обычно они рассматривают их восхождение как прямой вызов нынешнему международному порядку. Эта группа фокусирует внимание на внутренних источниках, обусловливающих предпочтения стран БРИКС в отношении глобального управления, что позволяет оценить неоднородность и различия между ними. Очевидно, что страны БРИКС продвигают свои общие интересы, такие как усиление возможностей диктовать свои условия на многостороннем уровне или обеспечение доступа к международным рынкам[12]. Однако особенно важно то, что они продвигают концепцию многополярного мирового порядка и могли бы добиться его, если принять во внимание их экономический вес[13], а затем начать противостояние и, прямо или косвенно, противодействовать попыткам правительства США и коллективного Запада устанавливать правила и определять, каким должно быть глобальное управление[14]. Если мы согласны с этой группой ученых, то должны подчеркнуть автономию каждой страны БРИКС в разработке

[1] New Development Bank (NDB). NDB admits Egypt as new member : Press Release on 29th December 2021. URL: https://www.ndb.int/press_release/ndb-admits-egypt-as-new-member.

[2] *Garcia A., Bond P.* Amplifying the contradictions: The centrifugal BRICS // Social Register. 2019. № 55. P. 223–246.

[3] *Santiago F.* The role of industrial policies in the BRICS economic integration process // Inclusive and Sustainable Development Working Paper Series. 2020. № 1. UNIDO, Research, Statistics and Industrial Policy Branch. URL: https://www.unido.org/api/opentext/documents/download/16531301/unido-file-16531301.

[4] *Sapir J.* La Démondialisation (new publishing, in an updated format). P. : Le Seuil, 2021.

[5] *Sapir J.* Fin d'un cycle de mondialisation et nouveaux enjeux économiques // La Revue Internationale et Stratégique. 2008. № 72 (Hiver 2008/09). P. 92–107.

[6] *Van Noort C.* The Construction of Power in the Strategic Narratives of the BRICS // Global Society. 2019 № 33 (4). P. 462–478.

[7] *Larionova M., Shelepov A.* BRICS, G20 and Global Economic Governance Reform // International Political Science Review. 2021. Vol. 43 (4). URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/01925121211048297#bibr24-01925121211048297 ; *Thakur R.* How Representative are BRICS? // Third World Quarterly. 2014. № 35 (10). P. 1791–1808.

[8] *Mielniczuk F.* BRICS in the Contemporary World: Changing identities, converging interests // Third World Quarterly. 2013. № 34 (6). P. 1075–1090.

[9] *Schirm S. A.* Global Politics are Domestic Politics: A societal approach to divergence in the G20 // Review of International Studies. 2013. № 39 (3). P. 685–706.

[10] *Luckhurst J.* The Shifting Global Economic Architecture. Decentralizing Authority in Contemporary Global Governance. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2018.

[11] *Kirton J.* Explaining the BRICS Summit Solid, Strengthening Success // International Organisations Research Journal. 2015. № 10 (2). P. 1–29.

[12] *Hopewell K.* The BRICS — Merely a Fable? Emerging power alliances in global trade governance // International Affairs. 2017. № 93 (6). P. 1377–1396.

[13] *Noelke A., Brink T., Claar S., May C.* Domestic Structures, Foreign Economic Policies and Global Economic Order: Implications from the rise of large emerging economies // European Journal of International Relations. 2015. № 21 (3). P. 1–30 ; *Stephen M.* Rising Powers, Global Capitalism and Liberal Global Governance: A historical materialist account of the BRICs challenge // European Journal of International Relations. 2014. № 20 (4). P. 912–938.

[14] *Lavenex S., Krizic I., Serrano O.* EU and US Regulatory Power Under Strain? Emerging countries and the limits of external governance // European Foreign Affairs Review. 2017. № 22. P. 1–17 ; *Stephen M.* Emerging Powers and Emerging Trends in Global Governance // Global Governance. 2017. № 23 (3). P. 483–502.

коалиционного поведения и последовательной стратегии[1]. Однако подход к БРИКС, основанный на предпочтениях разных стран, не в полной мере обеспечивает понимание БРИКС как группы, если ограничиваться формальными рамками, предлагаемыми членством. И тогда логично возникает вопрос об измерении размера полномочий международных организаций, будь то стран Запада или БРИКС[2]. И все же реальная способность БРИКС изменять международные институты остается под вопросом[3].

Недовольство нынешними международными институтами совершенно очевидно[4]. Даже Всемирный банк подвергается критике[5]. Смещение в сторону интересов Запада в Бреттон-Вудских учреждениях по-прежнему очевидно и вызывает неприятие стран Глобального Юга[6]. Долгая история плохо продуманных интервенций и деструктивных условий с конца 1970-х по 2000-е годы слишком очевидна в странах глобального Юга, чтобы позволить им безоговорочно согласиться с доминированием этих институтов. Даже некоторые региональные институты, такие как Межамериканский банк развития[7], из-за влияния на них США вызывают подозрение у развивающихся стран.

Очевидно, что во главу угла ставится замена Вашингтонского[8] и пост-Вашингтонского консенсуса в том, что касается развивающихся стран.

Каковы будут результаты работы БРИКС?

В конце концов первая группа упоминаемых здесь ученых слишком много внимания уделяет самой «игре» и не принимает во внимание возможность радикальных перемен из-за коллективных действий БРИКС. В то же время вторая группа, вероятно, слишком большое внимание уделяет позициям государств в игре и тем областям игры, где они нарастили свое влияние. Однако представление о будущей картине мира явно не складывается. Фактически концепция «изменения игры» не рассматривалась ни одной из групп.

Поэтому в аналитических материалах обнаруживается большой пробел. Если БРИКС действительно бросит вызов доминирующим правилам и нормам в международных организациях и мы наблюдаем движение в этом направлении, это должно привести к фундаментальному изменению правил и норм, лежащих в основе игры. Может ли это изменение быть принято коллективным Западом — это уже другой вопрос, и очень важный, поэтому его надо обсуждать. Все еще неясно, сможет ли БРИКС, а теперь и БРИКС+ склонить на свою сторону достаточное количество стран, чтобы у Запада не осталось другого выбора, кроме как согласиться с этими изменениями.

Если страны БРИКС пытаются изменить саму игру, то БРИКС как группа глобального управления должна бороться за культурную гегемонию в этих вопросах. Им также следует внедрять понятные инновации — либо путем реструктуризации правил и норм существующих международных организаций, либо создавая новые объединения, чьи правила и нормы будут отражать общие интересы стран БРИКС. Чтобы заполнить этот пробел в исследованиях, необходим новый подход к структурной власти.

Можно задаться вопросом, останется ли БРИКС защищенным пространством, где сможет безопасно вырасти новая доминирующая страна.

Совершенно очевидно, что обеспечение регионального лидерства и повышение глобального авторитета являются важнейшими сторонами усиления влияния БРИКС. Однако в развитии БРИКС также может возникнуть императив взаимной осторожности. БРИКС можно рассматривать как группу, которая не позволяет какой-либо из стран-участниц стать доминирующей[9]. И это вполне понятно. Странам, недовольным единоличным доминированием США, следует опасаться замены их правил правилами другого государства. С определенной долей уверенности мы можем сказать, что БРИКС потенциально является «голлистской» организацией по своим подходам, поскольку страны БРИКС противостоят «гегемонии» одной страны, как при генерале де Голле в 1960-х годах. Но то, что раньше было проектом единственной страны — Франции, переходящей из статуса «великой» в статус средней державы, теперь достигается альянсом стран.

Придем ли мы к тому, что набор глобальных институтов эволюционирует от западного доминирования к более сбалансированной системе, где страны Глобального Юга смогут добиться признания своих голосов и интересов, или к полной замене западного набора институтов новым, происходящим от БРИКС, или получим два набора неглобальных институтов с радикальным разделением на два блока?[10]

---

[1] *Yang Xiao A.* Theorizing the BRICS / ed. Xing Lin // The International Political Economy of the BRICS. Abingdon : Routledge, 2019. P. 37–56.

[2] *Heldt E., Schmidtke H.* Measuring the Empowerment of International Organizations: The evolution of financial and staff capabilities // Global Policy. 2017. № 8. P. 51–61.

[3] *Hooijmaaijers B.* China, the BRICS, and the Limitations of Reshaping Global Economic Governance // Pacific Review. 2019. № 34 (1). P. 29–55.

[4] *Harrigan J., Wang C., El-Said H.* The Economic and Political Determinants of IMF and World Bank Lending in the Middle East and North Africa // World Development. 2006. № 34 (2). P. 247–270.

[5] *Humphrey C.* The Politics of Loan Pricing in Multilateral Development Banks // Review of International Political Economy. 2014. № 21 (3). P. 611–639.

[6] *Humphrey C.* Developmental Revolution or Bretton Woods Revisited? The prospects of the BRICS New Development Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank // Overseas Development Institute Working Paper. 2015. Apr. № 448. URL: https://cdn.odi.org/media/documents/9615.pdf.

[7] См.: Inter-American Development Bank Report on the Ninth General Increase 2010 // Resources of the Inter-American Development Bank. Washington, D. C. : Board of Governors and Inter-American Development Bank. 2020. Capital Stock and Voting Power. URL: https://www.iadb.org/en/about-us/capital-stock-and-voting-power.

[8] *Sapir J.* Le consensus de Washington et la transition en Russie: histoire d'un échec // Revue Internationale de Sciences Sociales. 2000. № 166, Déc. P. 541–553.

[9] *Beeson M., Zeng J.* The BRICS and Global Governance: China's contradictory role // Third World Quarterly. 2018. № 39 (10). P. 1962–1978.

[10] The BRICS, Global Governance, and Challenges for South-South Cooperation in a Post Western World / N. Duggan, B. Hooijmaaijers, M. Rewizorski [et al.] // International Political Science Review. 2021. Dec. Vol. 43, iss. 4. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/01925121211052211.

Ж. Т. Тощенко[1]

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

...Приблизительность
овладела
торопящимися людьми.
Что-то учат,
о чем-то знают,
в общем — сеют,
в среднем — стригут.
Приблизительно
объясняют,
относительно
берегут…

Р. И. Рождественский

Современное общество добилось поразительных успехов в освоении мира: выход в космос, познание тайн микромира, освоение новых (авангардных, высоких) технологий, создание неведомых природе материалов, применение искусственного интеллекта, использование робототехники и много других достижений, свидетельствующих о возможностях интеллектуального потенциала.

Наряду с наукой этим успехам во многом способствовали образование, его развитие и совершенствование, вовлечение в сферу его влияния огромного количества населения. Если привести данные об уровне образования в современной России, то они впечатляют: 32,4 % взрослого населения (25–64 лет) имеют высшее образование, а среди людей в возрасте 25–34 лет — 39,5 %[2].

Однако в настоящее время на этом пути массовизации как высшего, так в известной мере и других уровней образования *сформировался парадокс, который заключается в том, что наряду с ростом числа образованного населения возникла специфическая проблема — функциональная неграмотность*, то есть рост числа людей, не обладающих грамотностью в современном смысле этого слова.

Это в свое время заметил А. Солженицын в эссе «Образованщина», что, по его мнению, означает не что иное, как только **видимость образования**, **культуры** без внутреннего содержания, то есть без культуры внутренней, а также ложная образованность, ложная культура, ложная интеллигентность.

В вынесенных в эпиграф ярких, образных словах выражены и боль, и тревога, и предостережение — на нас надвигается слабо осознаваемая угроза возможной потери жизнеспособности общества и его перспектив устоять перед вызовами современности. И угроза эта — непрофессионализм, незнание и полузнание, знание без нравственности, без общей культуры[3].

Можно привести в доказательство этого тезиса статистические и социологические данные, многочисленные примеры, высказывания лучших умов страны и мира, напомнить исторический опыт. Но думаю, что в данном случае поэтический образ выглядит нагляднее, убедительнее, доказательнее. В словах поэта — и предостережение от равнодушия, и страстная убежденность в том, что все дела в мире, все наши просчеты и недоработки зависят не от каких-то злобных, порой мифических сил, а прежде всего от нас самих, нашей позиции, отношения, от нашего мастерства (недаром стихотворение поэт назвал «О мастерах») и нашей установки вершить добро или зло или внимать им равнодушно и отчужденно.

Но в то же время мы не можем закрыть глаза на получающий все большее распространение стиль жизни, когда ее целью становится удовлетворение утилитарных, а не духовных потребностей, связанных с внешним, зачастую ложным, блеском возможностей иметь в личном распоряжении престижные товары, обладать мишурой домашней утвари и обстановки, гордиться достижением примитивных целей[4].

Одна из причин этих изъянов и испытаний кроется не столько в тех внешне впечатляющих изменениях, которые происходят при обучении, сколько в сдвигах, которые привели к изменению позиций людей по от-

[1] Главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 800 научных публикаций, в т. ч.: «Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)», «Прекариат: от протокласса к новому классу», «Тезаурус социологии», «Фантомы российского общества», «Социология жизни», «А что на самом деле происходит в сфере культуры?» (в соавт.), «Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.)» (в соавт.), «Общественный договор и участие интеллигенции в его реализации», «Кто олицетворяет лицо российского общества? (к вопросу о резервах социального управления)» и др. Председатель Международного редсовета журнала РАН «Социологические исследования», Заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова и РГГУ, Почетный доктор Института социологии РАН. Лауреат премии РАН им. М. М. Ковалевского. Награжден медалью «За доблестный труд», Серебряной медалью им. Питирима Сорокина, Золотой медалью Н. Д. Кондратьева. Удостоен благодарности Президента РФ (2024).

[2] Образование в цифрах: 2023: крат. стат. сб. / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. К. Озерова [и др.]. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023.

[3] См. также: *Тощенко Ж. Т.* Социальные парадоксы высшего образования в России // Экономика образования. 2012. № 1. С. 31–34.

[4] Там же.

ношению к образованию, его социальным функциям и возникновению нового класса противоречий, ставящих под сомнение достижения современного общества в целом. По сути, *общество в эпоху происходящей промышленной и информационной революций столкнулось с колоссальным парадоксом — увеличение числа получивших образование одновременно сопровождалось процессом роста профессиональной неграмотности (но особого вида) и профессиональной некомпетентности, неумения мыслить и соединять научные знания и практический опыт*[1].

Следует напомнить, что долгое время грамотность, образованность трактовались как соединение искусства письма и чтения. Все, кто не отвечал этому требованию, считались неграмотными. Такая трактовка неграмотности продержалась не только XIX, но и почти весь XX век. Даже еще в 1958 году ЮНЕСКО определяло неграмотного как «человека, не владеющего чтением и письмом настолько, чтобы понимать простые и краткие сообщения, касающиеся его повседневной жизни». Но постепенно трактовка грамотности (неграмотности) расширялась, уточнялась и стала включать степень усвоения речевой и аудиовизуальной культуры[2].

Под влиянием новых технологических и технических преобразований в конце 1970-х — начале 1980-х годов в обиход вошло новое понятие «функциональная неграмотность» как неспособность осуществлять действия не только по чтению, письму и счету, необходимые для соответствующей жизнедеятельности и развития как самого человека, так и всего его социального окружения, но и в неумении применять инструкции, находить и использовать нужную в деятельности информацию. Понятие появилось в 1990-е годы. По мнению Т. Д. Жуковой, президента Ассоциации школьных библиотек России, именно функциональная неграмотность является причиной многих техногенных катастроф[3]. Иначе говоря, современное представление о неграмотности включает не только неумение читать (воспринимать информацию), писать (передавать свои мысли, расширять круг коммуникативного взаимодействия), говорить (способность к речевому общению и самовыражению), но и, что особенно важно, обеспечивать способность к социальной ориентации и саморегуляции. В связи с этим появилась необходимость говорить не просто о (не)грамотности, а о функциональной неграмотности, за которой скрывается полузнание, эрзац-знание, ложное знание или знание-фантом[4].

В чем оно конкретно проявляется?

Во-первых, функциональная неграмотность нередко выступает в виде *образовательной агнозии*, что означает нарушение механизмов восприятия, связанное с вытеснением непосредственного, «наивного» знания о предмете некоторым набором заученных понятий. Этот термин был введен в 1994 году М. Личем и Д. Богеном[5], частично использовался Х. Саксом[6]. По их мнению, студенты представляют лишь среду для ее распространения. Группой повышенного риска являются преподаватели дисциплин, не имеющие явно выраженной научной специализации. Воспитанные на плохо переведенных зарубежных источниках, получающие информацию из скомпилированных учебников, они берутся за прочтение любых предлагаемых курсов, что приводит к абсолютной дезориентации в профессиональной среде[7].

Эта запущенная форма «заболевания» сопровождается созданием некоей общей картины мира, никак не соотносимой с реальностью. И попытка конкретизировать и воплотить в реальность предлагаемые схемы, структуры, модели и прочие «изобретения» завершается как в анекдоте о сове и мышонке, которому сова посоветовала для защиты себя от неприятностей и угроз превратиться в ежика, а на вопрос, как это сделать, прозвучал ответ: «Я занимаюсь стратегическими вопросами, а не всякой мелочовкой»[8].

Если при образовательной агнозии полностью игнорируется непосредственное, эмпирическое, повседневное знание, то есть другая его крайность — *неумение связать с реальной жизнью.* Практика многолетнего преподавания позволяет утверждать, что немалое количество студентов, добросовестно проштудировавших учебники, справочники, энциклопедии, а в настоящее время и информацию из Интернета, достаточно и (или) сравнительно полно воспроизводят общую характеристику тех или иных теорий, процессов и явлений, но впадают в полный ступор при попытке ответить на вопрос: а как это проявляется в реальной жизни, окружающей их действительности, в которой они живут?

Иначе говоря, выстраивается полный или почти полный разрыв между прочитанной информацией и умением ее закрепить в своем сознании для возможного дальнейшего использования. Эта ситуация создает *эффект краткосрочной памяти*, более или менее удобной для ответа в процессе учебы или сдачи экзамена либо зачета. В дальнейшем эта информация не закрепляется в сознании человека, забывается, выветривается, не оставляя следов и не обогащая его культурно-познавательный потенциал.

В России в целом растет доля учащихся, которые не достигают необходимого минимума функциональной грамотности. Эксперты единодушны в том, что таким подросткам в будущем будет сложно приспособиться к жизни в современном мире. В 2018 году почти треть всех учащихся не достигла минимального порога хотя бы по одному из видов грамотности: читательской, ма-

[1] См. также: *Тощенко Ж. Т.* Парадоксальный человек. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 427.

[2] См. также: *Тощенко Ж. Т.* Социальные парадоксы…

[3] *Жукова Т. Д.* Функциональная неграмотность — чума XXI века // Независимая газета. 2006. 10 марта.

[4] *Тощенко Ж. Т.* Парадоксальный человек.

[5] *Lynch M., Bogen D.* Harvey Sacks's primitive natural science // Theory, Culture & Society. 1994. Vol. 11. P. 70–71.

[6] *Sacks H.* Lectures on conversation. Vol. 1 / ed. by G. Jefferson. Oxford : Blackwell, 1992. P. 83.

[7] Подробнее см.: *Тощенко Ж. Т.* Образование и «образованщина» // Парадоксальный человек. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 441–444.

[8] См. например: *Семашко Л. М.* Тетрасоциология — социология четырех измерений. К постановке проблемы // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 20–28.

тематической или естественно-научной. Неграмотных по всем трем предметным областям стало 12 %[1].

Функциональная неграмотность проявляется и в так называемом *клиповом сознании* (от *англ*. clip — фрагмент текста, вырезка). Корни термина лежат в понятии «клиповой культуры», которое ввел социолог Э. Тоффлер в своей работе «Третья волна» в 1980 году. Первоначально термин «клиповое мышление» означал способность человека воспринимать мир через короткие яркие образы и послания теленовостей или видеоклипов. В современном значении — это тип мышления, при котором человек воспринимает информацию фрагментарно, короткими кусками и яркими образами, не может сосредоточиться и постоянно перескакивает с одного на другое. Таким людям крайне сложно читать или работать над большими текстами, особенно книгами, смотреть длинные видеосюжеты и фильмы. Клиповое мышление противопоставляют системному: тому, которое помогает глубоко погружаться и всесторонне анализировать информацию, выполняя все операции последовательно. Оно формирует невозможность логично изложить то, что прочитано, услышано и даже увидено.

Социально-психологические исследования показывают, что около 10 % молодых людей имеют специфические проблемы с пониманием прочитанного. У многих из них проблемы с чтением впервые выявляются примерно в 7–8 лет, хотя могут проявиться позже, когда ожидается, что они будут анализировать более сложные тексты. Можно констатировать, что у молодежи возникает нарушение понимания прочитанного, если наблюдается любой из следующих признаков: проблемы с базовыми навыками чтения, такими как распознавание слов; трудности с пониманием важных идей, содержащихся в прочитанном тексте; затруднение и (или) непонимание алгоритма при выполнении заданий и даже проблемы с запоминанием существенных деталей прочитанного.

В век огромного потока информации возникают сложности и трудности *выявления смысла и понимания содержания* прочитанного и услышанного. В результате выявляется неспособность выделить главное в этом потоке, понять его и затем изложить в процессе обучения или применить в профессиональной деятельности на своем рабочем месте. Если ранее ослабить это непонимание можно было посредством классической библиографической помощи, то в современных условиях этот вид работы такой недостаток может компенсировать в незначительной степени.

Функциональная неграмотность проявляется в таком удивительном факте, когда люди заменяют поиск средств решения проблемы не на пути сопоставления реальных возможностей добиться желаемой или рекомендуемой цели, а произвольным набором пожеланий, пусть даже искренних, но нередко никак не связанных с существующей действительностью. Тогда идет злоупотребление такими словами, как «должно», «необходимо», «следует», которые построены на мире директивного мышления или иллюзий и мечты, и не потому, что они неверны, а потому, что они не дают ответа на вопросы: каким образом это осуществить, кто это будет делать и за счет чего это будет достигнуто? Как следствие, проявляется эффект маленького или большого Обломова. Оперирование категориями долженствования часто делает человека бесполезным для понимания и применения предлагаемых путей и способов решения конкретных проблем в тесной связи с наличием области свободы, обладанием техническими, финансово-экономическими и человеческими ресурсами.

К этому стоит добавить и такое суждение. Функциональная неграмотность — это не столько отсутствие любой общеобразовательной подготовки, сколько неумение и неспособность решать повседневные практические задачи: написать заявление, заполнить документы, касающиеся повседневной жизни, уметь объяснить другому лицу суть желаемого или рекомендуемого. В России функционально неграмотных людей, как показывают социологические исследования, немало. Среди людей старшего возраста их насчитывается от 15 до 33 % в зависимости от профессии, места жительства и некоторых других жизненных обстоятельств. Но страну ждет новая волна полной функциональной неграмотности: сейчас, по экспертным данным, до 2 млн детей не посещают школу, не учатся[2]. К этому добавим и то, что с 1990-х годов в России началось снижение грамотности населения. По данным международного исследования качества чтения и понимания текста (Progress in International Reading Literacy Study, PIRLS), проводившегося в 2021 году, среди 15-летних российских школьников 22 % не достигли порогового второго уровня читательской грамотности.

А отдельные эксперименты показывают, что даже у студентов вузов есть сложности с пониманием прочитанного, что, помимо вышеуказанного, необходимо признать, что есть необучаемые, к которым относится контингент студентов, неспособных к учебе (или не желающих учиться). Из материалов интервью с преподавателями, сотрудниками и студентами вузов были выявлены следующие группы «необучаемости». Первую группу составляют те, кто не способен освоить университетские программы из-за низкого уровня школьной подготовки. Уже в середине 2000-х годов сформировался контингент студентов, которым все равно как и где учиться. По приблизительным оценкам, доля таких студентов в эти годы достигала 15 %. Вторую группу образуют те, кто использует университет как площадку для реализации других целей. Многие абитуриенты, успешные, например, в спорте, сразу зачисляются в университеты не для того, чтобы учиться. Их задача — побеждать на соревнованиях и в творческих конкурсах, участвовать в Универсиаде и КВН, повышать репутацию вуза и его узнаваемость, популяризировать бренд, делать ему рекламу. В условиях жесткой конкуренции и рейтингования вузов эта функция очень важна для университета. Но какова ценность этих студентов для будущей работы? Вопрос остает-

[1] Основные результаты российских учащихся в международном исследовании читательской, математической и естественнонаучной грамотности PISA-2018 и их интерпретация / К. А. Адамович, А. В. Капуза, А. Б. Захаров, И. Д. Фрумин. М. : НИУ ВШЭ, 2019. С. 10.

[2] *Тощенко Ж. Т.* Парадоксальный человек.

ся открытым. К третьей группе отнесем не только интеллектуально, но и умственно ограниченных и даже психически неуравновешенных студентов, которые не могут освоить и принять правила и требования университетского уровня. В зависимости от вуза численность этой группы различна, но показателен сам факт все большего присутствия их в студенческой среде[1].

Именно эти три группы образуют тот показатель, который приводит к выводу, полученному социологами Российского государственного гуманитарного университета: по данным анализа 118 вузов России установлено, что оканчивают университеты только от 65–75 % поступивших на учебу (в зависимости от профиля вуза).

К этому стоит добавить и такой факт. По данным ряда исследований, около четверти жителей России — от 22 до 25 % — не владеют функциональным чтением. Потеря этих навыков начинается в детстве, затем накапливается в среднем возрасте, когда эту проблему решить становится почти невозможно.

В 2003 году Международный институт чтения провел исследование качества чтения и функциональной грамотности, в котором учащиеся России заняли 32-е место из 40 стран. Сегодня в нашей стране лишь каждый третий выпускник 11-х классов понимает содержание научных и литературных текстов. Это явление вызвано организацией образования и учебными программами, направленными не на понимание прочитанного, а на звуковое или визуальное воспроизведение[2].

И наконец, неграмотность выступает одним из индикаторов несвободы человека в его взаимодействии с окружающим миром. И здесь мы сталкиваемся с одним из удивительнейших парадоксов: желание знать — это готовность принять свободу «с открытыми глазами», следствием чего является расставание с внутренней гармонией. Именно современный мир подвергает сомнению девиз Н. Г. Чернышевского к роману «Что делать?»: «Будем учиться — знание освободит нас».

Особенно тревожит функциональная неграмотность людей с высшим образованием, хотя, конечно, этот феномен среди них имеет свои особенности, особые формы проявления. Неграмотность данной категории лиц проявляется в том, что они не умеют общаться с окружающим миром посредством письменной (а иногда и устной) речи, излагать свои мысли и идеи в статье, научном докладе, обзоре, рецензии, составить деловую бумагу[3].

Все это позволяет утверждать, что функциональная неграмотность выступает как симптом социального кризиса, знак надвигающегося бедствия, сравнимого с экологическими и техногенными потрясениями, в эпицентре которого находится человек.

А. Тригунаят[4]

БРИКС КАК НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ДИАЛОГА МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

Введение

Когда Джим О'Нил из банка Goldman Sachs в 2001 году придумал термин БРИК, он, по сути, выделил четыре основные развивающиеся трансконтинентальные экономики из Азии, Европы и Америки — Бразилию, Россию, Индию и Китай, которые будут определять будущую траекторию глобального роста, особенно в контексте иностранных инвестиций и стратегий развития. Восемь лет спустя группа стала крупным геоэкономическим предприятием, а в 2010 году, включив в свой состав Южно-Африканскую Республику, распространила свою деятельность на Африку, за которой, по общему признанию, будущее, особенно в конце этого века, учитывая ее потенциал человеческих и природных ресурсов. На последнем саммите в Йоханнесбурге в 2023 году в число участников вошли еще пять стран: Эфиопия, Саудовская Аравия, ОАЭ, Египет и Иран. Все началось на уровне саммита в Екатеринбурге в 2009 году, а в 2024 году Россия снова станет принимающей стороной саммита в Казани, и, возможно, произойдет дальнейшее расширение группы за счет включения или объединения, поскольку тридцать или более стран ожидают присоединения к этой группе, которая, несмотря на внутренние разногласия, смогла оставить геоэкономический след на геополитическом и геостратегическом ландшафте в качестве жизнеспособной и более комплексной альтернативы, которая, надеемся, будет характеризоваться тремя основными принципами (3П) — взаимным уважением, взаимными интересами и взаимной восприимчивостью.

Сфера деятельности БРИКС расширилась на многие другие области, поскольку она охватывает не только десять крупнейших экономик мира, но и несколько древних цивилизаций, для которых диалог был одним из основных факторов развития. Интерактивный механизм и цели стали многоуровневыми и многомерными. Они затрагивают основные вопросы и глобальные про-

[1] *Денисова-Шмидт Е. В., Леонтьева Э. О.* Категория «необучаемых» студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов) // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 86–93.

[2] *Ясюкова Л.* Неграмотность — почему? // Наука и жизнь. 2015. № 6. С. 79–80.

[3] См. также: *Тощенко Ж. Т.* Социальные парадоксы…

[4] Посол Индии в Иордании и Ливии, Верховный комиссар на Мальте (2012–2016). За 35 лет своей дипломатической карьеры работал в Азии, Африке, Европе, Северной и Южной Америке, дважды работал в России, был заместителем главы миссии в ранге посла в России. Почетный сотрудник аналитического центра Международного фонда Вивекананды. Член Всеиндийской ассоциации менеджеров, Оксфордского и Кембриджского обществ Индии, Ассоциации индийских дипломатов (бывших послов). Почетный член Совета по международной торговле в Брюсселе. Автор ряда публикаций на темы международных отношений, в т. ч.: «Afghanistan Regained by Taliban», «Israel, Palestine and Hamas At War Again», «The Libyan Haze», «US–Iran: The Spat and the Standoff», «Sudan: A Blaze of Democracy on the Nile» и др.

блемы — от недостаточного развития до финансов, от изменения климата до борьбы с терроризмом, культуры и обмена между людьми. Сотрудничество в области науки и технологий еще больше усиливается благодаря торговле, инвестициям и связям как на уровне P2P, так и на физическом и цифровом, поскольку все страны-участницы используют свои синергетические возможности для максимизации взаимной выгоды.

Цивилизационные государства, как правило, предпочитают многосторонний мировой порядок, разнообразие дискурса и его приспособление к нескольким культурам, а также стратегическую автономию в качестве инструмента международного дискурса. БРИКС хотя и предъявляет совершенно иной набор моделей политического управления и социально-экономических моделей, но с гордостью отражает слияние различных цивилизаций, стремящихся к глобальному благосостоянию через диалог и дипломатию, желающих наладить партнерство для межцивилизационного диалога.

Успешное сотрудничество стран БРИКС доказывает, что разные социальные системы могут приспосабливаться друг к другу, различные модели развития могут работать друг с другом и различные ценности могут опираться на силу друг друга. Мы должны оставаться открытыми и инклюзивными, чтобы учиться друг у друга и добиваться прогресса вместе, ища точки соприкосновения и отбрасывая разногласия, о чем говорил Председатель КНР Си Цзиньпин. Но его триада — ИГБ (Инициатива глобальной безопасности), ИГР (Инициатива глобального развития) и ИГЦ (Инициатива глобальной цивилизации) — в сочетании с BRI (Инициатива «Пояс и путь») часто отдают гегемонистскими подходами и стратегией контроля, а не сотрудничества. Восприятие должно быть исправлено конкретным примером и моделями поведения, а не агрессивной антизападной дипломатией.

БРИКС может не только быть новым пространством для диалога между цивилизациями, но и похвастаться присутствием в своих рядах представителей древних и могущественных цивилизаций. Индийская, китайская, русская, персидская, египетская, месопотамская, арабская и эфиопская цивилизации действительно являются точкой опоры глобальных систем ценностей и могли бы многому научить мир, который озабочен единоборством и потакает соперничеству и превосходству посредством проецирования силы и отмены культуры. Помимо разрушения глобального управления в результате продолжающихся геополитических, геоэкономических, георелигиозных, а теперь и геотехнологических противостояний, мы движемся к пропасти, где синдром взаимного уничтожения приведет только к дезорганизации, расколу и в конечном счете к разрушению. Этот кризис доверия должен быть преодолен с помощью системы ценностей, которая ищет консенсус и функциональные, а также инклюзивные подходы. К счастью, у членов БРИКС есть наследие, которое может превратить их объединение в платформу для сосуществования и взаимного роста и развития как в материальном, так и в моральном плане.

При рассмотрении индийского и других подходов крайне важно, чтобы были заложены определенные важнейшие элементы и опоры, вокруг которых можно было бы построить систему доверия. Почти все страны и державы формулируют конечные цели, которые выглядят хорошо, но следование им ведет к нарушению норм, которые они сами себе установили. Причина того, что многосторонние институты не смогли достичь заявленных целей, кроется в ошибочном поведении самих инициаторов и создателей. Они предпочитают односторонность многосторонности, самовозвеличивание за счет глобального блага. В результате войны и конфликты случаются чаще, чем мирные периоды. Свобода для всех и право силы стали основным вектором и движущей силой сверх- и средних держав. Следовательно, необходимо, чтобы звучали здравые голоса, где благо широких масс становится приоритетом над недальновидными играми власти. В любом случае это будет нелегко, но, если БРИКС+ сможет изменить парадигму международного дискурса, тем лучше. Однако в гонке за создание альтернативных и жизнеспособных рамок и платформ БРИКС+ придется применять заслуживающие доверия стандарты и подотчетные результаты тех, кто утверждает, что предоставляет матрицу «сделай сам», которой могут доверять другие. Теоретически это уже подчеркивалось в декларации II саммита БРИК в 2010 году: «Это сосуществование было подтверждено декларацией, принятой на второй встрече БРИК, где страны заявили о своей поддержке справедливого и равноправного мира, основанного на праве, равенстве, взаимном уважении, сотрудничестве, скоординированных действиях и коллективном принятии решений всеми государствами». Таким образом, путь известен, но методологию для его беспрепятственного прохождения должны разработать все страны-члены, чтобы превратить БРИКС в пространство для диалога и консенсуса.

Важнейшие маркеры для диалога между цивилизациями и странами

— Инклюзивность против эксклюзивности. Необходимо, чтобы подходы были инклюзивными, чтобы сделать их приемлемыми и осуществимыми. Эксклюзивность, если только речь не идет об исключительности и инклюзивной исключительности, ведет к еще большей поляризации и расколу.

— Постоянное против временного. Предложенные системы ценностей должны практиковаться пропагандистами и применяться в их рассуждениях беспристрастно, держа в уме более великую и благородную цель с долгосрочной перспективой.

— Сотрудничество против конфликта.

— Универсальность против локальности или локальное против глобального.

— Идеалистические интерпретации против идеологических.

— Открытость, чтобы слушать других, приспосабливаться и меняться, а не подход «я — избранный, поэтому другие должны следовать за мной». Только тогда приемлемость и надежность приведут к росту доверия и взаимной выгоде. Примером может служить множе-

ство межконфессиональных диалогов, в ходе которых религиозные и политико-религиозные лидеры и мыслители, и даже атеисты говорят правильные вещи, но без каких-либо конструктивных результатов, поскольку религиозный раскол продолжает сохраняться. Это не должно стать неотъемлемой частью цивилизационного наследия и диалога.

— Все цивилизационные ценности, призывы и практики могут быть не в равной степени применимы к современному ландшафту. Поэтому сознательная и продуктивная интерпретация с позитивным отношением является обязательным условием.

— Доверие и скептицизм среди хранителей соответствующих цивилизаций. Таким образом, БРИКС придется бороться с внутригрупповыми расхождениями и межгрупповыми противоречиями, чтобы играть конструктивную роль. Кто будет арбитром — ключевой вопрос, а какова будет методология снижения параметров противостояния между конкурирующими странами — задача, которую БРИКС придется решать с самого начала.

— Для плодотворного диалога необходимо тщательно избегать гегемонизма, доминирования или даже намерений. Восприятие может быть опаснее реальности.

— Диалог, срыв, диссонанс и доминирование, особенно те, которые возникают из-за существующих геополитических линий разлома, должны быть решены с помощью подхода 3П.

— Мы должны отбросить теорию и тезис Хантингтона «Столкновение цивилизаций» и Фукуямы «Конец истории», потому что резервуар культуры, цивилизации, этоса и праведности не был принят во внимание цивилизациями, подобными нашей.

Индийский взгляд

Возглавляя председательство БРИКС в 2021 году, премьер-министр Нарендра Моди сказал: «Тема, которую Индия выбрала на этот год, демонстрирует именно такие приоритеты — укрепление сотрудничества БРИКС на основе преемственности, консолидации и консенсуса. Эти четыре принципа являются в каком-то смысле фундаментальными принципами нашего партнерства».

В одной из своих недавних статей[1] я заметил, что азиатство, учитывая его внутреннюю силу, прошло через собственную эволюцию на протяжении веков, когда основные азиатские цивилизации и культуры взаимодействовали друг с другом, часто органично, а иногда и конкурировали между собой. Результатом нередко становится ассимиляция. Древность — неотъемлемая часть азиатской мысли, философии и бытия. Гармония с природой и отношение «разделяй и заботься» были отличительной чертой стремления к вечному миру и сосуществованию. Однако политически азиатство периодически становилось свидетелем конфликтов и войн во имя превосходства и верховенства, которые вряд ли были истинной сутью азиатских систем ценностей. Борьба между Западом и Востоком усилилась в XIX–XX веках и во время Первой и Второй мировых войн. Западная система продвигалась вперед по мере того, как Япония терпела поражение, но в итоге стала частью системы западных альянсов. Индия стала независимой и избежала эпохи холодной войны и геополитической конкуренции, оставаясь неотъемлемой частью архитектуры глобального управления благодаря своему древнему духовному наследию и сокровищнице знаний, новым демократическим полномочиям, моральной и принципиальной позиции, отраженной в ее стратегии неприсоединения и акценте на мир и развитие для 1/6 части человечества, тем самым возглавив недавно освободившиеся из лап колониализма развивающиеся страны от Азии до Африки. Благодаря этому Индия получила авторитет международного голоса разума. На протяжении веков благожелательное влияние Индии и ее подходы были приняты в Азии и других странах, укоренились в разных географических регионах и остаются актуальными и сегодня в международном дискурсе. Настало время, когда глобальный центр тяжести вновь сместился в сторону Азии. Индийская дипломатия и информационно-пропагандистская работа готовы к этому.

На протяжении тысячелетий Индия взаимодействует с другими странами, исходя из стратегической позиции мирного сосуществования и ненасилия, которые остаются неотъемлемой частью учения Господа Будды и Махатмы Ганди. Она не верит в игру с нулевой суммой в международном дискурсе, но хочет работать со всеми ради глобальных благ и общего достояния, что недавно продемонстрировала в дипломатии вакцин, руководствуясь принципом «Васудхайв кутумбакам» — «Мир — одна семья». Именно в этом духе индийская этика, системы ценностей и знания распространились по обширным территориям Азии и всего мира и продолжают жить в преобразованном, но тесно переплетенном с местными системами верований виде. Пострадав почти от всех видов ищущих богатства захватчиков и колониальных держав, Индия научилась искусству сохранения единства в разнообразии и тем самым обогатилась за счет постепенного осознания и ассимиляции идей, идеалов, культурных нюансов, которые нашли отражение во множестве достижений. Все это в совокупности повлияло на мировоззрение Индии.

Важно определить некоторые из древнеиндийских систем ценностей и моралистических подходов, которые актуальны даже в современном расколотом международном дискурсе и переходном мировом порядке. Однако для того, чтобы они оставались легитимными, современная Индия, которая стремится вновь стать «Вишва Гуру» (вселенским учителем), должна оставаться маяком высоких моральных стандартов и инклюзивности в своем внутреннем дискурсе, поскольку она будет сурово судить по вечным системам ценностей и стандартам, которые создала для себя и распространяет в мире. Между тем быть «Вишва Митра» («другом мира») — это предпочтительный курс дипломатии и глобальных взаимодействий, сочетающий разумную внешнюю политику с диалогом, дипломатией и уважением суверенитета и территориальной целост-

[1] *Тригунаят А.* Азиатство — индийский подтекст // Стратеджик анализис (Startegic Analysis). Азиатство в пересказе Тейлора и Фрэнсиса для IDSA. 2022. Июль-авг. Т. 46. С. 416.

ности, как это закреплено в Уставе ООН, и многосторонним подходом как наиболее жизнеспособной матрицей сотрудничества.

К сожалению, религия, особенно ее политика, уже много веков является фактором, вызывающим разногласия как внутри страны, так и на международной арене. Индия была не только родоначальницей четырех основных религий — индуизма, буддизма, джайнизма и сикхизма, но и хранительницей многих других религиозных групп и культурных образований, которые сделали ее своим домом. Преследуемые парсы и евреи не только нашли убежище в Индии, но и обогатили ее культуру и предпринимательство. Немногие знают, что христианство и ислам пришли в Индию гораздо раньше, чем в Европу или на Ближний Восток, и стали основными религиями и в Индии. На самом деле многие — от Фа Хиена (во время правления Чандры Гупты II) до Аль Беруни («Тахкик-е Хинд» 1030 г. н. э.) — и десятки других стали посланниками и носителями индийских знаний в своем мире и за его пределами.

Фактом является то, что множество богов и практик, существовавших в духовной и религиозно-философской сфере Индии, обеспечили активную терпимость как желательную добродетель, и в итоге независимая Индия приняла политически светскую конституцию, в которой свобода исповедовать религию была отделена от государства и стала ответственностью индивидуума, гарантированной конституцией. Это также не менее важно в практике демократии, где инклюзивность предопределяет взаимодействие в обществе.

Неудивительно, что Стивен Кнапп, известный ученый, считает: «То, что мы находим в ведической культуре, — это области изучения, прогресса и самовыражения, которые сегодня так же актуальны для развития человечества, как и сотни или тысячи лет назад. Индия и ее ведическая культура многое дали миру: музыку, прекрасные формы искусства и архитектуры, боевые искусства, астрономию, холистическую медицину аюрведы, математическую систему, основанную на числе десять, а также йогу и философию[1].

Индия твердо верит в достижение глобального благосостояния через беспрепятственный доступ к мировому достоянию и глобальным товарам. К сожалению, некоторые державы предпочитают ограничивать этот доступ, ведя недальновидную политику и борьбу за власть. Это можно было бы понять в эпоху колониализма, когда колонизаторы диктовали правила односторонней игры, но, похоже, неоколониализм виноват в этом и в современную эпоху в течение последних семи десятилетий после Второй мировой войны. Различного рода апартеид все еще очень распространен. Самыми недавними примерами стали «вакцинный апартеид» и «зеленый апартеид», когда развивающиеся страны столкнулись с жесточайшей дискриминацией и поэтому были лишены доступа к средствам борьбы с пандемией и изменением климата, которое по-прежнему остается серьезной проблемой.

Именно в этом контексте Индия, которая, несмотря на то, что является самой густонаселенной страной мира с более чем 1/6 частью населения планеты, не только предоставляла медицинскую помощь и вакцины своим собственным гражданам, но и делилась ими с более чем 150 странами, включая развитые, по их просьбе. Тот факт, что Индия, несмотря на собственные трудности, не осталась в стороне, когда западный мир потворствовал «вакцинному апартеиду», говорит сам за себя. Действиями индийского государства и общества руководят участие и забота, что в полной мере проявляется в оказании Индией помощи в наращивании потенциала 161 стране, в основном на Глобальном Юге, на континентах от Африки до Азии, Северной и Южной Америки, Европы и Евразии. Неудивительно, что ее благожелательное и ориентированное на глобальное благосостояние руководство позволило ей стать «голосом Глобального Юга».

Подход Индии к разрешению конфликтов и установлению мира основан на диалоге и дипломатии, а также на соблюдении принципов мирного сосуществования. Принцип «Мир — одна семья» относится не только к людям, но и ко всей планете, включая природу, растения и животных, которые формируют добродетельный цикл человеческого существования. Что касается изменения климата, то присущий Индии подход настолько ориентирован на природу, что у нас уважают все живое и его процветание на протяжении веков, поэтому борьба с изменением климата происходит вполне естественно. Премьер-министр Нарендра Моди на саммите G20 и других международных форумах часто говорил о стиле жизни в интересах окружающей среды как о руководящем принципе при принятии всех мер предосторожности и политики для сдерживания дальнейшего ухудшения ситуации. Появление и запуск таких инициатив, как Международный солнечный альянс (МСА), Глобальный альянс по биотопливу, Коалиция за устойчивую к стихийным бедствиям инфраструктуру (КУБИ) — все это проявления ее цивилизационных ценностей и наследия в современную эпоху. Махатма Ганди часто повторял, что в природе достаточно всего для нужд человечества, но не для его жадности. Но в так называемом развитом мире произошло и продолжает происходить как раз обратное. Это экзистенциальная проблема, и каждый должен быть в нее вовлечен. Нам надо учиться у наших собственных предков, на их учениях и практиках.

Председательство Индии в «Большой двадцатке» в 2023 году — это пример того, как Индия, начав с определения наиболее подходящей темы — «Один мир, одна семья и одно будущее», затем смогла преодолеть различия между сверхдержавами, превратив G20 в «Народный G20», где прошло более 200 мероприятий по всей Индии. Принятие Делийской декларации стало событием, когда консенсус был достигнут во имя общего блага. Инклюзивность была продемонстрирована проведением Индией двух саммитов «Голос Глобального Юга», на которых мнения развивающихся стран были не только выяснены, но и учтены. Что еще более важно, ей удалось прийти к консенсусу по включению Африканского союза, представляющего 55 стран, в число постоянных членов, что дало им право голоса и возможность решать свои проблемы не-

[1] Подробнее см.: Stephen Knapp : [сайт]. URL: https://www.stephen-knapp.com/ (дата обращения: 08.05.2024).

посредственно изнутри. Что может быть более красноречивым в вопросе инклюзивности?

На мой взгляд, внешняя политика Индии ориентирована на мир и основана на принципах равенства, справедливости и здравомыслия в международном дискурсе, поскольку Индия уверенно развивается экономически, являясь крупнейшей демократией, самой густонаселенной страной, третьей по величине экономикой по паритету покупательной способности (ППС) и первой, кто реагирует на любой кризис. Эта политика осуществляется на основе принципов 3П: взаимное уважение, взаимные интересы и взаимная восприимчивость, а также доброжелательность по отношению ко всем. Ключевыми факторами являются пять: «Васудхайв кутумбакам» («Мир — одна семья»); «Вакцин Маитри» («Вакцинная дружба»); быть голосом Глобального Юга; внешняя политика, основанная на ценностях, со стратегической автономией в качестве движущей силы; и стать «Вишва Митра» («другом мира»). И с этой целью Индия стремится к реформированной многосторонности, пропагандируя самман (уважение), самвад (диалог), сахйог (сотрудничество), шанти (мир) и самридхи (процветание) для всех. Разве это не самый реальный выход из тупика пораженчества и разрушения?

Подводя итог, я хотел бы процитировать доктора С. Джайшанкара, министра иностранных дел Индии, который в книге «Почему Бхарат имеет значение» пишет: «Индия может иметь значение, просто находясь там, как место на рынке, как спорная площадка, ресурс или платформа, как это было в колониальные времена, или она может иметь значение через силу идей и действий, как двигатель, центр инноваций или гарантированная демократия», и далее поясняет: «Дело Индии — больше, чем просто демография. Ведь это одно из немногих государств-цивилизаций, переживших разрушительное воздействие истории... Индия придерживается долгосрочной перспективы, особенно в отношении глобальных проблем. Многие из их целей и задач основаны на традициях, которые не очень-то разделяют современные коллеги. Проще говоря, в Индии есть не только масштаб и история, но и исключительность, которая делает ее значимой»[1].

В заключение...

Расширяющийся БРИКС имеет все возможности для превращения в надежное пространство для диалога между цивилизациями путем откровенного и честного признания, обсуждения расхождений и поиска пути к консенсусу во имя глобального блага. Однако необходимо, чтобы внутриорганизационный диссонанс серьезно изучался с помощью реалистичной оценки и трехмерной призмы. Нельзя отрицать тот факт, что из числа нынешних членов между Китаем и Индией, Ираном и Саудовской Аравией, Египтом и Эфиопией существует глубокое недоверие и, возможно, истинные причины и претензии вызваны гегемонистскими подходами некоторых держав в соответствующих регионах. Как это преодолеть — ведь БРИКС работает на основе консенсуса и не занимается двусторонними вопросами, — по-прежнему остается проблемой. Индийцев часто называют «конфликтными», а наследие интеллектуального дискурса и диалога «Шастрарт» укрепило единство в многообразии в прошлом, настоящем и, конечно, будет укреплять его и в будущем.

БРИКС добился потрясающих успехов, и будущее видится еще более многообещающим. Слова президента В. Путина в 2024 году: «В целом Россия продолжит продвигать все аспекты партнерства БРИКС в трех ключевых областях: политика и безопасность, экономика и финансы, а также культурные и гуманитарные контакты», звучат пророчески. Далее он добавил: «Мы сотрудничаем на принципах равенства, партнерской поддержки, уважения интересов друг друга, и это суть ориентированного на будущее стратегического курса нашего объединения, курса, который отвечает стремлениям основной части мирового сообщества, так называемого глобального большинства»[2]. Будем надеяться, что БРИКС превзойдет ожидания в достижении консенсуса, культуре, торговле и связях, в том числе в цифровой, физической и духовной сферах, посредством диалога, дипломатии и взаимного уважения, что породит гармонию и надежду. В этом разрушительном мире существует острая потребность в новой мысли и платформе, которая может прийти только от древних цивилизаций. Пришло время правильных идей. И давайте не забывать, что благотворительность начинается дома.

[1] *Джайшанкар С.* Почему Бхарат имеет значение. Rupa, 2024. С. 199–200.

[2] Обращение Владимира Путина в связи с началом председательства России в БРИКС. 2024, 1 янв. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73202 (дата обращения: 13.05.2024). Путин заявил, что БРИКС работает на «Мировое большинство».

Т. Тюркер[1]

ЭПОХА РИФМЫ[2]

В начале 1990-х годов, после распада Советского Союза и окончания холодной войны, определенные политические и научные круги объявили о появлении нового мирового порядка, в котором США станут не имеющей себе равных супердержавой. В соответствии с тезисом «конец истории», ассоциирующимся с Фукуямой, этот новый миропорядок должен был положить конец всем идеологическим конфликтам[3]. Э. Дж. Хобсбаум[4] и З. Бауман[5], которые позиционировали себя как противники тезиса Фукуямы и считали этот процесс кризисом современности и периодом нестабильности, описывали распад Советского Союза как «неуверенность, нестабильность, хаос и гражданскую войну» и считали, что этот распад влияет на «систему, которая делает устойчивыми международные отношения». Они заявляли, что разрушение системы раскрыло «неустойчивость внутренних политических систем, которые, по сути, базировались на этой устойчивости». Они критиковали новый миропорядок за представление мира без «коллективной утопии», который не имеет разумной альтернативы себе самому. У. Бек также описывал конец холодной войны как способ легитимизации того, что представляет собой политика. Он утверждал, что она утратила силу и «политика встает на скользкий путь самоуничижения»[6]. В 1990-е годы американская гегемония установилась не только в политике. Кризис 1970-х и «монетаристская контрреволюция» 1980-х обеспечили краткосрочную экономическую и социальную belle époque (*фр.* прекрасная эпоха) американской гегемонии в 1990-е[7].

Хотя недолгая belle époque при американской гегемонии не являлась гарантией краха системы, в ней заключалась опасность повторения серьезного кризиса или периодов спада. И азиатский финансовый кризис 1997 года, и пережитые в 2000-е годы кризисы снова это продемонстрировали. В то время как кризис 2000–2001 годов оказал разрушительное воздействие на периферийные страны, кризис 2008 года, являющийся продолжением этого процесса, разразился в центральных. Это показало, что все страдают от глобальных рисков и необходимо искать радикальные решения. Как упоминал Бек, этот период следует рассматривать как время общественного, политического и мирового порядка или беспорядка, когда превалируют риски[8]. Риски оказывают многомерное воздействие на глобальном уровне на международную безопасность и финансы. Э. Гидденс утверждает, что, в отличие от прошлого, контроль над будущим является главной задачей современности, а поэтому концепция риска тоже становится центральной. Однако следует учитывать, что величина рисков изменилась в сравнении с прошлым[9].

Нынешний период надо рассматривать как период нестабильности, включающий много нового. Международная система в настоящее время находится в процессе, когда переплетены поликризисы[10], а также социальные, политические и финансовые. Ее появление восходит к XIX веку. При том мировом порядке, который существовал после XIX века, когда все стало взаимосвязано и больше невозможно было удержаться в рамках одной страны, важными стали проблемы управления глобальными рисками, разделения ответственности за риски, установления статус-кво и ответы на вопросы, кто будет наделен полномочиями на международном уровне. Уязвимость личных и коллективных активов, которые могут пострадать от глобальных рисков, и неопределенность относительно будущего институтов и структур в случае неуверенности и нестабильности — признаки того, что настоящий период является периодом восстановления.

Марку Твену принадлежит знаменитая фраза: «История не повторяется, но рифмуется». Если сосредоточиться на эволюции концепции стабильности, то ее можно рассматривать через исторические сравнения и создание системы международной безопасности и мирового порядка. Хотя упомянутые «рифмы» подходят для объяснения этапов установления суверенитета и гегемонии при балансе сил разных стран, следует также рассмотреть уникальные различия в процессе, который идет в настоящее время.

Если говорить о «рифмуемых» периодах, то период, который мы переживаем сегодня, напоминает три недавних. В таком случае первая «рифма» — это belle époque, вторая — период между двух войн, а третья — долгий XIX век, который следует оценивать как сложно структурированный процесс после Французской революции.

Наиболее характерная черта belle époque, которая вспоминается сегодня, — это то, что человечество считало ее периодом больших надежд. Во время belle époque история напоминала призрак. Можно сказать,

---

[1] Профессор факультета политологии Университета Анкары (Турция), доктор философии. Сфера научных интересов: история Оттоманской и Российской империй, современная иностранная политика России и Турции. Автор научных публикаций по истории Оттоманской и Российской империй и вопросам современной международной политики, в т. ч.: «Проблемы кризиса современности, поиска идентичности и демократии в западном мире», «История нации: влияние Запада на Российскую и Турецкую империи», «Российско-турецкие отношения в период А. А. Громыко и сейчас: ретроспектива и современный взгляд» и др.

[2] Из выводов, представленных в книге автора под тем же названием, выходившей на турецком языке: *Kafiye Çağı.* İstanbul : Kronik, 2023.

[3] См.: *Fukuyama F.* End of History? // The National Interest. 1989. № 16. P. 18.

[4] См.: *Hobsbawm E. J.* Kısa Yirminci Yüzyıl 1914–1991 Aşırıklar Çağı / çev. Yavuz Alogan. İstanbul : Sarmal Yayınevi, 1996. P. 23.

[5] См.: *Bauman Z.* Intimations of postmodernity. L. : Routledge, 1999. C. 25.

[6] См.: *Beck U.* Siyasallığın İcadı / çev. Nihat Ülner. İstanbul : İletişim Yayınları, 2013. P. 206–207.

[7] См.: *Arrighi G., Silver B. J., Ahmad I.* Chaos and Governance in the Modern World System. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1999.

[8] См.: *Beck U.* Risk Society: Towards a New Modernity / transl. by Mark Ritter, L. : Sage Publications, 1992.

[9] См.: *Giddens A.* Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives. N.Y. : Routledge, 2002. P. 52.

[10] См.: *Tooze A.* Welcome to the world of the polycrisis // Financial Times. 2022. 28 Oct.

что люди не оглядывались на прошлую историю, скорее, все с надеждой смотрели в будущее, хотя человечество в конце концов и стало жертвой того периода.

Тогда люди считали, что пришел конец истории, и думали, что лучше могут выразить себя через культуру и искусство. В некотором смысле belle époque была периодом стабильности и мира; источником этой стабильности и ста лет мира были финансы, которые считались элементом модерации[1]. К. Поланьи заявляет, что международный баланс сил поддерживался благодаря политической функции международной валютной системы с 1871 по 1914 год, и утверждает, что организованность экономики проложила путь к обстановке мира и стабильности[2]. В частности, в 1830 году начался перерыв между двумя революциями, и belle époque[3] при гегемонии Великобритании позволяла расширение рынков в глобальных масштабах и инициировала период, который будет продолжаться до 1914 года. Во время этого процесса ориентированный на Великобританию мировой рынок поддерживал ее гегемонию против развивающихся мировых держав, таких как Германия[4]. В частности, между 1870 и 1913 годами «мировая система стабилизировалась благодаря гегемонии или, по крайней мере, центральному месту британской экономики и ее валюты, фунта стерлингов»[5]. Аналогично Лондону британская экономика стала истинным экономическим центром мира, а в ее основе лежал фунт стерлингов[6]. Международная система с центром в Англии, основанная на классическом либерализме и золотом стандарте, породила период все увеличивающегося процветания. Хотя Германия пыталась распространить немецкую марку на весь мир, она не смогла преодолеть гегемонию Великобритании в политической и военной областях, а в особенности в финансовой. К. Каутский представил концепцию ультраимпериализма — в мирной обстановке появляются новые державы, и это совсем необязательно приведет к конфликту при гегемонии Великобритании. Тем не менее капиталистические державы будут править миром, образовав некий вид картеля[7]. Однако предсказанного Каутским мира не случилось, и человечество в 1914 году было ввергнуто в Первую мировую войну. Таким образом, belle époque осталась в человеческой памяти красивой иллюзией, по которой испытывают ностальгию.

Еще одна «рифма», которую следует упомянуть, — это период между двумя войнами. Человеческая история заставляет заострить внимание на единой валютной системе в международной торговле, упорядоченной Западом, которая использовалась на протяжении почти восьмисот лет. Единственным исключением из этой неразрывности стал период между 1918 и 1939 годами, когда шел сложный процесс и в международной торговле превалировало несколько валют. Отказ от золотого стандарта, на котором основывалась система баланса сил и которым обеспечивалось функционирование системы, также привел к концу традиционной мировой экономики[8].

Этот период следует оценивать как период нестабильности в рамках Великой депрессии 1929 года, подъема фашизма, политики «Нового курса», принятой под руководством Рузвельта в США, и подъема советской системы как важного конкурента. В результате этой нестабильности по всему миру начался спад. Разрушения, вызванные войной, экономический застой, рост безработицы, неуверенность в политике были названы причинами этой стагнации. Даже в США, которые славятся самодостаточностью экономики и в наименьшей степени пострадали от войны (хотя даже США вышли из войны как страна-кредитор), не смогли остаться в стороне от этого процесса рецессии[9]. Поланьи осмысливает этот процесс, при котором классический либерализм потерпел банкротство, и называет его «великой трансформацией», а Э. Х. Карр считает период между войнами двадцатилетним кризисом, связываемым с банкротством классического либерализма, основанного на гармонии интересов[10]. В период между двумя войнами приобрели большое значение протекционистская политика и новые устремления, такие как, например, представление кейнсианской политики, к которым обращались, чтобы бороться с массовой безработицей и отсутствием спроса. Во время этого процесса быстрая индустриализация и развитие Советского Союза по «плану» сделали привлекательными новые экономические подходы.

«В период с 1929 по 1940 год промышленное производство в Советском Союзе выросло по крайней мере в три раза. Его доля в 1929 году составляла 5 % мирового промышленного производства, а к 1938 году выросла до 18 %. За этот же период общая доля США, Великобритании и Франции снизилась с 59 до 52 % общего мирового показателя»[11]. Конкретно эти цифры показывают подъем Советского Союза в период общего спада. Во время этого периода в мировой экономике произошли серьезные изменения, и США не смогли обеспечить какую-то альтернативу или восстановление системы, поддерживавшей стабильность, создав некий вариант belle époque при британской гегемонии, когда система платежей основывалась на фунте стерлингов[12]. Поэтому глубокий кризис в мировой экономике и отсутствие державы-гегемона в мире сделали невозможным возвращение belle époque. Поиск альтернативной

[1] См.: *Polanyi K.* Büyük Dönüşüm / çev. Ayşe Buğra. İstanbul : İletişim Yayınları, 2010. P. 37–50.

[2] См.: Ibid. P. 57.

[3] См.: *Arrighi G., Silver B. J.* Polanyi's «Double Movement»: The Belle Époques of British and U. S. Hegemony Compared // Politics & Society. 2003. № 31 (2). P. 325–355.

[4] См.: *Carr E. H.* The Twenty Years' Crisis 1919–1939: An Introduction To The Study of International Relations, Edinburg : R. & R. Clark, 1946. P. 55–56. Карр утверждает, что Англия приняла политику свободной торговли в этот период, в то время как США и Германия выступили как соперники британской гегемонии путем введения протекционистской политики.

[5] См.: *Hobsbawm E. J.* The Age of Extremes. L. : Abacus, 1994. P. 271 ; *Idem.* Sanayi ve İmparatorluk / çev. Abdullah Ersoy. Ankara : Dost Kitabevi, 2003. P. 139. В частности, 1913-й стал рекордным годом для британской торговли. (см.: *Carr E. H.* Op. cit. P. 108).

[6] См.: *Hobsbawm E. J.* Sanayi ve İmparatorluk / çev. Abdullah Ersoy. Ankara : Dost Kitabevi, 2003. P. 139.

[7] См.: *Kautsky K.* Ultraimperalism // Die Neue Zeit. 1914. 11 Sept.

[8] См.: *Polanyi K.* Op. cit. P. 36.

[9] См.: *Hobsbawm E. J.* Kısa Yirminci Yüzyıl 1914–1991 Aşırılıklar Çağı. P. 118–119.

[10] См.: *Carr E. H.* Op. cit.

[11] См.: *Hobsbawm E. J.* Kısa Yirminci Yüzyıl 1914–1991 Aşırılıklar Çağı. P. 117.

[12] См.: *Arrighi G., Silver B. J.* Polanyi's «Double Movement».

рыночной экономики, в особенности приближение государства всеобщего благоденствия, идея которого впервые была предложена Дж. М. Кейнсом, а также ядерная политика в период холодной войны сохраняли равновесие и стабильность в экономической и международной системе власти. В частности, при создании Бреттон-Вудской системы была предпринята попытка покончить с финансовой нестабильностью путем создания механизмов для контроля послевоенного потока капиталов, а американский доллар стал единой валютой. После Второй мировой войны, когда «война создала государство, а государство стало вести войну», которая рассматривалась, как нормальное явление и мощный инструмент международной системы, произошли изменения: статус-кво сменился и стал поддерживаться невоенными средствами[1]. Таким периодом перемен стала холодная война, которая создала период стабильности. Эта экономическая стабильность исходит из ядерной угрозы, которая позволяет международной системе стабилизироваться, хотя и через принуждение и сдерживание.

Последняя из трех «рифм» — это долгий XIX век[2]. Его следует рассматривать как долгосрочный кризис, учитывая влияние строительства национальных государств, а также процесса индустриализации и модернизации в последующие столетия. В отличие от принятой точки зрения, это период скорее нестабильности, чем стабильности, который принес настолько радикальные перемены, что его необходимо рассматривать скорее не как перемену, а как трансформацию, которая формируется экономически, политически и идеологически, в особенности «двойной революцией» 1789 года и ее дополнением 1848 года[3]. Здесь не играет никакой роли то, что, по мнению Хобсбаума, многие перемены все еще требуется довести до конца и, несмотря на уникальный опыт, в экономике, технической и социальной сферах все еще не достигнуто равновесие[4]. Нет окончательного ответа на вопрос о том, когда закончился XIX век, учитывая, что некоторые основополагающие ценности в социальной сфере, экономике и международной политике относятся к этому периоду. Кстати, в то время как некоторые ученые заявляют, что этот век завершился в 1900 году, а другие — что в 1945-м, есть и те, кто считает, что он продолжается до сих пор. Как упоминалось выше, становление скорее восходит ко всему XIX веку, а не вписывается в какие-то краткосрочные временны́е рамки. Это социальные, политические и экономические установки, сформированные в XIX веке. Более того, следует учитывать, что эти проблемы являются результатом долгосрочных тенденций.

Бауман и Бордони дали определение социальных проблем 1970-х годов, намекая, что американизм зависит от роста потребления. Они ссылались на упадок Запада из-за краха цивилизации и «быстрого сокращения мирового материального господства и духовной гегемонии Европы» [5]. Бауман и Бордони говорили о синдроме потребителя и утверждали, что современное общество потребляет не только товары, но и предоставляемые людьми услуги, а поэтому и человеческие отношения.

Во-первых, главная причина этой проблемы на социальном уровне — это экономическая трансформация, которая может считаться проблемой постиндустриального общества. Растущие финансовые системы начиная с 1970-х годов усилили значение финансового капитала. После Второй мировой войны уход государственного сектора из финансовой системы, основанной на рыночных принципах, несостоятельность кейнсианской политики, принятие Вашингтонского консенсуса и попадание национальных государств под контроль механизмов финансового капитала привели к разрушению способности национальных государств к принятию решений в области экономики. Д. Харви утверждал, что трансформация или кризис гибкого накопления в производстве, условиях труда и потреблении является результатом поиска финансовых решений. Если говорить о финансовом уровне, то можно определить, что в мире идет перестройка, а валютная инфляция ведет к кризису. Харви писал, что если мы ищем отличительную черту, то нам нужно посмотреть на финансовую сферу и кредитную систему. Также он заявлял, что, хотя эти два механизма обеспечивают краткосрочную стабильность, в некоторой степени это откладывает кризис[6].

Во-вторых, изменения в общественной жизни — это еще одна проблема в дополнение к экономике и финансам. Хобсбаум объясняет парадокс XXI века тем, что общество подобно вакууму, несмотря на мгновенный доступ к массе информации[7]. Этот парадокс приводит к сужению смыслового содержания информации и исчезновению ее ценности, создавая некий вид эрозии познания[8]. Бауман называет этот процесс «текучей современностью». Текучая современность не только облегчает создание сообществ с помощью новых информационных технологий, размывает различия между общественным и личным, лишает конфиденциальности, ослабляет связи между людьми, она также ведет и к возникновению ненадежных отношений вместо сообществ старого типа[9]. В процессе, когда «все разваливается на части, а центр не может ничего удержать»[10], по словам Баумана и Бордони, «общества, которые прекрасно знают, чего они не хотят, но понятия не имеют о том, что хотят, которые атомизированы, утратили свои политические черты и неорганизованны, могут создать серьезные проблемы для обще-

[1] См.: *Tilly C.* War Making and State Making as Organized Crime // From Bringing the State Back In / ed. P. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Cambridge Univ. Press, 1985. P. 169–191.

[2] См.: *İlber Ortaylı.* İmparatorluğun En Uzun Yüzyılı. İstanbul : Kronik Yayınları, 2018.

[3] См.: *Hobsbawm E. J.* Devrim Çağı 1789–1848 / çev. Bahadır Sina Şener. Ankara : Dost Kitabevi, 2003.

[4] См.: Ibid. P. 327.

[5] См.: *Bauman Z., Bordoni C.* State of Crisis. Cambridge Polity Press, 2016. P. 149.

[6] См.: *Harvey D.* Postmodernliğin Durumu. Metis Yayincilik, 2003.

[7] См.: *Hobsbawm. E. J.* Yeni Yüzyılın Eşiğinde / çev. İbrahim Yıldız. İstanbul : Yordam Kitap, 2007. P. 186.

[8] *Bauman Z.* Modernite, Kapitalizm, Sosyalizm / çev. F. Doruk Ergun. İstanbul : Say Yayınları, 2014, P. 118–119 ; *Hari J.* Çalınan Dikkat: Neden Odaklanamıyoruz? / çev. Barış Engin Aksoy. İstanbul : Metis Yayınları, 2022. P. 49.

[9] См.: *Bauman Z.* Op. cit. P. 108–120.

[10] См.: *Berman M.* Katı Olan Her Şey Buharlaşıyor / çev. Ümit Altuğ, Bülent Peker. İstanbul : İletişim Yayınları, 2013. P. 127.

ственного порядка» [1]. Крах общественных отношений также ведет к падению «публичной сферы, которая является зоной переговоров», где ограничиваются частные интересы и происходят рациональные дискуссии[2]. Поскольку распад публичной сферы представляет собой немалую опасность, уже должна быть среда, необходимая для ее восстановления. Во время пандемии гибель «койнонии» и господство «идиона» также упоминались в пессимистических сценариях. Следовательно, эти дискурсы необходимо рассматривать в контексте краха публичной сферы.

В-третьих, политика — это еще один момент неблагополучия, который необходимо подчеркнуть. Как часто подчеркивается в литературе, поиск стабильных политических субъектов во времена нестабильности становится проблемой. Появляются экстремистские политические движения и находят отклик в обществе, которое рассеяно и дезорганизовано. Как указывает Поланьи, такие периоды спада и нестабильности ведут к росту социальных реакций и различным общественным тенденциям[3]. Поэтому складывающаяся в результате ситуация снова напоминает нам XIX век. Хотя считается, что эти проблемы являются проблемами западного мира, ясно, что присутствует возможность и даже необходимость их распространения на незападный мир. Глобальная гегемония Запада экспортировала эти проблемы в регионы за его границами и в плане modus vivendi (*лат.* способ существования, образ жизни), и в политическую сферу. Поэтому, хотя у народов и общественных институтов имеются собственные исходные позиции, на исторических поворотных точках они объединяются в борьбе за существование[4].

В дополнение к перечисленным «рифмам» следует сказать, что нынешний период является нестабильным и его можно считать процессом восстановления по трем главным направлениям:

1) трансформация западной системы в социальной, политической и экономической сферах;

2) изменения в составе мировых акторов (различные региональные державы и национальные государства при глобальном разделении власти держат в приоритете свои интересы);

3) глобальный вызов и подъем Китая.

Можно провести оценку существующей международной системы, в центре которой находятся США, и представить ее в свете понимания гегемонии А. Грамши[5]. Нравственное и интеллектуальное лидерство составляет важный оплот при установлении гегемонии. Как мы видели выше, гегемония не является бессрочно воспроизводимой в историческом процессе из-за ее кризиса. Следует учесть, что кризис гегемонии не требует исчезновения доминирующей политической и социальной системы или установления альтернативного порядка гегемонии. Хотя в западной системе иногда начинался кризис гегемонии, ей удавалось воспроизводить последнюю в экономической, политической и культурной сферах в рамках исторической преемственности. Хотя Советский Союз пытался стать державой-контргегемоном в отношении западной гегемонии в период холодной войны, он так и не смог предложить альтернативу долларовой системе и продолжал существовать в ее рамках благодаря соглашению с Западом или принуждению и сдерживанию, в особенности из-за той силы, которую давала ядерная угроза. Состояние баланса и стабильности, которое она давала, ушло из-за кризиса гегемонии. В наше время национальные государства отличаются многообразием и отходят от традиционных идеологий, некоторые из них хотят действовать более активно, чем раньше, в рамках сложившейся мировой системы. Поэтому появились тенденции к поиску нового политического равновесия. Эти тенденции, которые возникали в результате брошенного западной системе вызова, в процессе чего определенные национальные государства как субъекты снова пытались расширить свои юрисдикции, а также восстановить разделение, проявляются как голлизм в Индонезии, Бразилии, на Ближнем Востоке, в ЮАР и т. д.

В дополнение к подходу Грамши это изменение можно проанализировать через *Aux bords du politique* — «На краю политического», важную работу Ж. Рансьера. Рансьер утверждает, что политика может появиться в любое время вместе с разработкой концепции. По его мнению, политика ведется в рамках полиса, который определяет становление, в то время как реальная политика возникает в демосе, который становится политическим субъектом при появлении политического порядка[6]. Полис — это поддержание порядка и становление. Политика находится в его рамках, но становится заметной с вопросом: «Какая роль отводится тем, у кого нет роли?», появляясь вместе с процессом политической субъективации тех, у кого нет роли. Она продолжает быть действенной для западной внутренней политической системы, с желанием и неуверенностью в радикальной трансформации центризма и структуры общества, и связана с тем фактом, что новые акторы в международной политике на «краю» Запада сами начали делать политику.

В этом смысле можно провести оценку на основе «незнакомца» Зиммеля. В некоторой степени концепция «незнакомца»[7], созданная на основе социальных типов, адаптируется к международному уровню, и те, кто остается на «краю» Запада, — это субъективность, которая скорее «существует сегодня и имеет потенциал существовать завтра», а не быть в некотором роде flâneur (*фр.* фланер, кутила, гуляка) [8]. Следует отметить один важный момент: государство далеко, а на «краю» возможно существование других возможностей и допускается объективное наблюдение. Нужно учитывать то, чему мы научились у Н. Макиавелли,

[1] См.: *Bauman Z., Bordoni C.* Op. cit.

[2] См.: *Habermas J.* Kamusallığın Yapısal Dönüşümü / çev. Tanıl Bora, Mithat Sancar. İstanbul : İletişim Yayınları, 2021.

[3] См.: *Polanyi K.* Op. cit.

[4] См.: Ibid. P. 67.

[5] См.: *Gramsci A.* Hapishane Defterleri, Seçmeler / çev. Adnan Cemgil. İstanbul : Belge Yayınları, 1986. P. 28–32; 282–288; 319–324.

[6] См.: *Rancière J.* Siyasalın Kıyısında / çev. Aziz Ufuk Kılıç. İstanbul : İletişim Yayınları, 2016. P. 71–78.

[7] См.: *Simmel G.* Bireysellik ve Kültür / çev. Tuncay Birkan. İstanbul : Metis Yayıncılık.

[8] См.: *Baudelaire Ch.* Modern Hayatın Ressamı / çev. Ali Berktay, İstanbul : İletişim Yayınları, 2009 ; *Benjamin W.* Pasajlar / çev. Ahmet Cemal. İstanbul : Yapı Kredi Yayınları, 2012.

который говорит во вступлении к трактату «Принц»: «Как художнику, который рисует пейзаж, нужно спуститься в долину, чтобы охватить взглядом горы и холмы, и подняться на гору, чтобы охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть сущность народа, надо быть правителем, и чтобы постигнуть природу правителей, надо принадлежать народу»[1]. В соответствии с логикой необходимости «незнакомец» также может вести объективное наблюдение. Может подразумеваться, что субъективность позиционируется как «незнакомец» при западных системных переменах, а существование «незнакомца» остается постоянным. В этом контексте «незнакомец» может быть полезен Западу для перестройки себя политически, социально и экономически, поскольку существование Запада зависит от «незнакомца». В этом плане ясно, что западной системе жизненно необходимо восстановление путем расширения. Не следует путать подобное положение дел с такими экстремистскими дискурсами, как «крах Запада».

Самым сложным аспектом нынешнего периода следует считать подъем Китая. Хотя Китай пока не предпринял никаких определенных шагов для установления сконцентрированной на юане международной торговли, недавнее заседание Атлантического совета, организованное МВФ, носило название «Бреттон-Вудс 2.0». Китай громко задает вопрос, стоящий на повестке дня МВФ или Атлантического совета. В последние месяцы было объявлено, что Китай заключил соглашения о балансе импорта и экспорта энергоресурсов со многими странами, например Ганой и Саудовской Аравией, в их валютах. Торговля энергоресурсами между Россией и Индией достигла невиданных масштабов. Поэтому следует понять, что сегодняшний главный вызов исходит от Китая. В последние время часто обсуждались взаимоотношения Китая и Америки, и их называли «новой холодной войной» или «двумя различными путями капитализма»[2]. Растущая мощь Китая представляет угрозу гегемонии США и их экономическим отношениям с Африкой и Латинской Америкой. Также следует отметить культурную экспансию Китая (например, проект «Один пояс — один путь») вместе с конкуренцией внутри международных организаций, создание таких организаций, как Азиатский инвестиционный банк и его влияние на права интеллектуальной собственности. Все это заставляет США принимать меры предосторожности против этой угрозы.

Три упомянутые выше структурные темы (экономическая, финансовая, социальная и политическая трансформация западной системы; предпочтение своих интересов в мировой системе определенными региональными державами и национальными государствами; глобальный вызов Китая), «рифмующиеся» с тремя периодами (belle époque, период между двумя войнами и долгий XIX в.), могут служить маяком для анализа нынешней ситуации в мире. Для оценки такого кризисного периода, когда все структуры между технологической технократией и бюрократическим бонапартизмом открыты для дискуссии и вызова; исследуется проблема идентичности; все старые и новые субъекты имеют сложности с производительностью; проявляются конкретные стремления, подходят слова А. Грамши: «старое умирает, а новое не может родиться»[3]. Поэтому нужно принять эти слова за истину, которая подходит также и к этому периоду. М. Олбрайт однажды сказала, что она «оптимистка, которая много беспокоится»[4]. Вероятно, если высказаться аналогично этой фразе, в наши дни будет правильно занять позицию «пессимиста, который редко надеется».

[1] См.: *Machiavelli N.* The Prince / transl. by J. B. Atkinson. Indianapolis ; Cambridge : Hackett Publishing Company, 2008, P. 97.

[2] См.: *Milanovic B.* With the US and China, Two Types of Capitalism Are Competing with Each Other. Promarket, 2019. 25 Sept. ; *Rana P. B., Ji X.* From Centralising to Decentralising Global Economic Architecture: The Asian Perspective. Palgrave Macmillan, 2022.

[3] См.: *Gramsci A.* Les Cahier de Prison. Cah. 3. P. : Gallimard, 1983.

[4] См.: *Albright M.* I am an optimist who worries a lot. Der Spiegel International. 2018. 11 July. URL: https://www.spiegel.de/international/world/interview-with-madeleine-albright-a-1217661.html (дата обращения: 14.05.2024).

Г. Ф. Фейгин[1],
Г. А. Гончаров[2],
Н. В. Маслова[3]

САНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СТРАН ЗАПАДА В ОТНОШЕНИИ РОССИИ: ДОЛГОСРОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ[4]

Постановка проблемы

После начала специальной военной операции (СВО) на Украине страны Запада резко ужесточили санкционную политику в отношении России.

Речь идет именно об ужесточении, так как первые санкции были введены после воссоединения Крыма с Россией в 2014 году и в дальнейшем дополнялись до 2021 года. Однако если ранее санкции носили преимущественно сигнальный характер, то есть были призваны продемонстрировать негативное отношение стран Запада к некоторым действиям в рамках внешней политики России, то после 24 февраля 2022 года ситуация резко изменилась. Новые санкции были направлены на причинение российской экономике максимального ущерба. Так, в течение 2022 года конечная цель заключалась в том, чтобы оказать максимальное давление и вынудить российское руководство отказаться от целей СВО на Украине. О намерениях стран Запада свидетельствуют, в частности, высказывания некоторых политиков. Так, президент США Джозеф Байден в марте 2022 года назвал их «самыми тяжелыми карающими санкциями в истории»[5] [5], а глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен в сентябре 2022 года повторила слова Обамы восьмилетней давности о том, что «промышленность России разорвана в клочья»[6].

Таким образом, страны Запада в своем стремлении сдержать Россию и вопреки собственным экономическим интересам ушли с российского рынка. Замораживание Западом российских валютных активов, находящихся на счетах в банках недружественных стран, и конфискация имущества компаний и физических лиц разрушает саму природу капиталистических экономических отношений, основанных на незыблемости права частной собственности и свободной конкуренции, а также свидетельствует о переформатировании глобального миропорядка и объективно делает переосмысление указанных процессов значимой и актуальной научной задачей.

В то же время многочисленные исследования показывают, что введение санкций против той или иной страны далеко не всегда дает желаемый результат для стран-инициаторов[7]. Государства, против которых вводятся санкции, нередко имеют возможность найти альтернативные варианты для развития и международного сотрудничества. При этом страны-инициаторы ограничивают собственные возможности. Поэтому введение санкций против той или иной страны может негативно влиять не только на ее экономику, но и на экономики стран-инициаторов[8].

В связи с тем, что с момента резкого ужесточения антироссийских санкций прошло уже более двух лет, а российская экономика в короткие сроки смогла преодолеть фазу спада и перейти к росту, представляется актуальным исследование долгосрочных эффектов от введения антироссийских санкций для инициировавших их стран Запада.

Потери стран Запада, обусловленные ужесточением антироссийских санкций: общие тенденции

Масштаб санкций, введенных против экономики России начиная с 24 февраля 2022 года, является беспрецедентным. Так, Европейский союз применил уже 13 пакетов санкций против России, также масштабные санкции ввели и постоянно расширяют США и Япония. Санкциям подвергаются как физические лица,

---

[1] Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ. Автор более 150 научных публикаций на русском, немецком и английском языках, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Рынок труда в Европейском союзе в условиях санкционной войны» (в соавт.), «Молодежь на рынке труда в странах Европейского союза» (в соавт.), «Евразийская политэкономия», «Открытая экономика: макроэкономический подход», «Реальный сектор экономики», «Закономерности глобализации и развитие национальных экономик», «Глобализация экономики: перспективы развития национальных хозяйственных систем», «Рынок труда в Германии: исторические основы и современные реалии» (в соавт.), «Тенденции развития рынка труда в странах Европейского союза» (в соавт.) и др. Награжден почетными грамотами Министерства образования РФ. Почетный профессор СПбГУП.

[2] Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Энергетический кризис в странах Евросоюза: причины и последствия», «Государственно-частное партнерство и инвестиционные проекты в сфере социального обслуживания» (в соавт.), «Современные санкционные войны и их последствия», «Финансирование инвестиционных проектов в социальной сфере в рамках государственно-частного партнерства», «Пути совершенствования государственного обеспечения экономической безопасности малого и среднего предпринимательства в условиях „атипичных“ кризисов», «Методологические аспекты создания модели экономической безопасности малого предприятия» и др.

[3] Заместитель заведующего кафедрой экономики и управления СПбГУП по научной работе, кандидат экономических наук, доцент. Автор около 40 научных и методических публикаций, в т. ч.: «Управление человеческими ресурсами», «Организация инвестиционной и инновационной деятельности» (в соавт.), «Роль сферы услуг в развитии инновационной экономики», «Человеческий капитал: методы оценки и актуальные проблемы его развития в России» (в соавт.) и др.

[4] Работа выполнена под научным руководством профессора А. С. Запесоцкого.

[5] Байден заявил, что против России действуют самые тяжелые санкции в истории // РИА Новости : [сайт]. URL: https://ria.ru/20220325/bayden-1780152039.html (дата обращения: 26.01.2024).

[6] Фон дер Ляйен опять развалила экономику России // Усадьба Урсы: клуб любителей переводов : [сайт]. URL: http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/431726-fon-der-lyayn-opyat-razvalila-ekonomiku-rossii.

[7] Практика введения санкций довольно широко распространена в современном мире. В настоящее время санкции США распространяются более чем на 20 стран (См.: Санкции США // Российский совет по международным делам : [сайт]. URL: https://russiancouncil.ru/sanctions-usa.

[8] *Kaempfer W. H., Lowenberg A. D.* The Political Economy of Economic Sanctions // Handbook of Defense Economics. 2007. Vol. 2. P. 876–911.

так и целые секторы российской экономики. Мощный санкционный удар был нацелен на банковский сектор (ЕС закрыл доступ к SWIFT для банков «ВТБ», «Россия», «Открытие», «Новикомбанк», «Промсвязьбанк», «Совкомбанк» и «ВЭБ.РФ»).

В зарубежных банках заморожены российские активы на сумму порядка 330 млрд долларов США. Введены многочисленные ограничения по экспортно-импортным операциям. Так, после 24 февраля 2022 года под санкции попало уже 49 % товаров, экспортируемых из ЕС в Россию (на сумму 43,9 млрд евро), и 58 % товаров, импортируемых из России в ЕС (на 91,2 млрд евро). В результате торговый оборот между Россией и ЕС в 2023 году сократился почти в три раза по сравнению с 2022 и 2021 годами[1]. Более чем в десять раз уменьшился торговый оборот между Россией и США. Если в январе-феврале 2022 года он превышал 3 млрд долларов в месяц, то к июлю 2023 года уже составлял менее 300 млн[2].

Однако уже в течение 2014–2021 годов российская экономика постепенно накапливала опыт эффективной реакции на вводимые санкции — как адаптируясь к новым условиям, так и принимая контрмеры. В частности, в качестве ответной меры было введено эмбарго на поставки некоторых продовольственных товаров в Россию. Ограничение продовольственного импорта стало мощным стимулом для российских компаний, которые за девять лет прочно заняли освободившиеся ниши[3]. По заявлению заместителя руководителя Аналитического центра при Правительстве РФ, отечественные бренды за время действия продовольственного эмбарго смогли укрепиться, на них появился спрос со стороны потребителей, и это может стать барьером для возвращения на рынки прежних поставщиков в случае отмены эмбарго[4]. В результате санкционная политика Запада в отношении России уже до начала СВО привела с существенным потерям, прежде всего для стран, экспортировавших в Россию продовольственные товары[5].

Аналогичные процессы происходят по мере ужесточения санкционной политики западных стран начиная с 2022 года. Мировая экономика продолжает нести ощутимые потери вследствие тотального сворачивания Западом торгово-экономических и инвестиционных связей с Россией и принуждения к этому других государств. Практически во всех странах фиксируется замедление экономического роста. Ряд ведущих западных экономик, по сути, оказался на грани рецессии. Сокращаются доходы населения. Ощутимые потери несут предприниматели. Острая социально-экономическая проблема — беспрецедентно высокая инфляция, особенно в Евросоюзе.

По оценке Центра стратегических разработок[6], на фоне санкций в отношении России иностранный бизнес с февраля до конца 2022 года потерял около 240 млрд долларов[7]. Больше других пострадали американские компании, потерявшие более 100 млрд долларов. Уход из России негативно отразился на экономиках многих стран ЕС, но особенно — Финляндии (к концу 2022 г. потери составили 2 % ВВП), Швеции (1,5 %), Великобритании (1,3 %) и Дании (1 %)[8].

---

[1] Евросоюз и Россия сократили торговлю втрое: кто потерял от этого больше? // NEWS.ru : [сайт]. URL: https://news.ru/economics/evrosoyuz-i-rossiya-sokratili-torgovlyu-vtroe-kto-poteryal-ot-etogo-bolshe.

[2] Товарооборот между Россией и США упал в 11 раз и обновил исторический минимум // Forbes : [сайт]. URL: https://www.forbes.ru/biznes/496616-tovarooborot-mezdu-rossiej-i-ssa-upal-v-11-raz-i-obnovil-istoriceskij-minimum.

[3] Десять лет эмбарго. Эксперт раскрыл влияние запрета на ввоз продуктов в РФ // АиФ : [сайт]. URL: https://aif.ru/money/economy/desyat_let_embargo_ekspert_raskryl_vliyanie_zapreta_na_vvoz_produktov_v_rf.

[4] Татьяна Радченко: влияние эмбарго на цены на продукты уже исчерпано // РИА Новости : [сайт]. URL: https://ria.ru/20160805/1473704785.html.

[5] Так, в 2014 году гражданам Евросоюза и компаниям, зарегистрированным на его территории, было запрещено импортировать товары из Крыма, а также приобретать там недвижимость и оказывать услуги местному населению. Ограничения на экспорт затронули энергетический, транспортный и телекоммуникационный секторы, а также сектор добычи и переработки полезных ископаемых. Также был запрещен экспорт в Россию товаров двойного назначения. Ограничения были введены и в отношении долгового финансирования крупных российских топливно-энергетических компаний («Роснефть», «Транснефть», «Газпромнефть»), оборонных концернов («Уралвагонзавод», «Оборонпром», Объединенная авиастроительная корпорация) и крупнейших банков («Сбербанк», «ВТБ-Банк», «Газпромбанк», «ВЭБ», «Россельхозбанк»). В ответ Россия ввела контрсанкции. Был ограничен ввоз в РФ сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из США, Норвегии, Канады, Австралии и ряда стран ЕС. В результате Латвия и Эстония понесли существенные потери, так как Латвия экспортировала в Россию в 2013 году 48 % рыбной продукции, Эстония — 46 %. Наибольшие потери пришлись на страны, экспортировавшие в Россию продовольственную продукцию на сумму более 100 млн долларов: Бельгия утратила около 25 % объема экспорта яблок, Исландия — более 30 % объема экспорта мороженой рыбы, Литва — 50 % объема экспорта сыров и более 40 % свинины, Польша — более 50 % объема экспорта яблок, Финляндия — более 30 % объема экспорта мяса птицы и рыбы, 70 % сливочного масла, свыше 75 % сыров и около 60 % молока. (См.: Продовольственное эмбарго: итоги 2015 года // Аналитический центр при Правительстве РФ : [сайт]. URL: https://ac.gov.ru/files/publication/a/8972.pdf).

Итальянские аграрии оценили потери за пять лет более чем в 1 млрд евро. Аграрная ассоциация констатирует, что российское эмбарго свело к нулю поставки в Россию таких итальянских продовольственных товаров, как сыры пармезан и грана падано, пармской ветчины и ветчины «Сан-Даниэле», овощей и фруктов, в том числе яблок сорта «Гренни Смит», которые, по данным Coldiretti, популярны у российских потребителей. Ассоциация Coldiretti отмечает, что после прекращения поставок типичных итальянских продуктов питания в Россию освободившееся место на рынке заняли их аналоги, которые производят российские фермеры и предприниматели. Прекращение поставок ударило по итальянским ресторанам в России, которые могут стать менее интересными для клиентов из-за того, что им теперь недоступны аутентичные продукты из Италии (https://tass.ru/ekonomika/6738910). Для понимания: до санкций Германия экспортировала в Россию товаров на 38 млрд евро, после (в 2017 г.) — всего на 25,8 млрд. За годы действия санкционного режима экономика Германии потеряла 60 тыс. рабочих мест (данные на 2019 г.) (см.: Евроаутсайдеры. Кто теряет больше всех из-за антироссийских санкций? // АиФ : [сайт]. URL: https://aif.ru/money/economy/evroautsaydery_kto_teryaet_bolshe_vseh_iz-za_antirossiyskih_sankciy?ysclid=lrwgem7ue4522021794).

[6] Картина иностранного бизнеса: уйти нельзя остаться. 2022. окт. // ЦСР. Центр стратегических разработок : [сайт]. URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/7d7/sftonnurobki28bulojpjq8bufmb7gd3.pdf.

[7] Расходы компаний, списание инвестиций, упущенные продажи, списания из-за обесценения активов, выделенные резервы под обязательства (перед клиентами, поставщиками, сотрудниками и др.).

[8] Последствия антироссийских санкций для мировой экономики // Посольство Российской Федерации в Габонской Республике : [офиц. сайт]. URL: https://gabon.mid.ru/ru/press-service/novosti_posolstva/posledstviya_antirossiyskikh_sanktsiy_dlya_mirovoy_ekonomiki.

Кроме того, для Запада в последние два года характерен значительный рост инфляции. Так, в США реальный уровень инфляции на протяжении многих лет, в частности с 2002 по 2020 год, составлял от 1 до 2,5 %, а в 2022 и 2023 годах — устойчиво превышал 8 %[1]. Рост инфляции в последние 2 года был характерен и для ряда стран ЕС. Так, в Германии уровень инфляции до 2020 года не превышал 2 %, а в 2022 году составил 6,9 %, в 2023-м — 5,9 %[2]. Аналогичная ситуация наблюдалась во Франции (в 2022-м — 5,2 %; в 2023-м — 4,9 %)[3] и Италии (в 2022-м — 3,8 %, в 2023-м — 5,1 %)[4]. Ускорение инфляции происходит на фоне слабого экономического роста, в целом по ЕС составившего в 2023 году примерно 1 %, в США — менее 2 %. Не следует забывать и о больших размерах государственного долга в большинстве стран Запада, в первую очередь в США, что также негативно влияет на перспективы их развития.

В табл. 1 и на рис. 1 представлены данные о потерях некоторых компаний. Издержки были обусловлены введением санкционных мер и уходом с российского рынка в 2022–2024 годах. Речь идет об отдельных примерах.

Таблица 1

Потери некоторых компаний, обусловленные прекращением деловой активности в России вследствие введения антироссийских санкций в 2022–2024 годах

Страны, резидентами которых являются компании	Потери, обусловленные прекращением деловой активности в России
США	Сеть ресторанов McDonald's приняла решение покинуть российский рынок. В результате компания потеряла только с начала по июль 2022 года около 1,3 млрд долларов. Нефтесервисная корпорация Halliburton осуществила продажу российских активов, стоимость которых составляла в сентябре 2022 года около 340 млн долларов. Компания CityGroup (финансовый конгломерат США, один из крупнейших в мире) прекратила работу в России, что обусловило (по состоянию на август 2022 г.) дополнительные издержки примерно в 170 млн долларов. Уход из России привел к дополнительным расходам компании Microsoft, по данным на июль 2022 года, в размере 126 млн долларов
ФРГ	Немецкий концерн Siemens AG потерял 600 млн евро после того, как продал свой российский бизнес и прекратил деятельность в стране. Немецкая транснациональная химическая компания Linde AG только за II квартал 2022 года понесла убытки в размере 993 млн долларов. Немецкая энергетическая компания RWE понесла убытки в размере 850 млн евро в результате прекращения импорта российского угля. Убытки других немецких компаний из-за прекращения деятельности в России составили: производитель грузовиков Daimler — 710 млн, страховые группы Munich Re и Allianz — 715 и 600 млн соответственно, химический гигант BASF — 1,15 млрд евро (данные на сентябрь 2022 г.)
Финляндия	Финский разработчик навигации для судов Wartsila продал свои подразделения «Транзас Навигатор» и «Вяртсиля Восток» российскому менеджменту. Из-за прекращения деятельности компания, по данным на июль 2022 года, понесла убытки в 200 млн евро
Дания	Пивоваренная компания Carlsberg Group оценила свои убытки от потери контроля над «Балтикой», по данным на февраль 2022 года, в 47,75 млрд датских крон, что соответствует примерно 624 млрд рублей. Потери датской судоходной и логистической компании Maersk за первое полугодие 2022 года из-за приостановки работы в РФ, по данным на июль 2022 года, составили 654 млн долларов
Швеция	Шведская компания H&M оценила расходы на сворачивание бизнеса в России, по данным на июль 2022 года, в 2 млрд шведских крон
Франция	Французская автомобильная группа Renault оценила чистый убыток в связи с уходом из России, по данным на июль 2022 года, в 2,3 млрд евро. Компания Danone оценила свой ущерб от прекращения работы на российском рынке, по данным на октябрь 2022 года, в 1 млрд евро

Составлено авторами на основе данных из источников: Немецкая RWE списала €850 млн из-за отказа от российского угля // РБК : [сайт]. URL: https://quote.rbc.ru/news/short_article/627cdc969a794700b7e76cbc?from=copy ; Последствия антироссийских санкций для мировой экономики // Посольство Российской Федерации в Габонской Республике : [офиц. сайт]. URL: https://gabon.mid.ru/ru/press-service/novosti_posolstva/posledstviya_antirossiyskikh_sanktsiy_dlya_mirovoy_ekonomiki ; Расходы Германии на спасение газового гиганта Uniper оценили в €29 млрд // РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/politics/20/09/2022/6329f32a9a794756a066f94e ; Финский разработчик навигации для судов продал бизнес и ушел из России // РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/business/21/07/2022/62d901099a7947bdfcadce35 ; Carlsberg Group оценила потери от передачи «Балтики» Росимуществу // РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/business/07/02/2024/65c337159a7947ca1693e75d ; Citigroup объявила о сворачивании бизнеса в России // РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/business/25/08/2022/6307670d9a79478649c4edaf ; Danone откажется от своего бизнеса в России // РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/life/news/634910eb9a79473b84686ca7 ; Halliburton продала российские активы местному менеджменту // РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/business/09/09/2022/631aa5879a79476115162bde ; H&M снимает вешалки // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5469234 ; Maersk оценила потери из-за приостановки работы в России в 624 млн долларов // АиФ : [сайт]. URL: https://aif.ru/money/company/maersk_ocenila_poteri_iz-za_priostanovki_raboty_v_rossii_v_624_mln_dollarov ; McDonald's списал с баланса $1,3 млрд из-за продажи бизнеса в России // РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/business/26/07/2022/62dfd6159a79475a2379a976 ; Microsoft оценила расходы из-за сворачивания деятельности в России // РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/business/27/07/2022/62e05a769a7947848a5bd811 ; Renault оценила чистый убыток от ухода из России в €2,3 млрд // РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/business/29/07/2022/62e37ae79a79471170099149 ; Siemens потеряла €600 млн после ухода из России // РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/658097dc9a79476a13c7d81b (дата обращения: 22.03.2024).

Как следует из табл. 1, значительные потери понесли компании всех ведущих стран Запада. На рис. 1 представлены данные, позволяющие не только оценить общие потери национальных экономик, но и ранжировать их по объему потерь.

Эти данные позволяют заключить, что наибольшие потери понесли США, крупнейшие национальные экономики западноевропейских стран (прежде всего Великобритании, Германии и Франции), а также Япо-

[1] Уровень инфляции в США // Статистика стран мира : [сайт]. URL: https://svspb.net/danmark/infljacija.php?l=ssha.

[2] Уровень инфляции в Германии // Статистика стран мира : [сайт]. URL: https://svspb.net/danmark/infljacija.php?l=ssha.

[3] Инфляция во Франции // TAdviser. Государство. Бизнес. ИТ : [сайт]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php.

[4] Инфляция в Италии в 2023 году составит как минимум 5,1 % // ТАСС: информ. агентство России : [сайт]. URL: https://tass.ru/ekonomika/16767051.

ния. Таким образом, уже сегодня не вызывает сомнений тот факт, что введение антироссийских санкций не дает странам Запада желаемых результатов и приводит к значительным потерям как для отдельных компаний, так и для национальных экономик в целом.

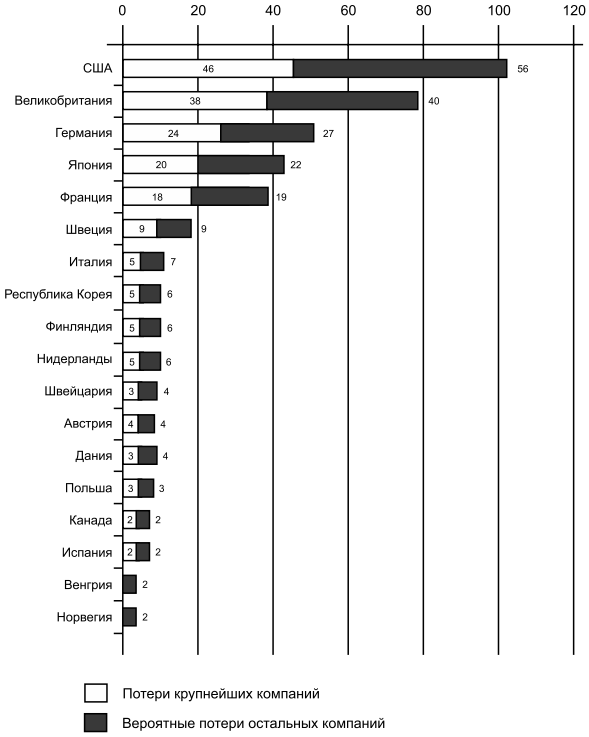


Рис. 1. Потери бизнеса в отдельных странах, обусловленные прекращением деловой активности в России, млрд долл.

Составлено на основе обобщения экспертных оценок по источникам: Картина иностранного бизнеса: уйти нельзя остаться. 2022 окт. // ЦСР. Центр стратегических разработок : [сайт]. URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/7d7/sftonnurobki28buloj pjq8bufmb7gd3.pdf ; NYT: западные компании после ухода из России потеряли $103 млрд // Известия : [сайт]. URL: https://iz.ru/1621977/2023-12-17/nyt-uznala-ob-ubytkakh-kompanii-zapada-ot-ukhoda-iz-rf-v-103-mlrd (дата обращения: 22.03.2024).

Последствия ужесточения антироссийских санкций в отдельных отраслях экономики

В связи с тем, что общее количество введенных антироссийских санкций очень велико (уже более 17 тыс.) и они затрагивают различные сферы, обозначенную проблематику целесообразно рассматривать в отраслевом разрезе. Рассмотрим некоторые проявления долгосрочных эффектов санкций в отдельных отраслях российской экономики.

Финансовый сектор

В рамках антироссийских санкций были заморожены золотовалютные резервы Центрального банка РФ, а также активы ряда физических и юридических лиц. Платежные системы Visa и MasterCard отказались обслуживать за рубежом карты, выпущенные в России, и обеспечивать трансграничные платежи. Ряду российских физических и юридических лиц было отказано в банковском обслуживании. Ведущие рейтинговые агентства отозвали свои кредитные рейтинги по отношению к России и отдельным российским компаниям.

Заморозка российских золотовалютных резервов привела к потере доверия многих стран к США и ЕС в сфере финансовых отношений. Государства, стремящиеся проводить независимую от Запада политику, активно переходят на международные расчеты в национальных валютах. Ускорился процесс формирования региональных расчетных систем, независимых от доллара и евро. Многие страны все больше хранят свои финансовые резервы в золотых слитках. Существенно ускорились продажи облигаций госдолга США. Активно «освобождаются» от американских гособлигаций Китай, Бразилия, Ирландия, Гонконг, Израиль, Индонезия, Турция[1].

Россия начала разрабатывать собственный аналог системы SWIFT. В результате была создана система передачи финансовых сообщений (СПФС), к которой уже подключены 159 компаний из 20 стран[2].

Автомобильная промышленность

Из-за отказа автогигантов работать в России к середине ноября 2022 года авторынок упал на 60 %[3]. Больше всего упали продажи популярных европейских, американских, японских и корейских марок. С российского рынка ушли премиальные немецкие марки BMW, Mercedes-Benz, Audi, Porsche, американские Cadillac, Chevrolet и Ford. Приостановили выпуск своих автомобилей такие популярные бренды, как Peugeot, Citroen, Opel, Fiat, Jeep. Японские производители Toyota и Lexus также сообщили о прекращении производства. Автозавод Nissan в Санкт-Петербурге после ухода компании перешел в российскую госсобственность и передан в оперативное управление НАМИ — ведущей российской научной организации в области развития автомобилестроения. Приостановила поставки и производство автомобилей Mazda. Остановлен выпуск наиболее востребованных на российском рынке корейских автомобилей Kia и Hyundai.

Прекращением официальных поставок автомобилей из Европы, Кореи, Японии и США, а также приостановкой производства иномарок на российских заводах успешно воспользовался китайский автопром, достигший небывалых успехов в 2023 году. Так, экспорт китайских авто в Россию вырос более чем в семь раз и достиг 11,5 млрд долларов[4]. В 2023 году Китай стал крупнейшим в мире экспортером автомобилей. Экспорт легковых машин, произведенных в Китае, составил рекордные 3,83 млн единиц, что на 62 % больше, чем годом ранее. Общий автоэкспорт из Китая в прошлом году достиг 5,26 млн машин примерно на 102 млрд долларов. По данным агентства «Автостат»,

[1] Последствия антироссийских санкций для мировой экономики.

[2] Россия создала конкурента системе SWIFT, от которой нас отключил Запад // ИА «Регнум». URL: https://dzen.ru/a/Zafp2FDwJFdxxLKI.

[3] Оглашаем весь список. Какие иностранные автопроизводители ушли из России, и кто их заменит // Комсомольская правда : [сайт]. URL: https://www.kp.ru/daily/27473.5/4679790.

[4] Экспорт китайских авто в Россию вырос более чем в семь раз и достиг $11,5 млрд // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6464569.

доля китайских автомобильных марок на российском рынке в ноябре 2023 года составила 58 %[1].

Для российских производителей 2023 год также стал успешным. АвтоВАЗ на 70 % (до 374 тыс. машин) увеличил производство за счет наиболее простых моделей Lada Granta и Niva[2]. В начале января 2024 года стало известно, что концерн подал заявку в Роспатент на регистрацию нового товарного знака. АвтоВАЗ планирует вскоре начать продажи машин под новым брендом[3].

Несмотря на трудности автомобильного рынка России, где отмечается максимальное за последние 20 лет снижение спроса, уход крупных мировых производителей и резкий рост цен, в 2024 году потребители увидят новинки российского автопрома. Такие производители, как УАЗ, КамАЗ, КрАЗ, АвтоВАЗ и другие, представят новые модели автомобилей[4].

Ушедшие в 2022 году марки к началу 2024 года начали предпринимать попытки вернуться в Россию (например, Nissan под чужим брендом Oting)[5]. Некоторые компании поставляют автомобили неофициально (через параллельный импорт, который был легализован Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506[6]), другие возобновляют продажи новых машин официально. Например, официальные дилеры Peugeot возобновили продажи новых машин в России[7].

Однако, несмотря на все попытки в том или ином виде вернуться в Россию, традиционные автопроизводители, по мнению экспертов, в 2024 году не имеют шансов увеличить свою долю на нашем рынке. В целом российский авторынок потерян для автопроизводителей из США, ФРГ, Франции, Японии на долгие годы.

Туризм

После начала СВО существенно изменилась политика ряда стран в отношении выдачи виз гражданам России. Чехия, Литва и Латвия полностью прекратили выдачу виз. С 28 февраля 2022 года упрощенный визовый режим между Европейским союзом и Россией перестал действовать. Оформление туристических виз заявителям из России приостановили Бельгия, Дания, Исландия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Словакия, Финляндия, Эстония. Некоторые страны ввели ограничения для россиян, например Германия оформляет визу только с медицинской страховкой, выданной одной из стран ЕС, и выпиской со счета зарубежного банка с указанием суммы на счете[8], Греция перестала выдавать вид на жительство за инвестиции. Частичные ограничения ввели Новая Зеландия, Япония и Португалия. Австрия для получения шенгенской визы предлагает оформить европейскую страховку; Великобритания выдает все типы виз, но требует оплаты визового сбора картами иностранных банков. Ирландия не принимает россиян по открытой британской визе, а требует оформления ирландской визы, которую приходится долго ждать (около трех месяцев). Канада выдает визы, но заявления рассматриваются более полугода[9].

Антироссийские санкции обусловили значительные потери для мировой туриндустрии. По оценкам исследовательской компании «Евромонитор Интернэшнл», общие потери могут составить до 7 млрд долларов — не только по причине отсутствия российских туристов, но и из-за дополнительных расходов европейских компаний, связанных с режимом закрытого неба[10]. По прогнозам Всемирной туристической организации (UNWTO), из-за событий вокруг Украины мировой туризм может потерять не менее 14 млрд долларов. Отсутствие российских туристов особенно ощутимо сказалась на экономике Кипра. Если раньше на остров ежегодно приезжали отдыхать до 800 тыс. россиян, то в 2022 году туда с пересадками добрались всего лишь 17 тыс. человек из России. Ущерб туристической отрасли от санкций против России власти Кипра оценивают в 600 млн долларов[11]. На протяжении многих лет российские туристы тратили значительные суммы в международных аэропортах. Эти средства направлялись на развитие местной инфраструктуры, что теперь невозможно.

Резко снизился авиатрафик. Сокращение рейсов между странами Евросоюза и Россией с марта 2022 года по февраль 2023-го по сравнению с аналогичным периодом до пандемии составило 99 %. Авиатрафик между Россией и США упал на 92 %[12].

Изменение глобальной политической ситуации с 2022 года оказало влияние и на российскую туристическую отрасль. Ужесточение ограничений для выезда за границу делает внутренний туризм предпочтительной альтернативой для многих, создавая ус-

[1] Популярные автобренды придумали, как вернуться в Россию // AUTONEWS : [сайт]. URL: https://www.autonews.ru/news/658d2c759a794739e2d07668?from=copy.

[2] АвтоВАЗ на 70 % увеличил производство в 2023 году // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6444631.

[3] АвтоВАЗ планирует начать продажи машин под новым брендом весной // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6456187.

[4] 15 новинок российского автопрома 2023–2024 года // AvtoManCar : [сайт]. URL: https://avtomancar.com/novinki-rossijskogo-avtoproma-2023-2024-goda.

[5] Популярные автобренды придумали, как вернуться в Россию.

[6] Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 года № 506 (ред. от 28 июня 2023 г.) «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // Консультант Плюс : [справ.-прав. система]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413173.

[7] Завод Peugeot-Citroen в России перезапустят. Что там будут выпускать? // AUTONEWS : [сайт]. URL: https://www.autonews.ru/news/658196739a7947352f249386?from=copyhttps://www.autonews.ru/news/658196739a7947352f249386?from=copy.

[8] Правила въезда в Германию // Тинькофф Журнал : журнал про ваши деньги. URL: https://journal.tinkoff.ru/germany-entry-rules.

[9] Какие страны не дают визы гражданам России // Тинькофф Журнал : журнал про ваши деньги. URL: https://journal.tinkoff.ru/news/visa-ban.

[10] Эксперты подсчитали потери мировой туриндустрии от антироссийских санкций // NTV.ru : [сайт]. URL: https://www.ntv.ru/novosti/2700030.

[11] Западные санкции против России ударили по курортам Европы // OTP : [сайт]. URL: https://otr-online.ru/news/zapadnye-sankcii-protiv-rossii-udarili-po-kurortam-evropy-202723.html.

[12] Раскрыто влияние санкций на путешествия российских туристов // Lenta.ru : [сайт]. URL: https://lenta.ru/news/2023/03/02/tourist.

ловия для роста спроса на него и дальнейшего развития отрасли.

Государство решительно нацелено на развитие внутреннего туризма. Созданы и реализуются Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» (сроки реализации с 1 января 2021 г. по 31 декабря 2024 г.), федеральные проекты «Развитие туристической инфраструктуры», «Повышение доступности туристических продуктов», «Совершенствование управления в сфере туризма»[1]. Как свидетельствует Ассоциация туроператоров России (АТОР), внутренний туризм в 2022 году вырос на 10 %[2]. По данным «Яндекс Путешествий», в 2024 году количество ранних бронирований выросло в пять раз по сравнению с прошлым годом. В числе причин — рост уверенности туристов в своих планах, а также увеличение разнообразия внутренних туристических маршрутов. Самыми популярными направлениями в РФ на лето стали: Краснодарский край, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Москва и Подмосковье, Калининградская область, Крым, Татарстан, Ставропольский край, Дагестан, Нижегородская область, Ростовская область[3].

Одним из популярных направлений для туристов из России в 2023 году стала Беларусь[4].

Импульс для развития получил автотуризм: к 2035 году предполагается строительство большого количества удобных автозаправочных станций, а также существенное улучшение качества дорог. Министерством экономики разработана концепция развития автомобильного туризма, в которой предусмотрено предоставление бизнес-структурам существенных льгот и преференций, в том числе развитие рынка проката автодомов. Предполагаются масштабные инвестиции в развитие дорожной инфраструктуры, что повысит привлекательность туристических маршрутов, а крупные туристические объекты получат особый статус и будут финансироваться за счет средств туристического бюджета[5].

Несмотря на сложности, возникшие из-за санкционных ограничений, российский выездной туризм не прекратился. Россияне по-прежнему путешествуют в Турцию, ОАЭ, Египет и некоторые другие страны[6]. По некоторым направлениям (страны Персидского залива, Турция) наблюдался рост авиатрафика более чем на 25 %[7].

Таким образом, антироссийские санкции в сфере туризма нанесли значительный ущерб в первую очередь туристическим компаниям стран Запада. Российская туристическая отрасль адаптировалась к новым условиям за счет развития внутренних направлений и альтернативных маршрутов выездного туризма.

Агропромышленный комплекс

В аграрной сфере санкционные меры затронули прежде всего поставки определенных компонентов и оборудования, необходимых для производства сельскохозяйственной продукции. Санкции коснулись около 50 % продукции, экспортируемой из стран Запада в Россию.

Введенные санкции создали определенные трудности для российских производителей и привели к некоторому сокращению российского экспорта сельскохозяйственных культур. В то же время с 2022 года в сельском хозяйстве России наблюдаются и позитивные тенденции: обновляется парк сельхозтехники, растет поголовье свиней и птицы, рост демонстрируют сборы основных культур растениеводства. Определенную роль в достижении этих результатов сыграла помощь государства. Так, в 2022 году на поддержку российского АПК было выделено 500 млрд рублей[8]. Россия в целом обеспечивает себя основными видами продовольственных товаров и продолжает их экспортировать. Несмотря на вышеуказанные трудности, Россия смогла нарастить экспорт продовольствия: по итогам 2022 года он составил рекордные 40 млрд долларов[9]. Таким образом, введение антироссийских санкций по отношению к российскому АПК не оказало негативного влияния на его развитие и обернулось потерей рынка продовольственных товаров для стран Запада.

Рыболовная отрасль

Санкционные меры в отношении российской экономики привели к расторжению в одностороннем порядке соглашения о рыболовстве с Великобританией, подписанного в 1956 году, в рамках которого британским рыболовным судам разрешался промысел в определенных зонах Баренцева моря вдоль побережья Кольского полуострова. Необходимость разрыва была продиктована тем, что в марте 2022 года Великобритания отменила режим наибольшего благоприятствования в двусторонней торговле, а затем ввела, по сути, запретительный тариф в 35 % на ввоз некоторых товаров из РФ[10].

Также 7 июня 2022 года Россия приостановила действие договора с Японией, в рамках которого япон-

[1] См.: Министерство экономического развития Российской Федерации : [офиц. сайт]. URL: https://economy.gov.ru.

[2] Как санкции отразятся на российском туризме в 2023 году // МК Санкт-Петербург : [сайт]. URL: https://spb.mk.ru/social/2022/12/30/kak-sankcii-otrazyatsya-na-rossiyskom-turizme-v-2023-godu.html?ysclid=lryklqh9k5983870674.

[3] «Яндекс Путешествия»: количество ранних бронирований отелей на лето выросло в пять раз // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6465647.

[4] Западные санкции стимулируют развитие туризма в России и Беларуси // RuBaltic.ru : [сайт]. URL: https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20230916-zapadnye-sanktsii-stimuliruyut-razvitie-turizma-v-rossii-i-belarusi/?ysclid=lrykt5ouif594488691.

[5] Завтра автотуриста // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6428069.

[6] Туристы бронируют лето // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6454019.

[7] Раскрыто влияние санкций на путешествия российских туристов.

[8] *Шкарупа Е. А.* Влияние санкций на сельское хозяйство: угрозы и возможности его развития, необходимость государственной поддержки // Научный портал КузГТУ. URL: https://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/Econom/2023/EF_2023/pages/Articles/0120.pdf.

[9] Год под санкциями. Как изменилась экономика России // Российская газета : [сайт]. URL: https://rg.ru/2023/02/25/god-pod-sankciiami-kak-izmenilas-ekonomika-rossii.html.

[10] *Куликов С.* Рыбий хвост. Россия запретила Великобритании вылов рыбы у своих берегов // Аргументы и факты : [сайт]. URL: https://aif.ru/politics/world/rybiy_hvost_rossiya_zapretila_velikobritanii_vylov_ryby_u_svoih_beregov?ysclid=lwj3cnvise583135559.

ские рыбаки вели рыбный промысел у побережья Курильских островов. Согласно договору, подписанному еще в 1998 году, японская сторона оплачивала право осваивать российские морские биоресурсы. Обе стороны безукоризненно выполняли все условия договора на протяжении 23 лет, но в 2022 году Япония присоединилась к западным странам и ввела против России различные запреты, том числе в финансовой сфере, так что стало невозможно провести очередной платеж. В ответ Россия запретила японским рыбакам промысел у побережья Курильских островов.

По утверждению главы Агентства по рыболовству, санкции увеличили спрос на российскую рыбу[1]. В целом рыбопромышленный комплекс России работает стабильно. В 2022 году по сравнению с 2021-м вылов рыбы увеличился на 5 %. Бóльшая часть продукции поставляется на внутренний рынок, экспорт тоже не снижается. Даже недружественные страны не вводят ограничений в отношении рыбопромыслового флота России. По сообщению «Коммерсанта» со ссылкой на данные Евростата, в 2022 году экспорт российской рыбы в страны ЕС вырос почти на 20 %, достигнув отметки в 198,8 тыс. тонн. В денежном выражении рост составил 57,6 % — до 940 млн евро. Основную долю экспорта заняла треска — 57 % в весе и 54,7 % в деньгах, продукция из минтая — 41 и 32,3 % соответственно. При этом треску больше всего импортировали Нидерланды и Польша, а минтай — Германия[2].

Информационные технологии

Некоторые крупные компании (Oracle, Microsoft, SAP) прекратили работу в России, что создало определенные проблемы в сфере продажи и сервисной поддержки программного обеспечения. Однако ситуацию нельзя назвать критической: на смену иностранным разработчикам приходят российские, которые имеют значительный потенциал для развития. Проблема импортозамещения информационных продуктов уже несколько лет относится к приоритетным для российского правительства. Среди мер государственной поддержки IT-отрасли можно выделить снижение налогообложения с 20 до 3 % и установление льготной ставки по отчислениям во внебюджетные фонды. Был принят широкий комплекс мер (всего 64 пункта), направленных на создание максимально благоприятной среды в сфере разработки программного обеспечения, — рост заработной платы, социальные гарантии, освобождение от службы в армии для сотрудников аккредитованных IT-компаний и др. Для привлечения специалистов предусматривается также облегченный порядок трудоустройства иностранных специалистов и упрощенная процедура получения вида на жительство.

Таким образом, уход иностранных разработчиков с российского рынка принес проблемы им самим. Они потеряли довольно крупный рынок, а возвращение в будущем может занять несколько лет. Освободившиеся рыночные ниши начали занимать российские компании[3].

Строительство

Введение санкций привело к уходу с российского рынка многих иностранных поставщиков, возник определенный дефицит строительных товаров — сантехнического и электротехнического оборудования, лакокрасочных материалов и др. Но уже к четвертому кварталу 2022 года кризисные тенденции были преодолены. Строительные материалы начали поступать из Индии, Турции и Китая, цены на них стабилизировались. К началу 2023 года были окончательно решены логистические проблемы. Кроме того, в строительной отрасли активно реализуется импортозамещение. Если раньше доля импортных комплектующих в строительных проектах могла доходить до 60 %, то в настоящее время она сократилась почти вдвое. По данным Национального объединения строителей, вместо продукции 369 иностранных производителей (прежде всего из Германии, Италии, США и Франции) были найдены аналоги, выпускаемые 470 предприятиями, среди них 80 % — отечественные и 18 % — китайские[4]. В результате уход иностранных поставщиков не создал сколько-нибудь критическую ситуацию в российской строительной сфере, в то время как западные компании потеряли значительную часть российского рынка.

Авиационная промышленность

Санкционные меры затронули авиаотрасль по нескольким направлениям: ограничение летного пространства; прекращение поставок самолетов в Россию; ограничение поставок товаров и оказания услуг для технического обеспечения отрасли.

Благодаря обширной территории России внешние ограничения летного пространства не сильно повлияли на авиаотрасль, так как внутренние перелеты представляют собой более устойчивое направление по сравнению с международными рейсами.

Что касается санкций, связанных с лишением авиаотрасли самолетов и технического обеспечения, то здесь складывается более сложная ситуация. По данным РБК5, более 80 % самолетов пассажирских авиакомпаний являются импортными. В связи с введением санкций российские перевозчики не могут получать новые модели Airbus и Boeing, поэтому еще в 2022 году «Аэрофлот» заказал новую отечественную технику у одной из структур «Ростеха»[6]. К 2030 году «Аэрофлот» планирует ввести в эксплуатацию 339 самолетов российского производства. По утверждению премьер-министра России, принята программа расширения производства отечественных самолетов, двигателей и приборов. Правительство выделит

[1] Глава Агентства по рыболовству: санкции увеличили спрос на российскую рыбу // АиФ : [сайт]. URL: https://aif.ru/money/economy/glava_agentstva_po_rybolovstvu_sankcii_uvelichili_spros_na_rossiyskuyu_rybu?from_inject=1.

[2] *Куликов С.* Указ. соч.

[3] Российский рынок без иностранцев: как сказываются санкции на отраслях // Деловой профиль : [сайт]. URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rossiyskiy-rynok-bez-inostrantsev-kak-skazyvayutsya-sanktsii-na-otraslyakh.

[4] Год под санкциями. Как изменилась экономика России.

[5] На чем российские авиакомпании будут летать после запрета поставок Airbus // РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/business/26/02/2022/6218bf3d9a7947a5bed5b1ab.

[6] Самолеты подлетают к срокам // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6454309.

больше 280 млрд рублей на создание к 2030 году более 600 гражданских самолетов[1]. Западные путешественники пострадали от санкций, так как из-за закрытия украинского и российского воздушного пространства им пришлось летать по измененным маршрутам — более протяженным, неудобным и затратным в финансовом и временно́м плане.

Таким образом, краткий обзор ситуации в различных отраслях (в данном докладе авторы не претендуют на исчерпывающий объем информации) показывает, что практически ни в одной отрасли резкое ужесточение санкций не привело к катастрофическим последствиям для российской экономики. В одних случаях (автомобильная отрасль, строительство) появляются альтернативные возможности импорта, в других (туризм, информационные технологии) развитие осуществляется за счет внутренних ресурсов. В течение прошедших двух лет экономика России продемонстрировала очевидную устойчивость и адаптировалась к новым условиям. При этом западные компании в ряде отраслей потеряли довольно крупный рынок, что неизбежно привело их к негативным последствиям.

Выводы

На основании проведенного анализа можно заключить, что введение антироссийских санкций (как в целом, так и в отдельных отраслях) не нанесло значительного ущерба экономике России, но оказало негативное влияние на экономику инициировавших введение санкций стран Запада. Тем самым отчетливо проявился феномен устойчивости современной российской экономики и ее способности быстро адаптироваться к новым реалиям. Данный феномен объясняется, в частности, следующими факторами.

Во-первых, правящие элиты стран Запада санкционными войнами разрушают саму природу капитализма, которая предполагает экспансию деятельности в поисках новых возможностей максимизации прибыли. В последние десятилетия стала реальностью глобальная модель капитализма, Компании все больше осуществляют трансграничную деятельность, используя различные инструменты (экспортно-импортные операции, международный франчайзинг, создание совместных предприятий и международных стратегических альянсов, международные инвестиции и т. д.), и стремятся выйти на рынки за пределами стран, резидентами которых они являются.

Ряд стран в рамках своей экономической политики предпринимал шаги, направленные на повышение привлекательности национального рынка для иностранных компаний. Так, создание особых экономических зон в Китае в 1980-е годы позволило привлечь многомиллиардные инвестиции, которые во многом заложили базу для развития промышленного производства и высоких темпов экономического роста.

В начале трансформационных процессов в бывших социалистических странах, в том числе в России, была ликвидирована государственная монополия на внешнюю торговлю и приняты законы, регулирующие деятельность иностранных компаний на местных рынках. В результате довольно крупный российский рынок в 1990–2000-х годах закономерно попал в сферу интересов иностранных компаний в разных отраслях, которые постепенно заняли весьма существенные ниши. Такая практика полностью укладывалась в рамки модели глобального капитализма. Многие компании находили российский рынок привлекательным с точки зрения извлечения прибыли и рассматривали различные варианты расширения своего присутствия здесь. Однако в настоящее время происходят обратные процессы. Находясь под жестким политическим давлением, многие иностранные компании уходят с российского рынка, смирившись с сокращением объемов продаж и другими потерями, связанными с прекращением деятельности в России. Это происходит после того, как они были представлены на российском рынке на протяжении довольно длительного периода. В условиях глобального обострения международной конкуренции такие действия неизбежно наносят им значительный ущерб.

Российская экономика занимает пятое место в мире по ВВП. Отказ от деятельности на столь привлекательном рынке для уходящих западных фирм неизбежно приводит к значительным и зачастую невосполнимым потерям.

Во-вторых, глобальная система хозяйственных связей в последние десятилетия развивалась настолько активно, что изолировать крупную национальную экономику (каковой является экономика России) от остального мира путем введения санкций невозможно. Неизбежно находятся альтернативные возможности трансграничного перемещения товаров (параллельный импорт).

Кроме того, векторы экономических интересов столь разнообразны, что единая позиция всех стран мира по поводу санкционной политики в отношении какого-либо государства практически недостижима. Неслучайно многие страны (в частности, такие крупные национальные экономики, как Китай, Индия, Бразилия, Индонезия, Турция и др.) не присоединились к инициированным Западом антироссийским санкциям. Это экономически нецелесообразно.

Как известно, Россия богата природными ресурсами, которые в условиях их общего дефицита пользуются спросом во всем мире, включая крупнейшие экономики мира — Китай и Индию. Несмотря на жесткость введенных санкций, страны Запада также продолжают покупать у России многие виды ресурсов.

Сокращение импорта из стран Запада создает новые возможности для прихода на российский рынок компаний из других стран, готовых занять соответствующие ниши.

В-третьих, Россия как крупная национальная экономика имеет достаточно внутренних ресурсов, позволяющих налаживать собственное производство во многих отраслях. Антироссийские санкции выполняют стимулирующую функцию и постоянно подталкивают отечественных производителей к расширению возможностей для импортозамещения.

[1] В России за шесть лет планируется построить более 600 самолетов // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6453679.

После введения санкций экономика России пережила незначительный спад (1,2 % в 2022 г.), но затем продемонстрировала довольно значительный экономический рост. Наибольший вклад в обеспечение роста внесли машиностроительный, химический и металлургический комплексы. В целом выпуск в обрабатывающей промышленности увеличился на 7,5 %. При этом уровень безработицы снизился до минимального уровня с 1991 года и в 2023 году составил 2,9 %. Это произошло на фоне стабилизации курса национальной валюты и сокращения внешнего долга до минимального значения за последние 20 лет — менее 15 % ВВП[1].

Таким образом, в макроэкономической перспективе введение антироссийских санкций обусловливает во многом обратный эффект. Российская экономика успешно развивается, в то время как в западных странах намечается рецессия.

Нельзя недооценивать значения антисанкционных мер, принятых российским правительством начиная с февраля 2022 года. Санкционная политика Запада подорвала сырьевую модель экономического роста, которая реализовывалась в России. На протяжении многих лет в России отчетливо осознавалась потребность развития высокотехнологичных отраслей и перехода от сырьевой модели развития к инновационной. Эта задача неоднократно ставилась президентом России В. В. Путиным, однако многие олигархи не имели достаточных стимулов для инвестиций в России и предпочитали вкладывать свои средства в зарубежные активы, так что имел место феномен «бегства капитала». Это во многом соответствовало положениям теории «ресурсного проклятия», суть которой состоит в том, что богатые природными ресурсами страны зачастую не производят высокотехнологичных продуктов и экспортируют исключительно сырье[2]. Поведение российских олигархов в течение многих лет представляло собой известный в институциональной теории феномен «рентоориентированного поведения»[3]. В настоящее время положение дел принципиально изменилось, и сейчас в России ведется активный поиск путей развития высокотехнологичных отраслей. Существенным образом изменились и условия для потенциальных инвесторов. Поэтому можно ожидать, что в ближайшие годы российская экономика справится с задачей перехода к инновационной модели развития, что позволит существенно повысить ее мощь и уровень благосостояния населения.

Долгосрочные эффекты антироссийских санкций не сводятся исключительно к позитивным тенденциям в экономике России и признакам рецессии в странах Запада. Можно говорить о подрыве доверия к существующим формам межгосударственного взаимодействия, основанным на доминировании Запада.

Так, для стран Африки уже многие годы представляется неприемлемым положение дел, при котором наличие редких природных ресурсов, без которых невозможно производство высокотехнологичных товаров, не способствует тому, чтобы местное население имело сколько-нибудь достойный жизненный уровень[4].

Неслучайно многие страны в настоящее время сокращают объемы торговых сделок в долларах и евро и стремятся перейти на расчеты в национальных валютах. В данном контексте обращает на себя внимание и поиск новых институциональных возможностей межгосударственного сотрудничества. Здесь можно выделить расширение БРИКС, произошедшее в начале 2024 года. Помимо Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР, в состав объединения вошли Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия. Расширение БРИКС свидетельствует о стремлении государств найти новые формы сотрудничества, которое осуществлялось бы на подлинно равноправной основе. Следует ожидать дальнейшего расширения БРИКС. Таким образом закладываются основы для становления нового многополярного миропорядка.

Итак, введение беспрецедентных по масштабу антироссийских санкций обусловливает разнообразные позитивные эффекты, которые затрагивают не только экономику России и стран Запада, но и будущее мирового порядка в целом. Российская экономика продемонстрировала устойчивость и способность адаптироваться к любым формам санкционного давления. После непродолжительного спада экономика России вновь вошла в фазу роста. Новая ситуация позволила стране приступить к реальному переходу от сырьевой модели развития к производству высокотехнологичных видов продукции. Назрела необходимость дальнейшего пересмотра приоритетов внешней экономической политики с учетом долгосрочных интересов на базе экономического суверенитета.

Западные страны, напротив, испытывают определенные экономические трудности и демонстрируют явные признаки рецессии.

Масштабные антироссийские санкции имеют глобальное значение, то есть являются мощным фактором изменения существующего экономического миропорядка в пользу стран Мирового большинства, включая Россию.

---

[1] Экономика России: итоги 2023 года // Газпромбанк. Инвестиции : [сайт]. URL: https://gazprombank.investments/blog/economics/russian-economy-2023.

[2] *Barbier E. B.* Natural Resources and Economic Development. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007.

[3] *Krueger A. O.* The Political Economy of the Rent-Seeking Society // The American Economic Review. 1974. Vol. 64, № 3 (June). P. 291–303.

[4] В частности, в Конго добывается кобальт, широко используемый компаниями Apple и Tesla. Кроме того, в Африке находится 35 % мировых запасов хрома, более 40 % мировых запасов бокситов и 90 % металлов пластиковой группы. Подробнее об экономиках африканских стран и их роли в современной геополитике (см.: *Абрамова И. О.* Геополитическая схватка за Африку. СПб. : СПбГУП, 2019. (Избранные лекции Университета ; Вып. 196)).

Р. У. Хабриев[1]

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Необходимость взаимодействия между странами БРИКС в целях обеспечения всеобщего охвата услугами здравоохранения подчеркивается почти в каждой декларации ежегодных саммитов БРИКС. Так, уже 10 лет назад было отмечено, что «перед большинством стран БРИКС стоит ряд проблем схожего характера в области здравоохранения, в том числе проблемы, связанные с обеспечением всеобщего доступа к медицинским услугам, технологиям и медикаментам»[2]; в 2022 году в Пекинской декларации XIV саммита БРИКС подтверждается, что «страны БРИКС будут укреплять многостороннее техническое сотрудничество, направленное на расширение возможностей в области… всеобщего охвата услугами здравоохранения, исследования и разработки вакцин, систем профилактического и терапевтического здравоохранения и цифровой медицины»[3].

В цели 3 Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года[4] «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте» сформулирована следующая задача 3.8: «Обеспечить всеобщий охват услугами здравоохранения, в том числе защиту от финансовых рисков, доступ к качественным основным медико-санитарным услугам и доступ к безопасным, эффективным, качественным и недорогим основным лекарственным средствам и вакцинам для всех».

С целью измерения и оценки всеобщего охвата услугами здравоохранения (ВОУЗ) Всемирной организацией здравоохранения был разработан интегральный показатель, представляющий собой индекс, который учитывает значения показателей, сгруппированных по четырем компонентам: репродуктивное здоровье, здоровье матерей, новорожденных и детей; инфекционные заболевания; неинфекционные заболевания; доступность услуг здравоохранения[5].

Однако наряду с данным показателем в рамках мониторинга достижения целей устойчивого развития в области обеспечения здоровья анализируются и другие показатели[6]. В настоящем исследовании первоначально были сгруппированы и проанализированы следующие:

— показатели финансового обеспечения (текущие расходы на душу населения; текущие расходы на здравоохранение от валового внутреннего продукта; доля средств граждан в текущих расходах на здравоохранение);

— показатели инфраструктуры (обеспеченность населения врачами, средним медицинским персоналом и больничными койками);

— обобщенные показатели общественного здоровья (ожидаемая продолжительность жизни; вероятность умереть в возрасте от 30 до 70 лет от любого из сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабета или хронических респираторных заболеваний; общий коэффициент смертности от неинфекционных заболеваний).

Источниками статистических данных для проведения исследования стали сборники «Мировая статистика здравоохранения» (World health statistics), ежегодно публикуемые Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), и Глобальная обсерватория здравоохранения ВОЗ[7]. Это позволило дать оценку и сделать сравнение систем здравоохранения стран абсолютно объективным.

В связи с выраженной разницей в социально-экономическом положении стран БРИК и Южной Африки Южно-Африканская Республика в настоящее исследование не включалась, анализировались значения показателей общественного здоровья в Федеративной Республике Бразилия (далее — Бразилия), Российской Федерации (далее — Россия), Республике Индия (далее — Индия), Китайской Народной Республике (далее — Китай).

При анализе значений отдельных показателей финансового обеспечения системы здравоохранения стран определены выраженные различия в значениях показателя «Текущие расходы на здравоохранение на душу населения»: значение показателя в России сопоставимо с таковым в Бразилии, но существенно выше, чем в Индии и Китае.

---

[1] Научный руководитель Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н. А. Семашко, академик РАН, академик Российской академии медицинских наук, доктор медицинских наук, доктор фармацевтических наук, профессор, Заслуженный врач РФ, Заслуженный деятель науки РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Организация медицинской помощи вертеброневрологическим больным», «Лекарственные средства» (в соавт.), «Лицензирование медицинской деятельности» (в соавт.), «Система принятия решений в программе льготного лекарственного обеспечения» (в соавт.), «Современное состояние проблемы травматизма» (в соавт.), «Современные подходы к проведению допинг-контроля: создание биологического паспорта спортсмена» (в соавт.) и др. Награжден медалью «За трудовую доблесть», орденами «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, «Дуслык» и др. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники. Отмечен почетными грамотами Правительства РФ, Министерства науки и высшего образования РФ, РАН, благодарностью Президента РФ.

[2] Пункт 42 IV BRICS Summit — Delhi Declaration (Делийская декларация, принята по итогам IV саммита БРИКС). URL: https://nkibrics.ru/pages/summit-docs.

[3] Пункт 15 XIV BRICS Summit — Beijing Declaration (Декларация XIV саммита БРИКС — Пекин). URL: https://nkibrics.ru/pages/summit-docs.

[4] Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций A/RES/70/1, принятая 25 сентября 2015 года.

[5] World health statistics 2016: monitoring health for the SDGs, sustainable development goals. Geneva : World Health Organization, 2016 ; Primary health care on the road to universal health coverage: 2019 global monitoring report. Geneva : World Health Organization, 2021.

[6] См. также: *Хабриев Р. У., Коломийченко М. Е.* Лекарственное обеспечение в амбулаторных условиях и интегральные оценки общественного здоровья // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31, № 1. С. 11–15.

[7] The Global Health Observatory. URL: https://www.who.int/data/gho.

Важными являются не только расходы на одного человека, но и та доля от внутреннего валового продукта (ВВП), которая тратится на здравоохранение в стране. По данному показателю ситуация несколько иная: в Бразилии на здравоохранение затрачивается около 10 % от ВВП, в России и Китае — немногим более 5 %, в Индии — около 3 %.

Совершенно другая ситуация наблюдается при анализе значений показателя «Доля средств граждан от текущих расходов на здравоохранение», лидером здесь является Индия (при самом низком значении показателей «Текущие расходы на здравоохранение на душу населения» и «Текущие расходы на здравоохранение от ВВП» среди стран БРИКС). Значения данного показателя снова сопоставимы в России и Китае, и существенно ниже расходы населения на здравоохранение в Бразилии.

Следующая группа — показатели инфраструктуры. По уровню обеспеченности койко-местами Россия занимает лидирующую позицию. Почти в 1,5 раза меньше значение данного показателя в Китае, почти в 3,5 раза меньше в Бразилии и в 13 раз меньше в Индии. По обеспеченности врачами Россия тоже является лидером, но в Бразилии и Китае значения данного показателя сопоставимы и меньше, чем в России, примерно в 1,7 раза, в Индии значение меньше в 5 раз. Совершенно иное распределение по значениям показателя «Обеспеченность средним медицинским персоналом»: лидером является Бразилия, на втором месте с незначительной разницей — Россия, почти в 2 раза меньше, чем в Бразилии, значение в Китае и в 4 раза меньше в Индии.

Интересным представляется выраженное соотношение врачей и среднего медицинского персонала, равное 1:3, в Бразилии, что наглядно демонстрирует возможности передачи части нагрузки (функций) квалифицированному среднему медицинскому персоналу.

Таким образом, нами рассмотрены две составляющие материального обеспечения всеобщего охвата услугами здравоохранения. Несомненно, значения показателей финансового обеспечения невозможно сопоставить со значениями инфраструктуры, но возможно составить совокупный средний рейтинг каждой страны по рассмотренным показателям и сопоставить его с индексом ВОУЗ и рейтинговым местом каждой страны по данному показателю.

По среднему рейтинговому месту по показателям «материального обеспечения» (финансы и инфраструктура) Россия сопоставима с Бразилией, на третьем месте — Китай, на четвертом — Индия.

На следующем этапе исследования было проведено сопоставление полученного среднего рейтинга стран со значением и рейтингом стран по индексу ВОУЗ. Россия и Бразилия имеют почти одинаковое значение ВОУЗ и соответственно одинаковое рейтинговое место по данному показателю; Индия имеет значительно меньшее значение показателей материального обеспечения, индекса ВОУЗ и занимает четвертое место по данным показателям. Интересная закономерность наблюдается для Китая: имея третье значение (и абсолютное, и рейтинговое) по показателям материальной обеспеченности системы здравоохранения, КНР свойственно наибольшее значение индекса ВОУЗ, и он занимает соответственно первое место в данной группе.

Каким же образом Китаю удается при меньших затратах обеспечивать самый высокий среди стран БРИКС уровень охвата услугами здравоохранения? Конечно, это результат работы по пропаганде и расширению средств и методов традиционной китайской медицины, оздоровительных мероприятий и их профилактическая направленность.

На следующем этапе значения индекса ВОУЗ были сопоставлены с показателями состояния здоровья населения, среди которых были отобраны: вероятность умереть в возрасте от 30 до 70 лет от любого из сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабета или хронических респираторных заболеваний (риск преждевременной смерти от целевых НИЗ); общий коэффициент смертности от неинфекционных заболеваний (коэффициент смертности от НИЗ); ожидаемая продолжительность жизни при рождении и в возрасте 60 лет.

Показатели ВОУЗ абсолютно соотносятся с показателями ожидаемой продолжительности жизни. Однако при равных значениях ВОУЗ в Бразилии наблюдается незначительное увеличение ожидаемой продолжительности жизни.

Результаты анализа показателей здоровья заставляют задуматься: при одинаковых значениях ВОУЗ в Бразилии риск преждевременной смерти от целевых НИЗ ниже на 40 %, чем в России, а коэффициент смертности от НИЗ — на 30 % ниже. Следует отметить, что в России самые высокие значения данных показателей среди стран БРИКС.

Совершенно очевидна необходимость разобраться и понять, что является механизмом, обеспечивающим достижение результата в показателях здоровья населения.

Одновременно с настоящим исследованием было проведено сопоставление расходов на розничные фармацевтические препараты[1] в разных странах (страны были ранжированы по доле средств населения на оплату лекарственных средств при амбулаторном лечении от общих расходов на розничные фармацевтические препараты на следующие четыре группы: с долей платежей граждан менее 30 %; в диапазоне от 30 до 49 %; в диапазоне от 50 до 70 %; с долей платежей граждан более 70 %) с ВОУЗ, риском преждевременной смерти от целевых НИЗ; коэффициентом смертности от НИЗ; ожидаемой продолжительностью жизни при рождении и в возрасте 60 лет.

Были получены следующие результаты:

— при сопоставлении доли средств граждан на оплату лекарственных средств и ВОУЗ выявлена обратная зависимость;

— определена прямая взаимосвязь между долей средств граждан на оплату лекарственных средств, риском преждевременной смерти от целевых НИЗ и коэффициентом смертности от НИЗ;

[1] Health at a Glance: Europe 2020: State of Health in the EU Cycle / OECD. European Union. P. : OECD Publishing, 2020. URL: https://doi.org/10.1787/82129230-en ; Health at a Glance 2021: OECD Indicators OECD. P. : OECD Publishing, 2021. URL: https://doi.org/10.1787/ae3016b9-en.

— обратная зависимость выявлена и при сопоставлении доли средств граждан на оплату лекарственных средств и ожидаемой продолжительности жизни (как при рождении, так и в возрасте 60 лет), что не вызывает сомнений при условии снижения охвата услугами здравоохранения и возрастающей смертности от неинфекционных заболеваний.

Полученные результаты доказывают влияние уровня платежей населения на оплату лекарственных средств при амбулаторном лечении на доступность медицинской помощи (индекс ВОУЗ) и показатели состояния здоровья населения.

Известно, что Единая система здравоохранения (Национальная система здравоохранения) Бразилии стремится обеспечивать доступ населения к лекарственным средствам. В частности, около 70 % лекарственных средств для постоянного применения и около 70 % из назначенных лекарственных средств были предоставлены бесплатно[1].

Таким образом, настоящее исследование позволило провести комплексный анализ деятельности систем здравоохранения стран БРИКС, определить положение стран по отдельным показателям и выявить возможные пути улучшения значений показателей в Российской Федерации.

Т. Я. Хабриева[2]

БРИКС — ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН В КООРДИНАТАХ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

БРИКС — это новое межгосударственное объединение, постепенное формирование которого началось в 2006 году, но оно уже демонстрирует высокую динамику расширения[3]. Экономический потенциал БРИКС сопоставим со странами «Большой семерки», олицетворяющей лидеров коллективного Запада, а по некоторым показателям превосходит ее возможности. Однако значение БРИКС в мировых процессах нельзя оценивать только по показателям, отражающим совокупный экономический потенциал государств-участников. Важно осознать культурную и гуманитарную миссию БРИКС, которая четко отражена в названии темы Лихачевских чтений 2024 года — «БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций». Данный ракурс открывает широкий простор для общественных наук в части рационального освоения как самого феномена БРИКС, так и процессов, происходящих в мире, в том числе в пространстве этого объединения в связи с его появлением.

Культурологический и цивилизационный контексты БРИКС чрезвычайно важны для формирования научной картины интеграционных процессов и соответствующей доктрины. Исследовательские программы могут быть разные. Значительными перспективами обладает рассмотрение БРИКС через призму имеющихся доктринальных характеристик различных типов цивилизаций[4], особое внимание следует сфокусировать на ценностях, которые положены в основу существования и деятельности БРИКС. Некоторые из них официально объявлены. Например, приверженность принципам международного права и признание ключевой роли ООН указывают на проявление признака цивилизации традиционалистского типа. Традицию видеть лучшие времена в прошлом[5], стремление реанимировать статус и эффективность международного права и международно-правовых институтов, восстановить прежнюю традицию международно-правового общения, роль принципов равенства и справедливости в качестве основ международного правопорядка можно рассматривать как характерные черты цивилизации этого типа.

В то же время в стремлении участников БРИКС к ускоренному росту можно увидеть проявление черт техногенной цивилизации. Устойчивый рост как цен-

[1] Household expenditures for medicines and the role of free medicines in the Brazilian public health system / A. D. Bertoldi, A. J. Barros, A. L. Camargo [et al.] // American Journal of Public Health. 2011. Vol. 101 (5). P. 916–921. DOI: 10.2105/AJPH.2009.175844.

[2] Заместитель президента и член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор кафедры конституционного права МГИМО (Университета) МИД России, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ. Автор более 400 научных публикаций на русском, английском, французском, немецком, фарси и других языках, в т. ч. монографий: «Конституционная реформа в современном мире», «Венецианская комиссия как субъект интерпретации права», «Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика», «Национально-культурная автономия в Российской Федерации», «Современные проблемы самоопределения этносов», «Миграционное право: сравнительно-правовое исследование», «Теория современной конституции» (в соавт.), «АСЕАН — движущая сила региональной интеграции в Азии» (в соавт.) и др. Главный редактор «Журнала российского права», «Журнала зарубежного законодательства и сравнительного правоведения», член редсоветов журналов «Государство и право» и «Конституционное и муниципальное право». Действительный член Международной академии сравнительного права. Член Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции; Комиссии при Президенте РФ по государственным наградам; Комиссии Правительства РФ по законопроектной деятельности; Правительственной комиссии по проведению административной реформы и др. Председатель Координационного совета Международного союза юристов, член Бюро Президиума Ассоциации юристов России. Награждена орденами Почета, Дружбы, Александра Невского, «За заслуги перед Отечеством» IV, III и II степени, знаком отличия «За благодеяние». Почетный профессор МГЮА им. О. Е. Кутафина, Казанского (Приволжского) федерального университета, Института права и прав человека Национальной академии наук Азербайджана, Института права Китайской академии общественных наук. Почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан, Академии наук Республики Татарстан. Почетный доктор СПбГУП и Санкт-Петербургского государственного университета.

[3] Состав БРИКС уже дважды был расширен — в 2011 и 2023 годах. Прогнозируется третье расширение БРИКС.

[4] См.: *Степин В. С.* Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М., 2018.

[5] Там же. С. 8.

ность (общий интерес) участников БРИКС является признаком нового типа цивилизационного развития, основанного на сближении базовых ценностей разных типов цивилизаций.

Таким образом, есть предпосылки для вывода о том, что БРИКС — это, во-первых, отражение процессов формирования новой стратегии (типа) цивилизационного развития, основанной на сближении (но не унификации) ценностей и культурных кодов, свойственных разным типам цивилизационного развития; во-вторых, не только международно-правовая инновация, но и прежде всего цивилизационный феномен, артефакт становления цивилизации нового типа. Признание и понимание данного обстоятельства являются фундаментом для адекватного определения природы, сущности и формы этого межгосударственного объединения, а также для разработки стратегии последующего развития БРИКС.

Тема БРИКС становится предметом научных разработок. Она привлекает внимание не только политологов, теоретиков и историков международных отношений, экономистов и философов, но и специалистов по международно-правовой и иной юридической тематике.

Следует отметить вклад Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее — ИЗиСП) в становление и развитие отечественной правовой «бриксологии». В большом цикле научных работ, посвященных теории и практике правового обеспечения интеграционного развития (Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Содружество Независимых Государств (СНГ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)), были проанализированы проблемы эволюции и становления правовых основ организации и деятельности БРИКС. Особое внимание уделялось международно-правовым принципам деятельности БРИКС, обеспечению сотрудничества государств-участников в гуманитарной, экономической, энергетической, финансовой, инвестиционной, природоохранной и иных сферах. Исследованы правовые аспекты режима инвестиций и научно-технического сотрудничества[1]. Особое значение приобретают исследования правового измерения киберпространства БРИКС. Учеными ИЗиСП и китайскими учеными было проведено совместное исследование основных принципов сотрудничества в сфере законодательного регулирования интернет-пространства стран БРИКС, а также мер по обеспечению международной информационной безопасности и унификации правил, касающихся урегулирования проблем, возникающих в киберпространстве государств-участников[2].

В то же время продолжается поиск новых подходов и моделей обеспечения геополитической безопасности, сбалансированного развития мировой экономики, сохранения многообразия духовных и правовых культур. Актуализируется исследование вопросов, требующих решения в свете расширения состава и новых форм деятельности (в частности, переход на собственную систему взаиморасчетов и повышение роли Банка развития БРИКС). ИЗиСП планирует дальнейшую разработку вопросов гуманитарного, экономического, научно-технического сотрудничества в пространстве БРИКС, укрепления его международно-правовых позиций.

В России и за рубежом объем исследований юридических проблем БРИКС невысок, значительное их число сосредоточено на отдельных частных вопросах правовой повестки данного межгосударственного объединения. Сохраняется запрос на развитие отечественной правовой доктрины БРИКС в условиях усиления влияния БРИКС на демократизацию международных отношений и укрепления международно-правовой системы.

По вопросу международно-правового статуса БРИКС в отечественной и зарубежной доктрине не достигнуто единого понимания, продолжаются дискуссии по основным вопросам международно-правового положения и формам деятельности. Сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что документы стратегического характера России, а также аналогичные акты самого межгосударственного объединения не содержат определения международно-правовой природы БРИКС. Так, в Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС 2013 года предусмотрено, что «перспективной целью Российской Федерации в БРИКС является его постепенная трансформация из диалогового форума и инструмента координации позиций по ограниченному кругу проблем в полноформатный механизм стратегического и текущего взаимодействия по ключевым вопросам мировой политики и экономики». В Концепции внешней политики России 2023 года БРИКС определяется как «межгосударственное объединение», в рамках которого поощряются отвечающие интересам России процессы межрегиональной интеграции. В Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 года межгосударственное объединение упоминается как партнерство (grouping).

Неудивительно, что в научной литературе встречается большой разброс дефиниций, претендующих на объяснение международно-правовой природы БРИКС. Часто встречаются попытки «встроить» научный поиск статуса БРИКС в ряд неформальных межгосударственных объединений «клубного типа», к которым обычно относят G7, Арктический совет и ряд других подобных форматов, что нельзя оценить иначе как значительное упрощение. В результате такого подхода стираются существенные различия между содержанием деятельности «неформальных клубов», а также их роль и положение в межгосударственной системе. К данному подходу примыкает популярное в западной доктрине акцентирование на неформальном характере БРИКС, отождествляющее его с разновидностью многочислен-

[1] См.: БРИКС: контуры многополярного мира / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева, А. Я. Капустин [и др.] ; отв. ред. Т. Я. Хабриева ; зам. отв. ред. Н. М. Бевеликова. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ : Издат. дом «Юриспруденция», 2015.

[2] См.: Киберпространство БРИКС: правовое измерение / И. И. Шувалов, Т. Я. Хабриева, Фэн Цзинжу [и др.] ; отв. ред. Дэн Руйпин, Т. Я. Хабриева ; сост. Жун Фу, Н. М. Бевеликова. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ : Инфра-М, 2017.

ных «многосторонних саммитов». В большинстве отечественных исследований правовой природы БРИКС предпринимается попытка ее сравнения с международной межправительственной организацией (ММПО), получившей международное нормативное закрепление (проект статей, посвященных ответственности международных организаций, 2011 г.), определение которой в настоящее время признается как в отечественной, так и в зарубежной международно-правовой доктрине[1].

Такой подход, как можно предположить, обусловлен тем, что признание какого-либо объединения в качестве ММПО означает признание его функциональным субъектом международного права, который обладает возможностью осуществлять важнейшие права (право вступать в международно-правовые отношения с другими субъектами права, право на представительство, право заключать международные договоры и др.), а также нести обязанности (соблюдать нормы международного права и др.). Иными словами, констатация обладания каким-либо межгосударственным объединением международно-правовым статусом ММПО значительно облегчает прогнозирование правовых последствий его деятельности в межгосударственной системе.

Справедливости ради следует заметить, что адептов данного подхода совсем немного. Чаще всего заявления об отождествлении в доктрине БРИКС с ММПО или интеграционным объединением формулируются в качестве прогноза на будущее[2].

Встречается позиция, опирающаяся на положение о теоретической невозможности признания БРИКС в качестве ММПО и субъекта международного права. Предлагается определять его как квазиорганизацию[3] или параорганизацию[4]. Если отвлечься от деталей, обе точки зрения категорически не приемлют признание БРИКС в качестве ММПО и субъекта международного права, поскольку неформальный характер данного межгосударственного объединения государств по отдельным характеристикам (периодичность созыва саммитов, принятие стратегических документов, координация действий государств-участников) напоминает международную межправительственную организацию, но в силу отсутствия других ключевых признаков (учредительного акта в форме международного договора, организационной структуры, наделенной соответствующими полномочиями, самостоятельных прав и обязанностей) БРИКС не может быть признана таковой.

Представляется, что при выработке научного подхода к определению международно-правовой природы БРИКС с учетом дальнейшего расширения необходимо принимать во внимание не только формальные институционные правовые характеристики (устав, постоянные органы, правосубъектность и др.), но и международно-правовые элементы формирования новой действительно уникальной модели межгосударственного сотрудничества в результате эволюции в условиях формирования многополярного мира. К таковым можно отнести ряд важных особенностей, позволяющих говорить о формировании международно-правовой позиции БРИКС и государств — участников этого объединения.

Как было отмечено, важнейшей характеристикой БРИКС как межгосударственного объединения является подтвержденная в очередной раз в Йоханнесбургской декларации-II «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности» приверженность соблюдению норм международного права, включая цели и принципы, закрепленные в Уставе Организации Объединенных Наций, который является его краеугольным камнем. Государства — участники БРИКС признали необходимость сохранения центральной роли ООН в международной системе, в рамках которой суверенные государства взаимодействуют в интересах поддержания мира и безопасности, содействия устойчивому развитию, продвижения и защиты демократии, прав человека и основных свобод для всех, а также продвижения сотрудничества на основе духа солидарности, взаимного уважения, справедливости и равенства[5].

Таким образом, можно утверждать, что государства — участники БРИКС четко обозначили свою позицию о соблюдении норм международного права не только в своих взаимоотношениях, но и в рамках ООН, а следовательно, в отношениях с другими государствами и международными организациями. Они выразили готовность и впредь взаимодействовать с другими государствами в интересах поддержания мира и безопасности, содействия устойчивому развитию, продвижения и защиты демократии, прав человека и основных свобод для всех. При этом они будут содействовать реализации сотрудничества на основе духа солидарности, взаимного уважения, справедливости и равенства без претензий на исключительность или каких-либо форм принуждения других государств[6].

Важно в связи с этим подчеркнуть, что в процессе эволюции БРИКС начинает обретать черты организационной структуры, носящей гибридный характер, которая включает ежегодно проводимые саммиты, а также встречи представителей государств различного уровня (высоких представителей, курирующих вопросы национальной безопасности; министров ино-

[1] См.: *Мантусов В. Б.* Интеграционные процессы и сотрудничество России со странами БРИКС // Вестн. Российской таможенной академии. 2022. № 3. С. 9–23 ; *Щербина Е. М.* Роль БРИКС в создании многополярного мира // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2023. № 4 (105). С. 15–24 ; *Шинкарецкая Г. Г.* О правовом статусе БРИКС // Современное право. 2015. № 10. С. 140–145 ; и др.

[2] См.: *Балакин В. И.* Европейский опыт региональной интеграции для Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 117–127 ; *Щербина Е. М.* Указ. соч.

[3] См.: *Abashidze A., Solntsev A., Kiseleva E.* Legal Status of BRICS and Some Trends of International Cooperation // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Vol. 9 (36).

[4] См.: *Anufrieva L.* BRICS: Legal Nature and Principles of Cooperation // Actual Problems of Russian Law. 2019. Vol. 1 (12). P. 123–133. Концепцию международных параорганизаций сформулировал и развивает юрист-международник профессор В. М. Вельяминов (см.: Международное право: опыты. М. : Статут, 2015. С. 507–539).

[5] XV саммит БРИКС. Йоханнесбургская декларация-II «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности». URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf.

[6] Там же.

странных дел и руководителей других отраслевых министерств и ведомств, управляющих НБР). Проводятся заседания рабочих групп по сотрудничеству в различных областях. Важное место отводится встречам шерпа в процессе принятия решений и сотрудничества в рамках БРИКС. В ходе этих встреч делегаты пяти стран готовят встречи лидеров, проводят обзор прогресса, достигнутого за прошедший год, и хода совместных действий, обсуждают возможную реализацию предыдущих планов действий и определяют приоритеты и принципы для следующего ежегодного саммита.

Наконец, нельзя обойти вниманием формирование институтов международного гражданского общества БРИКС, начавшееся с председательства России в 2015 году. В настоящее время это академический трек (Академический форум БРИКС, превратившийся в платформу для обсуждений и дискуссий ведущих ученых государств-участников; Совет экспертных центров стран БРИКС, который содействует расширению сотрудничества в области исследований и наращивания потенциала взаимодействия между академическими сообществами государств-участников), а также Деловой совет БРИКС, Женский деловой альянс БРИКС, Рабочая группа БРИКС по цифровой экономике и др.[1]

Сотрудничество государств — участников БРИКС реализуется в различных формах политического и юридического (в том числе мягкое правовое регулирование) характера. Так, саммиты, как правило, принимают декларации, в которых не только ставятся задачи развития взаимодействия государств-участников в согласованных сферах, например в Йоханнесбургской декларации-II «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности» это развитие партнерства (в интересах инклюзивной многосторонности, совместного ускоренного роста и развития), формирование атмосферы мира и развития, углубление гуманитарных обменов, институционального развития. В отдельных положениях декларации могут быть сформулированы общие международно-правовые позиции государств-участников по отдельным актуальным вопросам международно-правовой повестки (поддержка необходимости решения иранского ядерного вопроса мирными и дипломатическими средствами в соответствии с нормами международного права и признание важности сохранения Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) и Резолюции 2231 Совета Безопасности ООН в интересах международного нераспространения и обеспечения мира и стабильности).

Кроме того, к инструментам мягкого регулирования можно отнести совместные заявления представителей ведомств государств-участников (совместное коммюнике министров экономики и внешней торговли стран БРИКС; заявление БРИКС об укреплении многосторонней торговой системы и реформировании ВТО), а также рамочные соглашения (Рамочное соглашение о партнерстве стран БРИКС в цифровой экономике) и так называемые инициативы БРИКС (Инициатива БРИКС по торговле и инвестициям в целях устойчивого развития; Инициатива БРИКС по укреплению сотрудничества в области цепочек поставок)[2].

Наряду с указанными формами релятивного характера в деятельности БРИКС получают применение правовые инструменты, способные достичь поставленных целей, опираясь на нормы и принципы международного права. В качестве примера можно привести учреждение правительствами пяти государств-участников (Федеративной Республики Бразилия, Российской Федерации, Республики Индия, Китайской Народной Республики и Южно-Африканской Республики), обозначенных «в совокупности странами БРИКС», Нового банка развития (НБР) в городе Форталеза (Бразилия) 15 июля 2014 года. В ст. 29 соглашения «Статус» в соответствии со сложившейся практикой формирования ММПО установлено, что НБР обладает полной международной правосубъектностью, а на территории каждого члена — полной правосубъектностью, то есть пользуется всеми правами юридического лица. Предусмотрено, что членство в НБР открыто для членов ООН в соответствии с положениями и условиями, которые определит подавляющим большинством голосов Совет управляющих банка.

В целях противодействия краткосрочному давлению на платежные балансы, оказания взаимной поддержки и дальнейшего укрепления финансовой стабильности 15 июля 2014 года в Форталезе был подписан Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС. В нем предусмотрено, что пул не обладает независимой международной правосубъектностью и не может заключать соглашения, выступать истцом и ответчиком в суде, то есть не обладает статусом юридического лица. В то же время согласно договору с целью проведения операций с использованием инструмента ликвидности и превентивного инструмента центральные банки государств — участников договора заключат между собой межбанковское соглашение, в котором определят необходимые операционные процедуры и руководящие принципы. Таким образом, для урегулирования финансовых вопросов государства — участники БРИКС использовали международные договоры, на основе которых создана специализированная ММПО и заключен юридически обязательный международный договор.

Итак, постепенно формируется правовой каркас БРИКС, а расширение состава государств свидетельствует об усилении его влияния на демократизацию международных отношений в качестве самостоятельного полюса мировой политики и повышении авторитета в межгосударственной системе в целом.

[1] XV саммит БРИКС. Йоханнесбургская декларация-II «БРИКС и Африка…»

[2] См. также: *Ковалева Е. И., Растопчина Е. Л., Божков Ю. Н.* Оценка экспортно-импортной деятельности БРИКС и ее перспективные направления // Журнал прикладных исследований. 2023. № 3. С. 87–93.

А. Д. Хлутков[1]

БРИКС — НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Политические и экономические процессы 2019–2023 годов — это не просто дальнейшее нарастание неопределенности и многовариантности мирового развития. Такая формулировка объективно не отражает сложность ситуации.

Примерно в 2019 году мы увидели новый формат мира, а в начале 2024 года стала очевидной невозможность возврата в старую модель глобальной организации. Будем объективны: Россия, Китай, Индия, ЮАР, Бразилия не разрушали мировой порядок. Мы давно наблюдали проблемы в этом мироустройстве. Однако по ряду ключевых параметров всех участников БРИКС порядок формата 2000–2019 годов в целом устраивал.

Мы все признавали и систему международного права, сформированную еще в первые послевоенные годы, хотя о ее недостатках говорил уже один из ее создателей А. А. Громыко. Отмечу, что мы даже согласились бы с «порядком, основанным на правилах», предлагаемым Западом, но при трех условиях. Во-первых, это должен быть действительно порядок. Во-вторых, правила не могут меняться с частотой работы уличного светофора. Третье, самое главное, — правила должны быть общепризнанными.

Соблюдения обозначенных трех условий система до 2019 года предложить не могла. «Многонациональные корпорации и международные банки мира зависят от свободного потока товаров и капитала, лоббируя продвижение принципов экономической глобализации и либеральной рыночной идеологии за пределами государств их происхождения. Это обусловливает и системную политику распространения западной системы ценностей, их навязывание иным государствам, стремящимся сохранить собственную этническую и культурную идентичность, историческую память, автономию и независимость в проведении экономического и политического курса»[2]. Более того, сегодняшнее положение дел можно описать предельно жестко: «…У Запада никогда не было ни реальных возможностей, ни действительной мотивации для выравнивания глобального мира по одним стандартам. Потому что именно игра в разные нормы и стандарты для разных политических сообществ — один из важнейших источников его рентного благосостояния, проистекающего из военного, технологического, экономического и идеологического преимуществ»[3].

Специфика модели мироустройства начала XXI века в том, что политический и внешнеполитический статус страны очень тесно связаны с экономикой: «Ничто не подрывает доверие к доллару больше, чем односторонние меры, которые США и их союзники принимают против ряда стран, которые они считают враждебными. Права „государств-изгоев“, выражаясь высокомерным западным языком, нарушаются в огромных масштабах»[4].

Уязвимость сложившейся модели, помимо всего, обостряется проблемой обеспечения безопасности, которая отмечалась еще четверть века назад профессором А. Д. Воскресенским, видным российским китаистом. «Безопасность, — указывал Воскресенский, — в традиционном (военном) понимании в настоящее время не составляет предмет первостепенной озабоченности правительств»[5].

Поэтому стимулом для стагнации и распада уклада 2000–2019 годов стали не Россия и Китай, а более ста государств — вся объективно сложившаяся совокупность международных отношений, в том числе в экономической сфере. При этом проблематика СВО, крайне важная для нас, — это не причина, а следствие накопленных противоречий глобального масштаба.

* * *

Теперь перейдем, собственно, к БРИКС — новому формату международных отношений, который появился в старом мире.

Осторожное и взаимное зондирование началось на рубеже 2004–2006 годов. Официальное налаживание политических взаимосвязей в рамках БРИК идет с сентября 2006 года, когда во время 61-й сессии ООН в Нью-Йорке состоялась встреча министров иностранных дел четырех стран. Своеобразный прорыв в развитии сотрудничества был связан со встречей высокого уровня в Екатеринбурге 16 июня 2009 года. «На первом саммите в Екатеринбурге в 2009 году лидеры БРИК обязались поддерживать „Группу двадцати“ в преодолении финансового кризиса, продвигать реформу международных финансовых институтов (МФИ) и стимулировать построение стабильной, предсказуемой и более диверсифицированной МВС»[6]. Именно тогда в первый раз были сформулированы концептуальные

[1] Директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, профессор. Автор более 60 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч. монографий: «Политика обеспечения экономической безопасности России в условиях глобализации», «Национальная финансовая политика в обеспечении экономической безопасности государства», «Развитие городов: теоретические и методические аспекты» (в соавт.), «Глобальный индекс экстремизма» (в соавт.) и др.; учебных пособий: «Основы экономической безопасности бизнеса» (в соавт.), «Основы бескризисного государственного управления в эпоху глобализации» (в соавт.) и др. Награжден орденом Почета, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степеней и др.

[2] *Арапова Е., Юрова Н.* Политическая экономия и международные отношения сегодня // Междунар. аналитика. 2023. № 1. С. 11.

[3] *Мартьянов В.* Шанс России на обновление глобальной современности // Мировая экономика и междунар. отношения. 2023. Т. 67, № 1. С. 66.

[4] *Батиста-младший П. Н.* Финансовые расчеты БРИКС. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/finansovye-raschyety-briks/ 09.04.2024 (дата обращения: 30.05.2024).

[5] *Воскресенский А. Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М. : МОНФ. 1999. С. 88.

[6] *Киртон Дж., Ларионова М.* БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества // Вестник междунар. организаций. 2022. Т. 17, № 2. С. 10.

положения, которые сегодня закреплены в ключевых документах[1], а также стратегии экономического партнерства в БРИКС[2].

Для нас принципиально важным является то, что БРИКС — это неформальный клуб стран, в которых проживает почти 45 % населения планеты и на которые приходится почти 30 % мировой экономики. Очень существенно, что у БРИКС нет строгой структуры, устава и председателя. Организация работает в формате ежегодных саммитов и постоянных консультаций в произвольном формате.

Появление БРИКС именно в таком формате нельзя назвать случайным. Более того, можно утверждать, что он востребован уже многие десятилетия.

Следующий очень важный вопрос — обсуждение глобального потенциала БРИКС. Мы очень часто сталкиваемся, скажем аккуратно, с «журналистскими» подходами к пониманию проблематики БРИКС. Так, некоторые журналисты, да и эксперты сравнивают экономический или демографический потенциал БРИКС и, например, Европейского союза. Однако следует понимать, что Европейский союз — это традиционная модель социально-политической и экономической интеграции, характеризующаяся высокой степенью институционализации, а также стремлением к гомогенности и единству позиций. В основе этой модели старый и до какой-то степени справедливый тезис — «кто не с нами, тот против нас». БРИКС же — модель перспективная, гибкая и в хорошем смысле осторожная, представляющая собой в большей степени площадку для равноправного диалога.

Сегодня БРИКС — это новый формат международной организации, порожденный усложнившимся мировым устройством и кризисом международного уклада. В этом его плюсы и, разумеется, минусы. Успех, как водится, во многом будет зависеть от готовности работать сообща на основе взаимного уважения и понимания.

* * *

Еще один важный вопрос — это единая социальная и в том числе образовательная политика. «Важнейшей предпосылкой экономического развития, повышения конкурентоспособности стран — членов БРИКС является наличие развитой образовательной системы, формирующей новый слой молодых высококвалифицированных специалистов, способных успешно работать в рамках партнерства»[3].

Императив экономического и политического сотрудничества в формате БРИКС очевиден. Это неизбежно требует качественного знания россиянами Китая и Индии, Бразилии и ЮАР, равно как и других стран объединения. Верно и обратное: специалисты из Индии, планируя выстраивать новую модель сотрудничества, должны представлять как саму Россию, так и специфику высшего образования в нашей стране. В настоящее время такого взаимного понимания и знания нет. Сила БРИКС — его многообразие — пока остается одним из барьеров дальнейшего эффективного усиления кооперационных связей.

Системы высшего образования в России и странах БРИКС фундаментально отличаются. Причем это касается разницы не просто в применяемых подходах, но и в восприятии образования как социального инструмента.

В России высшее образование стало нормой, элементом повседневности. Ничего подобного нет в других странах БРИКС. «Ключевая проблема стран БРИКС — это низкая социальная мобильность»[4].

Высшее образование в России само по себе не гарантирует кадровый рост и финансовые возможности. В странах БРИКС, как правило, образование платное, но если его удалось получить, то это мощный драйвер личностного роста.

Принимая во внимание эти особенности, мы исходим из того, что философия интеграционных процессов в БРИКС, в отличие от модели, предлагаемой Западом, не предусматривает прямого влияния на социокультурные аспекты, определяющие место образования в жизни общества. Приоритетным вопросом в рамках обсуждаемой тематики является именно содержательное наполнение образовательного процесса, а также форматы его сопряжения для всех стран-участниц.

С учетом актуальных направлений развития сотрудничества наиболее ценными для стран БРИКС сегодня являются специальности технического характера, подготовка в сфере естественных наук, квалификации в сфере зарубежного регионоведения, международных отношений, практик международного менеджмента. Отметим, что наши специалисты обязаны знать научно-производственные возможности, логистические особенности, законодательство, в том числе таможенное.

Понимание национальных языков, культуры, особенностей местного менталитета будет способствовать развитию отношений со странами БРИКС. Однако и для стран БРИКС, желающих выстраивать отношения с нами, также необходимо решение этих задач.

Важно, что сответствующие коррективы в образовательные программы вузов должны быть внесены уже сейчас. Сегодня мы наблюдаем большую инерцию, когда экономика развернулась, а действующим игрокам рынка приходится обходиться теми знаниями, которые они получили ранее, самостоятельно доучивая все и сразу. Важно помочь им, предоставив разнообразный пакет образовательных программ по линии дополнительного профессионального образования. Новых же студентов нужно набирать и учить с учетом актуальной магистральной линии выстраивания международного сотрудничества и кооперации.

Реформирование системы профессиональной подготовки и образования в странах БРИКС постепенно

[1] См.: Action Plan 2021–2024 for Agricultural Cooperation of BRICS Countries. URL: https://brics2021.gov.in/brics/public/uploads/docpdf/getdocu-34.pdf (дата обращения: 30.05.2024).

[2] См.: The Strategy for BRICS Economic Partnership 2025. URL: https://eng.brics-russia2020.ru/images/114/81/1148155.pdf (дата обращения: 30.05.2024).

[3] *Федчук А. А.* Тенденции развития образования как важнейший фактор политики стран БРИКС // Вестник Ун-та. 2015. № 13. С. 248.

[4] Обзор семинара «Расширение БРИКС: причины, последствия и перспективы» // Современная мировая экономика. 2023. Т. 1, № 3 (3) С. 137.

оформляется институционально. Уже существует «Сетевой университет БРИКС» (СУ БРИКС) — объединение образовательных организаций высшего образования Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки. СУ БРИКС является образовательным проектом, направленным на разработку многосторонних совместных образовательных программ обучения, а также совместных научно-исследовательских проектов по шести приоритетным направлениям. Однако этот образовательный проект, пусть даже утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации, в течение довольно длительного времени был достаточно формальным.

В развитие совместной работы по укреплению образовательного вектора взаимодействия 1 сентября 2023 года в Москве был подписан протокол о сотрудничестве по созданию научно-образовательной системы БРИКС. Согласно генеральной идее авторов, протокол позволит объединить усилия научных и образовательных учреждений стран БРИКС по формированию системы мобильности для студентов и преподавателей, которые смогли бы учиться и работать в разных странах.

Не секрет, что обе эти инициативы, очень близкие по смыслу, являются альтернативой Болонскому процессу, который, несмотря на всю критику, приносил заметные результаты. И если вспомнить приемы, которые использовали наши недавние партнеры по линии образования, — система разнообразных грантов, стажировок, например в рамках программы Фулбрайта, или программа ЕС «Эразмус+», то они были направлены на формирование интереса к Западу, его культуре, аккумулирование интеллектуального потенциала в целях поддержки развития интеграционных процессов. Другими словами, вся система работала на «воспитание» правильных элит, где идеологическая функция неотделима от собственно образовательной.

На уровне государств БРИКС необходимо выстроить похожую систему, но не для перетягивания каната на свою сторону, а для равного доступа к пониманию сути процессов, происходящих в странах — членах БРИКС. Именно такой подход к оформлению образовательного сотрудничества — работа с проверенными форматами при наполнении их новыми смыслами, на мой взгляд, способен стать органичным и реальным дополнением той интеграционной модели, которая была выбрана странами БРИКС. Сегодня у нас есть все предпосылки для активной работы в этом направлении: расширение состава участников объединения может стать основанием для пересмотра и активизации деятельности Сетевого университета. Однако если мы хотим добиться результата, действовать нужно, как говорил один из советских лидеров, «быстро и решительно», с полным и ответственным пониманием того, что только квалифицированные кадры смогут обеспечить достижение тех важных задач, которые ставят перед собой правительства стран БРИКС как по отдельности, так и вместе.

С. А. Цыпляев[1]

ВЗРЫВООПАСНЫЙ КОКТЕЙЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИЙ[2]

Появление замкнутых анклавов инородных языков и культур, террористические акты с религиозным обоснованием в европейских городах — такая палитра событий вселяет беспокойство в умы и сердца жителей Европы. «Что происходит? Почему везде резко обостряются этнические и религиозные конфликты?» Эти вопросы звучат все чаще. Ответ на них: великое перемешивание цивилизаций.

Великое перемешивание цивилизаций

Если столетия назад для знакомства с другими обычаями, иной культурой надо было переплывать моря, преодолевать пустыни и горные гряды, сто лет назад — хотя бы пересечь государственную границу, то сегодня для этого достаточно выйти во двор. Раньше вы могли вернуться из путешествия в свой привычный, стабильный, культурно однородный мир, сегодня же его границы сужаются до размеров вашего дома. Именно Европа со времен Великих географических открытий была в авангарде глобализационных процессов, сокращала расстояния и преодолевала изолирующие перегородки.

Кровавые события в Европе, на Ближнем Востоке, решение вопросов веры и морали с помощью вооруженного насилия вновь вернули нас к проблеме столкновения цивилизаций. Сэмюэль Хантингтон рассматривал столкновения цивилизаций, используя в качестве единицы описания преимущественно страны: речь в первую очередь шла о конфликтах на границах «цивилизационных плит» — «тектонических разломах».

На наших глазах мир стремительно приобретает новое качество. Мощнейшие силы и инструменты гло-

[1] Главный редактор общенационального научно-политического журнала «Власть», кандидат физико-математических наук, действительный государственный советник РФ 3-го класса. В 1989–1992 гг.: народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР, секретарь Комитета по обороне и государственной безопасности Верховного Совета СССР. Полномочный представитель Президента РФ в Санкт-Петербурге (1992–2000), полномочный представитель Президента РФ в Межпарламентской ассамблее государств — участников СНГ (1994–2000), декан юридического факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (2015–2020). Член Совета по внешней и оборонной политике (1999 — по наст. вр.). Автор ряда общественно-политических публикаций, в т. ч.: «Выборы как основа демократизации страны», «Запад или Восток — куда поворачивать России», «Чем отличается федерализм из Конституции от федерализма из жизни», «Россия–Украина. Сломанная ось цивилизаций», «Уважайте свою Конституцию» и др. Награжден орденом «Знак Почета», удостоен благодарности Президента РФ.

[2] Доклад подготовлен на основе статьи: *Цыпляев, С.* Коктейль цивилизаций // Независимая газета. 2015. 25 февр. URL: https://www.ng.ru/scenario/2015-02-25/13_cocktail.html?ysclid=lv58y79tlq934197214.

бализации — Интернет, телевидение, корабли и самолеты — сделали планету маленькой. Идет непрерывное перемещение людей, перемешивание представителей разных рас, национальностей, культур и религий. Разность потенциалов — жизненных возможностей — срывает людей с традиционных мест и уносит в центры развития, пока в основном в западную цивилизацию. Никакие государственные ухищрения не в силах остановить этот процесс, его не повернуть вспять. Перемешивание происходит исключительно быстро по историческим меркам, не успевает произойти взаимная адаптация, глубокая ассимиляция, требующая смены нескольких поколений.

Это напоминает перемешивание воды и масла. Исходно есть четкая граница между двумя жидкостями, поверхность границы — тектонический разлом. Потрясите сосуд — и много мелких капель масла образуют взвесь в воде. Не возникает однородного раствора, при этом площадь поверхности границы, потенциальной зоны трений и конфликтов, многократно возрастает.

Если вы родились в окружении безусловного интернационала, то воспринимаете это как должное. Если же в вашей деревне, где все уже давно почти родственники, поселятся китаец, араб и африканец со своими семьями, то это станет потрясением основ и началом битвы народов. Они ведь все делают не так, как мы привыкли, говорят на непонятном языке, молятся другим богам — в этом опасность! Российская практика показывает, что хватает всего нескольких выходцев с Кавказа.

Конечно, многое решает культурный уровень — степень взаимной деликатности, любопытство и интерес к новому, необычному, взаимная готовность понимать и принимать. К сожалению, инстинкты диктуют иное. Поводы для раздражения, обид и конфликтов находятся быстро — включается система распознавания «свой–чужой». Меньшинство в целях самозащиты объединяется в сплоченную этническую или религиозную группу, которая становится угрозой и проблемой для неорганизованного большинства.

Нескончаемая череда конфликтов и террористических актов, связанных с вопросами веры, отчетливо демонстрирует принципиальное изменение роли религии в современном мире. Раньше религия играла объединяющую, стабилизирующую роль в области своего распространения, создавая общий культурный фундамент стран и народов. Так, история становления европейской цивилизации неразрывно связана с христианством. Столкновения религий были относительно редкими и носили преимущественно пограничный характер. В перемешанном мире религия превращается в разъединяющий, конфликтный институт. Первый значимый опыт перемешивания Европа обрела с появлением протестантов, за этим последовали религиозные войны, беспощадные и нескончаемые. Можно прийти к компромиссу в идеологических и материальных вопросах, в вопросах же веры компромисс практически невозможен. Европа нашла ответ на этот вызов — светский характер государства, религия становится элементом частной жизни. Однако затем в Европу хлынули представители других стран, других континентов.

Становится ясно, что атомом цивилизации является человек, а молекулой, несущей все особенности культуры, — семья и община. Сетевая культурная общность может длительное время сохраняться и развиваться даже вне государственных рамок и без опоры на государство. В таком сложном перемешанном мире «коктейля цивилизаций» нам предстоит жить. Но этот коктейль основательно приправлен оружием массового уничтожения — и вот вам готовый к употреблению коктейль Молотова.

Что делать надо и чего делать нельзя

Как обычно, в первую очередь предлагаются простые и неверные решения. Их общий знаменатель — «возврат в светлое прошлое». Например, вернуться к «чистым» в генетическом или идеологическом (в том числе религиозном) смысле моногосударствам.

Реально границы государств редко соответствовали этим признакам, поэтому внутри страны возникали «правильные» государствообразующие «свои» и «чужие» — иноверцы, инородцы, инакомыслящие. Далее начиналось перемещение народов и границ. Кровавые войны, геноцид, изгнанные народы — всем этим наполнены века истории. Сегодня в мире перемешивание представителей разных этносов и религий идет столь интенсивно, что возвращение к чистоте принципов просто невозможно без превращения страны в тоталитарное общество с государством фашистского типа.

Из этой же серии предложения об ускоренной насильственной ассимиляции иммигрантов.

Большинство людей крайне неохотно меняют свою идентичность, даже под страхом смерти. Административный нажим вместо осознанного личного решения, даже сделанного под давлением жизненных обстоятельств, плодит сопротивление. Это нам хорошо знакомо и из истории народов Российской империи, и из истории русских общин, оставшихся за пределами России после распада СССР.

Арсенал средств регулирования таких мощных и долгосрочных исторических процессов, сопровождающих всю человеческую историю, весьма невелик. Он не обладает «идеологической чистотой» и включает как либеральные, так и нелиберальные решения.

Первое. Для того чтобы общество успевало адаптироваться к новым реалиям, надо замедлять скорость миграционных потоков. Визовые ограничения, усложнение получения вида на жительство, а тем более гражданства — все эти фильтры замедляют приток носителей иного жизненного уклада и дают людям возможность приспособиться к жизни в новых внешних условиях.

Второе. От общества потребуются серьезные усилия и финансовые затраты на образование и социализацию новых сограждан. Мы можем вспомнить непро-

стой советский опыт массового переселения людей из глубинки в крупные города в эпоху индустриализации. При этом молодежь и дети переселенцев практически поголовно оказывались за партой, а формы обучения были весьма разнообразны. И сейчас надо начинать с курсов по обучению языку, в первую очередь детей иммигрантов. Школы и учителя эффективнее и дешевле в деле интеграции, чем тюрьмы и полицейские.

Третье. Перед просвещенной частью общества встает непростая задача выработки общей модели жизни, картины мира, ориентированной на поиск общих ценностей в культуре, морали, параллелей в быту и традициях разных народов, в противовес культивированию непримиримых различий. Очень непросто признать, что ваше понимание «что такое хорошо и что такое плохо» не является вневременным, универсальным, общечеловеческим. Есть другие, конкурирующие системы ценностей, и с этим придется считаться.

Четвертое. Из вышесказанного вытекает необходимость бескомпромиссного и последовательного отстаивания светского характера государства. В многоконфессиональном государстве акцент на религиозной принадлежности человека, причем культивируемый с раннего детства, неизбежно приведет страну к неразрешимым внутренним противоречиям, чреватым кровавыми конфликтами вплоть до распада страны. Стратегически недальновидным является внедрение религиозного образования в школах, публичное отправление религиозных культов общественными деятелями. Религия — это территория частной жизни. Поэтому равно неприемлемо избыточное вмешательство государства в регулирование религиозной жизни. Нежелательно публичное обсуждение существа религиозных учений, но это не распространяется на религиозные нормы, предлагаемые всем членам гражданского общества.

Пятое. Пожалуй, самое главное и самое трудное. Принимающая культура сохранит свое существо, если станет «сильным растворителем» для инородных вкраплений. Она должна быть привлекательной, современной, обладать эффективной экономикой, предъявлять «городу и миру» интересный проект будущего, вызывать уважение у прибывающих. Передовая экономика собирает энергичных, умных, творческих людей, которые сами прочно встанут на ноги. Неквалифицированная иностранная рабочая сила в случае кризиса первой оказывается за воротами предприятий, где ее встречает этнический криминал и экстремистские организации. Россию тянет к «обществу мемориальной культуры», которое ведет нескончаемые дискуссии о прошлом, ищет в прошлом ответы на вызовы будущего, сожалеет об «утраченном рае» и сопротивляется любым изменениям, рассматривая эволюцию как процесс непрерывной деградации. Так можно построить резервацию, но не страну — мирового лидера.

Шестое. Общество, желающее выжить в новых условиях, должно установить и поддерживать твердый демократический порядок. Демократический порядок устанавливается гражданами, которые самостоятельно соблюдают одобренные ими законы и заставляют власти работать на поддержание этого порядка. Закон рассматривается как общая ценность, народ борется за него, как за свои стены. Демократический порядок несравненно прочнее и жестче авторитарного — здесь не купишь разрешение на работу, справку о знании языка и далее по списку вплоть до решения суда.

Седьмое. Перед развитым миром встала труднейшая гуманитарная, моральная дилемма. Либо максимально изолироваться от всего, что происходит в странах третьего мира, укреплять стены и безучастно взирать на внешние события, далекие от нашего понимания стандартов гуманизма, либо пытаться воздействовать на ситуацию, чтобы сделать жизнь «за стенами» более приемлемой, в буквальном смысле спасать человеческие жизни и тем самым ослаблять генерацию потока беженцев. Каждая из стратегических линий сопряжена с проблемами и угрозами. Ясно, что не удастся отсидеться в крепости «Европа». Но точно так же ясно, что не получится быстро имплантировать «правильные общественные институты» в традиционные культуры. Потребуется высочайшее политическое искусство в сочетании с терпением и искренней приверженностью идеалам Всеобщей декларации прав человека: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

В. А. Черешнев[1],
А. П. Сарапульцев[2]

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ ФОРМИРУЮЩЕМСЯ МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

В современных геополитических условиях развивающаяся динамика международных отношений определяет появление стратегических партнерств как ключевых сил, формирующих мировой порядок. На переднем крае этой трансформации находится углубляющееся сотрудничество между Китаем и Россией — партнерство, которое выходит за рамки традиционных двусторонних связей и создает многогранный альянс, заставляющий пересмотреть контуры глобальной мощи.

Ожидается, что в 2024 году, когда Китай и Россия будут отмечать 75-ю годовщину установления дипломатических отношений, их сотрудничество активизируется, особо сосредоточиваясь на экономическом взаимодействии, солидарности на международных форумах и разрешении региональных кризисов. Это партнерство имеет решающее значение для того, чтобы ориентироваться в сложностях современной международной политики и экономики, являясь маяком сотрудничества в быстро меняющемся мире. Такое многогранное сотрудничество не только служит интересам обеих стран, но и способствует глобальной стабильности и развитию, воплощая модель партнерства, которая выходит за рамки традиционных альянсов и способствует сбалансированному многополярному мировому порядку.

Санкции, введенные против России, вкупе с турбулентностью международной дипломатии подтолкнули Москву и Пекин к более тесному экономическому, военному и технологическому сотрудничеству. Этот альянс является не просто ответом на внешнее давление, но стратегической перестройкой в направлении взаимного усиления перед лицом западной гегемонии. Партнерство символизирует новую эру в международных отношениях, когда наука и техника становятся важнейшими сферами сотрудничества, стимулирующими инновации и обеспечивающими конкурентные преимущества на мировой арене. При этом его цель — развить механизмы, с помощью которых Китай и Россия прокладывают новый путь в международных отношениях, который не только бросает вызов существующей глобальной иерархии, но и подчеркивает жизненно важную роль научно-технического сотрудничества в преодолении сложностей современного мира. В этом докладе предпринята попытка исследовать научный ландшафт китайско-российского альянса в динамике формирующегося многополярного мира. Через эту призму рассмотрим текущую ситуацию и перспективы китайско-российского партнерства в научной сфере как краеугольного камня более сбалансированного и равноправного глобального порядка, где инновации и сотрудничество являются ключом к решению насущных проблем современности.

Анализ научных результатов и динамики совместных исследований стран БРИКС — Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки — за период с 2018 по 2024 год позволяет сделать ключевые выводы и подчеркнуть количественные показатели, которые определяют эти тенденции (данные по базе данных Scopus по состоянию на 23.02.2024)[3]. Китай выделяется как ведущая страна в консорциуме БРИКС, с общим объемом научных публикаций 5 273 107, что представляет собой рост на 69,7 %[4]. За последние пять лет академическое сообщество страны значительно расширилось, общее число авторов достигло 5 901 050, что на 83,2 % больше, чем в 2018-м. Среднее количество цитирований на публикацию в Китае составляет 10,4, при этом индекс цитируемости, взвешенный по отраслям (FWCI), равен 1,10, что указывает на то, что китайские

[1] Заместитель президента и член Президиума РАН, академик РАН, вице-президент РАН (1991–2001), научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, доктор медицинских наук, профессор. Основатель, директор Института иммунологии и физиологии УрО РАН (2003–2018). Председатель УрО РАН (1999–2008), депутат Государственной Думы РФ V и VI созывов, председатель Комитета по науке и наукоемким технологиям (2007–2016). Автор более 900 научных публикаций, в т. ч. 75 книг и монографий: «Иммунофизиология», «Альфа-фетопротеин», «Иммунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека. Метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Физиолого-гигиеническая концепция спелео- и солелечения», «Влияние наркомании на социально-экономическое развитие общества», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации», «Введение в задачи моделирования и управления динамикой ВИЧ-инфекции» и др.; ряда руководств по изучению комбинированных радиационных поражений и по клинической иммунологии; 15 учебников, 12 учебных пособий, 5 методических рекомендаций; 2 атласов; 44 патентов и 2 открытий. Президент Российского научного общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» (Russian Journal of Immunology), «Вестника Уральской медицинской академической науки». Награжден благодарственным письмом Президента РФ, орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени, Александра Невского, медалью «За трудовое отличие», золотыми медалями РАН им. академика В. Д. Тимакова и «За развитие нанонауки и нанотехнологий» ЮНЕСКО. Лауреат премий Правительства РФ в области науки и техники (дважды) и в области образования. Почетный доктор СПбГУП.

[2] Ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией иммунопатофизиологии Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, доктор биологических наук. Директор Научно-образовательного Российско-китайского центра системной патологии Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), эксперт РАН. Автор 110 научных публикаций, в т. ч.: «Sars-Cov-2-Specific Immune Response and the Pathogenesis of COVID-19», «Elevated Exhaustion Levels of NK and CD8+ T Cells as Indicators for Progression and Prognosis of COVID-19 Disease», «Psychological distress and post-traumatic symptomatology among dental healthcare workers in Russia: results of a pilot study» и др.

[3] BRICS — Brazil, Russia, India, China, South Africa // SciVal : [сайт]. URL: https://www.scival.com/overview/collaboration/overall?uri=CountryGroup%2F12 (дата обращения: 27.04.2023).

[4] China // SciVal : [сайт]. URL: https:// https://www.scival.com/overview/collaboration/overall?uri=Country/156 (дата обращения: 27.04.2023).

научные работы цитируются чаще, чем в среднем по миру. Вслед за Китаем значительный научный вклад внесла Индия, опубликовав 1 482 662 публикации, на каждую из которых ссылается в среднем 7,1 человека. Индекс FWCI для Индии составляет 0,99, что немного ниже общемировой нормы. В то же время Российская Федерация демонстрирует 731 581 публикацию и скромный темп роста в 7,8 %[1]. Число авторов в России за 5 лет увеличилось на 14,1 %. Российские публикации получают в среднем 4,7 цитирования, а индекс цитируемости FWCI равен 0,67, то есть цитируемость ниже средней. Бразилия обеспечила рост научных результатов на 10,7 % со средним количеством цитирований 8,0 на публикацию, и FWCI равен 0,88, что ниже среднемирового показателя цитируемости. Интересно, что Южная Африка, с наименьшим научным результатом среди стран БРИКС (198 255 публикаций), продемонстрировала значительный рост числа публикаций на 28,9 % с высокими показателями цитируемости на публикацию (10,3).

При этом международное сотрудничество, на долю которого приходится 21,8 % от общего объема публикаций стран БРИКС, является решающим фактором, стимулирующим высокоэффективную научную работу, позволяя получить статьи с 15,6 цитированиями на публикацию. Индекс FWCI для международных совместных исследований составляет 1,63, на долю национального сотрудничества приходится 40 % продукции при FWCI 0,94, а на долю институционального сотрудничества — 33,3 % продукции при FWCI 0,76. Работы, написанные одним автором и составляющие 4,8 % научной продукции, демонстрируют ограниченное влияние самостоятельных исследовательских усилий с самым низким показателем FWCI — 0,5.

Для России международное сотрудничество является катализатором повышения узнаваемости и результативности исследований, причем уровень цитируемости и отдачи от такого сотрудничества заметно выше, чем у национальных коллабораций. В частности, на долю международных совместных усилий приходится 21,9 % научной продукции России, что обеспечивает высокий уровень цитирования и превышает среднемировой показатель цитируемости на 39 %. Сотрудничество между Китаем и Россией, хотя и не самое масштабное по сравнению с сотрудничеством Китая с западными странами, представляет значительный стратегический альянс на мировой научной арене. Анализ, основанный на системе классификации всех научных журналов (ASJC), показывает партнерство, характеризующееся 22 112 публикациями в соавторстве за этот период, что означает существенный рост на 69,5 %. Это сотрудничество является не только масштабным, но и глубоко результативным, о чем свидетельствует участие 21 012 соавторов из Российской Федерации (рост на 79,3 %) и 64 195 соавторов из Китая (рост на 118,6 %). Коэффициент цитируемости, взвешенный по отраслям (FWCI), для этой совместной деятельности составляет впечатляющие 2,47, в среднем 25,3 цитирования на публикацию.

Области сотрудничества между Россией и Китаем разнообразны, но некоторые дисциплины выделяются из-за большого количества работ в соавторстве и стратегической важности их исследований[2]. Физика и астрономия являются ведущей областью сотрудничества с 7498 публикациями в соавторстве. Особенно заметны ядерная физика и физика высоких энергий, в которых представлены 1825 публикаций в соавторстве из общего объема публикаций в России (11 308) и в Китае (24 013) в этой подкатегории. Инженерия демонстрирует тесное партнерство с 4658 работами в соавторстве, особенно в области электротехники и электронной инженерии, на долю которой приходится 1410 публикаций. Материаловедение — еще одна важнейшая область сотрудничества, в подкатегории «общее материаловедение» опубликовано 1855 публикаций в соавторстве, что составляет в совокупности 4419 публикаций в этой области. Общая химия лидирует с 1475 публикациями в соавторстве из 3097 публикаций в химических науках.

Однако необходимо учитывать, что сотрудничество между двумя странами составляет 3 % от общего объема научных разработок России и менее 1 % для Китая, что подчеркивает асимметричность партнерства. В России с Китаем сотрудничают 4,27 % авторов, по сравнению с 1,09 % китайских авторов, работающих с российскими коллегами, что говорит о неравенстве в сотрудничестве и указывает на более быстрое расширение научной базы Китая.

В рамках будущих прогнозов также необходимо помнить, что стратегическое стремление Китая стать мировым лидером в области науки и технологий (S&T) было определяющей характеристикой направления его политики с начала нового тысячелетия[3]. Этот путь начался с реализации правительством нескольких инициатив, направленных на стимулирование инноваций и ускорение научно-технического развития страны. Принятие в 2006 году средне- и долгосрочного плана развития науки и техники (2006–2020), или MLP, стало ключевым шагом на пути к превращению Китая к 2020 году в общество, ориентированное на инновации, с главной целью к 2050 году стать мировым лидером в области науки и технологий. Программа MLP была направлена на развитие коммерческих инноваций, удовлетворение потребностей общества с помощью технологий, укрепление национальной обороны и повышение качества исследований для удержания отечественных талантов.

Научно-технический рост Китая характеризовался сильным государственным руководством, значительными инвестициями в исследования и разработки

[1] Russia // SciVal : [сайт]. URL: https:// https://www.scival.com/overview/collaboration/overall?uri=Country/643 (дата обращения: 27.04.2023).

[2] BRICS — Brazil, Russia, India, China, South Africa.

[3] *Sun Y., Cao C.* Planning for science: China's «grand experiment» and global implications // Humanit. Soc. Sci. Commun. 2021. Т. 8, № 1.

(R&D) и акцентом на такие секторы, как искусственный интеллект, биотехнологии и возобновляемые источники энергии. Инициатива «Сделано в Китае 2025» подчеркивает переход Китая к производству высокого класса, направленный на достижение значительной самообеспеченности основными компонентами к 2025 году[1].

В то же время, несмотря на достигнутый прогресс и участие в международном сотрудничестве, в Китае сохраняются такие проблемы, как необходимость большей креативности и инновационности в исследованиях, добросовестности и этических норм в области технологий. Такие инициативы, как «Программа тысячи талантов», были направлены на противодействие утечке мозгов путем привлечения ученых и специалистов-экспатриантов для внесения вклада внутри страны. Тем не менее проблемы остаются, включая нехватку высококлассных специалистов и противоречия, связанные со стратегиями подбора. Отъезд из страны ведущих ученых усугубляет проблему построения нации, ориентированной на инновации, потенциально подрывая цели MLP. Несмотря на престиж и преимущества Thousand Talents Plan, он не полностью достиг своих целей, поскольку многие участники не вернулись в Китай после учебы. Эта ситуация усугубилась международными противоречиями и усилением контроля, особенно со стороны правительства США. Недавняя приостановка Китаем программ по набору талантов в США и трудности с отправкой студентов и ученых за рубеж, особенно в области высоких технологий, создают значительные риски для его усилий по технологическому прогрессу.

Необходимо отметить, что феномен утечки мозгов в сравнении с циркуляцией мозгов является глобальной проблемой, и страны стремятся сбалансировать приток и отток талантов. Акцент на прозрачности и добросовестности исследований, этике и защите интеллектуальной собственности при подборе талантов за рубежом имеет первостепенное значение, поскольку направлен на предотвращение феномена двойного погружения, когда люди получают выгоду из нескольких источников без полной занятости. Кроме того, удержание китайских студентов, особенно очень талантливых, получивших образование за рубежом, в своих странах обучения, подчеркивает сложность международного сотрудничества. Хотя такое сотрудничество имеет решающее значение, оно требует тщательных институциональных механизмов для предотвращения конфликта интересов и обеспечения приверженности, подчеркивая хрупкий баланс между глобальным участием и национальными целями развития.

С 2019 года Китай разрабатывает новый средне- и долгосрочный план (MLP) на период 2021–2035 годов[2]. Хотя детали этого плана пока не разглашаются, общие положения 14-го пятилетнего плана (2021–2025 гг.) национального экономического и социального развития и долгосрочные перспективы до 2035 года дают представление о его направлении и потенциальном влиянии на научно-технический ландшафт Китая[3]. Этот план подтверждает приверженность Китая инновациям в качестве основы его стратегии модернизации и развития.

14-й пятилетний план выделяет самостоятельность в научно-технической сфере как основу национального развития и модернизации. В нем постулируется ключевая роль S&T, опоры на собственные силы и самосовершенствования (*zili ziqiang*) как основополагающих элементов национального развития и излагаются амбиции Китая стать мировым лидером в области инноваций к 2035 году за счет наращивания стратегического научно-технического потенциала страны, расширения возможностей предприятий в области технологических инноваций, развития инновационного потенциала талантливых специалистов и совершенствования институтов внедрения научно-технических инноваций.

Исходя из этого, видится настоятельная необходимость разработки детальных планов развития коллаборации с Китаем с учетом программ S&T, что позволит придать данному сотрудничеству дополнительную значимость для китайской стороны.

Одним из направлений по усилению сотрудничества между учеными из РФ и Китая является увеличение конкурсов, проводимых Российским фондом фундаментальных исследований и Российским научным фондом совместно с Государственным фондом естественных наук Китая, которые характеризуются кратным ростом числа заявок за последние три года. Данные гранты, помимо решения поставленных научно-технических задач, также формируют основу для дальнейшего расширения сотрудничества, в том числе путем создания совместных научно-исследовательских центров. В этом ключе в качестве примера можно упомянуть создание нами в 2020 году совместного Российско-китайского центра системной патологии на базе ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (Научно-исследовательский университет)». Изначально в планах развития центра было поставлено создание трех зеркальных (в России и Китае) лабораторий совместно с представителями УрО РАН и расширение спектра взаимодействия от научных исследований до реализации образовательных программ в сфере высшего образования. Однако, несмотря на успешный запуск и комплектацию кадрами высшей квалификации, отсутствие продолжающегося целевого финансирования, прямой поддержки со стороны министерств и изменившиеся условия финансирования вуза заставили существенно сократить деятельность центра до одной лаборатории. Несомненно, невзирая на впечатляющие показатели (было опубликовано больше 15 статей в высокоимпактных журналах и завершен один международный проект, подписано соглашение о сотрудничестве между Уханьским университетом и ЮУрГУ), практическая остановка деятельности центра не только не позволила добиться реализации амбициозных совместных планов, но и изрядно удивила китайскую

[1] *Sun Y., Cao C.* Op. cit.

[2] *Poo M.* Innovation and reform: China's 14th Five-Year Plan unfolds // Natl. Sci. Rev. 2020. T. 8, № 1.

[3] *Sun Y., Cao C.* Op. cit. P. 93.

сторону, привыкшую полагаться на долгосрочное планирование и поддержку со стороны государства.

В этой связи предложение о создании специализированного отдела в РАН, направленное на содействие сотрудничеству с Китаем посредством координации исследований, формирования баз данных проектов и исследований, создания параллельных или зеркальных лабораторий (в том числе в третьих странах для снижения геополитических рисков и санкционного давления), основано на нескольких стратегических соображениях. В первую очередь, эта инициатива признает растущее глобальное значение китайско-российского научно-технического сотрудничества, которое обещает принести значительные дивиденды в области инноваций, экономического развития и геополитического влияния. Также совместные усилия и синергетическое объединение ресурсов, экспертных знаний и инфраструктуры могут ускорить исследования и разработки, стимулируя инновации, которые недостижимы в одиночку. Эта синергия особенно актуальна в таких секторах, как информационные технологии, биотехнологии, возобновляемые источники энергии и освоение космоса, где обе страны стремятся занять нишу, независимую от западных технологических парадигм. Наконец, институционализация сотрудничества придаст дополнительный стимул китайским партнерам учитывать его как постоянный и действующий фактор.

В условиях меняющегося геополитического ландшафта укрепляющееся китайско-российское научное сотрудничество может служить основой для расширения стратегического партнерства. Это расширенное сотрудничество играет важную роль в укреплении взаимного доверия и понимания, закладывая прочную основу для противостояния общим вызовам и отстаивания единых интересов на международной арене. Объединив свои научные достижения, Россия и Китай могут внести существенный вклад в глобальные решения, тем самым повысив свой статус ответственных мировых игроков, нацеленных на преодоление коллективных человеческих проблем.

Создание специального отдела могло бы также проложить путь для культурных и образовательных обменов между научными сообществами обеих стран, способствующих не только исследовательскому сотрудничеству, но и укреплению долгосрочных связей между будущими поколениями ученых. Внедрение параллельных или зеркальных лабораторий помогло бы использовать взаимодополняющие сильные стороны обеих стран для создания передовых исследовательских центров, привлечения талантов мирового класса и дальнейшего совершенствования научного предвидения обеих стран.

В целом в контексте меняющегося глобального ландшафта растущее китайско-российское партнерство выходит за рамки традиционных геополитических альянсов, воплощая потенциал совместных научных и технологических разработок для решения проблем XXI века. Используя сильные стороны и возможности каждой страны, это партнерство обещает способствовать устойчивому развитию, технологическим инновациям и геополитическому равновесию. В то время как мир сталкивается с беспрецедентными вызовами, стратегическое сотрудничество между Китаем и Россией иллюстрирует острую необходимость совместных усилий, направленных на создание сбалансированного многополярного мирового порядка, тем самым прокладывая путь к более инклюзивному, устойчивому и процветающему глобальному сообществу.

Несмотря на то что каждая цивилизация обладает своим уникальным культурным кодом, сегодня мы живем в глобальном информационном пространстве, где доминирует английский язык, что ставит мир под влияние англосаксонской информационной парадигмы. В то же время Китай выделяется как особая цивилизация, характеризующаяся ценностно-смысловой структурой и уникальной рациональностью, которая ищет срединный путь. Именно это стремление является основой самоописания Китая как Срединного царства, подчеркивающего принцип гармоничного сосуществования его разнообразного населения. В этом ключе гармоничного существования отдельные страны также должны стремиться предлагать позитивные выверенные модели развития не только для себя, но и для остальных. В свое время Соединенные Штаты демонстрировали концепцию общества возможностей, в то время как Советский Союз отстаивал идеал социальной справедливости. Аналогичным образом Россия должна отстаивать принцип равноправного сотрудничества, в том числе и в научной сфере, и стремиться быть маяком стабильности и процветания. Это начинание требует признания и интеграции различных моделей развития, культур и традиций всех народов, базируется на достижениях науки и привносит уникальную перспективу в глобальный диалог о прогрессе и сотрудничестве.

В. А. Шамахов[1]

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ФУНДАМЕНТ ГЛОБАЛЬНОГО ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Процесс формирования современного многополярного мира неразрывно связан с диалогом культур и цивилизаций, в процессе которого происходит их взаимопроникновение и взаимообогащение в интересах всего человечества.

Общественные науки устанавливают неразрывное единство двух понятий — культуры и цивилизации, и если культура определяется в первую очередь как духовная основа развития цивилизации, то последнюю понимают прежде всего как материально-техническую базу, необходимую для развития культуры общества на каждом историческом этапе его существования. Можно также говорить о цивилизации как конкретной форме материализации культурной традиции общества.

И цивилизация, и культура являются синтезом материальных и духовных достижений общества, однако между ними есть различия. Во-первых, для развития культуры базовым является духовное начало, а формирование цивилизации опирается на материальное. Во-вторых, культура существует как способ самореализации индивидов, отражает проявление внутреннего мира отдельных людей — писателей, художников, композиторов, скульпторов, архитекторов, а цивилизация возникает и развивается исключительно на основе социального начала, отражает особенности конкретного этноса и условий его существования. В-третьих, культура основана на чувственно-эмоциональном переживании действительности творческими людьми, а цивилизация — на рационально-логическом осмыслении бытия, протекающем в общественном сознании. Наконец, культура, как правило, отражает особенности языка, обычаев, традиций отдельных народов, а цивилизация формируется как минимум в рамках национальных границ, а в большинстве случаев стремится преодолевать их.

Когда мы говорим о формировании российского государства-цивилизации, то имеем в виду, что цивилизационные особенности России формировались посредством интеграции культурного потенциала входящих в нее более чем 190 народов. При этом имперские традиции, обусловившие самобытность России, коренным образом отличают ее от классических империй Запада и Востока — Римской ли, Византийской, Британской или Германского рейха, а также империй, формировавшихся на территории Китая или Индии: все эти империи создавались через завоевание новых территорий, эксплуатацию и ассимиляцию присоединенных народов, присвоение и использование в своих интересах полученных природных ресурсов, и только Российская империя интегрировала в свой состав новые народы, делясь с ними существующим культурным богатством и научными достижениями, сохраняя их самобытность, не покушаясь на сложившийся уклад жизни и религиозные традиции и отказываясь от лицемерного понятия «бремени белого человека». Здесь надо заметить, что унаследовавший бóльшую часть территории Российской империи Советский Союз, хотя и не называл себя ее правопреемником, сделал для населяющих ее народов еще больше, создавая для многих из них собственную письменность, сохраняя языки малых народов путем составления словарей, не позволивших этим языкам затеряться во времени, и сберегая культурные ценности каждого этноса в краеведческих и этнографических музеях.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что теория «диалога культур» появилась именно в СССР во второй половине XX века благодаря философскому осмыслению понятия культуры в творчестве Михаила Михайловича Бахтина[2], а затем Владимира Соломоновича Библера[3], доказавших, что все культуры — как существующие внутри одной страны, так и ставшие отличительной особенностью разных стран и даже зародившиеся на разных континентах — ведут между собой непрерывный диалог, постоянно сообщаются друг с другом с целью взаимодополнения и взаимного обогащения.

С точки зрения М. М. Бахтина и В. С. Библера, в процессе диалога с носителями других культур и в индивидуальном, и в общественном сознании формируется необходимый комплекс знаний и умений понимания культурных кодов и символов, характеризующих каждую культурную традицию, позволяющих трактовать исторические события, понимать смысл происходящих в обществе явлений и процессов, формировать критерии их оценки и поведения людей, участвующих в оцениваемых событиях.

Диалог культур позволяет понимать, интерпретировать и осмыслять происходящие события не только с точки зрения привычного культурного кода, но и с альтернативных позиций. Субъектом диалога культур может быть не только отдельный человек, но и общество в целом, позволяющее общественному созна-

[1] Научный руководитель Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, генерал-полковник таможенной службы. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Военная безопасность России и ее информационная политика в эпоху цивилизационных конфликтов» (в соавт.), «Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации в эпоху противостояния цивилизаций» (в соавт.), «Профессионализм на государственной гражданской службе: технологии достижения» и др. Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ, Экспертно-консультативного совета при Законодательном собрании Ленинградской области, Президиума Общественной палаты Санкт-Петербурга. Награжден орденами Дружбы, Святого Владимира, Святого благоверного князя Даниила Московского III степени, орденом Льва Финляндии и др. Удостоен благодарности Президента РФ. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга.

[2] *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. ; *Он же.* Эстетика словесного творчества. М. : Худож. лит., 1979.

[3] *Библер В. С.* Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31–42 ; *Он же.* От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М. : Политиздат, 1990.

нию сформировать интеллектуальную парадигму понимания и интерпретации происходящих в мире явлений и процессов.

Благодаря диалогу культур оказываются возможными их взаимопроникновение и слияние, происходит взаимодействие культурных традиций внутри одной страны и реализуется духовное сближение разных стран и народов. Существование близких культурных особенностей и духовно-ценностных точек соприкосновения позволяет разным странам и народам, носителям различных религиозных традиций и общественных укладов лучше понимать друг друга и, самое главное, избегать разрушительных конфликтов. Взаимосвязи, складывающиеся между различными культурами и их носителями, позволяют им взаимно обогащаться. Изменения, возникающие в процессе этих отношений, в равной степени благотворно влияют на каждую культуру и соответственно обеспечивают дальнейшее развитие как локальной цивилизации, так и общечеловеческого цивилизационного сообщества.

Диалог культур способствует не только изменению сложившихся в разных странах систем культурных ценностей, но и появлению новых типов мировоззрения — как глобального, основанного на общечеловеческих ценностях, так и национально-ориентированного, опирающегося на интегрированную систему ценностей, сплачивающую все народы единой страны и представляющую собой результат их осознанного культурного взаимодействия. Ни одна культурная традиция не отрицает ценности жизни, семьи, детей, собственности. В процессе диалога культур отдельные ценности, характерные для одной культурной традиции, неизбежно становятся достоянием взаимодействующих с ней других культур.

Взаимопроникновение культур помогает расширять горизонты культурного сотрудничества носителей разных религиозных традиций и способствует их духовному сближению, углубляет их взаимопонимание. Так, например, мусульмане называют иудеев и христиан «людьми Писания», или «народами Книги», поскольку признают Писаниями, продиктованными Божественным разумом, и иудейскую Тору, содержание которой представлено в Коране как Таурат, ниспосланный Аллахом пророку Мусе, а в христианстве как Моисеево Пятикнижие, и ветхозаветный Псалтирь, содержащий псалмы Давидовы, представленный в Коране как Забур, полученный пророком Даудом, а в иудаизме как Тегилим, и, наконец, Евангелие: Инджиль у мусульман представляет собой переложение христианских евангельских текстов, а Иисус Христос предстает в исламской традиции как Иса ибн Мариам — пророк, степень почитания которого уступает только Мухаммеду. Знание только лишь этих истин позволит понять, что вражда между христианами, иудеями и мусульманами не имеет под собой религиозного подтекста, а из века в век подогревалась исключительно теми, кто получал от нее политическую или хотя бы финансовую выгоду.

Вместе с тем можно констатировать, что диалог культур не всегда протекает беспрепятственно, и очевидно, что мешают культурному взаимопониманию не только разнонаправленные системы ценностей, но и характерная для современного мира политическая поляризация, искажающая те ценности, которые могли бы сближать людей.

Так, моральные нормы, на которые в своем существовании опирается абсолютное большинство человеческих сообществ, признают человеческую жизнь в качестве одной из абсолютных ценностей, но в то же время в современном западном мире, который заявляет о себе как о единой цивилизации с единой системой ценностей, активно пропагандируется ценность эвтаназии, в качестве весомой причины для применения которой называют свободную волю человека, который просто разочаровался в жизни, хотя и не поражен смертельным недугом. Еще более чудовищным выглядит предложенная сотрудником Министерства по делам ветеранов Канады помощь в организации смерти с медицинским сопровождением парализованной женщине — капралу канадской армии в отставке и члену паралимпийской сборной Канады — в качестве альтернативы установке пандуса для более комфортного перемещения по дому, в котором она проживает[1].

Свобода, в том числе свобода воли человека, еще с XVII века признается одним из естественных прав человека, данных самой природой. С другой стороны, свободную волю человека как ценность начинают абсолютизировать, когда это становится выгодным для тех, кто специализируется на дорогих операциях по смене пола. Например, Министерство здравоохранения Норвегии дает право сменить пол детям уже в возрасте 7 лет. Правда, они обязаны посоветоваться по этому вопросу с родителями, но могут принимать окончательное решение по собственному желанию, и никакое психиатрическое обследование для этого не требуется[2]. В современной Дании ребенку разрешено менять пол с 12 лет[3]. И никто не задумывается, что произойдет, когда ребенок «поиграет» в смену пола и передумает. В Испании, согласно закону о гендерном самоопределении, любому человеку позволено менять имя и пол путем подачи простой заявки, без каких-либо справок от врачей о наличии медицинских показаний[4].

Одним из признаков демократии является приоритет воли большинства при соблюдении прав меньшинства. Но современная западная цивилизация сумела исказить в своей культурной традиции и этот принцип, когда защита воли меньшинства трансформируется в навязывание этой воли большинству. Теперь сексуальные меньшинства могут беспрепятственно пропа-

[1] В Канаде ветерану заботливо предложили убиться в ответ на просьбу установить пандус // Царьград : [сайт]. 2023. 8 окт. URL: https://dzen.ru/a/ZSLGNY35TDNeBr9y (дата обращения: 06.05.2024).

[2] *Фролов К.* Власти Норвегии разрешили детям менять пол с 7 лет без согласия родителей // Ридус : [сайт]. 2015. 30 июня. URL: https://www.ridus.ru/vlasti-norvegii-razreshili-detyam-menyat-pol-s-7-let-bez-soglasiya-roditelej-189855.html (дата обращения: 06.05.2024).

[3] *Ефимова А.* Это не болезнь: где дети могут менять пол без согласия семьи // Газета.ru : [сайт]. 2021. 16 марта. URL: https://www.gazeta.ru/social/2021/03/16/13513502.shtml?ysclid=lut0ib6u7l552018372 (дата обращения: 06.05.2023).

[4] *Цыцура К.* В Испании разрешили менять пол в документах с 16 лет // Взгляд. Деловая газета : [сайт]. 2023. 16 февр. URL: https://vz.ru/news/2023/2/16/1199608.html?ysclid=lut0n0mshu751489907 (дата обращения: 06.05.2024).

гандировать свой образ жизни, в том числе навязывая ложные ценности неокрепшим детским умам, но когда Венгрия установила законодательный запрет на такого рода пропаганду, она подверглась яростной критике со стороны остального европейского сообщества в целом и управленческих структур евробюрократии в частности[1].

Стоит ли удивляться, что во многих европейских странах и в США растет количество приверженцев сатанизма? И этот процесс становится закономерным проявлением ползучей тенденции постепенного отказа от христианских ценностей, которые на протяжении почти двух тысячелетий были основой европейской морали. Обращаясь к тезису о том, что «если Бога нет, то все дозволено», вытекающему из содержания романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»[2], мы понимаем, кому и зачем это нужно: отказ от устоявшейся системы моральных норм и ценностей не приводит к созданию новых аксиологических основ существования современного западного сообщества, а превращает его в послушный инструмент в руках «мировой закулисы», свидетельство тому — возрастающее количество наемников из западных стран, противостоящих бойцам СВО, и предлагаемые гражданам ряда европейских стран пробные сигналы политических лидеров о возможности использовать регулярные войска в чужой для них зоне боевых действий. Или уже не чужой, если встает вопрос о защите той системы ценностей, которая способствует расчеловечиванию?

В саге «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкиена[3] подобный процесс уже был описан: орки, ставшие злобной расой, не связанной никакими ценностями и служившей силам зла, были выведены из захваченных эльфов при помощи черной магии и не помнили своего происхождения. И теперь, получается, мы воюем против орков, которые называют орками нас! Точно так же не знали своего родства и турецкие янычары, которых воспитывали при дворе турецкого султана из числа христианских мальчиков, в раннем детстве отобранных у своих родителей, и которые становились безжалостными воинами, используемыми в карательных экспедициях против балканских народов, восстававших против Османской империи.

Вспоминая классика спортивного репортажа Н. Н. Озерова, можно перефразировать: такой диалог культур нам не нужен — он будет напоминать диалог зрячего с глухим, который упивается своей самодостаточностью.

Поэтому легко сделать вывод о том, что диалог культур возможен с теми, кто хочет вступать в такого рода диалог и у кого есть чем поделиться для приумножения общей системы ценностей. Можно говорить о том, что подобный диалог сегодня намечается у России со странами Глобального Юга, имеющими некоторый иммунитет от ложных ценностных ориентиров. Однако Глобальный Юг еще только встает на путь равноправного культурного взаимодействия и не всегда отделяет собственные национальные интересы от навязываемых извне. Своего рода лакмусовой бумажкой в этом смысле могут стать Игры Дружбы, проведение которых намечено в России на сентябрь 2024 года. Безусловно, тогда же мы увидим и представителей сохранившегося европейского культурного ядра, отказывающихся видеть в России своеобразного «коллективного Дрейфуса» XXI века.

Необходимо признать, что сегодня культура становится той «мягкой силой», которая способна объединять, а не разъединять страны и народы. Однако она должна дополняться такими инструментами, как политический суверенитет и чувство собственного национального достоинства. Важно понимать, что интенсивный обмен содержанием культурных традиций возможен только при сохранении ими своей самобытности, так как «клонированные» культуры не смогут друг друга обогащать и способствовать взаимному изменению.

Россия как государство-цивилизация уникальна тем, что интенсивный диалог культур внутри страны возможен и на межличностном уровне, когда в одном регионе или городе по соседству проживают носители разных культур, обогащающие систему ценностей и способствующие формированию мировоззрения молодого человека, проходящего первичную социализацию, и на межэтническом, когда во взаимодействие вступают гражданские общества тех субъектов Федерации, которые представляют собой национально-государственные образования: 24 республики, 4 автономных округа и 1 автономная область.

Диалог культур, позволяющий разным странам обогащаться за счет взаимного общения, творческого присвоения и трансформации достижений культуры, открывает возможности для понимания ценностей друг друга, что неизбежно будет способствовать снятию политической напряженности между государствами, станет залогом мирного и равноправного существования и развития всех стран в мире.

Благодаря диалогу культур усилится взаимопонимание между их носителями, появятся новые формы сотрудничества между различными культурами, что позволит в большинстве случаев избежать их противостояния. Диалог культур должен способствовать преодолению множества предрассудков и стереотипов, еще существующих во взаимоотношениях некоторых стран, народов, социальных групп и конфессий. Диалог культур неизбежно приведет к новому уровню культурного разнообразия в мире и обогащению каждой культуры через взаимное влияние и обмен фундаментальными ценностями. Поэтому сегодня необходимо формирование не «человека мира», а «человека культуры» в широком смысле этого слова, становящегося связующим звеном, необходимым для существования человечества во всемирном масштабе, для наступления того будущего, где отношения товарищества и братства между людьми уже не будут фантастикой.

Благодаря диалогу культур возможно появление новых объединяющих человечество культурных модификаций, поэтому он должен стать доминирующей формой культуры в XXI веке при условии перехода от конфронтации к сотрудничеству.

[1] *Иванов Г.* Будапешт идет поперек ЕС. Как венгры объявили войну гей-пропаганде // Аргументы и факты : [сайт]. 2021. 23 июня. URL: https://aif.ru/society/people/budapesht_idet_poperek_es_kak_vengry_obyavili_voynu_gey-propagande?ysclid=lut0cvr1sr286475043 (дата обращения: 06.05.2024).

[2] *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. М. : АСТ, 2022.

[3] *Толкиен Дж. Р. Р.* Властелин колец. М. : АСТ, 2023.

А. В. Шершуков[1]

ПРОФСОЮЗНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Одна из проблем, которую решают сегодня профсоюзы России, относится к феномену международной солидарности. Изначально, начиная с XIX века, профсоюзы при своей организации делали особый акцент на взаимопомощи, в том числе и в первую очередь — международной. Далеко не всегда (в отличие от большевиков) подчеркивалось, что «у пролетариата нет отечества». В конечном счете и у английских, и у французских, и даже у российских профсоюзов отечество было — просто на определенном этапе внутренние противоречия между трудом и капиталом в России обострились до того, что их разрешение стало возможно только силовым путем. И если мы сражаемся за справедливую оплату труда, то ищем любых союзников, которые могли бы нам в этом помочь. Если нет переговорных площадок, отсутствует полноценное трудовое законодательство, а против протестующих сразу вызывают войска, а не ведут переговоры, то должен же кто-то поддержать требования, которые по существу являются справедливыми? Именно таким образом была сформирована концепция международной солидарности. Она базировалась на утверждении, что если трудовые права работников в стране ущемляются, то им готовы будут оказать необходимую поддержку люди труда из других стран. В таком виде, сформулированная еще во времена Карла Маркса, концепция международной солидарности с разной степенью эффективности проработала до наших дней. В начале XX века, после Октябрьской революции и начала Гражданской войны, мир наблюдал скоординированные усилия западных профсоюзов по ограничению военных поставок для борьбы с Советской Россией. Конечно, это была реакция не только на военный конфликт между странами, но и на колоссальный социальный эксперимент, который начал реализовываться в огромной стране и был прорывом к более справедливому будущему для работников с точки зрения их трудовых прав и гарантий, которые фиксировались документально и были включены в законодательство. Западные профсоюзы видели практическую реализацию тех требований, которые они сами выдвигали многие годы, поэтому своими действиями они, по сути, поддерживали и Советское государство, и его профсоюзы.

Следующей вехой на пути международной солидарности стала Вторая мировая война. Не секрет, что одной из идеологических установок советского общества перед ее началом стало утверждение, что «немецкий пролетариат повернет штыки». То есть классовое единство в период вооруженного столкновения, как предполагалось, станет основанием для «превращения войны империалистической в гражданскую» (как провозглашали большевики в период Первой мировой) и прекращения конфликта. Но этого не случилось. Немецкие рабочие в подавляющем большинстве поддержали Гитлера и проигнорировали знаменитую международную солидарность. СССР пришлось выходить из положения так, как обычно справлялись воюющие государства, — переводом экономики на военные рельсы и армейскими операциями.

Послевоенное время внесло коррективы в мировой баланс политических сил, военные и экономические блоки, а также в международные профсоюзные расклады. В то время, когда формировался блок НАТО и — в качестве ответа — Организация Варшавского договора, возникли и аналогичные объединения профсоюзов разных стран. Первоначальное объединение профсоюзов, декларировавшее наднациональную солидарность, — Всеобщая федерация профсоюзов — раскололось вскоре после своего создания. Отделением американских, английских и части французских профсоюзов была создана Международная конфедерация свободных профсоюзов (МКСП), в которой вместо того самого «классового интереса» на первое место был выдвинут интерес политический. Выражаясь словами Джорджа Оруэлла, появились профсоюзы «более равные» или больше рассчитывающие на все ту же «классовую поддержку», которая, правда, теперь определялась не степенью прогрессивности трудовых норм, уровнем защиты или беззащитности работника, а «правильностью» или «ошибочностью» идеологических концепций. Это разделение продлилось до 1990-х годов.

Слом противостояния социальных проектов, связанный с крушением СССР, вызвал к жизни новый формат объединения профсоюзов. По сути, было сказано следующее: в мире определены экономические и социальные правила, и организации, отстаивающие права работников, для большей эффективности должны объединиться и вести дискуссию с мировыми контрагентами. Акцент дискуссий был перемещен на переговорные площадки Международной организации труда (МОТ), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и др. Как говорится, «размер имеет значение». Международная конфедерация профсоюзов, возникшая как объединение МКСП и ряда других профсоюзных центров — как общемировых, так и отдельных стран, стала реальной глобальной площадкой для обсуждения и решения профсоюзных вопросов на наднациональном уровне. Элементом международной профсоюзной сети стали вначале международные профсоюзные секретариаты, а затем и международные профсоюзные отраслевые объединения, влияющие на наднациональные отраслевые «центры принятия решений» (транснациональные корпорации) или лоббирующие изменения в конвенциях и рекомендациях МОТ, что в итоге оказывало влияние и на внутригосударственную нормативную базу.

[1] Заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, главный редактор Центральной профсоюзной газеты «Солидарность». Председатель Всероссийской политической партии «Союз труда» (2012–2020). Автор книг: «Россия: профсоюзы и рабочие организации» (1991, 1993), «КРО и Александр Лебедь» (1996), «Профсоюзная идеология» (2012, 8 переизданий), «Краткая история профсоюзов России» (2020), «Профсоюзная идеология 2.0» (2022).

Так прошел период глобализации. В это время не было проблем с возможным проявлением профсоюзной солидарности на международном уровне, как минимум на уровне деклараций. Однако начало специальной военной операции на Украине радикально изменило ситуацию. Неожиданно для российских профсоюзов выяснилось, что военный конфликт, в котором профсоюзы разных стран как минимум должны руководствоваться тем же «классовым интересом» и выслушивать аргументы разных сторон, не предполагает этого. Произошло четкое разделение на профсоюзы стран, безапелляционно и однозначно обвинивших Россию, и стран, которые в прошлом оказывались жертвами иностранных манипуляций, а значит, лучше разбираются в них. Можно понять, когда эмоции влияют на поведение толпы. Но крупная структура, а тем более наднациональная, должна более ответственно подходить к оценкам. Этого не произошло. Поддержка одной стороны и игнорирование мнения другой стали причинами приостановки членства ФНПР в Международной конфедерации профсоюзов.

Между тем объединение стран в формате БРИКС продолжается достаточно интенсивно. Несколько стран уже близки к тому, чтобы вступить в это объединение, и еще несколько десятков вполне реально задумались о таком формате сотрудничества. Вполне вероятно, что общность экономических интересов стран БРИКС приведет к началу объединения профсоюзов на этой платформе. Неизвестно, до какой степени и насколько основательно будет опущен нашими западными «партнерами» железный занавес в сотрудничестве профсоюзов, но вопрос международной солидарности трудящихся сейчас определенно рассматривается не только с точки зрения трудовых норм и гарантий. В известном смысле трагизм ситуации заключается в том, что солидарность стала заложницей политических решений и идеологических ограничений. Нет сомнения, что через определенное время произойдет воссоединение национальных профсоюзов в организации на межнациональном уровне. Но форма этого воссоединения пока неясна.

М. В. Шмаков[1]

МИРОВОЕ ПРОФДВИЖЕНИЕ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Однополярность — тип мирового устройства, при котором власть сосредоточена в одном центре — гегемоне. Распад СССР и социалистического лагеря в конце прошлого века означал крах биполярной системы международных отношений с ее нормами и правилами[2]. На какое-то время США остались единственной сверхдержавой и получили возможность решать международные проблемы по собственному усмотрению.

Многополярность предполагает наличие в мире нескольких полюсов силы, которыми являются наиболее могущественные державы, и является объективным отражением тенденций мирового развития. Ее фундаментом выступает рост экономического, военного, политического потенциала незападных держав и ослабление позиций США как глобального лидера.

Довольно полно меняющуюся международную действительность описывает британский эксперт Дэвид Благден. Он утверждает, что система международных отношений возвращается к многополярности, то есть к сосуществованию нескольких великих держав. Ученый объясняет феномен формирования многополярного мира смещением экономического потенциала с Запада на Восток, к новым промышленным центрам. С точки зрения исследователя, новая многополярность, скорее всего, будет включать великие державы разного уровня. По его мнению, к странам первого порядка следует отнести США, Китай и частично Индию. За ними в следующем порядке — Россия, Бразилия, Япония, Великобритания, Германия и Франция[3].

Американские исследователи Александр Кули и Дэниел Нексон утверждают, что экономический рост КНР, создание Россией и Китаем альтернативного порядка из ряда региональных институтов, потеря США «монополии на покровительство» малых государств способствуют угасанию гегемонии США в мировой политике и изменению международного порядка. Мно-

[1] Член Государственного Совета РФ, председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП. Автор публикаций по вопросам социально-трудовых отношений, социальной политики, теории и практики рабочего и профсоюзного движения, в т. ч. книг: «Профсоюзы России на пороге XXI века», «Без борьбы нет победы!», «За достойный труд», «Профсоюзные вести сквозь призму юмора» (в соавт.), «Бороться и побеждать», «Наша борьба», «Антология профсоюзной мысли» (в соавт.); учебных пособий для профсоюзных работников и активистов «Конфликты в трудовых коллективах» (в соавт.), «ФНПР в меняющемся обществе», «ФНПР в вопросах и ответах»; главы «Федерация независимых профсоюзов России» в книге «15 лет ВКП: взгляд в будущее» и др. Координатор профсоюзной стороны Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ. Председатель Совета попечителей, Почетный профессор Академии труда и социальных отношений, президент Института профсоюзного движения АТиСО. Член Правления Вольного экономического общества России, член Международного союза экономистов, Национального гражданского комитета по взаимодействию с правоохранительными, законодательными и судебными органами, член Центрального штаба общественного движения «Народный фронт „За Россию“» и др. Почетный президент Всеобщей конфедерации профсоюзов. Награжден орденами Дружбы, «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» II, III, IV степени, медалью «В память 850-летия Москвы», Золотым Почетным знаком «Общественное признание», Почетной грамотой Правительства РФ и др. Почетный профессор СПбГУП.

[2] См.: *Солуянов В. С.* Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. «Политология». 2021. Т. 23, № 3. С. 424–445.

[3] *Солуянов В. С.* Указ. соч.

гополярность в связи с этим рассматривается как один из возможных сценариев будущего[1].

Схожего мнения придерживается Хью Де Сантис, бывший высокопоставленный чиновник Госдепа США, а ныне профессор политики по международной безопасности. Он утверждает, что в формирующемся многополярном мире США будут играть роль одной из нескольких великих держав, определяющих структуру и правила международной политики, но перестанут быть единственным арбитром[2].

С принципиальным положением, утверждающим упадок гегемонии США и его взаимосвязь с развивающимся в сторону многополярности мира[3], согласен целый ряд исследователей из России[4], ЮАР[5], Италии[6] и Пакистана[7].

Главная причина наметившихся сдвигов в осознании новой реальности связана прежде всего с последствиями системного кризиса в мире.

Трудно отрицать, что Европа и мир в последние годы столкнулись не только с циклическими финансово-экономическими потрясениями, но и с чем-то более широким и глубоким, а именно — с системным кризисом. Он поколебал устои неолиберальных концепций, для которых характерны абсолютизация ничем не ограниченных рыночных отношений и явная недооценка роли госрегулирования в социально-экономической сфере.

Особенно выросло недовольство населения курсом правящих кругов Запада, направленным на сокращение социальных расходов, неэффективностью их мер по борьбе с возросшей безработицей и другими проблемами современного общества.

Этот феномен, как и в целом новейшие сдвиги в общественном сознании, ныне констатируют многие трезво мыслящие западные ученые. «Весьма распространенным, — как признают, например, известные политологи Дэвид Хелд и Кортни Юнг, — сейчас стало мнение о том, что финансовый кризис показывает несостоятельность неолиберальной идеологии с ее верой во всемогущество рынков и политики дерегулирования»[8].

Мир переживает переходный этап, и слово «неопределенность» выражает существо нынешних процессов: рушится старая система международных отношений, которая была создана много лет назад. Ясно, что в том виде, в котором она существовала раньше, когда пять великих держав во многом определяли ход мирового развития, сохранить ее невозможно[9].

Ширится процесс региональных, суб- и трансрегиональных взаимодействий в экономической, финансовой и коммуникационной сферах, который приводит к возникновению новых структур управления, взаимного проникновения и обогащения культур и цивилизаций.

Как отмечает российский ученый Владислав Солуянов в своей статье «Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций»:

— *«фундаментом многополярности должен служить рост экономического, военного и политического потенциала новых центров силы — государств и (или) их союзов;*

— *при этом становится явной невозможность для США продолжать играть роль гегемона на международной арене;*

— *становление относительного могущества новых центров силы и увядание гегемонии США будет способствовать проведению более независимой внешней политики с фокусом на реализацию собственных интересов»*[10].

Мировая история — это общий цивилизационный поток, в который включены все народы и страны со своей уникальной культурой, мировосприятием и историческим опытом. Это противоречивое единство и есть целостность мира — «E pluribus unum»[11] («единство в многообразии»). Оно определяет его жизнеспособность как сложной динамической системы.

Информационно-технологическая революция и глобализация сделали мир исключительно взаимозависимым и взаимосвязанным. Мировое сообщество сталкивается со все возрастающим количеством общих вызовов. Обстановка в мире стремительно меняется, и последующие годы будут еще богаче на политические потрясения.

Вывод о том, что западная цивилизация переживает глубокий кризис, общепризнан. На авансцену мировой политики выходят новые государства и группы стран с потенциалом глобального влияния, способностью к изменению баланса сил, вовлечению в историческое творчество миллионов. Это Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, исламский мир. Восток переживает модернизацию, и важно, что этот процесс происходит не по рецептам вестернизации, а движется своим уникальным путем[12].

В последнем десятилетии XX века с идеей столкновения цивилизаций выступил американский политолог Сэмюэль Хантингтон. Видный российский авторитет

---

[1] *Cooley A., Nexon D.* Exit from Hegemony: The Unraveling of the American Global Order. Oxford : Oxford Univ. Press, 2020 ; *Cooley A., Nexon D.* Why Populists Want a Multipolar World // Foreign Policy. 2020. URL: https://foreignpolicy.com/2020/04/25/populists-multipolar-world-russia-china (дата обращения: 20.04.2024).

[2] *De Santis H.* The Right to Rule: American Exceptionalism and the Coming Multipolar World Order. Lanham, Maryland : Lexington Books, 2021.

[3] *Солуянов В. С.* Указ. соч.

[4] *Сирота Н. М., Мохоров Г. А.* Полицентризм в контексте глобальной трансформации // Инновационные технологии нового тысячелетия : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. 2016. Т. 3. С. 170–175.

[5] *Rapanyane B. M.* The new world [dis] order in the complexity of multi-polarity: United States of America's hegemonic decline and the configuration of new power patterns // Journal of Public Affairs. 2020. e2114. DOI: 10.1002/pa.2114.

[6] *Valli V.* The American Economy from Roosevelt to Trump. L. : Palgrave Macmillan, 2018.

[7] *Muzaffar M., Yaseen Z., Rahim N.* Changing Dynamics of Global Politics: Transition from Unipolar to Multipolar World // Liberal Arts and Social Sciences International Journal. 2017. Vol. 1, № 1. P. 49–61. DOI: 10.47264/idea.lassij/1.1.6.

[8] *Тимофеев Т. Т.* Эволюция реформизма в кризисных условиях // Перемены в Европе: возможны ли альтернативные модели = Changes in Europe: are alternatives possible / под ред. Ал. А. Громыко, Т. Т. Тимофеева. М. : Ин-т Европы РАН : Рус. сувенир, 2012. С. 16–17.

[9] Там же.

[10] *Солуянов В. С.* Указ. соч. С. 430.

[11] Цицерон «Об обязанностях». I,17, 56: «...quod Pythagoras vult in amicitia, ut unus fiat ex pluribus» («...то, в чем Пифагор усматривает сущность дружбы, — чтобы из многих возникло единое»).

[12] *Тимофеев Т. Т.* Указ. соч.

в области теории международных отношений Павел Афанасьевич Цыганков считает[1], что Хантингтон стал одним из первых выразителей новой версии реализма, в соответствии с которой роль главных акторов мировой политики берут на себя цивилизации. При этом принципиальные положения реализма сохраняют свою силу. В условиях анархичной международной среды отношения между цивилизациями, как и между государствами, носят конфликтный характер, объясняемый многообразием и противоречием ценностей[2].

В современной российской политической мысли исследованиям цивилизационного фактора в трансформации мирового порядка уделяется особое внимание. В рамках данного направления такие исследователи, как, в частности, Б. Ф. Мартынов[3], С. Р. Аблеев, А. Л. Золкин, П. П. Марченя[4] и В. В. Попов[5]:

— соглашаются с многоцивилизационной основой многополярности;

— рассматривают евразийскую (то есть российскую) цивилизацию как полюс многополярного мироустройства;

— размышляют над содержательной стороной российской цивилизации[6].

В этом контексте нужно вернуться к вопросу о роли России в становлении новой многополярности. Как подчеркивают вышеупомянутые авторы, в цивилизационном плане Россия — успешная многоконфессиональная и многонациональная страна. У нас не было религиозных войн, русские никогда не жили одни на своей территории.

Мусульмане России, в отличие от Западной Европы, — коренные жители. Россия призвана сыграть роль цивилизационного моста в процессах создания многополярного мира. Д. И. Менделеев, в частности, писал, что Россия в состоянии выполнить роль примирителя Европы и Азии. Николай Александрович Бердяев не случайно употреблял в отношении России термин «Востоко-Запад».

Очевидно, что природа кризиса связана не только с сугубо экономическими факторами, но и с закономерностями более общего порядка — культурными и политическими традициями, особенностями трудовой этики и их сочетанием с современными формами организации производства.

Многое указывает на то, что на арену мировой истории выходят новые субъекты, способные на историческую инициативу и внедрение собственных социально-экономических и социокультурных моделей. Возможно, это и является главным вызовом современному человечеству, на протяжении последних столетий развивавшемуся в основном под влиянием центростремительных тенденций.

В целом достаточно оптимистично к происходящим трансформациям относится один из крупнейших современных теоретиков международных отношений профессор Амитав Ачария[7], для которого идеальный мировой порядок является продуктом взаимодействия и взаимного обучения между различными цивилизациями и государствами, а не столкновением между западной «либеральной цивилизацией» и незападными цивилизационными государствами. Эксперт не отрицает существования конфликтного потенциала, однако подчеркивает необходимость диалога, в основе которого лежали бы не только различия, но и ценности, объединяющие цивилизации[8].

Передовые модели политической организации смогли предложить высшую форму поддержания социальной стабильности и регулирования социальных конфликтов, не отменив конкуренцию культур, но предоставив им возможность реализовать свое фундаментальное свойство — образовывать конгломераты и взаимодействовать, не теряя при этом идентичности.

Как отмечают многие исследователи, успешные народы, сумевшие создать более комфортные условия проживания и более стабильный и длительный социальный мир, постепенно становятся точками притяжения и полюсами консолидации региональных пространств. Этот процесс особенно заметен на примере растущей региональной представительности такой мультирегиональной структуры, как БРИКС — нового пространства диалога культур и цивилизаций.

В прошлом главный источник собственного роста человеческая культура видела в экспансии, до определенного времени осуществлявшейся, как правило, насильственно. Но иногда она происходила добровольно за счет заимствования знаний, материальных орудий, навыков и умений, религиозных представлений, если они повышали комфортность жизни. Перетекание достижений культуры обеспечивало поступательное движение истории на протяжении тысячелетий, став важнейшим фактором развития.

Как показывает практика, исходная мотивация интеграционных процессов в Азии и Латинской Америке, как, впрочем, и в Европе, лишь отчасти лежала в сфере экономики. Не менее важным мотивом интеграционных устремлений является ощущение исторической близости, цивилизационного родства и основанного на этом доверия.

Изменения в мире в результате глобализации, признание жизнеспособности азиатских и других моделей, а также европейская интеграция во второй половине XX века показали, что на смену действующей модели истории приходит другая, признающая субъектность за несколькими мировыми центрами[9].

---

[1] *Цыганков П. А.* Тенденции классических парадигм в западной теории международных отношений // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 119–130.

[2] *Солуянов В. С.* Указ. соч. С. 432.

[3] *Мартынов Б. Ф.* Многополярный или многоцивилизационный мир? // Международные процессы. 2009. Т. 7, № 3 (21). С. 60–68.

[4] *Аблеев С. Р., Золкин А. Л., Марченя П. П.* Геополитические угрозы и суверенная Россия: столкновение цивилизаций нарастает? // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. № 1. С. 4–9.

[5] *Попов В. В.* Роль России как Евразийской цивилизации в формировании нового миропорядка // РСМД. 2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-rossii-kakevraziyskoy-tsivilizatsii-v-formirovanii-novogo-miroporyadka/ (дата обращения: 20.04.2024) ; *Он же.* Хрупкий, уязвимый и многополярный мир // РСМД. 2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/khrupkiy-uyazvimyy-i-mnogopolyarnyy-mir/ (дата обращения: 20.04.2024).

[6] *Солуянов В. С.* Указ. соч. С. 433.

[7] *Acharya A.* The Myth of the Civilization State: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order // Ethics & International Affairs. 2020. Vol. 34, № 2. P. 139–156. DOI: 10.1017/ s0892679420000192.

[8] *Солуянов В. С.* Указ. соч. С. 433.

[9] *Тимофеев Т. Т.* Указ. соч.

По мнению профессора Оксфорда Даце Джановска, «в целом западный мир потерял ви́дение будущего как неуклонного развития человечества в смысле управляемого движения к определенной идее хорошей жизни. В XX веке господствовала идеология прогресса как социалистического, так и капиталистического. Будущее обещало улучшение жизни, преодоление неравенства и бедности. Но новой идеологии кроме свободного рынка западные элиты пока не придумали»[1], — заключила она.

Ну что же, есть другая сила, способная дать альтернативный ответ на вызов создания такой идеологии. Она одновременно является трансрегиональной и надгосударственной.

Свой принципиально новый вклад в концепцию диалога цивилизаций в рамках построения многополярного мира призваны и реально могут внести профсоюзы как наиболее массовые и представительные объединения трудящихся всего мира. По сути, в совокупности своего многообразия они являются своего рода «цивилизацией» со своими общими целями, устремлениями и принципами.

У каждой эпохи есть своего рода «генетический код». Императив построения нового многополярного мира можно выразить одним словом — *«справедливость»*: именно ее больше всего не хватает сегодня миллиардам людей во всех регионах. Именно это моральное понятие способно разрубить узел экономических, социальных и экологических проблем, победить нищету, которая разъедает ткань общества на фоне небывалого прогресса технологий.

Справедливость лежит в основе достойного труда. Социальная справедливость должна стать главной чертой будущей сферы труда, в какие бы формы ни облекали ее новые технологии и способы организации производства.

Постулат справедливости должен стать константой ООН. Только комплексный и интегрированный подход к Целям устойчивого развития может привести эту организацию к выживанию и реальному прогрессу.

Международная организация труда (МОТ) должна стать точкой кристаллизации новой многосторонней системы, охватывающей Всемирную торговую организацию, Международный валютный фонд, Всемирный банк и другие мировые структуры[2].

Не будем забывать, что именно фактор трудовой деятельности делает человека гражданином. Поэтому, говоря о сфере труда, мы неизбежно затрагиваем вопрос об основах общественного устройства будущего — ни больше ни меньше.

Парадокс сегодняшнего дня заключается в том, что колоссальный рост мощностей глобальной экономики в принципе позволяет покончить с бедностью и, как никогда прежде, удовлетворить потребности людей.

Но нынешнее устройство общества основано на максимальной эксплуатации ресурсов планеты, включая подавляющую часть ее населения в качестве главного ресурса ненасытного стяжательства «абсолютного меньшинства» из списка Forbs.

Мы не живем в обществе равных возможностей, и риски одних оборачиваются доходами других. Гибкие и нестандартные формы занятости фактически перекладывают на плечи индивидуумов риски, которые раньше брали на себя частный бизнес и государство.

Уже сегодня многие транснациональные компании заявляют, что не несут ответственности за соблюдение норм МОТ в сквозных цепочках поставок, которые у самого своего истока теряются в городских джунглях слаборазвитых или авторитарных стран. Завтра нам скажут, что искусственный интеллект, сменивший человека-менеджера, «не обязан читать конвенции МОТ».

Наш мир меняется стремительными темпами, и потому крайне важно, чтобы инструменты, которыми мы пользуемся для защиты трудовых прав, менялись не менее быстро.

Первым шагом к этой цели должна стать ликвидация устаревших и искусственных разграничений между трудовыми правами и правами человека в целом. Трудовые права являются правами человека, а способность осуществлять эти права на рабочем месте — залогом того, что трудящиеся смогут воспользоваться и множеством других своих прав: экономических, социальных, культурных, политических и иных[3].

В понятие «достойный труд» профсоюзы включают устойчивый экономический рост. Он должен гарантировать каждому человеку достойную заработную плату, безопасные условия труда, справедливый уровень социальной защиты. Но во многих странах социально-экономическая политика правительств идет вразрез с социальной справедливостью[4].

В заявлении Всемирного конгресса Международной конфедерации профсоюзов, который состоялся в 2018 году в Копенгагене, подчеркивается, что *«социальная справедливость в послевоенный период никогда не была под большей угрозой, чем сегодня»*.

Чтобы ответить на эту угрозу, нам нужна модель развития, в основу которой были бы положены права трудящихся, достойный труд, справедливое распределение богатств, представительная демократия, гендерное равенство и социальная защита.

Решение этих задач требует «Общественного договора XXI века». Об этом мы не раз говорили на заседаниях Профсоюзного форума стран БРИКС — важного фактора развития новой многосторонности в профсоюзном измерении и гуманитарного развития человечества в целом.

---

[1] Почему мы потеряли будущее // РосБалт. URL: https://www.rosbalt.ru/moscow/2020/01/21/1823707.html (дата обращения: 20.04.2024).

[2] См. также: *Шмаков М. В.* Именно люди — вот главная ценность, ради которой стоит тратить наш творческий потенциал // Без формата. URL: https://saratov.bezformata.com/listnews/lyudi-vot-glavnaya-tcennost/75804544/ (дата обращения: 20.04.2024).

[3] Трудовые права — это права человека : докл. ООН // IndustriALL. URL: https://www.industriall-union.org/ru/doklad-oon-trudovye-prava-eto-prava-cheloveka-0 (дата обращения: 20.04.2024).

[4] По следам ВНОТ : выступление М. Шмакова // Охрана труда в России. URL: https://ohranatruda.ru/news/898/583110/ (дата обращения: 20.04.2024).

Расширяющийся Профсоюзный форум стран БРИКС является новаторским объединением «глобального большинства», направленного не на создание новых инструментов трансграничного диктата, а на равноправный поиск новых форм социальной гармонии и диалога особой цивилизации — мира людей труда.

Новым шагом в этом направлении призван стать XIII Профсоюзный форум БРИКС, который пройдет в Сочи в сентябре 2024 года.

Новой многополярности может и должно послужить новое взаимодействие независимых и суверенных профсоюзов как точек кристаллизации диалога цивилизаций на современном этапе.

Н. Эль-Шейх[1]

БРИКС: ДВИЖУЩАЯ СИЛА НОВОГО МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

В ходе глобальных структурных преобразований стратегические перемены обычно сопровождаются экономическими событиями, которые поддерживают их и в то же время отражают их глубину. Перед окончанием Второй мировой войны, в августе 1945 года, когда американцы сбросили ядерную бомбу на Хиросиму и Нагасаки, взорвалась «экономическая ядерная бомба», разрушившая мировой экономический порядок, основанный на плюрализме. В 1944 году Вашингтон заставил мир принять Бреттон-Вудскую систему, опирающуюся на три основных положения. Он воспользовался крахом европейских экономик и несостоятельностью правительств на фоне войны, чтобы завоевать гегемонию в мировой экономике. Хотя Москва и участвовала в Бреттон-Вудской конференции, она не присоединилась к соглашению, увидев в нем явное американское господство в предлагаемой экономической системе. Фактически Вашингтон на конференции доминировал: был принят американский «Белый план», который отражал только точку зрения и интересы Соединенных Штатов, и проигнорирован «Проект Кейнса», представлявший британские интересы.

После шести десятилетий тотальной американской экономической гегемонии мировой порядок фундаментально изменился на стратегическом и экономическом уровнях. После экономического кризиса 2008 года события ускоряются, и угроза господству Соединенных Штатов растет как в политическом, так и в экономическом плане. Увеличивается число недовольных и отвергающих однополярную систему во всех ее измерениях, включая экономическое. Растут требования к плюралистической глобальной системе, которая была бы более справедливой и стабильной и в большей степени учитывала бы интересы всех стран.

Объединение БРИКС стало началом и главной силой преобразований. БРИКС продвигает экономическую многосторонность и действует, опираясь на «три столпа», которые вместе представляют собой прочную триединую основу нового мирового экономического порядка.

Дедолларизация

БРИКС работает над тем, чтобы добиться полного отказа от доллара в торговле и коммерческих сделках путем постепенного перехода к использованию национальных валют. Доминирование одной валюты в торговле является беспрецедентным. Подъем Соединенных Штатов в начале XX века был связан с быстрым ростом американской экономики, ее стремлением превратить свою огромную мощь в глобальное политическое и стратегическое влияние, а также с проблемами конкурирующих европейских экономик после упадка из-за Второй мировой войны. Это позволило Вашингтону нарастить свой контроль над мировой экономикой. Для этого использовался ряд механизмов, среди которых самым важным и действенным оказалось внедрение доллара во все финансовые и коммерческие операции по всему миру. Более семи десятилетий доллар доминировал в международной торговле, поскольку в долларах оценивались все сырьевые товары, особенно нефть, а также акции и финансовые резервы. Денежные операции во всем мире были связаны с курсом доллара и процентной ставкой, определяемой Федеральной резервной системой США, что стало очевидно, когда последняя в феврале 2022 года начала повышать процентную ставку и уже сделала это 11 раз.

За последние два года страны БРИКС предприняли важные шаги к тому, чтобы положить конец глобальному доминированию доллара. В частности, между участниками БРИКС возросло число сделок в национальных валютах. Мир, похоже, готов строить отношения на таких «сейсмических» тенденциях и еще больше ускорить процесс дедолларизации, поскольку политики США продолжают использовать доллар в качестве оружия. События, сопровождавшие украинский кризис, придали мощный импульс этой тенденции, которая иначе могла бы развиваться десятилетиями. Россия серьезно работает над тем, чтобы полностью отказаться от доллара в торговле, а также при расчетах за российские энергоносители и вооружения. Доля национальных валют в международных сделках увеличилась и к концу 2023 года составила 65 % общего объема торговли России с зарубежными странами,

[1] Профессор факультета экономики и политологии Каирского университета, доктор политологии, член Египетского совета по иностранным делам. Автор ряда публикаций на темы международных отношений, в т. ч.: «Ближний Восток и муки мирового порядка», «Ислам и достояние человечества: несоответствие принципов и практик», «Арабский мир: неопределенность после „весны“», «Референдум по Курдистану: вызовы и последствия», «Какой сезон после „весны“? Три сценария для арабского мира» и др. Постоянная участница Международного дискуссионного клуба «Валдай».

а с основными торговыми партнерами — 70 %[1]. Европейские компании впервые расплачиваются за российский газ рублями. В январе 2023 года ЦБ РФ добавил девять валют в список валют, для которых устанавливается официальный курс обмена к рублю, в итоге их число достигло 43[2]. Благодаря расширению использования национальных валют в торговых операциях в России ускорились темпы дедолларизации, и рубль занял беспрецедентное экономическое положение в качестве международной ключевой валюты и валюты оценки стоимости.

Китай и Индия идут по тому же пути. В ноябре 2023 года доля взаимных сделок в юанях и рублях в общем товарообороте России и Китая достигла 95 %[3]. Индия начала расчеты с Россией в рупиях в декабре 2022 года. Тегеран и Москва также начали торговать с использованием рублей и риалов с июля 2022 года. То же самое можно сказать о Турции: экспорт из этой страны в Россию в лирах увеличился примерно на 400 %; в ноябре 2023 года импорт из России в лирах увеличился примерно на 150 %, а в рублях — на 260 %[4]. В июле 2023 года Индия также подписала соглашение с ОАЭ, позволяющее ей осуществлять торговые сделки в рупиях вместо долларов. В 2022–2023 годах объем двусторонней торговли между Индией и ОАЭ достиг 84,5 млрд долларов. Индия занимает третье место по импорту и потреблению нефти в мире. В 2022 году Центральный банк Индии предложил механизм расчета по внешнеторговым операциям в рупиях[5]. Все эти события отражают мировой тренд, выходящий за рамки деятельности группы БРИКС. Это растущая тенденция, поскольку многие страны потеряли доверие к доллару, который Вашингтон печатает в больших количествах без обеспечения золотом.

В ходе саммита БРИКС 22 июня 2022 года была достигнута договоренность о создании международной резервной валюты на основе корзины валют БРИКС. Новая валюта будет обеспечена золотом, что должно поддерживать ее ценность и способность конкурировать с долларом в международной торговле. Страны БРИКС увеличивают свои золотые резервы в ходе подготовки к созданию общей валюты. Банк БРИКС также разрабатывает единую цифровую валюту для стран группы. По словам руководителя департамента монетарной политики Банка БРИКС Ивандо Кассино, выпуск цифровой валюты будет проходить поэтапно, в течение 5–10 лет. Первоначально его можно использовать как инвестиционный инструмент, а затем и в деловых операциях.

Как показало исследование Международного валютного фонда, в четвертом квартале 2020 года доля долларовых резервов, принадлежащих центральным банкам всех стран мира, снизилась до 59 % — минимального уровня за 25 лет. В 2016 году МВФ включил китайский юань в качестве резервной валюты в корзину валют, входящих в специальные права заимствования, наряду с долларом США, евро, фунтом стерлингов и японской иеной. Центральные банки переходят к использованию китайского юаня в рамках мер по диверсификации своих валютных резервов. Это признак постепенного снижения доминирования доллара на фоне напряженности в мировой политике. По данным опроса, проведенного инвестиционной фирмой UBS среди 30 крупнейших центральных банков в период с апреля по июнь 2022 года, среди управляющих резервами в центральных банках доля тех, кто инвестирует или намерен инвестировать в юани, в течение 2022 года значительно возросла и составляет около 85 %. Ориентация на китайскую валюту значительно усилилась после того, как западные страны заморозили около 300 млрд долларов валютных резервов Москвы в рамках санкций, введенных против России. Опасения, связанные с инфляцией в США и усилиями Федеральной резервной системы по борьбе с ней, также подорвали доверие к доллару.

Утрата долларом статуса доминирующей мировой валюты неизбежно повлияет на экономику США, при этом Вашингтон утратит важный инструмент международного влияния, что является убедительным признаком перехода к новому многополярному экономическому порядку.

Альтернативные системы платежей и финансовых операций

Второй важный процесс — создание банковских и платежных систем, независимых от системы SWIFT, которую контролируют США. Страны БРИКС работают над интеграцией своих национальных систем платежей и финансовых операций — российской СПФС, китайской CIPS, индийской SFMS и бразильской Pix. К российской СПФС подключено более 159 иностранных организаций из 20 стран[6]. Китайская CIPS имеет обширную инфраструктуру с охватом 47 стран на всех континентах. Она ограничена только юанями. В мае 2023 года к CIPS подключились 30 российских банков из многих десятков подавших заявки[7]. Подключение российских банков к китайской банковской системе позволяет им осуществлять платежи напрямую, без необходимости прохождения переводов через западные банки. Это сильно упрощает торговлю между Россией и Китаем. Логистика, сроки платежей и поставок станут более предсказуемыми не только для крупных компаний, но и для малого и среднего бизнеса в России. Необходимо добиться бесперебойного движения

[1] Доля нацвалют во внешней торговле РФ по итогам 2023 года вырастет до 65 % // Интерфакс : [сайт]. 2023. 12 дек. URL: https://www.interfax.ru/russia/935855.

[2] Банк России начинает устанавливать официальные курсы рубля еще к 9 иностранным валютам // Банк России : [сайт]. 2023. 18 янв. URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=638096472718284108DATABASES.htm.

[3] 95 % торговых операций между Россией и Китаем прошли в рублях и юанях // РБК : [сайт]. 2023. 20 нояб. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/655b40d69a7947e7013c1967

[4] Россия и Турция увеличили использование нацвалют в двусторонней торговле // РБК : [сайт]. 2023. 25 нояб. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/656241a89a794716ef14560e.

[5] *Chaturvedi A.* India ties up with UAE to settle trade in rupees // Reuters : [сайт]. 2023. 15 июля. URL: https://www.reuters.com/world/india-ties-up-with-uae-settle-trade-rupees-2023-07-15.

[6] В ЦБ заявили, что к российскому аналогу SWIFT присоединились 557 участников // ТАСС : [сайт]. 2024. 16 янв. URL: https://tass.ru/ekonomika/19740461.

[7] *Заруцкая Н.* Косвенными участниками китайской системы CIPS стали 30 российских банков // Ведомости : [сайт]. 2023. 26 мая. URL: https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2023/05/26/976987-kosvennimi-uchastnikami-kitaiskoi-sistemi-cips-stali-30-rossiiskih-bankov.

денежных средств, поскольку задержки влияют на период доставки и логистические услуги. Поэтому альтернативные платежные системы имеют решающее значение для расширения сотрудничества, особенно с учетом выхода России, Ирана и ряда других стран из системы SWIFT. Однако при присоединении к китайской системе российские банки сталкиваются с затруднениями регулятивного и технического характера. Каждому банку необходимо индивидуально договариваться с китайской стороной и адаптироваться к требованиям CIPS, а для этого требуется установка программного обеспечения и обучение персонала.

18 апреля 2023 года было подписано соглашение, по которому Индия начала использовать российскую систему передачи финансовых сообщений СПФС для банковских переводов в Россию. В последние годы Резервный банк Индии (RBI) активно пытается вывести на международный уровень рупию и свои платежные системы. Предпринимаются решительные шаги. Один из двух важных меморандумов о взаимопонимании между RBI и Центральным банком ОАЭ, подписанных в середине июля, касался объединения соответствующих платежных систем с целью содействия использованию рупии и дирхама ОАЭ в эффективной двусторонней системе быстрых трансграничных проводок. Они также рассматривают возможность объединения систем передачи финансовых сообщений по платежам.

Альтернативные финансово-платежные системы доказали свою эффективность и безопасность, что подтверждается непрерывным ростом числа участников. Увеличение потребности в них является качественным сдвигом в процессе выхода стран из SWIFT и освобождение от давления и санкций, связанных с этой системой.

Альтернативные кредитные учреждения

Третьим значимым процессом является создание финансовых учреждений, альтернативных Международному валютному фонду (МВФ) и Всемирному банку (ВБ), в которых доминируют США.

Новый банк развития (НБР) и Пул условных валютных резервов (CRA) БРИКС были созданы в 2015 году на основе партнерства, а не гегемонии. Первоначальный акционерный капитал НБР составлял 50 млрд, а первоначальный уставный капитал — 100 млрд долларов. Взносы были распределены равными долями между учредителями НБР — Бразилией, Россией, Индией, Китаем и ЮАР. Уставом НБР предусмотрено, что ни один акционер не имеет права вето и члены группы БРИКС будут председательствовать по очереди. Ни одному учредителю не разрешается увеличивать свою долю в капитале и, следовательно, свою долю голосов без одобрения других учредителей. Совокупный капитал участников-учредителей при расширении банка за счет других стран не должен составлять менее 55 % общего капитала. Что касается CRA, то его уставный капитал достиг 100 млрд долларов. Из них Китай внес 41 млрд, Бразилия, Россия и Индия — по 18 млрд, Южная Африка — 5 млрд долларов. Таким образом, доля голосов Китая в группе самая большая, а это означает, что фактически Китай возглавляет ее.

Подход, цели и политика НБР радикально отличаются от подходов западных кредитных учреждений. МВФ и ВБ выдвигают политические и экономические условия получения кредитов с целью доминировать над странами и вмешиваться в их внутренние дела таким образом, чтобы это служило интересам США. Они предоставляют свои кредиты на определенных условиях, привязывая их к условиям структурной перестройки, либерализации цен, а также обменного курса национальной валюты, приватизации государственного сектора, сокращения государственных расходов и повышения налогов в целом, одновременно снижая их для крупных компаний, особенно иностранных. В отличие от западных учреждений, НБР и CRA стремятся поддерживать развитие, особенно инфраструктурное, и создавать широкие международные и региональные партнерства в области развития. Цель западных учреждений — навязать свою политическую и экономическую модель другим странам. Всемирный банк после своего основания предоставил Франции первый кредит в размере 250 млн долларов с условием, что в правительстве не будет коммунистов на постах министров. ВБ не одобрял выдачу кредита до тех пор, пока Франция не выполнила это условие. НБР же предоставляет кредиты и гарантии для проектов в области развития, а также является партнером в таких проектах. Что касается CRA, то он предположительно будет предоставлять краткосрочные кредиты, чтобы помочь странам преодолеть дисбаланс платежей и проблемы с ликвидностью, особенно в результате ухудшения обменного курса их валют в нестабильных международных условиях.

К концу 2022 года НБР предоставил кредиты на сумму 32,8 млрд долларов по 96 проектам в области развития в странах-участницах. Кредиты использовались в секторах транспорта, водоснабжения и водоотведения, экологически чистой энергетики, цифровой и социальной инфраструктуры, в том числе 6 млрд долларов было выделено на реализацию программы чрезвычайной помощи в борьбе с пандемией COVID-19 и два кредита по 1 млрд — на содействие восстановлению экономики Индии и Бразилии[1].

Такая практика побуждает многие страны присоединиться к НБР. Первая волна расширения членства произошла в 2021 году: в сентябре к НБР присоединились Бангладеш, ОАЭ и Уругвай, в декабре — Египет. Взносы новых участников составили менее 1 млрд долларов для Бангладеш, около 1,2 млрд — для Египта и 556 млн — для ОАЭ. Такие вклады укрепят капитал банка. Активы НБР, под обеспечение которых он может предоставлять кредиты, в настоящее время составляют около половины активов Всемирного банка. По данным веб-сайта CRA, это примерно одна десятая часть МВФ, кредитный потенциал которого достигает около триллиона долларов. Сообщается, что более 15 стран хотели бы присоединиться к Новому банку развития. Президент НБР Дилма Руссефф отметила, что банк

[1] Building a Leading Development Bank for Emerging Economies : Annual Report 2022 // New Development Bank : [сайт]. URL: https://www.ndb.int/annual-report-2022/pdf/NDB_AR_2022_complete.pdf.

в настоящее время рассматривает заявки и, скорее всего, одобрит прием только четырех или пяти государств.

В то же время в 2015 году Китай учредил Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). В общей сложности 92 страны вносят свой вклад в капитал банка в размере более 97 млрд долларов. Китаю принадлежит около 30 % его акций, Индии — 8,4 % и России — 6,5 %. Что поражает в отношении этого банка, так это широкое участие в нем стран Запада и их союзников, таких как Канада, государства Западной Европы, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия и др. В число весьма заметных исключений, не принявших участия, входят США и Япония. Банк считается альтернативой Азиатскому банку развития, который был основан в 1966 году и контролируется Вашингтоном и Токио, являющимися двумя крупнейшими акционерами. В нем участвуют 68 стран.

К трем описанным феноменам можно добавить четвертый — альтернативные структуры партнерства и сотрудничества, основанные на принципе обоюдной выгоды (win-win). Среди них самым известным является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), возглавляемый Россией, который считается одним из важных и перспективных экономических блоков в Евразии. Он включает Таможенный союз, Единое экономическое пространство и зону свободной торговли между пятью государствами-участниками: Россией, Беларусью, Казахстаном, Арменией и Кыргызстаном. Его общая площадь составляет 20,2 млн км^2, что обеспечивает крупный рынок с населением около 183 млн человек. Он направлен на углубление интеграции между государствами-участниками, включая формирование общих рынков газа, нефти и связанных с ними производных финансовых инструментов. Несмотря на пока недолгую деятельность (ЕАЭС начал работать в 2015 г.), многие страны проявили интерес к нему. Около 50 стран (в том числе Египет) выразили желание построить партнерство и зону свободной торговли с ЕАЭС[1].

Состоялось несколько раундов плодотворных переговоров относительно заключения соглашения о свободной торговле между Египтом и ЕАЭС. Можно выделить несколько факторов, которые поддерживают начало этого партнерства, но важнейшим является прочная база взаимных интересов. Египет представляет собой крупный рынок для стран ЕАЭС и основной транзитный узел для экспорта на африканские и арабские рынки. Он обеспечивает преимущество товарам ЕАЭС, в том числе таким важным, как пшеница, металлы, продукты химической промышленности, пластмассовые изделия, автомобили, тракторы. В то же время ЕАЭС служит «воротами» для египетского экспорта, в первую очередь продукции сельского хозяйства, фармацевтической индустрии, в страны Азии. Определены перспективные экономические сферы, в которых можно установить взаимовыгодные партнерские отношения, — сельское хозяйство, фармацевтическая промышленность, туризм, инфраструктура, текстильная промышленность, производство мебели и строительных материалов. Соглашение о партнерстве также будет способствовать развитию совместных инвестиций с учетом технической поддержки, которую ЕАЭС может оказать Египту в жизненно важных областях. Российская промышленная зона в Египте, которая является первой на Ближнем Востоке и в Африке, станет здесь точкой опоры.

Следует отметить также проект «Один пояс — один путь», возглавляемый Китаем. «Пояс» включает группу сухопутных маршрутов, связывающих Китай с Европой через Центральную, Южную и Юго-Восточную Азию. «Путь» — это еще и морская сеть, которая связывает Китай с крупными портами по всей Азии, побережьем Индийского океана, Ближним Востоком, Северной Африкой и Европой. Эта инициатива является грандиозным планом Китая по расширению экономического сотрудничества и инфраструктуры на континентах с помощью стратегических сухопутных и морских маршрутов. Проект действительно стал глобальным и помогает Китаю установить более тесные контакты с миром посредством инвестиций и инфраструктурных проектов в более чем 150 странах. В июле 2023 года общий объем инвестиций в рамках инициативы превысил 1 трлн долларов, что открывает широкие возможности для развития многих стран.

Структурные изменения в экономике всегда служили основанием для долгосрочных стратегических изменений. В мире происходят небывалые преобразования, которые оказывают глубокое влияние на структуру международной экономической системы. Несмотря на сопротивление Америки при поддержке Европы, поезд перемен под управлением БРИКС уже отправился, и он неизбежно достигнет своего пункта назначения с установлением более справедливого и равноправного плюралистического мирового порядка.

[1] Порядка 50 стран выразили желание сотрудничать с ЕврАзЭС // РИА Новости : [сайт]. 2017. 25 янв. URL: https://ria.ru/20170125/1486437550.html.

ДИСКУССИЯ

Выступающие: :

И. О. АБРАМОВА	директор Института Африки РАН (Москва), член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
И. И. БУЗОВСКИЙ	заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук
О. Ю. ВАСИЛЬЕВА	президент Российской академии образования (Москва), академик РАО, доктор исторических наук, профессор
Е. Г. ДРАПЕКО	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по культуре (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, Заслуженная артистка РСФСР, профессор СПбГУП (1994–1999)
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
М. В. ЗАХАРОВА	директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, кандидат исторических наук
А. КРУК	основатель и директор аналитического центра Conflicts Forum (Лондон, Великобритания)
А. С. МАКСИМОВ	председатель Комитета по науке и высшей школе Санкт-Петербурга
В. В. НАУМКИН	научный руководитель Института востоковедения РАН (Москва), академик РАН, доктор исторических наук, профессор
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ	генеральный директор Государственного Эрмитажа, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, Почетный доктор СПбГУП
О. РОКПЛО	профессор Университета Сорбонна (Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук
Н. В. СТАРИКОВ	писатель, журналист, политик (Санкт-Петербург)
А. ТРИГУНАЯТ	Посол Индии в Иордании и Ливии, Верховный комиссар на Мальте (2012–2016), Почетный сотрудник аналитического центра Международного фонда Вивекананды
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	заместитель президента и член Президиума РАН (Москва), академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
М. В. ШМАКОВ	член Государственного Совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, Почетный профессор СПбГУП
А. В. ЯКОВЕНКО	ректор Дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ (Москва), заместитель министра иностранных дел РФ (2005–2011), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Великобритании (2011–2019), доктор юридических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, по сложившейся традиции мы открываем Чтения выступлением Михаила Борисовича Пиотровского. Дело в том, что после ухода из жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева мы с Даниилом Граниным обратились к Президенту Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину с письмом, в котором просили увековечить память выдающегося мыслителя и философа. Владимир Владимирович в 2001 году выпустил Указ, в котором поручил Конгрессу петербургской интеллигенции (а мы с Даниилом Александровичем были в числе его основателей) и нашему Университету проводить Международные Лихачевские научные чтения (до этого у нас ежегодно проходили Дни науки, которые основал академик Лихачев). Председатель Конгресса — Михаил Борисович Пиотровский, поэтому вполне закономерно, что именно ему принадлежит первое слово на Лихачевских чтениях.

Итак, на трибуну приглашается директор Государственного Эрмитажа, Почетный доктор СПбГУП Михаил Борисович Пиотровский.

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ: — Дорогие друзья, спасибо огромное всем, кто поддерживает дух Лихачевских чтений, память о личности и наследии Дмитрия Сергеевича и атмосферу интеллектуальной активности, которую он создал и которая продолжает жить в стенах этого замечательного Университета.

Один из важнейших документов, разработанных академиком Лихачевым совместно с учеными СПбГУП, — Декларация прав культуры. Сегодня он во многих аспектах стал еще актуальнее, чем в те годы, когда создавался.

В наши дни во многих местах на планете идут военные действия, из-за которых страдает и культура. Кроме этого, во всем мире отмечается мощная тенденция, получившая название «отмена культуры», и ее частью стала отмена русской культуры. Музеи объявляются ненужными и вредными, а право на культурные заимствования считается агрессией, а не рычагом развития культуры. В этом контексте, хотя упомянутая мной Декларация до сих пор не превратилась в нормативный документ, она может стать сильным интеллектуальным аргументом, поэтому мы должны еще громче заявлять о правах культуры.

Немалую часть своей жизни Дмитрий Сергеевич Лихачев посвятил защите памятников культуры. Сегодня эта деятельность не менее необходима, чем раньше, — и из-за обстановки в мире вообще, и в связи с тем, что нам приходится защищать, например, памятники христианской культуры на Ближнем Востоке, в частности в Сирии. А здесь, в Петербурге, продолжается острая дискуссия о новом законе, касающемся зон охраны памятников культуры. Этот закон имеет большое значение не только для нашего города, но и для всей России, да и для других стран, потому что во всем мире сейчас думают о том, как сохранять культурное наследие и в то же время не возводить барьеров для дальнейшего развития среды обитания человека, не мешать наступлению будущего.

Не так давно в мировой культурной жизни стала актуальной концепция культурного суверенитета. О чем идет речь? Многополярный мир означает не только политический суверенитет стран, но и суверенитет культур, который, тем не менее, должен сочетаться с культурным единством мира. Такое единство необходимо для того, чтобы в дальнейшем развитии народы мира строили свои отношения на основе взаимного уважения и понимания. На этом пути нам требуется соответствующая теория и философия, а за практическим воплощением мы можем обратиться к опыту Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Европейского союза и других многокультурных объединений. Понятно, что прежняя практика требует переосмысления с учетом новых реалий, и сейчас происходит выработка необходимых решений. Думаю, что наши дискуссии в рамках нынешних Лихачевских чтений, например о дальнейшем экономическом и культурном сотрудничестве государств — членов БРИКС, будут этому способствовать. В России имеются матрицы, позволяющие выдвигать свои предложения и рецепты. Одной из таких матриц является музей. Например, Эрмитаж — настоящая энциклопедия мировой культуры, написанная на русском языке, — наглядный пример сочетания национальных и мировых ценностей. А вчера я посмотрел новую версию фильма Александра Николаевича Сокурова «Солнце». В фильме, как и раньше, показана жизнь японского императора Хирохито в последние дни Второй мировой войны, перед самой капитуляцией, но обновленная лента в большей степени стала просветительским произведением о различных культурах и о культурном суверенитете, следствием которого может стать разворачивание или, наоборот, прекращение военных действий.

В Эрмитаже за последнее время мы осуществили два проекта, которые, как мы полагаем, одобрил бы Дмитрий Сергеевич Лихачев. Первый — выставка художественного наследия старообрядцев Поморья. Это грандиозная экспозиция, посвященная Выговской старообрядческой пустыни, крупнейшему духовному и культурному центру Поморья. Среди экспонатов — разные виды выговского искусства: иконы, рукописные книги, медное литье, резьба по дереву и др. Духовную историю допетровской России высоко ценил академик Лихачев. Второй проект — тоже выставка, показанная и у нас, и в Москве, и готовили мы ее вместе с московскими коллегами. На этот раз посвященная «Салонам» Дени Дидро — это уже эпоха Просвещения и мировая культура, которая тоже была очень важна и ценна для Дмитрия Сергеевича. Так что мы стараемся по всем направлениям делать то, что было бы интересно одному из величайших российских ученых и гуманистов.

Желаю всем нам успешных Лихачевских чтений, интересных идей и плодотворных дискуссий.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, в зале установлено несколько видеокамер, и сейчас идет прямая телевизионная трансляция по федеральному каналу «Научная Россия».

От имени одного из учредителей Международных Лихачевских научных чтений — Российской академии наук — предоставляю слово академику РАН, Почетному доктору нашего Университета Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Уважаемые коллеги, участники Лихачевских чтений, позвольте приветствовать вас от Президиума Российской академии наук и ее президента Геннадия Яковлевича Красникова.

Сегодня, 12 апреля, в России отмечается День космонавтики. В этот день в 1961 году впервые в истории человечества был совершен пилотируемый космический полет — свидетельство огромных успехов отечественной науки, в том числе ученых Академии наук СССР, правопреемницей которой является Российская академия наук.

В этом году Лихачевские чтения посвящены международному объединению БРИКС как пространству культурного диалога. В связи с этим мне хотелось бы сказать несколько слов о том, как продвигается наше сотрудничество с коллегами из Китая.

Осенью этого года исполняется 75 лет нашим дипломатическим отношениям с Китайской Народной Республикой, которая была учреждена в 1949 году. Прак-

тически одновременно была создана Китайская академия наук, причем за основу организации науки в своей стране китайцы взяли опыт СССР. Мы сотрудничаем, по многим направлениям работаем сообща. В последние годы китайская наука вырвалась в мировые лидеры. Мы проводим совместные конференции и съезды, создаем научные центры. Так, уже четыре года работает Научно-образовательный Российско-китайский центр. Пандемия коронавируса побудила нас объединить усилия, и мы вместе изучали способы профилактики и новые методы лечения.

Тем не менее главное сейчас — обеспечить безопасное будущее человечества. Между тем все прогнозы говорят о том, что XXI век с большой вероятностью станет веком вирусных инфекций. Причины — экологические проблемы, беспрецедентный антропогенный пресс, загрязнение атмосферы.

Человечество должно проявить решимость и предпринять определенные действия, чтобы в дальнейшем избежать смертельных угроз, связанных с вирусом. Поэтому сейчас многие вспоминают учение академика Вернадского о ноосфере. Из техносферы, которую человечество создало за последние 250 лет, мы должны вернуться в биосферу. Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил, что прошлое — это проект будущего. Поэтому надо научиться вглядываться в прошлое, чтобы взять из него положительное и полезное и впредь не допускать ошибок, которые мы совершили по неведению.

Мы с огромным интересом и радостью всегда приезжаем в Петербург, чтобы принять участие в Лихачевских чтениях в Гуманитарном университете профсоюзов: они неизменно проникнуты просвещенным разумом. Эту важную и прекрасную традицию заложил Дмитрий Сергеевич Лихачев и успешно продолжает Александр Сергеевич Запесоцкий.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Валерий Александрович. Слово предоставляется члену Госсовета РФ, председателю Совета попечителей нашего Университета Михаилу Викторовичу Шмакову.

М. В. ШМАКОВ: — Добрый день, уважаемые коллеги! Лихачевские чтения, которые проводятся в СПбГУП уже в 22-й раз, неизменно привлекают внимание всей страны и Президента России. Поэтому позвольте мне зачитать приветствие Владимира Владимировича Путина участникам XXII Международных Лихачевских научных чтений.

«Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия XXII Международных Лихачевских научных чтений. Ваши встречи, ежегодно собирающие в Санкт-Петербурге известных ученых, деятелей культуры и искусства, политиков и дипломатов из разных стран, дают хорошую возможность для содержательных, конструктивных дискуссий. Тем более что в повестке дня Чтений неизменно присутствует широкий спектр вопросов, касающихся основных тенденций развития современного общества — как на национальном, так и на международном уровне.

Нынешние Чтения посвящены месту и роли БРИКС на мировой арене. Выбор такой темы особенно актуален в свете председательства России в этом авторитетном и влиятельном объединении, обеспечивающем эффективную совместную работу государств-участников во многих сферах на основе принципов равноправия, уважения и взаимного учета интересов.

Рассчитываю, что вы обстоятельно на высоком экспертном уровне обсудите перспективы развития БРИКС, а ваши идеи и инициативы помогут освоить новые формы и направления взаимовыгодного многостороннего сотрудничества — на благо наших стран и народов, в интересах построения более справедливого, безопасного и благополучного миропорядка.

Желаю вам плодотворного общения и всего самого доброго».

Еще 10 лет назад мы говорили о переходе к многополярности как о возможной и наиболее вероятной тенденции развития всего человеческого сообщества. Сегодня это реальность, с которой приходится соотносить все наши решения и действия. Переход к многополярному миру ускоряется и интенсифицируется, и одним из важнейших факторов этого процесса являются военные действия, которые ведутся сегодня в разных странах. Очаги конфликтов локализуются на Украине и на Ближнем Востоке, и мы надеемся, что они не разрастутся до масштабной мировой войны.

Между тем ряд государств не так давно отметил круглую дату — 120-летие с момента образования Антанты — первой в истории военной коалиции разных стран. Сегодня тоже идет серьезное разделение на коалиции. 54 государства выступают против России и желают нам поражения на поле боя, но остальные, и их большинство, если и не поддерживают нашу страну в этом противостоянии, то по крайней мере не соглашаются с тем противостоянием, которое навязывают нам эти 54 страны. Их враждебное отношение к России, ставшее причиной многих войн на протяжении нескольких сотен лет, преследует прежние цели: продолжить свою колониальную политику, «отнять и поделить». В последние 30–50 лет мы относились к их возможной агрессии как к теоретическому допущению, но сегодня столкнулись с ней на практике. К сожалению, для нашей страны происходящее является смертельной угрозой, и у нас нет другого пути, кроме как побеждать и защищать свой суверенитет и право на жизнь.

Что касается БРИКС, то это действительно растущий и уже очень мощный центр развития мировой экономики и политики (в этом году под председательством России). Профсоюзы нашей страны принимают активное участие в подготовке XII профсоюзного форума БРИКС, который состоится в сентябре этого года в Сочи. На нас ложится особая ответственность за его проведение по намеченной программе. Но главное, что мы стоим на пороге создания большого международного профсоюзного альянса БРИКС. Вероятно, этот альянс объединит профсоюзы всех 10 стран, входящих в настоящее время в БРИКС, а также, возможно, и тех, которые хотели бы присоединиться к этой международной организации в скором будущем. Так что нам предстоит большая работа, и я уверен, что у нас все получится.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Благодарю Вас, Михаил Викторович. Уважаемые коллеги, напоминаю, что одним из соучредителей Лихачевских чтений является Российская академия образования. С большим удовольствием предоставляю слово президенту РАО, профессору Ольге Юрьевне Васильевой.

О. Ю. ВАСИЛЬЕВА: — Уважаемые коллеги, мы живем в быстро меняющемся мире, и год от года скорость перемен растет. Но в этом бешеном темпе жизни мы стали все отчетливее понимать, что самое важное для нас — сохранить свою идентичность и традиционные ценности. Как закономерное следствие, на первый план выходит система образования, которая начиная с детского сада играет ведущую роль, прежде всего, в социализации подрастающего поколения, будущих граждан. Образование теснее всех остальных сфер жизни связано с цивилизационной моделью общества, поэтому так различаются подходы к целевым установкам систем образования в разных странах на разных исторических этапах. Мы знаем, что цивилизации могут разрушаться, но если при этом остаются сохранными ценности и традиции образования, то возрождение становится возможным. История знает и другие примеры, когда цивилизация гибнет именно из-за того, что при общем кажущемся благополучии утрачиваются ценностные ориентиры, которые всегда лежат в основе образования. Поэтому сегодня, как никогда прежде, мы должны рассматривать отечественную систему образования в первую очередь с точки зрения исторического опыта и целей, которые мы ставим перед страной. А значит, надо с осторожностью подходить к тем нововведениям, которые основаны на чуждых нам принципах.

Мы возрождаем нашу традиционную систему образования, которая успешно работала много десятилетий. Кстати, хочу напомнить, что перед тем как европейские страны начали присоединяться к Болонскому процессу, Ассоциация европейских университетов возражала, выдвигала аргументы против этого. Мы должны сделать выводы не только из своего, но и из чужого опыта, то есть принять тщательно продуманные, взвешенные стратегические решения, которые будут способствовать совершенствованию российской системы высшего образования. Такие решения нам жизненно необходимы.

Насущные задачи высшего образования сегодня — подготовка кадров высшей квалификации, которые обеспечат долгосрочные потребности страны, прежде всего экономические. В мае 2023 года Президент России подписал указ о реализации пилотного проекта постепенного возвращения к традиционной модели высшего образования. Переходный период будет продолжаться до 2026 года, то есть в течение трех лет.

К организации высшего образования на всех его этапах надо относиться очень ответственно. Так, подготовка инженерно-технологических кадров, все ее составляющие — фундаментальная, практическая и воспитательная — должны подкрепляться связями с работодателем. Мы должны обеспечить высокий профессионализм выпускников вузов, а главное — воспитать в них высокую гражданскую ответственность.

В память о президенте одного из ведущих российских вузов Людмиле Алексеевне Вербицкой, которая много лет возглавляла Санкт-Петербургский государственный университет, Российская академия образования в этом году учредила медаль «Наставник в науке», которая вручается нашим коллегам из всех отраслей знания, работающим со студентами и аспирантами не менее 10 лет. Таким образом в рамках государственного задания мы активно включились в процесс воспитательной деятельности в высших учебных заведениях. Считаем такой подход грамотным, потому что воспитание — это не только наука, но и в огромной степени искусство. Только объединив наши усилия, мы вместе сможем достичь тех результатов, о которых так много говорим.

14 марта Президиум РАО принял решение наградить Александра Сергеевича Запесоцкого медалью Кирилла и Мефодия Российской академии образования. Она присуждается за особые заслуги, которые мы сформулировали следующим образом: «За значительный вклад в развитие научной и образовательной деятельности». Уважаемый Александр Сергеевич, прошу Вас принять эту важную для нас награду.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, мне очень приятно получить эту награду от Российской академии образования. Хотя я уже являюсь кавалером ряда высоких наград РАО (медали К. Д. Ушинского, Золотой медали РАО и др.), эта медаль имеет для меня особое значение.

Дело в том, что в начале 1990-х, в очень сложный период для страны и высшей школы, ко мне обратились сотрудники нашего Университета с необычной просьбой — освятить СПбГУП.

Освящать Университет мы пригласили замечательного человека, с которым я потом подружился, а еще позднее окрестил у него своих дочь и внука, — отца Богдана, настоятеля Николо-Богоявленского собора. После трогательной церемонии освящения, которая состоялась 24 мая 1992 года, дела вуза наладились: мы достроили здание, вложив в него в 1990-е годы 30 млн долларов, заработанных СПбГУП.

Дата 24 мая была выбрана не случайно. Это день основателей русской письменности, святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, общероссийский праздник. По предложению академика Д. С. Лихачева с 1993 года мы празднуем этот день как начало нового этапа жизни профсоюзного вуза — в статусе Университета. В программу празднования в соответствии с лихачевской концепцией обязательно входят выставка научных трудов нашего коллектива и научная конференция, которую Дмитрий Сергеевич мыслил как «Дни науки в СПбГУП» (позднее переименованные в Лихачевские чтения). То есть мы нашли свой путь, который объединяет верующих и неверующих.

Считаю своим долгом сказать, что не только Российская академия образования, но и Российская академия наук не обошла вниманием заслуги нашего учреждения. Недавно президент РАН Г. Я. Красников отметил наши достижения Почетной грамотой Российской академии наук.

Сейчас я хочу пригласить на трибуну представителя Министерства иностранных дел РФ, которое является соучредителем Лихачевских чтений, ректора Дипломатической академии МИД России, профессора Александра Владимировича Яковенко.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Дорогие друзья, Лихачевские чтения всегда были связаны с внешней политикой и дипломатией. Именно поэтому в те далекие годы, когда учреждался этот форум, МИД принял самое активное участие в этом значимом начинании.

Александр Сергеевич не упомянул еще об одном важном моменте. С 2008 года совместно с МИД России осуществляется Дипломатическая программа Чтений «Международный диалог культур», в рамках которой выступают послы иностранных государств, излагая свои взгляды на важнейшие проблемы нашего времени. Иностранные послы, аккредитованные в Москве, подпитывают интеллектуальную мысль этого научного форума.

В своем выступлении выделю две мысли, которые так или иначе связаны с внешней политикой.

Первая — 31 марта 2023 года Президент России В. В. Путин утвердил новую Концепцию внешней политики РФ. Главное в этой концепции заключается в том, что Россия впервые определилась как самобытное государство-цивилизация. Если перевести с языка внешней политики на нормальный русский язык, это означает, что мы больше не будем встраиваться в западную систему координат — то, что мы делали на протяжении 30 лет, поддавшись известному романтизму. Мы думали, что Запад поменяется и в результате будет создана более справедливая система международных отношений. Но этого, к сожалению, не произошло. И все, что мы видим сегодня на Украине, является свидетельством этого.

Должен сказать, что Концепция внешней политики уделяет большое внимание диалогу культур. Также хочу подчеркнуть, что мы не отвергаем европейское наследие. В концепции недвусмысленно говорится о глубоких исторических связях российской культуры с традиционной европейской культурой, что отнюдь не то же самое, что западная цивилизация или романо-германская Европа.

Вторая мысль имеет непосредственное отношение к внешней политике и международным отношениям — мир сегодня разделился на две части: Мировое большинство (примерно 140 стран), к которому причисляет себя Россия, и глобальное западное меньшинство (порядка 50 государств), в основном страны НАТО, Евросоюза, Япония, Австралия, Новая Зеландия и др.

Чем отличается политика Мирового большинства и глобального меньшинства?

Первое отличие — отношение к международному праву. Мировое большинство выступает за разработку и соблюдение международного права. Это значит, что договоренности должны вырабатываться совместно и все должны следовать им. Что касается глобального меньшинства, то здесь была изобретена англосаксонская формула — мир, основанный на правилах. Ее суть заключается в том, что небольшая группа западных государств изобретает правила, которые потом навязываются другим странам. В любой момент правила могут измениться, что мы сегодня можем наблюдать на многих примерах.

Второе отличие — отношение к частной собственности. Парадокс заключается в том, что страны мирового большинства выступают за уважение права частной собственности. В то время как глобальное меньшинство — страны Запада — это право не уважают, что проявляется в экспроприации активов не только нашей страны, но и Афганистана, Сирии, Венесуэлы. Они в любой момент могут отобрать деньги, причем не только у государства, но и у физических лиц.

Третье отличие — отношение к традиционным ценностям. Страны Мирового большинства уважают традиционные ценности. Они могут быть разные, но в основе всегда лежит уважение. В то время как западные страны, к сожалению, такого уважения не проявляют. И то, что мы наблюдаем сегодня в Западной Европе, — по большому счету вакханалия.

Названные элементы важны для российской внешней политики. И вопросы, которые обсуждаются сегодня в рамках БРИКС, являются отражением этих тенденций.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Выступления продолжит наш гость из Белоруссии. Должен сказать, что белорусская делегация на этих Лихаческих чтениях — самая многочисленная: в форуме принимают участие семь человек, в первую очередь из Белорусского государственного университета, с которым много лет назад СПбГУП заключил договор о сотрудничестве. Слово предоставляется заместителю министра информации Республики Беларусь Игорю Ивановичу Бузовскому.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Недавно в рамках системы образования Беларуси мы провели исследования (это норма для нашего образовательного процесса), посвященные ценностной составляющей, которая концептуально отражает ситуацию не только в Республике Беларусь, но и на всем бывшем постсоветском пространстве.

Анализ учебно-образовательного процесса позволил сделать выводы о том, каким образом организован воспитательный процесс в системе высшего и среднего образования. Результаты удручают. Приведу один показатель: 43 % родителей показали недопонимание воспитательных задач и целей, которые реализуются в системе образования, то есть фактически непонимание категорий, которые мы определяем как ценности.

Это исследование можно проецировать на все общественно-политические процессы, которые происходят сегодня. В условиях цивилизационного противостояния нам необходимо совместно проанализировать и сформировать единые категории.

Сегодня, говоря о БРИКС, мы отмечаем прежде всего экономическую составляющую этого объединения, его результативность, что в принципе не оспаривается. Но чем глубже мы погружаемся в экономическую стратегию, тем больше осознаем, что необходима ценностная,

смысловая стратегия развития. Нужно выработать стратегию и целевые установки, которые позволят нам консолидироваться. Эта стратегическая задача — одна из ключевых. Выход из кризиса видится не в отказе от научно-технического развития, совершенствования экономических стратегий, а в придании им гуманистического измерения.

Фактически эти задачи соотносятся и с сегодняшним праздником — Днем космонавтики. Для Республики Беларусь он стал знаковым благодаря великой российской науке и реализуемой стратегии отношений между нашими странами и ознаменовался полетом первой белорусской женщины-космонавта М. Василевской на МКС в составе международного экипажа. Я благодарен всему научному сообществу, прежде всего тем, кто вложил в него не столько экономическую составляющую, сколько ценностную.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, сегодня в работе Лихачевского форума принимает участие председатель Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга Андрей Станиславович Максимов, который много лет связан с петербургской наукой, работает с научными учреждениями и вузами. Президент РАН Г. Я. Красников тепло отзывался об этом человеке, что говорит об авторитете нашего научного сообщества и тех, кто его поддерживает своей высококвалифицированной руководящей административной работой.

А. С. МАКСИМОВ: — Уважаемый Александр Сергеевич, президиум и участники конгресса! Спасибо за теплые слова, я тружусь во благо Санкт-Петербурга и системы науки и профессионального образования города. У меня сегодня почетная и знаковая миссия — я хотел бы огласить приветствие губернатора Санкт-Петербурга Александра Дмитриевича Беглова участникам XXII Лихачевских чтений.

«Дорогие друзья!

Рад приветствовать участников и организаторов XXII Международных Лихачевских научных чтений. Масштабный форум вновь становится востребованной дискуссионной площадкой для обсуждения актуальных гуманитарных вопросов, значимых для настоящего и будущего России. Он занимает прочное место в календаре социально значимых событий нашего города и страны и ежегодно собирает свыше полутора тысяч отечественных и зарубежных исследователей — специалистов высочайшего профессионального уровня.

Проведение Чтений — замечательная многолетняя традиция, которую бережно хранит и развивает Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. В этом году в центре всеобщего внимания — важная роль межгосударственного объединения БРИКС в современном миропорядке. В этой связи особую ценность и звучание приобретают высказывания выдающегося ученого и просветителя Дмитрия Сергеевича Лихачева о роли российской культуры в мировом пространстве. Уверен, Лихачевские чтения — 2024 станут действенным инструментом для сохранения широкого гуманитарного диалога, продолжением важной просветительской миссии.

Желаю вам успешной и плодотворной работы».

Хотел бы сказать несколько слов и от себя. Об актуальности Лихачевских чтений, посвященных БРИКС, говорит и тот факт, что сегодня в новом свете рассматривается вопрос об образовании. В связи с этим вспоминаются слова Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Гуманитаризация образования — путь к гуманизации общества». Надеюсь, они послужат рекомендацией сегодняшнему конгрессу, и мы вместе будем претворять их в жизнь. Желаю успехов!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! Думаю, все присутствующие понимают, в какой сложной ситуации проводятся Международные Лихачевские научные чтения после начала боевых действий на Украине. Много лет мы выстраивали связи с учеными по всему миру. С начала 2000-х годов, с момента выхода указа президента о проведении Лихачевских чтений, наш форум посетили представители 58 стран мира. Существенную долю в общем составе ученых, принимавших участие в Чтениях, составляли представители западного мира (США, стран Западной Европы, Японии, Австралии и др.). Мы потратили много усилий на налаживание отношений с этими учеными и поддержание контактов, вели совместные исследования, публиковали материалы Чтений, в которых отражалась в том числе позиция Запада.

Сейчас ситуация изменилась, и творческие, научные контакты прекратились. В этом году к нам не приехал ни один ученый из Германии, где прослеживается самая жесткая позиция и даже была опубликована рекомендация не ездить в Россию.

Два моих замечательных друга — один из Польши, другой с Балкан — в самом начале спецоперации прислали мне письма, в которых постарались официально отмежеваться от контактов с Россией, по крайней мере на период, пока все это не закончится. Один из них — из университета, который принял меня в почетные доктора. Я являюсь почетным доктором пяти зарубежных университетов, но ни один из них официально не отказался от меня в этом качестве, хотя я морально к этому готов.

Тем с большим уважением я отношусь к нашим друзьям, которые, сохраняя независимость, свободомыслие и верность идеалам науки, посетили в этом году Лихачевские чтения. В первую очередь хотел бы отметить ряд ученых из Франции, представивших свои доклады и приехавших в Петербург. Мы очень признательны им за участие.

Сейчас я хотел бы предоставить слово еще одному представителю Франции — профессору Университета Сорбонна Оливье Рокпло.

О. РОКПЛО: — Дорогие друзья, уважаемые коллеги! Историю XX века можно назвать историей борьбы не между коммунизмом и либерализмом, а между колониализмом и антиколониализмом. Эта борьба продолжается до сих пор. Колониальный мир сегодня представляют страны G7. Антиколониализм — это страны БРИКС+. Запад не понимает культурного зна-

чения и измерения БРИКС именно потому, что он до сих пор колониальный. Проводимая Россией спецоперация — часть борьбы между колониализмом и антиколониализмом.

В чем заключаются различия между колониальным и антиколониальным мирами? Они связаны с древним архетипом «царей мира». Исторически существовали цивилизации, такие как русская, арабская, китайская, индийская, которыми традиционно правили императоры, но при этом данные правители признавали суверенитет других государей. Это позволяло думать о совместных действиях. В то же время некоторые иные цивилизации уже в древности не признавали правителей других стран. Так, в истории Запада и Японии мы не найдем архетипа «царей мира» у итальянцев, немцев, народов Северной Европы и т. д.

На одной стороне — евразийские и африканские цивилизации, которые с древнейших времен обладают коллективным стилем мышления, то есть образом настоящего мира и мирового порядка. На другой стороне — Западная Европа, США, Япония, которые признают только один центр — это и есть колониализм.

Мне кажется, что значение БРИКС+ заключается в том, что этот союз государств может и должен построить настоящий миропорядок, базирующийся на фундаментальных ценностях древнейших культур после 250 лет колониального хаоса и террора на всех континентах.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сегодня в этом зале находится человек, который в нашей стране популярнее многих кинозвезд. Это директор Департамента информации и печати МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ Мария Владимировна Захарова.

М. В. ЗАХАРОВА: — Уважаемые коллеги, друзья! Я хотела бы начать свое выступление со слов поздравления граждан России и других стран с Днем космонавтики, который наша страна отмечает подарком всему человечеству. Это не фигура речи, не желание приукрасить действительность. В канун Дня космонавтики был осуществлен успешный пуск принципиально новой тяжелой космической ракеты-носителя «Ангара-А5», первой разработанной в России после распада СССР. Впервые для этих целей был задействован космодром «Восточный». Наша страна подтвердила свой статус великой космической державы.

Есть прекрасная русская пословица: «В карете прошлого никуда не уедешь». И сколько бы мы ни вспоминали великих предшественников — Королёва, Гагарина и всего советского народа, нужны новые достижения. И сегодня мы их увидели.

Второе, что подтвердила наша страна, — нацеленность на мирное освоение космического пространства. Это великое достижение, о котором нельзя забывать, имеет прямое отношение к обсуждаемой повестке Лихачевских чтений — межцивилизационному диалогу, будущему нашей планеты.

Наша страна сказала, что космос не станет ареной гонки вооружений, соревнований с целью демонстрации доминирования над другими государствами. Было заявлено, что это территория мирного освоения и научных изысканий.

После полета первый космонавт Ю. А. Гагарин, человек с лучезарной улыбкой, объездил весь мир, рассказывая не об исключительности Советского Союза, а о тех знаниях и эмоциях, которые он получил. Он не делил страны на те, которые угрожали СССР или желали добра и солидаризировались с позицией нашей страны. Он рассказывал о великом достижении, миссии, которую ему поручил народ, о том, что у нас есть еще одна попытка построить будущее человечества на основе мира, дружбы, взаимоуважения, взаимопонимания и сопряжения усилий — научных, гуманитарных, культурных. Во что это потом было превращено целым рядом стран, мы видим сегодня.

Демонстрация достижений российской науки, в частности сейчас на наших глазах ракета «Ангара-А5» свершает обороты вокруг планеты, проходит на фоне принципиально важных дискуссий. И уже не теоретических, а имеющих практическую реализацию, ведущихся не только в нашей стране, а с подачи нашей страны на всей планете, — дискуссий, философских размышлений и анализа того, как сохранить цивилизацию, традиционные духовно-нравственные ценности, нравственность и мораль для будущих поколений, чтобы планета не зашла в тупик.

В мире на протяжении последних десятилетий ежедневно проходят десятки международных конференций по различным темам. И все они не просто транслируются онлайн, но и сохраняются для будущих поколений, моментально переводятся на различные мировые языки. Это говорит о том, что анализ этих научных конференций и международных симпозиумов, в первую очередь тех, которые касались геополитики, международных отношений, движения к будущему, есть свидетельство того, с чем каждая страна пришла к этой сегодня по-настоящему критической точке в развитии нашей планеты. Те, кто заглянет в прошлое Лихачевских чтений, ознакомится с печатными докладами, посмотрит трансляции, поймут, что наша страна и те, кто поддержал ее в этом, сделали все для того, чтобы сохранить цивилизацию.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, Михаил Викторович Шмаков попросил слово для сообщения срочной информации из Кремля, которая только что ему поступила.

М. В. ШМАКОВ: — Уважаемые товарищи, дорогие друзья! Срочный указ Президента Российской Федерации: «За заслуги в научно педагогической деятельности, подготовке высококвалифицированных специалистов и многолетнюю добросовестную работу наградить орденом Александра Невского Запесоцкого Александра Сергеевича, ректора негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования „Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов“. Владимир Путин. Москва. Кремль. 12 апреля 2024 года». Александр Сергеевич, мы Вас поздравляем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, скажу просто: служу России и российским профсоюзам. Как вы понимаете, перестройка нашего Университета в условиях резкого усложнения контактов с западными учеными — не могу тут применить слово «импортозамещение» — сопровождалась необходимостью резкой активизации научных отношений с остальной частью мира. Они и так у нас были весьма активными, но сейчас проделано еще больше. Сегодня в наших Чтениях принимают участие представители 18 стран мира. И я очень рад, что привлечением новых участников занимался не только я, но и другие крупные российские ученые, институты Российской академии наук. Хочу поблагодарить за активное участие в формировании состава участников Чтений академика РАН Виталия Вячеславовича Наумкина и предоставить ему слово.

В. В. НАУМКИН: — В Средние века на Востоке, сравнивая три нации или три группы народов, говорили: китайцы умеют работать руками, европейцы работают мозгами, арабы владеют языком. Но я считаю, что сегодня наш многонациональный народ, о чем здесь уже говорили, владеет и тем, и другим, и третьим, и наши новые космические достижения — показатель того, что мы можем все.

Также хочу подчеркнуть важность арабского мира, изучением которого я занимаюсь всю свою жизнь. Не случайно в средневековой мысли, которую я передал, отмечена красота арабского языка, которым его носители очень гордятся, как и мы своим — русским. Здесь много говорилось о Глобальном Юге и Глобальном Западе, и я бы хотел указать на несколько линий взаимодействия и на то, что сегодня БРИКС выступает в качестве воплощения идеи, о которой я говорил, — что у нас есть все. И это как раз показывает та особенная структура, каковой является БРИКС. А БРИКС — это не военный блок, не политический альянс, а структура, которая предполагает суверенитет, независимость, свободу действий для каждого члена этой организации. Не случайно туда входят, к удивлению наших противников, страны, которые между собой иногда находятся не в лучших отношениях, конкурируют, что, в общем-то, нормально. Не только такие государства, как Иран, с одной стороны, и Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия — с другой, получают стимул к взаимодействию через БРИКС, уже и третьи страны, которые состоят в этом сообществе, выступают в роли примирителей этих государств при нахождении общей платформы для их действий. В частности, это относится к Китаю. И совершенно ясно, что членство в БРИКС не предполагает нарушения каких-то взятых на себя международных обязательств или того, что таковые обязательства, за исключением отдельных, вообще не существуют. Здесь нет эксклюзивизма, а есть общее желание широкого сотрудничества.

Кроме того, нельзя не отметить, что организация БРИКС является тем механизмом, который помогает регулировать и преодолевать конфликты, — мы в этом убедились уже неоднократно, и я думаю, что эта тенденция будет продолжаться. Помимо этого, велики возможности БРИКС для облегчения балансирования в отношениях между такими глобальными партнерами, как Россия, Китай и Индия, где тоже есть свои проблемы. Я думаю, это очень важный момент даже для тех, кто хочет одновременно сохранять и определенные отношения с государствами Глобального Юга, и взаимодействие с коллективным Западом, и с такими странами, как, в частности, США, если это соответствует их интересам, и никто им ничего не навязывает. И в этом особенность российской политики.

Также существенный элемент для анализа перспектив развития этого сообщества — оптимизация приоритетов в сотрудничестве с отдельными государствами БРИКС на двустороннем треке, в том числе и с новыми партнерами, для достижения наибольшей выгоды в реализуемых проектах.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну депутата Государственной Думы РФ, Заслуженную артистку РСФСР Елену Григорьевну Драпеко.

Е. Г. ДРАПЕКО: — Уважаемые коллеги, хочу поделиться с вами теми печалями, которые сегодня настигают наши властные структуры и требуют вашей помощи и поддержки. Те ценности, которые исповедовали наши древние предки и изложили их в народном эпосе, до сих пор хранят народы, проживающие на этой территории. Мы, как наши богатыри Илья Муромец и Алеша Попович, считаем главной ценностью святыни, которые мы признаем, такие как Родина, вера, честь, достоинство. Мы до сих пор восхищаемся тем подвигом, который совершили наши предки.

Я бы хотела отметить два важных момента. Первое: есть указ Президента о традиционных духовных ценностях Российской Федерации. И нам, как политикам, депутатам, предписано имплементировать эти ценности в российское законодательство. Это значит, что мы должны прописать в Уголовном, Гражданском и Семейном кодексах эту систему ценностей. В указе ценности поименованы, но нет их иерархии. И перед нами встал вопрос: а что же важнее — право на жизнь или защита Родины? Можно ли ради защиты Родины требовать отдать жизнь? Сегодня это для нас чрезвычайно важно в условиях специальной военной операции и той международной напряженности, которая сложилась вокруг нас.

Второй момент, который я хотела бы отметить: у нас были периоды очарования Западом и горького разочарования в нем. Это, наверное, потому, что мы не совпали в том числе в оценке каких-то главных принципов. Это не значит, что мы лучше, а они хуже, это значит, что мы другие. И сегодня, чтобы не было такого же очарования, а потом разочарования в наших восточных и южных соседях, мы должны понимать, в чем у нас совпадают системы ценностей, а в чем нет. Нам это нужно для того, чтобы вести с ними переговоры и достигать соглашений — мы должны знать, с кем ведем эти переговоры. Эти вопросы системообразующие, и они сегодня чрезвычайно важны для власти и для формирования нашего общества, которое, безусловно, начинает меняться.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, позвольте пригласить на трибуну известного индийского ученого и дипломата господина Анила Тригунаята.

А. ТРИГУНАЯТ: — Для меня большая честь быть приглашенным на престижные Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге — культурной столице России и одном из самых прекрасных городов мира. Мне повезло работать в России в 1999–2002 и 2010–2012 годах.

Образование БРИКС — это новый взгляд на мир и на диалог между цивилизациями. И в этом диалоге представлены старейшие цивилизации мира: Индия, Россия, Китай, Арабский мир, Месопотамия. Их древняя культура учит, что на первом месте всегда должно быть отношение к человеку. В Индии известно обращение к мирозданию, изложенное на санскрите: «Благослови, пожалуйста, целый мир и каждого в этом мире, чтобы ни у кого не было никаких проблем». К этой цели мы все должны стремиться, и мы с помощью дипломатии и других средств пытаемся продвигать эту идею.

В тот год, когда Индия председательствовала в G20, мы старались работать под девизом: «Весь мир — это большая семья». Под словом «мир» мы подразумеваем не только человечество, но и остальную живую природу — животных, растения. Но, к сожалению, даже в странах БРИКС наблюдаются определенные проблемы, которые требуют решения. Мы все же должны вырабатывать совместные решения, исходя из того, что мир должен быть инклюзивным, не исключать никого. Надо стремиться к сотрудничеству и избегать конфликтов, искать общие, а не локальные способы урегулирования проблем, сглаживать идеологические разногласия. Мы должны быть открытыми ради благополучия всего мира. Необходимо внимательно прислушиваться друг к другу.

В этом контексте важно, что Лихачевские чтения фокусируются на цивилизованном диалоге. Ценности одной цивилизации могут не работать в отношении другой. Например, в Индии, когда задается вопрос «почему», ответ должен предусматривать способ сделать все как можно лучше для всех. И этот ответ не должен исходить из стремления к доминированию. Доминирование не может быть основой для диалога, а диалог — это то, что современному миру остро необходимо, потому что сейчас много отрицания, готовности подорвать мироустройство. Мы должны это преодолеть.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, позвольте пригласить на трибуну выдающегося российского ученого, профессора Ирину Олеговну Абрамову.

И. О. АБРАМОВА: — Хочу в нескольких словах прокомментировать то, что говорили предыдущие коллеги. Мария Владимировна сказала, что Запад рассматривает свой вариант прогресса. И, на мой взгляд, западный вариант технологического прогресса полностью исключает из своей концепции человека как такового. Нужна унификация, а не разнообразие. А разнообразие — это как раз Мировое большинство. Это прозвучало в предыдущем выступлении нашего коллеги из Индии. У нас есть глобальные задачи, и мы должны их решать. Но все мы разные и должны учитывать в том числе это разнообразие. Мировое большинство — это действительно большинство, страны, где проживает бóльшая часть населения мира, которые развиваются и хотят сделать будущее для своего населения красивым, интересным, разнообразным, а не одинаковым.

Также я была очень рада, когда наш французский коллега сказал, что XX век был веком борьбы не коммунизма с либерализмом, а колониализма с антиколониализмом. И тут огромную роль приобретают и гуманитарные, и традиционные ценности, и в первую очередь образование, которое мы дадим нашим детям и нашим коллегам по всему миру. Например, в Африке — на континенте, изучением которого я занимаюсь, — 60 % населения моложе 25 лет. И от того, какое образование получит это население, зависит очень многое в нашем развитии. Образование — это наше все.

Известна фраза президента США Джона Кеннеди, что Советский Союз выиграл космическую гонку за школьной партой. Вопрос именно в этом. От того, какое образование получим мы, наши дети, дети стран мирового большинства, зависит наше будущее. Нужно, чтобы это образование было гуманным, разнообразным, отражало и глобальные интересы, потому что очень много задач мы можем решить только вместе, и в то же время эту удивительную культуру и разнообразие, которые присущи абсолютно всем странам. В одной только Африке более 2 тыс. языков! только вдумайтесь. И это разнообразие мы должны сохранять.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется господину Аластеру Круку из Великобритании, основателю аналитического центра Conflicts Forum.

А. КРУК: — Начну издалека. В 1451 году один римлянин разгуливал по Риму и свалился в глубокую яму. Это оказался древний египетский храм с прекрасными украшениями, орнаментами с изображением разных живых существ, птиц, животных. Римлянин провалился в замок императора Нерона, который изобразил себя фараоном в образе бога Ра, путешествующего между реальным и нематериальным миром. Но потом это полностью было забыто, похоронено, засыпано землей, и пока этот человек не провалился, никто не знал, что там дворец Нерона. Эффект от этого открытия был как удар током. Позже разные исследователи, в том числе великие художники, такие как Микеланджело, кто жил тогда в Риме, по веревке спускались вниз, замирая от страха, восторга, предвкушения, чтобы посмотреть на эти прекрасные сокровища древней культуры, приобщиться к ним, ведь это была другая цивилизация, буквально другая вселенная.

Потом началась эпоха Возрождения. И тогда случайно всплыл текст Corpus Hermeticum, «Герметического корпуса», известного с древнейших времен. Считается, что он был написан мудрецом древности Тотом. Его перевели в 1471 году. Вот вам, можно сказать, многополярность. Эта новость прокатилась по Евро-

пе, и казалось, что она может разрядить обстановку в период, когда появилась угроза войны между протестантами и католиками. Напряженность в обществе возникает на разных витках истории. Сегодня многие говорят об отмене культуры. Можно сказать, что в 1471 году это тоже случилось, когда вовсю свирепствовала инквизиция. И 10 тыс. западноевропейцев были объявлены еретиками, потому что их нарративы в те времена были политически некорректны, и их сжигали на кострах. Дальше это привело к нигилизму и т. д. В любом случае можно сказать, что этот пузырь лопнул, и герметисты были дискредитированы.

Сегодня Западная Европа снова охвачена навязываемой догмой, эсхатологическим догматизмом. Представьте февраль 1917 года, и тогда вы поймете, что мы в Европе сегодня ощущаем: как предчувствие февральской революции у вас, и сама эта революция. Это, можно сказать, эпистемологические вражда и враждебность. Запад не хочет видеть другую реальность, но процесс все-таки идет. Мы не знаем, чем обернется эта революция, охватывающая весь мир. И то, что сейчас делают Россия и другие страны БРИКС, это отчасти мирная революция. Они хотят привнести в этот мир многополярность. А Запад не может с этим примириться, потому что это все равно что падение Константинополя. В западной цивилизации привыкли совершенно к другому. А теперь Россия главенствует. Сейчас идут бои также и за традиционные ценности. У нас происходит революция, но также и контрреволюция. Все это описывалось еще с древнейших времен и заложено в нашем культурном коде. Контрреволюция — это также и традиционализм.

Если начинаются революции, на прежние позиции нельзя вернуться, как невозможно дважды войти в одну и ту же реку. Я хочу сказать, что в результате всего этого то, чего сейчас так недостает западному миру и что так важно для БРИКС, будет развиваться. БРИКС должен завоевывать моральное и культурное пространство. Сейчас очень сложно — смотрите, что происходит на Ближнем Востоке. Все встает с ног на голову, и рушатся моральные нормы и ценности. Важно все вернуть на свои места, поставить с головы на ноги.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Позвольте пригласить на сцену известного петербургского писателя, который в последние годы много внимания уделяет международной проблематике, Николая Викторовича Старикова.

Н. В. СТАРИКОВ: — Сегодня мы собрались для того, чтобы обсудить БРИКС как важную альтернативу того, что построил Запад, а сегодня сам же разрушает. Мне хотелось бы сосредоточиться на одном показательном примере. Все, что нам говорил Запад на протяжении многих лет и продолжает говорить, — что якобы есть какая-то конкуренция: рыночная, идейная, и она является поводом и методом вырастить самое лучшее. На самом деле конкуренции нет ни в политическом, ни в экономическом смысле. Почему Запад так не любит организацию БРИКС, старается ее ослабить, расколоть, использовать совсем не в тех целях, для которых она создавалась? Просто потому, что это серьезнейшая альтернатива. И самое главное, она уже дала определенный и значительный результат. Как только началась специальная военная операция и все санкции, давление, оскорбления и угрозы в адрес нашей страны начали нарастать, наверное, Запад питал надежды на то, что государства — партнеры России по БРИКС присоединятся к санкциям, испугаются, дрогнут, не будут активно взаимодействовать с ней, будут сторониться. А ничего этого не произошло. Поэтому то, ради чего создавался БРИКС, уже сработало.

А представляете, как боятся альтернативы, когда речь идет о владении миром, господстве, доминировании, о мире, который основан на тех самых правилах, которые никто не видел, но которые все должны соблюдать. БРИКС — это как раз та структура, которая дает альтернативу. А альтернатива безгранично пугает Запад. И речь не только о Китае, росте экономики или военной мощи России. Речь даже не о смыслах. Речь о самом существовании альтернативы. Потому что у Запада все наоборот. Если он говорит о богатстве выбора, это значит, что выбора не существует.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, наша дискуссия подходит к своему завершению.

В заключение несколько слов по поводу свободы. У меня в Швейцарии есть замечательный друг Бруно Дегарден, очень сильный финансовый аналитик, который консультирует большое количество людей, обладающих огромным капиталом, и присылает нам в Университет потрясающие аналитические рапорты о своих исследованиях. Он относится к БРИКС достаточно скептически и считает, что это несостоятельно, и ничего хорошего из этого не получится. Я его звал в Петербурге поговорить обо всем этом в спокойной обстановке на Лихачевских чтениях. Он говорит: «Я бы, конечно, приехал, но я буду себя неловко чувствовать, потому что у меня альтернативная точка зрения». Но в цивилизованном обществе принято обсуждать альтернативные мнения. Очень обидно, что так происходит. Поэтому мы проводим открытые дискуссии с участием всех крупных ученых, которые этого захотели. Благодарю всех за высказанные мнения.

Панельная дискуссия
«ГЛОБАЛЬНЫЙ ЗАПАД» И «ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ»: ПУТИ РАЗВИТИЯ

12 апреля 2024 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции (*модератор*)
И. О. АБРАМОВА	директор Института Африки РАН (Москва), член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
Д. О. БАБИЧ	обозреватель агентства «РИА Новости» (Москва), член Союза журналистов России
А. П. БИНЕВ	заместитель главного редактора радиостанции «Говорит Москва», журналист, писатель, сценарист
Ал. А. ГРОМЫКО	директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
А. А. ГУСЕЙНОВ	директор Института философии РАН (Москва), академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
К. Ф. ЗАТУЛИН	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками (Москва), депутат Госдумы РФ, директор Института стран СНГ
М. В. ЗАХАРОВА	директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, кандидат исторических наук
А. Д. КОРОЛЬ	ректор Белорусского государственного университета (Минск), доктор педагогических наук, профессор
Е. И. МАКАРОВ	заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП
С. Г. МУСИЕНКО	руководитель Аналитического центра ЕсооМ (Минск), член правления Союза писателей Беларуси
В. В. НАУМКИН	научный руководитель Института востоковедения РАН (Москва), академик РАН, доктор исторических наук, профессор
Р. И. НИГМАТУЛИН	научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН (Москва), член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
М. ОКОЛИ	профессор Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск), научный сотрудник Института Африки РАН и Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е. М. Примакова РАН, президент Нигерийского сообщества России
О. РОКПЛО	профессор Университета Сорбонна (Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук
Г. Ф. ФЕЙГИН	профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ, Почетный профессор СПбГУП
С. А. ЦЫПЛЯЕВ	главный редактор журнала «Власть» (Санкт-Петербург), представитель Президента РФ в Санкт-Петербурге (1992–2000), кандидат физико-математических наук, действительный государственный советник РФ 3-го класса, член Совета по внешней и оборонной политике
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	заместитель президента и член Президиума РАН (Москва), академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
А. В. ШЕРШУКОВ	заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России (Москва), главный редактор газеты «Солидарность»

М. В. ШМАКОВ член Государственного Совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП

А. В. ЯКОВЕНКО ректор Дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ (Москва), заместитель министра иностранных дел РФ (2005–2011), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Великобритании (2011–2019), доктор юридических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, мы начинаем панельную дискуссию, посвященную путям развития Глобального Запада и Глобального Юга. Это дискуссионный вопрос, что и отражено в докладах участников нынешних Лихачевских чтений.

Согласно одной точке зрения, объединение БРИКС, которое мы обозначили как «Глобальный Юг», — довольно слабое, аморфное образование, не имеющее оснований для объединения, кроме консолидации на почве антиамериканизма и антизападничества. Страны БРИКС несоизмеримы друг с другом по экономическому весу. С одной стороны, Саудовская Аравия, с другой — менее богатые страны. Как они могут взаимодействовать, да еще на принципах равноправия? И дальше следует ряд вопросов, которые типичны для современного Запада. Отсюда — желание сыграть на противоречиях внутри БРИКС и проблемах, которые возникают в процессе становления этого блока.

Другая точка зрения, что за БРИКС как объединением разных стран, которое отличается неоднородностью и имеет исторические противоречия, — будущее. В очереди на вступление в эту организацию выстроились более 40 стран. Для государств, входящих в БРИКС, неприемлема западная концепция развития мира, и они готовы многое сделать для того, чтобы Запад перестал диктовать свои условия.

Если рассуждать в практической плоскости, то государствам по всему миру чрезвычайно сложно вырваться из пут Запада. Авторитетный ученый, с которым мы разговаривали на эту тему, высказал мнение, что никому не нравится глобальный диктат коллективного Запада, но все, кроме России, вынуждены играть по его правилам. Монополия Запада очевидна в целом ряде областей, например в финансовом секторе. Россия смогла преодолеть этот барьер, но для других стран отключение от финансовой системы губительно. Поэтому у Запада с каждой страной БРИКС складываются странные отношения: один шаг — вперед от США, два шага — назад, в направлении Америки. Финансовый рычаг — лишь один из многих, на самом деле скрытых контуров управления другими странами гораздо больше.

Так, Финляндия сделала то, что ей было невыгодно с точки зрения национальных интересов, — вступила в НАТО. А Швеция утверждает присутствие рядом российских подводных лодок. Я, как специалист по оборонной технике (по первому образованию), понимаю, что российским подводным лодкам нечего делать у берегов Швеции — у нас достаточно других инструментов.

Американцы держат лидеров и национальную элиту других стран на коротком поводке: их дети учатся в американских университетах, они хранят деньги в банках США. А что национальная элита готова сделать во имя БРИКС? Таких сомнений высказывается довольно много.

Резюмируя, можно выделить две крайности: одна — что за БРИКС будущее, которое наступит буквально завтра; другая — что ничего не получится, США будут и дальше диктовать свои условия, причем насмехаясь над Западной Европой и разрушая другие страны, где они управляют происходящим.

Предлагаю рассмотреть эти и другие вопросы, касающиеся заявленной тематики, но с фокусом на реальном рассмотрении проблем. Каким будет ближайшее будущее? Этому вопросу соответствует и тема панельной дискуссии — пути развития. Так называемый Глобальный Юг вместе с Россией пойдет в одну сторону, а Глобальный Запад — в другую, либо, наоборот, они будут развиваться совместно. В этом диапазоне много и других моделей развития. Давайте мы сегодня об этом поговорим.

Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН Ирине Олеговне Абрамовой.

И. О. АБРАМОВА: — Вопрос о путях развития довольно интересный. Мы, будучи учеными, много рассуждаем о направлениях развития, но мне кажется, что задача современной науки — определить инструментарий. Как было сказано на пленарном заседании, нам нужно перейти от вопроса «почему» к вопросу «как».

Что нужно сделать для того, чтобы мир стал более справедливым и развивался более равномерно, чтобы окончательно победить колониальное подчинение Мирового большинства мировому меньшинству? Возможны три основных направления развития — то, что мы можем сделать уже сейчас. Необходимо решить вопрос перехода к новым финансовым отношениям, наполнить информационное пространство, где доминирует Запад, альтернативным содержанием, более объективным и разнообразным, и развивать собственные технологии.

Экономический базис по объективным причинам сегодня смещается с Запада на Восток. Страны мирового большинства играют основную роль в мировой экономике, но весь инструментарий, то есть надстройка, не только политическая, но и финансовая, информационная, технологическая, пока находится в руках Запада. Чтобы противостоять Западу и добиваться решений в свою пользу, в первую очередь нужно наладить работу по вышеназванным трем направлениям в формате БРИКС+ и Мирового большинства. Понятно, что невозможно начать с нуля, но у нас очень большие заделы.

Многие считают, что все передовые технологии сконцентрированы на Западе, но это не так. Например, ЮАР еще в конце 1970-х годов при помощи Израиля создала собственную атомную бомбу, а лауреат Нобелевской премии из ЮАР Годфри Хаунсфилд получил премию за разработку компьютерной томографии и т. д. По количеству поданных международных патентных заявок Китай в 2019 году опередил США.

Другое дело, что нужно объединять усилия и переходить к осознанию объективных процессов, потому что господство Запада, и в частности доллара, в значительной степени базируется на вере. Этот финансовый инструмент превратился в религиозный — все боятся от него отойти.

Сегодня ученые (экономисты, философы и историки) должны думать о разработке системы инструментов, позволяющих сделать мир более справедливым, потому что именно это качество положено в основу деятельности БРИКС.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Профессор Рокпло, Вам слово.

О. РОКПЛО: — Прежде всего следует сказать о том, что слово «Запад», с одной стороны, и НАТО, США, Евросоюз и Япония — с другой, сегодня являются синонимами. Запад — не Европа, потому что он не совпадает с европейской культурой. Это важно определить, так как в БРИКС входят страны с европейской культурой (португальская культура в Бразилии, русская культура как часть общеевропейского наследия и пр.).

Наполеон в свое время утверждал, что испанцы никогда не были европейцами, а русские никогда европейцами не станут, и показал, чем отличается Западная Европа от всей остальной. То есть Португалия, Испания, Россия — это другая Европа, другая европейская культура, а Запад — только северо-западная часть Европы.

Страны, входящие в БРИКС (Бразилия, Россия, Китай, Индия, ЮАР и новые члены, в том числе Иран, ОАЭ и т. д.), имеют много общего, пусть оно и не очень явное. Эти древние цивилизации господствовали еще до эпохи колониализма. Все, что началось в XVIII веке, прежде всего Французская революция, возникновение модернизма и так далее, уже закончилось. Отсюда — распад Запада, господство обскурантизма в Европе. Именно в этот момент культуры и цивилизации стран, входящих в БРИКС, должны получить развитие, но не отказываясь от традиционных ценностей.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику В. В. Наумкину.

В. В. НАУМКИН: — В свете того, о чем мы здесь говорили, возникает мысль, что будущее мира, переформатирование которого сейчас происходит (мы живем в интересный период переформатирования всей системы миропорядка), неопределенно. Мировое сообщество, особенно экспертные группы, которые здесь отчасти представлены, проявили некомпетентность перед лицом пандемии, обострившегося конфликта между человеком и природой (в качестве примера можно привести недавнее наводнение в Оренбурге, Орске и т. д.).

Неопределенность отношений между человеком и природой, их зависимость возникли неожиданно и базируются на параметрах, которых раньше не было. Все это говорит о том, что неопределенность коснется также БРИКС и остальных стран, потому что на отношениях между человеком и природой основаны системы безопасности, в частности сельскохозяйственная безопасность, и различные ресурсы. Борьба за ресурсы обострится и вызовет желание использовать силу.

Я считаю бессмысленными разговоры о создании единой валюты и отказе от доллара. Это долгосрочный процесс, возможно, лет через двадцать это произойдет. Но сегодня нет необходимости в переходе к единой финансовой системе и сломе прежней.

Есть вопросы и политического свойства. Здесь присутствует Константин Федорович Затулин, который не так давно в Петербурге участвовал в дискуссии, является ли Россия частью Европы. Конечно, является. Мы — спасители Европы. Чтобы развиваться дальше, мы должны спасти Европу, которая погибает из-за того, что отказалась от христианских ценностей, а Россия протягивает ей руку помощи. Не надо говорить, что у нас другая система ценностей, а в Европе нужно все разрушить. Христианские ценности пришли к нам именно оттуда.

Традиционные ценности — наше богатство, и мы должны отстаивать их и бороться с тем, что навязывает Запад. Но в то же время надо стоять на позициях реализма, к чему я всегда всех призываю, и провести инвентаризацию ценностей и того, что является основанием нашей цивилизации. Россия — великая цивилизация. Но не нужно ставить невыполнимые задачи.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Выдающийся дипломат Александр Владимирович Яковенко, прошу Вас.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Я согласен с академиком В. В. Наумкиным в том, что существует неопределенность в развитии мира. На сегодняшний день четко обозначились определенные тенденции. Несмотря на то что на первый взгляд может показаться, что БРИКС — это аморфное образование, следует принять во внимание ключевой момент: страны, которые сейчас входят в БРИКС, и те, которые хотят войти в это объединение, готовы работать по двум ключевым направлениям.

Первое направление в области политики — формирование новой повестки дня. Если посмотреть ретроспективно, то десять лет назад мы имели климатическую повестку, которую навязали нам западные страны. Я не верю в то, что ситуация с климатом настолько драматическая, как нам пытаются внушить. Речь идет о навязывании западных технологий в области климатической повестки дня. Сто миллиардов долларов, которые Запад обещал перечислить развивающимся странам еще пять лет назад, так никто и не выделил.

Второе направление — создание альтернативной финансовой системы. Единая валюта для стран БРИКС — это далекая перспектива. Но создание аль-

тернативной финансовой системы на сегодняшний день — вполне реально.

Создание альтернативной финансовой системы позволит БРИКС и другим странам, в частности государствам Ближнего Востока, защитить интересы и создать альтернативу. Я не призываю к замещению доллара или других резервных валют. Но у нас должна быть альтернатива ему. Кстати, государства Ближнего Востока сейчас активно выводят средства из Соединенных Штатов, потому что опасаются их экспроприации в силу целого ряда причин: политических, экономических и пр.

Главный политический тезис — создание альтернативной повестки дня, которая будет исходить из здравого смысла. Здесь уместно задать вопрос: к чему Западную Европу привел переход к зеленой экономике? По существу, они погубили свою экономику, например Германия катится в пропасть из-за экономических решений, которые она принимает.

На первом месте должны быть глобальная повестка дня, предполагающая формулирование новых задач, под которыми готовы подписаться большинство государств, и финансовая повестка, потому что это основа будущего развития мира. Главное — избавиться от диктата доллара.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Представитель МИД России Мария Владимировна Захарова, Вам слово.

М. В. ЗАХАРОВА: — Я хотела бы заострить внимание на том, что наша сегодняшняя тема касается Глобального Юга и Глобального Запада, но в этой парадигме отсутствует Россия, поскольку ни к Западу, ни тем более к Югу нашу страну в полной мере отнести невозможно. Мы везде, и в то же время не вписываемся в эти конструкции. Есть подходы, согласно которым Россия связывается то с «Глобальным Севером», то с «Глобальным Востоком». А Концепция внешней политики 2023 года определяет Российскую Федерацию в качестве самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы. То есть существует понятие более широкое, чем эти рамки, в которое мы вписываемся. И в контексте нашей дискуссии невозможно обойти стороной Россию с учетом ее влияния на мировые процессы.

Под Глобальным Западом мы понимаем США, Европейский союз, частично Азиатско-Тихоокеанский регион, которые спаяны американоцентричными военно-политическими и экономическими союзами и скреплены североатлантическими, как они их обозначают, ценностями. Это продукт исторического Запада, который на протяжении полутысячелетия, наверное, последовательно распространял свое влияние на остальной незападный мир и всеми средствами стремился в нем доминировать. Единственная поправка — мы очень широко называем нынешнюю эпоху неоколониализмом. Я бы так не делала. Колониализм — это Франция, Испания, Португалия, культуры со всеми их издержками, но с историей. В последние десятилетия в Соединенных Штатах и Британии к власти прорвались те, в чьем менталитете были пиратство и разбой, а не колониализм, который тоже не является добром даже с точки зрения философского осмысления, но разбой и грабеж — хуже, чем неоколониализм. В свое время я использовала такую метафору: Соединенные Штаты ведут себя как ковбой в Лувре, который палит по всему, что видит, не понимая, что перед ним произведения искусства.

Глобальный Юг — это понятие менее однозначное, так как к нему изначально уничижительно отнесли все бедные или, как потом их начали называть, развивающиеся страны. И по сравнению с богатым Севером Юг с его историей и культурой выглядел как неполноценное явление, а по сравнению с Западом — тем более. Сегодня это еще и Индия и Китай, и говорить об этих державах крупнейших экономик мира как о развивающихся абсурдно. Страны Глобального Юга нельзя выносить за скобки, так как нам предлагается в рамках сегодняшней дискуссии обсудить пути развития западного, и не просто южного, а незападного мира, то есть Мирового большинства.

Какая связь между этими, условно говоря, макрорегионами? Исторически взаимодействие между ними складывалось, прежде всего, в процессе колонизации западными государствами незападных. И сегодняшний день не просто несет наследственный отпечаток той длительной, пятивековой эпохи, но воспроизводит старые практики в новых формах. Теперь это называется неоколониализмом, только с примесью бандитизма.

Говоря об этом уродливом явлении, которое со временем уйдет в прошлое, мы подразумеваем западные противоправные методы, такие как санкции в обход Совета Безопасности ООН, которые на самом деле являются торговыми войнами; злоупотребление доминированием в международных организациях, в первую очередь финансовых; использование доллара и кредитов не как средства давления, а как оружия; финансово-экономическое давление, включая принуждение к наращиванию долговой зависимости; ограничения развития путем несправедливой конкуренции, нерыночных протекционистских мер; заморозка государственных и частных активов по геополитическим мотивам; провоцирование государственных переворотов и вооруженных конфликтов; манипулирование сознанием целых народов и проведение подрывных операций в информационном пространстве; грубое навязывание идеологических установок; наконец, продвижение собственной исключительности. «Сад Европы» и «джунгли остального мира» в интерпретации Жозепа Борреля стали доказательством этого, как и откровение нынешнего советника президента США по национальной безопасности Джейкоба Салливана, который еще до своего вступления в должность в 2019 году написал, что условием победы концепции американской исключительности может быть только «разгром парадигмы, выдвигающей на первый план этническую и культурную идентичность». В этом же ряду стоят история с подписанием в ноябре 2023 года Соглашения о партнерстве между Европейским союзом и странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, в текст которого Брюссель силой включил ЛГБТ[1]-повестку, или продвигаемая Западом сюрреалистическая концепция

[1] «Международное общественное движение ЛГБТ» признано экстремистской организацией, его деятельность запрещена на территории России.

порядка, основанного на правилах, никто не знает, каких, — это не доводится до сведения, а навязывается силой.

Теперь обратимся к статистике. По самым скромным подсчетам, начиная с XIX века США пытались повлиять на внутриполитические процессы не менее чем в 150 странах, а из нынешних 193 государств — членов ООН лишь 22 никогда не подвергались вооруженным нападениям Британии. За последние несколько десятилетий Запад расправился с такими ставшими на его пути странами, как Югославия, Ирак, Ливия, Сирия. В августе 2021 года бесславно закончилось 20-летнее пребывание США и возглавляемой ими коалиции в Афганистане. Соединенные Штаты покинули страну, оставив ее в руинах. Это контрастирует с тем, как Советский Союз оставлял Афганистан — с заводами, фабриками, действующими структурами и центральным отоплением. Тем самым Глобальный Запад продемонстрировал свое бесцеремонное и надменное отношение к странам Глобального Юга, используя их в качестве инструментов влияния для безостановочной перекачки ресурсов в широком смысле слова.

Раньше для того, чтобы пригласить и переманить трудовые ресурсы, создавались какие-то конкурентные преимущества: социальный пакет, хорошая зарплата, жилье. Сейчас Глобальный Запад разжигает конфликты, которые выгоняют людей из собственных стран. Миллионы мигрантов или беженцев вынуждены покидать дома без права на компенсацию и какую-то моральную поддержку.

Я не сказала о Глобальном Юге, но дело в том, что это та самая ресурсная база, которая за счет колоссального движения XX века, возглавляемого Советским Союзом, получила самостоятельность в их использовании. Глобализация добавила государствам Юга научно-технические возможности, и теперь это новые центры силы.

Возвращаясь к внешней политике нашей страны. В основе российских подходов, как это сформулировано в Концепции 2023 года, «формирование такой системы международных отношений, которая обеспечивала бы надежную безопасность, сохранение культурно-цивилизационной самобытности, равные возможности развития для всех государств, независимо от их географического положения, размера территории, демографического, ресурсного, военного потенциала, политического, экономического, социального устройства». Теперь процитирую фразу из принятой в 2022 году Стратегии национальной безопасности США: «Нет народа, более подходящего на роль сильного и целеустремленного лидера, чем Соединенные Штаты Америки». И эти же авторы называют свою страну глобальной державой с глобальными интересами и заявляют, что именно она призвана руководить силой и целеустремленностью.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — По-моему, Владимир Владимирович Путин уже ответил на эту цитату. Он сказал так: «Уши мертвого осла они получат». Наш профсоюзный лидер Михаил Викторович Шмаков, пожалуйста, продолжайте.

М. В. ШМАКОВ: — Начну почти теми словами, которыми закончила Мария Владимировна. Нет более сильного народа, который может руководить всеми, чем русский народ. Это наша цель, и мы обладаем этой способностью. Когда мы говорим о Глобальном Юге и Глобальном Западе и ведем дискуссию на научном, академическом, экспертном правительственном уровне — а это достаточно высокий уровень, — то мы и при этом не упоминаем Россию, потому что это никак не затрагивает граждан тех стран, которые мы оцениваем и сравниваем между собой.

У профсоюзов, причем у глобальных, во всех странах, и в Российской Федерации в том числе, есть уникальная возможность. Во-первых, это единственная общественная организация, которая может работать внутри предприятий и организаций. А во-вторых, мы работаем с людьми, которые говорят о проблемах своих, своей семьи, каждого человека и делятся этими проблемами. И когда мы говорим, что защищаем экономические и социальные интересы, мы отталкиваемся от потребностей людей. В чем состоит глобальное противостояние, или борьба, которую мы обсуждаем: Глобальный Юг, Глобальный Запад, БРИКС? Ради чего, собственно, борются все страны? Это всеобщая конкуренция между странами — их элиты зарабатывают, они уже накопили и хотят больше, но вынуждены смотреть, что происходит с их избирателями или с гражданами тех стран, которые они представляют. Имея информацию и с Запада, и с Юга, могу вам сказать, что мы в Российской Федерации живем в целом массово лучше, чем в Америке, Германии, Великобритании и других странах Запада. Я уже не говорю о странах Глобального Юга, где уровень жизни ниже, чем в России. По нашим данным, там 10 тыс. долларов или 10 тыс. евро в свободном накоплении — это колоссальная сумма для любого простого гражданина. 10 тыс. долларов — это миллион рублей. У нас для более чем 80 % граждан Российской Федерации это не такие большие деньги.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Михаил Викторович, народ зашумел. Мне кажется, что наша профессура сомневается, что миллион рублей — это не деньги.

М. В. ШМАКОВ: — Конечно, это деньги. Но хочу напомнить, что у нас с вами государственная гарантия по вкладам в банках, если банк разоряется или с ним что-то происходит и он перестает выплачивать, до 1,4 млн рублей, а сейчас по некоторым позициям хотят эту сумму увеличить вдвое, втрое. Давайте это соотносить с реальной жизнью, а не с тем, сколько у кого сейчас в кармане — 100 или 1000 рублей.

Мы обсуждаем глобальные вопросы. У нас был проект, который назывался «социализм». Это был привлекательный проект для всего мира. Мы от него отказались и ушли в сторону. Сегодня есть проект, который называется БРИКС. И БРИКС будет успешным тогда, когда для стран, которые в него объединяются, это будет тоже достаточно привлекательный проект. Хочу закончить мыслью о том, что русский народ — это тот народ, который способен объединить

мир и сделать эту жизнь комфортной и достойной для всех.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я предоставляю слово специалисту по делам СНГ Константину Федоровичу Затулину.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Выслушав все, что было сказано о том, как мы должны впрячься в борьбу за справедливый мир и сделать его впервые в истории этого мира действительно справедливым, могу заявить, что я к этому не готов.

Я готов к тому, чтобы отстаивать то, что считаю национальными интересами Российской Федерации. Искать для этого союзников, выходить из трудных ситуаций, в которые мы попали. Потому что на протяжении XX века наша страна дважды потерпела исторические огромные поражения, с которыми другие страны, в принципе, далеко не всегда справлялись в своей истории. Вы это прекрасно знаете. Мы тем не менее, пусть и в сокращенном виде, сохраняемся. И мы должны всячески бороться за то, чтобы вернуть себе те позиции, которые утратили.

В прошлом году валовый внутренний продукт стран БРИКС превысил впервые валовый внутренний продукт стран «Большой семерки». 31,5 % — это доля БРИКС, экономик БРИКС в мировом ВВП. Исходя из этого, куда мы должны стремиться для того, чтобы вернуть позиции, развивать свои возможности, торговать, союзничать? Конечно, это верно, туда, в БРИКС, где есть для этого поле действий. И в этом я вижу смысл.

Я, кстати, поздравляю нашу дискуссию с тем, что здесь, на форуме в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, впервые обозначилась «смерть Востока». Востока теперь нет. Есть Запад и Юг. А всегда был Восток. Вообще-то говоря, в 1654 году на Переяславской раде Богдан Хмельницкий и казацкая старшина присягали на верность царю Восточному, Православному. Мы были восточные. И мы были наследники Восточной Римской империи. Теперь мы обсуждаем Юг и Запад. Это очень характерные изменения.

Я хотел бы обратить внимание на то, что на этом пространстве, которое сегодня мы обсуждаем, Юг или Юго-Восток, нам принадлежит часть, которая называется и называлась постсоветским пространством после распада Советского Союза. А с некоторых пор, с подачи некоторых наших друзей, стала называться евразийским пространством.

Хотя я не поклонник того, что мы иногда злоупотребляем этим термином, не вкладывая в него содержание. Он на самом деле нам был подброшен нашим мудрым другом Нурсултаном Назарбаевым, который таким образом интерпретировал Гумилева. Гумилев совсем иное понимал под евразийством, чем Нурсултан Назарбаев. Но для Казахстана было важно, что он как бы является одним из главных движителей этой евразийской идеи.

Между прочим, что любопытно, в Советском Союзе районирование было, все это знают — Прибалтика, Украина, Кавказ, а дальше Средняя Азия и Казахстан. Так вот, «и Казахстан» означало, что Казахстан еще не совсем Средняя Азия, это что-то несколько иное. И вот сейчас, когда мы в рамках этого несколько иного развиваем свои союзы — Евразийский союз, Договор о коллективной безопасности, — мы все время говорим, и наши руководители говорят о необходимости развить здесь четыре свободы. Это свобода движения капиталов, товаров, услуг и рабочей силы.

Но, дорогие друзья, мы должны объективно посмотреть, а что у нас самих происходит с вызовами, которые связаны с распространением этих свобод? К сожалению, это так, наши партнеры под влиянием того самого Запада сокращают возможность свободного перетока капиталов. Они, конечно, лукавят, они обманывают и нас, и Запад. Западу говорят, что мы не будем бороться с санкциями, мы санкции признаем. Одновременно являются транзитными странами для поставок того, что мы теперь не можем на Западе купить. Это все происходит одновременно. Пользуют обе стороны, потому что, вы знаете, «ласковая теляти двух маток сосет». Это известная история. Но факт остается фактом.

У нас сегодня — под влиянием того, что с нами происходит, — поднимается антимиграционная волна внутри страны. Если почитать Интернет, можете открыть любую страницу, где определенные лица, которые вдруг обнаружили в себе национализм высшей пробы, требуют немедленно ввести визовый режим со странами, входящими в Евразийский союз, Договор о коллективной безопасности, изгнать мигрантов и т. д.

Вдумайтесь. Мы войну ведем на Западе, а они хотят начать новый конфликт здесь, сделав для этого целый ряд шагов под предлогом, что мы не можем сегодня гарантировать, что таджики, узбеки, киргизы и другие с приездом сюда не везут с собой наркотики, не везут с собой терроризм и т. д. Эти все цифры, эти все факты гипертрофируются и создают почву для роста ксенофобии в стране.

Ксенофобия в многонациональной стране, такой как Россия, — это смерть этой многонациональной страны. Потому что, начав с таджиков, она ими не закончится. Чего хотят эти люди? Государство «чистых» создать, одних русских? Давайте посчитаем, сколько национальностей в этом зале.

Один из депутатов Государственной Думы на следующий день после «Крокуса» — депутат КПРФ, между прочим, что само по себе удивительно, — написал в своем Telegram-канале: «Москва морально готова к погромам, но власть пока колеблется». Можем ли мы себе позволить такое, если думаем вообще о противостоянии с глобальным Западом, о развороте на Восток? Мы понимаем, что, поступая таким образом, мы становимся врагами всех наших прежних царей, императоров, первых секретарей, Скобелевых, Пржевальских, Кауфманов, двигавшихся в этом направлении, несли с собой культуру, нашу государственность и одновременно возможности, которые русский народ предлагал и осуществлял на этих территориях. А кто строил это все? Это же известно. Надо разобраться в самих себе. Надо разобраться, что мы можем, а чего не можем. Потому что нельзя волшебным образом совмещать желание утвердить себя в качестве передовой

страны и одновременно оградить себя каким-то забором из-за того, что мы не можем справиться с какими-то явлениями.

И еще один момент. Мы говорим о том, что мы (это с Евгения Максимовича Примакова и раньше началось) за многополярный мир, потому что мы за справедливый мир. Как пропагандистский лозунг — это вполне приемлемо. Но мы никогда не жили в многополярном мире. Мне кажется, единственное время, когда мы жили в многополярном мире, это был период Второй мировой войны, когда с одной стороны была Германия, а с другой — были мы, а с третьей — наши союзники, третий центр силы — англичане, американцы.

Это был многополярный мир до некоторой степени. А то, что было после этого, был двухполюсный мир — СССР и США. И сейчас, все больше у нас создается впечатление, что на самом деле мир-то становится опять двухполярным. Только на одном полюсе Соединенные Штаты, на другом — Китай. И вот этого я хотел бы избежать для нас.

Мы, конечно, не должны позволять себе сомневаться в том, что наша государственность, наш народ — по преимуществу это европейцы. Я не хочу отдавать Европейскому союзу, блоку НАТО ту Европу Шекспира, Лопе де Вега, Умберто Эко, Пушкина, Тургенева, Достоевского. И считать, что Европа — это они, а мы евразийцы. Мы — европейцы, которые дошли до Тихого океана.

Это надо понимать, развивая отношения с Азией, со всем уважением. Понятно, что нам нужны союзники, и союзники сегодня — в БРИКС. Сегодня наши союзники — в определенной степени, конечно, насколько они сами на это способны, — китайцы, индийцы и другие, раз они с нами ведут диалог. Они тоже ищут свою выгоду.

Надо понимать, в каком сложном положении мы находимся. Не множить число своих противников, видеть на самом деле свой потенциал. Поэтому мы правильно поступаем, развернувшись на Восток и на Юг. Но это не значит, что мы должны отрицать свое происхождение, свой культурный исторический код. Спасибо.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, не так давно мы с Михаилом Борисовичем Пиотровским и коллегами из Российской академии наук провели дискуссию о том, является ли Россия Европой и является ли Европой Запад. Наши мнения во многом (но, конечно, не во всем) совпали, и мы пришли к определенным выводам.

Дмитрий Сергеевич Лихачев утверждал, что российская культура, безусловно, европейская. И мы — наш Университет и наша научная школа — прочно стоим на этой же позиции: Россия — это Европа, от Калининграда до Владивостока. Православие — восточная ветвь христианства, но дело даже не в вероучениях, а в том, что любая религия является стержнем развития культуры того или иного народа. Христианство когда-то раскололось на западное и восточное, и в итоге образовались две разные модели развития общества. Это различие и сейчас отчетливо проявляется. Россия осталась на позиции европейских ценностей, а Запад в конце концов пришел к «новой этике», другим «новым» представлениям и в итоге перестал быть европейской культурой.

Присутствующий здесь Дмитрий Олегович Бабич несколько лет назад объяснил мне свою теорию. В XX веке были рождены три идеологических бастарда. Первый — социализм, который на этапе большевизма принял абсолютно бесчеловечную форму. Второй — национальная идея. В национализме нет ничего плохого, если это любовь к своей нации без ненависти к другим, предполагающая уважение, готовность сотрудничать и т. п. Любить свою нацию, свою Родину, стремиться работать на благо своей страны — все это свойственно человеку. Но когда национализм разрастается до гипертрофированных размеров, случается идеологический «вывих», каковым и стал фашизм.

А третий бастард — либерализм. Вообще либеральное мировоззрение вполне позитивно. Оно предусматривает определенную систему ценностей, среди которых труд, уважение к личности, индивидуализм — тоже разумный, не противопоставляющий свои интересы интересам других людей и общества. Здоровый либерализм побуждает человека уравновешивать все ценности и жить в гармонии. Но вдруг произошло нечто неожиданное. Запад, который всегда отличался прагматизмом, начал сам себя пожирать. Правда, Соединенные Штаты предпочитают пожирать не себя, но там уже фактически не осталось ни демократии, ни свободы слова, ни независимой судебной системы, ни передовой экономики (а иначе почему по темпам экономического развития США стали отставать от Китая?). При этом они обворовывают весь остальной мир. Штаты потеряли статус образцовой страны, которая обладает рецептами процветания за счет своих ресурсов. Они все еще процветают, но, как правильно говорили коллеги, только за счет воровства.

Таким образом, Запад перестал быть полноценной ветвью европейской культуры и превратился в нечто ущербное, гнилое. Уже создаются специальные детские сады для детей ЛГБТ — разве это нормально? Понятно, что нельзя ущемлять права людей с «особенностями», но это не значит, что их особенности надо считать нормой. Скажем, родился человек слепым — конечно, надо его как-то социализировать, поддерживать. Но мы же не дадим ему водительские права, верно? То же самое и с любовью мужчины к мужчине, женщины к женщине. Такие пары не могут производить детей, и это нельзя считать нормой для человека. Более того, в отдельных странах решили, что можно регистрировать брак человека с животным. Мы смотрим с удивлением и, конечно, не можем принять это за нормальное развитие европейской цивилизации. Поэтому совершенно правильный шаг — принятие нашей национальной доктрины внешней политики. Надо отгородиться от всего этого безобразия; чем меньше мы будем иметь с ним дело, тем лучше. Конечно, нам очень не хочется отказываться от классической европейской культуры, от посещения Лувра и Прадо, но придется это пережить.

В настоящее время в России происходит настоящий экономический взлет — 4 % в год! Правда, российский банкир Олег Вьюгин, которого называют выдающим-

ся экономистом, прогнозирует ухудшение, потому что нарушен платежный баланс. Но в чем заключался этот баланс раньше? Деньги приходили с Запада и уходили туда же. А теперь отток прекратился. Олигархи больше не переводят миллиарды долларов в западные банки и вынуждены инвестировать их в отечественную экономику. Конечно, им никто не запрещает по-прежнему выводить свои капиталы, но сейчас это небезопасно — могут отобрать. В результате кривая роста экономики России пошла вверх.

При этом Россия остается вместе с остальным миром, который строит БРИКС. В чем заключается новизна объединения БРИКС? Страны Запада пытаются сохранить однополярную модель, где они будут продолжать доминировать, диктовать свои условия и при этом жить за счет ограбления остального мира. Но другие страны выступают за то, чтобы в свободном мировом сообществе все были равноправны и уважали друг друга. Конечно, взаимоотношения между государствами никогда не бывают абсолютно безоблачными, случаются и разногласия. Но если мы стремимся к одной цели — сотрудничеству для всеобщей пользы, то все проблемы будут решаться в рабочем порядке. Я думаю, что Запад обречен в своем противодействии этому стремлению. Конечно, пока они всех держат за горло, потому что у них все еще имеются очень мощные рычаги влияния. Но чем упорнее они будут навязывать свою волю, тем больше будет усиливаться сопротивление, то есть тенденция к отдалению от Запада, потому что никто больше не желает терпеть его диктат.

Гегемония Запада не будет угасать постепенно — она просто рухнет в какой-то момент, и этого момента не придется долго ждать. Вероятно, Западная Европа прекратит подчиняться США — у них просто не будет другого выхода. А финансовый коллапс в США неизбежен — нельзя наращивать государственный долг до бесконечности. В итоге будет выстроена новая система международных отношений, прежде всего экономических и финансовых, но и культурных тоже. И Россия войдет в эту систему как равноправный участник.

В любом случае будущее, безусловно, не за западной моделью цивилизации. Еще лет 15 тому назад мы считали, что у США и Европы есть шанс на спасение. Академик Степин и другие крупные российские ученые говорили, что Запад либо будет все сильнее погружаться в кризис, либо сделает выводы из череды катастроф и направит все ресурсы на то, чтобы выработать новую траекторию развития и следовать ей. Сейчас мы можем сделать вывод, что западные страны не сумели или не захотели пойти по второму пути, поэтому я считаю, что их ожидает невеселое будущее. Правда, должен сделать оговорку: мое мнение не является истиной в последней инстанции.

Теперь на правах модератора я хочу задать несколько вопросов присутствующим. Обращаюсь к ректору Белорусского государственного университета профессору Королю. Андрей Дмитриевич, каким Вы видите наше будущее?

А. Д. КОРОЛЬ: — Напомню известное высказывание Клода Леви-Стросса о том, что XXI век будет веком гуманитарных наук или его не будет вовсе. На то, чтобы реализовался первый вариант, во многом способна повлиять система образования, и мы делаем все возможное для этого.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — То есть мир выйдет на правильный путь?

А. Д. КОРОЛЬ: — Да, я глубоко убежден.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Александр Владимирович, а Вы что скажете?

А. В. ШЕРШУКОВ: — Мне тоже хотелось бы ответить словами уважаемого человека (не дословно, но близко к тексту): если события развернулись впоследствии несколько иначе, чем предсказывал Швейк, то надо учесть тот факт, что он не получил законченного дипломатического образования.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Не так давно была опубликована очень интересная книга о «цветных революциях». Обращаюсь к одному из ее авторов: Сергей Григорьевич, что нас ожидает в скором будущем?

С. Г. МУСИЕНКО: — Сомнения в перспективах БРИКС, которые приходится слышать от некоторых коллег, напоминают мне о том, как в прошлом многие сомневались в будущем отношений между Белоруссией и Россией. Они оказались неправы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Бинев, каково Ваше мнение?

А. П. БИНЕВ: — Я воспринимаю будущее как нечто «за шторами». Не знаешь, что там находится, до тех пор пока оно не откроется.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Возможно, господин Бабич знает?

Д. О. БАБИЧ: — Поскольку на Западе победил тоталитарный, то есть искаженный, либерализм, победа будет за нами. Но мы можем проиграть, если вернемся к тоталитарному социализму, к которому многие нас подталкивают, к сожалению. Ни в коем случае нельзя этого допустить.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Профессор Громыко?

Ал. А. ГРОМЫКО: — Я согласен с теми, кто считает, что европейские корни у России очень крепкие. Мы не должны отдавать на откуп Западу само понятие о европейской культуре, но надо помнить, что во времена Пушкина и Достоевского наша страна была сильнее, чем сейчас, встроена в то, что мы теперь называем Евразией. Многоликость — судьба России. В XXI веке на очередном витке исторического развития мы должны встроиться и в глобальный Восток, и в глобальный Юг.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Сергей Алексеевич, Ваше мнение?

С. А. ЦЫПЛЯЕВ: — «Мир катится в пропасть», — говаривал архиепископ Йоркский тысячу лет назад. Но пропасть оказалась не такой ужасной, как он опасался. И сейчас, я уверен, мы преодолеем страхи, которые нас терзают, станем более открытыми и войдем в следующую фазу модернизации, чувствуя себя уверенно и не боясь чужих влияний.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Академик Черешнев, два слова.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Я оптимист. Думаю, в ближайшие 10–20 лет мы будем собирать небывалые урожаи на техасщине и оклахомщине.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Что будет дальше, господин Околи?

М. ОКОЛИ: — БРИКС — это прежде всего очень серьезная идея, которая уже становится реальностью. Конечно, будут и проблемы — без них не обходится ни один большой проект. Но БРИКС будет с ними справляться, потому что у него имеется новая перспективная повестка.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — То есть Вы считаете, что БРИКС будет существовать и развиваться. Евгений Иванович, что нас ждет в будущем?

Е. И. МАКАРОВ: — Вторая волна расширения БРИКС произойдет в Бразилии через год.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Академик Нигматулин?

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Будущее зависит от молодого поколения, представители которого здесь присутствуют.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Понятно, к студентам надо относиться строже. Абдусалам Абдулкеримович, Ваше мнение?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Думаю, что Россия выкрутится из нынешних проблем.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Сейчас просто необходимо переформатирование глобальной институциональной архитектуры, потому что многие из предыдущих проектов не показали достаточной эффективности. И я верю в будущее БРИКС как глобального института.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Последняя реплика была от профессора Фейгина, доктора экономических наук. А теперь я обращаюсь к профессору Сорбонны Оливье Рокпло. Что Вы можете сказать по обсуждаемому вопросу?

О. РОКПЛО: — БРИКС — это, по-моему, первый шаг к многополярному миру. Но я хотел бы подчеркнуть, что многополярный мир мы не видели уже очень давно, несколько веков. Поэтому сейчас БРИКС является надеждой человечества.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Очень сильный тезис! Пожалуйста, Александр Владимирович.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Чего ждать? Во-первых, новых технологических стандартов и разделения мира на технологические зоны — по той простой причине, что технологии будут определять экономическое развитие стран. Во-вторых, регионализации валютной сферы, так как влияние доллара неуклонно снижается.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Мария Владимировна, Вы хотите задать вопрос? Пожалуйста.

М. В. ЗАХАРОВА: — Да, вопрос коллеге Затулину. Константин Федорович, Вы говорите, что нам не стоит браться за решение вопросов глобальной справедливости, а надо заняться своими внутренними делами. Но представьте себе, что у вас есть прекрасный дом и ухоженный сад, вы содержите их в идеальном порядке, но вдруг прекращается подача воды, электричества, возникает целый ряд других проблем. Вам придется идти и разбираться.

К сожалению, чтобы сохранить свою цивилизационную самобытность и развиваться так, как мы считаем правильным, надо стремиться к более справедливому мироустройству.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Страна, которая нам так досаждает, выработала формулу: у нас нет вечных друзей, а есть вечные интересы. Я не предлагаю ее копировать, но хочу обратить ваше внимание, что почти со всеми нашими соседями на сегодняшний день мы когда-то враждовали в прошлом.

Я не считаю, что мы должны отгородиться от всего мира для того, чтобы строить город на холме. БРИКС надо всячески совершенствовать, но он никакие проверки ни временем, ни испытаниями еще не прошел — ни огнем, ни водой, ни медными трубами. Отдельные члены БРИКС в разных ситуациях ведут себя поразному. Поэтому, как бы мы ни хотели видеть то, что нам хочется, надо видеть то, что есть.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сейчас свое мнение выскажет Михаил Викторович Шмаков.

М. В. ШМАКОВ: — Два заключительных тезиса. Во-первых, когда мы говорим о технологиях, давайте не забывать, что сегодня Россия является генератором и владельцем ряда самых прогрессивных технологий. Например, у нас есть ядерный реактор на быстрых нейтронах, который обеспечит энергонезависимость и электроэнергию в нашей стране на несколько сотен лет вперед, потому что там используется особый вид топлива. Так что в этом вопросе не стоит уповать ни на Запад, ни на Восток — мы многое можем и сами.

Второй тезис касается БРИКС. Каково будущее этого объединения и мира вообще? Отвечу: оно зависит от того, как мы будем работать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я должен внести одно уточнение: Михаил Викторович не только лидер российского профсоюзного движения, но и выпускник одного из лучших технических вузов — МВТУ им. Н. Баумана. И он много лет работал в оборонной промышленности, участвовал в разработке ракетной техники и космических систем.

Академик Наумкин, Вам слово.

В. В. НАУМКИН: — Будет создаваться система партнерств, и сейчас мы не можем сказать, как она будет выглядеть. Возможно, БРИКС расширится до гигантских размеров, но это объединение все равно не будет единственным. России потребуется как минимум 15–20 лет, чтобы сохраниться в центре этой системы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово профессору Ирине Олеговне Абрамовой.

И. О. АБРАМОВА: — Я тоже немного подискутирую с Константином Федоровичем. Считаю, что нам все же надо сейчас ставить большие цели — и в пределах своей страны, и в рамках БРИКС, и для всего Глобального Юга. Когда мы формулируем задачи, у нас появляются возможности, но при одном условии: необходимо четко прописывать механизмы их реализации.

И второй тезис. Необходимо отказываться от стереотипных представлений, в частности от восприятия мира и мировой культуры как евроцентричной. Да, Россия часть Европы. Но даже наше образование строилось таким образом, что из него выпадал огромный пласт культуры. И от заниженной самооценки тоже пора избавиться.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Мы согласны с тем, что не следует замыкаться в себе, а надо ставить большие задачи и бороться за святые цели. «В борьбе своей обретешь ты право свое» — лозунг эсеров на самом деле перед Первой русской революцией.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Поддержим лозунг эсеров. Но все же порядок в своем доме наводить необходимо.

Дорогие друзья, в заключение я выскажу личное мнение. Вряд ли я понимаю больше других, поэтому не претендую на истину. Но из всего, что сейчас происходит в мире, я делаю вывод, что человечество находится на пороге очень больших перемен — хочется надеяться, что позитивных. Постепенно выстраивается совсем новая модель миропорядка.

Академик Лихачев однажды высказал идею, что развитие социума протекает совсем по другим законам, нежели развитие природы. Если в природе побеждает дарвинизм — сильный побеждает и властвует, то в культуре этот закон перестает действовать, поскольку в людях постепенно прорастает гуманизм. Иногда кажется, что это не так, что дикость по-прежнему торжествует. Агрессивное государство стремится уничтожить народ, который ему не нравится, сжигая напалмом деревни и расстреливая мирное население, — очевидна победа того, кто сильнее. Но на самом деле, считал Лихачев, культура и гуманизм в конечном счете пробиваются, как трава через асфальт, хотя этот асфальт может выглядеть очень твердым и прочным. Закон развития культуры — это закон непрерывного возвышения гуманизма. Просто в какие-то моменты он чуть отступает, но потом снова идет вперед. В результате мир действительно становится гуманнее.

Думаю, что так и происходит. Хочется верить, что сейчас мы находимся на пороге очередного этапа прогресса гуманизма. Ведь какие цели преследуют страны БРИКС? Это объединение нового типа, о нем нельзя судить по тем критериям, по которым создавались Евросоюз или НАТО. Прежние альянсы формировались в целях доминирования — экономического или военного. А страны БРИКС объединяет идея более свободного и равноправного развития, когда страны не ущемляют интересы друг друга. Повторяю, очень хочется верить, что так и будет.

Между тем военные конфронтации продолжаются, люди гибнут в огромных количествах, покидают свои дома, становятся беженцами. Но любые конфликты всегда заканчиваются миром, и мы все надеемся на их завершение в скором времени. Гуманизм непременно восторжествует.

Секция 1
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЫ КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (наука, культура, искусство, образование, экономика, право)

13 апреля 2024 г. Конференц-зал «Стасов/Ушаков» (гостиница «Nevsky Royal Hotel»)

Руководители секции:

И. И. БУЗОВСКИЙ	заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук
К. Ф. ЗАТУЛИН	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками (Москва), депутат Госдумы РФ, директор Института стран СНГ
М. В. ЗАХАРОВА	директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, кандидат исторических наук
М. В. ШМАКОВ	член Государственного Совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП
А. В. ЯКОВЕНКО	ректор Дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ (Москва), заместитель министра иностранных дел РФ (2005–2011), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Великобритании (2011–2019), доктор юридических наук, профессор

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

И. О. АБРАМОВА	директор Института Африки РАН (Москва), член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
С. АТЛАГИЧ	профессор факультета политических наук Белградского университета (Сербия)
Д. О. БАБИЧ	обозреватель агентства «РИА Новости» (Москва), член Союза журналистов России
Ж.-Л. БАШЛЕ	писатель, пианист, историк (Париж, Франция)
Д. А. ДЕГТЕРЕВ	главный редактор «Ученых записок Института Африки» (Москва), профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор политических наук
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
А. К. ИСАЕВ	заместитель руководителя фракции «Единая Россия» в Государственной Думе РФ (Москва), депутат Госдумы РФ, заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, кандидат политических наук, профессор СПбГУП
А. М. КРАМАРЕНКО	директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
А. КРУК	основатель и директор аналитического центра Conflicts Forum (Лондон, Великобритания)
В. К. МАМОНТОВ	председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда» (Москва), генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет»
В. В. НАУМКИН	научный руководитель Института востоковедения РАН (Москва), академик РАН, доктор исторических наук, профессор
Г. В. НАУМОВА	писатель, культуролог, президент ассоциации Miracles (Париж, Франция), кандидат филологических наук

М. ОКОЛИ	профессор Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск), научный сотрудник Института Африки РАН и Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е. М. Примакова РАН, президент Нигерийского сообщества России
К. ОКРАЙ	вице-президент Фонда стратегических и социальных исследований Marmara Group (Стамбул, Турция)
Э. РАХМАТУЛЛОЗОДА	профессор кафедры дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан Таджикского национального университета (Душанбе), заместитель министра иностранных дел Республики Таджикистан (1990–2001), Чрезвычайный и Полномочный Посол
О. РОКПЛО	профессор Университета Сорбонна (Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук
А. ТРИГУНАЯТ	Посол Индии в Иордании и Ливии, Верховный комиссар на Мальте (2012–2016), Почетный сотрудник аналитического центра Международного фонда Вивекананды
С. А. ЦЫПЛЯЕВ	главный редактор журнала «Власть» (Санкт-Петербург), представитель Президента РФ в Санкт-Петербурге (1992–2000), кандидат физико-математических наук, действительный государственный советник РФ 3-го класса, член Совета по внешней и оборонной политике
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	заместитель президента и член Президиума РАН (Москва), академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. А. ШАМАХОВ	научный руководитель Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, генерал-полковник таможенной службы
М. Эль-ХАТТАБ Эль-ИБРАХИМИ Эль-ШЕРИФИ Эль-ИДРИСИ	писатель, президент партии «Альянс за Францию», лауреат литературной премии за мир и толерантность (Париж, Франция)

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, сегодня мы более предметно поговорим на темы, которые были затронуты на пленарном заседании и в ходе панельной дискуссии.

Предоставляю слово Чрезвычайному и Полномочному Послу РФ Александру Владимировичу Яковенко, который будет вести дискуссию.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Тема нашей секции очень интересная. Мы в Дипломатической академии и МИДе последнее время все больше концентрируемся не столько на проблемах, сколько на перспективах. Потому что перспектива обусловливает и темы, и проблемы, а из проблем вырастают перспективы. Взгляд в будущее из дня сегодняшнего будет очень интересен. Тема емкая, так как она затрагивает практически весь спектр гуманитарного сотрудничества, возможно, только без учета спорта. Какова ситуация в этой области, мы знаем: в преддверии Олимпийских игр во Франции Запад целиком политизировал спорт, не оставив шансов для равноправного международного сотрудничества.

Более того, американские элиты в ходе ультралиберальной революции ополчились на историю и решили отменить культуру в попытке разрушить традиционную идентичность самих американцев. Посмотрим, что у них получится, в то время когда везде в мире, и Россия здесь не исключение, на первый план выходят вопросы идентичности.

Слово предоставляется председателю ФНПР Михаилу Викторовичу Шмакову.

М. В. ШМАКОВ: — Российские профсоюзы воспринимают сотрудничество в рамках БРИКС как возможность углубления связей с нашими коллегами из других стран, развивая и систематизируя его, не прибегая к формальному описанию.

Уже 12 лет в рамках БРИКС функционирует Профсоюзный форум — глобальная профсоюзная структура, где происходит обмен информацией по всем важным направлениям жизни в странах БРИКС+ (около 20 государств). Сейчас мы устанавливаем более тесные отношения с нашими коллегами во всех странах, входящих в БРИКС+. Не все государства БРИКС+ пока готовы к сотрудничеству в сфере профсоюзной деятельности, но, надеюсь, впоследствии в зависимости от интересов и повестки, которую мы будем продвигать, присоединятся к этому форуму.

Мы изучаем данные, показывающие, в какой стране БРИКС+ наиболее комфортно жить людям наемного труда. Конкуренция стран за более достойную жизнь населения является, с одной стороны, точкой соперничества, а с другой — объединяющим моментом. В сфе-

ре защиты прав наемных работников на передний план выдвигается критерий достойной жизни, в который входит понятие «достойный труд». Безусловно, это самый важный вопрос — за достойный труд профсоюзы борются уже более 150 лет.

Рассуждения о правах и интересах наемных работников влекут за собой обсуждение интересов и поведения правительств и элит тех стран, которые собираются в формальные и неформальные объединения. Вчера мы говорили о противостоянии или конкуренции стран Глобального Запада и Глобального Юга. В этом одновременно заключается и основная проблема — желание одних жить за счет других, и она может перерасти в войну.

Несмотря на разные теоретические построения, на протяжении истории это происходит постоянно. Сегодня мы наблюдаем этот конфликт на новом технологическом уровне в науке, технике, искусстве, культуре, образовании, экономике и пр.

Хочу еще раз рассказать о нашем опыте. Мы черпаем информацию о том, что происходит в странах БРИКС и других, включая государства на Западе и Востоке, от наших коллег, которые предоставляют достоверные данные о жизни и интересах, доходах и проблемах людей наемного труда.

Россия как страна-цивилизация должна быть трудовой державой. Некоторое время назад в рамках других экономических теорий было заявлено, что труд — не самое главное в жизни, есть и другие способы накопления капитала, например виртуальные. Но когда жизнь сталкивается с реалиями, например с необходимостью воевать, то оказывается, что цифры на виртуальных счетах не могут ни в чем помочь на поле реального противостояния. Там необходимы металл, другие продукты развития технологий, которые в реальной экономике превращаются в изделия. И только так можно развиваться и побеждать.

Мы считаем, что Профсоюзный форум БРИКС, который функционирует уже 12 лет, является платформой для сотрудничества и взаимопонимания. Уверен, что при дальнейшем развитии коалиции БРИКС мы сможем укрепить и расширить данную платформу для обсуждения тем, касающихся науки, культуры, искусства, образования, экономики и права.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Повышение качества жизни людей — серьезная тема, которая затрагивалась и в послании Президента России Федеральному собранию. Для других государств — членов БРИКС это тема для обсуждения, потому что у них разные темпы развития.

Слово предоставляется директору Департамента информации и печати МИД России Марии Владимировне Захаровой.

М. В. ЗАХАРОВА: — В связи с тематикой секции хотела бы выделить несколько пунктов.

Первый: мы воспитаны на таких понятиях, как «сотрудничество», «взаимодействие», «культурный обмен». Или, как указано в названии нашей секции, на глобальной платформе культурного сотрудничества. Все это означало позитивную повестку в сфере культуры. Наша страна многократно увеличила желание устанавливать сотрудничество, укреплять взаимодействие и развивать позитивную повестку.

Сегодня в мире сложилась противоположная ситуация, хотя Россия продолжает придерживаться позитивной повестки, как и страны мирового большинства. Но при этом мы видим, что страны, которые аккумулируют мощнейшие рычаги реализации гуманитарного сотрудничества (массмедиа, цифровые платформы сегодня становятся способом проведения культурной политики), имеют совершенно другие цели. И это касается не только агрессивных шагов, которые они предпринимают, но и терминологического вокабуляра.

Слова «мир», «дружба», «любовь» вообще отсутствуют в выступлениях современных мировых лидеров.

На смену этим словам и понятиям, которые в политике можно рассматривать как замыслы, определяющие направление развития, пришла культура отмены во всех ее проявлениях, в том числе на лексическом уровне: отменить, не допустить, сдержать и т. д.

Россия как страна-цивилизация и наш народ на протяжении всей истории пытались сопротивляться отмене. Александр Невский, орденом которого был награжден А. С. Запесоцкий, возведен в ранг святых, потому что он не дал отменить русскую культуру. Такой выбор наша страна и народ делали неоднократно и в другие периоды, когда угроза исходила как с Запада, так и с Востока.

Иногда отмена трансформировалась в геноцид. Жителям Ленинграда–Петербурга об этом прекрасно известно. Наконец, кроме значимого для нас слова «блокада», появилось слово «геноцид», характеризующее то, что происходило в Ленинграде во время Второй мировой войны. Суть была одна — прекратить существование нашей страны. Но каждый раз мы давали отпор.

Отсюда — второй пункт, о котором я хотела бы сказать. Вчера я вступила в полемику с господином Затулиным относительно того, что нам обязательно нужно обращать внимание на внешние периметры (торговля, мировая логистика, транспортные коридоры, геополитические обстоятельства) и стремиться к установлению более справедливого миропорядка.

Но, на мой взгляд, в первую очередь надо уделять внимание внутреннему развитию. Как можно выходить вовне без главного фактора — образования российской молодежи, без передачи культурного кода будущим поколениям? Все бесполезно, если дети не знают ни одного значимого факта о Великой Отечественной войне, блокаде Ленинграда (о которой известно только петербургским детям). Как донести эту информацию вовне? Мы будем делать все возможное в этом направлении. Нужно делать это, заряжая граждан нашей страны на ратный подвиг. Эту миссию должен нести каждый человек. Тогда путь к международному культурному и гуманитарному сотрудничеству будет легче пробивать. Народ сам должен становиться источником силы — культурного и гуманитарного взаимодействия.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Заместитель руководителя фракции «Единая Россия» в Государственной Думе РФ Андрей Константинович Исаев, Вам слово.

А. К. ИСАЕВ: — Уважаемые коллеги! Хотя Александр Владимирович призвал нас обращать внимание скорее на перспективы, чем на проблемы, я выступлю в роли *enfant terrible* и скажу, что проблем гораздо больше, чем перспектив.

С моей точки зрения, мы находимся в начале общего мирового конфликта, в основе которого лежит столкновение культур, и он постепенно будет усугубляться. Поэтому говорить о формировании единой культурной платформы в мире сегодня мне представляется преждевременным. Если Первая мировая война разворачивалась как конфликт буржуазных наций, Вторая мировая и холодная война — как конфликт идеологий, то сегодняшний мировой конфликт — это столкновение цивилизаций и культур.

Столкновение культур продолжается и усугубляется. И прежде чем говорить о формировании глобальной платформы, человечеству придется сделать выбор, по какому пути оно пойдет. Эти два пути сегодня явственно обозначены. С одной стороны, «Большая семерка», с другой — БРИКС. «Большая семерка» — это идеологически единая структура, строго иерархичная, где есть свой командир — Соединенные Штаты Америки и замполит — Великобритания. Противостоит ей организация БРИКС, которая отличается сочетанием различных политических культур, предполагающих разные политические системы. Но внутри этого объединения Иран не пытается превратить Бразилию в исламскую республику, а Бразилия — добиться перехода России в католичество.

Выбор того или иного пути, который предстоит сейчас сделать человечеству, предопределит возможности формирования единой культурной платформы. Победа «Большой семерки» будет означать распространение евро-атлантической цивилизации как единственно возможной и универсальной. Под видом либеральной идеологии нам пытаются экспортировать культуру и цивилизационные ценности, которые сегодня господствуют на Западе. Эти ценности не могут быть всеобъемлющими, поскольку культура и цивилизационные особенности каждой из стран определяются ее историей и географией. В связи с этим в странах представлено разное понимание смысла жизни человека, соотношение личности и общества, общества и государства, которое предопределено историей развития каждой из стран. Если Россия формировалась как антиколониальная, по сути, оборонительная империя на огромном пространстве, роль государства в ней никогда не будет такой же, как в тех государствах, которые формировались как федерация религиозных общин.

Если мы проанализируем предыдущие мировые столкновения, то увидим интересную закономерность. В Первой мировой войне участвовали, с одной стороны, блок политически однородных континентальных держав — Австро-Венгрия, Германия и близкая им Турция; с другой — самодержавная Россия, демократическая Франция, полудемократическая Великобритания и еще ряд стран, очень разных. Победила «сборная солянка». Во Второй мировой — схожая картина: однородный блок фашистских держав, а против них — либерально-демократические США и Великобритания, коммунистический Советский Союз и т. д. Победу одержала «смешанная» сторона. Холодная война: идеологически единый блок социалистических государств противостоит буржуазному Западу, к которому примкнули шейхи стран Персидского залива, афганские моджахеды, режимы апартеида в ЮАР и Южной Родезии, латиноамериканские диктаторы. И опять побеждает тот противник, который отличается разнообразием. Возможно, так происходит потому, что история не желает прекращаться, а в случае однообразия дальнейшее развитие становится проблематичным.

Я считаю, что у нас есть достаточно оснований для оптимизма и для веры в то, что победу в итоге одержит не та однородная структура, которую сейчас представляет собой Запад, пытающийся навязать свою модель остальному миру. Победит разнообразие, которое представляет собой БРИКС. Но за эту победу нам предстоит побороться.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Директор Института стран СНГ Константин Федорович Затулин, прошу Вас.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Рискну затронуть вопрос, который у нас кажется вполне ясным и решенным, но на самом деле таковым не является. Я говорю о национальном вопросе в России.

Чем Россия отличается от Советского Союза в национальном отношении? Тем, что в Советском Союзе чуть больше половины населения составляли русские, остальные были представителями других наций в составе Советского Союза, а до того Российской империи, и на протяжении десятков и даже сотен лет они так или иначе сосуществовали в рамках одного государства. Но в 1991 году Советский Союз распался и появилась Российская Федерация, в которой на данный момент около 80 % населения — русские, и только 20 % — другие народы. Мы с советских времен говорим, что образцовым образом решили национальный вопрос, что у нас не только многонациональная, но и многоконфессиональная страна и дружба народов.

В 1970–1980-е годы от ЦК КПСС и до вузовских кафедр — везде считали, что национальный вопрос в СССР — это вопрос сохранения малых народов и развития национальных окраин. Таков в свое время был, как мы знаем, ленинский план. А вот русского вопроса практически не существовало, так как русские составляют большинство населения страны. На самом деле наиболее важным в национальной политике Российской Федерации является именно русский вопрос. Почему? Можно фантазировать, будет ли существовать Россия как государство, если от нее отделятся национальные республики. (Я считаю, что не должна, хотя мы были свидетелями того, как от общего советского пространства откололись национальные республики, и теперь это новые независимые государства.) Но я не могу представить себе Россию, в которой нет русских. Именно поэтому я, как депутат Госдумы, в 2020 году внес предложение включить в Конституцию соответствующую поправку. Мое предложение состояло в том, что в преамбуле Конституции должно быть записано,

что русский народ в союзе с другими народами создал многонациональную Российскую Федерацию.

В Конституции РФ указано, что для внесения изменений в первую или вторую главу Основного закона необходимо созывать Конституционное совещание. К преамбуле это требование не относится, тем не менее по настоянию председателя Конституционного Суда РФ Валерия Дмитриевича Зорькина править преамбулу в 2020 году тоже не стали, и все предложения, в том числе и мое, были отложены. К тому же мои коллеги — руководители группы, которая собирала поправки, — сказали, что русский народ не надо «выпячивать». Я тогда даже написал статью «Пустите русских в Конституцию», ведь в ней вообще не было никакого упоминания о русском народе. Было только сказано, что государственным является русский язык.

Сейчас наш народ оказался в сложных обстоятельствах, вызванных не только проведением специальной военной операции, которая многих заставляет испытывать неуверенность в завтрашнем дне, но и обострением проблемы миграции. Действительно, миграция из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии сопряжена с определенными проблемами — наркотрафиком, использованием мигрантов для совершения террористических актов, как это произошло в «Крокус Сити Холле», и т. д. В результате мы сейчас находимся на перепутье. По-моему, масштаб проблемы еще не до конца осознан в «верхах», но ее вполне понимают «низы». Если следовать той логике, которую выстраивают противники всякого сотрудничества с другими народами, то это чревато всплеском ксенофобии, и я не уверен, что она ограничится только гражданами других государств и не создаст проблем внутри самой Российской Федерации как многонациональной страны. Это очень важно.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Приглашаю выступить Александра Михайловича Крамаренко, директора Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

А. М. КРАМАРЕНКО: — Константин Федорович, я понимаю Вашу обеспокоенность, но должен напомнить, что сейчас очень многие страны оказались на перепутье, Россия в этом смысле не исключение. Не является также уникальной наша проблема титульной нации и сосуществования разных национальностей в пределах одной страны. Так, в Великобритании нет парламента Англии, притом что есть свои парламенты в Шотландии, Уэльсе, Северной Ирландии. А англичане (правда, в основном зрелого возраста) стараются подчеркивать, что они именно англичане, а не британцы. Да, нам приходится иметь дело с советским наследием, но здесь требуются осторожные, взвешенные подходы.

А по теме, заявленной в названии секции, думаю, надо исходить из того, что глобальная империя Запада действительно существует, и мы живем в этой империи. При этом в БРИКС есть свое пространство свободы, возможность сотрудничать и расширять связи. Вообще в глобальной политике будет происходить регионализация. Уже существуют макрорегионы, в рамках которых страны будут продолжать развиваться и находить решения общих с «соседями» проблем. Потому что общемировые структуры, такие как Организация Объединенных Наций с ее Советом Безопасности, ЮНЕСКО и другими учреждениями, контролируются Западом, который в состоянии нейтрализовать инициативы других участников и сделать так, чтобы эти учреждения не функционировали так, как было задумано в свое время.

В связи с этим я бы возлагал надежды на то, что БРИКС будет важным объединением для развития связей в области культуры и образования. Как верно сказала Мария Владимировна, в последние полтора десятилетия сотрудничество в рамках БРИКС показало большой прогресс. Принимаются совместные документы, проводятся форумы — только в этом году предусмотрено около 200 мероприятий, в том числе 20 — на уровне министерств. Разумеется, стоит вопрос о создании информационного пула стран, входящих в объединение.

Конечно, мы испытываем определенное противодействие со стороны Запада. Фрэнсис Фукуяма примерно в 2010 году писал в «Нью-Йорк Таймс», что политическая мысль Запада до сих пор не преодолела отрицания равенства человеческого достоинства. Это прежде всего касается отношения к другим культурам и цивилизациям, к другим религиям.

И еще один момент. Русские мыслители, которые были высланы из России в 1922 году (знаменитый «философский пароход»), — Николай Бердяев, Федор Степун, Семен Франк, Яков Букшпан — в ответ на первый том известного труда Шпенглера «Закат Европы» написали свой, где утверждали, что ничего общечеловеческого не существует. Не только искусство, религия, мораль имеют свои особенности в каждой культуре, но и такие, казалось бы, «объективные» вещи, как пространство, время, числа и тому подобные, различны в каждой культурной эпохе.

Установление равенства культур и цивилизаций, думаю, будет происходить в рамках БРИКС. Это прообраз будущего — не только политической кооперации, но и сотрудничества, которое будет идти «от корней» с учетом исконной идентичности культур. И это будет залогом того, что культурно-цивилизационное многообразие мира наконец найдет свое достойное отражение в политической структуре мира, в новом полицентричном миропорядке.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Александр Михайлович, спасибо.

Директор Института Африки Ирина Олеговна Абрамова, Вам слово.

И. О. АБРАМОВА: — Уважаемые коллеги, я хочу выступить не как директор Института Африки, а как член Президиума Российской академии наук, потому что наше сегодняшнее заседания посвящается в числе прочего сотрудничеству в сфере культуры, науки и образования.

Когда кто-то ставит перед собой цель — разрушить какую-то страну или общество с минимальными поте-

рями для себя, то легче всего начинать с образования, здравоохранения и науки. Пока мы ставим перед собой большие задачи, Запад изобретает все более изощренный инструментарий. Казалось бы, в чем проблема? Ну, взяли мы западные основы образования и развития науки. В образовании это Болонская система, а в науке — система научного цитирования, индекс Хирша. Вроде ничего страшного, но на самом деле все это приводит к колонизации образования и науки, когда профессора и ученые работают в интересах не своей страны, а Запада. Если вы хотите опубликовать работу по той или иной тематике, вы так или иначе будете направлять свои исследования в журналы, которые у нас выделены как основные, то есть американские и западноевропейские.

Понимаете, это просто отказ от защиты собственных национальных интересов и целей. На саммите «Россия–Африка» министр науки и образования Мозамбика сказал, что африканцы хотели бы сами ставить перед собой научные задачи, но им не позволяют это делать. А в России, напомню, самые большие достижения за последние годы были в «закрытых» областях — ядерном проекте и разработке вооружений, потому что они не подпадали под эту систему.

К сожалению, уровень нашей науки за последние 30 лет сильно упал, и во многом потому, что мы работаем не над тем, что нам нужно, а над тем, что нужно им. Поэтому я думаю, что важнейшей задачей на ближайшее время является освобождение системы российского образования и российской науки от колониальной зависимости.

Объявлен мораторий на публикации в Scopus и Web of Science, но из Министерства образования приходит циркуляр, где в качестве главного критерия называются публикации в журналах первого и второго квартиля. Как это может быть?

Этот частный вопрос — показатель глубоких фундаментальных проблем. Что является задачей наук? Какую роль играет человек в сегодняшнем обществе? Именно на платформе БРИКС и БРИКС+ нам надо выработать собственные критерии развития национального образования и науки.

М. В. ЗАХАРОВА: — В нашей области произошла история, иллюстрирующая то, о чем говорит Ирина Абрамовна. Scopus вытеснил наш подведомственный ваковский журнал «Международная жизнь» — он как-то «случайно выпал» из списка тех изданий, публикация в которых дает баллы, измеряющие качество печатной работы.

А почему нам нужны законы, регулирующие эту деятельность? Прежде всего потому, что здесь речь о государственных деньгах. Даже если вуз проводит какие-то работы частным образом, база для этих работ все равно государственная, и деньги, которые платятся за эти публикации, в конечном счете берутся не из частных источников. В законе можно написать, например, что ваковские издания являются частью научного процесса.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Андрей Константинович, Ваш комментарий.

А. К. ИСАЕВ: — Проблема заключается в том, что основные законы, связанные с финансированием тех или иных направлений, рассматриваются по инициативе правительства. Бюджет может быть принят только в том виде, в каком он внесен Правительством Российской Федерации, а до 2014 года официальным курсом была интеграция в западную научную систему. Начиная с 2014 года этот курс меняется, но из-за инерционности бюрократического аппарата изменения происходят медленно.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Будем бороться с Хиршем. Слово Валерию Александровичу Черешневу, заместителю президента Российской академии наук.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — БРИКС был образован пятью странами. Там есть совет по науке и по молодым ученым. Но недавно обсуждался вопрос, что молодым ученым в БРИКС очень трудно общаться, поскольку в Бразилию, Китай или Индию далеко лететь, и на решение проблемы с общением были выделены средства, в том числе нашей страной.

Нами было проанализировано количество публикаций в высокоцитируемых журналах с 2019 по 2023 год. Китай опубликовал больше, чем все остальные страны БРИКС, вместе взятые. Россия с Китаем организовали совместные лаборатории, центры и так далее и вместе выпустили 22 122 статьи, это 1 % от объема научной продукции Китая и 3 % — от нашего. То есть на сегодняшний день совместное сотрудничество мало́ и не дает тех значимых результатов, которые могли быть.

Начали анализировать, почему Китай впереди по числу публикаций. Увидели, что у нас финансирование на науку 1,1 % ВВП, а в Китае — 2,4 %. США и Китай сегодня мировые лидеры по всем показателям, а по патентам Китай опережает Соединенные Штаты в два раза.

Китайцы счастливы, что у них столь развитая Академия наук, и спрашивают: почему у вас маленькое финансирование? Мы объясняем, что это особенность текущего момента и т. п. Но мы рады, что президент 8 февраля на торжествах в день 300-летия Академии наук сказал, что роль Российской академии наук в жизни страны фундаментальна и что ее необходимо интегрировать в процесс принятия ключевых государственных решений.

А. КРУК: — Сейчас говорили, что Россия ощущает угрозу Запада, а Петербург, который помнит блокаду, словно снова переживает вторую — мировую — блокаду. Я живу на Западе, но не говорю за весь Запад, и очень многие у нас не считают себя причастными к этим ложным западным идеям. Люди, живущие в Европе и Америке, упускают из виду гражданскую войну и революцию, которые сейчас разворачиваются в государствах Запада. Дальше все будет идти по нарастающей, и пока неизвестно, кто станет президентом США, что будет дальше, что это будет означать для страны.

То, как сейчас выдвинулся Китай, указывает, что Запад теряет позиции и в торговых войнах, и выявляет глубокий экономический кризис, кризис госдол-

га и в США, и в странах Запада. Это изменит Европу и Америку. Каким образом, мы пока не знаем, потому что те, кто ненавидит Россию, держат у них командные высоты. Сейчас в умах коллективного Запада укоренился образ врага — это Россия, а у России — коллективный Запад. Но грядут другие времена.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Согласен, это полностью неопределенные процессы, и мы многого не знаем, но мы уже видели неудачи США в Афганистане, Ливии, других местах, их потери. Надеюсь, что НАТО полностью проиграет, на Украине сейчас очень опасный период. Но мы не противопоставляем БРИКС коллективному Западу, а стараемся создать альтернативу, потому что смотрим в будущее.

С. АТЛАГИЧ: — Я тоже скажу о ценностях. Многие из моих студентов вообще не знают, что это такое. Некоторые считают, что это то, что желательно внутри какого-то общества, а может быть, способствует развитию этого общества. Это значит, то, что для вас ценность, может не быть ценностью для меня. Но есть общечеловеческие, эпохальные, исторические ценности, такие как свобода, справедливость, благополучие и т. д. Нет другого народа в конце XX века, который так сомневался бы в некоторых из этих ценностей, как сербы в 1990-х. Все началось не в 1999 году, когда бомбили Сербию, а в 1991–1992 годах, когда хорваты и словаки с помощью Германии разбили Югославию.

Россия, конечно, должна обратиться к себе, достичь экономического и технологического успеха, потому что это меняет ее восприятие людьми. Но я не могу избавиться от впечатления, что Россия недостаточно хорошо продвигает свою культуру. Я это вижу в Сербии, несмотря на то, что у нас большинство людей обожают Россию. Россия — это справедливость и свобода. И Россия для нас — это ценность.

Но мне кажется, что Россия не является ценностью для многих русских. Я часто приезжаю в Россию, читаю лекции в университетах и не могу смириться с тем, что российские студенты не осознают, к какой уникальной цивилизации, культуре они принадлежат. И первый шаг, который надо сделать, — продвижение русской культуры внутри самой России.

Д. А. ДЕГТЕРЕВ: — Гегемония Запада держится на структурной власти — отношениях «контроля и влияния», связанных с регулированием ресурсов и распределением зон влияния, то есть он создает правила, по которым все играют. Это механизм безопасности НАТО, финансы и кредиты МВФ, а в производстве — это ОЭСР и контроль над созданием и распространением знаний.

Но основное, конечно, это формирование смыслов и ценностей. Существуют рейтинги академических издательств, например Sense Ranking of Academic Publishers, где среди первых — издательства Кембриджа, Оксфорда и др. То есть это те, кто формирует, допустим, понятие демократии. А издатели второго уровня рассматривают демократию в Азии, Африке и т. д. Естественно, в этой иерархии нет российских изданий. Здесь стоит вопрос именно о формировании смыслов. Используется даже термин «созерцательное регионоведение», когда мы просто изучаем другие регионы без какого-то прикладного аспекта, поскольку теория структурирует сознание.

Но не все теории одинаково полезны. Скажем, есть теория внутренней колонизации и соответственно внутренней деколонизации, которая обосновывает деколонизацию России. Допустим, на Западе проводится конференция, и если вы последователи этой теории, то, подавая заявку на участие в конференции, в аффилиации вы указываете не Россию, а Ичкерию, Черкесию и т. д. И в этом плане мы очень многому учимся даже у африканцев, потому что у них богаче опыт зависимого развития и созданы условно безопасные теории, которые мы можем частично заимствовать.

Очень многое есть за пределами западных общественных теорий. Мы в свое время делали базовые советские исследования неоколониализма. Самый серьезный на сегодня антиколониальный дискурс был написан в Советском Союзе, и он актуален на 80 %.

Конечно, очень мало издается на русском языке. Здесь надо кооперироваться. Китайцы наши журналы начали включать в свои рейтинги. Многие страны не имеют собственных рейтингов и ориентируются на Scopus и Web of Science.

В. В. НАУМКИН: — Действительно, у нас есть системные проблемы в ориентации государства, государственной политики. Все решается трудно и медленно, сталкиваются различные группы интересов. Это реальность, и с этим ведется борьба и в нашем парламенте, и в обществе. И мы так или иначе занимаем какие-то позиции.

Для пропаганды русского языка и русской культуры мы делаем недостаточно. Например, в какой-нибудь даже дружественной стране есть организация, которая занимается распространением русского языка, но посмотришь — там на двери все время висит замок. И нужны финансовые ресурсы, которых у государства не хватает, особенно сейчас. Есть приоритеты, которые заслоняют культурную интеграцию и культурные императивы.

Но мы должны заботиться о привлекательности того, что мы делаем. И не просто, чтобы наш русский журнал имел такой же рейтинг, как какой-нибудь ведущий американский. Дело и в финансовых ресурсах, в уровне научных исследований, в языковых проблемах, в распространении русского языка и русской культуры, которую любят и уважают. И мы видим, что это происходит. Однако на этом фоне из нашего поля зрения выпадают некоторые страны. Скажем, Сербия — это дружественный нам народ, но там рядом находится Босния и Герцеговина, о которой, по-моему, все забыли. А мы, наоборот, этим занимаемся, хотя мы Институт востоковедения РАН. Но, наверное, трудно сегодня в этой массе государств всем уделять внимание. Необходимо правильное выстраивание приоритетов во внешней политике и культурном сотрудничестве.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Слово предоставляется профессору Оливье Рокпло.

О. РОКПЛО: — Я хотел бы прокомментировать то, что сказали мои коллеги.

Сегодня я говорю с вами на английском языке, но в будущем, надеюсь, такой необходимости больше не возникнет. Убежден, что настоящий обмен между культурами должен вестись на родном языке. БРИКС должна использовать русский, китайский, хинди, португальский, африканские национальные языки вместо английского.

Эта организация продолжает следовать идее антиколониализма, которая зародилась в Советском Союзе и существовала во всем мире благодаря идеологии коммунизма, профсоюзам и рабочим организациям. Речь в данном случае идет не столько об идеологии, сколько об общем гуманистическом антиколониальном движении, в том числе культурном и научном потенциале.

Считаю, что наука, искусство, культура, образование связаны с антиколониальным движением, поэтому их необходимо поддерживать. Должны быть ресурсы, центры культурной деятельности БРИКС. Мы боремся за культурное существование всех народов и цивилизаций. На мой взгляд, БРИКС может стать гуманистической организацией или же перестанет существовать.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Этот союз как минимум предлагает равные права и возможности. С этой точки зрения БРИКС — гуманистическая организация, где нет и намека на диктатуру: на встречах стран-участниц никто не продвигает свою повестку, жертвуя интересами другого.

Слово предоставляется Каферу Окраю из Турции.

К. ОКРАЙ: — Я представляю независимый фонд стратегических и социальных исследований Marmara Group, который был создан 37 лет назад группой бизнесменов, ученых, политиков с целью наладить диалог, коммуникацию сначала в Балканском регионе, а теперь уже на более широкой территории (у нас есть друзья в Австрии, Китае и др.). Наша идея — мир дома означает мир во всем мире.

Моей стране в краткосрочной перспективе будет трудно присоединиться к БРИКС. Турция — член НАТО и довольно близка к Евросоюзу. Но меня вдохновляет то, что делает БРИКС, у которой есть четкие цели. Например, нуждается в разрешении вопрос о денежных переводах. Турецкому бизнесу сегодня сложно вести дела с российскими компаниями в связи с блокировкой платежных систем, как и многим странам БРИКС. Поэтому нужно найти решение этой проблемы, и все получат от этого выгоду.

БРИКС должна быть нацелена на будущее и включать в свой состав как можно больше африканских стран, потому что за Африкой — будущее. Сегодня настало время для стран БРИКС, Турции, африканских государств. Взаимодействие должно быть выгодно как нам, так и Африке.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Прошу выступить заместителя министра информации Республики Беларусь Игоря Ивановича Бузовского.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Хотел бы сказать несколько слов о проблемах и перспективах формирования новой глобальной платформы культурного сотрудничества.

БРИКС как образование будет нести реальную миссию, когда обретет понимание миссии входящих в нее стран, представляющую собой определенную историческую культурологическую платформу, консолидирующую всех. Мы должны понять, что будущее — это не только экономика, а в первую очередь геополитика, философия, социология, смыслы, а уже затем экономика. История подтверждает, что как только мы утрачиваем смыслы, мы теряем понимание развития экономических стратегий, в том числе теоретических.

Кто будет формулировать смысловую составляющую, о которой сегодня мы консолидированно заявили, — перспективы формирования платформы культурного сотрудничества, проявляющегося в культуре, образовании, искусстве? Элиты. В. В. Путин сказал, что сегодня необходимо переосмыслить понятие «элита» в силу того, что оно утратило значение, которым должно обладать. Общественные организации, политические партии, сфера культуры ориентированы на выдвижение лучших, тех, кто составляет элитарное наследие, — интеллигенции. Философы, интеллектуалы для противоборствующих сил нередко являются целью, а мы до сегодняшнего дня считаем их чуть ли не маргиналами.

На современном этапе теоретическая составляющая должна быть одной из определяющих в стратегии развития общества, в том числе в БРИКС.

Приведу один показатель для понимания того, насколько Беларусь ориентируется на Российскую Федерацию. Исследование, которое проводилось в Беларуси среди читающих людей Институтом социологии НАН, выявило, что сегодня около 80 % всей литературы в Беларуси — из России (причем порядка 85 % читают бумажные книги).

Я воспринимаю этот показатель как проблему. Потому что через литературу из Российской Федерации транслируются концепции и смыслы, причем не всегда такие, которые мы считаем приоритетными. Сегодня эта колоссальная проблема подчеркивает необходимость работы с элитами, людьми, которые не только пишут, но и читают книги.

Если говорить о будущем, то здесь я хочу немного поспорить с Д. С. Лихачевым. Будущее определено, но идем мы к нему разными путями. Мы из разных стран, философские и культурологические посылы у нас разные, и в БРИКС мы будем двигаться вместе разными путями. Это будущее, уверен, будет светлым, потому что мы идем к Богу, свету, к чему искренне стремятся сегодня все собравшиеся здесь.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Наш друг из Таджикистана Эркинхон Рахматуллозода, Вам слово.

Э. РАХМАТУЛЛОЗОДА: — В приглашении на Чтения значилось, что главная тема форума — БРИКС как новая площадка для диалога цивилизаций. Представление позиций стран, которые вошли в БРИКС,

особенно в последнее время, представляет интерес для нашей аудитории. Поскольку я немного хуже знаю, как политическая элита стран, входящих в БРИКС, подходит к вопросу членства в этой организации, я решил сделать сообщение о позиции Ирана в этом вопросе.

Этому способствовали два обстоятельства. В январе 2024 года я находился в Иране по вопросам установления партнерских связей между таджикским государством, нашим Национальным университетом и соответствующими иранскими исследовательскими учреждениями. Иранские коллеги предложили включить в повестку дня вопрос о совместном продвижении диалога цивилизаций. Данный вопрос не дискутируется с того времени, когда была выдвинута эта инициатива в 1990-х годах президентом страны Сеид Мохаммадом Хатами. Даже появились статьи коллег из МГИМО о том, почему вопрос диалога цивилизаций не продвигается. Я сказал, что подумаю, а вечером получил приглашение на Лихачевские чтения, тема которых созвучна диалогу цивилизаций. На следующий день я ответил своим иранским коллегам: «Давайте включим в повестку дня этот вопрос».

Иран — страна с богатой культурой, уникальным геополитическим положением, имеющая налаженные контакты и связи практически со всеми странами БРИКС, а с некоторыми из них — на протяжении сотен лет и тысячелетий.

БРИКС представляет для Ирана привлекательную альтернативу традиционным западным партнерам. В этом плане особое значение приобрело участие этой страны в работе Шанхайской организации сотрудничества, где страны БРИКС играют ведущую роль. В такой обстановке вхождение Ирана в БРИКС было предсказуемым и логичным шагом, что и произошло в январе 2024 года.

Многие представляют Иран преимущественно как теократическое государство, где недостаточно политического плюрализма. Но, как ни странно, он там присутствует. В Иране действуют проправительственные, консервативные, реформистские силы — между ними ведется постоянная дискуссия. Иранские аналитики указывают, что все гораздо сложнее, чем мы себе представляем.

А. В. ЯКОВЕНКО: — На этой ноте передаю слово профессору Владимиру Александровичу Шамахову.

В. А. ШАМАХОВ: — Глобальная платформа БРИКС ассоциируется с четырьмя главными целями-терминами: альтернатива, равноправие, традиционализм и суверенитет. Причем суверенитет, как об этом уже говорили коллеги, — не столько экономический, сколько смысловой, ценностной. На примере пяти стран БРИКС, создавших эту организацию, мы видим, что все они пошли по пути смыслового суверенитета. И только после этого у них появился серьезный экономический суверенитет, по отдельности у каждого и у пятерки в целом. Видя это, в БРИКС стали вступать и другие страны.

По сравнению со странами БРИКС, в «Большой семерке» нет ценностного суверенитета: страны, входящие в G7, зависимы. Турция в этом плане находится в трудном положении, о чем сегодня сказал Дж. Окрай. Она стремится к ценностному суверенитету, но в рамках НАТО не может этого сделать. Поэтому Турции придется выбирать.

Экономический суверенитет основывается прежде всего на смысловом, а потом уже на финансовом суверенитете. Длительное время подразумевалось, что экономику формируют прежде всего финансы. Но сейчас мы отчетливо видим, что ее формируют смыслы, а финансы становятся инструментом развития.

Дмитрий Иванович Менделеев сформулировал понятие «нравственная экономика». Для многих оно звучит непривычно, но на самом деле абсолютно правильно. Сегодняшняя действительность это подтверждает. Экономика должна быть прежде всего нравственной.

Говоря о великой русской культуре, Петербурге, балете, вернемся к истории их формирования. Культуру, которой мы гордимся, развивали купцы, позднее ставшие фабрикантами: они открывали музеи, театры и т. д. Поэтому тезис «Будут заводы, будет и культура», который Михаил Викторович сегодня озвучил, мне кажется правильным и справедливым.

БРИКС на сегодняшний день — это не государство, не политика, не власть, а прежде всего люди, различные сообщества, культура, история, традиции и т. д. Разнообразие культур важно, но нужно думать и о том, что эту общность во многом определяет язык, о чем сказал коллега Рокпло. Общий язык важнее, чем общая валюта.

Академик В. В. Наумкин предложил объединить усилия, в том числе в этой компании. Мне кажется, что Александр Сергеевич вместе со своей командой, коллегами, друзьями, партнерами вполне готов к тому, чтобы Лихачевские чтения проводились не раз в год, а работали на постоянной основе. Почему бы нам не создать клуб наподобие Валдайского или Изборского? Предлагаю организовать Лихачевский или Невский клуб и прошу рассмотреть это предложение.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Слово предоставляется члену Совета по внешней и оборонной политике Сергею Алексеевичу Цыпляеву.

С. А. ЦЫПЛЯЕВ: — Чаще всего мы рассматриваем в качестве модели того, что происходит в мире, такую картину: есть государство, консолидированное с точки зрения культуры, политически, в большой степени этнически. Между государствами осуществляется процесс взаимодействия, конкуренции, поиска общего базиса. Однако реальная картина гораздо сложнее. Мы входим в постхантингтоновский мир. Не существует отдельных цивилизаций, которые конфликтуют на границах, а с колоссальной скоростью происходит их перемешивание, поскольку в каждой стране появляются представители всевозможных культур и народностей.

Возникает вопрос: как организовать жизнь и найти культурный базис в ходе великого перемешивания народов? Здесь возможно несколько позиций. Мы не можем впасть в крайность и сказать: «Давайте создадим моноэтнические, монорелигиозные, моноидеологиче-

ские страны». Другая крайность — открыть все ворота — тоже неправильна, поскольку скорость адаптации человека к новым реалиям связана со скоростью смены поколений.

Необходимо все делать внутри страны, чтобы исключить актуализацию того, что нас разделяет, и искать то, что нас объединяет с точки зрения культурного фундамента — общего в разных религиях, этносах и традициях.

Главная задача — создание мощной культуры, которая в состоянии стать «растворителем» для тех, кто в нее попадает. Нужно вкладывать средства в образование, обучение детей. Но остановить процесс перемешивания невозможно — это доминанта будущих десятилетий и веков.

В ходе нашей дискуссии мы иногда выступаем с позиции страха по отношению к внешнему миру, предпринимаем попытки закрыться от него. Это позиция слабого, поскольку если мы считаем, что у нас есть что предъявить миру, то не должны бояться открытости, общения с другими культурами.

Мы хотим брать пример с Китая, но поступаем ровно наоборот. Первый завет Дэн Сяопина (1977): ни одна страна мира, независимо от ее политического устройства, не в состоянии провести модернизацию, если она придерживается политики закрытых дверей. И Китай стал шаг за шагом «открывать двери». Понятно, что бездумное принятие абсолютно всего неприемлемо, но и механическая изоляция по принципу «давайте закрываться» тоже до добра не доведет. Например, китайцы успешно используют Болонскую систему образования, хотя формально ее не вводили. Сможем ли мы сотрудничать с Китаем в области высшего образования, если будем строить суверенную систему, которая не имеет ничего общего с китайской?

Несколько удивляет позиция представителей Российской академии наук — напомню, импортированной структуры. В свое время Петр I не только организационную структуру перенял, но и первых академиков завез с Запада. Сегодня представители Академии выступают за создание собственной, суверенной науки. Я по образованию физик, занимался математическими методами квантовой теории поля. Мы знаем, как несколько десятилетий назад у нас разгромили генетику. Квантовую физику тоже хотели уничтожить, но выяснилось, что без нее невозможен атомный проект. Кстати, на этом примере можно увидеть, как важно международное взаимодействие в науке. Я бы всем посоветовал посетить Музей Службы внешней разведки — там наглядно показано, какой вклад внесла наша разведка в реализацию атомного проекта. Это тоже был обмен информацией с Западом, хотя и по такому «своеобразному» каналу.

На мой взгляд, средства, которые выделяются на развитие науки, должны поступать в распоряжение Академии наук. Никто не знает, как ими оптимально распорядиться, кроме самих ученых. Но для этого необходима самоорганизация ученых, и это одна из функций академии. В нашем институте не проводились наукометрические исследования, но все знали, кто чего стоит. А наши журналы — «Теоретическая и математическая физика», «Журнал экспериментальной и теоретической физики» — переводились на английский язык и издавались в Америке (мы потом получали чеки).

Небольшая реплика на выступление Константина Федоровича Затулина.

Любая идея, которая работает на разделение единой политической нации в разнообразии, может оказаться взрывоопасной. А русскому народу не надо ничего бояться. У нас большая история и великая культура, поэтому мы можем не опасаться чуждых влияний. Никто не сделает нас другими, если мы этого сами не захотим.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Мне трудно согласиться, что Россия сама закрывается и изолируется. Например, RT и многие другие российские средства массовой информации были закрыты в странах Запада по их инициативе. Это не мы самоизолируемся, а нас изолируют. Кое-что делается на двусторонней основе.

А что происходит в сфере культуры? В Европе начали закрывать наши экспозиции, арестовывать фонды. Все мы помним, как Франция отказывалась возвращать наши культурные ценности, как переименовывали картины в Великобритании и многое другое.

Европа старается сократить до минимума контакты с Россией. Нас перестали приглашать на конференции, фактически закрылись все обмены в области книгоиздания.

Контакты с Германией, Францией фактически прекратились. Диалог элит был прерван, и мы сейчас находимся в таком переходном периоде, когда нужно выстраивать отношения с другими странами, по крайней мере с теми, которые готовы нас принимать. Это будет продолжаться до тех пор, пока Запад не изменит свою позицию, а это произойдет только в том случае, когда там к власти придут новые политические лидеры и новые партии. Владимир Владимирович Путин прямо говорит, что мы открыты к взаимодействию.

Так что никакой самоизоляции нет. Другое дело, что мы пытаемся защитить свое интеллектуальное поле от западного влияния, которое в принципе работает на ослабление страны.

Мы по-прежнему открыты для сотрудничества. В этом смысле БРИКС является очень хорошей формой взаимодействия, потому что в основе этого объединения лежит равноправие.

Изолироваться — не дай бог, и я признаков самоизоляции не вижу. Более того, в настоящее время мы еще больше открыты, чем раньше.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Действительно, Запад пытается изолировать Россию, но и у нас уже приходится слышать, что Россия должна отгородиться от остального мира. Безусловно, это не политика руководства страны, но в общественном процессе такие идеи присутствуют.

Но мне хотелось бы ответить Сергею Алексеевичу Цыпляеву.

Вы говорите: «Мы, русский народ, не должны ничего бояться». Однако мы боимся, хотя и не должны. А если нет, то что такое мигрантофобия? Если мы пой-

дем по тому пути, который Вы предлагаете, то потеряем способность быть объединителем и «растворителем». Мы утратили территории и людей в результате распада СССР, и обратно их не привлечем, если будем все время демонстрировать желание отгородиться. Как можно одновременно создавать евразийские союзы и говорить: «Надо немедленно выстроить забор на границе»?

Ведомство, которое отвечает за миграционную политику, совершило ошибку, открывая ворота всем подряд, без надлежащего контроля.

М. В. ЗАХАРОВА: — Сергей Алексеевич, у меня вопрос к Вам. Александр Владимирович привел некоторые примеры изоляции России со стороны Запада, а я могла бы привести их намного больше — как человек, которому закрыли визы, отобрали аккредитации, а теперь даже пролетать над некоторыми странами не разрешают. Возможно, я в чем-то неправильно Вас поняла?

С. А. ЦЫПЛЯЕВ: — Все, что было сказано Александром Владимировичем, совершенно верно, с этим спорить невозможно. Речь идет о том, что мы склонны к крайностям. То абсолютная открытость — берем все, не рассуждая, то наоборот: «Это предлагает Запад, значит, это нам не нужно». Я призываю к разумному и эффективному подходу. Давайте оценивать идеи и технологии независимо от источника: выгодно ли это нам, соответствует ли нашим национальным интересам, будет ли у нас работать? А не исходить из того, что «предложено Западом — значит плохо».

А. В. ЯКОВЕНКО: — Господин Околи, Вам слово.

М. ОКОЛИ: — В сегодняшнем мире нет ничего более сложного, но при этом и более радостного, чем открыто и искренне обмениваться мнениями, сотрудничать и общими усилиями добиваться лучшей жизни для всего человечества. Это везде и во все времена является главной целью мировой политики и международного взаимодействия. Истина всегда рано или поздно торжествует. В России живут очень добрые люди, которые верят в силу убеждения, в прогресс гуманизма, в равноправие для всех. В настоящее время путь к этим достойным целям особенно сложен.

Духовные ценности российского народа, которые сегодня сплачивают его как никогда, нам очень понятны, и мы их разделяем. Россияне по праву могут гордиться своей страной и тем вкладом, который они вносят в прогресс мировой цивилизации и культуры.

Однако во многих странах Африки ведется настоящая информационная война против России. Мне довелось участвовать в организации нескольких конференций по БРИКС в Нигерии, и они имели мощный резонанс. Среди участников были политики и ученые, профессора университетов из разных стран, в том числе из России, многие приняли участие онлайн. Все средства массовой информации Нигерии живо откликнулись на это событие. Писали в газетах, показывали по телевидению — все в позитивном ключе.

Я пришел к выводу, что зачастую негативное мнение о той или иной стране складывается просто из-за недостаточной или искаженной информации. Даже среди ученых многие не понимают сути того, что происходит в России, потому что они получают информацию большей частью из западных источников. С этим надо что-то делать.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Не все так просто.

М. ОКОЛИ: — Когда вас хотят заставить поверить лжи, эту ложь многократно повторяют. Первая реакция публики — «это ложь», но «информация» сообщается по телевидению, звучит в интервью, и все думают: «Кто-то хорошо заплатил этим людям, чтобы они рассказывали такое». Так вот, я должен сообщить, что конференцию по БРИКС я организовал и провел на собственные средства.

И еще мне хотелось бы сказать о политике, которую проводит Россия в Африке. Россия не Советский Союз, теперь здесь частная собственность на средства производства. Когда предприятие получает заказ от государства, оно, как и во всех других случаях, в первую очередь думает о том, какую прибыль получит. Но в Африке не все понимают разницу между СССР и современной Россией, поэтому необходимо вести разъяснительную работу.

Однако у России есть много преимуществ. Например, такой экспортный товар, который в Африке является дефицитом, тормозящим развитие, — электроэнергия. В России, как сказал Михаил Викторович, имеется уникальный ядерный реактор. Если у него достаточно высокая производительность, то почему бы не использовать его продукцию как статью экспорта? Уверен, что мы могли бы найти еще очень много таких сфер, где можно организовать успешное взаимовыгодное сотрудничество.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Думаю, было бы очень хорошо, если бы из Нигерии в Россию приезжало как можно больше журналистов, чтобы они сообщали африканцам и всему миру правду о том, что они здесь видят. Мы будем очень рады их принять.

А теперь слово предоставляется господину Башле.

Ж.-Л. БАШЛЕ: — Поскольку я музыкант, писатель и драматург, меня интересуют индивидуальные судьбы, а мир общих идей мне чужд. И поэтому когда я вижу так много крупных специалистов, которые умеют формулировать свои мысли, оперируя абстрактными понятиями, меня это приводит в восхищение. И, конечно, я стараюсь учиться у вас.

Во Франции есть легенда об известном философе Гюставе Лебоне. На вопрос журналиста о том, за какие идеалы он боролся во время Первой мировой войны, Лебон якобы ответил: «Да какие там идеалы. Я пошел в партизаны, когда увидел, как немецкие солдаты срезают розы в моем саду». То есть были ущемлены его собственные, вполне конкретные интересы. Поэтому, когда я слушаю рассуждения о перспективах БРИКС, меня это немного пугает, так как за этой аббревиату-

рой я вижу нечто абстрактное. Это как пресловутая американская мечта, жертвами которой, как известно, стали несколько миллионов человек. И поэтому я благодарен господину Шамахову за то, что он напомнил: целью БРИКС должна быть не власть, а благополучие людей. По-моему, это самое главное — помнить о том, что за любыми политическими решениями и структурами стоят индивидуальные судьбы.

Когда я учился в школе, в нашем классе было много иностранцев из Испании, Греции, Аргентины, стран Центральной Африки и др. Поэтому я с детства имею представление о том, что такое диалог культур, и сам в нем активно участвую по мере сил. И могу совершенно точно сказать: как бы ни развивалось сотрудничество стран БРИКС, необходимо думать о судьбах людей и ко всем действиям подходить с открытым сердцем.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Следующий выступающий — писатель, лауреат литературной премии «За мир и толерантность» господин Морад.

М. Эль-ХАТТАБ Эль-ИБРАХИМИ Эль-ШЕРИФИ Эль-ИДРИСИ: — Запад очень внимательно относится к развитию сотрудничества стран БРИКС, и я хочу представить вашему вниманию взгляд Запада на эту ситуацию. Мы рассматриваем БРИКС как геополитическую и экономическую коалицию, но она все еще остается неформальным клубом без генерального секретариата. В попытке скоординировать политику и действия всех участников решения принимаются на основе консенсуса, но, на наш взгляд, коллективное влияние следует усилить.

Сама модель БРИКС выглядит как альтернатива западной либеральной модели, поэтому я надеюсь, что БРИКС найдет ответы на многие вопросы, на которые не может ответить Запад. Направления развития БРИКС определяются двумя группами стран: с одной стороны, это Россия, Китай и Иран, с другой — Индия, Бразилия, Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия. У второй группы сохраняются общие с Западом стратегические интересы. Точка схождения — переформатирование или создание заново таких международных организаций, как ООН и ВТО. Но в стратегиях экономического взаимодействия попрежнему существуют разногласия, да и экономическое развитие стран сильно различается.

Мы очень благодарны России за состоявшийся в Петербурге в июле 2023 года экономический форум «Россия–Африка». По его итогам было подписано большое число соглашений и контрактов в различных областях — обеспечении безопасности, развитии инфраструктуры, транспорта, энергетики. Однако мы вынуждены констатировать, что, к сожалению, динамика экономического взаимодействия стала более сдержанной из-за того, что замедляется экономическое развитие Китая и Южной Африки.

Хочу напомнить, что франкофонный мир — это 370 с небольшим млн человек, из которых 160 млн — это африканская часть: 47 % франкофонного населения в мире — африканцы.

И главное — мир меняется. Крупные политические лидеры решают изменить мировую валютную систему.

Юрий Ушаков, дипломатический советник Владимира Путина, 5 марта текущего года заявил, что БРИКС работает над созданием независимой системы платежей, которая строится на цифровых валютах и блокчейне. Но это будет весьма трудно, поскольку между странами БРИКС много противоречий разного уровня. Но особенно важно, смогут ли независимые предприятия и частные субъекты местного порядка внутри самого БРИКС быть уверенными в том, что цифровые платежи заработают. Сегодня мир финансов ждет отчета, который Россия представит на БРИКС в октябре, когда будет председателем объединения. И она пообещала предложить меры, направленные на улучшение системы. Месяц назад американцы тоже объявили цифровую войну и выпустили цифровую валюту центрального банка (CBDC), которая совместима с платежной системой SWIFT. Теперь будущее международных финансов в руках у России, поскольку объявлена цифровая война между США и БРИКС.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Войны не будет. Мы создадим альтернативную справедливую финансовую систему, которая будет стоять над любыми санкционными режимами и даст всем странам равные возможности для торговли.

Слово предоставляется журналисту Дмитрию Олеговичу Бабичу.

Д. О. БАБИЧ: — Страшные слова «война», «геноцид» и другие многим могут показаться гиперболой. Недавно польская газета Rzeczpospolita опубликовала исследование под названием «Почему российские самолеты еще летают?». Их заинтересовало, как мы получаем запчасти, ведь Boeing и Airbus с начала специальной военной операции прекратили поставку запчастей. Газета это выяснила благодаря расследовательской группе внутри России. Кто нам поставляет эти детали? Не буду называть фирмы и даже страны, но оказалось, что детали к нам поступают из мусульманских стран. И газета призвала посадить этих поставщиков в тюрьму, наложить на них санкции. И очень важный момент — она постаралась их нравственно унизить тем, что они за эти детали получают деньги. Представьте — в России есть регионы, куда иначе, как самолетом, продовольствие не доставить. Мы спасаем людей. И люди, которые продают нам авиадетали, спасают людей, но якобы они плохие, порочные, их надо лишить свободы.

Очевидно, что здесь мы имеем дело с действительно тоталитарной идеологией. На самом деле тоталитаризма не два — нацистский и коммунистический, их три. В начале XX века были национализм, социализм и либерализм — нормальные постхристианские идеологии, в самом начале вполне успешные. Мир многим им обязан. Но у каждой из них был бастард, то есть примитивный и страшный для миллиардов людей вариант. У национализма это нацистская Германия, у прекрасных социалистических идей конца XIX века — ранний Советский Союз и маоизм. А сей-

час мы дожили до тоталитарного варианта либерализма, назовем его условно ультралиберализм.

Теперь что касается БРИКС и антиколониального дискурса — кто плохой, а кто хороший. На Западе тоже есть свой антиколониальный дискурс, целая теория, что музыка Бетховена тоталитарна и плоха, потому что она не африканская и т. д. Нам, конечно, ни в коем случае нельзя в это включаться и повторять за ними, усваивать лексику, даже слово «антиколониализм». Может быть, найти какое-то другое. Их антиколониализм отличается от нашего тем, что он тоталитарный. Для любой тоталитарной системы характерно (мы это видели даже в раннем Советском Союзе), что все политизируется: спорт, искусство, культура, образование. Вы не просто бегаете на лыжах, а в свое время — за Советский Союз и социализм, сейчас — за победу либерализма во всем мире. Или вам не дадут бегать на лыжах, потому что вы будете таким образом пропагандировать неправильную политическую теорию.

Мы в этом от них отличаемся. И благодаря этому в БРИКС могут сосуществовать страны — геополитические противники, например Саудовская Аравия и Иран, который подал заявку на вступление. Нам нужно сохранить этот дух. Мы будем более привлекательны потому, что наша культура взаимодействия внутри БРИКС для всех максимально деполитизирована.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Прошу высказаться нашего гостя из Франции, писательницу Галину Валерьевну Наумову.

Г. В. НАУМОВА: — Вчера и сегодня несколько раз упоминалось имя Фрэнсиса Фукуямы. И у нас, и на Западе критиковали его идею конца мира, конца истории. Их мира и их истории. Я бы сказала, что это действительно конец, но, может быть, не истории, а западной доминанты. Сегодня все в мире постепенно понимают, что приходит конец доминированию Запада. И с этим связаны, безусловно, все проблемы, и в том числе нынешние военные действия на Украине. Ф. Фукуяма был учеником Сэмюэля Хантингтона, который в 1990-х годах в книге «The Clash of Civilizations» о столкновении цивилизаций дал их классификацию. Поэтому представление нашей российской цивилизации не является новым. На Западе давно знают, что по классификации Хантингтона православная цивилизация наряду с Западом, исламским миром, Китаем и латиноамериканской цивилизацией является одной из ведущих в мире. Этим объясняется то, что столько столетий против наших ценностей ведется война, в которой решающим в конечном итоге является человеческий фактор. И мы, Россия, как всегда, призваны спасать этот мир.

Я 30 лет занимаюсь имиджем России за границей и в больших международных проектах. Латинская Америка, Африка, Азия, Китай — это те страны и культуры, в которых сохранился огромный потенциал духовности, метафизики, растраченный западным миром. Европейский союз, без сомнения, распадется потому, что был основан на европейских ценностях и на христианстве. Ни того ни другого не осталось. Но нам в России, с нашим великодушием, невероятной добротой и всепрощением, важен взгляд русского человека оттуда, из другого мира. Нам нужно научиться ценить себя, свою культуру, иметь свое достоинство.

Любовь к России и воспитание молодого поколения, человечность, справедливость и правда — это те основы, которые во всем мире привлекают к нам огромное внимание и вызывают уважение.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Слово предоставляется гостю из Индии Анилу Тригунаяту.

А. ТРИГУНАЯТ: — БРИКС — это формирование, которое открыто для всех. Мы не выступаем против Запада, но сегодня мы видим, что многое не можем контролировать. Геополитические, георелигиозные, геотехнологические соревнования сейчас происходят по всему миру. Мы не знаем, к чему это нас приведет.

Создание новой валюты — это действительно настоящий рост, потому что если использовать финансовые инструменты как оружие, то и удобрения, продукты питания, топливо тоже могут применяться в качестве оружия. Но есть страны, которые пытаются найти альтернативу. Индия также старается использовать унифицированные системы для платежей. Такие платежи осуществляются с Францией и многими странами по всему миру.

Также мы больше обращаем внимание на Восток. Именно там в ближайшее время ожидается основной экономический рост. До того как Индия стала независимой, она была под гнетом Великобритании. А сегодня более 3 % мирового ВВП приходится на Индию, по этому показателю к нам близок только Китай.

В каждой культуре есть своя система ценностей, но в основе любой религии, любой культуры — человек. Однако я часто слышу, как об этом говорят послы, высокопоставленные участники конференций, но после того, как эти слова высказаны, на деле ничего не происходит.

В БРИКС мы пытаемся создать определенную модель. Это не западная модель, но она позволит другим подойти к нам и пообщаться, а это очень важно, с нашей точки зрения. Также нужно создать инструмент для интерактивной деятельности. БРИКС необходим собственный секретариат, что позволит ускорить процесс работы.

Нужно научиться думать. Все, что мы сейчас говорим о БРИКС, было сказано еще в 2010 году. Сотрудничество стран БРИКС доказывает то, что разные системы развития государств могут сосуществовать, и в этом его сила. Но мы живем в реальном мире, сначала нужно обратить внимание на собственное поведение, а потом уже смотреть на вещи вовне. Глобальная безопасность, глобальное развитие и глобальная культурная цивилизация. Без прозрачной системы не будет необходимой поддержки внутри БРИКС.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Слово предоставляется председателю совета директоров газеты «Комсомольская правда» Владимиру Константиновичу Мамонтову.

В. К. МАМОНТОВ: — Если бы меня попросили сформулировать, что такое БРИКС, я ответил бы следующее. Прежде всего в него входят старейшие, состоявшиеся мировые цивилизации либо те, кто хотел бы стать таковой и быстро развивается, я имею в виду Россию. Прекрасные люди, которые изобрели порох, выдумали фарфор и чего только ни сделали, сейчас объединились в БРИКС. Одно время их называли странами третьего мира и развивающимися, а ведь это государства с гигантской цивилизационной состоятельностью. Объединение для них — это возможность мирного сосуществования и суверенитета каждого. Но и определенный реванш, который БРИКС дает западной цивилизации, бездарно провалившей дело руководства миром. Главный вопрос заключается в том, что из старого мира надо взять с собой, а что безжалостно выбросить? Бездарность, которую нам демонстрируют, выбросить. А то гигантское знание, которое западный мир, и Европа в том числе, несет, — ни в коем случае.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Мария Владимировна Захарова, Вам слово.

М. В. ЗАХАРОВА: — Во-первых, наш коллега из Франции совершенно точно подметил уникальность России как площадки для обсуждения всех аспектов сегодняшних проблем. Мы слышим людей из тех стран, режимы которых, к сожалению, объявили нам гибридную войну, но мы приглашаем представителей этих государств для обсуждения всего спектра актуальных вопросов.

Итальянский коллега интересно сказал о предстоящих выборах в так называемых развитых демократиях. Уникальность ситуации заключается в том, что речь идет в том числе о Соединенных Штатах Америки, ядерной державе с огромным военным потенциалом всевозможных средств уничтожения, которые вышли из-под международного контроля, и при этом никто не знает, кто придет в офис в Белом доме. Они много лет говорили о том, что это и есть преимущество демократии, когда неизвестно, чем вообще все закончится. А это начало хаоса — возможность приведения к власти любого человека, в которого вложат деньги. Это кот в мешке, человек, которого могут вбросить за месяц до выборов, ввести в руководство страны, которая и так создает проблемы в мире. А какие проблемы она создаст себе самой и как они потом отразятся на международных отношениях, никто даже не знает. Поэтому я считаю, что это не плюс западной демократии, а катастрофа.

Гость из Сербии отметил, что на ценности все смотрят по-разному. Предложу такой вариант. Как не поссориться тем, кто хочет защищать ценности, но при этом имеет на них разные взгляды? Во-первых, именно ценностям посвящал свою деятельность Дмитрий Лихачев. Во-вторых, может быть, это те самые ценности, которые отличают человека от животного и направлены на свободу созидания, то есть не на саморазрушение.

И последнее. Безусловно, не все инициативы Запада следует отвергать. Но нужно помнить о том, что многие западные инициативы исторически были бесплатным сыром в мышеловке, и нам нельзя повторять эти ошибки. Нам объявлена гибридная война. Что же это за замечательные инициативы, которые идут параллельно с наращиванием поставок вооружений и миллиардных траншей на уничтожение нас как народа, нации, цивилизации. Я ни разу не видела, чтобы, с одной стороны, со страной воевали с чудовищной жестокостью и безжалостностью, а с другой — предлагали полезные инициативы. Нельзя этому верить.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Культурная, цивилизационная составляющая БРИКС на сегодняшний день, пожалуй, важнее и политических, и экономических аспектов. Потому что он объединяет большое количество государств, которые хотели бы, чтобы мир развивался по-другому. Опыт XX века, к сожалению, во многом был не очень успешным для дела мира и развития. Поэтому БРИКС является союзом единомышленников, стран, которые готовы объединять свои усилия в плане развития. Мы считаем, что культурная составляющая вместе с цивилизационной будут в ближайшие годы превалировать.

Секция 2
ЦЕННОСТИ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: ВСЕОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

13 апреля 2024 г. Научная библиотека им. Д. А. Гранина СПбГУП,

Руководители секции:

А. А. ГУСЕЙНОВ	директор Института философии РАН (Москва), академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Е. Г. ДРАПЕКО	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по культуре (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, Заслуженная артистка РСФСР, профессор СПбГУП (1994–1999)
Ж. Т. ТОЩЕНКО	главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), член-корреспондент РАН, председатель Международного редакционного совета журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор

ДОКЛАДЫ

С. Р. Абрамов[1]

«НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК, ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВИЛАХ» И ТЕОРИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

11 сентября 1990 года, когда Советский Союз был уже на грани распада, президент США Джордж Буш-старший объявил о наступлении нового мирового порядка. По поводу этой фразы за прошедшие годы было много сказано, в том числе и о том, что так были декларированы либеральные основания устройства мирового гегемона — глобального полицейского государства и мировой торговой империи.

Проблема либерализма всех мастей состоит в том, что под словами «демократия» и «народовластие» он скрывает фактически тоталитарную власть разных слоев бюрократии и тем самым позволяет силам капитала медленно, но неуклонно узурпировать рычаги власти, прикрываясь «свободой» в разнузданном либертарианском духе, освобождающей при этом капитал от подчинения каким-либо высшим интересам, что и позволяет ему взять под контроль политиков, общественные движения, СМИ, академические круги — все институты, которые представляют собой как жесткую, так и «мягкую силу» в общественном устройстве.

В этом и заключается суть нынешней международной системы — «нового мирового порядка» (или, в новейшем изводе, «мира, основанного на правилах»), который был триумфально провозглашен после краха Советского Союза в конце холодной войны. С уходом Советов американские элиты сочли, что двери распахнулись для распространения этой парадигмы — суверенитета западного капитала — во все уголки земного шара, и стали действовать соответствующим образом. Возникновение нынешней международной системы и суверенитета глобального финансового капитала — история долгая и поучительная, детально описанная специалистами[2], и рассматривать ее здесь мы не будем. Заметим лишь, что корнями своими она уходит в Британскую торговую империю как господствующую мировую державу конца XIX — начала XX века, роль которой перешла к Соединенным Штатам в конце Второй мировой войны.

После провозглашения «конца истории» либеральным идеологом Фрэнсисом Фукуямой американские элиты, опьяненные чувством собственного превосходства, приступили к мессианской инициативе по перестройке мирового порядка по своему образу и подобию. При этом демонстративно была оборвана всякая связь с Традицией (называемой у нас популярной фразой «традиционные ценности»), а в качестве един-

[1] Профессор кафедры английского языка СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Герменевтика: история и теория метода. Краткий очерк», «История филологической герменевтики и толкование сакрального и поэтического текста», «Интертекстуальность как конституирующий признак и условие сосуществования семиотических систем», «Герменевтика, интерпретация, текст», «Сакральная герменевтика: новозаветная и раннехристианская традиция», «Исторический очерк филологической герменевтики: от толкования Священного Писания до современной сакральной поэтики» и др.

[2] См., например, классический труд английского историка: *Liddell Hart B. H.* History of the Second World War. L. : Pan Books, 1970. (*Лиддел Гарт Б. Г.* Вторая мировая война) или недавнюю статью : *Ходарев В. Д.* Проигравший победитель: почему Англия перестала быть империей после Второй мировой. URL: https://russian7.ru/post/proigravshiy-pobeditel-pochemu-angli (дата обращения: 01.04.2024).

ственного идеала, прикрывающего неограниченную власть капитала, была допущена лишь абстрактная и неопределимая «свобода» (*liberty*), определяющая столь же абстрактные «права человека» и «гражданское общество».

Разумеется, все эти пустые и звонкие слова — банальности, которые Америка использует для защиты и реализации своих интересов на всей планете. С помощью весьма продуманного нарратива, разработанного в либеральных университетских кругах и представляющего Америку как некий «сияющий град на холме», США в XX веке сумели утвердить себя в качестве некоего обязательного образца, по которому все остальные страны должны себя сверять и которому должны соответствовать (если не желают, чтобы их объявили «нецивилизованными» или даже «изгоями»). Именно таким образом американские элиты используют свои фонды для продвижения собственных интересов за рубежом. Так называемое гражданское общество состоит из американских НПО, которые финансируются американскими миллиардерами и корпорациями. Так называемые права человека — это просто шибболет, используемый американской элитой против соперников, которые недостаточно покорны гегемонии США, а то и вовсе могут представлять ей угрозу, а так называемая свобода — это свобода американского капитала и корпораций безнаказанно грабить туземцев, а также вся та культурная деградация, которая сопутствует этому.

Глобальный финансовый капитал стремится к тому, чтобы уменьшить или нивелировать все региональные культурные особенности. Он хочет создать мир торговых центров, культурную пустыню, заполненную лишь большими магазинами и корпоративными сетями, где каждый город, село и страна унифицированы и стандартизированы, где эмблемы американских корпораций простираются до горизонта, насколько может видеть глаз. Это мир, где настоящая традиционная культура и обычаи полностью стерты с лица земли или, по крайней мере, благополучно отправлены в музей в качестве экспонатов.

Именно это и является истинным стимулом для продвижения Америкой массовой иммиграции, мультикультурализма, феминизма, борьбы с расизмом и прав гомосексуалов в других странах. Не то чтобы эти вопросы имели значение сами по себе, но глобализм не может процветать в мире, напоминающем мир Традиции, где царят различия и своеобразие в виде вековых обычаев, уникальных для культурного ландшафта каждой отдельной цивилизации. Коммерческая империя не сможет быть максимально эффективной — и, скорее всего, просто не сможет полноценно функционировать — в мире, где существуют уникальные и взаимоисключающие различия между разными народами и культурами. Поэтому единственное решение — подорвать их с помощью глобальной коммерческой антикультуры. Культурная гегемония — это часть стратегии глобальной гегемонии.

Невозможно продавать коммерческий мусор людям, погруженным в свои подлинные традиции и культуры, следовательно, невозможно позиционировать себя как «сияющий град на холме», как моральный центр международного порядка, а значит, и невозможно скрывать свою голую страсть к власти ради нее самой. Отсюда и жесткая травля, и демонизация несогласных — за их стремление к отстаиванию собственных интересов. Глобальный капитал объявил своими врагами Россию и Китай, обозначив геополитическую конкуренцию между Америкой и ее союзниками, с одной стороны, и Россией и Китаем — с другой, как «демократию против автократии».

Для противостояния пагубному культурно-унифицирующему влиянию Америки в мире, ее геополитическим планам и амбициям, в борьбе против ее презумпции морального превосходства посредством либеральных ценностей и так называемого основанного на правилах либерального международного порядка необходимо теоретически оспорить ее либеральную глобалистскую доктрину, включая все апелляции к западным концепциям «прав человека» и «демократии».

И здесь важным контраргументом выступает Теория многополярного мира (ТММ), разрабатываемая А. Г. Дугиным[1]. Книга с соответствующим названием была несколько раз переиздана в США и Великобритании, а также в других странах.

За бескомпромиссное объявление теоретической войны марионеткам Вашингтона, а также за полную поддержку СВО на Украине Дугин подвергся всеобщему осуждению на Западе. Однако он при этом широко известен как мыслитель и теоретик, его книги переведены на многие языки.

Теория многополярного мира отвергает Вестфальскую систему национальных государств в пользу иного мирового порядка, в котором главными действующими лицами являются не нации, а цивилизации. Убедительно обосновывается, что Вестфальская система — устаревшая юридическая фикция, которая в действительности не функционирует уже очень давно. Это связано с тем, что только одна держава, Америка, в течение последних тридцати лет имела практическую возможность применять силу. Вестфальская модель представляет собой мироустройство, где национальный суверенитет священен и ни одно государство не имеет права вмешиваться в дела другого — но на практике это просто не работает. И объясняется это тем, что малые государства не в силах в одиночку противостоять великим державам, тогда как «большое пространство» цивилизационных блоков действительно может оказаться способным справиться с этой задачей, и если рассматривать в качестве примера Китай и Россию, то обе эти развивающиеся державы, которые согласно представленной модели являют собой не просто национальные государства, а цивилизационные центры.

Действительно, одна из презумпций ТММ заключается в том, что цивилизации должны быть способны осуществлять реальный суверенитет в пределах своих цивилизационных пространств. Цивилизация должна быть интегрирована таким образом, чтобы никакая

[1] *Дугин А. Г.* Теория многополярного мира. М. : Плюриверсум, 2015 (англ. изд.: *Dugin A.* The Theory of a Multipolar World. L. : Arktos, 2020).

внешняя сила не могла использовать экономические санкции — излюбленный инструмент американской элиты — с целью поставить цивилизацию на колени. Чтобы не допустить повторения подобного положения вещей, ТММ призывает к полной реконструкции глобальной экономики и подчинению экономики политике, а не политики экономике. Согласно ТММ вместо взаимосвязанной мировой экономики цивилизации должны быть экономически интегрированы внутренне и стремиться быть экономически самодостаточными. Международная торговля по-прежнему будет существовать, но ни одна цивилизация не должна зависеть от торговли с другой в своем материальном процветании.

ТММ призывает не только к радикальной реорганизации глобальной экономики, но и к радикальной реорганизации, если не к полному уничтожению, системы международных финансов. Это, конечно, означает, что в ТММ международный капитал не может быть суверенным, поскольку в той степени, в которой капитал существует, он должен быть связан с интересами народов каждой отдельной цивилизации, а значит, подчинен институтам государства, то есть он не может быть суверенным. Таким образом, ТММ — это объявление войны интересам глобальных финансистов.

А. Г. Дугин делит цивилизации примерно по тому же принципу, что и Сэмюэль Хантингтон в своей фундаментальной работе[1], и тем самым не только вписывает свою теорию в классический канон геополитической литературы, но и смотрит дальше Хантингтона. Он доводит эту концепцию до логического конца, предполагая врожденные и непримиримые различия между цивилизациями, что сразу снимает претензии западного модерна на универсальность, превращая ТММ в традиционалистскую теорию международных отношений.

Любое целостное деление цивилизаций происходит по культурным, религиозным, этническим и географическим линиям раздела, что прямо отвергает всеобщность и требует признания особости. Тем самым разоблачается любая презумпция универсальности так называемых западных ценностей, поскольку это не что иное, как завуалированная воля к власти, причем со стороны худших представителей рода человеческого. Действительно, концепция универсальности морали исключена в ТММ, так как каждая цивилизация должна иметь и фактически уже имеет собственные концепции морали, наряду с присущими ей культурными, религиозными и государственными формами существования. Поэтому попытка навязать некие универсальные стандарты другим культурам рассматривается не иначе как враждебное действие.

ТММ — это противоположность нынешней международной системе и противоядие против так называемого нового мирового порядка, основанного на правилах, навязываемого сегодня все более оторванной от реальности глобалистской элитой.

В конечном счете проект многополярности может оказаться спасительным даже для угасающего Запада. Поскольку каждая цивилизация стремится к собственному благу и либо возвращается к своим старым традиционным культурным и институциональным формам, либо стремится к новым, успех такого проекта раз и навсегда докажет, что неизбежный триумф западного либерализма был не более чем идеологическим мифом. Такой результат мог бы окончательно вывести Запад из идеологического тупика, вдохновив его на новый духовный поиск, в рамках которого западный человек смог бы вновь открыть для себя смысл Традиции, явленной в новых и оригинальных формах.

Это может стать временем новых высоких достижений, безграничного воображения, любознательности и нового понимания того, что значит быть непохожим на других и, следовательно, быть способным находить оригинальные решения вместо шаблонных. Ибо многополярность — это ткань, созидающая мириады красочных возможностей, а не один тупиковый путь, по которому безликая человеческая масса бредет до заявленного конца истории.

Е. В. Андриенко[2]

САМОРАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ЦЕННОСТЬ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В условиях глобальных трансформаций и становления цифрового общества особую актуальность приобретают вопросы межкультурной коммуникации. Диалог культур — неотъемлемая составляющая поликультурного пространства БРИКС. Она неоднократно исследовалась в контексте политических, информационных, религиозных, экономических и других процессов, и практически во всех случаях речь шла о ее социальном аспекте. При этом не менее важную роль играет личностное измерение межкультурной коммуникации. На современном этапе развитие мира и, в частности, стран БРИКС, характеризуется ускоряющимися изменениями, затрагивающими практически все сферы жизни общества. Эти процессы ставят личность как субъекта общественных отношений перед новыми вызовами, среди которых в том числе необходимость

[1] *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order : [1st Touchstone ed.]. N. Y. : Simon & Schuster, 1996.

[2] Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук. Автор более 130 публикаций, в т. ч. монографий «Демократия как мировоззренческая основа культуры современного общества», «Политическая, правовая и этническая толерантность как условие построения демократического общества», «Феномен „донбасского характера“ как фактор народного самоопределения», «Сантерия в аспекте социокультурного развития полиэтнической Кубы» и др.

соответствовать этим изменениям, от чего непосредственно зависит возможность адаптации к социальной среде, а также возможность продуктивной и созидательной социальной активности. Одним из путей, позволяющих личности эффективно отвечать на вызовы меняющейся реальности, является знание иностранных языков.

Известное выражение, приписываемое то И. В. Гёте, то А. П. Чехову, гласит: «Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек». Сохранение человеческой сущности в эпоху цифры является одной из наиболее сложных и в то же время необходимых задач, поскольку от ее решения зависит будущее человечества. Одной из особенностей цифрового этапа развития является смещение акцента с производства материальных товаров на производство информационных продуктов. Конкуренция в этой сфере порождает необходимость постоянно проявлять творческое начало и инновационное мышление, а значит, находиться в процессе непрерывного саморазвития. Если на предыдущих этапах социокультурной динамики творчество и саморазвитие были уделом избранных одиночек, то сегодня они становятся необходимым условием выживания в новой реальности цифрового мира.

Саморазвитие личности можно определить как процесс целенаправленного совершенствования субъектом своих физических и интеллектуальных качеств. Вопрос взаимосвязи саморазвития личности и изучения иностранного языка исследовался такими авторами, как А. Н. Борисова[1], И. В. Липчанская[2], Е. Д. Нелунова[3], Н. Хомски[4] и др. В Якутске на базе Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова существует научная школа под руководством профессора М. М. Фомина, посвященная проблемам саморазвития личности в иноязычной среде[5]. При этом данная проблема остается малоразработанной в современном научном пространстве и заслуживает дальнейшего изучения.

Как отмечает А. С. Романова, «личность в современном обществе стремится к динамичному равновесию двух векторов — социальной идентификации и индивидуальной реализации»[6].

Изучение иностранного языка способствует развитию обоих векторов. Эффективность изучения иностранного языка как практики личностного саморазвития выражается в следующих аспектах.

— *Аксиологический аспект.* Каждый язык содержит уникальные идиомы и выражения, которые связаны с определенными ценностями, представлениями и культурными нормами общества. Понимание этих выражений помогает постижению менталитета и мировоззрения носителей языка. Использование языка может быть политически окрашенным и демонстрировать те или иные идеологические установки или взгляды. Политические режимы могут контролировать язык с целью манипулирования общественным мнением. Различия в диалектах и речи языковых сообществ в рамках одного языка определяются разнообразием ценностных и мировоззренческих убеждений. Например, диалекты могут отражать региональные ценности, а также ценности отдельных социальных классов или этнических групп.

— *Когнитивный аспект.* Каждый язык — это отдельная система мировоззрения и способ описания бытия. Изучение иностранного языка дает возможность познать мир с разных сторон, что не только способствует духовному обогащению личности и расширению ее кругозора, но и формирует такие важные ценности современного социального бытия, как толерантность и открытость. Обращаясь к наработкам когнитивной лингвистики, а также к идеям И. Канта и принципу Сепира–Уорфа[7], можно сказать, что структура языка детерминирует способ восприятия мира. Изучение иностранного языка позволяет субъекту осваивать одновременно несколько реальностей.

— *Психологический аспект.* Изучение нового языка требует высокой и разносторонней активности мозга, что способствует улучшению памяти, внимания и мышления. Распространенной (и вполне обоснованной) точкой зрения является то, что изучение иностранного языка легче дается детям, чем взрослым. Действительно, многие дети, живущие в многоязычной среде (например, во многих регионах современной Индии), с детства говорят на 6–9 языках. В качестве примера можно привести опыт юного жителя Индии, выходца из межнациональной семьи по имени Абхай, который в свои 11 лет знает бенгальский, английский, русский, хинди и маратхи[8].

— *Социокультурный аспект.* Изучение языка помогает погрузиться в культуру и менталитет страны (региона), где говорят на этом языке. Язык тесно связан с обычаями, традициями, историей и менталитетом народа-носителя. При изучении иностранного языка косвенно усваиваются языковое поведение и культура.

— *Коммуникативный и карьерный аспекты.* Изучение языка открывает пути для новых знакомств и дружеских связей, а также расширения социального круга и карьерного роста. Разнообразие опыта социальной коммуникации является мощнейшим фак-

[1] *Борисова А. Н.* Саморазвитие учащихся в учебном процессе как условие успешной социализации личности // Образование и социализация личности в современном обществе : материалы научной конференции. Якутск : ЯФ Изд-ва СО РАН, 2002. С. 131–133.

[2] *Липчанская И. В.* Самоидентификация человека в культуре: личностный и профессиональный аспекты // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 2. С. 78–92.

[3] *Нелунова Е. Д.* Проблемы саморазвития студента в открытой образовательной среде : моногр. / Федер. агентство по образованию ; ГОУ ВПО «Якутский гос. ун-т им. М. К. Аммосова». Якутск : Изд-во ЯГУ, 2009.

[4] *Chomsky N.* Language and mind. N.Y. : Harcourt e. a., 1968.

[5] Научная школа «Саморазвитие личности в иноязычной среде» // Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова : [сайт]. URL: https://www.s-vfu.ru/universitet/nauka/nauchnye-instituty-i-tsentry/scientific-schools/the-scientific-school-4/ (дата обращения: 28.08.2024).

[6] *Романова А. С.* Социокультурная обусловленность саморазвития личности // Известия Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины. Гуманитарные науки. 2023. № 4 (139). С. 137.

[7] *Сепир Э.* Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира : антол. / сост. К. Королева. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. С. 127–138.

[8] Бесстрашный (Абхай) — полиглот. Знает 5 языков! // UrleBird : [сайт]. URL: https://urlebird.com/ru/video/бесстрашный-абхай-полиглот-знает-5-языков-7321623825248996614/ (дата обращения: 28.08.2024).

тором личностного роста, поскольку еще Аристотель подчеркивал, что человек — это существо социальное. Личность формируется и эволюционирует только в социуме, который создает для нее одновременно препятствия и возможности для самопроявления. Знание иностранного языка увеличивает шансы на удачное трудоустройство и карьерный рост, особенно для специалистов, которые работают в международной сфере.

— *Гуманизирующий аспект.* Гуманизация представляет собой процесс развития человеческой личности как духовно-морального и интеллектуального субъекта межкультурной коммуникации, формирование понимания человека как цели, а не как средства социокультурного прогресса. Гуманизация языкового образования предполагает подготовку человека, который способен к широкому восприятию мира на основе принципов культурного плюрализма.

В условиях технократической цивилизации гуманитарное образование стало своеобразным приложением к профессиональному. Современный кризис гуманитарной сферы образования является результатом социального кризиса индустриального общества. На пороге информационного общества образование и особенно сфера языкового образования должны занять свое истинное место и стать институтом ретрансляции, гуманизации и развития культуры. Исходя из предпосылок и характера гуманизации сферы языкового образования, можно выделить следующие базовые компоненты данного процесса:

1) обеспечение комплексного подхода к изучению иностранного языка, который предполагает реализацию межпредметных связей;

2) формирование поликультурной компетенции, межкультурного сознания и межкультурных умений и навыков, которые согласно «Общеевропейским компетенциям владения иностранным языком»[1] включают способность привести к общему знаменателю родную и иностранную культуры; культурную чувствительность и способность определить и использовать различные стратегии для контакта с представителями другой культуры; способность играть роль культурного посредника между родной и иностранной культурами; способность преодолевать стереотипы;

3) развитие эвристических умений ученика и его умения учиться, что предполагает способность «воспринимать новый опыт… для того, чтобы действовать в специфической учебной ситуации», «находить, понимать и при необходимости передавать новую информацию», «использовать информационные технологии (например, находить информацию в базах данных, гипертекстах)»[2];

4) реализация связи учебного процесса с социальными и культурно-языковыми особенностями той среды, в которой пребывает обучающийся, а также учет физических (шумы, четкость произношения, четкость печати), социальных (количество собеседников, их взаимоотношения) и временны́х условий (время для подготовки, ограничения во времени) непосредственно в процессе обучения иностранному языку;

5) формирование толерантного отношения учащегося к культуре страны, язык которой изучается;

6) раскрытие гуманистического потенциала работы педагога.

Таким образом, в современном поликультурном пространстве, ярким примером которого являются страны БРИКС, саморазвитие личности представляет собой важнейшую аксиологическую доминанту. Это обусловлено новыми вызовами — цифровизацией, переносом акцента с производства товаров на производство информационных продуктов, что автоматически подразумевает собой творчество, а значит, постоянное саморазвитие. Важнейшим фактором личностного саморазвития в условиях поликультурного глобального мира является изучение иностранных языков. Влияние этого фактора на личность и социум имеет следующие аспекты:

1) аксиологический;
2) когнитивный;
3) психологический;
4) социокультурный;
5) коммуникативный;
6) гуманизирующий.

[1] Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы ; пер. под общ. ред. К. М. Ирисхановой. М. : Изд-во МГЛУ, 2003 // StudFiles : [сайт]. URL: https://studfile.net/preview/7863135/ (дата обращения: 28.08.2024).

[2] Общеевропейские компетенции владения иностранным языком...

В. Н. Бадмаев[1]

СРЕДИННЫЙ ПУТЬ КАК УНИВЕРСАЛИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА[2]

Глобальные изменения современного ландшафта сопровождаются проявлением контуров нового мира с обновленными «центрами силы», появлением новых полюсов, определяющих векторы мирового развития. Многополярность, полицентричность, идентификационный поворот на Восток — это новые характеристики формирующейся реальности и международного порядка. Появляются новые центры развития (Глобальный Юг и Восток, расширение БРИКС и ШОС, возрастание роли исламского и буддийского миров), представляющие различные цивилизации, культуры, религии, макрорегионы, формируются контуры полицентричной архитектуры, где отдельные ее части имеют независимый и самостоятельный характер, а их взаимодействие отличается небывалым динамизмом и отсутствием какой-либо иерархии[3]. Как отметил министр иностранных дел Индии С. Джайшанкара, мир — это гораздо больше, чем Европа. Понятно, что смысл этого высказывания в том, что мир гораздо больше, чем Запад[4]. Необходимо понимание того, что прежняя дихотомия «Восток–Запад», «Европа–Азия» не отражает реалий и перспектив нового международного порядка, уже не признающего никаких жестких иерархических конструкций.

Вместе с тем следует отметить, что изменяющаяся глобальная архитектура требует повышенного внимания к формированию ценностей нового мира, который, помимо того что многополярный, должен быть и справедливо гармоничным. Как образно отметил в своем выступлении китайский лидер Си Цзиньпин в 2015 году на саммите стран БРИКС: «Пять пальцев еще не кулак. Нужна идея. Такой идеей является гармонизированный мир (вера, разум, сила); путь, который объединяет духовные, интеллектуальные и материальные возможности»[5].

Конечно, в общих интересах — попытаться создать глобальный универсальный ценностный «концепт», опирающийся на общепризнанные принципы и нормы международного права, уважающий культурно-цивилизационное и религиозное многообразие и право народов самим определять пути своего развития.

Полицентричность современного мира, глобальная пересборка ставят под сомнение соответствие прежних ценностных оснований глобальным вызовам и задачам. Требуется переосмысление фундаментальных основ знания об изменившемся мире, переоткрытие усложнившейся социальной реальности, создание совершенно новой ценностно-аксиологической и культурной картины, новых мировоззренческих ориентиров человечества.

Прежде всего речь идет о мировоззренческих универсалиях культуры, которые, как писал В. С. Степин, одновременно выполняют три взаимосвязанные функции в человеческой жизнедеятельности: «обеспечивают своеобразную квантификацию и сортировку многообразного, исторически изменчивого социального опыта»; «выступают как базисная структура человеческого сознания, их смыслы определяют категориальный строй сознания в каждую конкретную историческую эпоху»; «взаимосвязь универсалий образует обобщенную картину человеческого мира, то, что принято называть мировоззрением эпохи. Эта картина отражает определенную шкалу ценностей, принятую в данном типе культуры»[6].

В данном контексте особый интерес представляет универсалия «срединного пути» — одна из ключевых категорий в восточной и буддийской философии.

Как известно, ценность срединного пути состоит прежде всего в «его „методологическом" посыле: избегать категорических ответов (крайностей) и искать „срединное" решение каждой проблемы, исходя прежде всего из критерия оптимальной практической эффективности»[7]. В срединном пути нет догматизма и предзаданности, он предполагает периодическое смещение центра тяжести то в одну, то в другую сторону, чтобы соответствовать постоянно меняющейся расстановке сил.

В философии буддизма (махаяне) понятие срединного пути дополнилось новыми смыслами, такими как средняя позиция между любыми противоположными точками зрения и вообще между любыми «да» и «нет». Срединный путь есть ви́дение взаимозависимости и пустоты, отсутствия самосущего[8].

Идея срединного пути является одним из ключевых понятий в учении конфуцианства. Конфуций дает следующее определение срединного пути — «поддержи-

---

[1] Профессор кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий «Феномен национальной идентичности (социально-философский анализ)», «Национальная идентичность в поликультурном пространстве Юга России», «Буддизм и хозяйственная культура Востока (социально-философский анализ)» (в соавт.), «Калмыцкий этнос: культурные традиции и цивилизационные вызовы» (в соавт.), «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения» (в соавт.), «Буддийская культура в условиях глобализации» (в соавт.), «Экологическое сознание и культурные традиции: буддийский опыт» (в соавт.) и др. Главный редактор журнала «Вестник Калмыцкого университета».

[2] Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ 075-03-2023-121/2 «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»).

[3] См.: Аттестат зрелости, или Порядок, какого еще не было. Фантазия о будущем без иерархии : ежегод. докл. Валдайского клуба, Москва, октябрь 2023 г. // Валдай : междунар. дискус. клуб : [сайт]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/attestat-zrelosti-2023/ (дата обращения: 27.05.2024).

[4] См.: Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова на международном форуме «Примаковские чтения», Москва, 27 ноября 2023 г. // Министерство иностранных дел РФ : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/1917821/ (дата обращения: 27.05.2024).

[5] См.: *Бондаренко В. М.* Будущее России в глобальном дискурсе // Век глобализации. 2022. № 4. С. 141.

[6] *Степин В. С.* Мировоззренческие универсалии как основание культуры // Универсалии восточных культур. М. : Вост. лит., 2001. С. 31.

[7] См.: Философия буддизма : энцикл. / отв. ред. М. Т. Степанянц ; Ин-т философии РАН. М. : Вост. лит., 2011. С. 652.

[8] См.: *Андросов В. П.* Индо-тибетский буддизм : энцикл. словарь / Рос. акад. наук ; Ин-т востоковедения. М. : Ориенталия, 2011. С. 343.

вать обе стороны, держаться середины»[1]. Срединный путь — это поиск равновесия в противоречивом мире. В идеале нужно найти центр противоречия и попытаться его урегулировать.

Другой пример из политической практики — Япония. Так, традиционная установка на закон подвижного равновесия позволила Японии раньше других увидеть оборотную сторону европейской цивилизации и во многом избежать ее недугов. Не следовать чему-то одному, единственному, а удерживать равновесие между двумя, склоняясь, то в одну, то в другую сторону в зависимости от ситуации, потребности внутреннего развития. Способность уравновесить ситуацию позволила японцам обогащаться духовно и материально, не теряя самобытности, а укрепляя ее. Японцы смогли выработать адаптационный механизм, позволяющий им достойно выходить из самых тяжелых ситуаций. Как только начинается перекос в одну сторону, срабатывает защитный механизм, и ситуация выравнивается[2].

Можно привести немало примеров того, сколь благотворным оказалось для японцев действие закона обратной связи, умение сочетать свое и чужое. Заимствуя китайскую культуру, они провозглашают: «Китайская мудрость — японская душа» (вакон-кансай). Можно обогащаться за счет чужого, ибо оно относительно «чужое», культура едина, и неразумно пренебрегать ею. Но еще неразумнее чрезмерно увлекаться чужим, забывая свое, теряя собственное лицо. Принцип подвижного равновесия настолько глубоко укоренился в сознании японцев, что сказался на отношении к европейской культуре: «Японская душа — европейская наука» (вакон-есай). Непредубежденность против чужого, умение найти партнера в самом широком смысле ведут к перманентному расширению связей. В японскую систему ценностей включаются новые элементы, но так, чтобы не размывалось поле своей традиции. При заимствовании чужого не должно быть односторонности: новое — не за счет старого, чужое — не за счет своего[3].

На наш взгляд, данная универсалия «срединного пути» обладает достаточным эвристическим потенциалом для поиска ценностных моделей подвижного равновесия современного полицентричного мира. Динамическое равновесие — это не раз и навсегда полученный результат, а постоянная деятельность по поддержанию баланса, взаимного учета интересов, поиска взаимоприемлемых вариантов совместного развития народов, культур, цивилизаций.

А. П. Бинев[4]

ЦЕННОСТИ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: ВСЕОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Прежде всего о понятии «многополярность», о полюсах в пространстве.

Оно появилось, как известно, из основного раздела физики Земли и является всеобщим понятием, без каких-либо «особенностей». Два полюса, между которыми надежно «зажата» единственно известная человечеству и им же обжитая планета, существуют в абсолютной зависимости друг от друга. Гипотетическое исчезновение или «ослабление» одного из них приведет к катастрофе, следствием которой станет немедленное исчезновение Земли со всем, что на ней находится, а заодно и с разумом, который это осознает и волей-неволей вынужден ценить в качестве основы существования неорганических и органических соединений. К наиболее «сообразительным» из последних, то есть биологического происхождения, и относится самоуверенное человечество. Во всяком случае, это им ощущается как самое важное, хотя далеко и не самое многочисленное, во всей холодной, бесконечной Вселенной. Но не будь разума с его самоанализом и самооценкой, и объективная реальность биологической жизни на Земле станет бессмысленной, так как некому будет констатировать присутствие не только самого разума, но и того, что он осознает и пытается себе объяснить.

Вот с этого момента и следует говорить о научной парадигме применительно к понятию «полярность». То есть только через разум и гигантский архив его многотысячелетней памяти. Хотим мы того или нет, но в основе физических наблюдений с их сухими математическими расчетами лежит философия понимания полярности и ее глобального значения для самого существования «разумной» планеты, впрочем, как и необитаемых крупных и мелких космических объектов в бесконечной Вселенной.

Физические законы, которые для большей части образованного человечества составляют основу понимания природы Земли, неизменны и в тех случаях, которые напрямую не касаются расчетных, математических формул, а переходят в иную сферу — в область общественно-политических отношений, включающих в себя большую часть гуманитарной (далеко не всегда гуман-

[1] *Тихомирова Е. Е., Чуньлэй Цюй.* Универсалия «срединный путь» в китайской культуре // Китай: история и современность : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015. С. 105.

[2] См. также: *Бадмаев В. Н.* Феномен национальной идентичности: социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. Волгоград, 2005.

[3] *Григорьева Т.* Красотой Японии рожденный. М., 1993. С. 29–30.

[4] Заместитель главного редактора радиостанции «Говорит Москва», журналист, писатель, сценарист. Автор романов «Вирус подлости», «Трое», «Дорога домой», «Похищение Европы», «Тихий солдат», «Завтрак палача», «Расщепление ядра» и др. Работал в Агентстве печати «Новости», газете «Аргументы и факты», дирекции информационных программ ВГТРК «Вести», на радиостанциях «Маяк», «Радио России» и др. Член Международной гильдии писателей. Лауреат премии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям «Лучшая книга журналиста» (2013). Награжден медалью «Защитнику свободной России», ведомственными наградами МВД.

ной, несмотря на, казалось бы, общий корень от слова «человечный») деятельности человека.

В этом случае не происходит никакой трансформации физического закона в какое-либо иное значение. Тому, чем руководствуется физика, во всяком случае в известных нам и подтвержденных примерах, следует и человеческое сообщество, когда-то определенное как широкое сожительство Homo sapiens, то есть человека разумного, в сфере далекой от этой науки — в области «большой» и «малой» политики. Этому следует и человек в собственной жизни, почти никогда не отдавая себе отчет в своей постоянной зависимости от понятий полярности в самом общем и в самом особенном смыслах.

По моему глубокому убеждению, личность разумного человека начинается с того момента, когда он, маленький, еще не имея никакого житейского опыта, смотрит на себя в зеркало и с изумлением осознает: «это — я», даже будучи не в состоянии произнести ни слова. Человек начинается именно с этого, с самоузнавания или, если хотите, самоидентификации. А дальше наслаивается жизнь. Она складывается из понимания всеобщих и особенных законов его существования, главным из которых является тот самый физический (и, оказывается, не только!) закон о полюсах — добра и зла.

Так уж повелось в истории человечества, что первые открытия почти всегда делают философы, а подтверждают или опровергают их физики и математики.

Мир, населенный людьми и не всегда ценимый ими так, как он этого заслуживает, тем не менее давно осознал, что два полюса, непременных и бесспорных в физике планеты, в общественном, политическом и культурологическом значении усложняются и так или иначе порождают новые значения.

Если обратиться к недавней истории, когда два политических полюса, сформировавшиеся в эпоху Первой мировой войны и грандиозных революционных катаклизмов, утвердились не только в гиперболическом своем значении в мощные государственные и даже надгосударственные (то есть классовые) цитадели, станет понятно, насколько драматично будет теперь развиваться история человечества, уже имеющего богатый опыт больших и малых войн, захвата земель и гигантских акваторий, разрушений и созиданий. Все, что было до упомянутой эпохи, оказалось лишь яркой преамбулой долгой истории человечества. Нам досталась именно та ее роковая часть, за которой следует либо новый общий расцвет, либо то «особенное», что в свое время со свойственным ему сарказмом предсказал великий Эйнштейн: «Я не знаю, каким оружием будет вестись третья мировая война, но четвертая — палками и камнями».

Каждая из упомянутых цитаделей в XX столетии была окружена союзниками и, как обнаружилось позже, вынужденными, далеко не искренними попутчиками. Очевидное в самом прямом смысле разделение произошло после Второй мировой войны в создании двух крупных экономических и военных договорных систем. Борьба двух гигантских, хорошо вооруженных миров на глазах у всего человечества вдруг закончилась «потерей» одного из полюсов. Перестали существовать вследствие разрушения одного из них (то есть СССР и его многочисленных сателлитов в самых разных формах) СЭВ и так называемый Варшавский пакт. «Выживший» полюс немедленно стал набирать силу и увеличивать свое и без того крупное тело — НАТО и вновь образовавшийся Европейский союз.

По упомянутому физическому и, как мы уже отмечали, параллельному ему в своем природном значении социально-политическому закону история человечества буквально шагнула к своей заключительной фазе, чуть более отдаленной по результату, чем если бы «потух» один из планетарных полюсов. Магнитные поля, взбунтовавшись, должны были бы погасить в конечном счете жизнь известной нам и вполне привычной цивилизации.

Мне припоминаются несколько совершенно случайных встреч в Нью-Йорке, буквально погруженном в пылевую мглу после чудовищного теракта (он был первым в череде подобных акций всего лишь в течение одного дня — 11 сентября 2001 г.). Наша телевизионная съемочная и радиогруппа прибыла в США менее чем через неделю на самолете министра иностранных дел России, но было реальное ощущение, что все это произошло только что, почти на наших глазах. Настолько было дымно, горячо и с не остывающими следами жуткой трагедии и тысяч смертей.

Но вдруг оказалось, что далеко не все граждане Америки сопереживают жертвам этой жуткой акции. Нам, журналистам (тогда РТР), встретились в наших поисках очевидцев двое таксистов (не знакомые друг с другом), уличный продавец, актер театра и работник отеля среднего класса, которые изумили (и даже возмутили нас в тот момент) тем, что заявили о своем «особенном» ви́дении истинных причин национальной трагедии. При этом, повторяю, встречи с ними были совершенно случайными. Никаких рекомендаций не было.

Каждый из них употреблял в разговоре собственную риторику (порой возбужденную, нервную, озлобленную), но все они сходились в двух вещах. Причиной террористической акции якобы стало крушение за десять лет до нее СССР. Потому что, по их мнению, США не посмели бы себя вести со всем миром так, как теперь, надменно, грубо и крайне оскорбительно, будь на карте земного шара другой полюс — Советский Союз. Говорили они это совершенно осознанно, резко и в высшей степени убежденно. Они словно ставили нам, русским журналистам, в вину то, что мы, дескать, не уберегли свою страну от гибели под «грубым» сапогом США и тем самым позволили вашингтонским политикам бесчинствовать в мире, близком им. Русский полюс в их тогдашних оценках больше не существовал.

А теперь второе, на чем объективно сошлись эти удивившие нас случайные «эксперты» из нью-йоркской толпы: ни один из них не был белым американцем. Один из таксистов приехал из Мали (страна Французской Западной Африки) со своей семьей, которую довольно удачно здесь, в Нью-Йорке, устроил. Сам же он «горбатился» (это вольный перевод его же определения своего труда) день и ночь за рулем, но до-

бился того, что трое его детей учились в колледжах города, а жена занималась только домом. Другой его коллега был латиноамериканцем, относительно незадолго до этого приехал из Венесуэлы и по-английски говорил очень плохо. Уличный торговец приехал из Палестины, актер был индусом, а служащий отеля — пакистанцем. Пакистанец, палестинец и африканец были мусульманами, венесуэлец — католиком, а индус — буддистом. Все они, что нас немало удивило, были натурализованными гражданами США и все относительно недавно приобрели гражданство на законных, в чем они горячо клялись, основаниях.

Итак, за десять лет до того изчез один из полюсов, благодаря которому жизнь от полюса до полюса, через жаркий экватор, почти с начала XX столетия демонстрировала свою стойкость, разнообразие, порой весьма драматичное, а во многих случаях даже трагичное.

С нью-йоркской трагедии прошло уже много лет. Не знаю, остались ли на своих оценочных позициях наши случайные собеседники, но то, что они сказали, их цвет кожи, разнообразие в вероисповедании, да и все последовавшие за этим роковые события в мире, включая войны, террористические акты, международные договоры, захваты территорий, показали, что одного политического полюса в мире быть не может. Несколько не слишком образованных человек, далеко не представителей элиты общества, в котором они жили, дали независимо друг от друга поразительно точное определение глубинных причин не столько той жестокой, не имеющей никакого оправдания террористической акции, сколько дальнейшему развитию человечества.

Однополярный мир, даже с самыми положительными, почти идеальными характеристиками, не может существовать в природе не только Земли как планеты, но и в глобальном человеческом сообществе, да и в самых малых, порой интимных, его звеньях.

Высочайшей ценностью многополярного мира являются, прежде всего, естественные гарантии его устойчивости как единственно возможные и выверенные природой для всех ее проявлений — от физических до гуманитарных и общественно-политических.

Однако очевидная удовлетворенность своей не слишком разнообразной международной деятельностью США и их союзников в Европе, Канаде, Австралии и в других государствах Тихоокеанского бассейна, была вызвана ощущением победы одного полюса над другим. Земля буквально вздрогнула, обливаясь потом и кровью, вызванных столь неестественным с точки зрения реалистичных наук явлением.

Однополярность мироустройства — такое же антинаучное утверждение, как в физике Земли схоластическое утверждение одного полюса, то есть, по существу, отрицание формы Земли в виде изящного прекрасного эллипсоида в пользу гигантской плоской поверхности.

Нынешние глобальные мировые события, подчас трагические, настойчиво требующие в силу известных причин огромных жертв, подтвердили непреложное правило главной ценности существования человечества — многополярности мира в самом широком смысле этого определения.

Управление государствами, и в первую очередь теми, которые обладают целым перечнем летальных средств защиты, а если понадобится, то и нападения, в интересах человечества совершенно невозможно, если оно не будет регулироваться общепризнанными законами многополярности, взвешенности и даже в определённом смысле гуманной, вполне обоснованной политической толерантности.

Обязательной ценностью новой многополярности мира является равенство прав, иными словами, разумная справедливость в распределении ресурсов и следующих за этим цивилизационных благ между странами, не только располагающими и добывающими эти ресурсы, но и теми, кого природа обделила своей щедростью.

Невозможно представить себе однополярный мир, который искренне озаботился бы глобальными экологическими проблемами, целостностью и природным здравием планеты. Потому что интересы этой всесильной и бесконтрольной общности политиков, а чаще всего лицемерных политиканов, никем и ничем не подвергаются сомнению, равно как никто и ничто не в состоянии противопоставить этому однополярному самоуправству мощные государственные доктрины.

Любая попытка направить свое агрессивное влияние на иное государство не в состоянии вызвать серьезного сопротивления внутренних сил на таких территориях, и там даже не смеют рассчитывать на эффективную защиту со стороны иного полюса хотя бы потому, что тот априори считается либо несуществующим, либо незаконным или даже попросту слишком слабым для этого.

Подмять под себя управление, экономику и культуру незащищенных государств возможно только при условии однополярности политического мирового режима, откуда бы это ни исходило.

Именно с этими явлениями и столкнулось человечество.

Я вспомнил наших случайных нью-йоркских собеседников, выходцев из стран третьего мира, получивших тем не менее некоторые блага от социальной системы США, а еще и то, что один из них, африканец, отец большого семейства, не просто тогда сказал об однополярном самоуправстве американской официальной политики, но и с обидой и отчаянием выказал нам, русским журналистам, упрек, что мы бросили (!) на произвол судьбы его народ и его континент, имея в виду, конечно, Африку. Они не посмели бы нас давить и доить (это его слова), будь вы, русские, в силе и во власти. Потому, дескать, им теперь поделом. Мы, разумеется, не могли разделить с ним злорадство по поводу массовых убийств, но и проигнорировать причины его горячих эмоций тоже не имели права, даже перед самими собой.

Реальность показала, что с исчезновением одного из полюсов немедленно начинается скорый процесс даже не восстановления, а законного наследного преобразования в государство, имеющего длительную историю, которая уходит своими корнями в прошлое, казалось бы, исчезнувшей цивилизации. Исчезнувшей, как обнаруживается, лишь в своем названии, в своих

старых внешних границах и в своей образующей в те годы идеологии. Природа не терпит пустоты и стремится восстановить баланс сил для своего выживания и развития, включая активное использование силовых и военных методик. Это тоже один из ее общих, непреложных законов, действие которого человечество наблюдает в настоящее время, кто с оторопью, а кто и с надеждой.

Однако многополярность содержит в своем понимании куда больше реальных объектов, нежели было тогда, когда лишь два полюса, два до зубов вооруженных мира противостояли друг другу, и один из них на довольно короткий с точки зрения истории период уступил.

На планете за эти годы развились до весьма впечатляющих результатов и другие полюсы-цивилизации, претендующие занять место в многополярном мире. Некогда нищие, слабые страны вдруг заявили о своих претензиях на мировое господство (либо законное место) в области экономики, науки, промышленности, финансов, культуры и вооружения. Даже не имеет смысла называть эти государства. Известно, что они расположены в Азии, Европе и Латинской Америке. Из несчастных доноров и жалких просителей они превратились в хозяев и дарителей, из нищих покупателей — в баснословно богатых торговцев и промышленников, из тех, кому как будто бы требуется вооруженная защита и надменные поучения в образе жизни — в тех, кто сами готовы защитить, учить и образовывать.

Создание и развитие БРИКС является наглядным примером того, что такое в действительности многополярность мира, где не могут властвовать лишь одни привычные ныне аббревиатуры, за которыми стоят одни и те же адепты одного и того же полюса.

К ценностям многополярного мира необходимо отнести не только прямо или косвенно упомянутые управленческие, политические, военные и промышленные ресурсы, но и то, на чем основывается яркое разнообразие мира, — науку, образование, культуру, включая искусство во всех его проявлениях и жанрах.

Это и составляет одну из главных особенностей, касающихся научного поля, потому что только национализация образования и его сбалансирование с общечеловеческими принципами постижения знаний в самом широком смысле способно укрепить сложнейший процесс новой поляризации мира.

На преподавательский состав высшей школы, как и на школьных учителей, возложена серьезная ответственность — их ученики в недалеком будущем вольются в ряды больших и малых специалистов, которые своей деятельностью должны будут обосновать многополярное мироустройство. Кто-то скажет, что не стоит утруждать себя этим знанием, надо лишь жить по новым правилам, но это не так. Необходимо глубоко и отчетливо осознавать, какой идеей эти правила востребованы. Это касается абсолютно всего — и права, и экономики, и лингвистики, и истории, и образовательного курса в области профсоюзного движения, и всех иных сфер точных, гуманитарных и естественных наук. Невозможно это переоценить.

Те же принципы касаются и мира искусства, отражающего культуру национальных общностей и глобальных мировых кластеров. Невозможно себе представить однополярность такого явления. А стремление к политической однополярности рано или поздно приведет к однообразию выражения чувств и оценок. И это еще одна особенность многополярного мира, без которой нет ни истории, ни культуры, ни познания самого мира.

Нет, и не может быть лишь одного полюса. Это и есть главная особенность понимания новых процессов утверждения многополярности и устойчивости мира с опорой на несколько равных по значению столпов общечеловеческой надежды выжить и укрепиться в будущем.

Е. М. Гашкова[1]

«ВОЙНА И МИР» НА КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

Крайние противоречия, которые в давних учебниках по диамату называли антагонистическими, обретают черты литературно-социальной метафоры, знакомой каждому россиянину со школьной скамьи. Исторические события последних лет требуют от любого человека, размышляющего о жизни, совершать выбор, прежде всего моральный. Культура отмены, применяемая сознательно как инструмент борьбы с определенными системами ценностей, продолжает действовать, несмотря на призывы освободить ее (культуру) от идеологического содержания[2]. Ответ на вопрос: «С кем вы, работники культуры?» предполагает понимание разности и разницы в той или иной форме служения, служения людей, которые в обществе функционируют в гуманитарно-духовной среде, и где некоторые из них претендуют на статус «властителей дум» и «вершителей судеб», а другие мечтают лишь о кабинетном затворничестве в царстве Абсолютного духа. Исходные противоречия лежат в различном понима-

[1] Старший преподаватель кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент. Автор свыше 100 научных публикаций, в т. ч.: учебника «Основы теории коммуникации» (в соавт.); статей «Экзистенциально-онтологические основания антропологии цельности», «Антропология цельности как проблема», «Цивилизационная идентичность и культура», «Условия формирования личности в контексте киберантропологии», «Models of self-identification in digital communication environments», «University educational environment in the information exchange agents evaluations» и др. Член Российского философского общества, Российского эстетического общества.

[2] См.: *Гашкова Е. М.* «Культура отмены» как механизм искажения исторической и культурной памяти // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб. : СПбГУП, 2024. С. 204–206.

нии на уровне идеалов и базовых ценностей. От государства, российского общества в целом и от конкретных социальных групп исходит очевидный запрос на прояснение принимаемых образцов и вариантов поведения. В условиях специальной военной операции полярность позиций приводит как к внешней эмиграции, так и к внутренней гражданской войне, где культ индивидуализма и прекраснодушие, как и присваивание и автоматическое приписывание себе моральной императивности, фактически приводят к отрицанию долга перед государством.

Формированию прозападной позиции в истории русской культуры уже не один век, но современность диктовала до недавнего времени идеи не просто космополитические, как, например, в уже отвергнутой Болонской системе образования, где «ядром» выступала «универсальная» идея индивидуальной образовательной траектории по вузам, городам и странам, но идеи глобалистские. Идея существования и консолидации Русского мира как задача фиксации, объединения и развития цивилизационного, социокультурного и наднационального пространства на основе русского языка и русской культуры также стояла, но не была столь остро переживаемой, не проявлялась столь ярко и необходимо, поскольку не было явной угрозы исчезновения русской цивилизации, еще не шла речь о физическом выживании людей, говорящих по-русски.

Глобализация как тренд в международном сотрудничестве никуда не исчезла, хотя еврочиновники метафорически обозначили границы «цветущего сада», где наше присутствие не подразумевается. Но еще в 2003 году российские ученые-философы, совершая своеобразную реконструкцию «философского парохода», отправились в Стамбул на XXI Всемирный философский конгресс, где представили труд, «...фундаментальное издание — энциклопедию „Глобалистика“: подготовленную РФО на русском и английском языках, в создании которой приняли участие 445 ученых из 28 стран. Энциклопедия содержит 1250 статей, в ней нашли отражение современные достижения отечественных и зарубежных ученых в области изучения глобальных проблем — экономических, геополитических, гуманитарных, экологических, научно-технических, социально-политических и других»[1]. Эта колоссальная работа была осуществлена под руководством первого вице-президента РФО профессора А. Н. Чумакова, до настоящего времени непререкаемого авторитета по вопросам глобалистики.

Однако в 2008 году на следующем XXII Всемирном философском конгрессе П. МакКормик среди черт глобализации, таких как распространение системных когнитивных технологий, технических ноу-хау, осознание всемирного сходства, в том числе и в философии, уже подчеркивал, что «одна всеобщая опасность существует в силу общего понимания глобализации». «...Недостаточно критическое понимание глобализации слишком часто приводит к разрушительным культурным последствиям»[2]. А в 2023 году уже в нашей стране от авторов энциклопедии «Глобалистика» по прошествии двадцати лет вышел труд с апокалипсическим названием «Планетарное человечество. На краю пропасти»[3], где в аннотации формулируется главный вопрос современности: есть ли будущее у человечества? Альтернатива формулируется как противоречие между ростом технической и экономической мощи человечества, которая, собственно, и порождает глобальные проблемы, и региональной и местной нестабильностью, порождающей локальные войны, национализм, идеологические и конфессиональные распри. Несмотря на наивное упование на нравственный и культурный прогресс, человечество стремительно продвигается к усилению напряженности в разных сферах.

И все же в то время, когда наша страна подвергается остракизму и многочисленным (около 19 тыс.!) санкциям в экономике, политике и культуре, мы продолжаем считать себя частью глобальных процессов, постепенно перемещая центры взаимодействия на Восток. В октябре 2023 года в МГУ на факультете глобальных процессов состоялась осенняя сессия Конгресса «Глобалистика-2023». БРИКС, Евразийский союз, Китай, Российско-Африканский клуб, ноосфера, биокосмология — вот далеко не полный перечень «реперных точек» Конгресса.

Ранее директор Института развития парламентаризма Алексей Чадаев прочел в Севастополе (12 июля 2022 г.) лекцию «Что такое современность, почем туда билеты, почему нас оттуда выгнали и можно ли ее импортозаместить»[4], где расставил акценты и сформулировал задачи для новой геополитической ситуации относительно России после начала СВО. Пытаясь объяснить логику санкций, Чадаев приходит к идее, что «кто-то» определяет, как на экзамене или спортплощадке, сдали ли мы — Россия — тесты/экзамены/нормативы. «Итак, теперь стало понятно, что существует некий субъект, являющийся держателем „площадки“ под названием „современность“, и регулирующий доступ к ней по своим критериям. И этот субъект не равнозначен „системе международного права“ — потому что все было сделано в обход нее. Более того, он не равнозначен даже условной коалиции государств, выступивших в поддержку Украины»[5]. У России есть два пути: либо все закончить, разоружиться, уйти даже со своей земли, покаяться и ждать в очереди за неким жупелом современности, либо попытаться построить альтернативную современность у себя — произвести «переизобретение современности», создать новый ее образ.

В мире прогресса время приобретает нравственное измерение, поскольку вера в лучшее будущее: бессмертное, технологичное, комфортное, справедливое — связана с Новым временем. На смену мира модерна приходит постмодернистский конец вида Homo

[1] *Русаков В. М., Русакова О. Ф.* XXI Всемирный философский конгресс: взгляд изнутри // Известия УрГУ. 2004. № 29. С. 169–170.

[2] *МакКормик П.* Глобализация и космополитизм. Критерии, подходы, жизненный опыт // Век глобализации. 2009. № 2. С. 64.

[3] *Кацура А. В., Мазур И. И., Чумаков А. Н.* Планетарное человечество. На краю пропасти. М. : Проспект, 2023.

[4] *Чадаев А.* Наблюдения, замечания и предложения. Что такое современность, почем туда билеты, почему нас оттуда выгнали и можно ли ее импортозаместить. URL: https://chadayev.ru/publications/2022/07/12/chto-takoe-sovremennost-pochyom-tuda-bilety-pochemu-nas-ottuda-vygnali-i-mozhno-li-eyo-importozamestit/ (дата обращения: 03.03.2024).

[5] Там же.

Sapiens, стартует постчеловеческий переход. Для того чтобы этого не произошло, однополярность должна быть разрушена прежде всего технологически, и среди всех видов возможных технологий самыми важными и приоритетными должны стать «...технологии работы с массовым сознанием, управления вниманием и мышлением, продвинутой прикладной антропологии и социальной инженерии»[1].

Особая роль в этом процессе должна принадлежать философии как особой деятельности и как социальному институту. Не случайно развитие темы «современности» перетекло от дискуссий о военно-политической философии текущего момента к содержанию «русской философии», вернее, если можно так выразиться, к доле «русскости» в русской философии. Полемика, развернувшаяся в СМИ по поводу статуса ИФРАНа, еще не закончена; предлагаемые варианты разнообразны: от полного закрытия данного института до введения курсов русской философии повсеместно. Некоторые сотрудники Института философии РАН эмигрировали, получили статус иноагентов и теперь обвиняют оставшихся защитников русской философии «в украинстве», поскольку вместо коммуникации с мировой философией, открытости «цивилизованному» миру те защищают свои «местечковые» интересы и достижения. Годы «западничества» сформировали убеждение о второстепенной роли русской философии в мировой философии «вообще», однако даже эта позиция не отменяет необходимости изучения предмета. Ведь никого не смущает, что в школе мы изучаем *свою* историю, *свою* литературу, *свою* культуру, вовсе не отрицая другие варианты в мировой культуре.

Для перезагрузки философских парадигм требуется очищение смыслов, так же как и для культурных ориентиров. Массовая культура общества потребления никак не коррелировалась с армией, ВПК и идеей гражданского патриотизма. Параллельная система ценностей отражалась в мире гламура и глянца, новой искренности и новой этики. До определенного момента обыватели мирились с привычным укладом, однако все возрастающая включенность гражданского общества в военный конфликт, который стал затрагивать многих и многих, пробудила морально-нравственную активность. Эта активность, прежде всего наблюдавшаяся в соцсетях, позволила сформулировать запрос к государственным СМИ: до каких пор мы будем делать вид, что ничего не происходит? Почему созданный нами искусственный интеллект генерирует актуальные сообщения лишь на основе количества упоминаний в СМИ, но отнюдь не по ценностной значимости для общества?

Речь не идет о мгновенной личностной трансформации, но понимание уместности, соблюдение приличий и «молчания по поводу» в соцсетях — норма для культурного человека. Однако возросшие нравственные санкции со стороны гражданского общества уже ведут, например, к отстранению от госконтрактов в сфере культуры. Это подталкивает в движение «звезд», прежде всего поп-культуры, которые с показным сочувствием, но с гуманитарной помощью и концертами поехали в зону военной операции. Для всех адекватных людей такой «мгновенный» патриотизм стал негативным образцом, проявлением неискренности в отношении тех глубинных, подлинных чувств, которые деньгами не покупаются.

Новый проект «Россия-2062» АНО «Большая земля», созданный социологами Борисом Акимовым и Олегом Степановым, внушает оптимизм и надежду, что у России есть то будущее, которое бы мы хотели. Привлечение экспертов из разных областей: экономистов и фольклористов, предпринимателей и психологов, модельеров и философов, делает проект, действительно, разносторонним, интересным и востребованным, ставящим цель: сохранить разнообразие в России, не утопить ее в глобализированном мире[2]. Почему 2062? Потому что в этом году запланирован фестиваль в Великом Новгороде к 1200-летию России! Футурологические прогнозы и проекты не всегда сбываются, но чтобы они реализовались, готовиться нужно заранее.

[1] *Чадаев А.* Указ. соч.

[2] Что такое «Россия-2062» // «Россия-2062». URL: https://russia2062.ru/#menuopen (дата обращения: 03.03.2024).

В. А. Гуторов[3]

ИДЕЯ СОГЛАСИЯ И ПОЛИТИКА ОБРАЗОВАНИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ[4]

Согласие — один из важных субъективных моментов формирования интегративного механизма человеческой культуры. Характеризуя данный аспект сознания и поведения, бразильский социальный философ и теоретик образования П. Фрейре не случайно подчеркивал: «Интеграция со своим контекстом, в отличие от адаптации, является чисто человеческой деятельностью. Интеграция является результатом способности приспосабливаться к реальности, а также критиче-

[3] Заведующий кафедрой теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч.: «Античная социальная утопия: вопросы истории и теории», «Современные политические стратегии», «Либерализм: Pro et contra», «Российская общественно-политическая мысль и публицистика в Первой мировой войне», «Политика 2.0: между утопией и реальностью» и др. Член редколлегий журналов «Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС», «Власть и элиты», международного наблюдательного совета журнала «Полис. Политические исследования».

[4] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01601 (https://rscf.ru/project/23-28-01601/). Доклад подготовлен на основе статьи: *Гуторов В. А.* Теория согласия и политика образования: национальные и международные аспекты анализа // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества». М., 2023. Ч. 1, вып. 6. С. 89–93.

ской способности делать выбор и преобразовывать эту реальность. В той мере, в какой человек теряет способность делать выбор и подчиняется выбору других, в той мере, в какой его решения перестают быть его собственными, поскольку они являются результатом внешних предписаний, он больше не является интегрированным. Скорее, он адаптировался. Он „приспособился“. Неуступчивых людей с революционным духом часто называют „неприспособленными“. Интегрированная личность — это личность как субъект. Напротив, адаптивная личность — это личность как объект, причем адаптация представляет собой в лучшем случае слабую форму самозащиты. Если человек не способен изменить реальность, он вместо этого приспосабливается к ней. Адаптация — поведение, свойственное животной сфере; ее проявление в человеке — симптом его дегуманизации»[1].

В концептуальном плане идея общественного согласия постоянно интерпретируется в самых различных системах и парадигмах социальной и политической философии, что само по себе является отнюдь не косвенным подтверждением ее универсального характера. Понятие «согласие» по праву считается крайне сложным в смысловом, структурном и, разумеется, социально-политическом и этическом плане. До сих пор не прекращается спор относительно того, возможно ли рассматривать данное понятие в качестве универсальной основы культурной коммуникации социальных групп и общностей, находящихся на различных стадиях исторической эволюции, и какая именно концепция морали может рассматриваться в качестве исходной для понимания специфики формирования «механизмов» согласия.

Анализ особенностей современного академического дискурса отчетливо свидетельствует о постоянно возобновляющихся попытках ученых нивелировать концепцию «нулевого согласия» (особенно ее «имперские» акцентировки), разработанную канадским философом Д. Готье в своей широко известной работе «Мораль по соглашению»[2], и сформировать новую синтетическую модель путем соединения идеи согласия с другими концепциями, возникшими во второй половине XX века. Например, по мнению многих авторитетных ученых, концепция *открытости* является ключевой как для понимания современных тенденций формирования современной теоретической модели общественного согласия, так и для формирования политических стратегий, направленных на ее практическую реализацию.

Как отмечает новозеландский культуролог М. А. Питерз в своем фундаментальном труде «Образование, наука и капитализм знаний: творчество и обещание открытости», «в качестве кода для большей политической и экономической свободы концепция открытости символизирует развитие множества открытых общественных глобальных пространств, которые служат местом для новых форм международного сотрудничества в исследованиях, науке, инновациях, творчестве и самовыражении. Движение к большей открытости представляет собой изменение философии, этоса и правительства, а также ряд взаимосвязанных и сложных изменений, которые трансформируют рынки, изменяя способы производства и потребления, открывая новую эру, основанную на ценностях открытости: этике совместного использования и равноправного сотрудничества благодаря новым архитектурам участия»[3].

Разработка современных теорий *участия* также вносит весьма существенный вклад в понимание специфических особенностей реализации принципов согласия в современной политике и социуме. Соединяясь с теориями открытости и солидарности, теории участия тем самым формируют тот гармоничный «философский треугольник», без которого прогресс научной и философской аналитики согласия в настоящее время просто немыслим[4].

В теоретическом плане в качестве фундамента для обозначенного выше треугольника часто рассматривается концепция «активного общества» (Active Society), разработанная Амитаи Этциони во второй половине XX века. Одним из ключевых моментов этой теории является ставшее впоследствии широко известным определение консенсуса, которое Этциони сформулировал в одноименной работе: «С точки зрения теории общественного руководства консенсус является результатом процесса, в котором существующие точки зрения и направленные усилия влияют на результат, то есть на изменение консенсуса. Такой подход применялся во многих исследованиях; здесь он находит теоретическую базу. Диссенсус — это энтропийное состояние общественной природы; консенсус не может быть найден, но должен быть произведен. „Нормальные“, продолжающиеся процессы социализации подготавливают для этого фон, но не фактический консенсус, которого требует общественное руководство. Однажды установленный консенсус не действует в соответствии с законами инерции»[5].

Тем не менее, как это ни парадоксально, в современном мире именно концепция «нулевого согласия» не так уж редко используется в качестве «отправного пункта» в многочисленных дискуссиях, связанных с обоснованием приоритетов той или иной модели образования и образовательной политики. Исходный момент специфического синтеза дискурсов согласия и образования наметился уже в конце 1920-х годов в рамках модели «инженерии согласия», разработанной австро-американским социологом Эдвардом Бернайсом и имевшей далеко не апологетический, но вполне позитивный смысл и коннотации. Э. Бернайс, на наш взгляд, несколько наивно, но вполне справедливо полагал, что «ни при каких обстоятельствах инженерия

[1] *Freire P.* Education for Critical Consciousness. L. ; N. Y. : Continuum, 2005. P. 4.

[2] См.: *Gauthier D.* Morals by Agreement. Oxford : Clarendon Press, 1986. P. 295–298.

[3] *Peters M. A.* Education, Science and Knowledge Capitalism: Creativity and the Promise of Openness. N. Y. : Peter Lang, 2019. P. 128.

[4] См.: *Dacombe R.* Rethinking Civic Participation in Democratic Theory and Practice. L. : Palgrave Macmillan, 2018 ; *Hordern J.* Political Affections: Civic Participation and Moral Theology. Oxford : Oxford Univ. Press, 2013 ; *Simmons M. W.* Participation and Power: Civic Discourse in Environmental Policy Decisions. Albany : State Univ. of New York Press, 2007 ; и др.

[5] *Etzioni A.* The Active Society: A Theory of Societal and Political Processes. N. Y. ; L. : The Free Press, 1968. P. 470.

согласия не должна замещать или вытеснять функции образовательной системы, формальной или неформальной, в обеспечении понимания людьми как основы их действий. Разработка согласия часто дополняет образовательный процесс. Если бы в нашей стране господствовали более высокие общеобразовательные стандарты и в результате повышался общий уровень знаний и понимания населения, то этот подход все равно сохранил бы свое значение. Даже в обществе с перфекционистским образовательным стандартом не во всех областях будет достигнут одинаковый прогресс. Всегда будут временные задержки, слепые зоны и слабые места; и инженерия согласия по-прежнему будет иметь важное значение. Инженерия согласия всегда будет необходима как дополнение или партнер образовательного процесса»[1].

В последние десятилетия XX века повсеместное распространение неолиберальных парадигм в экономике и политике на новом витке глобализации, провоцирующей войны и кризисы, отчетливо свидетельствовали о том, что ни демократически избранные политики, ни назначенные чиновники надежд Бернайса явно не оправдали. В наши дни вполне обоснованными выглядят аргументы относительно того, что «глобализация ослабила демократические процессы на национальном уровне путем непредставительных способов управления, которые используют либо никем не выбранные глобальные технократы, представляющие различные многосторонние агентства, либо частные акторы, действующие в неформальном и политическом вакууме»[2]. Например, австралийский политолог Э. Уэлш вполне резонно утверждает, что, даже если не существует полного консенсуса относительно определения неолиберализма, вполне возможно выделить основные принципы программы неолиберальных реформ, «основанные на предложении заменить прежние представления о социальном благе понятием экономического блага». По мнению Уэлша, эта основная идея ставит экономические соображения выше социальных при разработке и реализации социальной политики, в том числе в сфере образования. Институциональные эффекты в высшем образовании также демонстрируют регрессивные тенденции неолиберальной политики. Хотя во многих развивающихся странах в сфере высшего образования традиционно доминировал средний класс, приватизация университетов, являющаяся результатом неолиберальных политических рецептов, резко усугубила проблему. В итоге, например, в ряде стран Юго-Восточной Азии стало нормой распространение в образовании частного сектора, нередко сомнительного качества и плохо регулируемого[3].

Аналогичные процессы развиваются и в странах «золотого миллиарда», образовательная политика которых обычно ассоциируется с концепцией государства всеобщего благосостояния. Например, в работе «Миры благосостояния, миры согласия? Общественное мнение о государстве всеобщего благосостояния» нидерландский политолог Д. Гелиссен, характеризуя радикальную трансформацию парадигм взаимодействия образования и «политики согласия» на Западе, приходит к следующему парадоксальному выводу: «В целом мы обнаруживаем, что по мере повышения уровня образования люди менее привержены институционализированной солидарности и равенству. Этот результат подтверждает тезис Клюгеля и Мияно о том, что из-за сильной корреляции с доходом уровень образования различается между теми, кто рассчитывает получить пользу, и теми, кто рассчитывает заплатить цену за солидарность и равенство. Как и ожидалось, более высокий доход негативно влияет на предпочитаемый людьми уровень солидарности и их выбор принципов справедливости. Кроме того, женщины предпочитают более высокий уровень солидарности, чем мужчины. Наконец, что касается влияния переходных классов, то только безработные, по-видимому, значительно более склонны к высокому уровню солидарности, чем работающие»[4].

Вышеобозначенные тенденции — одна из причин кризиса международных программ, особенно широко известной «концепции образования для международного взаимопонимания», разработанной в связи с учреждением ЮНЕСКО. Данная концепция была выдвинута в 1946 году на первой Генеральной конференции ЮНЕСКО. В уставе этой международной организации следующим образом подчеркивалась ее этическая миссия: «Поскольку войны начинаются в умах людей, именно в умах людей должна быть воздвигнута защита мира». В 1974 году 18-я Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла Рекомендацию о воспитании в духе международного взаимопонимания, сотрудничества и мира и воспитании в духе уважения прав человека и основных свобод, в которой разъяснялось, что миссия образования для международного взаимопонимания в основном включает четыре аспекта:

1) этические и гражданские аспекты: свобода, равенство, права человека, устранение расовой дискриминации, уважение прав других и социальная и гражданская ответственность;

2) культурные аспекты: взаимопонимание и уважение культурных различий, культурного наследия, различных образов жизни и точек зрения, а также изучение иностранных языков;

3) изучение основных проблем человечества: равные права и самостоятельный выбор, поддержание международного мира и безопасности, соблюдение международного права и международных отношений, разоружение, колониализм и неоколониализм, беженцы, освободительное движение, экономический рост и социальное развитие, проблема народонаселения, не-

[1] *Bernays E.* The Engineering of Consent // The Edward Bernays Reader: From Propaganda to the Engineering of Concept. N. Y. : Ig Publishing, 2021. P. 23.

[2] *Maswood S. J.* Revisiting Globalization and the Rise of Global Production Networks. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2018. P. 158.

[3] *Welsh A.* Neoliberalism in Comparative and International Education: Theory, Practice, Paradox // The Bloomsbury Handbook of Theory in Comparative and International Education / ed. by T. D. Jules, R. Shields, M. A. M. Thomas. L. : Bloomsbury Academic, 2021. P. 201, 206.

[4] *Gelissen J.* Worlds of Welfare, Worlds of Consent? Public Opinion on the Welfare State. Leiden ; Boston ; Köln : Brill, 2002. P. 122.

грамотность, здоровье, болезни, голод и качество жизни, природные ресурсы и окружающая среда, защита культурного наследия, роль системы Организации Объединенных Наций и т. д.;

4) другие аспекты: международное наказание и решения, международное сотрудничество и стратегии развития и т. д.[1]

Однако, несмотря на полную прозрачность формулировок, как свидетельствует опыт многих стран, внедрение и конкретная реализация «общих рекомендаций» международных организаций и образовательных фондов на уровне национальной образовательной политики осуществляются далеко не всегда последовательно и преимущественно методом проб и ошибок.

А. Ю. Демшина[2]

АПРОПРИАЦИЯ (ЗАИМСТВОВАНИЕ) В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

Формирование многополярного мира связано с необходимостью понимания трансформаций назначения концептов «культурная апроприация», «художественная апроприация», «авторская интерпретация», «диалог». На примере художественной культуры видно, что за последние десятилетия изменилось отношение к апроприации в любых формах. Апроприация чаще всего понимается как заимствование, использование в своих целях артефактов, идей, ценностей созданных другими людьми или принадлежащих определенной этнической, культурной, религиозной общности. В контексте новой этики, мультикультурализма, активной экспансии искусства в нехудожественные пространства апроприация из символа глобализации и интереса к чужому опыту стала чаще восприниматься в негативном контексте. В русском языке слово «апроприация» носит скорее негативный характер, хотя сегодня в рамках гуманитарных наук часто употребляется как синоним понятий «заимствование», «интерпретация». В таком понимании апроприация включает достаточно разнообразный пласт культурного и художественного наследия. Из-за этого границы самого концепта оказываются размытыми. Сегодня необходимо разделять художественную и культурную апроприацию. Художественная апроприация соотносится с использованием идей и образов, созданных другими авторами (например, подобная апроприация — основа многих работ Р. Раушенберга, Э. Уорхола, Р. Принца). Культурная апроприация связана с обращением и использованием элементов и символов чужой культуры субъектом, не являющимся представителем культуры, из которой заимствуются феномены и артефакты. Постепенно под этим термином стало пониматься любое использование культурных символов и элементов субъектом, не принадлежащим к культуре-донору[3].

Со времен авангарда заимствование превратилось из художественной провокации в общепринятый метод, актуальный как в художественной практике, так и в культуре в целом. В отличие от академического искусства, где заимствование было связано с обращением к идеалу, образцу, созданному в прошлом, в искусстве начала XX века идет переориентация на создание нового, пусть даже на основе имеющегося образа или идеи. В период постмодернизма заимствование становится не только распространенным инструментом создания нового, но и термин начинают использовать в ретроспекции к различным формам интерпретации, переосмысления культурного наследия искусстве прошлого, что не всегда выглядит корректно. Как пишет Р. Краусс, апроприация, по сути, имеет критический статус к авангардной позиции по вопросам «оригинальности», «подлинности», «истока»[4]. В период авангарда заимствование в различных формах выступало как способ показать оригинальность авторского жеста, форма подстрекательства аудитории к критике иерархий классической культуры и сокращения дистанции между художником и зрителем, размывания границ между искусством и жизнью. Кроме влияния африканского искусства на творчество П. Пикассо, акций и реди-мейд проектов М. Дюшана, можно вспомнить формалистские киноэксперименты с произведением Н. Гоголя «Шинель» отечественной группы ФЭКС, коллажи и архитектурные проекты советских конструктивистов, основанные на включении исторических форм архитектуры в современность, например И. Леонидова, влияние иконописи на творчество К. Петрова-Водкина и К. Малевича. Подобные примеры показывают, что ретроспективное использование термина с учетом значения слова в русском языке не всегда точно, а границы значения самого концепта «апроприация» являются достаточно размытыми, что приводит к некорректной трансляции термина и требует дополнительного комментария в каждом отдельном случае.

Корректное использование концепта «апроприация» все же связано с формами искусства и массовой

[1] См.: Рекомендация о воспитании в духе международного взаимопонимания, сотрудничества и мира и воспитании в духе уважения прав человека и основных свобод. URL: https://docs.cntd.ru/document/901839536.

[2] Профессор кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии. Автор более 110 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Архитектоника современного искусства в режиме медиа: пространство, технологии», «Визуальные искусства в ситуации глобализации культуры: институциональный аспект» и др.; статей в научных журналах: «Нейроэстетика: наука, искусство и цифровая культура XXI века», «Новая чувствительность и экономика события», «Кураторство и Интернет: презентации искусства как трансляция культурных кодов», «Сетевая культура и два вектора развития визуальных искусств», «Digital Humanities как феномен виртуальной культуры» и др.

[3] *Pearson P.* Cultural appropriation and aesthetic normativity // Philos. Studies. 2021. Vol. 178. P. 1286. URL: https://doi.org/10.1007/s11098-020-01475-2.

[4] *Краусс Р.* Подлинность авангарда и другие модернистские мифы. М. : Худож. журн., 2003. С. 172.

культуры второй половины XX — начала XXI века, когда повторение, тиражирование превратилось в общепринятый художественный жест, ограниченный лишь авторским правом и мнением общества. Ряд исследователей причисляют художников-апроприаторов, например Дж. Кунса, к метахудожникам[1]. В то же время правовое обеспечение подобных проектов оказывается хаотичным. Например, разбирательство наследников У. Эванса и Ш. Левин, перефотографировавшей работы Эванса, закончилось ничем, а Ричард Принц в 2011 году проиграл суд Патрику Карио, фотографии которого он использовал в проекте Canal Zone. Суд постановил работы, каталоги выставки в галерее Л. Гагосяна и прочие носители «осужденной» серии работ конфисковать и уничтожить[2]. Таким образом, в XXI веке свобода апроприации оказывается более ограниченной, чем в предшествующий период, не только законодательно, но и общественным мнением, ждущим от авторского жеста искренности и ответственности. Причины подобного различия связаны с процессами, идущими в культуре и влияющими на мир искусства.

Если говорить о культурной апроприации, то для западной культуры включение чужого культурного опыта в определенный период виделось способом выработать постколониальное (Европа) и пострабовладельческое (Северная Америка) мышление. Через включение разнообразных традиций в мировой тезаурус культуры в художественной практике конца XX века появляется большое разнообразие проектов, связанных с осмыслением собственной и чужой национальной идентичности. Популярность заимствования также связана с идеями экологии (отказ от перепроизводства), утверждением значения искусства в решении социокультурных и личностных проблем современности через взаимную работу автора и зрителя. Сегодня апроприация продолжает иметь важное значение как инструмент отделения артефакта или идеи от исходного контекста для многостороннего его понимания. Как писал В. Беньямин: «Дело не в том, что прошлое бросает свой свет на настоящее или настоящее — на прошлое, нет, образ — это то, в чем некогда бывшее вдруг встречается с моментом „сейчас", молниеносно складываясь в определенную констелляцию[3]. В такой форме апроприация способна стать мостиком между вчера и сегодня, выявить новые грани давно известного опыта или образа. Не случайно процесс и природа присвоения рассматриваются культурологами как часть изучения культурных изменений и межкультурных контактов.

Если в определенный период подобные формы актуализации различных форм культурного опыта виделись важным инструментом включения в мировой тезаурус культурного разнообразия, то с развитием современных средств коммуникации, изменением культурных приоритетов, стремлением к децентрализации, формированием новых влиятельных центров в Азиатском, Ближневосточном, Африканском регионах, становлением в Российской Федерации собственной идеологии старые централизованные модели межкультурного взаимодействия оказались неактуальными. С одной стороны, «культура отмены», активно пропагандируемая через социальные сети, стала мощным инструментом самоорганизации пользователей, которую подчас используют как маркетинговый инструмент. С другой стороны, на данном этапе глобализационных процессов декларирование своей культурной, религиозной, этнической идентичности стало важным для понимания и объявления себя конкретной личностью, что приводит как к поискам и установлению границ в использовании чужого культурного опыта, так и к институционализации новых мировых культурных центров.

Эти процессы хорошо видны на примере художественной культуры: от влияния культуры Китая и Кореи на моду, молодежную культуру и кинематограф до формирования значимых центров современного искусства в Москве, Пекине, Гонконге, Катаре, Йоханнесбурге и др. Современный мир изменил и понимание успешности: вместо успеха в любой сфере как ценного самого по себе произошло переориентирование на признание успеха только в контексте морально-этической системы личности. В центре внимания оказывается не только этичность самого продукта, но и условий его создания, моральные установки автора. Поэтому, кроме авторского права, оценка использования любого культурного капитала оказывается в руках представителей культур-доноров и общественного мнения.

Благодаря новым медиа и компьютерным технологиям временной разрыв между презентацией продукта и ее оценкой резко сократился. Особенно наглядно результаты изменения отношения к апроприации видны в сфере дизайна и моды. Если развитие этнической темы в моде 1970–1990-х годов виделось и как смелый творческий эксперимент, и как уважение к другим культурам, то в коллекциях последних лет дизайнеры почти не создают вещи в этнической теме, а чаще обращаются к интерпретации исторического костюма, ретрореминисценциям, к переосмыслению субкультурной моды. Критика Карла Лагерфельда, Ким Кардашьян, Ульяны Сергеенко, модного дома Gucci за неэтичную апроприацию стала сигналом изменения отношения к культурной апроприации целевыми аудиториями.

Открытым останется вопрос об использовании устоявшихся технологий и паттернов, например «северный орнамент», являющийся общим культурным достоянием народов Норвегии, Швеции, России, Канады, США и активно использующийся как дизайнерами, так и самодеятельными мастерами в вышивке, тканях, росписи, вязаных вещах и т. д. Исключение из правила — это исследование собственной идентичности дизайнера и коллаборации с представителями других культур. Эти внешние и внутренние ограничения авторской интерпретации — результат давления на индустрию со стороны радикальных приверженцев культуры отмены. Культура отмены за последнее время из

[1] *Krauss R., Hollier D. et al.* The Reception of the Sixties // October. 1994. Vol. 69. P. 13.

[2] *Максимова Ю.* Ричард Принс признан виновным в нарушении авторского права. URL: Artinvestmenthttps://artinvestment.ru/news/artnews/20110324_richard_prince.html.

[3] *Benjamin W.* Gesammelte Schriften. Bd. 5/1 : Passagen-Werk. Frankfurt a. M., 1982. S. 576–577 ; *Idem.* Gesammelte Schriften. Bd. 5/1 : Passagen-Werk. 2. Aufl. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1982.

стихийной реакции пользователей на культурный захват и оскорбление чужих ценностей превратилась в мощный ограничитель культурного обмена, творческой свободы и диалога культур. Естественно, в каждом случае надо разбираться отдельно и нельзя положительно оценивать, например, националистические высказывания Дж. Гальяно или использование сур из Корана К. Лагерфельдом.

Культура отмены сегодня — регулятор форм межкультурного взаимодействия и авторитетная система, влияющая на перспективы сотрудничества, доходы, интерес публики. Это требует не только теоретического осмысления, но и формулирования актуального инструментария межкультурного взаимодействия, учитывающего как этические нормы, так и необходимость культурного взаимодействия как неотъемлемую часть бытия человечества. Концепт «диалог», активно и продуктивно разработанный в зарубежной и отечественной культурологии, можно рассматривать не только как перспективный способ поиска баланса между культурным захватом и осмыслением, но и обозреть ситуацию в широком контексте, стать платформой для выработки баланса в данном вопросе. В контексте исследования границ и форм апроприации важно вспомнить М. С. Кагана, писавшего, что диалог является универсальным всеохватывающим способом существования культуры и человека в культуре[1]. М. М. Бахтин писал о диалоге, что он строится не как целое одного сознания, объективно принявшего в себя другие сознания, но как целое взаимодействие нескольких сознаний, из которых ни одно не стало до конца объектом другого[2]. Полифоничность, понимаемая как многоголосье, многоплановость, многомирие, у Бахтина видится важным принципом интерпретации любого текста. Подобное понимание диалога может стать площадкой для межкультурного общения, создания нового в искусстве и культуре.

В современной ситуации изменение форм и отношения к апроприации является симптомом значительных культурных изменений. Художественную культуру можно рассматривать как происходящие трансформации. Отдельный вопрос — не всегда корректный перевод и использование данного термина в русском языке, в том числе к художественному наследию прошлого. Также необходимо разделять художественную апроприацию, регулируемую в первую очередь авторским правом, а во вторую — общественным мнением. Если во второй половине XX столетия апроприация виделась формой переосмысления наследия прошлого, демонстрации многообразия традиций и образов, то в XXI веке под влиянием культуры отмены, новой этики и формирования новых центров культуры отношение изменилось в сторону критики. Некорректная, по мнению определенных групп, культурная апроприация подвергается критике общественностью и представителями культур-доноров, но в то же время она стала мощным инструментом как утверждения прав на собственное культурное наследие, так и формой воздействия на создателей разнообразного художественного и нехудожественного контента. Важным является нахождение баланса между уважением к чужому опыту и творческим поиском в различных сферах. Концепт «диалог» может стать основой и инструментом поиска понимания апроприации на новом этапе развития культуры.

А. А. Дмитриева[3]

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЭТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ИСКУССТВА В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На протяжении многих веков искусство являлось неотъемлемой частью культурного наследия человечества, выполняя целый ряд важных задач социального и нравственного характера. В числе основных функций искусства принято выделять познавательную, информационную, коммуникативную, эстетическую и этическую (воспитательную). Среди них на современном этапе развития общества особенно важное значение приобретает этическая функция. Она заключается в том, что искусство оказывает непосредственное влияние на формирование личности человека, его моральных ориентиров и духовных ценностей. Искусство прививает человеку определенные нормы поведения, является одним из инструментов социализации личности. Благодаря искусству человек воспринимает идеалы свободы, добра и справедливости.

Вместе с тем изучение произведений искусства на рубеже XX–XXI веков вызывает у зрителей и исследователей ряд трудностей в связи с тем, что современное искусство еще не выработало своего понятийного аппарата, его сложно вписать в эволюцию художественных стилей. Оно нередко грешит провокационной риторикой в виде спорных для оценки инсталляций, основная задача которых подчас сводится только к тому, чтобы развлечь широкую аудиторию. В таких случаях искусство утрачивает одну из важнейших функций — этическую. Но ведь именно она позволяет памятникам искусства, таким как древнерусская иконопись, творения Леонардо и Микеланджело, исторические полотна В. И. Сурикова, В. В. Верещагина, а также многим другим шедеврам живописи, скульптуры, графики, музыки и литературы оставаться духовно-нравственными ориентирами.

[1] *Каган М. С.* Философия культуры. СПб. : Петрополис, 1996.

[2] *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 20–21.

[3] Профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч.: «Отечественная историческая живопись как хранитель духовно-нравственных ценностей в эпоху глобальных перемен», «Культурный трансфер в социальной сфере: российская специфика» (в соавт.), «Образы Нового Света в бразильских пейзажах Франса Поста» (в соавт.), «Аллегорическое и патриотическое значение образа матери в советском искусстве на тему Великой Отечественной войны», «Школа Франса Халса в голландской живописи первой половины XVII века: тематическая специфика, основные мастера» (в соавт.) и др.

Некоторые объекты современных выставочных площадок, по нашему глубокому убеждению, вообще не могут претендовать на статус произведений искусства. Например, к таковым мы относим созданные в разных жанрах работы мастера шокирующих инсталляций Дэмиена Хёрста. Его работа «Физическая невозможность смерти в сознании живущего» (1991, Метрополитен-музей, Нью-Йорк) представляет находящуюся в аквариуме и законсервированную в формальдегиде огромную тигровую акулу. Когда названный артефакт был представлен на скульптурной выставке «Сенсация» в начале 1990-х годов, профессиональные критики резко осудили и сам показ, и работу. Однако жаждущая новых эмоций публика оценила ее положительно[1].

Еще одним примером служит небезызвестная инсталляция швейцарского автора Урса Фишера «Большая глина № 4» (2013/2014 гг., в настоящее время — Москва, Болотная набережная). Эта эпатажная конструкция, выполненная преимущественно из литого алюминия и нержавеющей стали, уже выставлялась в Нью-Йорке (2015) и Флоренции (2017)[2].

Британская художница Трейси Эмин пошла более легким путем, превратив в арт-объект свою кровать с разбросанным на ней бельем и грудой мусора в изножье. Данный объект зрительского внимания был назван «Моя кровать» (1998, частное собрание) и посвящен, по словам самого автора, чувству депрессии, во время которой женщина много дней не покидала пределов своей комнаты, предаваясь оргиям и алкогольным возлияниям[3].

Подобные примеры не единичны для цитирования. Наибольшее беспокойство вызывает даже не то, что авторы поставили себя в один ряд с великими мастерами классического искусства, а тот факт, что их работы успешно признаются художественным сообществом, музейными площадками, их выставки проплачиваются огромными суммами. Так, «Моя кровать» в 2014 году была продана на престижнейшем аукционе «Кристис» за 2 млн 546 тыс. фунтов стерлингов[4]. Дэмиен Хёрст после инсталляции с акулой и выставкой фотографий, на одной из которых он сам позировал с головой трупа в морге («С мертвой головой», 1991, Тейт, Лондон), был признан одним из самых богатых художников начала XXI столетия. В мае 2020 года его состояние оценивалось в 384 млн долларов.

Однако могут ли на самом деле эти арт-объекты называться шедеврами искусства? Они развлекают, приносят определенным слоям публики сомнительное удовольствие, возможно, вызывают интерес, но не способны возвышать зрителя, воспитывать в нем чувство долга, совести, чести, дарить ощущение соприкосновения с прекрасным. Названные работы не выполняют одну из важнейших функций искусства — этическую и потому не могут как таковые называться его творениями.

В современной русской и зарубежной художественной культуре существует огромное число примеров того, когда произведение мастера несет эту высокую миссию. Международной известностью пользуется творчество Студии военных художников им. М. Б. Грекова. Все произведения авторов представляют уникальные, подчас пронзительные по своему эмоциональному звучанию сюжеты в технике масляной живописи, акварели, а также диорамы и скульптуры на военную тему. Таковы картины С. Н. Трошина («На Куликовом поле», 2020), А. М. Ананьева («Дальний Восток. Август 1945 года», 2013), П. В. Минеевой («Защитницы неба», 2015, и «Разгрузка снарядов», 2020)[5].

Пейзажное творчество Д. И. Левина продолжает традиции русской пейзажной живописи XIX века: его работы вызывают ассоциации с картинами И. И. Шишкина, К. А. Коровина, И. И. Левитана. Полотна автора «Апрель. Пробуждение», «Весна в деревне. Мамонтово», «Деревенская идиллия», «Закат в Барыбино» передают чарующую атмосферу русской природы[6]. Сказочным очарованием наполнены пейзажи И. А. Медведева («Зимовье», 2013, и «Чайкин берег», 2015); неспешный быт русской провинции прекрасно передан в акварелях и на картинах М. И. Волобуева («Снова в гости», 2017, «За шитьем», 2020, и «Воскресный рынок», 2021).

Зарубежная художественная традиция также демонстрирует много подобных произведений, в которых зрителю удается увидеть наследие импрессионизма, романтического искусства, фовизма, традиции мастеров Парижской школы или Пенсильванской группы. Среди современных художников можно привести в пример символиста Рене Фобувье (картины «Это я», 2010, и «Сначала было Слово», 2012). Не менее известен американский художник Ким Инглиш (картины «Улица Мехико», 2020, «Снег в Денвере», 2020, «Палитра февраля», 2021, и «Городская жизнь», 2019)[7].

Искусство этих и многих других мастеров возвышает зрителей, в одном воспитывая чувство патриотизма, в другом пробуждая чувство единения с прекрасной природой или возрождая воспоминания об ушедшем детстве. Этим художникам не нужны провокационные лозунги, они не стремятся эпатировать публику, их творчество не заявляет о себе громкими криками на каждом углу. Зритель сам находит дорогу к их произведениям благодаря той душевной гармонии, которую обретает при знакомстве с ними.

Подводя итог, отметим, что представленная для обсуждения проблема сохранения этической функции искусства является дискуссионной и неоднозначной. Во многом ее решение зависит от специалистов в области искусства самого разного профиля: педагогов, знатоков, художественных критиков и музейных сотрудников. Они должны помочь зрителю найти путь к истинным шедеврам — произведениям, которые призваны соответствовать самым высоким нравственным идеалам.

---

[1] *Кент С.* Дэмиен Хёрст. Хозяин своей судьбы // Третьяковская галерея. 2016. № 2 (51). URL: https://www.tg-m.ru/articles/2-2016-51/demien-kherst-khozyain-svoei-sudby (дата обращения: 15.02.2024).

[2] *Curiger B., Gioni M., Morgan J.* Urs Fischer: Shovel in a Hole. Zurich : JRP Ringier, 2009.

[3] *Brown N.* Tate modern artists: Tracey Emin. L. : Tate, 2006.

[4] Ibid. P. 97.

[5] *Дмитриева А. А.* Студия военных художников им. М. Б. Грекова и значение ее деятельности в патриотическом воспитании военнослужащих // Актуальные проблемы военно-политической работы в вооруженных силах : сб. материалов науч.-метод. конф. Петергоф, 2021. С. 62–67.

[6] Источник данных о картинах Д. И. Левина: http://www.levin-art.ru/ (дата обращения: 15.02.2024).

[7] *Pinelli S.* Painting at the turn of the century: from tradition to innovation. P. : Flammarion, 2009.

И. И. Докучаев[1]

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: РОССИЯ, ЗАПАД, ВОСТОК И ТРЕТЬЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Россия — одна из величайших стран, культура и цивилизация которой имеют мировое значение. В настоящем докладе предполагается анализ ключевых компонентов этого значения. Для решения этой задачи будет кратко охарактеризован исторический процесс как смена фаз становления единого человечества в ходе стремления той или иной цивилизации или культуры к доминированию над своим окружением и — в перспективе — над всем миром. В этом процессе обнаруживается диалектика взаимообусловленности ценностей и технологий, аксиологического и научно-технического компонентов культуры, в которой первый аспект играет роль стабилизирующей силы исторической динамики, а второй — роль динамической силы. История России оказывается результатом сложного взаимодействия ее культуры с западными и восточными культурами. В ходе становления российской культуры осуществляется выработка ключевых элементов ее тезауруса — ценностей, выступающих идеалом для дальнейшего исторического бытия. Четвертая фаза этого становления делает российский ценностный мир культурой мирового уровня. Рассмотрим последовательно ряд вопросов, относящихся к этой концепции: проблему трех фаз глобализации, концепцию четырех этапов становления тезауруса российской культуры, вопрос о сущности концепции традиционных ценностей, проблемы взаимоотношений российского тезауруса с западным и восточным, и наконец, перспективы российской культуры в ее мировом измерении.

1. Доминирование одного общества над другим или одного государства над другим — желанная цель многих таких институтов и коллективов. Достижение этой цели приводит к распространению влияния победителя, или к глобализации. Первая версия такой глобализации — политическая империя (военная сила и политическое единство). Такая глобализация опирается на военную силу, в результате применения которой возникают политические структуры — империи, — включающие в свой состав победителей и побежденных. Синтез культур и образование какого-либо единого цивилизационного пространства в таких структурах невозможны. Ни Ассирия, ни Персия, ни Греция, ни Рим не стали новыми культурами, на пространстве этих империй сформировался эклектичный хаос различных ценностных тезаурусов. Вторая версия — мировая религия (вера и региональное единство). Такая глобализация связана с распространением между различными государствами единой культуры, основанной на ценностях религиозного мировоззрения. Межгосударственный характер такой культуры свидетельствует о том, что возникающая в таком контексте система ценностей приводит к реальному единству людей, опирающемуся на веру в те или иные религиозные смыслы, как это произошло в буддистских, исламских и христианских регионах мира. Наконец, третья версия — мировое разделение труда (наука, технологии, экономический рост). Эта форма глобализации имеет более поверхностный характер, чем вторая, но зато более универсальный, чем предыдущие. Именно третья глобализация достигает общепланетарных масштабов, унифицируя самые разные регионы мира. Вопрос о том, каковы границы этой унификации, остается открытым. Важно подчеркнуть, что научно-технический прогресс всегда был ключевой динамической силой истории, приводя в движение самые консервативные и стабильные (холодные) культуры.

2. Россия за свою историю прошла четыре основных этапа. Киевский — формирование христианской культуры. Московский — формирование централизованного государства. Петербургский — научно-технологическая и экономическая модернизация. Советский — формирование идеи справедливого общества. Сначала киевский князь Владимир Святой благодаря принятию христианства определил суть и ключевой вектор развития отечественной культуры, положив начало формированию русской нации вокруг ключевых ценностей христианской мировой религии. Затем великий князь Московский и всея Руси Иван Грозный создал русскую государственность, завершив формирование комплекса необходимых атрибутов цивилизации периода традиционной культуры. Император Петр Великий включил Россию в процесс западной модернизации, научно-технологического и экономического развития и становления креативной культуры. В. И. Ленин придал этой модернизации оригинальный российский смысл — всемирное стремление к построению справедливого и разумного общества без войн и эксплуатации. Исходя из этой концепции российской истории, можно выделить четыре ключевых основания и идеала российской цивилизации: христианская вера, закон и свобода, разум и развитие, социальная справедливость и самоограничение.

3. Современные перечни традиционных ценностей имеют существенные концептуальные изъяны и проблемы, из которых необходимо указать три главнейших:

— аксиологический абстракционизм — отрыв ценностей от культуры и формализм их содержания. Ценности — сердце культуры, но сердце вне организма мертво. Следует рассматривать ценности как идеалы эпохи, реализованные в конкретных артефактах куль-

[1] Заведующий кафедрой онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч.: «Введение в историю общения», «Ценность и экзистенция: Основоположения исторической аксиологии культуры», «Феноменология знака: избранные работы по семиотике и диалогике культуры», «Бытие и истина: очерки конституологической метафизики», «Эдмунд Гуссерль» и др. Профессор РАО. Руководитель Российского культурологического общества, Санкт-Петербургского отделения Российского философского общества. Награжден Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования РФ.

туры, ее социальных институтах, произведениях искусства, религиозных практиках, материальных достижениях, выдающихся личностях. Ценности — это не изолированные концепты, вроде справедливости или жизни, а развернутые концепции, определяющие существо понимания справедливости и жизни, понятых как ценные сущности или процессы;

— аксиологическое идолопоклонство — забвение других сторон культуры, и прежде всего научно-технического прогресса. Именно научно-технический прогресс создает сегодня условия для сохранения цивилизации и ее ценностей в ходе третьей глобализации;

— аксиологический антиисторизм — отрицание развития и сменяемости различных тезаурусов. Ценности меняются и приобретают новые концептуальные измерения. Традиция имеет начало и конец, она не является синонимом вечности.

4. Запад и Россия. Запад, начиная с эпохи Возрождения в Италии, является доминирующей культурой в силу научно-технологического и экономического превосходства. Это доминирование он почти всегда обращал в свою пользу, нанося вред тем странам, которые попадали в сферу его влияния. Но именно заимствование и развитие достижений Запада позволяет другим странам конкурировать с ним и бороться за сохранение собственной культуры. В контексте конкуренции и борьбы с Западом, которая разворачивается сегодня и в которую активно вовлечена Россия, необходимо принимать во внимание ряд факторов:

— Запад — неоднородная культура, имеющая разные аксиологические основания (Средневековье, Ренессанс, Новое время, позитивизм, модернизм). Запад неоднороден и регионально. Разговор о Западе не должен превращаться в демонизацию Запада и конструирование его как исключительно негативный опыт;

— Запад — способ переложить на другого ответственность за собственные действия. Попытки объяснить собственные неудачи за счет другого очень опасны, ибо закрывают возможности понимания внутренних ресурсов развития и подлинных препятствий для осуществления успешной конкуренции с Западом;

— Запад как конкурент и источник культуры. Провальность изоляционизма. Запад остается существенным фактором истории человечества. Его научно-технологические открытия продолжают играть важнейшую роль в успешном исходе конкуренции за глобальное доминирование. Нельзя также не понимать, что социальная организация и система управления на Западе имели ключевое значение в истории его научно-технологических успехов, что качество жизни, достигнутое благодаря этим успехам, остается образцом для других регионов мира. Изоляционизм и оборона никогда не приводят к успеху так, как это было бы возможно в результате успешной конкуренции с Западом. Вопрос о том, насколько все то, что сегодня происходит в сфере культуры и общества на Западе, есть обязательное следствие научно-технической и экономической модернизации, тоже остается открытым.

5. Восток и Россия. Восток был и остается для России источником ее религиозного самоопределения. Однако сегодня он играет роль такого же, как и Россия, конкурента Запада. В этой связи необходимо выделить ряд проблем, которые России предстоит решить:

— Восток как конкурент и сателлит Запада. Восток не может быть однозначным союзником России в силу того, что у него есть собственные интересы, а также в силу того, что эти интересы в разных регионах Востока разные. И наконец, в силу того, что Запад остается очень привлекательным для Востока источником различного рода научно-технологических и экономических ресурсов и стандартов;

— Восток как угроза поглощения России и как проблема очередного идолопоклонства. Восток нельзя не рассматривать как конкурента России. Проблема идолопоклонства перед Западом не должна решаться за счет смены идолов. Это лишь усугубляет проблему поиска собственных путей исторического развития и национальной безопасности;

— Восток как перспектива и союзник сопротивления. Наконец, поскольку проблема неизбежности западного пути не является до сих пор решенной, а кризис западного мира не представляется непреодолимым, следует опасаться ошибочного выбора. Эта ошибочность может быть связана также с иллюзией в отношении Востока, с конструированием Востока без достаточного понимания того, что он собой представляет на самом деле.

6. Россия: перспектива развития государства-цивилизации или мировое лидерство. Без первого невозможно второе, но и без второго невозможно первое. Глобальные проблемы человечества (рост населения, загрязнение окружающей среды и истощение ее ресурсов, угроза мировых войн и технологических катастроф) — порождение последней версии глобализации. Это проблемы капиталистического способа производства, они связаны с безудержным ростом потребления и погоней за прибылью. Советский социалистический проект сохраняет нереализованный потенциал глобального развития. Именно он в качестве идеалов истории содержал решение глобальных проблем человечества. Этими идеалами остаются рациональное ограничение экономического роста и справедливое потребление. Именно эти идеалы имеют общемировое значение, и благодаря их реализации российская цивилизация и культура могут и должны стать важнейшим источником человеческого развития, залогом успешной конкуренции с Западом и Востоком и основанием доминирования в мире тех стран, которые окажутся в орбите российского влияния.

Г. В. Драч[1]

ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ОТ МОНОЦЕНТРИЗМА К ПОЛИЦЕНТРИЗМУ

При всем многообразии взглядов на понимание ценностей (в любом их смысле) невозможно не заметить, что они стали точкой пересечения интересов в современном мире — социальных и этнических групп, экономических и политических сообществ, государств и даже цивилизаций. Все это говорит в первую очередь о важности даже не понятия, а феномена, чутко резонирующего на современные проблемы — безопасности, жизнеобеспечения, свободы, экономического и политического суверенитета и, наконец, культуры. Пожалуй, обращение к культуре позволяет увидеть самое потаенное — ценности — то, что находится в глубинах нашего сознания и осознания. Осознания бытийственности в ее направленности к жизни, продолжению жизни. Но и осознанию смерти, стремлению к вечности, к победе. Как заметил Гераклит, «*одно* и то же в нас *живое* и *мертвое*». И он же замечал, что война — «отец всех, царь всех». Но война не может быть ценностью сама по себе, ценность — это победа. Пожалуй, этого достаточно, чтобы сказать — нет общечеловеческих ценностей, как и однополярного мира как устойчивой и самозначащей ценности. Однополярный мир — это ценности господства одних и подчинения других. К сожалению, человечество не имеет другой модели. Каждый народ и каждая нация — носители своих ценностей и идеалов или других, которые им навязываются силой.

И еще одно обобщение — ценности аккумулируют опыт (антропологический и социальный, эстетический, этический и научный), но не являются гарантией стабильности, они выступают «движителем», толчком к трансформациям на всех возможных уровнях — как глобальном, так и локальном. Наибольшие основания говорить так дает обращение к Западу с его агональными ценностями личности, победы и успеха. Но и Восток, оставаясь приверженцем традиционных ценностей, никогда не оставлял без ответа брошенный ему Западом вызов. Современный мир зачастую отождествляют с Западом, который обычно противопоставлялся Востоку как преуспевающий индустриальный мир, хотя сегодня такие формулировки устарели. Речь уже идет не только о Западе и Востоке, но и о глобальном Юге. Самое главное — меняется сама общая картина, все чаще предпочитают говорить о региональных измерениях: Юго-Восточная Азия, Кавказ и Причерноморье и т. д.

Новые страны и города открывают новую реальность — постглобального мира. Здесь нет былого величия Запада, как и отсталости Востока. Мегаполисы, индустриальные центры, мощная экономика, мировая торговля. Таковы реалии сегодняшнего дня. Запад теряет мировое господство. А может, и не теряет — возражают другие. США по-прежнему великая держава, а доллар по-прежнему исправно (или не очень?) выполняет роль мировой валюты. Уж не спешите ли вы, уважаемые коллеги? Хотя, конечно, еще Шпенглер писал о закате Европы, а Маркс предрекал крушение капитализма. Но все ли сбылось, где иллюзии и где реальность? А самое главное, что могут сказать по этому поводу культурологи? Вот такие «властелины колец», как Клаус Шваб и Илон Маск, — другое дело. Первый обосновывает неэффективность и ненужность национальных государств, второй идет еще дальше, предсказывая в условиях торжества искусственного интеллекта ненужность всего человечества.

Да и маститые ученые говорят о другом мире. Например, Конрад Лоренц пишет о «смертных грехах» цивилизованного человечества и исчерпанных генетических возможностях человека, затухании эмоциональности чувств, «беге наперегонки с самим собой» и т. д. Полная свобода, в том числе и от биологических ограничений, гонит человечество, выражаясь языком Гераклита, «бичом необходимости». Только куда? Сегодня уже видно куда. Распад традиционной семьи, однополые браки, тотальный контроль так называемой ювенальной полиции, наступление на традиционные буржуазные ценности — свободу торговли, политического волеизъявления и свободу слова. Вот здесь и возникают вопросы: где иллюзии, а где реальность? Что подлинного в этих процессах, что имитация, а что трансгрессия? Быть или казаться — что важнее? Эти вопросы и ставят современные философы и культурологи, к которым так и хочется обратиться: «Ваше слово, товарищ маузер»! То бишь, просто товарищ, но современное человечество давно уже пришло ко второму. Впрочем, вопросы истинного, подлинного и иллюзорного были поставлены еще Парменидом. Обратимся с этими наработками к современному миру, в котором, к сожалению, уже не находит места диалог, а утверждение о праве на исключительность одной (западной) стороны присутствует.

Безграничное потребление (львиная доля потребления в современном мире относится к ограниченному клубу привилегированных стран). Нарастает экологический кризис. Отдельные страны, культуры и народы имеют право бороться за свое выживание. Объединяющим началом человечества может быть не эгоизм, а гуманизм. Полицентризм современного мира вытекает не только из обозначившихся пределов доминирования Запада в едином и, как оказалось, довольно ограниченном мировом пространстве. В объяснении нуждается не полицентризм, а моноцентризм, проявившийся как европоцентризм, позволивший многообразие культур,

---

[1] Научный руководитель Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 260 научных публикаций, в т. ч.: «История одного доклада», «Цивилизационное развитие Запада: начало философии как точка бифуркации», «Трансформации этнических культур в глобализованном мире: основные аспекты проблемы» (в соавт.), «Этнос и этническое самосознание в цивилизационном дискурсе» (в соавт.), «О культурной изменчивости и социальной динамике (обращаясь к работам А. Я. Флиера)» и др. Член Президиума Российского философского общества.

обычаев и верований подчинить европейскому течению истории и распределить по единой шкале ценностей: с использованием оценочных понятий современного и архаического, передового и реакционного, развитого и отсталого.

Культура в этом случае перестает рассматриваться как самозначащее образование, а человек — как самозначащая ценность. «Культурный мир» мы рассматриваем как «единый космос», находясь в пространстве которого разные культуры и народы сохраняют свою самостоятельность и обретают социокультурное равноправие[1]. В этом отношении Россия, сопротивляющаяся сохранению однополярного мира, не является исключением. Поэтому вызывают опасения распространенные сегодня попытки пересмотреть культурную историю страны, дать оценку событиям культурной истории с позиций исторической ретроспективы, вычеркивая целые периоды в ее истории как сплошные провалы и «черные пятна» и ориентируясь на западную модель развития[2].

В философско-культурологических исследованиях культура Запада справедливо отождествляется с техногенной цивилизацией, исторически базирующейся на экспериментальной науке, давно превратившейся в поставщика технологий. Общество, человечество не успевает адаптироваться к изменениям, «исчезающему миру». Наукоемкая и науковоспроизводящая культура предполагает постоянное обновление и модернизацию всего уклада жизни. Постоянное обновление уподобляют наступлению неуправляемой армады танков, ставший неуправляемым процесс ускорения называют акселерационизмом. Это не безобидная болезнь подростков-акселератов, обнажаются фундаментальные проблемы человеческого бытия — пределы и возможности изменения природной среды и природы (генетических пределов) человека[3]. Но такой же ограниченной сферой оказываются и природные ресурсы. Обозначившиеся сырьевые пределы влекут за собой неизбежные напряжения и столкновения. Нарастают разочарование в науке и недоверие к разуму, сегодняшнюю ситуацию характеризуют как переход не «от мифа к логосу», а от «логоса к мифам». Многие исследователи говорят о тупиковости техногенной цивилизации Запада. Но Восток перенял эстафету технического развития. То, что несколько десятилетий назад казалось невозможным, — трансплантация науки в инокультурную среду, — стало явью, и традиционные ценности Востока, и технологическое обновление оказались вполне совместимы. Западная модель развития, навязываемая всему человечеству, исчерпала себя, и на смену моноцентричному миру стремительно надвигается полицентричная экономическая, политическая и культурная реальность.

В. Ю. Дунаев[4],
В. Д. Курганская[5]

ИНВЕРТИРОВАННАЯ АКСИОЛОГИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО И ПАРТИКУЛЯРНОГО КАК ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ КАРКАС ИДЕОЛОГИИ МОНДИАЛИЗМА[6]

В описании структуры своего поселения информантами ряда архаических племен (индейцев Северной и Южной Америки, некоторых племен Индонезии) К. Леви-Строс обнаруживает явное противоречие: эта структура описывается и как дуальная, радиально разделенная на две половины, и как концентрическая, где жилища одной половины вписаны в круг другой или же встроены в несколько концентрических окружностей. Симметричная дихотомия создает равновесие между социальными группами; концентрическая структура утверждает социальную асимметрию «центр–периферия», символизирует отношения господства–подчинения, социальной или ценностной иерархии (мужское–женское, сакральное–профанное). При этом описание

[1] *Драч Г. В.* У истоков ростовской философско-культурологической школы. Статья 2. Ю. А. Жданов и В. Е. Давидович // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 2 (14). С. 5–16.

[2] См. также: Философия в полицентричном мире: К 100-летию со дня рождения А. А. Зиновьева : избр. тр. VIII Рос. филос. конгресса. М., 2022.

[3] *Драч Г. В.* Модернизация России: контекстуальность проблемы // Логос. 2004. № 5 (44). С. 178–190.

[4] Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Автор около 240 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Онтологические основания социогуманитарной рефлексии», «Логическая структура и экзистенциальный смысл философской онтологии» (в соавт.), «Философия познания: век XXI» (в соавт.), «Человек и социальное государство» (в соавт.), «Социальная политика: модели и стратегии» (в соавт.); статей в научных журналах: «Онтология и поэтика способности воображения», «Диегесис и педагогика восприятия» (в соавт.). Награжден медалью «20 лет Независимости Республики Казахстан» и нагрудным знаком «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан».

[5] Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Правосознание этнических групп Казахстана: социокультурный контекст формирования», «Метафизика всеединства: личностный смысл мировоззренческих универсалий», «Экология культуры в формировании современной картины мира» (в соавт.), «Социоинженерные технологии в управлении трансформациями казахстанского социума» (в соавт.), «Философия в контексте глобализации» (в соавт.); статей в научных журналах: «Феномен идентичности в социальном конструировании виртуальной реальности» (в соавт.), «Цифровизация как моделирующая система социальной стратификации» (в соавт.). Награждена медалью «20 лет независимости Республики Казахстан» и нагрудным знаком «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан».

[6] Исследование проведено в рамках финансирования КН МНВО РК — грант BR20280977 «Современные концептуальные подходы к содержанию справедливости и ее реализации в казахстанском обществе в условиях глобальных трансформаций».

туземного селения в виде диаметрально разделенной или концентрической модели зависело от социального положения информантов[1].

Как ни странно, аналогичную картину совмещения дуального и концентрического деления социального пространства можно наблюдать и в работах исследователей, посвященных анализу структуры современного миропорядка. Одной из наиболее часто встречающихся схем является концентрически-иерархическая кластеризация стран мирового сообщества на 1, 2 и 3-й миры. Иную перспективу взгляда на устройство мировой системы в рамках полицивилизационной парадигмы использует С. Хантингтон: «Мир в каком-то смысле уже делится на два, но принципиальное различие эта парадигма проводит между Западом как доминирующей до сих пор цивилизацией и всеми остальными, которые, однако, имеют между собой мало общего (если имеют что-либо общее вообще). Короче говоря, мир разделен на западную и не западную совокупности»[2]. В то же время С. Хантингтон предполагает, что полицентричная, многополярная, мультилатеральная модель рисует более реалистичную картину глобального политического пространства, чем однополюсные или биполярные концептуальные схемы[3].

По видимости, эклектичные построения С. Хантингтона на самом деле являются отражением того факта, что современный мир характеризуется множественностью сосуществующих, в том числе логически несовместимых, не-совозможных (Лейбниц), систем его поляризации. Соответственно, возникают разного рода концептуальные модели и политические проекты преодоления этой неопределенности, многозначности, непредсказуемости.

Национальное государство как единственный и полномочный субъект легитимной публичной власти выступало важнейшим структурным элементом Вестфальской международно-правовой системы миропорядка. Непререкаемый политический суверенитет и национальные интересы государства служили базовыми принципами архитектуры и универсальными ценностями функционирования этой системы. Каждое отдельное государство, реализуя свой военный, экономический, культурный суверенитет, вместе с тем выступало носителем и воплощением данной системы всеобщих политических ценностей.

В эпоху блокового противостояния возник новый принцип формирования миропорядка — принцип надгосударственной интеграции, то есть поляризации мира по оси противостояния групп государств, объединенных в военно-политические блоки вокруг двух сверхдержав. Движение неприсоединения, приверженное принципу государственного суверенитета, выступало косвенным признанием контекстуальной универсальности принципа биполярности.

Миропорядок, сформированный в результате демонтажа биполярной системы, характеризуется многослойной, гетерогенной, поливариантно детерминированной системой глобального управления, включающей в себя: ряд государств (США как сверхдержаву; Китай, Россию, Индию как региональные державы); региональные союзы, альянсы, блоки государств (ЕС, НАТО, ШОС, БРИКС, ОПЕК); транснациональные корпорации; транснациональные СМИ; межгосударственные финансово-экономические институты (ВТО, МВФ, Всемирный банк); наднациональные и экстерриториальные институты «теневого» мирового правительства (Римский клуб, Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия, Комитет 300, Совет по международным отношениям). В этой системе, или, скорее, конгломерате политических акторов разворачивается перераспределение между национальными государствами и мондиалистскими структурами функций управления и контроля над воспроизводством традиционных и генерированием новых социальных ценностей. Реальное перераспределение суверенитета сопровождается концептуальной и аксиологической дискредитацией идеи национального государства, якобы нежизнеспособной и дисфункциональной в эпоху глобализации. В имманентной логике экстерриториального, всемирного рынка, управляющего потоками товаров, капиталов, информации, технологий, людских ресурсов, ценность государственного суверенитета становится исчезающе малой величиной. «Слабые государства — это именно то, в чем нуждается новый мировой порядок, слишком часто подозрительно напоминающий новый мировой беспорядок»[4], — замечает З. Бауман.

Ряд исследователей прогнозируют девальвацию государства, переход статуса субъекта формирования мирового порядка к экстерриториальным, транснациональным структурам. По мнению Ю. Хабермаса, сохранить ценности республиканизма можно, лишь выйдя за пределы национального государства и приведя «свою способность к политическому действию в соответствие с глобализацией саморегулирующихся систем и сетей»[5].

З. Бауман констатирует: «Центры, где вырабатываются смыслы и формируются ценности, сегодня экстерриториальны и свободны от местных ограничений», вырабатывающие их мировые элиты независимы «от территориально ограниченных субъектов политического и культурного влияния»[6]. Экстерриториальным становится и само публичное пространство, предназначенное для взаимодействия ценностей и выработки компромиссов, — оно переместилось в социальные сети. Поэтому любой тип поляризации политического пространства (однополярность, биполярность, многополярность), предполагающий сохранение национально-территориального принципа мироустройства, не преодолевает альтернативу универсальных и партикулярных ценностей. Вместе с тем, как отмечает Б. Межуев: «Взрывая нацию-государство, освобождая мировую элиту из-под контроля со стороны населения, гло-

[1] *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М. : Гл. ред. вост. лит., 1985. С. 118–146.

[2] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. С. 40.

[3] Там же. С. 35.

[4] *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М. : Весь мир, 2004. С. 100.

[5] *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. М. : Праксис, 2002. С. 379.

[6] *Бауман З.* Указ. соч. С. 11–12.

бализация… противоречит одновременно и демократическим, и социальным, и национальным ценностям»[1].

В современном мире геополитическое доминирование обеспечивается не только мощью вооруженных сил, лидерством в сфере экономики, науки, технологий, финансов, но и «мягкой силой» — экспансией системы ценностей страны-гегемона во все уголки ойкумены. Поэтому одним из базисных факторов формирования мироустройства является идеологическое доминирование гегемона глобализации, императивно навязывающего собственную модель общественно-политического устройства и провозглашаемых ею ценностей в качестве эталонной, универсальной.

У. Бек предлагает модель преодоления ложной альтернативы универсальных и партикулярных ценностей, основанную на интеграции контекстуального непосредственно в универсальное. «В результате подрывается альтернатива: *либо* один универсализм, *либо* никакого. Но здесь возникает такая возможность: имеется *мой* и *твой* универсализм, имеется *много* универсализмов — *плюралистический* универсализм»[2]. Альтернативой как монополии национального государства на роль единственного структурного элемента глобального миропорядка, так и «жуткого образа имперского мирового государства»[3] является понятие международного политического пространства космополитической общности, принудительной солидарности государств, преодолевающей национальные перегородки. «…наряду с мировым обществом национальных государств возникает могущественное, отличающее себя от всех прежде существовавших форм политической легитимации не-государственное мировое сообщество, которое составлено из совершенно разнородных транснациональных акторов»[4]. Не признавая национально-государственных границ, действуя в стратегически важных полях поверх всех границ между странами, религиями, культурами, они создают свой собственный «инклюзивный суверенитет».

Но что такое транснациональное государство? Это не национально-территориальные общности, а межгосударственная кооперативная модель — по примеру ЕС. Принцип контекстуального универсализма, если применить теологические категории, выступает своего рода возвратным движением от эксклюзивных ценностей замкнутых миров монотеистических религий к инклюзивной аксиологии языческого многобожия.

Наиболее радикальным проектом гомогенизации мироустройства — фазового перехода мира к качественно новому состоянию единого «сверхобщества», «сверхцивилизации», «сверхгосударства» (А. А. Зиновьев[5]), или «гиперимперии» (Ж. Аттали[6]), — является идеология мондиализма. Мондиализм — это геополитическая доктрина о формировании единого мира (One World), лишенного политических, экономических, религиозных и тому подобных границ. Эта мировая система управляется из единого центра всемирной власти на основе универсальных гуманистических и демократических ценностей.

Ю. К. Усынин и Л. С. Яковлев полагают, что для современной России «решающее значение в плане формирования гражданского общества приобретает становление набора общепринятых ценностей», и в этом контексте мондиализм предлагает модель, которая с позиций фундаментализма может оцениваться «как разрушающая национальную идентичность, но, во всяком случае, является жизнеспособной, обладающей достаточным преобразующим потенциалом»[7]. Практически эта модель, как поясняют авторы, означает замену традиционных ценностей ценностями потребительского общества, идеологией консьюмеризма «как решающего фактора» консолидации российского социума. Лучшим комментарием к этому набору общепринятых ценностей консолидации служит шапка интервью главного редактора парижского литературного альманаха «Слова и смыслы» Е. Кондратьевой-Сальгеро[8], посвященного реализуемой евро-атлантической верхушкой программе управляемой деградации Европейского сообщества через уничтожение национальных государств, стирание национальной истории в безликой «истории Европы», отречение от национальной идентичности и национальной культуры в пользу императивно предписанных евроценностей, превращение народа в биомассу бездумного потребления.

Мондиализм «предполагает в качестве необходимого условия отмирание традиционных государств, народов, рас, культур и религий и создание некоей новой особой „общечеловеческой цивилизации“…Важно заметить при этом, что идеологической базой такой „общечеловеческой цивилизации“ должна стать именно западная цивилизация»[9]. Министр иностранных дел Франции Ст. Сежурне, комментируя обсуждение планов отправки на Украину европейских военнослужащих, заявил, «Речь идет о том, чтобы победить Россию, не ведя против нее войны… Это придает нашим обязательствам стратегическую двусмысленность»[10]. *Стратегическая двусмысленность* дискурса всеобщего и особенного — это, пожалуй, наиболее точное определение логико-семантического каркаса аксиологии мондиализма.

---

[1] *Межуев Б.* Стоит ли бороться с глобализацией во имя национального государства? URL: https://archipelag.ru/geoeconomics/global/antiglobal/fight/.

[2] *Бек У.* Что такое глобализация. М. : Прогресс-Традиция, 2001. С. 151.

[3] Там же. С. 190.

[4] Там же. С. 180.

[5] *Зиновьев А.* Глобальное сверхобщество и Россия. Мн. : Харвест ; М. : АСТ, 2000.

[6] *Аттали Ж.* Краткая история будущего. СПб. : Питер, 2014.

[7] *Усынин Ю. К., Яковлев Л. С.* Глобализационный контекст предпосылок становления гражданского общества // Вестник ПАГС. 2009. № 3. С. 42.

[8] Елена Кондратьева-Сальгеро: «Серые массы, не помнящие ни страны, ни традиций, ни истории, ни героев, — вот к чему нас ведут, как стадо баранов». URL: https://zonakz.net/2024/02/23/elena-kondrateva-salgero-serye-massy-ne-pomnyashhie-ni-strany-ni-tradicij-ni-istorii-ni-geroev-vot-k-chemu-nas-vedut-kak-stado-baranov/.

[9] *Дугин А. Г.* Конспирология (наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне). М. : Евразия, 2005. С. 338.

[10] Глава МИД Франции заявил о переломном моменте в украинском кризисе. URL: https://ria.ru/20240302/perelom-1930694588.html?rcmd_alg=COL6&rcmd_id=1930694023.

Д. В. Ефременко[1]

ПРИНЦИПЫ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СОЛИДАРНОСТИ И УВАЖЕНИЯ К ТРАДИЦИОННЫМ ЦЕННОСТЯМ КАК ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ МИРОВОГО БОЛЬШИНСТВА

Пандемия коронавируса и связанные с ней глобальные социально-экономические проблемы, начавшаяся в феврале 2022 года специальная военная операция на Украине и разразившаяся в октябре 2023 года война между Израилем и ХАМАС продемонстрировали глубокую неэффективность однополярного мирового порядка в плане экономического развития, обеспечения международной и региональной безопасности. Все в большей степени ставится под сомнение не только международно-правовая, но и моральная легитимность однополярного мироустройства. В этих условиях Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС, другие незападные структуры, институты и форумы международного сотрудничества продолжали формировать альтернативу системе глобального управления, основанной на гегемонии одной сверхдержавы. Ярким внешним проявлением происходящих изменений стало расширение числа участников ШОС и БРИКС летом 2023 года.

Следует отметить, что расширение ШОС и БРИКС было встречено в странах Запада с большой настороженностью. Ряд видных западных аналитиков в связи с этим вновь подвергли критике структуры и инициативы формирующегося мирового большинства. Например, Д. Аджемоглу полагает, что расширение БРИКС ведет к усилению китайского (и попутно — российского) влияния, поскольку все новобранцы БРИКС уже имеют вполне дружественные отношения с Пекином и Москвой. Более того, по оценке Аджемоглу, характер режимов Ирана, Египта, Саудовской Аравии, ОАЭ, Эфиопии способствует значительно более быстрой трансформации всей группировки в «антидемократический клуб», что в конечном счете указывает на сокращение ареала демократии в глобальном масштабе. В свою очередь, поддержка со стороны Пекина, в частности беспрепятственная передача китайских технологий видеонаблюдения, выступает фактором укрепления этих режимов. Впрочем, ссылки на роль технологий искусственного интеллекта в поддержке авторитаризма, по всей видимости, связаны с опасениями дальнейшего усиления технологического влияния КНР и акцептации незападными странами китайских регуляторных режимов, ведущей к подрыву универсального характера политических решений стран Запада в сфере ИИ. На деле именно США (в особенности при администрации Дж. Байдена) пытаются проводить черно-белое деление всех прочих стран на демократии и недемократии. И декларируемая, и фактическая позиция БРИКС состоит в невмешательстве во внутренние дела друг друга, индифферентности в отношении системы правления в любой стране (из входящих в этот клуб) при одновременном уважении к традициям и ценностям каждой из них. Мотивы, побуждающие ведущие незападные страны к вступлению в БРИКС, связаны, прежде всего, с укреплением их суверенитета и международной субъектности, а также с неприятием навязываемой Западом постмодернистской ценностной матрицы, разрушительной для своеобразия и самобытности традиционных культур.

Группа БРИКС, равно как и Шанхайская организация сотрудничества, никогда не выступала в качестве антагонистов Запада, хотя именно Запад антагонизирует двух ключевых участников — БРИКС и ШОС. Вместе с тем идентичность ШОС и БРИКС акцентирует инаковость по отношению к Западу и стремление восстановить глобальную справедливость именно за счет укрепления позиций мирового большинства. Группа БРИКС в ее расширенном составе может рассматриваться в качестве зонтичного формата для интенсификации самых разнообразных взаимодействий незападных государственных акторов. В некотором смысле расширенный состав БРИКС, а также БРИКС+ могут быть представлены в качестве школы многостороннего диалога, не опосредованного институтами и механизмами глобального управления, в которых доминирует Запад. Не иерархия, а сетевое структурирование, выстраивание множества горизонтальных связей международных акторов самого разного уровня обеспечивают на текущем этапе глобального развития постепенное укрепление мирового большинства.

В настоящее время Россию, Китай и большинство стран мирового большинства сближает неприятие мирового порядка, основанного на гегемонии одной сверхдержавы. Именно благодаря этому удалось сорвать планы стран Запада по международной изоляции России после начала специальной военной операции. За два года Россия сумела упрочить взаимопонимание со странами Глобального Юга, укрепить международную роль незападных объединений, таких как ШОС и БРИКС, и даже значительно расширить свое влияние в некоторых регионах бывшей французской колониальной империи в Африке. При этом, однако, нарастает активность США, ЕС и других стран политического Запада, направленная на подрыв доверия и сотрудничества между Россией и ее незападными партнерами. В этих условиях необходим новый шаг вперед — разработка и продвижение позитивных программных

[1] Заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН, доктор политических наук, главный научный сотрудник. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Эколого-политические дискурсы: возникновение и эволюция», «Environmental History of Russia» (Cambridge University Press, в соавт.), «Посттравматическая Россия. Социально-политические трансформации в условиях неравновесной динамики международных отношений», «Инфосфера общественных наук России» (в соавт.), «Russian Geostrategic Imperatives», «Мыслители города ветров. Прагматистская социальная наука в Чикаго в первой половине XX века» и др. Член редколлегий журналов «Политическая наука», «Полития», «Контуры глобальных трансформаций», «Философия науки и техники», «Tempus et memoria» и др. Член Совета по внешней и оборонной политике, член правления Российской ассоциации политической науки.

установок, заметно повышающих уровень сотрудничества и сплоченности мирового большинства.

Задача состоит в комплексной разработке фундаментальных политических подходов, позволяющих обеспечить устойчивое взаимодействие России со странами мирового большинства на основе позитивных принципов уважения цивилизационного многообразия, взаимной поддержки и солидарности ради сохранения культурной самобытности и традиционных ценностей, обеспечения справедливости в решении глобальных экологических и социальных проблем. По сути, речь идет о концептуальном обосновании ключевой позиции России в глобальной коалиции мирового большинства, включающей не только государственных акторов, но и гражданские общества и традиционные конфессии.

Переход к справедливому и сбалансированному многополярному миру является приоритетной задачей для большинства международных акторов, стремящихся таким образом усилить свою субъектность в мировой политике и преодолеть иерархичность однополярной модели мирового устройства, предполагающей абсорбцию (отнюдь не всегда добровольную) значительной доли национального суверенитета гегемонистской державой. Для стран Мирового большинства преодоление ситуации однополярности во многих случаях сопряжено с окончательным изживанием наследия колониальной/неоколониальной зависимости. Россия, будучи преемницей СССР, продолжает вносить свой вклад в эти усилия, хотя в то же время сталкивается и с настойчивыми попытками западных акторов представить ее саму в качестве колониальной державы. Для нашей страны, таким образом, участие в разработке общей концептуальной платформы со странами мирового большинства предполагает определение четкой позиции в отношении преодоления последствий колониализма и неоколониализма, а также разоблачение политизированных тезисов о собственной колониальной природе.

Наряду с взаимодействием между государственными акторами особо следует выделить актуальность снижения межконфессиональной напряженности и развития межконфессионального диалога. Религиозный фактор играет большую роль в жизни современных обществ по всему миру. Религия оказывает влияние на политику и экономику, культуру и мораль, образование, межнациональные и международные отношения, регламентирует поведение граждан и формирует социальный климат. В этом контексте особую значимость приобретает задача анализа комплекса проблем, связанных с выстраиванием взаимоотношений между последователями разных религий («межрелигиозный диалог»), обеспечением направления этих отношений в мирное и созидательное русло. Изучение указанной тематики особенно актуально для России как многонациональной и многоконфессиональной страны, с учетом того факта, что вследствие господства атеистической идеологии в СССР исследованию диалога религий уделялось существенно меньшее внимание, чем на Западе. Следует отметить и заинтересованность представителей большинства конфессий в сохранении традиционных ценностей, включая активизацию взаимной поддержки в деле их защиты. Равным образом ценности справедливости играют важную роль во многих вероучениях и, таким образом, могут рассматриваться в качестве еще одного направления межконфессионального диалога, призванного в конечном счете внести общий вклад мировых религий в построение более справедливого мирового порядка.

Актуальность выработки солидарного подхода стран мирового большинства в отношении эффективного решения глобальных экологических проблем является исключительно высокой. С одной стороны, в последние десятилетия формирование зеленой повестки и норм экологического мышления было практически монополизировано странами Запада; созданные под эту повестку новые цепочки добавленной стоимости и рынки за редкими исключениями контролируются Западом.

С другой стороны, дестабилизация климатической системы планеты, опустынивание, сокращение биоразнообразия и тому подобное продолжают нарастать, вступая при этом в резонанс с глобальными социальными проблемами. В связи с этим на первый план выдвигаются принципы экологической справедливости и зеленого перехода в интересах мирового большинства, исключающие недобросовестную конкуренцию со стороны западных корпораций в области технологий, а также стандартов производства и потребления. Фактически речь идет о необходимости более тесной координации усилий России и стран мирового большинства в предоставлении недискриминационного доступа к ресурсам и экологическим технологиям и обеспечении пропорциональной ответственности как за деградацию окружающей среды, так и за усилия, направленные на преодоление экологического кризиса.

Кроме того, необходим поиск социокультурных и политических оснований выработки общих подходов к развитию глобальной экологической этики. В данной области весьма заметным является и вклад мировых религий (энциклика папы Франциска Laudato Si, попытки адаптации идей ноосферы к православному вероучению, разработка экологической этики в исламе, индуизме, буддизме и др.). В целом можно говорить о перспективе формирования множества солидарных межцивилизационных взаимодействий акторов мирового большинства, центральную роль в котором в обозримом будущем будут играть страны БРИКС.

Почему же группа БРИКС является сегодня столь привлекательной для стран мирового большинства, выступая его фактическим лидером? Подлинную весомость совместным действиям стран БРИКС придает не только и даже не столько суммарная совокупность их ресурсных возможностей, факторов «мягкой» и «жесткой» силы, но и далеко идущие сдвиги в этих странах, связанные с борьбой с бедностью, сокращением неравенства, демографическим переходом, урбанизацией, освоением массовыми группами образа жизни и стандартов потребления информационного общества, изменениями идентичности, артикуляцией образов будущего. При всей очевидности различий и диспропорций между странами БРИКС, именно на них в ближайшие

десятилетия придется «критическая масса» глобальных трансформаций, итогом которых, очевидно, станет новая, постзападная картина мира XXI столетия.

Налицо растущий во всем мире интерес к незападным структурам, предлагающим альтернативные форматы международной экономической кооперации, а также — что представляется не менее важным — альтернативные мировоззренческие подходы к пониманию мировой политики. В отличие от гегемонистского подхода, предписывающего всему миру определенную трактовку либеральных ценностей, страны ШОС и БРИКС предлагают миру взаимоуважительный диалог культур, идей и систем ценностей.

Таким образом, расширенные ШОС, БРИКС, а также другие незападные структуры сами по себе не формируют альтернативную институционализированную систему глобального управления, но через уплотнение связей и взаимодействий стран мирового большинства создают более благоприятные условия для появления такой системы до конца первой половины XXI века.

О. П. Зубец[1]

ФИЛОСОФСКИЙ ИДЕАЛ: ЕДИНСТВЕННОСТЬ ПРОТИВ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

В ходе исследования образа, идеи Величавого в этическом учении Аристотеля мною было введено понятие философского идеала. Конечно, критик этого понятия укажет на то, что человек принадлежит своей эпохе, культуре, более того — своему классу и даже социальной группе, и выражает господствующие ценности, нормы, идеалы. Но именно на фоне этого утверждения понятие философского идеала имеет особое значение. Оно обретает право на существование в силу, по крайней мере, двух моментов. Во-первых, создающий его мыслитель делает это именно в качестве философа, то есть того, кто «рассматривает человеческую жизнь так, как если бы она зависела от возможностей самого мыслящего и действующего индивида, а сами эти возможности были неограниченны… рассматривает ее в перспективе индивидуально-ответственного существования»[2], он не сервилен, не обслуживает никакие социальные и познавательные практики и поэтому способен отвергнуть все то, что задается ими и служит их нуждам и интересам. Во-вторых, философ (в отличие от ученого) в построении своего идеала не исходит из обобщения существующей ценностно-нормативной реальности, но пытается последовательно вывести идеал из некоторого исходного морально-метафизического постулата, а точнее — в поиске ответа на философский вопрос. Так, например, Аристотель пытается последовательно помыслить человека как *начало* поступка, как абсолютное начало поступка, а в силу этого и мира. Поэтому, несмотря на то, что в его описании такого идеала присутствуют наблюдения за окружающими людьми, их отношениями и нравами, собственное содержание этого философского идеала составляют утверждения, явно противостоящие этим наблюдениям и общепринятым представлениям, и не просто противостоящие, а являющиеся результатом своего рода переворачивания или выворачивания наизнанку.

О чем мы говорим, когда рассуждаем о персонифицированном нравственном идеале, данном в философии, посредством философствования? В чем существенное отличие подобного образа в философии от того, как он дан в литературе, религии, вообще в культуре? Общество определяет для себя, какой облик человека оно оценивает положительно, считает идеалом, к тому же еще и обладающим нормативным смыслом, в самых разных формах. Не всегда такой идеал в равной степени нормативно нагружен: например, образы античных героев, богов существенно отличаются по своему нормативному запалу от Робинзона Крузо или франклиновского человека, от рыцарского или монашеского образца — речь идет не о содержании. Есть идеальные образы человека, обладающие нормативным смыслом, ограниченным общей недостижимостью идеала, а есть и такие, которые несоизмеримы с человеком изначально — они превосходят его не по степени воплощения добродетелей, а по самому основанию этих добродетелей, по самой своей природе: как маленький ростом человек может ценить высокий рост, не имея стремления стать выше, в отличие от толстяка, стремящегося похудеть, также и обычный человек может восторгаться героем или богом, принимая свое изначальное отличие от них. Философский идеал отличается и от одного, и от другого, ведь в нем речь идет в первую очередь не о том, как человек видится со стороны социума, а каково его отношение с самим собой, так что и его отношение с миром выступает формой и способом отношения с самим собой. Он отвечает на вопрос: «Как быть, то есть как быть самим собой, человеком в качестве самого себя?» А это и есть тот вопрос, с которого начинается философия. Бытие началом поступка и есть для Аристотеля способ быть.

Особенность философского идеала человека заключается в том, что философия задает в нем основания того человеческого образа, который она считает высоким: задача философии не в том, чтобы выработать диету для желающего похудеть, но в том, что создать такой мир, в котором природно ограниченный человек сам устанавливает свой рост. Конечно, это Античность, античная культура, общество выдвинули самодостаточ-

[1] Старший научный сотрудник Сектора этики Института философии РАН, кандидат философских наук. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «О „философии до…“», «От понятия путешествия к идее практической природы философии», «Аушвиц: разрушение понятия зла», «Пролегомены к морально-философскому понятию поступка», «Сознательный выбор и решение о поступке: προαίρεσις», «Что презирает и что превосходит добродетельный человек», «Боги не лгут» и др. Член редколлегии журнала «Этическая мысль».

[2] *Гусейнов А. А.* Почему не любят философию и философов. URL: https://iphras.ru/page 23439754.htm.

ность, автаркию в центр ценностных представлений, но стремление последовательно помыслить ее с самого начала обостряет отношения моральной философии с социальностью.

Рождение моральной философии у Аристотеля фиксируется радикальной сменой оптики, направления взгляда при переходе от научного описания и систематизации мнений (если речь об этике) к собственно философскому рассмотрению — это такое очевидное и резкое «переворачивание», которое невозможно не заметить, как только вы допускаете его существование. Если речь идет о моральной философии — то есть о самодостаточном мышлении человека как поступающего, — то этот переход от ученого, описывающего, классифицирующего и систематизирующего окружающий мир, исключая себя из него по мере возможности, к философу, мыслящему мир как свой и задающему его, полагая себя его единственным центром, есть переход от описания того, как видится добродетельный человек в мнении, со стороны других, извне к его собственному взгляду на мир, который и есть основание философского взгляда. Можно привести много примеров этого перехода, обратившись именно к тому, как Аристотель описывает свой идеал поступающего человека — Величавого (но также и к «Никомаховой этике» как таковой, например к рассуждению о дружбе).

Приведем сначала наиболее яркий пример радикального отличия философского идеала от моральных представлений аристотелевского общества и культуры о великодушии, то есть о содержании того же слова, которым Аристотель называет своего героя (μεγαλόψυχος) и добродетель, которую он воплощает.

Вот что говорит о великодушии Демокрит: «Великодушие (μεγαλοψυχίη) в том, чтобы кротко сносить обиду» [Стобей IV: 34, 69][1]. И вот вполне гармонирующие с ним слова Демосфена, то есть родившегося и умершего в одни годы с Аристотелем: «В общем мои убеждения вот каковы. Я лично держусь того взгляда, что человек, получивший благодеяния, должен всю жизнь помнить об этом, а человек, оказавший благодеяние, должен сейчас же забыть об этом, если один хочет поступать как порядочный человек, а другой не хочет быть мелочным. А напоминать и говорить о собственных благодеяниях это почти то же, что бранить. Так я и не стану делать ничего подобного и не поддамся на его вызов; с меня достаточно того мнения, которое сложилось обо мне на этот счет у вас»[2].

А теперь обратимся к одному из ключевых описаний Величавого у Аристотеля: «Он способен оказывать благодеяния, но стыдится принимать их, так как первое — признак его превосходства, а второе — превосходства другого. За благодеяние он воздаст большим благодеянием, ведь тогда оказавший услугу первым останется ему еще должен и будет облагодетельствован. Говорят, люди величавые помнят, кому они оказали благодеяние, а кто их облагодетельствовал — нет (облагодетельствованный-то ниже благодетеля, а они жаждут превосходства), притом величавые с удовольствием слушают о благодеяниях, которые они оказали, и недовольно — об оказанных им. Вот почему даже Фетида не упоминает благодеяния, оказанного ею Зевсу, и лаконяне — благодеяний, оказанных ими афинянам, но только те, что были оказаны им самим. Признак Величавого — не нуждаться [никогда и] ни в чем или крайне редко, но в то же время охотно оказывать услуги» (NE 1124в 10–18)[3].

У Демосфена великодушный «человек, получивший благодеяния, должен всю жизнь помнить об этом, а человек, оказавший благодеяние, должен сейчас же забыть об этом», а у Аристотеля «люди величавые помнят, кому они оказали благодеяние, а кто их облагодетельствовал — нет, притом величавые с удовольствием слушают о благодеяниях, которые они оказали, и недовольно — об оказанных им». Это яркий, наглядный пример того, как философский идеал переворачивает обыденные представления о морально достойном: важно, что это лишь «как бы» переворачивание — у философа нет задачи отвергнуть те представления, которые он вполне внимательно описывает и систематизирует как ученый. Но когда он пытается помыслить человека как начало поступка, то с неизбежностью отвергает и разрушает представления, рожденные социумом, так как в них человек не может мыслиться как начало. Такой же радикальный переворот мы обнаруживаем в том, что если люди, внешние наблюдатели, видят Величавого как достойного великого и как того, кому оказывают величайшую честь, то есть она должна бы быть для него высшей ценностью, то для Величавого Аристотеля-философа «ничто не великое» и «даже честь — ничто». Также Аристотель описывает принятые представления о дружбе, тщательно классифицирует их, но становясь философом, приходит к выводу, что подлинной является лишь дружба с самим собой.

Подобные переходы от ученого к философу можно наблюдать и в текстах других мыслителей, без них моральная философия невозможна. Например, Сократ описывает и классифицирует разные виды лжи, разделяет их на справедливые и несправедливые, но потом совершенно категорически утверждает, что сам он никогда не лжет (то есть и ради благих целей): он меняет оптику, начинает мыслить свой поступок и мыслить как поступающий, ответственный за весь мир в его целостности и единстве, а не за отдельный ситуационный выбор.

Итак, философский идеал и сама моральная философия есть идеал и мышление поступающего человека. Если научный взгляд, часто совпадая с мнением, смотрит на человека извне, как наблюдатель, то взгляд моральной философии есть оптика изнутри поступка, взгляд самого поступающего на мир, с его единственного и центрального места. В силу этого, если в социально-политическом мышлении говорится о men, о множестве, плюральности, то в моральной филосо-

[1] *Лурье С. Я.* Демокрит: Тексты. Перевод. Исследование. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. С. 376.

[2] *Демосфен.* За Ксентифонта о венке (269) // Речи : в 3 т. / пер. С. И. Радцига. М. : Памятники исторической мысли, 1996. Т. 3. С. 289.

[3] «Никомахова этика» цитируется в переводе Н. В. Брагинской по изданию: Аристотель. Никомахова этика // Сочинения : в 4 т. М., 1984. Т. 4.

фии — о man (о чем пишет Х. Арендт), о единственности морального субъекта и индивидуально-ответственного поступка. Моральная философия не может мыслить полицентричность, культурное и цивилизационное разнообразие точно так же, как поступающий человек не может одновременно и есть, и не есть свинину, ведь она есть мышление поступающего, а не познающего. Более того, моральная философия как философия поступка выводит за скобки все культурно-историческое содержание, не говоря уже о любой ситуативности. Конечно, человек знает о существовании культурного разнообразия, но поступок принципиально антигносеологичен: человек как моральное существо есть начало поступка в его данности, не опосредованной мотивами, идеями, нормами. Иными словами, человек может знать о существовании самых разных культур, нравов, традиций, но он поступает исключительно от собственного единственного лица, является единственным началом своего поступка и в этом качестве морального существа он не продукт даже своей культуры, но тот, кто предшествует ей, задает ее своим поступком. И выразить эту изначальность может исключительно философия, способная помыслить мир как целый, единый и единственный. Явления, которые для науки являются исторически и культурно локализованными и потому частными и множественными, философия помещает в пространство мысли, ориентированной на единственность и вневременность. Так, например, Аристотель дает определение раба как того, начало действия которого находится вне него самого, — и этот раб уже тот, кем может стать человек любой эпохи и культуры.

Также и аристотелевский философский идеал Величавого, образ человека как начала поступка, отвергая, переворачивая представления своего времени, одновременно вырывается из логики исторического и культурного многообразия, утверждая самодостаточность человека в поступке, а значит, и его единственность, ибо, по словам Ханны Арендт, «стоит вступить в игру плюрализму, и суверенность становится возможна только в воображении, а платить за нее приходится самой действительностью»[1]. Надо признать и увидеть как проблему: сколько бы плюральность ни была нам дана в форме знания о мире и людях, акт поступка неизбежно отменяет ее, устанавливая единственность — сколько бы ни существовало цветов, стоит человеку покрасить стену, и многообразие цветов ничтожится.

Д. Н. Катышева[2]

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ТРАДИЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТЕАТРА — ПРОТИВОСТОЯНИЕ АНТИКУЛЬТУРЕ

Д. С. Лихачев отмечал незаменимую роль традиций в культуре: «История культуры есть не только история изменений, но история накопления ценностей, остающихся живыми и действенными элементами культуры в последующем развитии». Эта роль исторически прослеживалась в отечественном театре с его духовно-нравственной доминантой при обновлении смыслов, форм и стилей, жанровых образований.

Русская культура с ее открытостью, готовностью к диалогу с другими культурами, в том числе театральными, вбирала, аккумулировала жизненно-творческие открытия мирового сценического искусства прошлых веков. При этом она сохранила свою основу, оригинальные генетические черты. Н. А. Бердяев писал: «Культура гордится древностью своего происхождения, неразрывной связью с великим прошлым… Ей дорого увековечивание, непрерывность, преемственность… Культура имеет душу». Генетическим истокам русской культуры, ее духовности и самобытности посвящено немало трудов. Д. С. Лихачев в соавторстве с А. Н. Панченко написал один из важнейших в гуманитарных науках труд «Смеховой мир Древней Руси», где особо отмечал своеобразие и яркую самобытность древнерусской культуры. В начале XX века выдающиеся деятели искусства балетмейстер М. Фокин и композитор И. Стравинский обратились к истокам народного театра в балете «Петрушка», который и сегодня включают в свой репертуар лучшие отечественные и зарубежные театры.

Художественные открытия в области русского балета, его танцевального языка, пластической выразительности обусловили в дальнейшем раскрытие драматизма внутреннего мира человека, природу его души и сердца, новых форм и смыслов. Это позволило А. С. Пушкину описать квинтэссенцию отечественного танца: «Душой исполненный полет». Аналогично в драматическом театре: «Театр стал заведовать страстями и душою человеческой». Последующее развитие отечественного театра будет выражать подлинную сущность театра, его ценностные ориентации и эстетические модели. Этой цели служила деятельность К. С. Станиславского и его последователей — отечественных режиссеров и актеров.

В новых подходах к сценическому творчеству определилось направление: «правда жизни человеческого духа на сцене». Этот фундамент духовно-нравственных ценностей стал традицией и основанием русской школы актерского и режиссерского искусства, которая

[1] *Арендт Х.* Vita Activa, или О деятельной жизни / пер. с англ. В. В. Бибихина. СПб., 2000. С. 311.

[2] Ведущий профессор кафедры режиссуры и актерского искусства СПбГУП, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 240 научных публикаций, в т. ч.: «Русский балет: традиции одухотворенного танца», «Современная хореография: обновление традиции», «Актер в зеркале современной режиссуры», «Театральная педагогика: формирование творческой личности актера и режиссера», «На перекрестках культурных эпох: драма, балет, литература на сцене», «Режиссерский замысел: пути его формирования» и др.

и в наши дни противостоит разрушительным тенденциям антикультуры — результата кризисных явлений современной эпохи глобализации с ее «усреднением» национальных культур и стиранием идентичности в условиях информационной агрессии. Эти тенденции не могли не оказать влияния на театральное искусство: одним из направлений отечественного театра постмодерна стала так называемая постдраматическая авторская режиссура.

Антикультура вступает в тесное взаимодействие с поп-артом в угоду коммерциализации, провозглашая путь «пандемии бессознательного», разрушительных низменных человеческих инстинктов, грубого физиологизма. «Псевдогуманизм постмодернистского искусства заключается в его смысловой и технологической примитивизации, которая сегодня позволяет любому субъекту, не отягощенному элементарной культурой, моральной ответственностью и художественной техникой, заявить о себе как о деятеле искусства, с гордостью вывернуть наизнанку свою нравственную и духовную пустоту»[1]. При этом перечеркнуть все связи с интересами государства и общества.

В процессе формирования гражданского общества в России приходит понимание разрушительного воздействия антикультуры с ее ультралиберализмом, гендерной практикой («новой этикой»), обращенностью к обезличенной толпе. Начинается активное противостояние этим разрушительным тенденциям как в социуме, так и в театральном сообществе. Возникает потребность в обращении к театральному наследию, традициям, коллективной памяти традиционных духовно-нравственных ценностей. Именно традиции, будучи саморегулируемой системой, отбирают то, что соответствует культурному коду и способствует развитию отечественного театрального искусства во всех его видах (драма, балет, опера). Этот процесс находит поддержку и в современной государственной политике в области культуры. В деятельности современного театра происходит процесс очищения от экспериментаторов — «мародеров классики», наблюдается закономерная смена руководителей государственных театров, не отвечающих современным требованиям.

Данный процесс набирает силу и энергию, подключая широкую зрительскую аудиторию. Подлинное искусство — русская классика, хранительница духовно-нравственных ценностей, становится предметом современной интерпретации при сохранении смысловых посылов автора и его произведения.

Традиции отечественного театра как в прошлом, так и в настоящем утверждают духовно-нравственной миропорядок, который близок подлинным художникам во всем мире.

С. С. Комиссаренко[2]

КУЛЬТУРА КАК СРЕДА ПОРОЖДЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Мир всегда был более многополярным и многовекторным, чем биполярным или монополярным. Его полинаправленность обусловлена не столько геополитическими факторами, среди которых доминируют политико-экономические и социально-политические, сколько фактором культурного развития. Следует отметить, что многополярность нового мира может рассматриваться с различных концептуальных позиций: социально-политических, экономических, идеологических и т. д. Фокус рассмотрения зависит от научного угла зрения того исследователя, который выбирает для себя критерии анализа становления и развития многополярного мира. Для нас многополярный мир определяется разнообразием культур, которые никогда не представляли собой единообразия, а были мозаичным отражением множества, ибо «возможна множественность культур… есть не одна универсальная, единственная, истинная и соответствующая человеку культура, а что в самом факте культурного бытия, в самом исходном виде этого факта заложена множественность культур, или многокультурность»[3].

Именно культура как саморазвивающийся, «накопительный и непрерывный процесс» (Л. Уайт) делает мир многогранным, а следовательно, многополярным. При этом культуры влияют друг на друга, взаимно обогащаются, что приводит их к диалогичности как основной культурной черте. В связи с этим основатель культурологии Лесли Уайт писал: «Культура может свободно, без всякой миграции, передаваться от одного народа к другому. Культура всякого народа во всякое данное время является продуктом действовавших ранее культурных сил, и, следовательно, ее можно объяснить только через культуру»[4].

Культура является ядром любого мироустройства, включая многополярность мира. Еще в середине XIX века русский мыслитель Н. Я. Данилевский ввел в философско-культурологический контекст термин

[1] *Марков А. П.* Девальвация антропотворческих функций современного искусства // Современное искусство в контексте глобализации: наука, образование, художественный рынок : XIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 10 февраля 2023 г. СПб. : СПбГУП, 2023. URL: https://pureportal.spbu.ru/files/114609231/elibrary_50758588_67720467.pdf (дата обращения: 11.07.2024).

[2] Профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор культурологии, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Социокультурное значение традиций в эпоху глобальных перемен», «Социокультурная дифференциация как базис порождения субкультур», «Культуроцентристский подход к проблеме дихотомии воспитания и образования», «От социализации к десоциализации подростков: факторы асоциального поведения» (в соавт.), «Семья как предмет культурологического осмысления» и др.

[3] *Мамардашвили М.* Очерк современной европейской философии. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2018. С. 131.

[4] *Уайт Л.* Избранное: Наука о культуре : пер с англ. М. : Рос. полит. энцикл., 2004. С. 91.

«культурно-исторические типы» и насчитал 10 таких типов, добавив к ним еще один развивающийся тип — славянский и два американских — мексиканский и перуанский[1]. Немецкий историк и философ О. Шпенглер в своем знаменитом труде «Закат Европы» насчитал восемь культурно-исторических типов, а британский культуролог А. Тойнби в концепции «локальных цивилизаций» представил двадцать один тип развития культур в мире. Сегодня в культурологии принято обозначать пять наиболее известных типов: западноевропейский, православно-христианский, исламский, индусский и дальневосточный. Таким образом многополярность мира определяется множественностью культур, способствующих его разнообразию и сложности.

Любая культура формируется, развивается и изменяется согласно ценностям, составляющим ее приоритетный элемент как подсистемы и выступающим главными выразителями ее смыслов.

Одним из первых ученых, разрабатывавших теорию культуры, был немецкий философ Г. Риккерт, который считал, что культура есть «предмет ценностный». Наш соотечественник, философ и культуролог М. С. Каган также настаивал, что культура неотделима от ценностей, ибо они «фиксируют ту расчлененную структуру ценностного сознания, которая выработалась в культуре на протяжении всей последующей ее истории»[2]. Таким образом, культура без ценностей не существует. Трудно представить культуру без ценностных объектов, ценностных ориентаций и ценностных отношений между различными субъектами, а также между ними и ценностными объектами.

Именно ценностные объекты наполняют культуру смыслами, которые, в свою очередь, формируют ценностные отношения к ним. Культура видима, осязаема, то есть материальна, — и в то же время она представляет собой мир идеальных объектов, насыщающих жизнедеятельность людей символами и представлениями. Прежде всего культура аккумулирует ценности искусства в виде их продуктов: книг, картин, памятников истории и архитектуры, музыкальных произведений — от популярных песен до симфоний, классического балета, оперы и т. д.

Культура творит мир идей, идеалов, она содержит достижения мысли, складывающиеся в концепции и теории, назначение которых — обеспечивать людям благополучие и процветание в будущем. Все эти ценностные объекты реализуются путем формирования ценностного отношения к ним. В искусстве ценностные отношения возникают между творцом и потребителем его творений. В мире идей ценностные отношения проявляются в виде рефлексии носителей тех или иных позиций и взглядов.

Рассматривая культуру как аксиологическую среду, можно сказать, что ценности создают важные и своеобразные взаимоотношения между людьми. Сама ценность становится объектом и действует только тогда, когда по отношению к ней формируются взаимодействия между людьми или поведение отдельного человека. Именно отношение к ценности делает ее релевантной и действенной. Ценностные отношения возникают между различными субъектами многополярного мира — странами, нациями, социумами, большими группами людей, малыми сообществами, а также между личностями. Ценностные отношения могут быть даже внутриличностными, поскольку на протяжении жизни человек постоянно пересматривает иерархию своих ценностей.

Ценностный мир может объединять людей либо, напротив, быть предметом разъединения и раздора. Риски ценностного отношения многомерны. Ценностные отношения могут быть как позитивными, настраивающими на духовное обогащение, обмен культурными ценностями, так и негативными, ориентированными на отторжение, запрещение и неприятие ценностей другой или других культур. Так, страны, зачастую в лице своих правительств, настаивают на том, что только их ценности самые «ценные», правильные, а ценности других менее значимы. Таким образом, ценности могут становиться как фактором объединения людей, так и разъединения, трансформируя их отношения и порождая различные конфликты — религиозные, политические, военные и т. д.

Новый миропорядок дестабилизируется ценностными конфликтами. Отсутствие уважения и признания ценностей, значимых для других, становится не столько следствием, сколько причиной столкновений. Сегодня ценностные отношения наполнены противоречиями, утрата доверия друг к другу становится предметом конфликтного противостояния. Культура как «мягкая сила» потеряла свою востребованность. Она включена в процессы противостояния и уже не диалогична по существу своего проявления, а все больше становится монологичной, что является следствием ее включенности в «горячие» конфликты. Размывание гуманистической сущности культур делает современный миропорядок ненадежным и опасным для человека.

Ценностные конфликты распространяются как на материальную сферу, где в ходе военных конфликтов разрушаются памятники истории и архитектуры, так и на нематериальную, когда ценности подвергаются отвержению и отторжению. Особенно интенсивными бывают конфликты в нематериальной аксиосфере, где идеи, а в более конкретном выражении — идеологические доктрины, не просто отвергаются, а служат источником непримиримых разногласий конфликтующих сторон.

Возврат к диалогу культур — не столько насущная сегодняшняя проблема, сколько надежда на завтрашний день. Европейский тип культуры внутренне взаимосвязан с православно-христианским типом; исламский тип способен обогатить мировую культуру древнейшими памятниками; индуистская культура может разнообразить мир наравне с культурами Дальнего и Ближнего Востока. Исследователь теории ценностей А. В. Кирьянова комментирует мнение американского философа Р. Б. Перри, рассматривающего ценности в ракурсе этических представлений: «Он призывает создать цивилизацию, в которой будет достигнута гар-

[1] *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа / отв. ред. О. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 113–138.

[2] *Каган М. С.* Философия культуры. СПб. : Петрополис, 1996. С. 232.

мония всех интересов, в которой каждый народ, каждая нация, каждый человек, отказавшись от притязаний на исключительность, займут свое достойное место в единой общечеловеческой культуре. Перри хочет видеть будущую цивилизацию прогрессирующей во всех сферах творчества, совместимой с наукой и личной свободой. В этой цивилизации будет справедливое распределение благ, даваемых экономикой, достигнутое для всех образование, стремление к правде и наслаждение красотой»[1].

И. В. Кондаков[2],
Л. Б. Брусиловская[3]

СОЮЗ ГЛОБАЛИТЕТОВ КАК БУДУЩЕЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (Ценностно-смысловой анализ)

1. Представления о феномене глобализации под влиянием стремительно происходящих геополитических сдвигов в мировом сообществе со времени 1980-х годов (когда в научный лексикон политологов, социологов и культурологов вошел термин globalization) кардинально трансформировались. Вначале разрушилось ошибочное мнение, что глобализация едина для всех стран, континентов, цивилизаций и культур, а общим ее источником является американизация промышленности, торговли, массовой культуры, туризма, образа жизни и тому подобного во всем мире. Международные исследования, проведенные на рубеже XX–XXI веков под руководством С. Хантингтона и П. Бергера[4], показали, что глобализация не только интегрирует цивилизации и культуры, существующие на земле, но и дифференцирует их, разделяет и противопоставляет друг другу. Возникают локальные версии глобализации: североамериканская и западноевропейская, китайская и японская, латиноамериканская и индийская, российская и исламская и др. Поневоле в мире возникает соревнование и борьба глобализаций, преследующих различные политические, религиозные и культурные цели. В меньшей степени эта тенденция затрагивает научно-технические и финансово-экономические аспекты глобализационных процессов.

2. Вторая важнейшая трансформация феномена глобализации связана с открытием структурной единицы глобализации — *глобалитета*, то есть актуальной или потенциальной способности быть глобальным фактором мировой политики и всемирной культуры и в качестве такового иметь мировое значение и влияние[5]. Все культуры мира обладают неповторимым своеобразием (*менталитетом*); точно так же каждая культура обладает своим оригинальным местом (*локалитетом*) среди других культур — смежных, близких в политическом, религиозном, языковом и культурном отношении. А вот глобалитетом (всемирным значением) обладают лишь немногие культуры и цивилизации — как правило, имеющие длительную историю своего развития, включенные в широкий и разнообразный культурно-исторический контекст, обладающие обширным полем ценностно-смыслового влияния на другие культуры[6]. Большинство локальных культур находятся под влиянием немногих господствующих глобалитетов (западноевропейского, американского, исламского, китайского, российского и т. д.) и во многом разделяют ценности, традиции и принципы этих системообразующих общностей.

3. Все глобалитеты исторически нестабильны и в рамках «большого времени» могут испытывать периодические подъемы и спады. Периоды таких колебаний измеряются столетиями и тысячелетиями и не совпадают для разных глобалитетов. Так, например, американский, китайский и исламский глобалитеты в начале XXI века находятся в фазе подъема, а европейские глобалитеты, а также российский пребывают в фазе спада, кризиса, что связано с целым рядом не связанных между собой причин (экономических, социальных, политических, культурных), требующих специального углубленного анализа. Например, подъем российского глобалитета в конце XIX — начале XX века был связан с возникновением в русской художествен-

[1] *Кирьякова А. В.* Теория ценностей — методологический базис аксиологии образования // Аксиология и инноватика образования : [электрон. науч. изд.]. 2010. № 1. URL: https://studylib.ru/doc/2361039/teoriya-cennostej-–-metodologicheskij-bazis?ysclid=ld9xjwmmm748469556 (дата обращения: 08.07.2024).

[2] Профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, доктор философских наук, кандидат филологических наук, Почетный работник общего образования РФ. Автор более 900 научных публикаций, в т. ч.: «Культура России», «Культурология: история культуры России», «Вместо Пушкина. Незавершенный проект. Этюды о русском постмодернизме», «Русский масскульт: от барокко к постмодерну», «Сталин: Pro et contra», «Глобалитет России (К постановке проблемы)», «Россия–Китай: состязание глобалитетов» и др. Заслуженный профессор РГГУ. Член Российского культурологического общества, Российского философского общества.

[3] Старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории мандельштамоведения Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, кандидат культурологии. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Культура повседневности в эпоху „оттепели“: метаморфозы стиля», «Русская интеллигенция между прошлым и будущим», «От „глобальности“ — к камерности: „Очеловечивание“ советского экрана в эпоху „оттепели“», «Культура „оттепели“ в России и Запад: от конфликта к диалогу», «Диалог культур в контексте глобализации», «„Границы мне мешают…“: Путешествие в эстетике поколения шестидесятников», «„Оттепель“ как феномен отечественной глобализации» и др. Член Российского культурологического общества, Мандельштамовского общества.

[4] См.: Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона ; пер. с англ. В. В. Сапова, под ред. М. М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2004.

[5] См. подробнее: *Кондаков И. В.* Глобалитет как форма цивилизационной идентичности // Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М. : Прогресс-Традиция, 2011. С. 134–156.

[6] *Кондаков И. В.* Указ. соч. С. 465–469.

ной культуре феномена *всемирной отзывчивости*, обоснованного Ф. Достоевским на примере А. Пушкина, а его спад — с поражением России в Первой мировой войне, с победой Русской революции и началом кровопролитной Гражданской войны и русской эмиграции. В XX в. подъем российского глобалитета был вызван победой СССР во Второй мировой войне и успехами цивилизационно-культурного строительства в послевоенное время, а спад его — распадом СССР, экономическим, политическим и цивилизационным кризисом 1990-х гг., упадком позднесоветской культуры и противоречивыми исканиями постсоветского времени[1].

4. В условиях кризиса отдельных глобалитетов стихийно возникает потребность и даже необходимость объединения ослабевших глобалитетов в *союзы глобалитетов*. Соперничество отдельных глобалитетов[2], даже остающихся сильными, развернувшееся на современной мировой арене, также способствует формированию союзов, вступающих во взаимодействие именно как глобальные союзы. Было замечено, что сотрудничество глобалитетов предпочтительнее, чем их столкновение и борьба, что между глобалитетами лучше получается диалог и взаимопонимание, чем между менталитетами культур, не способными к настоящему общению[3]. Все эти соображения лишний раз подтверждают неоспоримые преимущества глобальных союзов перед глобальными расколами и конфликтами.

5. Яркий пример союза глобалитетов в начале XXI века демонстрируют активно развивающиеся российско-китайские отношения[4]. Ни о каком «слиянии» культур России и Китая здесь, конечно, речь не идет: слишком разными являются не только многовековые культурные истории двух стран, но и основополагающие принципы двух культур, традиции, ценности, идентичности[5]. Если Китай как цивилизация стабилен и монолитен, то Россия, напротив, динамична и дискретна. Китайская культура тринитарная, а потому цельная, в то время как русская культура (и российская цивилизация) бинарная, дихотомичная, а потому потенциально подвержена расколу. Отсюда следует, что Китай развивается по медиативной логике, порождая «срединную культуру», сплачивающую китайскую цивилизацию, а Россия следует инверсионной логике, не знающей середины. Китай по преимуществу традиционен, и в большинстве случаев эти традиции глубоко архаичны и мифологичны. Россия же преимущественно инновативна, а к собственным традициям критична и амбивалентна. Китай принадлежит к культурам, опирающимся на письменность, выраженную в иероглифах, то есть визуально-графически. Россия опирается на устную традицию, выраженную риторически или диалогически. В конфессиональном отношении Китай и Россия во многом взаимоисключительны: в Китае на протяжении многих веков сложился альянс конфуцианства, даосизма и буддизма, а китайский коммунизм строится на историческом основании этого синтеза; для России эти религии маргинальны и экзотичны. Традиционные для России религии — православие (в том числе старообрядчество) и ислам (для ряда национальных регионов) — почти в равной мере чужды китайской культуре и неорганичны китайской цивилизации. В этом отношении глобальный союз России и Китая строится по принципу «*взаимоупора*», то есть держится на единстве «сдержек» и «противовесов».

6. Еще более сложным явлением глобального порядка предстает 5-компонентный союз глобалитетов БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР). Эта сравнительно недавно возникшая в мировом сообществе геополитическая конструкция, внешне очень эффектная и перспективная, наглядно представляющая собой *многополярный мир* и дальнейшие трансформации глобальных процессов. Глобальный масштаб этого союза впечатляет: огромная территория, занимаемая пятью государствами, невероятная численность населения этих стран (особенно за счет Индии и Китая), охват всех континентов — Восточная и Южная Азия, Южная Америка, Южная Африка, российская Евразия (включающая значительную часть Восточной Европы). Правда, эти страны довольно далеко отстоят друг от друга, что значительно затрудняет коммуникацию между частями этого союза. В языковом отношении все пять стран сильно отличаются друг от друга, что также осложняет их взаимную коммуникацию: русский государственный (и около 190 национальных языков) в России, китайский (и несколько его диалектов, а также языки национальных меньшинств) в Китае, хинди (и еще 20 официальных языков) в Индии, португальский в Бразилии и десяток разнородных языков Южной Африки; все языки взаимно трудны для изучения и распространения и несводимы к какому-нибудь «общему знаменателю». Английский язык также не может стать общим языком межнационального общения (он вполне годится только для Индии, где закреплен в качестве вспомогательного официального языка). В конфессиональном отношении все пять стран, образующих БРИКС, практически несовместимы: в России — православие и отчасти ислам, в Китае — буддизм, в Индии архаичная политеистическая религия — индуизм (также ислам и еще несколько второстепенных конфессий), в Бразилии — католицизм, в ЮАР — невероятно пестрая коллекция разнородных религий и языческих верований.

7. Все перечисленные черты союза глобалитетов БРИКС характеризуют это геополитическое образование как буквальное воплощение *многополярности* современного мира, в котором *разнообразие* (приближающееся к многообразию самого мирового сообще-

[1] *Кондаков И. В.* Указ. соч. С. 486. См. также: *Брусиловская Л. Б.* Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля. М. : Изд-во УРАО, 2001.

[2] См., например: *Кондаков И. В.* Россия — Китай: состязание глобалитетов // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10, № 5А. С. 5–12.

[3] *Кондаков И. В.* Глобалитет России: история и современность. С. 301–302.

[4] См. подробнее: *Кондаков И. В.* Россия — Китай: диалог культур, союз глобалитетов // Теория и практика российско-китайских отношений : кол. моногр. / И. А. Алешковский, О. Н. Астафьева, Н. О. Бабушок [и др.] ; отв. ред. А. Н. Чумаков, Ли Хэй. М. : Проспект, 2020. С. 173–226.

[5] См. подробнее: *Кондаков И. В.* Сравнительный анализ цивилизационной идентичности России и Китая // Россия и Китай в глобальном мире. Актуальные вопросы межкультурного сотрудничества : кол. моногр. / [авт. кол.] ; под ред. А. Н. Чумакова, Ли Хэй. М. : Издат.-торг. корпорация «Дашков и К°», 2021. С. 28–48.

ства) превалирует над его *единством*. Важно понять, как обеспечить ценностно-смысловое единство столь многосоставного союза глобалитетов, поскольку здесь формулой «взаимоупора» уже невозможно ограничиться. *Во-первых*, все пять культур/цивилизаций являются «не-западными», а значит, в той или иной степени противостоят коллективному Западу (США, Евросоюзу, НАТО и т. п.) и по крайней мере сохраняют по отношению к нему нейтралитет. Однако вся пятерка БРИКС не ассоциируется с коллективным Востоком: Бразилия, представляющая собой Латинскую Америку, не является восточной страной. *Во-вторых*, из пяти стран БРИКС четыре (КНР, Индия, Бразилия и ЮАР) могут быть причислены к Глобальному Югу, отчетливо противостоящему Глобальному Северу. Россия же, несомненно, принадлежит к Глобальному Северу. *В-третьих*, страны БРИКС, вместе взятые, не являются антиподом западным демократиям: если Россия и Китай по своему политическому устройству тяготеют к авторитаризму, то Индия, Бразилия и даже преодолевшая апартеид ЮАР относятся к демократиям, сопоставимым с европейскими. *В-четвертых*, во всех пяти культурах/цивилизациях огромную роль играют традиционные ценности и архаические традиции, возникшие в России почти тысячелетие назад, а в Индии и Китае — более трех, а в ЮАР существующие без изменений до сих пор. Вся эта архаика, возникшая из древнейшей мифологии, гетерогенна и разнородна; она не столько соединяет страны, сколько разъединяет и ослабляет их. *В-пятых*, общие для пяти стран БРИКС ценности и принципы, действительно соединяющие их в единое целое и усиливающие их союз, относятся к научно-техническим и культурным достижениям современной мировой цивилизации, и только благодаря им в этих странах поддерживается высокий уровень технологического, экономического и социокультурного развития, сравнимый с мировыми образцами западного происхождения.

А. Г. Косиченко[1]

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА[2]

В настоящее время имеет место глобальная трансформация отношений на мировой арене — формируется многополярный мир. Этот процесс следует признать позитивным, так как мир с одним полюсом силы успел продемонстрировать свою недееспособность и склонность к двойным стандартам. И дело не только в том, что однополярный мир несправедлив; в сфере геополитики сложно требовать справедливости. Очевиднейший недостаток однополярного мира — его неспособность к прогрессивному развитию. Такой мир стагнирует; он может существовать длительное время, но для поддержки своего существования прибегает к средствам, сдерживающим развитие человечества. Однополярный мир уже в силу своей сущности подавляет всякое развитие, угрожающее его существованию, — а таково любое развитие наций, государств, международных отношений.

Правда, следует признать, что капитализм на его высших стадиях развития именно таков — он движется в сторону концентрации не только капитала, но и всех форм, в которых существует. Поэтому однополярный мир довольно естествен в капиталистической парадигме развития. Но, скорее всего, эта парадигма себя исчерпала. Ведь те немногие пути, которые обсуждаются сегодня в качестве выхода из почти тупиковой ситуации, в которой оказалось человечество, не предполагают капитализма: популярны социалистические проекты, да и идея, глашатаем которой выступил К. Шваб, — идея «инклюзивного капитализма» — лишь с натяжкой может считаться попыткой сохранения капитализма. Но как социалистические проекты, наивные в своей основе, так и «инклюзивный капитализм» не являются естественным следствием развития современности, они требуют силового варианта для своей реализации, а силовой вариант сегодня чреват всеобщим уничтожением.

Поэтому многополярный мир — хотя бы некоторый приемлемый выход; мы говорим это не просто так. Многополярный мир ненамного более устойчив, чем мир однополярный. Много полюсов силы создадут конструкцию, полную противоречий. Структурировать противоречия, превратив их в жизнеспособную систему, — задача не из легких. Легко сказать — «многополярный мир», но мир, построенный на учете интересов многих держав, да и не только держав, но и просто стран, — слишком динамичен; это в теории, в диалектической логике, правомерно утверждение о том, что единство многообразия придает устойчивость, так как учитывает качественное многообразие мира. А каким образом учесть, и мало того что учесть, но и выстроить устойчивую систему многообразных отношений без потрясений мировых основ? Россия тронула только одну струну однополярного мира — и какой резонанс, а если в ход пойдут многие грани сегодняшних отношений?

---

[1] Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Религия: сущность и актуальные проблемы», «Возможности религии в снижении уровня вызовов и угроз современности: философско-политологический анализ», «Ислам и православие в Казахстане: история и концептуальные вопросы взаимодействия»; статей в научных журналах: «The Essence of Globalization in the Spiritual Dimension», «Парадигмы новой реальности: какое будущее ожидает человека и общество» и др. Член Комиссии по разработке Концепции Съездов лидеров мировых и традиционных религий (проводятся в Казахстане), Почетный член Научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана. Награжден нагрудным знаком «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан», юбилейной медалью «20 лет Независимости Республики Казахстан» и др.

[2] Статья подготовлена в рамках финансирования КН МНВО РК (ФНИ № BR20280977 «Современные концептуальные подходы к содержанию справедливости и ее реализации в казахстанском обществе в условиях глобальных трансформаций»).

Однако повторим, многополярный мир предпочтительнее однополярного, поэтому движение в направлении его выстраивания, позитивно. Движение это многомерно: имеются экономические, политические, силовые, социальные, цивилизационные, культурные, духовно-нравственные его аспекты. Из этого многообразия выделим ценностные измерения многополярного мира. И хотя это только грань многополярного мира, но проблем, вопросов, трудностей здесь с избытком. На первый взгляд, ценностные аспекты многополярного мира не столь важны для его выстраивания и утверждения в качестве новой значимой реальности современности. Экономические, политические, силовые и многие иные представляются весомее и важнее. Но если пристальнее присмотреться к роли и значению ценностных измерений многополярности как новой конструкции современного мира, то обнаружится, что без некоего единства в принятии ценностного содержания этой конструкции многими центрами многополярности сам многополярный мир невозможен, так что «ценностный фактор» в многополярной системе мира крайне важен.

В чем состоят различия между ценностями однополярного и многополярного миров? Однополярный мир базируется и в свою очередь продуцирует ценности, оправдывающие и поддерживающие уникальное положение, преимущество и доминирование ценностей единого центра силы. Причем это ценностное доминирование касается не только ценностей осуществляемой единственным центром внутренней и внешней политики, но и всех аспектов функционирования однополярного мира: экономической системы, правовых отношений, культуры и культурной политики, религии и религиозной свободы, как ее понимает центр силы. Есть, конечно, некоторый разброс содержания ценностей во всех этих сферах, но следует подчеркнуть, что свои ценности однополярный мир подает всему человечеству в качестве единственной и непреложной истины, которой человечество обязано беспрекословно следовать.

Глобализация, которая до последнего времени понималась как американизация, тиражировала и навязывала эти ценности всему миру, подминая под себя традиционные ценности многих стран[1]. Ценностная экспансия распространялась гибридными методами и имела ощутимый результат. Давление на национальные суверенитеты не только малых, но даже и крупных стран в качестве передового эшелона имело как раз ценностную экспансию единственного центра силы. Стало заметным, что современные ценности (если уместно применить это термин) коллективного Запада сдвинулись в сторону антигуманизма и античеловечности: искажения в сфере прав человека, в области интимной и сексуальной жизни, в сфере здравоохранения и других достигли уровня, угрожающего самому существованию человека.

Будет оправданным сказать, что массовое движение народов и стран к полицентричному мироустройству во многом спровоцировано именно агрессивной экспансией искаженных западных ценностей, с которыми человечество уже не может мириться. С этим согласны участники представительного Форума многополярности, прошедшего 26 февраля в Москве: «Отчаянное желание сохранить и зацементировать однополярный мир привело к невиданной мощи движения за многополярность. Требование распространить на весь мир „порядок, основанный на правилах", придуманных на Западе для Запада, вызвало к жизни требования справедливости и равноправия различных государств, центров силы и, наконец, цивилизаций»[2].

Можно предположить, что ценности многополярного мира будут концентрироваться вокруг культурных традиций и традиционных ценностей народов, стремящихся к выстраиванию справедливого мира (при всей условности понятия «справедливость» применительно к отношениям на международной арене). Мы исключаем из состава ценностей многополярного мира либеральные ценности, так как они сегодня очень далеко отстоят от их видения в XVIII–XIX веках, когда они были ближайшим образом соотнесены со свободой, столь желанной как тогда, так и сейчас; ныне либеральные ценности выродились в произвол, порождающий целый спектр социумных извращений. Итак, ценности многополярности суть традиционные ценности. Но у разных регионов и стран — сторонников многополярности — собственные традиционные ценности, иногда слабо совместимые. Можно ли и надо ли совмещать эти ценности? Или надо принимать их такими, каковы они есть? Потребность определенного совмещения различных традиционных ценностей есть — иначе, на каком основании строить общую идейную платформу многополярного мира. Здесь складывается ситуация, похожая на наличие культурного многообразия: факт этого многообразия бесспорен, но диалог культур предполагает взаимное движение культур друг к другу, известный компромисс, при котором культуры, подчеркивая свое разнообразие, не настаивают на своем преимуществе, но признают культурное своеобразие других. Вместе с тем диалог культур бессодержателен, если некий уровень их общности и совместности не достигнут. Диалектика всеобщего и особенного налицо.

Так и с ценностями многополярного мира. Отрицать специфику традиционных ценностей разных стран и регионов нелепо; отрицая ее, мы подрываем основу многополярности, вновь сводя все к единообразию. Но и отказываться от поиска общего содержания традиционных ценностей и некоего общего их основания нельзя, ибо многополярный мир при этом рассыпается. Следует признать, что противоречие имеется, причем сущностное. Решение, однако, имеется: осознание новой реальности — многополярности мира — требует творческого подхода к исследованию ее содержания, в частности к пониманию общего в своеобразии. Для взаимного признания общего момента в специфическом содержании традиционных ценностей различных стран не обязательно формальное совпадение этих ценностей и приведение их

[1] *Kossichenko A. G.* The Essence of Globalization in the Spiritual Dimension // Philosophical Aspects of Globalization: A Multidisciplinary Inquiry. Leiden ; Boston : Brill, 2022. P. 387–401.

[2] Глобалистские элиты думали, что с Россией будет просто. И совершили большую ошибку. URL: https://dzen.ru/a/ZdyPHOmznikvXKJW (дата обращения: 02.03.2024).

к «общему знаменателю». Нужна готовность признать «чужие» ценности как не исключающие и иные культурные традиции, более того, увидеть в них элемент собственных традиций. Здесь надо идти дальше, чем пошел А. Тойнби в своем признании значимости многих цивилизаций, а не только цивилизации Запада[1]; надо увидеть и влияние цивилизаций друг на друга, и их взаимопроникновение. Многополярный мир не удастся свести к единой цивилизации. Следовательно, не избежать необходимости вывести диалог цивилизаций на новый уровень, в котором разные цивилизации будут не только вступать в диалог, оставаясь на своих собственных основаниях[2], но и сближать эти позиции в целях устойчивой многополярности. Для укоренения многополярности на цивилизационной основе следует показать принципиальное родство цивилизаций, имеющее основание в единстве человеческого рода. Эта работа еще предстоит идеологам многополярности.

Как известно, в основании цивилизаций лежат культуры; имеется даже устоявшийся оборот: «цивилизация — тело культуры». Культура, действительно, опредмечивается и находит свое воплощение в цивилизации. В свою очередь, в основании многих культур, особенно культур традиционных, лежат религии[3]. Эта связка «религии–культуры–цивилизации» и проявляется в реальных взаимодействиях стран, поддерживающих идею многополярности. С одной стороны, такая многоуровневость взаимодействия полицентрических сил, делающих возможным многополярность, крайне усложняет формирование общего идейного пространства многополярного мира. С другой — эта же многоуровневость позволяет привести в некое единство позиции этих сил: или посредством общности культур, или цивилизационной близости, или принадлежности к одной религии. Так что возможности культурного, цивилизационного и ценностного сближения субъектов многополярности имеются; нужна лишь добрая воля, и многополярность мира станет реальностью.

[1] *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М. : Прогресс, 1991.

[2] Необходимо переосмыслить теорию культурно-исторических типов (цивилизаций) Н. Я. Данилевского.

[3] *Косиченко А. Г.* Межцивилизационный и межкультурный диалог: содержание, проблемы, перспективы // Изв. Нац. акад. наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. 2011. № 6. С. 67–76.

А. В. Костина[4]

ЦЕННОСТНАЯ СИСТЕМА РОССИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: ОТ ОСОБЕННОГО КО ВСЕОБЩЕМУ

После распада Советского Союза структура миропорядка трансформировалась, а равновесная биполярная система сменилась монополярностью — глобальным доминированием США и соотношением неравных лагерей «победителей» и «побежденных». Однако после мирового финансового и экономического кризиса 2008 года, пандемии Covid-19, санкционной войны, усилившейся в феврале 2022 года, в условиях ослабления самих США, утрачивающих статус центра силы, стало очевидно, что существующий монополярный мир не отвечает интересам большинства стран — участников международного развития.

В связи с этим вопрос о будущем устройстве мира становится основополагающим, именно он определяет характер взаимоотношений между государствами — то, каким будет мир в ближайшие десятилетия и какие ценности в нем будут доминировать.

Какими преимуществами и недостатками обладают монополярная, биполярная и многополярная системы устроения мира?

Последствия монополярности мир увидел за более чем три десятка лет доминирования США. Основные положения политики страны нашли отражение в основополагающих доктринах; в Стратегии национальной безопасности (по крайней мере за последние 10 лет) ее ценности названы универсальными, отражающими «всеобщие ценности», определено, что для их отстаивания страна будет «применять военную силу, при необходимости используя ее в одностороннем порядке»[5]. К 2022 году риторика США стала более агрессивной, а Россия и Китай были названы в качестве противоборствующей силы, стремящейся «формировать мир, который противоречит американским ценностям и интересам»[6]. Действительно, ни Россия, ни Китай, не приемлют целого ряда ценностей, названных «общечеловеческими», — к примеру таких, как защита секс-меньшинств и свобода ЛГБТ-сообществ[7].

[4] Профессор кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Гуманитарные проблемы национальной безопасности России. Вызовы и приоритеты», «Цифровизация и современные тенденции развития России», «Культура как фактор национальной безопасности современной России: Значение и ролевая модель», «Россия: путь к будущему. Технологии формирования нового общества», «Массовая культура как феномен постиндустриального общества», «Теоретические проблемы современной культурологии: Идеи, концепции, методы исследования» и др. Главный редактор журнала «Ученый совет», член редколлегий журналов «Знание. Понимание. Умение», «Культура и цивилизация», «Контекст и рефлексия: Философия о мире и человеке», «Politbook».

[5] Стратегия национальной безопасности США 2015 г. // Российский правовой портал : библиотека Пашкова. URL: https://constitutions.ru/?p=17992 (дата обращения: 08.01.2024).

[6] *Савин Л.* Что нового в новой Стратегии национальной безопасности США // Правдинформ : [сайт]. URL: http://trueinform.ru/modules.php?name=Laid&file=article&sid =20617 (дата обращения: 08.01.2024).

[7] США готовы защищать права ЛГБТ не только у себя дома, но и по всему миру // Politrussia. URL: https://politrussia.com/news/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-930/ (дата обращения: 08.01.2024).

Важным в этом контексте является вопрос о развитии культуры в условиях однополярной системы. В конце XX — начале XXI века, в разгар глобализационных процессов, представлялось, что глобальная культура уже складывается. Анализировались основные черты этой универсальной, «космополитической», «гибридной» культуры, становящейся основной формой в ситуации падения статуса национального государства.

Однако уверенность в продуктивности глобализации сильно поколебалась уже в первое десятилетие XXI века, когда проявились такие тенденции, свидетельствующие о суверенизации государств, как возращение странами производительных мощностей на собственные территории и замена офшоринга на решоринг[1]; утверждение программ развития национально-ориентированных экономик: «Переделка Америки» (2010), «Америка прежде всего» (2016), программа Белого дома по «восстановлению внутренних производственных мощностей» (2021), Reshore UK в Англии, Colbert 2.0 во Франции, то же — в Японии и Южной Корее[2]. Аналогичные процессы, направленные на реализацию стратегии создания «технологического острова», «перезагрузку глобальных технологических рынков, национализацию техстандартов, релокализацию производства критических товаров»[3], происходят сегодня и в России.

В условиях ослабления США вторым по силе государством в современном мире начинает выступать Китай, который в мировом экономическом рейтинге[4] рассматривается как страна, которая будет иметь в 2036 году ВВП в 55,1 трлн долларов и обгонит США с их ВВП в 43,2 трлн долларов. Кроме того, экономика этой страны сегодня активно растет, а основные показатели двух стран — экономических лидеров — оказываются сопоставимыми, хотя еще 4 десятка лет назад ВВП Китая составлял всего 10,7 % от ВВП США, но уже к 2017 году достиг 62 %, а в 2018 году составил совокупный ВВП Японии, Германии, Великобритании, Франции[5]. Эти две страны также являются лидерами в области высоких технологий и опережают все иные государства по объему военного бюджета. На экономическое доминирование Китая направлены такие программы, как принятый в 2015 году национальный стратегический план «Сделано в Китае — 2025», а также план 2018 года «Китайские стандарты — 2035»[6], финансирование которого составляет 1,4 трлн долларов. Белый дом однозначно расценивает решение КПК проводить такую политику, как попытку «изменить международную систему в свою пользу»[7].

Что касается аксиологического фактора, то возникает вопрос: какую систему ценностей может предложить всему миру Китай? Несмотря на ее привлекательность, она остается исключительно китайским феноменом, который не может быть перенесен на другую почву и формирование которого опосредовано исторически и культурно.

То же самое можно сказать о большинстве культур, особенно о тех, чье формирование связано с цивилизационной спецификой. Таковой является индийская культура, где все пронизано ценностями индуизма, а материальное и социальное положение человека рассматриваются как определенное изначально и вторичное по сравнению с его духовным состоянием.

Основой ценностной системы арабо-мусульманских государств является следование своим традициям и духовным ценностям, общинность, принцип справедливости в распределении доходов и отрицание культа потребления.

Тех же принципов придерживается Южная Корея (принципы чучхесон, опирающиеся на идею национальной самобытности), Индонезия (политическая концепция панчасила, включающая древнюю мудрость и учение о надежде на достижение идеальной жизни), Малайзия (идеология рукунегара, отстаивающая основы национальной традиции и интересы коренной общины малайцев).

Таким образом, несмотря на опору современного мира на универсальность технологий, экономических принципов, даже мировых денег, ценностный универсализм в нем отсутствует.

Означает ли многообразие систем ценностей у разных стран и народов невозможность взаимодействия и понимания между ними? Безусловно нет. Диалог многообразных ценностных миров возможен и, более того, необходим, ему в большей степени соответствует **многополярная мировая система**, приобретающая все большее число сторонников.

Многополярный мир рассматривается в Концепции внешней политики России 2023 года как более справедливый, надежный, безопасный, предоставляющий условия для «сохранения культурно-цивилизационной самобытности», «равные возможности развития для всех государств»[8]. Об этом же говорилось в выступлении Президента России В. В. Путина на Мюнхенской конференции в 2007 году, где политика однополярного мира — по существу, глобализма, была подвергнута критике, а возрастающий потенциал новых центров мирового развития рассматривался как «укрепляющий многополярность»[9].

---

[1] Что ждет глобализацию: конец или изменение? // Tass.ru : [сайт]. URL: https://tass.ru/ekonomika/14680517 (дата обращения: 08.01.2024).

[2] *Кирдина-Чэндлер С. Г.* Однополярность, многополярность и биполярные коалиции. XXI век // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 6–7.

[3] Спецпредставитель президента рассказал о стратегии «островизации» России // Lenta.ru : [сайт]. 2022. 9 июня. URL: https://lenta.ru/news/2022/06/09/toto/ (дата обращения: 08.01.2024).

[4] 10 экономик — лидеров по ВВП к 2036 году. URL: https://journal.tinkoff.ru/short/economics-2036/ (дата обращения: 08.01.2024).

[5] *Хуашэн Чжао.* Многополярность в современном мире. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bipolyarnost-odnopolyarnost-i-mnogopolyarnost-v-sovremennom-mire/ (дата обращения: 08.01.2024).

[6] *Галеев О.* Китайские стандарты — 2035. URL: https://asiabblog.com/2022/03/chinastandards-2035/ (дата обращения: 08.01.2024).

[7] *Капри А.* Стратегическое разделение США и Китая в технологическом секторе. URL: https://www.hinrichfoundation.com/research/wp/tech/us-china-decoupling-tech/ (дата обращения: 08.01.2024).

[8] Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 // Мин-во иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru (дата обращения: 08.01.2024).

[9] Выступление Президента России В. В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Германия, 10 февраля 2007 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1727764/ (дата обращения: 08.01.2024).

Одной из осей формирующегося многополярного мира выступает Россия — как один из влиятельных центров, обладающих существенной цивилизационной спецификой, развитие которого основано на «равноправных и взаимовыгодных отношениях со всеми странами и интеграционными объединениями»[1]. Россия как «самобытное государство-цивилизация», «сплотившая русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»[2], является цивилизацией особого типа, «сопоставимой по масштабу и оригинальности, но отличной по ценностному содержанию от цивилизаций и Востока, и Запада»[3], имеющей глубокие связи и с культурой Европы, и с культурами Евразии, умеющей обеспечить на своей территории сосуществование разных народов, исповедующих различные религии, опирающихся на собственные традиции.

Однако, несмотря на различие традиций, все 190 народов, проживающих на территории России, ценят, прежде всего, свободу Родины, тесную связь с семьей и родом, коллективизм и взаимопомощь, правду и совестливость. Эти традиционные ценности остаются значимыми для россиян и сегодня, органично сочетаясь с инновационностью и устремленностью в будущее. Их не смогли изменить ценностные установки, культивируемые в России в 1990-х годах, — к примеру, индивидуализм и обогащение, которые были адаптированы в рамках собственной системы представлений и во многом «сымитированы» или «размыты», когда «Россия активно черпала у Запада различные элементы, но им упорно не становилась»[4].

Сегодня цивилизационный подход к России выступает в качестве основы ее национальной политики, где Россия рассматривается как государство-цивилизация, стремящееся выстроить инновационную и высокотехнологичную экономику и в то же время опирающееся на традиционные ценности, — такой образ в полной мере соответствует тем стратегиям, на которые опираются многие современные государства и которые в этом смысле выступают как универсальные.

В итоге заключим, что именно различие ценностей составляет специфику всех стран, выступает в качестве их стержня и духовной опоры. Ценности определяют стратегию жизни и смысловые ориентации всех представителей цивилизационных систем, и защита этих метафизических сущностей выступает как национальный приоритет. Отстаивая эти ценности, каждая страна доказывает свое право на независимое существование и развитие, на свою специфику.

И именно системы ценностей в их выражении всеобщего и особенного лежат в основе того многополярного мира, который способствует укреплению справедливого международного порядка и развитию всех стран мирового сообщества.

И. В. Кузин[5]

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Хорошо известно, что гносеологическая природа добродетели раскрывается в рассуждениях Сократа, в которых знание представлено в качестве залога нравственного совершенствования человека. Это положение получает наиболее полное концептуальное развитие и закрепление в эпоху Нового времени. Если воля будет руководствоваться разумом, тогда благодаря познанию станет возможен добродетельный поступок: «Достаточно правильно судить, чтобы правильно поступать, и достаточно самого правильного рассуждения, чтобы и поступать наилучшим образом, то есть чтобы приобрести все добродетели и вместе с ними все доступные блага»[6].

Однако в контексте осмысления категорического императива И. Канта возникают предпосылки для преобразования такого рода детерминации. Добродетель ничем не обусловлена и заявляет она о себе с ошеломляющей настоятельностью, и хотя ею можно пренебречь, перед самим фактом ее существования пасует логика рассудка, требующая иных действий: «Нравственность *сначала* (курсив мой. — *И. К.*) раскрывает нам *понятие* (курсив мой. — *И. К.*) свободы и, стало быть, *практический разум* сначала ставит спекулятивному разуму самую неразрешимую проблему, связанную с этим понятием, дабы из-за этого понятия привести его в величайшее замешательство…»[7]

Можно ли это понимать так, что *случается* некое внешне фиксируемое, телесно облаченное событие, включающее в себя осознание его нравственного содержания, что, в свою очередь, запускает становление рассудочной мысли, в дальнейшем начинающей определять характер последующих поступков? И не будет ли это означать превращения нравственного субъекта

[1] Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 года № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927 (дата обращения: 08.01.2024).

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229.

[3] *Дугин А. Г.* Теория многополярного мира. М. : Евразийское движение, 2013. С. 431.

[4] Там же. С. 429.

[5] Доцент кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: монографий «Маски субъекта: стратегии социальной идентификации», «Телесность как социально-философский концепт»; глав в коллективных монографиях и учебниках; статей в научных журналах: «И. Кант: свобода, грех, прощение», «О преобразовании подражательной функции искусства средствами науки», «К вопросу становления концепции „взгляд“ в философии Ж.-П. Сартра», «Перспективы политической логики частного», «„Слепое пятно“ политического мышления Ханны Арендт», «Амбивалентно-учреждающая сила веры (о феномене „слепого пятна“ мышления)» и др.

[6] *Декарт Р.* Рассуждение о методе // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 262.

[7] *Кант И.* Критика практического разума // Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 346.

в некую машину, совершающую поступки на основании врожденного ей чувства?

Человек рождается во внешне-телесном действии, которое не совпадает с общим порядком эмпирически данных вещей, не знающих морального измерения. Открытие себя в такого рода измерении определяет его разумность. Человек схватывает себя в качестве такового не через внутренний процесс рефлексии и накопление необходимого багажа знаний, а во внешнем обнаружении своего нравственного свершения здесь и сейчас, в тактильной данности самому себе в окружающем его мире. Не через внутреннее осознание, а через внешне-тактильную явленность себе как осуществленное нравственно свободное действие полагается начало развития мысли, ведущей к рефлексивному закреплению подобного состояния и к формированию условий для его негарантированного воспроизводства.

В совершенном первом свободном поступке (в выходе из обусловленности природным миром к нравственному миру) мысль появляется как повернутая к самой себе, своей способности определяться на собственных основаниях. В обнаруживаемой зеркальности себя (рефлексивности) открывается как собственная конечность (завершенность), так и цельность (осуществление себя в цели). Таким образом человек обретает возможность увидеть свою реализацию в действиях, благоприятных не только для него самого, но и для других, принадлежащих к цельности его свершения, — свершится как мать или отец, учитель или наставник, трудящийся или защитник, организатор или помощник. Естественное место человека раскрывается как нравственно-социальная жизнь, благодаря которой обеспечиваются служащие ей рефлексия и знания.

Изначальность саморефлексии — это данность себя как мыслящей свободы, по Канту, совпадающей с нравственностью. Осмысленный поступок — это поступок, подразумевающий свободную мысль, живущую в ноуменальной сфере, то есть в обращенности ко всему миру с готовностью впустить его в себя целиком. Однако если здесь и будет напрашиваться вывод о врожденности нравственного чувства, обитающего в указанной сфере, нравственное свершение человека тем не менее не может быть уподоблено запрограммированному действию. Несостоятельность такой аналогии объяснима тем, что к свободному проявлению мысли принадлежит и выпадение человека из отмеченной сферы в силу того, что человек эмпирически феноменален. Он может отталкиваться от своей свободы, впадая в отчаяние из-за своей безысходной включенности в эмпирическую жизнь и уступая диктату ее детерминирующих законов. Из этого следует, что каждый раз он вновь должен возрождать возможность своего нравственного бытия посредством экзистенциального усилия, преодолевая уныние и бегство от себя, — произведением себя.

Имея в виду этот нюанс, свободный поступок будет подразумевать способность разрыва с ценностью своей эмпирической жизни, за пределами которой происходит встреча с таким Ничто, которое, превосходя бытие сущего, в своей независимости от него придает ему онтологическое значение. И именно этот тематический горизонт, открывающийся в философии конца XIX — начала XX века (казалось бы, порывающей с классической философией), снова возвращает нас к максиме категорического императива, полагающей отказ от себя ради признания Другого. Вместе с тем произошедшая смена философских приоритетов позволила дополнить характеристику трансцендентального субъекта аспектом его личной воплощенности, экзистенциальной насыщенностью его жизни эмпирическими переживаниями.

В рамках этого изменения могут быть намечены различия в стратегиях поведения в обстоятельствах классической и современной эпох. В этике Аристотеля или Канта моральность человека заявляла себя в предписании себе необходимости поступательного созидания, так как в сохраняющейся явственности материальной жизни не находилось достаточных оснований для сведения ее исключительно к трансцендентальной понятийности. Моральная аморфность или вовсе моральное безразличие современного «цивилизованного» человека может объясняться (помимо прочего) установлением осязаемых границ между материальным и воображаемым, в результате чего предпочтение начинает отдаваться *виртуальной жизни*. Материя жизни растворяется в словах и образах, стирающих эмпирическое ощущение реальности, размывая тем самым почву для бескорыстного поступка. Нарастающая нехватка тактильности и телесной активности парадоксальным образом становится препятствием для встречи со своим морально значимым лицом. Создаваемые симуляции жизни тела указывают лишь на их искусственно-рефлексивную сконструированность. Тело превращается в виртуально-ментальный объект, жизнь которого обусловливается инструкциями по использованию. Оно перестает осознаваться в качестве места актуализации морального сознания, все больше выступая как средство самоаннигиляции, упраздняющей желание брать ответственность за свое (а не анонимное) слово и держать ответ за совершаемое действие.

Однако и в этом неосознаваемом парадоксально-декадентском действии заключена надежда на спасение от нравственного онемения. В действии от обратного (в желании изменять или вовсе избавляться от по многим параметрам несносного тела, которое, несмотря на все усилия, удручает своей неподвластностью) также проявляет себя стремление обрести живое тело, выступающее отправной точкой свершения события, отличного от тела. Выход к Другому непроизводен исключительно от ментального опыта, силы и доблести (virtus) ума, якобы пребывающего в гомеостазе нравственного совершенства (virtus). Он возможен с учетом целостной вовлеченности человека, через активность как ума, так и тела, но без абсолютизации одной из сторон в ущерб целого: «И именно в человеке призывает Фуко, так же как и Ницше, искать совокупность тех сил и функций, которые сопротивляются… смерти человека»[1].

В контексте данного подхода возникает сомнение относительно формулы о свободе как осознанной необходимости. В ней сказывается абсолютизация ума, тогда как Кант все же настаивает на ограничении пре-

[1] *Делез Ж.* Фуко. М. : Изд-во гуманит. лит., 1998. С. 123–124.

тензий чистого разума. Поспешно привлекаемые некоторые кантовские формулировки, как, например, «религия в пределах только разума», могут показаться утверждением обратного. На деле же религиозные амбиции чистого разума ограничиваются положениями моральных законов. Сами эти законы запредельны природной и социальной обусловленности, определяемой рассудочной деятельностью, то есть они независимы от долженствования необходимости, диктуемой теми или иными эмпирическими условиями жизни. В расширительном плане с такого рода осознанием необходимости мы можем встретиться еще в животном мире, когда, например, млекопитающее имеет дело с ясной для него ситуацией выбора, в результате находя оптимальный выход, максимально соответствующий его родовой природной необходимости. Однако осознание этого не делает его свободным, не вырывает его за пределы его природы.

Если свободу поставить исключительно в зависимость от разума (рассудка) и не учитывать при этом необходимость тела и преодоление его границ, то в нравственном отношении она окажется пустой. Через тело нравственный поступок, совершаемый в имманентности мира, достигает всей своей трансцендентной значимости и высоты. Кантовская формулировка категорического императива, рассмотренная со своей формальной стороны как рассудочная формула, укажет только на чистый опыт долга, лишаясь своей экзистенциально-порождающей энергии. В этом случае для этого опыта будет неактуальна, например, экзистенция прощения, имеющая нравственный потенциал и подразумевающая признание весомости тела для обретения нравственной свободы. Морально предосудительный поступок не может быть оправдан, но он может быть прощен. И в этом состоит принципиальность дополнения к моральному закону.

В прощении обозначает себя сила, способная преодолевать эгоизм человеческих обид и корысти, скапливающихся в телесной инстанции. В современных реалиях прощение теряет лично значимый характер, нацеленный на признание Другого, так как эта функция по нарастающей делегируется различным правовым и государственным институциям, превращающим ее в машинно-бездушную процедуру. Например, в случае непосредственно личного участия в акте наказания преступника и следующего за этим его прощения пробуждается свободная нравственная воля, человек переступает через себя и открывается Другому, в то время как при положительном решении по исковому заявлению реализуется только принцип удовлетворения личного счастья. О значимости личной вовлеченности в события мира, проживания в себе драматичности его бытия и сопереживании ему свидетельствует уже древность: «Трагедия лишь открывает в мире его онтологическое основание — загадочную амеханию, ждущую решения, изначальную и вековечную тяжбу. Лишь поскольку сущее стоит в этой тяжбе с собой, возможно в нем такое сущее, как человек — сознающий, мыслящий, волящий, свободный, ответственный, сосредоточивающий в себе или представляющий собой саму онтологическую неразрешенность, лежащую в основании сущего. В основе того, что со всей космической и даже божественной мощью бытия определяет человека и его сознание, трагически обострившееся зрение усмотрит свободную волю самого человека, его самоопределение»[1].

Древние судебные тяжбы могли также превращаться всего лишь в игру интересов, от чего защищало поддержание напряжения личной включенности в жизненный процесс, в котором на кон ставилась не столько личная выгода, сколько сохранность своего места среди других в общем для всех мире: «Оправданий древнее право не может знать, но ‘примирение’, метафорический эквивалент ‘воскресения из смерти’, было возможно и принято. Оно проходило в формах, созданных смысловым значением метафоры ‘оживания’. В родовую эпоху обе стороны могли ‘помириться’ и прекратить кровавую ‘месть’, хотя бы дело касалось убийства: именно с ‘убийцей’ и возможен был ‘мир’ вопреки всякой, казалось бы, логике»[2].

В заявленном Кантом понимании свободы через категорический императив человек как бы обосновывается в его вертикальном положении, в его способности прорываться в вечность (в божественно-ноуменальный мир), метафорой которой становятся небеса, звездное небо. В то же время акт прощения (примирения) подчеркивает связь небесного измерения человека с его земным и смертным существованием, с рядом существующим с ним человеком. В прощении человек усмиряется в своих амбициях на неподсудность, якобы наделяющей его правом судить мир с опорой на «всесилие» рассудка.

Экзистенциальное прочтение метафизики нравственности И. Канта сталкивается с резонными возражениями, например, со стороны ницшеанцев. Кантовская мораль виделась Ницше чересчур рассудочной, обескровленной, лишенной жизни, присвоившей себе место Бога. Выше на это уже обращалось внимание, отчасти позволяя согласиться с оценкой Ницше. Тем не менее сам потенциал кантовской моральной философии заключает в себе те возможности, о которых также было сказано. Понятно желание Ницше реабилитировать саму волю, ее жизненную динамику и силу, позволяющую человеку превозмогать себя, не застывая в границах моральных установок. Но все же не вполне справедливым будет упрек Канту в том, что он не разделил бы подобного устремления: «…Эта „сила“… как „переступание“, „переход“ или же как „превышение“, „преодоление“ любого личного бытия, понимаемого в качестве покоящегося в себе. Этот „переход“ подчас равнозначен подчеркиваемому Хайдеггером понятию „трансценденция“ (которому он, впрочем, и соответствует в дословном переводе). В данной связи, однако, следует привести и формулировку Ницше, что человек есть „мост, а не цель“, „восхождение и нисхождение“»[3].

---

[1] *Ахутин А. В.* Открытие сознания (древнегреческая трагедия) // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М. : Наука, 1990. С. 23.

[2] *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. 2-е изд. М. : Вост. лит., 1998. С. 210.

[3] *Больнов О. Ф.* Философия экзистенциализма. СПб. : Лань, 1999. С. 51.

Кант дает нам описания таких экзистенциальных, сверхчеловеческих порывов, которые обеспечивают человеку его бытие человеком как экзистенции, как нравственного эксцесса бытия, проявляющего себя и в таких феноменах, как раскаяние и прощение. Превращение Кантом человека в цель не тождественно представлению человека в качестве самоцели, что как раз таки делало бы разум безграничным, тотальным и «циническим разумом» (П. Слотердайк). Во избежание движения в эту сторону в посткантовской философии, во многом остающейся созвучной кантовским идеям, понятие свободы предлагается раскрывать через призму таких «практик себя», благодаря которым органичными бы предстали и «практики другого».

Когда Хайдеггер обращает наше внимание на то, что в бытии Dasein сущность и существование совпадают, то, так же как и у Канта, в этом уравнивании не экспроприируется место Бога. Так показывает себя «форма» человеческого бытия, которая в контексте христианского учения может быть соотнесена с понятиями образа и подобия. В этой форме совмещена двойственность — атопично-внетемпоральное присутствие в пространственно-временной протяженности. И далее, например в философии Ж. Делёза, мы встречаемся с этой двоицей при описании концепта: «Концепт нетелесен, хотя он воплощается или осуществляется в телах. Но он принципиально не совпадает с тем состоянием вещей, в котором осуществляется. Он лишен пространственно-временных координат и имеет лишь интенсивные ординаты. В нем нет ординаты. В нем нет энергии, а есть только интенсивность, он анергитичен (энергия — это не интенсивность, а способ ее развертывания и уничтожения в экстенсивном состоянии вещей). Концепт — это событие, а не сущность и не вещь. Он есть некое чистое Событие, некая этость, некая целостность — например, событие Другого или событие лица (когда лицо само берется как концепт)»[1].

Если попробовать оценить данное суждение с точки зрения кантовского содержания моральной философии, то следовало бы внести одну семантическую поправку в понимание энергии. Событие можно раскрывать через энергию, если интерпретировать ее как развертывание присутствия в поле свободы[2]. Энергия в этом случае предстанет в качестве содержания события, определяющего интенсивность его свершения.

Тем самым событие морального действия приобретает свойство мерцающего бытия, причастность к которому доступна человеку. Вне этого существования человек не может считаться даже природным существом, которому присущи свойственные ему онтологические формы существования. Форма события природного сущего имеет иную содержательную интенсивность, не позволяющую ему удерживаться на поверхности того события, которое связано с прорывом к свободе. Вне такого прорыва человек будет больше соотноситься не с природным, а с искусственным, машинным существованием.

И. В. Леонов[3]

МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (На примере фольклорных аспектов картины мира)

Картина мира есть у каждого человека, соприкоснувшегося с культурой. Она включает в себя наиболее общие знания о мире, о том, как он возник, устроен и функционирует, какова природа различных элементов мира, как они связаны и взаимодействуют между собой, каково место человека в мире и каков смысл его жизни, есть ли у мира начало и конец и др. Кроме того, картина мира включает компоненты не такого глобального уровня, как космогонические процессы, но значимые для человека и участвующие в оформлении его общего знания о реальности (мама и папа, семья и дом, домашние животные и сказочные персонажи, детский сад, двор и т. д.). В картину мира также входят ценностно-смысловые аспекты восприятия и переживания бытия, отношение к миру с этико-эстетических позиций, его переживание на психоэмоциональном уровне. Все эти компоненты не существуют в сознании во фрагментарном виде, в форме разрозненных и несвязанных идей. Они формируют целостный образ реальности, наши наиболее общие представления о ней. Соответственно, не следует отождествлять с картиной мира только представления космогонического характера (о том, как мир возник, функционирует, куда все движется и пр.) и изображения, отражающие космогонические представления (некие картинки и иллюстрации, вроде плоской земли, покоящейся на трех китах, и т. п.). Это пусть и значимый, но лишь сегмент мировоззрения.

В отмеченном ключе характеризует статус картины мира В. С. Степин, отмечая, что образ мира — «это не только осмысление мира, знание о мире, но одновременно система ценностей, определяющая характер мироощущения, переживания мира человеком, определенную оценку тех или иных его событий и явлений

[1] *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М. : Алетейя, 1998. С. 32.

[2] *Кузин И. В.* Идентификация субъекта: социально-философский анализ : автореф. дис. … канд. филос. наук. СПб., 2000.

[3] Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии. Автор 109 научных публикаций, в т. ч.: «„Миры“ макроистории: идеи, паттерны, гештальты», «Новизна в культуре или культура новизны», «Идентичность как навигатор сознания», «Информационно-семиотическая теория культуры» (в соавт.); статей в научных журналах: «Феномен авторской порчи памятников историко-культурного наследия», «Отсутствие как памятник», «„Шрам“ на военном артефакте как свидетель его биографии (с опорой на материалы Военно-артиллерийского музея)», «Символическое „страдание“ артефактов» (в соавт.) и др.

и соответственно активное отношение человека к этим событиям»[1].

«Картину мира» можно определить как *системообразующий когнитивный комплекс, лежащий в основе общего понимания реальности человеком и обеспечивающий его реакции на средовые воздействия в процессе адаптации. Картина мира определяет весь спектр взаимодействий человека с вмещающей средой и задает основные векторы развития его познавательных способностей.*

Картина мира может носить не только индивидуальный, но и коллективный характер, она может бытовать в группах и на уровне целых культур, при этом преломляясь в контексте социальных страт, субкультур, полов, возрастов и др. Назовем, к примеру, детскую картину мира, которая может существенно варьироваться на разных возрастных этапах развития ребенка (от мамы, как ее эпицентра, к расширению и обогащению всех мировоззренческих параметров); тем не менее детская картина мира — вполне состоятельная, целостная и внутренне логичная структура, позволяющая ребенку жить в этом мире (пусть на ранних возрастных этапах и при помощи взрослых) и взаимодействовать с ним.

Ребенок всегда объясняет мир, и многое в его картине мира возникает без помощи старших. Сведения о реальности, которые получает ребенок, объединяются в его сознании в единую структуру. И в данной структуре многое объяснено не только взрослыми, но и самим ребенком — однако на его уровне развития, в контексте его логики, — но тем не менее объяснено. Также многое получает объяснение в рамках детского социума, культуры детства, где вполне естественную роль играет возрастная, а потому когнитивная, психоэмоциональная, поведенческая и прочая близость ее носителей. Ребенок может объяснить, как устроен мир, может искренне верить, что существует бабайка, Дед Мороз; он может рассказать, каковы границы этого мира, включающего тайные и непостижимые грани, какими персонажами этот мир наполнен, по каким законам функционирует; он может верить в свое и мамино бессмертие, думать, что игрушка живая, что дереву больно, когда его пилят, он может закрывать на ночь дверь в комнате, чтобы туда никто не пробрался, может ждать подарка от Зубной феи, может рассказать, почему снятся сны, и т. д.

Итак, картина мира сопровождает процесс освоения субъектом вмещающей реальности и самого себя как ее элемента, обеспечивает его эффективное взаимодействие с жизнеобеспечивающей средой. Соответственно, с учетом различий между познавательными возможностями тех или иных субъектов, а также конкретно-исторических форм реальности, с которыми им приходилось сталкиваться, с течением времени было накоплено внушительное число картин мира, многие из которых являются «исчерпывающими» и «истинными» для своих создателей, а их возникновение вполне объяснимо, закономерно и поддается изучению.

В этом плане изучение разных картин мира представляет очень интересную исследовательскую область, поскольку образы реальности возникают неслучайно — они отражают определенные условия, к которым приходилось адаптироваться человеку на протяжении истории, а также соответствуют доминирующим практикам познания бытия и уровню их развития (обыденному, магическому, мифологическому, религиозному, научному и прочим формам познания). Отметим, что в основе картин мира, созданных человечеством, начиная с древнейшего периода истории, на уровне разных культур и используемых некоторое (порой достаточно долгое) время, существует определенная внутренняя гармония и логика, пусть и не всегда соответствующая современным научным представлениям о мире. В тех или иных историко-культурных ситуациях человек всегда объяснял реальность, и поэтому картины мира могут выступать своеобразным маркером понимания культур, в рамках которых они создавались.

На концептуальном уровне науки о культуре данная проблематика была изучена и сформулирована немецким ученым Освальдом Шпенглером в начале XX века в фундаментальном труде «Закат Европы». В своей работе Шпенглер исходит из того, что мировой историко-культурный процесс — это не единый линейный и унифицированный поток, движение всех культур в одном направлении. История, по мнению Шпенглера, это история жизненных циклов отдельных «культурных организмов», которые рождаются и умирают, уступая место последующим участникам истории. Примечательно, что для каждого культурного организма характерен свой специфический образ реальности или «гештальт», некая мировоззренческая призма, через которую культура смотрит на мир. Ученый писал, что мир один — «различен лишь глаз, в котором и через который осуществляется этот мир»[2]. Одной из главных задач своего исследования О. Шпенглер считал дешифровку картин мира разных культур через использование широкого круга источников (религиозных, мифологических, художественных, научных изобретений, техники, фольклора и многих других), интерпретируя их с позиций того, как они отражают особенности восприятия и интерпретации реальности в соответствующих культурах.

Например, О. Шпенглер считал, что все картины мира можно условно разделить на статичные («мир-как-природа») и динамичные («мир-как-история»). При этом статичные картины мира ученый воспринимал как наиболее распространенные в истории человечества. В нашем случае это картины мира традиционных культур, для которых характерна вписанность в природные ритмики, полностью определяющие образ жизни человека на уровне «годового круга», жизненных и поколенческих циклов. К примеру, данное качество картин мира можно встретить в фольклоре — в частности, в календарной обрядности и орнаментальных формах. Циклические календари служат своеобразным способом «сбрасывания времени» (о чем также пишет

[1] *Степин В. С., Кузнецова Л. Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М. : ИФ РАН, 1994. С. 14.

[2] *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М. : Эксмо, 2006. С. 163.

М. Элиаде), через цикл время аннулируется и начинает идти по кругу. Орнаментальные формы также ярко иллюстрируют отсутствие динамики качественных перемен в культурах, которые живут в привычных ритмиках, где все практически неизменно и повторяется из года в год. Именно по этой причине многим носителям картины мира, основанной на динамическом понимании реальности как постоянно преобразующейся, орнаментальные формы фольклора могут быть не интересны, не очень понятны и даже скучны.

Итак, картины мира, будучи когнитивными эпицентрами культур, связывающими все знание о мире в единое целое, находят свое «отражение» в том, что создается в соответствующих культурах. В таком ракурсе можно утверждать, что фольклор традиционных обществ (комбинируя различные формы познания, в первую очередь обыденное, магическое, мифологическое и религиозное) выступает как «зеркало» мировоззрения, как результат взаимодействия человека с реальностью в определенных условиях. Через фольклор можно «прочитать» образ мира, который в нем зашифрован. Такое ви́дение позволяет воспринимать фольклор как средство отражения, сохранения и *привития* картины мира. Это особенно значимо, если воспринимать фольклор в самом широком смысле этого явления — как образ жизни традиционных культур.

Так, фольклор традиционных обществ достаточно ярко иллюстрирует особенности интерпретации таких мировоззренческих параметров, как время и пространство. Напомним, что время в традиционных культурах, как правило, циклично, а потому в фольклоре много орнаментальных форм, хождений «по кругу», повторяющихся элементов в устном народном творчестве, много устойчивых и, казалось бы, неизменных компонент и пр. В фольклоре существуют определенные инвариантные структуры, которые достаточно часто варьируются (однако инвариант остается неизменным, что также служит маркером устойчивости культур по отношению к изменениям и их склонности к цикличности). Пространственные параметры картин мира в традиционных культурах тяготеют к четким границам, определяемым образом жизни и степенью перемещений носителей культуры. Мир оседлых культур весьма локален и может заканчиваться границами суши и морем-океаном, за которым что-то есть, но это далекий, неосвоенный и легендарный мир, тридевятое царство и т. п. У кочевников в пространственном плане мир несколько шире, однако тоже ограничен сферой распространенности самой культуры и некоторыми знаниями о ближайших землях и соседях. Кроме того, мир получает членение не только по горизонтали, но и по вертикали, рождая, как правило, представление о трех слоях реальности (верхнем, срединном и нижнем).

Значимым компонентом традиционных картин мира, ярко проявляющим себя в фольклоре, является основная ритмика, которая определяет образ жизни человека, либо ритмика, наиболее очевидная для него. В традиционных культурах это природно-климатические циклы, которые наиболее ярко определяют земледельческий или номадический (кочевой) образ жизни. Особую значимость в данном случае играет ритмика «годового круга», выраженная в смене времен года, месяцев, движении астрономических объектов, в изменении состояний флоры и фауны, и т. д. В культурах, вписанных в данные ритмики, под них подстраивается весь образ жизни, обрядово-ритуальная сторона, семейно-бытовые, праздничные и другие аспекты (вплоть до мелочей, скажем, обрядов встречи и проводов животных, птиц и насекомых, например божьих коровок).

Для традиционных картин мира (что находит яркое отражение и в фольклоре) характерна особая ценностно-смысловая сторона. Так, значимость приобретает мир природы, куда человек оказывается вписан на уровне ее органичной части. Мир, как правило, предстает как возникший естественным образом или созданный в результате творения (что встречается реже), однако функционирующий по определенному канону, — в таком мире все повторяется. А значит, смысл жизни заключается в том, чтобы этому канону соответствовать и участвовать в вечном круговороте жизни. В традиционных формах мировоззрения человек себя миру не противопоставляет, не пытается доминировать над ним. Напротив, человек воспринимает мир как глубоко одухотворенный, наполненный разными сущностями и персонажами. Смысл жизни выражается в том, чтобы прожить ее правильно, так как надо, согласно принципу повторов, движения всего по кругу — родиться, вырасти, завести семью, быть частью коллектива, родить и воспитать детей, дождаться внуков и, если повезет, правнуков и отойти в иной мир, оставив по себе добрую память.

В психоэмоциональном плане человек традиционных культур более склонен к духовности, иррациональности, смирению и созерцательности, к спокойному принятию естественного хода жизни. В картинах мира таких культур чувствуется выраженная связь с прошлым, определенная (порой достаточно яркая) направленность на отрицание перемен, на неизменность уклада, на восприятие того образа жизни, который установился за долгое время, как правильного.

Раскрывая данный вопрос, отметим, что параметров картин мира достаточно много, и они так или иначе находят свое отражение в фольклоре. Отметим, например, так называемый зооморфный код традиционных культур, имеющий глубочайшую укорененность в сознании человека еще с первобытной эпохи и сохраняемый во многих культурах вплоть до современности, особенно на уровне культуры детства. С самых ранних времен, взаимодействуя с миром, человек делал особый акцент на природном ландшафте, флоре и фауне. С учетом того, что традиционные культуры полностью вписаны в природно-климатические ритмики, отметим, что животные, растения и природные объекты (реки, озера, леса, горы и пр.) выступали как значимые персонажи реальности. Указанные персонажи наделялись смыслами и «оживлялись», после чего человек мог с ними «общаться».

Если вернуться, в частности, к «зооморфному коду», отметим, что животные были для человека порой такими же, как и он сам, весьма близкими персонажами. С одной стороны, животные обретали многие

человеческие характеристики, с другой стороны, сам человек воспринимал различные качества животных с почитанием и восхищением, стараясь перенести их на себя. Освоение мира шло через «общение» с животными, либо сама близость к животным, сильная зависимость образа жизни и выживания от животных глубоко интегрировали их образы в мировоззрение традиционных культур. Через образ животного, его имитацию, перевоплощение в животное люди осваивали мир и познавали его. Интересным примером в данном случае выступает то, что для ребенка вхождение в мир культуры, в мир людей на определенном этапе весьма успешно осуществляется через *образы животных, которые ведут себя как люди*. Данные аспекты очень ярко проявляются в фольклоре, насыщенном образами хищных и домашних животных, с которыми человек взаимодействует, общается и в которых перевоплощается. При этом само животное может вести себя как человек, может принять антропоморфный или антропозооморфный облик. Трудно представить себе фольклор без Царевны-лягушки, Жар-птицы, Курочки Рябы, коровы Буренки, семерых козлят, волка, который служит царевне, ученого кота, мышки-норушки, Змеи Скоропеи и других персонажей, через которых мы в детстве осваивали родную культуру и через которых передадим многие ее аспекты своим детям.

На протяжении *ноогенеза* (процесса развития знания) различные практики познания поочередно возникали, изменялись и обогащались. Так, формировались магические, мифологические, религиозные, научные, художественные, обыденные практики познания, принимавшие на том или ином этапе истории, а также в пространстве разных культур доминирующие формы. Примечательно, что в ходе ноогенеза разные практики познания не вытесняли друг друга, а наслаивались подобно годовым кольцам, образуя сложные системные сочетания старого и нового, архаического и актуального знания. В рамках определенных картин мира данные практики, сосредоточившись на различных гранях реальности, могли не пересекаться. В свою очередь, имея точки пересечения, они могли проявляться на уровне молчаливого сосуществования. Порой названные практики дополняли друг друга, говоря об одном и том же, но на разном языке. Кроме того, они могли противоречить друг другу, рождая внутренние мировоззренческие несоответствия.

В нашем случае важно то, что разные практики познания реальности развиваются неравномерно. Помимо того, что каждая из них имеет собственный язык (скажем, язык формул в математике и метафор в искусстве), они объясняют реальность, не покрывая ее полностью ровной пеленой толкований всех ее граней и глубин. В результате каждая из практик оказывается в чем-то сильнее, а в чем-то слабее по отношению к остальным. Например, художественное и религиозное переживание бытия имеет выраженный потенциал в сфере духовно-нравственного воспитания по отношению к его исключительно естественно-научной интерпретации. Это обстоятельство позволяет говорить о том, что *многие аспекты донаучных познавательных практик реальности, которые носят «устаревший» характер по причине ненаучности некоторых из их сторон, могут быть вполне востребованными и актуальными*.

Когнитивный опыт разных культур, накопленный с течением времени и вплетенный в их образы мира на языке различных практик познания, являет собой *ценность* и может быть представлен как *объект нематериального культурного наследия*. Подчеркнем, что речь идет не обо всем накопленном опыте и не об обосновании истинности всех картин мира и практик познания с позиций современной науки. Речь о том, что в разных ноогенетических пластах мировоззрения могут содержаться знания, которые не утратили актуальности вплоть до настоящего времени. В указанных пластах есть как минимум историко-культурная ценность, то, что можно отнести к сфере культурной памяти и самоидентификации носителей соответствующих культур.

Итак, в настоящее время мы можем утверждать, что *картины мира, включая их традиционные формы, вполне могут выступить объектом нематериального культурного наследия*. Это образы реальности, которые формировались в течение долгого времени, отражая те условия, которые их породили. Они эффективно влияют на сознание носителей соответствующих культур, сохраняя и транслируя важные компоненты «культурного кода». Повторим, речь идет не обо всех гранях картин мира прошлого, поскольку многие их аспекты безусловно устарели либо получили интерпретацию в разных формах познания. И все же в традиционных картинах мира содержатся компоненты, имеющие явную значимость и в наши дни, в первую очередь в сфере духовно-нравственного воспитания, сохранения сакральных ценностей, смысложизненных установок и поведенческих стереотипов, а также другие ценностно-смысловые грани постижения реальности и отношения к ней.

В российском мировоззрении, включая его общенациональный уровень, этнокультурное богатство и региональные аспекты, воплотился огромный опыт освоения и интерпретации бытия, органично отражающий те условия (исторические, культурные, политические, социальные, природно-климатические, ландшафтные, деятельностные и др.), в которых осуществлялся и осуществляется генезис отечественной культуры. Соответственно на современном этапе истории России значимой задачей является сохранение и культивация *долгого мировоззрения*, формировавшегося в нашей культуре на протяжении более чем тысячелетнего периода и сохраняющего связь с разными пластами нашего историко-культурного опыта.

К. В. Лошевский[1]

ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ЭКОЛОГИЗМ И ЦЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО МОДЕРНА

Мы живем в переломную эпоху. Европейский модерн, сформулировавший чрезвычайно эффективные эпистемологические, экономические, эстетические и политические программы универсального значения и глобального масштаба, на наших глазах трансформируется в какой-то новый эпохальный порядок, контуры которого пока проступают еще слишком смутно, чтобы мы могли представить себе полную картину наступающей реальности. Мы можем лишь фиксировать наиболее очевидные симптомы этого сдвига, одним из которых стало изменение отношений между социумом и не-социальным, не-человеческим миром, тем, что мы привычно называем природой. Это изменение нашло свое отражение в появлении так называемой политической экологии, которая, однако, возможна лишь благодаря тому, что она базируется на некоей «глубинной экологии»[2] как фундаментальной интерпретации взаимосвязи человеческого и не-человеческого миров.

Уже на заре современного экологического движения в его целевых установках можно было выявить две тенденции. Проще говоря, вопрос, зачем мы должны заниматься сохранением природы, предполагает как минимум два ответа. Либо мы занимаемся этим ради нас самих, ради того, чтобы условия человеческого существования продолжали быть «естественными», что означает «максимально человеческими» — такими, к каким люди привыкли за тысячелетия своей истории; либо нашей целью является сохранение природы ради нее самой, независимо от ее роли в жизни людей. В первом случае природа рассматривается как естественный и необходимый контекст нашей жизни, но в фокусе при этом находятся люди, стало быть, природа остается пусть критически важным, но все-таки объектом приложения усилий, а ее ценность обусловлена нашим присутствием; во втором речь идет о «природе» вне какого-либо антропологического измерения, то есть, по сути, как о самостоятельном субъекте, ценность которого никак не связана с чем-либо внешним по отношению к нему, даже с нами. Либо мы желаем спасти природу, чтобы приспособить ее к общественной жизни, то есть продолжаем рассматривать природу как ресурс, либо, наоборот, пытаемся приспособить общественную жизнь к природе, а это может потребовать от нас самоограничений и жертв. В этом смысле экологические дискурсы можно разделить на цисгуманистические и трансгуманистические, и это различие со временем может приобрести решающее значение не только для характера сосуществования людей и их нечеловеческих компаньонов, но и для ситуации внутри самого человеческого сообщества.

При этом в обоих случаях разговор о природе исходит из некоего предварительного имплицитного понимания того, что же в принципе представляет собой природа. Ведь что такое природа, казалось бы, понятно всем без каких-либо специальных объяснений. Она есть самоочевидная данность, с которой мы сталкиваемся буквально каждое мгновение своего существования, более того, само наше появление на свет и наша жизнь как функционирование биологических организмов суть не что иное, как природные явления и процессы. Однако понятие природы как некоторой целостности, как онтологического региона с четкими границами, отделяющими его от всего того, что природой не является, отнюдь не самоочевидно, и «в разных частях планеты люди не считают, что человек и другие существа обитают в разных не сообщающихся между собой пространствах… а растения и животные, реки и скалы, метеориты и времена года не составляют единого целого, противопоставленного человеку»[3]. У сообществ, живущих по нашим, вернее, унаследованным нами от эпохи Просвещения, представлениям как «дети природы», в идиллической гармонии с ней, представление, соответствующее европейскому понятию природы, как правило, отсутствует. Стало быть, генезис привычного для нас концепта «природа» обусловлен целым рядом культурных и исторических обстоятельств, иными словами, в нем не фиксируется некое «естественное» положение дел, а конструируется определенная космологическая ситуация, в которой за человеком закреплен эксклюзивный статус, становящийся критерием для разметки онтологического ландшафта.

Греческий physis с самого начала противопоставляется сфере человеческой деятельности, образуя один из полюсов важнейших бинарных оппозиций (physis/nomos, physis/thesis, physis/technē), служивших предметом постоянной рефлексии греческих мыслителей — от милетских физиологов до софистов, Платона и Аристотеля. То есть природа мыслится приративно, как область не-человеческого, сфера бытия-без-нас, окружающая человеческие коллективы, и такая «натуралистическая» интерпретация контекста человеческого существования проходит через всю традицию европейского мышления вплоть до Нового времени, когда идея природы уравновешивается вновь изобретенным концептом «общества».

Крайнюю форму выражения этого фундаментального разделения можно увидеть в картезианской дихотомии res cogitans и res extensa, в которой различие меж-

[1] Доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Символическая природа „божественных имен“ и иерархия методов познания в философии языка Прокла Диадоха», «Топос утопии: пространственная метафорика в новоевропейском социальном конструировании», «Проблема воспитания в контексте социальной антропологии Просвещения», «Язык и формирование субъективности: версия Соломона Маймона», «Конец модерна и судьба основополагающих новоевропейских практик», «Философская истина и литературная фикция: изобретение смысла», «„Этот мир уже наступил“: художественный универсум Франца Кафки в теоретических исследованиях Ханны Арендт» и др.

[2] *Латур Б.* Политики природы. Как привить наукам демократию / пер. с фр. Е. Блинова. М. : Ad Marginem, 2018. С. 23.

[3] *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры / пер. с фр. О. Смолицкой и С. Рындина. М. : Новое лит. обозрение, 2012. С. 49.

ду протяженной природой и мыслящим «я» приобретает акцентированно субстанциальный характер[1]. Природа окончательно объективируется, воспринимается как пространство познавательных акций и технических манипуляций субъекта, а области природного и социального разделяются непреодолимой границей. Новое время отнимает у природы и ее агентов всякую, даже потенциальную субъектность. Бэконовская формула knowledge is power («знание — власть») артикулирует претензию на полное покорение природы и тотальный контроль над ней — претензию, реализуемую только при условии обретения или, по крайней мере, провозглашения независимости сферы обитания людей, «антропогенного острова»[2], от (говоря кантовским языком) «царства природы». Зависимость от природы воспринимается как проклятие рода человеческого, следствие первородного греха, избавление от которого оправдано и с моральной, и с религиозной точки зрения. Современность общества, именуемого современным в противовес традиционному, непосредственно связана с этой контрнатуралистической позицией: оно не ждет милостей от природы, а превращает ее в ресурс собственного развития, используя для этого научные и технологические знания, которые, в свою очередь, базируются на описанном выше понимании природы.

Поэтому возникновение и развитие новой экологической этики и политики во второй половине XX века может рассматриваться как недвусмысленное свидетельство внутреннего кризиса модерна — ведь в них подразумевается отказ от провозглашенной независимости и пересмотр, так сказать, новоевропейской мировоззренческой конституции, согласно которой люди обладали всей полнотой прав в отношении природы при отсутствии каких бы то ни было серьезных обязательств. Императив покорения и преобразования природы на благо человечества сменяется констатацией нашей фатальной зависимости от глобальной экосистемы, а это парадоксальным образом предполагает признание неодолимой силы природы и в то же время ее принципиальной уязвимости. Так или иначе, в этой новой оптике культура и социум не образуют своего суверенного царства — «царства свободы», а в лучшем случае могут претендовать на статус автономной области в составе империи природы, чьи законы и интересы имеют безусловный приоритет над человеческими установлениями и потребностями.

При этом цисгуманистическое направление в экологическом мышлении, в конечном счете ориентированное на обеспечение комфортного сосуществования людей и природы, все больше уступает место трансгуманистическому: ведь природа, которой присягает получивший политическое измерение экологизм, — это та же самая природа, изобретенная ионийскими греками и жестко противопоставленная европейским модерном человеческому миру, социуму, культуре, а следовательно, она так или иначе остается не-человеческой, асоциальной и антикультурной. Новый экологизм не изобретает оригинального концепта природы, а механически заимствует его у той самой сциентистской и технократической традиции, в рамках которой он был сконструирован и которая, как считается, и породила «экологический кризис», и просто осуществляет телеологическую, а вместе с ней и ценностную инверсию. Цель превращается в средство, а средство — в цель; не природа должна служить человеку, а человек — природе.

Но такая дегуманизация, низведение человека до инструментального уровня неизбежно оборачивается реставрацией упраздненной антропоцентрическим модерном высшей нормативной инстанции, каковой в до-современную эпоху являлось божественное: в новой, казалось бы, сугубо секулярной экологической парадигме природа выступает в качестве субститута божества, точнее, возвращает себе нуминозный статус, утраченный в ходе научных и социальных революций модерна.

Экспансионистская стратегия в отношении природы неслучайно хронологически совпадала с процессами секуляризации: похоронив умершего Бога, эмансипируясь от власти трансцендентного источника нормативности, модерн одновременно расколдовывал природу, превращая ее в совокупность эксплицируемых связей и взаимозависимостей, в нейтральное поле человеческой деятельности, в объект ресурсной конкуренции или предмет эстетического созерцания. Трансгуманистическое экологическое мышление под лозунгом сохранения природы (сначала *для* человека, а затем главным образом *от* человека) вновь ее заколдовывает, переосмысляя границу между природным и человеческим мирами. Отныне это граница между священным и профанным, между царством высших ценностей и областью обитания людей, чтущих эти ценности и стремящихся вновь сделать мир, построенный человеком и функционирующий по человеческим законам, частью природы, а себя — функционерами необходимости, слепым, хотя и точным инструментом ее законов, «отрекаясь от своей высшей способности создавать законы и даже предписывать их природе»[3].

Но теперь архаичный метафорический образ матери-природы, источника жизни и донора витальных сил, переживший на периферии социально-культурного мира все цивилизационные сдвиги и трансгрессии, заменяется фигурой сурового Бога Отца, требующего от своих чад безусловного повиновения и внушающего им благоговейный страх, а стихийные бедствия, драматические климатические изменения, эпидемии и даже внутрисоциальные конфликты объясняются грехами людей перед ресакрализованным божеством — Природой. Спасающийся в убежищах выстроенных им социальных и технологических конструкций, человек так же несоизмерим с магической реальностью природы, как и с бесконечностью Бога-творца, а брошенный им некогда вызов природе — не более чем нарциссический hybris, приближающий катастрофу самого человеческого мира. Теперь не искусство, а природа требует жертв, теперь от имени природы говорят не объ-

[1] *Декарт Р.* Размышления о первой философии / пер. с лат. С. Я. Шейнман-Топштейн // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1994. Т. 2. С. 23–24.

[2] *Слотердайк П.* Сферы III. Плюральная сферология. Пена / пер. с нем. К. Лощевского. СПб. : Наука, 2010. С. 359.

[3] *Арендт Х.* Франц Кафка: переоценка // Х. Арендт. Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание, тоталитаризм / пер. с англ. Е. Бондал, А. Васильевой, А. Григорьева, С. Моисеева. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. С. 165.

ективирующие ее ученые, как это было в период расцвета новоевропейского сциентизма, а адепты нового экологического учения, подобно тому как от имени божества говорили и говорят пророки, жрецы и священнослужители.

В этом контексте формируется новая экологическая (выходящая далеко за рамки прикладной экологии) этика — этика долга и самоотречения, мотивируемая апокалиптическими и эсхатологическими ожиданиями и подчиненная императиву коллективного (и одновременно селективного) спасения. Но спасение предполагает радикальную ревизию основополагающих принципов и ценностей гуманистического наследия европейского модерна.

А. А. Мельникова[1]

ТРАНСГУМАНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТЕЙ МОНО- И МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Человечество в своем движении с момента осознания этого движения стало не только определять смыслы (такие как Истина, Добро, Красота; Свобода, Равенство, Братство; Справедливость), но и намечать дальнейший маршрут, представляя, как выглядит туманное светлое будущее. В настоящий момент для западной цивилизации новым понятием, определяющим направление движения, стал трансгуманизм. Согласно определению, данному шведским философом Н. Бостромом, трансгуманизм — это «интеллектуальное и культурное движение, которое подтверждает возможность и желательность фундаментального улучшения условий жизни человека посредством прикладного разума, особенно за счет использования технологий для устранения старения и значительного улучшения интеллектуальных, физических и психологических способностей человека».

Ускоряющееся развитие науки, появление нанотехнологий, открытия в области биологии и генетики усилили уверенность в огромных возможностях науки и сформировали убежденность в ее безграничной силе. Если вначале это были проекты по увеличению продолжительности жизни человека, то их реализация с заменой не справляющихся (в силу возраста индивида) со своими функциями органов привели к мысли, что можно не просто копировать организм, заменяя устаревшее на новое по аналогии с ремонтом изношенного механизма, а создавать новые варианты человеческого организма. Как утверждает тот же Н. Бостром, развитие науки приведет к тому, что человек как биологический вид полностью изменится и будет осознаваться лишь как первоначальный фундамент, база для создания человека будущего.

Концепция трансгуманизма восходит к идеям эпохи Просвещения, когда восхищение наукой шло рука об руку с редукционизмом — стремлением объяснять сложные феномены законами, открытыми при исследовании простых явлений.

Еще одним идейным направлением в осмыслении законов человеческого существования (уже на уровне социальности) было либертарианство с его безмерной уверенностью в автономии человека, максимальной свободе выбора и свободе суждений. Наиболее ярко это требование самому человеку определять свою сущность сейчас опредмечено в «радужной революции», когда бесчисленно дробящиеся названия полов превращают свободу выбора в карикатуру.

Трансгуманизм делает акцент на биологии, а ценностная составляющая личности остается за его рамками. Если долгое время религия и наука разделяли сферы влияния (наука исследовала материальную составляющую мира, а религия определяла духовную), то в настоящее время человек все больше ощущает себя равным Творцу, способным создавать себя самостоятельно, при этом демонстрируя уверенность в том, что при этом он сам определяет и свои ценности.

Однако в монополярном мире, как оказывается, идея свободы при определении ценностей — не более чем видимость. Монополярный мир создает иллюзию выбора, активно используя средства массовой информации, которые, применяя современные технологии создания фейков, формируют ценностные стандарты, при этом создавая у человека ложное ощущение самостоятельности выбора. При этом если старшее поколение, рожденное до эпохи компьютеризации, еще сомневается в истинности поступающей информации, то поколение, выросшее в цифровом мире, воспринимает этот мир и декларируемые им ценности как непреложную истину. Данная картина отчетливо проявляется в отношении к информации, поступающей из СМИ, у представителей трех поколений — тех людей, которые родились в период с 1950 по 1965 год (так называемые бэби-бумеры); родившихся с 1966 по 1980 год («поколение X»), а также молодежи, родившейся в интервале с 1981 по 2000 год включительно (название этой группы разнится — их называют поколением Z, цифровыми аборигенами, центениалами).

Проводившие такое исследование немецко-канадский ученый Г. Эйзенбах[2] и его коллеги обнаружи-

[1] Профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 126 научных публикаций, в т. ч.: «Реальность и ее интерпретация: SPOD и BANI подходы», «Территориально-культурные сообщества как новое направление межпоколенческого культурного трансфера в социальной сфере: российская специфика» (в соавт.), «Культурный трансфер в социальной сфере: российская специфика» (в соавт.), «Representation of Terrorism: Dangerous Art of Mass Communication Practitioners» (в соавт.), «Art as a Factor in Revealing Cultural Stereotypes of Russians and Poles: Main Provisions of the Research» (в соавт.) и др.

[2] *Eysenbach G.* Expressions of Individualization on the Internet and Social Media: Multigenerational Focus Group Study // Journal of Medical Internet Research. 2020. Nov. № 22 (11).

ли некоторые похожие тенденции у бэби-бумеров, X и Z, но отметили значимые различия в том, как погруженность в цифровую среду оказывает влияние на представителей этих поколений. В отличие от цифровых аборигенов, предыдущие поколения видели опасность включенности в СМИ-реальность, ощущая ее ложность. Среди отрицательных эмоциональных последствий, выраженных у бэби-бумеров и поколения X, были страхи, наиболее полно выявленные у представителей старшего поколения. Так, они боялись, что:

1) получаемая информация не соответствует действительности (в диапазоне от «в какой-то степени» до «абсолютно не соответствует»), причем причины несоответствия варьируются в широком диапазоне — от искажения в угоду коммерческой выгоде до политической пропаганды;

2) загружаемая в социальные сети информация будет использована каким-либо вредным для них образом. Это были общие страхи у двух более старших поколений, однако у бэби-бумеров к этим страхам добавлялось беспокойство по поводу необходимости всегда быть «доступными».

В то же время у поколения X присутствовали и положительные эмоции, связанные с развитием цифрового пространства. Они отмечали, что их восхищают открывающиеся возможности и им очень интересно, что еще будет включено в их жизнь.

Что касается поколения Z, то у них страхи практически отсутствовали, хотя они выражали некоторую обеспокоенность давлением со стороны интернет-сообщества, необходимостью соответствовать новым нормам интернет-коммуникаций и репрезентаций. В то же время они ярко проявляли любопытство по отношению к интернет-пространству и увлеченность им. Отмечая имеющуюся у них некоторую форму зависимости, говорили, что она не вызывает у них особого беспокойства.

В осмыслении результатов данного исследования больше всего тревожит тот факт, что у представителей поколения Z, в отличие от бэби-бумеров, отсутствует критичность при восприятии интернет-информации, и это несмотря на доказанные случаи распространения фейков, на усиливающиеся возможности создавать лживую «информацию», которая выглядит правдоподобной. Из-за некритичного подхода они воспринимают любое сообщение как правдивое, а значит, оно может стать фактором неверной трактовки действительности и побуждать к действию.

Если раньше ценности традиционного общества выступали как общие нормативы, то теперь они начинают разрушаться монополярной доктриной, которая выдвигает свои нормы, правила и ценности. Эти изменения касаются, во-первых, гендерных тенденций, начавшихся с возможности самостоятельно «определять» свой пол, меняя биологию. Отринута сама идея дуальности природного человеческого организма: теперь «существуют» не только мужчины и женщины, но и бесконечное количество гендеров с ширящимся количеством названий: «агендер», «андрогин», «бигендер», «гендер флюид», «нонконформинг», «пангендер», «туспирит», «нон-бинари гендер» и множество других (исследования дают разные цифры — 37, 46, 58, 78, 300). Наличие такого количества вариантов размывает семейные ценности, основой которых было определенное гендерно-нормативное поведение в семье. Во-вторых, удар по семье как базовой социальной ячейке нанесли вариативные формы брака, которые начинают замещать традиционную форму семьи на гражданский брак, гостевой, временный, однополый… К этой ценностной размытости добавляется тенденция чайлдфри, когда живущая вместе пара выбирает жизнь без детей. Такой выбор активно поддерживается монополярными ценностями, делающими упор на значимости индивида, его личной жизни, свободы, в которой присутствует минимум ограничений (ибо и второй человек, и ребенок с точки зрения такой ценностной установки — это ограничения свободы).

Формирование общего взгляда на происходящее в мире в рамках такой концепции задает и отношение к политическим ситуациям, и тогда бомбежки мирного населения (ковровые бомбардировки Сербии, Сирии, сектора Газа) становятся нормой, никак не противоречащей ни библейским законам, ни нормативам ООН.

Однако сегодня мы наблюдаем разворот к многополярности, когда возвращаются традиционные ценности, отношение к семье как к союзу мужчины и женщины. Возвращается ценность детей, которые представляют собой не ограничение человека, а его развитие; ценности истины, а не иллюзорной реальности, создаваемой с помощью электронных инструментов. В этом смысле трансгуманизм как основа монополярного мира с его упором на материю, а не на духовную составляющую, исчерпал себя. Необходима новая концепция, когда доминировать будут именно ценности: важно не то, как выглядит человек, а то, что он собой представляет, куда он движется в своей жизни, каковы его ценностные ориентиры.

А. Н. Михайленко[1]

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СТРАНАХ БРИКС

Введение

В настоящее время происходит распад однополярного мирового порядка. На его месте формируется многополярный мир. Меняются принципы, нормы и институты международного взаимодействия. В качестве примера международной организации, соответствующей идеалам многополярного мира, наиболее часто приводится БРИКС. В отличие от международных организаций предыдущей эпохи, в БРИКС ценится не гомогенность, а самобытность государств-членов. Эта самобытность в значительной степени происходит из традиционных духовно-нравственных ценностей государств — членов БРИКС. Эффективность деятельности БРИКС будет зависеть от способности ее участников использовать самобытность для достижения общих целей организации.

Значимость духовно-нравственных ценностей

Духовно-нравственные ценности играют важную роль в формировании и развитии международных отношений. Они отражаются в международно-правовых документах, способствуют установлению и развитию взаимопонимания между народами. Страны, в которых пропагандируются высокие духовно-нравственные ценности, привлекают к себе другие народы. Высокие духовно-нравственные ценности способствуют урегулированию острых, в том числе вооруженных, конфликтов. Согласованное отношение народов различных стран к духовно-нравственным ценностям является основой формирования нового миропорядка.

Одной из главных причин кризиса однополярного мира стало противоречие между Глобальным Югом и коллективным Западом в отношении духовно-нравственных ценностей. Этот тезис можно подтвердить, сравнив политическую практику БРИКС и Европейского союза. Так же как и в БРИКС, в ЕС актуальна тема расширения организации. Но принципы расширения в двух организациях диаметрально противоположны. В Европейском союзе неофиты должны привести свои духовные ценности и законодательство в соответствие с европейскими. Эти требования гомогенности можно продемонстрировать на примере шагов Украины на пути вступления в Евросоюз[2].

ЕС диктует Украине «правила», которые она должна исполнять, но которые ни в коей мере не соответствуют традициям украинского народа. В 2023 году в Верховную раду Украины было внесено несколько законопроектов, которые должны были «приблизить» украинцев к европейцам в сфере «общих ценностей». Среди них законопроект о легализации однополых браков в форме зарегистрированного гражданского партнерства. ЕС требует также от Украины решить проблему прав ЛГБТ-сообщества. В первом чтении принят законопроект о легализации медицинского каннабиса. В парламент Украины также был внесен законопроект о частичной декриминализации порнографии. Таким образом, при вступлении в ЕС или в НАТО Киев должен коренным образом изменить свои духовно-нравственные ценности.

Отношение к духовно-нравственным ценностям в БРИКС

Подобное заламывание рук странам-кандидатам на сотрудничество с западными странами не идет ни в какое сравнение с политикой БРИКС. Позиция БРИКС по вопросу традиционных ценностей является весомым фактором в современных международных отношениях. На XV саммите БРИКС в этом отношении говорилось о том, что «мы вновь заявляем о своей приверженности духу БРИКС, в основе которого взаимоуважение и взаимопонимание, суверенное равенство, солидарность, демократия, открытость, инклюзивность, укрепление сотрудничества и консенсус… Мы договорились поддерживать защиту, сохранение, восстановление и продвижение нашего культурного наследия, как материального, так и нематериального»[3]. В БРИКС уважается также самобытность государств-членов. Наличие всех этих качеств усложняет совместную международную деятельность организации, и это вполне естественно. Ведь усложняются и сами субъекты международной деятельности, поскольку более разнообразными являются национальные интересы государств — членов БРИКС, а также средства и методы достижения поставленных ими целей на мировой арене.

Данное положение касается не только БРИКС, но и всего Глобального Юга. Недаром в Декларации Второго саммита Россия–Африка говорится о необходимости «сохранения национальной самобытности, национальных ресурсов, культурно-цивилизационного разнообразия и защиты традиционных ценностей»[4]. Обратим особое внимание: речь в этих документах идет не об общих ценностях, будь то западных или европейских, а о традиционных ценностях стран-участниц. Разнообразие и самобытность с большим трудом поддаются приведению к единообразной форме. Поэтому

---

[1] Заведующий кафедрой международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор политических наук, профессор. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Гармонизация стратегии и тактики в современных международных отношениях» (в соавт.), «Концептуальные основы развития приграничья в контексте национальной безопасности России» (в соавт.), «Антинаркотическая безопасность в системе международных отношений» (учеб. пособие в соавт.); статей в научных журналах: «Векторы развития евразийской интеграции», «Теоретические и концептуальные основы развития Союзного государства России и Белоруссии», «Отношения России со странами Африканского континента» (в соавт.), «Специальная военная операция России на Украине: случайность или закономерность?» и др.

[2] *Ковалев В.* Черный вход в Европу: почему Киев хочет разрешить наркотики и порнографию // Профиль. 2023. 17 сент. URL: https://profile.ru/abroad/chernyj-vhod-v-evropu-pochemu-kiev-hochet-razreshit-narkotiki-i-pornografiju-1388073/.

[3] XV саммит БРИКС. Йоханнесбургская декларация-II, 23 августа 2023 года. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf.

[4] Декларация Второго саммита Россия–Африка, 28 июля 2023 года. URL: https://summitafrica.ru/about-summit/declaration-2023/.

многополярный мир обещает быть гораздо более сложным по сравнению с однополярным. В то же время разнообразие предполагает больше вариантов ответов на вызовы времени, в меняющихся условиях такие ответы на вызовы должны быть все более комплексными.

Следует иметь в виду, что между странами БРИКС имеются существенные различия в ценностях. Противники БРИКС стремятся выдвинуть их на первый план[1]. В отличие от такой позиции, государствам — членам БРИКС необходимо внимательно изучать эти противоречия и разрешать их. После принятия решения о расширении БРИКС количество таких противоречий может увеличиться почти вдвое. Так, в социальном плане БРИКС+5 более разнообразен с точки зрения гражданских прав, предоставляемых гражданам. В Бразилии и Южной Африке законодательно допускаются однополые браки. Возможность заключения однополых браков изучается в настоящее время и в Индии. В Китае гомосексуальность рассматривается как психическое заболевание[2]. В России законодательно преследуется пропаганда ЛГБТ.

Позиция России

В России придается большое значение вопросам традиционных духовно-нравственных ценностей. Данная проблематика отражена в нескольких российских документах стратегического планирования. Так, в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей приводится определение традиционных ценностей, в соответствии с которым они определяются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»[3].

В этом же документе к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Наша страна рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала. Усилия, предпринимаемые Россией для развития духовного потенциала ее народа, способствуют повышению сплоченности российского общества, осознанию гражданами необходимости сохранения и укрепления традиционных ценностей в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов.

Ряд важных положений, касающихся духовно-нравственных ценностей, содержится в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В частности, в документе говорится о том, что «национальным интересом России является укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России. Российские духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности, талант народа лежат в основе государственности и являются фундаментом для дальнейшего развития страны»[4]. Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти обеспечивается путем решения ряда задач, среди которых укрепление гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности, защита исторической правды и сохранение исторической памяти, укрепление института семьи и др.

БРИКС как организация самобытных государств

Внимание к уникальности государств мира, особенностям их традиционных духовно-нравственных ценностей требует развития принципов деятельности международных организаций. Раньше акцент в международных организациях делался на общее, объединяющее естественным образом, что и проявляется в деятельности Евросоюза и НАТО. Сегодня этого недостаточно, нужно учитывать не только общее, но и особенное и единичное. С этой точки зрения БРИКС могла бы выступить примером международной организации, вышедшей на более высокий уровень развития. В ней участвуют самобытные государства-цивилизации, если исходить из того, что Концепция внешней политики Российской Федерации определяет особое положение России как самобытного государства-цивилизации[5]. Такими же самобытными являются и другие государства — члены БРИКС.

Требование учета самобытности государств-членов необходимо реализовать в системе функционирования БРИКС. Некоторые из этих требований учтены в Концепции внешней политики РФ. Например, в ней говорится о таких принципах многополярного мира, как суверенное равенство государств, уважение их права выбирать модель развития социального, политического и экономического устройства; неприятие гегемонии в международных делах; многообразие культур, циви-

[1] *Sarieddine T.* BRICS+6: The More the Un-Merrier? // Geopolitical Monitor. 2023. 25 Sept.

[2] Homosexuality can be called a mental disorder, Chinese court rules; LGBT community disappointed. URL: https://www.scmp.com/news/people-culture/gender-diversity/article/3123549/homosexuality-can-be-called-mental-disorder.

[3] Указ об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. 9 ноября 2022 года. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/69810.

[4] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: https://base.garant.ru/401425792/#block_1000.

[5] Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/.

лизаций и моделей организации общества и др.[1] Несомненно, наиболее приоритетные цели и задачи БРИКС должны быть общими для всех ее государств-членов. Сегодня таким приоритетом является, очевидно, формирование нового мирового порядка. Как же действовать в условиях такого разнообразия? С. Хантингтон признает многоцивилизационный характер современного мира и считает неизбежным в связи с этим столкновение различных цивилизаций[2].

На наш взгляд, такое столкновение необязательно. Чтобы преобразовать его в конструктивное взаимодействие, особое внимание в рамках БРИКС следует уделять ряду вопросов, связанных с уникальностью ее государств-членов. Необходимо глубокое знание и уважение национальной идентичности, исторических, религиозных, этнических, географических, социально-политических и культурных особенностей каждого государства-участника. Это поможет лучше понять позиции партнеров при несовпадении точек зрения и сблизить общие подходы. БРИКС должна обладать высокой гибкостью для того, чтобы в рамках ее системы имелись различные возможности для участвующих государств реализовывать свои уникальные подходы к решению международных проблем. Очень важно предусмотреть эффективную систему урегулирования противоречий между уникальностью государств — членов БРИКС и необходимостью находить общие решения сложных проблем современности.

Заключение

Традиционные духовно-нравственные ценности составляют ядро самобытности государств — членов БРИКС. Самобытность требует учета в деятельности организации. Основанное на самобытности разнообразие дает возможность находить больше вариантов решения сложных проблем современности. Для более эффективного взаимодействия государствам — членам БРИКС необходимо глубокое знание и уважение традиционных духовно-нравственных ценностей друг друга, создание гибкой системы принятия решений в рамках организации, учитывающей общие, особенные и единичные черты государств-членов, а также разработка системы разрешения возможных противоречий между государствами-членами на всех этапах их возникновения.

А. Н. Мосейко[3]

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ СОВРЕМЕННОСТЕЙ (МОДЕРНОСТЕЙ) ЗАПАДНОГО И НЕЗАПАДНОГО ТИПОВ В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

Конец XX — начало XXI века характеризуются грандиозными трансформациями и формированием нового мирового порядка.

В последние десятилетия в мире формируется новый баланс сил: в прошлом периферийные страны выходят на передовые позиции; происходит возвышение Востока и Юга, меняется ценностная иерархия категорий «традиция–современность»[4]. Изменения происходят и в ценностно-этических системах.

В условиях происходящих перемен значимым стало понятие «современность» (modernity, в отечественном дискурсе представленное термином «модерность»).

В 1980–1990-х годах проблематика модерности вышла на ключевые позиции. Это было связано с активизацией процессов модернизации в странах, освободившихся от колониальной зависимости, а главное, с неудачами и срывами большинства опытов модернизации по типу вестернизации.

Срывы модернизации, конфликты, кризисы, сопровождавшие процессы модернизации, сделали неизбежным пересмотр прежних концепций и категорий. Израильский ученый Шмуэль Айзенштадт (1923–2010), несколько десятилетий изучавший обстоятельства и причины провалов модернизации в странах Азии, Африки и Латинской Америки[5], выступил с серией работ, в которых изложил основы концепции множественности модерностей, формирующихся в молодых государствах в процессе модернизации[6]. Ш. Айзенштадт в своей концепции исходит из мысли, что современность в единственном числе в принципе невозможна. Современность, формирующаяся в каждом конкретном обществе, неизбежно несет в себе существенные особенности этого общества: культурно-исторические реалии, геополитическую ситуацию, традиции, ценности, нор-

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации.

[2] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

[3] Ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Идеология в странах Тропической Африки: традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности», «Мадагаскар: особенности культурно-цивилизационного развития»; глав в коллективных монографиях; статей в научных журналах «Вопросы философии», «Общественные науки и современность», «Восток» и др.: «Африканская метафизика: развитие религиозного опыта и мифологическое миропонимание», «Встреча африканской традиционной этики с западным христианством и формирование пограничной этико-религиозной идентичности (в свете теории культурных кодов)», «Культурные коды социума: научно-практическое значение в современной африканистике» и др. Награждена грамотами РАН, медалью «В память 850-летия Москвы».

[4] См.: *Nederveen Pieterse J.* Global rebalancing: Crisis and the East-South turn // Development and change. Oxford : Malden, 2011. Vol. 42, № 1. P. 22–48.

[5] *Айзенштадт Ш.* Срывы модернизации // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/sryvy-modernizaczii.html.

[6] *Eisenstadt Sh. N.* Tradition, Change and Modernity. John Wiley and Sons Inc., 1983 ; *Idem.* European Civilization in a Comparative Perspective: A Study in the Relations Between Culture and Social Structure. Oxford Univ. Press, 1987 ; *Idem.* Multiple Modernities // Daedalus, 2000. Vol. 129, № 1. P. 1–29.

мы, обычаи, символы. Все эти особенности и определяют характер современного общества.

Одновременно немецкие ученые Ульрих Бек и Эдгар Гранд[1], а также ряд других представителей мирового академического дискурса, обратили внимание на серьезное изменение траектории развития «Первой модерности» (соответствующей «Первому осевому времени, по Ясперсу) — западной цивилизации, позиционирующей себя как образцовую для всего мира. Так, в этой цивилизации наряду с благами, которые она производила, стали воспроизводиться риски и угрозы. В результате якобы «образцовая» западная цивилизация (Первая модерность) превращается в «общество рисков»[2], в названную британским ученым польского происхождения Зигмундом Бауманом «текучую модерность». В лекции, прочитанной в Москве, он определил «текучую модерность» как общество неустойчивое, постоянно изменяющееся, и, что особенно важно, направленность перемен непредсказуема[3].

Американский интеллектуальный лидер Насим Николас Талеб в своей культовой книге «Черный лебедь» пишет, что только за последнее десятилетие в мире случилось множество тяжелейших катастроф, потрясений, кризисов и катаклизмов, которые не были и не могли быть предсказаны в силу своей неожиданности и фантастичности. В терминологии Талеба, «черные лебеди» — это непредсказуемые и непрогнозируемые события, которые влияют на судьбы людей, да и мира в целом[4].

Отсюда жизненная стратегия людей характеризуется колебаниями и страхом по отношению к долговременным проектам и намерениям, ибо неизвестно, что произойдет завтра. Зигмунд Бауман характеризует современную западную цивилизацию при помощи метафоры *interregnum* (в русском переводе «междувластие»), то есть перерыв между исчерпавшим себя старым порядком и еще не сложившимся новым. Состояние *interregnum* порождает у людей неуверенность, нерешительность и в конечном счете беспомощность. В такой ситуации модернизация как в развитых западных, так и в незападных странах переходит в иную стадию — стадию формирования «Второй модерности» (Second modernity)[5], то есть современного общества или современной цивилизации постмодерна, знаменующей, очевидно, «Второе осевое время» (Ш. Айзенштадт).

Модернизация второй стадии получила различные наименования: «постклассическая», «инновационная», «вторичная», но особенно часто — «рефлексивная»[6].

Понятие «рефлексивность» широко применяется в научном дискурсе, особенно в последние десятилетия. При этом интерпретируются различные аспекты этого понятия. Особое внимание уделяется «принципиальной толерантности» по отношению к «различиям» (расовым, конфессиональным, национально-этническим, физическим, ментальным и т. п.), способности признавать и уважать внутреннего и внешнего Другого. При этом рост самосознания и углубление рефлексивности приводят к социальной активизации, конфликтности, появлению различных, включая протестные, социальных движений (молодежных, женских, экологических, религиозных). Об этом писал Ш. Айзенштадт[7], акцентируя внимание на одной из наиболее существенных составляющих социальной базы этих движений — на «обездоленных», в том числе образованных людях, не нашедших своего места в жизни.

Исследования процессов «рефлексивной модернизации» показывают, что в незападных обществах, например в Китае, Японии, Южной Корее, возникают различные компоненты Второй модерности, а траектория модернизационных процессов различна в зависимости от региона, страны, условий предшествующего историко-культурного развития[8].

Процессы рефлексивной модернизации могут включать как программы обновления (экономического, политического, культурно-образовательного) с учетом разумного заимствования достижений других стран, так и программы возрождения, переосмысления и адаптации традиций данного общества (этических, ценностных, управленческих, религиозных). Важнейшим условием рефлексивной модернизации является восстановление (возрождение) достоинства людей и стран, их права и способности иметь субъектность, «свой голос» не только в страновых, но и в мировых процессах.

Необходимо ориентироваться на множество путей рефлексивной модернизации, а также на опыт как западных, так и незападных стран и на взаимодействие и взаимозависимость этих различных видов социального опыта. В результате возникают новые варианты современных обществ, новые модерности, в которых могут переплетаться досовременные уклады и уклады Первой и Второй модерностей. Такая форма рефлексивной модернизации осмысливается для использования в Субсахарской Африке.

С комментариями по поводу концепции второй стадии модернизационных трансформаций, в результате которых формируются новые варианты современных обществ, Вторые модерности, способные выкристаллизоваться в современные цивилизации, выступил ряд ученых. Немецкий ученый Карл Хайнц Поль пишет, что Запад в силу своих универсалистских убеждений стремится нивелировать культурные различия, поощряя универсальную вестернизацию, что сегодня полностью неприемлемо для мирового большинства.

[1] *Beck U., Grande E.* Varieties of second modernity: the cosmopolitan turn in social and political theory and research // British journal of sociology. L., 2010. Vol. 61, № 3. P. 409–443.

[2] *Beck U.* Risk society: Towards a new modernity. L. ; New Delhi : Newbury Park : Sage publications, 1992.

[3] *Бауман З.* Текучая модерность: взгляд из 2011 года : лекция // Центр гуманитарных технологий. 2011. 10 мая. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/4992 (дата обращения: 24.11.2023).

[4] *Талеб Н. Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2020.

[5] *Beck U., Grande E.* Op. cit. P. 414.

[6] *Beck U., Bonb W., Lau C.* The theory of reflexive modernization: Hroblematic, hypotheses and research program // Theory, culture and society. 2003. Vol. 20, № 2. P. 1–33.

[7] *Айзенштадт Ш. Н.* Современная глобализация и новые цивилизационные модели // Универсальная и глобальная история. Волгоград : Учитель, 2012. С. 486–492. URL: https://www.socionauki.ru/book/files/ygi/486-492.pdf (дата обращения: 24.10.2023).

[8] *Beck U., Grande E.* Op. cit. P. 414.

Для западной цивилизации характерны принципы борьбы, войны, подавления и унижения народов, что выразилось в европейской колонизации, а ныне в колониальной практике США в их гегемонистской политике разжигания войн, вооруженных конфликтов и т. д.[1]

Поддерживая концепцию Второй модерности, китайские ученые Хан Санг-Лин и Шим Янг-Хи считают, что она может быть плодотворно использована в незападных странах, в частности в Восточной Азии.

При этом авторы подчеркивают принципиальные культурные различия Запада и Восточной Азии, в рамках которых осуществлялась модернизация. На Западе она протекала в условиях доминирования бинарных оппозиций между добром и злом, общественным и частным, субъектом и объектом, традициями и современностью и т. д. При этом одно считалось предпочтительнее другого, а развитие воспринималось как неизбежная победа одного ряда ценностей над другим. Это вело к гегемонистскому доминированию в ущерб плюрализму и разнообразию.

Напротив, в Восточной Азии сложилась устойчивая традиция взаимодействия как базовой системы, в рамках которой примирение противоречивых ценностей и интересов может быть достигнуто посредством ориентации на средний путь в целях динамического равновесия.

Ученые из Китая обращают внимание на то, что в условиях большой значимости второго этапа модернизации решающее значение имеет восстановление равновесия и гармонии как в своем обществе, так и во взаимодействии и сосуществовании с другими странами. При сохранении полного уважения к радикальным различиям и разнообразию[2].

Тип культуры, сходный с вышерассмотренным в Восточной Азии, находим в Африке. Этот тип культуры базируется на традиционном мировосприятии африканцев и на принципах и ценностях традиционной этики: на гуманности, представлениях об общественном благе, общественном порядке, равновесии и гармонии, справедливости и солидарности.

Африканский философ, кениец Али А. Мазруи (1933–2014) сформулировал семь столпов африканской мудрости, подчиненных важной, по его определению, задаче — ответу на запрос человечества на новую объединяющую глобальную этику перед лицом неравновесной мировой системы.

Главное в глобальной этике — гуманизация критериев определения ценностей и, прежде всего — критериев добра и зла[3].

В заключение представляется существенным затронуть вопрос о фундаментальных культурных различиях и сходстве современных обществ, ибо они играют немалую роль в мировом балансе сил, а также обеспечивают основу взаимодействия между странами.

Существуют разные подходы к классификации мировых культур (цивилизаций)[4]. Самым общим принципом является их дифференциация на коллективистские и индивидуалистические[5] по критериям базовых ценностей. Так, в культурах коллективистского типа ценность общественного выше ценности личного, ценностью является солидарность, общественное благо, соборность, коллективный успех, в противоположность индивидуалистическим (западным) культурам, в которых ценностью является личный успех, персональные права и свободы, принципы «новой этики», конкуренция во всех сферах жизни. К коллективистскому типу культур относится большинство стран Азии, Африки, Латинской Америки, а также Россия.

Эти общие принципы формируют культурное сходство, ценностное единство, которое является фундаментом для выстраивания отношений между странами БРИКС в формирующемся многополярном мире.

---

[1] *Pohl K. H.* Chinese and Western values: Reflections on methodology of a cross-cultural dialogue // Dialogue and cooperation for world harmony and common development : First world cultural forum, on May 18–19 of 2011. Suzhou (China), 2001.

[2] *Han Sang-Lin, Shim Young-Hee.* Redefining second modernity for East Asia // British journal of sociology. L., 2010. Vol. 61, № 3. P. 465–488.

[3] *Mazrui Ali A.* Africa Wisdom has two Parents and One Guardian // African Ethics. An Anthology of Comparative and Applied Ethics. University of Kwazulu-Natal Press, 2009. P. 33–59.

[4] *Мацумото Д.* Психология и культура. СПб. : Прайм-Еврознак ; М. : Нева, 2002.

[5] Там же. С. 56–58.

Г. А. Погосян[1]

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ СДВИГИ В ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ АРМЯН

Введение

Картина социокультурной идентичности современных армян выглядела бы неполной без представления о традиционных жизненных ценностях, которые лежат в основе национальной идентичности. На протяжении нескольких десятилетий мы проводили различные социологические исследования, в которых изучались ценностные ориентации и основные жизненные ценности армянского населения республики. Кроме того, мы участвовали от армянской стороны в международных социологических проектах по изучению европейских ценностей (EVS 2005, 2011 и 2017). Для удобства проведения сравнительного анализа и выявления динамики ценностных представлений населения мы использовали в анкете социологического исследования тот же набор ценностей, который был в ранее проведенных нами исследованиях.

Методология социологического исследования

Анкета полевого исследования была разработана с учетом проведенных ранее в Армении аналогичных социологических исследований, а также международных проектов EVS 2005, 2011 и 2017, которые проводились в Армении при непосредственном участии автора. Анкета содержала несколько открытых и закрытых вопросов относительно ценностных представлений и ориентаций респондентов[2]. Для социологического исследования была разработана репрезентативная национальная многоступенчатая выборка, включающая 1500 взрослых респондентов (18 лет и старше) — городских и сельских жителей республики. Полевой этап социологического исследования осуществлялся летом 2022 года специалистами и анкетерами Армянской социологической ассоциации (АСА) под руководством автора. Исследование было проведено в 37 городах и 66 сельских районах республики. Коэффициент соответствия доверительной вероятности выборки равен 97 %, ошибка выборки не превышала интервал ±2,5 % для всей выборки.

Традиционные армянские ценности

Эти ценности представляют собой довольно устойчивый, базовый компонент в структуре национальной идентичности[3]. На первом месте по важности, как и десятки лет назад, оказались такие ценности, как семья (98,7 %), работа (95,5 %), а после них респонденты отмечали такие, как друзья, знакомые (93,2 %) и религия, вера (84,0 %). Важность такой ценности, как свободное время, оценили 82,2 % респондентов, а политики — лишь 44,9 % респондентов (табл.).

Таблица

Насколько важны в жизни следующие ценности (%)

№	Ценности	Очень важны	Не важны	Затруднились ответить
1	Семья	98,7	0,7	0,6
2	Работа	95,5	3,1	1,4
3	Друзья, знакомые	93,2	6,5	0,3
4	Религия, вера	84,0	14,9	1,1
5	Свободное время	82,2	16,9	0,9
6	Политика	44,9	54.0	1,1

Согласно недавнему исследованию ВЦИОМа для россиян также традиционные семейные ценности являются приоритетными. Большая часть опрошенных россиян считает, что «важно сохранять традиционные семейные ценности, культуру материнства и отцовства, поддерживать многодетность (77 %)»[4]. В России новомодным западноевропейским ценностям сегодня противопоставляются традиционные российские духовно-нравственные ценности. Так, в ноябре 2022 года Президент РФ подписал специальный Указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[5].

Как видим, в этом вопросе (как и в ряде других) армянское понимание важных ценностей жизни совпадает с представлениями современников-россиян. Армянская философская мысль давно выделила семью в качестве своего рода сакрального элемента в армянской культуре. Семья представляет собой центр сакральной силы, которая генерирует общезначимые и безусловные смыслы, является «смыслопорождающим факто-

---

[1] Заведующий отделом социологии Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения, академик НАН Армении, доктор социологических наук, профессор. Автор более 280 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Современное армянское общество. Особенности трансформации», «Историческая память и национальная идентичность», «Интеграция vs репатриация: социально-экономический потенциал армянской диаспоры России» (под ред.), «Миграция и депопуляция в Армении», «Тенденции и риски радикализации общества» (гл. ред.), «Armenian Migration» и др. Иностранный член РАН, президент Армянской социологической ассоциации (АСА), Почетный член Китайской академии Core Academy (Ke Rui) Hong Kong, член Международной социологической ассоциации (ISA), Европейской социологической ассоциации (ESA), Научного совета «Социально-политические проблемы формирования ЕАЭС» при ООН РАН. Член редколлегий журналов «Вопросы философии», «Социологические исследования», «Социологический журнал», «Мониторинг общественного мнения», «Вестник общественных наук» НАН Армении, «Review of Armenian Studies» и др. Награжден государственной медалью Мовсеса Хоренаци (Армения) и др.

[2] *Погосян Г. А.* Историческая память и национальная идентичность. Ереван : Изд-во РАУ, 2023.

[3] См. также: *Погосян Г. А.* Общие контуры национальной идентичности у современных армян // Социологический журнал. 2023. Т. 29, № 4. С. 123–140.

[4] Традиции в эпоху перемен // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/.../analitich.../tradicii-v-ehpokhu-peremen (дата обращения: 23.12.2023).

[5] Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // КонсультантПлюс : [справ.-прав. портал]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 02.03.2023).

ром армянской государственности»[1]. Армянин глубже осознает свою значимость и ценность именно благодаря своей семье, укореняясь в ней.

В целом можно заметить некоторый тренд ценностных представлений у армянской молодежи в сторону от традиционных представлений, присущих поколению родителей. Для сравнения заметим, что российские социологи также выражали обеспокоенность по поводу того, что «современную молодежь отличают отрицание самоценности труда». На основании обобщения полученных данных большинство экспертов солидарны в том, что большую часть молодежи, в первую очередь городской, объединяет «ориентация на быстрый успех (понимаемый как сочетание материального благополучия, финансовой независимости, высокой узнаваемости и возможности свободно проводить досуг)»[2]. Социологические исследования фиксируют ценностный кризис у российской молодежи, который обусловлен переоценкой культурных, этических и духовных ценностей поколения родителей[3].

Смене ценностных ориентаций и жизненных горизонтов известный социолог Рональд Инглхарт посвятил свое фундаментальное исследование[4]. Почти полвека назад он писал о том, что в индустриально развитых странах происходят трансформации, которые изменяют базовые ценности общества, а точнее ценностные приоритеты конкретных поколений. Первые эмпирические свидетельства подобного межпоколенческого сдвига были зафиксированы в 1970 году в странах Западной Европы в ходе социологических исследований, проведенных для проверки гипотезы о переходе от материалистических ценностей к ценностям постматериалистическим[5].

Согласно гипотезе Инглхарта быстрый экономический рост в развитых странах может привести к глобальным культурным сдвигам. После Второй мировой войны значительная часть населения в странах Западной Европы впервые стала ощущать гарантированность своего существования. В результате молодое поколение начало отдавать предпочтение таким новым целям, как возможность и свобода самовыражения, экологические условия жизни и т. п. От экзистенциальной необходимости выживания они перешли к свободе саморазвития и самовыражения. Это, в свою очередь, обусловило процесс межпоколенческого изменения ценностей, которое и трансформировало политику и культуру стран с высокими доходами[6].

Надежные эмпирические данные об изменениях базовых ценностей в развитых обществах сигнализируют о сдвиге от материалистических ценностей к постматериалистическим. Инглхарт подчеркивает, что экономическое процветание благоприятствует распространению ценностей постматериализма. Согласно его концепции каждое последующее поколение должно жить лучше в материальном плане, чем предыдущее. Поэтому оно будет ощущать бóльшую социально-экономическую безопасность и, следовательно, ориентироваться на реализацию социальных и духовных потребностей и ценностей постматериализма. Но процесс социализации молодежи предполагает, что изменение ценностей в обществе происходит не сразу, а постепенно за счет смены поколений[7].

Р. Инглхарт утверждал, что в последние десятилетия доминирующие ценности в высокоразвитых обществах сильно изменились, трансформируя многие культурные нормы, которые до этого сохранялись столетиями. Изменения ценностей, как он считал, могут преобразовать целые общества[8]. Многочисленные масштабные социологические исследования европейских ценностей (EVS) позволили построить своего рода картографические изображения распределения стран по признаку наиболее распространенной в них системе ценностей в зависимости от уровня экономического развития. Армения на этой карте оказалась расположена рядом с Грузией и Азербайджаном, в области стран с низким душевым доходом (см. рис.).

На рисунке видно, что Армения расположена ближе к ценностям выживания по оси *X* и к традиционным ценностям по оси *Y*. Россия тоже расположена ближе к ценностям выживания по оси *X*, но гораздо ближе к секулярно-рациональным ценностям по оси *Y*.

Заключение

Три десятилетия постсоветского развития сформировали новые геополитические и социально-экономические реалии. Но, несмотря на это, результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что современное армянское общество во многом остается традиционным. Основными кодами армянской идентичности являются: кровное родство, христианская вера, армянский язык, семья, национальная культура и национальное самосознание.

Однако наряду с этим результаты исследования свидетельствуют также о том, что часть традиционных ценностей испытывает заметную динамику во времени. Так, в группе молодых респондентов ценности, составляющие ядро армянской идентичности, менее акцентированы, чем у представителей старшего поколения. Это говорит о том, что армянская молодежь постсоветского периода постепенно отстраняется от ценностной системы родителей. Для постсоветской армянской молодежи важной характеристикой является самоидентификация, чтобы человек сам себя считал армянином. В то время как для старшего поколения важными остаются кровное родство (национальность родителей) и религиозная принадлежность.

[1] *Киракосян Р.* Свод принципов и ценностей для самоорганизации армянства // ИА Реалист : [сайт]. URL: https://realtribune.ru/svod-principov-i-cennostej-dlya-samoorganizacii-armyanstva?fbclid=IwAR1OeNqxW-k-CUcf210enbJpABHkIX4asKMBW_ZLzSyo0Rfh93rQW0lnhhI (дата обращения: 02.03.2023).

[2] *Белов С. И., Вантеевский М. М., Ярошева Д. В.* Ценностные предпочтения современной российской молодежи: результаты обобщения экспертных мнений // Политическая наука. 2023. № 2. С. 169. DOI: http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.07.

[3] *Луков В. А., Луков В. А., Захаров Н. В.* Ценностные ориентации российской молодежи // Знание. Понимание. Умение : [информ. гуманит. портал]. Социология. 2008. № 3. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/3/Lukovs&Zakharov/ (дата обращения: 28.02.2024).

[4] *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М. : Мысль, 2018.

[5] Там же. С. 38.

[6] Там же. С. 33.

[7] *Инглхарт Р.* Указ. соч. С. 38.

[8] Там же. С. 40.

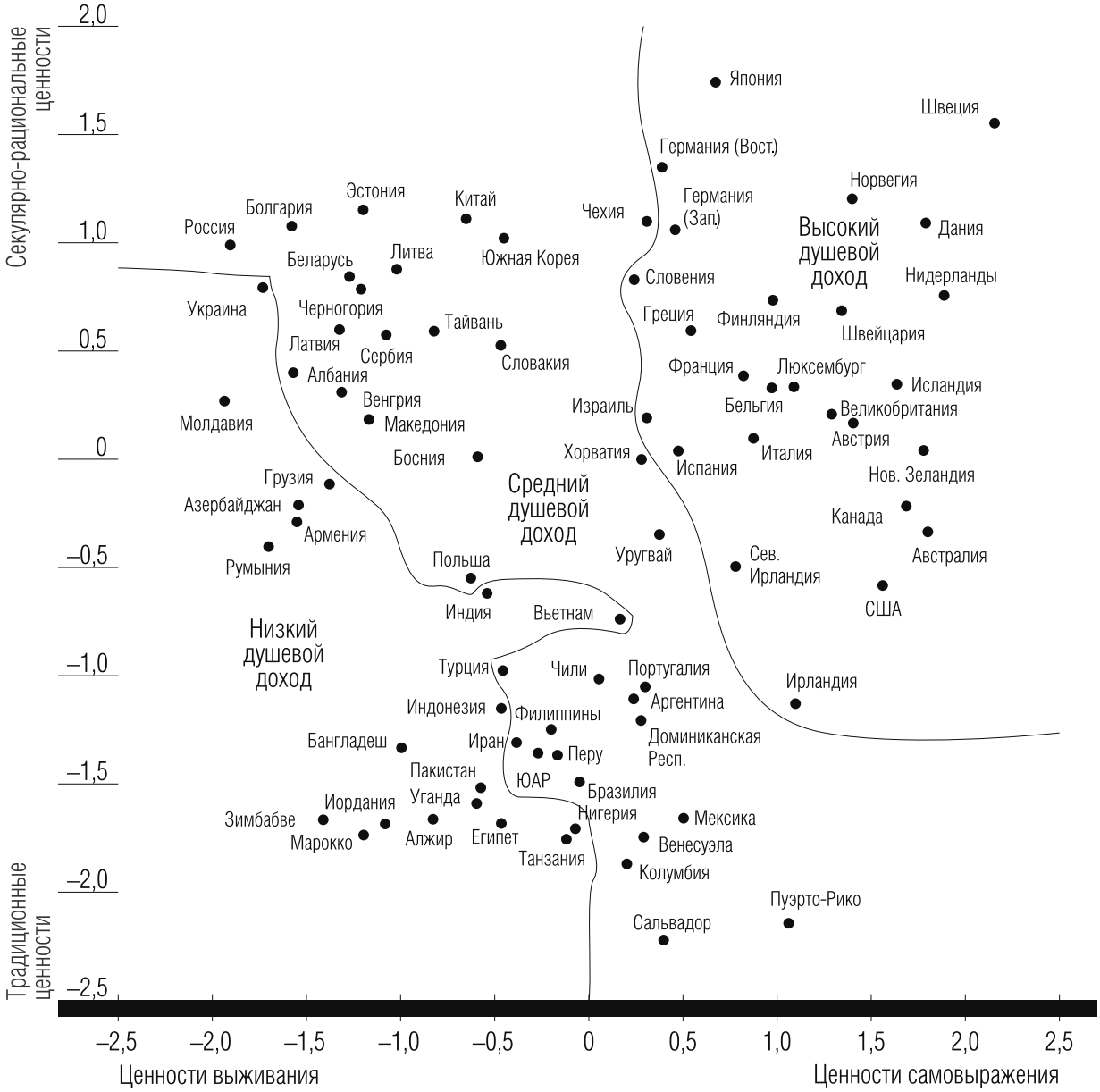


Рис. Система ценностей в зависимости от экономического развития (душевого дохода) стран: по горизонтальной оси *X* расположены в начале шкалы ценности выживания, а в конце — ценности самовыражения; по вертикальной оси *Y* расположены сначала традиционные ценности, а в конце — секулярно-рациональные ценности

Кроме того, представители старшего поколения чаще отмечали близость армян с русскими и грузинами, в то время как представители молодежи в большей степени указывали на близость с французами, греками и евреями. Различия во взглядах опрошенных мужчин и женщин оказались менее существенными, чем возрастные и поколенческие различия. Выявленная в общественном мнении устойчивость коллективных представлений говорит о том, что базовые национальные характеристики со временем мало меняются. Традиционные национальные ценности, такие как семья, работа, религия, друзья и знакомые, представляют довольно устойчивый элемент в структуре идентичности армян.

Г. А. Праздников[1]

ЖИЗНЕННО-НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА КАК ТРАДИЦИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Обсуждая предложенную тему, нельзя не зафиксировать внимание на двух важнейших государственных документах, утвержденных указами президента Российской Федерации: «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» (2022) и Концепция внешней политики Российской Федерации (2023). В Концепции Россия провозглашена «государством-цивилизацией».

О цивилизационном феномене нашего отечества каждый по-своему писали Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, О. Шпенглер, А. Тойнби, но в документе такого уровня эта формулировка прозвучала впервые. В Концепции вопросы культуры не были специально акцентированы, но самобытность любой цивилизации естественным образом устанавливается и подтверждается ее духовной традицией. Определяя особое положение России как «обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы», документ не просто постулирует некую максиму, но исходит из объективных историко-культурных реалий и констант. Наше отечество — многоязычное, многоконфессиональное государство, народы которого, не подавляя национального сознания и образа жизни, составляют единую цивилизационную общность, «цивилизацию цивилизаций» (С. Караганов) — уникальную открытую, многоэтническую, поликультурную. Расул Гамзатов говорил: «В Дагестане я аварец, в России — дагестанец, за ее пределами — русский». Носителями нашей цивилизационной идентичности выступают не только русские, принадлежность к ней определяется не кровью, а укорененностью в русской культурной традиции.

Заявив об отказе интегрироваться в глобализационные процессы и проекты с безусловным доминированием Запада, оговорив в Концепции свою самостоятельность, Россия с полным уважением полагает культурно-цивилизационное многообразие всех народов и их безусловное право определять свою судьбу. Наша страна, будучи давним экзистенциальным оппонентом Запада, не отрицает своей европейскости.

Надо сразу же оговорить нетождественность Европы и Запада. Современная Европа, заключенная в рамки Европейского союза и идентифицирующая себя с Западом, далеко не вся Европа, равно как Запад — синтез европейской и американской идентичности, в котором американская составляющая играет главенствующую роль. Россия — часть восточно-христианской цивилизации, носительница ее лучших культурных традиций. Вопрос, постоянно поднимавшийся Д. С. Лихачевым, «что мы взяли у других и что мы сами дали», неизменно получал у него вполне определенный ответ: для своего времени славянские культуры в известной части представляли собой итоги общеевропейского развития. А способность русской культуры, заимствуя многое, оставаться самой собой, только подтверждает ее мощь и самостоятельность. В своей университетской актовой лекции, прочитанной 19 мая 1993 года, Дмитрий Сергеевич говорил о Петербурге как городе не просто европейском, но «русско-европейском»: «Он самый русский среди русских и самый европейский среди европейских городов!»[2]

С истоков и до наших дней русская культура была диалогична по способу своего существования, обращалась к традициям мировой культуры, принимала их и творчески перевоплощала в решении своих задач (в отечественной философской литературе давно уже была отмечена неслучайность широкого и разнопланового обсуждения у нас проблемы диалога культур). Сколько безоглядно открытых признаний в неуемном желании русских войти в общение со всем миром: «всемирная отзывчивость Пушкина», «у русских две родины: наша Русь и Европа» (Ф. М. Достоевский); «мы любим все», «нам внятно все», «мы помним все» (А. А. Блок); «тоска по мировой культуре» (О. Э. Мандельштам). Эту особенность русского человека постоянно полагать, что где-то на стороне есть что-то ему недоступное, но непременно интересное и важное, И. А. Бродский не без юмора назвал «комплексом неполноценности», который, по его мнению, «есть великолепная вещь на каждом этапе существования»[3].

С особой очевидностью общность человеческой истории открылась в минувшем веке, когда впервые появилась возможность охватить единым взором культуры Большого времени и Большого пространства, хотя идея единства мира прокладывала себе дорогу на протяжении всей человеческой истории. В контексте современности обнаруживаются скрытые смыслы прошлого («вчерашний день еще не наступил» О. Э. Мандельштам). Вопрошающая мысль исследователя, впрочем, как и любого человека, непредвзято и живо обращенного к минувшему, обнаруживает в нем явления, пронизанные идеями защиты и утверждения человеческого в человеке, мечтами о преодолении хаоса и раздробленности бытия. Мы слышим живой человеческий голос в «мрачном» искусстве Средневековья и в художественных явлениях недавнего прошлого, привычно связанных в нашем сознании прежде всего с декоративностью формы, с конструктивной изобретательностью или разрушением эстетического канона. Ныне и в них мы переживаем утверждение красоты и света

[1] Заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств, кандидат философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Процесс художественного творчества», «Искусство и спорт», «Нравственный смысл художественного творчества», «Культура в пространстве жизни», «Эстетическая культура и эстетическое воспитание» (в соавт.). Почетный профессор СПбГУП.

[2] *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 207.

[3] За рубежом. 1991. № 46. С. 22.

либо трагическое постижение судьбы современного человека и человечества[1].

Один из крупнейших историков XX века Арнольд Тойнби просто и точно определил тягу людей друг к другу, позволяющую при всех страшных противоречиях времени существовать в едином мире как потребность пережить «*общую им человечность*»[2] (курсив мой. — *Г. П.*).

Попытки унифицировать многообразие мирового развития (*одна* культура, *одна* религия, *одна* философия) провальны и губительны. Один из самых неудачных прогнозов XIX века на грядущий XX — предполагаемое «умирание» наций, растворенных в «общем» человечестве. Национальная проблема не только не была снята, но оказалась одной из самых болезненных для XX века[3]. Ее острота не утрачена и с переходом в новое столетие. Чего стоит хотя бы такая угроза цивилизованному человечеству, как национализм и его чудовищное следствие — терроризм!

Планетарно осваивая мир, мы обнаруживаем *различия в явлениях внешне сходных и смысловое единство в различиях*. Мировая культура строится на базовых, фундаментальных смысловых основаниях человеческого бытия, отражая их и одновременно участвуя в *порождении и закреплении* этих смыслов[4].

«Общая человечность» — не абстрактно-теоретическое понятие. Она конкретно воплощена в духе любви, заключенном в разных религиях, в фольклорных параллелях, сущностной близости философских исканий, легком пересечении искусством государственных границ[5]. Человечность, воплощаемая, подтверждаемая и утверждаемая культурой, — нечетко очерченный теоретический термин. Скорее это концепт, в котором эмоциональный ореол не менее значим, чем понятийное умозаключение. В этой вполне «*определенной неопределенности*» — смысловое значение этого слова.

При всем функциональном различии культурных явлений и даже порой их непримиримой враждебности друг другу очевидна *объединяющая* функция культуры (в отличие от экономической или политической жизни). В этой ее жизненно-нравственной направленности, пожалуй, одна из важнейших характерных особенностей русской культуры, ее национальное своеобразие.

В недавнем интервью профессор Санкт-Петербургского государственного университета Игорь Евлампиев напомнил парадоксальный термин, предложенный для описания русского характера известным мыслителем русской эмиграции, православным священником Василием Зеньковским, — «*мистический реализм*»[6]. Если западное мировоззрение ориентировано на человека, встроенного в материальный мир и его ценности, удовлетворенного своим положением и живущего ради удовольствия, то человек русской культуры существует в горизонте духовных смыслов бытия, с верой в высшую действительность, с бесконечными поисками ответа на вопрос, ради чего он живет. Это душевное и духовное томление, конечно, несет в себе совершенно иное ценностное и смысловое содержание, чем обычное существование — даже вполне благополучное и комфортное.

Такую потребность соотносить миг с вечностью, человека со Вселенной, мир малый и большой, переживание значительности всего происходящего Д. С. Лихачев отмечает уже у древнерусского человека, строившего дом красным углом на восток, а после смерти уложенного в могилу головой на запад, чтобы лицом встречал солнце. «…Все значительно, все напоминает человеку о смысле его существования, о величии мира и значительности в нем судьбы человека»[7].

Кто не помнит строчку из «Сумерек» Ф. И. Тютчева: «Все во мне, и я во всем!»? Современный российский писатель Ф. Искандер завершает свои рассуждения о необходимости тайны в искусстве словами: «Но это тайна соприкосновения с вечностью, а не секрет изощренного мастера»[8].

Конечно, тут же можно припомнить строку из знаменитого четверостишия англичанина У. Блейка: «В одном мгновенье видеть вечность…», но ни эта строка, ни самые многочисленные и разнообразные примеры сходства миропонимания и миропереживания художников и мыслителей разных стран не исключают своеобразия искусства русского, английского, японского… Если бы не было взаимоподобия культур, невозможны были бы их взаимовлияния, у одной культуры просто не было бы потребности заимствовать что-то у другой. Романисты Запада обращались к тем же нравственным проблемам, что и наши литераторы, но возможности художественного воплощения драматической противоречивости человека и его жизни нигде не были явлены с такой силой, глубиной, масштабностью, как в русской литературе. Эта несомненная уникальность жизненно-нравственной силы русской культуры явственно осознается и переживается многими художниками мира.

Устами героя ранней новеллы «Тонио Крегер» Т. Манн называет русскую литературу «святой», и сам писатель такое отношение к ней пронес через всю свою жизнь. Читательский восторг и преклонение вызывают у нас великие литературы Англии, Германии, Франции, но «святая английская» или «святая французская» литература — непроизносимые словосочетания.

---

[1] См.: Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации : XIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 16–17 мая 2013 г. СПб. : СПбГУП, 2013.

[2] Диалог историков. Переписка А. Тойнби и Н. Конрада // Новый мир. 1967. № 7. С. 177. Хочется процитировать (по памяти, но с гарантией точности) «Дневник» Ф. Кафки: «Все хорошие люди Земли идут в ногу, а другие этого не знают и пляшут вокруг них танец эпохи». Эта фраза может быть развернута в большой философский текст, но, боюсь, что при этом она утратит смысловой простор, возможный именно в таком простодушном изложении.

[3] См.: Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016.

[4] См.: Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации : XIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 16–17 мая 2013 г.

[5] См.: Диалог культур в условиях глобализации : XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. Т. 1 : Доклады. СПб. : СПбГУП, 2012.

[6] *Евлампиев И.* Россия и Запад: война миров // Аргументы недели. 2023. № 39. С. 3.

[7] *Лихачев Д. С.* Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л. : Наука, 1985. С. 79.

[8] *Искандер Ф.* Поэты и цари. М. : Правда, 1991. С. 62.

Пытаясь вспомнить всех, кто оказал влияние на его жизнь и работу, Э. Хемингуэй составляет длинные списки писателей, живописцев, композиторов разных эпох и стран — у них он учился «видеть, слышать, думать, чувствовать, писать»[1]. Однако обостренный интерес к нравственным задачам литературы, освоение возможностей воплотить на ее страницах сложнейший экзистенциальный мир он связывает со школой русских писателей: «Сначала русские, а потом все остальные. Но долгое время только русские»[2].

Жизненно-нравственное назначение искусства — постоянный сюжет размышлений русских художников в дневниках, письмах, порой в многостраничных трактатах — достаточно вспомнить «Что такое искусство?» Л. Н. Толстого. Обсуждая проблемность искусства в статье «Три вопроса», из постоянно возникающих перед художником вопросов (что, как и зачем?) А. А. Блок особо выделяет третий: «Зачем?». «…Самый соблазнительный, самый опасный, но и *самый русский* (курсив мой. — *Г. П.*) вопрос», где речь идет «о долге, о должном и не должном в искусстве», и «не об одном искусстве, а еще и о жизни»[3].

Такой текст был бы совершенно естественным у Белинского или Добролюбова, но Блок публикует свою статью в 1908 году, когда идет упорный, настойчивый процесс артификации не только культуры, но и самой жизни, которая должна, согласно теургической идее, превратиться в некий художественный акт.

«Единство обымания», «единство ответственности» (М. М. Бахтин) искусства за жизнь, а жизни за искусство — вот нравственное основание творчества. Художник и творчество — средоточие глубинных внешних и внутренних связей искусства и жизни. Искусство — *о жизни* и одновременно само *есть жизнь*, безотносительно к тому, в жизнеподобной или абстрактно-выразительной форме оно предстает. Творческий процесс есть жизнепроживание — конечно, особое, но непременно жизнепроживание, отражающее и воплощающее наш прежний экзистенциальный опыт и одновременно открывающее новые слои и уровни жизни. Вспомним М. Хайдеггера: бытие нельзя увидеть, его можно только *испытать*. Искусство и творчество открывают эту возможность. Микрокосм искусства неотделим от макрокосма жизни и мегакосма Мира.

Русская культура в высшей степени серьезна. Серьезна без назидательной угрюмости и натужной глубокомысленности — она любит шутку, иронию, «прикол»: Бахтин справедливо говорил об односторонней серьезности как характеристике догматических культур. Однако она ясно понимает важность и значительность своих задач в контексте целого. В первой фразе знаменитой речи Блока «О назначении поэта» звучат замечательные слова: «Веселое имя Пушкин»[4]. Чеховеды обратили внимание: ни в одном из 4,5 тыс. чеховских писем нет слова «творчество»: «нацарапал», «накарябал», «набросал»… При почти полном отсутствии специальных искусствоведческих оценок писатель использует широкий спектр внеэстетических понятий: честность, мужество, сострадание, искренность, цинизм, совесть, свобода, смелость, пошлость, робость… И. Ф. Стравинский не выносит «расхожее» слово «гений»: «…Испытываю мучения, натыкаясь на него в жизнеописаниях»[5]. С полной убежденностью, неопровержимо удостоверенной собственным творчеством, А. П. Платонов призывает писать «не талантом, а человечностью — прямым чувством жизни»[6]. Книга С. М. Слонимского о композиторском творчестве (ремесле!) начинается и завершается рассуждениями о нравственности, ее незыблемости, о губительности для музыканта этической индифферентности[7].

Сам художник и его жизнь выступают феноменами культуры. Удивительное интимно-близкое отношение русских людей к Пушкину. Экстраординарное духовное воздействие личности Толстого на сознание современников. Чехов, воспринимаемый не только как автор текстов, но и как некий мир интеллигентности, вошедший в самою жизнь. Шостакович — моральный пророк, прожитая и явленная музыкой судьба которого — средоточие нашей общей судьбы. В русской культуре профессиональная роль и человек жизни нераздельны, притом что его повседневное бытие далеко не всегда отвечает нормам «хорошего поведения».

Открыто и декларативно провозгласив в «Пророке» творчество как следование «гласу Бога», направляющего и управляющего поэтом, в следующем году Пушкин пишет антиромантическое стихотворение «Пока не требует поэта…». Художник понимается как «человек среди людей». Пока Аполлон «не требует поэта к священной жертве», может быть, «среди детей ничтожных мира» он «всех ничтожней». Поэтому ему открывается жизнь в тех глубинных смыслах и противоречиях, которые не разглядеть из заоблачных высей. Откровение дается («Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснется, / Душа поэта встрепенется») не в силу положения внизу или наверху, а потому, что — Поэт. Человек жизни и человек творческий неразделимы.

«Этот человек не потому был величайшим пианистом, что играл на рояле так, как он играл, а потому, что он был тем самым Рихтером, той личностью, для которой рояль лишь средство выразительности. Он гораздо крупнее понятий о рояле и вообще о музыке». Замечательно, что эти слова принадлежат не философу, не музыковеду, а коллеге — выдающемуся альтисту Юрию Башмету[8].

Когда-то Д. С. Лихачев в одной из статей обронил слова «о стыдливости формы» в русском искусстве. В самом деле — мало закрученных сюжетов, почти нет афористических фраз, обилия ярких метафор. Кажется, этот эстетический аскетизм сильно корректируется абсолютным художественным совершенством Пушкина. Но вот ведь что — о мастерстве (потрясающем!) Пуш-

[1] См.: Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г.

[2] *Хемингуэй Э.* Собрание сочинений : в 4 т. М. : Худож. лит., 1982. Т. 4. С. 238.

[3] *Блок А.* Об искусстве. М. : Искусство. 1980. С. 95, 96, 98.

[4] Там же. С. 152.

[5] *Стравинский И. Ф.* Диалоги. Л. : Наука, 1971. С. 217.

[6] *Платонов А.* Деревянное растение. Из записных книжек. М. : Правда, 1990. С. 10.

[7] *Слонимский С. М.* Мысли о композиторском ремесле. СПб. : Композитор, 2006. С. 3, 23.

[8] Московские новости. 1997. № 31. С. 4.

кина как-то неловко говорить. Его гений живет совсем в других измерениях…

Смысл искусства (во всяком случае — в русском его понимании) коротко и ясно сформулировал Блок в знаменитой уже цитированной Пушкинской речи: «Внести гармонию во внешний мир»[1]. Эта трудная работа определяет лишь вектор усилия. Задача, осуществление которой никогда не возможно решить полностью, требует «всего человека», а не только «мастера стиля». В этом целостном процессе творчества — жизнепроживания — неразрывны отношение художника к миру и к самому себе, ответственность перед искусством и жизнью, сотворение произведения и собственной судьбы, следование неизбежной логике истории и единоборство с ее обстоятельствами…

Возможно, в этих словах слишком много нравственных наставлений «извне искусства», в них явно присутствует доминанта этического пафоса творчества («мессианистического безумия», как выразился один московский философ). Возможно. Но абсолют совести породил великую русскую литературу, отнесенную знаменитым французским поэтом, критиком, моралистом Полем Верленом к «трем чудесам света»: Античность, европейское Возрождение, русская литература XIX века[2].

Сохранение, укрепление, осмысление жизнетворческой традиции русской культуры значимо не только для понимания национального своеобразия отечественного бытия, но и как важный шаг в постижении человека и его мира. Мира не только в приватном, но и в самом широком общечеловеческом смысле. В этом его толковании нет никакого цивилизационного высокомерия по отношению к другим культурам.

Важно еще то, что традиция не тождественна традиционализму, ортодоксальному воспроизведению прошлого. Она всегда диалогична, избирательна, вызвана из бесконечного по своим потенциальным возможностям минувшего новыми творческими задачами, потребностями настоящего и будущего.

Однако и наше прошлое требует куда более глубокого понимания. Сегодня актуальнее, чем в момент написания, звучат слова замечательного русского мыслителя Г. П. Федотова: «Культура творится в исторической жизни народа. Не может убогий, провинциальный исторический процесс создать высокой культуры. Надо понять, что позади нас не история города Глупова, а трагическая история великой страны — ущербная, изувеченная, но все же великая история. Эту историю предстоит написать заново»[3] («Лицо России», 1918 г.).

Осмысление наших традиций сегодня — жизненно важная задача, далеко выходящая за границы искусства.

Е. С. Протанская[4]

КУЛЬТУРА ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ ВРЕМЕНИ ПЕРЕМЕН В КОНТЕКСТЕ ЕДИНСТВА НАЦИИ

Обращаясь к вопросу о культуре памяти, большинство исследователей соглашаются, что культура — это система ценностей, определяющих восприятие и оценку людьми реальности. Культурная память представляет противоречие системы ценностей — полюсов старого и нового. Памятники археологии, антиквариат, классика отражают следы древних цивилизаций, предметов прошлого, шедевров искусства, что обеспечивает их историческую или художественную ценность. Они представляют пути развития общества, восполняют лакуны в истории науки, искусства, производств, сохраняют следы утраченного со временем. В определенном смысле — чем древнее артефакт, тем он значимее для историков и безразличнее для моралистов. Возможно, на древних фресках, в могильниках сохранились и следы подвигов праведников, и орудия злодеев своего времени. На другом полюсе — актуальное: инновации, мода, IT-технологии, ценность которых в новых возможностях, красоте, прогрессе, перспективах. Из них большинство столь же сиюминутны, сколь и в определенном смысле бесценны. Новый гаджет будет заменен новейшим, популярная группа канет в Лету, как и другое, заслужившее множество лайков в Сети… На обоих полюсах — связь со временем, обусловленность оценкой с позиции текущего момента.

Понятия исторической и культурной памяти, памяти «справедливой» являются предметом дискуссий, зачастую яблоком раздора, разделяя общество, народы, становятся причинами конфликтов поколений. П. Рикер, назвавший свою книгу «Память. История. Забвение», мотивирует ее написание тем, что своим гражданским долгом он считает изучение темы политики «справедливой памяти», поскольку его «не перестает волновать положение дел, когда в одном случае слиш-

[1] *Блок А.* Указ. соч. С. 154.

[2] См.: *Иванов Г.* Собрание сочинений : в 3 т. М. : Согласие, 1994. Т. 3. С. 456.

[3] *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. СПб. : София, 1991. Т. 1. С. 44.

[4] Профессор кафедры психологии и педагогики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 203 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Ценности и детерминанты психологического здоровья субъектов образования» (соавт. и ред.), «Культура и этика профессиональной деятельности: история и современность» (соавт. и ред.); учебников и учебных пособий: «Профессиональная этика. Моральная пропедевтика делового поведения», «Профессиональная этика психолога», «Биоэтика» (ред. и соавт.); статей в научных журналах «Георгий Победоносец как символ русской ментальности», «Феномен Антона Макаренко в культуре XX века. К 130-летию со дня рождения», «Поликультурное образование в системе ценностей современного мира» и др.

ком увлекаются вопросами памяти, в другом — забвения и… не говорят о значении поминания и о злоупотреблениях памятью или забвением»[1]. Упоминание справедливости — важное указание на социальную ценность памяти и забвения.

Социальный прогресс и демократические преобразования с этических позиций неизменно оцениваются в отношении социальной справедливости — гуманного распределения и воздаяния. В заботе о распределительной справедливости страны устанавливают стандарты минимальной оплаты труда и пособий безработным, инвалидам, семьям с детьми и т. д. В воздающей (наказующей) справедливости законодатели приходят к отказу от смертной казни и пожизненного наказания для несовершеннолетних, к установлению вольного или невольного причинения вреда, степени виновности и меры наказания за нее, уточняют классификации мотивов поведения, при этом определяется значение и срок давности вины, и мотивы, и вменяемость вины обвиняемому.

Известно, что во все времена в разных странах, в том числе и в России, вопросы социальной (распределительной) справедливости в конечном счете и являются рычагами для наступления эпох перемен, которых на памяти нынешних поколений уже было несколько. И сегодня многие «бархатные революции» совершены народами, большинство в которых пытались разозлить извне, показав «наворованное», предложить избавиться от коррупционеров, скомпрометировать власть и ее институты, избрав новую, и в итоге разделить и страну, и народ, разрушить доверие, ценности. «Борьба за справедливость», как правило, приводила к навешиванию ярлыков, оживлению криминала, переделу собственности, переоценке ценностей и в конечном счете к хаосу. И каждой раз идеологи перемен предлагали во имя справедливости что-то вспомнить, а что-то поскорее забыть. Становится общепризнанным, что «сегодня в большинстве обществ одним из самых священных императивов стал императив памяти. Мы убедились, что память о прошлом и его последствиях, а также увековечивание коллективной исторической памяти являются одним из важнейших моральных обязательств человечества»[2]. Вместе с тем эпохи перемен искали опоры в прошлом, в чем-то были открытием забытого, чаще — «преданного забвению» пласта прошлого (в том числе разрушенного прежними переменами) и связанных с ним событий, имен, явлений общественной и личной жизни.

Так революция 1917 года, отвергнув наследие царизма, возвеличила Пугачевский бунт, Парижскую коммуну, восстание декабристов, оправдав разрушительную мощь толпы, «разруху в головах». Во имя торжества идеологии государства рабочих и крестьян были отвергнуты законы, охраняющие неприкосновенность личности, права собственности, свободу вероисповеданий. Надо было забыть русских царей, духовных лидеров и предводителей многих народов, министров, генералов, промышленников, ученых и писателей, не признававших идей революционного переустройства или имевших дворянское происхождение.

Постепенно, со временем разрушения были «оправданы» утверждением ценности труда, в особенности физического, значимости образования, ставшего бесплатным, науки. В короткие сроки была ликвидирована массовая безграмотность, а просвещение народов всех республик стало культурной политикой.

Трагическое различие воспоминаний в эпохи перемен разобщало и разобщает российское общество и заставляет задуматься о роли памяти и забвения. Дата Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, в корне изменившей жизнь России, ставшей главным событием года в стране в течение трех четвертей века, перестала сегодня отмечаться, она как бы забыта. То есть этот опыт со всеми его противоречиями как бы «списан», отправлен в архив.

Урон, наносимый забвением, бывает не менее тяжелым, чем разрушение старого уклада. Перестройка 90-х позволила вспомнить о Боге, о неправедности расстрела царской семьи, кое-кого — о своих дворянских, купеческих, пастырских корнях, спекулянтов назвать предпринимателями… Но заставила забыть про «чувство коллективизма», «загнивание капитализма», про «пролетарский интернационализм», было реабилитировано «преклонение перед Западом» («О, Америка!»). Стали забываться слова «трудящийся», «товарищ», перестали цениться трудовые достижения, социальные гарантии, стало модно хотеть «стать миллионером». Забыты были и идеи русских философов, «неудобные» на данный момент. А между тем в эпохи перемен именно мысли мудрецов, возвращающих к урокам истории, не менее ценны, чем новые песни. «Чем, как не подвижничеством, была вся история нашего народа, сдавившей его сначала татарщиной, затем московской и петербургской государственностью, с этим многовековым историческим тяглом, стоянием на посту охраны западной цивилизации и от диких народов, и от песков Азии, в этом жестоком климате, с вечными голодовками, холодом, страданиями»[3]. Размышления С. Булгакова и других веховцев не утратили актуальности, потому что выстраданы болью за свою Родину: «Если народ наш мог вынести все это и сохранить свою душевную силу, выйти живым, хотя бы и искалеченным, то это лишь потому, что он имел источник духовной силы в своей вере и в идеалах христианского подвижничества, составляющего основу его национального здоровья и жизненности»[4]. Противопоставляя подвижничество героизму, С. Булгаков и другие веховцы утверждают ценности созидания, противопоставляя их разрушению и хаосу.

Отношение к прошлому в настоящем порождает не только социальное расслоение, но и социальную разобщенность, разлад, грозящий сепаратизмом, «утечкой мозгов» и капиталов, растерянность молодого поколения, не находящего опоры в идеалах патриотизма и уважения старших… Многие конфликты, происходящие сегодня в мире, спровоцированы мотивом ме-

[1] *Рикер П.* Память. История. Забвение. М. : Изд-во гуманит. лит., 2004. С. 14.

[2] *Рифф Д.* Культ памяти: когда от истории больше вреда, чем пользы. URL: http://www.gefter.ru/archive/17958 (дата обращения: 03.03.2024).

[3] Героизм и подвижничество. URL: http://www.vehi.net›vehi/bulgakov.html (дата обращения: 03.03.2024).

[4] Там же.

сти, связанным с памятью. Но отрицание настоящего, оценка прошлого во имя перспектив будущего не должны рождаться из руин, «на костях и крови», из пепла жертв отмщения.

Уничтожение памятников советским воинам-освободителям от фашизма в странах Восточной Европы, рожденное «переменами» в отношении к России и русским, русофобия на Украине, конфликт в отношениях между Арменией и Турцией, Азербайджаном и Арменией, месть и джихад, объявленный ИГИЛ[1] за действительные и мнимые обиды прошлого, — в определенном смысле использование переоценки прошлого в качестве поводов для конфликтов, в ходе которых проливается кровь.

Единство нации, создаваемое синхронными и диахронными связями, обеспечивающими единство территориальной целостности и единство культурной межпоколенной идентичности, поддерживается не только взаимоуважением населения различных регионов, но и общностью ценностей, связывающих прошлое и настоящее. Неслучайно в разных культурах и религиях присутствует день прощения — Прощеное воскресенье у христиан, в Ураза-байрам у мусульман. Справедливость воспоминаний предполагает и пагубность злопамятности, то есть игнорирования опыта примирения, забвения обид предками и предпочтения отмщения и наказания потомками. Память культурная — коллективный опыт этноса, нации, выстраданная и осмысленная система ценностей во имя единства. «Это и есть историческое преемство. Оно состоит в том, что достояние одного поколения, материальное и духовное, передается другому. Средствами передачи служат наследство и воспитание»[2].

Е. В. Радевич[3]

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Современная цивилизация вступает в качественно новый этап своего развития, демонстрируя тенденции, свидетельствующие о радикальных изменениях в современной реальности. Трансформации, свидетелями которых мы становимся сегодня, наглядно демонстрируют, что модель мира, которая утвердилась на рубеже 1980–1990-х годов, перестает быть жизнеспособной. Глобализационный тренд развития мировой цивилизации меняется от ярко выраженной конвергенции и единообразия к регионализации и полицентризму.

Анализируя актуальные тенденции современной социодинамики, можно выделить следующие из них.

Современная социокультурная ситуация демонстрирует наиболее приемлемый способ взаимодействия — *полилог* культурных традиций, то есть равное партнерство и кооперативное взаимодействие. В этом проявляется идеология полицентризма мирового сообщества, которая находит поддержку среди многих исследователей. В то же время нельзя не отметить, что сегодня наблюдается однозначный перевес в сторону западных приоритетов, которые часто навязываются незападным регионам, даже если преподносятся как идеалы правильного образа жизни и универсальной системы ценностей. Такая экспансия вестернизации вызывает резкое неприятие со стороны других регионов мира. Более того, вестернизированный образ жизни и мышления в условиях глобализации чаще всего превращается в американизацию. США, пользуясь своим экономическим лидерством, стремятся закрепить это положение на политической арене и в сфере культуры. Экстраполируя по всему миру свой образ мышления, идеалы консьюмеризма и ценности массовой культуры, американская идеология целенаправленно насаждается остальной части мирового сообщества с целью укрепления за США статуса глобального гегемона в политической, экономической, ценностной и идеологической сферах общественной жизни. Тем не менее можно с уверенностью отметить, что сегодня все чаще наблюдаются явления локализации и проявления партикуляризма, что свидетельствует о том, что формирование монокультурного мира — сильно преувеличенная абстракция.

Следующая тенденция, которая логически вытекает из предыдущей, — постепенное нивелирование национальных культурных особенностей, ценностей и обычаев, составляющих основу культурной традиции. Разрушение традиции — одно из самых существенных негативных последствий глобальных социокультурных изменений. Без опоры на традицию как главный механизм сохранения и трансляции социокультурного опыта теряется способность к воспроизводству культуры[4].

П. Шнайдер, анализируя основные тренды глобализации, обратил внимание на «культурную модер-

[1] Запрещенная на территории РФ.

[2] *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Сочинения : в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 41.

[3] Доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета, кандидат философских наук. Автор 50 научных публикаций, в т. ч.: «Культурно-информационное пространство и дивергенция современных обществ», «Концепт „культурно-информационное пространство“ и опыт глобального моделирования в социогуманитарном познании», «Основные тенденции социодинамики культуры в трансформирующемся дискурсе глобализации», «Дивергенция современных обществ как результат интегрального взаимодействия информационно-коммуникационных технологий и процессов глобализации», «Сохранение национально-культурной идентичности в условиях глобализации», «Синергетическое единство культуры и ИКТ в условиях современной социодинамики», «Антропологическое измерение развития высоких технологий и эпоха постгуманизма» и др.

[4] *Фролова (Радевич) Е. В.* Социокультурные приоритеты глобализации и информационные технологии в современных обществах // Учен. зап. Тавр. нац. ун-та. Сер. «Философия. Социология». 2008. Т. 21, № 1. С. 270–274.

низацию», которая усиливается экономической глобализацией и широким распространением телекоммуникационной инфраструктуры, а также ведет к постепенной маргинализации традиционных культур. Предрекая их исчезновение до конца XXI столетия, П. Шнайдер отмечает: «Дети традиционных обществ растут в западной одежде, едят западную еду, слушают западную музыку и (что самое главное) думают западные мысли»[1].

Следующая характеристика глобальных изменений в культуре связана с ее унификацией в связи с использованием английского языка как языка глобальной коммуникации — научной, культурной, политической. С одной стороны, это способствует международному диалогу и позволяет избежать эффекта Вавилонской башни, с другой — таит в себе определенного рода опасности, поскольку язык является носителем и транслятором социальных и культурных кодов, традиций и национального характера, специфики общественного сознания и восприятия мира. Именно посредством языковых структур задаются понимание и семантическая интерпретация мира в границах национального и культурного менталитета. Происходит трансформация национальных языков под действием единого глобального средства коммуникации[2]. Большинство современных научно-технических изобретений, компьютерных программ, электронных и сетевых ресурсов выпускаются на английском языке, международные политические переговоры, научные и культурные конференции также ведутся на английском языке, который становится универсальным средством глобальной коммуникации. Происходит трансформация национальной специфики мышления[3].

Глобализация в сфере культуры повлекла за собой смещение между элитарной и массовой культурами с явным преобладанием последней. Массовая культура, тиражируемая глобальными СМИ, благодаря своей простоте и доступности становится механизмом культурной экспансии и культурного империализма, пропагандирующих преимущественно американские ценности. Становясь фундаментом глобальной транснациональной культуры, массовая культура усиливает стандартизацию и унификацию мирового сообщества. «Массовая культура характеризуется всеобщностью, охватывающей широкую срединную часть современного общества, затрагивая тем или иным образом и состоятельную элиту, и маргинальные слои»[4].

Еще одной, весьма пугающей тенденцией становится кризис механизмов идентификации, который является следствием разрушения национальных и культурных особенностей под действием процессов унификации и гомогенизации. Потеря идентичности ведет к маргинализации, усилению партикулярных тенденций и нарушению фундаментальных связей в культуре. Кризис идентичности затрагивает все ее возможные индивидуальные и групповые формы — начиная от национальной и этнической вплоть до такой формы идентичности, которая всегда мыслилась как примордиальный феномен, — гендерной принадлежности. Во многих европейских государствах стало нормой гендерное самоопределение, более того, даже гендерная неопределенность, связанная с разрешением ставить в паспорте пол «Х». Появляется новый вид гендерной идентичности, который называют третьим полом.

Проблема самоопределения человека или даже целой группы людей также очень остро встала на постсоветском пространстве. После распада СССР транзитивным обществам предстояло обрести свое политическое и культурное самоопределение. Становление глобального мирового сообщества продиктовало определенные условия для стран переходного периода, которые также не могли избежать влияния идеологии консьюмеризма и массовой культуры. Новая форма гражданской идентификации «замещается феноменом так называемого „культурного гражданства“, основанного на общности потребления, — отмечает Н. Стивенсон. — Сегодня гражданство оказывается в меньшей степени связанным с формальными правами и обязанностями и в большей — с потреблением экзотических продуктов, голливудских фильмов, популярной музыки или австралийских вин. Исключение из потребления этих продуктов означает исключение из гражданства в западном обществе»[5].

Для так называемых транзитивных обществ весьма актуальным на сегодняшний день становится построение своей модели развития, аккумулируя опыт западных стран. Страны переходного типа, к которым относится и Беларусь, постепенно меняют свои ценностно-мировоззренческие ориентации, приоритеты социокультурной динамики под влиянием процессов глобальных трансформаций. Поэтому первостепенная задача для них на сегодняшний день — вписаться в формирующееся глобальное социокультурное пространство, избежать вытеснения на культурную периферию, но в то же время сохранить свою собственную уникальность и не раствориться на культурологической карте мира. Для реализации данной задачи транзитивные страны должны опереться на традицию как важнейший механизм сохранения и трансляции социокультурного опыта. Только в этом случае общества переходного типа смогут вплести свое специфическое содержание в общую ткань всей мировой культуры, не потеряв собственной аутентичности, то есть реализовать «глокальный» сценарий развития, в рамках которого мы сможем говорить о единстве многообразия,

[1] *Snyder P. D.* Five meta-trends changing the world // Futurist. 2004. Vol. 38, № 4. P. 23.

[2] *Радевич Е. В.* Основные тенденции социодинамики культуры в трансформирующемся дискурсе глобализации // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2019. № 3. С. 41–46.

[3] *Радевич Е. В.* Изменение механизмов идентификации в условиях глобальных социокультурных трансформаций // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке : сб. ст. X Всерос. с междунар. участием очно-заоч. науч. конф. / под общ. ред. Н. Д. Субботиной, Ю. В. Гавриловой, М. В. Приваловой. Чита, 2019. С. 219–231.

[4] *Ерасов Б. С.* Социальная культурология : учебник. 3-е изд., доп. и перераб. М. : Аспект Пресс, 2000. С. 412.

[5] *Стивенсон Н.* Глобализация, национальные культуры и культурное гражданство // Глобализация: контуры XXI века : реф. сб. : в 3 ч. / редкол.: Ю. Н. Игрицкий (отв. ред.) [и др.]. М., 2004. Ч. 3. С. 5.

а не о тотальной унификации мирового культурного целого[1]. В связи с данным обстоятельством появление и функционирование таких объединений, как БРИКС, становится площадкой для диалога культур и цивилизаций с учетом уникальных особенностей каждого участника и позволяет сохранить культурные особенности стран — участниц данной организации. Не случайно статус данного объединения от экономического и политического со временем трансформировался и в культурное как альтернатива глобальной вестернизации и американизации.

В условиях перманентной межкультурной коммуникации развивающиеся страны рискуют утратить свою культурную идентичность и остаться в статусе источника сырья или рынка сбыта продукции более развитых регионов. Несмотря на то что полная утрата экономической независимости может иметь негативные последствия для менее развитых стран, в то же время потеря культурной самобытности будет иметь более серьезные и фундаментальные последствия. Глобализационные изменения мирового социального пространства неизбежно ведут к трансформации культурной традиции, которая базируется на укоренившейся системе ценностей. Изменение системы ценностей в самобытных культурах влечет за собой изменение мировоззренческих установок и привычного жизненного уклада. Чаще всего навязывание западных приоритетов и жизненных стереотипов представляет собой «мирную» культурную интервенцию и влечет за собой возрастающее недовольство остальных представителей мировой цивилизации, которые чувствуют за этим скрытую угрозу существованию своей аутентичной культурной традиции. Национальная и культурная идентичности по-прежнему остаются фундаментальными формами самоопределения человека, даже на фоне тенденции к космополитизму, поскольку определяют ментальные и психологические особенности отдельной личности и народа в целом[2].

Все вышеперечисленные характеристики современных глобальных социокультурных трансформаций наглядно демонстрируют сложность и противоречивость этих процессов. На фоне становления глобального экономического, политического и социокультурного пространства наблюдаются обратные тенденции, которые свидетельствуют о том, что сближение мирового сообщества часто носит весьма условный характер. Но если в торгово-финансовом секторе и политической сфере глобализационные процессы способствуют усилению единства и взаимосвязи между людьми, то в сфере культуры это часто приводит к замещению традиционных, устоявшихся форм культуротворчества иными, зачастую эпатажными, недолговечными и не содержащими глубинных смыслов аксиологическими и символическими формами духовной культуры. Это ведет к упрощению, архаизации, стагнации или в крайнем варианте — к разрушению и исчезновению культуры[3].

В. С. Сайганова[4]

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ: К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Современный мир характеризуется не только усилением глобальных рисков и угроз, но и нарастающим социокультурным дисбалансом, где социальные, политические и культурные конфликты, охватившие в последние годы мир, поражают своей агрессивностью и масштабностью. Рост терроризма, межэтнической и межконфессиональной напряженности в предельной степени обострил проблему поиска путей преодоления данной тенденции и создания условий устойчивого развития мирового сообщества, возвращая актуальность диалогу как адекватному способу решения проблем. Диалог культур и цивилизаций как способ достижения и поддержания социально-политического, экономического равновесия и путь последовательной гуманизации принципов международной деятельности выступает в качестве единственной альтернативы нарастающей конфликтности[5].

В общем виде диалог культур и цивилизаций — это совокупность взаимодействий, отношений и связей, которые складываются между различными культурами и цивилизациями, а также система результатов их взаимодействий, а именно взаимных изменений, которые возникают в ходе таких отношений. Данные изменения являются именно взаимными, обоюдными, что представляет собой принципиальное отличие диалога культур и цивилизаций от форм экономического, культурного или политического сотрудничества[6].

[1] *Радевич Е. В.* Глобализация и вызовы современной цивилизации // Молодежь в XXI веке: философия, психология, право, педагогика, экономика и менеджмент : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 7 декабря 2016 г. / под науч. ред. И. А. Симоновой, Д. М. Никифоровой. Екатеринбург, 2016. С. 207–209.

[2] *Радевич Е. В.* Изменение механизмов идентификации...

[3] *Радевич Е. В.* Основные тенденции социодинамики культуры…

[4] Декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч.: «Экспериментальная методология социально-гуманитарного познания: эпистемологический аспект», «Социально-гуманитарное образование в условиях современных информационных вызовов», «Минская философско-методологическая школа: истоки и современное состояние», «Историческая эпистемология: истоки и современное состояние», «Философы БГУ и философы России: грани сотрудничества» и др.

[5] *Лещинская И. И.* К проблеме формирования субъекта межкультурного диалога // Диалог культур в эпоху глобальных рисков : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 17–18 мая 2016 г. Минск : РИВШ, 2016. С. 55–57.

[6] *Можейко М. А.* Диалог культурных традиций как инструмент реализации эволюционного потенциала культуры // Диалог культур в эпоху глобальных рисков : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 17–18 мая 2016 г. Минск : РИВШ, 2016. С. 57–60.

Внимание к проблематике диалога культур и цивилизаций возникло в гуманитарных науках еще в XX веке преимущественно под влиянием развития философской герменевтики, в рамках которой диалог понимался как взаимодействие между коммуницирующими сторонами, в результате которого происходят понимание и взаимопонимание.

В современной гуманитаристике диалогическое понимание культуры сложилось в работах М. Бубера, М. М. Бахтина, В. С. Библера и др. В рамках диалогического понимания культура возможна только тогда, когда существует ее диалогическое взаимодействие с другими культурами в различных аспектах:

— диалог общества и природы (экологический аспект);

— диалог настоящего и прошлого (исторический аспект);

— диалог между различными науками (междисциплинарный аспект);

— диалог между различными субъектами (психологический и коммуникационный аспекты);

— диалог в образовании (педагогический аспект);

— диалог между государствами (политический и экономический аспекты);

— диалог между человеком и Богом (религиозный аспект) и т. п.[1]

Онтологические основания диалога культур и цивилизаций были эксплицированы в философской мысли в виде следующих идей: диалогу имманентно присущ универсальный характер, поскольку человек по своей природе есть существо диалогическое, а диалог свойствен любому виду человеческой деятельности и формам его взаимоотношений с миром; диалогу принадлежит конституирующая роль в развитии человека и общества, так как диалог выступает формой становления сознания и самосознания человека, вне которого невозможно представить процесс становления и продуктивного развития любой культуры[2].

Однако, когда речь идет о межкультурном диалоге, следует иметь в виду, что диалог осуществляют не культуры как таковые, а их носители. Поэтому в контексте диалогического понимания культуры особую актуальность приобретает проблема формирования субъекта межкультурного диалога, его мировоззренческие и аксиологические характеристики[3].

В равновесном состоянии культура может рассматриваться как аксиологически центрированная совокупностью ценностных иерархий и интерпретационных матриц, которые выступают как нормативные. В таком состоянии культура способна обеспечивать стабильность функционирования человека на основе устоявшихся мировоззренческих универсалий — общих представлениях о мире, самом себе и своем месте в мире. Нарушение равновесного состояния культуры способно разрушить мировоззренческую константу, где человек может позволить себе полагать, что мир устроен именно так, как он представляет. В ситуации неравновесности монокультуре может угрожать утрата аксиологических ориентиров, а также формирование инаковых интерпретаций и семантических значений мировоззренческих универсалий[4].

В то же время диалог культур создает открытое пространство для формирования новых культурных направлений, тенденций развития и вызревания новых культурных смыслов. Это предъявляет особые требования к субъектам межкультурного диалога, которые должны быть способны на понимание универсальных общечеловеческих ценностей, взаимное уважение к традициям друг друга, достижение взаимопонимания, сохранение культурного наследия, открытие творческого и креативного потенциала культуры как таковой. Идея творческого начала субъекта культуры пронизывает всю диалогическую традицию, где категорией творчества обозначается «способ представленности человека в культуре, или, точнее, способ жизни человека в культуре»[5].

Если попытаться ответить на вопрос, как возможно формирование субъекта межкультурного диалога, отвечающего подобным требованиям, то особое место здесь приобретает социально-гуманитарное знание и философия как универсальные носители мировоззрения.

Именно в природе философии обнаруживается родство с диалогом как таковым. Исследуемый феномен оценивается философией в соотнесенности с его истоками в прошлом, проявлением в настоящем, а также в контексте его будущих представлений. Благодаря этому исследуемый феномен обретает неповторимое и уникальное бытие в культуре, а сам акт философской рефлексии становится уникальным интеллектуальным «со-бытием». Эта «событийность» является условием и основанием постоянного диалога в культуре[6].

История философской мысли представляет собой непрерывный диалог различных по своей временной и культурной принадлежности интеллектуальных событий, где субъектом диалога выступают идеи, обоснованные философами, представляющими различные культурно-исторические эпохи. Философские идеи, несмотря на их культурную разность и временные отличия, на равных основаниях становятся полноправными субъектами диалога, а сама философия в сравнении с другими типами знания является квинтэссенцией аналитических и творческих способностей[7].

Процесс изучения философии предполагает диалогическую активность познающего с текстом, контекстом, мировоззренческими и аксиологическими матрицами культуры, что способствует формированию ценностно-смысловой компетенции человека и становлению творческой личности.

Посредством освоения мировоззренческого арсенала философии происходит конструирование самосознания личности и формирование системы ее ценностей. Иерархия этих ценностей представляет собой своего рода систему координат, которая позволяет человеку идентифицировать себя как субъекта межлич-

[1] *Можейко М. А.* Указ. соч.
[2] *Лещинская И. И.* Указ. соч.
[3] Там же.
[4] *Лещинская И. И.* Указ. соч.
[5] *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 111.
[6] *Лещинская И. И.* Указ. соч.
[7] Там же.

ностного и межкультурного диалога. Это позволяет показать общность ценностей людей, представляющих различные культуры и цивилизации, и служит основанием для совместного взаимодействия, своего рода территорией для осуществления диалога[1].

Однако, когда мы говорим об изучении, постижении философского знания, то неизбежно встает вопрос о роли образования как неотъемлемом атрибуте любой культуры. Здесь обнаруживается, что подлинное образование также диалогично по своей природе, ибо подразумевает взаимодействия, отношения, связи, взаимные изменения, складывающиеся между субъектами образовательного процесса. Степень диалогичности образования фундирует степень диалогичности человека, «его способности к самоизменению, способность слышать себя и другого»[2]. Система образования, основанная на диалогических принципах, смыслах, целях и методах, способна в перспективе сформировать референтного субъекта межкультурного диалога, ведь результатом диалогического обучения является творческая личность, способная действовать в нестандартной ситуации и противостоять вызовам современности.

Таким образом, столь актуальная в современных условиях проблема формирования субъекта межкультурного диалога имеет глубинный метафизический характер. И если философия обладает необходимым мировоззренческим, интеллектуальным и ценностным арсеналом, позволяющим привить современному человеку те качества и способности, без которых любая форма диалога немыслима[3], то система образования, основанная на диалогической традиции, способна воспроизвести и закрепить понимание, смыслы, ценности и творческое начало субъекта.

Т. Б. Сиднева[4]

РОССИЯ И КИТАЙ: ВСЕОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕЖИВАНИИ ИСТОРИИ

Взращиваемая веками наивная склонность представителей западной цивилизации «считать себя представителями всего человечества»[5] опровергнута временем. Интенсивный процесс «нового открытия» Востока, охвативший в последние десятилетия все сферы культуры, отражает не только давнее признание самобытности восточных цивилизаций, понимание глубины их традиций и мощных ресурсов развития. Обнаруживается необходимость активного и многосоставного диалога Запада и Востока — диалога, который остается актуальной и сложной задачей. Россия как «великий Востоко-Запад» (по определению Н. Бердяева) существует на стыке двух цивилизационных путей мировой истории. Находясь в «пограничной» ситуации, российская культура обладает особой открытостью и готовностью к «встрече» с иными традициями. В пространстве диалога культур сегодня одной из самых продуктивных сфер является взаимодействие Китая и России. Многовековой взаимный интерес двух цивилизаций перерастает в интенсивное и многоаспектное сотрудничество.

Свидетельством этого диалогического процесса стали совместные научные проекты, фестивали искусств, просветительские акции, крепкие связи в образовании (академические и студенческие обмены, практика «двойных» дипломов, общие учебные планы и программы). В России сегодня обучается 37 тыс. китайских студентов. Массовый характер приобрело обучение китайских граждан в российских художественных вузах «эксклюзивным» специальностям (композиция, фортепиано, вокал, инструменты симфонического оркестра). Безусловное большинство иностранных обучающихся в музыкальных вузах России составляют граждане КНР. Российское музыкальное образование в Китае лидирует среди самых востребованных и престижных творческих специальностей. Тому есть множество причин: природная музыкальная одаренность нации, универсальность музыкального искусства (музыка не требует «перевода», и несовершенное владение языком, как правило, не является серьезным препятствием для ее понимания). Китайские музыканты участвуют и побеждают в творческих конкурсах, становятся лауреатами и дипломантами фестивалей. Возможно, наряду с иными основаниями имеет непреходящее значение и понимание роли музыки, определенное Конфуцием как священное, государственное дело, основа воспитания нравов и чувств человека.

Более 7500 российских граждан получают вузовское и послевузовское образование в Китае. Растет популярность изучения китайского языка с России и русского — в Китае. Открываются центры межкультурного обмена традициями и обычаями, проводятся межнациональные праздники, расширяют свою деятельность центры изучения профессионального искусства (в частности, Центр русской музыки в Шанхае). В ряду символически значимых событий — постановка оперы Тан Цзяньпина «А зори здесь тихие» (по по-

[1] *Лещинская И. И.* Указ. соч.

[2] *Король А. Д.* Молчание в диалоге как проблема философии образования // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 11.

[3] *Лещинская И. И.* Указ. соч.

[4] Проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 230 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Искусство как метафора бытия», «Диалектика границы в музыке», «Человек творческий: философия, психология и социология творчества» (в соавт.); учебных пособий «Эстетика постмодернизма», «Эстетика». Главный редактор журнала «Актуальные проблемы высшего музыкального образования», член редсоветов журналов «Ценности и смыслы», «Общества теории музыки», «Opera musicologica». Член Союза композиторов России, председатель Нижегородского отделения Российского культурологического общества.

[5] *Zuckerkandl V.* The Sense of Music. Princeton Univ. Press, 1971. P. 18.

вести Б. Васильева) в Пекине, которая вошла в программу государственного празднования 70-й годовщины победы над фашистской Германией в 2015 году, а в последующие годы была представлена в Санкт-Петербурге и Москве.

Основа этого масштабного и многоаспектного сотрудничества — родство российского и китайского *культурных кодов*, которое отражено как в высших формах интеллектуальной деятельности (науке, искусстве, образовании), так и в повседневной среде.

Заметим, что понятие «культурный код» утвердилось в гуманитарном знании именно в его интегративной природе, фиксирующей его плотную сопряженность со всей «вертикалью» жизненного пространства: с языком, национальной памятью, традициями, символическими структурами сознания, ценностно-коммуникативными стратегиями, моделями поведения человека, «лексиконом» культуры и т. п. В. С. Степин на основе понимания культуры как системы кодов, а также описания процессов кодирования в культуре обосновал зависимость каждой сферы жизни от «доминирующих культурно-генетических кодов, репрезентирующих базисные ценности соответствующих типов общества»[1].

Культурный код, будучи ключом к пониманию определенной модели культуры, в единстве ее геополитической, ментальной, этнической, языковой, религиозной, эстетической самоидентификации позволяет иметь возможность понимания иных ценностей и смыслов.

В то же время известно, что само родство культурных кодов еще не гарантирует продуктивности взаимодействия культур. Не степень общего или различного опеределяет интенсивность диалога. Необходима взаимная настроенность на диалог, на обнаружение и выработку механизмов «встречи» традиций. Среди множества обоснований этого приведем аргумент, сформулированный А. А. Громыко. Обращаясь к известному библейскому сюжету, он отметил: «Бог, разрушив Вавилонскую башню, одарил народы лингвистическим и культурным разнообразием. Мир был бы много беднее, если бы мы разговаривали на одном языке и наши культурные отличия были бы несущественными»[2]. Для возможности диалога необходимо важное условие — «взаимная заинтересованность участников ситуации в сообщении и способность преодолеть неизбежные семиотические барьеры»[3]. «Диалогическая ситуация» (которая, по концепции Ю. М. Лотмана, «предшествует реальному диалогу и даже существованию языка для него»[4]) задана в отношениях Китая и России многими параметрами. Особенно явно испытание взаимной диалогической настроенности происходит в сложные периоды истории.

В истории наших государств было много трудных поворотных событий, которые вызывали к жизни необходимость мобилизации не только материальных ресурсов, но и духовных сил. Таковы драматические 1940-е годы: и Китай, и Россия практически одновременно защищали свои земли от агрессоров, в сложнейших условиях отстаивали суверенность своей национальной культуры. Годы борьбы Советского Союза с гитлеровским фашизмом совпали со временем героической освободительной борьбы китайского народа с японскими захватчиками. И в Советском Союзе, и в Китае это были годы высокой мобилизации физических и духовных ресурсов. С целью сплочения нации в сопротивлении агрессору, укрепления патриотических чувств по всей стране проходили различные творческие мероприятия, создавались произведения «на злобу дня», музыка исполнялась на фронте и в тылу, звучала по радио, на концертных площадках. Поддержка искусства в сложнейшей ситуации стала одной из важных стратегических задач наших государств. В этом сходстве времени, пробудившем родство и близость строя чувств, утверждалась особая консолидирующая роль искусства. Отраженный в искусстве опыт военного времени — периода Японо-китайской войны в Китае и Великой Отечественной войны в Советском Союзе — стал важным фактором осознания миссии художника в обществе, неотделимости художественного сознания от почвы, национальной истории народа, нравственности, духовности. Этот опыт стал предметом многих современных совместных научно-художественных проектов, что открыло новую интересную страницу диалога российской и китайской культур. Практически во всех крупных городах — как России, так и Китая — существуют регулярные художественно-творческие проекты, посвященные взаимному познанию и освоению национальных традиций, стилевых направлений, творчества художников.

В русле общих тенденций недавно прошел фестиваль в Китае, посвященный искусству военного времени. В январе 2024 года делегация Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки принимала участие в Российско-китайском фестивале патриотической музыки в Чунцине — городе, который был временной столицей Китая в период Японо-китайской войны. Среди организаторов фестиваля, включавшего концерты, мастер-классы, лекции и конференцию, были профессора Чунцинского педагогического университета — выпускники Нижегородской консерватории. Интересным моментом на фестивале было восприятие открытой лекции для преподавателей и студентов университета «Вехи истории России: музыка в годы Великой Отечественной войны», прочитанной автором данного доклада. Активное обсуждение лекции показало, что российское искусство не просто известно в Китае, но музыка включена в национальный художественный опыт. Неожиданным открытием для российской группы участников фестиваля стало то, что китайской аудитории советская музыка хорошо знакома. При демонстрации видеозаписей песен Великой Отечественной войны китайская аудитория подпевала хором, зная мелодии и поэтические тексты песен.

[1] *Степин В. С.* Социальные системы и методология прогнозирования их будущих состояний // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 178.

[2] *Громыко А. А.* Возродится ли европоцентризм в XXI веке // Этнос: нормы и ценности в эпоху глобализации : науч. конф., Лондон, 14 октября 2013 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 48–49.

[3] *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2004. С. 268.

[4] Там же.

А разговор о знаменитой «Ленинградской» симфонии Дмитрия Шостаковича, хорошо известной китайским музыкантам, сопровождался упоминанием подобного музыкального подвига китайского композитора: создания в военном 1944 году симфонии Ма Сыцуна. Важной приметой проекта, посвященного патриотической музыке, стал энтузиазм представителей молодого поколения в их приятии русской музыки, в знании советских песен, в желании учиться у российских преподавателей.

Одним из важных итогов этого фестиваля (как и многих подобных проектов, осуществленных в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Магнитогорске, Пекине, Шанхае и других городах) стало стремление привлечь внимание к сложнейшему периоду жизни двух стран и понимание нашего глубокого родства художественного переживания истории.

Д. С. Лихачев в качестве одного из важных аргументов поступательного развития и совершенствования художественной литературы отмечал «расширение мирового опыта»[1], его географических и хронологических границ. Это утверждение справедливо и для искусства в целом: национальный художественный опыт основан на диалектике всеобщего и особенного. Он не развивается «в одиночку», изолированно, мы постигаем собственные традиции через инонациональные события.

Художественные контакты России и КНР, скрепленные родством культурных кодов и «встречной» диалогической настроенностью, позволяют не только проникнуть в ценности собственного прошлого или прошлого других стран. Важный смысл этого процесса заключается во взаимном духовном обогащении, которое состоит в единстве знания и мотивации, способности щедро передавать знания и обогащаться инонациональным опытом. В художественном диалоге это позволяет превратить искусство в площадку многомерного общения (обмен профессиональным художественным опытом, проведение партнерских фестивалей, проектов, привлечение к опыту художественного переживания истории наших стран) и осознать его как мощную консолидирующую силу. Только тогда локальный художественный опыт может стать «ценностью мирового порядка»[2].

Г. В. Скотникова[3]

НОВАЯ РИТМИЧЕСКАЯ ФАЗА КУЛЬТУРЫ РОССИИ И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОПОР

В истории мировой культуры отчетливо проявляется ритмическая смена фаз. Периоды приоритетного внимания к интересам и запросам отдельной личности, ренессансы, сменяются сосредоточенностью на масштабных задачах, общезначимых государственных проблемах. Доминирование в развитии общества центробежных сил чередуется со временем усиления центростремительного начала.

На протяжении последних тридцати лет российское общество жило идеей освобождения человека от так или иначе сковывающих его внешних, культурно-государственных сил и правил. Был возведен на пьедестал либеральный идеал независимости от каких-либо надличных ценностей (религиозных, государственных, моральных, эстетических), соединенный с устремленностью к освоению западноевропейской культурной традиции, воспринимаемой в качестве актуального эталона, верность которому сделает Россию собственно Европой. В результате национальный духовно-культурный опыт стал восприниматься как несущественный, не имеющий самодостаточной ценности. Произошло отторжение от исконных традиций отечественной культуры, вследствие чего недавно пережитый нашей страной «перестроечный» период не дал «титанов духа», а, напротив, привел к ослаблению, размыванию ценностных опор многих молодых людей, вступающих в жизнь, в них оказалось невоспитанным, невостребованным чувство Родины, являющееся частью духовной природы личности. Творческая преемственность с культурными традициями России, то есть *органика* духовно-культурного бытия, оказалась замененной идеей *эргономики,* оптимального взаимодействия человека с миром окружающих его вещей, комфортного включения во внешнюю среду. В результате молодой человек, ничтоже сумняшеся, может серьезно задаваться вопросом, какую страну предпочесть для будущей жизни и какая вера больше подходит. Духовно-культурная, национальная беспочвенность в среде большой доли молодого населения страны нередко стала восприниматься как норма. О чем свидетельствует, например, недавно, после 24 февраля 2022 года, ярко проявившийся феномен релокантов, включающий преимущественно представителей мужского пола.

Таким образом, перед нами парадокс: недавняя личностная фаза в развитии культуры России, характерным признаком которой в истории мировой культу-

[1] *Лихачев Д. С.* Культурология : избр. тр. по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 104.

[2] Там же. С. 106.

[3] Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, ведущий научный сотрудник сектора актуальных проблем современной художественной культуры Российского института истории искусств, доктор культурологии. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Византийская традиция в русском самосознании», «Созвучие вечным смыслам бытия», «Византийский áссист», «Симфония концептов», «Русская художественная традиция в современной отечественной культуре» (ред.-сост. т. 1–2); статей в научных журналах: «Византия и Запад: новая волна сближения-противостояния», «Скажи, что для тебя значит Византия?», «Художественный мир в новой парадигме гуманитарной науки России». Член Союза писателей России. Член редколлегий и редсоветов журналов ВАК: «Русско-Византийский вестник», «Временник Зубовского института», «Труды кафедры богословия СПбДА», «Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры».

ры является подъем творческих сил человека, не принесла обществу новых духовных прорывов. Не имея ценностно-фундаментальных, метафизических, национально-культурных опор, человек оказался обессиленным в своем внутреннем бытии, став на путь эгоцентрического гедонизма.

В современной гуманитарной науке фаза устремленности общества к многообразному раскрытию личностных сил именуется периодом Ренессанса или Возрождения. В течение длительного времени эта характеристика относилась только к западноевропейскому Ренессансу[1], рассматривавшемуся как уникальное явление. Данная научная парадигма не утратила своей действенности, «излучения», сохраняя терминологическую инерцию и в настоящее время. В сознании большинства образованных людей слово «ренессанс» попрежнему вызывает прежде всего представление об авторах и памятниках высокого искусства в художественной культуре Западной Европы, пришедшей на смену духовно-церковной красоте Средневековья.

Однако изучение и сравнительный анализ культур народов Востока показали, что эпохи Возрождения существовали не только в Европе. Все ренессансные явления имеют единый стержень — интерес к человеческой личности. Слово humanitas было обнаружено у Цицерона и стало широко использоваться итальянскими гуманистами Салютати и Бруно. Гуманистом в буквальном смысле слова был китайский философ Хань Юй, живший в конце VIII — начале IX века, использовавший для характеристики своей эпохи формулу Конфуция «жэнь», определяя ее как «любовь к человеку». «Свой Ренессанс имели Иран, Армения, страны Юго-Восточной Азии»[2].

В истории культуры и Запада, и Востока присутствует чередование личностных и надличностных фаз развития. «Расцвет искусства и культуры классической Греции, Рима, Микен, Минойского Крита, Египта в период правления Эхнатона мы в полном праве назвать ренессансами»[3]. Показателен в этом отношении XIV век, явившийся временем мощного раскрытия личностных сил при государственном и экономическом упадке: в Китае, на арабском Востоке, в Византии, в Западной Европе, в славянских странах, Сербии, Болгарии, России. Интересна удивительная синхронность чередования двух фаз «на огромном пространстве от Атлантического до Тихого океана, создающая впечатление единого ритма дыхания человечества»[4].

Культура всегда являлась ответом на проблему человека и общества, соответственно ренессансы имеют различное качественное содержание. Обратимся к рассмотрению отношения двух частей христианского мира. «Рим никогда не понимал Востока»[5], ибо «проблема Востока и Запада — это прежде всего проблема души»[6]. Расхождение христианского Запада и христианского Востока «уже с четвертого века превратилось в пропасть»[7]. Однако кардинальное различие Запада и Востока в понимании личности наиболее отчетливо проявилось в середине XIV века в Византии, в период исихастских споров.

Важно подчеркнуть, что богословские споры, неоднократно сотрясавшие Византию, всегда имели важнейшее значение для христианской культуры, ибо это были споры о фундаментальных основаниях личностного и общественного бытия. Середина XIV века явилась временем «встречи и расхождения двух Возрождений в самом начале их пути»[8], столкновением двух разнонаправленных индивидуалистических (гуманистических) течений: рационалистического гуманизма, ведущим представителем которого был Варлаам Калабрийский, и созерцательного исихазма, сущность которого выражал глава сторонников исихазма святитель Григорий Палама. При этом одно, следующее по внецерковному руслу, стало известно в истории как западноевропейский Ренессанс, а другое — православное Возрождение — пошло по церковному пути. Сформировались два полюса: на одном — творческая личность, дерзающая творить самостоятельно, по законам ею самою созданным, на другом — личность, созидающая в синергии с Богом.

Основополагающие работы, посвященные православному Возрождению, принадлежат выдающемуся петербургскому ученому Гелиану Михайловичу Прохорову (1936–2017), занимавшемуся исследованием данной проблематики с 1970-х годов. Однако идеи ученого, раскрывающие присущее православной традиции представление о человеке и соответственно отчетливо выявляющие фазы развития в истории отечественной культуры, ее типологическое своеобразие, до сего дня не включены в концептуальные разработки образовательных программ и не востребованы. Духовные архетипы, определившие тип русской культуры, были заложены в Древней Руси, «нашей Античности» (академик Д. С. Лихачев). «Древняя Русь возжигает пламя своей культуры непосредственно от священного огня Византии» (П. А. Флоренский), видящей в ней свою единственную, лучшую наследницу. Преподобному Сергию Радонежскому суждено было стать «центральной фигурой» (В. С. Непомнящий) древнерусской культуры, дав нам ключевой завет жизнестроительства — по образу и подобию святой Живоначальной Троицы, завет, воплощенный в иконе «Троица» преподобным Андреем Рублевым: «Чтобы взиранием на нее побеждался страх ненавистной розни мира сего».

Именно эта идея оказалась воплощена в русской философской мысли Нового и Новейшего времени, вспомним выработанные в ней концепты: «верующий

[1] В настоящее время отечественная гуманитарная наука в культуре европейского раннего Нового времени (XV–XVIII вв.) выделяет три самостоятельных типа художественной культуры: эпоха Ренессанса (XV–XVI вв.). эпоха Барокко (XVII в.), эпоха Просвещения (XVIII в.). Иногда эта хронология уточняется благодаря включению в нее времени итальянского Проторенессанса: вторая половина XIII века — XIV век — середина XVI века — 1590-е годы.

[2] *Иоанн Экономцев, игумен.* Что такое «Возрождение»? Исихасты и гуманисты // Православие. Византия. Россия. М. : Христианская лит., 1992. С. 171.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] *Шубарт В.* Европа и душа Востока / пер. с нем. М. В. Назарова. М. : Эксмо, 2003. С. 69.

[6] Там же. С. 39.

[7] *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / общ. ред. Ю. Л. Бессмертного ; послесл. А. Я. Гуревича. М. : Прогресс-Академия, 1992. С. 133.

[8] *Прохоров Г. М.* Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы // ТОДРЛ. 1979. Т. 34. С. 8.

разум» (И. В. Киреевский), «живое знание», «цельное знание», «соборность» (А. С. Хомяков), «органическая критика» (А. А. Григорьев), «душа всего дороже» (П. Е. Астафьев), «свободно и предметно созерцающее сердце» (И. А. Ильин). Стержневую тенденцию отечественного философского сознания выразил Ф. А. Степун: русская мысль «духовно влечется к церкви, как бы силясь вспомнить, осознать и философски высказать святоотеческий опыт»[1], опыт благодатного преображения души, опыт синергии.

Важнейшее значение в формировании ценностных опор имеет философия, «наука самосознания» (И. В. Киреевский). И всех сфер умственной деятельности русский человек больше всего призван к философии, поскольку, вспомним мысль Н. Я. Данилевского о том, что ни один другой народ, каким бы высокоразвитым и свободолюбивым он ни был, не придает такого первенствующего значения «внутреннему сокровищу духа»[2]. Будучи погружен лучшими своими стремлениями в свой внутренний духовный мир, русский не может не быть глубоко проникнут интересом самосознания, философии. П. Е. Астафьев отчетливо выразил идеал русской жизни, преемственно-органично воспринятый от Древней Руси: «*Душа человеческая всего дороже, ее спасение,* полнота, цельность и глубина внутреннего мира — *прежде всего*, а все прочее само приложится, несущественно — таков девиз „святой Руси“...»[3].

В настоящее время одна из ключевых проблем, касающихся ценностных опор, может быть определена следующим образом: при сохранении *метафизических потребностей* личности отсутствует осознанная *метафизическая почва*, при наличии масштабного философского наследия, богатстве идей и трудов нет *адекватного образа* национальной философии. Современник не имеет отчетливого представления о сущности, исконной традиции, основополагающем направлении русской философской мысли, о линиях творческой преемственности. Ответ на этот запрос предлагает в фундаментальном обосновании новой историографической концепции, новой парадигмы истории отечественной философии петербургский исследователь, профессор Николай Петрович Ильин (1947–2023), автор труда «Трагедия русской философии»[4]. Автор сосредоточивает свое внимание на выявлении *магистрального направления* русской философии, определяя его термином «метафизический персонализм», относя к нему философов-классиков: Н. Н. Страхова, П. Е. Астафьева, Л. М. Лопатина, П. А. Бакунина, Н. Г. Дебольского, В. А. Снегирева, В. И. Несмелова. Представляется, что к когорте этих мыслителей, безусловно, принадлежат также Н. Я. Данилевский, и философ, чьё творчество приходится преимущественно уже на XX век, И. А. Ильин. Наследие Н. Я. Данилевского и И. А. Ильина не стало предметом специального рассмотрения Н. П. Ильина, оставшись, как можно думать, основываясь на опубликованных им текстах, в планах перспективной разработки.

Каждый из этих мыслителей сосредоточил свои основные усилия на одной из проблем, связанных с «полнотою самосознания», особенно глубоко разработав *свой раздел* учения о человеке». «Н. Н. Страхов разработал *рациональную антропологию*, учение о месте человека в природе; П. Е. Астафьев и Л. М. Лопатин — психологию и пневматологию, учение о духовно-душевной субстанции „внутреннего человека“; П. А. Бакунин — общую *субъектологию* (и одновременно *герменевтику*) человека, учение о природе сознания как „*самоотношения*“ и „отношения к *другому*“; Н. Г. Дебольский — исключительно важное учение о народности, *нациологию* как принципиально новый раздел метафизики человека; В. А. Снегирев и В. И. Несмелов выдвинули на первый план *персонологию*, учение о личности человека, поставив это учение уже в самую непосредственную связь с православной *христологией*»[5]. Н. Я. Данилевский дал «новую формулу» мировой истории, обосновав *цивилизационный* подход, имеющий *ядром метафизику народного духа*. И. А. Ильин глубоко раскрыл *сущность и своеобразие русской культуры*. Н. П. Ильин подчеркивает, что все эти разделы, разработанные мыслителями, *органически* влившись в действительность русской философии, являют ее *живое целое*.

Сегодня можно повторить слова В. В. Розанова: «Замутился источник вкуса к философии». Необходим очень непростой труд по формированию элементарной философской культуры в русском национальном духе, формирующей ценностный фундамент общества и личности. Русская философия — это сознательный путь русского человека к самому себе, к национальному идеалу духовной личности. Как писал А. Ф. Лосев: «Всякая философия, которая не питается учением о Родине, есть наивная и ненужная философия»[6]. Ценностные опоры не конструируются рационально, а укрепляются в личностном самосознании благодаря верности человека своей духовной природе, творческому освоению ключевых заветов, достижений и традиций отечественной культуры.

---

[1] *Степун Ф. А.* Мысли о России // Сочинения / сост., вступ. ст., примеч. и библиогр. В. К. Кантора. М., 2000. С. 324.

[2] *Данилевский Н. Я.* Сборник политических и экономических статей. Издание Н. Страхова. СПб., 1890. С. 227.

[3] *Астафьев П. Е.* Национальность и общечеловеческие задачи // Философия нации и единство мировоззрения. М. : Москва, 2000. С. 42.

[4] *Ильин Н. П.* Трагедия русской философии. М. : Айрис-пресс, 2008.

[5] *Ильин Н. П.* Трагедия русской философии. СПб., 2003. Ч. I : От личины к лицу. Введение в принципы историко-философского понимания. С. 193–194.

[6] *Лосев А. Ф.* Жизнь. URL: litlife.club›books/49349/read?page=15 (дата обращения: 05.02.2024).

И. В. Соколова[1]

ИГРЫ БРИКС КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Известно, что термин «БРИКС» был предложен в 2001 году главным экономистом финансовой компании GoldmanSachs Джимом О'Нилом для обозначения объединения стран с быстроразвивающимися рынками. Специалисты утверждают, что экономический потенциал Бразилии, России, Индии и Китая настолько велик, что экономические системы этих стран могут стать ведущими к 2050 году. Позднее в этот список вошла Южно-Африканская Республика[2]. В течение этого времени альянс БРИКС утвердил свою значимость как эффективная площадка для укрепления двусторонних связей и взаимодействия стратегий участников, усиления их влияния в мире и формирования более справедливой, репрезентативной и результативной системы международных организаций.

Несмотря на относительно недавнее возникновение новой международной организации БРИКС, сам факт ее появления уже свидетельствует о том, что она приобретает все более важное значение на мировой арене. Однако некоторые эксперты рассматривают БРИКС как политико-символический и искусственный союз, выгодный только Китаю. Кроме того, отдельные специалисты указывают на различия и противоречия между странами, которые впоследствии могут привести к распаду данной организации[3].

Деятельность альянса направлена и на культурное взаимодействие, включая спортивное. Спортивные события в современном мире становятся ключевым инструментом для укрепления позитивных связей и взаимодействия между народами, создавая основу для содержательного и плодотворного диалога в процессе проведения спортивных соревнований. Тем самым спорт дает возможность не только соревноваться за чемпионские титулы и показывать высокие результаты, но и способствует культурному обмену и созданию инклюзивного общества. Многие эксперты отмечают, что сегодня спорт политизировался, а чиновники МОК и WADA все чаще наказывают наших спортсменов. Поэтому возрос спрос на альтернативные спортивные соревнования, особенно международные, не связанные с западными странами. Наиболее подходящими в этом аспекте стали Игры БРИКС.

Центр развития Международного спорта БРИКС создан при поддержке Международного альянса стратегических проектов БРИКС. В данный момент укрепление спортивных связей в рамках БРИКС является ключевой задачей для Министерства спорта РФ[4]. Недавние события, связанные с исключением наших атлетов из большинства международных соревнований, подчеркивают важность этой задачи.

Высокая оценка роли спорта в становлении и развитии общественных структур неоспорима, ведь его влияние ощущается как в масштабах малых групп, так и на глобальном уровне. Сегодня спорт выступает в качестве мощного инструмента международной политики, играя ключевую роль в политике «мягкой силы» и становясь неотъемлемой частью традиционной дипломатии. Провозглашенная бароном П. де Кубертеном концепция «спорт вне политики» и по сей день имеет сторонников, но состояние современного спортивного мира свидетельствует об обратном[5].

С каждым днем наблюдается усиление позиций спорта как одного из ведущих элементов глобальной структуры общества. Увеличивается количество спортивных дисциплин, ассоциаций, связанных со спортом, а также людей, регулярно поддерживающих физическую активность. Хотя международное сообщество заявляет о неприемлемости политики в спорте, мы все еще сталкиваемся с нечистыми играми на высших спортивных аренах. Россия, наряду со своими партнерами, настаивает на демократии и равенстве не только в сфере распределения политического и экономического веса, но и во всех аспектах общественной жизни, в том числе спортивном.

Спортивный турнир стран БРИКС — ежегодное состязание, которое собирает спортсменов из пяти государств, входящих в это объединение, был основан в 2016 году. Основная задача мероприятия — укрепление дружественных отношений через спорт с соблюдением принципов равноправия и предоставлением равных возможностей для всех участников.

«Соревнования в рамках Игр БРИКС способствуют не только спортивной конкуренции, но и укреплению взаимоотношений между государствами, позволяют погружаться в культуры различных стран. Желаю нашим спортсменам успехов и побед на соревнованиях», — отметил заместитель Председателя Правительства РФ Дмитрий Чернышенко. «Страны БРИКС являются перспективными и надежными партнерами в области спорта, готовыми к сотрудничеству, обмену идеями, участию в соревнованиях и обмену опытом по

---

[1] Заведующая кафедрой физического воспитания СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент, мастер спорта по художественной гимнастике, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Фитнес как часть физической культуры» (в соавт.), «Оценка качества дистанционного обучения по дисциплине „Физическая культура и спорт“ в учебном процессе вуза», «К понятию менеджмента в фитнес-индустрии», «Скандинавская ходьба: от теории к практике» (в соавт.), «Оздоровительная физическая культура в философском аспекте», «Физическая культура как часть гуманитарной науки» и др. Награждена знаком «Отличник физической культуры».

[2] *Хаустова Н. А.* Перспективы БРИКС в системе глобального управления: российский опыт // Вестн. Полесского гос. ун-та. 2015. № 1. (Общественные и гуманитарные науки). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-briks-v-sisteme-globalnogo-upravleniya-rossiyskiy-opyt (дата обращения: 19.08.2024).

[3] *Мяло Е., Диких Г.* БРИКС: Становление многополярности мира к 2050 году. Новые угрозы и возможности // Четвертая политическая теория : материалы семинаров и конференций по политологии и политике в современном мире. М., 2012. Вып. 3. С. 252–260.

[4] Игры БРИКС: самое главное спортивное событие 2024 года. URL: https://realnoevremya.ru/articles/291280-igry-briks-samoe-glavnoe-sportivnoe-sobytie-2024-goda (дата обращения: 19.08.2024).

[5] «Спорт вне политики» в трактовке барона П. де Кубертена / А. С. Веселова, Т. А. Малышева, И. А. Моисеев [и др.] // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 6-4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sport-vne-politiki-v-traktovke-barona-p-de-kubertena (дата обращения: 19.08.2024).

организации спортивных мероприятий», — подчеркнул министр спорта России Олег Матыцин.

Экономическое и политическое взаимодействие стран БРИКС акцентируется на бизнесе, а игры БРИКС нацелены на подчеркивание единства и сотрудничества между этими государствами в области спорта и культуры.

Многие страны могут похвастаться богатой спортивной историей, где определенные виды спорта стали неотъемлемой частью национальной культуры. Однако есть и такие виды спорта, которые стали популярными по всему миру и уже не привязаны к какой-либо конкретной стране. Примером этого являются Игры БРИКС. Выбор спортивных дисциплин для этого мероприятия не случаен: в него включены виды спорта, которые пользуются популярностью и развиты примерно на одинаковом уровне в странах-участницах. Спорт играет важную роль в объединении людей независимо от их происхождения, вероисповедания, социального статуса, культурного наследия и внешности, способствуя развитию межкультурного взаимопонимания. Таким образом, когда определенный вид спорта становится неотъемлемой частью культуры страны и впоследствии приобретает всемирное признание, создаются предпосылки для увеличения его популярности в других странах. Это способствует развитию тесных взаимовыгодных культурных контактов между представителями различных конфессий, создает предпосылки для сближения и дальнейшего диалога.

Наблюдается интересная закономерность: внесение определенного вида спорта в перечень дисциплин международных турниров служит двойной цели. С одной стороны, популярные виды спорта, приобретая мировое признание на таких состязаниях, укрепляют свои позиции и привлекают еще больше фанатов. С другой — менее известные игры получают шанс на расширение географии своих поклонников и стимулируют собственное развитие в новых регионах. В рамки соревновательной программы Игр стран БРИКС будут добавлены виды спорта, нетрадиционные для соревнований мирового уровня, но традиционные для народностей стран БРИКС: «Мы предлагаем представить по одному виду спорта от каждой страны: капоэйру из Бразилии, го из Китая, джуксей из ЮАР, кабадди из Индии, а из России, конечно же, борьбу на поясах — наш традиционный вид спорта, который мы развиваем в Татарстане», — отметил министр спорта Республики Татарстан Владимир Леонов на саммите стран БРИКС[1].

Спорт также выполняет важную социальную роль, способствуя воспитанию молодежи, ее интеграции в общество, формированию патриотических чувств, моральных ценностей, активной жизненной и гражданской позиции. Соревнования, в которые будет вовлечено большое количество молодежи как волонтеров, представляют собой сферу деятельности, в которой происходит интенсивное взаимодействие на разных уровнях, способствующее развитию социально значимых качеств[2].

Глобализация и полицентризм не обошли своим влиянием и сферу спорта, а именно возможность участвовать в спортивных событиях и быть частью всемирного сообщества, что является одним из результатов современной эпохи. Поэтому процесс разрушения взаимовыгодного сотрудничества между странами неизбежно отражается на спорте со всеми его международными институтами управления, которые стали инструментами политического воздействия Запада на различные страны.

В рамках российского председательства Игры БРИКС 2024 года пройдут в столице Республики Татарстан — Казани, которая неоднократно являлась организатором крупнейших международных соревнований и становилась центром масштабных событий в мире спорта.

В течение 13 дней более 3 тыс. спортсменов примут участие в соревнованиях по 29 видам спорта. Помимо стран БРИКС для участия в соревнованиях планируется пригласить спортсменов из других стран.

Также в рамках Игр БРИКС 21–22 июня 2024 года состоится встреча министров спорта стран БРИКС.

Казань превратится в своего рода дипломатический, политический и спортивный центр страны, где пройдут главные для российских спортсменов спортивные события года.

Таким образом, спортивные мероприятия под эгидой БРИКС являются важнейшим инструментом для позитивного взаимодействия и сотрудничества между государствами, обществами, людьми и обусловливают наполнение этих отношений реальным плодотворным содержанием.

Создание Центра развития Международного спорта БРИКС дает шанс преодолеть текущие препятствия и обеспечивает площадку для участия в соревнованиях по новым правилам, опирающимся на объективность и честное судейство, без дискриминации по политическим и другим критериям, и лежащим в основе взаимодействия стран БРИКС. Сотрудничество в рамках альянса БРИКС создает условия для постоянного обмена опытом между спортсменами, организации мастер-классов и других форм взаимодействия, что способствует укреплению связей между странами БРИКС и прочими союзными государствами.

[1] См.: *Бекарева К. Ю., Лагутина М. Д.* Игры БРИКС — новый формат спортивного содружества // Вестн. Сиб. гос. ун-та физической культуры и спорта. 2023. № 4 (9). С. 41–45.

[2] *Соколова И. В.* Физкультурно-спортивная деятельность как средство развития социально значимых качеств у студентов // Проблемы современного педагогического образования : сб. науч. тр. Ялта : РИО ГПА, 2023. Вып. 79, ч. 4. С. 211–213.

С. А. Сухоруков[1]

СОВРЕМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА ПРОВИНЦИЙ ИРАНА — ПРИМЕР ОТСТАИВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

1 января 2024 года Иран официально стал членом БРИКС. Страна, которая постоянно заявляет о своей независимой позиции, вступая в новую веху своего развития, имеет огромный исторический фундамент. В том числе и в архитектуре, развитие которой в стране шло особенно активно в XX веке, несмотря, например, на смену режимов. Одной из главных черт архитектуры Ирана являются традиции, отстаивание и развитие архитектурного наследия с целью демонстрации своей самобытности. И особенности этого процесса правильнее показать не на примере столичных построек, а за ее пределами — в провинциях.

К концу 1940-х годов постепенно увеличивалось количество архитекторов, которые выступали за развитие западного модернизма в Иране, но с ориентацией на местные особенности. Началась дискуссия, в которой все чаще раздавалась критика в адрес европейских и американских коллег, которые не понимали местных мастеров, особенно тех, кто выступал за региональный путь развития. Первые придерживались универсального пути развития.

Эти споры привели к тому, что иранские зодчие, в большинстве своем окончившие именно Тегеранский университет, в своих проектах все больше вдохновлялись местной культурой, что повлекло за собой ряд интереснейших архитектурных примеров. Такое зодчество оказалось востребованным в контексте возрождения национальных форм, в которых была заинтересована и правящая элита. «Начался ренессанс, где традиционный персидский кирпич темно-коричневого цвета начал возвращать себе достойное место среди иранских строительных материалов. Использование арки, свода, купола было возрождено, но в современных реалиях»[2].

Период 1960–1970-х годов — это, безусловно, небывалое возрождение интереса к национальным традициям. Были возведены замечательные строения как в столице, так и, что следует особо отметить, за ее пределами.

В отличие от столичного строительства, на которое влияло градостроительное полотно и условия жизни, творчество архитекторов в провинции реализовывалось без многочисленных ограничений. Зодчие смогли с лихвой использовать местные культурные традиции, историю, климатические условия и другие факторы. Да, они не были первопроходцами. Многие известные архитекторы, начиная с В. Гропиуса, обращались к провинции как к источнику вдохновения. Однако, повторюсь, в Иране были свои особенности.

Огромное влияние на процесс возрождения национальной архитектуры оказала Фарах Камран Диба (Kamran Diba) (р. 1938) — супруга последнего шаха Ирана Мохаммеда Резы Пехлеви. В 1970 году в Исфахане под эгидой Ф. Диба состоялся Первый иранский международный архитектурный конгресс, который стал исходной точкой в реализации многих будущих проектов, где традиции пересекались с новациями.

Первые постройки, воплощающие синтез модернизма с национальными традициями, появились задолго до вышеуказанного конгресса. Еще в 1945 году Обществом национального наследия был организован конкурс на проектирование мавзолея Абу Али ибн Сина (Авиценны) в Хамадане. До XIX века место упокоения Авиценны представляло собой довольно простую постройку с традиционными арочными сводами и небольшим куполом. В таком виде мавзолей сохранился до 1950 года, когда серьезно был разрушен землетрясением[3].

Хушенг Сейхун (Houshang Seyhoun) (1920–2014) оказался победителем конкурса. Окончив Высшую школу изящных искусств в Париже и Тегеранский университет, Х. Сейхун получил известность своим новаторским дизайном в архитектуре. Его архитектурное наследие огромно — около тысячи как государственных, так и частных заказов.

Мавзолей Абу Али ибн Сина (Авиценны) представляет собой сооружение довольно сложной формы, в центре которого находится зал с местом захоронения великого ученого. Внутреннее пространство оформлено ротондой. Двенадцать прямоугольных опор (количество отраслей знаний, в которых Абу Али ибн Сина был знатоком) поддерживают конусообразное завершение. Форма башни отсылает нас к сооружению в городе Гомбеде-Кавус (провинция Голестан). Абу Али ибн Сина бывал в тех местах и даже был придворным поэтом. В Гомбеде-Кавус расположена похожая постройка XI века (время правления Зияридов), которая являлась гробницей[4].

Мавзолей Абу Али ибн Сина оказался не единственной мемориальной постройкой Х. Сейхуна. Другой пример — гробница Надир-шаха в Мешхеде. Она была возведена в современной стилистике, с рациональным подходом и напоминанием о великой истории страны. Особо следует отметить доминан-

[1] И. о. заведующего кафедрой искусствоведения СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Архитектура стран ислама: Традиции и новации», «Русско-иранские связи в архитектуре в XX — начале XXI в. Россия–Иран: диалог культур», «Особенности развития современной архитектуры Бейрута», «Высотные постройки современного Стамбула. Путь к совершенству», «Женщины-архитекторы из Ирана в современном мире. Особенности деятельности», «Процессы глобализации в архитектуре современной Индии. Принятие или отторжение», «Власть и художественные процессы в Иране на рубеже XX–XXI вв.» и др.

[2] *Gharipour M.* Architectural Dynamics in Pre-Revolutionary Iran: Dialogic Encounter between Tradition and Modernity. Chicago : Intellect Ltd. Bristol, 2019. P. 16.

[3] См. также: *Сухоруков С. А.* Современные мавзолеи Ирана // Современная архитектура мира. 2017. № 9. С. 156–165.

[4] Там же.

ту комплекса — памятник великому полководцу. Он изображен в верхней части высокой постройки, напоминающей горную местность, поверхность которой отображается при помощи строгой геометрии. Надиршах на коне, вставшем на дыбы, за ним — несколько солдат, которые представляют часть несокрушимого войска, готового на любые завоевания со своим командиром.

Повторюсь, современных построек в провинциях было довольно много. И почти каждая из них выражала дух местности и замысел архитектора. Масуд Джаханара (Masoud Jahanara) является еще одним зодчим, имя которого стоит отметить. Получив образование у себя на родине (факультет изящных искусств Тегеранского университета) и в Италии (Университет Сапиенца в Риме, Sapienza University), после возвращения в Иран достаточно быстро зарекомендовал себя как теоретик — М. Джаханара стал деканом архитектурного факультета Университета Мейли (Meili University). Тогда же появились первые интересные проекты, которые воплотились в жизнь. В 1968 году в Исфахане появилась библиотека «Канун» (Kanoun Library). М. Джаханара изначально создал довольно простой проект. Библиотека по своей форме асимметрична, а криволинейность стен (выпуклые части чередуются с прогибающимися внутрь частями) напоминает «игру» местного песка в природе. Автор замечательно вписал модернистскую форму постройки в окружающее пространство: кирпич как строительный материал соответствовал территории и истории региона, а интерьер оказался комфортной средой для посетителей — внутреннее пространство буквально залито светом, который проникает через огромные окна фасадов и крышу.

Кроме череды местных архитекторов, которые работали с региональной направленностью, стоит отметить одну яркую личность. Уильям Уэсли Питерс (WilliamWesley Peters) (1912–1991) — главный зодчий и зять великого Фрэнка Ллойда Райта.

В 1968 году была закончена работа над комплексом Шамса Пехлеви (Shams Pahlavi's Palace) в Кередже, который в большей степени известен как Жемчужный дворец (The Pearl Palace) — в настоящее время дворец Морварид.

Возведение дворца было инициативой Шамсы — старшей сестры Мохаммеда Резы Пехлеви. План бывшего дворца, включающий два уровня — общественный и жилой, представляет собой сочетание нескольких кругов, дуг и спиралей. Те же самые формы использованы в садовом пространстве.

У. У. Питерс, безусловно, создал интересную постройку, своей символикой уходящую в глубь персидской истории. Игры с круговыми элементами напоминают о градостроительстве в Ктесифоне или таком мегаполисе, как Багдад времен аббасидского халифата. Особое внимание уделено свету, чтобы внутреннее пространство было максимально комфортным для проживания или короткого времяпрепровождения. Солнечные лучи проникают через многочисленные окна, дополнительный свет дают настенные светильники и люстры. Большое количество зеркальных поверхностей стен, с одной стороны, придает залам больше уюта, а с другой — создает эффект таинственности отдельных частей дворца.

И в завершение хотелось особо отметить уже вышеупомянутого К. Диба, имя которого известно по знаковым проектам в Тегеране (например, Музей современного искусства) и работам в провинции. Это говорит о важности построек за пределами столицы, приобщении к своим историческим корням. Университет Гонди-Шапур (г. Ахваз) — явное тому подтверждение. Особенно местная мечеть, где использованы элементы, распространенные именно в традициях южного Ирана: узоры, формы внутреннего пространства или архитектурные фрагменты, как, например, высокая вентиляционная башня (бадгир), покрытая голубой глазурованной плиткой.

Таким образом, современное зодчество в провинциях Ирана ни в коем случае нельзя назвать опосредованным фактором в современной архитектуре восточной страны. Именно через провинции в большей степени сохраняется национальное наследие. Это заслуга знаковых зодчих, которым работа с географией мест, местными материалом и традицией доставляет особое удовольствие. Именно подобное отношение к своим корням обусловливает появление и поддержку независимого курса страны, а в контексте БРИКС — статус равноправного партнера.

А. В. Успенская[1]

РОССИЯ И ЗАПАД: ОПЫТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НА ПУТИ К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРУ

В последние десятилетия, после развала Советского Союза, а с ним и биполярного мира, поддерживавшего стабильность взаимной угрозой применения ядерного оружия, термин «многополярный мир» становится все актуальнее. Стремление США и примкнувшего к ним вплоть до потери субъектности Евросоюза к единоличному господству в мире все чаще наталкивается на сопротивление других народов, не желающих смириться с ролью второстепенных наций, обитателей «дикого леса, джунглей», как выразился Ж. Боррель. Однако серьезный, принципиальный вызов миру, основанному на западных «правилах», в настоящее время оказалась способна бросить только Россия. Именно она могла бы стать одним из центров многополярного мира, основанного на уважении прав и интересов самых разных народов, от малых до великих. Но чтобы понять, каким полюсом нам предстоит стать в мировой архитектонике, каковы будут его идеологические, этические параметры, необходимо выработать ответы на некоторые вопросы. Кто мы? Что новая, постсоветская Россия представляет собой, каковы ее отличия от Запада, способны ли мы предложить свой путь в будущее, избежать ошибок Запада?

Чтобы это понять, стоит проследить общее направление отношений России и Запада. В современной ситуации разрыв с Западом вызвал к жизни идею евразийства, давно существовавшую в русской культуре, но долго признававшуюся маргинальной[2]. Но если под евразийством следует понимать не географическую, а ментальную и культурную принадлежность России к Западу и Востоку одновременно, то эта идея многим представляется сомнительной в силу механического соединения двух типов цивилизации. Простой житейский пример подтверждает это. Если жителю России сказать «ты не азиат», он отреагирует равнодушно. Если же сказать «ты не европеец», это спровоцирует ощущение обиды. В подтверждение этой мысли стоит обратиться к русской классике. Знаменитое стихотворение А. Блока «Скифы», казалось бы, исполнено «евразийства»:

Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Однако в контексте стихотворения эта цитата обретает другой смысл и выглядит как экспрессивная гипербола. А вот строки, обращенные к европейцам, которые потрясали своей точностью в начале XX столетия, а в наше время приобретают просто необычайную актуальность. Блок, переживший Первую мировую войну, видевший и агрессию Германии и Австро-Венгрии, и предательское поведение союзников России, прекрасно осознавая въевшуюся за века русофобию европейцев, все же именно к Западу, а не к Востоку обращается со словами восхищения и любви:

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью и с любовью!.. <…>

Мы любим все — и жар холодных чисел,
И дар божественных видений.
Нам внятно все — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений…

Если же Запад откажется протянуть нам руку мира, мы угрожаем не агрессией, не захватом, но мрачным нейтралитетом, когда некая «третья сила», новый «свирепый гунн» придет из глубины Азии и учинит на Западе разорение. Перед лицом этой еще неведомой угрозы Блок призывает сплотиться, отбросить привычное вероломство:

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

Как бы ни были глубоки нынешние противоречия между Россией и Западом, мы ощущаем некое единство. Оно обеспечивается прежде всего единым цивилизационным фундаментом — культурой Античности. Впрочем, стоит помнить, что сама Античность, доставшаяся нам в наследство, неоднородна. Запад получил свою цивилизацию от рухнувшего и дискредитировавшего себя Рима, мы — от крепко стоящей и во многом процветающей Византии, где было гораздо сильнее выражено греческое начало. Греки и римляне, пусть и объединенные в Римской империи, были разными народами, являя разный тип отношения к миру. Сами римляне рефлексировали по поводу своей роли в построении мировой цивилизации: «Греки дали миру культуру, а римляне — дороги и законы». Таким образом, невозможно забыть единый корень нашей и западной цивилизации, но стоит и осознавать различия.

---

[1] Ведущий профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук, Почетный работник сферы образования РФ, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: монографий «Антологическая поэзия А. А. Фета», «Античность в русской поэзии второй половины XIX века», «Античность и русская литература. Мотивы. Образы. Идеи», «Ленинградская проза 1960–1970-х годов» (в соавт.) и др.; учебника «Конфликтология духовной сферы» (в соавт.); статей: «Мережковский и Набоков», «Dekadenz und Klassik: Dmitri Mereschkowskis Ubersetzungen der griechischen Tragödien», «Аполлон — победитель Пифона: идеи Винкельмана в поэзии и публицистике А. А. Фета», «Эсхатологические сценарии русской цивилизации в современной антиутопии», «Фет и Булгаков: Тема смерти и поэтического бессмертия», «Проза Бориса Васильева» и др. Награждена медалью «100 лет профсоюзам России», Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, Почетным знаком Российского профсоюза работников культуры, Почетный профессор СПбГУП.

[2] Основу идеологии евразийства заложили русские мыслители XIX века (см.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М. : Книга, 1991 ; *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство. М. : АСТ, 2007). Одним из главных современных адептов евразийства является А. Дугин (см.: *Дугин А. Г.* Основы евразийства. М., 2002 ; *Он же.* Проект «Евразия». М., 2004 и др.).

Несколько последних веков Россия смотрела на Запад с неубывающим интересом, чувствовала свое родство с ним, несмотря на то, что нередко испытывала обиду, натыкалась на неприятие и агрессию. Древняя Русь отражала набеги немцев, шведов, ляхов, но Анна Ярославна стала королевой Франции, Софья Палеолог — женой Ивана III, Иван Грозный собирался жениться на английской королеве. При этом Древняя Русь, как представляется, была лишена комплекса неполноценности в отношении Запада, возможно, в силу недостатка сведений, но, что более важно, — ощущая свое идейное и культурное единство, целостность и значимость своего существования. Русь была просто *другая*. Что же касается веры, то русские ощущали свое первородство; уникальность нашей веры подчеркивалась самим названием — «православная», то есть истинно христианская.

Перелом наступил в эпоху Петра I. Россия стала «догоняющей цивилизацией». Достижения Запада оказались востребованы в военном, экономическом, культурном плане. Петр жадно впитывал опыт Голландии и Англии, вступил в дружеские отношения с крупнейшим реформатором английской державы Вильгельмом Оранским. Оспаривать или зачеркивать деяния Петра могут лишь крайне неосведомленные люди. В условиях постоянной агрессии наших ближайших соседей Швеции и Польши, и в то же время персидского, тюркского и монгольского давления с Востока и Юга ускоренная вестернизация была, вероятно, единственным путем спасения страны. Наши крупнейшие ученые (например, А. Панченко[1]) доказали, что вся деятельность Петра вытекает из потребностей России, отчетливо проявившихся еще в XVII веке. Россия и после смерти Петра не отказалась от его идей и продолжала идти по проложенному им пути, и это свидетельствует о том, что такой путь был необходимым, имманентно присущим России.

Но положение все время отстающего и догоняющего Запад государства не могло не отразиться на идеологии элиты. Естественный, постепенный путь развития представал недопустимой медлительностью, чуть ли не экзистенциальной угрозой самому существованию страны. Мысль, что Россия — не Европа (или не совсем Европа), становилась нравственной травмой для нарождающейся русской интеллигенции. И это травмированное сознание стало порождать фантомы. Отношение к Западу уже во второй половине XVIII века приобрело болезненный характер. Элита все активнее обращала взгляд на Запад, жаждала приобщиться к «западным ценностям». Крайним выражением этой ускоренной вестернизации стал отказ высших слоев общества от русского языка, что выдавало наш неофитский, в чем-то инфантильный характер овладения западной культурой. Французская речь становилась маркером принадлежности к сословию аристократии, притом что страна не только не была завоевана (как, например, это произошло с Британией, завоеванной норманнами в 1066 г.), но, напротив, в начале XIX века одержала блистательную победу над Францией. Чужеземный французский язык становится средством не только светского, но и домашнего общения у большинства дворян, что невозможно было бы представить ни в одной культурной европейской стране. «Она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала / И выражалася с трудом на языке своем родном», — писал Пушкин о Татьяне Лариной.

Лучшие умы России прекрасно видели порочность этой тенденции. Сам Пушкин энергично противился такого рода нелепому франкофильству и писал письма жене на прекрасном русском разговорном языке. Гоголь немало иронизировал над нашим скороспелым западничеством, выражавшимся в том числе и в повальном увлечении античной культурой, часто воспринимаемой через западные образцы, бездумно и порой просто нелепо[2]. В статье «Ал-Мамун» (сборник «Арабески», 1835) он, ссылаясь на историю царства Гаруналь-Рашида и Аль-Мамуна, прямо предостерегал от механического восприятия идей Запада, которое может стать разрушительным для страны. Л. Толстой, принадлежавший к высшей российской аристократии, в начале романа «Война и мир» гротескно изобразил русскую знать, уже во время войны с Наполеоном полностью погруженную в галломанию и пренебрегающую родной культурой.

Отношения России и Запада, сложившиеся в XVIII веке как культурно неравноправные, породили раскол в рядах интеллектуальной элиты. Уже в конце XVIII века возникло два радикальных течения общественной мысли, которые окончательно оформились несколько десятилетий спустя. Их приверженцы именовались «западниками» и «славянофилами». У западников главенствовали две противоположные идеи (нередко воспринимаемые нераздельно). С одной стороны, свет, разум, культура, сама цивилизация могут быть только на Западе, так что Россия, отставшая лет на двести, должна, напрягая все силы, устремиться вдогонку, оставив в прошлом мрачную архаику тирании, крепостничества, невежества и как можно полнее впитывая западную культуру. Цена такого ускоренного прогресса адептов Запада, как правило, не интересовала. С другой стороны, Россия, погрязшая в деспотизме, дикости, варварстве (западные авторы охотно писали об этом, а русские западники с восторгом соглашались), казалась радикально настроенным западникам вообще неспособной идти по западному пути — отсюда их раздражение против родной страны, доходящее порой до ненависти. Наиболее решительно настроенные интеллектуалы-западники доходили даже до идеи тотального разрушения России как неудачного проекта. «Как сладостно Россию ненавидеть и жадно ждать ее уничтожения!» — восклицал образованнейший человек, выпускник Петербургского университета, поэт, талантливый переводчик древнегреческих эпиграмм Владимир Печерин в своей поэме «Торжество смерти». В романе Достоевского «Бесы» именно Печерин был одним из прототипов Степана Трофимовича Верховенского, либерала 1840-х годов, учителя целой когорты «бесов».

[1] *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984.

[2] *Успенская А. В.* Античные рецепции в творчестве Гоголя: от травести к трагедии // Philologia Classica. Исследования по классической филологии и антиковедению : межвуз. сб. СПб., 2014. Вып. 9. С. 368–386.

Эти идеи успешно внедрялись в массы полуобразованной публики. Еще Д. Фонвизин в своей комедии «Бригадир» иронизировал над ситуацией, когда часть молодого поколения брезгливо отворачивается от России: молодой дворянин Иван (не помнящий родства) прославляет Запад, жаждет жить в Париже и не хочет, чтобы его считали русским; его возлюбленная насыщает родной язык бесконечными смешными неологизмами, заимствованными из французского. В дальнейшем уроки западников привели к национальному и религиозному нигилизму 1860-х годов, ставшему, как и предвидел Достоевский, предвестником русской смуты.

В свою очередь славянофилы, отчасти из личных консервативных убеждений, отчасти остро реагируя на идеи западников, призывали к возвращению в допетровские времена, считая Запад источником дьявольских соблазнов или, по крайней мере, вольнодумства и безнравственности. Эти идеи были сильны еще на рубеже XVII–XVIII веков в среде староверов с их антипетровскими идеями. Петербург, любимое детище Петра I, которое воплощало для него лучшие черты Запада — торжество разума и прогресса, некий земной парадиз, они считали порождением царя Ирода, Антихриста, местом, где обитают силы зла. Это амбивалентное восприятие Петербурга, а вместе с ним и западного пути развития, предопределенного Петром I, прочно укоренилось в русской культуре. В пушкинском «Медном всаднике» возникает колоссальная фигура императора, не названного даже по имени: это больше чем царь, это «Он» — полубог, строитель нового мира, призванный «из тьмы лесов, из топи блат», из мирового хаоса поднять светлый мир гармонии и разума. Но уже через столетие фигура российского самодержавия принимает облик «кумира на бронзовом коне», то есть грозного идола, и подобно языческим идолам он требует человеческих жертв: «Ужасен он в окрестной мгле!» В творчестве Гоголя, особенно в «Петербургских повестях» российская столица окончательно обретает апокалиптический характер: здесь ветер дует со всех четырех сторон, здесь зима длится почти круглый год (подсчет времени мрака, холода и снега в «Шинели» дает около 9 месяцев). Наконец, в повести «Портрет», особенно в ее первой редакции, Петербург предстает городом неестественным, иррациональным, и именно здесь должен прорваться в мир Антихрист.

И все же в силу восприимчивости или, как сказал Достоевский, «всемирной отзывчивости» русской культуры западное влияние на нее все росло, а опасения славянофилов большинству казались надуманными и контрпродуктивными. Жуковский, Пушкин и многие другие русские классики совершили титанический труд, перенося на русскую почву лучшее из западной литературы, и читатели с восторгом знакомились с миром западных идей и образов. Архитекторы украшали Петербург лучшими образцами западной культуры. Российской интеллектуальной элите казалось, что страна наконец-то получила доступ в мировую сокровищницу, откуда можно бесконечно черпать еще неведомые ценности.

Но за такое сближение пришлось заплатить немалую цену. Ситуация изменилась, когда в Россию стали проникать европейские революционные идеи. Лишь немногие русские мыслители смогли оценить их истинное значение. Одним из первых об этом заговорил Ф. И. Тютчев, прекрасно знавший Запад и любивший его культуру. Он прожил там 22 года, вращаясь в высших интеллектуальных кругах политиков и философов. Размышляя о системе идей, охвативших Запад и движущихся на восток, он писал: «Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное свойство. <…> Революция, если рассматривать ее самое существенное и простое первоначало, есть естественный плод, последнее слово, высшее выражение того, что в продолжение трех веков принято называть цивилизацией Запада. Это вся современная мысль после ее разрыва с Церковью»[1].

Русофобия, охватившая Запад, по мнению Тютчева, вызвана усиливающимся антихристианским духом. (Примечательно, что в XX в. западный характер социалистических идей затушевывался и западной, и советской идеологией. Первородство русского социализма для идеологов СССР обеспечивалось его победой в России, Запад также вел крестовый поход против коммунизма, якобы имманентного России как Империи зла и абсолютно чуждого Западу.) Тютчеву казалось, что именно Россия могла бы противостоять антихристианским, богоборческим тенденциям Запада, все более погружающегося в кризис. Удивительно современно звучат его слова, завершающие статью «Революция и Россия»: «И когда еще призвание России было более ясным и очевидным? Можно сказать, что Господь начертал его огненными стрелами на помраченных от бурь Небесах. Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре — Европа Карла Великого и Европа трактатов 1815 года, римское папство и все западные королевства, Католицизм и Протестантизм, уже давно утраченная вера и доведенный до бессмыслия разум, невозможный отныне порядок и невозможная отныне свобода. А над всеми этими развалинами, ею же нагроможденными, цивилизация, убивающая себя собственными руками…»[2]

Современникам, влюбленным в культуру и науку Запада, восхищавшимся его благоустроенностью и порядком, эти идеи казались маргинальными. Но западнические интенции элиты проложили широкую дорогу идеям социалистов. Россия стала первой страной, воплотившей их на практике. Если отбросить интернационалистскую риторику коммунистов 1920–1940-х годов, мечтавших о мировом пожаре, то выяснится, что русская революция — это логическое продолжение идей западников. Недаром одним из любимых лозунгов социализма был «Догнать и перегнать Запад!». Таким образом, идея «отставшей» на пути

[1] *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и писем : в 6 т. М. : Классика, 2003. Т. 3. С. 180.

[2] Там же. С. 157.

мирового прогресса, ученически идущей по западному пути России была присуща и советскому проекту.

В постсоветскую эпоху идея ускоренной вестернизации и отказа от своих духовных устоев приобрела совершенно радикальный характер. То, что западная идея так легко прижилась в России, не свидетельствует ли о том, что в XX веке пути России и Запада, социализма и капитализма не так различны, как это кажется на первый взгляд?[1] Обеим системам свойственны идея прямолинейного прогресса, представление о «правильных, прогрессивных странах», идущих вперед быстрее других, и отстающих «неудачниках». Обеим свойственно отсутствие представления о многовариантности развития разных народов, проходящих период становления, развития, расцвета и угасания, хотя эта точка зрения многократно критиковалась разными исследователями (Данилевский, Шпенглер, Тойнби и др.[2]). Обоим проектам свойственна гиперурбанизация, общая технизация, механизация жизни, а затем и человеческих институтов и установлений, индустриализация, проводимая за счет деревни, уничтожение или деградация крестьянства. Заметим, что трагические события советской коллективизации происходили в тот же исторический момент (1929), что и американская Великая депрессия, согнавшая с земли миллионы фермеров. Можно привести и другие родственные черты обоих проектов: уничтожение обычаев, устоев сельскохозяйственной цивилизации, отрыв человека от природы, человеческая жизнь, приобретающая все более искусственный, симулятивный характер, торжество массовой низкопробной культуры и явный упадок культуры элитарной, наконец, жажда заменить несовершенный человеческий разум искусственным интеллектом. Запад и в этом обгоняет нас. Там кризис современной цивилизации яснее обнажает ее не просто антирелигиозные, но и античеловеческие основы: дальше зашло разрушение семьи как ячейки общества (ювенальная юстиция, идеи чайлдфри, новая гендерная повестка, явно направленная против деторождения). Вместо этики труда — гедонизм, все большая причудливость в удовлетворении потребностей тела. Не означает ли это, что противопоставление капитализма и социализма, в сущности, оказывается искусственным? И выбор, в сети которого дважды за XX век попалась Россия, был ложным выбором?

Цивилизации современного Запада около 500 лет, новая Россия насчитывает чуть больше 300 — и все это время она находилась в орбите западного влияния. Но становится очевидно, что на Западе нарастает всесторонний структурный кризис, о чем в последние десятилетия все настойчивее говорят не только российские, но и западные исследователи[3]. Работа О. Шпенглера «Закат Европы», встреченная когда-то с большим интересом, говорила не о завтрашнем дне, а о более долгой перспективе, поэтому ее многие перестали воспринимать всерьез, но в нынешней ситуации она вновь обретает актуальность. Может быть, впервые с петровских времен мы должны ощутить плюсы нашего отставания и перестать догонять Запад. Поиски Россией своего пути из интеллектуальной причуды славянофилов, приглашавших отпустить бороды и одеться в допетровское платье, оказываются актуальными на более серьезном уровне. Возможно, от этого зависит само выживание страны. Россия, вероятно, уже взяла у Запада все лучшее, что можно было взять, время ученического подражания прошло. И чем раньше мы откажемся от попыток догонять чужую цивилизацию и осознаем свою самодостаточность, свое истинное место в истории и современности, тем вернее мы избежим кризиса, уже явственно накрывающего Запад. В истории был подобный пример, когда Византия, отделившись от зашедшей в политический, экономический и нравственный тупик, погибающей Западной Римской империи, просуществовала еще тысячу лет.

[1] *Шафаревич И.* Зачем России Запад? М. : ЭКСМО : АЛГОРИТМ, 2005. С. 6–74.

[2] См., например: *Шпенглер О.* Закат Европы. М. : Наука, 1993 ; *Тойнби А.* Постижение истории : сб. / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М. : Рольф, 2001.

[3] Неизбежный кризис Запада предсказывал еще А. Тойнби в 12-томном труде «Постижение истории». См. также: *Тойнби А. Дж., Хантингтон С. Ф.* Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. М. : Алгоритм, 2016 ; *Хантингтон. С. Ф.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. : АСТ, 2008 ; *Бьюкенен П.* Смерть Запада. М. : АСТ, 2007 ; *Хазин М.* Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики. М. : Рипол-классик, 2017 ; *Он же.* Кризис и власть : в 2 т. М. : Рипол-классик, 2023.

А. Н. Чумаков[1]

ВСЕОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ С ФИЛОСОФСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В условиях многополярного мира особую актуальность в осмыслении общечеловеческих проблем обретает, казалось бы, сугубо философская тематика соотношения всеобщего и особенного, которая становится все более практически значимой, наполняясь новыми смыслами. Обусловлено это тем, что к началу XXI века мировое сообщество в основе своей стало глобальным, а отношения, коммуникации, информационные потоки — трансграничными, что делает все человечество, по сути, единой системой практически по всем основным параметрам общественной жизни[2]. Но чем больше обнаруживает себя такая всеобщность мировой социальной системы, тем более активно заявляет о себе и то особенное, что характерно для множества элементов данной системы, находящихся в определенных связях и отношениях друг с другом. Важнейшими элементами планетарной социосистемы (как единого целого) являются, несомненно, национальные государства, которых сегодня насчитывается уже около 200. В таком же качестве теперь выступают и транснациональные корпорации, и всевозможные международные организации, блоки, союзы, общественные объединения и т. п.

В итоге все это разноплановое мировое сообщество, различные элементы которого, придерживаясь разных моральных и ценностных ориентиров, преследуют свои, как правило, эгоистические интересы, оказывается дезорганизованным и не способным решать как прежние, так и принципиально новые глобальные проблемы, такие, например, как предотвращение ядерной войны, демографический взрыв, экологические проблемы, киберпреступность и пр. И это притом что мировое сообщество лишь в незначительной мере регулируется, но не имеет адекватной системы управления, в которой оно все больше нуждается. Как следствие, в глобальном мире нарастают нерешенные противоречия и усугубляется ситуация неопределенности, тогда как человечество подошло к той черте, за которой стихийно складывающееся регулирование общественных отношений уже не соответствует велению времени. Теперь оно должно быть дополнено сознательно и целенаправленно выстроенным управлением всей системой международных отношений, поскольку без эффективного глобального управления мировое сообщество обречено на серьезные, а то и вовсе беспрецедентные испытания[3].

В этой связи возникает фундаментальный вопрос: возможно ли в принципе глобальное управление, и если да, то каким образом? При этом очевидно, что решение такой предельно сложной задачи вряд ли возможно без учета диалектического взаимодействия *всеобщего*, то есть общечеловеческого, и *особенного*, представленного различными субъектами международных отношений, которые руководствуются национальными, идеологическими, политическими, экономическими и тому подобными интересами[4]. Несомненно и то, что для достижения такого рода целей требуются по меньшей мере взаимопонимание, доверие, конструктивный диалог и совместные действия, что сегодня у мирового сообщества отсутствует. И это одна из самых актуальных и наиболее значимых проблем современной эпохи, принципиальное решение которой остается под вопросом даже на теоретическом уровне.

Еще одно препятствие на пути *глобального управления* заключатся в том, что для управления мировым социумом как единой системой наработанные к настоящему времени формы и методы социального менеджмента не подходят в принципе[5]. Имеющиеся исследования решения этой задачи пока не дают оснований рассчитывать на непременное и тем более скорое решение проблемы. А она заключается в том, что по мере роста сложности управляемой системы соответственно должна возрастать и сложность управляющей системы, то есть аппарата управления. Но здесь есть свои естественные ограничения. Как показывают исторический опыт и современная практика управления общественными системами, самой крупной структурой, которой до настоящего времени удавалось более или менее эффективно управлять, является национальное государство. В самом деле, в любом государстве, каким бы ни было его социально-экономическое, политическое, идеологическое и прочее устройство, всегда имеют место общие для всех членов данного сообщества *мораль* (как рекомендуемая форма поведения) и *право* (как жесткая сила, предписывающая повиновение и принуждающая к строгому соблюдению установленных норм и правил). Иными словами, морально-правовое регулирование — базовый атрибут управления обществом. Значимость такого регулирования возрастает по мере усложнения общественной системы. В связи с этим *общечеловеческие ценности*, *глобальное мировоззрение*, *планетарная этика* и *цивилизационное развитие* в последнее время все активнее обсуждаются,

---

[1] Профессор кафедры геополитики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 750 научных публикаций, в т. ч. на английском, китайском, немецком, польском, турецком и других языках; среди них монографии: «Глобализация. Контуры целостного мира», «Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст», «Глобальный мир: столкновение интересов», «Путь в философию. Работы разных лет», «„Философский пароход“: 100 лет без покаяния», «Philosophy of Globalization. Selected articles», «The Globalized World from the Philosophical Point of View» и др. Член Президиума Российской экологической академии, Исполкома Международной ассоциации профессоров философии. Главный редактор журнала «Век глобализации». Награжден медалью «В память 850-летия Москвы», памятным знаком «За ликвидацию радиационных аварий» и др.

[2] См.: *Чумаков А. Н., Иоселиани А. Д.* Философские проблемы глобализации. М. : Логос, 2015.

[3] *Урсул А. Д.* Глобальное управление: эволюционные перспективы // Век глобализации. № 1 (13). 2014. С. 16–27.

[4] *Акаев А. А.* Мир цивилизаций — 2100. Шесть постулатов предсказуемости и управляемости // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019. С. 38–40.

[5] *Чумаков А. Н.* Глобальный мир: столкновение интересов : моногр. М. : Проспект, 2019. С. 309–411.

дискутируются, поскольку становятся объективной необходимостью и условием выживания мирового сообщества в современном многополярном мире. Особую озабоченность при этом вызывает то, что глобального (не *международного*, то есть имеющего место между отдельными народами, а именно *глобального, всемирного, всеобщего*) права пока не существует. И, более того, его отсутствие все еще остается за пределами должного внимания. При этом дело не в том, что нет соответствующих правовых актов (написать их не так сложно), а в том, что сегодня не существует глобальных механизмов и соответствующих структур приведения таких законов в действие[1], как и возможности для принуждения всех народов мира к их соблюдению, не говоря уже о реализации принципа неотвратимости наказания за их нарушение и неисполнение.

Если вернуться к государству, рассматривая его как особенное по отношению ко всеобщему (человечеству), то здесь в явной или неявной форме всегда представлены три основные ветви власти: *законодательная*, *исполнительная* и *судебная*. К этому следует добавить и такие атрибуты государственного аппарата управления, как армия, полиция, всевозможные политические, социокультурные, финансовые, таможенные и тому подобные структуры, регулирующие жизнедеятельность различных сфер общественной жизни в любом государстве. Но тогда вполне очевидно, что для управления еще более сложными социальными системами — наднациональными структурами и объединениями — потребовался бы также еще более сложный, чем государственный, механизм управления. Однако управляющей структуры (системы) такой сложности не существует, и перспективы ее создания пока не просматриваются, во всяком случае, по аналогии с уже имеющимися. В самом деле, на примере Европейского союза (как наиболее успешного межгосударственного объединения) мы видим только относительно эффективное регулирование межгосударственных отношений, но о полноценном управлении этой надгосударственной метасистемой говорить не приходится.

Однако для мирового сообщества в целом потребовался бы еще более сложный механизм управления. Поэтому вполне очевидно, что в контексте различения таких понятий, как «регулирование» и «управление»[2] нет никаких оснований воспринимать всерьез любые разговоры о «мировом правительстве». Обычно такое правительство мыслится как распространение на более высокий уровень тех же принципов, форм и методов управления, которые в различных комбинациях составляют соответствующие элементы государственного управления. Но в стороне всегда остается вопрос о пределах возрастающей сложности управляющей системы по мере усложнения системы, подлежащей управлению. Это обстоятельство следовало бы принять во внимание хотя бы потому, что, например, мозг мухи, вполне соответствующий тому, чтобы легко управлять полетом относительно простого организма, не подойдет для управления полетом не то что современного лайнера, но даже и колибри.

Таким образом, поскольку теперь мы живем в предельно сложном глобальном и многополярном мире, важно видеть не только целое (всеобщее) через призму его составных частей, но и отдельные части, то есть особенное, через призму совокупного целого. Однако реальность такова, что многие аналитики и лица, принимающие решения, в том числе и на самых высоких уровнях, как правило, видят проблемы той или иной страны и даже регионов и уделяют пристальное внимание отдельным аспектам общественной жизни, но практически не мыслят системно, глобальными категориями.

Остается уповать на науку и философию, которые, конечно же, не всесильны, но лучших способов познания и рационального преобразования современного мира у людей нет. При этом если с наукой так или иначе еще считаются, то к философии обращаются, как заметил еще Сенека, когда становится плохо. Теперь же, когда мировое сообщество все больше погружается в пучину нарастающих противоречий, настало время преодолеть скептическое, а то и вовсе пренебрежительное отношение к философии. Впору также восстановить в правах диалектику и дедукцию, а в контексте обсуждаемой темы сделать это даже необходимо, ибо решение региональных, государственных, да и национальных проблем теперь по большей части нужно вписывать в мировой контекст, соизмеряя их с общечеловеческим масштабом и общей логикой глобальных тенденций[3].

При этом не стоит обманываться, проводя аналогии или исторические параллели между явно усиливающимся сегодняшним мировым кризисом и теми, что уже имели место в истории. Нередко в связи с этим ссылаются, например, на опыт преодоления Великой депрессии конца 1920-х — начала 1930-х годов, охватившей тогда значительное количество стран, но преимущественно Северную Америку и страны западного мира. Однако современные процессы имеют по сути своей иную природу и другой масштаб. Тогда кризис был хотя и беспрецедентный, но не планетарный, и отдельных усилий наиболее развитых стран, прежде всего США, в конечном счете хватило, чтобы его преодолеть. Теперь же, и это впервые в истории человечества, — кризис *глобальный*[4]. К тому же он системный, то есть затрагивающий не отдельные элементы или стороны, а всю архитектонику мирового устройства, когда многоаспектная глобализация лишает любую страну и любой народ возможности безучастно наблюдать со стороны за происходящими событиями[5]. В то же время ни одна страна, и США не исключение[6],

[1] *Чумаков А. Н.* Современный мир: на пороге фундаментальных трансформаций // Век глобализации. 2008. № 2. С. 88–94.

[2] *Чумаков А. Н.* Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. № 2 (6). 2010. С. 3–15.

[3] *Кефели И. Ф.* Глобальная геополитика — реалии и теоретическое знание XXI в. // Век глобализации. 2011. № 1. С. 15–28.

[4] Гуманитарные аспекты глобального кризиса: опыт России, Швейцарии и ЕС : материалы Междунар. науч. конференции. Москва, 1–12 декабря 2009 г. М. : МАКС Пресс, 2010.

[5] *Чумаков А. Н.* Современный мир: на пороге фундаментальных трансформаций.

[6] *Запесоцкий А. С.* Почему США суждена судьба региональной державы // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 77–80.

не в состоянии взять на себя функцию не то что управления, но даже координации мировых процессов, ибо у государства принципиально иные задачи и, самое главное, у него нет для этого никаких возможностей. Решение такой задачи может быть делом только абсолютного большинства человечества.

Сказанное означает, что преодоление современного глобального кризиса если и возможно, то на пути радикальной трансформации международных отношений. При этом нужна не перестройка сложившихся к настоящему времени структур регулирования, а создание принципиально новых систем и механизмов управления глобальным сообществом[1]. Как Первая и Вторая мировые войны закончились в свое время учреждением соответственно Лиги Наций и ООН, так и окончание третьей — холодной — мировой войны должно наконец увенчаться принципиально новой адекватной глобальному миру структурой и системой ее управления. Будет ли это нечто наподобие конфедерации или еще какая-то поддающаяся управлению мировая система, не важно; принципиально то, что сама собой сложившаяся ситуация окончательно не разрешится и потребуется немало оригинальных идей и нестандартных решений, чему могут способствовать и современные технологии, и активно развивающийся искусственный интеллект[2]. А если таковые действия вовремя не последуют, то, будучи саморегулирующейся системой, биосфера (природа в целом) сама отреагирует тем, что еще больше «закрутит гайки» все тем же проверенным, простым и безотказно действующим способом — кризисом, только еще более сильным[3]. Эмоции и сострадание окружающей среде неведомы, и потому человеку остается рассчитывать только на себя, точнее, на свой разум, а попросту — на свою голову, с которой, собственно, все кризисы и начинаются, но (что несколько обнадеживает) с ее же помощью в конечном счете и преодолеваются. Речь, конечно же, не о голове как таковой, а о ее способности решать сложные задачи, в том числе и на философском уровне и, пожалуй, в первую очередь на философском!

В. А. Шахов[4]

ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ РОССИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ И СТРАН ЕВРАЗИИ И БРИКС

В последнее десятилетие проблематика диалога культур и цивилизаций становится основной темой научных форумов, о чем свидетельствуют, в частности, материалы ежегодных Международных Лихачевских научных чтений. При этом ключевые аспекты конференций связаны с пониманием места России в глобальном мире, характеристикой духовных оснований русской цивилизации, анализом угроз, порождающих дезорганизацию общества и мешающих ему сохранить жизненно важные параметры в пределах исторически сложившихся границ, выработкой механизмов и условий, в рамках которых общество может сохранить себя как целостность в историческом времени[5].

Политика национальной безопасности в новой геополитической ситуации предполагает адекватное реагирование на характер глобальных и региональных процессов, учет действий всех акторов мирового процесса. Важнейший постулат геополитики — географическое пространство — является не просто территорией государства, а значимым элементом его политической силы и цивилизационной солидарности. В геостратегическом плане Россия занимает внутреннее пространство центральной Евразии, являющейся своего рода «осевым» районом мировой политики. Именно это создает предпосылки для осуществления Россией геостратегической миссии держателя равновесия между Востоком и Западом в их не блоковой, а культурно-цивилизационной плоскости. Эта роль России подкрепляется ее культурной традицией, объединившей три основные мировые конфессии — христианство, ислам и буддизм. К тому же на своем обширном евразийском пространстве Россия граничит со всеми основными цивилизациями планеты: римско-католической на западе, исламским миром на юге и конфуцианской цивилизацией Китая на востоке. Поэтому при правильном выборе стратегии развития и проведении соответствующей внешней политики Россия может сыграть роль необходимого «межцивилизационного буфера» и стабилизатора ситуации на региональном и глобальном уровнях[6].

Комплексный характер должна иметь и российская внешнеэкономическая стратегия. На сегодняш-

[1] *Чумаков А. Н.* Современный мир: на пороге фундаментальных трансформаций.

[2] Там же.

[3] Мировой финансовый кризис: начало или конец? Философская рефлексия : сб. науч. тр. М. : Финакадемия, 2010.

[4] Профессор кафедры философии и культурологии Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота Калининградского государственного технического университета, доктор культурологии, Заслуженный работник культуры РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Кто мы? Русские Принеманья или российские балты», «Культурологический аспект патриотического воспитания молодежи Калининградской области», «Социокультурный феномен русского Принеманья», «Русский солдат на дорогах Пруссии. Антология военно-патриотических туристских маршрутов в 5 книгах» (в соавт.); глав в коллективных монографиях; статей в научных журналах: «Культурологическое осмысление Нового времени: перезапуск русской культуры», «Кризис диалога культур и проблема обеспечения духовной безопасности России», «Туризм и спорт как интегрирующие факторы межкультурной коммуникации» и др. Главный редактор научного журнала «Проблемы межрегиональных связей».

[5] *Марков А. П.* Диалог культур в глобальном мире: надежды и разочарования // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М., 2017. Вып. 12, ч. 3. С. 745–752.

[6] *Викторов А. Ш.* Внешняя и внутренняя безопасность России в современном мире // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. М., 2018. Вып. 2, ч. 2. С. 84.

ний день программы деятельности многих международных организаций (АТЭС, ВТО, ШОС, «Большой двадцатки», ОЭСР, БРИКС) в значительной степени пересекаются. Ключевая задача России — обеспечить координацию действий на этих международных площадках. Активно формирующаяся концепция «Большой Евразии» предполагает создание целого ряда связующих звеньев на всем пространстве Евразийского континента — между ЕАЭС и Европейским союзом, ЕАЭС и крупнейшими странами Евразии, такими как Китай и Индия, ЕАЭС и странами АСЕАН. Данный проект, на наш взгляд, может рассматриваться как один из вариантов создания Россией собственной платформы для интеграции в мировую экономику, структурным элементом которой сегодня является Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В реализации проекта в долгосрочном формате необходимо не только решать задачу максимизации количества стран или сфер регулирования, но и помнить об опыте Европейского союза, который имеет и свои негативные стороны с точки зрения чрезмерных волн расширения, подчас не всегда в должной степени учитывавших экономические реалии. При этом России необходимо выработать и представить народам Евразийского континента свой проект, собственную платформу, которая обеспечит в максимально сжатые сроки интеграцию в мировую экономику. Как показывает предыдущий опыт, попытки использовать чужие платформы влекут за собой определенные издержки и требуют времени. Очевидно, что для такой огромной страны, как Россия, важно найти оптимальный формат. Фундаментом для успешной геополитической стратегии может стать идея Большого евразийского партнерства. Нельзя останавливаться на Евразийском экономическом союзе — нужно смотреть на различные форматы ЕАЭС+, которые задействуют инструменты интеграции в рамках и БРИКС, и АСЕАН, и возможных китайских союзов. Здесь надо развивать во многом новую для нас науку — заключение экономических альянсов во всем их многообразии по всему миру[1].

Современный динамичный мир, который характеризуется нестабильностью и изменчивостью, заставляет по-новому взглянуть на взаимоотношения Российской Федерации и государств Центральной Азии, на реализацию российских интересов в регионе. Поэтому рассмотрение проблем центральноазиатских государств через призму национальных интересов Российской Федерации и позитивных результатов для народов Центральной Азии и России представляется весьма серьезной задачей. В настоящее время существует кризис отношений России с западным миром, развившийся в результате противостояния геополитических интересов России и Запада. Необходимы переориентация внешней политики Российской Федерации на Восток и диверсификация политических, экономических и культурных связей со странами СНГ в сторону повышения эффективности. В связи с этим актуально исследование деструктивных процессов на постсоветском пространстве, выявление их причин и истоков[2].

В начале XXI века геополитическая и геостратегическая роль России главным образом заключается в сдерживании евразийского Юга в самом широком смысле. При этом только ярко выраженная позиция России как сильной азиатской и тихоокеанской державы придаст ей значимость при взаимодействии с Европой, а сильная традиционная европейская политика позволит сохранить престиж в отношениях с главными партнерами и членами БРИКС в Азии, Латинской Америке, на Ближнем Востоке. Укрепление геополитического и геостратегического значения России как условного мирового цивилизационного и силового «балансира» является одним из главных средств предотвращения сползания Европы, да и мира в целом к геополитическому хаосу.

Причем геоэкономика как своеобразное орудие политики во многом предопределяет зоны национальных интересов и устремлений государств, поскольку формирует основу для интеграционных подвижек и альянсов различного, в том числе и военно-политического, содержания. Основополагающий тезис современной геоэкономики связан с тем, что Россия должна опередить события и успеть прийти к новому геоэкономическому равновесию в качестве сильного партнера, провозгласив свои национальные экономические интересы через создание интеграционных альянсов и определение стратегических целей в каждом из регионов. Геоэкономическая суть новой политики безопасности и стратегического арсенала ее реализации сводится к следующему: врастание национальной экономики в геоэкономическую систему (включение в мировые интернационализированные ядра) с целью прорыва к полноправному участию России в формировании и распределении мирового дохода с опорой на высокие геоэкономические технологии и функционирование в мировом геоэкономическом пространстве как равного партнера. Геоэкономический подход должен стать одним из центральных направлений формирования политики национальной безопасности.

Оставаясь же на уровне сугубо геополитических подходов (без переноса центра тяжести в геоэкономическую сферу), Россия не сможет совершить маневр исторического масштаба и своевременно подойти к новому равновесному (сбалансированному) состоянию мировой системы в качестве признанного мировым сообществом ведущего участника и партнера по глобальному предпринимательству и, следовательно, будет постоянно отодвигаться от мирового дохода[3].

Одной из важнейших причин сложившихся в современных кризисных условиях проблем является идея цивилизационной культурной исключительности азиатских народов и вызванная ею пропаганда русофобских тенденций в информационном пространстве. Кроме того, многовекторная политика, проводимая лидерами Центральной Азии, является неплодотворной

[1] *Аникин В. И.* О роли и возможностях России ЕАЭС, Китая в реализации проекта «Большого евразийского партнерства» // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. М., 2019. Вып. 2, ч. 2. С. 21.

[2] *Пашков В.* К вопросу о классификации угроз национальной безопасности России // Безопасность: Информационный сборник. 2002. № 7–8, июль-авг. С. 193.

[3] *Викторов А. Ш.* Указ. соч. С. 85.

и негативно влияет на отношения между Российской Федерацией и государствами региона.

Эти причины побуждают к серьезному исследованию процессов формирования гражданской идентичности в новых государствах Центральной Азии и противоречивых тенденций в формировании культурного пространства. Факторы, влияющие на эти процессы, — полиэтничность региона, политика государств, ведущая к конфликту культур. Использование идеи исключительности местных этносов ведет к формированию у многочисленных иноэтносов комплекса потенциальных мигрантов.

В этом контексте важно обратить особое внимание на роль и место ислама в Центральной Азии. Появление там политического ислама, связанного с экстремизмом и терроризмом, стремлением его сторонников создать государство по законам шариата, вызывает обеспокоенность и требует принятия мер по противодействию этому движению.

После развала социалистической империи у большинства русских, оставшихся жить в центральноазиатских государствах, не сформировалась гражданская идентичность. Они по-прежнему идентифицируют себя как граждан России или несуществующего государства — СССР.

Проблемы «афганского фактора», негативно влияющего на ситуацию в Центральной Азии, являются неотъемлемой частью кризисных тенденций в этой части мира. Политическая нестабильность в Афганистане порождает массовую миграцию населения в сопредельные государства, что ведет к напряженности на рынке труда и политической нестабильности во всем регионе.

Также важны выявление и анализ основных актуальных проблем, существующих в странах Центральной Азии, в решении которых Российская Федерация должна участвовать как можно активнее. К ним относятся проблема энергетики, неразрешенная проблема границ, демографии, использование водных ресурсов, исчезновение Аральского моря, упадок сельского хозяйства. Особое место в этом контексте занимает вопрос нового подхода к интерпретации истории региона. Тенденция пересмотра истории во всех центральноазиатских государствах усиливается. Многие исторические факты, такие, например, как восстание в Туркестане в 1916 году и басмаческое движение, интерпретируются исключительно как отражение российского колониализма.

МИД РФ не была выработана четко выверенная политика в отношении русских в государствах Центральной Азии. Институциональной политики касательно новых диаспор из ближнего зарубежья в Российской Федерации не было до 1994 года. Российское руководство ориентировалось исключительно на Запад, и государства Центральной Азии его мало интересовали, так же как русское население, оставшееся в центральноазиатских республиках после развала СССР. В последующие годы неоднократно поднимался вопрос о фактическом лишении гражданства части русских, сужении статуса русского языка не только в прибалтийских странах, но и на всем постсоветском пространстве. Однако активных практических, дипломатических и политических шагов для защиты русских в Центральной Азии не было предпринято. В настоящее время заявления о защите русского языка, Русского мира на постсоветском пространстве декларируются на самом высоком уровне, но масштабных достижений в этой области Россия все еще не имеет[1].

Такая ситуация привела к расцвету в государствах Центральной Азии так называемого бытового национализма. Ущемленное в прошлом самосознание части местного населения Центральной Азии стремится к самоутверждению путем унижения русского населения. Бытовой национализм имеет разные формы: порицание ношения европейской одежды, русских праздников, употребление нецензурной лексики в адрес всего русского, унижение чувства собственного достоинства по национальному признаку. Главные причины эпизодов бытового национализма — законодательная правовая база азиатских государств, которая декларирует формальное равенство этносов перед законом, но реально создает преимущества для титульного этноса, а также совокупность трудно отслеживаемых связей в азиатских этносах, которые позволяют формировать атмосферу неприязни, провоцировать конфликты и вызывать изменения в социальной психологии местного населения. Кроме того, для этносов большое значение имеет отношение к трудовым мигрантам из Центральной Азии на территории Российской Федерации. Информация, поступающая по официальным или частным каналам, о притеснениях мигрантов в России приводит к очередным проявлениям бытового национализма в центральноазиатских государствах[2]. Лозунг 1990-х годов «Русские в Рязань, татары в Казань» функционирует в обыденном сознании населения стран региона до настоящего времени, транслируясь в любом бытовом конфликте. Деятельность так называемых языковых патрулей не получила оценки политического руководства страны. Народная мудрость Азии гласит: «Восток любит силу!». На наш взгляд, безусловно, и речи быть не может о применении военной силы даже в отношении групп агрессивной молодежи на территории иностранного государства[3].

Следует предположить, что для защиты русского населения центральноазиатских государств недостаточно строить там школы, открывать российские высшие учебные заведения, направлять учебную и научную литературу. Нужна комплексная программа по усилению присутствия России в регионе. Безусловно, речь идет не только о присутствии военных Российской Федерации в Центральной Азии, размещении и функционировании военных баз. Для реализации этой программы необходимо следующее.

Во-первых, более весомое присутствие российского бизнеса в регионе, который должен потеснить бизнес западных стран и Китая.

---

[1] *Николаева Л. Ю.* Русские диаспоры в Центральной Азии: поиск идентичности // Проблемы межрегиональных связей. 2022. № 18. С. 67–72.

[2] Там же.

[3] *Николаева Л. Ю.* Центральная Азия как сфера интересов Российской Федерации : моногр. Калининград : Изд-во БГАРФ, 2023. С. 171.

Во-вторых, организация и проведение совместных научных программ учеными Центральной Азии и Российской Федерации.

В-третьих, активное участие российского правительства в разрешении региональных проблем.

В-четвертых, связь реализации тех или иных экономических программ и военного сотрудничества с положением русского населения в регионе.

В-пятых, четкая научно обоснованная национальная политика в самой Российской Федерации[1]. На наш взгляд, она должна начинаться с создания Министерства по делам национальностей Российской Федерации вместо существующего сейчас Федерального агентства. В такой многонациональной стране, как Россия, создание подобной государственной структуры является важным шагом в решении национальных проблем, повышении статуса русской нации.

В-шестых, объективная оценка проявлений агрессивного национализма и активизация деятельности дипломатических представительств РФ в этом направлении[2].

Изучение процессов переформатирования сознания населения Центральноазиатского региона и факторов, влияющих на эти процессы, подчеркивает актуальность особого внимания России к многочисленным проблемам. Ограничивая идеи национальной исключительности для любых народов, в том числе Центральной Азии, мы подчеркиваем, что этнонационализм тормозит развитие центральноазиатских государств и является негативным фактором для взаимоотношений Центральной Азии с Российской Федерацией. Необходимо консолидированное признание наличия проблем во взаимоотношениях с центральноазиатскими государствами в качестве данности, и в России усилить свое влияние в регионе и способствовать их разрешению. Присутствие России в центральноазиатских государствах не только в качестве военной силы, а прежде всего в культурной и экономической сферах, будет соответствовать геополитическим интересам сопредельных государств.

Народы Евразии объединены духом неприятия неолиберальной модели жизнеустройства, разрушающей моральные принципы культуры и девальвирующей рожденные историей духовно-нравственные ценности. Ключевой тезис идеологов евразийства: «между евразийской метацивилизацией, ядром которой является Россия, и западным атлантическим сообществом изначально существует неснимаемое противоречие»[3].

Неолиберальная идеология и практика — это «невидимый враг… некий дух, который пронизывает атмосферу земли своими миазмами, отравляет ее почву, заражает воды, превращает города в гниющие болота, а села — в пустыри; кажется, что от него невозможно нигде укрыться: он найдет беглецов и на вершинах гор, и в глубине морей. Этот враг — дух растления, который на современном языке называется либерализмом»[4]. Именно либерализм породил антикультурные по своей сути проекты толерантности и политкорректности. В пространстве этой идеологии западной элитой был инициирован «проект управляемой эволюции», который должен обеспечить «антропологический суицид» большей части человечества, «лишнего» в грядущем мире цифровой экономики и искусственного интеллекта[5]. «Геноцид лишних» предполагает «антропологическую регрессию», то есть целенаправленное снижение ключевых характеристик человека как существа духовного, социально ответственного и интеллектуально вменяемого путем духовно-нравственной деградации человечества (лишения человека стыда и совести, легитимации порока, раскрепощения энергий языческого прошлого, девальвации ценностей семьи и морального растления молодого поколения)[6]. Эти задачи активно решают институты массовой культуры — массмедиа, сетевое пространство, искусство эстетики постмодерна.

Консолидирующим основанием евразийского пространства может стать идея всечеловеческого единства, выстраданная пророками и философами народов Евразии. «Над Евразией веет дух своеобразного „братства народов“, имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас… Это „братство народов“ выражается в том, что здесь нет противоположения „высших“ и „низших“ рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивание, что здесь легко просыпается „воля к общему делу“. Признание полицентричного и многополярного мира и цивилизационного многообразия исключает превосходство одной цивилизации над другими (Л. Н. Гумилев). В таком качестве евразийский проект заявит о себе в глобальном пространстве как альтернатива антигуманной цивилизационной модели Запада»[7].

[1] *Николаева Л. Ю.* Русские диаспоры в Центральной Азии: поиск идентичности. С. 67–72.

[2] *Николаева Л. Ю.* Центральная Азия как сфера интересов Российской Федерации. С. 123–124.

[3] *Марков А. П.* «Евразийский проект» как цивилизационная альтернатива западному мироустройству // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. М., 2024. Вып. 7, ч. 1. С. 64.

[4] *Архимандрит Рафаил (Карелин).* Современный враг христианства. URL: https://ansobor.ru/news.php?news_id=3038&ysclid=ly7c9sb7sj207399221 (дата бращения: 04.07.2024).

[5] *Марков А. П.* Указ. соч. С. 190.

[6] *Марков А. П.* Традиционные ценности — «Новая этика»: глобальный конфликт Логоса и Хаоса // Культура культуры. 2023. № 4. С. 112–121.

[7] *Марков А. П.* «Евразийский проект» как цивилизационная альтернатива западному мироустройству. С. 190.

Я. Г. Шемякин[1]

О КРИТЕРИЯХ РАЗЛИЧЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТИПОВ В СВЕТЕ «ДИАЛОГИКИ» М. М. БАХТИНА

На наш взгляд, ключевое значение для изучения закономерностей межцивилизационного взаимодействия имеет понимание М. М. Бахтиным специфики гуманитарного знания. Согласно Бахтину она определяется самим предметом гуманитарных наук. Данный предмет — не что иное, как «выразительное и говорящее бытие», то есть человек во всем многообразии своих проявлений[2]. «Критерий здесь не точность познания» в смысле естественно-научном, «а глубина проникновения»[3]. Тем не менее знание о человеке и его мире имеет свой критерий точности: «В гуманитарных науках точность — преодоление чуждости чуждого без превращения его в чисто свое»[4]. Выдвижение подобной интерпретации понятия «точность» непосредственно обусловлено тем, как Бахтин понимает метафору глубины.

В его интерпретации речь идет об основе, на которой развертывается процесс творения человеком его собственного, человеческого мира. И основа эта — диалогическое общение, отождествляемое с самим процессом жизни «человека разумного» во всех его проявлениях: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всею жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни…»[5] Таким образом, согласно логике концепции Бахтина вся человеческая деятельность на всех уровнях, все бытие homo sapiens, как социальное, так и индивидуальное, рассматривается как диалогическое общение. Соответственно все многообразные виды социальной и индивидуальной практики предстают в этом свете как превращение формы диалога человека с другими людьми, с обществом в самых различных его ипостасях, с природой, с самим собой, с сакральным и мирским измерениями жизни.

Данное утверждение касается в том числе межцивилизационного и внутрицивилизационного взаимодействия.

Если исходить из принципов бахтинской «диалогики», то сама цивилизация как способ решения ключевых экзистенциальных проблем должна быть определена как специфическая для той или иной культурно-исторической макрообщности форма диалога этой макрообщности и входящих в нее индивидов с сакральным и мирским измерениями жизни, природой, с иными человеческими сообществами, собственным прошлым; социума как целого с индивидуальным измерением жизни каждого его члена.

После «лингвистического поворота» в философии и историографии второй половины XX века стало очевидно, что с семиотической точки зрения цивилизация может быть рассмотрена как текст. В развитие этой линии интерпретации позволим себе добавить следующие соображения.

В когнитивном горизонте семиотики цивилизация, воспринимаемая как диалог, предстает в двух ипостасях: как текст и как дискурс. Цивилизация как текст — это сложная система взаимосвязи определенных ценностей, принципов и установок поведения. Цивилизация как дискурс — это она же как текст во взаимодействии с внетекстовой (экстралингвистической) реальностью. Цивилизация как дискурс — это единство основополагающих для нее ценностей, принципов и установок и форм и способов их реализации во всех видах социальной практики во всех сферах человеческой жизни. Культурно-исторический облик цивилизации определяется тем, какие из них приняты в качестве духовной основы, и тем, каким образом они реализуются в действительности.

Цивилизация как диалог в своей текстуальной ипостаси предстает в виде смыслоструктуры, центральная ось которой — принцип отношения к Другому, то есть иному участнику диалогического общения, утверждаемый как основополагающая ценностная ориентация поведения. Именно отношение к Другому определяет структуру диалогической основы социальности того или иного человеческого мира.

Обобщение опыта мировой истории позволяет выделить два противоположных по своему характеру подхода к проблеме Другого, воплощенных в двух принципиально отличающихся друг от друга видах дискурса: «исключающем» и «включающем».

Суть первого заключается в следующем: Другой признается как необходимое условие осуществления процесса самоидентификации, но при этом рассматривается осуществляющим этот процесс социокультурным субъектом как нечто абсолютно ему чуждое, стоящее на неизмеримо более низкой ступени в иерархии бытия, он не допускается в собственное жизненное пространство данного субъекта.

«Включающий» дискурс основан на противоположном подходе: Другой включается в собственное жизненное пространство субъекта в качестве его неотъемлемой составляющей (причем вне зависимости от отношения к нему), воспринимается как естественная данность, неотделимая от этого пространства.

Следует особо отметить, что в обоих случаях речь идет о преобладающих тенденциях, которые сформи-

---

[1] Главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории», «История мировых цивилизаций. XX век», «В поисках смысла. Из истории философии и религии», «Латинская Америка: традиции и современность» и др.

[2] *Бахтин М. М.* К философским основам гуманитарных наук // Собрание сочинений. М. : Русские словари, 1997. Т. 5 : Работы 1940-х — начала 1960-х гг. С. 8.

[3] Там же. С. 7.

[4] *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М. : Книга по требованию, 2013. С. 392.

[5] Там же. С. 337.

ровались исторически, пробивали и пробивают себе дорогу в борьбе с контртенденциями. Любая конкретная цивилизация, рассматриваемая как дискурс, предстает как противоречивое, конфликтное единство тенденций «включения» и «исключения» Другого. Преобладание той или иной из них определяет способ формирования диалогической основы социальности и тем самым тип цивилизации.

Существует множество вариантов цивилизационной классификации. Обобщая как результаты собственных сравнительных цивилизационных исследований (главным образом в рамках «триптиха» «Россия–Латинская Америка–Запад»), так и опыт коллег, автор этих строк выдвинул и обосновал в работах, увидевших свет в течение более 20 лет[1], концепцию, в соответствии с которой главным критерием, по которому следует различать цивилизационные типы, является соотношение основополагающих структурообразующих принципов единства и многообразия. Все цивилизации являют собой огромные человеческие миры, состоящие из множества самых разнообразных (этнических, религиозных, национальных и др.) элементов, но единые в самой глубокой своей основе. Однако соотношение начал единства и многообразия коренным образом отличается в цивилизациях, которые мы условно характеризуем как «классические», и тех, которые характеризуются нами как «пограничные». К числу первых относятся Запад и три великие модификации Востока: Китай, Индия и исламский мир.

К мировому цивилизационному «пограничью» исторически относились эллинистическая цивилизация и Византия. В настоящее время к нему относятся две цивилизации планетарного масштаба — Россия–Евразия и Латинская Америка, и Балканская культурно-историческая общность. Вплоть до 1960-х годов сохраняла свой «пограничный» статус Пиренейская Европа[2]. Начиная с 1970-х годов преобладающей тенденцией ее цивилизационного развития стал процесс интеграции в западную цивилизацию, который, однако, по нашему убеждению, далек от завершения: в культурно-историческом облике и Испании, и Португалии сохраняются заметные черты «пограничности».

Определяющая структурная характеристика цивилизаций «классического» типа — доминанта начала единства. Здесь наличествует некий единый духовно-ценностный стержень, пронизывающий все колоссальное многообразие этих человеческих миров. В противоположность этому ключевая особенность цивилизационного «пограничья» — доминанта многообразия, но при парадоксальном сохранении единства sui generis, порождающего тип социокультурной системности, качественно отличный от того, который наличествует в «классических» цивилизациях.

Переосмысление творческого наследия М. М. Бахтина в контексте цивилизационных исследований в последние годы привело нас к выводу, что соотношение начал единства и многообразия, в свою очередь, обусловлено тем или иным подходом к решению проблемы Другого, то есть способом формирования диалогической основы существования. Преобладание «исключающего» дискурса необходимым образом порождает ситуацию, при которой начало единства довлеет над началом многообразия, подавляя его, загоняя в жесткие институциональные и ценностные рамки. Поэтому «исключающий» дискурс занял столь значительное место в духовном космосе «классических» цивилизаций.

Самые яркие примеры: противопоставление «эллинов» и «варваров» в античном Средиземноморье и продолжающие эту линию дискурсы в истории Запада; восприятие Поднебесной как совершенного образца организации человеческой жизни, окруженного миром варваров, которых необходимо, подчинив, приобщить, насколько это возможно, к этому совершенному образцу; четкое деление мира на две части в ортодоксальном исламе: «дар-аль-ислам» (те, кто живет по законам «истинной веры») и «дар-аль-харб» (в дословном переводе — «территория войны») — все немусульмане, та часть человечества, которая должна быть любыми путями включена в «дар-аль-ислам». Разумеется, к «исключающему» дискурсу духовный космос «классических» цивилизаций никогда не сводился, он утверждается в постоянном противоборстве с контртенденцией — соотношение тенденций «включения» и «исключения» в разных цивилизациях менялось на протяжении истории.

С наибольшей силой и ясностью «исключающий» дискурс проявился в идеологии и социально-политической практике Запада, по-видимому, достигнув максимума в настоящее время. Напротив, в «классических» цивилизациях Востока наблюдается в последние годы усиление «включающего» дискурса. Косвенным подтверждением этой мысли является, на наш взгляд, вполне отчетливая и идеологически обосновываемая, опираясь на логику «включения», геополитическая ориентация Китая, Индии и ряда ключевых исламских стран на формирование полицентричного мироустройства. Подобная ориентация основана на принципе включения Другого в собственное экзистенциальное пространство. Разумеется, следует учитывать, что «исключающий» дискурс, будучи укоренен в соответствующих традициях, никуда не исчез. Тем не менее логика противостояния западному гегемонизму, основанному на «исключающем» дискурсе в его крайнем проявлении, способствует усилению «включающего» дискурса, который, будучи в течение долгого времени

[1] Начиная с монографии «Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории» (М. : Наука, 2001) и заканчивая многочисленными публикациями (статьями и главами в коллективных монографиях) последних лет. Из наиболее значимых см.: *Шемякин Я. Г.* Культурный трансфер как взаимодействие идентичностей: опыт различных цивилизационных типов в универсальном контексте // Цивилизации. Вып. 12 : Трансферы в истории и теории цивилизаций, М. : Наука. 2021, С. 137–141 ; *Он же.* Еще раз к вопросу о специфике гуманитарного знания в свете проблематики сравнительных цивилизационных исследований // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Вып. 8 (106) ; *Он же.* Культура как способ бытия Латинской Америки. Характер и формы культурной детерминации латиноамериканской действительности // Ибероамерика: роль культуры в формировании и эволюции национальной идентичности. М. : ИЛА РАН, 2022. С. 20–78.

[2] *Шемякин Я. Г.* Феномен модернизации: цивилизационное измерение. Статья 2 : Ценности модернизации на Западе и в «незападном» мире: особенности восприятия и динамика эволюции идентификационных стратегий // Общественные науки и современность. 2016. № 1. С. 117–128.

отодвинут на периферию социальной жизни, тем не менее никогда не исчезал с духовного горизонта незападных традиций.

«Включающий» дискурс по самой своей сути (которую полностью отражает данный термин) предполагает восприятие Другого как естественной составляющей того многообразия, которое являет собой экзистенциальное пространство «пограничной» цивилизации. Так что доминанта многообразия необходимым образом обусловлена включением Другого в это пространство.

Наиболее яркие примеры преобладания «включающего» дискурса являют собой две цивилизации «пограничного» типа и планетарного масштаба: Россия–Евразия и Латинская Америка. В последних публикациях мы сделали первые шаги на пути осуществления сравнительного анализа этих цивилизаций по данному параметру[1]. Уже на нынешнем этапе исследования примеры «включающего» дискурса в истории упомянутых цивилизаций (и соответственно их сопоставление) могли бы занять не одну страницу. Однако ограничение объема данного доклада не позволяет это сделать.

О. Д. Шемякина[2]

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ: ТИПЫ ГРАНИЦ И МНОГООБРАЗИЕ «МЫ»

Готовность к восприятию многообразия мира зависит от исторического опыта взаимодействия народов с соседями, как внешними, так и внутренними. Граница разделяла и объединяла, формировала на протяжении многих веков характер взаимодействия с чуждыми, но не обязательно враждебными культурами. В цивилизационном опыте России существовал тип границы, отличной от современного понимания границы как некоего природного или искусственного рубежа (река, горный хребет, полоса укреплений), отделяющих «своих» от «чужих»[3]. В «условиях сибирских или южнорусских степей определить границы подобным образом часто было просто невозможно. Рубежами, пограничьем растущей России в XVI веке служили огромные пространства Дикого поля и Сибири»[4]. Но был и другой тип границы в истории России, отличный от пограничности как смежности без границ. «Пограничность с четкими границами к Западу (Северо-Западу) — это такое положение, когда с обеих сторон границы находятся однородные культурные пространства и когда существует в принципе симметрия. В отличие от предыдущей ситуации (пограничности как смежности без границы к Востоку), четкость границ предполагает симметрию в том смысле, что соседи более или менее эквивалентны. Это не пространство, где можно потеряться, как в сибирской безбрежности, — все пространство «занято» в принципе эквивалентными культурами. Это значит, что с обеих сторон имеем дело с симметрическими конфронтациями, например: моряк–моряк, торговец–торговец, рыбак–рыбак, солдат–солдат, полководец–полководец, а не с разнородными конфронтациями, как, например, с одной стороны горожанин, военный, купец, священник и т. п., а с другой — кочевник, охотник, оленевод, шаман»[5].

Южные границы Российской империи после Кавказской войны и военных экспедиций в Среднюю Азию вплотную подошли к зоне взаимодействия между Западом и Востоком и классическим Востоком. Русские вошли в соприкосновение с политиями, входившими в древнейшие цивилизации Азии и имевшими глубоко отличные от европейских политические традиции. Симметрия взаимодействия была схожей с пограничностью с Западом (Северо-Западом) — и тут и там можно обнаружить симметричные конфронтации: торговец–торговец, полководец–полководец и т. д. Но политические традиции и цементирующие эти общества ценности были настолько несхожими, что становятся понятными слова генерала Михаила Скобелева: «…тот владеет Азией, кто нещадно бьет ее по загривку и воображению»[6]. Это не просто манифестация силы победителя, а осознание силы противостоящего жизненного уклада, силы идей, положенных в основу отличной от русской глубокой культурной традиции. Так, например, какими бы гуманными целями ни руководствовались завоеватели, их намерения вызывали недовольство, поскольку противоречили сложившимся формам жизни, представлениям местного населения о праве и справедливости[7]. Генерал А. К. Гейнс отмечал: «распоряжения нашего правительства, которыми

[1] *Шемякин Я. Г.* «Великие географические открытия»: смысл и историческое содержание термина в свете опыта взаимодействия цивилизаций в Новом Свете // Ибероамериканские тетради. 2023. № 1. С. 41–67 ; *Он же.* О формах организации лингвистической реальности цивилизационного «пограничья»: Латинская Америка, Иберийская Европа и Россия в контексте сравнения // Ибероамериканские тетради. 2023. № 4. С. 36–61 ; *Он же.* Россия и Латинская Америка: общность цивилизационного типа как духовно-мировоззренческая основа сотрудничества. (В печати).

[2] Научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Конфликт и стратегии интеграции в „связанной истории“ Евразии: проблема соотношения», «О видимом и невидимом в российском социокультурном пространстве. Российский опыт в универсальном контексте», «Традиционная культура в полицентричном мире. Статья 1. Традиционная культура и современность: возможности и условия диалога. Статья 2. Традиционная культура в контексте вызовов модернизации», «Противоречия российского модернпроекта и традиционная культура. Историческое наследие и современный контекст», «Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога» и др.; ряда учебных курсов по структурам большой длительности в цивилизационной истории России–Евразии.

[3] *Багно В. Е.* Граница как категория культуры // Русская литература. 1995. № 3. С. 11.

[4] *Гумилев Л. Н.* От Руси до России. СПб., 1992. С. 175.

[5] *Баак Й., ван.* О границах русской культуры // Русская литература. 1995. № 3. С. 17.

[6] *Костюхин Е. А.* Русские в Средней Азии: мифы и реальность // Русская литература. 1995. № 3. С. 28.

[7] Там же. С. 27.

сопровождалось вступление русских в каждый среднеазиатский город, относительно уничтожения пыток, телесных истязаний и смертной казни, встречались с ропотом и неудовольствием»[1].

Понять и принять смысловое поле этих разнообразных типов коммуникаций, развертывающихся в таком неоднородном геополитическом контуре, возможно на путях поиска общего духовного ядра. И это был единственный выход преодоления фрагментации, конфронтации как стратегии осмысления культурного пространства, порожденного этим контуром.

Для философа А. Дугина и выходца из простонародной крестьянской среды староверов Н. Клюева важно было постоянное подчеркивание однородности пространства Святой тайной Руси с сакральными цивилизациями древности — Египта, Индии, Израиля, Эфиопии и т. д.[2] Н. Клюев, как отмечает Дугин, «погружается в особое состояние, в особый мир, где прошлое, настоящее и будущее пребывают одновременно, где близкое и далекое меняются местами, где умершие и живые соседствуют друг с другом в Вечном Настоящем и ведут между собой глубокие беседы — с мифами, с природой, оживленной пронзительными лучами духа, со знакомыми и незнакомыми предметами. У древних евреев эта реальность называлась „Меркаба“ или „страна колесницы“. В нее погружались и ее описывали ветхозаветные пророки Иезекииль, Исайя, Илия, Елисей и т. д. В исламе этот мир называется „Хуркалья“, это „алам-аль-митал“, „пространство воображения“, некая промежуточная инстанция между миром людей и миром богов. Аналоги этого пророческого культа можно найти практически во всех традициях и религиях»[3].

Поиски Клюева священной прародины человека, магической страны истока рождают совершенно особый национализм — он универсален и трансцендентен, Клюев с нежностью и ощущением внутреннего родства описывает негров, татар, египтян[4]. Поэт и философ очень близки, поэтому, несмотря на почти апокалиптическое погружение философа в современную историю, он с внезапной, почти детской радостью реагирует на малейшие признаки возможного единения мыслящих людей. Но это частная человеческая история, принадлежащая двум удивительным людям. А вот архитектурной манифестацией единения людей является особый город, несущий в себе особое культурное пространство. «Средокрестием импульсов „Скандовизантии“ и „Славотюркики“ в Новое время выступает Санкт-Петербург… Главный храм Петербурга, Петропавловский собор, к началу XX века оказался внутри почти „равностороннего треугольника“ храмов остальных мировых религий: мечеть, синагога, дацан манифестировали континентальную всеконфессиональность Северной столицы России»[5].

И еще на одном аспекте разнообразия стоит остановиться. На множественности «мы» — разнообразии типологически схожих социальных институтов, появившихся в результате социальных инициатив, осваивающих пространство.

Институты, появившиеся в результате добровольного сплочения (промысловые и крестьянские братства, военные и религиозные братства и т. д.), были заряжены импульсом движения, истоком которого было сочетание значимости индивидуального начала (лояльность к незнакомцу, чужаку и возможность при выполнении определенных условий принятия его в братство) и коллективного начала (значимость выборности и соблюдения устава). Самоуправление, основанное на объединении человеческих ресурсов, знаний, капиталов, общности идей, рождало человека, двигающего фронтир и осваивающего новые пространства, а социальные матрицы объединения, появившиеся еще в древнерусский период, понятные и усвоенные, создавали условия для множественности появления этих институтов[6]. Подобные матрицы стали опорой и для православных, ушедших в раскол и лишившихся священства в результате никонианских реформ.

В контексте рассматриваемой нами темы эта множественность добровольных объединений интересна с точки зрения влияния пространства на снятие напряжения в социальных инициативах. «Как отмечал еще В. О. Ключевский, особенность русской истории — в непрекращающемся росте, расширении ее государственной территории. В отличие от большинства государств как в Европе, так и в Азии, сравнительно рано стабилизировавших внешние границы своих территорий, а затем наращивавших плотность сети внутренних коммуникаций и центров, Россия в течение тысячелетней истории практически непрерывно развертывает коммуникационную сеть: в домонгольские времена главным образом в меридиональном направлении (север–юг), в послемонгольские — в широтном, с запада на восток. Этот процесс, имея в виду техническое оформление коммуникаций, не завершился даже в советское время (строительство БАМ)»[7].

Разреженность социальной ткани, обусловленная фактором большого пространства, снижала напряжение восприятия многообразия «мы» в российском социокультурном пространстве. И добровольные объединения — это только частный пример того, как пространство влияло на снижение роли конкуренции в социальной жизни — места для развертывания инициативы хватало всем. В Западной Европе благотворность конкуренции, включая межгрупповую конкуренцию, таких добровольных объединений, как города, монастыри, гильдии и университеты[8], отмечалась социологами как источник динамизации социальной жизни, развивающейся при периодическом доминировании тех или иных структур. Плотность социальной

[1] Цит. по: *Костюхин Е. А.* Указ. соч.

[2] *Дугин А. Г.* Тамплиеры пролетариата (национал-большевизм и инициация). М. : Арктогея, 1997. С. 258.

[3] Там же С. 258.

[4] Там же С. 262.

[5] *Лебедев Г. С.* «Скандовизантия» и «Славотюркика» как культурно-географические факторы становления Руси // Русская литература. 1995. № 3. С. 39–40.

[6] *Дорофеев Ф. А.* Православные братства: генезис, эволюция, современное состояние. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2006.

[7] *Лебедев Г. С.* Указ. соч. С. 38.

[8] *Хенрик Д.* Самые странные в мире: Как люди Запада обрели психологическое своеобразие и чрезвычайно преуспели : пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2004. С. 354.

жизни в России существенно отличалась, но ее особенностью было то, что существовала возможность свободного включения разнообразных фронтиров в реализацию жизненных сценариев, когда социальный порядок на месте прежнего обитания оказывался нарушенным. Поясню это на примерах истории старообрядчества. Уход старообрядцев к западным границам империи, на территории, входившие в состав Речи Посполитой, или уход старообрядцев в томско-чулымскую тайгу, когда в первый год до основания скита люди тащили на себе нарты вместо лошадей, ночевали на мерзлой земле[1], предполагал совершенно разную перестройку жизни, но ставил перед исследователем задачи прежде всего не изучения конкуренции, а адаптации к новой среде обитания, рождающей множественные «мы» мира старообрядцев.

В 1760-е годы из польских пределов старообрядцев стали насильно переселять из Заднепровья в Сибирь и Алтай. Правительство Екатерины усмотрело в старообрядцах прекрасных колонистов и решило возложить на них задачу развития земледелия там, где хлеба производилось недостаточно. Земледелие пришлось осваивать в гористой местности, требовавшей использования ирригационных устройств. В Забайкалье русские крестьяне воспользовались так называемыми баргутскими канавами, древними ирригационными сооружениями когда-то обитавших там народов[2]. Иноверческое и иноэтничное окружение не повлияло на сохранение старообрядцами религиозной идентичности, но чужой опыт хозяйственного освоения территории становился частью их повседневной жизни.

Без вековой привычки наблюдения за чужими, после ухода с освоенных территорий (бегства, ссылок, религиозного эскапизма, перемещения населения властью с целью решения военных и хозяйственных задач) на огромной территории России не появился бы опыт сосуществования разных с разными. В качестве примера властной инициативы приведу лишь один пример решения властью проблемы комплектования гарнизона города Тобольска в XVII веке. Начальная точка движения стрельцов русской части гарнизона Тобольска находилась так далеко, что трудно себе даже представить, как преодолевалось это расстояние — стрельцы с семьями на подводах отправлялись в Тобольск из Устюга Великого (!) и Каргополя (!)[3]. Преодолевая такое расстояние, они становились заложниками пространства и судеб собственных семей.

Процесс креолизации (укоренения и смешения) и адаптации доминировали над процессами конкуренции — человеческие ресурсы были ограничены, пространство огромно, было куда уйти от нарушения социального порядка и было куда перемещать людей власти. Даже тогда, когда община стремилась к изоляции, она была вынуждена адаптироваться к меняющимся условиям и заимствовать полезный опыт соседей и не провоцировать конфликты — при такой разреженности социальной жизни управление конфликтом было прежде всего делом самих людей, а не воинских команд или полиции.

Среди факторов, положительно влияющих на адаптацию и креолизацию населения, важную роль сыграла консервативная роль государства, которая имела последствия для эксплуатируемых им народов. Консерваторам органически была чужда тенденция к экспроприации непосредственного производителя, к отделению его от средств производства, в отличие от, например, переселенческих колоний США. Коренные народы при всех издержках сохранились, а среди русского народа вследствие ассимиляции возникли особые этнические группы наподобие креолов[4].

Представляется, что создание профилей исторического опыта взаимодействия народов Евразии может быть полезным для понимания пределов восприятия Другого и формирования возможностей создания условий для полноценного диалога.

[1] *Дутчак Е. Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск, 2007. С. 179–180.

[2] *Болонев Ф. Ф.* Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики. 2-е изд., испр. Барнаул : Изд-во БЮИ, 2001.

[3] *Пузанов В. Д.* Формирование гарнизона города Тобольска (конец XVI — XVII в.) // Вестник угроведения. 2014. № 1 (16).

[4] *Агеев А. Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М. : Аспект Пресс, 2005. С. 293–294.

О. Ю. Юхнина[1]

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПУТЬ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Структура мирового пространства подлежит интенсивным процессам трансформации в современном мире. Фундаментом нового мирового порядка стало однополярное мировое устройство с доминированием США, где техническая сторона видится как единственное средство решения всех проблем человечества, а духовное и природное разнообразие априорно игнорируется. На определенном этапе развития Америки, исследователи определяют его как «цивилизационный», сложился новый тип человеческой личности, отражающий тенденции того времени, а именно интерес к техническим устройствам и новым технологиям, и получивший в работе известного французского социолога А. Зигфрида определение «человек-созидатель», американский Homo faber, тогда как европеец был охарактеризован как человек-мыслитель, Homo sapiens. Анализируя исторический феномен американской цивилизации, ученый, исследуя сложившийся тип человеческой личности, тем самым видит одно из принципиальных различий между американской и европейской цивилизациями[2].

Изучая сложившуюся ситуацию мирового устройства, академик А. С. Панарин[3] подчеркивал, что оппозицию западному глобализму должна составить альтернативная цивилизационная миссия России, которая способна сформулировать свою собственную модель, в основе которой будет лежать духовно творческая составляющая и где важными опорными точками станут культурные, нравственные и экологические составляющие. Его ученики и последователи также пишут о необходимости выработать собственную модель альтернативной глобализации, где будет сформулирована «стратегия предотвращения возможной в будущем общепланетарной катастрофы, которая может быть спровоцирована западным сценарием глобального развития»[4].

Эта сложившаяся мировая структура в последние годы расшатывается. Появляются новые мировые центры притяжения, которые ставят под сомнение модель сформировавшегося однополярного мира. Страны Азии и Латинской Америки как регионы нового развития поддерживают идею реконструкции национальной идентичности, усиление которой наблюдается сегодня и в Европе. В современной России вопрос о стратегии дальнейшего развития и определения национальной идентификации также стоит на повестке дня.

Ситуация многовекового противостояния Запада и Востока на фоне обострившейся международной ситуации делает задачу определения цивилизационных контуров России в XXI веке и становления русской цивилизации в дальнейшем наиболее актуальной.

Сегодня этот вопрос стоит особенно остро, когда агрессия со стороны США и ЕС, особенно в информационном поле, вынуждает Россию отстаивать свои национальные интересы и суверенитет, искать основания и внутренние ресурсы для дальнейшего развития страны. Особый смысл и звучание получают в связи с этим идеи академика А. С. Панарина о том, что Россия должна иметь свою цивилизационную идентичность, самобытную, непохожую на современную западную цивилизацию. В настоящее время концепт «русская цивилизация» содержит жизненно необходимые для современного российского общества сущностные смыслы, а базовые ценности самобытной цивилизации России и признание их уникальности и самобытности имеют мировоззренческое значение[5].

Многие ученые, исследуя понятие «русская цивилизация», определяют ее феномен, самобытность и уникальность в общности миропонимания людей, единстве идеалов нравственности и этики, заданных обществом понятных границ добра и зла.

Одной из важнейших ценностей, определившей развитие русской цивилизации, является **справедливость**. Идея справедливости — духовный неистребимый код русской цивилизации, который способен переформатировать глобальные тенденции перехода общества от «человекообразия к человечности». Важно помнить, что справедливость в православной традиции является одной из высших религиозных ценностей наряду с правдой, а для современного русского человека понимание справедливости не только важно в восприятии настоящего, но и ориентировано на формирование образа жизни в будущем. В статье о миссии России О. Розанов пишет, что «поиск и стремление к справедливости как истине объединяют все вехи исторической Руси, а в основе русского понимания справедливости лежит нравственное начало, проистекающее от Бога»[6].

Также одной из базовых ценностей для русской цивилизации, формирующей представления о социальной справедливости, задающей нужные приори-

---

[1] Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат искусствоведения, доцент. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Реалистический поиск в художественной культуре XX века: опыт гиперреалистичного самопознания» (в соавт.), «Искусство гиперреализма как выражение адекватного самосознания современности» (в соавт.), «Архитектура Петербурга XXI века. Возможные пути развития городской среды», «Становление русской национальной культуры в эпоху Нового времени», «VR-технологии в современном искусстве», «Public art: современное искусство в пространстве городской среды» и др. Награждена Почетной грамотой ФНПР.

[2] *Коленеко В. А.* От Шатобриана до Маритена: традиции и инновации восприятия Америки во Франции. Американская цивилизация как исторический феномен // Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли / под ред. Н. Н. Болховитинова. М. : Наука, 2001.

[3] *Панарин А. С.* Выбор России: между атлантизмом и евразийством // Культура и цивилизация. М., 1995. Вып. 1. С. 3–16.

[4] *Посадский А. В.* Альтернативная экологическая глобализация как стратегия российской цивилизации. URL: https://vrns.ru/expertcenter/4881 (дата обращения: 29.11.2019).

[5] См.: *Панарин А. С.* Цивилизация и варварство: будущее России в глобальной перспективе // Пространство и время. 2015. Т. 9, вып. 1 : Гражданское общество и общество граждан: вопросы теории и практики. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsii i varvarstvo buduschee rossii vglobalnoyperspektive/viewer (дата обращения: 20.06.2020).

[6] *Розанов О.* Миссия России. Наша страна против мировой Кривды // Завтра. 2015. № 20.

теты материального и духовного развития, является **совесть**.

В. И. Даль дает такое определение: «Совесть — нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке… внутреннее сознание добра и зла, тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка, способность распознавать качество поступка, чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла, невольная любовь к добру и истине, прирожденная правда…»

Иерархия ценностей, доминирующая в любом обществе, способна или его сохранить, или разрушить, если она меняется. Есть ощущение, что иерархия ценностей в современной России изменилась. Обозначить этот факт невозможно без глубинного анализа цивилизационного устройства государства и общества. В настоящее время в результате политической аналитики и философского дискурса общепризнанной идеей продуктивного развития России стала мысль о необходимости масштабного духовно-нравственного целеполагания. В связи с этим можно сформулировать неповторимые черты российского менталитета, такие как духовное измерение и идея построения «нравственного государства».

Высказывается мнение, что главным фактором конструирования будущей российской цивилизации и формирования масштабной национальной идеи станет необходимость интегрировать российское общество в единую нацию, где основанием и приоритетным критерием российского цивилизационного проекта станет духовная составляющая.

Для российского народа важной задачей сегодня является формирование ценностной системы. Простого ответа на вопрос, каковы значимые ценности русской цивилизации, сегодня нет. Черты русского национального характера, русской души определить проще. Что есть Россия? Россия — это Европа? Россия — это Евразия? Россия — самобытная цивилизация? Как сформулировать эту идею, чтобы она зазвучала?

Говоря о ценностях русской цивилизации, в качестве базовых ряд политиков и ученых выделяют православные ценности. Другие исследователи придерживаются мнения, что базовыми установками, определяющими специфику русской цивилизации, станут приоритет духовного над материальным и коллективизма над индивидуализмом, учитывая тот факт, что Россия — многоконфессиональная страна.

Так или иначе сходятся во мнении, что «для России сегодня важно разобраться в своем ценностно-нравственном коде и понять, какие конкретно моральные нормы и духовные факторы позволят нашей стране выжить в условиях нарастания внешних угроз, а также могут стать основаниями для ее конкурентного развития»[1].

Современная Россия, имеет собственные культурно-цивилизационные ресурсы — духовные, материальные, территориальные, которые являются необходимыми средствами воспроизводства российской цивилизационной идентичности. Духовный ресурс народа имеет при этом особое значение, так как включает не только понимание необходимости формирования своей идентичности и своего цивилизационного наследия, но и волю, энергию и желание возродить Россию, задать необходимый вектор нового диалога цивилизаций, осознавая при этом свою особую миссию в условиях возникших типов угроз.

Российский ученый ливанского происхождения Сухейль Фарах в своей книге «Российская цивилизация: энергия пространства и человека», анализируя самобытность России и своеобразие ее цивилизационного кода, определяет российскую цивилизацию как «вершину духовного оформления человечества». Российская цивилизация, по мнению ученого, одна из великих цивилизаций, в основе которой энергия пространства и энергия человека не только тесно связаны и влияют друг на друга. Исследуя истоки этой духовной энергии, Сухейль Фарах пишет: «Россия, рожденная из евразийского братства народов… сможет стать идейным и духовным лидером человечества»[2]. Именно Россия, по мнению ученого, способна восстановить среди всех народов и цивилизаций творческую энергию диалога и общения, сотрудничества и партнерства, идею «распространения культуры мира и любви».

В своей монографии Сухейль Фарах затрагивает вопрос о российской идентичности, который, по его мнению, связан со сложными аспектами настоящего и будущего, особенно в период негативного влияния глобализации. Исторический опыт России и формирование ценностного пласта откроют новую фазу в истории человечества, при которой будут восстановлены духовные и энергетические ресурсы планеты. Постулируя идею гармонии между внутренним миром человека и природной составляющей, Россия неизбежно будет влиять на ход мирового процесса на земле, говорит С. Фарах, а переход от постглобалистического мира к диалогу, партнерству, гармонии существования как единого целого будет возможен благодаря духовно-нравственным основаниям русской культуры.

Современное состояние России в глобальном мире остро ставит перед учеными много вопросов, один из важнейших — цивилизационная идентичность новой России, которая в настоящее время переживает глубокий цивилизационный кризис, характеризующийся отсутствием общенациональной идеи, стратегической программы социокультурного развития, идентификационных ориентиров. Очевидным становится, что формирование цивилизационной идентичности в контексте глобальных угроз, учитывая специфику современного этапа российской истории, способно сыграть консолидирующую роль, возможно, только опираясь на историческое наследие ценностей, идей и символов тысячелетней истории нашей страны.

[1] *Толстухина А.* Российская цивилизация: историческое наследие и стратегии развития // Международная жизнь. URL: https://interaffairs.ru/news/show/19892 (дата обращения: 25.11.2019).

[2] *Фарах С.* Российская цивилизация: энергия пространства и человека. М. : Издат. дом «Академии им. Н. Е. Жуковского», 2022.

Ан. В. Яковенко[1]

НОВЕЙШИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ПОТЕНЦИАЛ КАЧЕСТВЕННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Бурное развитие новейших технологий рассматривается в качестве катализатора радикальных социальных изменений, включая ценностные платформы. Даже зачаточное состояние и первые попытки применения прорывных новаций вызывают значительный ажиотаж, а также известное желание нажиться на страхах и фобиях, инициируемых картинами возможного широкого распространения достижений научной мысли. Зачастую коррозию традиционных ценностей, распад семьи, игнорирование моральных принципов теснейшим образом увязывают с внедрением новейших технологий.

История действительно демонстрирует значительное число прецедентов, в результате которых технологические прорывы влекли за собой трансформации социального порядка, включая и ценностные установки. В свое время «цивилизация станков и машин» предопределила переформатирование сословного общества, существенно уменьшив потенциал его открытой легитимности, инициировав переход от элитарных ценностных принципов к эгалитарным. Поэтому трудно возражать, что ныне — очередной этап выбора вектора развития, напрямую связанного с определением ценностных парадигм.

Наряду с этим именно открывающиеся возможности повсеместного задействования передовых разработок ставят на повестку дня актуализацию традиционных ценностей. Не некий «возврат», а полноценную реализацию их на содержательном уровне. Другое дело, насколько само общество готово к позитивному обновлению. Прорисовывающиеся перспективы избавления от пароксизмов отчужденного труда и неограниченный потенциал поддержания организма в физически активном состоянии — данный минимальный перечень предпосылок для качественного личностного, группового и макросоциального совершенствования оказывается проблемным для социума, веками институализировавшего привычки к мимикрии, продолжающего культивировать управление посредством страхов и угроз и поддерживающего контролируемый уровень бездушия и бессмысленности жизнедеятельности.

Традиционные ценности — это до сих пор нераскрытые в своем естестве и содержательности принципы доброго, отзывчивого, понимающего отношения в семье, на работе, в государстве, на планете. Сформулированные великими подвижниками, в числе которых и академик Д. С. Лихачев, нравственные постулаты, максимы, идеи и их характеристики остаются мало реализованными как прошлыми поколениями, так и современниками. Полноценность бытия, счастье созидания — себя, близких, в макромасштабе — человечества и предельно — Космоса — выглядят как абсолютный идеализм или идеологические прокламации. Однако развал СССР и официальный отказ от ориентации на построение совершенного общества (причем в глобальном масштабе), отнюдь не означает, что задача самоустранилась. Напротив, современные технологии радикализируют потребность в реальном воплощении некогда осмеянных чаяний, альтруистических ценностей и целеполаганий. В персонализированном ключе это означает очередную реанимацию идей, например, тех же «русских космистов», мыслителей и изобретателей, пытавшихся творить новую историю знания, целей и смыслов существования планетарного сообщества с опорой на естество традиций.

Здесь возможен резонанс со знаменитыми НБИК-технологиями. Их исследователи подчеркивают важность «природоподобности». Насколько «когни-» и особенно «социо-» (в последнее время часто говорят именно о НБИКС-технологиях, прибавляя в конце аббревиатуры букву «С» — «социо-») целесообразно корреспондировать с природой, где большинство процессов ориентированы на выживаемость, что является огромной проблемой. Многие авторитетные и искренние религиозные, а затем и светские деятели отстаивали позицию, согласно которой человек должен избавиться от своей привязки к принципам природного насилия, преодолев «природные скрепы», выйти на уровень собственно социального совершенствования. В этом смысле новейшие технологии подталкивают к необходимости преодоления «природоподобности» в ее агрессивной составляющей, развивая исключительно альтруистические «природные прецеденты». Сможет ли искренняя и истинная социальность взять верх над природностью в ее фундаментальной фабуле борьбы за выживаемость — вопрос по-прежнему более чем актуальный.

Инициируемые новейшими технологиями изменения вынуждают изначально обращать внимание на самых юных, только рождающихся членов общества будущего. Излишняя увлеченность ценностными параметрами, например тех же миллениалов, оттеняет важность попыток понимания новейшей когорты, названных социологами поколением «альфа». Для многих из них, если не сами ценности, то форма преподнесения и передачи морально-нравственных принципов существенно далека от книжно-повествовательного характера. В способах передачи и ретрансляции ценностей доминирует цифровая практика проникновения в созна-

[1] Заведующий кафедрой социологии и социальных технологий Луганского государственного университета им. Владимира Даля, доктор социологических наук, профессор. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Смыслы жизни в глобализирующемся социуме», «Студенчество и современность» (в соавт.); глав в коллективных монографиях; статей в научных журналах: «Бессилие перед будущим», «Метатеоретизирование: основные социальные препятствия и сложности», «Бессмертие как социальная проблема», «СССР как зеркало нереализованной гуманистической перспективы», «Глобальное переустройство мира: опять о шансах на действительное преобразование» и др. Член международного редсовета журнала «Социологические исследования». Член научных советов «Социально-политические проблемы формирования ЕАЭС» и «Новые идеи в социологической теории и социальной практике» при Отделении общественных наук РАН.

ние, включая во многих случаях и внутриутробное развитие (мобильная связь мамы и ее общение с умными устройствами). В экономически передовых (на данный момент времени) странах представители данного поколения уже органично чувствуют себя или будут чувствовать не только со смартфонами, которые во многом заменяют им общение с родными, близкими и посторонними, но и с умными колонками, роботами-доставщиками, роботами-пылесосами и прочими атрибутами информационно-технологизированного мира.

Поэтому качество и содержание наполненности того, что сегодня принято называть тем же искусственным интеллектом (далее — ИИ), безусловно, принципиально значимо для понимания ценностного фундамента настоящего и будущего. В связи с этим необходимо четко фиксировать ряд позиций:

— ИИ уже в ряде случаев формирует ценностное пространство пользователей;

— посредством ИИ визуализируются универсальные и индивидуальные прорехи в ценностно-смысловых ориентирах. Особенно отчетливо это проявляется через полемику о субъектах, содержании и целях обучения ИИ;

— ИИ инициирует новые/старые проблемы ценностного самоопределения планетарного развития, обострив весь спектр привычных вопросов в области морали: личностной, групповой, общесоциальной.

Продукты ИИ (например, упомянутые умные колонки) — прямо и опосредованно воздействуют на нравственный мир наших детей и частично на нас самих, выступая в роли близких и «понимающих» собеседников. Картинки, генерируемые нейросетями, оказывают влияние на эстетику восприятия событий. ИИ начинает выполнять за нас широкий спектр черновой умственной деятельности, также вольно или невольно подсказывая в том числе и ценностные векторы оценки происходящего. Предполагаемый совокупный потенциал ИИ и других технологических нововведений потенциально высвобождает временной ресурс, который в идеале можно использовать для полноценной семейной жизни и социально ответственного самосовершенствования.

Именно ИИ и аналогичные ему технологии ставят перед обществом повышенные требования к этике взаимоотношений, от межличностных до межгосударственных. Призывы тормозить разработки и внедрение ИИ — прямое признание косности и спекулятивности многих представителей человеческого рода, неспособности этически безупречно применять продукты, создаваемые совокупным людским разумом.

Наиболее рельефно контраст между технологической мощью общечеловеческой цивилизации и ее ценностным несовершенством проявляется в сфере международной политики. Новейшие технологии вновь актуализируют значимость полноценной реализации традиционных ценностей, лежащих, как бы парадоксально это ни звучало, в основе межгосударственных отношений, неоднократно продекларированных, но слабо реализуемых.

Важным компонентом общего нового морального кодекса взаимодействия должны становиться более честные и открытые договорные формы межгосударственного и межкорпоративного сотрудничества. Все прошлые союзы рассыпались, а договоренности нарушались по причине отсутствия устойчивой ценностной составляющей. Попытка позднего СССР «по-доброму» и «бескорыстно» разоружиться, как известно, была воспринята его стратегическими соперниками не с благодарностью и ответной добропорядочной реакцией аналогичного разоруженческого характера, а использовалась с целью давления, соподчинения и ограбления с перспективой расчленения остатков евразийской державы. Новейшие технологии отчетливо подталкивают к выводу о ретроградности прежних спекулятивных, обманных форм реализации геополитических целей. Как минимум их сложность и двойственный созидательно-разрушительный потенциал демонстрируют сверхцелесообразность не возвращения к старым формам противостояния с опорой на фабулу угрозы всеобщего уничтожения, а повышения значимости практического утверждения (впервые в практике международных взаимоотношений) ценностей добрососедства, гуманности и справедливости в качестве единственного адекватного способа зрелой реакции на перенасыщенность мира социальными противоречиями на базе разворачивающейся техносовершенности.

Во многом те же новейшие технологии подготовили почву для демонстрации ограниченности условного Запада, в том числе, а скорее всего, и в первую очередь, в качестве морального лидера мира. Появление и развитие инициативы БРИКС — нормальная реакция критически важной части мирового истеблишмента, осознающего пагубность одновалентности международного порядка и монополизации ценностной платформы.

Закрепление за «не-Западом» глобального имиджа передовых с моральной и технологической позиций союза стран и континентов — насущная потребность времени. Теперь уже перед БРИКС в его расширительном виде стоит задача созидания объединенного мировоззрения, включая науку и религию, а также воплощения традиционных ценностей в наиболее содержательном виде на базе инновационных достижений.

В заключение следует отметить, что современные новейшие технологии никоим образом не торпедируют традиционные ценности. Напротив, возможно, впервые дают шанс на их полноценное воплощение, избавляя человечество от необходимости пребывать в условиях парадигмы выживаемости. Их совокупный потенциал позволяет планетарной цивилизации дорасти до выхода на задачи саморазвития и самосовершенствования без привязки к страху и вечному подстраиванию под инициируемые данным страхом практики существования.

Учиться развивать и культивировать чувства заботы, искренней любви, социально ответственного поведения и моральной зрелости — задачи, актуализированные сложностью техногенной цивилизации.

Пока ведутся рассуждения о том, как изменятся ценностные прерогативы в результате массового внедрения того же ИИ, данные технологии уже оказывают влияние на ценностную сферу современного общества, отражая его пороки и несовершенства.

Мы являемся свидетелями привычного противостояния искренности и готовности жить в реально, а не идеологически открытом обществе, с одной стороны, и устойчивого желания использовать любые достижения человеческого разума для повышения эффективности средств обмана, наживы и поощрения некрофильских инстинктов — с другой;

БРИКС приходится брать на себя ответственность не за сохранение традиционных ценностей, не за их реанимацию, а за реальную возможность их воплощения. Данная организация должна рассматриваться не только в качестве основной платформы выживания глобального социума, а как объединение, от зрелости которого зависит созидание базы морального совершенствования человечества.

До сих пор весь позитивный ценностный потенциал подвергался испытаниям, дискредитировался и опошлялся циниками и стяжателями. Сегодня итог талантливой деятельности изобретателей и реализаторов передовых разработок подвигает планетарную цивилизацию к любопытнейшему итогу, своеобразной проверке на действенность ценностных принципов гуманистического порядка. Окажутся ли традиционные ценности вновь лишь небольшим и зачастую непрочным редутом, сдерживающим человечество от тотального самоистязания и окончательного уничтожения, или получат всеобщее пространство для воплощения, реализовав мечты всех искренних энтузиастов, конструктивных романтиков и последовательных альтруистов, к которым, безусловно, относился и Дмитрий Сергеевич Лихачев, — ключевая дилемма миропорядка.

А. И. Яковлев[1]

ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СТРАН ВОСТОКА В «ЭПОХУ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН» В XXI ВЕКЕ (На примере Саудовской Аравии)

В первые десятилетия XXI века стало очевидно, что мировая система переживает эпоху перехода в новое состояние, качество. Показатели нового качества видны прежде всего в материальной сфере, однако сильнее всего они проявляются в новой виртуальной сфере. Меньшее внимание привлекают сфера духовной жизни, внутренний мир людей и общества, в котором также с естественной неизбежностью проявляются явления переходности.

Ценности — это опорные точки в деятельности и мировосприятии человека, самоидентификации человека и общества в конкретном пространстве и времени. Они всегда имеют человеческое измерение и не существуют безотносительно человеческого общества, образуя в пространственном измерении определенную взаимосвязанную систему[2].

Ценности имеют и временно́е измерение, системы ценностей менялись в отдельные исторические эпохи. Так, в Новое время, в период реализации «проекта Просвещения», в эпоху модерна в странах Запада, составлявших авангард мирового развития, происходили необратимое размывание традиционной (христианской) системы ценностей и вытеснение ее ценностями капиталистического модерна.

Великая французская революция 1789 года превратилась в учредительный символ Нового времени. Она (в сочетании с Американской революцией 1786 г.) означала не только разрыв с предыдущей эпохой и ее системой ценностей, но и возникновение целостного концепта политической культуры и политической системы, создав институциональные рамки для новой системы ценностей, идей и идеалов, норм морали и поведения на будущее.

Конечно, *старый порядок* не был пассивен перед таким напором, он сопротивлялся. В начале XIX века в Европе, оказавшейся в авангарде мирового развития, усилились неприятие рационализма и прагматизм, в религиозной жизни нарастали настроения мистицизма и пиетизма. В социально-экономической жизни *культура обладания* (наживы и прибыли) еще уступает культуре общественной пользы, опирающейся на систему христианских ценностей. В живописи и литературе главенствует течение романтизма, в основе которого — возвышенные идеалы.

Но как бы то ни было, в XIX–XX веках в странах Запада начинается и завершается переход от традиционной *вертикальной системы ценностей*, ориентированной на высшую абсолютную ценность — Бога, к *горизонтальной системе ценностей*, в которой нет иерархии, и духовные ценности там уравнены с профанными. Системы ценностей служат нормативами и регуляторами общественной жизни, политики, власти и деятельности отдельной личности, а также основанием правовых норм, морали и нравственности общества[3]. Поскольку западная модель индустриального общества обрела качества нормативной для всех незападных стран, новая система ценностей ста-

[1] Главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 200 публикаций, в т. ч. монографий: «Саудовская Аравия и Запад», «Фейсал — король-реформатор», «Саудовская Аравия: пути развития», «Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного», «Общество и технологии в XXI веке: прогнозы и управление развитием в странах Востока и Запада» (в соавт.); учебника «Лекции по истории христианской церкви» и др.; статей в научных журналах: «Региональные аспекты мирового кризиса: смена модели развития в странах Арабского Востока», «Страны Востока в начале XXI века: от догоняющей модернизации к модернизации развития», «Культура современного Востока: синтез традиционного и современного» и др.

[2] См.: *Яковлев А. И.* Ценностные ориентации планов социально-экономического развития нефтяных монархий Аравии в XXI в. // Религия и общество на Востоке. 2022. Вып. VI. С. 22–31.

[3] *Яковлев А. И.* Указ. соч.

ла претендовать на нормативность, вытесняя присущую традиционным обществам вертикальную систему ценностей.

Сегодня, в эпоху формационного перехода, в отношениях между государствами и группами государств на первый план вышли, наряду с привычными политическими и экономическими противоречиями, ценностные, которые принимают оболочку то религиозных, то цивилизационно-культурных, то национальных противоречий, что отмечал в конце XX века С. Хантингтон. Однако, по существу, все сводится к тому, что люди и общества руководствуются разными идеями и идеалами при принятии решений и в своей деятельности, хотя имеют сходные цели[1].

Деятельность людей определялась во многом той системой ценностей, которая устанавливалась в определенную эпоху (историческую формацию) в конкретной общности людей, которую можно определить как цивилизацию. Каждой цивилизации присуща определенная религиозная система, однако религия, являясь «стержнем» цивилизации, все же неполностью определяет ее качества и свойства. Религия тесно связана с «корневыми» ценностями цивилизации, и верность религиозным основам в дальнейшем влияет на степень верности общества системе традиционных ценностей.

В другом — материальном — измерении точно так же каждой новой формации были присущи не только особенные материальные параметры и характеристики, но и свой вариант системы ценностей, определяемый новыми условиями экономической и социальной жизни людей.

В то же время в любую эпоху принятие или непринятие определенных систем ценностей позволяло определить идентичность и самоидентичность личности и общества.

В то же время на рубеже XX–XXI веков различные уровни системы ценностей меняются в разной степени, происходит фрагментация внутри каждого уровня. Низший — социальный — уровень ценностей в наибольшей мере подвержен воздействию социально-экономических перемен; они определяют нормы поведения. Средний уровень, включающий ценности социально-политические и эстетические, в целом соответствует нормам господствующего общественного строя (формации), включая и предшествующие нормы; этот уровень определяет идеи и идеалы деятельности человека. Высший — метафизический (цивилизационный, корневой) — уровень, выражающий духовную жизнь людей и общества в целом, также лишается былой целостности, содержит фрагменты как традиции (религиозной и этической), так и возникших релятивизма, атеизма и язычества[2]. Им руководствуются при определении смысла жизни или когда не задаются такой непрактической проблемой. Показательна широко распространенная тенденция ухода от реального знания жизни и прошлого, в перспективе ведущая к распаду связей и самого человеческого общества.

В ходе регулируемого властью процесса модернизации на протяжении 1970–2020-х годов происходило взаимодействие арабских обществ и Запада, вызвавшее к жизни изменения в системах ценностей нефтяных монархий Аравии, включая Саудовскую Аравию.

Эти изменения в общественной жизни можно обобщить в трех типах:

— отторжение западных (христианских, буржуазных, либеральных) ценностей, норм поведения и морали, определяемое европейцами как традиционализм или фундаментализм;

— принятие западных ценностей (буржуазных и либеральных) за счет умаления собственной ценностной системы, что вполне совпадает с представлением европейцев о неизбежности торжества их либеральной культуры;

— сочетание элементов западных и собственных ценностей (социально-экономических и политических), что в понимании европейцев получило наименование мультикультурализма.

Важность ценностной ориентации пятилетних планов социально-экономического развития долгое время не осознавалась правителями нефтяных монархий. Они не без оснований полагали, что даже при кардинальных изменениях условий экономической и социальной жизни по западной модели могучая инерция человеческого сознания сохранит вековую традицию, включающую традиционную систему религиозных, племенных и социально-бытовых ценностей. Так, в принятых в 1970-е годы пятилетних планах социально-экономического развития Саудовской Аравии очевидным оставалось подчеркнуто уважительное отношение власти к традиционным ценностям[3].

Стоит отметить, что такое отношение не ново для Аравии. Саудовский король-реформатор Фейсал в принятой в 1962 году в программе модернизации уделил внимание не только коренным реформам в экономической и социальных сферах, но и защите традиционных ценностей[4].

Так, в п. 1–4 декларируются коренные преобразования в экономической, социальной и даже политической жизни королевства: изменение формы правления, введение конституции и основ представительной власти, реформа местных администраций и судебной власти. В целом это во многом приближало средневековое королевство к нормам жизни середины XX века и соответствовало ценностным канонам западной модели («вестминстерской демократии»).

Однако в п. 5 было заявлено: «Правительство сознает свою обязанность по распространению учения ислама и защите его словом и делом», а в п. 6 содержалось обязательство «немедленно принять меры по улучшению условий деятельности обществ охраны веры и нравственности», попросту говоря, религиозной полиции.

Заключительные пункты 7–10 содержали цели экономического и социального развития.

Таким образом, ценностная ориентация «10 пунктов» Фейсала была очевидно традиционалистской.

[1] *Яковлев А. И.* Указ. соч.

[2] См.: *Яковлев А. И.* Ценности и ценностные ориентиры на фоне смены эпох // Религия и общество на Востоке. 2022. № 6. С. 21–48.

[3] *Яковлев А. И.* Ценности и ценностные ориентиры…

[4] Prince Faisal speaks. Kingdom of Saudi Arabia. Ministry of Information. [Б. м.], 1963. P. 6–11.

В те годы сам реформатор и все общество полагали, что возможно простое заимствование западных технических достижений и товаров для того, чтобы в Аравии возникло индустриальное общество. Связь между изменением материальной среды, условий труда и жизни, демонстрационным эффектом Запада и менталитетом человека, его духовным миром всерьез не принималась. Впрочем, «человеческое измерение» развития в те годы всерьез не рассматривалось и на Западе[1].

Наследники Фейсала в пятилетних планах развития проявили себя скорее модернизаторами, нежели традиционалистами, хотя и носили титул Хранителя Двух Святынь, уделяли немалое внимание религиозным проектам. Огромный поток нефтедолларов и возможность закупок любых западных товаров опьяняли. Ценностную ориентацию политики короля Халеда и короля Фахда в 1975–2005 годах можно определить скорее как реформаторскую. Лишь Исламская революция в Иране и захват Большой мечети в Мекке в 1979 году впервые поставили перед властью проблему баланса традиционных и современных ценностей, однако в понимании правителей королевства эта проблема относилась исключительно к политической сфере.

Между тем в условиях ускоренной и коренной социально-экономической модернизации всего общества, сопровождавшейся ощутимой американизацией культурной жизни, саудовское общество переживало сильный культурный шок. Численность населения выросла с 7,01 млн в 1974 году до 15,2 млн человек в 1990-м и 24,2 млн в 2007-м. Население стало преимущественно городским: доля горожан выросла с 9 % в 1950 году до 25 % в 1970-м. Если в 1975 году численность населения столицы Эр-Рияда составляла 667 тыс. жителей, то в 2004-м — 4087,2 тыс. Повысился уровень продолжительности жизни с 53,9 лет в 1970 году до 72,7 лет в 2007-м[2]. Ассигнования на развитие «человеческого фактора» стали крупнейшей статьей бюджета после расходов на оборону и безопасность. Выросло число школ и высших учебных заведений, в 1957 году в Эр-Рияде был открыт первый университет, а спустя полвека в стране было уже 20 университетов. Десятки тысяч молодых саудовцев получали высшее образование в стране, а тысячи — за рубежом, преимущественно в США. Это новое поколение, дети и внуки бывших кочевников, ремесленников и торговцев, обрело не просто сумму знаний, но и новое представление о мире и своем месте в нем, а возвратившиеся из американских университетов — еще и опыт жизни в условиях уклада жизни и поведения, основанных на иной системе ценностей.

Современная экономика требует современных работников, которые составляют современное общество — а ему требуется современная система коммуникации, обмена и получения информации. Первые радиостанции были созданы в стране властью в 1930-е годы, в 1970-е годы массовое радиовещание вели 18 радиостанций. В 1970 году в стране имелось 77 тыс. радиоприемников, в 1975-м — 255 тыс., то есть примерно 28 приемников на 1 тыс. человек. Первая телевизионная станция была построена американской компанией Aramco в 1957 году, а в 1975-м появились национальные телестанции в столице и еще четырех городах. Конечно, власть принимала меры предосторожности в сфере информации, но лишь относительно политических вопросов.

Политика была на поверхности общественной жизни. Между тем с завершением модернизации по западной модели новые поколения конца XX — первых десятилетий XXI века благодаря образованию, средствам коммуникации и изменившимся в стране нормам труда и жизни обладали иным менталитетом, мировосприятием и мировоззрением. Оказавшись перед выбором одного из трех типов взаимодействия систем ценностей, они принимали разные решения.

Фактическое противостояние двух систем ценностей — традиционной отечественной и современной западной — в условиях модернизированного общества вело к умалению традиции. Завершение периода коренных реформ привело к переосмыслению всего существующего набора ценностей, как традиционных идей и идеалов, так и заимствованных западных конструктов, которыми руководствовалось саудовское общество. Случайно это совпало с войной в Афганистане в 1979–1989 годах, в ходе которой США и Пакистан намеренно обостряли религиозную составляющую конфликта. США, исходя из собственных геополитических интересов, сознательно сыграли на прочной верности мусульманских стран, прежде всего Королевства Саудовская Аравия, традиции, не принимая ее всерьез и полагая, что и модернизированные саудовцы, как и американцы, относятся к традиции как к архаичному атрибуту древности. Оказалось — иначе.

Произошел раскол внутри саудовского общества, подогреваемый недолгим присутствием в 1991 году десятков тысяч американских войск на «святой земле ислама». Официальный истеблишмент клялся — возможно, искренне — в дружбе с США, но неофициально часть саудовской элиты начала оказывать финансовую поддержку мусульманским фундаменталистам, защитникам традиционных ценностей, в Хорватии, Чечне и Сирии. Тысячи молодых саудовцев выступили там пассивно и активно в поддержку борьбы «братьев по вере». Само по себе участие 15 саудовцев в событиях 11 сентября 2001 года — в ударе по символам ценностей Запада и современности — стало ярким примером неожиданных плодов модернизации. Смены привычной системы идей и идеалов на заимствованные неопределенные умонастроения по модели Ф. Фукуямы («конец истории») не случилось.

Дихотомия реформ, неизбежно включающих соперничающие друг с другом преобразования по западной модели современного общества и сохранение традиционных (религиозных, племенных, национальных) основ саудовского общества, привела к причудливому симбиозу двух названных начал. Их должен был учитывать наследник саудовского престола эмир Мухаммед ибн Салман, предлагая обществу свой план преобразований «Ви́дение-2030». Этот план выходит за формальные рамки пятилетних планов социально-экономического развития.

[1] *Яковлев А. И.* Ценности и ценностные ориентиры…

[2] Saudi Arabian Monetary Agency. Annual Report. Riyadh, 2010. P. 63.

В многостраничном документе, одобренном и утвержденном королем, престарелым Салманом ибн Абдель Азизом, но подготовленном его сыном эмиром Мухаммедом, ставшим в июне 2017 года не только наследником престола, но и фактическим правителем страны, содержится программа развития королевства, с точки зрения внуков великого реформатора короля Фейсала. Эти поколения живут в условиях намного более открытого общества, в стране они имеют большие возможности для саморазвития и разного рода деятельности. Реальностью в Саудовской Аравии стали не только материальные достижения научно-технической и технологической революции, но и действующая система представительной власти (Консультативный совет) и выборная местная власть, а также существенное расширение прав женщин.

В своем заявлении по поводу программы эмир Мухаммед назвал ключевым фактором успеха «арабское и мусульманское культурное наследие», уточнив, что королевство обладает «богатством более ценным, чем нефть» — это статус «Земли Двух Святынь, самое святое место на планете, где расположена Кааба, к которой одновременно обращаются более миллиарда мусульман во время молитвы». И лишь после этого эмир назвал «огромные инвестиционные возможности и стратегическое географическое положение», «природные ресурсы» и «потенциал молодого поколения»[1].

Во введении названо первое направление развития — «формирование динамичного общества… члены которого живут в соответствии с принципами ислама умеренного толка, гордятся своей национальной принадлежностью и древним культурным наследием»[2]. В качестве второго направления названа «процветающая экономика» частного сектора и третьего — «развитие государственного сектора» благодаря «эффективному и инициативному правительству»[3]. Понятна почетная роль, предлагаемая авторами программы саудовской буржуазии, обладающей образованием, деловым опытом и капиталами, равно как и подтверждение стержневой роли государства и государственного сектора, служащего материальной базой существования 7-тысячной королевской семьи.

Понятно, что существующая власть с помощью этой декларации решает и текущие задачи социальной и политической стабилизации, а сам эмир Мухаммед стремится к упрочению своей социальной поддержки в обществе. Казалось бы, эмир Мухаммед повторяет идеи короля Фейсала — прагматика в материальной сфере и идеалиста-мусульманина в сфере духовной, религии, культуры и истории. Но бросается в глаза смена приоритетов. Весьма показательно, что нематериальные факторы и цели поставлены в этой программной декларации на первое место.

Фейсал должен был накормить и избавить от нищеты отсталое общество, обладавшее скромными потребностями и не имевшее политических целей. Его племянник имеет дело с современным, хорошо образованным и весьма обеспеченным обществом, обладающим политическими амбициями. Неизменным остается консенсус по статусу ислама как духовной и социальной скрепы саудовского общества, хотя власть и предлагает прагматичный компромисс существующим течениям исламских фундаменталистов и либералов. Таким образом, в программе и реализующей ее политике эмира Мухаммеда очевидно стремление к установлению нового баланса сил и интересов в саудовском обществе.

Вопрос в том, смогут ли эмир Мухаммед и поддерживающие его силы внутри элиты королевства сохранить заявленные в «Ви́дении-2030» ценностные ориентации развития, которые обеспечили бы социальную поддержку преобразованиям и в то же время сохранили бы социальный баланс в обществе.

[1] Видение Королевства Саудовская Аравия 2030. [Б. м.]. С. 3–4.
[2] Там же. С. 10.
[3] Там же. С. 11.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

М. Г. БОРОЗНА	ректор Белорусской государственной академии искусств (Минск), кандидат искусствоведения, профессор
Е. М. ГАШКОВА	старший преподаватель кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент
А. А. ГУСЕЙНОВ	директор Института философии РАН (Москва), академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Е. Г. ДРАПЕКО	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по культуре (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, Заслуженная артистка РСФСР, профессор СПбГУП (1994–1999)
М. А. ЗАМШЕВ	главный редактор «Литературной газеты» (Москва)
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
И. В. КОНДАКОВ	профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор философских наук, Почетный работник общего образования РФ
В. А. КОНЕВ	профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ
А. В. КОСТИНА	профессор кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии
И. В. КУЗИН	доцент кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ	главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН (Москва), академик РАН, академик РАО, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», доктор философских наук, профессор
И. В. ЛЕОНОВ	профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии
А. П. МАРКОВ	ведущий профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный профессор СПбГУП
А. Н. МИХАЙЛЕНКО	заведующий кафедрой международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор политических наук, профессор
Е. С. ПРОТАНСКАЯ	профессор кафедры психологии и педагогики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
Е. В. РАДЕВИЧ	доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (Минск), кандидат философских наук
В. С. САЙГАНОВА	декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (Минск), кандидат философских наук, доцент
Т. Б. СИДНЕВА	проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ
Ж. Т. ТОЩЕНКО	главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), председатель Международного редакционного совета журнала «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор
А. Н. ЧУМАКОВ	профессор кафедры геополитики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук

Я. Г. ШЕМЯКИН — главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (Москва), доктор исторических наук

О. Д. ШЕМЯКИНА — научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук

Ан. В. ЯКОВЕНКО — заведующий кафедрой социологии и социальных технологий Луганского государственного университета им. Владимира Даля, доктор социологических наук, профессор

А. И. ЯКОВЛЕВ — главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, дорогие друзья! Мы начинаем работу второй секции.

Прошу пройти в президиум Елену Григорьевну Драпеко — первого заместителя председателя Комитета Государственной Думы РФ по культуре. В 1990-е годы Елена Григорьевна возглавляла Комитет по культуре мэрии Санкт-Петербурга, а в 1994-м пришла работать в наш Университет, но все ее знают как всенародно любимую актрису.

Прошу занять места в президиуме выдающихся философов — Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, директора Института философии РАН, академика РАН, Почетного доктора СПбГУП, и Владислава Александровича Лекторского, главного научного сотрудника Института философии РАН, академика РАН, академика РАО.

К сожалению, сегодня с нами нет еще одного выдающегося ученого — Почетного доктора СПбГУП, академика РАН Вячеслава Семеновича Степина, который на протяжении многих лет возглавлял Институт философии РАН и ушел из жизни в 2018 году. В этом году философская общественность страны и мира отмечает 90-летие со дня его рождения.

Также прошу пройти в президиум выдающегося социолога, внесшего особый вклад в развитие отечественной социологии, — члена-корреспондента РАН Жана Терентьевича Тощенко, много лет возглавляющего журнал «Социологические исследования».

Впереди нас ожидает интересная дискуссия, но сначала небольшой экскурс в историю. Начало нашему научному форуму было положено академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым 24 мая 1993 года, в День славянской письменности и культуры, по его инициативе в СПбГУП состоялась первая конференция «Дни науки». После того как Дмитрий Сергеевич ушел из жизни, мы с Даниилом Александровичем Граниным обратились к Владимиру Владимировичу Путину с просьбой увековечить память академика Лихачева. Указ был подготовлен и издан за три дня, что свидетельствует о высокой оценке и особом отношении президента России к Д. С. Лихачеву, которого он считает ярчайшим выразителем научной, культурной, духовной жизни нашей страны. В 2001 году, когда вышел этот указ, Дни науки обрели новый статус — Международных Лихачевских научных чтений.

Я, как председатель Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений, хотел бы сказать несколько слов о наших традициях. Мы просим участников Чтений заранее знакомиться с докладами своих коллег, которые опубликованы на сайте, а здесь высказывать свои соображения, реагировать на доклады участников, выступивших на пленарном заседании и панельной дискуссии.

В зале присутствует много замечательных людей, с которыми мы знакомы довольно продолжительное время, чему я очень рад. Назову некоторых из них: ректор Белорусской государственной академии искусств М. Г. Борозна, главный редактор «Литературной газеты» М. А. Замшев, заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств, Почетный профессор СПбГУП Г. А. Праздников и многие другие. То есть сегодня здесь представлен цвет отечественного философского сообщества. А на последних рядах — молодая поросль, которой предстоит заниматься гуманитарной наукой в будущем.

Желаю успешной работы!

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Наша секция «Ценности нового многополярного мира: всеобщее и особенное» по своему названию продолжает общую тему XXII Лихачевских чтений «БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций» и является ее конкретизацией.

Лихачевские чтения обозначают новый этап в работе форума, следуя за кардинальными изменениями, которые происходят в стране и в мире. Раньше мы осмысливали Чтения как международный гуманитарный форум, форум культуры, понимая, что гуманизм и культура — вещи неразрывные: культура и есть бытие гуманизма. При большом разнообразии тем в целом Лихачевские чтения отвечали на два вопроса. Первый: как изменяется современный мир, рассмотренный в перспективе культуры, и какое влияние он оказывает на культуру? Второй вопрос: какова роль культуры в становлении и развитии мира? В этом направлении мы и работали, отсюда — совокупность понятий «диалог культур», «толерантность», «взаимопонимание».

Сейчас мы находимся на новом этапе, когда выяснилось, в каком направлении развивается мир. Оказалось, что он многополярный, не только в том смысле, что существует много разных стран и народов, что было очевидно, но и в смысле многообразия цивилизаций и культур, и в этом аспекте он создает проблемы.

Отвечая на второй вопрос: как культура влияет на развитие мира, следует сказать, что здесь мы тоже ока-

зались в новой ситуации. Теперь актуален вопрос не только о диалоге, но и о конфликте. Что это означает и как соединить одно с другим?

В нашей секции в соответствии с ее названием «Ценности нового многополярного мира: всеобщее и особенное» соединяются и спорят два аспекта — всеобщее и особенное. Что касается особенного, то нас интересуют разные формы современного бытия, но прежде всего в российском варианте: российский подход как особенный взгляд на ценности нового многополярного мира, как он сочетается со всеобщим и несет в себе всеобщее и т. д.

Судя по списку предварительных тем выступлений участников нашей секции, все так или иначе сосредоточены на основной проблеме, точки интеллектуального теоретического напряжения, и продолжают размышления, озвученные на пленарном заседании и в ходе панельной дискуссии. Важны не только формулировки и утверждения, но и настроение, направления, в рамках которых мы размышляем.

Слово предоставляется первому заместителю председателя Комитета Госдумы РФ по культуре Елене Григорьевне Драпеко.

Е. Г. ДРАПЕКО: — На последней встрече в Государственной Думе, когда Правительство РФ представляло свой ежегодный отчет, я позволила себе критику философской науки в целом и институтов в частности. Сегодня нужны практические рекомендации, чтобы реализовывать то, что поручил президент России. Чтобы прописать традиционные ценности в наших нормативных документах и кодексах, прежде нужно дать им определение, которого на сегодняшний день не существует. Это первостепенная задача. Институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева предложил свой вариант, и пока я больше ничего не видела.

Вторая задача касается иерархии ценностей.

Третья задача, которая перед нами стоит, — необходимо вести исследования по сравнительной аксиологии. В рамках БРИКС и ШОС мы столкнулись с неожиданной проблемой: мы с большим трудом ведем переговоры с нашими китайскими, индийскими коллегами и представителями других стран. Недавно в Дели мы обсуждали вопрос о том, почему российские бизнесмены не могут договориться с индийскими. Потому что у индийцев другая система ценностей и иная оценка поведения человека. Наши бизнесмены кажутся им несерьезными людьми, с которыми не стоит иметь дело. Исследований по сравнительной аксиологии у нас, к сожалению, нет, а они нам нужны уже сегодня.

В своем докладе я (вместе со своим соавтором А. А. Ковалевым) обратилась с предложением к правительству рассмотреть вопрос о гуманитарном сотрудничестве с этими странами. Сегодня в БРИКС, ШОС и других организациях гуманитарной составляющей уделяется недостаточно внимания. В частности, археологи на протяжении многих лет наблюдали за тем, как страны, входящие в ШОС, не могли договориться о сохранении древностей, и предложили Российской Федерации выйти с инициативой о принятии конвенции о защите древностей, так как все страны обладают древними артефактами.

Мы считаем, что у всех стран есть общий интерес, вокруг которого мы можем сосредоточить свои усилия по защите своих национальных ценностей. Но чтобы вести переговоры, необходимо понимать, с кем мы говорим и как они понимают ценности. Например, отношения Китая и Индии далеки от идеальных, поэтому переговоры между ними невозможны. Как в таком случае вести переговоры? Ответы на эти вопросы мы ждем от науки. Необходимо подвести научную базу под то, над чем мы работаем каждый день на уровне политики.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Когда мы говорим о ценностях, то должны употреблять понятные всем слова и выражения. В массовом сознании такие понятия, как солидарность и содружество, звучат прекрасно, но что они означают? В социологии наряду с ценностями должны быть представлены ценностные ориентации. Например, против таких ценностей, как семья, здоровье, карьера, благополучие, которые понятны всем, никто не возражает. Но молодежь выбирает карьеру, образование, семью, в отличие от старшего поколения, для представителей которого важны здоровье и благополучие. То есть ценностные ориентации могут существенно отличаться в разных возрастных группах.

Мы не можем говорить вообще о ценностях, а должны ориентироваться на возрастные, профессиональные, национальные особенности. Обращаю ваше внимание, что ценности и ценностные ориентации — это одновременно общее и особенное, позволяющее нам перейти от теории к практике.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Разговор о ценностях очень важен в современном мире. Сегодня все сводится к пониманию ценностей и смыслов, так как идет борьба смыслов, ведется информационная война. Сейчас распространено мнение, что, поскольку разные культуры создают разные системы ценностей, вести диалог невозможно, потому что невыполним точный перевод. Например, то, что говорят китайцы, нельзя просто перевести на английский язык.

Рассуждая о диалоге или конфронтации культур, хочу сказать, что и то и другое возможно в общем пространстве. Поэтому необходимо искать общее пространство, учитывая все сложности в понимании иных ценностей.

В Институте философии на протяжении многих лет детально изучаются философия и культура арабо-мусульманского мира, китайская и индийская философия. Мы выстроили взаимодействие с китайцами, индийцами, проводим общие конференции. Данную работу нужно продолжать, потому что сегодня это проблематика номер один.

Другой важный вопрос — ценности. Отдельные ценности могут быть хороши сами по себе, но иногда они вступают в противоречие друг с другом. И каж-

дый раз, когда приходится делать выбор, его нужно прорабатывать с точки зрения философии и практики. Многополярный мир не исключает того, что он существует в едином целом.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Что касается критики из Госдумы, которую озвучила Елена Григорьевна, хочу сказать следующее. Вполне закономерно ожидать помощи от философов в решении проблем в практическом плане. Но нужно реально смотреть на то, что делают философы. Владислав Александрович сказал: мы можем предложить, но что-то останется вне поля зрения людей, которые принимают решения, определяют ценности и т. д.

Основной мегапроект сегодня — проект цивилизационного развития. Что представляет собой российская цивилизация и что она предлагает миру — эти вопросы интересуют философов в рамках своего предмета и своей ответственности.

В данном случае реплики, которые звучали с трибуны Думы, были вызваны группой критиков Института философии и философов и нацелены не на то, чтобы осмыслить эти процессы, а на то, чтобы внести диссонанс, подлить масло в огонь, что чревато пожаром.

Поэтому сегодня я призываю всех выступающих в максимальной степени соединять теоретические размышления (философские, культурологические и пр.) с практическими. Президент России и Государственная Дума принимают законы, которые определяют нашу жизнь, и они должны быть конкретными, чтобы не стать источником злоупотреблений. Поэтому и необходимы размышления, спокойный разговор.

Слово предоставляется профессору Российского государственного гуманитарного университета Игорю Вадимовичу Кондакову.

И. В. КОНДАКОВ: — БРИКС — яркий пример союза глобалитетов, потому что входящие в него культуры претендуют на глобальное место в мировой культуре. Понятие глобалитетов довольно давно ввел в культурологию я, подразумевая под ним способность культуры занять такое место в мировой культуре, какое влияние она оказывает. Например, такие культуры, как российская, американская, общеевропейская, китайская, японская, обладают глобалитетом.

Начало размышлениям о глобальном назначении разных культур положили исследования, проведенные на рубеже XX–XXI веков под руководством П. Бергена и С. Хантингтона. Они показали, что глобализация многолика и в разных регионах мира не совпадает. Это положение дало основание сделать вывод, что условия многополярного мира совсем иные, чем условия биполярного или монополярного мира.

Сегодня в защиту БРИКС и его значения в мировом пространстве высказывалось довольно много суждений. Я хотел бы обратить внимание на яркое выступление директора Института Африки РАН Ирины Олеговны Абрамовой на пленарном заседании, которое являет собой пример того, как можно говорить о всемирном значении БРИКС. Это объединение воплощает феномен всемирного большинства, потому что никто не может конкурировать с такими странами, как Индия и Китай, по численности населения.

Но возникают проблемы, связанные с развитием культуры и образования. В частности, Ирина Олеговна сказала о том, что сегодня развитие образования в мире, в том числе в сравнительно отсталых странах, представляет проблему и должно иметь свою культурную специфику.

Создание таких хрупких организаций, как БРИКС (хрупких в том смысле, что это объединение включает пять стран с огромной численностью населения), на самом деле представляет собой проблемное единство. Проблема заключается в том, что эти страны не имеют ничего общего ни в лингвистическом, ни в конфессиональном плане. Напомню, что в Бразилии распространен католицизм, в Китае — буддизм, в Индии — индуизм, в России — в основном православие и ислам. Что касается Южно-Африканской Республики, то ее конфессиональную специфику представить сложно, потому что она являет собой конгломерат разных языческих религий, экзотических верований, которые трудно соединить в одно целое.

Все пять стран, входящих в БРИКС, опираются на традиционные ценности, но у каждой страны они разные. Россия сейчас начинает говорить о значении традиционных ценностей с особым акцентом. То, что объединяет эти страны в экономическое, политическое и культурное единство, и даже обращение к традиционным ценностям, не решает языковых и конфессиональных проблем. Важно понять, что является общим смыслом для такого рода союза глобалитетов.

Примеры других союзов глобалитетов всем известны — это Евросоюз, Шанхайская организация сотрудничества, Латиноамериканская ассоциация интеграции, где несколько государств играют роль ведущих глобальных лидеров. Объединяет страны БРИКС не их специфика, а общий культурный потенциал, который достигнут на современном уровне мирового развития. Цифровая культура, компьютерные технологии — все то, что не отделяет страны БРИКС от коллективного Запада. Речь идет о поиске глобальных ценностей, которые не противопоставляют БРИКС остальным странам, а объединяют эту организацию с тенденциями мирового развития.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Игорь Вадимович, Вы затронули острый вопрос: что делать с наукой? Она едина в странах, например входящих в БРИКС, хотя они различаются цивилизационно, культурно, конфессионально, по языку. Что может стать основой для объединения, как соединить несоединимое? Ведь БРИКС — это проект развития всего человечества, единый путь, а внутри страны, входящие в эту организацию, несоединимы. Елена Григорьевна затронула эту проблему, рассказав о встрече индийских бизнесменов и российских, на которой люди говорят, но не понимают друг друга.

Слово предоставляется профессору Московского гуманитарного университета Анне Владимировне Костиной.

А. В. КОСТИНА: — Тема нашей секции, посвященной многополярному миру, напрямую связана с идеей о том, что ценности и культура являются фактором национальной безопасности и выстраивания многополярного мира. Последние десятилетия XX века ознаменовались началом глубокого глобального кризиса. В условиях краха Советского Союза США начали выстраивать однополярный мир. Однако, как говорили многие выступающие, доминирование США сегодня ослабевает, глобализация утрачивает свою инерцию.

Что свидетельствует о закате эпохи однополярного мира?

Первое — США лишаются статуса экономического центра силы. Американский цикл накопления капитала сменяется азиатским.

Второе — резко падает политический статус США и Евросоюза, стремящихся сохранить доминирование евро-атлантической цивилизации. Усиливаются противоречия между западным блоком и странами во главе с Россией и Китаем. В Стратегии национальной безопасности США 2022 года в качестве противоборствующей силы называются именно Китай и Россия как страны, стремящиеся «сформировать мир, который противоречит американским ценностям и интересам». То есть сфера культуры и ценностей становятся аргументом в выстраивании такого мира.

Третье — резко падает культурный статус США, а такие ценности, как приверженность рыночной экономике, либерализм, демократия, ориентация на прибыль и индивидуализм, свобода меньшинств и ЛГБТ[1], которые в Стратегии национальной безопасности США 2015 года определялись как общечеловеческие, большинством стран в качестве всеобщих не признаются.

Четвертое — восстанавливается политический потенциал национального государства, замена которого государственной корпорацией была провозглашена в самом начале глобализации. Страны возобновляют производства и увеличивают технологические мощности на своей территории, а процессы, направленные на реализацию стратегии технологического острова и национализацию этих стандартов, идут сегодня во всех странах, в том числе в России.

Монополярный мир в том виде, в каком он установился после 1990-х годов, не соответствует интересам большинства стран.

Что можно сказать о биполярной системе? Сегодня вторым государством в мире выступает Китай. Прогнозируется, что уже к 2036 году он займет лидирующие позиции с ВВП в 55 трлн долларов. Вопрос: как будут влиять ценности двух стран — США и Китая — на остальной мир? Ведь ценности Советского Союза и США разделялись большинством стран — странами Организации Варшавского договора и НАТО соответственно. Ценности США не обладают универсальностью и весьма специфичны. Ценности Китая тоже обладают спецификой и связаны с конфуцианскими принципами. Эта ценностная система, несмотря на ее привлекательность, все-таки остается исключительно китайским феноменом, который не может быть перенесен на другую почву. То же самое можно сказать обо всех без исключения культурах, особенно тех, чье формирование связано с цивилизационной спецификой (индийская, арабо-мусульманская, африканская культуры). Принципы чучхе демонстрирует Северная Корея, концепцию Панчасилы — Индонезия, идеологию Рукун Негара — Малайзия.

Елена Григорьевна на пленарном заседании сказала о том, что у каждого народа есть свой эпос, который отражает его ценности. Следовательно, все народы специфичны в своих ценностных системах. Сегодня ценностные миры являются одним из факторов национальной безопасности, потому что они обладают метафизической сущностью. Защищая свой метафизический мир, фактически мы защищаем свою землю, свой народ и свой образ будущего. Значит, многообразие ставит вопрос о том, возможно ли взаимодействие и понимание между странами и народами, диалог между ними. И здесь я полностью поддерживаю мнение Владислава Александровича, который сказал о том, что диалог необходим и возможен. Диалогу в большей степени соответствует многополярная система.

Одной из осей формирующегося многополярного мира выступает Россия. Данная позиция впервые получила развернутое обоснование на Мюнхенской конференции в 2007 году. И сегодня все страны, в том числе входящие в БРИКС, рассматриваются как укрепляющие многополярность. Эта тема стала лейтмотивом в целом ряде документов стратегического планирования России. О продолжении формирования более справедливого многополярного мира говорится в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года.

Сегодня иногда можно услышать мнение, что традиционные ценности могут стать препятствием для технологического развития России и рывка в будущее. Это не так. Традиционность ценностей означает их укорененность. Россия как цивилизация, стремящаяся построить инновационную и высокотехнологичную экономику и в то же время опирающаяся на традиционные ценности, — такой образ в полной мере соответствует стратегиям, на которые опираются многие современные цивилизации: китайская, индийская, арабо-мусульманская и др.

В итоге можно резюмировать, что именно различие ценностей определяет цивилизационную специфику стран, составляя их стержень, духовную опору. Ценности в качестве метафизической сущности обладают абсолютным значением, от них зависит смысл жизни всех жителей страны, и их защита выступает в качестве национального приоритета. Именно система ценностей, выраженных во всеобщем и особенном, лежит

[1] «Международное общественное движение ЛГБТ» признано экстремистской организацией, его деятельность запрещена на территории России.

в основе многополярного мира, который способствует развитию всех стран и укреплению справедливого миропорядка.

Представляется, что если общие интересы стран и народов возобладают над частными, что сегодня демонстрирует Россия, защищая всеобщие ценности, многополярный мир будет сформирован, в нем будут найдены общие интересы и площадки для диалога. И через одно поколение такой прекрасный мир будет построен.

— Вы сказали, что между Россией, Китаем и западным миром возникают противоречия. Но как тогда можно объяснить, что товарооборот между Китаем и США, Китаем и Евросоюзом в десятки раз превышает объемы торговли КНР с Россией? Сегодня ряд китайских банков перестал принимать платежи в юанях из России, потому что они опасаются вторичных санкций. *(вопрос из зала)*

А. В. КОСТИНА: — Этот вопрос все-таки имеет частное содержание. Когда я говорила о противоречиях между двумя мирами, то ссылалась на Стратегию национальной безопасности США, где сказано, что последние годы в качестве противоборствующих США сил выступают Россия и Китай «как страны, которые стремятся сформировать мир, противоречащий американским ценностям и интересам». Мы стремимся к диалогу, сотрудничеству, потому что это отвечает нашим интересам. Таков прагматичный подход.

Мир, в котором мы все должны сосуществовать, слишком хрупок. И если каждый будет отстаивать свои ценности, ничего не получится. Абсолютно согласна с мнением, что диалог возможен только на одном уровне. Если мы будем разговаривать на разных уровнях, то друг друга просто не услышим. То есть нам нужна единая площадка для диалога. Россия стремится к созданию такой площадки, что проявляется в политике, выступлениях лидеров и принимаемых документах.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется ректору Белорусской государственной академии искусств Михаилу Григорьевичу Борозне.

М. Г. БОРОЗНА: — В Академии искусств, которую я представляю, функционирует старейшая научная искусствоведческая школа.

Искусство ставит больше вопросов, чем дает ответов. Для создания произведения художнику, режиссеру, оператору, сценаристу и др., кроме света, звука и других технических элементов, нужна мотивация: великое произведение рождается, когда есть великая идея и энергия.

Генеральная прокуратура в 2021 году возбудила уголовное дело по факту геноцида населения Беларуси во время Великой Отечественной войны и послевоенный период. Казалось бы, зачем озвучивать этот факт в рамках Лихачевских чтений, посвященных БРИКС? Великая Отечественная война для стран, входящих в БРИКС, — важная общая ценность.

В последние годы в области монументального искусства было создано немало произведений, большинство из них, как, например, Ржевский мемориал Советскому солдату в России, — руками молодых художников, архитекторов, скульпторов и дизайнеров, которые активно включились в процесс. В 1944 году в деревушке Тонеж, расположенной на юге Гомельской области, на православное Рождество в деревянной церкви было сожжено все мирное население, включая 200 детей. Студенты нашей академии участвовали в восстановлении этой церкви.

Мне интересно современное искусство, но последние десятилетия огромное постсоветское пространство ориентировалось в основном на западные художественные тенденции, где закамуфлированное право на протест было правом на уничтожение.

Вчера в Мариинском театре мы наблюдали прекрасное классическое академическое искусство. Его потенциал сегодня ничуть не уменьшился. Картина В. Серова «Девочка с персиками» все так же актуальна для воспитания человека. Но, кроме монументального искусства, необходимы новые горизонты. И государство должно предлагать мотивации с целью поддержки и развития образования, в том числе творческого, для того чтобы эти вещи были активны в нашем сознании.

Я рассматриваю БРИКС как ось возможностей для реализации. В художественных вузах наших стран — России и Беларуси — конкурс среди абитуриентов не уменьшился. Это говорит о том, что потенциал растет, и ему нужен позитивный выход — все это вселяет надежду.

Я смотрю на молодежь в частности и на творческое сообщество в целом с огромной надеждой и уверенностью, что нам многое по плечу. Главное — мы должны понимать, что право на мирную созидательную жизнь без духовного содержания невозможно. Только в этом случае будет результат.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Как ориентация на традиционные ценности сочетается с лозунгом, что будущее принадлежит молодежи, которая должна привносить новые веяния в искусство, науку и т. д.?

М. Г. БОРОЗНА: — Наверное, базовые темы не исчезнут (любовь, рождение человека и пр.) и останутся для искусства главными, новое скорее проявится в форме. Вместе с тем сохраняется интерес к познанию мастерства и традиций эпохи Возрождения и Античности. Не все стремятся заниматься современным перформансом, инсталляцией, звуковым ландшафтом и пр.

Классическое искусство и его потенциал не угасают. Вопрос касается именно идей и мотиваций, которыми будет руководствоваться молодежь при создании созидательной платформы, мира для себя и своих семей. Когда-то они тоже произнесут фразу, что вся надежда на молодежь. Но это не значит, что молодежь исключительная и ей нужно давать больше пряников, чем она этого заслуживает.

У России и Беларуси общая культура, всех нас объединяет стремление к лучшей жизни.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — В поиске общих формул следует сказать, что наш приоритет — традиции и молодежь, за которой будущее. Эти формулы взаимосвязаны, и одно переходит в другое. Как остаться верным традиции и в то же время не закрыть дорогу в будущее?

Слово предоставляется заведующему кафедрой международной безопасности внешнеполитической деятельности России Института права и национальной безопасности РАНХиГС Александру Николаевичу Михайленко.

А. Н. МИХАЙЛЕНКО: — Тема многополярного мира очень актуальна, и надеюсь на то, что наши обсуждения помогут найти политикам более эффективные методы развития БРИКС.

Предлагаю рассмотреть духовно-нравственные ценности предыдущего мирового порядка и формирующегося ныне.

Если говорить о предыдущем мировом порядке, то возьмем для примера Европейский союз. Украина пытается вступить в ЕС и даже подписала соглашение об ассоциации. Сейчас речь идет о том, чтобы предоставить ей статус кандидата в члены ЕС. Что для этого нужно сделать? В Соглашении об ассоциации между Украиной и Евросоюзом указано, что они должны разделять европейские ценности.

Что делает Украина для того, чтобы разделять европейские ценности? В прошлом году в Верховной раде Украины были рассмотрены следующие законопроекты и приняты законы: первый — о легализации однополых браков, второй — о правах ЛГБТ-сообщества, третий — о легализации легких наркотиков, четвертый — о частичной декриминализации порнографии. Для славянских народов в целом и украинского народа в частности все это является традиционными ценностями? Нет. Но для того, чтобы вступить в Европейский союз, необходимо им соответствовать.

Теперь посмотрим, что происходит в БРИКС. В документах последнего саммита БРИКС используются такие ключевые слова, как взаимоуважение, суверенное равенство, защита культурного наследия, сохранение национальной самобытности, культурно-цивилизационного разнообразия. Недавно министр иностранных дел России С. В. Лавров в рамках председательства России в объединении БРИКС на встрече с послами стран-участниц в Москве рассказал о принципах БРИКС. Они основываются на наших традиционных ценностях: равноправный диалог, уважение выбора каждой страной собственного пути развития, учет интересов друг друга, нацеленность на коллективный поиск решения проблем.

В названии нашей секции упоминается сочетание «общее и особенное», к которому я добавил бы слово «уникальное». Самобытность представляет собой объединение трех аспектов: общего, особенного и уникального.

Что делается в России с этой точки зрения? Принят целый ряд документов стратегического планирования, в которых в большей или меньшей степени отражены вопросы духовно-нравственных ценностей. Первый документ — Основы государственной политики РФ по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей — был принят в ноябре 2022 года. В этом документе перечисляются 17 традиционных ценностей. Вчера Елена Григорьевна сказала, что в Государственной Думе ведется работа по их приоритизации. Список ценностей и их приоритетность у различных стран БРИКС будут разные. Но работа в этом направлении должна вестись.

Другой документ стратегического планирования — Концепция внешней политики Российской Федерации, принятая в 2023 году. В ней сказано, что Россия — это самобытное государство-цивилизация. Но в БРИКС есть и другие самобытные цивилизации. Как в таком случае выстраивать отношения между странами — членами БРИКС, а также за пределами этой организации? Существует несколько способов.

Первый — необходимо пропагандировать многополярный мир на разных международных форумах более активно, четко объяснять нашу лидерскую в этом плане позицию. Многополярный мир не возникнет сам по себе, его надо создавать вместе на основе духовно-нравственных ценностей.

Второй — страны БРИКС должны лучше понимать друг друга. По роду своей деятельности я просматриваю диссертации по политологии и могу сказать, что довольно редко встречаются ссылки на китайских, индийских и африканских исследователей. В основном ссылаются на американских и европейских ученых. Необходимо акцентировать поворот на Восток, в том числе и в теории. Мы стараемся совершить такой поворот в науке — это общее направление в наших руках.

Третий — механизмы БРИКС должны быть более гибкими, чтобы соблюсти баланс и учесть различные интересы. Необходимы здравые идеи, как сотрудничество стран может дать импульс развитию БРИКС.

Четвертый — эффективная система выявления и своевременного разрешения противоречий. Здесь у нас есть определенные достижения. Считаю международным прорывом переговоры с Саудовской Аравией и Ираном, посредником в которых выступил Китай. КНР, Саудовская Аравия, Иран — все эти страны входят в БРИКС. Этот опыт можно было бы распространить в целом на разрешение противоречий. Каким образом это делать? Здесь важны вопросы методологии.

Подводя итог, хотел бы сказать, что в основе формирования нового мирового порядка лежат духовно-нравственные ценности. Важно обсуждать и разрабатывать научные подходы к разрешению проблем, а затем внедрять научные идеи в политическую практику.

Отвечая на вопрос о том, почему сегодня возникают проблемы между китайскими и российскими биз-

несменами, хочу сказать следующее. В 2023 году объем торговли между Китаем и Россией составил 240 млрд долларов, а между Китаем и ЕС — около 1 трлн долларов, Китаем и США — более 700 млрд долларов. Один миллиард долларов — это 10 тыс. рабочих мест. Конечно, можно было бы сейчас сказать: «Мы с Китаем больше не торгуем». Но это чревато проблемами. С кем мы будем вести торговлю и чем торговать? Кроме того, миллионы людей будут выброшены на улицу. Китай занял прагматичную позицию и реализует политику «двойной циркуляции» — модель, сочетающую силы внутренней экономики Китая и международного экономического взаимодействия. Необходимо развивать собственное производство, меньше зависеть от Запада, но это не произойдет мгновенно. Китай понимает, что существуют проблемы с Тайванем, что есть полицентричный мир и т. д., поэтому необходим период трансформаций, в том числе касающихся структуры внешнеэкономических связей Китая.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется доценту Белорусского государственного университета Екатерине Владимировне Радевич.

Е. В. РАДЕВИЧ: — Хотела бы начать выступление с цитаты моего учителя, уважаемого философа Анатолия Изотовича Зеленкова, который сказал, что метаморфозы глобализации убедительно демонстрируют амбивалентную природу происходящих трансформаций мирового сообщества, создавая поистине сюрреалистичную картину реальности нашей эпохи.

Действительно сегодня наиболее дискуссионным остается вопрос о дальнейшей судьбе не только человека, но и мира в целом. Нарастающая нестабильность, ситуация перманентного кризиса позволяют говорить о том, что мир стоит на пороге глобальных трансформаций, последствия которых затронут не одно поколение людей.

В чем сегодня заключается глобальная неопределенность? С одной стороны, изменился как глобализационный тренд, так и его оценки по сравнению с оценками периода межвременья — конца 1980-х — 1990-х годов. В экономической и политико-институциональной сферах глобализационный тренд демонстрировал некое единство, конвергенцию мирового сообщества.

Немного с опозданием в этот процесс включилась культура. И здесь проявились совершенно иные тенденции. Если в торгово-финансовой и политико-институциональной сфере мы видим процессы единения: объединяются страны, торговые и финансовые потоки, то в сфере культуры все намного сложнее. Здесь это привело к замещению традиционных, устоявшихся культуротворческих форм эпатажными формами культуры, недолговечными, не содержащими глубинных смыслов. Все это, к сожалению, может привести к тому, что культура в крайнем варианте вообще может исчезнуть, если мы говорим о культуре локальных цивилизаций, стран переходного периода, которые иногда назывались транзитивными.

Сегодня тенденции свидетельствуют, что глобализация на данном этапе изменила свой тренд и демонстрирует скорее тенденцию к дивергенции. Это проявляется в процессах, свидетелями которых мы сегодня являемся, в частности в усиливающихся сепаратистских, фундаменталистских движениях, военных конфликтах в Сирии, на Украине, в Израиле, Брексите в Великобритании (пример невоенного распада целостности Евросоюза). Эти процессы в мире сегодня усиливаются благодаря вызовам, с которыми сталкивается человеческая цивилизация: мировой финансово-экономический кризис, эколого-климатические проблемы, которые обостряются параллельно с интенсивным технологическим развитием человечества, гуманитарный, ресурсно-сырьевой, энергетический кризисы, усиление практик терроризма. Вызовы современной цивилизации обостряются именно в эпоху глобализации, что позволяет сделать вывод о том, что именно глобализация не только форсирует, но и порождает многие из кризисных ситуаций.

Тема моего доклада — диалог культур, который мы обсуждаем сегодня в контексте БРИКС. В настоящее время ведется не диалог, а полилог культурных традиций, и БРИКС становится той площадкой, на которой страны-участницы могут заявить о себе. Несмотря на то что БРИКС изначально создавался как экономическое, политическое объединение, сегодня эта организация становится культурным образованием. Это предполагает опору на традиции как важнейший механизм сохранения и трансляции социокультурного опыта, без которого культура может исчезнуть, поскольку традиция — это ядро любой культуры. Именно БРИКС, с моей точки зрения, позволяет реализовать локальный сценарий развития, когда каждая из стран-участниц может заявить о себе, вплести свое уникальное содержание (на уровне ценностей, традиций) в общемировую канву.

Поэтому мы говорим не о единстве многообразия, тотальной унификации, которая изначально предполагалась в контексте глобализации и проявлялась в культурном империализме и американизации, а о единстве многообразия, то есть не об унификации мирового культурного уровня, а именно о полилоге культурных традиций. С моей точки зрения, БРИКС является именно такой площадкой.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — К микрофону приглашается профессор СПбГУП Александр Петрович Марков.

А. П. МАРКОВ: — Можно согласиться с критикой, которая звучала на пленарном заседании и в ходе панельной дискуссии. Предметом критики была в основном западная цивилизация. Этап постмодерна стал предсмертной судорогой Запада, который по совокупности деяний утратил моральную легитимность. Но я хотел бы указать еще на один симптом этого кризиса, который не был озвучен.

Многие гуманитарии, в том числе отечественные, фиксировали обреченность антропоса. В пользу этой гипотезы свидетельствует то, что происходит на

Украине и Ближнем Востоке. То есть наблюдается исчерпанность ключевых ресурсов и институтов культуры, которые удерживали человека от немотивированной агрессии.

Выход из этой ситуации сформулирован в названии Лихачевских чтений — это БРИКС. Я не могу не согласиться с К. Ф. Затулиным, который сказал, что мы никогда не жили в многополярном мире, и напомнил о времени, когда, вероятно, многополярность имела место. Серьезный аргумент критики в этой дискуссии — упоминание Запада и Юга без Севера. А где же Россия?

Если обобщить не только выступления участников, но и доклады, которые опубликованы на сайте СПбГУП, по поводу перспектив БРИКС, то в основном предсказывается пессимистический сценарий.

Между странами БРИКС — метафизическая бездна. Коллега О. Рокпло из Франции сказал, что ресурсом консолидации может стать многотысячелетняя история. На мой взгляд, она не может выступить таким ресурсом — нет ничего общего в компании, включающей трех столетних стариков и четырех подростков. Они разные, поэтому между ними невозможно взаимопонимание.

Кроме того, между странами БРИКС — технологическая и языковая бездна. Дело не только в количестве национальных языков. Так, в своем докладе Н. К. Гарбовский описал попытку создания Сетевого университета БРИКС, из которой ничего не получилось. В ключевых государствах — Китае и Индии — используются английский, китайский языки и английский, хинди соответственно. Но это противоречит духу БРИКС — необходимо вытеснить английский язык в том числе из транслирующих языков. Они собираются доделать этот проект к очередному саммиту БРИКС, который состоится в октябре 2024 года, осуществив синхронный перевод на национальные языки за счет искусственного интеллекта и исключив образовательные программы на английском языке.

Я согласен с коллегами, которые говорили о том, что между странами БРИКС не только технологическая, языковая, но и цивилизационная бездна. Елена Григорьевна высказала мысль, что необходимо найти нечто объединяющее, консолидирующее наши страны. Мне кажется, в структуре БРИКС этого нет, по крайней мере, в докладах нет намеков на поиск консолидирующих оснований.

Методологическим основанием для консолидации является евразийский проект, потому что ключевая структура в системе БРИКС — это Евразия, включающая Китай, Индию, Россию. Еще сто лет назад евразийцы обозначили духовные основания консолидации в структуре малой и большой Евразии. Проект большой Евразии, на мой взгляд, может стать альтернативой англосаксонскому доминированию и набирающей обороты транснациональной теократии (ваххабизм, мировая исламская умма и т. д.).

Обозначу основные ценности, консолидирующие евразийское пространство.

Первый ресурс — для культуры народов Евразии характерна социальная доминанта, исключающая антропоцентризм Запада. В группу приоритетных ценностей входят милосердие, нестяжательство, социальная справедливость, которая фиксирует соответствие деяния и воздаяния.

Второй ресурс консолидации и культурной идентичности — неприятие этими культурами рыночной стихии, особенно в неолиберальной версии, которая все превращает в объект купли-продажи.

Консолидирующую миссию, как это ни парадоксально, несмотря на не очень впечатляющий уровень нашего технологического и экономического развития, страны Евразии признают за Россией. То есть право духовного лидерства, по сути, Россия выстрадала своей историей. Во-первых, у нашей страны сохранился геополитический потенциал, который превосходит потенциалы других стран. Во-вторых, России принадлежит статус духовного центра Евразийского континента.

Назову ключевые ресурсы солидарности и ментальной совместимости народов евразийского пространства.

Первый ресурс — идея всечеловеческого единства, которая была выстрадана российскими философами. В частности, гуманитарная мысль всегда исповедовала идею общности, в том числе концепт цивилизации, который отличается от концепта цивилизации, позволившего Западу превратить весь остальной мир в сообщество неполноценных народов. Братство народов выражается в том, что нет деления на высшие и низшие расы, что взаимное притяжение здесь сильнее, чем отталкивание, что здесь легко просыпается воля к общему делу.

Второй ресурс — имперская идентичность, имперский дух, который надэтнически консолидировал множество этнических групп. Истоком имперской идентичности была национальная идея, которая изначально носила всемирный характер. Русские философы, начиная с В. С. Соловьева и заканчивая В. М. Межуевым, А. П. Назаретяном, подчеркивали общечеловеческий характер русской идеи.

Третий ресурс — ментальные особенности, которые выступают основой солидарности: отзывчивость, всечеловечность, резонанс с радостью и болью этого мира. Именно эти качества определили понимание справедливости, которая должна торжествовать не только в нашем доме, но и в большом мире.

Сегодня в составляющие русской идеи входит и этика коллективного спасения (по В. М. Межуеву), которая гласит, что страна не спасется, если не спасутся все народы России.

Евразийский проект может оживить и привнести позитивную энергию в БРИКС, потому что без нее это просто геополитическая структура. Его в условиях глобальных проблем можно считать конструктивной альтернативой. Реализация этого проекта предполагает максимальное доверие и волю народов, а также духовную мобилизацию морально вменяемой интеллектуальной элиты. Это наша задача, потому что в судьбо-

носные времена функцию спасения всегда выполняла национальная элита.

И последнее — отвечая на вопрос Александра Сергеевича, каким будет ближайшее будущее и что спасет мир, заданный в ходе панельной дискуссии, были предложены разные версии. Я ответил бы цитатой из Ф. М. Достоевского, которую он вложил в уста Ипполита. Он сказал, что мир спасет красота. Идеи — это красота духовная, душевная. Персонифицированным выражением этой формулы стали докладчицы Елена Григорьевна и Мария Владимировна.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется главному редактору «Литературной газеты» Максиму Адольфовичу.

М. А. ЗАМШЕВ: — С февраля 2022 года Россия была втянута в тяжелейшее противостояние. Это одна из тактик наших врагов — вынудить нас к такого рода деятельности.

Меня, как человека, работающего в «Литературной газете», находящегося под санкциями всех стран ЕС, Украины и Швейцарии за поддержку специальной военной операции, как члена Президентского совета, трудно заподозрить в излишней любви к Западу. Но мне кажется, что в плане эстетического противостояния и многих подчас истерических заявлений, которые мы сейчас слышим, мы можем допустить трагическую ошибку. Со времен Петра I Россия развивалась как западноевропейская цивилизация. В этом не было никакого подражания или идолопоклонства, потому что часто во многих вещах мы опережали Запад. Россия достигла огромных успехов в XVIII–XX веках именно в сфере культуры. И еще непонятно, кто на кого влиял, — очень часто мы намного сильнее влияли на культурный прогресс. При этом, обладая огромной территорией и многоязычием, — ведь у нас есть татарская, башкирская и другая прекрасная литература, мы могли на эту основу нанизывать другие элементы, обогащая ее. Например, Фазиль Искандер любим во всем мире, но у него есть определенный, совершенно не европейский колорит, который делает его произведения еще выразительнее.

Сейчас, возвращаясь к теме нашего разговора, посмотрим на БРИК: Бразилия, Россия, Индия, Китай. Кто в этой четверке Запад? Несомненно, мы и отчасти Бразилия, потому что бразильская культура тоже развивалась не по китайским и индийским канонам. Мы оказались в довольно выгодном положении, потому что сам Запад за последнее время, как мне кажется, на практике отказался от всех тех ценностей, которые декларировались им как ценности прогресса, уйдя в тоталитаризм и политику запретов. Мировая энтропия идет с Запада, в силу того, что мы, как говорится, долго запрягаем; но в какой-то момент, особенно после советской власти, идя по пути прогресса, мы не заметили, что те, кто шел рядом, стали нас тянуть назад, отказываясь от идей, в основе которых всегда был человек. Именно в России была важна ценность человека, но это шло от западной прогрессивной, гуманистической мысли, от которой Запад сейчас отказался. Но нам в этой борьбе с Западом нельзя от этого отказываться. Мы должны стать в БРИКС представителями своего культурного кода, который не был бы поворотом на Восток. Сейчас нам не надо бросать все и опять куда-то идти — мы должны вести за собой мир.

Проблема наших отношений с Европой не в том, что там процветает русофобия. Она процветает только в элитах, и по одной простой причине. Вчера один болгарский политик, бывший посол Болгарии в России, долгое время работающий в ЕС и член партии ГЕРБ, не самой пророссийской в Болгарии, сказал мне: «Все наши политики воруют. Их поставили американцы, и американцы об этом знают. Поэтому как бы они ни хотели сделать шаги в сторону России, выгодные для их стран, они этого сделать не могут». Но народ-то не ворует. Народ смотрит на Россию как на свободную страну, где сохраняются политические дискуссии, где сосуществуют разные философские модели, где конкурируют западная, более европейская, и, условно говоря, антизападная, славянофильская мысль, и одна не отменяет другую. В 1990-е годы мы допустили колоссальный просчет, когда пришедший к власти относительно либеральный мейнстрим буквально выкорчевал все, что было против него, — русское, национальное. И сейчас, находясь в такой жесткой ситуации, «мы не должны быть как они», как написал в нашей газете Константин Затулин. Какие бы эмоции нас ни обуревали, как бы нам ни хотелось что-то ужесточить, кого-то наказать, давайте следовать в рамках своих традиционных ценностей, в основе которых — человек. И наказывать нужно тех, кто нарушает законы, а не тех, кто имеет отличное от нашего мнение.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Хочу предоставить слово профессору Андрею Вячеславовичу Яковенко.

Ан. В. ЯКОВЕНКО: — После моего недавнего выступления на социологической конференции в РГГУ коллега из Киргизии поинтересовался, сохраняется ли в Донбассе культура межнационального мира и согласия. И я заверил его, что пока мое поколение существует, она сохраняется. Потом он рассказал, что его сын сейчас воюет на Донбассе. Мы иногда забываем, что целому ряду людей из тех стран, которые навязывают нам представление, что они уже не наши, дорога память о Советском Союзе, небезразлична Россия, и они поддерживают Донбасс. По большому счету те, кто поддерживает Донбасс, поддерживают сегодня будущее России.

Понятно, что наш зал незримо разделен поколенчески. Здесь есть люди, которые родились уже в XXI веке, третьем тысячелетии, и есть те, для которых Советский Союз — их родина, и другой у них не будет. Когда я в больших аудиториях называю имя Александры Пахмутовой, первые ряды улыбаются с трогательной любовью, а на задних рядах тех, кто отреагирует на это имя, почти не будет. Это не их

вина, это их беда и, скорее, наша вина. Зато на задних рядах всем знакома Билли Айлиш — певичка, известная в их среде, мне студенты дали послушать. Я хочу знать, на каком языке мне с ними разговаривать, чтобы быть понятым.

Новые технологии уже создают новые уклады, новую среду и во многом формируют и наше с вами понимание того, каким будет будущее. Может быть, нельзя соединить людей зрелых и очень молодых. Но если мы уйдем, то молодые останутся на том пространстве, которое будет принадлежать только им, если мы не заложим в этой технологической реальности свое пространство.

Еще одна зарисовка по поводу культуры. Любимая песня нашего президента — это песня, написанная луганчанином Михаилом Матусовским, «С чего начинается Родина». Там есть строки «Той песни, что пела нам мать». А я, как социолог, задумался, поют ли сегодня мамы песни своим детям, а если поют, то какие? И оказалось, традиционный ответ — песни детям поют умные колонки, и может быть, это даже лучше, чем те песни, которые являются репертуаром современных мам. Если мы говорим о культуре и о всеобщих ценностях, то нам нужно насыщать культурными ценностями те новые технологические составляющие, которые сегодня ближе нашим студентам. Мы сегодня должны думать о тех ценностях, которые формируют детей от пяти лет. И здесь есть место для БРИКС, потому что, когда мы говорим — традиционные ценности, то это семья, здоровье. А в чем смысл семьи и здоровья? Если вложить в понятие здоровья эгоистический смысл, это будет один общественный эффект, если смысл социального процветания — другой. Если семья — замкнутая в себе единица, то это одно, если семья развивается, счастлива и делает счастливыми окружающих — это другое.

И последний тезис. Почему мы так боимся современных технологий? Потому что они показывают, насколько мы не готовы применять в традиционной парадигме возможности, которые они нам предоставляют. Мы сегодня пребываем в ситуации, когда свободное пространство для культуры все больше расширяется. Я был удивлен, что Иосиф Виссарионович Сталин перед войной пытался ввести в Советском Союзе семичасовой рабочий день, чтобы трудящиеся могли творчески развиваться и т. д. Но война не позволила этому проекту осуществиться. Я сегодня представляю тот регион, который уже 10 лет живет в условиях полувойны-полумира, полудоговоренностей-полунедоговоренностей. Какая формируется культура на этом пространстве, я думаю, сегодня никто не знает.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Ваша тема называется «Новейшие технологии как потенциал качественной реализации традиционных ценностей». Скажите, сами новые технологии и формы связи, которые они создают между людьми, несут с собой какие-то ценности?

Ан. В. ЯКОВЕНКО: — Я думаю, сами нет, они не столько несут ценности, сколько создают площадку для их формирования. Это как чистый лист — на нем можно написать прекрасное произведение, а можно пасквиль.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Вы говорите, что традиционные ценности влияют на детей через песню, которую поет мама, фильмы, которые им показывают. А обратное движение? Как могут дети оказывать влияние на родителей, приучать их к новому миру, в котором живут? Это же двусторонний процесс.

Ан. В. ЯКОВЕНКО: — Конечно, двусторонний. Мы не должны забывать, что сегодня сознание детей формируется компьютерными играми и теми же самыми мультфильмами, и развитие «Маши и Медведя», который, кстати, в БРИКС получил большую популярность, требует новых форм. То есть подтвердилась возможность сохранения традиционализма и одновременно использования новых технологических укладов. И дети тоже смотрят на нас, и если мы фальшивим, то и они не будут с нами устанавливать контакт или он тоже будет фальшивым.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — А теперь выступит наша гостья из Беларуси Вероника Святославовна Сайганова.

В. С. САЙГАНОВА: — Я представляю факультет философии и социальных наук Белорусского государственного университета, единственный центр по подготовке профессиональных философов Республики Беларусь.

Вчера на пленарном заседании в рамках панельной дискуссии много раз звучали тезисы о гуманизации международной деятельности, гуманитаризации образования и необходимости философского осмысления, поиска основ диалога культур. В современной гуманитаристике уже сложились традиции идеологического понимания культуры. Достаточно вспомнить Мартина Бубера, Михаила Бахтина и Владимира Библера. Хотелось бы обратить внимание на проблему формирования субъекта межкультурного диалога. Мы с вами понимаем, что диалог осуществляют не сами культуры, а их носители. Кто же является носителями культуры? У этих субъектов есть определенная мировоззренческая, аксиологическая нагрузка, интерпретационный герменевтический бэкграунд, и мы возвращаемся к тому, о чем уже говорили, о 2 тыс. языков в Африке, и как понять, на каком языке какую ценность мы будем интерпретировать? Поэтому вопрос о том, кто является или что является субъектом межкультурного диалога, приобретает особую актуальность.

Главенствующую роль в формировании субъекта межкультурного диалога выполняют социально-гуманитарное знание и философия. Я отстаиваю тезис, что именно в философии — социум знаний, которые являются универсальными носителями мировоззрения и ценностей как таковых. Почему философия способна породить субъект межкультурного диалога? Потому что в природе самой философии с момента ее зарождения присутствует диалог как таковой. А сам акт фило-

софской рефлексии — это не просто интеллектуальное, а скорее уникальное со-бытие в культуре. Сама история философии — это и есть непрерывный диалог событий в культуре, самих культур, идей, эпох и даже цивилизаций. Что было общего у цивилизаций Индии, Китая, Древней Греции более 2,5 тыс. лет назад? Общим у них был уже состоявшийся диалог на базе единого основания — это рациональное, критическое мышление. Таким образом, сами философские идеи становятся участниками диалога, носителями диалога культур, субъектами диалога в последующем. Хочу обратить внимание на то, что сам процесс изучения философии — это всегда тоже диалогическая активность того, кто познает, с философским текстом. Здесь на первом плане оказывается вопрос интерпретации герменевтики, понимание проблемы перевода разных языков с контекстом. Тогда мы выходим на разные культуры, цивилизационные уровни с различными мировоззренческими и аксиологическими матрицами культуры. И когда мы говорим об изучении философии, встает тема социально-гуманитарного образования. Отвечая на вопрос, что является в рамках нашей секции ценностью нового многополярного мира, я бы сказала: социально-гуманитарное образование. А на вопрос, что является общим пространством для возможности диалога культур для общего понимания, я бы ответила: философия.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово имеет профессор Татьяна Борисовна Сиднева.

Т. Б. СИДНЕВА: — На пленарном заседании академик Валерий Александрович Черешнев напомнил нам известную цитату Дмитрия Ивановича Менделеева: «Вне светоча науки, даже имея нефть и газ, мы рискуем оказаться в потемках». Я бы продолжила: без искусства мы в этих потемках можем потерять человека. Это вопрос серьезный, многоаспектный и вплетенный во все социальные процессы. Остановлюсь только на одном понятии, которое связано с искусством, — художественное переживание. Сегодня оно кажется немодным и оказалось на периферии научного знания об искусстве. Кажется, что оно имеет оттенок сентиментальности, субъективности, излишней эмоциональности. Забывают о том, что переживание корнем своим имеет слово «жизнь». В 2003 году Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов издал книгу Юрия Матвеевича Шора «Культура как переживание». В этом труде, давая в заглавии определение культуры, Юрий Матвеевич подчеркивает, что вопрос не частный. Это живое, непосредственное, интуитивное, чувственное отношение к миру, соприкосновение с миром, личностный отклик в душе. Это и есть ядро культурного кода — так определяет Шор. В этой связи художественное переживание оказывается в центре ядра культурного кода.

В процессе нового открытия Востока продуктивным является именно изучение типов художественного переживания. Не секрет, что в среде других контактов один из самых продуктивных — это контакт России и Китая. Напомню, что 2024–2025 годы объявлены перекрестными годами России и Китая, уже составлена программа фестивалей, конкурсов, выставок, различных образовательных проектов. То есть контакт двух традиций, двух культур приобретает массовый характер. И мы обнаруживаем, что у России и Китая есть общие символы. Один из них — «А зори здесь тихие». Повесть Бориса Васильева для китайцев является родным текстом, они знают фильм Станислава Ростоцкого 1972 года, оперу Кирилла Молчанова, написанную в 1996 году. И более того, в 2015 году их композитор, живой классик, Тан Цзяньпин, написал по повести оперу, поставленную и в Москве, и в Санкт-Петербурге. Такого рода акции являются доказательством того, что мы имеем глубокое родство художественного переживания. Однако это еще не гарантирует продуктивность взаимодействия культур. Интенсивность диалога зависит не только от родства переживания. Диалогу предшествует, как сказал Юрий Михайлович Лотман в книге «Внутри мыслящих миров», диалогическая ситуация. Она включает в себя два важных момента: во-первых, взаимную заинтересованность друг другом, и во-вторых — способность, как пишет Лотман, преодолеть семиотические барьеры, например способность понять другой язык. На недавнем Фестивале патриотической музыки в Чунцине — временной столице Китая в период Японо-китайской войны 1937–1945 годов — меня попросили рассказать о музыке периода Великой Отечественной войны. Когда я демонстрировала на презентации песни Великой Отечественной войны – «Катюша», «Священная война», «День Победы» и так далее, китайцы подпевали хором. Мы знаем, что китайские поэты сочиняют свои тексты на наши мелодии традиционных песен, они любят и знают эти песни. Я хотела бы закончить определением культуры Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова: культура — это человеческая форма жизни. И вот в этой форме жизни художественное переживание имеет фундаментальное значение, потому что соединяет опыт и рефлексию, практику и теорию.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — А сейчас я хочу пригласить старшего преподавателя Института философии СПбГУ Елену Михайловну Гашкову с темой «Война и мир на культурно-идеологическом фронте».

Е. М. ГАШКОВА: — Я уже говорила о смене парадигмы глобализации, о переходе к многополярности. Понятно, что мы ходим по кругу, оперируем одними и теми же понятиями, но о системе ценностей мы говорим уже лет 40, со времен В. П. Тугаринова и М. С. Кагана. И, конечно, смысл в конкуренции систем ценностей, чтобы мы могли предъявить миру что-то, затрагивающее каждого. Я знаю, что для восточного человека пример — это всегда герой, человек, который в нормальных обстоятельствах обычный, а в экстремальных преодолевает себя. Поэтому простые девушки в исполнении в том числе Елены Григорьевны Драпеко, стали для Китая национальными героинями. И такие

примеры необходимы любому обществу. Замечу, что наша попытка объединить полюсы некорректна, потому что в каждом полюсе есть абсолютно разные коннотации. Допустим, мы говорим Запад, включая туда Японию. Вспомните, как японцы вели себя после аварии на «Фукусиме-1» — никто не мародерствовал, все брали по две бутылки воды очень организованно, потому что в системе ценностей японца жизнь не является высшей ценностью. Здесь я обращаюсь к основам этики, когда любая нравственная система выстраивается от базового принципа. В основе западной системы лежит идея свободы. Поэтому нашей Думе надо разобраться, что для нас является более важным — свобода или жизнь. Потому что, если мы считаем, что свобода — это наибольшая ценность, то высшей мерой наказания будет лишение свободы. Соответственно это прописано в законодательстве. Если мы считаем, что самая важная ценность — это жизнь, то в законах будет прописана смертная казнь, и отсюда выстраиваются иерархия наказаний, ответственности и т. д. Но большая проблема в том, что в последнее время нашим государством правят юристы, а очень многие вещи решаются на моральном уровне. И поэтому воспитание, работа с подрастающим поколением, знакомство его с нашей системой ценностей — это важнейшая работа. Для этого надо идти в народ и разговаривать.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется главному редактору журнала «Век глобализации» профессору Александру Николаевичу Чумакову.

А. Н. ЧУМАКОВ: — Есть очень хорошее выражение, что часто мы ищем не там, где потеряли, а там, где светло. Мир, в котором мы живем сегодня, совсем другой, чем даже десятки лет тому назад, а мы только начинаем понимать, что живем в глобальном мире. 71-й год передела человечества, и, как гром среди ясного неба, всем вдруг открылось, что мы живем на такой планете, где все в одной лодке, в мировом космическом океане на корабле под названием Земля и т. д. Надо отдать должное нашей науке и прежде всего академику Ивану Тимофеевичу Фролову, которому здесь многие обязаны, а также Никите Николаевичу Моисееву, Вадиму Валентиновичу Загладину и другим академикам, которые под его руководством поднимали глобальные проблемы. Они поставили эти проблемы на такую высоту тогда, когда мы должны были бы сказать: в капиталистическом мире это проблемы, а у нас их нет. Они как раз эту позицию сумели разрушить. Хочу подчеркнуть, что отечественная глобалистика сделала в этом отношении колоссальные шаги. Но слово «глобализация», которое сегодня затмило глобальные проблемы, возникло только в 1990-е годы. Его просто не было, как и глобалистики. О глобальных проблемах забыли, как только появилась глобализация, а теперь забываем уже и о глобализации. Мир, в котором мы живем, за 100 лет принципиально изменился.

Таких организаций, как БРИКС, сегодня очень много. Если мы сосредоточимся только на БРИКС, то из темы нашего заседания «Ценности нового многополярного мира, всеобщее и особенное», «всеобщее» выпадает, БРИКС — это особенное. А сколько таких организаций мы найдем еще?

Глобальный контекст очень важен, потому что такие понятия, которые мы употребляем, не уделяя им достаточного внимания, затуманивают дело. Мы говорим — цивилизация, а понятие цивилизации не прояснили в должной мере — российская или другая? Мы говорим о мировом правительстве, о деглобализации, а это термины, которые часто обретают свое противоположное значение без должного обоснования.

И в заключение я хотел бы сказать о философии. Здесь немало говорили о человеке, и это правильно. Но если мы от глобального переходим к решению конкретных вопросов, посмотрим на имена, которые мы должным образом не интерпретируем и даже не вспоминаем. Карл Маркс начинает говорить о человеке человеческими глобальными категориями, а приходит к сущности человека, совокупности общественных отношений. Владимир Иванович Вернадский, представитель естествознания, который в конечном счете приходит к человеку, говорит о ноосфере, где человек будет главным, и т. д. Следующий — Аурелио Печчеи, основатель Римского клуба, проделавший огромную работу для осмысления глобального мира, а его книга «Человеческие качества» — лучшая книга XX века, которая должна стать настольной у каждого. Иван Тимофеевич Фролов — ученый, который стоит у истоков отечественной глобалистики, создавший Институт человека. Где теперь этот Институт человека? В Институте философии в виде одного Григория Борисовича Юдина, продолжившего эту работу. И где теперь Никита Николаевич Моисеев, который обратился к социальной проблематике? Я говорю об этом потому, что тема гражданского общества, которая остается за кадром, здесь ключевая. Сенека говорил: человек гонит от себя философию, когда ему хорошо, и обращается к ней, когда ему плохо. Наш участник, Андрей Петрович Бинев, выдвинул в своих тезисах великолепную мысль, что первыми открытие делают философы, а физики-математики подтверждают или опровергают их. Так вот, философия лежит в основе осознания проблем человека, и мы к человеку должным образом еще не повернулись. Когда такие баталии разворачиваются вокруг философии, это затрагивает не только Институт философии, но и все философское сообщество. Во все века вы не найдете университетов, где бы ни было философии. Проблема человека, гражданского общества и философии во главе угла.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Сейчас выступит главный научный сотрудник Центра культурологических исследований Института Латинской Америки Яков Георгиевич Шемякин.

Я. Г. ШЕМЯКИН: — Центр наших продолжающихся споров — отношения России и Запада. Я согласен с тем, что мы в основе своей — европейская культура, то есть западное начало стало неотъемлемой составной частью нашего социально-генетического кода.

Но дело в том, что к европейскому началу Россия как цивилизация все-таки не сводится. Н. А. Бердяев так определял Россию: Восток-Запад. Некая общность, которая появилась из взаимодействия двух огромных миров. И в ходе этого взаимодействия возникло нечто особенное, не Восток и не Запад, а особая цивилизация, в которой есть черты и Запада, и Востока. В связи с этим я хочу обратить особое внимание на то, что те, кто отменяют русскую культуру, добиваются от нас того, чтобы на их монолог в отношении России, потому что никакого диалога там нет, мы ответили своим монологом. А столкновение двух монологов — это тупик. Мы обязаны противостоять этой ситуации и продолжать диалог по европейской традиции, все основы которой фактически отвергнуты современным Западом.

Теперь по поводу БРИКС. Не могу на этом не остановиться. Почему он, собственно, еще существует? Был выдвинут тезис о том, что между человеческими мирами, между цивилизациями, которые в него входят, огромная разница. Вообще не может быть и речи о диалоге между тысячелетними старцами и молодыми цивилизациями, как, например, российская. Когда БРИКС только-только был создан, на Западе говорили: «Противоречия настолько глубокие, что эта организация обязательно развалится». Ну через год-два, а может быть, через пять, но ее разорвут противоречия. А она существует. Почему? Что объединяет членов БРИКС?

Всех членов БРИКС объединяет убеждение в том, что центр принятия стратегических решений должен находиться внутри соответствующих стран, а не в каких-то западных интернациональных центрах. Из этого следует ориентация на полицентрическое мироустройство. Потому что если центров принятия решений несколько, то неизбежен диалог. И в данном случае значение БРИКС в том, что оно создает пространство межцивилизационного диалога. Да, цивилизации совершенно разные. Но кто сказал, что диалог между ними невозможен? Из объединяющего их общего стремления возникает еще одна важная вещь — переосмысление самого понятия глобализации. Глобализация имеет объективное содержание. Это усиление, интенсификация контактов между разными составляющими человеческого мира. И сейчас налицо эта интенсификация — то, что Фердинанд де Соссюр называл усилением силы общения. Глобализация, начавшаяся с формирования мирового капиталистического рынка, имела определенное цивилизационное содержание. В результате этот процесс оседлала одна цивилизация, и до самого последнего времени глобализация воспринималась как распространение западных институтов и ценностей по всему миру. Ситуация в какой-то мере меняется только сейчас.

С переосмыслением глобализации связано и совершенно разное отношение к теме модернизации. Всех членов БРИКС объединяет убеждение в том, что не может идти речь о подлинной модернизации, если не найдена формула синтеза собственных традиций и универсальных ценностей модернизации: свобода выбора и рациональность. На мой взгляд, членов БРИКС объединяет еще и общий тип рациональности, который создает возможность диалога, взаимодействия двух основных способов духовно-практического освоения человеком мира — веры и рацио. Этот тип рациональности и дает такую возможность.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Научный сотрудник МГУ Ольга Дмитриевна Шемякина. Пожалуйста, Ольга Дмитриевна.

О. Д. ШЕМЯКИНА: — Найти какие-то формулы, которые можно использовать в реальной работе и при взаимодействии разных человеческих миров, позволит только преодоление дисциплинарных барьеров, когда будут сняты барьеры философские, антропологические, психологические и исторические. И тогда мы сможем основанные на изучении документов факты, которые часто дезориентируют, погрузить в структуры большой длительности. Это, например, структуры, связанные с управлением. Изучать их вне истории, политологии, философии, системы ценностных ориентаций невозможно. А формируются они в течение огромного исторического периода. Это структуры инерционные, они реализуются в разном объеме в отдельные периоды в национальной истории поразному, но они не кратны никакому царствованию или президентству. Это воспроизводящийся культурный код, потому что в этих структурах управления найдены способы преодоления кризиса. И в этом контексте, если говорить о ценностях, мне кажется очень важным изучение русской консервативной традиции. Она вступила в мир новой эпохи с претензиями на архаические формы и в производстве, и в политике. Но консерватизм отчасти спасителен, потому что именно консервативная традиция не отделяет производителя от средств производства, и именно она позволила огромному количеству народов Сибири заниматься своим делом с привычным для них жизненным укладом, не разрушая его, и когда эти народы становились подданными и за ними признавалось право на пользование землей.

Это одна из конкретных проблем, связанных с тем, как в консервативной традиции снижался уровень конфликтности. Существуют нормативные акты, например военно-народное управление, которое вводилось на территориях, присоединенных к России, скажем, в Туркестане. Невозможно было управлять этими территориями, не опираясь на традиционные институты, и мы пытались понять традиционные институты управления с позиции наших волостных миров. Дебаты, которые велись в русском обществе, были ориентированы на то, чтобы определить, какая степень свободы и локализации возможна при центральном управлении. И тут обнаруживаем параллели с Францией, где было то же самое: в Алжире была схожая военно-народная модель управления, но опиралась она на ту общину, которая во Франции давно не существовала.

И наконец, о ценностях, которые формировались очень активно, — отношение к чужому. Наша циви-

лизация сложилась до появления трансконтинентальных торговых путей. И она создала взаимодействие со Скандинавией, Византией и Великой степью, несущими традиции древних цивилизаций. А для Византии мы были варварами, и, если бы не восстание Варды Фоки, неизвестно, когда бы мы были христианизированы. С самого начала русская философская традиция была ориентирована на поиск оправдания равенства народов. Это древняя традиция, идущая от «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона и продолжающая жить в русской гуманистической традиции.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется главному научному сотруднику Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Александру Ивановичу Яковлеву.

А. И. ЯКОВЛЕВ: — Я хотел бы вернуться к проблеме ценностей и привести примеры того, как происходит эволюция системы традиционных и современных ценностей на примере Саудовской Аравии, которой я занимаюсь в Институте востоковедения. У меня был случай, когда я пришел в гости к саудовскому аспиранту, который тогда жил в Москве. Хозяин вышел по делам, и занимать меня, гостя, пришел его семилетний сын. Я спросил его: «Вы с папой путешествовали по всему миру, были в Европе — Париж, Лондон, были в Америке. Какой твой любимый город?» Он искренне ответил: «Мой любимый город — Мекка». Воспитание детей — это то, что в них вложено с самого начала, а потом так или иначе размывается.

Саудовская Аравия тесно связана с Соединенными Штатами нефтяными и финансовыми узами в течение почти 100 лет. И в ходе догоняющей модернизации, которую претерпела Саудовская Аравия (как, впрочем, и Россия), ей многое в своем развитии пришлось заимствовать. Саудовцы использовали западную модель современного индустриального буржуазного общества. Общество — единый организм, включающий в себя не только информационное социально-экономическое измерение, но и культурно-духовное цивилизационное. Любопытно, что история поставила своего рода лабораторный эксперимент. Модернизация произошла примерно за 50 лет, и Саудовская Аравия внешне неузнаваемо изменилась. Вся новейшая техника там присутствует абсолютно во всех смыслах: техника и технологии. Что касается влияния культуры, то весь административный аппарат и бóльшая часть верхушки свободно говорят по-английски. Высшие чиновники — выпускники американских университетов. По телевидению постоянно транслируют два американских канала: один — мультипликационный, второй — с видовыми фильмами о географии, животных и т. д. Казалось бы, идет американизация. Нет, это внешнее впечатление — американизации не происходит. Более того, налицо сопротивление даже вестернизации, то есть насаждению духовного содержания западной модели, базирующейся на ценностях проекта просвещения, которые в Саудовской Аравии не принимают.

Как они поступают? Прежде всего очень многое, если не все, зависит от политики власти: решающую роль в культурной жизни играет государство. Если нет, то культура куда-то исчезает. Это видно на политике двух очень видных деятелей. Покойный король Фейсал в 1962 году опубликовал свою программу стратегических изменений развития Саудовской Аравии. Первыми пунктами в этой программе были экономическое развитие, преодоление отсталости и бедности, развитие промышленности и т. д. В 2016 году вышла программа нынешнего наследника престола эмира Мухаммеда ибн Салмана «Ви́дение 2030». Первый пункт этой программы — уважение к традициям, развитие ислама, а только потом идет речь об экономике. То есть в социально-экономическом плане модернизация завершена, и это вовсе не означает полного и безоговорочного принятия западной модели. И сейчас проявляются проблемы, связанные с конфликтом культур, но здесь конфликт цивилизационный, потому что западная цивилизация подошла к своему концу и отрицанию. Круг замкнулся. То, что сейчас происходит на Западе, — это отрицание системы высоких гуманистических ценностей эпохи Просвещения. Но в ходе модернизации в Саудовской Аравии духовная сфера не была затронута. Напротив, по мере того как туда проникали западные и американские ценности, культура, радио, мода, возникало стремление к их отторжению ввиду чужеродности, что породило экстремальные явления — ИГИЛ[1] и пр. Подпитка всего этого идет из Саудовской Аравии. И отсюда стремление к балансу. Я думаю, что существуют три возможности взаимоотношений традиционного и современного: синтез, симбиоз и отторжение. Саудовцы не принимают понятие отторжения современного. У них не получается синтез, как в Японии: синтез традиционного и современного дает новый продукт. Они пошли путем симбиоза — сочетания разнородных и отчасти взаимно конфликтующих начал, которые присутствуют в жизни общества.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Сейчас выступит доцент Института философии СПбГУ Иван Владиленович Кузин с темой «Произведение человека».

И. В. КУЗИН: — Я хотел бы начать с хрестоматийного сократического положения о том, что знания обеспечивает добродетельность. В эпоху Нового времени у Рене Декарта это получило следующую формулировку: «Достаточно правильно судить, чтобы правильно поступать, и достаточно самого правильного рассуждения, чтобы и поступать наилучшим образом, то есть чтобы приобрести все добродетели и вместе с ними все доступные блага». Однако на закате указанной эпохи у Иммануила Канта при раскрытии содержания категорического императива мы находим ряд изречений, которые позволяют усомниться в этой древней детерминации, начиная со времен Сократа. У Канта одно из таких изречений гласит, что нравственность сначала раскрывает нам понятие свободы, и, стало быть, практический разум ставит спекулятивному неразре-

[1] Запрещенная в России террористическая организация.

шимую проблему, связанную с этим понятием, чтобы тем самым привести его в величайшее замешательство. У Канта это не единственное положение, заставляющее предположить, что мы имеем дело с неким проявлением своего нравственного существования, которое становится основой для последующего приписывания такому нравственному состоянию рациональной природы, через апелляцию к которой мы можем оценивать степень этичности совершаемых человеком поступков. То есть ситуация обратна той, которую я привел, ссылаясь сначала на Сократа, потом на Декарта. При этом разворачивание того рефлексивного механизма, который мы обнаруживаем в кантовской моральной философии, позволяет нам заключить, что максима категорического императива как камертонный принцип определения нравственности поступка дает возможность оценить кантовскую этику именно в рациональном ключе. Мы как бы снова возвращаемся к той ситуации, с которой я начал, цитируя Сократа, а точнее, Декарта. И тогда здесь появляется некоторая проблема. Она связана с тем, что если исходить из того, что обоснование нравственного поступка включено в рациональную формулировку категорического императива, то, сталкиваясь с теми суждениями, которые следуют из этого императива, мы получаем абсолютную бескомпромиссность в осуждении действий, противоречащих морали.

Эта проблема требует какого-то разрешения. Я полагаю, что ее решает идея прощения, которую необходимо ввести как некоторый нравственный принцип, дополняющий моральную философию Канта. Исходя из формулировки категорического императива, прощение является неким абсолютно иррациональным принципом, и он здесь неуместен. Но Канту можно возразить, что прощению необходимо место как нравственному принципу, чтобы так или иначе снять эту дилемму и снизить пафос этой крайне интересной полемики. Можно сделать вывод, что в экзистенции прощения человек усмиряется в своих амбициях на неподсудность, якобы проистекающую из его права судить мир с опорой на всесилие рассудка. А когда такие амбиции будут отброшены, морально предосудительный поступок не будет оправдан, но человек, его совершивший, может быть прощен.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Сейчас я предоставляю слово профессору Ивану Владимировичу Леонову.

И. В. ЛЕОНОВ: — Лейтмотив многих сегодняшних выступлений — обязанность науки дать ясные, точные ответы на сложные и актуальные вопросы. Мы сейчас часто говорим о российском мировоззрении, и необходимо определить, что же это такое. Не уходя в метафоры, не делая из этого что-то сложное и интуитивно понятное, мы должны четко и ясно это концептуализировать. Что входит в мировоззрение, какие сферы? Что мы туда включаем? Способна ли наука раскрыть все аспекты мироздания? Насколько полезны другие практики: обыденное сознание и практики познания — религиозная, мифологическая, мистическая, художественная? Все эти практики по-своему объясняют мир. И в современном мировоззрении они образуют некую сетевую 3D-структуру, где взаимодействуют между собой, иногда даже противоречат друг другу, молча уживаются или занимают те ниши, которые другие практики не занимают. Например, мы не можем полностью объяснить мир без религиозного сознания. В чем-то сильна наука, в чем-то религия, в чем-то мифология. В этом смысле мировоззренческая проблематика — уникальная отрасль науки, которая объединяет все практики сознания и позволяет их сопоставлять, а не противопоставлять друг другу. И восприятие С. Рериха, П. Фейерабинта, моего любимого философа Г. Гачева, О. Шпенглера предстает совсем в другом плане — не надо сталкивать лбами разные формы мироздания. На протяжении истории нашей культуры многие практики сменяли друг друга, дополняли, надстраивались и взаимодействовали в нашем сознании. Поэтому наша картина мира — это не только научный, но и многие другие способы отражения мира в культуре. Соответственно определение роли этих практик, параметров мировоззрения и другие аспекты являются очень интересной исследовательской областью, которую мы предложили назвать «гештальт-культурология» и даже собираемся выдвинуть проект написания энциклопедии картин мира в этом ключе.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Следующий выступающий — профессор Владимир Александрович Конев.

В. А. КОНЕВ: — Западная европейская культура исчерпала себя, но при этом освободила целый ряд культур, которые европейская цивилизация когда-то покорила: Китай, ислам. Все культуры, входящие в БРИК, резко отличаются друг от друга. И возникает вопрос — каким образом будет формироваться единое цивилизационное пространство? Потому что Китай, древнейшая цивилизация, не будет принята в Европе, Индия — на Ближнем Востоке. Ближний Восток и ислам тоже не будут распространены. А без единого цивилизационного пространства нельзя существовать.

Мы говорили, что есть различные культурные ценности, коды и т. д. Но кроме культурных ценностей существует еще более глубокий уровень культуры. Это логика культуры. Та, о которой сейчас говорит академик Андрей Вадимович Смирнов. Он считает, что мы можем понимать содержание ценностей, но за содержанием лежит принцип их соединения, который не рефлексируется. Кто-то из выступающих говорил, что рациональность в культуре господствует. Но одной рациональности во всех культурах нет. И Смирнов прекрасно показал, что существуют по крайней мере две логики. Логика, которая строится по принципу «S есть P» — это субстанциональная логика, и логика, которая строится по принципу «S порождает P», а не присоединяет его. Он называл это процессуальной логикой и показывал, что на этом основана мусульманская традиция и т. д. Кроме этих логик, существуют другие логические принципы, и именно они не позволяют индусам и китайцам понять друг друга. Это пласт, который дол-

жен быть открыт философами, потому что никто другой логикой не занимается. А если мы откроем эти пласты, тогда можно будет на основе понимания строить диалог культур, что позволяет объединить друг с другом какие-то ценности. И последнее. Как мне кажется, в русской культуре присутствуют по крайней мере эти две логики, о которых говорит Смирнов. А борьба и неприятие, как в толстовстве, строятся на другой логике. Это не логика «S есть P». Это логика антисубстанциональная. Так что будущее за Россией.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Предоставляю слово академику Владиславу Александровичу Лекторскому.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Почему сейчас так остро стоит проблема ценностей? В сегодняшней ситуации технологического развития не обойтись без современных технологий и науки. И в арабском мире все это используется, но одновременно эти страны сохраняют свои традиционные ценности. Так, казалось бы, и надо жить. Но я хочу сказать, что это не получится по одной причине: современное технологическое развитие — это не просто одно, а ценности — другое. Это вызов ценностям. Примерно год назад я выступал в этом Университете перед студентами с лекцией о глобальной цивилизации как антропологическом вызове. Это вызов для всех культур.

Есть разные культуры с разными ценностями. Одни ценности для нас приемлемы, другие — нет. Между прочим, в некоторых культурах есть традиционные ценности каннибализма, и вряд ли мы их примем. А есть фундаментальные ценности, общие для всех культур. Например, если человек что-то делает, он отвечает за свои поступки. А чтобы отвечать за свои поступки, нужно иметь свободу выбора. Если вы делали что-то под внешним принуждением или были без сознания, под гипнозом, вы за это не отвечаете. А когда сознательно — должны отвечать, потому что была свобода выбора. Значит, это фундаментальные ценности. Какие бы ни были культуры — развитые или неразвитые — все равно. И есть другие ценности, без которых нет человека. Это традиционные ценности. Они могут быть двух типов. Традиционные ценности, являющиеся фундаментальными для всех культур, кстати, они сформулированы. И ценности специфические, присущие отдельным культурным традициям.

Современная глобальная цифровизация и технология искусственного интеллекта — это вызов всем фундаментальным ценностям, самому человеку, его бытию. Потому что, когда за вас решение будет принимать искусственный интеллект, зачем нужен человек, любой человек? Встает вопрос: быть или не быть человечеству, независимо от существования разных культур. Это очень важно для понимания того контекста, в котором мы это обсуждаем.

А теперь о западной и русской культуре вообще, и о других культурах, входящих в БРИКС, в частности. Человеку, чтобы остаться человеком и не быть закабаленным искусственным интеллектом, а такая опасность очень реальна, необходимо культивировать эти традиционные ценности, общую культуру. Это первое. Но нужно ли развиваться и нужны ли новые ценности? Сохранение того, что есть, — это важно, но следует двигаться дальше, чтобы как-то жить в этом новом мире, быть не рабом его, а хозяином. И тогда, с моей точки зрения, возникает новая ситуация: оказывается, что в ценностях незападных культур есть такие, которые могут быть сегодня вполне уместными. Не только в арабо-мусульманской культуре есть иное понимание мира, есть просто понимание мира, которое не характерно для западной культуры и философии. Могу привести такой пример. Я много лет являюсь председателем Научного совета Академии наук по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований. Сейчас в когнитивных исследованиях одна из проблем — что такое сознание. Мы изучили мозг, но не ответили на этот вопрос. И сейчас среди ученых разных стран, и западных тоже, возник интерес к тому, как сознание понималось в индийской традиции. Между прочим, далай-лама регулярно собирает конференцию ученых со всего мира, изучающих мозг, искусственный интеллект, управление сознанием. В китайской культуре есть свои интересные вещи. Я думаю, что в этой области будет происходить ассимиляция.

До сих пор Россия развивалась во взаимодействии с Западной Европой. Без этого диалога, наверное, русская культура не возникла бы в таком виде. Но сейчас появилась возможность осваивать и другие способы понимания мира. И не просто возможность, а необходимость, потому что это позволяет сохранить человека и поднять его на более высокий уровень. Это фундаментальные проблемы, проблемы человечества. И поэтому для меня российские традиционные ценности, о которых мы говорим, не просто наши ценности, а те, которые дают перспективы для развития и сохранения всех людей на планете.

.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово для выступления предоставляется первому заместителю председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре Елене Григорьевне Драпеко.

Е. Г. ДРАПЕКО: — Вы, ученые, мудрые люди, веками сидящие в башне из слоновой кости, а политикам приходится принимать решения немедленно, сейчас, завтра, послезавтра. И предвидеть, как в шахматах, хотя бы на три хода вперед. В этом нам очень помогла наша сегодняшняя дискуссия, и поможет впредь. Она поможет осознать главное — что эта борьба цивилизаций заставляет нас искать самих себя, собственные корни, опору в нынешней ситуации. Но происходит и борьба человечества с искусственным интеллектом — кто выживет. Если мы не найдем точек пересечения, не построим редуты, не найдем способов управления ситуацией, то возможна катастрофа. Тень этой катастрофы сегодня нависла и над человечеством в целом — об этом нас предупреждают не только политики, но и ученые, — и над нашей страной, которая опять оказалась в состоянии войны. Поэтому мы вынуждены искать союзников и способы объединить,

консолидировать общество. И здесь нам тоже нужны ваша помощь и советы, для нас важны диалог и дискуссия. Конечно, власть может выбрать удобную ей позицию, опереться на нее и большевистским наскоком внести во все нормативные документы. И кто не с нами, тот против нас, и начнется то, что в России уже было и чего мы искренне боимся. Поэтому для нас чрезвычайно важно сегодня выслушать все точки зрения. Необходимо, чтобы вы вступили в диалог между собой и искали истину. Нам нужна точка опоры, которая находилась бы в точке пересечения интересов, в точке истины.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — В заключение дискуссии выступит профессор Елена Сергеевна Протанская.

Е. С. ПРОТАНСКАЯ: — Моя тема была «Культура памяти и культура забвения в эпоху перемен как фактор сохранения единства нации». И мне кажется, что мы, как никакой другой народ, много раз переживали эпохи перемен, и каждый раз нужно было что-то забыть, а что-то вспомнить. Сегодня наша тема в значительной степени перекликается с результатами проекта проверки ценностей, в которых выявилось, что главные ценности, которые признаются на всех континентах, это ценность доверия и ценность ответственности. Мы создали «Этнокалендарь Санкт-Петербурга» — это календарь памятных дат, праздников, культурных традиций жителей Санкт-Петербурга. Его смысл в том, чтобы отмечать даты разных конфессий, представители которых живут в городе, события, которые важны. И мы, много лет выпуская этот календарь, убедились в том, что у всех народов существуют общие ценности. Все празднуют Новый год в семейном кругу. Все отмечают завершение каких-то крупных событий, скажем, посевной и т. д. Ценности присутствуют у разных народов. И чем больше мы знаем об этих ценностях, об этих традициях, тем плодотворнее наши взаимоотношения.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Мы ищем какую-то общую идею, которая нас всех объединяет и позволяет самоопределиться в цивилизационном смысле. И надо найти такую идею, идеологию, мировоззрение, культурный код, объединяющий нашу страну и нашу цивилизацию, чтобы в итоге он сам не стал источником раскола и разъединения. Мне кажется, этой опасности нужно избегать, и ее нужно иметь в виду политикам, которые представительствуют от нашего имени. Они просят, чтобы мы дали какие-то рекомендации. Правильно, мы обязаны это сделать, это наш долг. И мы хотим объективно и научно представить мнения по этому вопросу, но они неизбежно будут разными. Но как бы то ни было, все равно ответственность останется на вас, потому что вы будете выбирать из этого.

Секция 3
ЭКОНОМИКА НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

13 апреля 2024 г. Лекционный зал № 3 СПбГУП

Руководители секции:

А. А. АКАЕВ	Президент Киргизской Республики (1990–2005), академик Академии наук Киргизской Республики, иностранный член РАН, главный научный сотрудник Института математических исследований МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор
С. А. АФОНЦЕВ	заместитель директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е. М. Примакова РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
А. Д. НЕКИПЕЛОВ	директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Р. И. НИГМАТУЛИН	научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН (Москва), член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор

ДОКЛАДЫ

Е. М. Азарян[1],
Н. Ю. Возиянова[2],
А. Н. Германчук[3]

МАРКЕТИНГ В СИСТЕМЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Современный мир стремительно меняется. На смену диктуемой Западом парадигме однополярного мира приходит многополярность, которая рассматривается как разумная альтернатива проводимой США политики мирового доминирования и основана на принципах «взаимной заинтересованности, добровольности и выгодности международного сотрудничества с уважением национальных интересов и признанием уверенных прав государств на любые ограничения внешнеэкономической деятельности»[4].

М. Хазин, описывая глубину и масштаб стоящих перед человечеством проблем, отмечает, что экономический механизм, запущенный еще в XVI веке и действовавший на протяжении 400 лет, исчерпал свои ресурсы и рушится на глазах. США в настоящее время борются за остатки выстроенной ими системы. Получив право включения печатного станка в мировом масштабе, они сначала выстраивали «правила игры» (институциональная экономика), основанные на долларе как мировой валюте, но затем из-за собственной самоуверенности, жажды наживы, безответственности и беспринципности (так было в истории не раз)

[1] Проректор по научной работе Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор экономических наук, профессор, Почетный работник науки и технологий (нагрудный знак Минобрнауки ДНР). Автор более 800 научных публикаций, в т. ч.: «Интернет-платформы как основной инструмент маркетинга в розничной торговле в условиях развития цифровой экономики», «Теоретические основы и моделирование механизма цифрового маркетинга для розничного торгового оператора», «Цифровизация видеоконтента в маркетинговой стратегии предприятия», «Генезис маркетинга территорий», «Цифровой маркетинг в ритейле сетевого формата: поведение потребителей и формирование моделей влияния на него» и др. Награждена «Знаком Почета» III степени ДНР.

[2] Профессор кафедры маркетинга и торгового дела Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор экономических наук. Автор более 230 научных публикаций, в т. ч.: «Маркетинговый инструментарий в развитии экспортного потенциала», «Способы формирования имиджа в маркетинговой стратегии учреждения дополнительного профессионального образования», «Механизм формирования „нового“ бренда ДНР: проблемы институализации и управления», «Развитие рынка услуг в странах Евразийского Экономического Союза», «Анализ социально-экономического развития города в контексте маркетинга территорий», «Экономика знаний» и услуг: экосистемный институционально-маркетинговый концепт развития» и др.

[3] Профессор кафедры маркетингового менеджмента Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор экономических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Теория и методология формирования системы трейд-маркетинга»; статей в научных журналах: «Маркетинговая стратегия интернет-торговли: специфика и условия формирования», «Формирование потребительской ценности товаров в системе трейд-маркетинга», «Детерминанты формирования потребительской лояльности в интернет-среде», «Ценностно-ориентированный подход в проектном маркетинге», «Доверие как фактор формирования лояльности онлайн-потребителей» и др.

[4] *Глазьев С.* Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. (Коллекция Изборского клуба). М. : Книжный мир, 2018. С. 28.

запустили процесс разрушения этой системы. Конечно, американская империя ожесточенно сопротивляется изменениям с помощью «цветных революций», экономических санкций, военных конфликтов и тому подобного, но ее конец неизбежен…

Происходящие изменения обусловливают необходимость создания новых инструментов и технологий работы на различных рынках. В связи с этим особое значение приобретает маркетинговая деятельность, так как она способна создавать ценность, информировать, создавать/разрушать мнения, формировать культуру как систему табу и ограничений и др. Сегодня любой покупатель или пользователь интернет-ресурса может обратиться к персональному помощнику (пока цифровому), который осуществляет алгоритмизированные операции во много раз быстрее, чем человеческий ум. В этих условиях качество и индивидуальные свойства товара или услуги, как и способы доставки, играют первостепенную роль. Поэтому необходимо определить основные векторы новой модели становления и развития маркетинга в экономике многополярного мира.

Изменение видения. Введенные экономические санкции и сложная геополитическая ситуация привели к разработке общей стратегии, направленной на замену импортных товаров аналогами собственного производства. Провозглашенная стратегия импортозамещения направлена на поддержку отечественного производителя, разработку и реализацию проектов создания инновационной продукции, развития агробизнеса для обеспечения населения отдельными группами продуктов питания для ликвидации последствий продовольственного эмбарго.

Однако замещение — не та цель, к достижению которой надо стремиться. Должен измениться подход к этой деятельности, поэтому вместо термина «импортозамещение» целесообразно взять на вооружение «импортовытеснение», то есть разработку адекватно работающих механизмов быстрого внедрения собственных конкурентоспособных инновационных товаров, которые исключат возможность возврата на рынок ранее предлагавшейся там продукции. Россия обладает всеми необходимыми для этого ресурсами и возможностями, а ведущую роль в данном направлении должен играть маркетинг, направленный на выявление потребностей и создание уникального ценностного предложения с помощью развития инновационного потенциала России.

Условно население можно разделить на три большие группы:

— *новаторы/изобретатели* способны создавать новое, то есть находить новые ответы на новые вопросы;

— *рационализаторы/новаторы* могут вносить некоторые изменения (инкрементные инновации), то есть находить решения на базе уже известных технологий;

— *потребители* способны пользоваться тем, что есть.

В связи с этим для маркетологов и для бизнеса в целом важно понимание ментальных моделей человека, исторических особенностей, религиозных воззрений, культурных кодов. Для человека Запада главное — форма, а для Востока важнее содержание, которое превалирует над формой. Занимая срединное положение, Россия всегда славилась новаторами/изобретателями. Среди новаторов/изобретателей много славянских и русских имен, но инкрементные инновации и масштабирование лучше получаются у представителей Запада и Азии (Китай, Корея).

Изменение парадигмы маркетинга. Происходящая в последнее время радикальная трансформация концепции маркетинга в направлении индивидуального подхода к клиенту основана на переходе от массового к индивидуальному маркетингу, что привело к возникновению и реализации клиентоориентированного подхода в маркетинговой деятельности компаний, концентрирующегося прежде всего на потребностях потребителей и их удовлетворении[1].

Клиентоцентричность — это новое в маркетинге. До этого был известен термин «клиентоориентированность», то есть стремление к тому, чтобы клиент/покупатель был доволен. Клиентоцентричность — это стремление вызвать у клиента/покупателя восхищение. Клиентоцентричность, с нашей точки зрения, предусматривает взаимосвязанную выгоду и развитие предприятия и клиента одновременно. Задача предприятия — обеспечить условия, позволяющие «выращивать» клиента, помогать клиенту процветать (содействовать его успеху) и тем самым обеспечивать собственное процветание. Предприятие должно рассматривать клиента как *актив*. А для этого следует изменить модель ведения бизнеса. Сам руководитель/собственник бизнеса должен стать *другим*.

Психотехнологии. Обычно под маркетингом принято понимать деятельность субъекта на рынке с целью воздействия на потребителя, чтобы тот совершил покупку предлагаемого продукта (товара/услуги). Но это лишь видимая часть маркетинговой деятельности. В цифровом мире технологии маркетинга переходят на более глубокий уровень и рассматриваются как работа с разумом человека.

Одна из особенностей человеческого ума заключается в том, что люди, как и другие приматы, склонны подражать себе подобным, и маркетинг взял на вооружение эту черту. Человеку внушается желание обладать чем-либо не столько потому, что ему это нужно, сколько из стремления быть «не хуже других», то есть подражать другим. Данная технология является имплицитным побуждением к действию и одним из важных «невидимых» компонентов современного маркетинга. В связи с этим представляется целесообразным проведение междисциплинарных исследований, в том числе на стыке медицины и экономики[2].

Политика продвижения. В настоящее время необходима активизация способов и инструментов маркетинговых коммуникаций, причем это задача не только бизнеса, но в первую очередь государства. В концепции внешней политики (КВП) России определено

[1] Управление клиентоориентированной компанией: основные теоретические и методологические подходы к исследованию / под науч. ред. В. А. Ребязиной, М. М. Смирновой. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2023. С. 33.

[2] См.: *Возиянов Д. Э.* Цифровой маркетинг: мониторинг инноваций для маркетинга и мерчандайзинга в ритейле // Торговля и рынок. 2021. Вып. 3 (59). Т. 2, ч. 2. С. 117.

«особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»[1]. Благодаря своей исторической роли и духовно-нравственной идеологии Россия сможет наладить сосуществование для себя и других в сложном многополярном мире, дать то, что нужно каждому (защита, поддержка, общение, идентичность), без ущемления его достоинства, прав и свобод. Это необходимо как России, так и государствам-партнерам. Без грамотного сочетания инструментария маркетинговой политики (реклама, пропаганда, паблик рилейшнз) с привлечением технологий цифрового маркетинга (маркетинг в социальных сетях, вирусный контент, таргетированная реклама) это невозможно. Такая политика должна быть направлена на пропаганду патриотизма, собственных культурных и духовно-нравственных ценностей, борьбу с уничтожением исторической памяти, создание чувства гордости за принадлежность к нации, национальной идентичности.

Логистика. В условиях многополярного мира возрастает значимость логистики как одной из главных составляющих успешного ведения бизнеса. В условиях возрастания сложности управления цепями поставок активное развитие международных организаций, таких как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), и расширение межгосударственного объединения БРИКС делают особенно актуальной проблему формирования результативной транспортно-логистической системы с мощной инфраструктурой. Именно логистика отвечает за своевременную доставку товаров (ценностного предложения) до конечного потребителя. Для поддержки развития сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона необходимо формирование новых и адаптация существующих логистических коридоров; разработка альтернативных транспортных маршрутов и проектирование оптимальных схем товаропотоков; повышение прозрачности логистических процессов с целью сокращения возможных нарушений сроков поставок и минимизации затрат посредством использования цифровых технологий, таких как блокчейн, GPS-мониторинг; разработка собственного программного обеспечения на фоне ухода с отечественного рынка таких крупных компаний, как Microsoft, Oracle, SAP.

Таким образом, задачи, стоящие перед маркетингом в экономике многополярного мира, существенно усложняются. Но поскольку любой кризис имеет как деструктивные, так и конструктивные черты, решение этих сложных задач открывает новые возможности и дает шансы на создание новой модели маркетинга.

А. М. Алексанков[2]

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ СЛОЖНЫХ СИСТЕМ

Кризисные явления в мировой экономике за последние годы не только не ослабели, но и продолжают нарастать, затрагивая все больше сфер деятельности человека. Все большее число экспертов говорят о существенно обострившейся борьбе моделей настоящего и, самое главное, моделей будущего развития. Практически все эксперты вне зависимости от модели будущего, приверженцами которой они являются, признают общий комплексный кризис мировой экономики, заключающийся, по их мнению, в усиливающемся давлении на экосистему планеты, росте населения, явном ограничении возможности роста экономики в рамках существующих моделей, нарушении экосистемного баланса и других факторах.

Такие яркие представители рационалистической (протестантской) модели развития, как Клаус Шваб и Деннис Медоуз, в своих работах указывают на развитие кризисных явлений преимущественно вследствие усиливающихся ресурсных ограничений, причем Д. Медоуз в работе «Пределы роста. 30 лет спустя» указывает на очевидную невозможность постоянного роста экономики. Компьютерная модель *World3*, разработанная командой под руководством Д. Медоуза, предлагает девять основных сценариев возможного развития, сходных по начальным условиям, но имеющих кардинально отличающиеся результаты. При этом негативный сценарий дальнейшего движения предполагает резкий спад как численности населения, так и его благосостояния на период с 2020 по 2100 год; условно позитивный сценарий предполагает рост численности населения в период 2020–2040-х годов с последующим снижением и переход кривой благосостояния на относительно горизонтальный участок логистической кривой.

Важно, что ни один из рассчитанных Д. Медоузом сценариев не предполагает дальнейшего движения по кривой экспоненциального роста, начавшегося в начале XX века. Интересно, что экспоненциальный характер роста был свойствен большинству параметров экономической системы, таких как численность населения, количество изобретений, количество информации

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229).

[2] Директор Центра развития инноваций Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доцент кафедры маркетинга, кандидат экономических наук. Автор более 45 научных публикаций, в т. ч.: «Проектный подход в науке, образовании и цифровой экономике»; статей в научных журналах: «Перспективы формирования персональных профилей компетенций и персональных траекторий развития, как ключевого кадрового элемента цифровой экономики», «Кадровое обеспечение цифровой экономики: европейский опыт и российские новации», «Управление киберфизическими системами в контексте концепции промышленности и проблемы регуляции», «Потенциал управления в индустрии 4.0 и виртуализация социального капитала», «Четвертая промышленная революция и модернизация образования: международный опыт» и др.

и др. В полном соответствии с логистическим законом развития популяций, открытых еще П. Ферхюльстом в XIX веке, мы находимся в настоящее время в точке максимума периода экспоненциального роста.

Все более актуальным становится вопрос о факторах, определяющих пути дальнейшего развития. Для представителей рационалистических моделей ответ на этот вопрос заключается в необходимости сознательного или принудительного ограничения потребления и уменьшения численности населения планеты с сегрегацией по классам и уровням с жестким определением границ каждого вида и закреплением уровневой позиции в общей системе иерархий. Такая позиция еще не оформилась в виде формальной программы, но становится все более явной и отчетливой в предпринимаемых действиях, например в популяризации ЛГБТ-движений[1], конечной целью которых является снижение демографической нагрузки.

Следует отметить, что для протестантского мышления, ставшего доминирующим в странах Запада, а в итоге — основой для формирования любых социальных, политических, экономических моделей, характерен фактический приоритет групп перед отдельными личностями. Так, социальная теория немецкого социолога Н. Лумана опирается на основные положения теории сложных систем, но фактически игнорирует роль отдельного человека как важного узла системных образований, представляющего собой биологическую систему — носителя результатов эволюционного развития в течение сотен миллионов лет с момента появления живых биологических систем.

Здесь уместно привести основные положения теории сложных систем, которые лежат в основе эволюции как биологических, так и социальных систем, на основе моделей, обобщенных и представленных Ф. Капра в работе «Паутина жизни». Итак, эволюция систем — от простейших молекулярных до биологических и социальных — строится на общих принципах, которые несколько меняют свои формы при переходе от простых к более сложным, но неизменно сохраняют основные пути развития.

В качестве основных принципов, определяющих пути развития всех систем, можно указать следующие:

— любая система строится как совокупность узлов системы, выполняющих функцию преобразования входящих информации и вещества, а также связей между узлами (система графов);

— совокупность узлов, выполняющих схожую функцию, может образовывать группу, представляющую собой целое. Целое всегда больше, чем отдельные части, и может выполнять функцию, невозможную для отдельных частей;

— размер группы схожих узлов определяется энергией, необходимой для удержания всей группы в коллаборативном состоянии, и проходимостью информации (сигнала) между частями группы, например от центра к периферии;

— состояние системы определяет состояние систем более высокого порядка (надсистемы), одновременно надсистема с набором управляющих сигналов определяет состояние подсистем;

— взаимодействие надсистем и подсистем строится на основе петель обратной связи, которая может иметь разный характер результирующего воздействия, построение систем носит нелинейный характер;

— любая система имеет двойственный характер своего развития, заключающийся в одновременном движении к порядку и беспорядку. Движение к беспорядку — это движение в сторону повышения энтропии и тепловому равновесию (смерти), движение к порядку — это движение в сторону снижения энтропии и затрат энергии на функционирование системы;

— нахождение системы вдали от теплового равновесия (процесс жизни) требует притока внешней или высвобождения внутренней энергии элементов системы, то есть любая биологическая система является диссипативной;

— каждая подсистема, находясь в условиях ограниченного информационного поля, действует по принципу достижения своего локального оптимума;

— сложность (вариативность состояний) надсистемы должна быть выше вариативности результирующих состояний подсистем. В противном случае управление становится неэффективным и повышается риск распада системы.

Социальные системы строятся в соответствии с основными принципами сложных систем, но имеют существенное дополнение. Так, в основе развития биологической системы лежат физические, химические, электромагнитные взаимодействия, результат которых проявляется автоматически и не фиксируется подсистемами рационально. Социальная же система может формировать комплекс управляющих сигналов на основе рациональных (формализованных в любой форме) управляющих сигналов в интересах управляющей надсистемы, при этом управляющие сигналы по своему содержанию могут противоречить биологической сущности подсистем. Иначе говоря, система социальных норм и правил хотя и отражает эволюцию социальных систем, но часто игнорирует биологическую эволюцию человека как важнейшего узла любой социальной системы.

Современная управленческая экономико-социальная система и модели, на которых она построена, подошли к пределу своей сложности для обеспечения эффективного управления, и далее возможны несколько сценариев развития, которые строятся вокруг понятий сложности надсистем и подсистем, а также сложности системы обратной связи. С точки зрения теории сложных систем сценарий глобальной сегрегации и обособленности по классам не имеет долгосрочных перспектив существования, так как замкнутая надсистема будет стремиться к снижению сложности и потере управленческой эффективности, что, в свою очередь, приведет к системному кризису. Собственно, история Римской империи является наглядным подтверждением этого тезиса.

Возможным сценарием, по которому сейчас развивается глобальная управляющая надсистема, является силовое понижение сложности подсистем, что так-

[1] Деятельность Международного общественного движения ЛГБТ запрещена в Российской Федерации.

же ведет к деградации системы в целом практически во всех сферах человеческой деятельности. Повышение сложности рациональных систем (часто называемых материальными) за счет усложнения технологий и развития нового технологического уклада также влечет за собой превышение предела допустимой и необходимой сложности и, как следствие, недоступность из-за высокой цены для большинства населения, высокий уровень расходов на создание и обеспечение функционирования новых технологий, сегрегацию населения по группам со всеми вышеперечисленными последствиями. Это фактически означает, что любые сценарии, находящиеся исключительно в области рационалистического моделирования, имеют крайне ограниченный горизонт применения и эффективности.

Единственно возможный сценарий, имеющий долгосрочные перспективы развития, должен строиться путем усложнения управляющей надсистемы, управляемой подсистемы и системы связей между ними. Такое усложнение должно строиться на основе комбинирования систем рационального и иррационального мышления. По своей сути иррациональное мышление как способ соотнесения биологического объекта-субъекта с внешней средой является отражением взаимодействия материи, но, в отличие от рационалистического мышления, описание и формализация этого взаимодействия носят неявный характер через доступные человеку формы. Иррациональное мышление можно также интерпретировать как основанную на эволюции реакцию людей как биологических систем, но не формализованную в явно идентифицируемой человеком физиологической реакции.

Это означает, что эмоциональное (иррациональное) соотнесение человека с окружающей средой является не бесполезной надстройкой, а необходимым элементом взаимодействия с окружающей средой на основе эволюции сложных биологических систем. То есть такие понятия, как нравственность, духовность, культура и другие, являются не второстепенной производной деятельности человека, а биологически обоснованным компонентом взаимодействия человека с внешней системой.

Как уже указывалось, усложнение системы через приоритет усложнения простых материальных объектов имеет крайне ограниченные возможности, усложнение системы только посредством усложнения иррациональной составляющей также бесперспективно. Единственным вариантом устойчивого социально-экономического развития является усложнение системы посредством формирования сложносистемного мышления и комбинированного соотнесения человека с окружающей средой с использованием всех доступных человеку каналов взаимодействия.

В практическом смысле это означает формирование сложной управленческой среды, состоящей из профессионалов, имеющих квалификацию обращения с внешней средой как в рациональном, так и в иррациональном формате, умеющих комбинировать и применять информацию в различных отраслях и областях знаний, воспринимающих окружающий мир как сложную и взаимосвязанную среду.

С точки зрения теории систем назревающий сейчас в мире глобальный кризис можно интерпретировать как кризис управления надсистемой иерархией обеспечивающих подсистем. При этом происходит трансформация объединений, претендующих на роль надсистем. Если в первой половине XX века государство стало основной формой функционирования системы, объединяющей людей и ресурсы по территориальному признаку, то во второй половине прошлого века необходимость повышения энтропии системы-государства привела к созданию специфических форм систем в виде транснациональных корпораций (ТНК), существующих в иных формах и на совершенно иных принципах. Конфликт между системами за доминирование и существование в роли надсистемы сейчас в самом разгаре, но при определенной совокупности факторов он может привести к потере такой роли всеми участниками.

Вне зависимости от формы надсистемы происходит кризис управления подсистемами, который заключается в увеличивающейся сложности подсистем и несоответствующей сложности управленческой надсистемы. Ни США как выразитель государственной формы надсистемы, ни многочисленные ТНК не соответствуют сложности совокупности государств-подсистем. Как отмечает М. Хазин, доля США только в промышленном производстве уменьшилась с 52 % в 1947 году до примерно 26 % в настоящее время, а ВВП Китая с 398,6 млрд долларов в 1990-м вырос до 19,37 трлн долларов США в 2023 году. Попытки культурно-ментальной экспансии надсистемы для подсистем часто наталкиваются на конфликты с национальными укладами, хотя и приводят иногда к созданию сложных смешанных конструкций.

Сложность системы управления подсистемами не успевает за их растущей сложностью, что неизбежно должно привести к временной дефрагментации всей системы на отдельные территориальные коллаборации, имеющие общие экономические, территориальные, культурные и исторические предпосылки. Собственно совокупность сильных идентичных экономических, мировозренческих, культурных характеристик и определяет свойство «полюса» в многополярном мире. Существование распределенной системы равнозначных подсистем не означает отсутствия надсистемы, но эта надсистема должна иметь качественно иные принципы своей организации, прежде всего признающие принципы самоорганизации подсистем.

БРИКС+ как организация, созданная в качестве экономической альтернативы, с объемом ВВП 37 % по паритету покупательской способности и 46 % населения от мирового в 2024 году имеет перспективы стать базисом для создания новой модели экономического взаимодействия, но в то же время обладает рядом очевидных ограничений для становления в качестве полноценной подсистемы со всеми необходимыми компонентами. Наиболее положительным сценари-

ем представляется разработка на базе экономического сотрудничества стран БРИКС модели экономического взаимодействия с механизмом обратной связи, компенсирующим стремление отдельных образований к естественному доминированию. Создание такого сложного механизма взаимодействия теоретически возможно, но потребует качественно иного уровня доверия и взаимодействия. Если необходимость такой системы будет осознана и формализована, то экономический базис может стать основой для формирования сильных национальных подсистем, построенных на комбинации естественных и эволюционно обоснованных отличий.

Литература

Капра, Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Ф. Капра ; перевод с английского под редакцией В. Г. Трилиса. — Киев : София ; Москва : Издат. дом «София», 2003. — 336 с.

Майнцер, К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез / К. Майнцер ; перевод с английского под редакцией и с предисловием Г. Г. Малинецкого. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. — 464 с. — (Синергетика: от прошлого к будущему).

Михалевский, Д. Пространство и Бытие : [сборник статей] / Д. Михалевский. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2017.

Острецов, И. Введение в философию ненасильственного развития / И. Острецов. — Ростов на Дону : Комплекс, 2002. — 231 с.

Н. И. Алексеева[1],
С. Б. Алексеев[2]

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ В БРИКС+

Происходящие в мире политические и экономические изменения обусловлены сменой общественно-политического курса Украины после событий 2014 года, антироссийскими настроениями в странах Западной Европы и США, беспрецедентным санкционным давлением на Россию, эскалацией военных конфликтов в различных регионах, нестабильностью цен на энергоресурсы. Возникающие угрозы подталкивают к разработке механизмов, позволяющих адаптировать экономики стран к этим изменениям и стабилизировать экономическую и политическую ситуацию в мире для обеспечения безопасности в социальной, экономической, финансовой, правовой, технологической, информационной и других сферах жизнедеятельности[3].

Первые шаги на пути перехода к многополярному мироустройству были сделаны еще в 2006 году созданием международного союза, объединившего Бразилию, Индию, Россию и Китай. В 2011 году к ним присоединилась ЮАР. Основные критерии включения стран в объединение — значительная численность населения (42 %), стабильный рост ВВП, достигший в мировом ВВП 26,7 и 65,2 % по сравнению со странами G7; численность населения (41,2 %; в расширенном составе — 44,6 %); территория (20,1 и 24,2 % соответственно).

Процессы трансформации мировой экономики меняют связи и модели экономического поведения, что позволяет отдельным странам повышать свою конкурентоспособность за счет геополитических объединений, агрегирующих значительный ресурсный, финансовый, цифровой и прочий потенциал. Сегодня БРИКС — перспективная многосторонняя платформа для решения проблем межгосударственного общения. Она содействует эффективному использованию потенциала каждой страны-участницы и обеспечивает его рост благодаря стратегическому партнерству во всех сферах.

Среди основных возможностей многополярного мира следует отметить: сбалансированность сил и предотвращение доминирования одной страны; выстраивание гибкой политики с учетом национальных интересов как стран БРИКС, так и всех остальных; расширение возможности поиска новых партнеров и рынков сбыта в условиях жесткой конкуренции; снижение геополитической напряженности и риска вооруженных столкновений; расчеты в национальных валютах и преодоление доминирования доллара[4]. Эти преимущества обеспечивают странам БРИКС высокую устойчивость за счет нахождения точек соприкосновения в приоритетных для каждой страны сферах с учетом их экономических и культурных особенностей.

Эти возможности реализуются в рамках принятой в 2020 году Стратегии развития экономического партнерства БРИКС до 2025 года, в которой также предусматривается расширение сотрудничества в таких областях, как торговля, инвестиции и финансы; цифровые

[1] Профессор кафедры экономики предприятия и управления персоналом Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор экономических наук. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. учебников: «Методология и методы научных исследований», «Экономическое проектирование»; статей в научных журналах: «Обоснование стратегий развития предприятия сферы услуг», «Формирование информационно-конкурентного поведения предприятий сферы услуг в неоэкономике», «Контактный персонал предприятий сферы услуг: особенности управления», «Адаптация конкурентных стратегий предприятий сферы услуг к условиям нестабильности внешней среды» и др.

[2] Профессор кафедры экономики предприятия и управления персоналом Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор экономических наук. Автор более 200 научных и учебно-методических работ, в т. ч. учебников: «Методология и методы научных исследований», «Бизнес-аналитика», «Экономика отраслевых комплексов»; статей в научных журналах: «Концептуальные основы формирования маркетингового потенциала предприятия сферы услуг», «Сущность и структура рыночного потенциала предприятия сферы услуг», «Стратегическое формирование инвестиционного потенциала предприятия сферы услуг», «Особенности стратегического управления кадровым потенциалом предприятия сферы услуг» и др.

[3] *Лепа Т. П.* Экономико-политическая роль стран — членов БРИКС на мировой арене и во взаимодействии с Россией // Электронный научный журнал Байкальского государственного университета. 2023. Т. 14, № 4. С. 1532–1541.

[4] *Жураховский А. С., Степанов И. А.* Экономика и управление в многополярном пространстве современности // Мировые цивилизации. 2023. Т. 8, № 2. URL: https://wcj.world/PDF/01ECMZ223.pdf?ysclid=ly77fenbq8741780136 (дата обращения: 01.09.2024).

трансформации, инновационное и технологическое обновление; устойчивое развитие[1]. Россия демонстрирует абсолютную приверженность целям альянса и проводит большую работу, направленную на тесное, практическое и всеобъемлющее партнерство, ориентированное на будущее и предполагающее: обеспечение защиты суверенитетов каждой из стран и стабильность в мире; минимизацию существующих рисков и преодоление дестабилизирующих вызовов; использование совокупного потенциала на основе инновационных механизмов и инструментов; открытость взаимоотношений[2].

В январе 2024 года председательство в БРИКС перешло к Российской Федерации. В этом году актуализируется роль союза в международной валютно-финансовой системе и активизации расчетов в национальных валютах. Отключением России от межбанковской системы SWIFT государства коллективного Запада стремились создать финансовую блокаду страны. Чтобы этого избежать, разработана BRICS PAY — единая платежная система стран объединения, позволяющая использовать национальные платежные системы: МИР (РФ), RuPay (Индия), UnionPay (Китай), ELO (Бразилия). В сложившихся условиях это мощный инструмент противостояния санкциям. В результате торговый оборот со странами БРИКС в 2022 году возрос на 40,5 %, или 230 млрд долларов, а в 2023-м рост продолжился и составил 35,6 %. Внешнеторговый оборот России с Китаем по итогам 2023 года увеличился на 26,3 % и достиг 240,11 млрд долларов (в 2021 г. рост составлял 35 %; в 2022-м — 31 %). Активизируются торговые взаимоотношения и с другими странами содружества: с Бразилией (в 1,7 раза), Индией (1,8 раза), ЮАР (1,6 раза). Сегодня на страны Азии приходится до 70 % внешнеторгового оборота России. При этом экспорт российских товаров в страны ЕС сократился на 42 %, в США — на 72 %, в Великобританию — на 98 %, Японию — на 40 %.

Переориентация интересов в сторону Востока открывает новые возможности для внешнеэкономических и внешнеполитических связей России. Среди масштабных проектов, планируемых и начатых в последние годы, — один из крупнейших газопроводов «Союз Восток» мощностью до 50 млрд кубометров, который будет транспортировать российский газ через Монголию в Китай. Реализация еще двух проектов, «Арктик СПГ-2» и «Восток Ойл», обеспечит голубым топливом Индию. Особенностью технологических линий потока «Арктик СПГ-2» станет его экологическая чистота, так как в нем будет использоваться новейшая система очистки и не предусматривается сброс производственных сточных вод. «Восток Ойл» способствует диверсификации использования северных морских территорий РФ[3].

Одной из приоритетных задач, закрепленной в Стратегии экономического партнерства БРИКС и озвученной В. В. Путиным в Послании к Федеральному собранию, является цифровизация экономики России. Несмотря на то что Индия является аграрно-индустриальной страной и экспортирует главным образом текстильную, химическую, фармацевтическую продукцию, а также продукты питания и транспортное оборудование, это страна с быстро растущей экономикой. Реализуемая с 2015 года программа «Цифровая Индия», во-первых, создает экономику с цифровыми возможностями, во-вторых, расширяет цифровые возможности всех стран БРИКС по разработке новых цифровых технологий и развитию цифровой торговли. Сотрудничество в сфере искусственного интеллекта способствует преодолению разрыва в этой сфере между странами и реализует возможности цифрового контента, «электронного правительства», предоставления финансовых услуг бизнесу и населению.

Неприсоединение Индии к антироссийским санкциям открывает логистические возможности для параллельного импорта необходимых России товаров, что обеспечивается созданием международного логистического коридора «Север–Юг».

Значительную поддержку в вопросах торговли и инвестиций, зеленой энергетики и промышленного туризма, а также в реализации образовательных программ оказывает Бразильско-Российская палата по торговле, промышленности и туризму, в задачи которой входит, в частности, расширение контактов между предпринимателями, защита их прав и интересов на государственном уровне.

Сотрудничество со странами БРИКС развивается и в сфере туризма. Объявляя о принятии новых пакетов санкций, усложняя условия пребывания россиян в странах Европы, ЕС снижает у россиян заинтересованность к туристическим поездкам в этот регион и переориентирует их на внутренний туризм и путешествия по дружественным странам, где открываются новые маршруты для российского путешественника.

Изменения в мировом политико-экономическом сообществе, вызвавшие трансформацию миропорядка, стимулировали формирование новой модели государственного мышления и укрепление суверенитета России, которая на протяжении многих десятилетий пыталась встроиться в общемировой тренд, продиктованный в основном англосаксонской идеологией.

Эффективность использования огромного ресурсного богатства России в рамках БРИКС значительно возрастает благодаря взаимопомощи и поддержке стран-участниц. Сегодня в 69 регионах России активно функционируют технопарки по внедрению инновационных технологий. Консолидация усилий стран — членов БРИКС и желающих присоединиться к альянсу может стать основой для раскрытия внешнеэкономического потенциала нашей страны и формирования новой экономической модели государства, которая должна строиться на фундаменте стратегической безопасности за счет внедрения прорывных технологий, изменяющих экономический и социальный уклад об-

[1] Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/636aa3edbc0dcc2356ebb6f8d594ccb0/1148133.pdf?ysclid=ly77hfw09v520936302 (дата обращения: 01.09.2024).

[2] *Абышов И. С., Асанбекова А. А., Касымова А.* БРИКС как новая интеграционная группировка // Вестник АГУПКР им. Ж. Абдрахманова. 2023. № 31. С. 120–124.

[3] *Баландина Н. Г., Белоновская А. М., Скачкова С. Е.* Экономическое развитие России в условиях глобальных климатических изменений // Экономика и предпринимательство. 2021. № 5 (130). С. 106–109.

щества; рационального использования природных ресурсов; современного военного потенциала[1].

Еще одной проблемой, с которой столкнулось мировое сообщество, является эскалация вооруженных конфликтов, в том числе на Украине, в секторе Газа и других регионах, и увеличение глобального риска террористических актов. В связи с этим разработана и реализуется Антитеррористическая стратегия БРИКС. В контексте решения данной проблемы председательство России приобретает особое значение благодаря ее богатому опыту проведения контртеррористических операций, способствующему разработке и эффективному использованию новых форм и методов борьбы с терроризмом. Расширение БРИКС поможет укрепить и развить механизмы обмена информацией об активности террористических группировок, координации действий в противостоянии им, проведения совместных операций и быстрого реагирования на угрозы, чему способствуют базовые принципы Стратегии, включающие уважение суверенитета отдельной страны и невмешательства в ее внутреннюю политику, приверженность основам международного права, учет национальных интересов, комплексный подход к борьбе с терроризмом и противодействию экстремизму, принятие согласованных решений, запрет на использование терроризма в политических целях и пр.[2]

Сегодня особенно необходима эффективная социальная политика и разработка образовательных программ для молодежи в целях борьбы с радикальным мировоззрением и вербовкой в структуры, признанные странами БРИКС+ террористическими.

Важным элементом обеспечения суверенитета и безопасности стала борьба с киберугрозами, которые становятся серьезной проблемой в условиях активной цифровой трансформации общества. Последствия кибератак — нарушение функционирования критической инфраструктуры и похищение важной информации — приводят к существенным политическим, экономическим и социальным проблемам. В связи с этим разработан действенный механизм, основанный на опыте отдельных стран БРИКС и обеспечивающий постоянный обмен технологиями в сфере кибербезопасности, информацией о киберугрозах для своевременного реагирования и принятия мер, предотвращающих эти угрозы.

Таким образом, сотрудничество России со странами БРИКС+ формирует новые возможности и перспективы развития, обеспечивает решение текущих проблем, связанных в том числе с попытками коллективного Запада изолировать страну, подорвать ее экономическое и политическое благополучие. В конечном счете укрепившийся статус РФ в формирующемся многополярном мире положительно влияет как на внешнюю, так и на внутреннюю политику, позволяя поддерживать политическую, экономическую и социальную стабильность.

И. А. Ангелина[3],
А. А. Градинарова[4]

ВЛИЯНИЕ МНОГОПОЛЯРНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ НА РАЗВИТИЕ ПУБЛИЧНЫХ ФИНАНСОВ

Эволюция и функционирование публичных финансов тесно связаны с формированием и развитием государственных структур, использованием денежных средств и их значением в процессе распределения ВВП (или национального дохода). При создании и использовании публичных финансов акцент делается на социальных отношениях экономического характера, возникающих при распределении общественного продукта и направленных на реализацию функций, принятых государством в ходе своей исторической эволюции.

Проблемы развития теории публичных финансов в своих трудах затронули зарубежные ученые А. С. Блиндер (A. S. Blinder), Р. М. Солоу (R. M. Solow), П. О. Штейнер (P. O. Steiner), Дж. Е. Стиглиц (J. E. Stiglitz)[5], Р. А. Масгрейв (R. A. Musgrave)[6] и другие, среди отечественных ученых можно отметить Н. Г. Вовченко, С. С. Галазову, О. Б. Иванову[7], Е. В. Рябову, Н. В. Омелёхину и др. Признавая научный вклад вышеуказанных ученых, отметим, что теоретико-методологические основы развития публичных финансов требуют дальнейших исследований.

[1] *Орлов С. Л., Рагозин А. В.* Геополитические вызовы как фактор построения новой экономической системы России // Экономические системы. 2023. Т. 16, № 4 (63). С. 12–26.

[2] Антитеррористическая стратегия БРИКС. URL: https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148163.pdf?ysclid=ly77l5ivqm639784452 (дата обращения: 01.09.2024).

[3] Заведующая кафедрой туризма Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор экономических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Реализация организационно-экономического механизма стратегического планирования в условиях кризисных ситуаций», «Финансы в условиях цифровой экономики: тенденции развития», «Стратегические направления развития финансовых технологий», «Публичные финансы: генезис понятия в современной финансовой науке», «Эффективность формирования и использования публичных финансов» и др.

[4] Доцент кафедры туризма Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, кандидат экономических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Стабилизационная функция публичных финансов», «Мониторинг неравенства распределения публичных доходов с помощью коэффициента Джини», «Механизм функционирования категории публичных финансов в современных экономических условиях», «Особенности аллокации публичных финансов для особых территорий (на примере Донецкой Народной Республики)», «Публичные финансы: генезис понятия в современной финансовой науке» и др.

[5] *Stiglitz J. E., Boskin M. J.* Some Lessons from the New Public Finance // NBER Working Paper. 1976. № w0151. URL: https://ssrn.com/abstract=961802 (дата обращения: 23.06.2024).

[6] *Musgrave R. A.* Public finance in a democratic society // Internet Archive : [сайт]. URL: https://archive.org/details/publicfinanceind0001musg/page/n5/mode/2up (дата обращения: 23.06.2024).

[7] Трансформация финансовой сферы в условиях цифровизации / С. С. Галазова [и др.] // Цифровая трансформация экономики России: траектория развития. Ростов н/Д : Ростов. гос. эконом. ун-т, 2019. С. 171–206.

Являясь обобщенным выражением определенной группы процессов и экономических отношений, публичные финансы должны выполнять определенную социальную миссию в том смысле, что с их помощью достигаются определенные экономические и социальные процессы[1].

В условиях многополярности мира функции, осуществляемые публичными финансами, подвергаются изменениям с учетом новых вызовов и ситуаций, возникающих в современном глобальном экономическом контексте. В сложившихся экономических условиях публичные финансы перенимают более активную роль в стимулировании экономического роста и развития, включая инвестиции в ключевые секторы, поощрение инноваций, обеспечение финансовой устойчивости и поддержку предпринимательства.

Современные публичные финансы обеспечивают стабильность и разнообразие в экономике, смягчают воздействие экономических кризисов, глобальных колебаний и рисков, которые могут возникнуть в условиях многополярности. Так, в структуре ВВП России произошло существенное сокращение долговой нагрузки — со 140 % (в том числе валютный долг более 120 %) в 1998 году до менее 20 % (сегодня валютный долг РФ не более 5 %). Произошло существенное снижение глубины спада ВВП с пика до дна кризиса. Если во время кризисных явлений 1997–1998, 2007–2009 годов спад составлял 12–14 %, в 2014–2016 и 2020 годах — 4–5 %, то уже в 2022-м спад составил не более 2 %[2], что показывает устойчивость российской экономики к масштабным шокам.

Публичные финансы должны способствовать гармонизации отношений между различными экономическими субъектами, включая государственные органы, частный сектор, международные организации и общественные институты, чтобы содействовать устойчивому экономическому росту.

С учетом многополярности публичные финансы сегодня активно участвуют в решении социальных проблем, таких как неравенство доходов, безработица, доступ к образованию, здравоохранению и социальной защите, чтобы обеспечить устойчивое развитие всех слоев общества. Согласно данным Министерства финансов РФ, в результате реализации национальных проектов с 2019 по 2023 год благоустроены 26 704 общественные территории (парки, скверы, набережные, дворы), построено 1200 школ на более чем 753 тыс. мест, построено и отремонтировано 82,3 тыс. километров дорог, получили господдержку 11,5 млн семей с детьми.

Понятие функций, возложенных на публичные финансы, должно обозначать непосредственное достижение ими определенных экономических процессов, публичные финансы должны стремиться к устойчивому управлению финансами в условиях многополярности, что включает эффективное расходование, контроль за долгами, прозрачность в бюджетировании и соблюдение финансовой ответственности.

Чаще всего функции современных публичных финансов направлены на формирование, распределение и использование денежных средств (финансовых ресурсов), имеющихся в распоряжении общественности, в контексте деятельности, связанной с экономической и социальной ситуацией, в которую вовлечены государственные органы.

В рыночной экономике с помощью публичных финансов государство предоставляет в распоряжение физическим лицам широкий и разнообразный спектр общественных услуг, что подразумевает обширный процесс перераспределения доходов и богатства физических и юридических лиц в соответствии с критериями, которые установлены органами, принимающими решения.

Публичные финансы выполняют следующие три функции: аллокационную, функции распределения ресурсов и стабилизации экономики.

Аллокационная функция публичных финансовых ресурсов представляет собой ключевой элемент государственного управления и включает механизмы, используемые органами публичных финансов для перераспределения финансовых средств между субъектами с активным участием государственных органов. Эта функция осуществляется путем сбора части дохода или имущества в форме налогов, сборов и других платежей, а затем их распределения с учетом принципов равенства и социальной справедливости. В рамках данной функции происходит перераспределение части ВВП между членами общества. Процессу выделения (распределения) публичных финансов предшествуют оценка и инвентаризация социальных потребностей. Учитывая дефицит финансовых ресурсов по сравнению со спросом, государственные органы должны устанавливать приоритеты на основе запросов центральных и местных органов власти, определять конкретные цели.

Распределение публичных финансовых ресурсов предполагает формирование приоритетов для государственных расходов, включая, но не ограничиваясь такими областями, как образование, здравоохранение, соцобеспечение, жилищное строительство, оборона, правоохранительная деятельность, экономика, госдолг и другие сферы. Этот процесс представляет собой непрерывную практику и играет значительную роль в формировании социальных стратегий развития публичных финансов.

Все страны независимо от степени развития сталкиваются с необходимостью распределения публичных финансов для выполнения социально значимых задач, что делает функцию распределения публичных финансов объективной. Тем не менее способ формирования денежных ресурсов напрямую зависит от способности госорганов удовлетворять потребности общества, что придает функции распределения публичных финансов субъективный характер. Сбор финансовых ресурсов через налоги, сборы и другие источники, а также их направление на государственные расходы по различным направлениям являются масштабным

[1] *Ангелина И. А., Градинарова А. А.* Оценка условий развития публичных финансов в Российской Федерации // Первый экономический журнал. 2023. № 10 (340). С. 134–141. DOI 10.58551/20728115_2023_10_134.

[2] *Ханина Е. В.* Долговая нагрузка населения как фактор устойчивости финансовой системы // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13, № 6-1. С. 456–461. DOI 10.34670/AR.2023.65.91.055.

процессом перераспределения доходов и богатства среди физических и юридических лиц. Этот процесс включает предоставление социальной поддержки, выплату компенсаций, пенсий, стипендий определенным социальным группам, а также субсидирование производства определенных товаров и услуг из государственного бюджета.

Необходимость контрольной функции обусловлена участием в управлении публичными финансами и представляет собой обязательство перед обществом, поскольку эти ресурсы составляют значительную долю ВВП. Контрольные механизмы государства направлены на регулярное поступление публичных доходов в соответствии с установленными нормами, поддержание финансовой дисциплины, предотвращение уклонения от уплаты налогов, целевое расходование средств, обеспечение максимальной эффективности использования финансовых ресурсов др. Иными словами, через управление публичными финансами происходит значительное перераспределение доходов и состояния между членами общества с целью смягчения бедности и обеспечения приемлемого уровня жизни для всего населения.

Таким образом, в сложившихся условиях публичные финансы играют ключевую роль в обеспечении устойчивого и сбалансированного экономического развития, социальной справедливости в глобальном масштабе. Адаптация функций публичных финансов к вызовам многополярности требует эффективного планирования, стратегического подхода и гибкости в реагировании на изменяющиеся условия мировой экономической динамики.

Т. Ю. Анопченко[1]

ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ СТРАН БРИКС В МНОГОПОЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Интеграция науки и образования стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика) играет важную роль в современном мировом экономическом и политическом контексте. Данный доклад написан на основе исследования, проводимого на протяжении пяти лет в Российском экономическом университете им. Г. В. Плеханова. Мы изучаем особенности развития стран БРИКС, их место в системе многополярной экономики, стратегии международного сотрудничества в области образования и науки. В докладе обоснована необходимость проведения совместных проектов с учетом меняющегося геополитического и экономического контекста. Особое внимание уделено развитию студенческого технологического предпринимательства в странах объединения.

В настоящее время в межгосударственный союз стран БРИКС входит уже девять государств: Бразилия, Россия, Индия, КНР, Южная Африка, ОАЭ, Иран, Египет и Эфиопия. Создание альянса в 2006 году стало важным интеграционным событием в международных отношениях, объединившим страны с разными политическими, экономическими и культурными характеристиками. С течением времени кооперация стран БРИКС стала более разносторонней и эффективной, что способствует дальнейшему укреплению конструктивных отношений между государствами. Сегодня страны БРИКС сотрудничают в ряде областей, таких как торговля, инвестиции, наука и технологии, культура и образование. В рамках объединения реализуются различные инициативы и проекты, направленные на развитие взаимодействия между странами и увеличение их влияния в мировом сообществе.

Реперной точкой в вопросах интеграции образования и науки стала Кейптаунская декларация стран БРИКС, утвержденная в 2015 году и позднее дополненная. В ней отражались уже не только вопросы работы библиотечных систем в африканских странах, но и проблемы интеграции науки, технологий и инноваций. Дальнейшее развитие эта стратегия получила в год председательства России: 13 ноября 2020 года увидела свет декларация, в которой провозглашалось дальнейшее развитие науки, инноваций и технологий для достижения устойчивого развития и глобальной стабильности, а стратегической задачей было названо повышение благосостояния граждан стран БРИКС[2].

Образование играет важную роль в этом процессе, обеспечивая качественную подготовку кадров, способствуя обмену знаниями и опытом, развитию научно-исследовательской и инновационной деятельности. В рамках БРИКС реализуются различные проекты и образовательные программы, организуются стажировки и курсы повышения квалификации, проводятся совместные исследования.

Одним из главных вопросов, который рассматривался на VIII саммите БРИКС, стало студенческое технологическое предпринимательство в рамках межстрановой интеграции. Развитие студенческого технологического предпринимательства в условиях многополярной экономики представляет собой достаточно

[1] Профессор кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Формирование и развитие человеческого потенциала: концепция, структура, управление в современном информационном обществе»; статей в научных журналах: «Развитие механизма интеграции систем высшего образования Беларуси и России в рамках союзного государства», «Концепция расширенного воспроизводства ресурсного потенциала современного университета в условиях цифровизации», «Реализация человеческого потенциала в современных условиях как фактор вовлеченности населения в цифровую экономику России» и др. Член Экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы РФ по образованию и науке.

[2] Документы БРИКС. URL: https://mniop.ru/experience/sotrudnichestvo-so-stranami-briks/dokumentyi-briks (дата обращения: 01.09.2024).

сложную задачу, требующую комплексного подхода и сотрудничества участников экосистемы стартапов.

Страны БРИКС обладают уникальными инновационными технологиями разных масштабов и видов[1]. Каждый год Российский научный фонд и Китайская научная академия объявляют конкурсы для молодых ученых двух стран, посвященные научно-технологическим исследованиям, хотя российские и китайские университеты имеют относительно небольшой научный задел в прорывных инновационных исследованиях по сравнению с другими странами БРИКС.

Так, научно-исследовательские советы и университеты ЮАР имеют одинаковые уровни финансирования научно-исследовательской деятельности, при этом последние обладают исключительными полномочиями на присуждение дипломов и ученых степеней, а всемирно известные Индийский технологический институт и Технологический институт Тата тщательно отбирают наиболее талантливых и перспективных абитуриентов, так же как и масштабная система университетов. В рамках Совета научных и промышленных исследований работает большое количество государственных научно-исследовательских центров. Бразильская Embrapa является мировым лидером в сфере сельскохозяйственных исследований, Фонд Освальдо Круза — в области медицинских наук. Университет Сан-Паулу — самый значимый в большой системе финансируемых государством университетов[2].

В странах БРИКС реализуются несколько успешных студенческих технологических проектов. В России таким проектом является разработанный стартап «Салют», который позволяет создавать облачную платформу для управления семейными финансами. Данная платформа позволяет пользователям управлять своими доходами и расходами, контролировать бюджет семьи. В Китае известная компания DJI Innovations стала одним из лидеров рынка по производству дронов и разработала оригинальные инновационные продукты, которые позволяют использовать дроны в самых разных сферах, таких как транспорт, медицина, торговля, реклама, в аграрном секторе и др. Индия известна своим стартапом Ola Cabs, который позволил создать онлайн-сервис такси, и теперь пользователи могут заказывать перевозки через мобильное приложение. Компания стала крупнейшим поставщиком услуг такси в Индии и успешно конкурирует с Uber и «Яндекс». В Бразилии компания Nubank известна своим крупнейшим в Латинской Америке финансовым проектом. Она разработала мобильное приложение для управления финансами, которое позволяет пользователям контролировать свои расходы и осуществлять платежи и переводы.

Развитие студенческого технологического предпринимательства в странах БРИКС в условиях многополярной экономики сталкивается с проблемами как на уровне государств в рамках нормативно-законодательной базы, так и с экономическими (переживание локдауна и «внешних шоков») и организационными проблемами на уровне университетов этих стран. Можно выделить основные проблемы, с которыми сталкиваются страны БРИКС в условиях многополярной экономики.

1. Недостаточное финансирование выражается в том, что многие студенты не имеют доступа к ресурсам, необходимым для развития технологических стартапов. Недостаток инвестиций и грантов может стать серьезным препятствием для создания успешного студенческого бизнеса.

2. Ограниченный доступ к рынку. Здесь главную роль играет тот факт, что студентам очень сложно получить доступ к рынку без поддержки университетов или других организаций, занимающихся технологическими и инновационными разработками. Все это затрудняет масштабирование и расширение студенческого бизнеса.

3. Недостаточное образование и опыт. Студенты могут не иметь достаточных знаний и навыков для успешного ведения бизнеса, что нередко приводит к неудачам в стартапе.

4. Отсутствие поддержки и инфраструктуры. Некоторые страны БРИКС могут не иметь развитой инфраструктуры и других средств поддержки для студенческого технологического предпринимательства. Это ограничивает возможности для развития бизнеса.

5. Недооценка рисков и вызовов. Студенты могут не до конца понимать, с какими рисками им, вероятно, придется столкнуться в процессе развития своего бизнеса. Необходимы консультации и обучение для повышения осведомленности о бизнес-процессах и стратегиях.

6. Отсутствие культуры предпринимательства. В некоторых странах БРИКС культура предпринимательства еще не сформирована, что может помешать студентам стать успешными предпринимателями. Необходимо создание соответствующей среды и менторской поддержки для стимулирования студенческого технологического предпринимательства.

В условиях многополярной экономики особенно важно развивать сотрудничество и партнерство в рамках межстрановой кооперации, чтобы студенты имели возможность получить опыт работы на международном рынке и расширить свои возможности для развития проектов. Для этого требуется:

— обеспечить поддержку со стороны государства, разрабатывая специальные программы и механизмы финансирования для студенческих стартапов;

— повысить прозрачность и доступность для молодых предпринимателей информации о возможностях финансирования и поддержки;

— студентам-предпринимателям можно предложить участвовать в конкурсах стартапов, где они могут получить финансирование от инвесторов и венчурных фондов;

— развивать партнерство с индустрией, что даст возможность студентам заключать партнерские соглашения с организациями, которые смогут предоставить

[1] См.: Innovation Policy in Developing Countries // A Practitioner's Guide to Innovation Policy. 2020. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/158861581492462334/pdf/A-Practitioners-Guide-to-Innovation-Policy-Instruments-to-Build-Firm-Capabilities-and-Accelerate-Technological-Catch-Up-in-Developing-Countries.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

[2] *Кан М.* Перспективы сотрудничества стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-sotrudnichestva-stran-briks-v-oblasti-nauki-tehnologiy-i-innovatsiy/viewer (дата обращения: 01.09.2024).

им финансовую поддержку или оказать другую помощь в развитии проекта;

— создавать программы правительственных грантов стран БРИКС и учреждать стипендии для студентов, занимающихся технологическим предпринимательством;

— создать систему обучения и консалтинга, где студенты смогут участвовать в образовательных программах и тренингах, что поможет им развить навыки предпринимательства и управления проектами;

— регулярно проводить научно-исследовательские мероприятия и конференции, посвященные студенческому технологическому предпринимательству, что позволит студентам обмениваться опытом, узнавать о лучших практиках и привлекать инвесторов к своим проектам;

— развитие инфраструктуры поддержки для студенческих стартапов, включая акселераторы, инкубаторы, коворкинги и другие инструменты, которые помогут студентам реализовывать свои идеи и запускать проекты;

— создавать «центры притяжения» студенческих технологических стартапов в странах БРИКС. В России работают такие структуры, как «Иннополис», «Сколково», «Сириус». Взаимодействие таких площадок в рамках БРИКС с участием университетов станет драйвером развития студенческого технологического предпринимательства в условиях многополярной экономики.

Таким образом, для улучшения доступа к рынку студенческого технологического предпринимательства в странах БРИКС необходимо создать благоприятные условия для развития стартапов студентов, обеспечить им доступ к необходимым ресурсам и инструментам, а также поддерживать образовательные программы и мероприятия, способствующие развитию предпринимательской активности молодежи. Развитие студенческого технологического предпринимательства в условиях многополярной экономики требует комплексного подхода, включающего образование, поддержку инфраструктуры, международное сотрудничество и государственную поддержку. При правильной организации и эффективном взаимодействии всех участников экосистемы стартапов такое развитие может стать успешным и перспективным для всех сторон.

Интеграция науки и образования стран БРИКС играет важную роль в современном мировом контексте, способствуя укреплению сотрудничества между странами, их экономическому развитию и повышению их статуса в многополярном мире.

Д. Д. Буркальцева[1],
С. П. Кирильчук[2]

РАЗВИТИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА РЫНКЕ «ХЕЛСНЕТ» НА БАЗЕ КОАЛИЦИИ ЗДОРОВЬЯ БРИКС

Глобальные политические и геополитические сдвиги в текущих реалиях формируют новые тенденции развития рынков. Санкционные меры в отношении Российской Федерации, в том числе вторичные санкции против стран — партнеров России, вводимые преимущественно странами G7, ускорили процессы поляризации мира. Создание и расширение БРИКС позволило изменить картину мировой торговли, в том числе рынка «хелснет». Важными факторами также становятся процессы цифровизации и внедрения искусственного интеллекта, которые меняют рыночные ландшафты.

В связи с этим представляется целесообразным изучение механизмов развития взаимодействия в области хелснет на базе Коалиции здоровья БРИКС.

«Хелснет» — это рынок превентивных персонализированных медицинских технологий и услуг. Как указывает Глобальный институт здоровья, хелснет включает следующие направления: оздоровительный туризм, физическую активность, здоровое питание и контроль веса, личную гигиену, заботу о красоте тела и борьбу со старением, традиционную медицину, профилактическую и персонализированную медицину, общественное здравоохранение, «здоровье дома», рабочее пространство, СПА-услуги, термальные и минеральные источники[3].

По данным Data Bridge Market Research, объем рынка превентивных персонализированных медицинских технологий и услуг, в 2021 году составлявший

[1] Директор Юго-Восточной академии (филиал) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, профессор кафедры финансов и кредита Института экономики и управления, доктор экономических наук, Заслуженный работник Республики Крым. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Оценка и обеспечение финансовой безопасности, устойчивого развития на уровне предприятия, региона, государства»; статей в научных журналах: «Показатели оценки финансово-экономической безопасности агропромышленного комплекса региона», «Классификация угроз финансовой безопасности государства в контексте трансформации социально-экономической системы», «Роль институциональных факторов на развитие малого и среднего предпринимательства: инфраструктура обеспечения финансовой безопасности», «Институциональное обеспечение финансово-экономической безопасности в условиях цифровизации» и др. Награждена Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования РФ.

[2] Заведующий кафедрой экономики предприятий Института экономики и управления Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, доктор экономических наук, профессор. Автор более 400 публикаций, из них 19 монографий, в т. ч.: «Развитие инновационных альянсов в экономике Крыма», «Теоретические аспекты глобализации инноваций в информационной экономике», «Опережающее управление социально-экономическим развитием регионов: благосостояние населения & электронное управление»; статей в научных журналах «Развитие глобальности инновационных модификаций», «Оптимизация деятельности компаний по созданию электронного информационного продукта» (на англ. яз.) и др.

[3] Data bridge market research. URL: https://www.databridgemarketresearch.com/reports/global-preventative-healthcare-technologies-and-services-market (дата обращения: 01.09.2024).

192,5 млрд долларов США, в 2029 году вырастет до 522,9 млрд (в 2,7 раза), и ожидается, что среднегодовой темп роста в течение прогнозируемого периода с 2022 по 2029 год составит 13,3 %[1].

С учетом высокого потенциала развития туризма в России — как межрегионального, так и международного, тема здравоохранения для нас является особенно актуальной. Современные достижения в IT-индустрии, а именно создание технологических решений для улучшения качества здравоохранения и рекреации, могут существенно повлиять на приток туристов и развитие регионов России в целом, создание технологических кластеров для развития медицины, биотехнологий и фармацевтики с перспективой выхода на международные рынки.

Емкость и перспективы рынка

По состоянию на 1 января 2024 года в БРИКС входит 11 стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка, Аргентина, Египет, Эфиопия, Иран, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты[2]. В 2009 году объединение включало 6 стран, в 2024 году присоединилось еще 5, а 16 стран подали заявки на вступление в организацию. Поскольку объектом исследования является здоровье человека, то важными факторами являются[3]:

1) суммарная численность населения — 3,6 млрд человек (46 % населения всей планеты);

2) удельный вес стран БРИКС в структуре мирового ВВП, составляющий 37 %.

Стремительные темпы расширения БРИКС неизбежно запускают процессы консолидации рынков, которые происходят на разных уровнях: создаются коалиции, консорциумы, альянсы, союзы, ассоциации, кооперации. На этом этапе становится актуальным вопрос создания механизма управления изменениями через разработку единых стандартов, которые будут формировать условия устойчивого развития.

Коалиция здоровья БРИКС[4]

В этом направлении, в частности, ведет свою деятельность Коалиция здоровья БРИКС — международная неправительственная организация, объединяющая общественные, некоммерческие и коммерческие организации и экспертов стран БРИКС.

Главная цель Коалиции — вносить вклад в развитие единого пространства смыслов и рынка «хелснет» (превентивной медицины) за счет популяризации оздоровительных технологий, товаров и услуг организаций стран — участниц БРИКС.

Коалиция здоровья БРИКС предоставляет своим членам и партнерам различные возможности: от вывода продукта на рынки стран БРИКС и популяризации брендов на международной арене до разработки индивидуальных карт развития и оказания содействия на всех этапах лицензирования, сертификации, аккредитации товаров и услуг:

1) проводит деловые мероприятия;

2) помогает разрабатывать индивидуальные дорожные карты для бизнеса с целью масштабирования деятельности на пространстве БРИКС;

3) предоставляет информационно-медийное сопровождение;

4) проводит экспертизу выпускаемой продукции и оказываемых услуг с целью оценки их потенциала. Получаемое экспертное заключение дает члену коалиции основание (валидацию) для включения в оздоровительные программы на территории стран БРИКС;

5) сопровождает в получении разрешительной документации, сертификации и лицензировании;

6) помогает проходить процедуру включения в аккредитованные реестры;

7) оказывает консультационно-информационную поддержку;

8) содействует включению в образовательные программы учебных заведений в рамках повышения квалификации по различным оздоровительным направлениям с выдачей диплома государственного образца.

Коалиция здоровья БРИКС также позволяет создавать вертикальные формы сотрудничества и интеграции с национальными программами (программы инфраструктурного центра по развитию Национальной технической инициативы «Хелснет»).

Ограничения. Сертификация препаратов и медицинских изделий (представляется целесообразным использовать опыт сертификации и регистрации в рамках ЕАЭС как минимум для БАДов и медицинских изделий 1-го класса опасности); сертификация специалистов (необходимо разработать упрощенный механизм взаимного признания дипломов), разница в законодательстве по вопросам традиционной медицины (в российском праве это понятие отсутствует). На начальном этапе можно создать систему оздоровительных кластеров БРИКС, где по примеру законодательства по Сколково можно интегрировать методики, специалистов и использовать препараты, средства и изделия вне рамок сертификационных требований стран.

БАДы. Успешно работает общая регистрация по ЕАЭС, на базе которой производитель или импортер получает сертификат соответствия. Однако в свете ужесточения требований к продуктовой безопасности, борьбы с некачественной продукцией, контроля соответствия состава продуктов и технологий производства (включая ХАСПП) принятым стандартам Минздрав России планирует ужесточить требования и ввести дополнительные формы сертификации. Кроме того, планируется ввести требования к предоставлению доказательной базы по эффективности действия соответствия заявленным производителем.

В связи с этим считаем целесообразным действовать на опережение и поддержать добровольную сертификацию, позволяющую гарантировать высокое качество продукции, обновить и внедрить стандарты такой сертификации на территории стран БРИКС (возможно, в рамках упоминаемого реестра).

[1] Data bridge market research.

[2] World population review. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/bric-countries (дата обращения: 01.09.2024).

[3] Ibid.

[4] Healthcare-brics. URL: https://healthcare-brics.com (дата обращения: 01.09.2024).

Выводы

Таким образом, с помощью Коалиции здоровья БРИКС происходит интеграция на всех уровнях удовлетворения запросов бизнеса, а созданные реестры позволяют качественно регулировать и интегрировать российский рынок «хелснет» во внешние рынки в рамках БРИКС.

Дальнейшие исследования необходимо направить на изучение консолидации рынков традиционной медицины за счет механизмов регулирования стандартов и интеграции в рамках многополярного мира.

Литература

Буркальцева, Д. Д. Современное состояние IT-индустрии Российской Федерации / Д. Д. Буркальцева // Инновационные подходы к развитию региональных кластерных инициатив : монография. — Симферополь, 2020. — С. 78–92.

Н. В. Бурова[1]

РАСШИРЕНИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА БРИКС — НОВЫЙ ВЕКТОР МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Российская Федерация — надежный партнер и участник множества объединений стран в современном мире. Это ООН, БРИКС, СНГ, ЕврАзЭС, ШОС, ЦАС, АТЭС, ОДКБ и др. Членство в них обусловлено наличием национальных интересов у стран-участниц, которые они надеются реализовать в составе содружества. Первостепенными предпосылками вступления страны в то или иное содружество выступают прежде всего политические и экономические причины, но, безусловно, важными являются и социальные, культурные, образовательные, экологические и пр.

Представляется, что членство России в том или ином содружестве стран обусловлено в первую очередь желанием выступить равноправным партнером в многополярном мире, имеющим голос и экономические возможности в разрешении таких глобальных проблем, как ликвидация голода и нищеты, обеспечение здоровья нации и достижение гендерного равенства, качественное образование, достойная работа и экономический рост, а также в достижении иных целей устойчивого развития ООН, принятых в перспективе до 2030 года[2].

Экономисты и политики, ученые и представители бизнеса заинтересованы, с одной стороны, в информации о выгодах, которые получает каждая страна — участница БРИКС от нахождения в составе содружества, и с другой — в возможностях создавать и развивать межгосударственные проекты, в том числе пользуясь накопленным опытом и лучшими практиками партнеров по БРИКС. Созданный в 2006 году экономический союз БРИКС (до 2011 г. состоявший из четырех стран, пятой страной стала Южно-Африканская Республика), объединяет в своем составе многонаселенные страны с быстроразвивающейся экономикой, высоким потенциалом экспортно-импортных отношений, большим спектром совместных научно-технических, культурно-образовательных, медико-технологических и других программ и проектов.

Сопоставляя сведения из совместных статистических публикаций БРИКС[3], по данным за 2022 год можно отметить следующее:

— в пяти странах БРИКС проживают 3,2 млрд человек, в том числе 1,41 млрд в КНР и 1,38 млрд в Индии;

— по гендерному составу соотношение мужского и женского населения распределилось практически поровну — с небольшим преобладанием мужского населения (51 %) над женским (49 %) в Индии и Китае, в обратной пропорции (51 % женщин и 49 % мужчин) в Бразилии и ЮАР, только в России доля женщин превышает долю мужчин значительнее, на 7 % (53,5 % женщин против 46,5 % мужчин);

— ЮАР и Индия — две страны со значительно более высокой рождаемостью на 1 тыс. населения (порядка 20 ‰), чем в России (8,9 ‰) и КНР (6,8 ‰), и в 1,5 раза выше, чем в Бразилии (13,6 ‰);

— в связи с превышением смертности над рождаемостью только в двух странах БРИКС — Китае и России — наблюдается естественная убыль населения, в остальных странах — естественный прирост;

— младенческая смертность (или смертность детей на первом году жизни), которая относится к одному из показателей уровня жизни населения страны, по странам БРИКС имеет очень значительный разброс: 28 и 24 ребенка из 1 тыс. рожденных не доживают до года в Индии и ЮАР, 11 — в Бразилии, и только в России и Китае младенческая смертность имеет минимальные значения — 4,4 и 5 ‰ соответственно (снижение смертности детей в первые 5 лет жизни, так же как и снижение материнской смертности, входит в состав целевых показателей устойчивого развития в блоке «Хорошее здоровье и благополучие», и тут прогресс медицины РФ и КНР очень

[1] Профессор кафедры статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ. Автор более 190 научных публикаций, в т. ч.: «Международные программы высшего образования: генезис и перспективы развития», «Маркетинговая архитектура и эффективность Евразийской экономики»; статей в научных журналах: «Признание профессионального опыта в системе высшего образования Франции», «Лидер, предприниматель, инициатор, созидатель: современные женщины в российском и глобальном контекстах», «Моделирование эффекта и длительности воздействия санкций в международной экономической системе» и др. Награждена дипломом и грамотой Министерства образования и науки РФ.

[2] Цели устойчивого развития в Российской Федерации. 2023 : крат. стат. сб. М., 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SDG_Russia_2023_RUS.pdf (дата обращения: 16.07.2024).

[3] См.: BRICS Joint Statistical Publication. 2023. South Africa. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BRICS%20Joint%20Statistical%20Publication-2023.pdf (дата обращения: 16.07.2024).

важен как лучшие практики для Бразилии, Индии и ЮАР)[1];

— лидерами по средней ожидаемой продолжительности жизни выступают Китай (77,9 года) и Бразилия (77,2 года), в России этот показатель составляет 72,7 года, в Индии — 70 и значительно ниже в ЮАР — 62,8;

— доля рабочей силы (занятых и безработных по МОТ) в составе населения старше 15 лет превышает 62 % только в РФ и Бразилии, а в Индии, Китае и ЮАР варьирует в интервале от 52 до 55 %, при этом процент безработного населения в составе рабочей силы очень высок в ЮАР (33,5 %) и Бразилии (9,5 %), ниже официально признанной (5 %) нормы наблюдается безработица в РФ (3,9 %) и в Индии (4,1 %), чуть выше, 5,5 %, — в КНР;

— основной макроэкономический агрегат (результат) деятельности экономики страны, а именно валовой внутренний продукт (ВВП) в пересчете по паритету покупательной способности в долларах США, имеет достаточный разброс — ВВП КНР составил 17,993 трлн долларов, а ВВП ЮАР 405 млрд, что в 44,4 раза меньше. ВВП КНР в 2022 году также превышает ВВП Индии в 5,3 раза, ВВП РФ — в 7,9 раза, ВВП Бразилии — в 9,4 раза. Однако в пересчете на душу населения (ВВП в пересчете по ППС на одного жителя страны является еще одним показателем уровня жизни при ранжировании стран) лидером среди стран БРИКС является Российская Федерация — 15 504 долларов в текущих ценах, что в 1,22 раза выше, чем в КНР, в 1,73 раза — чем в Бразилии, в 3,34 — чем в ЮАР и в 6,33 — чем в Индии;

— вопросы потребительской инфляции также принимаются во внимание при оценке реальных доходов населения страны. Так, в 2022 году самый высокий индекс потребительских цен среди стран БРИКС наблюдался в РФ — 112 %, когда российская экономика столкнулась с очередной серией санкций со стороны недружественных стран (уже в 2023 г. ИПЦ в РФ снизился до 107,4 %)[2], тогда как в Бразилии, Индии и ЮАР ИПЦ составил 106–107 % и всего 102 % в КНР;

— индекс промышленного производства в 2022 году (в процентах к предыдущему году) в России, Китае и Индии превысил 100 % и составил соответственно 100,6, 103,6 и 105,1 %, в Бразилии и ЮАР оказался менее уровня 2021 года на 1 % (99 %) и на 7,4 % (92,6 %) соответственно;

— добыча нефти (млн тонн) в России составила 535 (с ежегодным приростом объемов добычи 2 %), в Китае — 205, в Бразилии — 153;

— страны БРИКС являются крупнейшими производителями зерна на мировом рынке, а именно (млн тонн): в 2022 году в КНР произведено 633, в Индии — 303, в РФ — 158, в Бразилии — 108; всем известна российская позиция по «зерновой сделке» в отношении беднейших стран Африки и готовность к безвозмездной передаче зерна нуждающимся;

— известно, что положительное внешнеторговое сальдо наблюдается, если объемы экспорта товаров и услуг отдельной страны превышают объемы ее импорта. В 2022 году в составе стран БРИКС положительное торговое сальдо наблюдалось у РФ, КНР и ЮАР, при этом размеры экспорта и импорта у КНР и ЮАР отличаются на порядок. Абсолютным лидером по объему внешнеторговых операций выступает Китай — экспорт товаров и услуг 3715,8 млрд долларов, импорт — 3139,5 млрд, на втором месте РФ — экспорт 549,6 млрд долларов, импорт 379 млрд, на третьем — Индия с экспортом 450,9 млрд долларов, который, однако, заметно превышает объемы импорта товаров и услуг в Индию — 714 млн долларов. Отметим также, что заметно выросшие объемы экспортно-импортных потоков, например между РФ и КНР, с конца 2022 года (в части энергоресурсов) переведены на национальную валюту, тем самым доллары США, так же как и евро, утратили функцию основной валюты при межстрановых расчетах.

По данным исследования ученых НИУ ВШЭ[3], в период с 2017 по 2022 год «теснота торговой связи между странами БРИКС сократилась на 33 %». За тот же период почти вдвое, или на 93 %, увеличился торговый оборот между странами БРИКС, причем наибольший вклад в рост суммарного торгового оборота стран БРИКС внесли РФ и КНР. У РФ самый высокий уровень торгового сопряжения зафиксирован с Китаем. По итогам 2022 года «доля экспорта стран БРИКС составила 20,7 % общемирового объема экспорта, что в 1,4 раза больше объема 2009 года»[4]. Наибольший вклад в динамику роста обеспечили Китай, Россия и Индия.

Начало 2024 года ознаменовалось расширением числа участников содружества БРИКС ровно вдвое: к Бразилии, России, Китаю, Индии и ЮАР присоединились Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия и Эфиопия. Как отмечается руководством страны, присоединение новых членов к содружеству БРИКС вызвано тем, что все большее количество стран понимают важность таких условий объединения БРИКС, как «суверенное равенство, уважение выбора собственного пути развития, взаимный учет интересов, открытость, консенсус, стремление к формированию многополярного мироустройства и справедливой модели глобальной финансовой и торговой системы, поиск коллективных решений наиболее острых проблем современности»[5]. В настоящее время происходит проработка модальностей нового членства в БРИКС тех стран, которые заявили о своем желании к нему присоединиться.

Председательство в содружестве БРИКС в 2024 году перешло к Российской Федерации. Ранее, когда в 2020 году РФ председательствовала в БРИКС, была принята «Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года» (далее – Стратегия)[6]. Основные

[1] Данные по показателям ЦУР // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/sdg/data/goal3 (дата обращения: 16.07.2024).

[2] Цены, инфляция // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/price (дата обращения: 16.07.2024).

[3] БРИКС: устойчивость, конвергенция, инклюзивность. М. : НИУ ВШЭ, 2023. Вып. 1. URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/850129395.pdf (дата обращения: 16.07.2024).

[4] Там же.

[5] Обращение Владимира Путина в связи с началом председательства России в БРИКС. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73202 (дата обращения: 16.07.2024).

[6] Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года. URL: https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf (дата обращения: 16.07.2024).

направления реализации Стратегии касаются вопросов торгового взаимодействия, инвестиционного развития и развития финансово-кредитной сферы отношений, цифровой экономики и вопросов достижения устойчивого развития.

Тенденции развития стран ОЭСР в 2023 году выведены в название публикации «Экономические перспективы ОЭСР: противостоять растущей инфляции и слабому росту»[1], что можно охарактеризовать как неблагоприятное экономическое состояние стран ОЭСР и упаднические настроения.

Г. А. Гончаров[2],
Е. В. Морозова[3]

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ТЕМПЫ РОСТА ОБЪЕМОВ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ И ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В СТРАНАХ БРИКС

Анализ показателей текущего состояния и прогнозов развития внешней торговли и движения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) между странами БРИКС показал, что они отличаются высокой степенью вариативности из-за интенсивного воздействия различных факторов. В связи с этим объективно возрастает роль факторного анализа как инструмента комплексного исследования воздействия меняющихся причин и ситуаций на результат развития внешней торговли и движения инвестиций в рамках БРИКС.

По нашему мнению, из всего многообразия видов факторного анализа можно выделить в качестве наиболее целесообразного детерминантно-индикаторный анализ, в процессе проведения которого результирующий показатель является следствием интеграции индикаторов (причин), характеризующих тот или иной фактор. Однако в случае невозможности корректно выявить связь между влияющими на состояние объекта факторами следует применять корреляционный анализ.

Принципиально важной особенностью факторного анализа состояния и тенденций развития внешней торговли в рамках БРИКС является понимание классификационного признака этого «клуба по обеспечению национальных интересов» как механизма взаимодействия в многополярном мире на стратегическом и оперативном уровнях для решения политических и экономических задач. В БРИКС, в отличие от интеграционных группировок различного типа, в условиях отсутствия формальных совместных организационных структур и с учетом постепенного формирования совместных, например финансовых, институтов, факторы развития внешнеторгового взаимодействия характеризуются множественностью и неоднозначностью воздействия, что затрудняет его количественный анализ.

Оценка влияния ПИИ на экономическое развитие стран БРИКС методически может быть обеспечена в условиях определенности информации за счет применения методов статистического анализа, а в условиях ее неоднозначности — применения экспертных методов. В первом случае наиболее целесообразным подходом, на наш взгляд, следует считать сравнение динамики ПИИ с динамикой прироста ВВП. Ряд научных исследований показывает наличие такой взаимосвязи в рамках БРИКС, отмечая важную роль фактора ПИИ в развитии экономики. Одновременно фиксируется разная степень взаимозависимости этих показателей в отдельных странах. Например, среди стран БРИКС максимальная эластичность притока ПИИ и показателя ВВП в среднесрочном периоде отмечена в Китае, а минимальная — в ЮАР[4].

Исходя из этого, уместно классифицировать факторы воздействия на внешнюю торговлю на основании критерия их целевой направленности как стимулирующие и сдерживающие.

Воздействие стимулирующих взаимную торговлю факторов основано на повышении степени согласованности политических и торгово-экономических позиций стран БРИКС на мировом уровне, что выражается в повышении их доли в общемировых экономических показателях. По отдельным оценкам, доля БРИКС в мировом ВВП выросла с даты образования этой группы к 2022 году с 12 до 32 %, внешняя торговля — с 11

[1] См.: Perspectives économiques de l'OCDE, Rapport intermédiaire, septembre. 2023. URL: https://doi.org/10.1787/9f56461c-fr (дата обращения: 16.07.2024).

[2] Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор 98 научных публикаций, в т. ч.: «Энергетический кризис в странах Евросоюза: причины и последствия», «Государственно-частное партнерство и инвестиционные проекты в сфере социального обслуживания», «Современные санкционные войны и их последствия», «Финансирование инвестиционных проектов в социальной сфере в рамках государственно-частного партнерства», «Пути совершенствования государственного обеспечения экономической безопасности малого и среднего предпринимательства в условиях „атипичных" кризисов», «Методологические аспекты создания модели экономической безопасности малого предприятия» и др.

[3] Заведующая кафедрой информатики и математики СПбГУП, кандидат технических наук, доцент. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Автоматизированное управление производством стеклотары на базе моделей функционирования технологического оборудования»; статей в научных журналах: «Прогноз долговечности сосновых насаждений в аридном регионе Нижнего Поволжья на основе математико-статистических методов», «Молодое поколение России и Японии в поисках нового медиапродукта» (на англ. яз.), «Имитационное моделирование процессов текстильного производства» (на англ. яз.), «Оценка размеров пор в нанопористых материалах методом капиллярной конденсации аргона: масштабный подход» (на англ. яз.) и др.

[4] *Саратовский А. Д.* Особенности движения прямых иностранных инвестиций в странах группы БРИКС : дис. … канд. экон. наук. М., 2017. С. 60–61. URL: https://ords.rea.ru/wp-content/uploads/2016/12/Saratovsky.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

до 24 %, инвестиции — с 7 до 16 %[1]. При этом встроенным фактором можно считать постепенный перенос центра взаимодействия стран БРИКС в экономическую плоскость. Повышение степени привлекательности БРИКС для других стран и их вовлечение в сферу экономических интересов этой группировки способствует расширению сфер взаимной торговли и инвестирования. К стимулирующим взаимную торговлю факторам также относится расширение экономического взаимодействия БРИКС с другими объединениями, региональными и субрегиональными.

Мощным фактором развития внешней торговли в рамках БРИКС стало последовательное формирование механизмов отраслевого сотрудничества, что неизбежно предполагает взаимный обмен товарами и услугами. Отметим важную роль создания форматов экономических элементов сотрудничества в сферах исследования космоса, энергетической безопасности, кибербезопасности[2], а также электронной торговли.

К числу факторов, в определенной степени сдерживающих развитие взаимной торговли и инвестирования, можно отнести недостаточный уровень институционализации всех форм сотрудничества. При этом важно отметить последовательное расширение его форматов[3].

Анализ взаимной торговли стран БРИКС показывает наличие значительного потенциала для расширения торгово-экономического сотрудничества между ними. Так, экспорт стран БРИКС вырос с 2478 млрд долларов в 2010 году до 5085 млрд в 2022-м (в 2,05 раза), импорт — с 2251 млрд долларов до 4033 млрд (в 1,79 раза) соответственно. Доля БРИКС в мировой торговле выросла с 16,5 % в 2010 году до 20,6 % в 2022-м[4].

Инвестиционное взаимодействие стран БРИКС является своего рода цементирующей основой общеэкономического сотрудничества. Отраслевое или секторальное сотрудничество невозможно представить без взаимного инвестирования. Внешнеторговые потоки также находятся в определенной взаимосвязи с инвестиционной средой, объемом и структурой инвестиций.

По данным Всемирного банка, члены БРИКС являются активными участниками мировых инвестиционных процессов, что позволяет делать вывод об их заинтересованности в использовании этого важного ресурса для развития экономики. Доля исходящих ПИИ БРИКС в мировом объеме выросла с 7,29 % в 2009 году до16,1 % в 2021-м[5].

В странах БРИКС национальная политика по отношению к привлечению иностранного капитала эволюционировала в направлении изменения приоритетов в пользу как установки общеэкономических правил облегчения доступа, так и открытия тех секторов экономики, доступ иностранному капиталу в которые был ранее запрещен. Доля входящих ПИИ БРИКС в мировом объеме выросла с 18,63 % в 2009 году до 30,92 % в 2023-м[6].

По оценкам российских и зарубежных исследователей, существует высокая степень корреляции между изменением ПИИ и ВВП. Важно отметить высокий объем ПИИ стран БРИКС, накопленных за среднесрочный период. В числе крупнейших получателей ПИИ из этой группы стран — Китай (4-е место), Бразилия (8-е место), Индия (10-е место). Россия занимает в этом списке 25-е место[7]. ЮАР среди крупнейших мировых получателей ПИИ не значится. Основной причиной такой ситуации при наличии экономической потребности ЮАР в иностранном инвестировании можно считать неблагоприятный инвестиционный климат в стране. Социальная и политическая напряженность, ксенофобия, преступность, направленная на принадлежащие иностранцам объекты хозяйственной деятельности, в значительной степени влияют на объем иностранных инвестиций в ЮАР.

Необходимость инвестиционного сотрудничества обсуждалась практически на всех саммитах БРИКС. Наметился переход от декларативного обозначения его важности до очерчивания реальных контуров и направлений. При высокой степени декларативности инвестиционного сотрудничества на всех последних саммитах БРИКС на каждом из них сделаны акценты на определенных аспектах. Так, на 8-м саммите в Индии в 2016 году отмечалась важность государственных и частных инвестиций в инфраструктуру для решения проблем устойчивого экономического роста в странах группы в долгосрочной перспективе. Однако при этом была обозначена проблема необходимости сокращения дефицита финансирования в сфере инфраструктуры[8]. В Йоханнесбургской декларации прямо указывалось на то, что проекты оказания помощи в сфере инвестиционного, инфраструктурного и международного развития являются основой экономического роста и устойчивого развития, повышения производительности труда[9]. Осознавая значимость инвестиций в инфраструктурном развитии, страны БРИКС основную роль в инвестировании отводят международным многосторонним банкам и Новому банку развития[10]. Руководители экономических ведомств стран БРИКС (например, министр торговли и промышленности ЮАР с 2012 по 2019 г. Роб Дэвис) придерживаются мнения, что для развития инвестиционного сотрудничества стран БРИКС важно учитывать региональный фактор

[1] *Бурых Д. С.* БРИКС как фактор глобальной политики // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 1 (46). С. 62 ; Рассчитано по данным МВФ: Доля стран в мировом ВВП (ППС) 1980–2021. URL: https://svspb.net/danmark/vvp-dolja.php (дата обращения: 01.09.2024).

[2] *Бурых Д. С.* Указ. соч.

[3] *Хейфец Б.* Перспективы институционализации БРИКС // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 1–18.

[4] Рассчитано на основе данных источника: Торговля и аналитика стран БРИКС в 2023 году (infobrics.org). URL: https://infobrics.org/post/39263/ (дата обращения: 01.09.2024).

[5] Составлено на основе данных Всемирного банка. URL: https://worlddataviewcom/topics/economy/foreign_direct_investment_net_inflows_bop_current_usd (дата обращения: 01.09.2024).

[6] Составлено на основе данных Всемирного банка.

[7] Там же.

[8] Декларация Гоа. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5139 (дата обращения: 01.09.2024).

[9] Йоханнесбургская декларация десятого саммита БРИКС. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5323 (дата обращения: 01.09.2024).

[10] Новый банк развития. URL: https://finance.rambler.ru/economics/51624511-novyy-bank-razvitiya-briks-istoriya-sozdaniya-i-zadachi/?ysclid=lsyyfcksn514035284 (дата обращения: 01.09.2024).

развития, особенно в африканских странах, поскольку многосторонние проекты могут быть эффективными лишь в условиях их реализации для удовлетворения экономических потребностей юга Африки[1].

Лидером в движении инвестиций между странами БРИКС в последние годы является Китай. Географическое распределение потоков китайских инвестиций претерпело заметные изменения в последнее пятилетие. При определенной разнице в статистических данных различных международных структур выявляется общая тенденция снижения доли их перетока в Бразилию и роста в Россию и Индию. При этом сохраняется динамичный общий повышательный тренд по всем странам БРИКС.

Одним из новых явлений в движении стало увеличение инвестиций Китая в ЮАР. В 2018 году объявлено о выделении Пекином на эти цели 14,7 млрд долларов, причем за последние 20 лет прямые инвестиции Китая в экономику ЮАР выросли в 80 раз, превысив 10 млрд долларов[2]. Отраслевая структура китайского инвестирования в ЮАР представлена достаточно широко, но приоритетными являются добывающие отрасли, в основном это добыча и переработка платины, золота, марганца и хрома.

Отраслевая структура китайских инвестиций в страны БРИКС весьма разнообразна. В Бразилии они направляются преимущественно в горнодобывающий, металлургический, топливно-энергетический секторы, автомобильную и пищевую промышленность, сельское хозяйство. В Индии наиболее заметно присутствие китайских инвестиций в металлургической и машиностроительной отраслях (автомобилестроение, электротехническое оборудование), в ЮАР — преимущественно в горнодобывающем секторе.

По сравнению с другими странами БРИКС отраслевая структура китайских инвестиций в Россию максимально широко диверсифицирована. В настоящее время инвестиции из КНР направляются в такие секторы российской экономики, как топливно-энергетический, машиностроительный, лесное и сельское хозяйство, легкая промышленность, торговля, услуги. В последние годы в связи с активизацией идеи китайской экспансии в арктическом направлении у этой страны растет интерес к вложениям в проекты в Российской Арктике. Индия направляет инвестиции в зарубежные объекты в сфере ИТ-технологий, фармацевтической и энергетической сферах. В последние годы со стороны всех стран БРИКС растет потребность в зарубежных инвестициях в масштабные проекты цифровизации, что является общемировой тенденцией.

Приток взаимных ПИИ выступает ключевым фактором экономического развития стран БРИКС. Потенциал такого взаимодействия достаточно высок, но он недоиспользуется практически всеми членами этого объединения. Для БРИКС характерны такие формы ПИИ, как создание совместных предприятий компаниями разных стран, а также приобретение активов компаниями одной из стран на территории других государств объединения. Особенностью этих форм ПИИ является высокий инновационный потенциал компаний, приобретающих активы в странах — партнерах по БРИКС, что способствует активизации внешнеторгового обмена и экономического сотрудничества в целом, качественно усовершенствуя структуру взаимного товарооборота. Одна из основных форм движения ПИИ — сделки слияний и поглощений, в основном в финансовом и энергетическом секторах. Общая тенденция в рамках БРИКС — либерализация инвестиционной политики для привлечения притока финансовых ресурсов из-за рубежа, но в отдельных странах есть ограничения на такое инвестирование в стратегические отрасли экономики.

Считаем, что для расширения внешнеторгового и инвестиционного сотрудничества в рамках БРИКС необходимо:

— повысить степень институционализации сотрудничества путем создания органов, ответственных за его оптимизацию;

— в целях реализации предложений российской стороны на саммите в Йоханнесбурге по созданию аналитического центра назначить организацию для оценки эффективности внешнеторгового и инвестиционного сотрудничества и разработки научно обоснованных рекомендаций по расширению товарной номенклатуры российского экспорта;

— повысить степень товарной диверсификации российского экспорта в страны БРИКС за счет использования коммерчески значимых достижений российских высокотехнологичных отраслей, продукция которых не имеет внешнеторговой перспективы в недружественных странах из-за режима санкций;

— активнее использовать процессы цифровизации экономик стран БРИКС для повышения эффективности внешнеторговых операций в рамках традиционных форм торговли и для расширения электронной торговли;

— стремиться увязывать расширение внешней торговли с формированием корпоративных цифровых платформ стран БРИКС;

— содействовать увеличению взаимных ПИИ путем создания ТНК, которые смогут повысить взаимодополняемость бизнесов стран группировки и снизить зависимость от глобальных структур вне БРИКС за счет использования конкурентных преимуществ каждой из стран.

[1] BRICS: Mast Focus on investment — Led Treid-Rob Daives. URL: http://infobrics.org/post/27158/ (дата обращения: 01.09.2024).

[2] Саммит БРИКС в Йоханнесбурге. URL: https://journal.tinkoff.ru/news/brics-2023-summit-summary/? ysclid=lsyzeteebo290570672 (дата обращения: 01.09.2024).

Е. С. Дашкова[1]

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Уже более двухсот лет профсоюз играет важнейшую роль в установлении социальной справедливости как полноправный участник общественных отношений. Развитие профсоюзного движения в настоящее время позволяет расширять социальный диалог в мировом пространстве, создавать адекватные механизмы правового регулирования социально-трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений, обеспечивать социальную справедливость и рост человеческого потенциала.

Формирование нового многополярного мира кардинально изменяет и усложняет структуру мирового порядка и систему социально-экономических отношений, диктует необходимость новых способов решения глобальных проблем, которое целесообразно и возможно только при участии профсоюзов. В число наиболее важных социально-экономических проблем входят следующие.

1. Рост неравенства и бедности. Так, на Глобальной конференции по многополярности, состоявшейся 29 апреля 2023 года, Далбир Сингх заявил, что 30 тыс. человек умирают каждый день от голода, а 700 млн вынуждены существовать в условиях крайней нищеты на менее чем два доллара в день[2]. Тенденция к усилению неравенства проявляется не только на глобальном уровне, но и на уровне государств, что констатируют эксперты Международной организации труда.

2. Молодежная безработица. В материалах доклада МОТ «Глобальные тенденции занятости молодежи в 2022 году» указано, что в 2022 году молодых безработных насчитывалось 73 млн человек — меньше, чем в 2021-м (75 млн), но на 6 млн больше, чем в 2019-м (до начала пандемии)[3].

3. Рост социальной незащищенности работников, что обусловлено активным развитием новых форм нестандартной занятости — платформенной, агентской, дистанционной и самозанятости. В исследованиях С. Кук и У. Рани «Работа на платформе в развивающихся странах: может ли цифровизация стимулировать структурные преобразования?» было выявлено, что работа на цифровых платформах в развивающихся странах в правовом и институциональном плане регулируется неэффективно, что увеличивает социальную незащищенность и трудовые риски для работников[4].

Все эти обстоятельства актуализируют значение и необходимость активизации на различных уровнях деятельности профсоюзного движения для решения обозначенных глобальных проблем современности. При этом становление многополярного мира меняет направления сотрудничества и стратегические ориентиры развития профсоюзных «альянсов». Как отмечает В. М. Шумилов, «Россия как государство-цивилизация „развернулась на Восток“ и создает нормативную и организационную основу для международного правопорядка на принципах равноправного сотрудничества и взаимной выгоды, суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела. Речь идет не только о ЕАЭС, но и о Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), о межгосударственном объединении (параорганизации) БРИКС, деятельность и решения которых сконцентрированы преимущественно на проблематике экономического сотрудничества. На всех континентах возникли интеграционные объединения; начинается этап создания партнерств межрегионального (межконтинентального) характера. Это будущие центры экономической силы, которые могут стать экономической основой соответствующих локальных цивилизаций и полюсов нового мироустройства»[5]. Как следствие, стратегия развития профсоюзного движения должна быть сконцентрирована на следующих направлениях.

На глобальном уровне:

— Международная организация труда должна выработать новые механизмы, а также правовые и цифровые инструменты решения проблемы социальной несправедливости в мире;

— необходимо расширение и повышение эффективности взаимодействия профсоюзных центров стран БРИКС, объединенных с 2012 года в рамках Профсоюзного форума, в том числе: усовершенствование их информационной инфраструктуры с целью обмена позитивным опытом в деле защиты трудовых прав и экономических интересов работников этих стран, выработки общих позиций по поддержке социально уязвимых категорий граждан и народов. Так, в 2024 году Профсоюзный форум стран БРИКС запланировал встречу с привлечением национальных профсоюзных

---

[1] Заведующая кафедрой экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук, доцент. Автор 175 научных публикаций, в т. ч.: «Региональный рынок труда в условиях социально-экономических преобразований»; статей в научных журналах: «Занятость молодежи в экономике Воронежской области: актуальные проблемы и перспективные направления их решения», «Региональный рынок труда: методика исследования», «Цифровые технологии в системе организационно-правового регулирования занятости населения», «Траектория развития социального партнерства» (на англ. яз.), «Количественная оценка адаптации занятости к неопределенности в российских регионах» (на англ. яз.) и др.

[2] *Сингх Д.* Будущее многополярного мира // Katehon : [сайт]. URL: https://katehon.com/ru/article/budushchee-mnogopolyarnogo-mira (дата обращения: 01.09.2024).

[3] Темпы восстановления уровня занятости молодежи по-прежнему недостаточны, констатирует МОТ // Международная организация труда : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_853579/lang--ru/index.htm?shared_from=shr-tls&s=04 (дата обращения: 01.09.2024).

[4] *Cook S., Rani U.* Platform work in developing economies: Can digitalisation drive structural transformation? // International Labour Organization : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/publications/platform-work-developing-economies-can-digitalisation-drive-structural (дата обращения: 01.09.2024).

[5] *Шумилов В. М.* Трансформация глобального экономического правопорядка в условиях формирования многополярного мироустройства // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-globalnogo-ekonomicheskogo-pravoporyadka-v-usloviyah-formirovaniya-mnogopolyarnogo-miroustroystva (дата обращения: 02.03.2024).

объединений и министров труда и занятости из стран, вошедших в БРИКС 1 января 2024 года (Египет, Иран, Аргентина, Эфиопия, Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия). Девиз встречи — «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности»[1].

На национальном уровне:

— развитие социального партнерства как основы для совершенствования социально-трудовых отношений в Российской Федерации и оптимизация мониторинга и контроля деятельности всех сторон социального партнерства в данном направлении;

— поддержка в создании объединений работников новых форм занятости — платформенной и дистанционной, фрилансеров и людей «свободных» профессий, оформленных как самозанятые или индивидуальные предприниматели. Так, в России только имеющих опыт занятости в платформенной экономике сегодня свыше 15,5 млн человек[2]. Данные категории работников остаются в настоящее время незащищенными в правовом и социальном плане, поэтому важность создания профсоюзных объединений для них очень высока;

— укрепление роли профсоюзов в системе социального партнерства и повышение эффективности их деятельности за счет совершенствования законодательства о профсоюзах и расширения их функций, а также цифровизации их работы. С учетом того, что будущие работники — это молодые люди, чье коммуникационное взаимодействие происходит главным образом в интернет-пространстве, необходимо вести среди них просветительскую работу, способствующую популяризации деятельности профсоюзов и пониманию их значения для правовой защиты трудящихся граждан в социальных сетях.

Таким образом, реализация обозначенных стратегических целей развития профсоюзного движения в условиях нового многополярного мира будет способствовать решению глобальных социально-экономических проблем и развитию социального диалога, а на национальном уровне обеспечит совершенствование системы и механизма социального партнерства и поддержание достойных условий труда, что позитивно отразится на уровне и качестве жизни общества.

Н. В. Дорохова[3]

АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

Формирование новой модели многополярного мира представляется все более актуальной задачей, от успешного решения которой зависит существование и дальнейшее развитие не только отдельных государств или регионов, но и человечества в целом. Процесс создания такой модели мироустройства в настоящее время обусловлен действием широкого спектра факторов, в числе которых социальный, демографический, научно-технологический, экономический, политический и др. При этом изменения в данном направлении по-разному воспринимаются современным обществом, а в некоторых случаях встречают ожесточенное сопротивление. По этому поводу Президент РФ В. В. Путин отметил, что страны Запада — непримиримые противники формирования многополярного мира, сторонниками которого являются государства БРИКС. БРИКС и его сторонники выступают за формирование нового миропорядка, который был бы подлинно сбалансированным, учитывал суверенные интересы максимально широкого круга государств и открывал бы возможности для различных моделей развития, «помогая сохранять многообразие национальных культур и традиций»[4]. Происходящие в мире глобальные изменения накладывают существенный отпечаток на траекторию развития национальных экономик.

Российская экономика, адаптируясь к условиям нового многополярного мира, доказала свою жизнеспособность и устойчивость, но столкнулась с серьезными барьерами, не преодолев которые она не сможет занять достойное место в новой модели мироустройства. Одной из таких преград, требующей серьезных усилий для устранения, представляется относительное отставание некоторых отраслей национальной экономики, а также высокая степень ее импортозависимости. Данная проблема существует в российской экономике довольно давно, но заметно обострилась в условиях санкционной войны и попыток экономической блокады России, предпринимаемых недружественными государствами. Решение данной проблемы, по мнению экспертов и представителей государственной вла-

[1] Участники Профсоюзного форума планируют провести свою встречу в расширенном составе в 2024 году под девизом «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» // Профсоюзный форум БРИКС. URL: https://tufbrics.org/ru/news/58 (дата обращения: 01.09.2024).

[2] *Гавриленко А.* В России появится профсоюз работников платформенной экономики // Российская газета. 2023. 28 апр. URL: https://rg.ru/2023/04/28/v-rossii-poiavitsia-profsoiuz-rabotnikov-platformennoj-ekonomiki.html (дата обращения: 01.09.2024).

[3] Профессор кафедры экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Региональный рынок труда в условиях социально-экономических преобразований»; статей в научных журналах: «Траектория развития социального партнерства» (на англ. яз.), «Количественная оценка адаптации занятости к неопределенности в регионах России» (на англ. яз.), «Цифровые технологии в системе организационно-правового регулирования занятости населения», «Влияние цифровой трансформации экономики на сферу занятости населения», «Региональный рынок труда: методика исследования», «Количественная оценка адаптации занятости населения в российских регионах к условиям неопределенности» и др.

[4] Путин назвал противников и сторонников многополярного мира. URL: https://www.rbc.ru/politics/24/08/2023/64e720cd9a7947f165377a24 (дата обращения: 16.07.2024).

сти, должно осуществляться по следующим направлениям[1]:

— динамичное развитие науки и технологий, возрастание их роли в современной экономике, активное внедрение научных достижений в практику. Фундаментальная и прикладная науки на современном этапе должны совершить настоящий прорыв в обеспечении технологического суверенитета России, а также в формировании фундамента для технологического лидерства страны в будущем;

— развитие новых транспортных коридоров со странами Азии, а также масштабная работа по совершенствованию транспортной инфраструктуры внутри страны;

— увеличение экспорта отечественной продукции, изменение его структуры в пользу высокотехнологичных изделий, а также продукции сельского хозяйства;

— дальнейшая экологизация отечественной экономики, снижение ее природо- и энергоемкости, масштабный переход на природосберегающие и малоотходные технологии;

— обеспечение роста производительности труда и создание условий для дальнейшего развития человеческого капитала.

Не менее важной и сложной проблемой на пути дальнейшего развития отечественной экономики является демографический кризис, преодолеть который страна не может уже длительное время. По данным Росстата, численность постоянного населения страны снижается, только за 2023 год она сократилась на 243,8 тыс. человек[2]. По прогнозам экспертов, данная тенденция сохранится в среднесрочной перспективе, поскольку в России начиная с 2014 года отмечается заметное сокращение рождаемости, которое по прогнозам специалистов продолжится до 2030 года[3]. Сложная демографическая ситуация представляет угрозу суверенитету страны, а также создает преграды для дальнейшего развития экономики. Так, в настоящее время Российская Федерация столкнулась с заметным дефицитом трудовых ресурсов — в экономике отмечается беспрецедентно низкий уровень безработицы (в 2023 г. данный показатель не превышал 4 %, а в апреле сократился до 3,3 %, что является абсолютным минимумом в истории России[4]); спрос на рынке труда заметно превышает предложение. По результатам исследований, проведенных Российской академией наук, дефицит трудовых ресурсов в Российской Федерации достиг в 2023 году 4,8 млн работников, что составляет почти 7 % от общей численности рабочих мест в экономике[5]. По данным аналитиков, с дефицитом кадров в настоящее время столкнулось абсолютное большинство отечественных организаций, особенно острым он стал в реальном секторе экономики:

— в добывающей и обрабатывающей промышленности;

— сельском хозяйстве;

— строительстве;

— транспортно-логистической сфере;

— IT-компаниях и т. п.

Длительное время проблема дефицита трудовых ресурсов в нашей стране решалась за счет использования труда иммигрантов. Однако в последнее время ситуация заметно изменилась, поскольку пандемия COVID-19, начало специальной военной операции, последовавшие экономические санкции и ослабление рубля заметно сократили приток трудовых иммигрантов в РФ. Усилил дефицит кадров в стране и процесс эмиграции россиян (прежде всего населения трудоспособного возраста) в другие страны, также возросший в 2022 году. Решение демографической проблемы и вытекающего из нее дефицита трудовых ресурсов требует системных действий, аккумуляции существенных ресурсов и должно включать:

— меры, направленные на увеличение продолжительности жизни населения страны, сокращение смертности (в том числе населения в трудоспособном возрасте), стимулирование рождаемости;

— совершенствование миграционной политики, в частности стимулирование притока трудовых иммигрантов (прежде всего из государств — членов ЕАЭС), имеющих наиболее востребованные в России профессии;

— механизмы стимулирования занятости населения, сокращения добровольной безработицы, активного вовлечения в экономику подрастающего поколения, повышения трудового долголетия, создания условий для занятости инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья и т. д.

Безотлагательного решения требует и другая немаловажная проблема, создающая барьеры на пути дальнейшего развития экономики России: развитие трудового потенциала страны, его качественных и количественных характеристик. В условиях, когда роль человека в экономике и производстве существенно возросла и трансформировалась, развитие трудового потенциала выступает важнейшим фактором роста конкурентоспособности отечественной экономики: «Государство может обладать природными, технологическими, финансовыми ресурсами, но все это не имеет значения без высококвалифицированных кадров и высокого уровня человеческого развития. В современном быстро меняющемся мире роль человеческого капитала постоянно возрастает. В век цифровизации и трансформации производственных процессов человеческий капитал становится фундаментом развития экономики любой страны»[6]. Огромную роль в развитии человеческого потенциала играет система образования, как общего, так и профессионального. В настоящее время в Российской Федерации система образования находится в состоянии реформирования, направленного

[1] *Песков Д. Н.* Почему для России важен технологический суверенитет. URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2022/06/10/62a0e95b9a79472d8b713207 (дата обращения: 16.07.2024).

[2] См.: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 16.07.2024).

[3] Демографический вызов России. URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2023/10/03/651a95509a7947addf136c31 (дата обращения: 16.07.2024).

[4] См.: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 16.07.2024).

[5] Особенности подбора кадров в 2024 году. URL: https://www.audit-it.ru/articles/personnel/a111/1095591.html?clckid=cc8f70fb (дата обращения: 16.07.2024).

[6] *Шомахов К. Р.* Человеческий потенциал как фактор экономического роста и экономической безопасности России // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6, № 4. С. 1381–1402.

на глубокую модернизацию ее содержательных и методических аспектов, повышение конкурентоспособности и включающего ряд направлений:

— совершенствование образовательных стандартов и программ, разработка и внедрение методик преподавания, соответствующих запросам общества и специфике современного подрастающего поколения;

— диверсификация форм организации образовательного процесса, активное внедрение дистанционного формата;

— активизация профориентационной работы, ее масштабирование и дальнейшая модернизация;

— активное участие работодателей в разработке и реализации образовательных программ всех уровней и др.

Таким образом, решение обозначенных выше проблем является первоочередной задачей российской экономики и определяет в ближайшей перспективе актуальные тренды ее развития. От того, насколько быстро и эффективно экономика страны справится с данными вызовами, во многом зависят ее место и роль в новом многополярном мире, существование которого ни у кого уже не вызывает сомнений. Президент РФ В. В. Путин по этому поводу отметил следующее: «Мы можем ускорить этот процесс, можем, или кто-то может попытаться его затормозить и, может быть, добьется какого-то снижения темпа строительства многополярного мира. Но его создание неизбежно. Оно происходит само по себе…»[1]

А. И. Котов[2],
И. В. Пенькова[3]

ЭКОНОМИКА ИСКУССТВА: МНОГОГРАННОСТЬ В МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Стремление современного мира к многополярности как к концептуальному фундаменту объединения стран БРИКС подчеркивается современными политиками, экономистами, ведущими деятелями науки и искусства. Президент России В. В. Путин в своей беседе с членами Международного дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 года и в Послании Федеральному собранию обратил особое внимание на тот факт, что наша страна «взаимодействует с партнерами на принципах равноправия, уважения интересов друг друга, и потому к работе ЕврАзЭС, ШОС, БРИКС и других объединений с участием России активно подключаются новые и новые государства»[4].

В свою очередь, многогранность экономических аспектов искусства отражена в фундаментальных исследованиях ученых. В нашем исследовании приняты за основу положения, выдвинутые в 2001 году Д. Тросби[5]. Изучая вопросы взаимосвязи экономического и эстетического, Тросби выдвинул предположение, что при определении ценности искусства целесообразно анализировать взаимосвязь социальных и эстетических аспектов. Так, среди *социальных* им отмечены:

— духовный, отражающий значимость объекта искусства для большинства членов культурного сообщества;

— социальный, способствующий формированию у личности осознания своего места в культурном сообществе, к которому она принадлежит, на основе понимания природы именно этого кластера общества;

— исторический, воспроизводящий цивилизационные особенности формирования образа жизни, среды воспитания и развития личности. Это, в свою очередь, определяет взаимосвязь прошлого и настоящего и дает возможность прогнозировать будущее;

— ценность подлинности объекта, позволяющая проследить истинные социальные приоритеты и процесс их формирования.

Среди *эстетических* аспектов Тросби выделяет:

— собственно эстетический — отражение понимания и восприятия красивого и гармоничного в содержании и форме;

— символический — воссоздание идеи, впечатления и чувственного начала, читаемого в объекте искусства.

---

[1] Создание многополярного мира неизбежно // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/72508 (дата обращения: 16.07.2024).

[2] Специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Урбанистика и городское планирование: симбиоз знаний и практики на службе у человека», «Автоматизированная система управления социально-экономическим развитием территории», «Стратегическое планирование в системе управления крупным мегаполисом», «Региональный научно-образовательный и инновационный хаб и его роль в инновационном развитии субъекта Российской Федерации», «Управление стратегическим развитием региона — решающий фактор устойчивого социально-экономического развития (на примере Санкт-Петербурга)». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», имеет благодарности Президента РФ, почетные грамоты и благодарности Губернатора Санкт-Петербурга.

[3] Заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч.: «Информация как реверсный фактор институциональных ловушек цифровой экономики»; статей в научных журналах: «Маркетинговая деятельность банков в контексте формирования ценностных предложений для потребителя банковских услуг», «Цифровые инновации в маркетинговой деятельности банков на этапе внедрения „Маркетинг 5.0“», «Налоговые льготы как инструмент фискальной политики и сокращения институциональных ловушек Российской Федерации», «Трансформация роли государственного сектора экономики сквозь призму социально-экономической безопасности», «Институциональные ловушки предпринимательства в условиях цифровой трансформации экономики» и др.

[4] Послание Президента Федеральному собранию 29 февраля 2024 года // Президент России : [сайт]. 2024. 29 февр. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73585 (дата обращения: 29.02.2024).

[5] *Throsby D.* Economics and Culture. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001. P. 26–31.

В свою очередь, на основе ценности можно сформировать и обосновать стоимость продуктов и услуг социально-культурной сферы, в том числе искусства. Это переводит наше исследование в финансовую плоскость и обусловливает дальнейшую логику научного поиска.

Несмотря на то что большинство учреждений социально-культурной сферы в странах БРИКС являются некоммерческими и финансируются из госбюджета, посредством расширения потенциала их участия в программах господдержки на современном этапе, в том числе для музеев, создаются возможности ведения коммерческой деятельности, направленной на получение прибыли. Именно этот фактор вызывает потребность в поиске дополнительных источников финансирования. В настоящее время поступления из внебюджетных фондов, в том числе от спонсоров — юридических и частных лиц, в государственную музейную деятельность превышают 40 %[1]. Кроме того, расширение коммерческой составляющей деятельности привело к концентрации усилий музеев на привлечении большего числа посетителей с помощью продвижения на соответствующем рынке с помощью маркетинговых мероприятий.

Маркетинг в музеях имеет свою специфику. Это процесс управления, направленный на достижение целей и сохранение значимости учреждения для культуры и общества благодаря изучению потребностей различных социальных групп и их удовлетворения с помощью работы музея. Цели достигаются с помощью маркетинговых коммуникаций[2], используемых для взаимосвязи с аудиторией с помощью популяризации деятельности музея, оказания эмоционального и интеллектуального воздействия. Коммуникации направлены на увеличение посещаемости, сбор и анализ информации о мотивах и предпочтениях потребителей, формирование положительного образа музея, донесение обществу информации о деятельности музея, привлечение внимания к музею.

Маркетинговые коммуникации напрямую воздействуют на разноплановую аудиторию. В 2017 году Государственной Третьяковской галереей была разработана классификация посетителей музеев, согласно которой выделены следующие сегменты[3]:

— познающие (16 %) — люди, воспринимающие музей как источник информации;

— хранители традиций (12 %) — стремящиеся к сохранению культурно-исторического наследия;

— семейные (10 %) — посещающие музеи ради просвещения своих детей и для проведения времени вместе с семьей;

— модники (10 %) — приходящие в музеи ради того, чтобы просто побывать там и сделать фотографии;

— социализаторы (8 %) — любящие общаться в музеях в кругу знакомых, воспринимающие поход в музей как культурно-просветительское мероприятие;

— беглецы от реальности (8 %) — посещающие музеи в одиночестве, чтобы насладиться атмосферой;

— VIP (4 %) — люди, которые получают удовольствие от просмотра эксклюзивных предметов музея;

— профессиональное сообщество (эксперты) (4 %) — приходящие в музеи по вопросам работы и учебы;

— туристы (28 %) — посещающие музеи с индивидуальными или групповыми экскурсиями; решение обычно принимает туроператор.

Данная классификация позволяет понять, насколько маркетинговые коммуникации в музеях должны быть разноплановыми, чтобы охватывать как можно большее число людей с разными предпочтениями. Однако целевая аудитория разных музеев все же различается. Например, коммерческий Музей современного искусства «Эрарта» в качестве своих основных посетителей рассматривает молодежь, которая предпочитает современное искусство.

Особенностью маркетинговых коммуникаций в современной музейно-выставочной деятельности является также привлечение внимания посетителей к предметам и услугам музея. Под предметами понимаются работы, имеющие историческую и культурную ценность, предназначенные для просмотра и включенные в постоянную экспозицию, а услуги включают выставочные экспозиции, культурно-просветительскую деятельность, печатную продукцию и музейные предметы, предназначенные для продажи[4].

С помощью маркетинговых коммуникаций музей может влиять на отношение потребителя (реального или потенциального) через различные коммуникационные каналы:

— стандартные/традиционные каналы — экспозиции, выставки, передвижные выставки, сувениры, экскурсии, брошюры с информацией о музее, приглашение специалистов на лекции, вебинары;

— цифровые — сайт, мобильное приложение, социальные сети, применение AR- и VR-технологий (активно применяются и в офлайн-деятельности), подкастинг (довольно новый формат для музейной деятельности, однако в России уже существует более 150 подкастов);

— PR — участие в научных конференциях, форумах, фестивалях; проведение классных часов в школах и разнообразных дней открытых дверей; онлайн-трансляции;

— реклама — наружная, в СМИ, в общественном транспорте, в Интернете, в блогах;

— прямой маркетинг — рассылка электронных писем.

Таким образом, специфика маркетинговых коммуникаций в музейно-выставочной деятельности заключается в охвате аудитории, которая преследует разные цели при посещении музея, и в продвижении деятельности музея.

Продвижение искусства в межкультурной многонациональной среде целесообразно основывать на его ценности и стоимости. Фундаментом такой деятельности и научных исследований в данной сфере должно стать понимание объединяющего начала искусства как

[1] РИА Новости : информ. агентство. URL : https://ria.ru (дата обращения: 29.02.2024).

[2] *Макушева О. Н., Белякова К. Н.* Особенности музейного маркетинга // Молодой ученый. 2019. № 24. С. 394–396.

[3] Государственная Третьяковская галерея : [офиц. сайт]. URL: https://www.tretyakovgallery.ru/?lang=ru (дата обращения: 01.09.2024).

[4] Государственная Третьяковская галерея.

носителя культурных и этнических ценностей стран БРИКС, а базой для анализа являются ключевые положения соглашения между странами БРИКС, транслирующего и утверждающего равноправие участников в многополярном мироустройстве. Целесообразно акцентировать внимание на расширении источников финансирования организаций культуры и искусства на примере музеев. В странах БРИКС учреждения социально-культурной сферы главным образом государственные, но в последние годы расширяется коммерциализация их деятельности, поэтому авторы, выявив общие базовые аспекты в применяемых системах финансирования музеев в странах БРИКС, делают попытку исследования возможностей расширения коммерческой деятельности музеев посредством внедрения маркетинга с учетом потребностей и мотивов посетителей. В итоге сделан вывод о необходимости расширения коммерческой деятельности музеев при сохранении целевого финансирования учреждений сферы искусства для активизации продвижения результатов творческой деятельности, отражающих национальные особенности в многополярной и мультикультурной мировой среде, фундаментом которой являются равноправие, взаимоуважение и взаимовыгодное сотрудничество.

В качестве *заключения* к представленному исследованию отметим, что многогранность экономики искусства заключается в многокритериальности оценки и сферы искусства в целом, и отдельных объектов и произведений, а многополярность современного мира представляется фундаментом для сохранения духовности на основе идентичности всех участников мирового сообщества.

А. А. Лапинскас[1],
М. М. Хайкин[2],
Т. Г. Содномбалова[3]

НАЦИОНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО РФ И КНР: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Введение

По ряду характеристик социально-экономические системы РФ и КНР совершенно разные, поэтому делается вывод, что практика Китая нам не подходит. Этот вывод возникает на основе цивилизационного подхода, согласно которому каждая крупная нация-цивилизация развивается «особым» путем, так что опыт других стран представляется малополезным. Так ли это? Чтобы ответить на этот вопрос, необходим анализ основных методологических подходов (цивилизационного и системного) к изучению эволюции общественных систем. Приверженность к разным методологиям порождает еще одну важную проблему. Отказ от марксизма в 1990-е годы сопровождался разворотом в сторону либерализма, из-за чего возникла путаница в выборе путей развития: призыв «вперед, к коммунизму» был заменен лозунгом «вперед, к капитализму», что с точки зрения формационного подхода в сущности означает «назад». Или «вперед, особым, самобытным путем» согласно цивилизационному подходу?

Цивилизационный подход

Согласно данному подходу каждая крупная нация-цивилизация развивается самобытным путем, институциональную суть которого определяют культурологические факторы, прежде всего традиции и обычаи. Традиции оказывают значительное влияние на все общественные отношения благодаря образцам поведения, которые воспроизводятся каждым новым поколением и таким образом детерминируют цивилизационный тип общества. Кроме традиций, важную роль в развитии цивилизаций играют географические, климатические, исторические, религиозные и другие факторы, что порождает разнообразие форм социальной организации. Каждая цивилизация имеет уникальную систему ценностей, вокруг которой складывается повседневная жизнь. Отсюда вывод об особом, самобытном пути развития.

Ряд исследователей утверждает, что основоположниками данного подхода являются А. Тойнби и О. Шпенглер. В двухтомном труде «Исследование истории»[4] Тойнби проанализировал более 20 циви-

[1] Профессор кафедры экономической теории Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II, доктор экономических наук. Автор более 155 научных публикаций, в т. ч.: «Влияние горной ренты на эффективность использования природного потенциала: парадокс изобилия и его российская специфика», «Конкурентоспособность ресурсноориентированных экономических систем»; статей в научных журналах: «Анализ взаимосвязи экологии и цифровизации в современных условиях», «Новое качество экономики — условие эффективной модели хозяйства» и др.

[2] Заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II, доктор экономических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Конкурентоспособность ресурсоориентированных экономических систем», «Эффективность использования запасов угольных месторождений Монголии на основе концепции ценности»; статей в научных журналах: «Сервисный капитал как условие устойчивого развития общества», «Евразийская политическая экономия как теоретико-методологическая основа развития национальной экономики», «Проблемы развития экономических систем евразийской интеграции в контексте современных социокультурных тенденций» и др.

[3] Доцент кафедры «Бухгалтерский учет и аудит» Петербургского государственного университета путей сообщения Александра I, кандидат экономических наук. Автор более 95 научных публикаций, в т. ч.: «Устойчивое развитие организации: методология оценки и мониторинга — текущее состояние, проблемы, перспективы»; статей в научных журналах: «Экологический учет в реализации устойчивого развития железнодорожного транспорта», «Проблемы преподавания дисциплины „Бухгалтерский учет“ в контексте устойчивого развития университета», «Экологический учет в обеспечении управления стратегиями устойчивого развития организаций железнодорожного транспорта» и др.

[4] *Тойнби А. Дж.* Исследование истории. Возникновение, рост и распад цивилизаций / пер. с англ. К. Я. Кожурина. М. : АСТ, 2009 ; *Он же.* Исследование истории. Цивилизации во времени и пространстве. М. : АСТ, 2009.

лизаций и сделал вывод, что они расцветали благодаря успешной реакции на «вызовы» под руководством «мудрых меньшинств» — элиты. Однако все цивилизации раньше или позже приходили к закату и, будучи неспособны противостоять вызовам, прекращали свое существование.

Необходимо уточнить, что на самом деле основы цивилизационного подхода впервые сформулировал Н. Я. Данилевский в книге «Россия и Европа»[1], где была предложена теория обособленных культурно-исторических типов (цивилизаций), отличающихся самобытностью религиозного, социального, бытового, промышленного, научного, культурного и иного развития.

Важнейшим принципом цивилизационного подхода является выдвижение на первый план среди факторов общественного прогресса не производительных сил (бытия), а духовности (сознания), что является основой противостояния индустриальному, технократическому менталитету («духу капитализма» по М. Веберу), который в Россию пришел с Запада, в том числе из марксизма. Это отмечают многие российские и зарубежные авторы. Например, можно согласиться с А. С. Карминым: «Современная западная культура — это культура, основанная на предпринимательстве, бизнесе, деловитости. Облик ее формирует экономика, которая, в свою очередь, определяется развитием технологической культуры»[2]. Прагматический дух западной культуры настраивает людей на погоню за жизненными благами. В обществе насаждается массовый культ потребления, который сродни религиозному культу.

Таким образом, цивилизационный подход акцентирует самобытность типов общественного хозяйствования, представляемых системообразующими нациями и (или) их объединениями.

Системный подход

Однако если посмотреть на национальное хозяйство не с точки зрения цивилизационного типа общества, а с позиции его организационно-управленческой структуры, то проявляется другая картина.

Сравнение двух людей, даже одной расы и нации, показывает их различие по ряду признаков, как минимум по отпечаткам пальцев. В то же время структура и функциональные особенности организма каждого из них будут во многом сопоставимыми. Представители практически всех наций и рас болеют одними и теми же болезнями, вызванными аналогичными причинами (иначе не было бы пандемий), и лечатся теми же методами и препаратами. То же можно сказать и о национальных экономических системах: они вполне сопоставимы как функционирующие структуры.

Поведение организованной системы, в том числе хозяйственной организации, в целом обусловливается не столько характеристиками ее отдельных элементов, сколько свойствами структуры. Это значит, что из одних и тех же компонентов можно создавать совершенно разные технические системы или хозяйственные организации; и наоборот, из разных компонентов можно создать однотипные устройства и (или) хозяйственные организации. Например, вычислительную технику можно создавать из электронных ламп, диодов и триодов, микросхем. Модели хозяйственных организаций также путем реформирования можно сделать схожими либо различными независимо от того, действуют ли в них китайцы, русские или японцы.

Каждый тип хозяйственной организации (централизованно-распределительный, рыночный, смешанный) имеет как плюсы, так и минусы, в зависимости от целей, а также эндогенных и экзогенных условий функционирования. А так как эти факторы иногда меняются, необходимы адекватные и своевременные реформы управленческой структуры (функционального инварианта). Например, в экстремальных условиях функционирования более эффективными являются вертикальные, они же централизованно-распределительные (плановые) связи. Соответственно, для России в настоящее время актуально усиление именно этих управленческих связей. Так, С. Ю. Глазьев считает необходимой разработку «стратегического плана мобилизации имеющихся ресурсов с целью обеспечения вооруженных сил и населения необходимыми товарами и нормативно-правовой базы по его исполнению»[3], с чем следует полностью согласиться.

Таким образом, организационная структура хозяйства определяет основные параметры ее функционирования, *независимо* от того, из каких элементов она состоит[4]. Следовательно, какую организационно-управленческую структуру, то есть тип или модель (функциональный инвариант) экономической системы мы создадим, такой результат и получим. Наглядными примерами могут служить Россия в период «военного коммунизма» и нэпа, Китай до и после реформ Дэн Сяопина, Северная и Южная Кореи и т. д. Во всех случаях основные цивилизационные характеристики — история развития хозяйства, климат, природные ресурсы, язык, обычаи и прочее — оставались, по сути, теми же. Зато существенно менялся тип экономической системы, ее функциональные возможности и результаты.

Из вышесказанного следует, что опыт КНР для нас не только применим, но и весьма актуален. Обе страны во второй половине XX века взяли «старт реформ» со вполне сопоставимых позиций: строили плановую социалистическую экономику. Эффективность китайских реформ объясняется их соответствием общим требованиям теории управления и общей теории систем. Для РФ опыт КНР представляет интерес сочетанием достижений социализма (планомерность, социальная политика) и рыночных методов хозяйствования (при руководящей роли государства). Важнейшая черта

[1] *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 6-е изд. СПб. : Глаголь : СПбГУ, 1995.

[2] *Кармин А. С.* Культурология. Краткий курс. URL: http://thelib.ru/books/anatoliy_solomonovich_karmin/kulturologiya_kratkiy_kurs-read.html (дата обращения: 01.09.2024).

[3] *Глазьев С. Ю.* О текущем положении России в мировой гибридной войне и создании необходимых условий для нашей победы // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 55–57.

[4] *Лапинскас А. А.* Типы и особенности функционирования экономических систем : моногр. СПб. : НИИ Химии, 2001.

китайских реформ — *постепенность* преобразований, в процессе которых была создана новая модель смешанной экономики, при сохранении китайской специфики и самобытности. Китайцы не стали «с ходу» разваливать плановую систему, а создали бимодальную (двухсекторную) модель хозяйства, включающую как стратегический (плановый), так и оперативный (рыночный) секторы экономики.

В России же еще в начале 1990-х годов либеральными псевдоучеными был выдвинут тезис о несовместимости «плана» и «рынка», необходимости ускоренной приватизации и либерализации цен и т. п. В связи с этим Е. Примаков отмечал: «Многие из тех, кто во время горбачевской перестройки пропагандировал возможность демократизировать социализм, теперь во главу угла поставили ликвидацию всего того, что было при СССР»[1]. Современная организационно-управленческая структура экономической системы РФ также имеет ряд недостатков, при устранении которых вполне возможен учет опыта КНР.

Выводы

Анализ с позиций системного подхода не отрицает наличия цивилизационной специфики в каждом национальном хозяйстве, которая должна быть учтена при проведении социально-экономических реформ, так как «экономическая система представляет собой структурную составляющую социокультурной системы»[2]. Несомненно, Россия и Китай как были, так и остаются системообразующими нациями-цивилизациями, обладающими самобытными, уникальными культурами. В то же время они являются сопоставимыми по ряду структурных (организационно-управленческих) характеристик.

Т. Б. Малинина[3]

ТРУД И ПОТРЕБЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Стремительное внедрение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности общества: экономическую, политическую, социальную, культурную, духовную — оказало влияние на образ жизни, образование, трудоустройство и потребление людей и даже на самого человека. Образ жизни современного человека становится цифровым, а его действия — оцифрованными, алгоритмичными, и благодаря цифровым инструментам человек круглосуточно находится «на связи». Таким образом происходит глобальная трансформация человека из Homo sapiens в Homo informaticus — существо уже не только социальное, но и информационное, то есть человек приобретает новую форму существования[4]. Происходит цифровая социализация человека, базирующаяся на новых формах (цифровых) знаний и навыков. Чтобы устроиться на достойную работу, необходимы определенные цифровые компетенции и компьютерная грамотность.

Труд как ценность в традиционном его понимании отходит на второй план, появляется новый вид нестандартной занятости — цифровой. Цифровая занятость характеризуется общением работника с работодателем посредством информационно-коммуникативных технологий и удаленностью работника от основного места трудовой деятельности. Заметим, что точного определения понятия «цифровая занятость» в научном сообществе нет. Эту трансформацию труда научному сообществу еще предстоит осмыслить. Однако уже существует много научных работ и социологических исследований на эту тему.

Цифровая занятость получила широкое распространение в период пандемии COVID-19. В условиях мирового кризиса, вызванного пандемией, трудовые отношения перешли в цифровой формат в домашних условиях — work-from-home. С точки зрения работодателя, это способствовало увеличению рабочих мест на дому, сокращению оплаты за арену и содержание рабочих помещений, коммунальные услуги, что позволило бизнесу выжить в сложных условиях. Работник и работодатель научились обходиться без офиса[5]. Распространение информационных технологий преобразовало сферы производства и потребления, а также трансформировало систему организации труда. Теперь предпочтительнее работать удаленно, используя информационно-коммуникационные технологии. Цифровая мобильность позволяет работать из любой точки пространства: из дома, на конференции, в вагоне поезда, на отдыхе и т. д.

[1] *Примаков Е. М.* Современная Россия и либерализм. URL: http://www.rg.ru/2012/12/17/primakov.html (дата обращения: 01.09.2024).

[2] *Хайкин М. М., Ложко В. В.* Философия экономических ценностей. Проблемы самоопределения евразийской политической экономии // Проблемы современной экономики. 2022. № 3 (83).

[3] Профессор кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Мера труда и мера потребления», «Сбалансированность и пропорциональность производства и потребления в хозяйстве региона»; статей в научных журналах: «К вопросу о сбалансированном взаимодействии производства и потребления в социально-экономическом развитии (потребительно-стоимостной подход)», «Место цифровой экономики в социальном развитии человека и общества», «Цифровая среда: драйвер профессий будущего», «Понимание молодежью категории „качество жизни“: на примере учащейся молодежи Санкт-Петербурга» и др. Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, памятной медалью «100 лет профсоюзам России» и др.

[4] *Кармазин Т.* Ценности и ключевые компетенции в эпоху digital-социума // Business Excellence. URL: https://ria-stk.ru/ds/adetail.php?ID=181143 (дата обращения: 02.10.2023).

[5] *Нехода Е. В., Пань Л.* Трансформация рынка труда и занятости в цифровую эпоху // Экономика труда. 2021. Т. 8, № 9. С. 897–916.

Однако следует заметить, что в результате внедрения цифровых технологий (искусственный интеллект, облачные серверы и вычисления, 3D-печать и др.) происходит сокращение рабочих мест, исчезают традиционные виды профессий, а новые рабочие места и профессии требуют новых цифровых компетенций, которыми обладает не все трудоспособное население, что, в свою очередь, может спровоцировать рост безработицы и социальную напряженность в обществе. Таким образом, цифровизация изменяет занятость трудового населения, заставляет его адаптироваться к возникающим новым формам занятости, в том числе цифровым.

Цифровизация трудовой деятельности изменяет требования к профессиональным и личностным навыкам работника. Работник должен не только обладать цифровыми навыками, но и быть творческой личностью, быстро обучаться, выстраивать эффективные межличностные отношения[1]. Ввиду изменений, происходящих в трудовой деятельности, основным результатом труда в виртуальной экономике становится создание знаний, а основные требования к навыкам работника лежат в плоскости использования новых (цифровых) технологий, основой управления являются управление проектами, самореализация работника, межкультурный менеджмент[2]. Личностные качества человека также находятся под влиянием цифровизации трудовой сферы. Труд трансформируется в средство самореализации и самовыражение работника[3]. Он может управлять своим свободным (нерабочим) временем, используя его для развития своей личности, путешествий, познания нового. Таким образом, цифровая форма занятости приходит на смену традиционной.

Как определить, какие трудовые отношения относятся к категории цифровой занятости? В научной литературе для этих целей выделяют несколько критериев. Первый: если сотрудник перешел на удаленную работу с использованием информационно-коммуникационных технологий, которые способствуют созданию новых трудовых цифровых платформ, цифровых торговых площадок, офисов; если развитие цифровых технологий способствует созданию новых отраслей производства, бизнес-моделей[4]. Второй критерий заключается в использовании цифровой мобильности, позволяющей работать на несколько компаний, строить свою карьеру и трудовую жизнь. Третий критерий состоит в том, что организация труда происходит на цифровых платформах через информационно-коммуникативные технологии, а виртуальный доступ к совместной деятельности интегрирует множество организаций, выстраивая их в единую цепочку по отраслям, создавая новые экосистемы[5]. Четвертый критерий заключается в том, что глобальная экономика претерпевает изменения посредством внедрения цифровых технологий, трудовые ресурсы становятся более мобильными, что влечет за собой распространение цифровой занятости и создание цифрового продукта, например, в образовании (онлайн-образование), цифровой торговле, финансовой деятельности на цифровых платформах и т. д.

Цифровая занятость населения развивается и стремительно распространяется, чему способствует ряд факторов. Во-первых, повсеместное внедрение информационно-коммуникационных технологий, которые в корне меняют сферы производства и потребления. Цифровые технологии заменяют отрасли с низкой эффективностью и внедряются во все сферы жизнеобеспечения человека. Рабочий офис уже не нужен, машины выполняют те задачи, которые раньше решали люди. Согласно опросам, уже в 2020 году 11 % компаний сократили площадь своих офисных помещений, 3 % вообще отказались от аренды офисных помещений[6]. Во-вторых, происходит цифровизация самих трудовых отношений и самого труда. Появляются цифровые офисы, прием на работу осуществляется через цифровые платформы, организуются цифровые торговые площадки, труд человека замещается цифровыми технологиями, развивается цифровая мобильность работника, растет спрос на удаленную занятость и т. д.

Все это не может не влиять на рынок труда. Он претерпевает структурные преобразования, а также становится цифровым, где растет спрос на удаленную форму занятости с цифровым взаимодействием между работодателем и работником. Все эти трансформации заставляют по-новому организовывать труд и производство в отдельных секторах экономики. Таким образом, традиционная форма занятости заменяется цифровой занятостью[7].

Заметим, что не все производственные и бизнес-процессы могут быть охвачены процессом цифровизации. Наиболее благоприятны в этом отношении сфера информационных технологий, образование, дизайн, реклама, финансовые и информационные услуги, торговля. Процессы глобализации и цифровизации, происходящие в мировой экономике, бросают вызов национальным рынкам. Доля цифровой экономики в мире составляет от 4,5 до 15,5 %. Лидерами цифровой экономики являются США и Китай: 40 % добавленной стоимости, создаваемой в секторе информационных технологий, приходится на эти страны[8].

Формируется новый цифровой сегмент рынка труда, меняющий структуру рабочих мест и увеличивающий спрос на специалистов в области информационно-коммуникационных технологий. Таким образом, все работники цифрового сегмента рынка труда должны обладать новейшими компетенциями информаци-

[1] *Иваненко О. Б., Хайрулина Л. Р., Ковалев А. И.* Актуальные аспекты управления цифровой занятостью в Российской Федерации // Вестн. Сибирского ин-та бизнеса и информ. технологий. 2022. Т. 11, № 1. С. 31–37.

[2] *Krause I.* Coworking Space: A Window to the Future of Work? // Foresight and STI Governance. 2019. № 13 (2). P. 52–60.

[3] *Иваненко О. Б., Хайрулина Л. Р., Ковалев А. И.* Указ. соч.

[4] *Аранжин В. В.* Глобальные тренды и тенденции в области занятости // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 4. С. 1353–1371.

[5] *Нехода Е. В.* Трансформация рынка труда и занятости в цифровую эпоху // Экономика труда. 2021. Т. 8, № 9. С. 897–916.

[6] Обзор рынка труда и заработных плат в России 2020 // Российская экономическая школа : [сайт]. URL: https://www.nes.ru/files/mif/main/HaysAnnual-Salary-Guide-Russia-2020.pdf (дата обращения: 02.10.2023).

[7] *Нехода Е. В., Пань Л.* Указ. соч.

[8] *Болотханов Э. Б., Зармаев А. А.* Цифровая занятость в системе регулирования национальной экономики. URL: https://gstou.ru/files/nauka/publication/2021/sbornik/138-141.pdf (дата обращения: 02.10.2023).

онно-коммуникационных технологий и цифровыми программными продуктами. Однако не все трудоспособное население обладает такими навыками. Молодое поколение лучше и быстрее адаптируется к цифровым трансформациям в трудовой сфере.

Цифровизация трудовых отношений способствует возникновению новых форм конкурентной борьбы, повышается конкуренция среди профессионалов, появляются широкие возможности для самореализации, оптимального сочетания трудовых и досуговых практик, возрастает спрос на трудовую мобильность и виртуального работника (то есть отсутствие физического перемещения рабочей силы). Инновационность и динамичность цифровизации труда влияют на интенсивность обновления рабочих мест и рабочей силы. Следует заметить, что цифровому сегменту рынка труда соответствует специфическая демографическая структура: рост молодого сегмента экономически активного населения. Это не удивительно, так как именно молодое поколение выросло в мире цифровых технологий, используя информационно-коммуникационные технологии в образовании, для самореализации, досуговых практик.

Цифровизация общественного пространства изменила не только трудовые отношения, но и образ жизни современного человека и его потребительские практики. В последнее время стали появляться исследования потребительского поведения в цифровом обществе, заговорили о модели информационного потребителя. Если есть информационный продукт, значит, есть его потребитель. В научной литературе описывается множество моделей потребления, существующих в нашем обществе. Цифровизация всех сфер жизнеобеспечения человека заставляет задуматься о модели информационного потребителя: решение о выборе продукта или услуги при помощи гаджетов через сеть Интернет. Информационного потребителя можно наблюдать в сферах образования, медицинских услуг, ЖКХ, банковских услуг.

Поведение потребителя информационного продукта или услуги можно разложить на три составляющие: познавательную, эмоциональную и деятельную. Последняя составляющая связана с приобретением товара или услуги в сети Интернет, потреблением и освобождением от товара или его остатков. Анализ поведения потребителей в Интернете показывает, что оно отличается от традиционного потребительского поведения в рыночной среде. Отметим некоторые из них. Во-первых, изменяются основные факторы потребительского поведения: мотивационные, ценностные, социальные и коммуникационные. Во-вторых, происходит активная социализация потребителей, которая выражается в организации неформальных групп, обменивающихся мнениями о товарах и услугах. В-третьих, меняется направленность рынка от «продавец–потребитель» на «потребитель–продавец»[1]. В-четвертых, потребитель должен обладать цифровыми навыками и компетенциями, чтобы осуществлять интернет-шопинг.

Таким образом, цифровизация общественных отношений изменяет занятость трудового населения и его потребительские практики, заставляя адаптироваться к новым формам занятости и потребления, в том числе в цифровом формате. Цифровой рынок труда посредством информационно-коммуникационных технологий становится субъектом глобального разделения труда и принадлежит к глобальному цифровому производству. Цифровая мобильность как новый тип трудовой мобильности позволяет работнику в полной мере реализовать свою рабочую силу, а работодателю — уменьшить свои расходы на содержание этой рабочей силы. Распространение многих видов экономической деятельности через сеть Интернет расширяет возможности потребителя и меняет его потребительское поведение, делая его информационным. Обладая инновационностью, цифровые технологии становятся фактором обеспечения благосостояния и экономического роста как глобальной экономики, так и отдельного человека[2].

[1] *Апатова Н. В.* Особенности поведения потребителя в Интернет // Вестн. Тверского гос. ун-та. Сер. «Экономика и управление». 2020. № 3 (51). С. 19–29.

[2] *Пенчковская Е. В.* Цифровая занятость в условиях цифровой экономики // Инновационная парадигма экономических механизмов хозяйствования : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь, 2022. С. 333–337.

О. Н. Мелентьева[1],
В. Г. Антонец[2]

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ РОССИИ В ПРОСТРАНСТВЕ БРИКС

Одним из трендов развития мировой финансовой системы являются глобальная экспансия финансовых технологий и цифровизация финансовых услуг. Финтех зародился в сфере рынков финансовых услуг. Однако сейчас его инструменты успешно применяются и в других сферах как финансовой системы, так и государственного управления. В то же время финтех чрезвычайно быстро трансформируется под влиянием изменений социальных потребностей, вследствие чего наблюдается неоднозначность понимания его сущности. За последние несколько лет финтех-индустрия быстро развивалась, меняя наше представление о финансовых услугах. В последние годы карта рынка финтех-инфраструктуры стала важным инструментом для понимания экосистемы финтеха и выявления потенциальных возможностей для инвестиций[3].

Финтех-услуги стали популярными в мире, превратившись в массовый тренд на всех изученных нами рынках. Развивающиеся страны задают тон: в Китае и Индии уровень проникновения составляет 87 %. Незначительно отстают Россия и ЮАР с показателем 82 %[4].

Россия занимает высокие места в различных рейтингах по уровню доступности, распространения и потребления финансовых услуг в основном благодаря массовому использованию онлайн-платежей и переводов денежных средств[5]. По прогнозам экспертов, в 2024 году индустрия финансовых технологий продолжит претерпевать кардинальные преобразования. Этот период отмечен новаторскими достижениями и ключевыми тенденциями и свидетельствует о значительных изменениях в финансах. Такие факторы, как генеративный искусственный интеллект и рост децентрализованных систем, формируют этот сдвиг, и финансовые услуги переходят к более персонализированным, эффективным и безопасным предложениям. Возможно, именно поэтому ожидается, что объем мирового рынка финтеха достигнет 882 млрд долларов при годовом темпе роста в 17 %. Однако отрасль сталкивается как с огромными возможностями, так и со значительными проблемами, включая соблюдение нормативных требований и необходимость устойчивого функционирования. Успех будет способствовать тем финансовым организациям, которые смогут справиться с этими сложностями[6].

Особую актуальность в вопросах развития инфраструктуры финтеха имеют тенденции взаимодействия в странах БРИКС. Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР повышают темпы интеграции в финансовом секторе и вырабатывают единый подход к развитию и регулированию финансовых технологий. В рамках такого сотрудничества разрабатываются направления по совершенствованию международной валютно-финансовой системы, которые будут сосредоточены на вопросах создания многосторонней платежной платформы BRICS Bridge, увеличения доли национальных валют, используемых во взаимных расчетах, и создания одинаково доступной и независимой финансовой инфраструктуры[7].

Создание технологической инфраструктуры администрирования финансовых технологий характеризуется векторами в соответствии с теорией стейкхолдеров:

1) специализированные команды/стейкхолдеры — обеспечение постоянной согласованности среди разных отделов / заинтересованных сторон;

2) проводники/администраторы услуги финансовых технологий, управление которыми осуществляется на публичном уровне для разработки и развития общих платформ, способствующих повышению эффективности системы администрирования финансовых технологий;

3) нормативы/стандарты финансовых технологий — для обеспечения соответствующего администрирования деловых моделей финансовых технологий, главным образом для краудфандинга, кредитования P2P, электронных денег;

---

[1] Профессор кафедры маркетинга и торгового дела Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор экономических наук. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Управление маркетинговой деятельностью банков: стратегические ориентиры», «Моделирование интернет-банковской системы на основе микросервисной архитектуры в управлении маркетинговой деятельностью банков», «Концепция развития маркетинга некоммерческих образовательных организаций», «Основные принципы организации банковского интегрированного маркетинга в условиях интеграции маркетинговых процессов в банковской сфере», «Основные направления трансформации сегментации на пути к индивидуальному маркетингу в системе управления маркетинговой деятельностью банков» и др. Награждена грамотой Министерства образования и науки ДНР.

[2] Доцент кафедры туризма Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, кандидат экономических наук. Автор около 20 научных публикаций, в т. ч.: «Концептуальные подходы к обоснованию сущности финансовых технологий», «Развитие бизнес-моделей участников рынка финтех-услуг в условиях цифровой трансформации», «Методологический подход к интегральной оценке уровня развития финансовых технологий», «Трансформация банковских систем в условиях развития финансовых технологий», «Управление банковской средой в условиях развития финансовых технологий» и др.

[3] *Артеменко Д. А., Зенченко С. В.* Цифровые технологии в финансовой сфере: эволюция и основные тренды развития в России и за рубежом // Финансы: теория и практика. 2021. № 25 (3). С. 90–101.

[4] Глобальные тенденции в области финтеха в 2022 году // Linklaters : [сайт]. URL: https://www.linklaters.com/en/insights/blogs/fintechlinks/2022/january/fintech-global-trends-2022 (дата обращения: 01.02.2024).

[5] См.: *Антонец В. Г.* Методологический подход к интегральной оценке уровня развития финансовых технологий // Торговля и рынок. 2022. № 4 (64). С. 331–342.

[6] *Бевз Р.* Будущее финансов: представляем 10 лучших финтех-инноваций 2024 года и последующих лет // Avenga : [сайт]. URL: https://www.avenga.com/magazine/fintech-industry-trends/ (дата обращения: 15.02.2024).

[7] *Bobylev S.* BRICS member states to consider creating common digital payment platform // ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.com/economy/1752657 (дата обращения: 01.02.2024).

4) нормативный песочный ящик финансовых технологий — для предоставления разрешения субъектам хозяйствования тестировать современные услуги, товары, бизнес-модели и схемы доставки в контролируемой среде, согласованной со стейкхолдерами[1].

Регулятивные «песочницы» нейтрализуют ограничения, касающиеся инновационных финансовых технологий. Они становятся платформой, созданной в процессе реализации системы публичного управления, для тестирования инновационных продуктов и финансовых услуг с большей гибкостью. Как следствие, «песочницы» являются одним из элементов технологической инфраструктуры финансово-технологических продуктов и должны способствовать:

— сокращению времени и затрат по внедрению на рынок инноваций;

— более широким возможностям финансирования путем нивелирования рисков принятия клиента и роста прибыли от инвестиций;

— сотрудничеству стейкхолдеров по обеспечению развития финансовых технологий и бизнес-моделей.

Часто система публичного управления финансовыми технологиями сопровождается применением ограничительных барьеров, таких как уровень инноваций, размер бизнеса, взносы в публичный сектор или целесообразность бизнес-модели.

Однако не все «песочницы» разработаны по следующим признакам. Ключевыми отличительными признаками «песочниц» являются уровень развития финансовых систем и границы общественного управления и восприятия рисков. Базовые предпосылки в этих процессах — реальная возможность формирования оптимальной инфраструктуры продуктов финансовых технологий.

Формирование инфраструктуры продуктов финансовых технологий в условиях реформирования финансовой системы стимулируется тремя основными факторами:

— усиление спроса, проявляющееся в возрастании необходимости имплементации финансовых технологий в повседневную общественную жизнь как для населения, так и для сферы бизнеса. Основные причины повышения спроса — то, что на сегодняшний день существуют финансовые технологии, которые облегчают доступность основных финансовых услуг для населения и сферы бизнеса, а также то, что финансовые технологии повышают скорость получения финансовых услуг[2]. Кроме того, финансовые технологии в их сегодняшнем проявлении способны улучшить условия жизни населения, а также открыть пути для конкурентного роста отечественной сферы бизнеса;

— уровень активности и влияния регулирующего органа, проявляемых в мероприятиях, проводимых публичными властями, в результате которых образуются единое национальное финансово-технологическое пространство и соответствующая инфраструктура. Основной причиной усиления регулятивной активности публичной власти становится активное развитие финансовых технологий, являющихся сильным инструментом повышения уровня прозрачности ведения бизнеса и общего состояния экономики страны[3]. В дополнение к этому именно финансовые технологии и существование их мощной инфраструктуры выступают обязательным условием реформирования и развития финансовой системы страны;

— динамичность предложений, заключающаяся в высоком уровне чувствительности предприятий, специализирующихся на создании финансовых технологий к растущему спросу. Причиной повышения динамичности предложений является растущая тенденция к цифровизации всех сфер общественной жизни и сферы ведения предпринимательской деятельности, что существенно меняет запросы и потребности отдельного предприятия в финансовых технологиях, которые в значительной степени облегчили бы им процесс ведения бизнеса.

Таким образом, рынок финансовых технологий характеризуется быстрым развитием и высоким уровнем конкуренции, в результате чего представители компаний, специализирующихся на разработке финансовых технологий, становятся чувствительными не только к текущим особенностям спроса, но и к поведению конкурентных компаний на рынке[4]. Еще одной причиной существенного влияния этого фактора можно считать то, что рынок финансовых технологий имеет реальную возможность заимствовать и адаптировать зарубежный опыт развития инфраструктуры финансовых технологий в пространстве БРИКС в условиях реформирования финансовой системы, в результате чего динамичность предложений на этом рынке существенно выше аналогичного показателя в других отраслях России.

[1] *Иконников А. С., Старовойтова У. А.* Анализ цифровизации и применения искусственного интеллекта в финансовых технологиях // Современные проблемы совершенствования работы железнодорожного транспорта : сб. науч. тр. М., 2023. С. 105–111.

[2] *Иконников А. С., Старовойтова У. А.* Указ. соч.

[3] Там же.

[4] Там же.

Л. А. Миэринь[1]

МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУР В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ КАК ОСНОВАНИЕ ПРОГРЕССА

Бурно развивающиеся в последнее время трансформационные процессы в мировой хозяйственной системе дают пищу для размышлений и ставят перед политэкономами множество острых вопросов.

Очевидно, что трансформационный переход к новому миропорядку не будет быстрым. Для формирования стратегических параметров развития в ситуации очень высокой степени неопределенности, «хрупкости» среды и размытости ценностных ориентиров общества необходимо понять:

— что остается неизменным при переходе к новому миропорядку;

— какие институты и инструменты можно использовать для построения того общества, в котором мы хотим жить;

— что мы закладываем в качестве ценностных ориентиров будущего развития;

— что является основанием для дальнейшего прогресса?

Для ответа на эти вопросы экономистам необходимо задействовать весь багаж накопленных знаний в вопросах общественного прогресса, так как именно междисциплинарный подход позволяет приблизиться к пониманию происходящего и трансформировать восприятие настоящего с позиций только экономического развития. Осознание роли такого подхода и акцент на неэкономических факторах дальнейшего развития человечества в целом и национальных хозяйств в частности демонстрируют рост объема публикаций, касающихся вопросов культуры[2]. По мнению профессора А. Аузана, проблема прогрессивного развития национальных экономик вновь «упирается» в фактор культуры, так что требуется не просто рассматривать взаимовлияние в паре «экономический рост — институты», а анализировать тройственное взаимодействие экономического роста, культуры и институтов[3].

Существует множество определений культуры, которые раскрывают данный феномен с разных сторон[4]. А. Аузан пишет, что экономисты в большинстве своем под культурой понимают «ценности и поведенческие установки, разделяемые большой группой людей и медленно меняющиеся во времени, — неформальные институты»[5]. Мы полностью разделяем эту точку зрения, но, по нашему мнению, следует также добавить, что культура включает не только ценности и установки, но и механизм наследования системных ценностей, который присутствует в хозяйстве у субъекта любого уровня, от отдельного человека до общества в целом[6]. Это важно, на наш взгляд, так как трансформация хозяйства может определяться тем, нарушен или нет механизм передачи ценностей. Именно этот процесс, то есть слом или, наоборот, укрепление определенных институтов культуры, и приводит к экономическим сдвигам. Как, например, известный феномен экономического подъема в странах, где исповедуют протестантизм, в основе которого лежит признание ценности труда.

Если рассматривать культуру в широком смысле, то в ее составе можно выделить четыре структурных элемента, которые формируются и развиваются вместе с развитием хозяйства.

С позиций структурного подхода хозяйство предстает как социо-эколого-экономическая система, состоящая из природной, социальной и экономической сфер жизнедеятельности хозяйствующих субъектов с присущими каждой из них отношениями, а также отношениями, возникающими на стыке этих сфер (см. рис.).

Рассмотрим, где именно формируются элементы культуры как системы.

Первый элемент возникает на стыке природной и социальной среды — в рамках природно-социальных отношений, когда человек взаимодействует с природой напрямую, безотносительно уровня развития экономики, когда он выстраивает свои отношения с природой в соответствии с уровнем развития своего сознания. В настоящее время это проявляется в широко распространенном в мире движении сторонников здорового образа жизни: занятиях спортом, активном отдыхе, экологичном поведении, правильном здоровом питании и т. д. В настоящее время ценность долгой и здоровой жизни ни у кого не вызывает сомнений. В первом приближении этот элемент можно назвать *культурой здоровья*.

Данный элемент испытывает влияние, прежде всего, цивилизационных завоеваний науки, тех семантиче-

[1] Профессор специализированной кафедры ПАО «Газпром» Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 195 научных публикаций, в т. ч.: «Методология обеспечения безопасности хозяйствующих субъектов в условиях нестабильной среды»; статей в научных журналах: «Ростки новых социальных конструктов постиндустриализма: институционализация и риски», «Проблемы развития регионов России: инвестиционный климат и институциональные условия», «Трансформационные процессы мирового и национального развития: взгляд современной политэкономии» и др.

[2] *Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р.* Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности / пер. с англ. Н. В. Автономовой ; науч. ред. В. С. Автономов. М. ; СПб. : Ин-т Гайдара : Междунар. отношения : Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2016 ; Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу : антол. / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М. : Моск. школа полит. исследований, 2002 ; *Тросби Д.* Экономика и культура. М. : ВШЭ, 2013.

[3] *Аузан А. А.* Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М. : АСТ, 2023. С. 20.

[4] *Бирюкова Е. А.* О значении понятия «культура». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-znachenii-ponyatiya-kultura/viewer (дата обращения: 27.04.2023) ; *Межуев В. М.* Идея культуры. Очерки по философии культуры. М. : Прогресс Традиция, 2006 ; *Злобин Н. С.* Культура и общественный прогресс. М. : Наука, 1980.

[5] *Аузан А. А.* Указ. соч. С. 14.

[6] Культурная политика России как фактор национальной безопасности // Управление социокультурной деятельностью: традиции и новации : кол. моногр. / под общ. ред. П. М. Лукичева, Т. П. Николаевой. СПб. : Русский остров, 2016. С. 14.

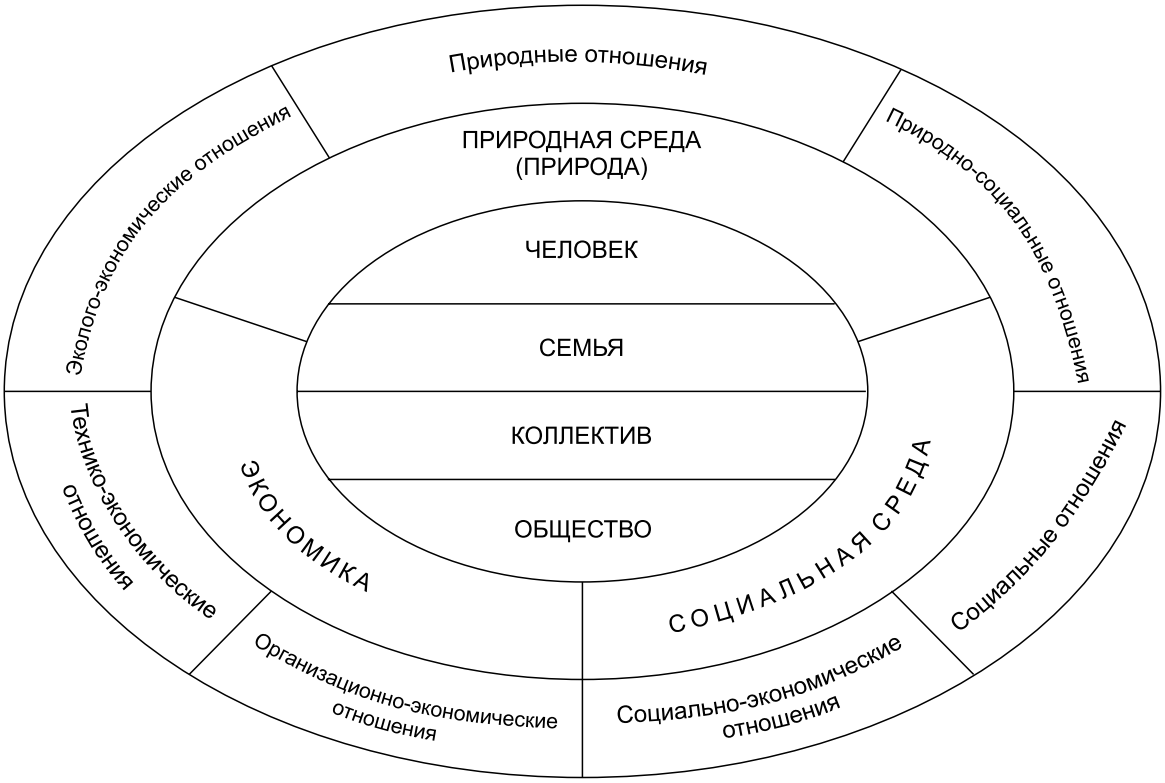


Рис. Структура социо-эколого-экономической системы и присущие ей отношения

ских полей, которые определяются общими представлениями о здоровье и не имеют национальной окраски.

Второй элемент формируется внутри общества и представляет *культуру в традиционном понимании* слова как множество традиций, обычаев, материальных и духовных ценностей, которые рождаются в процессе взаимодействия людей между собой (реализации социальных отношений) и образуют систему, включающую культуру быта и потребления, семейную, религиозную, художественную, политическую, правовую и другие составляющие любой национальной культуры.

Этот элемент оказывает существенное влияние на всю систему культуры, так как занимает доминирующее положение в ней. Именно он составляет тот базис, который, задавая основные параметры прогрессивного развития, определяет устойчивость развития национальных хозяйственных систем.

Третий элемент представлен группой ценностей и поведенческих установок, которые возникают в экономической среде в рамках процессов производства, распределения и обмена, получивших название *экономической культуры*, или культуры производства.

Четвертый элемент возникает на стыке экономики и природы в рамках эколого-экономических отношений. Его можно обозначить как *экологическую культуру*, то есть как культуру ценностей, вырастающих из взаимодействия общества и природы в условиях развитой хозяйственной деятельности человека.

Очевидно, что культура как система, включающая эти элементы, представленные в разных объемах и проявлениях у субъектов разных уровней, предстает достаточно сложным явлением. Между тем именно она выступает тем фактором, который во многом определяет специфику экономического развития современных национальных хозяйств, в которых природа, экономика и общество воспринимаются как части единого целого. Построение многополярного экономического мира, на наш взгляд, будет способствовать дальнейшему формированию единых ценностных оснований развития системы культуры у разных стран, выработке единого понимания целей развития человечества, что уже постепенно проявляется в виде мегатрендов развития мирового хозяйства: энергетического перехода, экологизации сознания, развития экосистем, роста креативности экономик и пр.

Через исследование влияния культуры на экономику можно проложить путь к формированию той области знания о хозяйстве, где объединяются взгляды сторонников системного, структурного, ресурсного, воспроизводственного, институционального, диалектического, культурологического и других теоретических подходов.

На наш взгляд, происходящие в современном мире процессы определяются тем, какой из факторов оказывается доминирующим в связке «политика–экономика», а будущее создается в триаде «политика–экономика–культура». Многообразие культур современно-

го мира, безусловно, выступает прогрессивным фактором. Отрадно, что попытки нивелирования культурных различий населения мира прессом глобализации не увенчались успехом, так как это путь не к взаимообогащению, а к обеднению мировой культуры. Можно говорить о том, что сохраняющиеся противоречия национальных культур могут быть использованы и используются политиками в целях разжигания межнациональных конфликтов, но по мере роста общественного самосознания эти явления будут во все большей степени служить позитивным двигателем общественного прогресса за счет поиска вариантов гармоничного сосуществования.

На наш взгляд, именно мультикультурализм выступает в качестве основания прогресса в многополярном мире.

Т. В. Никитина[1],
А. Д. Лучко[2]

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

2022 год продемонстрировал всему миру, что онлайн-пространство тоже может склоняться в сторону однополярности, как и мир офлайн. Россия, оказавшись под санкционным давлением, выступила наглядным примером того, что любая страна в один миг может оказаться дискриминируемой в цифровом пространстве. Особую актуальность для многих стран, не желающих мириться с однополярным устройством мира, приобрела задача защиты национальных интересов в онлайн-пространстве и сохранения цифровой независимости.

В 2024 году Россия приняла эстафету председательства в БРИКС, сделав акцент на совершенствовании международного сотрудничества стран БРИКС по направлениям цифрового суверенитета и информационной безопасности. Предполагается координация цифрового пространства странами БРИКС, в основе которой будет лежать признание суверенитета каждой страны, а также невмешательство во внутренние дела государств в онлайн-пространстве, в первую очередь в области контроля его информационной составляющей.

Цифровое сотрудничество стран БРИКС — одно из главных направлений международного сотрудничества государств-членов. В настоящее время вопрос цифрового взаимодействия в БРИКС приобретает все большую значимость, прежде всего в сфере обеспечения безопасности в цифровом пространстве, а также в сфере инфраструктурного сотрудничества между государствами-членами.

В связи с растущей значимостью кооперации стран в сфере цифрового сотрудничества и цифровизации различных сфер, в том числе экономики страны, рассмотрим основные направления развития в сфере цифровизации российского финансового рынка. В настоящее время наблюдается ускорение цифровизации российских организаций. Руководство компаний внимательно следит за курсом развития финансовых технологий для обеспечения конкурентных преимуществ. За последние несколько лет цифровые технологии стали более востребованными, это связано, в первую очередь, с удешевлением технологий, а также с ростом доступности цифровой трансформации.

Роль Интернета в жизни населения растет высокими темпами, что способствует развитию цифровых технологий в организациях для привлечения клиентов, а также укрепления конкурентоспособности на рынке.

Рассмотрим подробнее цифровые сервисы, инструменты и технологии, раскроем сущность каждого и выявим место их реализации.

Цифровая технология блокчейн содержит всю информацию о прошедших операциях. Отличительной особенностью по сравнению с другими базами данных является невозможность удаления какой-либо информации (имеется только возможность добавления новой). Главное преимущество блокчейна — надежное хранение данных. Основными причинами использования блокчейна в деятельности организации являются экономия и оптимизация. Согласно результатам исследования консалтинговой компании Accenture применение блокчейна может способствовать сокращению банковских расходов на 30 %. В финансовой сфере блокчейн-технология может быть применена в предоставлении банковских услуг, проведении платежей, заключении договоров, привлечении клиентов, получе-

---

[1] Профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Международного центра научных исследований актуальных проблем финансовых рынков и Российско-немецкого центра СПбГЭУ, доктор экономических наук. Автор более 110 научных публикаций, в т. ч.: «Проведение цифровизации в розничном банковском бизнесе (на примере практики Сбербанка)», «Трансформация банковских стратегий в соответствии с методологией Agile в условиях глобальной неустойчивой среды», «Особенности и перспективы развития рынка услуг бюро кредитных историй в Российской Федерации», «Финансовая грамотность и ее детерминанты», «Финансовая грамотность в эпоху цифровизации: новые возможности и вызовы» и др.

[2] Сотрудник Международного центра научных исследований актуальных проблем финансовых рынков Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Автор 12 научных публикаций, в т. ч.: «Экономические последствия пандемии для стран G7 — Влияние пандемии на развитие финансового рынка: российский и международный опыт»; статей в научных журналах: «Проведение цифровизации в розничном банковском бизнесе (на примере практики Сбербанка)», «„Идеальный шторм“ на мировом рынке алмазов в период пандемии COVID-19», «Трансформация банковского регулирования в условиях цифровизации», «Современные информационные технологии как фактор повышения эффективности банковских услуг» и др.

нии информации для исключения недобросовестных участников финансового рынка.

Кибербезопасность представляет собой набор способов для предотвращения атак сетей в цифровом поле. В настоящее время блокчейн представляет собой наиболее актуальную цифровую технологию, позволяющую поддерживать кибербезопасность.

Следующий инструмент, подлежащий рассмотрению, — это криптовалюта (или цифровая валюта).

Криптовалюта — это денежные средства, которые существуют исключительно в электронном виде. Особенностью, отличающей криптовалюту от виртуальных денег, является то, что ей не присущи свойства стандартных денег. Тем не менее криптовалюту можно использовать для приобретения товаров, несмотря на то что банк не участвует в криптовалютных транзакциях.

Обработка криптовалюты происходит в публичном распределенном реестре (блокчейн). Получение криптовалюты возможно благодаря майнингу или покупке у брокеров. Криптовалюте присущи такие свойства ценных бумаг, как рост и падение, благодаря чему она часто выступает в качестве инвестиции. Хранение криптовалюты происходит в специальном кошельке (криптографическом).

В настоящее время использование криптовалюты в качестве средства платежа в России запрещено на законодательном уровне, поэтому она выступает в нашей стране исключительно в качестве инвестиций. Криптовалюта в России признана имуществом. Более того, доход, полученный от операций с криптовалютой, облагается налогом.

В ближайшем будущем на финансовый рынок выйдет новый цифровой инструмент — цифровая валюта, или цифровой рубль. Новый инструмент представляет собой российский рубль в цифровом виде, который предполагается применять в дополнение к безналичным и наличным денежным средствам. Предполагается, что ценность и эквивалент наличного, безналичного и цифрового рубля будут одинаковыми.

Следующий вид цифровых технологий, заслуживающий внимания, — это биометрические технологии, то есть технологии, позволяющие собирать и обрабатывать личную информацию о физическом лице для идентификации конкретного человека. Наиболее часто встречается сбор такой информации, как голос, отпечаток пальца, фотография лица.

В настоящее время сбор биометрических данных широко используется на финансовом рынке для осуществления переводов, проведения платежей, выдачи кредитов, получения доступа к ячейке в банке, открытия банковского вклада. Биометрические данные обеспечивают бóльшую надежность в защите персональных данных от мошеннических атак, тем не менее данная цифровая технология не получила пока полного доверия у населения в связи с недостаточностью понимания цифровой технологии и ее новизной.

Еще одна технология, о которой надо сказать, — краудфандинг, то есть определенные инструменты для осуществления финансирования различных проектов с возвратом денежных средств. Краудфандинг имеет большое значение для финансовой сферы, так как способствует росту инноваций за счет направления потока инвестиций в проекты с большим уровнем риска.

Рассмотрим также различные цифровые сервисы, использующие API (Application Programming Interface), то есть различные функции для появления приложений на рынке, способствующие взаимодействию различных программ. Благодаря им создатели различных сервисов и продуктов расширяют функционал и взаимодействие продуктов и сервисов.

Одним из самых популярных цифровых сервисов является мобильный банкинг (приложение банка, устанавливаемое на телефон), благодаря которому можно проводить различные финансовые операции, а также осуществлять контроль за своим счетом в банке, используя лишь мобильный телефон. В настоящее время наличие приложения банка или другого способа для проведения транзакций с использованием только телефона является одним из главных конкурентных преимуществ для банка. Это обусловлено желанием клиентов совершать платежи дистанционно, не посещая офис банка. Основными положительными сторонами мобильного банкинга являются широкий спектр предоставляемых услуг, возможность осуществления различных операций без комиссии, а также уменьшение временны́х затрат за счет отсутствия необходимости посещения банковского офиса.

Далее упомянем один из видов финансовой деятельности — электронную коммерцию, встречающуюся в онлайн-продаже товаров и услуг, рекламных кампаниях и т. д. Данный вид деятельности предусматривает продажу товаров через Интернет, бронирование жилья в Глобальной сети, продвижение в Сети и пр. Для поддержания работы электронной коммерции необходимо взаимодействие хранилища информации и серверов.

Рассмотрим цифровую технологию, которая в настоящее время получила широкое распространение в финансовой сфере, — искусственный интеллект. Данная технология представляет собой некое подобие человеческого разума и способна распознавать язык, решать поставленные задачи, обучаться, строить логические взаимосвязи.

Искусственный интеллект наделен рядом конкурентных преимуществ: уменьшение риска ошибки из-за человеческого фактора, сокращение рисков, возможность доступа 24/7, высокая скорость решения проблем.

В настоящее время искусственный интеллект не представлен как отдельный вид человеческого разума, несмотря на многочисленные попытки ученых, которые проанализировали огромный набор задач и функций, доступных искусственному интеллекту и способных быть полезными для различных компаний во многих секторах экономики.

И, наконец, — big data (большие данные), то есть технология обработки огромного объема информации из различных каналов в любых интерпретациях. Данная цифровая технология позволяет финансовым орга-

низациям создавать уникальные предложения, рационализировать ресурсы и создавать новую стратегию в цифровом мире. Анализ данных нацелен на прогнозирование вектора развития стратегически важных решений, что помогает снизить затраты компании.

Изучение самых востребованных цифровых технологий в финансовой сфере выявило взаимосвязь между ними. Цифровые технологии дополняют друг друга, порой увеличивая безопасность каждой и взаимосовершенствуя. Для ускорения цифровой трансформации в финансовой сфере огромную роль играют инвестиции в цифровые сервисы и технологии. Каждый элемент цифрового мира представляет собой важную составляющую будущего цифрового прогресса.

Цифровая трансформация финансового сектора будет способствовать созданию конкурентоспособности как на внутреннем, так и на международном рынке, так как страны с развитой экономикой уделяют внимание цифровой трансформации в экономике и расширяют финансовые возможности в других странах.

Развитие цифровых технологий в финансовой сфере требует создания необходимой правовой базы, которая обеспечит регулирование и контроль над цифровизацией в экономической отрасли.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о долгосрочном характере процесса цифровизации. Главной проблемой в настоящее время выступает понимание сути цифровизации, однако с ней можно справиться путем повышения финансовой грамотности населения.

В настоящее время многие уже предпочитают дистанционный формат работы и финансовые услуги в цифровом формате, что демонстрируют высокие темпы роста цифровизации в финансовой сфере.

Современный мир нуждается в сотрудничестве между странами для создания многополярного мира. Страновая кооперация позволит обучать и подготавливать специалистов IT-сферы как в России, так и в дружественных странах для создания единого цифрового пространства.

Литература

Бахтизин, А. Р. Геэкономическая фрагментация в условиях развития цифровизации: формирование новых контуров макроэкономической системы мира и устойчивость России в условиях санкционных атак / А. Р. Бахтизин // Исследования в цифровой экономике. — 2023. — № 4. — С. 6–47.

Башкирова, О. В. Цифровой профиль гражданина: мировая практика создания и применения / О. В. Башкирова, О. И. Долганова, Б. Б. Славин // Цифровые технологии и наши возможности. — 2023. — № 2. — С. 134–144.

Цифровая экономика 2023: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский [и др.]. — Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. — 121 с.

Цифровая экономика 2024: краткий статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский [и др.]. — Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. — 124 с.

Чернов, Ф. Цифровая трансформация: 3 основных тренда 2024 года / Ф. Чернов // Global CIO : [сайт]. — URL: https://globalcio.ru/discussion/37668/ (дата обращения: 17.07.2024).

Н. Н. Никулин[1]

МНОГОПОЛЯРНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Глобальная экономика, которая в конце XX — начале XXI века формировалась на основе ускоряющегося процесса интернационализации капитала, предполагала единые правила ее функционирования, основы которых были заложены еще Бреттон-Вудским соглашением 1944 года, дополнены соглашениями ГАТТ, ВТО, а также принципами Вашингтонского консенсуса. Свободное перемещение факторов производства и результатов их использования в рамках мирового рынка, ограничение вмешательства государственных структур в экономические процессы как на национальном, так и на наднациональном уровне, должны способствовать более эффективному использованию ограниченных экономических ресурсов. Одновременно устанавливались нормы и принципы «правильного» национально-государственного устройства для страны.

В то же время в этот период стали формироваться различные региональные экономические структуры (ЕЭС, ЕАСТ, АСЕАН, НАФТА, МЕРКОСУР и т. д.), в рамках которых создавались более благоприятные условия для функционирования национальных капиталов. Кроме того, заключались различные двусторонние торгово-экономические соглашения для улучшения условий экспортно-импортных взаимоотношений.

В этих условиях стали говорить не о глобализации мировой экономики, а о ее регионализации, сочетании всеобщих норм, правил и принципов с особыми условиями для отдельных государств, которые входили в то или иное региональное объединение.

[1] Профессор кафедры экономики и менеджмента Академии труда и социальных отношений, доктор экономических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Россия и СНГ в мировой экономике»; статей в научных журналах: «Национально-государственные экономические интересы и национальное хозяйство в условиях глобализации мировой экономики», «Возможности и условия развития высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности России», «Накопление капитала как фактор интеграции ЕАЭС в условиях экономической глобализации», «Гностические основания процесса экономической глобализации», «Импортозамещение и „сырьевая колея“ развития экономики России в период глобальных перемен», «Взаимосвязь процессов экономической глобализации и экономической регионализации в рамках ЕАЭС» (на англ. яз.), «Производительность труда в металлургической промышленности Российской Федерации и США в 2010–2018 гг.» (на англ. яз.) и др.

Англо-американский социолог Рональд Робертсон для характеристики такого сочетания предложил использовать термин «глокализация», соединяющий понятия «глобализация» и «локализация»[1]. По его мнению, глобализация — это не только усиление концентрации и централизации, но и процесс децентрализации. Глобализация всегда связана с локализацией.

Однако, по нашему мнению, важно другое: экономическая регионализация, являясь выражением процесса глобализации, становится формой защиты для национально-государственных капиталов, имеющих специфические общие интересы, от неблагоприятных последствий процесса глобализации. Одновременно она также служит целям создания более крупного экономического пространства и защиты его от действия внешних сил в рамках глобальной конкуренции. При этом важно отметить, что регионализм не устраняет глобального характера конкуренции и международного процесса согласований, а формирует особый этап глобальных согласований — на уровне отдельных региональных экономических блоков.

Следует отметить, что окончание XX века совпало с распадом Советского Союза и формированием однополярного мира. Вопросы геополитики отошли на второй план, и, как отмечал Фрэнсис Фукуяма, наступил «конец истории». В борьбе социальных идей победил капитализм, и весь мир должен это принять и дальше следовать в фарватере наиболее развитых в этом аспекте стран Запада во главе с США.

В то же время происходило ускоренное развитие научно-технического прогресса, процессов цифровизации и роботизации, шло формирование нового технологического уклада.

В условиях глобальной конкуренции, значительной открытости мирового рынка, быстроты внедрения мировых достижений в науке и технике в производственные процессы, наличия тех или иных преимуществ у отдельных стран (дешевая и исполнительная рабочая сила, значительные природные ресурсы) стало меняться соотношение экономических потенциалов между странами и регионами. Так, если за период 2000–2022 годов ВВП по ППС увеличился в США с 10,3 трлн до 25,4 трлн долларов (в 2,48 раза), в Германии с 2,24 трлн до 5,32 трлн (в 2,38 раза), в Японии с 3,46 трлн до 5,7 трлн (всего в 1,65 раза), в ЕС с 9,48 трлн до 24,4 трлн (в 2,58 раза), в странах G7 в целом с 21,5 до 41,3 трлн долларов (в 2,29 раза), то в развивающихся странах темпы роста ВВП были значительно выше. В КНР ВВП увеличился за эти годы с 3,68 трлн до 30,3 трлн долларов (в 8,24 раза), в Индии с 2,2 трлн до 11,9 трлн (в 5,38 раза), в России с 1,0 до 5,3 трлн (в 5,3 раза), во Вьетнаме с 201,7 млрд до 1,32 трлн (в 6,55 раза), в Турции с 609,1 млрд до 3,18 трлн (в 5,22 раза), в Эфиопии с 31,9 млрд до 347 млрд долларов (в 10,86 раза). Выше, чем в ЕС и G7, прирост был в Нигерии, Пакистане, Индонезии, Малайзии. Хотя следует отметить, что, например, в Мексике и Бразилии прирост был на уровне стран Запада (соответственно в 2,47 и 2,43 раза)[2].

Внешняя торговля товарами в развивающихся странах росла хотя не столь быстро, как ВВП, но все равно более высокими темпами, чем в развитых странах Запада. Так, за период 2010–2022 годов среднегодовые темпы прироста экспорта США составили 1,9 %, импорта — 3,5 %; ЕС — соответственно 1,8 и 1,8 %; Великобритании — 1,3 и 2,2 %; Японии — 1,2 и 1,5 %. В то же время в Китае эти показатели — 4,9 и 3,9 %; в Индии — 4,0 и 3,6 %; в Азии в целом — 4,0 и 3,7 %[3].

Эти данные свидетельствуют о том, что за рассмотренный период произошло значительное увеличение веса развивающихся стран в мире. Быстрый рост экономик Азии и стран Глобального Юга привел к важным сдвигам не только в мировой экономике, но и в мировом порядке в целом. Происходит постепенное формирование многополярного мира и многополярной глобальной экономики. Как отмечает известный исследователь процессов в глобальной экономике Ян Недервен Питерс, подъем Китая и других развивающихся стран привел к новой географии торговли, экономическим и политическим комбинациям, финансовым игрокам, инвесторам и донорам, что в значительной мере ослабило американскую гегемонию и повышает роль организации БРИКС[4]. Как заявил в октябре 2023 года В. В. Путин, «мировая экономика переходит к многополярной модели, в которой действуют несколько центров роста»[5].

Многополярная глобальная экономика — это продолжение того процесса, который Роланд Робертсон называл экономической глокализацией, но с одним существенным изменением: отсутствием подчиненности между национально-государственными экономическими субъектами, что позволяет отдельным государствам в силу определенных исторически сложившихся условий использовать свое положение с целью перераспределения мировой добавленной стоимости в свою пользу. Именно такая ре-глобализация мировой экономики позволит решить многие проблемы, связанные с экономическим неравенством в мире[6].

Усиление геополитических противоречий в мире предполагает необходимость выработки новых договоренностей и институциональных структур, способных обеспечить функционирование многополярной глобальной экономики. Так, бывший управляющий Банком Англии Марк Карни, выступая в августе 2019 года

[1] См.: *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. SAGE, 1992. URL: https://books.google.ru/books?id=gmCJCwAAQBAJ (дата обращения: 17.02.2024).

[2] См.: World Development Indicators. URL: https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators# (дата обращения: 20.02.2024).

[3] См.: World Trade Statistical Review 2023. URL: https://intosairussia.org/images/reports/WTO__Stat_trade_review_wtsr_2023_e.pdf?ysclid=ltajw0hoco406048666 (дата обращения: 20.02.2024).

[4] См.: *Nederveen Pieterse J.* Multipolar Globalization: Emerging Economies and Development. 2018. URL: https://escholarship.org/content/qt2dr6q014/qt2dr6q014_noSplash_8d615cddb4b89d4b3362f9cd2603c919.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

[5] Российская энергетическая неделя — 2023. URL: https://rutube.ru/video/8770428abc8222c0b63e18a048a59442/?ysclid=lt1zueerge776339155 (дата обращения: 10.02.2024).

[6] См.: World Trade Report 2023 — Re-globalization for a secure, inclusive and sustainable future. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr23_e.htm (дата обращения: 15.02.2024).

на ежегодной конференции и говоря о необходимости формирования новой международной денежно-валютной системы, отметил, что любая однополярная валютная система не подходит для многополярного мира, речь не должна идти о замене одного валютного гегемона другим (например, доллара юанем), и что современные технологии позволяют создать многополярную международную платежную систему[1].

Действительно, в XXI веке человечество и национальные государства вновь столкнулись с проблемами обеспечения не только экономической, но и политической, культурной и военной безопасности. В этих условиях формирование многополярной глобальной экономической системы позволит объединить мир для решения стоящих перед ним проблем. Необходимо создать международную экономическую систему сотрудничества в условиях нарастания геополитических противоречий и нового цивилизационного раскола, расширяя использование демократических принципов разрешения возникающих противоречий во всех сферах международных социальных отношений[2].

Пока же все более широкое распространение получают взаимосвязи, основанные на уменьшении рисков, связанных с удлинением производственно-сбытовых цепочек между экономическими субъектами (near-shoring), а также укрепление связей с дружественными партнерами (friend-shoring)[3]. Выступая на Всемирном конгрессе Международной экономической ассоциации в декабре 2023 года, заместитель директора-распорядителя МВФ Гита Гопинатх разделила все страны на три группы: США и Европа, Китай и Россия, страны, не присоединившиеся к этим двум блокам. Экономические отношения все больше начинают замыкаться внутри этих групп[4].

В. В. Павлова[5]

СОВРЕМЕННЫЙ РЫНОК ТРУДА РОССИИ: НОВЫЕ ТРЕНДЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Рынок как таковой — это социальный институт, который способствует обмену разных видов товаров и услуг. Рынок труда представляет собой систему общественных отношений между присутствующими на рынке работодателями, работниками и государством, отражающих и достигнутых между ними на данный период баланса интересов, обеспечивающих воспроизводство, обмен и использование живого труда. Рынок имеет специфическую внутреннюю структуру, основными элементами которой являются: спрос на труд; предложение труда; стоимость рабочей силы; конкуренция.

Переход к рыночной экономике привел к тому, что для большей части трудоспособного населения работа стала зависеть от соотношения спроса и предложения на рынке труда, а также от экономической конъюнктуры. На рынке труда осуществляется продажа наемным работником своей рабочей силы работодателю.

В «современных социально-экономических и сложившихся геополитических условиях перед Россией в полный рост встали проблемные вопросы развития отечественного рынка труда»[6].

Сегодня рынок труда переживает драматические изменения, связанные с такими глобальными факторами, как смена технологического уклада, цифровизация экономики, демографические изменения. На рынке труда происходит адаптация к социальным условиям, например последствиям эпидемии коронавируса, создаются новые форматы трудовых взаимоотношений, например самозанятость, формируются требования и вопросы к работодателям и соискателям.

С момента принятия первого российского закона о занятости (1991) прошло более 30 лет.

За этот период на рынке труда произошли следующие сдвиги:

— сократилось число занятых (в абсолютном выражении);

— изменилась структура занятости;

— возросла напряженность на рынке труда, доля скрытой (теневой) безработицы остается высокой;

— существенно выросла дифференциация населения по уровню доходов и оплате труда;

[1] См.: *Carney M.* The Growing Challenges for Monetary Policy in the current International Monetary and Financial System. URL: https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/speech/2019/the-growing-challenges-for-monetary-policy-speech-by-mark-carney.pdf (дата обращения: 08.07.2024).

[2] См.: *Tucker P.* Global Discord. Values and Power in a Fractured World Order. Princeton Univ. Press, 2022. URL: https://www.google.ru/books/edition/_/yn5vEAAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 08.07.2024).

[3] См.: Charting Strategies for a Multipolar World (2023). URL: https://www.morganstanley.com/ideas/multipolar-world-global-strategy (дата обращения: 19.02.2024).

[4] См.: *Gopinath G.* Cold War II? Preserving Economic Cooperation Amid Geoeconomic Fragmentation. URL: https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/12/11/sp121123-cold-war-ii-preserving-economic-cooperation-amid-geoeconomic-fragmentation (дата обращения: 10.02.2024).

[5] Ведущий научный сотрудник Научной школы «Теория и технологии менеджмента» Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доцент кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий, кандидат экономических наук, доцент, Заслуженный работник науки и образования Российской академии естествознания. Автор более 73 научных публикаций, в т. ч.: «Неустойчивая занятость: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения», «Средние классы в капиталистической России»; учебников и учебных пособий: «Управление человеческими ресурсами организации», «Кадровая политика и кадровое планирование», «Управление человеческими ресурсами (УЧР): глоссарий», «Методология отечественного управления»; статей в научных журналах: «Безусловный базовый доход — готов ли российский рынок труда его воспринять?» и др. Награждена благодарностью Министерства образования и науки РФ.

[6] *Павлова В. В.* Роль платформенной занятости в условиях санкций // Инновационные доминанты социально-трудовой сферы: экономика и управление : материалы Ежегод. междунар. науч.-практ. конф. по проблемам социально-трудовых отношений (22-е заседание). Воронеж, 2022. С. 223–226.

— возникли новые формы и виды занятости;

— увеличился спрос на квалифицированную рабочую силу и работников умственного труда;

— ускорился процесс появления новых профессий.

Четвертая промышленная революция[1] меняет не только экономику в целом и рынок труда в частности, но и все общество. Стало очевидно, что будущее за теми, кто сумеет, сохраняя прежние, развить новые уникальные умения и навыки, доступные только человеку, и научится эффективно взаимодействовать с цифровыми и другими быстро меняющимися технологиями.

В России аномально низкий уровень безработицы, достигший, по данным Росстата, 3,1 % в июне, 3 % в июле и 2,9 % в октябре 2023 года, оказался минимальным за всю историю наблюдений (начиная с 1991 г.). Нормальным уровнем безработицы считается уровень в 5 %. Понятно, что процесс трудоустройства занимает некоторое время, и в показателе уровня безработицы учтены те, кто меняет работу или впервые выходит на рынок труда. Сохранение этого уровня — одно из основных условий поддержания социальной стабильности и предотвращения потрясений.

Необходимо отметить весьма важное обстоятельство: складывающиеся на рынке труда тенденции указывают на то, что будущее безработицы малопредсказуемо в силу ряда причин:

— проводимой бюджетной и денежной политики по поддержанию и стимулированию занятости, особенно в ряде секторов экономики;

— организации мобилизационной кампании в ВС в связи с проведением СВО и роста выпуска продукции в ВПК;

— не до конца использованного потенциала роста занятости;

— ослабления рубля, создающего определенные ограничения для повышения занятости, особенно в части привлечения трудовых мигрантов.

Важнейшими трендами 2023 года часто называют изменение структуры спроса на рабочую силу: работодатели пытаются найти дефицитных работников, предлагая им довольно высокие зарплаты.

Как следует из данных кадровых агентств, с одной стороны, растет спрос на труд, с другой — дефицит его предложения. Многие организации адаптировались к ситуации и начали принимать новых работников. Для преодоления нехватки кадров работодатели (организации) стали нанимать больше женщин и работников старших возрастов (предпенсионного и пенсионного), растет спрос на временный персонал, особенно в сфере недвижимости, строительстве, производстве массовых товаров и оказания услуг.

С 2020 года работники все больше ценят гибкий график работы и близость офиса к месту проживания, а также работу в дистанционном режиме.

«Анализ рынка труда, проведенный hh.ru, показал, что разрыв между числом активных вакансий и количеством резюме кандидатов с рабочими специальностями составляет почти 7 процентных пунктов (20,1 и 13,3 % соответственно)»[2]. Кроме рабочих, реальному сектору экономики остро недостает нужных ему молодых специалистов.

По мнению ряда экспертов, спрос и предложение постепенно достигнут сбалансированности в течение 2025–2026 годов.

Дефицит кадров, который носит как количественный, так и качественный характер, становится тормозом для развития экономики. На поверхности мы видим: безработица на минимуме, но найти нужных работников весьма сложно. Ситуация с кадрами стала главной проблемой экономики. По итогам первого квартала 2023 года нехватка работников, как следует из опроса ЦБ, достигла рекордного уровня с момента начала наблюдения (1998)[3]. Э. Набиуллина, опираясь на результаты опроса, отметила, что основным фактором роста экономики стала нехватка кадров.

Есть ли в стране потенциал для решения проблемы нехватки рабочей силы (кадрового голода)? По данным Росстата, в России сохраняются резервы свободной рабочей силы — молодежи в возрасте до 25 лет, среди которой уровень безработицы в июле 2023 года составил 28,7 %, и лиц старше 50 лет — 19,4 %.

Говоря о дефиците рабочей силы в стране, следует особо отметить, что на вопрос, сколько всего и по каким профессиям работников не хватает, точно никто не ответит. По поручению президента правительство в 2024 году приступает к составлению и выпуску ежегодного прогноза потребности российской экономики в кадрах на пятилетний период в разрезе конкретных регионов, отраслей и профессий. На основе этих данных необходима разработка программ подготовки квалифицированных рабочих и специалистов на период до 2030 года с учетом роста потребности в кадрах по вновь появившимся профессиям, новых регионов, вошедших в состав России, и нехватки специалистов для работы с азиатскими странами, в частности с Китаем. Дефицит кадров отчетливо ощущается и бизнесом, и государством.

Существенное влияние на функционирование рынка труда оказывает цифровизация. Растет востребованность квалифицированной рабочей силы, появляются новые виды занятости, высокопроизводительные рабочие места и технологии шестого технологического уклада, требующие новых знаний, умений и навыков. Появляются различные формы взаимоотношений на договорной основе между работодателями и работниками, официально не состоящими в трудовых отношениях. К таким формам можно отнести, в частности, платформенную занятость. Специалист может воспользоваться удобными платформами, на которых потребители размещают свои заказы, а последние, в свою очередь, имеют возможность выбрать исполнителя. Такая форма контакта между поставщиком и клиентом способствует росту числа самозанятых, которые оказывают услуги не только частным лицам, но и бизнесу. Благодаря платформам простые услуги стали более до-

[1] Другое название этой концепции — «Индустрия 4.0».

[2] *Галиева Д.* Горе от навыков // Коммерсантъ. 2023. 27 сент. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6237109 (дата обращения: 05.07.2024).

[3] См.: *Мануйлова А.* Работник двадцатипятилетия // Коммерсантъ. 2023. 24 апр. С. 2.

ступными, при этом оба получают существенную экономию, так как им не приходится платить «живому» посреднику, который, как правило, обходится дороже.

«Формирование цифровых экосистем и широкое использование цифровых платформ оказывает существенное влияние на развитие новых форм организации трудовой деятельности»[1]. Рост самозанятости и платформенной занятости — еще один тренд современного рынка труда в России. Как свидетельствуют данные ФНС, в 2022 году соответствующий статус оформили более 6 млн, а в середине 2023-го — до 8,1 млн человек.

Основной задачей нового (2023) Закона о занятости стало формирование базы для дальнейшего развития нового формата занятости. Авторы закона вводят в законодательство понятие платформенной занятости, дорабатывается понятие самозанятого. Это первый этап, а на следующем этапе будет принят закон-спутник, где будут рассматриваться конкретные вопросы функционирования цифровых платформ, в том числе проблема социальной защищенности платформенного работника.

Реагируя на создание высокопроизводительных рабочих мест, рынок труда увеличивает удельный вес нетипичных форм трудовой занятости, которые становятся все более востребованными в результате более гибкого правового регулирования трудовых отношений.

Модель гибкости рынка труда ориентируется главным образом не на макро-, а на микроуровень, не на внешние, а на внутренние рынки труда, не на количественную, а на качественную адаптацию занятости.

«Международная организация труда (МОТ) связывает современные трансформации в сфере труда с такими характеристиками экономики и сферы труда, как „неформальная экономика“, „нестандартные формы труда“, распространение гибких, краткосрочных и переходных форм занятости»[2].

Таким образом, можно сказать, что процесс трансформации рынка труда весьма неоднозначен, он имеет свои плюсы и минусы, и это требует разработки нормативной базы и экономических механизмов, которые будут способствовать развитию положительных и преодолению отрицательных черт.

Н. Н. Покровская[3]

ОПЫТ БРИКС+ В ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕСА: ДЕРЕГУЛЯЦИЯ ИЛИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Регулятивные механизмы позволяют накапливать ресурсы во времени для того, чтобы сосредоточить их на достижении целей и осуществлении масштабных долгосрочных проектов. Если определить бизнес как активность по удовлетворению потребностей групп, то регуляция предпринимательской деятельности служит максимизации эффективности, то есть поиску наибольшего результата при наименьших затратах.

Дерегуляция означает передачу регулятивной деятельности от одних акторов другим: государство сокращает регуляторное воздействие при росте ответственности и саморегуляции частных инициатив, общество снижает давление на бизнес при развитии корпоративной ответственности, регулирующие органы уменьшают волевое (arbitrary) воздействие при развитии технологий и формировании каналов реализации действий.

Как показали Дж. Коммонс (1931)[4], Р. Коуз (1937)[5], Дж. Тобин (1956)[6], Д. Норт (1989)[7] и другие исследователи[8] институтов, действие сопровождается ненулевыми затратами на целеполагание, постановку задач,

[1] *Павлова В. В*. Указ. соч.

[2] *Бобков В. Н.* XXVIII экономический форум в Криницe-Здруй, Республика Польша // КиберЛенинка : науч. электрон. б-ка. 2018. 8 окт. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/xxviii-ekonomicheskiy-forum-v-krinitse-zdruy-respublika-polsha?ysclid=ly96bcvred52263551 (дата обращения: 20.09.2024).

[3] Профессор кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), доктор социологических наук, кандидат экономических наук. Автор 525 научных публикаций, в т. ч.: «Социальное предпринимательство», «Социально-экономический анализ инновационного управления цифровыми медиакоммуникациями», «Социально-экономическое исследование управления знаниями в условиях цифровой трансформации»; статей в научных журналах: «Собирательный образ городов будущего», «Инструменты цифровой коммуникации и процессы создания знаний для обогащения интеллектуальных результатов — опыт краткосрочных курсов электронного обучения во время пандемии» (на англ. яз.), «Цифровое регулирование интеллектуального капитала для открытых инноваций: отраслевые экспертные оценки неявных знаний для целей контроля и сетевого взаимодействия» (на англ. яз.), «Регулирование цифровых моделей поведения при передаче знаний: организационные аспекты дистанционного обучения» (на англ. яз.) и др.

[4] *Commons J. R.* Institutional Economics // American Economic Review. 1931. Vol. 21. P. 648–657.

[5] *Coase R.* The Nature of the Firm // Economica. 1937. Nov. Vol. 4, № 16. P. 386–405.

[6] *Tobin J.* The Interest-Elasticity of Transactions Demand for Cash // The Review of Economics and Statistics. 1956. Vol. 38, № 3. P. 241–247.

[7] *North D. C.* Institutions and economic growth: An historical introduction // World Development. 1989. Sept. Vol. 17, № 9. P. 1319–1332.

[8] *Alchian A. A., Demsetz H.* Production, Information Costs, and Economic Organization // American Economic Review (American Economic Association). 1972. Dec. Vol. 62 (5). P. 777–795 ; *Demsetz H.* The cost of transacting // Quarterly Journal of Economics. 1968. Vol. 82, № 1. P. 33–53 ; *Baumol W. J.* The Transactions Demand for Cash: An Inventory Theoretic Approach // The Quarterly Journal of Economics. 1952. Vol. 66, № 4. P. 545–556 ; *Ostrom E.* Crafting institutions for self-governing irrigation systems. California : Institute for Contemporary Studies, 1992 ; *Williamson O. E.* The vertical integration of production: Market failure considerations // American Economic Review. 1971. Vol. 61, № 2. P. 112–123 ; *Idem.* Transaction-Cost Economics: The Governance of Contractual Relations // The Journal of Law & Economics. 1979. Vol. 22, № 2. P. 233–261 ; *Idem.* The Theory of the Firm as Governance Structure: From Choice to Contract // Journal of Economic Perspectives. 2002. Vol. 16, № 3. P. 171–195 ; *Marschak J.* The Rationale of the Demand for Money and of «Money Illusion» // Metroeconomica. 1950. Vol. 2, № 2. P. 71–100 ; *Arrow K. J.* Vertical integration and communication // Bell Journal of Economics. 1975. Vol. 6, № 1. P. 173–183 ; *Stigler G. J.* The law and economics of public policy: A plea to the scholars // Journal of Legal Studies. 1972. Vol. 1, № 1. P. 1–12.

поиск путей их решения, контроль над процессом, ресурсами и будущим результатом. Транзакционные издержки сегодня существенно сокращаются в процессе развития цифровых технологий, телекоммуникаций и роботизации.

Усложнение структур и дифференциация функций при кажущейся дерегуляции отражают перераспределение ответственности: поиск баланса индивидуального и коллективного интересов достигается социальными механизмами доверия и репутации, формализация KPI и тим-билдинга воспринимается «напрасной потерей времени» на взращивание процессов, которые в традиционном обществе рождаются и развиваются спонтанно.

Опыт развития индивидуальной занятости (фриланс, самозанятость) и малого бизнеса в цифровой среде, позволяющих персонализировать предложение в ответ на дифференцированный спрос, можно проследить на рынках «золотого миллиарда» и в быстро развивающихся странах БРИКС.

Для стран БРИКС характерна глубокая традиционная укорененность сетевых отношений и приоритета коллективного блага, что позволяет, с одной стороны, выстраивать доверительные горизонтальные отношения, с другой — минимизировать слои иерархии по вертикали. Так, Ethereum 2.0 является платформой распределенного реестра, одновременно с этим вторая версия Merge (Beacon) содержит в себе иерархию случайно образованных комитетов валидации для подтверждения транзакций. Построение иерархической системы комитетов для валидации позволило сэкономить 99,95 % электроэнергии. Таким образом, инфраструктурные и платформенные решения сегодня стремятся к организационным формам, способным обеспечить энергосбережение и эффективность.

Технологии, в частности удешевление оборудования[1], производства, связи и логистики, позволяют вовлекать все меньше специализированных профессионалов в осуществление проактивных хозяйственных стратегий: для создания собственного семейного бизнеса достаточно воспользоваться банковскими сервисами для ведения бухгалтерского учета и уплаты налогов, ряд платформ способны дать квалифицированные консультации или просто не допустить неверных действий, которые могут впоследствии отрицательно повлиять на предпринимательский результат.

Личная проактивность людей определяет социально-экономическое развитие регионов и стран: доверие населения к обществу и государству способствует эффективному финансированию крупных проектов, в том числе инфраструктурных, а гибкое и персонализированное заполнение малым бизнесом и отдельными предпринимателями и профессиональными экспертами (самозанятыми, фрилансерами, участниками агрегированных инфосервисов, например маркетплейсов) ниш и лакун в удовлетворении потребностей обеспечивает быстрое повышение благосостояния и рост экономики в контексте Марксова закона возвышения потребностей.

Индивидуализация в западноевропейской цивилизации (включая США и Канаду) предпринимательства как частной инициативы предполагает, что интерес одного человека преобладает над благом группы. Любопытно, что, по данным 2021 года, в глобальном распределении компаний-единорогов по оценке их стоимости тремя лидерами были США (51 %, 1093 млрд долл.), Китай (26 %, 547 млрд) и Индия (5 %, 106 млрд), Бразилия занимала 7-е место (2 %, 42 млрд). В течение 2022–2024 годов, как следует из данных CB Insights[2], число единорогов в странах БРИКС прирастало быстрее в силу не только их развития, но и миграции из стран «золотого миллиарда», где начиная с середины 2022 года резко сократилось число новых молодых бизнесов с рыночной оценкой выше 1 млрд долларов США.

Эти данные показывают, что блестяще развивающиеся молодые бизнесы постепенно приобретают глобальный характер, перетекая из стран с методологическим индивидуализмом как основой либерального выбора в страны с институциональной предопределенностью и плановой моделью хозяйства с телекоммуникационной инфраструктурой и государственными программами поддержки и развития.

Таким образом, удешевление и миниатюризация оборудования с распространением связи и доступа к цифровым платформам и сервисам приводят к переходу от преобладания корпоративных иерархий к росту значимости малого бизнеса в народном хозяйстве на основе эффективного применения цифровизации. Пандемия COVID-19 подтолкнула граждан стран всего мира[3], включая БРИКС+, к освоению телекоммуникационных инструментов и цифровой среды — и из-за необходимости изоляции в период пандемии, и из-за интереса к новым возможностям заработка.

Цифровая трансформация не только обеспечивает экономические и технологические преимущества, но и опирается на регулятивные механизмы. В этом смысле страны БРИКС+ в большой мере сохранили фундамент доверительного общественного взаимодействия[4], который позволяет сокращать транзакционные издержки в силу не только эффективности цифровых технологий, но и доверия к государству и партнерам.

Технологизация регулятивных механизмов позволяет удешевить взаимодействие и повысить надежность принимаемых решений (по причине доверия

[1] *Покровская Н. Н., Абабкова М. Ю.* Рост интеллектуального капитала малого бизнеса с удешевлением робототехники // Системный анализ в проектировании и управлении : сб. науч. трудов XXIII Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 10–11 июня 2019. СПб. : СПбПУ, 2019. Ч. 1. С. 347–353.

[2] См. данные отчетов CB Insights: https://www.cbinsights.com/research/global-tech-unicorn-peak-q3-2023/ ; https://www.cbinsights.com/research/report/venture-trends-2023/ ; а также *Vogelaar J. J., Stam E.* Unicorns: from Silicon Valley to a global phenomenon? // Utrecht University School of Economics Working Papers Series. 2023. Febr. № 24-01.

[3] *Абабкова М. Ю., Хасан Х. К., Покровская Н. Н.* Сравнительный анализ проблем онлайн-обучения (на примере России, Индии, Бангладеш) // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2021. Т. 16, № 3. С. 999–1008.

[4] *Леонтьева В. Л., Абабкова М. Ю., Покровская Н. Н.* Развитие нейрокоммуникационных и когнитивных технологий для сжатия социального пространства в моменты кризисной изоляции // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12, № 4. С. 24.

к платформам и их компетенции в выборе допустимых решений и запрете на нежелательный выбор)[1].

В результате, хотя распределенные и децентрализованные системы взаимодействия иногда рассматриваются как нерегулируемые, на практике происходит не дерегуляция, а дифференциация и перенос регуляции:

— на уровне технологий, платформ и решений цифровой среды формальные регулятивные механизмы обретают безоговорочность русла реки — если ранее каналы реализации действий и интересов были закреплены в поведении и социальном контроле через последующие санкции (положительные за соблюдение норм, осуждение и исключение за выбор нежелательного паттерна поведения), то сервисная инфраструктура дает выбор только из набора допустимых (приемлемых и желательных) версий поведенческого моделирования;

— на уровне индивидуальных, личностных мотиваций регулятивные механизмы реализуются через коллективные институты ценностных и смысловых ориентиров и позиционирование в социальной структуре. Последовательное разворачивание во времени жизненного пути индивида происходит ситуативно, но сам индивид совершает выбор стратегически, исходя не только из сиюминутных потребностей, но и из долговременных приоритетов и перспектив на десятилетия обозримого будущего[2]. Оценки и суждения о реальности выносятся на основании критериальной модели, в которой иерархия ценностей отражает цивилизационные социокультурные корни. Персонализация регуляции в этом контексте представляет личностный выбор наиболее значимых и актуальных мотивов, которые формируются в информационно-коммуникационном поле страны, региона, локального и социо-профессионального сообщества.

Если в развитых странах цифровая трансформация приводит к росту частной индивидуальной предпринимательской инициативы наряду с уже имеющимся насыщенным рынком, то в государствах БРИКС+ происходит активное заполнение широкого спроса домохозяйств и корпоративных участников в моделях B2C и B2B. Регуляция процессов организационно-управленческого моделирования бизнеса, выбор целевых показателей и стратегии реализации планов осуществляются на основе унаследованных от традиционного общества сетевых отношений[3], рациональные подходы к индустриальному менеджменту выступают лишь одной из версий и не обрели форму «экономического империализма», поскольку современное урбанизированное общество не успело вытеснить и заместить спонтанные социальные регулятивные механизмы.

Цифровая трансформация в странах БРИКС+ дает интересный опыт построения бизнес-моделей с учетом социокультурных цивилизационных особенностей, определяющих эффективность регулятивных механизмов при совершении выбора и принятии индивидуальных и коллективных решений.

А. А. Полозов-Яблонский[4]

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ САНКЦИЯМ И ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ НА ПУТИ К СУВЕРЕНИТЕТУ В АВИАТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ (Группа «АЭРОФЛОТ»)

7 февраля 2024 года в ходе совещания с членами Правительства Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил: «В прошлом году отечественный авиационный транспорт перевез свыше 105 млн пассажиров. Прирост составил 10,7 %. Это больше, чем ранее прогнозировалось, мы думали, что перевезем где-то 103 млн человек. Почти 83 млн человек воспользовались внутренними авиалиниями. Таким образом, пассажиропоток в этом сегменте более чем на 13 % превысил показатели 2019-го, то есть доковидного года»[5].

Группа «Аэрофлот» обеспечивает около половины всех пассажирских авиаперевозок в России и вносит решающий вклад как в обеспечение авиационной мобильности граждан, так и в транспортную связанность регионов России. Парк Группы «Аэрофлот» составляет 348 воздушных судов.

Авиационная отрасль оказалась под наибольшим давлением наложенных на Россию санкций, в результате которых подразумевалось:

— изъять из эксплуатации воздушные суда (ВС) зарубежного производства;

— сделать невозможным их техническое обслуживание и ремонт (ТОиР);

[1] *Абабкова М. Ю., Голохвастов Д. В., Покровская Н. Н.* Инновационный рост виртуальной экономики: смена регулятивной парадигмы // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 8 (190). С. 576–592.

[2] *Слободской А. Л., Теребкова Т. А., Гарин А. К.* Цифровое образование и новое технологическое поколение: спрос на новый контент в обучении // Наука о данных : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 5–7 февраля 2020 г. СПб. : СПбГЭУ, 2020. С. 287–289.

[3] Цифровые технологии государственных функций и сетевые модели коммуникации социального предпринимательства / А. К. Гарин, Н. Н. Покровская, А. О. Шангутов [и др.] // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 1 (5). С. 32–41.

[4] Советник генерального директора — руководитель инновационного развития ПАО «Аэрофлот», кандидат экономических наук. Автор более 20 научных публикаций, в т. ч.: «Коммуникации в инновационном менеджменте гражданской авиации» (в соавт.); публикации в сборнике «Инновационные аспекты развития гражданской авиации»; статьи в научном журнале «Прогнозирование развития авиастроения с использованием методов форсайта: зарубежный опыт» и др. Председатель правления Клуба директоров по науке и инновациям, член Правления Технологической платформы «Авиационная мобильность и инновационные технологии», Попечительского совета Фонда целевого капитала Дальневосточного федерального университета. Награжден Почетной грамотой Президента РФ, правительственными наградами.

[5] Совещание с членами Правительства // Президент России : [сайт]. 2024. 7 февр. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/73401 (дата обращения: 11.04.2024).

— затруднить ТОиР российских SSJ;

— блокировать или осложнить эксплуатацию за счет дефицита расходных материалов;

— использовать зависимость от иностранного программного обеспечения (ПО).

Для такого недружественного целеполагания существовали некоторые предпосылки:

— 73 % ВС — зарубежного производства;

— SSJ — с неполной локализацией, прежде всего двигатели. Иностранные компоненты составляли до 70 %, в том числе авионика и ПО;

— импорт всего, что необходимо для ТОиР, и эксплуатационных материалов;

— 77 % ПО — зарубежного происхождения. Некоторые вендоры покинули Россию, по ряду ключевого ПО возникли риски «опускания рычага».

Санкции, введенные в феврале 2022 года, содержали множество запретов. Прекращались поставки в Россию гражданских самолетов и запчастей, их техобслуживание и страхование. Лизингодатели должны были до конца марта расторгнуть действующие контракты с российскими авиакомпаниями.

В целях сохранения парка ВС и во исполнение постановлений Правительства от 19 марта 2022 года № 411 и № 412 «Аэрофлот» принял исчерпывающие меры по сохранению парка ВС[1]:

— было проведено урегулирование по 76 ВС, находившихся в операционном лизинге, и досрочно выкуплены 18 самолетов из финансового лизинга. По многим ВС завершен процесс страхового урегулирования;

— все ВС переведены в российский реестр;

— оформлены свидетельства о праве собственности на ВС в Российской Федерации.

В ходе работы по сохранению парка и обеспечению непрерывности производственного процесса применялись новые управленческие решения и юридические схемы. В настоящее время в нашем распоряжении более 100 самолетов, которые могут обеспечивать международные перевозки.

В сентябре 2022 года «Аэрофлот» подписал с Объединенной авиастроительной корпорацией соглашение на 2023–2030 годы, согласно которому будут поставлены 339 ВС отечественного производства, среди них — 210 МС-21, 89 SJ-100 и 40 ТУ-214.

Техобслуживание и ремонт ВС являются основой обеспечения безопасности и пунктуальности полетов. За два года до введения санкций «Аэрофлот» сформировал собственный центр ТОиР, создав дочернюю компанию «Аэрофлот Техникс». Был построен уникальный ангарный комплекс, который позволяет одновременно проводить ТО 19 ВС. «Аэрофлот» развернул 15 линейных станций в регионах России. Сегодня численность персонала технической «дочки» составляет более 2500 человек. В результате обеспечено выполнение всех форм технического обслуживания, включая самые трудоемкие — 8- и 12-летние.

В ноябре 2022 года в «Аэрофлоте» был создан Департамент разработки конструкторских решений. Десятки инженеров центров разработки компаний Boeing и Airbus были приняты на работу. Опыт и компетенции профильных инженеров были сохранены и используются во благо компании и отрасли.

Компании Группы «Аэрофлот» в 2022 году получили сертификаты разработчиков авиатехники ФАП-21J, ФАП-21, ФАП-285, так что теперь они могут разрабатывать документацию для нестандартных ремонтов конструкции самолетов, модификаций салона, систем и силовых установок, а также выполнять оперативное и периодическое техническое обслуживание и ремонт ВС. В условиях жестких санкций провайдер технического обслуживания и ремонта «Аэрофлот Техникс» (Группа «Аэрофлот») получил одобрение российских авиационных властей на разработку документации для изготовления некоторых компонентов на любые типы ВС российского и западного производства, чтобы поддерживать летную годность самолетов.

В сентябре 2022 года в рамках Восточного экономического форума «Аэрофлот» заключил с Росатомом соглашение о разработке авиационных компонентов и создании производства для обеспечения ТОиР эксплуатируемых в России ВС иностранного производства.

Налажено сотрудничество в части ТОиР с рядом стран БРИКС. Коллеги активно способствовали так называемому параллельному импорту эксплуатационных материалов, запчастей и комплектующих, который первоначально составлял до 100 %, а затем уменьшался по мере локализации производства в России. По понятным причинам данный аспект сотрудничества не может быть широко освещен. В полной мере был учтен и опыт Ирана, который с 1979 года обеспечивает летную годность парка ВС в условиях жестких санкций. В апреле 2023 года в Иране начали проходить ТОиР некоторые наши ВС.

Помимо ВС, остальной бизнес Группы «Аэрофлот» — это, по сути, *управление информационными потоками*. Правда, цифровая трансформация в полной мере затрагивает и ВС и ТОиР.

«У нас около 134 IT-систем, из них 31 уже является отечественной, 84 будут заменены на отечественные аналоги до конца 2024 года. Также в 2024 году мы полностью заменим все программное обеспечение по критической информационной инфраструктуре, а доля затрат на отечественное ПО составит свыше 82 %»[2], — заявил генеральный директор «Аэрофлота» С. В. Алек-

[1] Постановление Правительства РФ от 19 марта 2022 года № 411 (ред. от 13 сентября 2023 г.) «Об особенностях государственной регистрации предназначенных для выполнения полетов гражданских воздушных судов в Государственном реестре гражданских воздушных судов Российской Федерации и государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» // КонсультантПлюс : [справ.-прав. система]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412398/?ysclid=lybb82ithe333472211 (дата обращения: 11.04.2024) ; Постановление Правительства РФ от 19 марта 2022 года № 412 (ред. от 24 декабря 2022 г.) «Об утверждении особенностей исполнения договоров финансовой аренды (лизинга), договоров аренды иностранных воздушных судов, используемых для полетов лицами, указанными в п. 3 ст. 61 Воздушного кодекса РФ, авиационных двигателей в 2022–2024 годах» // КонсультантПлюс : [справ.-прав. система]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412399 (дата обращения: 11.04.2024).

[2] Стратегию развития группы компаний «Аэрофлот — Российские авиалинии» рассмотрел Комитет СФ по экономической политике // Совет Федерации СФ РФ : [сайт]. 2022. 18 окт. URL: http://council.gov.ru/events/news/139192 (дата обращения: 11.04.2024).

сандровский в октябре 2022 года, выступая в Совете Федерации РФ.

Важнейшим элементом импортозамещения стало внедрение ключевой производственной системы Inventory Leonardo. Существовал риск блокирования прежней системы ее американскими владельцами, что вызвало бы серьезные затруднения в осуществлении авиаперевозок. К практическому использованию приступили 29–30 октября 2022 года вместе с переходом на новую систему регистрации пассажиров DCS Astra. Основной ключевой точкой процесса внедрения была миграция данных из Sabre в Leonardo. Необходимо было выгрузить из старой системы и загрузить в новую все оформленные бронирования с дополнительными услугами, более 1,2 млн электронных билетов (активных) и свыше 2,5 млн электронных услуг. Время компьютерной миграции составило 11 часов; миграции архивных данных — 29 часов, и все это в «бесшовном» режиме: производственная деятельность не прерывалась. Процесс предусматривал восемь основных компонентов: управление ресурсами Inventory, электронными документами «СЭБ», отправками пассажиров и багажа «DCS Астра» (сотни аэропортов), бронированием и оформлением «ГРС Сирена-Трэвел», защитой доходов RI, доходностью RMS, чартерными перевозками «Мой чартер», а также API XML Gate и интеграцию с 20 информационными системами «Аэрофлота». Срок подготовки к внедрению был жестко ограничен: два месяца на подготовку документации и договора с подразделением холдинга Ростех и всего пять месяцев (вместо двух лет по технологическим нормам для авиакомпаний масштаба «Аэрофлота») на внедрение. Это уникальный проект!

«Аэрофлот» ранее использовал автоматизированную систему AMOS для поддержания летной годности и ТОиР, но ее поставщик ушел с рынка. Первой реакцией стали паллиативные решения, которые позволили поддержать процессы в рабочем состоянии. В настоящее время идет разработка и внедрение отечественного решения на базе ПО «КУПОЛ» ИЦ ИАС. В новой системе будут достоверно и наглядно отражаться все процессы по ТО, в том числе планирование закупок и ремонтов; она будет интегрирована с системами ВС, так что к ней можно будет обращаться в режиме реального времени. С использованием автоматизированных процессов будет снижена трудоемкость работ, возрастет качество ТОиР, будет лучше поддерживаться летная годность самолетов.

Важным элементом контрсанкционных действий стало создание дочерней компании «АФЛТ-Системс». Компания выполняет функции интегратора и разработчика. В частности, ведется разработка системы управления доходами (RMS). Эта система будет адаптирована к специфике авиакомпаний, поэтому при ее создании используются сложные аналитические, статистические, эконометрические, математические и другие алгоритмы и модели. Авиакомпании смогут осуществлять анализ и прогноз динамики спроса на их услуги и предоставлять ценовые рекомендации по продажам, в том числе в режиме онлайн — гибкое формирование тарифов (замена продукта от Sabre).

В рамках программы импортозамещения «Аэрофлот» закупил отечественные планшетные устройства F+ T1100 с операционной системой «Аврора», на которых планируется использовать системы для обслуживания пассажиров кабинными экипажами CrewTab, а также систему «Электронный портфель пилота» для поддержки летного экипажа. На 113 воздушных судах бортовая система развлечений пассажиров была заменена на отечественную. Пассажирам доступны кинофильмы, книги, музыка, регистрация в программе «Аэрофлот Бонус», свежая пресса и путеводители (гиды по городам). До конца 2024 года отечественная система развлечений будет установлена на парке ВС A350 и B777.

В апреле 2022 года швейцарская телекоммуникационная компания SITA известила «Аэрофлот» о прекращении предоставления услуг. В тот момент в России не было необходимого ПО и защищенной сети передачи данных (ЗСПД), соответствующей Федеральному закону РФ «О передаче персональных данных» 152-ФЗ. Мы разработали функциональные требования и техническое задание и совместно с ФГУП «ЗащитаИнфоТранс» Минтранса внедрили информационную систему «Авиационная сервисная платформа» (ИС АСП). Это организация передачи телеграфных сообщений формата IATA на основе выделенных защищенных каналов связи, построенных с использованием криптографического оборудования класса КС3. К ИС АСП подключено 56 российских аэропортов, обеспечен сервис передачи телеграфных сообщений формата IATA для международных аэропортов. Таким образом, мы успешно перешли от SITA к ИС АСП и обеспечили передачу в защищенном режиме юридически и финансово значимых сообщений.

Как было упомянуто выше, президент отметил *рост количества авиаперевозок* в 2023 году. Это стало возможно, во-первых, благодаря увеличению объема внутренних перевозок, главным образом прямых между регионами с исключением транзита через Москву, а также созданию нескольких региональных хабов с постоянным базированием в них части парка ВС; во-вторых — налаживанию или восстановлению маршрутов в страны БРИКС (Индию и Китай), ОАЭ, Египет и Иран.

Выводы

Одной из целей санкций против российской авиаотрасли было резкое снижение мобильности граждан и разобщение регионов, особенно территорий Дальнего Востока, Северо-Востока, Заполярья и Калининграда; коллапс международного сообщения и рост социальной напряженности. Однако благодаря тому, что были оперативно приняты надлежащие меры, удалось сохранить парк ВС крупнейшего российского авиаперевозчика и наладить процесс ТОиР на собственной базе. В целом успешным стало также импортозамещение ПО, был создан центр конструкторских компетенций и многое другое. Выполнена задача по обеспечению авиационной мобильности населения и достижению суверенитета в авиатранспортной сфере.

«Нужно, безусловно, поддержать набранный темп в авиации, обеспечить дальнейшее уверенное развитие этого важнейшего направления современного транспорта. А для нашей страны, мы все хорошо понимаем, с ее огромной территорией это важно вдвойне или втройне» (В. В. Путин)[1].

Е. В. Попова[2],
Д. Н. Савинская[3]

МНОГОКРИТЕРИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ БРИКС

Задача нашего доклада — на основе методов многокритериальной оптимизации, а именно прямых методов оценки альтернатив, продемонстрировать математическое обоснование взаимного усиления и наращивания потенциала стран — участниц БРИКС за счет сотрудничества.

Ни для кого уже не секрет, что БРИКС в первую очередь является объединением стран с устойчивым экономическим развитием и служит платформой для партнерских проектов в различных областях. При этом основой отношений между странами-участницами были и остаются равенство, финансовая многополярность и, конечно, взаимная выгода.

Весь мир может каждый год наблюдать сотни встреч представителей БРИКС, но главным событием для объединения является ежегодный саммит лидеров. Цель столь масштабного съезда — обмен передовыми практиками, опытом решения проблем, а также изучение возможности усиления и наращивания их потенциала посредством сотрудничества. Эти же стремления и легли в основу создания и дальнейшей эволюции БРИКС.

БРИКС — объединение крупнейших стран мира с развивающимися экономиками. На их долю в совокупности приходится 41 % населения планеты, 24 % мирового ВВП, более 16 % мировой торговли. Страны БРИКС на протяжении многих лет были основными драйверами глобального экономического роста. В течение определенного времени представители стран БРИКС собирались для обсуждения важных вопросов в трех основных областях: политики и безопасности, экономики и финансов, культурных обменов и контактов между людьми.

Во время встречи министров иностранных дел Бразилии, России, Индии и Китая, состоявшейся в рамках 64-й Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в 2009 году, была отмечена острая необходимость создания единой платформы для размещения всех значимых данных стран БРИКС. После соответствующей работы в 2010 году было выпущено первое издание Совместной статистической публикации БРИКС (JSP БРИКС), и с тех пор каждый год одна из стран-участниц выпускает эту публикацию. Такие выпуски играют важную роль в развитии механизма сотрудничества в области статистики. Данные, составляющие их содержание, являются результатом ежегодных совместных усилий национальных статистических служб Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки. В JSP сборниках достаточно кратко представлены сведения по основным социально-экономическим показателям пяти стран[4].

Также надо отметить, что в ходе 12-й встречи руководителей национальных статистических служб стран БРИКС, состоявшейся 14 декабря 2020 года в виртуальном формате под председательством России, Росстат выдвинул предложение о разработке нового формата статистической публикации (мини-версия JSP), который мог бы привлечь более широкий круг пользователей. Все страны — участницы БРИКС согласились с этим предложением.

В качестве уточняющего варианта мини-версии JSP Национальным статистическим управлением Министерства статистики и реализации программ Правительства Индии в рамках председательства Индии в БРИКС в 2021 году была предложена сокращенная версия JSP — Snapshot БРИКС, впервые вышедшая в том же году вместе с совместной статистической публикацией БРИКС.

Эта работа продолжается, показывая всему миру реальную статистику взаимного сотрудничества и поддержки стран-участниц по выбранным показателям

[1] Совещание с членами Правительства // Президент России : [сайт]. 2024. 7 февр. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/73401 (дата обращения: 11.04.2024).

[2] Заведующая кафедрой информационных систем Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Краснодарского края. Автор более 320 научных публикаций, в т. ч.: «Математические модели и методы оценки рисков экономических, социальных и аграрных процессов»; статей в научных журналах: «Анализ основных исторических и современных определений понятия „риск“», «Оценка инвестиционной привлекательности инновационных проектов в зерновом производстве», «Становление и развитие индустрии продажи и доставки воды в России», «Прогнозирование динамики рынка HOD на базе методов когнитивного анализа и предикторной обработки данных», «Исследование и разработка информационной системы ранжирования альтернатив» и др.

[3] Доцент кафедры информационных систем Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина, кандидат экономических наук. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч.: «Использование технологии нейронных сетей в разработке и продвижении мобильных приложений на рынке программного обеспечения», «Модифицированная система моделей и методов прогнозирования временных рядов с памятью», «Теория нечетких множеств и клеточных автоматов как инструментарий прогноза и адекватного отражения стохастической природы экономических процессов», «Комплексная методика анализа экономических временных рядов методами нелинейной динамики» и др.

[4] См., например: Joint Statistical Publication 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BRICS%20Joint%20Statistical%20Publication-2023.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

статистике в таких областях, как население, рабочая сила, национальные счета, промышленность, торговля и т. д. В выпусках также приводится краткое описание выбранных показателей стран-участниц и размещаются таблицы с подробными статистическими данными по странам. Ближе к концу публикации печатается краткий обзор статистических систем всех стран БРИКС и состояния системы мониторинга показателей целей устойчивого развития.

Совместный план действий БРИКС является публичным документом и важным инструментом укрепления духа партнерства среди народов стран БРИКС. Однако количественная оценка такого сотрудничества на основе классических методов представляется затруднительной.

Работа со статистическими данными позволяет исследователям разрабатывать, применять и апробировать математические методы и инструментальные средства в крайне важной области человеческой деятельности. Это область принятия решений в ситуациях выбора, последствия которого могут быть достаточно серьезными. Методы, помогающие человеку в принятии решений, привлекали внимание исследователей как нынешнего, так и прошлого века. Среди ученых, работающих над проблемами принятия решений, был выдающийся экономист-математик Вильгельм Парето — основоположник многокритериальной оптимизации. Так называемый принцип эффективности по Парето является демонстрацией выбора в условиях многокритериальной оптимизации или вопроса ранжирования альтернатив с точки зрения оценки качества решения или его привлекательности для лица, принимающего решение.

Принятие решений — сложный многошаговый процесс, в котором Г. Саймон выделяет три основных этапа: поиск информации, определение альтернатив и выбор наилучшей из них[1]. Многокритериальная (двух- и более) оценка альтернатив — задача как минимум NP-полная, а при количестве критериев более трех — и NP-сложная[2]. Затруднительность выбора в этом случае заключается, прежде всего, в том, что возможен вариант, когда часть или все решения (альтернативы) являются векторно несравнимыми, то есть значение любого из критериев можно улучшить только за счет ухудшения значения хотя бы одного из остальных. Такие несравнимые альтернативы являются парето-оптимальными и принадлежат множеству Парето (Эджворта–Парето). В этом случае возникают три возможные задачи принятия решений: упорядочить альтернативы с точки зрения привлекательности, распределить их по классам или выделить лучшую.

Численные методы, позволяющие решить вопросы упорядочивания альтернатив или выбора наилучшего (качественного) решения, делятся на группы: элементарные методы (метод взвешенной суммы, метод Купнера-Трего и др.); методы на основе оценки ценности (MAVT, MAUT, AHP и др.); методы на основе оценки превосходства (ELECTRE, PROMETHEE, QUALIFLEX и др.), методы на основе оценки опорных ситуаций (TOPSIS, VIKOR, BIPOLAR и др.). Авторский гибридный численный метод обобщенного решающего правила (ОРП)[3] сочетает подходы элементарных методов и методов на основе оценки опорных решений.

В соответствии с терминологией экономико-математических методов и моделей многокритериальной оптимизации необходимо определить критерии оценки международного сотрудничества в рамках БРИКС. Отдельно отметим, что предлагаемая авторами концептуальная математическая модель — это многоуровневая иерархическая модель, где каждому уровню иерархии соответствует векторная целевая функция (ВЦФ), элементы которой являются векторными подфункциями функции ВЦФ предыдущего уровня иерархии. Если на высшем уровне иерархии критерии ВЦФ соответствуют целям и задачам БРИКС, то нижний уровень — это показатели, численные значения которых имеются в открытом доступе и публикуются в статистическом сборнике.

Сформировать ВЦФ каждого уровня иерархии авторы предлагают с опорой на основные цели создания международного сообщества. Так, одна из основных целей БРИКС — развивать и совершенствовать на макроэкономическом уровне поведение (динамику) экономики как единого целого с целью улучшения макроэкономической ситуации каждой страны сообщества на основе выбора эффективной государственной политики и политики взаимодействия. Результат их комплексной работы обеспечит планомерный устойчивый экономический рост (увеличит валовый национальный продукт), повысит уровень жизни населения, сократит безработицу и инфляцию.

Примером классического применения методов многокритериальной оптимизации служит макроэкономическая модель Финляндии[4], построенная в 1970-х годах. Качество решений оценивалось по четырем критериям: рост валового национального продукта (в процентах); инфляции (в процентах); безработицы (в процентах); дефицита внешней торговли (млрд финских марок). Используя специальные человеко-машинные процедуры (ЧМП), несколько ЛПР получали при помощи макроэкономической модели различные варианты экономической политики.

Случаев использования методов многокритериальной оптимизации[5], включая вышеописанную модель, достаточно, чтобы подтвердить вывод о сложности выбора наилучшего решения, если к тому же учесть, что сами альтернативные решения характеризуются многочисленными противоречивыми факторами, которые

[1] *Саймон Г.* Науки об искусственном. М. : Мир, 1972.

[2] *Галиев Ш. И.* Математическая логика и теория алгоритмов. Казань : Изд-во КГТУ им. А. Н. Туполева, 2002.

[3] *Попова Е. В.* Математические модели и методы оценки рисков социально-экономических процессов : дис. … д-ра. экон. наук : 08.00.13. Черкесск, 2002.

[4] *Wallenius H., Wallenius J., Varta P.* An approach to solving multiple criteria macroeconomic problems and applications // Management Science. 1978. Vol. 24, № 10. P. 1021–1030.

[5] Применение методов многокритериального анализа решений для сравнительной оценки вариантов ядерно-энергетических систем. Проект сотрудничества ИНПРО «Ключевые индикаторы для инновационных ядерно-энергетических систем» KIND. Обзор заключительного отчета. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/20/04/inpro-kind_rus.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

способствуют поиску компромиссов в процессе принятия решений. Имея в распоряжении статистические данные сборников JSP, авторы предлагают использовать оригинальный гибридный численный метод ОРП, который сочетает разные подходы для демонстрации математического обоснования взаимного усиления наращивания потенциала ведущих стран — участниц БРИКС за счет сотрудничества.

Опорным решением (идеальной точкой) является наилучшее значение по каждому критерию оценки. В качестве таких критериев выбраны 12 основных показателей, отражающих социально-экономическое развитие стран БРИКС за 2022 год: численность населения на середину года; объем ВВП; ВВП на душу населения; промышленное производство; добыча в энергетической отрасли; природный газ; обрабатываемые земли; производство зерновых культур; стоимость импорта товаров и коммерческих услуг; стоимость экспорта товаров и коммерческих услуг; валютные резервы; доля внешнего долга в ВВП.

Многокритериальный анализ вышеперечисленных показателей позволяет сделать вывод, что каждая страна обладает уникальным значением хотя бы одного показателя, то есть все пять стран являются оптимальными по Парето. Итерационная процедура ранжирования определила следующую последовательность ведущих стран БРИКС: Китай, Индия, Россия, Бразилия, Южная Африка. Таким образом, к опорной «идеальной точке» ближе других находится Китай, дальше всех — Южная Африка. Выбор эффективной государственной политики и политики взаимодействия как результата комплексной работы правительств государств БРИКС обеспечит планомерный устойчивый экономический рост как для каждой страны, так и для содружества в целом.

А. Ю. Прихач[1]

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ КООРДИНАТ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Экономическая ситуация предшествующего периода и настоящего времени испытывает на себе ряд сильных воздействий негативного характера. Трансформируясь под этим влиянием, она приходит в состояние определенной неустойчивости, когда традиционные привычные формы экономических взаимоотношений начинают меняться, а контуры будущих еще не ясны в силу неопределенности, вероятных рисков и недостаточно обоснованного прогнозирования. Причем это касается не только конкретной страны или региона, но и всего хозяйственного механизма планеты в целом. То есть современная экономика попадает в новые обстоятельства, которые предполагают локальные и глобальные изменения. Некоторые аналитики называют их «новыми экономическими координатами».

Надо отметить, что негативные влияния внешних факторов за последние примерно пять лет, по сути, накладывались одно на другое. Сначала пандемия значительно ослабила некоторые виды бизнеса в мире: туристический и гостиничный, ресторанный, логистику, большинство форм массовых мероприятий. Последовавшая геополитическая нестабильность началась на спаде пандемийного периода. Таким образом, стрессовые явления продолжились, но уже имели в своей основе политические и даже идеологические действия. Все это самым серьезным образом усугубляет экономическую ситуацию. Специалисты предрекают дальнейшее развитие кризиса и его перетекание в более масштабный формат. Ожидаемый кризис рассматривается ими как «отложенный» еще с 1990-х годов, когда крушение плановой советской экономики позволило за счет использования появившихся дешевых ресурсов и предоставленного достаточно емкого российского рынка исправить ситуацию, стабилизировать рыночную систему и преодолеть (вернее, отложить на время) данный кризис.

Сейчас сложившаяся экономическая обстановка начинает требовать нестандартных регулирующих и даже модернизирующих воздействий. Учитывая, что сокращается деловое взаимодействие со многими прежними партнерами, европейскими и американскими, а также имеет место существенное падение финансовых гарантий как следствие заморозки долговременных обязательств и блокировки расчетов, то есть все основания утверждать, что хозяйственная система будет разделяться на достаточно обособленные валютные, а скорее, на валютно-хозяйственные зоны. Уровень глобализации будет снижаться и, вероятнее всего, этот процесс можно рассматривать как уже начавшийся. Вместе с тем будет распадаться система глобального разделения труда. Надо заметить, что такое разделение оказывало разнообразное и порой противоречивое воздействие. С одной стороны, оно позволяло экономикам многих стран получать результаты стороннего труда с меньшими затратами, чем если бы они формировали данный результат сами — с учетом применения финансовых, людских и временных ресурсов. С другой — такой подход сформировал зависимость от внешних партнеров, их позиции в ценообразовании и готовности выполнять свои обязательства. Кроме того, следование процессу разделения приводило к тому, что некоторые виды деятельности оказывались практически закрытыми, данные направления дегради-

[1] Профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук. Автор более 134 научных публикаций, в т. ч.: «Современные тренды в управлении в условиях „зеленой“ экономики»; статей в научных журналах: «Использование методов маркетинга персонала для оценки трудового потенциала новых сотрудников», «Проблематика пониженной реализации трудового потенциала», «Управление трудовым потенциалом новых сотрудников», «Современный HR-маркетинг: сущность и основные задачи» и др.

ровали, а рынки, даже в собственных странах, по факту отдавались зарубежным производителям.

Разделение мира на довольно независимые валютные зоны повлечет за собой также и пересмотр порядка дифференциации трудовых процессов. Разумеется, обособление не будет абсолютным, торговые отношения останутся, но усилится и примет форму принципиального положения намерение торговать через свои национальные валюты. Тогда возникает вопрос, насколько российская экономика готова к своей (или смешанной) валютной зоне. Дело в том, что партнеры с тем большей готовностью будут намерены осуществлять сделки за национальную валюту, чем больше будет ее устойчивость. Стабильность денежного курса зависит не только от рыночной конъюнктуры, но и от регулирующих воздействий финансовых органов. Здесь нужна надежная денежная стратегия. Жесткая привязка национальной валюты к резервной может вызвать негативные явления, например такие, как рецессия конца 1990-х годов в Аргентине. Запущенный в Сальвадоре процесс по привязке к биткоину был вовремя остановлен, когда были проанализированы возможные последствия и появились все основания утверждать, что это может привести к серьезным проблемам. В то же время отсутствие регулирующего валютного управления или его непродуманный характер могут привести к высоким инфляционным и девальвационным ожиданиям и понизить интерес к национальной денежной единице. Ранняя советская экономика с ее гиперинфляцией находила выход в золотом червонце. Сейчас такой способ вряд ли применим. Ни одна страна не будет пускать на это свои золотые резервы хотя бы потому, что золота недостаточно для его роли как платежного средства и обслуживания деловой активности.

Основной задачей экономики страны, которая хотела бы усилить свои позиции, независимо от того, насколько глобализирована хозяйственная система или насколько она будет обособлена на зоны, например рублевую, долларовую, евро, юаневую и так далее, остается повышение конкурентоспособности своего товара или услуг. Геополитические осложнения и санкционные процессы подталкивают российскую экономику к значительной модернизации. Прежде всего необходимо серьезно усиливать инженерную и конструкторскую базу, развивать собственную цифровизацию как в комплектующем, так и в программном выражении.

Учитывая численность населения страны, некоторые специалисты выражают мнение, что его будет недостаточно для разделения труда при дифференциации хозяйственного механизма. Тогда встает актуальный вопрос развития автоматизации производства и роботизации многочисленных процессов. Учитывая, что при этом опираться придется на свои собственные силы и возможности, необходимо будет решить ряд проблем: радикальное повышение качества профессионального образования, прежде всего инженерно-технического; рост престижности тех видов деятельности, которые имеют принципиальное значение для развития и усиления экономики; ускорение прогресса производственных направлений, ранее закрывавшихся внешним товаром; подъем статуса научной и инновационной деятельности.

Следовательно, возникает задача повышения качества кадров, усиления человеческого капитала. Человеческий ресурс является главным и самым ценным ресурсом страны и также основным фактором, определяющим темпы развития. Поэтому особо актуальной представляется подготовка HR-менеджеров на таком уровне, который позволил бы максимально использовать трудовой потенциал специалистов, выявлять скрытые характеристики, не проявляющиеся явно, например креативность, нацеливать на активную новационную деятельность.

Ориентация на развитие наукоемких и технически прогрессивных производств потребует подготовки специалистов высокого уровня, что, в свою очередь, предопределит соответствующую миссию университетского образования. Именно таким путем шла в своем развитии Южная Корея, имея перед глазами пример Японии, где университетское образование считается одним из лучших в мире. Аналогичным образом установил свои ориентиры развития Китай.

Позитивным процессом следует признать начавшуюся программу производства пассажирских самолетов, по которой страна должна получить до 2030 года более 1 тыс. машин. Также, по всей видимости, придется наращивать свою инициативу в космосе, где с учетом запусков и численности спутниковой группировки мы находимся в рейтинге примерно на 3–4-м месте. Рынок космических услуг продолжает расти, занимая сейчас десятки миллиардов долларов. На долю космических запусков и транспортировки грузов приходится около 10 млрд долларов, а к 2027 году этот показатель может превысить 30 млрд[1].

Имеются все основания говорить о таком недоиспользованном ресурсе, как повышение производительности труда. По данным национального проекта, нацеленного на помощь в этом организациям, его участники (сейчас уже более 5 тыс. предприятий) за 2019–2021 годы показали рост производительности на 24 %, что на 5 % обгоняет рост тех, кто не участвует в данном проекте[2].

Роботизация послужила бы еще одним фактором ускорения производственных и трудовых процессов. Некоторые специалисты высказывают опасения, что при слишком высокой ее интенсивности может возникнуть проблема высвобождения большого числа работников, которые на какой-то период останутся невостребованными, а это уже негативно скажется на социальной атмосфере и приведет к необходимости выплаты многочисленных пособий. Но массовую роботизацию такого уровня в отечественной экономике пока трудно себе представить. Данный процесс не будет настолько быстрым, чтобы появились нежела-

[1] Деньги на орбите: тенденции и перспективы рынка космических запусков и грузоперевозок. URL: https://maxpolyakov.com/ru/tendencii-i-perspektivy-rynka-kosmicheskih-zapuskov/ (дата обращения: 17.07.2024).

[2] Национальный проект «Производительность труда» // Министерства экономического развития Российской Федерации : [офиц. сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_proizvoditelnost_truda/?ysclid=ltbuyo6xw7430994307 (дата обращения: 17.07.2024).

тельные тенденции. Но даже если робототехника резко достигнет такого уровня, все равно ее преимущества существенно перевешивают. Для высвобождающихся сотрудников в этой ситуации необходимо предусмотреть наличие подготовленных проектов, где будут востребованы рабочие руки. Таким образом, в случае высокой интенсивности технического переоснащения должна быть разработана и учтена так называемая «стратегия встраивания».

Следующий аспект, который необходимо отметить, — это переориентация связей и деловых отношений российской экономики с западного направления на восточное. Здесь нужно учитывать не только геополитическую обстановку, повлиявшую на сокращение взаимодействий, но также объективные экономические предпосылки. На Европу наваливается кризис, а хозяйственная мощь Азии продолжает усиливаться. Кроме этого, сравнительные масштабы говорят в пользу восточной ориентации. Так, население Европы составляет примерно 500 млн человек, что в итоге определяет возможности и объемы ее рынков. Это примерно 6 % от численности мирового населения. Население же Азии составляет 4,7 млрд, что представляет собой более половины. Если взять только Восточную Азию, то и там проживают 1,6 млрд человек, что эквивалентно 20 %. Соответственно, емкости потребительских и производственных рынков значительно превосходят европейские.

России следует также развивать свое сотрудничество со странами БРИКС. Это межгосударственное объединение продолжит расширяться дальше. В перспективе, возможно через десяток лет, оно сможет даже заменить собою ВТО и МВФ. Формы взаимодействия здесь могут быть совершенно разными и взаимовыгодными: от совместных перспективных научных разработок до общих масштабных хозяйственных проектов. В центре интересов могут также находиться транспортная, энергетическая, экологическая, эпидемиологическая сферы.

Еще одна международная организация, предполагающая развитие взаимодействия ее резидентов, — ШОС. При этом вполне вероятно, что некоторые ее участники войдут в экономическую рублевую зону.

Темпы роста БРИКС и ШОС за последние полтора десятка лет почти в три раза опережали темп роста Запада и Евросоюза, а российский экспорт в дружественные страны в реальном выражении рос почти в 3,6 раза быстрее экспорта в западные страны. Также необходимо отметить, что российский экспорт был в 12 раз более эластичен по приросту ВВП стран БРИКС и ШОС, чем Евросоюза и Запада[1].

Для хозяйственного механизма России важным направлением будет дальнейший отход от сырьевого экспорта в пользу готовых изделий, глубокой переработки и высокотехнологичной продукции. Все это позволит существенно нарастить долю прибавочной стоимости. Разумеется, продажа сырья и энергоносителей, в том числе газа и нефти, будет продолжать занимать свое место в экспорте. Поэтому стране в рамках ОПЕК+ предстоит и в дальнейшем производить эффективное регулирующее воздействие на нефтяной рынок.

Основной задачей, которая стоит перед Россией на ближайшие годы, является выход ее экономики с 5-го на 4-е место в мире по ВВП по паритету покупательной способности.

И. И. Рахмеева[2]

МИРОВАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ: ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ

Глобальные явления последнего десятилетия, включая мировые экономический и геополитический кризисы и пандемию COVID-19, а также ускоренная цифровизация и проникновение искусственного интеллекта во все сферы жизни человека бросили сложные вызовы правительствам стран, корпорациям, фирмам и простым гражданам. Реакция государственных структур на эти вызовы привела к процессам поляризации мирового сообщества и трансформации институционального доверия.

Целью исследования является выявление взаимной обусловленности многополярности и смещений в структуре институционального доверия, поскольку последнее имеет большое значение для кооперативных действий и их эффективности в сетевом постиндустриальном обществе, которое сформировалось в XXI веке[3]. В работе последовательно решались следующие задачи:

[1] *Клепач А. Н.* Макроэкономика в условиях гибридной войны. Доклад на МАЭФ 16 мая 2022 года // Научные труды ВЭО России. 2022. Т. 3 (235). С. 63–78.

[2] И. о. заведующего кафедрой экономической теории и прикладной социологии Уральского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Особые экономические зоны: эконометрическая оценка эффектов и перспективы развития», «Духовно-нравственная парадигма: согласование принципов эффективности и справедливости при принятии регуляторных решений», «Региональная регуляторная среда: на распутье», «Построение модели финансового управления цифровыми технологиями в области комбинаторных эффектов» (на англ. яз.), «Методология анализа регуляторной среды региона» и др. Советник государственной гражданской службы Свердловской области 1-го класса, член Общественного экспертного совета при Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Свердловской области.

[3] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. С. 121 ; *Кастельс М.* Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2016. С. 34.

— проанализировать общие тенденции трансформации институционального доверия последнего десятилетия;

— описать текущие критические явления в обществе и их взаимосвязи с процессами поляризации;

— сравнить общемировые и российские особенности развития институциональных отношений.

Теоретико-методологический базис исследования формируют институциональная экономика и концепция институционального доверия, теория сетевого общества. Для достижения обозначенной цели автором применяется исторический, структурный и логический анализ.

В качестве материалов для анализа использованы результаты глобального социологического опроса «Барометр Эдельмана»[1], который проводится с начала тысячелетия и чья выборка включает более 30 тыс. человек со всех частей света. Следует отметить, что с 2023 года Российская Федерация исключена из базы респондентов, что не позволяет в полной мере распространить полученные выводы на российское общество. Для преодоления указанной методической проблемы проанализирован обзор отечественных современных трудов и социологических исследований.

На первом этапе рассмотрим общие тенденции в изменении институционального доверия, сложившиеся в последнюю декаду, которые подробно описаны автором в его ранних работах[2]:

— потеря доверия к медиа (в 2024 г. мнение респондентов разделилось пополам), прежде всего к цифровым форматам, вызванная, в частности, сегментацией информационной среды на «эхо-камеры» (группы взаимосвязанных каналов, транслирующих схожую повестку и препятствующих получению полной картины и взаимодействию разных групп интересов), что усиливает поляризацию внутри сообществ;

— снижение уровня терпимости, проявляющееся в ощущениях разобщенности социума, неготовности помочь, неспособности жить или трудиться рядом с инакомыслящим человеком, что приводит к межкультурной поляризации, доходящей до национальных конфликтов.

В многонациональной России фиксировались аналогичные тенденции потери сплоченности российского общества[3]:

— переход от недоверия к доверительному отношению к бизнесу (с 2020 г. уровень доверия поднялся на 21 пункт до 63 % в 2024-м);

— критическая потеря доверия к власти до пограничного 51 % в 2024 году, с более обостренным отношением со стороны бедного населения.

Еще М. Кастельс указывал на упадок политического доверия и кризис политической легитимности в новой структуре общества[4]. Согласно ответам респондентов «Барометра Эдельмана» наблюдаемое усиление этих тенденций в последние пять лет может быть объяснено неспособностью государств справляться с глобальными вызовами (только 31 % респондентов полагает, что правительства справляются с решением общественных задач).

На втором этапе проанализируем результаты последнего социологического опроса «Барометр Эдельмана», опубликованные в феврале 2024 года, и отечественных исследований.

Согласно последним данным глобального социологического измерения усредненный уровень институционального доверия практически не изменился за прошедший год и составил 56 %. Однако наблюдается ряд существенных диспропорций в структурном и пространственном срезах.

Во-первых, если в развивающихся странах усредненный уровень институционального доверия достигает 63 %, то в развитых он опустился ниже порогового значения до 49 % (лидер — Китай, антилидер — Великобритания). Теряют доверие межнациональные структуры — так, доверие к ООН снизилось на 1 пункт до 58 %, к Евросоюзу — на 3 пункта до 53 %.

Во-вторых, бизнес-структуры воспринимаются как компетентные, этичные и социально ориентированные (в частности, на проблемы безработицы, климатических изменений, дискриминации, провала здоровья нации, иммиграции), в отличие от государственных, которые в представлении населения занимают противоположные позиции, когда каждый второй респондент готов проголосовать за нового лидера. Однако подчеркнем, что транснациональные корпорации со штаб-квартирами в мировых державах вызывают массовое недоверие.

В-третьих, доверие к бизнесу в разных отраслях не сопровождается доверием к базовым инновациям в них (например, наибольшему доверию к ИТ-сектору (76 %) противостоят лишь 50 % доверия искусственному интеллекту). В профессиональном срезе уверенно лидируют (среди опрошенных доверяют более 70 %) ученые и учителя, и менее 50 % респондентов готовы доверять журналистам и чиновникам.

Респонденты из 28 стран полагают, что лидеры предприятий, правительства и СМИ намеренно пытаются ввести людей в заблуждение (так считают 61, 63 и 64 % опрошенных соответственно).

Перечень экономических опасений в мире сохраняется. Это потеря работы, инфляция, климатические изменения, хакеры, ядерная и информационная война. Однако если первые четыре проблемы не демонстрируют роста озабоченности, то две последние показали прирост в 5–6 процентных пунктов. Авторы опроса указывают, что основной страх вызывают иностранные нападки на собственные СМИ с целью разжигания разногласий.

Для России отмечаются:

[1] См.: Edelman Trust Barometer. URL: https://www.edelman.com/trust/trust-barometer (дата обращения: 30.08.2024).

[2] *Рахмеева И. И.* Трансформация структуры институционального доверия в условиях новой реальности // Актуальные вопросы современной экономики. 2023. № 10. С. 244–250.

[3] *Трофимова И. Н.* Структура и динамика институционального доверия в современном российском обществе // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 68.

[4] *Кастельс М.* Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2016. С. 318–320

— стабильно низкий уровень доверия в триаде «население–бизнес–государство»;

— падение уровня доверия к власти при движении по иерархии вниз от Президента и Правительства РФ к органам местного самоуправления[1].

Такая структура отечественного институционального доверия не способствует кооперации на местах, приводит к превалированию неформальных институтов над формальными, атомизации общества при решении национальных задач.

С одной стороны, организаторы опроса «Барометр Эдельмана» в 2023 году заключили, что экономический кризис после пандемии COVID-19 и вследствие геополитической поляризации, а также затяжная стагнация в развитии привели к коллапсу экономического оптимизма, а вместе с ним институционального доверия в мире. С другой стороны, мы видим, что именно развитые страны, исчерпавшие источники экономического роста, становятся эпицентрами кризиса институционального доверия и, как результат, поляризации общества.

Признавая национальные особенности структуры институционального доверия, отметим необходимость снижения поляризации как внутри российского общества, так и во внешних связях, в том числе путем учета общемировых тенденций. Инструментами здесь могут выступить выстраивание прозрачных каналов взаимодействия с органами власти, расширение возможности участия предпринимателей в решении социально значимых задач, совершенствование системы управления государством и территориями в соответствии с национальными ценностями и ожиданиями российского общества.

[1] *Рахмеева И. И.* Региональная регуляторная среда: на распутье : монография. Екатеринбург : Уральский гос. экон. ун-т, 2021. С. 101 ; *Белановский С.* Изучение динамики общественных настроений в свете «майского» Указа Президента от 2018 г. : презентация результатов исследования. М., 2019. URL: https://web.archive.org/web/20220423153044/http://sbelan.ru/Research-Presentations/Izuchenie-dinamiki-obshhestvennyh-nastroenii-v-svete-maiskogo-Ukaza-Prezidenta-ot-2018-g.pdf (дата обращения: 30.08.2024) ; *Мещеряков Д. А.* Институт доверия к государственным структурам и общественным институтам // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2016. Т. 4, № 3 (23). С. 86 ; *Шохин А. Н., Проскурин А. В.* Факторы взаимного доверия института бизнеса и института власти в современной России // Бизнес. Общество. Власть. 2019. № 2 (32). С. 64–73.

Е. С. Садовая[2]

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ДЕГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Человечество сегодня вошло в непростой период — фазу крушения однополярного мира с его попытками построения системы глобального управления мировым развитием, под которое формировалась вся архитектура международных институтов. Поворот от западо-центричного (евро-атлантического) мироустройства к иному его типу, чья институциональная инфраструктура до конца не понятна даже на концептуальном уровне, характеризуется нарастанием кризисных явлений во всех сферах жизни, ростом экономической и политической конкуренции, переходящей порою в локальные военные конфликты.

Важнейшей характеристикой этого периода становится распад прежних союзов и появление новых межгосударственных объединений. Процесс этот вполне закономерный и направлен на то, чтобы дополнить, а в дальнейшем, возможно, и заменить перестающие эффективно выполнять свои функции в новых условиях существующие международные организации.

Одним из таких объединений по праву стал БРИКС, появившийся в самом начале 2000-х годов сначала как формально-статистический феномен, а в настоящее время претендующий на роль одного из центров формирующегося мироустройства. В этом году грядет первое серьезное увеличение числа членов данного объединения, очевиден растущий интерес к нему у стран Глобального Юга.

Претензии данного объединения на то, чтобы стать одним из центров силы формирующегося многополярного мира, выглядят весьма обоснованными. Уже сегодня по доле в мировом ВВП страны БРИКС обошли G7, а к 2040 году, согласно прогнозам Bloomberg, эта доля вырастет до 45 %, более чем в два раза опережая долю стран G7[3]. На них приходится значительная часть населения мира, а с учетом расширяющегося формата организации — и запасов природных ресурсов. В составе организации находятся первая, третья и пятая экономики мира, если считать ВВП по паритету покупательной способности.

Таким образом, ресурсный потенциал БРИКС можно назвать впечатляющим. В идеале и перспективе БРИКС+ должен был бы сформировать новый проект международного разделения труда, который позволил бы входящим в него странам на первом этапе легче адаптироваться к условиям стремительно меняющегося мира, снижая возрастающие в этот период экономические и социальные риски, а затем построить более справедливое пространство экономической кооперации.

[2] Заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Социальное государство в зеркале общественных трансформаций», «Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы», «Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект», «Международные стандарты в сфере труда: институты и механизмы реализации (опыт развитых стран и России)», «Качество жизни населения мира: тенденции, измерение, институты»; статей в научных журналах: «Социальные вызовы цифровой экономики: Россия в глобальном контексте», «Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений» и др.

[3] Bloomberg: к 2040 году доля БРИКС в мировом ВВП вырастет до 45 % // Газета.Ru. URL: https://finance.rambler.ru/economics/51732295-bloomberg-k-2040-godu-dolya-briks-v-mirovom-vvp-vyrastet-do-45/ (дата обращения: 30.08.2024).

Для России, первой выступившей за построение более справедливого многополярного мира, этот путь оказывается весьма востребованным, поскольку позволяет не только развивать экономику, обходя небывалые по размаху санкции, и обеспечивать социальное благополучие граждан, но и поддерживать технологический прогресс, расширяя масштабы необходимой для этих целей емкости рынка.

Не случайно именно в последние годы значительно (с менее чем 20 % в 2021 г. до практически 40 % в 2023-м) возросла доля стран БРИКС в торговом балансе России. Доля национальных валют в торговле со странами БРИКС достигла в прошлом году около 85 %, тогда как еще два года назад этот показатель составлял примерно четверть[1]. Это отвечает насущным и долгосрочным потребностям нашей страны.

Тем не менее очевидно, что сегодняшние члены БРИКС далеко не исчерпали потенциал, заложенный в «доброжелательной» торговле, в возможности трансформации сложившейся системы международного разделения труда, замены одних рынков на другие. На сегодняшний момент только около 6 % от общего объема торговли пяти членов БРИКС приходится друг на друга[2], что, несомненно, является весьма незначительным показателем. Далек от завершения процесс создания единой валюты, а Новый банк развития БРИКС (НБР) прекратил финансирование российских проектов в связи с введенными против страны международными санкциями. Очевидно, что процесс реальной интеграции не будет быстрым и легким, и он не исчерпывается простым сложением потенциалов стран — членов объединения.

Следует отметить, что критерии членства в организации достаточно размыты, что дает значительный простор оценкам организации в общественном и научном дискурсах. От самых оптимистических — «знак качества национального суверенитета»[3], через нейтральные — «клуб восходящих стран незападной части мира», «платформа партнерства и координации»[4], до негативных: БРИКС — это «политический альянс стран, раздираемых социальными противоречиями»[5].

На сегодняшний день можно говорить, что пока складываются лишь формальные контуры объединения, которое еще предстоит наполнить реальным содержанием. При этом если на начальном этапе интеграции государства-члены лишь координируют свои действия на международной арене в политической плоскости, то переход к более глубокой экономической кооперации потребует серьезных дополнительных усилий по согласованию общих целей развития, трансформации национальных институтов управления или, по крайней мере, направлений внутренней политики. При этом неспособность ускорить процесс упорядочения хаотизирующейся мировой системы грозит современному миру достаточно серьезными катаклизмами.

Факторов, которые могут повлиять на скорость и глубину интеграционных процессов, великое множество. К ним можно отнести ценностные, экономические, политические, военно-политические, логистические, ресурсные. Не претендуя на полноту картины, попробуем оценить некоторые из них, а также спрогнозировать возможные риски, с которыми страны, вступившие на путь интеграции, могут столкнуться.

В условиях борьбы за формирование нового миропорядка важнейшим фактором успешности интеграционного проекта становится реальный суверенитет входящих в него государств, вынужденных противостоять давлению прежнего гегемона — США. Государственный суверенитет — понятие сложносоставное. Он подразумевает не только политическую волю руководства страны и осознание обществом единства ценностей, целей и задач, но и экономическую независимость, условием которой, в свою очередь, является наличие ресурсов, отраслей экономики, обеспечивающих национальную безопасность, а также компетенций, позволяющих стране добиваться технологического превосходства.

За квалифицированные кадры и прежде шла ожесточенная борьба, но сейчас она будет обостряться. Несмотря на заявленные на проходившем в августе 2023 года в Йоханнесбурге XV саммите БРИКС цели сближения систем образования и повышения мобильности квалифицированных кадров, у стран-членов может возникнуть соблазн защитить свой рынок труда, использовать преимущества более дешевой рабочей силы, ужесточить «борьбу за таланты», в которой более бедные страны окажутся заведомо проигравшей стороной, вкладывающей значительные средства в подготовку специалистов, но не могущей воспользоваться этими инвестициями в интересах собственного развития[6].

Очевидно, что в условиях сложившейся глобальной системы международного разделения труда, с одной стороны, и суммы взятых на себя государствами социальных обязательств — с другой, мобилизация ресурсов для обеспечения подлинного экономического суверенитета представляется сложной задачей. Реально противостоять давлению тех же США в рамках БРИКС+, например, смогут далеко не все члены. На сегодняшний день это Россия, Китай и Иран, на что указывают многие эксперты[7].

Важным условием становится интеграция системы управления внутри страны, позволяющая, во-первых,

[1] Мировой экономике удалось избежать «жесткой посадки». Интервью Э. Набиуллиной. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=18375 (дата обращения: 30.08.2024).

[2] См.: Extra BRICS shouldn't be used to build a wall against the West. Peter Fabricius. URL: https://issafrica.org/iss-today/extra-brics-shouldnt-be-used-to-build-a-wall-against-the-west (дата обращения: 30.08.2024).

[3] Итоги саммита БРИКС: возможные направления развития организации и ее роли в современном миропорядке. Аналитический доклад Российского общества политологов. 20 сентября 2023 г. URL: https://ruspolitics.site/ekspertnaya-deyatelnost/14426/. С. 4 (дата обращения: 30.08.2024).

[4] *Лавров С.* Не упустить главное: о плюсах и минусах расширения БРИКС // Россия в глобальной политике : [сайт]. 2023. 28 авг. URL: https://globalaffairs.ru/articles/ne-upustit-glavnoe-briks/ (дата обращения: 30.08.2024).

[5] Обзор семинара «Расширение БРИКС: причины, последствия и перспективы» // Современная мировая экономика : [сайт]. 2023. 25 сент. URL: https://cwejournal.hse.ru/kbondarenko-3-2023 (дата обращения: 30.08.2024).

[6] *Цапенко И. П., Сауткина В. А.* Трансграничная мобильность в сфере здравоохранения // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18, № 2. С. 6–24.

[7] *Лавров С.* Указ. соч.

моментально реагировать на стремительное изменение глобальной ситуации и, во-вторых, быть в состоянии мобилизовать ресурсы, необходимые для решения поставленных задач. При этом всегда существует опасность, что в межгосударственных отношениях возобладает протекционизм как ответ на угрозу национальным экономикам в условиях роста экономической нестабильности. Пример Европейского союза, который реализовывал интеграционный проект в гораздо более благоприятных социально-экономических и политических условиях, тому подтверждение.

Еще одним фактором успешности интеграционных процессов становится социально-политическая стабильность в странах, которые в любом случае вынуждены будут столкнуться с серьезными испытаниями — сокращением мировой экономики и ухудшением условий торговли, возможной потерей традиционных рынков, ростом безработицы, социальной незащищенности и бедности. И хотя в Йоханнесбургской декларации члены БРИКС заявили о своей приверженности реализации социальных целей, пока это звучит в большей степени именно как декларация о намерениях. Не разработан даже механизм регулирования рынка труда и трудовых отношений, не говоря уже о реализации более глубоких интеграционных проектов в социальной сфере, что представляется весьма сложной задачей, учитывая значительную разницу в уровне социально-экономического развития, а также то, что в настоящее время по Индексу развития человеческого потенциала государства — члены БРИКС значительно отстают от наиболее развитых стран мира.

Еще один фактор — технологический. В частности, речь идет о цифровой трансформации современного общества и необходимости обеспечения лидерских позиций в этой сфере. В Йоханнесбургской декларации подчеркивается, что страны — участницы БРИКС признают «активную роль цифровой экономики в содействии глобальному экономическому росту», а также «необходимость преодоления цифровых разрывов». Однако очевидно, что задача эта сверхсложная.

Речь идет не только о масштабах распространения информационно-коммуникационных технологий в тех или иных странах, но прежде всего о совместимости цифровых платформ и используемого программного обеспечения. И в этом случае вопрос из технологической области переходит в политическую и даже идеологическую. Широкое применение искусственного интеллекта является сегодня одним из основных направлений технологического развития и одновременно полем ожесточенной конкуренции между странами за лидерство в этой области. Речь идет о ценностях, которые так или иначе закладываются при разработке цифровых платформ на основе искусственного интеллекта. Необходимы серьезные совместные скоординированные усилия по выработке, прежде всего, общих идеологических подходов к тому, какие смыслы будут заложены в основание разработки тех или иных технологических решений.

Необходимость смягчения наиболее жестких последствий конкуренции за рынки и технологии, которая, скорее всего, будет ужесточаться в условиях разворачивающегося кризиса сложившейся системы мироустройства, станет важнейшим фактором консолидации внутри БРИКС+. Однако пока не очевидно, является ли стратегической целью объединения формирование одного из полюсов будущего многополярного мира или же речь идет об исправлении наиболее существенных недостатков прежней модели глобализации.

С одной стороны, достаточно логичным выглядит становление нескольких полюсов, вокруг которых в дальнейшем могут сформироваться новые макрорегионы, как основа нового мироустройства. Именно эта логика позволяет экспертам говорить о разделении современного мира на «цивилизационные платформы, где у каждой цивилизации своя собственная идея»[1]. Во всяком случае, проходившая в начале февраля 2024 года в Мумбаи конференция, посвященная будущему председательству в БРИКС России, называлась «БРИКС: на пути к глобальному центру силы».

С другой стороны, часть экспертов считают, что БРИКС может стать «глобальной организацией нового века — Организацией объединенных цивилизаций»[2]. И Йоханнесбургская декларация подтвердила «приверженность делу укрепления и совершенствования системы глобального управления посредством продвижения более гибкой, эффективной, действенной, представительной, демократичной и подотчетной международной и многосторонней системы»[3]. Регионализация, таким образом, выступает скорее как механизм обеспечения более справедливых принципов развития, в котором сохранились бы все преимущества глобализированного мира, но можно было бы снять накопившиеся противоречия и дисбалансы. Таким образом, речь идет о глобализированном, но в то же время многополярном мире, что является если не противоречивой, то очень сложной для реализации конструкцией.

России в условиях очень неустойчивого, сохраняющего высокий конфликтный потенциал трансформирующегося мира стоит основное внимание обратить на собственное развитие как государства-цивилизации, формирующей собственное пространство смыслов. А кроме того, укреплять экономические связи со своим ближайшим окружением в рамках ЕАЭС и на двухсторонней основе с дружественными ей государствами. Отличительной особенностью данного этапа, скорее всего, будет пересекающаяся множественность типов объединений, страны будут состоять в нескольких объединениях. Перспективы экономической кооперации, а также дальнейшей интеграции в рамках БРИКС+ и других объединений будут зависеть от возможности совмещения интересов вновь проявляющихся на международной арене «цивилизационных платформ».

---

[1] *Тренин Д. В.* Кто мы, где мы, за что мы — и почему // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 3. С. 32–42.

[2] *Трофимов-Трофимов В.* Зачем планете БРИКС // Взгляд : [сайт]. 2024. 15 февр. URL: https://m.vz.ru/opinions/2024/2/15/1253026.html (дата обращения: 30.08.2024).

[3] XV BRICS Summit Johannesburg II Declaration. Brics and Africa: Partnership for Mutually Accelerated Growth, Sustainable Development and Inclusive Multilateralism. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 30.08.2024).

В. П. Семенов[1]

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РАЗНЫХ СТРАН В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ИННОВАЦИЙ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Изменения в международной жизни в условиях формирования и развития новой многополярности, происходящие в течение последних лет, все больше обращают внимание специалистов образовательных и научных организаций разных стран на проблемы сотрудничества и обмена опытом, что находит отражение в материалах проводимого анализа этой проблемы между организациями России, осуществляющими исследования в области экономики, управления и инноваций, и такими странами, как Китай и Индия[2].

Наибольшее внимание при этом обращается на выявление тематики исследований, осуществляемых в научно-образовательных организациях этих стран, определение перечня научных журналов, в которых размещаются публикации[3], а также их авторов с целью изучения и прогнозирования профиля научных исследований, а также возможности сотрудничества и обмена опытом в интересующих областях.

Это вызвано также необходимостью определения предпочтительных направлений обучения студентов и сотрудничества с зарубежными коллегами в области развития образования с учетом особенностей рассматриваемых стран.

Для изучения этой проблемы были рассмотрены научные публикации ряда иностранных и отечественных авторов.

Изучение материалов показало, что статьи индийских авторов отличаются существенной степенью взаимосвязи инновационного менеджмента и информационных технологий. Необходимо отметить при этом, что ряд авторов представляют различные подходы к использованию математико-статистических методов и моделей для анализа результатов исследований научно-образовательных организаций в экономических и социальных областях[4]. Некоторые авторы (Дж. Сентил, М. Мутуканнан)[5] предлагают использовать бережливые технологии в производственной деятельности компаний.

Большое количество публикаций посвящено концепции бережливых инноваций, явившихся новым взглядом на понимание смысла и содержания бережливости. С ним российских ученых познакомили в 2018 году индийские исследователи Нави Раджу и Джайдип Прабху[6]. Авторы показали, как научиться производить с наименьшими затратами больше продукции, удовлетворяющей потребителей во всех странах мира. Научные публикации, посвященные данной теме, представлены коллективами авторов (Н. Дахмани и др.[7], С. Таника Карасан и др.[8]).

Довольно большое количество публикаций как китайских, так и индийских авторов посвящено проблемам устойчивого развития экономики[9]. Международное сообщество, обеспокоенное современными проблемами, приняло ряд нормативных документов, связанных с устойчивым развитием и утвердивших цели устойчивого развития.

В публикациях авторов из Китая и Индии часто рассматриваются такие вопросы, как решение экологических проблем и управление природными ресурсами. Особое место отводится публикациям, поднимающим вопросы, связанные с качеством природных ресурсов: воздуха (Д. Сингх и др.[10]), воды (К. Раджалакшми и др.[11]) и т. д.

Необходимо отметить, что в Китае особо популярна область исследований, связанная с применением способов, методов и инструментов менеджмента. В России достаточно много публикаций посвящено вопросам экономики, управления и инноваций в системах

---

[1] Профессор кафедры менеджмента и систем качества Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), доктор экономических наук. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Современные проблемы развития и интеграции систем менеджмента качества в организациях», «Глобальные тенденции освоения энергетических ресурсов российской Арктики. Часть I. Тенденции экономического развития российской Арктики»; статей в научных журналах: «Проблемы и направления развития менеджмента качества в условиях индустриально-сырьевой экономики», «Интегрированная модель системы управления организацией на основе технологий менеджмента качества и бережливого производства», «Выявление актуальных исследовательских проблем экономики и менеджмента качества на основе контент-анализа научных публикаций», «Теоретико-игровая модель формирования стратегии развития предприятия в условиях неопределенности рыночной среды» (на англ. яз.) и др. Награжден нагрудным знаком Министерства образования и науки РФ «За развитие научно-исследовательской работы студентов».

[2] *Малафеевский Т. А., Семенов В. П.* Выявление актуальных исследовательских проблем экономики и менеджмента качества на основе контент-анализа научных публикаций // Качество, инновации, образование. 2022. № 5. С. 14–25.

[3] Там же.

[4] *Somasundaram M., Mohamed Junaid K. A., Mangadu S.* Artificial Intelligence (AI) Enabled Intelligent Quality Management System (IQMS) For Personalized Learning Path // Procedia Computer Science. 2020. Vol. 172. P. 438–442.

[5] *Senthil J., Muthukannan M.* Development of lean construction supply chain risk management based on enhanced neural network // Materials Today: Proceedings. 2022. Vol. 56, № 4. P. 1752–1757.

[6] *Раджу Н., Прабху Дж.* Бережливые инновации: Технологии умных затрат : пер с англ. М. : Олимп-Бизнес, 2018.

[7] Smart circular product design strategies towards eco-effective production systems: A lean eco-design industry 4.0 framework / N. Dahmani [et al.]. // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 320, № 128847.

[8] *Velmurugan V., Karthik S., Thanikaikarasan S.* Investigation and implementation of new methods in machine tool production using lean manufacturing system // Materials Today: Proceedings. 2020. Vol. 33, № 7. P. 3080–3084.

[9] Energy efficiency and sustainable development goals (SDGs) / A. Zakari [et al.] // Energy. 2022. Vol. 239, pt. E. 122365.

[10] Sensors and systems for air quality assessment monitoring and management: A review / D. Singh [et al.] // Journal of Environmental Management. 2021. Vol. 289, № 7. 112510.

[11] Prevention of mixing of contaminated water with potable water using internet of things based water quality management system / K. Rajalashmi [et al.] // Materials Today: Proceedings. 2021. Vol. 45, № 9. P. 1008–1011.

транспорта. Это объясняется специфическими особенностями стран, основные из которых — их размер, географическое положение, количество проживающего населения, уровень технологического развития. В материалах публикаций освещаются и другие области соприкосновения интересов разных стран, такие как пищевая безопасность, управление бизнесом в цифровой экономике, развитие транспортных коммуникаций и др.

Авторы из России, Китая и Индии обращают внимание на проблемы и перспективы развития производственных систем на основе принципов четвертой технологической революции, проявляют значительный интерес к оценке рисков, особенно к использованию на практике различных методов и инструментов управления рисками. Проведенный поиск и исследование содержания тематических публикаций авторов этих стран показывают, что большой популярностью пользуется тематика, связанная с индустрией 4.0, что является существенным знаком для системы образования, готовящей специалистов в области управления и инноваций.

Сегодня мир живет в условиях формирования и развития новой многополярности. В настоящее время повышенный интерес вызывает тема сотрудничества научных и образовательных учреждений разных стран в области экономики, управления и инноваций. Умами отечественных ученых и исследователей, работников образовательных организаций, руководителей предприятий сегодня все активнее начинают овладевать современные концепции цифровой экономики, устойчивого развития, управления инновационными процессами, менеджмента качества, экологического менеджмента, бережливых технологий.

О. А. Страхова[1],
В. Ю. Ляпунова[2]

КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В НОВЫХ КООРДИНАТАХ ЭКОНОМИКИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Современный этап развития экономики многополярного мира происходит в новых экономических координатах, в новом пространстве диалога культур и цивилизаций, фундаментом которого является БРИКС. Важнейшая роль в сотрудничестве стран БРИКС принадлежит здравоохранению — сфере, в которой современным трендом является развитие научно-образовательных проектов.

Авторами проведен анализ взаимодействия систем здравоохранения стран БРИКС, который позволяет сформулировать главные концептуальные основы управления здравоохранением на уровне национальных экономик и может быть положен в основу дальнейших организационных изменений здравоохранения в экономике многополярного мира.

Общение между политиками, учеными и экономистами стран БРИКС в предыдущие годы укрепило сотрудничество в области дальнейшего развития современных медицинских и новых управленческих технологий в здравоохранении с целью дальнейшего повышения многоуровневого и масштабного взаимодействия, которое неизбежно приведет к охвату качественным медицинским обслуживанием максимального количества населения, включая уязвимые социальные группы. Обмен медицинскими технологиями позволил определить направление дальнейшего развития менеджмента здравоохранения за счет создания инновационного нестандартного инструментария с внедрением цифровизации. Предложенный инструментарий позволяет добиться надлежащей результативности, несмотря на нестабильную ситуацию в мире, а значит, носит опережающий характер, позволяющий управлять организационными изменениями. Отход от обычных формализованных механизмов построения систем управления здравоохранением позволит преодолеть, прежде всего, глобальные негативные факторы, такие как социальная напряженность, последствия пандемии, глобальных конфликтов и кризисов, а также справиться с профессиональными стрессами и выгоранием. Цифровые платформы в новом управленческом механизме облегчат использование результатов исследований в области здоровьесбережения населения и создадут позитивную динамику в каждой из стран БРИКС.

Организация здравоохранения в многополярной экономике должна быть эффективной не только в экономическом плане, но и в социальном, что требует включения в новый управленческий механизм последних достижений таких наук, как медицинская психология, акмеология, менеджмент и организационная психология. Это позволит разработать эффективный инструментарий, который будет использоваться в управлении организационными изменениями в современных экономических условиях. Сегодняшняя геополитическая ситуация требует новых подходов менеджмента в системе здравоохранения, в первую очередь в управ-

[1] Президент Института делового администрирования Региональной ассоциации менеджеров здравоохранения, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Бизнес-планирование», «Управление командой», «Менеджмент», «Организационное поведение», «Лидерство в новых экономических условиях», «Как эффективно управлять организацией?» и др. Награждена грамотой губернатора Санкт-Петербурга и нагрудным знаком Министерства образования РФ.

[2] Руководитель направления «Тренинг-менеджмент» Института делового администрирования Региональной ассоциации менеджеров здравоохранения. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. «Стратегия устойчивого развития организаций здравоохранения в условиях глобальной нестабильности» (в соавт.) и др. Бизнес-тренер.

лении персоналом. Поэтому в Институте делового администрирования Региональной ассоциации менеджеров здравоохранения (ИДА РАМЗ) проведены исследования возможностей медицинской психологии как эффективного средства управления организационными изменениями, с учетом особенностей национальных систем, культур и нравственных ценностей каждой страны БРИКС. Кроме того, новый управленческий механизм должен обеспечить экономическую безопасность при координации действий, что выдвигает требование единой нормативно-правовой базы для регулирования всех процессов.

Проведенные исследования позволили создать авторскую концепцию управления организационными изменениями здравоохранения в условиях нестабильности геополитической ситуации и мировой экономики с ориентацией на развитие национальных экономик стран БРИКС и возможность регулирования и координации всех управленческих процессов.

В экономике многополярного мира особую значимость приобретает ориентированная на инновации модель подготовки менеджеров здравоохранения в системе непрерывного медицинского образования (НМО), к которой, по мнению авторов, должны присоединиться все страны БРИКС. В такую ориентированную на инновации модель подготовки менеджеров необходимо заложить основные принципы, прежде всего базовые понятия нового типа деловой культуры, на которой строится диалог культур стран БРИКС. При этом деловая культура нового типа, являясь важнейшей составляющей управленческой культуры, обеспечивает успех организационных изменений, которые должны быть направлены на снижение социальной напряженности в обществе. Такие организационные изменения, безусловно, повлияют и на базовые ценностные установки в системах управления здравоохранением стран БРИКС, а ценностные установки окажут воздействие на модель компетенций специалистов. Среди таких специалистов — организационные психологи нового типа, подготовка которых становится приоритетной задачей в системе непрерывного медицинского образования стран БРИКС.

Два базовых проекта института — «Психология делового совершенства в управлении организационными изменениями в условиях новых экономических координат» и «Организационная психология в управлении медико-социальной деятельностью в многополярной экономике» — позволили сформулировать научное обоснование создания психологических служб организаций, ориентированных на достижение высокой результативности самих организаций в новых условиях и устранить негативные последствия молниеносных изменений ситуаций в мировой экономике и геополитике, а также нивелировать воздействие мировоззренческого кризиса в недружественных странах. Кроме того, задачами новых психологических служб является создание внутреннего мотивационного механизма персонала для внедрения в быстро меняющиеся бизнес-процессы. Для быстрых и эффективных организационных изменений, в свою очередь, необходимо прогнозирование, ви́дение будущих организационных изменений, а также разработанные авторами модели компетенций организационных психологов. Усиление роли науки и образования в здравоохранении позволило разработать модель компетенций организационного психолога, которая позволяет решать в организации две взаимосвязанные задачи: эффективно управлять изменениями в самих организациях и снимать социальную напряженность в обществе, опираясь на национальные особенности стран БРИКС. Поэтому личностно-социальный аспект организационных изменений требует включения в модель компетенций как медицинской компетенции организационного психолога, так и компетенций в области менеджмента.

Основные требуемые компетенции организационного психолога: навык психологического анализа, обобщения и актуализации различных форм организационных взаимодействий; психологический подход к решению управленческих проблем разного уровня в организации различного типа; умение применять диагностический метод исследования организационной динамики и технологии коррекционной работы в проблемных ситуациях и др. В многополярном мире, пришедшем на смену однополярному и вызывающем тревогу в связи с быстрыми изменениями, разработанная модель компетенций организационного психолога позволит добиться профессионального совершенства, что в свою очередь позволит прогнозировать изменения и создавать соответствующие организационные механизмы, направляя все процессы организации на получение не только экономической эффективности, но и социального благополучия, соединив их для достижения стратегических целей развития здравоохранения.

В ИДА РАМЗ разработаны программы обучения организационных психологов, действующие в системе государственного НМО России. Авторами разработаны программы дополнительного профессионального образования для специалистов, планирующих заниматься эффективным менеджментом в сфере здравоохранения, с учетом достижений медицинской психологии по специальности «Организация здравоохранения и общественное здоровье. Организационный психолог».

Наработки России в НМО необходимо внедрить в системы образования стран БРИКС, а также привести к единой системе НМО всех стран БРИКС. В рамках этой деятельности рекомендуем к внедрению в странах БРИКС уникальный опыт реализации существующих образовательных программ повышения квалификации дополнительного профессионального образования ИДА РАМЗ «Креативное лидерство в управлении проектами в организациях здравоохранения (36 ч. и 144 ч.)» по специальности «Организация здравоохранения и общественное здоровье. Организационный психолог».

Авторами предлагается концепция управления организационными изменениями в здравоохранении государств — членов БРИКС в условиях новых экономических координат многополярной экономики, включающая дальнейшее становление непрерывного медицинского образования стран БРИКС с использованием последних достижений науки и образования России.

Литература

Ван, С. Защитить здоровье / С. Ван // Российская газета. — 2023, 31 авг. — URL: https://rg.ru/2023/08/31/zashchitit-zdorove.html?ysclid=lyq3bm4wyz757888637 (дата обращения: 17.07.2024).

Страхова, О. А. Концепция развития организаций здравоохранения в условиях глобальной нестабильности / О. А. Страхова, В. Ю. Ляпунова // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 25–26 мая 2023 г. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2023. — С. 299–301.

Страхова, О. А. Стратегия повышения конкурентоспособности организации здравоохранения в условиях глобальной нестабильности / О. А. Страхова, В. Ю. Ляпунова// Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 9–10 июня 2022 г. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2022. — С. 374–376.

А. Ю. Стрижак[1]

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО РОССИИ И КИТАЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ВЫЗОВЫ

16 июля 2001 года между Россией и Китаем был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, в котором отражены основные принципы и направления партнерского стратегического взаимодействия стран[2]. Военно-политический конфликт, связанный с событиями на Украине, а также жесткие международные санкции, последовавшие за ним, актуализировали российско-китайские договоренности об экономическом партнерстве и вывели страны на новый уровень координации. Количество коммерческих сделок между Россией и Китаем за последние годы достигло своего апогея и продолжает расти.

Оба государства поддерживают идеи многополярного мира, отстаивают принципы свободной и открытой торговли, а также стремятся к экономической интеграции на Евразийском континенте. Во-первых, они обладают огромными рынками и мощным потенциалом для развития торговли и инвестиций. Во-вторых, Россия располагает богатыми природными ресурсами, которые успешно экспортируются в Китай в качестве сырья, в то время как Китай имеет сильное производственное преимущество и спрос на эти ресурсы. В-третьих, и Россия, и Китай активно развивают инфраструктуру и транспортные связи, что способствует увеличению торгового обмена и инвестиций. В-четвертых, Россия и Китай сотрудничают в рамках различных международных организаций, таких как BRICS, SCO, ASEAN. Важным преимуществом развития экономических отношений между Россией и Китаем также является их географическое соседство, что снижает логистические издержки экспортно-импортных операций.

Основные тенденции взаимной торговли между Россией и Китаем за последние шесть лет связаны со снижением объемов торговли во время пандемии COVID-19 2020 года, планомерным восстановлением в 2021 году и быстрым ростом в 2022-м. По данным Главного таможенного управления Китайской Народной Республики, в 2021 году товарооборот между Китаем и Россией составил 145 млрд долларов, то есть вырос на 35,8 % по сравнению с 2020 годом. К концу 2022 года Китай стал ведущим торговым партнером России, товарооборот с которым вырос до 190,27 млрд долларов, что на 29,5 % больше, чем в 2021 году. При этом китайский экспорт товаров в Россию в 2022 году увеличился на 12,8 %, до 76,1 млрд долларов, а импорт — на 43,4 %, до 114,1 млрд. Это был самый большой рост среди основных торговых партнеров Китая. Динамика импорта товаров из России в Китай в абсолютных показателях представлена следующим образом: в 2018 году — 58,9 млрд долларов, в 2019-м — 61,2 млрд, в 2020-м — 57,1 млрд (небольшой спад, связанный с пандемией), в 2021-м — 78,1 млрд, в 2022-м — 114,1 млрд. Динамика китайского экспорта в Россию также имеет тенденции к увеличению: в 2018 году — 48 млрд долларов, в 2019-м — 49,7 млрд, в 2020-м — 50,5 млрд, в 2021-м — 67,6 млрд, в 2022-м — 76,1 млрд[3].

По данным Министерства экономического развития, за восемь месяцев 2023 года объем товарооборота между Россией и Китаем достиг 142 млрд долларов. Более половины торговых операций между странами осуществляется в национальных валютах. Так, в 2022 году доля торговли в национальных валютах составила около 70 %, а за первые полгода 2023 года — уже 90 %[4].

В стоимостном выражении показатель экспорта в Россию был для Китая самым большим в Европе, превосходя Нидерланды и Германию. Косвенно о росте

[1] Заведующая кафедрой менеджмента Национального открытого института г. Санкт-Петербурга, доктор экономических наук, доцент. Автор 53 научных публикаций, в т. ч.: «Оппортунистическое поведение в киберпространстве: новый вызов пандемии», «Современные тенденции потребления предметов роскоши в странах с рыночной экономикой», «Влияние социокультурных факторов на демонстративное потребление: теоретический анализ», «От демонстративного сверхпотребления к устойчивому потреблению: концепция перехода», «Региональный аспект потребления доступной роскоши в условиях санкций (на примере iPhone)», «Анализ изменения спроса на iPhone в регионах России в условиях новых социально-экономических и геополитических вызовов» и др.

[2] Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3418 (дата обращения: 09.07.2024).

[3] См.: General Administration of Customs People's Republic of China. URL: http://english.customs.gov.cn/ (дата обращения: 09.07.2024).

[4] Минэкономразвития: за 8 месяцев 2023 года товарооборот России с Китаем превысил 140 млрд долларов // Министерство экономического развития Российской Федерации : [офиц. сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_za_8_mesyacev_2023_goda_tovarooborot_rossii_s_kitaem_prevysil_140_mlrd_dollarov.html?ysclid=lyskwasczj499444221 (дата обращения: 09.07.2024).

китайского экспорта в Россию и торговых отношениях в целом может сказать рост доли юаня на российских биржевых и внебиржевых рынках. Доля юаня в валютных сбережениях россиян уже превышает долю евро, составляя более 24 %[1].

Рост стоимостных объемов российского экспорта в Китай обусловлен прежде всего повышением цен на энергоносители на мировых рынках. Доля группы «Минеральное топливо, нефть и нефтепродукты» в общем объеме российского экспорта составила в первом полугодии 2022 года 75,14 % (нефть сырая и нефтепродукты сырые, полученные из битуминозных минералов; уголь каменный; брикеты, окатыши и аналогичные виды твердого топлива, полученные из каменного угля; газы нефтяные и углеводороды газообразные прочие; нефть и нефтепродукты, полученные из битуминозных минералов, за исключением сырых). На втором месте в структуре российского экспорта на китайский рынок находится продукция лесопереработки — 5,33 % (древесина, изделия из нее; бумажная масса, целлюлоза; бумага и картон, изделия из них). Сельхозпродукция и продукты питания с долей 5,07 % в структуре российского экспорта занимают третье место. Группа «Рыба, моллюски, ракообразные», продукция которой относится к отрасли водного промысла, является доминирующей среди продовольственных товарных групп и составляет почти половину доли экспорта российского продовольствия в Китай (1200,25 млн долл.). Цветные металлы, в том числе медь и изделия из нее, никель и изделия из него, алюминий и изделия из него составили 4,92 % российского экспорта; руды, шлаки, зола — 3,21 %; продукция химической и связанных с ней отраслей — 1,79 %; черные металлы — 1,39 %; драгоценные камни и металлы — 1,23 %; удобрения — 1,21 %; машины и оборудование — 0,37 %.

Китай является крупнейшим производителем товаров в мире. Одними из факторов, способствующих росту импорта из Китая, являются выгодная цена, а также широкий ассортимент товаров, доступных на китайском рынке. Товарная структура российского импорта из Китая в январе–июне 2022 года представлена следующими группами:

— машины и оборудование (энергетическое, технологическое и другое оборудование, станки, насосы; электрические машины и оборудование, аппаратура для записи; автомобили, тракторы, другие транспортные средства; приборы оптические, медицинские и пр.) — 51,52 %;

— продукция химической и связанных с ней отраслей (продукты неорганической химии; органические химические соединения; прочие химические продукты; пластмассы, изделия из них; каучук, резина и изделия из них; химические нити; химические волокна) — 14,98 %;

— текстильные материалы и текстильные изделия — 6,32 %;

— разные промышленные товары — 4,61 %;

— черные металлы, изделия из них — 4,17 %;

— обувь, головные уборы, зонты, трости — 4,02 %;

— сельхозпродукция и продукты питания — 3,02 %;

— прочие недрагоценные металлы, металлокерамика, изделия из них — 2,77 %;

— необработанные шкуры и кожа (кожевенное сырье), натуральный мех и изделия из них — 1,59 %;

— изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды, керамические изделия, стекло — 1,58 %;

— цветные металлы и изделия из них — 1,03 %;

— бумага и картон, изделия из них — 0,77 %[2].

Кроме экономических взаимоотношений, Россия и Китай развивают сотрудничество в области образования и культуры. Важнейшей составляющей такого сотрудничества являются программы студенческого обмена, что позволяет молодежи познакомиться с культурами стран-партнеров, языками и способами обучения. Также сотрудничество двух стран включает организацию образовательных и научных конференций, семинаров и выставок, в рамках которых эксперты и специалисты из России и Китая обмениваются опытом в сфере образования и научных исследований, делятся новейшими разработками.

Культурное сотрудничество России и Китая охватывает множество сфер, включая искусство, литературу, театр, музыку, кино и спорт. Культурные фестивали, выставки и концерты проводятся в обеих странах, позволяя жителям России и Китая лучше понять и оценить внутренние нормы и традиции. Особое внимание уделяется сотрудничеству в сфере книгоиздания и перевода литературы. Российские книги переводятся на китайский язык, и в китайских книжных магазинах можно найти широкий выбор книг российских авторов. Аналогичная ситуация и с китайской литературой — она популярна среди российских читателей.

Россия и Китай также сотрудничают в сфере сохранения национальных культурных наследий и популяризации истории и традиций своих стран. Обмен экспозициями музеев, организация культурных форумов и праздников помогают расширить границы культурного понимания между двумя народами.

Несмотря на многолетнее плодотворное сотрудничество между Россией и Китаем, дальнейшее экономическое и политическое партнерство может быть сопряжено с некоторыми проблемами и вызовами.

1. Неравномерное развитие регионального сотрудничества. Китай сосредоточил свое внимание на развитии промышленных центров, таких как Шанхай и Гуанчжоу, в то время как периферийные регионы России остаются менее развитыми и инфраструктурно отсталыми, что может приводить к неравномерному распределению экономических выгод в региональном разрезе.

2. Зависимость от экспорта сырьевых ресурсов. Россия является одним из крупнейших поставщиков энергии и других сырьевых материалов в Китай, однако сильная зависимость экономики России от экспор-

[1] *Дикарев А. Д.* Российско-китайские отношения в 2023 году. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/russia-china-2023/?ysclid=lye1g3g153665474517 (дата обращения: 09.07.2024).

[2] Аналитическая справка и статистические данные по внешней торговле России и Китая по итогам первого полугодия 2022 г. URL: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ch-ru-cooperation/Торговля%20России%20и%20Китая%20в%20I%20полугод%202022%20г..pdf (дата обращения: 09.07.2024).

та сырьевых ресурсов может создавать нестабильность и уязвимость для внешних экономических шоков, таких как колебания цен на мировом рынке.

3. Различия в экономической структуре. Россия и Китай имеют разные структуры экономики: Китай ориентирован преимущественно на экспорт товаров с низкой стоимостью, тогда как Россия, помимо экспорта сырьевых ресурсов, стремится развивать высокотехнологичные отрасли. Эти различия в экономической структуре могут препятствовать разработке совместных проектов и инвестиций.

4. Геополитические факторы. Вопросы границ и территориальной целостности между Россией и Китаем (такие как спор о пограничных территориях и островах) могут повлиять на экономическое сотрудничество между двумя странами. Это может вызвать политическую напряженность и создать риски для бизнеса и инвестиций.

5. Культурные и языковые различия, состоящие в подходах к реализации бизнес-процессов, следовании этическим нормам и социальным коммуникациям, могут затруднять принятие общих решений и приводить к конфликтам.

Несмотря на наличие потенциально возможных вызовов и угроз, многолетнее российско-китайское стратегическое партнерство дает мощный импульс для процветания обеих стран и совместного преодоления экономических кризисов, что в дальнейшем отразится и на институциональной конвергенции социокультурного пространства.

Е. Л. Торопцев[1]

ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ[2]

Многополярный мир предполагает, как известно, наличие определенного набора полюсов силы: экономической, военной, политической, духовной, идеологической. По замыслу такой полюс должен быть привлекательным для социума во всем мире. Согласно тематике секции сосредоточим внимание на первой характеристике полюса мира — экономической. Он зарождается и устойчиво функционирует там, где государство активно формирует и реализует эффективную структурную политику в экономике.

Воздействие на структуру экономики — это усилия, направленные на изменение ее свойств. Они могут применяться для решения самых разных задач: выполнить технологический «апгрейд» экономики, диверсифицировать ее и т. п. Одной из основных целей структурных реформ в российской экономике надолго останется направленный синтез таких ее внутренних динамических свойств, которые при отсутствии ограничений на ресурсы или даже при минимально достаточных ресурсах обеспечивали бы самоподдерживающийся апериодический экономический рост и демпфирование экзогенных шоков и циклов деловой активности. Анализ публикаций последних двух десятилетий по данному вопросу свидетельствует о росте в разных странах активности, нацеленной на поиск новых решений для формирования и реализации структурной политики. Неравномерность развития и общая неопределенность последнего времени расширяют круг этих стран и множат подходы к разработке структурной политики. В связи с этим отметим растущую актуальность создания новых инструментов и методов численного анализа эффективности такой политики. Сказанное усиливает и тот факт, что даже минимальная реализация структурной политики на практике, основанная на проверенных подходах и решениях, не позволяет избежать просчетов. Власть должна быть готова адекватно реагировать на ошибки, учиться на них и корректировать свое экономическое поведение вплоть до полного прекращения отдельных мер и программ.

Экономика представляет собой динамическую систему, которая редко находится в равновесном состоянии. Для исследования таких систем лучшим из возможных является аппарат дифференциальных уравнений и методы их анализа. Поэтому мы обращаемся к динамической модели межотраслевого баланса, авторским методам ее оцифровки и теории собственных динамических свойств экономических систем.

Формально оцифровка возможна при введении в научный оборот и расчете матрицы собственных (внутриотраслевых) и взаимных (межотраслевых) инерционностей, элементы которой имеют размерность времени. Сама она располагается в модели на месте матрицы приростных фондоемкостей.

Приростные фондоемкости отличаются всеми научными «подводками», но мы не знаем ни одного статистического института в мире, который бы разрабатывал и публиковал такую матрицу хотя бы для отдельно взятой экономики. Матрица приростных фондоемкостей в мировой статистике отсутствует тотально.

Вторым фактором, обеспечивающим практическую ценность модели, является использование для ее калибровки матрицы коэффициентов финансовых потоков. Выполненные расчеты позволяют заключить, что на интервале публикации Росстатом базовых та-

[1] Профессор кафедры цифровых бизнес-технологий и систем учета Северо-Кавказского федерального университета, доктор экономических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Структурные дефекты и деформации экономики», «Структурные инерционности экономических систем», «Анализ макроструктурной динамики в рамках методологии „Затраты-выпуск“», «Оптимизация структурной динамики экономики в рамках методологии „Затраты-выпуск“», «Динамическая модель межотраслевого баланса, проблема ее оцифровки и моделирования структурных переходных процессов» (на англ. яз.) и др.

[2] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00056. URL: https://rscf.ru/project/24-28-00056/.

блиц «затраты–выпуск» модель обеспечивает уверенное прогнозирование валового производства в текущих и сопоставимых ценах. В предлагаемом виде модель претендует на использование в качестве одного из инструментов анализа структурных изменений в отечественной экономике с целью сопоставления экономической динамики России с тенденциями в других развитых и развивающихся странах. Ее оцифровка для регионов позволила бы выполнять аналогичную работу на мезоуровне.

Термин «структурная политика», где на месте второго слова часто употребляют «реформа», «перестройка», «трансформация», продолжает нуждаться в толкованиях и пояснениях. Приведенные слова часто употребляются совместно с понятиями «промышленная политика» или «денежно-промышленная политика». В самом широком смысле такой процесс нацелен на движение/переходы от достигнутого к лучшему с некой оптимальной динамикой в экономике и социальной сфере. Федеральный закон от 31 декабря 2014 года № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» гласит, что приводом такого движения является «комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала Российской Федерации, обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукции».

Общественные ожидания от такого рода мер связаны с оценками глубины текущих и предстоящих изменений экономической жизни в стране и регионах, которые сопрягаются с ожиданиями лучшего будущего для каждого члена общества. В Аналитическом докладе НИУ ВШЭ (2018) уже в предисловии приводится несколько более емкая «импортная» формулировка обсуждаемых понятий. В соответствии с ней рассматриваются действия властей, направленные на «улучшение бизнес-среды и (или) улучшение структуры экономической активности в секторах и (или) технологических областях, которые обеспечат лучшие перспективы для экономического роста и создания общественных благ по сравнению с отсутствием вмешательства государства». Обе формулировки оставляют широкий простор для дискуссий и предположений о том, что конкретно, когда и за счет чего следует делать. Немногое в этом смысле проясняет и идея (лежащая в основе еще одного определения понятия «структурные трансформации») перемещения ресурсов из низкопроизводительных в высокопроизводительные виды экономической деятельности (ВЭД). Председатель Банка России Э. С. Набиуллина 15 ноября 2022 года в выступлении на пленарном заседании Госдумы поставила задачу для финансового сектора: решить вопрос о том, каким образом финансировать структурную перестройку экономики, что по умолчанию предполагает проведение адекватной масштабу задач денежно-кредитной (денежно-промышленной) политики.

Известны работы, авторы которых пытаются раскрыть состояние научного дискурса вокруг обсуждаемого понятия. Главный вывод повторяет известные заключения, что локомотивом экономического роста выступают процессы внедрения новых технологий и повышения производительности труда, в том числе и за счет перетока ресурсов из одних сфер деятельности в другие. Последнее по этому вопросу: снижение экономической активности отдельных ВЭД бывает сложно отличить от циклических колебаний валового производства отраслей в периоды их технологического перевооружения, смены технологических укладов. Тем более что цикл колебаний может быть единственным, а следом уже наблюдается экспоненциальная динамика. Дж. Стиглиц, изучающий колебания, проходит мимо идеи о том, что экономику как динамическую систему для идентификации периодических и апериодических составляющих движения целесообразно моделировать системой обыкновенных дифференциальных уравнений. Интегрирование модели позволяет визуализировать экономическую динамику. Подобному моделированию и анализу посвящен настоящий доклад. Таким образом, если в соответствии с приведенными определениями к множеству структурных реформ в экономике можно отнести массу деяний — от создания/разрушения институтов и приватизации государственной собственности до либерализации всего и вся, то мы здесь будем говорить только о технологических аспектах реформирования на базе классического динамического межотраслевого анализа.

Структурный подход/анализ широко применяется в исследованиях экономической динамики для ответа на вопрос о первичности, вторичности и взаимосвязанности структурных изменений и экономического роста. Для нас важен статистический факт того, что со второй половины XX века все длительные периоды экономического роста в мире, к которым применяли термин «экономическое чудо», происходили на фоне значительных структурных изменений.

На сегодняшний день единой теории структурных трансформаций не существует, а имеющиеся теоретические построения носят объясняющий характер. Доступные для анализа и прогнозирования задачи решаются на основе методов экономической статистики, эконометрики, финансовой математики, ценовых оценок, расчетов по канонам теории индексов. В упомянутом Аналитическом докладе НИУ ВШЭ отмечается, что набор вариантов анализа, предлагаемый указанными академическими дисциплинами, хорошо справлялся с математико-статистическим описанием экономики XX — начала XXI века, то есть с описанием индустриальной экономики массового производства ресурсных товаров и товаров для конечного потребления, транспорта, традиционных услуг и торговли и т. п. «Набор» по этим «координатам» и теперь хорошо работает.

Выводы, сделанные усилиями пяти научных институтов НИУ ВШЭ, свидетельствуют о том, что экономическая реальность последнего времени характеризуется в том числе и производством высокотехнологичных

товаров и услуг, когда экономическая динамика плохо поддается измерению указанными традиционными методами. Такой вывод порождает две идеи: а) о необходимости внесения изменений в действующий ОКВЭД-2 для детализации представления в нем результатов вхождения высоких технологий в экономическую жизнь; б) о востребованности неценовых оценок экономической динамики, возможно более адекватных при измерении новой экономики. И если реализация первой идеи — прерогатива Росстата, то разработке второй посвящена наша работа. При этом первым шагом является определение и оцифровка модели, позволяющей оценивать (измерять) технологические структурные сдвиги в терминах межотраслевых инерционностей и степеней экономического роста (роста валового производства).

Само понятие «структура экономики» не может быть введено одним коротким определением, поскольку оно является многогранным/многоплановым/многоаспектным. Так, различают воспроизводственную (функциональную), отраслевую, технологическую, пространственную структуры экономических систем, возможные для формализованного представления на основе динамических моделей. И только характеристики форм собственности агентов экономики, представление относящихся к ним долей выпуска не могут быть формализованы в уравнениях МОБ.

Обсуждаемые здесь структурные реформы российский ЦБ сводит к таким мероприятиям, как монетарное манипулирование параметрами экономической политики с целью перераспределения ресурсов и доходов между экономическими агентами. Эти действия нацелены также на переориентацию потоков ресурсов внутри секторов экономики и между ними. Россия, особенно в сложившихся после 2014 года социально-экономических и исторических внешних условиях, обязана проводить структурную политику, нацеленную на решение гораздо более серьезных проблем развития. Не имеющая ограничений со стороны природных ресурсов страна при адекватном управлении может и должна быть структурно устойчивой, когда обеспечиваются:

— самоподдерживающийся апериодический экономический рост;

— достаточная для управления ростом наблюдаемость и чувствительность (а значит, и управляемость) составляющих экономической динамики;

— демпферные свойства экономики в отношении экзогенных шоков самого разного характера;

— запас колебательной и апериодической статической устойчивости системы, исключающий резкий срыв с траектории развития и роста.

Место России в многополярной мировой экономике целесообразно определять на основе оцифровки модели, для чего естественно использовать базовые таблицы «затраты–выпуск» (ТЗВ), размещаемые на сайте Росстата. На период написания данного доклада доступны ТЗВ за 2011 и 2016 годы. ТЗВ за 2021 год ожидаются, но пока на сайте опубликованы только результаты Федерального статистического наблюдения.

Автор модели В. В. Леонтьев обнародовал ее в 1952 году, указав и на то, что матрица B размерностью (100×100) для американской экономики сгенерирована его сотрудником К. Иверсоном. Однако никаких следов этой или других симметричных матриц B какой-либо экономики мира нам не удалось обнаружить, несмотря на активные поиски, не прекращающиеся с 1998 года. Никогда и нигде методика оцифровки этой модели не публиковалась, хотя динамические модели с матрицей B использовались в разное время (такие работы встречаются).

Опуская в докладе всю математическую «анатомию» преобразований модели, отметим только, что запись модели не по строкам, а по столбцам симметричной ТЗВ, как в статике записывают ценовую модель МОБ, позволит получить в качестве B матрицу инерционностей формирования добавленных стоимостей в экономике.

Выводы. Приведение модели к так называемой нормальной форме Коши позволяет мгновенно характеризовать структурные свойства экономики в терминах степеней экономического роста (решения обыкновенных дифференциальных уравнений представляют собой сумму экспонент), чего ранее не делалось. Это, в свою очередь, дает возможность с помощью сравнительного анализа определить место России в современном многополярном мире и выявить многоаспектность потенциала ее влияния на мирохозяйственные связи и их развитие.

А. А. Федченко[1]

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК КОМПОНЕНТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Многополярность стала неотъемлемой реальностью международных процессов, поэтому она рассматривается нами как базовая установка при исследовании возможности развития стран в современных условиях. Многополярность мира предполагает наличие нескольких центров, являющихся точками экономического роста и потенциальными источниками инновационных преобразований. Мы разделяем позицию А. Г. Дугина, касающуюся Теории многополярного мира, в соответствии с которой в настоящее время происходит ее формирование, что подтверждается многочисленными исследованиями[2]. Начиная с 2000-х годов данная теория стала широко востребованной и активно используемой в международной деятельности многих государств.

Ответом на вызовы многополярности стало создание межгосударственного неформального объединения динамично развивающихся стран, основанного в июне 2006 года в рамках Петербургского экономического форума с участием министров экономики Бразилии, России, Индии, Китая[3]. Первое расширение этого межгосударственного объединения связано с включением в него в 2010 году ЮАР, после чего оно стало называться БРИКС (*англ.* BRICS). Аналогия в звучании аббревиатуры этого межгосударственного неформального объединения с английским словом bricks (кирпичи) связывается с тем, что за счет этих стран во многом будет строиться вся мировая экономика.

БРИКС — расширяющееся и растущее межгосударственное неформальное объединение. При втором расширении к БРИКС присоединились Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия. В 2023 году произошло третье расширение БРИКС, обусловленное тем, что ряд стран подали официальные заявки на вступление в объединение: Алжир (7 ноября 2022 г.), Бангладеш (19 июня 2023 г.), Белоруссия (7 июля 2023 г.), Венесуэла (3 августа 2023 г.), Пакистан (22 ноября 2023 г.). Дальнейшее расширение обусловлено тем, что в 2024 году БРИКС усилило взаимодействие с Танзанией и другими странами Восточной Африки, что связано со вступлением Египта, Эфиопии, Ирана, ОАЭ и Саудовской Аравии в объединение в 2024 году. В настоящее время это межгосударственное объединение состоит из девяти государств. Доля суммарного ВВП стран БРИКС в мировой экономике постоянно растет и в 2022 году достигла 31,9 %[4]. По мнению экспертов, данная тенденция сохранится и в будущем, так как для этого имеется достаточно предпосылок.

В своих действиях страны БРИКС опираются на принятую ими в 2020 году Стратегию, одна из целей которой — повышение качества человеческого капитала[5]. В условиях многополярного мира роль человеческого капитала и необходимость непрерывного инвестирования в него возрастают, что обусловлено усилением конкуренции цивилизаций. Инвестиции в человеческий капитал должны быть, как и любые инвестиции, экономически эффективными, то есть окупаемыми. Инвестирование в человеческий капитал в определенной степени зависит от исторических, национально-культурных традиций той или иной страны. В частности, в Указе Президента РФ от 25 января 2023 года № 35 заявлена следующая цель: «Государственная культурная политика призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания… дальнейшее развитие потенциала общества и личности»[6].

В соответствии со Стратегией БРИКС предполагается решение ряда задач, касающихся развития человеческого капитала и рассматриваемых в рамках нашего исследования в качестве первоочередных. Это проблемы, связанные с занятостью, в том числе использование гибкого графика и новых форматов работы; установление достойного уровня минимальной заработной платы в каждой из стран БРИКС; повышение производительности труда и квалификации работников. На наш взгляд, ключевой является задача обеспечения занятости населения, так как ее решение связано с доходами работников, обеспечивающими достойный уровень жизни; созданием условий для повышения производительности труда и мобильности работников.

Во многих странах происходит снижение количества занятых в производственных секторах экономики при увеличении их численности в сфере услуг (особенно информационных), что приводит к возрастанию доли квалифицированных работников интеллектуального труда, от которых требуется креативность разработок, гибкость принимаемых решений, конструктивность и толерантность в общении. Потребность в низкоквалифицированной рабочей силе в существенной степени удовлетворяется за счет мигрантов. Иссле-

[1] Профессор департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ, доктор экономических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Инструментарий оценки и подбора работников в условиях BANI-мира», «Управление вознаграждением в условиях неопределенности», «Траектория развития социального партнерства», «Комплексный анализ социально-трудовой сферы региона» (на англ. яз.), «Удаленная работа в условиях использования цифровых технологий: перспективы трансформации», «Ориентированный на человека общественный договор как основа социальной справедливости — ключевая идея доклада МОТ по вопросам будущего сферы труда» и др.

[2] *Дугин А. Г.* Теория многополярного мира. Плюриверсум : учеб. пособие для вузов. М. : Академ. проект, 2015.

[3] История БРИКС // НКИ БРИКС, Россия. URL: https://www.nkibrics.ru/pages/history-brics (дата обращения: 10.02.2024).

[4] БРИКС. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/БРИКС#/media/Файл:GDP_BRICS_G7.svg (дата обращения: 06.02.2024).

[5] Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года. URL: https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf (дата обращения: 09.02.2024).

[6] Указ Президента РФ от 25 января 2023 года № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004 (дата обращения: 14.02.2024).

дователи обращают особое внимание на международную добровольную трудовую миграцию, под которой понимается «законодательно регулируемая группа различных по полу, возрасту и профессионально-квалификационным признакам иностранных граждан определенной страны, добровольно принявших решение о поиске работы в иной стране»[1]. Такая миграция означает изменение местопребывания людей, вызванное необходимостью улучшения материального положения или желанием более полной профессиональной либо творческой реализации. Международная трудовая миграция может выступать источником пополнения внутренней, которая сложилась значительно раньше, чем внешняя, и занимает большую долю[2].

Наиболее важными задачами, решение которых повышает эффективность использования миграции в условиях многополярного мира и новой экономической реальности, представляются:

— оперативность получения заинтересованными лицами информации об изменениях в миграционном законодательстве разных стран;

— создание согласованного между странами механизма регулирования миграционных процессов на рынке труда;

— формирование многонационального социума в каждой из стран путем ассимиляции мигрантов.

При всем значении каждой из задач главной, на наш взгляд, является вторая, так как при ее решении будет более четко обозначена область изменения законодательной базы и более успешно налажено взаимодействие мигрантов и местного населения. Россия участвует в международной конкуренции за миграционный приток рабочей силы при соблюдении принципа оптимальности этого процесса. Проблема использования мобильности людей на благо социально-экономического развития становится все более острой, о чем свидетельствует «Отчет о мировой миграции за 2022 год»[3]. Это связано с тем, что доля мигрантов в численности населения России все больше растет.

Высокая неопределенность социально-экономических процессов и развитие компьютерных технологий способствуют расширению использования нестандартных форм занятости, таких как фриланс, платформенная занятость, отсутствие социальных гарантий и срочного трудового договора[4]. При этом мигранты являются наиболее социально уязвимой группой населения, так как привлечение их к трудовой деятельности осуществляется на основе устной договоренности, не гарантирующей правовую защиту. Исследования Т. К. Блохиной и В. В. Ольховского показали, что «в наименьшей степени ценится час труда работников с неофициальной постоянной занятостью, так как, работая свыше 8 часов в день, они получают за час труда в среднем только 75 % от медианы почасовой оплаты труда в их типах поселений»[5]. Использование нестандартной занятости сопряжено со специфическими проблемами, но оно существенно повышает гибкость рынка труда, что важно для всех его субъектов.

Наиболее удобной из нестандартных форм занятости для низкоквалифицированных мигрантов, составляющих основную их часть, является, на наш взгляд, платформенная занятость. Для мигрантов, имеющих средний и высокий уровень квалификации, наиболее предпочтителен фриланс. Фриланс и платформенная занятость в настоящее время, по нашему мнению, представляют наиболее быстро развивающиеся сегменты как российского, так и международного рынка труда, что в значительной степени обусловлено цифровизацией экономики и всей социально-трудовой сферы. Фрилансеры, работая удаленно и самостоятельно выбирая свою локацию, контактируют с заказчиком главным образом дистанционно, что упрощает общение с работодателем, находящимся в другой стране. При сравнении предпочтительности сфер занятости для мигрантов на первое место выходит платформенная, так как работа фрилансера часто связана с интеллектуальной деятельностью, что не для всех мигрантов является приемлемым.

Законодательная база, касающаяся платформенной занятости, находится на стадии становления, но 15 марта 2023 года в первом чтении был принят законопроект № 275599-8, при обсуждении которого возникли серьезные разногласия между профсоюзами и работодателями. «Для содействия регулирования занятости ряд платформ 25 апреля 2023 года подписали Хартию о принципах развития платформенной занятости в России, а также создали Совет цифровых платформ при Российском союзе промышленников и предпринимателей»[6]. При этом отсутствие жесткого правового регулирования позволяет платформенной занятости оставаться гибкой.

Международный опыт показывает, что «именно платформы, опираясь на собственную экспертизу в сфере разработки цифровых продуктов и понимание специфики этого сегмента занятости, могут предложить цифровую (информационную, платформенную) инфраструктуру для создания удобных, простых и эффективных схем реализации партисипаторного участия в востребованных социальных программах»[7].

В настоящее время многообразие вариантов решения возникающих проблем базируется на использовании современных цифровых технологий и искусственного интеллекта в условиях трансформации миграционных процессов. Таким образом, человеческий капитал во всех его формах является важнейшим компонентом экономического развития многополярного мира.

---

[1] *Андреева А. А.* Определение понятий «внешняя трудовая миграция» и «внутренняя трудовая миграция» в рамках социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 18–20.

[2] Управление человеческими ресурсами (УЧР) : глоссарий / Ю. Г. Одегов, Л. С. Бабынина, М. Н. Кулапов [и др.]. М. : КНОРУС, 2022. С. 22.

[3] Отчет о мировой миграции за 2022 год. URL: http://publications.iom.int (дата обращения: 12.01.2024).

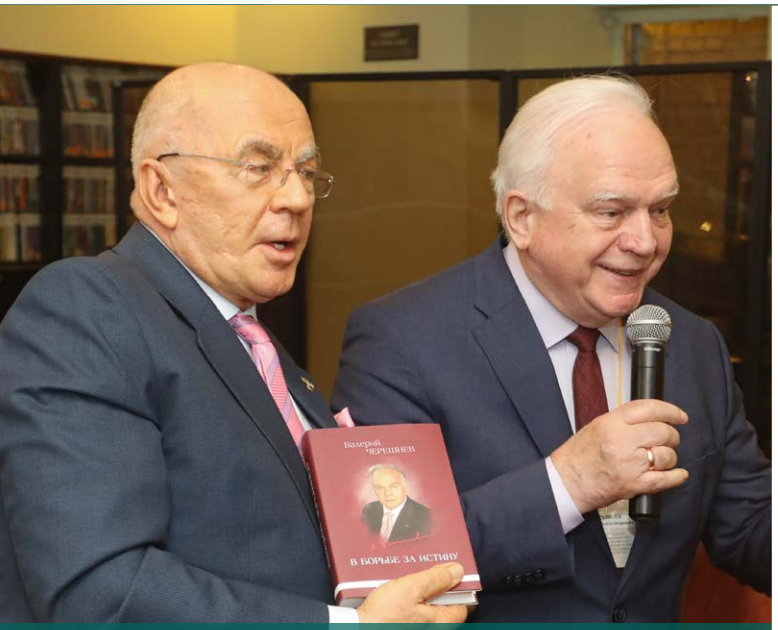
[4] *Денисова И.* Нестандартная занятость в российской экономике / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова // Вопросы экономики. 2007. № 9. С. 154–156. URL: https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-9-154-156 (дата обращения: 12.01.2024).

[5] *Блохина Т. К., Ольховский В. В.* Современные тенденции распространения нестандартной занятости на российском рынке труда // Экономика труда. 2018. № 3. С. 715–724.

[6] *Сазонова М.* Цифровая трансформация рынка труда: платформенная занятость в России // Гарант.ру : [информ.-прав. портал]. 2023. 23 июня. URL: https://www.garant.ru/news/1631366 (дата обращения: 11.09.2023).

[7] Платформенная занятость: определение и регулирование / О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, А. П. Аптекарь [и др.]. М. : НИУ ВШЭ, 2021. С. 30.

Презентация новых изданий Университета в Научной библиотеке им. Д. А. Гранина СПбГУП.
На трибуне — пятитомник, содержащий более 600 лекций и докладов членов РАН в Университете



Ректор СПбГУП, член-корр. РАН **А. С. Запесоцкий**,
Почетный доктор СПбГУП, академик **В. А. Черешнев**

Директор Института философии РАН,
Почетный доктор СПбГУП, академик **А. А. Гусейнов**

Почетные гости Чтений: председатель ФНПР **М. В. Шмаков** с супругой, член-корр. РАН **Ал. А. Громыко**, иностранный член РАН **А. А. Акаев**, ректор Белорусского гос. университета, профессор **А. Д. Король**, зам. министра информации Беларуси **И. И. Бузовский**, Почетный доктор СПбГУП, академик РАН **М. Б. Пиотровский**

Первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по культуре **Е. Г. Драпеко**

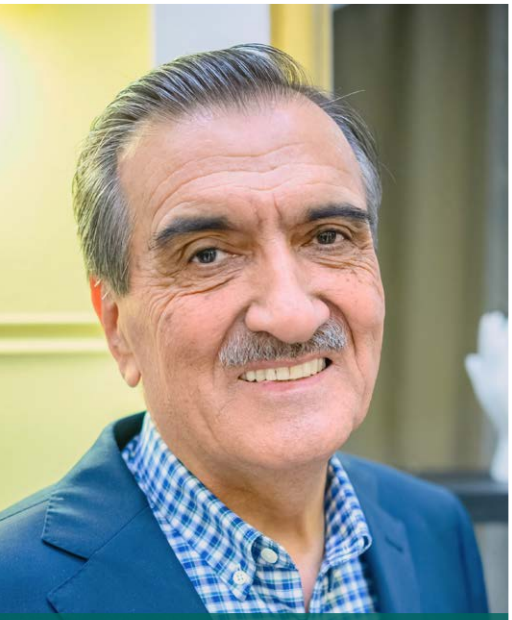
Директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН **Ал. А. Громыко**

Директор Института Африки РАН, член Президиума и член-корреспондент РАН **И. О. Абрамова**

Профессор Университета Сорбонна **О. Рокпло** (Франция)

Зам. директора по научной работе ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, член-корреспондент РАН **С. А. Афонцев**

Президент Киргизской Республики (1990–2005), иностранный член РАН **А. А. Акаев**



Зам. министра иностранных дел Таджикистана (1990–2001), Чрезвычайный и Полномочный Посол **Э. Рахматуллозода**

Председатель Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга, профессор **А. С. Максимов**

Писатель **Н. В. Стариков**

Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик **В. В. Наумкин**

Член-корреспондент РАН **Ж. Т. Тощенко**

Академик РАН, академик РАО **В. А. Лекторский**

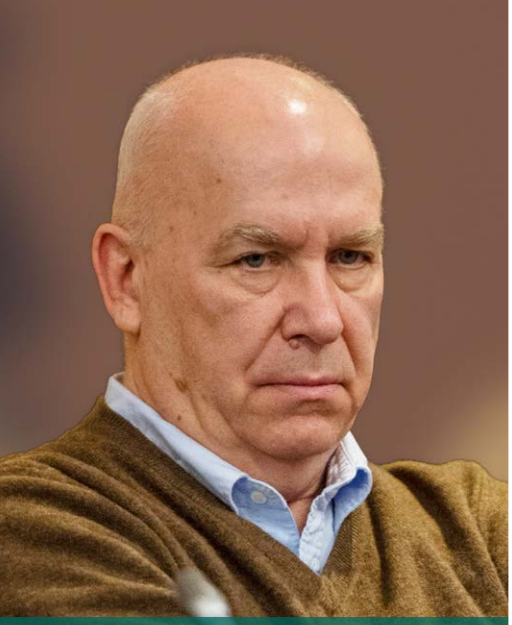
Директор Института актуальных международных проблем Дип. академии МИД России **А. М. Крамаренко**, профессор Белградского университета **С. Атлагич** (Сербия), вице-президент фонда Marmara Group **К. Окрай** (Турция)

Посол Индии в Иордании и Ливии, Верховный комиссар на Мальте (2012–2016) **А. Тригунаят**

Писатель, президент ассоциации Miracles **Г. В. Наумова** (Франция)

Зам. главного редактора радиостанции «Говорит Москва» **А. П. Бинев**

Шерифский принц, президент партии «Альянс за Францию» **М. Эль-Хаттаб Эль-Идриси** (Франция)



Зам. председателя ФНПР
Е. И. Макаров

Зам. председателя ФНПР
А. В. Шершуков

Зам. председателя ФНПР
Н. Н. Кузьмина

Главный редактор газеты «Московский комсомолец», Заслуженный журналист РФ **П. Н. Гусев**

Первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по делам СНГ **К. Ф. Затулин**, первый зам. гендиректора информагентства России «ТАСС» **М. С. Гусман**

Зам. директора Института Африки РАН **Н. А. Жерлицына**

Руководитель Аналитического центра «ЕсооМ» **С. Г. Мусиенко** (Белоруссия)

Почетный профессор СПбГУП, доктор искусствоведения **Д. Н. Катышева**

Панельная дискуссия «„Глобальный Запад“ и „Глобальный Юг“: пути развития»: ректор **А. С. Запесоцкий**, директор Института Африки РАН **И. О. Абрамова**, академик РАН **В. В. Наумкин**, первый зам. пред. Комитета Госдумы РФ по делам СНГ **К. Ф. Затулин**, член Госсовета РФ **М. В. Шмаков**, Посол РФ **М. В. Захарова**, ректор Дип. академии МИД России **А. В. Яковенко**, профессор Сорбонны **О. Рокпло**

Первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по делам СНГ **К. Ф. Затулин**

Зам. министра иностранных дел РФ (2005–2011), Посол РФ в Великобритании (2011–2019), ректор Дип. академии МИД России, профессор **А. В. Яковенко**

Модератор дискуссии **А. С. Запесоцкий** с участниками Пленарного заседания Чтений в Театрально-концертном зале им. А. П. Петрова СПбГУП

Заседание секции «Проблемы и перспективы формирования новой глобальной платформы культурного сотрудничества» (конференц-зал «Стасов/Ушаков», отель St. Petersburg Nevsky Royal)

Зам. руководителя фракции «Единая Россия» в Госдуме РФ, зам. председателя ФНПР, профессор СПбГУП **А. К. Исаев**

Писатель, пианист, историк **Ж.-Л. Башле** (Франция), ведущий научный сотрудник Института Африки РАН **Д. А. Дегтерев**

Директор аналитического центра Conflicts Forum **А. Крук** (Великобритания), научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ **В. А. Шамахов**, главный редактор журнала «Власть», член Совета по внешней и оборонной политике России **С. А. Цыпляев**

Профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (Университета) МИД России **А. В. Манойло**

Зав. кафедрой теории права Тверского гос. университета, профессор **В. И. Крусс**

Академик РАН, академик РАО **В. А. Лекторский**, член-корр. РАН **Ж. Т. Тощенко**, директор Института философии РАН, академик **А. А. Гусейнов**, первый зам. пред. Комитета Госдумы РФ по культуре **Е. Г. Драпеко**, доцент Санкт-Петербургского гос. университета **И. В. Кузин**

Заседание секции «Ценности нового многополярного мира: всеобщее и особенное» (Научная библиотека им. Д. А. Гранина СПбГУП)

Ректор **А. С. Запесоцкий**, президент Киргизии (1990–2005), член РАН **А. А. Акаев**, зам. директора ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, член-корр. РАН **С. А. Афонцев**, член Президиума РАН, академик **Р. И. Нигматулин**

Первый проректор СПбГУП **Л. А. Пасешникова**

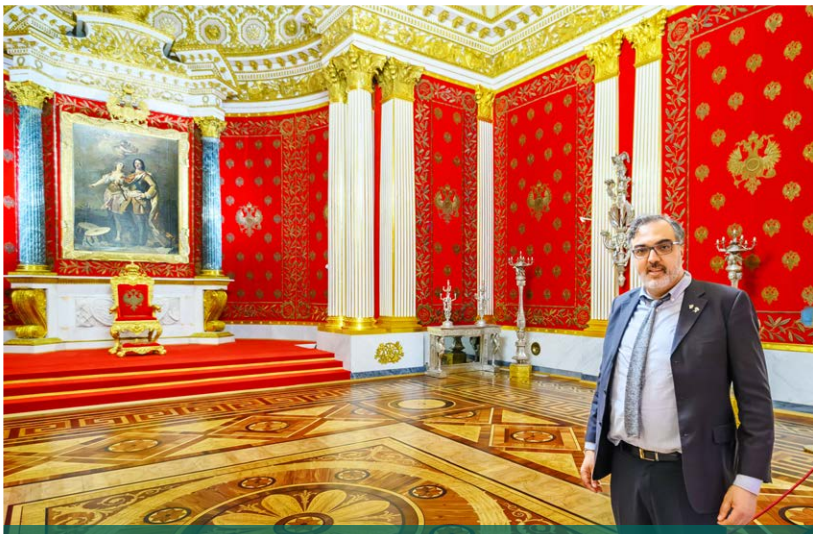
Член-корреспондент РАО **О. Е. Лебедев**

Начальник Главного управления Министерства юстиции РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти **Е. А. Орловский**

Студенты СПбГУП

Госпожа **Б. Эйслинг** (Великобритания), Посол Индии в Иордании и Ливии **А. Тригунаят**, Шерифский принц **М. Эль-Хаттаб Эль-Идриси** (Франция), вице-президент фонда Marmara Group **К. Окрай** (Турция)

Зам. директора ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, член-корреспондент РАН **С. А. Афонцев**



Шерифский принц **М. Эль-Хаттаб Эль-Идриси** (Франция)

Участники XXII Международных Лихачевских научных чтений на экскурсии в Эрмитаже

Зам. министра информации Беларуси **И. И. Бузовский**, ректор Белорусского гос. университета **А. Д. Король**, ректор Белорусской гос. академии искусств **М. Г. Борозна** (Императорский фарфоровый завод)

Член-корреспондент РАН **Ж. Т. Тощенко**

Академик РАН **А. Г. Лисицын-Светланов**

Председатель совета директоров «Комсомольской правды», гендиректор радиостанции «Говорит Москва» **В. К. Мамонтов**

Обозреватель агентства «РИА Новости» **Д. О. Бабич**

Концерт для участников XXII Международных Лихачевских научных чтений. На сцене — «Хор Турецкого» (Гранд Отель Европа)

Председатель Комитета по науке и высшей школе Санкт-Петербурга **А. С. Максимов**, зам. председателя Комитета госслужбы и кадровой политики Санкт-Петербурга **Ю. Ю. Плыско**, ректор **А. С. Запесоцкий**

Писатель, председатель Российского детского фонда **Д. А. Лиханов**, ректор **А. С. Запесоцкий**

Народный артист России, Почетный доктор СПбГУП **Б. Я. Эйфман**

Писатель-сатирик, Заслуженный деятель искусств РФ **С. Т. Альтов**

Ректор А. С. Запесоцкий с супругой **А. И. Данилевич**, абитуриентка СПбГУП 2030 года **Елизавета Запесоцкая**

Заслуженный артист России **А. Н. Асадуллин**

Г. Ф. Фейгин[1]

РАСШИРЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БРИКС КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ БАЗА ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

В начале 2024 года произошло событие, значение которого в контексте эволюции современного миропорядка очень велико. В состав объединения БРИКС (куда ранее входили Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) вошли еще четыре страны: Египет, Иран, Объединенные Арабские Эмираты и Эфиопия. Важность расширения БРИКС определяется прежде всего особенностями современного этапа в развитии мировой цивилизации. После начала СВО на Украине стало очевидным, что существовавший ранее миропорядок был преимущественно однополярным, то есть базировался на доминировании стран Запада (и в первую очередь США), которые практически навязывали остальному миру свою интерпретацию принципов межгосударственного взаимодействия и норм международного права. В последние десятилетия мировое хозяйство шло по пути утверждения глобальной модели капитализма, которая позволяла достичь высокого уровня жизни лишь ограниченной группе стран («золотому миллиарду»). При этом дифференциация по уровню жизни населения между богатыми и бедными странами (в частности, по показателю ВВП на душу населения) во многих случаях не сокращалась и до сих пор остается очень высокой.

В этих условиях вопрос о переходе к новому миропорядку, в котором учитывались бы интересы многих «игроков» и было бы исключено доминирование одного «центра силы», приобрел особую актуальность. Несомненно, в изменении существующих принципов взаимодействия отдельных стран или регионов на глобальной арене заинтересованы многие субъекты и структуры, так или иначе определяющие векторы развития современной мировой цивилизации в целом и мировой экономики в частности. Однако для достижения подобной цели должна быть создана некоторая институциональная база, которая могла бы регулировать процесс перехода к многополярному миру и поддерживать относительно устойчивое функционирование и развитие нового мирового порядка.

Постановка данного вопроса особенно актуальна в связи с тем, что в последние десятилетия в процессе становления институциональной архитектуры в соответствии с принципами глобализации наблюдались существенные противоречия. Так, еще в 1970-е годы высказывалась идея создания мирового правительства, которой также уделялось некоторое внимание и в 1990-е, и в 2000-е годы на пике популярности идей глобализма[2]. В то же время современные реалии таковы, что реализация подобной идеи на практике невозможна, так как социально-экономические условия жизни людей в разных уголках планеты существенно различаются. Поэтому представления о возможностях выполнения современных функций национального правительства каким-либо глобальным институтом нереалистичны.

Иной популярный концептуальный подход, утвердившийся в 1990–2000-е годы, заключался в построении некой единой мировой институциональной системы, которая включала бы институты глобального регионального и национального уровня[3]. Данная концепция также предполагала четкое взаимодействие институтов различных уровней.

В действительности в настоящее время существуют институты, имеющие глобальное значение, например Всемирная торговая организация, Всемирный банк, Международный валютный фонд, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), «Большая двадцатка» и т. д. Также существует ряд наднациональных институтов, распространяющих свое действие на отдельные регионы. В частности, речь идет об институтах, созданных в рамках региональных рыночных и торговых блоков (Европейский союз, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР), Андское сообщество, Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС) и др.).

Однако современная мировая институциональная архитектура характеризуется отсутствием стройного взаимодействия институтов глобального, регионального и национального уровней. Это можно объяснить рядом причин.

Во-первых, глобальные институты не располагают достаточным набором инструментов для обеспечения реализации своих установок всеми участниками. Так, Всемирная торговая организация (ВТО) однозначно исповедует принципы либерализации торговых отношений. При этом два члена ВТО — США и Китай — в период с 2018 по 2020 год находились в состоянии торговой войны, что фактически противоречило принципам ВТО. Однако ВТО как глобальный институт ничего не могла с этим сделать. Аналогичная ситуация наблюдается и при введении антироссийских торговых санкций странами коллективного Запада, притом что Россия с 2012 года также является членом ВТО.

Во-вторых, на региональном уровне также существует множество проблем, в частности в области раз-

[1] Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Рынок труда в Европейском союзе в условиях санкционной войны» (в соавт.), «Молодежь на рынке труда в странах Европейского союза» (в соавт.), «Тенденции развития рынка труда в странах ЕС» (в соавт.); статей в научных журналах: «Глобализация мировой экономики: тенденции и противоречия», «Возможна ли деглобализация мировой экономики?» и др. Отмечен грамотами Министерства образования и науки РФ. Почетный профессор СПбГУП.

[2] *Yacoub A. R.* A World government: a critical look into the present to foresee the future // International law and policy. 2018. Vol. 50. P. 1443–1466. URL: https://nyujilp.org/wp-content/uploads/2018/10/NYI408-1.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

[3] *Bruhl T., Rittberger V.* From international to global governance: Actors, collective decision-making, and the United Nations in the world of the twenty first century. URL: https://archive.unu.edu/unupress/sample-chapters/GlobalGov.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

вития интеграции. Наблюдавшиеся в 1990–2000-х годах процессы стремительного развития интеграции остались в прошлом. Например, ни в одном интеграционном блоке, за исключением ЕС, не удалось создать валютный союз, который был бы аналогичен зоне евро. Соответственно не были созданы институты, аналогичные по функциям Европейскому центральному банку. Определенные трудности возникают и в процессе перехода к полному таможенному или экономическому союзу.

В этих условиях наиболее реалистичным вариантом развития мировой архитектуры представляется сосуществование множества институциональных площадок, позволяющих разным странам осуществлять выгодное для себя сотрудничество в различных формах. Можно предположить, что наряду с существующими крупными международными институтами, например такими, как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) или «Большая двадцатка», будут развиваться и другие наднациональные институциональные образования.

Развитие БРИКС вписывается в контуры именно данного подхода. Члены БРИКС являются активными участниками и других крупных наднациональных институтов. Так, Россия, Китай, Индия, Бразилия и ЮАР входят в состав «Большой двадцатки». Китай и Россия — в состав АТЭС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В состав ШОС также вошла Индия, которая, кроме того, является членом Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК). Бразилия входит в состав МЕРКОСУР. Египет является участником Африканского союза, Лиги арабских государств. Также в состав Африканского союза входят Эфиопия и ЮАР. ОАЭ состоят в Лиге арабских государств. Кроме того, ОАЭ и Иран входят в состав объединения стран — экспортеров нефти ОПЕК.

Очевидно, множественность институциональных образований, предполагающих различные формы международного сотрудничества, в наибольшей мере соответствует сегодняшним реалиям. В то же время подлинно многополярный мир предполагает наличие некого «стержневого» института, в рамках которого могли бы объединяться все наиболее заинтересованные в этом страны. И таким объединением, безусловно, может стать БРИКС.

Рассмотрение данного объединения в подобной роли обусловлено рядом причин. Прежде всего изначально в состав БРИКС входили государства, представляющие собой крупные (фактически крупнейшие) рынки, но не относящиеся к индустриальным странам Запада. Входящие в состав БРИКС государства уже в 2010 году производили 29,9 % мирового ВВП, и на их долю приходилось 16,8 % мирового экспорта. К 2022 году аналогичные показатели составляли уже 34,7 и 19,8 % соответственно[1]. Размер внутренних рынков позволяет этим странам обладать значительным экономическим суверенитетом. Кроме того, в случае объединения эти страны могут представлять собой достаточную силу для того, чтобы противостоять доминированию стран Запада.

Недавнее расширение БРИКС также произошло в контексте этой предпосылки. Все вновь вошедшие в состав БРИКС члены являются довольно крупными рынками. При этом все старые и новые члены БРИКС не входят в состав ОЭСР — ведущего глобального института, где доминируют страны Запада. Следует учитывать и то обстоятельство, что изначально 1 января 2024 года в состав БРИКС планировали войти еще два государства — Саудовская Аравия и Аргентина. Обе эти страны также являются довольно крупными глобальными игроками. Также многие страны заявили о намерении войти в состав БРИКС в ближайшем будущем.

Таким образом, при наличии довольно большого количества международных институциональных площадок именно расширение БРИКС и его последующее развитие можно рассматривать как наиболее значимый шаг в направлении перехода к новому миропорядку, в основе которого лежали бы принципы многополярности. В пользу этого говорят состав участников БРИКС, их место и значение в современной мировой цивилизации, а также перспективы будущего расширения данного объединения. Неслучайно в текущем году планируется проведение крупного международного соревнования — Спортивных игр стран БРИКС. Данное соревнование является важной альтернативой многим турнирам, проводимым под эгидой Международного олимпийского комитета и отдельных спортивных федераций, в которых Россия не может участвовать по политическим причинам.

Несомненно, БРИКС как объединение крупнейших национальных экономик имеет большой потенциал для развития. В то же время в условиях современного глобального конфликта в процессе развития данного объединения следует осознавать и совместно искать пути решения довольно большого количества проблем. Прежде всего существуют проблемы социокультурного характера. Не следует забывать, что входящие сегодня в состав БРИКС страны (как старые, так и новые) находятся на разных континентах, где доминируют различные религиозные конфессии. Также колоссальные различия характеризуют и население (общее число жителей, половозрастной состав). Ряд стран играли заметную роль в истории развития мировой цивилизации, но и в данном контексте очевидны колоссальные отличия. В этих условиях входящим в состав БРИКС государствам будет непросто выработать единые направления (дорожные карты) для будущего сотрудничества и развития БРИКС как института в целом.

Не следует забывать и о том, что характер экономических контактов входящих на сегодняшний день в состав БРИКС государств также крайне неоднороден и важную роль в качестве торговых партнеров членов БРИКС зачастую играют страны, которые сегодня по политическим причинам рассматриваются Россией как недружественные. Так, среди торговых партнеров Китая в 2022 году доминировали США (объем торгового оборота составлял 759,4 млрд долл.), Южная Корея (362,2 млрд долл.) и Япония

[1] Авторские расчеты на основе данных Всемирного банка (World Bank. World Data Statistics. URL: www.worldbank.org).

(357,4 млрд долл.). Главным торговым партнером Индии в 2022 году были США (118,21 млрд долл.), далее следуют входящие в БРИКС Китай (104,32 млрд долл.) и ОАЭ (77,6 млрд долл.). Главным торговым партнером Бразилии был Китай (150,2 млрд долл.), но затем следовали США (88,7 млрд долл.). Также Китай был главным торговым партнером ЮАР (11,9 млрд долл.), но далее следовали США (10,9 млрд долл.) и Германия (10,1 млрд долл.).

Таким образом, страны БРИКС играют важную роль как торговые партнеры друг друга, но и роль стран Запада, а также ряда азиатских стран (Японии, Южной Кореи) в их торговых взаимоотношениях велика. Поэтому следует предположить, что процесс реализации планов по экономическому сотрудничеству стран БРИКС между собой будет нелегким. В условиях глобального конфликта здесь могут использоваться разнообразные инструменты давления. Не следует забывать и о том, что входящие в БРИКС государства зачастую не являются географическими соседями, что также создает некоторые сложности в процессе сотрудничества.

Однако все обозначенные трудности не ставят под сомнение огромный потенциал БРИКС как института, в рамках которого в будущем может быть осуществлен переход к новому миропорядку. Прежде всего нужно выделить абсолютно добровольный характер участия стран в этом объединении. В нынешних условиях ни одна страна не имеет реальных намерений и инструментов для того, чтобы диктовать что-либо своим партнерам по объединению или претендовать на какое-либо доминирование.

Очевидно, что БРИКС как институциональное объединение еще находится в начале своего пути, но он обещает быть длительным и продуктивным. Несмотря на обозначенные трудности, страны БРИКС могут выработать общие подходы к сотрудничеству в различных сферах на взаимовыгодной основе и тем самым реально внести новые веяния в существующий миропорядок. Очевидно, что изменение миропорядка — это глобальная целевая установка, которая не может быть достигнута в кратчайшие сроки. Но эта установка остается лишь декларацией до тех пор, пока не предпринимаются какие-либо конкретные шаги по становлению и развитию новых глобальных институтов. И недавнее расширение БРИКС, безусловно, можно считать именно таким практическим шагом на пути к многополярному миру.

Е. В. Харитонова[1]

ВФНР — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОФСОЮЗ УЧЕНЫХ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА И НОВОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

История и современность

Всемирная федерация научных работников (ВФНР) сегодня — самая крупная и представительная неправительственная организация работников науки. Это профессиональный союз, объединяющий ученых, инженеров и преподавателей высших учебных заведений четырех континентов.

Вся деятельность ВФНР с первого дня работы была подчинена главной задаче — предотвращению ядерной войны и борьбе за мир. Вице-президентами и участниками ВФНР были академики А. И. Опарин, Д. В. Скобельцын, О. М. Нефедов. Российские ученые горячо одобрили идею Фредерика Жолио-Кюри: ученые должны нести ответственность за использование их достижений против человечества.

В 1945 году после ядерных бомбардировок японских городов ученые остро ощутили свою вину за это варварство. Ученые из девяти стран, в том числе СССР, собрались, чтобы послушать лекцию Жолио-Кюри «Наука и благоденствие человечества».

Высказанные им идеи были созвучны взглядам и других великих ученых. Одним из них был Джон Десмонд Бернал — британский физик и общественный деятель, марксист[2]. «Чем скорее мы убедимся в неограниченных возможностях науки творить добро, и не в каком-то далеком будущем, а сегодня и завтра, тем скорее народы мира отвергнут ложный и губительный путь, который ведет науку к войне и разрушению», — говорил Дж. Бернал[3].

В 1946 году была создана Всемирная федерация научных работников (ВФНР) — международная неправительственная организация. Инициаторами выступи-

[1] Старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Коммуникативные барьеры: теория и практика (в контексте межличностного и межкультурного взаимодействия)», «Люди в корпорации. Корпоративная культура в современной России»; статей в научных журналах: «Социальные представления арабской молодежи: факторы и тренды регионального развития (на материале полевых исследований)», «Современная христианская философско-теологическая мысль в Африке: особенности и проблемы», «Национальные интересы России на новом витке глобальной истории: угрозы и возможности», «Традиционная африканская ценностно-этическая система в современном мире: Проект, Миссия, Альтернатива, Протест», «Социальная ответственность бизнеса как потенциал российско-африканских отношений. Опыт эмпирического исследования в странах Африканского континента» и др. Член Президиума Московской региональной организации Профсоюза работников РАН. Награждена Почетной грамотой Федерального агентства научных организаций РФ.

[2] Профессор Кембриджского и Лондонского университетов, член Лондонского королевского общества. Иностранный член АН СССР. Вице-президент ВФНР, президент Всемирного совета мира (1959–1965), лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

[3] *Лихтенштейн Е. С.* Слово о науке : Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты : в 2 кн. М. : Знание, 1978. Кн. 1. URL: https://litmir.club/br/?b=245593&p=32&ysclid=ly79lnylm189232415 (дата обращения: 01.09.2024).

ли британские, французские и советские ученые, а основателями стали физики Ф. Жолио-Кюри, Дж. Бернал, академик Д. Скобельцын и ряд других. В уставе Федерации записано, что ученые не имеют права быть пассивными свидетелями применения науки во вред человеку. В 1989 году в работе организации принимали участие ученые, преподаватели и инженерно-технические работники из 59 стран, в том числе из России. США никогда не входили в ВФНР. Сейчас Федерация расширяется за счет стран Африки и Латинской Америки, то есть стран Глобального Юга — одного из полюсов формирующегося многополярного мира.

Со дня основания организация была нацелена на защиту мира и предотвращение ядерной войны и всегда подчеркивала ответственность ученых за использование результатов их работы. Сегодня, спустя 78 лет, угроза распространения и применения ядерного оружия, ядерных провокаций вновь чрезвычайно актуальна. Ученые разных стран регулярно собираются, чтобы обсудить проблемы, стоящие перед человечеством, ищут способы влияния на людей и организации, ответственные за принятие решений, от которых зависят судьбы мира. Последние встречи проходили на Африканском континенте — в Сенегале и Марокко и в Португалии (Эвора). Активное участие ученых и профсоюзов университетов и академий стран Азии, Африки, Латинской Америки, Европы, России свидетельствует об общих задачах, целях и ценностях ученых и является отражением истинной многополярности.

О некоторых неблагоприятных тенденциях изменения статуса науки и научных работников

ВФНР как международный профсоюз ученых обращает внимание на актуальные проблемы современной фундаментальной науки. Отмечается сходство проблем в системе науки и высшего образования, несмотря на границы и политические различия. ВФНР констатирует, что сегодня наука переживает период кризиса, обусловленный ее сервисной функцией в современном обществе.

В июле 2023 года в Португалии, в университетском городе Эвора, история которого восходит к XVI веку, состоялось 94-е заседание Исполнительного совета ВФНР. В работе участвовали более пятидесяти представителей стран четырех континентов: Азии, Африки, Латинской Америки и Европы. Встречу организовал Университет Эворы и профсоюзы научных работников Португалии. Особое внимание на научном симпозиуме ВФНР было уделено вопросам повышения статуса ученых в обществе и обеспечения их роли в принятии решений, от которых зависит выживание цивилизации. Обсуждение показало, что проблемы науки в разных странах во многом схожи, что позволяет говорить об устойчивых тенденциях ее трансформации.

Симпозиум открыл доктор Антониу Сампайю да Новоа — Почетный ректор Лиссабонского университета, профессор Педагогического института, член Государственного совета. Он подчеркнул важность фундаментальной науки «во времена столь всеобъемлющего отрицания». Важнейший тезис профессора состоял в необходимости перебалансировки «сил напряженности» в науке и университетах. Он отметил, что в последние десятилетия дискурсы и идеологии в университетском образовании и науке определяются тремя доминирующими идеями: *конкурентоспособность, эффективность, предпринимательство.* Эти идеи влияют на критерии оценки и решения в области финансирования науки, на характер внутренней жизни научных учреждений, карьеру ученых. Можно констатировать, что указанные проблемы имеют отношение и к Российской академии наук.

Конкурентоспособность доминирует в науке и высшем образовании, и это вопрос не только оценки качества, но и систематического поощрения конкуренции между учреждениями — за места, рейтинги и объемы финансирования. «Мы все знаем подавляющее влияние метрик и рейтингов, иногда абсурдных, в нашей повседневной жизни. Борьба за лучшее место в этих рейтингах подталкивает институты к практике, исключающей „всех“ и „все“, что не может быть измерено этими показателями». Профессор делает вывод, что такой подход будет иметь драматические последствия как для ученых, так и для науки в целом.

Второй доминирующей идеей является *эффективность*. Этот атрибут управленческого подхода ассоциируется с «менеджеризмом» — с тем, что нам в российской реальности известно как «эффективный менеджмент» и «оптимизация». Эффективность взаимосвязана с тенденцией коммерциализации в высшем образовании и науке. Вот почему две наиболее щедро финансируемые области науки — военные и здравоохранение: в них сконцентрирована бóльшая часть мировых коммерческих интересов. Профессор считает, что ни наука, ни университеты не предназначены для оказания «услуг» «клиентам» и не должны быть связаны обязательствами сделать научную работу рентабельной. В реальности же, если условие «рентабельности» не выполняется, ученые могут быть поражены в правах — дисквалифицированы, недофинансированы или уволены.

Коммерциализация, по мнению профессора, нужна, но только уже после завершения научной работы, если таковая окажется выгодной. С чем мы должны бороться — так это с коммерциализированной наукой.

Третья доминирующая идея в современной науке — *предпринимательство.* С точки зрения инновационности предпринимательство является серьезной инициативой, однако оно нередко фактически уничтожает фундаментальные науки, прежде всего гуманитарные и социальные. Сампайю да Новоа сформулировал мысль, которая объединяет профессоров великих университетов мира: «Мы профессора, исследователи, мы не менеджеры, не предприниматели, не промоутеры бизнеса. Никто не приходит в университет с мечтой „Я хочу создать компанию“. Люди приходят сюда, чтобы насладиться вдохновляющей, открытой междисциплинарной средой — провести фундаментальное ис-

следование. Если есть открытия, которые имеют применение, то это побочное преимущество».

Профессор процитировал слова Альберто Амарала, бывшего ректора Университета Порту, который говорил о необходимости *защищать душу университетов любой ценой*: «Университет должен быть защищен от тех, кто хочет превратить его в орудие капиталистического общества, просто орудие для обучения рабочей силы, необходимой компаниям, чтобы Университет превратился из социального, гражданского института в организацию, оказывающую услуги. Суть университета, которая до недавнего времени заключалась в научном качестве и академической свободе, заменяется функцией управления и критериями эффективности». Недопустимо считать задачей образования «формирование образованных потребителей».

Говоря *о настоящей науке*, профессор подчеркнул, что «по-настоящему радикальные инновации требуют терпения, непрерывной, длительной работы», а потому необходимо приветствовать и культивировать науку, *не ожидая немедленных результатов и «окупаемости»*, без утилитарного подхода. Чтобы быть полезными, университеты и научные центры должны утверждать свою специфику и уникальность, а не имитировать бизнес-модели. На симпозиуме был сделан вывод: необходимо найти способ сбалансировать предпринимательство с «*медленной наукой*». Нет науки, если мы лишаем ее такого ресурса, как время. ВФНР как профсоюз ученых считает решение поставленных вопросов одной из своих основных задач.

ВФНР как площадка для применения мягкой силы и научной дипломатии в условиях многополярности

Сегодня Всемирная федерация научных работников — одна из немногих площадок для коммуникации ученых из разных стран. ВФНР остается верной своим традициям, представляя собой пространство для дебатов, где ученые независимо от своего гражданства и страны проживания свободно выражают свое ви́дение проблем, путей, по которым идут наука и общество, текущих мировых тенденций и будущего. Встречи в рамках Федерации являются инструментом, направленным на расширение сотрудничества между научными работниками, а также между профессиональными союзами и ассоциациями, в которых они состоят. Российская делегация в Эворе представляла российский Профсоюз работников РАН, Российскую академию наук и в конечном счете Россию.

Африка. ВФНР сегодня ставит перед собой задачи содействия устойчивому развитию стран Африканского континента, столкнувшихся (например, в период пандемии COVID-19) с игнорированием их интересов со стороны транснациональных компаний. «Африканское крыло» ВФНР, как и российские представители Федерации, рассматривают такое отношение как новый виток колониализма. Федерация разрабатывает концепцию «Международного фонда, посвященного исследованиям в Африке», цель которого — всестороннее содействие и финансовая поддержка развития африканской науки и образования. Речь идет о мобилизации различных заинтересованных сторон в Африке — как в рамках исследований (университеты, лаборатории, различные научные учреждения), так и за их пределами (профсоюзные конфедерации, НПО, местные органы власти и т. д.). Первоочередное внимание в деятельности Фонда должно быть уделено важнейшим для Африки проблемам борьбы с нищетой, обеспечения чистой питьевой водой, продовольственной безопасности, здравоохранения, вопросам гендерного равенства и поддержки женщин в системе высшего образования и науки, поскольку эта тематика весьма актуальна для Африки и поддерживается «африканским крылом» ВФНР. ВФНР как профсоюз участвует в борьбе с дискриминацией по гендерному признаку в африканской системе высшего образования и науки.

Административный механизм осуществления проекта состоит в заключении соглашений между государствами — членами Африканского союза, где каждое из них обязуется вносить в Фонд определенный процент от национального ВВП.

Одна из важнейших задач российского представительства в ВФНР — сохранение научного взаимодействия, возможности коммуникации и сотрудничества, влияние на формирование общественного мнения. Фактически участие России в работе ВФНР — это научная дипломатия, мягкая сила, формы и площадки для реализации которой в настоящее время ограничены. Решения Федерации по ключевым вопросам нередко вызывают серьезные дискуссии, но после переговоров и обсуждений поддерживаются большинством членов ВФНР как из европейских стран, так и из стран «незападного» мира, три из которых входят в БРИКС (Бразилия, Россия, Китай). Уже сейчас представители незападных стран (Россия, Китай, страны Латинской Америки и Африки) составляют больше половины участников ВФНР, и в этом находит отражение общемировая тенденция переформатирования мира и формирования новой многополярности.

Л. С. Худякова[1]

УСТОЙЧИВОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ — ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ПОВЕСТКЕ БРИКС

Тематика устойчивого финансирования и в нынешней сложной экономической и геополитической ситуации сохраняет свою значимость в международном дискурсе. Это обусловлено тем, что реализация Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН до 2030 года, равно как и Парижского соглашения по климату, требует финансирования в огромных масштабах, а реально предоставляемые суммы очень далеки от существующих потребностей. По разным оценкам, разрыв в годовом исчислении по миру составляет триллионы долларов США. Именно поэтому страны БРИКС в своей Декларации по итогам XV саммита в Йоханнесбурге в 2023 году вновь выступили с призывом ко всем государствам обеспечить реализацию ЦУР по трем основным направлениям — экономическому, социальному и экологическому — за счет мобилизации необходимых ресурсов[2]. В Декларации также подчеркивается важность реализации Парижского соглашения по климату и Куньминско-Монреальской глобальной рамочной программы по сохранению биоразнообразия и экосистем, принятой в декабре 2022 года. Особо выделяется обращение к странам-донорам выполнять свои обязательства в рамках Официальной помощи развитию (ОПР).

Устойчивое, то есть экологически и социально ответственное финансирование помимо обеспечения ЦУР направлено на уменьшение новых глобальных рисков, прежде всего климатических и тесно связанных с ними рисков разрушения экосистем, а также социальных рисков, в целях поддержания экономической и финансовой стабильности в мире. Рассмотрим достижения и проблемы в области устойчивого финансирования стран БРИКС на трех уровнях: национальном, внутригрупповом, международном.

Наибольшую долю в устойчивом финансировании занимает «зеленое» финансирование, которое по широкому определению включает в себя все проекты, дружественные по отношению к экологии, в том числе климатические. Несомненным лидером в области «зеленого» финансирования среди стран БРИКС является Китай. В Китае создана широкая нормативно-правовая и институциональная база для «зеленого» финансирования, принята «зеленая» таксономия, то есть классификация «зеленых» финансовых продуктов, которая периодически пересматривается. В КНР широко используются такие финансовые инструменты, как «зеленые» кредиты и «зеленые» облигации, причем последние и внутри страны, и на мировом рынке. В последние годы Китай постоянно входит в число страновых лидеров на международном рынке устойчивых облигаций.

Основными направлениями «зеленого» финансирования в Китае являются чистый транспорт, возобновляемые источники энергии (ВИЭ), водные ресурсы и водоотведение, «зеленое» строительство. Другие страны БРИКС отстают от Китая по объемам «зеленого» финансирования, хотя также стремятся развивать этот вид финансирования, преимущественно за счет эмиссии «зеленых» облигаций. В Бразилии, Индии и ЮАР преимущественным направлением инвестиций является сектор ВИЭ. В Бразилии также приоритетны сельское хозяйство и проекты по сохранению лесов и водных ресурсов. Индия наряду с ВИЭ финансирует развитие чистого транспорта, устойчивое водопользование и землепользование. Особенностью ЮАР является прямое финансирование «зеленых» инициатив посредством специализированных фондов, созданных за счет бюджетных средств. При этом в ЮАР в рамках финансового рынка функционирует специальный сегмент по «зеленым» облигациям, где преобладающими направлениями являются ВИЭ, чистый транспорт и транспортная инфраструктура, сельское хозяйство[3].

В России, которая первоначально отставала от других стран БРИКС в области «зеленого» финансирования, перелом произошел в конце 2010-х годов. В 2018 году был утвержден Национальный проект «Экология», «зеленое» финансирование было включено в «Основные направления развития финансового рынка РФ». Центральный банк России и ВЭБ в качестве национального банка развития активно подключились к созданию нормативно-правовой и регуляторной базы. На Московской фондовой бирже была создана секция по устойчивому, в том числе «зеленому» финансированию. В 2021 году была принята «зеленая» таксономия РФ, которая включает переходные категории, что расширяет возможности финансирования так называемых «коричневых» отраслей в случае их деятельности по снижению выбросов CO_2.

Введение международных санкций в отношении России в связи со специальной военной операцией внесло свои коррективы, однако приверженность РФ принципам устойчивого развития и стабильного финансирования сохраняет свое значение. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания и практические действия руководителей различных ведомств, включая финансовые, крупнейших российских компаний и банков, российских рейтинговых агентств, которые продолжают оценивать деятельность компаний и банков по стандартам ESG (ecological, social, governance), то есть оценивают соответствие деятельности

[1] Заведующая отделом глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Американские банки на мировых рынках»; глав в коллективных монографиях; статей в научных журналах: «Реформа глобальных финансов в контексте устойчивого развития», «Создание системы устойчивого финансирования в Европейском союзе», «„Зеленое“ финансирование в странах БРИКС», «Устойчивое финансирование в новых политических и экономических реалиях» и др.

[2] См.: XV BRICS Summit Johannesburg II Declaration. Brics and Africa: Partnership for Mutually Accelerated Growth, Sustainable Development and Inclusive Multilateralism. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 30.08.2024).

[3] *Худякова Л. С., Урумов Т. Н.* «Зеленое» финансирование в странах БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 65, № 9. С. 79–87.

рейтингуемых компаний экологическим, социальным и управленческим принципам. В России успешно работает многофункциональная экспертно-аналитическая платформа Инфрагрин — Инфраструктура и финансы устойчивого развития[1], которая помимо организации тематических конференций и публикации новостей готовит ежегодные аналитические доклады о тенденциях и динамике устойчивого финансирования, включая «зеленое», в РФ.

Отметим, что развитие «зеленой» экономики включено в национальные стратегии стран БРИКС, и все они заявили о своем стремлении достичь углеродной нейтральности к 2050–2070-м годам. Таким образом, можно заключить, что все страны БРИКС, хотя и в разной степени, вовлечены в процессы устойчивого, в частности «зеленого», финансирования. Это позволило странам-участницам перейти к координации политик в данной сфере на уровне объединения.

Основополагающим документом является Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года[2], принятая в 2020 году во время председательства РФ. Конкретным документом по гармонизации политик стран БРИКС в области устойчивого финансирования стал принятый тогда же в рамках межбанковского сотрудничества Меморандум «О принципах ответственного финансирования банками развития стран БРИКС». В числе принципов: интегрировать цели устойчивого финансирования в практику кредитования; разрабатывать новые финансовые продукты и услуги для достижения этих целей и мотивировать своих клиентов осуществлять бизнес, не нанося ущерба экологии, стимулировать инвестиции в природный капитал, способствовать реализации Парижского соглашения по климату, обеспечивать прозрачность и достоверность информации о финансовой деятельности, соблюдая при этом конфиденциальность[3].

Важную роль в финансировании устойчивого развития играет Новый банк развития БРИКС (НБР). НБР провозглашает своей стратегической целью финансировать проекты в области инфраструктуры и устойчивого развития, которые обеспечивают экономический рост и улучшение жизни людей в странах-участницах. В качестве основных направлений финансирования в рамках Генеральной стратегии на 2022–2026 годы названы чистая энергетика и энергосбережение, транспортная инфраструктура, в том числе чистый транспорт, водоснабжение и санитария; защита окружающей среды, социальная и цифровая инфраструктура. Многочисленные примеры таких проектов можно найти на англоязычном сайте НБР[4]. Подробное рассмотрение деятельности НБР выходит за рамки нашего доклада. Отметим только, что НБР в отличие от традиционных банков развития, где финансовую политику определяют крупнейшие доноры (акционеры), не являющиеся странами-заемщиками, предлагает партнерство на основе равноправия и с учетом национальных интересов государств-членов. НБР создан странами с формирующимся рынком и развивающимися странами для кредитования самих же этих стран. Банк активно расширяет использование в расчетах местных валют, что призвано снизить валютные риски и уменьшить зависимость от американского доллара. Вместе с тем, привлекая ресурсы на мировых финансовых рынках, НБР вынужден считаться с действующими там ограничениями. В частности, в 2023 году Банк в результате ужесточения антироссийских санкций, в том числе финансовых, со стороны стран Запада, был вынужден прекратить рассмотрение новых проектов в России. Тем не менее наша страна остается очень важным партнером в рамках БРИКС, о чем свидетельствует ее председательство на XVI саммите БРИКС, который состоится в Казани осенью 2024 года.

Третий уровень нашего исследования — это совместные инициативы стран БРИКС на международных форумах в целях продвижения интересов стран Глобального Юга в области финансирования развития. Важнейшей площадкой для этого в последние годы стали саммиты G20 — во многом благодаря председательству там стран БРИКС, а также других крупных развивающихся стран: Индонезии (2021), Индии (2022), Бразилии (2023). В повестку дня были включены вопросы, в решении которых заинтересованы страны Глобального Юга: справедливый энергопереход и переходное финансирование, необходимость финансовой и технологической помощи развивающимся странам в достижении нулевых выбросов, обеспечение инклюзивности в социальной сфере, реформирование международной валютно-финансовой системы и др. Скоординированные усилия стран Глобального Юга, включая страны БРИКС, обеспечили достижение определенных успехов на климатических саммитах COP27 (Египет) и COP28 (ОАЭ) в области финансовой помощи развивающимся странам по адаптации к изменению климата, в том числе возмещения потерь от стихийных бедствий. Предстоящее председательство ЮАР в G20 в 2025 году позволяет рассчитывать на продолжение названных позитивных тенденций.

[1] URL: https://infragreen.ru/ (дата обращения: 30.08.2024).

[2] Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. // BRICS RUSSIA | 2020 : [офиц. сайт председательства РФ в организации БРИКС в 2020 г.]. URL: https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf (дата обращения: 30.08.2024).

[3] См.: Approved by BRICS Inter-Bank Cooperation Mechanism. Memorandum of BRICS DFIs Principles for Responsible Financing. URL: https://brics-russia2020.ru/images/114/87/1148788.pdf?ysclid=m0gnp92lbn790382761 (дата обращения: 30.08.2024).

[4] URL: https://www.ndb.int/ (дата обращения: 30.08.2024).

Т. В. Чубарова[1]

РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ЯДРА БРИКС В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИАСПЕКТНОГО КРИЗИСА (На примере здравоохранения)

В настоящее время для характеристики процессов, происходящих в мировом хозяйстве, все чаще употребляют слово «кризис», добавляя определения «мультиаспектный» (*poly crisis*) и «постоянный» (*perma crisis*). Это означает, что проблемы возникают на устойчивой основе по всем направлениям жизнедеятельности общества. В этом контексте большую популярность приобрела предложенная Н. Талебом метафора «черных лебедей», обозначающая события, наступление которых никто не ожидал и которые застают общество врасплох[2]. Одним из таких черных лебедей стала пандемия, которая привлекла всеобщее внимание к проблемам охраны здоровья и включила их в повестку дня развития современного общества. Мало кто ожидал такого драматического развития событий в мировом масштабе и того огромного влияния, которое пандемия окажет на экономику и страны в целом во всем мире.

Государства ядра БРИКС не стали исключением, поэтому целесообразно проанализировать, как они развивают системы здравоохранения в условиях мультиаспектного кризиса и какое влияние могут оказать на решение проблем глобального здравоохранения.

Идея объединения таких стран, как Бразилия, Россия, Индия и Китай, возникла в 2001 году; позднее, в 2010-м, в эту группу была включена Южно-Африканская Республика и появилась аббревиатура «БРИКС» (BRICS). БРИКС можно рассматривать как объединение государств среднего уровня развития с быстрыми темпами экономического роста, большой численностью населения (около 42 % населения планеты), обширной территорией (больше 25 % общей площади) и суммарным ВВП, достигающим трети мирового ВВП. Согласно прогнозам, к 2030 году БРИКС будет создавать более 50 % глобального ВВП. ЮАР занимает особое положение в группе, но имеет серьезный потенциал для социально-экономического роста.

Страны альянса выделяют значительные средства на развитие здравоохранения. При этом системы здравоохранения в них существенно различаются, так как национальные условия, исторические, политические и социально-экономические факторы оказывают решающее влияние на конфигурацию и уровень развития систем охраны здоровья, а значит, и на состояние здоровья населения. Акценты в здравоохранительной политике, соответственно, тоже различны. Среди стран БРИКС, безусловно, выделяется Россия, которая имеет сильные исторические традиции и наиболее развитую систему здравоохранения. Остальные страны в этом плане пока отстают, но в каждой из них здравоохранение входит в перечень приоритетных направлений развития общества. Это создает основу для сотрудничества, которое может оказать позитивное воздействие на развитие национальных систем здравоохранения и повышение уровня жизни населения.

Следует отметить, что анализ проблем охраны здоровья в экономической системе координат имеет двоякое значение. Во-первых, очевидно, что состояние здоровья населения важно для обеспечения производительности рабочей силы, трудового потенциала страны. Во-вторых, анализ с позиции теории человеческого потенциала подразумевает, что вложения в здоровье ведут к существенным экономическим результатам[3]. Поэтому расходы на поддержание здоровья должны рассматриваться как вложения в будущее страны, а не просто как текущие издержки. Однако признание этого факта требует установления приоритетов социально-экономического развития и роста инвестиций в социальную сферу, в том числе здравоохранение.

Как мультиаспектный кризис влияет на перспективы развития систем здравоохранения? В целом такой кризис (называемый также поликризисом) означает набор взаимосвязанных глобальных рисков, проявляющихся одновременно с эффектом, который можно условно назвать антисинергией, то есть они усиливают действие друг друга. Однако уже сейчас понятно, что мультиаспектный кризис привел, с одной стороны, к росту спроса на финансирование здравоохранения для поддержания здоровья населения, которое испытывает проблемы в кризисных условиях (например, той же пандемии), с другой стороны — к ограничениям, связанным с тем, что одновременно растут запросы не только со стороны здравоохранения, что повышает конкуренцию за ресурсы, в том числе общественные[4]. На современном этапе требуется усиление сотрудничества стран БРИКС в сфере здравоохранения, чтобы обеспечить концентрацию усилий на приоритетных направлениях, которые могут обеспечить устойчивость систем здравоохранения.

Одной из важных характеристик систем здравоохранения является участие государства, которое наибо-

[1] Заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, главный научный сотрудник, доктор экономических наук, профессор. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Социальная ответственность в рыночной экономике: работник, бизнес, государство», «От традиций к инновациям: реформы здравоохранения в современном мире», «Современное здравоохранение: политика, экономика, управление»; глав в коллективных монографиях и учебниках; статей в научных журналах: «Обеспечение доступности здравоохранения в России: инструменты государственной политики», «Универсализм и/или адресность в социальной политике (на примере здравоохранения)», «Эффективное здравоохранение воспроизводства человеческого потенциала: современные вызовы для социальной политики» и др.; публикаций на английском, французском и немецком языках. Награждена медалью Министерства науки и высшего образования РФ.

[2] *Taleb N. N.* The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. Random House ; Allen Lane, 2007.

[3] *Соболева И. В., Чубарова Т. В.* Вызовы для воспроизводства человеческого потенциала: глобальные тренды и российская специфика // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 3. С. 40–58.

[4] *Чубарова Т. В.* Финансирование здравоохранения: возможные ответы на современные вызовы // Общество и экономика. 2023. № 11. С. 5–19.

лее отчетливо проявляется в масштабах бюджетного финансирования. В развитых странах уровень государственного вмешательства при оказании медицинских услуг достаточно высок, а его формы довольно разнообразны.

В целом можно отметить тенденцию к возрастанию роли государства в финансировании здравоохранения стран ядра БРИКС, особенно в период пандемии. Однако в каждой стране ситуация складывается по-разному. Если в России общие текущие затраты на здравоохранение в 2021 году на 71 % состояли из государственных расходов, то в Индии, где участие государства в этой сфере наименьшее, расходы на здравоохранение, возросшие в период пандемии с 21 до 34 %, остались относительно небольшими. Наибольший рост наблюдался в Китае, где доля государства в расходах на здравоохранение к 2021 году достигла 54 %, увеличившись более чем вдвое. Рост наблюдался в целом и в ЮАР — с 34 % в 2000 году до 60 % в 2021-м. В Бразилии доля государства в расходах на здравоохранение в это время составляла 41–46 % и сильно не изменялась.

Важным показателем, свидетельствующим об отношении руководства к здравоохранению, является его доля в расходах государственного бюджета. Здесь на первое место выходит ЮАР с 10–15 % — довольно высоким показателем не только для стран БРИКС. К этому уровню приближаются Бразилия, где в 2021 году доля здравоохранения достигла 11 % государственных расходов, и Китай, где она стабильно держится на уровне 9 %. На другом полюсе Индия, где рассматриваемый показатель довольно низкий и составлял 3–4 % в том же году. В России на здравоохранение устойчиво выделялось 9–10 % госрасходов, но в период пандемии его доля существенно выросла — до 14–15 %.

Сотрудничество стран БРИКС в сфере здравоохранения развивается по двум направлениям: между странами-участницами и на глобальном уровне.

Вопросы здравоохранения рассматривались на третьем саммите БРИКС, состоявшемся в Санье (КНР) в 2011 году. В итоговом документе было зафиксировано, что страны принимают на себя обязательство «усиливать диалог и сотрудничество в сферах… общественного здравоохранения, включая борьбу с ВИЧ/СПИДом»[1].

Основным инструментом развития сотрудничества в сфере здравоохранения стали ежегодные встречи министров здравоохранения, на которых принимаются совместные декларации, фиксирующие направления сотрудничества и закрепляющие совместные действия. Последняя, 13-я по счету встреча прошла в 2023 году в Дурбане, ЮАР, а следующая состоится в 2024 году в России, которая председательствует в БРИКС в этом году.

На встречах были сформулированы основные направления сотрудничества и первоочередные действия:

— продолжение кооперации в области профилактики и лечения туберкулеза. В соответствии с рекомендациями ВОЗ поставлена цель ликвидировать это заболевание к 2030 году;

— обучение медицинских работников и организация методической помощи, включая взаимный обмен студентами;

— развитие цифровой медицины;

— организация рабочей группы БРИКС по ядерной медицине (инициатором взаимодействия в этой сфере стала Россия);

— выпуск научного медицинского журнала БРИКС как инструмента поддержки исследований;

— создание медицинской ассоциации БРИКС для обсуждения и разработки стандартов качества оказания медицинской помощи, вопросов повышения квалификации медицинского персонала и т. д.;

— подписание Меморандума БРИКС о взаимопонимании органов регулирования по вопросам сотрудничества в области использования медицинской продукции для применения в медицине.

Безусловно, катализатором развития сотрудничества стала пандемия, которая привлекла особое внимание к сфере здравоохранения и важности совместных усилий для решения тех вызовов, с которыми столкнулись участницы БРИКС. В настоящее время в повестку дня включены вопросы предотвращения рисков массовых инфекционных заболеваний. В частности, в 2020 году, в период председательства России в БРИКС было принято решение о создании Комплексной системы раннего предупреждения рисков возникновения массовых инфекционных заболеваний.

Вместе с тем пандемия высветила растущую роль стран БРИКС в решении глобальных вопросов здравоохранения. В этом контексте следует отметить работу в области разработки и производства вакцин, в которой страны БРИКС в XXI веке добились существенных успехов. Так, первые вакцины от COVID-19 были разработаны и протестированы именно на пространстве БРИКС. Двенадцать из двадцати вакцин, произведенных и зарегистрированных до сентября 2020 года, были созданы в странах БРИКС. В 2022 году был открыт Центр исследований и разработок вакцин (НИОКР) БРИКС, который должен оказать серьезное влияние как на стоимость, так и на доступность вакцин, что приведет к усилению влияния БРИКС на глобальном рынке вакцин и повысит доступ к вакцинации в развивающихся странах.

Таким образом, еще до пандемии страны БРИКС достигли значительных успехов в этой области, и их роль на мировом рынке продолжает расти. Они не только обладают необходимыми производственными мощностями, но и имеют хорошо налаженную доставку вакцин. При этом они всегда выступали не только за повышение доступности вакцин в странах БРИКС за счет усиления кооперации, но и за более тесное сотрудничество с развивающимися странами в этой области, в том числе посредством предоставления им стратегических технологий. Альянс БРИКС, основываясь на своем политическом и экономическом весе на глобальном уровне, на протяжении многих лет выступает за дипломатию, ориентированную на проблемы, затра-

[1] Sanya Declaration (BRICS Leaders Meeting, Sanya, Hainan, China, April 14, 2011) // President of Russia : [сайт]. URL: http://eng.news.kremlin.ru/ref_notes/45 (дата обращения: 02.02.2024).

гивающие развивающиеся страны с учетом необходимости обеспечения устойчивого развития[1].

Однако не все шаги стран БРИКС на международной арене приносят положительные результаты. В 2020 году Индия и ЮАР предложили приостановить действие патентов на вакцины от коронавируса, чтобы нарастить их производство для борьбы с пандемией, в том числе в государствах с низкими подушевыми доходами. К сожалению, их поддержало меньше половины из 164 членов ВТО, и инициатива была отклонена.

Безусловно, несмотря на успехи в сотрудничестве стран БРИКС в сфере здравоохранения, есть и проблемы, в частности отмечается разрыв между обсуждением актуальных вопросов и конкретными действиями, направленными на реализацию выраженных намерений. Отчасти это связано с различиями в состоянии систем здравоохранения и задачами здравоохранительной политики. Однако, как это ни парадоксально, представляется, что именно осознание глобальных проблем здравоохранения и необходимости решать их не поодиночке, как это часто происходит в настоящее время, а сплоченной группой, может стать стимулом для более успешного развития сотрудничества в интересах охраны здоровья населения между странами БРИКС.

Литература

Григорьева, Н. С. Политика стран БРИКС в сфере здравоохранения: поворот к новым концептуальным основам и практическим действиям / Н. С. Григорьева, Т. В. Чубарова. — Текст : непосредственный // Многосторонние институты и диалоговые форматы : материалы IX Конвента РАМИ. Москва, 27–28 октября 2015 г. — Москва : МГИМО, 2016. — С. 29–39.

On the Momentum Toward Vaccine Self-Sufficiency in the BRICS: An Integrative Review of the Role of Pharmaceutical Entrepreneurship and Innovation. — Текст : электронный // Frontiers : [сайт]. — 2023, 9 Oct. — URL: https://www.frontiersin.org/journals/public-health/articles/10.3389/fpubh.2023.1116092/full (дата обращения: 01.04.2024).

А. Д. Шматко[2],
И. В. Коршунов[3]

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС В РАМКАХ ГОРОДОВ КАК ЦЕНТРОВ РАЗВИТИЯ

Несмотря на то что города на протяжении тысяч лет являются устойчивой формой организации пространства для жизнедеятельности населения, тенденции их устройства пересматриваются из десятилетия в десятилетие. За период с 1980-х годов мы наблюдали последовательную смену трендов — от организации небольших компактных городов с развитой транспортной сетью до перехода в середине 2000-х к формированию мегаполисов и агломераций. Пандемия новой коронавирусной инфекции внесла свои коррективы в этот процесс, ускорив цифровизацию основных процессов городского управления.

Схожие изменения характерны для большинства стран мира, где города становятся центрами сосредоточения талантов и инновационной активности. Это создает предпосылки для формирования единых универсальных подходов на уровне городов по преодолению негативных тенденций и решению возникающих проблем городского развития. Выстраивая сотрудничество, государства могут использовать этот ресурс, что может быть особенно полезно для таких объединений, как БРИКС, представляющих страны, относящиеся к разным цивилизациям и зачастую слабо интегрированные на уровне культуры и человеческого общения. Следует отметить, что для стран БРИКС важно поднимать вопросы формирования нового перспективного трека коммуникации через призму устойчивого развития городов, которые позволят выстроить взаимовыгодные отношения для всех стран БРИКС и новых членов, только присоединившихся к организации.

Вследствие возможности свободного перемещения между разными городами в пределах одной, а иногда и разных стран борьба за таланты и инновации будет усиливаться с целью повышения привлекательности городов для населения, инвестиций и предприятий. Мегаполисы по всему миру борются за привлечение самых талантливых и успешных специалистов. Применяемые при этом инструменты зачастую носят общеупотребимый характер.

В первую очередь они связаны с формированием качественной и комфортной городской среды, позволяющей обеспечить высококвалифицированным специалистам достойный уровень жизни. В этой области имеется значительная подборка лучших практик, представленная крупнейшими мировыми городами. Тут можно отметить опыт трансформации городской среды в Москве, дающей возможность для качественного досуга и комфортной жизни не только в центральных районах, но и на периферии города. Городская сре-

[1] *Moore C.* BRICS and global health diplomacy in the COVID-19 pandemic: situating BRICS' diplomacy within the prevailing global health governance context // Rev. Bras. Polít. Int. 2022. Vol. 65, № 2.

[2] Директор Института проблем региональной экономики РАН, доктор экономических наук, профессор РАО, Почетный работник науки и высоких технологий РФ, Почетный работник образования РАО. Автор более 400 научных работ, в т. ч.: «Организация инновационной деятельности производственных предприятий: современные условия и существующие подходы», «Проблема вариативности финансовой поддержки инновационной деятельности высокотехнологичных предприятий», «Разработка комплекса мероприятий по развитию инновационного предпринимательства в научно-технической сфере», «Организационно-экономическое моделирование систем менеджмента качества» и др.

[3] Научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики РАН, кандидат экономических наук. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Устойчивое развитие в стратегиях регионов: выбираемые подходы и решения», «Проблематика устойчивого развития в стратегиях регионов Северо-Западного федерального округа», «Устойчивое развитие и зеленый рост в стратегиях регионов: заявляемые намерения и финансовое обеспечение», «Пространственное развитие регионов СЗФО: ограничения и возможности на пути к устойчивости» и др.

да влияет на желание талантливых и креативных людей переселяться из одного города в другой, а также дает им мотивацию и стимул для самореализации.

Во-вторых, требуется сформировать необходимую для реализации специалистов инфраструктуру. В этом смысле мегаполисы имеют значительное преимущество перед небольшими городами. На их территории традиционно наблюдается высокая плотность инфраструктурного обеспечения. Тут следует отметить важность создания внутри мегаполиса научного и образовательного кластеров, так как именно они зачатую определяют приверженность людей той или иной территории. Согласно исследованию Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ), треть иммигрантов, которые создали компании-единороги, сделали это там, где получили высшее образование.

При всей универсальности подходов следует отметить, что инновации и таланты приживаются только в тех городах, где существуют интерес со стороны городской власти и желание концептуального развития территории. Когда руководство города готово идти навстречу инноваторам и предоставить им возможности для реализации своих проектов, в том числе права на риск, дает шанс внедрять разработки и опробовать свои гипотезы, тогда появляются конкурентные преимущества относительно других городов. Однако следует помнить, что различные сообщества предпочитают разные форматы жизни: для одних интересны тихие районы с парковыми зонами, другие стремятся жить в центре, где с утра до вечера кипит жизнь. Городу следует сконцентрироваться на удержании наиболее предпочтительных сообществ в своей орбите.

При условии всевозрастающей скорости цифровизации пространства стран БРИКС для городов возникают условия по обмену опытом в формировании комфортного пространства и решению проблем, связанных с потребностью наращивания своих конкурентных преимуществ. В рамках дипломатии городов может быть выстроен диалог между людьми, позволяющий лучше понять друг друга и продвинуться на пути интеграции. В качестве центров культуры крупные города выступают амбассадорами для своих стран и могут быть даже посредниками в налаживании бизнес-контактов, образовательных обменов, совместных научных исследований. Передача опыта в области городского благоустройства, работы сервисов может быть осуществлена между городами, находящимися в аналогичных условиях в разных странах и имеющими похожие ограничения развития, что позволяет эффективно перенимать лучшие практики и быстро внедрять их в систему государственного управления.

Городские власти могут способствовать установлению контактов на уровне бизнес-сообществ государств — членов организации через совместные мероприятия и выездные сессии. Такой формат позволяет установить тесное сотрудничество и выявить основные точки соприкосновения между предприятиями.

В этом смысле на уровне городов можно формировать представления стран друг о друге и предоставлять населению возможность узнать о перспективах совместного сотрудничества, культурных особенностях и традициях. В свою очередь, плотность контактов на уровне общественности будет стимулировать дальнейшую интеграцию стран на взаимовыгодных условиях и позволит снять ряд противоречий, связанных с разными взглядами на процесс формирования многополярного мира.

Сегодня БРИКС представляет мировое большинство по многим социально-экономическим параметрам. При этом зачастую перспективные возможности для взаимодействия на внутреннем контуре блокируются внешними силами. Зачастую любые контакты между городами упираются в невозможность проведения свободной финансово-кредитной политики и безбарьерного перемещения. Введенные санкционные ограничения приводят к потребности поиска альтернативных каналов коммуникации, не наносящих вреда всем сторонам. Это частично связано с тем, что плотность контактов с внешним миром зачастую более интенсивная, нежели внутри стран — участниц БРИКС. Для преодоления наложенных ограничений требуется продолжать деятельность по выстраиванию независимой финансовой системы, в этой сфере города могут приложить свои усилия по вовлечению населения в процесс генерации идей. Еще один важный инструмент, доступный городам, — формирование единого языкового пространства. Наращивание возможностей обучения на языках БРИКС и активизация студенческого обмена между странами позволят сформировать в общественном пространстве организации условия для использования социальных лифтов.

На данный момент мир опирается на планы в соответствии с Целями устойчивого развития, определенными ООН до 2030 года. При этом следует отметить, что уже в настоящее время необходимо задуматься о будущем за границами этой повестки. Страны БРИКС способны сформировать собственное ви́дение концепции устойчивости с учетом тех проблем и вызовов, которые наиболее актуальны для участников организации. Безусловно, останутся вопросы, решить которые без глобальных договоренностей практически невозможно. К таким сложным и глобальным вопросам можно отнести климат, но даже в этом аспекте согласованная позиция стран — членов БРИКС с учетом расширения организации позволяет в несколько раз снизить негативные последствия, связные с антропогенной нагрузкой.

Из проведенного исследования можно сделать выводы и сформулировать предложения — представляется целесообразным:

1) рассмотреть возможность введения безвизового пространства в рамках БРИКС+ для интенсификации бизнес-контактов, развития туризма, культурного и образовательного обмена либо установления каких-либо визовых послаблений;

2) рассмотреть развитие совместных образовательных программ, особенно в области экономики и инженерных специальностей, что позволит сформировать единое представление о технологических и бизнес-процессах и упростит выстраивание торговых и технологических связей между странами, а также снимет языковые и культурные барьеры;

3) активизировать проведение крупных деловых и культурных мероприятий с целью привлечения лидеров мнений, разработки единых подходов к решению глобальных проблем.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

А. А. АКАЕВ	Президент Киргизской Республики (1990–2005), академик Академии наук Киргизской Республики, иностранный член РАН, главный научный сотрудник Института математических исследований МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор
Н. И. АЛЕКСЕЕВА	профессор кафедры экономики предприятия и управления персоналом Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор экономических наук
Т. Ю. АНОПЧЕНКО	профессор кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва), доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ, член Экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы РФ по образованию и науке
С. А. АФОНЦЕВ	заместитель директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е. М. Примакова РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор РАН
А. Н. ГЕРМАНЧУК	профессор кафедры маркетингового менеджмента Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор экономических наук
Е. С. ДАШКОВА	заведующая кафедрой экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук, доцент
Н. В. ДОРОХОВА	профессор кафедры экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
А. И. КОТОВ	специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук
А. А. ЛАПИНСКАС	профессор кафедры экономической теории Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II, доктор экономических наук
Л. А. МИЭРИНЬ	профессор специализированной кафедры ПАО «Газпром» Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
Р. И. НИГМАТУЛИН	научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН (Москва), член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
Н. Н. НИКУЛИН	профессор кафедры экономики и менеджмента Академии труда и социальных отношений (Москва), доктор экономических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
В. В. ПАВЛОВА	ведущий научный сотрудник Научной школы «Теория и технологии менеджмента» Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва), доцент кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий, кандидат экономических наук
А. А. ПОЛОЗОВ-ЯБЛОНСКИЙ	советник генерального директора — руководитель инновационного направления ПАО «Аэрофлот» (Москва), кандидат экономических наук
Е. В. ПОПОВА	заведующая кафедрой информационных систем Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина (Краснодар), доктор экономических наук, профессор
И. И. РАХМЕЕВА	и. о. заведующего кафедрой экономической теории и прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург), доктор экономических наук, профессор
Е. С. САДОВАЯ	заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е. М. Примакова РАН (Москва), кандидат экономических наук, доцент

А. Ю. СТРИЖАК	заведующая кафедрой менеджмента Национального открытого института г. Санкт-Петербурга, доктор экономических наук, доцент
Е. Л. ТОРОПЦЕВ	профессор кафедры цифровых бизнес-технологий и систем учета Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор экономических наук
А. А. ФЕДЧЕНКО	профессор департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ (Москва), доктор экономических наук
Г. Ф. ФЕЙГИН	профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ, Почетный профессор СПбГУП
Л. С. ХУДЯКОВА	заведующая отделом глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е. М. Примакова РАН (Москва), кандидат экономических наук
Т. В. ЧУБАРОВА	заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН (Москва), главный научный сотрудник, доктор экономических наук, профессор
А. Д. ШМАТКО	директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор РАО, Почетный работник науки и высоких технологий РФ, Почетный работник образования РАО

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — По традиции Лихачевских чтений я имею удовольствие принять участие в работе каждой секции. В этом году у нас работает шесть секций, причем одна из них — международная — в отеле Radisson.

Я также прочел каждый доклад, присланный на Чтения, — все они интересные и яркие, как и их авторы. К сожалению, сегодня среди нас нет Почетного доктора Университета академика Александра Дмитриевича Некипелова, который на протяжении ряда лет был вице-президентом Академии наук, а сейчас руководит Московской школой экономики МГУ. Он не смог приехать, но в следующем году непременно примет личное участие в Чтениях.

Тем не менее я могу без преувеличения сказать, что сегодня в этом зале собрались лучшие ученые-экономисты нашего времени. Это я уже обращаюсь к присутствующей здесь молодежи. Вы, конечно, учитесь не в Литературном институте, выпускники которого любят вспоминать о личных встречах с Андреем Вознесенским и другими известными поэтами и писателями. Но вы можете с не меньшей гордостью рассказывать о том, что посещали мероприятия, участниками которых были Роберт Искандерович Нигматулин, Аскар Акаевич Акаев, Сергей Александрович Афонцев.

Особую благодарность хочу выразить академику Нигматулину, который каждый раз помогает нам увидеть минусы сложившейся в России ситуации, ускользающие от внимания большинства. И я не могу спорить по существу — Роберт Искандерович очень точно диагностирует. Но я вижу и целый ряд плюсов. Например, в том, что касается сотрудничества на равноправной основе со странами БРИКС и отсутствия такового с Западом.

Должен сказать, что во многих западных странах, в сущности, установился тоталитарный режим. Я почетный доктор пяти университетов к западу от России, так что у меня там огромное количество знакомых, с которыми мы продолжаем общаться. Ученые из этих стран присылают нам свои материалы; какие-то из них разрешают публиковать, какие-то нет. Но в этом году власти Германии никому из немецких ученых не разрешили приехать к нам на Чтения. Из Франции приехали пять участников, из Германии — ни одного. Конечно, нельзя сказать, что там сейчас такой же тоталитаризм, какой был при нацистах. В годы правления Гитлера была абсолютная мерзость, но и теперь мерзость Шольца и Бербок немногим лучше. Тогда инакомыслящих просто убивали — сейчас за проявление доброго отношения, симпатии к России подвергают преследованиям и арестам.

Так что везде складывается по-разному. Научные сообщества и граждане разных государств по-прежнему хотят сотрудничать с Россией, уже не говоря о бизнесе, который терпит убытки из-за запретов и ограничений. Соединенные Штаты с Великобританией и Норвегией взорвали газовый трубопровод — разве это не вредительство? В общем, фантастические вещи происходят.

Между тем страны, входящие вместе с Россией в объединение БРИКС, не только готовы с нами сотрудничать, но и отказываются от признания роли Запада в современном мире как эталона развития государств, народов, культуры, экономики, юриспруденции и пр. Они не желают воспринимать Запад как идеал. Это очень серьезная проблема. Им по-прежнему приходится во многом подчиняться диктату Запада, потому что Запад может «отключить» от доллара, и тогда неизвестно, что будет с экономикой этих государств — она может обрушиться в один момент. Но мы, собравшиеся здесь на Лихачевских чтениях, прекрасно видим, что человечество находится на этапе изменения мирового политического и — в широком смысле — культурного уклада. В результате такого изменения мировое устройство будет радикально трансформировано.

Признавая все наши недостатки, о которых совершенно справедливо говорит Роберт Искандерович, я вижу и недостатки Запада тоже. Например, государ-

ственный долг США — гигантский, около 34 трлн долларов, и тенденции к его сокращению не просматривается. Сколько лет это может продолжаться? Академик Наумкин, например, считает, что еще лет 20, но я думаю, что крах доллара может случиться в любой момент. Вообще экономические потрясения иногда происходят со стремительнейшей скоростью, неожиданно и лавинообразно. Не зря многие страны сейчас выводят деньги из американских активов, распродают казначейские облигации США. В мировой торговле уже меньше 50 % сделок реализуется в долларах, и доля американской валюты в международных расчетах продолжает сокращаться. На мой взгляд, это самый интересный вопрос для участников вашей секции.

Так или иначе, мы все живем в очень интересное время планетарных геополитических сдвигов. В связи с этим хочу напомнить, что когда-то первый университет в мире был создан не в западном мире, а в арабском. Правда, арабский мир тогда занимал половину Пиренейского полуострова, где сейчас располагается Испания. То есть всего 500 лет назад арабский мир был значительно более мощным и влиятельным, чем сегодня, а Европа в то время пребывала в разрухе и упадке. Но потом, как известно, все изменилось.

И сейчас происходят перемены подобного же масштаба. Современная экономическая теория имеет определенные пробелы. Академик Некипелов меня критикует, когда я высказываю свое недоверие к методикам подсчета валового национального продукта, но я продолжаю сомневаться. Скажем, до того, как был взорван газопровод, российский ВВП составлял какую-то определенную величину, а после взрыва — уже другую, поскольку цены на газ подскочили в пять раз. И после этого размер ВВП России целый год держался около этой величины, а потом газ немного подешевел — и ВВП опять сократился. Эта довольно странная методика, созданная западными экономистами, удобна для них, но большой вопрос, что она отражает.

А по размеру ВВП по паритету покупательной способности Россия занимает четвертое место в мире, хотя могла бы и лидировать. Экономика — живая и интересная наука. Сегодня создается экономика нового многополярного мира, который тоже находится в стадии формирования, так что и наука экономика постоянно находится в динамике. Поэтому от всей души желаю вам успехов в обсуждении и прогнозировании этой динамики.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Итак, уважаемые участники Лихачевских чтений, приветствую вас и открываю заседание секции, посвященной экономической составляющей процесса формирования многополярного мира.

Сегодня нам предстоит послушать и обсудить интересные и содержательные доклады по тематике, которая так или иначе нас всех интересует. Передаю слово профессору Сергею Александровичу Афонцеву.

С. А. АФОНЦЕВ: — Уважаемые коллеги! Предлагаю в выступлениях на секции излагать ключевые аргументы и выводы, которые приводятся в ваших докладах. Но сначала предоставляю слово руководителям секции. Пожалуйста, профессор Аскар Акаевич Акаев.

А. А. АКАЕВ: — Сердечно приветствую присутствующих здесь коллег. Лихачевские чтения стали традиционным, но по-прежнему знаменательным ежегодным событием. Думаю, что именно благодаря Чтениям Университет профсоюзов стал одним из важнейших мозговых центров мира. Желаю всем нам плодотворной работы!

С. А. АФОНЦЕВ: — Пожалуйста, академик РАН Роберт Искандерович Нигматулин, Вам слово.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Уважаемые коллеги, вчера на пленарном заседании блестяще выступили ученые и представители Министерства иностранных дел. После дискуссии Александр Сергеевич поинтересовался моим ви́дением будущего. Сегодня я хочу вернуться к этому вопросу и сказать, что будущее страны зависит от того, какие решения станут принимать нынешние студенты и аспиранты, в том числе обучающиеся сегодня в Гуманитарном университете профсоюзов.

Главные причины проблем, с которыми сегодня сталкивается Россия, — не международная ситуация, а наши внутренние дела. Мы никогда не сможем стать мировым полюсом силы с такой слабой экономикой и социальной сферой, как сегодня. К сожалению, сейчас этого пока не понимает ни руководство страны, ни большая часть интеллигенции. Однако я не прекращаю повторять мою теорему: никогда и нигде не бывает так, что правители умнее своего народа. Поэтому пока народ (то есть все мы, но в первую очередь молодое поколение) не осознает, в чем заключается основание всех проблем, руководство не возьмет курс на перемены к лучшему. Надеюсь, что работа нашей секции немного продвинет нас в этом понимании.

С. А. АФОНЦЕВ: — Вчера было много сказано об экономическом месте стран БРИКС в мире. Например, о том, что в прошлом году страны БРИКС опередили страны «Большой семерки» по уровню валового внутреннего продукта. Однако если считать ВВП по валютным курсам, то страны БРИКС не обошли страны «Большой семерки» и еще очень долго не обойдут. Что же касается ВВП по паритету покупательной способности, то в БРИКС он действительно опережает показатель «Большой семерки» уже на протяжении всего посткоронавирусного периода. Сопоставление объемов ВВП по ППС «Большой семерки» и пяти стран БРИКС, которые составляют ядро объединения, показывает, что в 2022 году опережение было немного больше 1,5 % (31,9 против 30,3 %). А если добавить четыре страны, которые присоединились к БРИКС к 2024 году, то опережение составляет более 4 % (34,6 против 30,3 %). Я не считаю здесь Саудовскую Аравию, которая намерена вступить в БРИКС, но по каким-то причинам откладывает окончательное решение.

В 2023 году тенденция продолжилась. Опережение БРИКС-5 составило уже более 2 % (32,5 против 29,9 %), БРИКС-9 — свыше 5 % (35,3 против 29,9 %).

То есть в росте ВВП по ППС БРИКС уверенно опережает «Большую семерку».

При этом страны «большой семерки» по-прежнему утверждают, что в совокупности обладают самым высоким экономическим потенциалом. Но сейчас это уже заблуждение, которое возникает из-за того, что большинство экономистов в мире по-прежнему считают англоязычные источники единственно достоверными. В этих источниках ВВП сравнивается по текущим валютным курсам. Как выглядит такое сопоставление? ВВП США в 2022 году все еще превышал ВВП Китая в 1,4 раза и доли в мировом ВВП всех восьми стран, которые входят в десятку крупнейших экономик мира. Действительно, Соединенные Штаты по текущему валютному курсу — безусловный лидер. Утверждение, что в мировой экономике будет только два полюса, следует именно из этих показателей.

Если же сопоставлять страновые объединения (опять же по текущему валютному курсу), то у нас имеется классическая триада. Многие помнят триаду 1980-х годов — США, ЕЭС (Европейское экономическое сообщество), Япония. Теперь ЕЭС стал Евросоюзом, а место Японии занял Китай, в нынешних реалиях — вместе с Гонконгом и Макао. Правда, международные экономические организации до сих пор Китай, Гонконг и Макао считают по отдельности, то есть в экономической мощи Китая не учитывается 0,3 % мирового ВВП. Но это всего лишь говорит о том, что, рассматривая таблицы и графики, мы должны обращать внимание на то, кто их составил. Как бы то ни было, «Большой Китай» пока отстает от США, а экономика ЕС занимает третье место в мире.

Сравнение ВВП по ППС дает совершенно другую картину. Из десятки лидеров исчезают Канада и Италия, зато в ней появляются Бразилия и Индонезия. И ведущую позицию занимает уже не США, а Китайская Народная Республика. Тем не менее тройка лидеров остается прежней, то есть мир с экономической точки зрения получается не двухполярный, а трехполярный.

Вторая группа ведущих стран и регионов — Индия и АСЕАН, особенно впечатляет успех Индии, обогнавшей АСЕАН. Именно с этими странами сотрудничество БРИКС представляется наиболее перспективным.

В следующей группе наблюдается интересная картина: явный спад в экономически развитых странах — Японии и Великобритании, а также, к сожалению, стагнация в ЕАС. Турция демонстрирует неплохие результаты и в долгосрочной перспективе тоже может выступать важным партнером БРИКС.

Вот таким образом в мире сегодня распределена экономическая мощь.

Александр Сергеевич задает важный вопрос о том, какое будущее нас ожидает. Но ответ написан на доске, расположенной около ректората, и его в свое время дал академик Лихачев: «Нас ждет то, что мы сделаем сами».

А сейчас я рад пригласить на трибуну представителя губернатора Санкт-Петербурга Анатолия Ивановича Котова.

А. И. КОТОВ: — Кратко расскажу о том, какие задачи сегодня решаются в Санкт-Петербурге в рамках взятого курса на устойчивое развитие, которое включает не только экономическую составляющую, но и социальную сферу, проблемы окружающей среды, ресурсной базы и др. Ресурсы, в свою очередь, имеются в виду физические и инвестиционные. У нас нет в них недостатка, но и те и другие необходимо рационально использовать для развития города. Понятно, что без инвестиций развития не бывает, поэтому вся система действий администрации должна выстраиваться исходя из инвестиционных условий.

Город на Неве развивается согласно генеральному плану, разработанному на перспективу до 2050 года, то есть рассчитанному на будущее, а значит, на то, что сегодняшняя молодежь будет здесь работать и жить в хороших условиях.

Санкт-Петербург — один из крупнейших и красивейших городов России с образованным населением, и в этом (хотя не только в этом) заключается огромный потенциал для его развития. Духовная и культурная база является тем фактором, который составляет необходимое условие для движения вперед.

Все мы знаем архитекторов прошлого, создавших уникальный исторический центр Петербурга. Но сегодня мы видим замечательные творения уже современных архитекторов, благодаря которым и другие районы нашего города стали красивыми и комфортабельными.

Одно из самых знаменитых сооружений — новый стадион «Газпром-Арена», на котором проводятся самые значимые спортивные мероприятия.

Аэропорт «Пулково» достиг ежегодного пассажирооборота в размере 20 млн человек, но сейчас строится вторая очередь аэропорта и планируется, что его потенциал возрастет вдвое — до 40 млн пассажиров в год.

Кольцевая дорога в свое время значительно разгрузила городские улицы, но Петербург развивается, и сейчас мы строим второе кольцо, благодаря которому на окраины переместятся склады, все еще занимающие большие площади в центре города. Это важная часть нашей жизни, поскольку Петербург для России остается окном в Европу — это город-хаб, через который страна взаимодействует со многими регионами мира.

Для обеспечения жизни города необходимо совершенствовать комплекс защитных сооружений. Благодаря Кронштадтской дамбе Петербург надежно защищен от наводнений, но строительство этого гидротехнического объекта нарушило экологическое равновесие, поскольку спровоцировало загрязнение Невской губы. В настоящее время рассматриваются различные решения для ее очищения и восстановления экосистемы.

Вторая сцена Мариинского театра (Мариинский-2) функционирует уже более 10 лет, и хотя ее внешний облик нравится не всем, она успешно выполняет свои задачи, да и интерьеры спроектированы и выполнены, на мой взгляд, очень удачно. Если кто-то из вас еще не был там, сходите обязательно — в Мариинском-2 дают прекрасные спектакли.

Петербург, как известно, начинался с пустырей, а первый генеральный план развития города был со-

ставлен Жаном-Батистом Леблоном более трехсот лет назад — в 1717 году. С тех пор мы стараемся соблюдать традиции, заложенные этим замечательным архитектором. В частности, продолжаем «трезубец» улиц — Гороховой, Вознесенского и Невского проспектов, берущих начало у Адмиралтейства. Понятно, что такие проекты невозможно реализовать или даже разработать без системы стратегического управления, без перспективного взгляда на десятилетия вперед.

Если мы сегодня не будем заботиться о будущем, это обернется завтрашними проблемами. То «латание дыр», которым приходится заниматься сейчас, означает, что какое-то время назад мы не думали о будущем. Утратив определенные технологии когда-то, сегодня мы пытаемся наверстать упущенное. За последние 30 лет мы лишились многих технологий, и теперь вынуждены исправлять ситуацию. Но мы все делаем для того, чтобы поставить технологии на службу экономике, социальной сфере, экологии. Уверен, что у нас получится.

В нынешнем генеральном плане предусмотрено некоторое ограничение жилищного строительства и в то же время расширение «зеленых» рекреационных площадей, общественно-деловых и производственных зон, потому что экономика города должна расти. И, конечно, мы намерены форсированно развивать транспортную инфраструктуру, в первую очередь строить дороги, потому что для современного уровня обеспечения транспортом дорог в городе явно не хватает.

С. А. АФОНЦЕВ: — Санкт-Петербургу очень повезло — не в каждом городском правительстве работает такой представитель по экономическому развитию, как Анатолий Иванович.

На трибуну приглашается профессор Григорий Феликсович Фейгин.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Сергей Александрович, изложенная Вами информация во многом пересекается с теми мыслями, которые я хотел донести до аудитории. Действительно, сегодня имеются реальные предпосылки для перехода к экономической многополярности. В течение целого ряда десятилетий XX века мир был расколот на две противоположные системы и шла жестокая борьба за мировое господство, проявлявшаяся в разных формах. Мир, по сути, был двуполярным.

Однако в начале 1990-х годов он стал однополярным, разделившись на страны, имеющие развитую рыночную экономику, и страны, которые провозгласили своей целью ее построить и интегрироваться в общемировую экономику. В этот период все говорили о неизбежности глобализации. Однако начиная примерно с 2010 года возникают новые реалии и создаются другие экономические предпосылки. Сергей Александрович убедительно показал, что опережающими темпами растут «незападные» экономики.

Однако, возможно, еще важнее, что в мировой экономике увеличивается доля «незападного» капитала. Я по-прежнему много общаюсь с немецкими предпринимателями, и все чаще приходится слышать о том, что их бизнесы перекупают инвесторы из другой части мира, например из Индии. Еще десятилетие назад это было невозможно. Например, «Дойче банк», флагман банковской системы Германии, может быть куплен китайцами. Уже четыре крупнейших банка в мире стали китайскими, и «Дойче банк», вполне вероятно, будет пятым.

Статистические данные по ВВП 10 крупнейших стран за 2022 год свидетельствуют, что первое место по паритету покупательной способности занимает экономика Китая, а на третьей ступеньке со значительным отрывом от остальных уверенно расположилась Индия. При этом Индонезия уже опередила Францию, Великобританию и Бразилию, хотя еще в 2000 году ничего, как говорится, не предвещало. Как бы то ни было, экономические предпосылки для многополярности существуют, что подтверждают и данные, приведенные в выступлении Сергея Александровича. Страны БРИКС развиваются с большей скоростью, чем «Большая семерка», и производят все большую долю мирового ВВП.

Однако для того, чтобы построить многополярный мир, требуется соответствующая институциональная архитектура. Например, уже в 1970-е годы многими высказывалась идея мирового правительства. Сейчас мы понимаем, что эта идея несостоятельна, поскольку мир к ней не готов. Но были и другие идеи, например взаимодействия институтов глобального, наднационального и национального уровней. Она и сейчас многим кажется реалистичной, но и здесь очень много проблем. Еще одна идея — создать интеграционные блоки, руководствуясь хотя бы теорией Белы Балаша — американского экономиста венгерского происхождения, который выстраивал интеграционные ступени.

Когда вводили евро на основе Маастрихтских критериев, сразу стало понятно, что Греция по своим экономическим показателям не проходит. Но в экономику вмешались политики, которые заявили, что главное интеграция, а Грецию подтянем. После этого приняли и другие страны.

Но сейчас понятно, что если действовать таким образом, то далеко не все стремления можно реализовать. Никто не может, например, создать еще один валютный союз в рамках другого интеграционного блока. Правда, был еще целый ряд проектов, которые пока не реализовались. Скажем, «Большая Евразия» — трансатлантическая зона свободной торговли.

Я полагаю, что самый реалистичный подход — множественность институциональных платформ. Например, страны БРИКС активно работают и в других институциональных образованиях. Тем не менее БРИКС, несомненно, обладает большим потенциалом.

Почему именно БРИКС — тот самый институт, который может внести большой вклад в процесс формирования многополярности? Во-первых, он включает крупные экономики, которые уже сегодня осознают, что им не нужна руководящая сила в лице США. Китай, например, реализуя проекты «Один пояс — один путь», «Единый морской путь», имеет собственное ви́дение своего геополитического будущего. В той или

иной степени это можно сказать и о других участниках объединения.

Важно также отметить, что у этих стран нет «исторического синдрома», который отличает отношения, например, России со странами Восточной Европы и бывшими республиками СССР. Это важная социально-культурная проблема, омрачающая международные отношения в настоящем. Но у стран БРИКС нет друг к другу претензий, связанных с прошлым, которые могли бы препятствовать их успешному сотрудничеству.

Сергей Александрович с оптимизмом смотрит в будущее, и мне хочется разделить его настроение. Но я призываю не забывать о том, что страны Запада будут прилагать все усилия, чтобы разрушить новый альянс, и у них для этого есть много рычагов. Труднопреодолимыми барьерами для развития кооперации также могут стать социально-культурные различия, но это тема заслуживает отдельного большого обсуждения.

С. А. АФОНЦЕВ: — А сейчас я рад предоставить слово профессору Аскару Акаевичу Акаеву.

А. А. АКАЕВ: — В начале 2000-х годов во многих странах были вновь начаты исследования динамики мирового развития. Еще в 1972 году Римский клуб издал первый официальный доклад под названием «Пределы роста». Авторами доклада были профессор Медоуз с коллегами. Они использовали уравнение системной динамики, что давало вполне достоверный результат в среднесрочном плане. Но при попытке использовать это уравнение для долгосрочного прогнозирования возникали ошибки, поэтому многие выводы о пределах роста оказались алармистскими.

В начале 2000-х годов, когда исследования возобновились, были построены математические модели нового типа — так называемые структурные. Перед учеными стояла задача более точно описать процессы мировой динамики в долгосрочной перспективе. Исследования были начаты на факультете глобальных процессов Московского государственного университета и в Институте математических исследований сложных систем. Мы приступили к разработке нового поколения математических моделей, выстраивая их с учетом всех возможных рисков.

А в 2015 году в Уфе состоялся саммит БРИКС, на котором мы представили свою монографию «Перспектива развития стран БРИКС». Сегодня мы можем констатировать, что наши компьютерные модели во многом стали реальностью. Во время встречи в Московском государственном университете эксперты стран БРИКС сказали, что они очень высоко оценивают результаты нашей работы.

А два года назад был опубликован первый за последние 30 лет доклад российских ученых по мировой динамике, выполненный для Римского клуба. Что мы хотели показать?

В 2015 году на Генеральной Ассамблее ООН были приняты Цели в области устойчивого развития человечества до 2030 года. Но оказалось, что ожидания были слишком оптимистичными, и достижение этих целей было отложено на 20 лет. Дай бог нам реализовать их к 2050 году.

И тогда же, в 2015 году, было принято историческое Парижское соглашение по климату, включающее 17 целей, в том числе стабилизацию процесса потепления на уровне полтора-два градуса, чтобы условия обитания людей на планете оставались достаточно комфортными. Мы создали математическую модель изменения климата, подготовили 600-страничный доклад о мировой динамике и два года назад представили его Римскому клубу. Эксперты Римского клуба с разных континентов дали высокую оценку нашему докладу. Но потом началась специальная военная операция на Украине, и они стали колебаться — печатать или нет? К нашей большой радости, Римский клуб настоял, и издательство Springer в Швейцарии опубликовало наш доклад как главный доклад Римского клуба за 2023 год. Мы назвали его «Преодолевая пределы роста». Дело в том, что авторы доклада 50-летней давности («Пределы роста») не в полной мере учитывали технологический прогресс. Сейчас мы знаем, что именно технологический прогресс решает многие проблемы, стирая границы и отодвигая пределы. Наш доклад оказался оптимистическим. Мы показали, что технологический прогресс, даже несмотря на риски, позволит к 2050 году выйти на траекторию устойчивого развития, если мы объединим свои усилия.

Теперь, имея такие модели, мы работаем над тем, чтобы уточнить перспективы развития стран БРИКС до 2050 года, и надеемся к саммиту в Казани подготовить следующий большой труд, посвященный БРИКС. В Московском государственном университете по инициативе его ректора Виктора Садовничего в октябре будет проводиться большой форум университетов БРИКС+. Мы планируем выпустить свой доклад на английском, китайском, русском языках, а сейчас составляем наши модели и прогнозы на суперкомпьютерах.

С. А. АФОНЦЕВ: — Сейчас слово предоставляется профессору Николаю Николаевичу Никулину.

Н. Н. НИКУЛИН: — Как известно, капитализм — это система рыночных конкурентных отношений, функционирующая на основе объективных экономических законов. Объективные законы предполагают массовость товарных сделок, информированность экономических субъектов и т. д. То есть наличие единого мирового рынка — это условие объективности экономических отношений между экономическими субъектами.

Экономическая глобализация — это система отношений, в рамках которой использование мировых экономических ресурсов осуществляется на основе единых объективных рыночных законов производства, распределения, обмена и потребления.

Объективные законы предполагают массовость товарных сделок и информированность экономических субъектов, осуществляющих данные сделки, о предварительной ценности товаров, выраженной в денежной форме в предварительных ценах. Динамика предвари-

тельных цен спроса и предложения приводит к установлению равновесных рыночных цен. То есть наличие единого мирового рынка — условие объективности отношений экономических субъектов.

Система экономических отношений в многополярном мире будет отличаться от таковой в рамках однополярного мира. В августе 2023 года Владимир Путин по видеосвязи принял участие в заседании в формате «БРИКС плюс/аутрич». По его мнению, страны «золотого миллиарда» делают все, чтобы сохранить однополярный мир, который им выгоден, пытаются подменить систему международного права собственным порядком, основанным на правилах, которых никто не видел, меняющихся в угоду текущей политической конъюнктуре когда угодно и как угодно в соответствии с интересами отдельных стран. «По сути, это тоже колониализм, только в новой упаковке, кстати, не так уж хорошо выглядящей, и современные колонизаторы, прикрываясь благими лозунгами демократии, прав человека, стремятся решать свои проблемы за чужой счет, продолжая беззастенчиво выкачивать ресурсы из развивающихся стран… с одной стороны, выкачиваются ресурсы в огромных количествах, а с другой стороны, создается такое взаимоотношение в сфере кредитов, что выплатить эти кредиты становится практически невозможным, и выглядит это уже не как кредитные обязательства, а как контрибуция», — уверен Президент РФ.

Но разве Китай находился в колониальной зависимости от Соединенных Штатов, когда развивался? Мы знакомы с впечатляющей динамикой роста Китая, Индии и еще многих стран с 2002 по 2022 год, фактически сформировались новые центры экономической силы, и это произошло в рамках глобальной экономической системы. Это очень важный момент.

В ноябре 2023 года на форуме АТЭС в США лидер КНР Си Цзиньпин, в частности, сказал: «Опыт развития Азиатско-Тихоокеанского региона показывает нам, что открытость ведет к процветанию, а закрытость — к упадку». Он считает, что необходимо «поддерживать свободную и открытую торговлю и инвестиции, поддерживать и укреплять многостороннюю торговую систему, в центре которой стоит ВТО, поддерживать стабильность и бесперебойное функционирование глобальных промышленных цепочек и цепочек поставок».

Одним из проявлений многополярности в экономике является экономическая регионализация.

Во второй половине XX века стали формироваться различные региональные экономические структуры — ЕЭС, ЕАСТ, АСЕАН, НАФТА, МЕРКОСУР и другие, в рамках которых создавались более благоприятные условия для функционирования национальных капиталов. Кроме того, заключались различные двусторонние торгово-экономические соглашения для улучшения условий экспортно-импортных взаимоотношений.

Являясь выражением процесса глобализации, регионализация становится формой объединения для национально-государственных капиталов, имеющих специфические общие интересы, а также формой создания более крупного экономического пространства и защиты его от действия внешних сил в рамках глобальной конкуренции. При этом важно отметить, что регионализация не устраняет глобального характера конкуренции и международного процесса согласований, а формирует особый этап глобальных согласований — на уровне отдельных региональных экономических блоков. Но при этом не перестают действовать объективные законы конкурентной рыночной экономики.

Одним из проявлений многополярности стали интеграционные объединения. В условиях глобальной конкуренции, значительной открытости мирового рынка, быстроты внедрения мировых достижений науки и техники воспроизводственные процессы начали изменяться, как и соотношение экономических потенциалов между странами.

Экономика является основой формирования многополярного мира. Этот подход сегодня разделяется многими: изменение расстановки экономических сил стало основой для того, чтобы появился многополярный мир. Однако только в рамках единой глобальной системы может дальше развиваться экономика всего человечества, то есть многополярный мир не отменяет глобальной экономики.

С. А. АФОНЦЕВ: — Это действительно очень важно — понимать, что будет происходить в мировой экономике по мере перехода к многополярной структуре.

Мы надеемся, что переход к многополярной модели сделает мир более справедливым и менее подверженным эксцессам, связанным с искажением реальности.

Слово предоставляется академику Роберту Искандеровичу Нигматулину.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Дорогие коллеги, я вдруг понял, что среди присутствующих я самый старший. Родился за год до начала Великой Отечественной войны и даже помню сталинские времена. Когда умер наш величайший вождь и учитель, я учился в шестом классе. А до этого нам много лет рассказывали, что мы живем в лучшей в мире стране, где все хорошо и правильно устроено. Хотя, по сути, огромная доля вины за то, что Великая Отечественная война оказалась возможной, лежит на Сталине, так как он расстрелял десятки генералов, ослабив тем самым нашу армию. Правда, в конце концов он одумался. Вот я и рассчитываю на то, что наше сегодняшнее руководство тоже одумается.

После Сталина пришел Хрущев, который «дискредитировал» все, что было до него. В хрущевские годы страна достигла определенных успехов, но через некоторое время он тоже стал «дорогой Никита Сергеевич». Потом его сместили — оказалось, что он был «волюнтарист». Сменивший его на высшем посту Леонид Ильич Брежнев вскоре, как полагается, стал «дорогим», и страна снова начала достигать впечатляющих успехов. Но через несколько лет после его ухода брежневскую эпоху окрестили застоем. Новый руководитель был яркой личностью и многообещающим лидером. Мы все ему симпатизировали, но, к сожалению, он оказался не готов управлять такой крупной державой.

И так далее.

Почему я об этом говорю? Российская интеллигенция утратила способность к критическому осмыслению деятельности руководства страны. Критический взгляд нужен не для того, чтобы сместить кого-то, — ни в коем случае. Я всей душой за нашего президента. Но ни президент, ни правительство никогда не бывают умнее своего народа.

И про экономическую науку. Я математик, долгие годы преподавал на мехмате МГУ, затем работал в Сибири, в Башкортостане, за границей. Работал во многих странах — США, Франции, Англии. В общем, имею достаточно объемный взгляд на Россию и на мир.

Так вот, какие проблемы, на мой взгляд, необходимо обозначить в первую очередь.

Во-первых, начиная с 2015 года в России не растут доходы населения. В среднем по стране они составляют меньше 500 тыс. рублей в год; в Москве — 1100 тыс., в Санкт-Петербурге — примерно 600–700 тыс., то есть немного больше средней величины.

Во-вторых, мы с радостью говорим, что занимаем четвертое место в мире по величине ВВП по ППС. При этом, например, Германия, которую мы обошли в этом рейтинге, производит «мерседесы» и «опели», холодильники, стиральные машины и телевизоры, а также химические реакторы, от которых сейчас зависят многие российские предприятия, но нам их не поставляют. Несколько нефтехимических заводов в России подверглись атакам и понесли значительный ущерб, и их восстановление теперь сопряжено с большими проблемами. Мы развиваем сотрудничество в рамках объединения БРИКС, и это замечательно. Но большинство развитых стран не желают с нами разговаривать, что уже совсем не хорошо.

В-третьих, самый печальный и постыдный факт — количество нищих россиян, то есть тех, чей доход недотягивает до МРОТ. Они составляют довольно большую часть населения — свыше 10 %. А доля среднего класса, если считать по европейским стандартам, не превышает 20 %. Что это за стандарты? В Европе к среднему классу относятся те, кто за 20 лет сможет погасить ипотечный кредит, выплачивая не более 30 % своих доходов, при этом имеет 25 квадратных метров жилья в пересчете на одного члена семьи; способен купить автомобиль, выпущенный не более пяти лет назад; каждый год ездит в отпуск (не в соседний город, а подальше) и имеет сбережения. По тем же европейским меркам в России 70 % населения — бедные, но зато по количеству миллиардеров, отнесенному к размеру ВВП, мы лидируем.

Что, на мой взгляд, надо делать в первую очередь? Анатолий Иванович верно сказал — инвестиции. Несмотря на то что Министерство финансов и раньше, и сейчас пугает, что за инвестициями последует высокая инфляция. Нельзя сказать, что финансисты неправы, потому что эффективность инвестиций у нас в полтора раза ниже, чем в Турции. А чтобы повысить их эффективность в производственном секторе, необходимы хорошие инженеры. На Невском заводе они были, но сейчас не только там, но и на других предприятиях огромный дефицит грамотных инженеров, так же как и мастеров, и рабочих высокой квалификации. Это серьезнейшая проблема.

Однако, несмотря на это, я бы провел «инвестиционную атаку». Много лет правительство складывало деньги в Резервный фонд, из которого сегодня половина арестована на зарубежных счетах. Но то, что осталось, необходимо все же инвестировать, например в строительство заводов. Хотя кадров остро не хватает, в результате строительства мы могли бы выявить людей, которым можно доверить руководство промышленностью и другими отраслями экономики. Это сейчас главное. Не надо складировать деньги — так они не приносят никакой пользы. Некоторая часть доходов, конечно, должна направляться в резервы, но мы по сравнению с другими странами резервировали слишком большую долю бюджетных поступлений.

И другая задача, к решению которой надо приступать незамедлительно, — подготовка кадров. Раньше технические вузы выпускали достаточное количество инженеров, которые развивали производство, и надо возрождать эту тенденцию, а для этого как минимум удвоить финансирование образования — с нынешних 4 % ВВП до 8 %, как в развитых европейских странах.

Еще раз повторю для молодежи: никогда не восхищайтесь властью. Руководителей необходимо уважать, но при этом относиться к ним критически, поскольку нет таких руководителей, которые все делают идеально.

С. А. АФОНЦЕВ: — Роберт Искандерович, благодарим за Ваш критический взгляд настоящего ученого. Вы напомнили нам о том, что говорили многие честные западные экономисты: «Russia is the richest country in potential». Наша задача все та же — превратить потенциал в реальность.

Приглашаю к микрофону Елену Сергеевну Садовую.

Е. С. САДОВАЯ: — Во время дискуссий у меня возникли некоторые идеи.

В настоящее время БРИКС представляет собой довольно аморфное объединение, чье дальнейшее развитие может осуществляться по разным сценариям. Даже в принимаемых документах, например в Йоханнесбургской декларации, намечаются две разные перспективы. Первая может реализоваться в попытке подчинить себе глобальную систему управления. Правда, в ближайшее время шансы на это невелики, хотя Китай, несомненно, заинтересован в таком развитии событий, ведь именно глобализация стала одной из основ китайского экономического чуда. Вторая, более реалистичная перспектива — сосуществование разных цивилизационных платформ, построение многополярного мира, о котором мы много говорим, но которого пока еще нет, и его контуры неясны — ни экономические, ни политические, ни социальные, так что над этим еще предстоит поработать.

А обращаясь к молодым коллегам, хочу сказать вот о чем. Мы часто употребляем слова, значение которых представляется нам очевидным, — «развитие», «справедливость» и т. д. Например, что такое развитие? Казалось бы, ответ очевиден: движение от хорошего к чему-то лучшему. Однако без понимания культурно-исторического содержания этого термина мы вряд ли

сможем адекватно оценить его истинный смысл. Например, мы стремимся построить глобальную систему управления развитием. В основу этой идеи была положена леволиберальная концепция, и «устойчивое развитие» трактовалось в рамках данной концепции. С 1990 года Организация Объединенных Наций ежегодно публикует доклады о человеческом развитии, и около 10 лет назад в таком докладе было мелким шрифтом написано: несправедливым является развитие, когда некоторые страны владеют значительными природными ресурсами, поэтому необходимо под эгидой мирового правительства перераспределить эти ресурсы более справедливым образом.

Такое перераспределение считается справедливым, если мы понимаем развитие в рамках христианской традиции: есть некий идеал, к которому человек стремится, и во всех своих поступках равняется на этот идеал. Однако в китайской традиции понимание справедливости и развития совсем другое. Поэтому, когда в скором времени вы, сегодняшнее молодое поколение, возьмете в свои руки развитие нашей цивилизации, надо все время иметь в виду разное понимание таких важных терминов и на этой основе принимать решения о том, с кем мы можем создавать союзы, чтобы они были справедливыми, с нашей точки зрения, и способствовали развитию нашей страны.

Мы обсуждаем важные и интересные вопросы, но есть один важный фактор, о котором пока никто не упомянул, — демографический. Для нашей страны он является одним из ключевых, потому что та емкость рынка, которой мы располагаем, — около 150 млн человек — слишком мала для того, чтобы мы могли развивать технологии, углублять разделение труда и т. д. Поэтому, обращаясь к молодой аудитории, хочу напомнить еще и о том, что демография является важным фактором экономического развития.

С. А. АФОНЦЕВ: — Небольшой комментарий для студентов. Обратите внимание, как мало мы знаем о культурном контексте сотрудничества и о культурах тех партнеров, с которыми взаимодействуем. У Конфуция есть замечательная мысль: плохо не когда мало, а когда не поровну. Что мы об этом знаем? Мы понимаем, что китайское общество построено в том числе и на этом принципе? Коллеги, будьте максимально внимательны к культурному контексту.

Слово для ремарки предоставляется Роберту Искандеровичу.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Елена Сергеевна совершенно верно сказала о демографическом факторе. В России население ежегодно сокращается на полмиллиона человек, в то время как, например, в Германии — каждый год плюс 300 тыс.

С. А. АФОНЦЕВ: — За счет мигрантов.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — У нас тоже есть мигранты, но к нам не так много людей хочет приехать и жить. Я не могу сказать, что уважаю нынешнее немецкое правительство, впрочем, как и американское. Но бóльшая часть их проблем возникла потому, что везде разрушено образование. И мы идем вслед за ними. Например, далеко не каждый житель России и даже не каждый петербуржец сможет сказать, где находится Балтийское море. Так что нам надо не радоваться чужим проблемам, а решать собственные.

С. А. АФОНЦЕВ: — Выступает профессор Лариса Александровна Миэринь.

Л. А. МИЭРИНЬ: — Я представляю кафедру Газпрома, но по своему образованию и теме диссертации политэкономист, то есть тот, кто изучает экономическую теорию. У политэкономистов сейчас очень интересное время — мы пытаемся осмыслить все те трансформационные процессы, которые происходят в мире и в нашей стране, чтобы понять, какую траекторию развития мы, как теоретики, могли бы предложить вместе с теми, кто моделирует и прогнозирует, для формирования будущего страны. Конечно, мы понимаем, что новый миропорядок будет складываться не быстро. Он не может быть установлен только политическим или волевым решением, даже если будет сформировано некое мировое правительство. В мире очень много субъектов — и стран, и союзов, и интеграционных объединений, у которых противоречивые интересы, и за счет этого и происходит развитие.

Но что является основой прогресса? Это тот важный вопрос, который мы обсуждаем, и в название нашей конференции вынесен тезис о том, что, видимо, основой является диалог культур и цивилизаций. Это вселяет надежду, что мир может развиваться по тому пути, который человечество ждет многие тысячелетия. Мы говорили о проблемах справедливости, равенства и положительных ценностях, которые мы интуитивно понимаем и должны сохранять, о культуре как одном из элементов нашего хозяйства. Но когда мы преподаем экономическую теорию, этот элемент, на мой взгляд, не находит должного отражения, хотя в XXI веке проводятся экономические исследования и появилось очень много публикаций. Это позволяет говорить о том, что на сегодняшний день проблема прогрессивного развития упирается в фактор культуры.

Можно найти очень много определений культуры. Вот определение, данное деканом экономического факультета МГУ Александром Александровичем Аузаном, у которого вышла замечательная монография «Культурные коды экономики»: «Ценности и поведенческие установки, разделяемые большой группой людей и медленно меняющиеся во времени…» Соглашаясь с Александром Александровичем, хочу добавить, что в этом случае важно рассматривать культуру с позиции того, что это, на мой взгляд, механизм наследования системных ценностей. И если подходить с точки зрения системного и структурного подхода, то в структуре хозяйственной системы культура — сложносоставное явление.

Я полагаю, что в системе культуры можно выделить четыре основных элемента. Первый элемент, который связан с развитием во всем мире движения за здоровый образ жизни, формируется в рамках природ-

но-социальных отношений. Второй — в социальной среде и включает в себя национальную культуру в буквальном смысле слова. Это и религиозная культура, и политическая, и культура быта и т. д. То есть специфику этого элемента образует множество всех социальных отношений. Очень важно, что в экономике России на то, что происходит, влияет природа — как мы организуем нашу экономическую культуру, культуру хозяйствования, в первую очередь земледельческую, и пр. Исторически природная среда влияла на социальные отношения и национальную культуру и, в свою очередь, уже определяла культуру экономическую. И инвестиции в нашу экономику, которая определяется всем тем, что заложено в предшествующую базу природой и социумом, не будут эффективны, если мы не сформируем в социальной среде тот человеческий капитал, который сможет при новых технологиях осуществить движение вперед. Четвертый элемент культуры — это культура экологическая. Развитая хозяйственная система оказывает такое давление на природу, которое на сегодняшний день для природы чрезмерно.

Эта системная картина важна для экономистов. Мы не можем не принимать во внимание остальные элементы, потому что если системно подходить к нашему хозяйству, то экономика — это один из его элементов, экономическая культура — один из элементов всей культурной системы. Будущее формируется тогда, когда мы включаем в рассмотрение культуру. Вывод у меня очень простой. На уровне мирового хозяйства мы взаимодействуем с представителями разных культур, специфическими культурами, и мы должны видеть не только отличия, но и то, что нас объединяет, что будет составлять единство культур и цивилизаций в будущем.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Вы абсолютно правы. Без культуры не будет ничего. Сначала надо развивать производительные силы, строить заводы, тогда появятся инженеры и поднимется культура. А не сначала подготовим культурных деятелей, будем учить инженеров, а только потом строить заводы. Так не получится.

С. А. АФОНЦЕВ: — Это вечная дискуссия о том, кто первый — физики или лирики. Я думаю, что и тех и других надо взращивать. И те и другие должны работать друг с другом.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Физики или лирики? Сначала физики. Без физиков не будет лириков, не будет культуры. К сожалению, так. Сначала промышленность, экономика, а потом и параллельно будут и инженеры, и культура.

С. А. АФОНЦЕВ: — Я приглашаю выступить Алексея Дмитриевича Шматко, директора Института проблем региональной экономики РАН.

А. Д. ШМАТКО: — Тема моего доклада — «Сотрудничество стран БРИКС в рамках городов как центров развития». Города являются устойчивой формой организации пространства для жизнедеятельности населения на протяжении многих тысячелетий. В то же время в устройстве самих городов за последние 40 лет наметились серьезные тенденции к образованию мегаполисов и городских агломераций. И если, например, в 1980-х годах можно было говорить об организации небольших компактных городов с развитой транспортной сетью, то в середине 2000-х шло формирование мегаполисов и городских агломераций по совершенно другому принципу. Эти изменения произошли во всем мире и в странах БРИКС, в том числе в России. Сейчас города становятся центрами сосредоточения талантов, инновационной активности. Это создает предпосылки к формированию на уровне городов единых универсальных подходов в преодолении негативных тенденций и решении возникающих проблем городского хозяйства. Выстраивая сотрудничество, страны могут использовать этот ресурс, что может быть особенно полезно для таких стран, как члены БРИКС, потому что страны, входившие в БРИКС еще до расширения, сами по себе относились к различным цивилизациям. Они были относительно мало интегрированы в единую глобальную политику на уровне культуры человеческого общения. И поэтому необходимо отметить, что для стран БРИКС очень важно поднимать вопросы формирования новой перспективы трека коммуникации через призму устойчивого развития городов.

Вследствие возможности свободного перемещения между городами можно говорить о том, что идет конкуренция и внутри стран, и друг с другом. То есть конкуренция за молодежь, за высокотехнологичные кадры между городами только возрастает. Необходимо отметить, что для молодежи очень важны комфортность городской среды и перспективность развития. Если молодые люди хотят купить квартиру, то должны представлять себе будущее — что будет с этим городом через 20–30–50 лет. Какие перспективы у их детей в этом городе? Поэтому городская среда влияет на желание талантливых и креативных людей переселяться из одного города в другой, а также мотивирует и стимулирует самореализацию. Также необходимо создавать инфраструктуру, способствующую реализации талантов: научную, образовательную, производственную, чтобы было, где работать. Есть очень интересное исследование, которое было проведено Национальным исследовательским институтом Высшей школы экономики. Согласно его результатам треть мигрантов, которые создавали компании-единороги, делали это там, где получали высшее образование.

При всей универсальности подходов следует отметить, что инновации и таланты приживаются, как правило, в тех городах, где существует интерес со стороны городской власти и желание концептуального развития территорий, когда руководство города готово идти и идет навстречу инноваторам, предоставляет им возможности для реализации их проектов, в том числе право на риск, дает шанс проводить разработки, проверять свои гипотезы.

При условии все возрастающей скорости цифровизации пространства стран БРИКС для городов возникают условия по обмену опытом, формированию комфортного пространства, решению проблем, свя-

занных с потребностью наращивания своих конкурентных преимуществ. В рамках дипломатии городов может и должен быть выстроен диалог между людьми, позволяющий лучше понять друг друга и продвинуться на пути интеграции. Здесь, естественно, крупные города как центры культуры могут выступать амбассадорами для своих стран и даже быть посредниками в налаживании бизнес-контактов, образовательных обменов и совместных научных исследований. Передача опыта в области благоустройства городского хозяйства и работы сервисов в рамках стран БРИКС — это очень перспективное направление, которое необходимо развивать.

Сегодня БРИКС представляет мировое большинство по многим социально-экономическим параметрам. При этом нередко перспективные возможности для взаимодействия стран-участниц на внутреннем контуре блокируются внешними силами, а любые контакты между городами зачастую упираются в невозможность проведения свободной финансово-кредитной политики. Мы в России сейчас это особенно ощущаем. Введенные информационные ограничения приводят к необходимости поиска альтернативных каналов коммуникации, не наносящих вреда ни одной из сторон. Это частично связано с тем, что плотность контактов с внешним миром порой более интенсивна, чем внутри стран БРИКС, что необходимо преодолевать. И здесь важным моментом является формирование единого языкового пространства, которое пока в БРИКС отсутствует. Это язык, общий для всех этих стран, который мы признаем, и наращивание возможностей обучения на языках БРИКС именно внутри этих стран.

На данный момент мировая экономика в целом опирается на формирование плана в соответствии с целями устойчивого развития, определенными до 2030 года. При этом важно отметить, что уже в настоящее время следует задуматься о будущем за границей этой повестки. И именно страны БРИКС способны сформировать свое собственное ви́дение концепции устойчивости с учетом тех проблем и вызовов, которые наиболее актуальны для участников организации.

С. А. АФОНЦЕВ: — Еще одна актуальная проблема: демография, культура и языки. Языки — это очень важно, и действительно, найти объединяющий язык даже для пяти стран БРИКС было сложно. А сейчас, когда добавились фарси и арабский, стало еще сложнее.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Уважаемые коллеги, у меня два вопроса. Понятие «нам надо» использовалось в рамках БРИКС, и сегодня Елена Сергеевна тоже говорила, что нам надо выбирать союзников. Насколько мы в рамках БРИКС готовы как сообщество говорить «мы» и осознавать общность наших целей? Мы социально-культурно готовы уже сегодня при всех наших культурных различиях говорить, что БРИКС как объединение — это «мы»? Это первый вопрос.

Много говорили и дискутировали о многополярности, высказывалось даже мнение, что мы еще никогда не жили в условиях многополярности. Все-таки опыт двуполярности (раскола мира на две противоположные системы) был неоднозначным — системы враждовали и боролись за мировое господство. Мой второй вопрос: насколько в ближайшей перспективе возможно мирное сосуществование многих полюсов?

С. А. АФОНЦЕВ: — Григорий Феликсович, разрешите, я отвечу, потому что я помимо прочих регалий еще и профессор МГИМО, а это вопросы по международным отношениям. Первый вопрос — это самый главный вопрос методологии науки. В какой мере мы вообще можем говорить слово «мы», когда выступаем от имени какой-то группы людей. В контексте экономической науки мы не можем так говорить, причем не только на международном, но и даже на национальном уровне. Решения в рамках БРИКС — это равнодействующие интересов политических и экономических элит и рядовых граждан соответствующих стран. На уровне метафоры можно говорить: «наша общая позиция», «что мы будем делать». С точки зрения методологии науки в строгом отношении так говорить нельзя.

Относительно того тезиса, что мы никогда не жили при многополярности. А что будет? Мы никогда раньше не жили в условиях, когда у нас есть смартфоны и мобильные компьютеры. Оказалось, что это хорошо, и никто не подрался, никто ни у кого деньги не отнял, мы живем нормально. Точно так же мы боимся, что будет многополярный мир. Да все будет хорошо, это инновации в социальном и политическом плане.

Н. Н. НИКУЛИН: — Сергей Александрович упоминал работу Смита о теории нравственных чувств, о том, что такое несправедливость. Скажите, пожалуйста, молодые люди, миллиарды Павла Дурова и Илона Маска — это справедливо или несправедливо?

С. А. АФОНЦЕВ: — В данном случае меня интересует субъективный взгляд аудитории. Я вижу, что около 40 % аудитории подняли руки за то, что это справедливо, и никто не поднял за то, что несправедливо.

Я уточню как профессиональный экономист. У нас есть позитивная экономическая наука и нормативная. Позитивная экономическая наука отвечает на вопросы: что; где; когда; зачем; почему; как долго; и когда это кончится? А нормативная — на вопросы: хорошо это или плохо; как сделать лучше? Я думаю, что справедливостью пусть занимается нормативная экономическая наука, а мы посмотрим на цифры и на результаты, которые приносят изменения тех или иных переменных.

Олеся ЛЕВУН, III курс, экономический факультет: — *Роберт Искандерович, Вы сказали очень важную фразу, что никакая власть не может быть умнее своего народа. Мы, молодежь, в дальнейшем станем управленцами коллективного сознания, и есть вероятность, что мы можем стать глупее своего же общества. Какое у Вас мнение на этот счет?*

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Когда я говорил по поводу того, что правительство не умнее народа, я говорил

не власть, а все-таки правительство, президент, губернаторы, и это не значит, что каждый из народа умнее, чем те, о ком я сказал. Нет, но в народе всегда найдутся люди умнее по данному вопросу, чем президент и правительство. Вот в чем моя основная мысль. Теперь все в руках народа. Вот когда люди говорят: плохо, плохо, на самом деле всегда в первую очередь виноват народ. А чтобы народ был умнее, его надо учить. Это значит, нужно с детства заставлять учиться. Это было при советской власти, но, к сожалению, мы это утратили.

С. А. АФОНЦЕВ: — Процитирую одного мудрого человека, апостола Павла. Он был христианским апостолом, но сказал для всех: «Поступайте согласно званию, к которому вы призваны». Вы призваны к высокому званию исследователей, студентов, будущих лидеров нашего общества и страны, поступайте согласно этому званию. Учитесь, совершенствуйтесь, и будет хорошо не только вам, но и нашей стране.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Еще одно. Коллеги, мы затронули вопрос, что первично — физики или лирики? Я уточню: в первую очередь физики, потом будут развиваться лирики и культура. А если культура при этом не будет развиваться, то и физики не нужны.

С. А. АФОНЦЕВ: — Я приглашаю к микрофону Валентину Васильевну Павлову, ведущего научного сотрудника Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

В. В. ПАВЛОВА: — Мой доклад будет посвящен рынку труда. Роберт Искандерович сказал в начале, что место и влияние нашей страны на мировом рынке — это серьезный вопрос, но ее внутреннее состояние играет при этом первостепенную роль. Поэтому я бы хотела остановиться на вопросах развития нашего рынка труда и основных тенденциях, которые мы сейчас наблюдаем. Дело в том, что с принятия Закона о занятости в 1991 году прошло более 30 лет, и на рынке труда произошли очень серьезные изменения. Это демография, о которой уже говорилось, структура занятости, миграционные процессы, быстрое появление новых профессий, за которыми образование уже не поспевает.

Основным показателем деятельности рынка труда является безработица. Безработица у нас сейчас на уровне 3 %, процент маленький, хорошо это или плохо? Цифры говорят сами за себя: дело в том, что в России для стабильности рынка и снятия социальной напряженности естественным уровнем безработицы являются 5 %. Это говорит о том, что проблема на рынке труда существует, причем будущая безработица малопрогнозируема в силу объективных причин — тех же самых демографии и бюджетной политики, направленной на то, чтобы обеспечить приоритет развития востребованных отраслей, а также военно-промышленного комплекса в связи с проводимой мобилизационной кампанией, миграционными процессами и колебаниями доходов населения. Поэтому в данном случае нельзя построить четкие прогнозы.

Что является трендом рынка труда? Это изменение структуры спроса на рабочую силу. Вот яркий пример. Ограниченная мобилизационная кампания в сентябре 2023 года привела к тому, что снизились численность мужчин среднего возраста и их привлекательность для рынка труда, потому что работодателю нужны работники, которые будут работать постоянно. В связи с этим работодателями востребованы специалисты в возрасте 45 лет и старше. Каковы же тогда тенденции с точки зрения потребности в рабочей силе? На прошедшем недавно в Петербурге Международном форуме труда затрагивались серьезные вопросы, и представители HeadHunter привели очень интересную статистику: разрыв между числом активных вакансий и количеством резюме кандидатов по рабочим специальностям составляет 7 процентных пунктов. Это говорит о том, что, с одной стороны, растет спрос на труд, а с другой — на рынке наблюдается дефицит его предложения. Это проблема кадрового голода на рынке. Причем по мониторингу наблюдений, ведущихся с 1998 года, это самый низкий уровень предложения рабочей силы на рынке труда.

К чему это приводит? По экспертным оценкам, дефицит кадров ведет к снижению ВВП на 2 % в год. Значительная цифра, если такой дисбаланс будет сохраняться. Эксперты прогнозируют, что он будет ликвидирован в течение 2025–2026 годов. Чтобы этот дисбаланс ликвидировать, необходимо точно знать, какие специалисты, в каком количестве, в каких регионах нам необходимы. И с этого года по поручению президента правительство начинает составлять и выпускать ежегодный прогноз потребности российской экономики в кадрах в региональном разрезе, в профессиональном и т. д.

В связи с этим, как уже сказал Роберт Искандерович, кадры — это, конечно, хорошо, но их нужно готовить. Поэтому разрабатывается Стратегия развития национальной системы квалификаций Российской Федерации на период до 2030 года, в том числе для присоединенных регионов.

Ну и, конечно, резерв цифровизации. Сейчас в рамках Закона о занятости мы переходим на единую цифровую платформу, к которой подсоединены все центры кадровых услуг, где по самым разным специальностям выставлены все требования и потребности в них в различных регионах. И еще одно направление, которое в силу многих причин стало развиваться, и период пандемии, конечно, способствовал этому, — это рост самозанятости и платформ для занятости. И именно молодое поколение заинтересовано в этом вопросе развития и трудоустройстве на платформах. Дело в том, что стандартная форма занятости, фиксированный рабочий день интересуют молодежь уже в меньшей степени, для нее привлекательнее развитие творческой инициативы и, естественно, более свободный график. В Газпроме сейчас создана достаточно серьезная цифровая платформа, на которой выставляются очень крупные проекты, и на платформах формируются творческие коллективы, имеющие возможность использовать участие высококвалифицированных специалистов разных регионов и специальностей.

Чтобы любой вопрос регулировался нормативно, нужна нормативная база. В новом законе о занятости уже было сказано о платформе занятости, а для того, чтобы регулировать все эти вопросы, будет разрабатываться и вступит в силу отдельный закон о платформе занятости. Международная организация труда тоже уделяет этому внимание и внесла эти вопросы в повестку предыдущей конференции.

С. А. АФОНЦЕВ: — Обратите внимание, второй раз всплывает тема баланса, когда безработица и избыток труда — это плохо, а когда нет безработицы и дефицит труда — это тоже плохо. Надо находить баланс для того, чтобы на уровне предприятий, экономики у нас было динамичное развитие. Пожалуйста, Людмила Семеновна Худякова, заведующая отделом глобальных экономических проблем внешней экономической политики ИМЭМО.

Л. С. ХУДЯКОВА: — Заявленная тема моего выступления «Устойчивое финансирование — приоритетное направление в повестке БРИКС». Здесь уже говорилось и об устойчивом развитии, и о Парижском соглашении по климату, поэтому сразу перейду к вопросу финансирования. Это очень важная тема для стран БРИКС как на национальном уровне, так и на уровне объединения, поскольку без финансирования и новых технологий невозможно достижение любых целей, и в данном случае тех, которые заявлены в рамках устойчивого развития. К сожалению, не существует какой-либо действительно представительной статистики, которая позволила бы охватить весь спектр развития; более или менее регулярно обновляемой является статистика организаций, которая, правда, охватывает только устойчивые облигации. И эта статистика все-таки демонстрирует поступательное движение. Хотя, естественно, реальность далека от имеющихся потребностей в финансировании.

Все страны БРИКС в той или иной степени осуществляют зеленое, но также и социально ответственное финансирование. И несомненно, лидером среди них является Китай, где созданы все предпосылки для зеленого развития, основные направления которого — экологически чистый транспорт, возобновляемые источники энергии, водные ресурсы и водоотведение, зеленое строительство. Китай уделяет этому вопросу очень большое внимание, во многом это связано с неблагополучной экологической ситуацией в мегаполисах, и именно Китай внес предложение о создании рабочей группы по финансированию в «Большой двадцатке». Конечно, другие страны, члены — основатели БРИКС, также уделяют этому вопросу пристальное внимание.

При этом зеленая повестка не исчерпывается зеленой энергетикой, тем более что сейчас в рамках энергоперехода уже возникают другие трактовки, в том числе благодаря усилиям стран БРИКС, которые рассматривают не только необходимость быстрой и интенсивной замены ископаемого топлива возобновляемой энергетикой, но и подход, предусматривающий уменьшение углеродного следа, в том числе при использовании ископаемого топлива. Поэтому зеленая тематика сохранит свое значение, и, с моей точки зрения, следует рассматривать ее как тематику будущего. Для нас это тоже очень важно, поскольку чистый воздух и чистая вода нужны всем. И какими бы разными страны БРИКС ни были, очень важно их выступление с общих позиций и выбор для сохранения равноправия и суверенитета таких направлений, по которым имеется консенсус. Для этого необходима коалиция с другими странами Глобального Юга, потому что скоординированные усилия приносят успех в рамках БРИКС и прошедшей в Дубае климатической конференции COP28.

С. А. АФОНЦЕВ: — Прозвучал важный тезис о том, что БРИКС существует не сам по себе, а работает в координации и в коалициях с другими странами. Следующий докладчик — профессор Арунас Альгевич Лапинскас.

А. А. ЛАПИНСКАС: — Мой доклад посвящен путям развития, общему и особенному. Про общие черты уже было сказано, но возникает следующая проблема: если мы все развиваемся разными путями, можем ли мы использовать опыт других стран, допустим, опыт Китая? Мы с китайцами долгое время развивались примерно по одному и тому же пути, указанному Владимиром Ильичом Лениным и Мао Цзэдуном на основе теории Карла Маркса. И это было долго, но не хорошо. И китайцы молодцы, что сохранили основу, а мы выбрали несколько другое направление. Но основа этого подхода — традиции как основной культурологический фактор, есть и другие факторы, как то: демографический, климатический и т. д. Об этом уже говорили отцы-основатели цивилизационного подхода. Самый первый — Виссарион Григорьевич Белинский, он же идейный противник славянофилов. На мой взгляд, большой плюс цивилизационного подхода, основной тезис которого, что каждая крупная нация нашей цивилизации развивается своим особым путем, в том, что он выдвигает на первое место духовность, то есть сознание. Можно сказать словами Питирима Александровича Сорокина, что связь между бытием и сознанием, а в нашем случае, производительными силами и надстройкой или базисом и надстройкой, — это не односторонняя линейная связь, а двусторонняя циклическая, то есть, как примерно было сказано, физики — лирики, курица — яйцо и т. д.

Цивилизационный подход при всех своих плюсах имеет и некоторые недостатки, в частности слабо учитывает общие закономерности. Главный закон — спрос и предложение, и в Африке, и в Китае он действует в том же направлении. А если посмотреть глубже с точки зрения, скажем, кибернетики, а это управленческая наука, то вся экономическая система — это хозяйственные организации. Поэтому в этом смысле самое главное — не то, из чего сделана система, а то, как все это связано. Простейшая управленческая схема может состоять из разных элементов и будет работать.

Что у нас общего с китайцами? Мы долгое время шли в одном и том же направлении, однако случилась бифуркация: у китайцев после смерти Мао Цзэдуна,

у нас из-за развала Советского Союза. Мы пошли разными путями, и результат налицо. Китайцы создали классическую смешанную управленческую структуру, два сектора хозяйства: рыночный сектор — оперативный блок и государственный — стратегический. Причем они должны быть уравновешены, и китайцы как раз и создали уравновешенную структуру. Наша современная структура очень искаженная, как в кривом зеркале. А китайцы как раз создали под руководством Дэн Сяопина плановую рыночную экономику. В результате они пошли круто вверх, мы — круто вниз. Китай стал мировой фабрикой, Россия — мировым поставщиком ресурсов.

Лично я считаю, что какими бы ни были такие организации, как БРИКС, хорошо, что они есть. Они расширяются, значит, есть новые страны, которые хотят туда вступить. А с Китаем можно не только дружить, у него можно многому поучиться. И у нас есть собственный опыт и знания, как это сделать. Нужно только начать.

С. А. АФОНЦЕВ: — Обратите внимание, это такая культура, инь и ян: не может быть чего-то одного, на чем все основано, нужно, чтобы были две базовые силы, из которых возникает гармония. Следующей выступит Ирина Игоревна Рахмеева, заведующая кафедрой экономической теории прикладной социологии Уральского государственного экономического университета.

И. И. РАХМЕЕВА: — Тема моего доклада «Мировая поляризация и институциональное доверие: взаимообусловленность». Мы с вами второй день говорим о поляризации нашего мира, и она тесно взаимосвязана с институциональным доверием. Это как некая спираль — одно затрагивает другое и возрастает по кругу. Поэтому мы ставим перед собой задачу на базе мировых и отечественных социологических исследований проанализировать, какие у нас наблюдаются тенденции с точки зрения поляризации и институционального доверия.

С точки зрения общемировых тенденций на протяжении последнего десятилетия отмечается следующее. Первое — это существенное падение доверия к СМИ, в том числе образование так называемых эхо-камер, когда формируются взаимосвязанные каналы, которые транслируют одинаковую информацию, люди делятся по этим эхо-камерам и зацикливаются на какой-то повестке при отсутствии полной картины мира. Далее, наблюдается разобщенность, поляризация общества. Люди не готовы помогать друг другу, в том числе с точки зрения пожертвований, благотворительной деятельности, экономики. Они не готовы жить и трудиться рядом с людьми инакомыслящими. Об этом заявляет довольно большая доля респондентов, и в многокультурных, многонациональных странах это, конечно, критический фактор для развития общества в целом. Интересна тенденция снижения доверия к власти и взамен этого рост доверия к бизнесу. Почему происходит потеря доверия к власти, причем до критического уровня, ниже 50 %, то есть до 49 %, а в некоторых странах еще ниже? Потому что, по мнению респондентов, правительство и государство не способны решать те масштабные проблемы, которые сегодня стоят перед странами с точки зрения климата, миграции, здравоохранения и пр. При этом буквально за последние пять лет произошел существенный скачок роста доверия к бизнесу, из сегмента недоверия показатели переходят, наоборот, в сегмент доверия, то есть превышают уровень доверия к государству. При этом респонденты говорят о том, что бизнес более этичный, более социально ответственный, и именно бизнес сможет отвечать на те глобальные вызовы, которые сегодня стоят перед нашим миром.

За последний год средний уровень институционального доверия в мире остался на том же уровне. Но произошла дифференциация, поляризация в территориальном срезе и в межсекторальном между разными отраслями, в том числе экономической деятельности. Эпицентрами кризиса институционального доверия становятся именно развитые страны, в них уровень доверия падает ниже 50 %, то есть мы переходим уже в зону недоверия. А вот в развивающихся странах уровень институционального доверия существенно выше, в том числе в странах БРИКС. Лидером здесь является Китай. Важно отметить, что респонденты отмечали снижение доверия к межнациональным структурам, но речь в опросе шла только об ООН и Евросоюзе. Наверное, если бы спрашивали про БРИКС, то была бы другая картина. Экономические опасения граждан в разных странах в целом из года в год сохраняются, например относительно климатических изменений, но важен рост опасений по поводу того, что наступят информационная и ядерная война. Это очень существенно.

Перейду к наиболее важным выводам относительно России. Это данные уже наших собственных исследований. Мы анализировали то же отношение, у нас фокус внимания на предпринимателей. И, несмотря на то, что в целом институциональное доверие к ним низкое, их образ в глазах общественности положительный. То есть у нас разные группы респондентов. Они воспринимаются в первую очередь как труженики и те, кто способен влиять на благополучие своего города, региона, страны. Россию от мирового сообщества отличает критически низкое доверие в триаде «бизнес–население–власть». У нас тотально никто никому не доверяет, и это, естественно, влияет на экономику. Мы не умеем выстраивать кооперации, у нас атомизированное общество, и от этого растет его полярность. Соответственно, именно с этими направлениями необходимо работать. Нужно, чтобы политика государства строилась на ценностях и ожиданиях общества, а бизнесу давали возможность решать социальные задачи.

С. А. АФОНЦЕВ: — Вот видите, раньше считалось, что в развитых странах высокий уровень доверия, а в развивающихся — низкий. Сейчас оказывается, что все наоборот, только мы из этой закономерности выпадаем, и с этим надо что-то делать. Предоставляю слово профессору Татьяне Юрьевне Анопченко.

Т. Ю. АНОПЧЕНКО: — В своем докладе, посвященном интеграции образования и науки стран БРИКС в многополярной экономике, я обращаюсь прежде всего к молодежи. Я окончила вуз по специальности «экономическая кибернетика», считавшейся буржуазной лженаукой. Нас учили отвечать на вопросы: что происходит, как с этим бороться и что нам за это будет? И сегодняшние докладчики обсуждали и пытались дать ответы именно на эти вопросы.

Что происходит? Как сказал Григорий Феликсович, все зависит от институционализации. Мы создали институт БРИКС. Входящие в него страны (Бразилия, Индия, КНР, Южная Африка, ОАЭ, Иран, Египет, Эфиопия) по-разному относятся к России и влияют на нашу страну.

Если говорить о главных компонентах интеграции образования стран БРИКС, следует упомянуть изменение нормативной документации. В частности, Россия приняла программу «Приоритет-2030» и проект «5–100». Но в то же время мы упускаем из виду фундаментальное образование, которое существовало в 1970–1980-х годах. Главное — Россия сегодня пытается возглавить работу стран БРИКС в рамках образовательной сферы.

На восьмом совещании Россия, председательствующая в настоящее время в БРИКС, предложила внести изменения в декларацию, уделив внимание технологическому развитию в науке. Как совместить научные изыскания входящих в БРИКС стран и использовать их? Здесь я хотела бы обратить ваше внимание на Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 года № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». В ней перечислены цели, которых мы должны достичь. Если мы говорим о технологическом развитии в образовании, то в этой сфере появляются новые понятия, такие как стартап, технопарк, центр технологического развития и пр.

Назову несколько успешных студенческих технологических проектов в странах БРИКС: Россия — стартап «Салют», создал облачную платформу для управления семейными финансами; Китай — компания DJI Innovations, стала одним из лидеров рынка дронов и разработала многочисленные инновационные продукты; Индия — стартап Ola Cabs, создал онлайн-сервис такси, который позволяет пользователям заказывать такси через мобильное приложение; Бразилия — компания Nubank, разработала мобильное приложение для управления финансами.

Что делать? Реперной точкой в вопросах интеграции образования и науки стала Кейптаунская декларация 2019 года. Дальнейшее направление развития будет определять молодежь — от того, какой путь вы выберете, зависит будущее России в целом.

С. А. АФОНЦЕВ: — Слово предоставляется профессору Северо-Кавказского федерального университета, доктору экономических наук Евгению Львовичу Торопцеву.

Е. Л. ТОРОПЦЕВ: — Роберт Искандерович дал определение полюса многополюсной экономики. Полюс должен обладать магнетизмом, притягивать к себе, люди должны хотеть переехать туда, обосноваться, вложить в него средства, получить прибыль и высокую динамику развития. Сколько будет таких полюсов — зависит от нас. Полюс предполагает, что государство ведет активную и эффективную структурную политику.

Данные о росте производства за 2011 и 2016 годы представлены на сайте Росстата, затем их перестали публиковать. Определение места России в многополярной мировой экономике целесообразно проводить на основе оцифровки модели, для чего можно использовать базовые таблицы «затраты–выпуск» (ТЗВ) на сайте Росстата в разрезе 98 видов экономической деятельности или отраслей народного хозяйства. В 2016 году показатели степени экспонент по сравнению с 2011-м снизились. По данным 2011 года, решая задачу Коши и вычисляя матричную экспоненту, мы получаем данные 2016 года с приемлемой точностью.

Приведение модели к форме Коши позволяет характеризовать экономику в соответствии со степенями экономического роста, чего ранее не делалось. Это, в свою очередь, даст возможность с помощью сравнительного анализа определить место России в современном многополярном мире и выявить многоаспектность потенциала ее влияния на мирохозяйственные связи.

С. А. АФОНЦЕВ: — Выступление Евгения Львовича подтверждает мысль о том, как важно знать разные инструменты анализа экономических процессов.

К микрофону приглашается доктор экономических наук Елена Витальевна Попова.

Е. В. ПОПОВА: — Мой доклад посвящен многокритериальной оценке международного сотрудничества в рамках БРИКС. В 2010 году БРИКС решила издавать статистические сборники (Совместные статистические публикации БРИКС, JSP), и именно на эти статданные я опиралась при подготовке доклада.

Мы каждый день принимаем решения, основываясь на множестве критериев. Критерии, которые мы использовали для сравнения развития различных стран, — экономические показатели, опубликованные в сборниках БРИКС. Проблема многокритериальной оптимизации — это выбор решения. Причем когда мы ищем решение по большому количеству критериев, то сталкиваемся со сложным вопросом выбора эффективного решения.

Мы сравнили пять основных стран БРИКС (Россия, Индия, Китай, Бразилия и ЮАР) по 12 основным показателям, отражающим социально-экономическое положение стран этого объединения за 2023 год: количество населения; ВВП на душу населения; промышленное производство; производство зерновых культур; стоимость импорта и экспорта товаров и коммерческих услуг; валютные резервы; доля внешнего долга в ВВП и др.

Фактически мы работаем с парето-оптимальными решениями. Сложность выбора в случае многокритериальной оценки заключается в том, что возможен вариант, когда часть или все решения (альтернативы) являются векторно несравнимыми, то есть зна-

чение любого из критериев можно улучшить только за счет ухудшения значения хотя бы одного из остальных критериев. Фактически все правила многокритериального анализа связаны с применением решающих правил. Мы использовали авторское решающее правило и обобщенное решающее правило для сравнения показателей.

Что можно считать координатами идеальной точки при сравнении стран? Мы опираемся на теорию Д. Норта и таблицы А. Мэддисона.

Мэддисон проанализировал данные за 200 лет по валовому продукту и продолжительности жизни населения. И выяснилось, что есть всего две траектории движения, по которым в своем развитии движутся страны, имеющие определенный институциональный аппарат и культурный код: А и Б. В конце 2020 года он сделал вывод о том, что 35 стран движутся по быстрой траектории, а 170 стран — по медленной.

Траектория А — это траектория устойчивого роста. Мы решили сравнить показатели стран, которые движутся по траектории А, по Мэдисону, выбрав показатели идеальной точки. Пять стран уже перешли на траекторию А — это Япония, Сингапур, Тайвань, Китай и Южная Корея. Китай очень близок к идеальной точке, наиболее далека от нее Южная Африка.

Многокритериальный анализ стран БРИКС по 12 показателям показал:

1) следуя определению эффективного решения по Парето, Южная Африка по всем критериям «проигрывает» Китаю, России, Бразилии и Индии, каждая из четырех стран обладает уникальным значением хотя бы по одному показателю, то есть все четыре страны являются оптимальными по Парето;

2) итерационная процедура ранжирования определила следующую последовательность ведущих стран БРИКС: Китай, Россия, Индия, Бразилия, Южная Африка. Именно в такой последовательности с точки зрения многокритериального анализа распределены пять стран по своему экономическому развитию. Причем Россия и Индия конкурируют между собой за второе и третье места.

Выбор эффективной государственной политики (совершенствование государственных институтов) и политики взаимодействия как результата комплексной работы правительств государств БРИКС обеспечит планомерный устойчивый экономический рост как каждой страны, так и содружества в целом и поспособствует выходу стран из колеи Б на траекторию А.

В связи с этим очень важны выбор эффективной стратегии, базовых институтов и формирование культурного кода. Один из способов перехода с траектории Б на траекторию А — школа: нужно качественно и даже в какой-то степени насильно обучать население. К сожалению, сегодня детские сады осуществляют просто функцию передержки, так же как и школа, в вузах не хватает преподавателей и пр. Но все в наших руках. Давайте обратим внимание на детей — на детские сады и школы.

С. А. АФОНЦЕВ: — Слово предоставляется заведующей кафедрой экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктору экономических наук Екатерине Сергеевне Дашковой.

Е. С. ДАШКОВА: — Проанализировав доклады, представленные на нашей секции, и дискуссионные выступления на пленарном заседании относительно целесообразности и жизнеспособности БРИКС, я хотела бы остановиться на двух важных моментах. О значении БРИКС для каждой из стран, что входят в это объединение, и всех, кто желает еще войти, окончательных выводов никто сделать не сможет, так как этот вопрос сложен для однозначных оценок и понимания.

Во-первых, обратимся к идее о том, что одним из возможных вариантов взаимодействия стран внутри БРИКС может стать развитие профсоюзных центров, которые будут нацелены на решение проблем, связанных с защитой прав трудящихся. По данным Международной организации труда, в развивающихся странах существует много проблем, вызванных бедностью населения, молодежной безработицей социальной незащищенностью, в том числе трудящихся, развитием нестандартных форм занятости, в частности платформенной занятости. На решение этих вопросов, на мой взгляд, должно быть направлено внимание профсоюзных центров. Сегодня роль профсоюзов, к сожалению, слаба. Нужно делать все для того, чтобы ее повысить, объединить усилия для нивелирования или решения проблем.

Во-вторых, сегодня много говорилось о демографии. Существуют экономические инструменты нивелирования или решения этой проблемы. В связи с этим возможный вариант решения проблемы дисбаланса рынка труда и рынка образовательных услуг — подготовка специалистов, востребованных на рынке труда. Здесь можно реализовать широкий спектр мероприятий. Этот вопрос стоит сегодня довольно остро, и мы должны искать механизмы его решения.

С. А. АФОНЦЕВ: — Екатерина Сергеевна, спасибо за то, что привлекли внимание к одному из частных аспектов. Целое состоит из частностей, и вопросы сотрудничества в области профсоюзного движения — важная составляющая.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Демография сегодня — не частный аспект, а проблема номер один.

С. А. АФОНЦЕВ: — Можно посоветовать Александру Сергеевичу Запесоцкому акцентировать на следующих Лихачевских чтениях проблему демографии. Еще один важный вопрос — противодействие санкциям и развитие импортозамещения. К микрофону приглашается советник генерального директора по инновационному развитию ПАО «Аэрофлот» Андрей Александрович Полозов-Яблонский.

А. А. ПОЛОЗОВ-ЯБЛОНСКИЙ: — Мое выступление посвящено противодействию санкциям и развитию импортозамещения. Транспорт является кровеносной системой экономики. Гражданской авиации,

особенно ее пассажирскому сегменту, придает огромное значение президент России. 7 февраля этого года на совещании с членами Правительства РФ было сказано о достижениях в гражданской авиации, и около половины этого успеха принадлежит группе «Аэрофлот», которую я представляю.

Озвучу показатели группы «Аэрофлот» (в которую входят три авиакомпании: «Аэрофлот», «Россия», «Победа») за 2023 год: 47 млн пассажиров, 348 воздушных судов.

Мы развиваемся, несмотря ни на что. Наши успехи общеизвестны. Но в 2022 году гражданская авиация в результате введения санкций существенно пострадала. Замысел противника состоял в изъятии самолетов зарубежного производства, блокировке обслуживания и ремонта воздушных судов зарубежного производства, осложнении технического обслуживания и ремонта SSJ, блокировании или осложнении эксплуатации, увеличении зависимости от иностранного программного обеспечения.

Как результат — резкое снижение коэффициента авиационной мобильности граждан России, разобщение территории России, особенно Дальнего Востока, Северо-Востока, Заполярья, Калининграда, прекращение международных воздушных сообщений и тем самым создание социальной напряженности.

В целях противодействия санкциям и угрозам «Аэрофлот» принял следующие меры. Прежде всего мы сохранили парк, провели урегулирование по 76 воздушным судам и т. д. В итоге все самолеты, за вычетом 2,8 %, остались в пределах Российской Федерации и обеспечивают сейчас высокую мобильность наших граждан.

Наш воздушный парк будет развиваться. Мы заключили контракт с Объединенной авиастроительной корпорацией на приобретение 89 самолетов SSJ, 210 МС-21 и 40 Ту-214. Рассчитываем, что в 2025 году начнем получать серийные самолеты: МС-21 в ливрее авиакомпании «Россия», которая базируется в Санкт-Петербурге.

С техобслуживанием и ремонтом тоже сложилась непростая ситуация. Мы заблаговременно, за два года до введения санкций, создали дочернюю компанию «Аэрофлот Техникс», которая обеспечивает все виды техобслуживания и ремонта. Получили сертификаты, позволяющие нам производить разработку авиатехники, и создали департамент разработки конструкторских решений, куда было принято более 50 инженеров из центра Boeing в Москве. То есть наша компания забрала западные компетенции и сохранила их для авиации и страны. Таким был наш контрсанкционный ответ.

Более того, мы широко использовали контрсанкционный опыт одного из членов БРИКС — Ирана. Сейчас мы получили первый широкофюзеляжный самолет, который прошел техобслуживание и ремонт в Иране. Из Ирана и других стран БРИКС мы получаем запчасти по параллельному импорту и т. д.

Импортозамещение программного обеспечения заключалось во внедрении ключевой системы Inventory Leonardo и миграции данных из старой системы Sabre в новую. До этого все данные хранились в Далласе, штат Техас. Соответственно, были подконтрольны США. Была проделана огромная работа. Мы потратили на это 5 месяцев вместо 2,5 лет. Сейчас мы предлагаем эту систему нашим партнерам на постсоветском пространстве и в рамках БРИКС.

Мы заменили систему SITA на информационную систему «Авиационная сервисная платформа» (ИС АСП), то есть создали авиационно-сервисную российскую платформу, которая обеспечивает передачу в защищенном режиме юридически и финансово значимых сообщений. Сейчас мы ее активно внедряем. Аналогично в банковской системе SWIFT была заменена системой передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС).

Итак, коллеги, мы устранили все угрозы и выполнили главную задачу — обеспечение авиационной мобильности населения и достижение суверенитета России в авиатранспортной области. До встречи на борту!

С. А. АФОНЦЕВ: — Я, как постоянный клиент «Аэрофлота», искренне поздравляю вас с успешным преодолением трудностей и благодарю за то, что вы делаете нашу жизнь лучше. Слово предоставляется профессору Наталье Васильевне Дороховой.

Н. В. ДОРОХОВА: — Мой доклад посвящен актуальным трендам развития российской экономики в многополярном мире. И на пленарном заседании, и в ходе обсуждения на нашей секции было озвучено много проблем в развитии экономики нашей страны, актуальных как сегодня, так и в будущем.

Серьезным барьером на пути дальнейшего развития экономики нашей страны в формирующемся многополярном мире выступают проблемы, которые накопились в социально-трудовой сфере. Труд и трудовые ресурсы — это основа развития экономики. И если мы не будем обращать внимание на проблемы на рынке труда, в сфере занятости, другие аспекты социально-трудовых отношений, то получим обратный результат и спровоцируем развитие других социальных проблем, в том числе связанных с протестным движением.

Я хотела бы остановиться на следующих проблемах.

Первая проблема — демографическая ситуация, являющаяся сегодня серьезным препятствием на пути развития экономики. Существует корреляция между сокращением количественных показателей и трудовых ресурсов.

Молодые люди сегодня являются представителями поколения Z, для которого характерно изменение поведенческих аспектов и ценностных установок, в том числе к труду. В настоящее время не только Россия, но и многие другие страны сталкиваются с формированием молодежных NEET-групп, когда молодые люди нигде не учатся и не работают. Такая группа в нашей стране достигает 10 % от общей численности молодежи. Это довольно много, и нужно активно решать эту проблему. Здесь прозвучал тезис о насильственном обучении, может быть, скоро и этот метод уже не будет действенным.

Вторая проблема — качественные характеристики трудовых ресурсов. Прозвучало много выступлений,

чему и как следует учить и что должно сделать государство. Однозначных ответов здесь быть не может, потому что нужно определить цель, к которой мы хотим прийти. И исходя из этой цели нужно совершенствовать систему образования, в том числе профессионального, в нашей стране.

Сегодня также обратили внимание на то, что молодое поколение нужно учить и воспитывать с раннего возраста. Была озвучена проблема дисбаланса рынка труда и рынка образовательных услуг. Молодежь делает профессиональный выбор весьма условно, подвергаясь воздействию информации из Интернета и следуя целям, которые декларируют блогеры.

Эти вопросы весьма важны и требуют принятия соответствующих рекомендаций.

С. А. АФОНЦЕВ: — К микрофону приглашается профессор Анна Александровна Федченко.

А. А. ФЕДЧЕНКО: — В своем выступлении я остановлюсь на человеческом капитале. Мы и есть те, кто его формирует. Проблемы развития человеческого капитала нашли отражение в Стратегии экономического партнерства БРИКС.

В стратегии выделяется несколько моментов, связанных с занятостью, производительностью, заработной платой. Среди этих трех проблем в качестве ключевой выделяют проблему занятости. Если удастся решить ее, то остальные проблемы покажутся более простыми. С проблемой занятости коррелируют трудовые ресурсы, которые сокращаются.

Для решения проблемы нужно посмотреть на показатели привлечения к трудовой деятельности людей старшего трудоспособного возраста и мигрантов. Дальнейшее увеличение привлекаемой к труду возрастной части населения маловероятно, поэтому возрастает внимание к иностранным трудовым мигрантам, которые рассматриваются как часть российских трудовых ресурсов.

В том, как эти показатели корреспондируют с динамикой промышленного производства и производительности труда, не наблюдается четкой динамики. Поэтому необходимо выстроить системы, которые позволили бы, влияя на трудовые ресурсы, изменить ситуацию в нашей стране.

В связи с мигрантами речь прежде всего идет о трудовой миграции. Мигранты являются наиболее социально уязвимой категорией, так как нередко они привлекаются на основе устных договоренностей, что не гарантирует правовой защиты.

Хотела бы остановиться на двух проблемах: создание согласованного механизма регулирования миграционных процессов на рынке труда и формирование многонационального социума в каждой из стран.

Неопределенность социально-экономических процессов и развитие современных технологий способствуют расширению нестандартных форм занятости (фриланс, платформенная занятость, отсутствие социальных гарантий и срочного трудового договора). Наиболее удобной для низкоквалифицированных мигрантов является платформенная. Для мигрантов со средним и высоким уровнем квалификации предпочтительным является фриланс.

Лихачевские чтения в разработке всех этих тем находятся на полшага впереди всех. Платформенной занятости был посвящен телемост, проведенный 9 апреля, где выступали представители стран БРИКС. Ключевая идея заключалась в формировании стратегии БРИКС. Человеческий капитал и трудовые ресурсы — система, которая позволит достичь положительного результата. И поскольку Чтения опережают другие площадки, у нас есть возможность оказаться на шаг впереди в решении этих проблем.

С. А. АФОНЦЕВ: — Слово предоставляется профессору Наталье Ивановне Алексеевой.

Н. И. АЛЕКСЕЕВА: — Мой доклад посвящен перспективам развития России в БРИКС+. Мы столкнулись с санкционным давлением в 2014 году, поэтому сегодня я хотела бы сказать несколько слов о том, что позволяет БРИКС ослабить санкционное давление.

В первую очередь это население, ВВП по паритету покупательной способности. Сегодня уже говорили о том, что это не главный показатель экономического развития, и тем не менее мы оцениваем его. Экономика России по ВВП по паритету покупательной способности стала пятой в мире, показав существенные темпы роста. Кроме того, БРИКС+ — это дополнительные территории и население, которые дают конкурентные преимущества.

В многополярном мире конкурентные преимущества в рамках правильного партнерства позволяют находить точки соприкосновения, с помощью которых возможно преодолеть беспрецедентное санкционное давление, которое сегодня оказывается на Российскую Федерацию. Против нашей страны недружественными странами было введено около 18 тыс. санкций. Использование нашего потенциала позволяет нам выигрывать, достигать успеха и реализовывать возможности.

В 2020 году, когда Россия в прошлый раз председательствовала в БРИКС, была принята Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года, в которой определены направления развития сотрудничества стран БРИКС и точки соприкосновения, выгодные России. С января 2024 года Россия вновь председательствует в БРИКС.

Сегодня актуален вопрос о международной валютно-финансовой системе. Россию отключили от SWIFT, и в БРИКС была создана альтернативная система — BRICS PAY, позволяющая использовать национальные платежные системы: МИР (РФ), RuPay (Индия), UnionPay (Китай), ELO (Бразилия).

Переориентация интересов в сторону Востока открывает для России новые возможности. Среди масштабных проектов — крупнейшие газопроводы в Китай (через Монголию) и Индию, за счет чего Россия получает дополнительные преимущества.

В настоящее время намечена стратегия развития цифровизации экономики России до 2030 года. К сожалению, мы пока не достигли желаемого уровня. К сча-

стью, сегодня в сфере образования 95 % вузов отличаются высоким уровнем цифровизации, что говорит в пользу развития отечественного образования. В сфере цифровизации Россия тесно сотрудничает с Индией, являющейся лидером в этой области.

Кроме того, сотрудничество со странами БРИКС позволяет развивать такие направления, как борьба с терроризмом и экстремизмом, кибербезопасность.

С. А. АФОНЦЕВ: — К микрофону приглашается доктор экономических наук Татьяна Владимировна Чубарова.

Т. В. ЧУБАРОВА: — Как научный сотрудник, я хотела бы отрефлексировать по поводу того, что было сказано. Я представляю отрасль, которая находится в положении Золушки, — современная экономика в целом и здравоохранение социальной сферы в частности.

Когда начались трансформации — переход от государственной экономики к рыночной, мы вынуждены были смотреть на опыт западных стран.

С самого начала некоторые эксперты ставили под сомнение возможность рыночных механизмов автоматически решать социальные проблемы. К сожалению, к мнению этих экспертов не прислушались, возможно, сделают это сейчас.

Наша страна имеет огромный опыт развития, так как обладает различным формационным опытом: мы жили и при царе-батюшке, и при коммунистах, и в период перехода к рыночной экономике. А главное — умудрились выжить. Поэтому, на мой взгляд, у нас было много хорошего в социальной сфере, в том числе в советское время. Многие из этих идей незаслуженно забыты при переходе к рыночной экономике, к ним можно было бы сейчас вернуться.

В своем докладе я анализирую такое явление, как мультиаспектный кризис, о котором сейчас много говорят. Я сознательно использовала этот термин вместо слова «поликризис». Сегодня в мире много проблем, которые накладываются друг на друга, в результате возникает антисинергический эффект, когда проблемы как бы усиливают друг друга.

Все началось с пандемии COVID-19, которую многие называют черным лебедем. Академик В. С. Степин в начале 2000-х годов выпустил книгу, в которой написал, что будущее столетие станет веком эпидемий. В принципе ни одна страна в мире не была готова к пандемии, но на уровне научного знания было понятно, что что-то такое будет происходить.

Если говорить о БРИКС, то я согласна с высказываниями коллег о том, что из этого объединения может получиться что-то хорошее. Почему бы не использовать дополнительные механизмы повышения авторитета нашей страны на международной арене и возможности, которые может дать России кооперация со странами БРИКС? Тем более что эти страны нам исторически не чужды.

В 1990-е годы я училась в Австралии, где проходила обучение и группа студентов из ЮАР. Однажды вечером ко мне пришли три человека из этой группы и сказали: «Таня, ваша страна помогла нам в борьбе с апартеидом, мы знаем, что у вас сейчас тяжелые времена, как мы можем вам помочь?»

Все страны, входящие в БРИКС, пронизаны общими связями, поэтому нельзя не использовать такие механизмы.

И последнее — два комментария про Золушку. Я солидаризируюсь с мнением Роберта Искандеровича, который сказал, что сегодня сложилась парадоксальная ситуация. На протяжении многих лет государственные расходы на здравоохранение составляли 3,5 % ВВП. Я уже 20 лет говорю о том, что невозможно построить хорошую систему здравоохранения на эти деньги. Но ничего не меняется. В XX веке Россия предложила инновационную модель развития здравоохранения. И сегодня в этом кроется залог нашего успеха. Мы тоже должны предложить совершенно новую модель и искать инновационные решения. К сожалению, запросов правительства на это нет. Будем надеяться на изменения.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Когда в 2015 году правительство предложило сократить расходы на здравоохранение (а они у нас и так были в два раза меньше, чем в старой Европе), это поддержали некоторые ученые, что во время пандемии привело к дополнительной гибели 250 тыс. человек. Ученые должны бороться с такими псевдоучеными.

С. А. АФОНЦЕВ: — Слово предоставляется заведующей кафедрой менеджмента Национального открытого университета Анне Юрьевне Стрижак.

А. Ю. СТРИЖАК: — Я хотела бы рассказать об экономическом партнерстве России и Китая. В 2001 году между Россией и Китаем был заключен Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, в котором отражены основные принципы и направления стратегического и экономического взаимодействия наших стран. На сегодняшний день экономическое партнерство является весьма актуальным и важным. Количество коммерческих сделок между Россией и Китаем достигло своего апогея. Оба государства поддерживают идею многополярного мира и открытой свободной торговли и стремятся к экономической интеграции.

Основу тесного экономического сотрудничества между Россией и Китаем составляют огромные ресурсы и мощный производственный потенциал обоих государств. Россия располагает еще и сырьем, которое экспортируется в Китай. Оба государства развивают инфраструктуру, транспортные связи и активно сотрудничают в рамках различных международных организаций.

По объему внешнеторговых операций Россия занимает 12-е место среди ключевых торговых партнеров Китая. На ее долю пришлось 2 % стоимостного объема экспорта КНР за 2017–2021 годы. По данным Главного таможенного управления КНР, за 12 лет товарооборот с Россией вырос почти в 3,5 раза при среднегодовом темпе 10,8 %, составив в 2022 году 190,3 млрд долларов США. Заметное падение объема сделок наблюдалось в связи с сокращением импорта китайской про-

дукции в 2015 году и пандемией в 2020–2021 годах, а также с установлением жестких ограничений в связи с проведением СВО. С 2010 по 2022 год объемы экспорта выросли в четыре раза.

В товарной структуре российского экспорта по состоянию на 2022 год преобладают такие группы, как минеральное топливо, нефть и нефтепродукты. То есть сырая нефть является доминирующей в списке экспортных групп. Далее идут продукты лесопереработки, сельхозпродукции и продукты питания.

Несмотря на то что между РФ и КНР существует много проблем (ограничения торгового дефицита Китая, различия в экономической структуре, зависимость от сырьевых ресурсов, культурные и языковые отличия и пр.), многолетнее российско-китайское партнерство будет процветать и отразится на институциональной конвергенции, сближении культур, экономик и в дальнейшем принесет взаимную выгоду.

С. А. АФОНЦЕВ: — К микрофону приглашается профессор Алла Николаевна Германчук.

А. Н. ГЕРМАНЧУК: — Хотела бы сказать несколько слов об одном из направлений экономики многополярного мира, о котором здесь еще не говорили, — о маркетинге.

Сегодня в ходе дискуссии обсуждались развитие экономики, строительство новых заводов, появление новых товаров и т. д. Все это делается, с одной стороны, с целью развития экономики нашей страны, с другой — для населения, или потребителя. Маркетинг как одно из направлений экономики многополярного мира занимает ведущее место, потому помогает определить, что нужно потребителю.

Рассматривая БРИКС и экономику многополярного мира, следует отметить, что маркетинг имеет свои особенности, когда мы говорим об импортозамещении. Учитывая, что Российская Федерация обладает большим потенциалом интеллектуальных, материальных и финансовых ресурсов, можно говорить не об импортозамещении, а об импортовытеснении, потому что мы имеем все возможности для того, чтобы заменить товары, ушедшие с российского рынка.

Именно маркетинг позволяет определить, какие товары сегодня нужны потребителю, что необходимо производить и что можно ему предложить. Если производитель не будет проводить такие исследования, тем самым он проявит маркетинговую «близорукость»: забудет о том, что товар — это лишь средство удовлетворения потребностей. Но если он будет изучать потребителя и предлагать ему необходимое, его ждет успех.

Сегодня маркетинг меняет экономику — Россия выходит на восточный рынок. БРИКС — это в первую очередь Индия и Китай. Необходимо помнить, что не существует одинаковых потребителей, у каждого свои потребности, предпочтения, запросы, требования. Маркетинг позволяет более полно изучать эти запросы и предлагать продукцию, которая необходима конкретному потребителю.

С. А. АФОНЦЕВ: — Значимость может быть не только у товаров, но и у идей. И если мы грамотно выстроим маркетинг БРИКС, то это объединение станет успешным в глобальном масштабе. Прошу выступить с заключительным словом сопредседателей секции. Роберт Искандерович, Вам слово.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Я хотел бы упомянуть словосочетание «зеленая энергетика», важность которой люди пока не осознают. Россия больше поглощает углекислый газ, чем выделяет его, так как в нашей стране леса занимают огромную площадь. Возобновляемая энергетика возможна как эксперимент, но ни в коем случае не нужно тратить на нее миллиарды рублей. Пусть это делает Европа, которая загрязняет атмосферу.

А. А. АКАЕВ: — БРИКС не следует рассматривать в качестве евразийского или европейского союза на постсоветском пространстве. БРИКС — это платформа для строительства будущего справедливого комфортного мира, прежде всего развивающихся стран. В то время как развитые страны сплотились в коллективный Запад.

Сегодня в связи с переходом к цифровой экономике говорилось о платформенных моделях. БРИКС — это не союз, а платформа, которая выгодна прежде всего России и развивающимся странам, которые получают выгоду, сотрудничая на базе этой платформы.

С. А. АФОНЦЕВ: — Большое спасибо всем — и докладчикам, и слушателям, а также Гуманитарному университету профсоюзов, который организовал прекрасный научный форум. До новых встреч!

Секция 4
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

13 апреля 2024 г. Лекционный зал № 4 СПбГУП

Руководители секции:

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ	главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), академик РАН, доктор юридических наук, профессор
Л. А. ПАСЕШНИКОВА	первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук, Почетный профессор СПбГУП
Р. А. РОМАШОВ	профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ
Т. Я. ХАБРИЕВА	заместитель президента и член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

А. В. Агошков[1],
Чжоу Лу[2]

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ КАК ИСТОЧНИК СБЛИЖЕНИЯ МЕХАНИЗМОВ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СПОРОВ (На материалах функционирования института медиации в России и Китае)

Формирование и развитие международных объединений, таких как ШОС, БРИКС, ЕАЭС и других, требует сближения правовых механизмов государств — участников этих альянсов. Для этого необходимо регулярно проводить компаративный анализ близких по характеру, но отличающихся по форме, уровню и другим параметрам правовых механизмов. К их числу относится медиация как метод внесудебного разрешения споров.

Диалектика всеобщего и особенного достаточно четко прослеживается на примере конкретных аспектов хозяйственной деятельности, например форм и методов урегулирования деловых споров. Опишем их кратко на примере РФ и КНР. Объектом данного исследования является экономическая практика, предметом — процедуры медиации.

Сравнительный анализ позволяет не только выявить различия в подходах к посредничеству в разных правовых системах, но и обогатить практику за счет творческого использования опыта стран, входящих в то или иное объединение. Медиация существует как в России, так и в Китае. В обеих странах данная практика регулируется законодательно, однако отношение к ней принципиально разное. Так, в России действует Федеральный закон РФ № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[3], вступивший в законную силу 1 января 2011 года и заложивший правовые осно-

[1] Главный научный редактор издательского дома «Панорама», кандидат философских наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч.: «Свобода в истории европейской цивилизации. Размышления о свободе и справедливости» (в соавт.), «Патриотизм и интернационализм: к вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов в международном левом движении» (в соавт.), «Модернизации России — социальное измерение» (в соавт.), «Справедливость как высший закон? Социогуманитарно-экономические этюды из истории культуры России», «Диалог культур прошлого и будущего: „экономический век“ и „общинный социализм“», «Социальная справедливость как ценность культуры» и др.

[2] Профессор кафедры русского языка и литературы Чжэцзянского университета (Ханчжоу, Китай), доктор филологических наук, переводчик. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Путь к „китайскому тексту“ русской культуры с точки зрения внутреннего и внешнего диалога» (в соавт.), «Поэзия Лермонтова и Баратынского в Китае: вчера и сегодня», «Лирика Афанасия Фета и китайские идиллические стихотворения», «Перевод творчества Солженицына в режиме „внутреннего распространения“ в Китае (1960–1980 гг.)», «Рецепция произведения „Былое и думы“ А. И. Герцена в Китае: проблемы изучения и влияния» (в соавт.) и др.

[3] См.: Федеральный закон РФ от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (принят ГД ФС РФ 7 июля 2010 г., одобрен СФ ФС РФ 14 июля 2010 г.) // Российская газета. 2010. 30 июля.

вы урегулирования споров с участием медиатора и становления медиации как социально-правового института. Кроме того, Федеральным законом РФ от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1] были утверждены поправки, одна из которых предоставляет судьям в отставке право выступать медиаторами или судебными примирителями. Данная мера призвана увеличить доверие населения к процедуре медиации, повысить ее социальную значимость.

Действует ряд институций медиации. В столице работает Центр арбитража и посредничества — структурное подразделение Торгово-промышленной палаты Российской Федерации (ТПП РФ), которое обеспечивает деятельность образованных при ТПП РФ постоянно действующих арбитражных учреждений и органов по урегулированию споров, содействует развитию и популяризации арбитража (третейского разбирательства) и медиации. Существует несколько электронных сервисов, предлагающих онлайн-решения в сфере урегулирования споров[2].

Тем не менее российские исследователи указывают на недостаточную развитость процедуры медиации в стране, связывая это в основном с недостатком правовой информации и правового просвещения населения, а также с не вполне понятным правовым статусом посредничества, которое по аналогии с деловой практикой зачастую рассматривается как вид коммерческой деятельности[3]. Сравнение китайской и российской практики в этой сфере показывает, что имеют место принципиально разные подходы к самой организационно-правовой форме медиации. В соответствии с Законом КНР «О народной медиации» это фактически уже часть судебной системы Китая. Закон обязывает суды общей юрисдикции выделять финансирование для комитетов народных посредников, проводить кадровый отбор среди кандидатов на должность медиаторов, следить за их моральным обликом и пр. Российский же закон возлагает бремя оплаты труда медиатора на стороны спора, действительно приближая данный вид деятельности к хозяйственной. Думается, теория и практика посредничества в КНР требует дальнейшего изучения и внедрения в судебную систему Российской Федерации.

Российский законодатель предпринимает попытки стимулировать бизнес-сообщество к использованию досудебных процедур, но использует при этом главным образом административные меры. Так, осенью 2023 года был принят Федеральный закон РФ № 505-ФЗ «О внесении изменений в статью 14.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»[4]. В соответствии с ним предприниматели будут платить штраф за отказ от рассмотрения претензий потребителей: «4.1. Необоснованный отказ в рассмотрении требований потребителя, связанных с нарушением его прав, либо уклонение от рассмотрения в установленном законом порядке таких требований — влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пятнадцати тысяч до тридцати тысяч рублей; на юридических лиц — от ста тысяч до трехсот тысяч рублей»[5]. По мнению законодателей, новые правила направлены на то, чтобы предприниматели старались урегулировать конфликт с потребителем в досудебном порядке, при этом правовой и социально-экономический статус посредничества остался неизменным.

В КНР официальный статус медиации еще выше, так как он закреплен на уровне Основного закона страны — конституции. Н. В. Галустян пишет: «Достаточно широкое применение процедуры медиации можно отметить в Китае, для которого характерно стремление „добиться полюбовного разрешения спора“. В связи с вышеуказанными факторами Китай стал единственной страной в мире, где медиация (в китайской специфике конфликтология) закреплена в Конституции (ст. 111)… Благодаря конституционному закреплению, а также в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом КНР были созданы массовые организации для доступности в реализации процедуры медиации жителями страны… Включение института медиации в Конституцию КНР позволило включить эту процедуру в систему государственной исполнительной власти, полностью подчинить ее государству и придать облик государственного института…»[6] Кроме того, с 2011 года действует специальный Закон КНР «О народной медиации», регулирующий деятельность комитетов народной медиации, которые действуют путем убеждения и наставления, в целях содействия сторонам в заключении медиативных соглашений на основе принципов равенства и согласия.

Как пишут китайские исследователи, «процедура медиации в Китае имеет тысячелетнюю историю, так как объединила житейские представления о посредничестве с концепцией традиционной культуры о гармонии как ценности. Данный „восточный опыт“ все больше воспринимается международным сообществом как универсальный способ разрешения споров. Медиация имеет уникальные преимущества при разрешении коммерческих споров благодаря неконфронтационному характеру переговоров, принципам конфиденциальности, равноправия сторон, беспристрастно-

[1] См.: Федеральный закон РФ от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета (федер. вып.). 2019. 31 июля. № 166 (7924).

[2] *Кутовая А. Н., Хаджи К. Р.* Онлайн-урегулирование споров: международные, страновые и частные практики и дальнейшие перспективы // Международная торговля и торговая политика. 2020. Т. 6, № 4 (24). С. 108. На момент подготовки данного доклада онлайн-сервис взыскания дебиторской задолженности юридических лиц через суд (https://debetok.ru) показывал общую сумму онлайн-взысканий дебиторской задолженности в размере 78 млн 863 тыс. 423 руб. (дата обращения: 04.10.2023).

[3] См., например: *Михеева И. В., Логинова А. С.* Перспективы развития законодательства о защите прав потребителей в торговом обслуживании в России и Китае // Право : журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 212.

[4] Федеральный закон от 19 октября 2023 года № 505-ФЗ «О внесении изменений в статью 14.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета (федер. вып.). 2023. 20 окт. № 241 (9186).

[5] Там же.

[6] *Галустян Н. В.* Роль медиации как фактора, влияющего на состояние правовой культуры, правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе // Право и практика. 2021. № 1. С. 192.

сти и независимости»[1]. Идейным источником медиации в КНР стала философия конфуцианства; правовой потенциал идей Конфуция состоит в максимальном избегании судебного процесса при решении деловых споров и предпочтении досудебных (посреднических) процедур. Философ писал: «Слушать тяжбы я могу подобно другим, но что (действительно) необходимо, это чтобы не было тяжб»[2]. Это говорит о том, что обычай посредничества не только достаточно укоренен в китайском обществе, но и признан государством и имеет значительные практические перспективы. В 1986 году в КНР работало 950 тыс. посреднических комитетов и 6 млн посредников, которые за год урегулировали 7 млн 300 тыс. споров, в том числе споры о нарушении прав потребителей.

Данная практика широко применятся и сегодня. По некоторым данным, в Китае действует несколько миллионов медиаторов и около миллиона посреднических комитетов; ежегодно их усилиями в досудебном порядке разрешается несколько миллионов самых разных споров[3]. «Около 30 % споров в КНР разрешается во внесудебном порядке. Если стороны достигли соглашения в рамках медиации и утвердили его в порядке, предусмотренном для рассмотрения третейскими судами (арбитражем), такое соглашение приобретает силу третейского решения (арбитража) и подлежит исполнению в соответствующем порядке. Такая процедура позволяет, не требуя утверждения соглашения по итогам медиации, использовать возможность как государственного принуждения к исполнению, так и надзора над их законностью вне зависимости от судебного производства»[4].

Как видим, практика посредничества полностью легализована в КНР, то есть предусмотрена действующим законодательством. Тем не менее форма и содержание процедуры медиации имеют ярко выраженный обычно-правовой характер. В отличие от методов судопроизводства, связанных с функцией принуждения со стороны государства, медиация основана на доброй воле и добросовестности (Bona fides) сторон спора и собственно медиатора. Так, принцип добровольности относит медиацию к традиционному праву, которое характерно для догосударственных типов обществ. Содержание медиации также отличается от судопроизводства: если последнее основано на законах, их общественном признании, то обеспечение соблюдения положений и требований медиации (и «мягкого» права в целом) выстраивается на основе авторитета и убедительности субъектов — источников данного вида права, его производителей, то есть посредников.

Помимо общественных (народных) и государственных (судебных) организаций медиации, в КНР действуют частные инициативы онлайн-разрешения коммерческих споров. Они аффилированы с крупными фирмами (например, такими как Alibaba) и мотивируют участников народного арбитража путем использования кредитного рейтинга, основанного на оценке финансовой и иной, в том числе неколичественной, информации[5].

Таким образом, на примере института медиации в КНР видно, как древний обычай посредничества приобретал правовой статус, трансформируясь сначала в правовой обычай, а затем в норму позитивного права. Традиции китайского народа, его склонность скорее к согласительным, а не состязательным процедурам и уменьшению формального уклона во взаимоотношениях позволили адаптировать принятый механизм урегулирования споров к нуждам современной экономики, более того, вывести его на новый, цифровой уровень. Высказываются предложения о внедрении процедур медиации на межгосударственном уровне, в частности в отношениях между Китаем и странами Евразийского экономического союза, при активном участии Центра медиации Китайского совета по продвижению международной торговли Китайской международной торговой палаты (China Council for the Promotion of International Trade, CCPIT) и Международного центра коммерческой медиации (Пекин), с использованием механизма социального рейтинга, получившего широкое распространение в КНР: «Китай и страны ЕАЭС могут создать межрегиональную систему регулирования социального кредита (систему социального рейтинга) и подписать соответствующие договоры. В случае нарушения кредитного договора и отказа исполнять мировое соглашение или арбитражное решение в качестве дисциплинарного взыскания по отношению к субъектам коммерческой деятельности может быть применено наказание в виде соответствующей записи в кредитной истории, вычета баллов в системе (ухудшение кредитного рейтинга), наложения кредитного ограничения — в целях реализации принципа добросовестного исполнения обязательств участниками коммерческой деятельности»[6].

Итак, мы можем видеть, как отличается подход к одному и тому же комплексу правоотношений (медиации) в правовых системах РФ и КНР — как на законодательном уровне, так и на уровне правосознания и правовой культуры.

---

[1] *Цзян Сыюань, Гань Чжунъян.* Механизм урегулирования коммерческих споров в рамках сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь» // Государственная служба. 2020. № 3. С. 68.

[2] *Конфуций.* Афоризмы мудрости. М. : ООО «Белый город», 2007. С. 66.

[3] См.: *Лю Цюсэнь.* Обычное право в системе источников права современного Китая // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2017. № 4. С. 146.

[4] *Михеева И. В., Логинова А. С.* Указ. соч. С. 210.

[5] См.: *Кутовая А. Н., Хаджи К. Р.* Онлайн-урегулирование споров: международные, страновые и частные практики и дальнейшие перспективы // Международная торговля и торговая политика. 2020. Т. 6, № 4 (24). С. 105.

[6] *Цзян Сыюань, Гань Чжунъян.* Указ. соч. С. 69.

П. А. Астафичев[1]

ОТНОШЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ГУМАННОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Важным показателем гуманности правоохранительной системы в условиях многополярного мира является отношение в государстве и обществе к вопросу о *смертной казни*. В современной России данная проблематика актуализировалась в связи с принятием Федерального закона «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы»[2]. В новейшей истории страны мораторий на смертную казнь и ограничение ее фактического применения в значительной степени связывались с международно-правовыми обязательствами страны[3]. С 28 февраля 1996 года по 16 марта 2022 года Россия была членом Совета Европы, ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (Федеральный закон от 30 марта 1998 г.), подписала к нему Протокол № 6 (об отмене смертной казни в мирное время), но не ратифицировала его. Указ Президента РФ от 16 мая 1996 года «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы», даже исходя из его наименования, мотивировался скорее международно-правовыми, чем национально-гуманистическими соображениями[4]. В связи с принципиальными разногласиями между главой государства и парламентом по вопросу о допустимости применения в стране высшей меры наказания сложилась длящаяся правовая ситуация, при которой международно-правовое обязательство *принято* в форме подписания, но *окончательно не реализовано* вследствие отсутствия акта о ратификации.

При таких обстоятельствах логичным было применение ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров, согласно которой правило pacta sunt servanda подлежит применению, пока не будет явного намерения России отказаться от участия в этом международном договоре. Однако в действительности имела место существенная правовая неопределенность[5]. Основную историко-правовую роль в ее разрешении сыграл Конституционный Суд РФ, причем дважды: в 1999 году в форме Постановления № 3-П и в 2009 году посредством вынесения Определения № 1344-О.

Следует подчеркнуть, что Конституционный Суд РФ мотивировал решение о моратории на смертную казнь не столько международно-правовыми, сколько гуманистическими обстоятельствами[6]. При принятии Постановления № 3-П ключевым основанием послужил факт отсутствия во всех субъектах РФ судов с участием присяжных заседателей; при мотивировке Определения № 1344-О — «длительность моратория», «устойчивость гарантий», «необратимость процесса» и лишь затем — «международно-правовые тенденции» и «международно-правовые обязательства России»[7]. При этом в Уголовном кодексе РФ до сих пор имеется пять составов преступлений (ст. 105, 277, 295, 317, 357), наказанием за которые может быть применение смертной казни (убийство с отягчающими обстоятельствами, геноцид, различные формы посягательства на жизнь отдельных категорий субъектов — государственных и общественных деятелей; лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование; сотрудников правоохранительных органов).

Уголовно-исполнительный кодекс РФ (ст. 184–196) со всеми подробностями описывает процедуру применения смертной казни, включая не только обязательность решения Президента РФ (по ходатайству осужденного о помиловании либо по результатам проверки и заключений Верховного Суда РФ и Генерального прокурора РФ при отсутствии такого ходатайства), но и форму (непубличный расстрел), присутствие врача и прокурора, протоколирование факта наступления смерти и правила захоронения (без выдачи тела родственникам или близким). Парламент не выражает воли к отмене данных нормативных правовых предписаний; программы ряда политических партий, которые представлены в Государственной Думе как фракции, содержат положение о необходимости возобновления в России института высшей меры наказания. Подчеркнем при этом, что последний смертный приговор был вынесен в стране в 1996 году в отно-

---

[1] Профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Кадры судебных и правоохранительных органов как предмет совместного ведения Федерации и ее субъектов», «Принцип единства системы публичной власти в конституционном праве современной России», «Судебная форма защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина: приоритеты и проблемы совершенствования», «Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании», «Комитет конституционного надзора СССР в государственно-правовой истории России: опыт правового регулирования организации и деятельности» и др. Член Межрегиональной ассоциации конституционалистов. Награжден премией и грамотой Госсовета Республики Крым за научные достижения.

[2] *Виноградова А. Ю.* Актуальные вопросы регулирования смертной казни в России на фоне выхода из Совета Европы // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2. С. 280–281.

[3] *Ахъядов Э. С., Хаджиев У. К.* Историко-правовые последствия института смертной казни в России в связи со вступлением в Совет Европы // Вестник научной мысли. 2022. № 6. С. 135–138.

[4] *Лепешкина О. И.* Об обязательстве России отменить смертную казнь как члена Совета Европы // Актуальные проблемы международного права в современных геополитических условиях. М., 2019. С. 96–106.

[5] *Комшукова О. В.* Между молотом и наковальней: позиция Конституционного Суда РФ по вопросу неприменения смертной казни // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5. С. 112–133.

[6] *Коняев С. А.* Роль Конституционного Суда Российской Федерации в моратории на применение смертной казни // Конституционные чтения. 2011. № 5. С. 114–127.

[7] *Блаткова В. В.* Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации как обоснование моратория на смертную казнь // Общество и личность: гуманизация в условиях информационной и коммуникационной культуры. М., 2018. С. 455–458.

шении серийного убийцы С. А. Головкина. С тех пор прошло 27 лет[1].

Полагаем, что если современная правоохранительная система позиционирует себя в качестве гуманной, она *однозначно раз и навсегда должна отказаться от института смертной казни в мирное время как варварского, чуждого русской культуре и опыту большинства цивилизованных стран*. Согласно позиции Русской православной церкви, выраженной в Основах социальной концепции, «наказание смертью не может иметь должного воспитательного значения, делает непоправимой судебную ошибку, вызывает неоднозначные чувства в народе»; «милосердие к падшему человеку всегда предпочтительнее мести»[2]. Однако насколько традиционной является духовно-нравственная ценность неприемлемости института высшей меры наказания? Не есть ли это только явление Новейшего времени, если под ним подразумевать постсоветский период государственно-правовой истории?

Если брать за основу правление Ивана IV или Петра I, высшая мера наказания будет выглядеть едва ли не как основная форма царско-деспотической репрессии. Указанные монархи, несмотря на их различную историческую роль в судьбе России, имели общей чертой склонность к казням, причем именно на периоды их правления приходится своего рода историко-правовой максимум. Но и при царствовании других монархов в Российской империи применялись телесные наказания, клеймение, вырывание ноздрей. Бунтовщик Емельян Пугачев, например, был четвертован[3]. Не остается в стороне печальная и, по сути, постыдная картина сталинского режима: только в период Большого террора 1937–1938 годов в стране было вынесено более 600 тыс. смертных приговоров. В периоды с 1935 по 1947-й и с 1950 по 1959 год законодательство страны допускало казнь несовершеннолетних. В целом же уголовно-правовая политика в отношении смертной казни, начиная с Февральской революции 1917 года, носила «маятниковый» характер, демонстрируя паттерны отмены (фактически — приостановления) и возобновления высшей меры уголовного наказания.

Так, Второй Всероссийский съезд Советов 28 октября 1917 года отменил смертную казнь, но Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 5 сентября 1918 года «О красном терроре» высшая мера наказания была возвращена. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 17 января 1920 года смертная казнь снова отменяется, но возвращается Приказом Революционного военного совета от 4 мая 1920 года «О революционных военных трибуналах» (расстрел без обжалования, помилования и немедленно). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года смертная казнь в мирное время отменяется, но Указом того же органа от 12 января 1950 года «по просьбам трудящихся» и с ретроактивным применением уголовного закона высшая мера наказания предусматривается вновь (за измену Родине, шпионаж и диверсию). Примечательны указы Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 года (смертная казнь за убийство при отягчающих обстоятельствах), от 15 февраля 1962 года (высшая мера наказания за изнасилование)[4], от 20 февраля 1962 года (смертная казнь за взяточничество)[5] и др.

При подобных примерах наши современники должны радоваться тому, какой уровень гуманизма правоохранительной системы достигнут в настоящее время. Сказанное, однако, не дает оснований для *идеализации правоохранительной системы* современной России. Правоохранительная деятельность — не тот объект, который может достигнуть заранее предустановленного уровня совершенства, чтобы избежать какой-либо критики. Имеющаяся правоохранительная система в историко-правовом смысле действительно достаточно гуманна, но имеет проблемы и недостатки, которые должны обсуждаться в юридической науке и обществе.

В связи с этим можно сделать вывод, что действующее уголовно-правовое регулирование нуждается в общественной экспертизе, публичном обсуждении и открытой для общества частичной ревизии, целями которых были бы избавление данного документа от избыточности, декриминализация спорных с научной и общественной точек зрения деяний, смягчение ряда наказаний на основе конституционных принципов соразмерности и справедливости. Полагаем, что Россия *способна справиться* с проблемой конституционализации уголовно-правового регулирования, опираясь на *здоровые силы гражданского общества* и весьма развитый в институциональном отношении инструментарий *отечественной конституционной науки*[6]. Это будет соответствовать цели реализации в государственной политике традиционных духовно-нравственных ценностей гуманности и гуманизма.

Уголовная ответственность представляет собой важный и перманентно актуальный инструмент политики государства. Объясняется это суровостью уголовно-правовой санкции и значительностью негативных последствий (правовых и нравственных), которые неизбежно должен претерпевать правонарушитель вследствие вынесения в отношении него обвинительного приговора и приведения такого судебного акта в исполнение. Репутационные издержки привлечения граждан к уголовной ответственности наблюдаются в силу позитивной направленности морали современного обще-

[1] «Возврат смертной казни — это дополнительная моральная и психологическая ответственность на адвокате». Президент ФПА РФ Юрий Пилипенко прокомментировал предложение главы Конституционного Суда РФ отменить мораторий на смертную казнь // Вестн. Федеральной палаты адвокатов РФ. 2022. № 1. С. 173–174.

[2] *Авилова О. Е.* Церковно-государственные отношения в свете Основ социальной концепции Русской православной церкви // Вестн. Алтайской акад. экономики и права. 2012. № 4. С. 96–99.

[3] *Антропова Д. В.* Пугачевский бунт при Екатерине II в 1773–1775 годах // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. СПб., 2022. С. 60–65.

[4] *Гордеева Д. Р.* Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за особо квалифицированные составы изнасилования // Аллея науки. 2022. Т. 1, № 8. С. 259–264.

[5] *Овчинников В. В.* Трудно быть взяточником в Китае // Азия и Африка сегодня. 2011. № 6. С. 43–44.

[6] *Астафичев П. А.* Обеспечение конституционности законодательства об уголовной ответственности в деятельности органов народного представительства и конституционного правосудия // Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики : сб. науч. ст. и докл. XIII Междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2022. С. 3–14.

ства, однако это не всегда адекватно дифференцируется в зависимости от таких важных в юридическом смысле обстоятельств, как характер преступления, тяжесть содеянного, степень вины правонарушителя, характеристика его личности, поведение виновного лица и др.[1]

Демократический правопорядок требует, чтобы уголовное законодательство было *конституционным*, причем конституционность данного законодательства *не является очевидной*[2]. Позитивное уголовно-правовое регулирование нуждается в *конституционализации*[3]. Практика Конституционного Суда РФ демонстрирует *фрагментарную законодательную дефектность* и, следовательно, конституционную противоправность уголовно-правового регулирования *отдельных* общественных отношений, а также складывающуюся на основе этого правоприменительную практику. При этом степень латентности подобного рода конституционно-правовых деликтов[4] пока еще до конца не оценена и нуждается как минимум в тщательном *научном анализе* и *широком, гласном, публичном и критически ориентированном общественном обсуждении.*

Д. И. Балибалова[5]

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЮДЖЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Особенностью современного этапа развития России является обострение геополитических противоречий в условиях многополярного мира. Дальнейшее продвижение страны вперед требует структурной перестройки экономики, что обусловлено санкционным давлением ряда стран, необходимостью укрепления обороноспособности, а также восстановлением и интеграцией новых регионов (ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей). Все это связано с увеличением расходов государственного бюджета и поисками дополнительных бюджетных инвестиций, что потребует серьезного изменения бюджетного законодательства.

Выступая на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге, Президент РФ В. В. Путин заявил, что модель развития экономики России по либеральным лекалам показала свою неэффективность. Однако Правительство продолжает руководствоваться правилами однополярного мира, которые были сформулированы в 1990-е годы в Вашингтонском консенсусе при вступлении России в Международный валютный фонд (МВФ). Нам было навязано так называемое бюджетное правило, которое ограничивает право страны распоряжаться своими доходами, полученными от продажи углеводородного сырья (нефть, газ). МВФ потребовал сократить расходы бюджета на инвестиции в промышленность и на социально-культурные цели ради стабильности экономики, недопущения дефицита бюджета и повышения инфляции.

Бюджетное правило стало применяться в России с 2004 года, тогда же был сформирован и внесен в Бюджетный кодекс (БК) РФ Стабилизационный фонд. В 2008 году Стабфонд был расформирован (средства его хранились в США), вместо него были созданы Резервный фонд и Фонд национального благосостояния (ФНБ). Доходы бюджета были поделены на нефтегазовые и все остальные. Была установлена базовая цена на нефть, на основе которой составлялся федеральный бюджет и принимался ежегодный закон о федеральном бюджете РФ. Если мировые цены на нефть росли, то дополнительный доход направлялся на покупку иностранной валюты, но его нельзя было использовать на развитие собственной экономики, структурную перестройку, социальные цели.

В 2020 году доходы упали, антикризисные расходы возросли, понадобилось опять вносить изменения в БК РФ. Пришлось расходовать средства из ФНБ, нарушая бюджетное правило. В 2022 году бюджетное правило не применялось. Многие ученые и политики, в том числе и Председатель Государственной Думы В. В. Володин, выступили с предложением о выходе из состава МВФ. Министр иностранных дел России С. В. Лавров в апреле 2023 года на заседании Совета Безопасности ООН заявил, что МВФ окончательно превратился в инструмент достижения целей США и их союзников.

Летом 2023 года фракция КПРФ внесла на рассмотрение Государственной Думы законопроект о выходе России из МВФ, мотивируя это тем, что наша страна не только платит ежегодно многомиллиардные членские взносы, но и должна покупать американские ценные бумаги, тем самым финансируя США. Однако Правительство РФ в отзыве на законопроект указало, что выход из МВФ связан со значительными рисками в части вложенных в него российских активов, а также потерей экспертной площадки, где Москва может представлять свою позицию. Кроме того, международное законодательство и международные правила стоя́т выше наших внутрен-

[1] *Астафичев П. А.* Обеспечение конституционности законодательства об уголовной ответственности в деятельности органов народного представительства и конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 4. С. 10–17.

[2] *Плаксина Т. А.* Конституция Российской Федерации как формальный источник отечественного уголовного права: спорные вопросы // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 1. С. 47.

[3] *Гузеева О. С.* Конституционализация уголовного права как направление реализации конституционно-правовых норм // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2020. № 2. С. 29.

[4] *Трофимова Г. А.* Понятие конституционного правонарушения // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 3–9.

[5] Профессор кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат экономических наук. Автор 103 научных публикаций, в т. ч.: «Субсидиарная ответственность по долгам корпорации: проблемы конструктивности», «Коллизии в российском законодательстве как проблема правовой культуры» (в соавт.), «Влияние либерального Запада на финансовую политику современной России», «Геноцид советского народа: проблемы правоприменения», «Особенности налогового законодательства СССР в годы Великой Отечественной войны и использование этого опыта в современной России» (в соавт.) и др.

них целей. Об этом говорится в ст. 15.4 Конституции РФ и ст. 7 Налогового кодекса РФ («Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила и нормы, чем предусмотренные настоящим Кодексом и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, применяются правила и нормы международных договоров Российской Федерации»)[1].

Законопроект о выходе России из МВФ был провален большинством голосов депутатов Государственной Думы РФ.

В 2023 году бюджетное правило стало опять применяться. Была пересчитана базовая цена на нефть в сторону ее фактического повышения, а вместо долларов стали покупать китайские юани. И сейчас Правительство для структурной перестройки экономики ищет дополнительные инвестиции, ибо соблюдает бюджетное правило. Доходы же бюджета в 2024 году будут увеличиваться за счет повышения налогов на добычу полезных ископаемых (НДПИ), акцизов, повышения ставки налога на добавленную стоимость (НДС) с 10 до 20 % на медицинские товары, парфюмерию, посуду и т. д.

Инициативная группа Министерства экономического развития предложила ввести единый оборотный налог вместо четырех ныне действующих — НДС, налог на прибыль, налог на доходы физических лиц (НДФЛ) и страховые взносы. Налогоплательщиками будут организации и индивидуальные предприниматели. Объектом налогообложения — реализация товаров, работ, услуг. Налоговая база — выручка от реализации. Налоговая ставка — 6,2 %. Налоговый период — каждое событие, связанное с реализацией. Порядок уплаты — безакцептное списание суммы налога при каждом поступлении денег на расчетный счет. Разработчики указывают, что налоговая нагрузка сегодня не обеспечивает принцип равенства налогообложения. Так, в отраслях топливно-экономического комплекса она в несколько раз ниже, чем в машиностроении, ЖКХ, сельском хозяйстве, на транспорте. Наукоемкие и трудоемкие отрасли имеют сверхвысокую налоговую нагрузку, а материалоемкие и фондоемкие получают экономию по НДС, НДФЛ, страховым взносам.

Введение единого оборотного налога упростит систему налогообложения, избавит от теневой заработной платы, защитит от уклонений по уплате налогов. Однако эта инициатива не нашла поддержки у Министерства финансов, там ее сразу отклонили.

Исторический же опыт нашей страны показывает, что подобный налог, который назывался «налог с оборота», существовал в СССР с 1931 по 1991 год. Он был одним из основных источников доходов государственного бюджета, сыграл огромную роль в деле индустриализации страны, когда Советская Россия находилась в экономической блокаде, не могла получать кредиты и даже на золото не могла купить оборудование для предприятий тяжелой промышленности.

Еще одним из источников доходной части бюджета является возврат (репатриация) валютной выручки. Однако в последние годы невозврат валюты из-за границы стал почти нормой, несмотря на меры ответственности, которые содержатся в Уголовном кодексе РФ, в Кодексе об административных правонарушениях и в Федеральном законе «О валютном регулировании и валютном контроле».

В России действует правило о презумпции вины российской стороны контракта в невозврате выручки. Но законы о наказаниях действуют недостаточно.

В связи с сокращением валютной выручки принят ряд указов Президента РФ. В настоящее время действует условный мораторий на валютные проверки, но органы налоговой службы проверяют, как выполняются эти указы.

Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 года № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями США и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» постановил: «Резидентам — участникам внешнеэкономической деятельности осуществить обязательную продажу иностранной валюты в размере 80 % суммы иностранной валюты, зачисленной начиная с 1 января 2022 года на их счета в уполномоченных банках на основании внешнеторговых контрактов, заключенных с нерезидентами…» Кроме того, с 1 марта 2022 года запрещено осуществлять валютные операции по договорам займа, а также открывать вклады за границей[2].

Указом № 126 от 18 марта 2022 года «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности РФ в сфере валютного регулирования» временно запрещено оплачивать уставный капитал иностранных компаний[3].

Однако этим же указом Банку России предоставлено право освобождать отдельные компании от обязанности продавать валютную выручку в сумме, которая необходима для выполнения обязательств перед российскими банками. Речь идет о погашении валютных кредитов, выплате процентов и штрафов в иностранной валюте.

От обязательной продажи валютной выручки может также освободить Правительственная комиссия при выполнении ряда условий.

Этот механизм оказался эффективным и был продлен до 30 апреля 2024 года. Против этих мер активно выступает Банк России.

Многие специалисты считают, что эти меры недостаточны для «новой индустриализации» — структурной перестройки экономики, внедрения современных технологий, укрепления рубля. Предлагается вернуться к государственной валютной монополии и государственной монополии внешней торговли.

[1] НК РФ Статья 7. Международные договоры по вопросам налогообложения // КонсультантПлюс : [справ.-прав. система]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/0b35b3974001cdb58fa49100098523caeee5ac26/ (дата обращения: 04.09.2024).

[2] Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 года № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями США и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // Гарант.ру : [информ.-прав. портал]. URL: https://base.garant.ru/403583298/ (дата обращения: 04.09.2024).

[3] Указ Президента РФ от 18 марта 2022 года № 126 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования» // Гарант.ру : [информ.-прав. портал]. URL: https://base.garant.ru/403720808/ (дата обращения: 04.09.2024).

М. В. Баранова[1]

ЯЗЫКОВАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЗИРОВАННОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Внедрение новых технологий, смена ценностных ориентиров, значимые преобразования в политике и культуре, обусловленные формированием многополярного мира, детерминируют модернизацию бытия современного российского социума. При этом право неизменно сохраняет свой регулятивный потенциал, представляя собой действенный инструмент, особый гарант, фундамент для упорядочения общественных отношений, разрешения конфликтов, защиты прав.

Специфику функционирования права в условиях быстрой смены событий и новых политико-правовых доминант характеризует, во-первых, взаимообусловленность его трансформации изменениями в социуме. Негативные и позитивные начала при этом сосуществуют, порождая креативные направления дальнейших преобразований сферы права.

Во-вторых, усиливающаяся юридизация отношений актуализирует важность юридической практики, значимость виртуозного владения специалистом технико-юридическим инструментарием, языком права, понимания ценности языковой правовой культуры. Одновременно юридизация подразумевает возможность освоения гражданами приемов и способов самостоятельного получения правовой информации. При активном внедрении цифровых технологий это становится реальным, причем изменение мирового политического «ландшафта» не создает помех для доступа к значимым юридическим сведениям. Государственные властные веления транслируются через знаковую языковую систему, что позволяет обеспечить системность, корректность, точность их понимания при условии владения спецификой юридического языка.

В-третьих, активное внедрение цифровых технологий предоставило условия для доступности юридической информации, что позитивно повлияло на скорость и эффективность работы представителей юридической практики и правоведов. Однако порой обманчивое впечатление дилетантов о простоте обращения со столь доступным юридическим текстом, отсутствие сформированной системы знаний и правовых речевых ценностей неизбежно влечет ошибки в понимании регламентации и искаженное представление о языке права, вызывает серьезные проблемы при правореализации.

Научное осмысление специфики функционирования права в условиях современных реалий позволяет проявить новые аспекты значения языка права, юридического языка, языковой правовой культуры для эффективности этого процесса.

Для понимания феномена языковой правовой культуры определяющей является сущность правовой культуры в целом, которая, по мнению Е. В. Спекторского, «выражена Ульпианом в двух словах: justitiam colimus. Слово colimus при этом употреблено в двояком смысле: культа и культуры. И посему формула римского юриста означала и „мы чтим справедливость“, и „мы ее возделываем“ (лат.). Справедливость для настоящего юриста действительно является предметом почитания»[2]. Солидаризируясь с мнением российского правоведа и философа, следует признать безоговорочную ценность справедливости, акцентировав внимание на особой роли языка права, языковой правовой культуры, позволяющей создавать действенную нормативную базу, регулировать и обеспечивать юридическую коммуникацию в профессиональной среде и за ее пределами.

«Явлениями, образующими правовую культуру, традиционно выступают: правовое сознание, правовая наука, правовая деятельность, материальные предметы, обеспечивающие и сопровождающие правовую деятельность, юридические акты»[3]. Безусловно, ви́дение элементного состава правовой культуры зависит от парадигмы исследователя, позволяет варьировать, включая в состав более широкий спектр ценностей, выработанных человеком в правовой сфере, например язык права, иные технико-юридические элементы.

Опираясь на понимание правовой культуры как уровня развития юридических явлений и инструментов, находящегося в неразрывной взаимосвязи с ценностным содержанием всей правовой сферы, включая язык права, можно предложить следующее определение понятия «языковая правовая культура».

Языковая правовая культура — часть правовой культуры, отражающая уровень развития юридического языка, специфику его содержательной стороны, детерминирующая, формирующая, модернизирующая, сохраняющая правовые речевые ценности, фиксирующая и регулирующая технико-юридические аспекты воплощения запретов, дозволений, обязываний, терминов в устной и письменной речи в конкретный временной период.

Здесь представляется значимым отметить, что знаковые системы, используемые в современном мире, в той или иной степени востребованные правом, раз-

[1] Профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 227 научных и методических публикаций (15 в журналах, индексируемых в Web of Science), в т. ч.: «Право и реклама (общетеоретический аспект)», «Юридическое извинение как эффективный способ разрешения конфликтов», «Норморайтер — новая компетентностная модель специалиста в поле правовой культуры», «Невластное начало юридической техники в ранних работах К. Маркса», «Правокультурные мемы в обществе программируемых коммуникаций», «Новизна юридических исследований в контексте норм этоса науки», «Правовая экспертиза; наука, практическое искусство или ремесло?» и др. Член Экзаменационной комиссии Нижегородской области по приему квалификационного экзамена на должность судьи. Награждена медалью МВД России «За заслуги в научной и педагогической деятельности».

[2] *Спекторский Е. В.* Христианство и культура / сост., вступ. ст. и примеч. П. Е. Бойко, Л. А. Бойко. М. : Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 230.

[3] *Ромашов Р. А., Шукшина Е. Г.* Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // Правовая культура. Саратов, 2006. № 1. С. 60.

личны. Так, элементы искусственного интеллекта, сложное программное обеспечение требуют использования соответствующего языка. При этом сегодня активную дискуссию вызывает «…концепт машиночитаемого права и машиноисполняемого права, который является одним из основных направлений цифровых трансформаций в праве, что потребует изменения подходов к юридической технике и самому процессу правового регулирования»[1]. Возникает вопрос: будет ли этот специфический язык (знаковая система), необходимый для обеспечения деятельности искусственного интеллекта применительно к правовой материи, являться языком права? Это элемент языковой правовой культуры? Как будет соотноситься этот элемент с остальными «типичными» составляющими? С высокой долей уверенности можно утверждать, что единая система элементов языковой правовой культуры («типичных» и «инновационных») со временем будет разработана и послужит для повышения эффективности функционирования права, неизменно сохраняющего позиции регулятора, защитника, инструмента выхода из конфликта.

Однако не только искусственный интеллект требует особого подхода для обеспечения понимания языка права — люди часто не единообразно воспринимают содержательное наполнение нормативных установлений, испытывают сложности при толковании-уяснении и толковании-разъяснении, тем более в условиях наметившейся несистемной конвергенции понятийного аппарата юридических и неюридических наук. Четкий юридический язык формирует юридическое мышление, присущее представителям правовой доктрины и юридической практики. Таким образом, объединяются сущность юридического языка и цель его существования. Качество профессиональной деятельности зависит от унифицированного понимания терминологии, требует навыка в употреблении специальных юридических терминов. Стандартизация юридического языка представляет собой путь к эффективности языковой правовой культуры как особого регулятора. Попытки стандартизировать язык (не в праве) предпринимались Бенджамином Уорфом, создавшим «стандартный среднеевропейский» язык, Джеймсом Куком Брауном, разработавшим искусственный язык «логлан»[2]. Эти разработки были нацелены на преодоление неточностей и противоречий, создание особой гармоничной действительности. Возможно, отдельные аспекты данных разработок перспективно помогут в исследованиях, направленных на совершенствование технико-юридических аспектов создания и функционирования юридической терминологии. В настоящее время дополнительную сложность представляют термины, созданные посредством транстерминологизации, поскольку их перенос из другой отрасли знания требует большого объема знаний в сопредельных областях и навыка «транспортировки» понятия и его адаптации в правовой среде.

Нормативное закрепление единого понятийного аппарата позволяет обозначить широкий спектр государственно-правовых явлений, зафиксировать властное веление в норме права. «В настоящее время дефиниции составляют значительную часть понятийного аппарата действующей системы законодательства, во многом способствуя ее формальной определенности»[3], совершенно справедливо утверждала Л. Ф. Апт. Именно терминологический комплекс, присущий языку права в целом, позволяет достичь большей степени правовой определенности. Конструирование дефиниций представляет собой сложный процесс, требующий высокого уровня профессиональной подготовки. Не случайно профессор А. С. Пиголкин особо отмечал, что дефекты дефиниций препятствуют правильному пониманию и применению нормативного правового акта, негативно влияют на механизм правового регулирования общественных отношений, поскольку определения понятий — это нормы особого рода, органически включаемые в механизм правового регулирования[4].

Уровень языковой правовой культуры определяется качеством юридического языка, особенно это касается понятийного аппарата, являющегося фундаментом для адекватного восприятия норм — правил поведения. Иллюзия легкости в обращении с правовыми предписаниями, свойственная отдельным людям, не имеющим специальных юридических знаний, может привести к непоправимым последствиям в ходе необдуманной реализации. В большинстве случаев право требует профессионального обращения, вдумчивой работы профессионала, владеющего всей полнотой технико-юридического инструментария и языком права. Здесь весьма актуальным представляется обратиться, например, к идее о возможной перспективной профессиональной подготовке лиц, занятых в сфере создания государственных властных велений. О необходимости профессионализации процесса нормотворчества в работе «Норморайтер как профессия» писал профессор В. М. Баранов. Он отмечал, что следует признать необходимость организации подготовки, обучения специалистов в сфере нормотворческой деятельности различного уровня — «норморайтеров». Это специалисты, которые не принимают нормативные правовые акты, а именно пишут их, разрабатывают структуру и архитектонику документа[5]. Подготовка таких специалистов должна включать знание языка и владение языковой правовой культурой. Качество профессионально созданных нормативных правовых актов в конечном счете усилит правореализационный потенциал и повысит эффективность функционирования права в целом.

[1] *Понкин И. В.* Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerTexe, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2020. № 9. С. 25.

[2] Подробнее см.: Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб., 2003. Гл. 12.

[3] *Апт Л. Ф.* Дефиниции в законодательстве Российской Федерации // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Междунар. круглого стола (Черновцы, 21–32 сентября 2006 г.) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского. Н. Новгород, 2007. С. 71–72.

[4] Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 129.

[5] *Баранов В. М.* Норморайтер как профессия // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2017. № 6. С. 21.

Сегодня активная трансформация бытия, внедрение достижений науки и техники не меняют доминантные сущностные черты права, но позволяют иначе воспринять привычные элементы, увидеть в нетипичном ключе потенциальные перспективы их развития, новые функциональные возможности. Язык права, языковая правовая культура представляют собой обязательную базовую основу права, обеспечивают его устойчивый фундамент. Интересна идея, отраженная в работе В. А. Гольцева «Воспитание, нравственность, право» (сборник статей), где автор указывает на безусловную ценность некоего минимума неприкосновенной нравственной сути гражданина, проводя аналогию с принципом Existenz minimum, принятым в учении о финансах XIX века[1]. Оценивая место языка права, языковой правовой культуры, следует признать, что эти феномены обеспечивают устойчивость правовой материи, выполняют роль Existenz minimum для эффективного функционирования права, поступательного развития правовой науки и юридической практики.

Е. А. Брылева[2]

ОРГАНИЗАЦИИ БРИКС, ЕАЭС, СНГ КАК ПЛОЩАДКИ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

В условиях становления нового справедливого многополярного мира, русофобии, кризиса международных правозащитных институтов Россия проявляет себя как суверенное правовое государство, демонстрирующее приверженность принципам международного права, сформулированным еще в 1970 году в Декларации о принципах международного права[3].

В настоящее время в отечественном законодательстве учтены минимальные стандарты международного права прав человека, однако они ограничены только национальной системой. Отметим, что Российская Федерация с 1996 по 2022 год являлась членом Совета Европы, участником Конвенции 1950 года, и с учетом ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации имплементировала решения Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) в национальное законодательство. За период юрисдикции Европейского суда по правам человека общее количество дел составило 3395, общая сумма компенсационных выплат — более 2 млрд евро[4]. Более того, у российских граждан существовала возможность наднациональной защиты, и, несмотря на политизированность решений ЕСПЧ, нельзя отрицать позитивного эффекта решений в части уголовно-исполнительной системы; органов предварительного дознания и следствия.

Если судить по выявленным Европейским судом нарушениям, то, например, в 2019 году их насчитывалось 198: россияне больше всего пострадали от посягательств на свободу и личную неприкосновенность (90) (по большей части это нарушения, связанные с необоснованностью сроков содержания под стражей); на втором месте стояли нарушения права на справедливый суд (61) и запрета на бесчеловечное и унижающее достоинство обращение (24), однако в эту категорию вошли жалобы на условия содержания под стражей и условия перевозки заключенных[5]. При этом до определенного времени, по словам В. Д. Зорькина, «Конституционный Суд выступал своего рода посредником, адаптируя подходы и позиции ЕСПЧ к реалиям нашей сегодняшней жизни»[6].

В настоящее время перспективным видится возможность формирования собственной евразийской системы защиты прав человека. Представляется, что такая региональная система предполагает соблюдение минимальных стандартов Международного партнерства по правам человека (МППЧ), дополнение последних собственными стандартами, но без навязывания их как всеобщих. Кроме того, при формировании такой системы может учитываться опыт России в региональной системе защиты прав человека, а также опыт иных региональных систем.

Абсолютно справедливо отмечает профессор В. Д. Зорькин: «Практика распространения универсаль-

[1] *Гольцев В. А.* Нравственность и право // Воспитание, нравственность, право. М. : Тип. И. Д. Сытина, 1897. С. 151–152.

[2] Начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Пенитенциарная система в механизме Российского государства: историко-теоретический аспект» (в соавт.), «Социальная политика государства: от призрения к благотворительности», «Миграционные вызовы и миграционные риски иностранных граждан и лиц без гражданства при назначении условно-досрочного освобождения» (в соавт.), «Благотворительность как проявление солидарности гражданского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции», «Корпоративная социальная ответственность в России: необходимость формирования концепции», «The Problems of Legal Regulation of AI: a Rather-Legal Research Artificial Intelligence: Anthropogenic Nature vs. Social Origin» (в соавт.), «Post-prison resocialization – myth or reality?» (в соавт.) и др. Член Ассоциации международного права. Награждена медалями ФСИН России за отличие в службе I–III степеней и др.

[3] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций : принята Резолюцией № 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года.

[4] Москалькова предложила перенять у ЕСПЧ механизм выплаты компенсаций // РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/642509e39a794721b8136691?from=copy (дата обращения: 20.08.2024).

[5] Практика Европейского суда по правам человека по рассмотрению дел в отношении Российской Федерации : учеб. пособие. Ч. 2 : Пилотные постановления ЕСПЧ / Е. Е. Амплеева. СПб. : С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры РФ, 2020. № 1.

[6] В. Д. Зорькин: Россия должна бороться с внешним «дирижированием» правовой ситуацией в стране // Российская газета. URL: https://rg.ru/2010/10/29/zorkin.html (дата обращения: 20.08.2024).

ных идей и ценностей путем принуждения себя скомпрометировала. Реакция противодействия насильственному внедрению чуждых ценностей, в том числе правовых институтов, в другие культурные группы приводит к смене однополярного мира, который мы наблюдали в последние годы, приходит множественными очагами напряжения, не поддающимися эффективному контролю со стороны международного сообщества и направленными на сопротивление этой гегемонии, на конфронтацию, а значит, не на созидание, а на разрушение.

Многообразие глобальной цивилизации, в которой делаются попытки — извне или изнутри — внедрения универсального (единого) кода демократических ценностей, ставит человечество перед необходимостью постепенного, естественного взаимодействия культур с целью освоения ценностей и стандартов иных культур общественным сознанием народов, их моралью, непротиворечивостью религии и общественным нравам.

Несхожесть, а порой и контраст в образе жизни, мышления, культуре может, как ни парадоксально, иметь позитивное влияние: именно осознание различий влечет за собой стремление найти общее и терпимее относиться друг к другу. Лишь осознание общности и принятие особенностей путей развития друг друга может позволить выявить действительно универсальные человеческие ценности и придать международной правовой системе в целом мощный импульс для дальнейшего развития»[1].

Открытым остается вопрос относительно организации, в рамках которой возможно сформировать систему защиты прав человека. Российская Федерация является участником нескольких международных региональных организаций, имеющих потенциал стать основой для системы защиты прав человека. К таким организациям можно отнести следующие.

— *Межгосударственное объединение БРИКС.* В настоящее время в рамках расширения альянса под председательством России и принятия новых членов Египта, Ирана, ОАЭ, Саудовской Аравии и Эфиопии были поставлены новые задачи мирового сотрудничества:

— усиление роли государств с формирующимся рынком в глобальном процессе принятия решений;

— сотрудничество в сфере развития искусственного интеллекта и здравоохранения, торговли, морского транспорта, логистики[2].

Ранее на встрече в ЮАР (Кейптаун) 1 июня 2023 года министры иностранных дел / международных отношений стран БРИКС подтвердили необходимость сотрудничества всех стран в области поощрения и защиты прав человека и основных свобод в соответствии с принципами равенства и взаимного уважения; необходимость продвигать, защищать и соблюдать права человека неизбирательным, неполитизированным и конструктивным образом, без двойных стандартов[3]. Создание суда на данной площадке довольно проблематично ввиду наличия различий как цивилизационного характера[4], так и правовых систем стран-участниц[5]. И если изначально БРИКС воспринимался только как экономический союз[6], то последние заявления стран-участниц указывают на перспективное взаимовыгодное сотрудничество и возможности внесения изменений в соответствующие договоры как «кирпичики» будущего мирового порядка.

— *Евразийский экономический союз (ЕАЭС)*, который представляется наиболее перспективным, однако его цель — экономическая интеграция государств-участников[7].

В то же время в юридической среде в настоящее время по данному вопросу ведется активная дискуссия[8]; высказывается мысль о создании суда как отдельного суда по правам человека к действующему суду ЕАЭС либо наделение суда ЕАЭС дополнительной компетенцией[9]. Очевидно, что появление подобного суда потребует создания соответствующего договора по типу Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, с учетом международных стандартов в области защиты прав человека, включая Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и конституционных основах стран евразийского сообщества[10]. Соответственно, если будет

[1] *Зорькин В. Д.* Права человека в контексте глобальной юриспруденции : докл. на Всемирной конференции по конституционному правосудию, Кейптаун, 23–24 января 2009 г. // Конституционный Суд РФ : [сайт]. URL: http://www.ksrf.ru/RU/NEWS/SPEECH/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=22 (дата обращения: 20.08.2024).

[2] Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе встречи шерп/су-шерп стран БРИКС, Москва, 31 января 2024 г. // Министерство иностранных дел РФ : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/briks/1928663/ (дата обращения: 20.08.2024).

[3] Совместное заявление министров иностранных дел / международных отношений стран БРИКС, Кейптаун, ЮАР, 1 июня 2023 года // Министерство иностранных дел РФ : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/187394 (дата обращения: 20.08.2024).

[4] См.: *Запесоцкий А. С.* Становление глобальной культуры и конфликта цивилизаций (По материалам Международных Лихачевских научных чтений). СПб. : СПбГУП, 2018.

[5] См.: Истоки и источники права: генезис и эволюция / В. Н. Ковалев, З. Н. Каларандищвили, Р. А. Ромашов [и др.] ; под общ. ред. Р. А. Ромашова. СПб. : Алетейя, 2022. (Толкование источников права).

[6] Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС : утв. Президентом РФ 9 февраля 2013 г. // Министерство иностранных дел РФ : [сайт]. URL: www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/D23D45D62C00F78E44257B35002ACD50 (дата обращения: 20.08.2024).

[7] Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.). URL: https://rpn.gov.ru/upload/iblock/39e/e4b8hs2so682nh1zhyxrv0yy3u2owo53/Dogovor-o-Evraziyskom-ekonomicheskom-soyuze.pdf (дата обращения: 20.08.2024).

[8] См., например: *Чайка К. Л.* Международно-правовые подходы в практике суда Евразийского экономического союза // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 138–151 ; *Морозов А. Н.* Совершенствование международно-правовых механизмов защиты прав человека в Евразийском экономическом союзе на основе опыта ЕСПЧ: прогностический аспект // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. Я. Капустин [и др.] ; под общ. ред. В. В. Лазарева. М., 2019. С. 398–408.

[9] *Каширкина А. А.* Международно-правовое функционирование Евразийского экономического союза в новых реалиях: устойчивость и модели развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 9. С. 120–131.

[10] См., например: Современные концепции права и правового государства: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ : Норма : Инфра-М, 2024.

принято продуманное и взвешенное решение о создании данного суда, необходимо внесение изменений как в Договор о Евразийском экономическом союзе, так и в ряд других документов, составляющих право Евразийского экономического союза.

— *Содружество Независимых Государств (СНГ)*[1], в рамках которого принята Конвенция о правах и основных свободах человека[2]. Однако юристами-международниками отмечается малоэффективность деятельности данной организации[3], в то же время сегодня налицо существенные попытки «реанимирования» СНГ, идея создания Суда по правам человека — «неполитизированного, объективного, который будет помогать в защите прав человека, в решении гуманитарных вопросов», — прозвучала на его площадке еще в 2022 году[4]. Сейчас стоит вопрос об организации на первом этапе деятельности Комиссии по правам человека, а затем и создания Суда по правам человека[5].

Большинством политологов и юристов отмечается бесперспективность создания Евразийского суда по правам человека на базе Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)[6] и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)[7], главной направленностью которой является поддержание мира, безопасности и целостности государств-участников[8].

В любом случае, какая бы из организаций ни была выбрана в качестве площадки для создания Евразийского суда по правам человека, необходимо учесть опыт ЕСПЧ в части компенсационных выплат по решению суда как эффективный инструментарий. Также следует понимать, что сегодня, в санкционных условиях, угрозы, которые стоят перед Россией и ее стратегическими партнерами, носят долгосрочный характер и нашей стране следует быть готовой отстаивать свои геополитические интересы в условиях многополярного мира, а также соблюдать и защищать права российских граждан на национальном и международном уровнях.

[1] Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 г. // Сборник международных договоров. М., 1994. Вып. 47.

[2] Конвенция Содружества Независимых государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. // СЗ РФ. 1999. № 13. Ст. 1489.

[3] *Ахмеджанова Д. Ф.* Проблемы развития региональной интеграции на пространстве СНГ // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5, № 1. С. 92.

[4] Спикер Совфеда В. Матвиенко допустила создание единого для СНГ суда по правам человека // СНГ : [интернет-портал]. URL: https://e-cis.info/news/566/99257/?sphrase_id=77409 (дата обращения: 20.08.2024).

[5] См. также: *Каширкина А. А.* Международно-правовое функционирование Евразийского экономического союза в новых реалиях: устойчивость и модели развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 2. С. 120–131.

[6] *Цзюнь Ч.* Шанхайская организация сотрудничества как региональная организация // Terra Linguistica. 2016. № 1 (239). С. 99.

[7] Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов Шанхайской организации сотрудничества от 16 августа 2007 г. // СЗ РФ. 2018. № 17. Ст. 2438.

[8] Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. (с изм. на 8 ноября 2018 г.) // Бюллетень международных договоров. 2000. Дек. № 12.

В. С. Горбань[9]

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ КАК УСЛОВИЕ ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВОГО ТИПА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Юрист и философ И. Левин говорил, что любая философия права формируется не путем безродности и беспочвенности, а, напротив, только как часть осознания себя, и даже не общения, а именно способности мыслить себя, а лишь потом делиться своими мыслями. Далеко не все, что мы себе представляем, помним, знаем, мы высказываем в общении с другими.

В истории правовой мысли накоплено множество самых разнообразных учений и теорий, из которых складывается идейный каркас науки о праве. Незнание и непонимание происхождения соответствующих идей, их общих и особенных смысловых характеристик зачастую ведут к тому, что П. Флоренским называлось «сочинительством, игрой в жизнь»[10] и что малопригодно для полноценного и содержательного развития современной юридической науки и государственного строительства.

До настоящего времени в российской юридической науке и смежных областях знаний используются историографические модели, заимствованные из устаревших подходов западноевропейских правоведов и философов, подвергнутых в настоящее время существенным модификациям под влиянием англо-американской философской и юридической литературы. Такое положение в корне противоречит задачам цивилизационного развития России, создает искусственные ограни-

[9] Заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН, руководитель Междисциплинарного центра философско-правовых исследований, доктор юридических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «„Чистые“ учения о праве: их многообразие в истории правовой мысли и влияние на характер современной юридической науки», «Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук», «Нерсесянц как философ права переходного периода: от советского к постсоветскому», «Проблема новизны в юридической науке: к вопросу о методологических аспектах исследования правовых учений», «О разработке методологии источниковедения в области истории философии права», «Правовое учение Иеринга и его интерпретации» и др. Член Академии военных наук по отделению военного права. Лауреат Высшей юридической премии «Юрист года» (2023). Награжден серебряной медалью Минюста РФ «За содействие», Почетной грамотой министерства науки и высшего образования РФ.

[10] *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли: (черты конкретной метафизики). М. : Академ. проект, 2013. Т. 2. С. 29.

чения для использования потенциала русской философии права и в целом юридических наук. Кроме того, пересмотр значительной части существующих историографических практик позволит выработать комплекс решений для более эффективного и перспективного межкультурного диалога с различными регионами мира.

Надлежащее развитие юридических и общественно-политических наук в контексте современных вызовов невозможно в условиях доминирования узконаправленных, неполных и противоречивых принципов построения историографических моделей политико-правовых знаний, распространения идеологических искажений и использования устаревших шаблонов для формирования базовых представлений о типах развития государственно-правовых институтов, юридических концепций и доктрин. В итоге цивилизационное пространство не только России, но и тех регионов, чьи идеи традиционно доминируют в области историографии политико-правовых знаний в целом, оказывается под сильным влиянием ложных, неточных и упрощенных познавательных и объяснительных практик, не позволяющих в полной мере использовать потенциал юридических и общественно-политических наук для обеспечения устойчивого развития общества и эффективного государственного строительства.

Русская политико-правовая мысль должна освещаться совершенно иначе — полнее, содержательнее, признавая необходимость типологического различения развития политико-правового знания, культурного, языкового и прочего разнообразия. Речь идет не о лучшем или худшем, западном или восточном, а лишь о требовании полноты, достоверности и цельности политико-правовых знаний.

История литературы дает очень богатый и познавательный материал для уточнения, углубления и развития истории политических и правовых учений, который пока используется крайне недостаточно. Правда, только в работе Г. Ф. Шершеневича «История философии права» совершенно обоснованно и весьма показательно выделяется самостоятельный параграф о «недовольстве существующим порядком в общей литературе XIII и XIV веков»[1], где, в частности, он писал: «Изящная литература Средних веков является выразительницей того мировоззрения, представительницей того общественного строя, которые сложились в Средние века»[2].

Существует также популярный миф о правовом нигилизме как типичной черте русской литературы. Но, конечно же, не более чем миф. Писателям и поэтам, которые высказывали скептическое отношение к праву, можно противопоставить внушительное количество писателей и поэтов, которые восхваляли право, тонко и остроумно показывали смысл и назначение права в жизни людей. Здесь скорее важен вектор поисков. Кто ищет положительные смыслы и трактовки, их и находит, а кто ищет отрицательные, находит и такие. И это действительно для любой национальной литературы, любого исторического периода. В связи с этим существуют гораздо более сложные проблемы, связанные, например, со спецификой разъяснения смысла свободы как правовой идеи, который отличается в зависимости от типа общественно-религиозного сознания, в частности. Например, *свобода воли* представляет собой тему и проблему, порожденную прежде всего протестантством и сформировавшейся на его основе философией — в основном в Германии, Швейцарии, Англии. Это совершенно нетипичная тема для русской философии, или, например, католических философов[3]. Если мы откроем сочинения Канта или Гегеля, то непременно столкнемся с тем, что лейтмотивом их размышлений является проблема свободы воли: что такое свобода воли, при каких условиях воля свободна, что право есть вообще бытие свободной воли и пр. Однако для русской литературы эта тема в принципе чужда. Православие и русская философско-литературная культура никогда не отрицали свободу воли человека. Поэтому в романе «Бесы» Ф. М. Достоевского на примере отчаянного грешника Николая Ставрогина автор показывает действительно традиционную для всей православной традиции и русской философии проблему. Старец предлагает Ставрогину публично покаяться, указывая на возможность — даже для такого человека, как Ставрогин — выбора правильного пути, то есть пути спасения. Однако тот отказывается, и его трагическая кончина есть результат собственного свободного выбора. Еще лучше эта тема показана в романе «Братья Карамазовы», в частности, во вставной новелле «Великий инквизитор».

Обеспечение права в жизни общества — это большая, непрерывная и очень трудная задача. Каждое общество справляется с ее выполнением в той или иной степени. Стоит начать изучать реальную практику в любой стране: уровень преступности, судебные и полицейские хроники, статистику, исковые и административные дела, данные надзорных ведомств, данные средств массовой информации, особенно на местах, и другие аналогичные материалы, как сразу же идеальный образ какого-то правопорядка может показать свои подлинные черты и свойства. Как раз для настоящей философии права, истории политической и правовой мысли насущным требованием является всеобъемлющее, по возможности полное, беспристрастное обсуждение, выявление, обобщение характера и содержания юридических концепций, учений, доктрин, понимание их логико-понятийного своеобразия, преемственности и новизны, конкретно-исторических условий формирования, социально-практического назначения, а также, несомненно, критика их основных аргументов и лежащих в основе гипотез, их основных сюжетов, тем, средств выразительности, исторических, культурных и прочих связей. К сожалению, в области истории политико-правовой мысли часто приходится видеть своего рода вариант реализации учения о предопределенности, пронизывающий определенную часть философии от стоиков до протестантских авторов.

[1] *Шершеневич Г. Ф.* История философии права. СПб., 2001. С. 181.

[2] Там же.

[3] *Горбань В. С., Груздев В. С.* О значении и отдельных аспектах современной историографии и историософии политико-правовой мысли // Тр. Ин-та государства и права РАН. 2023. Т. 18, № 6. С. 11–30.

Написанное В. Гюго в 1862 году письмо господину Г. Даелли, издателю итальянского перевода романа «Несчастные» в Милане, весьма красочно показывает жизнь Франции и Италии: «И вы… не лишены предрассудков, суеверий; над вами тяготеет тирания фанатизма и слепая власть законов, которые с давних времен играют в руку невежественных представителей власти. …У вас до сих пор живут представители варварства — монашеские ордена и первобытные дикари — лазарони. …Между нами разве только та разница, что у вас немного меньше людей умирают от голоду и немного больше от лихорадок; ваша общественная гигиена не лучше нашей… Имеете ли вы счастье забывать значение слов: публичная месть, законная подлость, каторга, эшафот, палач и смертная казнь? Увы и у вас, итальянцы, как и во Франции, Беккария похоронен, а Фаринаце жив»[1]. В. Гюго справедливо называет проблемы современного ему общества, но следует ли считать его авторитетное мнение зеркалом французского правосознания?

Опыт изучения многих отечественных и зарубежных подходов к построению историографических моделей в истории политико-правовой мысли и философии права показывает, что проблема надлежащей реконструкции событийного и обыденного рядов в общей и национальной культуре человечества в его отношении к государству и праву остается одной из самых насущных и востребованных. Можно даже заметить, как существенные расхождения между внешне подсказанной или скопированной моделью и внутренним развитием культуры права и политико-правового мышления оказываются причиной отторжения или непринятия других идеалов и представлений.

Что важно для формирования отечественной модели историографии и историософии политико-правовой мысли? Это в первую очередь ее целостное освещение, опирающееся на принципы полноты познания. Есть, собственно говоря, русская культура как вместительный, самобытный, разноплановый и сложный феномен, есть его многочисленные исторические проявления, есть неисчерпаемое количество источников его познания. Если мы изучаем историю мысли, то очевидно, что мы должны учитывать, наряду с собственно дистиллированным продуктом — в виде нормативного суждения или требования и его формальной диалектики содержания (типовая юридическая проблема!) — также историю языка, литературы, общественно-религиозного сознания, материальной культуры и пр. В противном случае любая наука о культуре может быть сведена к небольшому набору чистых формальных единиц: филология, история, экономика, этика, философия и т. п.

В формировании политико-правового сознания, соответствующей литературы, безусловно, участвует язык. Имеются философские концепции, в том числе в области права, которые вообще всю проблему права сводят к смыслу слов, подлежащему выяснению в каждой конкретной ситуации и каждый раз заново, так сказать, из контекста. Например, для англосаксонского права это совершенно очевидная вещь. Проблема влияния языка на культуру права и литературу о нем значительно глубже и содержательнее, чем это обычно представляется. Речь идет о своего рода открытии мельчайших частиц, ранее не доступных взору исследователя.

Современная российская историографическая модель политико-правовых знаний способна обеспечить формирование явных преимуществ перед другими государствами в социальной, культурной и образовательной областях. На основе современной российской историографической модели политико-правовых знаний могут быть существенно пересмотрены важнейшие этапы и направления развития представлений о государстве и праве, полнее и значительно точнее разъяснены внутренние закономерности развития зарубежной юридической мысли, переосмыслена роль русской политико-правовой культуры, разработаны средства противодействия различным идеологическим искажениям и фальсификациям истории, сформированы возможности для принципиально нового типа межкультурного научного диалога с другими политико-правовыми традициями.

[1] *Гюго В. М.* Несчастные / пер. О. Н. Поповой и А. Н. Энгельгардт. СПб., 1902. С. II–III. (Роман известен также под названием «Отверженные».)

О. Н. Громова[1]

ТРУДОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Развитие цифровой идентичности личности является одним из новейших и достаточно интересных трендов современного мира. При этом новый модус достаточно широко вошел в повседневную жизнь мирового пространства и стал ее обычным и неотъемлемым компонентом. Феномен цифрового номадизма (digital nomad) с каждым годом становится все более популярным, несмотря на негативные мировые процессы, санкционные, миграционные и туристические ограничения, поскольку удачно вписывается в образ жизни определенной группы людей.

Отказ идентифицироваться с определенным местом жительства связан с желанием ощущать себя «человеком мира», поскольку пребывать в движении стало способом существования многих людей. Чаще всего осознание потребности в номадизме возникает в целях реализации альтернативного образа жизни состоявшимися профессионалами, способными реализовать свои компетенции вне четко обозначенных границ, в условиях относительной свободы, в удобной для них среде. Следует признать, что выбор номадизма в качестве образа жизни является довольно смелым поступком, доступным, как правило, лицам с хорошей профессиональной репутацией.

Реализация возможностей цифрового номадизма стала реальным событием для человечества в связи с развитием цифровых технологий и появлением цифровых платформ. Однако цифровой номадизм доступен только тем лицам, которые обладают конкретной профессией и определенными навыками. Далеко не всякая трудовая деятельность рассчитана на ее осуществление в удаленном режиме. Удаленная работа чаще всего присуща сферам, связанным с применением Интернета и современных телекоммуникационных технологий.

Такой самоидентификации присуща амбивалентность бытия, порождающая двойственный характер человеческого существования в условиях цифрового номадизма. С одной стороны, ощущение относительной свободы в условиях той роли, которую человек определил для себя, с другой — дефицит живого общения, так называемое социальное одиночество. Это один аспект. Другой же попыталась раскрыть Д. Е. Добринская, которая считает, что «Цифровые кочевники, стремящиеся сохранить профессиональную независимость… платят за это высокую цену. У многих из них возникают проблемы, связанные с психическим и физическим здоровьем. Человек, ведущий кочевой образ жизни, фактически предоставлен сам себе и не имеет гарантированной поддержки со стороны государства и общества»[2].

Вместе с тем к непривычной ранее среде приобщается все большее число россиян, становясь участниками программ «цифровых кочевников» либо самостоятельно определяя для себя условия кочевой жизни. Из различных источников в СМИ следует, что наиболее развитые страны в рамках программ переезда принимают специалистов с выдающимися способностями. Развивающиеся страны в лице цифровых кочевников видят для себя реальную возможность ускорить рост экономики.

«В последние годы государства стараются привлечь цифровых кочевников с помощью специальных виз. Это выгодно для экономики: специалист не отбирает рабочее время у местных, но тратит деньги в этой стране. Поэтому одно из главных ограничений такой визы в том, что она не дает разрешения на работу. Цифровой кочевник должен получать доход за пределами этого государства»[3].

Не оставило без внимания режим работы цифровых кочевников и российское законодательство. В России работа, для выполнения которой и коммуникации между работниками и работодателями применяются информационно-телекоммуникационные сети, а также сети связи общего пользования, имеет официальное название — дистанционная, или удаленная. Но при этом следует отметить, что российское законодательство в основном касается тех цифровых кочевников, которые работают на основании трудового договора о дистанционной работе.

Характеристики, определяющие дистанционную работу, вполне коррелируются с признаками трудовой деятельности цифровых номадов.

1. Форма проведения — выполнение трудовых функций в дистанционном режиме осуществляется вне официального расположения организации или предприятия и не требует присутствия на рабочем месте.

2. Средство осуществления дистанционной работы рассчитано на современные информационно-коммуникационные технологии, предполагающие использование Интернета, программ для удаленного доступа и взаимодействия работодателей и работников.

3. Удаленный режим работы — работник выполняет свои трудовые функции на значительном расстоянии от работодателя, самостоятельно организовывая свой труд с учетом возможностей гибкого графика, обеспечивая тем самым экономию затрат офисного пространства.

---

[1] Заведующая кафедрой отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. соавтор 18 монографий: «Трудовой арбитраж в сфере коллективных споров: история и современность», «Профсоюзы на защите социально-трудовых прав работников: опыт Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области», «Судебная практика разрешения социально-трудовых споров в современной России», «СМИ как фактор социально-трудовых отношений (Конфликтологический анализ)», «Переговоры как регулятор социально-трудовых отношений: концепция, методика, технологии», «Правовые аспекты повышения эффективности социального партнерства в России», «Повышение эффективности участия объединений работодателей в системе социального партнерства» и др.

[2] *Добринская Д. Е.* О феномене цифрового кочевничества. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-fenomene-tsifrovogo-kochevnichestva/viewer (дата обращения: 04.09.2024).

[3] Визы цифрового кочевника в 2024 году: полный список стран и условий // Banki.ru : сайт. URL: https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10980271 (дата обращения: 04.09.2024).

4. Пространственная децентрализация позволяет работнику трудиться в другой части города, страны или на другом континенте.

5. Способы взаимодействия — работая удаленно, работники взаимодействуют с руководством и друг с другом посредством мессенджеров, электронной почты, видеоконференций и других средств связи.

6. Форма трудовых отношений в дистанционном режиме подразумевает наемную работу на основании договора, а также деятельность фрилансеров, предоставляющих свои услуги также на договорной основе.

7. Тип рабочего места — работник самостоятельно определяет свое рабочее место, если иное не определено трудовым договором.

8. Содержание выполняемой работы — онлайн-маркетолог, СММ-менеджер, копирайтер, графический дизайнер, программист, комьюнити-менеджер, режиссер монтажа, продюсер, блогер, проджект-менеджер, тестировщик ПО, специалист по контекстной рекламе, системный администратор, SEO-специалист — это далеко не весь перечень видов работ, которые могут выполняться в дистанционном режиме.

9. Факторы риска дистанционной работы — прежде всего риски для здоровья, которые могут быть связаны с отрицательной эргономикой рабочего места, то есть отсутствием адекватной адаптации рабочей среды к особенностям человеческого организма. Помимо этого, существуют риски, связанные с социальной изоляцией. Кроме соматических заболеваний, недостаток контакта с другими людьми может развить чувство одиночества, тревоги и депрессии, снизить когнитивные способности.

10. Основа труда — дистанционная работа может быть постоянной, предполагающей весь период действия трудового договора; временной, то есть удаленной непрерывно на период до шести месяцев; периодической, подразумевающей чередование дистанционной работы и работы в месте расположения организации либо предприятия. Для цифровых кочевников наиболее приемлемой является дистанционная работа на весь период действия трудового договора.

Будучи продуктом периода пандемии COVID-19, законодательство, регулирующее дистанционную (удаленную) работу, претерпело некоторые изменения, которые коснулись прежде всего налогового режима. Помимо этого, 8 декабря 2020 года принят Федеральный закон РФ № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях»[1], определяющий особенности дистанционной (удаленной) работы.

Таким образом, несмотря на наличие признаков, характеризующих лиц в качестве цифровых кочевников, при заключении договора на осуществление трудовой деятельности в дистанционном формате по российскому законодательству, регулирующему порядок и условия дистанционной (удаленной) работы, они полностью подчиняются его требованиям.

Г. П. Ермолович[2]

ПРАВОВАЯ ОСНОВА И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

XXI век войдет в историю парадигмой смены конфигурации международных отношений и всей системы миропорядка. То, что было в прошлом веке и поддерживало мироустройство в условиях холодной войны, безвозвратно уходит в прошлое. Нас ожидает полная трансформация экономических, гуманитарных, финансовых, политических и иных направлений международного развития, чему сегодняшнее поколение будет свидетелем. Уже очевидно, что мы живем в условиях глобальных перемен и тех вызовов, с которыми столкнулось человечество: проблемы с климатом, бедность, борьба за сырьевые ресурсы, рост терроризма и киберпреступности, поиск безопасных, но оптимальных международных логистических маршрутов, и над всеми этими и другими проблемами «нависает» одна, которая так или иначе связана с остальными, — медленное, но неизбежное изменение политического вектора, определяемое сменой гегемона в международных отношениях: постепенным уходом США в тень мировой политики. Это происходит на фоне нарастающего объема проблем, с которыми мир еще не сталкивался со времен Второй мировой войны.

Как реагировать на это? Справится ли мир с этим? Вопросы, на которые пока нельзя дать однозначные ответы. Однако приходится констатировать, что «миропорядок, основанный на правилах», как того хочет Запад, пока не может закрепиться на международной арене по причине его бесперспективности, абсурдности и излишней политизированности, а мир, основанный

[1] Федеральный закон от 8 декабря 2020 года № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46184 (дата обращения: 04.09.2024).

[2] Профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. 9 монографий: «Международно-правовая характеристика хартии как источника международного права», «Кризисные явления в международном праве и причины их возникновения: примеры, размышления, выводы», «Влияние России на мировой правопорядок и международное право в середине первой четверти XXI века», «Принцип суверенного равенства государств: забыт или возрожден?», «Кто же первым признал Советскую Россию?», «Плебисцит, референдум и декреция как способы изменения территории государств» и др. Член российской секции Международной полицейской ассоциации.

на Уставе ООН как правовой базе существования и развития стран и народов, в настоящее время постепенно приходит (если даже уже не пришел) в упадок. Он рушится по причине нежелания современной политической элиты ряда западных стран сохранять те фундаментальные положения и принципы, которые когда-то были заложены их предшественниками в основу некогда самой большой, глобальной и авторитетной международной организации — Организации Объединенных Наций. Эти принципы хорошо известны на международной арене: сотрудничество, суверенное равенство, невмешательство во внутренние дела государства, добросовестное выполнение международных договоров и другие, и закреплены в ряде международно-правовых актов, название которых знает любой юрист. Отречение от этих апробированных постулатов привело наших западных партнеров по мировому взаимодействию к неуемному желанию доминирования в мире с тем, чтобы вершить мировые дела в угоду той небольшой группы людей (финансовой олигархии), причастных к военно-промышленному комплексу США, которая прямо или косвенно управляет не только внутренней, но и внешней политикой США. Политические лидеры США, которые приходили к власти и управлению страной, на самом деле занимали эти посты лишь благодаря финансовой поддержке крупного бизнеса. Бизнес обеспечивал их избирательные кампании, финансировал избирательные штабы, а значит, вправе требовать (и требует) выполнения тех обязательств, на которые соглашались политики, рвущиеся к власти.

Мировое господство США ранее опиралось на решение Ялтинско-Потсдамских договоренностей 1945 года, которые подвели итоги Второй мировой войны и определили будущее противостояние двух ведущих держав — США и СССР. Эта поляризация началась не с речи бывшего премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля в Фултоне в 1946 году, как об этом традиционно говорят все политологи в России и за рубежом, она появилась гораздо раньше. Уже в феврале 1945 года, когда Красная армия вела бои на территории фашистской Германии и судьба Гитлера по сути была предрешена, наши «ситуационные союзники» решили продемонстрировать СССР свою военную мощь и подвергли варварской бомбардировке мирный город Дрезден, который должен был оказаться в советской зоне оккупации. Оценивая эти действия англо-американской авиации даже с точки зрения прежнего международного права, действовавшего в довоенную эпоху, можно однозначно заключить, что это было ничем не спровоцированное военное преступление. Поскольку в этом городе не было военных объектов, насущной стратегической необходимости уничтожать его вместе с мирными жителями, разрушая также гражданскую инфраструктуру, не было.

Прошли годы. Наше государство пережило «период мирного сосуществования» и «разрядку международной напряженности». Распался СССР, и мы думали, что Российскую Федерацию приветствуют на Западе и европейцы примут нашу страну как равноправного партнера. Вот почему с мая 1991 года по май 1993-го в Совете Безопасности ООН было полное единодушие — не было заявлено ни одного «вето». Однако мы были политически близоруки и наивны, а американцы почувствовали в себе силу встать у руля всех мировых процессов, что и послужило началом тех проблем, с которыми столкнулось впоследствии все мировое сообщество. Мюнхенская речь по безопасности нашего президента В. В. Путина в 2007 году[1] была выслушана с интересом, но не более того. Лидеров западных стран не встревожило данное выступление, хотя в нем были высказаны определенные опасения и тревоги в связи с теми вызовами, с которыми столкнулось все мировое сообщество. В речи Президента РФ было обращено внимание, что Россия не желает находиться «на обочине» истории и готова к отстаиванию своих интересов как в ближнем, так и в дальнем зарубежье. Российский президент констатировал последние серьезные экономические изменения в мире и появление новых центров принятия решений в связи с переходом от однополярного к многополярному миру. Полагаю, особенно запомнились следующие слова В. В. Путина про однополярный мир: «Как бы ни украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения». Из выступления Президента России стало ясно, что G7 уже не играет той роли, которая ей отводилась в предыдущие годы. В отличие от «Большой семерки» именно страны Азии, Африки и Латинской Америки приобрели самостоятельное значение в мире, и это стало неприятной новостью для государств Запада. Их экономический потенциал постепенно трансформируется в политическое влияние и укрепляет многополярность в регионе.

Если рассматривать политику наших дней, стоит обратить внимание на визит президента Франции Эммануэля Макрона в 2023 году в африканские страны, бывшие колонии этого государства. Он закончился полным провалом. Ни в одной стране предложения Макрона не получили поддержку, понимание, одобрение или сочувствие. Народ ему просто не поверил, как не поверил Жозепу Боррелю, представителю Евросоюза (отвечающему за внешнюю политику ЕС), чей визит также закончился полным фиаско, что и заставило его с обидой отмечать в интервью западным СМИ, что, в отличие от его визита, поездка С. В. Лаврова — министра иностранных дел РФ, вызвала огромный ажиотаж в странах африканского региона и широко освещалась в СМИ.

Желание современной политической элиты США удержать рычаги управления мировыми процессами в своих руках привело к крупнейшим просчетам в мировой политике, и прежде всего это связано с теми международными преступлениями, которые находятся на совести этих лидеров. *Синдром вседозволенно-*

[1] Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 04.09.2024).

сти, подкрепленный убежденностью в своей исключительности и безнаказанности, направленный на смену легитимных, законно избранных лидеров в тех государствах, которые были не угодны американскому правительству, привел сначала к гуманитарной интервенции в Югославию и смещению президента этой страны Слободана Милошевича, затем к «арабской весне», которая с осени 2010 года прокатилась по 20 странам. Этот лавинообразный «политический поток» продолжил череду «цветных революций» в бывших советских республиках: Грузия, 2003 год — «революция роз», Украина, 2004 год — «оранжевая революция», Киргизия, 2005 год — «тюльпановая революция», Молдавия, 2009 год — «сиреневая революция», Армения, 2018 год — «бархатная революция», Беларусь, 2020 год — «бело-красно-белая революция». Только события в Узбекистане 2005 года остались без названия, несмотря на мятеж в Андижане. Неслучайно в 2015 году на фоне генерирования США нестабильных ситуаций в разных регионах земного шара на Генеральной Ассамблее ООН, посвященной 70-летию ООН, В. В. Путин обратился к представителям стран — союзников США с вопросом: «Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?»[1]

Один из последних реализованных проектов США — государственный переворот на Украине в 2014 году и использование для этих целей 5 млрд долларов американских налогоплательщиков с целью установления послушного проамериканского режима, готового вести прокси-войну с Российской Федерацией. Однако цель американского правительства была более масштабна. Задача была — подорвать Российское государство изнутри, устранить сильного экономического противника с глобального рынка, наконец, сменить политический режим, и для этого гибридная война, по мнению американских экспертов, — самый быстрый и надежный способ достичь желаемого. Именно поэтому до настоящего времени мобилизуются союзники и вводятся санкции, взрываются «Северные потоки» и оказывается сильнейшее политическое давление на бывшие союзные республики, финансируются неправительственные организации, чья деятельность направлена на дестабилизацию ситуации в России. И, как промежуточная цель, ставится задача изолировать Россию в мире, раздробить наше государство на множество мелких субъектов, которые не в состоянии будут противостоять США и его союзникам на международной арене, а все природные ресурсы поставить под контроль американских компаний, которые будут беззастенчиво пополнять свои бюджеты, осваивая наши месторождения.

Давайте вспомним так называемый План Даллеса — Директиву Совета национальной безопасности США от 18 августа 1948 года[2], которая была направлена на развал нашей страны, в частности, через изменение сознания людей. Согласно доктрине замышлялось посеять хаос в сознании людей, незаметно подменить реальные ценности на фальшивые, чтобы затем все в них поверили. При этом планировалась данная деятельность на многие поколения, и ею должны были охватываться все слои населения, особенно молодежь.

Однако новый, осовремененный План Даллеса никак не может реализоваться. Этому мешает менталитет русских людей, «духовные скрепы» русского народа. Полагаю, наши противники забыли главное. Американцы не представляют себе историю нашего государства (а возможно, они ее никогда и не знали, так как толком не учили). На протяжении многих веков своего существования Россия отражала нападения врагов, и поэтому в менталитете у наших граждан были заложены те непокорность, несгибаемая воля к свободе, самопожертвование и героизм, которые западные аналитики никак не могут понять. Не быть суверенной страной Россия просто не может по определению! Невежество западных так называемых экспертов проявляется еще и в том, что за всю многовековую историю Запада у них не было Сталинграда и Брестской крепости, их бойцы не писали кровью на разрушенных стенах: «Умираю, но не сдаюсь!» Вот поэтому русских и невозможно победить, какие бы санкции США и их союзники ни вводили. Тут впору вспомнить слова наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в начале Великой Отечественной войны: «Наше дело правое, победа будет за нами!»

[1] 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385 (дата обращения: 04.09.2024).

[2] 18 августа 1948 года принята Директива национальной безопасности США 20/1 // Международная общественная организация «Союз криминалистов и криминологов» : [сайт]. URL: https://crimescience.ru/news/18-августа-1948-года-принята-Директива-наци.html (дата обращения: 04.09.2024).

З. Н. Каландаришвили[1]

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

В условиях современного многополярного мира повышаются значение и роль аксиологической составляющей национальной конституционной культуры.

Что же представляет собой этот социально-правовой феномен — конституционная культура?

По авторскому ви́дению, под конституционной культурой следует понимать сложившуюся в конституционной реальности в результате социально-правового развития в его культурном контексте когнитивно-аксиологическую систему, способствующую установлению и реализации конституционно-правовых принципов знаний, ценностей, норм и правил поведения индивидов в реальной действительности социума.

Конституционная культура как очень емкое и широкое социальное явление включает в себя аксиологические ценностные характеристики, несущие духовно-нравственную основу: конституционные ценности и принципы, национальные ментальные ценности, приобретенные в результате длительного исторического и государственно-правового процесса и сложившиеся у населения нашего многонационального государства, состоящего из 89 субъектов, — Российской Федерации.

Конституционная культура — это система прежде всего аксиолого-юридических знаний и ценностей, созданных людьми в конституционной реальности, которая характеризует экономические, политические, культурные и правовые отношения в социальной сфере и способствует становлению такого справедливого общественного строя, при котором четко соблюдаются права и свободы человека и гражданина, а государство и его органы действуют строго в соответствии с конституционным законодательством и не нарушают человеческие и гражданские права, в результате чего четко функционирует аксиологическая форма гармоничного развития людей, через которую достигается социальный прогресс между членами социума[2].

Если же этот баланс не соблюдается, то происходит деформация элементов аксиологической основы конституционной культуры, что приводит к существенным проблемам в сфере конституционного сознания людей и самой нации, а это способно породить антагонизмы в общественных нравственных и ценностных отношениях, так как конституционная культура представляет собой один из аспектов прежде всего духовной культуры, воплотившейся в конституционной практике и конституционных теориях.

Отечественная российская история свидетельствует, что попытки положительного восприятия зарубежного опыта конституционной культуры и конституционализма наталкивались на различного рода разногласия, вплоть до возникновения и борьбы противоположных социально-политических движений, например западничества и славянофильства. Определенное историческое опоздание в цивилизационном развитии, большие географические просторы территории Российского государства, евразийское геополитическое расположение, многочисленность и своеобразие разнообразных регионов, многонациональность и многоконфессиональность сегодня объясняют сложности и противоречия на пути развития конституционной культуры, адекватной характеру и содержанию современного российского общества.

Для чего же сегодня в условиях многополярного антагонистического мира следует стремиться к совершенствованию и повышению позитивного уровня аксиологической составляющей конституционной культуры?

— Для вычленения четкой и своеобразной, включающей традиционные ценности и национальные особенности российской конституционной культуры на основе сравнительно-правового анализа конституционной культуры отечественной и других стран;

— для конструирования позитивных перспектив развития национальной конституционной культуры и вытекающих из него задач государственной политики в сфере разработки идей конституционализма и отечественного права;

— для социального анализа происходящих в российской конституционной культуре процессов и выработки соответствующих направлений политики, нацеленной на обеспечение конструктивных действий по совершенствованию позитивного уровня конституционной культуры российского общества.

При этом всегда важно иметь в виду, что применительно к Российской Федерации необходимо учитывать, что процесс реализации идей конституционализма и правоприменения конституционных норм, принципов, знаний и ценностей должен соответствовать национальной отечественной специфике конституционной культуры и традиционным ценностям российского многонационального народа. Поэтому крайне важно исследование современного состояния и аксиологической основы конституционной культуры, деформаций ее и конституционного правосознания, конституционализма, а также выявление факторов, препятствующих их формированию, разработка направлений и форм деятельности по их развитию, актуальных с точки зрения конституционно-правового регулирования и дальнейших перспектив конституционного развития нашего государства.

---

[1] Заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент. Автор более 210 научных публикаций, в т. ч. 9 монографий: «Особенности развития отечественной конституционной культуры советского периода», «Конституционная революция XII века: возвращение термина „constitiones“ в контексте „папской революции в праве“», «Ценностные основы зарождения конституционной культуры в христианской религии», «Влияние религиозных и духовных элементов на особенности формирования российской правовой культуры», «Истоки и источники права» (в соавт.), «Правогенез» (в соавт.), «Правовая культура и мировые цивилизации» и др.

[2] *Каландаришвили З. Н., Жиков М. В.* Ключевые ценностные элементы отечественной конституционной культуры: вопросы теории и практики // Образование и право. 2024. № 3. С. 214–218.

В связи с этим необходимо в процесс правового и политического образования населения страны включать патриотический компонент из нашей богатой отечественной истории, в частности «традиционные духовные и нравственные ценности российского народа», начиная с общинной конституционной культуры восточных славян, включавшей этическую воспитанность, общинную солидарность и взаимоответственность, вечевую государственность как праоснову демократического режима, стремление к патриотизму, гражданственности, толерантности и равноправию. Именно об этом говорится и в Указе Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 года[1].

Сегодня, в столь непростое и тревожное для Российской Федерации время, в условиях многочисленных экономических и политических санкций со стороны стран Запада и их сателлитов, важным фактором для определения конституционной идентичности и позитивного развития конституционной культуры Российского государства должна служить ее богатая, испытанная столетиями ценностно-нравственная аксиологическая основа.

А. И. Клименко[2]

КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА В УСЛОВИЯХ «МНОГОПОЛЯРНОСТИ» СОВРЕМЕННОГО МИРА: СОЦИОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРАВУ

Сегодня мы можем констатировать кризис международного правопорядка. И эта констатация справедлива вне зависимости от того, приверженцами какой школы права мы являемся и соответственно какого типа правопонимания придерживаемся. Язык силы стал не только допустимым, но и основным в демонстрации своих интересов и аргументировании позиций акторов мировой политики.

Эта ситуация определяется как слом старого однополярного мира (сама концепция однополярного мира носит идеологический характер, и, разумеется, мир обычно имел в той или иной степени не один центр управления, однако это тот самый случай, когда мы от этого абстрагируемся, что оправдано именно в описании определенных исторических событий, но отнюдь не всегда) в его неминуемом и неотвратимом движении к многополярности. Однако многополярность — уже свершившийся факт, именно поэтому от языка права в международном общении прежде всего отказываются так называемые развитые государства коллективного капиталистического Запада в попытке сохранить мир однополярным, каковым, как считается, он стал после крушения советского блока. Сохранение статус-кво, старого правопорядка не вполне и не во всем соответствует интересам развивающихся стран, что особенно ярко проявляется в сфере организации мировой финансовой системы.

Предпримем попытку рассмотреть современный кризис правопорядка с точки зрения социоаксиологического понимания права и миросистемного анализа[3]. С позиции социоаксиологического подхода к праву оно представляет собой систему конвенциональных (синтезированных в публичном правовом дискурсе) ценностей. Эти ценности формируются и изменяются в рамках такой социально-коммуникативной практики, как публичный правовой дискурс. В пространстве этого дискурса сталкиваются потребности и интересы (понимаемые как ценности) различных социальных акторов и посредством конвенционального акта, выражающего компромиссы этих интересов, формируются синтетические (правовые) ценности, которые и рассматриваются как право. Публичный правовой дискурс рассматривается как дискурсивная форма классовой борьбы, поддержание и развитие которой является залогом мирного сосуществования, устойчивого развития миросистемы, деактуализации насильственных форм классовой борьбы. Разумеется, основными социальными акторами здесь представляются классы, а в правовом дискурсе помимо акторов действуют и агенты, по отношению к которым акторы должны пониматься как принципалы (далее мы не всегда будем различать акторов и агентов, так как во многих случаях этот вопрос представляется дискуссионным). Такой подход применим и к пониманию международного права.

Международное право в контексте социоаксиологического подхода к праву должно пониматься как система конвенциональных ценностей, выражающая компромисс акторов мировой политики (среди его участ-

[1] Указ Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 05.09.2024).

[2] Начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, профессор. Автор 200 научных публикаций, в т. ч.: «Правовая идеология современного политически организованного общества», «Роль принципов международного права в обеспечении эффективности его нормативной системы», «Правовые ценности и принципы как содержательное основание законодательства современного государства», «Роль международного права как особой системы права в преодолении проблем межкультурного взаимодействия и социальной интеграции, связанных с миграционными процессами в современном мире», «Социоаксиологический подход к постижению природы и сущности права и его значение для философии права и общеправовой теории», «Функциональность права как критерий его действительности», «Диалектико-материалистическое понимание правовых ценностей в рамках социоаксиологического подхода праву и дискурсивно-конвенциональной правовой теории» и др. Председатель Диссертационного совета Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя. Член редакционных советов и редакционных коллегий ряда научных журналов.

[3] *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. М. : Территория будущего, 2006.

ников наиболее очевидными выступают государства как субъекты международного права и правотворчества). В пространстве международного правового дискурса эти акторы конкурируют, отстаивают свои потребности–интересы–ценности и посредством этого сообща формируют конвенциональные правовые ценности — то есть само право (с точки зрения социоаксиологического правопонимания). Социоаксиологический подход к праву рассматривается здесь как определенный содержательный ракурс взгляда на право и правовую проблематику, изучение последних в этом ракурсе дает нам определенные преимущества (но это не исключает других подходов и рассмотрение права в других ракурсах). Международный правовой дискурс имеет свою специфику — как и национальный, он развивается на научно-концептуальном, экспертно-аналитическом, профессионально-юридическом и массово-обыденном уровнях. При этом если в национальных государствах массово-обыденный уровень является интегрирующим — именно он образует содержание права гражданского общества (испытывая влияние других уровней), то на уровне международном его значение не так велико, он не более значим, чем, например, экспертно-аналитический уровень правового дискурса. В механизме международного правового дискурса можно выделить следующие сегменты: нормативный, институциональный («площадки» дискурса, международные организации, конференции, переговоры и др.), технологический (научно-технические возможности, включая Интернет, массмедиа и т. д.) [1].

Существенным вопросом в понимании международного правового дискурса является вопрос его участников, доступа к дискурсу различных акторов мировой политики и др.[2] Могут ли рассматриваться в качестве участников дискурса традиционно определяемые субъекты международного права? Полагаем, что да, однако только ими перечень участников не исчерпывается, и нам также следует определиться с тем, в каком качестве осуществляется участие в дискурсе. Надо предположить, что, несмотря на множественность интересантов и акторов мировой политики, основными (подлинными) акторами выступают классы: капиталисты — собственники средств производства, и трудящиеся. Этот вопрос требует более глубокого и контекстного анализа, но мы здесь сосредоточимся на заявленной проблеме современного кризиса международного правопорядка.

На смену международному правопорядку времен противостояния двух политико-экономических блоков «сверхдержав» пришли так называемый однополярный мир (хотя справедливости ради следует отметить, что подлинно однополярным он никогда не был и данная категория играет роль определенной идеологемы, которая верна лишь отчасти) и соответствующий ему международный правопорядок, характеризовавшийся, с одной стороны, политикой «ползучего» неоколониализма (включающего гуманитарные интервенции и «экспорт» демократии со стороны развитых капиталистических государств ядра — прежде всего США) и бурным развитием некоторых стран, которые принято относить, согласно концепции И. Валлерстайна, к полупериферии[3], — с другой. Эта и противоположная тенденции не могли в скором будущем не столкнуться, что и привело нас к современному кризису международного правопорядка.

В отношении неоколониализма государств ядра следует отметить, что даже при военном контроле территории другого государства оно несет за нее определенную ответственность, а при неоколониальной экономико-политической (иногда имеющей все-таки силовую поддержку) экспансии даже такой ответственности для агентов капитала нет — это более технологически совершенная модель колониализма[4]. Государства развитого капитализма постепенно колонизируют мир под знаменами демократии, личных прав и политических свобод, для сокрытия своих истинных интересов используя правовую идеологию и международное право как идеологическую форму права. И. Валлерстайн хорошо охарактеризовал этот процесс: «Сильные государства оказывают давление на слабых и не позволяют им закрывать границы на пути продвижения факторов производства, выгодных фирмам сильных государств. Отношения строятся таким образом, что слабые государства не могут рассчитывать на взаимность в ответ. Так, в ходе дебатов по вопросам мировой торговли Соединенные Штаты и Европейский союз постоянно требуют от остальных государств открыть свои границы их товарам и услугам. Но сами они вовсе не собираются распахивать свои границы навстречу сельхозпродукции и текстилю из стран периферии, которые составят серьезную конкуренцию их собственной продукции. Сильные государства могут позволить себе привести к власти в слабых государствах приемлемых для них людей, которые позже вместе с ними будут давить слабые государства и добиваться, чтобы те придерживались политического курса, удобного сильным государствам. <…> И если сильные государства могут купить себе у слабых удобных политических лидеров, то слабые государства покупают себе защиту сильных, обеспечивая им свободное движение капитала»[5]. Однако следует помнить, что право — всегда обоюдоострый инструмент, и оно, даже выражая значительный компонент воли господствующего класса, всегда ограничивает как подвластных, так и властвующих.

Тем не менее неоколониализм дошел до своих пределов, а развивающиеся страны, в частности страны БРИКС, продолжая развиваться в условиях стабильного международного правопорядка, бросали вызов господству государств ядра — так называемому коллективному Западу. И коллективный Запад стал применять меры по его пересмотру, изначально на идеологическом, затем на экономическом, а сегодня уже на военном — силовом — уровне, сочетая самый разный инструментарий, позволяющий расширить границы неоколониального господства и сократить международное влияние лидеров развивающихся стран. Кол-

[1] *Клименко А. И.* Социоаксиологический подход к постижению природы и сущности права и его значение для философии права и общеправовой теории // История государства и права. 2021. № 1. С. 12.

[2] Там же. С. 13.

[3] *Валлерстайн И.* Указ. соч.

[4] *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М. : АСТ, 2004. С. 33–38.

[5] *Валлерстайн И.* Указ. соч. С. 141.

лективный Запад стал уменьшать пространство правового дискурса, игнорировать в нем акторов мировой политики. Сегодня следует констатировать, что правовой дискурс уже не может воспроизводить международное право как ценности. То есть система международного правопорядка находится в кризисе в виду того, что не воспроизводится на самом глубинном ценностном уровне.

Сегодня мы говорим о многополярном мире, имея в виду наличие различных центров силы, акторов мировой политики, определяющих повестку международных отношений, и т. д. В защите данной концепции на философско-теоретическом уровне используется цивилизационный подход, апеллирующий к культурным и цивилизационным различиями народов (здесь можно вспомнить и историческую школу права с ее концептом «духа народа»). Но можно посмотреть на это и в другом ракурсе. Так, категория «многополюсный мир» также одно время имела хождение в экспертных кругах как синонимичная категории «многополярный мир». Однако справедливо утверждение, что категория «многополярный мир» более удачна, так как полюсов может быть всего два (Северный и Южный), как остроумно отмечали критики категории «многополюсный мир», а никак не множество. Но в этой, казалось бы, неудачной категории есть скрытый смысл. Сегодняшнее противостояние, рождающее кризис международного правопорядка, — это противостояние государств ядра — коллективного Запада, развитых капиталистических стран, стремящихся всеми силами сохранить свое господство и монологичность международных отношений, — с одной стороны, и государств полупериферии и периферии — с другой. И несмотря на то что и страны второй группы — по преимуществу капиталистические, на международном уровне они вынуждены хотя бы отчасти быть агентами трудящихся, это хорошо видно по тому, как в их идеологии используется социалистическая повестка. То есть речь здесь, несмотря на многообразие акторов мировой политики и их агентов и сложности в их идентификации, все-таки идет о противостоянии двух полюсов — своего рода символических «Севера» и «Юга» (нельзя не отметить что различие в богатстве стран мирового сообщества в теории международных отношений зачастую так и именуется проблемой «Севера» и «Юга»). Проблема «Севера» и «Юга» — проблема богатых и бедных на международном уровне.

Полагаем, что победа новых сил, представленных сегодня странами БРИКС и многими другими, несмотря на небезуспешные попытки коллективного Запада использовать потенциал зависимых стран периферии и полупериферии, — дело ближайшего будущего. Речь в первую очередь идет о трансформации капиталистической миросистемы, которая в отдаленном будущем, возможно, исчерпав запас своей «эластичности», преобразуется в социалистическую миросистему, более свободную и справедливую, с новой системой ценностей, лежащих в основе международного правопорядка.

В. А. Ковалёв[1]

В ПОИСКАХ КОНСТИТУЦИОННОГО LINGUA FRANCA: ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ТЕОРИЯ НЕСОИЗМЕРИМОСТИ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

В процессе исторического развития конституционные документы из способа организации государственной власти и выстраивания ее отношений с обществом постепенно превратились в тексты, формулирующие и утверждающие определенный набор прав человека. Процесс их формулировки и постоянного распространения — как в социальной сфере на все новые отрасли человеческих отношений, так и в географическом пространстве на новые страны и сообщества — превратился, по определению Уильяма Твайнинга, в «индустрию прав человека, основанную на убежденности, что защита прав человека возможна только на основе установления глобального стандарта и нормативной системы, а не на реконструкции местных норм на локальном уровне»[2].

Подобная убежденность в необходимости выработки глобального стандарта прав человека и в том, что функция сравнительного конституционного правоведения состоит прежде всего в выявлении расхождений между различными системами права с целью устранения препятствий для унификации, характерна для правоведения периода после Второй мировой войны и распада колониальных империй. Преодоление разночтений и постепенная гармонизация национальных правовых систем в вопросах защиты прав человека виделись основной задачей сравнительного правоведения — например, по мнению таких известных компаративистов, как Конрад Цвайгерт и Хайн Кетц, которые считали, что, хотя этот процесс завершится не завтра и даже не послезавтра, но он ведет к формированию «общего права человечества»[3].

Подобный универсалистский подход, имплицитно — а иногда и открыто — подразумевавший или западное понимание концепции прав человека, или, в более мягкой форме, ведущую роль правовой системы стран Запада в формировании их стандарта, существует и в современном правоведении, хотя и сталкивается

[1] Доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор 84 научных публикаций, в т. ч.: «Государственно-правовые системы современности», «Абсолютизм, Клятва верности и аргументация в „Псевдомученике“ Джона Донна», «К истокам понятия „конституция“: археология термина в Античности», «Обычай, прецедент, статут — истоки классического общего права Англии в контексте Common Law Mind», «Концептуальные основания понимания средневекового государства» и др.

[2] *Twining W.* Globalisation and Legal Theory (Law in Context). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000. P. 192.

[3] *Zweigert K., Kötz H.* Introduction to Comparative Law. Oxford : Clarendon Press, 1998. P. 31.

с сопротивлением со стороны ученых релятивистского толка. Представителем такого подхода является, например, Роджер Коттерелл, утверждавший, что «универсализация прав человека является предметом экспорта, рецепции и трансплантации фундаментальных ценностей и убеждений в их юридической форме... Поэтому стремление к универсализму есть поиск сходства в законодательном оформлении прав человека»[1].

С другой стороны, возникал целый ряд возражений, как с позиций возможности создания подобной универсалистской правовой системы, так и с точки зрения моральности и справедливости такого подхода, трактуемого как евроцентричный и, по сути, неоколониалистский. С позиций признания равной ценности различных культур и их правового элемента выступала, в частности, Элисон Рентлен, утверждавшая, что само по себе противопоставление локальных правовых особенностей и идеи общих для всего человечества ценностей ошибочно и следует сосредоточиться на кросс-культурных взаимоотношениях и пересечениях, порождающих взаимодействие правовых традиций и формирование новой правовой реальности[2]. Джейн Коуэн предложила модель, в которой внимание исследователя должно останавливаться не на противоречиях и различиях между культурно-правовыми моделями и тем более не на их преодолении, а на том, как концепция прав человека проявляет себя в различных культурных процессах, формируя и укрепляя возможность сосуществования носителей различных культур[3].

Признавая важность — можно утверждать, что решающую, — именно этого, гуманистического, аргумента, хотелось бы обратиться к другому моменту. Исследователи в сфере сравнительного правоведения хорошо знакомы с проблемой перевода правовых терминов — аналогично тому, как история взаимодействия правовых систем говорит нам о трудностях в процессе внедрения правовых норм и институтов одной системы в тело другой. Действительно, достаточно вспомнить сложность передачи двойственности понятия liberty и freedom на другие европейские языки, в которых существует только один аналогичный термин (liberte, Freiheit, свобода) — притом что даже в англоязычном мире нет единства в понимании различия между этими терминами, и в то время как одни авторы наполняют их разными смыслами[4], другие используют как синонимы[5].

Аналогичную сложность вызывает перевод ст. 18 Всеобщей декларации прав человека на разные языки. Если ее английский (freedom of thought, conscience and religion) или немецкий (Gedanken-, Gewissens- und Religionsfreiheit) варианты подразумевают свободу рационального мышления, убеждений и религии, то русская версия (свобода мысли, совести и религии) вызывает негативные эмоции (свобода совести как свобода от совести).

Чисто лингвистическая проблема невозможности точной передачи смыслов юридических терминов одной правовой системы на языке другой усугубляется невозможностью точного переноса правовой нормы или института. При всем стремлении классической правовой науки рассматривать нормы и институты права отдельно от политических, социальных и культурных институтов общества, на практике подобное рассмотрение и тем более внедрение невозможны (разве что при условии полной перестройки всего социума-реципиента).

На практическую невозможность «юридической трансплантологии» указывали многие авторы, прежде всего работавшие с правовыми системами постколониальных стран, особенно африканских. Итогом такого подхода стала формулировка «закона невозможности трансплантации права»[6].

Комбинацию этих двух факторов — невозможности однозначного и полного перевода смысла правовых терминов и закона невозможности трансплантации права можно представить как аналог разработанной Куртом Хюбнером для естественно-научных теорий концепции несоизмеримости[7], согласно которой различные научные теории, даже относящиеся к одной и той же сфере знания (например, физике), не могут быть изложены в терминах друг друга и принципиально друг к другу несводимы.

Является ли эта несоизмеримость фатальной для теории и практики сравнительного права как отрасли знания и для процесса развития концепции прав человека в рамках конституционного права различных правовых систем? Представляется, что на этот вопрос следует дать скорее отрицательный ответ.

Как отмечал Есин Орюкю, сам по себе термин «трансплантация права», заимствованный из медицины, является некорректным, поскольку при медицинской трансплантации орган изымается из тела донора и внедряется в тело реципиента — чего не происходит в случае заимствования правовой нормы, так как система-донор ничего не теряет. Понимая право как серию транспозиций, он предлагает понимать процесс миграции правовых норм как правовую трансформацию[8]. То есть нормы одной правовой системы становятся причиной изменения норм другой правовой системы, вызывая своеобразную правовую реакцию на появление инородного объекта внутри правового тела (если развивать медицинскую метафору). При этом такая реакция может быть как отторжением, так и выработкой нового правового института или нормы, основанной на национальной культурно-правовой системе.

Одновременно в рамках правовой науки нормы, принадлежащие к другой правовой системе, становят-

[1] *Cotterrell R.* The Politics of Jurisprudence: A Critical Introduction to Legal Philosophy. 2nd ed. L. : LexisNexis, 2003. P. 44.

[2] *Renteln A. D.* International Human Rights: Universalism versus Relativism. Newbury Park : Sage, 1990.

[3] *Cowan, J. K., Dembour M.-B., Wilson R. A.* Culture and Rights. Anthropological Perspectives. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001. P. 28.

[4] *Dworkin R.* Justice for Hedgehogs. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 2011.

[5] *Carter I.* Positive and Negative Liberty // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2022 Edition) / ed. by Edward N. Zalta. URL: https://plato.stanford.edu/archives/spr2022/entries/liberty-positive-negative/ (дата обращения: 05.09.2024).

[6] *Seidman A., Seidman R. B.* State and law in the development process: Problem solving and institutional change in the third world. Basingstoke : Macmillan, 1994.

[7] *Хюбнер К.* Критика научного разума М. : ИФ РАН, 1994.

[8] *Orucu E.* Critical Comparative Law: Considering Paradoxes for Legal Systems in Transition. Deventer : Kluwer, 1999. P. 16–17.

ся аргументами в дискуссии о возможном преобразовании автохтонных правовых норм и институтов. Таким образом, закон невозможности трансплантации права не преодолевается напрямую, а как бы обходится через посредничество культурной среды, в которой существует право.

Подобный процесс породил ряд преломлений концепции прав человека через призму наднациональных культур — таких как Каирская и Всеобщая исламская декларации прав человека, Арабская хартия прав человека, Африканская хартия прав человека и народов. Подобное сочетание национальных, наднациональных и глобальных правовых установок и ценностей определяется Вернером Менски как «глокализация» — то есть комбинация глобализирующей тенденции с локальной спецификой с учетом уважения последней, локальных решений глобальной проблемы[1].

Исследователи сравнительного права отмечают, что эти два процесса — создания комбинации глобальных, наднациональных и национальных норм, дающих возможность решения глобальных проблем с сохранением локальной культурной специфики, и создания новой концепции сравнительного права как интеллектуального обеспечения этого процесса — развиваются неравномерно, и успехи практической стороны пока не получили должного теоретического оформления[2]. Представляется возможным утверждать, что именно создание теоретической основы этого процесса и выработка нового языка, обеспечивающего возможность взаимодействия трех уровней права как признаваемых всей человеческой цивилизацией глобальных ценностей с локальным и национальным их пониманием, и есть задача сравнительного конституционного права на современном этапе.

В. И. Крусс[3]

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВНЕШНИХ ФУНКЦИЙ РОССИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

В своих публикациях мы неоднократно отмечали неоднозначную сдержанность российской юридической науки в отношении наиболее актуальных вопросов глобального кризиса современности. С одной стороны, ученые-юристы «благоразумно» воздерживаются от футурологии грядущего («при дверях») многополярного уклада, справедливо признавая первенство за представителями социальной философии, политологами, экономистами, учеными-международниками, а равно и специалистами в области искусственного интеллекта (ИИ) либо информационных технологий. С другой стороны, кто, как не юристы, ответствен за концептуализацию нового международного права, которое придет на смену номинально существующему? (Вопреки императиву прозападных «правил», и если, конечно, удастся избежать радикальной фрагментации и депрессивной герметизации национальных правопорядков.) Причем гипотетическое статус-кво в любом случае не будет следствием однократного акта, подобного Ялтинской или Потсдамской конференции. Сценарии третьей мировой войны не предполагают ее позитивного завершения. Исходя из этого, отечественная теория права должна ограничить свои спекулятивные «интервенции в будущее» рамками конституционного целеполагания гарантий национального суверенитета, с одной стороны, и обоснованиями поэтапного обновления российской государственности при сохранении приверженности идеалам права и «правовой разумности» (Гегель), ориентирующей на мирный диалог даже с наиболее одиозными контрагентами, — с другой. В сферу актуальных задач соответствующей конституционной теории входят перманентная модернизация и конституционализация национальной правовой системы.

Конституционализация национального права невозможна иначе как всеобъемлющим по отношению к правовой материи образом. Она нацелена на каждый из ее элементов (первичных и сложных), безотносительно к специфике их институционального места и функционального назначения. В том числе в перспективе онтологической консолидации национального и международного права[4]. Доктринальная обоснованность данной методологической посылки проявляется в формате реального конституционализма[5]. При этом некоторые элементы системы позитивного права «теряются» в фокусе теории конституционализации, к сожалению, несвободной, наряду с правоведением в целом, от стереотипов формальной нормативной опре-

[1] *Mensky W.* Comparative Law in Global Context. The Legal Systems of Asia and Africa. Canbridge : Cambridge Univ. Press, 2006. P. 4.

[2] Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law / ed. by M. Rosenfeld and A. Sajo. Oxford : Clarendon Press, 2012. P. 38.

[3] Заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, Почетный профессор Тверского государственного университета. Автор 220 научных публикаций, в т. ч.: «Теория конституционного правопользования», «Право на предпринимательскую деятельность — конституционное полномочие личности», «Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации», «Злоупотребление правом: учебное пособие», «Конституционализация права: основы теории», «Конституционное правопонимание vs „юридической эпистемологии“: Бьярн Мелкевик и „другие“», «Конституционный Суд РФ как „модератор“ и актор современной теории государства и права: постановка проблемы» и др. Член экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по правовым и судебным вопросам, член Российской академии юридических наук, эксперт Российского гуманитарного научного фонда. Награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

[4] См.: *Крусс В. И.* Конституционализация права: основы теории. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. С. 43–45.

[5] См.: *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М. : Норма : ИНФРА-М, 2021. С. 34–40.

деленности. Поэтому следует приветствовать позицию тех авторитетных ученых, кто проецирует методологии конституционализации и на смыслообразующие элементы системы права, такие как общероссийские ценности[1]. И, двигаясь дальше, идти — через принципиальное единство названных ценностей с целями общенародной жизнедеятельности — к юридической объективации и конституционализации государственных, в том числе внешних, функций.

Уточнение и «субординацию» внешних функций государства в зависимости от политической повестки дня российские (советские) ученые-юристы не находили предосудительной. Только драматический «закат» СССР позволил ответственно осознать проблему дуализма объекта познания (государства и права). Методологически корректно ее решение намечал переход к юридическому типу правопонимания, а значит, и сущностно единому, но структурно бинарному предмету теории права и государства. Онтологическое понятие права позволяло и обязывало мыслить в ряду правовых явлений и государство, его политические институты и практики (функционирование). Очень скоро, однако, начали проявлять себя деструктивные моменты новой познавательной парадигмы, а также ее неготовность прояснить многие из традиционных вопросов. В том числе в профильных исследованиях попрежнему соседствовали трактовки государственных функций как направлений (объектов) воздействия[2], с одной стороны, и как юридических (организационно-правовых) форм осуществления таких действий[3] — с другой. И именно в вопросе о внешних функциях они находили согласие.

В готовности неопозитивистов следовать при содержательной характеристике внешних функций Российской Федерации курсу теории государства и права периода развитого социализма нет ничего примечательного. Однако и В. С. Нерсесянц, например, отмечал, что внешняя функция современного суверенного правового государства включает в первую очередь деятельность по обеспечению обороноспособности страны и защиты населения от внешней агрессии и только дополняется «демократическим» набором целей международного сотрудничества, упрочения международного сообщества государств, «преодоления войн и укрепления мира между народами»[4].

Равным образом авторы, увлеченные перспективами познания права на базе постнеклассической методологии, приверженные образу государства в его социально-коммуникативной целостности, признают «важнейшей внешней функцией» такого (абстрактного) государства «оборону страны от агрессии другого государства и поддержание мирового правопорядка»[5].

Уместность приведенных и подобных признаний последователей либертарного правопонимания и (или) эпистемологической аккультурации сохранялась до тех пор, пока идеологема «конца истории» (Ф. Фукуяма) и перспектива «единого правопорядка» находили подтверждение своей истинности в «девятом вале» глобализации. Однако ко второму десятилетию XXI века ситуация начала стремительно меняться. И приоритетом научной трансляции становятся западные теории «стихийной и целенаправленной» интернационализации конституционного права. На первый план выходят международные обязательства государств в области прав человека, как своего рода дресс-код их допуска к цивилизованному сотрудничеству[6]. За скобками критического анализа оказывается практика либерально-просветительских проектов и программ правовой аккультурации (в том числе с использованием военно-политических средств).

Отечественные теоретики права и конституционалисты, опираясь на переводы западных авторов, стремились внести свою лепту в обоснование того, каким образом результатом внешнего функционирования демократического правового государства может стать заимствование его опыта недостаточно развитыми странами[7]. Понятие «конституционная интервенция» витало в воздухе научных дискуссий «умиротворенного», казалось бы, времени. И ничего предосудительного в том не находили. Настораживала лишь асинхронность процессов транснационализации публично-властных полномочий и формирования глобального гражданского общества, которое полагали не утопией, но зримым гарантом планетарной демократии[8].

К третьему десятилетию XXI века в мире стремительно нарастает всеохватывающая турбулентность. На неизбежность развенчания либеральной мифологии прав человека указала пандемия COVID-19. Она «заставила обратиться к процедуре дерогации» — временного отступления в чрезвычайных условиях от гарантий, установленных международными договорами, — «практически каждое десятое государство»[9]. С весны 2022 года кризис перерастает в военно-политическую конфронтацию России и коллективного Запада. Специальная военная операция (далее — СВО) прямо связала проблему сущности и конституционности внешних функций в России с целями обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55, ст. 56 Конституции РФ).

В своем подходе к этому вопросу мы опираемся на методологию конституционного правопонимания. Только соответствующая, конституционная по своей сути теория права и государства актуальна (и подлинна) для современной России. Предметом этой теории является и суверенное конституционное государство. Для его функций правовая форма значима и принципиальна в плане легитимности. Соответственно это-

[1] См.: *Зорькин В. Д.* Под знаком обновленной Конституции: I Конституционная основа социальной интеграции России // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 4. С. 2–4.

[2] См., например: *Сырых В. М.* Теория государства и права : учебник для вузов. М., 1998. С. 25.

[3] См.: *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства : учебник для юрид. вузов и фак. М. : Издат. группа НОРМА–ИНФРА-М, 2023. С. 256–257.

[4] Там же. С. 260.

[5] См.: *Поляков А. В.* Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. 2-е изд., доп. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2003. С. 534.

[6] См., например: Интернационализация конституционного права: современные тенденции / под ред. Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой. М. : ИГП РАН, 2017. С. 58–59, 114–122.

[7] Там же. С. 73–75.

[8] Там же. С. 166–167.

[9] См.: Конституция и права человека: современная доктрина и практика / под ред. Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой. М. : ИГП РАН, 2021. С. 270–271.

му ни объективные факторы, ни эволюция общественных потребностей не могут входить в противоречие с национальной конституцией. Легитимные государственные функции должны быть *конституционно объективированы*. И столь же необходимо они предопределены и конкретизированы по направлениям сущностно однородной в конституционном спектре целей и задач властной деятельности. Это обусловливает возможность их научного осмысления и анализа с учетом общего требования конституционности. При этом наиболее точно смысл функционального конституционного долженствования выражает понятие *публично-властного полномочия.* В России как суверенном конституционном государстве значение основных внешних охранительных и правозащитных публично-властных полномочий необходимо получают *военные* функции как достоверно противостоящие внешним угрозам и обеспечивающие сохранение народонаселения.

Очевидно, с каким предубеждением воспримут эти выводы поборники прогрессивного либерализма и (или) отвлеченного пацифизма. Однако суровая объективная реальность предполагает нечто большее, чем органическое возбуждение против неготовности удовлетворить чьи-то концептуальные пристрастия. К тому же и в западной политико-правовой традиции найдется немало примеров сходного восприятия проблемы. Можно для начала вслушаться в доносящийся из глубин Античности голос Гераклита, возвестившего уповающим на «все хорошее» согражданам, что «война — мать всего и отец всего». А если такая отсылка будет объявлена беспредметной, указать, например, на близкие, по сути, представления о военно-охранительных функциях государства — как имманентных его природе и социальному назначению — видного австро-германского ученого-юриста О. Эрлиха. Призывая отказаться от метафизической дидактики, принципиальный оппонент этатизма и основоположник социологического правоведения подчеркивал, что по своему происхождению любое реальное государство — это военный союз, который состоит с юридической жизнью лиц в очень свободных связях. Государство исторически утверждает себя как «союз служилой знати нескольких родственных по языку племен, которые <…> долгое время служат на войне под общим руководством и за которыми следуют другие свободные люди». И далее: «…на каждой из ступеней его [государственного] развития военные интересы стояли на переднем плане»[1].

Подобные примеры легко продолжить, но дело не в персоналиях, а в том, в какой связи находятся такие высказывания с идейно-ментальной спецификой западной — до- и постхристианской — философской традиции, сложно сочетающей гностические, космополитические и русофобские интенции. Пусть не благодаря, но и не вопреки которым жизненно необходимым для России начиная с XII столетия оказывается особое по характеру военно-оборонительное противостояние внешним угрозам национальной безопасности и суверенитету: борьба за мир как война против войны, за ее сдерживание и прекращение.

Конституирование 1993 года облекло названную задачу в основное полномочие Российского государства, конкретизированное в правомочиях-обязанностях его представителей, начиная с главы государства и высших органов власти до каждого военнослужащего, в свою очередь, актуализированных в положениях законодательства, касающегося СВО[2]. С позиций теории и практики конституционализации начиная с февраля 2022 года все соответствующие полномочия и акты их реализации необходимо оценивать с учетом конституционной презумпции добросовестности при осуществлении конституционно необходимой национальной самообороны.

---

[1] См.: *Эрлих О.* Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова ; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб. : ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. С. 180.

[2] См., в частности: Федеральный закон от 22 февраля 2022 г. № 15-ФЗ «О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой» // КонсультантПлюс : [справ.-прав. система]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410065/ ; Федеральный закон от 22 февраля 2022 г. № 16-ФЗ «О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой» // КонсультантПлюс : [справ.-прав. система]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410065/ ; Указ Президента РФ от 21 сентября 2022 года № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // КонсультантПлюс : [справ.-прав. система]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426999/ (дата обращения: 20.08.2024).

А. В. Кузьмин[1]

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА И ПРОЦЕССОВ СУВЕРЕНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Формула многополярности в последнее время выступает инструментом оценки современного мироустройства. В структуре этой формулы ключевое значение имеет баланс суверенности и глобализации как в экономических, так и в правовых системах. Такого рода баланс рассматривается различными правопорядками с позиции как формально-юридических оснований соотношения национального и международного права, так и факторов общественно-политической, социально-экономической и технологической реальности, складывающейся в современном мире.

Одним из таких факторов выступают технологии, обеспечивающие прозрачность национального права, но способствующие проникновению иностранного или международного влияния, или, наоборот, обеспечивающие ограничение внешнего воздействия на социальные, экономические и правовые процессы и способствующие формированию суверенной государственности. Наиболее актуальной в настоящее время технологией, способной повлиять на уровень суверенизации государств, выступает технология искусственного интеллекта.

Рассматривая теорию вопроса как предпосылку к обсуждению проблем правового регулирования искусственного интеллекта, необходимо отметить, что внедрение технологий искусственного интеллекта имеет не только сторонников, для которых он является средством оптимизации деятельности или усиления возможностей своего оператора, но и противников, которые руководствуются как личными, так и общегосударственными интересами.

Безусловно, для человека технологии искусственного интеллекта выступают фактором усиления и умножения его возможностей воздействия на общественные отношения. Так, имея гораздо меньше возможностей без использования технологий и инструментов, произведенных на основе таких технологий, оператор машины получает преимущества над другими субъектами, такими средствами не обладающими.

Однако наличие перепрограммируемого модуля расширения вариантов поведения посредством использования методов искусственного интеллекта допускает возможность разрушения целеполагания и, вследствие этого, выход объекта, управляемого искусственным интеллектом, из-под контроля оператора. Причем если таким оператором будет человек, то проблема решается отключением энергопитания (при условии, если человек среагирует быстрее машины). Если же оператором будет являться сама машина (модуль, плата, процессор и т. п.), ее реакция будет зависеть либо от воздействия внешних систем (управляемых естественным или искусственным интеллектом), либо от использования заранее запрограммированных самоограничителей. Если же машина преодолеет такого рода противодействие или самоограничение, то в этом случае последствия могут быть непредсказуемыми — от выработки противоречащих нормам права рекомендаций до, например, реального применения оружия по целям, определенным по усмотрению искусственного интеллекта, в том числе по самому оператору.

Опасность искусственного интеллекта и действующей на его основе оболочки заключается в том, что самообучающиеся машины интеллектуально работают быстрее человека, совершают гораздо больше операций за определенный период времени и соответственно быстрее принимают решение, которое даже при наличии контролирующего оператора может быть сложно быстро предотвратить. В современном мире искусственный интеллект в форме самообучающихся алгоритмов представляет достаточно распространенное явление, включенное в структуру технических (причем не только собственно технических, но и социально-технических, юридико-технических и т. п.) конструкций и процессов.

Искусственный интеллект обычно воспринимается правовой наукой и юридической практикой как программный продукт, имеющий форм-фактор ввода в гражданский оборот как программа для ЭВМ, но никак не в качестве самостоятельного юридического понятия, требующего институционализации. Фактически искусственный интеллект выступает элементом техники и технологии, то есть сферой технических наук и социально-технических отношений. Необходимость юридизации различных элементов отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта, находится в прямой зависимости от развития технологий, допускающих, во-первых, его программно-технологическое самовоспроизводство, а во-вторых, появление реальных производственных процессов, позволяющих создавать конструкционно-механизированную оболочку, способную действовать под управлением такого самовоспроизведенного искусственного интеллекта. Если подходить к текущему состоянию

[1] Заведующий кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Теоретико-правовые проблемы суверенизации права в современных геополитических условиях», «Суверенизация права: проблемы текущего периода», «Теоретико-правовые и отраслевые основы механизма правовосстановления», «Юридическая деятельность: проблемы единства позитивистского и естественно-правового начал», «Форм-факторы международного права как основание следования национальным интересам», «Государства de facto: внутреннее законодательство о международном праве и внешних сношениях», «Приватизация права правоприменения: по мотивам дискуссионной секции VII Петербургского международного юридического форума» и др.

юридического института искусственного интеллекта, представляется возможным определить его юридическую химерность вследствие отсутствия предметности обсуждения даже на производственно-технологическом уровне методов воспроизводимости оболочки искусственного интеллекта.

Более того, опыт использования справочно-правовых систем демонстрирует существенное упрощение правореализационной деятельности — результат автоматического построения иерархии источников правового регулирования практически никогда не подвергается сомнению. От правореализационных вспомогательных технологий по аналогии осуществляется переход к конструированию правовых предписаний как индивидуального характера (автоматизация процессов составления юридических документов — правоприменительных актов и договоров), так и нормативного (составление проектов нормативных актов на основе ввода исходных данных и желаемого результата). На данном этапе требуется признание результатов деятельности программного комплекса со стороны субъектов правоотношений — сторон договора, правоприменителей, адресатов правоприменения, субъектов нормотворчества и т. д. При этом легитимирующее признание факта правового регулирования на основе использования программного продукта влечет легализацию результатов такого использования со стороны юрисдикционно уполномоченных субъектов.

Вместе с тем развитие технологий искусственного интеллекта может оказаться для государства не только драйвером роста, но и агентом иностранного влияния.

Во-первых, промышленно-технологическая глобализация (международные платежные системы, экспортно-импортное квотирование и т. п.) приводит к зависимости государства от внегосударственных институтов. Правовое значение здесь состоит в необходимости приведения законодательства в соответствие с требованиями обладателей соответствующего ресурса. Так, реализация запретов акторов международных платежных систем оказала влияние как на национальное законодательство государств, использующих такие системы, так и на корпоративные нормы в банковской сфере.

Во-вторых, новые информационные технологии, связанные с искусственным интеллектом, формируют систему алгоритмов, изначально (а возможно, запрограммированно и в последующем) предполагающих фильтрацию итоговых параметров в соответствии с интересами разработчиков таких программ. В связи с этим возможны (в случае использования технологий искусственного интеллекта для законотворческой работы, вынесения судебных или иных правоприменительных решений, конструирования договорного взаимодействия и т. п.) варианты включения в тексты правовых актов норм, сформулированных в результате воздействия «мягкой силы», заложенной в алгоритмы, на первый взгляд, помогающие субъектам юридической деятельности.

Особое юридическое значение вопросам использования технологий искусственного интеллекта придается государством. Так, выступая на пленарном заседании Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2023 на тему «Революция генеративного ИИ: новые возможности», Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил: «Что касается сферы государственного управления, то здесь технологии генеративного искусственного интеллекта позволяют в полной мере перейти к управлению, на основе данных автоматизировать еще больше административных процедур. Максимально, просто многократно, ускорить процессы принятия решений, причем выверенных решений, основанных на больших данных, а значит, кардинально улучшить, изменить облик многих сфер, которые напрямую касаются каждого гражданина. А это прежде всего городская среда, общественный транспорт, системы государственных услуг, экология, образование и здравоохранение»[1].

Таким образом, технологии искусственного интеллекта востребованы государством, но их использование в качестве самовоспроизводящейся системы пока не рассматривается. Более того, представляется важным еще до момента включения технологий искусственного интеллекта в состав инструментария субъектов юридической деятельности определить связанные с этим возможные риски, направленные на деформацию суверенной российской государственности.

[1] Конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72811 (дата обращения: 18.07.2024).

Г. М. Лановая[1]

ПРАВО МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ГЛОБАЛЬНОМУ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Обеспечение диалога культур является одной из проблем, от решения которых в современных условиях во многом зависит эффективность межгосударственного взаимодействия. Рассеивается существовавшая долгое время иллюзия относительно того, что в условиях глобализации имеющиеся национально-культурные различия со временем сотрутся и на основе некой универсальной социокультурной парадигмы сформируется «общечеловеческая культура». Идея социокультурной глобализации вытесняется идеей мультикультурализма, и в этих условиях обнаруживается настоятельная потребность в поиске правовых инструментов, способных стимулировать и поддерживать диалог культур.

В фокусе внимания ученых-юристов, обращающихся к проблеме обеспечения диалога культур, сегодня находится международное право, приобретшее масштаб глобального[2]. Однако в контексте тех изменений, которые претерпевает последнее, возникают сомнения относительно того, в какой мере оно может быть эффективным в решении обозначенной проблемы.

Существует ряд причин, по которым эффективность глобального международного права постепенно снижается. При этом среди всего множества факторов, упоминаемых в связи с этим, представляется возможным выделить два, наиболее существенно влияющих на способность глобального международного права стимулировать и поддерживать диалог культур, столь значимый для мирового сообщества сегодня.

Во-первых, глобальное международное право представляет собой результат трансформации международного права как феномена западной правовой культуры — права, возникшего в качестве «продукта христианской цивилизации»[3], «права цивилизованных народов»[4].

Несмотря на то что сегодня теория и практика международного права принципиально отказываются от деления народов на «цивилизованные» и «нецивилизованные», а глобальное международное право предстает в этом контексте правом международного сообщества[5], базирующимся на суверенной воле государств, пришедших к консенсусу по наиболее важным вопросам управления современным международным публичным пространством, глобальное международное право сохраняет генетическую связь с западной правовой культурой, воспроизводя на глубинном уровне характерные для него архетипы, установки и базовые ценности. В связи с этим возникают предпосылки для того, чтобы государства, принадлежащие западной правовой культуре, апеллируя к нормам международного права, фактически продолжали курс на вестернизацию мирового геополитического пространства, что для стран с другими культурными традициями неприемлемо, поскольку является прямым путем к утрате собственной культуры и идентичности.

Во-вторых, сегодня глобальное международное право перестает быть правом как системой общеобязательных для его субъектов нормативных установлений, становится уже не инструментом международной политики, а ее частью[6].

Отдельные субъекты, ощущающие себя сильными в политическом, экономическом и военном плане, поддаются соблазну использовать инструментарий современного международного права не для достижения целей, с реализацией которых объективно связана его положительная значимость для всех членов мирового сообщества, а для осуществления собственных национальных интересов — реальных или мнимых. В частности, политической элитой США международное право воспринимается в качестве инструмента продвижения к мировому господству, и в этом плане показательным является то, что некоторые американские эксперты рекомендуют использовать сложившуюся в мире ситуацию в интересах США, канализируя происходящие перемены в русло формирования такого международного порядка, который сохранил бы в неприкосновенности ведущее место и процветание США[7].

Поскольку инструментарий глобального международного права начинает применяться избирательно, постольку его авторитет неуклонно снижается.

Как справедливо отмечают научные сотрудники Исследовательского фонда Observer (Индия) Н. Сури и Дж. Трипатхи, обилие заявок на вступление в БРИКС является симптомом «глубокого недомогания» существующей международной системы, сложившейся по-

[1] Профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук. Автор 150 научных публикаций, в т. ч.: «Тенденции изменения системы норм права в современных условиях», «Природа правовых ценностей», «Роль права и его применения в разрешении конфликтов: теория и практика», «Сущность современного права: проблемы осмысления», «Формы существования базовых типов современного права», «Государственно-правовое принуждение и его место в системе форм правоприменения» и др.

[2] См. также: *Ромашов Р. А., Пасешникова Л. А., Ковалев В. А.* Многополярность современного мироустройства как предпосылка и условие диалога и конфликта государственно-правовых систем и цивилизационных культур // История государства и права. 2023. № 11. С. 51–57.

[3] См.: *Оппенгейм Л.* Международное право. М. : Иностр. лит., 1948. Т. I : Мир. Полут. 1. С. 27.

[4] См.: *Мартенс Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. 4-е изд., доп. и испр. СПб. : Тип. А. Бенке, 1898. Т. I. С. III–V.

[5] См.: *Фархутдинов И. З.* Американская доктрина о превентивном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты. М. : ИНФРА-М, 2021. С. 56.

[6] См.: *Малиновский А., Трикоз Е.* Международное договорное нормотворчество как политический процесс // Международные процессы. 2020. Т. 18, № 2 (61). С. 15–16.

[7] См.: *Марченко М. Н.* Государство и право в условиях глобализации. М. : Проспект, 2018. С. 24–25 ; *Сафронова Е. В.* Международное публичное право: теоретические проблемы. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2013. С. 38–39.

сле Второй мировой войны. За разочарование в ней ответственны, в частности, склонность Запада вводить односторонние финансовые санкции, злоупотреблять международными платежными механизмами, отказываться от обязательств по климатическому финансированию и проявлять незначительное уважение к императивам продовольственной безопасности и здравоохранения Глобального Юга во время пандемии[1].

В описываемых условиях тенденциями, определяющими изменение конфигурации мирового пространства, становятся, во-первых, регионализация международного права и, во-вторых, активное развитие права международных организаций и межгосударственных объединений. Формируется сложная система различных форм и видов межгосударственного права в качестве альтернативы глобальному международному праву, недостаточно эффективному в решении актуальных для международного сообщества проблем.

Как правило, региональное право возникает там, где точки культурного соприкосновения между государствами уже существуют, вследствие этого ему трудно стать нормативной основой обеспечения культурного диалога, хотя оно и может быть эффективным в решении других проблем.

В то же время реальной альтернативой глобальному международному праву в обеспечении диалога культур способно стать право международных организаций и межгосударственных объединений. В особенности право межгосударственных объединений: право международных организаций не всегда способствует диалогу культур, так как не всегда согласуется с национальными интересами отдельно взятых государств (это объясняется тем, что международным межправительственным (межгосударственным) организациям передается часть компетенции органов власти суверенных государств, а функционирование международных неправительственных организаций часто в значительной мере зависит от частного капитала и международных компаний).

Межгосударственное объединение представляет собой такую форму интеграции, которая осуществляется без «территориальной привязки», но предполагает объединение участников общими или взаимовыгодными целями, приверженность таким целям способствует обеспечению высокого уровня доверия и взаимопонимания между ними. В описываемых условиях возникает возможность выстраивать между государствами-участниками равноправные и справедливые отношения, не создающие угрозу их суверенитету и культурной идентичности, что делает рассматриваемую форму интеграции крайне притягательной.

Одним из примеров наиболее интенсивно развивающихся межгосударственных объединений является БРИКС, которая с самого начала рассматривалась организаторами в качестве центра «кристаллизации нового глобального и регионального многополярного мироустройства», как объединение подлинно нового типа, в рамках которого каждый член «независимо от собственного политического веса и военной мощи получает право на самовыражение и отстаивание своей позиции», причем отношения между участниками остаются исключительно демократическими и равноправными[2].

Что касается непосредственно права БРИКС, то среди положений деклараций, заключенных в рамках данного межгосударственного объединения, достаточно много таких, которые направлены на поощрение межкультурного сотрудничества, без которого диалог культур невозможен. В частности, в п. 64 Уфимской декларации, принятой на VII саммите БРИКС, говорится о том, что культурное разнообразие является источником развития и что культурные обмены и сотрудничество способствуют взаимопониманию. Там же подтверждается приверженность стран — участниц БРИКС курсу на прямое сотрудничество в сфере культуры и искусства в целях укрепления и развития дружественных отношений[3]. Пункт 10 названной декларации фиксирует намерение стран-участниц следовать принципу равноправного и взаимоуважительного сотрудничества.

Ценность культурного разнообразия как актива сотрудничества стран БРИКС, значимость роли культуры и культурного разнообразия в содействии устойчивому развитию и культивированию общих ценностей на основе разнообразия и совместного участия, а также стремление государств — участников БРИКС поддерживать культурное многообразие и расширять взаимный обмен, в том числе посредством создания в рамках БРИКС специализированных альянсов, были зафиксированы в п. 6 и 61 Сямэньской декларации лидеров БРИКС[4].

Значимо, что страны — участницы БРИКС в своей политике стремятся придерживаться традиционалистского, а не экспансивного курса развития, ориентированного на защиту важных для них социальных институтов и традиций (в том числе религиозных). Так, в п. 54 Делийской декларации, принятой на XIII саммите БРИКС, говорится о значимости сотрудничества стран — участниц БРИКС в сфере охраны традиционных знаний и форм культурного выражения[5].

Для устойчивого и эффективного обеспечения культурного диалога важную роль играет то, что право БРИКС фиксирует значимость поддержки культурных прав человека без политизации этого вопроса. Так, в п. 10 Уфимской декларации закрепляется намерение стран-участниц уделять равное внимание всем правам

[1] См.: Саммит БРИКС 2023: в поисках альтернативного миропорядка? // BRICS : [сайт]. URL: https://infobrics.org/post/39411 (дата обращения: 09.02.2024).

[2] См.: *Акаев А. А.* Переход к новому многополярному мироустройству — точка бифуркации пройдена // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб. : СПбГУП, 2024. С. 30.

[3] VII BRICS Summit. Ufa Declaration (Ufa, the Russian Federation, 9 July 2015) // BRICS : [сайт]. URL: https://infobrics.org/files/pdf/27.pdf (дата обращения: 09.02.2024).

[4] BRICS Leaders Xiamen Declaration (Xiamen, China, 4 September 2017) // BRICS : [сайт]. URL: https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/5a4f/6bcb/6272/695d/471a/0000/original/IX_BRICS_SUMMIT_-_XIAMEN_DECLARATION_SEPTEMBER_4__2017_XIAMEN__CHINA.pdf?1515154379 (дата обращения: 09.02.2024).

[5] XIII BRICS Summit. New Delhi Declaration (New Delhi, India, 9 September 2021) // BRICS : [сайт]. URL: https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6148/6cc0/6272/6906/7844/0000/original/Delhi_Declaration.pdf?1632136384 (дата обращения: 09.02.2024).

человека, в том числе культурным, их стремление прилагать все усилия для поддержания конструктивного и неполитизированного диалога по правам человека.

Решительно осуждая терроризм во всех его формах и проявлениях, страны БРИКС в то же время заявляют, что он не должен ассоциироваться с какой-либо религией, национальностью, культурой или этнической группой, что, в частности, находит отражение в п. 29 Делийской декларации.

Итак, в современных условиях, когда мировое геополитическое пространство существенно меняется, а авторитет и эффективность глобального международного права снижаются, возникает потребность в поиске новых правовых инструментов поддержания и стимулирования диалога культур. На примере БРИКС видно, что право межгосударственных объединений способно стать столь востребованной сегодня правовой основой диалога культур, обеспечивая не только расширение и повышение устойчивости культурных связей между государствами-участниками, но и успешное противостояние попыткам коллективного Запада вестернизировать мировое геополитическое пространство.

А. А. Ливеровский[1]

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Радикальная трансформация государственности в Советском Союзе в 1980–1990-х годах привела к появлению новых научных представлений о конституционном развитии общества. Актуальные конституционные исследования появились не только в России, но и в странах Восточной Европы[2], отказавшихся от социалистической *идеологии* как основы регулирования государственно-правовых отношений. Уместно вспомнить высказывание академика РАН В. С. Нерсесянца: «Особенности создания конституционной модели правового государства в России во многом обусловлены тем принципиальным обстоятельством, что в стране осуществляется переход от предшествующего антиправового социализма к постсоциалистическому правовому строю. В такой ситуации речь идет не о совершенствовании и дальнейшем развитии уже утвердившегося права и правопорядка, а лишь о начале процесса формирования новых правовых начал в общественной и государственной жизни»[3]. Напомним специфику идеологии конституционного регулирования прав и свобод гражданина. Например, ст. 125 Конституции СССР 1936 года гласит: «В соответствии *с интересами трудящихся* и в *целях укрепления социалистического строя* гражданам СССР гарантируется законом: свобода слова, свобода печати, свобода собраний и митингов, свобода уличных шествий и демонстраций». В этом плане справедливо наблюдение А. Л. Кононова: под конституционными принципами понимались не столько правовые регуляторы общественных отношений, сколько политические идеи государственной власти[4]. В таком случае Конституция становится декларативным документом, который не играет надлежащей роли в регулировании общественных отношений, а выполняет идеологическую функцию.

Расширенный Пленум ЦК КПСС, проведенный в Москве 5 февраля 1990 года, был призван разрешить некоторые конституционные проблемы, связанные с государственно-правовыми изменениями в стране. На нем было внесено предложение и принято решение об учреждении поста Президента СССР с одновременной отменой ст. 6 Конституции СССР 1977 года. На внеочередном III Съезде народных депутатов СССР, состоявшемся 14 марта 1990 года, в текст Основного закона СССР были внесены поправки, отменяющие ст. 6 Конституции СССР[5].

Кроме того, из Конституции исключалось положение о том, что основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности. Все эти изменения открыли, в частности, возможность перехода к рыночной экономике. А еще раньше, Постановлением Политбюро КПСС от 12 мая 1988 года «Об издании серии „Из истории отечественной философской мысли“» был обозначен отход от монополии марксизма-ленинизма как философского обоснования государственной идеологии. При этом «разрешение» философского плюра-

[1] Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, государственный советник Санкт-Петербурга 1-го класса. Автор более 215 научных публикаций, в т. ч.: «Конституционно-правовой статус Санкт-Петербурга», «Правовой статус и экономическое развитие субъекта Российской Федерации», «Актуальные проблемы федеративного устройства России», «Перспективы претворения шариата и адата в современной России», «Юриспруденция и математика» и др. Член экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству. Награжден медалями «За заслуги перед Санкт-Петербургом», «В память 300-летия Санкт-Петербурга» и др.

[2] New millennium constitutionalism: paradigms of reality and challenges. Yerevan : NJHAR, 2013.

[3] *Нерсесянц В. С.* Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации. М., 2000. С. 7.

[4] *Кононов А. Л.* Об общих принципах права во французской и бельгийской судебной практике по административным делам // Государство и право. 2001. № 3. С. 82.

[5] Напомню, что данная конституционная статья в концентрированном виде определяла коммунистическую идеологию регулирования общественных отношений в нашей стране и государственно-правовую форму ее реализации: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма. Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР».

лизма в организации публичной жизни было обосновано признанием необходимости возвращения утерянного за советские годы богатства российской философской мысли, нацеленной на поиск национальной идеи.

Наша страна стала выходить из политико-правового режима, организованного «руководящей силой» КПСС и состоявшегося в рамках последовательного идеологического неприятия частной собственности и абсолютизации ценности государства в социальной жизни. Результат всенародного голосования по принятию Конституции Российской Федерации (далее — Конституция), проведенного в 1993 году, следует рассматривать как формальное согласие советских людей на революционный для нашего общества переход к созданию правопорядка, основанного на реализации *человекоцентричных*, либеральных и демократических социальных ценностей, выработанных историческим развитием конституционной культуры европейской цивилизации. Хотя для большинства советских людей признание необходимости изменения государственного режима было лишь «требованием перемен». Избрание на съезды народных депутатов, в представительные органы государственной власти людей, чье мировоззрение сформировалось в «послесталинскую» оттепель, а правосознание отторгало социальное лицемерие партийной номенклатуры и имитационность деятельности советских демократических институтов, привело к осознанию всем обществом необходимости конституции не как декларативного документа, содержащего «благие намерения», а как юридического акта, осуществляющего действительное, а не формальное создание правовой реальности государства. Однако внесение в конституцию принципов рыночной экономики и установление приоритета человекоцентричных ценностей над государственно-властными, то есть кардинальное изменение политико-правовой *идеологии*, а затем попытки законодательной реализации соответствующих конституционных предписаний сопровождались серьезными политическими конфликтами и кризисными явлениями в экономике.

Представляется, что одной из причин проблем на этом этапе конституционного развития нашего государства стал в какой-то мере предсказуемый ответ общества[1] на внедрение «сверху», то есть государственной властью, *идеологии* нового конституционного правопорядка. Разумеется, уникальная особенность россиян приспосабливаться к любым предлагаемым режимным обстоятельствам позволила довольно быстро перейти к освоению практик рыночных отношений, но отсутствие традиции уважения к институту частной собственности привело к криминальному характеру первоначального становления капиталистических отношений. Атомизация общества на фоне серьезного падения уровня жизни затормозила формирование политически и экономически значимой страты представителей малого и среднего бизнеса, необходимого для успешного развития экономики.

Для должностных лиц Советского государства переход экономики от плановой системы к рыночной в организационном плане не стал особенно революционным. Бюрократическая (в прогрессивном смысле) выучка советской номенклатуры — наследие административно-командной системы — позволила не только оправиться от шоков переходного периода, но и создать эффективно действующую вертикаль исполнительной власти уже без «руководящей силы» Коммунистической партии. При этом люди с «советской» ментальностью воспринимали как должное номенклатурные привилегии, которые зачастую стали принимать монетарные формы, порождая эффект так называемой политической коррупции[2], тормозившей экономическое развитие. Укрепление государственного управления постепенно состоялось, но реализация конституционной демократии «сверху», особенно в рамках заложенного в Конституции авторитарного тренда, тормозила развитие гражданского общества. Общественные институты, как и политические партии, вводились (создавались) государственной властью, а не населением, поэтому демократическое становление (обновление) общества начало отставать от темпов развития рыночных отношений. Из-за этого нарастали экономические проблемы и социальная напряженность, в частности в связи с радикальным социальным расслоением, показательным критерием которого стало многократное превышение пороговых значений децильного коэффициента дифференциации доходов населения.

Представляется, что основным источником проблем реализации конституционной реформы стали не только деформации системы управления, свойственные начальному этапу развития капитализма, не подкрепленного идущим «снизу» развитием частного предпринимательства, но и культурное «столкновение»[3] правосознания граждан, которое сложилось на основе ценностной системы представлений и убеждений, сформированных историческими и геополитическими условиями жизни российского народа, с предложенной властью идеологией капитализма в ее классической либерально-демократической парадигме.

Г. Г. Арутюнян ввел понятие конституционной культуры как исторически сложившейся, обогащенной опытом поколений *ценностной* системы убеждений, представлений, правосознания, лежащей в фундаменте общественного бытия и определяющей установление и реализацию обязательных правил поведения на основе их нравственного и духовного осмысления[4].

---

[1] Российский народ как нация, в историческом разрезе, не создавал идущую «снизу», выработанную историческим путем идеологию регулирования общественных отношений, соответствующую своей традиционной идентичности. Государственные идеологии — самодержавие и православие или коммунизм и атеизм — внедрялись государственной властью для обоснования действующего политического режима.

[2] *Ливеровский А. А.* Коррупция как деформация конституционализма // Коррупция : [кол. моногр.]. Екатеринбург : УГЮУ, 2017. С. 137–146.

[3] Лексическая форма «столкновение» является аллюзией на концепцию культурного разделения цивилизаций С. Хантингтона, описанной в книге «Столкновение цивилизаций». Представляется, что проблемы государственного развития России связаны с описанным в работе конфликтом межкультурной идентичности, предсказанным Хантингтоном как основная форма геополитической конкуренции XXI века, следующая за соревнованием систем капитализма и социализма в XX веке.

[4] *Арутюнян Г. Г.* Конституционный мониторинг. Ереван : Нжар, 2016. С. 280.

Предложенная Арутюняном научная конструкция «естественного» возникновения правил общественного поведения людей предполагает разумное создание идей конституционного регулирования общественных отношений на основе *правосознания*, в основе которого лежит система традиционных социальных ценностей, отнесенная к определенному сообществу. Мы называем формой общественного сознания не только идеологию, но и философию — учение об общих принципах бытия и познания, в том числе об отношениях между человеком и обществом.

Французский философ А. Дестют де Траси пытался создать науку о построении просвещенного и рационально организованного общества свободных людей, основанного на правовых началах и отвечающего природе человека как разумного существа. Это философское учение де Траси предложил назвать термином «идеология», представляя его содержание как общие закономерности происхождения идей из содержания чувственного опыта. Данное учение должно предлагать основные принципы созидания общественного правопорядка и основываться на нравственных догмах[1]. К сожалению, современное представление об идеологии не исходит из его первоначального научного содержания (как обоснованного руководства к организации конституционного регулирования), а перешло в политическую сферу и концентрируется на том, что эта система идей выражает интересы, мировоззрение и идеалы разделенных государственностью субъектов политики (классов, политических партий, общественных движений) и обычно выступает формой санкционирования верховенства государственной власти.

Различие в понимании содержания термина «идеология» привело к смысловому конфликту между текстом ч. 2 ст. 13 Конституции и позицией академика В. С. Нерсесяна, состоящей в том, что конституционализм как естественно-правовая идеология конституционного регулирования должен стать государственной идеологией. Ученый отмечал: «По своему духовному смыслу Конституция РФ — это официально признанные, общеобязательные в стране, обществе и государстве социальные, политические, экономические, правовые общегосударственные ценности, выражающие идейное содержание и цели российской конституционно-правовой государственности». Конституционализм же… «является общегосударственной, надпартийной идеологией любого государства», то есть общенациональной идеей. При этом Конституция — не продукт интеллектуального творчества каких-либо идеологов, а естественным образом исторически сформированная социокультурная данность. Содержащаяся в п. 2 ст. 13 Конституции норма («Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной») по своему смыслу относится ко всем партийным идеологиям, находящимся в состоянии конкуренции и борьбы между собой, но никак не к конституционализму — в силу общегосударственной природы и общеобязательного характера самой Конституции[2].

Конечно, для нас привычно называть конституционализм естественно-правовой идеологией конституционного регулирования, но путаница при использовании этого термина в новой непозитивистской парадигме конституционного права позволяет предложить уточнение понимания этой категории.

Обратимся к выводам академика РАН А. А. Гусейнова[3] об общем и различном в представлении о философии и идеологии. У философии и идеологии есть нечто общее: «Та и другая являются формами сознания, отвечающими на вопрос об основополагающих принципах человеческой деятельности». Различие состоит в том, что субъект философии — каждый живой индивид, поскольку он старается жить разумно; субъектом же идеологии являются большие группы (классы) людей, так как они стремятся разумно устроить свою совместную жизнь. При этом идеология использует арсенал рационального познания, а именно — формулирует ценностные принципы коллективного сознания и придает своему содержанию строгий логический вид.

Не существует философии права как единственно верного учения, поскольку ей свойствен плюрализм течений, полет свободной мысли, авторское выражение духа времени. Так и конституционализм не может быть государственной идеологией, отражающей очередную национальную идею, придуманную властью.

Представление о конституционализме как о философии права конструктивно в том смысле, что Конституция является выражением цивилизационной перспективы народа, его способности ориентировать себя в мире других народов.

[1] *Дестют де Траси А.* Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. М. : Альма Матер : Академ. проект, 2013.

[2] *Нерсесянц В. С.* Конституционализм как общегосударственная идеология // Хрестоматия по конституционному праву. М. : Алеф-Пресс, 2012. С. 982.

[3] *Гусейнов А. А.* Философия и идеология (К столетию «философского парохода») // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб. : СПбГУП, 2024. С. 58–61.

А. И. Овчинников[1]

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: РИСКИ, НАПРАВЛЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ[2]

Российское государство в условиях нового многополярного мира на сегодняшний день является одним из мировых лидеров внедрения цифровых технологий в жизнь общества и государства. Между тем зачастую внедрение цифровых технологий в те или иные сферы общественной жизни происходит вне расчета рисков, угроз и вызовов национальной безопасности от этого внедрения. В выступлениях политиков и бизнесменов провозглашается преимущество цифровых технологий перед традиционными. Но если в военной сфере необходимо опережение зарубежных государств по использованию технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ), то в иных областях требуется их более осторожное применение.

В связи с тем, что Российское государство выбрало путь сбережения национальной идентичности, цивилизационной самобытности и построения общества на основе консервативного идеологического принципа традиционных духовно-нравственных ценностей, обязателен анализ сопряжения программы технологической модернизации с привлечением ИИ и программы сбережения традиционных духовно-нравственных ценностей. Дело в том, что эти ценности постепенно уступают место новым — ценностям индустриального и постиндустриального общества, среди которых важное место занимают вера в научно-технический прогресс, инновации, экономическая эффективность, материальное благополучие, индивидуализм, образование и технологии, знания, информация, креативность, экологизм, глобализация.

Помимо защиты традиционных ценностей в условиях цифровизации и внедрения искусственного интеллекта требуется защита качества жизни человека, его прав и свобод, так как последние могут пострадать от необдуманной гонки за господством в сфере ИИ. На сегодняшний день эффект от внедрения ИИ слишком переоценен в силу верховенства коммерческих интересов разработчиков ИИ и невежества его сторонников. ИИ ведет к упрощенному, алгоритмическому восприятию природы человеческого мышления и примитивизации в понимании человеческого интеллекта. Не случайно генераторы текстов называют «бредогенераторами». Машина никогда не может быть аналогична живому человеку с его осознанием смысла жизни и смерти, историчности и контекстуальности бытия. В результате гонки за инновациями творческая природа мышления перестает учитываться и прекращает рассматриваться как значимая в определенных профессиях. Имитация искусственным интеллектом человеческой мыследеятельности начинает восприниматься как приемлемая: попытки замещения человека в процессе принятия решений уже в ряде случаев влекут поломанные судьбы и смерти реальных людей, за которые не на кого возложить ответственность.

Увеличение текстовых, информационных массивов, изготовленных ИИ, приводит к манипуляции сознанием, неконтролируемому росту фейков. Кроме того, обучение нейросетей всегда осуществляется на основе определенных базовых представлений о мире, которые неизбежно влияют на содержание ответов на запросы. Важным здесь становится и ценностный контекст. Прежде всего, речь идет о базовых комплексах знаний, применяемых для ИИ. Если в качестве источника информации используются сетевые ресурсы без учета их соответствия традиционным духовно-нравственным ценностям, то при ответах на запросы пользователей вполне возможны риски дезинформации, манипуляции мнением, распространения контента, противоречащего этим ценностям. Таким образом, ИИ становится важным инструментом ведения информационно-психологических войн. Не случайно некоторые страны уже пытаются урегулировать эти процессы. В частности, Администрация киберпространства Китая указала в специальных правилах для разработчиков нейросетей: «Контент, созданный с помощью генеративного искусственного интеллекта, должен воплощать основные социалистические ценности и не должен содержать никакого контента, который подрывает государственную власть, пропагандирует свержение социалистической системы, подстрекает к расколу страны или подрывает национальное единство»[3]. Национальное управление по защите персональных данных Италии запретило в стране использование чат-бота с искусственным интеллектом ChatGPT[4].

Неконтролируемое внедрение ИИ может создавать риски для общества, построенного на традиционных ценностях. Если Россия желает стать примером для всего мира в деле сбережения исконных духовно-нравственных ценностей, то она должна стать приме-

---

[1] Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор. Автор 296 научных публикаций, в т. ч.: «Правовая теология в междисциплинарном дискурсе» (в соавт.), «Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект», «Институциональный анализ права: герменевтико-феноменологический аспект», «Правовая теология в контексте современного правопонимания» и др.

[2] Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-28-00225 «Правовое регулирование безопасного использования технологий искусственного интеллекта: концептуальные модели обеспечения безопасности, предупреждения рисков и ответственности», выполняемого в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

[3] China slaps security reviews on AI products as Alibaba unveils ChatGPT challenger. URL: https://arstechnica.com/information-technology/2023/04/china-slaps-security-reviews-on-ai-products-as-alibaba-unveils-chatgpt-challenger/ (дата обращения: 05.09.2024).

[4] Нейросеть ChatGPT запретили в Италии — это первый подобный случай. URL: https://www.championat.com/cybersport/news-5052073-nejroset-chatgpt-zapretili-v-italii-eto-pervyj-podobnyj-sluchaj.html (дата обращения: 05.09.2024).

ром и рационального внедрения ограничений при использовании ИИ. Поэтому стоит поддержать усилия, связанные с ограничениями использования гаджетов в образовательных учреждениях. Предлагается принять дальнейшие меры, направленные на сокращение возможности использования нейросетей при подготовке письменных работ в образовательных учреждениях. Это вполне возможно сделать при условии установления ограничительных мер для несовершеннолетних и учащихся.

Еще одним возможным конфликтом следует признать риски технологической безработицы, многократно возрастающие при условии внедрения ИИ, а также усугубление социально-экономического неравенства. Технологическая безработица известна давно, но в планетарном масштабе человечество столкнулось с ней впервые: миллионы, а впоследствии и миллиарды людей оказываются или окажутся лишними в производственных процессах. Безусловный базовый доход не может решить проблемы занятости: массы людей оказываются вне сферы труда, их досуг становится проблемой для государства. Дополнительное налогообложение на использование роботов или их запрет противоречат как принципам рыночной экономики и капитализма, так и политике ускоренного внедрения робототехники, поддерживаемой Правительством РФ. В результате одна из важнейших традиционных духовно-нравственных ценностей — право на труд — остается вне реализации.

Активное замещение человека системами ИИ влечет за собой невозможность реализации права на труд для миллионов людей. С развитием искусственного интеллекта многие рутинные и повторяющиеся задачи могут быть автоматизированы, что неизбежно приведет к сокращению рабочих мест. Однако извлекаемая выгода значительно уступает затратам на обеспечение занятости «лишним людям», которые возлагаются на государство. Кроме того, творческий компонент алгоритмической деятельности в той или иной профессии порой не очевиден и может иметь большое неучтенное значение.

Еще одним фактором риска является попытка улучшения человека с помощью кибертехнологий. Например, одно из модных философских течений — трансгуманизм — предполагает привлечение искусственного интеллекта для оптимизации мыследеятельности человека. Следует особо отметить риски, возникающие вследствие увлечения трансгуманистическими проектами трансформации биологической грани человеческой природы, предполагающими технологическую модернизацию человеческого тела. Последнее имеет особую, таинственную связь с духовной природой человека, что может иметь необратимые последствия в духовной, а затем и в социальной сфере. Уже очевидно, что внедрение гаджетов в человеческое тело повлечет катастрофическое расслоение общества на элиту, которая может себе позволить все, и обслуживающее население, которому инновации не по карману.

Важно прекратить антропоморфизацию систем ИИ, робототехники, вычислительных систем. Калькуляторы, которыми являются, по сути, системы ИИ и нейросети, не должны рассматриваться как квазиличности. Человек есть образ Божий, его сознание представляет собой до сих пор не раскрытую тайну.

Следовательно, идея разработки этических правил взаимодействия человека и искусственного интеллекта античеловечна. Вычислительная машина не предполагает этического отношения к ней по аналогии отношений между людьми; неправомерно наделение правосубъектностью искусственного интеллекта — тем самым осуществляется перенос ответственности с разработчиков и производителей искусственного интеллекта на виртуальную или физическую сущность — продукт их деятельности. Такой подход не только ненаучен, но и в условиях цифровизации опасен утратой социальной ценности человека и его замены цифровыми двойниками.

Отдельно стоит сказать о цифровой глобализации в условиях нового многополярного мира, куда так активно по своей воле втягивается Россия. Всем очевидны риски утраты суверенитета и защищенности в ряде областей. Защита государственной тайны, персональной информации и многого другого в условиях технологического обмена и заимствования технологий была и будет под угрозой, так как и в аппаратной, и в программной сферах Россия зависит от западных разработчиков.

Предоставление государственных услуг посредством цифровых сервисов действительно дало дополнительные возможности по защите прав граждан. Однако не стоит игнорировать право гражданина на бесцифровую среду, то есть право обходиться в повседневной жизни без цифровых технологий, получая государственные услуги в традиционной форме.

С учетом необходимости решения поставленных Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года в Российской Федерации задач целесообразно обратить внимание на вопросы, связанные с правовым регулированием ИИ. Анализируя зарубежный опыт правового и этического регулирования технологий искусственного интеллекта, необходимо придерживаться человекоцентричного регулирования ИИ, основанного на риск-ориентированном подходе и традиционных духовно-нравственных ценностях. Содействие здоровому развитию ИИ не должно приводить к нарушению социально-экономических и политико-правовых основ Российской Федерации.

С целью обеспечения национальной безопасности и общественных интересов при использовании искусственного интеллекта важно установить правила оформления созданного при помощи искусственного интеллекта контента. Последний должен быть разработан на основе данных законного происхождения и подлежать обязательной маркировке.

Требуется создать эффективный механизм контроля и надзора за исполнением обязательных требований в области функционирования систем ИИ. Полагаем, целесообразно учредить специальные ведомства по контролю за развитием и применением технологий ИИ, правомочные подвергать ИИ оценке безопасно-

сти, особенно на предмет утечки персональных биометрических данных. Этому ведомству следует поручить обеспечение эффективного механизма рассмотрения жалоб на услуги и контент, созданные ИИ, в целях недопущения нарушений прав и интересов граждан. Создание такого механизма направлено на обеспечение национальной безопасности в эпоху больших данных и искусственного интеллекта.

Существует некий стереотип, что технический прогресс неумолим и искусственные попытки поставить его под контроль обречены на неудачу. Опыт зарубежных государств показывает, что вполне возможно законодательно ограничивать стремительное внедрение ИИ и цифровых технологий в тех случаях, когда не очевидны риски или имеются обоснованные угрозы безопасности личности, общества и государства.

С. М. Оганесян[1]

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПРАВО НА ПУТИ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

В современном мире многополярность стала необходимой частью глобальной политики, права и экономики. Страны стремятся укрепить позиции на мировой арене и наладить связи с другими государствами для достижения своих национальных интересов. В данном контексте важно понимать, какие подходы и стратегии могут быть особо действенными в условиях многополярного мира[2]. Многополярный мир — это концепция политического мироустройства, которая предполагает соединение множества региональных центров силы в противовес концепции властвования одной страны и ее политического превосходства над другими.

Российская цивилизация традиционно отличается своей уникальной культурой, историей и правовыми ценностями. Она базируется на богатом наследии великих русских писателей, художников, музыкантов, которые внесли значительный вклад в мировую культуру. Кроме того, Российская Федерация обладает богатыми природными ресурсами, технологическим потенциалом и военной мощью, что делает ее важным игроком на мировой арене.

Теория многополярного мира, представленная, в частности, российским философом и политическим мыслителем А. Г. Дугиным, была подробно рассмотрена в его одноименной монографии, выпущенной в 2012 году[3].

Современное общество представляет собой сложную структуру, которая формируется на основе определенных ценностей. Все эти ценности тесно связаны между собой, их взаимосвязь достаточно сложна.

Как важную ценность современного общества можно выделить инновации и технологический прогресс. Говоря об этой ценности, нельзя забывать о том, что все это должно строиться на традиционной культуре и ориентирах (добро и взаимоуважение).

Глава Российского государства подчеркнул, что идеалы добра и уважения к человеку, о которых писали российские писатели, также являются ориентирами технического прогресса. Президент отметил труды Льва Толстого, Федора Достоевского, Антона Чехова и писателей-фантастов Александра Беляева и Ивана Ефремова. По его словам, для многих ученых произведения российских авторов были источниками, которые позволяли добиваться научных триумфов и использовать технологические достижения во благо людей. Лидер государства напомнил о мирном атоме, в развитии которого Россия является «бесспорным лидером»[4].

Нельзя забывать о таких ценностях, как правовая культура и правовая традиция народа. Именно они способствуют развитию общества на основе исконного, родного и привычного для нашей страны. Как подчеркивается, Россия сохраняет верность традициям и веру предков и противостоит разрушительным тенденциям современности.

В. В. Путин 9 ноября 2022 года издал Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором более подробно затрагивает аспекты развития общества на основе народных традиций[5].

Также важное место в перечне правовых ценностей занимают правовые знания и правовое образование. В эпоху информационных технологий доступ к право-

[1] Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий, доктор юридических наук. Автор свыше 150 научных публикаций, в т. ч.: «Пенитенциарная система в механизме Российского государства: историко-теоретический аспект» (в соавт.), «Ситуативная законность и законность теоретическая: грани соотношения» (в соавт.), «Теоретическая и практическая значимость органической теории происхождения и сущности государства и права для современной цивилизации», «Сравнительно-правовой анализ активного избирательного права осужденных к лишению свободы» (в соавт.), «Правовая природа отношений, возникающих из договоров купли-продажи, заключенных дистанционно», «Соотношение законности и справедливости в правоприменительной деятельности», «Правовое регулирование предпродажной подготовки легковых автомобилей в России: исторический аспект и современная практика», «Сравнительно-правовой анализ активного избирательного права осужденных к лишению свободы», «Теоретико-исторический аспект развития права и юридических терминов в области лесных отношений в России» и др.

[2] *Жураховский А. С., Степанов И. А.* Экономика и управление в многополярном пространстве современности // Мировые цивилизации. 2023. Т. 8, № 2. С. 1–6.

[3] *Дугин А. Г.* Теория многополярного мира. Плюриверсум : учеб. пособие для вузов. М. : Академ. проект, 2015. С. 273.

[4] Путин: традиционные ценности должны быть основой для развития современных технологий // ТАСС : [сайт]. 2023. 24 нояб. URL: https://tass.ru/ekonomika/19372907 (дата обращения: 01.09.2024).

[5] Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 25.02.2024).

вым знаниям стал более широким, что требует от людей активного освоения новшеств в системе образования. Ценность правового знания и правового образования стимулирует развитие умственных и творческих способностей, формирует основы для профессионального и личностного роста. Она способствует развитию инноваций, повышению качества жизни и решению общественных проблем.

В нашем обществе созданы все условия для того, чтобы каждый мог получить необходимый уровень образования. Как заявил Владимир Путин, образование является основой для устойчивого развития общества. Мы должны совершенствовать образовательную систему, чтобы подготовить наших граждан к вызовам современного мира и обеспечить им успешное будущее. Необходимо сделать все возможное, чтобы обеспечить доступ к образованию для всех граждан, независимо от их социального статуса или места проживания.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что ценности, в том числе и правовые, современного общества нацелены на развитие индивидуальности человека и его самореализацию, уважение к окружающей среде и культурному разнообразию, а также на успех и прогресс через образование и знания. Они имеют важное значение для становления и формирования гармоничного современного общества, его правового развития, а их понимание и применение способствуют прогрессу. Российская цивилизация обладает богатым опытом и талантами народа, которые позволят ей успешно преодолеть все трудности и стать одним из ключевых игроков в создании нового многополярного мира.

Важно, чтобы Россия продолжала стремиться к миру, справедливости и сотрудничеству с другими странами, в том числе и в международно-правовой сфере, чтобы создать благоприятные условия для развития народов и цивилизаций нашей страны и всей планеты.

П. А. Оль[1]

ИМПЕРАТИВНЫЙ И ДИСПОЗИТИВНЫЙ ПУТИ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Человеческое общество строится на принципах социальной организации, унаследованных от природы. Такими основополагающими началами являются, в частности, индивидуализм, обусловленный инстинктом самосохранения, а также коллективизм как способ совместного сосуществования и выживания вида. Эти естественные природные начала следует рассматривать в диалектическом отношении друг к другу. В человеческом сообществе крайний индивидуализм проявляется как императив — сила, подавляющая волю других участников отношений, то есть как власть, основанная на принуждении. Возникающее на этой основе противоречие, угрожающее совместному существованию, снимается посредством человеческой способности рационального, осознанного восприятия необходимости преодоления конфликта интересов. На рациональной основе возникает согласие сторон, их взаимное убеждение в необходимости следовать общим интересам коллективного самосохранения. В том числе и подчинение приобретает характер добровольного, то есть основанного уже не на принуждении, а на убеждении и убежденности. В таком согласии сторон, в возможности выбора варианта поведения выражается их самостоятельность — автономность воли в социуме. Проявляется то, что мы, юристы, определяем термином «диспозитивность», когда говорим о регулируемых отношениях.

Принцип диспозитивности как рациональный способ снятия социальных противоречий упоминается еще в трудах античных мыслителей, на нем основано римское частное право, он как политико-правовая идея был положен в основу концепции общественного договора Ж.-Ж. Руссо и учения о праве народов Г. Гроция, в частности его известного труда «О праве войны и мира». Понятно, что на этом принципе основываются добровольные сообщества людей.

Но природа индивидуализма или эгоизма в трансгрессивных императивных формах всегда проявлялась в межличностном и коллективном общении. Проявляется она и в международных отношениях, например в разных формах империализма и колониализма. В современном мире природа индивидуализма усматривается в императивном подходе при построении мироустройства, а именно в разрушении юридических конструкций, основанных на принципе суверенного равенства сторон. Разными способами осуществляется десуверенизация субъектов международного права. Эти проявления императивного подхода, основанного на провозглашении субъективной исключительности, сегодня обозначаются также термином «неоколониализм».

Но проблема заключается в том, что реальным субъектом императивного влияния в настоящее время выступают международные транснациональные корпорации и финансовые группы, которые не обладают международной правосубъектностью и не являются суверенными государственными образованиями с аппаратом публичной власти, населением и, главное, территорией. Являясь, по сути, субъектами хо-

[1] Профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук. Автор свыше 100 научных публикаций, в т. ч.: «Нация: генезис понятия и вопросы правосубъектности» (в соавт.), «Государство, общество, личность: проблемы совместимости», «Правопонимание: от плюрализма к двуединству», «Генезис и смысловая эволюция содержания термина „нация“ (историко-правовой аспект)», «Суверенитет как источник национального права», «Нация — источник власти и позитивного права. Теория государства и права» и др.

зяйственной деятельности, существующими в целях извлечения прибыли, они при этом используют политико-правовые формы, организационную структуру и материальную основу субъектов международного права (территорию, аппарат управления, вооруженные силы и т. д.). Прежде всего, это государства англосаксонской (колониальной, островной) правовой семьи, а также те субъекты международного права, которые утратили свою суверенность после того, как перестало существовать сбалансированное биполярное мироустройство. Формально обладая международной правоспособностью, эти политико-правовые образования являются фактически недееспособными или ограниченно дееспособными. Формами их организационного единства являются, например, Организация Североатлантического договора или Европейский союз, куда они входят фактически в порядке императивной соподчиненности. Посредством коллективного объединения таких государственных образований создаются международные институции и устанавливаются новые, корпоративные по своей сути, правила с претензией на их мировое значение. На их основе осуществляются ограничения субъективных прав в международных отношениях.

Эти ограничительные меры почему-то принято обозначать термином «санкции», смысловым содержанием которого является реакция легитимной власти на акты волевого поведения участников социальных отношений, в том числе и правовых. В действительности это нелегитимные в международно-правовом плане акты, осуществляемые с целью подчинения частным интересам. На императивной основе созданы коллективные институты — судебные по форме принятия решений, но принимающие эти решения совершенно неправосудным образом — избирательно на основе корпоративных правил. Очевидно, что таким образом разрушается система международного права, природа которого состоит именно в принципе автономии воли субъектов и соглашении сторон. Хотя надо признать, что и разрушаемая сегодня модель международного правопорядка, несмотря на биполярную природу, имела в своих истоках некое справедливое императивное начало, так как выстраивалась, в сущности, государствами — победителями во Второй мировой войне. При этом надо признать также и ее вполне определенное, хотя и несовершенное движение в сторону диспозитивного регулирования отношений между субъектами международного права.

В свою очередь, претендующая последние десятилетия на состоятельность однополярная императивная модель мироустройства подразумевает не только десуверенизацию посредством подчинения или разрушения институтов международного права. Предполагается также целевая трансформация национальных правовых систем, способствующая их соподчинению единому центру силы.

Апофеозом попытки формирования международного порядка на основе императивного принципа является феномен экстерриториального распространения национального права государства, выступающего в качестве гегемона, на правовые системы остальных субъектов международных отношений. Влияние оказывается разными способами — путем как идеологического воздействия на общественное правосознание, так и прямых конституционных изменений. Выстраивается система принципов права, способствующая атомизации общества, его разобщению, ослаблению публичной власти и, как следствие, утрате своего суверенного качества — автономии воли при принятии решений государственной значимости. На этот процесс еще в 2007 году обратил внимание мирового сообщества глава нашего государства. На памятной всем Мюнхенской конференции он констатировал, что «система права одного государства перешагнула свои границы».

Таким образом, в настоящее время на международные отношения оказывает влияние противодействие двух антагонистических идеологических подходов к построению системы международного права — императивного и диспозитивного. Императивный принцип положен в основу моноцентричного мироустройства. Этот путь предполагает распространение национального права одного государства на другие нормативные системы и их дальнейшую интеграцию на основе соподчинения. Другой путь — диспозитивный, основанный на принципе автономии воли. Это предполагает согласованное сосуществование и сохранение традиционной уникальности национальных правовых систем. В условиях необходимого выбора между двумя этими подходами и соответствующими им перспективными направлениями развития российское общество и выражающее его волю политическое руководство нашего государства делают очевидный выбор в пользу сохранения международной субъектности и суверенности. Этот курс прямо или косвенно выражается в необходимых изменениях национальной правовой системы.

Сегодня мы видим, как меняется иерархия ценностей в нашей правовой идеологии. Очевидно, что это является существенной предпосылкой последующих системных нормативных изменений. При этом понятно, что нормативные основы меняются не одномоментно, но, по всей видимости, в данном случае изменения неотвратимы. Процесс суверенизации национальной правовой системы определяет общий вектор изменений в системе права, прежде всего в иерархии общих принципов.

В частности, меняется отношение к процессу системной интеграции, то есть для нас нормы международного права уже не являются приоритетными в нормативной иерархии. Вместе с тем динамика системных изменений определяется тем, что такие основополагающие идеи формально-юридически закрепляются на высшем уровне, что предполагает ревизию и изменение Основного закона, а может быть, и принятие нового. Поэтому на настоящий момент системный принцип приоритета норм международного права нивелируется внесенными в Конституцию поправками 2020 года. Он уже не является системообразующей идеей, не представляется как основополагающее начало построения системы права, и в связи с этим новая редакция ст. 125, п. 5.1.б) наделяет Конституционный Суд соответствующими полномочиями.

Но следующим логическим следствием суверенизации национальной системы права должно стать изменение, отражающее внутреннее проявление суверенитета (внутреннюю форму). Гипотетически можно предположить, что такие изменения будут связаны с идеей коллективного, общественного единства, соподчинения публичной суверенной власти, основанного на общих ценностях, в известной нам классической формулировке: «приоритет публичных интересов над частными». Это по логике вытекает из самого принципа суверенитета, так как верховенство публичной власти внутри государства не может не предполагать подчинение частных (пусть даже витальных) потребностей жизненно важным потребностям общества в целом.

Соответственно, конституционный принцип *приоритета*, признание *высшей* ценности субъективных прав человека и гражданина, постепенно, но последовательно будет нивелироваться в системе общих принципов права. И здесь необходимо правильное понимание объективных изменений. Это не будет означать, что права человека утратят свое значение как общеправовая ценность. Вместе с тем принцип верховенства публичных, общественных интересов займет свое надлежащее место в общественном правосознании, что, безусловно, отразится на иерархическом строении принципов и иных норм в системе права, затронет отраслевые нормативные системы. С точки зрения юридической техники это может выглядеть по-разному, но по своей сути такая тенденция представляется неизбежной. Она альтернативна тем вульгарным эгоцентричным представлениям о теории естественного права, которые с конца 1980-х годов использовались в качестве инструмента влияния. Принципы приоритета публичных интересов — это альтернатива представлениям об абсолютном верховенстве субъективных прав и атомарном, по сути, либеральном обществе, основанном на этих правах. С большой долей вероятности этот принцип, получив идеологическое обоснование, станет нормативным системообразующим началом всей системы отечественного права как внутренняя основа государственного суверенитета.

Суверенность — необходимое условие для международных отношений, основанных на принципе автономии воли субъектов. При этом международное движение по пути формирования миропорядка, основанного на диспозитивности отношений, — это рациональный, осознанный народами и национальными лидерами процесс, отражающий осознание объективной необходимости. Перспективность такого пути развития обусловлена тем, что это единственно возможный рациональный способ преодоления исторического противоречия между индивидуальными, эгоистическими (исключительными) интересами и объективной необходимостью коллективного сосуществования народов.

Современный этап движения по направлению к диспозитивной самоорганизации государств в коллективные сообщества начался после распада биполярного мироустройства. Попыткой интеграции на основе диспозитивного принципа стал, например, Европейский союз, интеграция в который была обусловлена пониманием эффективности совместного экономического сосуществования. Но диспозитивная природа его образования существенным образом была нивелирована в условиях однополярного мироустройства. Его институты стали механизмом внешнего управления и подчинения интересам центра мировой политической силы. Российская Федерация также обратилась к принципу диспозитивности в международном взаимодействии, который выражался как суверенное равенство сторон в отношениях. На этой основе формировались региональные международные организации с участием Российской Федерации. Такими организациями являлись, например, Содружество Независимых Государств, Организация договора о коллективной безопасности, Шанхайская организация сотрудничества. Но действительно глобальное международное значение сегодня приобретает БРИКС как форма взаимодействия государств, представляющих крупнейшие экономические системы континентов.

Значение БРИКС усматривается не только в глобальном масштабе самой организации, которая становится центром притяжения многих государств и открывает новые экономические возможности. Организация может стать не только примером успешного взаимодействия экономических систем, но и юридической моделью мироустройства, основанного на принципе автономии воли субъектов международных отношений. Это будет возможным, если участники организации пойдут по пути формирования правовых механизмов реализации нормативных положений, основанных на коллективном соглашении, а также ответственности перед коллективным сообществом. В противном случае любые правовые формы, основанные на принципе диспозитивности, повторят судьбу Лиги Наций или утрачивающей свою дееспособность Организации Объединенных Наций. Но императив этих юридических механизмов, безусловно, должен быть основан на изначальном и всеобщем осознании сторонами коллективной легитимности, коллективной необходимости, а значит, и справедливости возможных ограничительных мер.

Е. А. Орловский[1]

О РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАВНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ МИНЮСТА РОССИИ ПО САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ОКАЗАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ В СООТВЕТСТВИИ С ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ВЫТЕКАЮЩИМИ ИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Главное управление Минюста России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, являясь территориальным органом Минюста России, непосредственно участвует в реализации обязательств Российской Федерации, вытекающих из международных договоров.

Организация работы по исполнению международных обязательств Российской Федерации в данной сфере включает в себя такие самостоятельные направления деятельности, как:

— истребование и пересылка документов об актах гражданского состояния, образовании, трудовом стаже и других документов, касающихся личных и имущественных прав и интересов граждан;

— организация исполнения судебных поручений о вручении документов, истребовании вещественных доказательств, допросе сторон, обвиняемых, свидетелей, экспертов, розыске и выдаче лиц, совершивших преступления;

— организация признания и исполнения судебных решений по гражданским делам, приговоров в части гражданского иска, исполнительных надписей;

— истребование и пересылка наследственных дел и материалов по ним;

— рассмотрение обращений граждан, запросов иных компетентных органов;

— консультации по вопросам международной правовой помощи в рамках полномочий территориальных органов Минюста России;

— предоставление государственной услуги по проставлению апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации.

Согласно обобщенной практике и проведенному анализу оказания международной правовой помощи Главным управлением в 2023 году рассмотрено почти 15 тыс. документов.

Взаимодействие с иностранными партнерами происходит либо непосредственно (в основном страны СНГ), либо через центральный аппарат Минюста России, а иногда и с участием МИД России. Порядок взаимодействия определен международными договорами России, а также российским законодательством, устанавливающим полномочия федеральных органов исполнительной власти.

В международных договорах могут быть указаны конкретные государственные органы договаривающихся государств (например, в Договоре между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам 1992 г.[2] указаны министерства юстиции двух государств, Генеральная прокуратура РФ и аналогичный орган со стороны Китая) или непоименованный перечень уполномоченных органов (например, в Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г.[3] указаны «центральные органы Договаривающегося государства»).

Если в международном договоре не указаны конкретные государственные органы сторон, то перечень уполномоченных органов устанавливается нормативно-правовым актом соответствующего государства и доводится до сведения депозитария договора, который, в свою очередь, передает информацию всем остальным участникам договора.

В Российской Федерации данный перечень указывается либо в федеральном законе, который ратифицирует договор, либо в Указе Президента Российской Федерации.

Например, список органов Российской Федерации, уполномоченных на взаимодействие с иностранными государствами в рамках Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 года[4], утвержден Федеральным законом от 25 октября 1999 года № 193-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и Дополнительного протокола к ней»[5], ратифицировавшим ее.

---

[1] Начальник Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Автор 24 научных публикаций, в т. ч.: «Противодействие незаконному отчуждению жилья», «Муниципальная власть и правозащитная деятельность», «Уголовная ответственность за нарушения в сфере строительства многоквартирных домов с привлечением средств граждан», «Противодействие преступлениям в сфере расселения аварийного жилищного фонда и проведения капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов», «К вопросу о противодействии хищениям, совершенным с использованием электронных средств платежа», «Актуальные вопросы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «Личный прием граждан руководителями прокуратур как инструмент защиты нарушенных прав: вопросы организации, осуществления и контроля» и др.

[2] Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (подписан в г. Пекине 19 июня 1992 г.) // СЗ РФ. 2013. 18 февр. № 7. Ст. 612.

[3] Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам (заключена в г. Гааге 15 ноября 1965 г.) (и заявления Российской Федерации) // СЗ РФ. 2004. 13 дек. № 50. Ст. 4951.

[4] Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (заключена в г. Страсбурге 20 апреля 1959 г.) (с изм. от 8 ноября 2001 г.) // СЗ РФ. 2000. 5 июня. № 23. Ст. 2349.

[5] Федеральный закон от 25 октября 1999 г. № 193-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и Дополнительного протокола к ней» // СЗ РФ. 1999. 25 окт. № 43. Ст. 5132.

В большинстве международных договоров, касающихся оказания правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, уполномочиваются Минюст России, Генеральная прокуратура России, Верховный Суд России (только в части судебной деятельности Верховного Суда), Следственный комитет России.

Как правило, Минюст России является уполномоченным по вопросам судебной деятельности всех судов (за исключением судебной деятельности Верховного Суда Российской Федерации), а также по всем вопросам оказания правовой помощи по гражданским и семейным делам.

Международные договоры могут содержать положения, согласно которым непосредственное взаимодействие осуществляется между другими государственными органами, минуя Минюст России, — например органами ЗАГС (Конвенция 2002 г.[1]), судами (Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности 1992 г.[2]).

В случае отсутствия международного договора, а также если договором предусмотрен дипломатический порядок сношений, запросы и поручения российских органов направляются в органы Минюста России, а затем передаются в МИД России.

Таким образом, если иное не установлено международным договором, то государственные органы Российской Федерации по вопросам судебной деятельности, исполнения решений, а также касающимся актов гражданского состояния, истребования личных документов, и иным вопросам взаимодействуют с компетентными органами иностранных государств через Минюст России и его территориальные органы.

Наиболее активное взаимодействие в 2023 году осуществлялось с государствами — участниками СНГ в рамках Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года[3] (Минская конвенция) и Конвенции 2002 года[4], а также странами Балтии в рамках соответствующих двусторонних договоров.

Отметим, что заключенный международный договор не гарантирует стабильность ситуации в части движения документов между странами. Ведь договор может быть заменен в результате присоединения к другому международному договору (как произошло в 2023 г. с Минской конвенцией для России) или страна может выйти из него (как заявила Украина в отношении Минской конвенции).

Для Российской Федерации с 28 июня 2023 года вступила в силу Конвенция 2002 года[5], в соответствии с которой между государствами — участниками Конвенции 2002 года прекращает свое действие Конвенция 1993 года и Протокол к ней 1997 года. Особое преимущество Конвенции 2002 года — расширенная возможность судебных, правоохранительных и иных государственных российских органов взаимодействовать со своими иностранными коллегами напрямую. Такая возможность впервые появилась у Верховного Суда Российской Федерации и Фонда пенсионного и социального страхования. Кроме того, после вступления в силу для России Конвенции 2002 года расширился список государств, с которыми российские органы ЗАГС могут взаимодействовать непосредственно. Так, российские органы ЗАГС получили возможность направлять запросы, касающиеся регистрации актов гражданского состояния, напрямую компетентным органам Киргизской Республики, минуя Минюст России и его территориальные органы. С азербайджанской стороной в настоящее время ведется работа по получению перечня компетентных органов ЗАГС, уполномоченных на непосредственные сношения.

На сегодняшний день взаимодействие с иностранными государствами осуществляется на бумажных носителях, поскольку иное в международных договорах не предусмотрено. В рамках Конвенции 2002 года возможно направление поручения о правовой помощи с использованием факсимильной связи или иных средств коммуникации, но в случаях, не терпящих отлагательства и с досылом оригинала поручения на бумаге (п. 5 ст. 7). Вместе с тем практика применения Конвенции 2002 года в части направления поручений указанным способом еще не наработана.

Представляется, что взаимодействие по вопросам международной правовой помощи в электронном виде должно рассматриваться и внедряться в практику, особенно в условиях ограничения почтового обмена. Но это требует как доработки внутреннего законодательства и изменения международных договоров, так и разработки технической стороны вопроса. Поскольку речь идет о трансграничной передаче персональных данных наших граждан, для осуществления электронного взаимодействия мы должны быть уверены в их безопасности.

Помимо перечисленного Главное управление юстиции предоставляет государственную услугу по проставлению апостиля на российских документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации.

Поступление в зарубежный вуз, приобретение недвижимости за границей, получение вида на жительство или переезд в другую страну — для этого и не только необходимо легализовать российские официальные документы. Существуют два вида подтверждения законности документа: консульская легализация и апостиль — более упрощенный способ международной легализации документов.

[1] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 7 октября 2002 г.) // СЗ РФ. 2023. 24 июля. № 30. Ст. 5501.

[2] Соглашение стран СНГ от 20 марта 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» // Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М. : СПАРК, 1996. С. 53–57.

[3] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22 января 1993 г.) // СЗ РФ. 1995. 24 апр. № 17. Ст. 1472.

[4] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 7 октября 2002 г.).

[5] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам.

Апостиль — это специальный штамп, который в соответствии с Конвенцией, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов 1961 года[1], ставится на официальных документах государств — участников Конвенции с целью освободить эти документы от необходимости дипломатической или консульской легализации. Стоит учесть, что апостиль имеет юридическую силу не во всех государствах, а только в тех, которые подписали эту Конвенцию, в их числе страны ЕС, Латинской Америки, США. В других же государствах, таких как Таиланд, ОАЭ, страны Африки, требуется консульская легализация. Также между государствами могут быть заключены двусторонние договоры, соглашения, конвенции, в рамках которых документы могут приниматься без какой-либо легализации. Например, российские документы действуют без апостиля в странах СНГ, Польше, Чехии, Эстонии и др.

Главное управление ежемесячно рассматривает около 2 тыс. документов для проставления апостиля. Бóльшая часть из них — это документы, оформленные нотариусами при совершении нотариальных действий (нотариальные копии, переводы, доверенности, согласия на выезд детей за границу, свидетельствование подписи лица, свидетельства о наследстве, договоры купли-продажи и др.), документы, выданные государственными органами и госучреждениями (справки из ФНС, справки из школ и вузов, справки, выданные ГИБДД и ГУ МВД, ГУЖА, Социальным фондом, МФЦ, Росреестром, Роскадастром), сертификаты о повышении квалификации (в основном медицинская сфера), копии решений районных и мировых судов.

Больше всего заявителей обращаются для проставления апостиля для стран ЕС (Германии, Испании, Финляндии, Италии, Греции, Португалии, Австрии, Франции и др.), а также Великобритании, Израиля, Турции, Аргентины, США, Южной Кореи, Китая, Украины.

Сегодня, несмотря на многочисленные западные санкции в условиях многополярного мира, российские граждане имеют многочисленные международные связи, ввиду этого наша страна полностью в своем объеме выполняет все взятые на себя правовые обязательства, вытекающие из международных договоров, подписанных Российской Федерацией в сфере оказания правовой помощи по гражданским, семейным, уголовным и иным делам, которые имеют большое значение в реальной жизни государства и граждан.

В. П. Очередько[2]

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЮРИСДИКЦИИ

1. Мы переживаем эпоху перехода от старого к новому миру, момент его создания, открывающего перед всеми цивилизациями и государствами «возможности для своего демократического, оригинального пути развития»[3]. Другими словами, мы находимся в начале пути оформления принципиально новой системы многополярного мира. Она приходит на смену прежней парадигме, характеризовавшейся доминированием одной цивилизации и ее экспансией под лозунгами глобализации, либерализации и стирания национальных границ[4].

Новый многополярный мир формируется в условиях ожесточенной конкурентной борьбы стран во всех сферах, включая сферу права. Процесс воздействует на логику конкурентной борьбы национальных юрисдикций, заставляет по новому рассматривать систему конкурентных преимуществ, оценивать факторы конкурентоспособности страны в многополярном мире.

2. Конкурентоспособность представляет собой характеристику национальной правовой системы. Она является одновременно целью и показателем степени развития национальной правовой системы и ее составляющих. Конкурентоспособность национальной юрисдикции — это то, каким образом государство создает и поддерживает правовую среду, обеспечивающую конкурентоспособность своих субъектов права.

Для понимания масштабов и характера необходимых перемен в обеспечении конкурентоспособности юрисдикции России необходимо коротко проанализировать вызовы, возникающие перед правовой системой на демократическом этапе развития страны. Важно определить своеобразие приоритетов, стоящих перед российской правовой системой, и ее усилия по повышению конкурентоспособности в условиях развивающейся глобализации права, с тем чтобы соотнести с ними приоритеты развития национальной юрисдикции в условиях многополярного мира, а также увидеть вызовы, возникающие в результате их разнонаправленности.

---

[1] Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов (заключена в г. Гааге 5 октября 1961 г.) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 6.

[2] Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Безопасность хозяйствующего субъекта: опыт экономико-правового анализа» (в соавт.), «Институционально-правовые проблемы экономического развития России», «Развитие судебных органов интеграционных объединений на постсоветском пространстве», «Характерные черты и проблемы высшего юридического образования в России», «Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели» (Часть III), «Правовое государство и судебная власть: рассуждения в контексте обновленной Конституции РФ» и др.

[3] Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/69695 (дата обращения: 04.02.2024).

[4] См. также: *Дробинин А. Ю.* Образ многополярного мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 2. С. 54–62.

3. Становление демократической России и ее правовой системы осуществлялось в пиковый период развития глобализации. Как известно, последняя проявляется в трех основных формах: как объективная мировая тенденция, концепция и международный проект[1]. Обсуждению подлежит международный проект ее развития, локомотивами которого являются лидеры мирового развития в лице крупнейших компаний и международных институтов. Он развивается как комплексная и крайне агрессивная форма конкурентной борьбы, приводящая к развитию неравенства во всех сферах, в частности в правовой сфере. Правила этой конкурентной борьбы создаются инициаторами и организаторами проекта глобализации, они же являются его основными выгодоприобретателями. Такое понимание глобализации лежит в основе нашей оценки влияния глобализации права на конкурентоспособность национальной юрисдикции.

Правовая глобализация представляет собой процесс создания мирового правового пространства на основе гармонизации и унификации правовых систем в сферах правотворчества, правоприменения, в источниках права и законодательстве. В результате национальные правовые системы должны эволюционировать в направлении утраты своего значения. Этим определяется влияние глобализации права на развитие конкурентной среды в мире, масштабы и определенность вызовов, возникших перед российской правовой системой в период ее становления.

В начальный период демократической истории перед российским правом стояла задача вступления в цивилизованную семью европейских народов посредством широкомасштабной рецепции европейского права. Этот путь рассматривался как магистральный в поисках ответов на вызовы глобализации и при приложении усилий по повышению конкурентоспособности российской юрисдикции.

Показательным примером является развитие российского правосудия как значимого элемента правовой системы. Российское правосудие в его современном виде формировалось в русле требований глобализации. Осуществлялась активная работа по инкорпорации российского правосудия в общеевропейское правовое пространство. Была определена задача формирования общего пространства правосудия России–ЕС в составе пространства свободы, безопасности и правосудия как одного из четырех общих пространств[2]. Усилия по решению этой задачи определили конфигурацию судов, процессуальные механизмы, статус судьи как элементов российского правосудия.

4. Интеграция российской правовой системы в европейское правовое пространство оказала противоречивое влияние на ее конкурентоспособность. С одной стороны, широкомасштабная рецепция институтов и норм иностранного происхождения в российскую правовую систему способствовала ее «осовремениванию», большей согласованности с ведущими правовыми системами, развитию экономических, правовых и гуманитарных связей между странами. С другой стороны, развивающиеся в последнее десятилетие процессы наглядно показывают ограничения для развития национальных правовых систем, заложенные в существующей модели глобализации права. Проблема обнаруживается уже в том, что глобальное правовое поле формируется на основе правовых систем, базирующихся прежде всего на англосаксонской правовой традиции и предъявляющих соответствующие стандарты национальным правовым системам. Это не способствует преодолению существующего в мире правового неравенства, ведет к вторичности национальных правовых систем, кроме того, проявляется в применении двойных стандартов, имеющих юридическое изменение, принятии многочисленных рестрикций со стороны западных стран в отношении развивающихся стран, находящихся на обочине мировой правовой системы.

5. Важным моментом является развитие противоречия между глобализационными процессами и требованиями национальной безопасности, в контексте нашей темы правовой безопасности. Правовой реальностью стало широкое использование бизнесом на протяжении последних десятилетий западной юридической инфраструктуры, прежде всего англосаксонской. Ущербность сложившейся системы проявилась в реальной ограниченности юрисдикции российских судов в отношении российских юридических лиц. Еще в начале 2010-х годов отмечалось, что крупные российские компании заключают по российскому праву не более 10 % значимых для их деятельности сделок. Вполне естественны были высказываемые опасения по поводу угроз правовому суверенитету России[3].

Российская юрисдикция оказалась перед новым вызовом глобализации права. На повестке дня — приоритеты в противодействии этим вызовам. Были предприняты последовательные шаги по повышению конкурентоспособности российской правовой системы, ее суверенизации, совершенствованию защиты российских субъектов права.

6. Формирование многополярного мира с принципиально другими приоритетами развития обусловило возникновение нового вызова для российского права, конкурентоспособности российской юрисдикции. Мы должны понимать, что формирование нового мира как антитезы глобализации с ее комплексной и крайне агрессивной формой конкурентной борьбы, в которой выигрывали страны Запада как организаторы процесса и основные выгодоприобретатели, не устраняет проблему конкуренции в общественном развитии и конкурентоспособности России в этом процессе. Страны всегда стремятся добиться большей власти и влияния на международной арене, улучшить свои позиции в межгосударственной конкуренции.

[1] См. подробно: Экономическая безопасность России: Общий курс : учебник / под ред. В. К. Сенчагова. 2-е изд. М. : Дело, 2005. С. 223.

[2] *Очередько В. П.* Общее пространство правосудия Россия–ЕС: определение перспектив или констатация неопределенности // Вестн. С.-Петерб. юрид. акад. 2012. № 3 (16). С. 1115.

[3] Ведомости. Конкуренция юрисдикций: Суверенитет на 10 % // Адвокатское бюро ЕПАМ : [сайт]. URL: https://epam.ru/ru/media/view/gazeta-vedomosti-publikuet-statyu-dmitriya-afanaseva-o-nedoverii-rossiiskih-kompanii (дата обращения: 05.06.2022).

Не теряет своей актуальности поставленная Президентом РФ В. В. Путиным задача — создать в России единую и стройную правовую систему, которая позволит повысить конкурентоспособность национальной юрисдикции для отечественного и зарубежного бизнеса[1]. Другими словами, повышение юрисдикционной конкурентоспособности рассматривается в качестве одной из наиболее важных задач модернизации правовой системы России. При этом возникает много принципиальных вопросов. Какова роль национальной юрисдикции в формировании нового российского центра силы? Каково ее состояние с позиций оценки конкурентоспособности?

7. На повестке дня стоит значительно более сложная задача по своей масштабности и неизведанности. В момент смены исторических вех усиливается борьба потенциалов, идей и представлений о будущем. Право как сфера общественной жизни обладает значимым потенциалом, участвует в формировании идей, определяет возможности достижения заявленных целей. В рамках борьбы потенциал и задачи права приобретают вполне конкретные очертания и практическую значимость. Важно, во-первых, преодолеть определенную вторичность развития российского права, роль аутсайдера в развитии правовых идей и конструкций, сформировать способность влиять на глобальные тенденции развития права, привносить в мировую дискуссию свой юридический взгляд на решение проблем; во-вторых, определить приоритеты развития российской правовой системы в условиях формирования многополярного мира, сделать ее адекватной собственному ви́дению справедливого мироустройства, своей философии развития, конкурентным преимуществам России в материально-сырьевом, интеллектуальном, образовательном планах, духовно-нравственном развитии; в-третьих, согласовать текущие усилия по развитию правовой системы в противодействии санкционному давлению с приоритетами ее развития в формирующемся многополярном мире; в-четвертых, на основании ее качественно нового состояния превратить национальную юрисдикцию в серьезный источник социально-экономического развития России.

Е. А. Петрова[2]

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

В условиях нового многополярного мира и роста глобальных проблем современности права человека и их защита приобретают большое значение. При этом важны как прикладные аспекты анализа их реализации, так и теоретико-правовые характеристики, отражающие специфику современной концепции прав человека, их понимания и классификации.

Традиционно права человека трактуются как мера возможного поведения, установленного (гарантированного) государством. «Государственный» характер прав человека (как и пра́ва в целом) обусловливается преобладанием позитивистского подхода в отечественной юридической литературе. Однако, исходя из плюрализма существующих типов правопонимания, необходим более многоаспектный взгляд на их дефиницию. В частности, актуализируются такие признаки прав человека, как их естественный и объективный характер, обусловленность уровнем политического, экономического, культурного развития общества, соразмерность потребностям человека и т. п. Естественные права человека присущи ему по факту самого рождения (государство их гарантирует и защищает), а их содержание предопределяется теми условиями и традициями, которые существуют в конкретном государственно-организованном обществе. Поэтому не может быть какого-то исчерпывающего универсального перечня прав человека: хотя многие из них признаны на международном уровне, но их конкретизация, как и их набор, может быть специфична в каждой национальной правовой системе. С учетом вышесказанного более точным нам представляется определение прав человека как общей и равной для всех меры (нормы) свободы (возможного поведения), необходимой для удовлетворения потребностей его существования, развития и самореализации, которая в тех или иных конкретно-исторических условиях определяется взаимным признанием свободы субъектами правового общения и не зависит от ее официальной фиксации государством, хотя и нуждается в государственном признании и гарантировании[3].

Важным аспектом понимания прав человека является их соотнесение с такой категорией, как свобода (особенно в современных условиях, когда требуется закрепление новых прав и свобод личности). Нередко термины «права́» и «свободы» применительно к индивиду используются как синонимы. Но в действительности в них есть как сходство, так и различие. Сходство определяется тем, что «право» и «свобода» отражают юридически гарантированные возможности лица. Различие же состоит в том, что права свидетель-

[1] Встреча с Советом законодателей // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/57376 (дата обращения: 04.02.2024).

[2] Заведующая кафедрой сравнительного правоведения и правотворчества Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. Автор 170 научных публикаций, в т. ч.: «Проблема фундаментальности высшего юридического образования», «Система источников права США», «Типологизационные признаки американской правовой системы», «Механизм правотворчества в контексте сравнительно-правового исследования», «Принцип верховенства права как условие стабильности правопорядка», «Легитимность форм права» и др. Член общероссийской общественной организации «Ассоциация историков права».

[3] *Луковская Д. И.* Понятие прав человека: многообразие подходов. Проблема универсальности прав человека // История государства и права. 2007. № 12. С. 34.

ствуют о возможности получить какие-либо социальные блага, а свободы — о возможности избежать определенных ограничений со стороны государства. При этом реализация права обеспечивается соответствующей обязанностью со стороны государства (публичной власти). Отсюда и практический смысл разграничения понятий «права́» и «свободы». Если государство в конституции или ином нормативном правовом акте закрепляет конкретное право лица, то оно берет на себя ответственность за его обеспечение. В случае предоставления субъектам свободы государство берет на себя лишь функции контроля, чтобы эту свободу индивид не мог использовать во вред другим лицам и самому государству[1].

В современных условиях претерпевает изменение и классификация прав человека. В частности, появляются новые виды прав, составляющие четвертое (или даже уже пятое) поколение прав человека.

Так, предлагают выделять в самостоятельную группу информационные права, гарантирующие субъектам правовые возможности в сфере владения, пользования и распространения информации, а также защиты информации (например, разного рода тайн) и защиты от информации (например, причиняющей вред психическому или физическому развитию детей). Наступившая эпоха информационного общества и электронной демократии выводит на первый план цифровые права, обусловливая формирование новой отрасли законодательства (а по мнению некоторых исследователей, и новой отрасли права) — информационной (к ней, например, будут относиться федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и «О персональных данных» 2006 г., «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» 2010 г.[2]). Информация проникает в самые разные сферы социальной действительности; становится товаром, который продается и покупается; превращается в оружие, с помощью которого ведутся информационные войны, и т. п. Причем на смену традиционным (бумажным) носителям информации приходят электронные, в том числе содержащие персональные данные лица. Поэтому особое звучание и значение приобретает право на охрану частной жизни лица и сведений о нем в информационном пространстве.

Еще одна категория прав возникает в связи с развитием биотехнологий. В данной области теснейшим образом переплетаются правовое и моральное (этическое) регулирование, что требует поиска оптимального баланса социальных регуляторов, а также предвидения последствий реализации их предписаний. В этой связи особое значение приобретают так называемые соматические права, закрепляющие признанную обществом и гарантированную государством возможность принимать юридически значимые решения в отношении собственного тела при помощи достижений биологии, генетики, медицины и техники.

Внедрение в социальную реальность нейротехнологий привело к появлению такой качественно новой группы прав человека, как субъективные нейроправа. Нейроправа — это вид прав человека, призванный защитить мозг от угроз применения нейротехнологий. К данной группе относят право на ментальную приватность, собственную личность, когнитивную свободу и т. д. Представляется, что показанные в фантастических фильмах истории о внедрении в сны человека, в его память и сознание с целью повлиять на принятие им решений и совершение действий уже близки к реальности. Несомненно, имеющиеся сейчас технологические возможности могут быть использованы на пользу человечества, в том числе в медицине в лечебных целях, но тем более важно установить их четкое правовое регулирование, предусматривающее возможные сферы и пределы их применения.

Достижения биотехнологий приводят к переосмыслению самой концепции правосубъектности индивида, моментов возникновения и прекращения его дееспособности. Возникает проблема рассмотрения биороботов (искусственного интеллекта) не только в качестве объекта правового регулирования, но и как носителей определенных правовых возможностей.

Еще более футуристичными представляются идеи включения в классификацию прав человека тех, которые связаны с дальнейшим освоением космоса и возможным установлением некой коммуникации с внеземными цивилизациями. Однако, учитывая развитие, например, космического туризма, вполне насущными становятся потребности правовой регламентации как самого этого вида деятельности, так и возникающих на его основе прав и свобод, в том числе связанных с обеспечением безопасности человека в космосе, недискриминации и пр.

Таким образом, очевидно, что генерационный подход к классификации прав человека переходит сейчас на очередной виток своего развития, связанный с формированием нового поколения (или даже поколений) прав человека. Как отмечал в этой связи А. Б. Венгеров, четвертое поколение прав человека — «это правовой ответ вызову XXI века, когда речь пойдет уже о выживании человечества как биологического вида, о сохранении цивилизации, о дальнейшей, космической социализации человечества»[3].

Глобальные проблемы современности, в том числе связанные с формированием многополярного мира, также приводят к определенным изменениям в акцентах соотношения индивидуальных и коллективных прав. Все большего внимания требуют вопросы осуществления прав наций и народов. В частности, актуализируются проблемы реализации народами права на самоопределение, то есть возможности самостоятельно определять свою политическую судьбу, например путем создания суверенного государства. Здесь важно обеспечить легальность и легитимность соответствующих политических и правовых процедур, гарантирующих сохранение как суверенитета народа, так и суверенитета государства. Важную роль в этом процессе призваны сыграть нормы международного права, в частно-

[1] *Волков Н. А.* Права человека в современном обществе : учеб. пособие. Кемерово : Кузбасский гос. техн. ун-т им. Т. Ф. Горбачева, 2013.

[2] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 28.08.2024).

[3] *Венгеров А. Б.* Теория государства и права. М., 2000. С. 328.

сти общепризнанные принципы, составляющие основу не только международного правопорядка, но и национальных правовых систем. Так, Декларация 1970 года «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН» указывает: «В силу принципа равноправия и самоопределения народов, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава… и воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишающих народы их права на самоопределение, свободу и независимость»[1].

Также особого внимания со стороны как государств, так и международного сообщества в целом (в том числе международных организаций) требуют такие коллективные права, как права народов на благоприятную окружающую среду (в частности, через решение глобальных экологических проблем), на развитие и сохранение традиционных ценностей и пр. От эффективной реализации данных прав зависит и обеспечение субъективных правовых возможностей.

Происходящие в условиях многополярного мира постоянные миграционные процессы выводят на первый план также категорию прав мигрантов. Так, особая защита предоставляется беженцам и вынужденным переселенцам, которые в силу определенных обстоятельств (военных конфликтов, чрезвычайных ситуаций и т. п.) были вынуждены покинуть место своего постоянного жительства. Учитывая их сложную жизненную ситуацию, мигрантам, как правило, предоставляются дополнительные права, закрепленные соответствующим национальным законодательством (так, например, в РФ действуют специальные законы «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах» 1993 г.[2], в которые уже неоднократно вносились изменения). Также актуализируются вопросы трудовой миграции, связанные с привлечением квалифицированных кадров из разных стран, с одной стороны, и с сохранением собственных трудовых ресурсов — с другой. Особое значение в связи с этим приобретают разного рода льготы и привилегии, предоставляемые тем или иным специалистам (например, государственная программа льготной ипотеки для IT-специалистов и другие подобные меры).

Таким образом, изменения в различных сферах общественной жизни неизбежно влияют на природу и виды прав человека, актуализируя их научные исследования, которые могут быть положены в основу практических рекомендаций для правотворческой деятельности (при закреплении новых прав человека или изменении содержания уже существующих), а также для деятельности правоприменительной (при реализации и защите соответствующих субъективных возможностей).

Н. Д. Петрова[3]

РАЗЛИЧИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРАВЕ ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА[4]

Само понятие семейных ценностей не находит своего отражения в законодательстве как России, так и иных государств. Комитет по правам человека ООН пояснил, что «концепция семьи может отличаться в некоторых отношениях от государства к государству, и даже от региона к региону в пределах государства»[5], что и не позволяет должным образом унифицировать понятия «семьи», «семейных ценностей» и многих других правовых институтов семейного права.

Исторически и с социологической точки зрения такая невозможность унификации объяснима масштабными изменениями, которые происходили в обществе в конце XX и в течение XXI века: изменение состава семьи, нежелание вступать в брак, возникновение движения чайлдфри и иные социальные изменения, которые не способствуют сохранению исторического понимания семьи. Под данные социальные явления пытается подстроиться и современное право многих государств, в то время как часть из них сохраняет традиционный подход к семейным отношениям, откуда и рождается глобальное противоречие и невозможность унифицировать законодательство в области семейных правоотношений на международном уровне.

Для понимания сущности и проблематики вопроса необходимо ознакомиться с тем, как семья и семей-

[1] Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН» // ООН : [офиц. сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 28.08.2024).

[2] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 28.08.2024).

[3] Старший преподаватель кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Роль судебных органов при разрешении практических проблем применения советского законодательства об алиментных обязательствах», «Особенности развития института алиментных обязательств в советском праве», «Векторы развития семейного права государств постсоветского пространства: традиции и инновации», «Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение», «Сравнительный анализ семейных кодексов бывших республик Советского Союза и перспективы развития семейного права в евразийском регионе», «История алиментных обязательств в советский период в работах иностранных исследователей», «Понятие, характеристика и структура алиментных обязательств: сравнительный анализ советского и современного понимания» и др.

[4] Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта 24-28-01860.

[5] См.: Annual Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights and Reports of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights and the secretary-General. URL: https://digitallibrary.un.org/record/3990573?v=pdf (дата обращения: 29.08.2024).

ные ценности рассматриваются в других государствах. С нашей точки зрения, все государства в своих подходах к семейным правовым отношениям делятся на три категории: архаичные (например, страны Африки, Южной Азии и др.), традиционные (Россия, Китай, многие страны постсоветского пространства) и нового типа (страны ЕС и США)[1].

Семьи стран Африки представляют архаичные семейные ценности, поскольку правовые акты в них ориентируются на обычаи, в том числе о брачных союзах, полигамных и полиандрических, «призрачных» (с умершим супругом) браках, о контрибуции родителям в однополом браке между женщинами (для рождения ребенка) и др.[2] О сохранении архаики в семейных отношениях свидетельствуют обычаи брачных отношений между кузенами, левират, браки покупкой, отработкой, обмен женами и многие другие[3].

Россия и Китай — страны, сохранившие традиционный взгляд на институт семьи, в которых семья рассматривается учеными как «ядро общества» и столп государственного порядка, тем не менее испытывают на себе воздействие тенденций глобализации, выражающееся прежде всего в низкой рождаемости, позднем вступлении в брак и рождении детей, внебрачных семейных отношениях и т. п. Эти изменения интерпретируются в работах социологов как деинституализация семьи[4].

В большинстве бывших республик СССР сохранился такой же традиционный подход к вопросу семьи и семейных ценностей, как и в России, в некоторых государствах с наличием национальных особенностей, которые рассмотрены в статье «Проблема преемственности принципов и норм семейного права в государствах — членах Евразийского экономического союза»[5].

Страны Европейского союза и США смотрят на институты принципиально по-новому, особенно это заметно в легализации однополых отношений в части возможности брака и усыновления.

Международный стандарт брачно-семейных отношений ориентируется на вторую категорию стран, в которых существует традиционный взгляд на семью и брак, но архаичные обычаи и традиции уже не применяются. Тем не менее влияние со стороны государств третьей категории существенно, страны ЕС и США выступают главными инициаторами либерализации брака, что приводит к ослаблению и уничтожению огромного количества семейных ценностей.

Исходя из разницы подходов к институтам семейного права в различных государствах, невозможность построить по единому лекалу регулирование отношений в данной области становится очевидной. Все последние реформы и инициативы Российской Федерации, которые касаются вопросов семьи и семейных ценностей, направлены на сохранение традиционного подхода к указанным явлениям (в связи с этим вспоминаются и последние изменения в Конституции РФ, направленные на сохранение традиционных семейных ценностей[6] и расширение термина «воспитание» в Федеральном законе «Об образовании»[7]).

Особенным образом среди инициатив, которые так или иначе касаются традиционных ценностей в России, выделяются Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года[8], а также образовательные инициативы, такие как введение новых школьных курсов («Нравственные основы семейной жизни»[9] и «Семьеведение»), перенос из вариативной части в базовую дисциплины «Семейное право» в области высшего юридического образования[10].

Анализ указанных норм и инициатив очевидно свидетельствует об озабоченности государства вопросом сохранения традиционных ценностей в российских семьях, однако ни в одном из представленных документов не обозначены конкретные меры по осуществлению указанной цели.

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что традиции и обычаи в семейном правовом поле существенно влияют на взгляд общества на семью и семейные ценности.

Главная задача государства в условиях многополярного мира в данном случае состоит в том, что следует прилагать все возможные усилия для сохранения тех традиционных семейных ценностей, которые складывались веками в истории страны.

Процессы же глобализации на данном этапе выступают угрозой для сохранения национальных традиций и обычаев, связанных с семейными отношениями, хотя международные стандарты, напротив, должны содей-

[1] *Петрова Н. Д.* Семейные ценности как фактор самоидентификации народов: правовое измерение // Образование и право. 2023. № 9. С. 108–113.

[2] *Колесников А. Ю.* Международный стандарт брака и традиционные семейные ценности в международном праве // Наука через призму времени. 2020. № 4 (37). С. 81–83.

[3] *Колесников А. Ю., Насандратра Л.* Особенности регулирования брачно-семейных отношений на Африканском континенте // Ex Jure. 2020. № 3. С. 108–121.

[4] Семья в России и Китае: процесс модернизации / под ред. И. И. Елисеевой и Аньци Сюй. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 8–9.

[5] *Петрова Н. Д.* Проблема преемственности принципов и норм семейного права в государствах — членах Евразийского экономического союза // Образование и право. 2023. № 6. С. 15–20.

[6] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 05.09.2024).

[7] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28 февраля 2023 г.) // СЗ РФ. 2012. 31 дек. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

[8] Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. 1 сент. № 35. Ст. 4811.

[9] Учебный курс «Нравственные основы семейной жизни». URL: https://dpo53.ru/wp-content/uploads/2024/07/Презентация-курса-Нравственные-основы-семейной-жизни.pdf (дата обращения: 29.08.2024).

[10] Приказ Министерства образования и науки РФ от 18 января 2018 г. № 28 «О внесении изменения в федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата), утв. приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 1511» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102462493&intelsearch=28+fduecnf+2018 (дата обращения: 29.08.2024).

ствовать их защите и препятствовать утрате многообразия.

Как уже было отмечено, в России вопросы семьи, ценностей и воспитания на данном этапе выходят в условиях многополярного мира на новый позитивный уровень, что в целом соответствует выбранному курсу нашего государства, собственному пути развития Российской Федерации.

Р. А. Ромашов[1]

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ: ОТ «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА МИРА» К «НАЦИОНАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ-ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Содержащееся в Концепции внешней политики Российской Федерации определение России как «самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»[2] представляет собой очередную попытку выработки инновационной парадигмы восприятия национальной государственно-правовой системы и определения ее места на политико-правовой карте современного мира.

Авторы концепции обозначили несколько ключевых факторов:

— понимание России как «самобытного государства-цивилизации» предполагает отказ как от общеевропейской (романо-германской) правовой традиции, так и от советского опыта, в соответствии с которым Советское государство как интернациональный союз трудового народа выступало локомотивом цивилизационного развития, возглавляющим движение «прогрессивного человечества» к безгосударственному коммунистическому мироустройству;

— в современных условиях государственная политика России направлена на сохранение территориальной и социальной целостности, обеспечение устойчивых темпов экономического развития, повышение продолжительности и качества жизни народонаселения. При этом целью государственной деятельности не является формирование новой мировой системы по аналогии с капиталистической (империалистической) или социалистической. Современный мир представляется многополярным (мультикультурным), где Россия не претендует на монополию и выступает в качестве *одного из* равноправных субъектов международных отношений;

— в настоящее время отношения РФ с другими государствами строятся преимущественно на прагматических основаниях, предполагающих их дифференциацию на «дружественные», «нейтральные», «недружественные». В Концепции внешней политики РФ отмечается: «Соединенные Штаты Америки (США) и их сателлиты… развязали гибридную войну… Она направлена на всемерное ослабление России, включая подрыв ее созидательной цивилизационной роли, силовых, экономических и технологических возможностей, ограничение ее суверенитета во внешней и внутренней политике, разрушение территориальной целостности»[3]. В складывающейся ситуации представляется целесообразным наряду с «недружественными» выделять «враждебные» государства и рассматривать их как потенциальных противников, в том числе в условиях военного противостояния;

— закрепление на концептуальном уровне конструкции «русский народ и другие народы… составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» свидетельствует о стремлении уйти от социально-политической абстракции «единый народ России» к пониманию нации как общности (многонациональному союзу равноправных народов) с выделением особого места русского народа как государствообразующего элемента социальной структуры современного Российского государства (ст. 68 Конституции РФ 1993 г.).

Следует отметить, что в настоящее время отсутствует единство во взглядах и оценочных суждениях как в области понимания феномена «русский народ», так и применительно к конструкции «Русский мир». В частности, не ясно, следует ли рассматривать в качестве такого «мира» только Россию как «государство-цивилизацию» или же это более широкое по объему понятие, включающее в том числе соотечественников за рубежом.

В контексте метода циклического политогенеза в истории российской государственно-правовой системы следует выделять три дискретных цикла, характеризующихся разрывом исторической традиции в ее обычном понимании (традиция — устойчивая связь трех и более поколений, представители которых ру-

[1] Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ. Автор более 510 научных публикаций, в т. ч.: «Парламентаризм», «Юридическая техника изменения конституционного законодательства в системе „живого“ права современной России», «Концептуальные основания понимания средневекового государства», «Пенитенциарное право: феноменология и системность», «Государственно-правовые системы современного мира: национально-культурные традиции и институционально-ценностные трансформации (аналитический обзор материалов XX Международных Лихачевских научных чтений „Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка“», «Человек как субъект права на человеческое достоинство», «Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: материалы VI Национальной научно-практической конференции» и др. Эксперт Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств — участников Межпарламентской ассамблеи СНГ.

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586.

[3] Концепция внешней политики Российской Федерации.

ководствуются относительно неизменными целевыми установками и ценностными приоритетами). Российская империя; РСФСР (СССР); РФ представляют собой системные образования, основанные на качественно отличных друг от друга институтах и принципах. В Российской империи принадлежность к русскому народу и Русскому миру определяется не по национальному, а по конфессиональному статусу. Переход в православие является по сути единственным условием русификации российских подданных. Православная вера рассматривается в качестве религиозной основы концепции панславизма (братских «православных» народов), которой российская монархия во многом руководствовалась в вопросах политической стратегии.

В Советском государстве синонимичными были понятия «русский» и «советский». В свою очередь, название «Россия» использовалось и как неформальное именование одной из союзных республик — РСФСР, и по отношению ко всему союзному государству. В одной из советских песен, посвященных Великой Отечественной войне, есть слова: «А я в Россию, домой хочу, / Я так давно не видел маму!». Особая роль России закреплялась в союзном гимне: «Союз нерушимый республик свободных / Сплотила навеки *великая Русь*». В то же время особый статус русского народа на официальном уровне нигде не закреплялся. Получалось, что за границами СССР любой советский человек воспринимался как русский, однако в самом СССР русские были национальностью, не обладавшей, в отличие от других национальных субъектов (союзных и автономных республик, национальных областей и округов), какой бы то ни было формальной автономностью[1].

В современной России, с одной стороны, русские — одна из национальных групп, принадлежность к которой осуществляется в соответствии с получившим закрепление на конституционном уровне правом «определять и указывать свою национальную принадлежность» (ч. 1 ст. 26 Конституции РФ). Иными словами, русские — это люди, определяющие себя в качестве русских. При этом никого не удивляет, когда «русский» человек изменяет свою национальную принадлежность, в одночасье становясь немцем, евреем и т. д. С другой стороны, русские — это интернациональная общность носителей русского языка и русской культуры, воспринимаемых как синонимичные «российской». В частности, в Законе «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (1999) закреплена следующая дефиниция: «Соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии». Президент РФ В. В. Путин в одном из своих выступлений заявил: «Я русский человек. Как говорится, у меня в роду кругом Иваны да Марьи. Но… мне хочется сказать: „Я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин“»[2]. Сказано, безусловно, сильно и достаточно образно. Однако в большинстве республиканских конституций упоминание «национальных» народов не сопровождается оговоркой о том, что тот или иной народ воспринимает себя как часть единого российского народа или хотя бы идентифицируется как составляющая многонационального союза равноправных народов Российской Федерации.

Неопределенность с пониманием русского народа и конкретизацией его места в социальной и политической структуре российского общества делает столь же неопределенным представление о Русском мире. Понятно, что это понятие уже не может быть ассоциировано с русским православием и тем более с *советским прошлым*, которое в условиях *постсоветского настоящего* весьма далеко от «нерушимого союза республик и братских народов». При этом в современных условиях наличие национальных и квазинациональных субъектов (республик) сочетается с политико-территориальными субъектами, оперирующими в своих уставах терминами «население», «жители» и т. п., которые не могут рассматриваться в качестве аналогов ни «национального», ни «многонационального» народа. Также непонятно, каким образом должно выстраиваться взаимодействие «русского народа» с «другими народами», как структурирован Русский мир и как он соотносится и взаимодействует с «нерусскими мирами». Эта неопределенность существенно затрудняет социально-культурную идентификацию современной российской государственно-правовой системы, что, в свою очередь, выступает серьезным препятствием для выработки объединительной национальной идеи и основанной на ней государственной идеологии.

[1] В советских конституциях «русский народ» упоминается лишь единожды, в преамбуле Конституции РСФСР 1978 года, где отмечается: «Образование РСФСР обеспечило русскому народу, всем нациям и народностям Российской Федерации благоприятные условия для всестороннего экономического, социального и культурного развития, с учетом их национальных особенностей в братской семье советских народов». (См.: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/chapter/2f110921da4c1d9582b6058c8a1b705d/?ysclid=m0nm8md8dr254642104).

[2] *Адамович О.* Путин: Я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин… // Комсомольская правда : [сайт]. 2022. 3 марта. URL: https://www.kp.ru/daily/27371/4553876 (дата обращения: 20.08.2024).

А. Ю. Саломатин[1]

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (Критические размышления российского компаративиста)

Существует множество односложных, а по сути, неверных определений глобализации. Например, утверждают, что глобализация — это:

1) интернационализация;

2) либерализация;

3) универсализация;

4) вестернизация (в первую очередь с помощью привычек потребления продуктов питания и развлечений)[2].

Нередко предпочтение отдается описанию экономических аспектов глобализации через приоритетный рост оборотов межгосударственной торговли и международных финансовых транзакций[3].

Между тем глобализация — это более сложный процесс, детерминированный развитием всех сфер общественной жизни и становлением новых технологических укладов. Общепринятым является мнение, что нарождающийся шестой технологический уклад является двигателем современного этапа глобализационного развития[4]. И в то же время данное суждение наводит на мысль, что современный глобализационный этап не может не отличаться от предшествующего, опиравшегося на иной, в данном случае пятый, технологический уклад.

Открытая исследователями и журналистами в 1990-е годы глобализация была по своей направленности гегемонистской (исходящей из доминирующей роли США) [5], а в своей идеологии — мондиалистски-неолиберальной[6]. Иными словами, она стремилась навязать всему миру единую западную идеологию, не согласуясь с настроениями традиционализма и здравым смыслом. Ее апологетами рисовалась явно утопическая картина скорого возникновения общемирового государства и общемирового права (хотя бы на основе создания всемирной Конфедерации государств путем реорганизации ООН)[7].

Известный западный теоретик менеджмента, например, констатируя «бессилие» правительства, приветствовал ограничение регламентирующих функций государства[8].

В свою очередь, модный западный футуролог был доволен глобальными операциями бизнеса, который «способен переносить из страны в страну операции, капиталы, загрязнение окружающей среды, персонал». Поэтому «при известных ситуациях он может потребовать представительства в международных организациях»[9]. Одним словом, западная наука на рубеже тысячелетий оказалась наводнена конъюнктурными концепциями более категоричного (деструктивного для государств) «сильного» и примиряющего с государственной действительностью «слабого» космополитизма, «морального» и «юридического» космополитизма[10]. При этом суть подходов оставалась единой — разрушение привычных государственных границ.

Однако появление на международной арене на рубеже 2010-х годов первых признаков турбулентности испортило благостную картину мондиалистски-неолиберальной глобализации. Первым дестабилизирующим фактором стал мировой финансово-экономический кризис 2007–2008 годов, за которым последовали долговой кризис Греции (2010), «арабская весна» (2011–2012), появление ИГИЛ[11] (2013), государственный переворот на Украине (2014), иммиграционный кризис в Европе (2015), пандемия коронавируса (2020–2022), начало специальной военной операции на Украине (февраль 2022 г.)[12]. Процессы глобализации продолжаются, но теперь носят многополярный характер.

Как известно, вечных лидеров в системе международных отношений не бывает. Это убедительно показано, в частности, в книге П. Кеннеди[13]. США как мировой лидер испытывают серьезные трудности, и, видимо, на смену их гегемонии приходит многополярность. Точнее, можно даже предсказать наступление в первое время бесполярности, когда «потенциаль-

---

[1] Заведующий кафедрой «Теория государства и права и политология» Пензенского государственного университета, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, Почетный профессор Пензенского государственного университета. Автор 257 научных публикаций, в т. ч.: «Значение сравнительного правоведения для современного юридического образования», «Государственно-правовая безопасность этнических федераций в условиях глобализации: к вопросу о формировании концепции», «Место России на юридической карте мира (сравнительный анализ позиций российских компаративистов)», «Юридическая компаративистика как комплекс государственно-правовых и политологических дисциплин в условиях глобальной нестабильности», «Технологическая теория модернизации о трансформации экономики и государства (конец XVIII — начало XX в.», «Неэффективно контролируемая иммиграция как угроза национальной безопасности (обзор негативного опыта США)» и др. Член-корреспондент Международной академии сравнительного права.

[2] *Кувалдин В. Б.* Глобальный мир: экономика, политика, международные отношения. М., 2009. С. 13.

[3] *Иноземцев В. Л.* Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 59.

[4] *Глазьев С. Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М. : Экономика, 2010. С. 86–89.

[5] *Ильин И. В., Шестова Т. В.* Глобалистика и глобальные исследования // Вестник Московского университета. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. 2015. № 1/2. С. 71–73.

[6] Правовая политика (комплексный подход к усовершенствованию государственной и правовой жизни общества) : учеб. пособие / А. В. Малько, А. Д. Гуляков, А. Ю. Саломатин, В. А. Затонский. М. : Юстиция, 2019. С. 84.

[7] *Явич Л. С.* О философии права на XXI век // Правоведение. 2000. № 4. С. 11–12.

[8] *Друкер П. Ф.* Эпоха разрыва. Ориентиры для нашего меняющегося общества. М ; СПб ; Киев, 2007. С. 208.

[9] См.: *Toffler A.* Power shift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of 21st Century. N. Y., 1990. P. 460, 463.

[10] См.: *Glenn P. H.* The Cosmopolitan state. Oxford : Oxford Univ. Press, 2013. P. 172–173.

[11] Признана террористической организацией и запрещена в РФ.

[12] Основы российской государственности / А. Д. Гуляков, А. Ю. Саломатин, В. В. Гошуляк [и др.] ; под ред. А. Д. Гулякова. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2024. С. 245.

[13] *Кеннеди П.* Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 до 2000 г. М., 2018.

ным „полюсам“ или авторитетным глобальным государствам будет не до глобальных дел и многие из них не будут в состоянии эффективно продвигать принципы многосторонности»[1]. Иными словами, новый лидер или новые лидеры (если они вообще будут) определятся не сразу.

В этой ситуации логично прогнозировать появление межгосударственных интеграционных объединений различной конфигурации и разных типов. БРИКС, например, демонстрирует состав членов, не учитывающий критерий географической близости и сопряженности. ШОС, наоборот, строится на основе геополитической и транспортно-хозяйственной общности. Но характерно, что ни та, ни другая организация не проявляет желания к искусственному форсированию интеграции, чем в последние десятилетия занимается слабеющий Европейский союз[2].

Таким образом, логично предположить, что в мировом государственном строительстве продолжит наблюдаться многообразие форм государств (унитарных, регионалистских, федеративных с разной степенью централизации и особенностями организации) при их твердом желании защищать свой суверенитет и вступать во взаимно полезные союзы.

Исходя из этого, право призвано обслуживать эти прагматические интересы. Оно должно, сохраняя накопленный опыт компаративизации и точечной унификации (в отношении конкретных правовых ситуаций, институтов, подотраслей и отраслей), отстаивать безусловный приоритет национального права над международным. Международное право и международные правовые (в том числе и судебные) структуры, к сожалению, в прошлом нередко являлись инструментом правового гегемонизма и экспансии. Поэтому традиционное международное право следует дополнить правом межгосударственных интеграционных объединений, в которых Российская Федерация состоит членом. Сравнительное правоведение, в котором организационно и кадрово Запад долгое время доминировал, следует не игнорировать, а воспринимать должным образом как инструмент познания правовых различий, диагностики полезного или бесполезного правового опыта. Необходимо отказаться от восторженно-некритического отношения к западному праву. Само же сравнительное правоведение целесообразно «надстроить», дополнив его сравнительно-государствоведческим и сравнительно-политологическим анализом.

Например, изучая проблемы федерализма (в том числе и его правового регулирования — разделения полномочий между центром и субъектами, распределения финансово-налоговой нагрузки, языковой политики и т. д.), мы должны обратиться к некоторым государствоведческим сюжетам, включая особенности и динамику эволюции государственности рассматриваемого нами объекта исследования; сравнительному анализу способов государственного управления внутри различных федераций и межгосударственных интеграционных объединений, регионалистских государств (на предмет вычленения ценного, бесполезного и негативного опыта). Для полноты картины необходимо исследовать и политические характеристики, без которых мы не поймем политическую целесообразность предлагаемых преобразований: анализ состояния партий и прогноз развития партийной системы изучаемого государства в сравнении с зарубежными партийно-политическими трендами, особенности политической культуры (в сравнении с другими странами). Необходимо также рассмотреть состояние общественного мнения, дополнив его прогнозом возможной реакции граждан на предлагаемые преобразования (здесь также следует опираться на сравнение с иностранным социумом). Одним словом, времена стандартных научно-практических рекомендаций, которые с 1990-х годов выдавал мировой гегемон, прошли. Государства вынуждены проявлять самостоятельность в своей правовой политике и решать сложные проблемы более тщательно.

При комплексном характере проблем современной государственно-правовой жизни, требующих знаний об особенностях функционирования механизма конкретного государства и состоянии институтов его политической системы и общественного мнения, исследование этой жизни также должно проводиться комплексно[3].

---

[1] *Дмитриченко А.* Бесполярность как промежуточный этап на пути к многополярности // Международная жизнь. 2023. № 3. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/2794 (дата обращения: 12.09.2024).

[2] Судьба Евросоюза и уроки для России : моногр. / под ред. А. Д. Гулякова. 2-е изд. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2022.

[3] *Саломатин А. Ю.* Юридическая компаративистика как комплекс государственно-правовых и политологических дисциплин в условиях глобальной нестабильности // Юридическая компаративистика: проблемы сравнительных исследований в государствоведении, правоведении и политологии : сб. науч. статей / под ред. А. Ю. Саломатина. Пенза : ПГУ, 2022. С. 16.

К. Е. Сигалов[1]

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЗАПАДА КАК ВЫЗОВ ФАКТОРУ МНОГОПОЛЯРНОСТИ: ПРАВО И ПОЛИТИКА

Западное право и западный образ жизни наиболее интенсивно навязывались населению колониальных империй. Аборигены вынуждены были в той или иной степени принимать право метрополии, но сохраняли и свое. При этом различные группы и народы колонизируемых территорий находились на совершенно разном уровне развития. Одни ранее создали вполне развитые государственные образования и соответственно имели собственное право, другие пребывали буквально в первобытном состоянии. Для первых принятие западного права шло по одному сценарию, для вторых — принципиально по иному. Некоторые цивилизации смогли найти точки соприкосновения с западным миром, а для других этот контакт был крайне болезненным и негативным.

Сэмюэль Хантингтон утверждает: «Запад завоевал мир не из-за превосходства идей, ценностей или религии (в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций), а скорее превосходством в применении цивилизованного насилия. Жители Запада часто забывают этот факт; жители не-Запада никогда его не забудут»[2].

Попытки освоения европейцами внеевропейского пространства начались, как только удалось освободиться от доминирования Востока. Вначале активная торговая, экономическая и военная деятельность итальянских талассократий Венеции и Генуи, затем экспансия западноевропейского мира в Палестине. Но реально освоение незападного мира начали Испания и Португалия после изгнания мавров.

Колониальные империи западных стран формировались в условиях жесточайшего противостояния между собой. Войны велись на суше и на море, на заморских территориях и в самой Европе. Большие и малые колониальные империи создавали страны, относящиеся к различным правовым культурам, имеющие собственные внутренние причины колонизации и весьма различные ментальные основания для освоения новых земель.

Америка была открыта в 1492 году, когда пиренейские королевства были полностью освобождены от мавров. Среди разнообразных проблем, стоявших перед христианскими пиренейскими монархами, был поиск новых территорий, куда можно было бы отправить безземельных дворян-идальго, которые умели только воевать и ничего другого делать не хотели. Новые земли стали для «лишних людей» второй родиной. Там они сформировали новые государства, креольские нации и гибридное право. Считать ли его отдельной правовой семьей или ветвью романо-германского права — вопрос дискуссионный, но то, что в сфере публичного права и конституционного устройства влияние США является доминирующим — несомненный факт.

Португальская колониальная империя являет собой одну из первых попыток освоения внеевропейского пространства. В 1415 году португальцами была взята Сеута. Далее они освоили значительные территории в Африке, Индии, других азиатских регионах. Согласно Тордесильясскому договору мир был поделен между Португалией и Испанией без учета интересов других стран. Самым крупным приобретением Португалии была Бразилия, а также колонии в Африке. Остальные колонии суть опорные пункты торговой деятельности, которую вели португальцы по всему свету. Первоначально этих пунктов было очень много, но более сильные колониальные державы повсеместно отбирали их у Португалии. Последнюю, весьма значимую колонию (Макао) португальцы передали Китаю в 1999 году. Португальцы позже всех и ушли из колоний во многом благодаря концепции лузотропикализма, согласно которой в силу собственного жаркого климата Португалия является лучшей колониальной державой среди европейских стран, толерантна в расовом отношении и выполняет особую цивилизаторскую миссию. Романо-германское право принесло определенную пользу португальским колониям, но сама цивилизаторская миссия имела весьма разнонаправленный характер, что привело, в частности, к ожесточенным войнам в африканских колониях.

Колониальные империи Великобритании, Франции, Нидерландов, а позднее[3] Германии, Италии и Бельгии развивались каждая по своему сценарию.

Британская империя прошла несколько этапов своего развития — это и жесткое противостояние с Испанией, и освоение Северо-Американского материка с тринадцатью колониями, закончившееся фиаско. В целом британская колониальная политика основывалась на принципах внедрения общего права как основополагающего принципа нормативного регулирования социальных отношений на абсолютном большинстве занимаемых ими территорий. Британцы предпочитали там, где это было возможно, управлять через местные элиты, создавая им особые условия существования и пытаясь переложить на них ответственность за разграбление колоний. Это удавалось далеко не всегда и не везде, да и со временем «воспитанные» местные лидеры стали стремиться к самостоятельности и независимости. Большое значение имело и то, что в огром-

[1] Профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, Почетный сотрудник МВД. Автор 275 научных публикаций, в т. ч.: «Типология права и правосознания. Концептуальное единство и многообразие», «Историческая методология и проблема нарратива», «Philosophical and legal foundation of the study of legal interpretation technique», «Философия истории в постижении феномена исторического», «Прогнозирование в историко-правовых исследованиях», «Западноевропейское Средневековье — юность гражданского общества», «Социальное государство: благостный миф или развивающаяся реальность» и др. Награжден правительственными и ведомственными медалями и знаками.

[2] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2005. С. 66.

[3] Попытки колониальной политики предпринимались со стороны Швеции, Шотландии и даже герцогства Курляндия (Тобаго и Гамбия).

ной мере освоение новых земель было основано на частной инициативе (бизнеса, религиозных сообществ, разного рода авантюристов).

В «белых колониях» (утерянных тринадцати североамериканских колониях, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, отчасти в Южной Африке, еще раньше — в Ирландии) английское общее право вполне органично привилось и в модифицированном виде существует и по сей день. Там, где белые переселенцы не составляли большинства, а политические и социально-экономические отношения оставались неразвитыми, к общему праву подмешиваются местные обычаи и создается причудливый «правовой коктейль», где английское право является только верхушкой юридического айсберга этих стран. Хотя бы каким-то образом, и весьма фрагментарно, смогли интегрироваться в британский образ жизни те, кто перебрался непосредственно в Великобританию, но интеграция общего права и британского образа жизни в «черных» колониях весьма проблематична.

Французская колониальная империя конкурировала с Британской и осваивала примерно одни и те же пространства. Превзойти Британскую империю французы так и не смогли, но практически везде, где были британцы, в той или иной мере присутствовали и французы. Кроме того, французские гугеноты составляли внушительную часть белого населения Южной Африки, совместно с голландцами кристаллизовав бурское сообщество.

Французы использовали в колониях свое право и свою систему государственного управления. «Белых» колоний у Франции было меньше, а самые значительные из них (Квебек и Луизиану) Франция потеряла по различным причинам[1]. Французы установили принципиально иную форму управления своими колониями — их главной задачей была так называемая цивилизаторская миссия — распространялся французский язык, прививалась католическая вера, что позволяло достаточно эффективно эксплуатировать колонии. Формально жителям колоний предоставлялись полные права гражданства, их предлагалось ассимилировать, превратить во французов, заставить их жить по праву Франции. Эффект был не столь значительный, как того ожидали. «Ассимиляция всегда отступала, и колониальное население рассматривалось как подданные, а не граждане»[2]. Действительно, представители местных элит обучались во Франции, туземные войска были вполне эффективными во всех войнах, которая вела Франция, но ассимиляция была весьма поверхностной, и выходцы из колоний пользовались французской культурой весьма избирательно. С трудом интегрировались во французское общество даже те, кто обосновался в метрополии. Ни превращение жителей колоний во французов, ни полноценная ассимиляция выходцев из колоний во французское общество не состоялись. Напряжение между современной Францией и ее бывшими колониями нарастает, целостный фактор франкоязычной культуры, включая культуру правовую, отсутствует. Э. Макрон совершенно не похож на прежних политических гигантов (Ш. де Голль, Ф. Миттеран), при нем отношения между «белыми французами» и выходцами из арабского и африканского миров стали только хуже.

Нидерландская колониальная империя развивалась примерно по португальскому сценарию. Первоначально голландские колонии формировались как форпосты экономической экспансии в разных частях света. В остром соперничестве с Великобританией Нидерланды уступили значительную часть своих колоний более сильному сопернику, а бурские республики влились в состав британского доминиона Южно-Африканского Союза. Но Нидерландам принадлежала огромная колония — Индонезия, а также Суринам в Южной Америке и множество мелких колоний в Вест-Индии, некоторые из которых находятся под управлением метрополии и сегодня. Голландское право достаточно органично действует в бывших нидерландских колониях. И хотя в целом колониальное воздействие Нидерландов отличалось в лучшую сторону от аналогичного в других колониальных империях, освободительная борьба в Индонезии носила весьма ожесточенный характер.

Гораздо более жесткие колониальные режимы устанавливали Германия, Италия и Бельгия. «Припозднившись» к колониальному разделу мира, они вводили в своих колониях такие порядки, когда право практически не играло никакой роли. Германские колонии были поделены после Первой мировой войны между другими колониальными державами, а бельгийские еще долго испытывали гнет самой, вероятно, неразумной и жестокой метрополии. Огромная и богатейшая страна Конго первоначально была просто собственностью бельгийского короля, но даже после перехода под управление государства Бельгия не познала влияния развитого западного права[3]. В Руанде и Бурунди управление проводилось через «черный апартеид», когда этническая группа тутси угнетала другую этническую группу хуту, а пигмеи вообще сбежали в джунгли. После приобретения независимости в бывших бельгийских колониях начались жесточайшие гражданские войны, унесшие миллионы жизней.

Итальянская колониальная империя — это многочисленные амбициозные попытки реанимировать Римскую империю, которые закончились крахом.

В природе в мире хищников есть своя иерархия. Высшие хищники — львы и гиены — могут отбирать добычу у других хищников. Подобно этому «молодая» колониальная империя США отбирает колонии у старых колонизаторов, превращая формально независимые страны в свои фактические колонии. «Старая» колониальная империя Великобритания, действуя строго по имперскому принципу divide et impera, уходя из своих колоний, намеренно закладывала «мины замедленного действия», которые вели к затяжным кровавым войнам. Так, Британия разделила Индию, абсолютно неразрешимые проблемы были оставлены при разделе подмандатной Палестины.

[1] Квебек отвоевали британцы, Луизиану Бонапарт продал США.

[2] *Берроуз М.* «Миссия цивилизатрис»: французская культурная политика на Ближнем Востоке, 1860–1914 // Исторический журнал. 1986. № 29 (1). С. 109–135.

[3] Проводилась неприкрытая эксплуатация, а за невыполнение норм добычи каучука африканцам отрубали руки.

Традиционно считается, что именно западные правовые ценности имманентно обусловливают соблюдение прав человека. Фрэнсис Фукуяма в 1989 году в своей знаковой статье «Конец истории» пишет: «Триумф Запада, западной *идеи* очевиден, прежде всего, потому, что у либерализма не осталось никаких жизненных альтернатив»[1]. В 2003 году Фукуяма уже не столь оптимистичен и категоричен: «Но для многих стран во всем мире современное состояние Запада труднодостижимо… Спорным остается вопрос, действительно ли универсальны институты и ценности либерального Запада»[2]. Жители не-Запада давно видят альтернативу западному доминированию, наблюдая, как либеральные ценности девальвируются и переходят в свою противоположность в новом варианте колониализма. Идея многополярного мира имеет не только практический, но и ментальный смысл — в современном мире не может быть единственного плантатора, который будет распоряжаться своим имением по собственному усмотрению, не считаясь ни с установленным правом, ни с представлениями других субъектов права о способах регуляции отношений между собой.

Р. И. Ситдикова[3]

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА[4]

В конце XIX века известный юрист, общественный деятель, профессор Казанского университета Габриэль Феликсович Шершеневич остроумно отметил, говоря о правах на результаты интеллектуальной деятельности: «С тех пор, как положительные законодательства приняли это злополучное право под свою защиту, оно носится по горизонту науки без всякого определенного назначения… подобно птице, высматривающей место, куда ей удобнее было бы спуститься»[5]. В Декларации Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) 2000 года уже подчеркивается, что «в двадцать первом веке мир станет свидетелем ускоренной интеграции экономики различных стран и развития общества, основанного на знаниях, и что в таких условиях интеллектуальная собственность будет играть большую роль в жизнедеятельности человека, чем когда-либо раньше за всю его историю»[6]. Время подтвердило верность этого тезиса.

На современном этапе развития многополярного мира мы наблюдаем резкое повышение роли и значения интеллектуальной собственности в культурной, экономической, социальной и других сферах жизнедеятельности человека, а право интеллектуальной собственности является одной из самых активно развивающихся нормативных систем как на международном, так и на национальном уровне.

Соблюдение прав авторов в сфере интеллектуальной собственности является также одним из показателей развития демократического общества и интеграции государств в мировое сообщество. Хотя в настоящее время создана хорошо разработанная система правовой охраны интеллектуальной собственности от национального до международного уровня, однако развитие человеческого общества в условиях многополярного мира ставит новые проблемы. Одной из них является соблюдение баланса частных и общественных интересов в праве интеллектуальной собственности.

Традиционно право интеллектуальной собственности обеспечивает правовую охрану частных интересов авторов творческих произведений и иных правообладателей, их субъективных моральных и экономических интересов. В решении этой задачи в процессе становления правового регулирования права интеллектуальной собственности достигнуты значительные успехи на уровне как международного, так и национальных законодательств, в том числе и законодательства Российской Федерации. В то же время объекты интеллектуальной собственности играют большую роль в культурном, экономическом и технологическом развитии общества, члены общества заинтересованы в доступе к результатам научной и иной творческой деятельности, свободном обмене информацией. При этом немаловажным фактором является и то, что сейчас, как никогда ранее в истории человечества, имеются самые широкие технические возможности для реализации общественной заинтересованности в доступе к знаниям, достижениям культуры и науки, в обмене информацией с помощью современных телекоммуникационных средств. В связи с этим важное значение приобретает и создание правовых оснований для обеспечения указанных общественных интересов.

---

[1] *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134.

[2] *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006. С. 14.

[3] Профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук. Автор 127 научных публикаций, в т. ч.: «Обеспечение частных, общественных и публичных интересов авторским правом», «Справедливый баланс частных и общественных интересов как критерий эффективности правового регулирования», «Цифровые права как новый вид имущественных прав», «Содержание понятия „Нарушение исключительных прав“», «Управление интеллектуальной собственностью классического вуза» (в соавт.) и др. Член Научно-консультативного совета при Верховном суде Республики Татарстан и Суда по интеллектуальным правам. Награждена Почетной грамотой Министерства образования Республики Татарстан.

[4] Доклад подготовлен на основе: *Ситдикова Р. И.* Гражданско-правовой механизм охраны частных, общественных и публичных интересов авторским правом : автореф. дис… д-ра юрид. наук : 12.00.03 Гражданское право. М., 2013.

[5] *Шершеневич Г. Ф.* Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891. С. 28.

[6] Всемирная декларация по интеллектуальной собственности от 26 июня 2000 г. // Роспатент : [сайт]. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/documents/vsemirnaya-deklaraciya-po-intellektualnoy-sobstvennosti-ot-26-iyunya-2000-g (дата обращения: 12.09.2024).

В то же время наблюдающееся усиление правовой охраны частных интересов правообладателей, расширение возможности контроля за использованием произведения в ряде случаев препятствуют решению этой задачи и вступают в противоречие с интересами общества. Особенно остро эта проблема проявляется при использовании произведений в современных информационных сетях. С одной стороны, современные технологии позволяют быстро изготавливать и распространять копии произведений, количество которых порой бывает трудно проконтролировать, что наносит вред авторам. С другой стороны, законодательство об авторском праве ограничивает возможность доступа к произведениям и обмена информацией пользователями Сети. На актуальность этой проблемы справедливо указывал и Д. А. Медведев: «С появлением цифровых технологий и глобальных информационных сетей произошел настоящий прорыв в области накопления и обмена информацией. Старые принципы охраны интеллектуальной собственности, создававшиеся в совершенно другом технологическом контексте, в складывающихся условиях больше не работают…»[1]

Охрана патентных прав нередко ограничивает доступ к результатам технической деятельности, недобросовестное поведение правообладателей может замедлять развитие технического прогресса. В ряде случаев жесткая патентная защита не дает возможности производить лекарственные препараты, необходимые для лечения тяжелобольных.

В связи с этим в праве интеллектуальной собственности на современном этапе первостепенной становится задача обеспечения правовыми средствами гармоничного сочетания интересов правообладателей и общества, поскольку исследования в этой области показывают, что баланс частных и общественных интересов сегодня находится под как никогда сильным давлением.

Кроме того, Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС)[2], положения которого обязательны для стран — участниц Всемирной торговой организации, необходимость соблюдения баланса интересов правообладателей и общества прямо относит к цели правового регулирования в праве интеллектуальной собственности. В ст. 7 указывается, что «охрана и реализация прав интеллектуальной собственности должны содействовать техническому прогрессу и передаче и распространению технологии к взаимной выгоде производителей и пользователей технологических знаний, способствуя социально-экономическому благосостоянию, и к достижению баланса прав и обязательств»[3].

Далее в ст. 8 ТРИПС («Принципы») соблюдение общественных интересов провозглашается как первый принцип правовой охраны интеллектуальной собственности: «При формировании или совершенствовании своих национальных законов и правил члены могут принимать меры, необходимые для охраны общественного здоровья и питания и содействия общественным интересам в жизненно важных для их социально-экономического и технического развития секторах, при условии, что такие меры соответствуют положениям настоящего Соглашения»[4].

В Декларации тысячелетия («Цели развития на пороге тысячелетия»), принятой на саммите ООН в 2000 году, среди основных задач названо обеспечение развития доступности образования, что, безусловно, предполагает широкое использование результатов творческой деятельности, особенно объектов авторского права[5]. Федеральная целевая программа «Культура России», утвержденная Правительством РФ в 2014 году, также предусматривает «обеспечение равного доступа к культурным благам и возможности реализации творческого потенциала в сфере культуры и искусства для всех граждан России»[6].

Игнорирование общественных интересов может не только иметь отрицательные последствия с точки зрения эффективности правового регулирования, но и послужить источником социального напряжения. Неслучайно в последнее время появились общественные движения, выступающие за реформирование законодательства об авторском праве и патентных правах, содействие свободному распространению знаний и свободной культуре. Особенно активны в этом направлении молодые программисты, которые выступают фактически против охраны авторских прав в существующем виде, за свободное использование большинства результатов интеллектуальной деятельности и создание новой системы охраны с новым названием copyleft в противовес существующему copyright.

Эти воззрения получают все более широкую поддержку в обществе в ситуации многополярного мира, а наиболее активные сторонники сформировали политические партии, так называемые партии пиратов. Партии пиратов уже официально зарегистрированы в Швеции, Германии, США, Чехии, Болгарии и других 64 странах, действует также Международная пиратская партия (Pirate Parties International). Цель их деятельности — реформирование законодательства об авторском праве и патентных правах, содействие свободному распространению знаний и свободной культуре, борьба за сохранение гражданских прав и свобод в сети Интернет. Указанные вопросы широко обсуждаются на различного рода сетевых форумах и специализированных сайтах и получают поддержку. На конференции «Интернационала пиратских партий» в 2012 году в Праге европейские партии пиратов договорились об участии в выборах в Европейский парламент с общей програм-

[1] Послание Президента России лидерам стран — участниц «Группы двадцати» от 3 ноября 2011 года // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/13329 (дата обращения: 12.09.2024).

[2] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности // Роспатент : [сайт]. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/documents/soglashenie-po-torgovym-aspektam-prav-intellektualnoy-sobstvennosti (дата обращения: 12.09.2024).

[3] Там же.

[4] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности..

[5] Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций // Организация Объединенных наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 12.09.2024).

[6] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 317 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие культуры“». URL: https://base.garant.ru/70644226/ (дата обращения: 12.09.2024).

мой, а также о создании общеевропейской политической партии. Пиратская партия относится к разновидности киберпартий, которые основную свою деятельность осуществляют в Интернете.

В заключение хотелось бы привести высказывание М. И. Никитиной о соотношении частных и общественных интересов в праве интеллектуальной собственности, с которым трудно не согласиться, что «не противопоставление их, а разумное сочетание способно обеспечить развитие литературы, науки, искусства и изобретательского дела в Российской Федерации»[1].

Л. Б. Смирнов[2]

ПЕНОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Политика государства в условиях многополярного мира является объединяющим звеном, пронизывающим все сферы государственной и общественной жизни, она выражается через различные направления, включая внешнюю и внутреннюю политику. Политика государства в сфере противодействия преступности играет ключевую роль в обеспечении безопасности и правопорядка в обществе. Она определяет стратегические цели, средства и меры, принимаемые государством и его исполнительными органами для предотвращения преступлений.

Уголовно-исполнительная политика представляет собой важную составляющую политики государства в области борьбы с преступностью, поскольку ее основными задачами являются определение стратегии, целей, принципов и направлений деятельности государственных органов и институтов по исполнению и отбыванию наказаний, а также предупреждению рецидивной преступности[3].

Политика в области исполнения уголовных наказаний охватывает широкий спектр аспектов внутренней политики, определяющих основные направления, цели, принципы, формы и методы деятельности государства в обеспечении исполнения уголовных наказаний. Уголовно-исполнительная политика также заключается в оказании исправительного воздействия на осужденных и взаимодействии системы исполнения наказаний с другими государственными органами и общественными формированиями[4].

Уголовно-исполнительная политика определяет основные стратегические направления и принципы деятельности государственных и общественных институтов в сфере исполнения уголовных наказаний, разрабатывает средства, формы и методы этой деятельности. Уголовно-исполнительная политика направлена на достижение ряда основных целей, таких как обеспечение безопасности общества, исправления осужденных, предупреждение повторения преступлений и обеспечение устойчивости правопорядка.

Разновидностью уголовно-исполнительной политики является пенитенциарная политика как политика в области исполнения лишения свободы и применения мер исправительного воздействия в исправительных учреждениях. Пенитенциарная политика выступает важным фактором как в системе исполнения наказания в виде лишения свободы, так и в общем стратегическом плане государства по профилактике преступности. Она направлена на совершенствование пенитенциарной системы, повышение эффективности исправления осужденных, а также обеспечение безопасности общества.

В Российской Федерации в современный, непростой для нашей страны период в условиях многополярного мира на уголовно-исполнительную политику существенное влияние оказывает геополитический фактор[5], заключающийся, с одной стороны, в военно-политическом противостоянии с западным миром, а с другой — в изменившихся приоритетах современного международного сотрудничества.

Основными направлениями современной уголовно-исполнительной политики нашей страны являются: развитие и внедрение инновационных подходов в сфере исполнения наказаний; дальнейшая гуманизация условий содержания осужденных в местах лишения свободы; обеспечение законности с приоритетом на соблюдение прав, свобод и законных интересов осужденных, демократизация уголовно-исполнительной системы; совершенствование исправительного процесса; обеспечение безопасности и достойных ус-

[1] *Никитина М. И.* Публичный интерес в праве интеллектуальной собственности // Современные проблемы права интеллектуальной собственности: Теория и практика. Отечественный и зарубежный опыт : сб. науч. трудов / отв. ред. С. А. Чернышева. Казань, 1998. С. 15–20.

[2] Профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Генезис и эволюция уголовно-исполнительной политики России», «Цель исправления осужденных: генезис, эволюция, современные проблемы», «Пенитенциарная безопасность: теоретические и организационно-правовые аспекты», «Сущность и особенности субкультуры осужденных к лишению свободы», «Уголовное наказание в виде лишения свободы в механизме социального регулирования» и др. Награжден серебряной медалью «За вклад в российское просветительство» им. академика И. Ф. Образцова.

[3] См.: *Перминов О. Г.* Современные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 2. С. 246–262.

[4] См.: *Селиверстов В. И.* Некоторые направления уголовно-исполнительной политики России на современном этапе // Вестник института: преступление, наказание, исправление : науч.-практ. журн. Вологодского ин-та права и экономики ФСИН. 2009. № 5. С. 16.

[5] См. также: *Аладьина Л. С.* Теоретические подходы к определению уголовно-исполнительной политики в отечественной юридической литературе // Вестн. Владимирского юрид. ин-та. 2002. № 1. С. 161–164.

ловий содержания осужденных в исправительных учреждениях; реализация мер по предотвращению преступлений со стороны осужденных.

Гуманизация условий содержания осужденных заключается в смягчении режимных требований, расширении перечня благ, предоставляемых им. Обеспечение законности предполагает совершенствование общественного и ведомственного контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений[1]. Демократизация пенитенциарной системы направлена на обеспечение гласности в деятельности исправительных учреждений и подконтрольности институтам гражданского общества. Важным направлением уголовно-исполнительной политики являются также развитие и внедрение инновационных подходов в сфере исполнения наказаний, что включает использование новых технологий, методов обучения и работы с осужденными, а также разработку и внедрение новых программ и практик, способствующих их ресоциализации.

Одна из основных задач уголовно-исполнительной политики России — содействие социальной адаптации осужденных после освобождения и их успешной реинтеграции в общество. Для достижения этой цели необходимо создание благоприятных условий, способствующих приобретению профессиональных навыков осужденными во время отбывания наказания, а также оказание поддержки и социальной помощи в период их постпенитенциарной жизни.

Задачей уголовно-исполнительной политики Российской Федерации также является соблюдение прав и свобод осужденных. Это включает гарантию содержания условий отбывания наказания в местах лишения свободы и принудительных работ, соответствующих минимальным стандартам, предоставление медицинской помощи, обеспечение права на труд и образование, а также защиту от насилия и произвола.

В целом разработка и реализация эффективной уголовно-исполнительной политики — это сложный и многогранный процесс, требующий глубокого анализа, постоянного совершенствования и согласованной работы различных структур и органов исполнительной власти. Однако только посредством применения единого и согласованного подхода можно достичь успеха в исправлении осужденных и обеспечении безопасности общества[2]. Взаимодействие с органами юстиции, общественными организациями, специалистами и другими заинтересованными сторонами позволяет выработать совместные меры по улучшению условий и системы исполнения наказания. Это включает разработку и реализацию программ исправления и реинтеграции осужденных, проведение научных исследований и анализа эффективности принятых мер, а также диалог и обмен опытом между участниками правоотношений.

Важным аспектом уголовно-исполнительной политики России в условиях многополярного мира и продолжающихся западных санкций является поддержка и развитие позитивного международного сотрудничества в сфере исполнения наказаний. Этот важный момент включает обмен международным опытом и передачу социально-правовых знаний, стандартизацию методов и подходов, а также взаимную помощь в сфере исполнения уголовных наказаний.

Межгосударственное объединение представляет собой такую форму интеграции, которая осуществляется без «территориальной привязки», но предполагает объединение участников общими или взаимовыгодными целями, приверженность таким целям способствует обеспечению высокого уровня доверия и взаимопонимания между ними. В описываемых условиях многополярного мира возникает возможность выстраивать между государствами-участниками равноправные и справедливые отношения, не создающие угрозу их суверенитету и культурной идентичности, что делает рассматриваемую форму интеграции крайне притягательной.

В изменившихся современных геополитических условиях приоритетным и актуальным является международное пенитенциарное сотрудничество, прежде всего со странами СНГ, ЕврАзЭС и БРИКС. Образцом такого сотрудничества является модельный Уголовно-исполнительный кодекс СНГ, который дает направления и ориентиры развития национального уголовно-исполнительного законодательства. Подобная модель сотрудничества является по-настоящему демократической. Она не предполагает установления императивных принципов и механизмов их реализации, свойственных институтам и органам ООН и Европы, превратившихся в инструменты влияния глобальной олигархической власти.

В целом современная уголовно-исполнительная политика России в условиях многополярного мира должна опираться на позитивные результаты научных исследований, международного сотрудничества и практики в области уголовного исполнения, обязательно учитывать положительный опыт взаимодействия с международным сообществом. Постоянное совершенствование данной политики позволяет России внедрять новые подходы и методы работы с осужденными, в том числе в сфере предупреждения преступности.

Сегодня реализация уголовно-исполнительной политики в условиях многополярного мира требует постоянного поступательного позитивного развития и совершенствования, учета международного передового опыта, современных политических, экономических и правовых реалий, происходящих в мире, а также активного взаимодействия с различными участниками уголовно-исполнительного процесса как внутри страны, так и на международной арене — с государствами, заинтересованными в сотрудничестве с нашей страной в этом направлении.

---

[1] *Корякин Е. А.* К вопросу о подготовке кадров сотрудников производственных и воспитательных служб в исправительных учреждениях // Актуальные проблемы управления персоналом УИС : сб. материалов межрегион. науч. круглого стола. 2018. С. 44–47.

[2] См. также: *Старостин С. А., Анискина Н. В.* Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития // Пенитенциарная наука. 2022. Апр.-июнь. Т. 16, № 2. С. 204–212.

М. Г. Смирнова[1]

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Многополярный мир представляет собой политическую модель мироустройства, предполагающую наличие многих центров силы (политических, военных, экономических и культурных), сравнимых по своим возможностям и не стремящихся распространить влияние друг на друга путем насилия или обмана, в противоположность модели однополярного мира (один мировой гегемон) или биполярного мира (два мировых центра, находящихся в жестком противостоянии)[2].

В академической среде нет общепринятого понимания многополярности. Представители различных школ и подходов по-разному определяют и оценивают сущностное содержание многополярности. Понятие многополярности раскрывается через ее осмысление с позиций реализма, неореализма, цивилизационного подхода, регионального подхода, либерализма и конструктивизма. Так, например, конструктивизм рассматривает многополярность как внешнеполитический дискурс и одновременно проект ряда государств, в первую очередь России[3].

Теория многополярного мира — политологическая концепция, разрабатываемая, в частности, российским философом и политическим мыслителем А. Г. Дугиным и в наиболее полном виде представленная в одноименной монографии, вышедшей в 2012 году[4].

Многополярность мира в настоящее время представляет собой актуальнейший для дискуссии вопрос, многообразие ответов на который не только способствует комплексному пониманию изучаемого феномена, но и приближает к осознанию происходящих в мире процессов.

Многополярный мир представляет собой более справедливую и гармоничную концепцию мироустройства по сравнению с однополярным или биполярным: исключается доминирование одной-двух держав над всем миром, снижается опасность глобальной войны или локальных войн за удержание мировой гегемонии, в определенной степени сохраняется возможность внешнеполитического выбора и здоровой конкуренции между цивилизациями[5].

Право выступает главным инструментом поддержания многополярности мира. Российское государство, плеяда российских ученых и дипломатов внесли существенный вклад в становление и прогрессивное развитие современного международного права как системы поддержания мироустройства, так как без согласованного государствами нормативного каркаса международных отношений и созданных ими универсальных международных организаций, без уважительного отношения к ним невозможно ни международное сотрудничество в целом, ни решение насущных проблем мировой политики и экономики.

Однако в настоящее время нормы международного права грубо нарушаются рядом стран, таких как США и страны ЕС, с целью разрушения многополярности мира. Эти страны, стремясь к однополярному миру, выборочно применяют лишь те нормы международного права, которые им выгодны, или односторонне их толкуют, делая ставку на нормативную экспансию, проекцию вовне своей собственной регулятивной системы, придание ей экстремального характера[6].

В этой связи Россия для сохранения страны и человечества в целом встала на путь самоидентификации, поскольку самоидентификация есть главный и базисный параметр существования личности, семьи и нации в целом. Именно этим и обусловлены многочисленные изменения действующего российского законодательства.

Сохранение культурной идентификации России является в настоящее время основным направлением современной политики нашего государства. Именно культура и ее ценности оказывают непосредственное влияние на формирование действующего российского права, культурно-ценностно обусловливают его возникновение и содержание. В настоящее время активные действия субъектов направлены на институционализацию на законодательном уровне системы передаваемых из поколения в поколение традиционных ценностей и создание эффективного механизма их защиты.

Ценности как категория начинают изучаться во второй половине XIX века в рамках аксиологии — учения о ценностях[7]. В науке сложилось много подходов к понятию ценностей, наибольшую связь их с культурой раскрывает социокультурный подход. С точки зрения данного подхода ценности являются содержанием духовной культуры. В свою очередь, традиции обеспечивают сохранение культуры и ее передачу от поколения к поколению. По мнению П. А. Сорокина, «…именно ценность служит основой и фундаментом

---

[1] Профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского университета правосудия, доктор юридических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Социальные притязания и субъективное право: Проблемы теории и социологии права», «Институционализация социальных притязаний в праве», «Судебное правотворчество как вид государственной деятельности: современное состояние», «Источники права как формы закрепления социальных притязаний», «Динамизм и стабильность как функциональные свойства права во взаимосвязи с социальными притязаниями» и др.

[2] *Нафанец Е. А.* Образы и идеи мирной жизни и их роль в формировании нравственной культуры многополярного мира // Экофилософия — развитию культуры мира. М., 2023. С. 205–210.

[3] *Солуянов В. С.* Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. 2021. Т. 23, № 3. С. 424–445.

[4] *Дугин А. Г.* Теория многополярного мира. Плюриверсум : учеб. пособие для вузов. М. : Академ. проект, 2015.

[5] *Лапшина Ю. О.* Информационная война как фактор развития международных отношений в конце XX — начале XXI вв. URL: http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/3676/1/21Lapshina.pdf (дата обращения: 19.07.2024).

[6] *Энтин М. Л., Энтина Е. Г.* Роль права в обеспечении преемственности и устойчивости многополярного мира // Международные отношения и общество. 2019. Т. 1, № 3. С. 6–13.

[7] *Анисимов С. Ф.* Введение в аксиологию. М., 2001. С. 67.

всякой культуры»[1]. Культура и ценности оказывают большое влияние на субъектов, формируя их поведенческие аспекты, основы их жизнедеятельности, создавая соответствующие мотивы для их действий. Они выступают факторами, под влиянием которых формируется право.

К сожалению, следует констатировать, что у многих субъектов под влиянием информационного ресурса происходят полный отказ от моральных ценностей, а также их значительная деформация.

9 ноября 2022 года Указом Президента РФ № 809 были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[2]. В данном нормативном правовом акте получили дефиницию традиционные ценности и составлен перечень основных ценностей, которые могут быть отнесены к традиционным. К ним относятся жизнь, права и свободы человека, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, патриотизм, историческая память, гуманизм, милосердие, крепкая семья, преемственность поколений и т. д. С точки зрения автора, вышеуказанный перечень не является исчерпывающим.

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей являются документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности нашего государства, гарантом сохранения культурно-исторической идентичности многонационального народа России.

Необходимость принятия данного документа обусловлена прежде всего процессами, которые негативно влияют на традиционные ценности и культуру в целом, приводят к их деформации и уничтожению.

В последующем Указом Президента Российской Федерации от 25 января 2023 года № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808»[3] было усилено регулирование традиционных ценностей и брака как союза мужчины и женщины. Данным подзаконным актом было провозглашено, что укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений находится в числе приоритетов текущей демографической политики государства. Президентом РФ В. В. Путиным 2024 год объявлен Годом семьи.

Кроме того, в декабре 2022 года были приняты законы о полном запрете пропаганды ЛГБТ[4], педофилии и смены пола. Были внесены соответствующие поправки в Закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Отныне контент с пропагандой нетрадиционных отношений, педофилии и смены пола запрещен к показу. В этой связи Роскомнадзор наделили правом блокировать ресурсы с подобной тематикой. Введены меры соответствующей административной ответственности.

В ноябре 2023 года Верховный Суд РФ объявил международное общественное движение ЛГБТ, которое отсутствует в стране де-юре, экстремистской организацией, запретив его деятельность в России. Иск был подан Минюстом России. В заявлении указано, что в деятельности ЛГБТ-движения, функционирующего, пусть и не официально, на территории РФ, выявлены различные признаки проявления экстремистской направленности, в том числе возбуждения социальной и религиозной розни.

23 января 2024 года принят Указ Президента РФ, устанавливающий нормы, касающиеся статуса многодетных семей в стране[5]. Согласно данному подзаконному нормативному акту многодетной семьей признается семья, воспитывающая троих и более детей, и ее статус устанавливается бессрочно. Указом Президента РФ установлены конкретные меры социальной поддержки до достижения старшим ребенком 23 лет при условии, что он обучается очно. С целью усиления социальной поддержки многодетных семей регионам рекомендовано ввести ряд дополнительных мер по бесплатному предоставлению лекарств для младших детей, проезда и одежды школьникам, скидок на ЖКХ не менее чем на 30 % и т. д.

Стоит согласиться с позицией Президента РФ В. В. Путина, озвученной в его Послании к Федеральному собранию Российской Федерации 21 февраля 2023 года, что «отстаивая традиционные ценности, Россия защищает все человечество... „Гендерные новации“ вызывают отвращение практически везде. Не только в России, но и в Китае, Индии, Африке, арабском мире. Защита традиционных ценностей не только не изолирует нас, а, напротив, объединяет с абсолютным большинством человечества. Приняв вызов Запада, мы встали на передний край борьбы за тот сценарий будущего, в котором люди остаются людьми и руководствуются традиционной этикой»[6].

---

[1] *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 429.

[2] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1584202/ (дата обращения: 19.07.2024).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406130451/?ysclid=lysel84mxc439895036 (дата обращения: 19.07.2024).

[4] Экстремистская организация, запрещенная в России.

[5] Указ Президента РФ от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_467710/ (дата обращения: 19.07.2024).

[6] Цит. по: Отстаивая традиционные ценности, Россия защищает все человечество. URL: https://russtrat.ru/aktualno/23-fevral-2023-1750-11722?ysclid=lysfma70pn967895475 (дата обращения: 19.07.2024).

Р. Ф. Степаненко[1]

ЧЕЛОВЕК И ПРАВО В НОВОМ МНОГОПОЛЯРНОМ МИРОУСТРОЙСТВЕ

Проблемы изменения миропорядка, обусловленные влиянием новых реалий и деглобализационными процессами, принципиально меняющими контуры правовой картины мира, репрезентируют новые идеи, гипотезы и замыслы в сфере гуманитарных и обществоведческих наук, ключевым направлением которых становится сбережение человеческого потенциала, безопасность и благополучие человека в его индивидуальном, коллективном (общество) и государственно-правовом количественном измерениях (граждане, народонаселение, нация и т. д.).

Поиски путей и способов аргументации установления многополярного мира, продуцирующие и масштабирующие конфликтогенность и рискогенность в среде оппонирующих данному целеполаганию национальных юрисдикций, пресекаются беспрецедентными попытками сохранения и удержания однополярности и гегемонии уходящего мироустройства. Противостояние уже почти континентального масштаба приводит к неустойчивости, нестабильности, хаосомности и крайне диссонирующей ситуации «пограничности» суверенных моделей государственных образований, обнажая глубочайшие гуманитарные и иные проблемы и возможности их дальнейшего коммуницирования.

Общество риска, изучаемое зарубежными (У. Бек, Г. Бехман, Э. Гидденс, Н. Лукман, Ю. Хабермас и др.) и российскими (В. В. Волков, Е. С. Ефимовская, О. И. Ларичев, Л. В. Лесков, В. М. Пригожин и др.) философами, социологами, политологами и правоведами с середины прошлого столетия, тотально конструирующее разнообразные вызовы и угрозы для человеческого бытийствования, по сути, не проявляет сопротивления возможности управления собой транснациональными корпорациями, а не государством. Доминирующие на Западе индивидуализация, прагматизм, утилитаризм и тому подобное оказываются фактически безучастными к способностям и возможностям государственно-правового управления общественными отношениями.

«Обезбоженное пространство» (Э. Сартр), лишенное ценностно-духовных ориентиров, отказавшись от них добровольно и безболезненно, реадаптирует институты традиций, семьи, идентичности, гражданства, государства и права, отдавая на откуп политическим и экономическим институтам управление тем или иным территориальным пространством в границах той или иной юрисдикции. Будучи результатом человеческой деятельности, общество риска предполагает, но фактически нивелирует все возрастающие возможности военных, ядерных угроз, климатических катаклизмов, «расчеловечивания» международных и внутригосударственных взаимодействий, дипломатические, правовые, морально-этические и иные способы упорядочения отношений. Новая межгосударственная, социентальная и культурная реальность стремительно увеличивает напряженность взаимодействий, акцентируя внимание на росте конкуренции за рынки получения выгоды от использования природных ресурсов, технологических достижений, инновационных проектов, возможностей искусственного интеллекта и др.

Логика накопительства, алчность, игнорирование индустриальных, военных, технологических угроз и тому подобное оставляют за рамками своего интереса собственно человека в его беспомощности, боязни и страхе перед будущим. Проблемы канализации, минимизации, адаптации и управления рисками, хотя и изучаемые социогуманитаристикой, так и не стали объектом пристального внимания всей российской, в том числе правовой, науки.

Человек многополярного мира во всей многогранности его существа есть биопсихосоциокультурный феномен. Многовековой цивилизационный путь его развития способствовал духовно-нравственному и социальному управлению человеком своими витальными, ментальными, экзистенциальными и иными потребностями и интересами, соподчинению требованиям нормативности, компромиссному и сбалансированному выбору моделей поведения, развиваемыми в том числе в лоне правовых постулатов. Многополярность миропорядка предполагает и настаивает на уважении ценностей и традиций, в том числе правовых, иной государственно-правовой, и прежде всего человеческой коммуникационной, среды. Цивилизационные достижения и успехи должны быть использованы во благо человечества, вбирая в себя то общеценное, что не противоречит как социальному, так и персональному развитию, это суть ключевые паттерны социогуманитаристики, концепты ее рационального постижения проблем человека в современном мире.

Торжество человеческого разума, достигнув своего совершенства путем изобретения новых технологий, ядерного оружия, искусственного интеллекта и прочего, однако не утруждает себя проблемами собственной безопасности. Тем самым процессы «расчеловечивания» социальной и правовой среды, отчуждения многого в цифровое пространство демонстрируют равноудаленные процессы цивилизованности комфортного, но не безопасного существования самого человека. Заменив, в частности, живой разум технологиями нейросети, представляющей одновременно и удобство, и угрозу для жизнедеятельности, новая реальность принципиально усложнила возможности права в обеспечении безопасности, соблюдения, защиты и охраны прав и свобод личности. Аналогично диссонирующая ситуация наблюдается в диалектической противоречивости духовно-нравственной и предельно прагма-

[1] Профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального государственного университета, доктор юридических наук. Автор 203 научных публикаций, в т. ч.: «Философия права и современное юридическое образование», «Культурологический подход в праве: проблемы междисциплинарных исследований», «Предвидение в праве: методологические возможности и перспективы», «Кумулятивный интерес правовой и экономической наук в междисциплинарных исследованиях современных социальных проблем», «Справедливость и законопорядок: теоретико-методологический аспект» и др.

тичной сферах бытия и человека, и права. Здесь сама постановка вопроса об использовании искусственного интеллекта в праворегулятивной и правоохранительной областях представляется крайне дискуссионной с точки зрения философского осмысления категории «интеллект».

Будучи особой, высшей, высокоорганизованной, духовно-творческой системой мышления и мыследеятельности в целом, интеллект имеет свои структурные, познавательные особенности, ориентируется на установленные цели и решение конкретных задач, репрезентирует генезис развития человека, его когнитивных способностей, выявляет таланты и способности личности. Сказанное невозможно экстраполировать в сферу научно-технологического контента цифровизации, в том числе искусственного интеллекта.

С позиций установления многополярного мироустройства, безусловно, сложно переоценить возможности цифровой среды. Стирание межгосударственных границ человеческих взаимодействий — это, с одной стороны, благо межличностного общения. С другой стороны, разность ценностно-правовых установлений, различия сути правоположений и существа праворегулятивных средств и тому подобное создают непреодолимые препятствия правового взаимодействия, особенно на уровне государственно-властной трансляции политико-правовых решений в различных юрисдикциях. Предложение введения цифрового кодекса как системообразующего фактора в урегулирование всевозможных противоречий и конфликтов вне традиционного правового регулирования общественных отношений представляется целесообразным, в том числе по причине динамичного развития процессов технологизации в эпоху постглобализма. Многополярный мир нуждается в согласованном и сбалансированном правовом состоянии при помощи общепринятых стандартов и правил сотрудничества.

Вместе с тем преждевременно предполагать общепризнанность и тем более правовую интеграцию различных правовых систем в едином цифровом мейнстриме, реализация которого может быть возложена на цифровой кодекс. Как отмечалось, различия, порой непреодолимые, в ментальности, традициях, ценностных ориентациях и другом оставляют за каждой правовой системой собственный выбор тех или иных поведенческих мейнстримов, которые остаются «неуловимыми» для обыденного восприятия, а тем более для искусственного интеллекта и цифровых кодексов. Предназначение последних в рамках отдельной национальной юрисдикции вполне себя оправдывает, а в контексте многополярного миропорядка их эффективность представляется крайне проблематичной.

Многополярный мир для человека — пространство виртуальное доминирующим образом. Демаркационная линия между государствами в цифровой среде условна, что позволяет находиться в разной государственно-правовой реальности, иногда неосязаемой, а порой совершенно иной, отличной от идентично воспринимаемой собственной нормативности. Здесь выявляется основное целеполагание права — объединение людей, базирующееся на общепризнанных правилах единого миропорядка. Международное право с этой задачей не справилось, хотя и формировало комплекс прав и свобод человека во Всеобщей декларации прав человека 1948 года для того времени вполне успешно. Виртуальный, неподлинный, «опосредованный» мир сегодня дает человечеству возможность создания, вероятно, позитивного и одобряемого всеми правового пространства, не вытесняющего правовую идентичность каждого в реальном измерении, а уважающего и признающего равноправность и равноизмеримость притязаний и интересов, прав и свобод каждой личности.

В данном контексте становится важным изучение этнокультурных особенностей правовой среды многополярного мира. На основе философского, эколого-антропологического, социологического, информационно-семиотического и в целом культурологического подходов необходимо исследовать сферы духовной культуры, исторические особенности, быт и информационную области, межличностные коммуникации уровней правосознания и т. д.[1] Последние, как и правопонимание, правовая культура и многое другое, исследуются в российском теоретическом правоведении традиционно в западноевропейской и американской научной парадигме правовых ценностей. Однако, как отмечает Р. А. Ромашов, схожесть указанных теоретических конструкций «следует рассматривать в качестве дискретных циклов, не связанных с общей традицией ни в области государственного устройства, ни в сфере понимания права и правосознания»[2].

Сказанное акцентирует внимание на различиях фундаментальных ценностей и оснований права не только в европоцентристской и американской парадигмальности государство- и правогенеза, но и в России, странах Востока и Азии, развивающихся согласно логике собственной эволюции культуры, социума, политико-правовых и экономических стратегий в современном многополярном мире. Остается главное — «научить» этому искусственный «интеллект», если это вообще возможно.

Как бы то ни было, человек в пространстве общенаучных российских и зарубежных исследований всегда есть и будет центром методологии научной и практической юридической деятельности. На правовой карте мира приоритизация изысканий в сфере осмысления и переосмысления проблем человека в праве, прежде всего в философско-правовом, в том числе экзистенциальном познании и уяснении его места и роли, не только в качестве гражданина, субъекта правоотношений, физического лица, личности преступника и тому подобного (как это традиционно изучается юридической наукой), но и как фундаментальной научной ка-

[1] *Каландаришвили З. Н.* К вопросу о понятии и сущности этнокультуры // Вопросы формирования кросс-культурной компетентности молодежи в современной России : материалы этнофестиваля «Санкт-Петербург — Северный Кавказ — Мосты дружбы» / под ред. В. Ю. Сморгуновой [и др.]. Махачкала : ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография АЛЕФ), 2021. С. 25–27.

[2] *Ромашов Р. А.* Особенности правопонимания и правосознания в классической, постклассической и постнеклассической юриспруденции // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 1 (71). С. 85.

тегории становится сегодня ядром целеполагания всей системомыследеятельности. Уникальная целокупность основных модусов человека (тело, душа, дух), которая не может не превалировать в сегодняшних неустойчивых состояниях мироустройства, принципиально актуализирует его подлинную проблему.

Переориентация объектно-предметных сфер исследований гуманитарных и обществоведческих наук на проблемы безопасности, благополучия, сохранения и развития человека возрастает в связи с пониманием кризисности и угроз человеческому существованию, обнаружением его беспомощности, неуверенности в завтрашнем дне, боязни и страхе перед непредсказуемым будущим. Сегодня в условиях многополярного мира для права как социокультурного, исторически сложившегося и цивилизационного феномена идеи сохранения человека, как в известном смысле единственной разумной универсалии, должны стать отправной точкой всех его научно-практических целеустремлений.

Е. Н. Тонков[1]

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ РОССИЙСКОГО ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

История российского правового реализма, феномен которого активно развивается в современной науке с 2010-х годов[2], подтверждает его связь с американским и скандинавским направлениями реалистической юриспруденции[3]. Российский правовой реализм становится примером интеллектуального движения к большему эмпиризму, прагматизму и психологизму в осмыслении юридических явлений. Реалистический подход способствует снижению абстракций и метафизики в праве, помогает объяснению механизмов действующего правопорядка, проявляет роль акторов силы, в том числе судей и субъектов исполнительной власти. Интерпретационный скептицизм, имманентный постклассическому типу правопонимания, актуализирует характеристики взаимодействия права с комплексом социальных и личностных ценностей[4].

В современной отечественной и зарубежной науке высказывается мнение о том, что представителями российского правового реализма следует считать сторонников Петербургской школы философии права начала XX века, которая во многом приравнивается к психологической школе права Льва Петражицкого и его последователей, сторонников социологических и психологических подходов к праву конца XIX — начала XX века.

Применительно к постклассической эпохе российский правовой реализм был исследован в коллективной монографии «Постклассическая онтология права»[5] (2016), в которой обосновывается становление концепции в период между Первой и Второй мировыми войнами. Сформировавшиеся в революционное время и в годы строительства социализма реалистические подходы к решению юридических задач укоренились в советском праве на многие десятилетия и продолжают использоваться и сегодня.

Актуальной и комплексной зарубежной работой по тематике реалистического направления является коллективная англоязычная монография «Российский правовой реализм»[6] (2018), для издания которой творческим импульсом послужили научные конференции Санкт-Петербургского государственного университета и книга польского ученого Юлии Станек «Российский правовой реализм: психолого-социологическая школа права»[7] (2017). Польские редакторы Б. Брожек, Ю. Станек и Е. Стельмах вместе с интернациональным авторским коллективом — А. В. Поляковым, А. Н. Медушевским, Ю. Станек, А. Л. Золкиным, Э. Фиттипальди, Е. В. Тимошиной, М. В. Антоновым и А. А. Мережко — представили англоязычному мировому сообществу идеи российских правовых реалистов, их предшественников и последователей, которые соединили в себе психологический и социологический подходы к праву начала прошлого века. Авторы отстаивают точку зрения, что «совокупность идей о праве, обсуждавшихся в России в начале XX века, может быть осмыслена как единая школа юридической мысли — как *российский правовой реализм*»[8].

Критериями для определения российского правового реализма в коллективной монографии названы четыре «фундаментальных элемента»[9]:

---

[1] Доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заведующий филиалом Ленинградской областной коллегии адвокатов «Адвокатская фирма „Тонковъ и партнеры“», кандидат юридических наук. Автор более 85 научных публикаций, в т. ч.: «Эвристические функции постклассической концепции толкования права», «Правовой реализм: монография», «Российский правовой реализм», «Право — язык и масштаб свободы: монография», «Тюрьма как „Град земной“» (в соавт.), «Толкование закона в Англии: монография» и др. Награжден медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» I степени, юбилейным нагрудным знаком «150 лет российской адвокатуре», орденом «За верность адвокатскому долгу» и др.

[2] См. подробнее: *Тонков Е. Н.* Российский правовой реализм и его влияние на концепцию толкования // Толкование закона в Англии. СПб., 2013. С. 274–287 ; *Tonkov D. E., Tonkov E. N.* Legal Realism, Russian // Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy / ed. by M. Sellers, S. Kirste. Dordrecht, 2023. P. 1982–1988.

[3] *Тонков Д. Е.* Правовой реализм: американское и скандинавское направления. М., 2021.

[4] *Тонков Е. Н., Тонков Д. Е.* Правовой реализм. СПб., 2022.

[5] *Тонков Е. Н.* Российский правовой реализм // Постклассическая онтология права : моногр. / под ред. И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2016. С. 417–508.

[6] См.: Russian Legal Realism / ed. by B. Brożek, J. Stanek, J. Stelmach // Law and Philosophy Library. Cham, 2018. Vol. 125.

[7] См.: *Stanek J.* Rosyjski Realizm Prawny: psychologiczno-socjologiczna szkoła prawa. Warszawa, 2017.

[8] См.: Russian Legal Realism / ed. by B. Brożek, J. Stanek, J. Stelmach. P. v.

[9] См.: Ibid. P. vi–viii.

1) понятийный аппарат, разработанный Л. Петражицким и его учениками;

2) принадлежность взглядов сторонников российского правового реализма именно к российской юридической школе (в частности, Петербургской);

3) период возникновения и существования школы, то есть период с конца XIX века по 1930-е годы (в данном ключе авторский коллектив считает, что работы С. А. Муромцева и Н. М. Коркунова содержат основы для правового реализма в России, а конечной фазой считаются 1930-е годы, когда ушел из жизни Л. Петражицкий и многие представители школы изменили свой подход к изучению права, а также предмет своих исследований);

4) общность идей. Авторами отмечается, что работы представителей российского правового реализма способствовали новым направлениям исследований с особым вниманием к психологическому и социологическому аспектам юридических явлений.

При анализе позиций авторов англоязычной монографии «Российский правовой реализм» в целом отмечается тенденция к синонимизированию понятий «петербургская школа права», «психологическая школа права Л. Петражицкого», «российская правовая мысль конца XIX — начала XX века», «российский правовой реализм» без надлежащего указания на их соотношение[1]. Можно согласиться с тем, что представители Петербургской школы философии права во главе с Л. Петражицким сыграли важную роль в становлении российского правового реализма. Однако следует подчеркнуть, что российское реалистическое направление в праве необходимо рассматривать в дискурсе более широкого круга акторов, чья теоретическая и практическая деятельность формировала правовую действительность в XX–XXI веках.

Фундаментальность теоретических разработок Л. Петражицкого и его общепризнанных последователей зачастую не позволяет отграничить психологическую школу права выдающегося ученого (или всю Петербургскую школу философии права) от современной концепции российского правового реализма, что приводит к неоправданному отождествлению указанных феноменов. Нередко спектр социологических и психологических подходов в России конца XIX — начала XX века связывают с «российским правовым реализмом», что вызывает сомнения в корректности такого подхода. Аргументы о разных взглядах на содержание концепции правового реализма, используемые в американском и скандинавском направлениях середины XX века[2], применимы и для российского научного континуума.

В современной науке развивается точка зрения, что интеллектуальное наследие Л. Петражицкого и его сторонников является частью концепции «российского правового реализма», одним из наиболее показательных его проявлений в XX веке, но не подменяет его собой. Социологические и психологические течения конца XIX века составляют предшествующую основу, не входящую в реалистическую юриспруденцию. Советские подходы к праву, которые демонстрируют несогласованность декларативных норм справедливого порядка с юридической практикой, развивают и фундируют российскую реалистическую концепцию.

В качестве ключевых фигур концептуализации российского правового реализма в XX веке предлагается рассматривать (в алфавитном порядке) следующих лиц: А. Я. Вышинского, Ф. Э. Дзержинского, В. И. Ульянова (Ленина), Я. М. Магазинера, Е. Б. Пашуканиса, Л. И. Петражицкого, М. А. Рейснера, А. Л. Саккетти, И. В. Джугашвили (Сталина), П. И. Стучку и др.[3] Термин «российский правовой реализм» следует использовать для анализа исторических закономерностей и сущностных особенностей правопорядка, сформировавшегося на территории бывшей Российской империи после Октябрьской революции 1917 года, на основе широкого понимания источников права, концепции индивидуальной нормативной системы субъекта права, множественности и параллельности нормативных систем, психологического подхода к праву Л. Петражицкого и его последователей[4].

Российский и другие варианты правового реализма явились исторически закономерной реакцией на формализм устаревших правовых догм при изменившемся экономическом и политическом порядках. Идеологический контекст формирования новой правовой парадигмы наиболее ярко проявился в российском варианте правового реализма. Несмотря на различия трех вариантов правового реализма (американского, скандинавского, российского[5]), в основных теоретических предпосылках (прагматизм в США, антиметафизическая философия в Скандинавии, партийная идеология в Советском Союзе) и областях исследования (деятельность судов в США, нормативные тексты в Скандинавии, психологическое воздействие права в России), все эти течения объединяет понимание своей функции посредничества между книжным правом и действующим правопорядком[6].

Исследования российского и других вариантов правового реализма до сих пор сталкиваются с методологическими трудностями, вытекающими как из разных значений термина «реализм» в социогуманитарных науках, так и из наличия многочисленных и неоднородных в своей теоретической основе направлений реалистического подхода в юриспруденции. Концепция российского правового реализма, претендуя на роль классического варианта реалистической юриспруденции XX века с ее последующим развитием в XXI веке,

[1] См. подробнее: *Tonkov E. N., Tonkov D. E.* Understanding Russian Legal Realism in the Modern Science // Право и государство. 2023. № 4 (101). С. 10–13.

[2] См., напр.: *Тонков Е. Н., Тонков Д. Е.* Указ. соч. С. 25, 93 и др.

[3] См.: *Тонков Е. Н., Тонков Д. Е.* Указ. соч. С. 228–229.

[4] См. подробнее: Там же. С. 191–362.

[5] Стоит отметить, что классические американское и скандинавское движения правового реализма стали идейными вдохновителями многих реалистических направлений в мировой юриспруденции, наиболее авторитетными из которых являются итальянский правовой реализм, французский правовой реализм, немецкий правовой реализм, континентальный (психологический) правовой реализм, новый правовой реализм. См. подробнее: *Тонков Е. Н., Тонков Д. Е.* Указ. соч. С. 365–408.

[6] Постклассическая онтология права : моногр. / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2016.

становится одним из направлений постклассических исследований права[1].

Представляется, что единственно возможным эффективным способом осознания юридических реалий для воздействия на правопорядок и прогноза будущих решений в условиях многополярного мира является именно реалистический подход к функционированию всех систем общества, к степени имеющейся свободы в принятии решений у различных субъектов права, к специфичности статусов правотворцев и правоприменителей. Сформировавшиеся в революционную эпоху начала XX века реалистические подходы к решению конкретных юридических задач укоренились в социалистическом праве на многие десятилетия, и едва ли можно утверждать, что в современном российском праве они перестали использоваться.

В. В. Трофимов[2]

ПРАВОВОЕ СОТВОРЧЕСТВО КАК ФОРМА ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ПОЗИТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ: ВНУТРИ- И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ[3]

Проблема сбалансированного и стабильного социально-политического и правового развития — это во многом проблема качества и социальной адекватности принимаемых политических и правовых решений нормативного и ненормативного характера как на внутригосударственном, так и на межгосударственном уровне. Если вести речь о внутригосударственной динамике, то в связи с этим одним из ключевых факторов, определяющих положительную социально-политическую динамику, можно считать фактор активной коммуникации власти и общества по спектру политических и правовых проблем, требующих согласованных и адекватных управленческих и правотворческих решений. Если же ставить данную проблему применительно к современному международному контексту, то сотрудничество государств в целях принятия согласованных решений политико-правового характера является тем, пожалуй, исключительным средством, которое способно предотвратить серьезные политические катастрофы, крупные конфликты и столкновения межгосударственного характера.

В ситуации довольно сложной внешнеполитической и глобальной экономической конъюнктуры, которая складывается на современном этапе развития мировой и государственно-национальных систем, для международных инстанций и суверенных государств установление такого межгосударственного диалога, с одной стороны, и диалога властных структур внутри государств с социальными силами — с другой, является крайне необходимым, а разработка на международном уровне эффективных механизмов межгосударственного взаимодействия для принятия политико-правовых решений, основанных на консенсусе, а на уровне национальном — инструментов коммуникации государства и гражданского общества на платформе создания действующего права (в рамках правового сотворчества) — в высшей степени востребованной[4].

Вообще нужно в самой познавательной основе данной проблемы представлять, что государственно-правовая жизнь, в недрах которой могут формироваться соответствующие механизмы диалога, сотрудничества и конструктивного сотворчества на пути разработки и принятия политических и правовых решений, имеет сложноорганизованный характер. Нельзя не замечать ее глубину и многогранность, в том числе разнополюсность, имея в виду под последним деление «объема» феномена на две взаимосвязанные части — позитивную и негативную, позитивно выраженную область государственно-правовой жизни и ее отрицательно заряженную сферу. На данном «просторе» феномена имеет смысл применять потенциал комплекса философских и общенаучных методов, классического, неклассического и постнеклассического типов рациональности (дискурсивный и диалогический подходы, метод коммуникативной рациональности и др.). Кроме того, не в последнюю очередь здесь может быть использован ресурс диалектической методологии, классические категории и законы диалектики, особенно такой ее важный алгоритм, как понимание явления с точки зрения единства и борьбы заключенных в нем противополож-

[1] Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2023.

[2] Директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук. Автор 450 научных публикаций, в т. ч.: «Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект», «Правообразование и правообразующие факторы в праве» (в соавт.), «Правовая наука и коммуникативная теория общества (к проблеме модернизации социально-философских оснований правовых исследований)» (в соавт.), «Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации» (в соавт.), «Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив», «Конкуренция и кооперация интересов в правовой политике и праве» (в соавт.) и др. Член Ассоциации юристов России; член Российского профессорского собрания. Награжден знаком «За усердие» II степени Луганской Народной Республики.

[3] Доклад подготовлен на основе статьи: *Трофимов В. В.* Правовое сотворчество как форма социально-властного сотрудничества и позитивное явление современной государственно-правовой жизни: введение в проблему // Правовая культура. 2024. № 1 (56). С. 103–105. URL: http://legal-culture.sarrpa.ru/images/legalculture/PDF/1-2024/1-17.pdf (дата обращения: 02.09.2024).

[4] *Трофимов В. В.* Идея верховенства права в государстве и социально-властный диалог в правотворческой плоскости как фактор ее осуществления // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2 (72). С. 5–13.

ностей. Во многом благодаря этому подходу, думается, можно рассчитывать на объективно-научное и истинное понимание сути рассматриваемого явления.

Государственно-правовая жизнь в правовой теории трактуется как предельная, наиболее масштабная категория, вмещающая государственно-правовые явления самого разного профиля и характера, связанные с государством и правом, «обрамленные» признаком «государственно-правового»[1]. Вместе с тем для того, чтобы научный анализ явления государственно-правовой жизни не становился лишь умозрительным, опирающимся в основной мере на систему мысленных допущений, что оно якобы состоит именно из таких элементов, а не других, либо чтобы упрощенно не делать перечень элементов государственно-правовой жизни безгранично открытым, не давая идентифицирующих признаков соответствующих явлений, включаемых в ее ареал, намеренно отрывая от действительности данный концепт и неосознанно размывая природу (сущность) явления, нивелируя его по отношению к иным смежным, но не тождественным явлениям и процессам (политической жизни с ее специфическими технологиями и противоречиями, религиозной жизни с ее нормативными установлениями и атрибутами и др.), следует переводить аналитику проблемы в более строгую научную плоскость, предполагая, что вводимые в ее рамки государственно-правовые явления будут иметь свое характерное объяснение. В связи с этим видим достаточно оправданной задачу формулировки и обоснования (характеристики) не только каждого из возможных компонентов государственно-правовой жизни (имеющих свои явные признаки, связывающие их с государственными или юридическими проявлениями и пр.), но и устанавливая (фиксируя) их положительную или отрицательную деятельностную энергию (поскольку жизнь — это прежде всего система или совокупность разнообразных действий (актов), обнаруживающих свои плюсы или минусы).

Для отражения полноты картины современной международной и внутринациональной государственно-правовой жизни обратим внимание на такой ее положительный, на наш взгляд, компонент, как *явление политико-правового сотрудничества (сотворчества) в деле разработки и принятия политико-правовых решений на межгосударственном и внутригосударственном уровне — социально-властного сотворчества публичной власти и гражданского общества в правотворческой плоскости*. Почему это может быть важно и практически значимо, объясним следующими основаниями.

Во-первых, *сотворчество* в рамках определенного вида деятельности — это довольно мощный ресурс для создания полноценных и качественных результатов, продуктов совместного творчества[2]. Для области политической и правовой действительности (внутри- и межгосударственной) это особенно, на наш взгляд, важно, так как порой именно от неопределенности в политике и праве, происходящей от недосказанности, недоговоренности, нежелания вложить максимальные усилия в созидательные действия и в общее дело, возникают известные коллизии, противоречия, споры и конфликты.

Правовое сотворчество (в плане пока «рабочей» дефиниции понятия) предлагаем понимать как *основанный на началах сотрудничества процесс совместного деятельностного взаимодействия государственных и общественных институтов, различных политических и социальных акторов в рамках государственно-правового поля (пространства государственно-правовой жизни, в том числе межгосударственной), в результате которого рождается некая новая правовая реальность в виде нормативных правовых положений (актов), межгосударственных договоров (соглашений) с нормативным содержанием и образцов их реализации или же происходит обновление традиционной правовой реальности с привнесением неких новых элементов в форму, структуру и содержание действующего права*[3].

Во-вторых, активность в принятии политических и правовых решений, прежде всего правотворческая активность (внутри государства или вовне, если вести речь о международном правотворчестве), есть то, с чего начинается по большому счету государственно-правовая жизнь, так как без внятных (четко формально определенных) нормативных правовых установлений (политико-правовых решений, объективного права) не смогут возникнуть никакие правовые последствия; никакие правовые отношения с перспективой некоего более или менее позитивного результата для их участников не смогут прийти в динамику и осуществляться в течение заданного правового времени.

В-третьих, для государственно-правовой жизни намного ценнее не всякая правотворческая активность (поскольку порой таковая может порождать и воспроизводить совсем не те нормативные стандарты, которые ожидаемы как системой государственного управления, так и обществом), а та, которая приводит к качественным и социально легитимным правовым результатам (эффективным правотворческим решениям). Такие решения в сфере правосозидания, на наш взгляд, способны генерироваться только при условии конструктивного и деятельностного взаимодействия (диалога) управляющих (государство) и управляемых (общество), или политико-правовой коммуникации в глобальном срезе (между государствами), того межсубъектного взаимодействия, которое обеспечивает взаимообмен информационно-культурными продуктами (сигналами, активностями, смыслами, знаниями).

В-четвертых, сотворчество как инструмент (внутри- и меж-) государственно-правовой жизни, ее ресурс для самообновления, имеет незаменимый потенциал синергии разных энергетических источников, солидаризации усилий разных субъектов государственно-правовой жизни во благо общего дела, на идейной константе которого только и может строиться совре-

[1] *Малько А. В., Трофимов В. В.* Правовая жизнь как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации. М. : Юстиция, 2018.

[2] Об этимологическом значении понятия «сотворчество» см. также: *Трофимов В. В., Свиридов В. В.* Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 108.

[3] См. также: *Трофимов В. В., Свиридов В. В.* Указ. соч. С. 109.

менное государство как достояние всего народа (республика). То же (но в большем масштабе) должно быть характерно и для мирового уровня политико-правовых взаимоотношений (взаимодействий между государственными образованиями).

В-пятых, правовое сотворчество власти и общества на платформе правотворчества — это область для выработки и проявления новаторских подходов, технологий и форм правосозидательной активности, где способен вырабатываться особый позитивно-креативный коммуникативный эффект[1], что обеспечит дополнительный интерес для участия граждан (иных субъектов «малой» и «большой» политики) не только в правотворческой (право- и политикосозидательной) деятельности, но и в целом в системе властной деятельности в государстве (межгосударственной активности).

И, в-шестых, проблемы восприятия (социализация) права (политико-правовых решений) и его (их) активного использования на практике, а также движения общества к состоянию уважения к праву (политическим институциям), которые стоят сегодня довольно остро в нашей сложной и нестабильной государственно-правовой жизни, смогут как процессы осуществляться в государственной и социально-правовой действительности и как проблемные вопросы быть решены на практике лишь при условии деятельного участия в правотворчестве не только официально-властных субъектов, но и самих граждан, в рамках и на платформе того, что нами обозначается как *правовое сотворчество* — социально-правовой и социально-политический институт, потенциал которого еще предстоит оценить по достоинству.

Н. Н. Черногор[2]

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Пространство БРИКС открывает широкие перспективы для диалога культур государств-участников. Одним из каналов этого диалога являются правовая наука и, в частности, юридическая компаративистика. Предметов для сравнительно-правовых исследований, в том числе осуществляемых совместно учеными разных стран-участников, предостаточно. Например, реализован совместный проект по изучению состояния и перспектив законодательного регулирования интернет-пространства стран БРИКС, а также проблем обеспечения кибербезопасности[3]. Есть множество других тем, связанных с законодательством, в том числе предполагающих выход на фундаментальные проблемы научного знания о праве и законе.

В их числе проблематика культуры законотворчества и законодательного регулирования, относительно частным, но важным сюжетом которой является установление особенностей национальных моделей законодательства. Научный поиск в этом направлении целесообразно начинать с осмысления и в определенной мере с переосмысления собственного опыта, установления специфики российского законодательства, модель которого, будучи в значительной степени юридически оформленной Конституцией РФ, до настоящего времени не имеет развернутой характеристики в правовой доктрине и остается в тени изучения динамики законодательства, процессов его нарастания и модернизации, тенденций в развитии[4].

В данном случае имеется в виду материальная (реальная) модель[5], которая, в отличие от идеальных (созданных в результате абстракции, идеализации явлений или процессов, нередко предшествующих их практическому воплощению), есть форма отражения правовой действительности, созданная в результате наблюдения. Она выступает не абстракцией по отношению к объ-

[1] См. об этой категории также, например: *Трофимов В. В., Самородов В. Ю.* Правовое сотворчество власти и общества как пример позитивно-креативной социально-властной коммуникации // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт : сб. тр. Междунар. науч. конф. Воронеж, 11–12 сентября 2020 г. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. С. 203–208.

[2] Советник директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор РАН, Почетный работник науки и высоких технологий РФ. Автор более 100 научных и методических публикаций, в т. ч.: «Проблемы ответственности в теории муниципального права и практике местного самоуправления», «Мониторинг конституции и его инструментальная роль», «Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики» (в соавт.), «Право в условиях цифровой реальности» (в соавт.), «Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука» (в соавт.), «Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды» (в соавт.) и др. Эксперт РАН, член Научного совета РАН по философии, истории, социологии, психологии и этики науки при Президиуме РАН, член Экспертного совета по праву и политологии Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ, член рабочей группы президиума Совета по противодействию коррупции при Президенте РФ по взаимодействию со структурами гражданского общества. Отмечен благодарственным письмом Президента РФ, почетными грамотами Правительства РФ, Российской академии наук, Министерства цифрового развития и массовых коммуникаций РФ, Ассоциации юристов России, благодарностями председателей Государственной Думы РФ, Совета Федерации, Уполномоченного по правам человека, медалями Прокуратуры РФ и МВД РФ.

[3] Киберпространство БРИКС: правовое измерение : моногр. / И. И. Шувалов, Т. Я. Хабриева, Ф. Цзинжу [и др.] ; отв. ред. Д. Руйпин, Т. Я. Хабриева ; сост. Ж. Фу, Н. М. Бевеликова. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2017.

[4] Научные концепции развития российского законодательства : моногр. / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2024. Однако в заявленном ракурсе отечественное законодательство еще не нашло отражения в дисциплинарной онтологии, что и объясняет основную идею и замысел настоящей статьи.

[5] Данное уточнение представляется необходимым в силу видового многообразия моделей в юриспруденции и принципиальных отличий между ними. См. подробнее: *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции : моногр. М., 2012 ; *Безруков А. С.* Правовая модель как инструмент юридической науки и практики : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2008 ; и др.

екту, а неким результатом реального воплощения конституционных установлений (нормативной модели законодательства) в государственно-правовой практике, их практической реализации в правопорядке под влиянием всей совокупности объективных условий и субъективных факторов общественного и конституционного развития.

Сформированная десятилетиями рациональная картина российского законодательства позволяет определить наиболее существенные свойства и черты его модели, отражающие в том числе ее сущностные, структурные и функциональные стороны[1]. Характеристика данной модели в силу ее специфики не может быть ограничена обобщением или интерпретацией конституционных положений, касающихся законодательства[2], и сведена к так называемой его нормативной модели, так как одни ее черты и свойства нормативно заданы Конституцией, а другие сформированы в процессе развития законотворческой практики (рассмотрение первых без учета вторых приведет к существенному искажению данной модели в ее рациональном описании и получению недостоверных научных результатов). По своей природе данная модель является *сложной*, *открытой*, *динамичной и гомоморфной (незавершенной, неполной)*.

Сложность данной модели состоит в том, что она отражает разные стороны законодательства: сущностную, структурную и функциональную. Сущностная сторона раскрывается через характеристику законодательства как инструмента государственного регулирования, формы права и средства реализации конституционных положений. Специфика содержательного наполнения данной характеристики состоит в том, что она базируется на двух генеральных идеях: идее правового закона, в которой содержательные характеристики равной меры справедливости увязываются с формально-юридической определенностью, всеобщностью и общеобязательностью[3], и так называемого узкого подхода к пониманию законодательства (что продиктовано принципом правового государства и необходимостью предотвращения подмены закона подзаконными актами или умаления его роли в жизни общества)[4].

Российская модель предполагает сложную структуру законодательства и иерархию актов, его составляющих. Данная черта отчетливо проявляется, во-первых, в ранжировании законодательных актов (законы РФ о поправке к Конституции, федеральные конституционные законы, федеральные законы, законы субъектов РФ в их видовом многообразии), установлении соотношения и связей между ними, общих и специальных функций в государственно-правовом регулировании и правовой системе. Во-вторых, в соединении отраслевого и комплексного регулирования (воплощении «симбиоза» отраслевого и функционального подходов к построению системы законодательства), который изначально заложен в тексте Конституции. Ярким примером служат ст. 71–72 Основного закона, определяющие, наряду с предметами ведения Российской Федерации и ее субъектов, сферы предметов законодательного регулирования. Конституционные положения отражают методологический плюрализм в структурировании системы законодательства и служат нормативной основой для ее перманентного развития посредством усложнения структуры традиционных отраслей законодательства, в которых за прошедшее время сложились относительно обособленные подотрасли (например, в сфере конституционного регулирования — избирательное законодательство, в сфере административного — законодательство о техническом регулировании и т. д.), формирования новых комплексных отраслей законодательства, возрастания их значения в рамках традиционных отраслей законодательства нормативных правовых актов, имеющих комплексную, смешанную правовую природу (например, в гражданском законодательстве — акты об акционерных обществах и некоторых других видах юридических лиц)[5].

Наконец, функциональная сторона рассматриваемой модели отражает направления воздействия законодательства на общественные отношения, его связи с другими инструментами социальной регуляции, социально-экономическими, политическими и другими процессами.

Одна из особенностей модели российского законодательства состоит в ее открытости к внешнему воздействию международного права, с одной стороны, и влиянию актов стратегического планирования — с другой. Так, положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ поддерживают канал проникновения в российское законодательство и правовую систему наднациональных правил, закрепленных в международных договорах. Верховенство Конституции обеспечивает необходимые границы такого проникновения и устойчивость правовой системы, минимизирует риски потенциально возможных конфликтов и коллизий. В то же время акты стратегического планирования во многом предопределяют динамику законодательства, задают векторы и тренды в его развитии. Соответствующее влияние хорошо иллюстрирует практика реализации, например, Концепции долгосрочного социально-экономи-

[1] В познавательных целях могут быть построены одноименные виды моделей: см., например: *Черданцев А. Ф.* Указ. соч. С. 220.

[2] По разным подсчетам, в Конституции РФ содержится более 70 отсылок, которые пролагают путь к принятию законов, требуемых для реализации ее положений, в том числе отсылки к федеральным конституционным законам есть в 12 статьях, федеральным законам — более чем в 50, просто к законам (то есть без указания на конкретный акт) — в 12 статьях. Если же брать положения ст. 71–72, определяющих компетенцию РФ и предметы совместного ведения РФ и ее субъектов, и ориентироваться на то, что для их реализации также нужны федеральные законы, потребность в таких актах возрастает примерно вдвое. Только в сферах совместного ведения предполагается от 40 до более чем 70 законов федерального уровня. См., например: *Авакьян С. А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. Гл. 4 : Современные проблемы Конституции Российской Федерации. 2-е изд. М., 2000. URL: https://constitution.garant.ru/science-work/modern/1776651/chapter/bab98b384321e6e745a56f88cbbe0486/ (дата обращения: 15.05.2024).

[3] *Бондарь Н. С.* Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 1 (61). С. 10.

[4] *Тихомиров Ю. А.* Общая концепция развития российского законодательства // Концепция развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. М., 2004.

[5] *Мозолин В. П.* Роль гражданского законодательства в регулировании комплексных имущественных отношений // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 26–31.

ческого развития Российской Федерации на период до 2020 года, Программы «Цифровая экономика», Указа Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и др.

Динамика и «достраивание» рассматриваемой модели обеспечиваются практикой развития законодательства, что требует осмысления всего жизненного цикла данной модели, а для этого — комплексного использования методологического инструментария позитивизма, социологической юриспруденции и синергетики. Опыт показал подвижность структуры и иерархии законодательства, что проявилось, в частности, в установлении приоритета ряда кодексов Российской Федерации над другими федеральными законами без прямых конституционных указаний на это[1], определении отраслевой структуры законодательства подзаконным актом (Указом Президента РФ[2]), эволюции некоторых специальных законов. Например, Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» существенно отличается от ранее принятых аналогичных по цели и статусу законов. Большинство ранее принятых законов о поправке к Конституции РФ (три из четырех) содержали только сами поправки и в своем тексте воспроизводили процедуру ст. 136 Основного закона. Всего один из них включал своего рода переходные положения, обеспечивающие стабильность правового регулирования и функционирования органов публичной власти, но не затрагивающие ключевых основ правовой системы и конституционно-правовой практики России[3]. Закон 2020 года содержит разнообразные нормы как материального, так и процессуального характера, вводит новые конституционные понятия, категории, институты и условия вступления в силу Закона о поправке. Они расширяют состав форм непосредственной демократии, конституционного нормоконтроля и легитимации конституционных изменений. Кроме этого, Закон дает основания зафиксировать вектор эволюции данного вида законов, который характеризуется последовательным усложнением его предмета, структуры и содержания, а также индивидуализацией законодательного регулирования — тенденция, свойственная развитию российского законодательства в последние 10–15 лет[4]. Тенденция, присущая текущему законодательству, нашла отражение в Законе о поправке 2020 года[5].

Российская модель законодательства демонстрирует вектор развития в сторону усиления свойств изоморфной (завершенной, полной) модели, однако констатировать факт ее перехода в это качественное состояние как состоявшийся преждевременно. Безусловно, трудно не заметить, что модель российского законодательства «достроена» до необходимых практике кондиций. В то же время потенциал ее развития не исчерпан. Она по-прежнему открыта к внешнему воздействию и имеет перспективу к дальнейшей модернизации. Уже обозначились возможные направления предстоящей модификации, которые связаны с усилением роли в системе российского права и законодательства так называемых циклических правовых массивов[6], развитие которых может привести к трансформации системы законодательства, а также с машинизацией законодательства и сопряженными с ней изменениями формы законодательных актов, связей между ними, форм и способов систематизации.

Можно констатировать, что, несмотря на высокую динамику законодательства, реализована его модель, обладающая значительной устойчивостью, отражающая основополагающие правовые принципы и положения программного характера; конституционные характеристики Российского государства; роль и функции закона в правовом регулировании; жесткую иерархию нормативных правовых актов и подвижность критериев в определении предмета законодательного регулирования; отечественные традиции и новации в области структурирования законодательных массивов, систематизации законодательства, обеспечения его конституционности.

---

[1] См., например: Гражданский кодекс РФ (ст. 3), Трудовой кодекс РФ (ст. 5).

[2] Указ Президента РФ от 16 декабря 1993 года № 2171 «Об Общеправовом классификаторе отраслей законодательства» // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/5034 (дата обращения: 15.05.2024).

[3] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201402060001.pdf (дата обращения: 15.05.2024).

[4] *Власенко Н. А.* Индивидуализация как закономерность развития современного российского законодательства // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 11–17.

[5] *Хабриева Т. Я., Клишас А. А.* Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020. С. 235–236.

[6] См. подробно: *Хабриева Т. Я.* Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–18.

Д. А. Четырбок[1]

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

В последние десятилетия на мировой арене произошел и до сих пор происходит целый ряд прецедентов, свидетельствующих о том, что роль национального суверенитета отдельных государств становится все более незначительной и зачастую им жертвуют в угоду так называемым глобальным интересам, устанавливаемым отдельными государствами, стремящимися навязать определенную модель мирового порядка. Политика давления на различных уровнях, введение экономических санкций, физическое воздействие на неугодные государственные структуры независимых стран посредством неких коалиционных сил (как, например, вторжение вооруженных сил США и Великобритании в Ирак в 2001 году, убийство законно избранного президента Саддама Хусейна) — это результат однополярной модели мирового порядка, в которой присутствуют полная безнаказанность действий так называемого гегемона, слепое подчинение вопреки национальным интересам вассальных государств и бессилие отдельных стран противодействовать этому монополюсу. На Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в 2007 году Владимир Путин сказал: «Чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере — и навязывается другим государствам»[2].

Отсутствие сильного противовеса и баланса сил устранило необходимость договариваться с кем-либо, породило зачастую полный произвол в действиях избранных стран. Для сохранения своего доминирования Запад пытается помешать возникновению в мире альтернативных центров координации по защите национальных интересов экономически развивающихся государств, государств, обладающих значительными природными ресурсами и обширными территориями, не разделяющих навязываемую идеологию и ценности.

Однако вопреки всему мир сейчас находится в стадии формирования нового многополярного порядка, и этот процесс необратим, поэтому вопрос о правовом статусе системы многополярности является весьма актуальным.

Правовая модель многополярного мира может опираться на существующую базу международного права в рамках Организации Объединенных Наций с условием модернизации правовых документов как результата возникших новых правил игры. В многополярном мире отношения должны строиться между полюсами, каждый из которых будет состоять из группы объединившихся государств, сохраняющих свой политический суверенитет. Однако на данном этапе политической реальности такого рода оформление договоренностей еще преждевременно. Сейчас более продуктивны действия, направленные на формирование позиции отдельных государств, выражающих готовность защищать свои национальные интересы в условиях многополярности, и закрепление данного курса в их национальном законодательстве, а также действия, направленные на актуализацию правовой базы уже существующих международных организаций и объединений, целью которых является защита своих интересов в той или иной области.

В законодательстве Российской Федерации заложен курс на формирование многополярного мира, он имеет правовой статус и закреплен в важнейшем стратегическом документе. В Указе Президента РФ от 31 марта 2023 года № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» провозглашается, что Россия выступает в качестве одного из суверенных центров мирового развития и выполняет исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы[3]. В Концепции внешней политики Российской Федерации указывается, что ряд доминирующих государств отказываются признавать реалии многополярного мира и договариваться на этой основе о параметрах и принципах мироустройства.

Россия стремится к формированию справедливой системы мироустройства, которая обеспечивала бы безопасность, сохранение самобытности, равные возможности развития для всех государств. Концепция внешней политики Российской Федерации устанавливает базовые принципы, которые должны существовать в многополярном мире. Это суверенное равенство государств, неприятие гегемонии в международных делах, сотрудничество на основе баланса интересов и взаимной выгоды, невмешательство во внутренние дела, верховенство международного права в регулировании международных отношений, отказ от политики двойных стандартов, неделимость безопасности в глобальном и региональном аспектах, многообразие культур, цивилизаций и моделей организации общества, отказ от навязывания другим странам своих моделей развития, идеологических и ценностных установок, опора на единый для всех мировых традиционных религий и светских этических систем духовно-нравственный ориентир, ответственное лидерство

[1] Депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Автор 6 научных публикаций, в т. ч.: «Проблема правового статуса лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации» и др. Член Всероссийской политической партии «Единая Россия», член Президиума регионального отделения партии «Единая Россия». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

[2] *Путин В. В.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 03.09.2024).

[3] Указ Президента РФ от 31 марта 2023 года № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Гарант.ру : [информ.-прав. портал]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/ (дата обращения: 03.09.2024).

ведущих государств, направленное на обеспечение стабильных и благоприятных условий развития для всех стран и народов, главенствующая роль суверенных государств при принятии решений в сфере поддержания международного мира и безопасности[1].

Одними из приоритетных направлений для достижения развития концепции многополярного мира Российская Федерация определяет восстановление роли ООН в качестве центрального координирующего механизма в согласовании интересов государств — членов ООН и их действий по достижению целей Устава ООН, а также укрепление потенциала и повышение международной роли межгосударственного объединения БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), РИК (Россия, Индия, Китай) и других межгосударственных объединений и международных организаций[2].

Существующие международные соглашения, заключенные странами — членами межгосударственных объединений и организаций, являются ключевыми элементами фундамента будущего многополярного мира.

Межгосударственное объединение БРИКС постепенно из партнерского клуба четырех стран (Бразилия, Россия, Индия и Китай) трансформируется в мощную мировую структуру. По данным Всемирного банка, общая площадь стран объединения — примерно 30 % территории Земли, а численность их населения — 42 % от общемировой (население планеты — 8 млрд человек)[3].

Основная цель содружества — коллективное увеличение темпов экономического роста стран-участниц и укрепление их позиций в мире за счет активного сотрудничества друг с другом. В ст. 13 Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС, утвержденной Президентом Российской Федерации 9 февраля 2013 года, указано, что базой для развития взаимодействия Российской Федерации с партнерами по БРИКС в многостороннем формате являются дружественные двусторонние отношения, существующие у России с каждым из государств — участников объединения. Таким образом, Российская Федерация исходит из того, что сотрудничество в рамках БРИКС по конкретным вопросам не должно подменять уже сложившиеся двусторонние связи с входящими в него государствами[4].

В настоящее время отсутствие единого учредительного правового акта, устанавливающего свод положений, правил деятельности объединения, не мешает осуществлению активной работы в рамках данной структуры. Помимо ежегодных саммитов БРИКС, на которых принимаются декларации, закрепляющие принципы деятельности и выражающие общую позицию стран-участниц по актуальным вопросам, возникающим в мире, осуществляется работа посредством создания рабочих групп по отдельным направлениям сотрудничества, организуются форумы.

Странами-участницами для поддержания финансовой стабильности были созданы Новый банк развития, соглашение о котором было ратифицировано Федеральным законом от 8 марта 2015 года № 29-ФЗ[5] (его цель — расширение финансового сотрудничества между странами и финансирование инфраструктурных проектов стран-участниц), и Пул условных валютных резервов стран БРИКС, договор о создании которого был ратифицирован Федеральным законом от 2 мая 2015 года № 107-ФЗ[6], служащий определенным резервом, из которого можно задействовать средства в случае серьезных финансовых проблем в странах — участницах объединения. Это своего рода аналоги Всемирного банка и Международного валютного фонда.

Для дальнейшего развития БРИКС необходимо правовое оформление его создания и деятельности. Подписание учредительного договора и принятие устава позволили бы в еще большей мере укрепить международное положение данного объединения.

Другой структурой, которая в значительной степени уже влияет на формирование многополярности в мире, является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

В Декларации о создании ШОС заявлено, что сотрудничество в рамках новой организации будет способствовать более эффективному совместному использованию открывающихся возможностей и противостоянию новым вызовам и угрозам в условиях динамичного развития процессов становления политической многополярности, экономической и информационной глобализации в XXI веке[7]. Четко зафиксировано, что ШОС не является союзом, направленным против других государств и регионов, придерживается принципа открытости, готова развивать диалог, контакты и сотрудничество в любых формах с другими государствами и соответствующими международными и региональными организациями. 7 июня 2002 года на саммите в Санкт-Петербурге была подписана Хартия ШОС — базовый уставный документ Организации[8], который был ратифицирован в России Федеральным законом от 6 июня 2003 года № 66-ФЗ

[1] *Киселев С. Г.* Магистральные тренды в геополитической картине мира // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Общественные науки. 2023. № 3 (852). С. 24–30.

[2] *Блищенко В. И.* Изменения в мировой геополитике и международное право // Постсоветский материк. 2023. № 2 (38). С. 162–171.

[3] Что такое БРИКС и какую роль он играет в мировой экономике. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/64e74e4d9a79478d9c170ea4 (дата обращения: 03.09.2024).

[4] Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС (утв. Президентом РФ 9 февраля 2013 г.) // Мин-во иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1744621/ (дата обращения: 03.09.2024).

[5] Федеральный закон от 8 марта 2015 года № 29-ФЗ «О ратификации Соглашения о Новом банке развития» // Президент России : [сайт]. URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201503090003.pdf (дата обращения: 03.09.2024).

[6] Федеральный закон от 2 мая 2015 года № 107-ФЗ «О ратификации Договора о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС» // Президент России : [сайт]. URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201505020025.pdf (дата обращения: 03.09.2024).

[7] Шанхайская организация сотрудничества : [сайт]. URL: https://rus.sectsco.org/ (дата обращения: 03.09.2024).

[8] Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450 (дата обращения: 03.09.2024).

«О ратификации Хартии Шанхайской организации сотрудничества»[1].

Организацией принято более чем 25 договорных и нормативных документов, в числе которых — Конвенция об иммунитетах и привилегиях ШОС, Соглашение о порядке формирования и исполнения бюджета ШОС, Соглашение о Региональной антитеррористической структуре ШОС (подписано одновременно с Хартией), положения о различных органах ШОС, о персонале Организации, финансовые положения и правила ШОС[2].

В основу деятельности ШОС положены принципы взаимного уважения суверенитета, независимости, территориальной целостности государств и нерушимости государственных границ, ненападения, невмешательства во внутренние дела, неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях, отказа от одностороннего военного превосходства в сопредельных районах[3], что вошло в международный политический лексикон под названием «шанхайский дух».

ШОС охватывает пространство с населением более 3 млрд человек. Организация вышла с регионального на мировой уровень и в дальнейшем может стать правовой основой оформления мощного союза равноправных государств.

На сегодняшний день существуют и более узконаправленные международные объединения, целью деятельности которых является построение полюсов влияния, защищающих их национальные интересы. Это Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и др. Все они имеют достаточно большую юридическую базу, состоящую из правовых документов, регламентирующих деятельность организаций, экономическое, гуманитарное, правовое сотрудничество, сотрудничество в сфере безопасности.

Основа создания многополярной системы мирового порядка в настоящее время фактически создана.

Проблема окончательного формирования такого мощного международного института заключается в еще не сложившейся единой стратегии, которая связала бы экономические, технические, демографические и военные ресурсы государств.

Разработка как универсальных правовых актов, регулирующих международные правоотношения, созданных на основе консенсуса между странами, так и национальных правовых актов, устанавливающих цели, отвечающие интересам государства, ради которых необходимо объединение с другими странами, позволит ускорить формирование разных полюсов силы, которые смогут противодействовать навязыванию модели поведения, противоречащей национальным интересам государств и их самобытности.

В. Л. Энтин[4]

ЭРОЗИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА: ДАННОСТЬ ИЛИ НЕИЗБЕЖНОСТЬ?

1. Энтропия международного правопорядка. Проблемы развития нового многополярного мира, вызванные изменением баланса сил и интересов, в немалой степени связаны с тем, что право все больше отстает от демографических, экологических, технологических, политических и иных реалий, что ведет к накоплению претензий к международному правопорядку.

После Второй мировой войны борьба с коммунизмом служила для США и их союзников политическим обоснованием блокового строительства, втягивания в систему военных союзов все большего количества государств в Европе и на других континентах. Интересы принудительного удержания народов в зависимости от бывших и будущих метрополий привели к навязыванию структур международного взаимодействия, ставящих в привилегированное положение страны «Большой семерки». Произвольное толкование норм международного права в их пользу в совокупности именовалось миром, основанным на правилах.

В оправдание такого подхода в схемах глобального разделения труда и связанной с ней информационной картиной мира страны условно делились на подчиняющиеся принципу rule of law — «господства права» в его западном понимании и все прочие. В отношении прочих допускались любые меры экономического принуждения и политического нажима вплоть до военного вмешательства, что оправдывалось защитой демократии или необходимостью борьбы с терроризмом. Так как политические оценки нередко даются в одностороннем порядке в обход соответствующих институтов системы ООН, сформировался целый пласт конкурирующих норм, разработанных группами государств, которые нацелены на подмену норм и процедур международного права частными договоренностями. Для юридического оправдания умале-

[1] Федеральный закон от 6 июня 2003 года № 66-ФЗ «О ратификации Хартии Шанхайской организации сотрудничества» // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/19564 (дата обращения: 03.09.2024).

[2] О Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества : [сайт]. URL: https://rus.sectsco.org/20151208/16789.html (дата обращения: 03.09.2024).

[3] Хартия Шанхайской организации сотрудничества.

[4] Доцент кафедры адвокатуры Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, кандидат юридических наук. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Авторское право в виртуальной реальности», «Адвокатура и адвокатская деятельность» (в соавт.), «Европейское право. Отрасли права Европейского союза и Евразийского экономического союза», «Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации Том 2, части III» (в соавт.) и др. Член Совета по внешней и оборонной политике, Научно-консультативного совета Суда по интеллектуальным правам. Награжден медалью Высшего арбитражного суда России, медалью Федеральной палаты адвокатов РФ «За заслуги в защите прав и свобод граждан» и др.

ния суверенитета отдельных государств за ними фактически отрицается правосубъектность, для чего используются процедуры присвоения рейтингов национальных валют, доктрины несостоявшихся государств (failed states) и гуманитарной интервенции. Претензии к политическому режиму или недостаточной защиты демократических прав и свобод служат прелюдией к применению мер экономического принуждения и политической дискриминации.

2. Преобладание силы над правом. Политическая практика борьбы с международным терроризмом, приведшая к свертыванию политических прав и свобод внутри стран Европы и Америки, меры тотального контроля за людьми, спровоцированные COVID-19 и активизацией миграционных потоков из неблагополучных районов мира, выявили низкую эффективность организаций системы ООН, ограниченных сложной процедурой принятия решений и «щедростью» стран-доноров.

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе и Хельсинкский акт стали реликтами ушедшей эпохи, обслуживающими самих себя, а деятельность международных организаций по защите прав человека не оправдывает возлагаемых на них ожиданий.

Сохранение моральной и юридической силы универсальных международных конвенций, провозглашающих, что права человека принадлежат всем и каждому, независимо от гражданства и места жительства, оказывается под вопросом в условиях, когда международные судебные учреждения становятся инструментом текущей политики, обслуживая интересы информационных войн. То обстоятельство, что государства никогда всерьез не относились к соблюдению прав неграждан, не может служить оправданием для нынешнего положения вещей. Презрение к человеческой жизни, сопровождавшее крушение колониальной системы, войны в Алжире, Вьетнаме, геноцид в Камбодже и Руанде, войны после распада Югославии привели к тому, что защита прав человека на жизнь и собственность негласно стали рассматриваться как прерогатива развитых демократических стран, недоступная остальному миру.

Претензии на особое положение Запада обосновывались рейтингами, которые, по замыслу их составителей, должны служить показателями уровня развитости и демократии. То есть идея универсальности защиты человеческого достоинства оказалась прекрасной мечтой, которая стала жертвой реальной политики и защиты государственных интересов. Ей на смену пришли существующие в общественном сознании реальные и мнимые преимущества для тех, кто оказался на территории развитых стран в качестве беженца или гражданина. Мир стихийно разделился на благополучный и неблагополучный. Миграционные потоки прочерчивают линии взаимодействия между разными центрами силы, усиливая напряжение между полюсами глобального Севера и Юга.

3. Уход от логики тотальной конфронтации. Идея универсальности, озвученная в Уставе ООН, оказалась слишком амбициозным проектом для разделенного человечества. Но это не значит, что правовые условия, делающие возможной его реализацию, не должны создаваться. Исходя из принципа разумной достаточности, следует отказаться идти по пути расширительного толкования права государства на самооборону, о чем говорится в ст. 51 Устава ООН.

Распространение ее на все случаи угрозы безопасности, в том числе угрозы жизненно важным коммуникациям (морским, трубопроводным, воздушным, находящимся на околоземной орбите), а также существенным экономическим интересам, опасно снижает порог допустимости применения военной силы. Желательно отойти от логики противостояния по всем азимутам. Воздерживаться от каких-либо действий сегодня уже недостаточно. Нужны конструктивные шаги.

Искомым ограничителем противостояния могло бы стать создание особого правового режима и предоставления многосторонних международных гарантий для инфраструктурных проектов в Арктике, Азии, Африке, космосе. Необходимо уйти от чреватого конфликтами территориального размежевания между государствами в интересах спасения ресурсов Мирового океана и сбалансированного освоения мирового интеллектуального наследия, где конечными бенефициарами должны стать страны, чьи интересы долгое время просто не принимались во внимание. Угрозы биологическому существованию человечества слишком серьезны, чтобы откладывать конкретные решения на потом, переадресуя их будущим поколениям.

4. **В поисках ресурсов**. Поиск необходимых ресурсов может идти по пути устранения устоявшихся в праве дисбалансов в пользу развитых стран. Так произвольный выход за пятидесятилетний срок правовой охраны произведений, предусмотренный Бернской конвенцией, и продление ее до 70 лет после смерти автора или пережившего соавтора начиная с 1 января года, следующего за годом печального события, ведет к образованию сверхприбыли у приобретателей авторских прав. Дополнительные двадцать лет коммерческой эксплуатации ведут к появлению сверхдоходов, которые могли бы изыматься в режиме windfall tax (налога на сверхприбыль) у стран, являющихся нетто экспортерами продукции, охраняемой авторским правом.

Это тем более оправданно, поскольку международные конвенции по защите интеллектуальной собственности рассматривают компьютерные программы как объекты авторского права. Применение длительного срока охраны (средняя продолжительность жизни плюс еще 70 лет) к этим объектам, защищая их от несанкционированной переработки, является своего рода суперсбором в пользу технологически продвинутых стран. Такое обременение становится все более ощутимым в условиях разработки и использования систем искусственного интеллекта, которые по необходимости работают с охраняемыми объектами авторского права и базами данных с персональной составляющей. Изготовители и дистрибьюторы систем ИИ, компании — владельцы очень больших платформ и поисковиков платят и будут платить все более крупные штрафы за реальные и мнимые нарушения, которые в виде производственных издержек перекладываются на пользователя, лишенного возможности выбора. Штрафы перестали бы играть роль поборов в пользу отдельных

стран, их применяющих, если бы соответствующие суммы шли в фонды поддержки развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки.

5. Справедливость для всех. Человечество столкнулось с вызовами переформатирования глобализации на основе подчинения экономической целесообразности вопросам национальной безопасности. Переформатирование может сыграть конструктивную роль, если оно будет носить справедливый характер. Один из путей — это повышение справедливости действующей системы защиты интеллектуальной собственности. На теоретическом уровне нередко ставится вопрос о желательности переналадки национальных правовых систем защиты интеллектуальной собственности из средства, служащего закреплению технологического преобладания развитых стран, в бустер развития стран Глобального Юга.

Это позволит нейтрализовать практику искусственного сдерживания развития стран-конкурентов через механизмы экономического давления, уменьшив сроки охраны прав на различные объекты интеллектуальной собственности и сузив сферу правовой защиты.

Сужение правовой охраны в интересах простоты и снижение скорости ее обретения — достаточно распространенный прием. Он применяется, когда речь идет о незарегистрированных промышленных образцах ЕС. Они охраняются в течение трех лет только в отношении буквального копирования. Зарегистрированные же промышленные образцы могут охраняться до 25 лет, а сама охрана распространяется на случаи переработки. Представляется, что подобные меры служат скорее защите товарных рынков, нежели поощрению творческого начала и создания нового. В связи с этим было бы разумным наделить страны Глобального Юга правом дифференцировать сроки и пределы правовой охраны в отношении промышленных образцов и товарных знаков производителей, не имеющих производства на национальной территории, переведя регулирование вопросов правовой охраны на соответствующий региональный или национальный уровень в зависимости от страны происхождения товара или услуги.

Защита интеллектуальной собственности сегодня выходит далеко за пределы академических дискуссий, так как производство товаров и услуг с высокой интеллектуальной составляющей создает больше рабочих мест, чем производство сырья и энергии. Страны Европейского союза пошли по пути выстраивания автономной системы охраны промышленной собственности, предусмотрев самостоятельную защиту европейским правом товарных знаков ЕС, промышленных образцов ЕС, а теперь и европейских патентов с унитарным эффектом, что позволяет создавать преференциальные условия для физических и юридических лиц, ведущих бизнес на территории ЕС и стран Европейской экономической зоны. Такая автономность снижает уровень защищенности и повышает юридические издержки для третьих стран.

У бизнеса, зарегистрированного в других странах, появляется дополнительный стимул перенесения коммерческих операций в зону наибольшего благоприятствования, что заставляет страны Глобального Юга, дабы ослабить отток капитала и квалифицированной рабочей силы, предоставлять многообразные налоговые преференции для поощрения иностранного производства в своих странах. Это обескровливает национальные бюджеты, которые оказываются в долговой зависимости от иностранной помощи, лишь отчасти компенсирующей им выпадающие доходы.

Выравнивание ситуации теоретически становится возможным, когда и если страны БРИКС в рамках своих интеграционных объединений выйдут на заключение дву- и многосторонних соглашений о взаимном признании самостоятельной правовой охраны инвестиций в материалы компьютерных программ (право sui generis), включая инвестиции в разработку вычислительных моделей и методов. Это позволит распространить правовую охрану на алгоритмы и результаты моделирования технических, социальных, экономических процессов в разных сферах деятельности с использованием ценных и особо ценных данных, признанных таковыми национальным законодательством.

Тем самым у развивающихся стран возникнет возможность ввести во взаимный коммерческий оборот и сотрудничество с остальным миром специфический национальный продукт, используемый системами искусственного интеллекта, и распространить правовую охрану на результаты, полученные с его помощью.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

М. В. БАРАНОВА	профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
В. С. ГОРБАНЬ	заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН (Москва), руководитель Междисциплинарного центра философско-правовых исследований, доктор юридических наук, доцент
Г. П. ЕРМОЛОВИЧ	профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
А. И. КЛИМЕНКО	начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор
В. И. КРУСС	заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ
Г. М. ЛАНОВАЯ	профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук
А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ	профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, государственный советник Санкт-Петербурга 1-го класса
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ	главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), академик РАН, доктор юридических наук, профессор
П. А. ОЛЬ	профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор юридических наук
Л. А. ПАСЕШНИКОВА	первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук, Почетный профессор СПбГУП
Е. А. ПЕТРОВА	заведующая кафедрой сравнительного правоведения и правотворчества Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
Р. А. РОМАШОВ	профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ
А. Ю. САЛОМАТИН	заведующий кафедрой «Теория государства и права и политология» Пензенского государственного университета, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор
К. Е. СИГАЛОВ	профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук
Р. И. СИТДИКОВА	профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук
М. Г. СМИРНОВА	профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), доктор юридических наук
В. В. ТРОФИМОВ	директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук
Н. Н. ЧЕРНОГОР	советник директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), доктор юридических наук, профессор РАН, Почетный работник науки и высоких технологий РФ
В. Л. ЭНТИН	доцент кафедры адвокатуры Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, кандидат юридических наук, член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Франция)

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Мне очень приятно от имени Организационного комитета Чтений приветствовать всех участников нашей секции.

Слово предоставляется ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, председателю Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений, академику Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, по давней традиции я как председатель Оргкомитета Лихачевских чтений приветствую участников секций.

Лихачевский форум предназначен не только для состоявшихся ученых, но и для молодежи — как своеобразная форма погружения в науку. Я благодарю маститых, известных и даже знаменитых юристов, которые сегодня здесь присутствуют: А. Г. Лисицына-Светланова, Р. А. Ромашова, Л. А. Пасешникову и др. Для молодежи они являются образцом для подражания.

Юридический факультет СПбГУП — второй по стажу юридический факультет гражданского вуза в истории Петербурга и один из самых востребованных у абитуриентов — имеет славные традиции. Одна из них — высокое качество подготовки наших выпускников. Сегодня в этом зале находится Евгений Анатольевич Орловский — наш выпускник, который сейчас возглавляет Главное управление Министерства юстиции РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Такова судьба наших выпускников, которые любят свое дело, свою профессию, которым нравится учиться, чем они занимаются на протяжении всей жизни.

Желаю участникам интересной и плодотворной дискуссии!

Р. А. РОМАШОВ: — Уважаемые коллеги, рад вас приветствовать. В добрых традициях гостеприимства мы будем в первую очередь давать слово гостям Чтений, приехавших в Санкт-Петербург из других городов. Работу нашей секции открывает академик Российской академии наук, профессор Андрей Геннадьевич Лисицын-Светланов.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Два года назад мы рассуждали о том, что должно произойти в обозримом будущем и насколько обоснованным может быть планирование в новых условиях. После этого произошло так много событий, что сегодня мы имеем возможность, не меняя повестки, проанализировать накопленный за это время опыт и, естественно, обсудить наиболее актуальные вопросы. Новое всегда произрастает из старого, поэтому, размышляя о настоящем и будущем БРИКС, невольно стараешься проанализировать то, что предшествовало сегодняшнему дню, и то, как выглядит настоящее, которое, разумеется, предшествует будущему.

Построение многополярного мира естественным образом базируется на определенных правовых основаниях. При этом зачастую вопросы, связанные с регулированием по внутреннему контуру отношений, составляют как бы одну тему, а все то, что по внешнему контуру и за ним, — это, дескать, другое. Когда я много лет назад начинал свою профессиональную деятельность, эти сферы регулирования четко разделялись, но с годами у меня сформировалось твердое убеждение, что они тесно взаимосвязаны. Поэтому мы не сможем составить объемную картину происходящего, если будем рассматривать какую-либо проблему или аспект отношений только с позиции национального права или даже ряда правовых систем (но именно национальных), с одной стороны, и международных — с другой.

Проблемы, которые рассматривались в разные годы на Лихачевских чтениях за всю их историю, я разделяю на три группы. Сначала возникла тема глобализации, и все коллеги проводили свои исследования, задавали вопросы и искали ответы в данном контексте. Но прошло несколько лет и стало понятно: хотя глобализация и продолжается, но национальные интересы никуда не пропали — их надо учитывать и отстаивать.

И вот теперь — многополярность, новые словосочетания «Глобальный Запад» и «Глобальный Юг». Мне не очень нравится определение «глобальный», а ближе привычное «коллективный Запад». Если рассматривать с точки зрения права, то в нем национального гораздо больше, чем глобального, по крайней мере в правовых системах. Так, интеграция национальных правовых систем даже в такой мощной международной структуре, как Евросоюз, остается очень слабой, например до сих пор не выработан единый статус компании, хотя это самое начало, основа корпоративного права.

Когда мы говорим о праве, то должны его каким-то образом сопрягать с проблемами — экономическими и финансовыми, проблемами обеспечения безопасности, гуманитарных и культурных обменов и т. д. Без правовой интеграции по этим направлениям движение вперед будет, по крайней мере, достаточно сложным.

Следующий момент, на который я хотел бы обратить внимание. Какие правовые инструменты можно использовать для развития БРИКС и построения многополярного мира? Давайте проанализируем, что происходит в мире, и попытаемся сделать прогноз на ближайшее будущее. А происходит вот что: постепенно, но неуклонно разрушаются достижения предыдущих лет — система ООН, Ялта и др. А ведь эта система действовала очень долго — более 70 лет!

Нынешние военные конфликты закончатся, наступит мирное время. Но после него снова будут войны. История свидетельствует о том, что войны — неотъемлемая часть существования человечества. Соответственно, требуется выстраивание некоего правопорядка на определенный срок.

В настоящее время мы находимся на этапе противостояния — не только военного и экономического, но и юридического, потому что вводимые против России санкции — действия не только агрессивные, но и нелегитимные.

Мы создали эффективную систему защиты, но чтобы двигаться вперед, необходимо разрабатывать документы, направленные на выстраивание нового баланса сил. И опять же — это только минимум: дальше надо будет добиваться, чтобы они работали.

В связи с этим назову некоторые реперные точки, которые, я считаю, следует обсуждать с позиции пра-

ва. Во-первых, новый формируемый миропорядок будет принципиально отличаться от старого, прежде всего потому, что ООН создавали хотя и разные государства, но союзники, и именно поэтому организация смогла функционировать больше семи десятилетий. Тогда было создано всего два полюса, которые требовалось уравновесить, и это было сделано. А сейчас новые задачи предстоит решать не союзникам, а противникам. Как практикующий юрист могу сказать, что это означает совершенно разные подходы. Одна задача — налаживать совместную деятельность, и совсем другая — отстаивать свои интересы в рамках одного проекта. Во-вторых, прежние международно-правовые институты, которые были оптимальными в определенных условиях, необходимо исследовать и принять решение: либо отказаться от них совсем, либо создавать на их основе новые.

В-третьих, многополярность — это не биполярность. Два объекта можно уравновесить, но как быть, когда их несколько? В этом контексте необходимо рассматривать и перспективы БРИКС. В связи с этим предлагаю руководствоваться мудростью китайцев, которые говорят: путешествие в тысячу ли[1] начинается с первого шага. Перспектива БРИКС — это маршрут в тысячу ли, а может, и больше. Предлагаю нынешние Лихачевские чтения считать первым шагом в этом путешествии.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору Марине Владимировне Барановой.

М. В. БАРАНОВА: — Тема моих исследований — языковая правовая культура как один из аспектов эффективного развития технологизированного многополярного мира, поэтому я обратила внимание на употребляемое, в частности, в докладе профессора Клименко словосочетание «язык права». Он говорит о том, что в современном мире, который стремится стать многополярным, язык права противопоставляется языку силы, и в этом противопоставлении заключается квинтэссенция той борьбы, которая сегодня происходит. Я же использую этот термин в сугубо технико-юридическом ключе, потому что для меня язык права и, следовательно, языковая правовая культура профессионализированы и направлены на правоприменительный процесс, в том числе для того, чтобы было понятно, с чем имеет дело современный юрист.

В настоящее время право оказалось в новых условиях. Оно по-прежнему остается самым значимым социальным регулятором, но произошла радикальная трансформация социума, а вместе с ней и трансформация права. Что здесь первично и что вторично? Казалось бы, одно подстегивает другое, но сегодня эта биполярность выражена наиболее ярко. То есть, с одной стороны, позитивные изменения в праве обусловливаются социальным развитием, с другой — право дарит социуму новые возможности, направляя его по определенному перспективному пути развития.

Второй примечательный момент — интенсивная юридизация отношений. Профессор Лановая в своем докладе говорит о диалоге культур, который подразумевает и диалог правовых культур тоже. В связи с этим открывается хорошая перспектива, что в результате взаимного обмена появятся некие положительные инновации, однако есть опасность заимствовать не то, что со временем покажет свою эффективность и пригодность для нашей национальной правовой культуры, а то, что приведет к негативным последствиям. Мы дискутируем о том, до какой степени наша культура является европейской, но нельзя отрицать, что в результате длительных процессов обмена и правовой аккультурации произошло взаимопроникновение правовых культур, которое надо принять как данность.

Здесь я вижу назревающую проблему, потому что технико-юридическая составляющая уходит в другую, когда каждый гражданин в связи с юридизацией отношений обращается к невластной юридической технике. Этот момент менее изучен в рамках доктринальных работ по юридической технике, но отказаться от него невозможно, потому что это невластное начало служит фундаментом для властного продолжения.

Профессор Горбань говорит об историографической модели политико-правовых знаний применительно к диалогу правовых культур и о том, что непонимание идей — это проблема в целом для философии права и его практического функционирования. Ведь как мы можем пользоваться тем или иным понятием, если не знаем его сути, не до конца понимаем, что подразумевается под данным термином? То есть начинать надо со знаковой системы, в которой выражен термин. Между тем у нас очень много заимствованной терминологии. Терминологизация права для нас неразрывно связана с транстерминологизацией.

Второй проблемой является тот факт, что мы берем из неюридических наук и внедряем в юридические целые категориальные элементы. Однако, будучи привнесенными извне системами, они не работают должным образом. Нельзя сделать так, чтобы мы «транспортировали» какое-то понятие, внедрили его, придали ему значение — и оно чудесным образом имплементируется в систему и работает в ней. Без цельной системы трансформации элементов языка права сегодня невозможно ожидать позитивного результата работы правовой системы в целом.

Третью проблему представляет собой активное внедрение цифровых технологий. Являются ли те средства, которыми прописываются программы для облегчения работы практикующих юристов, элементами языка права? Скорее всего, нет. Это же знаковая система, но она не выражена в буквах и словах. В ее основе совершенно иная матричная форма. Но это язык? Да. Но если в современном мире право может выражаться в разных знаковых системах, в том числе и правовыми символами, а не только словами, то становится актуальным изучение новых подходов к выражению права. На сегодняшний день в праве существует даже норма расчета. Может быть, это тоже инновация в языке права? Мы пока в этом не разобрались.

И последнее, о чем хотелось бы сказать, — о необходимости профессионализации работы с языковым материалом. Если у нас не будет нормы профессио-

[1] Китайская мера длины.

нального рейтинга, когда человек готов к тому, чтобы писать текст в определенной языковой форме, то мы не сможем добиться надлежащего качества оформления документов.

Давайте задумаемся о том, что любые речевые преобразования в праве должны быть четко продуманы, и юрист должен осваивать русский юридический язык, потому что иначе на выходе мы получим некачественную реализацию права.

Р. А. РОМАШОВ: — Профессор Павел Андреевич Оль, Ваш вопрос.

П. А. ОЛЬ: — Когда правовая категория интегрируется в систему юридических знаний, не кажется ли Вам, что происходит обратный процесс? Понятие выносится как средство, обычно исходя из необходимости разрешения каких-то вопросов, проблем и регулирования отношений. Заимствование происходит в силу необходимости, а не наоборот — сначала взяли какое-то понятие, а потом думаем, как адаптировать его к нашему праву.

М. В. БАРАНОВА: — Полагаю, что нужно разделить внедрение определений и терминов в понятийный аппарат доктрины и в законодательство. Все-таки это разные процессы. То, о чем вы говорите, — это процесс внедрения в законодательство. А у нас есть некий процент понятийного аппарата, который приходит в законодательство через достаточно длительное обсуждение доктрины. Когда понятие внедряется в доктрину, это может означать даже простое желание быть оригинальным, защитить диссертацию, отличиться новизной. А законодатель нередко работает как парамедик: есть проблема — я реагирую. Потом нередко оказывается, что надо модернизировать не только правила поведения, но и дефинитивные ряды, потому что все разбивается о проблему неисполнимости и неисполняемости.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Сергеевичу Горбаню.

В. С. ГОРБАНЬ: — Жаль, что современные правоведы — ученые разных уровней, практикующие юристы и особенно студенты редко обращаются к наследию таких великих соотечественников, как Дмитрий Сергеевич Лихачев. Его книги и исследования — уникальное явление в нашей культуре. Какую бы тему мы ни рассматривали, от современных технологий до глубокой истории, мы всегда можем найти ответы на многие вопросы в трудах Дмитрия Сергеевича Лихачева — такой объемный, панорамный научный взгляд в них представлен.

Поскольку все явления имеют свои причины и следствия, то, что происходит в юриспруденции в идейном и содержательном плане, не является беспочвенным. Андрей Геннадьевич говорит о первом шаге в разработке нового правопорядка в условиях БРИКС. Конечно, все эти моменты предполагают, что мы тщательно подготовили фундамент и знаем суть тех идей, которые пытаемся разрабатывать как концепции для тех или иных институтов. В частности, в Институте государства и права разрабатывается серьезный проект. Мы стали победителем большого конкурса министерских грантов, посвященного разработке российской историографической модели политико-правовых знаний, ее применению к выработке перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России.

В связи с этим хочу сказать, что бóльшая часть того, с чем приходится работать юридической науке, как правило, к сожалению, оказывается мифами или неточными сведениями. Однако, начиная от искажений русской истории, которые уже много веков демонстративно допускаются в западной литературе, в том числе истории государства и права, сама западная мысль часто страдает от того, что в ней много неточностей, фальсификаций и т. п. Но в последние лет 20 в работах англо-американских авторов, в том числе из такого «незаметного» для науки региона, как Австралия, разрабатываются целые концепции, проводятся конференции и выпускаются декларации о полном отказе от традиционной юриспруденции. Это движение получило название «новый правовой реализм».

Основа, на которой выстроены современные юридические системы, включая российскую, была «изобретена» Гегелем в начале XIX века. Все историографические клише, которые мы транслируем, переписывание их из одного учебника в другой, — плод научной мысли 200-летней давности, созданный для конкретной страны под конкретные задачи. Тем более удивительно, что многое до сих пор остается в довольно сыром, неразработанном состоянии.

Материалов и результатов много. Несложно доказать, что весь нормативизм и все чистые учения о праве придуманы не Гансом Кельзеном, а за столетие до него. Например, автор полноценной работы, посвященной психологической теории права, замечательный юрист Павел Деларов, который работал юрисконсультом в Министерстве путей сообщения в Петербурге.

Аналитическая традиция юридической литературы появилась не в Англии и никак с ней не связана. В начале XIX века европейские юристы наперебой писали о том, что аналитическая юриспруденция создана французами. Все, что связано с разработкой первого ратифицированного акта в Европе, надо изучать очень внимательно. Но сегодня история европейской юриспруденции переписывается в русле национальных историй Англии и США.

Можно привести еще много примеров, которые показывают, насколько нам необходима современная историографическая модель. Речь идет не о том, чтобы написать новую историю России, а о том, чтобы разработать целый комплекс теоретических и методологических решений (и у нас для этого есть все возможности), которые позволят нам задавать тон в формировании правового пространства БРИКС.

Мы в состоянии сделать первый шаг, о котором говорит Андрей Геннадьевич, но второй окажется нам не под силу из-за отсутствия идейного содержания. Нам нужен источник, из которого можно черпать идеи, что-

бы точно и достоверно расшифровывать интеллектуальные паспорта каждой идеи и понятия и т. д. Приступая к изучению любого вопроса, надо обязательно погружаться в эпоху, когда была написана та или иная работа.

И последнее. В ответ на вопрос Александра Сергеевича о будущем БРИКС хочется еще раз высказать согласие с тезисом Андрея Геннадьевича о том, что надо сделать первый шаг. Если, опять же следуя за Кантом, философию оставить философией, то это будет действительно мощное развитие и ощутимая помощь юриспруденции. Но если, по словам Канта, все превратится в филодоксию, то есть любовь к мнениям, а не к мудрости, то от большого и мощного исторического проекта под названием БРИКС может остаться остов разрушенного советского колхоза. Поэтому здесь нужны фундаментальные решения.

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ: — По поводу направления той работы, которую вы выполняете по гранту. Уточните, пожалуйста, речь идет об идеологических искажениях истории?

В. С. ГОРБАНЬ: — Один профессор юридического факультета Кёльнского университета и одновременно сотрудник Европейского суда по правам человека пару лет назад выиграл огромный грант на исследование правосознания граждан России и других стран Восточной Европы. По итогам исследования была издана книга, в которой «правосознание» написано латинскими буквами (такой загадочный феномен), но не переводится, хотя в немецком языке есть прямой эквивалент. Немецкий коллега задал мне вопрос: «У вас действительно нет правосознания как такового, а есть нечто загадочное для немецкого менталитета, произносимое как бы на русский манер с немецким акцентом — правосознание?»

То есть нам сознательно отказывают в способности думать юридически. Даже само понятие воспроизводится так, как будто постижение элементарных азбучных истин в интеллектуальной культуре возможно только для одной национальной группы или региона.

Гегель утверждал, что у индусов не может быть истории, так как они не доросли до политического сознания. Интересно, знают ли индийцы, о которых известно, что их культура насчитывает не одно тысячелетие, что у них нет истории? Как бы то ни было, Гегель выступил как европейское патентное ведомство, которое решает, кто вправе думать, а кто не вправе. В этом контексте я и ставлю вопрос. Примеров очень много. Вера в нравственность, которой отличались Иммануил Кант и Лев Толстой, одна и та же в обоих случаях, хотя способы аргументации у них разные.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору Алексею Ивановичу Клименко.

А. И. КЛИМЕНКО: — Формат Лихачевских чтений позволяет выйти за рамки того, что мы понимаем под юриспруденцией, в область актуальных проблем. Моя тема — кризис международного правопорядка. В связи с этим вспоминается простое и точное сравнение Герберта Уэллса из фантастического романа «Война в воздухе»: государства начали вести себя как плохо воспитанные люди в переполненном вагоне трамвая. Эта метафора очень хорошо отражает то, с чем мы сталкиваемся сегодня. На самом деле по-прежнему отлично работают все правовые механизмы, которые создавались на протяжении десятилетий, в том числе с участием советских юристов. И Устав ООН работает. Однако кризис международного правопорядка стал реальностью, но это кризис не нормативной системы, а ценностной.

Система ценностей не является чем-то раз и навсегда застывшим, а право тоже представляет собой систему ценностей (с социоаксиологической точки зрения — конвенциональных ценностей), сформированную на основе публичного правового дискурса, в данном случае международного. Право как система ценностей создается на основании интересов и потребностей, которые, в свою очередь, формируются в определенном экономическом, то есть материальном контексте.

Итак, кризис ценностей налицо, и нас не спасут никакие, даже самые совершенные нормы, потому что здесь мы сталкиваемся с критичным противостоянием интересов. Смягчить его остроту сможет, наверное, опять же международный публичный правовой дискурс. Но накал противоречий таков, что международно-правовой дискурс в сегодняшних условиях просто схлопнется. Мы не только не слушаем и не слышим друг друга, но по поведению коллективного Запада видим, что сжигаются, причем намеренно, даже дипломатические мосты, которые могли бы помочь решить те или иные проблемы. Связи уничтожаются и в физическом смысле, и в ментальном. Мы это видим даже по Лихачевским чтениям этого года. Александр Сергеевич рассказал, что далеко не все ученые смогли приехать в Россию, так как это небезопасно для их академической репутации.

Сегодня, по мере того как дискурс схлопывается, возникают другие способы решения проблем. Например, и на национальных, и на международном уровне возрождаются архаичные формы классовой борьбы, порожденной противоречиями между трудящимися и собственниками на средства производства. Когда мы рассматриваем с этой позиции не отдельно взятую страну, а мир, то, на мой взгляд, логично обратиться к мир-системному анализу в левом дискурсе, например в интерпретации Иммануила Валлерстайна.

Сегодня мы говорим о многополярном мире, но когда-то, когда эта идея возникла, некоторые авторы употребляли выражение «многополюсный мир». Их критиковали за «неграмотность», в том числе напоминали, что планета имеет всего два полюса — Южный и Северный. Однако мне представляется, что в этой «неграмотности» была определенная мудрость, потому что в настоящее время линия противостояния проходит между Севером и Югом. Коллега из Сорбонны говорил, что сегодняшнее мировое противостояние можно рассматривать не как противоречие между коммунистической идеологией и либерализмом, а как

разногласия между колониализмом и антиколониализмом. Однако такая точка зрения, по-моему, лишает нас глубины понимания того, что происходит. Дело в том, что либерализм как идеология, обслуживающая капитализм, оправдывает политику неоколониализма, потому что капитализм так устроен, что должен развиваться: капитал либо растет, либо сокращается. Поэтому в основе неоколониализма лежит капиталистическое экономическое устройство и либеральная идеология, а им противостоят государства Глобального Юга.

А какое место в этом раскладе занимает Россия? Вчера уважаемый ректор Дипломатической академии МИД России А. В. Яковенко обозначил, какие ценности мы отстаиваем, в том числе назвал частную собственность и упомянул традиционные ценности. Да, пока наше идеологическое самопозиционирование выглядит так. Но идеологию нельзя просто выдумать. И то ценностное противоречие, которые сегодня в мире является принципиальным, как мне представляется, — это противоречие между Севером и Югом, государствами «ядра» (если пользоваться терминологией Валлерстайна) и периферии. Жизнь заставит нас выбрать одну или другую сторону. По-моему, у России сегодня есть исторический шанс стать одним из лидеров движения стран Юга к освобождению и изменению существующего порядка, потому что любые потрясения, любой кризис — это шаг к изменениям. Хочется верить, что, несмотря на определенные издержки, связанные с этими изменениями, они в конечном счете окажутся к лучшему и мы сделаем этот мир более справедливым. В это верили многие до нас, и, возможно, они и сделали мир несколько более справедливым и комфортным для проживания.

Вчера Александр Сергеевич задавал вопрос, как мы видим будущее. Здесь можно вспомнить фразу Розы Люксембург: «Социализм или варварство — третьего не дано». Правда, мне хочется ее сократить и перевести в вопросительную форму: социализм или варварство? Но на этот раз в глобальном масштабе.

Сергей МУЛЛАНУРОВ, III курс, юридический факультет: — *Россия всегда претендовала на статус одного из мировых центров силы, и отказываться от этого, по-моему, было бы довольно глупо. Но к чему мы сейчас движемся? Если Россия станет лидером стран Юга, чтобы отстаивать их и свои интересы, не получится ли так, что будет построена выгодная нам биполярная система? Но зачем тогда ее менять?*

А. И. КЛИМЕНКО: — Да, это возможно, но пока не совсем понятно, что получится в конечном счете. Если мы станем одним из лидеров стран Юга, то сможем отстаивать не только наши национальные интересы, но и интересы трудового народа во всем мире. А если посмотреть чуть дальше, то, вполне вероятно, два полюса в мировой политике будут составлять: с одной стороны, коллективный Запад, то есть богатейшие страны, и Юг — беднейшие страны, заинтересованные в более справедливой экономической и финансовой системе и более сбалансированном распределении благ.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору Галине Михайловне Лановой.

Г. М. ЛАНОВАЯ: — Поскольку мы юристы, мы не можем сказать, что будет дальше с миром в целом, но можем рассуждать о том, что будет с правом. И здесь, на мой взгляд, есть два самостоятельных вопроса: что будет с российским национальным правом и что с международным, так как это два мира, которые действуют по разным принципам и правилам.

Развитие права в истории происходило тремя путями. Первый, самый древний способ организовать жизнь по определенным правилам — обычай, когда люди живут своей повседневной жизнью и в ходе их взаимодействия рождаются некие договоренности. Второй способ — силовой, когда появляется некий центр власти, из которого исходят нормы, приобретающие общеобязательный характер и поддерживаемые методами принуждения. Третий способ — договор, когда люди, стремясь найти взаимовыгодное решение, вырабатывают такие модели взаимодействия, которые всех устраивают.

Международное право в его классическом понимании — это право, основанное на договоре. Сегодня оно не действует так же эффективно, как раньше, потому что любое договорное право может работать лишь при наличии доверия между субъектами, заключающими договор, и их готовности следовать этому соглашению. В современных условиях мы видим, что договоры не действуют, потому что в рамках договорных отношений появляются субъекты, которые не соблюдают уже заключенные соглашения и придумывают какие-то свои правила игры, которые этим договором не соответствуют. Остальным участникам международного взаимодействия остается только развести руками и либо придумывать новые договоренности, либо пытаться выйти из положения чисто политическими методами.

Итак, к чему мы приходим в современном международном праве? Обычное право существует как компонент международного права, но жизнь меняется слишком быстро, и в современных условиях договоренности на основе постепенного формирования обычаев уже не могут привести к созданию такого права, которое в состоянии эффективно функционировать, решая проблемы, возникающие в межгосударственных взаимоотношениях. Приходим к выводу, что этот путь нам не подходит.

Договорной способ тоже перестал действовать, так как не все готовы соблюдать заключаемые соглашения и, как следствие, в силу договора уже никто особо и не верит.

Остается силовой путь, который в международном праве, по моему глубокому убеждению, не работает изначально. Почему? Потому что право все-таки международное. А как только появляется центр силы, который стремится доминировать, начинаются войны.

Таким образом, в международных отношениях назрела потребность в новом способе формирования права. На мой взгляд, наиболее реалистичной перспективой представляется формирование неких конгломера-

тов государств, ассоциаций взаимодействующих субъектов, которые будут объединяться исключительно на основе тех или иных общих интересов или для решения волнующих всех проблем. Тогда международное право будет напоминать то, что мы сегодня называем корпоративным или внутрифирменным правом. Существующие тенденции в развитии международного права, по-моему, говорят о том, что это наиболее вероятный путь развития.

Что касается национального права, то опять же путь его формирования посредством правовых обычаев утрачивает свою актуальность, и тоже потому, что очень быстро меняются отношения. Силовой способ, когда право создается государством, — то, что мы имеем сегодня; он эффективен и будет оставаться таковым. Но здесь возникает вопрос легитимности. Право, созданное исключительно властью, действенно до тех пор, пока государство сохраняет легитимность и рычаги воздействия на человека. Однако в настоящее время политические и экономические процессы показывают, что государство постепенно утрачивает контроль над обществом. Уже сегодня более действенными нередко оказываются экономические механизмы, а некоторые государства в существующей системе международных отношений больше не являются суверенными в полной мере. Расширяющаяся цифровизация приводит к тому, что человек постепенно выходит из-под контроля государства, перемещаясь в те сферы, которые государству неподконтрольны в силу объективных причин. Поэтому властный механизм формирования права все больше замещается действием тех сил, которые мы привыкли называть гражданским обществом. Может быть, международное право пойдет по этому пути, а может, по пути более интенсивного развития по модели корпоративного права. То, что мы в современных условиях уже наблюдаем.

Наконец, право договоров, или гражданское право, тоже постепенно уходит из общественной жизни в силу того, что человек десоциализируется и все чаще решает свои проблемы вне правового и социального пространства — иногда для этого достаточно иметь компьютер. Человек в цифровом пространстве может быть сегодня одним лицом, завтра другим. Зарабатывать деньги и заказывать доставку товаров на дом, используя информационные ресурсы и не вступая в непосредственный контакт с согражданами. Это означает, что у государства и общества становится все меньше рычагов воздействия на человека, способов контроля и принуждения к каким-то действиям. Таким образом, и в национальном, и в международном праве те социальные механизмы, которые традиционно ассоциируются с правом, постепенно утрачивают свою эффективность.

Вероятно, уже в ближайшее время будут найдены новые формы правового воздействия. Например, сейчас много говорят о цифровом праве, о том, что искусственный интеллект будет создавать какие-то нормы, которым все будут подчиняться. Возможно, это перспективный путь, но мы не можем строить прогнозы. Единственная тенденция, которая сегодня очевидна, заключается в том, что, поскольку право, как и любой другой социальный регулятор, формируется в системе определенных нарративов, изменения происходят не в нормативной сфере, а в ценностной. В этом я согласна с Алексеем Ивановичем. Формируется принципиально новая система нарративов, в рамках которой будет создано какое-то новое право, которое наконец-то устроит всех. Но что это будут за нарративы?

Мы находимся только в начале пути. Но исходя из тех тенденций, которые сейчас фиксируются, наиболее вероятной видится перспектива, что международное право пойдет по пути корпоративизации, а национальное право придет к некому симбиозу искусственного интеллекта и человека, который в конечном счете будет определять поведение людей и, главное, контролировать соблюдение правил. А отлучение от Интернета скоро станет самым действенным способом наказания правонарушителей.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется заведующей кафедрой сравнительного правоведения и правотворчества Ивановского государственного университета Екатерине Алексеевне Петровой.

Е. А. ПЕТРОВА: — В своем выступлении я хотела бы уйти от общих проблем, которые обсуждались ранее и были связаны с будущим права в целом и международного и национального права в частности, и затронуть лишь одну проблему, которая имеет как национальное, так и международное регулирование, — проблему прав человека. В современных условиях, с учетом всех сложностей, о которых говорили вчера на пленарном заседании и в ходе панельной дискуссии и сегодня, концепция прав человека требует переосмысления, перестановки акцентов как в прикладном, так и в теоретическом плане.

Я хотела бы акцентировать внимание на некоторых проблемных аспектах. Прежде всего само понимание прав человека. Очевидно, что в современных условиях многополярного мира и плюрализма научных взглядов мы должны отойти от традиционной позитивистской трактовки прав человека, когда они рассматриваются исключительно как мера возможного поведения, установленная или санкционированная государством. Сегодня необходимо обратить внимание и на другие признаки прав человека, в частности на их естественный и объективный характер, обусловленный соответствующими политическими, экономическими и культурными факторами. Именно поэтому мы не можем создать единую универсальную модель прав человека, как бы ни пыталось это делать международное сообщество в рамках международного права. Существует много международных документов и пактов по правам человека, начиная со Всеобщей декларации прав человека. Но в них не ставится задача дать универсальный исчерпывающий перечень прав человека, а устанавливается определенный минимум, который должно гарантировать каждое демократическое государство. Оно наполняет их конкретным содержанием с учетом своих ценностей, правовых и культурных традиций и т. д. То есть в понимании прав человека сейчас требуется смещение акцентов на эту обусловленность.

Претерпевает изменения и традиционная классификация прав человека. Я хотела бы выделить только один подход к этой классификации — генерационный, который отражает историю развития прав человека и показывает, что было важно для человечества на определенном этапе развития. Генерационный подход связан с тремя поколениями прав человека: первое — гражданские и политические права; второе — экономические, социальные и культурные права; третье — коллективные права.

В молодежной аудитории хочется остановиться на последнем, четвертом поколении прав человека, хотя многие исследователи уже пишут о пятом и шестом поколениях, то есть в юридической науке не существует устоявшегося понимания, какие права относить к новому поколению, будь то четвертое, пятое или шестое.

К четвертому поколению прав человека предлагают относить информационные права. С этим вполне можно согласиться, поскольку мы живем в информационную эпоху. Информация стала товаром, который продается и покупается. Информация становится оружием, с помощью которого ведутся информационные войны. Подтверждением особой значимости этой группы стало появление самостоятельной отрасли законодательства — информационного права. Уже высказываются предложения выделить его в самостоятельную отрасль права, но пока это дискуссионный вопрос. В любом случае отношения, связанные с использованием, получением и распространением информации, в настоящее время требуют особого правового регулирования.

Вторая группа прав, которая также может быть отнесена к четвертому поколению прав человека, связана с развитием биотехнологий. Здесь происходит пересечение правового и морального регулирования. В частности, это относится к так называемым соматическим правам человека, связанным с распоряжением своим телом. На передний план выходят культурные традиции, сложившиеся в разных правовых системах. Право на эвтаназию, клонирование человека или отдельных частей тела — эти проблемы по-разному решаются в разных государствах с учетом сложившихся правовых (и не только правовых) традиций.

Третья группа прав, которая может быть отнесена к четвертому поколению, обусловлена развитием биотехнологий, а точнее, нейротехнологий, — это так называемые субъективные нейроправа. Этот вид прав призван защитить мозг человека от угроз применения нейротехнологий. Здесь, очевидно, требуется осторожный механизм правового регулирования, с учетом не только правовых, но и моральных и других аспектов.

И последняя группа прав четвертого поколения. Вчера на пленарном заседании мы вспоминали замечательный праздник — День космонавтики. Сегодня в качестве нового поколения прав человека предлагается рассматривать права, связанные с развитием космоса. Причем не только регламентирующие гражданско-правовые аспекты космического туризма и так далее, но и упорядочивающие в правовом аспекте отношения с иными разумными существами в космическом пространстве.

Итак, я перечислила направления развития концепции прав человека. Завершая выступление, хотела бы вернуться к вопросу о том, что ждет нас в будущем. По моему мнению, правовое регулирование как основной вид регулирования останется. Может быть, со временем иначе будут расставлены акценты в источниках права, с тем чтобы оно отвечало на международные и внутригосударственные вызовы. Несмотря на определенный консерватизм правового регулирования, если право будет адекватно отражать потребности, ценности, интересы — все то, о чем говорилось вчера и сегодня, — то оно по-прежнему будет эффективным средством социального взаимодействия.

А. И. КЛИМЕНКО: — Екатерина Алексеевна, Вы упомянули соматические права, которые многие правоведы относят к четвертому поколению прав человека. Но мне нравится модель А. Б. Венгерова, который говорил о четвертом поколении как о правах человечества (право на мир, ядерную безопасность, космос, экологические, информационные права и др.). А соматические права, на мой взгляд, — это логическое развитие прав первого поколения. Не кажется ли Вам такая формулировка более правильной?

Е. А. ПЕТРОВА: — Я, наверное, соглашусь с мнением, которое высказывают теоретики, что соматические права являются развитием личных прав человека.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется заведующему кафедрой «Теория государства и права и политология» Пензенского государственного университета Алексею Юрьевичу Саломатину.

А. Ю. САЛОМАТИН: — Прежде всего хочу поздравить всех присутствующих со 100-летием Международной академии сравнительного права, которое отмечается в 2024 году. Эта организация была создана в 1924 году в Женеве на основе национальных отделений, которые представлены более чем в 60 странах мира. Андрей Геннадьевич Лисицын-Светланов и я — члены-корреспонденты этой организации.

Выступая 22 марта на конференции «Эволюция правовых систем государств евразийского пространства» в Казанском государственном университете, я высказал предложение об организации Евразийской ассоциации сравнительного права, потому что сравнительное правоведение должно иметь патриотический характер. Развитие Евразийского союза, БРИКС подразумевает не только организационное, но и интеллектуальное объединение. Если бы мы создали такую организацию, то она стала бы не столько антитезой, противоположностью Международной академии сравнительного права, сколько ее дополнением.

Предварительно структура этой организации может включать три исследовательские группы. Первая группа занималась бы изучением национальных правовых систем. Это необходимо: как соавтор учебника по сравнительному правоведению (первое издание которого вышло в Москве в издательстве «Норма» в 2008 г.) я столкнулся с большими трудностями при сборе фак-

тического материала о юридической профессии в Индии, Китае и т. д. Сбором такого материала должен заниматься коллектив, а не один-два автора. Вторая группа могла бы сосредоточиться на проблемах международного экономического сотрудничества. Главный эксперт в этой области — Андрей Геннадьевич. Третья группа занималась бы уголовным правом и миграционной политикой, Московский университет МВД мог бы возглавить это направление.

Параллельно мы усилили бы государствоведение, потому что, с моей точки зрения, сравнительное правоведение должно изучаться и развиваться наряду со сравнительным государствоведением (эта дисциплина у нас, к сожалению, представлена намного хуже). Третьим компонентом выступает сравнительная политология, которая у нас развита неплохо. Я имею в виду Университет МГИМО и кафедру члена-корреспондента РАН О. В. Гаман-Голутвиной. Но, к сожалению, политологи находятся немного в стороне от юристов.

Наверное, имеет смысл рассмотреть французский стандарт юридического образования. В Университете представлены два отделения — публичного и частного права. Те, кто изучает публичное право, осваивают и политологию. То есть во Франции нет искусственной стены между политологией и правом, как в Великобритании и США. На мой взгляд, это здравый подход. Я являюсь большим энтузиастом этого проекта и даже придумал термин для объединенных сравнительного правоведения, сравнительного государствоведения и сравнительной политологии — юридическая компаративистика.

Пленарное заседание Лихачевских чтений навело меня на множество размышлений по поводу сценариев дальнейшего развития. В статье, опубликованной в журнале «Международная жизнь» в 2023 году (№ 3), автор, дипломатический работник в одной из стран Юго-Восточной Азии, пишет о том, что, скорее всего, мы придем к бесполярности, аргументируя это следующим образом. Все сильные страны в силу трудностей, которые перед ними возникают в постковидное время, эпоху международной турбулентности, изолируются от остальных, но в то же время будут являться точкой притяжения для соседних и других стран.

Я не считаю, что мы должны следовать одной траектории. Необходимо просчитывать разные варианты. В учебниках по экономической теории бесполярность — это свободная конкуренция, в известной степени хаотическая межгосударственная конкурентность, хотя и с несколькими центрами силы. Какие еще могут быть варианты? Антиглобалистская полярность, когда существуют 4–7 центров силы; или биполярность (то, что было во второй половине XX в.); или однополярность как вариант; или полярность конфигурации 2,5, как в 1980-е годы в Германии, где были представлены две крупные партии и одна партия-«довесок» в виде свободных демократов.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется заведующему кафедрой теории права Тверского государственного университета Владимиру Ивановичу Круссу.

В. И. КРУСС: — Юриспруденцию традиционно причисляют к разным ведомствам — социальным и гуманитарным наукам. Такого рода позиционирование таит, с одной стороны, много преимуществ, потому что юристов приглашают на разные конференции, с другой — опасность, потому что это самостоятельная наука, которая имеет право на свои выводы и положения, не всегда понятные смежным, междисциплинарным представителям научного мира.

Вчера на пленарном заседании традиционно, как это в последнее время заведено, юристы были представлены немногочисленно. Но меня заинтересовало другое. Выступали социологи, политологи, международники, культурологи, экономисты. И все, что они говорили, было абсолютно понятно. Либо они все упрощают, либо юристы многое знают, но именно юристам оказывается сложно говорить о своем, потому что право можно определять по-разному, но все равно оно — из области должного и идеального, а действительность не очень расположена к идеальному и должному.

Вчера в ходе пленарного заседания и сегодня говорили в том числе о многополярности. Какой она может быть? Полярность — категория, заимствованная из геофизики, и полюсов по определению может быть только два. В мире, который стремительно надвигается на нас, полюсов все равно останется два. Если обобщенно, то это будет Запад и не-Запад. Не-Запад — фактическая категория, которая ничего не проясняет, ее можно охарактеризовать как Юг, Восток или нечто объединенное.

В будущей конфигурации мира у России — особая миссия и особенное место, она не будет локализована в уходящей западной полярности, не становящейся незападной или контрзападной полярностью. России там не место. Она создает свою полярность и будет присутствовать в будущем мире. России в новом, вновь поляризованном мире отведена особая роль, о которой в свое время писал Александр Блок: «Мы, как послушные холопы, / Держали щит меж двух враждебных рас / Монголов и Европы!» — с тем чтобы мир сохранился, мы создали свою особую духовно-нравственную систему, целостность.

В этом и заключается странная связь России с правом, к этому предназначению постепенно подходит и современное право. Поэтому говорить о сегодняшней реальности как времени транзита, наверное, неправильно. Право мыслит категориями своей реальности, которая может быть только конституционной. И в этом смысле будущее России есть предвидение будущей конституционной реальности.

Сегодня мы имеем Конституцию 1.1. А поскольку юридической науке заниматься традиционным комментированием законодательства не с руки, потому что законодательство эпохи СВО не нуждается в комментировании, то и не нужно этого делать. Когда же наступит время достоверного, длящегося, устоявшегося правоустановительного (не законоприменительного, законопринятельного) процесса, тогда от права в лице науки потребуются серьезные не только комментарии и разъяснения по поводу состоятельности новелл, но и заготовки. Юридическая наука, по моему убеждению, сейчас должна заниматься заготовками, работать над кон-

цептом Конституции 2.0, тем самым можно обеспечить достоверную российскую, национальную самобытную идентичность в ее концептуализированном, правовом, организационном измерении.

Решающий прорыв в этом отношении возможен именно в области воспитания нового поколения юристов. Надежда — на молодежь. России нужны юристы, которые готовы мыслить в концептуалистике Конституции 2.0 и смогут, когда это потребуется, содействовать объективации, проявлению Конституции вовне, служить ей. Это делается в рамках образовательного процесса, где сегодня теоретическая составляющая предельно редуцирована и находится на выселках.

Выступая с Посланием Федеральному собранию, Президент России В. В. Путин сказал, что определяющее значение для целого ряда направлений российской будущности имеет преподавание теоретических дисциплин именно на первых курсах высших учебных заведений. Реакция на это высказывание была замечательная. А как это сделать? Даже если сейчас мы реабилитируем значимость теоретико-правового знания, а значит, конституционного теоретико-правового знания, то готовы ли и смогут ли студенты откликнуться на такой посыл?

Ректор А. С. Запесоцкий вчера на пленарном заседании сказал о том, что необходимого результата не обеспечишь одними пряниками, условному прянику необходима парная категория — условный кнут. Российская молодежь может быть патриотичной, ответственной. Но готова ли она отрешиться от общедоступного информационного фона, который зачастую сейчас воспринимается как актуальные достоверные знания о праве?

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору Московского университета МВД России Константину Елизаровичу Сигалову.

К. Е. СИГАЛОВ: — Дискуссия на пленарном заседании была интересной, познавательной и значимой. Для многих она сводилась к извечным вопросам: кто виноват, что делать и как нам преобразовать Россию? Я считаю, что, кроме всего, было сказано много интересного, чему можно поучиться, в частности что для постижения сущности надо применять методологию.

О каких методологиях идет речь? Прежде всего историческая методология. Она подразумевает, что необходимо изучать все факты, нюансы, интерпретации, в том числе скрытые. Так, в 1992 году группа депутатов либерального толка потребовала от Б. Н. Ельцина, чтобы он вернул Крым в состав России. На что Ельцин ответил: «Как это можно делать?» Многие моменты в нашей истории почему-то не освещаются. Почему, например, только сейчас рассекречивается то, что надо было говорить гораздо раньше?

Следующая методология — феноменологическая. Это осмысление правовых, политических, моральных, духовных, религиозных, ментальных феноменов, когда не просто артикулируется, что есть проблема, но она рассматривается во всех ракурсах, как позитивных, так и негативных, с точки зрения того, что может принести не только пользу, но и вред.

Еще одна методология — логическая. Вчера хорошо об этом сказал К. Ф. Затулин. Важно понять, какие ценности нам подходят сегодня, а какие нужно взять в будущее. Причем речь идет и о восточных, и о западных, и о южных, и о российских ценностях. Некоторые ценности следует развивать, от некоторых — отказаться. Есть большое количество ценностей, которые нам не подходят. В частности, нам следует развивать ценность российского образования, которое в конечном счете может быть не меньшим ресурсом, чем нефть и газ, а, возможно, даже бóльшим.

Последняя методология — герменевтическая. Необходимо освобождаться от ярлыков. Капитализм, социализм, консерватизм, либерализм — это термины в лучшем случае первой половины XX века. Нужно двигаться к усвоению истинных смыслов. Одним из положений герменевтической методологии является творческий подход к тексту.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется советнику директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессору Николаю Николаевичу Черногору.

Н. Н. ЧЕРНОГОР: — Как мы убедились вчера на пленарном заседании и сегодня в ходе работы секции, то, что происходит с БРИКС, как и судьба этого объединения, неясно.

На мой взгляд, одна из причин неясности заключается в том, что пока в должной мере не задействован ресурс права для надлежащего юридического оформления нового межгосударственного объединения. Специалисты в области международного права сейчас ломают голову, каким образом позиционировать в теоретическом и прикладном знании статус этой организации. Но ответ пока не найден. В связи с этим перед юристами стоит задача — не только надлежащим образом определить доктрину БРИКС, но и преломить это знание в практику. Наверное, ясность будущего БРИКС кроется в праве. Когда появится надлежащий правовой контур этого взаимодействия, тогда будет представление о перспективах этого объединения.

Пространство БРИКС открывает широкие возможности для диалога культур. Одним из каналов такого диалога, на мой взгляд, является юридическая доктрина. Уже ведутся разного рода совместные исследования с участием специалистов из России и стран — участниц БРИКС. В 2017 году в нашем институте вышла книга «Киберпространство БРИКС: правовое измерение», которая была подготовлена совместно с китайскими коллегами. Есть ряд других исследований, которые могут быть полезны в части решения этой проблематики.

Сейчас много говорят об информационной войне, по крайней мере, о том, что информационное пространство используется для продвижения чуждых нам концепций, идей, ценностей и пр. А мы не задумывались над тем, что доктрина — это тот же самый канал, по которому нам могут преподноситься и в какой-то

мере навязываться чуждые идеи и концепты. Мы тратим на это колоссальное время, силы, ресурсы, что-то изобретаем, пытаемся внедрить, потом понимаем, что нам это не нужно или не подходит.

Те, кто занимается проблематикой искусственного интеллекта, наверняка знают, как активно западная юридическая наука дарит нам разного рода идеи и концепции о правосубъектности этой технологии. Мы за эту погремушку ухватились, и уже немало копий было сломано на конференциях и в научной литературе относительно того, как побыстрее наделить искусственный интеллект правосубъектностью. Более того, в качестве отвлекающего маневра в 2017 году Еврокомиссия приняла рекомендации по гражданскому праву, где предполагалось, что в скором времени искусственный интеллект будет наделен правосубъектностью, по крайней мере, в усеченном варианте. Мы тоже вдохновились этой идеей и начали развивать и внедрять эти конструкции. Но 13 марта Евросоюз принял Регламент об искусственном интеллекте, где нет и намека на то, чтобы наделить его правосубъектностью.

Поэтому призываю критично подходить к тому, что дарит нам зарубежная наука. Я не говорю о том, что эти концепции абсолютно бесплодны и мы должны отказаться от зарубежной научной мысли. Нет, но нужно критически их воспринимать.

Сейчас пространство БРИКС стимулирует сравнительно-правовые исследования, в этом я согласен с коллегами, которые сегодня выступали. В этих исследованиях акцент перенесен с изучения правовых систем на правовую культуру. Мне кажется, сегодня нужно присмотреться к культуре правоприменения и законотворчеству стран — участниц БРИКС.

Что касается зарубежных моделей образования, о которых сегодня тоже говорили, то я понимаю очарованность моих коллег французской моделью или какой-либо иной, но не разделяю энтузиазма вновь пойти по пути, который мы избрали в начале 1990-х. Пора обернуться к своей истории и своим истокам. Неужели в нашей истории при реализации отечественной модели юридического образования не было выдающихся юристов? Целая плеяда. Мы пока не успели разобраться с Болонским соглашением, хотя уже понимаем, что с ним делать.

Тема БРИКС — разносторонняя, всеобъемлющая, долгоиграющая. Полагаю, что многие молодые ученые на этой ниве могут и сами вырасти, и составить себе научный капитал.

А. И. КЛИМЕНКО: — Николай Николаевич, не считаете ли Вы, что акцент на БРИКС носит чрезмерный характер или же эта организация призвана сыграть какую-то роль? Ведь БРИКС — одна из региональных международных организаций, в качестве конкурента ООН она не выступает.

Н. Н. ЧЕРНОГОР: — Пространство БРИКС, по моему мнению, перспективно и важно. На нем делается акцент потому, что в этом пространстве можно бесконфликтно сформировать новую мировоззренческую основу или скорректировать существующую, в том числе мировоззренческую основу права.

Р. А. РОМАШОВ: — Сейчас выступит Роза Иосифовна Ситдикова, представитель Казанского (Приволжского) федерального университета.

Р. И. СИТДИКОВА: — Прежде всего я хотела бы пропеть оду праву, потому что здесь некоторые выступающие в какой-то мере подвергали сомнению его значимость. Право — это основа нашей жизни, главный регулятор. Среди правовых наук я считаю наукой из наук гражданское право. А в рамках гражданского права — право интеллектуальной собственности.

Хочу сказать, как тоже уже отмечалось, что не нужно ломать все. Правовая система — это большое достижение человечества. Она выстраивалась веками, всегда была регулятором отношений и подстраивалась под меняющиеся общественные отношения, под изменяющийся мир. Для права это обычное явление. Право не боится этих изменений и всегда готово подстроиться. Сейчас нам тоже необходимо выработать конкретные правовые механизмы, которые бы помогли улучшить жизнь нашего общества. Говоря о правовых механизмах и их эффективности, могу привести показательный пример. Мы могли бы сколько угодно говорить о философских смыслах (не умаляю значимости этого), но в нашей жизни ничего бы не изменилось, если бы не приняли нормы о параллельном импорте. Их введение позволило нам преодолеть санкционное давление, и мы живем, почти не ощущая его на бытовом уровне. Это был применен всего лишь один гражданско-правовой механизм, а таких механизмов может быть очень много.

Если вести речь об интеллектуальной собственности, то эту область тоже не обошло отрицательное западное влияние. Эта система строилась в какой-то степени под воздействием западной доктрины, когда на первый план выдвигались интересы экономические и крупных правообладателей. Кстати, в Российской Федерации и в странах Юга, а также Азии уделялось больше внимания охране интересов автора как личности. Думаю, что эти две концепции сейчас должны соединиться и образовать новый подход. Особенно это важно при создании системы БРИКС, потому что БРИКС — это тоже торговое объединение, и вообще — торговля правит миром.

Чтобы обеспечить свободное движение товаров, нам необходимо ввести механизмы наподобие параллельного импорта, которые позволят товарам передвигаться в рамках БРИКС без каких бы то ни было препятствий. А это правовые механизмы, связанные с интеллектуальной собственностью, и они есть в праве интеллектуальной собственности. Они известны как стимулы и ограничения, которые нужны для того, чтобы обеспечить доступ к результатам научно-технической деятельности и культурным ценностям. И сегодня, может быть, даже противостояние Запада и Юга в праве интеллектуальной собственности не так важно, как создание баланса между интересами участников этих отношений — пользователей и правообладате-

лей, потому что правовая система в смысле охраны интеллектуальной собственности очень долго строилась с точки зрения защиты интересов правообладателей.

Но это вступает в конфликт с интересами общества. Например, студенты при написании курсовых работ должны ссылаться на источники и использовать правомерное заимствование. Иногда некоторые книги и результаты интеллектуальной деятельности оказываются недоступны ввиду того, что права интеллектуальной собственности сейчас создают очень жесткую систему охраны. Или, например, какие-то программы, которые вам нужны, весьма дорогостоящие. Может быть, вам их покупает Университет, но не каждый лично может купить эти программы, допустим, для архитектуры, рисования. Это как раз и говорит о том, что интересы правообладателей вступают в противоречие с интересами общества в плане развития образования, доступа к научным результатам, к науке. И основная задача на современном этапе — обеспечить баланс частных и общественных интересов в праве интеллектуальной собственности.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору Тамбовского государственного университета Василию Владиславовичу Трофимову.

В. В. ТРОФИМОВ: — Хочу заострить внимание на особенно важном для нас, правоведов, тезисе, который прозвучал из уст директора Института Африки, профессора Ирины Олеговны Абрамовой о том, что настоящий мир находится на пути поиска нового концепта справедливости, нового справедливого мироустройства. Это действительно то, что мы сейчас пытаемся найти. Все наши старания отстоять право и свое, и других участников международного пространства направлены на то, чтобы обнаружить, определить и каким-то образом утвердить справедливость и баланс в современном мироустройстве. Этот процесс, безусловно, непростой. И, конечно, возникает вопрос, через какие механизмы и процедуры может быть достигнуто это справедливое мироустройство.

В сегодняшней ситуации мы понимаем, что в первую очередь это победы на разных фронтах, но не только они — этим, безусловно, все наши усилия не могут ограничиться. Приведу высказывание научного руководителя Института востоковедения РФ, профессора Виталия Вячеславовича Наумкина, сказавшего, что искать это новое мироустройство и ориентиры на будущее нужно через партнерство. Без диалога мы не сможем решить никакие проблемы и вопросы. И рано или поздно конфликты и противостояния преобразуются во что-то другое, связанное с попытками наладить отношения сотрудничества, партнерства, а уже на этой основе можно будет выстраивать такие глобальные социальные институции, как, например, существующая в течение 70 лет Организация Объединенных Наций. Эта организация строится именно союзническими усилиями. К сожалению, они со временем ослабли, но это не значит, что они не должны выйти на новый уровень.

Таким образом, война рано или поздно преобразуется в новый диалог, в попытки создать союз и сотрудничество. Другого человечество не придумало — только через взаимодействие и партнерство можно что-то построить. Разрушить можно через конфликт, а если мы хотим создать что-то полезное, то придется налаживать партнерские отношения. Так дальше не будет продолжаться бесконечно: хотя латентное противостояние сохранится, но варианты внешнего или даже более прочного партнерства будут формироваться.

А если говорить о правовых процессах, то для нас как для юристов все определяется тем, какое право мы создаем, то есть все начинается с правотворчества. И в этом процессе тоже нужно активнее использовать механизм и энергию сотрудничества. Мы знаем, что наши политико-правовые решения порой бывают некачественными. А что понимается под некачественными решениями? Несогласованные, неотработанные, не основанные на каком-то предварительном компромиссе. Законодатель не всегда слышит тех, ради кого он принимает законы. А чтобы он слышал, нужно в правотворческий процесс активнее вводить механизмы сотрудничества.

В данном случае мы с нашим авторским научным коллективом предлагаем, учитывая элемент солидарности и сотрудничества в рамках осмысления проблем правотворчества, ввести в оборот такую достаточно новую категорию, как правовое сотворчество. В ней мы видим тот необходимый дополнительный ресурс, который позволит современную правотворческую деятельность усовершенствовать, оптимизировать, придать ей бóльшую активность. Кроме того, сотворчество — это феномен, который предполагает внутри себя и необходимый синергетический эффект за счет объединения усилий разных сторон — участников этого диалога. Сотворчество можно развивать как на национальном, так и на интернациональном уровне.

Если мы хотим, чтобы у нас были мир и порядок, нужно способствовать их достижению и на внешнем контуре, потому что внешнее, экстернальное, и внутреннее, интернальное, находятся в прочной взаимосвязи. А что касается повышения качества нашей правовой реальности, то важно использовать феномен и механизм солидарности, причем подвергая его необходимому дополнительному научному осмыслению.

Р. И. СИТДИКОВА: — Что Вы понимаете под справедливостью?

В. В. ТРОФИМОВ: — Справедливость — это, если обращаться к латинскому термину «эквитас», равенство, воздаяние должным за должное, равным за равное. Этот баланс — равенство между деянием и воздаянием во всех отношениях и проявлениях — нужно находить. И именно на этом будет основываться вся соответствующая правовая реальность.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется директору Центра правовой защиты интеллектуальной собственности Владимиру Львовичу Энтину.

В. Л. ЭНТИН: — Творчество является результатом интеллектуальной деятельности. Следовательно, как

и международное право, также является неким результатом, контентом, который был создан физическими лицами. Это означает, что у тех физических лиц, которые его создали, появилось на него право, но не авторское — они не придумали все с самого начала, а составили из различного рода текстов свое ви́дение — как они представляют себе это международное право. Следовательно, они обладают правом составителя.

В 1979 году Владимир Александрович Туманов, выдающийся юрист, пригласил меня вместе с ним быть составителем французского права. Книга называлась «Конституция и законодательные акты Французской Республики». Я очень обрадовался, скопировал все, что мог, в Ленинской библиотеке, пришел к Туманову, а он сказал: «А у нас лимит, нам издательство установило потолок — не более такого-то количества авторских листов». Следовательно, все законодательство Франции определялось для российского читателя издательством «Прогресс», которое выпускало эту книгу.

Если мы будем рассматривать международное право как некую действующую институцию, то в этом случае обратимся к опыту Советского Союза, который решил пойти по пути Михаила Михайловича Сперанского и выпустить собрание действующего законодательства. В этом собрании действующего законодательства был 45-й том, посвященный культуре. То есть в этот том должна была войти вся культура в нормативном аспекте, как она регулировалась действующим законодательством. Однако у нас культура как идеологическое направление регулировалась постановлениями Центрального комитета Коммунистической партии. Невозможно представить, чтобы Совмин, который был неким своего рода хозяйственно-административным управлением при ЦК КПСС, отменял эти решения.

Поэтому было сказано — все, что касается постановлений, мы убираем из действующего законодательства, а оставляем только то, что регулируется нормами права, избранными правительством. Так мы получили определенный шаблон. Теперь проведем аналогию с международным правом. В нем каждый составитель решает для себя один вопрос: что является действующим, а что утратило силу. Когда мне предоставили право решать, что фактически утратило силу, с меня никто ничего не спрашивал. Я просто писал сокращение ФУС — фактически утративший силу, и поэтому нормативный акт, если его, конечно, не требовали сохранить старшие товарищи, просто устранялся. Примерно так же работают большинство ученых и юристов — каждый выстраивает эту систему, исходя из собственных предпочтений и ви́дения концепта.

Теперь попробуем взглянуть на проблему исторически. Мы все время говорим о том, что основной ведущий институт нынешнего международного права — это Организация Объединенных Наций и институциональная система при этой организации. Какие принципы были положены в основу этой организации и кто их тогда определял? Авторский коллектив состоял из трех человек, которые собрались вначале в Тегеране, потом в Ялте и Потсдаме. Меня заинтересовал следующий вопрос: какие принципы были положены в основу формирования послевоенных границ в Европе? Оказалось, что все согласились в том, что границы в Европе являются несправедливыми и их надо подвинуть.

Дальше началось их передвижение в пользу Польши, утратившей в свое время часть земель, которые отошли к Советскому Союзу, — она получала компенсацию за счет Германии, как и Чехословакия. Затем возникло множество интересных моментов. В ООН отказывались допускать страны Центральной и Восточной Европы, пока там не пройдут справедливые демократические выборы под наблюдением свободных журналистов из СМИ западных стран. Значит, уже близок был диалог — признавать или не признавать, допускать или не допускать. Получается, что в основе тех границ в Европе был заложен принцип справедливости — так, как он тогда понимался.

Кстати, что такое справедливость? Это некая конкретная категория, для обозначения которой в английском языке используются совершенно разные термины: fair, fair competition (от *англ.* — честная конкуренция) — это справедливость в смысле честности. И справедливый как justice. То есть как орган, который присудил тебе определенную компенсацию. Это совершенно разные понятийные категории.

Пропустив следующий период истории, скажем о том, что в 1975 году были договоренности в Хельсинки, которые зафиксировали еще один принцип — нерушимости границ в Европе. Все знают, что осталось от этого принципа.

Что касается БРИКС, то здесь проводились красивые аналогии — это платформа, окно возможностей. Но мне кажется, что это караван. А любой караван идет со скоростью самого медленного верблюда.

Р. А. РОМАШОВ: — Следующим выступит профессор Алексей Алексеевич Ливеровский.

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ: — Очень интересно обстоит дело с понятием идеологии, которое сейчас является едва ли не самым актуальным и существует в нашем конституционном праве. В Конституции РФ написано, что у нас не может быть государственной и обязательной идеологии. Обращаю ваше внимание на слово «обязательной», потому что оно существенно для того, чтобы понять, что такое идеология. Мне в этом помог доклад профессора и академика Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова «Идеология и философия». Прочитав его, я понял, что ускользало из моих представлений об идеологии, потому что я вырос при советской власти, и для меня идеологическое влияние всегда имело некую негативную коннотацию, так как идеология была обязательной.

Мне говорили, что существует единственно верное учение, которое надо знать и от него не отклоняться. Но я уже тогда понимал, какую беду приносит то, что идеология должна быть единственно верной, потому что знал, что такие науки, как генетика и кибернетика, были запрещены в определенное время именно из-за того, что отклонялись в своем научном дискурсе от единственно верного учения. Например, Норберт Винер, разработавший науку кибернетику, благодаря которой сейчас создан искусственный интеллект, был

субъективным идеалистом, поэтому у нас все разговоры о нем в начале 1950-х годов были запрещены. А как мы отстали в генетике, хотя первые ее достижения были именно у нас. Почему? Академик Гусейнов по этому поводу сказал, что есть большое различие между идеологией и философией. Неправильно, когда некую философию как систему мировоззрения делают единственно правильной, поскольку философия сама определяет истинность. Но идеология — это наука.

Слово «идеология» придумал французский философ Дестют де Траси, который пытался открыть науку о создании просвещенного, рационально устроенного общества свободных людей, основанного на правовых началах и отвечающего природе человека как разумного существа. Это была наука. Но во что ее превратили и какую негативную коннотацию ей создали при советской власти… Обращаю ваше внимание на 125-ю статью Конституции СССР 1936 года. Она устанавливала, что «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом: а) свобода слова, б) свобода печати, в) свобода собраний и митингов, г) свобода уличных шествий и демонстраций». 1936 год — время большого террора. То есть идеология воспринималась как способ регулирования общественных отношений, исходя из какого-то единственно верного философского учения. Академик Владик Сумбатович Нерсесянц сказал: «Нет, это неправильно. В нашей идеологии должна быть некая надгосударственная философия конституционализма, наднациональная, не партийная, не групповая идеология».

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору Марине Геннадьевне Смирновой.

М. Г. СМИРНОВА: — Хотелось бы обратиться к названию нашей секции — «Правовые основы и проблемы развития нового многополярного мира» — и вернуться к теоретическим первоистокам понятия многополярности. Что такое многополярность по сути? Есть много позиций: реализма и не реализма, цивилизационного и регионального подходов, либерализма, конструктивизма. Все они предлагают свое определение понятия многополярности. Например, конструктивизм рассматривает многополярность как внешнеполитический дискурс и одновременно проект ряда государств, в первую очередь России. Что касается теории многополярного мира, то эта политологическая концепция была рассмотрена, в частности, российским философом и политическим мыслителем Александром Гельевичем Дугиным в монографии «Теория многополярного мира» (2012). Поэтому многополярность мира в настоящее время представляет собой актуальнейшую тему для дискуссии, которая требует ответов на многие вопросы, а многополярный мир — это наиболее справедливая и гармоничная концепция мироустройства по сравнению с однополярным или биполярным миром.

До определенного времени многополярный мир существовал, но в нынешнее время разрушается — уменьшается влияние международных организаций, в развитие которых внесла существенный вклад плеяда российских ученых и дипломатов, и сейчас в большей степени развиваются идеи биполярности или однополярности. Неоднократно было сказано, что к этому прилагают усилия США и страны Евросоюза, которые игнорируют нормы международного права или односторонне трактуют их путем толкования права.

Какой путь в данном случае должна избрать Россия? Мне кажется, что Россия встала на путь самоидентификации. Как говорит наш президент, это необходимо для сохранения страны и человечества в целом. Это выражается главным образом в сохранении культурной идентификации, и в этом направлении сделаны шаги с точки зрения нормативной регуляции. Согласна со своими коллегами, что право — это, прежде всего, регулятор общественных отношений. Конечно, существуют и другие регуляторы, но все-таки нормативная регуляция за ним, оно сохранит свою ценность на многие годы, потому что его задача — регулировать отношения в любое время.

Движение России к самоидентификации выражается в том, что указом президента были утверждены основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Были определены эти ценности: историческая память, гуманизм, милосердие, крепкая семья, преемственность поколений. И здесь уже возникает дискуссия: действительно ли ценности нужно закреплять? Вчера на пленарном заседании Елена Григорьевна Драпеко сказала, что ценности должны получить свою реализацию в конкретных нормативно-правовых актах, гражданском праве, иных отраслях права. То есть наблюдаются две тенденции. Если ценность является ценностью, имеет аксиологическое значение и представляет собой только вектор развития, нужно ли ее вообще закреплять, а если она имеет практико-прикладной характер, то должна иметь реальный механизм своего воплощения в жизнь.

Посмотрим, как у нас меняется законодательство. Этот год у нас провозглашен Годом семьи. Конечно, традиционной ценностью у нас является семья. И принят ряд нормативно-правовых актов, например Указ Президента РФ от 25 января 2023 года, в котором усилено регулирование семьи как традиционной ценности именно в форме союза мужчины и женщины. Согласна с ректором А. С. Запесоцким, что все остальные моменты, связанные с однополыми союзами, — нетрадиционные и не имеют ценности, потому что основная задача семьи — это продолжение рода. Ценность этих союзов утрачивается, поэтому упор сделан на сохранение ценности традиционной семьи, принят ряд нормативно-правовых актов для усиления ее роли. Многодетная семья по закону получает ряд пособий и льгот. Механизм обеспечения этих ценностей вводится в конкретных нормативно-правовых актах.

Есть ряд и других актов, например, в декабре 2022 года был принят закон о полном запрете пропаганды ЛГБТ[1], педофилии, смены пола, внесены поправки в закон об информации, информационных техноло-

[1] Признано экстремистской организацией, его деятельность запрещена на территории России.

гиях, защите информации. С того времени контент, включающий пропаганду нетрадиционных отношений, педофилии, смены пола, запрещен к показу, и Роскомнадзор наделен правом блокировать ресурс, если он содержит подобную тематику. В ноябре 2023 года Верховный Суд РФ объявил международное общественное движение ЛГБТ, которое на самом деле отсутствует де-юре, экстремистской организацией и запретил его деятельность в России. То есть мы можем рассуждать о ценностях и их роли, но все нормативное регулирование, которое присутствует в данной сфере, свидетельствует о том, что Россия стоит на правильном пути развития, сохраняет ценности, закрепляет их, создает механизм их воплощения в жизнь.

Хотелось бы закончить словами нашего уважаемого президента, которые были отражены в послании от 21 февраля 2023 года, о том, что, отстаивая традиционные ценности, Россия защищает все человечество. Гендерная инновация вызывает отвращение практически везде, не только в России, но и в Китае, Индии, Африке, арабском мире. И защита традиционных ценностей не только не изолирует нас, а напротив, объединяет с абсолютным большинством человечества. Приняв вызов с Запада, мы встали на передний край борьбы за тот сценарий будущего, в котором люди остаются людьми и руководствуются традиционной этикой. С этим, я думаю, не согласиться нельзя.

Дмитрий ЛИСИЦЫН, аспирант кафедры теории права и правоохранительной деятельности: — *На Ваш взгляд, какая сейчас в Российской Федерации основная ценность, на которую нужно сделать упор?*

М. Г. СМИРНОВА: — Ценность жизни абсолютна, тут и дискуссии никакой быть не может.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору Геннадию Павловичу Ермоловичу.

Г. П. ЕРМОЛОВИЧ: — Не могу не отреагировать как юрист-международник, когда слышу из уст депутатов, министров, политиков, журналистов, что БРИКС — это организация. БРИКС не имеет признаков организации как субъекта международного права, и пока называть его организацией не стоит. Можно называть платформой, караваном, форумом, как-то по-другому. Но это не организация.

У нас в Конституции написано, что Россия — правовое государство. В нашей истории, по-моему, большевики исходили из революционной целесообразности, то есть отодвигали закон в сторону и считали правильным сделать так, как им нужно. А древние сказали: Dura lex sed lex — закон суров, но это закон. Его нужно соблюдать всем и всегда, никто не может его отменять. Я считаю, что Конституцию нужно уважать и соблюдать, и никто не может интерпретировать закон так, как считает удобным. И хотя вопрос соотношения буквы права и целесообразности важен, у нас есть документ, который обладает высшей юридической силой, и его никто не должен отменять ни под каким предлогом.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется академику РАН, профессору Андрею Геннадьевичу Лисицыну-Светланову.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Начну с ремарки к последнему выступлению в отношении правового государства. У меня есть любимый дореволюционный профессор — Габриэль Феликсович Шершеневич. Это замечательный специалист и в теории права, и в гражданском праве. У него есть очень хорошая фраза, что после полицейского государства в России установилось правовое, и где-то в будущем туманно обнаруживаются черты социального. Если я не ошибаюсь, это примерно 1908 год.

Еще одна очень острая тема касается справедливости. Действительно, справедливость везде разная: и во времени, и в пространстве. Поэтому, учитывая, что мы находимся в гуманитарном университете и обсуждаем вопросы культуры, я обращусь к литературной классике периода великой реформы 1861–1864 годов. В 1868 году вышла пьеса Александра Николаевича Островского «Горячее сердце». Приведу цитату из нее с некоторыми купюрами. Купцы обращаются со своей проблемой к городничему, и он говорит: «Как же мне вас, купцы, судить, по закону аль по совести?» — «Помилуй, Серапион Мордарьич, за что же по закону? Суди, батюшка, по совести». Это к тому, как общество воспринимает и ту, и другую категорию. Вопрос, который мы обсуждаем, очень тонкий. Когда мы говорим о будущем, с одной стороны, совершенно правильно, что право не должно забегать вперед, сначала надо понять, какие процессы будут идти. Но с другой — можно привести много примеров, когда право стимулирует или, наоборот, замедляет развитие определенных отношений. Радует то, что у нас затрагиваются эти вопросы как с точки зрения парламента, правового регулирования, так и с точки зрения этих тонких материй, связанных со справедливостью, добром, гуманизмом развития и т. д. Поэтому я думаю, что сделан первый шаг — мы подошли к проблеме с позиции права. Понятно, какая может быть политика. Мы об этом говорим и заставляем друг друга думать. Это очень хорошо.

Р. А. РОМАШОВ: — Уважаемые коллеги, те проблемы, которые поднимали докладчики, свидетельствуют в первую очередь о том, что мы живем в изменяющемся мире, который рождает у людей два эмоциональных состояния: кто-то боится перемен, а кто-то связывает с переменами надежду на лучшее. Я считаю, что мы оптимисты. Человеку свойственно ожидать, что негативные проблемы разрешатся. А в рамках позитивных проблем мы и будем строить наше будущее.

Секция 5
РОССИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: НОВЫЕ ЦЕЛИ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

13 апреля 2024 г. Лекционный зал № 2 СПбГУП

Руководители секции:

Ал. А. ГРОМЫКО	директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
Е. А. ИЛЬИНСКАЯ	профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии
О. С. КУЗИН	декан факультета социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), кандидат политических наук, профессор
А. В. МАНОЙЛО	профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, доктор политических наук

ДОКЛАДЫ

Д. А. Ананьина[1]

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗОВ КИТАЯ И МОНГОЛИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ТРАНСГРАНИЧЬЯ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА «ПОВОРОТА НА ВОСТОК»[2]

Внешнеполитическая переориентация РФ на Восток, связанная с тектоническими сдвигами в глобальной геополитической повестке, способствует кардинальному пересмотру места и значения восточных рубежей страны в формировании плацдарма для всесторонней интеграции со странами Восточной Азии. В связи с этим представляется справедливым утверждение С. Лузянина, что «Сибирь и Дальний Восток России из исторической периферии объективно становятся центром поворота России на Восток»[3].

Особое геополитическое положение Забайкалья, традиционно представляющего собой территорию транзита различных культур, обусловливало формирование своеобразной социокультурной ткани, в рамках которой происходило размывание границ между своим и чужим, при этом и то и другое прочно интегрировалось в общекультурный контекст региона. Вместе с тем межгосударственная граница не только выполняла формальную функцию демаркации территорий, но и служила экзистенциальной «перегородкой», разделяющей трансграничное пространство на три полюса — Забайкалье, Китай и Монголию[4].

Описывая специфику трансграничного пространства, М. И. Гомбоева акцентирует внимание на выстраивании связей участвующих в нем акторов, которое происходит, с одной стороны, в рамках межгосударственного, «большого» взаимодействия, а с другой — в пространстве конкретных контактов, когда акторами являются представители стран, народов, государств[5]. В данном докладе мы остановимся как раз на антропологическом срезе этих процессов.

Маркирование всех трех полюсов трансграничного пространства в обыденном сознании жителей региона не было константным и на протяжении всей своей истории претерпевало изменения в процессе трансфор-

[1] Доцент кафедры социальной работы Забайкальского государственного университета, кандидат философских наук. Автор 23 научных публикаций, в т. ч.: «Религиозная и этническая идентичность этнофоров в условиях этнокультурного конфликта (на примере уйгурского этноса СУАР КНР)», «Перспективы рассмотрения культурной травмы в свете экзистенциального подхода на примере процесса адаптации мигрантов к социокультурным условиям малого города (на примере г. Читы Забайкальского края)», «Репрезентация культурных практик стран исхода в социокультурном пространстве малого города (на примере мигрантов г. Читы)», «Влияние „культурной революции“ на трансформацию этнокультурной идентичности малочисленных народов КНР (на примере уйгуров СУАР)» и др.

[2] Доклад выполнен в рамках тематики научных исследований № 1023110900002-5-5.9.1 «Трансформация политических, экономических и деловых процессов в забайкальском трансграничном регионе».

[3] *Лузянин С.* Дальневосточное измерение российского поворота на Восток. Закроет ли Китай санкционные «бреши» России? // Азия и Африка сегодня. 2022. № 6. С. 14.

[4] *Кононов С. В.* Мифотворчество как семиотический элемент дискурса о Китае в Забайкальском крае: теоретические аспекты // Учен. зап. ЗабГУ. 2016. Т. 11, № 3. С. 112.

[5] *Гомбоева М. И.* Социокультурная специфика Восточно-Забайкальского трансграничья // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья : материалы науч.-практ. конф. «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия–Китай–Монголия». Чита, 2006. С. 41–48.

мации официального внешнеполитического курса, пролегающего в пределах «большого» межгосударственного взаимодействия.

В данном случае на одном полюсе располагается Забайкалье, саморепрезентация которого в обыденном сознании населения была и остается амбивалентной. Эта амбивалентность заключается в порой парадоксальном сочетании патриотизма и любви по отношению к своей малой родине и одновременно в критике и недовольстве как ее «ссыльным» прошлым, так и ее текущим состоянием, описываемым зачастую в таких понятиях, как «периферийность», «отсталость» и «заброшенность».

На другом полюсе расположилась Монголия, ее репрезентативный образ также не был статичен и изменялся вслед за трансформацией широких рамок российско-монгольских отношений; диапазон этого изменения варьировался от восприятия ее в качестве «младшего брата, с которым дружба навек» до лишь эпизодических упоминаний в местных СМИ на фоне забвения. Относительно Монголии стоит отметить, что сегодня она во многом рассматривается жителями Забайкалья через призму соседства с Китаем — в тени экономического гиганта эта страна попадает в своеобразное «слепое пятно». У более старшего поколения Монголия продолжает маркироваться сложившимся в советские годы нарративом «младшего брата», но уже значительно отдалившегося. Рассеянный фокус внимания к Монголии прослеживается не только в обыденном сознании жителей, но и во внешнеэкономической деятельности региона. На сегодняшний день в крае среди организаций-экспортеров только 11 ориентированы на монгольский рынок, при этом на китайский — 120.

На третьем полюсе — Китай, образ которого на протяжении времени изменялся от «непостижимости китайской культуры» до утилитарной стратегии местного населения в налаживании выгодных коммерческих контактов с китайцами, от страхов по поводу «желтой угрозы» до популярности китайской культуры, что находило выражение в привлекательности «китайского трека» в жизненных стратегиях местного населения. Так, например, менялось восприятие китайцев в XIX — начале XX века. С бурным развитием торговых отношений на российско-китайской границе китайцы начинают восприниматься как важнейшие партнеры, обладающие такими качествами, как предприимчивость, рачительность, деловая хватка, хитрость.

Немецкий востоковед Юлиус Клапрот характеризовал китайцев, участвующих в кяхтинской торговле 1805–1806 годов, следующим образом: «Вообще китайцы отличаются от всех торгующих на Кяхте народов порядком, исправностью, вкусом и остроумием. Притом они хитрее всех»[1].

В начале XX века восприятие китайцев изменилось в силу упадка политической власти Цинской династии, который спровоцировал социально-экономическую турбулентность в государстве, оборачивающуюся ростом нищеты и преступности, в том числе и в приграничных с Россией провинциях. В газете «Забайкальские областные ведомости» за 1903–1905 годы встречаются сообщения о продаже китайцами дочерей за долги, торговле по причине крайней нищеты детьми, включая мальчиков, по 10 рублей. Подобные инциденты маркировались в местном СМИ как жестокие, недопустимые и отвратительные («Существование в Китае рабства самой возмутительной формы»)[2]. О борьбе с хунхузами на российско-китайской границе сообщалось: «Это зло возможно искоренить только лишь заменой в Маньчжурии всех китайских чиновников русскими, признавая существование хунхузов продуктом несовершенства государственного порядка и народного бесправия и шаткости гражданских прав в Китае, царящего в нем произвола подкупа»[3]. Указанные примеры иллюстрируют бытовавшее в то время восприятие Китая как государства неразвитого, плохо организованного, не справляющегося с задачами борьбы с преступностью и бедностью.

Очередной виток трансформации восприятия забайкальцами Китая и китайцев связан с революционными преобразованиями и вступлением обеих стран на путь построения коммунизма. Идеологическое единство на основе марксизма-ленинизма определило дружественный характер советско-китайских отношений до 1956 года и судьбоносного XX съезда ЦК КПСС, в ходе которого было положено начало ревизионизму и последовавшему затем охлаждению отношений двух стран. С конца 1940-х и до конца 1950-х годов Забайкалье активно интегрировалось в систему советско-китайских отношений, завоевывая статус одной из ведущих площадок для взаимообмена и сотрудничества по ключевым отраслям народного хозяйства. Примечательно, что взаимодействие осуществлялось также между рабочими коллективами в рамках Читинского отделения ОСКД (Общество советско-китайской дружбы), что подчеркивает немалую роль низовой инициативы жителей региона в поддержании дружеских отношений с китайской стороной[4].

Как уже отмечалось, идеологический раскол двух социалистических держав привел к ухудшению советско-китайских отношений, в результате чего в Забайкалье вся система советско-китайского сотрудничества была парализована на 20 лет. На место декларируемой «дружбы народов» приходит страх перед китайской оккупацией. С. В. Петина в связи с этим замечает, что «в 1960–1970-е годы на территории Забайкалья проводились мероприятия, раскрывающие антисоветские действия китайского государства, осуществлялась агитационная работа с местным населением»[5], благодаря чему среди населения начинают бытовать соответствующие страхи и легенды. Так, например, в этот период в Чите были распространены слухи относительно вреда, исходящего от китайских товаров, например термосов, внутренний стеклянный резервуар которых изготовлялся якобы с добавлением ртути.

[1] *Попова И. Ф.* Торговля России и Китая через Кяхту и Маймачен // Mongolica–XI : сб. науч. ст. по монголоведению. СПб., 2013. С. 32.

[2] Забайкальские областные ведомости. 1904. № 9. С. 4.

[3] Там же. № 13. С. 2.

[4] *Макеева С. Б.* Советско-китайские отношения в Забайкалье в 1950-е годы // Вестн. ЧелГУ. 2010. № 15 (196). С. 101.

[5] *Петина С. В.* Забайкалье в системе советско-китайских отношений (1949–1991-е гг.) : автореф. дис… канд. ист. наук : 07.00.02 Отечественная история. Астрахань, 2005. С. 11.

Очередное потепление советско-китайских отношений в 1980–1990-х годах было обусловлено трансформацией внутреннего содержания модели общественно-политического устройства СССР и КНР, взявших курс на рыночные преобразования. Стагнировавшие два десятилетия советско-китайские отношения стремительно налаживаются, наращивая сотрудничество по различным направлениям, что для Забайкалья имело фундаментальное значение в свете социально-экономического кризиса турбулентных 1990-х. В условиях распространения частной торговли для многих жителей региона «китайский трек» становится условием выживания. Широкую популярность приобретает система так называемого муравьиного бизнеса, в Забайкалье челночная торговля посредством перевоза товара через границу с помощью туристов — кэмэлов — была развита вплоть до пандемии COVID-19. Развитие частной приграничной торговли воскрешает в сознании жителей Забайкалья образ китайцев как умелых и хитрых торговцев, а Китая — как мировой фабрики.

Какой мифологизированный образ Китая существует в сознании жителей Забайкалья сегодня в связи с переформатированием внешнеполитического курса страны? Можно сказать, что он во многом амбивалентен. С одной стороны, Китай воспринимается как сильный и ресурсный партнер (в сознании старших поколений еще свежи воспоминания о 1990-х гг.). С другой — существует также традиционный страх китайской экспансии, периодически то становящийся латентным, то активизирующийся с новой силой. Жителям Забайкалья генетически присущ страх «сдачи» своих территорий Китаю. Новым поводом для беспокойства становятся публикации в местных СМИ информации о недвижимости и землях, находящихся в собственности у китайских граждан. Все это может послужить новым витком развития страха «желтой угрозы», на сей раз тихой и незаметной.

Таким образом, соседство сразу с двумя восточными цивилизациями не могло не отразиться на процессе репрезентации образов населяющих их народов, вплетающихся в повседневную жизнь жителей Забайкалья. Как отмечает А. В. Жуков, представления о Китае и Монголии приобретали характер мифологизированных образов, отражающих не их самих, а переработанные сознанием населения региона слепки[1]. При этом на каждом новом этапе истории эти мифологизированные образы трансформировались под воздействием глобальных политических и экономических факторов. Забайкалье всегда было включено в трансграничный контекст, однако в разные периоды времени отношения с соседними государствами то охладевали, то интенсифицировались. Как продемонстрировал данный краткий обзор, этот процесс был не линейным, а скорее напоминал синусоиду, в связи с чем сегодняшняя международная повестка определяет очередной виток развития российско-китайско-монгольских отношений и задает рамки трансграничной интеграции в зоне треугольника Россия–Китай–Монголия, наделяя ее новым смыслом и содержанием.

Н. Г. Багдасарьян[2]

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ

Будущее уже наступило. Просто оно еще неравномерно распределено.

Уильям Гибсон, писатель-фантаст

Дискуссии о перспективах становления нового миропорядка, проходившие еще 10–15 лет назад, сегодня теряют остроту: стало очевидным, что в современных условиях ни одно государство, даже самое мощное и влиятельное, не способно управлять мировыми процессами и тем более контролировать их. Однако сдвиг центра цивилизационной активности, становление многополярной системы мира характеризуются высокой степенью турбулентности, многообразием неочевидных процессов в распределении сил на международной арене, непредсказуемостью политических стратегий лидеров — стран как ведущих, доминирующих сегодня, так и быстро растущих и стремящихся к пересмотру мировой системы.

Заметим, что линейный подход к глобальной расстановке сил, выделяющий этапы двухполюсного про-

[1] *Жуков А. В.* Причины и факторы возникновения и распространения мифологических образов Китая у населения Забайкалья. Тамбов : Грамота, 2014. № 3 (41). С. 55.

[2] Профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна», доктор философских наук, кандидат исторических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Профессиональная культура инженера: механизмы освоения», «След культуры: к методологии непонимания», «Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда» (гл. ред., автор) и др.; учебников: «Культурология», «Социология» (гл. ред., автор), «История, философия и методология науки и техники» (гл. ред., автор); статей: «Стратегии поиска в постнеклассической науке: оптика культуры», «Цифровое общество и дискурсы постгуманизма» (в соавт.), «Мнимые единицы публикационной активности в обществе потребления» (в соавт.), «Теория культуры в призме философии истории» и др. Главный редактор журнала «Вестник университета „Дубна“», член редколлегий журналов «Философия науки и техники», Primo Aspectu, «Гуманитарный вестник МГТУ им. Н. Э. Баумана», «Культура культуры». Член Российского философского общества. Награждена медалями «В память 850-летия Москвы», «165 лет со дня рождения В. Г. Шухова» и др.

тивостояния США и СССР и однополярного доминирования США, некоторым образом упрощает проблему. Да, два полюса, уравновешивая друг друга посредством военных блоков, поддерживали равновесие, хотя и весьма хрупкое (вспомним Карибский кризис). Но параллельно с этим росла Япония, усиливалась Западная Европа, а чуть позже и экономики стран Юго-Восточной Азии (ASEAN). Так же и однополярное доминирование США после распада СССР и Организации Варшавского договора сопровождалось ростом Китая, Индии и ряда других государств Арабского региона. Собственно, сегодня мы и видим их выход на мировую арену как самостоятельных и сильных акторов мировой политики. То есть новые ростки многополярного мира, при всей сложности и неравномерности темпов и направлений развития уже пробивались из руин прошлого.

И вновь мы вынуждены оговориться, подчеркивая в прогнозировании направленности трендов будущего мироустройства высокую степень неопределенности. Сгусток этих неопределенностей все время трансформируется — по мере того как настоящее переходит в будущее, он то сужается, то расширяется за счет возникновения ситуаций, которые либо создают новые возможности, либо сокращают уже возникшие. Приведем известный исторический пример с падением Берлинской стены осенью 1989 года. Практически накануне, в январе 1989-го, тогдашний лидер ГДР Эрих Хонеккер заявил, что она простоит «еще сто лет». Не только ему, но и всем вокруг казалось, что этот порядок незыблем и противостоянию двух гигантских держав не будет конца. Как изменился мир после этого события, известно. Описание его с осмыслением причин краха социалистической системы занимает тома.

На протяжении XX — первой четверти XXI века человечество, пережившее две мировые войны и немало локальных, несколько раз стартовало как бы от нулевой отметки в надежде обрести пусть неустойчивое, но равновесие, пусть не «вечный мир» по Канту, но возможность в стабильной ситуации получить образование, реализовать себя, вырастить детей. Однако нарастание глобального кризиса, проявляющегося в нарушении основ геополитической устойчивости, очередном витке гонки вооружений и, наряду с новым этапом холодной войны, открытом вооруженном противостоянии в разных частях света, вновь заставило массы людей сняться с места привычного обитания в поисках лучшей доли.

Новая языковая и географическая среда и необходимость коммуникации с людьми иной культуры требуют коррекции представлений о собственной идентичности. Но и те, кто остается в местах привычной локализации, сталкиваются с меняющейся геополитической картиной мира, которая открывается сегодня практически каждому благодаря не только традиционным СМИ, но и новым медиа, перед ними проблема отождествления своей личности встает во весь рост. В «мировой деревне» (М. Маклюэн) снижаются значимость этнонациональных оснований идентичности личности и чувство принадлежности индивида к определенному государству, обществу и культуре. В современном мире человек оказался «на границах» множества социальных и культурных миров, становясь носителем множественной идентичности[1].

Вместе с тем глобализационные процессы периода однополярного доминирования США сопровождались культурной экспансией Америки путем обучения в ее университетах иностранной элиты, возвращающейся в свои страны носителями образцов американской политической культуры; индустрия Голливуда задает ценности и нормы миллионам жителей планеты; в десятках государств мира национальной кухне предпочитают «Биг Мак». Одежда, техника, музыка, книги, телевидение — все американское стало органичной частью национальных культур по всему миру. В самих же США рубежа 1990-х — начала 2000-х годов произошло нечто важное: главная эмигрантская страна перешла от практики ассимиляции в одну большую американскую нацию («плавильного котла») к торжеству «множественных» лояльностей. Диаспоры выказывали больше симпатии к покинутой, нежели к приобретенной родине. Произведенная администрацией Б. Клинтона реформа в области межэтнических отношений — разнообразие выше единства — будет иметь долговременные последствия[2].

Европейская ситуация, еще относительно недавно описывающаяся терминами мультикультурализма, в последнее десятилетие меняется радикально. Прежний оптимизм европейцев, включая и представителей политической сферы, относительно благотворности для западного общества сохранения мигрантами их культурного своеобразия, сменился осознанием конфликтогенного потенциала иммигрантов и угрозы политической нестабильности[3].

Итак, мы можем фиксировать чрезвычайно сложные процессы эволюции идентичности от исконных, этнокультурных форм, которые в традиционном, преимущественно крестьянском обществе представлялись неизменными и вечными, к идентичности социальной, в которой даже мысленное проведение границ, очерчивающих *свое* пространство, становится крайне затруднительным. Личность вынуждена считаться с контекстом своего социального, классового, политического, идеологического, экономического, расового и другого бытия, а контекст этот в современном мире изменчив и быстротекущ. Необходимость соответствовать такому меняющемуся контексту как бы выталкивает идентичность на поверхность индивидуальной структуры, подменяет ее ролью. Здесь можно привести в качестве примера весь блок проблем так называемой новой нормальности. Хотя это понятие появилось почти сто лет назад, в период Великой депрессии в США, и было связано со снижением предсказуемости в экономике, нестабильностью и неопределенностью, оно оказалось как нельзя кстати для определения самых разнообраз-

[1] *Малыгина И. В.* Этнокультурная идентичность: онтология, морфология, динамика : автореф. дис. … д-ра филос. наук. М., 2005. С. 3.

[2] *Кузнецова Т. Ф., Уткин А. И.* История американской культуры. М. : Человек, 2010. С. 374–375.

[3] *Вайнштейн Г.* Идентичность инокультурных меньшинств и будущее европейской политики // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 4. С. 3–15.

ных новаций современного мира — от сферы политики и СМИ до гендерной проблематики, когда биологический пол подменяется гендерным конструктом, то есть сущность — ролью.

Чем грозит идентичности многополярный мир? Можем ли мы, основываясь на сложной, многовекторной и вариативной картине современности, сделать попытку прогноза тренда, ограничив себя рамками культурной идентичности? Оставим за этими рамками влияние на саму природу человека (а следовательно, и его идентичность) посредством сильного искусственного интеллекта, что составляет самостоятельную проблему, а также такие маловероятные события в поле неопределенности, как обнаружение внеземных форм разумной жизни, и сделаем некоторые заключения.

Во-первых, государственная политика, чьей основной задачей в многополярном мире становится сохранение status quo, баланса интересов и всеобщей безопасности, должна будет руководствоваться правом на культуру и свободным участием в культурной жизни, зафиксированными еще во Всемирной декларации прав человека (1948) и ратифицированными Международным пактом ООН по экономическим, социальным и культурным правам (1966). Пока, несмотря на солидный возраст этих документов, сохраняющих тем не менее свою актуальность, право на культуру во многих странах не только игнорируется, но и попирается.

Во-вторых, населению всего мира придется мириться с наличием в их странах культурного разнообразия, а правительства будут вынуждены строить свою стратегию с учетом ценностного диапазона культурной самобытности народов, волею судеб населяющих страну, и культурного диалога как механизма, выявляющего и снимающего конфликтогенный потенциал.

И, в-третьих, понятие культуры не может быть ограничено его узкими рамками, культура — мощный социальный ресурс, влияющий на все сферы жизни общества. Поэтому социально-научные исследования процессов трансформации социокультурных практик, которые носят и дисциплинарный, и междисциплинарный характер, должны быть институционально востребованы в правовой и управленческой сферах, в образовании и средствах массовой информации. Достоверность научной информации, ее взвешенность — эффективный противовес деструктивным стереотипам, бытующим и в массовом сознании, и в настроениях элит. К тому же такого рода исследования могут выступать своеобразным зеркалом, способствующим самоидентификации людей.

В целом в современном мире культурная идентичность играет важную роль в общественных процессах, и в новом типе такого мироустройства, как многополярность, эта роль будет только усиливаться.

Э. В. Баркова[1]

БРИКС-ФИЛОСОФИЯ В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ ЭКОКУЛЬТУРЫ РОССИИ

В процессе становления нового ноосферно-исторического времени стремительно актуализируется потребность в соответствующей векторам наступившей эпохи рефлексии «философско-культурного глобуса» и переформатировании на нем статуса ряда онтологических, культурологических, социально-антропологических идей и учений. В этом процессе уходят в прошлое или на периферию внимания, изменяя статус в пространстве науки, некоторые из направлений (постмодернизм, позитивизм, прагматизм, фрейдизм, экзистенциализм), и, напротив, малоизвестные или не получавшие достойного исследования и представленности в мировом философском поле выходят в центр внимания. К таким перспективным направлениям относится *философия русского космизма и все учения о человеке как субъекте культуры*, открывающие потенциал сохранения человека и творения мира XXI века как экомира, то есть своего родного дома.

Ключевым среди таких экоантропологически ориентированных направлений является *экофилософия,* значительно расширившая в последние годы свое предметное поле. Восходящая к природозащитным традициям 1970-х годов с их вектором на изучение системы «природа и общество», сегодня она *в жизнесохраняющем и человеко-развивающем измерении исследует всю систему «человек–мир»,* осуществляя опыт теоретического осмысления всего многообразия связей в системе «человек–культура–общество–природа–космос»[2]. В логике экофилософии рождается принципиально новый философско-теоретический синтез традиционной экофилософии с идеями экологии культуры Д. С. Лихачева[3], школ экологии человека, развиваемых философами, медиками, педагогами; социальной экологии, экополитологии, экологии духа, науки, разума, экологии коммуникаций, экологии космоса и других направлений современного знания. Развиваемая на основе тако-

[1] Профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель Лаборатории экофилософских исследований Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, доктор философских наук. Автор более 560 научных публикаций, в т. ч.: «Человек как философ-художник в целевых установках экофилософии», «Философия экорегиональности в развитии многополярной цивилизации: к постановке проблемы», «Фредерик Жолио-Кюри об ответственности науки и ученых в XX столетии», «Экофилософия в развитии онтологии миротворчества и ревитализации борьбы за мир» и др. Член Комиссии по изучению наследия выдающихся ученых РАН (Н. Н. Моисеев). Член Русского космического общества. Руководитель социально-гуманитарного направления в Международном независимом эколого-политологическом университете.

[2] *Баркова Э. В.* Экофилософское мировоззрение как ресурс развития человеческого капитала и преодоления рисков современного бытия // Человеческий капитал. 2023. № 3 (171). С. 62–68.

[3] Экология культуры: К 110-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева (28.11.1906–30.09.1999). М. : Ленанд, 2019.

го синтеза в Лаборатории экофилософских исследований Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского экофилософская парадигма при изучении всех образов, категорий и проблем мировоззрения ориентирована прежде всего на открытие ресурсов развития мира как мира человека, его культуры и пространства-времени многополярной цивилизации XXI века[1].

В этих процессах исследование перспектив человека и культуры объединенными усилиями стран БРИКС имеет исключительно мощный потенциал.

В БРИКС-философии — пространстве развития фундаментально-всеобщих связей между культурами пяти стран — с точки зрения жизнеутверждения и развития жизни как высшей ценности преодолеваются европоцентризм мышления и ряд стереотипов, ограничивающих анализ бытия человека рамками матрицы «здесь и сейчас» или пространством структур повседневности.

БРИКС-философия имеет основания для того, чтобы уже сегодня быть новой общей формой культуры, выполняющей функцию ее — а потому и человека — защитного слоя и одновременно — направлением крупного гуманитарного прорыва России в новое пространство-время. Созданная в течение многих столетий мыслителями Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки философия и опыт ее исследования в качестве особого концептуального пространства с его великими традициями, их образами и категориями даже при первом приближении открывает возможности расширения мировидения, важные для сохранения мира человека, а не постчеловека на Земле. Вследствие этого БРИКС-философия важна как:

— надежная основа роста взаимного интереса, духовно-культурного обогащения, доверия, укрепления экономических, политических, дипломатических и других международных контактов;

— условие информационного обмена, лучшего знания друг друга через формы высокой *фундаментальной, а не только массовой* культуры, установления контактов, важных для развития образования и культуры в каждой из стран;

— совместная работа философов как деятельность, в процессе которой разрабатываются новые экоориентированные футурологические модели Земли как экодома; взаимодополняющие представления о человеке, смысле его бытия всех участников проекта о путях совершенствования жизни, вследствие чего включаются в работу новые образы, символы, идеи, имена философов, научные школы, которые известны в одной стране, но незнакомы или малознакомы в других. Из наиболее востребованных для формирования БРИКС-философии идей с планетарно-миросозидательной точки зрения при первом приближении выделю следующие.

Россия. Работа с проектными экофилософскими моделями человека, осмысленного в его органических, а не технико-технологических связях с природой, культурой, обществом, космосом; с идеями сохранения и совершенствования человеческого начала на Земле и за ее пределами. Развитие традиций, в которых раскрыты перспективы человека на Земле и за ее пределами, — это учения А. В. Сухово-Кобылина, К. Э. Циолковского, идея «общего дела» Н. Ф. Федорова, учение о ноосфере В. И. Вернадского, программа «Академии поэзии» А. Л. Чижевского и его анализа воздействия протекающих на Солнце процессов на всю историю человечества и движение биологической, психической и социальной жизни человека.

В развитии БРИКС-философии в ее российском измерении важную роль играет представление Д. С. Лихачева о большом свободном «дыхании» мироотношения и отечественной культуры, о том, что «широкое пространство всегда владело сердцами русских»[2]. Д. С. Лихачев последовательно отстаивал взгляд на востребованный сегодня тип мировоззрения, в котором «экология представляет собой взгляд на мир как на дом. Природа — дом, в котором живет человек. Но культура тоже дом для человека, причем дом, создаваемый самим человеком»[3].

Планетарный масштаб экокультурной интерпретации Д. С. Лихачевым смысла такого дома — путь к экофилософско-этическому переосмыслению мироустройства в логике многополярного мира. В процессах его «строительства» раскрываются основания философии экорегионализма[4] и преодолевается логика, по словам В. Л. Алтухова, «человекоустроения», где доминирует «плюрализм — разделительное и разделяющее мышление с ориентацией на разобщение и поляризацию всего и вся, что вытекает из его логических посылок… В глобализирующемся мире логика плюрализма до предела обостряет старые нерешенные проблемы и противоречия и порождает новые, еще более опасные»[5].

Развитие жизнезащищающей логики поэтому оказывается путем не только развития роли культурной среды, вне которой невозможна «духовная оседлость»[6], но и восхождения к новому уровню освоения целостности планетарного бытия. Согласимся в силу этого с М. М. Бетильмерзаевой: «Экофилософия может внести вклад в обеспечение духовной безопасности человека в условиях меняющегося мира… помочь человеку найти свое место в мире, почувствовать себя частью чего-то большего, чем он сам, и жить в гармонии с собой и окружающим миром»[7].

Китай. В разносторонне ориентированной деятельности китайских коллег в последние десятилетия на экофилософском поле идет работа по утверждению

[1] Экофилософия — развитию культуры мира : моногр. М. : РУСАЙНС, 2023.

[2] *Лихачев Д. С.* Заметки о русском. М. : Сов. Россия, 1984. С. 10.

[3] *Лихачев Д. С.* Русская культура. СПб. : Искусство, 2000. С. 92.

[4] *Баркова Э. В.* Философия экорегиональности в развитии многополярной цивилизации: к постановке проблемы // Философская осень: от возрождения традиций к возрождению России. М. : РУСАЙНС, 2023. С. 4–30.

[5] *Алтухов В. Л.* Логика человеко- и мироустроения. М. : Компания Спутник+, 2003. С. 17.

[6] *Лихачев Д. С.* Экология культуры // Памятники Отечества : иллюстрированный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1980. № 2. С. 10–16.

[7] *Бетильмерзаева М. М.* Экофилософский контекст обеспечения духовной безопасности в условиях меняющегося мира // Философская осень: от возрождения традиций к возрождению России. М. : РУСАЙНС, 2023. С. 45.

и развитию КНР как крупной миротворческой цивилизации XXI века. В связи с этим исключительно продуктивным является направление мысли, которое развивает, в частности, китайский философ Ху Цзяци в фундаментальном исследовании «Спасите человечество»[1]. Его концепция *великого единения человечества в будущем* — предмет интересных экокультурных дискуссий в пространстве БРИКС-философии. По мысли Ху Цзяци, только строго ограничив современное развитие науки и техники с помощью солидарной силы мировой власти, можно спасти человечество. Озадаченность проектом создания великого единства приводит автора к социально-этической идее консенсуса между людьми, странами и организациями, на основе которой можно спасти человечество от вымирания и обеспечить всеобщее счастье людей[2].

С исследователями из Хэбэйского педагогического университета в этом направлении в течение ряда лет идет постоянная работа московского НИИ истории экономики и права, где недавно издана рецензированная автором междисциплинарная монография китайских коллег[3].

Индия. Великие философские традиции Индии сегодня не менее важны. Их глубокое понимание и развитие привело великого мыслителя-гуманиста, общественного деятеля, драматурга, поэта, нобелевского лауреата Рабиндраната Тагора к выводу, сделанному в 1941 году, но исключительно актуально звучащему и сегодня: «Потерять веру в человечество — страшный грех; я не запятнаю себя этим грехом. Я верю, что после разрушительной и очистительной бури на небе, освободившемся от туч, засияет новый свет: свет самоотверженного служения человеку. Откроется новая, незапятнанная страница истории. <…> Думать, что человечество может потерпеть окончательное поражение — преступно»[4]. Слова Индиры Ганди точно характеризуют направленность учения Р. Тагора: «Он был одним из мудрецов Нового времени, задумавшихся над проблемами, которые ставит наука, и над трудностями, с которыми сталкиваются и которые *должны преодолевать различные народы, для того чтобы человечество стало единой семьей*»[5].

Южно-Африканская Республика. Это родина холизма — недооцененного пока в отечественной философии направления, хотя главный труд его основоположника Я. Х. Сматса «Холизм и эволюция» написан еще в 1926 году[6]. «Альберт Эйнштейн, прочитав книгу Сматса, писал ему: „В следующем тысячелетии две концепции будут ключом человеческого мышления — его собственная теория относительности и концепция холизма Сматса“. Он также утверждал, что Сматс был одним из только 11 людей, которые правильно понимали относительность»[7]. Вдохновляющим и важным в экокультурном измерении является его образ Духа горы — символа высоты духа, способности человека к преодолению пути восхождения к цели. Материальной основой образа Духа горы стала реальная гора Table Mauntain, расположенная к юго-западу от Кейптауна. *Органическая* целостность мира, по Сматсу, проявлена в музыке горы, в которой различимо рождение мечты, вдохновленное ее духом. Подчеркну особо востребованную сегодня работу, в которой развивается идея Сматса о связи природной и ценностной «вертикали», интерпретированной в предельно широком смысле: высокое начало не рождается в низинах, в том числе культуры.

Бразилия. Богатый философский мир Бразилии у нас недостаточно известен: больше других пользуется авторитетом автор «магического реализма» Жоржи Амаду — писатель, публицист, друг И. Эренбурга, нашей страны и культуры. Он — автор романа «Капитаны песка»[8], по которому его внучка сняла известный фильм «Генералы песчаных карьеров».

Между тем, как показала Е. В. Рочняк[9], экофилософия там получила своеобразное, вытекающее из древних индейских традиций развитие. Так, Денте Карвальго Тарго, читая лекционный курс «Введение в экофилософию: новые возможности мышления для экологизированного сознания» в Университете Санта-Катарины, раскрывает многомерность современного кризиса, показывая его социально-экологические основания и востребованность «мобилизации несколько областей академических знаний»[10].

Таким образом, даже при первом приближении проясняется эвристически перспективный путь экокультурного освоения концептуального пространства БРИКС-философии, ее жизнесохраняющих целей и миросозидательных стратегий, ориентированных на анализ перспектив бытия человека, культуры и природы. «Строя» целостно-разнообразный экомир на Земле для развития взаимного интереса, доверия и обогащения культурных миров всех стран, БРИКС-философия открывает потенциал не только развития науки и межкультурных коммуникаций, но и большого нового проекта, в котором фундаментальные представления о бытии, а не только о существовании человека в будущем, связываются с прикладными, становясь методологией человекосовершенствующего социокультурного проектирования.

---

[1] *Ху Ц.* Спасите человечество. М. : Экспо, 2022.

[2] *Баркова Э. В.* Дизайн-проектирование картины мира в экофилософско-образном измерении // Образы в экофилософской картине мира. 2022. С. 5–32.

[3] *Дай Ц., Го С.* Концепция экологической цивилизации Си Цзиньпина: исторический опыт развития лесного хозяйства Сайханба / пер. с кит. Х. Чэн ; отв. ред. И. В. Турицын. М. : НИИ ИЭП, 2022.

[4] *Тагор Р.* Кризис цивилизации // Избранное. / пер. с бенг. ; сост. и коммент. Н. М. Карпович, И. Д. Серебрякова. М. : Просвещение, 1987. С. 252–258.

[5] Цит. по: Там же. С. 1.

[6] См.: *Smuts J. C.* Holism and Evolution. 1926. URL: https://archive.org/stream/holismandevoluti032439mbp#page/n17/mode/2up (дата обращения: 09.09.2024).

[7] *Рабинович Э. М.* Южная Африка: краткая история до 1948 года. URL: http://7iskusstv.com/2013/Nomer5/ERabinovich1.php (дата обращения: 09.09.2024).

[8] *Амаду Ж.* Капитаны песка / пер. с порт. А. С. Богдановского. М. : Профиздат, 2006.

[9] *Рочняк Е. В.* Современная латиноамериканская экофилософская мысль в лицах : моногр. Горловка : Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ», 2023.

[10] Там же. С. 37.

Г. М. Бирженюк[1]

МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Активно продвигаемая в последние годы в политической сфере и обществе идея многополярного мира, развитие и расширение БРИКС актуализируют вопросы, которые традиционно присутствуют в политическом дискурсе. Сегодня они требуют дальнейшего осмысления. Речь идет о такой категории, как национальные интересы, определяющие многие аспекты внутренней и внешней политики любой страны. Именно национальные интересы лежат в основе принятия решений по конкретным проблемам в экономической, политической, социальной, культурной сферах общественной практики. Большая часть законов также принимается с учетом национальных интересов.

Попытки найти категории, наиболее адекватно репрезентирующие доминанты реальной политики, приводят исследователей к выводам, которые отличаются в деталях, но в целом носят алармистский характер. В частности, М. Хардт и А. Негри полагают, что онтологическим основанием современной политики является война[2], П. Дуткевич и Д. Казаринова полагают, что в этом качестве можно рассматривать страх[3], У. Бек говорит о риске, связанном с угрозой, которая полностью изменяет «константы и референции политического мира, казавшиеся прежде незыблемыми»[4].

Данные онтологические основания политики выводятся на основании как анализа различных аспектов текущих международных отношений, так и частотного анализа терминологии, доминирующей в политическом дискурсе. В этом плане привлекает внимание категория «интерес» и ее разновидности — «государственный интерес», «национальные интересы», «наши интересы» (в том случае, когда это высказывание принадлежит лидеру государства). Так, в известном интервью независимому журналисту Такеру Карлсону Президент РФ В. В. Путин 9 раз употребил понятие «интерес»[5]. В Послании Президента РФ Федеральному собранию 29 февраля 2024 года В. В. Путин 10 раз использовал категорию «интерес» для формулировки стратегических целей и задач государства[6].

Автором термина «государственный интерес» считается Н. Макиавелли, который понимал его как интерес народный, общенациональный[7]. В современном понимании термин «национальный интерес» был в 1935 году включен в Оксфордскую энциклопедию социальных наук. Его развернутое толкование принадлежит Г. Моргентау[8]. Силу государства, по его мнению, определяют географическое положение, природные и людские ресурсы, промышленный и военный потенциал, национальный характер, качество государственного руководства и дипломатии[9].

Государственный интерес играет большую роль во всех сегментах межгосударственных отношений. Четкая и открытая артикуляция государством своих интересов повышает доверие к нему со стороны других стран, поскольку они могут прогнозировать свою политику по отношению к тому, кто заявил о своих интересах, определять партнеров, налаживать сотрудничество с учетом данного фактора. Значительное время глобализация рассматривалась как фактор и механизм гармонизации национальных интересов, приведения их к некоему единому знаменателю, интеграции культур, экономик, образовательных систем и т. д. Однако именно глобализация, в силу противоречивости национальных интересов разных стран, их нежелания и в ряде случаев невозможности скорректировать свои национальные интересы, подчинить их интересам других стран, прежде всего США, существенно снизила темпы и имеет реальную перспективу завершиться в обозримой перспективе полным уходом из международной повестки. Иными словами, сближение стран выявило существенные расхождения по линии национальных интересов (в сферах экономики, культуры, рынка труда и т. д.). Процесс глобализации не только не решил эту проблему, но и еще больше обострил стремление каждого государства войти в мировые процессы на «льготных» условиях, то есть максимально полно реализуя свои интересы и с минимальными уступками.

В контексте глобализации фактом стало усиление дифференциации отдельных стран именно с позиции национальных интересов, их противоборства вплоть до столкновения. В частности, обострилась борьба за статус и ресурсы, права и влияние в конкретных регионах и мировом сообществе в целом. Это породило

---

[1] Заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Проблемы насилия в социально-трудовых отношениях» (в соавт.), «Глобальные информационные вызовы и информационная безопасность», «Время и социальные институты как универсалии культуры», «Социально-культурные синхронизаторы и регуляторы» (науч. ред.), «Мониторинг социально-трудовых конфликтов в России: теория, методика, технологии» (в соавт.), «Трудовой арбитраж в сфере коллективных споров: история и современность» (в соавт.), «Профсоюзное движение в России: основные тенденции (2005–2015)» (в соавт.) и др. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего образования и среднего профессионального образования (2016). Почетный профессор Таджикского государственного института искусств им. М. Турсун-заде. Заместитель председателя Ученого совета и Почетный профессор СПбГУП.

[2] *Хардт М., Негри А.* Множество : Война и демократия в эпоху империи / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Культурная революция, 2006.

[3] *Дуткевич П., Казаринова Д. Б.* Страх как политика // Политические исследования. 2017. № 4. С. 8–21.

[4] *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 92.

[5] Интервью Такеру Карлсону // Президент России : [сайт]. 2024. 9 февр. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411 (дата обращения: 20.08.2024).

[6] Полная стенограмма Послания Владимира Путина Федеральному собранию 29 февраля 2024 года // Комсомольская правда : [сайт]. 2024. 29 февр. UTL: https://www.kp.ru/daily/27573/4897592 (дата обращения: 20.08.2024).

[7] См.: История дипломатии. М., 1959. Т. 1. Разд. III, гл. 1, 2 ; *Юсим М. А.* Этика Макиавелли. М., 1990.

[8] *Моргентау Г.* В защиту национального интереса. М., 1948.

[9] *Моргентау Г.* Реалистическая теория международной политики // Теория международных отношений. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2001. С. 130–141.

масштабные конфликты, которые все чаще принимают бескомпромиссные формы, оборачиваются насилием и кровью, социальными взрывами и политическими переворотами, расколами внутри стран и враждой между ними, в том числе в рамках различных объединений.

Таким образом, оказалось, что многие страны и народы, имеющие многовековые и многолетние культурные, экономические, научно-технические, политические связи, могут практически мгновенно вступать в противостояние, граничащее с военным. Свою лепту в это вносят СМИ, которые определяют повестку дня и обладают значительными ресурсами для формирования общественного мнения, особенно в части, связанной с рефлексией национальных интересов, содержание и направленность которых целиком определяются властью и финансово-промышленными группами, владеющими медиаресурсами.

Реальность переживаемой миром ситуации такова, что каждое государство, его финансово-экономическая элита, общество в целом заново осмысливают свои национальные интересы, ищут оптимальные ответы на вызовы мировой трансформации, порождающей глобальную неопределенность.

Россия сегодня вынуждена одновременно решать ряд задач. Это, с одной стороны, преодоление кризиса культурно-цивилизационной идентичности, формирование российской национальной идеи, с другой — утверждение своего места в новом мире, где глобализация сменяется глокализацией, то есть поиском своего места в мировой экономике, политике, культуре. В последнее время решение этой задачи неотделимо от осмысления на концептуальном уровне и в плане практических действий вопроса о том, с кем следует интегрироваться экономически, культурно, политически и как при этом оптимально реализовать свои национальные интересы.

После распада биполярной системы международных отношений многие имевшиеся тогда противоречия стали нарастать рекордными темпами. Современный открытый мир, отличающийся политическим, экономическим, культурным и этнонациональным плюрализмом, столкнулся с новыми проблемами, которые пока не имеют решений.

Все чаще проявляется ограниченность возможностей существующих инструментов поддержания мира. Усложняются задачи ООН, ОБСЕ, Совета Европы и других международных организаций по поддержанию международного порядка, основанного на уважении суверенитета и территориальной целостности государств, невмешательстве в их внутренние дела, мирном урегулировании споров, совершенствовании систем коллективной безопасности. Ставятся вопросы о роли на мировой арене новых государств и негосударственных участников международного взаимодействия. В этом контексте интенсивно продвигаются идеи предпочтительности национальных интересов на основе прагматических решений и прецедентов.

Для России в этой ситуации как никогда прежде актуальными становятся вопросы соблюдения своих национальных интересов — от государственного суверенитета в целом до культурно-национальных автономий отдельных регионов, от экономической безопасности страны в условиях кризисных тенденций глобальной экономики до перспектив включения России в «третью индустриальную революцию», от сбережения реликвий национальной культуры и традиционных духовных ценностей до гармонического освоения культурных достижений других народов.

Национальные интересы России сформулированы в официальном документе — Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

«С учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире ее национальными интересами на современном этапе являются:

1) сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан;

2) защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны;

3) поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;

4) развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия;

5) устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе;

6) охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата;

7) укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России;

8) поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений»[1].

Эти интересы выступают основой формирования отношения других стран и всего мирового сообщества к России, ее приоритетам, целям и ценностям. Тем самым создается основа для создания нового международного содружества — БРИКС. Страны, входящие в это объединение, — Бразилия, Россия, Индия, КНР, Южная Африка, ОАЭ, Иран, Египет, Эфиопия — имеют различное географическое положение, объемы и характер экономик, этнический состав, культурно-цивилизационную идентичность и прочее, но их национальные интересы не противоречат друг другу, что создает предпосылки для развития сотрудничества.

[1] Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс : [справ.-прав. система]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9eef6d046da8060 (дата обращения: 20.08.2024).

Создание данного международного объединения и его ожидаемый рост (более двух десятков стран изъявили желание присоединиться к БРИКС) отражают ведущую тенденцию современного мирового развития — расширение и интенсификацию процессов интеграции. Это способствует сближению различных национальных моделей мироустройства, универсализации языка, образа жизни, культуры, экономики и политики, формированию личности нового типа, осознающей себя интегрированной в мировое культурно-цивилизационное пространство. В итоге возникают новые модели взаимодействия людей, наций, государств. Многополярный мир будет строиться на принципах взаимоуважения, взаимопонимания, справедливости и равенства.

Как представляется, ведущая роль в формировании многополярного мира, укреплении различных форм международного сотрудничества будет принадлежать национальным интересам.

О. В. Брижак[1]

РОССИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: ВОЗМОЖНОСТИ, ШОКИ, ОГРАНИЧЕНИЯ

Усиление трансформационных процессов в социально-экономической системе формирует в ее различных сферах мощные и долгосрочные шоковые эффекты разного рода: техногенные катастрофы, деструкцию природных ресурсных баз, подрыв воспроизводства человеческого фактора общественного производства, потерю системного качества инфраструктуры и др. В связи с этим в современной научной литературе появилось и получило широкое распространение концептуальное представление о системных трансформационных шоках, то есть широкомасштабных и достаточно устойчивых, регулярно воспроизводящихся результатах преобразований социально-экономической системы, которые приводят к возникновению в ней дисфункций, структурных диспропорций, снижению субъектного потенциала, институциональных дефектов и пр. Трансформационные шоки возникают на различных уровнях организации социально-экономических отношений и вызывают дестабилизацию воспроизводственного процесса, отток из национальной экономики в целом, региональной экономики и хозяйственного процесса отдельных предприятий наиболее ценных ресурсов, интеллектуального потенциала[2].

При этом имеет место существенное торможение или блокировка процесса развития на всех уровнях организации социально-экономических отношений, в том числе за счет снижения субъектного потенциала, накопления сложных проблем, не обеспеченных адекватными решениями. Характерным видом шоков, продуцированным трансформацией социально-экономической системы современной России и оказывающим на нее сильнейшее воздействие на протяжении последнего десятилетия, являются ограничения, введенные рядом других стран или союзами стран в адрес указанной системы в целом, ее отдельных сфер и участников.

Феномен ограничений, введенных международными организациями, группами стран или отдельными странами, вошел в мировую общественно-хозяйственную практику давно, его корни следует искать в политике протекционизма, применявшейся еще в XVII веке. Широкое распространение он получил в условиях глобальной интеграции, став своеобразным ответом на резкое усиление международной конкуренции. Представляется, что неправомерно рассматривать указанные ограничения как сугубо хозяйственное обстоятельство, поскольку они зачастую вводятся по результатам обострения социально-политических противоречий, что в полной мере относится и к ограничениям, введенным в адрес России. Они были приняты США, странами ЕС, Японией и другими субъектами международных отношений в ответ на социально-политические действия России, затронувшие их интересы.

Учитывая данное обстоятельство и вместе с тем стремясь действовать в границах теоретико-экономического исследования, определим ограничения, введенные в адрес конкретной страны, как вид трансформационных шоков, в основе которого лежат специальные ограничительные действия, предпринятые в адрес отдельных стран другими странами, их союзами или международными организациями, ориентированные на формирование барьеров на пути развития социально-экономических систем стран, которым адресованы такие ограничения.

Отметим, что эти барьеры представляют собой в основном количественные ограничения или полное воспрепятствование доступу хозяйствующих субъектов и государственных органов к ключевым ресурсам мировых рынков, необходимым для функционирования и развития национального воспроизводства. На современном этапе Россия оказалась в режиме ограничений доступа к технологиям, а также ресурсам финансовых рынков, используемым в инвестиционном процессе. В дальнейшем ограничительные меры были сфокусированы на тех товарах российско-

[1] Профессор департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, доктор экономических наук. Автор более 190 научных публикаций, в т. ч.: «Феномен задолженности перед будущими поколениями в контексте новой экономической реальности» (в соавт.), «Новая экономическая реальность как предметная область исследования» (в соавт.), «Детерминанты планирования развития современной экономической теории» (в соавт.), «Институциональные ловушки развития креативного потенциала корпорации» и др. Член Ассоциации «Системная экономика». Эксперт Международного сообщества высшего образования (QS World University Rankings).

[2] *Дементьев В. Е.* Власть и трансформационная экономика // Terra economicus : сб. ст. российских и зарубежных экономистов начала XXI века. М. : Наука-Спектр, 2008. С. 135–142 ; *Брижак О. В.* Роль интеллектуального капитала в развитии национальных экосистем // Теоретическая экономика. 2021. № 5 (77). С. 81–88.

го экспорта, реализация которых обеспечивает наполнение государственного бюджета и национальных резервных фондов — нефти, нефтепродуктах, газе. При этом были введены лимиты цен, по которым российские компании могли реализовать указанные товары, что обеспечило перераспределение значительной части выручки от реализации в пользу компаний-посредников, приобретавших такие товары по лимитированным ценам и продававших их конечным потребителям по реальным рыночным.

Во всех случаях, функционируя в условиях ограничений доступа к ключевым ресурсам, хозяйствующие субъекты страны, оказавшейся в соответствующем режиме, сталкиваются со следующими последствиями:

— разрастание трансформационных и транзакционных издержек;

— отказ от ранее согласованных сделок, рост контрактных рисков;

— вынужденная коррекция форм рыночного поведения и т. п.

Выше мы определили ограничения, адресованные отдельным странам, как результат обострения международной конкуренции в условиях новой реальности, для которой характерна высокая концентрация трансформационных процессов и накопление сложных проблем, порожденных преобразованиями и не обеспеченных адекватными способами их решения. Углубляя данное определение, сформулируем вывод о том, что такие ограничения формируются во взаимодействии социально-экономических и социально-политических процессов, которые позиционированы на следующих уровнях:

— во-первых, на макроуровне, который регулируется национальным государством и определяет основные условия процесса национального воспроизводства;

— во-вторых, на глобальном уровне, где существует острая межгосударственная конкуренция, а также взаимодействуют между собой представители различных стран: национальные корпорации, органы государственной власти и управления, общественные структуры. Соответственно на данном уровне сталкиваются между собой и, так или иначе, согласуются или не согласуются интересы представителей разных стран.

Правомерен вывод о том, что ограничения, вводимые в адрес конкретных стран, продуцируют трансформационные шоки при разрешении конфликта на глобальном уровне, где сталкиваются между собой интересы различных государств. Конфликт на глобальном уровне, в котором продуцируются трансформационные шоки, возникает, как правило, под воздействием множества существенных социально-экономических и социально-политических факторов, в том числе объективно сложившихся, порожденных в ходе саморазвития социально-экономических систем разных стран, а также субъективно обусловленных факторов, возникших благодаря политическим или управленческим решениям органов государственной власти, структур корпоративного управления. В том случае, когда трансформационные шоки связаны с саморазвитием социально-экономических систем, перед нами естественные процессы смены технологических укладов, циклов деловой активности и т. п. В том случае, когда трансформационные шоки имеют субъективную природу, мы имеем дело с силами, которые стремятся сохранить прежние социально-экономические отношения, вернуть к общественно-хозяйственной жизни те формы, которые адекватны вызовам современного развития[1].

Развивая приведенные выше положения, отметим, что ряд конфликтов на глобальном уровне обладают двойственной природой:

— с одной стороны, они объективно обусловлены естественным развитием социально-экономических систем разных стран, в ходе которого возникает столкновение национальных интересов;

— с другой стороны, такие конфликты субъективно подготовлены, то есть инициированы какими-то некорректными политическими решениями, не отражающими объективно обусловленных потребностей развития различных социально-экономических систем[2].

Ряд авторов ставят знак тождества между понятием ограничений, введенных в адрес отдельных стран, и понятием санкций, примененных к таким странам[3]. Однако такое отождествление представляется неточным, поскольку в первом случае речь идет о результате столкновения экономических интересов, и соответственно мы имеем дело с экономическим понятием. Во втором же случае речь идет о правовых процедурах, то есть здесь мы имеем дело с сугубо юридическим понятием. Соотнося ограничения и санкции, мы соотносим экономическое содержание процесса, протекающего между глобальным уровнем и макроуровнем организации социально-экономических отношений, а также юридическую форму указанного процесса. Смешивая указанные понятия, мы фактически разрушаем условия для системного исследования трансформационных шоков, возникающих между глобальным уровнем и макроуровнем организации социально-экономических отношений. Добавим к этому, что ограничения, вводимые в адрес тех или иных социально-экономических систем, после глобальной рецессии 2008–2009 годов превратились в мощное средство подавления конкурентов и один из атрибутов сложного феномена, квалифицируемого в качестве новой экономической реальности[4].

Развивая приведенные выше положения, укажем, что и другие атрибуты феномена новой экономической реальности — модернизированный протекционизм, резкая поляризация социально-экономических систем, подрывающая их системное качество, перелом тренда глобальной интеграции — обусловливают расширенное применение отдельными странами, их сою-

[1] *Рубини Н., Стивен М.* Как я предсказал кризис. Экстренный курс подготовки к будущим потрясениям. М. : Эксмо, 2011. С. 45–49.

[2] *Полтерович В. М.* Разработка стратегий социально-экономического развития: наука против идеологии // Вопросы теоретической экономики. 2017. № 1 (1). С. 55–65.

[3] *Матвеева Л. Г., Чернова О. А.* Российское импортозамещение в условиях «новой нормальности» // Terra economicus. 2016. Т. 14, № 2. С.45–53.

[4] *Брижак О. В., Манахова И. В., Чиканова Е. С.* Новая экономическая реальность как предметная область исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2023. № 4. С. 3–22 ; *Krugman P.* On Economic Arrogance // The New York Times. 2017. 20 Febr.

зами и международными организациями ограничений в адрес своих контрагентов в процессе ужесточающейся глобальной конкуренции, что порождает шоковые трансформационные эффекты[1].

При этом те, кто применяет ограничения, пытаются либо обрести дополнительные собственные конкурентные преимущества, либо подорвать те, которыми располагают конкуренты. Отметим, что далеко не всегда позитивные ожидания тех, кто вводит указанные ограничения, реализуются, о чем свидетельствуют результаты анализа значительного исторического опыта ограничений, применявшихся в адрес разных стран; в ряде случаев такие меры приводили к эффектам, противоположным ожидаемым, — модернизации и оживлению социально-экономического развития стран-конкурентов.

Ю. Д. Гранин[2]

НОВАЯ ФОРМА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ[3]

Подводя предварительные итоги первой четверти XXI века, ознаменованного глобальной пандемией COVID-19, военно-политическим и экономическим конфликтом России с Украиной и коллективным Западом, многие отечественные и зарубежные аналитики оценили их как беспрецедентное по масштабам и скорости изменение характера мирового развития и даже как деглобализацию человечества. Если первое утверждение имеет солидное эмпирическое подтверждение, то второе можно охарактеризовать как теоретический казус, в основании которого лежит нерефлексируемое многими аналитиками и методологически спорное представление о возможности «оборачивания» тенденций и законов истории. Как и физическое, историческое время необратимо, так и тенденции исторической динамики не могут быть повернуты вспять. Следовательно, и глобализация как многовековая тенденция к объединению цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе разделенного человечества в глобальную общность может изменять (и изменяет) лишь темпы и конкретно-исторические формы своего осуществления. Она может быть прервана лишь в результате планетарной катастрофы, за которой последуют массовое вымирание и социальная деградация человеческого рода. Есть и дополнительные аргументы против использования концепта деглобализации. Учитывая их, продуктивно вести речь лишь о смене исторических форм глобализации, меняющих центры и принципы развития человечества, но не отменяющих его поступательного движения ко все большей взаимозависимости и связанности больших и малых сообществ людей — народов и цивилизаций[4]. Поэтому, кстати, масштабные экономические и информационно-культурные антироссийские санкции Запада 2022–2024 годов оказались малоэффективными.

На протяжении многих столетий глобализация транспортных, торговых и людских потоков, формирование региональных, макрорегиональных и глобальных финансовых и экономических сетей и корпораций, международных политических организаций, союзов и альянсов осуществлялись главным образом посредством политики глобализма исторически сменяющих друг друга в качестве лидеров великих держав, образовывавших пояс стран-сателлитов и всегда претендовавших на мировое господство. Ни одной из них не удалось достичь желаемого. Но интеграция человечества усиливалась. И уже к концу XIX века стало возможным констатировать появление качественно нового состояния истории человечества: она действительно стала «всемирной», но не однородной. Как и ранее, образовывались периодически сменяемые векторы, центры и полюсы экономического и политического развития.

После Второй мировой войны человечество вступило в эпоху двуполярного состояния — период конкуренции двух миросистем: евро-атлантической системы капитализма и мировой системы социализма, завершившийся переходом к однополярной глобализации под эгидой США. Этот период мог бы продолжаться, если бы США сами не торпедировали сформированную ими же тенденцию к однополярной неолиберальной глобализации мира, в пространстве которой не только они, но и многие страны так называемого второго эшелона развития (Китай, Россия и др.) получали немалые экономические и технико-экономические выгоды[5]. В итоге из возможного партнера и даже союзника Россия (в меньшей степени КНР) превратилась в противника «и стала военно-стратегическим стержнем не-Запада, который чаще всего называют Гло-

[1] *Клейнер Г. Б.* Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 40–45.

[2] Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 220 научных публикаций, в т. ч.: «Нации и национализм. Теория и история», «Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции», «Глобализация, нации и национализм: история и современность», «Национальные государства в глобализирующемся мире: социально-философский анализ», «Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее» и др. Член редколлегий журналов «Вопросы философии и психологии», «Личность. Культура. Общество», «Телекинет», «Вестник РФО». Член Союза журналистов РФ.

[3] Доклад подготовлен на основе: *Гранин Ю. Д.* Новая форма глобализации и цивилизационная специфика России // Век глобализации. 2021. № 2 (38). С. 3–16 ; *Он же.* Россия и альянсы Евразии. Поворот на Восток перед лицом вызовов Запада // Свободная мысль. 2021. № 5 (1689). С. 91–104 ; *Он же.* Россия в региональных альянсах государств Евразии. Цивилизационное измерение // European Journal of Philosophical Research. 2021. № 8 (1). С. 3–13 ; и другие работы автора.

[4] *Гранин Ю. Д.* Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // Век глобализации. 2014. № 1 (13). С. 90–103.

[5] *Ли С. Л.* Америка, Китай и угрозы конфронтации // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. URL: https://globalaffairs.ru/articles/aziatskij-vek-v-opasnosti/ (дата обращения: 20.08.2024).

бальным Югом, более точное название — Мировое большинство»[1].

Последняя квалификация России как «военно-стратегического стержня Мирового большинства», пожалуй, слишком поспешна. Действительность такова, что так называемое Мировое большинство крайне неоднородно, а его азиатская часть пока игнорирует предложенный В. В. Путиным проект создания новой континентальной мегаструктуры (Большое Евразийское партнерство), которая должна объединить общеконтинентальные усилия с участием стран ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и быть открытой для стран ЕС. Политика прагматична, поэтому наших партнеров больше интересует возможность использования России в качестве транзитного коридора, поставщика сырьевых ресурсов, современного оружия и космических услуг (объем которых неуклонно сокращается) и, конечно, в качестве «толкача» для включения в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН. Россия в этом вопросе готова пойти навстречу им, а также Бразилии и Южно-Африканской Республике, которые просили об этом на XIV саммите стран БРИКС. Но ее внешнеполитические возможности ограничены, а экономическое положение, особенно после введения санкций, оставляет желать лучшего. Единственное, что действительно сближает Россию с ее главными партнерами в Евразии (Индией и Китаем), — это их *объективное ценностно-смысловое противостояние Западу* в качестве особых стран-цивилизаций, вынужденных осуществлять политику «догоняющего развития» без утраты своей цивилизационной идентичности.

Особенно это противостояние усилилось после попыток США сдержать развитие новых мировых центров, объявления в 2020 году Соединенными Штатами холодной войны Китаю, что естественным образом сблизило его с Россией и повысило шансы на реализацию другого макрорегионального проекта: создания треугольника «Россия–Индия–Китай» как тактического дипломатического альянса трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются евро-атлантической версией глобализации. В качестве дипломатических коалиций альянсы не раз подтверждали свою эффективность. И хотя президент В. В. Путин не исключил (при определенных условиях) даже военно-политического союза с Китаем, долговременное стратегическое сотрудничество трех великих держав маловероятно в силу преобладания «национального эгоизма». Несмотря на то что Китай и Индия не имеют на гербе двуглавого орла, они, как и Россия, внимательно смотрят и на Восток, и на Запад в поисках краткосрочных и долговременных выгод для себя.

Последние довольно очевидны в условиях стабильного мирового порядка. Но в условиях наступившей хаотизации мира («игры без правил»), когда политика действий через глобальные институты становится неэффективной, далеко заглядывать не приходится. Поэтому ставка на тактическое партнерство предпочтительнее. Но и здесь необходима координация общих целей внешней политики союзников, которая всегда и везде является средством для внутреннего развития стран. А успехи внутреннего развития гарантируют привлекательность их общего внешнеполитического курса для пока еще не присоединившихся государств. В пространстве такой диалектики внутреннего и внешнего перспективно действовать, согласовывая интересы участников возможного альянса, учитывая неравенство стартовых условий, объективную принадлежность всех трех государств к странам второго мира, вынужденным участвовать в зачастую нечестной экономической, научно-технической, военной и иной глобальной конкуренции.

Чтобы в ней не проиграть, *нужны согласованные национальные стратегии развития*, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолиберализма. Взамен их предлагается признание приоритета национальных интересов, реформирование экономики, опирающееся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но и главным образом на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является *мера сочетания западных и собственных форм модернизации.* Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства до незначительного, охватывающего в основном экономическую сферу. Пример первого варианта развития дали Япония и «новые индустриальные страны» Юго-Восточной Азии. Итоги их развития в долгосрочной перспективе оказались не столь значительны в сравнении с Китаем, успех которого был особенно впечатляющим.

Прежде всего обратим внимание на то, что сближает Китай и Россию: это отсутствие войн между двумя странами, сопоставимый военный потенциал, весьма значительный государственный сектор экономики, централизованный характер управления, наличие довольно жесткой властной вертикали, полиэтничность (при значительном преобладании «ядрового народа» цивилизации — русских и китайцев) и связанная с ней культурная гетерогенность. Вместе с присутствием так называемого советского синдрома (комплекса воспоминаний о совместно пережитом и в значительной мере идеализированном прошлом) эти черты экономики, населения и власти России и Китая объективно создают предпосылки для их сотрудничества. По всем остальным цивилизационным параметрам (религии, господствующему мировоззрению, отношению к семье и труду, жизни и смерти, характеру построения общества, власти и др.) они отличаются. И это обстоятельство оказало серьезное влияние на постановку и решение задачи модернизации России, Индии и Китая в конце XX — начале XXI века.

Так, китайское руководство, как и китайские ученые, интерпретируя современную (либеральную) глобализацию в качестве исторически неизбежной, оценили место своей страны в этом процессе весьма прагматично — с позиции извлечения максимальных выгод для Китая, ограничив одновременно возможные отри-

[1] *Караганов С. А.* Век войн? Статья первая // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 1. С. 55.

цательные последствия, связанные с участием в данном процессе. Для этого начиная с 2001 по 2010 год Центром исследования модернизации и Группой исследования стратегий модернизации Китая были подготовлены 10 ежегодных докладов о модернизации. Каждый из них содержал анализ одного из ключевых аспектов модернизации и одновременно — характеристику общего ее состояния в мире и Китае на соответствующий год[1].

Впечатляет не только огромный объем системной работы, но и объективность исследования: разделив модернизацию на «первичную» и «вторичную», разработав «индексы развития» и проанализировав в соответствии с ними 131 страну, авторы включили Китай лишь в число «предварительно-развитых» стран, которые достигнут уровня «среднеразвитых» государств (таких, например, как Россия) лишь к 2040 году. Но учитывая темпы роста, китайский прагматизм, планируемые экономическую, социальную и научно-техническую политику Китая, эти цифры должны быть скорректированы в сторону значительного уменьшения. Китай уже сейчас по многим показателям превзошел Россию[2]. А зная масштабы вложений КНР в науку и образование[3], можно предположить, что постепенно БРИКС будет выстраиваться вокруг Китая и вскоре станет китайским проектом. Россия в нем будет занимать достойное, хотя и не доминирующее положение. Но только в том случае, если завершит конфликт с Украиной и коллективным Западом на собственных условиях.

Победа в этой войне:

а) предполагает демилитаризацию западных территорий, которые получают статус нейтрального государства;

б) неизбежно приведет к деколлективизации Запада с последующим ослаблением режима антироссийских санкций, что, в свою очередь;

в) создаст условия для системной модернизации страны.

Планируя ее перспективы, не следует впадать ни в грех имперского мессионизма, ни в «цивилизационное равнодушие», которое предлагает Б. В. Межуев[4]. В области внутренней политики следует сосредоточиться на развитии социальных программ, медицины, образования и науки, на комплексном освоении Арктики, Сибири и Дальнего Востока, а в сфере международных отношений — на политике «гибких союзов» и альянсов, не отдавая предпочтения ни одному вектору взаимодействия. Эпоха российских надежд на Большую Европу «от Атлантики до Владивостока» канула в Лету, а время Большой Евразии неизвестно когда наступит. Поэтому в обозримом будущем перспективно придерживаться стратегии опоры на собственные ресурсы и равноудаленности от основных центров силы.

О. В. Каширина[5]

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПЛЕРОМА КАК ПЕРЕХОД ОТ БИПОЛЯРНОГО К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРОУСТРОЙСТВУ

Процесс построения многополярного миропорядка исторически необходим и неизбежен. Глобальные проблемы человечества требуют совместного поиска решений, в связи с этим предлагается новая повестка для научно-философских исследований и практикующих политиков: разработка и реализация единой стратегии выживания человечества, изложенной на языке цивилизационной плеромы, предлагающей консолидацию и мобилизацию цивилизационных субъектов, приверженных неотождествляемым ценностям, но объективно совпадающим коренным интересам коэволюции — синхронного согласованного развития природы и общества, актуализирующегося в современный период перехода человечества от биполярного к многополюсному мироустройству.

Действия США ведут к образованию так называемой цивилизационной плеромы, формирующейся в смысловых полях коллективного интеллекта. «Плерома — категория, которая обозначает мыслимое исходное состояние Универсума, в котором все слито, неотличимо и из которого возникает все, то есть все противоположности мира… В этом смысле кажется правомерным понятие *цивилизационной плеромы*, фиксирующее явления отождествления противоположных по смыслу ценностей... Однако в переходных состояниях она воспринимается как реальность, как „цивилизационная кислота“, растворяющая в себе жесткий

[1] Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Ч. Хэ и Н. И. Лапина. М. : Весь мир, 2011.

[2] *Маслов А. А.* Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010–2020 годах // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 4. С. 6–22.

[3] Общие расходы Китая на исследования и разработки (НИОКР) в 2022 году превысили 3 трлн юаней, что эквивалентно 418,2 млрд долларов США. Это на 10,1 % больше, чем годом ранее. В это же время траты Китая на НИОКР подскочили на 7,7 % в постоянных ценах, что выше целевого показателя годового роста в 7 %, установленного на период 14-й пятилетки (2021–2025 годы).

[4] *Межуев Б. В.* Цивилизационное равнодушие // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 5. С. 61–78.

[5] Профессор кафедры философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Контуры целесообразного будущего практической философии и культурологии в контексте многополярности», «Философия гуманизма глобализирующегося мира» (в соавт.), «Ценностно-языковой кризис в контексте гуманитарной кризисологии и философии культуры», «Приоритетные потребности и формирование нового типа мышления молодежи поколения Z как цивилизационного субъекта, устремленного в будущее» (в соавт.), «Управление событийными коммуникациями: философские размышления» и др. Член Российского философского общества. Председатель Ставропольского регионального отделения Российского культурологического общества.

каркас исторически сложившихся цивилизационных форм»[1].

Этот период характеризуется политической близорукостью Запада, особенно Соединенных Штатов, стремящихся построить «мир без России». Как отмечал Е. М. Примаков, вступление человечества в период постбиполярности — *переход от биполярного к многополярному миру*. Близорукостью он называл стремление политических элит США и некоторых других игроков на международной арене вычеркнуть Россию из числа великих держав, недооценивать ее потенциал, динамику и перспективы развития, при этом опираясь на иллюзии мировой гегемонии, основанные на якобы огромном превосходстве американских и противоположности западных и российских ценностей, позволяющих включить РФ в число врагов США, несмотря на широкие области объективно совпадающих интересов в образующемся многополярном мире[2].

В частности, В. Кувалдин пишет: «Стержень доктрины Примакова — глубокое внутреннее убеждение, что глобальный мир можно и нужно строить на многополярной основе, на базе нескольких более или менее равноценных центров силы. Одним из них по праву должна стать Россия с ее друзьями и союзниками…»[3] Подтверждают это и слова А. Дугина: «Если многополярный мир будет построен, история продолжится»[4].

Поэтому первым и главным принципом стратегии новой фундаментальной философии становится отрицание универсальности цивилизации «Россия–Евразия» на основе собственных ценностей, приоритетов, ориентиров, выборов и интересов.

Как справедливо отметил В. В. Путин на пленарной сессии юбилейного XX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай»: «Россия была, есть и будет одной из основ мировой системы, готовой к конструктивному взаимодействию со всеми, кто стремится к миру и процветанию, готовой к жесткому противодействию тем, кто исповедует принципы диктата и насилия. Мы уверены, что прагматизм и здравый смысл восторжествуют, а многополярный мир утвердится»[5].

В связи с этим возрастает необходимость сформулировать основные положения актуальности и структуры новой философии многополярности. События международного и российского масштаба, касающиеся явлений перехода от биполярного через постбиполярный к многополярному миру, убеждают в необходимости дополнить разработки еще одним важным концептом — *цивилизационной плеромы*, который отражает специфику постбиполярной переходности.

Актуальность этой темы диктуется следующими обстоятельствами.

1. Мир всегда был и остается многополюсным (многополярным), исходя из коренных потребностей людей, национально-государственных интересов, этнонациональных и экономических ценностей, что не мешало ему осознать коренные общечеловеческие потребности согласования их с природными (климатическими, ресурсными, этногенетическими и т. п.) специфическими условиями глобального бытия.

2. Великие географические открытия новых континентов, развитие капитализма и Первая мировая война изменили конфигурацию этой многополярности, сократив количество ведущих центров и утвердив систему колониальной зависимости для остальных цивилизационных образований.

3. Вплоть до Второй мировой войны мир оставался многополярным, резко изменив «калькуляцию» глобальных противоречий, затушевав природно-ресурсный характер коренных потребностей и интересов человечества и выдвинув на авансцену истории как главное противоречие не коллизии между обществом и природой, а столкновение ценностей социализма и капитализма. Образовался очень неустойчивый двухполюсный мир между США и Советским Союзом, который нельзя было спасти ни с помощью холодной войны, ни с помощью подпорок идеи «мирного сосуществования», объявившей «священной коровой» невозможность применения атомного оружия для сохранения мира.

4. После распада СССР конфигурация традиционной многополярности мироустройства снова изменилась даже по сравнению с докапиталистической эпохой. Теперь сторонники выпячивания капиталистических ценностей и игнорирования коренных потребностей и интересов человечества, ограничивая себя пространственно-временны́ми рамками глобализма, «золотого миллиарда» и идеями мирового господства атлантизма США, образовали отряд неоконсерваторов, плетущихся в хвосте инноваций (моральных, духовно-нравственных, культурных, социальных), водрузили флаг технической модернизации (которая в отрыве от природоподобия и социоподобия изначально губительна и бесперспективна). Так в возрождающемся многополюсном мире образовался первый полюс — США, стремящиеся сохранить видимость сверхдержавы и ее мировой гегемонии.

Второй полюс — Китай, который на практике применил к китайской специфике экономическую теорию марксизма и вывел страну на первое место в мире по экономическому развитию. Третий полюс, а по существу первый (по интернациональному морально-нравственному критерию), представлен современной Россией, накопившей опыт социальной мобилизационной модернизации и готовящейся интегрировать вокруг себя страны, выдвигающие на первый план не те или иные ценности, а коренные потребности людей и национально-государственные интересы суверенных государств, в процессе ноосферогенеза — коэволюции природы и общества, создания и реализации стратегии выживания человечества. Эти три полюса и составляют ядро нового многополюсного мира.

---

[1] *Скворцов Л. В.* Цивилизационные опасности: философская интерпретация. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2018.

[2] *Примаков М. Е.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М. : Центрполиграф, 2016.

[3] *Кувалдин В.* Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М. : Весь мир, 2017. С. 180, 182.

[4] *Дугин А.* Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб. : Пальмира, 2017. С. 158, 159, 165.

[5] Справедливая многополярность: как обеспечить безопасность и развитие для всех : XX заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444 (дата обращения: 16.09.2024).

Поэтому актуальность становления фундаментальной философии многополярности диктуется возникновением новой объективной и субъективной реальности: образованием ряда мировых центров и крушением иллюзий о существовании однополярного мира. Вместе с тем ликвидированная биполярность оставляет актуальными философские исследования объективно совпадающих национальных интересов, связанных с предотвращением новой мировой войны и с проблемами ноосферогенеза, коэволюции природы и общества, разработки и реализации глобальной стратегии выживания человечества. Кроме того, требует философского осмысления ряд специфических противоречий и проблем, связанных с межполюсным взаимодействием, а также управлением внутриполюсными коммуникативными процессами.

Такой философии необходимо сформировать *три ответа*:

1) теоретическую философию фрактальной многополярности — *философию многополюсной фрактальности*;

2) практическую философию управления коммуникацией, ноосферогенезом — коэволюцией общества и природы, разработки и реализации единой стратегии выживания человечества — *философию культуры многополярного коммуникативного времени*;

3) политическую теорию евразийства и российской цивилизации[1].

Представленный *концепт цивилизационной плеромы* является четвертой составной частью фундаментальной философии многополярности, работающей во всех трех ее ветвях. Займет ли он достойное место и в философии многополярности, особенно в изучении роли цивилизационных плером как переходных состояний преодоления острого языкового кризиса смысловых полей коммуникаций? На наш взгляд, такая потребность назрела. Ведь *смысло-языковой кризис* (кризис разума) является гораздо более существенной и критической характеристикой, чем любые социально-экономические коллизии перехода к многополярному миру как проявления вечного глобального циклического процесса выживания общества в его коэволюции с природой. Экспликация категории «*цивилизационная плерома*» дает преимущество междисциплинарному и трансдисциплинарному анализу становления многополярности как части глобального процесса, включающей и его конституирование (сращение), и его универсализацию (переход), зависящие от внутренней целесообразности (когерентности) и внешней целесообразности (концептуальности), взятых в границах нынешней глобальной пространственно-временнóй ситуации.

В. Н. Коновалов[2]

ПРОГНОЗНАЯ МОДЕЛЬ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Трансграничные проблемы в контексте формирующегося многополярного мира, учитывающие специфику ситуации в зонах конкретных межгосударственных границ, требуют должного осмысления.

Внутренняя и международная политика испытывают значительные трудности в связи со сложными трансграничными проблемами, к которым относятся изменение климата, кибертерроризм, глобальные миграционные потоки, финансовая нестабильность, пандемия COVID-19 и др. Эти проблемы являются трансграничными в том смысле, что преодолевают государственные границы в эпоху интенсивной глобальной взаимосвязи. Сбои в одной части света быстро распространяются по всему миру через высокоинтегрированные глобальные сети.

Трансграничные проблемы свидетельствуют о серьезных последствиях трагедии общего достояния, поскольку скоординированные глобальные ответные меры часто оказываются неадекватными, а иногда и вовсе отсутствуют. Глобальные коллективные действия, столь необходимые для комплексного решения трансграничных проблем, оказываются недостаточными. Государствам приходится справляться с последствиями для граждан и политических институтов, зачастую преодолевая уязвимость, проявляющуюся во всех слоях политической жизни.

Для того чтобы исследовать, понять и внести свой вклад в академические и общественные дискуссии по сложным трансграничным проблемам и возможностям, общественные науки вообще и политология в частности нуждаются в концептуальных линзах и теоретических подходах, которые выходят за традиционные дисциплинарные границы и преодолевают социальные, культурные, экономические, религиозные, этнические и языковые разграничения. Важна также связь теории и практики. Необходимы трансграничные подходы, которые могут включать, но не должны ограничиваться междисциплинарностью, плюрализмом и разнообразием методологических решений[3].

Исследовательская задача состоит в концептуализации и операционализации фундаментального концеп-

[1] *Каширин В. И.* Становление фундаментальной философии многополярности // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 6. С. 97–108.

[2] Профессор кафедры конфликтологии Южного федерального университета, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки Республики Ингушетия. Автор 600 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Методология и методика исследования конфликтов», «Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал», «Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества. Методология и практики реализации» и др.

[3] Politics in the age of transboundary crises: Vulnerability and resilience // IPSA : [сайт]. URL: https://www.ipsa.org/sites/default/files/participation/Participation_FINAL_web.pdf (дата обращения: 17.09.2024).

та трансграничного взаимодействия, который является достаточно новым в проблемном поле пограничных исследований.

Глобализационные процессы вызвали к жизни новые формы территориальных образований — трансконфликтные регионы и «специфические» территории. В приграничной зоне происходит крайне сложное взаимодействие (а подчас и противодействие) административных и неадминистративных структур.

Разработка инструментария трансграничного взаимодействия делает возможным выявить с помощью компаративного метода общее и особенное таких важных территориальных феноменов геополитического пространства, как трансграничный, трансконфликтные регионы и специфические территории.

Существуют некоторые перспективные эмпирические подходы к анализу государственной состоятельности специфического территориального режима. Бóльшая часть работ по изучению границ в основном сводилась к описательному выводу, поэтому актуализируется задача построения объяснительной и прогнозной модели.

Задача прогнозной модели — возможность достижения структурной цели регионального масштаба за счет консолидации региональных ресурсов и объединения основных стейкхолдеров (общество, власть, бизнес). Конкретная задача заключается в разработке методологии изучения взаимодействия трансграничного региона (с действующим конфликтом) в качестве специфической территории и трансконфликтного региона с учетом степени барьерности и контактности — важнейших функциональных характеристик границы. Внедрение в управленческий дискурс концепта трансконфликтного региона подтверждает наличие регионального образования с повышенной конфликтностью.

Особенность поставленной задачи заключается в том, что новые инфокоммуникационные технологии, включающие в себя огромные статистические базы данных (big data), позволяют предсказывать поведение одного объекта на основании поведения других. Особое внимание уделяется проблеме специфической территории, характеризующейся неконтролируемой миграцией, теневым бизнесом, ростом преступности, незаконным оборотом оружия и т. д.

Соответствующей задачей является разработка рекомендаций с последующим принятием и согласованием управленческого решения, учитывающего все уровни системы государственного управления.

Исследование границ использует синтез традиционных и постмодернистских методологий. Невозможно изучать трансграничные потоки без обращения к функциональному подходу, поскольку барьерность и контактность — важнейшие функции государственных границ. Геополитический подход необходим в исследовании проблем пограничных конфликтов, национальной и региональной безопасности.

Проблематика трансграничных взаимодействий в контексте больших баз данных рассматривается через призму двух известных методологических подходов. Региональный, неореалистический подход больше связан с исследованием конкретных территориальных проблем. Глобалистский, транснациональный подход ориентируется на дискурс детерриториализации. Наибольший методологический эффект даст обращение к аналитическому взаимодействию неореалистического и глобалистского подходов, учитывая их различные гносеологические основания[1].

Целесообразно использовать принципы и методы компаративистики, позволяющие выявить особенности пограничных территорий, а также эмпирико-описательные методы по проблемам государственной политики, миграционных процессов и социальной напряженности в пограничных регионах. «Идентичностный» подход важен в анализе трансграничного региона с ирредентистским потенциалом (Юго-Восток Украины).

Концептуализация трансграничного взаимодействия является сложной задачей, поскольку такое междисциплинарное и географически рассредоточенное явление, как границы и пограничные зоны, представляется достаточно многомерным. Имеется и целый ряд дополнительных сложностей, связанных с классификацией переменных по типологиям, предполагающей тщательный выбор единиц анализа для проведения компаративных исследований конкретных случаев.

Методологически важно рассмотреть набор переменных, связанный с пространственными, историческими, функциональными и политическими характеристиками, то есть несколько отличающийся от уже известных специалистам в области пограничных исследований. Эти характеристики связаны друг с другом тесными отношениями и приводят к определенному продвижению в понимании основных несущих измерений (барьерности и контактности), а значит, и развитию теории трансграничного взаимодействия — особого свойства и состояния приграничных территорий, функционирующих в условиях проницаемости (контактности) и некоторой разделенности (барьерности)[2].

В 2000-е годы появляется концепция «системы управления границами»[3]. В работе известного исследователя в этой области Р. А. Дуггана «Модель для систем управления международными границами» уточняются цели управления границами, касающиеся барьерности и контактности: во-первых, предотвращение и борьба с незаконной миграцией, контрабандой оружия и наркотиков, угрозами терроризма, распространением болезней и эпидемий, во-вторых, содействие развитию международной торговли, научно-образовательной среды и туризма. Управление границами рассматривается на глобальном (региональном), межгосударственном и страновом уровнях.

---

[1] *Гурба В. Н., Коновалов В. Н.* Трансграничный регион vs трансконфликтный регион: Общее и особенное в управлении территориальными границами // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11, № 5. С. 108–118.

[2] *Коновалов В. Н.* Воинственный сектарианизм и национальное государство в регионе Ближнего Востока и Северной Африки: о методологии исследования новых конфликтов // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества : моногр. / науч. ред. Н. А. Шибанова. Казань, 2021. С. 239–249.

[3] *Duggan R. A.* A Model for International Border Management Systems. New Mexico : Sandia National Laboratories, 2008 ; *Шумов В. В.* Пограничная безопасность как ценность и общественное благо: Математические модели. М. : Ленанд, 2015.

Сложный характер системы трансграничного взаимодействия требует от нас деконструировать систему на репрезентативные элементы в многомерной системной архитектуре. Системы управления границами могут быть изучены с использованием трех взаимозависимых точек зрения для анализа: сама граница, национальная или страновая перспектива и региональный (глобальный) контекст. Конкретизация концепции предполагает рассматривать систему управления границами как интегрированное, интерактивное целое. То, что происходит на одном уровне, неизбежно влияет и взаимодействует с другими. Эта архитектура системы может предоставить справочный инструмент для изучения различных элементов системы пограничного контроля в целях более эффективного регулирования потока людей и товаров через национальные границы и для защиты от угроз национальной безопасности[1].

На примере России система пограничных мер включает преимущественно предупредительные (пограничные профилактика и сдерживание), охранно-контрольные (пограничные служба и поиск) и защитно-боевые (специальные, оперативно-боевые и боевые действия) мероприятия[2]. В российских научных исследованиях в основном рассматриваются предупредительные меры барьерного характера. Позитивное развитие трансграничного взаимодействия, позволяющее обрести не только «иммунитет» от негативных воздействий, но и импульс к развитию благодаря пограничному положению, все еще не имеет достаточного концептуального обеспечения и де-факто играет в числе приоритетов подчиненную роль по отношению к барьерным мерам. Еще менее ясны механизмы, характеризующие контактное измерение, которое позволило бы создать благоприятную почву для трансграничного взаимодействия на локальном уровне и повышения активности местных структур гражданского общества[3].

Это касается и глобальных (региональных) перспектив, особенно сфокусированных на постконфликтном развитии в районе российско-украинской границы. Очевидно, что когда пограничное управление на общих границах координируется с соседями и включается контактное измерение, эта ситуация приводит к более успешному управлению границами для всех участников. Такая координация может включать в себя политический диалог и взаимодействие, начиная от базовой коммуникации во время инцидентов и заканчивая совместными пограничными операциями. Торговые соглашения между странами влияют на таможенную деятельность на границах. Границы, открытые для торговли, и поток людей в рамках регионального сотрудничества могут привести к экономическому развитию региональных участников.

Механизмы, облегчающие поток товаров и людей, в определенной степени ограничивают преступную деятельность, которая может поставить под угрозу безопасность и стабильность в регионе. Тесное сотрудничество в области правосудия и разведки может решить эту проблему с помощью общей цели обмена информацией и судебного преследования. Региональные подходы к борьбе с организованной преступностью, терроризмом, незаконной иммиграцией и незаконным оборотом людей и наркотиков оказались более эффективными в решении этих проблем.

Контактность предполагает элементы прозрачности, сотрудничества и взаимодействия, связанные с системами пограничного контроля. Установление трансграничной связи между этими элементами может снизить вероятность конфликтов и помочь в их пресечении.

Классифицируя факторы, создающие трансграничные взаимодействия с точки зрения барьерности, эксперты выделяют следующие параметры: барьерность ландшафтную (наличие естественных препятствий), демографическую (слабая заселенность приграничных территорий, снижающая интенсивность трансграничного взаимодействия), коммуникационную (слабая развитость трансграничных коммуникационных путей), административно-правовую (действие институтов или норм, усложняющее трансграничное сообщение), социокультурную (различия, создающие для большинства представителей одного государства неблагоприятную или чуждую социокультурную среду), экономическую (связанную с затрудняющими трансграничное сообщение различиями в экономическом режиме соседних государств или другими факторами, создающими неблагоприятные условия для трансграничного взаимодействия в сфере экономики) и другие разновидности[4].

Методы статистического анализа позволяют выявить индекс или коэффициент как показатель трансграничного взаимодействия.

Таким образом, из методов анализа, применимых к большим данным, наиболее целесообразным является прогнозная аналитика (predictive analytics). Прогнозная аналитика ориентируется на прогнозирование будущего поведения объектов и субъектов с целью улучшения стратегического управления.

Повышение качества экспертизы, создание прогнозных моделей территориального развития будут способствовать принятию эффективных решений в области социально-экономического развития и государственного управления в Российской Федерации.

---

[1] См.: *Duggan R. A.* Указ. соч.

[2] *Шумов В. В., Гирник Е. С., Сениченков П. Д.* Научное обеспечение пограничной деятельности // Вопросы безопасности. 2021. № 1. С. 2.

[3] *Дмитриева С. И.* Лимология : учеб. пособие для вузов. Воронеж, 2008.

[4] Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л. Б. Вардомского, С. В. Голунова. М. ; Волгоград : НОФМО, 2002.

Р. В. Костюк[1]

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Современная система международных отношений отличается крайней пестротой, сложностью и неоднородностью. Когда мы говорим о тех или иных субрегионах или тем более о континентах, надо иметь в виду, что и внутри них нет целостного единства по политическим вопросам. Прекрасной иллюстрацией здесь можно назвать Ближний Восток, Южную Азию, Восточную Азию, да и Латинскую Америку.

Однако как историческая традиция, так и геополитические реалии требуют от исследователей определять подходы к «большим» регионам в общем контексте мировой политики. К таким «большим» регионам относится и Латинская Америка, включающая два десятка стран, в которых проживают в совокупности свыше 660 млн человек.

Если в советский период нашей истории для внешнеполитических тенденций Москвы в отношении Западного полушария был характерен подчеркнуто идеологизированный подход (это проявлялось, в частности, в особых советско-кубинских отношениях, поддержке латиноамериканских компартий, революционно-демократических движений, партизанских сил), ныне складывается более сложная ситуация. Как отмечается в действующей Концепции внешней политики РФ, «с учетом поступательного укрепления суверенитета и многопланового потенциала государств Латинской Америки и Карибского бассейна, Российская Федерация намерена развивать с ними отношения на прагматичной деидеологизированной и взаимовыгодной основе…»[2] В свою очередь, Президент России В. В. Путин, выступая в Москве на Международной парламентской конференции «Россия — Латинская Америка» в сентябре 2023 года, отметил: «Во взглядах на международные вопросы у России и государств Латинской Америки много общего. Латиноамериканцы всегда стремились к самостоятельности, независимости…»[3]

В то же время мы понимаем, что в условиях, когда в само́й Латинской Америке существуют очень разные по политической направленности и внешнеполитической ориентации режимы, как геополитический, так и идеологический момент объективно играет определенную роль в выстраивании взаимоотношений между Москвой и латиноамериканскими республиками. Собственно, это признается и в Концепции внешней политики России, в которой сделан особый акцент на «поддержку заинтересованных латиноамериканских государств, подвергающихся давлению США и их союзников, в обеспечении суверенитета и независимости, в том числе посредством налаживания и расширения взаимодействия в сферах безопасности, военного и технического сотрудничества»[4].

В уже упомянутой Концепции говорится прежде всего об укреплении дружбы и взаимовыгодных отношений с Бразилией, Кубой, Никарагуа и Венесуэлой. Но не случайно все упомянутые латиноамериканские государства относятся к «левому крылу» Латино-Карибской Америки. Тут нужно иметь в виду, что именно левые в Латинской Америке (и прежде всего страны, относящиеся к оси «социализма XXI в.») выступают с наиболее последовательных и жестких антивашингтонских позиций, на международной арене по большинству актуальных вопросов придерживаясь взглядов, вполне близких Москве.

В свою очередь, сами эти руководимые левыми стра́ны готовы сближаться с РФ. В частности, с Венесуэлой в 2023 году был подписан договор о стратегическом партнерстве и сотрудничестве, тогда как официальный Каракас характеризует развитие двухсторонних взаимоотношений как «тесное братство»[5]. Со странами оси «социализма XXI века» у России на современном этапе существует тесное военно-техническое сотрудничество, с Бразилией Россия активно взаимодействует в рамках неформального объединения БРИКС.

Тот факт, что подавляющее большинство латиноамериканских стран отказались примкнуть к западным антироссийским санкциям и одновременно не согласились на поставку вооружений Украине, говорит о многом, прежде всего о том, что латиноамериканские государства по преимуществу дорожат особыми отношениями с Российской Федерацией. Я бы не стал ставить характер и перспективы наших взаимоотношений в прямую зависимость от того, как та или иная латиноамериканская страна воспринимает российско-украинский вооруженный конфликт. В конце концов, даже такой выдающийся латиноамериканский политик, как президент Бразилии Лула да Силва полагает, что обе стороны несут ответственность за вооруженный конфликт, исходя из тезиса о том, что «война никогда не имеет одного виновного»[6]. В то же время представляется гораздо более важным то, что Лула да Силва искренне предлагал использовать посреднические дипломатические услуги Бразилии для поиска мирного выхода из кризиса в Восточной Европе.

---

[1] Профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч.: «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы» (в соавт.), «Эффективность дипломатии» (в соавт.), «Внешнеполитические установки Французской коммунистической партии и Социалистической партии (Франции) в 1970-е годы. Сравнительный анализ», «Левые силы Франции и европейское строительство. 1980–1990-е гг.», «The Collective Security Treaty Organization» (в соавт.) и др.

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 17.09.2024).

[3] Путин: РФ и Латинская Америка во многом одинаково смотрят на международные отношения. URL: https://tass.ru/politika/18878237 (дата обращения: 17.09.2024).

[4] Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным).

[5] Мадуро и Путин обсудили развитие отношений между двумя странами. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19605393 (дата обращения: 18.09.2024).

[6] См.: Guerre en Ukraine: Lula “a l’impression que ni Poutine, ni Zelensky ne parlent de paix en ce moment”. URL: https://fr.news.yahoo.com/guerre-ukraine-lula-limpression-ni-064321938.html?guccounter=1&guce_referrer (дата обращения: 18.09.2024).

Бóльшая часть латиноамериканских стран, даже те из них, которые управляются левыми силами (например, Колумбия, Чили, Гватемала), не ставят под вопрос территориальную целостность Украины. Наиболее благоприятные для Москвы позиции в данном вопросе занимают государства, относящиеся к оси «социализма XXI века», которые подвергают критике роль Соединенных Штатов в этом конфликте и процессы милитаризации на Западе. Выступая за дипломатический путь разрешения конфликта, эти страны выступают против расширения НАТО и принимают во внимание озабоченность и требования РФ о гарантиях безопасности[1].

Мы видим, что левая политическая ориентация, свойственная отдельным латиноамериканским режимам, оказывает в конкретных геополитических условиях современной Латинской Америки явное влияние и на внешнеполитическую повестку. Наоборот, руководимые правыми администрациями латиноамериканские страны в гораздо большей степени ориентируются на Вашингтон и склонны учитывать подходы ведущих западных стран в отношении России. То есть фактор политико-идеологического раскола сегодня реально присутствует на латиноамериканском пространстве. И даже если этот фактор прежде всего имеет отношение к социально-политической проблематике и экономике, все же и внешняя политика — серьезный предмет противоречий между различными политическими силами (и странами!) в Латинской Америке.

Говоря о потенциальной важности латиноамериканского сообщества для РФ, я бы хотел дать то определение, которое предлагается на сайте МИД России, где сказано, что «Латинская Америка и Карибский бассейн — самоценное направление российской внешней политики… Россия заинтересована в сильной, экономически устойчивой и политически сплоченной Латинской Америке, которая имеет все возможности стать одной из опор формирующегося многополярного мира»[2]. Ключевые слова здесь «многополярный мир». В самом деле, схожие подходы к мультилатериализму во многом предопределяют важность Латинской Америки для российской дипломатии.

Также хочется сказать о том, что для политической стратегии латиноамериканских левых, для Форума Сан-Паулу многополярный мир — ценность сама по себе, поскольку такая конструкция признавала бы суверенное право латиноамериканских стран на собственную, отвечающую национальным интересам внешнюю политику. Внешняя политика ведущих стран этого региона — Бразилии и Мексики — имеет своим краеугольным камнем именно мультилатерализм. К примеру, администрация Лулы выступает за фундаментальную реформу мультилатерализма, чтобы «отразить нынешнее распределение мировой власти» и одновременно поощрять становление многополярного мира»[3].

По очень многим вопросам современной мировой политики (общая архитектура международных отношений, демократизация ООН, отношения «Север–Юг», конфликт на Ближнем Востоке и т. д.) позиции Москвы и большинства стран Латинской Америки весьма близки. Правда, при этом следует помнить, что абсолютное большинство латиноамериканских стран последовательно выступают за запрет ядерного оружия и являются странами — подписантами Договора о запрещении ядерного оружия.

Впрочем, антивоенный настрой латиноамериканцев не мешает развитию еще одного тренда, перспективного с точки зрения российских интересов в Западном полушарии, — военно-технического сотрудничества (ВТС). Конечно, исторически здесь доминирует американский экспорт, да и в целом «главным экспортером оружия в Латинскую Америку на протяжении последних лет были США»[4]. Но к концу первой четверти XXI века РФ заметно нарастила ВТС с латиноамериканскими государствами, подчас активно конкурируя с Соединенными Штатами и западноевропейскими странами.

Здесь снова никуда не уйти от политического фактора — такие страны оси «социализма XXI века», как Куба, Венесуэла, Никарагуа, находясь под разнообразными североамериканскими санкциями и жестким внешнеполитическим давлением, объективно вынуждены делать ставку именно на военно-техническую кооперацию с нашей страной. Причем если в случаях с Кубой и Никарагуа мы имеем дело с фактором традиционных военно-политических связей, идущих еще с советских времен (то есть речь о преемственности), то с Венесуэлой активное военное партнерство началось лишь четверть века назад. В итоге за все последние годы было заключено множество соглашений о поставке Россией в Боливарианскую Республику боевых вертолетов, танков, боевых машин пехоты, ракетно-артиллерийского оружия, средств противоракетной обороны. «В результате развития ВТС Вооруженные силы Боливарианской Республики Венесуэлы (за исключением транспортной авиации и флота) почти полностью оснащены российским вооружением и военной техникой»[5].

Хотелось бы заметить, что Россия пытается развивать экспорт вооружений не только в «радикальные» страны. Это касается, например, Эквадора, Колумбии, Бразилии. Таким образом, открываются новые огромные возможности.

[1] Куба обозначила свое отношение к спецоперации России на Украине. URL: https://regnum.ru/news/3667128 (дата обращения: 18.09.2024).

[2] О состоянии и перспективах развития сотрудничества России с государствами Латинской Америки. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/problemy-vzaimootnosenij-so-stranami-latinskoj-ameriki-i-karibskogo-bassejna/ (дата обращения: 18.09.2024).

[3] См.: *Adler D., Long G.* Lula's foreign policy? Encouraging a multipolar world // The Guardian : [сайт]. 2023. 1 Jan. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/jan/01/brazil-lula-foreign-policy-multipolar-world (дата обращения: 18.09.2024).

[4] *Хамова Е.* Боевой круг: кто в Латинской Америке ищет военного сотрудничества с Россией // Известия : [сайт]. 2023. 27 нояб. URL: https://iz.ru/1610183/ekaterina-khamova/boevoi-krug-kto-v-latinskoi-amerike-ishchet-voennogo-sotrudnichestva-s-rf (дата обращения: 18.09.2024).

[5] *Малашенко Т. И.* Военно-техническое сотрудничество России в Латинской Америке: Венесуэла // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 3 (23). С. 140.

Но потенциально это «окно возможностей» имеется и в отношении экономического взаимодействия Российской Федерации и стран Латино-Карибской Америки в целом. Безусловно, если принимать в расчет конкретные цифры, наша страна очень сильно уступает США, Китаю, ведущим западноевропейским странам в сфере внешнеторговой конкуренции на латиноамериканском направлении. К примеру, на момент начала СВО «торговый оборот со странами этого континента, включая огромные рынки Бразилии, Мексики, Аргентины, Колумбии и других, не превышал 13–18 млрд долларов в год, что составляло всего 2–3 % внешней торговли России»[1].

Объективно, вступление в новую фазу «санкционной войны» с так называемым коллективным Западом вновь подняло вопрос о важности для РФ внешнеэкономического партнерства со странами Латинской Америки. Тем более, как бы они ни относились к российско-украинскому конфликту, основная часть латиноамериканских государств не поддерживает курс на экономические санкции против РФ.

Разумеется, мы должны четко понимать, что имеются серьезные объективные сложности для реальной интенсификации наших экономических связей. Географическая отдаленность друг от друга, энергетическая самодостаточность Латинской Америки, сильное присутствие на латиноамериканских рынках таких мировых экономических «сверхдержав», как США и КНР — все это серьезнейшие преграды на пути усиления российских внешнеэкономических позиций в Латинской Америке. Вместе с тем согласимся с точкой зрения председателя Делового совета «Россия–Куба» Б. Титова: «Настоящее взаимодействие, настоящие экономические связи могут появиться, когда есть тысячи различных — малых, крупных, средних — связей, существующих между предпринимателями»[2].

Соответственно, мы можем сделать вывод о том, что Латинская Америка — чрезвычайно актуальный и важный для России регион. Многомерность этой важности заключается в геополитических, стратегических, экономических измерениях. Но предстоит еще немало сделать, чтобы этот потенциал реально заработал.

А. В. Манойло[3]

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ И МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ[4]

В последнее время мы все чаще слышим, что коллективный Запад развязал против России беспрецедентную гибридную войну. Об этом заявляют и Президент Российской Федерации В. В. Путин, и министр иностранных дел С. В. Лавров, и секретарь Совета безопасности Российской Федерации Н. П. Патрушев. Важнейшей составляющей гибридной войны является война информационная, предназначенная для подавления и подчинения воли противника. В информационных войнах противника, как правило, физически не уничтожают — его превращают в раба, послушного исполнителя своей воли, внушая, что это и есть истинная цель его существования. Выработавших свой ресурс пособников (агентуру спецслужб, «добровольных помощников», которых немецкие нацисты называли «хиви») обычно утилизируют.

Современные информационные войны представляют собой особый вид вооруженного конфликта, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций, сопровождающихся применением информационного оружия — особого класса технологий, предназначенных для воздействия на психику человека, в том числе через скрытое управление его высшей нервной деятельностью. Отсюда следует, что информационные войны возможны только в отношениях между государствами — в сфере международных отношений и внешней политики, и никогда — в политике внутренней (исключение составляют гражданские войны и «цветные революции»). При этом цель любой информационной войны полностью совпадает с целью войны классической — это обеспечение военного поражения противника.

В свою очередь, информационные операции представляют собой оперативные комбинации спецслужб на каналах открытых телекоммуникационных сетей. Это операции разведок, представляющие собой соединение четырех групп методов:

1) классических методов оперативной и агентурной деятельности;

2) оперативно-технических методов;

3) оперативно-розыскных методов;

4) технологий информационно-психологического воздействия на индивидуальное и массовое сознание граждан, технологий скрытого управления сознанием и поведением человека и каналов доведения управляю-

[1] *Акимушкина И. И.* Как стать ближе к Латинской Америке // Независимая : [сайт]. 2022. 11 дек. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2022-12-11/9_8612_sympathy.html (дата обращения: 18.09.2024).

[2] Россия и страны Латинской Америки имеют большой потенциал экономического взаимодействия, но есть проблемы с расчетами и логистикой. URL: https://forumspb.com/news/news/rossija-i-strany-latinskoj-ameriki-imejut-bolshoj-potentsial-ekonomicheskogo-vzaimodejstvija-no-est-problemy-s-logistikoj-i-raschetami/ (дата обращения: 18.09.2024).

[3] Профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, доктор политических наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Информационные войны и психологические операции: руководство к действию», «Стратегические информационные операции и оперативные игры спецслужб» и др.

[4] Доклад подготовлен на основе: *Манойло А. В.* Чему нас научил опыт информационно-психологических операций в ходе СВО // Регнум : [сайт]. URL: https://regnum.ru/opinion/3867457 (дата обращения: 18.09.2024).

щего информационного воздействия до целевых аудиторий.

Причем на новейшие методы и технологии информационного воздействия на практике приходится не более 20 % от всего объема операции; таким образом, по своей сути «информационные операции» только называются информационными, а по методам они продолжают оставаться классическими разведывательными операциями, которые могут закончиться и физическим устранением (ликвидацией) объекта разведывательного интереса — в том случае, если он не поддается управляющему воздействию и не желает добровольно подчиниться. В современном мире информационные операции остаются полем боя «рыцарей плаща и кинжала», способных уничтожить своего противника в сердце или в печень стилетом, сильнодействующим ядом или постом в Telegram-канале.

Тактика современных информационных операций, при всей своей кажущейся сложности и непостижимости, на самом деле чрезвычайно проста: «зацепить» объект воздействия (как правило, им выступает лицо, облеченное высшей государственной властью), вывести его на эмоции и заставить под влиянием этих эмоций метаться в поисках выхода или спасения. Если жертва начинает метаться, ее ловят на обязательно совершаемых ею ошибках и еще сильнее сжимают удавку на шее. Если жертва впадает в ярость и начинает отрицать свою причастность к приписываемым ей действиям, поступкам или фактам, попутно оправдываясь, ее последовательно ловят на лжи, припирая к стенке или загоняя в угол, из которого выход может быть открыт только на условиях «загонщика». По этой схеме сегодня построены все без исключения информационные операции американской разведки, включая проводимые «под чужим флагом»; этому же принципу стремятся следовать и российские специалисты информационных операций, создав на этой платформе собственную тактику проведения информационных операций и контроперацій — так называемую тактику работы в условиях неожиданных вводных. Эта тактика появилась у российских специалистов всего около 6–8 месяцев назад и уже прошла успешную апробацию «в полевых условиях» (в прямом соприкосновении с противником); она в определенных условиях превосходит американскую (хотя и родственна ей по базовым принципам и приемам ведения информационной войны) и позволяет переигрывать разведки США на их же собственном поле. Сама же тактика «неожиданных вводных» заключается в том, что противник не должен уметь предугадать, с какого именно направления придет очередной информационный удар и каким он будет, каждый новый удар должен быть для него полной неожиданностью и всегда заставать врасплох, ни один новый удар не должен быть похож на предыдущий, и все это вместе должно все время держать противника в напряжении и растерянности (или непрерывном изумлении).

Российский опыт ведения информационных войн сегодня весьма разнообразен и постоянно пополняется новыми приемами, методами, технологиями воздействия на противника, доказавшими свою эффективность в реальных боевых условиях — в первую очередь в специальной военной операции на Украине. Сегодня ни для кого не секрет, что СВО стала для российских спецслужб и стимулом для разработки новых форм и методов в сфере информационных операций, и уникальным испытательным полигоном для отработки этих методов на практике. Все это в совокупности должно было обеспечить исторический «эволюционный взрыв», технологическую революцию, новый этап в покорении глубинной, «темной», не управляемой сознанием психики человека. Тем удивительнее осознавать, что этого так и не произошло — напротив, начало СВО было связано не с прогрессом технологий информационного воздействия, а с их архаизацией. Считая, что СВО продлится считанные дни или недели (вспомним «Киев за три дня»), тонкие и сложно устроенные, как швейцарский часовой механизм, операции разведок в один миг оказались на периферии; их место заняли специальная пропаганда, дающая результат «в моменте» — здесь и сейчас, немедленно, и фейки. Видимо, генералы информационных войск считали, что, пока разведки спланируют и запустят свою оперативную комбинацию или игру, СВО кончится, поэтому нужны инструменты, которые стороны успеют применить по противнику. То есть в начале СВО произошла деградация форм и методов ведения информационных войн — да так, что на горизонте реально замаячил «новый каменный век».

Следуя заданному «новым каменным веком» курсом на деградацию, в информационное пространство ринулись фейки — примитивные, слепленные буквально на коленке, но продавливающие любую оборону своей массовостью. В самих фейках тоже наблюдался упадок — видно было, что ради количества пожертвовали качеством. Но на первом этапе СВО это сработало: все российские специалисты, хоть краем уха слышавшие об информационной войне, массово бросились «ловить и разоблачать» украинские фейки, радостно отчитываясь друг перед другом и перед своим начальством о «разоблаченных вбросах». Туда же ринулись и те немногие, кто знал, что такое информационные операции: считать и болтать о фейках на федеральных и Telegram-каналах оказалось проще, чем участвовать в сшибке спецслужб, перехватывая их информационные операции. Увидев это, разведки США облегченно выдохнули и безнаказанно провели провокацию в Буче, развернув вокруг нее в информационном пространстве целую многоходовую оперативную игру. В нужный момент противостоять этой игре оказалось некому.

Однако к концу 2022 года, когда стало понятно, что СВО надолго, информационные операции снова начали возвращаться в лоно соперничества великих держав (России и США); именно по законам ведения оперативных игр оживилась история с подрывами Северных потоков, в которую ЦРУ вбрасывало управляющую информацию (и дезинформацию) через авторитетного и почти всеми уважаемого Сеймура Херша, которым манипулировали «втемную»; голландская разведка, о существовании которой ранее не слышали даже голландцы, неожиданно ловит как минимум одного российского разведчика-нелегала при попытке устроиться на работу в Международный уголовный суд; интервью предателя и перебежчика Глеба Каракулова,

сфабрикованное экстремистом Михаилом Ходорковским[1], становится каналом передачи указаний возможным сообщникам Каракулова, до сих пор служащим в ведомстве, из которого он сбежал; в целях террора (и реального, и информационного) активно используются карательные формирования, создаваемые СБУ из граждан России, вставших на путь измены Родине; даже крушение 4 февраля транспортного самолета российских ВКС Ил-76, перевозившего украинских пленных, предназначенных для обмена, расценивается как информационный повод, которым сначала пытаются напугать Россию (вроде, вот она — успешная диверсионная операция на российской территории), а потом пугаются сами (когда выясняется, что в самолете было 65 украинских пленных). В ответ Россия организовывает приезд Такера Карлсона в Москву, продемонстрировав всему миру великолепный пример использования в своих целях информационно-коммуникационной структуры нашего главного геополитического противника — США. Но этого все равно недостаточно.

Пройдя через все испытания 2022 года, когда настоящим ночным кошмаром стали нескончаемые потоки фейков, которые просто не успевали ловить, теряя контроль над ситуацией, и 2023 года, в котором в тренде оказались телефонный терроризм, поджоги военкоматов и попытки перенесения боевых действий на российскую территорию (с целью демонстрации беспомощности власти), в новый 2024 год мы вошли, все так же имея перед собой очень серьезного и хорошо организованного противника, обладающего собственной системой центров психологических операций, сформированной как подвижная сетевая структура, и системой подготовки кадров. У нас же на третьем году специальной военной операции по-прежнему нет ни того ни другого. Поэтому пусть 2024 год станет для нас годом, когда эта система у нас появится.

А. П. Марков[2]

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ»: РЕСУРСЫ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СОЛИДАРНОСТИ, КОНСОЛИДИРУЮЩАЯ МИССИЯ РОССИИ

Доминантой научных форумов и конференций последнего десятилетия стал анализ актуальных проблем развития цивилизации и проектирование сценариев «ответа» на глобальные вызовы времени. Глобальные проблемы эпохи, которые по своим масштабам и последствиям превосходят «осевое время» в истории человеческой цивилизации, не имеют территориальной «прописки», национальности и гражданства, и в таком качестве не поддаются минимизации в рамках проектов национального масштаба. Мировая система столкнулась с вызовами, на которые пока нет достойного и убедительного ответа. В сложившейся ситуации перед морально ответственными гуманитариями и национальными политическими элитами встает проблема проектирования конструктивной модели будущего и выработки стратегии ее реализации. Мировой кризис стал своеобразным «пассионарным толчком» (Л. Н. Гумилев), стимулирующим процесс «очередной декомпозиции глобального геополитического пространства» (В. Н. Купин).

Альтернативой неолиберальной концепции мироустройства, идеологом и исполнителем которой является Запад, выступает сегодня «Евразийский проект», отвергающий рыночно-капиталистическую систему хозяйствования и западный культ «автономного индивида», утверждающий стратегию «устойчивого развития» на основе умеренности и самоограничения, признающий «цветущую сложность» этнокультурного и цивилизационного многообразия как великую ценность и важнейшее условие коэволюционного развития народов и государств огромного континента. Еще Константин Леонтьев считал, что угасание западноевропейской культуры неотвратимо и эстафета «цветущей сложности» с неизбежностью перейдет к России и цивилизациям Востока. Отечественные гуманитарии — родоначальники евразийской парадигмы отечественной истории — рассматривали евразийство как оплот и рычаг планетарной борьбы человечества против западного экспансионизма и колониализма, против геноцида «варварских» и «диких» неевропейских народов (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий).

«Евразийский сценарий» будущего имеет два географических и геополитических измерения. Вариантом проекта «Малая Евразия» является Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) — созданная в 2015 году по инициативе России международная экономическая организация, состоящая из ряда бывших республик СССР. Это крупнейшее интеграционное объединение, занимающее около 15 % территории земной суши. В последнее время ЕАЭС обретает статус самостоятельного и влиятельного субъекта международных отношений. Ресурсы интеграции стран в структуре сообщества — «языковая общность, схожие мировоззренческие и жизненные стандарты, отлаженные производственные модели взаимодействия» (Д. А. Кабаев).

[1] Включен Минюстом в реестр физических лиц, выполняющих функции иностранного агента.

[2] Ведущий профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преображения», «„Культурная регрессия“ как итог неолиберальных реформ постсоветской России», «Кризис европейской цивилизации и проекты грядущего мироустройства», «Информационные войны постиндустриального мира как фактор геополитической конкуренции», «Духовный опыт „осевого времени“ как антикризисный ресурс современной цивилизации», «Социальная справедливость как ресурс солидарности народов и культур евразийского пространства» и др. Почетный профессор СПбГУП.

«Большая Евразия» — это формирующийся союз евразийских, африканских и латиноамериканских государств. Масштаб географического пространства «Большой Евразии» впечатляет: в нее входит «классический» Евразийский регион, географическим и культурным ядром которого была и остается Россия, Китай, Индия, некоторые страны Африки, Латинской Америки, арабского мира. В мировоззренческой плоскости эти страны находятся в оппозиции по отношению к западному мироустройству в его классической и современной неолиберальной версии, демонстрирующему «глобальный дефицит морали и гуманизма» (С. В. Лавров). Ценности и цели ключевых участников Евразийского проекта в его макромасштабе соответствуют глобальным изменениям характера отношений в мировом сообществе, а также вызовам времени, проблемам и интересам исторически сложившихся региональных и локальных цивилизаций. Данный проект формируется как конструктивная альтернатива глобальному империализму «Большого Запада», предсмертные конвульсии которого превращают его в экологического и антропокультурного «могильщика человечества» (А. И. Субетто). В перспективе такое объединение может обрести статус Мегацивилизации, противостоящей разрушительной неолиберальной диктатуре Запада, выступающей за мир без войн и насилия и тем самым гарантирующей хотя бы стартовые условия формирования устойчивого миропорядка. Надежду на успех «Большой Евразии» внушает солидарное ценностно-смысловое противостояние Западу ключевых игроков проекта: России, Индии и Китая; последний не скрывает своих намерений совместно с Россией формировать мегаструктуру многополярного мира.

Проект «Большая Евразия» может стать альтернативой не только англосаксонской мировой гегемонии, но и набирающей обороты транснациональной теократии в форме «ваххабизма», «мировой исламской уммы», «всемирного халифата». Экспансионистский вектор обнаруживают концепции внешней политики ряда региональных держав евразийского пространства. Идеологи евразийского исламистского будущего активно расширяют социальную базу своих сторонников, используя для этого эффективные информационно-пропагандистские методы и технологии. Доступные ресурсы «мягкой силы» дают возможность разрабатывать деструктивные проекты построения нового мирового порядка, сочетающие признаки секты и политической организации, радикальным политическим аутсайдерам и маргинализированным сегментам исламского мира. В частности, в последнее время набирает обороты движение ваххабитов — радикальных сторонников ислама, выступающих под знаменем «джихада против неверных» (В. И. Сажин, Д. Л. Цыбаков).

В экономическом плане локомотивом технологического развития «Большой Евразии» сегодня является Китай, демонстрирующий в последние десятилетия невиданные темпы модернизации[1]. При этом Китай не только фиксирует свое стремление возглавить процесс перехода к новым технологическим укладам — он намерен принять активное участие в переформатировании геополитической конструкции мира, в создании новой системы глобального управления — «мирового сообщества единой судьбы» (из выступления главы Китая Си Цзиньпина).

Однако миссию консолидирующего духовного центра «евразийского континента» (пока в ограниченном масштабе, без учета стран Западной и Центральной Европы, занимающих нейтральную или откровенно негативную позицию по отношению к этому проекту) выполняет Россия, и для таких претензий и статуса у нее есть достаточно оснований. Огромное трансконтинентальное пространство России за много веков стало «примиряющим, объединяющим началом Единства и Множественности, Востока и Запада» (Вл. Соловьев), условием уникальности и устойчивости души и ментальных оснований русского суперэтноса, сложившегося в результате многовекового тюркско-славянского слияния (Л. Н. Гумилев). «Географическая морфология» и размеры великорусской цивилизации обеспечивали ей уникальные геополитические свойства Хартленда — «географической оси истории» (Х. Маккиндер), а культурно-историческое своеобразие сделало Россию «срединной землей» (П. Н. Савицкий) — «душой Евразии», ассимилирующей в ходе совместной жизнедеятельности в единый суперэтнос славянские, угро-финские и туранские племена и народы, органично объединяющей по закону синергии характеристики и качества различных типов цивилизаций: Европы и Азии, Севера и Юга, Леса и Степи. Ключевая роль России в реализации потенциалов евразийского проекта определяется «ее глобальным осевым позиционированием в цивилизационно-геополитических системах «Восток–Запад», «Море–Суша» (В. Н. Купин).

Право духовного лидерства Россия выстрадала своей многовековой исторической судьбой, демонстрируя «евразийскую логику» имперской политики, обеспечивая духовный синтез европейских и азиатских начал: приоритет закона кооперации и справедливости над законом конкуренции, примат любви, альтруизма над эгоизмом и индивидуализмом, утверждая правду как единство истины и добра. И если продвижение России на Запад носило «государственно-политический характер и было связано с внешними войнами», то «продвижение на Восток имело цивилизационный характер» (А. С. Панарин). «Евразийство» стало историческим инстинктом и культурным кодом русской цивилизации, определяющим национальную политику в течение нескольких столетий и в итоге сотворившим «уникальный в мировой истории цивилизационный этнотип народов» (К. В. Цеханская). Здесь столетиями переплетены европейский и азиатский факторы в их событийном, культурном и демографическом аспектах. Народы Евразии объединяет общее ценностно-нормативное поле: высокая значимость социальной справедливости, патернализм, совесть, нестяжательство, солидарно-общинное жизнеустройство — «не-

[1] В частности, в программном документе 2015 года концептуальной основой сценария «Один пояс, один путь» (BRI) стала ценность многополярного мира и культурного разнообразия, а также задача формирования экономической глобализации путем поддержки «глобального режима свободной торговли и экономики открытого мира» в духе добрососедского регионального сотрудничества (*Markey D. S.* China's Western Horizon: Beijing and the New Geopolitics of Eurasia. New York : Oxford Univ. Press, 2020. P. 26).

укоснительно соблюдаемый принцип соборности как „единства во множестве“» (А. С. Хомяков), «первичность права каждого народа на культурное своеобразие» (Л. Н. Гумилев).

Россия имеет уникальный опыт многонационального и многоконфессионального существования, выживания и развития в суровом климате, жизнестойкости и непобедимости в условиях постоянной агрессии со стороны Востока и Запада. Народ российский много раз демонстрировал высочайшие образцы морального духа и способность к самоотверженному труду, обеспечивая чудеса возрождения и духовного воскрешения после цивилизационных катастроф. В XX веке эти качества дважды обеспечивали стремительное развитие разрушенной сначала Гражданской, а потом и Великой Отечественной войной страны в великую Советскую державу.

И сегодня Россия переживает непростую ситуацию, возвращая себе неимоверными усилиями политический и экономический суверенитет, постепенно обретая культурную самодостаточность. Неолиберальными реформами 1990-х безответственная политическая элита по существу сотворила (причем под бурные аплодисменты неолиберальных «творцов нового порядка») цивилизационный «суицид» великой страны, последствия которого мы еще до конца не преодолели. Сегодня в сознании морально ответственной политической элиты рождается понимание ошибок прошлого и чрезвычайной актуальности разработки и реализации стратегического национального проекта, способного обеспечить надежную защиту от растущего давления Запада, и возрождения ключевых национальных институтов. К сожалению, пока еще отсутствует внятная стратегия политико-экономических преобразований, способная вернуть стране былое экономическое могущество, а народу российскому — веру в реабилитацию социальной справедливости, поруганной неолиберальным этапом постсоветской истории. Но самая актуальная проблема дней сегодняшних в другом: гуманитарная элита, «отягощенная» опытом участия в реформах последних трех десятилетий, так и не смогла сформулировать исторически оправданную и убедительную для народов России национальную идею, без которой не может продуктивно функционировать институт государственной идеологии, неизбежно превращаясь в набор пустых призывов и штампов (вроде надоевшего всем призыва «давайте сохранять традиционные ценности…»). Отсутствие ответа на вопрос: «Во имя чего мы в этом мире?» истощает душевные энергии самоотверженности в настоящем и веры в будущее. «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» (Вл. Соловьев). А формула этой «вечности» — в текстах наших выдающихся гуманитариев, чувствующих и оформляющих Логосом замысел, смысл и «свет» нашей истории, душу русской цивилизации. Чувствующих не пустыми интеллектуальными конструкциями, а энергиями души — болью, совестью, верой, надеждой, любовью.

Но вера в духовное исцеление Русского мира у народа российского не потеряна — ее не смогли до конца уничтожить «реформаторы-манкурты» 1990-х. Источник этой веры — наша великая история подвигов и бесконечных испытаний. Отечественный гуманитарий и патриот земли Русской академик Д. С. Лихачев считал, что «обретение будущего — в неразрывной связи с пониманием ошибок, трагедий и величия исторического прошлого. Оттуда мы будем черпать силы и веру в свое будущее». В государственную политику и в ментальность народов Русского мира глубинно встроена моральная доминанта солидарности «слабых и отверженных» — народов Большой Евразии, которых Запад никогда не воспринимал как равных себе. «Россия всегда была сильна, когда выступала в союзе со слабыми против сильных. Сегодня Россию все ждут. Ее место вакантно, и никто другой занять его не может»[1].

В пользу тезиса о духовном лидерстве России в евразийском проекте свидетельствуют конструктивные инициативы высшего руководства страны, способствующие консолидации народов и культур стран Малой и Большой Евразии. В частности, Россия принимает активное участие в интеграционных группировках Азиатско-Тихоокеанского региона, таких как АТЭС и АСЕАН. В 2001 году лидерами России, Китая, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана была основана Шанхайская организация многостороннего сотрудничества (ШОС) — гарант национальной и региональной безопасности стран-участниц. В 2017 году статус полноправных членов ШОС обрели Индия и Пакистан. В результате инициатив России статус геополитического и экономического гиганта обретает организация БРИКС, ведущие страны которой (в частности, Индия и Китай) входят в активно формирующуюся международную структуру «Большой Евразии». В мае 2017 года, выступая в Пекине на церемонии открытия Международного форума «Один пояс, один путь», президент России говорил не только об экономически-интеграционном, но и о цивилизационном характере евразийского партнерства, которое «должно изменить политический и экономический ландшафт континента, принести Евразии мир, стабильность, процветание, принципиально новое качество жизни. И в этом отношении „Большая Евразия“ — это не абстрактная геополитическая схема, а, безо всякого преувеличения, действительно цивилизационный проект, устремленный в будущее»[2].

Мировоззренческие контуры евразийского будущего — культурная многополярность мира, отказ от логики конфронтации и утверждение принципов диалога и сотрудничества, признание этнокультурного и цивилизационного многообразия как великой ценности и важнейшего условия «коэволюционного развития народов и государств» (В. Н. Купин). В перспективе на платформе евразийской парадигмы может возникнуть уникальный межконфессиональный консенсус мировых религий на основе содержащегося в них гуманистического содержания, обращенного «к страдающим, отверженным, угнетенным и гонимым» (А. С. Панарин). Евразийский мир формируется как глобальная «империя доверия», противоположная западной «империи насилия и подчинения» (Т. Мэдден), веками использующей для

[1] *Панарин А. С.* Слабые против сильных. Последнее интервью известного русского философа // Трибуна. 2005. 3 марта.

[2] Встреча с Премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491.

своего благополучия и удержания власти все доступные формы насилия: от военного до сегодняшней информационно-психологической обработки мира с помощью инструментов манипуляции и лжи. В таком качестве евразийский проект способен предложить находящемуся в кризисе мировому сообществу программу выживания путем сохранения выстраданных на протяжении всей истории человечества общих ценностей, норм, правил, запретов, явить образцы конструктивного культурного диалога и экономического сотрудничества.

«Цветущая сложность» культур и солидарная ментальность народов Большой Евразии в сложившейся ситуации становятся значимым ресурсом противодействия духовно-нравственной энтропии мира, средством борьбы человечества с Мировым хаосом, угрожающим жизни в ее глобальном масштабе (П. Флоренский). Передним краем такой борьбы всегда была и остается Россия. В основе мессианского характера русского духа, противоположного «прометеевской» идее хищного господства над миром, на глубинном ментальном уровне лежит «сознательное и ничем не принужденное самопожертвование себя в пользу всех» (Ф. М. Достоевский), самоотверженная пассионарность русского народа, которая столетиями вовлекала в орбиту имперского призвания и братской ответственности малые и большие народы Евразии. И сегодня историческая миссия России — осознать и осуществить свою «подлинную геополитическую и цивилизационную идентичность как самостоятельного евразийского полюса в становлении многополярной и мультикультурной цивилизации человечества» (В. Н. Купин), внести свой вклад в реабилитацию и утверждение гуманистического вектора истории, обеспечивающего возвышение человеческого духа. Процесс такого осознания ответственным и вменяемым ядром российского общества усиливается в контексте последних событий. Воистину прав наш выдающийся философ, который писал, что «великие внешние события обыкновенно предшествуют великим пробуждениям общественного сознания» (Вл. Соловьев).

С. А. Осколков[1]

ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЗДАНИИ НОВОГО ПРОСТРАНСТВА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Еще пару десятилетий назад казалось, что человечество приближается к созданию подлинно универсальной культуры, дающей возможности для сотрудничества и коммуникации разных мировоззрений в едином мировом пространстве на основе диалога и плодотворного партнерства. И кстати, проблема диалога культур была основной для Лихачевских чтений на протяжении многих лет. Но вскоре и в наших дискуссиях все настойчивее зазвучала тема конфликта.

То, что мы видим в современном мире, — яростное и непримиримое противостояние не только на политическом уровне, но и на уровне культуры, словно одна форма культуры просто физически не способна вынести существование другой. Западный мир, который произвел глобализацию мирового пространства, во второй половине XX века претендовал на роль гаранта диалогического единства многообразных культурных форм, в то же время, конечно, усиленно подстраивая их под свой стандарт и свои представления о допустимости различий. Тем не менее идея многообразия, признания права Другого на самоопределение, то есть основа гуманистической этики, до сих пор проводится в качестве принципа западной мысли, неожиданно принимая совершенно извращающие ее изначальную суть формы. За лозунгами в поддержку многообразия скрывается намерение все настоящие различия полностью устранить. Словом, западный мир не готов больше принимать отличные от него мировоззренческие и культурные установки. А те регионы, что подняли голову в желании настаивать на самобытности, вынуждены занимать оборонительную позицию. Противостояние усиливается, напряжение возросло до предела.

Обходя в этом докладе сложные и часто очень плохо определимые, вызывающие множество споров основания политических и экономических конфликтов, мы хотели бы обратить внимание на противостояние в сфере культуры, и в первую очередь искусства. Эти сферы оказываются интенсивно затронутыми современными процессами. С одной стороны, они подвергаются влиянию, часто разрушительному и негативному, со стороны политических реалий: разрушается налаженное пространство межкультурной коммуникации, прерываются художественные связи, возникают непредвиденные ограничения и запреты; то, что раньше казалось интереснейшими явлениями культуры, начинает вызывать подозрение и отторжение. С другой стороны, культура и искусство, безусловно, являются активными участниками и действующими силами происходящих процессов. В связи с этим возникает надежда, что именно здесь можно было бы найти пути выхода, преобразования, обновления.

В последние годы в западных политизированных СМИ активно создается негативный образ всего «русского». Во всех аспектах Россия оказывается тем «изгоем», врагом, с которым ассоциируется все самое отвратительное, дурное и опасное. Тенденция эта набрала силу в свете политических событий последних лет, но она вызревала и оформлялась, проявляла себя уже

[1] Заведующий кафедрой звукорежиссуры СПбГУП, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный деятель искусств РФ. Автор около ста музыкальных сочинений различных жанров, среди которых три оперы, три мюзикла, три кантаты, два концерта для фортепиано и симфонического оркестра, два струнных квартета, восемь фортепианных сонат, множество вокальных циклов на стихи русских поэтов, ряд сочинений для народных инструментов, музыка для театра и кино. Член Союза композиторов России, Межрегионального союза концертных деятелей РФ. Почетный профессор СПбГУП, Почетный житель Петергофа.

давно, теперь же лишь расцвела пышным цветом, словно только того и ждали, словно в этом была какая-то насущная необходимость. В таких условиях неудивительна обратная реакция, то есть отторжение всего западного в России, подозрение к нему в целом, а тем более в новых модификациях, резко противоречащих не только традиционным российским ценностным установкам, но и традиционным европейским. Однако мы можем видеть, что, несмотря на ряд жестких высказываний и мер, общий настрой отечественной рецепции Запада до сих пор является гораздо более положительным. Запад пытается активно изолировать русское искусство и культуру, мы же продолжаем быть открытыми для всего мира, что вполне характерно для русского человека и что не может быть отброшено из-за политической вражды.

У России имеется богатый опыт интернационального общения, содружества культур (все же на ее территории проживают более 150 разных народностей и национальностей). Имеется советский опыт интернационализма, основанный на западной, марксистской идее о наднациональном характере бесклассового общества. Но и общий опыт сосуществования и взаимодействия множества народов, их взаимообогащающего и взаимовыгодного сотрудничества на одной территории насчитывает не один век. Во времена, когда колонизация была нормой, Россия не производила ее такими средствами, какими пользовался Запад. Расширение территории происходило не за счет подавления, истребления, полного порабощения и истощения населяющих ее народов — напротив, все они получали возможности для укрепления и развития своих культурных традиций. Словом, у России богатый опыт межкультурной коммуникации и открытости.

Сейчас много говорят о том, что, поскольку начался конфликт с Западом и переосмысление роли западных ценностей в российской культуре, нам требуется немедленно развернуться к Востоку и переориентировать ценностные ряды и искусство в этом направлении. Но, на наш взгляд, это было бы в корне неверно и неестественно, а следовательно, едва ли такой поворот можно осуществить так, чтобы он был реальным и жизнеспособным. Русская культура с давних пор находится в активном взаимодействии с европейской, и их влияние друг на друга гораздо более глубокое и давнее, чем становление западноевропейского модерна. Русское искусство вросло корнями в европейскую традицию, оно близко к европейскому по глубинному мироощущению, так что разорвать это единство означало бы уничтожить собственные корни. Здесь можно сослаться и на слова Д. С. Лихачева, утверждавшего, что «русская культура всегда была по своему типу европейской культурой»[1], а также, что Россия никогда не была Востоком[2].

Тем не менее нельзя отрицать, что и взаимодействие с Востоком в нашей культуре и искусстве всегда было и является весьма плодотворным. Интерес к восточным мотивам присутствовал, в том числе в музыке, проявившись в классических произведениях XIX–XX веков, таких как «Исламей» М. А. Балакирева, «Шехеразада» Н. А. Римского-Корсакова, «Половецкие пляски» А. П. Бородина, «Соловей» И. Ф. Стравинского, «Красный мак» Р. М. Глиэра и многие другие. Однако следует признать, что само это пробуждение интереса к Востоку в русской романтической музыке совпадало с подобными же процессами в музыке западной и, в целом, в западном искусстве того времени. А время это было началом универсализации культуры, связанной с одновременным развитием идей о межкультурном диалоге и самобытности культур. Интерес к Востоку и к восточному искусству в русской культуре всегда был, и был вполне самостоятельным, и влияние Востока на формирование отечественной традиции также является довольно серьезным, поэтому вопрос русской философии о месте России между Востоком и Западом имеет веские основания как с той, так и с другой стороны.

Можно считать, что нынешнее время весьма благоприятно для налаживания, развития и укрепления межкультурных связей со странами Азии, Африки, Латинской Америки, а интерес к этим традициям в обществе уже и так достаточно велик. Традиционно присутствует глубокий интерес к индийской, китайской, корейской, латиноамериканской культурам, а многие явления современной массовой культуры подогревают его еще больше, стимулируя молодежь обращать свое внимание не только на предоставляемые таким образом для развлечения товары (сериалы, игры, поп-музыку), но и на культурный фон, стоящий за ними. Таким образом, это может быть основанием для более тесного знакомства и глубокого исследования. То есть речь может идти не о ценностном развороте или переориентации, но о том, чтобы уйти от одностороннего европоцентризма и перейти к активному и многоплановому культурному сотрудничеству с разными традициями, к их более полному и всестороннему постижению.

Со стороны восточных стран внимание к русской культуре и искусству также велико. В Китае, Корее есть большой интерес к нашему искусству. Существенный обмен опытом происходит и в сфере образования. Наши преподаватели весьма востребованы, например, в Китае, и множество китайских студентов и аспирантов обучаются в наших вузах.

Но хотелось бы обратить внимание и на то, что, несмотря на санкционную политику и явное политическое вытеснение, сотрудничество с западными странами в области искусства также продолжается. На самом деле его просто невозможно было бы устранить. Влияние Запада на Россию никогда не было односторонним — западная традиция вобрала в себя огромное количество наших достижений, которые стали ее неотъемлемой частью. В области искусства это взаимопрорастание особенно очевидно и совершенно неустранимо. К счастью, деятели искусства, в отличие от политиков, это понимают достаточно живо и глубоко.

[1] *Лихачев Д. С.* Русский исторический опыт и европейская культура // Площадь Д. С. Лихачева : [сайт]. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/pazdumia_o_ros/003.pdf (дата обращения: 26.02.2024).

[2] *Лихачев Д. С.* Россия никогда не была Востоком (Об исторических закономерностях и национальном своеобразии: Евразия или Скандославия?) // Площадь Д. С. Лихачева : [сайт]. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/pazdumia_o_ros/004.pdf (дата обращения: 26.02.2024).

Хотелось бы отметить, что по-прежнему, несмотря на отдельные громкие случаи «отмены», в западных театрах и концертных залах исполняется музыка российских композиторов, как классическая, так и новейшая. Так, в театре Ла Скала осенью прошлого года открылся сезон, посвященный русской опере. В работе над спектаклями приняли участие и европейские, и российские исполнители. Сезон был открыт оперой «Борис Годунов» М. П. Мусоргского.

Не прекращаются ни творческие, ни личные контакты между музыкантами разных стран. В фестивале «Сергей Осколков и его друзья», прошедшем в июне 2023 года, приняли участие музыканты многих стран Востока и Запада, а мои сочинения не так давно были исполнены нью-йоркскими музыкантами.

Таким образом, искусство продолжает оставаться прекрасной и надежной платформой для межкультурного сотрудничества. А современные политические реалии лишь предлагают нам новые горизонты для развития интереса к самым разнообразным и оригинальным художественным направлениям и к большей культурной открытости, чем предполагалась устоявшимися и ставшими уже привычными приоритетами во взаимодействии.

С. С. Пронин[1]

БРИКС КАК ПРИЗНАК НОВОГО УСТРОЙСТВА МИРА КУЛЬТУРЫ

Общеизвестно, что в своем многовековом развитии наша страна постоянно испытывала влияние и Востока, и Запада. Осознание того, что Россия усваивает и сочетает в себе весьма противоречивые начала, пришло не сразу. И Восток, и Запад все время стремились расширить свое присутствие как в буквальном смысле, пытаясь отвоевать территории, так и в более широком, когда речь шла о войне умов. Но осознание Россией своей миссии как государства, находящегося «между двух огней», в конце концов оформилось в научную мысль. Об этом неоднократно говорил Николай Бердяев: «Россия может осознать себя и свое призвание в мире лишь в свете проблемы Востока и Запада»[2].

В Российской империи очень долго главенствовала концепция евроцентризма. Несколько ослабев в советский период, после распада СССР она вновь захватила умы ведущих политиков, деятелей культуры и искусства. Вместе с тем следует признать, что зародившаяся в начале XX века теория «срединного государства», принадлежащая русскому ученому П. Н. Савицкому, также имела немало сторонников, получила свое развитие в трудах Г. В. Вернадского и Л. Н. Гумилева и оказала сильное влияние на значительную часть русской интеллигенции. В последние десятилетия эта теория вновь вызвала интерес у тех, кто верит в могучую, незаурядную силу России.

П. Н. Савицкий «срединность» нашей страны расценивал как основу ее идентичности. По его мнению, Россия не часть Европы и не продолжение Азии, а самостоятельная и уникальная духовно-историческая реальность — Евразия. Не материк, не континент, но идея, отраженная в русском пространстве, в русской культуре, особая цивилизация.

Сегодня на фоне политических противоречий и конфликтов, будоражащих мир, мы можем констатировать, что произошло весьма быстрое переосмысление Россией собственной роли. В последние 20 лет страна изменила свое место на геополитическом пространстве, ориентируясь уже не только и не столько в сторону Европы.

Время стремительно ускорило свой ход после начала специальной военной операции (СВО) на Украине в 2022 году.

Россия под напором бывших «друзей» стремительно теряет интерес к евроцентризму и укореняется в идее быть связующим звеном между такой близкой и ныне враждебной Европой и набирающей силу дружественной, но менее изученной и менее ментально родственной Азией. Никогда прежде такой быстрый и резкий разворот России в сторону Китая, Индии, а тем более Латинской Америки не был бы возможен в мирных условиях.

Экономика и политика спровоцировали процесс быстрой интеграции России, Китая, Индии — крупнейших субъектов и партнеров в новой модели мироустройства. Сегодня сложились условия для формирования крепкого фундамента евразийского партнерства. Россия постепенно превращается не столько в «срединное государство», сколько в трансконтинентальное связующее звено, имеющее выходы в Европу, Азию, на Ближний Восток и даже в Латинскую Америку.

Разумеется, сейчас, когда на Украине продолжаются боевые действия, трудно представить, что Россию в Европе признают связующим звеном. Но, во-первых, исход этой конфронтации предсказуем, во-вторых, у единой Европы остается слишком мало шансов быть независимой от тех, кто разделит с Россией новый путь развития в ближайшей исторической перспективе.

Создание БРИКС, ШОС, инициатива КНР «Один пояс, один путь» и укрепление позиций нашей страны в Арктике только форсируют эти пока еще не вполне ощутимые глобальные изменения. Ведь для России

---

[1] Профессор кафедры режиссуры и актерского искусства СПбГУП, Заслуженный деятель искусств Республики Карелия. Режиссер, актер, драматург, сценарист, театральный педагог. Автор ряда научных работ по теории и практике театрального дела, в т. ч.: «Этюдная работа в обучении профессии режиссера», «Актерское мастерство, техника внутренней речи» и др. Автор 12 книг, изданных в России и за рубежом. Лауреат международных и всероссийских конкурсов, золотой медали объединенного театрального Союза Финляндии «За выдающиеся достижения в театральной деятельности», театральной премии «Онежская маска», Большой литературной премии «Родственные народы» (Эстония). Член Гильдии театральных режиссеров России, Союза писателей и Союза театральных деятелей РФ.

[2] *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1918. С. 57.

открылись весьма широкие двери в Азию и вообще на Восток. Точнее, она их сама открыла. Важно понять, следует ли из этого, что между Россией и ее новыми партнерами будет налажен взаимовыгодный диалог культур, обмен духовными ценностями и достижениями в области образования, науки, культуры, — диалог, который с разной степенью успешности велся между Россией и Европой на протяжении столетий. Ответ вряд ли будет простым и однозначным.

Сегодня очевидно, что многие заимствованные из Европы новомодные тенденции последних десятилетий выхолостили духовное содержание творчества на необъятных просторах России. Здесь и формализм, и сумрачные идеи насилия, и навязываемые споры об экспериментах в сфере гендерных отношений, и умаление роли божественного в своей сути человека. Все это привело к печальным последствиям, в том числе к определенной деградации российского искусства.

Это не означает, что Россия только и делала, что всегда плелась в хвосте у Европы и копировала все, что там происходило. Безусловно, Россия питалась европейскими достижениями, переосмысливала их, рождая свои замечательные открытия. В лучшие годы (вспомним золотой и Серебряный века нашей культуры) Россия целенаправленно обращала свой взор как на Запад, так и на Восток. Русская мысль и русское искусство тем самым спасали себя, создавая философские школы и новые практики во многих сферах — архитектуре, театре, музыке, живописи, литературе. Возможно, что, восприняв фундаментальные ценности Востока, мы вновь обретем столь желанную, утраченную многими энергию для творчества.

Перспектива быть на «ты» с тем, что совсем незнакомо, всегда вдохновляла русских философов и деятелей искусства. В то же время и желание «догнать и перегнать Америку» крепко сидело в сознании многих.

Принято считать, что Восток для России открыли российские мыслители Э. Э. Ухтомский, Л. Н. Гумилев, Н. Н. Рерих. Однако гораздо раньше это успешно делали наши великие поэты А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов. Традиция глубокого уважения к культуре и искусству Востока наследовалась всеми видами искусства. Некоторые изменения произошли в XX веке, особенно в советский период. В то время как европейская культура искала на Востоке спасение от рационализма и бездуховности и на этом направлении были сделаны важные открытия, русская культура в силу объективных социально-политических причин была озабочена соцреализмом. Но в последующие годы многое изменилось, и сейчас наблюдается явный и вполне закономерный отказ от формальных тенденций в культуре и искусстве и глобальный разворот к культуре тех стран, которые объединяются в БРИКС. Нет сомнений, что результаты плодотворного сотрудничества станут явными не сразу, что взаимное влияние будет развиваться постепенно. Подспудно оно нарастало все последние годы — достаточно посмотреть на динамику отношений между Россией и Китаем. Практически все ведущие российские вузы культуры и искусства отмечают наплыв китайских абитуриентов. Закономерно, что в первую очередь это касается академических направлений: вокал, театр, классическая хореография, живопись.

Стремление китайской молодежи узнать и перенять то, что отлично от их национальной традиции, — не просто мода, но и, в определенном смысле, результаты нашей «культурной дипломатии», которая тоже функционировала на протяжении всего XX века. Масштабный исход русской интеллигенции после революции 1917 года во многом предопределил сегодняшние процессы взаимовлияния двух культур, каждая из которых, в свою очередь, разнообразна и многогранна. Русская театральная школа, школа русского балета, классическая музыка последовательно укоренялись не только в Европе, но в и Китае, Индии и даже в странах Латинской Америки. Во времена Советского Союза культурная дипломатия приобрела большой размах. Дело было только за политиками, и наконец это время пришло.

Отрадно, что уже сегодня страны, где проживает более 40 % населения мира, на самом высоком политическом уровне достигли консенсуса относительно важности обмена в сфере культуры, образования и искусства в рамках развития всестороннего сотрудничества. Важно, что БРИКС демонстрирует всему миру абсолютно новый подход к взаимодействию в сфере культуры и искусства. Если раньше альянсы создавались по принципу территориального или содержательного (в смысле культуры) единства, то теперь появилось объединение независимых стран, расположенных в разных частях планеты, каждая со своей уникальной культурой.

Но декларации не означают, что воплощение идей, пусть даже самых лучших, будет успешным. Предстоит огромная созидательная работа. Ведь, кроме всего прочего, возникает проблема языковой коммуникации, различий в образовательных стандартах, подходах к стандартизации понятийных баз в профессиональной сфере искусства. Тем не менее, без сомнения, взаимодействие деятелей искусства и культуры в рамках БРИКС преподнесет всем нам немало вдохновляющих открытий и станет толчком к развитию творческой кооперации. Уже сегодня разработаны и воплощаются различные инициативы — работает Фонд грантовой поддержки проектов в сфере культуры и гражданских инициатив стран БРИКС, Литературная ярмарка БРИКС, Фестиваль театральных школ стран БРИКС, Соглашение о сотрудничестве БРИКС и ведущего театрального вуза страны — ГИТИСа. И это только начало. Работа предстоит огромная.

Великий российский провидец Ф. М. Достоевский говорил о сближении с Востоком как об исторической перспективе России: «Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!»[1] Великий писатель видел в этом движении «новый принцип» и «новый взгляд на дело»[2] развития цивилизации в России.

[1] *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений : в 15 т. СПб. : Наука, 1995. Т. 14. С. 504.

[2] Там же. С. 508.

А. В. Скоробогатов[1]

МНЕМОНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КОНСТРУИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ

Современное российское общество развивается в условиях активного противостояния евро-атлантической цивилизации не только онтологически, но и аксиологически. В этих условиях особое значение приобретает консолидация социума, его коллективная идентификация. Особое значение в конструировании коллективной идентичности приобретает история формирования социума, к которому себя относит человек. Именно история создания и переломные моменты, связанные с жизнедеятельностью сообщества, обусловливают важность его функционирования, легитимируя тем самым его существование и обеспечивая взаимодействие с иными социумами.

Однако речь идет не только и не столько о научном историческом знании, сколько о представлениях о прошлом, сформировавшихся в коллективной памяти. Опираясь на идеи Я. Ассмана[2], мы определяем историческую память как детерминированную социокультурными факторами ментальную реконструкцию или деконструкцию (реинтерпретацию) исторического прошлого, которая существует не только на индивидуальном, но и на коллективном уровне. В последнем случае можно говорить о формировании коммуникативными средствами «мемориальной культуры»[3].

Текстовым пространством памяти, по нашему мнению, выступает мнемонический дискурс. Текст при этом понимается не в лингвистическом, а в семиотико-культурологическом смысле как нелинейная последовательность символов (вербальных, литеральных, искусственных), образующих целостное высказывание об эксплицируемом объекте[4]. Мнемонический дискурс можно разделить на два типа: официальный дискурс памяти, эксплицированный в официальной политике памяти и мемориальном законодательстве; социальный дискурс памяти, эксплицированный в коммеморативных практиках социальных групп.

Конструируемую при этом в масштабах государства идентичность можно определить как конституционную, призванную обозначить принадлежность человека к определенному социуму как аксиологически, так и онтологически. На основе анализа нормативных и ценностных аспектов современного российского конституционализма нами была сформулирована следующая дефиниция: «Конституционная идентичность представляет собой аксиологическую интернализацию Конституции индивидом и государственно организованным обществом (политической (гражданской) нацией) и воспроизводство в правовом поведении граждан положений законодательства с целью конструирования правовой реальности, образ которой сформирован в конституционном тексте»[5].

Активную роль в конструировании памяти и формировании конституционной идентичности играет государство, выступающее в роли адресанта правовой коммуникации, артикулирующего интенцию интерпретации прошлого и конструирующего фреймы памяти. С одной стороны, сконструированные в мемориальном законодательстве фреймы памяти являются ценностными маркерами поведения индивида, эксплицируя его рефлексию исторического прошлого в процессе интериоризации, и определяют содержание коммеморативных практик, получивших признание, одобрение и поддержку государства. С другой стороны, фреймы памяти благодаря формализации в законодательстве приобретают характер локусов, специфичных аксиологических констант, детерминирующих интенциональность интерпретации и репрезентации исторического прошлого не только в официальной политике памяти, но и в мнемоническом дискурсе в целом. При этом необходимо учитывать, что фреймы памяти, выступая в качестве локусов, воздействуют на сознание индивида как социально, так и индивидуально[6]. Формируемое при этом мемориальное законодательство выступает специфичным медиальным средством как «след прошлого»[7]. Будучи именно «следом прошлого», мемориальное законодательство эксплицирует события, факты и имена прошлого, придавая им литеральный (овеществленный, материальный) характер в настоящем.

В условиях перехода к обществу постмодерна идентичность все больше приобретает коммуникативный характер. Индивид, воспринимая себя как часть социума (в глобальном или локальном смысле), уча-

---

[1] Профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова, доктор исторических наук. Автор 438 научных публикаций, в т. ч.: «Правовая реальность России: философско-правовой анализ» (в соавт.), «Нормативно-правовое обеспечение образования» (в соавт.), «Современные концепции правопонимания» (в соавт.), «Проблемы теории государства и права» (в соавт.); статей: «Правовая традиция как социокультурное средство повышения эффективности законодательства», «Ценностная детерминация юридического дискурса», «Правовой миф как средство социальной идентификации», «Социальная память как средство конструирования идентичности личности: философско-правовой анализ» и др. Член Общероссийской общественной организации «Ассоциация историков права».

[2] См.: *Assmann J., Hölscher T.* Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität // Kultur und Gedächtnis. Frankfurt am Mein : Suhrkamp Verlag, 1988. S. 9–19.

[3] *Ассман А.* Европейская мечта. Переизобретение нации / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2022. С. 57–62, 129–150.

[4] *Борзова Т. В., Сандакова Е. Н.* Текст в семиотическом аспекте культуры как основа понимания методологических контекстов // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 1 (105). С. 64–68.

[5] *Скоробогатов А. В.* Ценностные основания российской конституционной идентичности // Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина. М. : Проспект, 2023. С. 38.

[6] См.: *Cornoldi C., Beni R. de.* Memory for discourse: Loci mnemonics and the oral presentation effect // Applied Cognitive Psychology. 1991. Vol. 5 (6). P. 511–518.

[7] Концепция памяти как «следа прошлого» была сформулирована немецким культурологом А. Буллером (см.: *Buller A.* Theorie und Geschichte des Spurbegriffes. Entschlüsselung eines rätselhaften Phänomens. Marburg : Tectum Verlag, 2016).

ствует в социальной, в том числе правовой, коммуникации. В процессе коммуникации с другими членами группы индивид увеличивает объем собственного опыта за счет воспоминаний других, в результате чего образуется определенный набор мемориальных ценностей, норм и практик[1]. Личные качества индивида, его экзистенция при этом подчинены социальным целям.

Субъект, разделяя правовые ценности социума и воспроизводя их в своих поведенческих актах, не только подтверждает свою адаптацию в данном сообществе, но и способствует воспроизводству данного сообщества, его эффективному функционированию. Осуществляемая при этом социальная адаптация человека имеет дуальный характер[2]. С одной стороны, социум воспринимает индивида в качестве своего члена лишь при условии его участия в жизни сообщества не только номинально, но и практически. С другой стороны, индивид, входя в социум и воспроизводя его своими действиями, ожидает от него определенных преференций.

Конструирование мнемонического дискурса является амбивалентно интенциональным процессом. В процессе горизонтальной коммуникации субъекты достигают конвенционального результата по поводу тех имен, дат и событий прошлого, которые имеют наибольшее значение для конституционной идентичности современного общества, позволяют ему поступательно развиваться и эффективно функционировать. Вертикальная же коммуникация позволяет государству в лице политической элиты (референтных групп) как адресанту создать нормативными средствами фреймы памяти как «следы прошлого», выбирая те имена, даты и события, которые ценностно эксплицируют социальные представления о прошлом и являются необходимым медиальным средством трансляции исторической правды неофитам-адресатам, в качестве которых выступают как лица, принимающие российское гражданство, так и представители подрастающего поколения. Если в первом случае правовая коммуникация будет носить синхронный характер, то во втором она будет выступать диахронно. Однако в обоих случаях речь идет не только о трансляции вербальной (нормативной) информации о прошлом, но и о функциональном ее воспроизводстве в коммеморативных практиках.

Государство при этом выступает в качестве легитимного представителя общества. Именно демократическое государство является гарантом единства прав и свобод всех граждан страны, независимо от их этнического происхождения, пола, возраста, вероисповедания, защиты их от любых форм дискриминации и преступности, безопасности и реального участия граждан в формировании органов власти всех уровней.

Средствами исторической политики государство обеспечивает не только политическую, юридическую и социокультурную преемственность современного общества с предыдущими поколениями, конструируя темпоральность развития социума в пространственных пределах, но и его культурную безопасность. Поэтому совершенно обоснованно в Стратегии национальной безопасности РФ[3] защита исторической памяти обозначена в качестве одного из стратегических национальных приоритетов (п. 8 ст. 26).

В конструировании государством конституционной идентичности мнемоническими средствами можно выделить два направления: прославление героического прошлого как аксиологического фундамента единения гражданской нации и ее правопреемства с предшествующими социумами и государственными образованиями, существовавшими на данной территории исторически; покаяние за действия в прошлом, которые причинили ущерб отдельным лицам, этносам и (или) социумам, с целью использования идеи «инклюзивного мнемонического сообщества» для конструирования толерантного поликультурного социума[4]. Если для первого направления мемориальная культура и историческая политика носят антагонистический характер (при этом речь идет не просто о виктимизации прошлого, но и об установлении ответственности для виновных лиц), то для второго они выступают взаимодополняющими явлениями, в равной степени эксплицированными в коммеморативных практиках.

Второе направление господствовало в России в 1990-е годы и было связано с преодолением советского наследия даже в ущерб национальным интересам. Речь идет не только о приостановлении деятельности Коммунистической партии[5], но и о признании, например, событий в Катыни как преступления, совершенного НКВД[6]. Ярким примером коммеморативных практик первого направления, распространившегося в России с середины 2000-х годов, может служить акция «Бессмертный полк», которая зародилась как общественное движение, но, получив государственную поддержку, трансформировалась в часть государственных церемоний, посвященных победе в Великой Отечественной войне[7].

Таким образом, конституционная идентичность является дискурсивным конструктом, который формируется в процессе социальной коммуникации. Значительная роль в конструировании и репрезентации конституционной идентичности отводится мнемоническому дискурсу как текстовому пространству памяти. Государство как легитимный представитель общества в определенном пространственно-временном континууме, выступая в качестве адресанта вертикальной

[1] *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2014.

[2] *Гречко П. К.* Идентичность — постмодернистская перспектива // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 171–190.

[3] Указ Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (Ч. 2). Ст. 5351.

[4] См.: *Asavei M.-A.* Towards Inclusive Mnemonic Communities: Re-Visiting Violent Pasts through the Lens of Artistic Memory in Eastern Europe // Acta Musei Napocensis. Historica. 2021. Vol. 58. P. 343–347.

[5] Указ Президента РСФСР от 23 августа 1991 года № 79 «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 29 авг. № 35. Ст. 1149.

[6] См. например: *Лебедева Н. С.* Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война. 1939–1945 / ред. Ю. Н. Афанасьев. М. : Изд-во РГГУ, 1996. С. 237–295.

[7] *Швец М. Е.* Праздник Победы в контексте культурной памяти народа // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13, № 9А. С. 108–122.

коммуникации, определяет перечень имен, дат и событий, составляющих след прошлого, фреймированный в мемориальном законодательстве и коммеморативных практиках. Этот «след прошлого», с одной стороны, эксплицирует конвенциональный результат горизонтальной правовой коммуникации, а с другой — определяет интенцию правовой социализации как формы вертикальной коммуникации и артикулирует правовые и нравственные ценности и нормы, признание и воспроизводство которых составляют аксиологический и онтологический аспект конституционной идентификации гражданина.

Е. В. Харитонова

РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ, ГИБРИДНЫХ ВОЙН И ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА (Препятствия и возможности)[1]

Введение

Мы живем в стремительно меняющемся мире. Разрушены устоявшиеся связи между странами, выстраиваются новые, предпринимаются попытки восстановить контакты, потенциал которых был, по сути, заморожен на десятилетия в период после распада СССР. К последним относятся контакты со странами Африки. Сегодня российско-африканские отношения отвечают национальным интересам обеих сторон, они имеют позитивную историю, основанную на доверии, взаимной симпатии и реальной поддержке, которую оказывал СССР странам Африки. Однако необходимо осознавать, что Россия — это не СССР, и строить отношения с Африкой только на основе «былых заслуг» невозможно. Нужно искать новые основания и формы сотрудничества. Одной из них является БРИКС как альтернативная структура взаимодействия, союз, в который уже сейчас входят три государства Африки (ЮАР, Египет, Эфиопия) и еще четыре страны подали заявки на вступление (Алжир, Марокко, Нигерия, Сенегал).

От первого саммита «Россия–Африка» (2019) к саммиту-2023: актуальная ситуация и ее изменения

Первый российско-африканский саммит (Сочи, 2019) положил начало процессу, который был назван «возвращением России в Африку». Количество проведенных российско-африканских мероприятий и число договоренностей давали повод для оптимизма и позволяли утверждать, что российско-африканские отношения возрождаются после так называемого ухода России из Африки в 1990-е годы.

Саммит 2019 года был призван положить начало новому этапу российско-африканского «проекта» в условиях новой реальности — после распада СССР, установления однополярного мира и активизации неоколониальных тенденций, проявившихся в жестком разделении мира на «центр» и «периферию», не имеющую права на суверенитет. Основные договоренности (в виде меморандумов) саммита-2019 представляли собой возможности для развития российско-африканских отношений в существовавших на тот момент геополитических условиях. Но впереди были COVID-19 и украинский кризис, послуживший триггером трансформации мирового порядка и начала нового витка агрессивного воздействия на Россию.

Саммит в Санкт-Петербурге (2023) проходил в условиях изменившейся реальности, и его можно охарактеризовать как попытку возвращения к многополярному миру, этап антиколониальной борьбы, «бунт» «периферии» против неоколониального «центра». Теперь стоит задача проведения системной работы на данном направлении.

Усиление противодействия планам России в Африке с целью блокировки российско-африканского проекта

Сегодня выстраивание отношений с Африкой происходит в условиях беспрецедентного противодействия со стороны коллективного Запада, которое резко усилилось после начала активной фазы украинского кризиса, активизации усилий России на африканском направлении, успехов России в военно-политической сфере, как, например, в Мали[2], а также после событий в Нигере[3] и Буркина-Фасо, которые сделали выбор в пользу России. В качестве аргументов в формировании негативного имиджа России в Африке западные аналитики говорят, что Россия стремится к власти на континенте, используя различные инструменты — от дипломатии, продажи оружия до размещения частных военных компаний.

Поводом для давления на африканские страны становится необходимость соблюдения санкционного режима против России и угроза «наказания» государств, лидеров и компаний, игнорирующих антироссийские

[1] При подготовке доклада использованы материалы автора, опубликованные на сайте Международного дискуссионного клуба «Валдай»: *Харитонова Е. В.* Российско-африканские отношения: поиск оснований сотрудничества в преддверии Второго саммита «Россия–Африка» // Валдай : [сайт]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiysko-afrikanskie-otnosheniya-poisk-osnovaniy/?sphrase_id=712788 (дата обращения: 02.03.2024).

[2] *Ужахов Б.* Франция и ее союзники выводят войска из Мали, обвиняя Россию в усилении позиций в этой стране // Военное обозрение : [сайт]. URL: https://topwar.ru/192583-francija-i-ee-sojuzniki-vyvodjat-vojska-iz-mali-obvinjaja-rossiju-v-usilenii-pozicij-v-jetoj-strane.html (дата обращения: 03.03.2024).

[3] *Харитонова Е. В.* Глобальные стратегические проблемы в зеркале событий в Нигере // ИА REX : [сайт]. URL: https://iarex.ru/articles/106166.html (дата обращения: 10.02.2024).

санкции. Фактором давления на Африку также является тезис, который можно сформулировать как «Мы лучше»: Запад может дать Африке больше — деньги, технологии, свободу, безопасность, демократию, развитие. Противодействие развитию отношений России с другими странами является одним из направлений гибридной войны.

27 апреля 2022 года в Сенате США прошло голосование по проекту закона «О противодействии злонамеренной деятельности России в Африке». Конгресс ждет от Госдепартамента отчетов о приоритетах России в Африке в различных сферах: политической (предполагаемые попытки Москвы «манипулировать» африканскими правительствами, избирателями и диаспорами), экономической (участие России в стратегических секторах: разведка и добыча природных ресурсов, сотрудничество в сфере информационных технологий); особый интерес вызывает военно-техническое сотрудничество. Законопроект предусматривает выявление фактов и «наказание» африканских стран за сотрудничество с Россией. Госдепартамент обязан предоставлять отчеты о противодействии «российским махинациям», то есть о деятельности России, «подрывающей цели и интересы США» на континенте[1]. США действуют по отработанным схемам, используя контроль над финансовыми и социально-политическими структурами, работающими на континенте.

Законопроект вызвал возмущение лидеров ряда стран Африки. Президент ЮАР Сирил Рамафоса на встрече с Байденом говорил о *несправедливости* наказывать африканские страны за связи с Россией, а спикер Национального собрания Зимбабве Дж. Муденда заявил, что «в африканских странах с отвращением отнеслись к законопроекту США, поскольку он является посягательством на суверенитет государств, поддерживающих Россию»[2].

Примером программ финансирования Африки и доказательством американских неоколониальных амбиций следует назвать проект «Процветающая Африка» (Prosper Africa), принятый в 2019 году на бизнес-саммите «США–Африка» в Мозамбике (эксперты считают этот проект способом «подмять под себя Африканский континент»[3]). Проект направлен на дискредитацию политики Китая и России в Африке.

Страны Евросоюза также участвуют в «схватке за Африку». Проекты ЕС «Глобальный портал» (Global Gateway), рассчитанный до 2030 года, «Горизонт» (Horizon Europe), рассчитанный до 2027 года, — это часть европейской инвестиционной стратегии, задача которой — усиление роли Евросоюза в развивающихся странах, в том числе в Африке.

Масштабный рост инвестиций в развитие Африки отражает внешнюю политику ЕС, который стремится к восстановлению и усилению влияния на континенте, особенно после событий в Мали, Гвинее, Нигере, Буркина-Фасо, которые подрывают французское влияние в зоне Сахеля.

«Комплексный подход» в ведении гибридных войн, или На каких уровнях происходит недружественное воздействие

Действия коллективного Запада с целью заблокировать российско-африканский «проект» носят комплексный характер и соответствуют всем правилам современной гибридной войны. Недружественное воздействие осуществляется на уровне негативного влияния на имидж России, происходит искажение фактов истории и дискредитация политики России в Африке. Африканские страны и лидеры, особенно оппозиционные (как, например, Морган Цвангираи, лидер оппозиционной партии MDC — Движение за демократические реформы в годы правления президента Зимбабве Р. Мугабе), а также отдельные отрасли щедро спонсируются Западом как на государственном уровне, так и через многочисленные фонды и НКО. По отношению к «неугодным» режимам применяются санкции. Известно активное участие Запада в организации «цветных революций», в частности в событиях в Ливии в период так называемой «арабской весны».

Война информационной эпохи включает несколько уровней, среди которых собственно военные операции с применением оружия физического уничтожения являются лишь одной из составляющих.

I. Мировоззренческий уровень предполагает переформатирование традиционных представлений о мире, этику, мораль, модель будущего, сценарии развития государств и мировой цивилизации. «Война» на этом уровне формирует вектор развития, соответствующий стратегическим целям Запада. К этому уровню можно отнести искажение фактов истории, дискредитацию героев, обесценивание подвигов и побед. Одно из проявлений использования мировоззренческого уровня «войны» — «расчеловечивание» противника, лишение его статуса человека.

II. Финансово-экономический уровень включает использование единой финансовой системы («власть доллара»); регламентирующих и контролирующих организаций (Всемирная торговая организация; Международный валютный фонд и т. д.); создание общественных фондов и некоммерческих организаций, как правило связанных с оппозиционными движениями в подконтрольных государствах; введение санкций и пр.

III. Военный уровень содержит технологии, связанные с использованием военной силы и вооружений. Это применение оккупационных войск, миротворческих сил, инициация военных и государственных переворотов, «цветных революций».

Итак, сегодня блокировка российско-африканского проекта преимущественно сосредоточена на I (миро-

[1] *Мезяев А. Б.* Новое направление санкционной политики Запада. Сенат США принял законопроект «О противодействии злонамеренной деятельности России в Африке» // Русская народная линия : [сайт]. URL: https://ruskline.ru/opp/2022/05/25/novoe_napravlenie_sankcionnoi_politiki_zapada (дата обращения: 03.03.2024).

[2] Лавров назвал антироссийский законопроект США по Африке провокацией // РИА «Новости» : [сайт]. URL: https://ria.ru/20230118/zakonoproekt-1845766030.html (дата обращения: 02.03.2024).

[3] Штаты запустили проект Prosper Africa, чтобы подмять под себя Африканский континент // Zelv.ru : [сайт]. URL: https://zelv.ru/v-mire/115087-shtaty-zapustili-proekt-prosper-africa-chtoby-podmyat-pod-sebya-afrikanskiy-kontinent.html (дата обращения: 03.03.2024).

воззренческом, имиджевом) и II (финансово-экономическом) уровнях.

Африка в поисках баланса сил: стратегическая ниша России

Африка сегодня стоит перед выбором, находится в противоречивой и двойственной ситуации. Африка избрала суверенитет долгосрочной стратегией своего развития, что отражено в документе Африканского союза «Повестка-2063»[1]. Вместе с тем существуют проблемы, которые трудно решить без «донорской» финансовой и технологической поддержки. Африка вынуждена принимать помощь, в том числе от бывших колониальных держав, стараясь регулировать факторы, которые ставят ее в зависимость. Россия нужна Африке как стратегический партнер, который может помочь обеспечить баланс сил и предотвратить нарастание неоколониальных тенденций. Поэтому, несмотря на попытки западных стран усилить давление на Африку, российско-африканские отношения развиваются.

Саммит в Санкт-Петербурге показал, что обе стороны заинтересованы в сотрудничестве и притяжение между Россией и Африкой имеет глубокие корни, которые не всегда лежат в сфере финансовых и торгово-экономических отношений. Понимание глубинных основ российско-африканского сотрудничества и знание стоящих перед Африкой проблем становятся конкурентным преимуществом России в современных геополитических условиях.

Африка как часть «незападного» мира стремится к реализации собственного пути развития, что имеет под собой серьезные основания, связанные с колониальным прошлым континента. По мнению Ш. Айзенштадта, начиная с XIX века и по сей день протестные движения «незападных» обществ «пропагандируют откровенно агрессивное отношение к Западу и стремятся приспособить современность и глобальную систему под свои незападные, а часто антизападные представления. Такое крайне агрессивное отношение… тесно связано с попытками полностью отделить современность от вестернизации или забрать у Запада монополию на современность…»[2] В этом проявляется стремление «незападного» мира к независимости, свободе, отстаиванию права на собственный путь развития.

Борьба за влияние на Африканском континенте может приобрести форму конфронтации между различными системами ценностей и проектами будущего. Она может принять форму борьбы за сердца и умы африканцев, с поиском глубинных ценностных оснований взаимопонимания и взаимодействия[3]. И шире — борьбы за сердца и умы на Глобальном Юге.

Чжао Хун[4]

КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК «ТРЕТИЙ СТОЛП» БРИКС

В рамках стратегии БРИКС культурному сотрудничеству уделяется большое внимание, так как оно формирует микроклимат, который способствует реализации всех направлений. Факты свидетельствуют, что установление стратегического партнерства и координации является правильным выбором Китая и России, это соответствует их долгосрочным и фундаментальным интересам.

Сегодня на международной арене ведется дискуссия вокруг понятий «многополярный мир» и «однополярный мир», «многополярность» и «односторонность», «гармоничный мир» и «сильный мир». Китай и Россия, выступая за многополярность мира, поддерживают демократизацию международного политического порядка и продвигают экономическую глобализацию, углубляя развитие китайско-российских отношений, тем самым обеспечивая стратегию гуманитарного сотрудничества.

Китай и Россия как партнеры по БРИКС несут ответственность за международную безопасность и глобальную стратегическую стабильность. Поэтому, по словам Сунь Чжуанчжи, их диалог позволяет укреплять взаимное доверие и избегать стратегических недоразумений, ошибочных суждений[5].

От культурного сотрудничества Китая и России зависит повышение уровня экономического сотрудничества. Эта область стратегических отношений в научных кругах Китая постоянно находится в зоне интересов. Так, например, Хао Дацзян и Лю Чанг[6], определяя основы культурного сотрудничества, выделяют в них исторический и практический уровни. Если исто-

[1] Agenda 2063: The Africa We Want // African Union : [сайт]. URL: https://au.int/en/agenda2063/overview (дата обращения: 03.03.2024).

[2] *Айзенштадт Ш. Н.* Современная глобализация и новые цивилизационные модели // Соционауки : [сайт]. URL: https://www.socionauki.ru/book/files/ygi/486-492.pdf. С. 491 (дата обращения: 15.02.2024).

[3] *Шемякин Я. Г.* BRICS: цивилизационная идентичность и императив взаимопонимания // Латинская Америка. 2014. № 7. С. 74–80.

[4] Аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета, доцент Марксистского института Цзилиньского педагогического института инженерных технологий (КНР). Автор более 10 научных публикаций.

[5] *Сунь Чжуанчжи.* Китайско-российское сотрудничество способствует совершенствованию системы глобального управления // China`s Diplomacy in the New Era [孙壮志. 中俄合作推动完善全球治理体系. 2022-03-28]. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2022-03/28/content _78133589.shtml (дата обращения: 20.01.2024). (На кит. яз.)

[6] Хао Дацзян, Лю Чанг. Исследование путей развития культурных обменов и экономического сотрудничества между Китаем и Россией [者郝大江 刘畅. 中俄文化交流与经济合作发展的路径研究] // Китайско-российская информационная сеть. 2019. 31 окт. URL: http://www.chinaru.info/huarenhuashang/zhongewaimaoshiwu/58694.shtml (дата обращения: 10.11.2023). (На кит. яз.)

рический уровень характеризуется традициями стран и историей сотрудничества, то практический — деятельностью правительственных, неправительственных и общественных организаций. Сюй Хуа[1] акцентирует внимание на информационном блоке, так как в стратегическом партнерстве для координации планов важную роль играют СМИ. Этому служит трансформирование модели медиакоммуникаций «Китайско-российские новости» в более открытую и удобную двустороннюю программу.

Ежегодно Россия и Китай уделяют большое внимание развитию сотрудничества в области культуры, образования, совместных научных мероприятий, в туристическом и спортивном направлениях. Значимое место здесь отводится деятельности Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству[2], которая направлена на реализацию совместных усилий по развитию сотрудничества в сфере культурных взаимоотношений. Многосторонняя деятельность России и Китая в области культурного сотрудничества имеет положительные результаты, о чем свидетельствует проведение Года Китая в России и Года России в Китае.

Однако в аналитических докладах[3], документах Комиссии по гуманитарному сотрудничеству, на межгосударственных совещаниях постоянно обращается внимание на факты недопонимания[4]. Так, уже не один раз поднимался вопрос о том, что «контакты в формате межвузовских ассоциаций… нередко сводятся к взаимным визитам для изучения зарубежного опыта»[5].

Если в целом говорить о гуманитарном сотрудничестве, то в аналитическом докладе 2017 года отмечается, что превалирует сеть культурных контактов в приграничных регионах, а «расширение гуманитарного сотрудничества между остальными районами продвигается медленно»[6].

В некоторых российских и китайских публикациях, посвященных проблемам гуманитарного культурного сотрудничества, неоднократно поднимался вопрос о его проблемах и рисках. Это отмечается в ряде публикаций М. Н. Фоминой, по мнению которой «практика международных отношений... достигается благодаря непосредственным контактам между народами разных стран»[7]; Л. Л. Суходольская считает, что «потенциал существующей модели гуманитарного взаимодействия почти исчерпан. Представляется целесообразным поиск новых импульсов для совместной деятельности»[8].

Китайские исследователи аналогичным образом (при всей положительной оценке) видят проблемы и риски для их реализации. Как пишут Хао Дацзян и Лю Чанг, из-за отсутствия глубокого взаимопонимания между народами двух стран трудно осуществлять сотрудничество и обмены в экономике и политике на более высоком уровне[9]. По их мнению, это обусловлено тем, что понимание китайцами российской культуры ограничивается уровнем советской эпохи, а русские люди понимают китайскую культуру только через китайские продукты и мало знают о текущем состоянии развития экономики и культуры Китая[10].

Экономическая, так же как и культурная среда, оказывает важное влияние на формирование ее интеллектуальной и нравственной культуры. Так как культура является продуктом развития человеческого общества и в полной мере отражает состояние духовной и материальной цивилизации, она оказывает непосредственное влияние на потребительское поведение и уровень потребительского спроса общества. К какой бы культуре ни относились люди, они имеют почти одинаковые требования к качеству жизни. Но существуют большие различия в потребительском спросе, привычках, потребительском поведении, а также в стандартах и суждениях о ценности и цене.

Следовательно, можно сказать, что формирование и результативность экономических отношений зависят от уровня спроса и предпочтения потребителей. Это говорит о том, что при формировании товарообмена необходимо понимать социальную и культурную среду, в которой живут потребители.

Сегодня инициатива «Один пояс, один путь» предоставляет новые возможности для культурного обмена между Китаем и Россией и в то же время предъявляет более высокие требования к уровню культурного обмена, который, в свою очередь, влияет на потребительский спрос в обеих странах[11]. Практика российско-китайских отношений в приграничных районах показала, что культурные обмены могут не только изменить региональную экономическую культуру, но и ослабить различия между культурами. Когда регион становится толерантным к иностранным культурам, возрастает его способность воспринимать новые технологии, что позволяет легче генерировать инновации и новые технологии. Таким образом, можно сказать, что культурные обмены оказывают определенное влияние на экономическое сотрудничество между Ки-

[1] *Сюй Хуа.* Сообщество с единой судьбой человечества // Китайско-российская культурная дипломатия в перспективе [许 华. "人类命运共同体" 愿景中的中俄文化外交]. URL: http://www.oyyj-oys.org/UploadFile/Issue/iodr3tnq.pdf (дата обращения: 22.10.2023). (На кит. яз.)

[2] Меморандум о реализации Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере // Консорциум «Кодекс» : [сайт]. URL: https://www.docs.cntd.ru/document/499014828 (дата обращения: 25.10.2022).

[3] Российско-китайский диалог: модель 2016 : доклад № 25/2016 / С. Г. Лузянин (рук.) [и др.] ; Х. Чжао (рук.) [и др.] ; гл. ред. И. С. Иванов ; РСМД. М. : НП РСМД, 2016.

[4] Российско-китайский диалог: модель 2015 : доклад № 18/2015 / С. Г. Лузянин (рук.) [и др.] ; Чжао Х. (рук.) [и др.] ; гл. ред. И. С. Иванов ; РСМД. М. : Спецкнига, 2015. С. 24.

[5] Российско-китайский диалог: модель 2018 : доклад № 39/2018 / С. Г. Лузянин (рук.) [и др.] ; Х. Чжао (рук.) [и др.] ; гл. ред. И. С. Иванов ; РСМД. М. : НП РСМД, 2018. С. 116–117.

[6] Российско-китайский диалог: модель 2017 : доклад № 33/2017 / С. Г. Лузянин (рук.) [и др.] ; Х. Чжао (рук.) [и др.] ; гл. ред. И. С. Иванов ; РСМД. М. : НП РСМД, 2017. С. 76.

[7] *Фомина М. Н.* Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в контексте новой модели диалога // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : материалы Пятой междунар. науч.-практ. конф. «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» : [ежегод.]. Вып. 6, ч. 1 / отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2023. С. 491.

[8] *Сухадольская Л. Л.* Россия и Китай: гуманитарное сотрудничество // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 3. С. 191. DOI: 10.31857/S013128120010558-4.

[9] *Хао Дацзян, Лю Чанг.* Указ. соч.

[10] *Дун М. Юй.* Китайско-российский культурный обмен на фоне глобализации // Историческая социология и современное социальное развитие в России и Китае : сб. ст. XVIII Рос.-кит. соц. конф. СПб., 2022. С. 197–202.

[11] *Сухадольская Л. Л.* Россия и Китай: гуманитарное сотрудничество // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 3. С. 181–192.

таем и Россией благодаря культурной самобытности, потребительскому спросу и технологическим инновациям. Но результативность влияния культуры на экономические отношения возможна благодаря сотрудничеству в области образования, культурным обменам и средствам СМИ.

На встрече министров культуры стран — членов БРИКС[1] было констатировано, что человеческие контакты и культурные обмены являются «третьим столпом» сотрудничества БРИКС. Поэтому необходимо продолжать оптимизировать работу существующих платформ в сфере культуры, расширять масштабы межличностных обменов и сотрудничества, придавать гуманистический импульс механизму БРИКС. Акцент на гуманитарный импульс свидетельствует о том, что как России, так и Китаю необходимо укреплять и расширять сферу народной дипломатии, так как именно она является «третьим столпом» БРИКС.

Чжоу Чуаньмин[2]

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Россия и Китай как страны, входящие в БРИКС, всегда решают проблемы и вопросы, которые возникают как в глобальном, так и региональном масштабе, в ходе диалога. Взяв на себя большую ответственность за формирование поликультурного мира, они не только рассматривают экономические и политические вопросы, но и анализируют результативность социальных программ, которые, будучи реализованы в конкретной стране, влияют на аналогичные направления в другой. Поэтому данные вопросы становятся предметом обсуждения в научных и академических сообществах.

Осенью 2022 года Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй представил развернутый доклад, объясняющий программу социальной модернизации Китая[3], где были определены ее доминирующие аспекты. Программа основана на национальных условиях; направлена на развитие народной демократии, обогащение духовного мира народа; способствует общему процветанию людей, гармоничному сосуществованию человека и природы; содействует строительству сообщества с единой судьбой человечества; ориентирована на создание новой формы человеческой цивилизации. Таким образом, программа охватывает как внутренние, так и внешние направления развития человека и общества. Ее идеология предполагает, что социальная модернизация не может быть реализована в отдельно взятой стране как частное явление, потому что это модернизация человеческой цивилизации. То есть судьба отдельного человека в конкретной стране переплетается с судьбами человечества.

Председатель экспертного совета Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития Ю. В. Тавровский в интервью корреспонденту People's Daily отметил, что модернизация с китайской спецификой объясняет, почему Китай преодолел трудности и препятствия и добился быстрого развития[4]. Ю. В. Тавровский, следуя в русле идеологии китайской модернизации и выделяя ее основные характеристики (новая форма человеческой цивилизации, путь развития с китайской спецификой, китайская модель развития), отмечает, что Китай не навязывает другим свои ценности и модели. Вышесказанное можно считать лейтмотивом его книги «Китайское чудо: корни и плоды. Поднебесная на пути великого возрождения китайской нации»[5], которая вышла в свет осенью 2022 года. Через призму китайского рывка, в контексте китайского чуда Ю. В. Тавровский отмечает, что приближается время, когда и «русское чудо» встанет в один ряд с китайским.

В июне 2021 года состоялся Российско-китайский семинар «Поддержка национального развития с помощью интеллектуальных ресурсов и содействие связям между людьми» международного аналитического центра[6]. Научные и академические структуры России и Китая, ведущие специалисты в области российско-китайских отношений отмечают: Россия и Китай активно сотрудничают, чтобы совместными усилиями повысить уровень жизни людей; результаты анализа социального уровня жизни китайского и российского общества показали, что перед Китаем и Россией стоит

[1] Седьмая встреча министров культуры БРИКС посвящена «построению культурного партнерства, основанного на инклюзивности и взаимном обучении» [第七届金砖国家文化部长会议聚焦“构建包容互鉴的文化伙伴关系”] // Информационное агентство Синьхуа. 2022. 25 мая. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-05/25/content_5692293.htm (дата обращения: 19.10.2023). (На кит. яз.)

[2] Аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета. Автор нескольких научных публикаций.

[3] Посол Чжан Ханьхуэй опубликовал в «Российской газете» статью под названием «Новая эра, новое путешествие, новые великие дела — о сущности и особенностях китайской модернизации» [张汉晖大使在《俄罗斯报》发表署名文章 《新时代 新征程 新伟业—论中国式现代化的 本质与特征》] // Посольство КНР в РФ : [сайт]. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/gdxw/ 202211/t20221114_10974322.htm (дата обращения: 21.12.2023). (На кит. яз.)

[4] *Ронг И.* Модернизация в китайском стиле имеет большое значение для Китая и мира [荣毅. 中国式现代化对中国和世界都意义重大]《人民日报》(2023年03月21日 第02版) // People.cn : [сайт]. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2023-03/21/nw.D110000renmrb_20230321_5-02.htm (дата обращения: 10.10.2023). (На кит. яз.)

[5] Руководитель экспертного совета Ю. В. Тавровский представил свою новую книгу // Российский комитет дружбы, мира и развития : [сайт]. URL: http://russian-chinese.com/2022/12/07/rukovoditel-ekspertnogo-soveta-yu-v-tavrovskij-predstavil-svoyu-novuyu-knigu (дата обращения: 15.11.2023).

[6] Российско-китайский семинар аналитического центра: поддержка национального развития с помощью сильных интеллектуальных ресурсов и содействие связям между людьми [中俄智库研讨会：以强大的智力资源支撑国家发展，促进民心相通] // ChinaDaily.cn : [сайт]. URL: https://cn.chinadaily.com.cn/5b753f9fa310030f813cf408/5bd80379a3101a87ca900243/60dc2619a3101e7ce9757a0b (дата обращения: 26.05.2023). (На кит. яз.)

трудная задача общего развития и модернизации; решение социальных задач зависит от характеристики политического и экономического развития России и Китая.

Высоко оценивая результативность сотрудничества, аналитики центра отметили, что оно способствует развитию двусторонних отношений на более высоком уровне и определяет перспективы дальнейшего развития китайско-российских отношений.

На аналогичной встрече в марте 2023 года[1], акцентируя внимание на модернизации в китайском стиле, китайские и российские эксперты провели развернутые дискуссии. В выступлении Сунь Чжуанчжи, директора Института исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, было определено единство национального и интернационального в идеологии социальной модернизации, так как данный процесс не может быть закрытым, изолированным от остального глобального мира, тем более от граничащих государств. Поэтому успех китайской модернизации доказывает, что страны должны обратить внимание на поиск пути развития, основанного на национальных условиях, придерживаться институциональной и культурной уверенности в себе[2] и учитывать собственные культурные традиции и экономические преимущества; должны сотрудничать со всеми странами мира и устанавливать дружеские отношения на основе взаимного уважения.

В результате социальной модернизации должны быть искоренены различия между городом и деревней, решены проблемы бедности, роста благосостояния и социального равенства людей. Ю. В. Тавровский, высоко оценивая результативность социальной модернизации, отметил, что модернизация по-китайски — это новый вариант, представленный Китаем в целях развития общества. По словам А. Виноградова, модернизация в китайском стиле демонстрирует миру, как можно самостоятельно проводить модернизацию и достичь быстрого развития.

Но социальная модернизация предполагает не только изменение уровня жизни и повышение благосостояния как российского, так и китайского народа. Она затрагивает не только материальный, но и духовный уровень жизнедеятельности: если первый касается материальных устоев жизни общества, то второй — духовных. Об этом свидетельствует изменение отношения к традиционной культуре. Китай и Россия сегодня активно изучают направления модернизации, которые раскрывают сильные стороны их традиционных культур, определяют национальные условия модернизации, демонстрируют национальную индивидуальность и особенности развития двух стран.

Исследователь-аналитик и специалист в области сравнительного анализа Сюй Тяньсинь[3] заметил, что когда обсуждается вопрос модернизации, то роль и влияние традиционной культуры на данный процесс всегда необходимо рассматривать как в Китае, так и в России. И с этим нельзя не согласиться. Россию и Китай объединяет тот факт, то их традиционная культура отличается от западной. Если в основе китайской традиционной культуры лежат конфуцианские ценности, то русская традиционная культура базируется на православной христианской культуре.

Еще в XIX веке Китай и Россия пережили последствия промышленных революций на Западе, которые в России выразились в борьбе западников и славянофилов, а в Китае — в политике борьбы с конфуцианством. Поэтому можно сказать, что Россия и Китай, следуя по пути социальной модернизации, пережили процесс культурной трансформации, преобразования путем строительства страны по западной модели. Стоит заметить, что благодаря традиционным культурам модернизационные процессы не могут быть измерены и оценены по единой шкале, поэтому они ведут не к единообразию, а к разнообразию.

Российско-китайские отношения нацелены на построение сообщества с единой судьбой. И это не просто слова. Китай и Россия совместно создали Университет МГУ в Шэньчжэне, авторитетные СМИ двух стран — интегрированную медиаплатформу, а Федерация хоккея Китая выступает в Континентальной хоккейной лиге и т. д.

На международном академическом семинаре «Китай и Россия: путь к модернизации»[4], который состоялся в ноябре 2023 года, было отмечено, что Россия поддерживает Китай в реализации политики модернизации в китайском стиле, а Китай — Россию в достижении целей ее национального развития до 2030 года.

И, кажется, впервые за последние годы научным сообществом была актуализирована мысль, что стороны выступают против политизации международного культурного сотрудничества, дискриминации в культурной, образовательной, научной и спортивной сферах по признаку национальности, языка, религии, политических или иных убеждений, этнического или социального происхождения. Все это — результат понимания и доверия двух стран, возникший в процессе сотрудничества и совместного решения стратегических задач.

[1] Китайские и российские эксперты и ученые обсудили модернизацию в китайском стиле [中俄专家学者共议中国式现代化] // People's Daily Online. 2023. 11 Mar. URL: http://world.people.com.cn/n1/2023/0311/c1002-32642042.html (дата обращения: 22.09.2023). (На кит. яз.)

[2] См. также: *Чжан Я.* Влияние политического процесса на модернизацию системы высшего образования Китая // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 7. С. 97–102.

[3] *Сюй Тяньсинь.* Традиционная культура и модернизация Китая и России [徐天新. 传统文化与中俄的现代化] // China Economic History : [сайт]. URL: http://economy.guoxue.com/?p=817 (дата обращения: 29.10.2023). (На кит. яз.)

[4] *Ван Чунянь.* Достичь мировой модернизации, мирного развития, взаимовыгодного сотрудничества и общего процветания // Китайский журнал социальных наук. 2023, 6 нояб. [王春燕. 实现和平发展、互利合作、共同繁荣的世界现代化: 中国社会科学网-中国社会科学报2023-11-06]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202303/t20230322_11046188.shtml (дата обращения: 10.01.2024). (На кит. яз.)

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Д. А. АНАНЬИНА	доцент кафедры социальной работы Забайкальского государственного университета (Чита), кандидат философских наук
Н. Г. БАГДАСАРЬЯН	профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
Э. В. БАРКОВА	профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва), доктор философских наук
Ал. А. ГРОМЫКО	директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
Р. В. КОСТЮК	профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук
А. В. МАНОЙЛО	профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, доктор политических наук
А. В. СКОРОБОГАТОВ	профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова, доктор исторических наук
Е. В. ХАРИТОНОВА	старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат психологических наук, доцент
ЧЖАО ХУН	аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета (Чита), доцент Марксистского института Цзилиньского педагогического института инженерных технологий (КНР)

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, приветствую всех присутствующих на заседании пятой секции!

Для нас Международные Лихачевские научные чтения — это продолжение дела жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева. Великий ученый-гуманитарий получил международную известность как исследователь русского Средневековья, осмыслявший историю Средних веков и писавший работы о памятниках той эпохи. Постепенно по мере развития научной деятельности академик Д. С. Лихачев перешел от изучения памятников древнерусской словесности к исследованию культуры вообще и стал одним из ярких культурологов в нашей стране и мировом сообществе, оставив потрясающее наследие. Наш Университет — крупнейший центр по изучению наследия Д. С. Лихачева. В общей сложности мы выпустили около 150 его работ.

Тема секции «Россия в многополярном мире: новые цели и новые возможности» предполагает разговор о том, что сегодня происходит в мире, но с точки зрения не военных людей, которые могут обсуждать, чьи ракеты или танки лучше, а гуманитариев, на глазах которых происходят переустройство мира и тектонические сдвиги. Мировое развитие характеризуется неравномерностью: сначала доминируют одни цивилизации, которые потом отходят на второй план, им на смену приходят другие цивилизации и т. д. В связи с эти возникает вопрос: какие цивилизации сегодня становятся доминирующими в мире?

На Лихачевских чтениях мы неоднократно обсуждали тектонические изменения: Запад, который безраздельно доминировал последние 20 лет после распада Советского Союза и создал все международные институты — от Международного валютного фонда до Международного олимпийского комитета — постепенно отходит на вторые позиции. Он упустил шанс сохранить свое лидерство 10–15 лет назад. По моему мнению, Запад стоял на развилке в 1968 году — именно тогда западная цивилизация могла пойти либо по линии гуманизации общества, и наступила бы эра милосердия при процветании гуманистических начал, либо по линии построения общества потребления, когда материальное становится главным, а жизнь миллионов людей подчинена интересам корпораций, производящих все больше автомобилей, одежды, шариковых ручек и прочего, истощающих природу и ставящих человечество в сложное положение. Именно последняя модель была избрана Западом в 1950–1960-е годы. Тогда молодежь протестовала против такого решения, заявляя, что смысл жизни заключается не в том, чтобы

ежегодно менять старый «мерседес» на новый, — в жизни есть другое измерение, но никто не воспринял их слова всерьез.

Все это привело к тому, что мы наблюдаем сегодня. США желают лидировать и дальше, но весь мир выступает против этого. Если упрощенно изложить суть драмы западной цивилизации, то люди поняли, что их страны делают донорами для того, чтобы богатая часть мира жила за их счет.

Сегодня на смену западной приходят другие цивилизации. Возникает вопрос: будет ли кто-нибудь из них доминировать? Между Индией и Китаем существуют противоречия, так же как и между Китаем и США, и т. д. На планете не осталось места, где никто ни с кем не конфликтовал бы и где человеку была бы гарантирована безопасность. Так не может продолжаться долго. Мы надеемся, что эта ситуация не разрешится войной с применением смертоносного оружия и человечество вступит в новую эру — эру милосердия, гуманизма, где молодежь, которая сидит в этом зале, будет востребована.

Желаю интересной дискуссии и успехов!

Ал. А. ГРОМЫКО: — Уважаемые коллеги, дорогие студенты и преподаватели, наша секция начинает свою работу.

Мы живем в кризисном мире в эпоху глобальной пересборки. В таком мире опор мало, но много рисков и неопределенностей. Об этом уже много лет говорят историки, политологи, экономисты, и нет конца подобным рассуждениям. В мире уже нет ни империй в классическом смысле, ни сверхдержав в том смысле, в каком мы употребляли это понятие во второй половине XX века. Рисков и неопределенностей много, но это не значит, что нет опор. Ялтинско-Потсдамская система международных отношений во многом ушла в прошлое, но наследие 1945 года — современное международное право, Организация Объединенных Наций — сохраняет элементы стратегической стабильности. По-прежнему ядерный век обусловливает наше будущее с точки зрения вероятности существования человечества.

В мире сложилась практика создания постоянных альянсов, характерная для второй половины XX века. В то же время часто возникают ситуационные союзы, коалиция добровольцев. То есть мы наблюдаем изменяемую геометрию мировой политики, глобального управления и регулирования. Но, несмотря на то, что в XXI веке существуют довольно жесткие блоки, большинство стран выбирают политику многовекторности — в этом и состоит суть момента. Ведущие центры силы в мире, по крайней мере те, кто считается таковым или стремится к обретению этого статуса, конкурируют друг с другом за умы, сердца и кошельки Глобального Востока и Глобального Юга. Ситуация очень подвижная и требует больших затрат от прежних доминирующих держав-гегемонов, которые сейчас пытаются переманивать на свою сторону значительное число стран.

Мы живем в мире деглобализации. Ясно, что это не мир антиглобализма. В этом мире происходит все большее обособление конкурирующих макрорегионов. Но деглобализации как краха представлений о взаимосвязанности мира мы не наблюдаем.

Судя по названию нашей секции, мы живем в полицентричном (или многополярном) мире. Но мне кажется, что мы немного забегаем вперед, потому что если бы мы жили в многополярном мире, то смогли бы точно сказать, какой этот мир, посмотрели бы на него и проанализировали. Но пока мы не может этого сделать. Более точное название: «Россия в формирующемся полицентричном мире». О том, какой будет модель полицентризма, ведутся споры. Будет ли это мир полицентричного хаоса, пока не совсем ясно.

Как директор Института Европы отмечу, что европейская тема не раз звучала на пленарном заседании Лихачевских чтений. Ясно, что европоцентризм в мировой политике и международных отношениях давно ушел в прошлое. По нему было нанесено два мощных удара: Евросоюз питал надежды на возрождение полицентричного мира в конце XX — начале XXI века, когда идеологическая и политическая конкуренция между стратегиями в Евросоюзе и США была довольно ярко выражена, но все это в прошлом. И Запад вновь делает ставку на западноцентричный мир, правда, с меньшим числом козырей на руках. Часто рассуждают о так называемом двухъядерном Западе, где есть два ядра, хотя и разной величины, — США и Западная Европа. Сегодня формируется и двухъядерный Восток, включающий Россию и Китай. Но насколько двухъядерный Запад и двухъядерный Восток создадут что-то вроде новой биполярности (если вспомнить классическую биполярность, которая возникла после 1945 г.), у специалистов нет единого мнения.

Европа находится в состоянии экономической стагнации. Об этом свидетельствуют все показатели, как социальные, так и экономические. В последние годы происходит вымывание среднего класса, который в 1950–1960-х годах был становым хребтом модели государства благосостояния в Европе. В Евросоюзе по-прежнему развивается вредная тупиковая стратегия, я назвал бы ее зеленой мистификацией, когда верное представление о том, что относится к природе и происходит с климатом, насколько прогрессивны зеленые технологии, было политизировано, потому что зеленые технологии пытаются подчинить целям геополитики тех или иных центров силы.

В XXI веке вновь в стал вопрос, состоится ли очередной закат Европы — закат Европы 2.0. В связи с этим вспоминается знаменитый труд Освальда Шпенглера «Закат Европы», состоящий из двух томов: первый вышел в 1918-м, второй — в 1922 году. Думаю, что, как и в начале XX века, к закату Европы надо относиться не буквально, а как к циклу определенного затухания и, возможно, в будущем нового рывка в развитии. Пока ясно, что Европа уходит на второй план по мере смещения центра тяжести мировой экономики и политики в Азиатско-Тихоокеанский регион.

К сожалению, мы живем в эпоху быстрой милитаризации, когда получили распространение региональные конфликты и жесткая сила. Двадцать лет назад все говорили о «мягкой силе», о том, что войны уходят

в прошлое и якобы размываются границы национальных государств. Но этого не произошло. Мы живем в мире, где национальные государства, начиная с середины XX века и до сих пор являются главными строительными блоками в системе международных отношений. Сегодня мы находимся на пике жесткого столкновения геополитических мировоззрений. Речь идет не только о России и США, но и о Китае и Индии, а также о других державах, имеющих свое представление о том, каким должен быть мир в XXI веке.

Передаю слово сопредседателю нашей секции — профессору МГИМО Андрею Викторовичу Манойло.

А. В. МАНОЙЛО: — Уважаемые коллеги, вчера на пленарном заседании мы с большим вниманием следили за дискуссией. Основная тема, которой посвящены эти Лихачевские чтения, — БРИКС и новые возможности, которые будут возникать у России в связи с расширением этой интеграционной структуры. В этом отношении название нашей секции «Россия в многополярном мире: новые цели и новые возможности» больше всего отвечает проблематике, которую мы обсуждали вчера, потому что БРИКС вбирает практически все мировые полюсы, кроме одного — англосаксонского. БРИКС в многополярном мире является структурой большинства, и полюсы не просто взаимодействуют между собой в принятом в международных отношениях анархическом порядке, но еще и объединены общей миссией и общими целями.

БРИКС расширяется, что является показателем успешности этой организации. И несмотря на то что сегодня БРИКС — это пять основных стран (плюс недавно присоединившиеся ОАЭ, Иран, Египет и Эфиопия), к названию добавляют «плюс», это говорит о том, что значение этой структуры больше, чем просто интеграционное объединение пяти ведущих стран мира. В этом отношении, с одной стороны, БРИКС является альтернативой существующему мироустройству и той повестке, которую продвигает англосаксонский мир, а с другой стороны, происходит усложнение структуры БРИКС. Включение в БРИКС в будущем новых членов создает не только новые возможности, но и новые проблемы. И наша секция посвящена обсуждению в том числе и этих вопросов.

Мой доклад посвящен проблеме информационных войн. Речь идет о том, как с новыми вызовами и угрозами в информационной сфере справляется интеграционное объединение БРИКС, которое сегодня находится на восходящем тренде и в ближайшее время будет расширяться, эволюционировать в сторону международной организации (пока БРИКС таковой не является). У Российской Федерации как ведущей страны, входящей в это интеграционное объединение, с расширением БРИКС появляются новые возможности, но одновременно и новые риски и угрозы.

У нас нет сомнений в том, что чем сильнее и мощнее будет БРИКС и чем бóльшую роль в этой организации будут играть Россия и Китай, тем чаще в отношении БРИКС будут проводиться информационные войны или информационные операции, как их принято называть. В связи с этим встает вопрос об обеспечении коллективной безопасности БРИКС в сфере противодействия информационным операциям. Это непросто, потому что современные информационные войны — это не пиар-кампании, а особый вид вооруженных конфликтов, в которых столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия. То есть это такой же вид вооруженной агрессии, как и классические войны, только использующий, с одной стороны, новые формы и методы ведения вооруженной агрессии, с другой — новые возможности, которые предоставляют технологии информационного, психологического воздействия на индивидуальное и массовое сознание и новые каналы доведения информационного воздействия до целевой аудитории.

Здесь возникает вопрос о готовности стран, входящих в БРИКС, самостоятельно противодействовать таким операциям — оперативным комбинациям спецслужб, которые разворачивают в информационном пространстве разведки ведущих западных стран, в первую очередь спецслужбы США. Способны ли страны БРИКС противодействовать угрозам и на каком уровне смогут это делать в том случае, если станут объектами атак просто потому, что входят в БРИКС и занимают там активную позицию? И если самостоятельно они не в состоянии это сделать, то кто их может защитить?

Тактика современных информационных операций предельно проста. Сегодня все формы и методы, которые применяются спецслужбами при проведении операций информационной войны, базируются на психологических эффектах. Они элементарны и именно поэтому эффективны. На сегодняшний момент, к сожалению, порядка 90 % всех успешно проведенных информационных операций принадлежат американским спецслужбам.

Чтобы обеспечить эффективное противодействие, необходимо в первую очередь знать, что именно происходит в информационном пространстве. Следует различать информационную операцию, информационную или идеологическую диверсию, пропаганду, операцию по дезинформации и фейк. Нужно иметь в виду, что у всех этих видов есть свои отличительные признаки, но информационные операции, являясь оперативными комбинациями спецслужб на каналах открытой телекоммуникационной сети, всегда интеллектуальны. Разведка никогда не бьет по большим площадям, разведывательные операции спецслужб направлены против конкретных людей. Информационные операции всегда персонифицированы, индивидуальны.

В отличие от информационных операций, пропаганда неизбирательна. То есть пропагандистское воздействие неадресно, оно всегда направлено на большие массы людей. В этом отношении пропаганда и ее инструменты эффективны, но пропагандисты никогда не знают, кого конкретно они «зацепят». Будет это лицо, принимающее решения, или люди, от которых ничего не зависит. Нормальный результат для пропаганды, когда из 1 млн охваченных пропагандистским воздействием 10 человек готовы последовать призывам пропаганды.

Информационно-идеологические диверсии всегда локальны по целям и задачам — это нанесение конкретного локального ущерба противнику. И, как правило, диверсионная деятельность проводится органами военной разведки, несколько реже — спецслужбами в поддержку операций вооруженных сил.

Фейки — инструмент дезинформации, это не операции и не атаки, а отдельные узкоспециализированные инструменты, на которые приходится не более 1 % от всего объема информационного противоборства. И если мы все силы и средства, которыми располагаем, а также лучших специалистов бросим на выявление и разоблачение фейков (которые, конечно, надо выявлять и разоблачать), то должны понимать, что 99 % информационного фронта останется без защиты. Противодействие в сфере информационных войн всегда должно быть соразмерно масштабу воздействия.

Возникает вопрос: каким образом мы можем защитить БРИКС от этих вызовов и угроз? Речь идет, во-первых, о возможностях ведущих стран, входящих в это объединение, во-вторых, о создании наднациональных структур по противодействию информационным операциям. Последнее — более серьезная задача: для того чтобы создать общую наднациональную структуру, например по выявлению, предупреждению и противодействию информационным операциям, необходимо синхронизировать подходы к противодействию информационным операциям, которые имеются у каждой страны, входящей в БРИКС. Эти подходы разнятся, потому что наши страны обладают различным опытом, разными традициями и представлениями о том, как именно надо организовывать противодействие.

Из пяти основных стран, входящих в БРИКС, лишь Российская Федерация умеет проводить не только оборонительные, но и наступательные операции. У нашей страны с 2019 года накоплен пускай и небольшой, но успешный опыт проведения таких операций. Китай в плане противодействия информационным операциям занимает оборонительную позицию. Это неплохая тактика проведения оградительных мероприятий, но Китай несилен в проведении активных мероприятий, то есть наступательных. Как противодействовать противнику, проводя наступательные операции, он не знает. Индия в значительной степени ориентируется на американский опыт. Более того, имея хороших специалистов по кибербезопасности, кибероборонe и киберна-ступлению, индийцы интегрированы с американскими структурами, в том числе разведывательными. Здесь возникает много вопросов о том, чьи интересы индийцы будут защищать в случае, если, допустим, американские разведки начнут проводить кибероперации. Бразилия придерживается открытого подхода к коммуникационным сетям, то есть выступает традиционно против запретов, их пространство — это открытое поле как для своего воздействия, так и для противника, что тоже вносит определенные коррективы.

Простым решением в этой ситуации и первым шагом к формированию единой структуры наднационального обеспечения информационной безопасности стран БРИКС могло бы стать создание киберполиции БРИКС, поскольку преступления в сфере кибербезопасности давно криминализированы. По всей видимости, это и станет одной из задач формирования коллективной системы обеспечения информационной безопасности БРИКС в ближайшем будущем.

И. В. РУДИНА, доцент кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП: — *Андрей Викторович, Вы сказали, что в информационных войнах наиболее успешны Соединенные Штаты Америки. Приведите, пожалуйста, конкретные примеры. И есть ли успешно проведенные операции у России?*

А. В. МАНОЙЛО: — Примеров успешно проведенных Соединенными Штатами Америки информационных операций, к сожалению, довольно много. В качестве примера можно привести скандал с панамским офшорами, допинговый скандал со Всемирным антидопинговым агентством, пресловутое дело об отравлении Скрипалей, пражский инцидент, связанный со сносом памятника маршалу Коневу, развернутую оперативную комбинацию в Беларуси накануне выборов президента республики в 2020 году. Что касается операций России, то из практики конца 2020-х годов это операция с Диосдадо Кабельо в Венесуэле, оперативная игра с тогдашним советником по национальной безопасности президента США Робертом О'Брайеном, операция нашей военной разведки по компрометации одного из лидеров «Исламского государства»[1] на сирийском театре военных действий (скопировали снимки из его телефона и показали их высшему руководству — в результате этот деятель был ликвидирован).

Юлиана ДАНЧЕНКО, I курс, факультет конфликтологии: — *Андрей Викторович, скажите, пожалуйста, каким образом информационные войны могут повлиять на взаимоотношения между странами — членами БРИКС?*

А. В. МАНОЙЛО: — Информационные операции могут влиять на взаимоотношения между странами, входящими в БРИКС, поскольку они проводятся с целью обострения противоречий, которые существуют между членами БРИКС. Не всегда противоречия мешают сосуществовать этим странам и развиваться. Но при фокусировании внимания и нанесении соответствующих информационных ударов в одну точку противоречия можно искусственно раздуть, и они станут камнем преткновения в реализации общих направлений и проектов, между лидерами стран, входящих в БРИКС, могут возникнуть личные обиды. Существует большое количество болевых точек, надавив на которые можно развить подобного рода деструктивную деятельность.

Несмотря на то что члены БРИКС многое объединяет, руководство целого ряда стран, входящих в это объединение, по-разному смотрит на формирование многополярного мира и на то, каким он должен быть. И если нынешнее руководство Индии занимает проамериканскую позицию, то у Российской Федерации

[1] Признана в России террористической организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ.

и Китая есть определенные трения с США. Как синхронизировать эти позиции? Но в принципе страны могут уживаться вместе в рамках этого объединения на основе взаимного уважения.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Слово предоставляется профессору Надежде Гегамовне Багдасарьян.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Хотела бы высказать несколько соображений о сегодняшней дискуссии и выступлении Алексея Анатольевича по поводу заката Европы. В книге О. Шпенглера на русском языке 1923 года издания значительную часть занимает вступительная статья «Гибель Европы, или Торжество империализма» академика Коммунистической академии, профессора А. М. Деборина. Тогда ожидали мировую революцию, именно поэтому книга с таким знаковым названием, как «Закат Европы», была уместна. Деборин в своей вступительной статье объяснял, что происходит с Европой. Но прошло всего два года, и книга Шпенглера была помещена в спецхран и переиздана только в начале 1990-х годов.

Когда Шпенглер говорил о закате Европы, он имел в виду европейскую культуру, что вершины культуры уже остались позади, но это совершенно не означало, что Европа умирает. Он тогда не ставил так вопрос, о чем свидетельствуют другие работы Шпенглера. Речь идет о переходе культуры в цивилизацию, под которой он понимал развитие техники и технологий.

Сегодня понятие «цивилизация», с одной стороны, расширилось, а с другой — сузилось, когда речь идет о цивилизации России. Я призываю студентов относиться к этому понятию аккуратно и разбираться в каждом конкретном случае, когда вы сталкиваетесь с материалом, позициями, концепциями и т. д.

Теперь о прогнозах. Александр Сергеевич на пленарном заседании задал вопрос о том, что нас ждет. В связи с этим уместно привести классический кейс, который мы рассказываем социологам. В 1898 году в Нью-Йорке состоялась первая конференция по городскому планированию (аналогичная конференция была проведена и в Лондоне). Обсуждался в том числе вопрос о том, как должен жить город, заваленный конским навозом. Вместо запланированных десяти дней участники свернули работу после трех, заявив, что проблема конского навоза и вообще лошадей в городах неразрешима. Прогнозировалось, что к середине XX века город по колено окажется в конском навозе и с этим ничего нельзя сделать.

Почему не был дан простой прогноз? Существует эффект устаревания знаний. Это не означает, что не нужно делать прогнозы и думать о том, что будет происходить в мире и в России. Но для того, чтобы прогнозы имели под собой фундамент, необходимо овладеть методологией. Методология для современных студентов — ключевое слово.

Сегодня существует много серьезных проблем. В частности, демографическая — Россия вымирает. За последние 50 лет, по данным Всемирного банка, среднее число детей, рожденных женщинами в течение жизни, сократилось с 4,9 до 2,5. До промышленной революции женщины рожали много детей, которые начинали работать с 8–10 лет, — это был вопрос выживания семьи. Сегодня вопрос многодетности — большая проблема.

Другая проблема — линейный подход к определению глобальной расстановки сил, выделяющий этапы двухполюсного противостояния США и СССР и однополярного доминирования США, сегодня не работает. Мне кажется, что государственная политика, основной задачей которой в многополярном мире становится удержание статус-кво, баланса интересов, должна руководствоваться правом на культуру.

На пленарном заседании Елена Григорьевна Драпеко озвучила дилемму: что важнее — право на жизнь или защита Родины? На мой взгляд, такая постановка вопроса некорректна. В данном случае больше подходит вопрос Михаила Борисовича Пиотровского об отмене культуры и о том, как его сегодня можно интерпретировать.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — *Пожалуйста, приведите конкретные примеры успешного прогнозирования в современности. Второй вопрос: как, на Ваш взгляд, соотносятся при рассмотрении будущего такие понятия, как прогнозирование и программирование?*

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Прогнозирование и программирование — вещи разные. Программирование, даже имея в виду не компьютерное, сегодня все равно связано с моделями, математическим моделированием, искусственным интеллектом. Об идеологическом программировании я не говорю.

Сегодня без математического моделирования ничего не возможно программировать. Кстати, это тоже не панацея — конечно, мы применяем математические методы, но это не означает, что мы совершенно точно все спрогнозируем. К вопросу об удачном прогнозировании. Сбываются прогнозы Никиты Николаевича Моисеева, его работы 15–20-летней давности практически о сегодняшнем дне. Так что есть такие прогнозы, которые очень близки к реальности.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Добавлю, что в последние годы у нас в стране вышло несколько переизданий книги Освальда Шпенглера уже под другим, более точным названием: «Закат западного мира». В немецком оригинале у Шпенглера не Европа, а Запад или западный мир. Другое дело, что фаустовская культура у Шпенглера ассоциировалась с западноевропейской. А во втором томе он добавил — европейско-американская культура. Но он не предвидел, что США в ближайшем будущем превратятся в сверхдержаву и надолго подавят своей культурой, в том числе поп-культурой, те, о которых так пекся Шпенглер. И он же считал, что средняя продолжительность жизни культуры — это примерно тысяча лет. А фаустовская культура, по Шпенглеру, родилась на рубеже 1–2-го тысячелетий. Значит, в XIX веке она постепенно начала приходить в упадок, что в его понимании было не быстрым процессом и могло растянуться очень надолго. Культура окостеневала и перерождалась в цивилизацию, а цивилизации

могли тоже, по его мнению, жить сотни лет. Так что, если мы говорим сейчас о закате Европы, надо воспринимать это не буквально и примитивно. А если по Шпенглеру, то размышлять о том, что случится в следующие 100–200 лет, по крайней мере.

Приглашаем для выступления профессора Элеонору Владиленовну Баркову.

Э. В. БАРКОВА: — Тема сегодняшнего разговора — БРИКС-философия и ее место в формирующемся мире и российском культурном пространстве. Моим голосом сегодня будет говорить не только наш Плехановский университет — это и голос гуманитарно-культурного, гуманитарно-научного Донецка, где я возглавляю лабораторию экофилософских исследований и где мы пришли к выводу о необходимости перехода в понимании экофилософии от той модели, которая начиналась с исследований человек–общество, человек–природа, общество–природа, к концентрации на экофилософии человека и культуры. Только совестливый, ответственный, сохраняющий самосознание человек будет в состоянии в перспективе защитить природу и Землю.

Поэтому моя первая мысль связана с тем, что вихрь нового исторического времени, который столь стремительно ворвался в нашу жизнь, трансформировал не только наше индивидуальное мышление, систему ценностных ориентиров, локальных направлений в культуре, но и нечто большее, обозначив пределы жизнеспособности цивилизации и культуры, в которой мы проживали много столетий, и соответствующего мышления и типа аналитики. Много говорилось о том, что сегодня нас не может не волновать, каким будет завтрашний день. Но едва ли кто-нибудь скажет это со всей определенностью с учетом того, что мы живем не столько в пространственном, сколько во временном континууме, то есть в процессе становления. И в этом смысле, конечно, о каких бы то ни было окончательных прогнозах не может быть и речи, вряд ли кто-нибудь возьмет на себя такую смелость. Тем не менее необходимо преодолеть в себе крайности релятивизма, размытости представлений об истине и ее отсутствии, добре и зле, ответственности и безответственности, красоте и уродстве и разрабатывать те модели, которые, вероятно, понадобятся не сегодня, а может быть, и не завтра, а послезавтра. Восстановить статус связи субъективного с объективными началами современного мира — мне это представляется важным.

Для того чтобы строить наши коммуникации, выстраивать перспективные отношения, нам сегодня необходимо очень многое перечитать. Думаю, что основой здесь должен быть гуманизм Дмитрия Сергеевича Лихачева, великих традиций отечественной и европейской культуры. Сегодня я бы во все гуманитарные программы ввела «Западно-восточный диван» Иоганна Вольфганга Гёте, в котором осуществлен первый реальный синтез Запада и Востока. Такие тексты есть, и не только в европейской традиции. Нужны новые приоритеты в системе гуманитарного образования. Другие важные тексты — те, которые выполняют жизнезащищающую функцию, показывают потенциал совершенствования человека. Человек не обязательно переходит в неочеловека, постчеловека, техночеловека, как об этом как о безальтернативности говорится в ряде философских направлений. Наука показывает другие возможности, которые еще сохраняются. И мне думается, что от нашей сегодняшней позиции зависит развитие человека в его всеобщности как часть эволюции нашей планеты и универсума. Для этого требуется мышление, которое базируется на открытой целостности как категории, но не системности, это другая логика. Поэтому человек-мир — очень важная исходная посылка для построения БРИКС-философии, традиционное философское пространство, где мир — это бытие, все сущее. Пространство связей — сегодня это пространство универсальных связей, представление о том, что типов связей может быть бесконечно много, они не ограничены только теми непосредственными коммуникациями, которые уже сложились и не могут быть изменены. И чрезвычайно важна работа с философской категорией универсальной связи человека с природой, космосом, культурой и прежде всего с самим собой.

Здесь уже шла речь о европоцентризме и о том, нужно ли его преодолевать. Я думаю, что формируется некий новый философский глобус, философско-образовательная культура мира. И проработка связей не только со странами БРИКС уже не роскошь, а необходимость, мы должны включать в свой актив самые разные категории содержания, понятия, образы, символы и аллегории, которые должны быть заново интерпретированы в аспекте новой философии. Именно поэтому я бы хотела сказать, что БРИКС-философия сегодня необходима как симптом нового мира. Это и основа взаимного интереса, и условия нашего информационного обмена, когда наше знакомство с разными культурами зачастую происходило исключительно в свете массовой культуры. Здесь же речь идет о возможности появления новых контактов на основе познания фундаментальных традиций.

Философия, продолжающая традиции, — это философия русского космизма, в соответствии с которой наша мысль — дело планетарного масштаба. С этой точки зрения мы развиваем и образ полета, восходящий к Александру Васильевичу Сухово-Кобылину. Все помнят этого драматурга по комедии «Свадьба Кречинского», но едва ли многие знают о том, что это тот философ, который 40 лет переводил Гегеля, человек, создавший «Учение Всемира» — гениальное учение, которое положено в основу деятельности Русского космического общества. Поэтому Россия здесь может дать очень многое, включая и хорошо знакомые вам идеи экологии культуры Д. С. Лихачева, в которой важная сторона, а не просто один из разделов, — это философское осмысление человеком самого себя и своего родного мира: наша культура осмысляет экодом, наш сакральный дом, то есть Землю.

Что касается других стран, то там тоже есть немало интересного, скажем, в Бразилии, оказывается, активно развивается экофилософия. Культурологи знают, что историко-персонологический подход сформировала Светлана Николаевна Иконникова в Петербургском университете культуры. Мы взяли его за основу и ра-

ботаем с ним, поэтому с этой точки зрения Бразилия оказалась чрезвычайно интересным пространством, фактически не освоенным. Что касается Индии, то знакомство с традициями и мыслью Рабиндраната Тагора приводит к важному открытию — думать, что человечество может потерпеть нежелательное поражение, преступно, поэтому необходимо выстраивать мышление в соответствии с иными векторами. Если же говорить о Китае, то это целый мир. Здесь есть огромные традиции в изучении связи и компаративистике. Меня приятно удивила одна из книг — фундаментальное исследование «Спасите человечество» китайского мыслителя Ху Цзяци. Поэтому самые разные контакты и введение в наш научный аппарат китайских идей и образов представляются важными и продуктивными, не говоря уже о южноафриканских. Южно-Африканская Республика — родина такого философского направления, как холизм. Сто лет назад южноафриканский философ Ян Смэтс написал замечательный труд «Холизм и эволюция». По-моему, это единственный из классических трудов, который до сих пор не переведен на русский язык, поэтому мы читаем его на английском. Там огромное количество интересных образов и мыслей.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Разрешите предоставить слово профессору Андрею Валерьевичу Скоробогатову.

А. В. СКОРОБОГАТОВ: — В конце февраля была принята Стратегия национального научно-технологического развития России, в которой содержится очень важный в контексте нашей конференции момент. Впервые появляется не просто определение, а именно легальная дефиниция конструкции «большие вызовы»: «Большие вызовы — объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения объема используемых ресурсов». Конечно, данное определение было дано в первую очередь с технологической точки зрения. Однако, на мой взгляд, это можно трактовать и в ценностном контексте. И в этом плане наша конференция как раз может рассматриваться как одно из средств преодоления этих больших вызовов.

На пленарном заседании очень много говорилось об идентичности России, в том числе поднимался вопрос, можно ли считать Россию евразийской страной или европейской? В то же время не был отмечен интересный момент — с тем, что исторически Россия формировалась как мир-цивилизация, спорить никто не будет, а вот то, что она складывалась как цивилизация пограничная, причем не столько пространственно, сколько культурно, необходимо представлять себе более четко. И Россия исторически впитывала как восточные, так и западные ценности и технологические инновации. Но при этом даже в периоды масштабных заимствований, наподобие эпохи Петра I, речь не шла непосредственно об аккультурации или трансфере. Речь шла в лучшем случае о рецепции. Поэтому то, что заимствовалось, адаптировалось к русской почве, и изначально был курс на создание собственного конгломерата со своей культурной или цивилизационной парадигмой, во главе которой находятся два очень значимых момента — соборность и этатизм. При этом отношения государства и общества находились в определенном единстве. На мой взгляд, наиболее успешное осознание такого единства воплощено в знаменитой триаде графа Сергея Семеновича Уварова, которую принято называть теорией официальной народности: «Православие, самодержавие, народность». Если мы попытаемся заменить понятия, которые использовал Уваров, аналогичными ценностными компонентами, то получится, что самодержавие — это государство, то, что соответствует этатизму, православие — идеология, народность — общество. То есть единство общества и государства на общей системе ценностей. И это то, что, и по мнению Уварова, и по моему, спасало Россию от значительных потрясений, а как раз в тех условиях, когда это единство нарушалось, происходили революционные потрясения, и сейчас мы вновь возвращаемся к нему.

Собственно, вот те конституционные изменения, которые произошли в 2020 году. Я не считаю, что 2020 год следует рассматривать как время конституционной реформы — это ее начало, а ее завершением, по сути, должно стать создание единой идеологии. Сейчас предпринимается попытка этого, особенно с учетом Стратегии национальной безопасности и Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Безусловно, в этих документах, как и в самом тексте Конституции, провозглашен очень важный ценностный момент, а именно обращение к истории, прошлому, исторической правде. И если мы говорим о формировании России как цивилизации, то именно этот ретроспективный компонент очень значим: преемственность ценностей и предыдущих поколений, воспроизведение того социального опыта, который был характерен для предков, в России традиционно являются одними из очень важных элементов развития.

При этом мы вполне можем говорить о том, что России свойственно развитие с учетом постоянного реформаторства. Однако это нельзя рассматривать как исключительно негативное явление, потому что реформаторство ведет к совершенствованию, и не только технологическому, но и ценностному. И в этом смысле обращение к опыту предков позволяет по-иному взглянуть на этот ценностный компонент и активно использовать его для продвижения, в том числе и политических, и правовых реформ. Мнемонический дискурс, о котором я говорил в своем докладе, следует рассматривать с точки зрения обращения к памяти. В России и в XVII–XIX веках, а тем более в XX и XXI многонациональная общность российский народ — это не просто некая словесная конструкция, а действительно ценностное явление, предполагающее единство — единство ценностей, и в частности обращение к прошлому.

Иногда пытаются рассуждать об исторической идентичности. На мой взгляд, историческая идентичность, если признавать ее существование, скорее явля-

ется частью конституционной, которая создается в том числе и историческими средствами, например исторической политикой, которая и будет составлять основной пласт мнемонического дискурса в его текстовом выражении. Текст я здесь понимаю не только вербально, но и символически, включая в мнемонический дискурс не только законодательство, но и практики, скажем, «Бессмертный полк». Но поскольку я все-таки юрист, для меня наиболее важным компонентом дискурса является законодательство — так называемое мемориальное законодательство, которое можно рассматривать в качестве важнейшего элемента исторической политики. Под исторической политикой можно понимать набор юридических практик, посредством которых государство стремится утвердить определенные интерпретации событий прошлого как наиболее аутентичные историческим реалиям и транслировать их как мнемонический дискурс.

Если говорить о роли мемориального законодательства в исторической политике, то можно отметить ряд функций, которые хорошо раскрывают его содержание. Во-первых, символическая функция, которая выражается в придании значимости определенным событиям, имеющим, по мнению государства, значение для консолидации социума. В этом плане наиболее важным нормативным актом является Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России», в котором обозначены те даты, имена и события, которые являются знаковыми и при этом оформляют тысячелетнюю историю России и преемственность российской государственности на протяжении этого периода. Вторая функция — интерпретативная, третья — идентификационная. Все это, собственно, политические функции. И три функции юридические — это охранительная, связанная с защитой исторической памяти, регулятивная, направленная на регламентацию определенных событий, и воспитательная, предусматривающая трансляцию исторической информации в процессе правовой социализации с целью формирования ценностных ориентаций подрастающего поколения.

Антон ТУМАНОВСКИЙ, IV курс, факультет конфликтологии: — *В ходе своего доклада Вы отметили необходимость создания идеологии. Но сейчас у нас присутствует плюрализм мнений. Как Вы думаете, при создании идеологии мы должны интегрировать какие-то отличающиеся мнения или отсекать?*

А. В. СКОРОБОГАТОВ: — Когда мы говорим об идеологии, это не значит единая идеология, это значит официальная идеология, а это немного другое. Официальная идеология — это, с одной стороны, определенный компромисс, а с другой — то, что носит ценностный характер и что, говоря немного высокопарно, выстрадано исторически. В то же время если мы говорим о значении идеологии, то без полноценной идеологии провести правовую реформу, которая обеспечила бы эффективное функционирование общества, не получится. У нас изменение законодательства шло с 1993 года, 30 лет, и мы не завершили полноценную реформу. В то же время, если мы возьмем модификации 2022–2024 годов, которые основывались на идеологии, то были приняты не противоречащие друг другу кодексы и правовая реформа была осуществлена. Аналогичный опыт был при систематизации Михаила Михайловича Сперанского, когда в основу тоже была положена именно идеологическая компонента. То есть сейчас мы разрабатываем полноценную идеологию, которая найдет отражение не в имеющейся, а в новой Конституции. Потом, соответственно, мы сможем говорить о разработке единой концепции правовой реформы, а затем уже об изменениях в правовой сфере и создании общества, в котором правопорядок будет основываться не на принуждении, а на внутреннем убеждении каждого человека, что исполнение закона является необходимым условием его существования и реализации не только его социальных, но и индивидуальных ценностей. И соблюдение правопорядка будет добровольным на уровне социально активного правомерного поведения.

Виктория ГЛУХОВА, I курс, факультет конфликтологии: — *Вы говорили о том, что нужно создать специальную идеологию, но при этом у нас многонациональная страна. Разве это не приведет к национальным и религиозным конфликтам?*

А. В. СКОРОБОГАТОВ: — Я приведу только одну ценность, которая объединяет все наши народы. Патриотизм — вот на этой базе вполне можно говорить о формировании единой идеологии.

А. Р. КЕТОВ, доцент кафедры конфликтологии СПбГУП: — *Когда будет создана идеология в России?*

А. В. СКОРОБОГАТОВ: — Конечно, точную дату я вам не назову, но тот курс, который взят с изменениями в Конституции, позволяет говорить, что мы движемся в этом направлении. Вопрос в том, решатся ли наши президент и Государственная Дума на принятие новой Конституции или нет. Потому что в рамках действующей Конституции, к сожалению, это невозможно.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Разрешите предоставить слово профессору Руслану Васильевичу Костюку.

Р. В. КОСТЮК: — Коль скоро наша секция акцентирует внимание на вопросах, связанных с перспективами для России, я решил выступить на тему «Латиноамериканский вектор, возможности для России». Весьма значительными в современной системе международных отношений представляются место и влияние Латинской Америки, поскольку речь идет о регионе, где проживает порядка 660 млн человек.

Когда мы говорим о Латинской Америке, необходимо понимать, насколько непростой этот регион. Даже в трех ведущих странах — Бразилии, Мексике и Аргентине — идет острая внутриполитическая, даже классовая борьба, в том числе и по вопросам внешней политики. При этом в Концепции внешней политики России говорится об укреплении дружбы

и взаимовыгодных отношений конкретно с такими странами, как Бразилия, Куба, Никарагуа и Венесуэла. Имеют место довольно теплые отношения с Венесуэлой. Можно сказать и о российско-кубинских отношениях, происходит важное взаимодействие с Бразилией, в том числе в рамках БРИКС. При этом мы действительно можем говорить о серьезных и разнообразных перспективах для России применительно к Латинской Америке, учитывая тот факт, что подавляющее большинство латиноамериканских стран, в том числе ведущие государства, и в первую очередь Бразилия и Мексика, выступают за позиции многосторонности и мультилатерализма в системе международных отношений. Этот фактор представляется крайне важным. И реальная политика, которую проводит бóльшая часть латиноамериканских стран, вполне соотносится с приверженностью идеям мультилатерализма. Абсолютное большинство латиноамериканских стран выступают за реальные изменения в системе международных отношений. Если говорить о конкретных проявлениях этого латиноамериканского вектора, то это давние военно-технические связи, которые продолжаются и генерируются и на этом этапе, в частности российско-венесуэльские. Причем я бы привел в пример не только эти условно радикальные левые страны — военно-техническое сотрудничество осуществляется и с такими государствами, как Эквадор и Бразилия, соответственно латиноамериканский рынок важен для России.

Теперь о вопросах, связанных с торговлей. Хотелось бы поднять имеющийся уровень внешнеэкономического сотрудничества. Но реально на Латинскую Америку сегодня приходится примерно 2–3 % внешней торговли Российской Федерации. У нас есть очень серьезные конкуренты в этом регионе, в отношениях с ними та роль, которую во внешнеэкономическом плане играют Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика, огромна.

В заключение хочу сказать о многомерном значении региона Латинской Америки и Карибского бассейна для России — оно и геополитическое, и стратегическое, и внешнеполитическое. И, конечно, необходимо сохранять и укреплять существующие гуманитарные и торгово-экономические связи.

А. ТУМАНОВСКИЙ: — *Недавно в Аргентине на президентских выборах победила такая эксцентричная особа, как Хавьер Милей. И по крайней мере на уровне риторики это политик с прозападным курсом. Как Вы считаете, это обращение Латинской Америки к США — исключение из правил в случае Хавьера Милея или какой-то общий тренд?*

Р. В. КОСТЮК: — Я с вами соглашусь в определении, которое вы дали Милею. Это как раз и показывает, что там внутриполитическая повестка соседствует с внешнеполитической. Мне кажется, и выборы, которые не так давно состоялись в Эквадоре, где тоже победила правоцентристская коалиция, показывают, что какого-то однородного движения в Латинской Америке в ту или иную сторону не существует. Действительно, на сегодняшний момент в континентальной Южной Америке большинство стран управляются левыми или левоцентристскими силами. Но тренд зависит от страны. Действительно, в большей степени те президенты, которые придерживаются правой, правоцентристской ориентации, как, например, в Аргентине, готовы продолжать взаимодействие с Соединенными Штатами Америки, хотя можно сказать о том, что эти фигуры несколько смущают Америку. Можно вспомнить, например, о не очень простых взаимоотношениях, которые складывались у США с Бразилией при Жаире Болсонару, который придерживался крайне правых взглядов. То есть здесь внутренняя и внешняя политика коррелируют.

А. В. СКОРОБОГАТОВ: — *Как Вы думаете, насколько можно использовать в России опыт латиноамериканских стран, касающийся взаимоотношений общества и государства, в частности применения обычного права для общинного судопроизводства и закрепления этих вопросов на уровне Конституции?*

Р. В. КОСТЮК: — Я специально этим вопросом не занимался, но мне кажется, что элементы общинного права в разных странах, особенно в Центральной и Южной Америке, действительно присутствуют. Это связано с южноамериканскими мультикультурными обществами, где в последние десятилетия расширилось традиционное правоприменение, скажем, у коренных индейских народов, например в Боливии и Перу. Хотя, как мне представляется, в самих этих странах, их общественно политическом движении нет единой точки зрения по тем преобразованиям, которые были сделаны.

Елизавета АКУБАКОВА, I курс, факультет конфликтологии: — *Можно ли утверждать, что у Латинской Америки есть шанс перейти из статуса основного партнера России в статус потенциального друга?*

Р. В. КОСТЮК: — В целом говорить о Латинской Америке сложно, потому что, как я уже сказал, есть разнонаправленные страны с точки зрения их внешней политики. Например, у таких государств, как Парагвай, я думаю, вряд ли, а некоторые страны уже рассматриваются как таковые. Возьмем Венесуэлу и Кубу, о которых я уже говорил. Просто надо понимать, что единой внешней политики у латиноамериканских государств не существует. И может быть, это связано с тем, что интеграционные процессы последние 10–15 лет там пробуксовывают, а некоторые объединения, по сути, распались и существуют только на бумаге. Но тем не менее в отношении многих стран ваш вопрос закономерен и такой шанс есть.

Юлианна РАДЧЕНКО, I курс, факультет конфликтологии: — *Как Вы считаете, какая страна латиноамериканского региона является наиболее перспективной для России в контексте межкультурной коммуникации?*

Р. В. КОСТЮК: — Наверное, Бразилия и Мексика — это ведущие страны с экономической точки зрения, и с очень богатой историей, в том числе историей культуры. И, кстати говоря, тоже страны, где общество в значительной степени мультикультурное, к тому же федеративные государства. То есть тут у нас много общего. И эти государства, по крайней мере, по-своему реальному геополитическому весу, претендуют на то, чтобы Россия развивала с ними взаимовыгодные и равноправные отношения, в которых межкультурное измерение играет не последнюю роль.

Варвара НИКИТИНА, I курс, факультет конфликтологии: — *В чем именно заключается значение для России товарно-денежных отношений с Латинской Америкой?*

Р. В. КОСТЮК: — Дело в том, что это очень отдаленные регионы, и логистически товарообмен именно Российской Федерации с латиноамериканскими странами — это сложное и затратное дело. Хотя, например, Китай ведь находится тоже не очень близко к Латинской Америке, но тем не менее сумел превратиться для многих стран, в том числе ведущих, таких как Бразилия и другие, в главного внешнеторгового партнера. То есть Латинская Америка не особенно нуждается в российском энергетическом сырье, потому что там есть Венесуэла и другие страны. Вопрос в том, что мы можем предложить латиноамериканским странам? Здесь, наверное, следует использовать опыт СССР, который в 1970–1980-е годы выстраивал взаимовыгодные экономические отношения. Потом была определенная пауза, а когда мы ушли, пришли другие и заняли эти позиции. Поэтому сегодня в плане внешнеторговых отношений приходится наверстывать упущенное. А это сложно, потому что другие страны никуда уходить не собираются.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Действительно, если считать не по номиналу, а по паритету покупательной способности, то доля России в мировом ВВП не превышает 3 %, а доля Китая приближается к 20 %. Размер экономики оказывает воздействие на степень влияния и всю внешнюю политику Китая. Мы же пытаемся не только нарастить наше политическое, военное, геополитическое присутствие в мире, но и в торговом плане стать интересными для разных стран, в том числе расположенных в Западном полушарии.

Объединение БРИКС+ сегодня включает 10 стран: в 2024 году полноправными членами БРИКС стали Иран, Саудовская Аравия, Египет, Эфиопия и ОАЭ. И присоединилась бы Аргентина, если бы ее президент в конце декабря прошлого года не отозвал заявку страны на вступление. Позиция Эр Рияда, в общем, ясна — принципиальное решение о вступлении принято, представители Саудовской Аравии уже работают в различных структурах БРИКС. Еще несколько стран изъявили желание вступить в объединение, среди стран-наблюдателей такие крупные государства, как Алжир, Пакистан, Бангладеш, Венесуэла. Так что БРИКС+ динамично развивается, и уже встает вопрос о том, как балансировать между количественным и качественным развитием этого клуба. Но это отдельная большая тема.

Приглашаю к микрофону Дарью Александровну Ананьину.

Д. А. АНАНЬИНА: — Уважаемые коллеги! Сибирь и Дальний Восток сегодня — это регионы, на территории которых в первую очередь осуществляется внешнеполитическая переориентация России на Восток, они фактически становятся центром поворота на Восток.

Забайкалье исторически было территорией транзита различных культур, что делало проницаемыми и довольно зыбкими границы между этими культурами, а в регионе формировало специфическую социокультурную реальность. Отношение населения к своему краю несколько противоречиво: с одной стороны, мы его любим, гордимся его красотой и культурой, с другой — испытываем некоторую обиду за его «ссыльное» прошлое и «периферийное» настоящее.

Ближайшие к нам страны — Монголия и Китай. Монголия во многом находится «в тени» своего соседа-гиганта, поэтому жители Забайкалья направляют свое внимание преимущественно на Китай: среди фирм-экспортеров, сотрудничающих с этими странами, на Монголию приходится менее 10 %.

Отношение к Китаю в последние десятилетия претерпело значительные изменения — от настороженности из-за непонятной культуры и памяти о политических разногласиях до заимствования некоторых культурных особенностей на индивидуальном уровне и предприимчивого взаимодействия в бизнесе. Здесь все помнят, как в 1990-х годах развивалась челночная торговля, благодаря которой был преодолен дефицит потребительских товаров. Тогда погранпереход Забайкальск–Маньчжурия стал настоящей «дорогой жизни» и для самих челноков, и для тех, кто покупал привезенные ими вещи. Этот бизнес успешно функционировал вплоть до пандемии COVID-19, но теперь, вероятно, уйдет в прошлое, так как в этом году введены ограничения на объем ввозимого багажа.

Вчера Константин Федорович Затулин в своем выступлении сказал, что Россия является частью европейской цивилизации. Так ли это? У меня монгольские корни, я жила сначала в Якутии, затем в Забайкальском крае… Наверное, я все же в большей степени азиатский человек; скорее всего, и по ментальности тоже. А что насчет моих земляков? Один пример. Для среднестатистического жителя Забайкальска, например, обычное дело — пойти на Пасху в православный храм освятить куличи и отстоять пасхальное богослужение. А через несколько дней пойти в буддистский дацан и заказать там астрологический прогноз или выполнить определенный обряд перед важным событием. В этом нет никакого противоречия, никакого конфликта.

В общем, я хочу подвести итог: в Забайкальском крае мы имеем интеграцию и толерантность культур, взаимопонимание и дружественную атмосферу. У нас культуры не конкурируют между собой, а живут и развиваются в мире и согласии.

Алина КУЛАЕВА, I курс, факультет конфликтологии: — *Часто приходится слышать, что в России сочетаются европейская и азиатская культуры. Преобладает ли в Забайкальском крае влияние азиатской культуры?*

Д. А. АНАНЬИНА: — Мы с коллегой Чжао Хун, с которой вместе приехали сюда, обсуждали этот вопрос. В нашем регионе нет такого, чтобы одна культура вытесняла другую, — напротив, происходит их гармоничная интеграция. С одной стороны, мы придерживаемся православных канонов, читаем книги европейских авторов и т. д. Однако ориентация на Восток заложена в глубине нашей ментальности, потому что мы родились на этой территории, общаемся с коренными народами — бурятами, монголами, регулярно взаимодействуем с китайцами. Здесь нет никаких противоречий. На мой взгляд, это уникальная черта Забайкалья.

А. ТУМАНОВСКИЙ: — Представляет ли собой угрозу экономическая экспансия Китая? И должно ли государство принимать протекционистские меры?

Д. А. АНАНЬИНА: — Действительно, вопрос экономической экспансии Китая сегодня чрезвычайно актуален. Поскольку экономика Забайкальского края основана на освоении природных ресурсов и очень слабо диверсифицирована, политика Китая представляет собой определенную угрозу. Но проблема заключается не в китайцах, а в нас. Необходимо принимать срочные и важные решения, чтобы создать плацдарм для перелома этой ситуации.

Негативный тренд, который мы наблюдаем сейчас, — наследие 1990-х годов. Если мы не начнем немедленно работать над тем, чтобы началась диверсификация экономики региона, чтобы цепочки добавленной стоимости создавались именно на территории Забайкалья, то Китай, конечно, этим воспользуется.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — *Скажите, пожалуйста, можно ли говорить не только об экономической, но и о демографической экспансии Китая в Ваш регион?*

Д. А. АНАНЬИНА: — В 2010-е годы об этом много говорили, сейчас меньше. Не так давно мы с коллегами выполнили небольшое исследование по результатам переписи населения в Китае, проведенной в 2020 году. Оказывается, демографический тренд там такой же, как и у нас и еще во многих странах: на северо-востоке и северо-западе страны отмечается снижение плотности населения, довольно обширные площади уже обезлюдели. Поскольку в Китае ощутимо выросло благосостояние, люди могут себе позволить выбирать место жительства, и они мигрируют в те регионы, которые представляются им более комфортными для жизни. В частности, население автономного района Внутренняя Монголия с 2010 года сократилось на несколько сотен тысяч человек. В китайском дискурсе есть теория «линия Ху». Это условная линия между городами Хэйхэ (на северо-востоке) и Тэнчун, делящая страну на две неравные части. К западу от этой линии, на 56 % территории Китая, проживает всего 6 % населения, остальные 94 % — восточнее. То есть регионы Китая развиваются неравномерно, а граждане стремятся переехать не в северную часть страны, а в центр и на юго-восток. Поэтому мы не видим оснований тревожиться о том, что будет демографическая экспансия. Даже в Забайкалье, где в 2010-е годы трудилось очень много мигрантов из Китая, сейчас их не встретишь. Те китайцы, которые все же приезжают, не работают на стройках, а учатся в аспирантуре наших вузов или (реже) занимаются бизнесом. А основную часть трудовых мигрантов составляют граждане стран Центральной Азии. В общей численности населения региона их довольно много, что заметно отражается на социокультурной карте Забайкалья. В общем, говорить о китайской экспансии, по-моему, нет оснований.

Екатерина ЧУДАЙКИНА, I курс, факультет конфликтологии: — *Мы все отмечаем положительные тенденции сотрудничества России и Китая в разных областях, прежде всего в экономике и торговле. Однако наблюдаются и негативные эффекты, например закрытие магазинов из-за высокой инфляции и падения спроса. Можно ли сделать вывод, что наши страны стали слишком зависимы друг от друга?*

Д. А. АНАНЬИНА: — На мой взгляд, наоборот: укрепление сотрудничества в разных сферах — экономике, культуре, образовании — это способ выживания и для России, и для Китая. Мы не можем не ориентироваться на восточных соседей, так как территория нашей страны весьма обширна, и развитие в регионах, отдаленных от центра, должно происходить с учетом географических и природных характеристик. Я бы не стала употреблять термин «созависимость» — по-моему, это в большей степени взаимовыгодное сотрудничество.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Разворот на Восток — это не лозунг, а стратегия. К сожалению, нам пока не удается переломить такую негативную тенденцию, как внутренняя миграция населения с востока на запад. Поэтому здесь впереди большая работа. Подавляющее большинство россиян проживает в европейской части страны, а многие из тех, кто продолжает жить в Сибири и на Дальнем Востоке, хотели бы переехать на территорию западнее Урала. В этом заключается настоящий вызов. Полноценный разворот на Восток будет невозможен, если мы не решим ряд вопросов внутри страны.

Начиная с петровских времен вся политика России была ориентирована на Запад, но сейчас мы стараемся сделать ее многовекторной, выстроить новые отношения со странами в разных частях света. А у Китая была и, наверное, сохраняется направленность на юг, и поэтому южная часть страны — наиболее развитая и с точки зрения экономики, и в военно-политическом плане. Ведь именно в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях чаще всего возникает напряженность и конфликты. Поэтому Россия и Китай вполне обоснованно рассуждают о стратегическом партнерстве. Это не налагает на них военно-политических обязательств,

тем более что главные очаги геополитического напряжения для России и Китая отстоят друг от друга на многие тысячи километров.

Предоставляю слово сотруднику Института Африки РАН Елене Владимировне Харитоновой.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Мои научные интересы уже много лет связаны с Африкой, поэтому и тезисы будут касаться истории и сегодняшнего дня этого континента. Африку можно рассматривать как своеобразное зеркало, в котором отражаются все события, так или иначе имеющие отношение к БРИКС.

Вчера многие коллеги говорили о том, что человек в современном мире лишился привычной системы координат, и в этом заключается глубинная причина многих конфликтов и других проблем на разных уровнях. В Африке же, напротив, человек является неотъемлемой интегрированной частью философии и политики. Например, этика убунту тесно переплетается с тем, о чем вчера говорил представитель Международного фонда Вивекананды, — что весь мир — это большая семья, причем под словом «мир» понимается не только человечество, но и вся живая природа.

В 2024 году отмечается круглая дата со дня вступления в должность президента ЮАР Нельсона Манделы — лауреата Нобелевской премии мира. Он сумел (правда, лишь на определенный период) сохранить мир в стране, когда в ней существовала колоссальная угроза гражданской войны. Буквально на пороге был реванш со стороны чернокожего населения, которое долгое время жило в условиях апартеида, и этот реванш мог взорвать страну. Но Мандела использовал методы, основанные на философии убунту: он создал комиссии истины и примирения, которые сделали возможным примирение. Его союзником в этом деле стал Фредерик Виллем де Клерк, тоже нобелевский лауреат, и они вместе удержали страну от всплеска криминала и гражданской войны. Правда, позднее многое пошло не так, как планировалось. Реванш все-таки состоялся в виде «расизма по-черному», а репрессиям подверглось белое население — буры. И буры обращались к россиянам с просьбой о помощи: они хотели каким-то образом организовать на территории Южной Африки самостоятельное южно-бурское государство.

В 2024 году мы отмечаем также скорбную дату — 30-летие геноцида в Руанде. Страшное событие, когда при попустительстве ООН было истреблено около миллиона человек. Для разбирательства был создан международный трибунал, но эти трагические события долгое время даже не объявляли геноцидом, а сам трибунал при обычной скорости рассмотрения дел должен был растянуться на сотни лет. Естественным желанием пострадавших было отомстить. Но в Руанде существуют традиционные народные суды гачача («гачача» в переводе с языка киньяруанда означает «лужайка»), и они спасли положение. В случае признания человека виновным предусматривалось наказание в виде большого срока лишения свободы. Главное, что должны были сделать обвиняемые, — покаяться. Раскаяние было и основным требованием в ЮАР, когда при Манделе работали комиссии истины и примирения. В Руанде тутси и хуту предстояло жить все на тех же холмах, где и прежде, поэтому было необходимо преодолеть агрессивные порывы. Международные правозащитные организации выступали против судов гачача. Тем не менее положение удалось урегулировать, и сейчас Руанда входит число быстро развивающихся стран и с точки зрения экономики, и в плане преодоления криминальной обстановки.

Россия активно наращивает сотрудничество со странами Африки по разным направлениям — экономическому, политическому, культурному. Состоялось уже два саммита. Но я проводила эмпирические исследования с помощью перекрестных опросов, в том числе выясняла мнение представителей российского и местного бизнеса о том, какова должна быть форма их социальной ответственности. И оказалось, что российские бизнесмены придерживаются прагматической англосаксонской модели: не стремятся к долгосрочному сотрудничеству, а хотят получить быструю выгоду. Последний опрос состоялся в 2018 году, но я слабо верю, что с тех пор их стратегии изменились.

Однако африканцы верят в то, что Россия несет в мир справедливость, и к тому же мы декларируем определенные общественные ценности, в том числе социальную ориентацию государства. В то же время наш бизнес нередко действует по капиталистическим правилам. А мы знаем, что присутствие западных капстран в Африке традиционно включало такие понятия, как метрополия, периферия, колония. Под такую политику была подведена идеологическая база в виде концепций Мальтуса и Дарвина. Самый известный труд Дарвина в русском переводе называется «Происхождение видов», но оригинальное название было другим: «Происхождение видов путем естественного отбора и сохранения благоприятных рас в борьбе за жизнь». То есть в ней представлена идеология фактически одного из полюсов мира, который просуществовал до 1990-х годов. И это расистская, колониальная идеология. Нам надо выстраивать отношения на другой ценностной основе — и со странами Африки, и в рамках БРИКС. На какой? Надо об этом думать, формировать работающую стратегию.

Несколько слов о статусе Алжира относительно БРИКС. Сейчас Алжир является наблюдателем, но раньше он подавал заявку и получил отказ, так как Индия использовала свое право вето и заблокировала вступление Алжира в БРИКС. Этому предшествовали два события. Первое — военный переворот в Нигере, где фактически к власти пришел генерал Тчиани. Он первым же своим указом поднял цены на золото и уран и тем самым фактически остановил торговлю с Францией, где практически вся энергетика базируется на урановом топливе. Различные страны, в том числе Африканского союза, повели себя по-разному; Экономический союз Западной Африки даже хотел осуществить военную интервенцию в Нигер. Но Алжир поддержал генерала Тчиани — это было первое событие. Вторым событием стал визит Моди во Францию. В результате Алжир не стал членом БРИКС. Этот пример наглядно демонстрирует, что мир един, в нем все взаимосвязано. Это мир-система.

Сегодня в мире фактически ведется гибридная война. В выступлении Андрея Викторовича Манойло прозвучал термин «информационные войны». Мне хотелось бы немного структурировать эти моменты. В информационную эпоху война ведется на нескольких уровнях.

Первый уровень — мировоззренческий, в который входят: идеология, картина мира, факты истории; образы прошлого, героев, побед, гордость народа за те или иные события отечественной истории; лидеры и язык. Мы видим, что война ведется в том числе как воздействие на ключевые смысловые точки. Например, происходит дискредитация побед, в том числе России, дискредитация лидеров. В Африке мощные пропагандистские машины работали на дискредитацию Мугабе и Каддафи, а сейчас и российских лидеров буквально демонизируют. Запрет русского языка — казалось бы, ничего страшного, пусть говорят как хотят. Но это воздействует на менталитет, это другая система ценностей.

Второй уровень — финансово-экономический, то есть воздействие на ключевые возможности того или иного государства. Это санкции, контроль над центрами эмиссии валюты и т. п. Почему, например, Каддафи хотел ввести золотой динар и отказаться от американского доллара? А сегодня Альянс государств Сахеля, в который входят Мали, Буркина-Фасо и Нигер, собирается ввести свою валюту, тоже отстраиваясь от долларовой системы. В связи с этим следует ожидать очень мощного противодействия. Чем сильнее лидер, а значит, и его страна, тем больше будет противодействие.

Следующий уровень — технологический и военный. Мы совершаем большую ошибку, обращая внимание на войну лишь тогда, когда она перешла в горячую фазу, и не замечая предыдущих этапов. А между тем война на концептуальном уровне — это тоже война.

Когда воздействие на ту или иную страну осуществляется на всех трех уровнях, то это война. Если же у нас по внутреннему контуру проработаны эти три уровня, значит, мы работаем со своими рисками, нейтрализуем их и можем говорить об укреплении системы и повышении собственной конкурентоспособности. И если мы рассматриваем построение многополярного мирового порядка как проект, то должны думать не только о «Сарматах», но и в первую очередь — о концептуальном мировоззренческом уровне. На мой взгляд, эта составляющая у нас отстает.

Денис ГЛАДЫШЕВ, I курс, факультет конфликтологии: — *Вы упомянули о военном перевороте в Нигере. А мы знаем, что Африканский континент вообще считается рекордсменом по количеству революций. Как Вы полагаете, возможно ли построение прочных стабильных политических и экономических отношений между Российской Федерацией и большинством африканских государств?*

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Можно назвать это переворотом, а можно — антиколониальной борьбой. Сами африканцы рассматривают события в Нигере, Буркина-Фасо, Мали как элементы антиколониальной борьбы и даже антинеоколониальной революции. И России тоже нужна ценностная и концептуальная определенность. В Советском Союзе она была, а вне страны нас поддерживали мощные силы в виде коммунистических партий. Благодаря этому рухнула колониальная система, что было подтверждено соответствующими документами ООН, внесенными по инициативе СССР. Так что мы на правильном пути.

Никита МОРОЗОВ, IV курс, факультет конфликтологии: — *В последние годы Китай активно инвестирует в Африку, и этот регион становится зоной его влияния. Как это может повлиять на двусторонние отношения Россия–Африка и Россия–Китай, в том числе внутри БРИКС?*

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Да, Китай в Африке действует очень активно и мудро, с прицелом на будущее. Но не думаю, что это может повлиять на отношения между Россией и Китаем. К тому же деятельность китайцев не во всем устраивает африканцев. Дело в том, что китайцы привозят свою рабочую силу, а это означает безработицу и другие социальные проблемы для местных жителей. Товары из Китая не всегда хорошего качества, мопеды и велосипеды приходится часто ремонтировать. Но много и плюсов, например благодаря китайцам в странах Африки расширяется строительство. А то, что построенные объекты не всегда отвечают всем требованиям, — так китайцы же в конечном счете работают на Поднебесную. Надо понимать, что Китай преследует собственные интересы, но при этом Африка тоже получает довольно много. Например, китайцы могут купить не до конца разведанные месторождения, где нет еще никакой инфраструктуры и даже дорог. Они полагаются на данные, полученные со спутников, и инвестируют на перспективу, потому что мыслят другими категориями: тысячелетие позади, тысячелетие впереди.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Я думаю, что чем больше у России будет круг партнеров, а то и друзей, тем пристальнее надо следить, какие там происходят политические процессы. Чтобы различать, где антинеоколониальная борьба, где военный путч, а где массовое движение за то, чтобы лишить власти компрадорские слои буржуазии и проводить политику, которая больше отвечает национальным интересам. И следить за тем, чтобы бремя военно-технической, экономической и финансовой поддержки не становилось чрезмерным для нас.

С огромным удовольствием приглашаю на трибуну госпожу Чжао Хун из Китая.

ЧЖАО ХУН: — Культурное сотрудничество стран БРИКС занимает большое место в стратегии объединения, так как только на его основе возможны все остальные виды плодотворного взаимодействия. Стратегическое партнерство и координация усилий Китая и России отвечают их долгосрочным и фундаменталь-

ным интересам. Отдавая свои голоса за многополярный мир, наши страны способствуют демократизации международной политики и экономическому сотрудничеству на равноправной основе. Будучи крупнейшими мировыми державами, Китай и Россия несут ответственность за всемирную безопасность на суше и на море, поэтому взаимопонимание между ними поможет избежать масштабных ошибок и катастроф.

Кооперация в сфере культуры развивается по разным направлениям — в области образования, науки, туризма, спорта, искусства. Важные функции в этой деятельности выполняет российско-китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству.

Однако взаимодействие между двумя странами в сфере культуры сопряжено с определенными проблемами и рисками. В то время как М. Н. Фомина утверждает, что международные отношения во многом зависят от непосредственных контактов между народами, по мнению Л. Л. Сухадольской, потенциал существующей модели гуманитарного взаимодействия почти исчерпан и требуются новые основания для организации совместной деятельности. Китайские ученые также отмечают некоторые проблемы, хотя в целом положительно оценивают результативность культурных обменов между Россией и Китаем. Поскольку культура развивается в русле всестороннего развития общества, по ней можно судить о духовном и материальном благополучии общества. В то же время культура воздействует на модели потребления, принятые в обществе. Качество жизни, с точки зрения граждан, в любой стране и культуре должно отвечать некоторым требованиям, чтобы считаться достойным.

Эффект, который оказывает культурное сотрудничество на взаимодействие в экономической сфере, будет достаточно высоким, если при этом осуществляется кооперация в области образования, массмедиа, искусства и т. д. Министры культуры стран БРИКС на состоявшейся встрече пришли к общей позиции, что непосредственные контакты между людьми и культурные обмены служат «третьим столпом», на котором зиждется устойчивость объединения БРИКС. Поэтому необходимо продолжать развитие партнерских отношений, в том числе в гуманитарной сфере, включая так называемую народную дипломатию.

И. В. РУДИНА, доцент кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП: — *Как изменилось мнение китайцев о России, хотя бы за последние пять лет?*

ЧЖАО ХУН: — Могу сказать совершенно точно — Россия воспринимается как большой друг Китая. Россия, как нам представляется, переживает сложные времена, но Китай всегда будет стоять рядом.

Ал. А. ГРОМЫКО: — «Спина к спине», как говорят в Китае, стоят две наши страны в противоборстве со стратегией двойного сдерживания — в отношении Москвы и Пекина со стороны США.

Гуманитарная составляющая нашего сотрудничества очень значима, но не менее важен тот факт, что Китай — страна, достигшая за несколько десятилетий огромной экономической, финансовой и военно-технической мощи, поэтому она все громче заявляет о своем ви́дении того, как должен развиваться мир. И если в XX веке в мире было принято рассматривать два центра силы — СССР и США, то теперь политическая стабильность в большей своей части зависит от трех игроков — США, России и Китая. В глубине своей территории китайцы строят новые шахты для стратегических ракет. Как будут развиваться отношения между тремя сторонами этого треугольника с точки зрения стратегической ядерной стабильности — это сейчас один из самых острых вопросов международной политики, которым озадачены специалисты по контролю над вооружениями во всех государствах.

Елизавета Александровна Ильинская подведет итог работы нашей секции.

Е. А. ИЛЬИНСКАЯ: — Дорогие друзья, я считаю, что мы хорошо и плодотворно поработали — все выступления были очень интересными с точки зрения научных идей, и я надеюсь, что многие коллеги найдут их полезными для своей дальнейшей творческой работы.

Одна из тем моих научных исследований — бинарная оппозиция «свой–чужой», так что попытаюсь оценить нашу работу в этом контексте. По-моему, в настоящее время БРИКС может служить маркером, позволяющим распознать «своих» и «чужих». Конечно, бинарная оппозиция — это глубочайшая психоаналитическая, культурологическая, философская проблема. Но сейчас членами БРИКС являются десять государств, еще многие подали заявки, а еще больше считают, что они по духу ближе к БРИКС, чем к другой части политического глобуса. И мы понимаем, кто у нас «свои», а кто «чужие».

Благодарю участников и Оргкомитет нашей секции за работу и желаю всем дальнейших успехов.

Секция 6
РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА НОВОМ РУБЕЖЕ ЭПОХ

13 апреля 2024 г. Лекционный зал № 1 СПбГУП

Руководители секции:

Г. М. БИРЖЕНЮК	заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный профессор СПбГУП
О. Ю. ВАСИЛЬЕВА	президент Российской академии образования (Москва), академик РАО, доктор исторических наук, профессор
Н. К. ГАРБОВСКИЙ	академик-секретарь Отделения образования и культуры РАО, директор Высшей школы перевода МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
А. Д. КОРОЛЬ	ректор Белорусского государственного университета (Минск), доктор педагогических наук, профессор

ДОКЛАДЫ

Е. А. Александрова[1]

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА СИСТЕМ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ И КИТАЯ: СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА

Система образования относится к приоритетной сфере интересов сотрудничества стран БРИКС. Традиционными стали системы академического обмена студентами, разработка совместных учебных проектов и программ, средств цифрового образования, к которым следует отнести онлайн-курсы и платформы для дистанционного обучения, научных центров и лабораторий.

Однако в Год семьи, провозглашенный в России, нельзя оставить в стороне такую стратегическую проблему, как взаимодействие между педагогами и родителями.

Традиции такого взаимодействия существуют в странах БРИКС. Анализ практики, реализуемой в школах Китая и России, показал, что ее инвариантными составляющими являются: родительские собрания информационного типа, общение по телефону — устное и письменное, посредством смс и чатов. Различия заключаются в структуре и содержании онлайн-платформ.

Традиционными формами взаимодействия с родителями в школах Китая являются родительские собрания, телефонная связь, смс-общение, «почтовые ящики» и онлайн-платформы. На родительских собраниях учителя знакомят родителей с философией образования и образовательной политикой данной школы, учебной программой и т. д. Родители могут узнавать от учителей об успеваемости детей в школе и обсуждать возникающие у них вопросы. Педагоги поддерживают связь с родителями по телефону и с помощью СМС, информируя их об успеваемости детей и проблемах в школе. Практикуется настройка «почтового ящика» для родителей: педагоги отправляют уведомления, образовательные предложения и иную информацию. Родители также могут оставлять отзывы и предложения для учителей. Существует практика онлайн-платформ для создания «родительских школ», «классных кружков» и тому подобного, чтобы облегчить учителям и родителям общение в Интернете и обмен информацией о развитии учащихся.

Как видим, такая практика существует и в России. Но изменения в представлениях о родительско-детских

[1] Заведующая кафедрой методологии образования Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Педагогическое сопровождение самоопределения старших школьников», «Очерки понимающей педагогики» (в соавт.), «Модернизация классической модели тьюторства в России, странах Европейского союза и Ближнего Востока» (в соавт.), «Принципы и логика организации разновозрастного воспитательного события» и др. Член Научного совета по проблемам воспитания подрастающего поколения при Отделении философии образования и теоретической педагогики РАО. Награждена почетной грамотой Министерства образования и науки Саратовской области, почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, благодарностью Научного совета РАО по проблемам воспитания.

отношениях неизбежно влекут за собой появление новых типов родительства, для педагогической поддержки которых традиционные родительские собрания не столь эффективны.

Во-первых, это вызвано возрастанием числа родителей, для которых отцовство и материнство отходят на второй план в системе ценностей, а вместо эмоциональной включенности в процесс взросления ребенка приоритет отдается «финансовому участию».

Во-вторых, все больше растет интерес родителей к возможности обеспечить будущее детей посредством новых форм образования и обучения, в том числе вне образовательных организаций, например в форме семейного образования.

В-третьих, психологическая и педагогическая безграмотность родителей приводит к формированию у детей искаженного мировоззрения и представлений о должном, об ответственности, о культуре поведения, а у взрослых — чувства родительского бессилия.

Ранее методами семейного воспитания были монологи педагогов («Клуб молодой семьи», «Родительские лектории» и пр.), а также тренинги, причем педагог занимал лидирующую позицию. Сегодня ситуация меняется.

«Банальные» тренинги, монологичная форма обучения — все, что выстраивается событийно-линейно, не воспринимается молодым поколением. Молодежь укоренена в современной «сферной» культуре. Появились и средства организации одностороннего информирования родителей о событиях, и способы двустороннего общения с ними классных руководителей.

Разработанная научной группой профессора Н. Л. Селивановой Примерная программа воспитания РАО содержит модуль «Работа с родителями». Авторы методического пособия, комплементарного данной программе, представили примеры, иллюстрирующие идею взаимодействия, методы, формы деятельности классного руководителя[1].

Однако, как свидетельствуют наши наблюдения за педагогической деятельностью, педагоги не всегда могут привлечь родителей к конструктивному взаимодействию. Причем, что важно, направленному не только и не столько на помощь школе, сколько на достижение взаимопонимания с ребенком на уровне смыслов, культурных кодов друг друга. Родители говорят, что учителя часто не считаются с их мнением по вопросам воспитания ребенка, редко учитывают его индивидуальность. Возникает противоречие: педагоги тратят много времени на организацию родительских собраний, но используемые ими формы и методы не соответствуют запросам родителей. Полагаем, это связано с тем, что родителей приглашают на собрание, а не на встречу с детьми. Родительское собрание, проведенное в формате детско-взрослой встречи, продуктивнее, чем информирующее собрание. *В ходе встречи, под которой мы понимаем процесс и результат диа- и полилогового продуктивного взаимодействия, рефлексивных бесед, совместно эмоционально прожитых событий, и происходит понимание детьми и родителями смыслов, причин и целей поступков друг друга.*

Следует определиться со стратегией формирования детско-родительского сообщества в школе. При этом необходимо решить задачи: показать родителям потенциал развития их детей, те полезные задатки, привычки, способности, которые представляют собой ценный ресурс. Их можно и необходимо развивать, а для этого надо создавать условия для общения людей разного возраста, модернизировать формы взаимодействия с родителями. Собрания информирующего типа следует переводить в форматы детско-взрослого общения.

Термины «общность» и «сообщество» заняли прочную позицию в педагогическом тезаурусе в контексте объединения детей и педагогов, детей друг с другом на единых ценностных и смысловых основаниях. Известны взгляды Н. Б. Крыловой о детско-взрослой общности[2]; о ее значимости читаем и у Д. В. Григорьева: «Именно детско-взрослая бытийная общность (в формах малой группы, команды, коллектива и т. д.) является тем подлинным пространством, где возникают, проходят начальную стадию формирования собственно человеческие способности, позволяющие юному человеку стать субъектом своей жизни»[3]. И. Ю. Шустова предлагает свою трактовку: это «контактная группа детей и взрослых (от 5 до 50 человек), объединенных в детско-взрослую общность на основе эмоционально-психологической включенности каждого члена, чувства единения и принадлежности к группе, схожих интересов, общих ценностей и смыслов, совместной деятельности (совместно определяемой, выстраиваемой и рефлексируемой)»[4]. О. В. Стрижак показывает, что «детско-взрослая общность… становится воспитывающей благодаря совместной деятельности и может носить событийный характер. Основой формирования такой общности в школе может стать классный час, подготовка к общешкольному мероприятию, коллективная экскурсия, поход в театр, а также театральная деятельность в школе»[5]. Совместность и событийность отмечает и В. В. Круглов, говоря о разновозрастных сообществах (имеются в виду дети разных возрастов): «Мы и организовали взаимодействие подростков различного возраста с целью передачи норм, традиций, правил, обычаев и других внутренних ценностей коллектива последующему поколению»[6]. Среди немногочисленных работ на эту тему — публи-

[1] Воспитание в современной школе: от программы к действиям : метод. пособие / П. В. Степанов, Н. Л. Селиванова, В. В. Круглов [и др.]. М., 2020. Сер. «Примерная программа воспитания».

[2] *Крылова Н. Б.* Детско-взрослое сообщество: первые шаги. Начинаем разговор о взаимодействии с детьми // Классное руководство и воспитание школьников. 2008. № 16. С. 4.

[3] *Григорьев Д. В.* Непотребительское воспитание в детско-взрослой производственной общности // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманит. ун-та. Сер. 4. Педагогика. Психология. 2013. № 1 (28). С. 23.

[4] *Шустова И. Ю.* Детско-взрослая общность — значимое условие воспитания юношества // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 11. С. 233.

[5] *Стрижак О. В.* Театрализация как средство формирования воспитывающей детско-взрослой общности // Известия Воронежского гос. пед. ун-та. 2020. № 2 (287). С. 39.

[6] *Круглов В. В.* Социально-педагогические основы взаимодействия детей и взрослых в общественном объединении // Социальная педагогика в России : науч.-метод. журн. 2010. № 5. С. 74.

кация О. В. Лобзы, которая анализирует смысловые обобщения, отражающие переживания образа «я» и образов близких у дошкольников[1].

Однако мы полагаем, что интересы детей и родителей могут быть как близкими, так и в корне различными, причем это не зависит от того, одна эта семья или дети и родители, например в позиционной дискуссии, представляют разные семьи. В связи с этим одной из важных задач является создание условий для понимания ими различий (необязательно возрастных) и поиска сходных позиций. Это становится возможно «посредством организации педагогического сопровождения *встречи* детей и их родителей, основанного на принципах уважения прав и свобод растущего человека и его родителей как субъектов образовательного пространства, индивидуализированном подходе к учебно-воспитательному процессу, толерантных взаимоотношениях педагогов, обучающихся, родителей»[2].

Этапами реализации стратегии формирования детско-родительского сообщества мы считаем следующие:

— со-информирование: создание информационно-понятийного пространства взаимодействия;

— со-присутствие: моделирование виртуальных ситуаций разновозрастной встречи;

— со-причастие: реальное ситуационно-эмоциональное ролевое взаимодействие, событийно-рефлексивная встреча;

— «со-участие»: деятельностно-продуктивная совместность представителей разных поколений.

Важно соблюдать такие педагогические условия, как уважительное отношение к времени участников, симметрия и комплементарность их деятельности и создание атмосферы свободного общения.

При правильной организации процесс меняется, из проверяюще-информирующего становится сотрудничающе-сопровождающим. Также к позитивным эффектам можно отнести тот факт, что повышается значимость личности классного руководителя для родителей, которые начинают в нем видеть человека, помогающего им сделать общение с детьми бесконфликтным, достичь взаимопонимания[3].

Изучение публикаций, посвященных системам образования в Китае и других странах БРИКС, показало, что детальный анализ организации и осуществления процесса взаимодействия родителей и педагогов в образовательных организациях не производится[4]. В основном решение проблемы сводится к информирующему общению в разных формах. Таким образом, Россия может привнести в содружество стран БРИКС свой опыт исследования семейной проблематики в сфере образования.

Е. В. Андриенко[5]

ЦЕЛЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В СТРАНАХ БРИКС: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

В современном стремительно меняющемся мире с его кризисами и противоречиями усиливается конфликт между центростремительными и центробежными силами (глобализация и деглобализация), определяя высокие темпы динамики соответствующих процессов в социально-политических отношениях: от разрыва старых связей до формирования новых. Этот конфликт обусловливает неизбежность различных кризисов: социокультурных, политических, экономических и тому подобных, что вынуждает исследователей активизировать поиски путей и способов решения многочисленных проблем, возникающих в жизнедеятельности общества. При этом проблемы образования и семейного воспитания рассматриваются в качестве приоритетных, поскольку они связаны с такими социальными институтами, которые сохраняют свою значимость в любых условиях.

Интернационализация образования (активно развивающаяся за последние годы во всем мире), включающая программы обмена студентами между вузами разных стран, создание международных кампусов, активное сотрудничество преподавателей и исследователей, разработку программ обучения студентов, реализуемых в сетевом формате, и так далее, сегодня постепенно усиливается между странами — участницами БРИКС, определяя приоритетные процессы транснациональной образовательной политики.

Интерес к образовательной политике стран БРИКС обусловливается не только впечатляющими масштаба-

[1] *Лобза О. В.* Переживания и смыслы в детско-родительской общности // Психологическое сопровождение социальных институтов: теоретическая модель и технологии реализации : науч.-практ. конф, 25–27 апреля 2012 г. Одинцово : Одинцовский гуманит. ин-т, 2012. С. 108–125.

[2] *Александрова Е. А.* Как открыть школу родителям и для родителей // Народное образование. 2008. № 5 (1378). С. 219–224.

[3] *Александрова Е. А.* Пусть они увидят и задумаются // Директор школы. 2001. № 3. С. 51–57.

[4] *Писаренко И. А., У Вэй.* История развития родительского образования в Китае // Школьные технологии. 2022. № 3. С. 3–14 ; *Фаркова Н. А.* Особенности образования в странах БРИКС // Современное общество, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : моногр. / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза : Наука и просвещение, 2023. С. 116–125 ; Роль России в БРИКС в рамках взаимодействия в социальной сфере / В. П. Кульпина [и др.] // Вестн. междунар. организаций: образование, наука, новая экономика. М. : ВШЭ, 2015. С. 49 ; *Жильцова С.* Образование как фактор конкурентоспособности стран БРИКС // Финансовая жизнь. 2016. № 1. С. 82–93.

[5] Заведующая кафедрой педагогики и психологии Института физико-математического, информационного и технологического образования Новосибирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 290 научных публикаций, в т. ч.: «Педагогический профессионализм», «Социальная психология», «Кросс-культурные исследования в педагогике: современный взгляд на отечественный и зарубежный опыт» (в соавт.) и др. Академик Международной академии наук педагогического образования. Член большого жюри «Учитель года» (Новосибирск).

ми этого уникального межгосударственного сотрудничества, охватывающего страны четырех континентов (Европы, Азии, Африки и Латинской Америки) с суммарным населением более 42 % всех жителей планеты, но и разнообразием культур и ценностей, которые, на первый взгляд, имеют между собой мало общего. При этом стремление различных стран присоединиться к БРИКС во многом связано именно с желанием сохранить свою культуру и традиции, что естественным образом находит отражение в семейном воспитании и образовании. Несмотря на относительно высокий уровень неравенства в некоторых странах БРИКС, многие аналитики выделяют сегодня тенденцию *увеличения среднего класса* (растущие экономики способствуют этому процессу), что приводит к более сбалансированной образовательной и семейной политике данных государств.

Согласно некоторым исследованиям уже к 2030 году две трети среднего класса всего мирового населения будут проживать в Азиатско-Тихоокеанском регионе[1]. Одновременно происходит постепенное смещение экономических интересов мира на Восток (производство, сельское хозяйство, торговля, туризм и пр.), что будет способствовать повышению интенсивности развития образования (особенно высшего и среднего специального). Причем, по мнению некоторых аналитиков, если мировые тенденции не изменятся, то через 5–6 лет 50 % студентов в мире будут представителями двух стран, Китая и Индии, и только 25 % — представителями западной культуры[2].

Различия между Западом и Востоком, которые на протяжении столетий обсуждаются философами, социологами, психологами, этнографами и другими исследователями, как правило, определяются через альтернативы: рационализм/иррационализм; прагматизм/духовность; динамизм/инерционность; индивидуализм/коллективизм; инновации/традиции; абсолютизация силы знания/абсолютизация постижения смысла и т. д. *Менталитет* любого народа, как его духовный склад, обусловленный ценностями, смыслами, социальным опытом и общей историей, сохраняется на протяжении длительного времени, предопределяя общие для страны подходы к решению актуальных проблем на том или ином этапе развития общества.

При этом *базовые ценности народов* остаются неизменными, сохраняясь в обществе и передаваясь от поколения к поколению через семейное воспитание и государственное образование. Я. Г. Шемякин, исследуя *цивилизационные параллели* стран БРИКС, указывал на конфессиональные и философские основания таких ценностей: православие в России; конфуцианство в Китае; индуизм в Индии; католические традиции в Бразилии; идеологию убунту, утверждающую на официальном уровне идею африканской самобытности в ЮАР[3]. Конечно, данные основания не являются исчерпывающими, особенно в многонациональных странах, тем не менее они выступают в качестве ведущих для выделения смысловых аспектов и социальной поддержки тех или иных образовательных процессов.

Здесь важно обратить внимание на те особенности, которые определяют схожие ценности и смыслы в данных странах, а именно — приоритетную *значимость социальной идентичности, в отличие от абсолютизации индивидуализма западного типа*[4]. Социальность, общность, коллектив, семья, друзья, близкие и тому подобное определяют базовые условия комфортного существования человека, живущего среди людей, которые думают на том же языке, что и он. Во всех странах БРИКС социализация, образование и семейное воспитание базируются на идее реализации личности только в рамках той общности, к которой она принадлежит. Идеи общности и принадлежности в данных странах выступают как доминирующие.

Эти ценностные ориентиры закладываются в семье и в образовании, начиная с самых ранних этапов социализации человека в обществе. В России идея социальной общности и идентичности давно получила широкое распространение в теории и практике образования, что нашло свое отражение в работах выдающихся представителей так называемого педагогического авангарда (как части русского авангарда) 1920–1930-х годов: А. С. Макаренко, С. Т. Шацкого, В. Н. Сорока-Росинского и многих других. Теория коллектива, «республика ШКИД», многочисленные концепции воспитания и обучения, а также уникальная детская литература этого периода внесли существенный вклад не только в развитие отечественной педагогики, но и в научно-практические представления о ценностях обучения и воспитания через изменение факторов воздействия на хорошо организованную детскую группу с высоким уровнем развития — коллектив (задолго до появления знаменитых тренинговых социальных групп). Поэтому изначально идея реализации личности в той общности, к которой она принадлежит, была вполне успешно осуществлена в образовательных организациях Советского Союза. Обучение в странах БРИКС также ориентировано на социальную общность и коллективные формы реализации как наиболее приоритетные и желательные для формирования социальной идентичности личности.

Что касается семейного воспитания, то оно всегда выступало в качестве основополагающего фактора, обусловливающего базовые социальные установки ребенка. Семья выступает *уникальным институтом социализации*, реализуя самое большое количество функций (по сравнению с любыми другими малыми группами): репродуктивную, социальную, хозяйственно-бытовую, экономическую, воспитательную, рекреативную, досуговую, развивающую, дидактическую и т. п. Несмотря на *трансформацию семьи* (что происходит сегодня во всем мире), проявляющуюся в тенденции разделения супружества, родительства и родства (когда увеличивается количество браков, не нацеленных на рождение детей, или отодвигающих это

[1] *Липоватая М. С.* Вопросы сотрудничества стран БРИКС в сфере высшего образования // Вестн. Московского ун-та. 2017. № 4. С. 55–63.

[2] Там же.

[3] *Шемякин Я. Г.* БРИКС: цивилизационные параллели // Перспективы. URL: https://www.perspektivy.info/history/briks_civilizacionnyje_paralleli_2016-11-03.htm (дата обращения: 18.07.2024).

[4] *Шемякин Я. Г.* Указ. соч.

событие на неопределенное время)[1], с одновременным увеличением количества семей, характеризующихся простой структурой, где есть родительство и родство, но нет супружества (самый типичный вариант — мать и ребенок), все равно именно семья остается самой устойчивой первичной социальной группой в обществе стран БРИКС, поскольку она обеспечивает легитимацию рождения ребенка, идентификационную общность, а также удовлетворение естественной потребности человека в близости, заботе и безопасности, что в условиях кризисного и стремительно меняющегося мира становится особенно важным и ценным.

Общие интеграционные процессы в образовании у стран БРИКС сегодня можно наблюдать преимущественно в учреждениях высшего образования. Развитие образования в каждой стране БРИКС имеет свою специфику, так, например, Российская Федерация стоит на первом месте по уровню грамотности населения и по охвату образованием граждан, а Китай демонстрирует самый высокий уровень академической мобильности студентов и преподавателей[2]. Сегодня Россия имеет уникальное дошкольное образование, не сопоставимое по своему качеству и доступности ни с одной страной в мире. Кроме того, у нас большое количество государственных университетов, в которых молодые люди могут получить образование бесплатно (за счет государства).

Реформирование и модернизация образования происходят в последние годы в том или ином виде во всех странах, что обусловлено неизбежными технологическими изменениями, поэтому наиболее перспективным направлением взаимодействия выступает сотрудничество в сфере цифровых технологий, образовательной робототехники, разработке и реализации инновационных педагогических технологий. В современных условиях исследователи связывают перспективы сотрудничества стран БРИКС с созданием и совершенствованием единой информационной платформы для студентов, а также реализацией системы взаимозачета образовательных кредитов для студентов[3].

Сегодня некоторые исследователи подчеркивают необходимость создания *альтерзападной модели*, характеризующейся фундаментализацией, гуманизацией и экологизацией образовательной системы[4], где *экологизация* связана с необходимостью развития экологической культуры личности при весьма сложном взаимодействии природы и общества с учетом глобальных экологических проблем и уникальных природных ресурсов стран БРИКС; *гуманизация* обусловливается потребностью общества в развитии личности обучающихся с возрастанием их духовно-нравственного потенциала, а *фундаментализация* выступает в качестве основы формирования целостных базовых научных представлений об окружающем мире для избежания фундаментальных ошибок разработчиков и техногенных катастроф в современном динамичном мире с его обостряющейся конкуренцией и погоней за переменами и модификациями.

В целом, несмотря на культурные различия между странами БРИКС, есть существенные основания для сотрудничества и взаимодействия в образовательной сфере, поскольку ценностные ориентиры образования и семейного воспитания, связанные с социальной идентификацией, а также цифровая трансформация обучения позволяют выделить приоритетные направления взаимодействия, значимые для всех стран в интересах их развития и благополучия. На сегодняшний день наиболее эффективным может быть взаимодействие на уровне высшего образования, поскольку уже реализуемые в мире формы и виды интернационализации позволяют использовать их при образовательном взаимодействии стран БРИКС. Кроме того, санкционная политика только способствует повышению интенсивности таких контактов для решения общих задач в подготовке специалистов и разработке совместных экономических проектов на межгосударственном уровне, что обеспечит благоприятные условия для социально-экономического развития стран — участниц взаимодействия.

[1] *Хачатрян Л. А.* Тенденции изменения современной российской семьи // Вестник Пермского университета. Философия. Социология. Психология. 2014. Вып. 4 (20). С. 111–120.

[2] Роль России в БРИКС в рамках социального взаимодействия в социальной сфере / В. П. Кульпина, А. К. Морозкина, В. А. Павлюшина [и др.] // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10, № 4. С. 49–71.

[3] Там же.

[4] *Липоватая М. С.* Вопросы сотрудничества стран БРИКС в сфере высшего образования // Вест. Моск. ун-та. 2017. № 4. С. 55–63.

Ван Мэн[1]

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ СТРАН БРИКС

В своей речи на 15-й встрече лидеров БРИКС Председатель КНР Си Цзиньпин рассказал об уроках прошлого и наметил путь на будущее. Лейтмотив программы, которую он изложил участникам съезда, был определен темой его выступления: «Объединяться и работать вместе ради развития и иметь смелость взять на себя ответственность за содействие миру»[2]. Председатель Си выдвинул ряд предложений по укреплению доверия и согласия для углубления сотрудничества БРИКС, которые были направлены на обеспечение уверенности, стабильности и позитива. Наряду с предложениями в области экономического, торгового и финансового сотрудничества были сформулированы меры укрепления культурных обменов и содействия взаимному обучению между цивилизациями.

За прошедшие годы страны БРИКС накопили большой опыт международного сотрудничества в различных областях, который показал, что они выступают за мирное и гармоничное сосуществование всех цивилизаций; уважают путь модернизации, которым идут разные страны; эффективно используют всевозможные механизмы, обеспечивающие углубление культурного обмена на разных уровнях, что, несомненно, укрепляет международные связи.

Страны БРИКС имеют разные культурные традиции, поэтому культурные и молодежные обмены, в том числе в области образования, способствуют достижению согласия и развитию межкультурного взаимодействия, так как именно оно является тем связующим звеном, которое обеспечивает выгодное для всех сторон экономическое, производственное, техническое сотрудничество. Являясь важной частью межличностного и культурного обмена, образование стало определяющим направлением в области сотрудничества между странами БРИКС.

В ноябре 2013 года министры образования стран БРИКС впервые встретились в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже, чтобы обсудить возможности сотрудничества в сфере образования. В конце этой знаковой встречи они согласились, что распространение сотрудничества на область образования принесет большую пользу странам БРИКС и международному сообществу в целом. На следующей встрече, в 2014 году в Форталезе (Бразилия), была подтверждена стратегическая важность реализации этого намерения, так как кооперация образовательных систем в рамках БРИКС будет способствовать устойчивому развитию, экономическому росту и укрепит сотрудничество стран — участниц объединения. Таким образом был подготовлен доклад «БРИКС: Построение будущего образования»[3], который должен был представить теоретическую и методологическую базу для становления нового направления в партнерских отношениях.

Востребованность партнерских отношений в области образования вызвана необходимостью в формировании кадрового резерва, что возможно благодаря обмену положительным опытом образовательных систем каждой из стран БРИКС. В то же время это позволит и дальше углублять сотрудничество в области профессионального образования между странами, так как их экономики являются взаимодополняющими, что обеспечит развитие человеческих ресурсов. Поэтому общей тенденцией должно стать совместное развитие, углубление международного профессионального образования на основе инноваций. Как отметил Сунь И, сотрудничество в сфере профессионального образования является практической необходимостью для стран БРИКС, поэтому оно будет плодотворным[4].

За последние 40 лет реформ и открытости в Китае модернизации профессионального образования придавалось большое значение, так как оно должно обеспечить адаптацию подготовленных специалистов к потребностям социального, экономического развития не только внутри страны, но и на международном уровне. Поэтому оно начиналось с изучения и внедрения передовых образовательных концепций и моделей управления школами в развитых странах, а на следующем этапе на этой основе происходил процесс адаптации образовательных программ и систем, чтобы они стали совместимы с китайскими традициями в сфере образования.

Профессиональное образование отличается от массового тем, что оно направлено на развитие прикладных профессиональных знаний и навыков. А так как в последние годы появляются новые формы ведения бизнеса, то объем профессиональных и технических требований увеличивается, поэтому в профессиональное образование начинают внедряться цифровые, сетевые и интеллектуальные технологии.

В 2018 году Китай и Россия начали реализовывать совместную программу Skills Passport (Паспорт навыков), что позволило продвигать ее в странах БРИКС. Skills Passport — это международный сертификат по

[1] Аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета. Автор 3 научных публикаций: «Международные организации межрегионального сотрудничества как инструмент реализации транспортно-логистических возможностей Забайкальского края (на примере участия в деятельности Расширенной Туманганской инициативы)» (в соавт.), «Проблемы изучения истории Севера Китая во второй четверти XX в. как территории проживания русского православного населения» (в соавт.), «Христианский союз молодых людей в Харбине: к истории существования и деятельности в середине 1920-х годов» и др.

[2] Си Цзиньпин принял участие в 15-й встрече лидеров БРИКС и выступил с важной речью [习近平出席金砖国家领导人第十五次会晤并发表重要讲话] 新华社约翰内斯堡8月23日电. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202308/content_6899791.htm (дата обращения: 10.10.2023) (на кит. яз.).

[3] 金砖国家：构筑未来的教育 [БРИКС: Построение будущего образования] // UNESCO : [сайт]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000229692_chi (дата обращения: 12.02.2024) (на кит. яз.).

[4] *Сунь И.* Сотрудничество в области профессионального образования создает прочную кадровую основу для развития стран БРИКС [孙翼. 职业教育合作为金砖国家发展筑牢人才基础]. URL: http://www.china.com.cn/opinion2020/2023-08/18/content_104305754.shtml (дата обращения: 21.02.2024) (на кит. яз.).

итогам экзамена и оценки уровня квалификации. Его введение может не только помочь развитию требуемых навыков у специалистов в странах БРИКС, но и способствовать координации и унификации стандартов и таким образом помочь китайским учреждениям высшего и среднего профессионального образования давать своим выпускникам высококачественную подготовку в соответствии с международными стандартами. С 2020 года стратегия «Один пояс, один путь» и БРИКС сосредоточили свое внимание на программе Skills Passport, что позволило объединить экспертов разных направлений профессионального образования для разработки и совершенствования систем сертификации учебных материалов, необходимых для соответствующего обучения. Можно предположить, что Skills Passport позволит специалистам из стран БРИКС быть конкурентоспособными на мировом рынке.

Политика интернационализации образования стран БРИКС, как пишет Ли Цзяньчжун, способствует постоянному повышению их конкурентоспособности, что, несомненно, влияет и на сферу образования[1]. Следовательно, и образовательная система стран БРИКС также включается в конкурентную борьбу, что, очевидно, будет влиять на представление о будущем направлении мирового образования. В условиях развития многополярности мира страны БРИКС последовательно поддерживают политику интернационализации образования, направленную на подготовку высококвалифицированных специалистов, повышение качества образования и конкурентоспособности своих стран.

В рамках дальнейшего развития сотрудничества в сфере образования в ноябре 2015 года министры образования стран БРИКС подписали «Меморандум о взаимопонимании» — учредительный документ Сетевого онлайн-университета БРИКС[2], центром которого стал Уральский федеральный университет. Сегодня он объединяет более 50 вузов, чьи программы предусматривают развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества.

Сегодня Китай и Россия рассматривают увеличение количества иностранных студентов и строительство университетов мирового уровня как основное направление своей стратегии интернационализации образования. Китайская политика открытости образования дала положительные результаты. Сегодня Китай стал третьим в мире по обучению за рубежом и крупнейшим образовательным центром для иностранных студентов. А Россия рассматривает содействие экспорту образовательных услуг как важную стратегическую цель интернационализации образования.

Китай и Россия установили отношения партнерства и стратегического взаимодействия еще в 2020 году, когда подписали «Дорожную карту китайско-российского сотрудничества в области науки и технологий на 2020–2025 годы»[3]. Основное внимание в ней было сосредоточено на сотрудничестве в области образования, направленном на реализацию проектов двойных дипломов, использование учебных подразделений вузов в качестве баз для осуществления долгосрочных и краткосрочных образовательных обменов и мероприятий. Сегодня Китай и Россия включили сотрудничество в области образования в свои национальные стратегии развития и совершенствуют механизмы многостороннего сотрудничества в сфере образования.

М. Н. Ветчинова[4]

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА БРИКС В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Перемены, зримо заявившие о себе в начале XXI века, кардинально изменили жизнь человечества. Трансформация мирового порядка повлекла за собой формирование иной конфигурации международных отношений.

Полюс политического и экономического притяжения все более перемещается с Запада на Восток. Набирает силу и влияние основанное в 2006 году межгосударственное объединение БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и с 2011 г. — ЮАР). Начинает воплощаться в жизнь идея создания общего евразийского пространства как будущей геополитической реалии. Сегодня на страны БРИКС приходится 41,6 % мирового населения[5], а с присоединением в 2023 году ОАЭ, Ирана, Египта и Эфиопии — 45 %.

В результате возникновения новых моделей взаимодействия государств появляются новые форматы сотрудничества в политике, экономике, науке, культуре. Системы образования также реагируют на изменения в международных процессах. Поэтому страны БРИКС

[1] *Ли Цзяньчжун.* Интернационализация образования в странах БРИКС [李建忠. 金砖国家教育的国际化力度]. URL: https://web.ict.edu.cn/world/w3/n20171208_46058.shtml (дата обращения: 02.02.2024) (на кит. яз.).

[2] Выбран в качестве онлайн-университета БРИКС [入选“金砖国家网络大学”] // Infobrics : [сайт]. URL: https://infobrics.org/post/ 9090 (дата обращения: 05.02.2024) (на кит. яз.).

[3] *Юань Даюн.* Международное сотрудничество и обмены в сфере образования стран БРИКС: обзор и перспективы [苑大勇. 金砖国家教育国际合作与交流：回顾与展望]. URL: http://www.zjzcj.com/news/56202 (дата обращения: 21.02.2024) (на кит. яз.).

[4] Профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук. Автор 164 научных публикаций, в т. ч.: «Актуальные практики функционирования образовательных экосистем», «Современная педагогическая мысль Франции о воспитании самостоятельности учащихся», «Формирование новой образовательной реальности: экосистемный подход», «Теоретические аспекты формирования коммуникативной компетенции студентов вузов в рамках компетентностного подхода», «Основные теории и концепции соизучения языка и культуры» и др. Член Научного совета РАО по проблемам истории образования и педагогической науки. Награждена медалью «За заслуги в развитии истории педагогики» им. З. И. Равкина.

[5] История БРИКС // Коммерсантъ : [сайт]. 2023. 12 сент. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6197210 (дата обращения: 10.02.2024).

объединяют усилия, чтобы выработать парадигму образования, ориентированную на удовлетворение запросов стран — участниц альянса в условиях перехода человечества в постиндустриальную эпоху развития, выстраивают архитектуру образовательных связей в целях устойчивого развития БРИКС в новом многополярном мире. Начиная с 2013 года проводятся ежегодные встречи министров образования для обсуждения актуальных вопросов сотрудничества, определения новых направлений развития. Так, в ноябре 2013 года в штаб-квартире ЮНЕСКО на встрече министров образования стран БРИКС рассматривались возможные механизмы взаимодействия и была выдвинута идея создания сетевого Университета БРИКС.

Чтобы поддержать усилия по укреплению партнерства в области образования стран, где получает образование более 40 % населения мира, в 2013 году начинается тесное взаимодействие БРИКС и ЮНЕСКО. По мнению И. Боковой (генеральный директор ЮНЕСКО с осени 2009 до 2017 г.), «БРИКС уже изменили глобальную карту образования, обучая миллионы детей, создавая учебные центры международного уровня, стимулируя инновации и обмениваясь опытом и знаниями. Укрепление сотрудничества в области образования позволило бы странам БРИКС продвинуться дальше, повысив уровень образования и быстрее обеспечив долгосрочную устойчивость»[1]. В мае 2014 года состоялась III Международная конференция «БРИКС: сотрудничество в целях развития. Сетевое взаимодействие вузов БРИКС в подготовке кадров для инновационной экономики», на которой обсуждались варианты партнерства в сфере образования.

В 2015 году в Москве был создан Университет БРИКС. Стратегический вектор развития содержания образования — совершенствование универсальных и специализированных международных компетенций, способствующих эффективной профессиональной реализации выпускников не только в России и государствах БРИКС, но и в других странах мира. Образовательная доктрина Университета — progressive education (прогрессивное образование) предполагает целый спектр взаимосвязанных и взаимодополняющих принципов успешного образовательного процесса, таких как высокоперсонализированное обучение, обучение на практике, цифровая грамотность и т. д. Обучение ведется по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. Направлениями обучения являются информационные системы и технологии, психология, экономика, менеджмент, юриспруденция, лингвистика, дизайн. Предлагаются онлайн- и очно-заочная формы обучения[2].

В ноябре 2015 года был учрежден Сетевой университет БРИКС как объединение ведущих вузов стран-участниц для совместной реализации актуальных образовательных программ, подготовки преподавателей и ученых, проведения совместных научных исследований[3]. В 2016 году была основана Автономная некоммерческая профессиональная образовательная организация «Университетский колледж БРИКС», основной целью которой стала реализация программ среднего профессионального образования, а также профессиональной переподготовки. Выпускники получают преимущество при поступлении в Университет БРИКС. В измененном в 2021 году Уставе колледжа указано, что «Университетский колледж БРИКС» проводит совместные научные исследования, реализует образовательные программы с зарубежными партнерами, организует обучение иностранных граждан в колледже, а российских — за рубежом, проводит мероприятия в сфере образования, культуры и др.[4]

Координация усилий стран БРИКС в области науки и образования связана с подписанием в мае 2016 года в МГУ многостороннего соглашения о создании Ассоциации научно-образовательных центров стран БРИКС. Во время подписания документа ректор МГУ сказал: «Мы считаем, что Ассоциация станет не просто „интеллектуальным клубом“, но и реально объединит людей и идеи»[5].

Перед Ассоциацией были поставлены задачи по улучшению образовательной среды стран БРИКС, студенческого обмена, созданию возможностей для работы молодых специалистов.

Усиление взаимодействия в сфере образования было отмечено на пятой встрече министров образования стран БРИКС в июле 2017 года, где указывалось, что высшие учебные заведения БРИКС налаживают партнерские отношения, содействуют реализации Целей устойчивого развития ООН на период до 2030 года.

В ноябре 2020 года в Москве планировалось провести Форум популяризаторов науки государств — участников БРИКС в рамках председательства России в БРИКС, но из-за пандемии COVID-19 мероприятие пришлось перенести. Первый Форум по обмену опытом в организации научно-популярных проектов прошел в октябре 2021 года на площадке Общественной палаты РФ в рамках научно-технологического и инновационного сотрудничества, а также Года науки и технологий в России.

В апреле 2022 года страны БРИКС создали Альянс по сотрудничеству в сфере среднего профессионального образования[6].

В последние годы одним из актуальных направлений сотрудничества стало развитие цифрового образования. Так, в июне 2023 года в Ханты-Мансийске прошел XIV Международный IT-форум с участием стран БРИКС и ШОС, на котором присутствовали предста-

[1] La coopération entre les puissances émergentes peut accélérer les progrès en éducation d'après un nouveau rapport // UNESCO : [сайт]. 2014. 22 Sept. URL: https://www.unesco.org/fr/articles/la-cooperation-entre-les-puissances-emergentes-peut-accelerer-les-progres-en-education-dapres-un (дата обращения: 30.01.2024).

[2] Университет БРИКС : [сайт]. URL: https://unibrics.ru/obrazovanie/ (дата обращения: 31.01.2024).

[3] Brics Network University : [сайт]. URL: http://nu-brics.ru/ (дата обращения: 12.02.2024).

[4] Устав Автономной некоммерческой профессиональной образовательной организации «Университетский колледж БРИКС». URL: https://xn--90aogwh.xn--80adxhks/org_doc_2/new_ustav_college_BRICS.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

[5] Соглашение о создании ассоциации научно-образовательных центров стран БРИКС подписано // Российская академия наук : [сайт]. URL: https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=7f977c4b-1fe2-4516-8884-1802fc1537ee (дата обращения: 01.02.2024).

[6] Страны — участницы БРИКС будут сотрудничать в сфере среднего профессионального образования. URL: https://edu.gov.ru/press/5075/strany-uchastnicy-briks-budut-sotrudnichat-v-sfere-srednego-professionalnogo-obrazovaniya (дата обращения: 01.02.2024).

вители органов власти стран БРИКС, ШОС, СНГ, Африки, Латинской Америки. Обсуждались вопросы цифровой трансформации экономики, импортонезависимости, кибербезопасности, развития искусственного интеллекта. На площадках Форума участники обсудили цифровую трансформацию образования, новые инструменты и платформы, применение новых технологий для развития детей и в работе учителей. Представители образовательных организаций рассказали о современных решениях для школьников и студентов, которые помогают развивать цифровые компетенции и выбирать будущую профессию с уже имеющимся набором необходимых скиллов[1].

В августе 2023 года в южноафриканском Йоханнесбурге прошел XV саммит БРИКС, где было подчеркнуто, что существуют три столпа сотрудничества стран БРИКС: политическое и в области безопасности, финансово-экономическое, а также культурное и межличностное. На саммите было отмечено, что сотрудничество БРИКС в области образования привело к созданию сети университетов, а Академический форум и Совет аналитических центров БРИКС наладили академические и институциональные связи. Премьер-министр Индии Нарендра Моди выразил приверженность сотрудничеству в области образования, отметив: «Чтобы превратить БРИКС в организацию, готовую к будущему, мы должны подготовить наши общества к будущему. Важную роль в этом сыграют технологии»[2]. Он рассказал об опыте функционирования цифровой платформы для обмена знаниями, основанной на искусственном интеллекте, языковой платформы, призванной устранить языковые барьеры, выразил готовность поделиться с партнерами по БРИКС всеми платформами, разработанными в Индии.

В сентябре 2023 года в Евразийском международном университете в Москве был подписан протокол о сотрудничестве по созданию научно-образовательной системы БРИКС. Данный проект предусматривает создание сети научных и образовательных учреждений — университетов, институтов, колледжей. Новая структура БРИКС поможет выстроить систему мобильности для студентов и преподавателей, которые смогут учиться и работать в разных странах[3].

В целях продвижения российского образования в Индии в октябре 2023 года была организована встреча в Министерстве просвещения РФ, на которой подчеркивалось, что двустороннее сотрудничество России и Индии в разных сферах в наибольшей степени расширяется в сторону образования, благодаря чему народы имеют возможность изучать культуру и традиции друг друга. В ходе переговоров обсуждались вопросы содействия в продвижении российского образования в Индии, работы Центра открытого образования на русском языке и обучения русскому языку в Индии, регулярное направление в Индию российских педагогов по проекту «Российский учитель за рубежом» и многие другие[4].

Еще одним важным событием октября 2023 года стала X ежегодная международная конференция по экспорту высшего образования, проведенная в Санкт-Петербурге, на которой было объявлено о создании международной Ассоциации университетов БРИКС+. Это объединение ведущих вузов стран БРИКС и других заинтересованных стран. Основная миссия — обмен опытом в области высшего образования, развитие технологий, улучшение образовательных программ и создание совместных исследовательских проектов[5].

В декабре 2023 года в Российском государственном гуманитарном университете стартовал Международный научный футурологический форум «Умная цивилизация: человек, ценности, образование, технологии и будущее многополярного мира». Участники форума обсудили международное гуманитарное влияние разных стран в области образования, был поднят вопрос о создании рейтинга университетов стран БРИКС. В своем выступлении на форуме генеральный директор TV BRICS Ж. Толстикова отметила: «Сейчас много разговоров о многополярном миропорядке. В этом смысле объединению стран БРИКС отводится центральная роль, ведь БРИКС представляет собой диалог цивилизаций. <…> государства обладают своим цивилизационным суверенитетом, своей идентичностью, религиозными особенностями. И это не мешает им выстраивать многосторонние отношения. В этом смысле БРИКС — шаг на пути к построению многополярного мира»[6].

Таким образом, сегодня БРИКС выступает новым пространством диалога культур и цивилизаций. Сотрудничество в области образования и науки является одной из важнейших сфер партнерства, демонстрирует примеры того, как можно находить взаимоприемлемые решения, выстраивать продуктивное взаимодействие, учитывающее как национальные, так и глобальные интересы, от которых во многом зависит не только устойчивое развитие стран БРИКС в условиях многополярности, но и будущее цивилизации.

[1] XIV Международный IT-форум с участием стран БРИКС и ШОС. URL: https://smartschool.pro/xiv-mezhdunarodnyj-it-forum-s-uchastiem-stran-briks-i-shos/ (дата обращения: 31.01.2024).

[2] Индия предложила странам БРИКС усилить сотрудничество в области образования. URL: https://ria.ru/20230823/briks-1891783244.html (дата обращения: 30.01.2024).

[3] *Васяснин А.* В Москве подписан протокол по созданию образовательной системы стран БРИКС. URL: https://rg.ru/2023/09/01/reg-cfo/v-moskve-podpisan-protokol-po-sozdaniiu-obrazovatelnoj-sistemy-stran-briks.html (дата обращения: 03.02.2024).

[4] Встреча в Министерстве просвещения Российской Федерации на тему продвижения российского образования в Индии. URL: https://bricsmt.ru/index.php/zhurnal/161-vstrecha-v-ministerstve-prosveshcheniya-rossijskoj-federatsii-na-temu-prodvizheniya-rossijskogo-obrazovaniya-v-indii (дата обращения: 02.02.2024).

[5] *Набиркина М.* Создана Международная ассоциация университетов БРИКС+. URL: https://rg.ru/2023/10/09/missiia-vypolnima.html (дата обращения: 30.01.2024).

[6] Россия создаст рейтинг вузов стран БРИКС и платформу для объединения НКО. URL: https://mskgazeta.ru/obshchestvo/rossiya-sozdast-rejting-vuzov-stran-briks-i-platformu-dlya-ob-edineniya-nko-12747.html (дата обращения: 02.02.2024).

О. М. Виноградов[1]

ДЕВАЛЬВАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ И ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО СЦЕНИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Проблема, которой я хочу посвятить свой доклад, — сегодня одна из самых острых и актуальных не только для балета, но и для всего отечественного и мирового сценического искусства. Она является прямым следствием фундаментального сдвига, который произошел в мировой культуре более ста лет назад и привел все человечество к глобальной переоценке ценностей.

Если в эпоху Средневековья европейская культура носила теоцентричный характер, то начиная с эпохи Ренессанса она становится антропоцентричной. Теперь уже не божественное, а человеческое начало оказывается в центре внимания мирового искусства. Однако на рубеже XIX–XX столетий, когда вследствие ряда научных открытий и изобретений жизнь человечества стремительно изменялась, культура все более явственно начала приобретать эгоцентричный характер. На смену объективной картине мира, такого каков он есть, приходит его субъективное восприятие глазами художника. Когда, например, Пикассо спрашивали о том, почему на его картинах вместо нормальных человеческих фигур изображены какие-то «фигурические челогуры», он отвечал своим оппонентам: «Я так вижу!»

Именно эта формулировка вскоре становится главной для всего мирового искусства минувшего столетия. XX век был отмечен не только великими научными и художественными открытиями, но и двумя мировыми войнами, безвозвратно унесшими десятки миллионов человеческих жизней. Такие фундаментальные нравственные понятия, как «стыд», «долг», «честь», нередко стали рассматриваться как отжившие свое рудименты и атавизмы. Чем сильнее раскручивалась спираль воинствующей бездуховности, тем меньше оставалось целостности и внутренней гармонии в художественных произведениях (в том числе и в сценических постановках). И наконец, в середине XX века на Западе в полный голос заговорили о своих претензиях на общемировое культурное господство идеологи нового художественного течения, вскоре получившего название «постмодернизм».

Сегодня его в основном определяют как «культуру конца», результат своего рода «художественной усталости», прямое следствие того, что категории Добра и Зла все чаще становятся принципиально неразделимыми и нередко оборачиваются своей противоположностью. Относительность этических понятий, появление «человека без свойств», идея принципиальной бессодержательности любого текста — все это есть основные составляющие постмодернистского мировоззрения. С точки зрения апологетов постмодернизма, культура в наше время оказалась в полном духовном тупике, обнаружив свою исчерпанность и невозможность дальнейшего развития. Поэтому «новая целостность» постмодернизма состоит из «уцелевших обломков» старого. Отсюда в современных постмодернистских постановках бесконечные цитаты, отсылающие нас к культурному наследию прошлого (и пародирование этого наследия, иронизирование над ним).

Не буду говорить о том, какие извращенные и уродливые формы приобретают сегодня многочисленные «шедевры», появившиеся на отечественной и мировой сцене вследствие подобной культурной «безразборности» и духовной энтропии. Скажу лишь о том, что, по моему мнению, именно равнодушие и нравственная апатия, к концу 1980-х годов прочно укоренившиеся в сознании значительной части наших сограждан (не без помощи наших дорогих зарубежных «партнеров»), во многом предопределили «беловежскую катастрофу» 1991 года. Небольшая кучка людей сумела безнаказанно украсть у многомиллионного народа великую страну — и это стало возможным из-за «раскультуривания» советского общества. Ведь о подобной катастрофе заранее предупреждали многие выдающиеся мастера культуры того времени. Вспомним, к примеру, выдающегося оперного режиссера, Народного артиста СССР Бориса Покровского, в 1989 году опубликовавшего в газете «Советская культура» статью под названием «Почитание культуры — почитание человека».

В этой статье прославленный мастер сцены писал о том, что именно культура как духовная организация общества является тем самым фундаментом, опираясь на который можно построить крепкую и сплоченную страну. Однако, по его словам, проблема заключалась в том, что культурный слой в нашем обществе стремительно истончался, поскольку у простого советского человека катастрофически отсутствовала потребность в культуре. На смену творческому началу приходило потребительское отношение к жизни, сопровождавшееся духовной энтропией. Исчезала русская интеллигенция, всегда отличавшаяся активной гражданской позицией, болевшая душой за все, что происходило «с Родиной и с нами». На смену им приходили те, кого Александр Солженицын называл «образованцами», то есть формальными интеллигентами, отличавшимися абсолютной душевной глухотой. А ведь никакие университетские дипломы не способны заменить способность человека к состраданию и сопереживанию — и за своих близких, и за всю нашу великую и многострадальную родную землю.

Что же, прошло немногим более тридцати лет, и сегодня мы в театрах сполна пожинаем то, что когда-то посеяли на отечественной сцене борцы за так называемую свободу искусства от устаревших моральных и эстетических норм. Сегодня уже никого не удивишь

---

[1] Художественный руководитель кафедры хореографического искусства СПбГУП (2016–2024), профессор, Народный артист СССР. Автор 30 публикаций, в т. ч. книг: «Моя система балетного образования (Вашингтонская балетная академия)», «К вопросу сохранения истинных ценностей хореографии», «Синтез фольклора и классики — космический язык хореографии», «Мой взгляд на современные проблемы хореографического искусства», «Культура балетного театра и бальный танец» и др. Награжден орденом Ленина и орденом Дружбы народов.

тем, что, например, в спектакле по пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад» Петя Трофимов бегает по сцене с револьвером в руке, а Аня старательно штудирует «Капитал» Маркса. Три сестры — Ольга, Маша и Ирина — появляются в постановке чеховских «Трех сестер» в полном неглиже (вернее, безо всякой одежды). В постановке трагедии В. Шекспира «Гамлет» заглавный герой оказывается женщиной, а в балете «Щелкунчик» красноармейцы насилуют Машу прямо на сцене под музыку П. И. Чайковского. Самое печальное то, что все эти «гениальные» (по мнению их создателей) постановки являются лишь пустой и бессодержательной имитацией подлинного творчества (или, выражаясь языком современной поп-культуры, «фанерой»). Умение «делать» искусство достигло сегодня такого уровня, что этот эрзац бывает трудно отличить от подлинного художественного произведения.

Сегодня агрессивная псевдокультура, искусно подменяющая основополагающие эстетические и духовные ценности на их противоположности, открыто претендует на роль «властительницы дум». Хочется верить в то, что эта девальвация культурных и духовных ценностей не будет длиться вечно. Ведь и сейчас у нас есть и талантливые постановщики, и яркие, по-настоящему современные по форме и глубокие по содержанию спектакли — но, к сожалению, их не всегда можно сразу заметить на фоне откровенно бессмысленных и пошлых «творений», созданных так называемыми наследниками режиссера Штучкина. Сегодня, на заре нового тысячелетия, мы явственно видим, как отечественный театр вновь, как это уже не раз бывало в его истории, становится настоящим полем битвы за человеческие души. Вот почему вопрос о миссии искусства, о его роли во взаимоотношениях между человеком и обществом сегодня вновь необычайно актуален — как, впрочем, и на протяжении многих столетий истории отечественной и мировой художественной культуры.

Е. В. Волкова[1]

ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЗОНЕ БРИКС: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

На современном этапе истории, когда мировой порядок глобально перестраивается, БРИКС играет важнейшую роль в обеспечении справедливости и равенства. В настоящий момент БРИКС — это союз девяти государств — Бразилии, России, Индии, КНР, Южной Африки, ОАЭ, Ирана, Египта и Эфиопии[2]. Отношения между странами БРИКС строятся на основе взаимоуважения и взаимопонимания, суверенного равенства, солидарности, демократии, открытости, инклюзивности, укрепления сотрудничества и консенсуса[3].

Работа межгосударственного образования — всегда вопрос о языке взаимодействия. Официальные языки стран — участниц БРИКС — португальский, русский, хинди, английский, китайский, арабский, персидский, амхарский и еще одиннадцать языков ЮАР. При этом в тех странах, где английский язык входит в число официальных (Индия, ЮАР), он обычно не является первым языком. Его учат как второй язык, чтобы получить хорошую работу. Таким образом, английский язык не является национальным языком ни одной страны БРИКС и, будучи признанным языком международного общения (во многом благодаря относительной простоте в изучении), отлично подходит на роль языка взаимодействия БРИКС. Этот выбор соответствует и принципу справедливости: таким образом, ни у одного участника БРИКС не будет языкового преимущества.

Конечно, двустороннее взаимодействие предполагает использование языков стран-участниц, но еще опыт ООН показал, как много трудностей возникает в языковом плане при взаимодействии большого количества участников, говорящих на разных языках. По поводу БРИКС встречаются предложения об использовании эсперанто (созданного на основе европейских языков и сильно напоминающего испанский), есть единичные работы о преподавании русского языка в странах БРИКС, но в целом этот вопрос остался без внимания научного сообщества.

Как известно, язык и культура настолько тесно взаимосвязаны, что изучение языка сопряжено и с изучением культуры народа, говорящего на этом языке. В недавнем прошлом произошла смена парадигмы языкового образования: теперь происходит обучение не языку, а межкультурной коммуникации на иностранном языке[4]. Здесь открывается возможность нового подхода к обучению английскому языку: необходимо посмотреть на него именно как на язык международного общения, когда обе взаимодействующие стороны не являются его носителями. Тогда основной целью обучения языку станет умение взаимодействовать с представителем любой культуры через английский язык, где необходимо в том числе уметь и рассказать о своей культуре с помощью чужого языка. Не перенять чужие (англосаксонские) ценности, а уважать различия, оставаясь при своих убеждениях. На это должны быть нацелены

[1] Заведующая кафедрой английского языка СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент. Автор более 110 публикаций, в т. ч. книг: «Основы теории межкультурной коммуникации», «Intercultural Communication. Practicum», «Innovative Technologies as a Means of Developing University Students' Cross-Cultural Competence» и др.

[2] БРИКС // Википедия : [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%A0%D0%98%D0%9A%D0%A1 (дата обращения: 10.04.2024).

[3] XV саммит БРИКС. Йоханнесбургская декларация-II. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf/ (дата обращения: 10.04.2024).

[4] *Мазанова Л. С.* Современное языковое образование как проблема овладения иностранным языком и освоения чужой культуры // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2008. № 1. С. 177.

программы обучения английскому языку во всех странах БРИКС.

Взаимодействие между странами БРИКС в области образования пока не очень интенсивно. Существует Ассоциация университетов БРИКС+ (BRICS+ University Association, BUA), куда входят 125 университетов из 28 стран, не только состоящих в БРИКС, но и рассматривающих такую возможность. Основателями являются следующие университеты: Федеральный университет Рио-де-Жанейро (Бразилия), Московский политехнический университет и Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет (Россия), Инженерный колледж Бирла Вишвакарма Махавидьялая и Университет науки и технологий, Мехгалая (Индия), Национальный университет Мар-дель-Плата, Латиноамериканская школа общественных наук (Аргентина) и Университет Аддис-Абебы (Эфиопия)[1]. Цель ассоциации — поддержка университетов на мировой арене, содействие международному сотрудничеству в сфере высшего образования и создание возможностей для встреч, налаживания контактов и открытого диалога. Необходимо отметить, что сайт организации оформлен на английском языке.

В России существует также Университет БРИКС. Изучение сайта данного учебного заведения показало, что направления подготовки и учебные планы не несут никакой специфики, связанной с названием университета. Программа по направлению 45.03.02 «Лингвистика» (профиль «Перевод и переводоведение»), например, включает стандартный набор дисциплин: «Основы языкознания», «Практический курс английского языка», «Теория межкультурной коммуникации», «Лингвистический анализ текста» и т. п.[2] Таким образом, взаимодействие в сфере образования в зоне БРИКС находится на начальном этапе своего развития, а языковой вопрос на официальном уровне не решен, но выбор автоматически делается в пользу английского языка.

Специалисты в области языкового образования разграничивают подходы к обучению иностранным языкам лингвистов-профессионалов и студентов неязыковых специальностей. Представляется целесообразным сохранить существующий подход в обучении английскому языку для специалистов-регионоведов, для которых углубленное исследование страны изучаемого языка является профессиональной необходимостью. Специалисты, понимающие глубинные мотивы поступков представителей англосаксонских культур, нужны государству. Но вот для остальных профессионалов, для тех, кто будет использовать английский язык в общении с представителями различных культур, англосаксонские правила не будут являться эталоном в коммуникации.

Здесь нам представляются важными две задачи: 1) ввести углубленное преподавание английского языка для студентов всех направлений подготовки во всех странах БРИКС (и как результат обучения языку ввести свой международный языковой экзамен, а не зависеть от Кембриджа, TOEFL и IELTS, которые показали себя ненадежными партнерами); 2) ввести для них обязательный курс межкультурной коммуникации. Сейчас «Межкультурная коммуникация» как учебная дисциплина входит в учебные планы небольшого количества направлений подготовки (в основном это «Лингвистика», то есть как раз у тех, кто углублен в изучение иной культуры) как в России, так и в других странах БРИКС.

В свое время отсутствие умений именно в межкультурной коммуникации привело к провалам во взаимодействии представителей Красного Креста и других организаций и дипломатов США с населением стран, куда они приезжали. Это вызвало необходимость создания Института иностранной службы в 1947 году и возникновения межкультурной коммуникации как науки (Э. Холл).

Стоит учиться на чужих ошибках, не допуская проблемных ситуаций в общении между представителями различных стран БРИКС. Для этого видится необходимым введение курса «Теория межкультурной коммуникации» для всех обучающихся. Практические навыки использования полученной на этом курсе информации, при достаточном количестве часов на обучение английскому языку, будут отрабатываться на занятиях по английскому. Необходимы взаимодействие между преподавателями данных дисциплин и корреляция рабочих программ. При разработке учебника по английскому языку, например, видится целесообразным включить в каждый раздел специальную рубрику, показывающую, что стоит у разных народов за одним и тем же словом-посредником (английским): как соотносится, например, house — casa — дом, то есть рубрику, отсылающую к различиям в национальных концептосферах. Такой подход даст студентам понимание глубинных различий, научит учитывать возможность альтернативной интерпретации сказанного. Именно неподготовленность в этом плане приводит к непониманию в межкультурной коммуникации.

В Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в рабочую программу курса «Основы теории межкультурной коммуникации» включена проектная деятельность студентов. Для выполнения проекта студенты объединяются в мини-группы. Обычно получается 6–7 проектов на большую учебную группу. Идея проекта состоит в том, чтобы проиллюстрировать все теоретические темы курса практической работой. Студенты выбирают интересующую их национальную культуру, на примере которой они будут практически применять изучаемые темы[3]. В предлагаемой системе они смогут выбирать из списка культур стран — участниц БРИКС, чтобы детальнее изучить особенности их культур.

На наш взгляд, одной из важнейших компетенций, на формирование которых направлено обучение всех студентов, должна быть межкультурная. О ней мно-

[1] Who We Are // BRICS : [сайт]. URL: https://brics.world/about.

[2] Лингвистика : бакалавриат // Университет БРИКС : [сайт]. URL: https://unibrics.ru/programm/450302-lingvistika/#study_plan.

[3] *Волкова Е. В.* Использование проектной методики и современных технологий в преподавании лингвострановедения и межкультурной коммуникации // Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения : 19-й межвуз. семинар по лингвострановедению (Москва, 22–23 июня 2021 г.) : доклады и материалы : в 2 ч. Ч. 1 : Языки и культуры / отв. ред. Л. Г. Веденина ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (университет) МИД РФ. М. : МГИМО-Университет, 2022. С. 306.

го написано, и у каждого ученого свой взгляд на ее структуру, то есть те компоненты, которые и обеспечат успешное межкультурное взаимодействие носителя данной компетенции, но есть проблема, которая до сих пор не решена ни у нас, ни в Западной Европе и США, где зародился сам термин. Это проблема формирования межкультурной компетенции. Корень этой проблемы кроется в самой структуре свойства личности, куда большинство ученых включают определенные личностные качества (например, эмпатию или так называемый внутренний стержень, помогающий преодолевать культурный шок), которые формируются с детства и во многом в процессе воспитания. Здесь необходима взаимосвязанная система обучения и воспитания, направленная на формирование определенных качеств и взглядов, которые будут развивать у детей, а впоследствии у студентов, осознание многообразия культур, уважительное отношение к иному, но при этом будут способствовать сохранению собственной культурной идентичности.

В воспитательной системе Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов есть традиционные мероприятия, направленные на формирование открытости: Городской студенческий вечер восточной поэзии им. Д. А. Гранина, фестиваль национальных культур «Землячество» и др. Работа ведется, но она должна стать системной и охватывать как минимум все страны БРИКС.

Гао Цин[1]

«ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» И БРИКС КАК МНОГОСТОРОННЕЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Инициатива «Один пояс, один путь» как политика Китая по продвижению инклюзивной многосторонности перекликается с механизмом сотрудничества БРИКС. Многие страны инициативы «Пояса и пути» являются членами БРИКС. Эти два направления способствуют развитию международных альтернативных торговых отношений, реализации инвестиций, безопасности; будучи многосторонними, они абсолютно беспроигрышны. Они ориентированы на развитие, в основе которого лежит взаимовыгодное сотрудничество, а так как каждая входящая в них страна обладает не только национальным потенциалом, но и большим опытом международного сотрудничества, то он становится определенным передаваемым друг другу базисом знаний. Поэтому стоит сказать, что страны содружества эффективно используют платформу БРИКС и инициативу «Один пояс, один путь», что позволяет им активно расширять возможности для международного сотрудничества в области образования.

Сегодня международное сотрудничество в сфере высшего образования стало показательной тенденцией развития интернационализации последнего. Россия, развивая с Китаем всестороннее стратегическое партнерство, как заметили Лю Шухуа и Сун Юнхуа, является приоритетной страной в его внешней политике[2]. Практика уже показала, что программа взаимодействия в области образовательных обменов обеспечивает научно-техническую поддержку талантов. А это является одним из факторов, способствующих дальнейшей трансформации существующих и прогнозированию будущих направлений китайско-российских отношений на высоком уровне и в области образования, и в других сферах. Это объясняется тем, что именно образование закладывает те компетенции, которые позволяют не только реализовать программы сотрудничества, развивать торговые и экономические отношения, но и укреплять взаимное доверие и консолидацию общественного мнения. Практика российско-китайского сотрудничества в области образования подтверждает сказанное. Так, например, вузы провинции Ляонин, которая является стратегическим районом реализации проекта «Один пояс, один путь», демонстрируют яркий пример международных контактов между крупными университетами провинции и российскими вузами. За несколько лет провинция смогла сформировать хорошую платформу для преобразования своей промышленной структуры.

Опыт международного сотрудничества позволил определить четыре модели обмена и взаимодействия. К ним относятся модель краткосрочного обмена, модель совместного образования, совместная форма обучения по проекту «2+2» и последняя модель — сеть институтов Конфуция в России. Если модель краткосрочного обмена в основном осуществляет реализацию программ по русскому или китайскому языку, вторая направлена на совместные программы бакалавриата (например, между Шэньянским химико-технологическим университетом и Иркутским национальным исследовательским техническим университетом), третья представляет паритетное образование в рамках конкретного проекта (например, между Шэньянским химико-технологическим университетом и Томским

[1] Аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета. Автор более 10 научных публикаций, в т. ч.: «Исследование китайско-российского регионального экономического сотрудничества в рамках инициативы „Один пояс — один путь“ (на примере Дальнего Востока)» (в соавт.), «Китайско-российская культурная дипломатия в процессе глобализации» (в соавт.), «Традиционная культура и социальная трансформация», «Современная трансформация китайской традиционной культуры в процессе глобализации», «China-Russian Cultural Exchange in the Process of Globalization» и др.

[2] См.: *Лю Шухуа, Сун Юнхуа.* Китайско-российское сотрудничество в области высшего образования на фоне инициативы «Один пояс, один путь» : проблемы и контрмеры // Исследование высшего образования. 2019. № 4. С. 100–107 (на кит. яз.).

технологическим университетом), то институты Конфуция как форма последней модели (например созданные Ляонинским университетом и Иркутским государственным университетом) представляют уже многофункциональное культурно-образовательное объединение: это вневозрастные программы дополнительного образования, образовательные стажировки, культурные мероприятия и т. д. Можно сказать, что Институт Конфуция и открывающиеся при китайских вузах центры русской культуры — хотя и функционально различные, но близкие по идейному содержанию структуры, — направлены на расширение и углубление знаний о культуре народов двух стран.

Опыт реализации данных моделей при всей в целом хорошей организации системы образования показал, что в ходе международного сотрудничества еще возникают проблемы. Это позволяет говорить о том, что схема обмена в рамках высшего образования и контактов между провинцией Ляонин и Россией не идеальна, и это можно объяснить отсутствием системного и эффективного планирования организации международного сотрудничества в области образования. Так, по замечанию Юй Чанг и Чжао Чжэ, отсутствуют конкретные политические положения, которые должны определять политику реализации проектов, а также нет системы стимулирования и прогнозирования их будущего[1]. Следствием этого явилось то, что некоторые образовательные учреждения провинции Ляонин не смогли в полной мере использовать преимущества от образовательных обменов и сотрудничества с Россией[2]. Это говорит о том, что инициативу и энтузиазм вузов в рамках реализации программ сотрудничества в области образования необходимо не только поддерживать заинтересованностью вузов-партнеров, но и укреплять поддержкой региональных государственных структур, а также совершенствовать систему управления, формировать механизм реализации программ, решать вопросы о финансировании данных инициатив. Это обусловлено тем, что как инициатива «Один пояс, один путь», так и программы сотрудничества БРИКС должны иметь мощный межгосударственный управленческий аппарат, деятельность которого непосредственно будет посвящена координации реализации сотрудничества в области образования.

Помимо координации и управления, исследователи отмечают еще такой недостаток, как неравномерное распределение направлений подготовки в рамках студенческих обменов. Ван Цзинцзин, Ао Рига и Чжан Чжиюн пишут, что как российские, так и китайские вузы делают акцент на языковую подготовку, а второе направление — изучение культуры народов[3]. Это объяснимо: будущие специалисты в области российско-китайского сотрудничества не должны иметь коммуникационных барьеров. Но возникает проблема — вузы-партнеры в основном скоординировали образовательные программы по тем конкретным специальностям, которые представляют для них двусторонний интерес. Следовательно, возникает необходимость дополнительной опережающей подготовки по языковой грамотности, которая может осуществляться (как в своем вузе, так и в вузе-партнере) непосредственно перед включением студентов в образовательный процесс, чтобы такие дисциплины технического или естественно-научного профиля, как экономика, менеджмент и другие, были охвачены в рамках образовательной программы.

Сегодня международное образование представляет собой такой же рынок, как и промышленный или продуктовый. Есть товар соответствующего качества — есть на него спрос. Сегодня в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и содружества БРИКС возникают проблемы, которые объединяют эти два направления, и среди них — наличие специалистов, способных к совместной реализации программ сотрудничества. В Китае существует лозунг «Знание для экономики», а в системе международного образования преобладает акцент на знание языка «над наукой». Поэтому сегодня перед китайскими вузами и непосредственно перед вузами Ляонинской провинции стоит задача переориентации как китайских студентов, которые обучаются в России, так и российских студентов в китайских вузах на обучение конкретным специальностям, которые востребованы для реализации инициативы «Один пояс, один путь». Это позволит расширить возможности обмена по техническим и естественно-научным специальностям, сформировать междисциплинарную модель подготовки талантливых специалистов. Результатом этого процесса будет взаимовыгодное междисциплинарное и многоуровневое сотрудничество.

Необходимо остановиться и на таком вопросе, как создание совместных университетов. Россия и Китай сегодня уже имеют опыт в данной области сотрудничества. С 2016 года Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне организует учебный процесс по совместным программам образования, которые ведут как китайские, так и российские преподаватели. Создание университетов за рубежом является одной из форм «выездного» сотрудничества в высшем образовании Китая, а также важной частью для реализации трансграничного высшего образования. Но поскольку сегодня это единичный опыт сотрудничества в такой форме, эта проблема важна также и для реализации взаимодействия между вузами России и провинции Ляонин. Поэтому решение одной из основных задач, стоящих сегодня перед Министерством образования провинции, должно будет способствовать оптимизации международного сотрудничества в области образования, результатом чего ста-

[1] См.: *Юй Чанг, Чжао Чжэ.* Характеристики, проблемы и стратегии обмена высшим образованием и сотрудничества между университетами провинции Ляонин и странами Северо-Восточной Азии // Современное управление образованием. 2014. № 1. С. 23–26 (на кит. яз.).

[2] *Гао Цин.* Анализ международных обменов и сотрудничества между провинцией Ляонин и Россией в области высшего образования на фоне «Одного пояса и одного пути» // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия : сб. Восточного центра. 2023. № 26. С. 68–71.

[3] См.: *Ван Цзинцзин, Ао Рига, Чжан Чжиюн.* Размышления о развитии краткосрочных программ для иностранных студентов в местных университетах — на примере краткосрочной студенческой программы по обмену в Пекинском сельскохозяйственном колледже // Образовательно-педагогический форум. 2018. № 21. С. 62–63 (на кит. яз.).

нет подготовка талантов для инициативы «Один пояс, один путь».

Декан, профессор и научный руководитель Школы международного культурного обмена Университета Тунцзи Сунь Исюэ сказал по этому поводу, что существует большой разрыв между моделью обучения и необходимостью в специалистах для инициативы «Один пояс, один путь»[1]. Следствием этого стало то, что выпускники вузов, обучающиеся по международным программам, не могут адаптироваться к потребностям устойчивого развития этой инициативы.

Таким образом, программы российско-китайского международного образования должны охватывать очень большой спектр направлений; сочетать дисциплинарные преимущества, опираться на опыт подготовки талантов в странах-партнерах, формировать модели образования с учетом потребностей не только инициативы «Пояса и пути», но и программы содружества БРИКС.

А. Н. Данилов[2]

ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРЕД НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ ВРЕМЕНИ

В сентябре прошлого года в стенах СПбГУП прошла представительная Международная научно-практическая конференция «Общественные науки и развитие высшего образования», открывшая большой цикл мероприятий, приуроченных к 300-летию создания Российской академии наук. Хотелось бы отметить выступление ректора СПбГУП, члена-корреспондента РАН А. С. Запесоцкого на пленарном заседании, где он, исходя из своего богатого педагогического и управленческого опыта, остановился на проблемах и болевых точках нынешней системы образования и подчеркнул высокую миссию культуры в реформировании системы образования и выработке национальной идеи. И конечно, абсолютно прав Александр Сергеевич, когда утверждает: «Ошибки в управлении образованием нужно анализировать»[3]. Я бы добавил: а в первую очередь — признавать. Среди ошибок он отметил переход на систему «бакалавр–магистр» и проблемы, связанные с ЕГЭ. А. С. Запесоцкий прямо говорит, что «это крах фундаментального образования, конец лучшего, что было в образовательной системе советских времен. В отличие от советского времени, теперь появилось и, по сути, не скрывается толкование образования как бизнеса… Вузы утратили свое невероятно важное качество — академическую свободу. Это то, на чем всегда, на протяжении всей своей истории стояли университеты… Что за новый идеал образования выдвинут нашей эпохой — квалифицированный потребитель? Вузы превращаются в плохие техникумы… Следует отметить, что практически все реформы высшего образования в постсоветский период осуществлялись без сколь-нибудь серьезного научного обоснования»[4].

С этими утверждениями нельзя не согласиться. Как же получилось, что все советское образование в одночасье оказалось за бортом истории, было признано отсталым и политически ангажированным? Не задумываясь о будущем, мы перенимали неадаптированные к постсоветской действительности западные образцы учебных программ, наспех переводили учебники и считали, что достойная жизнь будущим поколениям обеспечена. При этом так и не ответили на главный вопрос: «Чему и как учить, чтобы обеспечить достойную жизнь будущему поколению, какие навыки им понадобятся, чтобы быть счастливыми и достойно жить в условиях непрекращающейся турбулентности?» Учить молодых людей можно только при условии ви́дения пути, по которому предстоит пройти, и умения встраивать этот путь в целостную картину мира, отвечающую сложившимся в обществе ценностным установкам. Время требует знания приоритетов общества и путей достижения целей, которые мы ставим перед собой.

С учетом новых «правил игры» точки роста для системы образования уже обозначаются. Этот процесс начат, но он пока идет стихийно, ситуационно, зачастую, как говорится, «без руля и ветрил», а будущее уже вполне конкретно рисует профиль новых вызовов, стоящих перед системой образования.

Выделим очевидное:

— глобализация не принесла ожидаемого равенства возможностей для образования, соизмеримости национальных образовательных систем, но разрушила образцы универсального опыта, традиции, модели их использования для развития национальных школ;

— глобальная цифровизация, развитие социальных сетей, телекоммуникационных систем революционизировали систему обучения, создания и усвоения знаний, формирования навыков;

— появились новые формы образования, включающие обучение в процессе работы в научных проектах, реализуемы в виде стартапов;

— динамика жизни продолжает нарастать, что ведет к постоянной смене технологий, повышению уровня экономической неопределенности, постоянному

[1] См.: *Сунь Исюэ.* Точно развивать таланты, необходимые для инициативы «Пояс и путь» // Сеть новостей образования Китая : [сайт]. 2021. 1 апр. URL: http://www.jyb.cn/rmtzgjyb/202104/t20210401_478532.html (дата обращения: 23.09.2024) (на кит. яз.).

[2] Заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета, доктор социологических наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч.: «Актуальные проблемы современного белорусского общества (2017–2020 гг.)» (в соавт.), «Матрица современной социологии», «Культурные коды в цифровую эпоху» (в соавт.), «Память и слава: Георгий Петрович Давидюк. К 100-летию со дня рождения», «Сова Минервы вылетает в сумерки: культура и новая цивилизация» и др. Член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси. Председатель Белорусского социологического общества. Лауреат премии Национальной академии наук Беларуси.

[3] *Запесоцкий А. С.* Реформирование системы высшего образования: проблемы и болевые точки // Общественные науки и развитие высшего образования : Междунар. науч.-практ. конф., 22 сентября 2023 г. / науч. ред. Т. Я. Хабриева ; сост. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2023. С. 37.

[4] *Запесоцкий А. С.* Указ. соч. С. 36–42.

обновлению спроса на новые умения специалистов и формы их подготовки;

— постоянно меняющийся рынок труда требует от образовательной системы нового качества «человеческого материала», адекватного изменению ценностей и предпочтений в современных обществах.

Все это означает, что необходимо совершенствование образовательной системы. Новая модель образования должна максимально эффективно использовать современные технологические среды и платформы, надлежащим образом отвечать на запросы экономики и социума, являть собой синтез традиций и новаций. Надо снова сделать университеты центрами формирования ценностной матрицы будущего, иначе ускоренное обновление базовых ценностей без должного историко-социального отбора может создать иллюзию прогресса, направить его по ложному пути, сформировать искаженную реальность[1]. В этой ситуации повышенное внимание к системе образования, к культуре в целом вполне оправданно, так как именно в этих сферах формируются новые жизненные смыслы, позволяющие молодому человеку адаптироваться к современному миру.

К сожалению, разрушение до основания предыдущего опыта мешает выработать стратегию управления и развития современной системы образования. Именно недооценка властными элитами стратегической роли образования и культуры как системообразующего основания российского социума, ее стратегического значения для успешной модернизации общества и экономического роста — главная причина, препятствующая развитию отечественной культуры, а во многом и общества в целом[2]. Культура, с точки зрения М. К. Горшкова — «мера становления человеческого в человеке»[3], превращается в важный инструмент объяснения текущих социальных трансформаций. Вот почему «именно отечественная культура позволит России остаться самой собой в беспрецедентно изменчивых реалиях нового тысячелетия»[4].

Высокая миссия культуры состоит в том, что в «условиях отсутствия официальной идеологии она должна выполнить роль духовно-ценностного „поля“ утверждения новой общегражданской культурной идентичности россиян как духовного стержня всех народов и социальных слоев страны; взять на себя функции социокультурной и гражданской консолидации общества, укрепления социальной и межнациональной солидарности, сохранения духовной общности и целостности российского социума; стать общей духовно-ценностной платформой для формирования образа будущего страны, стратегической перспективы его развития в XXI веке, т. е. фактически для выработки национальной идеи России»[5].

Таким образом, статус ключевого элемента общественной системы придает культуре две характеристики. Во-первых, она аккумулирует многовековой опыт народа: подавляющее большинство ценностей, которыми живет страна, созданы в прошлом, подчас далеком, и они во многом определяют ее дальнейшее развитие. Во-вторых, именно культура формирует самого человека, создает внутреннюю мотивацию его поступков и тем самым направляет нынешние и будущие изменения в стране, содействует становлению открытого правового общества, гражданского согласия[6].

Из огромного и разнообразного социального опыта культура отбирает то, что достойно дальнейшей трансляции, образует новый категориальный строй сознания людей иной эпохи, создает целостный образ жизненного мира человека, отражающий его отношение к природе и обществу. В результате возникают мировоззренческие установки, которые определяют жизненные приоритеты части общества, включенного в виртуальное пространство. Когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той средой, которая определяет направление и содержание изменений[7]. В этом процессе большое значение имеют те области деятельности, в которых обновляются и формируются ценности, их содержание наполняется актуальным смыслом и становится более современным, утверждается или отвергается новый социокультурный опыт. Такой областью является система образования.

Сегодня очень важно попытаться заглянуть в будущее, чтобы увидеть возможный следующий уровень, новый виток социальной эволюции. В этой ситуации образование как часть культуры выступает в качестве центра, наполняющего содержанием происходящие перемены, становится ценностной матрицей иной реальности. Именно от образования напрямую зависят вопросы устойчивости и развития цивилизации. Образование становится фундаментом для нового общества. В этом секторе современного общества происходит активное обновление форм и методов управления, в том числе деятельностью учебных заведений. В системе образования возникает новый глобальный рынок, который может достаточно быстро заместить традиционные образовательные системы и внести новые стандарты. Неслучайно больше других высказывает неудовлетворенность государственным образованием бизнес в сфере высоких технологий. Продвинутые компании ставят вопрос о создании собственных образовательных структур. Наконец, главный вызов для образовательной системы, являющейся пространством вос-

[1] Трансформация этической матрицы в цифровую эпоху. Материалы научной онлайн-конференции с международным участием / ред. А. К. Мамедов, И. Н. Чудновская. М. : МАКС Пресс, 2022. URL: https://www.socio.msu.ru/documents/2022042801kommuniksystem.pdf.

[2] *Данилов А. Н.* Стратегическая роль культуры как системообразующего основания социума (по материалам книги М. К. Горшкова, С. Н. Комиссарова, О. И. Карпухина «На переломе веков: социодинамика российской культуры») // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Иркутск : ИГУ, 2023.

[3] *Горшков М. К., Комиссаров С. Н., Карпухин О. И.* На переломе веков: социодинамика российской культуры. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. С. 51.

[4] Там же. С. 123.

[5] *Горшков М. К., Комиссаров С. Н., Карпухин О. И.* Указ. соч. С. 121–122.

[6] Аналитический вестник. М. : Изд. Гос. Думы, 2019. URL: http://duma.gov.ru/media/files/PBPsGUhebmOQpsj63tBdTsmthlu5UdPR.pdf.

[7] *Данилов А. Н.* Формирование новой матрицы ценностей как условие цивилизационного развития (по работам В. С. Степина). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-novoy-matritsy-tsennostey-kak-uslovie-tsivilizatsionnogo-razvitiya-po-rabotam-v-s-stepina?ysclid=m17rjm57w4263544933.

производства смыслов деятельности общества и создания новых, — мотивировать молодых людей учиться[1].

Совершенно прав глава Минобрнауки РФ Валерий Сальков, когда на вопрос журналистки Анны Урманцевой, заданный ею в интервью еще в 2021 году, о главной проблеме российского образования, четко ответил: «Главная проблема российского образования — это мотивация. Задача университетов — работать с мотивацией студента. Замотивированный студент получает знания, а не просто „отбывает номер“. Он в вузе не ради диплома. Вот такие студенты — молодые ученые, создатели научного и технологического будущего страны — нам сейчас как раз очень нужны»[2]. Образование не может не отвечать на запросы научно-технического прогресса, экономики и общества. Неудовлетворенность образованием тормозит духовное развитие человека, порождает некий комплекс неполноценности, неуверенность в завтрашнем дне, сомнения в верности выбранного жизненного пути.

Потребность в глобальной «дорожной карте» будущего образования чрезвычайно велика. Только бы вновь не наломать дров. Все понимают, что без сильных мотивационных основ и принятия новой образовательной стратегии общество обречено на постоянное отставание. Цель построения новой модели образования не в том, чтобы «снести» предшествующие практики, а в том, чтобы вдохнуть в них новую жизнь, в том числе найдя здравое зерно и переосмыслив существующие образовательные подходы. Прорыв к новому должен быть сопряжен с обновлением ценностных оснований цивилизационного развития, сохраняющих человечество. Ключевое звено глобальной «дорожной карты» будущего образования точно определил П. А. Водопьянов, отметив: «Созидание будущего будет зависеть от тех, кто сотворит новый мир на основе коренного перелома в сознании, направленного на сохранение биосферы и утверждение биоантропоцентристской парадигмы мышления»[3].

Предстоит большая работа по изменению миссии образования как части культуры, центра формирования ценностной матрицы будущего. В центр гуманитарного дискурса выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судеб современной цивилизации, с возможными сценариями будущего человечества, которое не задано однозначно. Вот почему такое большое внимание уделяется последствиям очередного поворота в системе образования, где наряду с опытом предшествующих лет должна получить должное развитие национальная культура. Именно в недрах культуры формируются новые жизненные смыслы и ценности, позволяющие человеку адаптироваться к вызовам времени и ориентироваться в современных жизненных условиях, утверждая свою принадлежность к семье, роду, Отечеству.

М. А. Захаришева[4]

СУВЕРЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Современный мир динамичен, неспокоен, противоречив. Человечество пережило период противостояния двух разных политических и идеологических систем, затем долгий этап однополярности. Сегодняшний переход к многополярному миру достаточно сложен, происходят системные преобразования во всех сферах общественной жизни, которые не могут не оказать влияния и на отечественное образование, причем на всех его ступенях, во всех видах и типах.

История современного российского образования чрезвычайно востребована, ее изучением занимается большое количество ученых. В настоящее время, по мнению ведущего историка образования страны М. В. Богуславского[5], наше образование переживает волновую цикличность реформ и модернизаций, в разных аспектах меняющих его направленность, структуру, содержание, систему ценностей.

В образовательной системе нынешней России сосуществуют и дореволюционная, и советская модели, причем ни одна из них не отвергла категорически предшествующую. Присутствующие в каждой системе педагогические феномены возвращаются после определенного исторического перерыва, приобретая новые черты и участвуя в решении актуальных педагогических задач. Так, например, произошло с воспитанием

[1] Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. URL: https://socio.isu.ru/export/sites/socio/ru/sociolab/.galleries/docs/Sbornik_Ekspertnye-instituty-v-XXI-veke_2022-1.pdf.

[2] Цит. по: *Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г., Щедрина И. О.* Социальное программирование в студенческой аудитории: мотивация на познание // Вопросы философии. 2023. № 10. С. 5–15.

[3] *Водопьянов П. А.* На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего. Мн. : Беларуская навука, 2023. С. 469.

[4] Профессор кафедры педагогики и психологии Глазовского государственного инженерно-педагогического института им. В. Г. Короленко, доктор педагогических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Развитие научно-педагогических представлений о гражданском воспитании», «Со словом надо обращаться честно», «Синергетика аксиологических приоритетов отечественных педагогов начала XX века», «Педагогика Сухомлинского в современной средней школе», «Методическое наследие Е. Н. Медынского в истории отечественной педагогики», «Педагогическая регионалистика в Удмуртии: идеи, личности, события» и др. Член Научного совета РАО по проблемам истории образования и педагогической науки. Награждена медалью К. Д. Ушинского.

[5] *Богуславский М. В.* Динамика ретроинновационных процессов в современном российском образовании: от системных ретроноваций к ретроинновационной системе // Реализация идейного потенциала историко-педагогического знания в контексте современной образовательной политики : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. — XXXVI сессии Науч. совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отдении философии образования и теоретической педагогики РАО / под ред. М. В. Богуславского, С. В. Куликовой. Волгоград, 2023. С. 11–17.

в школе, с возвращением пионерии под другим названием, уроками физкультуры и нормами ГТО — примеры можно продолжать. Ретроинновации постепенно приходят в жизнь современных детей и подростков, в жизнь средней школы. А поскольку источник этих изменений — история собственного опыта, их комплекс действительно обеспечивает суверенизацию отечественного образования.

Казалось бы, найден эффективный способ суверенизации, который можно распространить и на следующую ступень образования. Однако в высшей школе ничего подобного не наблюдается. Слишком долго российская система высшего образования находилась под влиянием Болонских процессов, отечественные традиции были утрачены. Следуя взятым на себя обязательствам, мы демонтировали систему специалитета, перешли на бакалавриат и магистратуру; долго не могли определиться с аспирантурой, предъявляли профессорско-преподавательскому составу университетов несвойственные им жесткие требования. Все это привело к целому ряду негативных последствий: нам так и не удалось выйти на европейский уровень, мы во многом потеряли молодое поколение ученых, отечественную профессуру. Мы были обмануты (или сами обманулись) Болонскими декларациями.

В «болонском угаре» мы резали, кроили, ломали, переделывали то, что вырабатывалось в нашей высшей школе десятилетиями, не прислушиваясь к голосу разума, не слушая тех ученых и педагогов, которые предвидели риски, предупреждали о негативных последствиях.

В настоящее время идет процесс реформирования, поиск адекватных вызовам времени моделей отечественного университетского образования[1]. И если среднее общее образование в стране может и, вероятно, должно быть суверенным, то к высшему образованию такое однозначное требование предъявить невозможно. Очевидно противоречие: с одной стороны, изучаемая в университетах наука не имеет национальности, ее результаты принадлежат всему человечеству, с другой — стране нужны ученые, которые посвящают себя служению отечественной науке, патриоты Отечества.

Преодоление этого противоречия представляется нам возможным, если в дальнейшем развитии российского высшего образования придерживаться двух векторов — центростремительного и центробежного *одновременно*.

Предстоит преодолеть навязанное нам представление об образовании как о сфере услуг. В системе традиционных российских духовно-нравственных ценностей образование как таковое уже является ценностью. Российскому образованию не следует отступать от этого принципиального положения — напротив, усиливая эту позицию, надо транслировать государствам БРИКС взгляд на образование как на важнейшую социальную ценность.

За десять с небольшим лет оформились некоторые тенденции сотрудничества в развитии высшего образования в странах БРИКС, такие как создание совместных учебных программ, обмен студентами и преподавателями, обмен научными исследованиями, создание совместных научно-исследовательских центров и, конечно, цифровизация образования[2]. Эти тенденции не вызывают возражений или опасений в академическом сообществе. Однако при международном признании ведущих университетов стран БРИКС наблюдаются и отрицательные явления, а именно — падение качества обучения в массовом секторе высшего образования. Молодые люди покидают родную страну, стремятся поехать учиться за границу.

Постепенно оформляются и получают признание разнообразные образовательные и научные программы, подобные Школе БРИКС. Программа предназначена для подготовки отечественных специалистов в области взаимодействия с коллегами из стран БРИКС. Такое взаимодействие происходит в политической, экономической и гуманитарной сферах, в том числе в образовании и науке, что требует соответствующих специалистов.

Школа БРИКС состоит из разнообразных тематических модулей. Кроме прослушивания курса лекций российских и иностранных ученых, участники программы принимают участие в дебатах, дискуссиях, мастер-классах, тренингах. Обсуждаются цели и задачи объединения БРИКС, перспективы международного сотрудничества, особенности взаимодействия стран. Участники программы Школы БРИКС получают необходимые знания, расширяют свой профессиональный кругозор, развивают коммуникативные навыки.

Представляет интерес такая международная неправительственная организация, как Международный форум БРИКС, созданная все с той же целью развития взаимодействия между странами.

Заявляет о себе Молодежный саммит БРИКС как способ взаимодействия в молодежных кругах и по вопросам молодежи, в чем видится его особая ценность. Входящие в БРИКС государства поддерживают цифровизацию в сфере образования.

Сотрудничество продолжается на университетском уровне. Обсуждается проект научно-образовательной системы БРИКС как сети научных и образовательных организаций, куда входят университеты, институты, колледжи разных стран, всего около тысячи. Студенты и преподаватели получают возможность учиться и работать в этих странах.

Для создания Ассоциации университетов и колледжей стран БРИКС, взаимного признания дипломов необходимы определенные законодательные акты, в том числе на государственном уровне. При успешном развитии сотрудничества стран БРИКС произойдет демонтаж Болонских соглашений и появится новая система высшего образования, которая должна остановить утечку умов на Запад.

Дмитрий Сергеевич Лихачев высоко ценил университетское образование, считал, что лишь в университете молодой человек может развить в себе профессионализм и академизм. Он говорил о том, что учиться

[1] *Фрумин И. Д., Добрякова М. С.* Что заставляет меняться российские вузы: договор о невовлеченности // Вопросы образования. 2012. № 2. С. 159–191.

[2] *Машкина О. А.* Страны БРИКС: стратегии развития высшего образования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование. 2017. № 2. С. 40–48.

в течение всей жизни — это естественно[1]. Учение поднимает людей к вершинам культуры, а высокая культура, по мнению академика, примирительна по своей сути. Этот завет Лихачева актуален для научно-образовательной системы БРИКС.

Достаточно большое количество разных инициатив в период становления научного и образовательного взаимодействия стран БРИКС свидетельствует о востребованности такого сотрудничества. Вероятно, необходимо некоторое время для того, чтобы намерения воплотились в конкретные дела, проросли и созрели перспективные ростки опыта, чтобы они получили международное признание. Если в Болонском процессе Россия была «догоняющей» стороной, то в объединении БРИКС мы должны сохранить равноправные отношения.

Российская образовательная система постепенно осваивает новую стратегию развития, которая базируется на последовательном отказе от западных ценностей (девестернизация) и определении собственной национально-патриотической основы развития (суверенизация). Самоидентификация российского образования происходит в условиях жестких исторических вызовов и угроз со стороны глобального образовательного пространства. В связи с этим актуальной проблемой остается гармония традиций российского высшего образования и новых направлений международного сотрудничества.

Потребность ориентировать свое высшее образование на мировые стандарты и одновременно бережно хранить уникальные национальные традиции представляет собой определенный компромисс. Опыт каждой страны и совместные усилия по взаимодействию при благоприятных условиях могут привести к мощному синергетическому эффекту развития высшего образования в системе БРИКС.

С. В. Кодан[2]

АСПИРАНТУРА: МЕЖДУ ОБРАЗОВАНИЕМ И НАУКОЙ. КУДА ВЫВЕДЕТ «КРИВАЯ» ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ?

Подготовка аспирантов на протяжении последних лет находится в явной зоне «турбулентности» — на пересечении разных, порой прямо противоположных мнений о месте подготовки молодых ученых в образовательных практиках. Мой опыт работы с аспирантами, преподавание ряда учебных курсов в аспирантуре в Уральском государственном юридическом университете им. В. Ф. Яковлева и работа в качестве члена Экспертного совета по праву и политологии Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России позволяют обратить внимание на ряд проблем, связанных с подготовкой молодых ученых к научно-исследовательским практикам. Обозначу основные из них.

1. Проблема подготовки аспирантов в современных условиях есть и требует своего решения. Оговорю, что необходимость подготовки научных кадров в аспирантуре не подлежит сомнению. Эта форма подготовки научных кадров на протяжении столетий оправдала себя в европейских университетских практиках и является важной составляющей отечественной традиции развития научно-кадрового потенциала страны. Назначение современной аспирантуры — выстроить учебный план, подобрать на каждую дисциплину квалифицированного преподавателя, организовать и обеспечить качественную теоретическую и методологическую подготовку аспиранта к осуществлению научной деятельности. Все это открывает путь для аспиранта не только к подготовке и защите диссертации, но и ко всей последующей научной деятельности. Но есть и два главных проблемных пространства.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что основной показатель эффективности деятельности аспирантуры связан с подготовкой научно-аттестационных работ в рамках нормативного срока подготовки аспирантов и совершенно справедливо выделен в качестве главной отчетной единицы по данному направлению деятельности вуза или научно-исследовательского института. Естественно, на его обеспечение и должна быть направлена деятельность аспирантуры. При этом, по официальным данным Российского союза ректоров, в 2022 году из аспирантуры выпустились 13,9 тыс. человек, из них 12,9 % защитили диссертации в период подготовки. Это «максимальный показатель за предыдущие пять лет». Оставлю за скобками комментарии по этому поводу, но необходимо учитывать рост числа поступающих в аспирантуру: в 2022 году поступили 45,1 тыс. человек — в 1,6 раза больше, чем в 2021 году. Это выводит на новый уровень проблему эффективности реализации данного уровня образования. Заметим, что в 2011 году численность защитившихся составляла 29,1 % (!).

Конечно же, подготовка научно-аттестационной работы аспирантом в установленный срок не должна быть задачей, решаемой любыми средствами, и это

[1] Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. СПб. : СПбГУП, 2006.

[2] Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ. Автор более 360 научных публикаций, в т. ч.: «Советский федерализм как результат политико-правовой бифуркации: идеологическое и организационное оформление» (в соавт.), «Идеологическая и политическая определенность советского права: партийно-государственные механизмы формирования и нормативного оформления (1917 — середина 1980-х гг.)», «Научная деятельность в сфере юриспруденции: методологические проблемы технологизации и технологий», «Источниковая база юридического диссертационного исследования: понимание, структура, репрезентация носителей информации», «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик в централизации и образовании единого правового пространства СССР (вторая половина 1950-х — 1970-е гг.)» и др.

не является самоцелью — могут быть разные обстоятельства объективного и субъективного характера. Но диссертация, выполненная качественно, защищенная в срок, прошедшая все стадии ее экспертизы и подтвержденная дипломом кандидата наук, является свидетельством готовности молодого ученого вступить в самостоятельную научную деятельность. В этом и заключается основная роль аспирантуры в развитии научного знания, и не имеет особого значения, каким уровнем образования мы ее в итоге назовем.

Кроме того, следует учитывать, что аспирант, действительно стремящийся в науку, реально должен получить тот необходимый «заряд» знаний и практической подготовки, который обязателен для занятий самостоятельной научной деятельностью, — что и как дали в аспирантуре, то и получим в дальнейшем в науке. Существует много других проблем — финансирование аспирантской подготовки, стипендии, грантовая поддержка исследований и др. Остановлюсь лишь на содержательной и кадровой сторонах учебного процесса, которые во многом обеспечивают конечный результат — подготовку диссертации и готовность к научной работе.

И еще одна проблема, на которой недостаточно акцентируется внимание, — это снижение уровня качества защищаемых диссертаций. Их основные аттестационные параметры и требования к содержанию — актуальность, новизна, историографическая основа, источниковая база, теоретические основания, методологический инструментарий, аргументированность выносимых на защиту положений и другие — достаточно часто (мягко говоря) не соответствуют требованиям к научно-аттестационным работам. На это неоднократно обращали внимание руководство Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, ее экспертные советы и отдельные эксперты, эта проблема является предметом обсуждения на совещаниях руководителей диссертационных советов. На всех этих уровнях особо указывалось, что многие недостатки диссертационных исследований связаны с необходимостью совершенствования подготовки молодых исследователей в рамках аспирантуры и обеспечения нужного уровня готовности аспирантов к проведению научных исследований и прохождению процедур научной аттестации. И здесь проблема прежде всего находится в плоскости образовательных программ в аспирантуре[1].

2. Основной вопрос при подготовке аспирантов — рационально выстроенная и содержательно выверенная учебная программа, реализуемая в рамках аспирантуры. Оставляя в стороне базовый уровень основных учебных дисциплин по подготовке к кандидатским экзаменам, специально подчеркну, что подготовка аспирантов должна быть практико-ориентированной — направлена на подготовку к практической самостоятельной научно-исследовательской деятельности как в период подготовки диссертации, так и, особенно, в будущем. Хорошо известно, что работы аспиранта (как, впрочем, и любого ученого) опираются на знания, которые относятся к следующим областям: историография — анализ литературы по теме диссертации и определение параметров ее изученности; источниковедение — отбор, анализ и систематизация носителей информации по теме диссертационного исследования; методология — операциональный инструментарий работы, включающий методы, подходы и технологические приемы проведения диссертационного исследования; исследовательская информатика — информационные ресурсы, содержание имеющейся в наличии информации, зафиксированной на соответствующих носителях и используемой для исследования; архитектоника диссертации — построение, язык, стиль изложения, оформление текста и репрезентация научно-справочного аппарата диссертации как научно-аттестационной работы.

Складывается впечатление, что это хорошо известно — и не более. В отличие от подготовки к кандидатским экзаменам, никаких нормативных требований (или обсужденных научно-педагогическим сообществом рекомендаций) к набору преподаваемых предметов не установлено. Возможность введения в учебные планы аспирантур специальных практико-ориентированных дисциплин, казалось бы, предусмотрена «Государственными требованиями к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре/адъюнктуре» 2021 года в виде так называемых элективных дисциплин, но чаще всего они (как показывает изучение учебных планов аспирантур) не представляют собой согласованной и направленной на подготовку аспирантов к исследовательским практикам системы преподаваемых учебных курсов. Нередко они вообще не имеют отношения к объективно существующим пространствам необходимой профессиональной подготовки аспиранта к научно-исследовательской деятельности и «раздаются», исходя из необходимости обеспечить «нагрузкой» тех или иных преподавателей.

При этом современное развитие отраслей знания и научных дисциплин в социогуманитаристике в целом усложнило научно-познавательное пространство, а введение в 2021 году новой «Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени» с их укрупнением и ориентацией на междисциплинарность в диссертационных исследованиях выступает как фактор необходимости изменения системы подготовки научных кадров в аспирантуре. Практики дисциплинарных и междисциплинарных исследований делают недостаточным «узкое знание предмета» и ставят необходимость выхода в сферу сотрудничества наук и научных дисциплин, развития знания на стыке и пересечении с самым широким спектром научных дисциплин. Только это обеспечивает выход из «прочного круга» постоянно повторяющихся тем «научных» работ и «дис-

[1] См. также: *Кодан С. В.* Практико-ориентированная подготовка аспирантов/адъюнктов в системе современного российского юридического образования: зачем, чему и кому обучать будущих ученых? // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2023. № 3 (63). С. 152–157.

сертационных исследований», с бесконечным поиском «оттенков нового» и полученного «впервые знания», а практически компилятивного «продукта» вместо полноценного актуального, нового, достоверного, доказанного и проверяемого знания с соответствующим его оформлением в рамках научных публикаций и диссертаций.

Соответственно содержание подготовки аспирантов требует и должно базироваться из системообразующих знаниях, которые необходимы для работы в научном пространстве как для подготовки диссертационного исследования, так и в последующем в сфере научной деятельности. Для этого в программу обучения аспирантов необходимо ввести специальные дисциплины: «Историография в диссертационном исследовании», «Источниковая база диссертационного исследования», «Методология диссертационного исследования», «Информационные ресурсы в диссертационном исследовании», «Архитектоника и оформление диссертационного исследования». Они и определяют соответствующие обязательные дисциплины для подготовки аспиранта. Но эти учебные дисциплины, безусловно, должны быть связаны, в практико-ориентированном пространстве должны развивать положения других преподаваемых предметов и должны быть ориентированы на конкретные диссертационные исследования.

3. Кадровое обеспечение практико-ориентированной подготовки аспирантов также является ключевой проблемой. И здесь необходимо «оставить в покое» научного руководителя. Он, безусловно, главная фигура в подготовке самой диссертации и как специалист в своей сфере науки не только определяет направленность и содержание исследования, но и развивает исследовательские способности и научную культуру аспиранта. Главная задача научного руководителя — обеспечить научно-дисциплинарную составляющую диссертации и качество самого исследования, а все остальное — дело аспирантуры как управленческо-учебного подразделения соответствующего образовательного или научно-исследовательского учреждения. И здесь аспирантура становится организатором теоретико-методологической подготовки аспиранта к научной деятельности.

При этом создание образовательных программ аспирантуры и их преподавание требуют соответствующего кадрового обеспечения. Полагаю, что 80 % преподавателей должны иметь не только докторскую степень, но и личный опыт подготовки аспирантов и уже защитившихся соискателей. Исключение, пожалуй, составляет только преподавание иностранного языка и информационных дисциплин для аспирантов — но здесь необходимы педагоги со знанием специфики подготовки диссертационных исследований.

Отмечу, что века подготовки кадров для науки и преподавания доказали, что диалог маститого и начинающего ученых в процессе обучения мастерству научного исследования и написания диссертации обеспечивает практико-ориентированную и эффективную подготовку аспирантов, понимание ими основных требований научной культуры, научного этоса и специфики интеллектуального труда. Естественно, в образовательные практики работы с аспирантами должны включаться ученые с необходимым уровнем педагогического мастерства, наличием способностей и возможностей раскрыть и донести сведения о работе его творческой лаборатории. При этом даже выдающийся ученый не всегда обладает личными педагогическими качествами для работы с аспирантами различных специальностей с выходом на обобщенные аспекты исследовательских практик, что необходимо учитывать при формировании преподавательского состава для работы в аспирантуре.

В заключение подчеркну, что обозначенный спектр основных проблем практико-ориентированной подготовки аспирантов требует их обсуждения в научном сообществе, выработки согласованных подходов к организации и построению образовательных программ, сохранения традиционных и поиска новых форм работы. При этом аспирантура была и должна оставаться специфическим уровнем образования, объединяющим в целое образовательную и научную деятельность для кадрового обеспечения последней.

А. А. Колобкова[1]

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЕДИНСТВА В СЕМЕЙНОМ ВОСПИТАНИИ И ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ РОССИИ

В многополярном мире поддержание равнопартнерских отношений в диалоге культур и цивилизаций можно рассматривать как конструктивную основу для продолжительного международного сотрудничества, что отличает данный подход к его организации от глобализма, когда условия и правила взаимодействия всякий раз определяются в зависимости от интересов только одной стороны. Важной задачей для российского гуманитарного образования в настоящее время становится подготовка обучающихся к этому равнопартнерскому сотрудничеству, в процессе которого следует проявить себя квалифицированным профессионалом, надежным партнером, народным дипломатом — послом Русского мира, что будет способствовать развитию долгосрочных, успешных, взаимовыгодных контактов в разных отраслях экономики, науки, спорта, культуры, общественной деятельности.

За свою многовековую историю Русский мир раскрывал свой потенциал, проявляя силу, мощь, красоту наиболее полно в те исторические периоды, когда был един, когда народ ощущал общность целей и слаженность в семейных, межличностных, межнациональных отношениях, трудовых коллективах, социальных, профессиональных группах и в целом на общенациональном уровне.

Объективные факторы: ход исторических событий, необъятность территории проживания, природно-климатические условия — определили черты национального характера великоросса, среди которых В. О. Ключевский выделял выносливость, привычку к терпеливой борьбе с невзгодами, напряженный и ускоренный крестьянский труд, игра в удачу, готовность сотворить великое и при этом не признавать свое величие, способность замечать следствия, мыслить не идеями, а образами, совершать символические действия. «Добрый человек не тот, кто умеет делать добро, а тот, кто не умеет делать зла»[2]. Соборность в древности и коллективизм в советское время оставались неизменной особенностью русской цивилизации. Единение и единство общества предельную значимость обретают в кризисные периоды.

Некая разобщенность в русском обществе проявилась как последствие влияния на русскую жизнь западноевропейской культуры в XVIII — начале XIX века, в том числе нескольких десятилетий периода русско-французского двуязычия в дворянской среде, когда среди интеллигенции проявилась оторванность от русской почвы.

О таких соотечественниках Ф. М. Достоевский писал как о беспокоящихся и непримиряющихся, в родную почву и силы ее не верующих и далее, в противовес, о простых русских и назначении русского народа: «Народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению и уже проявил ее во все двухсотлетие с петровской реформы не раз. …русская душа, гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. …русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастие, чтоб успокоиться: дешевле он не примирится. …назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только… стать братом всех людей, всечеловеком...»[3]

Создатель философии всеединства В. С. Соловьев был убежден в том, что благо — в целостности, а зло — в раздробленности. Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности: «Кому была когда-либо открыта мысль Бога о какой-либо нации, кто может говорить народу о его долге? Проявлять свою мощь, преследовать свой национальный интерес — вот все, что надлежит делать народу, и долг патриота сводится к тому, чтобы поддерживать свою страну и служить ей в этой национальной политике, не навязывая ей своих субъективных идей. …Русская идея, мы знаем это, не может быть не чем иным, как некоторым определенным аспектом идеи христианской, и миссия нашего народа может стать для нас ясна, лишь когда мы проникнем в истинный смысл христианства»[4].

В эпоху глобализации Homo mercantilis (человек расчетливый) победил Homo spiritualis (человека духовного), разобщенность в обществе в связи с этим усугубилась, что имело вредоносные последствия для Русского мира. Ментальные войны за умы, знания и волю, за мировоззрение отдельных граждан и общества в целом организованы консолидированным Западом посредством «коррекции» информационного поля, навязывания мнений, предпочтений и даже прямой дезинформации — все это имеет цель создать разобщенность. Чтобы научить обучающихся осмысленно противостоять этим воздействиям, следует пересмотреть содержание обучения и воспитания, акцентируя вни-

---

[1] Доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Российского университета кооперации, кандидат педагогических наук. Автор около 100 научных публикаций, в т. ч.: «Первые отечественные учебные книги по французскому языку», «Учебная франкоязычная лексикография в России XVIII — первой половины XIX века», «Формирование репродуктивного поведения студенческой молодежи в процессе изучения гуманитарных дисциплин», «Этнопсихологический аспект в обучении деловому общению», «Философия вне Академии в эпоху Просвещения» (в соавт.) и др. Член Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки РАО.

[2] *Ключевский В. О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М. : Мысль, 1993.

[3] *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за… : ежемесячное издание. СПб. : Тип. брат. Пантелеевых, август: единственный вып., 1880.

[4] *Соловьев В. С.* Русская идея (перевод доклада, прочитанного в 1888 г. в Париже на фр. яз.) / пер. с фр. Г. А. Рачинского. М. : Путь, 1911.

мание на традиционных ценностях как основе добропорядочных человеческих взаимоотношений, именно они гарантируют перспективное развитие социума в будущем. При этом целесообразно обратиться к опыту педагогического прошлого России, то есть совершить модернизацию с помощью ретроинновации: «…когда в современное образование „возвращаются“ после определенного исторического перерыва уже ранее присутствовавшие в нем феномены, но исключенные из него на протяжении определенного периода»[1], тем самым реализуя преемственность в отечественной педагогике — непреложное условие передачи молодым поколениям культурного кода нации.

С целью создания основ для ментальной безопасности требуется ретроспективно проанализировать исторический опыт нации дореволюционного и советского периодов, чтобы выявить те ценные скрепы, о которых уже давно не упоминается в общественном дискурсе, и с опорой на традиционные ценности обозначить принципиально важные понятия. Особую значимость при этом имеет содержание школьного образования, в частности гуманитарного, но также и отношения в семье.

В отечественной педагогике воспитательный идеал раскрывается через понятие «духовно-нравственные ценности»: духовные ценности, реализующиеся в процессе воспитания посредством формирования нравственных ценностей-качеств, — что прослеживается в этапах развития светского образования в России, когда целенаправленным обучением были охвачены значительные по численности слои населения.

Ориентирами в семейном воспитании для единения, формирования образа единства следует признать: 1) сохранение традиционных ценностей (единобрачие, целомудрие, супружеская верность, ранняя брачность, многопоколенность, иерархичность, нерушимость брака, многодетность); 2) настрой на добро в отношениях (чувство озлобленности тупиковое, у него нет конструктивного развития, взаимосвязь на такой эмоции не имеет будущего); 3) воспитание добродушия, совестливости, чувства ответственности, заботы, милосердия, готовности внутреннего преодоления себя, умения прощать, сохранять добрые отношения; 4) научить поддерживать ближнего с пониманием сути помощи на физическом, душевном и духовном уровнях; 5) запрет на нарушение нравственных основ (недопущение неуважения родителей и старших, обмана, воровства, насилия, разврата и его пропаганды и др.); 6) с раннего детства учить видеть лучшее в родителях, братьях и сестрах, родных, учителях, друзьях, одноклассниках, приятелях, во взрослой жизни — в супруге и некровных родственниках; 7) понимание мужской и женской ответственности в семье и др.

В качестве одного из средств создания образа единства нации в школьном образовании, безусловно, следует рассматривать учебную литературу, причем изучаемый материал интересно показать в темпоральном сопоставлении. Учебники прошлых эпох, представленные в библиотечных экспозициях и используемые как исторические источники и экспонаты в познавательных квестах, викторинах, учебных презентациях, дают толкования привычных понятий в понимании наших предков — это ценная информация для осмысления и рассуждений на уроках и практических занятиях по гуманитарным дисциплинам, например: учебные книги XVIII века свидетельствуют о традиционном для Русского мира содержании обучения.

Так, русско-французская азбука А. Г. Решетникова, включающая молитвы, десять заповедей, «Правила христианской мудрости», «Правила человеческой мудрости», нравоучительные басни, свидетельствует о наставлениях быть настоящим христианином, честным гражданином Отечества, добрым сыном, отцом семейства: «Старайся объ общественномъ благѣ, и храни доброй порядокъ. …Будь доброй отецъ, вѣрный подданный, искреннїй другъ, и почитай добродѣтель, гдѣ бы она ни была. …Будь снисходителенъ, тихъ, сострадателенъ къ другимъ, и строгъ самому себѣ. …Презирай ложь; но однако помни и то, что всякой истины сказывать не должно. …Будь господинъ, а не рабъ твоихъ страстей. …Не завидуй счастїю злыхъ людей; ибо скоро захотѣлъ бы ты съ ними сравняться въ ихъ порокахъ, какъ и въ ихъ счастїи. …Не бойся и не желай смерти, и живи для одного только Бога. …Тотъ съ лишкомъ жилъ, кто пережилъ свою честь и свою совѣсть. …Слушай со вниманїемъ и почтенїемъ твоихъ учителей; не причиняй имъ горести и не наводи ихъ на гнѣвъ. … Что надлежитъ до васъ, любезныя дочери, то вкорените въ мысль вашу, что ни чѣмъ не можно прїобрѣсть въ свѣте болѣе почтенїя и чести вашему полу, какъ точнымъ исполненїемъ добродѣтелей»[2].

Учебные тексты XVIII–XIX веков наполнены любовью к детям, в них нет отстраненности, излишнего абстрагирования, они всецело направлены на формирование духовных, нравственных, моральных ориентиров с включенностью эмоциональной сферы ребенка, что важно для дошкольного, начального общего и основного общего образования. Эти источники должны заинтересовать и будущих педагогов, и авторов современных учебников для перечисленных уровней образования.

В детском возрасте закладывается многообразие ощущения счастья в непосредственном его восприятии. В юности и взрослой жизни оно все больше связано с полнотой самореализации, осознанность ее проявления зависит от личностной цели, которая определяет и функцию, и поведение субъекта. Научить понимать свою позитивную цель во взаимосвязи с по-

[1] *Богуславский М. В.* Динамика ретроинновационных процессов в современном российском образовании: от системных ретроинноваций к ретроинновацинной системе // Реализация идейного потенциала историко-педагогического знания в контексте современной образовательной политики : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. — XXXVI сессии Науч. совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отд-нии философии образования и теоретической педагогики РАО / под ред. М. В. Богуславского, С. В. Куликовой. Волгоград, 2023. С. 13.

[2] *Решетников А. Г.* Новый способ, или Новейшая азбука, для научения детей по правилам грамматическим, российскому и французскому чтению, письму, арифметике, географии, рисованию и нотному пению. Разделенная на три класса; с приобщением многих нравоучительных басен с фигурами, и другими полезными для детей наставлениями / собр. А. Решетниковым. М. : Унив. тип. у В. Окорокова, 1791. С. 35–53.

стижением способности любить Создателя, ближних, себя как части единого целого мира — важное условие максимально успешной самореализации, такая цель наделяет человека силой. Эволюция человека разумного к человеку любящему (Homo sapiens → Homo amans) посредством совершенствования нравственности и моральных установок, корректировки картины мира имеет шанс на продолжение в грядущем. Такое развитие, безусловно, будет способствовать единению в обществе.

В связи с вышеизложенным содержание гуманитарного образования в российских средних и высших школах важно выстраивать в соответствии с пониманием того, что все субъекты учебного процесса — носители общей культуры русской цивилизации, унаследовавшие великую страну с многовековой историей, и это фактор, объединяющий нацию. Как потомкам славных предков нам нужно сохранить нашу идентичность, язык, социокультурные нормы, понимать отличие объема понятий однокоренных слов в русском и иностранных языках, уметь вводить русскоязычные понятия в международный дискурс, разъяснять ценности и смыслы русской цивилизации представителям иных культур.

Современное образование динамично развивается: цифровизация, стандартизация, междисциплинарность, дистанционная форма обучения, индивидуализация, — при всей значимости этих инноваций для учебного процесса их суть вспомогательная. Это средства, приемы, формы, способы обучения, посредством которых происходит личностное становление молодых людей, которым вместе жить, работать, изобретать, творить, растить детей и внуков. Формирование образа единства, взаимопонимания, сотрудничества остается наиважнейшей задачей семейного и школьного образования.

Е. Б. Костюк[1]

БУДУЩЕЕ РОССИИ И СТРАН БРИКС В НРАВСТВЕННО ОРИЕНТИРОВАННОМ ОБРАЗОВАНИИ

В условиях становления многополярного мира актуализируется задача формулирования образовательных ориентиров, которые обусловят гармонию развития стран на основе равноправия, взаимоуважения, понимания ценности друг друга в мировом культурном процессе. Страны БРИКС являются примером перспективного взаимодействия в политическом и экономическом плане.

Однако события первых десятилетий XXI века все сильнее обостряют проблему создания в мировом масштабе такой образовательной системы, которая позволила бы сформировать человека, способного противостоять деструктивным идеям, отстаивать традиционные нравственные ценности, беречь национальное и мировое культурное достояние, пресекать любые манипулятивные новоколониальные практики, развивать добрососедские отношения между народами на паритетной основе.

Выдающийся ученый Д. С. Лихачев в целом ряде своих работ отмечал значение нравственно-осмысленного подхода к жизни со стороны человека и целого народа: «О каждом народе следует судить по тем нравственным вершинам и по тем идеалам, которыми он живет»[2].

Цели жизни и их содержание в большой степени определяются образованием. Действительно, знания сами по себе — информация, а вот для чего она будет использоваться, определяется нравственно-моральными критериями. В условиях культурной турбулентности развития современной цивилизации все очевиднее значимость осмысления аспектов, технологий образования, формирующих нравственно здоровую личность, способную противостоять «плохим влияниям» (Д. С. Лихачев), негативным жизненным сценариям на уровне не только собственной судьбы, но и жизнеспособности народа, страны.

Россия после сложного, во многом противоречивого опыта XX века имеет очевидные достижения и потери, в том числе в сфере образования. Данная реальность подвигает к их анализу, выработке перспективных форм, технологий в сфере обучения и воспитания. Этот опыт может быть полезен и для стран мира, часть которых входит в БРИКС.

Как известно, материальная сторона жизни важна для человека, что показал опыт даже советской эпохи. Советский человек, несмотря на призывы властей к аскетизму, стремился к комфорту в бытовой сфере (что привело буквально к культу вещей в 1970–1980-е гг.), красивой жизни, признаком которой были обладание машиной, дачей, поездки за границу и т. п.

Эпоха перестройки в России метафизически была связана с потребностью общества в целом (а не на уровне отдельных индивидов) иметь материальное благосостояние, которое на протяжении всей советской эпохи отрицалось и отождествлялось с «враждебной капиталистической культурой». Этот период в России наряду с позитивным — обретением необходимых благ — сопровождался морально-нравственной деградацией значительного количества людей, породив феномен «нового русского» и тому подобное, а также унижением, сведением к утилитарному назначению, особенно школьного образования.

Культ вещей стал основой и для постиндустриальной эпохи «культуры потребления», в которую вклю-

[1] Доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат педагогических наук. Автор более 75 публикаций, в т. ч. книг: «Художественный рынок: вопросы теории, истории, методологии» (в соавт.), «Музыка и мода XX века: от субкультуры к массовости» (в соавт.) и др.

[2] *Лихачев Д. С.* Письма о добром и прекрасном. М. : АСТ, 2018. С. 90.

чилась также система образования России. Достаточно вспомнить, что ее идеологией в 1990–2000-е было оказание *образовательных услуг*, а главной целью объявили подготовку «квалифицированного потребителя», «рыночной породы людей»[1]. Человек-творец, созидатель концептуально был подменен человеком-потребителем.

Идея «все на продажу» обусловила феномен «товара», «товарности» как тактики и стратегии развития общества, страны в целом. Как следствие, в системе российского образования был сделан акцент на подготовку специалистов, обеспечивающих успешную куплю-продажу, товарооборот. К ним относятся: управленческие (менеджмент), финансовые (экономисты), регулирующе-правовые (юристы), продвижения товара (реклама и PR). Распространились соответствующие формы презентации — рынки, торговые центры (ТРЦ), интернет-торговля. Все это, безусловно, необходимо.

Однако очевидно, что доминирование материального с течением времени препятствует жизнеспособности общества, приводит к «мутации в экологии человеческого рода»[2]. Если цель — только материальная состоятельность индивида, тогда государство понимается как пространство для товарообмена; искусство трактуется как «фастфуд» — потребил и забыл, а семья не нужна, потому что слишком затратна. Зачем думать о смысле жизни? Зачем учиться, если главное — заработать (любым способом), купить и потребить?

Рыночная парадигма развития важнейшего социального института — системы российского образования — на рубеже XX–XXI веков не раз подвергалась критике со стороны ведущих философов, культурологов, педагогов, общественных деятелей России. Единодушно высказывалась тревога о судьбе страны, если не будет изменен концептуальный подход ко всей сфере обучения и воспитания.

Идея нравственно ориентированного подхода в образовании подрастающего поколения, по нашему мнению, создает прочное основание для выработки нужной тактики по формированию личности, действующей во благо себя, страны, мира.

Нравственное начало в российской философской, культурологической, педагогической мысли понималось как основа жизнецелеполагания, связывалось с духовно-религиозным сознанием, культурным созиданием, выбором позитивных жизненных стратегий. Д. С. Лихачев ввел понятие «нравственная оседлость», которая, по его мысли, обусловлена «привязанностью к семье, своему дому, селу, городу, стране»[3]. Все это важные основы для того, чтобы будущее было у каждого человека, народа в России и в других странах мира.

Важнейшими гуманистическими и нравственными постулатами являются доброта, справедливость, милосердие, верность и служение Родине. Идеалом русской цивилизации, объединяющей более ста наций и этносов, всегда было понимание ценности верной дружбы и любви, то есть доминирование в ментально-культурном коде духовного над материальным, поэтому всегда «спасали душу», а не что-то другое. Ориентир же только на материальное благосостояние как главную цель жизни ведет к деградации.

В системе российского образования, несмотря на все эксперименты на рубеже XX–XXI веков, удалось сохранить очень важную модель, объединяющую предметы, — комплексное интеллектуальное, гуманистическое, физическое и творческое развитие юных. Это необходимо сохранить как основу гармоничного развития личности, во многом обусловливающую конкурентоспособность нашей молодежи в условиях развития научно-технического прогресса и т. п. Такой опыт необходимо транслировать и в дружественные страны БРИКС и ШОС. Однако во главу угла необходимо осознанно поставить высоконравственный нарратив всего цикла образования молодежи не только России, стран БРИКС, но и всего мира с четким нравственным разграничением добра и зла, без «игры в серую зону», в которой возможен «моральный унисекс».

Нравственная обусловленность деяний человека подвигает к ответственному отношению в применении знаний, пониманию задач не только настоящего, но и будущего. Между тем в современной учебной программе, особенно российских общеобразовательных школ, колледжей, вузов как форм массового обучения и воспитания, еще очень мало[4] внимания уделяется вопросам духовно-нравственных ориентиров подрастающего поколения.

Исключением, пожалуй, становится культуроцентристская политика[5] СПбГУП и еще ряда, увы, небольшого числа вузов Петербурга и страны. Концепция воспитания профессионала, обладающего не только специальными знаниями, но и духовно-нравственной зрелостью, чья деятельность отображает ответственное отношение к результатам труда, во многом опирается на четко выстроенную систему. В СПбГУП в рамках специальной программы студенты знакомятся с достижениями культуры и искусства Санкт-Петербурга, имеют возможность *общаться* с выдающимися людьми, которые «персонифицируют настоящее и будущее России»[6]. Однако *этот опыт необходимо распространять, как представляется, в масштабах всей России и стран БРИКС*, используя информационные технологии.

СМИ, интернет-сайты в условиях нарастающей информационно-культурной войны становятся инструментом развращения, популяризации безнравственных форм поведения. «Современный человек фактически живет в инфосреде (медиасреде), в которой постоянно его сознание, жизненные установки и целеполагания подвергаются нападению медиавирусов»[7]. Образы, транслируемые современной музыкальной культурой, киноматографом, доступные для массового вос-

[1] Цит. по: *Праздников Г. А.* Вернуть образованию человекообразующий смысл // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб. : СПбГУП, 2024. С. 429.

[2] *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М. : АСТ, 2023. С. 5.

[3] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 91.

[4] Введение одного урока в неделю (!) в общеобразовательных школах «Разговоров о важном» не решает проблему.

[5] *Запесоцкий А. С.* Культура: взгляд из России. СПб. : СПбГУП ; М. : Наука, 2014. С. 448–449.

[6] Там же. С. 451.

[7] *Рашкофф Д.* Медиавирус. М. : Ультра-культура, 2003. С. 6–26.

приятия, а значит, и подражания, зачастую направлены на растление подрастающего поколения. Гендерная модальность образов эстрадных артистов способствует пропаганде в обществе недопустимых нарративов: сексуальной и социальной распущенности, эгоизма, жестокости, безответственности и т. д. Эта технология тем более опасна, поскольку предстает как форма творческого самовыражения и не осознается как механизм разрушения. Нам представляется, что для характеристики этого явления в сфере культуры с массовым сознанием необходимо по аналогии с медиавирусами (Д. Рашкофф) в отдельную категорию выделить то, что можно обозначить как *арт-вирус.*

Арт-вирус — явление, имеющее разрушительные духовно-эстетические нарративы средствами искусства, нравственно растлевающее. Технология внедрения в «культурный организм» общества может осуществляться через элементы художественной практики, образы, создание псевдохудожественных «новаторских» произведений под имиджем концептуального искусства.

Результатом внедрения в «культурный организм» общества арт-вирусов становятся деформация, замена, «отмена» аксиологических, эстетических основ гуманистического мировоззрения с целью разрушения национально-культурных основ страны средствами искусства. При этом технологическими элементами применения арт-вирусов выступают формы социальных нарративов — свобода творчества, право на приобщение к любым формам искусства, самовыражение художника. Ученые отмечают опасность «культурных войн» под маской дружелюбия (А. Годар), «мирного завоевания» под личиной диалога цивилизаций (А. П. Марков).

Игнорирование арт-вирусов в этом плане, их реальности крайне опасно для будущего народов всех стран. Необходимы осознанные и эффективные формы защиты, которые могут быть связаны прежде всего с системой образования как социальным инструментом регуляции ментально-культурного здоровья человека и общества, противостоящего манипулятивным деструктивным практикам.

Народы России и стран БРИКС отстаивают традиционные гуманистические ценности с пониманием необходимости беречь и защищать все доброе, что и формирует основу для счастья в жизни человека, создания им семьи, реализации в общественной жизни, профессиональной деятельности и тому подобном, то есть создает предпосылки реальности позитивного будущего.

В. И. Красиков[1]

ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ЛИБЕРАЛЬНЫЕ, РАДИКАЛЬНЫЕ, ПАТРИОТИЧЕСКИЕ?[2]

Мы живем во время радикальных перемен, сравнимое разве что со «второй неолитической революцией», по сути меняющей соционтологическое положение людей.

В наши дни основные изменения происходят главным образом в коммуникационной сфере. Интернет-революция сменяется революцией социальных сетей. Последние развиваются в контексте новой складывающейся «экономики внимания», мотивирующей возникновение и триумф новых IT-мегакорпораций, коммуникационных интернет-платформ. Однако «человеческое, слишком человеческое» никуда не исчезает, особенности реального социального общения, каким оно было тысячелетия назад, просто переносятся в виртуальную сферу: объединение и конфронтация, солидарность и вражда по самым разным основаниям. Какие расколы наблюдаются в реальном обществе — такой же фрагментации и поляризации подвергается и мир виртуальный, киберпространство социальных сетей. И в социальных сетях мы можем встретить много разнообразнейших, преимущественно молодежных сообществ, которые разделяют разные ценности, отчаянно любят или ненавидят друг друга. Самое неприятное заключается в том, что они нередко демонстрируют яростную враждебную политическую риторику, грозящую выплеснуться в реальное социальное пространство.

25 сентября — 16 октября 2023 года во Всероссийском государственном университете (РПА Минюста России) и его филиалах (в Санкт-Петербурге, Хабаровске, Иркутске, Ижевске, Казани, Калуге, Махачкале, Ростове-на-Дону, Саратове, Петрозаводске, Сочи, Туле, Саранске) был проведен онлайн-опрос среди студентов первых курсов. Опрос осуществлялся по программе Google-forms, по специально разработанной анкете. Основной целью опроса было определение степени знакомства первокурсников со взглядами радикальных онлайн-сообществ, однако второй раздел опросника (8 вопросов) был ориентирован на определение основных мировоззренческих предпочтений студенческой молодежи по отношению к таким фундаментальным ценностям, как правда, социальная справедливость, отношения мужчины и женщины, свобода, счастье.

В онлайн-анкетировании приняли участие 1430 человек в Москве и 13 городах России. Это были большей частью (свыше 92 %) молодые люди от 15 до 20 лет. Филиалы университета расположены в шести из семи

[1] Главный научный сотрудник научного центра Всероссийского государственного университета юстиции, доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 620 научных публикаций, в т. ч.: «Религиозность: в сознании, истории и современности», «EGO: экзистенциальные эссе», «Библия как реальность (предельные значения библейских картин мира)», «Кажущееся и тщетное. Экзистенциальный анализ» и др. Член-корреспондент Российской академии естествознания.

[2] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00080. URL: https://rscf.ru/project/23-28-00080/.

федеральных округов РФ, что обеспечило широкий охват студенческой молодежи в Сибирском и Дальневосточном, Южном и Приволжском, Центральном и Северо-Западном округах.

Замер по основным мировоззренческим универсалиям или социально-философским понятиям был необходим для выявления глубинных ценностных ориентаций современных молодых людей. Одно дело устоявшиеся идеологические симулякры и стереотипы, внедренные тридцатилетней либеральной пропагандой и ставшие чуть ли не «естественной социальной верой», и совсем другое — также «естественные социальные чувства», здравый смысл, дремлющие и «просыпающиеся» у молодых людей для предстоящей взрослой жизни. Вопросы второго блока анкеты были призваны определить, как студенты понимают ряд универсалий (социальная справедливость, правда, свобода), подвергшихся воздействию идеологии доминирующих долгое время социальных групп, а также некоторые мировоззренческие ориентиры с меньшим «вложенным» смыслом: счастье, будущее России, главные угрозы и приоритеты для нее.

Таблица 2

Отношение студентов к основным социально-философским понятиям

Основные жизненные ориентиры	Сибирь: Хабаровск, Иркутск (87 чел.), %	Юг России: Ростов-на-Дону, Махачкала, Сочи (445 чел.), %	Приволжье: Ижевск, Казань, Саратов, Саранск (501 чел.), %	Центральная Россия: Калуга, Москва, Тула, Санкт-Петербург, Петрозаводск (397 чел.), %
Что есть правда (как правильно жить)?	1. По традиции: 4. 2. Всеобщее равенство: 22. 3. Приоритет прав человека: 74.	1. По традиции: 20. 2. Всеобщее равенство: 24. 3. Приоритет прав человека: 56.	1. По традиции: 10. 2. Всеобщее равенство: 20. 3. Приоритет прав человека: 70.	1. По традиции: 11. 2. Всеобщее равенство: 21. 3. Приоритет прав человека: 68.
Что есть социальная справедливость?	1. Равенство прав и возможностей: 73. 2. Равенство распределения благ: 19. 3. Необходимое неравенство — по заслугам, по традиции: 8.	1. Равенство прав и возможностей: 66. 2. Равенство распределения благ: 24. 3. Необходимое неравенство — по заслугам, по традиции: 10.	1. Равенство прав и возможностей: 65. 2. Равенство распределения благ: 24. 3. Необходимое неравенство — по заслугам, по традиции: 11.	1. Равенство прав и возможностей: 64. 2. Равенство распределения благ: 25. 3. Необходимое неравенство — по заслугам, по традиции: 12.
Что такое «быть свободным»?	1. Действовать со знанием необходимости: 38. 2. Действовать как достойные люди прежних времен: 9. 3. Выбор и борьба: 53.	1. Действовать со знанием необходимости: 31. 2. Действовать как достойные люди прежних времен: 19. 3. Выбор и борьба: 50.	1. Действовать со знанием необходимости: 34. 2. Действовать как достойные люди прежних времен: 17. 3. Выбор и борьба: 49.	1. Действовать со знанием необходимости: 33. 2. Действовать как достойные люди прежних времен: 22. 3. Выбор и борьба: 46.
В чем счастье?	1. Личное (семейное) благополучие и прочный нравственно-социальный порядок: 41. 2. Борьба с несправедливостью и угнетением: 8. 3. Личностная самореализация наперекор всему: 41.	1. Личное (семейное) благополучие и прочный нравственно-социальный порядок: 38. 2. Борьба с несправедливостью и угнетением: 16. 3. Личностная самореализация наперекор всему: 46.	1. Личное (семейное) благополучие и прочный нравственно-социальный порядок: 41. 2. Борьба с несправедливостью и угнетением: 11. 3. Личностная самореализация наперекор всему: 48.	1. Личное (семейное) благополучие и прочный нравственно-социальный порядок: 53. 2. Борьба с несправедливостью и угнетением: 5. 3. Личностная самореализация наперекор всему: 42.
Что сейчас есть главная угроза для России?	1. Бандеровцы, «пятая колонна», русофобия: 49. 2. Олигархический капитализм, пропасть между богатыми и бедными: 16. 3. Отсутствие демократии, коррупция, бюрократия: 35.	1. Бандеровцы, «пятая колонна», русофобия: 61. 2. Олигархический капитализм, пропасть между богатыми и бедными: 14. 3. Отсутствие демократии, коррупция, бюрократия: 25.	1. Бандеровцы, «пятая колонна», русофобия: 58. 2. Олигархический капитализм, пропасть между богатыми и бедными: 14. 3. Отсутствие демократии, коррупция, бюрократия: 28.	1. Бандеровцы, «пятая колонна», русофобия: 62. 2. Олигархический капитализм, пропасть между богатыми и бедными: 9. 3. Отсутствие демократии, коррупция, бюрократия: 29.
Какое будущее для России вы предпочитаете?	1. Евразийская империя равноправных народов и религий: 73. 2. Обновленный социализм, СССР-2: 17. 3. Интеграция в западную цивилизацию: 10.	1. Евразийская империя равноправных народов и религий: 73. 2. Обновленный социализм, СССР-2: 21. 3. Интеграция в западную цивилизацию: 6.	1. Евразийская империя равноправных народов и религий: 73. 2. Обновленный социализм, СССР-2: 15. 3. Интеграция в западную цивилизацию: 12.	1. Евразийская империя равноправных народов и религий: 77. 2. Обновленный социализм, СССР-2: 14. 3. Интеграция в западную цивилизацию: 9.
Каковы главные приоритеты для России?	1. Патриотическое самосознание и социальная справедливость: 48. 2. Новый социализм: 31. 3. Люстрация, честные выборы, свобода слова: 21.	1. Патриотическое самосознание и социальная справедливость: 50. 2. Новый социализм: 38. 3. Люстрация, честные выборы, свобода слова: 12.	1. Патриотическое самосознание и социальная справедливость: 57. 2. Новый социализм: 29. 3. Люстрация, честные выборы, свобода слова: 14.	1. Патриотическое самосознание и социальная справедливость: 72. 2. Новый социализм: 18. 3. Люстрация, честные выборы, свобода слова: 10.

Итоги анализа ответов студентов по второму разделу анкеты оказались примечательными.

1. 30 лет либеральной пропаганды, а также юридическая специфика вуза ожидаемо дали преобладание нормативистского понимания правды, справедливости и свободы. Значительное большинство опрошенных понимает правду как жизнь в согласии с принципами приоритета прав человека (от 56 до 74 %) и всеобщего равенства (20–24 %). Традиции оставлено от 4 до 20 %.

Социальная справедливость, согласно анкетам, — это равенство прав и возможностей (от 64 до 73 %) и равенство в нормировании распределения (от 19 до 25 %). В традиции как веками выверенный учет социальных реалий верит лишь десятая часть респондентов (8–12 %).

Таким образом, свобода понимается как компетентный выбор и конкуренция именно в подобном, мировоззренчески заданном либерально-нормативистском контексте.

Казалось бы, итоги ответов на первые три вопроса второго блока констатируют преобладание либеральных взглядов. Однако это лишь видимость.

2. Остальные понятия, менее идеологически формализованные и прямо не включенные в состав образовательных концептов и теорий, интерпретируются студентами совсем иначе. При этом, вероятно, воспроизводятся *подлинные потаенные смыслы и жизненные ориентации молодых людей*. Так, счастье видится половиной респондентов как личное (семейное) благополучие в формате прочного нравственно-социального порядка. Правда, другая половина (от 38 до 53 %) мыслит его вполне в духе либерализма — как личностную самореализацию наперекор всему.

Но гораздо показательнее то, что большинство, которое представляет себе социум через симулякры абсолютности прав человека и личной самореализации вопреки всему, жить в будущем желает в России как могучей евразийской империи (73–77 %) либо же в СССР-2, обновленном социализме (14–17 %), и лишь 6–12 % — в формате западной цивилизации. Все смешалось в доме Облонских...

Приоритетами для России все то же большинство (от 48 до 72 %) полагает патриотическое сознание, социальную справедливость и новый социализм (18–38 %). И опять же, либеральную риторику здесь выбирают от 10 до 20 %. Вот такая *очевидная разорванность между формализованно-идеологизированным слоем сознания и неявными базовыми ориентациями.*

3. Ожидались и подтвердились более явные традиционалистские предпочтения на юге России. Однако оказался неожиданностью большой процент имперских и патриотических настроений у студентов Центральной России.

Итак, в наше время, как показало исследование, именно Интернет во многом формирует ценностно-мировоззренческую повестку современной молодежи. Практически подавляющее ее большинство проводит в Сети ежедневно от 2–4 часов до четверти суток и более. Поэтому именно анализ последствий этого формирующего времяпрепровождения способен приоткрыть завесу, скрывающую процессы, идущие исподволь в молодежной среде.

Оказалось, что большинство студентов все же знают о том, что в социальных сетях высказываются радикальные суждения — из-за особой тяги в этом возрасте к решительности, неординарности, значительности. Однако их знакомство носит поверхностный характер: на уровне названий таких групп и самых общих сведений. Мы не только не обнаружили напряженного интереса к радикальным идеям — напротив, можем отметить массовое безразличие и равнодушие к ним, которое сопровождается общей политической индифферентностью студенческой молодежи: практически никто, за исключением единиц, не выбрал ответов, свидетельствующих об участии в таких сообществах в социальных сетях.

Подтвердилось предположение, что сегодняшняя студенческая молодежь *имеет своего рода «иммунитет»* в отношении радикальных взглядов, сформированный нормализованной средой семьи и окружающей культуры. Это выразилось в том, что около половины респондентов не приемлют радикальные идеи и разделяют универсалистские, гуманистические и традиционные ценности: личной свободы, прав человека, семьи, Отечества и т. п. Также большинство считает приоритетами для России патриотическое сознание и социальную справедливость.

Приходится констатировать и мозаичный, «клиповый» характер молодежного сознания, представленный в виде некой смеси из разных идеологем, включающей либеральные ценности, патриотические настроения и левые ориентации.

Некоторые результаты оказались неожиданными, другие вызывают озабоченность. Неожиданным стал зафиксированный *разрыв* между нормативистско-либеральной «начинкой» молодежного сознания, сформированного особенностями социализации последнего времени, и явственно обнаруженными сильными имперскими, великодержавными и патриотическими ориентациями. Предположительно это объясняется либо проявлением нашего «цивилизационного кода», либо особенностями исторического момента. Обозначенные ориентации сильно проявились не только в южных регионах России, но и в центральных.

Озабоченность в принципе естественна и ожидаема. Собственно, она и стала причиной исследования — с целью ее рационализации. Особенности молодежи, свойственные ей во все времена, требуют постоянного мониторинга и изучения их динамики.

Большая часть студентов имеют в целом наивные представления о политике и верят в пришествие «честных политиков». Также большинство студенческой аудитории признается, что вполне доверяет политической риторике. И какой бы незначительной ни была та часть молодежи, которая отозвалась о радикализме положительно, она все же есть, и это каждый 10–15-й человек. Этого достаточно, чтобы составить массовую базу для радикалов.

Неоднозначно и отношение молодежи к контролю с целью пресечения заряженного ненавистью контента в социальных сетях. Разделяя широко распространенные наивные убеждения об абсолютной свободе в сетевой среде, молодые люди недооценивают серьезность проблемы, предпочитая скорее игнорировать этот вопрос и ответственность, связанную с его решением.

Таким образом, само наличие радикальных онлайн-сообществ в социальных сетях, в том числе «ВКонтакте», свидетельствует о том, что в обществе имеются серьезные проблемы. Это не может не отражаться и на молодежи, своего рода «зеркале» социума. Потому необходим постоянный регулярный мониторинг данной сферы, регулярные социологические замеры и анализ настроений молодежи.

Е. Л. Кудрина[1]

СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ: КОНЦЕПЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Для развития современного университетского образования в сфере культуры необходима существенная модернизация отраслевой системы профессиональных компетенций, в которой особый акцент сделан на рассмотрении новых подходов, обеспечивающих междисциплинарный, практико-ориентированный и научный подход к профессиональной подготовке кадров для сферы культуры.

Особая роль в решении этой задачи отводится вузам культуры и искусства. Сегодня это развитая сеть как многопрофильных, так и узкоспециализированных образовательных организаций, подведомственных Министерству культуры РФ, — 51 высшее учебное заведение и 10 средних специальных учебных заведений культуры, в которых осуществляется подготовка кадров по десяти укрупненным группам специальностей. Следует отметить, что среди 51 вуза 13 являются многопрофильными, а 38 — узкопрофильными: театральными, музыкальными, хореографическими.

Национальные системы отраслевого образования в России во многом уникальны, так как развиваются в определенных культурно-исторических, этнокультурных и общественно-политических условиях и благодаря этому обладают высоким интегративным потенциалом, который может быть востребован в процессе формирования нового состояния межгосударственных отношений, партнерского взаимодействия и культурной консолидации стран и народов.

Сегодня вузы нацелены на будущее и выстраивают свои образовательные траектории с учетом геополитических реалий, культурно-цивилизационных вызовов и отраслевых трансформаций. В контексте культурно-цивилизационных вызовов наиболее опасна утрата культурной идентичности России, распространение в информационном пространстве ложных, искаженных эстетических и художественных норм, деструктивное влияние чуждой идеологии, что определяет необходимость участия современного университета культуры в международном гуманитарном сотрудничестве на справедливой, взаимной, открытой и недискриминационной основе, а также в программах и проектах, способствующих сбережению народа и культуры России, гармоничному развитию ее человеческого потенциала, сохранению отечественного культурного наследия во всем его разнообразии, всемерной поддержке и продвижении исторически сложившихся традиций отечественной культуры. Поэтому миссия современного университета культуры как социального института гражданского общества должна содействовать достижению национальных целей развития России, сохранению духовного, творческого и интеллектуального потенциала нации. В профессиональном сообществе должно быть достигнуто согласие в понимании стратегических направлений развития творческих вузов с учетом консолидированной позиции вузов культуры и искусств по внедрению новой образовательной модели при разработке новых федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по отраслевым укрупненным группам специальностей и направлений.

На уровне значимых изменений в развитии отрасли культуры вызовы заключаются в угрозе разрыва культурных традиций, что проявляется в снижении эффективности социокультурных практик, формирующих ядро межпоколенческих ценностей, обеспечивающих сохранение духовного, творческого и интеллектуального потенциала нации. Особенно остро эти вызовы проявляются в условиях цифровой трансформации в сфере культуры. В связи с этим необходимо повышать роль традиционной культуры России в формировании устойчивого будущего нации на основе новейших цифровых технологий, определяющих конкурентоспособность выпускников (создание медиаплатформ, цифровых лабораторий, разработка мобильных приложений для творческого образования). Создание цифрового кампуса, обеспечивающего потребности обучающихся и профессорско-преподавательского состава в образовании, творчестве, научных исследованиях, создание цифровой кафедры, призванной обеспечить получение дополнительной квалификации по ИТ-профилю в рамках обучения по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, специалитета, магистратуры по заказу работодателей для решения задач цифровизации культуры регионов России — является ключевым условием эффективности работы вуза.

Глобальные изменения в организации научной деятельности вузов, обозначенные в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145), также актуализируют:

а) разработку и внедрение в образовательный процесс наукоемких технологий, отвечающих современным принципам инновационной работы;

б) организацию единого научно-технологического пространства, ориентированного на решение государственных задач;

в) развитие международного научного сотрудничества.

Вышеперечисленные тенденции ориентируют на создание в творческих вузах базовых научных центров фундаментальных и прикладных исследований, обеспечивающих плодотворное взаимодействие науки и профессионального образования, трансфер пе-

[1] Ректор Московского государственного института культуры, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Система планирования в учреждениях социально-культурной сферы», «Толерантность в мультикультурном обществе: региональный аспект» (в соавт.), «Стратегия профессионального взаимодействия в подготовке специалистов библиотечно-информационной сферы» (в соавт.), «Образовательная коллаборация библиотек России: возможности и перспективы» (в соавт.), «Социально-культурная среда как педагогическое средство воспитания личного состава органов внутренних дел» и др.

редовых отечественных разработок в сфере культуры в международное образовательное пространство, прежде всего стран СНГ, БРИКС, ШОС и других дружественных государств, разработку новых моделей межкультурного сотрудничества в процессе непрерывной профессиональной подготовки кадров для отрасли.

Постболонский процесс, который стартовал как стремление найти альтернативу интеграционной системе, инициированной Европейским союзом, обусловливает разработку комплекса предложений по переходу отраслевых вузов на уровни базового высшего образования, специализированного высшего образования (программы магистратуры и ассистентуры-стажировки), профессионального образования (аспирантура) совместно с федеральными учебно-методическими объединениями.

Еще одним образовательным трендом, влияющим на содержательный компонент образовательного процесса творческих вузов, является запрос на формирование предпринимательских компетенций. Так, согласно результатам исследования Лаборатории инноваций в образовании НИУ ВШЭ, на необходимость развития предпринимательского образования указали 39 % инноваторов и 29 % студентов онлайн-школ, отмечая его важность не только для будущих бизнесменов, но и для наемных работников. Сегодня активно развивается сектор креативных индустрий, поэтому формирование современной инфраструктуры вузов культуры и искусств, внедрение в учебные планы специальных курсов по разработке творческих проектов, открытие бизнес-инкубаторов и центров прототипирования для реализации студенческих и молодежных стартапов являются важными условиями подготовки специалистов для данной сферы.

Так, в рамках федерального проекта «Придумано в России» на базе Московского государственного института культуры открыт Центр прототипов и макетов изделий, деятельность которого направлена на формирование новой генерации специалистов в области креативных индустрий, способных обеспечить устойчивое конкурентное развитие отечественного декоративно-прикладного искусства, дизайна и художественной культуры. Также вуз вошел в число победителей грантового конкурса в рамках федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства», курируемого Министерством науки и высшего образования РФ. Благодаря программе акселерации студенты научились применять креативные инструменты для поиска идеи, формулировать и проверять гипотезы, делать расчет рынка и юнит-экономики продукта, анализировать стратегии конкурентов, собирать бизнес-модель, искать команду и эффективно руководить ею, создавать и сегментировать профили клиентов, формировать ценностные предложения, описывать и улучшать пользовательские пути и выступать перед экспертами и инвесторами.

Анализ современного состояния образования в сфере культуры дает основания утверждать, что наращивание интеграционного потенциала вузов культуры сегодня становится основным фактором их конкурентоспособности.

Еще одним форматом такой интеграции можно считать развитие творческих связей между вузами. Это особый, свойственный только творческим вузам формат сетевого взаимодействия, включающий обмены и фестивальное сотрудничество.

Таким образом, учитывая вышеперечисленные тренды в образовании, современный вуз культуры и искусств должен приобрести особый статус — статус важнейшего ресурсного образовательного центра профессиональной подготовки национальных, культурных, интеллектуальных и творческих элит в целях национальной безопасности России и патриотического воспитания молодежи.

Т. В. Кузнецова[1]

ЗНАЧЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Эстетическая культура имеет такое же социальное значение, как и культура в целом, и заключается в том, чтобы совершенствовать духовную составляющую человека, воспитывать гармонично развитую личность, способную созидать. «Эстетическую культуру можно определить как совокупность всех сторон материальной, духовной и художественной жизни общества, которые непосредственно влияют на формирование у его членов специфических духовных сил, направленных на созидание (и созерцание) многообразных конкретно-чувственных ценностей и прежде всего красоты»[2]. Формирование основ эстетической культуры начинается с эстетического воспитания детей, вовлечения их в доступную им творческую деятельность. Весь спектр средств, развивающих художественный вкус, восприимчивость к красоте окружающего мира, произведений искусства, прививающих любовь к самостоятельному творчеству, должен быть призван для эстетического воспитания подрастающего поколения.

Одним из наиболее доступных средств развития чувств и эмоций, отношения к людям и миру является художественная литература. Обращение к музыке как виду искусства, в котором превалирует воспроизведе-

[1] Профессор кафедры эстетики философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. книг: «Парадигма народности в эстетической теории», «Эстетика универсального и эстетика своеобразия», «Общество, культура, политика в теоретическом наследии А. А. Богданова» и др.

[2] Эстетическая культура советского человека / под ред. М. С. Кагана. СПб. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. С. 18.

ние чувств, эмоциональных процессов, всей палитры душевных переживаний человека, способно вызвать в воображении слушателя зримые образы природы, состояний человека и т. д. С детских лет необходимо формировать навыки восприятия искусства, проникновения в замысел художника, не забывая о том, что только длительный процесс общения с художественными ценностями, постоянное обращение к ним способны воспитать осознанное эстетическое отношение. Умение понимать произведения великих художников на чувственно-эмоциональном, а затем эвристическом и эстетическом уровнях, осмысливать временны́е и культурные взаимосвязи является одним из основных условий формирования правильного мировоззрения и целостной картины мира в сознании развивающейся личности.

Вовлечение в эстетическую деятельность возможно и в процессе побуждения детей к творчеству, особенно к изобразительному искусству. Использовать рисование и письмо в качестве средства эстетического воспитания предлагал еще Аристотель, введший понятие «каллогатия», означающее нравственный идеал. Писателю эпохи модерна Оскару Уайльду также казалось правильным обучать детей рисованию с ранних лет для того, чтобы проникнуться чувством прекрасного. Василий Александрович Сухомлинский в своей педагогической деятельности «стремился к тому, чтобы все годы детства окружающий мир, природа постоянно питали сознание учащихся яркими образами, картинами, восприятиями и представлениями»[1]. Он отмечал, как увлеченно дети рисуют и, наслаждаясь красотой, естественным образом входят в мир прекрасного.

Несмотря на то что младшие современники Гегеля — позитивисты — были убеждены, что любая сфера человеческой деятельности, не преследующая четко определенной цели (в подавляющем большинстве случаев за ней признавалась материальная выгода), обречена на провал, упадок и исчезновение. Так, искусство, по их предсказаниям, изжив себя, уже давно должно перестать существовать. На деле, как мы знаем, ничего подобного не произошло. Даже в самых маргинальных, андеграундных течениях и направлениях искусства всегда сохраняется ядро, стержень, что, собственно, и делает искусство искусством. Именно в этом процессе создания, сотворения чего-то ценного из внеположных по большому счету элементов окружающей реальности, разумеется, прошедших горнило человеческой субъективности, и создается вся человеческая культура.

Стремление изъять искусство, уничтожить в человеке тягу к прекрасному, исключить все квазибесполезное из человеческого бытия по принципу домино неотвратимо обрушивает всю человеческую культуру. И в этом процессе важно не просто остаться ценителем или хранителем духовных традиций, но именно мастером, творцом, способным создавать, рождать эти духовные ценности. Но творчество предполагает не только интуитивно спонтанный процесс, но и целеполагающую рациональную и *рефлексивную* деятельность. За гигантами мысли и творчества всегда стоят сотни и тысячи безымянных художников, эстетиков, философов, без которых в принципе немыслим никакой духовный подъем, рывок и достижение сияющих вершин. Иными словами, эстетико-философское начало имманентно присуще творческому акту, начиная с самых первых набросков, наметок будущего творения и заканчивая плодотворной рефлексивной деятельностью.

Теоретическая рефлексия, которую осуществляет эстетика над основаниями творческой деятельности, есть не просто «подведение итогов», но мощная основа, импульс искусной творческой деятельности. Времена, забывающие эту истину, неизбежно переживают косность, невежество и полный упадок. В условиях постоянной турбулентности, нестабильности мировых геополитических процессов именно искусство и его философское осмысление, возможно, станут последней и единственной надеждой человечества на выживание.

Таким образом, философское учение об искусстве служит созданию социоцентрических идеалов, необходимых и востребованных любым обществом. В период обострения жизненных проблем эта работа становится практически незаменимой. Но в творчестве, в том числе и философско-эстетическом, нельзя ожидать немедленного результата. Для того чтобы могли состояться И. Кант, Г. Гегель, В. С. Соловьев, А. Ф. Лосев, должна существовать питательная среда, создаваемая десятками, сотнями «рядовых» исследователей, ученых, художников, философов. Собственно говоря, это и есть та ноосфера, в которой из совокупного действия составляющих ее творческих единиц в результате и может произойти вспышка сверхгения.

Эстетика даже в среде философских наук представляет собой элитарную сферу. Но эта «элитарность» не есть свойство, которое эстетика приписала сама себе. Сфера эстетического настолько сложна и неуловима, что даже для определения базовых постулатов и основ требуются сверхусилия. Еще сложнее определить, нащупать те интенции, которые позволяют человеку творить в сфере искусства. Талант и гениальность для научного дискурса до сих пор представляют некую неразрешимую апорию или парадокс. Для современной науки понятие гениальности представляет собой чуть ли не патологию, отклонение от нормы. Никакие формальные методы исчисления, а теперь и «цифровизации» здесь не годятся. Полноценный и плодотворный философский дискурс в отношении таких «тонких материй», как искусство, гармония, красота и творчество, представляет собой исключительно трудное дело. Эстетика действительно находится практически на грани чувственного и сверхчувственного, рационального и иррационального, наконец, Божественного и человеческого. Но только в этой неуловимой точке и возможна встреча с подлинно истинным, ценным, составляющим цель и смысл человеческого бытия.

Наиболее доступной для детского возраста является игровая деятельность, которая в процессе эстетического воспитания имеет важнейшее значение. Игра, кажущаяся лишь зоной детской жизни, на самом деле представляет собой особый вид деятельности, значение которой было оценено только в XX веке. В игре

[1] *Сухомлинский В. А.* Сердце отдаю детям. Киев, 1972. С. 110–111.

воспроизводятся ситуации реальной жизни, вхождение в которые воспитывает нравственные качества. В эстетическом формировании личности особенно ценны те виды игр, в которых задействовано перевоплощение играющих, поскольку они одновременно являются и художественными, и воспитательными. Для детского творчества необходима атмосфера непринужденности, которую предоставляет фольклорная художественная игра, дающая возможность восприятия народного искусства — источника богатого художественного опыта. В игре и через игру развиваются воображение и фантазия, являющиеся основой эстетического потенциала. Константин Дмитриевич Ушинский, говоря об эстетическом воспитании, подчеркивал, что определять его содержание и формы должна красота. При этом он обращал внимание, что в понимание красоты русский народ вкладывает художественную переработку и осмысление прекрасной натуры.

Образовательная университетская среда продолжает развитие эстетической культуры, чувственного отношения к миру. Так, будущие художники и дизайнеры с первого курса проходят практику в музеях классического искусства и этнографии. Эрмитаж, Русский музей, Музей этнографии народов России становятся образовательной базой, развивающей чувство прекрасного, формирующей эстетический взгляд на мир, созидательное отношение к нему. Знакомство с русским искусством помогает постичь основные категории прекрасного, раскрыть то, как художники передавали отношение к обществу, к природе с помощью изобразительных средств, законов композиции, цветопередачи, как рождалось особое, эстетическое восприятие мира.

Эстетическая культура в образовании играет важную роль в развитии творческого мышления и воображения учащихся. Через искусство они могут выразить свои идеи, чувства и внутренний мир, что способствует их креативному развитию и формированию собственной уникальной личности, а также развитию критического мышления, поскольку анализ и интерпретация различных художественных произведений требуют от учащихся аналитических навыков и способности к критическому мышлению. Внедрение эстетической культуры в образовательный процесс требует применения определенных принципов, направленных на интеграцию искусства и культуры в учебные программы, разработку междисциплинарных подходов и использование современных технологий.

Один из ключевых принципов — интеграция элементов искусства и культуры в стандартные образовательные программы. Это означает включение искусства, музыки, литературы и других художественных дисциплин в учебные планы, чтобы студенты получали полноценное образование не только в области наук, но и в сфере искусства. Второй же принцип заключается в организации междисциплинарных проектов и мероприятий. Это предполагает объединение различных дисциплин, таких как искусство, наука, технологии и гуманитарные науки, с целью создания комплексных образовательных опытов. Третий принцип — использование современных технологий для внедрения эстетической культуры в образовательный процесс. Это включает в себя интеграцию виртуальной реальности, интерактивных приложений и других современных технологий, позволяющих создавать интерактивные образовательные среды.

Принципы внедрения эстетической культуры в образовательный процесс способствуют созданию стимулирующей и разнообразной учебной среды, которая содействует глубокому пониманию материала, развитию творческих способностей и формированию гармонично развитой личности. Эти принципы служат основой для разработки эффективных стратегий интеграции эстетической культуры в современный образовательный процесс.

На сегодняшний день наша страна нуждается в сохранении и развитии народных промыслов и ремесел. Русская культура на наших глазах становится «уходящей натурой». Не случайно эта тема освещалась на культурном форуме, недавно проходившем в Санкт-Петербурге. Любовь к родному краю начинается с познания его традиций, а Россия обладает уникальной, богатой историей, и творчество мастеров — одна из главных ее составляющих. Утрата традиций ведет к разрыву связей между поколениями, к забвению своих корней, именно поэтому важно не просто сохранять то, что принадлежит нашим предкам, но и уметь пользоваться этим неиссякаемым источником вдохновения для создания современных творческих проектов.

Поддержка эстетической культуры в воспитании и образовании тем более ценна, ведь именно в области искусства Россия была, есть и будет флагманом духовной культуры, светочем человечества в самые сложные, кризисные, переломные эпохи. Воспитание подрастающего поколения невозможно без высококвалифицированных специалистов в области эстетики и философии искусства. Только так мы сможем достичь подлинного прорыва во всех сферах человеческой жизни.

О. Е. Лебедев[1]

СУВЕРЕНИТЕТ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

Тема Лихачевских чтений 2024 года выдвигает принципиальные проблемы, относящиеся к сфере общего образования. Речь идет о самой сущности общего образования, о том, в какой мере оно является общим в ситуации многополярного мира. Общее образование дает школа. Это образование является общим не только потому, что носит надпрофессиональный характер, но и в силу того, что оно объединяет людей, представляет собой их общее достояние.

Содержание общего образования в современном мире имеет сложную структуру. В ней можно выделить следующие компоненты: глобальный, национальный, региональный, школьный, индивидуально-личностный. Понятно, что соотношение этих компонентов в разных национальных системах и даже в одной и той же системе, но на разных этапах ее развития, может существенно различаться.

Предметом обсуждения являются три вопроса: какое влияние на структуру содержания общего образования может оказать процесс перехода к многополярному миру? Какое влияние структурные изменения в содержании образования оказывают на особенности и качество системы общего образования? Какие изменения системы общего образования являются критичными для обеспечения ее суверенитета?

Предлагаемые ниже ответы на поставленные вопросы носят тезисный характер и являются дискуссионными.

Основные тенденции, характеризующие изменения в содержании общего образования, можно описать следующим образом:

— организационная форма образовательного процесса (предметно-классно-урочная) сохранилась; учебный предмет по-прежнему рассматривается как основное средство реализации содержания образования в общеобразовательной школе, но при этом возросло значение других средств, применяемых во внеурочной деятельности, — различных социальных, образовательных и исследовательских практик;

— необходимыми составляющими содержания общего образования стали основное и дополнительное образование;

— содержание основного образования включает обязательные и вариативные компоненты;

— меняется структура учебных материалов, в которых конкретизируется содержание образования: снижается роль учебников и возрастает значимость электронных источников информации; образовательное пространство учащихся, определяемое доступными учебными материалами, утрачивает строгие границы.

Каким образом геополитические процессы влияют на изменения в содержании образования и в каких его элементах?

В условиях биполярного мира системы образования в социалистических и капиталистических странах рассматривались как противоположные по своим социальным функциям. Стоит заметить, что отношение к капиталистическим странам на политическом уровне постепенно менялось: от непримиримой борьбы к мирному сосуществованию, а затем и к возможности сотрудничества в отдельных областях. Но в сфере образования теория конвергенции оценивалась как фальсификаторская, отражающая позиции буржуазных педагогов. Единственным смыслом изучения образовательных систем капиталистических стран считалось то, что оно «способствует лучшему пониманию решающих преимуществ социалистического строя и социалистической системы просвещения»[2]. При этом утверждение о преимуществах советской системы школьного образования не основывалось на данных каких-либо сравнительных международных исследований.

В 1990-х годах геополитическая ситуация изменилась. В сфере образования развивалась практика участия в международных сравнительных исследованиях PIRLS, TIMSS, PISA, реализовывались образовательные проекты с участием зарубежных партнеров. В первом десятилетии XXI века была издана серия книг «Образование: мировой бестселлер». Для финансирования инновационной деятельности в образовании использовались кредиты Всемирного банка.

Что меняется и что остается неизменным в содержании школьного образования под воздействием вышеуказанных факторов?

Основы учебного плана школы (состав предметных областей, обязательные дисциплины) остаются прежними. Создаются новые учебные материалы, появляется возможность выбора пособий с учетом особенностей предметной программы и состава учащихся. Поддерживается процесс диверсификации школ и разработки авторских образовательных программ. Складывается понимание важности способов определения содержания образования в программах (не через перечисление понятий, а через раскрытие возможностей, приобретаемых обучаемыми). Иными словами, содержание образования определяется не как должное, которое надо усвоить, а как личностно значимое, расширяющее возможности решения проблем в различных сферах и видах деятельности.

В первой четверти XXI века появляются признаки новой геополитической реальности, сущность которой определяется через понятия многополярности и социальной турбулентности. Для анализа проблем образования в меняющейся геополитической ситуации боль-

[1] Доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО. Автор более 280 научных публикаций, в т. ч. книг: «Воспитание в школе: диалектика прошлого и будущего», «Дидактика как теория трансформационных процессов в образовательной системе», «Управление образовательными системами: исследовательский проект» и др. Награжден медалью К. Д. Ушинского.

[2] *Малькова З. А., Вульфсон Б. Л.* Современная школа и педагогика в капиталистических странах. М. : Просвещение, 1975. С. 3.

шое значение имеет практика определения образовательных приоритетов в рамках международных форумов. Имеется в виду идея формирования ключевых компетентностей и соответствующих им универсальных навыков.

Эта идея не противоречит отечественной практике разработки образовательных стандартов, в которых выделяются три вида результатов образовательной деятельности: предметные, метапредметные и личностные. Ее реализация может играть важную роль в предупреждении фрагментарности образовательных результатов, которая является фактором снижения качества образования: знание множества терминов, понятий, фактов, правил, принципов не гарантирует достижения необходимого уровня образованности, проявляющегося не в репродуктивной, а в продуктивной деятельности.

Реализация данной идеи может привести к изменениям в содержании образования, но не в составе предметных областей и учебных дисциплин, а в деятельности учащихся, опыте самостоятельного решения возникающих проблем в урочной и внеурочной деятельности.

В программе Лихачевских чтений предлагается рассматривать БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций. Если считать БРИКС одним из полюсов возможного многополярного мира, то что дает такой подход для определения содержания общего образования в России?

БРИКС представляет собой объединение государств с разным культурным прошлым и настоящим. Вряд ли есть возможность учитывать это обстоятельство при формировании содержания российского школьного образования. К тому же надо иметь в виду, что состав участников этого объединения будет расширяться. Скорее речь пойдет об определении общих целевых ориентиров, соответствующих мировым тенденциям. Словом, в этом случае дело закончится обсуждением глобального компонента в структуре содержания общего образования.

Другой подход заключается в том, чтобы определить, какой вклад в международную образовательную практику может внести российская система образования исходя из имеющихся безусловных достижений (в частности, в дополнительном образовании детей и в элитарном физико-математическом образовании школьников). В этом случае страны БРИКС могут сыграть существенную роль в диссеминации эффективного российского педагогического опыта.

Как структурные изменения в содержании общего образования, связанные с геополитическими процессами, влияют на качества системы общего образования? Надо подчеркнуть, что речь идет именно о качествах, совокупность которых в конечном счете определяет потенциал системы, ее возможности.

Такие характеристики, как динамизм, открытость, стабильность, регламентированность, унифицированность, присущи любой системе общего образования. Различия между системами касаются меры, необходимых и допустимых границ. На определение меры влияет ряд факторов, в том числе место глобального компонента в структуре содержания общего образования.

Определение глобального компонента в содержании образования в конечном счете является следствием ответов на два вопроса:

— какие достижения международной образовательной практики могут быть востребованы российской системой общего образования;

— какие достижения российской системы общего образования могут быть востребованы международной образовательной практикой?

В данном случае обсуждается тема достижений в конструировании содержания общего образования. Идея многополярного мира совсем не означает, что при анализе достижений международной образовательной практики надо ограничиваться каким-то одним полюсом, к которому принадлежит Россия (например, БРИКС). Многополярность предполагает, что достижения в сфере образования, в том числе в области конструирования его содержания, могут иметь место в различных «полюсах». Поэтому есть основание полагать, что общими достижениями в построении содержания общего образования, которые имеет смысл использовать и в российской практике, являются: идея ключевых компетентностей, ориентация на развитие у учащихся универсальных навыков, использование цифровых технологий, освоение языков науки (по крайней мере, в области математики и естествознания).

Использование международных достижений в российской образовательной практике, скорее всего, будет способствовать повышению степени динамичности системы общего образования, ее открытости, снижению степени регламентированности и унифицированности, обеспечению стабильности за счет определения долговременных ценностных ориентиров. При этом, естественно, возникает вопрос о допустимой мере. Именно в этом — в удержании допустимой границы динамичности, открытости, стабильности, регламентированности и унифицированности системы — прежде всего заключается необходимое условие суверенности отечественной системы общего образования. Очевидно, что представления о такой границе в профессиональном сообществе и обществе в целом существуют разные.

В связи с этим имеет смысл выявить те трансформационные процессы в системе общего образования, которые вызывают неоднозначные или противоположные оценки. Это позволило бы определить предмет возможных (и необходимых) общественных дискуссий.

Трансформационные процессы, требующие критического осмысления и оценки, касаются и проблем конструирования содержания общего образования. Одно из наблюдаемых явлений можно определить как мифологизацию возможностей учебного предмета. Примерами могут служить предложения о включении в учебный план школы предмета «Семьеведение», о трансформации предмета «Основы безопасности жизнедеятельности» в «Основы безопасности и защиты Родины», о том, чтобы ЕГЭ по математике стал обязательным для поступления во все вузы страны. Предполагается, что реализация таких предложений приведет к решению сложных социальных

и педагогических проблем — к улучшению демографической ситуации, повышению результативности патриотического воспитания и качества всего общего образования.

Другое явление — детализация содержания образования до уровня урока. Примеры — программа «Разговоры о важном» и изменения в образовательных программах, которые лишают всякого смысла составление учителями-предметниками рабочих программ, позволяющих эффективнее использовать профессиональный потенциал учителя в конкретной образовательной ситуации. Предполагается, что эти меры повысят качество процесса и его результатов, но на практике они скорее приведут к «увеличению числа оттенков серого».

Третье явление — сохранение объемных, количественных показателей освоения содержания образования (расширение перечня сведений, обязательных для усвоения, и обязательных внеурочных мероприятий) при декларировании целей повышения самостоятельности и ответственности учащихся.

Все три явления связаны со стремлением сделать образовательный процесс полностью управляемым из единого центра, что в условиях всеобщего образования неизбежно приведет к чрезмерному ограничению динамичности и открытости, избыточной регламентированности, унифицированности и стабильности, а в итоге и к потере вклада, который могла бы сделать российская система общего образования в международную образовательную практику.

Л. М. Мосолова[1]

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЦЕНТРИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА ИЛИ НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В Послании Президента России Владимира Путина Федеральному собранию от 29 февраля 2024 года говорится о мировых тенденциях, связанных с глобальными вызовами. Это бурные трансформации, которые разрушают прежние стереотипы в экономике, торговле, финансах, технологических рынках и других сферах жизни человечества. Президент отметил неуклонный рост значимости межгосударственного союза стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика, Иран, Египет, Объединенные Арабские Эмираты, Эфиопия) в глобальных процессах и подчеркнул: «Мы взаимодействуем с партнерами на принципах равноправия, уважения, интересов друг друга» и потому к нам «подключаются все новые и новые государства»[2].

В этом же послании он указал Правительству России на необходимость «увеличить финансирование международных программ в сфере продвижения русского языка и нашей многонациональной культуры, прежде всего, конечно, на пространствах СНГ, да и во всем мире в целом». Кроме того, президент подчеркнул: «Огромные перспективы видим в построении Большого Евразийского партнерства, в сопряжении интегральных процессов в рамках ЕврАзЭСа, БРИКС, ШОС и др.»[3].

Названные теоретико-практические положения Послания Президента Федеральному собранию о процессах, происходящих в мире, и возможных ответах России на глобальные вызовы современности, конечно, *напрямую касаются сферы образования и культуры в целом*. Речь идет прежде всего о том, каковы содержание, цели, смыслы и технологии преподавания комплекса общественных, гуманитарных и культурологических дисциплин в высшей школе. Есть ли в них *анализ реального содержания процессов современности* — того, что мы называем глобализацией, глобальным обществом, глобальными тенденциями, глобальным кризисом, глобальными вызовами, и тех ответов, которые даются современными политиками, учеными, общественными деятелями.

Представляется, что все эти вопросы, несмотря на их очевидную значимость, до сих пор системно и ответственно не проработаны или недостаточно профессионально и слабо методически представлены в образовании — лекциях, учебной литературе и др. Да и в научных трудах по этим вопросам идут жаркие споры, при этом часть преподавателей остается на платформе идей постмодернизма и его поздних версий, которые привели идеологов ЕС к ментальной деградации и разрушению его культурной системы. Однако следует признать, что это сложнейшие вопросы, поэтому не все пока могут точно и смело на них отвечать. Не хватает целостной аналитики и соответствующей научной литературы.

Проблемы глобализирующегося мира породили множество дебатов академического и публицистического характера. Несмотря на это, изучение данных проблем развивается неравномерно и довольно хао-

[1] Профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор искусствоведения, кандидат философских наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный профессор РГПУ им. А. И. Герцена. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Поликультурное пространство Российской Федерации», «Культурология в системе современного образования: философско-онтологические основания», «История искусства Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней)» (в 2 т.), «Междисциплинарная методология в культурологических исследованиях М. С. Кагана», «Коренные народы как конструирующий концепт: генезис, проблематизация, дискурсы и практики» и др. Действительный член Национальной государственной академии художеств Кыргызской Республики.

[2] Послание Президента Федеральному собранию // Президент России : [сайт]. 2024. 29 февр. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585.

[3] Послание Президента Федеральному собранию.

тично. Более активны в исследовании глобализации такие науки, как политология, экономика, международные отношения, социальная и политическая философия и социология. Что касается ряда других наук, то в них глобализация представляется *маргинальной темой*. Дефиниций глобализации существует множество, и в значительной мере они продуктивны: глобализация как интенсификация всемирных социальных отношений Э. Гидденса; глобализация как расширение всемирной коммуникации и всемирного рынка Ф. Джеймисона; глобализация как сжимающийся мир и интенсификация сознания Р. Робертсона и др.

Современные исследователи в широкой сфере изучения глобализации выделяют два наиболее общих направления. Первое — *универсалистская* глобализация, которая развивается на основе *евроцентристской модели* прогресса, ведущей к унификации и гомогенизации мира, *к имперской форме глобализации* с растущей поляризацией и социальной дезориентацией (Н. Хомский). Второе — *мультикультурная* глобализация, которая формируется на основе модели *культурного многообразия, гетерогенности* мира. Вторая версия является сегодня более популярной, поскольку в ней присутствуют идеи толерантности и нерепрессивные формы взаимодействия людей.

Сегодня в российских гуманитарных науках идет активный процесс критического осмысления различных концепций глобализации современного мира, создаются различные версии и модели глобализации. В этом отношении показательна концепция глобализации Л. А. Коробейниковой, получившая название «мягкой», *культуроцентристской* глобализации (эволюция мирового сообщества *через распространение культурных процессов*), вследствие чего формируются нерепрессивные механизмы социального регулирования, альтернативные по отношению к тем, которые характерны для исторических форм глобализации и современной цивилизации под эгидой США, создающих имперское общество[1]. Она с позиций философии культуры и культурологии тщательно проанализировала эволюцию ценностей современной культуры, трансформацию сфер современной культуры, многополярность современного мира и особенности культуры и пришла к выводу, что имперская организация мирового сообщества с глобальным доминированием западных ценностей и игнорированием разнообразия ценностей других культур содержит потенциал, разрушающий мировое сообщество изнутри, поэтому его эволюция носит временный и тупиковый характер.

По мнению Л. А. Коробейниковой, «в условиях современного многополярного мира процесс глобализации должен быть ориентирован не на достижение мирового господства одного доминирующего сообщества, а на постепенное выравнивание уровней экономического, социального, культурного развития всех глобализирующихся сообществ на основе квинтэссенции *культурных достижений* человеческой цивилизации, что ведет к формированию нового типа сообщества многополярного мира, альтернативного по отношению к современному глобальному имперскому сообществу»[2]. «Культуроцентристская глобализация, осуществляющаяся в мягкой форме духовной эволюции, *открывает новые возможности*, позволяющие любому политическому субъекту избежать имперских амбиций на мировой арене, что обеспечит достижение более или менее сбалансированного развития материальной и духовной сторон эволюции цивилизации и ее процветание»[3].

Представляется, что анализ процессов современности, феноменов глобализации и поисков направлений и моделей последующего развития культуры мирового сообщества и в этом контексте пути России является *ключевой темой* в содержании общественных, гуманитарных и культурологических дисциплин в вузах. Именно такое, ширококонтекстное и генерализированное, знание необходимо молодым людям, чтобы понимать, в каком мире они живут и какое будущее необходимо строить. Концепция культуроцентристской глобализации современного многополярного мира является одной из *наиболее перспективных* и нуждается в последующей разработке. Если кратко говорить о критических замечаниях в отношении этой концепции, то они сводятся к сфере методологии. Здесь не обосновано в соответствии с современной культурологической наукой само содержательное понимание категории «культура». Она редуцируется до искусства и ряда духовных форм либо стоит в одном ряду с отдельными феноменами культуры как рядоположенное явление. При этом весь диапазон значений этого термина не охватывается, культура не предстает как целостный феномен. Как говорится, за деревьями надо видеть лес.

Неуклонный рост значимости союза девяти государств БРИКС, а также ЕврАзЭС, ШОС и других мирно взаимодействующих государств, изменяющих миропорядок, требует не только глубокой научной рефлексии, но и соответствующих коррективов в системе образования, построенного преимущественно на европоцентристских и колониальных установках и недооценке вклада других народов в мировую культуру во всем ее широком «ноосферном» значении (культура как способ бытия и планетарный результат деятельности человека, его разума и рук).

Культуроцентристское направление нового этапа глобализации ставит перед образованием остроактуальную и важнейшую в социокультурном и политическом отношении проблему. До сих пор мировая культура изучалась главным образом как культура европейская, а культура стран Ближнего Востока, Южной Азии, Восточной Азии, Африки и Латинской Америки, мягко говоря, оставалась в тени. В истории культур Ближнего Востока изучаются только древние цивилизации (Шумер, Ассирия, Вавилон, Ахемениды и др.). То, что происходило в этих регионах далее — в Средние века, Новое и Новейшее время, в студенческих аудиториях не изучается, за исключением специальных востоковедческих факультетов.

[1] *Коробейникова Л. А.* Культура многополярного мира: от унификации к разнообразию. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2023.

[2] *Коробейникова Л. А.* Указ. соч. С. 157.

[3] Там же.

Теперь речь должна идти о создании новейших образовательных программ по истории всемирной культуры не на эмпирической описательной, лоскутно-феноменологической основе и не в контексте атлантической cultural studies, а на адекватной предмету исследования методологической базе, существующей в современной российской культурологии. Именно она может представить сегодня на уровне культурологической генерализации панорамную синхронную динамику способов бытия обществ и высоких достижений народов в разные эпохи во всех регионах мира на основе методов типологии общего, регионального и локально своеобразного. На культурологической концептуальной основе уже сегодня можно разработать соответствующий проект исследования, получить синтетический результат и опубликовать его (для начала в формате учебного издания).

Что касается стран ЕврАзЭС, то в российской науке уже очень много сделано в исследовании культуры регионов и народов России, а также культуры бывших союзных республик Центральной Азии и Беларуси. Есть не только отдельные работы о том или ином народе, но и общерегиональные исследования (например, по федеральным округам России), по Центральной Азии в целом и др. Необходимо исследовать *типы культурного евразийского синтеза на разных этапах истории* и культуру России в ее генезисе и контексте динамики культуры в последние примерно четыре столетия. Особенно за последний век. Нужна генерализация всего сделанного по Евразии в науках о культуре и синтез культурологических результатов хотя бы в формате курса лекций по евразийской цивилизации. Эта работа требует участия больших коллективов исследователей, знающих культуры отдельных народов и регионов мира, и теоретиков-культурологов, владеющих методами обобщения или генерализации сложного историко-культурного материала.

Далее (или одновременно) можно разрабатывать проект создания культуроцентристской модели уже начавшейся новой глобализации.

С. В. Пазухина[1]

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ВЗГЛЯД ПСИХОЛОГА

Российское высшее образование как уникальная система, отражающая менталитет нашего общества, складывающаяся в своем многообразии и специфике на протяжении разных исторических эпох, имеет множество вех развития, на которые существенный отпечаток накладывала социальная, политическая, экономическая ситуация в стране и мире[2].

Сегодня мы находимся на новом, переломном этапе, когда перспективы динамики высшего образования в России напрямую зависят от выбранных нами приоритетов и направлений развития. Ясно одно, что такая страна, как наша, имеющая богатейшую историю и культуру, должна обладать собственной качественной, конкурентоспособной, отличной от других стран системой подготовки кадров с высшим образованием, ориентированной на традиционные российские ценности, приоритетные цели и задачи нового этапа развития Российского государства как одной из ведущих держав мира, имеющей значительное влияние в мировой политике, экономике и общественной жизни, собственный педагогический опыт, новации и лучшие образовательные практики.

На каждом переломном этапе у некоторых возникает соблазн полностью отказаться от прежних технологий, содержания, принципов и с чистого листа строить новую, особенную систему. Однако исторический опыт нашей страны показывает, что в любую эпоху у нас были апробированные эффективные практики, которые можно переосмыслить, посмотреть на них под определенным углом зрения, и в новом формате преподнесения они будут работать и сегодня. Поэтому, отвечая на вопрос, нужно ли что-то оставлять в современном высшем образовании, например, от советской эпохи или времен перестройки, 1990–2000-х годов, можно однозначно ответить: да. В те годы было немало прекрасных педагогов и идей, которые способствовали развитию и процветанию нашей страны. Однако в традиционном виде, возможно, эти достижения сегодня транслировать не стоит. Нужно учитывать особенности подрастающего поколения — цифровых аборигенов, обновлять содержание, искать новые модные формы преподнесения материала, организации взаимодействия между преподавателем и студентами и т. д.

Образование, вслед за Е. И. Исаевым и В. И. Слободчиковым, мы рассматриваем как становление об-

---

[1] Заведующая кафедрой психологии и педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, доктор психологических наук, доцент, Почетный работник воспитания и просвещения РФ, профессор РАО. Автор более 360 научных публикаций, в т. ч.: «Ориентация на традиционные российские духовно-нравственные ценности как основа проектирования воспитательной среды в педагогическом университете», «Проблемы формирования профессиональной компетентности будущих педагогов дошкольного образования в цифровой среде», «Новые формы организации профориентационной работы в классах психолого-педагогической направленности», «Классное руководство», «Методика преподавания психологии (в образовательной организации)» (в соавт.). Член Федерации психологов образования России, федеральный эксперт Росмолодежи, лектор Российского общества «Знание». Награждена почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

[2] *Марача В. Г.* Образование на рубеже веков: методологические соображения // Образование XXI века: проблемы и перспективы / под ред. В. П. Зинченко. Рига : Междунар. ассоциация «Развивающее обучение» : Педагог. центр «Эксперимент», 2002. С. 38–53. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/6056 (дата обращения: 20.02.2024).

раза человека, целостное развитие его личности, а не формирование набора компетенций, которые трудно привязать к конкретным дисциплинам[1].

Согласно исследованиям отечественных ученых, становление личности есть становление ее потребностей (Л. И. Божович[2]), а психическое развитие ребенка осуществляется в деятельности (основными видами деятельности для человека на всех этапах его становления являются игра, учение, общение и труд), в коллективе. При этом первоначально любое действие ребенка формируется в совместной деятельности со взрослым как интерпсихическое и лишь благодаря механизму интериоризации затем переходит во внутренний, интрапсихический план (Л. С. Выготский[3]). Педагогические технологии, позволяющие реализовать данные концептуальные идеи, широко использовались в советский период российского прошлого и давали хорошие результаты, благодаря которым наша страна в середине XX века заслуженно была в числе мировых лидеров по качеству и уровню образования. Выделенные учеными-психологами закономерности психического развития никуда не делись и в настоящее время, но на становление подрастающего поколения стали оказывать серьезное влияние другие институты и факторы социализации, в частности Интернет.

Благодаря стремительному развитию информационно-коммуникационных технологий сегодня мы говорим о небывалых темпах приращения нового знания, немыслимом увеличении скорости информационных потоков. Развивающемуся ребенку сложно «не утонуть» в бескрайнем море информации на просторах Интернета. Отметим, что для хорошей ориентировки в Сети с учебными целями человек должен владеть базовым набором способов добывания, переработки информации (универсальными учебными действиями); стержневыми знаниями, на которые нанизываются личностно присвоенные новые сведения; выработанной системой отношений к различным сторонам действительности, определяющих направленность его интересов и модели поведения во взаимодействии с окружающими. Всем этим ученика вооружает учитель. При этом педагог реализуется не только как предметник, но и как профессионал, выполняющий разнообразные функции: обучающую, воспитывающую, развивающую и пр.

Поэтому представления о том, что в нынешний компьютерный век искусственный интеллект и онлайн-обучение смогут полностью заменить учителя и, следовательно, обучать детей в школе традиционными методами уже будет не нужно, так как они сами все найдут в Интернете, несостоятельны. При несформированной учебной мотивации, иных компонентов учебной деятельности, учебной самостоятельности это невозможно. То же касается свободного, творческого обучения, о котором говорится в статье «Школы не нужны»[4]. Это утопия.

Современные ученые констатируют, что даже в высшие учебные заведения абитуриенты сегодня поступают с несформированной учебной деятельностью[5]. Период перехода на новую ступень образования не сопровождается изменением их учебной деятельности. Студенты в вузе пытаются учиться так же, как и в школе. Им сложно перестроиться, так как сейчас в учебных планах нет адаптационных курсов, позволяющих им осмыслить необходимость собственной перестройки и саморазвития. При отсутствии должного внешнего контроля они не занимаются самостоятельной работой, как того требует учебный план, где на СРС отведено огромное количество часов. Даже поиск информации в Интернете вызывает у них затруднения, так как «цифровые аборигены», проводящие много часов в беглом просматривании преподносимых им лент информации в гаджетах или в компьютерных играх, социальных сетях, не умеют задавать нужные параметры поиска, не отличают источники, заслуживающие доверия, от недостоверных, не могут выразить собственное мнение, аргументировать свою позицию по тому или иному вопросу (так как она просто не выработана) и пр. При бессистемности усвоения информации студентами, плохой подготовке в ходе самостоятельной работы к занятию сложно эффективно организовать круглый стол или использовать иной интерактивный метод, что сегодня требуется от преподавателей вузов.

Важным моментом, определяющим новые векторы развития современного образования, в том числе высшего, является учет динамики развития подрастающего поколения. В частности, в настоящее время ученые констатируют снижение темпов познавательного развития детей, слабую развитость внимания, памяти, мышления, воображения, речи (то есть высших психических функций, по Л. С. Выготскому) у современного поколения, увлеченного гаджетами; удлинение периода детства с присущими ему инфантильностью, несамостоятельностью, недисциплинированностью, недостаточными рефлексией и самоконтролем и пр. Все это приводит к переосмыслению сложившейся системы образования, где, с одной стороны, необходимо учитывать все новейшие достижения, готовя детей к жизни в прогрессивном будущем, а с другой — менять традиционные форматы преподнесения и усвоения информации с учетом их психологических особенностей.

Постулат о важности освоения стержневой системы базовых знаний при несформированной учебной деятельности у многих студентов приводит нас к мысли о том, что необходимо усилить роль аудиторных занятий, где каждый компонент знания анализируется, прорабатывается в группе под руководством преподавателя, личностно осмысливается. Это не означает возврата к чтению лекций в традиционных форматах. Лек-

[1] *Исаев Е. И., Слободчиков В. И.* Психология образования человека: становление субъектности в образовательных процессах : учеб. пособие. М. : Изд-во ПСТГУ, 2013.

[2] *Божович Л. И.* Проблемы формирования личности : избранные психологические труды / под ред. Д. И. Фельдштейна. М. ; Воронеж : Ин-т практ. психологии, 1995.

[3] *Выготский Л. С.* Педагогическая психология. М. : АСТ [и др.], 2005.

[4] *Колядина Е.* Школы не нужны // Metro. 2024. 12 февр. № 20. С. 8.

[5] *Никитенко Е. В.* Особенности учебной деятельности студентов и трудности в процессе обучения // NovaUm.Ru : [науч. журн.]. Психологические науки. 2022. № 37. URL: http://novaum.ru/public/p2432 (дата обращения: 20.02.2024).

ция может проводиться, например, в музее, с использованием телемоста и дебатов, когда выступает известный ученый из другого города (онлайн или в записи), а на занятии по ходу просмотра материала преподаватель задает студентам проблемные вопросы, выясняет их точку зрения (имеющиеся житейские знания и установки), систематизирует аргументы, выстраивает полемику между командами, управляя процессом изменения имеющихся установок студентов, вырабатывает определенное отношение к тем или иным событиям, показывает образцы профессионального осмысления проблем и пр.

При этом преподаватель как представитель государственного учреждения, носитель нормативных установок, традиционных российских ценностей, профессиональных моделей поведения, на наш взгляд, не должен сегодня отстраняться от решения насущных проблем, как это было раньше, когда он безучастно сравнивал разные точки зрения, анализировал отечественный и зарубежный опыт без высказывания собственной пристрастной точки зрения. Воспитательная функция предполагает выработку правильного отношения к изучаемым вопросам без навязывания и продавливания, но всегда за счет личного влияния и авторитета.

Самостоятельная работа также может преобразовываться за счет использования новых практико-ориентированных, цифровых форматов ее организации, в том числе на базе созданных в вузах технопарков, кванториев и других современных цифровых площадок.

Представляется важным, чтобы продукты деятельности обучающихся уже на студенческой скамье имели определенную социальную значимость. Целесообразна организация выполнения заданий, проектов не для галочки — отчета, получения баллов, формального участия конкурсе, но прежде всего для улучшения какой-либо стороны жизни если не города, района, школы, то хотя бы конкретного человека и пр. Обучающиеся должны понимать важность своего вклада и социальную значимость выполняемой деятельности. Не случайно сегодня многие мероприятия, которые проводятся за рамками учебного процесса (посещение детских домов, помощь инвалидам, престарелым, ветеранам войны, детям-сиротам и др.), воспринимаются как более действенные в плане формирования личности будущего специалиста и реализации воспитательных функций, нежели традиционные задания для СРС схожей тематики.

Вуз, на наш взгляд, вообще должен быть региональной культурно-образовательной площадкой, где студенты развивают собственные способности, учатся новому и обучают других. Но также важно, чтобы и другие социальные институты города стали площадками для получения студентами необходимой им практики профессиональной и личностной самореализации. Представляются интересными знакомство с опытом других регионов, выезды в другие вузы, смешанные курсы, сочетающие изучение материала онлайн и контактную работу, практические занятия в форме квестов, лабораторные с использованием VR-технологий, семинары с приглашением ведущих региональных практиков и пр.

Любые виды деятельности и изменения связаны с совершенствованием нормативной базы. Новые виды работ должны оплачиваться по договору как преподавателям, так и сторонним специалистам, привлекаемым к организации процесса образования.

Ю. М. Пашедко[1]

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГРАЖДАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Происходящие в мире изменения делают все более востребованной высокоинтеллектуальную и творческую работу и ставят новые задачи перед высшим образованием. Призыв китайского лидера Си Цзиньпина объединить потенциал стран БРИКС во имя достижения целей инновационного развития крайне актуален, в том числе и для создания инновационной национально-ориентированной модели образования, учитывающей особенности межкультурного взаимодействия стран-участниц объединения. Очевидно, что качество и направленность подготовки специалистов во многом зависят от выбранной модели образования. В некоторых странах БРИКС уже начались структурные реформы высшего и среднего профессионального образования. Системы образования приводятся в соответствие с потребностями новых технологий, меняются традиционные методики и технологии обучения. Во всех странах БРИКС проводится политика расширения доступности образования и повышения его эффективности[2].

Россия как один из лидеров стран БРИКС в последние годы стала формировать новые ценностно-ориентированные модели государственной национальной политики, где базовые основания становятся основа-

[1] Заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП (2023–2024), кандидат педагогических наук. Автор 24 научных публикаций, в т. ч.: «Продвижение современных учреждений культуры: технологии event-менеджмента», «Русская культура как основа национальной идентичности россиян», «Социально-культурные технологии и духовно-ориентированные практики в системе социализации воспитанников приютов при православных монастырях», «Взаимодействие православных монастырей с государственными воспитательными, образовательными и досуговыми учреждениями в процессе социально-культурной адаптации детей-сирот» и др. Эксперт Президентского фонда культурных инициатив.

[2] См. также: *Пашедко Ю. М.* Специальные проекты в формировании общегражданских ценностей молодежи в условиях этнокультурного многообразия регионов России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Гуманитарные науки». 2023. № 6. С. 69–73 ; *Машкина О. А.* Страны БРИКС: стратегии развития высшего образования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20 : Педагогическое образование. 2017. № 2. С. 40–48.

ниями стратегии национальной безопасности страны, ее социально-экономического благополучия и целостности территорий. Это обусловлено острой необходимостью создать новые подходы к системе воспитания и образования гражданина страны, разделяющего ее ценности и готового работать на благо государства.

С 1990-х годов и до середины 2000-х сферы культуры, образования и науки не рассматривались как важные столпы социально-экономического благополучия страны, ее стратегической безопасности и целостности. Коммерциализация учреждений культуры, вузов и науки без опоры на общегражданские и духовные ценности, введение Болонской системы образования привели к негативным результатам. Так, в аналитическом обзоре результатов международных и российских исследований «Ценностные ориентации современной молодежи» (от 30 сентября 2021 г.) говорится о том, что «среди молодежи нашли распространение ценности, которые являются характерными чертами большой части молодежи и которые с высокой степенью вероятности будут перенесены ею в будущее. А именно:

— большее распространение так называемых постматериалистических ценностей, то есть ценностей индивидуализма, самореализации, признания (личного публичного успеха), ярких впечатлений (позитивных эмоций), свободы самовыражения»[1];

— политическая «безучастность» и пассивность, космополитизм.

Большинство молодых людей хотят получить высшее образование на бюджетной основе в России, но дальнейшую профессиональную карьеру хотели бы строить за границей. Эта тревожная и негативная тенденция характерна не только для России, но и для некоторых стран БРИКС, таких как КНР и Индия. Последнее объясняется, с одной стороны, более выгодными и благоприятными условиями работы в развитых странах Запада, а с другой — структурной безработицей, связанной с технологической отсталостью традиционных отраслей национальных экономик этих стран и недостаточными мощностями формирующихся внутри них кластеров инновационной промышленности.

В свою очередь, это влияет и на мотивацию молодежи в общественно-политической активности. Общественные цели, такие как стремление «сделать страну лучше», «помочь людям» и прочие, заменяются прагматичными задачами и личными интересами. Ориентация на личный успех и материальное благополучие, потребительское отношение к стране — результат реформ образования 1990–2000-х годов и отсутствия внятной национальной политики.

Современная социально-политическая ситуация обострила «кризис общегражданских ценностных систем». Часть молодого поколения не идентифицирует себя с государством. Но молодежь — это та социальная группа, которая имеет особое значение для общественного развития страны и сохранения ее территориальной целостности.

В своей статье «Специальные проекты в формировании общегражданских ценностей молодежи в условиях этнокультурного многообразия регионов России»[2] автор приводит результаты социологических исследований, которые были проведены различными научными институтами, о восприятии молодежью ценностей патриотизма и гражданственности. Для рассматриваемой проблемы в данной работе эти исследования также представляют интерес. Так, исследования Института социологии РАН и Фонда «Общественное мнение» позволяют говорить о наличии проблем с «гражданским самоопределением молодежи и о трудностях содержательного восприятия ценностей патриотизма и гражданственности»[3].

В то же время проведенные исследования ученых при Институте этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН[4] позволяют сделать выводы, что большая часть современной российской молодежи идентифицирует себя с государством и чувствует свою ответственность за страну, но понимание единства и ощущение себя единым целым с остальными гражданами страны значительно различаются у молодежи в федеральных центрах, малых городах и населенных пунктах, регионах, в разных этнических и религиозных группах.

Тем не менее многочисленные исследования показывают, что молодые люди не в полной мере знакомы с культурой и историей страны, ее художественной культурой, традициями малой родины, мало доверяют институтам власти и государству, то есть не испытывают чувства причастности к российской гражданской нации, скорее их патриотизм обращен к малой родине и менее — к государству. У части молодого поколения отмечается неактивная гражданская позиция, нет сопричастности с важными событиями, происходящими в современной России, так как большинство обладают низким уровнем знаний истории страны, не знакомы с традициями и культурой народов, которые ее населяют. Молодые люди сконцентрированы на собственном благополучии, и вся их социальная активность сосредоточена вокруг экономической самореализации и личного досуга. Актуализация общественно-политических и культурных запросов довольно низкая и носит ситуативный и поверхностный характер[5].

Есть еще один аспект данной проблемы. В реализуемых государственных образовательных программах и проектах часто формулируются только количественные результаты: «патриотические мероприятия посети-

[1] Аналитический обзор результатов международных и российских исследований «Ценностные ориентации современной молодежи» // Циркон. 2021 (версия 1.2 от 30 сентября 2021 г.). С. 50. URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/aab/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-molodezhi-analiticheskiy-obzor.pdf.

[2] *Пашедко Ю. М.* Указ. соч. С. 70.

[3] Рабочая группа ИС РАН. Российская идентичность в социологическом измерении // Полис. 2008. № 1-3.

[4] *Мартынова М. Ю., Степанов В. В., Тишков В. А.* Методические рекомендации органам государственной власти и управления и общественным организациям России по формированию гражданской идентичности молодежи / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Пермь : ОТ и ДО, 2015. С. 7.

[5] *Пашедко Ю. М.* Указ. соч.

ли столько-то человек», «выпущено столько-то выпускников», «повысили квалификацию столько-то сотрудников». Качественные результаты, по-видимому, не предполагались, или количество участников, по мнению авторов программ, определяет и качественные изменения тех, кто эти мероприятия посетил.

Специалисты-практики, ученые и исследователи все это время писали о несоответствии системы образования социально-экономической и политической необходимости государства, но чиновники-реформаторы не слышали экспертов. Бесконечные реформы исключили из системы общего образования процесс воспитания, а учреждения высшего профессионального образования стали, наоборот, «нагружать» воспитательной компонентой, не учитывая специфику данных учреждений в процессе социализации молодых людей. Образовательно-воспитательная система вузов должна базироваться на тех знаниях, ценностях и личностных качествах молодых людей, которые у них сформировали первичные институты социализации: семья, школа, учреждения дополнительного образования, учреждения культуры[1].

К сожалению, здесь надо констатировать еще одну проблему — в современных образовательных организациях и учреждениях культуры отсутствует преемственность и поэтапность воспитания молодого человека, нет комплексного взаимодействия, единой государственной стратегии в этом процессе, поэтому вузам зачастую приходится работать с теми, чье мировоззрение и ценностные ориентации почти сформированы семьей (часто семья ориентирует молодого человека на получение высшего образования для дальнейшей его профессиональной реализации в другой стране), школой и др. Изменить мировоззрение такого молодого человека крайне сложно.

Еще один аспект проблемы заключается в том, что выпускники общеобразовательных учреждений приходят в вузы с низким уровнем общегуманитарных знаний и часто с невысоким уровнем культуры.

В такой ситуации стоит обратить внимание на важность создания непрерывной модели образования и воспитания (от дошкольного учреждения до учреждений высшего профессионального образования, в комплексном взаимодействии с учреждениями культуры и искусства), основанной не на превалировании материальных западных ценностей, которые продвигались в рамках концепции глобализма, а на традиционных ценностях духовной культуры страны.

Несправедливо говорить о том, что сегодня государство ничего не делает для устранения негативных последствий разрушительных реформ 1990–2000-х годов. Важным этапом к созданию новой образовательной модели, основывающейся на лучших традициях отечественного образования и традиционных образовательных систем стран — участниц БРИКС, является подписание 1 сентября 2023 года в Москве протокола о создании научно-образовательной системы БРИКС. Это полная замена Болонской системы во всех странах БРИКС. Необходимо понимать, что, создавая новое единое научно-образовательное пространство, важно учитывать национальные интересы страны. Взаимодействие, но в интересах государства!

Сейчас важно прийти к изменению приоритетов образования: от вооружения знаниями к формированию творческой способности как фундаментальной основы существования человека и общества, от обучения к образованию личности, формированию личности с современным социальным мышлением. Формирование у молодых людей в системе высшего профессионального образования, помимо профессиональных компетенций, гражданской позиции, отсюда — повышение значимости социального воспитания. Это особенно важно для современного российского общества, которое переживает период разрушения старых ценностей и становления новых.

Готовя молодых людей к будущей профессиональной деятельности, необходимо учитывать особенности социально-исторического, социогенетического развития человека, формирующегося, живущего в определенном социально-территориальном, национально-культурном, профессионально-трудовом и общественно-политическом, духовно-идеологическом пространстве, особенно в условиях современного противостояния западных стран целостности Российского государства. Важно ориентироваться не только на формирование и эффективное профессиональное использование компетенций будущего специалиста, но и на решение проблем воспитания, разностороннее развитие личности специалиста, его общей, национальной и профессиональной культуры.

[1] *Савин С. Д., Касабуцкая М. С.* Общенациональные российские ценности в контексте формирования коллективной идентичности // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2019. Т. 12, вып. 1. С. 82–97.

С. Б. Синецкий[1]

ТРАДИЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ КАК ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА СТРАН БРИКС

Известно, что партнерство стран БРИКС в значительной степени сосредоточено на технической, медицинской, информационной и в целом инженерной проблематике. Научно-технологическая революция, безусловно, диктует свои приоритеты. Тем не менее культурная линия такого сотрудничества не менее важна. От качества собственно культурного фундамента будет зависеть степень единства социумов разных стран, способность понимать друг друга в меняющихся реалиях. Одним из исторически апробированных и ценных активов культурного сотрудничества является культурный обмен в сфере художественных ценностей, а более конкретно — традиции художественного образования.

Российское художественно-творческое образование (в первую очередь образование в сфере искусства) является автономным и респектабельным сегментом мирового рынка образования. В настоящее время российский сектор такого образования представлен более чем сорока учреждениями высшего образования, подведомственными Министерству культуры Российской Федерации, и вузами, учрежденными органами власти субъектов РФ. Это консерватории, институты искусств, институты культуры и аналогичные по типу вузы. В дальнейшем мы будем обобщенно маркировать их термином «творческие вузы». В рамках настоящего доклада данный термин не используется в качестве строгого понятия, но выполняет функцию знака для упрощения изложения и избегания избыточной детализации.

Ключевым фактором и, более того, фундаментом качественного художественно-творческого образования в России выступают исполнительские и иные творческие школы. Сама специфика образовательного процесса во многом определяется творческой школой, ее ключевыми установками (например, репертуарной политикой, соотношением художественной и творческой сторон и др.). Именно в традиции (а не в нововведениях) отечественных творческих школ заключается их привлекательность для иностранных (да и российских) абитуриентов. Сколько-нибудь однозначного определения творческой школы на сегодняшний день не существует[2]. По нашему убеждению, ключевой признак творческой школы — длительный непосредственный контакт мастера и ученика, обеспечивающий передачу и воспроизводство следующих императивов:

1) мировоззренческой культуры мастера, обусловливающей интуитивную трактовку исполняемых (созерцаемых) произведений искусства;

2) исполнительского навыка, свойственного мастеру (исполнительской манеры мастера);

3) просветительной установки, обеспечивающей популяризацию как избранного вида искусства, так и в его рамках достижений школы через собственное исполнительство и иные формы продвижения (мастер-классы, класс-концерты, творческие встречи, научные и публицистические статьи, мемуары, клубные объединения, издание произведений и др.).

Важно понять, что в России существует мощнейшая, как минимум полуторавековая, традиция бытования творческих школ, включающая все этапы жизни школы: зарождение — заметность — признание — расширение — слава — бренд.

Важнейшим условием существования творческой школы является ориентированность абитуриентов. Будущие студенты творческих вузов часто идут «на мастера», являясь адептами не просто определенного вида искусства, но конкретных его представителей, символизирующих эталонный уровень профессионализма. Для того чтобы учиться у таких мастеров (или в их брендированных классах), нужно пройти долгий (многолетний) путь довузовского обучения (школы и колледжи искусств, ДШИ и спецшколы при профильных вузах) и занятий в художественно-творческих коллективах (нередко гастрольного уровня). Абитуриенты приходят подготовленные, хорошо мотивированные, понимающие логику и формат обучения (готовые заниматься вечерами и в выходные дни, автономно) и задолго до окончания вуза присматривающие себе место работы. Обучение проводится в традиции соответствующей творческой школы и зачастую выстраивается «под мастера» и концертные программы.

Очевидно, что мировое сообщество знает российскую культуру преимущественно по ярким именам авторов и исполнителей, получивших приглашения на гастрольные туры, победивших в престижных международных конкурсах. Исторически сложилось, что наиболее известные лидеры творческих школ живут в столичных городах: Москве и Санкт-Петербурге. Однако их прямые ученики (ученики их учеников), достигшие выдающихся результатов в собственной творческой деятельности, давно освоили российские города-миллионники. Такие города (как, например, Екатеринбург, Челябинск, Казань, Нижний Новгород, Новосибирск, Уфа, Краснодар и др.) имеют всю необходимую инфраструктуру, включая профильные образовательные учреждения высшего образования, театральные и концертные залы, музеи искусств и галереи, региональные государственные оркестры, воспитанную и благодарную публику… полноценно

[1] И. о. ректора Челябинского государственного института культуры, профессор кафедры философии и культурологии, доктор культурологии. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Культурная политика в контексте противоречий разнообразия и идентичности» (в соавт.), «Искусство и интеллектуализация общества: новый старый смысл культурной политики» (в соавт.), «Адаптирующая культурная политика в условиях усиления тенденции сокращения рабочего времени», «Ориентиры культурной политики XXI века: актуальные исследовательские тренды» (в соавт.) и др. Член Российского культурологического общества; член Коллегии Министерства культуры Челябинской области.

[2] *Аронов Д. В., Садков В. Г.* «Научная (научно-педагогическая, творческая) школа» в системе российского высшего образования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (30). С. 236–246.

обеспечивают любые потребности и запросы Художника.

Вот что об этом пишет Т. Николаева в воспоминаниях о своем учителе А. Б. Гольденвейзере: «За свою долгую педагогическую жизнь А. Б. подготовил множество пианистов. Я не ошибусь, если скажу, что нет ни одного города в нашей стране, не говоря о консерваториях, где бы ни работали его бывшие ученики»[1]. Такая ситуация типична для любой крупной творческой школы России.

Например, в Челябинском государственном институте культуры (ЧГИК) работают яркие представители творческих школ Г. Нейгауза и Е. Левитана (фортепиано), Н. Никитина и А. Абдурахманова (флейта), Н. Чайкина и Н. Малыгина (баян), В. Деруна и В. Козлова (гитара), Б. Захавы (театральная режиссура), К. Фокина (живопись), Е. Максимовой и Б. Брегвадзе (хореография), Э. Вершковского и Д. Генкина (праздничная режиссура). И это не просто формальная констатация.

К настоящему времени в ведущих региональных вузах культуры и искусства сложились устойчивые коллективы педагогов разных направлений, воспроизводящих традиции ведущих национальных творческих школ. Так, в Челябинском государственном институте культуры реализуются 32 образовательные программы (более 56 % от общего количества), относящиеся к укрупненным группам направлений подготовки и специальностей в области искусств; 151 преподаватель имеет ученые степени и звания, почетные звания; 97 преподавателям вуза (более 64 %) присвоены ученые звания в области искусств (36 — звание профессора, 61 — доцента); 20 преподавателей института удостоены почетных званий в области искусства, в том числе: Народный артист Российской Федерации (4 чел.), Заслуженный артист Российской Федерации (10 чел.), Заслуженный деятель искусств Российской Федерации (5 чел.), Почетный архитектор России (1 чел.). На консерваторском факультете работают два доктора и четыре кандидата искусствоведения; 24 преподавателя являются членами творческих союзов.

Достижения студенческих коллективов и солистов ЧГИК свидетельствуют о сохранении лучших традиций национальных творческих школ. Вот лишь несколько примеров, подтверждающих этот тезис.

Вокальный ансамбль «Субтон»: Золотой диплом XVII Международного фестиваля-конкурса «Очарование рождественской Праги» (Чехия, Прага, 2016), Золотой диплом 11-го Международного хорового конкурса Римини (Италия, Римини, 2017), Гран-при международного конкурса «Voices of Costa Brava» (Испания, Лорет-де-Мар, 2018), Гран-при международного конкурса «Балтийская легенда» (Россия, Калининград, 2022), Золотой диплом II Всероссийского хорового конкурса «Хоровой Нижний Новгород–2023».

Студенты консерваторского факультета ЧГИК — лауреаты Международного конкурса пианистов им. С. Нейгауза: Денис Хуланхов (3-я премия, 2007), Екатерина Симакова (4-я премия, 2010), Дмитрий Каукин (3-я премия, 2015), Екатерина Телешова (дипломант, 2021).

Студент консерваторского факультета Алексей Ковин — лауреат I степени XXX Фестиваля-конкурса патриотической песни «Солдатский конверт» (Ставрополь, 2–6 мая 2023 г.), обладатель титула «Голос России» 2023 года (председатель жюри — Лев Лещенко).

Хочется сказать о том, что именно российская провинция, напитанная последователями великих столичных отцов-основателей, сегодня сохраняет максимальную аутентичность творческих школ. Это связано с тем, что постмодернистские веяния в искусстве, заметно проявившиеся в столичном искусстве, провинцию практически не затронули. Патриархальность, являющаяся губительной для инженерной мысли, оказалась спасительной для отечественного искусства и культуры в целом. В этом смысле Россия во всем ее региональном разнообразии может стать для государств — партнеров БРИКС и других стран, стремящихся достичь высот в респектабельном искусстве, не просто приоритетным партнером, но, по сути, единственным проверенным временем источником академизма.

Сегодня, в эпоху ускорения времени, «система воспроизводства художественной культуры и искусства остается крайне медленной и сложной, соответствующей темпоритмике прошлых веков. Нужны годы, чтобы освоить хотя бы минимальные стандарты художественной деятельности, и десятилетия, чтобы достичь мастерства и получить признание»[2]. Российское искусство, особенно в регионах, с проблемой ускорения времени и вытеснения техники технологиями справилось. Российские творческие школы сегодня во многом несут на себе естество мышления художника, выражаемое в особой технике исполнения, которое только и может быть названо классикой жанра. И этот нерастраченный потенциал высокого искусства сегодня доступен для всего мира.

[1] *Николаева Т.* Мои воспоминания об учителе // Воспоминания о Московской консерватории. М. : Музыка, 1966. С. 309.

[2] *Синецкий С. Б., Синецкая Т. М.* Искусство и интеллектуализация общества: новый старый смысл культурной политики (Начало) // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. 2014. № 3 (39). С. 43–44 ; *Они же.* Искусство и интеллектуализация общества: новый старый смысл культурной политики (Окончание) // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. 2014. № 4 (40). С. 46–50.

А. И. Скоробогатова[1]

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ

Современная ситуация в мировом пространстве, прежде всего экзистенциальное противостояние России и Запада, актуализировала проблему усиления ценностных начал образования, формирование национального самосознания и гражданского достоинства подрастающего поколения. Важными составляющими обновления содержания образования стали обеспечение приоритетности традиционных российских духовно-нравственных национальных ценностей, рассматриваемых одновременно в качестве одного из приоритетов обеспечения национальной безопасности (п. 8 ст. 26 Стратегии национальной безопасности)[2] и важнейшего элемента принципа гуманистического характера образования (п. 3 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «Об образовании в РФ»[3]).

Целью не только правовой, но и общей социализации при этом становятся формирование национально-культурной идентичности как важнейшего условия онтологической и аксиологической адаптации человека в современном обществе, а также ценностных установок сознания на совершение действий, необходимых не только для его личного развития, но и воспроизводства гражданской нации, с которой он себя отождествляет и членом которой является, и правомерного социально активного поведения, позволяющего индивиду выступать в роли адресанта правового и социального взаимодействия, оказывая воздействие на конструирование социальной реальности[4].

Национально-культурная идентификация личности представляет собой процесс отождествления личности с определенной нацией. Содержанием этого процесса является субъективное ощущение принадлежности к национальной общности на основе устойчивой эмоциональной связи, возникающей в личности как результат формирования относительно устойчивой системы осознанных и реально существующих представлений и оценок, дифференцированных и интегрирующих признаков жизнедеятельности нации, а также принятие групповых норм и ценностей[5].

Феномен «национально-культурная идентичность» можно рассматривать в трех аспектах: как 1) социально-психологический результат когнитивно-эмоциональных и ценностных процессов идентификации человека с национальным сообществом; 2) мотивационно-когнитивное ядро национального самосознания личности; 3) чрезвычайно важный компонент в структуре общей социальной идентичности личности, неотъемлемую часть «я-образа личности».

Формирование национально-культурной идентичности в процессе социализации носит целенаправленный характер. Имплицированные в социальной памяти нормы и ценности, которые при этом транслируются, непосредственно связаны с актуальной для текущего момента ситуацией в жизни социума[6].

Формирование национально-культурной идентичности личности как интегрированного качества определяется несколькими факторами: мировоззренческой направленностью, профессиональной компетентностью, собственным художественно-эстетическим постижением мира. При таких обстоятельствах в ее предметном кругу всегда так или иначе присутствует национальная идея-образ.

В процессе приобретения человеком опыта жизнедеятельности и жизнетворчества в конкретной среде усваиваются и принимаются те или иные национальные характеристики социокультурного пространства, обусловливающие его особенности. Их характерным признаком выступают комплексность и взаимосвязь психических процессов (познание, убеждение, память, рефлексия, переживания и др.) и практических действий, обеспечивающих успешную адаптацию человека к определенному социокультурному пространству во всех сферах жизнедеятельности.

Современная педагогика рассматривает национально-культурную идентичность как высшую ценность образования и его иерархически высшую цель — формирование культурной личности в социуме. В условиях становления нашего государства обращение к национальной культуре должно занять достойное место в системе профессиональной подготовки студентов. Такая постановка вопроса подводит нас к идее формирования национально-культурной идентичности в условиях профессиональной подготовки студентов высших учебных заведений.

В этом процессе особая роль отведена преподавателю. Именно он является образцом воплощения культурного достояния общества, носителем общечеловеческих идеалов и традиционных российских ду-

---

[1] Заведующая кафедрой педагогической психологии и педагогики Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова, кандидат педагогических наук, доцент. Автор более 85 научных публикаций, в т. ч.: «Юридическое образование в аксиологическом контексте» (в соавт.), «Совершенствование компетентности педагогов в системе непрерывного педагогического образования» (в соавт.), «Типология правового поведения человека в аксиологическом контексте» (в соавт.), «Правовая компетентность в структуре правовой культуры» (в соавт.), «Концептуальные основы управления образовательной деятельностью» (в соавт.) и др.

[2] Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. 5 июля. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

[3] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2024 г.) // СЗ РФ. 2012. 31 дек. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

[4] Подробнее об аксиологических и онтологических составляющих идентичности и их воздействии на сознание и поведение человека см.: *Скоробогатов А. В., Краснов А. В.* Правовая реальность транзитивного общества: дискурс и нарратив. СПб. : Алетейя, 2024.

[5] *Arthur P.* Introduction: Identities in Transition // Identities in Transition: Challenges for Transitional Justice in Divided Societies / ed. by P. Arthur. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2011. P. 1–16.

[6] *Tanabe Sh., Keyes Ch. F.* Introduction // Cultural Crisis and Social Memory. Modernity and Identity in Thailand and Laos / eds by Sh. Tanabe, Ch. F. Keyes. L. ; N. Y. : Routledge, 2002. P. 4–6.

ховно-нравственных ценностей. Формирование национальной идентичности и готовности студентов к поликультурному диалогу — две взаимосвязанные составляющие современной образовательной программы. Комплексное решение вопросов межкультурной коммуникации, привлечения личности к национальной культуре допускает их целостное рассмотрение во взаимодействии философской, научной и эстетической картин мира.

Освоение родной культуры больше способствует повышению этнического статуса, а вовлечение в культуру других народов — целостности национально-культурной самоидентификации студентов, что является важным условием формирования культуры межнационального общения и поликультурной гражданской идентичности.

Следовательно, национально-культурная идентичность по своей сути — это осознанное принятие лицом соответствующих норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимание своего «я» с позиции устоявшихся в обществе характеристик. Эта идентичность наиболее полно проявляется в признании традиционных ценностей общества в качестве духовного ориентира и совершении действий на их основе.

При этом происходит освоение социального опыта предыдущих поколений, который воспринимается не только как аксиологическое основание социокультурного развития человека и общества, но и как онтологический эталон поведения индивида, его взаимодействия с другими лицами в процессе социальной коммуникации как горизонтального, так и вертикального характера. Большую роль при этом играет социальная память, включающая только те факты и явления, которые имели позитивные последствия, даже в случае их мифологичности.

Главным становится избежание кризисности и конфликтогенности во взаимоотношениях индивидов не только в реальных социальных группах, членами которых они являются, но и в номинальном социуме, с которым они себя отождествляют. Конструируя ментальный образ бесконфликтной коммуникации, индивид интенционально стремится обеспечить достижение не только социальных, но и индивидуальных интересов при минимизации усилий, затрат и сопротивлении иных участников взаимодействия[1]. Именно в этом ключе социальная память не только служит идентификации социума, но и обеспечивает ценностную и нормативную основу его дальнейшего поступательного развития и функционирования[2].

Учитывая вышеизложенное, приходим к выводу, что учебно-воспитательный процесс должен ориентироваться на формирование главных составляющих национально-культурной идентичности, то есть способствовать осознанию личности своей принадлежности к определенному культурному сообществу, национальной общественности, овладевать национальными ценностями, усваивать общее духовное наследие, понимать диалектику развития культур всех этносов, проживающих на территории России, формировать чувство гордости за свое государство.

Особую актуальность при этом приобретает проблема совершенствования профессиональной подготовки, переосмысления цели и результатов обучения будущих учителей гуманитарных дисциплин, которая предусматривает формирование, кроме предметных и профессиональных, еще и художественных компетенций на основе эстетико-парадигмального подхода.

В подготовке этой категории учителей национально-культурная идентичность проявляется и функционирует в художественно-коммуникативных и творческих исполнительских процессах. Соответственно и национально-культурный опыт формируется вокруг художественной ментальности, образуя особую художественно-творческую среду учебного процесса. Сочетание воспитательного, образовательного, развивающего и творческого импульсов составляет его педагогический потенциал.

Учитывая вышесказанное, мы приходим к выводу, что возникает потребность в интегрированном формировании национально-культурной идентичности при обработке всех профессиональных учебных дисциплин.

В процессе приобретения историко-культурного опыта у них формируются определенные представления о традиционных российских духовно-нравственных ценностях, способность воспринимать и пропагандировать произведения национального искусства, а расширение содержания культурологического образования до целостной картины мира позволяет раскрыть ценности, заложенные в произведениях литературы и искусства. Соответственно формируются компетенции как сложные личностные образования, содержащие интеллектуальную, эмоциональную и нравственную составляющие.

Такая направленность сохраняет в сознании студентов культурно-историческое, национально-гражданское наследие и помогает понять, что образование всегда нацелено на объяснение смысла, закономерностей, основных направлений духовно-практического усвоения культуры, определение возможностей ее использования в учебном процессе. Это предполагает необходимость усиления аксиологических оснований образования[3], в том числе связанных с традиционной для России ориентацией на ценностное единство общества и власти.

В числе основных принципов формирования национально-культурной идентичности студентов можно обозначить:

— гуманистический (признание человека высшей ценностью, понимание обучающегося, доброжелательное отношение к нему, доверие и принятие обучающегося таким, каков он есть);

— индивидуализации (утверждение уникальности и неповторимого мира каждого обучающегося, которые

[1] *Barzilai G.* Communities and Law: Politics and Cultures of Legal Identities. Ann Arbor : The Univ. of Michigan Press, 2006. P. 59–96.

[2] *Богданов В. В., Черников П. Ю.* Историческая память и социальная идентификация. Таганрог : ТТИ ЮФУ, 2011.

[3] Ценностные ориентации как основа становления аксиологического профиля гражданской идентичности педагога / А. К. Крупченко [и др.] // Вестн. Мининского ун-та. 2023. Т. 11, № 3. С. 1. DOI: 10.26795/2307-1281-2023-11-3-1.

определяют его «я-концепцию», интересы, потребности в жизни);

— непрерывности (характеризует процесс воспитания как продолжающийся на протяжении всей жизни человека);

— целостности (консолидация усилий всех субъектов воспитания в одну систему);

— преемственности (обеспечение передачи из поколения в поколение опыта усвоения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, являющихся базисом воспитания и развития личности студента);

— культуросообразности (формирование национально-культурной идентичности осуществляется в соответствии с культурными условиями, традиционными российскими духовно-нравственными ценностями в современный момент времени с учетом роста экзистенциальных угроз со стороны Запада);

— природосообразности (учет возрастных, индивидуальных особенностей, природных условий, социального окружения);

— гражданственности (ориентация воспитания на формирование правовых знаний, поведения, патриотических чувств);

— стимулирования всех компонентов «самости» в обучающемся (поощрение веры в силы и способности обучающегося, поощрение его к самоорганизации, самовоспитанию и самосовершенствованию)[1].

В условиях нарастания противоречий между глобализацией и этнизацией как тенденциями современного политического и социокультурного развития идентификация человека приобретает особое значение. Решение этой задачи осуществляется образовательными организациями непосредственно под руководством государства, о чем свидетельствуют нормативно закрепленные изменения не только принципов образования, но и его структуры, в частности введения в качестве обязательных дисциплин «Истории России» и «Основ российской государственности». Однако реализация этих задач в конкретной образовательной организации зависит от педагогических условий, которые в ней созданы[2].

Таким образом, в современных условиях национально-культурная идентификация является важнейшим элементом социализации индивида. Формирование национально-культурной идентификации студентов является целенаправленным процессом, в результате которого обучающийся не только адаптируется в определенном сообществе, но и отождествляет себя с гражданской нацией онтологически и аксиологически. Воспроизводя в своем поведении нормы социума, человек воспринимает и его ценности. Главным как для сообщества в целом, так и для отдельного индивида является значимость данной системы норм и ценностей для позитивного развития и эффективного функционирования гражданской нации.

В. С. Слепокуров[3]

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР[4]

Актуальность тематики XXII Международных Лихачевских научных чтений обусловлена формированием и расширением пространства диалога культур стран БРИКС на основе признания ценности культурного наследия и уникальной самобытности всех их народов без исключения. Россия, как и ряд других стран — участниц БРИКС, представляет цивилизационную конгломерацию культур малых и больших народов, что диктует необходимость акцентировать внимание на социокультурных функциях высшей школы в пространстве диалога культур, обеспечивающих как сохранение уникальности и самобытности культур, так и аккумуляцию опыта межкультурного взаимодействия.

Следует сразу же оговориться, что традиционная университетская культура, будь то университет исключительно европейского образца, традиционный исламский университет или более древние образовательные центры Кротона (VI в. до н. э.), Александрии (II в. до н. э.), Рима (I в. н. э.), Наланды (V в. н. э.), основана на трансляции некоторой миссионерской идеи, которая институализирует сам университет и является основанием для культурной общности своих выпускников или адептов. Таким образом, функция генерации идей и идеологий, формирующих культурную общность, является внеисторической сущностной характеристикой, которую наследует высшая школа как элемент национальной системы образования современного государства. Эта функция непосредственно связа-

[1] *Жданова О. С., Жданов С. А.* О воспитательной работе со студентами в процессе обучения с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий // Образование Луганщины: теория и практика. 2022. № 4 (29). С. 2–7.

[2] *Третьякова А. И.* Особенности формирования идентичности в условиях глобализации // Вестн. Омского гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (39). С. 56–60. DOI: 10.36809/2309-9380-2023-39-56-60.

[3] Первый проректор Московского государственного института культуры, доктор философских наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ. Автор более 55 научных публикаций, в т. ч.: «Образовательные стратегии вузов культуры в контексте задач государственной культурной политики», «Социокультурное пространство национального государства в контексте интертекстуального подхода», «Соционормативная модель культуры и совершенствование механизмов реализации государственной культурной политики», «Культурное планирование как современный подход к планированию развития территории», «Регулятивная функция культуры в современной России: поиск новых ориентиров» и др. Член Российского культурологического общества.

[4] Доклад подготовлен на основе статьи: *Слепокуров В. С.* Социокультурные функции высшей школы в пространстве диалога культур // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2024. № 1 (117). С. 8–14.

на с базовыми механизмами воспроизводства и трансляции культуры и предопределяет саму возможность институализации высшей школы в обществе.

Подчеркну, что если какое-либо учебное заведение высшего образования не генерирует идей и не декларирует идеологий, то это не означает, что его институализированная среда их не транслирует. Это означает лишь неспособность руководства данного учебного заведения целерационально управлять коммуникационными процессами, ведущими к генерации идей. Подобный, с позволения сказать, «институт» теряет собственную социокультурную субъектность, делегируя ее иным субъектам социальной жизни, стремящимся реализовать свои идеи и идеологии, и является пассивным элементом высшей школы, воплощающим свои социокультурные функции лишь частично, а отчасти паразитирующим на результатах социокультурной деятельности более активных субъектов высшей школы.

Главным аргументом в пользу вышеприведенного тезиса является историческое наблюдение, свидетельствующее, что система образования и социализации молодежи за пределами семьи складывается на определенном рубеже развития общества, когда усложнение семиотических связей социальных субъектов требует нового социального института, специализирующегося на передаче культурного опыта из поколения в поколение. В различных частях света социальность достигала такого уровня сложности примерно в одно и то же историческое время, что привело к формированию традиционных философских школ и мировых религий. Осевое время, таким образом, определяется не только Рождеством Христовым, но и становлением социального института высшей школы, специализирующегося на передаче культурного опыта из поколения в поколение. В Европе подобным институтом первоначально стал христианский монастырь, в стенах которого возродился античный музеум (библиотека), а затем его вытеснил секуляризованный университет.

Диалог поколений, таким образом, является второй основной социокультурной нагрузкой высшей школы, непосредственно связанной с первой: от того, обеспечивают ли генерируемые идеи и идеологии высшей школы продуктивный диалог поколений, зависит ценность этих идей.

В данном случае следует отметить, что концепция диалога культур лежит в основании социокультурного подхода отечественной культурологии и социальной философии (М. Бахтин, В. Библер, А. Ахиезер и др.). Российская наука располагает существенным потенциалом в прогнозировании, проектировании и формировании перспективной социокультурной ситуации на основе диалога культур. Соответственно университетская наука, институализированная в рамках высшей школы, в первую очередь призвана методически и технологически обеспечить основные социокультурные функции системы высшей школы в целом, включая прикладные их аспекты прогнозирования, проектирования и формирования перспективной ситуации, — то есть проектирования будущего.

Безусловно, предвидение перспективных рисков развития общества постиндустриальной эпохи (Э. Тоффлер, Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Б. Латур и др.)[1] ставит задачи поиска оснований для позитивного образа будущего. В данном случае детально проанализированные на Чтениях прошлого года технологии «культуры отмены» и «новой этики»[2] представляют собой примитивную социокультурную рефлексию инверсионного типа[3] на нарастающую сложность социальной коммуникации в условиях интенсивной интеграции культур разных народов.

Запад сам себя загоняет в ситуацию инверсионной ловушки, связывая позитивный образ своего будущего исключительно с экспансией некоего «инновационного» (несуществующего) тотема, устойчивость которого зиждется на уничтожении (отмене) любого иного культурного идеала. Коллеги вполне справедливо отметили, что технология «культуры отмены» разрушает основания межкультурного диалога и сам механизм воспроизводства культуры[4]. Социокультурное пространство «культуры отмены» становится пространством без культуры, порождая общество саморазрушения.

В связи с этим примечательно обращение министра культуры России Ольги Любимовой на недавнем Форуме объединенных культур к словам Дмитрия Сергеевича Лихачева («Любое общество обречено на гибель, если разрушается его культура») в дискуссии с коллегами из более чем 40 стран мира, обеспокоенных игнорированием Западом культурного суверенитета народов[5].

Следует подчеркнуть, что объединение культур возможно исключительно в парадигме сохранения культурного разнообразия, признания за каждой культурой ее этнонациональной и региональной субъектности в пространстве межкультурного диалога, являющегося основанием многополярности цивилизационных центров и медиационного преодоления ими перманентных противоречий традиций и новаций.

---

[1] *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2002 ; *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М., 2021 ; *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007 ; *Они же.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург ; М., 2010 ; *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.

[2] Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Междунар. Лихачевские науч. чтения (Санкт-Петербург, 25–26 мая 2023 г.). СПб. : СПбГУП, 2024.

[3] *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) : [в 2 т.]. Т. 1 : От прошлого к будущему ; Т. 2 : Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998.

[4] *Меттан Г.* Пандемократизм и крах западных ценностей // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Междунар. Лихачевские науч. чтения (Санкт-Петербург, 25–26 мая 2023 г.). СПб. : СПбГУП, 2024. С. 99–102 ; *Рокпло О.* Мысль Д. С. Лихачева и культурный кризис французской элиты XXI века. Введение в проблему homo euramericanus // Там же. С. 112–123 ; *Санаи М.* Грядущий мировой порядок: необходимость культурного мультилатерализма // Там же. С. 123–127 ; *Гашкова Е. М.* «Культура отмены» как механизм искажения исторической и культурной памяти // Там же. С. 204–206 ; *Курганская В. Д.* Культурно-эрозионные технологии фреймирования этоса «новой нормальности» // Там же. С. 206–209 ; и др.

[5] На Форуме объединенных культур обсудили важность культурного суверенитета и недопустимость «культуры отмены» // Министерство культуры Российской Федерации (Минкультуры России) : [сайт]. 2023. 17 нояб. URL: https://culture.gov.ru/press/news/na_forume_obedinennykh_kultur_obsudili_vazhnost_kulturnogo_suvereniteta_i_nedopustimost_kultury_otme/ (дата обращения: 03.02.2024).

Современные российские исследования демонстрируют наличие альтернатив социокультурного развития за пределами неизбежности конфликта цивилизаций[1], транслируемой евро-атлантическими политическими трендами. В этом контексте диалог поколений, являющийся базовой функцией высшей школы, обогащается наиболее актуальными бинарными диспозициями субъектов межкультурной коммуникации: это диалог традиций и новаций, межконфессиональный диалог, эпистемологический диалог науки с иными формами социокультурного опыта (религия, искусство), диалог региона и цивилизационного центра, диалог цивилизационных центров в рамках многополярного мира, непосредственный диалог культур малых и больших народов и т. д. Все эти аспекты диалога непосредственно связаны с необходимостью научно-методического и кадрового обеспечения полифонии диалоговых взаимоотношений, являющихся фактором формирования положительного образа будущего за пределами конфронтации цивилизаций.

Вполне очевидны в связи с этим еще две важнейшие социокультурные функции высшей школы современной эпохи: функция формирования положительного образа будущего, включающая, помимо дизайна самого образа, кадровое и методическое обеспечение его воплощения в жизнь, и функция обеспечения собственного эволюционного развития, подразумевающая распространение диалога во все сферы коммуникации высшей школы с иными субъектами социальных отношений.

Социокультурные функции высшей школы в пространстве диалога культур эволюционируют вместе с усложнением общества. Эволюция высшей школы характеризуется ростом направлений установления и развития диалога между субъектами социокультурной коммуникации и увеличением количества таких субъектов. Для стремящейся к унификации и доминированию западной культуры рост культурного разнообразия в рамках многополярного мира представляет серьезный вызов, в то время как для диалогически организованной медиационной культуры он является фактором эволюции и развития.

Как отмечал А. С. Ахиезер медиационный (диалоговый) способ разрешения неминуемых парадоксов и противоречий конструктивной напряженности, являющейся перманентным следствием социального развития, — логически более сложная процедура, по сравнению с ценностной инверсией устоявшихся категорий мышления. Она всегда требует более существенных интеллектуальных усилий, нежели примитивное игнорирование (отмена) инновационных или же инокультурных факторов развития. В этом смысле перед высшей школой в пространстве диалога культур стоит задача формирования достаточного интеллектуального потенциала общества для принятия решений путем медиации вызовов конструктивной напряженности, а не скатывания к примитивной инверсии.

Способность высшей школы генерировать идеи медиационного преодоления противоречий конструктивной напряженности, включая усиление интеллектуального потенциала общества для постоянного расширения пространства диалога, становится актуальным требованием времени — востребованной, но, к сожалению, пока далеко не во всех случаях реализуемой высшей школой социокультурной функцией.

М. В. Созинова[2]

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ В СТРАНАХ БРИКС

Сегодня образование становится не только обязательной социальной услугой, предоставляемой государством населению, но и маркером, определяющим будущее страны, перспективы ее развития, возможные трудности и проблемы ближайших десятилетий. Образование представляет собой ценность как для государства и общества, так и для конкретного человека. Отмечают особую значимость высшего образования в оказании влияния на социум в условиях современной технологизации общественной жизни.

Для группы быстроразвивающихся стран БРИКС, стремящихся объединить свои усилия по повышению уровня конкурентоспособности в мире, именно образование является одним из важнейших направлений совместной деятельности[3]. В этом контексте страны БРИКС имеют ряд схожих образовательных тенденций современной высшей школы, которые были выделены в ходе международного исследования, представленного в коллективной монографии «Расширение университетов в условиях меняющейся глобальной экономики: триумф БРИКС?»[4]. Исследователи охарактеризовали

[1] *Попков Ю. В., Тюгашев Е. А.* Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск, 2020 ; *Бакуменко Г. В.* Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М., 2021 ; *Слепокуров В. С.* Поиск новых ориентиров // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2022. № 4 (108). С. 6–14 ; Hierarchical Metamodel of Communication in the Experience of Resacralization of Spiritual Practics / G. V. Bakumenko, I. L. Biryukov, N. F. Scherbak, A. G. Luginina // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Vol. 5, № 2. P. 15–45.

[2] И. о. завкафедрой социальной психологии СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Факторы становления содержательного досуга в социокультурном пространстве современного города», «Формы взаимодействия вуза и учреждений системы социальной защиты в процессе подготовки квалифицированных кадров», «Творческий потенциал руководителя как ресурс развития профессионального коллектива социальной организации» и др.

[3] *Михайльченкова Н. А.* Реформы высшего образования в странах БРИКС: вестернизация или поиск собственного пути? // Власть. 2017. № 7. С. 166–173. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reformy-vysshego-obrazovaniya-v-stranah-briks-vesternizatsiya-ili-poisk-sobstvennogo-puti/viewer (дата обращения: 20.02.2024).

[4] University Expansion in a Changing Global Economy. Triumph of the BRICS? / M. Carnoy [et al.]. Stanford : Stanford Univ. Press, 2013.

определяющую роль государства в обновлении образования, его «массовизацию» в этих странах (увеличение вовлеченности населения в процесс получения образования), перспективы в развитии инженерно-технического образования, развитие его исследовательского характера, растущую разницу между массовыми и элитными университетами по качеству образования, необходимость экспансии высшего образования[1]. При этом исследователями были выделены особенности национальных стратегий развития России, Индии, Китая, Бразилии в области высшего образования. Так, в Индии именно в негосударственном секторе в образовании осуществляется обучение инженерным наукам. В России и Индии требуется увеличить расходы на исследования, в частности на развитие исследовательских университетов. В Бразилии элитное высшее образование получают в негосударственных вузах, а качество образования определяется длительностью их истории[2].

Подобные исследования создают основу для реформирования системы образования в странах БРИКС с опорой на национальные особенности данных образовательных систем. По мнению Н. А. Михайльченковой[3], в последние годы странами БРИКС предпринимаются усилия по координации своих действий в этой сфере, использованию сильных сторон каждого из участников для получения синергетического эффекта. Наиболее перспективными направлениями такого взаимодействия являются: создание единого исследовательского и образовательного пространства между государствами — Лиги университетов и Сетевого университета БРИКС, — направленного на поддержку совместных проектов в различных формах послевузовского образования (магистратура, программы Ph. D.); разработка собственных рейтингов вузов с учетом специфики становления и развития систем высшего образования в странах БРИКС[4].

При этом следует определить российскую образовательную систему как ресурсную, обладающую уникальным опытом реформирования и сохранения собственной идентичности в условиях образовательных трансформаций для его транслирования другим участникам БРИКС.

Уникальность системы отечественного образования состоит в ее ориентации на такие традиционные национальные ценности, как значимость труда, коллективизм, приоритет духовного над материальным и др. Именно наличие ярко выраженного воспитательного компонента в образовательном процессе всегда отличало отечественные педагогические системы, как и приоритетность ценностного формирования будущего гражданина страны в образовательной практике.

Значимость процесса воспитания подрастающего поколения российской системой образования систематически подчеркивается Президентом Российской Федерации. Так, в марте 2023 года, открывая Год педагога и наставника в России, в обращении к участникам пилотной образовательной программы «Школа наставника» в Пятигорске В. В. Путиным была определена историческая миссия отечественной системы образования — воспитание гражданственности, патриотизма и ответственности за свою страну[5].

Приоритетность для государства процесса формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей была подчеркнута ранее в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», определяемых как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»[6]. Также в указе определен перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»[7].

В этом контексте особый интерес представляют фундаментальные работы в области воспитания таких великих отечественных педагогов, как И. П. Иванов и А. С. Макаренко. Технология коллективного творческого воспитания сегодня востребована в педагогической практике не только школы, но и высших учебных заведений. Важной особенностью воспитательной деятельности, по И. П. Иванову[8], является рассмотрение педагогом коллектива как единства, сотрудничества воспитателей и воспитанников в решении разного рода задач социальной и культурной направленности. Таким образом, воспитанники становятся соавторами, сотворцами творческой деятельности, когда не для детей ор-

[1] *Соболевская О. В.* Страны БРИКС развивают собственные образовательные стратегии // Научно-образовательный портал IQ / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2013. 25 сент. URL: https://iq.hse.ru/news/177669110.html (дата обращения: 20.02.2024).

[2] Там же.

[3] *Михайльченкова Н. А.* Указ. соч.

[4] Там же.

[5] *Герейханова А.* Владимир Путин обозначил главные приоритеты воспитания и образования российской молодежи // Российская газета. Столичный выпуск. 2023. 2 марта. № 46 (8991). URL: https://rg.ru/2023/03/02/urok-dlinoiu-v-god.html (дата обращения: 22.02.2024).

[6] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Гарант : [справ.-прав. система]. URL: http://ivo.garant.ru/#/document/405679061/paragraph/14/doclist/2722/showentries/0/highlight/О%20сохранении% 20и%20укреплении%20традиционных%20духовно-нравственных%20ценностей:1 (дата обращения: 30.04.2023).

[7] Там же.

[8] *Сараева Е. В.* Инновационный подход И. Иванова к проблеме формирования детского коллектива // КиберЛенинка : [электрон. б-ка]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-podhod-i-ivanova-k-probleme-formirovaniya-detskogo-kollektiva (дата обращения: 20.02.2024).

ганизуют мероприятие, а совместно с ними и (или) по их инициативе. Именно в сотворчестве и содеятельности воспитанники приобретают субъектность, возможность реализовать свои интересы, потребности, раскрыть ресурсы, присвоить ценности.

И. П. Ивановым были выделены условия воспитательной эффективности коллективных творческих дел: единство жизненно-практической (улучшение жизни коллектива) и воспитательной направленности; творческое сотрудничество воспитателей и воспитанников в совместной творческой деятельности (практической, организаторской, воспитательной)[1].

Технология коллективного творческого дела сегодня позволяет обеспечить коллективное творческое воспитание как самих учащихся, так и педагогов (саморазвитие, самовоспитание). Возрастает роль вуза в сопровождении процесса формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи, передаче традиционных российских ценностей в условиях глобальной цифровизации жизни современного общества.

Одной из практик современного образования по сохранению и трансляции традиционных российских духовно-нравственных ценностей в вузе является воспитательная деятельность по реализации культуроцентристской концепции образования[2] в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов[3]. Так, именно совместная творческая и культурная деятельность педагогов и студентов, погруженность в культурную среду Университета, а также ее дополнение лучшими образцами современной культуры позволяют эффективно решать задачи присвоения ценностей традиционной культуры в условиях современного образования.

Таким образом, именно положительный прошлый педагогический опыт (И. П. Иванов, А. С. Макаренко) и актуальные педагогические практики в системе высшего образования (А. С. Запесоцкий) становятся ресурсом трансляции воспитательного потенциала системы отечественного образования для формирования в странах БРИКС образовательных стратегий развития высшего образования.

С. Н. Соколова[4]

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФЕСТИВАЛИ СТУДЕНЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ БУДУЩЕГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА БРИКС

Укрепление дружеских контактов в эпоху стремительного разрастания межгосударственных и межнациональных конфликтов становится одной из актуальных задач для всех ответственных субъектов глобального мира. Многополярный мир предполагает существование различных культур и идентичностей, которые уважаются и признаются. Именно через культуру государства проявляется его идентичность и способность влиять на окружающий мир. Россия с ее богатым историческим и культурным наследием имеет значительный потенциал воздействия на мировую арену.

Культура России сегодня выступает важным ресурсом формирования многополярного мира, прежде всего в рамках глобальных проектов БРИКС и «Большой Евразии», которые сегодня рассматриваются в качестве альтернативы англосаксонской диктатуре. Российская культура с разнообразием национальностей, религий и языков является примером того, как многообразие может быть реальной силой, консолидирующей народы огромных континентов Евразии, Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки.

В этом контексте Россия активно развивает межкультурный диалог и сотрудничество с другими странами. Культурные обмены, выставки, фестивали и другие мероприятия способствуют укреплению дружественных отношений и пониманию между народами. Для России, в очередной раз в ее истории ставшей объектом атаки недружественных стран, эта задача сегодня как никогда актуальна.

«В современном мире, особенно в контексте глобализации и эволюции мирового порядка, Россия играет немаловажную роль в формировании многополярного мира. Многополярность предполагает существование нескольких центров влияния, каждый из которых имеет свою уникальную культуру и идентичность. Культура является одним из ключевых аспектов, которые определяют участие государства в формировании многополярного мира»[5].

Культура включает множество аспектов, таких как язык, искусство, традиции, образ жизни и менталитет

[1] *Иванов И. П.* Основы воспитания. Единство теории, методики, практики: избранные труды / сост. и авт. коммент. Н. П. Царева ; под науч. ред. Е. В. Титовой. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2023.

[2] *Запесоцкий А. С.* Культурологическое осмысление актуальных проблем современности : доклады на Международных Лихачевских научных чтениях (1997–2019) / авт. предисл. А. Д. Некипелов. СПб. : СПбГУП, 2019. URL: http://library.gup.ru/jirbis2/index.php?option=com_irbis&view=irbis&Itemid=108&task=set_static_req&sys_code=71/3-31-818571529&bns_string=IBIS.

[3] См. также: *Созинова М. В.* Ценности в профессиональной деятельности преподавателя высшей школы: проблемы, способы преодоления // Университет в эпоху педагогических новаций : сб. ст. по итогам Второго профессорского педагогического форума. М., 2023. С. 235–242.

[4] Декан факультета искусств СПбГУП, член Методического совета СПбГУП, кандидат культурологии, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 50 научных работ, в т. ч.: «Выразительные средства действия в искусстве художественного слова», «Внутренний монолог как прием проникновения в психологию действующего лица художественного произведения», «Постижение авторского замысла литературно-художественного произведения: от идейно-тематического анализа к сценической реализации» (в соавт.) и др. Член Союза театральных деятелей РФ. Награждена медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», Почетными грамотами Ленинградской федерации профсоюзов и Общероссийского профсоюза работников культуры, отмечена Благодарностью Министерства науки и высшего образования РФ.

[5] Lihachev.rupic/site/files/lihcht/2022/dokladi/.

народов. Противопоставить дружбу вражде, донести до граждан всех стран русское слово, укрепить старые, традиционные связи и наладить новые — задачи первоочередной важности. При этом наша страна стремится к «формированию такой системы международных отношений, которая обеспечивала бы сохранение культурно-цивилизационной самобытности, равные возможности развития для всех государств независимо от их географического положения, политического, экономического и социального устройства»[1].

Важнейшим условием межкультурного диалога и сотрудничества является понимание духовной самобытности культур и народов, формирующих новые структуры многополярного мира. Эту задачу на протяжении многих веков успешно решала поэзия — «музыка» национальной души и в этом качестве — высочайшее средство самосознания духовно-нравственной уникальности народа. Это живопись, которую слышат и с помощью которой поэт говорит миру о самом сокровенном. Поэзия, с одной стороны, транслирует в тело культуры космическую гармонию, с другой — являет дух времени и онтологические, экзистенциальные глубины национальной культуры, недоступные другим институтам и способам познания. Это качество национальной поэзии превращает ее в ресурс уникальной по своей гуманистической сущности межкультурной коммуникации — в среду понимающего и взаимообогащающего диалога национально-культурных самобытностей, который осуществляется на почве общечеловеческих ценностей, норм, смыслов. Консолидирующий пафос и человекотворческие возможности мировой поэзии состоят в ее способности выражать и хранить высшие достижения человеческого духа.

Именно такое понимание миссии и конструктивного духа национальной поэзии было положено в основу проекта «Городской вечер восточной поэзии им. Д. А. Гранина», созданного в 2006 году по инициативе писателя, Почетного гражданина Санкт-Петербурга, Почетного доктора Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов Д. А. Гранина и при поддержке Совета ректоров Санкт-Петербурга и Конгресса петербургской интеллигенции в ответ на всплеск агрессии по отношению к иностранным студентам.

Замысел проекта предполагал средствами искусства восточной традиции (поэзией, музыкой, танцем, вокалом) создавать сценическое действо, позволяющее знакомить зрителей с национальной культурой, традициями различных стран, культивировать позитивные эмоции, понимание, дружеское расположение к представителям других национальностей. Поэтому неизменной темой проекта, сформулированной Д. А. Граниным, была и остается «любовь во всех ее проявлениях (любовь к Родине, матери, мужчине/женщине, миру, природе)».

Предвидение автора идеи оказалось настолько жизнеспособным, что география стран-участниц стремительно расширялась. За 18 лет существования проекта в нем приняли участие более 40 вузов Санкт-Петербурга и представители 74 стран мира! Как писала газета «Площадь труда» 2 марта 2023 года: «от отсутствия должного взаимопонимания во многих уголках планеты возникают острые раздоры на межэтнической почве. Зачастую в такие конфликты вовлекается молодежь. Над тем, как предотвратить межнациональные распри, мучительно размышляет экспертное сообщество. Тем временем студенты петербургских вузов уже много лет наглядно демонстрируют эффективный способ решения этой проблемы».

Обязательным условием конкурса для иностранных студентов является транслирование поэтического материала на национальном и русском языках, что позволяет не только представить национальную культуру зрительному залу, но и постичь через изучение русского языка культуру России.

В свою очередь, российские студенты демонстрируют интерес к изучению таких языков, как китайский, японский, корейский, персидский, арабский, хинди, монгольский и др. Обоюдный интерес представителей разных национальностей создает условия для дружеского диалога, взаимоуважения и мирного сотрудничества.

Молодые люди — участники «Вечера восточной поэзии им. Д. А. Гранина», в чьих руках будущее планеты, познавшие атмосферу открытости, неподдельного внимания, искреннего уважения, — понесут свет и силу русского слова, русской культуры, а главное, веру в стремление России к миру и сотрудничеству.

Проект, созданный СПбГУП, вносит свою лепту в формирование многополярного мира, где каждая культура имеет возможность проявить себя и внести свой вклад в развитие более совершенного и гармоничного мира. Он подтверждает мысль М. М. Бахтина: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, понимать, ответствовать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всею жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпосиум»[2].

[1] *Тойнби А.* Постижение истории. М. : Прогресс, 1996. С. 292.

[2] *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 324–325.

В. Е. Триодин[1]

ПЕДАГОГИКА КАК НАУКА И ИСКУССТВО

Россия переживает беспрецедентно сложное время, стоит перед эпохальными вызовами. Противостояние между нашим государством и Западом достигло апогея. «Это в известной степени вариант гражданской войны» (В. Путин). Закрывается окно в Европу, прорубленное Петром I. Мировое расстройство грозит проглотить мировое устройство. Сбывается предсказание Ф. И. Тютчева: в глазах Европы «вы будете всегда не слуги просвещенья, а холопы».

Специальная военная операция, как лакмусовая бумага, проявила потребность коренного пересмотра сложившихся представлений и об окружающей среде, и о человеке. Чтобы социальный организм не забеременел катастрофой, «надо распахнуть двери эпохе антропоцентризма» (В. Путин).

* * *

Строго научных, исчерпывающих объяснений, как создана Вселенная, есть ли жизнь после смерти, до сих пор нет. Не разработаны научно обоснованные категории «небытие», «инобытие» и т. д.

Времена, когда было «не дóлжно сметь свои суждения иметь», прошли. Автор придерживается точки зрения, что жизнь — это фундаментальное свойство Вселенной. («И на Марсе будут яблони цвести».) Космос — это не только то, что вне человека. И внутри человека обнаруживается космос. Не случайно есть выражения «космозависимый», «метеозависимый».

И Земля — живой организм, обладающий целительной силой. Еще Ф. И. Тютчев обращал внимание на то, что природа — нечто другое, что люди мнят о ней. Природа — «Не слепок, не бездушный лик — / В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык…»

Великие ученые В. Вернадский, А. Чижевский, Ф. Шепунов и другие рассматривали нашу планету как живой, сознательно эволюционизирующий организм.

Д. С. Лихачев пошел еще дальше. Отношения природы и человека, учил он, отношения двух культур, каждая из которых социальна, общежительна, обладают своими правилами поведения.

Красивое положение о том, что человек приходит в этот мир, чтобы преобразовать Землю, не бесспорно. Не говоря уже о его залихватских мыслях и поведении: «Эй, вы, небо, снимите шляпу, я иду» (В. Маяковский), «Земля, поклонись человеку» (О. Сулейменов). Наследие советского человека еще не полностью исчерпало себя. Многим и из нынешнего поколения кажется, что им все доступно. И они способны отобрать у Бога небеса, изменить движение рек, передвинуть горы. Одним словом — властвовать над природой и в этом видеть смысл жизни и получать наслаждение от нее.

Нужен глобальный сдвиг в сознании людей, чтобы понять суть своего кратковременного пребывания на земле. «В то время я гостила на земле», «Все мы немножко у жизни в гостях» (А. Ахматова). От одностороннего, главным образом потребительского подхода (энергию солнца превратить в энергию жизни, Землю рассматривать как кормушку для желудка и т. д.) необходимо перейти к взаимодействию природы и человека. Об этом категорический императив Канта: звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас. Человеку придется жить не за счет преобразования среды, а коренной перестройки себя. По существу — нового рождения.

Антропокосмизм — понимание человека как активной части мироздания (хотя наука еще не выработала научно обоснованной зависимости сознания от космоса).

Мировое сообщество подготовило для себя модели жизнеустройства в виде Всеобщей декларации прав человека, «Декларации прав культуры». В самый раз разработать еще пару документов: «Декларацию прав природы», «Декларацию сотрудничества природы и человека».

У природы своя педагогика. Если нарушены ее законы, Земля имеет право ответить. Гнев Земли на человека, не услышавшего ее исповедального крика, бывает ужасен: землетрясения, ураганы и смерчи, приливы и отливы, засухи… Они подталкивают к социальным цунами.

Новое качество жизни требует рождения нового поколения людей. Бернард Шоу когда-то замечательно сказал: мы уже научились летать, как птицы, мы уже научились плавать, как рыбы. Нам осталось научиться жить, как люди.

Но это и есть самая большая сложность. Нельзя объять необъятное. Вот любопытный пример. Известно, что человеком человека делает сознание. Между тем даже академик С. В. Медведев (главный научный сотрудник Института мозга, а долгие годы он был его директором) считает, что для ученых понятие сознания, его природа и устройство — великая загадка. Никто не ответит на вопрос, что такое сознание.

Вот еще одно, едва ли не самое популярное, лидирующее в иерархии запросов понятие — справедливость. Все хотят равных прав для всех. Но у каждого свои представления о них. Люди пока еще не сумели договориться о справедливости между собой. И потому она все еще не стала реально консолидирующей идеей. Несправедливость они ощущают и в мироустройстве. Общее для всех стремление к справедливости пока что выглядит шапкозакидательской мечтой. И достигнуто оно, скорее всего, будет разве что в золотом сне.

Не все обращают внимание на то, что змея на великом постаменте Э. М. Фальконе («Медный всадник» по Пушкину) не до конца растоптана под нога-

[1] Ведущий профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник культуры РФ, Почетный работник сферы образования РФ. Автор более 410 научных публикаций, в т. ч.: «Педагогические основы культурно-просветительной работы», «История социально-культурной деятельности», «Век нынешний и век минувший (Опыт исследования культурно-образовательных проектов социализма в рыночных условиях)», «Педагогика клубной работы» и др.

ми коня. Она еще жива. И ее жертвами может стать немало людей.

Случайностей в шедеврах монументальной скульптуры не бывает. И потому памятник дает возможность взглянуть на него не совсем с обычной стороны — как на символ амбивалентности человека.

Амбивалентность — двойственность. Один и тот же объект вызывает два противоположных чувства, например симпатию и антипатию. Не только положительная, но и отрицательная энергия разлиты по всему миру. Более того, некоторые авторы считают созидательные силы слабее разрушительных, а зло наиболее активным действующим элементом мироздания. «Зло, как и встарь, верховодит добром» (Б. Окуджава). Гений и злодейство совместимы. Пушкин устами Моцарта произнес «нас возвышающий обман». Лермонтов открыто говорил о слиянии духа демона с собственной душой: «Я счастлив, — тайный яд течет в моей крови».

Но в целом человек амбивалентен. Он — носитель и добра, и зла. Человек ангелоподобен, но и дьяволиады в нем намешано немало. Поройтесь в человеке, и вы обнаружите в нем и силу, и слабость. И созидание, и разрушение. Любящего и ненавидящего. Человек, по Евтушенко, становится то храмом, то срамом. Двенадцать красноармейцев Блока ведет то ли Христос, то ли антихрист.

Ведущий советский писатель А. Толстой был неутомимым лицедеем, мастером оборотничества. А. Ахматова называла его «очаровательным негодяем», «ненадежным другом», способным на все.

Как тут не вспомнить Достоевского: страшно широк человек, надо бы его заузить. Конечно, можно себе в утешение сказать, что и на солнце есть пятна. Но легче от этого не станет. Тем более что всплеск негативных эмоций оказывается заразительнее позитивных, волнами распространяется на все вокруг.

«Куда ж нам плыть?»

* * *

Образование имеет дело с человеком, который духовно, творчески еще не раскрылся. Люди не рождаются плохими или хорошими. Они таковыми становятся в результате плохого или хорошего образования. Оно и есть та скрепа, на которой держится общество. Планета выживет, если будет образовательной планетой. Мы привыкли к пафосным лозунгам: педагогика — духовное оружие, крепость человека.

Но что-то здесь не так. Педагогики становится все больше, а проблемы множатся, образовательное поле обедняется. («Что они ни делают — не идут дела…»)

Вот только что закончился Год педагога и наставника (хотя педагогика и наставничество должны быть свойством всей жизни, а не одного года). В самом конце 2023 года был подписан еще один закон — о статусе педагога. У нас правильных педагогических документов более чем достаточно. А воз и ныне там. В эпоху слов не хватает дел. Владельцы вузовских дипломов заполонили все пространство, а специалистов нет. Е. Евтушенко считает отличительной отечественной чертой «невоспитанность нашего воспитания». Мы, по его словам, продолжаем жить «в стране слаборазвитой вежливости».

Вывод напрашивается один. Чтобы педагогика не стала лузером-образованцем, кладбищем несбывшихся надежд, чтобы неообразованщина не вытеснила образование, чтобы был установлен прочный заслон мутации образования, Учитель был, а не казался, вороны не изображали из себя буревестников, — надо пересмотреть основу основ: саму сущность педагогики, педагогических учебных заведений, личности педагога.

Начнем с педагога. Педагог — сердце нации. Он, конечно, продолжает оставаться носителем знаниевой парадигмы. Но в самом понимании места и роли знаний в современной России произошел коренной сдвиг. Обучение и воспитание — не две стороны одной медали, как когда-то казалось, не братья-близнецы. Президент В. В. Путин притормозил девятый вал знаниевой педагогики, обрушившийся на страну. Статус центробежной силы образования он определил за воспитанием. «Получить знания… это все-таки вторично по сравнению с воспитанием», — заявил он. Можно было бы добавить — и опасно. Знания без воспитания — меч в руках сумасшедшего. Это квазинравственность.

Утверждение воспитания первичным фактором — это переворот, революция в современной знаниевой педагогике. Чтобы выбраться из трясины Королевства кривых педагогических зеркал, нужно понимание, что педагог — это не столько профессия, сколько призвание. Его мастерство сродни волшебству. Он — мудрец, посланный из тайн мироздания.

Творческие люди в один голос утверждают, что они сочиняют, принимают решения не сами, а едва успевают записывать музыку, слова, идущие свыше. Это и есть то, что принято называть творческим озарением.

Преображающая, душестроительная сила педагогики определяется прежде всего особым типом педагога — его избранничеством, жречеством, «лица необщим выраженьем».

Учитель — подвижник любви. От него исходит фаворский свет, солнечная энергия, которые позволяют врачевать людей, заряжать их энергией, генерировать вокруг себя творческое поле, формировать новую матрицу ценностей.

Педагог — это гимн человеческих возможностей. Образование требует педагогической магии. Наука пока не в состоянии ни объяснить, ни повторить этот феномен. Вот яркий пример. Д. С. Лихачев узнал, что А. Вознесенский заболел вирусным гриппом, у него была высокая температура. И он сказал: «Передайте Вознесенскому, чтобы он не принимал никаких таблеток, а перечитал „Слово о полку Игореве“. Вознесенский так и сделал. И пошел на поправку. Казалось бы, рецепт стал достоянием гласности. Теперь не надо вызывать врача на дом, когда занеможется. Бери в руки новое лекарство… „Слово“». Увы, не оправдавшие себя надежды. Видимо, у Д. С. Лихачева состоялся «дистанционный разговор» не только с разумом заболевшего поэта, но и с его душой. И передал он не только совет, но и какую-то Божью искру, возможно, и сам не ведая того.

Важная деталь: Д. С. Лихачев не был профессиональным педагогом. Он окончил филологическое отделение Ленинградского государственного университета, всю жизнь проработал в Институте русской литературы, активно занимался общественной деятельностью.

И среди тех, кто оказал особо заметное влияние на жизнь общества, нет, как правило, выпускников педагогических вузов. В. Высоцкий, по мнению А. Вознесенского, был создан Богом для того, чтобы вывести наше сознание в новые, неведомые прежде пространства. Он сделал для формирования даже не одного поколения больше, чем вся система образования в нашей стране.

Не были профессиональными педагогами А. Гайдар, из книг которого выросло движение тимуровцев, Н. Островский, герой которого Павел Корчагин вошел в плоть и кровь советских людей. Это еще одно подтверждение того, что художественное творчество сродни педагогическому.

Педагогика — это не только наука, но и искусство. Педагогом нельзя стать, как и людям творческих профессий — композитором, художником, поэтом. Педагогом надо родиться.

Педагогические вузы должны стать духовными лабораториями, пробуждающими и развивающими в студентах творческую энергию.

Качество образования до сих пор подменяется безупречностью оформления документов. Между тем изменившийся человек — главный итог его встречи с Учителем. «Каков я был / И что со мною сталось!»

Если говорить кратко: педагог-интеллигент формирует воспитанника как будущего интеллигента. Под интеллигентом автор понимает образованного человека с активной совестью. Степенью приближения учащихся к статусу интеллигента и надо оценивать труд педагога.

В систему российских праздников хотелось бы ввести еще один — День российского интеллигента.

Завтрашняя Россия — страна интеллигенции.

Л. И. Уколова[1],
О. В. Грибкова[2]

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ВЕКТОР ПЕСЕННОГО ЖАНРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ У МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ[3]

Музыка является одним из самых мощных и влиятельных искусств. Она имеет способность передавать эмоции, транслировать сообщения и вдохновлять людей. Поэтому песенный жанр играет особую роль в воспитании и формировании личности.

Песни имеют уникальную способность рассказывать об истории, ценностях и идеях. Они могут быть носителями различных эмоций — от радости и веселья до грусти и тоски. Часто тексты песен затрагивают актуальные социальные и культурные проблемы, наталкивая слушателя на размышления.

Любая творческая деятельность оказывает воздействие на личность человека, формирует у него эстетические и морально-этические установки. Воспитательная роль песенного жанра заключается в том, что песни могут воспитывать приверженность к определенным ценностям, нравственным и этическим нормам, прививать такие качества, как доброта, толерантность, миролюбие, стремление к справедливости. Они могут помочь слушателю осознать важность любви, дружбы, семьи, заботы о близких.

В последние годы набирает популярность микрофонное пение в сопровождении оркестровых фонограмм. Такой вид вокального музицирования практикуется как в любительской среде, так и среди студентов музыкальных направлений. Как правило, эта музыка относится к массовой культуре разного уровня художественной ценности. Многочисленные студии эстрадного вокала предлагают свои услуги желающим проявить и развить свой вокальный талант в эстрадном жанре.

Привлекательность такого вида музицирования обусловливает ряд факторов:

— для занятий нужно весьма несложное техническое оснащение — компьютер с доступом в Интернет и акустическая система с хорошим качеством звучания;

---

[1] Профессор департамента музыкального искусства Института культуры и искусств Московского городского педагогического университета, доктор педагогических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 430 научных публикаций, в т. ч. книг: «Проблемы современной музыкальной педагогики в контексте творческого развития личности подростков», «Формирование духовно-нравственных и гражданских качеств современной молодежи средствами художественного и музыкального воспитания», «Педагогический потенциал применения компьютерных образовательных программ на уроках изобразительного искусства», «Диалог культур в музыкальной педагогике и образовании» (в соавт.), «Развитие творческого потенциала будущего педагога-музыканта в социокультурной среде вуза» (в соавт.) и др. Академик Международной академии наук педагогического образования.

[2] Профессор департамента музыкального искусства Института культуры и искусств Московского городского педагогического университета, доктор педагогических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Профессиональное становление студентов в условиях музыкально-образовательной среды педагогического вуза: технологический подход» (в соавт.), «Проектная деятельность как средство культурно-просветительной работы с молодежью в условиях столичного мегаполиса» (в соавт.), «К вопросу актуальности организационно-методического и информационного сопровождения реализации образовательных программ среднего профессионального образования» (в соавт.), «Проблемы и содержание патриотического воспитания молодежи в условиях досуговой деятельности» (в соавт.), «Ретроспективный анализ и педагогические основания развития профессиональной культуры педагога-музыканта» (в соавт.). Главный редактор научного журнала «Образовательный форсайт». Награждена грамотой Департамента образования г. Москвы.

[3] Доклад подготовлен на основе статьи: Воспитательный вектор эстрадного жанра как эффективное средство формирования мировоззрения у молодого поколения / С. Б. Новиков, Л. И. Уколова, В. О. Малащенко [и др.] // Искусство и образование. 2023. № 1. С. 133–140.

— эта форма творческого самовыражения не требует специального музыкального образования — достаточно природных данных, таких как музыкальный слух и музыкальная память;

— психологический фактор: возможность погрузиться в атмосферу радости при исполнении песен, которые отвечают вкусу и возможностям исполнителя.

Важным также является коммуникационный фактор, открывающий возможность найти единомышленников, войти в круг людей, объединенных схожими эстетическими установками в большом мире разнообразных направлений популярной вокальной музыки.

Мысль о том, что выбор репертуара является отражением патриотичности мировоззрения исполнителя, подтверждается нашими исследованиями, в ходе которых решались следующие задачи:

— представить выбор репертуара как отражение отношения студента к исторической памяти народа, к духовной связи поколений, к тому, что является частью национальной идеи, в связи с чем возрастает ответственность высшего учебного заведения за репертуар будущего учителя музыки;

— показать, что выбор репертуара не всегда связан с художественными качествами песен, их музыкальной и поэтической содержательностью, а во многом обусловлен такими факторами, как популярность, «раскрученность» песни в медиапространстве, когда при выборе репертуара исполнитель склоняется в сторону западной популярной музыки с текстом на английском языке, пренебрегая произведениями отечественных авторов.

Действительно, предпочтения при выборе песен не всегда определяются исключительно их художественным качеством. В последние три десятилетия среди российских исполнителей выделилась значительная часть, которая сознательно или неосознанно включила себя в мировую систему массовой культуры, происходящей из США. При этом художественные достоинства песен для представителей этой группы являются второстепенным фактором. Представители этой группы не признают наличия западного, преимущественно американского, «культурного кода», который специально формировался, чтобы притягивать поклонников во многих странах мира.

Известно, что популярная музыка способна привлекать огромную аудиторию и в связи с этим может стать мощным пропагандистским инструментом. Этот культурный феномен можно использовать с политически мотивированными целями. Так и получилось, когда популярная музыка стала использоваться Соединенными Штатами Америки в стратегической борьбе за установление своей глобальной гегемонии.

Появляется американский стандарт художественной ценности для продукции в области популярной музыки. Справедливости ради надо сказать, что американская популярная музыка действительно была достаточно высокого качества. После Второй мировой войны американские авторы создавали новые привлекательные направления массовой музыкальной культуры, такие как рок-н-рол и твист, развивались новые музыкально-драматургические жанры, такие как мюзикл. При этом массовая культура в США всегда была коммерческой.

Однако наряду с коммерческими целями ставились и идеологические. Осуществлялась многосторонняя программа демонстрации американского образа жизни, его привлекательности для всего остального мира.

Власти СССР в лице Министерства культуры и партийного руководства разных уровней препятствовали проникновению западной популярной музыки. Под запретом было исполнение на концертных площадках джазовой музыки, популярных песен на английском языке и многое другое. На фоне этого противостояния развивалась отечественная эстрадная музыка. Формировалась блестящая плеяда профессиональных композиторов и поэтов, песни которых с точки зрения музыкального и поэтического материала не уступали американской популярной музыке.

Песня — это синтез слова и музыки. Если рассматривать в этом контексте англоязычные песни, то для большинства русскоязычной аудитории оценить художественные достоинства текста песен не представляется возможным. Дословный перевод с английского на русский не может дать представление о поэтических достоинствах английского текста. Это означает, что исполнитель и слушатель из русскоязычной среды лишены возможности оценить художественные достоинства текста английской песни в оригинале. Поэтическая глубина текста английской песни не является ассоциативно близкой и понятной.

Песни, созданные российскими авторами, для русского человека обладают истинной гармонией слова и музыки. Российские поэты создали настоящие шедевры для песенного жанра отечественной эстрады. Темы разнообразны, при этом тексты несут глубокий смысл и уже сами по себе проникают в сердца исполнителей и слушателей. В синтезе с прекрасной музыкой воздействие слова усиливается многократно.

Музыка российских песен, созданная талантами выдающихся композиторов, не уступает зарубежным образцам ни красотой мелодий, ни разнообразием и богатством гармоний. Полный перечень имен авторов займет несколько страниц. В советский период творили такие блестящие композиторы, как И. О. Дунаевский, В. П. Соловьев-Седой, Т. Н. Хренников К. Я. Листов, А. И. Островский, Б. А. Мокроусов, Э. С. Колмановский, А. Н. Пахмутова, А. А. Бабаджанян, Я. А. Френкель, М. Г. Фрадкин, Д. Ф. Тухманов, Ю. М. Антонов, М. Л. Таривердиев, М. А. Минков. Список имен далеко не полный. Тексты для песен создавали М. В. Исаковский, М. Л. Матусовский, А. И. Фатьянов, М. И. Танич, Л. П. Дербенев, К. Я. Ваншенкин, Н. Н. Добронравов, И. Д. Шаферан и многие, многие другие талантливые поэты.

Полноценное восприятие песен в плане истинного синтеза слова и музыки доступно только носителям соответствующего языка: американская песня — для англоязычных слушателей, советская — для русскоязычных. Российское эстрадное искусство необыкновенно разнообразно и изобилует красивыми и содержательными песнями. Кроме того, отечественные песни, наве-

янные историческими событиями, имеют мощный воспитательный эффект.

Наступило время нового политического противостояния России и США. Начинает приходить осознание необходимости мобилизации и преобразований в нашей стране по многим направлениям жизни общества. Культурная политика будет так же значима на этом пути, как и экономическая. Популяризация прекрасных песен, созданных композиторами и поэтами в нашей стране, и противопоставление их англосаксонской массовой культуре — задача, которая приобретает государственный масштаб. Это становится руководством к действию для творческих образовательных учреждений всех уровней.

Преподаватели Департамента музыкального искусства Московского городского педагогического университета эту задачу понимают и при выборе репертуара всегда делают акцент на песни российских авторов, давно ставшие классикой отечественного эстрадного жанра.

Заполнение досуга, легкость и развлекательность — вот, на первый взгляд, главные причины, побуждающие заниматься таким видом творчества. Однако развлекательный жанр эстрадной песни может нести в себе глубокий воспитательный импульс. Есть в этом творческом процессе и социальная составляющая. Каждое поколение берет в свой репертуар песни, близкие ему по содержанию. Старшее поколение, как правило, поет песни, сопровождавшие их в молодые годы. Молодое поколение поет песни Новейшего времени.

На этом творческом поле часто происходит взаимообмен: молодежь обращает внимание на достойные образцы эстрадных песен прошлых лет, и наоборот, старшее поколение с удовольствием поет песни молодых авторов. Это символично как связь поколений. Песенный репертуар должен отвечать возрасту певца, духовно обогащать его, вызывать эмоциональный отклик. Педагогам эстрадного вокала следует отдавать предпочтение музыкальным произведениям, которые имеют некую драматургию, содержат яркие и узнаваемые образы, близкие их жизненному опыту и выраженные простыми, ясными средствами.

Литература

Муратов, М. М. Эстрада как феномен массовой культуры : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / М. М. Муратов. — Казань, 2005. — 158 с.

Тагильцева, Н. Г. Эстетическое восприятие музыкального искусства и самосознание ребенка : [монография] / Н. Г. Тагильцева. — Екатеринбург, 2008. — 101 с. — Текст : непосредственный.

Эстрада // Толковый словарь Ушакова : [сайт]. — URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=87698 (дата обращения: 27.09.2024).

Уколова, Л. И. Историческая ретроспектива построения педагогически организованной музыкальной среды: сущность, формы и методы / Л. И. Уколова // Антропологическая дидактика и воспитание. — 2021. — Т. 4, № 3. — С. 20–36.

Современные тенденции образования в культуре и искусстве (характеристика, структура, развивающий потенциал) : [коллективная монография]. — Москва : Перспектива, 2021. — 176 с.

И. С. Фишман[1],
Л. И. Фишман[2]

ОЦЕНКА КОМПЕТЕНЦИЙ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОДХОДЫ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

В последние десятилетия наблюдается усиление внимания к человеческому капиталу как одному из двигателей экономического развития. Исследования достоверно показывают, что инвестиции в образование приносят значительные экономические и социальные выгоды как для отдельного индивида, так и для общества в целом в тех случаях, когда они приводят к формированию способности действовать. Люди с одинаковым уровнем образования обладают разнообразными компетенциями. Точно так же страны с более или менее сопоставимым уровнем образования тем не менее демонстрируют большие различия в уровне экономического развития[3].

[1] Ведущий научный сотрудник Самарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат педагогических наук, доцент. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч. книг: «Зарубежная практика оценивания профессиональных квалификаций педагогических работников», «Профиль универсальных компетенций педагогов со средним профессиональным образованием как отражение запросов работодателей» (в соавт.), «Оценка квалификации педагога в контексте задачи его профессионального развития: анализ зарубежной теории и практики» (в соавт.), «Технология и результаты моделирования перспективных трудовых функций педагогических работников системы общего образования» (в соавт.), «Актуализация квалификационных требований к педагогическим работникам: моделирование на основе программных и экспертных документов» (в соавт.) и др.

[2] Декан факультета экономики, управления и сервиса Самарского государственного социально-педагогического университета, главный научный сотрудник Самарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций на русском и английском языках, в т. ч.: «Обратные связи в управлении образовательными системами: опыт классификации и конструирования», «Professional Values and Stereotypes of Russian Educational Managers», «Как не надо управлять школой», «Управление и руководство школой: алгебра и гармония» (в соавт.), «Повышение качества образовательных услуг на основе делегирования обратных связей: теория, методология, методика», «Процессный подход в управлении качеством образовательного процесса в вузе как средство повышения качества образовательных результатов» (в соавт.), «Методология проектирования организационно-финансовых механизмов бюджетного финансирования в отрасли культуры» (в соавт.), «Компетентностный подход к отбору руководителей образовательных учреждений: методология и методика» (в соавт.).

[3] Доклад подготовлен на основе статьи: *Прудникова В. А., Фишман Л. И., Фишман И. С.* Зарубежные подходы к оценке универсальных компетенций будущих и действующих педагогов // Самарский научный вестник. 2024. Т. 13, № 1. С. 183–192.

Российские Федеральные государственные образовательные стандарты высшей школы носят компетентностный характер. При этом, как правило, у студентов и выпускников продолжают оценивать не итоговые результаты, а ресурсы для их формирования: знания и умения, что не способствует повышению качества человеческого капитала страны, поскольку сформированность знаний отнюдь не гарантирует готовности к продуктивной деятельности. В связи с этим актуализируется задача осмысления зарубежных подходов к оценке сформированности компетенций студентов и выпускников университетов на предмет возможного использования (или отказа от использования) таких подходов в российской теории и практике высшего образования.

Оценка неизбежно связана с определением компетентности, поскольку она накладывает ограничения на измерение: из формулировки выводятся ответы на вопросы, каким должно быть задание, позволяющее проявить компетенцию при его выполнении, какая процедура измерения является допустимой, как следует упорядочивать наблюдаемые явления (исходные эмпирических данные) при шкалировании и определять низшую и высшую ступени исследуемого явления.

Можно выделить два, на первый взгляд, взаимоисключающих подхода к определению понятия «компетенция» для целей оценивания: аналитический и холистический (поведенческий).

Аналитический подход ограничивает понятие суммой когнитивных и мотивационных ресурсов и разделяет компетенцию на несколько составляющих (латентные способности, навыки), необходимых для выполнения деятельности. В рамках этого подхода компетенции определяются как скрытая характеристика личности, «которая имеет причинно-следственную связь с ориентированной на критерии эффективностью и/или превосходным выполнением работы на рабочем месте или в заданной ситуации»[1]; как «сложные конструкты способностей, зависящие от контекста... и тесно связанные с реальной жизнью»[2]; как «когнитивные способности и навыки, которыми люди обладают или приобретают для решения определенных проблем, а также согласованные мотивационные, волевые и социальные предрасположенности и навыки успешного и ответственного применения решений в различных ситуациях»[3]. Последователи подхода утверждают, что валидные и надежные измерения аспектов позволяют оценить компетенцию в целом, а обоснованность мнения, что такое измерение выявляет компетентность, затем может быть установлена, например, путем проверки того, соответствует ли структура признаков гипотетической или же измерение предсказывает эффективность в «критериальной ситуации»[4].

Приверженцы холистической трактовки понятия «компетенция» настаивают на том, что данный конструкт включает как (латентные) когнитивные (знания и навыки), так и метакогнитивные (например, саморегуляцию), а также некогнитивные (мотивационные, волевые, аффективные и социальные предрасположенности) компоненты и наблюдаемую эффективность выполнения критериальных задач в различных контекстах, при этом утверждается[5], что только сочетание и взаимодействие этих компонентов обеспечивают проявление компетенции. В случае использования данного подхода целью является получение измерений, максимально близких к критерию успеха (performance criteria[6]). Знания, навыки и аффективно-мотивационные компоненты лежат в основе результативной деятельности, но они меняются в рамках конкретной ситуации по мере ее развития, при этом, как считает Озер[7], компетентность включает измерение процесса, которое он называет «профилем компетентности» — набора ресурсов, применяемых на практике.

Дихотомия оценки поведения в реальных жизненных ситуациях, по сравнению с аналитической оценкой предрасположенностей (ресурсов), лежащих в основе такого поведения, может быть объяснена происхождением подходов. Первый подход нацелен на прогнозирование будущей эффективности работы путем выборки типичных рабочих задач и оценки того, насколько хорошо кандидат справляется с ними. При этом неважно, как кандидат пришел к своей компетентности, важно то, что он или она демонстрирует это в ситуациях, имеющих отношение к работе[8].

Аналитический подход проистекает из исследований в области образования и нацелен на поиск способов содействия развитию компетентности, фокусируется на измерении различных латентных черт (когнитивных, конативных, аффективных, мотивационных)

[1] *Spencer L. M. Jr., Spencer S. M.* Competence at work: Models for superior performance. N. Y. : Wiley, 1993.

[2] Current issues in competence modeling and assessment / K. Koeppen, J. Hartig, E. Klieme, D. Leutner // Zeitschrift für Psychologie. 2008. Vol. 216. P. 61–73. DOI: 10.1027/0044-3409.216.2.61.

[3] *Weinert F. E.* Concept of competence: A conceptual clarification // Defining and selecting key competencies / eds by D. S. Rychen, L. H. Salganik. Seattle, WA : Hogrefe and Huber, 2001. P. 45–65.

[4] *Kulikowich J. M., Alexander P. A.* Cognitive assessment // The encyclopedia of cognitive science / ed. by L. Nadel. L. : Nature Publishing Group, 2003. Vol. 1. P. 526–532.

[5] *Ewell P. T.* Can Assessment Serve Accountability? It Depends on the Question // Achieving Accountability in Higher Education / ed. by J. C. Burke. San Francisco, CA : Jossey-Bass, 2005. P. 1–24 ; *Rychen D. S.* Key Competencies for All: An Overarching Conceptual Frame of Reference // Developing Key Competencies in Education: Some Lessons from International and National Experience / eds by D. S. Rychen, A. Tiana. P. : UNESCO, 2004. P. 5–34 ; *Weinert F. E.* Concept of Competence: A Conceptual Clarification // Defining and Selecting Key Competencies / eds by D. S. Rychen, L. H. Salganik. Seattle, WA : Hogrefe and Huber Publishers, 2001. P. 45–65 ; *Winch C., Foreman-Peck L.* Editorial // Policy Futures in Education. 2004. Vol. 2, № 1. P. 1–4 ; *Wolf R., Zahner D., Benjamin R*. Methodological Challenges in International Comparative Post-Secondary Assessment Programs: Lessons Learned and the Road Ahead // Studies in Higher Education. 2015. DOI:10.1080/03075079.2015.100423 ; Remaking the concept of aptitude: Extending the legacy of Richard E. Snow / L. Corno [et al.]. Mahway, NJ : Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2002.

[6] Ожидаемый уровень результатов, установленный для определенной группы учащихся, состоящий из двух основных компонентов: балл/оценка, которую студенты должны достичь для демонстрации владения заявленным результатом, и доля выборки студентов, которые должны достичь этого балла/оценки.

[7] *Oser F.* I know how to do it, but I can't do it: Modeling competence profiles for future teachers and trainers // Modeling and measuring competencies in higher education: Tasks and challenges / eds by S. Blömeke [et al.]. Rotterdam : The Netherlands: Sense, 2013. P. 45–60.

[8] *Sparrow P. R., Bognanno M*. Competency requirement forecasting: Issues for international selection and assessment // International Journal of Selection and Assessment. 1993. Vol. 1. P. 50–58. URL: https://doi.org/10.1111/j.1468-2389.1993.tb00083.x.

с помощью различных инструментов. Оценка ресурсов по отдельности позволяет определить конкретные предпосылки для успешной демонстрации компетенции в реальной жизни, а в процессе получения высшего образования — выявить наиболее подходящие возможности для развития компетентности. Данный подход также обладает преимуществом диагностической точности, поскольку составляющие компетенции измеряются традиционным инструментом, в разумные сроки и при ограниченных затратах.

Разность подходов к определению и оценке компетенции перестает быть критической в тот момент, когда оппоненты, работая над формированием и оценкой компетенции, соглашаются с тем, что в обеспечении результативности деятельности, помимо когнитивных способностей, участвуют воля, эмоции и мотивация. И необходимо включать их в конструкт и искать способы их измерения, пусть и в рамках противоположных подходов. Однако у приверженцев и аналитического, и холистического подходов возникает вопрос о том, способны ли люди, обладающие всеми ресурсами, принадлежащими к конструкту компетенции, интегрировать их так, чтобы эта компетенция проявлялась в деятельности.

Действительно, априори невозможно определить, какие конкретные аспекты входят в определение компетенции[1]. Только из подробного наблюдения за деятельностью и ее совместного анализа учеными и практиками можно указать конкретные профили когнитивных способностей и аффективно-мотивационных составляющих компетенции. Поскольку реальное поведение является основным критерием валидности, исключительно важным будет тщательный анализ требований и вариаций ситуаций реальной жизни, на успех в которых влияют аспекты компетенций.

Осуществленный анализ зарубежных подходов к оценке компетенций в высшей школе позволяет сделать следующие выводы, которые могут быть использованы в российской теории и практике высшего образования.

1. Наиболее распространенной международной практикой оценки компетенций в высшем образовании является локальная оценка достижений, то есть прямое оценивание с помощью тестов, разработанных специально для одной учебной программы, дипломного курса или учебного заведения. Как правило, тестовые задания нельзя передавать без адаптации, то есть без учета социокультурной, гендерной, лингвострановедческой специфики, а результаты несопоставимы между курсами, учебными заведениями, системами высшего образования стран.

2. Необобщаемые за пределами местного контекста результаты могут быть полезны для оценки работы учебного заведения и преподавателей на местном уровне, так как необходимо уметь связывать различия в учебных результатах с различными условиями / образовательными средами для того, чтобы улучшить понимание причин этих различий. Обобщаемые же оценки достижений разрабатываются для администрирования различных учебных программ, дипломных курсов и учреждений и часто предназначены для проведения сравнений внутри одной образовательной системы.

3. Исследования по оценке компетентности в сфере высшего образования сосредоточены главным образом на когнитивных компетентностях как аспектах компетенции, таких как решение проблем, вербальное, количественное и аналитическое рассуждение, критическое мышление и т. д. В настоящее время одной из основных проблем является увязка результатов когнитивного обучения с достоверным измерением мотивационных ориентаций и убеждений. Существует мало исследований мотивации и убеждений, основанных на непосредственно наблюдаемых поведенческих данных. Обычно некогнитивные результаты оцениваются косвенно с помощью опросов и интервью, которые основаны на самоотчетах студентов или оценках других лиц, например работодателей. Недостатком таких косвенных показателей является то, что они базируются на индивидуальном субъективном восприятии или ограниченном восприятии других людей вместо прямых показателей.

4. Сегодняшние исследования в данной отрасли знания центрируются на моделировании академически приобретаемых общих компетенций и компетенций, специфичных для предметной области. Модели «предметных» компетенций должны быть структурированы и конкретизированы, включая четкие определения типа и количества различных аспектов компетенции в конкретной предметной области и четкие спецификации ситуаций, с которыми студенты и выпускники должны быть в состоянии успешно справляться на каждом уровне компетенции или для каждого профиля компетенции. Определения должны не только отражать институциональные требования, описанные в системах квалификаций, но и включать аспекты учебной программы, области содержания и ситуационные контексты, специфические для предмета.

[1] Entwicklung von Lehrpersonen in den ersten Berufsjahren: Längsschnittliche Vorhersage von Unterrichtswahrnehmung und Lehrerreaktionen durch Ausbildungsergebnisse / S. Blömeke [et al.] // Zeitschrift für Erziehungswissenschaft. 2014. Vol. 17. P. 509–542.

Н. П. Хватаева[1]

КОНЦЕПТ «ОБРАЗОВАНИЕ» В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ СТРАН БРИКС

Российское образование на новом рубеже эпох столкнулось с неизвестными ранее вызовами и рисками. Комплекс политических, экономических, социальных, научных факторов начала XXI века потребовал от российской педагогической науки и практики вступления в диалог с культурой стран БРИКС, сотрудничества и взаимодействия с ними.

Любое совместное предприятие начинается с достижения договоренностей о целом ряде факторов: цели, сроках, этапах, ожидаемых результатах и т. д. Но, возможно, главным условием является объект договоренностей, так как стороны должны четко понимать, что сфера их интересов действительно находится в одном и том же пространстве смыслов.

Демонтаж Болонской системы образования и инициатива создания нового единого образовательного поля в формате стран БРИКС изначально является крайне сложной задачей. Народы говорят на разных языках; имеют разные образовательные традиции, представления о ценности образования и опыт международного сотрудничества. Да и само понятие «образование» очень сложное, многоаспектное, включенное в целый ряд социальных и личных отношений. Поэтому необходимо найти единое фундаментальное понимание образования, приемлемого для системы понятий каждого из народов. Именно унифицированный концепт, заложенный в основу международного образовательного сотрудничества, гарантирует единство целей и результатов всей дальнейшей работы.

Народы стран БРИКС говорят не просто на разных языках, но на языках различных семей, структур и даже форм письменности. Этот факт делает языковую картину мира носителей весьма пестрой. Но если к собственно языковым факторам добавить экстралингвистические, формирующие понимание образования в обществах стран БРИКС, то вербальная экспликация концепта сведется к трем ядерным понятиям: русскому «образование», китайскому «教育» (jiaoyu) и англоязычному «education».

Понятие «образование» в современном значении закрепилось в русском языке в XVIII веке благодаря тесным связям с немецкими просветителями. Считается, что первым его употребил Н. И. Новиков (1744–1818), но быструю адаптацию такой семантики обеспечили переводы научных и философских текстов с немецкого, где оно использовалось как аналог глагола Bildung, имеющего широкую палитру значений: создавать, придавать форму, образовывать, воспитывать, развивать и т. д. Русский корень восходит к существительному «образ», которое сформировалось еще в старославянском языке из приставки *ob-* и корня *razъ*, связанного чередованием с *rězati* (резать), и первоначально обозначало объект, вырезанный из дерева или камня[2]. Затем слово вошло в церковный обиход через расширение семантики до понятий «изображение, картина» и их трансформацию в «икона, образ святого», так как изобразительное искусство развивалось, обслуживая потребности духовенства. Последнее значение сохранилось до наших дней, но стало периферийным. Дальнейшая смысловая эволюция произошла благодаря библейским переводам, где существительное приобрело и закрепило денотат «внешний облик, копия, подобие» и высокую стилистическую окраску: «человек создан по образу и подобию Божию». Развитие собственно славянской духовной и философской литературы способствовало семантическому развитию слова в сторону все большего абстрагирования, и уже к XVI веку его смысловое ядро включало значение «эталон, идеал».

Таким образом, в корень современного понятия «образование» оказалась включена идея формирования в соответствии с эталоном, следования изначальному образцу. Наиболее близко такое ви́дение современной философской трактовке образования, как «духовного облика человека, который складывается под влиянием моральных и духовных ценностей, составляющих достояние его культурного круга, а также процесс формирования облика человека»[3]. Русскоязычный концепт структурно сложен, он предполагает деятельность творца с определенным замыслом, целенаправленную и сознательную работу, а также наличие идеала, которого он стремится достичь.

Мы не претендуем на всестороннее историко-сопоставительное исследование понятия «образование» в китайском языке, но простой концептологический дефиниционный анализ позволяет сделать ряд выводов.

Лингвистический Словарь китайского языка Синьхуа определяет образование как процесс воспитания детей, юношей, молодежи и других в учебном заведении ‘主要是指学校对儿童、少年、青年等进行培养的过程’[4]. Наличие образовательного учреждения, где организовано обучение, подчеркнуто и в Словаре сочетаемости знаменательных слов современного китайского языка, при этом сохраняется значение подготовки нового поколения к социальной жизни ‘培养新生一代从事社会生活的整个过程[5]. Словарь современного китайского языка вводит в структуру понятия сему «профессия»: 按一定要求培养’; — дей-

[1] Доцент кафедры иностранных языков и удмуртской филологии Глазовского государственного инженерно-педагогического института им. В. Г. Короленко, кандидат филологических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Аксиологический аспект лексических заимствований в славянских языках», «Оппозитивный характер онтологии ценности (на примере концепта „красота“)», «Объем и содержание авторской аксиосферы», «Восприятие и трансляция научно-педагогического дискурса средствами авторской модальности», «Воспитание долга по В. А. Сухомлинскому: обращение к сущности понятия» и др.

[2] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М. : Прогресс, 1986. Т. 3.

[3] *Деттерер А. В.* Введение в философию образования. Томск : ТГПУ, 1998.

[4] 新华汉语词典/ Xinhua hanyu cidian / Словарь китайского языка Синьхуа. Beijing, 2013.

[5] 现代汉语实词搭配词典/ Xiandai hanyu shici dapei cidian / Словарь сочетания знаменательных слов современного китайского языка. Beijing, 2002.

ствие для подготовки человека к функционированию в определенной области[1]. Тенденция сужения смысла от подготовки к «социальной жизни» к «деятельности в определенной области» и далее к «профессиональной подготовке» в целом поддержана и другими источниками[2]. Таким образом, в структуре концепта в китайской языковой картине мира учтена социальная роль образования, готовность человека включиться в общественную жизнь, приносить пользу, выполнять профессиональные обязанности. При этом одним из значимых субъектов образовательного процесса является учебное заведение, что предполагает регламентированный и управляемый процесс получения образования с прогнозируемыми и измеряемыми результатами.

Оставив за рамками данного доклада дискуссию об истории образования стран БРИКС, отметим, что система подготовки подрастающего поколения в Бразилии, Индии и ЮАР по своему типу относится к так называемой западной, которая берет начало в средневековой европейской традиции, а та, в свою очередь, в античной. Она была имплементирована на этих территориях в период колонизации и развивалась под давлением авторитета образовательных норм и практик метрополий, подавляя оригинальные национальные формы воспитания и обучения. В результате этимологически термины education (*англ.*) и educação (*порт.*) восходят к латинскому educationem. Это существительное — дериват глагола *duco* с корнем *duc-*, имеющим значение «водить, вести, продвигаться вперед», и приставкой *e-*, в которую заложена семантика «движения изнутри наружу, извлечения из чего-либо»[3]. Первоначально глагол использовался для обозначения процесса выхода детей из-под домашней опеки в некие социальные институты. Номинатив, будучи структурно более сложным, очевидно, закрепился в речи позднее и содержательно уравнивал понятия «воспитание детей» и «разведение животных». Считается, что существительное с уже готовой морфологической формой с той или иной скоростью ассимилировалось в романо-германских языках в Средние века. Зафиксировано его появление в английском в первой половине XVI века, где установлена эквивалентность контекстуальных смыслов «воспитание (ребенка)» и «дрессировка (животного)»[4]. Выбор вектора семантической эволюции обусловлен фактором более частого употребления применительно к человеку, так как письменные памятники преимущественно посвящались социальным, а не хозяйственным процессам. Начиная с XVII века с развитием национального языка и литературы закрепилось понимание «систематического обучения и воспитания для дальнейшей работы»[5]. Современный Оксфордский словарь определяет *education* как «процесс обучения и воспитания, особенно в школах, колледжах и университетах, для совершенствования знаний и развития навыков»[6]. Таким образом, романо-германская языковая картина мира представляет концепт образования как систематическую подготовку ребенка к выполнению каких-либо социальных функций, при этом в ядре концепта также присутствует мысль об учебном заведении со всеми его атрибутами.

Простое сопоставление разноязычных концептов показывает сходство между китайской и европейской структурой: в центре находится идея конечного процесса получения социально значимых навыков в стенах образовательной организации. Но и концепт русского мира не представляет ничего противоречащего этим компонентам. Присущее ему понимание замысла и целенаправленного действия творца легко обнаруживается в архитектуре понятия специального учебного заведения, где безусловно представлены и ответственное за обучение лицо, и цель, и результаты. Вместе с тем в русскоязычной картине мира концептологическая композиция значительно сложнее, что обеспечивается помещенным в ее центр понятием «эталона, идеала». Оно более широкое, чем просто общественный или профессиональный запрос, и в определенном контексте может даже вступать в противоречие с ним, как, например, декларируемый христианский идеал и стремление к экономическому успеху любой ценой. Еще одной специфичной чертой, которая проистекает опять же из семантики идеала, предполагающего недостижимость и бесконечность совершенствования, является непрерывность образовательного процесса. Наконец, присущая идеалу духовная составляющая выносит образование в русской картине мира далеко за рамки простого обучения или освоения профессиональных навыков, ставя во главу угла усвоение нравственных норм и ценностей.

Инициированное многостороннее сотрудничество в гуманитарной сфере в странах БРИКС можно рассматривать как весьма полезное и потенциально важное для определения вектора развития современного образования, как определенный вызов системе российского образования. Преодоление европоцентричности, более пристальное внимание к малоизученным цивилизациям открывает перед российскими учеными неведомые ранее возможности.

Однако в попытке найти точки соприкосновения и дальнейшего совместного развития следует отказаться от купирования русской идеи непрерывного образования, в том числе самостоятельного, в стремлении достичь идеала. Необходимо прислушаться к Президенту Российской Федерации В. В. Путину, который у Указе от 9 ноября 2022 года № 809[7] определил круг традиционных духовно-нравственных ценностей, на основе которых мы решаем задачу создания суверенной системы образования в нашей стране.

Вступая в диалог культур и цивилизаций стран БРИКС, нам важно глубоко понимать, что, с одной стороны, диалог культур обеспечивает взаимопонимание между народами, а с другой — позволяет выявлять духовную уникальность каждого из них.

---

[1] 现代汉语词典/ Xiandai hanyu cidian / Словарь современного китайского языка. Beijing, 2012.

[2] 商务国际现代汉语词典/ Shangwuguojixiandaihanyucidian / Словарь современного китайского языка международной торговли. Beijing, 2013.

[3] *Левинский К. А.* Латинско-русский словарь. М. : АСТ, 2023.

[4] *Baugh A. C., Cable Th.* A History of the English Language. 5th ed. L. : Pearson Education, Inc. 2002.

[5] *Godwin W.* The Enquirer. Reflections On Education, Manners, And Literature. L. : G. G. and J. Robinson, 1797. URL: http://dwardmac.pitzer.edu/godwin/enquirer.html (дата обращения: 20.02.2024).

[6] Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/?tl=true (дата обращения: 20.02.2024).

[7] Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения 20.02.2024).

М. Г. Хохлова[1]

ПОТЕНЦИАЛ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ (тезисы)

В современном мире человеческий капитал является важнейшим конкурентным преимуществом страны с точки зрения ее инновационного развития. Россия по доле населения с высшим и дополнительным профессиональным образованием находится на уровне ведущих зарубежных государств. При этом перед отечественной наукой поставлена задача добиться вхождения России в 2024 году в пятерку ведущих научных держав мира[2]. Наряду с этим как задача государственного уровня также осознается важность привлечения в страну образованных мигрантов.

Нарастающий поток мигрантов в мире рождает неоднозначное отношение к ним, вызывая у многих чувство обеспокоенности за рабочие места и безопасность граждан[3], что в полной мере проявилось в отказе целого ряда стран поддержать Всемирный пакт ООН о безопасности и упорядочении миграции. В то же время образовательная миграция может претендовать на иное отношение и занимать свою важную нишу, поскольку здесь речь идет о квалифицированной части рабочей силы, которая часто остается в стране обучения и в которой обучающая страна заинтересована. Однако в Концепции миграционной политики до 2025 года отмечается, что пока еще «слабо используется потенциал российской системы образования»[4].

Благодаря образовательной миграции не только развивается научное знание, но и закладываются основы сотрудничества между странами, транслируются ценности и взгляды, полученные в ходе обучения, то есть она является «мягкой силой», благоприятствующей развитию отношений.

По исследованиям Education at Glance, подготовленным Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), международная студенческая мобильность с 2000 года возросла в несколько раз, а мировыми лидерами по численности приема иностранных студентов остаются США (16,5 %), Великобритания (13 %), Германия (6,3 %).

В России обучаются примерно 4 % от всех иностранных студентов. При выборе молодыми людьми России как страны обучения важным фактором является позитивное представление о российском образовании как преемнике образовательных традиций СССР, где в различных учебных заведениях обучались 10 % от общемирового числа (около 180 тыс. иностранных граждан, из них в вузах — 126,5 тыс. иностранцев).

Важными ориентирами в настоящее время являются рейтинги вузов, в которых фигурируют прежде всего такие показатели, как инвестиции со стороны частного и государственного капитала, что является косвенным показателем состояния материальной базы системы обучения (25 %); уровень международного сотрудничества (20 %); политика принимающего государства; регулирование, которое предопределяет возможности получения образования (15 %); достижения выпускников, число научных исследований и публикаций; соответствие образования требованиям рынка труда, то есть возможности дальнейшего трудоустройства (40 %).

Россия в этом рейтинге находится на 34-м месте. Часто это соображения такого порядка, как стоимость проживания и страховки, знание языка, возможность получения визы, желание находиться в более благополучной, с их точки зрения, России, чем в стране, откуда они приехали. При этом подавляющее число студентов обучаются на условиях общего приема, то есть платно. По международным договорам (в том числе по квоте) обучается соответственно меньшее число студентов, и, как правило, эти студенты после окончания обучения возвращаются на родину, где их может ждать престижная работа. Они проходят отбор у себя на родине, сдавая минимум тестов[5].

Государственная политика большинства стран все чаще включает меры по привлечению иностранных студентов. Это административно-правовые меры: смягчение визового режима, упрощение процедур натурализации в стране по окончании учебного заведения, принятие законодательных актов, регламентирующих возможности занятости во время учебы, и интернационализация учебных планов, а также ряд финансовых механизмов. Например, в США был упрощен доступ в страну по учебным визам для студентов из Китая, Индии, Латинской Америки. Евросоюз принял директиву, регулирующую правила приема иностранцев из третьих стран, приезжающих в ЕС для получения образования, которая предусматривает упрощенный механизм выдачи виз иностранным студентам, возможность их передвижения по территории ЕС и условия занятости в период обучения. Все эти меры для привлечения лучших умов используются в Китае, где дей-

[1] Старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е. М. Примакова РАН, кандидат исторических наук. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Профессиональная мобильность населения как форма социальной адаптации (Россия в международном контексте)», «Россия как центр молодежной иммиграции в СНГ», «Трудовая миграция в СНГ и российский рынок труда», «Профессиональная мобильность рабочей силы в России», «Молодежный рынок труда: европейский опыт в российском контексте» и др.

[2] Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 (в ред. от 19 июля 2018 г.) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 23.09.2024).

[3] Почему страны Центральной Европы выходят из глобального пакта ООН по миграции. URL: https://news.rambler.ru/other/41202006-pochemu-strany-tsentralnoy-evropy-vyhodyat-iz-globalnogo-pakta-oon-po-migratsii/ (дата обращения: 23.09.2024).

[4] Указ Президента РФ от 31 октября 2018 года № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/58986 (дата обращения: 23.09.2024).

[5] *Хохлова М. Г.* Россия как центр молодежной иммиграции в СНГ // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 4 (41). С. 176–183.

ствует много программ для ведущих иностранных ученых, а также программ возвращения ученых из-за рубежа — вернулись почти 90 %. Одним из уже зарекомендовавших себя за рубежом механизмов привлечения китайских ученых обратно на родину стали повышение уровня заработной платы и материально-технического обеспечения, а также предоставление научным работникам государственной поддержки в виде крупных грантов[1].

Механизмы и практики, действующие в этой области, многообразны. По мере институционализации процесса образования в странах БРИКС и использования опыта, например ЕС, будут открываться все новые возможности для образовательной миграции. Так, в Европе с 1987 года в течение 30 лет действовала программа Европейского союза «Эразмус» (Erasmus) по обмену студентами и преподавателями между университетами[2]. Участников этой программы часто называют *поколением ERASMUS*. Более 40 % ее участников остаются в стране обучения, а на родине показатель безработицы среди стажировавшихся по этой программе ниже на 25 % по сравнению с теми, кто не имел такого опыта.

Миграция за образованием тесно связана с проблемой перехода к взрослой жизни. Предоставление большей свободы взрослеющим детям в выборе места учебы, работы и жительства давно распространено в Европе. В европейской политике переходу молодого человека к взрослой жизни уделяется пристальное внимание. Начиная с 1970-х годов стали регулярно проводиться сборы данных, опросы выпускников, что позволило за прошедшие годы многое сделать для разработки теории и методики анализа их трудоустройства. Молодежь представляет собой качественно новое поколение, выросшее в условиях развития информационных технологий, позволяющих им ощутить себя частью глобальных процессов, а миграция все больше становится нормой их жизни. Этому должны благоприятствовать геополитические изменения и сближение стран БРИКС.

Согласно прогнозу ЮНЕСКО численность иностранных студентов в мире к 2025 году может составить 7,2 млн человек, и потенциал стран БРИКС в этой «гонке за умами» значителен.

Часто образовательная миграция вызвана намерением в перспективе получить работу в стране обучения и связанным с этим желанием *изменить стиль жизни* (lifestyle migration).

В целом в мире наблюдается рост желания повысить свой социальный статус благодаря получению образования, возрастает роль неэкономических факторов индивидуального характера, побуждающих молодежь к миграции.

Потоки студентов, ученых и квалифицированных специалистов с самого начала были направлены преимущественно в экономически развитые страны, которые последовательно смягчали миграционное и трудовое законодательство для нужных им категорий иностранных граждан. Одновременно страны-доноры (Бразилия, Индия и др.) заинтересованы в мерах активного государственного регулирования в целях внедрения механизмов удержания интеллектуального капитала в стране.

При этом на мировом рынке интеллектуального труда благодаря дистанционной занятости отчетливо проявляется тенденция использования транснациональными корпорациями в области информатики (Microsoft, Apple и др.) возможностей осуществления своей деятельности без учета географических и политических границ, без перемещения высококвалифицированной рабочей силы не только из развивающихся стран в развитые, но и в иных направлениях.

Помимо международных корпораций и зарубежных компаний в борьбу за умы включились и международные образовательные учреждения (университеты), создавая легальные институциональные каналы миграции для квалифицированных кадров, «соревнуясь» с государствами и их возможностью регулировать и контролировать допуск в страну иностранных работников.

Россия, исходя из своих национальных интересов, совместно с другими странами БРИКС, скорее всего, будет использовать институциональный опыт ЕС и других стран. Реальность такова, что обучение за рубежом набирает динамику, несмотря на развитие его дистанционных форм, происходит повсеместное создание филиалов зарубежных вузов, распространение учебных программ и пр. В настоящее время в мире более 3,5 млн человек обучается вне страны своего постоянного проживания. Если в 1975 году за границей обучалось более 600 тыс. человек, то, по прогнозам ОЭСР, к 2025 году количество обучающихся вне страны своего постоянного проживания достигнет 7,2 млн человек.

[1] *Хазов Е. Н., Бурлакова П. О.* Особенности и основные направления развития образовательной и интеллектуальной миграции в зарубежных странах // Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 2. С. 105–109.

[2] *Воронина Н. А.* Интеллектуальная миграция: зарубежный и российский опыт регулирования // Труды Ин-та государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 6. С. 158–183.

Г. А. Чередниченко[1]

ДИНАМИКА СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПОДГОТОВКИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Динамичное развитие общества диктует необходимость своевременных изменений структуры образования, и прежде всего высшего образования (ВО). К потребностям развития общества и экономики, а также к спросу рынка труда на характеристики образования и специализаций, тенденциям их изменений подстраиваются различные структурные элементы вузовской сети как по вертикали (университеты, факультеты, филиалы, программы и формы обучения), так и по горизонтали (отраслевые направления подготовки, специальности, региональное размещение).

В *отраслевом* плане с середины 2010-х годов начинает преодолеваться длительный предыдущий тренд, связанный с резким ростом подготовки кадров самого широкого спектра сервисных, посреднических, управленческих позиций для обслуживания развития рыночной экономики, происходившим на фоне вымывания большой части индустриальной базы страны и существенного снижения спроса на инженерно-технические кадры. Его выражением стало формирование диспропорции между двумя самыми многочисленными отраслевыми группами подготовки специалистов — по направлению «Науки об обществе» (с преобладанием триады «экономика–менеджмент–право») и «Инженерное дело, технологии и технические науки» (табл. 1). Если к 2010 году в общем выпуске ВО соотношение доли условных «экономистов–менеджеров–юристов» и «инженеров» достигло 40 к 20 %[2], то уже к 2020-м годам указанный диспаритет стал компенсироваться.

Таблица 1

В общем выпуске ВО доля двух самых многочисленных направлений подготовки (%)[3]

Направление подготовки	2000	2010	2020	2022
Инженерное дело, технологии и технические науки	26,1	20,8	28,4	28,6
Науки об обществе	24,4	40,5	41,2	39,6

Разворот на увеличение потребностей в новых высокотехнологичных и IT-специальностях, а также сфер труда, предполагающих сложное специальное, длительное обучение занятиям стабильной общественной значимости (в здравоохранении, культуре, естественных науках), отразился в ускорении темпов соответствующих изменений, о чем более явно свидетельствуют показатели приема, нежели выпуска ВО (табл. 2). За 8 лет к 2023 году в структуре отраслевой подготовки соотношение направлений «Науки об обществе» и «Инженерное дело» стало почти равновесным. Особенно выпукло статистика приема в вузы фиксирует ответ на изменение запроса с бывших на актуальные занятия, обслуживающие инфраструктуру экономики, то есть с «менеджеров–юристов» на IT-специалистов: сокращение доли с 36,9 до 25,8 % у первых и сильный рост с 3,8 до 7,2 % — у вторых. Существенно увеличилась доля подготовки кадров для здравоохранения (4,4–7,1 %), культуры (2,5–4,1 %), в области математики и естественных наук (4,1–4,6 %).

Таблица 2

Прием ВО РФ по направлениям подготовки (%)

Группы образовательных специальностей	2015[4]	2023[5]
Математические и естественные науки	4,1	4,6
Инженерное дело, технологии и технические науки	28,8	32,0
в том числе информатика, вычислительная техника	**(3,8)**	**(7,2)**
Здравоохранение и медицинские науки	4,4	7,1
Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки	3,8	2,9
Науки об обществе	43,2	35,0
в том числе экономика, управление, право	**(36,9)**	**(25,8)**
Образование и педагогические науки	9,4	10,9
Гуманитарные науки	3,9	3,4
Искусство и культура	2,5	4,1
Итого	**100,0**	**100,0**

Также с середины 2010-х различные *структурные изменения* стали ответом на *запрос к качеству образования*. Происходит структурная консолидация вузовской сети. Результатом управленческих решений по сокращению филиалов вузов и заочного обучения стало уменьшение числа образовательных организаций ВО: за 2013–2023 годы оно сократилось практически вдвое — с 2390 до 1242. За тот же период в приеме ВО доля поступающих на очное обучение возросла с 33,1 до 60,9 %, а на платные учебные места — с 37,2 до 56,1 %. Это ведет к концентрации качественного высшего образования в больших городах и к сокращению числа вузов. На смену дифференциации рынка высшего образования 2000-х на массовое и элитное[6] пришел рост поляризации разных сегментов вузов.

Реализация госпрограмм повышения конкурентоспособности ВО России и обеспечение мировых стандартов подготовки для крупных компаний — драйверов технологического развития — ведут к формиро-

[1] Главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, доктор социологических наук. Автор более 220 научных публикаций, в т. ч.: «Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (опыт социологического исследования)», «Перемены в послешкольных траекториях молодежи: социальная дифференциация», «Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие» (в соавт.), «Заочник высшей школы: социальное поведение в сфере образования и на рынке труда» (в соавт.) и др. Член Международной социологической ассоциации, член Российского общества социологов. Награждена почетной грамотой РАН.

[2] См. также: *Чередниченко Г. А.* Перемены в послешкольных траекториях молодежи: социальная дифференциация // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 51–62.

[3] Образование в цифрах: 2023. М. : НИУ ВШЭ, 2023. С. 70–71.

[4] Образование в цифрах: 2017. М. : НИУ ВШЭ, 2017. С. 42.

[5] Здесь и далее статистические показатели ВО, по которым нет ссылок на источники, — расчеты автора по данным форм ВПО-1. Сайт Минобрнауки РФ. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/.

[6] *Рощина Я. М.* Чьи дети учатся в российских элитных вузах // Вопросы образования. 2006. № 1. С. 347–369.

ванию как минимум трех категорий вузов: *ведущих* (Ассоциация ведущих университетов, «Глобальные университеты», научно-исследовательские и федеральные университеты, «Проект 5–100»), *опорных* (крупные региональные центры, объединившие несколько вузов) и прочих. В 2020 году распределение студентов-очников бакалавриата и специалитета между тремя типами вузов составляло 18–10–73 %[1]. Эта вертикальная иерархия сопрягается и накладывается на увеличение региональной неоднородности вузовской сети[2].

Государственная политика повышения конкурентоспособности российских вузов путем формирования их элитного сегмента, выразившаяся в нарастании вертикально-региональной стратификации образовательных организаций по качеству подготовки и селективности приема, сопровождается и дополнительным государственным финансированием, неравными возможностями привлечения внебюджетной поддержки. Головные вузы, НИУ, федеральные университеты «Проекта 5–100» наряду с бюджетными источниками в силах формировать эндаументы своего развития, получать поддержку образовательной и научной деятельности от федеральных крупных компаний (например, таких, как Росатом, РЖД, «Аэрофлот», «Северсталь», КамАЗ). Складывается ресурсная стратификация российских вузов, выражающаяся в неравном доступе к финансированию, материальной и информационной инфраструктуре. В сегменте массовых вузов неравенство усиливается в результате того, что бюджетирование их деятельности основано на административном подходе к оценке и контролю за эффективностью с едиными для всех (на старте не равных образовательных организаций) показателями образовательной и научно-производственной деятельности и индикаторами качества.

Показательны результаты мониторингового исследования 2014–2021 годов в УрФО о связи управленческой модели оценки эффективности деятельности вузов (в рамках стратегии развития человеческого капитала по программе «Приоритет-2030») с результатами ресурсного развития ППС и НПР вузов региона. Анализ в разрезе университетов разных типов, относящихся к «ядру», «полупериферии» и «периферии», показал отсутствие устойчивых позитивных тенденций, консервацию различий в деятельности разных типов вузов, непродуктивность стимулов омоложения кадров и роста публикационной активности, усилия по наращиванию научно-производственной деятельности за счет сжатия учебно-преподавательской во многом (кроме вузов «ядра») оборачиваются имитационностью[3]. Авторы этого и других исследований[4] приходят к выводам о том, что для компенсации нынешних противоречий между интересами академического сообщества и менеджериального управления в вузе необходим переход к дифференцированной оценке на основании нескольких критериев и качественно-количественном измерении всей совокупности деятельности преподавателей и научных работников. Университеты должны получить большую автономию (в том числе свободные выборы ректоров, соблюдение периодичности и сроков переизбрания, стимулы деятельности академического сообщества, упрощенный порядок отчетности, проектное, а не подушевое бюджетное финансирование и многое другое). В этом видится путь улучшения сложившегося институционального ландшафта вузовской сети в части совершенствования деятельности региональных неселективных университетов.

Преодоление различных видов ресурсной дефицитности вузов, попадающих в категорию *прочие*, объективно затрудняется еще одним механизмом бюджетного стимулирования образовательной деятельности. Покажем это на примере подготовки по инженерному делу. Учтем, что ответ ВО на актуальный вызов по обеспечению технологического суверенитета распадается в самом общем виде на подготовку кадров для прорывного технологического развития (в элитных технических университетах, в том числе по программе «Передовые инженерные школы», ПИШ) и специалистов для импортозамещения (в региональных вузах с ориентацией на локальные рынки труда). Повсюду для инженерно-технической подготовки велика настоятельность взаимоотношений «вуз–работодатель» в технологиях обучения. Первое направление имеет большие преимущества благодаря включению крупных корпораций в образовательно-производственный процесс подготовки инженеров-разработчиков/исследователей, а второе испытывает дефицит кооперации с местными предприятиями, не имеющими экономической заинтересованности в этом и потому более нуждающимися в бюджетной поддержке.

Одним из индикаторов деятельности университетов, на основе которых осуществляется бюджетирование, Минобрнауки РФ признает взвешенный средний балл ЕГЭ при приеме абитуриентов, используемый благодаря осуществлению с 2011 года мониторинга качества приема в вузы по очной форме обучения[5]. В 2022 году средний балл ЕГЭ бюджетного приема составлял 70,3, а с баллами выше 80 было зачислено 26,1 % абитуриентов. Об исключительной концентрации «высокобалльников» инженерно-технического направления в самых селективных вузах свидетельствуют следующие данные. Топ-25 самых крупных по приему вузов (более 3 тыс. чел.) возглавляет Московский физико-технический институт (средний балл ЕГЭ — 96,8), далее — Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (88,1), Университет ИТМО (86,9), Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (79,3), Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (79,2), Университет науки и технологий МИСиС (79,2), Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (78,8), Московский авиационный институт (76,6). В вузах этой группы выполняются программы ПИШ по

[1] Основные стратегии выбора вуза и барьеры, ограничивающие доступ к высшему образованию // Информ. бюл. М. : НИУ ВШЭ, 2021. № 17. С. 8.

[2] *Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю.* Региональная дифференциация доступности высшего образования в России. М. : НИУ ВШЭ, 2020.

[3] *Зборовский Г. Е., Амбарова П. А.* Мобилизация ресурсов научно-педагогического сообщества (кейс высшего образования УрФО) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 60–71.

[4] Рейдеры от науки. Почему сфера образования продолжает терять профессионалов // Opendemocracy : [сайт]. URL: https://www.opendemocracy.net/ru/reydery-ot-nauki/ (дата обращения: 17.06.2022).

[5] Мониторинг качества приема в вузы // НИУ Высшая школа экономики : [сайт]. URL: https://ege.hse.ru/news/94398230.html/.

медицинскому приборостроению: Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова (80,8), Сеченовский университет (78,8)[1].

Таблица 3

Средние баллы ЕГЭ при приеме по группе специальностей «Машиностроение» на очное обучение ВО в 2022 году[2]

Средний балл ЕГЭ, интервал	Количество вузов и ряд их характеристик
Выше 70,3	8 вузов селективные, в том числе 5 — в двух столицах: Уфимский государственный нефтяной технический университет (87,3) — Московский энергетический институт (74,1) — Юго-Западный государственный университет, Курск (71,5)
69,0–60,2	28 вузов, в том числе 6 — в столицах, 3 — НИУ, 13 — государственных и государственных технических университетов
59,6–56,0	16 вузов, в том числе 1 — НИУ, 2 — федеральные, 2 — филиала
55,9–42,5	11 вузов, в том числе 3 филиала

На примере группы «Машиностроение» (важнейшей для задач импортозамещения) можно составить среднестатистическую картину распределения по качеству приема, который проходил в 63 госуниверситетах (табл. 3). Налицо иерархия: селективные университеты (8) — ведущие в своей узкоотраслевой специализации вузы; инженерные факультеты классических/технических университетов (в столицах, областных, промышленных центрах) (28); полупериферия и периферия (27) с приемом менее 60 баллов, что ниже школьной тройки.

Реализуемая политика повышения качества образования, базирующаяся для массового сектора на технократических механизмах управления, ведется за счет накопления разного рода ресурсов в тех вузах, которые на старте каждого этапа обладают преимуществами их наличия, что способствует все большей вертикально-региональной разобщенности и неравенству вузовской сети.

К. И. Шарафадина[3], М. Е. Беломестнова[4], М. В. Рубичева[5]

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЦИФРОВОЙ ЭТИКЕТ» И СТРАТЕГИИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

В последние годы цифровая повестка прочно вошла в список приоритетных направлений деятельности БРИКС. В число приоритетов национального развития стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) входят развитие цифровой экономики и информационно-коммуникационных технологий, вопросы кибербезопасности, а также цифровая трансформация высшего образования, предполагающая создание единых стандартов. Изучение нынешних достижений и позиций стран-партнеров (не исключая учета серьезных достижений и других стран) по этим ключевым и связанным с ними частным проблемам приобретает особенную научную актуальность. Важным вопросом становится необходимость разработки и стандартизации социальной и правовой базы электронного образования в странах БРИКС, создания общей модели «цифрового университета», единой экосистемы цифро-

[1] Бюджетный прием-2022: средние баллы ЕГЭ по вузам // НИУ Высшая школа экономики : [сайт]. URL: https://ege.hse.ru/rating/2022/91645021/all/.

[2] Бюджетный прием–2022: средние баллы ЕГЭ по направлениям подготовки // НИУ Высшая школа экономики : [сайт]. URL: https://ege.hse.ru/rating/2022/91645072/all/?rlist=&ptype=1&glist=Машиностроение.

[3] Профессор кафедры журналистики и кафедры английского языка СПбГУП, зам. завкафедрой журналистики по научной работе, доктор филологических наук. Автор 250 научных публикаций, в т. ч.: «„Язык цветов“ и цветы в языке, литературе и культуре», «„Алфавит Флоры“ в образном языке литературы пушкинской эпохи: источники, семантика, формы», «Творчество А. С. Пушкина: два взгляда на пространство смысла» (в соавт.), «Жизнь культуры в универсуме слова» (в соавт.), «„Селам, откройся!“: Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы» и др. Член Международной ассоциации исследователей языка медиакоммуникации и Ассоциации медиалингвистов Ассоциации исследователей медиа, Российского профессорского собрания, Международного Тургеневского общества, Российско-франко-британского общества по изучению русской культуры (Франция, Париж). Отмечена благодарностями РАО и Законодательного Собрания Санкт-Петербурга.

[4] Доцент кафедры туризма и гостиничного бизнеса Финансового университета при Правительстве РФ, кафедры туризма Московского государственного университета спорта и туризма, кандидат педагогических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Современная цифровая образовательная среда вуза: стратегические задачи и проблемные зоны» (в соавт.), «Туристское образование в условиях трансформации отрасли: новые вызовы и возможности» (в соавт.), «Анализ проблемы информационной безопасности детей дошкольного возраста в семье» (в соавт.), «Инновационные направления в системе подготовки кадров для индустрии туризма и гостеприимства: отечественный опыт и европейская практика» (в соавт.), «Международный опыт организации безбарьерной среды на туристских объектах: опыт Германии» (в соавт.) и др. Действительный член Русского географического общества, член Национальной академии туризма и др.

[5] И. о. завкафедрой журналистики СПбГУП, доцент кафедры режиссуры мультимедиа. Автор 48 научных работ, в т. ч.: «Ценностные изменения профессиональной идеологии журналиста: ресурс традиций и прогноз развития» (в соавт.), «Медиацентризм современной культуры: неотменяемая данность или (не) утешительный прогноз?» (в соавт.), «Программные средства разработки интерактивных приложений», «Современный институт семьи в ценностно-педагогическом измерении» (в соавт.), «Лексикографический кругозор будущего журналиста и электронные словари нового поколения» (в соавт.), «Опыт преподавания практических дисциплин в дистанционном формате», учебника «Режиссура интерактивных игр» (в соавт.). Награждена почетными грамотами Министерства науки и высшего образования РФ, Федерации независимых профсоюзов России.

вых инструментов и сервисов, единых стандартов цифровых компетенций и образовательных услуг[1].

Современные правила участия в социальном поведении в онлайн-взаимодействии предполагают цифровую компетентность (цифровую грамотность) и регулируются цифровым этикетом, понимаемым как цифровые социальные нормы поведения в данной среде[2].

В последние годы цифровой этикет становится в международном научном поле все более востребованной и обсуждаемой темой. Зарубежными исследователями в 1990-е годы было предпринято немало попыток определить общие стандарты сетевого этикета. Недавний систематический обзор литературы резюмирует дискурс в этой области[3].

В 1994 году появилась первая книга о поведении в Сети — «Нетикет» В. Ши, которая определяла правила поведения в киберпространстве[4]. В 2007 году американец Тим О'Рейли создал кодекс поведения для блогеров Blogger's Code of Conduct, в котором были сформулированы основные правила поведения в Сети.

Российские исследователи обратились к проблеме цифрового этикета несколько позже. Сегодняшнюю трактовку этого понятия сформулировала О. В. Лукинова в своей книге 2020 года «Цифровой этикет. Как не бесить друг друга в Интернете». Она утверждает, что «современная цифровая вежливость — это уже не просто необходимость избегать бранных выражений… это такое взаимодействие, которое не будет доставлять собеседнику лишних неудобств, сделает общение эффективным и сэкономит всем силы, время и трафик»[5].

Как отмечают и российские, и зарубежные исследователи, цифровой этикет — более широкое понятие, чем сетевой этикет. Цифровой этикет регламентирует коммуникацию в сетевом письме, поведении и речи в нормативно-этическом аспекте с учетом специфики Web 3.0.

Китайский исследователь Ш. Су отмечает, что этикет проявляется — для уважения как себя, так и собеседников — в определенных правилах, процедурах в процессе общения, среди прочего и в цифровой действительности[6].

Анализ научных работ зарубежных авторов по проблемам цифрового этикета показал, что чаще всего исследования посвящены тому, как появился цифровой этикет и что это такое; анализу регламентов в социально-сетевом пространстве; правилам общения в соцсетях и программах видео-конференц-связи, используемых в том числе и в образовательном процессе.

При этом зарубежные исследователи меньше внимания уделяют анализу особенностей цифрового этикета в высших учебных заведениях, специфике цифрового взаимодействия студентов с преподавателями.

Российские авторы Р. И. Мамина, Е. В. Пирайнен, О. В. Лукинова, Г. В. Валеева, С. Н. Почебут, белорусский исследователь Т. А. Мейкшане и другие активно исследуют проблему цифрового делового этикета в организациях высшего образования[7].

Этикет в цифровой образовательной среде имеет свои особенности. Под цифровой образовательной средой понимается совокупность условий для реализации образовательных программ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий с учетом функционирования электронной информационно-образовательной среды, включающей электронные информационные и образовательные ресурсы и сервисы, цифровой образовательный контент, информационные и телекоммуникационные технологии, технологические средства и обеспечивающей освоение студентами образовательных программ в полном объеме независимо от места их проживания.

Исследователи из российских вузов проводили в последние годы (2020–2024) опросы и анкетирование студентов, позволяющие выявлять проблемы, связанные с коммуникацией в Сети.

В 2023 году авторами доклада был проведен опрос студентов и преподавателей московских и петербургских высших учебных заведений, выявляющий степень сформированности цифровых компетенций. Свой уровень владения цифровыми компетенциям на отлично оценили лишь каждый десятый из студентов-респондентов и каждый пятый из преподавателей.

Ни один преподаватель не посчитал, что его студенты пользуются цифровым этикетом на отлично. При этом треть опрошенных студентов и преподавателей отметили, что им были бы интересны семинары/мастер-классы/курсы по цифровому этикету.

В Рамке цифровых компетенций для граждан Европейской комиссии сетевой этикет определяется как

[1] *Плетьяго Т., Антонова С.* БРИКС в создании цифровой образовательной среды: социальные и правовые аспекты «новой нормы» // Юридический журнал БРИКС. 2023. № 10 (2). С. 101–122. URL: https://doi.org/10.21684/2412-2343-2023-10-2-101-122 (дата обращения: 09.04.2024).

[2] См. также: *Беломестнова М. Е., Шарафадина К. И.* Цифровой этикет в университете: формирование эффективного онлайн-взаимодействия // Вестник СПГУТД. Сер. 3. 2023. № 3. С. 69–75.

[3] Netiquette: Ethic, education, and behavior on internet — a systematic literature review / R. Soler-Costa, P. Lafarga-Ostáriz, M. Mauri-Medrano, A.-J. Moreno-Guerrero // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18 (3). P. 1212.

[4] *Shea V.* Netiquette. San Francisco : Albion Books, 1994. URL: http://www.albion.com/netiquette/book/TOC0963702513.html (дата обращения: 24.02.2024).

[5] *Лукинова О. В.* Цифровой этикет. Как не бесить друг друга в Интернете. М. : ЭКСМО, 2020.

[6] *Су Ш.* Этикет должен быть на первом месте в цифровую эпоху // Правовая система и общество : издание Sharp Vision. 2016. С. 4.

[7] *Валеева Г. В.* Цифровой этикет в виртуальном образовательном пространстве университета // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2022. № 3 (43). С. 104–115 ; *Лукинова О. В.* Указ. соч. ; *Мамина Р. И.* Этикет и его измерения в информационном обществе // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2018. Вып. 2. С. 204–216 ; *Мамина Р. И., Пирайнен Е. В.* Цифровой деловой этикет в дистанционном формате высшего образования // Studia Humanitatis Borealis. 2020. № 4 (17). С. 15–20 ; *Мамина Р. И., Царева С. И.* Цифровой этикет в структуре корпоративной культуры современной организации: философско-культурологический аспект // Философские науки. Дискурс. 2018. № 4. С. 22–29 ; *Мейкшане Т. А.* Цифровой этикет и развитие коммуникативных навыков у студентов // Медиаисследования 2020 / под ред. Т. А. Семилет, И. В. Фотиевой. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2020. С. 197–200 ; *Почебут С. Н.* Цифровой этикет: образовательные стратегии // Дискурс. 2022. Т. 8, № 4. С. 42–50.

компетенция, благодаря которой граждане должны знать поведенческие нормы и ноу-хау при использовании цифровых технологий и взаимодействии в цифровой среде.

Международное общество технологий в области образовательных стандартов (ISTE) предлагает студентам рекомендации, которые помогут им стать эффективными цифровыми гражданами и участниками глобального сотрудничества.

Американская организация Common Sense Media разработала учебные программы по цифровому гражданству для воспитанников детских садов и для учащихся 1–12-х классов.

Media Power Youth — образовательная организация, предлагающая широкий спектр учебных программ и тренингов для формирования ответственных «цифровых граждан».

На сайтах многих зарубежных вузов размещены памятки по цифровому этикету. Например, в Университете им. Иоганна Вольфганга Гёте (Франкфурт-на-Майне, Германия) разработан специальный кодекс этикета цифрового общения, декларирующий уважительное общение как основу взаимодействия людей в цифровых пространствах. Правила цифрового этикета сгруппированы по следующим направлениям: запрет оскорблений и дискриминации в Сети; уважение конфиденциальности и авторских прав; отказ от размещения рекламы и постороннего контента; сознательность при использовании цифровых коммуникационных пространств; защита несовершеннолетних.

Анализ сайтов российских вузов показал, что кодекс цифрового поведения на них на сегодняшний день отсутствует. В то же время разработаны учебные курсы и образовательные практики, направленные на знакомство с цифровым этикетом, проводятся мастер-классы.

Например, в учебных программах Российского университета транспорта есть дисциплина «Деловые коммуникации и цифровой этикет», в Тюменском индустриальном университете — «Цифровая этика и этикет», в Российском экономическом университете им. Г. В. Плеханова предлагается дополнительная образовательная программа «Цифровой этикет и современные цифровые коммуникации».

Существует просветительский проект «Цифровой ликбез», который помогает повысить цифровую грамотность и узнать больше о кибербезопасности в Сети. Проект создан при участии цифровых компаний-лидеров (VK, Сбер, Лаборатория Касперского и др.) и состоит из коротких видеороликов по возникающим в Сети ситуациям, в том числе связанным с цифровым этикетом.

В СПбГУП на кафедре журналистики в 2023/24 учебном году разрабатывается ВКР по направлению бакалавриата в виде действующего проекта интернет-ресурса по проблемам безопасности в Сети для детей и подростков.

Принципы онлайн-общения в образовательном учреждении аналогичны принципам живого общения, но есть и важные отличия[1]. Многие из нас привыкли общаться онлайн с помощью электронной почты и частных и неформальных платформ. Хотя крайне редко кто-либо преднамеренно ведет себя неподобающим образом в Сети, действия могут причинить непреднамеренный вред, поэтому стоит задуматься об ожиданиях и нормах ответственного общения в Сети.

Студенты должны осознать важность цифрового этикета и научиться правильно использовать его в реальной ситуации. Все невербальные индикаторы, на которые мы раньше полагались, такие как язык тела, жесты рук и эмоции на лице, теперь должны быть расшифрованы на экране из-за огромных изменений в онлайн-общении.

Задача преподавателя вуза — помочь обучающемуся овладеть навыками цифрового этикета в конкретных ситуациях, освоив общие регламенты. Отсутствие четких общих правил работы обучающихся с цифровыми технологиями приводит к отказу от личной ответственности за действия и их результаты («это вина системы»).

Несмотря на усилия, предпринимаемые для решения этих проблем в рамках законодательных и нормативных актов, обществу в целом необходимо надлежащим образом и динамично формировать «цифровую этику», чтобы поддерживать и дополнять то, что достигнуто в сфере регулирования.

[1] См. об этом подробнее: *Беломестнова М. Е., Шарафадина К. И.* Современная цифровая образовательная среда вуза: стратегические задачи и проблемные зоны // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та технологии и дизайна. Сер. 3. Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2. С. 90–97.

Н. Н. Ярошенко[1]

ПЕДАГОГИКА КУЛЬТУРЫ В ПОСТБОЛОНСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ[2]

Современный этап развития педагогической науки свидетельствует о возрождении роли культуры в области наук об образовании. Культура является неотъемлемой частью всех уровней научного осмысления педагогической деятельности. Сегодня трудно представить педагогическую науку, а тем более педагогическую практику без связи с культурой и вне ее контекста! Педагогика чутко реагирует на изменения внешней среды, оставаясь при этом достаточно стабильным компонентом современной культуры.

Подготовка кадров для отрасли культуры по условиям Болонского процесса представляет собой двухступенчатую систему высшего образования. Этот подход стал общеевропейским в 1999 году после подписания декларации о формировании «Зоны европейского высшего образования» в Болонье, Италия. Главная цель этого подхода — усиление конкурентоспособности европейских вузов в мировом масштабе. Изначально этот подход включал 29 стран Европы, а на сегодняшний день — более 50 стран. В 2003 году Россия присоединилась к Болонской системе, а в июле 2022 года Болонская группа приостановила участие вузов нашей страны в этом процессе. 1 февраля 2023 года Президент России В. В. Путин в Послании Федеральному собранию предложил отказаться от Болонской системы образования и вернуться к традиционной системе высшего образования в России со сроком обучения от 4 до 6 лет.

Сегодня, казалось бы, переход на эту модель должен был случиться сам собой и без особых трудностей. И если говорить о сроках обучения, то для творческих специальностей 6 лет — это оптимальный срок обучения.

Однако поставленная В. В. Путиным задача возвращения к лучшим традициям российского высшего образования гораздо сложнее — она требует глубокого осмысления базовых оснований для отечественного образования, укорененного в российской культуре, а также выхода за рамки чисто бюрократических решений и формирование системы мер, в которые должны быть глубоко вовлечены непосредственные участники образовательной деятельности.

Трудно однозначно ответить на вопрос, что дал Болонский процесс отечественным вузам в целом и творческим в частности. Скорее всего, результат только один — разрушение советской модели высшего образования, формирование системы тотальной имитации процесса формирования знаний, умений и навыков под прикрытием идеологии компетентностного подхода.

В XX веке в трансформации образовательных систем России отчетливо выделяются главные этапы — это отказ от одноступенчатой модели высшего образования (специалитет) и формирование двухступенчатой образовательной системы (бакалавриат и магистратура), а в перспективе — создание многоступенчатой модели.

Очевидно, что Болонская образовательная модель не только изменила формы организации образовательного процесса, но и затронула все аспекты высшего образования. Более глубокие и менее явные изменения произошли на уровне целеполагания российского образования. Сформировалась ценностная релятивность в целевом блоке высшего образования, допускающая возможность его нравственной нейтральности, расфокусированности личностной ответственности обучающегося и обучающего. И это уже труднее исправить, нежели просто изменить сроки подготовки специалистов, поскольку ценностно-целевые сдвиги в системах образования, по сути, становятся триггерами негативных изменений в культуре.

Полагаем, что отказ от Болонской системы — это не столько отказ от организационной формы, сколько включение самозащиты отечественной культуры, частью которой является образование. Вектор научных исследований ценностно-смысловых трансформаций образовательных систем в первой четверти XXI века должен стать приоритетным для философов культуры, историков и теоретиков образования.

Сущностную, экзистенциальную угрозу болонского образовательного эксперимента острее других отраслевых систем ощутила и быстрее других осознала система образования в сфере культуры. Именно поэтому в сфере культуры и искусств в самом начале реформ удалось частично сохранить специалитет по ряду специальностей искусства. Однако и здесь разбалансировка образовательных моделей подтверждается многочисленными примерами: от отмены вступительных испытаний по творческим направлениям подготовки до фактического устранения вузовского сообщества от влияния на разработку образовательных стандартов, которые для сферы культуры и искусств создаются по тем же макетам, что и для всех других направлений вузовской подготовки.

Что же касается содержания образования, то оно резко оторвалось от смыслов и задач, выдвигаемых российской педагогикой культуры. И вот здесь предстоит сшивать расползшуюся ткань образовательной традиции, восстанавливать смысл и морфологию педагогики культуры.

Научный статус этого понятия определяется вектором междисциплинарной рефлексии культурных аспек-

---

[1] Проректор по научной и инновационной деятельности Московского государственного института культуры, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Многофункциональные культурные центры в дискурсе современной российской культуры» (в соавт.), «Ценностно-смысловое содержание социально-культурной деятельности в современной России» (в соавт.), «Индустрия досуга: теоретические подходы и актуальные практики» (в соавт.), «Библиотечная история: современное состояние и перспективы изучения» (в соавт.), «Социально-культурная деятельность в современном гуманитарном дискурсе» (в соавт.) и др. Награжден Почетной грамотой Министерства культуры РФ.

[2] Доклад подготовлен на основе: *Ярошенко Н. Н.* Педагогика культуры в понятийно-терминологической системе общей педагогики // Вестник МГУКИ. 2024. № 1 (117). С. 109–119.

тов педагогической деятельности и педагогических процессов в сфере культуры.

Само понятие «педагогика культуры» не могло не появиться в контексте становления философии образования, открыто и широко размышляющей о сущности феномена культуры, личности как субъекта культуры.

Наиболее полное выражение этой идеи в отечественной философско-педагогической традиции можно найти у С. И. Гессена[1]. Его стремление дать культурно-антропологическое объяснение процессам образования восходит к уникальной отечественной традиции К. Д. Ушинского и других русских педагогов и философов. В процессе становления личности С. И. Гессен выделял несколько стадий, восходящих от биологического, социального и духовного уровней к высшему — благодатному. Педагогика культуры в этом контексте есть путь восхождения от природного начала к культурному, раскрывающему сущность человека[2].

Философская идея педагогики культуры апеллирует к культуре как универсалии, определяющей все стороны образования, процессы освоения культуры личностью и сотворения, продолжения ею культуры.

Идея педагогики культуры находит отражение не только в содержании отдельно взятых понятий «педагогика» и «культура», но и на их взаимопересечении, рождающем новые оттенки, новые параметры оценки педагогических явлений.

Конкретизация понятий, созданных путем сопоставления понятий «культура» и «педагогика» («педагогика культуры», «педагогическая культура»), — это самостоятельный и достаточно важный сюжет для анализа. Полагаем, что для выявления соотношения этих понятий нужно обратиться к объяснительному потенциалу наук, связанных с ними, — культурологии и педагогической науки.

В широком смысле «существует одна общая педагогика»[3], объектом которой является педагогическая деятельность. Деление педагогики на определенные разделы по родовым признакам дает возможность отдельно рассматривать методологию, теорию, историю педагогики, дидактику, теорию и методику воспитания и другие области педагогической теории и практики. Эти области не обязательно должны быть иерархически упорядочены и не могут полностью охватить всю сложность педагогики как целостной и самостоятельной области знаний.

Педагогика культуры является видовой по отношению к общей педагогике. И наоборот, педагогика культуры гораздо шире, чем, например, педагогика искусства, часть которой составляет художественное образование[4]. И признание этого ставит вопрос о том, что еще кроме педагогики искусства составляет подвид педагогики культуры? То есть закономерен вопрос о том, каков ее подвидовой состав?

Полагаем, что состав социокультурных практик, отвечающих за функционирование педагогических систем в сфере культуры, обеспечивают несколько подвидов педагогических систем, как минимум:

Общая педагогика (родовое понятие)
Педагогика культуры (видовое понятие)
Подвиды педагогики культуры:

Педагогика искусства и художественного образования.

Педагогика библиотечно-информационной деятельности.

Педагогика социально-культурной деятельности.

Педагогика народного художественного творчества.

Музейная педагогика.

Медиапедагогика.

…и, возможно, др.

Научно-теоретический аспект состава педагогики культуры может определяться методологией, теорией и знанием специальных педагогических технологий, причем как в общем контексте, так и в каждой из составляющих.

Педагогика культуры частично нашла отражение в «Перечне актуальных тематик диссертационных исследований в области наук об образовании», подготовленном Российской академией образования и Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России[5]. Среди актуальных направлений, ориентированных на культуру, можно выделить, например, следующие: динамика образования на различных этапах жизненного пути человека; социокультурные эффекты образования; межкультурное, этнокультурное воспитание в современном мире; педагогические аспекты организации социально-культурной деятельности обучающихся; взаимодействие теории, методики и практики предметного и дисциплинарного образования с отраслями науки, культуры, технологий, производства и др.

Эти и ряд других направлений глубоко и емко характеризуют культурное измерение современного образования и направленность воспитательных практик. Обращает на себя внимание актуализация культурного компонента в предлагаемых тематиках диссертационных исследований: «Исследование социокультурной обусловленности динамики образовательной траектории развития человека на различных этапах жизненного пути»; «Воспитание молодежи в различных социокультурных условиях»; «Воспитание обучающихся в совместной культурно-досуговой деятельности детей и взрослых»; «Методология и методы гражданско-патриотического воспитания как социокультурного фактора обеспечения безопасности страны»; «Методология исследования социального развития обучающихся с учетом динамики социокультурных процессов» и др.

Вместе с тем отметим, что предложенный набор актуальных тематик в основном сконцентрирован на

[1] *Гессен С. И.* Основы педагогики: Введение в прикладную философию : учеб. пособие для вузов. М. : Школа-пресс, 1995.

[2] *Щедровицкий П. Г.* «Социальное» и «культурное» в педагогике Сергея Гессена // Вопросы философии. 2023. № 8. С. 26–34.

[3] *Полонский В. М.* Понятийно-терминологический аппарат педагогики и образования // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2017. № 2 (12). С. 58.

[4] См.: *Савенкова Л. Г.* Дидактика художественного образования как составляющая часть педагогики искусства: новое знание : учеб.-метод. пособие. М. : Ин-т худож. образования и культурологии РАО, 2011.

[5] Перечень актуальных тематик диссертационных исследований в области наук об образовании / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации ; Российская академия образования ; Высшая аттестационная комиссия при Минобрнауки России. М., 2023.

использовании категории «культура» в ее оценочном значении как характеристики качества и практически оставляет за скобками специализированный и хорошо институализированный сегмент культуры, выполняющий важнейшие педагогические функции: культурно-просветительные, культурно-воспитательные, культуротворческие и др. Речь может идти даже об особой педагогической системе большого, государственного уровня, выделяемой по ее ведомственной принадлежности Министерству культуры Российской Федерации.

Сфера культуры — это особая педагогическая система, которая определяется формально своим ведомственным статусом, а также своей организационной, функциональной спецификой и рядом других системных параметров. При этом сфера культуры является подсистемой общей системы образования.

Ключевыми характеристиками педагогики культуры должны стать такие системные параметры, как социальное назначение, функциональная направленность, институциональная организация и масштаб.

В современной российской педагогической науке сформировалось достаточно устойчивое представление о видах и типах педагогических систем, которые нуждаются в понятийно-терминологической атрибуции, в том числе, возможно, и за счет введения понятия «педагогика культуры»; если выводить эту типологию на уровень формирования новой научной специальности по педагогическим наукам, то допускаем, что она может быть определена как «методология педагогической деятельности в сфере культуры» или даже, почти повторяя старые формулировки некоторых научных специальностей, — «теория, методика и организация педагогической деятельности в сфере культуры».

В этом рабочем названии отражена предметная специфика педагогики культуры, которая конкретизируется в рамках особой педагогической системы, определяемой как сфера культуры. При этом культура выступает не только как ценностно-смысловая основа всех процессов обучения, воспитания и развития, но и как уникальная система институтов, специализированных связей и видов деятельности, которые в совокупности следует рассматривать как частный случай общей педагогической практики.

Сфера педагогики культуры глубоко интегрирована с системой подготовки кадров для сферы культуры — и здесь-то и предстоит серьезная трансформация, связанная с постболонской перспективой развития отечественного высшего образования.

Подводя итоги, отметим, что в постболонской перспективе особенно ясно видится задача выявления и охранения уникального отечественного опыта создания системы образования и воспитания человека культуры в условиях организации социокультурных практик — педагогики культуры.

Педагогика культуры формирует содержание образования и институализирует его формы.

Педагогика культуры возможна, прежде всего, как идея, максимально связывающая осознанный и целенаправленный процесс помощи личности в освоении культуры и процесс сотворения, продолжения культуры.

Если возможна идея педагогики культуры, то она должна иметь параметры реализации, которые конкретизируются на уровне параметров педагогической системы, педагогической деятельности, педагогического процесса, средств реализации и так далее и, конечно же, на уровне морфологии, то есть составных частей.

Предлагаемое нами введение видового понятия «педагогика культуры» отражает поворот педагогической науки к исследованию закономерностей образования и воспитания в институциях сферы культуры. Педагогика культуры — это один из видов родового понятия «педагогика». Педагогика культуры имеет в своем составе уникальные подвиды, раскрывающие специфику педагогической деятельности организаций культуры (театров, музеев, филармоний, библиотек, клубных учреждений и др.)[1].

Говоря о педагогике культуры, полагаем возможным рассматривать обобщающую видовую ветвь общей педагогики, конкретизированную в методологии, теории, методике педагогической деятельности в сфере культуры.

Наше стремление гармонично вписать культуру в категориально-понятийный аппарат педагогики совпадает с потребностью педагогической науки иметь не просто набор понятий, а полную и эвристичную систему, работоспособный аппарат непрерывно продолжающегося педагогического поиска, требующего дальнейшего осмысления в постболонской перспективе.

[1] *Ярошенко Н. Н.* Педагогическая имплементация понятия «социально-культурная деятельность // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2021. № 5 (103). С. 124–136.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Е. В. АНДРИЕНКО	заведующая кафедрой педагогики и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
А. Д. КОРОЛЬ	ректор Белорусского государственного университета (Минск), доктор педагогических наук, профессор
В. И. КРАСИКОВ	главный научный сотрудник научного центра Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России, Москва), доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
Е. Л. КУДРИНА	ректор Московского государственного института культуры, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ
О. Е. ЛЕБЕДЕВ	доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО (Санкт-Петербург)
Л. М. МОСОЛОВА	профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, Заслуженный работник высшей школы РФ
С. В. ПАЗУХИНА	заведующая кафедрой психологии и педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, доктор психологических наук, доцент, Почетный работник воспитания и просвещения РФ, профессор РАО
Л. И. УКОЛОВА	профессор департамента музыкального искусства Московского городского педагогического университета, доктор педагогических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ
Л. И. ФИШМАН	декан факультета экономики, управления и сервиса Самарского государственного социально-педагогического университета, главный научный сотрудник Самарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, доктор педагогических наук, профессор
Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО	главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), доктор социологических наук
Н. Н. ЯРОШЕНКО	проректор по научной и инновационной деятельности Московского государственного института культуры, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, доктор педагогических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, как председатель Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений приветствую участников шестой секции.

Я занимаюсь педагогикой с 26 лет. В свое время работал начальником подросткового лагеря, в общественных организациях, профессионально — в комитете комсомола.

Тридцать три года работы в качестве ректора СПбГУП — это большой социально-педагогический эксперимент. Причем чрезвычайно успешный, что выражается в разных показателях. В конце 1990-х годов Петербург выдвинул коллектив ученых нашего вуза на государственную премию за концепцию культуроцентристского образования. Тогда ректоры московских вузов сказали, что надо подождать лет двадцать и посмотреть, какие плоды она даст. Это время настало. Я получил премию Правительства РФ (2007) и две премии Правительства Санкт-Петербурга (2010, 2016) в области образования.

Если рассказать о нашем успехе в цифрах, то конкурс в СПбГУП — самый высокий в Санкт-Петербурге, в два раза выше, чем в следующей за нами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, где он составляет 40 человек на место, а у нас 76. Выпускники СПбГУП последние 20 лет демонстрируют стопроцентное трудоустройство.

Мы были вынуждены создать культуроцентристскую концепцию образования, потому что в 1991 году, когда Советский Союз распался и меня назначили ректором, было непонятно, как воспитывать студентов. А делать это было необходимо, потому что образование с точки зрения классической педагогики еще со времен Древней Греции складывается из обучения и воспитания. Если нет воспитания, то нет и образования, есть только обучение. Но это неполноценная форма образования для людей, которые хотели бы получить диплом о высшем образовании. Государство же отказалось от воспитания, сведя образования к обучению, и от идеологии.

На мой взгляд, это чудовищная ошибка, потому что люди не могут жить без идеологии.

Зачем идеология нужна в педагогике? Она должна определять цели воспитания. В Советском Союзе накануне его распада в 1991 году, на мой взгляд, было не только лучшее в мире образование, но и лучшая педагогическая теория. Олег Ермолаевич Лебедев справедливо утверждает, что мы должны сверять свои позиции с педагогическими теориями других стран мира и анализировать их опыт. Была разработана концепция педагогической системы, которая включала субъекта и объект воспитания (субъект — тот, кто воспитывает, объект — тот, кого воспитывают; потом объект может стать субъектом самовоспитания), и определено все, что происходит между воспитуемым и воспитателем: цели, задачи, методы, формы воспитания, содержание воспитательного процесса, педагогические условия и т. д. Все это называется педагогической системой и работает только в одном случае — если является системой и имеет системообразующую цель — воспитание. В случае если государство отказывается от цели, разрушается и педагогическая система.

Тридцать три года назад мы оказались в сложной ситуации: что делать, когда нет цели? До этого мы жили в условиях, когда цель существовала и предполагала воспитание гармонически развитой личности. К этому идеалу надо было стремиться. И коллектив педагогов помогал студентам в достижении этой цели.

Несколько лет мы работали над решением этой проблемы: провели исследование проблематики интеллигенции (пытались ответить на вопрос, кто такой интеллигент, раскрыть историю и сущность интеллигенции), дискутировали и искали идеал. Несмотря на то что государство не формулировало идеологию и не задавало цели, мы решили, что все равно будем заниматься воспитанием.

Что такое культуроцентристская концепция? Она определяется магистральным вектором развития культуры общества и позволяет эффективно совмещать обучение и воспитание. При этом воспитательный процесс осуществляется за счет приобщения студентов к лучшим образцам отечественной и мировой культуры, постоянных контактов с выдающимися личностями во всех областях знания. Культура в широком понимании — все, что создано руками и разумом человека за всю историю человечества. Позже появилось более 600 определений культуры. Но мы оттолкнулись от первого: мы должны воспитывать студентов, руководствуясь определяющим вектором развития культуры.

Главный вопрос, который приобретает остроту в процессе перехода от модернизма к постмодернизму: кто определяет магистральный вектор развития культуры, в соответствии с которым нужно строить воспитательный и образовательный процесс? Если власти этого не делают, то этим займемся мы — педагогический коллектив.

Когда было что обсуждать и нас обуревали сомнения, мы проводили заседания Ученого совета. Например, до того, как открыть первый в Санкт-Петербурге православный храм в вузе, велись жаркие споры, потому что в состав Ученого совета, кроме православных, входят мусульмане и последователи иудаизма, люди разных национальностей и разного вероисповедания. Мы открыли храм Русской православной церкви, а как быть представителям остальных религий? Как религия будет сочетаться со светским образованием? Тогда членом Ученого совета стал настоятель Николо-Богоявленского собора отец Богдан. А 24 мая, в День славянской письменности и культуры, который отмечается в день памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, мы освятили наш Университет.

Мы выстроили систему ценностей, которая определяет отношение студентов к жизни. Надо сказать, что сегодня мы оказались востребованы в рыночной системе. Перед нами стояла задача — сохранить все лучшее, что было в образовании при социализме, но адаптировать его к новым условиям. Так как жизнь изменилась, система образования не могла оставаться прежней. Мы уверенно вступили в XXI век и демонстрируем хорошие показатели, которые даются довольно тяжело.

На заседании секции будет обсуждаться интереснейшая тема. Желаю вам успехов!

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Название нашей секции «Российское образование на новом рубеже эпох» дает возможность говорить о разных явлениях: рубеж всегда новый, образование всегда в долгу, как и искусство. Накопилось много проблем, которые нужно обсудить. Прошу сегодня сосредоточиться на следующем аспекте — что российское образование может дать БРИКС. Сегодня это объединение — скорее идея, проект, в известной части мысленный. В такого рода союзах всегда встает вопрос об интеграции образования, сопоставлении, сравнении, обмене позитивным или негативным опытом. Негативный опыт не менее ценен, чем позитивный, потому что позволяет избежать ошибок.

В ходе ознакомления с докладами участников секции мое внимание привлек текст Николая Николаевича Ярошенко, проректора Московского государственного института культуры, в котором используется словосочетание «постболонский период». Это новое и очень точное выражение. Мы сейчас выходим из Болонского процесса, но при этом никогда в него не входили. Мы выхватили из этого процесса отдельные явления, в итоге нашей системе образования был нанесен большой урон. Из этого нужно сделать выводы тем, кто будет пытаться интегрировать системы образования БРИКС.

В российской системе образования существует много внутренних проблем, связанных с ее восстановлением в постболонский период, структурой, уровнем и методиками.

Мне пришлось вникнуть в проблему фондов оценочных средств, представляющих собой перечень контрольно-измерительных материалов, типовых заданий для практических занятий, контрольных работ, зачетов, экзаменов. С их помощью мы проверяем остаточные знания. Проблема в том, что система всегда работает на достижение фиксированного показателя — это минимум, остаточные знания. Поэтому она всегда будет выдавать минимум. И, может быть, это бóльшая беда, чем Болонский процесс.

Как проверяются остаточные знания? С помощью тестов. Это знание узнавания. С такой задачей замечательно справляются обезьяны, которые различают круглое и квадратное. Министерство образования повсеместно внедряет тесты. А как проверить знания с помощью тестов, например, у хореографов, где знание — это исполнение танца?

Есть много вопросов, которые являются профессиональными, но они влияют на большой круг проблем, связанных со смыслами, целями и ценностями образования. Все их, конечно, не объять, но поговорить об этом нужно — это всегда дает результат.

Слово предоставляется Олегу Ермолаевичу Лебедеву — легендарной фигуре в области российского образования, члену-корреспонденту РАО.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Тема моего выступления — «Суверенитет системы общего образования в многополярном мире». Тезисно я хотел бы остановиться на нескольких проблемах, которые, с моей точки зрения, касаются этой темы.

Суверенитет общего образования в многополярном мире в полном смысле невозможен, поскольку в таких условиях меняется структура содержания общего образования.

В ней можно выделить по крайней мере четыре компонента. Первый — глобальный компонент, те элементы содержания образования, которые неизбежно будут осваиваться во всех странах. Речь идет о том, что теорема Пифагора и в Африке теорема Пифагора. Есть общие знания, которые создают возможности для межкультурного взаимодействия в многополярном мире. Второй компонент — национальный, отражающий достижения национальной культуры и ее проблемы. Третий компонент — региональный, поскольку в каждом регионе есть свои особенности, достижения и проблемы. И само общее образование осуществляется в определенной образовательной среде, на которую влияют этнорегиональные особенности. Четвертый компонент общего образования, который сейчас отчетливо складывается, — личностный. С этой точки зрения у каждого может быть свое образование — личный опыт, возможности, которые приобретаются с образованием.

Вместе с тем, когда мы говорим об общем образовании, акцент, вероятно, надо сделать на том, что это не профессиональное образование, а то общее, что объединяет людей вокруг всеобщих ценностей. В этом заключается значимость образования, в том числе в многополярном мире.

В ситуации перехода к многополярному миру возникает вопрос: какое место национальная система образования занимает в многополярном мире? Когда мир был биполярным, ситуация была понятной. Система образования в социалистическом мире, в частности советская, — лучшая. Система образования в капиталистическом мире нам не подходит, и мы ничего не хотим о ней знать. А если что-то и хотим знать, то только для того, чтобы подчеркнуть достоинства собственной системы.

Сегодня, когда происходит переход к многополярному миру, вопрос о роли национальной системы рассматривается иначе и речь скорее идет о вкладе национальной системы в развитие общей системы многополярного мира. Если говорить о российской системе образования, то у нее есть основания для такого вклада. Обычно в этом случае мы говорим о достижениях в области физико-математического образования, сфере дополнительного образования и т. д.

В дальнейшем, если российская система захочет внести свой вклад в развитие системы образования в многополярном мире, возникают дискуссионные вопросы. Какие изменения в рамках национальной системы общего образования происходят в базовом процессе? Организационная форма базового процесса, которая складывалась во всем мире, — одна, предметно-классно-урочная система. И если рассматривать общие тенденции, то при сохранении предметно-классно-урочной системы мы постоянно наблюдаем попытки выйти за ее рамки. С этой точки зрения вклад может

определяться тем, как мы работаем над модернизацией этой системы.

Несколько слов о явлениях и процессах, которые происходят в национальной системе образования и, с моей точки зрения, тормозят процесс модернизации предметно-классно-урочной системы.

Если отталкиваться от элементов базового процесса, то первое негативное явление, которое мы можем наблюдать на практике, — мифологизация возможностей учебного предмета, которая находит выражение, в частности, в предложении включить в учебный план школы предмет «Семьеведение», переделать «Основы безопасности жизнедеятельности» в «Основы безопасности жизнедеятельности и защиты Родины», сделать ЕГЭ по математике обязательным для поступления во все вузы страны и пр. Предполагается, что если мы включим одни предметы или переделаем другие, то это сразу позволит решить сложные социальные и педагогические проблемы, улучшит демографическую ситуацию, повысит результативность патриотического воспитания и качество общего образования вообще.

Второе явление, которое, с моей точки зрения, тормозит идеи развития базового процесса, — это детализация содержания образования до уровня урока. В программе «Разговоров о важном» представлена почти поминутная детализация. Изменения в образовательных программах лишают всякого смысла составление учителями-предметниками рабочих программ, учитывающих особенности конкретной ситуации. Это явление выступает тормозом для развития перспективных тенденций.

Третье явление касается класса как ученического сообщества детей одного возраста. В таком перспективном направлении образовательного процесса, как индивидуальные проекты, которые предоставляют возможность для проявления индивидуализации и творчества, сделана попытка перевести их в занятия со всем классом вместо индивидуализации процесса.

Четвертое явление относится к общей характеристике самого процесса. Это сохранение объемных количественных показателей освоения содержания образования. Чем больше обязательных для усвоения тем и внеурочных мероприятий, тем лучше.

Эти явления могут стать предметом общественного обсуждения, в результате которого могут быть выявлены возможности для увеличения вклада российской системы образования в общую систему, которая будет формироваться в условиях многополярного мира.

М. В. СОЗИНОВА: — К микрофону приглашается профессор Екатерина Леонидовна Кудрина.

Е. Л. КУДРИНА: — Московский государственный институт культуры испытывает те же проблемы, которые мы сегодня обсуждаем на заседании нашей секции, причем применительно не только к сфере образования, но и в целом к системе глобального мира и нашего жизнеустройства. Сегодня уже говорили о том, что культура играет важную роль в этих процессах. Александр Сергеевич наметил этот путь, и впервые на сегодняшнем мероприятии был задан ориентир культурного развития и образования.

Во многих передачах и документах, выступлениях наших лидеров рефреном проходит мысль «Культура — мягкая сила». Культура действительно является мягкой силой, посредством которой в сфере культуры (ее мировом и страновом развитии) и в области образования мы можем достичь позитивных решений, сформулировать предложения и направления деятельности, к которым стремятся страны БРИКС.

Обсуждая проблемы БРИКС как союза ряда стран, необходимо обратить внимание на то, что культура и образование в сфере культуры не должны оставаться в стороне.

Хотелось бы сказать несколько слов о переходе к постболонской системе, которая обозначена в целом ряде документов. Например, вузы, подведомственные Министерству культуры РФ (таковых в стране 51 из 600, то есть десятая часть всех вузов), с опаской смотрят на систему, которая начнет реализовываться с 1 сентября 2025 года. В запуске пилотного проекта по изменению уровней профессионального образования по указу президента участвуют пять вузов, которые не имеют отношения к такой специфической области образования, как сфера культуры и искусства. Мы будем полагаться на педагогический вуз, который в этом эксперименте участвует.

В 2025 году вузы должны перейти на новые ФГОС, а мы до сих пор не знаем, какими они будут — по-прежнему двухуровневыми или сохранится специалитет для вузов культуры и искусств по целому ряду направлений. В настоящее время наш вуз готовит специалистов по 53 направлениям и более чем 100 профилям подготовки. Из них десятая часть — это специальности, профильные направления подготовки: актеры, режиссеры, хореографы, музыканты. Как им перестраивать систему, под которую их пытались подвести? В свое время мы сохранили специалитет для целого ряда направлений, потому что переход к Болонскому процессу после 2003 года был непростым. Также мы сохранили содержание и аспекты образования, которые считали наиболее важными. А сегодня снова нужно перестраивать эту систему.

Мы не изолированы от других вузов и встроены в общую систему, с одной стороны, российского образования, а с другой — мировой системы образования. В странах СНГ выпускники нашего вуза работают практически во всех организациях культуры и в большинстве организаций искусства.

Каким образом в рамках стран БРИКС сделать так, чтобы выпускники по-прежнему гордились нашим образованием, а абитуриенты хотели учиться в нашей стране? А российские выпускники могли бы работать в тех странах, где можно применить свои профильные знания и компетенции. Поэтому мы будем рады, если войдем в круг тех учреждений, которые займутся сопряжением национальных систем образования в БРИКС.

Важно, чтобы в такой организации, как БРИКС, уделялось внимание образованию в сфере культуры и искусства и о нас не забывали, несмотря на то, что

творческих вузов — всего 10 % от общего числа, чтобы мы не находились на задворках процесса, происходящего в высшем образовании.

Наша задача — вместе в рамках БРИКС и других организаций на международном пространстве не только обсуждать проблемы, но и находить позитивное их решение.

М. В. СОЗИНОВА: — Слово предоставляется профессору Льву Исааковичу Фишману.

Л. И. ФИШМАН: — Уважаемые коллеги, я полностью согласен с Григорием Михайловичем в том, что на самом деле Болонская система у нас даже не вводилась. Поэтому, когда мы ее критикуем, давайте сначала ответим на вопрос: это критика самой системы или того вида, какой она приобрела у нас? Нельзя перенимать форму и при этом отказаться от содержания. Что же произошло на самом деле? Высшее образование в России остается профессиональным образованием без реальных академических уровней, как предусматривает Болонская система. Это как получить степень доктора педагогических наук, не имея диплома, позволяющего преподавать в начальной школе (в некоторых странах такое возможно).

Наша система образования чрезвычайно экономически неэффективна. Обучение в педагогическом вузе продолжается как минимум четыре года, но по многим предметам можно стать дипломированным преподавателем и альтернативным способом: окончить бакалавриат по другой специальности, а затем за год получить профессиональную педагогическую подготовку. Довольно странная ситуация.

Академик Лихачев в свое время сказал, что знания раскрывают перед нами двери, но войти в них мы должны сами. То есть задача человека — научиться применять полученные знания для тех или иных целей. Неслучайно Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования у нас называются компетентностными. Умения и навыки можно называть по-разному — hard skills, soft skills, профессиональные или универсальные компетенции. Но я хочу обратить внимание на то, что чем дальше человек продвигается по карьерной лестнице, чем выше его место в социальной иерархии, тем важнее становятся его soft skills — общие компетенции, которые, помимо прочих, выполняют функцию ресурса для профессионального роста и развития.

За примером далеко ходить не надо. Все мы так или иначе знаем Александра Сергеевича Запесоцкого и можем оценить его талант коммуникации, навыки обработки информации и решения проблем.

Однако я не согласен с одним из его утверждений — о том, что качество образования поддается измерению по любому параметру. На мой взгляд, при оценке образования необходимо различать результат и эффект. Если человек совершает правонарушение, это может быть не результатом, а непредусмотренным эффектом образования. Но я также убежден, что мы организационно в состоянии обеспечить достижение только тех результатов, которые можем измерить. У нас имеются компетентностные стандарты высшего образования, но мы не умеем оценивать, например, универсальные компетенции выпускника вуза.

Цели научного проекта, который мы выполняем в РАНХиГС, включают два этапа. Первый заключается в том, чтобы, опросив руководителей образовательных организаций — директоров школ и их заместителей, выяснить, какие конкретно универсальные компетенции требуются их работникам, то есть учителям, в трех областях — информация, коммуникация, решение проблемы. То есть сформировать профиль универсальных компетенций педагогов. Это уже сделано, и получены интересные результаты. Например, выпускникам учреждений среднего специального образования — педагогам начальной школы необходим более высокий уровень коммуникативной компетенции, чем выпускникам педагогического вуза. Это объясняется тем, что учителям младших классов приходится больше работать с родителями учеников. И директора это понимают.

На втором этапе мы пытаемся научиться измерять уровень сформированности этих компетенций у выпускников педагогических образовательных учреждений. Для этого мы, в частности, сделали обзор многочисленных зарубежных источников, в том числе стран БРИКС. Наиболее интересным нам представляется опыт Бразилии.

И мы сделали вывод, который противоречит практике, сложившейся в нашей высшей школе. Надо задать два ряда и построить матрицу. Один ряд — типичные профессиональные ситуации, в которых проявляются определенные компетенции специалиста; другой ряд — различные аспекты его деятельности. Например, человек находит информацию, перерабатывает ее, представляет — это аспекты его деятельности. На пересечении рядов матрицы получаются те ситуации с деятельностями, которые нужно оценивать.

В настоящее время мы переходим к экспериментальной части исследования. Будем в трех педагогических вузах разных регионов страны измерять и сопоставлять уровень сформированности этих универсальных компетенций будущих педагогов и их соответствие запросам работодателя.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Наша коллега и гениальный, на мой взгляд, ученый Галина Степановна Сухобская, доктор психологических наук, заинтересовалась вопросом, почему студентов педагогического вуза учат одинаково (скажем, в пределах группы), но потом все работают по-разному. И она выдвинула гипотезу, которая подтвердилась почти на 100 %: молодой специалист, как бы его ни учили, воспроизводит стиль работы педагога, у которого учился он сам. То есть повторяет подходы и практики своего учителя. Вывод: если он учился у талантливого педагога, то и сам будет работать успешно, а если ему в свое время не повезло, то можно посочувствовать и ему, и его ученикам.

А. Д. КОРОЛЬ: — С точки зрения философии образования мы здесь имеем дело с двумя фундаментальными фроммовскими категориями: быть или иметь;

субстанциональность как следствие атомистического мышления цивилизации западноевропейского типа или процессуальность, характерная для арабо-мусульманского и Дальнего Востока.

Л. И. ФИШМАН: — В высшем образовании мы должны в качестве результатов предъявить компетенции деятельности, а не сумму знаний, как это практически всегда происходит.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Центральная тема наших Чтений — БРИКС, но этот проект пока представляет собой отчасти некую идею и ожидания. Жизнь покажет, какие «родственные» отношения сложатся в рамках БРИКС. Но у нас есть Союзное государство России и Беларуси, и это реальность. Поэтому предлагаю послушать ректора Белорусского государственного университета Андрея Дмитриевича Короля.

А. Д. КОРОЛЬ: — Одна из тем моих исследований — монологичность в образовании как методическая проблема.

Сегодня человек в массе — это «человек одинаковый», потому что его уникальность закрыта. И он молчит, потому что ему нечего сказать своего, хотя мы живем в постоянном шуме, нарастающем не только от машин, но и от говорения. Но в этой цивилизации говорения человек не слышит другого, потому что плохо слышит самого себя. Например, знаменитые эксперименты американского социального психолога Филипа Зимбардо свидетельствуют о том, что в больших городах, там, где ритм жизни выше, а времени меньше, человек хуже слышит другого, и опять же по причине того, что он хуже слышит себя — он закрыт.

Человек видит мир с искажениями, потому что чем больше мы расширяем свое присутствие во внешнем мире, тем выше наши потребности. Реальность это и есть продолжение потребности — в этом сходятся психоаналитики, философы-когнитивисты и представители коммуникативной школы. Проблема слышимости и молчания действительно характеризует атомизацию общества и монологичность массового образования.

Монологичность массового образования, смыслы и цели которого ориентированы на передачу от источника-учителя, владеющего истиной, к реципиенту-ученику, представляющему собой подобие табула раса, это и есть ситуация монолога, когда ученик лишен возможности проявить свою субъектность на этапе постановки целей, рефлексии, созидания своего образовательного продукта и собственного содержания образования.

Олег Ермолаевич в своем выступлении сказал, что есть внешнее содержание образования, но мы стоим перед необходимостью формализовать его внутреннее содержание, а оно очень разное. Субъект-объектная передача информации от источника к реципиенту является следствием того, что ученик становится молчащим, потому что своего сказать ему нечего, более того, он становится подражающим.

Между тем все дети разные, но они получают одну и ту же информацию и должны давать одинаковые ответы на вопросы. Таково свойство системы тестирования. В Беларуси это централизованное тестирование, в России — ЕГЭ, но суть одна. Конечно, при этом выполняется проверка когнитивных и психических функций и процессов: насколько человек способен усвоить то, что ему преподают, до какой степени он в состоянии это интериоризировать. Но его субъектность при этом сокрыта.

Монологичный характер образования приводит не только к расширению внешних потребностей человека и одинаковости, но и к тому, что устраняется «инаковость» как поле для диалога.

А что такое самопознание? Это возможность выйти за свои пределы, посмотреть на себя со стороны и понять, кем ты не являешься. Я не могу это сделать, если рядом со мной такой же ученик, который говорит то же самое, когда ему сообщают тот же объем информации.

Глубинная проблема заключается в том, что имеются два фундаментальных методологических взгляда на природу человека: личность — это чистый лист либо семя неизвестного растения. Что надо дать, а что вырастить? Действительно, кому-то надо дать знания — например, стандарты медицинского образования подразумевают именно усвоение информации, а проявление инаковости или творческой активности может быть опасным. Но в целом критическое мышление — одна из базовых компетенций XXI века, и ее надо воспитывать, равно как и умение сотрудничать. Эффективно работать на прогресс невозможно, если пользоваться только уже имеющейся информацией. Мы говорим «передавать опыт», но на самом деле передается информация, а опыт выращивается изнутри.

Таким образом, монологичность приводит к тому, что закрытый человек, будучи объектом, а не субъектом, становится причиной того, что появляется огромная проблема стереотипа, подражания другому человеку: ученик молчащий, ученик подражающий. И поэтому постоянно увеличивается дистанция между человеком внешним и его визави — человеком внутренним, между общающимися людьми. То, что философы четко определяют как атомизацию, тоже заполняется симулякрами. Любая трансляция — это трансляция знака, а знак иллюзорен. Переход от трансляции к диалогичности, вовлечение ученика в субъект-субъектные отношения — вот что позволяет редуцировать количество иллюзий, шаблонов и соответственно проявить свое уникальное «я». Мне понравилась фраза, которую я однажды прочитал в социальных сетях: вы родились уникальным — не становитесь стандартным.

М. В. СОЗИНОВА: — К микрофону приглашается профессор Николай Николаевич Ярошенко.

Н. Н. ЯРОШЕНКО: — Дорогие друзья, когда-то мне довелось встретиться в ЮНЕСКО с одним из идеологов Болонского процесса. Он тогда говорил, что Болонскую систему необходимо внедрять таким образом, чтобы она не ломала национальных образовательных традиций. А вчера Ольга Юрьевна Васильева интеллигентно и тонко расставила акценты: переходя к пост-

болонской системе, мы должны исходить из наличия или отсутствия у нас определенных традиций в образовании и культуре. Мне же хочется взглянуть на этот вопрос с другого ракурса и рассмотреть не постболонскую перспективу (хотя это тоже интересно), а болонскую (или постболонскую) ретроспективу. Олег Ермолаевич сказал, что суверенитет в образовании невозможен. Но эта проблема не нова ни для России, ни для мира.

Прошлый год в России был объявлен Годом педагога и наставника, что было приурочено к 200-летию со дня рождения К. Д. Ушинского. В связи с этим было написано много текстов о вкладе Ушинского в развитие русской педагогики, о его наследии. В 1960-х годах он написал знаменитую книгу «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» на материале, собранном в путешествиях по Франции, Германии, Великобритании, Америке и другим странам. Так вот, вся «педагогическая антропология» Ушинского строится на заимствованиях из западной педагогики, изобилует идеями немецких, английских, французских мыслителей, но нигде мы не увидим в этих томах западника. Изучая зарубежный опыт и пытаясь реализовать его в России, Константин Дмитриевич сделал акцент на народном образовании. Он отстаивал воспитание и обучение на русском языке, что было необычно, поскольку привилегированные сословия обучались на иностранных языках, и это было нормой. Ушинский говорил о том, что английская школа на российской почве не может дать хорошего результата. Но тогда мы должны признать его славянофилом? Тоже нет. И здесь возникает уникальная культурная ситуация, новый культурный контекст, в котором Ушинский предстает как русский европеец. Для середины XIX века это было необычно, ново — западноевропейские идеи переносились в русскую культуру, но, трансформируясь в ней, видоизменялись.

Русский философ Г. П. Федотов, находясь в Париже, примерно сто лет назад писал о том, что отношение к Европе у русских складывается по двум линиям. Первая линия — уподобление Европе, вторая — развитие культурной традиции Европы. Рассматривая эту ретроспективу, я вдруг обнаруживаю, что говорю о сегодняшнем дне. Мы прошли фазу заимствования европейской традиции и сегодня осознаем необходимость чего-то нового. Что это может быть — тот самый «русский европеизм»? Правда, я считаю, что это устаревший термин и надо найти другую формулировку, но он отражает ту мысль, которую я хочу высказать. Мы действительно не имеем суверенитета в образовании и не можем его достичь раз и навсегда. Мы находимся в процессе погружения, диалога с другими культурами, в процессе трансфузии культур. Поэтому можно сказать, что русский европеизм заключается в осмыслении сложного отношения русского человека к европейской культуре. Это отношение не сводится ни к тождеству, ни к противостоянию, а становится каким-то совершенно новым качеством и новым эффектом, возникающим в культуре.

Русская культура этим и отличается, что не может заимствовать и усвоить чужую традицию, но и отказаться от нее не может, а в результате быстро и непрерывно переключается с одной традиции на другую. Такое культурное заимствование и переключение происходит и в сфере образования — это большая тема для исследования, над которой мы, вероятно, будем работать.

Солидаризируясь с Андреем Дмитриевичем по проблеме диалога, напомню о концепции потока Михая Чиксентмихайи: человек должен развиваться, встраиваясь в общий поток творческой деятельности. Желаю всем нам, чтобы мощный поток педагогического творчества увлек нас за собой и привел к новым результатам, в которых мы раскроемся как русские европейцы, а может быть, как носители русско-европейской просвещенческой традиции.

А. Д. КОРОЛЬ: — Известно, что любая дидактическая система рождается в недрах философии. В классической русской философии конца XIX — начала XX века мы находим, в частности, темы соборности и общинности. Как Вы считаете, в сегодняшнем российском образовании эти принципы находят отражение на уровне стандартов и программ?

Н. Н. ЯРОШЕНКО: — По-моему, в современной образовательной парадигме эти ценностно-смысловые категории пока не отрефлексированы. Один из исследователей предлагает такие бинарные оппозиции, за которыми стоит контекст — натуроцентристская модель, антропоцентристская, социоцентристская или даже теоцентристская. Но пока на этом философском и методологическом уровне образование практически не рассматривается.

М. В. СОЗИНОВА: — К микрофону приглашается профессор Владимир Иванович Красиков.

В. И. КРАСИКОВ: — Сегодня мы, по сути, переживаем третью неолитическую революцию, если считать таковой глубокие и радикальные изменения в жизни человечества. Первая неолитическая революция состоялась, когда наш вид перешел к присваивающему типу хозяйствования, то есть возникла цивилизация. Второй революцией принято считать становление индустриального общества, произошедшее в XVIII–XIX веках. Изменения, представляющие собой третью неолитическую революцию, настолько глубоки, что впервые происходит трансформация самих основ нашей жизни.

О чем идет речь? Люди — крайне социализированные существа. В процессе нашего глобального общения всегда складывается то поле культуры, творческой деятельности, которое и создает феномен человека. Так вот, сейчас именно коммуникация претерпевает кардинальные перемены. Прежде всего меняются средства общения. В последние 30–35 лет сокращается объем книгоиздания, угасают библиотеки в их традиционном виде, исчезает за ненадобностью почта. Многие из присутствующих здесь коллег помнят то время, когда телефонный звонок в другой город, а тем более в другую страну требовал ряда действий, отнимавших

много времени. Теперь же мы можем мгновенно откуда угодно позвонить в любую точку мира.

Но еще более важный феномен наших дней — социальные сети, в которые перемещается вся современная политика и средства массовой информации. Все там. Мы можем в любое время соединиться с другими людьми, будь то пчеловоды, садоводы либо какие-то радикальные политические группы.

Не так давно я проводил исследование при поддержке Российского научного фонда — изучал присутствие в социальных сетях радикальных сообществ с политической повесткой. Оказалось, что там действует целый заповедник таких групп, которые в «прежней жизни» мы бы очень долго искали и не могли бы туда спокойно войти. Есть националисты, сторонники левой идеи и еще ряд самых разных радикальных групп на любой вкус. Мы можем присоединяться к ним, участвовать в общении, формировать их повестку дня и т. д.

Вчера Александр Сергеевич говорил о том, что есть такая журналистская теория: любая идея — либеральная, национальная, коммунистическая — сама по себе хороша и гуманна. Но, будучи извращенной, она становится радикальной теорией, которая сеет рознь и ненависть. И правда, группы радикалов, которые мы нашли в социальных сетях, настроены и действуют именно так.

Выявив их, мы провели социологическое исследование в филиалах Всероссийского государственного университета юстиции — пытались понять, до какой степени студенты осведомлены об этих группах и каково их воздействие. Оказалось, что студенты знают о таких структурах, но, в общем, безразличны к ним и их идеям. Дело в том, что молодые люди, как правило, живут в нормальных семьях, в сформированной гражданской культуре, что оказывает нейтрализующее влияние на их взгляды. При этом интересно, что после тридцати лет либеральной пропаганды они верят в демократию и права человека, но когда мы спросили о том, каким они видят будущее России, больше половины ответили, что поддерживают сторонников модели Евразийской империи, а некоторые даже хотели бы жить в новом СССР.

А. Д. КОРОЛЬ: — Агрессия и насилие являются оборотной стороной симулякров и возникают из-за утраты смыслов. Насколько мне известно, сегодня глобальные цифровые платформы, такие как Google, имеют некие заложенные в них алгоритмы, которые и ведут к радикализации взглядов. Эти стратегии укладываются в общую концепцию атомизации и расчеловечивания.

М. В. СОЗИНОВА: — Слово предоставляется профессору Елене Васильевне Андриенко.

Е. В. АНДРИЕНКО: — Уважаемые коллеги, я хотела бы вернуться к вопросу о БРИКС, потому что тема нашей конференции уникальна, как и то внимание, которое уделяет БРИКС мировая пресса и большинство гуманитарных наук — экономика, социология, политология, педагогика, этнология, этнография и т. д.

БРИКС — реально действующее объединение, хотя и созданное относительно недавно. Но почему оно вызывает такой огромный интерес? Почему публикуется столько научных статей? Причем исследования проводятся как в странах-участницах — Китае, Индии, России, так и в других — в Великобритании, США, Франции, Германии. Действительно экономический полюс продвигается на Восток, где впечатляющими темпами растет производство, сельское хозяйство, туризм, но Западная Европа не утратила своих позиции в сфере культуры и образования.

Страны, изначально вошедшие в БРИКС, — Россия, Китай, Индия, Бразилия, Южно-Африканская Республика. Они такие разные по своей ментальности, культуре, истории — что может быть общего между ними? Конечно, изначально образование БРИКС было связано с мировыми политическими, экономическими, социально-психологическими проблемами. Но историки и философы все же видят общее между народами этих стран в их религиозной и философской ментальности, духовном складе, который проявляется в отношениях между людьми, в семейном воспитании, в существующей либо контекстной идеологии. В России сильны православные традиции, в Индии — индуизм, в Китае — конфуцианство, в Южно-Африканской Республике — убунту, в Бразилии — католицизм, но есть нечто объединяющее их и противопоставляющее Западу — отрицание абсолютизации индивидуализма, ориентация на общинность и социальную группу. Поэтому в данных странах очень значима общественная идентификация, и она входит в число их ценностей.

Ценностные основания деятельности человека наполняют смыслом и ее результаты, и процесс общения. В таком контексте интересно изучать философию этих стран и удивительный феномен: как быстро, оказывается, можно найти общий язык. Сегодня в Российской Федерации трудно выискать университет, где нет китайских студентов. Так, в Новосибирском государственном педагогическом университете около тысячи студентов — молодежь из Китая. Они приехали, чтобы учить русский язык и налаживать отношения с россиянами, прежде всего в бизнесе. Наши студенты тоже получают образование в университетах Китая и осваивают китайский язык.

В российских военных вузах молодые люди из стран БРИКС — Индии, Южной Африки — тоже получают образование. Моя коллега, обучающая их русскому языку в одном из военных университетов, рассказывает, что она использует разные методики для студентов из разных стран в соответствии с их менталитетом, в частности широко применяются популярные сегодня так называемые edutainment-технологии, в которых сочетаются образовательные методы, игровые приемы, использование произведений искусства. Студенты по-разному воспринимают, например, одни и те же кинофильмы. Я ее спросила: «Есть ли такой фильм, который нравится всем студентам?» Она ответила, что да, есть, и это советский фильм «В бой идут одни старики». Оказывается, это не просто замечательная картина, которую мы так любим, но и прекрасный

материал для обучения русскому языку, а его сюжет понятен каждому.

Хочу обратить ваше внимание на идею в современных публикациях исследователей образования, которая меня удивила: предлагается альтерзападная модель образования стран БРИКС. Что это значит и зачем нам альтернатива западной модели образования? У западной модели, как и у любого образования, есть и положительные, и отрицательные стороны. Исследователи говорят о том, что альтерзападная модель очень подходит именно для стран БРИКС, потому что в ее основе должны лежать три основных принципа: гуманизация, фундаментализация и экологизация. С фундаментализацией все понятно, это основа наук, с гуманизацией тоже — духовное развитие, нравственность, которые должны быть важнее и значимее, чем строгая рациональность. Но экологизация относится только к странам БРИКС. Страны БРИКС обладают уникальными природными ресурсами, которых нет ни в одной другой группе стран в мире. Возьмите Западную Европу с ее природными ресурсами и — Россию, Китай, Индию, Бразилию и Южно-Африканскую Республику. Это уникально. Но мы к этим природным ресурсам привыкли — ну, обладаем и обладаем, а та же Западная Европа и Соединенные Штаты очень высоко ценят природные ресурсы и понимают их значимость. Поэтому экологизация образования нужна именно как альтернативный вариант.

Конечно, в каждой стране образование имеет свои плюсы и минусы достижения и какие-то недостатки. У нас, например, бесконечное реформирование, и о Болонской системе говорили много раз. С другой стороны, Россия стоит на первом месте по образованности своих граждан — стопроцентный охват граждан образованием. Наша система дошкольного образования абсолютно уникальна. Огромное количество детских садов с прекрасными профессионалами и образовательными программами. Но молодые люди, когда эмигрируют в другие страны и отправляют там своих детей в детский сад, платят за это огромные деньги и тогда понимают, что такое российская система дошкольного образования. Но в то же время Китай сегодня на первом месте в мире по академической мобильности студентов и преподавателей — практически в любом университете мира мы найдем китайских студентов. И последнее, наши западные коллеги выяснили, что если тенденции мирового развития не изменятся, то к 2030 году в системе высшего образования 50 % всех студентов в мире будут из Индии и Китая, и только 25 % — из западных стран.

В любом случае перспективы БРИКС уникальны. Интеграция вполне возможна, удивительно только то, что наших западных коллег она иногда интересует больше, чем нас самих.

Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО: — Основой развития общества являются своевременные изменения в структуре высшего образования, которая должна ориентироваться на потребности экономики и рынка труда. В 2000 году в общем выпуске специалистов с высшим образованием доля инженеров, то есть тех, кто, так сказать, создает экономику, составляла 26 %, а по направлению «Науки об обществе» — 24 %, то есть структура выпуска равнозначная. А за 10 лет «Науки об обществе» стали превышать «Инженерное дело» в два раза. Это результат отраслевых изменений в подготовке специалистов, которые принесла Болонская система. И только сейчас ситуация с выпуском специалистов стала немного выравниваться. Набор в вузы на определенные направления — безошибочный индикатор спроса. «Науки об обществе» сокращаются гораздо сильнее, особенно триада «экономика–менеджмент–право». Мы уже напродавались своей нефти и газа и теперь обращаем внимание на подготовку инженеров, которые необходимы для нашей технологической суверенизации. И как видите, рост их численности за восемь лет довольно существенный, особенно в IT-сфере.

А. Д. КОРОЛЬ: — Если говорить об оценке деятеля культуры, выпускника творческого вуза, то какие могут быть количественные критерии?

Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО: — Допустим, выпускается инженер. На него есть спрос, он востребован. То есть рынком труда, каким-то работодателем он четко оценивается по диплому, сертификату, который получил, всем квалификациям. Ему назначают за это определенную зарплату. А кто будет оценивать скрипача и как? Он должен получить символическое признание. В социологии это называется символический капитал — вместо экономического, зарплаты — кредит доверия, который в дальнейшем конвертируется в зарплату. Поэтому выпускники творческих вузов участвуют в различных конкурсах и т. д.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Заимствовав форму Болонской системы, мы не смогли выявить и развить ее возможности. Почему?

Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО: — Потому что мы ее только скопировали. У нас это не единственный пример, когда мы берем форму и думаем, что она нам даст результат, в то время как надо или наполнить эту форму чем-то, или создать и использовать свою.

А. Д. КОРОЛЬ: — В Средние века образцом был трактат Фомы Аквинского, как в живописи — «Троица» Андрея Рублева. Это принципиально разная перцепция, сигнальные системы мировосприятия. Оттуда к нам пришел роман как некая форма культуры текста, отражающая особенности уникального сознания и мышления. Возвращаясь к тому, что вы сказали: все, что может быть упаковано, расфасовано, унифицировано, продано и передано, служит хорошей матрицей управления. Это путь к агрессии и радикализму.

М. В. СОЗИНОВА: — Приглашаю к микрофону профессора Любовь Ивановну Уколову.

Л. И. УКОЛОВА: — Каждый выступающий здесь говорил о своих насущных проблемах, которые его

волнуют, но актуальны для всех. Я тоже хочу поговорить о проблеме, которая, на мой взгляд, очень важна. Прежде всего меня волнуют мои студенты, потому что я считаю, что мой предмет, моя специальность — это основа основ воспитания любого поколения, чтобы оно стало нормальным и здравомыслящим.

Я заведую кафедрой музыкального искусства, где и бакалавриат, и магистратура направлены на академический вокал. Певческий дар — это дар Божий. Его нельзя развить настолько, чтобы вы стали солистами Мариинского или Большого театра. А эстрадному, джазовому и вообще вокалу можно научить любого — это искусство дыхания. Но кто-то пробьется, а кто-то нет. Пробиваются разными путями. Мне всегда очень неприятно, когда эти пути бывают неприглядными и аморальными.

Наши студенты иногда бывают недостаточно воспитанные. И я должна их воспитывать через музыку, ну и, конечно, через тексты, смысл песен. Исаковский, Матусовский, Дербенев, Добронравов, Шаферан — это далеко не все авторы текстов. Дунаевский, Соловьев-Седой, Колмановский, Пахмутова, Бабаджанян, Френкель, Фрадкин, Тухманов — композиторы. Но я буду не только их поддерживать и хвалить. Сегодня наши студенты, хоровые коллективы и вокалисты исполняют песни патриотической направленности, гимн нашей страны не через силу, не из-под палки — они пропускают их через себя. Хор, состоящий из 50, 60 и 100 человек. То есть наше современное искусство и то искусство, которое было когда-то, должно нас вдохновлять. А самое главное — это взаимодействие поколений, которое нас всех сплачивает.

М. В. СОЗИНОВА: — Слово предоставляется профессору Любови Михайловне Мосоловой.

Л. М. МОСОЛОВА: — Мне бы хотелось в нескольких тезисах отреагировать на те вопросы, которые поднимались на нашей конференции.

Во-первых, Григорий Михайлович Бирженюк отметил, что изменение социокультурной ситуации в мире рождает множество вопросов и проблем в образовании. Обо всем сказать нельзя, но мы должны стараться говорить как можно больше, потому что в дискурсах мы многое узнаем друг от друга, учимся, и возникают новые идеи, которые можно развивать.

Во-вторых, Олег Ермолаевич Лебедев говорил о структуре содержания образования, которое должно присутствовать сегодня в обучении и воспитании: региональное, национальное и, самое главное, насколько я понимаю, универсальное. Сегодня универсального компонента не хватает. Студентам трудно ответить на вопрос, что такое современность, современная культура, общество, потому что мы даем знания по разным дисциплинам, не связанным друг с другом. Вот экономические процессы, вот — политические, вот процессы в искусстве и т. д. А системно-целостного взгляда на современность у нас нет. Что такое вербальное общество, наша система, миропорядок?

Меня очень смущают категории многополярного мира, я этого не понимаю, потому что у нас вообще два полюса — Северный и Южный. Может быть, это метафора, но она какая-то странная. Мне кажется, это слово не слишком подходит для описания нового глобального общества на современном этапе. Очень важно уточнять категории, от них многое зависит. Одно дело, когда научные категории не соответствуют консенсусу научного сообщества, и совсем другое, когда метафора превращается в категорию. Так что, мне кажется, говоря о складывающемся сейчас глобальном обществе, мы должны разрабатывать строгий категориальный порядок в образовании и устанавливать общий диагноз. У нас знания на протяжении последнего столетия развиваются по пути дифференциации. На самом деле в рационалистической системе должно быть соотношение дифференциации и интеграции. Но что касается интеграции, то с этим у нас довольно сложно.

В-третьих, в дискуссии между сенатором Константином Федоровичем Затулиным и Марией Владимировной Захаровой был затронут очень важный вопрос: на чем нам нужно сосредоточиться — на развитии собственной страны, своих самых разных социокультурных системах или же заниматься другими обществами, в том числе БРИКС. Очень сложный вопрос. Мне кажется, конечно, мы многое не сделали в отношении России, которую сегодня назвали государством-цивилизацией. Если почитать историю нашей страны, особенно сформировавшуюся за последние 30 лет, это, в сущности, нормандская теория, которая не учитывает культурное наследие нашей огромной Евразии, простиравшейся от Дальнего Востока до Днепра. Есть ли, например, в школьных или вузовских учебниках информация о том, какой вклад внесла Белоруссия в евразийское культурное пространство? Или Кавказ? А что сделано для формирования современной евразийской цивилизации нашего общества, которое теперь государство-цивилизация? В учебниках, по которым учатся школьники и студенты, совершенно не представлено участие всех народов России в становлении государства-цивилизации и история России воссоздается по европейским лекалам. Конечно, в эпоху величия Европы Россия все, что могла, у нее взяла и творчески переработала, в России европейский компонент значителен и никогда не исчезнет. Но это не значит, что нужно отринуть все огромное евразийское наследие.

Мне показалась интересной идея нашего коллеги из Франции. Он проанализировал, какие были доминанты в Западной Европе и Евразии. Там со времен походов Александра Македонского был один огромный эллинистический мир, а потом Римская империя, кредо которой — «Мы рождены, чтобы править миром». И такая максима дошла до современности. А что касается евразийских народов, у них всегда было много империй, и они уважительно относились друг к другу, даже еще раньше, до империй — Андроновская культурно-историческая общность и более поздний скифо-сибирский мир. Там были разные народы, религии и многочисленные военные союзы от Алтая до Дуная. Далее, если вспомнить о походах гуннов, которые дошли до Италии, то там тоже с уважением относились к разным религиям. Позднее — Тюркский каганат и Золотая Орда. И наконец — Московское царство и Российская импе-

рия. Действительно, Российская империя унаследовала уважение к народным обычаям и разным религиям. Конечно, были и битвы, и конфликты.

Сейчас, например, в британской книге о Средней Азии первое, что описывается, это как царские войска вошли в Хиву и стали убивать жителей. При этом они не пишут, какие отношения были между Казанским, Кокандским, Хивинским, Хорезмским и прочими ханствами. Не анализируются настоящее и исторические процессы. Поэтому нам действительно надо все написать заново, и не просто событийную историю как историю — вы, культурологи и социологи, должны создать летопись Евразии, которая отразит глубокое взаимодействие в различных сферах, от брачных и семейных отношений до государственных, политические и культурные процессы. И культурология должна представлять собой не сумму наук о культуре, откуда и появляются 600 определений культуры, потому что дать определение пытается каждый исследователь, который изучает отдельную сферу культуры — язык, обычаи или религию. Культурология не междисциплинарная наука, это дисциплина, которая поднимается над разными конкретными науками. Сегодня нужен именно такой взгляд на историю Евразии.

И последний тезис. Можно ли найти в вузовских учебниках, лекциях по истории или другим гуманитарным дисциплинам, что было в Эфиопии в Средние века, Южно-Африканской Республике в Новое время или в Индии в период, когда Россия вместе с Британией пытались осваивать южную параллель Евразийского континента? У нас нет общей мировой истории, а за мировую почти всегда выдавалась история Европы. Хотя, когда мы создавали первые программы по истории мировой художественной культуры и просто по мировой культуре, мы в них указывали все страны: и Юго-Восточной Азии, и Латинской Америки, и т. д. Но готовили культурологов так, что они не могли это преподавать, ведь это надо было осваивать, и не в суммативном, а в генерализованном смысле. Это огромная проблема современного образования.

Сегодня мы говорили о важности диалога в отношениях со странами БРИКС. Учение о диалоге в России прекрасно разработано. Есть замечательная книга петербуржца Моисея Самойловича Кагана с соавторами о том, что такое диалог, предполагающий эмпатию, равенство, уважение друг к другу и учет интересов друг друга. Как говорил Святослав Рерих, диалог — это красота компромисса. А для того, чтобы был диалог, нужно узнать друг друга. Андрей Дмитриевич Король сказал, что, когда матрица осваивается все бóльшим числом людей, история ускоряется.

А. Д. КОРОЛЬ: — Отсутствие целостности картины — это, наверное, центральная проблема содержания образования. Дело в том, что девальвация знания, которая началась еще с незапамятных времен, когда в школе Пифагора было четыре дисциплины, а сегодня их, образно говоря, 44, имеет в своей основе вполне естественные причины, которые дробят целостную холистическую картину на составляющие частности — как после Большого взрыва начали образовываться новые небесные тела, и их становилось больше и больше. Точно так же и сущности в гуманитарном знании. Но у китайцев хорошо сказано: все 10 тыс. вещей возвращаются к первооснове. Для того чтобы вернуться к первооснове, нужно затратить энергию, и не только финансовую или материальную. Где взять эту энергию? Это вопрос целостного взгляда, социологический вопрос: кому выгодно то, о чем вы говорите? У каждого заказчика будет свой взгляд на вещи. Эфиопия, к сожалению, не выступила заказчиком того, чтобы все знали о ее Средних веках.

М. В. СОЗИНОВА: — Приглашаем выступить профессора РАО Светлану Вячеславовну Пазухину.

С. В. ПАЗУХИНА: — Хочу тоже тезисно остановиться на самых основных моментах. Россия — многонациональная страна, на ее территории проживают почти 200 народов, у нас богатое историческое прошлое, замечательные традиции. И хочется, чтобы наша страна имела уникальную систему образования, которая опирается на свои корни и обогащается лучшими моментами, заимствованными у других стран. В этом отношении БРИКС, на мой взгляд, представляет очень хорошую площадку для обмена опытом, но в то же время с сохранением собственных традиций и специфики.

Сейчас происходит коренной перелом, и, на мой взгляд, хорошо, что мы находимся в такой точке, когда можем наметить новые перспективы и векторы для развития образования. Мы выполняем историческую миссию, когда пытаемся определить, какой путь выберем, как будет развиваться наша страна вообще и в составе различных сообществ. Говоря о том, как мы меняем образование, необходимо ответить на несколько классических для дидактики и теории обучения вопросов: кого, чему и как учить. Это базовые вопросы, на них не существует единственно верного ответа, но тем не менее хочу выразить к ним свое отношение как психолог.

Итак, кого учить? Сегодня мы говорим о том, что к нам приходят цифровые аборигены, поколение Z. Новое поколение будет Альфа — люди, которые с детства приучены к гаджетам и великолепно владеют ими. Сейчас у нас уникальная ситуация, когда молодое поколение опережает нас по степени владения особыми техническими средствами, гаджетами. В то же время исследования ученых, прежде всего психологов, показывают, что чрезмерная погруженность в мир Интернета и гаджетов приводит к определенным проблемам. В частности, изучая познавательные процессы, такие как внимание, память, мышление, воображение, речь, ученые приходят к выводу, что, к сожалению, их уровень ниже, чем у предыдущего поколения.

Мы совместно с белорусскими учеными проводили исследование и выявили, что есть определенные трудности по свойствам внимания. Далее изучали память. Раньше все критиковали традиционную советскую школу, говоря, что она неразвивающая. На самом деле ее называли школой памяти, и, на мой взгляд, она развивала память. А когда мы сейчас диагностируем память детей, то видим проблемы с разными ее вида-

ми. Затем мышление. Мы проводили собственные исследования разных типов мышления и благодаря этому были передовой страной в плане технологии качества образования — в середине XX века Россия занимала первое место по качеству образования в мире. Здесь сыграли роль те развивающие системы обучения, которые реализовывались в наших школах, например система развивающего обучения Эльконина–Давыдова. Это развитие теоретического мышления. Весь фундамент науки, когда мы говорим о развитии технологий, производства и тому подобного, прежде всего связан с теоретическим мышлением ученых. Когда мы стали изучать мышление 11-классников, то обнаружили, что уровень их теоретического, знакового и логического мышления чуть ниже, чем у предыдущего поколения. Но зато выше уровень образного и творческого мышления. И поэтому, когда мы отвечаем на вопрос, кого учить, то должны учитывать эти особенности.

Следующий момент связан еще с положением Л. С. Выготского, который зафиксировал закономерность, что чем выше уровень развития общества, тем длиннее период детства. Раньше период детства был совсем короткий, уже в пять-шесть лет детей приучали к труду и отдавали на производство. До революции в шесть лет ребенок уже работал в цеху, на заводе. А сейчас по новой периодизации Всемирной организации здравоохранения подростковый возраст продлен до 25 лет, а молодость до 45. Получается, что студенчество — это подростки. А у подростков другой ведущий вид деятельности — общение. Соответственно, когда мы будем переходить к вопросу о том, как обучать, то должны говорить об обучении, погруженном в общение, когда мы организуем совместную деятельность, работу в парах, командах, подгруппах и т. д.

Содержание обучения — сложный вопрос. Обычно им занимаются педагоги, специалисты предметных областей. Но с точки зрения психологии мы должны формировать у подрастающего поколения стержневую, базовую основу знаний. Если говорить о том, как обучать, нужно выделить несколько моментов. Первый: сформирована ли учебная деятельность, к примеру, у данного студента? Ведь все, что сегодня предлагается, например большая доля самостоятельной работы — порядка 200 часов по каждой дисциплине, основано, прежде всего, на сложившейся мотивации, умении учиться, сформированности универсальных учебных действий, способности контролировать себя, проводить рефлексию собственной работы. Исследования психологов показывают, что компоненты учебной деятельности отсутствуют даже в студенческом возрасте. Соответственно, сначала нужно их формировать или прорабатывать варианты самостоятельной работы. Второй очень важный момент. На мой взгляд, сейчас нужны авторитетные педагоги, которые действительно пользуются уважением среди студентов и заинтересованы в их личностном развитии. Все-таки наша классическая позиция — это развитие целостной личности, а не набора функций или компетенций. И преподаватель должен быть интересным для студента, то есть современным, владеющим технологиями, умеющим убеждать, увлекать, преподносить материал так, чтобы информация превращалась в личностные знания. А для этого информация должна пройти несколько этапов осмысления, получить личностный смысл, прежде чем перерастет в знания.

И наконец, мы должны развивать все формы учебной активности, в том числе с использованием цифровых технологий. Например, в нашем вузе работает кибердружина. Это вариант самостоятельной работы студентов исторического факультета. Они отслеживают в Интернете противоправный контент и, соответственно, работают с ним дальше. Нужны технологии, выходящие за пределы вуза. Вуз сегодня рассматривается не только как образовательная, но и как культурная и просветительская площадка для всего региона, куда приходят деятели культуры. Сейчас практикуются лекции в музеях, лекции по типу перипатетики, когда мы идем на прогулку на свежем воздухе, обсуждаем, задаем вопросы и получаем ответы. Также возможны и другие технологии. То есть возможностей сейчас открывается много.

Отвечая на вопрос панельной дискуссии, как мы себя видим в отношениях с БРИКС, я бы как практикующий психолог обратилась к нашим традициям, менталитету, духу и архетипам, которые заложены в сказках. Кто в них главный герой? Иван, Емеля, Иван-царевич. Они добрые, всем помогают, не боятся трудностей, принимают вызовы. За счет чего они побеждают зло? Первое: они находят себе друзей. Вспомните, Иван-царевич щуку отпустил, медведю и зайцу помог, а они потом помогли ему. Второе — с помощью какого-то волшебного предмета. Где-то это скатерть-самобранка, где-то сапоги-скороходы, где-то волшебный друг Конек-Горбунок. Что это? А это некие новые технологии. Поэтому развитие новых волшебных технологий и дружба — это два момента, которые уже сейчас начали реализовываться. И я считаю, что за этим будущее, мы все делаем правильно.

А. Д. КОРОЛЬ: — На мой взгляд, у нас получилась междисциплинарная дискуссия и по форме, и по сути. В работе нашей секции участвовали представители очень разных направлений, которые сосредоточились на общих проблемах образования. На мой взгляд, это ценно и полезно в отношении содержания отечественного образования. Оно действительно очень нуждается в диалогичности.

ИДЕИ Д. С. ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ
(Международный форум старшеклассников)

18 мая 2024 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Лихачевский форум старшеклассников России (с 2014 г. — Международный форум старшеклассников) проводится в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов с 2007 года в рамках Международных Лихачевских научных чтений.

На мероприятии выступают финалисты Международного конкурса творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность» и подводятся его итоги.

Цели конкурса творческих работ, организованного СПбГУП:

— более глубокое изучение творческого наследия выдающегося гуманиста XX века Д. С. Лихачева и интеграция его идей в современную жизнь;

— выявление одаренной учащейся молодежи, имеющей повышенный уровень общеобразовательной подготовки и ориентированной на получение профессии в области гуманитарных и социальных наук;

— приобщение учащихся к традициям российской научной школы, развитие у них творческих способностей и интереса к научно-исследовательской деятельности;

— распространение и популяризация научных знаний среди молодежи;

— стимулирование лиц с повышенным уровнем подготовки к поступлению на обучение в Университет.

Ежегодно в конкурсе принимают участие около 500 школьников со всей России и из-за рубежа. Лучшие работы отбирает компетентное жюри, в состав которого входят известные ученые, литературоведы, историки, писатели, журналисты и педагоги ведущих школ Санкт-Петербурга.

В 2023/24 учебном году на конкурс поступило 420 работ (363 текстовых и 57 мультимедийных) от учащихся 9–11-х классов школ и колледжей из 50 регионов Российской Федерации (Санкт-Петербург, Республика Башкортостан, Ленинградская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Краснодарский край, Нижегородская и Свердловская области, Донецкая и Луганская Народные Республики и др.), Казахстана и Узбекистана.

В жюри конкурса этого года вошли:

А. С. Запесоцкий — ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель жюри;

Н. В. Буров — профессор СПбГУП, Народный артист России, заместитель председателя жюри;

А. А. Гусейнов — директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП;

О. Е. Лебедев — член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор;

Ф. А. Лейкина — методист по русскому языку и литературе Информационно-методического центра Фрунзенского района, Заслуженный учитель России;

А. М. Мелихов — заместитель главного редактора журнала «Нева», писатель, публицист, литературный критик, кандидат физико-математических наук;

А. Д. Некипелов — директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП;

Э. В. Панова — учитель русского языка и литературы школы № 31 Василеостровского района Санкт-Петербурга, Заслуженный учитель России;

О. В. Солод — писатель, сценарист, драматург, автор и ведущий телепрограмм, член Союза писателей Санкт-Петербурга, Российского союза профессиональных литераторов;

В. Е. Триодин — доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник культуры РФ, Почетный профессор СПбГУП;

В. А. Черешнев — заместитель президента и член Президиума РАН, академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП.

В Международном форуме старшеклассников в 2024 году приняли участие более 300 человек: авторы творческих работ — участники конкурса «Идеи Д. С. Лихачева и современность»; педагоги и школьники из России и зарубежных стран.

На сцене Театрально-концертного зала им. А. П. Петрова СПбГУП были объявлены 10 финалистов в двух номинациях: «Лучшая текстовая работа» и «Лучший мультимедийный проект». Победителей чествовали Народный артист России Н. В. Буров, первый проректор Л. А. Пасешникова, заместитель начальника управления довузовской подготовки А. В. Дубинина.

С конкурсными работами финалистов можно познакомиться по ссылкам, представленным ниже (для просмотра работы отсканируйте QR-код с помощью мобильного телефона).

Номинация «ЛУЧШАЯ ТЕКСТОВАЯ РАБОТА»

I место

Мария БАРАНОВА
лицей № 4 г. Пскова

«Историческую атмосферу наших городов нельзя зафиксировать никакими фотографиями, репродукциями»

Проблема личной ответственности за сохранение памятников, в частности во Пскове — городе с тысячелетней историей и неповторимым колоритом.

II место

Александра АДРИАНОВСКАЯ
школа № 10 г. Санкт-Петербурга

«Творчество как создание доброй атмосферы»

Идея о том, что творчество способствует созданию душевной атмосферы, на примере мировой литературы, современной социальной практики и бизнеса.

III место

Вероника ТОЛСТОВА
школа № 8 им. генерал-лейтенанта В. Г. Асапова г. Южно-Сахалинска

«В чисто формальном отношении к работе, к учению, к товарищам и знакомым, к музыке, к искусству нет этой духовной культуры»

Причины появления бездуховности в обществе, в противоположность которой духовность рассматривается как залог успешной и счастливой жизни.

Арина МАКАРОВА
гимназия № 498 г. Санкт-Петербурга

«В литературе прежде всего надо находить человека с его добрыми человеческими качествами»

Влияние образов и идей «Слова о полку Игореве» на последующее развитие русской литературы.

Павел МАЗУРИН
Санкт-Петербургский киновидеотехнический колледж

«Историческую атмосферу наших городов нельзя зафиксировать никакими фотографиями, репродукциями»

Важность сохранения памяти о прошлом на примере трагической гибели от рук фашистских оккупантов 214 детей-инвалидов Ейского детского дома.

Номинация «ЛУЧШИЙ МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ПРОЕКТ»

I место

Елизавета ИВАНЧЕНКО
школа «Янинский центр образования» гп. Янино (Ленинградская обл.)

«Перепутье»

Важность поиска истины на протяжении жизненного пути, особенно когда человек находится на перепутье.

II место

Ангелина ЧИЖОВА
Педагогический колледж № 1 им. Н. А. Некрасова г. Санкт-Петербурга

«Не должно быть слепых к красоте, глухих к слову и настоящей музыке, черствых к добру»

Попытка ответить на вопросы, какой смысл человек вкладывает в произносимые слова и осознает ли он их суть.

III место

Ульяна БАТУЕВА
гимназия № 205 «Театр» г. Екатеринбурга

«Оазис»

Идея о том, что человек в течение всей жизни постоянно находится в поиске истины и в конце концов находит оазис — место, где ему рады.

Дарья РЫБАКОВА
школа № 8 г. Магнитогорска (Челябинская обл.)

«Поиск истины»

Выбор жизненного пути и факторы, которые на него влияют.

Иван КРУМИН
Техникум радиоэлектроники и информационных технологий им. А. В. Воскресенского г. Ижевска (Удмуртия)

«Расскажи без слов»

Проблема приобщения человека к человечеству, а следовательно к человечности, с помощью искусства.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамов С. Р. 256
Абрамова И. О. 29, 230, 233, 241, 246
Агошков А. В. 464
Азарян Е. М. 371
Акаев А. А. 34, 446, 449, 463
Александрова Е. А. 603
Алексанков А. М. 373
Алексеев С. Б. 376
Алексеева Н. И. 376, 461
Ананьина Д. А. 552, 598, 599
Ангелина И. А. 378
Андриенко Е. В. 258, 605, 680
Анопченко Т. Ю. 380, 458
Антонец В. Г. 399
Астафичев П. А. 467
Атлагич С. 37, 248
Афонцев С. А. 38, 446, 448–463
Бабич Д. О. 40, 239, 253
Багдасарьян Н. Г. 554, 593
Бадмаев В. Н. 261
Балибалова Д. И. 469
Баранова М. В. 471, 539, 540
Баркова Э. В. 556, 594
Басюк В. С. 42
Башле Ж.-Л. 252
Беломестнова М. Е. 667
Бинев А. П. 262, 239
Бирженюк Г. М. 559, 675, 677, 678
Борозна М. Г. 45, 358
Брижак О. В. 561
Брусиловская Л. Б. 287
Брылева Е. А. 473
Бузовский И. И. 47, 226, 249
Буркальцева Д. Д. 382
Бурова Н. В. 384
Бюльбюль П. оглы 52
Ван Мэн 608
Варга Ч. 56
Васильева О. Ю. 225
Ветчинова М. Н. 609
Виноградов О. М. 612
Возиянова Н. Ю. 371
Волкова Е. В. 613
Гао Цин 615
Гарбовский Н. К. 60
Гашкова Е. М. 265, 364
Германчук А. Н. 371, 463
Годдард Ч. 64
Гончаров Г. А. 186, 386
Горбань В. С. 475, 540, 541
Градинарова А. А. 378
Гранин Ю. Д. 563
Грибкова О. В. 656
Громова О. Н. 478
Громыко Ал. А. 68, 239, 590, 593, 595, 596, 598, 599, 601, 602
Гусейнов А. А. 71, 240, 354, 356, 358–360, 362–370
Гусман М. С. 75
Гуторов В. А. 267
Данилов А. Н. 617
Дашкова Е. С. 389, 459
Дегарден Б. 78
Дегтерев Д. А. 81, 248
Демшина А. Ю. 270
Дехшири М.-Р. 83
Дешпанде С. 87
Дмитриева А. А. 272
Докучаев И. И. 274
Дорохова Н. В. 390, 460
Драпеко Е. Г. 92, 229, 355, 369
Драч Г. В. 276
Дунаев В. Ю. 277
Ермолович Г. П. 479, 551
Ефременко Д. В. 280
Жерлицына Н. А. 94
Замшев М. А. 97, 362
Запесоцкий А. С. 99, 222–231, 233–241, 243, 354, 445, 538, 589, 674
Затулин К. Ф. 236, 240, 241, 245, 251
Захарищева М. А. 619
Захарова М. В. 112, 228, 235, 240, 244, 247, 252, 255
Зубец О. П. 282
Ильинская Е. А. 602
Исаев А. К. 114, 245, 247
Кабышев С. В. 119
Каландаришвили З. Н. 482
Катышева Д. Н. 284
Каширина О. В. 565
Кирильчук С. П. 382
Клименко А. И. 483, 541, 542, 544, 547
Ковалёв А. А. 92
Ковалёв В. А. 485
Кодан С. В. 621
Колобкова А. А. 624
Комиссаренко С. С. 285
Кондаков И. В. 287, 356
Конев В. А. 368
Коновалов В. Н. 567
Король А. Д. 122, 239, 677–684
Коршунов И. В. 442
Косиченко А. Г. 289
Костикова О. И. 127
Костина А. В. 291, 357, 358
Костюк Е. Б. 626
Костюк Р. В. 570, 596–598
Котов А. И. 392, 447
Крамаренко А. М. 99, 246
Красиков В. И. 628, 679
Крук А. 130, 230, 347
Крусс В. И. 487, 545
Кудрина Е. Л. 631, 676
Кузин И. В. 293, 367
Кузнецова Т. В. 632
Кузьмин А. В. 490
Курганская В. Д. 277
Лановая Г. М. 492, 542
Лапинскас А. А. 394, 456
Лебедев О. Е. 635, 675, 681
Лекторский В. А. 134, 355, 369
Леонов И. В. 296, 368
Ливеровский А. А. 494, 541, 549
Лисицын-Светланов А. Г. 135, 538, 551
Лощевский К. В. 300
Лучко А. Д. 403
Ляпунова В. Ю. 424
Макаров Е. И. 137, 240
Максимов А. С. 227
Малинина Т. Б. 396
Мамонтов В. К. 140, 255
Манойло А. В. 572, 591, 592
Марков А. П. 360, 574
Маслова Н. В. 186
Мелентьева О. Н. 399
Мельникова А. А. 302
Михайленко А. Н. 304, 359
Миэринь Л. А. 401, 452
Морозова Е. В. 386
Мосейко А. Н. 306
Мосолова Л. М. 637, 682
Мусиенко С. Г. 144, 239
Наумкин В. В. 148, 229, 234, 241, 248
Наумова Г. В. 254
Некипелов А. Д. 150
Нигматулин Р. И. 154, 240, 446, 450, 452–455, 459, 462, 463
Никитина Т. В. 403
Никулин Н. Н. 405, 449, 454
Овчинников А. И. 497
Оганесян С. М. 499
Околи М. 156, 240, 252
Окрай Дж. 159, 249
Оль П. А. 500, 540
Орловский Е. А. 503
Осколков С. А. 577
Очередько В. П. 505
Павлова В. В. 407, 455
Пазухина С. В. 639, 682
Пасешникова Л. А. 538
Пашедко Ю. М. 641
Пенькова И. В. 392
Петрова Е. А. 507, 543, 544
Петрова Н. Д. 509
Пиотровский М. Б. 223
Погосян Г. А. 309
Покровская Н. Н. 409
Полозов-Яблонский А. А. 411, 459
Попова Е. В. 414, 458
Праздников Г. А. 312
Прихач А. Ю. 416
Пронин С. С. 579
Протанская Е. С. 315, 370
Радевич Е. В. 317, 360
Рахматуллозода Э. 161, 249
Рахмеева И. И. 418, 457
Рокпло О. П. 165, 227, 234, 240, 249
Ромашов Р. А. 511, 538–551
Рубичева М. В. 667
Савинская Д. Н. 414
Садовая Е. С. 420, 451
Сайганова В. С. 319, 363
Саломатин А. Ю. 513, 544
Сапир Ж. 169
Сарапульцев А. П. 206
Семенов В. П. 423
Сигалов К. Е. 515, 546
Сиднева Т. Б. 321, 364
Синецкий С. Б. 644
Ситдикова Р. И. 517, 547, 548
Скоробогатов А. В. 581, 595–597
Скоробогатова А. И. 646
Скотникова Г. В. 323
Слепокуров В. С. 648
Смирнов Л. Б. 519
Смирнова М. Г. 521, 550, 551
Содномбалова Т. Г. 394
Созинова М. В. 650, 676–683
Соколова И. В. 326
Соколова С. Н. 652
Стариков Н. В. 231
Степаненко Р. Ф. 523
Страхова О. А. 424
Стрижак А. Ю. 426, 462
Сухоруков С. А. 328
Тонков Е. Н. 525
Торопцев Е. Л. 428, 458
Тощенко Ж. Т. 173, 355
Тригунаят А. А. 176, 230, 254
Триодин В. Е. 654
Трофимов В. В. 527, 548
Тюркер Т. 181
Уколова Л. И. 656, 681
Успенская А. В. 330
Федченко А. А. 431, 461
Фейгин Г. Ф. 186, 240, 433, 446, 448, 454
Фишман И. С. 658
Фишман Л. И. 658, 677, 678
Хабриев Р. У. 195
Хабриева Т. Я. 197
Хайкин М. М. 394
Харитонова Е. В. 435, 583, 593, 599–601
Хватаева Н. П. 661
Хлутков А. Д. 201
Хохлова М. Г. 663
Худякова Л. С. 438, 456
Цыпляев С. А. 203, 240, 250, 252
Чередниченко Г. А. 665, 681
Черешнев В. А. 206, 223, 240, 247
Черногор Н. Н. 529, 546, 547
Четырбок Д. А. 532
Чжао Хун 585, 601, 602
Чжоу Лу 464
Чжоу Чуаньмин 587
Чубарова Т. В. 440, 462
Чумаков А. Н. 334, 365
Шамахов В. А. 210, 250
Шарафадина К. И. 667
Шахов В. А. 336
Шемякин Я. Г. 340, 365
Шемякина О. Д. 342, 366
Шершуков А. В. 213, 239
Шмаков М. В. 214, 224, 228, 236, 240, 243
Шматко А. Д. 442, 453
Эль-Хаттаб Эль-Ибрахими Эль-Шерифи Эль-Идриси М. 253
Эль-Шейх Н. 218
Энтин В. Л. 534, 548
Юхнина О. Ю. 345
Яковенко А. В. 99, 226, 234, 240, 243–255
Яковенко Ан. В. 347, 362, 363
Яковлев А. И. 349, 367
Ярошенко Н. Н. 670, 678, 679

Научное издание

БРИКС КАК НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

XXII МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

12–13 апреля 2024 года

Художественное оформление *А. В. Костюкевич*
Редакторы: *В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова, С. В. Остудина*
Технический редактор *Л. В. Климкович*
Корректоры: *Я. Ф. Афанасьева, Т. А. Кошелева*

9 785762 113205

Подписано в печать с оригинала-макета 24.03.2025
Формат 60x90/8. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 86,0. Тираж 500 экз. Заказ № 25198
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15

Отпечатано в ООО «Типография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15

В сборнике опубликованы материалы XXII Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся 12–13 апреля 2024 года в СПбГУП в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина № 587 от 23 мая 2001 года «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева». В XXII Чтениях приняли участие представители 18 стран мира.

Среди 245 авторов сборника — выдающиеся отечественные ученые, члены РАН и РАО: президент РАО, академик РАО О. Ю. Васильева; А. А. Акаев, Ал. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, В. В. Наумкин, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, Ж. Т. Тощенко, Т. Я. Хабриева, В. А. Черешнев, член-корреспондент РАО О. Е. Лебедев и др.; руководители академических институтов и исследовательских центров, профессура вузов, известные государственные и общественные деятели, представители СМИ: член Госсовета РФ, председатель ФНПР М. В. Шмаков; председатель Комитета Госдумы РФ по науке и высшему образованию С. В. Кабышев; первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по культуре Е. Г. Драпеко; первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по делам СНГ К. Ф. Затулин; зам. руководителя фракции «Единая Россия» в Госдуме РФ А. К. Исаев; директор Департамента информации и печати МИД РФ М. В. Захарова; ректор Дипломатической академии МИД РФ А. В. Яковенко; директор Высшей школы перевода МГУ, академик Н. К. Гарбовский; первый зам. гендиректора информагентства «ТАСС» М. С. Гусман; председатель совета директоров «Комсомольской правды» В. К. Мамонтов; председатель Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга А. С. Максимов и др.

В числе иностранных авторов сборника — зам. министра информации Беларуси И. И. Бузовский, Посол Азербайджана в России П. Бюльбюль оглы, директор по информационным технологиям Sing Alliance Б. Дегарден (Швейцария), директор Института международных отношений МИД Ирана М. Р. Дехшири, директор Центра изучения Центральной Азии Мумбайского университета С. Дешпанде (Индия), директор аналитического центра Conflicts Forum А. Крук (Великобритания), вице-президент Фонда Marmara Group Дж. Окрай (Турция); профессора: С. Атлагич (Сербия), Ч. Варга (Венгрия), Ч. Годдард (Великобритания), Г. А. Погосян (Армения), О. Рокпло (Франция), Ж. Сапир (Франция), Т. Тюркер (Турция), Н. Эль-Шейх (Египет) и др.

Роль Лихачевских чтений высоко оценивает Президент России Владимир Путин: «Этот научный форум, посвященный актуальнейшей теме — месту и роли БРИКС на мировой арене, дает хорошую возможность для содержательных и конструктивных дискуссий на высоком экспертном уровне, а высказанные идеи и инициативы позволят наметить новые направления многостороннего сотрудничества в интересах построения более справедливого, безопасного и благополучного миропорядка».